2007

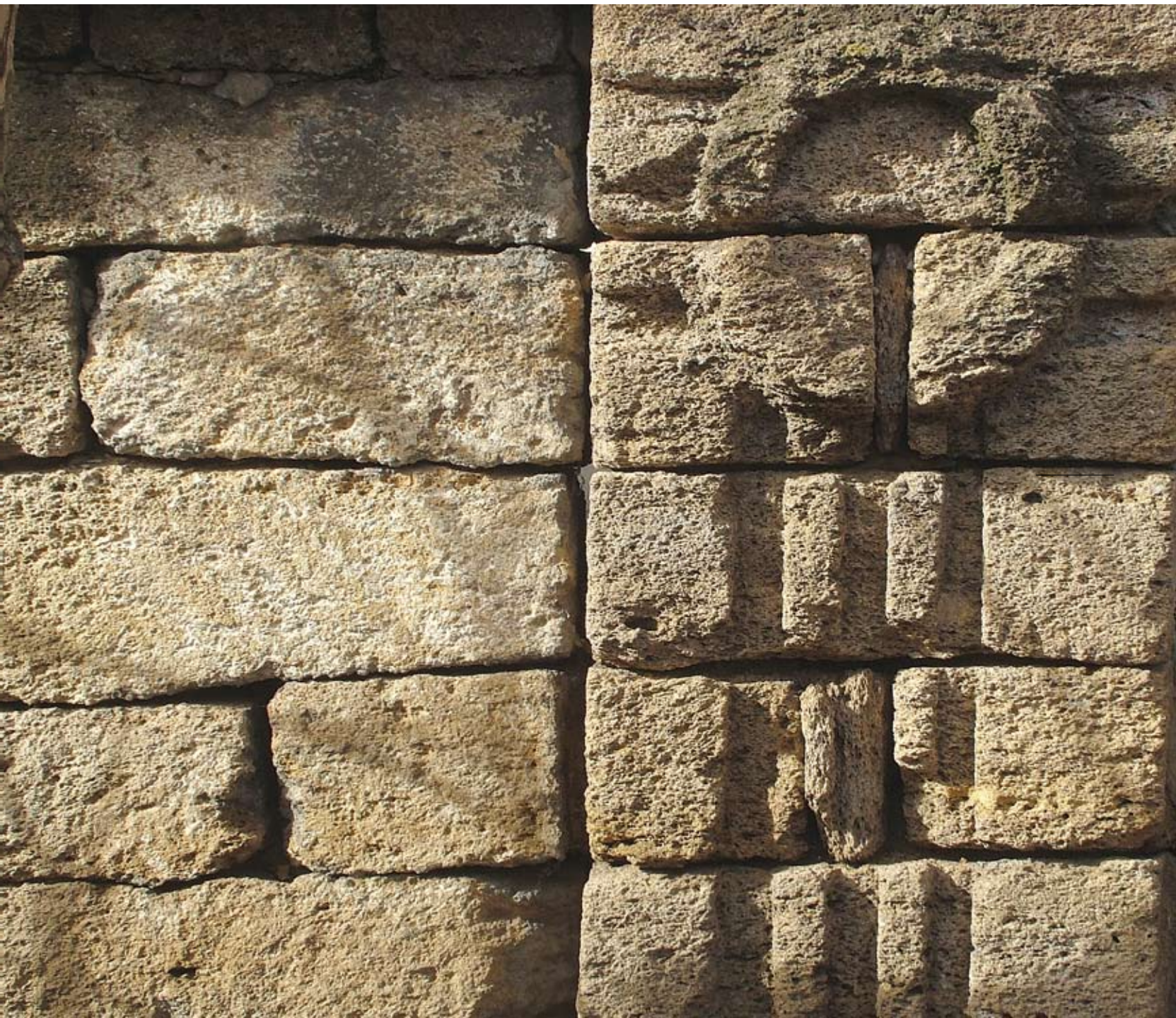
Городу Ставрополю

230

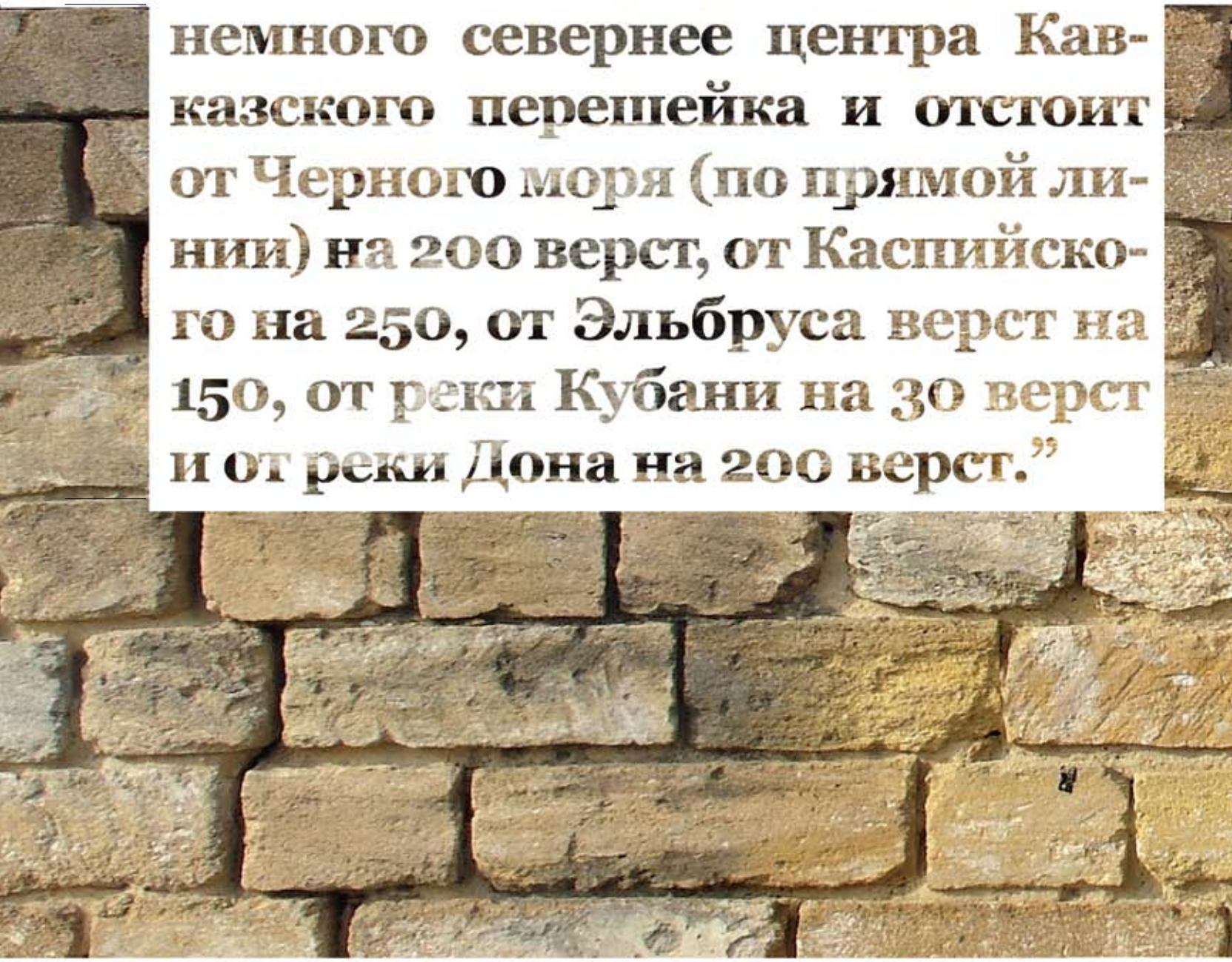
лет

Администрация города Ставрополя / Ставропольский государственный университет /
Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

филологическая книга СГУ

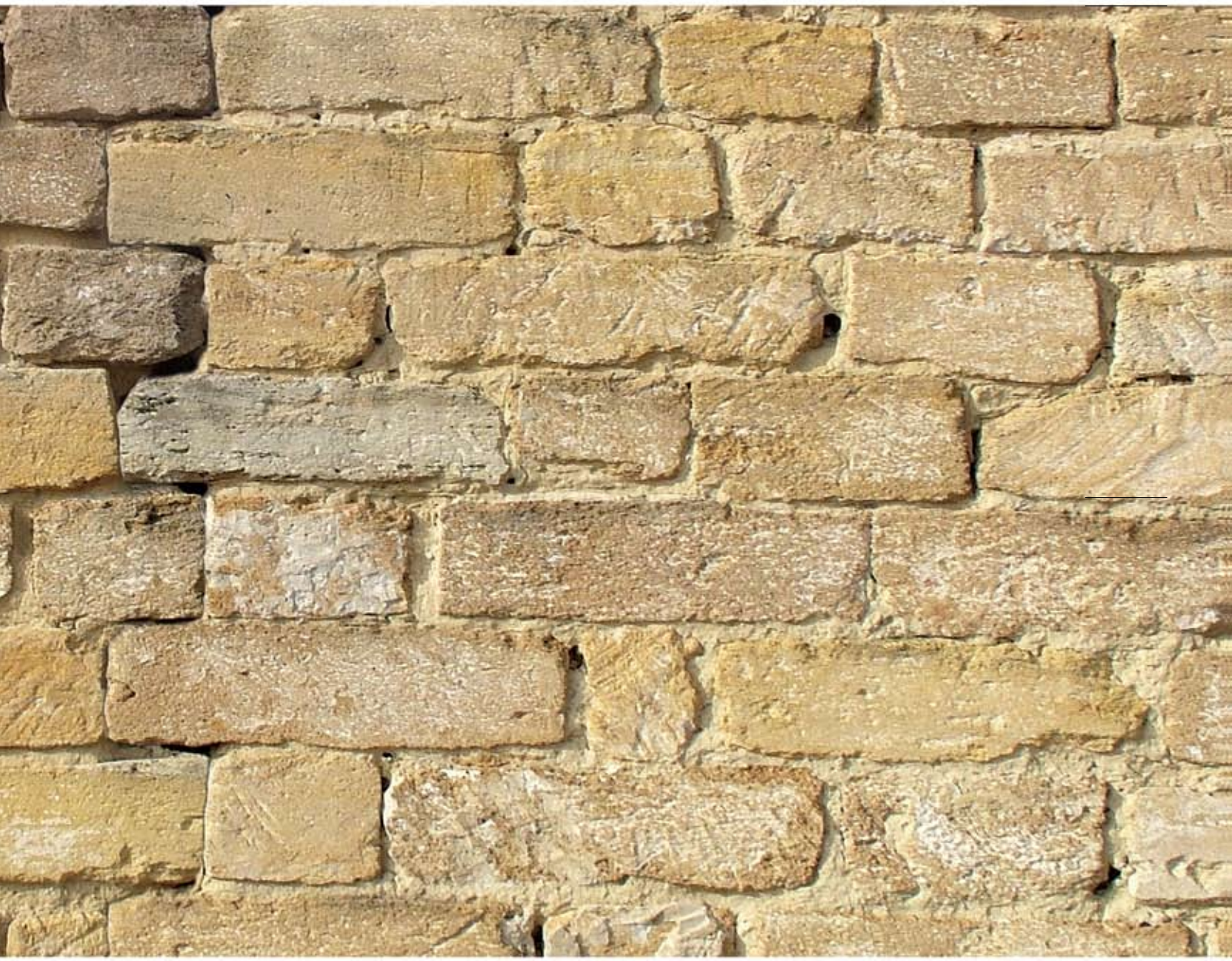


“Губернский город **Ставрополь** лежит под 45°3’ северной широты и 41°59’ восточной долготы от Гринвича, возвышаясь над уровнем моря на 1929,48 английских футов; поэтому местность, занимаемая городом, находится немного севернее центра Кавказского перешейка и отстоит от Черного моря (по прямой линии) на 200 верст, от Каспийского на 250, от Эльбруса верст на 150, от реки Кубани на 30 верст и от реки Дона на 200 верст.”



в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет

Издательство Ставропольского государственного университета, 2007



ББК 63.3(2Рос):71.4(2)(235.7)я43
УДК 947:316.722(470.63)(082.2)
С 75

Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет / Под ред. проф. В.А.Шаповалова, проф. К.Э.Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — 1344 с.

ISBN 5-88648-558-9

Руководитель проекта «Филологическая книга СГУ»:
доктор социологических наук профессор
В.А.Шаповалов

Составители: **К.Э.Штайн, Д.И.Петренко, В.П.Ходус**

Научные редакторы:
доктор социологических наук профессор
В.А.Шаповалов,
доктор филологических наук профессор
К.Э.Штайн

Консультанты:
директор Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К.Праве **Н.А.Охонько**, заведующий отделом краеведения Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю.Лермонтова **Т.Ю.Кравцова**

В книгу вошли очерки, описания, исследования, воспоминания, письма, документы, связанные с историей и культурой Ставрополя. О городе говорят произведения, написанные в разное время; в процессе знакомства с материалом вырисовывается общая картина его истории и культуры за 230 лет. Темы постоянно возобновляются, обогащаясь, развиваясь под пером исследователей. Большая часть текстов составляет историческую часть книги, представлены новые исследования, написанные в последние годы учеными Ставропольского государственного университета. Книга богато иллюстрирована, в ней более 2000 фотографий, репродукций картин ставропольских художников.
Антология снабжена каталогом фотографий старой части города, обширной библиографией. Адресована всем, кто интересуется историей, культурой Ставрополя.

ISBN 5-88648-558-9

© К.Э.Штайн, Д.И.Петренко, В.П.Ходус, составление, 2007
© Издательство Ставропольского государственного университета, 2007
© С.Ф.Бобылев, дизайн, 2007

Председатель редакционно-издательского совета:
глава администрации города Ставрополя **Д.С.Кузьмин**

Члены редакционно-издательского совета:
первый заместитель главы администрации города Ставрополя **В.П.Солонина**, директор Благотворительного фонда Д.С.Кузьмина **Е.В.Бондаренко**, директор Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю.Лермонтова **З.Ф.Долина**, заведующий отделом краеведения **Т.Ю.Кравцова**, директор научной библиотеки Ставропольского государственного университета **Е.А.Кузьмина**, директор Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К.Праве **Н.А.Охонько**, директор Пятигорского музея-заповедника М.Ю.Лермонтова **И.В.Сафарова**, главный хранитель Пятигорского музея-заповедника М.Ю.Лермонтова **Н.В.Маркелов**

Ответственные за выпуск:
кандидаты филологических наук
Д.И.Петренко, **В.П.Ходус**

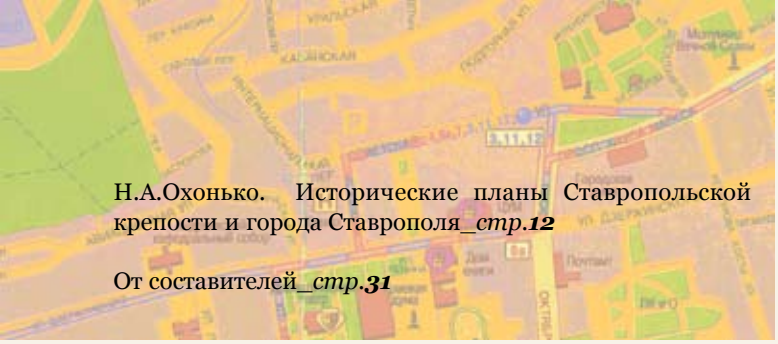
Фотографии:
С.Ф.Бобылев, **Д.И.Петренко**
Фотосъемка проведена в городе Ставрополе в 2003—2007 годах. Архивные фотографии получены из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, Пятигорского музея-заповедника М.Ю.Лермонтова

Подготовка текста:
К.Э.Штайн, **Д.И.Петренко**, **В.П.Ходус**, **В.А.Кофанова**, **Е.Н.Золоторева**, **Э.В.Пиванова**, **Т.С.Наумова**

Дизайн:
С.Ф.Бобылев

Корректоры:
Б.Я.Альтус, **Р.Р.Буньковская**

Верстка:
Д.И.Петренко



Н.А.Охонько. Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя _*стр.**12***

От составителей _*стр.**31***

I. Историческая часть

1777 год — конец XVIII века

1. Документы, исторические описания, исследования

Высочайше утвержденный доклад Астраханского, Новороссийского и Азовского генерал-губернатора князя Г.А.Потемкина «Об учреждении линии от Моздока до Азова». 24 апреля 1777 года _*стр.**34***

Именный, данный Сенату указ Императрицы Екатерины II «О составлении Кавказского наместничества из двух областей: Кавказской и Астраханской» _*стр.**36***

2. Воспоминания, путевые записки, дневники

Воспоминания участников Кавказской войны

Густав фон Штрандман. Полковник, командир Томского пехотного полка. 1779 год _*стр.**37***

Генерал С.А.Тучков. 1798 год _*стр.**37***

Первая половина XIX века

1. Документы, исторические описания, исследования

Из указа императора Александра I о переименовании Кавказской губернии в область и перенесении центра в город Ставрополь. 24 июля 1822 года _*стр.**40***

Из рапорта главноуправляющего в Грузии А.П. Ермолова императору Александру I о переводе из Георгиевска в Ставрополь всех областных присутственных мест. 6 сентября 1824 года _*стр.**40***

Указ императора Александра I о переводе из Георгиевска в Ставрополь областных присутственных мест. 2 октября 1824 года _*стр.**40***

Указ императора Николая I «О именовании Кавказской области Ставропольскою губерниею». Именный, данный Сенату, распубликованный 16 мая. 2 мая 1847 года _*стр.**41***

Из объяснительной записки к статистическому отчету о состоянии внешней и внутренней торговли Ставропольской губернии. 1850—1851 годы _*стр.**41***

Свидетельство очевидца о состоянии городов Ставропольской губернии в середине 50-х годов XIX века_ *стр.**41***

Из отчета Кавказского гражданского губернатора за 1842 год о почтовых станциях _*стр.**41***

Из журнала о времени следования от Москвы до Ставрополя и от Ставрополя до Тифлиса. 1843 год _*стр.**41***

Из записки управляющего Ставропольской казенной палатой о значении города Ставрополя в дореформенный период. 31 октября 1892 года _*стр.**42***

2. Воспоминания, путевые записки, дневники

А.Г.Рюмин. Путешествия моего журнала из Рязани к Кавказским водам, предпринятой для излечения в 1825 году. *Предисловие старшего научного сотрудника Государственного музея-заповедника им. М.Ю.Лермонтова Галины Аведовой* _*стр.**43***

Описание города Ставрополя. Составлено прикомандированным к Генеральному штабу Тенгинского пехотного полка подпоручиком Носовым в 1840 году _*стр.**60***

Середина XIX века

1. Документы, исторические описания, исследования

И.В.Бентковский. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях _*стр.**64***

Города Ставропольской губернии. Губернский город Ставрополь (очерк в газете «Ставропольские губернские ведомости», №8—9, 1850 года) _*стр.**95***

Кавказский календарь на 1849 год: Ставрополь _*стр.**98***

Содержание

2. Воспоминания, путевые записки, дневники

Н.И.Воронов. Ставрополь _*стр.**99***

Вторая половина XIX века

1. Документы, исторические описания, исследования

К.Бахутов. Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя _*стр.**106***

Н.И.Скоковский. Сведения о городе Ставрополе _*стр.**196***

И.В.Бентковский. Суворов встречает 1779 год в крепости Ставропольской _*стр.**205***

И.В.Бентковский. Историко-статистические сведения о городе Ставрополе _*стр.**205***

И.В.Бентковский. Ставропольская старина. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе _*стр.**208***

И.В.Бентковский. Сведения о Ставропольском женском училище первого разряда _*стр.**211***

И.В.Бентковский. Открытие в Ставрополе первых присутственных мест _*стр.**213***

И.В.Бентковский. Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1786 года до учреждения шестигласной думы 18 января 1808 года _*стр.**215***

И.В.Бентковский. Материалы для истории Северного Кавказа. Город Ставрополь _*стр.**226***

И.В.Бентковский. Ставропольская старина _*стр.**226***

2. Воспоминания, путевые записки, дневники

Воспоминания Григория Ивановича Филипсона _*стр.**228***

3. Этнографические очерки

В.В.Верещагин. Путешествие по Закавказью в 1864—1865 годах_*стр.**234***

Е.Вейденбаум. Очерк этнографии Кавказского края _*стр.**288***

Е.Вейденбаум. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказском перешейке. Колонизация края и казачество _*стр.**307***

Е.Вейденбаум. Маршруты и описание главнейших пунктов. Ростов-на-Дону — Владикавказ _*стр.**316***

Конец XIX века — начало XX века

1. Документы, исторические описания, исследования

Ставрополь-Кавказский. Историко-статистический очерк _*стр.**320***

Н.Динник. Ставрополь-Кавказский _*стр.**325***

Г.Н.Прозрителев. Из истории города Ставрополя _*стр.**326***

Г.Н.Прозрителев. Историко-археологический путеводитель по городу Ставрополю-на-Кавказе и его окрестностям _*стр.**338***

Г.Н.Прозрителев. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии _*стр.**363***

Г.Н.Прозрителев. К 125-летию губернского города Ставрополя-на-Кавказе _*стр.**375***

Г.Н.Прозрителев. Источник Карабин. К истории губернского города Ставрополя _*стр.**377***

Г.Н.Прозрителев. Необходимо охранять памятники прошлого _*стр.**381***

Г.Н.Прозрителев. Древние христианские памятники на Северном Кавказе _*стр.**384***

Г.Н.Прозрителев. Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа _*стр.**388***

Г.Н.Прозрителев. Казанский кафедральный собор в Ставрополе на Кавказе _*стр.**392***

Г.Н.Прозрителев. В дороге. По Ставропольской губернии в 1914 году _*стр.**398***

Г.Н.Прозрителев. Шамиль в Ставрополе _*стр.**403***

Г.Н.Прозрителев. Александр II в Ставрополе на Кавказе _*стр.**406***

В.Дейнеко. Суворов и город Ставрополь. Первая страница истории города Ставрополя _*стр.**411***

М.В.Краснов. Просветители Кавказа _*стр.**415***

2. Персоналии

Очерк жизни и деятельности И.В.Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета. Доклад действительного члена Ставропольского статистического комитета Г.Н.Прозрителева на заседании комитета 28 августа 1906 года _*стр.**422***

3. Публицистика

К.Л.Хетагуров. Заметки в газете «Северный Кавказ» <Кто из ставропольских обывателей...> _*стр.**443***

<Что ни день, то в Ставрополе новость...> _*стр.443*
<Многим торговцам не по шерсти пришлась...>_ *стр.444*
<С открытием Троицкой ярмарки...>_*стр.445*
<Если нас слух не обманывает...>_*стр.445*
<Ничего нет легче...>_*стр.446*
<В Ставрополе наступил сезон эквилибристики...> _*стр.446*
<Для всякого понимающего церковное пение...> _ *стр.446*
<Ларчик, оказывается, не так просто открывался...> _*стр.447*
<Городские нимвроды...> _*стр.447*
<Скука... ах, какая скука!..> _*стр.448*
<Тихая, монотонная жизнь нашего сонного города...> _ *стр.449*
<Все обстоит благополучно...> _*стр.449*
<Толки о железнодорожной катастрофе...> _*стр.450*
<Осень едва ли не самое лучшее время года в Ставрополе...> _*стр.450*
<Не остается никакого сомнения...> _*стр.451*

20-е —50-е годы XX века

1. Документы, исторические описания, исследования
А.Малинин. А.В. Суворов в Ставрополье _*стр.454*
В.Г.Гниловской. План Ставропольской крепости 1811 года. Историко-географический очерк _*стр.459*
В.Г.Гниловской. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия. Историко-географический очерк _*стр.463*
В.Г.Гниловской. Сталинский план преобразования природы и задачи краеведов Ставрополья _*стр.481*
Г.Д.Краснов. Ставрополь-на-Кавказе _*стр.492*
И.Чилим (И.Я.Егоров). Город Ворошиловск _*стр.515*

2. Палеонтологические заметки
В.Гниловской, Д.Панов. Природа Ставрополья _*стр.517*
В.Г.Гниловской. Занимательное краеведение. [О Сарматском море в окрестностях Ставрополя] _*стр.518*
В.П.Колесников. Сарматские моллюски _*стр.519*
А.Швырева. Редкая находка _*стр.523*
О.Кузнецов. «Чудо-юдо рыба кит». Находке ставропольского чабана 20 миллионов лет _*стр. 523*

3. Воспоминания, путевые записки, дневники
Э.Юнгер. Излучения _*стр.524*
И.Д.Сургучев. Китеж _*стр.528*
И.Д.Сургучев. Северный Кавказ _*стр.531*

4. Персоналии
Г.К.Праве. Автобиография _*стр.533*
Г.К.Праве. Меморандум _*стр.538*
Г.К.Праве. План организации и развития музейного дела в Ставропольской губернии _*стр.539*
Г.К.Праве. Программа для составления музея _ *стр.543*
В.К.Лучник. Памяти Георгия Константиновича Праве _ *стр.545*

60-80-е годы XX века

1. Документы, исторические описания, исследования
Ю.Н.Христинин, А.Е.Екимцев. День моего города _ *стр.550*
П.А.Шацкий, В.Н.Муравьев. Ставрополь. Исторический очерк _*стр.553*
В.Г.Гниловской. Рукописные планы города Ставрополя первой трети XIX столетия _*стр.580*
В.Г.Гниловской. Прошлое Ставрополя по городским планам _*стр.586*
В.Г.Гниловской. План Ставропольской крепости 1787 года _*стр.599*
В.Г.Гниловской. Очерк топонимии города Ставрополя _ *стр.602*
Список переименованных улиц города Ворошиловска. Постановление Президиума Ворошиловского Городского совета от 25 января 1938 года № 136 _*стр.610*
О переименовании улиц города Ставрополя. Решение исполкома городского Совета депутатов трудящихся. 1957 год _*стр.615*
Н.А.Охонько. Названия улиц Ставрополя _*стр.616*
В.Г.Гниловской, В.В.Скрипчинский. Из истории формирования архитектурного облика города Ставрополя _ *стр.618*
П.Горская. История «Туапсинки» _*стр.621*

Содержание

2. Археологические исследования

Т.М.Минаева. Очерки археологии Ставрополья _ *стр.**623***

Н.А.Охонько. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье _*стр.**655***

3. Обзоры

Ставрополь глазами современников. Составитель Л.Г.Орудина _*стр.**673***

Л.Г.Орудина. Ставрополь в старых и новых изданиях _*стр.**685***

В.В.Госданкер, Ю.Н.Христинин. На сорок пятой параллели. Путеводитель по Ставрополю_*стр.**693***

4. Персоналии

В.В.Госданкер. Историк-кавказовед И.В.Бентковский (1812—1890). Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности _*стр.**717***

90-е годы XX века — начало XXI века

1. Документы, исторические описания, исследования

Е.М.Топоровский. Исторический город Ставрополь. Градостроительство и архитектура _*стр.**732***

В.Г.Гниловской. Азово-Моздокская оборонительная линия _*стр.**738***

С.И.Несмачная. Суворов в Предкавказье _*стр.**740***

Э.В.Кемпинский. Высочайший ревизор в Ставрополе _*стр.**742***

Ю.А.Хоменко. Ставропольская крепость _*стр.**753***

Ю.А.Хоменко. Очерки истории градостроительства Ставрополя _*стр.**756***

Г.А.Беликов. Белокаменный град _*стр.**761***

Н.А.Охонько, С.Н.Савенко. Концепция сохранения, использования и дальнейшего развития Ставропольской Крепостной горы _*стр.**768***

Т.А.Невская, С.А.Чекменев. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта _*стр.**778***

Храм Успения Божией Матери _*стр.**786***

Г.А.Беликов. Из истории православной церкви города Ставрополя _*стр.**796***

Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского _*стр.**812***

В.В.Савельева. Вдохновляющие просторы _*стр.**813***

В.В.Савельева. Природа города Ставрополя_*стр.**814***

В.Л.Гаазов. Путешествие по ожерелью Северного Кавказа _*стр.**835***

А.И.Кругов, А.В.Найденко, Г.А.Беликов. Ставрополь _*стр.**847***

2. Воспоминания, путевые записки, дневники

Б.Филиппов. Всплывшее в памяти_*стр.**861***

3. Археологические исследования

Б.Л.Годзевич, Н.А.Охонько, В.В.Савельева, А.А.Кудрявцев. Встречи с прошлым и настоящим. Путеводитель по археологическому и природному музею-заповеднику Татарское городище _*стр.**870***

А.В.Найденко. Над речкой Грушовкой _*стр.**889***

4. Этнографические очерки

А.В.Авксентьев, В.А.Авксентьев. Степной Вавилон _*стр.**892***

5. Персоналии

Н.А.Охонько. Общественный деятель, просветитель, краевед _*стр.**894***

В.В.Савельева. Исследователь Ставрополья _*стр.**897***

6. Публицистика

Н.А.Охонько. Ставрополь. Краткий исторический очерк_*стр.**899***

Н.А.Охонько. На границе Европы и Азии _*стр.**902***

Н.А.Охонько. Откуда пошел Ставрополь _*стр.**906***

Н.А.Охонько. Кто основал Ставрополь _*стр.**907***

Н.А.Охонько. Знай свою родословную _*стр.**908***

Н.А.Охонько. Кузьма Яковлев — первый глава Ставрополя _*стр.**910***

Н.А.Охонько. Тайны крепостной горы стремятся раскрыть ставропольские археологи _*стр.**910***

Н.А.Охонько, Ю.А.Хоменко, В.В.Белоконь, В.П.Гребенников. О чем поведали раскопки _*стр.**911***

Н.А.Охонько. От первых изб до стиля «модерн» _*стр.**912***

Н.А.Охонько. Краткая историческая справка о храмах города Ставрополя _*стр.**913***
Н.А.Охонько. Справка по истории крестов на ставропольской Крепостной горе _*стр.**915***
Н.А.Охонько. Где хранить историю города _*стр.**916***
Н.А.Охонько. Покаяние требует дел _*стр.**917***
Н.А.Охонько. Что в имени твоем? _*стр.**918***
Постановление главы администрации Ставрополя. О возвращении исторических названий объектам ландшафта и градостроительства города Ставрополя _*стр.**919***
М.Василенко. Шесть улиц Ежова, или История со ставропольской географией _*стр.**920***
А.Буров. Улицы — тоже история _*стр.**921***
В.Мезенцев. Еще не время, но пора подумать _*стр.**921***
Таблица, показывающая изменения названий ставропольских улиц. Составитель В.Мезенцев _*стр.**922***
Предместья города Ставрополя с исторически сложившимся населением, хозяйством, жизненным укладом. Составитель В.Мезенцев _*стр.**923***
Г.А.Беликов. Новый гостиный ряд _*стр.**924***
Н.П.Быкова. Ставрополь — город исторический _*стр.**924***
Н.П.Быкова. Как преобразится горка _*стр.**925***
О.Метелкина. Город и его зодчие _*стр.**927***
В.П.Гребенников. Триумфальная арка в городе Ставрополе _*стр.**928***
Н.Грищенко. Подземный Ставрополь _*стр.**929***
Л.Леонтьева. Город с мистической судьбой _*стр.**930***
А.К.Швырева. Справка о сквере-дендрарии на площади им. В.И.Ленина _*стр.**932***
И.И.Бурым. Письмо, адресованное директору краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве Н.А.Охонько _*стр.**932***
Г.Попова, В.Остапенко. Градостроитель _*стр.**933***

7. К альбому П.М. Гречишкина

В.В.Скрипчинский. Природа в творчестве П.М.Гречишкина _*стр.**935***

Ставропольская живопись П.М. Гречишкина. Альбом _*стр.**945***

II. Очерки и исследования последних лет

В.А.Шаповалов. Ставрополь — университетский город _*стр.**982***
В.А.Шаповалов. Высшее образование в поликультурном обществе _*стр.**983***
К.Э.Штайн, Д.И.Петренко. Духовный преемник _*стр.**988***
Н.А.Охонько. Исторические символы Кавказа _*стр.**999***
Л.П.Егорова. Ставрополь как текст (на материале ставропольской прозы) _*стр.**1023***
Л.П.Ефанова. Улицы старого Ставрополя как свернутый историко-культурный текст _*стр.**1036***
А.Е.Соколенко. Семья Соколенко. Память _*стр.**1042***
К.Э.Штайн, Д.И.Петренко. Семья Соколенко. Наброски к семиотическому портрету _*стр.**1073***
М.Е.Колесникова. Ставропольские краеведы _*стр.**1088***
К.Э.Штайн, С.Ф.Бобылев, Д.И. Петренко. Камень и солнце: Традиционный уклад Ставрополя в семиотической проекции _*стр.**1126***
Т.Ю. Кравцова. Исторический город Ставрополь. Библиография _*стр.**1318***

III. Каталог фотографий старой части города Ставрополя _*стр.**1207***

Алфавитный указатель улиц _*стр.**1317***

Дорогие читатели!

Перед Вами книга о Ставрополе — нашем любимом городе, краевом центре, историческом городе с богатой культурой, которым гордится Россия. Хотя Ставрополь не имеет очень длительной истории — в этом году ему 230 лет, — он подлинно исторический город. Сначала это крепость на Азово-Моздокской линии — южной границе России с выходами к Черному и Каспийскому морям. Расположение крепости было удачным, так что уже через девять лет она была преобразована в уездный город, а далее — в столицу всей Кавказской области.

Благодатный юг привлекал в Ставрополь деятельных людей всей России. К середине XIX века Ставрополь — центр гражданских и военных учреждений Северного Кавказа, в нем развивается торговля, промышленность, сельское хозяйство. Яркий архитектурный облик одного из самых богатых губернских городов Российской Империи создавался за счет умелого использования ландшафта — рельефного, с мягкими подъемами и спусками. Богатые купцы приглашали известных архитекторов, в городе разбивали великолепные парки, бульвары, строились церкви, гостиные дворы, государственные учреждения. И сейчас старые улицы города несут в себе дух того времени, когда не только российская армия, но и российская культура утверждала свои права на Северном Кавказе.

Сейчас наш город — один из крупных культурных центров на Юге России. Он по-прежнему утопает в зелени, его территория включает несколько лесов: Таманский, Татарский, Мамайский, Русский, Круглый, Члинский, — которые разделяют отдельные городские районы и дают возможность жителям города проводить время «на природе», не покидая его черты.

Мы свидетели бурных преобразований в краевом центре. Идет строительство новых микрорайонов, строятся современные здания в центре Ставрополя. У нас появились новые прекрасные скверы, сады. Мы привыкли видеть свой город зеленым, ярким, чистым и красивым, как это и подобает южному городу. У нас много цветов, много солнца, много света. Исторический город, имеющий свое неповторимое лицо, приближается сейчас по своему благоустройству и облику к европейским городам. В нашем многонациональном городе мы живем, обогащая друг друга разными языками, культурами, стараемся находиться в диалоге друг с другом и вместе работать на благо развития искусства, образования, промышленности, экономики Ставрополя.

Наши ценности: равные для всех права и свободы, солидарность поколений, патриотизм, ответственность государства за благополучие своих граждан, поддержка демократического движения, свободного предпринимательства, общественных и профессиональных инициатив, благополучие семьи, уверенность каждого человека в том, что у него будет работа, возможность получить образование, обеспечить свою семью, воспитать здоровых детей и внуков.

Ставрополь — город университетский, студенческий, театральный. Библиотеки нашего города, несмотря на новые возможности получения информации, полны жаждущими знаний юношами и девушками. Подлинные сокровища хранятся в музеях — Краеведческом, Музее изобразительных искусств. Многие школы оборудованы по последнему слову науки и техники. На стадионах Ставрополя тренируются будущие чемпионы мира по акробатике, гимнастике и другим видам спорта.

Бурно развивается экономика, открываются новые предприятия, строятся заводы — создается новая индустрия города.

В книге «Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет» обобщается очень многое из того, что было сделано нашими предшественниками и делается нами во благо родного города и его жителей. Нам хотелось бы, чтобы в нашем крае царила справедливость по отношению к его жителям, старшим труженикам и подрастающему поколению. Мы прилагаем все усилия, чтобы у нас было как можно больше добра в отношениях между людьми.

Мы за справедливость и веру в то, что добру быть!

Дмитрий Сергеевич Кузьмин

глава администрации города Ставрополя

Дорогие читатели!

Наш университет, которому уже 76 лет (с учетом истории его предшественника — Ставропольского государственного педагогического института), много работает над осмыслением истории, культуры, экономики края, в котором мы живем, а также краевого центра — города Ставрополя. Свидетельство этому — написанные и опубликованные нашими учеными книги «Край наш Ставрополье (очерки истории)» (1999), «История городов и сел Ставрополья» (2002). В 2006 году мы выпустили «Энциклопедический словарь Ставропольского края», в котором собрали огромную информацию о крае, городе, знаменитых исторических, культурных деятелях. Анализ ее показал, что город Ставрополь имеет интереснейшую историю, культуру, развитую экономику, характеризуется бурной общественно-политической жизнью.

Ученые университета идут вглубь и вглубь, осмысляя различные аспекты истории, повседневности, науки, культуры города и края. Читатели, конечно же, не прошли мимо ярких изданий: «Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова» (2004), «Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века» (2006) и многих других.

Теперь мы знакомим вас с нашим новым изданием — книгой, в которой собран разножанровый материал, позволяющий многомерно и динамично осветить историю Ставрополя.

Ставрополь первым среди городов Северного Кавказа начал формировать интеллектуальное пространство региона: здесь открылись первый на всем Кавказе русский драматический театр, первая классическая гимназия, один из первых краеведческих музеев. Ставропольский государственный университет принял эту историческую эстафету в создании неповторимой культурной и интеллектуальной среды нашего родного города.

В современных условиях значение образовательной и научной деятельности возрастает многократно, так как Северокавказский регион, Россия, да и весь мир, переживают время, насыщенное глобальными, национальными и локальными проблемами, решение которых дает возможность как облегчить, так и отяготить жизнь каждого отдельного человека. В этих условиях образование выступает как один из решающих факторов сохранения цивилизации.

Мы не можем предугадать, как будут жить наши потомки, но в наших силах создать им достойные условия для этой жизни. Наиболее существенная гарантия этому — высококлассная система образования, которой мог бы гордиться не только город Ставрополь, но и вся страна.

Университет является органичной частью городской инфраструктуры, мы стараемся внести свой вклад в сохранение исторического облика Ставрополя. Наглядный пример этому — реконструкция научной университетской библиотеки. Вопрос о ее перестройке решался в соответствии с Законом об охране памятников истории и культуры. Важнейшим условием при этом было максимальное сохранение исторического облика здания. Здание библиотеки достойно украсило не только университетский комплекс, но и панораму города, а ее фонды позволяют студентам и ученым вуза реализовать современные научно-образовательные задачи, обогащают культуру города Ставрополя.

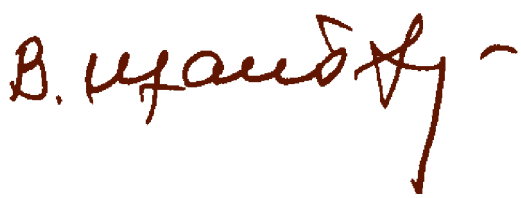
Студенты и профессорско-преподавательский состав университета гордятся своим краевым центром, его культурно-историческими традициями, его ролью в истории России. Надеюсь, что и город Ставрополь всегда будет гордиться своим классическим университетом и его выпускниками.

Уверен, что ученые, студенты и выпускники университета откроют новые замечательные страницы в истории нашего города. Читателям этой книги я желаю много интересных научных открытий!

Владимир Александрович Шаповалов

ректор Ставропольского государственного университета,

доктор социологических наук профессор



Н.А. Охонько

Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя

К ценному пласту историко-культурного наследия города Ставрополя относятся городские планы. Далеко не каждый современный город, даже будучи сегодня более крупным и развитым, может похвалиться таким материалом. Объясняется это тем, что Ставрополь, зародившись как крепость, с первых своих шагов развивался планово. Всего лишь через 8 лет со дня основания он получает официальный статус города, это обязывало его развиваться не стихийно, а по планам, разрабатываемым инженерами и архитекторами.

Большую работу по выявлению городских планов и их изучению проводили основатели ставропольского краеведения И.В.Бентковский и Г.Н.Прозрителев, но особый вклад в эту работу внес В.Г.Гниловской. Будучи профессиональным географом, он как никто другой понял ценность городских планов для изучения Ставрополя. Работая в центральных и местных архивах страны, В.Г.Гниловской выявил и ввел в научный оборот почти все известные планы Ставрополя конца XVIII — XIX столетия.

С 1777 года и до середины 1820-х годов Ставрополь функционировал как преимущественно как военный пункт, ядром которого была крепость. К этому периоду относится серия планов, прежде всего, Ставропольской крепости. При этом составители схематично показывали и другие улицы и кварталы растущего города, населенные казаками и гражданскими лицами.

В 1822 году Ставрополь назначается областным центром, и главноначальствующим на Кавказе А.П.Ермоловым впервые ставится вопрос о разработке генерального плана развития Ставрополя. Такой план был завершен в 1833 году и получил утверждение императором Николаем I. Этот первый генплан определил концепцию развития Ставрополя до конца XIX века.

По ходу жизни в течение второй половины XIX века составлялись другие — частные и общие планы города, которые помимо планировки фиксировали такие стороны его жизни, как санитарное состояние, наличие и качество водных источников, зеленых насаждений и пр.

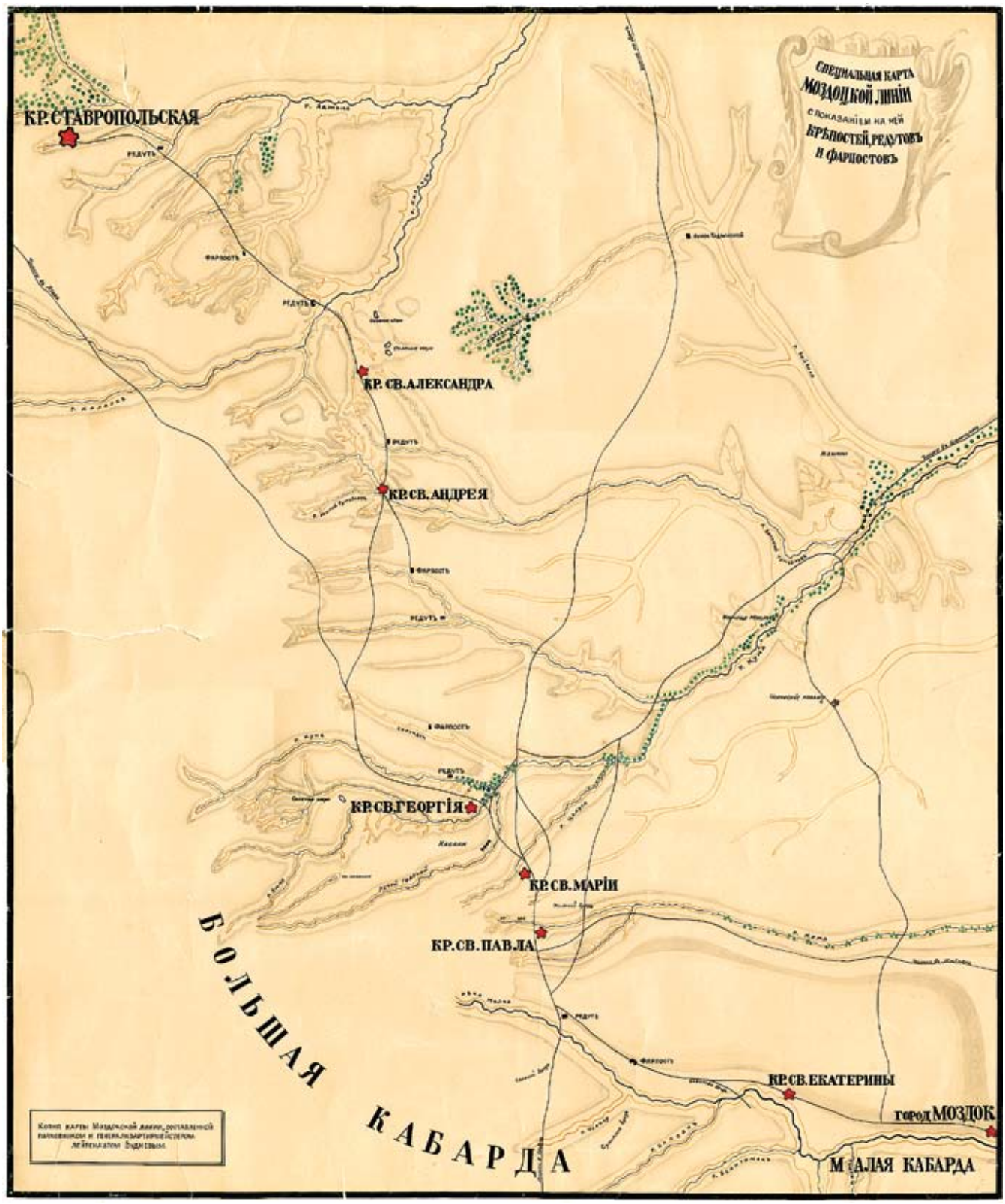
В 1900 году, когда город достиг ранее намеченных границ и потребовались разработки его дальнейшего развития, был составлен второй эпохальный генплан, который исполнил известный архитектор и инженер Г.П.Кусков.

Работа над планами Ставрополя представляется интересной, но в то же время сложной. Продиктовано это тем, что наш город, расположенный в живописной местности, обладает особой средой. Надо сказать, что архитекторы прошлого справлялись с этой задачей достаточно успешно – ими была заложена база, которая позволяла Ставрополю развиваться вплоть до середины XX века.

В 1947 году институтом «Гипрогор» был разработан новый генеральный план Ставрополя. К сожалению, о нем почти ничего не известно. Удалось обнаружить лишь планшет с центральной частью, из которого явствует, что именно тогда был разработан современный центр нынешнего Ставрополя.

Во второй половине XX века город растет столь бурно, что его планы быстро устаревают. В настоящее время Ставрополь не имеет утвержденного современного генерального плана.

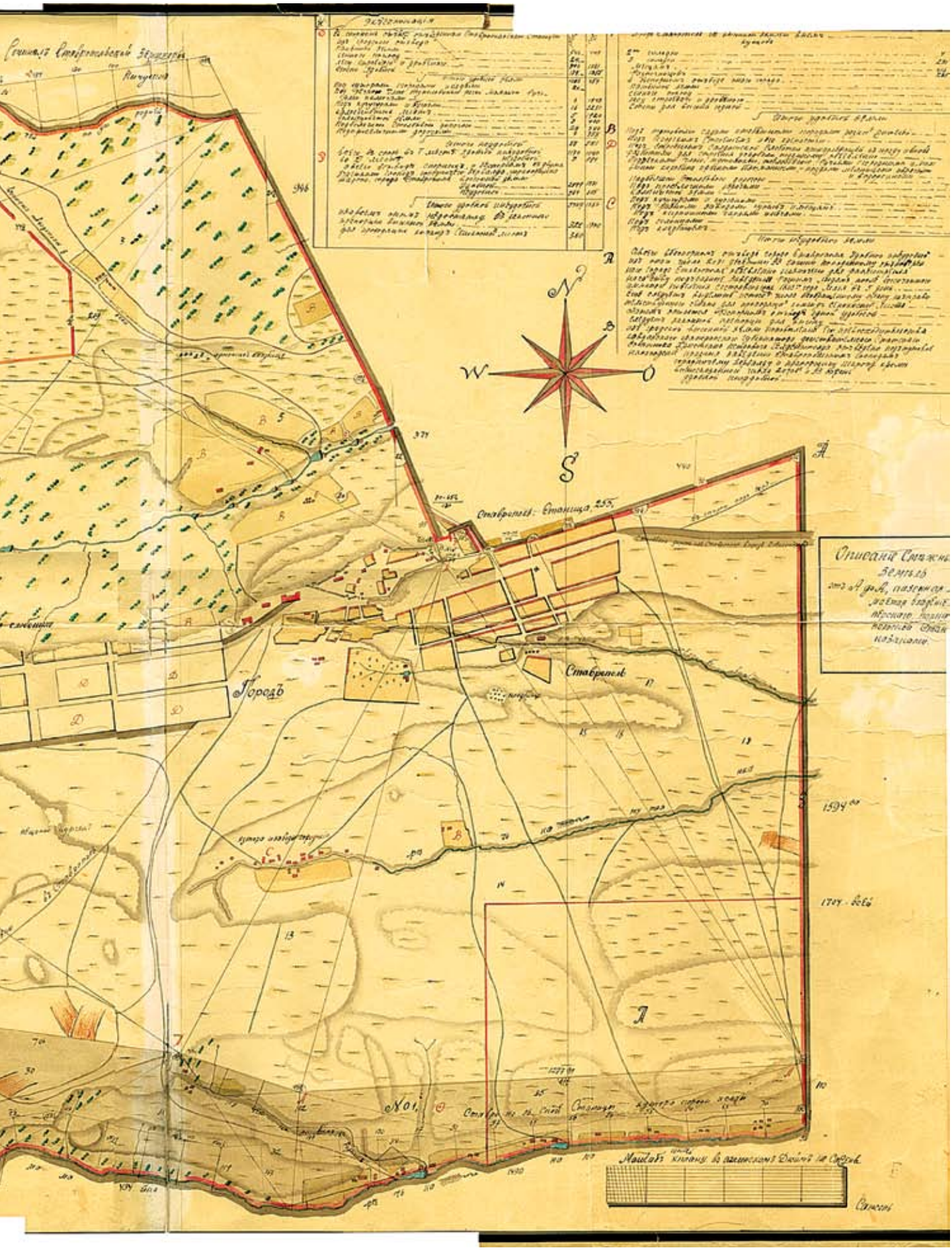
Думается, что при его разработке полезно будет изучить опыт прошлого, для чего авторский коллектив помещает в данном издании максимальное количество известных планов Ставрополя XVIII—XX веков. В нашей книге вы найдете также интересные материалы о планах города Ставрополя, написанные замечательным краеведом В.Г.Гниловским.



Н.А.Охонько
Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя

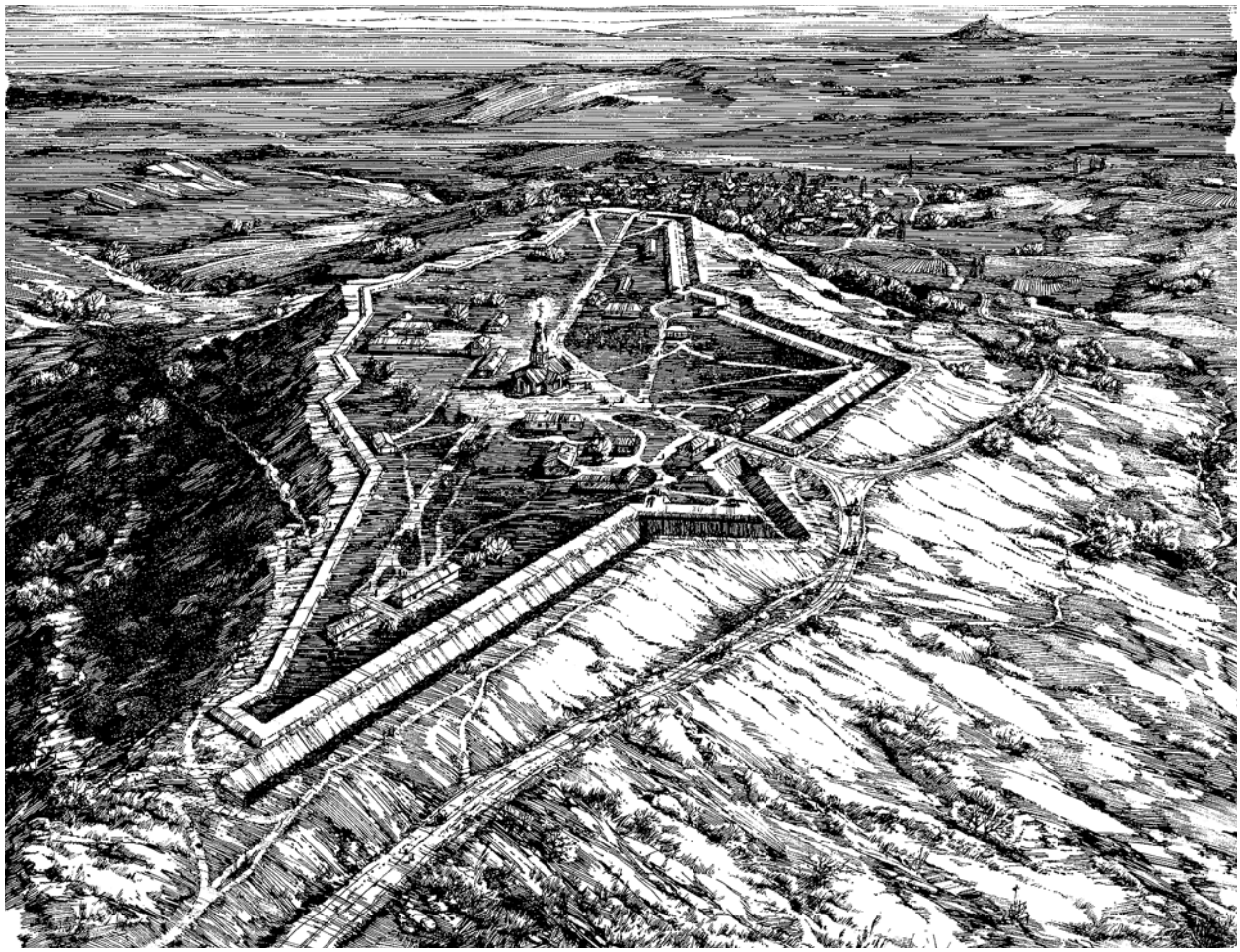
Ур.
Бибердова
Дача
НАРОДНАЯ
УП
Турист
Зеркальный

В
№ 1.
№ 1.
1706
1350
894



Н.А.Охонько
Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя

Ставропольская крепость. Реконструкция

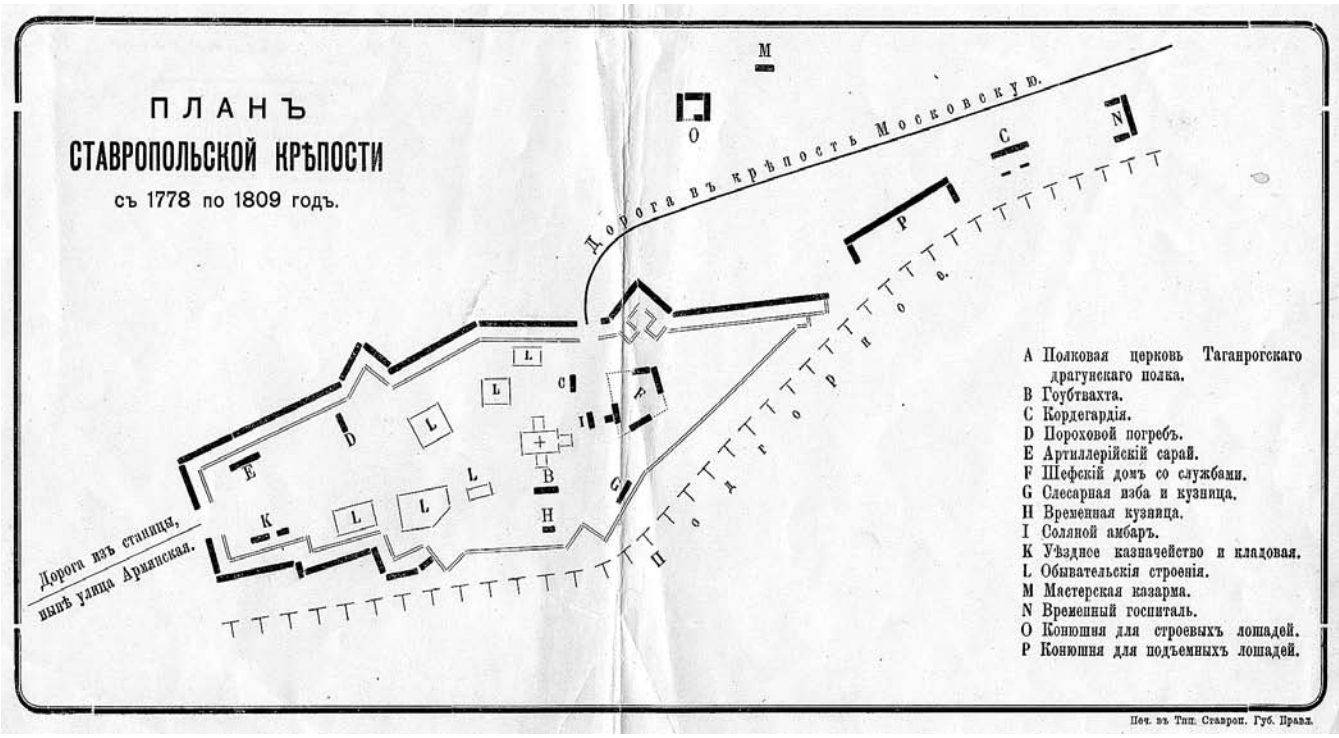


1809

План Ставропольской крепости

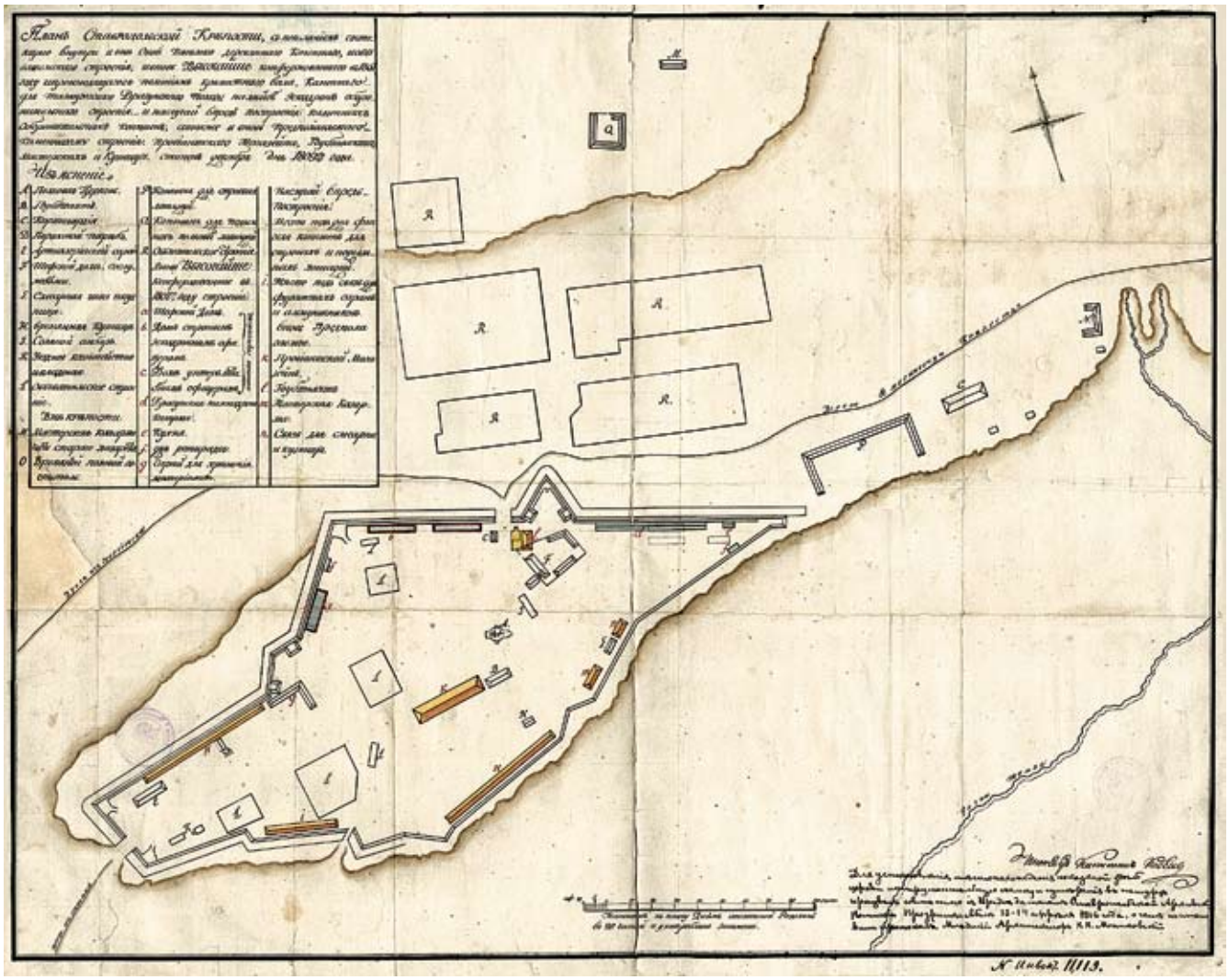
1809

План Ставропольской крепости (копия)

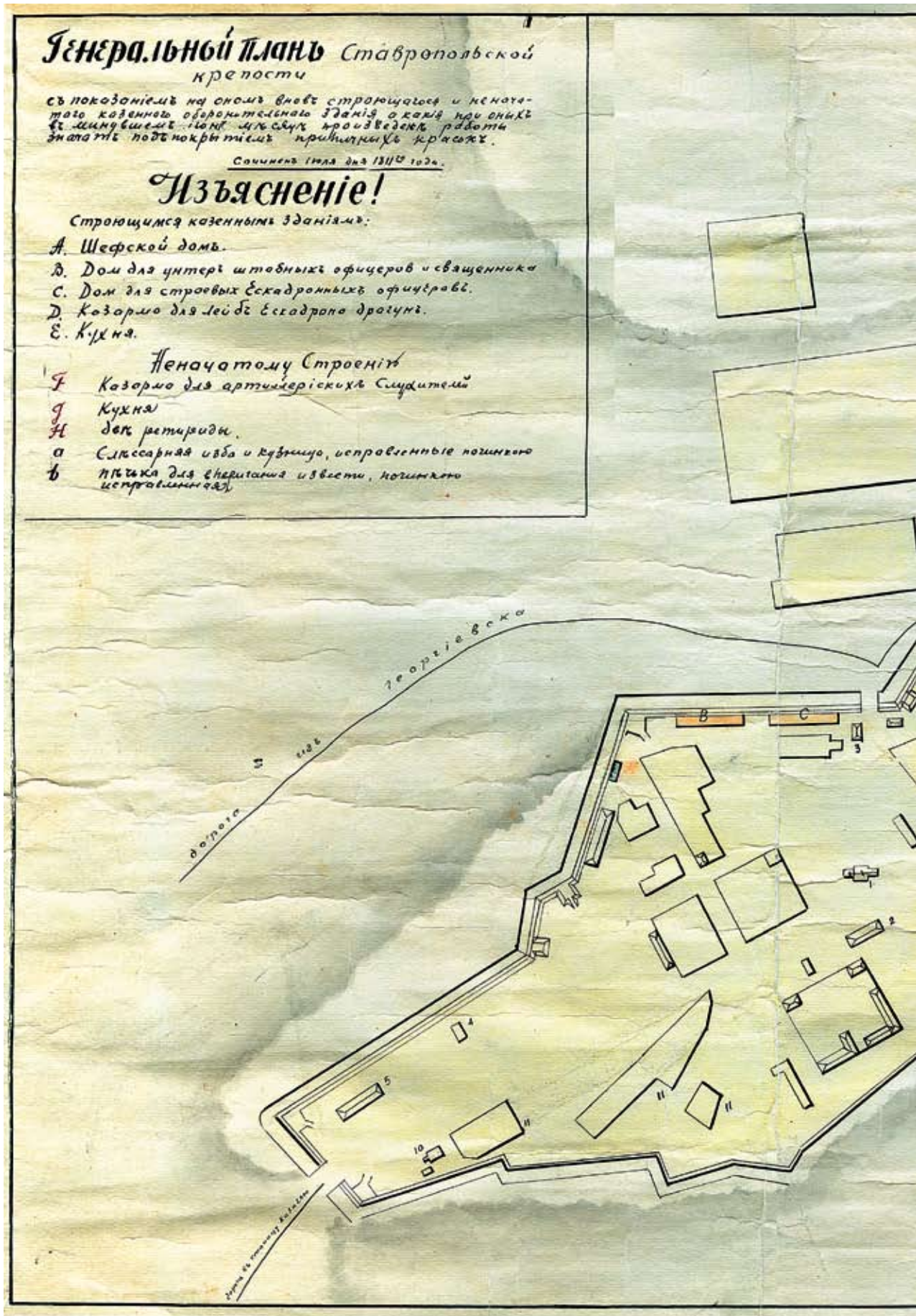


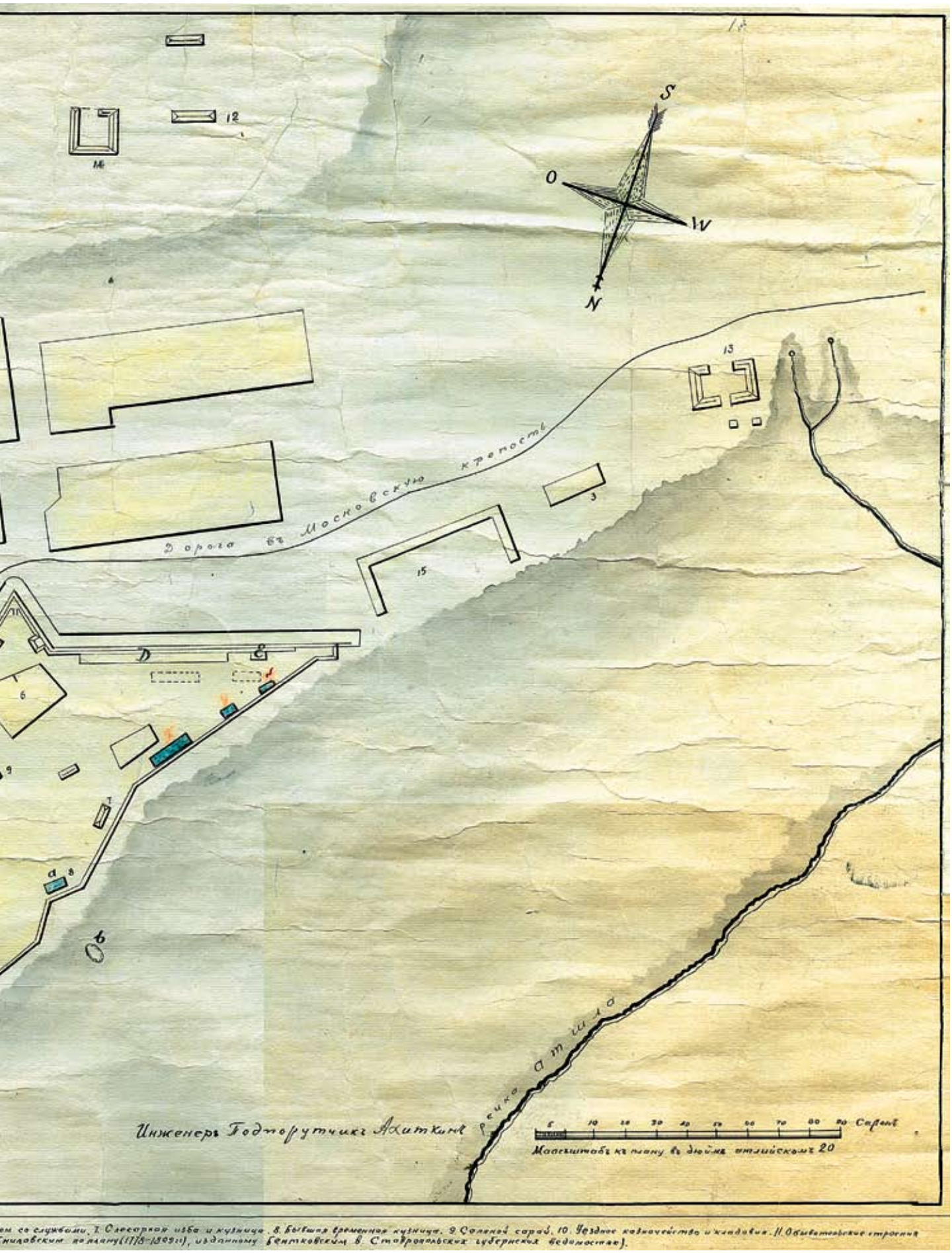
декабрь 1809 года

План Ставропольской крепости



Н.А.Охонько
Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя

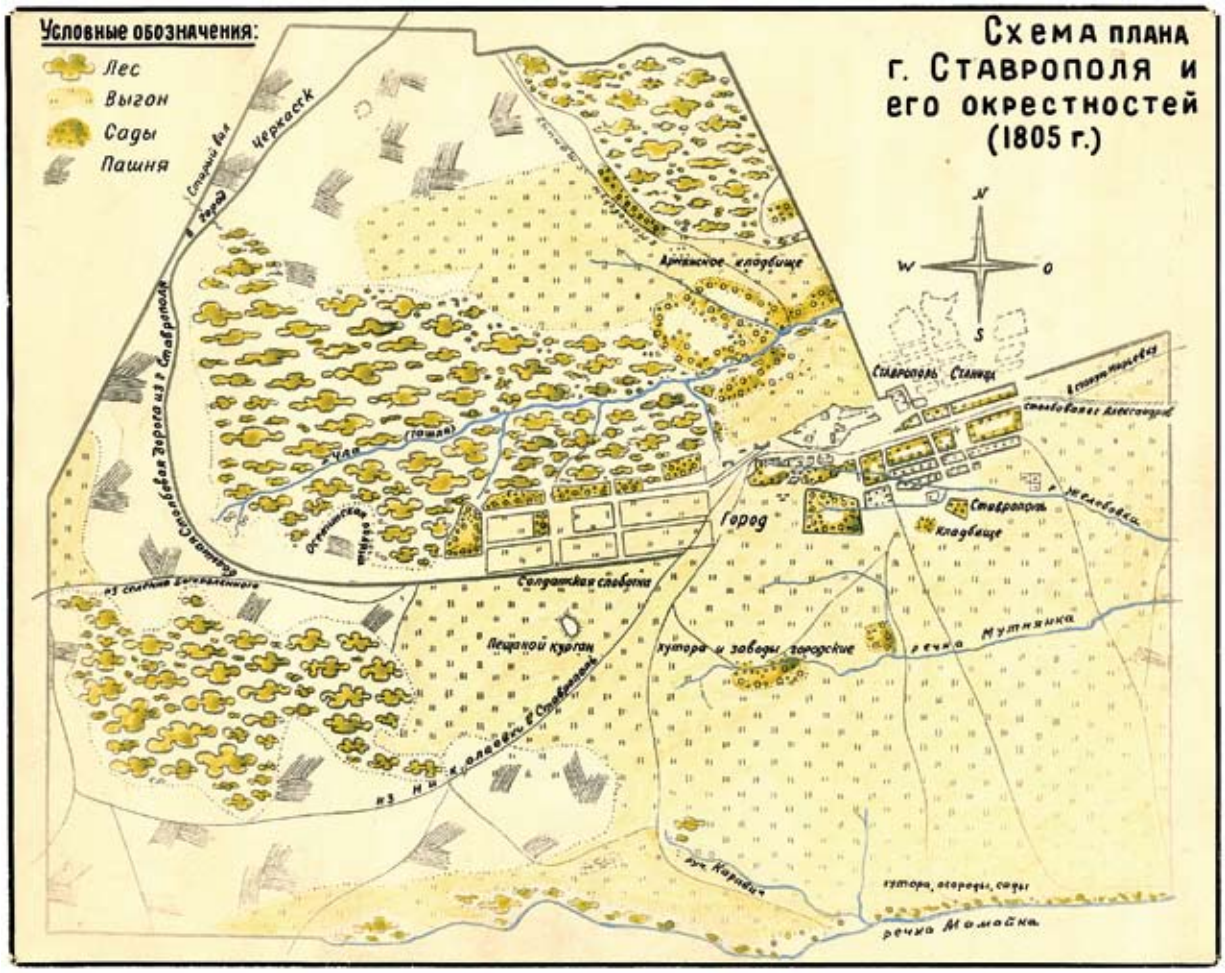

Генеральной планъ Ставропольской крепости
съ показаніемъ на ономъ вновь строющагося и неначатаго казеннаго оборонительнаго зданія а какія при оныхъ въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ произведены работы значатъ подъ покрытіемъ приличныхъ красокъ.
Сочиненъ іюля дня 1811го года.
Изъясненіе!
Строющимся казеннымъ зданіямъ:
A. Шефской домъ.
B. Дом для унтеръ штабныхъ офицеровъ и священника
C. Дом для строевыхъ Ескадронныхъ офицеровъ.
D. Казарма для лейбъ Ескадрона драгунъ.
E. Кухня.
Неначатому Строенію
F Казарма для артиллерійскихъ Служителей
g Кухня
H двѣ ретириды.
a Слѣссарная изба и кузница, исправленные починкою
b пѣчка для вперигания извести, починкою исправленная
дорога изъ георгіевска
B
C
1. Полковая церковь таганрогского драгунского полка. 2. Гауптвахта. 3. Кордегардия. 4. Пороховой погреб. 5. Артиллерийский сарай. 6. Шефский
12. Мастерская казарма. 13. Временный госпиталь. 14. Конюшня для строевых лошадей. 15. Конюшня для подземных лошадей. (Обозначено



Н.А.Охонько
Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя

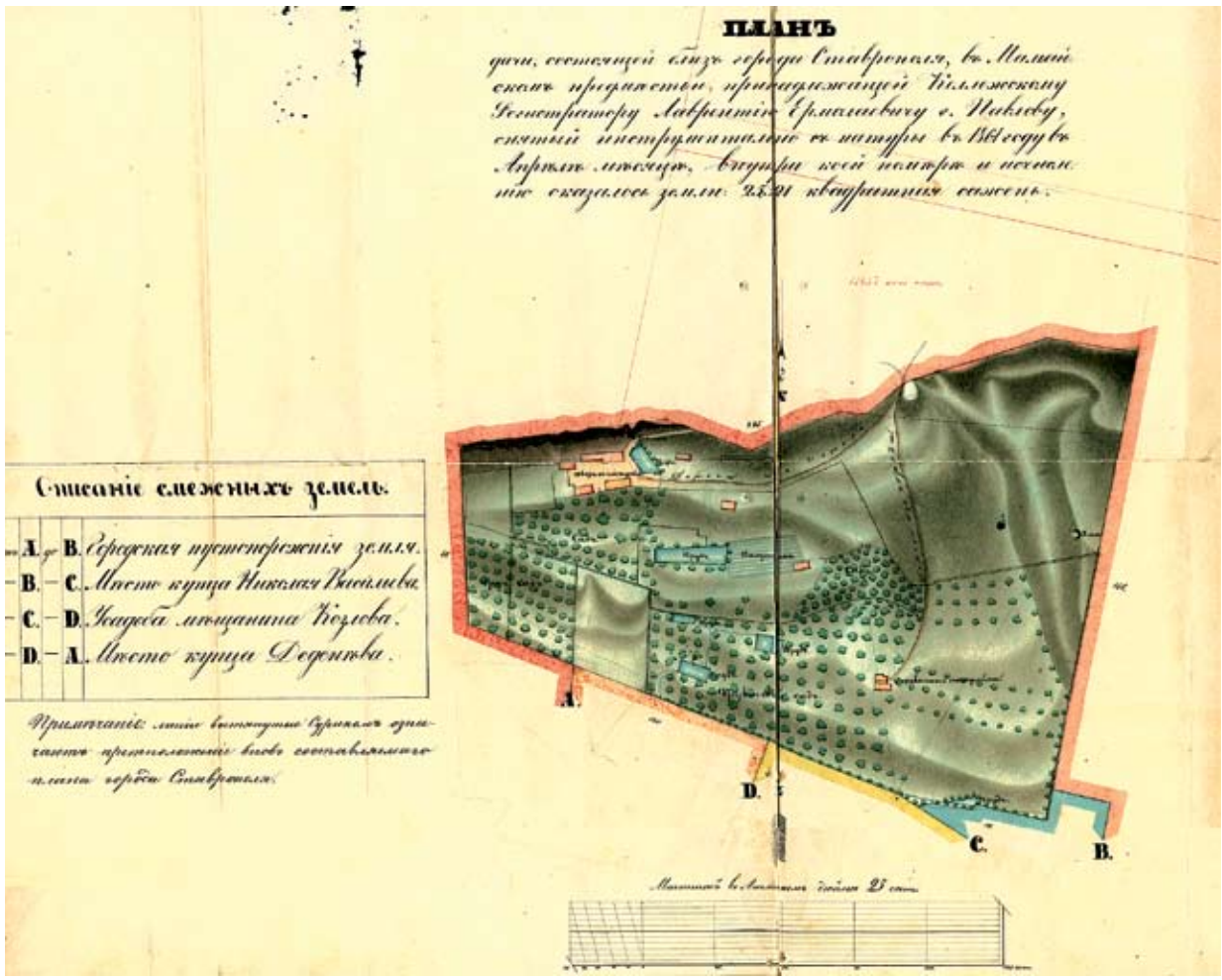
1805

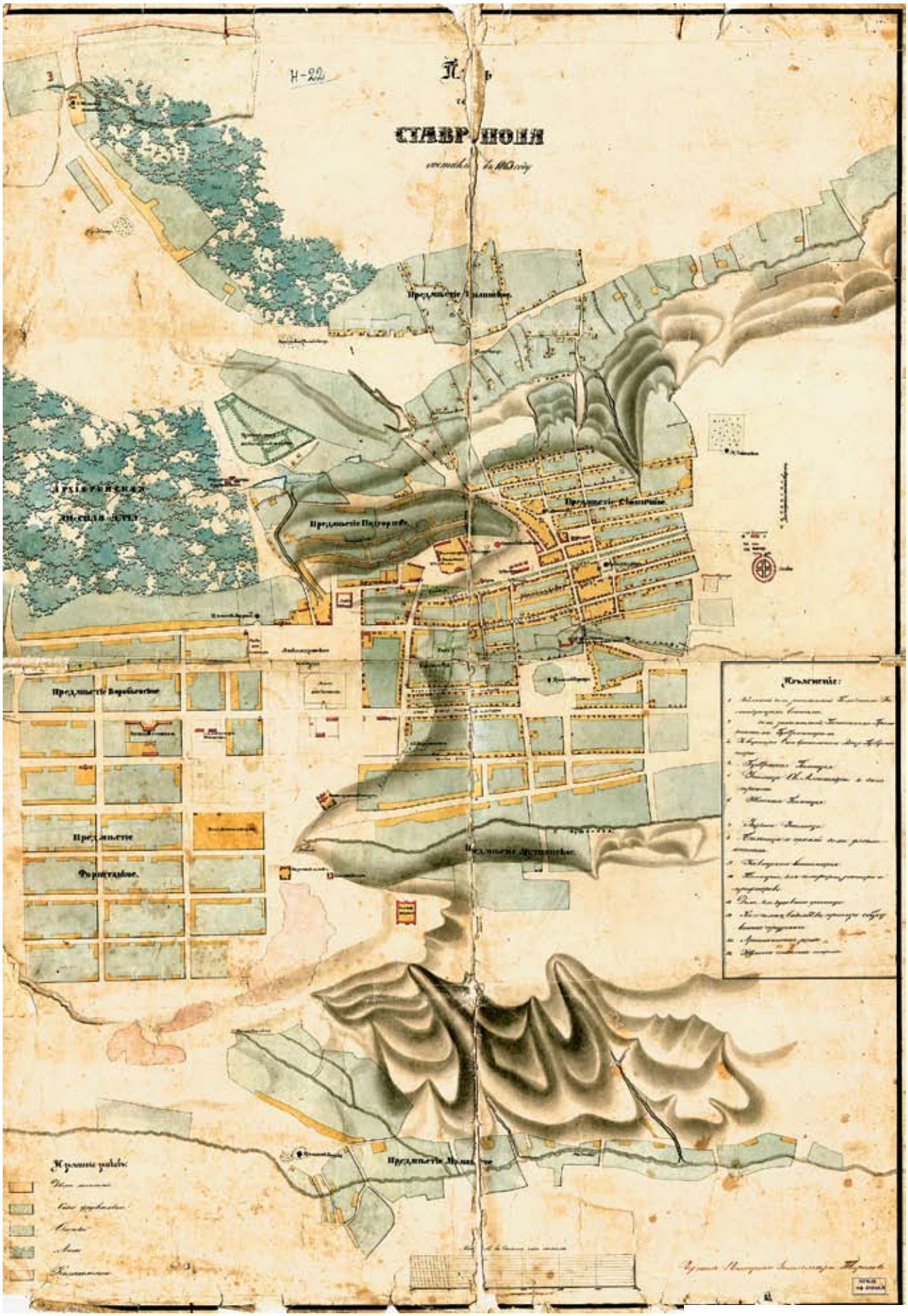
Схема плана г. Ставрополя и его окрестностей



1861

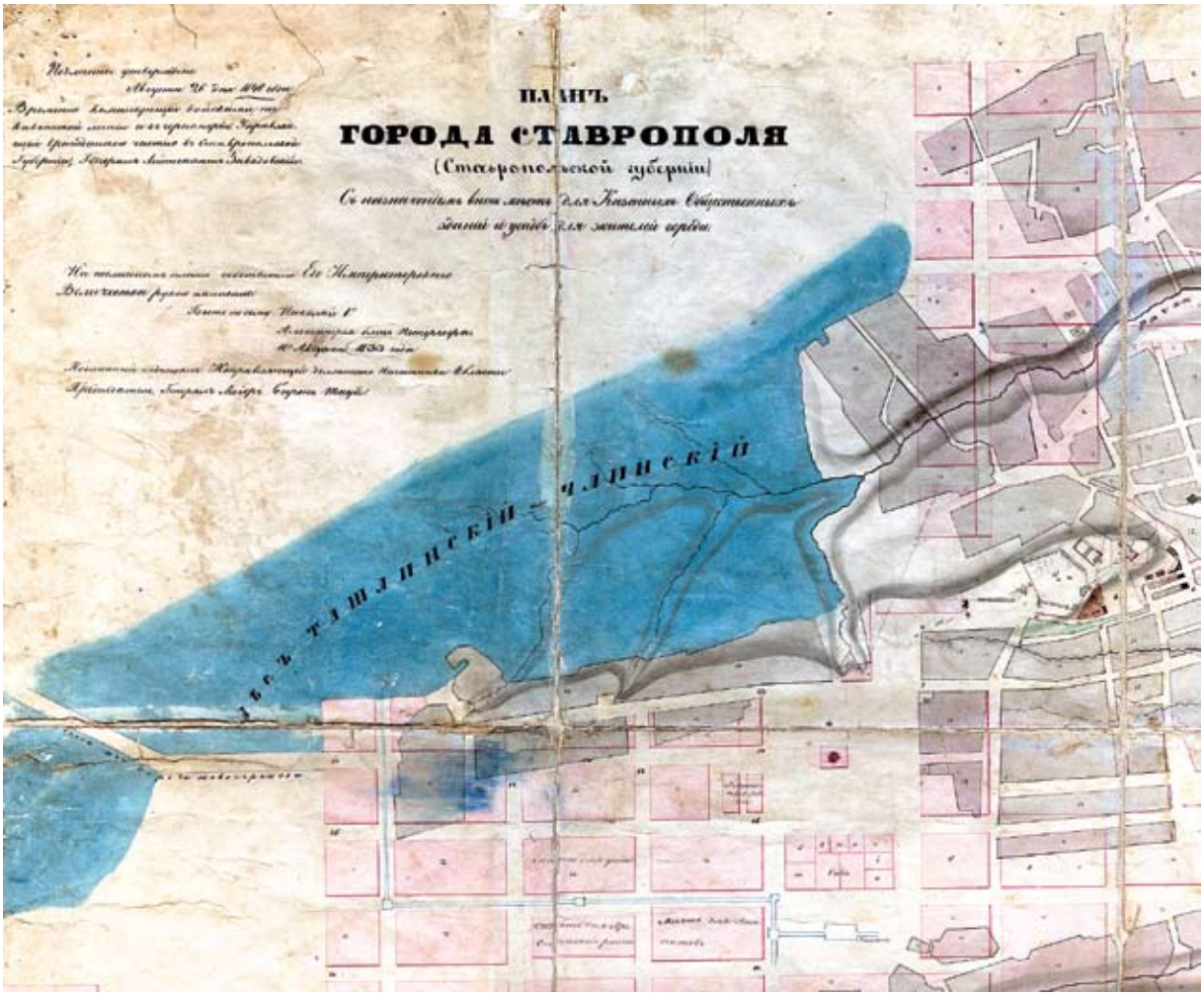
План дачи Л.Е.Павлова на Мамайке

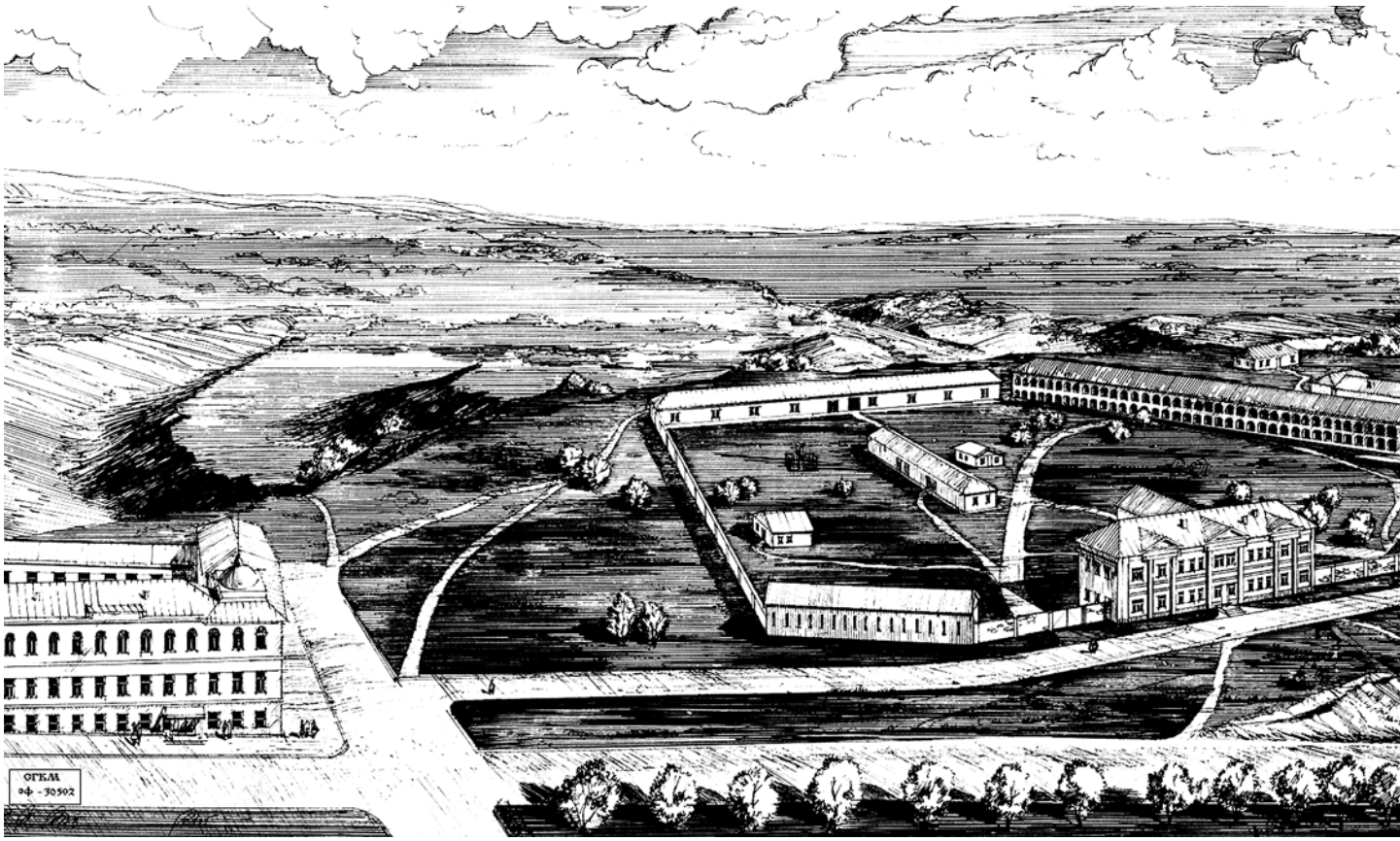


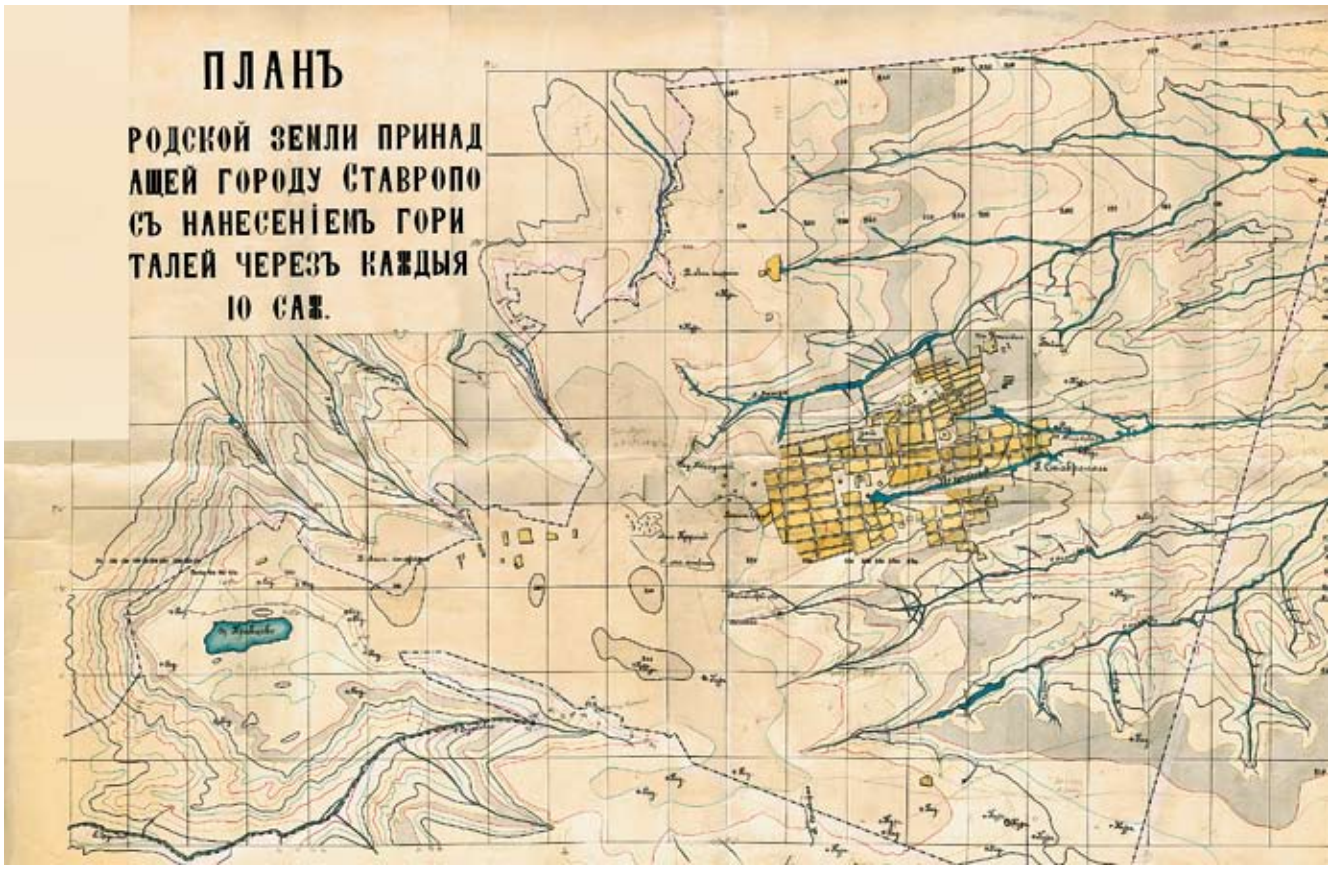


Н.А.Охонько
Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя

План города Ставрополя (Ставропольской губернии)

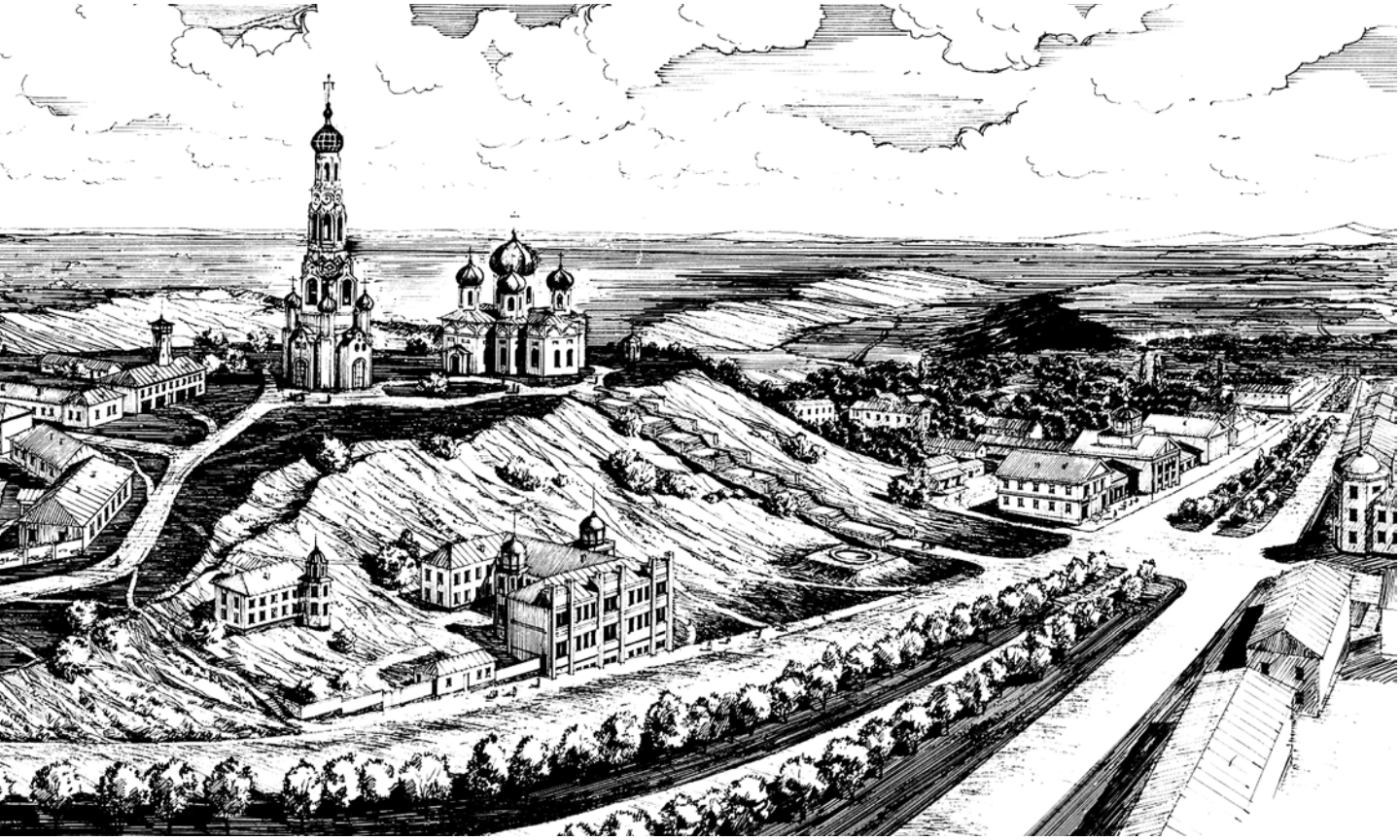






конец **XIX** века

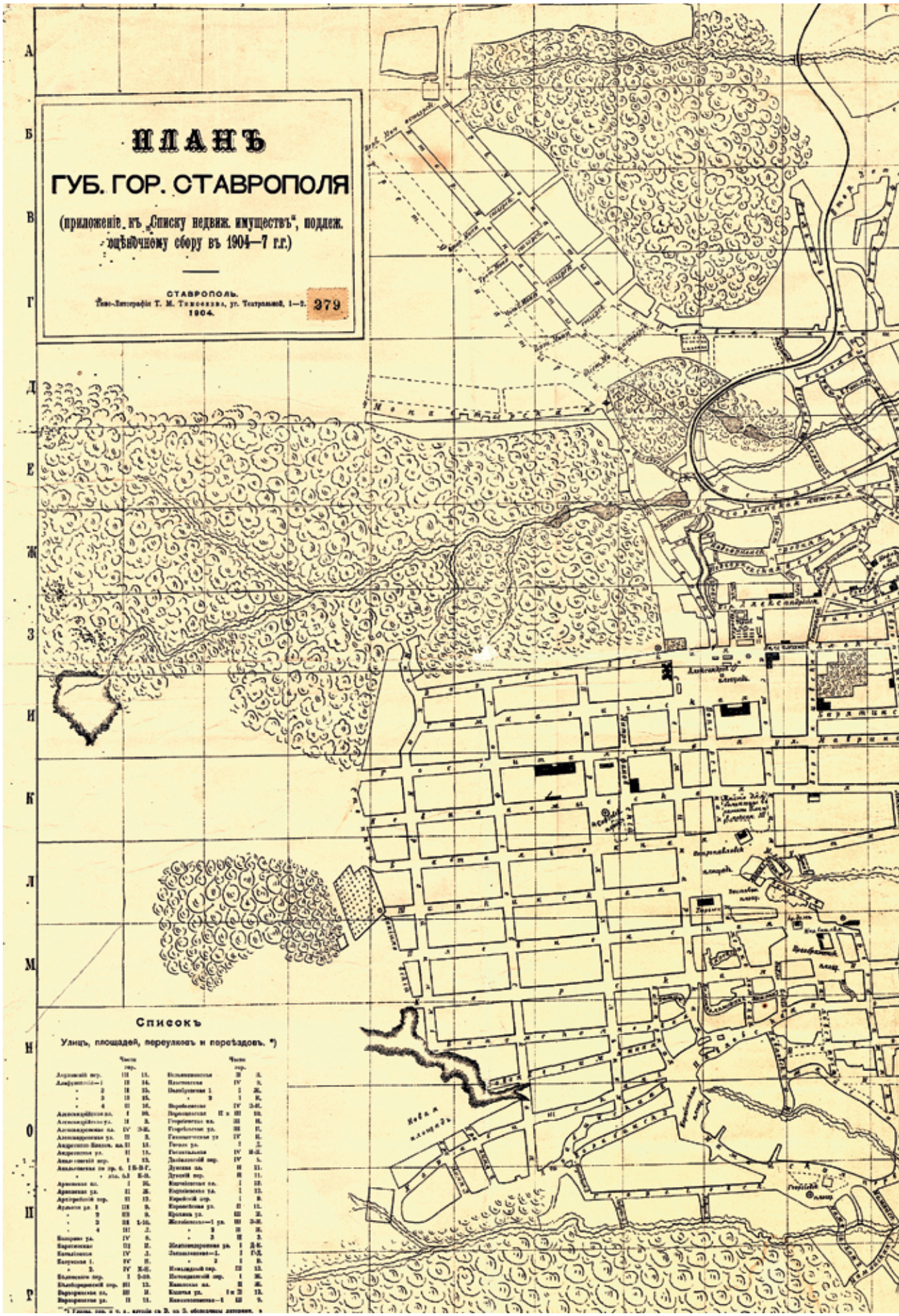
План городской земли, принадлежащей городу Ставрополю

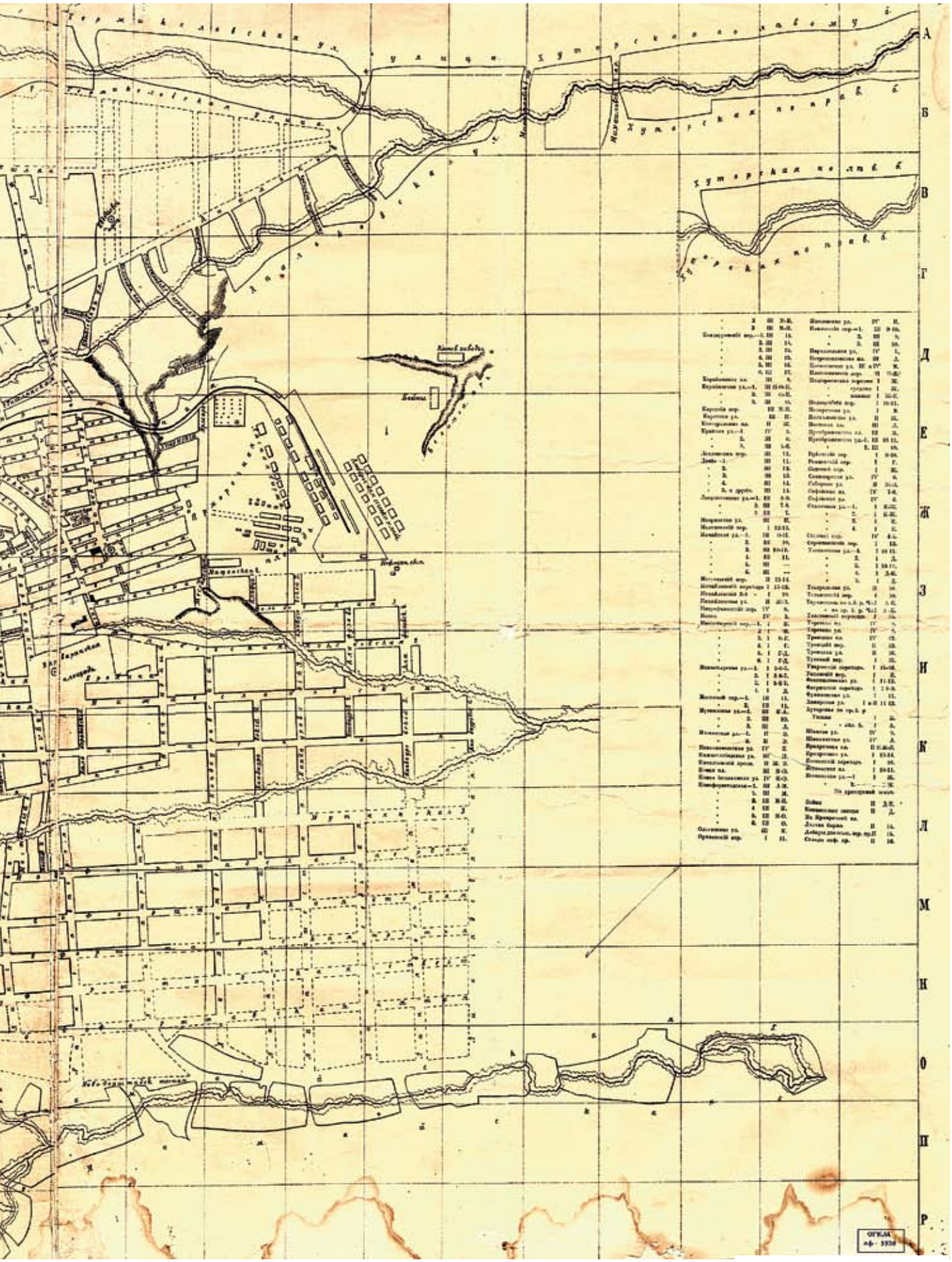


конец **XIX** века

Крепостная гора в г.Ставрополе. Реконструкция

Н.А.Охонько
Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя


ПЛАНЪ
ГУБ. ГОР. СТАВРОПОЛЯ
(приложеніе къ „Списку недвиж. имуществъ", подлеж. оцѣночному сбору въ 1904—7 г.г.)
СТАВРОПОЛЬ.
1904.
379
Списокъ
Улицъ, площадей, переулковъ и переѣздовъ. *)



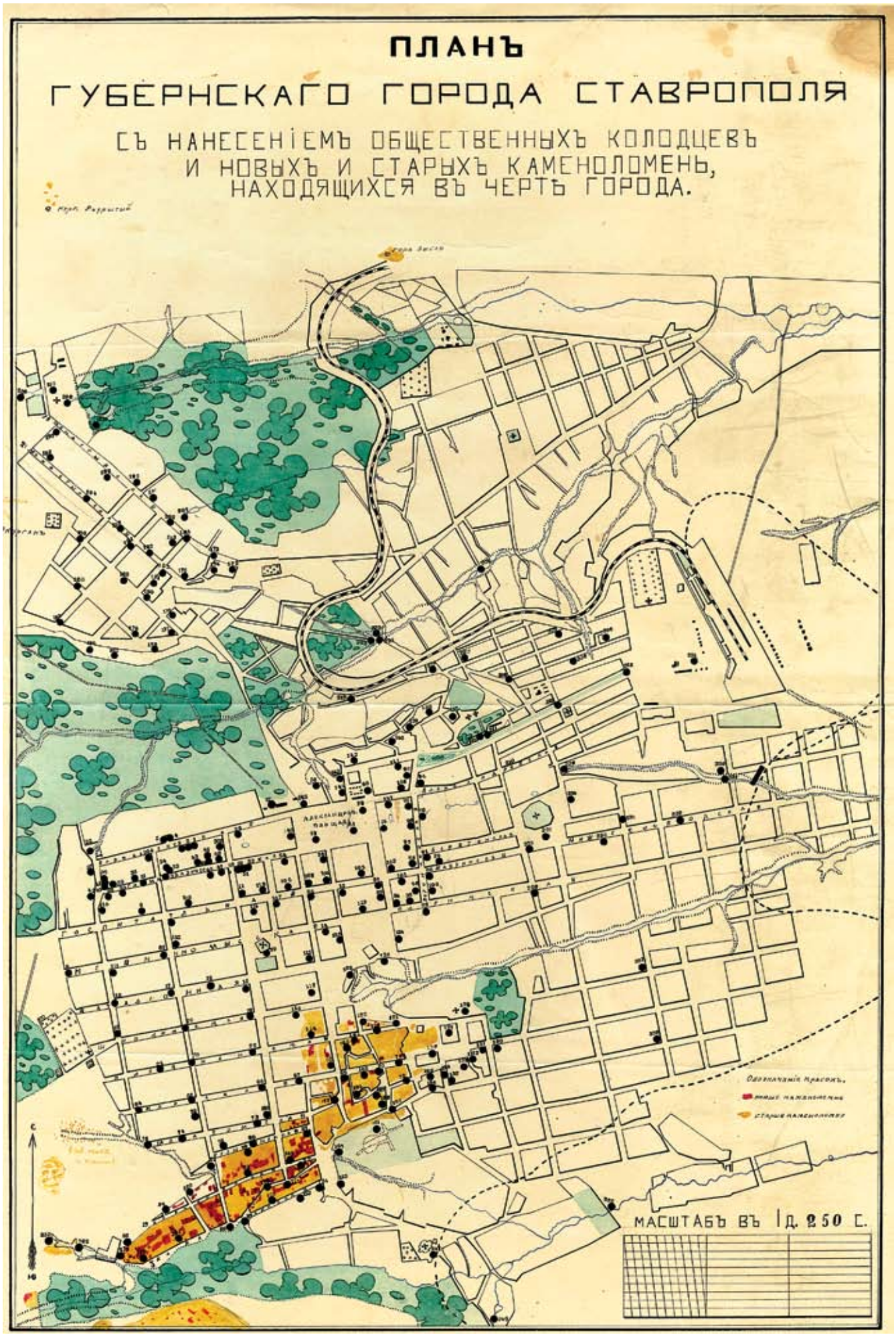
1904

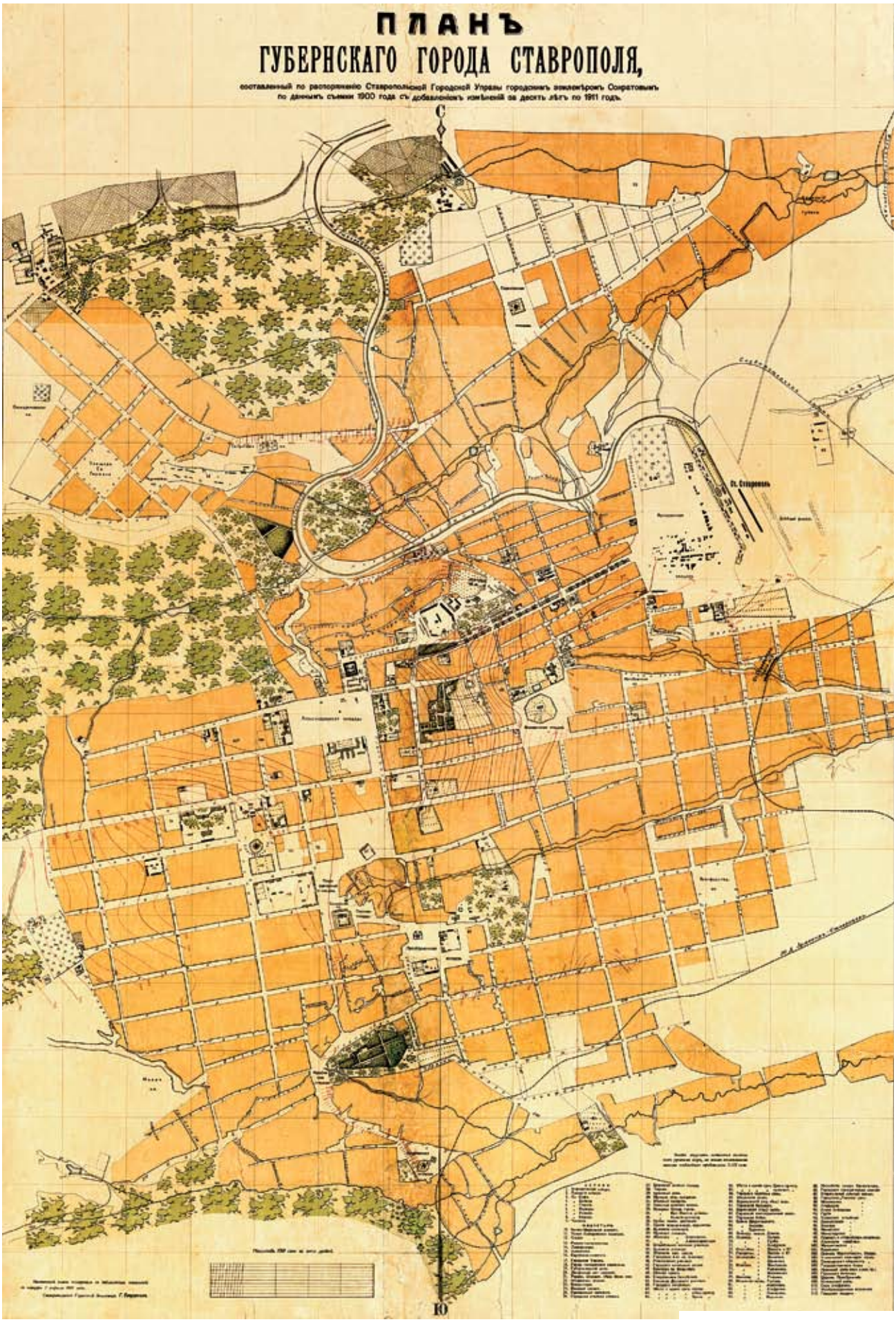
План губернского города Ставрополя

Н.А.Охонько
Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя

около
1910
года

План губернского города Ставрополя

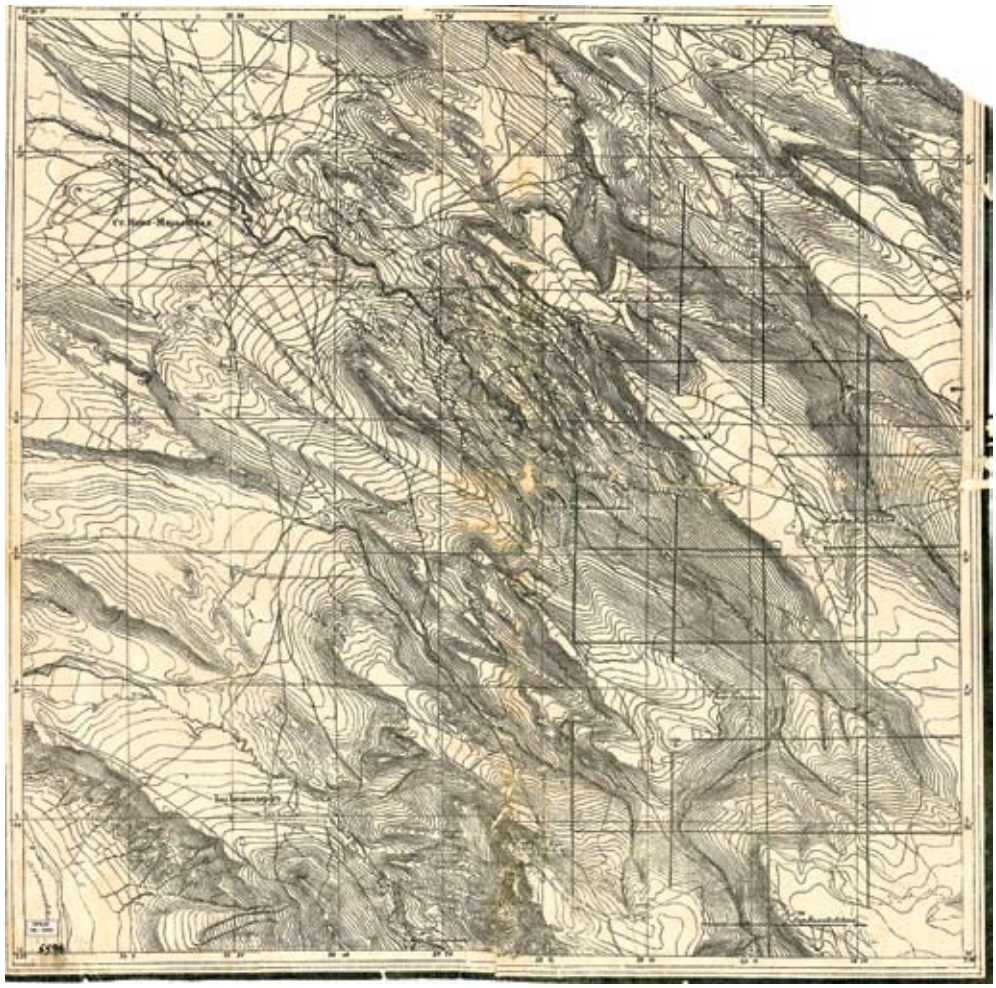




Н.А.Охонько
Исторические планы Ставропольской крепости и города Ставрополя

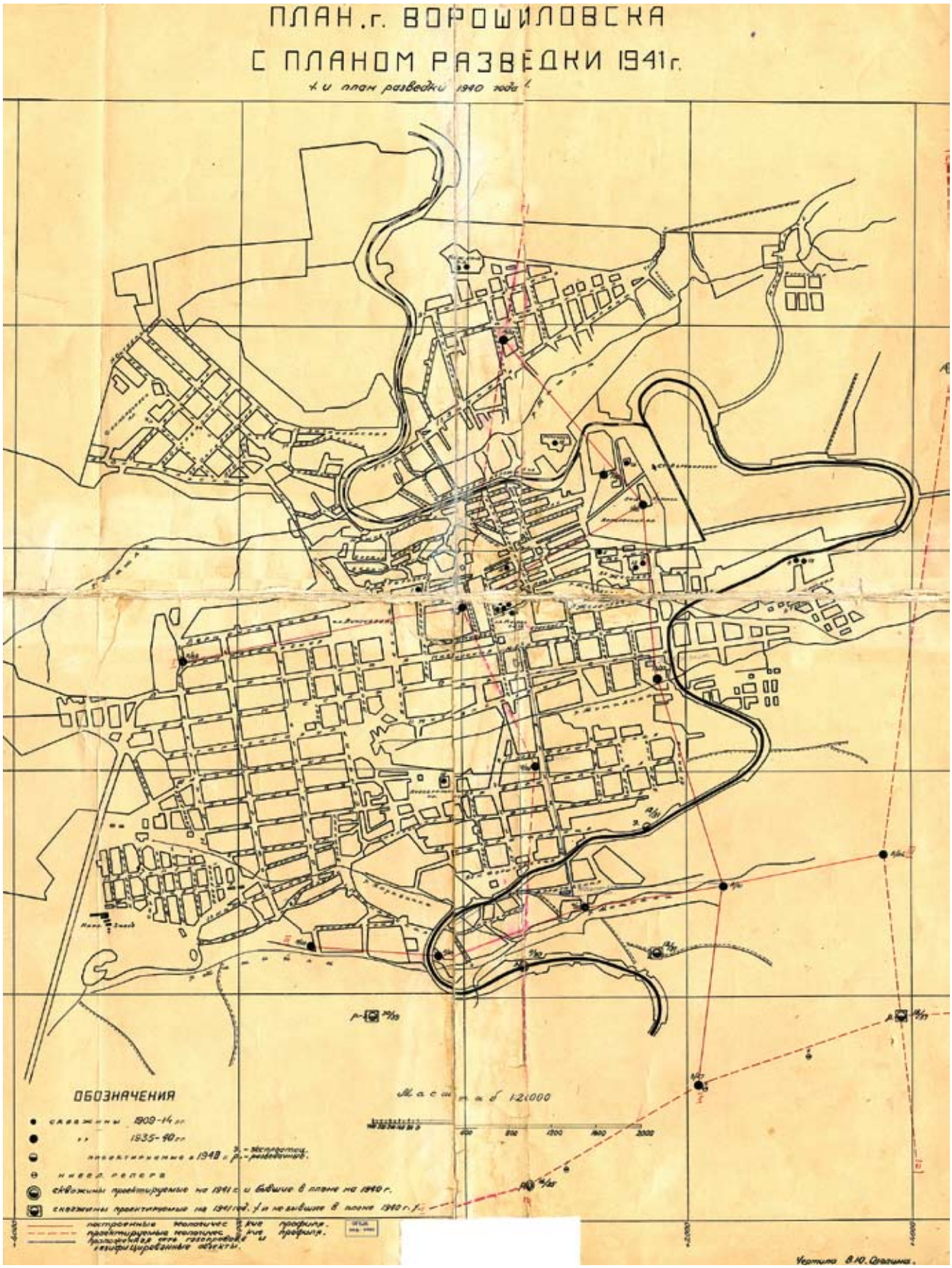
около
1811
года

Топографическая карта юго-восточных окрестностей Ставрополя



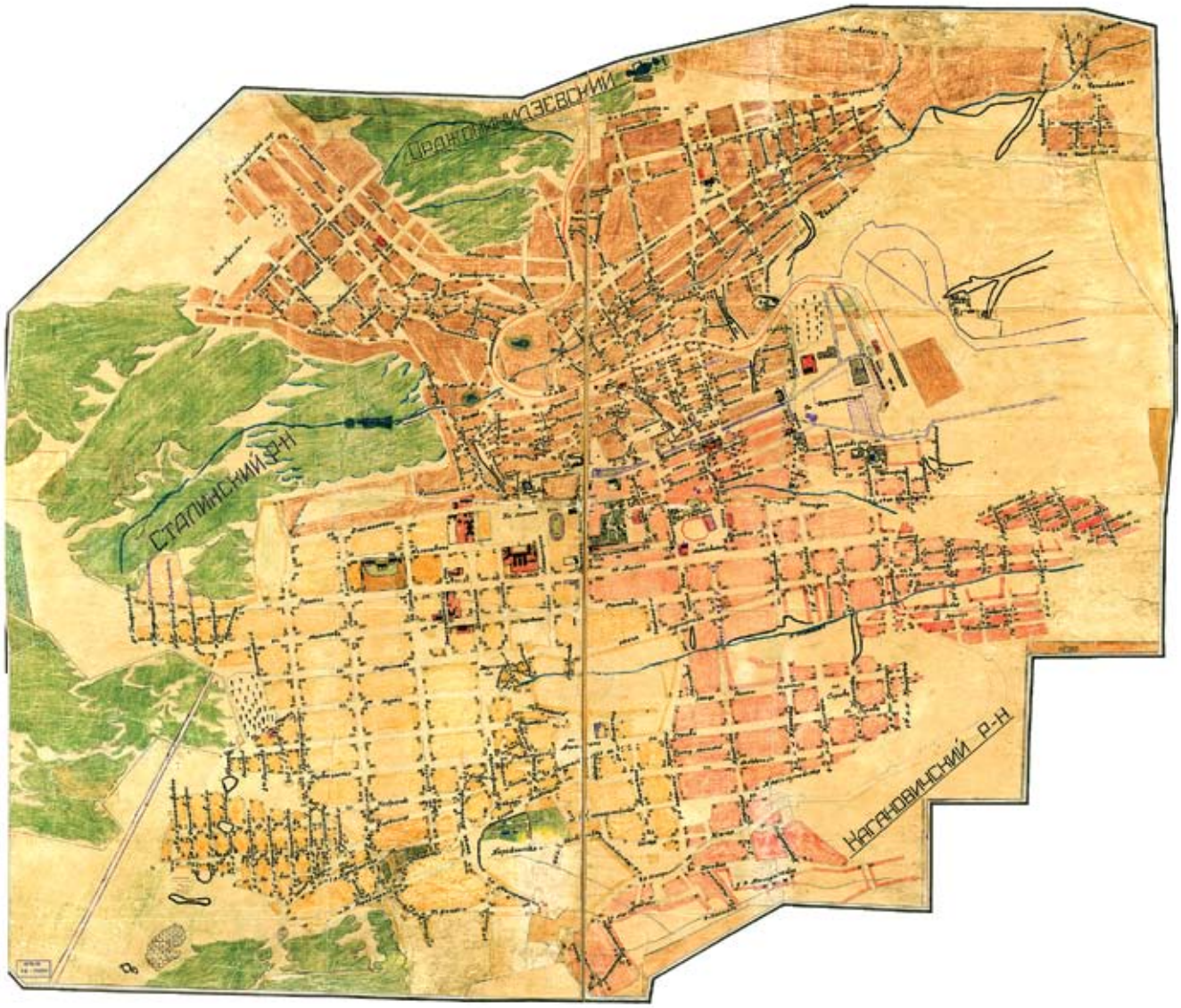
1926

Топографический план г.Ставрополя


ПЛАН г. ВОРОШИЛОВСКА
С ПЛАНОМ РАЗВЕДКИ 1941 г.
и план разведки 1940 года
ОБОЗНАЧЕНИЯ
Масштаб 1:21000

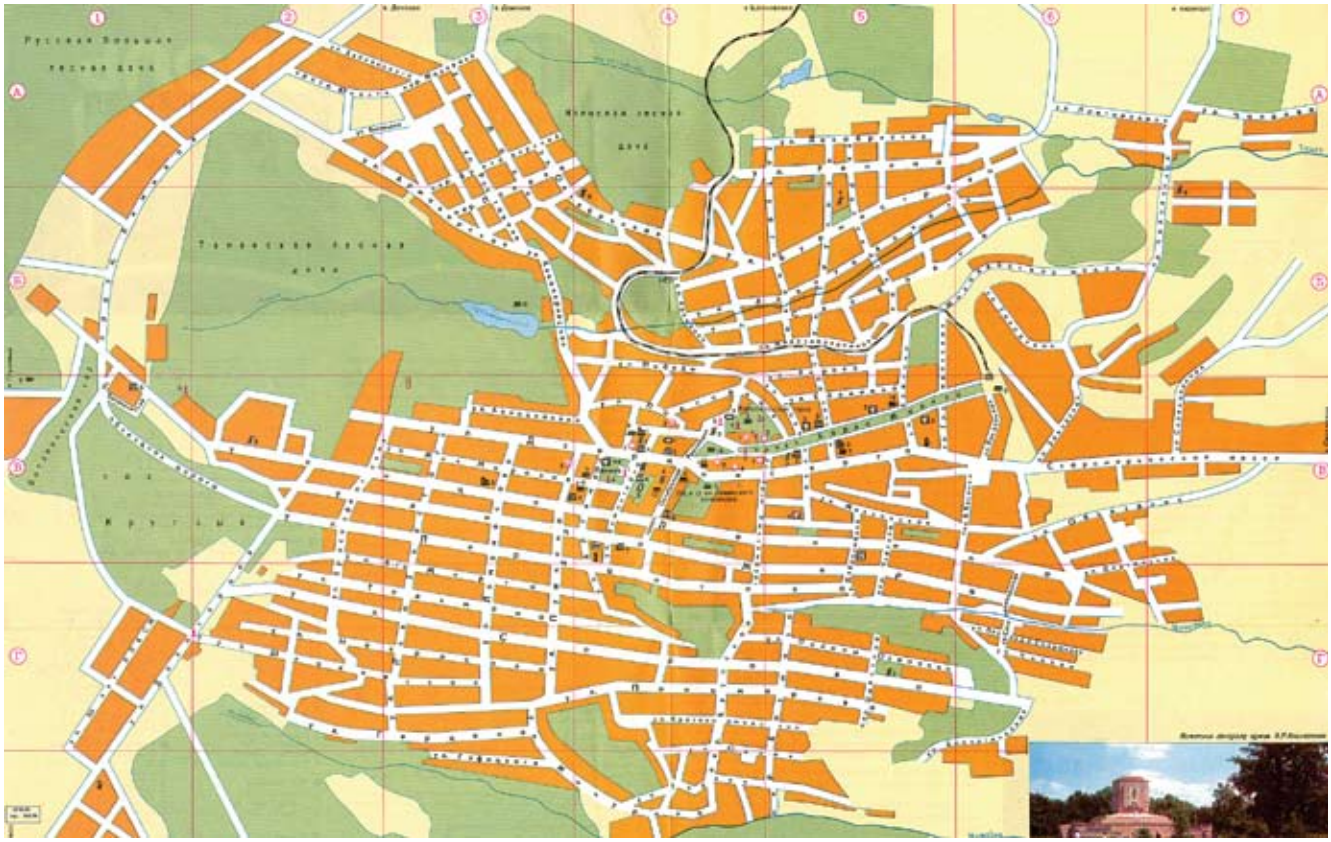
около **1950** года

План города Ставрополя



около **1980** года

План города Ставрополя



От составителей

Культура города Ставрополя, находящегося в порубежной зоне (русская культура, кавказские культуры), очень мало исследована, хотя является богатейшей в России. Достижения нашего края находятся в дискретном состоянии, до сих пор не обобщены. Сейчас настало время изучать культуру края «археологически», вглубь, собирать данные, учить молодое поколение ценить наш город, край, понимать их значимость в культурном пространстве России. Ставрополье — зона постоянных политических конфликтов, а изучение повседневности в истории, ее языка способствует пониманию социокультурных особенностей жизни Ставрополя, раскрытию характерных черт менталитета его обитателей.

Ставрополь — исторический город. Исторический город, как известно, — органически сложившаяся на протяжении веков (иногда тысячелетий) система, отразившая в структуре и облике характер исторических этапов его существования. Исторический город ценен как наследник сменяющихся культур, он и сам — памятник культуры. Возрождение исторического города связано с охраной его архитектурных и культурных ценностей (включая морфологию города, внутренние и внешние перспективы, ландшафты, природу, ремесленную, художественную деятельность) и политикой экономического и социального развития.

Сейчас архитектуру, знаковую систему, старинные постройки (особенно в сфере гражданского строительства) краевого центра и городов Ставропольского края следует особенно тщательно сохранять, так как они несут печать жизни многих поколений нашего города: купеческие особняки, декор, архаические знаки на камне представляют уникальное свидетельство сложного менталитета жителей города и края, связанного с сочетанием языческого и христианского мировоззрений. Поспешная модернизация может уничтожить информационный слой, существенный для понимания собственного прошлого. Понятно, что в таких условиях проблема самоидентификации актуальна как для каждого жителя города, так и для всего Ставрополя и Ставрополья в целом.

Желание аккумулировать знание о нашем городе, показать разные периоды жизни от лица его жителей, знаменитых и менее знаменитых, в разное время писавших о Ставрополе, заставило нас собрать значимые материалы о нем и представить их читателю. Так как со многими из них мы знакомы в пересказе других авторов, хочется, чтобы голоса прежних исследователей Ставрополя заговорили и возник естественный и сложный, но в то же время гармоничный полилог между теми, кто жил в городе в разное время, любил его историю, культуру, его людей, захотел в свое время рассказать нам об этом, ведь даже способ письма — это уже история. Получается многомерная полифония, развивающаяся во времени. Многие темы возникают, исчезают, потом снова возобновляются в историческом освещении, воспоминаниях других авторов.

Мы избрали широкий дискурсивный подход, который заключается в том, что о городе мы узнаем по мере написания различных произведений в тот или иной период. Основные разделы исторической части даются в хронологическом порядке (1777 — конец XVIII века, первая половина XIX века, середина XIX века и т.д.). Каждый раздел включает: исторические описания, очерки, исследования, воспоминания, путевые записки, дневники, а также этнографические исследования, публицистические материалы, персоналии. В процессе знакомства с материалом вырисовывается общая картина истории и культуры нашего города за 230 лет. Поэтому темы постоянно возобновляются, повторяются, обогащаясь, развиваясь под пером неизменно влюбленных в наш южный солнечный город авторов.

Жанры произведений, которые включены в эту книгу, весьма разнообразны. Это очерки, описания, исторические и историко-культурологические исследования, а также воспоминания, письма, документы. Большая часть текстов составляет историческую часть книги. Но мы представили и новые материалы, которые написаны в последние годы учеными Ставропольского государственного университета. Думается, что они значительно обогатят исследования о нашем городе.

Книга обширно иллюстрирована. Часть иллюстраций представлена ставшими уже историей дореволюционными и послереволюционными фотографиями, включено большое количество (более 1500) современных снимков. Обогащает нашу книгу и

альбом произведений П.М. Гречишкина, который дает творческое, живописное представление о городе и крае.

Наша антология заканчивается большим библиографическим указателем, составленным заведующим отделом краеведения Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова Т.Ю. Кравцовой.

Мы думаем, что читатели книги заинтересуются каталогом фотографий старой части города Ставрополя, в котором запечатлевается архаическая символика, связанная с организацией дома, быта, повседневности ставропольчан. В первую очередь, это знаки неба, солнца, земли, которые связывают менталитет наших горожан с древнейшими пластами архаической культуры славян. Выполненные в камне, эти символы представляют исторический, искусствоведческий интерес. Воротные столбы, заборы, сложенные из ракушечника, — подчас подлинные произведения искусства. Мы старались сфотографировать уютные дворики Ставрополя, старые колодцы, хозяйственные постройки с коваными запорами. Для кого-то это страницы уходящей истории, для кого-то — живая жизнь в исторической части города. Наш город растет и развивается. Конечно же, хотелось бы сохранить старые кварталы, может быть, даже и воссоздать в каких-то участках исторический быт, как это делается в европейских городах. Наверное, мы придем к этому. Но чтобы не забыть, как это было, мы сейчас запечатлеваем многие значимые для истории города места, архитектурные сооружения.

В каталоге фотографии размещены в соответствии с улицами, на которых расположены дома, интересующие нас в плане культуры. Размещаются они по направлению от исторической части города к современной. Прилагается и алфавитный указатель улиц.

Ставрополь рассматривается в контексте культуры и истории края, Северного Кавказа, поэтому привлекаются материалы о городах Кавказских Минеральных Вод, этнографические очерки о народах Кавказа.

Столь объемная работа была возможна только при хорошо налаженном диалоге с учеными Ставропольского государственного университета и работниками библиотек, музеев, архивов нашего города и края. Книга создавалась совместно с работниками Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве при активном содействии и творческой помощи его директора Н.А. Охонько. Н.А. Охонько является нашим главным консультантом, кроме того, музей, которым он руководит, предоставил не только документы, редкие издания, но и старинные карты, планы, фотографии.

Значительно обогатил наши материалы корпус текстов, старинных фотографий, которые были предоставлены нам работниками Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. Благодарим директора музея И.В. Сафарову и главного хранителя фондов музея Н.В. Маркелова.

Постоянный наш консультант — заведующий отделом краеведения Ставропольской краевой библиотеки им. М.Ю. Лермонтова Т.Ю. Кравцова. Мы благодарны ей, а также работникам библиотеки, директору З.Ф. Долиной за неустанную поддержку в процессе создания книги, предоставление материалов из фондов библиотеки, компетентные разъяснения, консультации.

Спасибо заведующему отделом редкой книги научной библиотеки Ставропольского государственного университета Н.А. Кононировой за предоставленные материалы, постоянное внимание, которое она уделяла нашей работе.

Благодарим В.В. Белоконь — специалиста Комитета Ставропольского края по делам архивов — за консультации, предоставленную и откомментированную рукопись Г.Н. Прозрителева.

Мы благодарны Б.Я. Альтус — корректору и редактору этого издания, которая оказала большую помощь в подготовке книги. Спасибо Р.Р. Буньковской за корректуру книги.

Оформил эту книгу замечательный художник, большой мастер в области дизайна С.Ф. Бобылев. Ему удалось запечатлеть в ней дух нашего времени, нашего города. Спасибо ему!

Работа создавалась при активной поддержке руководства университета, и в первую очередь, нашего ректора — доктора социологических наук профессора В.А. Шаповалова, который на протяжении всего пути ее создания заинтересованно и активно работал вместе с нами, осуществлял научное редактирование объемного текста.

Большое содействие в нашей работе было также оказано деканом факультета филологии и журналистики Ставропольского государственного университета доцентом А.А. Серебряковым, заведующим кафедрой современного русского языка Э.П. Лаврик.

В подготовке текста этой книги участвовали преподаватели, аспиранты, магистранты, а также студенты факультета филологии и журналистики Ставропольского государственного университета. Благодарим Е.Сороченко, В. Кофанову, Э. Пиванову, А. Печенюка, К. Зуева, Е. Золотореву, О. Сало, Т. Наумову, Н. Снегиреву, И. Тимофееву, Л. Кудинову, Р. Ходжаян, А. Бутову, Л. Кириченко, М. Пименову, И. Рыбнову, К. Мигунову, Е. Найденову, Т. Попову, Е. Медведеву, А. Сундиева, М. Ушенко, О. Анцупову, Г. Чернову, Ю. Попову, М. Шипилову, Е. Полякову, Ю. Кириличеву, А. Дубовую, М. Лисову, М. Чепко, В. Хачатурян, И. Литовкину, А. Сочилину, А. Ромась, Н. Слепенко, А. Балян, П. Балову за помощь в подготовке книги.

Издание этой книги было бы невозможно без деятельного участия в ее подготовке и публикации главы администрации города Ставрополя Д.С. Кузьмина, первого заместителя главы администрации города Ставрополя В.П. Солониной, директора Благотворительного фонда Д.С. Кузьмина Е.В. Бондаренко. Эти люди в очередной раз доказали, что они активно развивают культуру Ставрополя, исторически осмысляют пути развития демократии, установления справедливости в нашем городе и крае. Издание этой книги — поистине благородный и добрый по отношению к жителям города и края поступок. Спасибо!

К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, В.П. Ходус

I. Историческая часть

1777 — конец XVIII века

1. Документы, исторические описания, исследования

Высочайше утвержденный доклад Астраханского, Новороссийского и Азовского генерал-губернатора князя Г.А. Потемкина **«Об учреждении линии от Моздока до Азова»**. 24 апреля 1777 года

Приняв Астраханскую Губернию в начальство мое, по Высочайше возложенной на меня доверенности, во-первых, встретили меня дальновидные на пользу края того Вашего Императорского Величества предложения, из коих переселение Волгского войска на Терек главнейшим стало быть для меня упражнением. Я, соображаясь Высочайшей Вашей воле, в письме к Г. Министру первого класса Графу Никите Ивановичу Панину изображенной, дал повеление Астраханскому Г. Губернатору Генерал-майору и Кавалеру Якоби самолично осмотреть положение границы нашей, простирающейся от Моздока до Азова, и получа от него верное описание, осмеливаюсь к освященным стопам Вашего Императорского Величества повергнуть общее наше мнение о учреждении линии на помянутом расстоянии.

Сия линия имеет простираться от Моздока к Азовской Губернии в следующих местах, где построя новые укрепленные селения, коим примерный план у сего представляется, а именно: 1) на Куре, 2) на Куре ж, 3) на Цалуге, 4) на Куме, где и Командир вышеписанных укреплений квартиру свою иметь должен; 5) на Тумузлове, 6) на Байбале, 7) на Калаусе, 8) на Ташле, 9) на Егорлыке, 10) в главном укреплении от Черного леса к Дону, где квартира второй части Командиру быть должна, так как все оные на подносимой при сем карте показаны, а в приложенном описании польза и намерение каждого укрепления особенно и в сей линии вообще изображены.

Если оная линия удостоится Высочайшей Вашего Императорского Величества апробации, то осмеливаюсь на нижеследующее просить Высочайшего указа:

1. Назначенным к переселению на ту линию Волгскому войску, о котором уже и удостоился я в прошлом 776 году получить Высочайшей указ, также Хоперскому казацкому полку, имеющему селение свое в 27 верстах от Донских станиц, и следовательно в ненужном месте расположенному, указать перейти туда наступающею весною, а для содержания форпостов, нарядить из Донского войска пристойное прикрытие и для всех оных приготовить провиант в нужных для того местах.

2. Царицынскую линию, которая теперь никакого уже предмета и защиты не составляет, оставить.

3. Как Бештамак к удержанию малой Кабарды есть наиудобнейшее место, за которым и леса останутся внутри линии по рекам Тереку и Малке, то и следует на сем месте быть фланговой крепости. Моздок тогда будет городом торговым, и одна из крепостей, полагаемая на Куре, уничтожится.

4. Назначенные вновь линейные укрепления наименовать, как благоугодно будет. И чтоб все оные окончены были строением будущим летом, для чего хотя третью часть войск, отряженных на закрытие их, употребить в работу оных с заплатою каждому по 5 копеек в сутки, и на то ассигновать сумму.

5. Для всех линейных укреплений, потребное число орудий, повелеть отпустить из состоящих в Артиллерии в излишестве, или из бывших при легких полевых командах, а шанцевые инструменты взять из Астраханской Инженерной команды, которых там весьма достаточно; по окончании же работ возвратятся оные обратно.

И как сими способами Кубанская степь будет прегражденa, и откроются в Россию известные только дороги, то Калмыки и войско Донское для довольствия своего скота от прикрытия сего получат лучшую выгоду и безопасность, пользуясь пастьбою его и кочевьем своим до самой линии, и следовательно торговлею их с тамошним народом и пошлинный сбор к пользе Государства приумножиться может.

Если Вашему Императорскому Величеству все вышеписанное благоугодно будет, то построение сей линии, заселение войск, о командовании оными не соизволите ли Ваше Императорское Величе-

ство указать пред управлением моим возложить на попечение помянутого Губернатора, как испытанного уже в пограничных делах Начальника, который по предписаниям от Коллегии Иностранных дел, отправляя тамошние пограничные секретные дела, с лучшею удобностию может управлять и оною линиею нежели другой военный Начальник. А как заложение сей линии имеет связь с делами заграничными, то не благоугодно ли Высочайше указать, о всем касающемся до того снестись мне с Министром первого класса, Его Сиятельством Графом Никитою Ивановичем Паниным.

Описание линии между Тереком и Доном

Оная линия прикрывает от набегов соседних границу между Астрахани и Дона, кочевье наших Калмык и Татар подает им способ распространяться да самого Черного леса и Егорлыка, доставляя тем лучшее пропитание, и отделит разного звания горских народов продовольствием скота и табунов их от тех мест, коими нашим подданным пользоваться следует; положением же мест своих, подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество.

Она соединит Азовскую Губернию с Астраханскою, и во время войны с соседними народами, может удерживать стремления их на наши земли, подкрепит действия войск наших в Крыму и в прочих местах. Сверх сего открывает способ войти в тамошние горы и жилище Осетинское, и со временем пользоваться их рудами и минералами. Возбранит тайный провоз в Россию запрещенных товаров, умножа тем доходы таможенные, которые ныне, по причине многих чрез степь открытых дорог, пришли в великий упадок.

Линия, назначенная на карте, оставляет Моздок фланговым пунктом, и идет чрез реки: Целугу, Куму, по вершинам Карамыка, Томузлова, Байбалы, Калауса, подле Черного леса по Егорлыкам, при соединении вершин оных, и вниз по большому Егорлыку до Маныча форпостами, которые по Манычу продолжаясь, примкнут около Черкаска к Дону. № 1-й на Куре крепость полагается ради надежной коммуникации. № 2-й прикрывает на вершине Куры соляной брод и главную дорогу из Кабарды вниз по Куме к соляному Етогольскому озеру и в Астрахань.

Положение мест помянутых двух крепостей по Куре, столь авантажно, что лесу там весьма немало, кормы отменные и под № 2-м имеется весьма хорошая вода. Сия река весьма способствует разведению там хлебопашества, скотоводства, также к заведению виноградов, шелка и прочего. Под № 3-м крепость на Цалуге служит коммуникациею между крепостью под № 2-м, и расположенною на Подкумке под № 4. Сия крепость на хорошем положении, и Цалуга имеет к устью своему хороший, а в средине в довольном количестве и ко всякому хозяйству способный лес. Под № 4 крепость на Подкумке располагается на важнейшем месте по всей линии. Она будет прикрывать Куму, удерживать Абазинцев, которые недалеко оттуда имеют всегдашние и многолюдные свои жилья. Равным образом имеет обсервационный пост над живущими по вершинам рек: Кумы, Кубани, Малки и Баксаны народами, содержа по Малой и Большой Куме форпосты. Кума есть лучшая река на всей Ногайской степи. Она имеет от самого Подкумка почти до Мажар великие леса, и заключает все выгоды, которые только желать может. Калмыки обыкновенно зимою по ней кочуют; однако выше Каракагона не смеют простирать свое кочевье, боясь обид и воровства от хищных соседей. Под № 5-м крепость положенная по вершинам Томузлова прикрывает сию реку и составляет коммуникацию с Кумою и на вершины Карамыка. Река Томузлов имеет хорошую и здоровую воду, а на вершинах оной имеются темные и множеством зверей наполненные леса. Черкесы Большой Кабарды содержат по сей реке свои табуны. Местоположение ее есть весьма приятно и земля отменно способна к хлебопашеству.

Под № 6 крепость будет по вершинам Бибалинским. Сия крепость прикрывает оную реку, которая по своим вершинам имеет также много лесу и лучшую воду на всей Ногайской степи. Сия река столько лет нечищена, что теряет свою воду в больших камышах недалеко от устья своего, а под Мажарами имеет опять свое течение. Черкесы и Абазины по оной имеют свои табуны и скотоводство. Сия крепость содержать будет форпост на правой своей последней вершине к Томузлову; а далее сей реки Кабардинцы табунов своих не пущают, почитая до тех мест свою границу; а от оной начинают считать Кубанскою границею.

Под № 7 крепость по Калауской вершине, называемой Аджилю. Сия крепость также прикрывает реку, которая в вершинах своих имеет великие и отменные леса. Вода в оной по вершинам хороша и здорова; однако около середины течения своего портится и внизу, а особливо летом, к употреблению не годится.

Под № 8 крепость на вершине Егорлыка, называемой Ташле; будучи первою крепостью к Черному лесу, прикрывает обще с крепостью под № 7 проход между Калаускими вершинами и Черным лесом.

Под № 9 крепость на самом Егорлыке; будучи второю крепостью около Черного леса, полагается ради коммуникации.

Под № 10 крепость должна быть самою важною потому, что при ней как 3 главные вершины рек, так и 3 дороги к Кубани, Азову и Дону имеются, около оного места лес под Егорлыком кончится; и хотя вниз по оному всегда корм и вода хороши были, однако по недостатку леса селению быть там трудно, и по той причине назначиваются форпосты от оной крепости и до самого устья реки Егорлык. По Егорлыку и Качаю могут Калмыки весьма удобно содержать пикеты и караулы с кочевьями своими; форпосты по Манычу должны быть содержаны с Дону, ибо тут броды и переправы через Маныч. Сия река, кроме корму и рыболовства мало имеет выгод, и лесов по ней никаких нет.

Натура и положение мест позволяет сию линию переменить около Моздока другим образом, то есть: учреждением крепости на устье Малки при Бештомаке, которая и будет составлять фланг новой линии, и в таком случае одна из положенных на Куре крепостей уничтожается. Бештомак есть наи-

удобнейшее место ко удержанию малой Кабарды, и подает способ ко вступлению впредь в горы и к возобновлению осетинского подворья.

Дорога коммуникационная из Моздока может быть прямо на Мажары и Цымлянскую станицу, а оттуда чрез Казанскую станицу и Воронеж до Москвы, и сею дорогою от Моздока до Москвы не будет более, как 1400 верст, следовательно убудет против нынешнего расстояния более 500 верст, а Терек от Дону не более 400 верст; другая же дорога может быть по крепостям до Черкаска и Азова.

Текст печатается по изданию:
Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. XX. — № 14.607. — С. 518—521.

Именный, данный Сенату указ императрицы Екатерины II **«О составлении Кавказского наместничества из двух областей: Кавказской и Астраханской»**

Всемилостивейше повелеваем Нашему генерал-поручику, правящему должность генерал-губернатора Саратовского и Кавказского, Потемкину, в нынешнем году исполнить по Учреждениям Нашим от 7 ноября 1775 года и в Кавказском наместничестве, составя оное из двух областей: Кавказской и Астраханской, из коих к первой принадлежать будут 6 уездов, а именно: Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский; ко второй же 4: Астраханский, Красноярский, Енотаевский и Черноярский, причисляя сей последний от Саратовского наместничества. Городу Екатериноградy быть губернским; Астрахань же до будущего Нашего соизволения долженствует остаться областным городом; а впрочем, постановление о границах Кавказского наместничества, с прикосновенными к нему, возлагаем на соглашение Наших генералов-губернаторов и правящих ту должность, о чем, равно как и о числе душ, из коего вся губерния и в ней области и уезды составлены будут, подать в Наш Сенат ведомости.

Текст печатается по изданию:
Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. XXII. — Собр. 1. — Доклад № 16.193. — С. 388.

2 Воспоминания, путевые записки, дневники

Воспоминания участников Кавказской войны

Густав фон-Штрандман. Полковник, командир Томского пехотного полка. 1779 год

<...> Всего от Черкаска до Ставрополя мы сделали 310 в. От Дона до этой крепости дорога шла по степи, и только в 50-ти верстах от этого города начинается большой густой лес, который тянется по берегу Кубани.[1] С этой, недавно выстроенной, маленькой Ставропольской крепости начинается устроенная два года тому назад Моздокская линия. Крепость построил полковник Щульц со своим Владимирским драгунским полком; он же построил еще 3 другие маленькие крепости, Бешмагирский редут, Алексеевскую и Александровскую. Я застал его самого со штабом в Ставропольской крепости, которая лежит в красивой местности, среди гор. Вокруг нее много лесу. <...>

Генерал С.А. Тучков. 1798 год

Донская степь

Пробыв несколько дней в Черкасске, отправился я на Кавказскую линию в город Георгиевск. Переехав реку Дон по льду, увидел я пространную, никем не населенную степь, простирающуюся с лишком на сто верст. Донское правительство, сколь ни было то затруднительно, учредило через оную почтовые станции и устроило на каждой удобные покои как для проезжающих, так и для содержащих почты и конвойных казаков. Сии последние бывают там необходимы по причинам нередких набегов закубанских татар и черкес, которые нападают на проезжающих, грабят, убивают и увозят в лес. Сия пространная степь могла бы с выгодою для жителей быть заселена, если б недостаток воды и лесу тому не препятствовал. В колодезях на почтовых станциях вода столь противный имеет вкус, что в зимнее время предпочитают оной снеговую. Для отапливания же и приготовления пищи употребляют сено.

Московская крепость

По проезде этой необитаемой степи первое селение есть крепость Московская, если можно назвать крепостью небольшую площадь, окруженную земляным валом с несколькими бастионами. Последние укреплены и вооружены малого калибра пушками. В ней находится комендантский дом, караульни и провиантский магазин. Предместье же оной составляет казачья станица, или деревня, населенная хоперскими казаками. Они так названы потому, что переселились сюда с Хопра; их земля и поселения принадлежат к донскому войску.

Донская крепость

В нескольких верстах от этой крепости, на расстоянии одной почтовой станции, находится крепость Донская, с такой же станцией и почти в таком же положении. Вообще все крепости Кавказской линии в одинаковом виде, исключая Георгиевскую, как главную. Она хотя обведена таким же валом, но гораздо обширнее прочих и имеет внутри больше домов.

Город Ставрополь

Далее следует уездный город Ставрополь, состоящий из такового же хоперского казачьего полка, станицы, присутственных мест, домов судейских, нескольких греческих, армянских и русских семейств, которые поселились здесь для торговых промыслов. Не доезжая несколько до Ставрополя, вид местности начинает переменяться и становится гораздо приятнее, по причине некоторых возвышений и посредственной величины их. Они состоят из песка, смешанного с глиной, и покрыты слоем черной земли. Сии горы содержат особого рода мягкий, несколько песковатый, смешанный с маленькими раковинками камень, который можно пилить употребляемой для дерева пилою и тесать топором. Почти все дома в Ставрополе построены из такого камня, довольно прочны и красивы. Вода, начиная от Донской крепости, как в небольших речках или лучше сказать ручейках, так и в колодезях, становится гораздо вкуснее и здоровее.

За Ставрополем следуют не в дальнем одна от другой расстоянии крепости: Северная и Александровская, во всем подобные Московской и Донской,

исключая местоположения. Наконец, в 60-ти верстах от Александровской — Георгиевская, главная на Кавказской линии крепость.

Между помянутыми крепостями поселены довольно значительные деревни. Жители оных суть однодворцы[2] и крестьяне, переселенные сюда из великой России, также малороссияне и отставные солдаты. Сии последние не платят никаких податей, прочие же дают все, что определено в великой России. Они почти все довольно в хорошем состоянии, ибо земли в избытке производят всякого рода потребности, исключая недостатка в лесе, и то не везде. Но они могли бы быть гораздо благополучнее, если бы набеги черкес и татар не причиняли им иногда великих несчастий и не препятствовали бы в полной свободе заниматься хозяйством. Случаются нередко такие времена, что земледелец не может выехать в поле без военного прикрытия. Дома их по большей части — мазанки, сделанные из плетня и покрытые камышом, но довольно удобны. Они упражняются в земледелии, садоводстве и скотоводстве. Сия последняя хозяйственная отрасль, по причине обширных степей, изобилующих травами, находится у них в лучшем пред прочими состоянии, хотя и подвержена большей опасности. Между крепостями и селениями находится несколько редутов и отдельных казачьих постов, как для охранения жителей, так и проезжающих.

От крепости Северной при ясной погоде можно видеть снеговой хребет Кавказских гор, от Черного до Каспийского моря простирающийся. Он представляется в виде полукружия, которого конечности исчезают вдали, невзирая на то, что сей хребет отстоит еще от оной на 800 верст.

Примечания

1. В этой степи не увидишь ни одного дерева до Тагильска. — *Авт.*

2. Однодворцами с давнего времени в России называется мелкое дворянство, пришедшее в бедность и утратившее свои права. Они принадлежат государю, платят подати и дают рекрут, с тою только разницей, что взятый из помещического или государственного имения рекрут обязан служить 25 лет; а сии служат только 15 и потом получают отставку.

Текст печатается по изданию:
Кавказская война: истоки и начало. 1770—1820 годы. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. — СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. — С. 21, 226—228.

Первая половина XIX века

1 Документы, исторические описания, исследования

Из документов XIX века

Из указа Александра I о переименовании Кавказской губернии в область и перенесении центра в город Ставрополь. 24 июля 1822 года

При обозрении Кавказской губернии сенаторами Гермесом и Мертваго найдено было, что настоящее ее устройство местному ее положению и роду населения не свойственно. Посему поручено было главноуправляющему в Грузии генералу от инфантерии Ермолову составить предположение об удобнейшем и местным обстоятельствам того края более сообразном управлении. По соображении в особенном Комитете всех подробностей сего предположения и по надлежащем оного дополнении, признав нужным издать в свое время особенное для управления сего края учреждение, ко введению оного в действие повелеваем учинить следующие предварительные распоряжения: 1. Переименовать Кавказскую губернию областью. 2. Разделить область на 4 уезда, упразднив город Александровск и присоединив уезд его к соседственным уездам, по представленному от генерала Ермолова плану. 3. Областным начальником быть командиру Кавказской линии. До издания особенного учреждения, он имеет управлять областью на праве губернатора по общему учреждению. 4. Присутственные места оставить до окончательного образования области в нынешнем их составе. 5. Учредив областным городом Ставрополь, поручить областному начальнику составить проекты на постройку необходимых там помещений. 6. Упразднить главный пограничный суд в Моздоке, и производство всех судных дел по округам возложить на уездные суды. 7. Залинейным народам, оставляя их под управлением военным, предоставить в делах тяжебных разбираться на основании прежних их обычаев, и где удобно, под наблюдением особенно определяемых для сего чиновников; в уголовных же преступлениях подвергать военному суду. 8. Комендантам моздокскому и кизлярскому подчинить градскую и земскую полицию тех округов в общем надзоре за успешным и правильным течением дела, в разрешении встречающихся недоразумений и пресечении разных споров и пререканий о принадлежности дела или образе их производства.

Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1-е). Т. 38, № 29138, СПб., 1830, с. 568.

Из рапорта главноуправляющего в Грузии А.П. Ермолова императору Александру I о переводе из Георгиевска в Ставрополь всех областных присутственных мест. 6 сентября 1824 года

В представлении моем о преобразовании Кавказского края объяснена необходимость назначить областным городом Ставрополь вместо Георгиевска известного пагубным его местоположением... В нынешний приезд мой на Кавказскую линию, пробыв в Георгиевске не более одного дня, в то самое время, когда там обыкновенно свирепствуют болезни, я имел случай лично удостовериться о необыкновенно вредном влиянии тамошнего климата. В самое короткое время из 190 чел. чиновников статской службы и канцелярских служителей там находящихся, умерло 11 человек и заболело 83, так что осталось способных заниматься делом не более половины.... По сим убеждениям признавая необходимым перевести областные присутственные места из Георгиевска в Ставрополь сколь можно поспешнее, с тем дабы до постройки оных новых зданий поместить их в наемных обывательских домах...

Генерал от инфантерии Ермолов

ЦГВИА СССР, ф. 35, оп. 5/246, д. 1712, лл. 1—2. Копия.

Указ императора Александра I о переводе из Георгиевска в Ставрополь областных присутственных мест. 2 октября 1824 года

Алексей Петрович! По причинам весьма уважительным, о коих Вы доносите мне в рапорте своем от 6 минувшего сентября, я разрешаю Вам, согласно с

представлением вашим, перевести ныне же из Георгиевска все областные присутственные места в Ставрополь, и помещая оные там в наемных домах, пока будут построены для них новые здания, употреблять на сей предмет исчисленную Вами сумму до 10 тыс. руб. в год на счет экстраординарных сумм.

Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1-е). Т. 39, № 30078, СПб., 1830, с. 551—552.

Указ императора Николая I «О именовании Кавказской области Ставропольскою губерниею». Именный, данный Сенату, распубликованный 16 мая. 2 мая 1847 года

Для соблюдения единообразия в общем наименовании разных частей государства, Мы, согласно представлению Наместника Кавказского и положению Кавказского Комитета, Повелеваем: 1) Кавказскую область, по главному городу оной, именовать впредь Ставропольскою губерниею, а округи ее уездами. 2) Сообразно этому переименованию, Кавказского Гражданского Губернатора именовать Ставропольским Гражданским Губернатором; Кавказские и Областные места и лица — Ставропольскими и Губернскими, а Окружные — Уездными. Кавказский Областной Суд назвать Ставропольскою Палатою Уголовного и Гражданского Суда. 3) Командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории управлять гражданскою частию в Ставропольской губернии на том самом основании и со всеми вообще правами и преимуществами, кои ныне предоставлены Кавказскому Областному Начальнику; и 4) С переименованием Кавказской области в Ставропольскую губернию, учреждение, изданное для управления этой области и помещенное в книге 2 Т. 2 Свода особенных Губернских Учреждений (изд. 1842 г.) и в Продолжениях оного, должно сохранять свою силу в отношении Ставропольской губернии.

Указ № 21164. — Полное собрание законов Российской Империи. — Том. XXII. — отд. 1. — СПб. — 1848. — С. 396.

Из объяснительной записки к статистическому отчету о состоянии внешней и внутренней торговли Ставропольской губернии. 1850—1851 годы

Сахар рафинад и полурафинад тростниковый покупается часть в Петербурге, а две части в Нижегородской ярмарке. Привоз его из Петербурга до Нижнего Новгорода водой на тифинках обходится в 30 коп. серебром за пуд, но из Нижнего Новгорода до Царицына по перегрузке на суда обходится от 10 коп. до 11,5 коп. серебром, от Царицына до Ставрополя на пароволовых фурах...

Панский шелковый тонкий модный товар покупают преимущественно в Москве и часть в Нижегородской ярмарке и отправляют на тройках и одиночках. Провоз его из Нижнего до Ставрополя от 1 руб. 15 коп. до 1 руб. 35 коп. с пуда, а из Москвы от 90 коп. до 1 руб. 25 коп. серебром.

Скобяные и железные товары покупают три части в Нижегородской ярмарке, а часть в Дубовке и Ростове. Провоз этому товару обходится как и прочим товарам следуемым из тех мест...

Все вышеозначенные товары во втором отделе доставляются с разных мест России в Ставрополь и Георгиевск и сбываются здешними и иногородними купцами, кроме городской торговли и на ярмарках, на двух Ставропольских и двух Георгиевских и уездных. Перевозка всех этих товаров, особенно из Нижегородской Волгою, бывает затруднительна и даже опасна, вследствие мелководья на перекатах реки и ветров. Нередко опаздывают товары к осенним нашим ярмаркам, т.е. к Георгиевской к 1 октября и Ставропольской к 12 октября, а иногда остаются зимовать в Царицыне...

ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 1831, лл. 37—39. Копия.

Свидетельство очевидца о состоянии городов Ставропольской губернии в середине 50-х годов XIX века

Кто посещает Кавказ с приездом в Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск, Владикавказ, Грозный и пр., видит города, оживленные торговлей и русской жизнью. Там, где 25 лет назад стояли бедные избы и землянки, ныне воздвигнуты красивые здания.

Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 11. Тифлис, 1888, с. 450.

Из отчета Кавказского гражданского губернатора за 1842 год о почтовых станциях

Почтовых станций в области — 61, на них лошадей — 549 пар; сверх того подрядчики, на основании заключенных с ними контрактов, обязаны содержать по тракту от среднего Егорлыка до Пятигорска, с 1 мая по 1 сентября, по 10 добавочных лошадей на каждой станции бесплатно. Каменных станционных домов — 1, деревянных — 5. Прочие станции помещаются в обывательских домах, назначаемых по отводу, или в нанятых подрядчиками помещениях. В содержании станций открывались в течение прошедшего года неисправности со стороны подрядчиков, но по принятым областным начальством мерам они устранены и все станции приведены в должное положение насчет следующей подрядчикам платы, через особых чиновников. Впоследствии, на основании высочайше утвержденного положения 18 ноябри 1842 г. станции поступили в непосредственное заведывание почтового начальства, от которого и зависит ныне ближайшее наблюдение за исправностью их под надзором начальства областного и при его содействии.

ЦГВИА СССР, ф. 232, оп. 1, д. 32, лл. 14, 15. Подлинник.

Из журнала о времени следования от Москвы до Ставрополя и от Ставрополя до Тифлиса. 1843 год

По сведениям за 1843 г. путь от Москвы до Ставрополя занимал 15 дней, а от Ставрополя до Тифлиса — 10 дней.

Журн. «Отечественные записки», Петербург, 1845 г., т. 41, № 7—8, с. 10—14.

Из записки управляющего Ставропольской казенной палатой о значении города Ставрополя в дореформенный период. 31 октября 1892 года

Сделавшись с 1822 г. областным, а с 1847 г. губернским, г. Ставрополь до самого окончания Кавказской войны представлял собой важнейший, военно-административный центр.., в нем сосредоточены были... штаб командующего войсками правого крыла Кавказской линии, генеральный штаб войск, Управление корпуса топографов, Дежурство, штаб 19-й пехотной дивизии, Управление 1-й и 2-й бригады..., а также Управление Кавказского линейного казачьего войска: канцелярия наказного атамана, Войсковое дежурство, Войсковое правление, Управление 9-ти бригад; кроме того, Ставропольское провиантское комиссионерство, комиссариатская комиссия, военный госпиталь... Из Ставрополя исходили в то время все приказания военного начальства относительно направления разного рода экспедиций в земли непокоренных горцев; отсюда же делались распоряжения гражданского начальства о постепенном заселении в пусте лежавших громадных пространств Ставропольской губернии выходцами из внутренних губерний России... Здесь же производилось на весьма значительные суммы заготовление по обмундированию и довольствию войск, совершались подряды; заключались контракты, причем происходила оживленная торговля предметами не только первой необходимости, но и предметами роскоши, приобретать которые нисколько не стеснялись офицеры, постоянно и поочередно являвшиеся сюда по окончании походов, т.к. получали содержание по военному положению.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 8, д. 614, лл. 5—10. Подлинник.

Тексты документов печатаются по изданиям:

Документы, материалы. 1777—1917 гг. К двухсотлетию г. Ставрополя. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1977. — С. 46—49, 104—110.

Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 38. — № 29138. — С. 568.

2 Воспоминания, путевые записки, дневники

А.Г. Рюмин. Путешествия моего журнала из Рязани к Кавказским водам, предпринятой для излечения в 1825 году

«Это должно быть в вашем музее...». Предисловие Г. Аведовой

В 1964 году в адрес пятигорского Лермонтовского музея пришла бандероль. Она содержала около 50 листов машинописного текста и записку известного ученого лермонтоведа Ираклия Андроникова следующего содержания: «...это я скопировал в рукописном отделении Ленинской библиотеки. Мне кажется — это должно быть в вашем музее. Люблю музей, люблю его коллектив. Привет всем. Ваш Ираклий Андроников. 1964. 11. 07. Переделкино».

Мы всегда будем бесконечно благодарны Ираклию Луарсабовичу за все то, что он сделал для музея. Каждый его приезд всегда был событием, праздником. Благодарны и за то, что он вспомнил о нас, нашел время сделать копию и переслать. Почему в наш музей, становится ясно из заголовка: «Путешествия моего журнала из Рязани к Кавказским водам, предпринятой для излечения в 1825 году. А. Р.». Во-первых, маршрут «к Кавказским водам», во-вторых, год «1825». Это не только время становления курорта у подножья Машука, это год, когда у нас на водах весь летний сезон провела Е.А. Арсеньева с 11-летним Лермонтовым.

Разумеется, читая дневник (пусть он написан более 150 лет назад), испытываешь чувство неловкости. Ведь его строки предназначались не для нашего чтения и анализа. Но это чувство побеждает сознание того, что мы сегодня читаем журнал как документ эпохи, а не как дневник конкретного человека.

По аннотированному указателю публикаций по истории России за 1801—1856 годы удалось установить, что автор — «А. Р.» — отставной капитан из Рязани Александр Гаврилович Рюмин. Он не был известным литератором, его имя потерялось среди имен лермонтовского окружения. Просто, следуя обычаю своего времени, отставной капитан вел дневник своего первого путешествия на Воды, и этим он нам сегодня интересен.

Его дневник с милыми бытовыми деталями, с первыми, порой наивными и потому трогательными выводами о жизни и лечении на Водах располагает к себе своей искренностью, непосредственностью, простотой. И ты, его читатель, помимо воли чувствуешь себя у порога тех лет, когда к Горячим целительным источникам приезжали первые посетители.

Каким нелегким и порой опасным было это путешествие! В 20-е годы прошлого века мало кто ехал на Воды из простого любопытства, из жажды путешествий. Тогда в основном ехали лечиться. Врачи рекомендовали лечение водами тем, кто страдал водянкой, сухоткой, золотухой, всеми видами кожных заболеваний, воспалительными болезнями, особенно ревматизмом суставов и мышц.

Успешно лечили на Водах все виды подагры и венерические болезни. Но самая большая часть больных страдала внутренними заболеваниями. Их диагнозы тогда звучали так: худое пищеварение, несварение желудка, тошноты, желчная колика, камни, завалы брюшных внутренностей.

А что же на самих Водах? В те годы уже складывался определенный ритуал лечения. Около 5—6 часов утра экипажи и пешеходы устремлялись к источникам. Прием воды продолжался до 9 часов. Воду пили натощак, через каждую четверть часа прибавляли стакан воды, и так до 12 стаканов каждое утро.

Затем одни возвращались домой, другие отправлялись принимать ванны. С 10 часов на Водах царствовала тишина, и только в окнах домов можно было увидеть отдыхающих, сидящих за завтраком. Затем время прогулок.

Достижение солнцем верхней точки на горизонте определяло время обеда. На Горячих водах не существовало, как в Кисловодске, общего стола. И каждый готовил в своей квартире особый стол, согласно предписанию врача. После обеда до 16 часов — сон, отдых. Прогулок на воздухе в это время не было, из-за обычной в эти часы жары.

С половины пятого по сигналу колокола начинались вновь приготовления: одни — к источнику, дру-

гие — в ванну. Вечерний прием воды продолжался до 19 часов. По возвращении домой пили кофе, чай или шоколад, шли гулять, в 21 час — ужин, в 22 ложились спать.

В воскресенья и праздничные дни обыкновенно ванн не брали, чтобы утром быть у обедни, а вечером на бале.

Но вернемся к дневнику Рюмина. Его подробные записи почти каждого прожитого дня передают монотонным, порой утомительный своим однообразием ритм жизни посетителей. Описания хода лечения сменяются описаниями досуга — чтение, прогулки, знакомства, балы. Мелькают на страницах дневника знакомые краеведам и историкам имена: генерал Сабанеев, барон Розен, доктор Конради, семейство Мерлини...

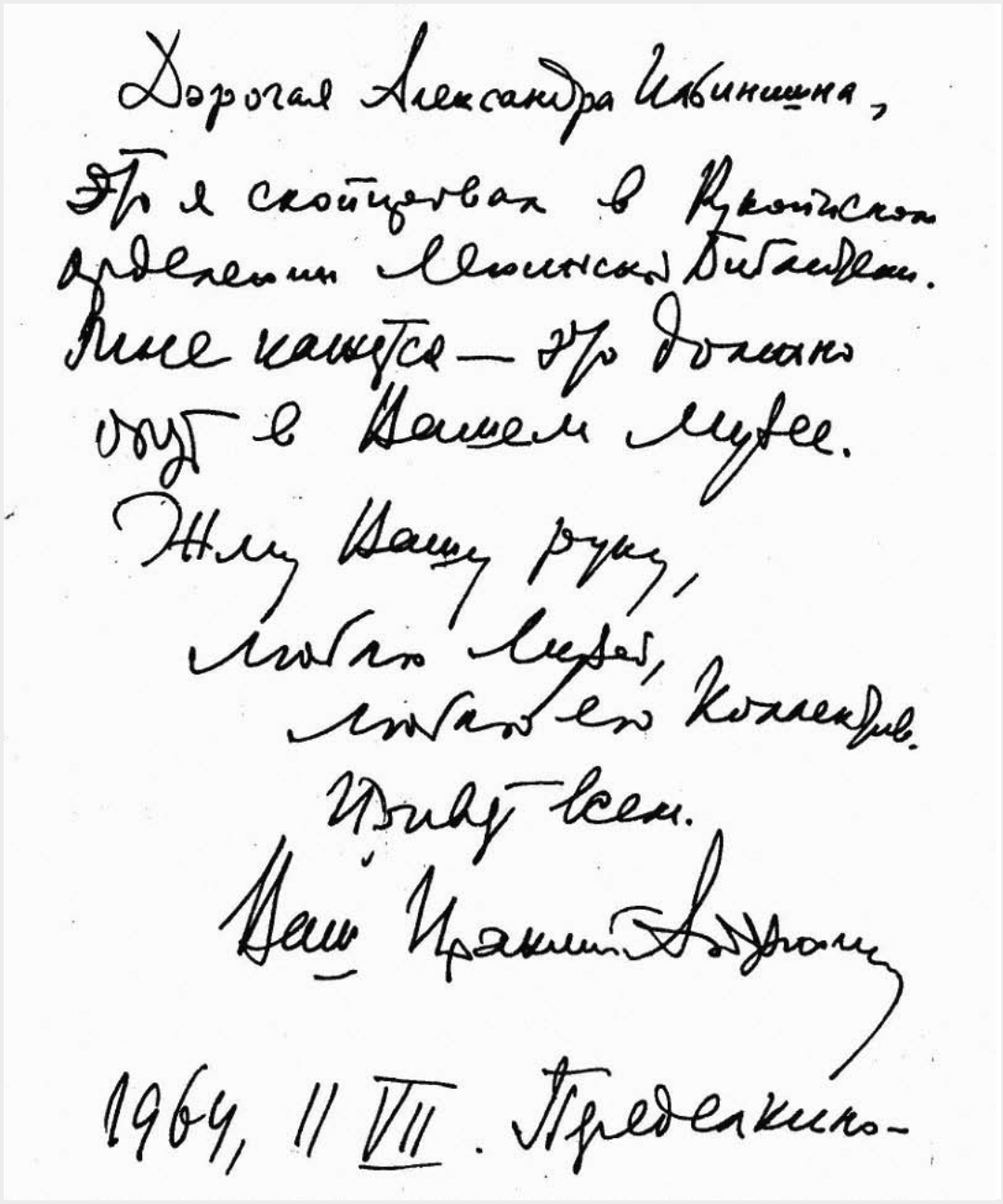
Упоминает автор и имя хозяйки, у которой наняли квартиру — «у вдовы полковницы Матрены Ивановны Котыревой». Имя хозяйки уточняет адрес дома (ныне угловой дом улиц Буачидзе и Анджиевского). Дом этот сохранился, он сейчас входит в мемориальный квартал и ждет реставрации, чтобы со временем расширить границы лермонтовского музея.

Какие-то записи дневника напоминают нам о том, что уже известно из других источников, какие-то несут новую информацию. Автор оказался очень религиозным человеком и описывает церковное богослужение. И мы из его слов узнаем, что тогда служба шла в полковой церкви. Размещалась церковь в обычной палатке. В разгар сезона ее перевозили с Горячих на Кислые воды. Так было до 1828 года — года постройки на Водах первой церкви. Любопытны замечания автора о полковом священнике и о том, как солдаты несли службу и обслуживали посетителей ванн. Да, вот в таких забытых дневниках и бывают драгоценные штрихи, маленькие эпохи, которых порой не встретишь в специальной научной литературе. И, соединяясь вместе, они помогают нам воссоздать полную картину далеких лет. <...>

Галина Аведова, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника им. М.Ю. Лермонтова.

«Кавказский край» (Пятигорск), 1992, 7—13 сентября.

Копия письма И.Л. Андроникова в Пятигорский музей-заповедник М.Ю. Лермонтова


Дорогая Александра Ивановна,
Я в Пятигорске в Краеведческом
музее видел Вашу библиотеку.
Мне кажется — ее должны
иметь в Вашем музее.
Жму Вашу руку,
желаю успеха,
вашего коллектива.
Привет всем.
Ваш Ираклий Андроников
1964, 11 VII. Пятигорск.

Путешествия моего журнала из Рязани к Кавказским водам, предпринятой для излечения в 1825 году

Вступление. В различных переворотах периодической моей жизни могу почесть не из последних и сей мой путь. Долго был я игралищем непостоянной своей судьбе; и будущее еще сокрыто непроницаемою завесою; из одного места бросало меня в другое, к чему стремился я сам не постигал, беспрерывные желания рождались, удовлетворений коих производило одно только раскаяние: не научившись пользоваться настоящим, тогда только узнавал оному цену когда его лишался, стремился обрести себе постоянное счастие, тогда как оно не было дано мне в удел и удалялось при первом мнении его достигнуть; да и кажется что оно состоит только в одном химерическом мечтании, ибо сколько мог исследовать во всяком состоянии, в высшем и нижнем нигде нет совершенных довольных, везде желания и так они нам сродны и один конец прекращает их. Наследование самого себя есть трудное дело, оно и от великих мужей сокрыто; мы охотно извиняем и находим ничтожными свои погрешности, тогда как на других обращаем внимание в увеличительное стекло, слабость сия есть как то общая я постараюсь вникнуть в изгибы сердечные и изложить с искренностью все что чувствовал и произошло со мною в пути к чему и приступаю.

Слабость здоровья с самого рождения моего оказавшиеся и болезненные недуги заставили прежде времени оставить военное поприще, после того испытал я духовное состояние но нашел там под видом благочестия лицемерство и в смиренных стенах монастырских вникает злоба и вражда, сие заставило меня от них удалиться, возвратясь к светской жизни где гораздо менее соблазна. Жил в родительском доме уединенно хотя бы мог пользоваться хорошим обществом, как в своем семействе, так и в знакомых, но имея меланхолическое свойство я склонен был к уединению, любя чтение беспрерывно проводил в сем свое время, имея для себя особенный покой мог бы кажется быть довольным, но может ли смертный удовлетворить всем своим желаниям, хотя мои и ограниченны, но теперь не о них дело; пора уже начать о дороге.

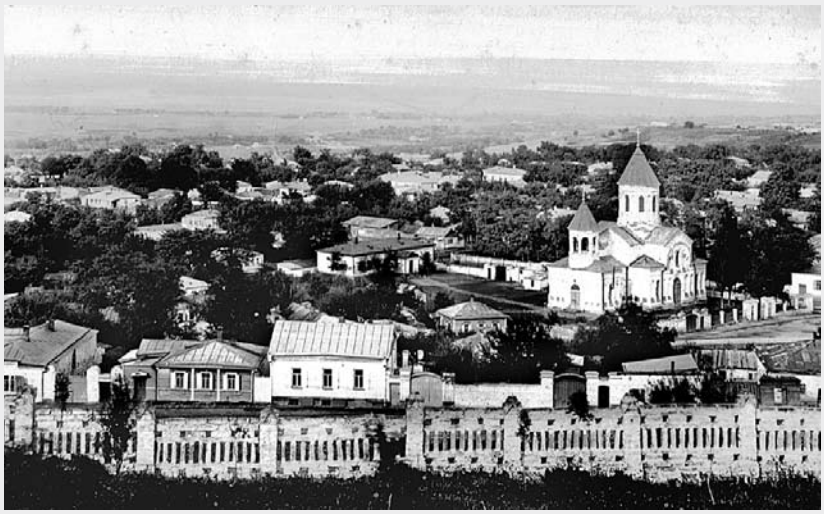
Выезд из Рязани и путь до Кавказа. Случай доставил мне оставить на несколько время единообразную жизнь и испытать на себе целебные воды Кавказа, получив на сие родительское согласие с полным предписанием о всем и оною исполнял не отступая ни от одного пункта. Отправился я в 1825 году 25-го Маия в четыре часа утра с родственником моим с супругом сестре моей Генерал-Майором Емельяном Осиповичем Павленком; в коляске с тремя человеками: два для него, а один для меня, с вечеру простились мы с родными, а поехавши, все домашние находились в объятиях сна, утреннее прелестное время для бодрствования, им вовсе не наслаждаются в городах: как выехали погода пасмурная с ветерком, на первую станцию 30 верст приехали в 7-м половине лошади попались плохие худо везли. Отселе и до вод мне одному пришлось расплачиваться в прогонах на шесть лошадей. В Суйск приехали в 9-ть часов, 26 верст. Тут уже не совсем был здоров обыкновенно в дороге со мною. В Пехлеце 24 версты в 12-го четв. были, а в городе Ряжске 30 верст в три часа были. Дорога около Пехлеца до Ряжска была грязна от частых тогда бывших дождей, а в самом городе более грязи, так что с трудом вытащили коляску и то помощью людей, здесь мы в плохом трактире обедали селянку. От г. Ряжска до Якиму 26 верст также плохая дорога, беспрерывные топи, в десятом часу была гроза и сильный дождь, везли худо, к тому же лошади изнуренные не сходствовали с почтовыми по несколько часов везли до перемены. Черемушки, Пловайск проезжали ночью. Только что переменяли лошадей; жаль что по сим местам едучи не мог сделать свои замечания за краткостью времени в остановках; к тому же занят был расплачиванием на каждой станции; и с непривычки в дороге по расстроил[ся].

26-го числа в 12-ть часов прибыли в г. Козлов, и по причине грязи в сутки только 100 верст проехали, в сем городе закусили, самого города не видал — потому что тракт шел ни через него, станция Тарбеева отселе дорога лучше пошла. Борисовка, в сей перемене живет помещик Данилов, показались красивые местоположения, обработанные поля, потом Селивановка к г. Липецку грунт земли песчаной, но однако хлебородной, места хорошие подъезжая к городу так как погода была тихая: любовались прелестными видами, распещренную повсюду зелень разнородными цветами, слушали пения соловья, сидящих на кустах, вечерняя их трель раздавалась далеко. Г. Липецк на гористом месте; довольно хорошего строения и каменное есть: особенно над колодезем где минеральная вода, я был прежде сего в 1809 году в нем лечился без всякой пользы. Тут также большой сад для общего гулянья; поделаны тротуары и мостовые делают, а улицы грязны; останавливались в трактире, где жил частной пристав и упросил Емельяна Осиповича к сему покуда приведут и заложат лошадей, он был и пил там чай, я же занят был расплачиванием; но к беде сходя с крутой лестницы, как было уже темно, оступился зашиб себе ногу и долго чувствовал боль. Выехавши из города по скверному мосту; переправлялись через паром рекой Воронеж, услужливый тамошний частный нас провожал. Ехали мы низкими болотистыми местами, перемены Хвощевка, Демшанск только что переменяли лошадей; ямщики мне чрезвычайно надоедали: едут плохо, а как довезут то пристанут «барин на водку» и чтобы отвязаться от них то должно непременно их удовлетворять, и так продолжалось всю дорогу; но в России гораздо лучше ездить чем в иностранных землях; так как я наслышался от достоверных людей, ямщикам дается большая привилегия; хорошо что у нас еще удалены от сего, а то бы с грубым народом и не сладить. Однако я сделал небольшое отступление, начну продолжать. 27-го Маия утром в восемь часов приехали в город Усман, тут пили чай и писали в Рязань к сестре, простояли полтора часа, смотритель хороший человек и словоохотливый, далее станции Приваловки, Орловское, бывший город Орел проезжали переменяя лошадей, довольно скоро. Собакино 12-ть верст от

Воронежа, в сей станице обедали суп из курицы, с сего места начинаются степные ровные долины, а селения только встречаются на станциях. Роначевская, с сей перемены прекратился лаж на ассигнации и мелкое серебро, а иногда еще давали только с уменьшением настоящего курса. Можайской поселок переменяли, не мог еще привыкнуть к пути, чтобы не чувствовать разтройку, к тому же имел некоторые досады. В среднем Икорце каменной большой дом на станции, хозяин рассказывал с горестию, что лишился своей жены от родов по неискувству лекаря, а ребенок жив. Шестаково, Лосево проезжали скоро, также следующие г. Павловск, Казинки, Момон, не мог ничего записать примечательного останавливались только для перепряжки в сии сутки отъехали от Усмана 235 верст. 28-го Маия станции Бычок, Матюшин Лог не было задержки, погода была прекрасная и дорога хорошая. Станица Казанская от Лога 16 верст, переправлялись на пароме через Дон, на берегу у рыбаков купили стерлядей, так они дешевы, что удивился за три больших в полтора аршина стерлядей заплатили два рубли с полтиною; и то говорили дорого другие, ибо почти никакой цены не имеют — крестьяне едят за простую рыбу. В станице Сухановской сварили мы жирную уху и пообедали, но от жару аппетиту вовсе не было; какое в сих местах во всем богатое продовольствие, богаты лугами, сено даром почти имеют, овес восемь гривен четверть, рожь два рубли, съестные припасы и дичи очень много и дешево; только что лесу мало, а селить сии места было бы хорошо, большие луга с тучными степями, богатою травою остаются пусты. Перемены Верхне Лазовская, Нижне Лазовская, дороги гористые с оврагами и так продолжается более или менее до самого Новочеркаска. Сухой боерак приехали на рассвете. 29-го Маия Разсошинская, Астаховская до Константиновской станции по сим местам везде находили больных ямщиков, смотрителей и крестьян: жаловались головную болью инде лихорадкою и горячкою, причиною полагаю от вод мутных и нездоровых, мы опасались пить и даже входить в избы для этого ничего не мог записать. 29-го Маия в 11-ть часов ночи приехали в Новочеркаск, а почтовая станция не доезжая до города за четыре версты; — Новочеркаск есть столица донских казаков, в нем остановились ночевать, нас понудило к тому чтобы дать отдохновение людям: они суток пять провели без сна так как день и ночь мы ехали, а к тому же у коляски сломались рессоры, должны были совсем выбираться и отдавать в починку, отчего почти сутки простояли. Мы остановились в доме капитана Каплуженкова, город сей имеет довольно хороших строениев, много еще не отделанных как въезжаешься, представляются триумфальные вороты красиво отделаны с надписями, сии врата воздвигнуты в честь храбрым казакам, когда они возвращались на родину после достопамятного похода 1812 года; здесь опочивают остатки знаменитого графа Платова, бессмертной памятник воздвигнул сам себе своими славными деяниями, которые у потомства сохранятся до позднейших времен. Есть богатые церкви и другие строения, лавки с разными товарами и персидскими материями, но я не мог всего видеть: очень жаркий день был, ходить было невозможно так и пекло к тому же и с дороги отдыхал, даже и театр есть из Воронежа на лето приезжает труппа актер и разыгрывают пьесы, как слышал не уступают Московским. Квартиру мы имели порядочную, только соседи у нас были шумливые и весельчаки, мало дали покоя, пели, хохотали и пили, тут и мы для пробы купили донского вина бутылку, и по рюмке выпили, вино легкое и имеет некоторую приятность. Починив коляску и уложившись отправились из г. Новочеркаска в шестом часу 30-го Маия вечера, к Змиевской скоро проехали проселочными дорогами, ибо большая чрезвычайно гористая, а сия проложенная гораздо лучше. В девятом часу в исходе были в станице Ваксае, знаменитая прибыльною рыбною ловлею; промышленники и торговцы здешние большой доход от сего имеют, и рассылают по разным странам лучшую и большую рыбу. Отсюда мы переправились через Дон до деревни Махиной 12 верст на большой лодке ехали четыре часа погода была тихая, плаванье наше продолжалось весело; во избежание сырости развели огонь, разогрели самофар и напились чаю, закурили трубки и предались мечтаниям, но как время было к полночи сон начал смыкать наши вежды, огонь потух, легли в темноте, но тут неожиданные неприятели комары так сильно напали и ожесточились против меня не дали ни минуты, но скоро доехали, тут я с нетерпением соскочил с лодки чтоб отвязаться от сих докучливых тварей, расплатился с перевозчиками; они взяли десять рублей да за перетаскивание коляски восемь гривен. Запрягли в лошадей в час ночи отправились к станции Ботайской, Когильницной, в сем месте пала у нас лошадь, очень были изнурены от беспрерывной езды, кормят же их худо, овса не дают, а ямщики и смотрители корыстолюбивые хотели нас обвинить что мы загнали и стращали представить начальству, тогда как везли медленно. 31-го Маия станица Мечетная, жительство имеют единственно донские казаки, имя сей станице произошло от речки там протекающая Мечетная, всех двести семей занимаются хлебопашеством и службою. Нижний Егорлик переменяли, Средний Егорлик, станцию по сю сторону речки в области уже Кавказской[1]. Пещаная Копаль смотрительский дом недавно сгорел. Летницкая, казенной дом на перемене, отсюда пошли ровные места, земля хуже казачьей, покрыта полынью и солончаками. Кололай, на станции казенной дом порядочный, где Емельян Осипович почувствовал лихорадочной параксизм и мы принуждены были ночевать, с сего места большие злоупотребления во всех перемен прибавлены версты и излишние берут прогоны; неверные держут таблицы и вместо 18 верст взяли за 24 и так до самых вод продолжается, жаль что высшее начальство не обратит внимание на столь худое размерение. —

Июня 1-го Медвежий Колодезь, такой же дом, деревянная церковь. Преградный стан, Безопасный Стан только перепрягали. Село, каменная церковь, возле протекает речка Егорлык, также речка Тошка; в сих местах разводят сады, есть яблони, вишни и сливные деревья, но у редких видно садоводство, по всей Кавказской области не видно было; везде голая степь является, и для путешественников ничего приятного зрению не представляется; сами даже жители живут с боль-

шою беспечностью, имеют много земли, которую оставляют необработанную; по жизни своей очень сходствуют кочующими татарами. Донская крепость, на сей станции мы обедали; здесь и далее по дорогам растут тополи, называемые по здешнему рай-дерево, верно так названы по красоте своей, травы как будто светящие именуют головоломными. Московская крепость, на сей перемене родники, вода очень хорошая, и отселе начинаются уже гористые места, а иногда ровные и лес — но оной состоит из небольших кустарников. В Донской и Московской крепости также в Ставрополе живут казаки Хоперского полку, коих полагают переселить скоро за Кубань. Климат земли и воды в сих местах хвалят и находят здоровыми, только жалуются, что в сем краю саранча почти каждый год наносит большой вред, и теперь начинает оказываться; почти никакого нет средства избавиться сих гибельных тварей, отгоняют их на малое время стрельбою и шумом но вскоре вновь тучами налетают и поедают все то на чем садятся. Насчет скотоводства очень прибыльно здесь иметь, и крестьяне некоторые имеют по 200 лошадей, рогатого скота по 300 штук, и по 400 овец, следственно они могут жить хорошо; но совсем тому напротив, у них замечен во всем недостаток, неопрятность, живут в курных избах без всякой городьбы; не имеют у себя никаких хозяйственных заведений, от лености не обрабатывают земли и не занимаются садоводством, хотя благотворная природа им в сем весьма бы благоприятствовала, и как кажется можно бы было и виноградные сады разводить: но думать надобно, что причина их нерадению есть природная склонность, ибо сии поселенцы большею частью из губернии Курской, Орловской, Тамбовской и есть некоторые Тульской, где народ сей живет также нечисто и беспорядочно; а к тому же они еще недавно переведены лет десять или 15-ть, следственно находятся в младенческом состоянии и нельзя требовать так как от коренных жителей. При том заметно очень, что правительство верно не успело еще обратить своего внимания на сию отрасль хозяйственных заведений; да к тому же видно, что и земля здесь не приведена в известность, даже по большой дороге и версты не поставлены: а оттого содержатели почт выводят себе прибыль требуя излишние прогоны прибавляя расстояние. —



Ставрополь. Восточный склон. Фото начала XX века

В Ставрополь приехали в восьмом часу вечера, остановились у содержателя почт, у него дом большой и хороший, хозяин купец приветливый, рассказал мне что недавно только открыта область в Ставрополе 16-го Маия 1825 года, климат здоровый, хлебородной ибо чернозем, местоположение приятное, жителей вообще 868 душ, домов 486, ни каменного строения мало церквей, более занимаются скотоводством, тут уже неприятные слухи пошли о частых в осеннее время нападени[ях] закубанцев, черкес, а в продолжении дороги и к самому Кавказу более сии слухи подтверждались. Здесь мы остались ночевать, потому что Емельян Осипович ходил к своему знакомому здешнему начальнику областному генерал-лейтенанту Лисиняевичу[2] и поздно возвратился. 2-го июня из области Ставропольской утром в половине пятого часа выехали, но очень несчастливы, ибо не доехав до станции пяти верст на самой езде заднее колесо сломилось у коляски все спицы выскочили и неожиданно опрокинулись, еще хорошо, что лошади приустали, тихо ехали, а то бы могли больно убиться, но того Слава Богу не случилось, а испугался только; так мы оставив коляску дошли пешком, день был жаркий, утрудились и спотели, до села Ново-Покровское или Безпагарское, тут с трудом отыскали мастера и вынуждены были сутки простоять, пока исправят; но новое горе: Емельян Осипович почувствовал лихорадку; я был в большой тоске и унынии, быв расстроен от дороги, но не показывал сего; ходил для развлечения и замечания по селу, особенного ничего нет; выстроена каменная церковь, но иконостас еще не отделан, и она еще не освящена: недостает суммы у крестьян, они в бедном положении; к тому же жалуются, что обирают их много; грунт земли чернозем, вода родниковая свежая, хорошая. Из Новопокровского, починив колесо, 3-го Июня в четыре часа отправились к Новосергиевскому переменив лошадей, в Калиновку, тут пили чай потому что вода хорошая. В Александров приехали в полдень, заштатный городок, в нем поселен Волжский казачий полк; достойно замечания, что в нем много русских исповедующих жидовский закон, коих здесь называют субботниками. Дорога пошла гористая и луговая, верст за 80 показываются Кавказские горы как будто в тумане. — К Сабли станица в самой деревне приехали в третьем половине, здесь живут казаки и идут в поход, в Грузию. На сей станции Сабли как давно известно опасной от набегов видели лично печальное оному следствие: еще во многих-многих местах сожженные хижины не исправились и пепел кучами оставлен; вот самое достоверное нам сказывали, что в сии селении 4-го Ноября прошедшего году собралось большою партиею до 7 тысяч чеченцов, киргизцов, закубанцев и в ночное время напали, пожгли, убили 67 душ, 20ть казаков и многих пленили; и каждую осень всегда в страхе бывают. Еще же там Е.О. говорил полковник Леонов об

опасности сих мест, и советовал нам взять конвой для провожания, что мы и исполнили, а для предосторожности везде поставлены бекеты. К станции Александрии приехали без малейшей опасности, тут тоже подтверждение неприятным вестям, смотритель почт рассказывал, что из его семейства прошедшею осенью восемь человек пленили и брата его родного разрубили, меня привело в сильное содрогание сии вести, и теперь уже раскаявался, что поехал в такую страну, где обитает столь неприятный народ, впоследствии еще более сокрушался, ибо опасность была близка. В сей последней перемене принуждены ночевать оттого что вечернее время, а ночью предостерегали не советуя никак ехать. — Из Александрии выехали утра в четыре часа, стараясь развлечь мрачные мысли, развеселялись представляющимися красивейшими видами, смотря на луга распещренные разнообразными цветами, благоговел пред Всемогущим Создателем, чудясь дивными творениями, особенное некое чувство рождает при виде величественную цепь Кавказских гор разнообразными положениями и чрезвычайную высотою; особливо день был благоприятный, солнце сияло в полном своем блеске и отражало на величайшую снеговую гору Ельбрус разительно, какая картина для живописца, всякое описание будет недостаточно, но надобно быть личным зрителем, чтобы изобразить великолепие сих достопримечательных мест, подъезжая к самим водам неподалеку расположена колония немцев и шотландцев они снабжают зеленью и разными припасами посетителей. —

Совершил путь к водам проехав всех 1528 верст от г. Рязани до Горячих, на прогоны вышло на шесть лошадей 414 рублей, теперь приступлю к замечаниям и лечению на водах.

Приезд к Кавказским Горячим водам. Замечания мои и лечение. В дороге были мы всего десять дней, медленность пути происходила более от повреждения нашей коляски, довольно было тягости для одного экипажа, в котором вся поклажа и четыре человека с извозчиком сидели, не мудрено, что нас затрудняло это, к тому же приключившаяся лихорадка Емельяну Осиповичу, должны были по сему случаю раза четыре останавливаться, однако за всем сим, благодаря Бога прибыли благополучно 1825 года 4-го Июня в восемь часов утра к Кавказским Горячим водам, первое что вышли из коляски, начали приискивать квартиру, и нашли скоро довольно порядочную у вдовы полковницы Матрены Ивановны Кодревой за полный курс заплатили еще с лошадьми для Е.О. ездить в ванну за все триста пятьдесят рублей ассигнациями, две комнаты, одна из них перегорожена для людей и поклажи, также вместе с дровами и водою, что здесь имеет свою цену, по сему месту еще не дорого мы заплатили, иные гораздо дороже платили. Издержки на квартиру, продовольствие и протчие издержки необходимые и переезды я в половине. — Дома здесь все деревянные, достаточно для посетителей чисты, выбелены, только не прочно строено, особливо крышки во время дождливой погоды промокают, видно очень что для одного летнего дохода поспешают постройкою, и жители получают большую прибыль: с Апреля по Сентябрь месяц выберут половину сумму, что стоит им весь дом и выгодно для найма строить дома, только лес дорог, из дальних мест должно возить. — Хозяйка наша пожилая женщина словоохотна, но несколько сварлива, каждый вечер слышишь ее ссорющуюся с своими людьми или с постояльцами, но мы с ней жили тихо и расстались хорошо. — Как поубрались пошел в горячую ванну, всход на гору здесь очень удобен: для пешеходцов высечены вокруг ступени, можно без утомления взойти, еще издали как всходим чувствуешь сильный серной запах, а как взойдешь в строение ванны, то так и зашибет селитренными веществами, серебренные часы и прочие таковые вещи никак нельзя без повреждения при себе иметь: они чернеют и тускнеют, а золотые ничего, я испытал по своим. Ванны высечены из камня, просторны и для входу сделаны три ступени; так было много желающих, долго выжидал своей очереди. —

Из горы Машуки вытекает чудесный источник горячей воды, по всей горе так и струится и исспускает из себя серной запах с паром; имеет теплоты настоящей 38 градусов по Реомирову термометру; составные части ее суть: 1) сероводородную кислоту, 2) кислоту угольную; 3) углекислую соду, 4) углекислую магнезию; 5) углекислую известь; 6) углекислое железо, 7) солянокислую соду; 8) солянокислую магнезию; 9) сернокислую известь, 10) кремнистую землю, 11) вонючую смолу и 12) экстрактивное вещество[3]. На первый раз я принял разводную ванну, два крана проведены: в одном горячая и в другом расхалаженная в 26 градусов, сидел 5 минут, потом выпил три стакана горячей воды, она мне очень противна и сильный серной вкус, — после нее я не име[ю] никакого аппетита и в пище даже отвращение чувствуя во рту серу. На первой день сим кончил поужинал и раньше лег с дороги.

5-го Июня встав в 7-м часу поехал в ванну, погода была дождливая и сырая принял в 29-ть градусов сидел 8 минут, потом пил горячую воду, чувствовал небольшую слабость, возвращаясь домой, нашел я у Емельяна Осиповича по приглашению его приехавшего здешнего у вод живущего лекаря Конрадо (его не очень искусным почитают и сколько не сказывали мне о его пользовании все худо отзывались), он мне с первого раза никак не советовал принимать более горячих, велел их совсем прекратить, а на место их кисло-серных, которые гораздо холоднее и только что тепловаты, имеет 23 градуса теплоты; я последовал в точности его совету и во все время как были на Горячих брал ежедневно по две ванны и пил кислосерную воду по десяти и более стаканов в день, но все сие без всякой пользы осталось; кислосерных вод три сорта 1) Лизабетинская вкусом приятнее, имеет небольшую горечь. 2) Михайловская теплее более имеет серы она иным слабит; но мне вовсе не действовала, 3) Сабаневская что имеет 30-ть градусов теплоты, она только прошедшего году открыта и очищена и первый в ней купался и поставил палатку Генерал от инфантерии Сабанеев и оттого она получила от него прозвание.

6-го Июня сырая погода, в семь часов пошел второй раз в кисло-серную ванну Лизабетинскую, сидел 5 минут, приятная теплота, потом выпил

Михайловской воды серной стаканов шесть, особенного не чувствовал, после обеда то же самое повторил. — На горячих водах находится ныне всего пятнадцать ванн, именно при Главном источнике горячей воды одиннадцать, из них семь мужских и 4-ре женских, при Варварциевском источнике, солдатском, калмыцком и кислосерных двух: Лизабетенской и Сабанеевской, во всех сих имеется только по одной ванне, обнадеживают, что на будущий год прибавят, иначе большое затруднение по многочисленности посетителей заставать свободные ванны. При них определены из здешнего гарнизона солдаты, которые вычищают и напускают воду, устройство везде очень хорошее, для солдат трудно потому, что они должны нести две службы, все лето при ваннах, не забывая также свою амуницию ее иметь в чистоте, а осень и зиму на учение, но зато при ваннах они пользуются тем, что каждый почти кто бывает их награждает. — При питии воды вышедши из ванны должно больше ходить и здесь завсегда почти в движении утомительно только, что с горы на гору; ровного места во всем Горячеводском селении не имеется. 7-го Июня ветренная и пасмурная погода, брал кислосерную ванну два раза в день сидел по 10-ти минут, и пил воду, не действует ничего. Нынешний приезд здесь на Горячих водах до двухсот особ с фамилиями, есть много знатных[4]. Около 6-ти или 6-ти часов утра начинаются показываться жители и пешеходцы, отправляющиеся к источникам, которые в продолжение четырех часов беспрерывно то возвращаются то заменяют своих предшественников. На водах день очень мал, в восемь часов вечера уже смеркается и в девятом часу уже темно. — Селение здешнее называется Горячеводским, лежит на Юго-западной стороне горы Машуки от Георгиевска в 40 верстах Шотландской селение 6-ть, от Константиногорской крепости в 4-х, а от Кисловодска в 40 верстах. Есть лавки, в которых все необходимости можно иметь, лучшие дома здесь генерал-майора Мерлини, выстроены для отдачи равно и на кислых. Полковницы Поповой, купца Орлова, под домом у него лавки, в которых продаются армянами персидские разные материи, богатые ткани, шелковыя материя, употребляемая азиатская материя.

В ряду балаганов находящихся во второй улице примыкающейся к подошве горы Машуки, продают чай, сахар, кофе и разные роскошные употребления. Провизия на водах не слишком дорога, говядина лучшая 8 коп. за фунт, пшеничная мука 15 коп., курица 80 коп. и проч. вины донские по рублю бутылка французские пять рублей и более сахар полтора рубли и все разные припасы можно иметь за небольшую цену. Совсем не так, как мне сказывали прежде о здешней дороговизне. 8-го Июня прояснилось к вечеру дождь ходил утром в ванну, сидел 12 минут, пил ту же воду, также никакой перемены. Пред нашими окошками возвышается величественная пятиглавая гора Бештовая, замечательна своею формою[5]. Птоломий писатель, описывая о Кавказской горе Бештовой, называет ее Лошадиною горою. По справедливости сказать точно и следует ей дать таковое название, более еще доказывает и имя, которым называют ее дикий народ, ибо черкески Ште означает лошадь, и точно в окружности Бештовой горы еще и поныне возрастают лучших пород черкеских и абазских лошадей: им посредством железа прикладывают знаки сии; у колен — и сии лошади самыми лучшими почитаются во всех здешних местах. — Пятигорные черкесы столь известные в Российской истории, и которые в 1553-м году покорились Царю Иоанну Васильевичу, были обитателями Бештовой горы. Посему древние летописатели Российские дают название Пятигории. На многих картах означаются сии места названием Пятигории. — Вот что мог только извлечь я замечания о сей горе.

9-го Июня ясно, был два раза в день в ванне — 15 мин. сидел, пил кислосерную воду, в вечеру почувствовал слабость и боль в ногах, лег пораньше. Климат нахожу здешний нездоровым: склоняет ко сну и ослаблению, да и частые туманы должны быть вредны. — Пищу здесь имеем самую умеренную сохраняя диэту: суп из курицы, ножки из говяжьих ног, а иногда молочную кашу, питье одна чистая вода, мне трудно было сначала к столу единственному здешнему, ибо я прежде кроме утреннего времени никак не мог ее пить. Июня 10-го дня в 7-м часу в ванне был 20 минут, пил кислосерную воду 8 стак. после обеда то же самое. Погода утром хороша была, а к вечеру пасмурна. Вообще в сих местах все работы и потребности возят волами; они уже приобвыкли к этому и хотя гористо и круто, но входят хорошо, даже по большим горам лес ими возят, это очень полезно для экономии, потому что сия скотина довольствуется одним сеном или соломою, не требует овса, он же в сей стороне дорог — десять и двенадцать рублей, а трава или сено здесь не по чем, к тому же после годится на убой и в пищу. Сегодня первое письмо писал в Рязань к Родителю: а от него к сожалению долго не получу известия ибо он в отлучке. — 11-го Июня холодновато, ходил в семь часов в ванну и пил воду, сидел 25 минут, то же и в вечеру. — На водах познакомился с полковником Поджио и с французом Беллье у него живущим. Поджио знает братца Николая Г., и в Петербурге Кандалинцова дом; изредка хаживал к нему. Время провожу очень скучно и тоскую о Рязанском житии; Емельян Осипович имеет часто партию, играет в карты, я же один остаюсь, занимаюсь чтением: читаю свою книгу Духовный Алфавит, назидательная книга, она утешает в скуке.

12-го Июня в 6-м часу брал ванну два раза в день, сидел по получасу. Возле реки здесь протекающей Подкумок находится казачий донской пост, состоящий из тридцати человек, содержут в ночи разъезды, пост от посту расстоянием двадцать верст повсюду по линии, также имеют денные бекеты, берутся для конвоя, то есть провожают для безопасности; и еще Генералитетству дается казак для услуги и посылок, а посему у нас был для Е.О. один очень хороший и услужливый казак во все время как были на водах. А войска здесь мало: роты три с небольшим сводных Тингинского полка. 13-го Июня в семь часов в ванне был полчаса и пил воду 8 стакан. Погода хорошая жаркая, сего числа за советы принятые от здешнего лекаря Кон-

рада дал ему пятьдесят рублей ассигн., почти за ничто сии деньги пошли; он ни в чем не помог мне. После обеда повторил ту же ванну. В семь часов вечера был я в здешней полковой церкви в субботу она в палатке во имя Святыя Троицы у Всеношны; богослужение отправлялось с великим благоговением с певчими полковыми, священник очень хороший и служит со вниманием, я был сердечно обрадован — что нашел здесь церковь и не проминовал ни одного Воскресного и праздничного дня чтобы не быть; жаль очень как до сих пор не построят и так мало заботятся о сем, ежегодно приезжают так много посетителей да и здесь много живущих христиан без церкви. — 14-го дня утром был в ванне, сидел 20 минут, потом сернокислую воду пил 6 стаканов, после ходил к обедни, после обеда то же повторил. Вечернее время, когда погода благоприятствует, неподалеку или в виду горячих вод, за строением есть открытое место против Бештовой горы на небольшом возвышении здесь устроено для музыкантов пулпеты, тут

Пятигорск. Вид Машука. Фото начала XX века

они становятся и играют во весь вечер до сумерек очень изрядно, иногда и полковые песельники бывают, даже скачки на лошадях черкесами производимые, собирают деньги, и кто перегонит на несколько верст кого тому отдают, также на всем бегу стреляют и попадают в цель; тут много из посетителей собираются прогуливаются и час или два можно провесть в обществе. Сего числа отдал за квартиру деньги. 15-го дня была гроза, ходил в ванну два раза в день, воду оставил на время пи[ть], заметил что она вред мне делает, усилила гемороидальные боли; нынче принужден был принять лекарство, дал мне лекарь микстуру; но она мне ничего не подействовала; здесь казенная аптека помещается в особенном домике против Варварциевской ванны, принесенным в дар Минеральным водам г-м Варварцием, медикаменты все получаются из С. Петербурга, и верно от того очень дороги, да и серебро берут не по курсу — целковой три рубли шестьдесят копеек; в лавках такие же притеснения. 16-го июня по непогоде только утром был в ванне, худо себя чувствовал, большое затруднение в пищеварении и боли от того в груди. Наша квартира теперь стала беспокойна по причине соседей, к нам переселился приехавший здесь на воды восьмидесятилетний старец полковник Максимович, беспрерывным своим кашлем и оханьем не давал повою; он прожил недели три и переселился в вечность, при такой старости ожидал еще от вод выздоровления; тогда когда был уже слеп и глух, вот как надежда человека до последней минуты не перестает ласкать. А с другой стороны какая противоположность: молодые супруги, приехавшие к хозяйке в гости стуком своим не давали долго покою нам, да еще к тому в нашу проникает очень сырость, верно от того, что недавно и непрочно строен, оттого часто и тяжелой запах бывает. 17-го Июня пасмурно, ходил два раза в ванну, сидел по получасу, принялся за свои прежние из дома привезенные пилюли, они мне лучше помогли, напрасно я искал здесь себе пользы, — ожидаю, что будет вперед, а особливо от кислых должен надеяться. 18-го Июня что встаешь то купаться и два раза нынче еще дождливая погода немало препятствует, полагаю что на температуру здешнюю имеют влияние снежные горы не в дальнем расстоянии находящиеся, к тому же как слышал в Июне месяце от них отделяются большие глыбы и снегом закидывает дорогу на большое пространство; отчего и Кубань бывает в сие время быстра, и по ту сторону живущие неприязненные народы не могут приходить; и на сие время полагают быть безопасными, — однако не всегда так бывает, нынешнее лето они необыкновенно беспокойны и смелы. 19-го Июня утром в семь часов и в вечеру две ванны сидел по-прежнему. — Здесь повсюду одни голые места: не видать ни лесу, а более того садов: не мало скучаю, что в сие лето лишен лучшего удовольствия, которое доставляет нам сие время году; по сим местам ни одного фрукта не видать, да и при водах их запрещают, может быть оттого и нету. — 20-го Июня переменчивая погода, в ваннах два раза, не пропуская ни одного дня, время только в хождении и в отдыхе тут проходит, не могу до сих пор привыкнуть, чтобы не чувствовать тягости от перемены, ходил ко Всенощны, там успокоился духом, молитва сильно подкрепляет. 21-го Июня утром ходил в ванну, сидел полчаса, потом к обедни, а после обеда сделал роздых, погода была хороша, музыка увеселяла прогуливающихся, но на чужой стороне нельзя по-моему чувствовать удовольствия, вспомнил я стихи «В Отечестве и дым нам сладок и приятен», невольно вздохнешь как вспомнишь все веселости, которым пользуются теперь родные, живя на даче. — Но мне ли любящему уединение роптать на малую рассеянность здешнюю; странно не могу отдать отчет в своих чувствованиях! — 22-го Июня в 7-м часов принял ванну, выпил несколько стаканов Михайловской воды; после обеда то же повторил, но худо не действует. Для пользования здесь тамбовской губернатор Миронов, он был у Е.О. играли в вист, до чего он охотник и я имел случай с ним познакомиться. Также с Тамбовскими помещиками Ситиными, их два брата: старший Андрей Александрыч Рязанской. — 23-го Июня был два раза в ванне, сидел по получасу. — Здесь когда тучи ходят, то покрывают горы, а особливо Бешто-

вая задымится, так как род паров из нее выходит, то уже непременно будет дождь, какое чудесное зрелище рассматривать природу во время приближения грозы. — Коль славен и препрославен есть Всевышний в делах своих! — 24-го Июня только что встанешь и подымай ноги на гору; завсегда устанешь так крута гора к тому же все здесь камни несмотря на то не пропускаю по два раза в день. — 25-го Июня то же самое. Познакомился с князьями Салтыковыми, нынешний день приехавшие из Петербурга для лечения два брата прекрасные молодые люди они было остановились в одном же доме где мы, но за малостью комнат перешли насупротив; я часто с ними виделся, они воспитаны очень хорошо говорят на трех иностранных языках, и у них пользовался французскими книгами, как мне приятно было что я мог доставать любимое мною занятие чтение. 26-го Июня два раза был в ванне. Здесь строится большое казенное каменное строение для благородного строения дома и ресторации с коллонадами, плотники и работники из солдат. — Казармы есть, они расположены на хребте передовой горы у самого источника. 27-го Июня за сильным ветром не ходил весь день никуда, занимался чтением. — 28-го Июня в 7-мь часов утра был в ванне сидел 20 минут после обеда то же самое, для меня удивительно что здесь теплой край а ничего рано не произрастает; нынешний день я увидел небольшие огурцы и по рублю десяток, совсем запустелая сторона ничего не произрастает. 29-го Июня ходил в ванну сидел 25 минут потом был у обедни, всегда полная церковь посетителей есть много и дам; так как служат в палатке то очень душно бывает когда жаркой день, несмотря на то священник всегда читает проповеди Златоустовские. — 30-го Июня два раза был в ванне. Встретился у вод с одним давнишним знакомым Цемировым; как обрадуешься в дальней стороне если увидишь кого Рязанских. 1-го Июля в 7-мь часов в ванну пошел сидел полчаса после обеда также, теперь прибавилось купальщиков в кислосерную и редко когда застаешь свободною, потому что кончившие курс у Горячих ванн к этим приступают, приготовляясь к кислым постепенно. 2-го Июля утром и вечером был в ванне. — Нельзя проминовать чтобы не упомянуть о здешних черкесах. — Достойно примечания о сем народе, кои именуются по собственному их званию Адижами, жительствуют в большой и малой Кабарде также и у берегов с левой стороны Кубани и по Чермному морю к западу. Полагают что слово черкес произошло от татарского производного ибо тшер по-русски значит дорога кссмек пресечь, то в совокупности составляют человека пресекающего путь или разбойника. — Черкес разделить можно на пять классов. 1-ое из них Князья которые по-черкески называют Пшек, или Пши, они прежде именовались владельцами. 2-ое состоит из дворян называют Уздены. 3-е те кои находятся в службе у Главных начальников, 4-е молодые князья и дворяне низшего класса и 5-ое подчиненные или рабы. Дворяне вольны располагать своими служителями даже до того что жизнь их не во власти, могут лишать живота, также имеет волю продавать крестьян занимающихся хлебопашеством. Религию исповедают Магометанскою а более никакой не имеют, убийство особливо христиан у них еще считается за спасение, даже и своих земляков, не имеют смертной казни но пенями наказывается; народ как заметил самой дикой, свирепой и буйственной, лицы смуглые и отвратительные, редкие которые бы имели приятность разве из князьев и Султанов, удивляюсь как к ним можно иметь доверенность, которую многие посетители им оказывают, по моему не надлежало бы один взгляд их являет недоброжелательства и кажется при первом случае готовы отнять они бы точно то и сделали если бы сии о коих я описываю не были б мирные, а закубанцы страшные враги нам. — Особливо смотря на их одеяние сходствующее на разбойническое они завсегда в полном вооружении и ни на шаг без него; удивляюсь как дозволяют еще пленным носить завсегда оружие. Одежда их род короткого зипуна по ихнему черкеска, вверху у груди фазери, то есть патронташ где кладет пули порох, сапоги савики у них исподнее платье пешки еще носят бешметы, всегда вооружены, ружьем, шашка род сабли, кинжал, пара пистолето[в] на голове носят шапку лохматую и никогда не скидает ее если бы и в комнатах сидят то в своей шапке, и тем являют презрительный вид, головы бреют. Женщины черкески нельзя видеть они их прячут, а слыхал что в них красавиц нет одеяние их странное длинное платье от самой шеи до ног застягивается пуговицами и петлями серебряными, лицо покрывают белом или красном платком волосы сплетены в косу с платком до самых пяток, пояс имеют по ихнему катаура, носят башмаки с деревянными подошвами с большими подборами. Постоянного жилища они не имеют живут более грабежами жилье их называется Аулами а хижины сакля. — Хлебопашество их очень простое, потому что они не унаваживают землю весною, только прежде посеву выжигают сухую траву, а потом уже сеют. Вот мои замечания о сем народе от которого по правде сказать желал бы я быть гораздо далее. —

3-го Июля утром и в вечеру был в ванне сидел по получасу. Здесь торг съестными припасами производится при въезде в горячеводское селение между солдатской слободк[ой] и домом Чернявского. Сюда ежедневно в 5-ть часов утра привозят колонисты из Карассо белый и сытный хлеб всякую зелень. — 4-го Июля по обыкновению был два раза в ванне. — На всех сих водах производят торг разные народы, Армяне, Евреи, Греки, Итальянцы, Немецкие колонисты и черкесы. —

5-го Июля по причине дождливой погоды не выходил никуда к тому же худо себя чувствовал головную боль. —

6-го Июля утром только был в ванне сидел 20 минут. — Кроме обывательских домов в горячеводском селении отдается в наймы для одиноких людей небольшие квартиры род мазонок за умеренную цену в Солдатской Слободке, а некоторые нанимают в Константиногорской крепости в 4-х верстах от вод отстоящая. —

7-го июля за грязью не выходил никуда просидел весь день за чтением. — Видел здесь также не мало странных Калмыков и многих Азиатских

народов, приезжают также для пользования. 8-го Июля два раза был в ванне по получасу. Для любопытства записал некоторые употребительные слова Черкесские.

по-черкески	**по-руски**
1-е. Ане	1. Нос
2-е. Такгумах	2. Уши
3. Тия	3. Лошадь
4. Гием	4. Корова
5. Биан	5. Баран
6. Манфа	6. Огонь
7. Фисс	7. Женщина
8. Акше	8. Ходячие деньги
9. Джак	9. Епанча
10. Шах	10. Голова
11. Топонг	11. Ружье
12. Макше	12. Верблюд
13. Малль	13. Овца
14. Псе	14. Вода
15. Тшалла	15. Дитя
16. Шакуна	16. Хлеб
Недельные дни	
Мамакуюс	Воскресение
Бмишга	Понедельник
Губш	Вторник
Бережн	Середа
Макгуюк	Четверг
Мирем	Пятница
Шабат	Суббота

А если они хотят секретно что говорить то имеют совсем иное наречие, не сходствующее с сим. Письмо их странное схоже на Турецкое.

9-го Июля два раза был в ванне оба по получасу и пил кислосерную воду без всякой пользы. Сего числа у вод познакомился с одним почтенным помещиком Саратовским Емельяном Михайловичем Сатницким с падчерицою с племянницей и с племянником сюда приехали для пользования, преобходительные меня очень полюбил и обласкал; иногда в вечернее время хаживал к ним. — 10-го Июля за дождем и непогодой никуда не мог выходить. — 12-го Июля был два раза в ванне. Здесь Комендантом Полковник Энгельгарт хороший услужливый и ревностный к своей должности. —

13-го Июля, погода хорошая взял две ванны, был по получасу. — Я только на кислых водах с августа завел сей журнал и поздно уже начал извлекать свои замечания и заниматься с сим, потому что на Горячих верно от вод не мог писать быв как то все время не в духе верно с непривычки от перемены, но теперь как почувствовал желание то в несколько дней написал сие. Но более не мог представить никаких любопытных статей, лечение мое беспрерывное отвлекало от того и беспрерывные ванны уже слишком мне наскучили; все лето нынешнее лето провел в купаньи и питье воды по-гусиному. —

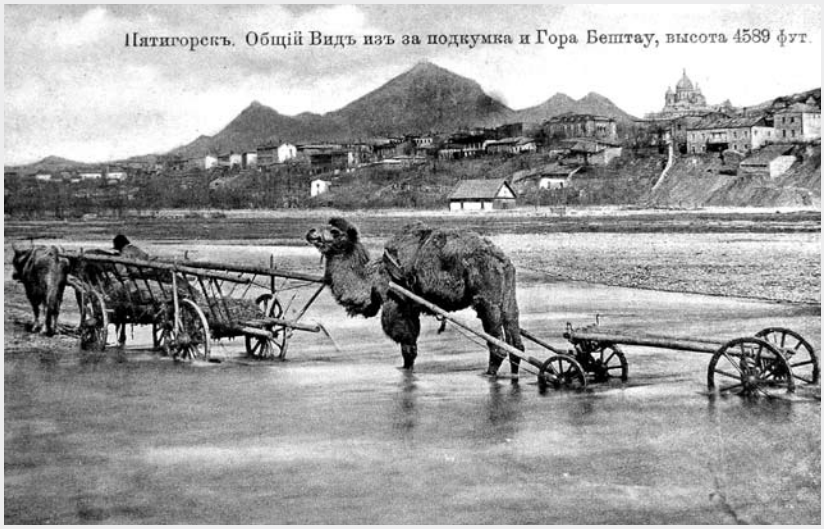
На Горячих водах пробыли полтора месяца с небольшим. С 3-го Июня по 22-ое Июля всех ванн взял семьдесят кислосерных да две горячих но лучшего ничего не чувствовал, а много раз было хуже только одними своими пилюлями спасался от дальних болезней. — Прекращу о Горячих водах с ними пока распростились но с кислых опять на них же должно ехать, право не пожелел бы и совсем их миновать, сильное желание есть возвратиться поскорее в Рязань более потому что Закубанские хизники как слух носится собираются учинить жесточайшее нападение; уже большие злодеяния содеяли[6]. — Какой опасности подвергаешься в сей стране нельзя быть уверену в своей жизни. — Весьма сожалею несогласию скоро ехать Е.О. нечего делать мне должно покоряться еще и на железные будем через четыре дни, то есть 12-го Августа. — О сем довольно жалобы ни в чем не действуют, лучше постараемся рассеяться и взглянем на кислые воды.

Кисловодск. Июля 22-го утром в семь часов был в последний раз в кислосерной ванне, пришед домой написал уведомительное письмо к Родителю в Рязань о переезде с вод, потом взобрались в 12-ть часов отобедали, расплатились и распрощались с хозяйкою наняли шесть лошадей до Кисловодска мне пришлось заплатить 16 руб. — Сели в коляску, выехали из горячих во втором часу утра, погода была благоприятная, дорога хорошая, хотя гористая от Горячих до Кислых полагают 40 верст, но сдумаю что менее разве 30-ть сужу по езде по дороге самородное шоссе, мелкой белой камень, проезжали большие пещеры самою природою выделанные несколько верст пространства; и тут верно скрываются во время набегов закубанские черкески; также стада пасущие[ся] по полям во время непогоды имеет тут свое убежище; подъезжая к Кисловодску проезжали быструю реку Подкумок: она мелка очень так что не более колен но по быстроте своей бывает опасна и иногда тонут. — В половине пятого часа приехали к Кислым водам, остановились неподалеку источника, вышед из коляски, пошли к нему и нашли при нем собравшихся всех посетителей: я тут увидел и своих знакомых они прежде приехали на воды Полковника Поджио и Сатницких: как приятно все вместе прогуливаются в хорошем недавно разбитом на аглицкой вкус саду, довольно длинным но его полагают еще увеличить размножить и лучше устроить оно и стоит, прекрасное местоположение, произведение природы каскады, дикие камни необыкновенной величины с редкими окоменелости при том же обработано так хорошо что не мог долго налюбоваться, особливо какая разница после Горячих там одни голые каменистые горы, а здесь и ровные места и гулянье. Как подошли к источнику то начали пить кислую воду она мне очень показалась приятна для питья и на первой раз четыре стакана выпил, — потом пошли отыскивать квартеру; нам было прежде посыланы вперед наняли в слободке за 200 руб. на курс, для меня бы хорошо было, но Е.О. никак не захотел, потому что от воды не близко и на Гору всходить, долго искали у вод, квартиры на кислых гораздо дороже и очень на притесняет запрашивают неимоверную цену, много наживаются, да и нельзя они в три месяца выбирают — чтобы надлежало на год потому что девять месяцев никого не бывает. Долго искавши наконец нашли неподалеку от вод из домов генерала Мерлини за полторы комнаты на курс, то есть за двадцать дней триста рублей ассигнациями без дров еще и без всяких принадлежностей, здесь большая дороговизна, деньги же потребовали вскорости и я принужден был по приказанию внести триста рублей. — Нанявши

пошли в галерею прекраснейшее строение на хорошем месте выстроено на Горе в саду внизу грот произведение природы поделаны цветники и вид делает прелестный, где галерея тут она же самая и дом благородного собрание и ресторация меблирована и украшена в лучшем вкусе, так что я совсем не ожидал в сих местах — столь хорошо убранный казенный дом на водах найти для собрания, зала 24 аршина с колонами большими, три гостиных, в которых мебели канапе, креслы стулья и столы мозжевелового дерева[7] гардины, зеркала, люстры жерендоли все сие отделано очень хорошо. — В сей то ресторации мы на первой раз поужинали потому что у себя некогда было готовить, содержатель итальянец, он ничего не платит казне за то что получает в нем большую прибыль, но обязан во время назначенного дня для собрания осветить весь дом как прилично восковыми свечами, и во все время как сидят посетители каждый вечер, а вход дворянству не возбранно за всякой раз без всякой платы. Пробыв не более часу пошли на квартиру пришедши как чувствовал себя нездоровым сей час разделся и предался сну. 23-го Июля в 7-мь часов начал пить кислую воду выпил по промежутки четверти часа 8 стаканов хотел было более, но выпал стакан из тесемки и разбился потом в одиннадцатом часу осмелился в самую настоящую холодную в ванну, и на первый раз только три раза окунулся, вода очень холодна, схожа как в сентябре во время мороза бывает в речках и от газу сначала захватывает дух.

При кислых водах всего только настоящих холодных казенных ванн две, одна мужская, а другая женская в двух половинах, недостаток сей много затрудняет по многочисленности посетителей завсегда по несколько часов должно ожидать как бы рано или поздно не придешь к тому же как ванна большая деревянная то не скоро выпускается и купаются в одной воде по нескольку человек; весьма бы нужно устроить более что со временем и должно ожидать. Еще же имеют здесь солдаты кибитки то есть палаток 7 в которых греют воду, и для купающих в разводных за каждой раз сии разводныя ванны берут по два рубли, хороший себе имеют барыш, ибо все с горячих вод с начала берут разводный, приготовляясь постепенно к холодным. После обеда так же пил воду 4 стак. на ночь принял пилюли; и они мне скоро помогли. 24 Июля утро с 7-го по 9-ть часов кислой воды выпил 10 стаканов в 11-м часу в холодной ванне полторы минуты высидел, после обеда тоже самое с уменьшением только стакан[ов]. Дни стоят хорошие и жаркие. Вечером был у знакомых своих Сатницкий пил у них чай и прогуливался с ними — 25-го Июля утро в 6-го по 9-м часов выпил 12-ть кислой воды в 10-ть часов купался в холодной ванне 3 минуты был, вода начала мне действовать и начал чувствовать себя очень хорошо после обеда также был в ванне и стаканов 4-ре выпил. — Дома на кислых водах хуже постройкою чем на Горячих[8] и гораздо менее, тому более что хотят их перемещать по новому плану в другую сторону, а это место занять для саду, чтобы его более прибавить. Всех домов неподалеку от источника 15-ть из оных большая часть Генерал Мерлини; выстроены худо только что летом и то с трудом можно жить во время дождя везде промокает а по полу щели и ветер везде проходит большие неудобства стены кой как забелены, мебель сама[я] простая, и за таковые квартиры берут большую цену, нужда заставляет платить, многие живут в палатках. — 26-го Июля с 6-го часа по 9-ть выпил 12 стаканов кислой воды в десятом в холодной ванне 5 мин., после обеда тоже с уменьшением питья. Здешняя крепость Кисловодская состоит только из одного земляного вала и окопано около не глубоко на концах есть по орудию. За крепостью солдатская слободка, в которой 43 жилья мазанки, в них тоже становятся посетители, дома сии солдатские, они все выбелены. —

В саду протекает довольно быстрая речка Кабарда, в которой водится рыба форель, вкусом изрядная, красивая на ней чешуя только приетчива и как-то приторна.—



Пятигорск. Общий вид из-за Подкумка и гора Бештау, высота 4589 футов. Фото начала XX века

27-го Июля с 7-го часа утра по 9-го выпил кислой воды 12 стак. в 16-ть часов в холодной ванне был 5 минут после обеда то же воды 4 стакан. выпил. Сего числа узнал достоверно ужасно неприятную вещь, что взбунтовавшиеся неприязненные народы Закубанцы и Чеченцы более изменою овладели крепостью но Генерал Лейтенант здешний начальник Лисеневич усмирив их взял много в плен начал усовещевать самого главного укоряя его в непокорности он же имея скрытый в рукаве кинжал подходит к генералу Лисиневичу и вонзает в бок ему свой кинжал; тут бывший казачий генерал Греков бросается и хочет отнять у него орудие, но сей четенец выхватя вонзает в грудь Генерала Грекова и тот упадает замертво. Лисиневич успел только закричать к своим колите их без пощады: потому что собрано было их князей и разного звания до триста человек всех перерубили, а того кто убил Генералов насилу могли застрелить он многих еще переранил. И вот к сожалению без всякого военного действия лишились мы по злодейству двух славных генералов. Лисиневич был женат и имел детей, он по нанесении удара жил только шесть дней и успел доехать до Георгиевска,

где и похоронили, а не в Ставрополь, где он имел свое пребывание, какой удар для супруги и детей, которые ожидали его туда и получают столь жестокую весть. Я представляю себе сие и сам нахожусь в сильном сокрушении. — от того, что находившись в недальнем расстоянии, подвергаешься опасности большой и уже слух прошел что их собирается большая партия опустошать всю страну. —

28-го Июля с 6-го часа по 9-го утром выпил кислой годы 12 стакан: был в самой холодной ванне 5 минут, после обеда также. —

29-го Июля с утра кислой воды в продолжении двух часов с половиною выпил 12 стаканов, в 16-ть часов в холодной ванне 6 минут, после обеда повторил. В горах здешних водится много диких зверей, козы, если молодые попадутся, скоро становятся ручными и бегают за своими хозяевами как собачки, они красивые, их довольно здесь: видел также есть кабаны, волки, барсуки, лисицы, зайцы и проч. и дичь разная, охотников мало только одни казаки, те верно не имеется недостатку в добычи. — 30-го Июля в 7-м часу утра начал и продолжал до 9-ти выпив 12 стаканов кислой воды в ванне холодной 6 минут. После обеда тоже самое с уменьшением питья. — Около самого источника сделана деревянная решетка, неподалеку столбик выкрашенный с ручками на коих вешают стаканчики, скамейки для отдохновения после ходьбы поставлены кругом, напротив две ванны выбеленные, и комната для посетителей, в которой ожидают. Есть также особенный балаган в оном поставлен биллиард. 31-го Июля по утру кислой воды 12 стаканов выпил в ванне из холодной был 6 минут, — после обеда тоже очень хорошо действует. Сию воду простонародье называет богатырскою это и точно, как выйдешь из нее то чувствуешь себя бодрее и свежее, а согреваешься скоро, как только из ванны то тело краснеет и горит. Моциону довольно делаю, да почти беспрерывно на ногах. 1-го Августа с 6-го по 8-ми часов кислой воды выпил 10-ть стакан в ванне был 6 минут, потом был у обедни в полковой церкви в той самой, которая на Горячих ее перевезли сюда и Тингинского полка роты здесь после обедни освещали воду самой источник кислой, это было очень приятно видеть что на сей целебной воде молились, да снизпошлет Всевышний ей силу исцелительной Иордани новой реке; по окончании моления выпил сей воды и что то особенно в сие время чувствовал мутие. — 2-го Августа погода дождливая несмотря на то ходил и пил кислую воду 12 стаканов в ванне 5 мин. после обеда тоже самое. Жаль мне очень что нынешний Успенский пост не могу соблюсти, при водах постное масло и рыбу запрещается много, фрукты и зелень также, впрочем ничего нельзя найти такого ни грибов. Да простит Бог отступление сие от Христианской обязанности. 3-го Августа была сильная гроза удары близкие и продолжались несколько дней сряду. — Утром с 7-го по 9-го воды кислой 12 стакана в холодной в ванне 5 минут, равно столько же и после обеда. Августа 4-го первоначально одно занятие за воду и стаканов 12-ть потом в ванну минут 6-ть ходу до поту лица; после обеда тоже самое. — Вечер нынешний было собрание и я для любопытства и первого раза был; довольно весело, общество большое дам только мало однако танцевали, смотря я соблазнился при том же должен был для учтивости как говорят по-французски le savoir visre. Заставило меня пойти с знакомым своим Сатницкими которыми я был обласкан пройти с ними польское и экосес, ибо их по незавидной физиогномии и по бедности никто не знал. — Но вот что непростительно забыться до того в пост, каюсь и более ни разу не ходил: удались от зла и сотвори благо; но верно в этом не большое зло, ибо я видел в собрании полкового священника, но стой, не осуждай да не осужден будеши? Правило редкое и желаю всем сердцем его исполнить. — 5-го Августа с 7-го по 8-мь час. выпил 10-ть стакан кислой воды, в ванне холодной 7 минут после обеда равно. — Нынче ходил проститься с Сатницкими. Они 6-го рано поехали во свояси в Саратовскую губернию город Балашов вечером был у Всеношны — 6-го Августа утром кислой воды 8 стак. в ванне 5 мин. ходил к обедни. После обеда 4 стак. в ванне 7 мин. Здесь очень дешево продаются арбузы и дыни по 20 коп. а в полтину большие, но их почти не покупают ибо мало кто употребляет и испытывал арбузы ел, никакого вреда и боли не было, — полагаю, что их можно употреблять. —

7-го Августа с 7-го по 9-ти выпил 10-ть стаканов, в ванне был 8 мин. также и после обеда. Дождь и гроза. Простудился получил сильный насморк, слабость и боль в ногах. Тому уже два дня как худые вести, наводят боязнь и тоску: именно что четенцы и черкессы прошли за Кубань до четырех тысяч хотят учинить нападение чтобы захватить всех и овладеть большую добычею, с тех пор как убили генералов они стали гораздо смелее, к тому же поощряет их явившийся у них пророк, предсказывает, что сей 25 год есть для них решительный, они должны освободиться от Россиян покорить или совсем подпасть под владычество, таковые и сим подобные слухи, привели многих в сильное беспокойство, еще же слышно, что впереди станцию Саблю взята черкессами и перерубили жителей. Таковые вести смутили оставшихся на горячих водах всю ночь с 3-го на 4-ое были в тревоге, иные выехали верхами, а прочие загромоздили улицы казенными повозками, для воспрепятствования скорому приходу неприязненных закубанцев; однако благодаря Всевышнего Покровителя ничего такового не случилось до сих пор тихо и покойно и молва вышла несправедливая; на сих водах находящийся Султан Гирей получил письмо от брата и уверил всех что нечего опасаться; однако осторожность взяли; прибавили на постах караул; ночные патрули. А что точно трусили то я тому пример представлю на одну квартиру с нами смежна с нашими комнатами нанял Статской Советник Бедряга Воронежский помещик он и ночью не раздевался и не спал вовсе, полагая нечаянного нападения; что имел при себе из ружей и пистолетов все зарядил пульми, но недолго здесь пробыл дней через шесть уехал пригласил о собою казачьего Полковника для безопасности; мы рады были его отъезду не давал нам покою беспрерывным стуком. — Сказать по правде что и мною овладел панический страх, очень не хотелось насильственную смерть получить; прибегал к Всесильному Помощнику да избавит мя от сих бед, а плен был

бы для меня еще пагубнее как бы с непривычным и слабом сложении сносил бы все тягости и побои — одна мысль ужасала — как же удалиться от сей неспокойной и опасной стране, но моя учесть есть та не по собственному своему желанию живи; посему послушание есть первая добродетель, дай Бог мне ее иметь, она мне очень нужна. — 8-го Августа утром кислой воды 8 стаканов выпил в холодной в ванне 5 минут после обеда 4 стак. в ванне 6 минут. Сего числа имянинник Емельян Осипович но мы провели по обыкновению сей день совсем не весело, вспоминали о родных в Рязани; там то наслаждаются удовольствиями! Мне случилось у вод разговориться с князем Черкеским о их обычаях и проч: между прочим узнал, как они магометанского закона то мщение им свойственно; так что они между собою даже питают сильную вражду и друг друга опасаются не уверены от этого они и дома всегда вооружены, убийство за ничто только б отомстить за кровь — даже заповедуют им предки или отцы о сем. — Они никогда не обнажают тела своего перед другими, это у них за грех. Жен своих никому не показывают и сами ходят к ним тайно. — Вот что я мог только узнать, — по горам на кислых водах находят много различных окаменелостей как то раковин, червячков, кусков дерева, улиток, рыбок и прочее. — Более сего ничего не успел извлечь любопытного; трава и зелень по сих пор еще хорош[ие] и еще косят. Здесь еще как слышал сентябрь и октябрь продолжается теплая погода, и некоторые остаются для лечения. 9-го Августа с 7-го по 8-ми часов кислой водою 6 стаканов в ванне 5 минут, после обеда 2 стак. в ван. 4 мин. Погода дождливая, нынче один обедал Е.О. у Тамбовского Губ. Миронова, я часто один остаюсь занимаюсь писанием или чтением. Завтрашний день собираемся мы на Железные воды чего мне очень не хочется опасаюсь потерять всю пользу которую получил от кислых к тому же советовавшись с доктором Языковым приехавший с Тайным Советником Кикиным, он мне никак не советовал пить железную воду даже и ванны опасны но испытать велел. — 10-го Августа и нынче дождь однако не пропустил был в ванне 5 мин. и пил 6 ст. после обеда также 2 стак. в ванне 4 минуты. Тоска и скука ничто уже не развлекает. — Кто только чувствовал некогда опасность быть подвергнутым гонению буйных черкесов и злобных чеченцов вздохнет о благословенном отечестве своем избавленном от их разбоев и хищничеств. — Предаюсь мечтаниям, воображение преносит меня в круг родных и перехожу все удовольствия которыми бы теперь мог пользоваться; и тем услаждаю часы грустного моего уединения. Погода же сумрачная нечем заняться, чтение прекратилось, что дороже времени? Но теперь почто оно так медленно? Дождь перестал, небо прояснилось, месяц чисто светит и ударяет нежными своими лучами прямо на меня, шум издали от каскадов все сие предает меланхолии и ввергает в объятия Морфея. — 11-го Августа с 6-го по 8-го часа выпил в последний раз кислой воды 6 стаканов в ванне был 6 минут, потом начали собираться к железным. На кислых водах пробыли двадцать дней с небольшими с 22-го Июль по 11-ое Августа, всех ванн холодных принял тридцать шесть. Сии воды до сих пор оказали на мне благотворное свое действие. Курс выдержан, пришло время расставаться с ними и нынешнее число 11-го Августа в тому назначено, искупавшись последний раз начали собираться и пообедав в первом часу, уклавшись в третьем выехали из Кисловодска; последний раз взглянул на целебный источник кислой воды, обозрел прощальным взором прелестные местоположения, поехали погода была хороша с небольшим ветром; проезжали тою же дорогою самородное шоссе опять явилось не так как в наших местах здесь не требуется на это трудов рук человеческих и больших издержек сама благословенная природа с избытком во всем награждает; если б только укротить свирепость дикую здешних буйных соседственных неприязненных народов, то весьма бы хорошо было при сих водах населить и умножить жительство. Проезжали быстрый Подкумок с сильным стремлением и с шумом бежит вода и через два часа то есть в пять приехали на Горячие воды, пристали на прежнюю квартиру к Полковнице Кодревой. Хозяйка нас приняла ласково; отвела нам хорошие комнаты; при том же просила жить сколько хотим без всякой платы, она предчувствовала верно что в сие время долго у ней не останутся однако черта доброты есть. — Вышедши из коляски пошел справиться нет ли писем, но не было зашел так как это было в одном же доме к своим знакомым к князьям Салтоковым; они еще на горячих жили, распростился с ними, поблагодарив за прежние их ласки. Пришедши домой напившись чаю с Емельяном Осиповичем пошли гулять, он непременно хотел советоваться с лекарем Конрада чтобы ехать в Железным. Пошли мы наперед на квартиру к Тамбовскому губернатору Миронову, не застали его, потом далее идя прямо встретили нечаянно приехавшего из С. Петербурга знакомого рязанца Яковлева, с месяц ему уже бы надобно было быть на водах но он замешкался как то по болезни своей, и остается зимовать, чтобы с весны возобновить лечение. — Потом далее увидели мы идущего Конрадо, а за ним Миронова Генерала Кузьмина, и вот начал совет, который сильно был мне не по нутру. Е.О.жаловался на простуду и насморк. Лекарь было сказал что опять надобно Горячие или Сабанеевские брать ванны еще оставаться неделю; но потом Миронов так как он сам ехал уговаривал на Железные, весь этот разговор меня только огорчил. Е.О. на то и на другое решался я молчал и удалился, мне желалось скорее домой, ибо окончивший курс еще тратить время здесь напрасно. Как возвратился из прогулки Емельян Осипович тут я начал убеждать его всячески; представляя что чем более здесь оставаться будем, то впоследствии при наступлении осенней погоды удобнее в дороге получить сильную простуду и не один насморк что железные воды могут быть вредны, но он долго никак не решался, даже на мои убеждения ехать домой а не на железные рассердился; два часа продолжался спор но наконец по сильной моей просьбе еще все же твердо сказал если завтра с утреннею зарею встанете и будут готовы лошади и укладутся люди то поедем в Рязань, а что иначе

не было бы в дороге лошадей. Я так обрадовался, что обещался и всю ночь не спал, рано разбудил; но чуть было дело не испортилось, нанятый с вечера извозчик ушел долго его искали, хорошо что скоро нашли убрались и отправились рано еще как ехали Е.О. все колебался но исполнилось по пословице человек предполагает, а Бог располагает, ибо нам все благоприятствовало ехать и на повороте решительно сказано домой. —

Обратной путь из Кавказских вод в Рязань. Простился с исполинскими и величественными Кавказскими Горами взглянул в отдаленнейшую снежную блистательную Ельбрус гору, какое чувство благоговения возражается к Всевышнему смотря на дивные места целебные воды в последний раз вкусил я вас, но вы незабвенны пребудите в моей памяти а особенно если впоследствии явится польза от вас. Расспростившись со всем 12-го Августа утром в шесть часов отправились мы с Емельяном Осиповичем в той же коляске которой приехали и с людьми из горячих вод, погода нам благоприятствовала и скоро, сокрылась с глаз Бештовая пятиглавая гора, ароматной здорох скошенного сена распространялся по гористой зеленоватой дороге приятнейшие разнообразные виды развеселяли на[ш] взор. На первую станцию Александрию приехали в девять часов. Это селение казенное, жители все однодворцы 841 душа в подушном окладе, есть церковь деревянная Михаила Архангела, речка протекает Кума, имеют багчи и засевают оные арбузами, дынями и огурцами, все сие родится у них в изобилии, равномерно по всей Кавказской области и есть также в земле Донских Казаков и в Воронежской губернии очень много таковых же багчи. Далее от Александрии Сабля в 40 верстах как полагают и берут прогонов; по но [мо]ему мнению менее должно быть, в Сабле не преминул вышедши из коляски расспросить было ли какое нападение от черкес, но к счастию ничего такового не происходило и слух был ложный, будто бы ограбили и пожгли сие селение, напротив благополучно, только жители в осеннее время позднее бывают в страхе, ибо еще прошедшего году в Круглолецком селении в сорока верстах от Сабли разграбили и порубили. Здесь также есть церковь деревянная. Две речки протекают Карамык и Сабля, на месте хорошем расположена у подножья горы, тут пообедали и выехали в третьем часу к перемене Каллиновское, по сим местам недавно расположили артиллерию и прибавлено казачьих постов верно для всякой безопасности. В Новосергиевсвом только переменили лошадей. В нем протекает речка Калаус. В село Новопокровско[е] приехали в десять часов ночи, и так как вода здесь из источников бежит свежая и хорошая, то напились чаю, после чего отправились далее в область Ставропольскую приехали за полночь, и я только успел спросить по любопытству о убитом генерале Лисиневиче его вдове, смотритель сказал мне что она в сем городе оплакивает свою потерю но скоро едет в Астрахань. Далее отправились мы 13-го Августа были перемены Московская крепость, Донская крепость, Безопасной и Преградной Стан сии места проезжали не было время для замечания только что успевали запрягать как и в коляске к тому же почувствовал себя нездоровым что обыкновенно в дороге со мною случается. В станции Медвежий Колодезь обедали тут протекает речка Егорлык, есть каменная церковь. Далее Коллойское Летницное эти перемены имеют только по одному жилью где живет смотритель да еще в другой половине для ямщиков; также есть особенная конюшня; больше строениев никаких не встречаешь. — 14 число Пещаная Копань станция верно так названа по песчаному месту и по пустоше своей, одна только хижина. Дорога лежит степная; травы до сих пор еще зелены и наезжали на большие кучи саранчей, как[ое] множество их здесь так и толпятся, пожива однако им небольшая, еще хорошо, что такая сила не на хлебных местах. Мне случилось только в сей стране первой раз их видеть. К Среднему Егорлыку где карантин подъехали мы в девять часов вечера, тан как это было по захождении солнца то нас не впускали по ихнему узаконению, но Генералу везде будет пропуск Емельян Осипович послал немедленно ундир офицера дежурного чтобы доложил своему начальнику Полковнику, чтобы нас впустил хотя ночевать чтобы не в поле провести ночь дожидали ответу полчаса, тут сам приходит Подполковник Михаило Михайлович Кузнецов, извиняется перед генералом что служба воспрепятствовала не скоро впустить сказав в ночное время дается им покой и никого не принимают, но однако согласился и с учтивостью просил нас взойти, очень ласково принял; отвел нам комнаты для ночлега; разбудил старшего штаб лекаря Ковалевского чтоб по должности нас осмотрел; тот сделал один только пример почупая бока сказав теперь время не опасное и видно из всего что вы здоровы; в тот же час написали нам пропускное свидетельство, а в карантин мы еще с вод имели от тамошнего коменданта, а иначе никто не выезжает. Подполковник Кузнецов столько был добр что нас не задерживал, вскоре было готово отправление и еще потчивал нас самоваром; но Е.О. решился в карантине провести ночь и мы остались, людей наших осматривали особенные фельд[шера]. — Читал здесь строжайшее печатное постановление, как во время несчастного случая заразы как поступать в карантине; тогда за всякое нарушение даже на шаг если выйдешь сверх назначенного то сейчас смертная казнь; также строжайше тогда запрещается в сих домах курить табак не знаю почему; но в этот раз мы с дозволения самого подполковника и при нем курили. — Я не мог уснуть во всю ночь ни на четверть часа, только что лег, так и обсыпали меня ночные неприятели рушители покою; несколько раз выходил отряхиваться и снова нападали они на меня, ночь была ясная и я проходил около дому во всю ночь разговаривая от скуки с часовым, на заре только сон преодолел и не чувствовал кусания. 16-го выехали из Карантина в шесть часов утра к переменам Нижне Егорлычном, Мечетная, станица хорошая, казачье жительство, дома имеют опрятные, тут пили кофей я же цыкорный для необходимости. — Кагальницкая, Ботайская только что переменяли лошадей и не успевал ничего записывать. Г. Ваксай остановились осмотреть и походить, места прекрасные и во всем изо-

бильные тут Дон величественно разливается теперь сделан по нем мост который утвержден на якорях, волны так и ударяют об него и он колеблется однако проезжают хорошо. Ходили по лавкам продаются славные персидские колпаки материя; все сие место как будто непрестанную ярмарку; везде видишь разные разложенные товары, гул или шум народной воза с арбузами и разными мелочами, тут мы купили между прочим для ухи большую жирную стерлядь за два рубли и в станции Змиевской обедали; рыба была превкусная но уха не так потому что недоставало всех специев. — Г. Новочеркаск мы ночью проезжали не останавливаясь не мог я еще раз полюбоваться. — Далее Константиново, Кондрючевское, Харьковское ничего нет особенного везде только по одному жилью в некоторых для проезжающих и смотрителей построены опрятные дома. — В Астаховском остановлялись чай пить. — Лошади у ямщиков на подножном корму; и как жаль бедной этой скотине изнурены очень и не имеют еще овса, таковое несмотрение причиняет вред ездокам; случается не выносят и падают лошади на дороге; а потом большие притеснения со стороны смотрителей, требуют платы за упадшую. Росташинскую Сухобоерачную, сию перемену не напрасно так назвали по бесплодному и оврагами окруженная одна хижина где переменяют. Тут обедали и я имел большую неприятность от ленивого и грубого слуги9. Как мне кажется необразованность и вечное рабство столько их отягощает, что редкой из них выносит свое состояние без жалобы и бы раболепствовал своему господину с любовью: должно с кротостью обходиться укоризнами беспрерывными более ожесточись: надобно чувствовать по себе сколь тягостно их состояние, если бы сам был на их месте, — но зачем о сем нечего продолжать. — Далее Нижне и Верхне Лазовская где только переменяли Сухавовской, Матюшин Лог проезжали богатую землю Донских Казаков, степи распещрены цветами поблекшими, означающие осеннее время, видели мы больших коршунов, летающих стремящихся за добычами и очень сходствовали с орлами; куропаток и разной дичи по степям довольно, верно оттого, что здесь некому их стрелять. — Бычок в сей перемене остановились и как приехали во время обедни в Воскресный, покуда мазали колеса, я успел сходить в церковь, здесь каменная во имя Рождества Богородицы иконастас и все внутреннее украшение и иконописное очень хорошее, службу совершал священник с благочинием, дьячки пели порядочно, я простоял немного, ибо за мной уже пришли. Казинки переменяли. Г. Павловск; в сем городе принуждены были за починкою коляски остановиться и полсутки простоять, колеса все расшатались и рессора передняя сломалась; как приехали на почтовой двор, то за кузнецом и в починку: так были худы с трудом доехали до сего места. —

Посему мы в городе Павловске расположились ночевать пообедавши что было уже очень поздно в шесть часов пошли походить по городу, он довольно изрядной, есть каменные строения церквей три, лавки с разными товарами, мы заходили спрашивали о цене, и находили не так дорогими, а особливо арбузы дыни здесь двадцать копеек воз целой на выбор грош за арбуз, я удивился такой дешевизне от нашего города не более шестисот верст а у нас рубли по два; место здесь самое песчаное для хлеба никак не способно. Я довольно поустал к тому же имел сильную головную боль то не мог продолжать более своих замечаний. Вечером сделал расчет с Емельяном Осиповичем и отдал ему полтораста рублей ассигнациями а достальные двадцать два в Рязани. — 17-го Августа выехали из Павловска починивши коляску в пять часов утра проезжали Лосево, Шестаково, селение церковь деревянная жители одна половина экономическое однодворцы, а другая Господская Адмирала Мордвинова. От сей перемены по Воронежской губернии по дороге видишь меловые горы и кучи особливо отобранные мела; оттого верно везде по деревням находишь выбеленные дома. Средний Икорец казенное большое строение где бывают приезжие. — Ни мало не мешкали, далее Можайской поселок обедали порядочная комната у смотрителя и покуда закладывали пошел вперед, дороги тут хорошие. Станции Рогачевская, Собакина одни хутора, в которых очень худо то есть неопрятно живут однодворцы. Орловское Приваловки и Г. Усман проезжали ночью почему и остались без замечания в сем месте долго не давали лошадей были в разгоне; что по сему тракту часто случается. Ночи во весь путь были ясные полный месяц светил, погода теплая и весьма нам благоприятствовала. —

18-го Августа в одиннадцатом половине утра были мы в Липецке, где также была небольшая задержка в лошадях и пока переменяли ходил я к минеральному колодцу. Хорошо очень над ним сделано каменное строение с колоннами, также был в огромной галереи, которая состоит из двух пространнейших и больших зал: также особенная биллиардная, в которой и библиотека казенная, за сим буфет и маленькие комнаты для прислуги; потом осматривал и ванны каменное же строение как входишь то первое представляются большие чаны в оных греют воду, потом несколько рядов особливых комнат разделенные на две половины мужских и женских в них чисто по ванне имеющих два крана горячей и холодной воды, при оных там стоит канапе, стол и стул, за каждый раз платится по два рубли. — Липецк лучше устроивается и с тех пор как был в нем большую нашел перемену. — Сей год для пользования 30 фамилиев были. — Из сего города мы переменили свой тракт и дабы сблизить свой путь поехали проселочными дорогами на Раненбург где не было почтовых лошадей но нанимали обывательские против прежнего выкинули 50 верст. И первая деревня в которой переменяли было село Ильинское или Веденское, тут довольно скоро впрягли, а пока закладывали зашли мы в одну избу где встретила нас пожилая женщина и своим болтанием рассказами о своей прежней жизни как получила свободу, хвалилась поблекшей и увядшей красоте, так что в несколько минут узнали мы всю родословную и полную историю ее жизни, которая ни в чем не интересовала нас, любопытства не было

запомнить. — Отсюда отъехавши 28 верст, долго и лошади бывши изнуренные по работнему времени везли медленно, остановились для перемены в селе Михайловском, где очень поздно обедали, жителей более однодворцев, которые хуже еще крестьян живут в курных избах где и домашний скот держат, свинья вместе; много от них за ними и в нечистоте верно им подражают; в одной комнате нашли мы около двадцати человек женщины и взрослые девки крестьяне были на работе маленькие ребятишки тут же, криком своим, и товарищи их куры, кошки, собаки, не давали нам покою подивился я с какою беспечностью и нерадением о лучшем устройстве проводят дни свои, теперь еще мы в Тамбовской губернии и сколько я мог заметить везде в селах и деревнях одинаково живут; к тому же грубы и корыстолюбивы. — Из сего места мы наняли в Раненбург 30 верст куда и приехали поздно в полночь, о чем не мало сожалел, не могши по причине ночного времени осмотреть и видеть достойное любопытства в своей губернии из лучших уездных городов, который ставится и поныне имевший в себе знаменитого изгнанника Князя Меншикова очень известного по Российской Истории при Петре I-м. Его жизнь пребудет разительным примером для честолюбцев века сего, алчных к высшим почестям неумеющих ценить и пользоваться настоящими; как скоро возвышаются кто от степени низшей к высшей то польстившее ему счастье помрачает его ум от чего и рождаются неумеренные и несбыточные желания, сходствуются с человеком одержимым водяною болезнию чем более пьет тем более хочется так и приобревши высшие достоинства стремится к высочайшим; и наконец лишается всего с высоты опять на низшую степень и становится тем что был; тогда прошедшее казаться будет сном, или обманчивыми мечтаниями, размышления невольно завлекли меня вспомнить о бывшем великом человеке в наши времена. Наполеоне, которой в отдаленном потомстве будут служить образцом дерзкой своей предприимчивости, и величайших прежних успехов в хитрых честолюбивых вид[ах] своих. Много бы было излагать здесь зло причинившие возвышенностью его; всякой по собственности судит; меня же научает как можно быть умереннее в своих желаниях и уничтожать их при возрождающих ее мыслей. — Мы пристали пока наймем лошадей, в трактире, напротив нас большой хороший каменной собор, пожалел что не мог быть в нем. — Здесь нет почтовых должно было вольных взять дорого с нас взяли извозчики плуты и обманщики чем бы ехать скорее ближней дорогой к Якимцу, они совсем противоположной по худой и везли долго из Раненбурга до Якимца 35 верст мы выехали из города во втором часу ночи а приехали в седьмом в село Якимец оно разнопомещечье, две церкви каменные Казанской Божией Матери и Архангела Михаила. — 19-го Августа. Более ничего не успел заметить оттуда в Город Ряжск приехали в одиннадцатом часу строения нашли много прибавленных и одно каменное казенный дом строится, также сделана мостовая, что было очень нужно по грязному здешнему месту. В городе собор Благовещенской, река Хупта. Недолго мы были и далее поехали к станции Пехлец где только переменили лошадей, — Дорогою видели еще рожь сжатою но не убраною, крестьяне по Ряжскому уезду жалуются на притеснительное положение от своих некоторых помещиков, вовсе не имеют время за господской работой убрать свой хлеб, и до непогоды остается в поле и оттого часто при урожае без хлеба и видно скудно их житье. — А грунт земли самой хороший чернозем. В Суйск приехали в 4-м половине тут закусили, это селение господское, есть деревянная церковь во имя Бориса [Г]леба. Дом для содержателя и комнаты для приезжающих очень хороши обиты обоями, меблированы канапе, стулья столы под красное дерево везде чисто и приятно видеть такое устройство и таковые же от Ряжска до Рязани, везде в одинаком порядке. В Гребеневе последняя станция были в шесть часов вечера. Это селение экономическое живут волостные крестьяне, есть церковь Казанская Божей Матери. Из Гребенева выехали в седьмом с радостным трепетанием сердца что через час или два будем дома, мысленно давно уже находился и здоровался с милыми предметами; отсутствие доставляет нам приятность возвращением при чем всякая вещь имеет свою прелесть — как медленно казалась езда, беспрестанно понукали ямщина читали с прилежанием версты дошли уже до восьмой и что же вышло по пословице тише едешь дале будешь; мы спешили думали что уже там; но не доезжая восьми верст заднее колесо к величайшей досаде изменило нам сломалось [к] счастию еще предусматривали не успела коляска упасть; вот и в виду нашего города а не в нем; должны были решиться выпречь лошадей сесть верхами и поехать, вот и сделались странствующими рыцарями, Емельяну Осиповичу досталось с седлом и он скоро от меня ускакал; мне же пришлось без седла и в сбруи деревенской ехать в первый раз [в] жизни на крестьянской лошади, к тому же грязь темнота, лошадь беспрерывно спотыкалась, и я уже кой как дотащился, сначала приехал на дачу, в летнее время всегда живут там верста от города, но Батюшка был переехавши, сей час поврачаю, и через шесть минут был на крыльце в отцовском доме; вхожу нахожу Благодаря Бога здоровыми[10]; но через час был поражен сильно прискорбною вестью о смерти родного брата, бывшего в С. Петербурге при службе; жестокая горячка похитила его прежде времени 30-го июня он был моложе меня, отравила минуты радости моего возвращения и заставила проливать горестные слезы о невозвратной потере; так всегда со мной случается если ожидаю и желаю с нетерпением думаю что доставит мне удовольствие то должен ожидать соединение с оном и горестного но жизнь сия исполнена непостоянных случаев и сходствует изобразить ее сими стихами —

То плачет человек, то в радости смеется
То презирает все, то от всего мятется,
Но более в воздухе бывает перемен,
О коль он легкостью своей отягощен.

Сим заключаю я описание сказав что теперь дома по прежнему имею уединенную комнату на антрессолях, в которой большую часть времени

провожу в чтении и духовных занятиях. — Пишу свои иногда мысли. — Когда хорошая погода выхожу подышать чистым воздухом: одним словом веду единообразную спокойную жизнь. Иногда бывает грустно когда вспомнишь что не добро быть единому но приятно иметь сердечного друга. — Но это совсем постороннее; теперь очень доволен осмотрев любопытные отдаленности Кавказа, и для всегдашней памяти описал, да извинят если кого завлечет любопытство прочесть мои труды погрешности и несовершенства рассуждений моих, я писал для себя, и если покажут ошибки без язвительной критики могу их исправить и ожидаю снисходительности. — Я же со временем весь сей путь намерен поместить в Историю моей жизни которую необходимо описать до сих пор много было периодических происшествий ожидая последнего и заключения. —

Примечания

1. Тут находится Карантин, граница Земли Донских Казаков. В сей станции протекает речка Егорлык.

2. После упомяну я о несчастной его кончине, последовавшей от сих извергов чеченцов.

3. Сии содержания частицы почерпнул я из книги о Кавказских вод Нелюбиным.

4. Одних генералов шестнадцать. Генерал от инфантерии Сабанеев, Тайный советник Кикин, Лисинявич, Иловайский, Павленко, Труссон, Страхов, Барон Розен, Мерлини, Кузьмин, Альшевский. Волхонской 1-ой, Вольхонской 2-ой, Султан Гирей, Глазов, Миронов, Базилевич, Заседко. — Князь Шаховской. — Генерал Греков всех 20-ть генералов.

5. Сию статью о Бештовой горе перевел я с французской книги Юлия Клепрота под названием путешествие в Грузию, брал сию книгу у знакомых Князей Салтыковых.

6. Неприятные слухи стали быть по приезде в Кисловодск, а на Горячих ничего такого не было слышно. — Я было пропустил описать что у Черкес бывает 16-го Июля также и у Магометан большой праздник называемый Байрама продолжающей несколько дней, при чем они веселятся и бывают скачки на лошадях — бросая шапки на воздух скача верхом попадают в цель — также и пляски странные телодвижения, вместо музыки приплясывают и бьют в ладоши.

7. Только в сих местах и в Грузии выделывается сие дерево с искусством и не уступает ни в чем красному.

8.Кровли более соломенные или тростниковые есть также и из тесу.

9. Должно иметь большое терпение сносить если не можешь иначе ничем пособить.

10. В дороге на обратном были восемь дней из Кисловодска 12-го Августа в 6-ть часов утра в Рязани 19-го Августа 10-ть часов вечера две ночи ночевали в Карантине и в Павловске.

Текст печатается по материалам:

Рюмин А.Г. Путешествия моего журнала из Рязани к Кавказским водам, предпринятой для излечения в 1825 году // ГБЛ. Отд. рук. Ф. 178. Муз. собр. № 2999.

Описание города Ставрополя. Составлено прикомандированным к Генеральному штабу Тенгинского пехотного полка подпоручиком Носовым в 1840 году

Положение города Ставрополя

Город Ставрополь лежит под 45° 3’ 5” северной широты и 10° 49’ 33” восточной долготы по С.П. меридиану. Он расположен между реками: Ташлою и Мутнянкою.

Основание Ставрополя и наименование его уездным и областным

Основание его относится к эпохе заселения Кавказской линии ссыльными, т. е. около 1775 года.[1] 5-го мая 1785 года Высочайшим указом при составлении Кавказского наместничества из двух областей — Кавказской и Астраханской и разделении на уезды, Ставрополь был наименован уездным. Того же года указом 9-го мая при устроении почтовых дорог на линии для безопасности от внезапных покушений окружающих народов, не отвыкших еще от своеволия, построено было земляное укрепление.

Указом 15-го ноября 1802 года при наименовании Кавказской области губерниею и устройстве в ней городов и присутственных мест открыты были в нем: уездный суд, городовая и земская полиция, вместо магистрата и словесного суда ратуша, казначейство, врачебная управа, дворянская опека и штатные команды.

В 1822 году 24-го июля по представлению Главноуправляющего Грузиею генерала от инфантерии Ермолова при переименовании Кавказской губернии областию назначен был из уездного города областным, а по Высочайшему указу 9-го октября 1824 года переведены были в оный из города Георгиевска все областные присутственные места и помещены в наемных домах, пока будут для них построены новые здания; на каковой предмет Высочайше назначено было употреблять по 10.000 рублей в год на счет экстраординарных сумм. В этом же году он сделался местопребыванием командующего войсками, который на правах военного губернатора был вместе и областным начальником.

1825 года июля 22-го по Высочайшей воле, объявленной в приказе начальника Главного штаба, сообразно учреждению областного года в Ставрополе, переведен был в оный: Георгиевский внутренний гарнизонный баталион и Георгиевская жандармская команда и образовано в нем комендантское управление (ордонансгауз)[2].

Разделение Ставрополя на город и предместья

Ставрополь состоит из следующих частей:

Самый город. Главная часть Ставрополя, называемая городом, лежит при родниках, образующих чрез свое соединение реку Желобовку[3]. Она построена на возвышенности, имеющей общую покатость к востоку. На мысе этого возвышения, выдающемся на северо-восток, устроена крепость, командующая высотами с северной, восточной и южной стороны[4]. Эта часть города изрядно отстроена, улицы правильные, на главной из них проведены тротуары, которые от самих улиц отделяются почти везде каменными канавами.

Кроме сего по улицам Большой[5] и ведущей от дома г[осподи]на областного начальника[6], параллельно с Большею, проведены шоссе.

Подгорное. К северу от крепости, по крутому скату, простирающемуся к реке Ташле, лежит предместие Подгорное. С востока город ограничивается предместием Станицею, с запада — предместьем Воробьевкою, а с юга — ручьем, протекающим по глубокому оврагу и впадающим в реку Ташлу. Улицы предместья неправильны и состоят большею частью из дурных строений, обитаемых бедными людьми.

Станица. Предместие Станица построена на равнине, к западу она граничит с предместием Подгорным и крепостию, к северу — береговым скатом реки Ташлы, к югу — Большою улицею. Предместие это имеет правильные улицы, некоторые из них довольно хорошо отстроены.

Воробьевка. К западу от нагорной части города лежит предместие Воробьевка. Оно построено на плоскости, ограничивающейся к северу береговым скатом реки Ташлы, к югу — уступом, образуемым высотами. Все предместие состоит из одной только улицы. В нем находится много садов, которые расположены по большей части вниз по береговому скату реки Ташлы.

На левом берегу реки Ташлы в беспорядке разбросаны хижины. Они тянутся по возвышению вдоль опушки Круглого леса до дома лесничей команды, отсюда постепенно склоняются по скату помянутой возвышенности к реке Ташле и простираются вниз по ее течению до хуторов. Садоводство и пчеловодство составляют главный промысел жителей этого предместия.

Солдатская слободка. Три улицы, лежащие между городом и рекою Мутнянкой, называются Солдатскою слободкою.

Разделение на кварталы

Ставрополь делится на две части, каждая часть по два квартала.

Часть города, лежащая на севере от Большой улицы и пролегающей чрез нее Московской дороги, называется первою; часть же города, простирающаяся на юг от помянутой улицы, называется второю.

В первой части квартал, лежащий на запад от переулка, идущего к армянской церкви, называется первым, а на восток — вторым.

Во второй части: квартал, лежащий на запад от переулка, ведущего от богадельни к гостиным дворам, называется первым, простирающийся же на восток от означенного переулка, именуется вторым.

Число домов

Число домов: 1562, из которых 138 — каменные. Лучшие строения находятся в нагорной части города, а также по Большой, Первой, Второй улицам[7]; есть некоторые изрядные дома в предместиях Станицы и Воробьевки.

Церкви, казенные и общественные заведения, заводы, мельницы и рощи, находящиеся в Ставрополе, показаны в приложенной к сему описанию особой таблице[8].

Число душ

Число душ обоего пола простирается до 8000.

Торговля и промыслы жителей

Торговля города Ставрополя, по удаленному его положению от судоходных рек и больших городов, незначительна. Она заключается преимущественно в сгоне рогатого скота в столичные города России и в отправке пшеницы и льняного семени в Таганрогский порт.

Промысел его жителей составляют скотоводство и также садоводство и пчеловодство.

Ярмарки

В городе Ставрополе учреждены две ярмарки в году: одна бывает в день Святой Троицы, другая — 12-го октября. На оные съезжаются жители окрестностей города Ставрополя, купцы из Кавказской области, Черноморья и разных мест России, а также мирные горцы из-за Кубани и Кабарды. Торг рогатым скотом на этих ярмарках довольно значителен.

Базары

Для производства торговли съестными запасами учреждены базары, один — близ крепости, другой — между нагорною частью города и Воробьевкою. Базарные дни назначены по пятницам и понедельникам.

Местоположение

Местоположение города Ставрополя представляет большую высоту, состоящую из нескольких уступов и образующую по течению рек и ручьев глубокие овраги. Высота эта к северу ограничивается крутою покатостью, составляющею береговой скат реки Ташлы, к северо-востоку образует мыс, на котором построена крепость. Отсюда до родников реки Мутнянки она имеет слабую покатость на восток, на которой берут начало свое ручьи, составляющие чрез свое соединение речку Желобовку, но, подходя к родникам реки Мутнянки, покатость ее делается круче и, обогнув реку Мутнянку, выдается мысом у винного подвала и образует таким образом глубокое русло этой реки. От винного подвала высота эта имеет крутую покатость на 10 сажень[9] и подходит каменным уступом к роднику Карабину, потом, обойдя этот ручей и образовав отлогий хребет, простирается между означенным ручьем и рекою Мамайкою, составляя берег сей последней реки. Высоты за рекою Ташлою, простирающиеся к Круглому лесу, имеют также общее склонение на восток и состоят из уступов, по наружному своему образованию они похожи на высоты, простирающиеся на правом берегу этой реки.

Грунт земли

К Угольному лесу грунт земли глинистый, покрытый слоем чернозема; от восточной оконечности Воробьевки к роднику Карабина он каменистый — на этой полосе преимущественно разрабатываются каменные ломки. У подошвы же высоты, на которой построен город, грунт глинистый и солонцеватый, от этого вода в реках почти всегда мутная, а в колодцах солено-горький имеет вкус.

Речки

Речка Ташла образуется чрез соединение трех ручьев. Она протекает между высотами, простирающимися к Круглому лесу и высотами, на которых построен Ставрополь; высоты эти образуют ее нагорные берега. Высоты правого берега, подходя к самой реке, оканчиваются уступами и командуют над высотами левого берега, которые при верховьях реки Ташлы также подходят довольно близко к ее руслу, но потом постепенно удаляются.

Река Ташла течет сначала на северо-восток, потом, поворотив на восток, не изменяет последнего направления до Белобородовой мельницы. На сем расстоянии она принимает с левой стороны два ручья, называемые Гричевки, и с правой стороны три ручья; сии последние берут начало свое с предместий Воробьевки. При Белобородовой мельнице река Ташла поворачивает опять на северо-восток и течет вся в этом направлении, в 120 саженях ниже Волобуевой мельницы впадает в нее с левой стороны ручей, чрез который равно как и чрез Ташлу устроены мосты и пролегает дорога из Ставрополя к станице Рождественской. Отсюда река Ташла течет все по тому же направлению и принимает с правой стороны три ручья, один из которых имеет начало свое в предместии Станицы, а два другие протекают восточнее этого предместия.

Река Ташла осенью, весной, а иногда и в летнее время от дождей бывает очень быстра, вода в ней возвышается иногда более ? сажени, настоящая же глубина ее не превышала двух футов.[10] Грунт ее глинистый, отчего и вода в ней всегда бывает мутная.

Желобовка

Два ручья, из которых один имеет родники свои в даче областного начальника, а другой к 130 саженям к северу от первого, образуют чрез свое соединение речку Желобовку. Она течет на восток и принимает с левой стороны два незначительные ручья, протекающие в довольно глубоких оврагах. Вода в этой речке очень мелка, а в жаркое время вода совершенно высыхает.

Мутнянка

Река Мутнянка вытекает из двух родников и течет в крутых берегах. Она имеет направление на восток и принимает с левой и с правой стороны несколько мелких ручьев. Во время дождей речка эта бывает очень быстра и вода в ней значительно прибывает; при обыкновенной же глубине своей не превышает одного фута. Правый берег этой речки командует левым.

Карабин ручей

Карабин ручей вытекает из родника того же названия и течет на юго-восток.

В летнее время вода из Карабина ручья проводится по огородам, отчего часто ручей этот высыхает,

не достигая устья своего в реку Мамайку. Из родника его весь город пользуется водою. Карабин ручей принимает в себя с правой стороны один ручей, берущий начало в горелом лесу.

Кроме описанных, в Круглом лесу протекает также один ручей. Воды его незначительны. Ручей этот в расстоянии 560 сажень от своих источников совершенно исчезает.

Леса:

Ташлянский лес. Ташлянский лес, или Глинский, простирается от родников реки Ташлы вниз по ее течению до Белобородовой мельницы, с севера и с юга он ограничивается нагорными берегами означенной реки. Лес этот состоит из кустарника, который около Белобородовой мельницы достигает значительной высоты.

Круглый лес. Круглый лес находится на левом берегу реки Ташлы. Он большею частью состоит из мелкого кустарника.

Угольный лес. Угольный лес лежит на юго-запад от предместья Воробьевки. Деревья его вообще средней величины, есть такие, которые достигают значительной высоты. К северу от этого леса посажено 14 тыс. деревьев.

Означенные леса состоят большею частью из дуба, ольхи, тополя, орешника и грушевого дерева.

Дороги. Дороги, пролегающие из города Ставрополя в его окрестности, во всякое время года удобопроходимы для тяжестей; весною и осенью бывают очень грязны по причине грунта земли.

Комментарии

1. Как свидетельствуют архивные документы, город Ставрополь возник при крепости Ставропольской, основанной на Азово-Моздокской укрепленной линии в 1777 году. Крепость строилась казаками Волгского (Волжского) и Хоперского полков, а также драгунами Владимирского полка. Известно, что Волгские казаки фактически были сосланы в эти места за поддержку Пугачевского восстания. Указом об образовании Кавказского наместничества от 5 мая 1785 года Ставрополь был объявлен городом и уездным центром.

2. Наиболее активно развивался город с конца 1830-х годов. В результате уже в начале 1850-х годов современники отмечали, что он производил «очень приятное впечатление». Например, в статье «Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях», опубликованной в Кавказском календаре на 1855 год, сообщалось: «Раскидываясь живописно по горе и ее покатостям, Ставрополь представляет в настоящее время богатую картину и в этом отношении удовлетворяет требованиям вкуса не одного только наблюдателя, но даже требованиям самого разборчивого художника».

3. Сейчас практически вся река Желобовка закрыта в трубы.

4. Ставропольская крепость располагалась на территории Крепостной горы, границы которой на севере проходили по верхней кромке долины реки Ташлы, на востоке доходили до места, занимаемого сейчас памятником И.Р. Апанасенко, на юге — до современного проспекта Карла Маркса и на западе — до улицы Клары Цеткин. В вышеуказанной статье, опубликованной в Кавказском календаре на 1855 год, отмечалось: «Крепость, построенная в 1777 году на горе в виде пятиугольника, сохранила почти прежний свой вид и название до настоящего времени. В некоторых из ее зданий, обращенных фасадом к югу, заметны еще следы амбразур, а назад тому несколько лет, до сооружения Казанского собора [построен в 1847 году] и преобразований, около него сделанных, легко было заметить следы вала».

5. Ныне проспект Карла Маркса.

6. Здание располагалось на улице Дзержинского, разрушено при строительстве Дома книги.

7. Первая улица — ныне правая сторона нижней части проспекта Карла Маркса, Вторая улица — нижняя часть современной улицы Дзержинского.

8. Таблица в «Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии» не публиковалась.

9. Сажень равнялась 2,1336 метрам.

10. Фут равнялся 30,48 сантиметрам.

Публикация и комментарии подготовлены В.В. Белоконь

Текст печатается по изданию:
Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2004. — С. 873—876.

Середина XIX века

1 Документы, исторические описания, исследования

И.В. Бентковский*. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях

Географическое положение

Ставрополь, губернский город Ставропольской губернии, лежит под 45°3’ северной широты и 59°39’ восточной долготы от острова Ферро. Местность города, к которой мы уже присмотрелись, не так сильно действует на нас, но на всякого заезжего гостя, не знакомого еще с богатствами и красотами Кавказского края, она может произвести довольно приятное впечатление. Раскидываясь живописно по горе и ее покатостям, Ставрополь представляет в настоящее время богатую картину и в этом отношении удовлетворяет требованиям вкуса не одного только простого наблюдателя, но даже требованиям самого разборчивого художника. В прежнее время, когда Ставрополь не пользовался еще известностью, некоторые путешественники и туристы присваивали ему название красивого города; но теперь, мы уверены, они совершенно не узнают его, если кто из них не видел Ставрополя с 1837 года. В течение последних 16 лет в нем возникло столько перемен и благодетельных учреждений, что невольно удивляешься быстроте, с какою Ставрополь строился, и как скоро успел перещеголять своею наружностью многие из наших губернских городов. Что споспешествовало успеху, быстрому распространению и украшению Ставрополя, мы скажем в своем месте, а теперь бросим беглый исторический взгляд вообще на его развитие со времени основания.

История города

Ставрополь не принадлежит к числу древних русских городов; в окрестностях его и в самом городе нет никаких развалин и памятников, которые свидетельствовали бы нам о его прежнем существовании; все сохранившееся о нем не восходит далее второй половины прошлого столетия; только названия некоторых родников и речек, как например: Ташла, Мамайка, дают нам знать, что местность, на которой он теперь расположен, принадлежала некогда тюркским племенам. Племена эти не имели прочного жилища и не оставили после себя воспоминания, потому что часто подвергались нападениям как со стороны своих соседей, так и других народов, стремившихся для своего успокоения на Кавказ. Но мы должны заметить здесь, что на Кавказе, до основания настоящего города, название Ставрополь встречалось еще в двух местах, именно: в Кумыкском владении и в Пятигорском уезде, близ Маджарских развалин.

В Кумыкском владении Ставрополем называлась целая область, заключавшая в себе, по словам Гербера, Эндери с небольшим участком владений Шамхала-Тарковского до устьев реки Койсу. Хотя названия этого теперь и не существует, но земля Ставрополь сохранилась в исторических актах. Сверх того, в 1722 году, во время похода Петра Великого чрез эту землю в Персию для удержания кумыков от разбоев и грабежей, на Сулаке, рукаве р. Койсу, построена была крепость и названа по имени страны также Ставрополем или Крестовым Градом. Некоторые из путешественников и ученых, посвящавших свои труды Кавказу, замечают, что встречаемое в Кумыкском владении название Ставрополя достойно внимания потому, что оно означает древнее поселение там греков; эта догадка может подтверждаться еще тем, что кумыки до сих пор называют реку Койсу «Учь», т.е. Крестом. Крепость Св. Креста на Сулаке существовала недолго; в 1735 году, по заключении с персидским Шахом Аббасом III в Ганже мирного трактата, она была упразднена и гарнизон ее переведен в Кизляр. В настоящее время на месте этой крепости находится редут, оставивший, впрочем, за собою название Ставрополя.

* В издании 1854 года (Тифлис) авторство не обозначено.
По данным Н.А. Охонько, автором очерка является И.В. Бентковский

Относительно же заштатного города Св. Креста, или Ставрополя, находящегося в Пятигорском уезде, при впадении речки Тумузловки в Куму, близ Маджарских развалин, в летописях сохранились такие сведения: во время господства ханов Золотой Орды Маджары были самым выгодным местом для торговли: сюда наезжали с товарами купцы из Хивы, Бухары, Самарканда и других земель и городов, вели торговлю с кавказскими племенами, а чрез них и с Византией. После место это было, как говорят, летним местопребыванием ханов. Когда же, по преданию, близ Маджар в 1319 году был убит благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской, над его могилой христиане поставили крест и назвали, в память этого события, самую местность Ставрополем. На основании этого же самого предания, блаженной памяти император Павел I, желая упрочить его в памяти народа, в 1799 году дал карабагским и дербентским армянам грамоту с тем, чтобы они, если желают поселиться в России, основали бы близ Можар город Св. Креста.

Таким образом мы видим, что до основания губернского города Ставрополя название это встречалось уже на Кавказе; но имело ли оно какое-либо соотношение с нашим городом, мы не знаем, и наверно можем сказать, что Ставрополь, хотя и носит греческое название, но существованием своим нисколько не обязан древнему народу. Вот истинные причины основания его.

По назначении князя Потемкина Астраханским, Новороссийским и Азовским генерал-губернатором обращено было императрицей Екатериной II главное внимание на укрепление наших границ со стороны Кавказа.

Князь Потемкин, по прибытии на Кавказ, прежде всего старался удостовериться в возможности осуществления предположений своей государыни. Для этого он поручил Астраханскому губернатору, генерал-майору Якобию, лично осмотреть положение нашей границы от Моздока до Азова. Якобий в 1776 году, по обозрении местности, нашел, что для точного определения границы и удержания горцев от грабежей необходимо учредить военную линию между этими двумя городами. Князь Потемкин согласился с этим предположением и представил его на утверждение императрицы Екатерины II, которая также изволила его одобрить и 24 апреля 1777 года повелела привести в исполнение.

По предположению Якобия, вся линия от Моздока до Азова должна была состоять из десяти укреплений, постройка которых начата в 1777 и окончена в 1778 году. В числе этих-то укреплений находился и наш Ставрополь. О нем в донесении князя Потемкина к Екатерине II сказано так: «Под №8 крепость на вершине Егорлыка, называемой Ташлою, как ближайшая к Черному лесу, прикрывает обще с крепостью под №7 проход между Калаусскими вершинами и Черным лесом».[1]

Из этих слов ясно видно, что главная цель назначения Ставропольской крепости состояла первоначально в том, чтобы ногайцам и черкесам (адыгским племенам) преградить дорогу из Черного леса, нынешнего Темнолесска, и тем остановить их в разбоях. Сведений о нападениях горцев когда-либо на крепость ни в народных преданиях, ни в старых делах не сохранилось; следовательно, Ставрополь с самого своего начала пользовался спокойствием. Крепость, построенная в 1777 году на горе в виде пятиугольника, сохранила почти прежний свой вид и название до настоящего времени. В некоторых из ее зданий, обращенных фасом к югу, заметны еще следы амбразур, а назад тому несколько лет, до сооружения Казанского собора и преобразований, около него сделанных, легко было заметить следы вала; но теперь все это сглажено и не напоминает нам ничего о существовании укрепленного места; разве только по двум старым зданиям, занятым теперь Комиссариатской комиссией, можно догадываться, что они построены не для обыкновенных жилищ, а по военным обстоятельствам.

Что послужило поводом к названию этой крепости Ставрополем? Некоторые старожилы рассказывают теперь следующее предание: когда местность, на которой предполагалось воздвигнуть новое укрепление, была занята и приступлено к работам, на ней найден был крест, неизвестно кем поставленный. Эта неожиданная находка, ободрившая русских переселенцев к преодолению препятствий и давшая им надежду на будущее успокоение, была будто бы главною причиною, почему крепость, означенная прежде просто под №8, переименована в Ставрополь. Отказать в основательности этому преданию нет никакого повода, так как оно существует. Сверх того, на горе постоянно прежде стоял каменный крест, поставленный в 1817 году купцом Плотниковым, по рассказам одних, в память проезда чрез город Ставрополь бывшего главнокомандующим в Грузии генерала Ртищева; а по рассказам других, в знак избавления Ставрополя от чумы. Крест этот находится теперь во дворе Комиссариатской комиссии; по наружному виду он принадлежит к числу обыкновенных христианских памятников; надписи на нем никакой нет, и потому он не может иметь для Ставрополя в археологическом отношении никакого особенного значения.

В том же самом году, когда приступлено было к устройству линии от Моздока до Азова, для поселения на ней явились с Дону хоперские казаки. О них в наказе, данном на имя Князя Потемкина, упомянуто таким образом: «Хоперскому казачьему полку, расположенному в 27 верстах от Донских станиц, и следовательно, в ненужном месте, велено в этом же году (1778) перейти на линию наступающею весною, под командою войскового старшины (потом подполковника) Конона Устинова, деда нынешних Устиновых; а для содержания форпостов нарядить из Донского войска пристойное прикрытие». По прибытии казаков к Ставрополю, для них тотчас же под поселение отведен был участок земли к востоку от крепости, по горному скату. Здесь-то собственно началось первое население настоящего города, постепенно распространявшегося далее и далее к востоку по равнине. Все постройки, сделанные тогда казаками, были деревянные и не отличались своей красотою. Военным людям, пришедшим на Кавказ для укрепления границ, некогда было думать о красоте и удобстве своих жилищ, они старались только, как бы скорее заложить их основание и потом приняться за свое главное дело — оружие.

В течение первых десяти лет станица строилась, хотя и в беспорядочном виде, но довольно быстро,

потому что казаки не имели недостатка в материалах и свободно пользовались лежавшими вокруг них лесами. После же того, как и донцы обзавелись необходимым на первый раз домохозяйством, они обратили внимание и на внутреннее устройство своей станицы. Общими силами построили для себя деревянную церковь во имя Казанской Божьей Матери, огородили свои жилища и начали заниматься садоводством, составлявшим, как кажется, главный предмет тогдашней их хозяйственной деятельности.

В 1785 году учреждено было Кавказское наместничество, состоявшее из уездов: Екатериноградского, Кизлярского, Моздокского, Александровского и Ставропольского; но Ставрополь еще не пользовался в это время правами уездного города, и как ему не представлялось ничего в будущем, то переселенцы, которые начали являться тогда на Кавказ из внутренних губерний, неохотно основывали в нем свои жилища и старались строить для себя дома несколько вдали от станицы, которая, по рассказам стариков, смотрела на новых своих гостей не совсем дружелюбно. Но, невзирая на это, с каж-

Вид на крепостную гору со стороны казачьей станицы. Картина неизвестного художника. Конец XVIII века

дым годом народонаселение Ставрополя понемногу увеличивалось, и из домов переселенцев образовалась уже целая улица, носившая после название Большой Черкасской, что теперь Николаевская. Казаки, видя возрастающее близ них поселение и не желая слиться с ним, отделили, говорят, свою станицу от будущего города плетневым забором, проведенным от старой базарной площади к востоку до конца возникавшей улицы. Забор этот существовал до тех пор, пока Хоперскому полку велено было перейти из Ставрополя на Кубань; но воспоминание о пребывании его твердо сохранилось у граждан. Местность, где жил полк, носит у них до сих пор название станицы, хотя она давно уже слилась с городом и не имеет ничего общего с прежним поселением.

В 1802 г., с преобразованием Кавказского наместничества в губернию, Ставрополю предоставлено было пользоваться правами уездного города. Это новое назначение, надобно было думать, послужит к быстрому оживлению его; но подобная надежда не могла скоро вполне осуществиться. Почти все жители Ставрополя были выходцы из внутренних губерний, не имевшие у себя достаточного состояния для каких-нибудь значительных предприятий и спешившие сюда единственно за тем только, чтобы воспользоваться льготою для поправления своего незавидного положения; следовательно, им всем надобно было вновь начинать свое существование, для поддержания которого очень мало представлялось тогда еще средств. Торговля их с горцами и с некоторыми казачьими станицами, по большей части, шла меновая и ограничивалась мелочными предметами. Получаемые от торговли выгоды употреблялись почти все на постройку незавидных домов, из которых не многие имели у себя деревянные крыши, остальные все были покрыты камышом и соломой. Вот какой жалкий вид представляла в то время большая улица; а лежавшее за нею пространство, занимаемое теперь Архиерейским мостом и Александровскою улицею, покрыто было, по рассказам, водою и густым камышом. Наконец, когда все места на главной улице были заняты, жители принялись за расчистку лежавшего близ них болота и общими усилиями осушили его в три или четыре года. Тогда город начал немного подвигаться на юг, но все это, по бедности жителей, делалось медленно, как бы нехотя.

После этого спустя несколько лет, а именно в 1808 и 1809 годах, в Ставрополь прибыло около 50 армянских семейств. Поселение в городе этого промышленного народа усилило торговлю между жителями и тем открыло им главный источник богатства. Прежняя меновая торговля стала заменяться торговлей правильной и принимать более обширные размеры. Армяне, имея у себя комиссионеров в Нахичевани, Таганроге и других местах, успели в короткое время сблизить ставропольских граждан с своими товарищами и распространить между ними деятельность, которая состояла первоначально в разъездах по станицам и мирным аулам для закупки пшеницы и рогатого скота. Пшеница, чрез посредство армян, отправлялась в Ростов и Таганрог для заграничной торговли, а рогатый скот назначался для внутренних губерний. Эта последняя отрасль промышленности особенно споспешествовала к обогащению ставропольских жителей и дала некоторым из них возможность приобрести в короткое время даже значительные капиталы. Ставрополь, богатея незаметно, начал обращать внимание на свою наружность. Прежние ветхие постройки на большой улице постепенно уничтожались и были заменяемы домами, хотя и не весьма значительными, но по крайней мере такими, которые достойны были сколько-нибудь своего названия и могли на первый раз удовлетворить местным требованиям.

Армяне, поселившиеся в Ставрополе, составили из своих жилищ почти отдельный квартал, который долгое время известен был под именем Армянской улицы. От этого квартала, распространявшегося по горе к югу от старого базара, теперь осталось лишь несколько полуразвалившихся построек, ожидающих сломки для замены их новыми домами. Зато с 1810 года, в течение 25 лет, квартал этот был главным торговым пунктом Ставрополя, потому что каждый армянин имел при своем доме лавку, чрез что из их улицы образовался, на первый раз, гостиный ряд.

Казаки, в это время отделенные совершенно от города, начали селиться по течению речек Ташлы и Мамайки, и из прежде заведенных здесь ими небольших хуторов образовались почти две новых станицы: одна — к северу, а другая — к югу от крепости.

Места по Ташле и Мамайке, самые привольные и удобные для садоводства и огородничества, невольно вызывали казаков из старого тесного их жилища на свободное и никем не занятое еще пространство.

В 1822 году, по обозрении Кавказской губернии сенаторами Гермесом и Мертваго, найдено было, что настоящее ее устройство не свойственно местоположению и роду населения. По сему поручено было главноуправлявшему тогда в Грузии генералу от инфантерии А.П. Ермолову составить предположение о более удобном, по местным обстоятельствам, управлении. По проекту А.П. Ермолова велено было сделать следующее распоряжение относительно Кавказской губернии: «Переименовать ее в область, учредив областным городом Ставрополь и поручив вновь назначенному областному начальнику составить сметы на постройку необходимых там помещений».

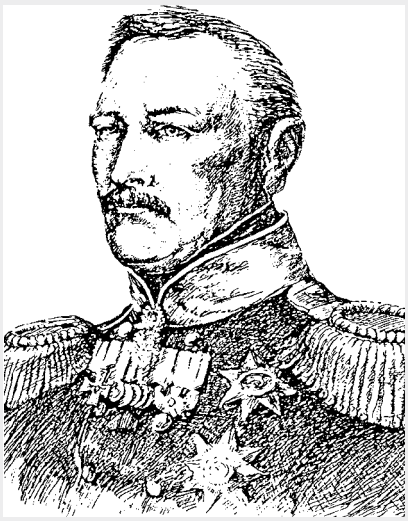
После такого неожиданного преобразования Ставрополь начинает новую для себя жизнь и быстро идет к совершенствованию.

В то самое время, как проект А.П. Ермолова был утвержден, в Ставрополе, вместе со станицей, считалось едва ли около 5000 жителей, у которых, кроме двух церквей и трех или четырех каменных домов, не было ничего более порядочного, на что стоило бы тогда обратить внимание. Принимая все это в расчет, местное начальство распорядилось оставить Ставрополь еще на два года уездным городом, чтобы он сколько-нибудь успел в это время приготовиться к принятию нового назначения. Наконец 4-го октября 1824 года совершено окончательное перенесение областного города из Георгиевска в Ставрополь.

Генерал-майор князь Петр Дмитриевич Горчаков был первым начальником Кавказской области. При нем Ставрополь мог служить довольно сносным убежищем для некоторых только губернских учреждений; самый ощутительный недостаток был в квартирах, между тем как народонаселение увеличивалось с каждым месяцем все более и более, потому что многие георгиевские граждане изъявили желание перейти в Ставрополь. Князь Горчаков, заботясь устранить как-нибудь этот недостаток и привести в порядок возникавший город, успел возбудить соревнование в ставропольских гражданах к улучшению его. Граждане увидели тогда и сами, что сооружение капитальных строений не может обессилить их материальные средства, но даст им еще скорее возможность подвинуться вперед. Так как в это время не было еще казенных построек для помещения правительственных мест и заведений, жители города спешили воспользоваться этим случаем. Некоторые из них, хотя употребили тогда на постройки последние свои капиталы, но потом вскоре были вознаграждены вдвойне. Город распространялся теперь по горе на запад и к северу от крепости по крутому горному скату.

Князь Горчаков, ознакомясь со Ставрополем, заметил, что между его жителями не было той общежительности и доверия, при каких город мог бы скорее совершенствоваться; поэтому князь старался сблизить между собою общество, чтобы оно совокупными своими силами шло по указанной ему правительством дороге. Далее он увидел, что армяне, прибывшие в 1808 и 1810 годах, развили первоначально торговую деятельность в Ставрополе, предложил еще нескольким семействам этого промышленного народа переселиться из Георгиевска в наш город. Армяне, из любви к генералу, беспрекословно исполнили его желание, и в начале 1826 года в Ставрополе явилось их еще около 30 семейств. Затем князю Горчакову поручено было для окончательного образования областного города переселить казаков на Кубань.

Это новое поручение, возложенное на генерала Горчакова, вполне знакомого с тогдашнею жизнью и характером казаков, было исполнено им не вдруг. Он старался прежде приготовить их сколько-нибудь к этому переселению и для того давал им время и возможность продавать понемногу свои дома и угодья жителям города, которые при посредстве самого князя платили казакам довольно выгодные цены за их имения. Но при всех стараниях оставить казачьи постройки в городе и окрестностях нетронутыми и не заставить казаков ломать дома и везти их за собою, князь Горчаков не мог успеть в этом. Причина, отчего это желание не осуществилось, заключалась в том, что население станицы против города было тогда почти вдвое более. Наконец, в июле месяце 1826 года, князь Горчаков сдал управление Кавказской области генералу от кавалерии Эммануэлю и вместе с тем окончательные заботы о переселении казаков и об устройстве города Ставрополя.



Генерал-майор князь Петр Дмитриевич Горчаков

Много бы можно было сказать о служебной деятельности генерала Эммануэля; но как главная цель нашей статьи — представить только картину постепенного развития Ставрополя, то мы и должны ограничиться здесь теми распоряжениями и заботами Эммануэля, которые предприняты были им в отношении областного города.

Генерал Эммануэль по прибытии в Ставрополь прежде всего занялся окончанием начатого князем Горчаковым дела, то есть переселением казаков. Казаки, как мы видели, были уже несколько приготовлены к этому; генералу Эммануэлю оставалось только окончательно побудить Хоперский полк к переселению или, лучше сказать, расшевелить его, чтобы он, не мешкая, искал бы скорее для себя нового счастья и славы не в мирной станице, а вблизи врагов, от набегов которых вверялась ему защита земледельца, не привыкшего носить оружие. В один весенний день 1827 г. казаки потянулись из Ставрополя длинной вереницей к берегам Кубани, оставив за собою в городе некоторых товарищей, не успевших приготовиться к переселению. В следующем же году и остальные донцы по протоптанной дороге двинулись в новую станицу, которая приветливо встретила и приютила их у себя и не смотрела на этих пришельцев враждебно, как смотрели на первых выходцев в Ставрополе.

Ставрополь после этого переселения мог свободно развиваться и распространяться во все стороны; гражданам не с кем было теперь вести споров за

земли и усадьбы: казаки все оставили в полное их владение. Одним словом, Ставрополь должен был с этого времени изменять свою наружность и стараться придать ей несколько более щеголеватости и красоты, чем прежде. Об этом именно заботился генерал Эммануэль. Первый шаг, сделанный им к усовершенствованию Ставрополя, была забота водворить в нем чистоту и опрятность, на которые до того мало обращали внимания. Каждому домохозяину велено было около своего жилища сделать тротуары и устроить для стока воды канавы и другие необходимые при доме учреждения. За чистотою улиц и жилищ предписано было полиции иметь строгое наблюдение; а чтобы она сильнее могла действовать и побуждать граждан к соблюдению опрятности и ему самому обо всем этом иметь верные сведения, Эммануэль назначил полицейским чиновником одного из своих родственников, о котором у граждан до сих пор сохранилось воспоминание, что он действовал и наблюдал за работами по городу без устали и тем успел завести в нем сколько-нибудь желаемую опрятность.

В это же время Эммануэль, чтобы оставить по себе в Ставрополе память, задумал соорудить в нем какое-нибудь капитальное здание, которое послужило бы на общую пользу гражданам. Здесь же надобно кстати заметить, что дом командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории начал строиться также при Эммануэле. Место, где он теперь расположен, и все идущее от него пространство, занятое в настоящую минуту частью Александровской и Театральной улицами, составляло площадь, известную под именем Татарского базара. Сюда по понедельникам съезжались ногайцы и другие горцы из-за Кубани с лесом и мелочными статьями домашнего хозяйства: здесь шла у них, выражаясь словами граждан, деятельная сатовка, или торговля; но татары, сбыв свои произведения в городе, очень редко отправлялись с полною выручкою в аулы, а по большей части оставляли ее снова в Ставрополе, потому что нуждались для домашнего своего быта во многих необходимых предметах. По сбыте товара они тотчас же отправлялись в русские или армянские лавки и закупали там железные и стальные вещи, бумажные и другие изделия. Несмотря на то, что ставропольские купцы с подобными товарами разъезжали по аулам, ногайцы и вообще горцы предпочитали нужные для них предметы покупать в самом городе. Эти небольшие, по-видимому, обороты также много содействовали к обогащению жителей и вместе с тем к расширению торговли. Купцы начали приобретать на значительных русских ярмарках, против прежних лет, гораздо более товаров; но тут они опять встретили небольшое для себя затруднение. В Ставрополе не было прочных, хороших мест и лавок, где бы могли сохраняться запасные товары. Это обстоятельство сделалось известно Эммануэлю и осуществило давно задуманный им план о сооружении на общую пользу в городе капитального здания. Однажды в Собрании ставропольского общества генерал, изложив пред гражданами настоящую их торговую деятельность и указав на недостатки складочных магазинов, начал убеждать к постройке каменного гостиного ряда на большой улице, обещая им со своей стороны всевозможное содействие. Эта неожиданность и заботливость генерала о нуждах жителей была принята с живейшею признательностью гражданами, которые не стали много думать о благом предложении и тут же спросили Эммануэля, когда они могут начать сооружение гостиного ряда. Эммануэль, довольный таким ответом, чтобы не откладывать полезного дела, открыл тотчас же подписку, кто именно из граждан желает участвовать в этом, и между тем поручил архитектору своему составить план. Когда подписка была окончена и представлена Эммануэлю, генерал, увидев из нее, что исчисленные архитектором расходы совершенно покрываются пожертвованиями, велел тогда же приступить к постройке, которая была окончена в 1828 году. Об этом свидетельствует и надпись, сохранившаяся до сих пор в гостином ряду. Содержание надписи следующее: «Сей гостиной рядъ выстроенъ попеченіемъ областного начальника, генерала отъ кавалеріи Еммануеля, иждивеніемъ Ставропольскихъ купцовъ, в 1828 году». Таким образом генерал достигнул своей цели и вместе с тем доставил гражданам удобное место для хранения запасных товаров. Ряд этот существует до настоящего времени почти в том самом виде, каким был в 1828 году. Если в нем и сделаны были после какие перемены, то совершенно незначительные. Разница против прежнего времени состоит в том, что три складочных магазина, из которых два расположены по углам гостиного ряда, а один в средине, теперь служат совершенно для другой цели. В среднем помещается церковь, известная под названием Гостинорядской, а крайние обращены в торговые лавки; но об этом подробнее мы расскажем в своем месте.

Эммануэль, окончив свое главное дело, обратил еще внимание на расположение как самого города, так и его окрестностей. До сих пор мы видели, что Ставрополь строился по всем правилам архитектурного искусства, особенно станица, а теперь ни один из граждан не мог начинать ни одной постройки без совета архитектора; предоставлялось только некоторым бедным мещанам, селившимся по речкам Ташле, Мутнянке и Мамайке, где они по большей части занимались садоводством и огородничеством, производить для себя постройки сообразно с местностью, которая мало представляла возможности к устройству правильных улиц.

В 1829 и 1830 годах в Ставрополе образовалось несколько новых улиц, хотя и незначительных, но не менее того служивших неким доказательством, что народонаселение города увеличилось; город распространялся теперь более и более к югу и именно в верхней своей части, известной ныне под именем Солдатской слободки. Эта часть города была в то время самой беднейшей по своим постройкам, но превосходила несколько своей опрятностью жилища граждан, селившихся по северному горному скату от нынешних присутственных мест и бывшей крепости. Зато поселения по Ташле и Мамайке вполне могли называться богатейшими по хозяйственным заведениям и служить своими садами и

рощами украшением городу. Эммануэлю так сильно понравилось Ташлинское поселение, что он устроил там для себя загородный дом и дачу. Дача эта существует до сих пор, и хотя давно уже принадлежит почетному гражданину Волобуеву, но в народе носит название Эммануэлевской. Она расположена по обеим сторонам речки Ташлы и составляет как в прежнее, так и в настоящее время крайнее население Ставрополя на северо-востоке.

Вот все, что мы успели собрать о деятельности генерала Эммануэля в отношении нашего города. Что же касается до жизни и военных подвигов его, то мы советуем обратиться к сочинению князя Голицына: «Жизнеопiсание генерала отъ кавалеріи Эммануэля. Санктъ–Петербургъ. 1851 г.». Автор, приступая к своему труду, начинает его такими словами: «Молодой венгерский дворянин, без всякого покровительства, кроме мужества своего, твердой воли, прямодушия и непоколебимой привязанности ко всему тому, чего требуют долг чести и долг службы, приезжает в Россию, и по истечении лет тридцати является генералом от кавалерии и начальником Кавказской области». Князь Голицын, находясь в близких отношениях к Эммануэлю, изобразил своего бывшего начальника в настоящем виде, поэтому составленная им биография не ограничивается одним послужным списком, а представляет двойную занимательность, как материал для военной истории и как прекрасная характеристика человека, замечательного во многих отношениях.

В 1831 году Эммануэль, по военным обстоятельствам, мало обращал внимания на Ставрополь и почти все это время провел на левом фланге Кавказской линии и в Дагестане. Наконец, в августе этого же года, преследуя фанатика Кази-Муллу от крепости Внезапной, был жестоко ранен в сражении при селении Акташ-Аухе и, не могши продолжать службу, сдал командование войсками и управление Кавказской областью генерал-лейтенанту Вельяминову.

Алексей Александрович Вельяминов принадлежал к числу тех решительных людей, которые, если захотят, все могут делать. Когда известие о назначении его пронеслось по Ставрополю, думали, что город совершенно будет изменен в отношении его администрации и общественного быта; но, пока граждане составляли планы в воображении, с чего начнутся преобразования, Вельяминов прибыл в город и, к общему всех удивлению, мало обратил внимания на его наружность. Занятый, по большей части, военными делами, Вельяминов на первый раз почти не входил в общественную жизнь Ставрополя и не старался вникать в ее заповедные тайны, которые, по справедливости можно сказать, и не заключали тогда в себе ничего любопытного. При том жители Ставрополя едва только начали оправляться от боязни, нанесенной городу холерой, которая причинила ему довольно чувствительный удар относительно народонаселения. Все это Вельяминову было очень хорошо известно, и хотя он не действовал наперекор обществу, но держал себя от него в отдалении. Все, знавшие Вельяминова лично, отзываются о нем таким образом: «Алексей Александрович выказывал себя только при стечении чрезвычайных обстоятельств. От его необыкновенной проницательности ускользало разве только то, чем он пренебрегал. Перед железной силой его воли преклонялось все, исчезали все трудности. Он не терял слов по-пустому; речь его была ясна и сильна, повеление коротко и убедительно, так что никто не смел и думать о невозможности или медленности исполнения. Редко видели его улыбающимся или сердитым. Спокойная осанка и речь прямая, без всяких изворотов, означали довольство и доброжелательство; но упорное молчание, привычка выдергивать себе волосы из бакенбардов и сдувать их с ладони означали противное, и кто был принят Вельяминовым в таком расположении духа, тому не доводилось похвалиться хорошим его приемом... Таков был постоянно Вельяминов и в кабинете, и перед войском, в походах чрез леса и горы, и на поле сражения. Всякий больше смерти боялся его молчаливой немилости, его безмолвного презрения; зато лестное слово от Вельяминова было лучшей наградой за исправность. Любовь к отдельным лицам в сердце его поглощалась любовью к Отечеству, в обширном смысле этого слова. Русские высоко его ценили; а сыны гор видели в нем силу неодолимую. Когда, бывало, слышали они: «Вельяминов хочет», тогда всякое сопротивление казалось для них невозможным. «Вельяминов идет» значило: нет никакого спасения».[2]

Генерал-лейтенант Алексей Александрович Вельяминов

В 1832 году Вельяминов для Ставрополя также ничего не сделал; но вся деятельность его устремлена была в это время на организацию Кавказского линейного казачьего войска, которое увеличилось тогда обращением в состав его нескольких казенных селений. Ставропольские граждане, не видя со стороны начальника поощрений к улучшению и к украшению своего города, оставались в этом отношении в совершенном бездействии. Наконец 1833 год, год неурожая, еще более обессилил материальные средства многих жителей. Город ни в каком случае не мог подвигаться вперед и совершенствоваться: каждый заботился только о сохранении своей личности. Общественная жизнь находилась в совершенном упадке: все ограничивалось тогда, безошибочно можно сказать, одним домашним очагом. Зато некоторым гражданам этот неурожайный год дал средства удвоить, утроить и даже учетверить свои капиталы; мы лично спрашивали несколько раз у теперешних первостатейных купцов-старожилов, что именно помогло им более к обогащению, и большая часть из них отзывалась, что капиталы нажиты ими от торговли в 1833 г. хлебом, который они постоянно имели у себя в запасе весьма в значительном количестве, потому что хлеб, как мы видели и прежде, постоянно заготовлялся ими для заграничной торговли. Между тем неурожайный год прошел, все оживилось и начало жить по-прежнему, а город все-таки не дви-

гался вперед. Мы не станем теперь искать причины этому и объясним ее после. Выше замечено нами, что главная деятельность генерала Вельяминова была устремлена на военные дела и что он мало обращал внимания на наружность Ставрополя. Мы не ставим последнего случая в упрек генералу и не можем этого сделать потому, что Алексей Александрович проводил в Ставрополе самую малую часть года: начиная с весны и до глубокой осени, он жил или на правом или на левом фланге Кавказской линии. Таким образом город, в то самое время, когда легко и удобно было заметить и исправить его наружные недостатки, оставался без руководителя. Это обстоятельство, впрочем, с самого начала не ускользало от соображений генерала Вельяминова; он видел и понимал его хорошо, но думал вознаградить все недостающее для областного города одним разом, по окончании своих обыкновенных военных занятий. Между тем занятия по гражданскому и особенно по военному ведомству увеличивались все более и более; тогда Алексей Александрович счел необходимым просить себе помощника в гражданском управлении. Просьба эта государем была уважена, и в Ставрополь в помощь областному начальнику назначен гражданский губернатор.

Первым губернатором в Ставрополе был действительный статский советник Семенов; но он пробыл в нем несколько месяцев, не успев ничего сделать. Место его занял генерал-майор Таубе, который очень мало действовал самостоятельно и на большую часть своих, даже незначительных, распоряжений по городу предварительно испрашивал разрешения у генерала Вельяминова. Эта неуверенность Таубе в своих действиях очень много замедляла развитие Ставрополя, в особенности в то время, когда он оставался один в городе и был полным его хозяином и руководителем во всех благоразумных и полезных для общества предприятиях.

В течение 1834 и 1835 годов в Ставрополе к прежним незначительным постройкам прибавилось очень немного новых зданий, из которых более заслуживало тогда внимания помещение для штаба войск Кавказской линии и Черномории, расположенное на Александровской улице; но теперь оно не имеет никакого значения и между капитальными зданиями совершенно почти незаметно. В доме командующего войсками также сделано было несколько перемен и пристроек; особенное же внимание А.А. Вельяминова обращено было на усовершенствование находящегося при доме сада, который служил тогда единственным местом для общественных гуляний, но только не во всякое время, а в известные праздничные дни. Иногда гулянья были и в Бабиной роще (нынешнем Воронцовском саду); но роща эта находилась в самом жалком состоянии и мало доставляла удовольствия и развлечения посетителям. А.А. Вельяминов, ознакомившись наконец со ставропольской жизнью и желая сблизиться с обществом, во время пребывания своего в городе начал в торжественные дни давать в доме своем балы, но сам никогда не участвовал в них и был только холодным наблюдателем всего происходившего. Иногда, чтобы ближе увидеть городскую толпу, генерал пред своим домом, на площади, приказывал пускать фейерверки, а в саду заставлял играть полковую музыку. Вот чем в эти патриархальные времена ограничивались общественные удовольствия.

Перейдем теперь к другому, более материальному предмету — торговле, и посмотрим, в каком находилась она состоянии. Из отчетов, доставлявшихся тогда лицами, следившими за успехами торговли, заметно, что обороты капиталов значительно увеличились и что класс промышленных людей с каждым годом также умножался. Успех этот приписывают выгодному положению Ставрополя, хотя он и стоит в таком месте, которое лишено совершенно водяных сообщений. Знатоки дела говорят, что Ставрополь, находясь между двумя морями, Каспийским и Черным, землею Войска Донского и Закавказьем, и на главном почтовом тракте, по необходимости должен был сделаться одним из выгодных рынков для обмена произведений севера и юга; что такое положение дало торгующему сословию удобства к быстрым оборотам и скорому обогащению; но главные обороты в то время, о котором мы теперь пишем, производились на ярмарках Троицкой и Ивановской 12 октября; срок ярмаркам назначался обыкновенно недельный. Хотя этот срок, при худом пути, мог быть несколько стеснительным для приезжих купцов и своевременной доставки товаров, но промышленники распоряжались своими делами в этом отношении так, чтобы успеть прибыть в Ставрополь до начала ярмарки за несколько дней. Это делается и теперь: большая часть хозяйственных произведений сбывается постоянно в самом начале ярмарки, или, по крайней мере, до настоящего разгара ее. Впрочем, несмотря на значительность в тридцатых годах коммерческих оборотов и невзирая на изобилие товаров, ставропольские жители по миновании ярмарок не могли похвалиться дешевизной, особенно тех предметов, которые удовлетворяли нуждам не первой необходимости. А что торговля действительно увеличилась и сословие коммерческих людей умножилось, тому лучше всего служили доказательством вновь выстроенные к северу от гостиного ряда каменные лавки, которые своим числом превзошли даже самый гостиный ряд. В лавках этих, разделенных на четыре довольно значительных корпуса, помещаются теперь по большей части торговцы армяне, поэтому многие жители называют их армянскими лавками. Нужно еще упомянуть здесь, что открытие города Пятигорска с его минеральными источниками усилило в Ставрополе движение и доставило ему несколько материальных средств от проезжавших из внутренних губерний во время курса. Число посетителей Пятигорска в управление генерала Вельяминова было самое значительное, и большая часть из них принадлежала к людям богатым. Эти праздные туристы, стремившиеся ежегодно к минеральным источникам не столько для облегчения себя от недугов, сколько из любви к кавказской природе, не жалели денег и щедро оделяли во время своего проезда Ставрополь и особенно Пятигорск, в котором проживали по три и четыре месяца.

В 1836 году Ставрополь, при быстром увеличении народонаселения, весьма много строился в верхней своей части, известной под именем Воробьёвки. Эта часть города, расположенная на возвышенной равнине и признанная в климатическом отношении самой здоровой, состояла из одной улицы, которая простиралась в длину более нежели на целую версту. Здесь в это время в нескольких домах, довольно красиво расположенных, помещался Ставропольский военный госпиталь, остальные незначительные постройки также приносили жителям значительный доход, будучи отдаваемы внаём медикам и

другим лицам, искавшим во время лета успокоения от городского шума и от жары, которая для приезжих из внутренних губерний казалась на первый раз невыносимой. В этом же году Ставрополь подвигался на юго-запад от Воробьевского поселения, к тому самому месту, где теперь стоят капитальные здания военного госпиталя. Все начальные постройки были здесь деревянные, но довольно красивой архитектуры. Одно неудобство их состояло в том, что они слишком были удалены от города, так что со стороны площади, что перед домом командующего войсками на Кавказской линии, постройки эти казались совершенно отдельным поселением, или, лучше сказать, загородными домами, но теперь, напротив, мы видим совсем другое, и это незначительное городское предместье величаем новым городом.

1837 год для Ставрополя служит одним из самых достопамятных, почему именно, — это мы увидим. Еще в начале нашей статьи замечено, что если кто с 1837 г. не был в Ставрополе, то в настоящее время совершенно его не узнает; этим мы старались напомнить ставропольским гражданам тот незабвенный день, в который они удостоились предстать пред лицом своего августейшего монарха и, оживленные посещением Его Императорского Величества, быстро после того начали подвигать свой город вперед на пути к улучшению. В начале этого года в Ставрополе все было спокойно, тишина не нарушалась никакими новыми занятиями и преобразованиями со стороны граждан. С наступлением весны начаты были постройки, по большей части незначительные. В июне месяце пронесся слух, что в Ставрополь в конце этого года пожалует государь. Известие это более всего озаботило граждан потому, что они ничего не успели сделать замечательного в своем городе, тогда как Ставрополь, считаясь главою области, должен был сколько-нибудь равняться по своей наружности с прочими центральными городами внутренних губерний, а в это время едва ли он своей красотой мог перещеголять некоторые наши уездные города. Граждане, не желая уронить значение Ставрополя, постарались свои жилища, не могшие похвалиться громадностью и изяществом, привести в такой вид, чтобы они заслужили внимание хотя за свою наружную опрятность. Эта забота много содействовала к большему водворению в городе чистоты, устройству тротуаров и других полезных учреждений. Сверх того граждане задумали в это время вымостить главную улицу, которая во время дождей делалась для езды весьма затруднительной. При содействии генерала Вельяминова задуманная мостовая к октябрю месяцу совершенно была готова. Она простиралась от Тифлисской заставы до дома командующего войсками. Следов этой мостовой теперь уже не существует; она заменена впоследствии новой, более прочной и удобной.

В день 17-го октября жители Ставрополя толпились по улицам своего города и с минуты на минуту ожидали прибытия августейшего монарха; наконец, пред вечером этого дня, вдруг раздались между народом слова: «Царь, Царь!». Толпа раздвинулась, и по вновь устроенной мостовой пронеслось несколько экипажей к дому командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, куда вслед за тем потянулась вся масса народа и оставалась там до поздней, глубокой ночи.

На следующий день, т.е. 18 октября, самая большая масса народа сосредоточилась у гостиного ряда, где устроена была небольшая выставка произведений Кавказского края. Выставка эта удостоилась посещения Государя Императора, и здесь-то ставропольские жители в первый раз имели счастье увидеть своего августейшего монарха. По осмотре выставки Государь с генералом Вельяминовым в сопровождении своей свиты отправился в дом комиссионера Серова взглянуть там на воспитанников уездного и приходского училищ и подарить их открытием гимназии. Этот день, достопамятный для ставропольского юношества, губернская гимназия празднует теперь постоянно каждый год; в чем состоит празднество, будет нами подробно объяснено в своем месте. Государь Император, по открытии гимназии, прибыл снова в дом командующего войсками, где вечером дан был блестящий бал. На другой день, 19 октября, Государь рано утром изволил выехать из Ставрополя по тракту в Новочеркасск в сопровождении многочисленной толпы народа.

Вскоре по отъезде Государя Императора граждане на общественных сходках повели речь о том, что пора заняться им устройством города и перестать скрывать свои капиталы в неизвестности. Они согласились лично просить генерала Вельяминова исходатайствовать им для этого какие-либо льготы и преимущества; но такое благоразумное предприятие их в это время было остановлено болезнью генерала. А.А. Вельяминов с января месяца 1838 г. сильно занемог, и болезнь его с каждым днем усиливалась; медицина истощила все свои усилия, но спасти генерала не оставалось никакой возможности. 27 марта он оставил свет, успев только высказать приближенным свое желание о погребении его на родине. 6-го апреля тело покойного генерала при многочисленном стечении жителей и войска торжественно было предано земле. Погребальная процессия печально тянулась от старого Троицкого собора до госпитальных кладбищ, пред которыми, на площади, войска отдали последний долг своему доблестному начальнику и возвестили громом орудий, что его более не существует. За этим вскоре (чрез 12 дней) от военного министра дано было знать генерал-майору Таубе, что Государь Император Высочайше повелеть соизволил: тело покойного генерал-лейтенанта Вельяминова, находящееся в Ставрополе, согласно последней его воле, перевезти для погребения Тульской губернии, Алексинского уезда в село Медведку, принадлежавшее сему генералу. Таким образом последнее желание А.А. Вельяминова исполнилось, и прах его 19 апреля увезен был из Ставрополя, в котором этот отличный генерал не оставил после себя никакого памятника своего управления, кроме одного воспоминания и непритворного уважения к своим личным достоинствам.

После Вельяминова командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории назначен был генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе, вступивший в отправление своих обязанностей 30 мая 1838 г. с истинным желанием трудиться для общественной пользы и спокойствия Кавказского края. Ставрополь должен был ожидать теперь многого, и долг справедливости требует сказать, что с этого собственно времени он начал свою настоящую жизнь.

Генерал Граббе, по осмотре Ставрополя и всех бывших в нем правительственных и частных заведений, нашел много недостающего для губернского города. Грустное впечатление, произведенное этими недостатками, долго беспокоило генерала, и только деятельный труд с твердою надеждою на успех доставили ему некоторую уверенность, что он достигнет своего желания и невнятное чувство будет вскоре рассеяно. Необходимо здесь нам вспомнить, в каком положении находился тогда город и что в нем было. Начнем прежде всего с духовных учреждений. Ставрополь по своему народонаселению и званию областного города не должен бы был иметь недостатка в Божьих храмах; а в это время в нем было только две церкви: во имя Св. Троицы и Казанской Божией Матери. Последняя была деревянная и довольно ветхая, и та принадлежала не гражданам, а бывшим некогда в городе казакам Хоперского полка. Казаки долго хлопотали, чтобы перенести свою церковь в новую их станицу, и хотя им жители Ставрополя предлагали за нее воздаяние, но они не согласились. Церковь эта в апреле месяце 1839 г. была сломана и увезена казаками на Кубань в Суворовскую станицу. Ставрополь остался тогда с одним храмом.

Генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе

Далее правительственные заведения, под которыми мы разумеем здесь собственно присутственные места, рассеяны были по всему городу, чрез что представлялось большое неудобство в сношениях их между собой. Некоторые же места, получавшие довольно ограниченное содержание на расходы, находились в самых отдаленных частях Ставрополя и имели для себя весьма неудобные помещения; а в дождливое время года и в начале весны к ним совершенно невозможно было ни пройти, ни проехать. Это прежде всего бросилось в глаза генерал-лейтенанту Граббе.

Общественная жизнь после князя Горчакова нисколько не подвинулась вперед; граждане жили в своих тесных домах, не заботясь о взаимных между собою связях и развлечениях. Каждый думал только о себе и поневоле мог наконец очерстветь в нравственном отношении.

О воспитании юношества также мало заботились. Гимназия только что начинала возникать, и для поддержания ее надобно было много труда и усилия со стороны главного начальства. О женском поле и говорить нечего — он предоставлен был самому себе. Слово «пансион», можно смело сказать, было незнакомо тогда Ставрополю.

Наконец взглянем теперь вообще на Ставрополь: отчего он был так беден постройками? Неужели жители его не имели достаточных средств, чтобы свои жалкие помещения заменить порядочными зданиями, тогда как чувствительного недостатка в материалах, особенно в камне, город не мог тогда иметь?

Вот главные вопросы, на разрешение которых П.Х. Граббе обратил свои усиленные труды после обозрения Ставрополя. По собрании точных сведений о городских средствах и доходах и о состоянии самих граждан, он увидел, что все неудобства могут быть мало-помалу устранены, лишь бы только со стороны жителей было принято живое участие в этом деле. Для того он лично старался узнать от них о причинах медленного развития города. Призвав однажды к себе почетных ставропольских граждан, Павел Христофорович представил им тогдашнюю картину города, его жизнь, потом сличил его с прочими губернскими городами, указал на главные его недостатки и наконец спросил их: неужели они не имеют достаточных средств к улучшению своих жилищ, прося вместе с тем говорить ему обо всем откровенно. Тогда граждане объяснили, что они и сами постоянно думали и думают об украшении своего города; но главное затруднение, останавливающее их предприятие, состоит в том, что они, убив на постройку свои капиталы, не предвидят после от того никаких для себя материальных выгод, а только один убыток, и невольно должны будут терпеть недостатки, ибо, соорудив какое-либо капитальное здание, они обязывались половину его покоев отдать под постой, так что выручка употребленного на постройку капитала оставалась явно безнадежной. П.Х. Граббе, узнав теперь истинные причины медленного развития Ставрополя и не сомневаясь нисколько в содействии граждан к исполнению задуманных им планов, принял живое участие в областном городе. Он тогда же убедил жителей приступать немедля к постройкам с твердою уверенностью, что для новых зданий им непременно будет исходатайствована на несколько лет льгота от постоя и других повинностей. Павел Христофорович при этом изложил пред гражданами, что капиталы их нисколько не пострадают, если будут употреблены на постройку, но, напротив, доставят им всегда выгоду, во-первых, потому, что здания, пользующиеся льготой, принесут верный доход от найма; во-вторых, потому, что граждане, занимающиеся подрядами и поставками, будут иметь возможность представлять строения в залоги, а те, которые промышляют другими предметами, также отдавать свои дома в залоги другим благонадежным лицам и пользоваться процентами. Таким образом от капитального здания каждый хозяин получит всегда двойную выгоду — от найма и залога, а чрез то капитал может в короткое время еще более увеличиться. С убеждением этим ставропольские граждане вполне согласились, и с твердою надеждой на верный успех в будущем многие из них в конце 1837 года начали запасаться материалами и готовить планы на новые здания. Между тем генерал-адъютант Граббе вошел с представлением о даровании жителям Ставрополя льготы для новых построек. Представление это увенчалось полным успехом. Всем выстроенным каменным домам предоставлено было пользоваться свободою от найма и других повинностей в течение десяти лет.

В 1839 году генерал Граббе, по военным обстоятельствам, не мог исключительно посвятить свои труды Ставрополю. Самое лучшее время этого года он провел на левом фланге Кавказской линии и ознаменовал себя там новым подвигом, доставившим ему немалую известность, а именно поражением скопищ Шамиля и взятием штурмом замка Ахульго, служившего убежищем этому герою-фанатику. Впрочем, настоящее отсутствие начальника области не остановило наших граждан в предприятиях:

в городе вдруг во многих частях, особенно на большой Черкасской улице воздвигнуто было несколько новых каменных двухэтажных домов и повсюду теперь оказывались приготовления к сломке старых хижин и обнаруживалась забота об изяществе выстроенных и вновь предполагаемых зданий. Генерал Граббе по возвращении из экспедиции, заметив, что главное дело кончено и приносит уже свои плоды, обратил внимание на другой заданный им себе прежде вопрос: об общественной жизни и о воспитании юношества.

Для развития общественной жизни П.Х. Граббе употребил со своей стороны большие усилия. Чтобы соединить теснее общество и упрочить связь его навсегда, он придумывал всевозможные средства для побуждения почетных жителей Ставрополя как можно чаще видеться между собой; словом, он хотел вызвать всех из закулисной жизни на свежий воздух и познакомить с удобствами европейского быта. Для того очень часто устраивал он в своем доме балы и подавал собою пример другим подражать ему в этом по возможности и силам. Тогда же каждый из почетных сочленов ставропольского общества, чтобы не уронить себя пред ним, занялся меблировкою своих покоев и начал обзаводиться приличным экипажем. Шаг был сделан вперед, оставалось только поддержать стремление. В это же время явилась мысль об устройстве в Ставрополе бульвара на нынешней Николаевской улице. Заботу об этом генерал Граббе возложил на тогдашнего коменданта, полковника Масловского, который благое намерение своего начальника вскоре привел в действительное исполнение. Пространство, где теперь раскидывается часть нынешнего бульвара от Градской Думы к театру, тогда находилось в запустении, зарастало бурьяном и наводило собою грустное впечатление на гуляющих; а теперь это же место, спустя каких-нибудь 16 лет, служит богатым убежищем от зноя и вместе с тем украшением городу.

Относительно воспитания юношества, как главного и необходимого условия в общественной жизни, генерал Граббе, по мере возможности, старался вникать в тогдашнее положение гимназии, состоявшей в ведении Харьковского учебного округа. Хотя попечение об этом заведении и не относилось к непосредственным его обязанностям, но забота о благосостоянии Ставрополя не давала ему покоя; он везде и во всем хотел оставить после себя память. В свободные от занятий часы П.Х. Граббе очень часто посещал гимназию и нередко лучших из ее воспитанников вместе с преподавателями приглашал к себе на обеды и балы и там, видимо, хотел в одних возбудить соревнование, а других заставить вести молодых людей к истинной цели просвещения. С другой стороны, при содействии Граббе бывший учитель гимназии, Крупье, основал в Ставрополе первый женский пансион, который служил долгое время единственным заведением для воспитания прекрасного пола и существовал бы, может быть, до сих пор, если бы дряхлость не заставила старика Крупье сложить с себя это бремя в 1849 г. на другого. Мы должны также заметить, что пансион этот для Ставрополя принес много существенной пользы и особенно в том отношении, что жители города вместо прежнего небрежения о воспитании своих дочерей стали уже чувствовать для себя необходимым и даже почитали самым главным делом в домашней жизни дать своим детям хотя какое-нибудь понятие об окружающем и указать им истинный путь к просвещению.

Бывшие во время управления П.Х. Граббе Кавказской областью гражданские губернаторы генерал-майор Хомутов, действительный статский советник Семенов и генерал-майор Сотников также принимали участие в общеполезных делах и старались помогать своему главному начальнику в скорейшем осуществлении его намерений, но не могли оказать больших услуг Ставрополю потому, что, пробыв в нем по нескольку месяцев, они получали вскоре новые для себя назначения.

Представив по возможности главный переворот, совершавшийся теперь внутри Ставрополя, перейдем снова к его наружности. В течение 1840, 1841 и 1842 годов постройки шли чрезвычайно быстро, так что следить за постепенным возникновением их, как делали мы это прежде, весьма затруднительно; город строился во всех своих частях и предместьях и расширялся незаметно. Мы здесь укажем на те только здания, на которые преимущественно обращено было внимание генерала Граббе. Одно из них принадлежит войску — это казармы, устроенные на площади к юго-западу от дома командующего войсками. Прежде, во время лета, находившийся в Ставрополе батальон располагался в этом самом месте лагерем, а теперь получил для себя всегдашнее верное убежище от зноя и холода. Перевод батальона на постоянные квартиры послужил некоторым образом и к распространению Ставрополя. Это вполне мы видим в настоящее время: расстилавшееся до того времени вокруг казарм пустое пространство представляет теперь хотя и небольшое, но довольно чистое и опрятное поселение, мы могли бы сказать собственно военное поселение, если бы тут не было построек, принадлежащих ставропольским гражданам.

К числу других капитальных зданий, обязанных своим существованием генералу Граббе, принадлежат присутственные места. Выше еще заметили мы, что Павел Христофорович имел сильное желание разбросанные до того времени по городу правительственные учреждения собрать в одно место; но на первых порах успеть в этом было очень трудно. Когда же граждане начали безостановочно заниматься украшением своего города и строиться, генерал Граббе, собрав сведения о сумме, которая употребляется присутственными местами на наём частных домов, нашел, что в общей своей сложности она может вполне удовлетворить за труды того из граждан, кто решился бы принять на себя постройку отдельного здания для помещения всех правительственных мест. Вследствие этого намерение генерала было передано ставропольскому купечеству, из среды которого почетный гражданин Волобуев первый вызвался привести его в исполнение, и это теперь мы видим на самом деле.

Военный госпиталь, первое капитальное здание, бросающееся в глаза въезжающему в город из внутренних губерний чрез Черкасскую заставу, также выстроен под наблюдением П.Х. Граббе.

Радуясь успеху своих предприятий и оживлению Ставрополя, генерал Граббе не остановился и посто-

янно переходил от одного предмета к другому. Заключенные, имевшие до настоящего времени весьма неудобное и тесное помещение, были также приняты им под свое покровительство. Рассчитывая с истинно христианской заботливостью, что между преступниками могут быть очень легко и совершенно невинные, Павел Христофорович думал устроить такое для тюремного замка помещение, где заключенные прежде своего осуждения были бы сколько-нибудь изъяты от страданий. Для этого, по проекту его, у Гремучего родника воздвигнут, хотя и грустный по своему назначению, но прекрасный по наружности корпус; по крайней мере мы смело можем сказать, что с устройством замка судьба заключенных многим улучшилась, особенно же в теперешнее время.

В довершение всех своих распоряжений к усовершенствованию Ставрополя П.Х. Граббе не хотел оставить без внимания религиозной и нравственной стороны города как главных оснований к его будущему благоденствию и процветанию. Но как это трудное дело не могло быть им исполнено без содействия духовного архипастыря, который

Генерал-лейтенантъ Владимир Осиповичъ Гурко

бы преимущественно обязан был следить за нравственностью и религией, П.Х. Граббе принял на себя ходатайство об учреждении в Ставрополе Епископской кафедры и отдельной Кавказской епархии. Расчет генерала был верен в том его предположении, что граждане, воодушевленные пастырским словом, непременно займутся постройкой церквей, которые, кроме высокой духовной цели, много послужат к украшению города и поднимут его в глазах простого народа, удивлявшегося прежде, что в Ставрополе один только Божий храм, и очень часто иронически выражавшегося об этом словами: «Уж и видно, что Кавказ». Наконец 4 апреля 1842 г., вследствие ходатайства генерала Граббе, последовало Высочайшее повеление об учреждении Кавказской и Черноморской епархии; но Павел Христофорович не дождался прибытия архипастыря и в конце этого года выехал из Ставрополя, желая ему успеха в дальнейшем развитии.

По отъезде П.Х. Граббе, в январе месяце 1843 года в Ставрополь прибыл новый начальник Кавказской области и командующий войсками генерал-лейтенант Владимир Осипович Гурко. Ставрополь, стряхнувши с себя покрывавшую его прежде пыль, в это время много поюнел и во всем представлял живые следы деятельных трудов и полезных преобразований. Все это генерал Гурко хорошо видел при обозрении города и постановил себе обязанностью продолжать начатое.

В этом же году, как мы помним, вечером в Великую Субботу перед Пасхой наш город был оживлен приездом Преосвященного Иеремии, первого Епископа Кавказского и Черноморского, по справедливости достойного воспоминания и уважения за свои заслуги, оказанные городу в нравственном и религиозном отношениях. Все, что мы видим теперь хорошего и полезного в духовных учреждениях, принадлежит именно ему. Граждане до приезда Преосвященного Иеремии приняли на себя труд приготовить помещение для своего духовного пастыря, но долго у них шли толки о месте, на котором предполагали устроить это помещение, и чрез это к приезду Преосвященного оно не было окончательно отделано. Затем почетный гражданин Волобуев, движимый чувством христианского благочестия, приняв в том деле весь труд на себя, приобрел на Кузнечной улице уютное с домом место и в несколько месяцев привел все там в порядок и устроил домашнюю церковь. С переходом сюда владыки Кузнечная улица получила название Архиерейской, а бывшие невдалеке отсюда, в небольшой лощине, городские кузницы перенесены за город к ярмарочной площади. Новая эта улица, до того заброшенная и мало населенная, быстро начала застраиваться, особенно средним классом ставропольского народонаселения. Пространство за архиерейским домом было занято только старыми городскими кладбищами, а на восток от них разбросано несколько мещанских хижин; теперь же, в течение каких-нибудь 11 лет, из этого пустопорожнего места образовалось целое новое предместье города с правильными улицами, ясно свидетельствующее, что народонаселение Ставрополя значительно увеличилось.

Преосвященный Иеремия, знакомясь понемногу со ставропольским обществом и стараясь понять его с той точки зрения, которая относилась непосредственно к обязанностям архипастыря, увидел, что общество расположено к благим предприятиям и что с помощью его можно много сделать полезного для города. С этой мыслью Иеремия обратился к генерал-лейтенанту Гурко и просил его содействия, которое генерал всегда готов был оказать ему, потому что необходимость в духовных учреждениях была очевидна и отчасти также лежала на обязанности главного начальника. Предоставив теперь заботиться о духовных учреждениях архипастырю, В.О. Гурко желал, по примеру своего предшественника, заняться дальнейшим усовершенствованием города, но по военным делам не мог предпринять многого и решительного. Вторую половину 1843 г. он провел на левом фланге Кавказской линии, следя за волнением горцев, которое наконец было прекращено поражением скопищ Шамиля при селении Большие Казанищи. В следующем году после этого удачного предприятия Гурко вновь отправился в экспедицию и все почти летнее время находился в Чечне, занимаясь там учреждением Сунженской линии, где тогда же им заложено было и Воздвиженское укрепление. Однако Ставрополь, несмотря на эти частые отсутствия начальника области, не переставал распространяться; пустопорожние места быстро застраивались и не какими-нибудь хижинами, как это было прежде, а по большей части каменными домами. Преосвященный Иеремия, со своей стороны, успел привести в порядок заброшенные городские кладбища и убедил граждан приступить к постройке нескольких церквей и к доставлению необходимых для них украшений.

По назначении графа Михаила Семеновича Воронцова (ныне светлейшего князя) наместником кавказским (27 декабря 1844 г.) и по прибытии его

на Кавказ, страна эта встрепенулась от долгого сна, ожила, и схороненное в ней несколько веков золотое руно вызвано наружу. Генерал-лейтенант Гурко в это время по Высочайшему повелению переведен в Тифлис начальником главного штаба войск, на Кавказе находящихся, а в исправление его прежней должности вступил генерал-лейтенант Николай Степанович Завадовский 21 февраля 1845 года. Все, что было сделано для Ставрополя в течение последних девяти лет, совершилось пред нашими глазами; но вдаваться в подробности, считая здесь излишним, мы объясним в точности все полезные преобразования далее, при обозрении каждой части города отдельно, а теперь укажем только на главные изменения, сделанные в Ставрополе во время управления Кавказским краем генерала Завадовского при содействии Преосвященного Иеремии и гражданских губернаторов, генерал-майоров Ольшевского, Норденстама и Волоцкого.

О постройках, производившихся во все это время, можно бы было написать целу ю статью, если бы мы стали следить за ними таким же образом, как и прежде; но достаточно сказать, что с 1838 г. выстроено в городе более 280 каменных домов, за исключением церквей. Одна эта цифра может свидетельствовать о быстроте и успехе, с каким производились ставропольские постройки в последнее время. Из более замечательных зданий, заслуживающих по своей массивности быть упомянутыми, воздвигнуты: Казанский кафедральный собор, театр, дом купца Плотникова для гимназии, и проч. и проч.

Все эти постройки, ясно показывающие благосостояние города, заставляли начальство содействовать гражданам в их предприятиях, и пока они так горячо принимались за благое дело, стараться воспользоваться этим всеобщим рвением. Преосвященный Иеремия при содействии командующего войсками, достигнув главной своей цели — устройства церквей, обратился потом с просьбой в Святейший правительствующий Синод об учреждении в Ставрополе духовной семинарии. Просьба эта Святейшим Синодом была принята благосклонно и в конце 1846 г. (13 ноября) осуществилась на самом деле. Затем было открыто особое отделение для бедных воспитанников.

Между тем как Ставрополь постепенно совершенствовался и расширялся более и более, наместник кавказский ходатайствовал о переименовании Кавказской области в губернию. Новое назначение, готовившееся Ставрополю, по-видимому, не должно было произвести влияния на его развитие; но когда 2 мая 1847 года последовало Высочайшее повеление о переименовании области в Ставропольскую губернию, наш город поднял свою голову несколько выше. Жители начали гораздо внимательнее всматриваться во всё принадлежавшее им и, конечно, много бы сделали хорошего в это время для общественной пользы, если бы, к несчастью, не помешала тому явившаяся тогда холера; однако, несмотря и на этот страшный бич, граждане не жалели денег и приносили огромные пожертвования на разные благотворительные заведения. В этом же году, вскоре после того, как Ставрополь получил название губернского города, положено было основать каменное двухэтажное здание для присутственных мест городового управления. Так как купеческое и мещанское общества постоянно умножались, прежде же выстроенные ими деревянные дома для городских мест сделались весьма тесны, особенно во время выборов или значительных торгов, то сама необходимость указывала, в отвращение неудобств в будущем, построить новое, просторное и во всех отношениях приличное здание, где можно бы было поместить думу, магистрат и другие городские управления. Об этом особенно заботился гражданский губернатор генерал-майор Норденстам; но когда план и смета были составлены, оказалось, что, по недостатку сумм, на счет городских доходов нельзя предпринять всей постройки. При таком затруднении, по убеждению И.И. Норденстама, 1-й гильдии купец Иван Ганиловский, из усердия к общественной пользе, постройку здания принял на себя, а вместе и все расходы, которые не могли покрыться городскими доходами, решился обеспечить своей собственностью. Городское здание было заложено 29 мая[3].

И.И. Норденстам, много старавшийся об устройстве этого здания, не дождался его окончания и дальнейшие заботы о нем передал своему преемнику, генерал-майору Александру Алексеевичу Волоцкому. Площадь, на которой расположены теперь городские места, занята была до того времени базаром, много вредившим чистоте и опрятности города. Когда же Кафедральный собор был воздвигнут на горе близ этой площади, тогда место это в особенности не соответствовало уже цели своего назначения, а потому базар, согласно Высочайше утвержденному плану, по распоряжению генерала Завадовского переведен был к Воробьевскому предместью. Это перенесение мелочной торговли в верхнюю часть города побудило многих жителей поспешить занять для себя выгодные места и устроить заблаговременно удобные помещения. Кроме того, что граждане начали поспешно воздвигать на Воробьёвке каменные здания, Н.С. Завадовский, чтобы еще скорее подвинуть это дело вперед, много старался об устройстве там нового гостиного ряда. Это предприятие увенчалось полным успехом.

Генерал-лейтенант Николай Степанович Завадовский

При обозрении городских мест генерал-майором Волоцким в 1848 и 1849 годах замечено было, что квартирная повинность особенно обременительна для жителей города Ставрополя по значительности воинского постоя и что назначение этой повинности хотя делается по возможности уравнительно, но жалобы от обывателей на тягость ее, а от постояльцев — на неудобство квартир — повторялись беспрестанно. Для облегчения в этом случае жителей и вместе с тем для предоставления им средств поправить свое состояние обращена была большая забота на приведение в порядок проекта о замене в

Ставрополе натуральной квартирной повинности денежной посредством сбора денег с обывательских недвижимых имуществ. Проект этот, представленный от генерала Завадовского князю-наместнику, был утвержден Государем Императором 13 декабря 1850 г., и вследствие того обыватели Ставрополя освобождены теперь от постоя. Но 1850 год особенно останется достопамятным в летописях наших граждан по пребыванию в Ставрополе государя наследника цесаревича Александра Николаевича. А дабы сохранить на вечные времена в сердцах жителей благоговейную память как о пребывании в Ставрополе в 1837 г. Государя Императора, так и о посещении этого города в 1850 г. государем наследником, испрошено разрешение: главную улицу города, совершенно теперь вымощенную плитным камнем и украшенную во всю свою длину новым бульваром, именовать Николаевской; вторую же улицу и большую площадь, на которой его императорскому высочеству были представлены генералом от кавалерии Завадовским некоторые части войск, называть Александровской.

Александровская улица. Почтовая открытка начала XX века

Для доставления жителям города Ставрополя развлечений принято было со стороны командующего войсками и гражданского губернатора деятельное участие в устройстве нового бульвара, Воронцовского сада, общеполезного рассадника, тутового сада и проч. Кроме того, по предложению генерал-майора Волоцкого коллежский советник П.Н. Нечмиров занялся разведением парка по горе вокруг Казанского собора и устроил близ Варваринской церкви рассадник для обучения воспитанников духовных училищ.

В 1850 году А.А. Волоцкой с вице-губернатором А.А. Борзенко много прилагали старания об учреждении в городе Ставрополе дворянского клуба, который служит теперь лучшим местом для препровождения времени. Более правильное устройство тротуаров, канав для стока воды и освещение трех главных улиц спиртовым газом также начато с 1850 года. Последнему, т.е. введению в нашем городе освещения улиц спирто-скипидарной жидкостью, много содействовал один из содержателей питейного откупа по губернии, коммерции советник Кокарев, который, по приглашению г. гражданского губернатора, кроме того, что принял на себя безвозмездно в течение года освещать Николаевскую улицу от самых Тифлисских ворот до госпиталей, а также часть улиц Театральной и Александровской и Александровскую площадь, распорядился еще переделать на свой счет и городские фонари. Превосходство газового освещения явно было признано гражданами, так что многие из них изъявили готовность устроить пред своими домами фонари и освещать их своими средствами. Кроме того, это нововведение вполне было одобрено г. кавказским наместником во время пребывания его светлости в нашем городе в октябре месяце 1851 г.; и тогда же, для введения подобного освещения в Тифлисе, по воле князя Михаила Семеновича переслано было туда из Ставрополя для образца двенадцать фонарей.

Князь-наместник, заботясь о благосостоянии вверенного ему края, не оставлял без внимания нашего города, в котором большая часть преобразований, сделанных в наше время, совершена с разрешения или лично по указанию его светлости. В особенности учебные заведения в Ставрополе должны быть много обязаны попечению и участию, которое принял в них князь Михаил Семенович. Женский пол также не может жаловаться в этом отношении; на него обратила внимание супруга наместника, княгиня Елизавета Ксавериевна: ее светлости принадлежит мысль учреждения в Ставрополе Женского благотворительного общества и учебного заведения для воспитания бедных девиц жителей Ставропольской губернии, по образцу Заведения Св. Нины в г. Тифлисе. Теперь цель эта, при самом живом участии и особенной заботливости княгини Воронцовой, достигнута, и заведение с учреждения своего приютило много сирот, а вместе с тем дало возможность недостаточным гражданам предоставить своим дочерям приличное воспитание.

За всеми заботами об украшении города, о доставлении гражданам развлечений и о проч., местное начальство обратило особенное внимание на заключенных и бедных. Для улучшения сколько-нибудь судьбы тех и других сделано уже много полезных учреждений, — мы не объясняем здесь, каких именно, так как обо всем этом скажем подробно далее, при взгляде вообще на статистику или нынешнее положение Ставрополя; теперь же перейдем к его топографии.

Топография и статистика

Ставрополь, взятый в настоящую минуту со всеми своими окрестностями, занимает довольно обширное пространство, которое представляет из себя местность, усеянную несколькими холмами и небольшими оврагами. По этим-то холмам и оврагам расположена большая часть Ставрополя, местами довольно живописного, а местами грязного и скучного. Центральная улица города, известная прежде под именами Большой и Черкасской, а теперь Николаевская, разделяет Ставрополь в административном отношении на две части: одна из них тянется к югу, а другая к северу; но указать с точностью естественные границы нашему городу не представляется возможности: у нас нет таких рек и гор, которые большей частью служат кавказским местностям пределами, далее которых они не могут двигаться. Границы Ставрополя у нас обыкновенно определяют мерой; жители очень хорошо знают, что земли, принадлежащей городу, считается 17772 десятины 669 квадр. сажень, и им нет никакого

дела, где и как она расположена и где естественный ее предел. Определяют еще некоторые таким образом границы Ставрополя, что он окружен со всех почти сторон казачьими землями.

Не отделяя Ставрополя от его хуторов и предместий, можно сказать, что границей ему на юг служит речка Мамайка, к западу — небольшой лес, состоящий из кустарника, к северу — Ташла, со своими двумя притоками, а на востоке беспредельная степь, покрытая по местам небольшими холмами и курганами. Впрочем, границы эти определены нами приблизительно для знакомых с нашим городом, а незнакомые с ним, конечно, не многое узнают из такого топографического определения положения города. Мы обыкновенно привыкли определять положение каждой местности по течению рек, у берегов морей и озер или у подошв замечательных гор; Ставрополь же хотя и расположен на горе и ее покатостях, но гора эта, к несчастью, безымянна и никому не известна. Речки и ручейки, орошающие наш город, также не имеют никакого значения; но во всяком случае мы должны сказать, что Ставрополь находится у верховьев Ташлы, Мамайки, Мутнянки и их притоков, а сказавши это, нам необходимо следует сколько-нибудь объяснить, что это за названия и из чего именно состоят наши речки, между которыми первое место занимает Ташла.

«Ташла» — слово тюркское, значащее собственно каменистый.

Название это вполне верно дано нашей речке потому, что ложе, по которому она протекает, действительно каменисто, как и у всех кавказских горных речек. Ташла образуется на северо-западе от Ставрополя, в лесу, из нескольких родников, между которыми более известен так называемый холодный источник. Направление от своего начала Ташла имеет к в.-с.-в., потом, приняв в себя два небольших ручейка на городской земле, из которых один называется Березовкой, другой Третьей речкой, катит медленно свои воды в подарок Калаусу. По всему течению этих ручейков и самой Ташлы разбросано в разных местах множество прекрасных родников; некоторые из них, расположенные в глубоких оврагах, имеют много привлекательного и живописного. Березовка и Третья речка вообще бедны водой; в жаркое время они едва только струятся. Ташла хотя также не может похвалиться обилием своих вод, но иногда, во время дождей и таянья снегов, делается очень шумной и наносит большой вред жителям, срывая устроенные по течению ее мельницы и ломая мостики, так что иногда во многих местах переправа чрез нее становится весьма затруднительной и даже совершенно невозможной. Доказательством тому может служить несколько примеров, из которых мы долгом считаем привести здесь хоть один, случившийся назад тому года три. Ташла, хорошо известная жителям Ставрополя и окрестных селений и станиц, обыкновенно не представляла преград к переезду; во всякое время и везде можно было найти на ней удобный брод; но однажды весной два казака, нисколько не подозревая разгула речки, отправились из Ставрополя в станицу Михайловскую, и как Ташла не представляла им прежде препятствий при переезде, пустились чрез нее на троеконной своей телеге, но в это самое время быстротой воды были снесены, телега их опрокинута, один казак утонул, а другой едва спасся, телега же их была найдена изломанной и без колес. Впрочем, старожилы рассказывают, что такого разгула Ташлы они и не запомнят, хотя она каждый год весной наносит кое-где своим прибрежным поселенцам вред, но в то время, когда утонул казак, Ташла из речки превратилась в настоящую шумную горную реку.

После Ташлы речка Мамайка занимает у нас второе место. Она образуется на ю.-з. от города из шести родников, из которых три в лесу, а три близ каменных ломок. Все ручьи, служащие началом Мамайки, сливаются между собою в версте, не более, от Карабина колодца; потом Мамайка, обогнув наш город с южной стороны, принимает направление на в.-с.-в. до слияния с речкой Мутнянкой. Эта последняя речка вытекает также из родника, находящегося во рву, близ тюремного замка. По величине своей она гораздо менее Мамайки и в жаркое летнее время иногда во многих местах пересыхает. Наконец остается еще нам сказать об одной так называемой речке Же-

Мост на реке Ташле в предместье Подгорном. Почтовая открытка начала XX века

лобовке, находящейся почти в самом центре города: она течет из Воронцовского сада и впадает в Мутнянку в полуверсте от ярмарочных зданий.

Итак мы видим, что Ставрополь орошается пятью речками и, как кажется, не должен бы иметь недостатка в хорошей воде, а между тем жители прежде очень часто жаловались на это, особенно в грязное время года, когда сообщение по городу делалось весьма затруднительным. Конечно, те из граждан, которые имели свои дома по речкам или невдалеке от них, не могли чувствовать недостатка в хорошей воде; но ощутительно было это для тех жителей, которые находились в самом городе. Вода доставлялась сюда, как и теперь, из Карабина источника, изобилующего прекрасной ключевой водой. А так как не все жители имели и имеют средства доставать для себя воду из этого колодца или источника, находящегося в трех верстах от центра главного населения, то вследствие того в Ставрополе образовался особый класс промышленных людей, известный под именем водовозов. Они снабжают город водою, и некоторые из них имеют значительные от того выгоды. Впрочем, с 1840 года водовозы

эти упали очень много, причина же тому — устройство бассейна. Мысль снабдить Ставрополь хорошей ключевой водой долго занимала граждан, но не находилось между ними человека, который взялся бы за это трудное дело. Почетный гражданин Гавриил Иванович Тамамшев в 1838 г. предложил наконец на свой счёт провести в город воду из родника, служащего началом р. Мутнянки. Предприятие это жителями было принято с благодарностью и одобрено генералом Граббе. Бассейн, окончательно устроенный Тамамшевым в 1840 г., дал средство бедным гражданам безденежно пользоваться хорошей водой, а вместе с тем служил тогда одним из главных украшений города. Воды из бассейна вытекает в продолжение суток до 12 т. ведер.

В последствии времени бывший содержатель питейного откупа Ставропольской губернии пятигорский купец Якунчиков также изъявил готовность устроить на свой счет новый бассейн на ярмарочной площади, который служил бы продолжением водопровода Тамамшева. Такая благородная цель Якунчикова не осталась для него без поощрения

Ставрополь. Вход на бульвар с Кузнечной улицы. Фото начала XX века

и благодарности со стороны начальства и со стороны жителей, особенно в то время, когда многочисленная толпа народа присутствовала при освящении прекрасного и обширного бассейна (1850 г. июня 11). Во все время бывших после сего ярмарок, на которые стекается иногда более 20 т. народа, никто не мог пожаловаться на недостаток воды, как это бывало прежде. Мы забыли еще сказать, что при бассейне Якунчикова устроен также и водопой для скота, который для продажи на ярмарках пригоняется большими табунами и гуртами.

За всем этим, большая часть ставропольских жителей имеет при домах своих особые колодцы, которых считается в городе 510. Вода в них, в верхних частях города, большей частью очень хороша, а в низменных солонцевата, местами с горечью и может годиться только для мытья различных при доме мелочей.

Город Ставрополь в административном отношении, как мы сказали, разделяется Николаевской улицей на две части; но в народе, со всеми своими предместьями, носит он несколько названий. Названия эти следующие: старый город, новый город (форштадт), Воробьёвка, Подгорная слободка, Солдатская слободка, Станица, Мутнянка, Мамайка, Ташлинское поселение, Скомороховы хутора.

Старый город, расположенный частью по незначительному горному склону, а частью на ровном месте, составляет лучшее и самое богатое население Ставрополя; особенно отличаются хорошими постройками улицы Николаевская, Александровская, Театральная и улица присутственных мест. В этой части города сосредоточиваются все более замечательные правительственные, общественные и частные заведения. Самый вид Старого города имеет много живописного при взгляде на него с северной и восточной стороны; он также занимаете первое место и по богатству капитальных зданий, из которых более обращают на себя внимание дом купца Плотникова, присутственные места, Градская Дума, полиция, дома купца Ганиловского и почетных граждан Волобуевых и проч. Пересчитать всё хорошее не достанет и времени; одним словом, вместо прежней бедной Черкасской улицы мы теперь видим улицу, усеянную домами и лавками красивой архитектуры и на каждом шагу встречаем вывески с надписями: магазин такого-то, или продажа таких-то товаров, или, наконец, вывески разного рода ремесленников. Между этими последними вывесками, как и во всяком городе, есть много оригинальных, особенно по своим рисункам, смотря на которые, нельзя иногда не улыбнуться.

К западу от Старого города по равнине тянется Воробьёвка, получившая, как говорят, свое название назад тому лет за 60 от бывшего здесь хутора однодворца Воробьева. Эта часть города, лучшая в климатическом отношении и богатая своими садами и огородами, не может только похвалиться постройками; но в последнее время, с перенесением сюда базара и с устройством нового гостиного ряда на прилегающей к ней площади, Воробьёвка значительно улучшилась и сделается, может быть, со временем одной из лучших частей Ставрополя. Это доказывается тем, что жители нашего города постоянно стараются сбывать теперь свои старые дома и переселяться на новую площадь. Другое доказательство будущего процветания Воробьёвки то, что отводимые на ней вновь под поселение места и те, которые принадлежат ее обывателям, весьма вздорожали против прежнего времени.

Новый город разъединён со старым огромной площадью; на ней теперь устраивается, на ю.-з. от дома командующего войсками, аллея из акаций, лип, тополей и других деревьев. Новый город, начавший возникать собственно после постройки военного госпиталя, состоит почти весь из каменных двух- и одноэтажных домов и совершенно слился с Воробьёвским предместьем в верхней части. К ю.-в. от нового города расположены казармы Кавказского линейного батальона, а за ними несколько турлучных, деревянных и из мелкого камня домиков, принадлежащих женатым солдатам этого батальона и ставропольским мещанам. Эта местность известна вообще под именем Форштадта; некоторые же название это распространяют и на Новый город.

Солдатская слободка, примыкающая к Старому городу с южной стороны, составляет не слишком богатое население, хотя местами попадаются здесь каменные, довольно порядочные дома, но они в общей сложности своей относительно прочих частей города за исключением, разумеется, предместий, нисколько не придают красоты слободке и даже теряют свое значение против того, если бы они были помещены

где-либо в другом месте города или на лучшей улице. Впрочем, надобно сказать, что Солдатская слободка вообще много улучшилась и тянется всё далее и далее к югу, так что площадей и пустопорожних мест, разделявших её прежде с Мутнянским поселением, теперь совершенно почти не существует. Мы как-то года два не посещали этой части города и, посетив её недавно, были поражены обилием домов и правильным устройством новых улиц, о существовании которых совестно было бы не знать, живя в Ставрополе.

В небольшом расстоянии от Солдатской слободки к востоку встречается еще новое поселение, известное когда-то под именем Кузнечной улицы, а теперь, как сказано выше, переименованное в Архиерейскую улицу. Если живущего в этой части города спрашивают о его квартире, то обыкновенно он отвечает словами: «за Архиерейским мостом». Отчего так скоро заселилась эта местность, также упомянуто выше. К югу, параллельно с этой частью города и с Солдатской слободкой, по речке тянется Мутнянское поселение, не заключающее в себе ничего такого, о чем бы стоило поговорить подробнее.

Далее, к югу от Мутнянки, за небольшой возвышенностью, находится предместье Мамайка, славящееся своими садами, которые расположены по обоим берегам речки, начиная от Карабина источника к востоку, по крайней мере, на пространстве около трех верст.

Перейдем снова в Старый город и, став на его главном возвышении, взглянем на север. Здесь прежде всего бросается в глаза Подгорная слободка, усеянная по крутому горному скату небольшими домиками, в которых, как видно, не принимала своего участия архитектура и предоставляла право каждому поселенцу производить постройку дома по его собственному плану. В этой части улицы кривы, темны, грязны и местами так узки, что двое гуляющих не могут пройти рядом. Некоторые из жителей справедливо говорят, что Подгорная слободка — лабиринт города Ставрополя.

К с.-з. отсюда виднеются на крутой горе так называемые Скомороховы хутора, составляющие из себя хотя небольшое, но чистое и опрятное поселение, которое особенно начало улучшаться с учреждением там женской обители. В обители этой в настоящее время приняли большое участие преосвященный Иоаникий и гражданский губернатор в отношении наделения ее землей и другими угодьями, от которых много зависит окончательное устройство женского монастыря.

В лощине, идущей от запада к востоку, между двумя горными скатами, из которых на одном частью расположены Скомороховы хутора, а на другом Подгорная слободка, тянется по речке Ташле одноименное с нею предместье до Эммануэлевской дачи, которая служит пределом Ставрополя на востоке. В Ташлинском предместье находятся: тутовый сад, школа для образования шелководов и много прекрасных рощ; тут же по речке устроены мельницы, кирпичные, кожевенные и мыльные заводы.

Теперь остается нам упомянуть еще о последней части города — о станице. Так как положение станицы известно уже нам из очерков, представленных в начале статьи, то мы ограничимся здесь общим взглядом на настоящее ее состояние и скажем, что вид прежней станицы совершенно изменился и редко где теперь можно встретить старую казачью хижину с плетневым забором; все почти перестроилось и заменилось домами красивой архитектуры, между которыми есть несколько каменных зданий.

При описании всех этих местностей мы не входили в подробности относительно различных заведений, а упомянули о некоторых из них только слегка, потому что при взгляде на жизнь и занятия ставропольских граждан необходимо пришлось бы снова говорить об этих полезных учреждениях нашего города.

Климат Ставрополя с его поселениями и предместьями весьма умеренный и в общем его состоянии, особливо по результатам физических наблюдений, подходит несколько к климату Астрахани и северной части Тавриды. Десятилетние метеорологические наблюдения показали, что ранняя зима здесь наступает во второй половине ноября, а поздняя — в половине декабря; снега, несмотря на долгие и сильные метели, не очень обильны; зима 1849 г. была редким исключением по своим метелям и снегу, выпавшему до пяти футов глубины. Вообще в начале зимы холода почти всегда бывают жестокие, до 22°, но это ненадолго; за сильными морозами внезапно наступает оттепель, а за нею опять холод с вьюгою и метелью; поэтому весьма часто в январе и феврале месяцах случаются дни, похожие на весенние. При таких быстрых и частых переменах погоды в течение марта и апреля весна наступает и продолжается почти незаметно; но зато лето бывает продолжительно, сопровождается умеренными жарами, не более 24° в тени, и дождями, достаточными для орошения почвы; сильные грозы бывают только в окрестностях, а в самом городе редко, причем собравшиеся тучи частью скоро разряжаются вершинами горных возвышенностей, частью при быстром охлаждении на этих высотах, обращаются в ливень. Продолжительная засуха в течение целого лета была здесь в 1833 и 1848 годах; а сильные и продолжительные дожди в 1846, 1850, 1851 и 1854 годах. Осень в Ставрополе дает нам иногда прекрасную погоду, а иногда, в октябре и ноябре месяцах, сопровождается густыми туманами, образующимися из наносимых сюда морских испарений и от низко опустившихся облаков.

Господствующих ветров в Ставрополе два: юго-восточный и северо-западный от Черного моря; первый всегда холодный, а второй теплый и влажный, летом приносит дождь, а зимою снег. Часто ветры эти дуют в течение трех-семи дней, иногда продолжаются и более двух недель, как, например, в 1847 г., с особенно сильными порывами, причем, судя по возвышенной местности города, можно бы опасаться разрушительных действий, подобных свирепствованию бурь и ураганов, но этого не бывает, а ежели и бывает, то весьма редко, потому что сила ветра ослабевает и рассекается, встречаясь на пути своем с горными вершинами. Не мешает, впрочем, привести здесь образец случающихся в Ставрополе бурь. В 1853 г., 10 июля, пред вечером сильный западный ветер, подняв облака пыли, покрыл ими весь город так, что сделалось темно. Потом начал накрапывать дождь, перешедший в ливень, наконец разразилась буря с градом, немного менее голубиного яйца. Чрез 12 минут все стихло; небо прояснилось. Между тем в

эти 12 минут во многих местах вырвало с корнями до 20 штук дерев толщиной в $1^1/_2$ обхвата, снесло с некоторых домов части железных крыш и рассеяло их в разные стороны. В Воронцовском саду сломано несколько деревьев; акации, стоявшие на главной аллее, частью вырваны с корнями, а частью изломаны; фруктовые же деревья попорчены градом. На бульваре Завадовского очень много деревьев расколото и сломано бурей.

В медицинском отношении, судя по избытку довольно хороших гигиенических условий, здоровье жителей Ставрополя должно, по-видимому, быть постоянно в лучшем, добром и цветущем состоянии; однако ж под влиянием климатических перемен и других причин здесь возникают и свирепствуют весьма многие эпидемические болезни, которых вид, течение и свойство различаются по времени года и по особенным местным условиям. Эти болезни суть: катар, лихорадки простудные и перемежающиеся, часто и быстро переходящие в желчную и нервную горячку; воспаление грудных органов, поносы и воспаление глаз.[4]

1) Катар (Catarrhus narium, bronchitis et laryngitis), насморк с кашлем и нередко с опухолью глотки (жаба), а чаще с зубной болью, есть весьма обыкновенная болезнь, появляющаяся в Ставрополе осенью, а наичаще весною от простуды ног; болезнь эта хотя весьма незначительна, но у людей полнокровных и слабогрудных может перейти в страдание грудных органов или же произвести хроническое воспаление с изъязвлением гортани и носовых хрящей (ulcera cavifavcium et ozoena) и таким образом, при застарелости болезни, подает повод к весьма ошибочному лечению, или же хотя и к очень рациональному, но продолжительному. Но самый несносный и мучительный припадок катара, или простуды, есть зубная боль, которая при костоеде, опухлости десен и возвышенной чувствительности организма иногда подвергает больного такому отчаянию, что он просит вырвать у него один, два и более зубов, лишь бы только избавиться от тяжкой пытки.

2) Лихорадка (febris) в нашем городе господствует более осенью и бывает двух родов: простудная и перемежающаяся. а) Простудная лихорадка (febris catarrhalis rheumatica), которой причина явствует уже из ее названия, появляется при тех быстрых и частых переменах здешней температуры воздуха, какие объяснены в описании климата. Болезнь эта, сопровождаемая головной болью, потерей аппетита, чувством легкого озноба и последующего за тем жара во всем теле, усталостью и ломотою в руках и ногах, поражает преимущественно тех, кои по образу своего утонченного, нежного воспитания не привыкли к климатическим суровым переменам; впрочем, и другие не чужды этой болезни, которая при обыкновенном ее течении совершенно не опасна, так что в три, пять, редко в семь дней, при соблюдении строгой диеты и теплого содержания, при употреблении домашних или медицинских потогонных и других средств оканчивается выздоровлением; но иногда, и притом большей частию, болезнь эта, при постепенном усилении или ожесточении ее припадков, на третий, пятый и чаще на седьмой день переходит или в лихорадку перемежающуюся, или в желчную и нервную горячку.

3) Перемежающаяся лихорадка (febris intermittens) появляется во всякое время года, более же осенью и притом не столько от простуды или погрешностей в диете, сколько от особенного эпидемического свойства этой болезни для всего Кавказского края. Она равно поражает людей всякого сословия, пола и возраста. Лихорадка эта большей частью бывает здесь трехдневная (tertiana) с правильным течением пароксизмов (constans) и почти всегда сопровождается гастрическими припадками.

Воспаление грудных органов — легких и плевры (pneumonia et pleuritis) — поражает здешних жителей наиболее в зимнее, малоснежное время, при сильных морозах, и зависит не столько от холода, сколько от избытка кислородного газа в сухой атмосфере на возвышенной местности города при влиянии северо-восточного ветра; кроме того, предрасположением к этой болезни служит армяно-грузинская привычка жителей к частым кровопусканиям. Болезнь эта свойственна преимущественно людям среднего сословия и военным нижним чинам.

Поносы гастрические, желчные и кровавые (diarrhea gastrica, biliosa et dyssenteria) появляются в течение лета и в начале осени от излишнего употребления зелени, овощей и плодов и от простуды. Болезнь эта обнаруживается наиболее у людей рабочего класса и у солдат, скоро усиливается и упорно продолжается при обильном употреблении колодезной щелочно-солоноватой воды.

Наконец, частое появление здесь глазной болезни между людьми рабочего класса бывает в летнее время и зависит от сильных продолжительных ветров.

По обозрении господствующих в городе Ставрополе болезней следует показать число умирающих в течение года, чтобы яснее видеть, каким образом и на кого действуют описанные нами болезни. Но прежде этого должно познакомить читателя вообще с народонаселением Ставрополя, в котором к концу 1853 года считалось жителей 17 623 чел. В числе жителей показано.

	жен.	муж.	оба пола
I. Духовенства			
Монашествующих	9	—	9
Архиерейских служителей	44	—	44
Священнослужителей	22	14	36
Церковнослужителей	16	6	22
Вдовствующего духовенства	7	9	16
Детей духовного звания	21	34	55
Иноверческого духовенства	5	2	7
II. Служащих			
а) военного ведомства: генералов, штаб- и обер-офицеров, жен и детей их	47	296	713
писарей из кантонистов, жен и детей их	343	271	614
б) гражданского ведомства: от IV до XIV класса	341	253	594
не имеющих XIV класса	132	40	172
писарей из кантонистов	95	53	148
III. Отставных			
военного ведомства: генералов, штаб- и обер-офицеров, жен и детей их	47	36	83
гражданского ведомства: от IV до XIV класса	37	59	96
IV. Почетных граждан	12	11	23
V. Разночинцев	10	8	18

VI. Актеров и театральных служителей	22	15	37
VII. Купечества:			
1-й гильдии	26	29	55
2-й гильдии	17	7	19
3-й гильдии	554	277	131
инородного купечества	67	29	96
инородных купеческих детей, приучающихся торговле	17	—	17
VIII. Мещан:			
принадлежащих городу	2383	2214	4597
инородных	267	193	460
IX. Вечно-цеховых	1	1	2
X. Иностранцев	22	7	29
XI. Нижних воинских чинов:			
служащих	2615	593	3208
детей их	397	409	816
отставных	297	317	596
кантонистов	1117	—	1117
казаков	63	47	110
солдат, проживающих в бессрочном отпуску	26	7	33
XII. Вольноотпущенных, но не причисленных ни к какому званию	17	9	26
XIII. Дворовых людей:			
живущих при домах своих господ	257	216	503
по паспортам	147	63	210
XIV. Крестьян:			
казенных	437	389	826
удельных	3	1	4
помещичьих	139	94	233
XV. Колонистов	13	5	18
XVI. Воспитывающихся в разных заведениях	740	100	840
Итого	11183	6444	17623

В течение 1853 года заключено 183 брака, из них: холостых с девицами 124, со вдовами 34, вдовцов с девицами 8, со вдовами 17.

В 1853 году	Родилось			Умерло		
	Мужчин	Женщин	Обо пола	Мужчин	Женщин	Оба пола
В январе	40	36	76	33	21	54
- феврале	41	33	74	28	22	50
- марте	35	38	73	40	20	60
- апреле	41	43	84	34	18	52
- мае	41	43	84	28	23	51
- июне	35	39	74	29	31	60
- июле	31	33	64	29	23	52
- августе	36	33	69	26	20	46
- сентябре	41	36	77	29	22	51
- октябре	39	39	78	30	21	51
- ноябре	41	37	78	34	16	50
- декабре	37	42	79	33	22	55
Итого	458	452	910	373	259	632

В числе родившихся за 1853 год считалось: законнорожденных 429 м., 424 ж., незаконнорожденных 27 м., 25 ж. и подкидышей 2 м. и 3 ж.

Таким образом, из представленных нами трех таблиц о народонаселении, о числе родившихся и умерших в течение года мы видим, что число жителей Ставрополя постоянно увеличивается, а вместе с тем увеличивается и объем города, в котором в настоящее время находится: улиц и переулков — 44, из них мощеных плитами — 2, камнем — 5, площадей — 3, мостов каменных — 4, деревянных — 2, церквей православных — 13, армяно-григорианская — 1, римско-католическая — 1, мечеть — 1, кладбищ — 6.

Домов, принадлежащих разным ведомствам и сословиям:

	Каменных	Деревянных	Вообще
Правительству	10	8	18
Церквам	3	1	4
Разным обществам	3	2	5
Дворянам, чиновникам и их женам	63	283	346
Духовенству	9	36	45
Купцам	120	213	333
Мещанам	66	432	498
Воинским чинам	6	744	750
Крестьянам помещичьим	—	6	6
Крестьянам государственным	1	76	77
Итого	281	1801	2082

Приступая к обозрению духовных учреждений Ставрополя, мы необходимо должны снова упомянуть, что успех в построении Божьих храмов много зависел от основания на Кавказе архиерейской кафедры, как этого всегда и следовало ожидать. В присутствии архипастыря нашлись между гражданами люди богатые верою и готовые жертвовать своим достоянием для славы Бога и для общей пользы. Всё духовные учреждения, которые мы теперь видим в нашем городе, обязаны по большей части преосвященному Иеремии, а именно:

I. Казанский кафедральный собор сооружен в 1847 г. иждивением городского общества, по плану архитектора Дурново, в русско-византийском стиле. Стоя на горе, собор этот господствует над целым Ставрополем и по своему значению, и по своему положению. На его месте еще в 1817 г. предположено было построить церковь во имя св. Николая, и хотя с этой целью делались сборы, но намерение, как видим, осуществилось только спустя тридцать лет. Предположение или, лучше сказать, желание воздвигнуть на горе храм явилось вследствие избавления Ставрополя от чумы. Кавказский край до 1818 года нередко постигала чума, вероятно, заносимая

со стороны Грузии от горских племен, имевших беспрерывные сношения с Оттоманской Портой. В 1816 г. два зачумленных дезертира, скитавшиеся в горах, были пойманы зимой около Ставрополя и заключены в тюрьму, где жители имели с ними сообщение; от этого зараза быстро разнеслась по городу и далее по области, но вскоре прекращена благоразумными мерами, принятыми со стороны бывшего гражданского губернатора Малинского и его главного сотрудника, ставропольского градского главы, 1-й гильдии купца Никиты Плотникова, который, после прекращения чумы, первый предложил гражданам об устройстве на горе храма. А чтобы жители не забыли своего обещания, в память этого в 1817 году поставлен был на горе Плотниковым небольшой каменный крест. Некоторые из старожилов, не уверенные хорошо в предании, которое передано было их дедами, о находке каменного креста во время сооружения Ставропольской крепости, думают, что крест, о котором гласит предание, и крест, поставленный купцом Плотниковым, один и тот же.

Вид Казанского кафедрального собора с Николаевского проспекта. Почтовая открытка начала XX века

После сооружения Казанского собора нынешний губернатор обратил свое внимание на расстилавшееся вокруг церкви совершенно обнаженное пространство, не представлявшее никаких следов и признаков растительности, и теперь от собора, по горе, вниз к бассейну, устроена широкая каменная лестница, обсаженная по бокам высокими тополями, а по всей горе разбиты тропинки, также обсаженные молодыми деревьями, которые спустя несколько лет примут под свою тень утомленных богомольцев. Смотря от бассейна на соборную гору, особенно в то время, когда народ толпами стремится из церкви по вновь устроенной лестнице и дорожкам парка, мы уверены, что каждый признает живописность настоящего местоположения. Вид собора преимущественно хорош, если на него смотреть издали, с восточной или северной стороны.

II. Старый Троицкий собор сооружен в 1817 г., а в последствии времени к нему пристроено было два придела во имя св. Сергия и св. Николая. Этот храм до приезда преосв. Иеремии был единственным в городе и стоял до 1843 г. без ограды. Хотя преосв. Иеремия не был основателем этой церкви, но оставил в ней память тем, что устроил ограду, а внутри ее развел из акаций и других деревьев небольшой сад.

III. Церковь во имя Нерукотворного Образа, с двумя приделами, находится в старом гостином ряду. Она также отделана до приезда Иеремии, но до этого времени в наружном ее виде не было ничего замечательного, и трудно было даже заметить, что в этом месте между лавками существует Божий храм. Для устранения этого преосвященный внушил гражданам приделать к церкви купол и снабдить её другими необходимыми принадлежностями, так что в настоящее время всякий видит, что на сем месте господствует присутствие Божие.

IV. Приходская церковь во имя св. великомученицы Варвары построена на старом городском кладбище почетным гражданином Федором Стасенковым, по плану архитектора Воскресенского. Церковь эта, хотя и не так обширна, но по внутренней своей отделке и наружной красоте занимает видное место. В ней есть замечательный образ великомученицы Варвары во весь рост, украшенный богатой серебряной ризой работы известного московского художника Сазикова; тут же устроен по воле наместника кавказского общеполезный рассадник для воспитанников духовных училищ. Князь Михаил Семенович, желая развить между крестьянами Ставропольской губернии садоводство и другие полезные в этом крае отрасли сельского хозяйства и принимая за самое лучшее действовать на них в этом случае чрез посредство духовных пастырей, по предварительному соглашению А.А. Волоцкого с преосвященным Иоанникием, счел необходимым завести в Ставрополе образцовый рассадник для практических занятий воспитанников семинарии, приготовляемых в священнослужители; при этом имелось в виду, что молодые люди вместе с посвящением их в пастырский сан, перенося в свой приход хозяйственные познания, собственным примером будут приохочивать крестьян к полезным занятиям. С этой целью, в продолжение осени 1851 и весны 1852 г., под руководством действительного члена Кавказского общества сельского хозяйства П.И. Нечмирова на месте бывших кладбищенских памятников устроено: а) рассадник плодоносных, лесных и тутовых дерев; б) образцовые плантации марены и кунжута и с) посевы огородных растений, кормовых и аптечных трав. Каждый из воспитанников имеет у себя особую грядку, на которой под наблюдением наставников занимается посевом и ухаживанием за вверенными ему растениями. Этот новый рассадник при осмотре его еще в 1852 г., 27 июня, непременным секретарем Московского общества сельского хозяйства С.А. Масловым и членом того общества А.Ф. Ребровым, найден ими в полной мере соответствующим благодетельной цели князя наместника кавказского. Образцовая посадка всех известных пород дерев и шелковицы, огород и плантации красильных растений и кормовых трав особенно изумили г. Реброва, который назад тому несколько лет видел на месте нынешнего рассадника одни только развалины памятников, поросшие бурьяном.

V. Кладбищенская Успенская церковь выстроена в 1847 г. 1-й гильдии купцом Ив. Ганиловским почти в том же виде и вкусе, как и наш главный Казанский кафедральный собор, только гораздо меньшего размера. До устройства этого храма городские кладбища находились в весьма незавидном состоянии: без ограды и без всякой заботы о приведении их сколько-нибудь в такое положение, чтобы благочести-

вый христианин не скорбел душевно при взгляде на заброшенные памятники. Теперь устроено на кладбище все как следует, и никто не станет сожалеть о прежнем запустении. В настоящее время есть еще предположение: разделить находящееся под кладбищем место на квадраты и умерших погребать по нумерам, с записыванием в особую книгу, так что родственники каждого покойника могут спустя несколько десятков лет отыскать могилу своею ближнего, хотя бы на ней не было и никакого памятника. Кладбище, по новому способу устроенное, должно быть обсажено деревьями и образовать вокруг четырехугольной ограды тенистую аллею, а посредине заключать в себе английский сад.

VI. Приходская церковь во имя св. Андрея Первозванного находится в верхней части г. Ставрополя, в начале Воробьевского предместья. Она выстроена на общественный счет, под наблюдением преосвященного Иеремии, с той целью, чтобы основать здесь со временем архиерейский дом и мужеский монастырь; от этого она известна гражданам и теперь не иначе, как под именем обители, для которой от города отведено значительное пространство земли с лесом и другими угодьями.

VII. Церковь св. Иоанна Предтечи сооружена также под непосредственным наблюдением преосвященного Иеремии для устраивающейся ныне женской обители. Находясь верстах в трех от города, церковь эта с устроенными при ней домами может по своей местности вполне служить убежищем для тех, кто пожелает отречься от мирских сует и жить вдали от городского шума.

VIII. В отдаленной части Ставрополя, так называемой Мамайке, в 1849 г., по совету преосвященного Иеремии, тоже выстроена небольшая церковь во имя св. великомученика Георгия старанием и участием купца Прокопия Леденева. Таким образом, каждая часть нашего города имеет теперь для себя свою собственную церковь, жители не могут жаловаться на недостаток в этом случае и имеют всегда возможность слушать слово Божие.

Кроме всех этих храмов в Ставрополе устроено еще несколько домашних церквей для заключенных, страждущих недугами и учащихся.

IX. Крестовая — трехпрестольная церковь при архиерейском доме; мы об ней сказали уже выше, при взгляде на развитие Ставрополя.

X. Во имя Скорбящей Божией Матери, при военном госпитале. Церковь эта прежде помещалась поочередно во многих местах, она была устроена сначала в 1838—39 годах на горе, в деревянном доме бывшего уездного училища, потом отсюда переведена на Воробьёвку, где, смотря по удобству в размещении больных, очень часто переносилась из одного дома в другой; наконец, уже с 1842 года находится на нынешнем своем месте.

XI. При тюремном замке, во имя св. апостолов Петра и Павла. Заключенные, долгое время не имевшие возможности часто слышать пастырские наставления, не могут теперь пожаловался на это и имеют все средства к успокоению и познаванию себя в духовном отношении.

XII. При губернской гимназии, во имя архистратига Михаила. Церковь эта устроена довольно уютно, красиво, и хотя не может похвалиться своим богатством по недавнему ее существованию, зато приносит много пользы юному поколению в религиозном отношении.

XIII. Церковь при среднеучебном заведении св. Александры, во имя св. Елисаветы, устроена в 1852 г. с разрешения ее светлости княгини Елизаветы Ксавериевны Воронцовой, по плану архитектора Красевича, под непосредственным наблюдением попечителя этого храма Я.И. Булычева.

За всем этим в Ставрополе находятся еще:

XIV. Церковь римско-католическая, построенная в 1844 году на счет пожертвований, принесенных проживающими в нашем городе лицами католического исповедания. Она считается в числе приходских церквей и хотя во внутреннем своем составе во многом улучшилась против прежнего, но не имеет до сих пор некоторых принадлежностей, требуемых обрядами западной церкви.

XV. Церковь армяно-григорианская начала строиться в 1810 г., но, выстроенная до половины, по недостатку материальных средств, была оставлена и находилась в таком положении до 1830 г., в котором армяне при посредничестве генерала Эммануэля вновь принялись за это дело и с успехом тогда же окончили. Церковь была воздвигнута с двумя куполами, но впоследствии, года три или четыре назад, один из куполов, по ветхости грозивший падением, сломан.

XVI. Теперь остается еще нам сказать о мечети. В Ставрополе в числе жителей нет мусульман; те же из них, которые временно пребывают в городе по делам торговым, промышленным или другого рода, весьма немногочисленны и никогда не думали об основании мечети. Мечеть же, о которой мы упомянули, находится при гимназии собственно для воспитанников мусульманского исповедания из горцев, которых в настоящее время, кроме 15, предположено иметь в пансионе еще 50 человек.

Переходя от духовных учреждений к правительственным заведениям, находящимся в г. Ставрополе, мы не станем входить в подробности некоторых из них, особенно же в подробности таких заведений, которые должны быть известны каждому.

К числу правительственных заведений мы относим:

I. Присутственные места, губернские и уездные; все они помещаются в отдельном здании, состоящем из четырех корпусов. По переименовании Кавказской области в Ставропольскую губернию места эти действуют на основании общих губернских учреждений с некоторыми только изменениями, а потому объяснять здесь цель и назначение каждого места отдельно мы считаем излишним и даже не поименовываем их, так как штат губернского учреждения должен быть известен всякому.

II. Городские места: Дума, Магистрат, Сиротский суд, Словесный суд и Ремесленная управа также имеют для себя отдельное здание, о котором было уже сказано прежде.

III. Полиция помещается тоже в особом доме, на горе, близ Казанского кафедрального собора. Она состоит из полицмейстера, следственного пристава, двух частных приставов, четырех квартальных надзирателей и 46 нижних воинских чинов. Разбирать здесь действия полиции в отношении города не наше дело; скажем только, что по обшир-

ности в настоящее время Ставрополя необходимо в административном управлении разделить его на несколько отделов. Это предположение местное начальство имеет в виду, но по недостатку городских доходов оно остается не приведенным в исполнение. Пожарная часть с 1851 года во многом улучшилась, особенно по доставлении из С.-Петербурга необходимых для нее инструментов, и по возвращении оттуда же людей, посылавшихся для обучения, как действовать пожарными инструментами и исправлять их. Вообще мы должны заметить еще, что значительных пожаров в Ставрополе не было и не бывает; если случится в год два-три пожара, то и те редко в самом городе, а где-либо в отдаленных предместьях его.

Из военных управлений в Ставрополе расположены:

a) генеральный штаб и штаб войск при командующем войсками на Кавказской линии и в Черномории;

b) штаб 19-й пехотной дивизии;

c) штаб 2-й бригады кавказских линейных батальонов;

d) штаб резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса, переведенный из Таганрога;

e) штаб 19-й артиллерийской бригады;

f) войсковой штаб, при наказном атамане Кавказского линейного казачьего войска;

g) войсковое правление, основанное в 1844 году. До этого же времени дела казаков Кавказского линейного войска производились в общих губернских присутственных местах. Об открытии войскового правления особенно старался наказной атаман генерал-лейтенант Николаев. До него казаками управлял генерал-майор Верзилин — первый их атаман; он имел пребывание свое в Пятигорске. По смерти Николаева, в 1850 г., наказным атаманом назначен был генерал-майор Круковской, принимавший с своей стороны самое живое участие в судьбе казаков и деятельно заботившийся об улучшении войскового и полковых правлений, и, может быть, он успел бы сделать в этом отношении многое, если бы Чечня не похитила его у казаков в 1852 году;

h) управление VII округа корпуса инженеров военных поселений;

i) комендантское управление с ордонанс-гаузом;

j) межевая комиссия Кавказского линейного казачьего войска, открытая еще при наказном атамане генерал-майоре Верзилине. Главная цель ее занятий — размежевка казачьих земель;

k) Комиссариатская комиссия. Она помещается в нескольких корпусах, на месте бывшего Ставропольского укрепления;

l) полевое провиантское комиссионерство. В 1830 г. в Ставрополе была открыта еще Счетная комиссия Отдельного кавказского корпуса, для ревизии книги отчетов провиантского ведомства после военных действий, бывших с Персией и Оттоманской Портой. Она существовала до 1840 г., в котором одна часть ее присоединена к комиссионерству, а другая переведена в Тифлис.

Обращаясь теперь к благотворительным заведениям Ставропольского Приказа общественного призрения, необходимо прежде всего указать на средства самого Приказа и обороты его капиталов. В течение 1853 г. в Приказе общественного призрения состояло сумм:

1. Принадлежащих Приказу 139245 р. 90 $^{1}/_{2}$ к.

Сверх того :

В долгу на капитале 5-го разряда, отчисленных для отпуска в пособие городам 8350 р. 25 $^{3}/_{4}$ к.

Процентов за государственным заемным банком 12919 р. 9 к.

Итого 160515 р. 25 $^{1}/_{4}$ к.

2. На предназначенное употребление 15644 р. 11 $^{1}/_{2}$ к.

3. Апелляционных 3214 р. 6 $^{3}/_{4}$ к.

4. По исковым делам (в том числе билетами на 285 р. 71 1/4 к.) 205703 р. 82 к.

5. Взнесенных от частных лиц, присутственных мест и должностных лиц для обращения на праве частных вкладов 582964 р. 30 $^{1}/_{2}$ к.

6. Пересылочных 274 р. 72 $^{1}/_{2}$ к.

В числе доходов 1853 г. по суммам, принадлежащим Приказу, заключаются: а) процентов 50236 р. 97 $^{1}/_{2}$ к.; б) приобретено пользы от хозяйственных заведений 901 р. 40 $^{3}/_{4}$ к.; в) кружечного сбора в пользу нищих и убогих 9 р. 52 $^{1}/_{2}$ к.; г) разных пожертвований 250 р. 17 $^{1}/_{2}$ к.; д) получено от разных статей, в пользу Приказа предоставленных 1000 р. 52 $^{1}/_{2}$ к.

Расходы собственных сумм Приказа были следующие: а) перечислено на не взятые вкладчиками капиталы процентов 27683 р. 96 к.; б) употреблено на содержание приказа и его заведений 7493 р. 75 к.; в) перечислено в 5-й разряд из чистого остатка доходов за 1853 год, на основании положения Комитета гг. министров, Высочайше утвержденного 23 декабря 1843 г., для заимообразного отпуска в пособие городам 351 р, 4 $^{1}/_{2}$ к.; г) употреблено на разные издержки, падающие на счет сумм приказа 2446 р. $^{1}/_{4}$ к. и д) употреблено на постройку каменной стены около сада, принадлежащего заведениям Приказа 197 р. 40 к.

Сумма прихода 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го разрядов состоит из 174087 р. 78 к. вновь внесенных вкладов и 27683 р. 96 к. процентов, перечисленных из 1-го на 2-й, 4-й и 5-й разряды.

Сумма расхода 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го разрядов состоит из 87782 р. 2 к. капитальных и билетами 11693 р. 17 ¾ к. на вклады 2, 4 и 5 разрядов процентов, и 126 р. 32 ½ к., перечисленных в доход Приказа.

Капиталы сии находятся:

В Государственной Комиссии погашения долгов 18685 р. 71 ¼ к., по распоряжению Министерства внутренних дел, от 27-го января 1819 г.

В Государственном заемном банке 836439 р. 53 ½ к., на основании 334 и 362 ст. XIII т. Св. зак. гр. учр. и Уст. обществ. призрения.

В бывшем Временном совете для управления Департаментом государственных имуществ 28571 р. 42 ¾ к., по распоряжению Министерства внутренних дел от 27 июня 1837 г.

В Херсонском приказе 20000 р. ¾ к., по распоряжению Министерства внутренних дел от 8 ноября 1838 года.

На заемщиках 42395 р. 25 $^{1}/_{4}$ к.

Налицо 955 р. $^{1}/_{4}$ к.

Всего 917046 р. 93 $^{3}/_{4}$ к

В числе заведений Приказа общественного призрения считаются:

А. Больница, в которой ежегодно средним числом призревается около 300 человек муж. и женского пола.

Б. Дом умалишенных, помещается в одном дворе с больницей. Заведение это, сообразно с своими

средствами, находится в должной исправности; на содержание его и больницы употребляется в течение года около 3000 р. сер.

В. Богадельня имеет для себя отдельный дом, хотя и не так обширный, но довольно чистый и опрятный. В 1853 году в ней призрено 72 человека. Для успокоения заслуженных воинов приняты со стороны начальства всевозможные меры, а для развлечения некоторых из них в 1848 году, по распоряжению преосвященного Иеремии, при больнице учреждена небольшая библиотека из назидательных сочинений.

Заговорив о благотворительных заведениях города Ставрополя, считаем долгом упомянуть, что общество купцов и почетных граждан нашего города, желая выразить чувства своей благодарности за благодетельное управление краем наместника кавказского князя Михаила Семеновича Воронцова и ознаменовать свою к нему признательность каким-либо полезным делом, на общественном собрании в 1851 г. единодушно предположило устроить еще особую больницу на 20-ть кроватей во имя св. архистратига Михаила, поместив ее в двух принадлежащих городу домах, которые, за переходом из них в новое здание всех городских управлений, сделались свободными. При этом почетный гражданин И. Стасенков и 1-й гильдии купец С. Деревщиков приняли на себя снабдить предположенную обществом больницу всем нужным по госпитальному положению на 3 года и в продолжении означенного срока доставлять съестные припасы для продовольствия 20-ти больных, а дабы обеспечить существование больницы на дальнейшее время, общество составило из добровольных пожертвований сумму в 2000 р. сер. и сверх того обязалось вносить ежегодно при объявлении капиталов: от 1-й гильдии по 5 р., 2-й — по 3 р. и 3-й — по 1 р. 59 к., что составило бы в год более 300 р. сер. Но как назначенные для этого обществом средства не могут покрывать издержек, необходимых на содержание больницы, то, по приказанию князя М.С. Воронцова, жертвуемые обществом суммы переданы в Приказ общественного призрения для содержания на них нескольких больных в богоугодных заведениях Приказа или для приращения процентами, впредь до усиления средств, могущих обеспечить содержание предполагаемой больницы.

Для пособия бедным г. Ставрополя очень часто от граждан и неизвестных лиц приносятся денежные и другого рода пожертвования. Местное начальство, желая возбудить еще более сострадание к бедным и ближе познакомить ставропольских жителей, расположенных к благотворительности, с горестным состоянием многих несчастных и указать им тесные их жилища, поручило некоторым лицам посещать бедных и затем, по тщательному дознанию о поведении подвергнувшихся нищете, печатались по временам в губернских ведомостях краткие биографические очерки таких лиц и семейств, жалкое положение которых заслуживает особенного внимания. Эта мера имела свои благодетельные последствия, и многие из бедных семейств получали вспомоществования деньгами, припасами, платьем и обувью от неизвестных им лиц. Со временем может чрез это образоваться в Ставрополе, по примеру столицы, общество посещения бедных, число которых в нашем городе весьма велико; и главная тому причина заключается в довольно частых здесь случаях, что недостаточные чиновники, приезжая на Кавказ для выгод служебных, от неосторожности, или подвергаясь климатическим болезням, или по другим причинам, умирали, оставляя свои семейства на произвол судьбы.

В 1852 году депутация, отправленная ставропольскими гражданами для поздравления г. наместника кавказского с монаршею милостью — пожалованием князю Михаилу Семеновичу титула Светлости, посетив в Тифлисе в числе разных благотворительных заведений столовую для бедных, пожелала подобное заведение устроить и в Ставрополе. Вследствие этого, с дозволения князя Михаила Семеновича Воронцова учрежден в нашем городе, по примеру Тифлиса, стол для 40 человек бедных, который почетные граждане Василий и Илья Федоровичи Стасенковы, Василий Игнатьевич Волобуев и 1-й гильдии купец Сергей Федотович Деревщиков обязались содержать на собственный счет в течение трех лет. Открытие стола происходило 9-го ноября 1852 года.

Ознакомясь с судьбою бедных и участием, принятым в них, следует теперь нам перейти к заключенным и взглянуть на исправительные заведения в нашем городе, как то: тюремный замок, особое отделение тюрьмы и арестантские роты гражданского и военного ведомств.

Тюремный замок помещается в каменном двухэтажном доме, оконченном постройкой в 1843 году. Состояние заключенных, против прежних лет, постепенно улучшается, и им предоставлена полная свобода заниматься в своих камерах полезными трудами. Чтобы не оставить в совершенном бездействии и других, особенно в весеннее и летнее время, как самое тягостное для заключенного, в 1848 году, по распоряжению г. гражданского губернатора, при тюрьме устроен огород, обработкой которого должны заниматься ожидающие с беспокойством решения своей судьбы. За этим, по ходатайству г. наместника кавказского, в г. Ставрополе учрежден Тюремный комитет, открывший свои действия в начале 1849 года. Заключенные вскоре почувствовали благотворную попечительность комитета и при посещениях наших всегда отзывались, что стеснений и недостатка ни в чем никогда не видели. Внимание комитета особенно обращено на нравственность содержащихся, которые вследствие этого распределены в камерах по роду преступлений, и к ним назначается священник для духовного назидания. Таким образом, члены Тюремного комитета, при своем похвальном соревновании и внимательности, доставили заключенным выгодное содержание, и полезные советы, и упражнения для исправления нравственности.

Особое отделение тюрьмы, которое жители называют часто рабочим домом, назначено собственно для содержания женского пола и осужденных по судебным приговорам к заключению под стражу на срок. Отделение это открыто с разрешения г. наместника кавказского в 1849 году. Из содержащихся здесь: мужчины занимаются столярной работой, шитьем обуви и платья; а женщины — вязанием перчаток, чулок, пряжею и шитьем белья; кроме

того, те и другие обрабатывают устроенный и при отделении огород. В течение 1853 года в тюремном замке и отделении содержалось 1308 человек муж. и 265 женск. пола, из этого числа умерло 10 муж. и 6 жен. и выбыло 1137 муж. и 210 жен.[5]

Арестантская рота гражданского ведомства существует в Ставрополе с 1840 года; число содержащихся в ней штатом не ограничено; их положено иметь 200 челов. и более. По вступлении А.А. Волоцкого в должность гражданского губернатора на роту эту обращено было особенное внимание, и, главное, на недостаток и неудобство ее помещения. Рота помещалась в тесных деревянных зданиях бывшего тюремного замка, пришедших от времени в совершенную ветхость и во многом не удовлетворявших требованиям, какие определены положением о сформировании роты. Арестанты не были распределены на разряды, так что закоренелые в пороках нередко содержались с людьми совершенно невинными, попавшими в роту за неимение письменного вида или утрату билета. Поэтому генерал-майор Волоцкой прежде всего позаботился о возведении

Здание Ставропольской губернской гимназии (1847–1868 гг.). Современный вид

для роты нового здания. В 1849 г. для нее выстроена хозяйственными средствами казенная казарма на 80 человек, и арестанты тогда были распределены на разряды. В следующем, 1850 году воздвигнута еще одна обширная казарма на 160 человек; а в настоящее время для этой роты строится новое здание в два этажа, из которых в верхнем будет помещена церковь, а в нижнем — мастерская. Арестанты приносят городу огромную пользу; они постоянно занимаются поправкой бульваров, бассейнов, устройством улиц, площадей, разработкою торфа на Кравцовом озере и т.п. Плата за городские работы положена каждому арестанту по 5 к. сер. в сутки.

Военно-арестантская рота имеет для себя особые казармы, выстроенные в 1844 году по распоряжению генерал-лейтенанта Гурко. Арестанты этой роты занимаются разным мастерством и употребляются на работы собственно в тех местах и зданиях, которые принадлежат военному ведомству.

Вообще, всматриваясь во внутреннее состояние Ставрополя, везде в нем виднеются следы преобразований и благодетельных учреждений, начатых после счастливого 1837 г., который оживил граждан и дал им почувствовать, что труд и деятельность никогда не остаются без вознаграждения. В этот же самый год ставропольские граждане поняли, что для полного счастья их города и для продолжения его в будущем нужно было дать и молодому поколению возможность идти вперед по пути саморазвития. Для достижения этого следовало учредить такое заведение, где бы юношество могло образовать свои понятия. До 1837 г. в Ставрополе было два училища — уездное и приходское: одно из них помещалось в небольшом деревянном здании, занятом теперь частью Комиссариатской комиссии, а другое — на старой базарной площади в каменном доме, в нижнем этаже которого помещались тогда арестанты, содержавшиеся при полиции. Нахождение дома в таком невыгодном месте не могло соответствовать назначению училища и давало детям возможность предаваться разным шалостям.

В настоящее время для образования юношества в Ставрополе состоят следующие заведения:

1. Гимназия, лично основанная Государем Императором 18 октября 1837 года. Одно это ставит её высоко пред прочими подобными заведениями, которые не всегда могут удостоиться такой высокой чести. В первое время гимназия не имела у себя ни достаточных средств, ни хороших наставников; воспитанников в ней считалось около 30 человек, классов только четыре. Впоследствии, хотя она и совершенствовалась, но чрезвычайно медленно и не скоро, может быть, достигла бы вполне своего значения, если бы в 1846 г. не была изъята из ведомства Харьковского учебного округа и не подчинена непосредственному влиянию наместника кавказского. С этих пор особенная попечительная заботливость как высшего, так и непосредственного начальства гимназии была обращена на состоящий при ней Благородный пансион, на нравственное, умственное и физическое развитие юношей и детей, в нем воспитываемых. Потом, когда успех во всем этом был ясно видим, в гимназии открыты еще два специальных класса; затем, чтобы навсегда сохранить в памяти воспитанников день 18-е октября, в этот день с 1852 года учрежден конкурс лучших сочинений на русском языке для соискания наград. Конкурс 1853 г. не только оправдал, по даже далеко превзошел самые смелые предположения. Беспристрастный суд уже решил, что сочинения, читанные на нем, отличались такими достоинствами, каких от учеников гимназии даже и требовать нельзя; сочинения учеников специального класса стоят настолько выше собственно гимназического конкурса и назначенной для него премии, что директор училища по всей справедливости нашел себя вынужденным ходатайствовать у высшего начальства об установлении и для специалистов особой, более приличной премии: одной золотой и одной серебряной медалей. Далее, считая занятие музыкой одним из лучших средств для достижения эстетического образования детей, гимназия приобрела для пансиона фортепиано. Таким образом воспитанники имеют теперь возможность учиться музыке в самом заведении у частных учителей, за условленную с родителями плату; занятия эти принесли уже желаемые плоды. Не совсем также неудачны попытки воспитанников пансиона в драматическом искусстве; по крайней мере представления их театра удостаивались всегда внимания многочисленных посетителей, ловкость и искусство, с которыми воспитанники пансиона выполняют не только общеупотребительные, но

и некоторые балетные танцы, заслужили одобрение и г. попечителя кавказского учебного округа, и посетителей. Для развитая и укрепления физических сил устроены при Благородном пансионе гимнастические игры и упражнения, которые уже успели оказать благодетельное свое влияние как на развитие сил, так и на здоровье детей. Библиотека гимназии и физический кабинет находятся в удовлетворительном состоянии. Первая заключает в себе 1765 названий книг, из них 53 сочинения весьма ценные, как напр: «Всемирная история» Канта. Последний состоит из 83 аппаратов и машин, по большей части годных к употреблению. Число учеников гимназии в исходе истекшего 1852 г. было 236; из них в течение 1853 г. по разным причинам выбыло 91, вновь поступило 114, за тем остается налицо 278, след. 42 более против прошлого года. Из них 98 суть пансионеры Благородного пансиона, воспитывающиеся: 29 из детей русских чиновников и 15 из детей почетных горцев, на счет государственного казначейства; 15 на счет правления Кавказского линейного казачьего войска; 2 на счет почетного попечителя, 9 из остатков сумм, ассигнуемых по смете на содержание пансиона; 28 своекоштных пансионеров. Остальные за тем 180 живут частью у родителей и родственников своих, частью на частных квартирах.

2. Духовная семинария открыта 13 ноября 1846 г.; цель учреждения ее как духовного заведения преимущественно состоит в том, чтобы приготовлять достойных пастырей для православного русского народа. Кроме того, в Ставропольской семинарии обращено особенное внимание на науки, имеющие практическое приложение к жизни, как то: медицину и сельское хозяйство. В 1853 г. в семинарии считалось воспитанников 219, учителей 12.

3. Духовное училище. С какого именно времени оно существует в Ставрополе, мы не могли найти верных и точных сведений. В 1847 г., при бывшем епископе Иеремии, училище значительно увеличилось в своем объеме, особенно когда при нем иждивением 1-й гильдии купца Ивана Ганиловского построен был дом для бедных сирот духовного звания, которые имеют теперь для пропитания и образования своего удобный приют. В настоящее время в Ставропольском духовном училище находятся 240 воспитанников, из которых около 100 человек пользуются казенным содержанием.

4. Армянское училище существует с 1851 года. До основания его дети армян, живущих в Ставрополе, оставались без всякого попечения и никто не заботился о первоначальном их образовании. Некоторые из армян, хотя и отдавали своих детей в приходское училище, но вскоре, как только они выучивались читать и писать по-русски, выходили оттуда по воле родителей и поступали в лавки мальчиками или прислужниками. Но странно было видеть то, что природный армянин, выучившись читать и писать по-русски, часто не знал и не имел понятия о письменах своего родного языка. Это бросалось многим армянам в глаза, но никто не хотел позаботиться об устранении такого недостатка, пока наконец протоиерей П.С. Патканов не предложил небольшому армянскому обществу устроить при церкви училище, где бы дети их могли узнать сколько-нибудь свой язык. Предложение это было принято, и общество тогда же построило при церкви небольшой каменный дом для училища, в котором теперь считается около 30 человек. В училище дети учатся по-армянски и по-русски; священную историю и другие религиозные предметы они слушают на армянском, а грамматику и арифметику на русском языке.

Для воспитания женского пола в Ставрополе открыто с конца 1849 г. среднеучебное заведение св. Александры, обязанное существованием своим попечению и заботам ее светлости княгини Е.К. Воронцовой. Княгиня Воронцова, два раза посещавшая это заведение: в 1851 и 1854 г., лично сделала многие распоряжения, которые послужили к его улучшению. Заведение обязано также много в своем усовершенствовании бывшей вице-председательнице, супруге покойного генерала от кавалерии Анне Павловне Завадовской. Состоя под Высочайшим покровительством всеавгустейшей монархини, оно в настоящее время получило уже довольно значительный состав. После 5-летнего существования заведение имеет теперь все необходимое: иму-

Здание Александровского женского училища. Фото 1952 года

щество, капитал, церковь и больницу. К 1854 г. капитал заведения состоял из 15749 р., из коих:

1) в Московском опекунском совете — 4000 р.;

2) там же, полученные от Градской Думы на городских воспитанниц, 1440 р.;

3) в С.-Петербургском опекунском совете 10000 р.;

4) в Ставропольском Приказе общественного призрения 309 р.

Этот наличный капитал и самое состояние учебного заведения оправдывают теперь ту цель его и ту заботливость об его учреждении, которыми оно вполне обязано княгине Елизавете Ксавериевне и князю Михаилу Семеновичу Воронцовым, давшим таким образом нашему краю постоянную возможность для образования детей женского пола недостаточных родителей.

Ныне воспитанниц налицо:
содержащихся благотворителями — 48;
своекоштных — 21;
линейного казачьего войска —17;
от граждан г. Ставрополя — 9;
от самого заведения — 2;
полупансионерок — 2;

на счет воспитанниц заведения — 1;
итого — 100.
При заведении состоят:
заведующая заведением — 1;
помощница — 1;
классных надзирательниц — 6;
кастелянша — 1;
дама при больнице — 1;
преподавателей наук, временно приходящих — 5;
лекарь, тоже временный — 1.
Итого — 16.

Не касаясь упомянутого выше сего капитала, заведение св. Александры в течение минувшего года содержалось из сумм, поступивших из следующих источников:

I. От благотворителей, от линейного казачьего войска, от общества города Ставрополя и от родителей на содержание детей — 6871 р. 13 к

II. Единовременных пожертвований — 1461 р. 3 к.

III. От лотереи — 1190 р.

IV. Деньгами, взнесенными по званию членов — 610 р.

Итого 10132 р. 16 к.

Содержание воспитанниц со всем штатом и прислугою, всего 147 душ, обошлось в следующем виде:

а) на продовольствие — 2666 р. 83 к.;
б) на сахар и чай — 741 р. 51 к.;
в) за наем одной половины дома — 600 р.;
г) на одеяние и обувь — 1138 р. 45 к.;
д) на жалованье — 2756 р. 26 к.;
е) на отопление и освещение — 937 р. 30 к.;
ж) на разные расходы по содержанию дома — 1240 р. 89 1/2 к.
Итого — 10081 р. 24 1/2 к.

В заключение всего этого надобно сказать, что с распространением образования должна развиваться и общественная жизнь Ставрополя. Мы видели, как постоянно совершенствовался наш город, что в нем было прежде и что есть теперь. Относительно общественных удовольствий в Ставрополе существуют различные толки и мнения. Одни из граждан скучают, но это по большой части молодые, отъявленные львы, показывающие вид, что они много видели, много знают, но на самом деле ничего не знающие и жалующиеся на скуку единственно вследствие своей праздной жизни. Напротив того, большая часть ставропольских граждан (мы не включаем, впрочем, сюда средние сословия) очень довольна своею жизнью, которую легко можно разнообразить и в которой много есть средств для развлечения. Положим, что наш город не имеет еще тех средств и удобств, какими пользуются некоторые другие города России, но во всяком случае мы смело можем сказать, что многим губернским городам, судя по сведениям, какие мы иногда встречаем о них в журналах и газетах, еще далеко в этом отношении до настоящего состояния Ставрополя. У нас на Кавказе шесть губернских городов: Тифлис, Кутаис, Эривань, Шамаха, Дербент и Ставрополь, но из них, в отношении общественных удовольствий, преимущество только остается за Тифлисом и Ставрополем. Один господствует за Кавказом, а другой на Кавказе.

Молодые люди, жаловавшиеся прежде на скуку, проводят теперь время довольно приятно в дворянском клубе, помещенном в доме бывшего Благородного собрания. Открытие клуба доставило многим возможность иметь во всякое время полезное и приятное развлечение. Здесь каждый из членов может, по своему вкусу и желанию, избрать для себя занятия и подчас послушать умную беседу, которая всегда доставит более удовольствия, чем бесполезные, щепетильные игры.

Вскоре после открытия дворянского клуба в Ставрополе учреждена публичная библиотека, обязанная своим существованием нынешнему гражданскому губернатору. До 1851 г. никто из наших граждан не подумал об этом полезном учреждении. Впрочем, в 1839 г. была еще небольшая частная библиотека у купца Челахова, которому за право чтения любители платили по 8 р. сер. в год, но в библиотеке этой мало было полезных и интересных книг: она состояла большей частью из одних устарелых романов. По смерти Челахова часть этой библиотеки была подарена губернской гимназии, а другая, как говорят, зачитана. А.А. Волоцкой, желая доставить бедным чиновникам и другим недостаточным людям средства к образованию, а всем вообще ставропольским жителям — приятное развлечение, еще в 1850 г. хотел осуществить свое предприятие, но библиотека по некоторым обстоятельствам не могла тогда устроиться. По собрании же предварительных сведений о средствах и о тех лицах, которые могли быть полезны в этом деле, библиотека, с разрешения князя наместника кавказского, была наконец открыта 29 декабря 1852 года. Под помещение ее назначен казенный дом бывшей Строительной и дорожном комиссии. При открытии библиотека имела 546 томов разных сочинений, из которых 481 том приобретен был покупкою, а остальные пожертвованы: г. гражданским губернатором, пятигорским купцом Якунчиковым и другими лицами; сверх того ожидались из С.-Петербурга до 240 т., за которые деньги книгопродавцу были уже заплачены; в настоящее же время в ней считается 523 названия, составляющих вместе с периодическими изданиями 1203 тома. Для составления на будущее время постоянного дохода публичной библиотеки, кроме добровольных пожертвований, принято правилом, по примеру библиотек: Севастопольской морской офицерской и Публичной Керченской, чтобы действительные члены библиотеки вносили: состоящие на службе — по одному проценту из получаемого ими жалованья, а купцы и другие частные лица — по семи р. сер. в год. Библиотека открыта ежедневно утром и после обеда, каждый член свободно пользуется книгами и может читать в библиотеке новые журналы и газеты, а по получении следующих за ними номеров брать к себе и на дом. Кроме всех лучших периодических изданий библиотека получает несколько газет и журналов, французских и немецких, всего на сумму до 240 руб. сер.

Кто хочет искать других развлечений, вне библиотеки и клуба, тот может найти их в театре, который в последнее время посещен был многими талантливыми артистами, приобретшими себе уже громкую известность в столицах. Но прежде нежели мы приступим к описанию настоящего состояния ставропольского театра, взглянем на его прошедшее положение и на причины, вследствие которых возникло в нашем городе это общественное учреждение. До 1837 г. лучшие удовольствия нашего города состояли в мелочных забавах; потом, когда ставропольские граждане начали становиться зажиточнее, прежние развлечения показались им скучными и однообразными. На этом основании в 1840 г. заговорили о театре; но решительного ниче-

го еще не было сделано, вследствие споров и затруднений, откуда выписать актеров, где и в каком объеме построить театральное здание. Наконец явился человек, который принял на себя обязанность основать в Ставрополе театр. Это был некто Яценко, без вести исчезнувший потом из нашего города. В 1841 г. он отправился набирать труппу, а граждане принялись за постройку незатейливого театра, который был окончен к 1842 г. и походил во многом на лубочный балаган. После того явился с актерами и Яценко; начались спектакли; публика с какою-то особенною энергией стремилась в театр, смотрела на все со вниманием, но мало вникала в игру актеров; на первый раз игра нравилась; во взглядах и вкусах не заметно было разнообразия; немногие только не одобряли игру наших лицедеев, зато остальные все стояли за них горой. Казалось бы, чего же более и желать ставропольским артистам, если к ним так горячо была привязана большая часть граждан? Не тут-то было — вкусы начали изменяться. Что это значит, спрашивали, что в театре так мало народа и публика так хладнокровно начала смотреть на игру актеров? Однообразие, однообразие, было ответом, не стоит смотреть и тратить деньги на какие-нибудь пустые водевили, к тому же еще неудачно разыгрываемые; да и на самую наружность театра и на внутреннее его устройство стало как-то приторно глядеть. Требование публики было в этом отношении совершенно справедливо, потому что город богател и у многих граждан были средства для постройки театра в лучшем виде. Публика предлагала им приступить к делу, но все почти отказались строить для театра каменное здание, кроме одного только 1-й гильдии купца И. Ганиловского, принявшего это предложение. Наконец в 1845 г. явился в Ставрополе новый каменный театр, удовлетворивший на первый раз требованиям публики. Действительно, по наружному и внутреннему устройству ставропольский театр может поспорить со многими театрами наших лучших губернских городов, но не в состоянии был тогда поддержать себя относительно искусства и похвалиться хорошими артистами. По окончательном, в 1845 году, устройстве театра учреждена была дирекция над прежде бывшими актерами. Граждане сначала не жалели денег, но скоро снова посетители театра начали редеть; наружность не привлекала их. Наконец дирекция уничтожена и ставропольские актеры разбрелись. Город остался опять без театра; но так как общественных развлечений лет семь тому назад в Ставрополе было не слишком много, граждане начали скучать, пустое театральное здание наводило какое-то уныние. Скучавшие непритворно о театре увидели наконец в 1846 г. на сцене ставропольского театра труппу Зелинского. В первый раз Зелинский блеснул своими артистами, из числа которых действительно заслуживали внимания и уважения: комик Алексеев, трагик Рыбаков и г-жа Рыбакова. С 1846 по 1849 год, пока эти артисты держались на ставропольской сцене, дано было довольно много дельных представлений. Мы видели игру Алексеева в «Горе от ума», «Ревизоре» и проч. и восхищались ею; хвалили Рыбакова в «Гамлете», «Разбойниках» Шиллера и других замечательных драмах и трагедиях. Даже пустые водевили было приятно смотреть. По отъезде этих двух талантливых актеров труппа Зелинского постепенно начала клониться к упадку. С 1-го декабря 1852 года ставропольский театр вновь поступил в ведение дирекции и с этих пор, под наблюдением директоров: генерал-майора А.Х. Капгера, А.Е. Лазарева и гр. С. Иванова, начался в нем ряд многочисленных преобразований во внутреннем его составе. Прежняя меблировка заменена новой, старые декорации вместе с ветхими лицедеями исчезли. Дирекция постаралась приобрести теперь несколько новых талантливых артистов и артисток, которые, как заметно, стараются понять значение своих ролей, а чрез это и игра в театре идет живее. Театральная музыка также может доставить более полное эстетическое удовольствие. За все это публика должна быть благодарна дирекции, которая не щадит ни трудов, ни денег на усовершенствование театра, для поддержания которого светлейший князь Михаил Семенович Воронцов со своей стороны изволил назначать ежегодно 1200 р. сер. К числу музыкальных знаменитостей, посетивших наш город, мы относим: г-жу Кристиани — виолончелистку Короля Датского, пианиста Сеймур-Шифа и Апполинария Контского, которым дано было два концерта: 23 и 30 октября 1853 г.; в последнее время известный русский артист Живокини 1-й, игра которого давно уже оценена, также дал на ставропольском театре несколько представлений. Между нашими артистами первое место принадлежит г-ну Швану.

Для общественных гуляний в Ставрополе находятся три сада и бульвар.

Бульвар в настоящее время составляет главное место для прогулок ставропольской публики. Он расположен во всю длину Николаевской улицы, почти на полторы версты. В хорошую погоду на нем каждый день можно встретить весь цвет ставропольского общества; бывают иногда и такие случаи, что бульвар не в состоянии поместить своих посетителей, и это лучше всего свидетельствует о его красоте. Первая мысль об устройстве бульвара была еще подана гражданскому губернатору барону Таубе членами Строительной комиссии, но тогдашний градоначальник не привел ее в исполнение, и она дожидалась генерала Граббе. П.Х. Граббе, по устройстве небольшой части бульвара, имел намерение протянуть его во всю длину улицы, но вскоре сам выехал из Ставрополя, и это благое намерение оставалось в забвении до генерал-майора Норденстама, который, по согласию с Н.С. Завадовским, возобновил старую мысль; но за переводом его в Финляндию гражданским губернатором Нюландской губернии он успел только положить начало нового бульвара и дальнейшие заботы о нем передал А.А. Волоцкому. В 1849 году бульвар достиг полного своего значения и размера. В настоящее время его разделяют на две части: на бульвар верхний и нижний; первый из них простирается от театральной улицы до бассейна; а второй — от бассейна до Тифлисских ворот. Нижний бульвар состоит из одной средней довольно широкой аллеи и двух боковых поуже; аллеи состоят из молодых лип, чинар, акаций и разных других деревьев. Верхний бульвар имеет несколько тропинок и аллей, из которых одна главная вполне достойна этого названия; гуляющий защищен здесь от солнечных лучей и на каждом шагу может отдохнуть под тенью густой

липы или акации. Господин наместник кавказский во время своего пребывания в Ставрополе, еще в 1851 г., вполне остался доволен устройством нового бульвара — такого богатого приобретения, каким не многие из наших губернских городов могут похвалиться. Князь Михаил Семенович сверх того приказал, в память управления Кавказским краем генерала от кавалерии Завадовского, нижний бульвар назвать его именем, вследствие чего пред началом нашего общественного гулянья на двух каменных столбах сделана следующая надпись: «Бульвар Завадовского. Устроен в 1849 году».

Отправляясь с бульвара в Воронцовский сад, бывшую Бабину рощу, опять видим новое устройство и невольно вспоминаем, каким образом достигла она своего цветущего состояния. Роща эта, по рассказам старожилов, принадлежала когда-то поручику Бабину, а по смерти его перешла в ведение города, сохранив за собою имя своего прежнего хозяина. Князь Михаил Семенович, обратив особенное свое внимание на рощу, поручил местному начальству привести её в более удовлетворительное состояние, чего она и заслуживала по своим вековым деревьям. По отъезде князя-наместника тотчас же приступлено было к работам и роща, вызванная из запустения, приведена на первый раз в должный порядок. Затем вызвано было также из запустения пустопорожнее место, прилегающее к роще близ арестантской роты; на нем предполагалось прежде выстроить гимназию. Место это, занятое арестантским огородом, было обращено в общеполезный рассадник, о котором мы теперь слышим лестные и справедливые отзывы. В Воронцовском саду выстроен павильон, где иногда танцуют, а в общеполезном рассаднике устроена оранжерея и дом для садовника и учеников. Все эти работы производились под наблюдением статского советника А.И. Полянского, любителя садоводства, который вообще деятельно трудился как в устройстве самого сада, так и принадлежащего к нему рассадника. Когда светлейший князь в последние два раза, в 1851 и в 1854 году, посетил Ставрополь, то нашел этот сад прекраснейшим местом для гулянья; но всего более удостоился одобрения рассадник, служащий питомником многим редким растениям и начавший снабжать губернию молодыми лучших сортов фруктовыми и другими деревьями, которые первоначально доставлены были, по распоряжению наместника, из крымских имений его светлости. Князь Михаил Семенович со своей супругой осматривал деревья, куртины и благодарил начальство за устройство сада; особенно понравились тогда князю выращенные здесь бельбекские тополи. Дорогие посетители Ставрополя, гуляя по главной аллее сада, любовались обширным прудом, чрез который перекинут мост, и устройством павильона, стиль коего и избранная для него местность заслужили особенное одобрение. В заключение всего светлейший князь изволил сказать, что ставропольский рассадник есть лучший из находящихся в черте управления его, и потом приказал из здешнего сада переслать двести тополей в Кисловодск — для тамошней аллеи, и сверх того, особо, в Баку и другие места. За тем тополи доставлены были по просьбам в укрепление Хасав-Юрт, штаб-квартиру егерского генерал-адъютанта князя Чернышева полка и в Алагирский серебро-свинцовый завод. В настоящее время в Воронцовском саду фруктовые деревья продаются жителям Ставрополя и окрестных мест по следующим ценам: однолетнее деревцо — по 20 к., двухлетнее — 30, трехлетнее — 50 к., а виноградные лозы — по 1 к. за штуку. До сих пор мы, прогуливаясь с нашими читателями по городу, указали по возможности на общественные наши заведения и гульбища. Теперь мы посмотрим, нет ли каких еще мест для препровождения времени вдали от города. Если кому угодно последовать за нами, мы, без дальних затей и околичностей, предлагаем отправиться в тутовый сад, расположенный к северо-западу от Подгорной слободки, на гористой покатости, по левую сторону речки Ташлы. Мы уверены, что одно путешествие за город к этому саду доставит много удовольствия. Кто, проходя беспрестанно чрез зеленеющие сады и рощи, утомится долгим путем, тот может везде свободно отдохнуть под тенью, а потом, пройдясь по аллеям тутового сада, посмотреть на развитие шелковицы, кормление червей и наконец на размотку коконов. Ставропольский тутовый сад должен гордиться своими деревьями потому, что они привезены для разведения в нем из дальних земель. Покойный граф Е.Фр. Канкрин, заботясь о расширении и улучшении кавказского шелководства, в 1842 г. купил в Тарасконе, во Франции, у братьев Филибер, более тысячи шелковичных деревьев и на свой счет нанял корабль для перевозки их из Марсели в Одессу. Из Одессы деревца эти доставлены были к почтенному патриарху русских шелководов А.Ф. Реброву и разведены в деревне его Владимировке и в Ставрополе в значительном количестве. Они имеют свои особенности: листья их отличаются величиной и прекрасным темно-зеленым цветом. С 1850 года при тутовом саде, по воле г. наместника кавказского, учреждена практическая школа шелководства, состоящая в ведении члена Кавказского общества сельского хозяйства П.Н. Нечмирова. Главная цель ее — образовать шелководов для распространения этой важной промышленности в Ставропольской губернии и приготовлять в запас, для безденежной раздачи жителям, яички шелковичных червей, семена шелковицы и молодые тутовые деревья. Из числа учеников, находящихся теперь в школе, одни принадлежат к обществу мещан гг. Ставрополя и Георгиевска, а другие из государственных крестьян. Ученики эти, кроме прямого своего назначения — занятия шелководством, в свободное время упражняются в разведении разных фруктовых и дикорастущих дерев. Приготовляемый же учениками в течение года шелк (для получения одного фунта коего употребляется до 2400 коконов) продается по распоряжению местного начальства в Москве, и вырученные за то деньги обращаются на наем учителя для обучения учеников грамоте, на покупку книг и прочих учебных пособий, а также и на поправку зданий. Из городских доходов, для поддержания школы шелководства, отпускается ежегодно от 450 до 500 р. сер., из которых 300 назначается в жалованье шелководу, а остальные на исправление инструментов и строений. В 1851 г. секретарь Кавказского общества сельского хозяйства И.Ф. Золотарев прислал для нашей школы несколько яичек особого рода червей. Черви эти, по словам заведывающего школой П.Н. Нечмирова, хотя и не отличаются от обыкновенных итальянских, и притом менее последних, но зато коконы их по густоте нитей несравненно прочнее. Шелк из них выходит превосходного качества, самые коконы особенно

удобны к прессованию для пересылки в дальние места. Покойный Н.А. Райко, в проезд свой чрез Ставрополь, 31 марта 1852 г. посетив наш казенный тутовый сад и практическую школу, отозвался, что рассадка молодых деревьев произведена в самой правильной пропорции и одобрил шпалерные аллеи из тутовника, расположенные в 16 линий с целью разводить шелковицу посредством отводков, заметив притом, что деревца, оставленные расти кустарником в аллеях, т.е. без очистки нижних ветвей, будут чрезвычайно полезны для первоначального кормления червей ранним листом. Заведения шелководства, шелкомотальные машины, образцы шелка с 1849 г., т.е. со времени учреждения школы, коконы, опыты размотки шелка в хорошую погоду и во время ненастья, равно весь шелк, полученный в 1851 г., заслужили полное одобрение знаменитого шелковода, который присовокупил, что коконы и шелк находит он весьма хорошего качества и что размотка последнего правильна, будучи производима именно так, как это требуется для фабрикации.

Осмотрев бульвары, рощи, сады для гуляния, не мешает сказать что-нибудь и вообще о садоводстве Ставрополя. Садоводство составляет одну из важнейших отраслей хозяйства в нашем городе; обширные, роскошные сады раскинуты всюду и в самом городе, и по течению речек Мамайки и Ташлы; особенного внимания заслуживают последние, пользующиеся по своему местоположению всеми удобствами и привольями к успешному их разведению. Садоводство в Ставрополе началось с самого почти его основания и на первых порах находилось, по словам старожилов, в таком цветущем состоянии, до которого далеко теперь дойти настоящим нашим садам. Но как старина хвалит всегда свое прошедшее, то мы и не даем полной веры ее рассказам и смело говорим, что садоводство в Ставрополе нисколько не упало против прежнего, а напротив, постепенно совершенствуется. Есть много у нас и таких людей, которые ухаживают за своими садами по всем правилам науки и предоставляют потом другим пользоваться своими наблюдениями и трудами. Кроме разведения в Ставрополе обыкновенных фруктовых деревьев, жители начинают понемногу заниматься также разведением и винограда, лозы которого можно теперь приобресть во всякое время в общеполезном рассаднике при Воронцовском саде. В газете «Кавказ» за 1849 год было напечатано, что купец Н.Н. Плотников сделал весьма удачный опыт разведения в нашем городе винограда и что им задача в отношении того, что виноград может расти в окрестностях Ставрополя, разрешена удачно. Мы должны объяснить, что задача о возможности разводить виноград в окрестности Ставрополя разрешена гораздо ранее купца Плотникова известным любителем садоводства Ф.Я. Макаровским. Сад г. Макаровского находится на северной стороне Ставрополя, в лощине Ташлинского предместья и так же, как сад Н.Н. Плотникова, защищен местностью от непогоды. Впрочем, надо сказать, что виноград не может повсюду вполне созревать в Ставрополе по причине возвышенной местности нашего города, и если он созревает в садах гг. Макаровского и Плотникова, то тому споспешествует низменность места, которая, как мы сейчас видели, защищена от ветров. Вообще должно заметить, что городское садоводство находится в хорошем состоянии и многим приносит в урожайные годы большие выгоды. Сверх того 1851 год доказал многим, что по климату своему Ставрополь способен иногда производить в садоводстве редкие явления. В том году после продолжительного и сухого лета в некоторых садах, по снятии фруктов, деревья вновь цвели в сентябре месяце и завязали плод; в саду же П.Н. Нечмирова из числа этих вторичных плодов яблоки, снятые в начале ноября месяца, получили форму и цвет совершенно созревших, и только по величине своей уступали первым плодам. Во время урожайных годов, к числу которых можно отнести и нынешний 1854 г., в Ставрополе бывает такое обилие в плодах и овощах, что, за удовлетворением городских жителей, снабжаются ими соседние селения и станицы. Жаль, что в Ставрополе, при всем богатстве фруктовых деревьев, жители не займутся приготовлением впрок своих плодов и обработкой их, напр., из одного чернослива, который в лавках покупается у нас по 10 к. фунт и дороже, жители могли бы извлечь для себя огромную пользу, так как ставропольская черная слива ни в чем не уступает закавказской и в величине, и в своем приятном вкусе. Другой пример нерадения наших садоводов о сбережении и извлечении из плодов материальной выгоды доказывается еще тем, что во время зимы в Ставрополь привозят из Крыму в значительном количестве яблоки и продают их по 15 и 20 к. сер. за фунт, тогда как в яблоках, при тщательном занятии жителей сбережением их, Ставрополь никогда не мог бы иметь недостатка. Всех садов в городе считается около 160; из них особенного внимания заслуживают сады гг. А.И. Гречанинова, П.Н. Нечмирова, Ф.Я. Макаровского, Н.Н. Плотникова и многих других лиц; здесь всегда с удовольствием можно провести время и полюбоваться правильной рассадкой деревьев и их разведением.

Кроме садоводства средний класс ставропольских жителей занимается в окрестностях и предместьях города хлебопашеством, огородничеством и вообще разведением разных овощей, и всегда труд его вознаграждается с избытком. Места по р. Ташле и ее притокам Березовке и Третьей речке все почти заняты хлебом, гречихой, кукурузой, капустой и другими необходимыми растениями; под сенокос оставлено здесь весьма незначительное пространство; то же самое мы видим и в предместьях Мамайки и Мутнянки. Растительность Ставрополя так богата, что жители, пользуясь плодородием почвы, могли бы легко завести обширные плантации для каких-нибудь ценных произведений природы, особенно таких, которые свойственны только теплому климату. Например, они с успехом могли бы разводить табак и красильное растение марену, особенно последнюю, которая в диком состоянии растет на всем пространстве Ставропольской губернии и обещает большое вознаграждение за правильное ее возделывание. В 1850 г. член Кавказского общества сельского хозяйства П.Н. Нечмиров выписал из Закавказского края семена марены, желая развести в окрестностях Ставрополя и во всей губернии плантации этого растения, но, к сожалению, с того времени, как нам известно, немногие занялись усердно этим делом, кроме одного только помещика Пяти-

горского уезда Шан-Гирея. Свойственная почти каждому нерешимость начинать что-либо новое в хозяйстве, сомнение в успехе, а, может быть, и затруднение в приобретении семян марены, кажется, суть главные причины, удерживающие ставропольских хозяев от этого полезного занятия. Чтобы устранить их по возможности, в 1852 г., по приказанию г. гражданского губернатора в Ставрополе заведены две образцовые плантации марены: одна в казенном тутовом саду, другая при рассаднике, находящемся около Варваринской церкви. В окрестностях Ставрополя находятся еще во множестве фармацевтические растения, из которых, если бы за ними ухаживали как следует, можно собирать обильный запас свежих медикаментов для аптек. В геогностическом отношении почва земли, занимаемая городом, различна: в нижней части его — болотистая и топкая, в подгорной — глинистая, по хуторам — черноземная, а в прочих возвышенных частях — каменистая; последняя состоит из известкового и раковистого камня, который обширными сплошными массами составляет или поверхний слой земли или же, покрытый песчаником и черноземом, лежит не глубже пяти и десяти футов; в этом случае массы его обширнее первых и продолжаются сажени на две в глубину и на несколько сажень в окружности. Из камня сего построены лучшие дома и здания города; но в них сырость и холод уничтожаются только при всевозможных способах и заботах жильцов; причина этого неудобства состоит в том, что доселе не обращено внимания на свойство этого камня, на приготовление его к постройке и на особый способ кладки стен в зданиях, — способ далеко не схож с устройством зданий кирпичных. Кроме этого известкового и раковистого камня, верстах в десяти от города, по дороге к Тифлису, под поверхним слоем чернозема лежат обширные, толщиною в пол-аршина и более, пласты кремнистого камня, которым вымощены Николаевская, Театральная и часть Александровской улицы длиною до двух верст. Кстати надобно еще упомянуть и о произведениях, принадлежащих к категории ископаемых веществ, а именно: о введении в Ставрополе топки каменным углем и торфом, с целью сберечь тем сколько-нибудь лежащие вокруг города небольшие леса. Было время, лет за 40 тому назад, окрестности Ставрополя изобиловали лесами, которые в самом начале вырубались с намерением, чтобы лишить хищных горцев надежных притонов для грабежа, потом же, когда не стало притонов, леса также истреблялись быстро, и в настоящее время не только близ нашего города, но и в пределах самой губернии их осталось весьма незначительное количество и в довольно жалком состоянии. Поэтому все должны быть благодарны, что для восстановления и сбережения лесов в том виде, в каком они были прежде, представляется теперь надежное средство, а именно: заменить дровяное отапливание домов открытым близ укрепления Хумара каменным углем, употребление которого введено уже, по распоряжению г. наместника кавказского, во всех казенных местах и в некоторых частных домах. Сверх того, в 1849 г. присланным от его светлости генерального штаба подполковником Колодеевым разыскивался в окрестностях Ставрополя торф, который найден в весьма значительном количестве на городской земле, в так называемом Кравцовом озере, в расстоянии от Ставрополя около 9 верст. Окружность этого озера имеет 4 версты, масса торфа лежит у берега на ½ аршина, а на средине от 2 ½ до 3-х арш. глубиною; разработка его производится арестантами гражданского ведомства. В 1851 г. князь Михаил Семенович Воронцов, лично осматривая запас и складку торфа, нашел его весьма хорошего качества, но в отношении инструментов для резки его изволил дать указание и приказал заменить их новыми, особого устройства, торфяными лопатами. Это полезное замечание, по распоряжению местного начальства, приведено в исполнение, и разработка торфа идет весьма успешно.

Фабричная и заводская промышленность города Ставрополя с каждым годом увеличивается и приняла бы, может быть, обширные размеры, если бы наш город имел побольше предприимчивых капиталистов. Теперь в Ставрополе считается семь фабрик, из них 5 табачных и 2 хлопчатобумажных. Табачные фабрики все получили свое начало в наше время; первая из них была основана 1-й гильдии купцом Ф.А. Брацианом. Годовой оборот всех пяти фабрик простирается до 6 т. р. сер.

Хлопчатобумажные фабрики, по недавнему их открытию, приносят в год дохода до 2 т. р. сер.

Из заводов, находящихся в Ставрополе, заслуживают внимания следующие:

a) Колокольный завод купца И.С. Ефимова находится в предместии Мутнянки. Завод этот, единственный на Кавказе, приносит здешнему краю существенную пользу уже тем, что отлитые на нем колокола обходятся тремя рублями сер. на пуд дешевле против колоколов, привозимых из Великороссийских губерний. Притом теперь есть возможность переливать на этом заводе старые разбитые колокола на новые, как это мы видели уже из того, что разбитый в Троицком соборе 316 пуд. колокол был перелит в 1852 г. на новый. Сверх того, в этом же году, для Казанского кафедрального собора отлит особо колокол в 523 пуда, кроме других маловесных. Средний годовой оборот завода, со времени его существования, составляет около двух тысяч р. сер.

b) Шорных заводов в Ставрополе три; все они в год приносят доходу до 11650 р. сер.

c) Кожевенные заводы, которых в прошедшем году считалось семь, а в настоящем только шесть, по своим годовым операциям самые значительные. Заводы эти, разбросанные по речкам Ташле, Мамайке, Мутнянке, если бы находились в руках предприимчивых капиталистов, могли бы принести огромную выгоду казне и своим учредителям. Многочисленное скотоводство всегда дает здесь способы к дешевому приобретению весьма большого количества сырых кож, недостаток же дубовой коры легко и с выгодою может заменять растение, называемое кермек, содержащее в себе дубильного вещества 22 процентами еще более той коры. О сбыте кожи думать нечего: кроме жителей, которые большею частью покупают обувь, привозимую из внутренних губерний России, одна поставка сапожного товара для войск могла бы составить огромное требование; но за всем этим настоящие кожевенные заводы сбывают своего товара почти на 18 т. р. ежегодно.

d) Мыльных заводов в Ставрополе три; один из них, принадлежащий купцу Луневу, существует уже более 25 лет, другой — около 20, а последний открыт в нынешнем году, и обороты его хорошо неизвестны. Древесная зола, требуемая на эти заводы в достаточном количестве, покупается у жителей,

которые стараются сохранять ее и не бросают зря, как в других местах. Мыла на двух первых заводах выделывается в год почти на 4 т. р. сер.

e) Свечных заводов в городе десять, из них два восковых и 8 сальных. По своим оборотам они стоят выше всех ставропольских заводов и никогда не терпят нужды в сбыте выделываемых ими в течение года свечей, ценность которых простирается более нежели на 35 т. р. сер.

f) Салотопенные заводы также находятся в хорошем состоянии; в Ставрополе их считается шесть. В течение года они приносят своим заводчикам верных 16 т. р. сер.

g) Воскобойный завод. В прошедшем году их в Ставрополе считалось два; причина, почему один из них уничтожился, нам неизвестна. Годовой оборот воскобойного завода простирается до 1600 р. сер.

h) Кирпичных заводов в Ставрополе шесть; число их против прежних лет уменьшилось, но зато теперь между ними находится один завод кафельный и черепичный чиновника Крупинского, который приготовляет весьма хорошую и прочную черепицу для покрытия домов, и уже несколько каменных и деревянных зданий в Ставрополе покрыты этим новым несгораемым материалом. Кроме того, г. Крупинский выделывает изразцы, водопроводные трубы и плиты для полов. Годовой доход всех шести заводов можно полагать не более как в 3500 р. сер. По новости черепичных крыш на Кавказе, сбыт изделий чиновника Крупинского теперь еще незначителен; но если в нашем довольно жарком климате жители поймут всю невыгоду железных крыш и преимущество пред ними черепичных, употребляемых в Крыму, за Кавказом и в Италии, то завод г. Крупинского может со временем принести ему значительные выгоды.

i) Известковый завод приносит в год до 1500 р. сер.

j) Водочный и пивной заводы находятся в предместьях Ставрополя, невдалеке от Карабина источника. На этих заводах выделывается в год пива на 3000 р. и водки на 15000 р. сер.

На всех этих заводах работников считается более 200 человек, за исключением прислужников. Здесь надобно сказать кое-что и о ремесленниках города. Вообще заметно, что численность этого класса людей бывает в Ставрополе непостоянна: то увеличивается, то разом уменьшается, так напр., в 1850 г. их было 170 чел., а в 1853 только 141. Приписывать же это уменьшение тому, что нужда в них не ощутительна, было бы совершенно несправедливо, потому что народонаселение с каждым годом увеличивается, а с этим вместе усиливается и требование на ремесленников. Мы заметили, что многие из этого класса людей принадлежат не к постоянным жителям Ставрополя, а к временным гостям его, приезжающим из внутренних губерний России и из других мест. Эти-то гости, поправив сколько-нибудь свое незавидное состояние, а другие получив даже значительные выгоды в нашем городе, оставляют потом его и отправляются к себе на родину. Вот, как мы думаем, истинная причина, отчего иногда ремесленный класс то разом увеличивается, то вдруг уменьшается. В настоящее время в Ставрополе в числе ремесленников считается: портных мужеских — 31, портных дамских —5, шапочников — 7, сапожников — 18, башмачников — 3, золотых и серебряных дел мастеров — 11, эполетчик — 1, часовых мастеров — 5, каретных мастеров — 3, кузнечных — 12, медников — 4, колесных мастеров — 3, столяров — 10, бондарей — 9, меховщик — 1, шубников — 2, шорников — 5, красильщик — 1, палочник — 1, цирюльников — 3, кондитеров — 3, булочников — 3, итого — 141.

Торговля г. Ставрополя вообще идет успешно; чтобы получить сколько-нибудь приблизительно верное понятие о движении ее в течение года, мы считаем долгом опереться на цифры, которые лучше всяких умствований будут служить доказательством успеха. Торговля Ставрополя вообще сосредоточивается в ярмарках, которых бывает в году три: Троицкая, Ивановская —12 октября и весенняя — 9 марта.

Троицкая ярмарка существует с 1797 года. Она постоянно бывает в день св. Троицы. На нее, кроме торговцев, стекается народ со всех сторон Ставропольской губернии и отчасти Кавказа. За несколько дней до открытия ярмарки, прежде всего на площади близ Успенской церкви, являются шатры цыган — любимцев степи, потом гуртовщики со скотом, затем разного рода русские промышленники и наконец ногайцы и горцы с лесом из-за Кубани. В последнее же время особенно начали стекаться на ярмарки кочующие народы мухаммеданского исповедания; их привлекает сюда, кроме надежды сбыть повыгоднее свои произведения и закупить необходимые в домашнем быту принадлежности, любопытство и вместе с тем желание показать на скачках свою удаль. Скачки, вследствие ходатайства г. наместника кавказского, учреждены в Ставрополе с 1850 г. по Высочайшему разрешению, для распространения и улучшения конских заводов. Лошадь, выигравшая 1-й императорский приз, получает серебряную вазу в 500 р. сер. Вторая лошадь — 150 р. сер. деньгами. На эти призы дозволяется скакать лошадям, родившимся в России, Царстве Польском, сверх того карабагским, кабардинским, трухменским, арабским и вообще лошадям всех пород, водящихся как на Кавказе, так и в соседних с ним землях.

Значительность торговых оборотов Троицкой ярмарки 1854 года определяется следующими цифрами: привезено товаров собственно русского изделья: сукна разных сортов на 75000 р., продано на 15000, осталось на 60000 р. непроданного. Привезено бумажных изделий, как-то: коленкору, миткалю, кисеи, холстинки, нанки, демикотону, выбойки и платков на 74000 р. 50 к., продано на 22000, осталось на 52000 р. 50 к. Привезено льняных и пеньковых товаров на 13000 р., продано на 4940 р., осталось на 8060 р. Привезено шелковых и полушелковых изделий на 35000 р., продано на 21145 р., осталось на 13855 р. Привезено кож разного рода на 10500 р., продано на 7650 р., осталось на 2850 р. Привезено мягкой рухляди и изделий из нее на 2680 р., продано на 1100 р., осталось на 1580 р. Привезено металлов и разных изделий из них на 23 т. руб., продано на 4250 р., осталось на 18750 р. Привезено хрусталю, стекол и зеркал на 10000 р., продано на 5000 р. Привезено фарфоровой и фаянсовой посуды на 4300 р., продано на 1550 р. Привезено сахару на 15000 р., продано на 5900 р. Привезено воску на 970, продано на 600 р. Привезено табаку на 1270, продано на 789 р. Привезено белых книг разны-

ми мелочными торговцами на 1700 р., продано на 660 р. Привезено писчей бумаги на 5000 р., продано на 2500 р. Привезено товаров европейских на 29120 р., продано на 14180 р. Привезено бухарских товаров на 4760 р., продано на 2465 р. Привезено товаров персидских на 15720 р., продано на 5670 р. Привезено чаю разного рода на 29200 р., продано на 15000 р. Кроме всего этого, привезено и сбыто хлеба разного рода на 32000 р. Привезено рыбы разного рода на 1200 р., продано на 1110 р. Привезено напитков разного рода на 10000 р., продано на 4000 р. Пригнано лошадей, рогатого скота и овец русской, калмыцкой и азиатской пород на 33000, сбыто на 10000 р. А всего привезено товаров и пригнано скота на 426420 р., сбыто на 176909 р.

Осенняя, или Ивановская, ярмарка весьма важна для города Ставрополя в том отношении, что в это время жители стараются запастись на ней на зиму разными необходимыми в домашней жизни принадлежностями. Торговые обороты этой ярмарки, бывшей 12 октября 1853 г., уступают немного Троицкой: на неё привезено было товаров и пригнано разных пород скота на 373250 р., продано на 85720 р., за тем осталось не продано на 287530 р.

Весенняя ярмарка, 9 марта, открыта только в 1854 году. Так как она еще неизвестна многим торговым сословиям по недавнему ее учреждению и не установилась еще как следует, то определить с точностью бывший в нынешнем году на ней оборот весьма трудно. Вообще заметим, что стечение народа на нее было не так значительно; причиной тому, как кажется, была весьма дурная погода, — погода, какой ставропольские жители давно не запомнят.

Вообще в городе Ставрополе считается магазинов и лавок 264, трактиров 5, кондитерских 3, кофейня 1, харчевен 2.

Городские доходы ежегодно средним числом простираются до 23000 р., а расходы до 21 т. р. сер.

Наконец, в заключение всего нашего обозрения, следовало бы нам сказать что-нибудь о нравах и обычаях жителей Ставрополя на том основании, что он, принадлежа к числу городов Кавказского края, должен бы иметь какие-нибудь резкие особенности в своем характере, и, может быть, имел их в прежнее время; но, как теперь этого не видно и Ставрополь стал похож на наши Великороссийские губернские города, то мы считаем излишним входить в подробности этого отдела. Скажем только, что разнообразия между жителями почти не существует; живущие же в нашем городе армянские семейства совершенно утратили нравы и обычаи своих предков и во всем стараются следовать европейцам.

Примечания

1. Крепость под № 7 находилась у верховьев Калауса, известных под именем Аджилю.

2. Так характеризует Вельяминова гр. Стейнбок в прекрасном историческом рассказе «Последний вали Большой Кабарды», помещенном в 33 и 35 №№ газеты «Кавказ» за 1854.

3. Во время закладки здания под основу его положена была медная доска с надписью, которую мы считаем за нужное привести здесь для будущих археологов; вот она: «1847 года Мая 29 дня по Р.Х., в XXII лето благополучного царствования Всероссийского Императора Николая Павловича, при Августейшей Супруге Его, Ее Императорском Величестве Александре Федоровне, Наследнике, Великом Князе Цесаревиче Александре Николаевиче и Супруге Его Ее Императорском Высочестве Марии Александровне, во время главного начальствования в Кавказском крае Наместника Кавказского, Генерал-Адъютанта Князя Михаила Семеновича Воронцова, с благословления и освящения места Преосвященным Иеремиею, Епископом Кавказским и Черноморским, в бытность начальником области генерал-лейтенанта Николая Степановича Завадовского, Кавказским гражданским губернатором генерал-майора Ивана Ивановича Норденстама, и в присутствии многих почетных лиц, заложено в городе Ставрополе, на счет городских доходов и содействием Ставропольского 1-й гильдии купца Ивана Григорьевича Ганиловского, здание сие, для помещения городских присутственных мест: Градской Думы, Городового Магистрата и других городских управлений, по плану Архитектора Славянского».

4. Сведения о господствующих в г. Ставрополе болезнях сообщены нам штаб-лекарем Миняевым.

5. По роду преступлений заключенные представляются в таком виде:

	муж.	жен.
За отступление от православной веры в раскол	2	—
За святотатство	1	—
За вступление во второй брак при жизни первых супругов	1	2
За растрату казенных денег	2	—
За воровство	81	6
За подложную продажу людей	1	—
За убийство	9	8
За грабеж	10	—
За имение фальшивых документов	40	13
За имение фальшивых печатей	1	—
За неповиновение начальству и владельцам	29	10
За побег от владельцев	6	1
За прелюбодеяние	2	—
За растление	1	—
За дурное поведение	1	—
За просрочку паспортов	5	4
За бродяжество	198	57
За разные противозаконные проступки	23	15
Вышедших из плена	3	—
Осужденных по решениям на сроки	22	30
Пересылочных арестантов было	864	114
Всего	1308	263

Текст печатается по изданию:
Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях. — Тифлис, 1854. — С. 1—67.

Города Ставропольской губернии. Губернский город Ставрополь (очерк в газете «Ставропольские губернские ведомости», № 8—9, 1850 года)*

Города Ставропольской губернии

Желая представить обзор городов Ставропольской губернии в их настоящем статистическом положении, мы считаем необходимым бросить беглый взгляд на их историю, чтоб посредством сравнения некоторых статистических данных познакомить читателя с теми успехами, какие в отношении благоустройства и населения, на примере Ставрополя, могут возбудить чувство, близкое к удивлению.

Губернский город Ставрополь

Г. Ставрополь не есть центральный город губернии и обязан первенством своим здоровому климату. Расположенный на значительной возвышенности под 45°3' северной широты и 59°39' долготы восточной, он не имеет реки, достойной этого названия, потому что Чла, Мутнянка и Большая Мамайка суть не что иное, как мутные ручьи, в сухое летнее время едва влекущие свои воды. Несмотря на то, так называемый *Карабин колодезь*, находящийся верстах в трех от центра города, снабжает зажиточных жителей, то есть таких, которые имеют возможность покупать воду или имеют своих лошадей, прекрасною ключевою водою, доставляя сверх того пропитание нескольким беднякам водовозам. Для жителей менее достаточных и приезжающих на недельные базары поселян заменяет ключевую воду проведенный иждивением тифлисского почетного гражданина Тамамшева водопровод из ближайшего, нежели Карабин, источника, оканчивающийся бассейном близ гостиного двора. Основание Ставрополя напоминает славное имя генералиссимуса Суворова, заложившего в 1777 году на самой возвышенной точке города земляное укрепление, едва заметные следы которого существуют доныне; но в настоящее время возвышаются на этом месте пять глав кафедрального Казанского собора, как символ торжества христианства над исламизмом, так еще недавно господствовавшим среди этих мест. Под защиту крепости приютилась казачья станица, и потом город начал постепенно распространяться. В 1802 году Ставрополь назначен уездным городом Кавказской губернии, а в 1824 году последовало распоряжение о переводе из Георгиевска в Ставрополь областных присутственных мест. В это время Ставрополь, исключая весьма немногих порядочных домов, представлял кучи жалких хижин с соломенными кровлями, имея только две церкви, из коих одна была ветхая деревянная, перевезенная впоследствии на Кубань, в станицу Суворовскую, так как церковь принадлежала ей. Число жителей простиралось до 5-ти т. обоего пола, включая и казаков впоследствии переведенной станицы.

Ставрополь окружен предместиями, из которых бывшая станица, как расположенная на одной плоскости с городом, слилась с ним совершенно, сохранив впрочем свое название; другие же, именно: к западной стороне Воробьевское, к югу — Солдатская слободка, ограничивающаяся р. Мутнянкою, а к северу, по крутому скату горы, по р. Чле — Подгорное, менее общего имеют с городом; за ними по речкам Чле, Мутнянке и Большой Мамайке разбросаны хутора и дачи жителей с огородами, усадьбами и садами, которые во время весны, когда зацветут фруктовые деревья, представляют картину прекрасную. Возвышенная местность города изобилует родниками, большей частью забитыми и избирающими себе незаметные пути к речкам, по самой местности города, почему весною, осенью и вообще во время дождей, прежде устройства тротуаров с канавами для стока воды и мостовых по всем главным городским улицам, здесь была невылазная грязь. К этим устройствам способствуют находящиеся около Карабина источника каменоломни, в которых выламываемый камень не имеет значительной прочности, отчего тротуары и в особенности мостовые требуют частых исправлений. Хотя в окрестностях Ставрополя и находится плитный камень, свойства кремнистого, весьма крепкий, но он лежит довольно глубоко в земле и потому с трудом добывается; несмотря на то им уже вымощена большая Черкасская улица. В строениях обыкновенный камень довольно прочен, особенно под защитой штукатурки, окрашенной масляною краскою, почему все каменные здания выстроены из него. Теперь город с предместиями еще разбросан на значительном пространстве; предместья состоят больше из опрятных хижин, между которыми нередко встречается видный каменный дом, но главная улица, возвышаясь от Тифлисской заставы амфитеатром, во всю длину которой тянется бульвар, широка и красива. Замечательнейшие из зданий: казенных — дом командующего войсками на Кавказской линии, управляющего Гражданскою частию в Ставропольской губернии, с хорошо устроенным садом; военный госпиталь, тюремный замок с домовыми в них церквами и дом Комиссариатской комиссии с кладовыми; общественных: дом для Городской Думы, особенно красивое здание, гостиный двор с церковью, ярмарочные лавки, дом Городской полиции, частных: дом почетного гражданина *Волобуева*, занимаемый присутственными местами; дома купцов: *Ганиловского* — один, где помещается публичный театр, другой, предназначенный для Дворянского собрания, третий, занимаемый Духовною семинариею; *Плотникова*, в котором помещается губернская гимназия с благородным при ней пансионом, где вверху устроена Гимназическая церковь, а внизу галантерейные магазины, лавки и подвалы для хранения вин.

Для развлечения публики есть внутри города общественный сад, известный под названием

* Автор не указан

Бабиной рощи, которое получил он от прежнего владельца его поручика Бабина. Сад этот, будучи почти в запущенном состоянии, во время летних жаров всегда привлекал под густую тень свою; нередко был оглашаем звуками духовых инструментов, служил местом для танцев, освещался огнями разноцветных фонарей и плошек, живописно мерцавших в густой зелени; но теперь на устройство его обращено особенное внимание губернского начальства, и можно надеяться, что будущим летом здешняя публика будет иметь превосходное гуляние. Даже прошлым летом, в хорошую погоду и особенно в те дни, когда в Бабиной роще играла музыка, туда собиралась многочисленная публика, как видно, полюбившая этот сад, при коем устроен и образцовый фруктовый сад, откуда лучших сортов деревья, высылаемые ежегодно из Крыма по распоряжению его сиятельства г. Наместника Кавказского, будут рассылаться уже по всей губернии для раздачи занимающимся садоводством. Сверх того, за р. Члой находится обширный тутовый сад, на 11 дес., где также по воле князя наместника в прошлом году устроено шелководное заведение и школа для обучения шелководству, в которую помещено 11 мальчиков из крестьян и мещан Ставропольской губернии.

В отчете здешней полиции, из которого заимствовано народонаселение (см. таблицу), не показано детей некоторых сословий, а потому все население Ставрополя, вероятно, превосходит 14 т. душ.

Для образования находятся в Ставрополе Губернская гимназия, Духовная семинария; училища: духовное, народное; частных учебных заведений два, и вновь открыто учебно-воспитательное заведение *Св. Александры* для девиц небогатых родителей.

Показанное население занимает домов казенных каменных 10, деревянных 8, частных каменных 236, деревянных 1514, итого 1768. Успешной постройке новых зданий благоприятствует вышеописанный камень, отеска которого незатруднительна, а размер камней, употребляемых для кладки стен, в несколько раз более обыкновенного кирпича. Число новых домов ежегодно увеличивается, и в прошлом 1849 году выстроено частными лицами домов каменных 8, деревянных 33 и лавок каменных 26.

Из предыдущего видно, что от 1824 года в Ставрополе остается одна церковь, но ныне церквей всего 14 каменных, именно: Казанский кафедральный собор; Троицкая, или старый собор; приходские: Гостинорядская, Андреевская и Покровская на Мамайке, которая еще не кончена; 3 церкви домовых, 2 кладбищенских, Крестовая в архиерейском доме и во имя Ионна Предтечи Монастырская — в пяти верстах от средины города. Это православные, а иноверческих две: армяно-григорианская и римско-католическая.

Почти все православные церкви или построены вновь, или украшены со времени учреждения в Ставрополе в 1843 году Эпархии попечением Преосвященнейшего Иеремии, первого епископа Кавказского и Черноморского, который умел непобедимой силой слова, одушевленного пламенною верою и собственным примером, возбудить в сердцах духовной своей паствы горячее соревнование, и в эти новые храмы невольно увлекал всех. По его же убеждению купцом Ганиловским выстроен в 1847 году сиротский общежительный дом для воспитанников духовных училищ.

До него кладбища стояли без оград, не имели церквей при себе и представляли что-то невыносимо печальное; теперь эти погосты обнесены каменными стенами, церкви кладбищенские не обширны, но прекрасны, и вид порядка при взгляде на эти селения усопших рождает чувство умиления. При одном из этих кладбищ разбиты аллеи и дорожки, которые с наступлением весны предположено обсадить деревьями, и как все пространство, назначенное для погребения усопших, разделено на кварталы и участки, место погребения каждого покойника будет означено в особой книге под номером, то и по происшествии многих лет родственники каждого погребенного на кладбище могут найти его могилу.

Существует еще предположение, чтоб при этом же кладбище, если позволят доходы города или изысканы будут другие средства, устроить х*рамину* для временного помещения мертвых тел прежде предания их земле, по примеру существующей во Франкфурте-на-Майне, чтоб отвратить несчастие зарытия в землю живых, чему бывают страшные примеры.

Недостаток водяного сообщения естественно ограничивает круг торговой деятельности Ставрополя, значительнейшее купечество которого занимается преимущественно подрядами и поставками для казны. Дважды в году город бывает оживлен существованием ярмарок — весною Троицкой и Ивановской 12 октября. В прошлом году было привезено товаров на первую — на 376710 рублей серебром, а продано на 120910 руб.; на вторую привезено на 420894 руб., а продано на 127913 руб. сер. Довольно значительная торговля на ярмарках производится скотом. Ярмарка характеризуется стечением народа разных наций: армян, персиян, грузин, жителей гор, ногайцев, калмык, цыган и др., так резко отличающихся друг от друга и типом своего происхождения, и различием одежды, и манерами. До сих пор ярмарки нуждались в воде, но иждивением пятигорского 1-й гильдии купца М.И. Якунчикова, одного из содержателей Ставропольского военного откупа, устраивается водопровод до ярмарочной площади, на которой уже вырыт огромный бассейн и приготовлены превосходного качества плиты для обделки бассейна.

Заводская и фабричная промышленность города приметно возрастает: в 1849 году 5 фабрик табачных, заводы: пивной, шорные, колокольные, мыльные, восковых и сальных свеч, кирпичные, известковый, кожевенные, салотопенные, воскобойные — всего в числе 46-ти — произвели товаров на сумму 93670 руб. серебром. Из заводов значительнее прочих свечные и салотопенные. Доходы города Ставрополя от различных частей его хозяйственных учреждений простираются до 16561 руб. серебром.

При описании Ставрополя мы не входили в мелочные подробности, менее любопытные, нежели возможные для помещения в газете, но старались представить только главное.

В исходе прошлого 1849 года в городе Ставрополе считалось жителей:

	Мужчин	Женщин	Обоего пола	Итого
I. Духовенства				
Монашествующих	10	—	10	10
Архиерейских служителей	17	—	17	17
Духовенства белого				
Священнослужителей	11	10	21	
Церковнослужителей	8	4	12	
Вдов духовных		2	2	112
Детей духовенства	14	13	27	
Церковных сторожей	14	—	14	
Иноверческого духовенства	6	3	9	
II. Служащих военного ведомства				
Генералов	5	4	9	
Детей их	4	3	7	
Штаб-офицеров	51	32	83	653
Детей их	79	53	132	
Обер-офицеров	204	95	299	
Детей их	60	63	123	
Писарей из кантонистов	305	114	419	509
Детей их	36	54	90	
III. Гражданского ведомства				
От 5-го класса и выше	8	6	14	
Штаб-офицеров	56	42	98	
Обер-офицеров	238	162	400	736
Не имеющих 14 класса	140	70	210	
Унтер-штихмейстеров горного ведомства	10	4	14	
IV. Отставных военного ведомства				
Штаб-офицеров	8	5	13	72
Обер-офицеров	36	23	59	
V. Гражданского ведомства				
5-го класса	1	2	3	
Штаб-офицеров	9	8	17	117
Обер-офицеров	53	44	97	
VI. Почетных граждан	14	17	31	31
VII. Разночинцев	4	2	6	6
VIII. Актеров и театральных служителей	18	13	31	31
IX. Купечества				
Здешнего 1-й гильдии	29	22	51	
Здешнего 2-й гильдии	27	26	54	
Здешнего 3-й гильдии	299	297	596	
Иногородних	27	15	42	755
Иногородних купеческих детей, приучающихся к торговле	12		12	
X. Мещан и посадских				
Здешних	1607	1601	3208	3660
Иногородних	278	174	452	
XI. Вечноцеховых	1	1	2	2
XII. Иностранцев	18	6	24	24
XIII. Нижних воинских чинов				
Служащих	2506	436	2942	
Детей их	211	257	468	
Кантонистов	852	—	852	4966
Казаков	67	31	98	
Отставных	227	348	575	
Бессрочноотпускных	25	6	31	
XIV. Вольноотпущенных не причисленных ни к какому званию	24	17	41	41
XV. Дворовых				
живущих при домах господ	250	269	519	681
по паспортам	123	39	162	
XVI. Крестьян				
казенных	427	386	813	
удельных	5	3	8	1016
помещичьих	119	76	195	
XVII. Колонистов	5	6	11	11
XVIII. Воспитывающихся в разных заведениях	514	37	551	551
Всего	9072	4902	13974	13974

Текст печатается по изданию:
Ставропольские губернские ведомости. — 1850. — №№ 8—9.

Кавказский календарь на 1849 год: Ставрополь

Губернский город Ставропольской губернии, лежит под 45° 3’ сев. шир. и 59° 39’ вост. дол. Положение его возвышается над уровнем моря на 1790 футов. Название Ставрополя утверждено бывшим Кавказским генерал-губернатором Павлом Сергеевичем Потемкиным, в воспоминании древнего греческого поселения при Каспийском море, где, следуя преданию, целая страна называлась Ставропольскою. Это же обстоятельство, задолго перед этим, подало повод Петру В. дать крепости, построенной на Сулаке, название Св. Креста, или Ставрополя. На этом же основании и архиепископы Астраханские с 1722 по 1723 г. носили название и Ставропольских.

Основание Ставрополя относится к 1785 году, вследствие высочайшего повеления, данного на имя Кавказского генерал-губернатора Павла Сергеевича Потемкина об устройстве городов вблизи горских народов. До 1777 г. на месте, занимаемом ныне городом, находилось небольшое укрепление; когда же продолжена была в этом году военная линия от Моздока до Азова, то на месте этого укрепления поселена была станица казачьего Хоперского полка, названная Ставропольскою и переведенная впоследствии, в 1838 г., на р. Кубань. В 1822 году, по упразднению в г. Георгиевске Губернского управления, Ставрополь переименован из уездных городов в областной, и в 1824 г. в него переведены были из Георгиевска присутственные места. По учреждению на Кавказе и Черномории особой Епархии, Ставрополь с 1843 г. служит местом пребывания епископа Кавказского и Черноморского.

Положение города довольно гористо и живописно: Ставрополь лежит при источниках нескольких речек — Ташлы, Мутнянки, Мамайки и др., но эти речки недостаточны для продовольствия города, а потому вода в него проведена из так называемого Гремучего источника, отстоящего от города около версты. Водопровод и бассейн устроил собственным иждивением поч. гражд. Гавриил Тамамшев в 1840 году при бывшем начальнике области генерал-адъютанте Граббе. Из этого бассейна теперь вода проводится вдоль глав. улицы в колодцы и в особый резервуар на ярмарочное место, за городом. Впрочем, лучшею водою город снабжают водовозы из источника, называемого Карабинским, верстах в 2-х от города. Сосредоточение в Ставрополе военных, гражданских и духовных начальств, а еще более положение его на главном пути сообщения Закавказского края с Империею и удаление от других городов, могущих соперничествовать в торговле, много способствовали к усовершенствованию и улучшению города. Ныне Ставрополь очень хорошо обстроен, имеет, кроме казенных, много частных красивых каменных зданий. Из замечательнейших казенных строений здесь находятся: каменные ворота при въезде в город, дом гражданского губернатора, помещение штаба войск Кавказской линии, военный госпиталь, тюремный замок, казармы линейного батальона, помещения губернских присутственных мест, вновь отстроенный дом для Городской Думы и Магистрата, городской полиции, губ. гимназии, здания Комиссариатской комиссии, пуб. театр и многие другие. Из учебных заведений — гимназия с благородным при ней пансионом, семинария, Духовное уездное училище с приютом при нем для бедных и сирот, Приходское городовое училище и два частных пансиона для воспитания благородных девиц. Для увеселения и развлечения жителей в городе находится прекрасный бульвар во всю длину главной улицы и большой театр.

В Ставрополе, кроме ежедневных базаров (рынков) и двух обычных в неделю съездов, по понедельникам и пятницам бывают 2 ярмарки, лучшие в Кавказском крае, одна — в день Пятидесятницы, а другая — с 12 по 25 октября.

Климат довольно умеренный и по гористому и открытому месту весьма здоровый. Семилетние метеорологические наблюдения показывают, что ранняя зима начинается во второй половине ноября, а поздняя в половине декабря. Снег во время зимы редко остается долго. Сильных морозов не бывает, и редко они случаются свыше 22°. Весна и осень коротки и дождливы, в особенности весна; май месяц преимущественно дождлив — дождь иногда не перестает по нескольку суток. Весною и осенью бывают иногда продолжительные туманы. Лето редко сопровождается сильными жарами и засухами, большею частью оно бывает благорастворенно. Ветров господствующих здесь два — со стороны Черного моря и Каспийского.

Народонаселение состоит преимущественно из русских, вышедших из внутренних губерний Империи, и небольшого числа армян, переселившихся из Кизляра и Моздока. Число жителей обоего пола простирается до 11500. В том числе мужского пола 6700, женского 4800 душ.

Домов в городе насчитывается до 1920, из них каменных 380, деревянных и турлучных 1540, торговых лавок каменных 141, деревянных 50. Церквей православного исповедания 12, все каменные, из них 4 домовых, кроме того 1 армяно-григорианского и 1 римско-католического, каменные же. Заводов 48, в числе их: салотопных 17, колокольный 1, кожевенных 6, известковый 1, кирпичных 7, восков. свеч. 2, мыльных 4, шорных 4, пивной 1 и воскобойных 2.

Текст печатается по изданию:
Кавказский календарь на 1849 год. — Тифлис, 1848. — С. 75—77.

2 Воспоминания, путевые записки, дневники

Н.И. Воронов. **Ставрополь**

Утро едва начиналось, когда я выехал со станции Русской, последней перед Ставрополем. Дорога все еще шла по степи, но впереди, за мелким лесом, уже показывался город. Скоро ямщик своротил с большой дороги на проселок и повез меня к монастырю, от которого город отделяется только глубоким оврагом; с тяжелыми экипажами ездить сюда опасно, и для них-то существует большой тракт, зато едущие налегке выигрывают тут несколько верст и к тому же могут за дорогу насладиться такими видами, которые степняку легко покажутся восхитительными. По обеим сторонам дороги мелькают так долго не видные рощи, степная гладь сменяется увалами, холмами, пригорками, меж тем как горизонт ширится на десятки верст, и на всей ширине его нет и следов степного однообразия. Понемногу грудь начинает дышать вольнее, глаза глядят внимательнее прежнего...

Монастырь, мимо которого идет дорога к городу, кроме своего прекрасного местоположения, не представляет ничего особенного; недавно учрежденный, он не успел еще обстроиться и разбогатеть. За ним рисуется Ставрополь, и какой заманчивый вид дают из себя его постройки, забелевшие поверх зелени по гребню высокой горы! Впереди — глубокий овраг, больше и больше темнеющий книзу, где льется речонка Ташла, окруженная густыми садами и рощами; их высокие деревья, казалось, собрались в приземистые купы и поползли одни за другими на дно глубокого оврага, потом черной полосой дороги отделились от городского возвышения, и далее, еще меньшими купами, полезли на крутую двухэтажную гору; светло-зеленый цвет их, при утреннем освещении, переливался всевозможными зеленоватыми, желтыми и темными оттенками, и чем выше в горы поднималась зелень, то расстилаясь косматым ковром, то образуя черные впадины, точно складки, тем чаще она разнообразилась белыми и серыми домиками, разбросанными по всему возвышению городского предместья. <...>

Эффект картины много потерял, когда ямщик въехал на гору, составляющую городское предместье: на улицах — грязь; дома, издали глядевшие изящно, вблизи оказывались неопрятными; подробности, живописные своей совокупностью, в отдельности теряли свою прелесть... Однако, несмотря и на это, Ставрополь можно считать все-таки очень недурным городом, и в этом случае много придает ему цены его окружность. Степи, безлюдье — и вслед за этим оживленный и обстроенный город, среди местности гористой: встреча подобного места необходимо должна приятно подействовать на проезжего. Проживая и прежде в Ставрополе, я иногда слышал о нем такие суждения, что он-де «Париж Кавказа»; признаюсь, тогда, еще полный воспоминаний о лучших городах, я считал такие суждения слишком наивными, даже дикими, теперь же, поживши среди степей, начинаю находить кое-какой смысл в этом громком имени: «Париж Кавказа!». Да, много значит окружность. Представьте положение человека, когда-то знакомого с общественными удовольствиями, с городскими потребностями, переведенного потом в ногайскую степь, или в степную станицу, где принужден он прожить безвыездно год, два и больше, положение, согласитесь, не очень приятное. Его безропотно, и вместе с тем порядочно, в состоянии вынести только тот, кто окреп нравственно, кто в жизни имеет серьезные цели, кто смотрит на время, как на короткий срок, предназначенный для нашего самоусовершенствования... Однако много ли людей с подобными стремлениями? Где им и когда можно было нравственно окрепнуть?.. Не удивительно, после этого, что степная жизнь, со всеми ее лишениями, должна им казаться сущей пыткой. «Какое безлюдье!» — вот те возгласы, которыми встречают они свою участь жить в степи; впоследствии эти возгласы понемногу теряют свой

первоначальный жар, значительно умеряются, но из этого еще не следует заключать, что их признали неуместными или незаконными: нет, к ним сделались менее способными — и только! — И вот наконец настал случай съездить в Ставрополь. Что ж мудреного, если он покажется Парижем: с виду он город как город, тут и людность, тут и бульвары с гуляющими и музыкой, и клуб, и театр, и магазины... Жируй же скорее, рыскай по улицам и разным закоулкам да запасайся впечатлениями на всякого рода степную голодуху...

Здесь кстати указать на тех людей, образующихся на здешней местности, которые носят название «опойков». Нечто похожее на них встречается и в других уголках России, но здесь, под условиями степной и лагерной жизни, они вырабатываются рельефнее и в большем количестве. Нападки на провинцию, которая доводит человека до разнообразных падений, и, наконец, совершенного изнеможения нравственных сил, у нас очень обыкновенны; еще недавно г. Щедрин в своих «Губернских очерках» воскликнул: «О провинция! ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самодеятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже способность желать...».

Ставрополь. Общий вид с Ташлы. Почтовая открытка начала XX века

В своей лирической статье «Мысли вслух» он превосходно дал почувствовать, что в нем трепещет живая, хотя и горькая истина. Но если легко объясняется образование таких личностей, которые в России носят название увальней, лежебок, или же для которых необходима такая водка, чтобы сразу забирала, покоряла себе всего человека, что называется вор-водка, то еще легче объясняется появление на Кавказе опойков, людей, съехавших на жалкую участь пить и опиваться до самозабвения. В России все же существует какая-нибудь общественность, и в самых глухих уголках ее может прозябать семейная жизнь: та или другая может поддержать человека, который зашатался, отыскивая пищи для своих неокрепших нравственных сил. Но среди ногайского и даже станичного захолустья общественности нет никакой: семейная жизнь является недосягаемым благом, с поверхностным, как обычно водится у нас, образованием, с большим желанием пожить, со стремлением выслужиться, или, по крайней мере, погеройствовать; однако походы предпринимаются не сплошь да рядом, геройствовать не над чем, выслуживание ползет лениво, так что его и не приметишь, а жажда пожить вынуждена утолять себя картами в кружке холостых людей да всякого рода попойками. За невозможностью удовлетворить даже скромным общественным потребностям, вызывается к жизни такое средство, которое заглушало бы их назойливый голос. И вот еще ни свет ни заря к водке успели не раз приложиться: не нужен и чай, затуманилось утро вплоть до обеда; за обедом снова водочное подкрепление сил — и затуманился день до вечера; от такого местного обычая новозаезжий, не обижая товарищей, отставать не может... И скоро, очень скоро, юноша, добрый малый, с теплым сердцем, с порядочной головой, становится ни на что не способным, незаметно одряхлеет, одрябнет с помутившимся взором и, боясь опомниться, пьет да пьет, а если и опомнится, то так ему больно и жутко, что со слезами на глазах может он произнести себе осуждение только в горьком восклицании: «Эх, я опоек, опоек!»... <...>

Виноват, я несколько удалился от предмета, забыл, что мне следует говорить о Ставрополе. Но в оправдание свое могу привести то важное обстоятельство, что, говоря о каком-либо месте, не должно забывать и людей, на нем различно коротающих жизнь свою. Это обстоятельство в настоящем случае имеет самое близкое применение: Ставрополь, по составу своих обитателей, оказывается городом несколько оригинальным, отступающим от мерки, прикладываемой нами к другим собственно русским городам; к нему отчасти не подойдут те губернские типы, которые у нас стали ходячими истинами; нужно прибавить к ним несколько новых красок, новых черт...

Ставрополем начинается страна служебных привилегий, привлекающих сюда искателей счастья, карьеры, приключений и всякого рода житейских особенностей, ожидаемых от страны мало еще известной внутри России, страны новой, поэтому обещающей много привлекательного, еще неизведанного, быть может, скрывающего в себе искомое всюду от нужды мыкающимся человеком. Привилегии — важная статья; они заставляют и самого практичного человека, всегда выжидающего у моря погоды, пускаться вдаль и в непогоду; одной своей полновесностью они тянут на Кавказ и тех, которые не способны увлечься ни заманчивостью неизвестности, ни местными красотами природы, ни какими-либо другими романтическими затеями, ни какими-либо другими непрактичными стремлениями, про которые сложена пресловутая песенка:

Ты за чем, мой друг, стремишься
На тот гибельный Кавказ?..

Ставрополь, однако, — только еще преддверие привилегии, небольшой остановочный пункт, через который идет дорога в Закавказье.

Отсюда, насчет населения Ставрополя, можно сделать следующие замечания: оно наплывное, собравшееся сюда из разных концов России и потому разнохарактерное, не успевшее еще обзавестись местными преданиями, обычаями, порядками, не рассчитывающее на оседлость, часто меняющееся,

большей частью одиночное, редко проявляющееся в большой родне или в сплошных семействах. Далее, Ставрополь, как город военный и вместе с тем губернский, представляет смесь чиновничества гражданского с военным, которое опять дробится на армейское, казачье, горское, со всеми принадлежащими сюда штабами, комиссариатскими, провиантскими, гошпитальными и т.п. чиновниками. Наконец, принимая во внимание положение Ставрополя, как преддверия Кавказа, известного своею разноплеменностью, которая дробится до невероятной мелочности, легко объясняешь себе пестроту его населения, проявляющуюся на каждом шагу, мимо разномастного господского племени, в лицах армян, грузин, калмыков, татар, ногайцев и всякого рода прикавказских инородцев.

Представить отчетливую характеристику подобного городского населения очень трудно, а потому мне, как проезжему, позволительно ограничиться указанием только на некоторые, более крупные черты, которые поддаются наблюдению в короткий срок и касаются притом господствующих классов города.

Я уже сказал, что население Ставрополя, большей частью наплывное — сброд людей с разных концов России, собравшихся сюда или ради служебных привилегий, или по влечению в новую местность, или же по необходимости явившихся сюда как в страну, которую нужно защищать и колонизировать. Вследствие этого даже небольшой кружок местного общества, взятый из какого угодно общественного слоя, представляет сборище людей бывалых, видевших и испытавших многое, сродни тем людям, которые у нас известны под названиями «хожалых», тертых калачей, прошедших огонь и воду. Нельзя сказать, чтобы это служило клейкой связью для членов общества, давая ему однородность стремлений, согласие в целях, гармонию потребностей. Напротив. Общее между членами подобного общества одно — желание во что бы то ни стало добиться своих личных расчетов, что уже сильно противодействует образованию общественной солидарности, возможной там только, где сходятся между собой хотя и тертые калачи, но ради каких-либо общих интересов, будут ли касаться они промышленности, торговли, или же другого какого общего дела. Больше, наконец, общественного согласия проявляется там, где сходятся люди, хотя и не бывалые, но связанные между собой одним и тем же месторождением, преданиями, одинаковостью служебной или вообще житейской карьеры, люди, привыкающие глядеть на мир божий из-за издавна составленных мнений, выработанных при известных условиях общежития. Оттого подобные города, как Ставрополь, представляют мелочное дробление на кружки, на партии, или же, наконец, служат раздольем для особняков, ничем не связанных друг с другом; кружки и партии считают в своих рядах по два, по три, много по пяти членов, и сами себе не могут дать отчет, почему они составляют какой-то кружок, замкнутый для входа непосвященных в их взаимные тайны, которых-то именно и нет... За отсутствием общих интересов, которые руководили бы обществом постоянно, является множество интересов случайных, мимолетных, большей частью забредших сюда со стороны. Эти интересы также наплывные — вследствие появления новой личности, занесшей их издалека, из той среды, в которой она прежде вращалась и которой дышала по необходимости, вследствие проезда какого-нибудь ретивого распространителя новых идей и новых слухов, — благо город лежит на большом тракте — успевшего за дорожный отдых заронить в здешнее общество что-нибудь новое и удалиться, не выходивши как следует за брошенным зерном. Отсутствие общих интересов, местных, и частое появление интересов случайных, залетных, дает, по-видимому, здешнему обществу характер подвижности, наклонности к нововведениям всякого рода, что как бы противодействует общественному застою, апатии, господству рутины на всех путях общежития; но это только кажущееся благо: всякого рода залетные новинки только закрывают собой истинное положение вещей, и нужно ли при этом напомнить, что там мало может быть жизненного движения, где мало стойкого, прочно лежащего... Известно, что всяк новоприезжий вначале чувствует себя стесненным на своем новоселье: он еще не приладился к новому месту и не знает еще, как приладиться. Большей частью случается так, что он новую свою жизнь решается вести таким же порядком, какой господствует на месте его нового жительства: он приглядывается, прислушивается, прежде чем начнет действовать самостоятельно. Однако трудно бывает приглядеться к чему-либо там, где все зыбко, неопределенно, ведется не по исстари заведенному порядку, а по прихоти мимолетного случая. Пассивная роль, какая выпадает на долю новоприезжего, в подобных обстоятельствах оказывается неуместной: он вдруг сбрасывает с себя маленькие оковы, которые сдерживали его привычки среди определившегося уже общества, и начинает вести себя нараспашку; не приметивши, как настроена новая его обстановка, он чувствует себя свободным повести свою жизнь, как ему удобнее, и незаметно становится особняком среди других ему подобных. Отсюда вытекает новая характеристическая черта подобного общества: возможность сближения, хотя бы мимолетного, между людьми неравных общественных положений, кажущееся равенство его членов, отсутствие наружных знаков тех разнообразных отношений, которые существуют между людьми разночиновными, разных состояний, разных положений в свете. Всякий, чувствуя себя свободным от преданий, заветных на месте прежнего его жительства, невольно считает и других разрешенными от таких же преданий: а разве не они заставляют нас ложно стыдиться сближений с людьми неодинакового с ними общественного положения? Но нужно сказать и то, что возможность сближения между членами подобного общества не столько есть плод, добытый размышлением, сознанием равного человеческого достоинства, в каком бы лице оно ни проявлялось, сколько следствие особнячества, всегда готового, как еж, свиться клубком и ощетиниться при малейшем покушении на его свободу, и в то же время смотреть равнодушно на все, что не угрожает его оригинальности. Разумеется, семейная жизнь или же постоянное обращение в кругах семейных

могли бы благодетельно действовать на смягчение особнячества, на сглаживание его угловатостей, на расширение круга его симпатий; но, к сожалению, семейная жизнь на Кавказе еще недавно началась, потому что недавно еще была та пора, когда служащие здесь, вместо жен, по большей части обзаводились кухарками, прачками или же искательницами любовных приключений. С успехами семейной жизни на Кавказе исчезают и все больше и больше будут исчезать угловатости здешних особняков, да, наконец, и само особнячество ограничится тесными пределами, потому что не будет к нему поводов, по причине зарождения и будущего развития в здешнем обществе своих порядков, своих преданий, своей общественной атмосферы, к которой сочтут себя обязанными применяться новые поселенцы, принося в здешние кружки расширение их опытности, а не собственный произвол, почувствовавший себя несколько связанным на новой почве.

Такое современное положение ставропольского общества, представляющее много невыгод, много отрицательных сторон по причине новизны самого города и местных его условий, в будущем дает много поводов к утешительным заключениям. Впрочем, о будущем мы не считаем себя вправе сколько-нибудь распространяться... <...>

Однако позволю себе сделать несколько замечаний по поводу известных наших губернских характеристик, которые имели целью выводить на свет, кроме родовых, и видовые признаки наших губернских обществ. <...>

Но объяснимся лучше примерами. Если бы какой-нибудь современный писатель стал насмехаться над внешними особенностями губернских жителей, стал бы выводить на свет допотопные фраки и чепцы, то он впал бы в анахронизм. С этой стороны самолюбие большей части провинциалов уязвить нельзя; они в нарядах подвизаются ретиво, и оттого скорее тут пересолят, чем недосолят. На поприще балов и вообще веселостей опять они действуют с достодолжным рвением, как об этом гласят и губернские ведомости. Но если тот же самый писатель покажет нам оборотную сторону губернского comme il fout, если он справедливо заметит, что в провинции рядятся по журнальным картинкам не из потребности вкуса, не для себя собственно, но все напоказ, а дома, без посторонних свидетелей, забывается и чистоплотность, и изящество, — что губернские веселости, часто блестящие, всегда машинальны и напоминают совершение какого-то непонятного для нас обряда, что блестящая оболочка светского comme il fout у нас ничем еще не наполнилась живым, самобытным: в этом случае писатель уметит в уровень губернской общественности. Но еще лучше будет, если он оставит в стороне губернский comme il fout, если не станет насмехаться ни над провинциальным французским языком, ни над губернскими обедами, ужинами, вечерами с музыкой и без музыки, ни над костюмами и вообще внешностями; пусть только покажет он наличность провинциальной деятельности, пусть очертит круг губернских стремлений, пусть возьмет на весы весь капитал познаний, необходимых для разумного существа, насколько их отыщется в губернском обществе... Тогда, без сомнения, покажется перед нами множество действительных случаев, как порождений крайнего невежества, анекдотов вроде тех, как Живновский являлся к посланнику с предложением питаться целый год одним сахаром... В том-то и секрет, что настоящего провинциала почти невозможно поддеть насчет чего-нибудь, как говорится, житейского; он смекнет, что возможно и что нет насчет какой-нибудь поживы; у него на это удивительно как развито чутье. Зато там, где дело не касается наживы, говорите что вам угодно, и вам легко поверят. Прислушайтесь к разговорам между губернскими чиновными людьми: они очень практичны и только больно хромают там, где дело касается умозрений или же научных знаний. Оттого вы услышите, что какой-нибудь губернский его превосходительство — дока в канцелярских делах и в приобретении капитала — простосердечно уверяет своих слушателей, что огонь от электричества нисколько не горячий, что он лично изволил в этом удостовериться, проезжая мимо зажженной молнией копны сена, что он невредимо клал на эту копну свою руку: большая часть слушателей также простосердечно верит его превосходительству, а остальные хоть и сомневаются, но не противоречат. Оттого в прошедшую войну некоторые высокоблагородные губернские жители удивлялись, почему же правительство не проведет нашего флота из Севастополя в Каспийское море, что там, дескать, флоту было бы совсем безопасно. Оттого эти же и другие чиновные губернские лица все-таки благодаря военным реляциям и газетам, несколько ознакомившись с географией России, недоумевали, что это такое Сыр-Дарья и где это живут коканцы? А разрешив эти вопросы, хором закричали, что Индии теперь окончательно несдобровать. И множество проявлений подобного невежества на каждом шагу встретите в каждом губернском городе. — Но напрасно этих, по-видимому, простачков постоянно пугают ревизорами. Они — тертый калач по этой части и вовсе среди своих закулисных проделок не боятся проезжих. Ревизор годится теперь в провинции разве для того только, чтобы его именем пугать детей, а не взрослых. Приезда его не боятся, а только заботятся несколько о приведении в порядок разного рода внешностей. Теперь в провинции знают, как обходиться со всяким ревизором. Прежде чем успеет он приняться за свое дело, его так умаслят, так сумеют акклиматизировать с помощью закусок, обедов, карточных вечеров, так привяжут его к особенностям своего общежития, благодаря находчивости жен и дочерей, что вчуже глядеть любо, как это они со всеми своими грешками спокойны и веселы в присутствии ревизора! Но довольно на этот раз о губернских обществах. Посмотрим на некоторые учреждения Ставрополя и прежде всего остановимся на его публичной библиотеке.

Публичная библиотека существует здесь с 1852 года и помещается в небольшом казенном доме, почти в середине города. Она занимает три комнаты: в одной из них стоит стол, на котором лежат последние номера периодических изданий; тут же на стенах висят географические карты... Составилась она из пожертвований со стороны некоторых лиц, в числе которых главным основателем был губернатор г. Волоцкой; потом она приращалась собственными средствами, выручаемыми от читающей публики, а также добровольными вкладами, так что

уже в 1857 году в ней считалось до 1000 названий книг и выписывалось 17 русских, 6 французских и одно немецкое периодическое издание.

Такое учреждение, как Ставропольская публичная библиотека, редко встречается в наших губернских городах и стоит того, чтобы обратили на него внимание. Библиотекарь ее, молодой человек, ревностно преданный своему делу, г. Львов, дал мне возможность ознакомиться с отчетами библиотеки, а из них-то я извлекаю некоторые заметки, которые не лишены интереса и отчасти характеризуют здешнее общество со стороны стремлений его к просвещению. По правилам, изданным от библиотеки, каждое состоящее на службе в Ставрополе лицо как военного, так и гражданского ведомства, изъявившее желание пользоваться книгами из библиотеки, платит в пользу ее по одному проценту с рубля получаемого им жалования, частные лица платят в год 7 рублей; желающие пользоваться книгами на полгода платят 5 рублей, на три месяца 2 рубля 60 копеек, на месяц 95 копеек, на день 10 копеек. Библиотека открыта для чтения ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, от 8 до 12 часов утра и от 2 до 5 пополудни, на дом можно брать за раз не более двух томов, или же одного целого сочинения.

Взявши во внимание значительное число служащих в Ставрополе, можно бы полагать, что средства существования библиотеки довольно обеспечены: членов ее ежегодно считается до 300, посетителей, как видно из собственноручных расписок их в заведенной для этой цели книге, бывало ежегодно от 3000 до 5000. А между тем в приходе библиотеки, например, за 1856 год значилось всего 489 рублей 85 копеек, полученных за право чтения, что дает средним числом немного больше, чем по 1 рублю 50 копеек на каждого члена. Чем же объясняется такая незначительная цифра среднего платежа членов? А тем, что члены эти большей частью господа мелкие чиновники, получающие в год от 100 до 250 рублей; что же касается до так называемых губернских тузов, то редкий из них записывается в члены библиотеки, частных же подписчиков, вносящих по 7 рублей в год, бывает 5 человек и меньше. При таком положении этого дела библиотека за выручаемые ею деньги может только содержаться и выписывать одни периодические издания и не имела бы средств для выписки отдельно издаваемых сочинений, если бы ежегодно не поступало пожертвований в ее пользу от 200 до 400 рублей, в которых живейшее участие принимает основатель ее, г. Волоцкой.

Таким образом, это полезное учреждение своим настоящим положением показывает, что вызвано оно к жизни не столько потребностями самого общества, сколько занесено извне, быть может, по тем же причинам, которые, как я сказал уже, часто заносят сюда и другие общественные новинки. <...>

Недавно состоялось в Ставрополе (с 23 апреля 1856 года) еще одно учреждение, по характеру своему несколько подходящее к публичной его библиотеке. Это — местный музей. Целью его предположено, чтобы он был постоянной выставкой, на которой в немногих образцах представлялось бы все, что край имеет наиболее замечательного, чтоб при обозрении музея можно было получить понятие о собственных богатствах края, о состоянии в нем всякого рода промышленности, о населении, его составляющем, о замечательных в нем остатках древностей. Таким образом музей представляет 4 отдела: 1) естественные предметы края, 2) предметы разного рода промышленности, 3) предметы этнографические и 4) археологические. Округ, представителем которого назначается музей, составит весь край кавказский по эту сторону Кавказских гор. Мысль об основании музея и заботы о нем принадлежат также Волоцкому; помещается он в доме городской думы, одном из лучших по наружности домов Ставрополя. Пока собрано сюда еще мало предметов: есть коллекция ставропольских строительных камней в разных видах отделки, коллекция глин и песков для кирпично-кафельного производства, коллекция минералов, руд и шлихов Алагирского горного завода, коллекция окаменелостей; из предметов растительного царства собраны деревья, произрастающие в лесах Ставропольской губернии, неполный гербарий флоры ставропольской, пятигорской и кисловодской; из предметов царства животного есть несколько чучел местных животных и собрание насекомых; из предметов туземной промышленности собраны предметы сельского хозяйства около Кизляра, в числе их в разных формах обделки есть марена и сарачинское пшено, кожевенный товар местной выделки и т.п.; по отделу археологическому собрано несколько камней с надписями из маджарских развалин, несколько монет и мелких вещей, находимых в степных курганах. Все же собрание предметов, без сомнения, служит не музеем, но только началом его, которому нельзя не пожелать дальнейших успехов. К сожалению, средства его, долженствующие состоять из добровольных приношений тех, кого интересует общеполезное дело, самые ничтожные, сумм у него нет никаких, а держится он единственно участием немногих своих учредителей.

Ставрополь. Вид бульвара. Почтовая открытка начала XX века

В Ставрополе не дурен бульвар, идущий по всей Николаевской (главной) улице, без него бы не в

меру широкой и обстроенной небольшими домами, он состоит из аллеи тополей, белой акации, лип и обнесен деревянной решеткой с каменными устоями. Это — обыкновенное место для гуляния ставропольцев, особенно если играет здесь хор военной музыки, что летом случается в неделю два раза. Бульвар прерывается небольшой площадкой, на которой устроен фонтан, окруженный почти всегда грязью; с площадки каменная широкая лестница, усаженная тополями, ведет на гору к пятиглавой соборной церкви, которая стоит на видном, незастроенном месте. Отсюда вид на окрестности Ставрополя широк и живописен. Глядя на юг, видишь волнистую степь, которая перемежается то конической формы холмами, то гребнями небольших возвышенностей и стелется широко, так что за ней виднеется даже снежная горная цепь, белеющая на краю лазоревого неба клочком затейливого кружева. Заметнее всего на ней Эльбрус, как облако, стоящий на горизонте. Особенно хорош он бывает утром, до восхода солнца, когда окрестности Ставрополя покрыты еще предрассветным туманом, а маковка его уже краснеется на солнце. И до этой маковки отсюда больше 300 верст... Глядя на нее, невольно припоминаешь герб Ставрополя — двуглавого орла наверху снежной горы: да, завидевши отсюда в первый раз эту гору, русский орел не мог остановиться среди пустынных степей и не направиться к манящей вдаль горной вершине! На ней лежали цепи Прометея, на гербе уже расторгнутые; но еще, без сомнения, неблизко то время, когда Россия, в роли Прометея, поднесет божественный флогистон ко всем диким племенам Кавказа и на первый знак их пробуждения к истинной жизни скажет им свое прометеевское: «Здравствуй!»...

Другое место для гуляний ставропольцев — Воронцовский сад, небольшой, но чистый и тенистый; здесь можно видеть питомники разных плодовых деревьев; значительная часть сада занята виноградом различных пород, которому, однако, трудно здесь дозревать вполне; есть каштаны, грецкие орехи, много цветов и лекарственных трав, — и посреди этих растений юга стоят две или три тощие сосны, прижавшиеся к земле от южного знойного лета. Два резервуара воды обсажены ракитами, через них переброшены мостики; тут же плещутся в воде белые лебеди.

Улицы города вымощены здешним камнем, но далеко не все, хотя камень здесь дешев и под руками, а грязь местами бывает невылазная. Главная из улиц освещается газом, остальные — ничем, отчего ночью, сворачивая с освещенной на темную улицу, переходишь точно в преисподнюю. Постройки города, между которыми есть много красивых, большей частью каменные; дерево здесь дорого, и деревянный дом считается сколько дорогим, столько же удобным, потому что здешний камень мягок, ноздреват и пропускает через себя в комнаты сырость и холод. Дома из камня строятся здесь быстро, потому что кладутся камни больших размеров. Вообще же, на большей части городских построек заметна новость, чистота; обилие зелени придает городу и много украшения, и много свежести. <...>

Текст печатается по изданию:
Воронов Н.И. Ставрополь // Белоконь С.В. Синий магистр. — Ставрополь: «Юркит», 1998. — С. 259—281.

Вторая половина XIX века

1 Документы, исторические описания, исследования

К. Бахутов. **Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя**

Введение

В ряду многих вопросов современной врачебной науки в данное время, конечно, более чем когда-либо выступают на вид вопросы этиологические. Вопросы эти требуют разработки, которая дала бы возможность найти общее отношение между действующими на организм разнообразными вредными влияниями и теми болезнями, которые наблюдаются ежедневно и на каждом шагу, составляя величайшее зло как отдельных личностей, так и целых обществ. Стремясь изучить все разнообразные условия, действующие на наш организм, то есть находясь на этиологической почве, наука в отношении отдельных болезней многое уже выяснила и многое имеет возможность выяснить при появлении их; но если на этом пути мы можем уяснить себе процесс возникновения той или другой болезни, можем определить изменение нормального строя жизни отдельных лиц, то все это частности, которые имеют мало значения, если мы коснемся выяснения условий болезненности не отдельных индивидуумов, а массы, подчиняющейся, по всему вероятию, особым законам жизни и заболевания. Поэтому-то и в деле профилактики, вытекающей всецело из уяснения происхождения болезни, мы в огромном большинстве случаев не в состоянии удовлетворять сразу массе и невольно принуждены ограничиваться все-таки отдельными единицами.

Причиной такого явления, главным образом, необходимо считать то, что до сих пор дело изучения физиологии и патологии общественного организма определенного района играет вообще невиданную роль во врачебной деятельности в России и, к сожалению, работ в этом направлении очень мало: врачи скорее стараются отыскивать или новые средства, которые, становясь почти универсальными, скоро погибают в общей массе непригодного аптечного материала, или же преследуют в своих трудах хотя и важные цели, но касающиеся отдельных индивидуумов.

Кроме того, медицинское сословие у нас все еще как-то чуждо санитарно-общественной деятельности в широком смысле этого слова: на врачей возлагаются надежды, как на якорь спасения, только в случае появления грозного бича — какой-либо эпидемии; тогда врачи, перекочевывая с места на место, при условиях чиновничьей жизни и командировки, ограничиваются только куративной деятельностью и «принятием мер для прекращения оной эпидемии», т.е. формальным выполнением казенных требований, предписаний, сообщений и т.п., ибо в разгар эпидемии нет ни места, ни времени, ни возможности изучить подробно район своей деятельности в медицинском отношении. Весьма естественно, что при этих условиях все мероприятия, клонящиеся к прекращению эпидемии, как бы меры эти не казались de jure целесообразными, остаются бесплодными de facto, так как применение научных начал общественной гигиены и медицинской полиции возможно лишь там, где предварительно изучены нормальные проявления жизни населения, а также уклонения жизненных условий и все от них происходящее. Только такое всестороннее знакомство с территорией наших действий гарантирует успех самих мероприятий, — говоря иначе, в деле народной помощи необходима также этиологическая почва.

Мы видим, что та или другая местность является или благословенным уголком, где вредные влияния не достигают большой силы, или местом печали и скорби для всего живущего. Вот эти-то отношения местности и условия жизни населения и требуют постоянного изучения со стороны врача в течение его деятельности в известной местности. Выясняя условия жизни населения своего района, врач приносит несомненную и существенную пользу, ибо указаниями ненормальных жизненных сторон он побуждает общество к преследованию своего врага целесообразными мероприятиями, за успех кото-

рых в огромном большинстве случаев можно ручаться, помня, что «sublata causa, tollitur effectus».

Забота об изучении с помощью врачей условий жизни и заболевания населения всецело лежит на обязанности земств и городских обществ. Оставляя в стороне деятельность многих земств, преследующих скорее куративные, чем санитарные цели, мы можем с уверенностью сказать, что весьма часто интересы городской кассы далеко расходятся с интересами общественной гигиены и народного здравия. Громадная цифра убытков вследствие заболевания масс и потери отдельных лиц, как рабочей и производительной силы, не так резка и очевидна, не колет глаза, будучи ежедневным, будничным, уже приглядевшимся явлением, а потому и поднятие уровня общественного здоровья не играет важной роли в нашем самоуправлении. Скорее какой-либо экстраординарный случай, вроде самовольной вырубки участка городского леса, растраты незначительной суммы общественных денег, эксплуатации земель и угодий, волнует общество и является вопросом дня.

Ввиду всего вышеизложенного всякий труд, касающийся интересов изучения народной жизни и местных условий заболевания массы, является по меньшей мере желательным, и с этой точки зрения предпринята настоящая наша работа.

Такая работа по отношению к описываемому городу, кроме того, нам казалась нелишней ввиду следующих соображений: губернскому городу Ставрополю издавна врачи, а за ними и публика, приписывают много особенностей, в силу которых этот город считается здоровым в гигиеническом отношении.

По Миняеву[1], Ставрополь лучше всех городов Кавказского и Закавказского края: «Эти преимущества, — по его словам, — заключаются в особенном географическом положении названного города, высоте местности, свойстве почвы, в качестве климата и зависящем от этих местных условий образе жизни, занятиях и состоянии здоровья его жителей». «Похвалы, — продолжает Миняев, — приписываемые городу, могут показаться преувеличенными, но можно быть вполне уверенным, что проживший кто-либо в Ставрополе несколько лет, тот не только останется на весьма долгое время, но сделается постоянным, оседлым жителем». В приводимом им кратком перечне господствующих болезненных форм в городе не встречается ни одной эпидемической или эндемической болезни; простудные же, катаральные и гастрические заболевания хотя и встречаются, но они, по его наблюдениям, легко поддаются лечению и, конечно, могут быть наблюдаемы в любом другом городе, как бы хороша ни была его гигиеническая и санитарная обстановка.

Врач Скаковский[2] считает город тоже весьма здоровым и если упоминает о некоторых заразительных болезнях, эпидемически появляющихся в настоящее время, каковы оспа, корь, скарлатина и дифтерит, то болезни эти, по его наблюдению, никогда не приобретают эпидемического характера вследствие отсутствия для этого благоприятных условий. По Торопову[3], перемежающаяся лихорадка в Ставрополе почти редкость. Многие врачи различных губерний России, отправляя весною больных на Кавказские Минеральные Воды, советуют «на зиму не возвращаться в прежние места, а поселиться в соседнем, прекрасном в климатическом и во всех других отношениях г. Ставрополе и тут дождаться следующего летнего сезона». И немало видели мы больных, выбравших Ставрополь по совету врачей, мало знакомых с гигиеническими условиями жизни в нем, как зимнюю климатическую станцию.

Трехлетнее же наблюдение мое (местного городового врача) показывает, что 1) Ставрополь хотя и находится в соседстве с чудной в климатическом отношении группой Кавказских Минеральных Вод, однако климат его (и санитарное состояние) хуже многих других городов России, из которых к нам нередко отправляют больных на зиму, не говоря уже о том, что ставропольский климат не имеет ничего общего с таковым напр. Кисловодска.

2) Ставрополь в настоящее время представляет центр-рассадник эпидемических болезней: оспа, корь, скарлатина, коклюш и в особенности дифтерит свирепствуют почти постоянно, хотя и с временными колебаниями в интенсивности и экстенсивности.

3) Перемежающаяся лихорадка, ревматизмы, страдания пищеварительных путей и сифилис — наичастые болезни.

4) Вообще, несмотря на множество упоминаемых Миняевым благоприятных условий для жизни и здоровья, заболеваемость и смертность среди городского населения в последние годы ничуть не меньше многих городов европейской России, а из заболевающих эпидемическими болезнями умирает далеко более половины. Да и официальные отчеты губернского статистического комитета констатируют факт убыли (вымирания) населения вследствие преобладания числа умерших над родившимися.

Таким образом, предлагаемое описание Ставрополя в медико-топографическом и санитарном отношениях имеет целью определение всех тех отклонений в общественной жизни, которые порождают в настоящее время сильную болезненность и смертность, приведение в известность во всех направлениях социальной жизни того зла, которое подтачивает острым и хроническим путем народное здоровье.

Взяв на себя такой труд, мы должны несколько оговориться. Мы далеки от того, чтобы представить какое-либо обширное сочинение с новыми взглядами и выводами, чтоб охватить всесторонне интересы народной жизни и представить целесообразные мероприятия к улучшению их; нет, повторяем, что для нас интересен вопрос лишь, так сказать, местного выражения жизненных условий, выяснение с точки зрения врача-гигиениста, как живет наш город, что в нем хорошего и дурного и откуда источники этого последнего.

Всякий, кто знаком с трудностью собирания сведений, пригодных для наших целей, при отсутствии нередко самых основных статистических данных даже в сыром виде, поймет, что предстоящая работа имеет существенные пробелы и крупные недостатки, не говоря уже о возможных промахах; мы пользовались лишь тем, что могли найти среди бедной обстановки провинциального врача, везде старались лично и из первых рук добывать нужный сырой материал, постоянно указывая в труде источники и способ собирания сведений и степень достоверности приводимых цифр; некоторые главы бедны содержанием и цифрами, которых мы не имели

возможности собрать или, добытые с громадным трудом, при оценке оказывались неточными, негодными для статистических целей.

В отношении добывания сырого материала нам помогли некоторые врачи и все судебные следователи города, предоставив для выборки одни книги амбулаторных больных, другие настольные реестры; кроме того, секретарь статистического комитета И.В. Бентковский доставил мне официальные отчеты по губернии и имеющиеся в печати свои и чужие работы, которые имели какое-либо отношение к моему труду. За оказанное содействие этим и другим лицам, упомянутым в труде, считаю своим долгом принести мою благодарность.

Литература, которой мы пользовались, была не особенно обширна и местами носит случайный характер, цитировали, что попадало под руку, так как всякий служащий врач на Кавказе и за Кавказом не имеет возможности, по условиям своей службы, долговременно отлучаться в столицу, чтобы пользоваться систематически подобранными сочинениями по тому или другому вопросу.

В заключение приношу мою глубокую благодарность профессору А.П. Доброславину, советами и указаниями которого я пользовался при составлении этой работы, и благодаря его же теплому участию я решился представить на суд читающей публике этот посильный труд.

К. Бахутов
22 марта 1881 г.
г. Ставрополь (Кавказский).

Географическое положение местности

Губернский город Ставрополь лежит под 45°3' северной широты и 41°59' восточной долготы от Гринвича, возвышаясь над уровнем моря на 1929,48 английских футов[4]; поэтому местность, занимаемая городом, находится немного севернее центра Кавказского перешейка и отстоит от Черного моря (по прямой линии) на 200 верст, от Каспийского — на 250, от Эльбруса — верст на 150, от реки Кубани — на 30 верст и от реки Дона — на 200 верст.

Краткий исторический очерк города Ставрополя

Хотя названия некоторых родников и речек (Ташла, Мамайка) и свидетельствуют, что местность, занимаемая в настоящее время городом, принадлежала некогда тюркским племенам, однако племена эти, вероятно, не имели здесь оседлости, так как не оставили никаких памятников или развалин, свидетельствующих об их прежнем существовании. Начало появления оседлого населения история относит к 1776 году. Императрица Екатерина II, заботясь об укреплении границ со стороны Кавказа, приказала устроить, по предложению Астраханского губернатора генерал-майора Якобия, от Азова до Моздока 10 оборонительных крепостей, в числе которых под №8 находилась и Ставропольская крепость. В 1778 году прибыл сюда Хоперский казачий полк и поселился к востоку от крепости по горному скату. В это же время начали прибывать переселенцы из разных мест России. Казаки и переселенцы, конечно, не беспокоились о красоте и удобствах своих жилищ, а выстраивали себе кое-как, для прикрытия от стихий, деревянные дома и сараи.

Назначение в 1802 году города Ставрополя, в числе 5 других городов, вошедших в состав новообразованной тогда Кавказской губернии, уездным городом не послужило быстрому украшению и оживлению города, ибо сюда — в неведомый далекий край — переселялись выходцы различных губерний России, бедняки, едва поддерживавшие свое существование. Правда, выходцы эти скоро занялись торговлей, но торговля была меновая и ограничивалась мелочными товарами.

Жалкий и дикий вид имел Ставрополь в то время: лучшая теперь улица — Николаевский проспект — представляла пустырь, покрытый водой и камышом, окаймленный кругом дремучим строевым лесом; среди этого-то, почти первобытного, мира виднелось несколько десятков убогих деревянных хат храбрых казаков и предприимчивых выходцев.

В 1808 и 1809 годах прибыло в Ставрополь до 50 армянских семейств. Появление этого промышленного народа оживило торговлю; армяне вошли в торговые сношения как с горцами соседних аулов, так и с южными городами России: Таганрогом и Ростовом, сбывая пшеницу и рогатый скот.

Вследствие быстрого увеличения переселенцев и обширных размеров торговли, по проекту главноуправляющего Грузией А.П. Ермолова, Ставрополь в 1822 г. утвержден областным городом, а через два года перенесены сюда все присутственные места из г. Георгиевска. С этих-то пор город стал особенно процветать: выстроено много каменных двухэтажных зданий, воздвигнуты храмы и основано несколько фабрик и заводов по р. Ташле. В 1826 году переселились сюда еще 30 армянских семейств из Георгиевска, а хоперские казаки, которые чуждались всегда мирных граждан, переселены к берегам Кубани. В связи с увеличением населения, размеров города и с развитием промышленности шло рука об руку и ухудшение санитарного состояния его. Влияние плохого санитарного состояния на здоровье жителей хорошо понимал управляющий тогда Кавказскою областью генерал Эммануэль и потому приказал каждому домохозяину устроить около своего дома тротуары и канавы для стока воды, помойные ямы и т. д. Наблюдение за чистотой улиц было поручено полиции, и Эммануэль, зная возможную небрежность последней в исполнении этих поручений, назначил одного из своих родственников контролером образа действий полиции. К этому же времени относится постройка гостиных рядов и многих других зданий. В следующие годы Ставрополь все более и более оживлялся и приобретал большие размеры; этому способствовало, главным образом, счастливое топографическое положение местности. Находясь на главном почтовом тракте, среди морей Черного и Каспийского, Закавказья и России, Ставрополь представлял весьма выгодный пункт для обмена произведений Юга и Севера, что, конечно, не могло не отразиться на состоянии населения, быстром его обогащении и ео ipso увеличении значения Ставрополя среди других мест Кавказа; кроме того, возникшая тогда же ярмарочная торговля, а равно и открытие Пятигорских Минеральных Вод, куда стекались путешественники и больные со всех концов России и проездом через Ставрополь оставались тут на некоторое время, еще более подняли материальное благосостояние жителей.

18 октября 1837 года Ставрополь посетил Августейший Монарх Николай I и приказал открыть

мужскую гимназию с пансионом, чем и положено начало правильного воспитания и образования юношества. По распоряжению генерал-майора Граббе, в следующие годы раскинутые по всему городу присутственные места переведены в одно, вновь выстроенное здание; улучшен быт преступников устройством тюрьмы на наиболее правильных началах. В это же время осуществлена мысль некоторых граждан, ввиду недостатка воды и дороговизны доставки ее, устройства водопровода из Карабинского источника, что и окончено в 1840 году. Граббе заботился также о религиозной и нравственной стороне жителей, и благодаря его стараниям в Ставрополе в 1842 году учреждена Епархия и архипастырем назначен Иеремия, инициативе которого принадлежит устройство многих церквей, кладбищ, основание духовной семинарии в 1846 году и т.п.

Вследствие постоянного увеличения городских построек и числа жителей Ставрополь, по ходатайству наместника кавказского, 2 мая следующего года назначен из областного губернским городом; в этом же году построено здание Городской думы. В следующие четыре года отменена квартирная повинность, устроены Воронцовский, Тутовый сады, учрежден дворянский клуб, основан приют святой Александры для воспитания дочерей, главным образом, бедных жителей. Администрация и граждане теперь стали обращать внимание на санитарную обстановку: введено правильное освещение, устроены бесплатные народные кухни, общие торговые бани, насажен роскошный бульвар, открыт на ярмарочной площади второй обширный бассейн с карабинской водой и т.д. Фабричная и заводская промышленность развивалась своим чередом: в городе в 1853 году было уже шесть кожевенных заводов, три мыловаренных, десять свечных, шесть салотопенных, два воскобойных, кирпичные, водочные, так что общая производительность всех заводов была более чем на сто тысяч рублей. Общественная жизнь в Ставрополе стала самая широкая: театр с лучшими артистами (иногда даже заглядывали европейские знаменитости), клуб, общественная библиотека, сады для гуляния и проч.

В шестидесятых годах Ставрополь еще более увеличился в своих размерах: возникло много каменных домов, церквей; масса переселенцев из России увеличила народонаселение; садоводство, огородничество, фабричная, заводская промышленность и торговля приобрели еще большие размеры. Путешественники восхищались красотой города, посещающие Пятигорские Минеральные Воды оставались тут по целым неделям; врачи считали город благословенным уголком, куда редко заглядывает какая-либо эпидемия.

Но в конце 60-х и в начале 70-х годов носившийся и прежде зловещий слух о миновании города Ставрополя железной дорогой подтвердился: линия ростово-владикавказской железной дороги оставила Ставрополь в стороне на 60 верст. С этих-то пор собственно и начинается падение города как центра административного и торгового. Некоторые уезды были перечислены к соседней Терской области, многие фабриканты, не видя особой будущности за Ставрополем, перенесли фабрики в города с лучшими условиями жизни, как-то: Владикавказ и Ростов; закрылось также много заводов. Открытие железной дороги (в 1875 г.), способствуя развитию торговли других городов, а также сельских ярмарок, ео ipso убило торговлю в Ставрополе. Заботы об украшении города во всех отношениях отошли на второй план: на чистоту улиц, дворов, помойных ям и городских канав обращали мало внимания. Вообще как будто сразу все в городе затихло, остановилось, заснуло! Однако и в периоде этого падения администрация и отдельные граждане старались поддержать благосостояние города и, действительно, во многом успели: были устроены новые бассейны с карабинской водой в различных частях города, для воспитания юношества учреждены женская гимназия, ремесленная школа, основано общество распространения грамотности, общество вспомоществования учащимся и т.д., но обо всем этом хлопотали и устраивали лишь отдельные десятки граждан, и, к сожалению, навсегда, по-видимому, исчезла та коллективная, кипучая деятельность ради общественных благ, которой отличались граждане 50-х и 60-х годов.

Между тем, вселение крестьян различных губерний России продолжалось (и продолжается до сих пор), но эти переселенцы уже встречали гораздо больше препятствий при устройстве жизненной обстановки: земля в окрестностях города, занимаемая прежде бесплатно, стала отдаваться с аренды; бесконтрольно вырубаемые леса незадолго до окончательного своего истощения, нашли себе хозяина в лице городской управы; одновременно возвысились, без особых на то причин, цены на жизненные припасы; словом, жизнь прежняя, привольная и дешевая, стала стесненной, и прежде мало знакомые Ставрополю нищета и бедность получили большее право гражданства, — говоря короче, Ставрополь стал таким, каким мы опишем его на следующих страницах.

Переходя к обзору бывших когда-либо в Ставрополе эпидемий, мы должны сказать, что относительно этого сведения наши крайне ограничены: в некоторых отчетах врачебного отделения за старые годы есть кое-какие указания на бывшие в городе эпидемии, но указания эти неполны и отрывочны. Многим старожилам города достоверно известно, что в Ставрополь в 1816 году была занесена чума (двумя дезертирами из других мест Кавказа), но она не достигла больших размеров и была скоро прекращена; далее в 1847 году появилась холера, которая свирепствовала в течение шести месяцев и унесла немалое количество жертв; в 1865 году среди вятских переселенцев распространился тиф (врач Скаковский[5] полагает, что тиф был местного происхождения, а не занесенный); в 1873 г. было несколько случаев холеры; далее случаи оспы, кори, скарлатины и дифтерита, которые свирепствовали в губернии, выхватывали отдельные жертвы и из городского населения; но до 1876 г. собственно в городе не появлялось ни одной сильно развитой эпидемии, кроме сказанных выше. В конце 1875 г. появляются в городе эпидемии оспы, кори, скарлатины, а к осени следующего года и эпидемия дифтерита. Эти болезни свирепствуют с некоторыми колебаниями до конца 1879 г. и даже 1880 года.

Геологические сведения о Ставропольском плоскогорье[6]

Город Ставрополь расположен на Темнолесском, или Ставропольском, плоскогорье, составляющем продолжение Ташлы-Сырта, отрога Эльбруса. Плос-

когорье это, по исследованию Абиха, состоит не из дилувиальных, или так называемых арало-каспийских осадков, как полагали прежде, а исключительно из миоценовых пород; арало-каспийские же образования показываются далеко на север от Ставрополя, при самом окончании плоскогорья.

Средне-третичная (миоценовая) формация описываемого плоскогорья состоит из двух различных по составу и органическим признакам ярусов: нижний ярус образовался из мергелей и темно-серого, чрезвычайно плотного, кремнистого известняка, заключающих в себе преимущественно раковины: Trochus, Carithium и Buccinum. Верхний ярус составляют уже другие породы, а именно: песчаники, глина и пористый известняк (известково-песчанистый слой, по Абиху)[7]. Скважистый, или степной, известняк содержит множество органических остатков, почему он называется также раковистым известняком (известковый ракушник, по Барбот-де-Марни[8], Müschel-Kalk, немцев[9]).

В этом слое особенно часто встречаются Foraminifera, каковы: Rotalina, Polystomella и Multiloculina. Из раковинных животных Абих упоминает только о тех видах, которые определены по хорошим образцам; самыми характеристичными являются различные виды Mactra (M. ponderosa Eichw., M. podolica Eichw., M. deltoides, M. biangulata) и Cardium (C. protractum Eichw., C. Fittoni d'Orb, C. exiguum). В раковистом известняке, добываемом на каменоломнях Ставрополя, по Барбот-де-Марни, нам чаще встречается Mactra podolica Eichw., Buccinum dissitum, Paludina exigua и Cardium. Но, кроме всех вышеназванных ископаемых, составляющих главную органическую физиономию миоценовой формации, местами в ней встречаются остатки (разбитые, едва склеенные) Venus, Mediola (M. marginata Eichw., Navicula Dub.), Tellina subcarinata Broc., Bullina usturtensis Eichw и др. Тут же найдены кости одного из китообразных животных. Многие из перечисленных видов до сих пор живут в Каспийском море.

Раковистый известняк в некоторых возвышенных местах города прямо выходит на поверхность, в других же, низменных, частях лежит непосредственно под почвой на глубине на $^1/_3$ — 3 аршин; камень этот очень мягок и порозен так, что его весьма легко не только обтесывать, но и распиливать, хотя, впрочем, вследствие примеси большого количества кремнозема, местами представляет и кремнистые разновидности. Иногда встречаются камни чисто белого цвета, большею же частью, вследствие большего или меньшего содержания водной окиси железа, цвет камня желтоватый, иногда светло-ржаво-бурый, при прокаливании приобретающий красно-бурый цвет вследствие потери воды. Пласты камней совершенно горизонтальны, редко слегка изогнуты. Большая часть родников и ключей вытекает из-под раковистого известняка.

Горизонтальность пластов известняка, относительно небольшая толщина каждого пласта (до $^1/_2$ аршина), поверхностное положение, далее мягкость и порозность камня — все это вместе дает возможность как добывать камень, так и без особо трудной отделки употреблять его для городских построек. Обыкновенно выбираются места (в 3-й и 4-й части города, особенно в местности, называемой каменной ломкой), где пласты имеют одинаковую толщины и горизонтальны; сначала вертикально врубаются клеваки, или койла,[10] на протяжении 6 вершков, потом идет, поперечно к первому ряду, другой ряд вертикальных же врубов, длиной десять вершков; далее, горизонтально вбиваемыми клиньями, отделяется камень, имеющий форму параллелепипеда с довольно гладкими поверхностями; окончательная же отделка состоит в стесывании камня особым инструментом (киргой), после обработки которым камень является годным для постройки домов, лестниц, тротуаров, заборов и т.д.

Этот краткий очерк геологического строения Ставропольского плоскогорья я счел нужным привести потому, что (не говоря уже о влиянии геологии известной местности на весь строй социальной и духовной жизни населения[11]) им объясняется направление некоторых занятий жителей, свойство воды, качество материала для городских построек и т.п., несомненно имеющих значение в характеристике здоровья населения.

Почва местности, на которой расположен Ставрополь, различна: по плоскогорьям, во многих местах за городской чертой — черноземная; в местах подгорных, по склону к речке Ташле, кое-где по берегам рек Мамайки и Мутнянки, глинистая; в самых низменных частях (по Мамайке, Мутнянке и в особенности Ташле) болотистая; попадаются, впрочем, и каменистая, и песчаная, но на небольшом протяжении.

Гидрография

Город снабжается водой из речек, родников или источников и прудов.

Самая большая речка 1-я Ташла (слово это с тюркского языка значит «каменистый»). Ташла берет свое начало, образуясь из нескольких родников и между ними из так называемого Холодного источника, в северо-западной окраине города, из-под холма, покрытого лесом; далее она течет по северной окраине города к востоку, принимает на своем пути несколько источников, вытекающих из соседних холмов, и впадает в р. Калаус, приток Маныча. Берега Ташлы вначале каменисты, далее черноземны, местами и болотисты; дно же везде каменисто. 2-я Ташла значительно менее первой, отделяется от нее плоскогорьем, течет параллельно ей, но по направлению к селению Михайловке.

По берегам 1-й речки находятся Ташлянское и Заташлянское предместье, по берегам второй — хутора и несколько заводов.

Речка Мамайка образуется из слияния шести родников в юго-западной части города на расстоянии одной версты от Карабинского источника; далее, обогнув город с южной стороны, направляется к востоку и с.-в., принимая речку Мутнянку. Последняя вытекает из глубокого рва, около тюремного замка, имеет довольно прямое направление с запада на восток. Наконец речка Желобовка образуется из пруда, находящегося в Воронцовском саду, и, пройдя не более двухверстного расстояния, впадает за ярмарочной площадью в р. Мутнянку. Все перечисленные речки в конце концов катят свои скудные дары в подарок Калаусу. В летнее время речки эти едва струятся, некоторые же, как Желобовка и Мутнянка, пересыхают. Вода этих речек служит только для нужд заводской и фабричной промышленности и орошения соседних полей, и поэтому большинство городских заводов, садов и огородов расположены по берегам их; поэтому же и

новые выходцы из России предпочитают селиться тут же, способствуя этим раскидыванию города на громадное пространство.

Так как вода речек не годна для питья, тем более что засоряется различными отбросками с заводов, то жители пользуются водой из колодцев и, главным образом, из Карабинского источника. Последний находится в трех верстах от центра города в юго-западной части его и вытекает прямо из-под каменного пласта; тут устроены два больших чугунных водоема и отсюда проведены глиняные водопроводы, открывающиеся в городские бассейны, частью открытые, с бьющеюся, более сажени вышины, струей, частью закрытые, с кранами; водой их снабжается главным образом центральная часть города. Количество воды, получаемое из Карабинского источника, в сутки равно 12628 ведер (среднее из 6 определений, произведенных мной в различное время у самого источника).

Вода этого источника чиста, совершенно прозрачна, безвкусна; из 100000 частей этой воды получено 58 частей твердого остатка, состоящего главным образом из сернокислой извести, магнезии и хлористого натра; органических же веществ и железа — следы.

Кроме этого источника, водой которого, по дальности расстояния, не пользуется периферия города, на родниках, вытекающих из-под того же каменного пласта, устроены колодцы, которых в городе около 1100; из колодцев получается вода, годная для употребления только в возвышенных частях города (Воробьевка, Скомороховы хутора и др.), в других же, низменных частях, вода их, содержа много углекислых и сернокислых солей, хлористого натра и органических примесей, не годна для употребления, — таковых колодцев в городе до 700. В общежитии годность для питья воды данного колодца определяется, конечно, во-первых, по физическим ее качествам (прозрачна, бесцветна, без запаха, вкуса и хорошо мылится) и, во-вторых, по расстоянию другого источника, вода которого всеми и всегда признается хорошей; если последняя находится в дальнем расстоянии, то жители, например, по р. Ташле, употребляют ту воду, которая поближе, лишь бы она отчасти удовлетворяла самым невзыскательным требованиям органов чувств простолюдина[12].

Пруды. Недостаток воды для промышленных и сельскохозяйственных целей во многих частях города принудил жителей устраивать пруды, которых в Ставрополе около 100. Пруды эти образуются частью из дождевой воды, частью из родников; в прудах последнего рода вода относительно чиста, прозрачна, и потому на некоторых из них устроены общественные купальни. Вообще во многих и так называемых родниковых прудах источники и родники, питающие пруд, бывают незначительные, и потому вода, не имея скорого обмена, застаивается и гниет; это еще более относится к прудам, образованным из дождевой воды: вследствие медленного обмена воды и массы растительных гниющих веществ пруды эти представляются настоящими болотами. Вымачивание льна и сырых кож еще более делают воду прудов зловонной. Во многих местах центра города под именем пруда известны глубокие дождевые лужи, куда выбрасываются, как в помойную яму, всякие домашние нечистоты, падали собак, кошек и птиц.

Определить точно число прудов по частям города мы не имели возможности; вообще их очень много и содержатся наиболее грязно в 1-й и 3-й части города, далее во 2-й и весьма немного в 4-й.

Ставропольские пруды важны как в санитарном, так и в судебно-медицинском отношении: зловонная вода прудов заражает в летнее и весеннее время воздух, а также путем разложения, под влиянием теплоты, различных растительных веществ превращает местность, занимаемую городом, несмотря на высоту ее, в лихорадочную; кроме того, в городе ни один пруд, обыкновенно находящийся посреди двора, не имеет ограды или забора, и поэтому случаи утопления детей в Ставрополе нередки: за 1878 и 1879 год таких случаев было три. Надзор за чистотой прудов, речек и колодцев хотя и поручен местной полиции и врачу, но они, имея другие служебные занятия, этой отрасли своей сложной деятельности уделяют мало времени, и разве какой-либо случай утопления ребенка обнаруживает в ином дворе ряд таких антигигиенических условий и безобразий, которые поражают даже скромную в своих требованиях полицию и вынуждает ее принять самые энергические меры «к прекращению оного зла». Упомянем еще о Кравцовом озере, находящемся на земле, принадлежащей городу, верстах в двенадцати от последнего. Площадь, занимаемая этим озером, по сведениям управы, равна 61 дес. 1480 саж.

Царство растительное. В лесах и на полях окрестностей города Ставрополя (верст на 8 в окружности), а также в городских садах произрастают до 700 различных видов растений, свойственных умеренно-теплой полосе России (полоса винограда и кукурузы географов). Из этих растений я перечислю наиболее часто встречающиеся и характеризующие местную флору, а также растения, употребляющиеся в медицине[13]. Леса окрестностей города состоят исключительно из лиственных пород (чернолесье); из хвойных деревьев весьма редко встречается (и то в городских садах) сосна (Pinus strobus L) и ель (Abies pectinata L).

Из лиственных деревьев произрастают: дуб (Quercus pedunculata Ehrh.), вяз (Ulmus campestris L), бук (Fagus silvatica L), клен (Acer camprestre L), липа (Tilia europaea L), ясень (Fraxinus excelior L), ива, верба (Salix alba et S. caprea L), кровяно-красный кизил (Cornus sanguinea L), граб (Caprinus Betulus L), тополь (Populus pyramidalis Rozier).

Из кустарных и дикорастущих плодовитых деревьев встречается: груша (Pyrus communis L), яблоня (Pyrus malus L), ежевика (Rubus caesius L), калина (Viburnum opulus L), гордовина (Viburnum Lantana L), бузина (Sambucus niger L), жимолость (Lonicera caprifolium L), терновник (Prunus Spinosa L), бересклет (Evonymus europaeus L), шиповник (Rosa canina L) и др. К группе культивированных и фруктовых деревьев относятся: желтая и белая акация (Caragana arborescens Lam. et Robinia pseudoacatia L), береза (Betula alba L) и греческий, или воложский, орех (Iuglans regia L); далее в садах, кроме грушевых, сливовых и вишневых деревьев различных сортов, разводятся кизил (Cornus mascula L), айва (Cydonia vulgaris L), каштан (Aesculus hippocastanum L), из кустарных: малина, смородина, крыжовник и виноградная лоза (Vitis vinifera L.).

Из растений лекарственных произрастают: Achillea millifolium L (тысячелистник), Adonis vernalis L (черногорка), Anisum vulgare L (анис), Artemisia Absinthium L (полынь), Bidens tripartita L (череда), Betonica officinalis L (вуквица), Cichorium Intybus (цикорий), Centaurea Cyanus L (василек), Cynoglossum officinale (чернокорень), Chelidonium majus L (чистотел), Conium maculatum L (болиголов), Datura stramonium L (дурман), Dictamnus Fraxinella Pers. (золототысячник), Foeniculum vulgare Gärtn. (укроп), Genistra tinctoria L (дрок), Geum urbanum L (гравилат), Glycyrriza Glandulifera Waldst. et Kit. (солодка), Glechoma hederacea (будра), Hypericum perforatum L (зверобой), Humulus lupulus L (хмель), Hyosciamns niger L (белена), Jnula Helenium L (девясил), Lappa tomentosa Lam (лопух), Lithospermum officinale L (воробейник), Linum usitatissimum L (лен), Matricaria chamomilla L (ромашка), Malva rotundifolia L (просвирняк), Melilotus officinalis Lam. (донник), Medicago falcata (сереповидная медунка), Mentha (различные виды мяты), Origonum vulgare (душица), Papaver somniferum L (мак), Plantago major, media, lanceolata L (подорожник), Petroselinum sativum Hoffm. (петрушка), Petasites officinalis (белокопытник), Rosa gallica (роза), Ramnus cathartica L (крушина), Saponaria officinalis L (мыльнянка), Claviceps purpurea Tulasne (спорынья), Sinapis arvensis (горчица), Tanacetum vulgare L (дикая рябина), Thymus serpillum L (тмин, или богородская трава), Taraxacum officinale Wigg. (одуванчик), Triticum repens (пырей), Viola tricolor L (анютины глазки), Tilia europaea (липа), Tussilago farfara L (мать-и-мачеха) и некоторые другие. Многие из перечисленных растений употребляются в народной медицине.

Весьма разнообразна и флора сенокосных полей, а также трав, растущих в лесах, садах, около заборов и т. д., таковы: аржанец (Pheleum pratense L), белокуренник (Ballota nigra L), бородавник (Lampsana communis), водяной перец (Poligonum hydropiper L), гречиха птичья (Polygonum aviculare L), горошек (Vicia Sepium et V. Gracca L), герань (Geranium Sanguineum), гулявник (Sisymbrium Loëselli L. et S. alliaria Scop), дурнишник (Xanthium spinosum L), клевер (Trifolium arvense L et T. Repens L), костер (Bromus mollis L), ковыль (Stipa pennata L), коровяк (Verbascum Iychnitis L), кипрей (Epilobium hirsutum), куколь (Githago Segetum), клоповник (Lepidium ruderale L), лускач (Vincetoxicum officinale Moënch., весьма ядовит, употребляется в народной медицине), лютик ядовитый (Ranunculus Sceleratus L), мятлик луковичный и однолетний (Poa bulbosa L et Poa annua L), марь белая (Chenopodium album L), мокричник (Stellaria media Villars), осока (Carex digitata L et G. silvatica L), пролеска (Scilla ceruua Red), паслен (Solanum nigrum L), петрушка собачья (Aethusa Cynapium L), солянка (Salsola Kali L), латук полевой (Lactuca Scariola L), сумочник (Capsella bursa pastoris Moënch), чистяк (Ranunculus Ficaria L), щавель (Rumex acetosa), ярушка (Thlaspi arvense L) и т. д.

Из хлебных и масляничных растений произрастают: озимая пшеница (белая, усатка, Triticum vulgare Villars), яровая (арнаутка, по местному названию — кубанка, Triticum durum Desf), рожь (Secale sereale L), лен, конопля (Canabis sativa L), горох (Pisum sativum L et P. saccharatum Host), фасоль (Phaseolus vulgaris L), просо (Panicum miliaceum L), гречиха (Fagopyrum aesculentum Maench), кукуруза (Zea mays L), картофель (Solanum tuberosum L), далее на полях и огородах по периферии города встречаются: арбуз (Cucumis citrullus L), дыня (Cucumis Melo L), стручковый перец (Capsicum annuum L), бадрижан (Solanum Melongena L), капуста (Brassica oleracea L), лук и чеснок (Alhum Cepa L et A. sativum L), свекла и бурак (Beta vulgaris L), репа (Brassica Rapa L), подсолнечник (Heliantus annuus L) и другие хозяйственные растения.

В главе о занятиях жителей я изложу подробно размеры садоводства, хлебопашества и огородничества.

Царство животных. Само собой разумеется, что царство животных на земле, принадлежащей собственно городу, не может быть особенно велико, но даже и систематический перечень всех видов животных, водящихся вокруг Ставрополя, завлек бы нас слишком далеко, что, конечно, не входит в программу медико-топографического описания города. Кроме того, не будучи сам специалистом, я не знаком со многими видами, в особенности из беспозвоночных животных. Поэтому перечислю наиболее часто встречающиеся виды как из домашних, так и водящихся в диком состоянии животных, имеющих влияние на материальное благосостояние жителей в ту или другую сторону.[14]

Позвоночные животные. Из отряда рукокрылых чаще всего встречается обыкновенная летучая мышь (vespartilio pipistrellus); из насекомоядных: крот (Talpa europea), землеройка (Sorex vulgaris et s. pigmaeus) и ёж (erinaceus europaeus). К хищным плотоядным относятся: волк (Canis lupus), собака (canis), лисица (vulpes vulgaris), барсук (Meles vulgaris), хорек обыкновенный (Foetorius putorius), ласка (mustella vulgaris), перевязка (mustella sarmatica) и изредка норка (mustella lurteola). Дикая кошка (Catus ferus) встречается весьма часто.

Из отряда грызунов водятся: обыкновенная мышь (Mus musculus), лесная мышь (M. silvaticus), крыса (M. decumanus), хомяк (Cricetus frumentarius), заяц-русак (Lepus europaeus Pall.), земляной заяц (Alactoga Iaculus Brendt) и кролик (Lepus cuniculus); весьма редко попадаются суслики (Spermofillus musicus) и сони (Myoxus Glis).

Из отряда однокопытных: домашние лошади (Equus domesticus) и ослы (Asinus vulgaris); из двухкопытных: обыкновенные овцы, с характерной разновидностью с тонким хвостом, и тонкорунные, мериносовой породы, так называемые «шпанские»; козы, домашняя и дикая (козуля — carpeolus vulgaris), быки (черкасские — серые и калмыцкие — красные); из многокопытных разводятся свиньи (Sus Scrofa).

Птицы. Неотъемлемую принадлежность домашнего хозяйства составляют: куры, гуси, индейки, утки, голуби и изредка любителями разводятся цесарки (Numida meleagris) и павлины (Pava cristatus). В диком состоянии **из куриных** встречаются: куропатки (Starna cinerea) и перепелки (Coturnix communis); **из голубиных**: горлица (Turtur auritus) и витюшень (Palumbus torquetus); из отряда **воробьиных** и **певчих**: воробей (Passer domesticus), в. горный (P. montanus), щегол (Carduelis elegans), зяблик (Fringella coelebs), хохлатый жаворонок (Galerita cristata), сойка (Garulus Krinizkü), сорока, грач и т.д.

Широкоротые (Hiantes): козодой (Caprimulgus punctatus), ласточка домовая (C. rustica) и городовая (Chelidonium urbica).

Хищные птицы: орел-могильник (Aquila imperialis), коршун (Milvus niger), ястреб (Astur palumbarius et Nisus communis), сарыч (Bateo Menetriesi), пустельга (Tinuculus alaudarius) и др.

Из голенастых: болотные и водяные птицы в окрестностях Ставрополя гнездятся очень мало, чаще бывают пролетом; к ним принадлежат бекасы, дупеля, валдшнепы, горшнепы, различные виды куликов и т. д.; гнездятся здесь: дергач (Crex pratensis), пигалица, или чибис (Vanellus cristratus), прудовая курица (Gallinula chloropus), водяная курица (Ortygometra porzana), утка кряковая (Anas bochas et A. querquedula).

Из отряда лазящих живет один только вид кукушки (Cuculus caronus); дятел (Picus) залетает весьма редко.

Пресмыкающиеся. К этому отряду животных относятся: гадюка (Pelias berus), желтопуз (Caluber viridiflavus), уж (Tropidonotus notrix), черепаха (Testudo europaea), зеленая ящерица (Lacetra viridis), лягушка (Rana temporaria), жаба (Bufo viridis).

Из ядовитых змей, как сказано, встречается только гадюка, да и то весьма редко, чаще попадается в сухих степях верстах в 30—40 от Ставрополя, избегая места влажные и лесные.

Из рыб живут в некоторых прудах карась (Cyprinus carassius), сазан (C. carpio), линь (Tinea vulgaris) и щука (Exox lucius).

Животные беспозвоночные. Пчелы (Apis) составляют принадлежность домашнего хозяйства некоторых жителей по р. Ташле и Мамайке.

Шелкопряд тутовый (Bombix mori) разводился прежде в значительном количестве в казенном тутовом саду, где и была практическая школа шелководства.

Раков (Ascatus leptorimnus) в ставропольских речках нет, но привозятся из окрестных селений.

В заключение упомянем о различных видах шпанских мух (Litta), чернильной орехотворке (Cynips Gallae tinctoriae), саранче (Gryllus migratorius), вследствие обильного развития которой 1880 год был одним из самых неурожайных во всей губернии; тарантуле (Licosa tarentula), встречающейся в настоящее время весьма редко, но, по словам старожилов, в старину (1840 — 1849 г.) во время сильных летних засух появлявшейся в обилии в губернии и в Ставрополе.

Метеорологические наблюдения

Город Ставрополь относится к умеренно теплой полосе России. Изотерма города (8,9°С) проходит на западе европейской России (Каменец-Подольск) и далее через среднюю Германию (Кетен, Галле, Иена), Австрию (Инсбрук) и Швейцарию (Цюрих и Женеву); в Новом Свете ей соответствует изотерма восточного берега Северной Америки (Нью-Йорк и Салем).

Изотера (19,4°С) значительно уклоняется к югу и проходит через южную Россию (Харьков), Румынию (Бухарест), Венгрию (Будапешт), Южную Германию (Мангейм) и Западную Францию (Ларошель). Изохимена (-1,9°С) соответствует таковой же Бессарабии (Кишинев), Царства Польского (Кельце), Саксонии (Фрейберг), Южной Германии (Аугсбург) и восточному берегу Америки (Ливенворт).[15]

Гористое положение, занимаемое городом, соседство Главного хребта Кавказских гор и многочисленных его отрогов, морей Черного и Каспийского, наконец, обширных ставропольских и астраханских степей — все это, вместе и порознь, не может не влиять так или иначе на качество климата города Ставрополя. Для уяснения этих климатических отношений я разберу прежде метеорологические наблюдения станции, обработав их по данным главной физической обсерватории,[16] и потом сделаю выводы как о самом климате города Ставрополя, так и о влиянии его на здоровье жителей.

Метеорологическая станция находится в верхней части города в открытом месте на Александровской площади, в здании мужской гимназии. Положение станции по времени 2 часа 45 минут 56 секунд. Психрометр поставлен на ставке перед северным окном и защищен маркизой из парусины от дождя и снега. Поправка разделенного на миллиметры барометра Брюккера № 23, системы Паррота = +0,2 mm. Дождемер находится между восточной стеной и воротами в большом удалении, на высоте 2,5 метра.[17]

Температура

Из I таблицы* видно, что средняя годовая температура города Ставрополя (за 1872—1879 г.) равна 8,94°С, причем за отдельные годы были колебания вниз значительнее (1,04°), чем вверх (0,6°), или, говоря другими словами, разность между средней по 8-летней сложности (8,94°) и наименьшей годовой (1775 г. 7,9°) = 1,04 более разности между наибольшей годовой (1873 года 9,55°) и общей средней (8,94°) = 0,6. Точно так же довольно значительны отклонения средних времен года от общей средней по 8-летней сложности, причем амплитуда колебаний больше весной (5,7°) и зимой (5°), чем летом (3°) и осенью (2,8°); в частности за отдельные месяцы величины этих размахов представляются в следующих цифрах: в декабре 11,3°, в январе 7,6°, в феврале 12,9°, в марте 9,6°, в апреле 6,05°, мае 4,45°, июне 4,4°, июле 5,1°, августе 4,38°, сентябре 4,71°, октябре 4,4° и в ноябре 6,7°.

Последняя графа I таблицы показывает, насколько резки переходы от одних месяцев к другим: как видно, переход от холодных месяцев к теплым резче, чем наоборот; разность между мартом и апрелем равна 7,32°, а между августом и сентябрем = 4,9°. Самый холодный месяц в Ставрополе — январь, самый теплый — август, разность между температурами этих месяцев = 23,41°; разность между температурами зимы и лета = 21,3°.

Итак, из всего вышесказанного о средних температурах месяцев и времен года заключаем: 1) весна и зима дают наибольшие отклонения от общих средних, а осень и лето — наименьшие и 2) переходы от лета к осени менее резки и заметны, чем от зимы к весне.

Эти выводы вполне подтверждаются рассмотрением абсолютных колебаний температур по месяцам; разница та, что абсолютный maximum приходится не на август, а на июль.

Из II таблицы видно, что наибольший средний maximum приходится на июль, отсюда в обе стороны идут понижения, причем разность между мар-

* Таблицы I—XIII см. в приложении на стр. 178-195

том и апрелем (переход от холода к теплу) = 5,8°, между августом и сентябрем (переход от тепла к холоду) = 2,8°. Наименьший средний maximum 7,7° падает на январь. Minimum'ы температур идут в том же порядке, как и maximum'ы: наибольший средний minimum приходится на июль, наименьший — на январь; разность между minimum'ами (средними) марта и апреля = 10,8°, августа и сентября = 7,4°.

Сравнивая крайние температуры одного и того же месяца, мы видим, что колебания температур вообще весьма значительны и что наибольшим непостоянством отличаются месяцы весенние (в марте разность доходит до 28,7°) и зимние (23,9° в декабре), а наименьшим — осенние и летние, что еще нагляднее из III-й таблицы, показывающей разности между maximum'ами и minimum'ами температур одного и того же месяца с 1872 по 1879 год.

Из отдельных годов наибольшую разность между maximum'ами и minimum'ами т-р имеют 1872 и 1879 годы, наименьшую же 1877 г. Колебания средних месячных температур, а также maximum'ов и minimum'ов, помещены в диаграмме I (см. приложение).

Ветры

Описанные выше колебания температуры находятся в большой зависимости от силы, продолжительности и направления ветров, так как каждый ветер или понижает, или повышает температуру данной местности. В таблице А приложений приведены направления и частота ветров с 1872 г. по 1879 г.; для исключения случайностей (каковых, впрочем, очень мало) возьмем сумму часов наблюдения за все 8 лет и тогда получим цифры IV таблицы.

Разберем относительную частоту ветров по временам года и месяцам.

Наичастым ветром (см. табл. IV и V) является ветер юго-восточный. Ветер этот есть собственно отраженный восточный ветер других местностей, а именно: восточный ветер, дующий с Каспийского моря, пройдя степи, отражается от многочисленных отрогов Эльбруса и является в Ставрополь в виде юго-восточного; ветер этот сопровождается всегда хорошей погодой, и благодаря именно тому обстоятельству, что он отражается от снежных вершин Кавказа, он не бывает особенно сух, подобно восточному. Юго-восточный ветер дует чаще осенью и зимой, реже весной и летом (в особенности в июне и июле).

Западный ветер, называемый также черноморским, дует почти одинаково часто в зимние, весенние и летние месяцы (впрочем, в июле вдвое чаще, чем в августе), осенью дует редко. Ветер этот, всегда влажный и сырой, сопровождается соответственно времени года проливным дождем или снегом.

С.-з. ветер, вообще редкий, дующий чаще летом и также зимой (осенью и весной одинаково), обыкновенно сопровождается мелким продолжительным дождем.

Восточный ветер (степной) дует почти в 4 раза реже юго-восточного и преимущественно весной и летом, в особенности в августе; ветер этот, дующий иногда в августе без перерыва три-четыре дня, до того сушит почву, что местами земля трескается; относительная влажность воздуха достигает minimum'а; поэтому-то и жары в августе бывают весьма сильны. К счастью, как я сказал ранее, восточный ветер, встречая снежные вершины гор, большей частью врывается в Ставрополь в виде относительно влажного юго-восточного.

Остальные ветры — ю., ю.-з., с. и с.-в. — в Ставрополе весьма редки, и чаще весной и летом, чем осенью и зимой.

Что касается тихой погоды, то, как видно из таблиц, наибольшим безветрием отличаются месяцы осенние, наименьшим — летние; весенние и зимние занимают середину между этими временами года.

Чтобы яснее видеть распределение тихой погоды и относительную частоту каждого ветра по месяцам, прилагаем диаграмму II как наглядное изображение V таблицы.

Другие метеорологические наблюдения

В таблице В приложений помещены цифры, показывающие число ясных, пасмурных, дождливых и снежных дней, а также число дней, в которых наблюдались град, буря и грозы (гром или молния). Если возьмем из этой таблицы сумму за 8 лет всех дней, в которых наблюдалось состояние погоды и вообще атмосферные явления одного рода, и определим среднее за один год, то составится таблица VI, показывающая распределение ясных, пасмурных и т.д. дней по месяцам, а также по временам года.

Из VI таблицы видно, что наиболее ясных дней в Ставрополе приходится на лето и осень (август, сентябрь и октябрь), наименее — на зиму и весну; наоборот, число пасмурных дней наиболее зимой и в начале весны, наименее летом и в начале осени.

Эти данные, конечно, вполне подтверждаются рассмотрением таблицы облачности, выраженной, как сказано, в степенях от одной до 10. (Известно, что под именем ясных дней разумеются дни, в которых сумма облачности за все три часа наблюдения, т.е. в 7 часов утра, в 1 час дня и 9 часов вечера, не превышает 5, а под именем пасмурных те дни, в которых сумма облачности за три часа наблюдения не менее 25). Следующие величины выражают среднюю годовую облачность (сред. выводы из таблицы С приложений по 8-летней сложности) по месяцам и временам года:

Январь	7,5	Июль	3,9	Год	5,4
Февраль	7,1	Август	3,6	Зима	7,2
Март	6,4	Сентябрь	3,8	Весна	5,5
Апрель	5,5	Октябрь	4,9	Лето	4,0
Май	4,5	Ноябрь	5,8	Осень	4,8
Июнь	4,5	Декабрь	7,1		

Из этих цифр мы видим, что зимой более $^2/_3$ небесного свода бывает покрыто облаками, весной более, а летом и осенью менее половины.

Наиболее дождливых дней бывает летом (июнь и июль), далее весной (апрель и май), затем осенью и наименьшее зимой (январь и февраль). Из летних месяцев в августе, сравнительно с другими летними месяцами, менее дождливых дней. Дожди сопровождаются градом чаще в летние (июнь) и весенние месяцы, иногда и в осенние месяцы, и весьма редко в зимние; наиболее снежных дней приходится, конечно, на зиму, далее весной снежных дней втрое более, чем осенью, так что в сентябре за 8-летний период не было ни одного снежного дня, в октябре их было очень мало (4) и почти столько же, сколько и в мае (3).

Грозы бывают во все времена года, чаще, конечно, весной и летом. По народным понятиям, первая гроза — признак наступившей весны, но климатическая путаница в г. Ставрополе не подтверждает этого пов-

семестного наблюдения: грозы бывали и в январе, но после этих дней с грозами выпадал снег и устанавливалась настоящая степная зима. В особенности это было поразительно в 1873 г.; 25 января этого года, вечером, в течение нескольких часов, были наблюдаемы дождь, гроза, град и крупа, а в следующие дни пошел обильный снег при значительном понижении температуры; те же явления повторились и 25 января следующего года, хотя в марте этого года установилась настоящая зима с 25° морозами. Бури наблюдаются в зимние и весенние месяцы, летом же, и в особенности осенью, весьма редко.

Чтобы нагляднее показать относительную частоту дней с теми или другими атмосферными явлениями, представляем диаграмму III, изображающую средние годовые величины по 8-летней сложности.

Количество выпавшей воды в виде дождя и снега выражено в VII таблице.

Количество выпадающего водяного осадка в год в Ставрополе равно 718,6 миллиметра; в этом отношении Ставрополь находится в более выгодных условиях, чем некоторые города, удаленные в глубь материка, напр. в 1878 г. в Тифлисе выпало влаги 491,3 мм.[18]

Колебания количества выпавшей воды в виде дождя и снега отдельно по годам, временам года и месяцам весьма значительны, и эти колебания имеют громадное влияние на урожай растительного царства во всей губернии, бедной другими водяными источниками, т.е. в местности, где качество урожая находится всецело в зависимости от количества своевременно выпавшего атмосферного осадка, как это мы докажем в главе о хлебопашестве.

Наибольшее количество влаги в среднем выводе выпадает в летние месяцы (июнь и июль), наименьшее зимой (январь и февраль); впрочем, разница была бы не так резка, если бы производились наблюдения за январь и февраль 1872 г. Осенью выпадает меньшее количество воды, чем весной.

В связи со всеми вышеозначенными атмосферными явлениями (температурой, направлением ветров, числом ясных, пасмурных, дождливых и снежных дней, также с количеством выпавшей атмосферной влаги) находится и влажность воздуха; в таблице VIII приведены цифры средней относительной влажности (в процентах насыщения) за 8-летний период.

Данные, сгруппированные в этой таблице, приводят к следующим заключениям:

1) наименьшей средней относительной влажностью отличается август (66,3); с этого месяца влажность воздуха увеличивается в обе стороны и потому

2) наибольшая относительная влажность воздуха бывает в месяцах зимних;

3) осенью относительная влажность воздуха немного более весны.

Выше мы пришли к заключению: a) что весной выпадает более атмосферной влаги, чем осенью; b) что число дождливых дней весной более, чем осенью; большая же относительная влажность воздуха осени как будто противоречит этим заключениям, но это кажущееся противоречие объясняется следующим образом: во-первых, мы видели ранее, что сухие и теплые восточные ветры, низводящие относительную влажность воздуха до minimum'a, весной дуют вдвое чаще, чем осенью, и, во-вторых, густые туманы, при которых воздух бывает почти всегда насыщен влагой (85—100%), бывают чаще осенью (рано утром и поздно вечером, часы наблюдений, из которых и получается средний вывод), чем весной.

Средние числа относительной влажности в вышеприведенной VIII таблице еще не дают понятия о наибольшей сухости атмосферного воздуха, и потому в следующей таблице приводим minimum'ы относительной влажности, которые наблюдались с 1872 по 1879 год.

Из этих чисел видно: 1) что minimum'ы влажности, начиная с августа в обе стороны к зимним месяцам, увеличиваются, хотя и неравномерно. Колебания относительной влажности в некоторые зимние и весенние месяцы (февраль, март, декабрь) весьма значительны и гораздо более, чем колебания в летние и осенние месяцы.

Давление воздуха

Давление воздуха, выражающееся в высоте барометрического столба, имеет в климатическом отношении второстепенную важность и находится в зависимости главным образом от температуры воздуха.

Таблица X-я представляет среднюю высоту барометрического столба в Ставрополе за 8-летний период.

Как видно, высота барометра, начиная с января, постепенно падает до июля месяца (minimum средней высоты), далее в августе и в следующие осенние месяцы повышается и достигает maximum'а в октябре, потом к декабрю опять понижается; в сложности, наибольшая высота барометрического столба бывает осенью и зимой, наименьшая — летом и весной.

Отклонения от средней высоты барометрического столба отдельно по годам и месяцам представляются в XI таблице.

Рассматривая таблицу этих отклонений от средних месячных, можно видеть, что наибольшая амплитуда колебаний барометрического столба принадлежит месяцам зимним (декабрь 6,5, февраль 7,3) и весенним (март 5,5, апрель 4,9); наименьшие разности имеют месяцы летние и осенние. Эти выводы о месячных колебаниях давления воздуха подтверждают вполне температурные данные: мы видели ранее, что наибольшие отклонения от средних месячных температур представляют месяцы зимние (декабрь и февраль) и весенние (март и апрель), наименьшие — летние и осенние.

Конечно, важнее средних чисел высот барометрического столба абсолютные колебания (maximum'ы и minimum'ы), которые и представлены в XII таблице (для краткости в этой таблице вместо, напр., 702,7 поставлено 0,27 и вместо 724,0 — 24,0, подобно тому, как это сделано в X таблице).

XII таблица показывает, что низший maximum (средний и абсолютный) барометрического столба приходится на июль, от которого почти постепенно числа увеличиваются и достигают наибольшего maximum'а в осенние и зимние месяцы. Minimum'ы идут в другом порядке: наибольшие minimum'ы бывают в месяцы осенние, наименьшие — в весенние; лето и зима занимают середину между этими временами года.

Сравнивая (средние и абсолютные) maximum'ы и minimum'ы колебания барометрического столба, нетрудно заключить, что наибольшие колебания бывают в месяцах зимних и весенних, наименьшие летом и осенью (исключая ноябрь).

Общие выводы о состоянии погоды в городе Ставрополе

Зима. Если принимать за начало зимы понижение температуры ниже 0°, выпадение снега и установление санного пути, то в этом смысле зима в Ставрополе начинается весьма поздно и далеко не одинаково в различные годы: иной год уже в половине ноября температура понижается до -10 — -15°, другой же год бывает какая-то чахлая зима, в декабре кое-когда выпадает немного снегу и редко поддерживается несколько дней легкими ночными морозами; обыкновенно же в эти годы в декабре, а иногда и в январе следующего года, не бывает санного пути (морозов), а большею частью дожди и густые туманы по утрам и вечерам. Определять продолжительность зимы промежутком между первым и последним снегом в Ставрополе невозможно, ибо нередко задолго до последнего снега крестьяне пашут и сеют, а городские жители покидают теплые платья; промежуток этот за 8-летний период был неодинаков, а именно:

	Первый снег	Последний снег	Промежуток
1871—72 г.	6 ноября 1871 г.	2 мая 1872 г.	196 дней
1872—73 г.	7 декабря 1872 г.	16 апреля 1873 г.	130 дней
1873—74 г.	11 ноября 1873 г.	20 апреля 1874 г.	160 дней
1874—75 г.	3 января 1875 г.	21 апреля 1875 г.	108 дней
1875—76 г.	12 октября 1875 г.	21 мая 1876 г.	222 дня
1876—77 г.	4 октября 1876 г.	4 апреля 1877 г.	182 дня
1877—78 г.	21 декабря 1877 г.	24 апреля 1878 г.	124 дня
1878—79 г.	25 января 1878 г.	5 апреля 1879 г.	101 день

Обыкновенно среднюю продолжительность зимы нужно считать в три с половиной месяца, а именно: с начала декабря до половины марта (нередко и до конца этого месяца).

Зимние месяцы отличаются крайним непостоянством, особенно в декабре (средняя t. -0,06) бывают резкие переходы от тепла к холоду и обратно: вслед за морозами быстро наступает оттепель, температура воздуха поднимается до +10 и +16°, а через несколько дней, иногда и в тот же день наступают морозы, выпадает обильный снег, сопровождающийся метелями. Такие же резкие переходы температуры бывают и в следующих месяцах: январе и феврале; таким образом, в течение зимних месяцев нередко бывают целые недели совершенно с такой же погодой, как весной, бывают и осенние, дождливые и туманные дни, и все это чередуется с такими днями, как и следует времени года — зиме. Это непостоянство и быстрые колебания температуры служат главной причиной болезней, свойственных зиме: с конца декабря, в январе и феврале амбулянтные врачей переполняются больными с плевритом, бронхитом (у детей в особенности бронхо-пневмонией), крупозным воспалением легких, воспалением зева (катаральные и дифтеритные).

Весна. Климатическая путаница зимы продолжается и весной, которая имеет неопределенное и всегда резкое начало, обыкновенно с конца марта. Март месяц не без основания всеми жителями Кавказа считается крайне непостоянным (сумасшедшим — гижи), ибо он нередко в одном и том же году совмещает все времена года, средняя разность между maximum'ами и minimum'ами температур доходит до 28,7°C; отдельно по годам эти колебания температуры еще поразительнее, напр., 3-го марта 1874 года температура воздуха понизилась до -25°, а в середине марта 1877 г. температура воздуха достигала +22°.

Вообще март месяц, по сильным морозам и по числу снежных дней, относится скорее к зимним, чем к весенним месяцам. Переходы от марта к апрелю весьма резки: в течение нескольких дней снег быстро тает, температура воздуха достигает до 20°, распускаются многие деревья (липа, акация и друг.). Хотя и в течение весны нередко выпадают снега, но, не поддерживаемые морозами днем, с восходом солнца тают; впрочем, весенние ночные морозы довольно часты, и они влияют отчасти на урожаи растительного царства всей губернии. В это время года особенно часты ветры восточные — сухие, кроме обычных ю.-в. и з. Из болезней, которые появляются в это время года, упомянем о следующих: обострение хронического страдания легких, ревматизмы (суставные и мышечные), жабы, как катаральные, так и дифтеритные; в конце весны появляется и перемежающаяся лихорадка, имеющая характер большею частью злокачественный.

Лето. Лето начинается с половины или с конца мая и тянется почти до середины сентября. Первая половина лета резко отличается от второй: до первых чисел июля бывает относительно прохладно, идут частые дожди с грозами и градом. Средняя температура июля (19,9°) почти такая, как и августа (20°). Июльские жары умеряются частыми влажными западными и северо-западными ветрами, которые дуют в этом месяце значительно чаще господствующих во все остальные месяцы года юго-восточных. Со второй половины июля и в августе жары достигают наибольших размеров, дожди идут значительно реже, чем в начале июля, и почва, не орошаемая атмосферной влагой, высыхает до того, что местами трескается, растительность выгорает окончательно, относительная влажность воздуха достигает minimum'а, и только в этом месяце мы, ставропольцы, ощущаем соседство обширных степей с их «горячими», сухими восточными ветрами. Что касается болезненности населения в этих месяцах, то в июне и июле западные ветры наносят к нам с берегов р. Кубани малярию; кроме того, сырость и значительные колебания суточной температуры (значительные понижения температуры в июльские ночи, конечно, не отмечаются метеорологической станцией, оканчивающей свои наблюдения в 9 часов вечера) располагают к простудным и ревматическим страданиям; далее с конца июля появляются страдания желудка и кишок (в особенности у детей) разнообразного характера, — эти страдания усиливаются в августе месяце. В этом же месяце особенно свирепствуют эпидемии оспы, кори, скарлатины, а также сильны страдания глаз, этиологически связанные с восточными ветрами, несущими клубы пыли по улицам. С конца августа жары немного уменьшаются, чаще перепадают дни с дождями и незаметно, в течение почти 1,5 месяца, наступает осень.

Осень. Таким образом, осень отличается от других времен года тем, что наступает в более длинный промежуток времени и, стало быть, переход от тепла к холоду не резок; хотя разность между крайними температурами и довольно велика, однако не достигает тех размеров, как весной. Тихих дней в это время значительно более, чем в другие времена

года, восточные ветры осенью дуют вдвое реже, чем весной, и потому воздух не бывает особенно сух; преобладающими ветрами остаются юго-восточные. Число дождливых дней, а также количество атмосферного осадка, выпадающего в виде дождя и снега, осенью менее, чем весной.

На основании вышеизложенного, осень, по-видимому, в Ставрополе нужно считать самым здоровым временем года: постепенное его наступление, отсутствие резких колебаний температуры, умеренная влажность воздуха, частые ясные дни — все это не должно, кажется, вызывать особой болезненности, свойственной этому времени года. Однако осенью в Ставрополе мы наблюдаем болезненность немногим слабее других времен года, что зависит от многих причин, между прочим от того, что осенью развивается эпидемия дифтерита, не имеющая, по-видимому, никакой связи с атмосферными колебаниями.

Многие старожилы сообщают, что климат города Ставрополя значительно изменился, что изменение климата стало особенно заметно в последние годы, что, наконец, изменением этим объясняется появление в последние годы эпидемий кори, оспы, скарлатины, дифтерита и т. д., — словом, жители ищут причины эпидемических болезней там, где ее нельзя удалить, да и душе покойнее: эпидемии — результат неотвратимых стихийных сил, и нечего думать, стало быть, о прекращении их разными медико-полицейскими и санитарными мероприятиями.

Я глубоко убежден и имею немало оснований для такого убеждения, что в появлении, например, эпидемии дифтерита климат города Ставрополя и изменение его в последнее четырехлетие не играет важной роли, тем более что судить о перемене климата в данной местности возможно лишь на основании метеорологических наблюдений. К сожалению, мы располагаем только 8-летними наблюдениями, но их достаточно для решения вопроса, насколько в последние 4 года, когда стали свирепствовать в городе эпидемии, климат города стал хуже предыдущего четырехлетия. Возьмем поэтому атмосферные явления первостепенной важности, т.е. температуру, направление ветров и количество атмосферного осадка и, разделив имеющиеся наблюдения на две, так сказать, метеорологические олимпиады, сравним их. Относительно температуры и количества атмосферного осадка получим средние числа, помещенные в XIII таблице.

Из этих чисел видим, что за последние 4 года температура повысилась на 0,18°; повышение и понижение месячных температур вообще весьма незначительны: зимние месяцы стали немного холоднее (декабрь и январь), весенние теплее, в особенности март; август холоднее, июль теплее, — словом, резких изменений нет и ничто не ручается за то, что если вместо 4-летних периодов взять для сравнения пятилетние, то разность не сгладится окончательно.

Среднее на 100 наблюдений в каждом периоде было:

	1872—75 г.	1876—79 г.
Тихо	30,5	34,0
С.	1,4	1,0
С.-В.	2,3	1,8
В.	10,0	4,0
Ю.-В.	23,3	29,0
Ю.	1,9	3,2
Ю.-З.	5,0	4,4
З.	13,9	15,5
С.-З.	11,7	7,1
	100	100

Из сравнения этих чисел видно: что 1) «стояние» тихой погоды в последнее 4-летие увеличилось; 2) ветры восточные, северо-восточные и северо-западные стали дуть реже, а юго-восточные, южные и западные — чаще.

Случайные ли эти явления или в самом деле относительная частота ветров изменилась на более прочное время — можно решить только на основании многолетних наблюдений и сравнений. Данные же этой таблицы, а также предыдущей позволяют только заключить, что 1) температура последнего 4-летия повысилась весьма незначительно и 2) так как ветры влажные (з. и ю.-в.) стали дуть чаще и сухие восточные и северо-восточные реже, то количество атмосферного осадка увеличилось на 181 миллиметр (это увеличение выпавшей влаги меньше действительного, так как за январь и февраль 1872 г., как сказано, измерения не производились).

Таким образом, резких изменений в главных климатических условиях города Ставрополя за последнее четырехлетие, сравнительно с предыдущим, не произошло, и прежде чем вышеизложенным изменением частоты ветров и увеличением количества атмосферного осадка объяснять причину появления эпидемий в городе и увеличения вообще болезненности и смертности в последнем четырехлетии, нужно доказать следующие положения:

1) что этих колебаний атмосферических явлений не было прежде, в годы, когда не наблюдались в Ставрополе вообще эпидемии.

Доказать это, за неимением материала, невозможно. Да если бы это и можно было несомненно констатировать, то все-таки было бы смело поставить в связь развитие эпидемий и большой смертности в городе с изменением климата;

и 2) что в экономическом и социальном строе населения, а также в санитарном состоянии города не произошло никаких изменений, могущих хотя косвенно влиять на появление и распространение эпидемии. В пользу 2-го положения, надеюсь, можно найти некоторые указания в нашем труде.

Общее описание города Ставрополя

Город Ставрополь расположен на плоской возвышенности, которая переходит за пределы его лишь с юго-западной стороны, тогда как с других сторон возвышенность эта резко понижается непосредственно за городской чертою, переходя в долины, отделяющие ее от других возвышенностей. Общая же возвышенность местности есть терраса отрогов Кавказского хребта, понижающаяся с юга к северо-востоку. Таким образом, положение города резко нагорное; границами его служат: с севера — р. Ташла, с юга — р. Мамайка, а за нею степи и другие мелкие возвышенности, с северо-востока — долины, постепенно переходящие в обширные степи Ставропольской, а далее Астраханской губерний, с запада — Архиерейский лес и ряд плоскогорий. Это положение делает город одним из красивейших: почти с трех сторон открывается роскошная панорама возвышающихся друг над другом построек, утопающих весной и летом в зелени садов, так как

вряд ли найдется в городе, исключая центра его, хоть один дом, при котором не было бы сада или просто группы деревьев во дворе.

Особенно красив вид с северо-западной стороны, от монастыря на так называемое Подгорное предместье, представляющее собою крутой обрыв, по склону которого лепятся, возвышаясь друг над другом, здания и сады, круто увенчиваясь гребнем, на котором видно расположение больших зданий и храма Казанской Божией Матери, с высокою, красивой архитектуры, колокольнею. С этой стороны панорама города открывается уже верст за 15; с другой стороны, впечатление красоты положения усиливается, если стать на высшую точку города (подножие упомянутого собора): взгляд ласкается здесь не менее красивыми окрестностями, совмещающими в себе долины и холмы, и, теряясь в туманной дали, упирается в окружающие села: Михайловское, Надежду, Старомарьевское и Бешпагирское, причем последние два села отстоят более чем на 20—30 верст.

В административном отношении город разделяется на 4 полицейские части.

Первая часть занимает северную и северо-западную стороны города и, кроме того, заключает в пределах своих Заташлянское, Ташлянское, Подгорное предместье и группы[19]: Монастырскую, Архиерейскую, Ясеновскую, Апальковскую и Тер-Микеловскую. Местоположение этой части вообще неровное, холмистое, в предместьях своих несколько глубоких оврагов, по которым протекают реки 1 и 2 Ташла; берега последних круты, обрывисты, усажены садами и очень живописны. Местность начинает понижаться от Казанского собора, образуя довольно крутой склон, оканчивающийся площадью. На последней расположены улицы: Хоперская, 1, 2, 3 и 4 Станичные, 1, 2 и 3 Ясеновские и Казачья; затем — площадка ниже 4-й Станичной улицы опять понижается и, ограничиваясь оврагами речек, переходит в Заташлянское предместье, расположенное по склону 2-го холма, который, в свою очередь, возвышается у Скомороховых хуторов и Иоанно-Мариинского женского монастыря. Кроме 2-х церквей, в монастыре находятся множество келий и других хозяйственных принадлежностей обители, а также сад и лес, тянущийся по направлению склона холма к селу Михайловскому.

Таким образом, 1-я часть города в орографическом отношении представляет следующие особенности: исключая 4-х Станичных улиц, Хоперской и Казачьей, остальные (Ташлянское, Заташлянское, Подгорное предместье) расположены между двумя нагорными возвышенностями в долине речки Ташлы. Такое ограничение возвышенностями, в связи с нахождением в этой части города большинства заводов, обрабатывающих животные продукты и распространяющих зловоние, делает эту часть города крайне нездоровой в гигиеническом отношении. Воздух, портящийся от разложения и гниения твердых и жидких органических отбросков с заводов, постоянно насыщен массою влаги и миазмов, происходящих в застоях и затеках ручьев и речек; он не имеет природной вентиляции благодаря замкнутости пространства и как тяжелая, редко движущаяся масса постоянно висит в виде тумана, производя страшную сырость и значительную малярию, отчего контингент лихорадок у живущих здесь самый большой. В этой части города находится, кроме 2-х речек, и много прудов (не менее 30), которые содержатся крайне грязно и редко чистятся.

Улицы 1, 2, 3 и 4 Станичные, 1, 2 и 3 Ясеновские, Хоперская и Казачья довольно широки и сравнительно чисты. На 1-й Ясеновской улице находится шоссе, оканчивающееся площадью, на которой расположен бассейн ключевой воды Карабина; таковой же бассейн находится при слиянии улиц Хоперской, 1-й Станичной и 1-й Ясеновской, с разницею лишь в устройстве, так как последний бассейн устроен без водоема. На этой же площадке помещается красивая, своеобразного стиля армянская церковь. Улицы и переулки предместий и групп узки, кривы и крайне грязны.

Дома жителей позажиточней каменные, крытые железом, большею частью одноэтажные; у более же бедных деревянные или турлучные с соломенными крышами. При каждом доме большой двор и непременно сады, из которых очень много больших фруктовых.

Население этой части составляет бедный класс чиновников, служащих в разных присутственных местах, мещане и отставные солдаты, занимающиеся садоводством, огородничеством, разного рода ремеслами и поденной работой.

Вторая часть города есть лучшая и красивейшая по постройкам; расположена она по покатости, соединяющей верхнюю нагорную возвышенность, идущую с ю.-з., с нижней с.-в. равниной, которая оканчивается так называемою ярмарочною площадью.

Длина этой части около $2^{1}/_{2}$ версты, ширина около $^{1}/_{4}$ версты. Часть эта состоит из ровных, длинных улиц, расположенных параллельно длине города с з. на в. Лучшая во всех отношениях Большая улица, или Николаевский проспект, весьма широка, по краям вымощена плитами из кремнистого известняка, по средине местами шоссирована щебнем. Посреди этой улицы, по всему ее протяжению, тянется прекрасная тенистая (из акаций) аллея — городской бульвар, разделяя таким образом улицу на 2 части, правую и левую (в направлении покатости сверху вниз). На правой стороне улицы находится губернаторский дом и ряд больших зданий, верхние этажи которых заняты жителями (купцы, дворяне), нижние же — магазинами и лавками. (В месте соединения Николаевской улицы с следующею 2-ю улицею на площади красуется Троицкий собор). По левую сторону проспекта находятся также большие дома и здание Городской думы (в стиле немецкой ратуши), в коей помещаются городское управление и городской общественный банк.

Эта сторона улицы расширяется в площадь, продолжающуюся параллельно идущей улице нижнего базара. На этой площади находится, пред зданием думы, бассейн с фонтаном и открывается часть горы с большим, к сожалению, заброшенным парком, среди которого находится каменная терраса, образуя лестницу, ведущую к Казанскому собору. Кроме того, в других местах как Большая улица, так и бульвар еще прерываются небольшими площадками, на которых помещаются прекрасно устроенные бассейны. Южнее, параллельно Большой улице, тянется также красивая, большая, широкая 2-я, или Александровская, улица, в верхней части которой находится общественный сад (Бабина роща), устроенный бывшим наместником Воронцовым и носящий его название. Сад этот, служащий местом общественных гуляний и увеселений, имеет виноградник, цветник, ротондо и два пруда, не чистившихся более 10 лет, с зеленой и зловон-

ной водою. Пониже сада в переулке помещается больница приказа общественного призрения, сад которой прилегает к городскому саду. Параллельно левой стороне Большой улицы тянется, начинаясь площадью нижнего базара, грязная, хотя и местами шоссированная Поспеловская улица, ничем особенным не замечательная. Все перечисленные улицы пересекаются 2—3 переулками и оканчиваются ярмарочною площадью, по которой расположены до 100 деревянных построек — приспособлений ярмарочной торговли, 3—4 трактира и до 30 кузниц. На эту площадь выходят 4 Станичные улицы 1-й части, и основанием их является главное кладбище с храмом во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Вверху все улицы 2-й части ограничиваются поперечно идущей Театральной улицей (половина которой принадлежит 3-й части) со сплошными почти 2-этажными зданиями. На ней помещаются клуб, театр, Ольгинская женская гимназия и римско-католическая церковь. Перпендикулярно к этой улице идет небольшое продолжение Александровской улицы, оканчивающейся в 4-й части площадью верхнего базара; параллельно к последней идет продолжение левой стороны Большой улицы (без бульвара), где находятся все присутственные места, как то: казенная палата, казначейство, палата государственных имуществ, губернское правление, уездное полицейское управление, здание Александровской женской гимназии и др. Чрез площадку еще левее к Казанскому собору, на горе, расположены гауптвахта, интендантский склад и городская полиция, а ниже, к зданию думы, гостиный ряд, ныне пришедший в упадок. Как лучшая, часть эта, понятно, населена лучшими и богатейшими гражданами города и представляет центр торговой и административной жизни его.

Третья часть, заключающая в себе и группы Мамайскую, Мутнянскую, Аульную, Каменоломную, Карабинскую и Ново-Форштадтскую, занимает южную оконечность города. Начинаясь «Каменною ломкою» на западной стороне, часть эта оканчивается, сливаясь с хуторами селения Надежды, так что длина этой части самая большая, около 6 верст. Эта часть города расположена параллельно 2-й части по весьма холмистой поверхности, образуя то балки, то горные возвышенности (как в тех, так равно и в других имеются городские поселения). На этом пространстве в балках, довольно глубоких, протекают небольшие речки, а именно: с запада к востоку текут Желобянка, Мутнянка и Мамайка; с юго-западной же стороны к самому городу подходит лес. Вообще вся местность 3-й части обладает обширною роскошною растительностью, и потому редкий из жителей не имеет здесь сада или огорода, в особенности с коммерческою целью при своих обширных (по несколько иногда десятин) усадьбах.

Кроме имеющихся здесь вышеупомянутых речек, служащих преимущественно для поливки огородов, водопоя для скота и заводской промышленности, редкий из домохозяев не имеет во дворе колодца с более или менее годной для питья водой; в этой же части города находится и знаменитый Карабинский источник, снабжающий водой, как уже неоднократно упомянуто, через глиняные водопроводные трубы около $^{2}/_{3}$ остальной части города. Местность этого источника поистине дивная: вдали за огородом, на возвышенной площади, помещается густой тенистый сад, посреди которого находится здание, совмещающее 2 водоема; вода, лес и луга, комбинируясь в различных положениях, производят по своей живописной красоте на всякого наблюдателя чарующее впечатление, — только врач среди этой благодати усматривает и другие картины: обширные пруды в соседних садах, заваленные гниющими растениями, да кучи навоза и других органических остатков в дворах живущих здесь хуторян рождают малярию и ее выражение — интермиттент.

В этой части города расположены правильно широкие и длинные, идущие параллельно друг к другу и Николаевскому проспекту улицы: Барятинская, Мариинская и Ольгинская. К недостаткам последней улицы (заметим, кстати, самой лучшей в 3-й части города) нужно отнести находящийся на ней ров, именуемый городской канавой и устроенный с целью ската дождевой воды, но на деле служащий для жителей общей открытой помойной ямой; ров этот несколько раз дума пыталась закрыть, но безуспешно, ибо жалела, кажется, произвести капитальную затрату денег; засыпка же землей и навозом, не говоря уже о гигиеничности, была только паллиативна: при первом проливном дожде все это сносилось в ниже текущие реки Мутнянку и Желобовку. В последнее время ров этот немного поочистили, обложили камнем и, таким образом, превратили в городскую канаву, как сказано выше.

Кроме названных улиц, есть еще следующие: Нижнеслободская, Желобовская, Мутнянская, пересеченные 5 переулками и др.

Жителей в 3-й части города более $^{4}/_{5}$ мещане, притом давние или переселившиеся из разных губерний России и сел Ставропольской губернии в последние годы; далее небольшая часть отставных солдат, приписавшихся также в мещане; только жители Барятинской, Мариинской и Ольгинской улиц имеют в среде своей более или менее зажиточных, на других улицах преимущественно бедные, проживающие в домах, сложенных или из соломы с глиной, или из битого щебня (лома), и живущие исключительно заработками, доставляемыми огородами и садами. Сельские условия жизни резче выступают на вид в местности, именуемой Новым Форштадтом, так как это место заселилось лишь в последние годы выходцами сел других губерний, не успевшими еще опериться и принять на себя лоска горожан.

Четвертая часть находится на западной стороне города, занимая самую возвышенную обширную равнину, называемую Воробьевской, по имени впервые поселившегося здесь, лет 80 тому назад, однодворца Воробьева. Эта часть города заключает в себе и предместья: Старый Форштадт и часть Подгорной. 4-я часть начинается от дома командующего войсками большою Александровскою площадью и продолжением ее — площадью верхнего базара. Эти площади окружены со всех сторон зданиями и как бы отделяют 4-ю часть — этот относительно недавний новый город — от остальных его частей; правая, северная, сторона Александровской площади ограничена двумя гостиными рядами и другими постройками рынка, южная (левая) окружена красивыми зданиями мужской классической гимназии (пункт метеорологической станции) и женского

епархиального училища; на стороне, прилегающей ко 2-й части, находится юнкерское училище, а на противоположной — духовная семинария.

На западной стороне площадь эта продолжается в Воробьевскую и Гимназическую улицы, оканчивающиеся у самого Архиерейского леса. Параллельно Гимназической улице к югу идут 4 Форштадтские улицы, получившие после последней турецкой войны громкие названия: Карская, Плевновская, Батумская и Шипкинская и, кроме того, Невынномысская, Батальонная и Госпитальная, на которой находится здание военного госпиталя, когда-то образцовое на всем Кавказе; на этой же улице помещается главная гауптвахта и соляная контора. Все улицы с турецкими названиями[20] выходят на другую большую площадь, уже выходящую за черту города и оканчивающуюся тюремным замком, за которым начинается 3 часть города.

Жители 4-й части города по преимуществу отставные солдаты, главный промысел которых составляет, как и в 3-й части, садоводство и огородничество. Эта часть города населена относительно состоятельными (большею частью военными), хотя и тут иногда встречается население бедное, ничем не отличающееся от сельских обывателей губернии.

Из всех частей города 4-я, по моему мнению, самая лучшая в гигиеническом отношении, и если Ставрополю рок сулит порядочное будущее, то оно всецело будет принадлежать этой части: открытое местоположение, свободный доступ чистого воздуха, не заражаемый органическими отбросками, о которых мы говорили и скажем более в главе о фабриках и заводах, находящихся только в 1-й и 3-й части города, далее высокое положение и ровность местности, близость значительного водяного источника, широкие улицы — все это вместе, при возможном в будущем старании думы о чистоте и правильности улиц и построек, достаточно гарантируют гигиеническую доброкачественность этой части города. В заключении мы приводим XIV таблицу распределения улиц, площадей, зданий и др.

Гористое положение города делает его трудно сообщаемым с другими местностями Кавказа, пока нет шоссейных дорог, не говоря уже о железной, что имеет несомненное влияние на благосостояние города, так как промышленная жизнь его с каждым годом все более и более падает; упадок же промышленности, понятно, косвенно влияет на санитарную обстановку города.

Чтобы показать всю неприглядную сторону санитарного состояния города, остановимся несколько подробнее на описании улиц, дворов, помойных ям, мест общественных собраний, заводов и пр.[21]

Улицы, дворы, помойные ямы, общественные канавы, площади, отхожие места, способ и места для вывоза городских нечистот

Обозрение санитарного состояния улиц и переулков, сообразно описанию города, мы произведем также по частям административного его разделения.

Самыми лучшими в санитарном отношении являются улицы 2-й (центральной) части города, в которой, как видно из предыдущей таблицы, находится 14 улиц и 3 переулка. Улицы эти прямы, широки, имеют по обеим сторонам уклон для стока дождевой воды и по краям ограничены тротуарами из местного плитняка; местами посреди улиц замечаются остатки когда-то бывшего шоссе из щебня, местами же самородный плитняк; улицы покрыты в летнее время густым слоем пыли, образующейся от стирания плитняка. Значительный слой этой пыли, доходящий на Николаевском проспекте местами до 3-х вершков толщины, вздымаясь при ветре в сухое время, клубами несется по улицам, так как последние летом поливаются редко и лишь в некоторых только местах, что, конечно, не может не влиять вредно на здоровье жителей, пользующихся воздухом с примесью громадного количества пыли; этим, может быть, отчасти объясняется и множество случаев заболевания в летнее время конъюнктивитами и кератитами.

Улиц в 3-й части — 8, переулков — 7. Улицы этой части также довольно прямы, широки, но все, кроме Барятинской, немощеные, тротуаров здесь нет; в летнее время на средине этих улиц, особенно же переулков, большая часть которых узкая, вырастает сорная трава; осенью же и весной, вследствие дождей, образуется непроездная и непроходимая грязь. Кроме того, дождевая вода, скопляясь на улицах этой части, не имеющих боковых стоков, образует обширные и глубокие промоины (рытвины), служащие для жителей иногда местом для выбрасывания различного сора, падали животных (птиц) и других органических остатков, которые, разлагаясь, издают в летнее время сильное зловоние. При сильном проливном дожде эта гнилая вода с промоин со всякими нечистотами несется потоками с юго-запада к северо-востоку, по направлению склона улиц, к низлежащим частям предместий Мутнянки, Мамайки и Желобовки и вливается в протекающие здесь одноименные речки, заражая их и без того недоброкачественную воду.

Улицы 4-й части города (их 15) несколько лучше предыдущих: они очень широки, прямы, но также немощены, сообразно времени года покрыты или невылазною грязью, или таким же громадным слоем пыли, как и в других частях города.

Самыми плохими в гигиеническом отношении являются улицы первой части города, в особенности по склону к речке Ташле, в предместье Подгорном — этом ставропольском лабиринте, где улицы кривы, узки, не мощены и пересекаются шестью такими же извилистыми переулками. Сточных канав вовсе нет, и все нечистоты выбрасываются в такие же, как и на улицах 3-й части города, образованные дождем рытвины. Летом громадные камни из природного плитняка выстоят среди улиц и делают очень трудным проезд по ним. Осенью же и весной, вследствие сильной грязи, а зимой — снежных раскатов по ямам и оврагам, проезд окончательно невозможен и городские извозчики не соглашаются подчас ни за какие деньги везти туда, где экипажу грозит верная гибель; поэтому-то всякий врач, зная, какое видное положение занимает Подгорная в этиологии ставропольских вывихов и переломов, неохотно решается экспериментировать над выносливостью своего скелета и навещать больных этой части города. Четыре Станичные улицы, Ясеновская и Хоперская устроены относительно лучше; улицы Ташлянская и Заташлянская ничем не отличаются от улиц любой деревни: та же грязь весной и осенью, те же кучи гниющего навоза, падаль животных и ряд других нечистот летом.

Водосточные канавы существуют лишь в одной второй части города, да и здесь они устроены весьма плохо, не имеют правильного стока и иногда загрязняются всякими отбросками домашнего обихода: помои, внутренности птиц, падаль и т.п., — и весь этот балласт, разлагаясь, дает богатый материал для порчи воздуха. В особенности редко чистятся и весьма грязно содержатся открытые водосточные канавы по второй улице и около Архиерейского моста.

Указав недостатки улиц в гигиеническом отношении, следовало бы указать средства, как исправить эти недостатки, но труд этот считаю излишним: всем думским деятелям прекрасно известно, что следовало бы мостить все улицы, устроить хорошо и везде водосточные канавы и содержать их в надлежащей чистоте, что следовало бы в летние ночи сметать пыль с улиц, а днем поливать их все, а не исключительно пред некоторыми домами; что недурно бы ограничить это бесцеремонное выбрасывание в городские канавы всего ненужного хлама; не мешало бы устроить и общественные мочевики, ради избавления в летнее время от аммиачного запаха, раздающегося у всех угловых домов, — все это не раз уже было предложено, сообщено, указано полицией и нами, но благочестивые пожелания нередко остаются гласом вопиющего, только не в пустыне, а среди населенного города.

Ночное освещение производится посредством фотогенных ламп (в фонарях), и с этой стороны мы видим самую широкую эксплуатацию городской кассы антрепренером. Не говоря уже о том, что количества фонарей (всех 337) весьма недостаточно для известной улицы, — так на самой бойкой улице (Николаевском проспекте) расстояние между фонарями 50 сажень, а есть улицы, где расстояние около 100 сажень, — фонари эти горят не всю ночь, а зажигаются весьма поздно и тушатся далеко до зари (около трех часов ночи); яркость каждой фотогенной лампы (размер фитиля по контракту с антрепренером 10 линий) уменьшается еще более оттого, что свет, ради экономии, пускается весьма незначительный, так что лампы едва освещают фонарные столбы и не более четырех саженей вокруг. В летние (хотя бы только de jure) лунные вечера, если даже тучи заволокли все небо и шел бы проливной дождь, фонари не горят.

Площади. Больших площадей в различных частях города 5. Из них 3 содержатся относительно чисто (хотя не мощены) и кругом обсажены деревьями. Две же другие площади, имеющие значение как места собрания множества людей, содержатся крайне грязно, а именно: Александровская площадь, находящаяся на верхнем базаре, среди весьма населенной местности и окруженная зданиями, в которых почти все учебные заведения города с множеством учащихся; здания эти суть духовная семинария, мужская гимназия, казачье юнкерское училище и женское епархиальное училище. Скученность учащихся тем самым требует большого количества чистого окружающего воздуха, между тем площадь эта (несколько углубленная в середине) содержится весьма грязно, так как сюда съезжаются два раза в неделю более чем по 200 крестьянских подвод; конечно, после базарных дней остается на этой площади масса навоза, который редко убирается, несмотря на то, что городской управой установлен трехкопеечный сбор с каждого воза; специальное назначение этого сбора для очищения площади после базарных дней, тем не менее чистится эта площадь очень и очень нечасто, хотя сумма трехкопеечного сбора достигает 2-х тысяч руб. в год. Понятно, что воздух на этой площади иногда удушлив и тяжел.

В последнее время дума, дабы дать сток нечистотам с площади, обрыла ее с трех сторон широкой канавой, но это приспособление ни с технической, ни с гигиенической стороны не может считаться целесообразным, ибо редко очищающаяся канава во время дождей наполняется гнилой водой и органическими остатками, не имея правильного стока в ниже лежащие части, да если бы такой и был, то канава снабжала бы только остальные части города гнилью и вонью при отсутствии целесообразно устроенных городских канав в других частях. Таким образом, эта открытая канализация, как устроенная в одной местности, не приносит пользы, а только вред.

Другая площадь — Ярмарочная — находится в восточной части города. Три раза в год сюда съезжаются со всех концов губернии жители на осеннюю и весеннюю ярмарки. Масса остающихся нечистот по окончании ярмарок и вывозимые недалеко от этой площади экскременты гниют и заражают воздух, так что летом, во время жаров, площадь становится непроходимой вследствие сильного зловония.

Помойные ямы. Даже в центре города половина дворов не имеет помойных ям, в периферии же ямы эти встречаются в виде редкого исключения; там, где они существуют, просто «вырыта заступом яма глубокая», куда сваливаются все жидкие и твердые кухонные отбросы. Изредка ямы эти выложены плитняком и на поверхности устроена жестяная сетка, разделяющая твердые и жидкие нечистоты, причем жидкие части стекают в нижний резервуар, а оттуда по сточной, большей частью весьма узкой канаве идут или в общую городскую канаву, или (там, где ее нет) в соседний двор, или, наконец, просто на улицу. Чаще, однако, ямы ничем не выложены и разделения на жидкие и твердые части помоев не существует. Вообще редко можно встретить помойную яму, которая была бы хорошо цементирована и чистилась бы часто, не говоря уже о дезинфекции ее. Там, где нет сточных канав, жидкие нечистоты просачиваются в почву,[22] заражая ее и близлежащие колодцы; если же где и чистятся эти ямы, то никогда не дезинфицируются, и потому, после очистки, стены и дно ямы только увеличивают испаряющую зловонные газы поверхность. Чтобы не быть голословным, мы опишем устройство помойной ямы во дворе дома С... на Александровской, весьма населенной улице, тем более что устройство этой ямы (и гигиеническая обстановка двора) может служить типом многих других помойных ям. Яма эта неглубокая, находится на дворе у восточной стены здания; железная сетка на ее поверхности служит для разделения твердых и жидких частей; последние по сточной, имеющей весьма небольшое падение канаве текут к северной части двора и далее направляются на поверхность соседних ниже лежащих дворов домовладельцев З.Е. и Н. В эту же канаву выбрасываются различные остатки, образующиеся от содержания во дворе свиней и боя их (во дворе находится колбасное и пивоваренное

заведение). Насколько вредно влияют эти нечистоты на органическую жизнь вообще, можно судить по тому, что деревья в соседнем саду Г.Е. засохли и роскошный пруд (когда-то со множеством рыбы) превратился в гниющее болото, — словом, вместо прежнего тенистого фруктового сада теперь имеется пустопорожнее место, заваленное всякими нечистотами и издающее летом зловоние.

Неоднократно «особой комиссией», свидетельствовавшей этот двор, при участии врача, предлагался ряд целесообразных мер, напр., устройство двух резервуаров, разделенных между собой фильтром из толстого слоя камыша и угля, дабы жидкие нечистоты, проходя сквозь этот слой, очищались; но все эти фильтры хороши, если они часто меняются, а резервуары чистятся, устроенные же, вследствие требования полиции, во дворе С... резервуары не чистятся и потому сами стали источником заражения почвы и воздуха.

Конечно, полное отсутствие помойных ям, выбрасывание и выливание нечистот прямо во двор (как в периферии города) гораздо менее должно считаться вредным в гигиеническом отношении, чем устройство вечно зловонного очага среди самой населенной части города.

Дворы. Если некоторые дворы и мощены плитняком, то камни расположены крайне неправильно, с промежутками, с углублениями и возвышениями; обыкновенно же дворы не мостятся и содержатся крайне грязно; хоть редко, но встречаются дворы, в которых масса навоза и мусора, сваливаемого обыкновенно в углах дворов, далее падаль животных, экскременты и т.д. Величина дворов, сравнительно с числом жителей, живущих во дворах, весьма незначительна; в центральной части города, например, в доме Щ., имеющем длину не более 13 саженей и в ширину $2^1/_2$, живет 22 еврейских семейства, состоящих из 85 взрослых, 123 детей; кроме того, в этом же дворе — одна еврейская школа, куда собираются дети утром. Двор этот, как и все соседние еврейские дворы, содержится весьма грязно, не имея помойной ямы и сточной канавы; помои, мыльная вода, экскременты и т.п., иногда все это выбрасывается на поверхность двора, который к тому же служит еще местом детских игр. Понятно, такой небольшой двор при скученности населения, не имея хорошей естественной вентиляции, вследствие высоких соседних домов, при массе гниющих органических остатков во дворе, представляет скорее клоаку нечистот, чем резервуар чистого воздуха, каким должен быть всякий двор.

Я не стану долго останавливаться на описании санитарного состояния отдельных дворов, упомяну только, что двор одного из богатых домовладельцев был настолько занавожен, что, когда полиция принудила очистить домовладельца двор, рабочие были едва наняты за 120 руб. Эти факты могут показаться слишком мелкими и не стоящими описания, но они были бы таковыми, если бы это явление не было общею принадлежностью многих дворов. Санитарное состояние дворов в периферии города ничем не отличается от дворов любой деревни: те же базы для загона скота, склады навоза для выделки кизяка и т.д. Дворников, поддерживающих чистоту, нет и в трех десятках дворов города.

Отхожие места. В периферии города отхожих мест не строят, а нужды отправляются на дворе, в огородах, садах; впрочем, некоторые дома и в центре города не имеют отхожих мест, и вследствие этого в этих дворах встречаются экскременты; таковы в особенности места жительства бедных еврейских семейств. Большинство центральных дворов хотя и имеют отхожие места, но устраиваются они самым примитивным образом, по системе выгребных ям: ямы обыкновенно довольно глубоки, не цементированы, весьма редко чистятся и никогда не дезинфицируются; досчатые будки тесны, большею частью стары и едва защищают от дождя.

В 1879 г. при осмотре мной всех отхожих мест города деревянные полы, там, где они есть, оказались стары, пропитаны мочою, издавали острый аммиачный запах; некоторые отхожие места никогда не чистились (а многие не чистились по 15—20 лет) и были переполнены экскрементами. Расстояние от колодцев, из которых употребляли воду, во многих дворах не превышало и двух метров. Понятно, что при этих условиях экскременты просачиваются в почву, заражают ее и близлежащие колодцы. Насколько это просачивание сильно, можно судить по тому факту, что мы видели отхожие места, которые со дня устройства не чистились (около трех лет) и количество попадающих туда экскрементов должно было бы переполнить небольшие ямы, однако экскрементов было весьма немного — все они просачивались в почву; вообще, по отзыву многих хозяев, отхожие места в первый год их устройства редко чистятся. Кроме того, благодаря отсутствию дезинфекции и плохо устроенным навесам, испарение с экскрементов и заражение воздуха в летнее время весьма значительно. Во многих дворах отхожие места находятся рядом с жилыми помещениями и, не говоря уже о проникании вредных газов в последние, нечистоты эти впитываются в стены здания, которые становятся вечным источником, распространяющим зловоние; так, например, в Европейском переулке, в доме под № 2, высокая стена, на протяжении 7 метров вышины и $3\ ^1/_2$ ширины, вся пропитана экскрементами и в летнее время издает сильное зловоние. Что касается способа вывоза нечистот, то он так же допотопен, как и устройство отхожих мест: вывозят нечистоты обыкновенно в теплое время года в простых, не смоленых и не закрывающихся герметически бочках, и эта операция производится нередко с 11 часов вечера. Часто гуляющим приходится быть свидетелями, как медленно, вереницею тянутся по улицам города эти зловонные бочки с исхудалыми клячами; убийственно тяжелый и зловонный воздух в летнее время проникает и через растворенные окна любителей свежего воздуха.

Мне не известно, чем руководились при указании мест вывоза нечистот на восточную, юго-восточную и западную окраины города, т.е. за Тифлисскими воротами к Полковничьему яру и сейчас за Воробьевкой, по окончании жилых строений и несколько других (смотри план города); в таком выборе мест нет даже и экономических соображений в смысле удобрения полей, ибо эти места редко возделываются (да наша земля еще не нуждается в таком искусственном удобрении), в гигиеническом же отношении это вредно, ибо, при господствующих юго-восточных и западных ветрах, зловонные испарения приносятся ими обратно в город. Гораздо было бы целесообразнее вывозить экскременты в северные и южные окраины, подальше от городской черты, тем более что со временем, с ис-

тощением почвы, экскременты пригодились бы как удобрительный материал для множества огородов, находящихся в этих частях города. Канализации города не существует, — чему нельзя, впрочем, не порадоваться, ибо у нас и без того весьма много источников, заражающих почву и воду.

Я не описываю устройства подвижных бочек и ватерклозетов, находящихся у некоторых, известных чуть ли не наперечет домовладельцев.

Места общественных собраний в санитарном отношении

Из краткого исторического обзора жизнедеятельности Ставрополя мы видели, что город этот возник как центр чисто русского движения, что этот русский характер его не был почти извращен примесями чужестранного элемента в дальнейшей жизни, и потому понятно, что характерные особенности и недостатки в гигиеническом отношении мест общественных собраний принадлежат в равной мере и Ставрополю: грязь, теснота и отвратительная вода в общественных банях, недостаток света и воздуха в ночлежных домах, теснота, давка и грязь в харчевнях и трактирах, отсутствие вентиляции и недостаток вообще гигиенических приспособлений в клубах, гостиницах, церквах, театре и других местах общественных собраний. Все, как нарочно, приспособлено к возможности заболевания населения, и понятно, что больных в городе, как увидим ниже, очень много.

Постоялые и ночлежные дома. Уже само понятие слов «постоялый двор», «ночлежный дом» дает ясное представление о существе дела. Невольно зарождается мысль о том, что это суть убежища разнокалиберного мелкого люда, ищущего притона и отдыха или после всевозможных дорожных передряг, или изнурения поденной работой в городе, и эта мысль сама собой создает картину неприглядного существования человека. Если обыкновенные постройки жилищ людей относительно достаточных, приспособленные к малому числу лиц, к постоянному их пребыванию, являются неудовлетворяющими условиям нормальной жизни, то, понятно, чего можно ожидать от домов, куда стекаются лишь на время люди, ничем не связанные с этим определенным местом, люди нищеты и бедствий.

Литература (беллетристика), нисходя до обзора этих мрачных закоулков, подчас ярко очерчивает всю неприглядную сторону бытия, обрисовывая черными красками нравственный облик горемычного бедного люда; она разбирает условия, как создаются отвратительные типичные черты характеров, низводящие личность человека до степени животного и как бы подсказывает: «смотрите и бойтесь — вот продукт ваших ненормальных условий жизни»; но ей (литературе) нет дела до рассмотрения всех этих ненормальных условий, она их ищет главным образом в духовной сфере человека, а между тем эта-то духовная сфера в своих бесчисленных вариантах от добродетели к пороку прямо пропорциональна состоянию тела. «Mens sana in corpore sano» — древнее изречение, но оно в наше время, более чем когда либо, должно иметь значение, ибо мы знаем почти все условия, которые необходимы для того, чтобы тело наше было здорово. Если современные требования гигиены предписывают, имея в виду улучшение народного здравия, павильонную систему построек вообще и общественных учреждений в частности (госпитали, тюрьмы и т.д.), то тем курьезнее, тем парадоксальнее выступают на вид существования этих ночлежных домов, где ни одно из примитивных требований гигиены в большинстве случаев не выполняется.

Сознавая вполне роковую необходимость разъединения бедных людей в их жилищах, наиболее просвещенные страны, Франция и Англия, давно уже озабочиваются отдельными узаконениями относительно жилья; так в Лондоне, дом, в котором живет более одного семейства, должен быть записан в полицию, как наемный дом, который признается таковым лишь после специального исследования по отношению емкости (до 300 куб. ф. пространства на взрослого человека), чистоты и других условий и затем определяется число жильцов.[23]

В России же жизнь наших больших городов имеет в подобных местах (ночлежных домах) свою мрачную летопись, неизгладимые пока темные пятна; чем меньше города и чем лучше условия жизни населения, тем менее этих нор и трущоб. Если же последние кое-где и попадаются в провинциальных городах, то они своей грязью и сыростью не уступят любому столичному притону подобного рода.

В городе Ставрополе, как видно из таблицы XV, сравнительно немного «ces pauvres coins inconnus» (maximum 350 мест для всего кочующего населения) и значение их в городской жизни то же, т.е. что и те и другие бывают переполнены людьми: постоялые дворы — приезжающими в город на ярмарки и базары, а ночлежные дома — городскими рабочими, нищими и, главным образом, той частью населения, которая приобрела местное характеристическое название «голой и босой команды».

Ночлежные дома. За все время своей службы я неоднократно, почти ежемесячно, обходил эти постоялые дворы и особенно ночлежные дома. Я посещал их и зимой, после полуночи, когда собрались уже все, могущие прийти ночевать; говорю не без умысла «могущие прийти», ибо в городе нередко можно встретить людей, ночующих в городских садах или где-нибудь под забором, а иногда и, никем не замечаемые, на крыльце какого-нибудь домовладельца. Люди эти, пролетарии в полном смысле слова, не имеют возможности даже заплатить за ночлег.

Тяжелое, грустное впечатление производит осмотр таких приютов ночлега, особенно поздно ночью зимой: люди битком набиты в небольшой сырой и грязной подвальной комнате; на печах, окнах, нарах и под нарами — везде лежат, плотно прижавшись друг к другу, без различия пола, возраста и семейного состояния. Слабый свет сального огарка, распространяющий копоть и вонь, еле мерцает в удушливой сырой атмосфере, освещая темно-желтым оттенком изнуренные, хилые лица, придавая им зловещее выражение. Но вот в полночь этот огарок затушен и тут начинается ряд весьма разнообразных сцен, начиная от нежного излияния чувств до взаимного обкрадывания. Обкрадывают обыкновенно таких же голых и босых, как они сами, и редко поиски какого-либо ночного туриста увенчиваются успехом, ибо они совершают-

ся ночью в карманах людей, которые и сами, даже днем, не могут, при всем старании, отыскать что-либо годное на пропой. Итог — ссора, драки, а на другой день, израненные, избитые, эти парии бегут к врачу с просьбой освидетельствовать нанесенные в ночлежном доме побои.

Возмутительно видеть (к счастью, это бывает редко) среди этих ночлежников детей от 8—10 летнего возраста, которые, находясь постоянно в компании голодных, безродных, воров и разбойников, сами теряют в раннем детстве вместе с нравственностью и здоровье: бледные, хилые, они рано становятся жертвой всех эпидемических болезней в городе. Воздух в домах этих, при отсутствии вентиляции, удушливый и зловонный, не редко за ночь, как видно из таблицы, на каждого едва приходится два кубических метра, и удивляешься, как люди, проводящие в этой убийственной атмосфере 9—10 часов, к утру не задыхаются. Отхожих мест в некоторых ночлежных домах нет, или, весьма грязно содержимые, они находятся вдали от ночлежной комнаты, а потому иногда нужды отправляются тут же в комнатах, в коридорах, на окнах.

Состоятельный класс населения с презрением смотрит на все эти притоны нищеты, разврата и кочующего населения, и никто не поднимает вопроса об улучшении если не быта, то хоть бы приюта для этих бедняков. Есть ведь у нас пустые лавки (гостиные ряды, в которых когда-то кипела торговля); нехитрые и недорогие приспособления сделали бы эти дома обитаемыми; устройство нар, печей и окон не обошлось бы дороже 200—300 руб., а на наем лавок и прислуги, отопление и освещение с избытком хватило бы и суммы тех пятаков, которые собираются с посетителей. Причем необходимо обязательное городовое постановление об известном числе людей, могущих ночевать в одном помещении (что могла бы выяснить врачебная управа), с установлением штрафов, если бы при проверке оказалось больше нормы людей, штрафа, который заставил бы эксплуатирующих заведение отказываться от впускания лишних экземпляров. Да наконец, городская управа пока еще не обращает внимание на улучшение ночлежных домов и этот «вопиющий вопрос» вместе с многими такими же вопросами, как увидим ниже, ждет (?) своего решения в отдаленном будущем.[24]

Постоялые дворы. Первое, что бросается в глаза на постоялых дворах, это грязные дворы, кучи гниющего, редко вывозимого навоза, лужи скопившейся мочи с остро-пронзительным аммиачным запахом. Отхожих мест в постоялых дворах или вовсе нет, или они, плохо устроенные, переполнены экскрементами и редко чистятся.

В особенности грязно содержатся постоялые дворы на Поспеловской улице № 2 и 24. Через последний двор проходит открытая городская канава, по которой текут всякие нечистоты, и в эту же канаву выбрасывается падаль животных; навоз не только никогда не вывозится, но, наоборот, свозится сюда со многих других постоялых дворов, так как содержательница этого двора занимается в то же время выделкой и продажей кизяка.

При постоялом дворе № 36 существует обширный задний двор (баз), куда в осеннюю ярмарку многие из приезжающих загоняют скот, и потому двор этот тоже переполнен навозом. Описывать грязь, навоз, отсутствие отхожих мест или кое-какое приспособление, так именующееся, в каждом дворе считаю излишним; в выше приведенной таблице приведены некоторые наблюдения во время обхода дворов. Вообще можно сказать, что большинство постоялых дворов служит источником для заражения почвы, воды и воздуха.

Гигиеническая обстановка комнат, в которых проводят ночь приезжающие крестьяне, в некоторых дворах относительно хороша: комнаты чисты, сухи, с деревянным полом, с достаточным количеством света, но так как постоялых дворов в городе, сравнительно с потребностью в них, очень мало, то все они нередко, в особенности в ярмарочное время и накануне базарных дней, переполнены людьми и количество воздуха, приходящееся на каждого, понятно, не отвечает даже самым скромным требованиям гигиены.

Бани. В Ставрополе общественных бань 5, так что одна баня приходится более чем на 6000 человек. Конечно, число бань было бы вполне достаточно, принимая во внимание возможность ежедневной топки и существования до 120 (по сведениям однодневной переписи 1872 г.) домовых бань при учебных заведениях и при домах частных домовладельцев; но общественные бани топятся лишь два раза в неделю, размеры каждой из них весьма малы, а потому становится ясным, что числа торговых бань в городе очень недостаточно, даже при условии пользования ими половины городского населения; благодаря этой недостаточности, в банях, особенно в простонародных, бывает такая толкотня, давка, грязь, нечистота и испорченный воздух, что трудно, не видавши, составить себе понятие, — не знаешь, чему удивляться: тому ли, как решаются ходить туда люди, или же тому, как они выходят оттуда здоровыми (?) и не задыхаются.

Я ограничусь описанием санитарного состояния персидской бани, находящейся в Европейском переулке, так как по ней можно составить приблизительное понятие о санитарном состоянии вообще всех городских бань.

Персидская баня. Персидской она называется потому только, что содержатель бани, а также все банщики — персияне. Баня эта состоит из одного общего мужского, одного женского отделений и одного номера. Мужская[25] раздевальная с сырыми грязными стенами, потолком и полом; вентиляции нет, и лишь через открываемые постоянно входные двери врывается струя чистого воздуха, обдавая холодом раздевающихся или вышедших из парильной. Отапливается раздевальная железной печью, и то непостоянно, а потому температура воздуха колеблется от +26 градусов до +10, смотря по температуре внешнего воздуха. Простыни, которыми закрывают лавки, щетки, гребенки, весьма грязны и сальны.

Раздевальная ведет в мыльную с холодным, устланным каменными плитами полом и не менее грязными стенами и окнами, в которых к тому же стекла иногда разбиты, рамы стары и гнилы; три длинные лавки для сидения ветхи, грязны, под ними почти постоянно (даже в дни, когда баня не топится) стоят грязные, мыльные лужи. Шайки грязны и стары. В небольшой темной парильной — единственное окно с такой же рамой и разбитыми стеклами, как и в мыльной. При входе в одном из углов замечается наваленная груда камней, раскаливаемых при топке и служащих для добывания

пара, в другом углу — полки для обмывания и парения. Полки эти почти постоянно покрыты слизью, состоящей из мыльной пены, эпидермиса, волос и грязи. Обстановка номера еще хуже: вход в него идет через узкий, постоянно мокрый и скользкий мостик, раскинутый над небольшим прудом, служащим резервуаром воды для бани, и нужно быть осторожным, дабы не упасть в пруд подчас с возможностью утонуть в нем. В раздевальной номера стоит печь с вмазанным в ней котлом для нагревания воды; вдоль стены же короткая, узкая, весьма грязно содержимая лавка, на которой едва в состоянии поместиться два человека. Печь занимает более половины раздевальной, в которой температура доходит до 35 градусов. Мыльная (парильной нет), в которой устроен наподобие персидских бань бассейн четырехугольной формы, не отапливается, а теплота проникает туда из раздевальной, вследствие чего стены сыры и пол холоден. Теплая вода пускается в бассейн по желобку из крана и меняется относительно редко, чаще же при новых посетителях только прибавляется около 2-3 ведер новой горячей воды; от этого вода бассейна постоянно грязная и заставляет посетителей избегать купания в этой грязной луже, что хозяином бани объясняется «нелюбовью» русских к персидским баням.

Вода для бани получается из пруда, находящегося во дворе больницы; источником этого пруда служат вышерасположенные пруды Воронцовского сада, а также дождевая вода. Кажется, без химического анализа, по одному виду этого пруда, находящегося, к сожалению, среди больничного двора, со множеством гниющих в нем веществ и просачивающихся нечистот из соседних отхожих мест, не трудно прийти к заключению о положительном вреде воды этого пруда.

В гигиеническом отношении интересен способ мытья, практикуемый персидскими банщиками: до предварительного обливания водой банщик, обыкновенно, туземцу предлагает «таро», т.е. смазывание мест, покрытых волосами, кроме головы и лица (подмышечную, лобковую область, промежность, грудь и т.д.) грязью, состоящею, кажется, преимущественно из щелочей и щелочных земель (грязь эта привозится из Персии). Намазываются густым слоем этой грязи вышесказанные места и по истечении 5-8 минут волоса у корней легко отделяются, что, вероятно, неоднократно наблюдали и тифлисские врачи. Эта операция повторяется через два-три месяца, так как с сохраняемым корнем волос они вырастают вновь. При более продолжительном прикосновении кожи с этой грязью начинает растворяться уже эпидермис кожи, и я наблюдал в Ставрополе острые экцематозные поражения кожи, происшедшие этим путем (чаще экзему мошонки), хотя при опытности банщиков эти случаи вообще редки.

При обмытии тела от этой грязи банщик приступает к разминанию. Разминание начинает с нижних конечностей, далее переходит к верхним, к спине, к животу, к шее, к лицу. При разминании спины банщик становится на посетителя, который лежит на груди и животе, всей своей тяжестью, опираясь руками на плечи, причем скользит по спине, начиная от нижних углов лопатки до поясницы и обратно. При разминании верхних конечностей, боковых частей груди, живота и т.д. употребляет круговое разминание члена, постепенное поглаживание от периферии к центру, поколачивание полной или полой рукой. Говоря короче, персидские банщики в Ставрополе употребляют почти все приемы, хотя и без определенного показания, какие употребляются в обыкновенном врачебном массаже, т.е. massage á friction, pétrisage, tapotement simple, t. á l`air comprimé et cet. Разминание это, по мнению банщиков, значительно укрепляет организм и излечивает болезни мышц и костей.

По окончании разминания банщик вытирает посетителя надеваемой на кисть правой руки «кисой» (род рукавицы из персидской ковровой материи). При довольно сильном натирании без мыла с кожи, действительно, отделяется грязь местами с эпидермисом, — так вытирается вся поверхность тела. Последняя особенность мытья персидских банщиков состоит в способе образования мыльной пены: для этого употребляется продолговатый из миткаля 4-угольный мешок («липа»). Мешок этот банщик предварительно хорошо намыливает и, слегка смочив горячей водой, вдувает туда воздух, который, проходя сквозь поры миткаля (чему способствует банщик постепенным надавливанием), образует обильную мыльную пену.[26] Таким образом, натирание мыльной мочалкой, практикуемое русскими банщиками, персиянами разделяется на натирание предварительно «кисой» и последовательное намыливание «липой».

Имея в виду, что санитарное состояние остальных торговых бань ничуть не лучше описанной персидской, мы заключаем, что ставропольские бани не удовлетворяют основным назначениям бань вообще: 1) как средства для чистоты и опрятности, так и 2) медицинского пособия. Трудно вообще утверждать, чтобы простолюдин выходил из грязных бань чище, чем он туда вошел. Что касается до значения бань в медицинском отношении (бани, как известно, для бедных жителей города считаются хорошим средством для лечения хронических суставных и мышечных ревматизмов), то и в этом отношении наши бани, с холодными полами раздевальной и мыльной, с резкими колебаниями температуры в различных местах одной и той же комнаты и т.д., скорее вредят и вызывают ревматические страдания, чем излечивают их, и, конечно, врачи города видели случаи острого и хронического воспаления суставов, этиологически связанные с купанием в наших банях.

Заводы в санитарном отношении

Между городскими промыслами важное место занимает промышленность продуктивная, главным образом, заводская. В настоящей главе я опишу заводы, обрабатывающие животные продукты (кожевенные, мыловаренные, салотопленные, клееваренные и т.п.) и коснусь несколько подробнее самой техники обработки их; из рассмотрения ее само собой выяснится и тот вред, который приносят заводы здоровью жителей города Ставрополя; при этом заводы эти будут описаны настолько, насколько они способствуют порче воды, воздуха и почвы, не касаясь гигиенической обстановки рабочих, болезненности между ними, смертности.[27]

Врачи-гигиенисты, излагая болезни рабочих, обыкновенно говорят, что обработка продуктов жи-

вотного царства не вредит здоровью рабочих, что «кожевники, клеевары, живодеры, мясники и рабочие на мыловаренных заводах, несмотря на постоянное вдыхание гнилостных и зловонных газов, в общем пользуются цветущим здоровьем и что средняя продолжительность жизни их равна 56—61 году».[28] Таким образом, на заводы нужно смотреть, по-видимому, как на явление отрадное, увеличивающее обыкновенную среднюю продолжительность жизни и как бы способствующее оздоровлению рабочих.

Но если зловонные газы, развивающиеся при обработке сырых животных материалов, считаются безвредными для здоровья рабочих, то отсюда, конечно, не следует, что заводы эти в районе своей деятельности не могут вредить здоровью жителей другим путем. Мы думаем, что жидкие отстои от животных тканей, шерсть, внутренности животных и экскременты их (так как, кроме скотобоен, бой скота производится также и при салотопенных, мыловаренных и сыромятно-шубных заводах), выбрасываемые около заводов, разлагаясь под влиянием влаги и теплоты, заражают путем просачивания почву и воду близлежащих колодцев и речек, а вследствие испарения, под влиянием той же теплоты, портят и окружающий воздух. При описании города было сказано, что большинство заводов расположено в первой части города, в долине реки Ташлы, в местности низкой, не имеющей естественной природной вентиляции, и потому все эти зловредные испарения не рассеиваются и стоят густым туманом в долине Ташлы; эту порчу воздуха в связи с засорением почвы и воды нужно считать главной причиной, почему первая часть города Ставрополя всегда являлась очагом эпидемических болезней. В самом деле, не простое же случайное совпадение следующих обстоятельств: эпидемия холеры в 1847 г., по свидетельству старожилов, особенно была сильна в первой части города; эпидемия тифа в 1865 г.[29] началась в этой части города и была там особенно экстензивна, холера в 1873 году выхватывала больше жертв из первой части города; эпидемии оспы, кори, скарлатины начинались отсюда почти всегда и редко с других частей города.

Приведенных фактов нам кажется достаточно, чтобы сказать, что засорение почвы и воды имеет, coeteris paribus, некоторое влияние на появление эпидемических болезней. Конечно, одного засорения органическими остатками само собою недостаточно для зарождения эпидемических болезней, но, при существовании этих благоприятных внешних условий, достаточно бывает заноса одного случая, чтобы вызвать тяжелую эпидемию (Либермейстер[30]).

Кроме этого острого отравления (путем эпидемии) общественного организма, мы наблюдаем еще хроническое и имеем несомненные доказательства, что вообще болезненность среди жителей 1-й части города гораздо сильнее, чем, например, в 4-й, и подобные сравнительно-статистические данные приведем в главе о болезненности и там же оценим цифры. Теперь перейдем к описанию этих заводов и производства в них, заранее попросив извинения у читателей за некоторые, может быть, излишние, подробности.

На вред для здоровья городских обывателей от помещения заводов и фабрик примитивного устройства среди населенных мест уже давно обращала внимание ставропольская городская администрация. В 1867 г. губернское правление своим постановлением определило: 1) новых заводов в центре города не строить, 2) значительных поправок существующих заводов не производить, дабы, когда таковые придут в ветхость, переносить их за черту города, 3) обязать хозяев заводов устроить особые бассейны для мочки и промывания кож, 4) устроить при заводах, развевающих зловонные газы, высокие трубы, отводящие эти газы в верхние слои атмосферы, и т.д.[31] На немногих заводах исполнены были эти легальные требования власти, но большинство заводов и до сих пор функционирует среди самых населенных мест, не имеет отводных труб и бассейнов для мочки кож. Кроме того, благодаря недостаточности полицейского надзора, производились не только поправки существующих заводов, но были выстроены даже в центре города новые заводы с такой же гигиенической обстановкой, как и старые. Крайний срок для прихода в ветхость заводов для самых устойчивых из них определен 1878 г., и потому в этом году «особая комиссия», под председательством губернского врача Зелинского, свидетельствовала заводы в санитарном отношении и составила весьма обстоятельный доклад, с изложением целого ряда необходимых целесообразных мероприятий.[32] Прошло около 3-х лет со времени последнего освидетельствования заводов, но видно, комиссия сама по себе, а заводы тоже сами по себе; первая констатирует факты зловония и порчи почвы и воды, а вторые дают материалы для донесений, рапортов относительно смрада и чада, развеваемых заводами, загрязнения воды и засорения почвы. Насколько нам известно, благодаря постановлению комиссии и настоянию полиции, пока переносится за городскую черту только завод М.; остальные же заводы, как сказано, продолжают действовать по-прежнему, и даже построены новые заводы в местностях, которые считаются самыми населенными (мыловаренный завод Г. на верхнем базаре).

Заводы, обрабатывающие животные продукты, устраивались в Ставрополе с 1810 г., и вначале они строились по периферии города, чтобы все органические остатки могли удобно выбрасываться недалеко от фабрик и заводов, не причиняя вреда здоровью жителей; понятно, что с увеличением городского населения, а следовательно и построек, заводы становились все ближе и ближе к жилым помещениям и наконец стали почти в центре их.

Заводы, выделывающие овчины. Заводов, выделывающих овчины, три, все они находятся в первой части города. Кроме выделки овчин, при этих заводах производится и бой овец, причем остатки от боя (кровь, внутренности, экскременты, рога и др.) выбрасываются тут же поблизости.

Техника обработки овчин следующая: сырые овчины предварительно вымачиваются в воде в течение 1—5 суток, для чего на заводе М. иногда делается запруда овчинами же в речке Ташле; на других заводах мочка производится в прудах или особом бассейне. Далее овчины кладутся для кваски в чаны, содержащие воду с примесью золы и ржаной муки; кваска эта совершается в летнее и осеннее время в течение 15—25 дней. После кваски овчины или перекладываются в другие чаны для вторичной кваски (к воде вторых чанов примешана зола, ржаная мука и серная кислота), или же прямо просушиваются на открытом воздухе. Запах, распространяемый чанами, в высшей степени зловонный и удушливый. Негодные отстои от кож наравне с твердыми остатками выливаются тут же около заводов. На заводе М. жид-

кие отстои выливаются по склону к речке Ташле, затопляя соседние огороды и заражая воду р. Ташлы. Кроме того, на этом заводе масса выброшенной шерсти, начиная с основания завода (с 1833 г.), образовала по склону р. Ташлы кучу вышиной более 3 аршин. Жалобы соседних жителей летом на зловоние, исходящее из завода, ежедневны. Такое же зловоние и на заводе для выделки овчин Р., двор которого завален всякими отбросками и нечистотами.

Способ обработки кож 6-ю находящимися исключительно в 1-й и 3-й части города кожевенными заводами немногим отличается от выделки сыромятных овчин: сырые кожи, предварительно вымоченные в воде (в немногих заводах в особо устроенных бассейнах около речек, в других прямо в р. Ташле), кладутся в большие резервуары (зольники), наполняемые водой, насыщенной известью. Кожи, часто переворачиваемые, очищаются от шерсти и вторично кладутся в зольники на неделю, после чего уже выполаскиваются в речке или бассейне, стружатся для отделения мелких негодных частей и переносятся сначала на 3 суток в гущу из ржаной муки, потом на двое суток в воду с серной кислотой; окончательная отделка кож состоит в дублении их в особых чанах в течение месяца; после этой весьма длинной процедуры кожи провяливаются и сушатся. Заражающие атмосферу удушливо-зловонные газы зольников на некоторых заводах выходят в наружную атмосферу через весьма невысокие трубы, в других — проникают сквозь щели в потолке, наконец, в третьих — сквозь растворяемые по временам двери или через поры каменных стен. Кроме того, различные отброски от выделки кож: стружки, шерсть, мягкие гниющие органические остатки, зловонная вода с резервуаров и остатки от боя овец — все это выбрасывается тут же, около заводов, заражая почву и, просачиваясь сквозь нее, также воду близлежащих колодцев; или же прямо жидкие отстои выливаются в речку (Ташлу и Мамайку) и заражают уже непосредственно их воду.

Салотопенные заводы (их три, два в 1-й и один во 2-й части) по качеству отбросков и зловонным развивающимся газам должны относиться тоже к вредным в санитарном отношении; на это указывает техника производства: в бурт, поставленный на железном котле, вмазанном в печь, закладывают до 300 пудов сала, которое растапливается и сливается в особые чаны. Органические остатки от салотопления выбрасываются во дворе заводов. Кроме того, один только завод (во 2-й части) имеет высокую газоотводную трубу, в остальных же газы выходят через щели в потолке. Во дворе этих заводов (все они среди населенных местностей) производится бой овец, причем в один сеанс убивается более чем 5000 голов (как, например, на заводе Колесникова); конечно, и остатки от боя овец дают богатый материал для гниения и порчи воздуха, воды и почвы.

Способ производства мыла на четырех городских мыловаренных заводах, находящихся тоже среди весьма населенной местности в 1-й части города, заключается в следующем: сало и канифоль смешиваются с раствором едкого натра и смесь эта сливается в бурт, стоящий на железном казане, вмазанном в печь, и варится на огне три дня, потом по желобку жидкое мыло стекает в особые станки, где и формируются куски. Отстои от мыловарения, содержащие минеральные соли и животные перепонки, или выливаются, как на заводе Б., в канаву, направляющуюся к речке Ташле, или, как на заводе же Г., в глухую помойную яму (во дворе этом до 15 еврейских семейств), и нечистоты эти редко вывозятся, а на заводе Р. подчас в ночное время направляются в общую городскую канаву.

Количество негодных отстоев после мыловарения зависит, конечно, от количества сырого материала: при обыкновенной закладке сырого материала 500 пудов отстоев получается до 30 ведер. Мыльный запах, распространяющийся при мыловарении, весьма сильный, ибо только на заводе Р. существует труба, отводящая эти газы в верхние слои атмосферы.

При описанных выше салотопенных и мыловаренных заводах существуют и сальносвечные заводы (их три). Точно так же, как и на салотопенных заводах, сало растапливается в железном котле и потом выливается в особые предварительно приготовленные формы с фитилями. Качество отстоев и отбросов на этих заводах одинаково с салотопенными заводами, воздух так же удушлив и зловонен.

Единственный клееваренный завод находится на 4-й (Мещанской) улице, в ветхом турлучном здании, при отсутствии каких-либо технических приспособлений и в крайне нечистом дворе, окруженном многими жилыми строениями. Клей вываривается из костей животных, и значительная масса органических остатков выбрасывается тут же во дворе. Как при клееварении, так и при сушке клея распространяется, sui generis, чрезвычайно неприятный, вызывающий у непривычных спазматический кашель запах.

Краска курпеев производится армянами в течение летних месяцев и в санитарном отношении интересна потому, что р. Ташлу в течение нескольких дней запружают сырыми овчинами; самая краска производится в чанах, куда примешиваются различные красящие, неизвестного состава, вещества, и вода из этих чанов выливается в ту же речку.

Городские бойни находятся как среди населенных мест (еврейская) и при описанных выше заводах, так и на периферии, в восточной части города, за ярмарочной площадью. Каждая бойня состоит из деревянного здания со старыми, издающими сильное зловоние, деревянными полами; многие из них без надлежащих стоков для крови. Последняя на многих бойнях проникает в промежутки между отдельными досками пола и пропитывает почву. (Заметим мимоходом, что быки и коровы, прежде чем зарезать их, оглушаются двумя-тремя ударами обухом топора).

На огороженные дворы боен выбрасываются все нечистоты, не годные для продажи: рога, копыта, экскременты; с некоторых боен по желобам направляется туда и кровь, — все это в летнее время гниет и распространяет сильное зловоние.

Заводы, обрабатывающие растительные и ископаемые продукты, которые будут перечислены в главе о занятиях жителей, не могут считаться вредными для здоровья соседних жителей (но не рабочих).

Резюмируя все сказанное о заводах, обрабатывающих животные продукты в городе Ставрополе, мы приходим к следующему заключению: заводы сыромятно-овчинные, кожевенные, салотопенные, мыльные, свечесальные и клееваренный, как нахо-

дящиеся среди жилых строений, вредят здоровью жителей путем порчи воздуха, воды и почвы, поэтому необходимо:

1) перенести эти заводы за городскую черту, пониже всех жилых помещений, и при выборе нового места для заводов необходимо иметь в виду направление господствующих ветров, дабы зловония не приносились обратно в город;

2) устроить при этих заводах для мочки, промывания и краски кож особые бассейны, и воду этих бассейнов переменять только в ночное время, при сильном дожде или во время полноводия;

3) животные остатки, по предварительной дезинфекции их, зарывать поглубже в землю, подальше от речек и колодцев.

Конечно, ряд экономических соображений относительно возможного упадка заводской промышленности, вследствие необходимых затрат на новые постройки и приспособления, долго будут тормозить приведение в исполнение мероприятий, указанных как особой комиссией, так и неоднократно мной, и таким образом, вероятно, зло это будет еще терпеться до поры до времени. В настоящее же время настоятельно необходимо перенести за городскую черту хоть скотобойные заведения, а при мыловаренных, салотопенных и кожевенных устроить, кроме сказанных выше резервуаров для воды, высокие заводские трубы; отстои от животных тканей (от мыловарения, салотопления и т.д.) должны вывозиться далеко за черту города в герметически закрытых бочках, а не выливаться в речки и канавы. Также и всю посуду, употребляющуюся для производства, должно содержать в надлежащей чистоте и опрятности.

В заключение считаю нужным еще раз повторить, что хотя я, по убогой обстановке провинциального врача, не мог исследовать воздуха, циркулирующего в районе деятельности заводов, не исследовал и степень засорения воды речек, однако, основываясь на реакции этих агентов на человеческие организмы, т.е. на болезненности населения той части города, в которой находятся эти заводы, признаю их соседство с жилыми строениями весьма вредными для здоровья жителей.

Гигиеническая обстановка помещения для больницы ставропольского приказа общественного призрения

(Из отчета врача больницы А.Траппа)

Больница приказа помещается с 1867 года в здании, принадлежащем частному лицу, а так как это здание при постройке своей не предназначалось для больницы, то и не имеет ровно никаких приспособлений, необходимых для подобного рода помещений.

Здание больницы обращено своим фасадом, т.е. восточною стороною, на улицу, остальные же три стороны его (с., ю. и з.) обращены внутрь во двор и окружены садами, в которых находятся жилые помещения. Кроме того, рядом с больницею и против нее находятся две так называемые торговые общественные бани, устроенные самым первобытным образом. Грязная и мыльная вода от моющихся в этих банях, а равно и мытья белья, стекает прямо в расположенные по бокам улиц открытые каменные канавки, и вода эта, будучи насыщена разными органическими остатками, под влиянием солнечных лучей разлагается и издает зловоние, особенно в летнее время. Почва, на которой стоит здание больницы, черноземная, в обилии пропитанная водою и представляет наклонную плоскость, которая обращена в сторону улицы. Под всем зданием проходят каменные канавки, служащие для стока воды и покрытые сверху досками, служащими в то же время полом для подвального этажа.

Здание больницы состоит из двух этажей и антресолей. На северной стороне здания, обращенной во двор, находится парадный ход с лестницей, ведущей в первый этаж, возле него другой ход, ведущий в подвальный этаж, а с западной стороны находится третий ход — черный. Вдоль всей западной стороны здания тянется стеклянный коридор, простирающийся в вышину от основания здания до антресолей. С южной же стороны расположены отхожие места для каждого этажа, кроме подвального, по одному. Отхожие места прилегают плотно к одной из капитальных стен здания.

Внутреннее помещение больницы устроено следующим образом:

1. Подвальный этаж. Спустившись по лестнице в подвальный этаж, посетитель входит в темный, мокрый, покрытый местами плесенью и с затхлым воздухом коридор. В коридоре находятся двое дверей, из них одна ведет в кухню, а другая — в темную маленькую переднюю, перед помещением богадельни для лиц женского пола. Кухня состоит из двух (третья для прислуги) весьма маленьких комнат; в первой находится плита для приготовления пищи и отчасти лекарства для больных; вторая комната служит для распределения больным уже приготовленной пищи, т.е. разрезки мяса, разливки горячей пищи в посуду и проч. Вторая дверь из коридора ведет в небольшую и темную переднюю, а за нею расположены комнаты для помещения призреваемых женского пола. Комнаты эти полутемны, весьма сыры и в общем представляют собой подвал со сводами. В этих-то трех комнатах помещается до 10, а иногда и более, призреваемых душ. Так как к этим комнатам с одной стороны прилегает кухня, отделяющаяся от них лишь тонкой деревянной перегородкой, а с другой стороны — совершенно мокрый подвал, одна из стен которого прилегает к расположенным возле нее отхожим местам, вследствие чего насквозь пропиталась жидкими экскрементами, то понятно, что, кроме страшной сырости, воздух в этих комнатах до того удушлив, дурно пахуч и переполнен дымом и чадом из кухни, что свежему, только что вошедшему человеку буквально нет никакой возможности переносить его.

2. Первый этаж. В нем помещаются больные женского пола. Этаж этот состоит из 7-ми комнат, из коих одна темная передняя, затем следует полутемная комната — приемная для вновь поступающих больных, вместе с тем служит для помещения прислуги; далее следует 5 больничных палат (размеры см. в конце описания). Палаты эти, сообщаясь между собой посредством дверей, имеют один общий вход из передней и один выход из приемной комнаты; от невозможности разобщения комнат между собою, разделение больных по роду болезней немыслимо, а потому все больные перемешаны друг с другом, так что рядом с больными горячкой помещаются больные с воспалением легких, гангреной, разными наружными болезнями, сифилисом и проч. Только для одних оспенных больных существует отдельная комнатка, и притом такая

маленькая, что в ней с трудом можно поместить три кровати, но без столиков к ним. Такое смешение больных отзывается весьма вредно на лечении некоторых болезней, например, у больных, поступивших с ранениями, и у оперируемых нередки осложнения ран рожистыми или другими какими-либо процессами, или гнойным заражением крови и проч.; с другой стороны, больные, поступившие с каким-нибудь легким страданием, рискуют получить тиф, рожу и т.п. В женском отделении полагается 15 больных, но, благодаря крайней несоответственности количества поступающих больных с числом имеющихся мест, сплошь и рядом бывает более чем двойное количество их, так что нередко, за недостатком мест для кроватей, больных приходится размещать на полу.

3. Во втором этаже помещаются больные мужского пола. Тут 6 комнат: первая из них служит для помещения аптеки с медикаментами и инструментами для операций, во 2-й комнате, полутемной, — приемная для вновь поступающих больных; эта же комната служит и для помещения прислуги; в остальных четырех комнатах помещаются больные. Расположение этих комнат вполне соответствует расположению комнат для женского отделения; здесь такое же смешение больных всякого рода и такие же неблагоприятные условия для лечения их, особенно оперируемых и раненых. Вследствие этого смешения больных нередки и осложнения самых легких поранений и операций весьма тяжелыми болезненными процессами и подчас летальный исход в таких случаях, где, при целесообразном ходе дела и правильном размещении больных, другого исхода, как выздоровление, и быть бы, по-видимому, не могло. Устроено это отделение на 15 больных, но и в нем почти круглый год такое же необычайное переполнение больных, как и в женском отделении; больным также приходится размещаться на полу, за недостатком мест для кроватей.

Антресоли (3-й этаж) состоят из четырех маленьких, весьма низких и сообщающихся между собою комнат. В этих четырех комнатках помещаются сифилитические больные, а во время существования эпидемий в городе, например, оспенных и проч., сюда же помещаются и больные этого рода. Антресоли эти посредством лестниц сообщаются с мужским и женским отделениями, а потому отделение этих больных от других только кажущееся, и они легко сообщаются с этими последними.

Воздух во всех комнатах больницы, благодаря постоянному переполнению их большим числом больных, почти полному отсутствию вентиляции, за исключением топки печей, а летом выставления зимних рам и открытия окон, далее вследствие долговременного помещения больницы в этом здании, которое все насквозь пропитано всякого рода миазмами, — чрезвычайно тяжелый, удушливый, зловонный и для всякого только что вошедшего в больницу человека едва выносимый. Несмотря на самую тщательную дезинфекцию всякого рода дезинфицирующими веществами, на приобретение которых денег не жалелось, воздух в больнице, после даже самой тщательной дезинфекции, кажется чище и несколько сноснее только некоторое время после нее, а затем опять делается таким же тяжелым, «промозглым», поражающим обоняние, как и прежде. Порче воздуха значительно способствуют отхожие места, устроенные самым первобытным образом, и благодаря этому устройству они не представляют никакой почти возможности тщательного очищения и дезинфекции, а вследствие этого распространяют страшное зловоние по всей больнице. В холодное время, при постоянном сквозном ветре, больной рискует получить, кроме существующей уже у него болезни, еще какую-нибудь другую простудную, или же ухудшить эту, уже существующую. Не говоря уже о плохом и вполне антигигиеническом устройстве больницы, она совершенно лишена самых необходимых приспособлений, как то: ванной, припарочной, операционной комнаты и проч.

Что касается дома для умалишенных, то он во всех отношениях устроен и находится еще в худшем состоянии, чем больница.

Дом этот принадлежит приказу общественного призрения и расположен недалеко от больницы, также в очень бойкой местности города Ставрополя. Передняя сторона этой местности выходит на весьма бойкую и оживленную улицу (Александровскую), с восточной стороны ее находится Европейский переулок, в прежнее время совершенно глухой, а теперь понемногу застраивающийся и все более оживляющийся. С западной стороны находится общественный сад, в котором в летнее время бывают многолюдные собрания с музыкой, фейерверками и проч. С южной же стороны сад, принадлежащий частному лицу. В центре этой местности и расположен дом для умалишенных. Таким образом, необходимые для успешного лечения душевнобольных тишина и спокойствие отсутствуют в данном случае вполне. Дом построен в 1832 году из дерева, на каменном фундаменте. Все здание состоит из 2 коридоров и 7 комнат. Один коридор, наружный, совершенно открытый, окружающий здание; с трех сторон его находится по одному отхожему месту; устройство этих отхожих мест совершенно одинаково с устройством таковых же в больнице, и потому здесь существуют те же условия, т.е. невозможность тщательного их очищения и дезинфекции, а вследствие этого зловоние, особенно в зимнее время. Второй коридор расположен внутри здания. В коридор этот выходят 6 дверей, ведущих в комнаты для больных; 4 из этих дверей расположены по длине коридора и две на боковых его концах. Двери эти деревянные с небольшими четырехугольными отверстиями в верхней их части для наблюдения за больными. Между четырьмя первыми дверями помещается одна печь, которая топится из коридора, а остальные две комнаты отапливаются печами, в них же расположенными.

Отдельных комнат 7, и все они разделяются между собою досчатыми тонкими перегородками. Так как в некоторых из комнат находятся печи, занимающие немало пространства, и, кроме того, поставлены койки для больных, которые еще больше уменьшают свободное пространство, то больные стеснены в такой степени, что едва могут сделать несколько шагов по комнате и большую часть дня принуждены сидеть или лежать на койках.

Вся вентиляция помещения для умалишенных заключается в одних только оконных форточках и небольшом люке, выходящем на чердак из те-

плого коридора. Помещение для умалишенных, назначенное всего лишь для пяти человек, вмещает в себя почти круглый год по 10—15 человек, из коих многие весьма нечистоплотны, т.е. мочатся и испражняются под себя. Отопление здания производится каменным углем, и притом без всяких к тому приспособлений печей. Понятно, что образующиеся при сгорании угля газообразные продукты примешиваются к атмосфере и портят ее; а при нечистоплотности умалишенных воздух в помещении становится в высшей степени испорченным и негодным для дыхания. Вечером и ночью помещение освещается только одною лампою, которая висит в коридоре из опасения, чтобы больные не нанесли себе или самому зданию какого-либо вреда. Таким образом, больные, особенно зимою и осенью, находятся в темноте почти с 5 часов пополудни до $7^1/_2$ утра. Это не может не отзываться вредно на тщательности надзора за больными вообще, не говоря уже о возможности весьма вредного действия темноты на некоторые формы болезней.

Все описанные здания существуют около 46 лет и в течение этого времени не очищались и не освежались радикально ни разу. Всякая же дезинфекция различного рода веществами, побелка стен, проветривание и проч., как и в больнице, равно ни к чему не ведут и не более, не менее, как паллиативные меры, действующие лишь на короткое время и только замаскировывающие зло, но отнюдь не уничтожающие его. Вследствие постоянного переполнения помещения для умалишенных приходится часть из них, именно тех, которых болезнь более тихого характера, помещать в больничное здание, исключительно предназначенное для больных не психических, а в описываемом здании оставлять только буйных и нечистоплотных душевнобольных. Результатом такой гигиенической обстановки помещения для психических больных является, во-первых, полная невозможность разделять больных не только по роду их болезней, что имеет громадное значение для лечения их, но даже и по полу; во-вторых, больные, будучи скучены вместе в столь незначительном помещении, отдельные комнаты которого вдобавок разделяются друг от друга лишь тонкими перегородками, постоянно раздражают своими криками и буйством друг друга; в-третьих, пребывание несколько лет в столь тесных помещениях, в которых почти невозможно какое-либо усиленное активное движение, например, ходьба и пр., лишение притом необходимого количества воздуха, не говоря уже о его чистоте (чего, благодаря отсутствию вентиляции, нечистоплотности больных и проч. и требовать невозможно), производит, особенно в зимнее время, явления малокровия, быстро развивающегося упадка сил и скорбута; самая же обстановка больных и вид помещения, напоминая собою скорее какую-нибудь тюрьму средних веков, нежели дом умалишенных в настоящем смысле этого слова, производят на всякого приходящего буквально потрясающее впечатление и не только не способствуют излечению больных, а, напротив, усиливают болезнь и из форм болезни, быть может, излечимых, делают неизлечимыми.

Все изложенное выше заимствовано почти целиком из официального отчета врача больницы А.Н. Траппа, а в ниже напечатанной таблице приведено измерение, произведенное мною, больничных палат.

	Размеры в метрах Длина	Ширина	Вышина	Объем воздуха	Наибольшее число больных зимой	
Первый этаж						
1-я палата (для оспенных)	4,5	3	2,7	35,4	2	
2-я палата (для вновь поступающих)	4,7	4,5	idem	57,1	1	Тут же помещается прислуга
3-я палата	4,8	4	id.	51,8	2	
4-я палата	4,9	4,3	id.	56,8	3	
5-я палата	5,7	4,6	id.	70,7	4	
6-я палата	7,3	5,6	id.	110,3	6	
Второй этаж						
1-я палата (аптека)						
2-я палата (для вновь поступающих)	4,5	4,3	2,5	48,3	1	Тут же помещается прислуга
3-я палата	6	5	id.	75	4	
4-я палата	5	4,5	3,3	72	3	
5-я палата	5,5	4,5	id.	75	5	
6-я палата	7,3	5,6	id.	134,9	8	
Третий этаж						
1-я палата	5	4,5	2,1	47,2	5	
2-я палата	4	id.	id.	37,8	3	
3-я палата	4,5	3,2	id.	30,2	3	
4-я палата	id.	id.	id.	30,2	1	
Сумма 15 (без аптеки)	—	—	—	932,7	51	

Мы видим, что наибольшее число больных в день в зимнее время равно 51 чел. (среднее за год ежедневное число больных равно 32); стало быть, на каждого больного приходится в зимнее время 18,2 куб.метра воздуха, а если исключить из этого валового числа пространство, занимаемое больным, его постелью, табуретами и т.д., то на каждого больного останется не более 16 куб. м пространства. (По Морэну[33] необходимо доставлять в больницах в час для обыкновенного больного 60—70 куб.м, а для раненых 100 куб. м).

Народонаселение. Распределение его по полу, возрасту, семейному состоянию и вероисповеданию. Колонизация

Численность населения и состав его в данной местности определяются, как известно, более или менее точно через известные сроки (в России неопределенные) путем народных, по возможности однодневных, переписей. Последняя однодневная перепись в Ставрополе была 18 декабря 1872 года, и данные этой переписи могут быть годны в настоящее время только отчасти; все другие источники народоисчисления не дают даже приблизительного понятия о валовой цифре населения, не говоря уже о том, что из других источников, по крайней мере в Ставрополе, нельзя получить сведений, например, о возрастном составе населения, семейном положении и т.д.

Сведения, ежегодно доставляемые статистическому комитету городской полицией, неточны, ибо численность населения, с подразделением на пол, вероисповедание и сословие, определяется не всегда путем кропотливой выборки из разного рода хранящихся в полицейских частях списков; при выполнении же требования статистического комитета полиция придерживается цифры последней однодневной переписи и в различные годы то уменьшает, то увеличивает эту цифру, будто ради правдоподобия, напр., по сведениям полиции, в одном году число жителей в Ставрополе = 25000, в другом 34000, там опять 25000 и т.д. Столь значительные колебания объясняются, как и следовало ожидать, вселением и выселением, — объяснения, конечно, заслуживающие мало доверия, ибо такие ежегодные колебания были бы в пору разве большим губернским городам, а не Ставрополю, в котором в настоящее время нет особого движения торговли и населения. Как бы то ни было, полицейские сведения, повторяю, не годны для статистических целей, как это и констатируется местным статистическим комитетом.

Церковные исповедные книги, которыми пользуются некоторые, еще меньше годны для народоисчисления, так как в эти книги вносится ежегодно немногим более половины населения; остальная же часть, как не приобщающаяся ежегодно, ускользает от церковной статистики.

Таким образом, чтобы дать хотя приблизительное понятие о численности и составе населения, приходится довольствоваться цифрами однодневной переписи 1872 года — сведениями, которыми, впрочем, мы постараемся пользоваться при дальнейшем изложении по возможности реже и с надлежащими оговорками.

По последней однодневной переписи[34] всех жителей в Ставрополе было 29617, из них 16652 мужчины и 12965 женщин, или на 100 мужчин приходится 77,8 женщин. Столь сильное преобладание мужского пола объясняется пребыванием в городе войск, множества учащихся мужского пола, крестьян, являющихся сюда на заработки, приказчиков и т.д., что и подтверждается распределением жителей по полицейским частям города, а именно:

	Мужчин	Женщин	Обоего пола
В 1-й части	3545	3674	7219
Во 2-й части	3951	3224	7175
В 3-й части	3039	2822	5861
В 4-й части	6117	3245	9362

Из этих цифр видно, что число мужчин преобладает там, где сосредоточены все учебные заведения, казармы и лавки (2 и 4 ч.). В 3-й части города мужчин немногим более женщин, а в 1-й ч. последних даже более, чем первых.

Сведения о возрастном составе населения составляют важную рубрику статистики вообще и медицинской в особенности: они дают верное понятие о рабочих производящих силах населения и, кроме того, дают возможность судить о заболеваемости в отдельных возрастах.

В следующей таблице представлены сведения о числе жителей по возрастам.

Возрасты	Мужчины	Женщины	Оба пола	Проценты
От 1 дня до 1 года	666	580	1246	4,20
От 1 года до 2 лет	413	405	818	2,76
От 2 лет до 3 лет	363	315	678	2,29
От 3 лет до 4 лет	364	330	694	2,34
От 4 лет до 5 лет	355	292	647	2,18
От 5 лет до 6 лет	294	301	595	2,01
От 6 лет до 7 лет	269	305	574	1,94
От 7 лет до 8 лет	298	281	579	1,95
От 8 лет до 9 лет	259	283	542	1,83
От 9 лет до 10 лет	341	369	710	2,4
От 10 лет до 11 лет	324	280	604	2,04
От 11 лет до 12 лет	368	318	686	2,32
От 12 лет до 13 лет	339	284	623	2,1
От 13 лет до 14 лет	311	321	632	2,14
От 14 лет до 15 лет	350	306	656	2,22
От 15 лет до 20 лет	1549	1486	3035	10,25
От 20 лет до 25 лет	2075	1052	3127	10,56
От 25 лет до 30 лет	1738	1162	2900	9,79
От 30 лет до 40 лет	2114	1780	3894	13,15
От 40 лет до 50 лет	1946	1291	3237	10,92
От 50 лет до 60 лет	1024	675	1699	5,74
От 60 лет до 70 лет	435	371	806	2,72
От 70 лет до 80 лет	145	139	284	—
От 80 лет до 90 лет	36	25	61	—
Свыше 90 лет	9	7	16	—
Не показавших своего возраста	267	7	274	0,93
Итого	16652	12965	29617	100

Эта таблица показывает, что дети до 5 лет составляют 13,8 % общего числа жителей, притом в этом возрасте мальчиков больше, чем девочек; в следующем пятилетии, наоборот, число девочек превалиру-

ет над мальчиками, что зависит от большой смертности последних в первые годы жизни. В сложности, детский возраст, от 0 до 15 лет (34,72%), немногим более обыкновенной нормы — трети всего населения. В возрасте от 10 до 20 лет перевес на стороне мужского пола, что находится в связи с большим числом учащихся мальчиков; такое же преобладание мужского пола видим в последующие возрасты (от 20 до 40 лет), что объясняется квартирующими в городе войсками, пребыванием взрослой учащейся молодежи и т.д. Если исключить из населения обоего пола, находящегося в возрасте от 20 до 60 лет, собственно военных с их семействами, то получим тогда другие отношения полов, а именно: (5927 — 3357) на 4850 мужчин 4940 женщин, т.е. в этом возрасте, собственно из коренных жителей, женщин более, чем мужчин. В возрасте от 60 и выше число женщин и мужчин почти одинаково.

Располагая возрастной состав населения по рабочим силам, придерживаясь деления, принятого Янсоном, получим следующие цифры:

Возрасты	Абсолютные числа	Ставрополь на 100 населения обоего пола	Россия по Янсону[35] на 100 населения обоего пола
От 0 до 15 лет	10284	34,72	37,97
От 15 до 20 лет	3035	10,25	10,16
От 20 до 60 лет	14857	50,16	45,95
От 60 до 70 лет	806	2,72	4,37
Свыше 70 лет	361	1,22	1,55
Неизвестного возраста	274	0,93	—
Итого	29617	100	100

Отсюда заключаем, что в Ставрополе возраст непроизводительный в экономическом смысле слова, т.е. от 0 до 15 и свыше 70 лет, не могущий обеспечить свое существование личным трудом и потому требующий, за малыми исключениями, за собой ухода и очень больших затрат со стороны общества, составляет 37 % всего населения; возраст полупроизводительный (от 15 до 20 и от 60 до 70 лет) = 13 % и производительный (от 20 до 60 лет) = 50 %. Взаимные отношения этих цифр немного изменятся, если число лиц неизвестного возраста распределить равномерно по группам, соответственно, напр., числу пятилеток в каждой группе. Сравнивая возрастной состав населения в России и Ставрополе, для последнего получаем большую цифру для возраста производительного, что зависит от квартирующего в городе войска и пришлого рабочего люда; если же исключить военных (11,33 %), то на возраст производительный останется лишь 38,8 % всего населения.

По семейному состоянию, однодневная перепись распределила городское население следующим образом:

Мужчин		Женщин	
Холостых	9800	Девиц	6605
Женатых	5864	Замужних	4723
Вдовцов	587	Вдов	1526
Не ответивших на вопрос	401	Не ответивших на вопрос	111

Таким образом, в Ставрополе, как и в любом большом городе России, холостых почти вдвое более, чем женатых, точно так же число девиц превалирует над замужними, вдов над вдовцами. Если для сравнения распределения жителей по семейному состоянию разделим число лиц, не давших показания о своем семейном состоянии, на три и прибавим это частное (для мужчин 134, для женщин 37) к отдельным рубрикам каждого пола и вычислим отношение на 1000 мужчин и на 1000 женщин, то получим нижеследующие цифры. Рядом приведено распределение жителей по семейному состоянию в городах Бельгии по Кетле.[36]

	На 1000 мужчин			На 1000 женщин		
	Холостых	Женатых	Вдовцов	Девиц	Замужних	Вдов
Ставрополь	597	360	43	512	367	121
Города Бельгии	652	311	37	643	281	76

Из этого сравнения видно, что в Ставрополе более замужних и женатых, также вдов и вдовцов, чем в городах Бельгии; наоборот, холостых и девиц значительно менее.

По вероисповеданию однодневная перепись разделила городское население на следующие группы:

	Мужчин	Женщин	Обоего пола	Процент
Православных	14527	11862	26389	88,75
Приемлющих священство (сектантов)	91	62	153	0,56
Армяно-григорианского	390	276	666	2,24
Римско-католического	830	269	1072	3,66
Протестантского	299	195	494	1,68
Еврейского	334	255	589	1,98
Магометанского				
а) шиитов	65	8	73	1,13
б) сунитов	141	35	176	
Буддийского	2	3	5	
Итого:	16652	12965	29617	100

Следовательно, большинство жителей принадлежит к населению православного вероисповедания (88,75 %), меньшинство же приходится на другие вероисповедания, из которых католики и армяне многочисленнее остальных.

При распределении жителей по народностям (племенам) вышеприведенные цифры достигают следующих величин:

	Мужчин	Женщин	Обоего пола	%
Русских	14560	11801	26451	89,31
Немцев	281	169	450	1,68
Эстонцев	18	26	44	
Поляков	803	269	1072	3,62
Армян	390	276	666	2,28
Греков	36	19	55	0,32
Цыган	4	5	9	
Грузин	18	9	27	
Калмыков	2	3	5	
Евреев	334	255	589	1,95
Трухмян и нагайцев	141	35	176	0,84
Персиян	65	8	73	
Итого	16652	12965	29617	100

Итак, главное население относится к русским, остальное состоит главным образом из поляков, армян и евреев.

Наконец, по сословиям жители города разделяются на следующие рубрики:

	Мужчины	Женщины	Обоего пола	%
Дворян потомственных, служащих и их семейств	654	698	1352	4,57
Дворян потомственных в отставке	201	125	326	1,10
Дворян личных служащих	830	803	1633	5,51
Дворян личных в отставке	295	184	479	1,61
Почетных граждан потомственных	34	20	54	0,18
Почетных граждан личных	23	16	39	0,13
Духовенства черного	18	331	349	1,18
Духовенства белого	367	342	709	2,39
Купцов местных	639	610	1249	4,22
Купцов иногородних	92	70	162	0,54
Мещан местных	4662	4711	9373	33,9
Мещан иногородних	384	274	658	
Крестьян	1842	1609	3451	11,65
Колонистов	72	69	141	0,48
Военных сословий (войска)	2971	386	3557	11,33
Разночинцев	1511	921	2432	8,21
Отставных, бессрочно-отпускных и их семейств	1752	1684	3436	11,6
Иностранных подданных	242	92	334	1,12
Инородцев	36	11	47	0,16
Не избравших рода службы и не давших показаний о своем звании	27	9	36	0,12
Итого:	16652	12965	29617	100

Стало быть, более $^1/_3$ городского населения (33,9 %) состоит из мещан, затем следуют сословия дворян и крестьян. Бессрочно-отпускные и отставные с их семействами, составляющие 11,6%, почти все в настоящее время приписаны к мещанам. Имея это в виду, а также и то обстоятельство, что с 1872 года до сих пор продолжается колонизация из различных губерний России крестьян, приписывающихся вскоре по прибытии к сословию мещан, не трудно заключить, что число мещан в настоящее время в городе весьма значительно и равно почти половине всего городского населения. Собственно войско (военных мужского пола) составляет 10 % населения; хотя эта цифра и имеет колебания в различные годы, но колебания эти весьма незначительны.

Мы разобрали, таким образом, все данные однодневной переписи 1872 года (о распределении жителей по занятиям скажем в соответствующем месте). Приводя эти сведения, мы хотели дать только приблизительное понятие о числе жителей и распределении его в политическом, социальном и религиозном отношениях, а также по физическим качествам.

Отсутствие точных сведений о числе жителей по годам после 1872 года составляет громадное неудобство при определении движения населения. Чтобы отчасти пополнить этот пробел, я поступил следующим образом: данные о рождениях, смертности и браках обработаны мной только для населения православного вероисповедания, поэтому я хотел определить и число лиц православного вероисповедания отдельно по годам с 1872 по 1879 год. Число жителей православного вероисповедания по переписи известно (обозначим его буквой P); если бы нам можно было за следующие годы определить число родившихся (N) и число умерших (D), а также ежегодное число вселившихся и выселившихся из города (S и E), то, подставляя эти величины в следующую формулу Янсона: $P' = P+(N+S) — (D+E)$, получим валовую цифру ежегодного населения (P'). Рассмотрим теперь, насколько необходимые для этой формулы величины могут быть точно определены для Ставрополя: 1) величину P нужно считать настолько точной, насколько вообще возможна точность в статистике; 2) ежегодное число родившихся и умерших с 1872 года по 1879 год выбраны мной непосредственно из метрических книг, следовательно, величины безусловно точные; 3) размеры выселения православного населения из Ставрополя, в котором, в особенности в последние годы, нет особого движения торговли, не могут быть весьма значительны, и стало быть, не особенно изменят валовой цифры населения. Цифра же вселившихся крестьян в город довольно значительна и она, отдельно по годам, определена мной. Всякий крестьянин, поселившийся в Ставрополе, в первый же год прибытия приписывается к мещанам, а потому о нем, равно как и о жене и детях (если он женат) в мещанской

управе имеются сведения; из последних-то сведений мною выбрано число ежегодно прибывающих в годы, следующие за переписью, крестьян с их женами и детьми. Таким образом (см. ниже таблицу) определено число жителей отдельно по годам.

	Естественная прибыль или убыль насления			Механическая прибыль (путем вселения)			Общая прибыль населения православной веры			Число жителей православного вероисповедания		
	М.	Ж.	Об.п.	М.	Ж.	Об.п.	М.	Ж.	Об.п.	М.	Ж.	Об.п.
1872-г.	Г о д о д н о д н е в н о й п е р е п и с и									14527	11882	26389
1873 г.	139	188	327	96	37	133	235	225	460	14762	12087	26849
1874 г.	154	166	320	147	92	239	301	258	559	15063	12345	27408
1875 г.	146	219	365	103	122	225	249	341	590	15312	12686	27998
1876 г.	57	135	192	62	65	127	119	200	319	15431	12886	28317
1877 г.	90	241	331	52	46	98	142	287	429	15573	13173	28746
1878 г.	-123	-43	-166	120	82	202	-3	39	36	15570	13212	28782
1879 г.	-18	-44	-62	616	411	1.027	598	367	965	16168	13579	29747
Итого	445	862	1307	1196	855	2051	1641	1717	3358	—	—	—

Конечно, определенные этим путем цифры, вероятно, разнятся от действительных на десятки или многие сотни, что, впрочем, не может иметь особого значения при почти тридцатитысячном населении, и во всяком случае, цифры эти точнее, чем ежегодно сообщаемые городской полицией статистическому комитету.

Что касается до остальной, не православной, части населения, то о движении ее нет никаких сведений и потому численность не может быть точно определена никаким другим путем, кроме однодневной переписи. Приблизительно же можно определить численность ее, отдельно по годам с 1872 по 1879 год, следующим образом: прибавляя к данным однодневной переписи ежегодно естественную прибыль или убыль населения неправославного вероисповедания, по сведениям статистического комитета, получим цифры, выражающие приблизительную численность населения неправославного вероисповедания, а прибавив эти цифры к соответствующим величинам XV таблицы погодно, определим валовую цифру городского населения.

	Мужчины	Женщины	Оба пола
1872-г.	16652	12965	29617
1873 г.	16892	13239	30131
1874 г.	17133	13559	30962
1875 г.	17342	13933	31275
1876 г.	17493	14197	31690
1877 г.	17686	14528	32214
1878 г.	17681	14592	32273
1879 г.	18292	14980	33278

Чтобы проверить, насколько близка к действительности вычисленная мной этими окольными путями валовая цифра населения, я сделал выборку из семейных списков, хранящихся в полицейском управлении, о числе жителей за 1879 год, — оказалась разница незначительная, а именно: по семейным спискам в Ставрополе в 1879 году считалось 18447 мужчин и 15012 женщин. Поэтому нужно полагать, что размеры вселений и выселений в Ставрополе по другим вероисповеданиям незначительны[37] или друг друга уравновешивают и, стало быть, валовая цифра населения города определена мной относительно точно; этими цифрами, за неимением лучших, и будем пользоваться при статистике болезненности населения.

В заключение этой главы скажем несколько слов о колонизации крестьян, размеры которой приведены в графе о механической прибыли населения. Колонизация, начавшаяся с 1777 года, продолжается до сих пор; переселяются исключительно русские крестьяне, великорусы и, главным образом, малорусы разных губерний России, чаще Московской, Рязанской, Вятской, Харьковской, Полтавской, земли Войска Донского, Воронежской и Курской. Причины переселений общеизвестны: с одной стороны, теснота, недостаток земли, неурожаи, дороговизна на родине, а с другой — малозаселенные, богатые естественными произведениями места в Ставропольской губернии.

Первые выходцы, поселившиеся в Ставропольской губернии, скоро оперились, занялись скотоводством и хлебопашеством там, где к последнему предстояла возможность; вообще разбогатели настолько, что им позавидовал бы любой богач-крестьянин на родине. С течением времени земли были разобраны и уже не представлялось возможности так легко «зашибить копейку» и устроить свою жизненную обстановку, как это удалось пришедшим ранее. Понятно поэтому, многие переселившиеся в последние годы скоро убедились, что в Ставропольской губернии не так легко устроиться, как об этом говорили разбогатевшие крестьяне, что и тут завелись такие же порядки, как и на всей Руси, и, понятно, пришлось тоже испытывать нужду, ради которой они переменили местожительство.

Переселение в Ставрополь выходцев из других губерний важно в отношении проявления болезненности, так как выходцы, например, с Полтавской губернии, в которой около 4-х лет свирепствует дифтерит, несомненно могут занести с собой заразу и, приходя в постоянное соприкосновение с другими жителями (чему способствуют ярмарки и базары), распространить ее.

Движение населения

Die Bewegung der Bevölkerung, d.h. das Verbältniss ihrer Zu — oder Abnahme gibt uns einen noch ungleich wichtigeren Masstab für deren öffentliche Zustände und Gesundheitsverhältnisse (Fr. Oesterlen. Handbuch der medic. Statistic. Tübingen. 1874 г., т. I, стр. 114)

Статистика рождений, смертности и взаимных отношений между ними (естественный прирост или

убыль населения), отражающая в себе, как в зеркале, состояние общественного здоровья и всей суммы экономических, санитарных и гигиенических условий жизни населения, имеет громадное значение при характеристике сказанных условий и потому этому отделу, не без основания, придается громадное значение как на Западе, так и в последнее время у нас, в России. Понятно в силу вышесказанного, что только статистические цифры, главным образом смертности населения, как собранные, конечно, без предвзятой мысли и критически разобранные, должны служить исходной точкой и основанием всякого правительственного или общественного мероприятия, имеющего целью поднять уровень общественного здоровья; отсюда же следует, что чем вернее и точнее источники и метод собирания этих цифр, тем вытекающие из цифровых данных заключения и основанные на последних мероприятия скорее и безошибочнее приведут к желаемым результатам.

Считаю нелишним распространиться немного о тех источниках движения населения, которыми я пользовался, а из этого само собой выяснится годность и степень достоверности приводимых ниже цифр. Обыкновенно цифры браков, рождений и смертности заимствуются из сведений губернского статистического комитета, куда должны стекаться данные со всех учреждений, стало быть, и церковных приходов. Уже не раз было высказано авторами в медицинской литературе о негодности многих цифр губернских статистических комитетов как цифр, которые собираются и группируются канцелярским путем. Такой упрек был сделан, между прочим, и ставропольскому статистическому комитету д-ром Снигиревым в его диссертации.[38] Эти упреки по отношению к ставропольскому статистическому комитету справедливы только наполовину: несмотря на то, что собранные цифры в настоящее время группируются далеко не канцелярским путем и комитет никогда не имеет целью показать в своих отчетах, что «в губернии-де все обстоит благополучно», ибо статистикой у нас руководит в настоящее время не прежний «счетный чиновник», а научно-образованный статистик ex professo, творец многих образцовых по статистике губернии работ, однако сведения собираются не лично им, следовательно, исходят не из первых рук, а представляют сырой материал, как плод все-таки официального требования и «канцелярского отбывания ежегодной повинности». Поэтому я не имею ни повода, ни основания брать на себя ответственность за точность добывания этого сырого материала.[39]

Не доверяя такому сырому материалу (а не способу его обработки), я принужден был обратиться к самым источникам, т.е к метрическим книгам, еще и потому, что статистическому комитету сообщается только годичная валовая цифра родившихся (без распределения их по месяцам) и умерших (по месяцам и возрасту).

Я ограничился исследованием вопроса о движении населения православного вероисповедания по двум причинам: 1) мы видели ранее, что число православных составляет почти 90% всего населения, и цифра эта определена мной точнее, чем таковая же других вероисповеданий; поэтому и взятые отношения родившихся и умерших к населению будет относительно точны и 2) я имел возможность пользоваться только метрическими книгами консистории православного исповедания, другие же вероисповедания или не ведут точных записей (раскольники), или метрические записи их, по различным причинам, не были мной добыты. Полагаю, впрочем, что движения населения православного вероисповедания, как цифры значительно превалирующей, достаточно для характеристики этого отдела, тем более что православная часть населения, из которого большинство бедных и вообще плохо материально обеспеченных, наиболее реагирует на все ухудшения или улучшения социального и санитарного строя.

Браки. Статистика браков как выражение суммы благоприятных или неблагоприятных условий, при которых существует данное население, имеет вообще мало значения, в особенности это относится к колебаниям в различные годы; влияние, например, урожая хлеба, дешевизны и обилия жизненных продуктов, эпидемий, войн и т.д. отражается на числе заключенных браков, а потому и рождений более на сельском населении, чем на городском, где эти колебания могут стушевываться отчасти высшим, более обеспеченным классом населения и, кроме того, зависят от многих случайностей, например, ухода или прихода войск.

Таблица распределения браков по месяцам

	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.	Сумма	На 100 браков
Январь	59	39	57	68	40	52	43	60	418	25,8
Февраль	32	21	24	34	21	16	20	26	194	13,3
Март	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Апрель	18	17	18	10	19	12	10	14	118	8,1
Май	19	13	16	11	14	8	9	13	103	7,1
Июнь	3	10	10	5	2	—	6	2	38	2,6
Июль	14	9	4	12	4	5	8	6	62	4,2
Август	4	7	6	7	8	2	5	3	42	2,8
Сентябрь	6	8	9	8	12	6	8	10	67	4,6
Октябрь	26	15	20	21	11	16	15	18	142	9,7
Ноябрь	36	33	25	41	30	25	35	41	266	18,3
Декабрь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Год	217	172	189	217	161	142	159	193	1450	99,5

Из XVI таблицы видно, что средним числом за 8 лет один брак приходится на 158 человек, — число значительно меньшее, чем во всей Ставрополь-

ской губернии, где, например, в 1879 году 1 брак приходился на 86 человек, и также всех городов Европы, не исключая и городов России (на Западе наименьшее число браков, по Гауснеру,[40] заключается в Мюнхене, где 1 брак приходится на 148 населения; в 72 городах России, имеющих более чем 30000 жителей, один брак приходится на 127 человек[41]).

В отдельные годы в Ставрополе были довольно значительные колебания, а именно: наибольшее число браков было заключено в 1872 году, наименьшее в 1877 г., что зависело от ухода в Турцию военных, дающих всегда большой процент брачных союзов.

По месяцам: наибольшее число браков в Ставрополе заключается в январе и в ноябре, наименьшее — летом и в начале осени; эти январские и ноябрьские maximum'ы браков зависят, конечно, от образа жизни жителей: в январе и ноябре почти все сословия горожан более свободны, чем в остальные месяцы года. Обыкновенный октябрьский maximum, столь типичный для многих местностей Европейской России, в Ставрополе отодвигается на ноябрь, февральский максимум переходит на январь; мартовские и декабрьские minimum'ы браков объясняются рождественским и великим постами, летние минимумы — занятием жителей: мещане заняты полевыми работами, купцы и приказчики разъезжаются по ярмаркам, военные выходят в лагерь.

XVI таблица показывает абсолютные возрасты брачующихся.

Мы видим, что в Ставрополе браки по абсолютным брачным возрастам распределяются следующим образом:

	На 100 браков приходится		
	Мужчин	Женщин	Среднее
Браков преждевременных (до 20 лет)	18,8	64,3	41,5
Ранних (от 20 до 25 лет)	37,2	21,9	29,5
Своевременных (от 25 до 35 лет)	29,0	8,1	18,5
Несвоевременных (от 35 до 50 лет)	13,2	4,9	9,0
Поздних (свыше 50 лет)	1,8	0,7	1,2

Эти цифры показывают, что наибольшее число браков в Ставрополе заключается преждевременных и ранних: для мужчин абсолютный брачный возраст приходится на 20—25 лет, для женщин до 20 лет. Такое распределение возрастов брачующихся как бы приближает Ставрополь к сельскому населению России, что зависит от двух причин: 1) от преобладания купеческого и мещанского сословия, между которыми и заключаются, главным образом, ранние браки и 2) от раннего физического развития как мужчин, так и женщин, как и вообще на юге. Число поздних браков весьма незначительно (1,2 %).

Наконец, по семейному состоянию браки заключаются в Ставрополе главным образом между холостыми и девицами, далее между холостыми и вдовами, между вдовцами и девицами, между вдовцами и вдовами, что видно из XVII таблицы.

Рождаемость. Из таблицы D приложений (см. в конце книги) имеем следующие цифры:

	На 1000 мужчин и 1000 женщин населения родилось по годам			Один родившийся приходится на (жителей)
	Мужчин	Женщин	Среднее	
1872 г.	38,6	42,1	40,3	24,8
1873 г.	36,4	41,7	39,0	25,7
1874 г.	36,3	43,9	40,1	25,1
1875 г.	37,1	42,9	40,0	25,1
1876 г.	37,4	43,3	40,3	24,6
1877 г.	37,2	45,3	41,2	24,4
1878 г.	37,3	38,6	37,9	26,3
1879 г.	39,6	43,6	41,6	24,1
Среднее	37,4	42,6	40,0	25,0

Средняя рождаемость в Ставрополе среди православного населения (40°/₀₀) значительно менее рождаемости всей губернии (55,2°/₀₀) и Европейской России (50,0°/₀₀)*.

Колебания рождаемости (37,9—41, 6°/₀₀) не очень значительны за взятый 8-летний период (см. диаграмму IV). Годовые колебания рождаемости, как известно, находятся в зависимости от различных причин, как показали исследования Malthus[42], Кетле[43], Виллерме[44], Ваппеуса[45] и друг., например, неурожаи, дороговизна жизненных продуктов, войны, эпидемии уменьшают число рождений; наоборот, урожаи, обилие и дешевизна жизненных продуктов, возвышая благосостояние жителей, повышают и рождаемость. Определить влияние вышесказанных агентов на рождаемость населения Ставрополя не представляется возможным не только потому, что городское население мало чувствительно к этим влияниям, но потому, что за 8-летий период трудно выбрать год, в котором можно было бы отделить какой-либо один фактор в каком бы то ни было одном смысле. Единственный за 8 лет урожайный год 1877 был годом эпидемии, годом, когда городская торговля, по отчетам статистического комитета, значительно сократилась вследствие ухода на поле сражения военного сословия как потребителей. Затем остальные годы были годами неурожайными или свирепствовали эпидемии. Поэтому-то и отклонения рождаемости за отдельные годы от средней незначительны; понижение рождаемости в 1878 году находится в прямой зависимости от уменьшения числа браков в предыдущем году вследствие того же ухода военных. Оживленная торговля в 1878 году вследствие урожая предыдущего года и возвращения войск с поля сражения улучшила экономическое состояние населения и подняла цифру браков, что отразилось и на рождаемости следующего 1879 года.

Впрочем, при незнании точного числа жителей с одной стороны и при недостаточности взятого 8-летнего периода с другой, невозможно подробно судить о влиянии суммы благоприятных и неблагоприятных условий жизни населения на рождаемость.

Рождаемость по полу. За 8 лет заметно преобладание рождаемости мальчиков над девочками; на 4598 мальчиков родилась 4361 девочка, или на 100 девочек родилось 105,4 мальчиков — отношение почти такое же, как и в Москве[46]; во всей Ставропольской губернии на 100 род. девочек приходится 103,5 мальчиков.

Причины такого превалирования рождаемости одного пола над другим до сих пор в науке не вы-

* Сравнительная статистика Янсона, т. 1, с. 160

яснены положительно: одни исследователи[47], как Гофакер, Садлер, Гёлерт, Легуа (Legoyt), приписывают это перевесу в браке лет мужа над летами жены, наоборот, Нуаро, Бреслау, Платтер опровергают это мнение, приходя, на основании своих исследований, к противоположным результатам. Данные рождаемости по полу в Ставрополе отчасти подтверждают наблюдения Гофакера и др. Как сказано выше, абсолютный брачный возраст для мужчин приходится между 20—25 годами, а женщины выходят замуж моложе 20 лет; при этих брачных возрастах, и по Янсону[48], бывает перевес мужских рождений; только данные 1877 года не согласуются с этими выводами; несмотря на то, что абсолютные брачные возрасты для женщин и мужчин не изменились, однако в этом году девочек родилось более, чем мальчиков.

Что касается рождаемости по месяцам, то в этом отношении среди православного населения города мы видим довольно типичные возвышения и падения, находящиеся в связи с образом жизни и занятиями населения. Рассматривая V диаграмму (см. приложения) рождаемости по месяцам, мы видим, что с января (наименьший максимум) кривая рождаемости падает довольно отвесно до мая, затем, возвышаясь, достигает наибольшего максимума в августе, и, после падения в сентябре, в октябре опять возвышается с тем, чтобы упасть в следующие два месяца.

Таким образом, кривая рождаемости имеет три поднятия и три падения, а именно:

Месяцы наибольшей рождаемости	Месяцы зачатия
Январь (наименьший max)	апрель
Август (наибольший max)	ноябрь
Октябрь (средний max)	январь
Месяцы наименьшей рождаемости	
Апрель и май (наименьший min)	июль и август
Сентябрь (наибольший min)	декабрь
Ноябрь и декабрь (средний min)	февраль и март

Рассматривая эти колебания в связи с месяцами зачатия, мы видим, что на ноябрь и январь приходится наибольшее число зачатий; в эти месяцы заключаются большое число браков и, вообще, все городское население находится дома; с наступлением же весны и, в особенности, лета, как сказано в главе о браках, купечество разъезжается по ярмаркам, мещане выходят на полевые работы, военные — в лагерь, наконец, и все учащее тоже оставляет город во время летних вакаций. Обыкновенный в России июльский максимум рождений в Ставрополе переходит на август, resp. октябрьский максимум браков и зачатий — на ноябрь. Это обстоятельство, мне кажется, тоже объясняется занятием жителей: наибольшее число ярмарок в губернии[49], куда уезжают купцы, мещане и т.д., приходится на октябрь, а в ноябре их очень мало. Январский максимум рождений resp. апрельский max. зачатий зависит от наступавшей весны (возрождения природы по Виллерме) и праздника Пасхи.

Таким образом, рождаемость в Ставрополе вполне подтверждает исследование о влиянии времен года на колебания рождаемости. Хотя первый наблюдатель этих месячных колебаний Виллерме говорит, «что рождения, а следовательно, и зачатия распределены в городах равномернее, чем в деревнях, или, другими словами, месячные колебания рождаемости менее заметны в городах, чем в деревнях[50], тем не менее в Ставрополе эти космические и бытовые maximum'ы и minimum'ы весьма типичны и заметны в каждом году, что зависит, конечно, от совпадения времен занятий и отдыха хотя и различных сословий населения православного вероисповедания. Может быть, эти колебания наблюдаются исключительно у православных и, стало быть, будут менее заметны, если определить месячную рождаемость среди других вероисповеданий, каковых сведений, к сожалению, у меня нет.

На 100 законнорожденных приходится по годам незаконнорожденных:

1872 г.	6,41
1873 г.	5,78
1874 г.	4,91
1875 г.	5,39
1876 г.	5,40
1877 г.	3,60
1878 г.	6,12
1879 г.	8,24
Среднее	5,73

Средний % незаконнорожденных (5,73) более % внебрачных рождений губернии без города (около 2%) и значительно менее всех городов Европейской России.

Этот ничтожный % незаконнорожденных приходится исключительно на население православного вероисповедания, так как, напр., в 1879 году статистический комитет отмечает отсутствие незаконнорожденных среди католиков, армян, раскольников, магометан и буддистов. Это преобладание незаконнорожденных среди православного вероисповедания зависит, не говоря о возможной неправильной регистрации рождаемых вне брака духовенством других вероисповеданий, от того, что в городе главный контингент рождающих вне брака (горничные, швеи и проститутки) принадлежит к населению православного вероисповедания.

Колебания чисел незаконных рождений за отдельные годы взятого восьмилетнего периода довольно значительны; в последние два года заметно увеличение незаконнорожденных; увеличение в 1878 году, может быть, находится в зависимости от уменьшения браков в предыдущем году, увеличение же в 1879 году прямо объясняется приходом с поля сражения войск в предыдущем году и также оживленной ярморочной торговлей того же года. В обоих случаях военные и множество приказчиков, прибывающих на ярмарки, внося в город проституциональный элемент, тем самым увеличивают число незаконнорожденных. Этот вывод еще более подтверждается рассмотрением незаконнорожденных по временам года. Из таблицы D рождаемости мы видим, что внебрачные рождения особенно сильны в феврале и июле, т.е. зачатие приходится на май и октябрь — месяцы, когда в Ставрополе бывают осенняя и весенняя ярмарки.

Между незаконнорожденными заметно еще большее преобладание мужского пола над женским, а именно: на 266 мальчиков родилось 220 девочек, или на 100 девочек 120,9 мальчиков; эти числа весьма незначительны для каких бы то ни было выводов.

Плодовитость браков. Если взять отношение числа законнорожденных в известном году к числу заключенных браков в том же году, то полученные частные выразят условленную в статистике плодовитость браков.

1872 г.	4,5	1875 г.	4,8	1878 г.	6,4
1873 г.	5,7	1876 г.	6,1	1879 г.	5,9
1874 г.	5,4	1877 г.	8,0	Среднее	5,8

Цифра 5,8 не выражает, собственно говоря, истинной брачной плодовитости; для этой последней необходимо было бы знать ежегодное число женщин замужних, находящихся в периоде деторождения, и, сопоставив с этой цифрой число законнорожденных детей, получим настоящую плодовитость браков; нужных для этого данных у меня нет, да вряд ли в каком государстве существуют эти данные, кроме разве годов однодневной переписи.

Смертность

Выше было сказано о важности статистики смертности среди городского населения, показывающей, как живется населению известной местности. Сравнительная же статистика разных годов в одной и той же местности укажет на ухудшение или улучшение всех жизненных условий населения и, таким образом, определит приблизительно и ту сумму убытка или прибыли, которую испытывает общество от увеличения или уменьшения смертности.

Взяв абсолютные цифры итогов из таблицы смертности (см. приложения) и вычислив отношение умерших на 1000 мужчин и 1000 женщин населения, получим следующие числа умерших по годам.

	На 1000 мужчин	На 1000 женщин	Среднее	Общее среднее для обоих полов	Один умерший на (жителей)
1872 г.	27,9	23,4	25,6	25,9	38,5
1873-г.	27,0	26,2	26,6	26,6	37,4
1874-г.	26,0	30,0	28,0	28,0	35,5
1875-г.	27,6	25,6	26,6	26,7	36,7
1876-г.	33,8	33,6	33,7	33,7	29,5
1877-г.	31,4	27,0	29,2	29,4	33,9
1878-г.	45,2	41,8	43,5	43,6	22,5
1879-г.	40,7	46,9	43,8	43,5	22,9
Среднее	32,4	31,8	32,1	32,1	32,1

Средняя смертность населения[51] города Ставрополя (32,1 pro mille) слабее смертности Ставропольской губернии (средняя за 1876—1879 г. 44°/₀₀) и 72 городов Европейской России, средняя смертность населения которых определена Янсоном[52] в 37,4 °/₀₀; впрочем, многие из последних «важнейших городов» России, находящихся довольно близко к Ставрополю, например: Ростов, Таганрог (26°/₀₀), Новочеркасск (25°/₀₀), имеют меньшую смертность, чем город Ставрополь. Даже в Москве смертность в 1867—1876 годах была менее, чем в Ставрополе, а именно: 30,5 на 1000 населения.[53] Что касается других городов Европы, то, конечно, в Ставрополе коэффициент смертности значительно более, а именно[54]:

На 1000 человек населения умерло		
В Париже	в 1874 году	22,4
В Лондоне	в 1874 году	23,6
В Брюсселе	в 1874 году	23,9
В Вене	в 1874 году	24,6
В Копенгагене	в 1874 году	27,0
В Риме	в 1874 году	27,5

Колебания смертности в Ставрополе весьма значительны, как видно из вышеприведенной таблицы (а также из диаграммы VI, построенной на основании цифр общей средней смертности), смертность, начиная с 1872 года по 1879 год, все увеличивалась, хотя и неравномерно: наибольшая смертность была в 1879 и в особенности 1878 году, наименьшая в 1872 году; разность смертности двух последних годов = 17,8 умершим на 1000 человек населения. Столь значительное увеличение смертности, в особенности в последние два года, зависит от многих причин, и, главным образом, тут играют роль развившиеся эпидемии оспы, кори, скарлатины и дифтерита; на это же увеличение смертности имело несомненное влияние и ухудшение санитарного состояния города, накопление в нем различных нечистот, а вследствие этого, порчи воздуха, воды и почвы, так как статистическими исследованиями в других местностях достаточно доказано, что «смертность в городах увеличивается в той же пропорции, как и порча воздуха и воды».[55] Развитие эпидемий, ухудшение материального благосостояния населения, санитарного состояния города (находясь между собой в тесной связи) вместе и порознь усилили болезненность и смертность в последние годы среди городского населения.

Смертность по возрасту. Смертность по возрасту, вычисленная на 1000 умерших каждого пола, приведена (см. итоги смертности по годам) в приложении. Возьмем итоги по возрастным группам (на 1000 человек населения обоего пола) и сравним смертность по возрастам в России вообще, по Янсону[56], и в Ставрополе.

Возраст	На 1000 человек обоего пола Россия	Ставрополь
От 0 до 3 лет	552,4	576,2
От 5 до 10 лет	49,0	54,4
От 10 до 15 лет	20,6	20,3
От 15 до 20 лет	20,8	21,3
От 20 до 25 лет	22,9	23,4
От 25 до 30 лет	24,1	29,1
От 30 до 35 лет	24,0	51,9
От 35 до 40 лет	28,1	
От 40 до 50 лет	61,2	57,5
От 50 до 60 лет	67,8	60,6
От 60 до 70 лет	72,4	50,9
От 70 до 80 лет	43,6	32,2
Свыше 80 лет	13,0	21,3

Из этих цифр видно, что смертность в Ставрополе в детском возрасте, в особенности от 0 до 5 лет, сильнее, чем в России вообще, так же как и в возрасте до 30 лет. От 30 до 80 лет в Ставрополе смертность значительно слабее, чем в России, как будто ценой многих жертв в возрасте от 0 до 30 лет покупается большая живучесть взрослых; наконец, в возрасте старческом умирает в Ставрополе более, чем в России, что и понятно, так как в предыдущих взрослых возрастах их умирает менее, стало быть, большая

часть людей доживает до глубокой старости. Этот последний вывод как бы противоречит данным о возрастном распределении населения Ставрополя, но возрастной состав населения имеется только за 1872 год, и притом для всех вероисповеданий, а не исключительно для православных.

Более имеет интерес сравнение смертности по возрастам в одной и той же местности в различные промежутки времени; для этого сравнения недостаточно взятого нами восьмилетнего периода, в течение которого смертность взрослых возрастов подвергалась незначительным колебаниям; колебания же зависят исключительно от смертности в детском возрасте до 15 лет.

Вследствие важности вопроса разберем несколько подробнее смертность детей на первом году жизни в Ставрополе.[57] В следующей таблице представлена смертность детей на первом году по отношению к рождаемости и к общей смертности.

	Родившихся обоего пола	Общее число умерших обоего пола	Умерших на 1 году жизни	На 100 родившихся умерло на 1 году	% умерших на 1 году к общему числу умерших
1872 г.	1062	684	282	26,5	41,2
1873 г.	1043	716	289	27,7	40,3
1874 г.	1089	769	287	26,3	37,1
1875 г.	1114	749	239	21,3	32,0
1876 г.	1149	957	352	30,6	36,7
1877 г.	1177	846	278	24,4	32,8
1878 г.	1091	1257	394	36,1	31,3
1879 г.	1234	1296	386	31,2	29,7
Среднее	—	—	—	28,0	35,1

Из этих цифр видно, что смертность детей на первом году составляет 35,1% общей смертности (или из 100 родившихся умирает 28 детей); поэтому смертность детей на первом году жизни в Ставрополе значительнее, чем во многих странах Западной Европы, где, по Эстерлену[58], смертность на 1 году (без мертворождений, как и у нас) составляет 25,57% общей смертности, или из 100 родившихся умирает на первом году 18,83. В России, по Янсону[59], по отношению к общей смертности, смертность детей на первом году равняется 33,9% (на 100 родившихся в «важнейших городах» умирает 26,2). В высокой степени интересен тот факт, что в г. Ставрополе смертность детей до одного года значительно увеличилась в последние 20 лет, ибо, по Снигиреву[60], в 1859—1861 годах в городах Ставропольской губернии из 100 родившихся умирало только 18 или на 100 общего числа умерших приходилось детей на первом году жизни 21.9%. Для выяснения причин столь значительного увеличения детской смертности в Ставрополе я перечислю те моменты, которые, по мнению различных авторов, усиливают смертность вообще и детскую в особенности.

Причины сильной смертности весьма разнообразны: одни указывают на возвышенную местность, напр. Sick относительно Вюртемберга, Эшерих — Баварии, Плосс — Саксонии, Гиляровский — Новгородской губернии[62]; другие винят различие климатов и средней годовой температуры (Эстерлен, Буден[63]); третьи — национальность (Буден,[64] Гофман, Снигирев[65]); далее указывают на бесплодие почвы, скотские падежи (Снигирев[66], Гиляровский) и т. д.

Конечно, по отношению к Ставрополю нельзя отрицать влияние некоторых перечисленных агентов, но дело в том, что высота местности, производительность почвы и, вероятно, климат города остались в последнее время такими, какими были в конце 50-х и в начале 60-х годов, а между тем смертность детей на первом году, по отношению к общей смертности, увеличилась на 13,2%. Понятно, нужно искать другие, более вероятные причины, способствовавшие увеличению смертности детей.

Все авторы[67] почти единогласно утверждают о влиянии материального благосостояния на среднюю продолжительность жизни. По Виллерме, смертность обратно пропорциональна материальному обеспечению; по Marc d'Espin, материальное благосостояние увеличивает срок жизни, бедность же сокращает его; о том же говорят Кетле, Vacher, Friedmann, Чадвиг, Грязнов[68] и др. По вычислениям Каспера, из 1000 бедных в Берлине треть умерла на 1 году жизни, из 1000 богатых треть умерла только на 40 году жизни; половина бедных пережила 30 год, половина богатых 50 год. В Париже, по вычислениям Шатенёфа, в богатых предместьях города С.-Жермен, С.-Оноре и т.д., на первом году жизни умирает 14%, а в 12 округах в rue de Mouffetard, населенной бедняками, 32%; до 10 лет в первых местностях умирает 32%, а в последнем 59%. Надеюсь, достаточно этих немногих ссылок на авторов, чтобы судить о влиянии материального обеспечения на долголетие.

По отношению к Ставрополю мы видим то же несомненное влияние этого могущественного агента — бедности и неразрывных с ней плохих гигиенических и санитарных условий. В исторической части я сказал, что материальное благосостояние жителей значительно ухудшилось в последнее время, что и в нашем городе нищета и бедность стали проявляться в одинаковой степени во многих слоях общества, как и на всей Руси, что класс мещан, почти исключительно бедных, значительно увеличился и т. д.; поэтому понятно, что это ухудшение экономического благосостояния жителей и связанное с ним ухудшение гигиенической и санитарной обстановки, при ограниченности умственного кругозора мещан, отставных солдат и крестьян, — все это вместе повлияло на увеличение смертности вообще и детей на первом году жизни, как возраста, который чувствительнее других реагирует на всякие жизненные невзгоды.

Итак, главными причинами увеличения смертности вообще и детей на первом году у нас являются условия бедности, плохих гигиенических и санитарных условий. В связи же с бедностью и отчасти с умственным убожеством родителей находятся и непосредственные причины детской заболеваемости и смертности: оставление детей без присмотра и соответствующей пищи[69] в ярмарочное и рабочее время, дымная, сырая и удушливая

атмосфера, с резкими колебаниями температуры в жилищах (зимой), грязь, нечистоплотность, раннее отнимание от груди и прикармливание посторонней грубой пищей — все это, вместе и порознь, способно вызвать в организме ряд таких страданий, которые рано сводят в могилу слабый организм новорожденного.

Смертность вообще в возрасте от 0 до 5 лет составляет 57,6°/$_{00}$ общего числа умерших. В этом возрасте дети умирают, главным образом, от эпидемий: оспы, кори, скарлатины и дифтерита; из не эпидемических же болезней — от страданий органов пищеварения и дыхания.

Следующий детский возраст, от 5 до 10 лет, дает 54°/$_{00}$ общей смертности; смертность в этом возрасте особенно усилилась в последние годы, в зависимости от вышеназванных эпидемий, вербующих жертвы часто в этих возрастах. Переходя к взрослому возрасту, мы видим, что смертность уменьшается до 40 лет, а далее возрастает до 70 лет, чтобы упасть до minimum'а в следующие старческие возрасты.

Смертность по полу. Из итогов по 8-летней сложности таблиц смертности видно, что мужчин умирает более, чем женщин, а именно: на 100 умерших женщин приходится 116 мужчин, что зависит, конечно, от преобладания мужского пола среди городского населения. Отношения смертности по полу изменяются в различные возрасты, а именно: до 3-х лет умирает более мальчиков, чем девочек, с 3-х до 10 лет смертность мальчиков слабее смертности девочек; во все остальные возрасты смертность мужчин превышает смертность женщин, хотя и неравномерно. Не имея возрастного состава населения православного вероисповедания в Ставрополе, я не мог составить и таблицы смертности по возрасту и полу, — таблицы, показывающей действительную смертность по возрасту и полу; ибо на абсолютные числа умерших в том или другом возрасте влияет, конечно, абсолютное число лиц в данном возрасте.

Смертность по месяцам. Рассматривая итоги VIII таблицы смертности по полу, возрасту и месяцам, мы видим, что смертность в Ставрополе не одинакова в различные годы и в различные месяцы одного и того же года. В первые четыре года (с 1872 по 1875 г.) наибольшая смертность приходится на месяцы летние, июль и август; с последнего месяца идут понижения в обе стороны к зимним месяцам (понижения неравномерные, и в зимние месяцы бывают значительные колебания). Итоги за последние четыре года показывают другое: наибольший абсолютный maximum и падает на август, но, кроме того, существуют и меньшие повышения в зимние (январь), весенние (март) и осенние месяцы (октябрь); особенно заметны эти колебания в последние два года; говоря другими словами, если начертить кривую смертности на основании первых четырех лет, то июль-августовский maximum смертности был бы весьма резок, по кривой же последних четырех лет — повышение смертности одинаковое с зимними. В общей сложности, за 8 лет кривая имеет типичный ход с летним максимумом (см. диаграмму VII a).

Видоизменение типичной кривой в отдельные годы объясняется развитием в городе различных эпидемий: оспы, кори, скарлатины и дифтерита; иногда эти эпидемии развиваются весной и летом, другой год — осенью и зимой, в особенности это относится к эпидемии дифтерита, которая по 4-летней сложности была сильна в октябре и январе.

Для наглядности всего сказанного возьмем сумму по возрастным группам и месяцам за все 8 лет и тогда получим следующие абсолютные числа (см. таблицу XVIII).

Высчитав отношение абсолютных цифр XVIII таблицы к 1000 общего числа умерших отдельно для каждого пола, получим цифры XIX таблицы.

Средние числа для общих полов имеем в XX таблице.

Из последних двух таблиц можно вывести следующие заключения (см. диаграмму VII a, построенную на основании последней таблицы):

1. Наибольший максимум смертности всех возрастов приходится на месяцы летние — июль и в особенности на август; но, кроме летнего максимума, есть другие небольшие повышения в январе, марте и октябре.

Из общего числа умерших приходится на	Мужчин	Женщин	Обоего пола	На 1000 мужчин	На 1000 женщин	Среднее число
Зиму	966	783	1749	241,6	238,7	240,1
Весну	953	775	1728	238,4	236,3	237,3
Лето	1189	909	2098	291,3	277,3	287,3
Осень	889	810	1699	222,5	246,2	234,9
Итого	3997	3277	7274	999,8	999,5	999,6

Стало быть, смертность по временам года распределена неравномерно: наибольшая — летом и зимой, наименьшая — весной и осенью. Разность между смертностью осенью и весной была бы весьма значительна, если бы осенью с наступлением несильных холодов не ожесточалась эпидемия дифтерита. Исключив же из общего числа цифру умерших от эпидемических болезней, смертность осенью будет незначительна сравнительно с весной.

Из этих же цифр видно, что мужчин, кроме летних месяцев, умирает более зимой, чем весной и осенью; наибольшее же число умерших женщин, кроме лета, приходится на осень.

2. Возраст до одного месяца (см. абсолютные числа итогов таблиц смертности по месяцам) имеет небольшие колебания; наибольший максимум смертности приходится на август, октябрь, март и январь, минимум — на сентябрь, ноябрь и июль. Эти колебания смертности объясняются скорее большим числом рождений, напр. в августе и октябре, чем влиянием времен года, — что не трудно было бы доказать, исключив из месяцев с большей рождаемостью пропорционально число умерших на первом месяце жизни, — тогда месячные колебания были бы весьма незначительны.

3. Смертность от одного дня до одного года и от 1 до 5 лет имеет уже весьма значительные и типичные колебания, и от них зависит направление кривой общей смертности (см. диаграммы VII a и b). Наибольшее число детей до одного года умирает в месяцы летние (июль и август, в особенности в последнем), а также осенью (кроме ноября), наименьшее весной (исключая март) и зимой. Столь значительное увеличение смертности детей в лет-

ние месяцы (август) объясняется, кроме климатических влияний, т.е. сильных жаров, также и занятиями жителей: дети в это время имеют весьма плохой уход, получая несоответствующую пищу (зелень, овощи, незрелые фрукты), причем достаточно бывает небольшого расстройства желудка, чтобы, быть может, под влиянием летних жаров развился весьма губительный слизистый или кровавый понос и даже cholera nostras — болезни, уносящие много жертв на первом году жизни. Мы сказали ранее, что максимум рождений (кроме августа) в Ставрополе приходится на январь и октябрь; дети, рожденные в последних месяцах, достигают летом одни 10 месяцев, другие 7; в эти возрасты матери или отнимают ребенка от груди, или прикармливают посторонней, подчас весьма грубой пищей, — моменты, располагающие к заболеванию желудочно-кишечного канала.

4. Кривая смертности возраста от 5 до 10 лет и 10—20 лет[70] (см. диаграмму VII b.) по месяцам имеет весьма небольшие колебания[71], что зависит именно от того, что эпидемии иногда развиваются осенью, иногда весной, летом или зимой и возможные колебания уравновешиваются. Впрочем, в январе и октябре видны небольшие повышения.

5. Взрослый возраст от 20 до 50 лет дает значительные повышения в зимние месяцы, и наиболее благоприятными для этого возраста являются июнь и июль месяцы. (Диаграмма VII b.)

6. Наконец, в возрасте свыше 50 лет наибольшая смертность падает на зиму, наименьшая — на лето; осенью немного более, чем весной. (Диаграмма VII a.)

Рассматривая приведенную выше XX таблицу и диаграмму, на ее основаниях построенную, нетрудно заметить, что в возрастах взрослых, даже в старческих, нет особенно резких колебаний смертности по месяцам и временам года, как это наблюдается в других местностях России и как это можно было бы ожидать по рассмотрении климата города Ставрополя. Мы видим, что смертность с наихудшей погодой в марте месяце немногим более, чем в месяце наилучшей (предполагая, согласно Ваппеусу, что те времена года, в которых бывают наиболее резкие переходы температур, дают наибольшую смертность); это равномерное распределение смертности, напр. осенью и весной, несмотря на громадное различие погоды в эти времена года, объясняется, мне кажется, в Ставрополе следующим образом. Хотя весенние месяцы (март и апрель) отличаются худшей погодой, чем осенние, однако весною большинство населения (приказчики, мещане и крестьяне с их женами и детьми) живут дома, в Ставрополе, и мало подвергаются колебаниям температуры, в особенности ночью; осенью же, в сентябре и октябре, большею частью, все выезжают на полевые работы и ярмарки, где и остаются по ночам, подвергаясь всевозможным температурным и атмосферным колебаниям.

Естественный прирост населения. Судить точно о механической прибыли всего населения Ставрополя (путем вселений и выселений) не имеем возможности, за неимением точной цифры вселившихся и выселившихся из города; приблизительные размеры этой прибыли я привел ранее.

Естественную прибыль населения православного вероисповедания показывают следующие цифры:

	Родилось обоего пола	Умерло обоего пола	Прибыль или убыль	На 100 родившихся умерло	Прирост на 1000 населения		
1872 г.	1062	684	+ 378	64,4	14,3		
1873 г.	1043	716	+ 327	68,6	12,1		
1874 г.	1089	769	+ 320	70,6	11,6	12,7	
1875 г.	1114	749	+ 365	67,2	13,0		
							7,6
1876 г.	1149	957	+ 192	83,2	6,7		
1877 г.	1177	846	+ 331	71,8	11,5		
1878 г.	1191	1257	- 166	115,2	- 5,7	2,6	
1879 г.	1234	1296	- 62	105,0	- 2,0		

За взятый нами 8-летний период колебания были весьма значительны: прирост в первые четыре года гораздо значительнее последних и в два последних года мы видим убыль. Эта убыль последних двух лет, в связи с возможной прибылью населения, определяемой средней величиной прироста предыдущих годов, и указывает на тот убыток, который претерпело общество вследствие потери рабочих производительных сил — отдельных личностей, которые имели полное право на жизнь не в одном статистическом смысле этого слова. Вот эту-то цифру убытка, цифру относительно почтенную, и нужно бы иметь в виду городскому общественному управлению, так как, может быть, достаточно было бы небольших затрат для уменьшения болезненности и смертности населения и eo ipso для увеличения благосостояния страны путем естественного прироста. Поэтому я думаю, что правильная постановка вопроса о здоровье горожан и целесообразная организация самого дела народной помощи важнее других нужд города, резче бросающихся в глаза и возмущающих отдельные слои общества; стало быть, затраты для увеличения здоровья горожан будут производительнее затрат на другие стороны благоустройства города, помня слова Паркса[72]: «Доказано многократно, что ничто так не дорого во всех отношениях, как болезнь, и ничто так не прибыльно, как издержки для умножения здоровья и, следовательно, для увеличения количества и ценности сделанной работы».

Занятия жителей

Топографическое положение местности, климатические и почвенные условия ее, богатство края различными сырыми продуктами из животного, растительного и ископаемого царства всюду дают своеобразное направление занятиям жителей. То же видим и относительно Ставрополя, через который, как сказано ранее, до 1875 года проходил главный и чуть ли не единственный сухопутный тракт из России на Кавказ; вследствие этого Ставрополь был центральным пунктом обмена произведений севера и юга, что способствовало развитию торговли в значительной степени. Богатство Ставропольской губернии разными сырыми продуктами содействовало развитию фабричной и заводской промышленности; обширные степи и луга, благоприятствуя скотоводству, eo ipso создали скотопромышленность и т.д.

Остановимся несколько подробнее на каждой отрасли занятий, чтобы судить о степени материального благосостояния отдельных классов населения и вообще всего города.

Торговля. Местная торговля состоит из продуктов заводской и фабричной промышленности, частью местными, частью же привозными из России товарами; к последним относятся хрустальные, стеклянные, бакалейные, фаянсовые и красные товары.

Туземцы-армяне торгуют исключительно галантерейными товарами или занимаются выделкой курпеев различного рода и продажей азиатских шапок, а также красного и белого кахетинского вина; персияне торгуют фруктами (апельсины, лимоны, изюм, яблоки, груши и т.д.), доставляемыми из Персии, Ахалцыха и Крыма. Кроме того, многие жители осенью занимаются ссыпкой овса и пшеницы, выручая (продажей) весной большие барыши.

Статистика не имеет никаких точных данных о размерах торговли; но, если судить о ней по числу выбранных в городской думе торговых документов разного рода, то по этим сведениям имеем следующие цифры:

		1878 г.	1879 г.
Свидетельств	1-й гильдии сословных	7	6
	временных	3	3
Свидетельств	2-й гильдии 3-го класса сословных	64	64
Свидетельств	временных иностранных гостей	3	4
Свидетельств	разных сословий	38	35
Свидетельств	5-го класса сословий	32	35
Свидетельств	на мелочной торг 3-го класса	183	162
Свидетельств	на мелочной торг 5-го класса	94	90
Свидетельств	ремесленных 3-го класса	85	64
Свидетельств	на разносный торг	—	20
Свидетельств	на мещанские промыслы	92	42
Свидетельств	приказчичьих 1-го класса	92	82
Свидетельств	2-го класса	366	348
О принадлежности к купеческому сословию:			
Свидетельств	1-й гильдии	3	3
Свидетельств	2-й гильдии	57	55
Билетов	1-й гильдии 3-го класса	23	21
Билетов	2-й гильдии 3-го класса	171	173
Билетов	5-го класса	108	91
Билетов	на мелочной торг 3-го класса	251	198
Билетов	на мелочной торг 5-го класса	80	69

Число выбранных всякого рода торговых документов свидетельствует только о числе лиц, посвятивших себя торговой деятельности, а не о ходе торговли и размерах ее. Вообще торговля в городе, по свидетельству городской управы, с каждым годом более и более падает, что обусловливается дальностью расстояния Ставрополя от железной дороги и уменьшением наличного числа потребителей (проезжающих). Кроме того, городские торговцы лишены возможности расширять свою торговлю, так как сельские торговцы стали лично приобретать товары в Ростове и других городах России. Пустые в настоящее время гостиные ряды свидетельствуют, что здесь были обширные торговые дома, банкирские конторы и т. д.

«Ярмарки, — говорит Соколовский[73], — составляют необходимость для стран, в которых число городов, по сравнению с пространством и народонаселением страны, невелико и, следовательно, точки соприкосновения между производителями и потребителями, облегчающие взаимный обмен их произведений, немногочисленны». Во всей Ставропольской губернии, занимающей 603074 квадратных верст[74] при 574798 населения, — единственный город — Ставрополь, а потому, понятно, потребность в ярмарках очень велика. Действительно, уже издавна почти каждое село в губернии имеет большую или меньшую ярмарку, куда доставляются товары отчасти и ставропольскими купцами.

В городе Ставрополе 3 ярмарки: троицкая ярмарка (существующая с 1797 года и открывающаяся ежегодно в день св. Троицы), осенняя (с 12 октября) и, незначительная по своим оборотам, летняя ярмарка.

За неделю до открытия ярмарки стекаются на ярмарочной площади со всех концов губернии и соседних областей жители, одни для сбыта своих произведений, другие для приобретения таковых. В троицкую ярмарку крестьяне и казаки соседних станиц привозят все оставшееся после посевов, пшеницу и овес и сами запасаются предметами, необходимыми для предстоящего покоса и жатвы: косами, серпами и единственной, кроме хлеба, дневной пищей крестьянина во время покосов — сухой соленой рыбой (таранью), которая доставляется огромными партиями из-за Волги. Немаловажную торговлю в эту же ярмарку составляет рогатый скот и лошади, которых пригоняют большими табунами калмыки и трухмяне.

В осеннюю ярмарку жители города запасаются на зиму различными съестными продуктами и овощами (капустой, луком, картофелем, виноградом, огурцами, арбузами), а также теплой одеждой; на эту ярмарку пригоняют также рогатый скот и лошадей, хотя менее, чем в троицкую. Кроме того, на ярмарках производится торговля галантерейным, красным и пушным товарами, стеклянной и деревянной посудой и металлическими изделиями. Торговля прасковейским вином (чихирем) занимает тоже видную роль. Вследствие бедности Ставропольской губернии строевым лесом, на ярмарки таковой привозится из Ростова и Царицына.

Данные статистики ярмарочной торговли еще менее точны, чем данные постоянной городской. Эта неточность зависит, главным образом, от недостатка методов собирания сведений и неверных данных, сообщаемых торговцами. Полагают приблизительно, что на каждую из этих ярмарок привозится товару на 450000 р., продается на 360000 р.

Для удовлетворения пришлого на ярмарки бедного люда существует в ярмарочное время до 20 харчевен, в которых приготовляется горячая пища, которая весьма непитательна и приготовляется в грязных чугунных котлах. На котел, вмещающий в себе до 12 ведер воды, кладется 8—10 фунтов мяса 2-го сорта или внутренности быка (печень, легкие, сердце), общий вес которых не превышает 12—14 фунтов вместе с приправами: капустой, бураками и солеными огурцами; после 3—4-часового варения получается жидкость, скорее похожая на помойную воду, чем на борщ. Нередко приготовленная жидкая пища не продается в один день, а с прибавлением воды, капусты и небольшого количества мяса, после недолгого кипячения, продается за свежую на другой день.

Ярмарки в санитарном отношении важны потому, что на ограниченном пространстве ярмарочной площади приходят в соприкосновение жители всей губернии и соседних областей и таким образом переносят эпидемические болезни из города в села и обратно.

	Число заводов	Год устройства первого завода	Число рабочих	Сумма производительности. Рубли	Где добываются сырые материалы	Где сбываются
Заводы, обрабатывающие животные продукты						
Мыловаренные	4	1833	17	40600	Сода и канифоль в Одессе, прочее на месте	В Ставрополе
Салотопенные	3	1832	41	32000	От убоя скота на месте	На месте и в Ростове-на-Дону
Кожевенные	6	1810	26	35140	То же	На месте и на ярмарках Ставропольской губернии
Овчинно-шубные	3	1850	34	27700	То же	То же
Сыромятные	1	1833	2	2000	То же	То же
Скотобойные	3(?)	?	120	25000	В Ставропольской губернии	На месте
Свечесальные	2	1833	10	22900	На месте	То же и на ярмарках Ставропольской губернии
Клееваренные	1	?	3	Сведений нет	То же	То же
Итого	23	—	145	185340	—	—
Заводы, обрабатывающие ископаемые продукты						
Кирпичные	13	1830	130	60000	В окрестностях Ставрополя	На месте
Кафельные	1	1840	5	10000	В Москве и в окрестностях Ставрополя	То же, Владикавказ и Тифлис
Горшечные	7	1820	21	Сведений нет	В окрестностях города	На месте и на ярмарках
Итого	21	—	156	70000	—	—
Заводы, обрабатывающие растительные продукты						
Табачная	1	1860?	19	12000	Из Турции и Крыма	На месте, в Кубанской и Терской области
Ваточная	1	1860	6	15000	Хлопок в Тифлисе, прочее на месте	На месте или в окрестностях Ставрополя
Винокуренные и виноградо-водочные	2	1863	140	23000	В Ставропольской губернии	На месте
Водочный	1	1868	8	20000	То же	То же
Пиво и медоваренные	2	1866	20	30000	В Ставропольской губерни и Кубанской области	То же
Маслобойные	2	?	8	120000	На месте и в окрестностях	То же
Мукомольные и крупоручные	5	?	27	84090	То же	То же
Воскобойные	3	1840	16	21400	То же	То же
Итого	17	—	244	424000	—	—

Заводская промышленность обязана своим существованием и развитием богатству в крае сырых материалов из всех трех царств природы. Обработанные на заводах товары (кожа, сало, льняное масло, табак, сальные свечи и др.) частью сбываются на ярмарках и базарах города и губернии, частью отправляются в г. Ростов (на подводах или по железной дороге) и Таганрог, откуда направляются во внутренние губернии России или за границу.

Следующая таблица дает понятие о размерах заводской промышленности (свед. за 1879 г.).

Примечание. Сведения составлены по данным статистического комитета. Число заводов довольно точно, кроме скотобойных, которых в городе не 3,

а десять. В графе о рабочих обозначено их постоянное число, без поденщиков. Сумму производительности нужно считать ниже действительной цифры, что объясняется сохранением заводчиками тайны и непониманием основных целей собирания статистических сведений

Скотопромышленность. Некоторые жители города Ставрополя более 50 лет занимаются отправлением гуртов на столичные рынки. Скот приобретается на ярмарках в пределах губернии и в Кубанской области. Общее среднее количество отправляемого ежегодно скота за последние 8 лет равно 14000 голов, стоимость каждого быка от 40 — 60 руб., среднее 50 руб.; следовательно, ежегодно отправляются в Москву и Петербург на сумму приблизительно 700000 рублей.

Скот, главным образом, породы черкасской (серые) и калмыцкой (красные), 8—12 лет, весом 14—20 пудов, отправляется обыкновенно весной. И. Бентковский[75], изучив ставропольскую скотопромышленность, пришел к заключению, что она приобрела бы более широкие размеры, если бы эта торговля «живым» товаром не сопряжена была с большими трудностями и риском. Трудности заключаются в покупке скота и в зимовке до отправления гуртов, далее в отсутствии широких скотопрогонных дорог, неумышленных потравах хлебных посевов на пути и в неизбежных задержках гуртов, в отсутствии водопоев на известных расстояниях. Кроме того, высокий тариф за перевозку скота по железным дорогам, произволы арендаторов и землевладельцев на пути следования гуртов, падежи скота — «все это значительно тормозит ставропольскую скотопромышленность, а между тем она имеет важное значение в продовольствии столицы и увеличение размеров ее значительно понизило бы высокие цены на мясо на столичных рынках».

В дополнение главы о занятиях жителей приводим число более постоянных ремесленников в городе по сведениям ремесленной управы.

	Мастеров	Подмастерьев		Мастеров	Подмастерьев
Портных европейских	51	89	Плотников	79	100
Портных азиатских	2	4	Обойщиков	3	7
Портних	6	12	Бондарей	9	16
Шапочников	37	79	Стекольщиков	?	?
Сапожников	41	85	Часовых дел мастеров	6	4
Башмачников	11	27	Золотых и серебряных		
Булочников	21	29	дел мастеров	7	14
Кондитеров	3	8	Эполетчиков	1	—
Каретников	3	8	Шубников	2	12
Кузнецов	18	32	Шорников	3	15
Медников	9	11	Красильщиков	21	35
Жестянников	2	4	Цирюльников	4	9
Оружейников	1	—	Парикмахеров	2	4
Колесников	6	14	Литографов	1	4
Столяров	22	45	Переплетчиков	3	8

Число каменщиков весьма непостоянно, смотря по спросу

Садоводство. Как уже сказано ранее, Ставрополь изобилует садами, он весь утопает в их зелени. Садоводство началось в городе одновременно с возникновением в нем гражданской жизни, с приходом первых переселенцев, которые впервые стали разводить сады, отчасти с коммерческою целью. Сады их главным образом были расположены по течению речек Ташлы и Мутнянки, но это садоводство не имело за собой определенности занятий и лишь составляло дополнение хозяйственных приспособлений. С дальнейшим благоустройством города (около 50-х годов) уже появляются отдельные двигатели подобного занятия и стараются поставить его на степень лучшего развития, правильно культивируя разнообразные плодовые деревья. В общем же виде теперь нет ничего особенно выдающегося в ставропольских садах; большинство владетелей их относятся безразлично, не стараясь вводить улучшения и всецело надеясь на мать-природу. Между тем, непостоянство погоды, быстрые возвышения и понижения температуры с резкими в. и ю.-в. ветрами являются тормозом успешного разведения нежных сортов плодовых деревьев; напр., виноград, культивируемый в Воронцовском саду, почти никогда не вызревает, отчего разведение его затормозилось чуть не с самого возникновения и представляет лишь попытку акклиматизации. Груши, яблоки не достигают большой величины и не отличаются нежностью и сочностью. Гораздо успешнее разводятся разные сорта чернослива, алычи и вишен; но и эти плоды нередко погибают от поздних весенних морозов, и население довольствуется привозными из нижележащих селений. Все остальные фруктовые и плодовые растения, хотя и разводятся в некоторых садах, но не достигают степени производства для торговой промышленности. Таким образом, садоводство не представляет правильно организованного занятия жителей и сады скорее разводятся при домах для целей посторонних, дабы летом найти развлечение в тени деревьев. По собранным нами сведениям оказывается, что помимо находящегося при каждом доме небольшого сада, в 1-й части города заключается до 60 больших садов, из которых лучших 15; общая сумма производительности их равна 3400 руб.; особенно выдающихся садов нет, хотя они существовали в былое время. Во 2-й части имеется до 85 садов, из них лучших 6. Общая производительность садов этой части доходит до 1100 руб. При садах Воронцовском и почетного гражданина Стасенко находится школа фруктовых деревьев до 40000 штук, кустарников до 6000 штук и рассадник винограда. В 3 и 4-й частях садов менее других, так как жители по преимуществу занимаются огородничеством, производительность же садов равняется лишь 200—250 рублям.

В общей сложности, из всех частей города продается плодов и фруктов приблизительно на 4500 руб.

Огородничество составляет самое любимое занятие жителей окраин города, как и в любом другом большом городе. С коммерческой стороны это один из главных заработков мещан города. Таким образом, в городе находится до 1200 огородов, занятых по преимуществу картофелем и капустой; добывается с них картофеля до 66000 четвертей, капусты

268000 голов, свеклы 420000 корней, огурцов до 4000 мер и разного рода овощей, упомянутых при обзоре флоры, до 3000 мер. Лиц, специально занимающихся огородничеством, до 600 человек.

Хлебопашество. Некоторые переселенцы занимаются хлебопашеством, но в небольших размерах и редко с промышленной целью. Засевают озимую и яровую пшеницу, рожь, овес, ячмень, просо, гречиху и лен. Таблица XXI указывает размеры засеваемых и снимаемых хлебных растений за 8 лет; параллельно приведены сведения о картофеле и льне за это же время[76].

Известно, что на материальное благосостояние всех сословий горожан имеет несомненное влияние таковое же крестьян губернии, а благосостояние последних всецело находится в зависимости от качества урожая. При хорошем урожае оживляется ярмарочная торговля вследствие имеющегося у крестьянина излишка, на который он может приобрести предметы необходимости, а иногда и роскоши; наоборот, при плохом урожае ярмарочная торговля падает вследствие плохого съезда продающих и покупающих, главный контингент которых состоит из крестьянского сословия. «Будет богат мужик — вдвое разбогатеем мы», — говорят ставропольские купцы — и не без основания. Такую же зависимость материального благосостояния от урожая хлеба и овощей видим среди жителей периферии города Ставрополя: больше родится картофеля, капусты и т.д. — лучше живется данный год мещанину и наоборот. При обилии и дешевизне жизненных продуктов улучшается материальное благосостояние мелких чиновников, имеющих возможность за ничтожное содержание доставлять себе лучшую пищу и улучшить вообще жизненную обстановку; а улучшение или ухудшение материального благосостояния, конечно, влияет на большую или меньшую болезненность и смертность городского населения. Таким образом, все сводится на урожай растительного царства в губернии (так как почти все крестьяне губернии занимаются земледелием и скотоводством). Урожай же этот находится в зависимости от количества выпавшего атмосферного осадка в форме дождя и снега в местности безводной, степной, какова вся Ставропольская губерния. Зависимость эта видна из следующего сопоставления.

	Количество выпавшей атмосферной влаги весной в миллиметрах	Какой был год относительно урожая
1870 г.	144,8	Неурожайный
1871 г.	309,7	Выше средней
1872 г.	122,9	Неурожайный
1873 г.	181,0	Неурожайный
1874 г.	100,8	То же
1875 г.	122,6	То же
1876 г.	54,5	То же
1877 г.	295,9	Выше средней
1878 г.	254,1	Ниже средней
1879 г.	219,1	Ниже средней

Из этих цифр мы видим:

1. Что урожаи в Ставропольской губернии вообще редки (по Будену[77], во Франции и в государствах средней Европы из 10 лет бывает один неурожайный, в Ставропольской же губернии из 10 лет было два урожайных, шесть неурожайных; в два года урожаи ниже средней).

2. Что урожайными были годы, в которых выпало весной около 300 миллиметров атмосферной влаги; в остальные годы, смотря по количеству выпавшего осадка, был урожай ниже средней или неурожай. Самым неурожайным годом был 1876 г., когда посев едва вернул семена, что, конечно, зависело от небольшого количества своевременно выпавшей влаги (весной всего 54,5 mm), хотя в общей сложности за год выпало и более остальных годов.

Лесоводство. Когда-то бывший вокруг Ставрополя строевой лес в настоящее время весь уничтожен и остался исключительно дровяной, в количестве около 1600 десятин, не включая сюда казенного леса. Леса эти находятся частью в хозяйственном распоряжении города, частью отдаются в долговременную аренду с условием расчищать их на шесть аршин дерево от дерева. Арендная годовая плата, смотря по качеству леса, от 1 р. 50 к. до 6 р.

По сведениям городской управы, эксплуатируемая городская земля, кроме занятой дворовыми поместьями, распределяется следующим образом:

Степи, удобной к пашне и сенокосу	11433 дес.	1468 саж.
Лесу дровяного городского	1390 дес.	309 саж.
Лесу дровяного архиерейского	264 дес.	960 саж.
Рассадки леса	1 дес.	1600 саж.
Под кустарником	109 дес.	1680 саж.
Солончаки, признанные неудобными для распашки	91 дес.	2115 саж.
Отданной женскому монастырю	220 дес.	1320 саж.
Итого	13,511 дес.	342 саж.

Удобная земля для распашки и сенокоса отдается в трехлетнее арендное содержание; средняя годовая арендная плата с десятины:

а) за пахотную землю 4 р. 40 к.

б) за сенокосную землю 1 р. $31^1/_2$ к.

Скотоводство. Лиц, специально занимающихся скотоводством, в городе нет, но большинство хозяев имеют рабочих лошадей; мещане, занимающееся земледелием, — годных к работе волов. При каждом колбасном заведении (которых в городе 8) содержатся свиньи; дойные коровы и козы служат частью для домашнего обихода, частью для промышленных целей; буйволов и овец имеют весьма немногие хозяева. По сведениям статистического комитета, в 1879 г. в Ставрополе считалось: лошадей 4 лет и старше, могущих работать 1435, жеребцов и жеребят табунных и домашних 56, годных к работе волов 7845, дойных коров 1627, яловок, телят и вообще гулевого скота 1231, коз 23, овец тонкорунных 15, калмыцких и ногайских 10, буйволов 6, свиней 1034.

Пчеловодством занимаются некоторые из жителей по р. Ташле и Мамайке, но в незначительных размерах. Кроме того, по р. Ташле находится обширный тутовый сад, где когда-то существовала практическая школа шелководства, и несколько других таких же садов; в настоящее время сады эти в жалком запущенном виде и шелководством почти никто не занимается.

Чтобы дать приблизительное понятие о распределении жителей по занятиям, приводим сведения однодневной переписи 1872 года. По этой переписи жители города, по отношению к их за-

нятиям, распределялись на следующие характеристические группы:

Увеличение (механическое) числа жителей в последнее время падает, главным образом, на лиц, занимающихся сельским промыслом.

	Абсол. числа	%
Духовенства (белого и черного) обоего пола	395	1,33
Военных	3099	10,42
Чинов гражданской службы	1190	4,01
Отставных разного рода службы	2054	6,93
Занимающихся торговлею и промыслами	2443	8,24
Занимающихся мастерством и ремеслом	2910	9,82
Занимающихся разными специальностями	551	1,87
Занимающихся сельским промыслом	1463	4,93
Занимающихся личной послугой	2339	7,90
Учащихся	2369	8,00
Живущих в своих семействах в качестве его членов	10327	34,86
Живущих милостынею	279	0,96
Не показавших своих занятий	195	0,65
Итого	29617	99,5

Продовольствие города. Выше я уже говорил о том, что крестьяне ближайших сел, иногда и отдаленных мест губернии, привозят два раза в неделю на базары разные жизненные продукты для продажи. На базарах жители города запасаются мукой, крупой и другими хлебными товарами.

Продажная мука, если не говорить о плохом помоле, всегда хорошего качества, без грубых примесей. Хлеб, продаваемый на базаре и в булочных, равно как и поставляемый в городскую больницу, нередко (в особенности ржаной) бывает совершенно сыр, плохо выпечен и с большим количеством отрубей. Определить количество потребляемого хлеба и муки в городе не представляется возможным; вообще же особенного недостатка в этом продукте, к счастью, не бывает, исключая как у новых переселенцев из России.

Торговля мясом в мясных лавках весьма значительна: ежедневно на городских бойнях режется от 15 до 25 штук быков и коров, средний вес которых 10 пудов (коровы 8—10 пудов); кроме того, баранов от 50 до 80 штук (вес от 30 ф. до 1 п. 20 ф.), телят от 5—8 штук (средний вес каждого 1 п. 25 ф.) — в сложности продается ежедневно мясниками говядины около 270 пудов, баранины 60 пудов и телятины 14 пуд., всего около 350 пудов. Это число еще не выражает всего количества потребляемого городом мяса, ибо, кроме мясных лавок, мясо продается еще крестьянами ближайших сел во все времена года. Мясо это бывает нередко негодно к употреблению, так как, понятно, крестьяне режут иногда заболевшую скотину и сбывают ее мясо в городе, чем, мне кажется, и возможно объяснить необыкновенную дешевизну мяса в крестьянской продаже сравнительно с продаваемым в мясных лавках.

Если исключить из общего числа жителей квартирующее в городе войско (имеющее своего маркитанта) и также еврейское население города (имеющее свою бойню), то количество продаваемого мяса вполне достаточно на остальную часть населения и приходится ежедневно на каждого жителя более $^3/_4$ фунта. Понятно, что это количество мяса потребляется далеко не равномерно: в то время, как более обеспеченная часть населения потребляет значительно более фунта на человека, бедные мещане периферии города сплошь и рядом, исключая праздничных дней, довольствуются постным борщом, т.е. отваром капусты с прибавлением какого-либо масла (льняного, иногда, впрочем, и свиного сала), и лишь в праздничный день на семью в 6—8 душ для навара кладется в этот борщ 1—2 ф. говядины. Впрочем, факт неравномерного потребления мяса среди городских жителей с неодинаковым материальным благосостоянием слишком известен, чтобы распространяться о нем.

В базарные дни приобретаются более зажиточными жителями индейки, гуси, куры, утки, также дичь (козы, фазаны, куропатки, зайцы). В постные дни в большом употреблении рыба, которая летом доставляется из р. Кубани и некоторых ближайших озер и прудов, а зимой из р. Дона и Волги. С Кубани привозят севрюгу, осетра, свежую икру, из Ростова — тарань, тешку и балык. Особенно недоброкачественна бывает привозимая во все времена года (чаще в ярмарочное время и рождественский пост) тарань; черствая, сухая или зловонная, она редко, впрочем, встречается в торговле, так как недоброкачественность ее замечается скоро ярмарочной и базарной полицией. В таком случае обыкновенно составляется протокол о недоброкачественности рыбы и она уничтожается (в весеннюю ярмарку 1880 года забраковано 985 пудов рыбы, в рождественский пост этого же года — 600 пудов). Сельди в большом количестве привозятся из Черномории, немало доставляют из Кизляра.

В постные дни жители (а многие бедные и в скоромные дни) употребляют растительную пищу, варьируя различным образом картофель, огурцы, капусту, редьку, свеклу, фасоль, бадрыжаны и т.д. Если не говорить о малой питательности этих продуктов, то в самом способе приготовления пищи я не мог отметить ничего вредно влияющего на здоровье жителей.

Бедный рабочий класс населения продовольствуется в харчевнях и на базарах; обыкновенная пища их — борщ (скоромный и постный) и каша, приправляемая чаще растительными маслами. О качестве продажного борща мы уже говорили в главе о ярмарках. К недостаткам приготовления пищи, кроме крайней нечистоты, столь свойственной всем русским базарным торговкам, относится редкая полуда посуды в гостиницах и харчевнях, отчего, к счастью редко, бывали случаи отравления медью. (В 1879 г. было два случая).

Чтобы показать, насколько в Ставрополе «жизнь дешевая», о чем говорят весьма многие в Закавказском крае и России только понаслышке, я собрал и в виде приложения привожу цены на жизненные припасы за 1879 и 1880 г. Правда, в недалеком прошлом, в конце шестидесятых годов, жизнь была весьма дешевая и ничтожное содержание, получаемое, напр., канцеляристом, по отзыву старых чиновников, с избытком (?) хватало на удовлетворение всех основных нужд; в настоящее время значительно увеличенные цены на жизненные припасы все еще продолжают постепенно увеличиваться, а содержание служащих остается неизменным, и эта возрастающая цифра расхода, при неизменной цифре дохода, служит главной причиной бедствия и почти нищеты многих наших чиновников и вообще получающих ограниченное содержание. В таблице приложения рядом

с ценами за 1879—80 г. привожу стоимость жизненных продуктов за 1868 год; из сравнения цен видно, что только цены на сахар и фотоген немного понизились, а на многие остальные продукты повысились, нередко вдвое и втрое.[78]

Напитки. Из спиртных напитков, кроме водки, наиболее распространены чихирь и кахетинское вино. Любовь к чихирю мещан и крестьян города объясняется обилием и дешевизной его. В 1879 г. привезено торговцами[79] 117 сороковых бочек вина и продано почти все; ведро чихиря, смотря по достоинству, стоит от 2 до 6 рублей.

Чихирь привозится из Новогригорьевского уезда, селения Прасковеи и соседних к нему сел, расположенных по р. Куме, родине ставропольских виноградников. В с. Прасковее различают три сорта вин; лучшее вино первого спуска: оно чисто, довольно сладко, без вяжущего вкуса, содержит около 8—10% алкоголя — этот сорт в продаже не встречается; второй сорт, содержащий мало сахара и много винно-каменной кислоты и алкоголя, грубее и крепче предыдущего и получается петиотизацией, т.е. настаиванием виноградных выжимок на воде; 3 сорт — самое дешевое, грубое, кислое и терпкое на вкус вино. Последние два сорта и привозятся исключительно в Ставрополь. Подмеси к вину весьма различны: для крепости прибавляется спирт, для цвета — сушеная черника, свежая бузина, подсолнечные семена и другие неизвестные красящие вещества, смотря по изобретательности чихирника; для уменьшения кислоты прибавляют виноградный сахар, для увеличения количества — воду. Не стоило бы распространяться об этих способах коррекции вина и увеличения его количества, если бы это не могло хотя отчасти вредно влиять на здоровье потребителей; если бы наши виноторговцы имели хоть малейшее понятие о лучших методах увеличения количества и качества вина и придерживались практикуемых опытными заграничными виноделами способов нейтрализации кислоты, добавления тростникового сахара (шаптализации), чистого винного спирта (алкоголизации) и соразмерного добавления даже воды (галлизации).[80] Но в Ставрополе производители работают тайно, в отдаленных закоулках Подгорной или в сокровенных углах своих погребов; прибавляют вместо чистого спирта, для крепости, дешевую простую водку с значительным содержанием сивушного масла, вместо тростникового сахара — грубый сахарный песок и все это без меры, веса, наудачу. Количество прибавляемой воды бывает весьма значительно особенно к вину, которое продается крестьянам и мещанам, так что, по сознанию виноторговцев, нередко на одну часть чихиря прибавляют две части воды, различные красящие вещества и мед, «лишь бы сладко, да красно», говорят они, так как крестьянин не разбирает других достоинств. Есть даже в Ставрополе фальсификаторы, приготовляющие чихирь на месте: в Подгорной в небольшом турлучном здании находится котел, в котором готовится чихирь, как уверял хозяин дома, без чихиря, т.е. смешивается вода, сахар, спирт и сок подсолнечных семян (красных); все это варится некоторое время, и затем, когда остынет, становится весьма похожим на чихирь, т.е. похожим по цвету, незначительному вяжущему вкусу и содержанию спирта. Случайное отравление хозяйки этого дома чихирем, содержащим громадное количество сулемы, открыло это место приготовления искусственного чихиря.

Таким образом, большая часть привозимого вина, а равно и местная фальсификация его, представляет бурду, которую нельзя назвать ни вином, ни уксусом, ни квасом, кроме характеристического названия чихиря. Напиток этот, повторяю, весьма распространен среди низшего класса народа, и в устах его нередко слышится слово «чихирнуть, чихировать» — глаголы, не требующие объяснения.[81]

Другое, более распространенное в высшем слое общества вино — кахетинское, доставляемое армянами-виноторговцами из Телавского и Сигнахского уездов Тифлисской губернии. Стоимость ведра вина, смотря по качеству, от 7 до 11 руб. Среднее количество ежегодно потребляемого вина горожанами выражается в следующих приблизительных цифрах, доставленных мне самими виноторговцами:

Погреб	Мар.	300	ведер
Погреб	Х.	700	ведер
Погреб	Ар.	400	ведер
Погреб	Г.	640	ведер
Погреб	Ам.	800	ведер
Погреб	Мам.	500	ведер
Погреб	Т.	640	ведер
Погреб	Мех.	500	ведер

Итого во всех погребах 4480 вед. (ведро 16—20 бут.)

Кахетинское вино, приготовляемое самым примитивным образом из местного винограда в Кахетии, даже на месте не отличается особыми достоинствами относительно цвета, вкуса, аромата и крепости. Прессование винограда производится в каменных закромах тяжестью тела (босыми ногами); виноградный сок стекает из отверстия нижней части давильни по желобку в большие, врытые в землю, глиняные кувшины, в которых вино подвергается брожению в течение целого года. Сквозь порозные стенки кувшина, конечно, происходит фильтрация почвенной воды.[82]

Большая часть подобным образом приготовленных и сохраняемых вин уже на месте, через год, портится, становится весьма слабым и безвкусным, мутнеет, киснет, что произошло почти со всеми винами кахетинских помещиков, например, в 1880 г. И такое-то «натуральное кахетинское вино» покупается виноторговцами в Кахетии и провозится в Ставрополь до Тифлиса в бурдюках, а далее в спиртных 40-ведерных бочках, причем бурдюк сообщает вину вкус и запах дегтя, а бочка — спирта. В Ставрополе производится исправление вкуса, цвета, придание букета и аромата, для чего виноторговцами употребляются весьма разнообразные (секретные) вещества, и такое вино продается исключительно горожанам Ставрополя.

Таким образом, хотя «пурпуровый напиток Грузии составил себе славу еще во времена Гомера» и lege artis приготовленное «кахетинское вино ничем не уступает бургундскому, мадере, хересу и обладает всеми свойствами вин Шампани»,[83] однако, при настоящей допотопной технике производства, патриархальных способах содержания и перевозки, в связи с различными подмесями для исправления цвета,

вкуса и придания букета виноторговцами, большая часть этих вин никуда не годна, а иногда и вредна.

У нас нет сведений относительно количества пива и водки, потребляемого горожанами. Судя по общей сумме производительности пивных и винокуренных заводов, количество это довольно значительно, если даже предполагать, что $^2/_3$ приготовляемого пива и водки потребляет не городское, а сельское население губернии. Из других напитков упомяну о весьма распространенном среди низшего класса народа квасе и кислых щах. Кроме того, различные искусственные минеральные воды употребляются, главным образом, сословиями купцов и дворян. Чай составляет напиток общераспространенный среди всех классов населения, исключая тех, которые не имеют даже крова.

Жилища, освещение и отопление их

Гигиеническая обстановка городских построек и жилищ различна, смотря по материальному благосостоянию, умственному развитию жителей и сознанию несомненного влияния устройства домов и обстановки жилищ на здоровье.

Дома купцов и некоторых мещан строятся из местного плитняка; камень этот весьма порозен, и потому он впитывает в себя много влаги, чем объясняется сырость почти во всех городских каменных домах. Правда, с наступлением весны (вследствие ветров и возвышенной температуры) камни выветриваются, но вообще, если раз развилась в доме сырость (особенно в нижних этажах), ее трудно уничтожить, несмотря на то, что жители нередко прибегают к искусственным способам осушения. Удаляясь на время из квартиры, они осушают стены приставлением к ним больших разогретых камней, но осушение не достигает цели, ибо вряд ли теплота может проникнуть далеко в толщу камня. Далее, иногда стены эти цементируются или обиваются войлоком, картонами, но и эти меры паллиативны и лишь временно маскируют сырость. С выпадением снега и закрытием наружных отдушин, устроенных внизу стен для свободного тока воздуха, сырость еще более усиливается и в некоторых нижних этажах стены и пол становятся буквально мокрыми. Если же отдушины не закрывать на зиму, то ветер, имея свободный доступ к основанию здания, хотя несколько и выветривает камни, но зато в таких квартирах очень холодно.

Вентиляция в домах, за немногими исключениями, самая примитивная и редко достигающая цели.

Хотя в городе много деревянных построек, но в последнее время вследствие дороговизны леса их вообще мало строят. Эти постройки должны считаться в Ставрополе лучшими. Кирпичных домов немного. Жилища по окраинам города строят из битого щебня (лома) или из земли, смешанных с саманом, и обмазывают глиной. И в этих домах с наступлением осени постоянная сырость, поддерживаемая еще тем, что бедные жители держат при себе также и домашних животных: кур, гусей, ягнят и т.д.; у некоторых в сенях помещается и лошадь из опасения кражи ее. Отсутствие вентиляции, скученность людей и вследствие этого удушливо-зловонный воздух дает о себе знать зимой, особенно с тех пор, как начинают топить. Таким образом, и топка не является у нас спасительной природной вентиляцией, а еще более способствует порче воздуха, вероятно, потому, что теплый комнатный воздух, как среда разреженная, аспирирует почвенный, проходящий через слой земли с массой гниющих органических остатков, переполняющих почву около заводов, да и в любом дворе (базы для загона скота).

Что касается до распределения дневного света, то ставропольские жилые строения находятся в этом отношении в довольно выгодных условиях, за малыми исключениями, как, напр., в некоторых присутственных местах (казначействе, окружном суде). В главе о ночлежных и постоялых дворах я привел отношение площади окна к вместимости комнаты; там отношения эти значительно меньше требований гигиены; но постоялые дворы устроены хуже всех других помещений, в которых дневной свет путем оконного освещения вполне достаточен. Во многих измеренных мной домах во всех частях города отношение площади окна к объему комнат было как 1:40 и не более 1:60. Исключением служит Подгорная, где отношение хотя тоже во многих домах не превышает $^1/_{60}$, однако вследствие скученности домов яркость оконного света незначительна, так что во многих комнатах вследствие недостатка света трудно производить более мелкую работу и, напр., мне для прописывания рецепта приходилось подходить или к окну, или же, в некоторых квартирах бедных жильцов, зажигать свечу. Этот недостаток света в жилых помещениях в Подгорной имеет большое значение, так как эти помещения заняты большею частью бедными чиновниками, которым приходится по три-четыре часа в сутки после обеда заниматься переписыванием бумаг. Число окон, смотря по величине домов, неодинаково. В общей сумме, по однодневной переписи 1872 г., на 15023 жилых помещений насчитано 32727 окон, не включая сюда окон в галереях и коридорах.

Искусственное освещение жилых помещений производится плошками, сальными и стеариновыми свечами и фотогеном. Плошки и лучины очень мало распространены, и то только среди бедных переселенцев окраин города. Устройство плошек и лучин, яркость света их и вообще недостатки этого примитивного освещения очевидны и известны, чтоб распространяться о них. Немногим лучше сальные свечи, которые до сих пор в употреблении в бедных мещанских семействах, ремесленных заведениях, мастерских и даже во многих домах состоятельных купцов, так как сальные свечи, как местное произведение, употреблять выгоднее. Непостоянный, дрожащий от малейшего колыхания воздуха свет, копоть и неприятный запах, постоянное уменьшение и без того небольшой яркости света вследствие сгорания и быстрое увеличение этой яркости после снимания со свечи сгоревшего фитиля — все это, без сомнения, не может не влиять на здоровье, в особенности на зрение жителей. Фунт сальных свечей стоит 15 коп., сумма производительности двух сально-свечных заводов равна, по сведениям статистического комитета, 22900 руб. Конечно, не на такую сумму тратится в Ставрополе сальных свечей, а часть их продается в различные села губернии; определить же количество сальных свечей, потребляемых городскими жителями, нет возможности; однако, по отзыву хозяев, около трети всех свечей, приготовленных заводами, потребляется городом. В меньшем употреблении стеариновые свечи и больше всего в употреблении фотоген, так как в на-

стоящее время иногда даже и в бедной мещанской семье можно встретить фотогенные лампы.

В домах богатых устроены голландские печи, редко камины. Мещане и крестьяне строят обыкновенно русские печи. В Подгорной нередко встречаются железные печи; последние быстро нагревают комнату, которая также быстро охлаждается. Обыкновенно эти печи топят 3 раза в день: утром в 9 час., к обеду и около 7 часов вечера. Во время топки в комнате очень жарко, но за ночь комната остывает настолько, что разница вечерней температуры от утренней доходит до 16° Р., и утром вследствие сильного холода весьма трудно до новой топки вставать с постели.

Отопление в домах состоятельных производится дровами (сажень которых, смотря по качеству, стоит от 18—35 руб., трехполенная), иногда кизяками, сажень которых стоит 8 руб.

В некоторых домах существуют печи, приспособленные для топки каменным углем. Курных изб немного, и попадаются они лишь среди бедного населения, вновь прибывших в город и поселившихся за ярмарочною площадью, или на Новом Форштадте.

Что касается до влияния построек на здоровье, то нетрудно заключить, что сырость многих домов (и также отопление железными печами) располагает к разнообразным страданиям простудного характера, о которых скажем в главе о болезненности.

Быт населения

В этиологии многих болезненных форм имеет несомненное значение быт отдельных слоев населения, образ жизни, пища, одежда, жилище в связи с материальным благосостоянием, умственным развитием и т.п. В этой главе я укажу на те моменты из образа жизни населения, которые прямо или косвенно влияют на заболевание, не касаясь многих сторон весьма интересных в этнографическом, но не в медицинском отношении.

Мещанство, населяющее окраины города, в бытовой стороне не представляет ничего особенного, выдающегося, оно таково, как и повсеместно в России; впрочем, по жизненным условиям и материальному благосостоянию можно выделить несколько категорий. Первая категория мещан — новые выходцы из сел Ставропольской и других губерний России — отличается от крестьян, кроме звания, еще большею бедностью; оно и понятно, ибо новые переселенцы встречают много неблагоприятных условий при начале устройства своей жизненной обстановки: неимение собственной земли, сравнительно высокая арендная плата городских угодий, дороговизна жизненных продуктов — все это заставляет новых выходцев нанимать у других, давно переселившихся мещан, грязные, сырые и темные углы, в которых помещается нередко семья, состоящая из 4—6 душ. Конечно, плохая наемная квартира, пища, одежда — все располагает к целому ряду заболеваний, о которых скажем в главе о болезненности. С течением времени переселенец оперяется мало-помалу, арендует в городе землю, строит себе убогую хату (нередко и землянку), начинает, по примеру соседей, заниматься огородничеством и мелкой торговлей; но все-таки много лет он не имеет возможности устроить свою жизненную обстановку так, чтобы хотя отчасти удовлетворить основным нуждам семьи. В итоге, как бы ни улучшалась обстановка переселенца, он прежде всего русский крестьянин, и потому нередко и до конца жизни ему не чуждо многое, составляющее неотъемлемую принадлежность простолюдина: теснота и грязь в хате с убийственно затхлым воздухом в зимнее время, нецелесообразная пища, плохой уход за детьми, суеверия, умственное убожество и т. д.

И в нравственном отношении такой преобразованный городской крестьянин значительно хуже сельского: если в сельском быту крестьянина сдерживают от проявления тех или других дурных наклонностей общество, старики, круговая порука и общинное землевладение, то в среде городской мещанин является совершенно свободной и самостоятельной личностью.

Немногим лучше жизненная обстановка мещан другой категории, отставных солдат, приписавшихся к сословию мещан. Эта часть городского населения составляет что-то неопределенное и промежуточное: «От мужиков отстали и к барам не пристали».

Одежда этих двух категорий мещан не отличается от обыкновенной крестьянской: холщовое белье (сменяемое чуть не в годовые праздники), поддевка, армяк, тулуп и полушубок — все это различных качеств, смотря по относительному материальному благосостоянию.

О жилищах их я сказал ранее. Некоторые занимаются, кроме огородничества, хлебопашества и мелкой торговли, еще отхожим промыслом. С наступлением весны и лета уходят на заработки в соседние села и станицы, хотя этот контингент рабочих, в особенности из отставных солдат, весьма плохой.

Воспитание детей в мещанской среде — самое плачевное, вырабатывающее, кроме нравственных и умственных калек, хилое и чахлое поколение. С первых дней ребенка встречает самая неприветливая обстановка, целый ряд недостатков в пище, одежде, обуви и жилищах, и я сказал уже, что более $^{2}/_{3}$ родившихся детей погибает в раннем детстве благодаря плохой аккомодации организма дитяти к этим жизненным неблагоприятным условиям.

С 10-ти лет ребенка отдают для обучения в какую-либо мастерскую (редко в школу), и в этих мастерских протекают детские и юношеские годы ребенка, точно в каком-то заточении: теснота, сырость и нечистота от скученности мальчиков в мастерских,[84] малопитательная пища при непосильной работе, связанной с побоями и пытками, составляющими чуть ли не ежедневную принадлежность обучения какому-либо мастерству — все это составляет тяжелую школу, и в то же время как бы пробу здоровья мещанского дитяти. Многие дети, конечно, не выносят этого систематического нарушения всех правил гигиены и диететики и рано становятся жертвами изнурительных или простудных болезней, а иногда и тяжелых хирургических заболеваний вследствие нанесенных побоев хозяевами. Выдержавшие однако эту 6—8-летнюю пытку ученики переходят в разряд подмастерьев и через несколько лет, за малыми исключениями, сами становятся хозяевами-инквизиторами, т.е. нисколько не стараются об улучшении быта своих учеников, что казалось бы необходимым, лично испытав все тяжести ученической жизни в мастерских; стереотипность проглядывает всюду, и не хотят нисколько изменять порядка, ве-

ками установленного. Много лет существуют всевозможные мастерские в русских городах, много писали и говорили в литературе о злоупотреблениях во всех отношениях хозяевами этих мастерских, но до сих пор зло не раскрыто в разнообразных его проявлениях и для улучшения быта учеников очень мало сделано; только изредка случай явного нарушения здоровья чисто острым и хирургическим путем, как выдающееся зло, выплывает наружу и преследуется законом; а постепенное подтачивание здоровья учащихся плохими помещениями мастерских, непитательной пищей и т.д. редко когда доходит до правосудия, администрации, общества. Это тем парадоксальнее, что другие всякого рода филантропические общества, например, покровительства животных, приобретают все более широкие размеры.

Мещане 3-й категории — потомки основателей города и давно переселившихся — составляют, действительно, класс горожан в тесном смысле слова. Дома этих мещан уже более подходят к типу городских построек: две-три комнаты с приличной к тому обстановкой, носящей характер уютности и даже комфортабельности. И в одежде этого разряда мещан проглядывает стремление к щегольству: у мужчин сюртук с неизменной ярко-полосатой жилеткой, у женщин — шерстяное и шелковое платье; верхние зимние платья — меховые шубы и шубки, непременно крытые. Об этом классе мещанства не стоит долго распространяться, ибо относительно хорошая гигиеническая обстановка их не вызывает особой болезненности, свойственной именно образу жизни.

Перейдем к другим сословиям горожан. Я не буду распространяться об образе жизни чиновников, получающих сравнительно хорошее содержание, имеющих богатую обстановку и сытный стол, также о духовенстве, военных, не потому, что врачу-гигиенисту не было бы на чем остановить свое внимание в этих слоях общества и что их жизнь не оставляет ничего желать лучшего в гигиеническом смысле, нет, но потому, что все это известно, сходно с другими городами России и не раз уже описано и в литературе, и в науке, хотя, конечно, из ставропольского быта многие факты можно было бы и более пояснить...

Поговорим об образе жизни бедных чиновников, канцеляристов, которые наполняют все наши правления, управления, канцелярии, суды, палаты и т.д., они составляют массу служащих и считаются чиновниками-пролетариями в полном смысле слова: большинство из них получает содержания от 10 и не более 25 руб. в месяц. В тяжелом, усидчивом, хотя и механическом труде (от 9 до 2—3-х часов дня) при согбенном положении тела, иногда в сырых, холодных, тесных и полутемных зданиях проходит утро канцеляриста; выходя из канцелярии, он отправляется домой, иногда в ненадежной обуви, в далекие закоулки города и, не подкрепляемый сытной пищей, проводит вечер опять в переписывании бумаг, встречая наступающее утро следующего дня с таким же малым запасом сил, как и вчера. И тянутся бесцветно дни в этой нужде безысходной, сырости, холоде и голоде, не видя впереди ничего отрадного в смысле улучшения быта, если не говорить о неопределенной надежде награды в случае остатка в концу года канцелярских сумм да отдаленной мечте о возможности дослужиться до пенсии. «Вот дослужусь до пенсии», — утешает он себя, хотя прекрасно знает, что 8—10-рублевая пенсия его семью не обеспечит и он опять на старости лет должен тянуть ту же лямку, в которую впрягается нередко с 13—14 лет. Небольшое содержание не позволяет канцеляристу доставать себе хороший обед, теплую одежду и обстановку, пользоваться удовольствиями и развлечениями (клуб, библиотека, театр), и он нередко прибегает к искусственному, более дешевому веселию — начинает пить. Замеченные в этом многие теряют место службы и идут «с сумой по миру». Другие торопятся жениться, «женюсь, будет веселее, удобнее и экономнее...». Вот женился он, пошла куча детей, вечно голых, голодных и больных, нужда дает себя знать сильнее, и многие стараются заглушить эту неудавшуюся перспективу веселой семейной жизни вином. Не дай бог, надолго расхворается канцелярист: лишается службы, припасти-то на черный день не из чего было, дети голодны, не говоря уже о воспитании их. Позовет врача, но где взять лекарства, а ничтожное жалованье едва хватает на пропитание, болезнь же, может быть, «и так пройдет»; поэтому-то между ними часто встречаются хронические ревматизмы, чахотка, у детей упорные катары кишок, страдание глаз, легких; редкую жену бедного чиновника можно встретить без расстройств в половой сфере.

Необеспеченный кусок хлеба заставляет многих канцеляристов искать занятий на стороне: и сидит бедняга опять вечер и ночь, надрывая грудь, где-нибудь до зари, дабы заработать лишние гроши[85], а там, где это возможно, ищет и косвенных доходов; таких доходов в настоящее время при правильной организации административной деятельности во всей губернии почти нет, и вот почему чиновники, в прежнее время наживавшие капиталы, дома, имения, теперь бедствуют, голодают, болеют и преждевременно умирают.[86]

Советы врача об улучшении гигиенической обстановки бесцельны, смешны, не врачу нужно подать им первую помощь, а обществу и администрации, которая уже давно обратила свое должное внимание, и новые штаты с увеличением содержания — вопрос дня.

Живут эти чиновники в Подгорной, по Ташле, Мутнянке, большею частью в холодных, сырых и темных квартирах, отапливаемых железными или чугунными печами; обед редко состоит из двух блюд.

О купцах, имеющих обеспеченное состояние, скажу немного. Некоторые купцы, несмотря на свое богатство, живут так же, как жили до приобретения этого богатства, которое многим хотя и доставалось относительно легко, но они помнят то время, когда с трудом добывалась копейка, дорожат ею, и потому гигиеническая обстановка их мало отличается от обстановки мещан: дом, роскошно меблированный, часто ничем не занят и только открывается в воскресные или праздничные дни с появлением гостей, обыкновенно же они живут в нижнем этаже, большею частью сыром. Пища, сравнительно с состоянием, хотя не роскошная и без соблюдения основных правил кулинарного искусства, но здоровая; за столом, кроме постных дней, всегда подается мясо, рыба и вообще довольно питательные вещества. Кухарка, хотя и имеется, но чаще готовит сама хозяйка и невестки: и нужно видеть томление хозяйки или недовольство хозяина, когда первая не имеет возможности (вследствие родов, болезни) быть постоянно в кухне; вот чем, мне кажется, отчасти объясняется частота заболеваний женскими болезнями среди этого сословия: по окончании родов она через четыре-пять дней встает с постели и отправляется, обыкновенно через двор, в кухню,

подвергаясь всем превратностям погоды. Двух купчих, страдающих parametritide в 1879 г., я никак не мог убедить временно оставить это хождение в кухню и таскание горшков, чугунов, стирку белья; обыкновенный ответ: «мы привычны, без работы хуже разболеешься, да и хозяин будет недоволен».

Армянская часть купечества живет относительно лучше: тут женщина мало работает, более обращает внимание на свое здоровье, доходя иногда до мнительности и ипохондрии; пища здоровая, квартиры большею частью хорошие. Женщины бедного класса армянского населения (бедных вообще очень немного) избавлены от тяжелых работ, многие занимаются шитьем, торговлею, и чаще всего ничего не делают.

Что касается еврейской части населения, то она вообще очень бедна, живет в весьма тесных, грязных помещениях в Подгорной, в группе Шатского и на Еврейской улице. Плохая пища, сырая квартира, теснота с убийственно тяжелым и затхлым воздухом, бедность — все это располагает их к большой заболеваемости и смертности. Ведут они тесную, замкнутую в своей, исключительно еврейской среде, жизнь. Обычаи их общеизвестны, упомяну только об одном, весьма вредном в смысле распространения эпидемических болезней: по смерти все вещи умершего от какой бы то ни было болезни раздаются бедным евреям знакомым, и этим путем распространяли дифтеритную заразу в 1877—1880 г., источник занесения которой почти всегда можно было доказать у евреев. Этот обычай, впрочем, практикуется у всех, кажется, евреев в России; по крайней мере, в Москве, Кутаиси и Тифлисе я постоянно наблюдал подобные примеры.

Католическая и лютеранская часть населения весьма немногочисленна, большею частью состоятельна, живет и выполняет все правила гигиены и диететики с немецкой аккуратностью. То же нужно сказать о небольшой группе старообрядцев, живущих в 1-й части города; чистотой в комнатах, удобной и комфортабельной обстановкой с здоровым и сытным столом они резко отличаются от своих соседей — православной братии. Хотя староверы живут в местности низменной, болотистой, с зараженной почвой, водой и воздухом, соседством заводов, однако между ними редко наблюдаются заболевания эпидемическими болезнями — так велика сила материального благосостояния и хорошей гигиенической обстановки жителей! Бедных между ними нет, нравственность безукоризненна, проституции и сифилиса не встречается, потребление спиртных напитков незначительно; социальное положение женщины лучше, от тяжелых полевых работ, в особенности во время беременности, она избавлена; народ развитой и грамотный.

Под именем грузин в Ставрополе чаще известны армяне, прибывшие сюда из Телави и Тифлиса и занимающиеся торговлей кахетинским вином. Эта часть населения, несмотря на свое относительное богатство, живет плохо и единственно, что у грузин в изобилии — это кахетинское вино. Живут они или в тех же подвалах, где темнота и сырость круглый год весьма значительны, или нанимают плохие комнаты для семейства около подвалов же. Главный контингент заболеваний между ними острый сочленовный ревматизм, находящийся отчасти в связи с жилищами.

В таких же сырых, темных, грязных подвалах живут персияне, торгующие фруктами.

Преступления. Статистика преступлений, выражая собой состояние нравственности, умственного развития и материального благосостояния населения, составляет один из важных отделов социальной науки. К сожалению, отдел этот наиболее беден цифрами, ибо, например, ведомости прокурорского надзора, прилагаемые ежегодно к Всеподданнейшему отчету о числе и роде преступлений и осужденных, выражают скорее размеры деятельности окружного суда, чем действительный коэффициент текущей преступности населения. Много преступлений, где виновные не открыты, конечно, не вносятся в число дел, решенных окружным судом, и, следовательно, de facto совершенные преступления, характеризующие направление злой воли населения известной местности, ускользают от официальной статистики. Я уже не говорю о том, что в этих ведомостях помещаются только дела решенные, а потому дело о преступлении, напр., совершенное к 1872 г., как решенное в 1875 г., помещается в этом отчетном году. Если к сказанному прибавить то обстоятельство, что масса дел, где нарушается «чужое право», имеющих тоже характер преступлений, оканчивается миром и, стало быть, остается неизвестными прокурорскому надзору, мы легко поймем, что вышесказанная статистика преступлений дает весьма ограниченное понятие об общественной нравственности.

Число заключенных арестантов в местной тюрьме тоже не может характеризовать преступные наклонности горожан, ибо, во-1-х, в тюрьму попадают арестанты со всех концов губернии, и, во-2-х, туда заключается небольшое число из всех преступников, а не заключенные под стражу ускользают от тюремной статистики.

Для пополнения этого существенного пробела я воспользовался настольными книгами всех городских судебных следователей[87] — книгами, в которые вносятся все преступления данного участка, конечно, те, которые становятся известными. Правда, производство следствий по многим делам, внесенным в эти реестры, прекращено за неотысканием виновных; но, мне кажется, для характеристики нравственности населения решительно все равно, совершил ли преступление тот или другой из городских жителей; факт в том, что преступление совершено, злая воля выразилась и дала повод возникнуть следствию (см. таблицу на следующей странице)

В этой таблице приведено число совершенных преступлений в г. Ставрополе с 1872 по 1879 г. Мы видим, что всех преступлений за 8 лет было 3576 или среднее в год 447, т.е. одно преступление приходится (среднее за 8 лет) на 75 чел. населения. Такое отношение доказывает, что число преступлений в Ставрополе вообще весьма сильно, имея в виду, что, например, в Берлине одно преступление приходится на 357 жителей, в Лондоне — одно на 432, в Париже — на 2180.[88]

Отдельно по годам наибольшее число преступлений было в 1872 году, и потом число преступлений уменьшается до 1877 г.; в 1878 и 1879 году опять увеличивается, хотя и немного. По свидетельству судебных следователей, число преступлений постоянно возрастало с 1868 г. по 1872 г., что, конечно, зависело от введения в губернию реформ и новых судебных учреждений и, следовательно, лучшей инспекции. Понятно, что это увеличение числа преступлений могло идти прогрессивно, при прочих

№№	Род преступлений	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	Итого	Проценты
1	Сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение власти (Ст. 262—275 Улож.)	5	6	—	2	—	2	—	1	16	0,44
2	Преступление по службе государственной и общественной (Ст. 351—505)	10	7	3	6	20	5	6	8	65	1,82
3	Нарушение уставов монетных (Ст. 1140—1168)	29	30	21	13	2	4	4	10	113	3,16
4	Нарушение постановлений о питейном сборе (Ст. 665—717)	8	11	5	1	1	5	1	1	33	0,28
5	Нарушение постановлений акцизного сбора с табака (Ст. 718—735)	—	—	—	2	1	2	3	2	10	0,92
6	Нарушение постановлений о лесах (Ст. 822—830)	47	9	31	12	8	7	9	15	138	3,86
7	Буйство (Ст. 922—992)	11	4	6	1	4	5	3	3	37	1,03
8	Взлом тюрем, увод и побег арестантов (Ст. 308—317)	12	5	4	2	3	2	4	5	37	1,03
9	Бродяжничество	39	48	23	22	12	19	26	18	207	5,79
10	Истребление чужого имущества поджогом и другим образом (Ст. 1606—1625)	9	8	10	8	8	3	6	8	60	1,68
11	Покушение на убийство	7	9	9	8	8	5	1	5	52	1,45
12	Нанесение ран, увечий и др. повреждений здоровья (Ст. 1477—1496)	47	31	31	38	28	31	27	22	255	7,13
13	Самоубийство	3	3	1	—	7	5	—	3	22	0,61
14	Смертоубийство (Ст. 1444—1471)	21	11	21	6	10	12	9	4	85	2,40
15	Отравление	1	2	—	—	2	1	1	—	7	0,19
16	Детоубийство	—	1	1	—	2	2	1	2	9	0,25
17	Оскорбление чести и целомудрия женщин (растление и изнасилование)	5	12	7	7	4	8	4	3	50	1,40
18	Преступление против брачного союза (Ст. 1549—1585)	7	3	7	1	—	2	—	1	21	0,59
19	Личные обиды и клевета	29	22	9	11	23	16	18	20	148	4,14
20	Похищение чужого имущества a) разбои и грабежи (Ст. 1627—1636) b) кражи (Ст. 1644—1664) c) мошенничество (Ст. 1665—1667)	89 211 48	67 148 23	59 186 22	59 195 8	42 131 37	36 159 8	31 192 8	50 175 17	433 1,447 171	12,10 40,47 4,79
21	Кровосмешение	—	—	—	—	—	2	1	3	6	0,17
22	Мужеложство	1	2	1	—	—	1	—	—	5	0,14
23	Растрата казенных денег и имущества	3	2	1	—	3	3	1	1	14	0,39
24	Подлоги и составление фальшивых документов	22	13	19	2	8	5	4	14	87	2,43
25	Другие преступления	6	3	12	9	5	5	2	6	48	1,34
	Итого	670	530	480	413	369	355	362	397	3576	100
	На сколько жителей приходится 1 преступление	44	57	67	76	86	90	89	84	—	—
	На 100 общего числа преступлений совершено по годам	18,74	14,82	13,42	11,55	10,31	9,92	10,13	11,11	100	—

равных условиях, из года в год до поры до времени (по нашей статистике, как сказано, до 1872 г.), а потом также лучшая инспекция и обнаружение большинства преступлений должно было сдерживать население и, так сказать, обуздать его преступные наклонности. В общем число преступлений за взятый восьмилетний период уменьшилось на 7,63%.

Наибольшее число преступлений приходится на кражу (40,47%), далее на грабежи и разбои (12,1%), нанесение ран и увечий (7,13%), мошенничество (4,79%). Кражи, грабежи и мошенничество составляют вместе 57% общего числа преступлений, именно тех преступлений, которые зависят, главным образом, от материальных недостатков, лишений и жажды поэтому легкой наживы, что доказывается еще значительным числом нарушения уставов монетных (3,16%). Личные обиды и клевета (4,14%), бродяжничество (5,79%) и также нарушение уставов о лесах (3,86%), дающие сравнительно большой % общего числа преступлений, достаточно характеризуют сами себя и не нуждаются в объяснении.

Как весьма отрадное явление отмечаем небольшое число вообще смертоубийств (2,4%) и, что важнее, уменьшение этого преступления в последние годы, также как и уменьшение числа растлений и изнасилований.

Затем все остальные преступления составляют вообще ничтожный % и за отдельные годы имеют небольшие колебания.

По временам года, по словам следователей, преступления распределяются неравномерно, а именно: наибольшее число их приходится на весну (май) и осень (октябрь и ноябрь), из зимних — декабрь и январь. Повышение числа преступлений в этих месяцах находит себе объяснение в бывающих в октябре и мае ярмарках, дающих громадный % краж, грабежей и мошенничеств; в ноябре, декабре и январе увеличиваются вообще преступления потому, что в эти месяцы большинство лиц мужского пола живет дома (в Ставрополе), с наступлением же лета многие разъезжаются по ярмаркам губернии, а также выходят на полевые работы.

Настольные книги судебных следователей не дают материала о возрастном составе преступников.

Грамотность и образование. Охарактеризовав нравственность населения насколько позволили добытые мной сведения, перейду к умственному развитию; для характеристики этой стороны психической жизни мы имеем мало цифровых данных.

Указателем умственного развития населения служит 1-е) отношение числа грамотных к всему населению; относительно этого нет никаких сведений, кроме записей во время приема новобранцев, что, конечно, по незначительности данных, не может даже отчасти характеризовать грамотность населения. Данные эти представляются в следующих цифрах:

	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	Среднее
Было принято на службу новобранцев	67	96	100	86	66	79	73	81
Между ними грамотных	20	25	18	37	23	29	23	25

Итак, по данным наборов, 38% грамотных, а остальные безграмотные. Нужно полагать вообще, что число неграмотных в Ставрополе весьма значительно, главным образом, конечно, из мещанского и крестьянского сословия.[89]

Кроме грамотности, об умственном развитии населения мы можем судить 2-е) по числу учебных заведений и по числу учащихся в них.

Приводим сведения за 1879 год.

Названия учебных заведений	Число учебных заведений	Число учащихся	
		Мужчин	Женщин
Ставропольская мужская гимназия с приготовительным при ней отделением и пансионом. При гимназии существуют параллельные отделения, одно для приготовительного класса и по одному для низших классов	1	619	—
Ставропольская Ольгинская женская гимназия	1	—	431
Женское учебное заведение св. Александры (ныне 2-я женская гимназия)	1	—	244
Кавказская духовная семинария	1	127	—
Ставропольское духовное училище	1	248	—
Епархиальное женское училище	1	—	242
Ставропольское юнкерское училище	1	96	—
В ведении дирекции народных училищ			
Михайловское ремесленное училище	1	50	—
Одноклассные народные училища	2	96	36
Двухклассные народные	1	152	—
Церковно-приходские	1	118	—
Частные учебные заведения	9	80	54
Инородческие			
Армяно-григорианские	2	17	13
Еврейские	3	38	2
Итого	26	1611	1022

Одно учебное заведение в Ставрополе приходится на 1279 населения обоего пола, один учащийся на 10 мужчин, одна учащаяся на 14 женщин, среднее для обоих полов — 12.

Наконец, 3) число выписываемых изданий журналов и газет представляем в особом списке в приложении (таблица Н). Полагаем, что наибольшее число того или другого периодического издания, и при этом характер и литературное достоинство каждого получаемого в Ставрополе издания, могут отчасти характеризовать интеллектуальное направление населения. Комментарии едва ли нужны.

Проституция

Вопрос о правильной организации и регулировании проституции, о мерах к прекращению сифилиса между проститутками, о точной регистрации их и т.д. в Западной Европе давно занимает врачей и администрацию. Во всех больших городах устроено санитарное бюро, врачебно-полицейские комитеты; организована более или менее правильно инспекция и контроль над проституцией, изданы уставы для со-

держательниц и для самих проституток, — словом, везде придумываются и нередко реализуются меры, чтобы проституция не отзывалась вредно на общественной нравственности и здоровье. Но Ставрополь, подобно многим русским городам, и в этом отношении, равно как в других мероприятиях, обеспечивающих здоровье жителей, далеко отстал от Европы. Надзор за проституцией находится исключительно в руках полиции, которая действительно обременена многими другими служебными занятиями и потому не имеет возможности строго следить за проституцией; понятно, надзор за последней носит совершенно случайный характер: попадется какая-либо проститутка, ее отправят к городовому врачу для освидетельствования. Всякое же требование врача по этому поводу выполняется по известной «мере возможности», к сожалению, редко представляющейся. Итак, правильного надзора со стороны полиции нет вовсе и проститутки даже не приведены в известность.[90]

Нужно сожалеть об отсутствии этого надзора в деле проституции не потому, что при добросовестном отношении полиции к своим обязанностям[91] не осталось бы более ничего желать и надзор за проституцией был бы поставлен в Ставрополе в самых лучших началах, а лишь потому, что до сих пор полиция у нас единственное учреждение, при помощи которого возможно кое-как следить за проституцией и оградить общество хотя бы от некоторых вредных влияний этого зла, так как городское управление не интересуется этим вопросом, хотя, как сейчас увидим, проституция занимает важное место среди других зол общественного здоровья.

Даже по тем далеко не полным сведениям, которые приведу ниже, можно видеть, что число проституток в Ставрополе относительно более, чем в других городах Европы, и что некоторые виды проституции (соразмерно величине города в меньшем количестве), которые были бы впору только центрам проституции, существуют и у нас, несмотря на то, что Ставрополь в настоящее время далеко отстоит от железной дороги и стал глухим закоулком обширной России, каковой, как известно, всегда отличается более высокой нравственностью.

Преобладание мужского элемента над женским, вследствие квартирующего в городе войска, взрослой учащейся молодежи мужеского пола (казачье юнкерское училище, семинария и т.д.), рабочих и множества приказчиков, прибывающих в город во время осенней и весенней ярмарок, — все это порождает в городе существование проституции в значительной степени и неразрывного ее спутника — сифилиса.

Следующая таблица дает приблизительное понятие о размерах и видах проституции в Ставрополе за 1879 год.

			Число проституток
Проституция вообще	Проституция в публичных домах	Заведение во 2-й части города	5—10 (сред. 7)
		Заведение в 3-й части города	4—8 (сред. 6)
	явная	Проституток билетных	64
		Безбилетных, внесенных в разное время в списки одиночек	83
	Одиночная тайная	Проституток, именующих себя горничными, швеями и т.д.	300
		Арфянок	42

Из этих цифр видим, что явных проституток в 1879 г. в городе было 150 и тайных 342.

Если взять отношение только явных проституток к числу жителей 1879 г., то одна проститутка приходится на 221 чел. населения обоего пола и поэтому Ставрополь относится к 3-й категории городов Европы, где, по Гауснеру[92], проституция значительна, например, в Париже одна проститутка приходится на 247 жителей, в Дрездене — одна на 236, в Риме — одна на 288.

Публичные дома. Официально разрешенных заведений, именующихся публичными домами, в Ставрополе два, причем одно из них (в 3-й части города) не есть собственно публичный дом, а лишь собрание проституток-одиночек, не подчиняющихся никакому уставу и живущих вместе потому только, что получаемого заработка не хватает на удовлетворение всех нужд. Хозяйка этого дома за 17—20 рублей в месяц отдает каждой проститутке внаем комнату, стол, освещение, отопление и прислугу. Проститутки сами получают плату с посетителей и совершенно свободны в своих действиях: вздумалось уйти из этого заведения, т.е. как бы переменить квартиру, проститутка совершает это очень легко и редко заявляет полиции. Поэтому о наличном числе проституток названного заведения полиция не имеет сведений, ибо число их постоянно колеблется: сегодня 8, завтра останутся только 4, куда и в какую часть города переехали остальные четыре — неизвестно. Встречаются нередко случаи, что проститутка, заболев венерическою болезнью, вскоре после врачебного осмотра продолжает жить у хозяйки, а накануне следующего дня осмотра из боязни быть отправленной в больницу переезжает на другую квартиру, и редко проститутка попадает в руки полиции, не имеющей возможности постоянно отыскивать их. Понятно, что, живя вне заведения и не подвергаясь врачебному освидетельствованию, больная проститутка заражает посетителей, которых нередко зазывает с бульваров, с улиц и т.д.

Другое публичное заведение (во 2-й части города) устроено несколько лучше, но, во всяком случае, далеко не удовлетворяет требованиям уставов о публичных домах. Дом сырой, каменный, имеет два входа, с ворот и с парадного подъезда. Приемных зала два: первый весьма грязный, сырой, плохо освещенный днем и ночью, служит для приема чернорабочих и мастеровых; второй зал меблирован и вообще чище и лучше первого — для приема более состоятельных гостей. У каждой проститутки особая комната (комнат отдельных 5), которая так же сыра и холодна в зимнее время, как и залы; в этой комнате довольно чистая постель, рукомойник, таз, мыло и полотенце. Так как проституток в зимнее время бывает больше, чем число комнат, то и приходится помещаться в одной комнате двум и даже трем.

Общее число проституток в этом заведении не всегда одинаково: максимум 10, минимум 5, и эти колебания зависят от времен года. Летом многие уходят из заведения и считаются проститутками-одиночками, зимой же, когда холодно и неудобно путем долговременного гуляния отыскивать себе ангажемент на бульваре, число проституток увели-

чивается. Значительно также возрастает число их в ярмарочное время, когда содержательница назначает от себя проституткам небольшую плату, чем и привлекает большое число их. В обыкновенное же время проститутки являются полными пансионерками, не получающими жалованья от хозяйки, но только квартиру, стол, отопление, освещение, прислугу, одежду, белье и обувь.

Из белья полагается по 4 смены верхнего, нижнего и постельного белья, 4 полотенца и столько же платков. Стол (обед и ужин) состоит большею частью из двух блюд; пища в достаточном количестве и хорошего качества; кроме того, из напитков чай и, по праздничным дням, водка, которую все проститутки пьют весьма охотно.

Врачебный осмотр проституток производится городовым врачом раз в неделю, по субботам; результаты осмотра вносятся в особый билет, и всякая заболевшая немедленно удаляется полицией в больницу.

Проститутке публичного заведения вменяется в обязанность:

1. Спринцевать влагалище два раза в день тепловатой водой (для спринцевания в заведении имеется две маточные двухрукавные спринцовки).

2. Во время регул не принимать посетителей.

3. Post coitum переменять белье.

4. Осматривать penis посетителя ante coitum и, в случае язвы, истечения из уретры или сыпи на теле (явный уретрит и шанкерную язву проститутки легко диагностируют), не допускать посетителя до coitus'a. Подобный осмотр, правда, несколько стесняет стыдливых посетителей, но польза его несомненна. Хотя нередко проститутка и встречает протест со стороны мужчин, однако чаще протестуют именно те, которые действительно больны какой-либо венерической болезнью и не обращают ни малейшего внимания на возможность заражения других. Почти 3-летняя практика такого осмотра мужчин проститутками показала, что число видимо больных мужчин, являющихся в публичное заведение, становится все менее и менее, а в последние шесть месяцев таковых и не было, что подтверждается еще тем, что ни одна проститутка в этом заведении за это время не заболевала. Конечно, нельзя отрицать возможности заражения проституток посетителями при этом осмотре; заражение будет встречаться до тех пор, пока всех посетителей не будут подробно исследовать врачи, что в настоящее время пока pium desiderium. В 1878 году в виде опыта были назначаемы в заведение в базарные дни дежурные фельдшера, которые должны были осматривать посетителей публичного дома; но тот же опыт показал, что эта мера крайне стеснительна и пока неудобоисполнима, ибо редко какой посетитель соглашается на такой осмотр, не говоря уже о том, что некоторые разудалые посетители вступают в ссору и драку с фельдшерами. Точно наблюдать за умственным развитием, нравственностью и заболеваемостью проституток нет никакой возможности, так как общее число их в этом заведении слишком незначительно и каждая живет относительно короткое время.

С сентября 1878 года по январь 1881 года всех проституток в заведении перебывало 56. По возрасту они распределялись следующим образом: 14 лет — 1, 15 лет — 2, от 16 до 20 лет — 38, от 20 до 25 лет — 12, от 25 до 30 лет — 3. Проживали в заведении непрерывно в течение двух лет — 1, одного года — 4, 6 месяцев — 21, 3 месяцев — 27 и 1 месяца — 3. Из общего числа проституток было замужних — 2, вдов — 1, девушек — 53. По вероисповеданию — все православные.

По сословиям:		По прежним занятиям:	
Казачек соседних станиц	7	Горничных	10
Дочерей солдат	19	Швей	9
Мещанок	23	Башмачниц	2
Крестьянок	4	Цветочниц	1
Дочерей чиновников	2	Не имевших определенных занятий	34
Дочерей офицеров	1		

Грамотных 8, остальные все неграмотны

Заболеваемость венерическими болезнями, вследствие вышеуказанных предосторожностей, весьма незначительна, а именно за 1879 год были отправлены в больницу для излечения от белей 4 и от мягкого шанкра 2. Может быть, впрочем, заболевших было и гораздо больше среди тех, которые уходили временно или навсегда из заведения в промежуток времени между двумя днями освидетельствования.

В своей частной практике я редко встречал (одного семинариста и одного ученика юнкерской школы) мужчин, которые бы указали на это публичное заведение, как на источник заражения. Следовательно, это небольшое заведение, в смысле гарантии от заражения, имеет большое преимущество, как увидим ниже, пред другими родами проституции, главным же образом перед одиночной и явной. Ввиду этих-то преимуществ нельзя не пожелать изыскать средства для привлечения в публичные дома большего числа проституток-одиночек, живущих в различных частях города и трудно поддающихся медицинскому контролю. Средствами для привлечения одиночек могут служить между прочим: 1) устройство публичного дома с большим числом комнат, при хороших условиях и 2) назначение известного, определенного содержания проститутке. Приведенного только можно желать, настоятельной же необходимостью, по отношению к данному дому, являются следующие мероприятия:

1. Обязать содержательницу дома немедленно сообщать полиции о прибытии и выбытии проститутки и о месте её нового жительства, причем тотчас же подвергать медицинскому осмотру как поступающую, так и выбывающую.

2. Число посетителей в ярмарочное время в сутки на каждую проститутку не должно быть более трех (а в настоящее время доходит до 8 и более).

3. Существенной и необходимой мерой по отношению к здоровью проституток должно быть строгое воспрещение содержательнице продажи спиртных напитков посетителям, что практикуется в настоящее время.

Проститутки-одиночки разделяются на явных и тайных, или секретных. Число явных проституток, известных полиции, а потому имеющих билеты и являющихся для врачебного осмотра, весьма непостоянно. Многие из них нередко уезжают в селения на ярмарки, вновь же приезжающие, конечно, не заявляют себя явными проститутками, а

считаются секретными. Чтоб из явной проститутки стать секретной, как сказано выше, стоит только переехать в другую часть города и там в полицейской части заявить себя горничной, что совершенно достаточно, так как полиции некогда узнавать о прежней жизни ее и занятиях.

Число проституток, снабженных билетами или просто записками, в 1879 году было 64. Из этого числа являлись еженедельно для освидетельствования до 8 человек. Гигиеническая обстановка жизни этих проституток весьма плоха: сырые, холодные квартиры на Желобовке, Мутнянке и в солдатских слободках, плохая пища, грязная обстановка, — все зависит от слишком незначительной платы: каждый coitus дает от 25 до 75 коп.; посещающие их — бедные мещане, фабричные, мастеровые и чернорабочие.[93]

Болезненность между проститутками этого рода весьма сильна: из 54, осматриваемых в течение 1879 года, 41 в разное время записаны больными: частью отправлены в больницу, частью же пользовались на дому. Некоторые из них болели два и три раза в год. Наичастая форма заболевания между ними — мягкий шанкр, далее бели, твердый шанкр и весьма редки — застарелые формы сифилиса. Все эти проститутки живут в 3-й части города, осматриваются врачом раз, в ярмарочное время три раза в неделю, и заболевающие, по возможности, отправляются в больницу, как сказано выше.

К этому же разряду относится и самый низший разряд проституток — «голая или босая команда», — род несчастных, погибших существ, в оборванных платьях, с распухшими лицами, с синяками, безголосых и не имеющих постоянного пристанища. Живут они в разных частях города и каждый вечер являются для промысла в кабаки на нижний и верхний базары, где находят много поклонников в лице спившихся отставных солдат, чернорабочих и мастеровых. Зимой они ночуют на постоялых и ночлежных дворах, весной на дворе, в траве, по скату к речке Ташле или около нового собора, осенью — где попадется, под навесом. Некоторые из этих проституток, нарушающие ночную тишину, забираются ночным обходом в полицию, где они, конечно, зимой рады бесплатно переночевать в теплой комнате, в которой ежедневно утром осматриваются врачом. В 1879 году осмотрено 83 женщины, из которых более 40, в разное время, найдены были больными разными формами венерической болезни.

Тайные проститутки Ставрополя находятся, как и везде, вне врачебного контроля и статистики. Я думаю, что число их достигает цифры 300 и вот на каких основаниях: в Ставрополе, осенью и зимой, устраиваются два раза в неделю вечерние собрания тайных проституток в залах различных гостиниц. Собрания эти, носящие скромные названия «семейных вечеров», в сущности, те же maisons de passe où maisons de rendez-vous, которые описываются авторами в городах Франции и носят вполне характер танцклассов других городов России. Ни одна порядочная женщина, конечно, не решится посещать эти «семейные вечера», а собираются туда исключительно женщины низшего слоя, именующие себя швейками, горничными, башмачницами и т.д., и большинство из них относится к проституткам, т.е. «женщинам, отдающим свое тело на совершение любострастного акта за плату» (Жаннель[94]). Так как женщины, посещающие подобные увеселительные вечера, при входе записываются в особо заведенные книги, то мы воспользовались ими для того, чтобы приблизительно определить цифру тайных проституток: в 1879 году было записано в этих книгах 348 женщин. Если из этого числа исключить 48 женщин, которые собственно не могут подойди под строгое определение понятия проституции (хотя, судя по словам пользованной мной от венерических болезней молодежи, вряд ли таковые бывают на этих вечерах), то останутся 300 лиц, которые, по моему мнению, всецело относятся к проституткам. Этим, конечно, не исчерпывается тайная проституция города: есть много отдаленных от центра города местностей, где в редком доме, по словам молодежи и городских извозчиков, лиц, более компетентных в этом деле, чем городская полиция, не живет тайная проститутка.

Собрать какие-либо сведения о заболеваемости венерическими болезнями между тайными проститутками мы не имели возможности; очевидно, больных между ними очень много, и они, главным образом, заражают различными видами шанкра ставропольскую молодежь.

Примечание. К тайным же проституткам относятся так называемые «арфянки», которые сделались непременной принадлежностью почти всех ставропольских гостиниц. «Арфянки» отчасти пением и музыкой, а главное, своим присутствием привлекали в гостиницы посетителей. Мы неоднократно получали заявления от местной молодежи, что та или другая «арфянка» (следует адрес) страдает венерической болезнью и распространяет ее среди молодежи. На основании донесения городового врача[95], общее присутствие губернского правления, признав «арфянок» действительно проститутками, т.е. женщинами, обратившими разврат в ремесло, постановило: с 15 августа 1881 г. безусловно воспретить содержателям ставропольских гостиниц держать при гостиницах «арфянок».

Болезненность. Преобладающие острые и хронические болезни

Описав на предыдущих страницах медико-топографические особенности местности, санитарные и гигиенические условия быта населения Ставрополя, мы указали наиболее важные моменты, могущие вредно влиять на здоровье горожан. Теперь мы переходим к обозрению самого существа дела — к изложению патологии общественного организма как проявления уклонений нормальных жизненных явлений — уклонений, зависящих от вредно влияющих моментов. Хотя в каждом отделе нашего труда мы по возможности обращали внимание на все ненормальные условия жизни, однако без подробного указания последствий их, иначе говоря, мы не подчеркивали особенно вредных агентов и не обращали внимания на эффекты, производимые ими.

Понятно, что мерилом вреда, приносимого или со стороны действия общих субстратов, или частных жизненных отклонений от нормы, должно служить проявление ненормального функционирования организма, выражающееся в его болезненности и, как печальный исход последней, — вымирание больных индивидуумов. Но прежде чем разбирать в частности, по проявлениям болезненных форм, то или другое влияние вредных агентов на сумму заболеваний, мы должны оценить, насколь-

ко собранные нами цифры болезненности в состоянии быть выразителем настоящего коэффициента её и указать самый источник получения этих цифр, чтобы сложить с себя ответственность за могущую встретиться неточность в смысле выражения коэффициента болезненности — его уменьшения.

Достоинство статистических выводов болезненности населения заключается в том, что выводы эти должны быть основаны на большом числе наблюдений, собранных при разных условиях, многими лицами, в течение долгого времени. Этими-то достоинствами и обладают не вполне приводимые ниже цифры.

Врачи, практикующие в Ставрополе, не доставляют врачебному отделению никаких отчетов о своей частной практике, следовательно, некоторая часть больных более привилегированных сословий для нас ускользает от наблюдения. Официальные же отчеты городового врача и врача тюремной больницы по всевозможного рода случайностям и незначительности данных негодны для наших целей; далее, единственная в Ставрополе больница приказа общественного призрения также не доставляет годного материала, так как она слишком мала и по высокой относительно плате доступна лишь очень незначительной части населения; отчеты этой больницы, хотя и не слишком официальны, но составлены по устарелой казенной номенклатуре.

Об остальных больницах при разных учебных заведениях нечего и говорить, так как они носят вполне характер домашних лечебниц, без всякой определенной системы. Можно было бы характеризовать болезненность выборкой из метрических книг по числу умерших от той или другой болезни, но и этот путь является непригодным: врачи, выдавая записки на погребение, редко (исключая эпидемических болезней, для которых собственно и установлена эта мера) обозначают точный диагноз болезни[96], а лишь констатируют факт действительной смерти и отсутствие знаков насилия, обозначая, для записи полиции, или симптом какой-либо болезни (напр., отек легких, паралич и т.д.), или просто «со стороны моей препятствий на погребение нет». Священники же в графе, от какой болезни последовала смерть, обозначают свою диагностику, вроде: умер от боли в «животе, в груди, от сильного кашля», чаще же — «от младенческой или волей Божьей».

Таким образом, для оценки болезненности населения в Ставрополе, собственно говоря, почти нет никакого источника. Для того, однако, чтобы хоть сколько-нибудь пополнить этот существенный отдел нашего труда, я воспользовался нижеследующими данными, которые, по моему мнению, дают хотя неполное, но все же ясное и приблизительное представление об интересующем нас вопросе.

В 1879 г., во время развития в городе дифтеритной эпидемии, в числе других мер, принятых к прекращению ее, были устроены лечебницы для приходящих больных, с бесплатным отпуском при них врачебных средств; на эти-то пункты (числом 4) стекались больные действительно со всех концов города и во время амбулаторного приема записывались врачами с обозначением диагноза и лечения в заведенные для этой цели казенные шнуровые книги.[97] Я и воспользовался этими книгами, заключающими в себе сведения с октября месяца 1879 г. по 1 января 1880 года; кроме того, для характеристики болезненности 1879 г. я взял сведения за этот год из записных книг больных — своей и двух врачей-товарищей.[98] Вот единственное мерило болезненности, возможное для меня. Можно возразить, пожалуй, что эти цифры, характеризуя болезненность 1879 года и известной части населения, а также размеры деятельности лечебниц для приходящих и 3 врачей, не исчерпывают собою вообще болезненности в городе; но этот упрек был бы возможен тогда, если бы при богатстве материала была мною избрана подобная оценка. Ввиду же некоторых ценных результатов мы не сочли себя вправе игнорировать и эти незначительные данные, тем более что надеемся главу о болезненности горожан Ставрополя пополнять в будущем ежегодно.

Во время прекращения эпидемии дифтерита было произведено врачами санитарно-статистическое исследование с обозначением больных из наличного числа жителей. Таким образом, казалось, возможно было бы определить коэффициент текущей болезненности, но, к сожалению, эта перепись тянулась значительно продолжительное время (около 3-х месяцев), а потому, естественно, полученные цифры нужно считать также неточными, так как в промежуток этого времени многое могло измениться: часть больных выздороветь, часть здоровых заболеть, к тому же сюда не вошло среднее ежедневное число больных разного рода лечебниц (больниц тюремной и при учебных заведениях, госпиталя, больницы приказа и др.). Подвести эти цифры под известные болезненные формы невозможно, так как врачи не обозначили в заметках о больных форм болезней. Таким образом, полученные цифры пригодны лишь отчасти для характеристики текущей болезненности и позволяют делать только приблизительные выводы. По этой переписи найдено наличное число больных равным 6246 человекам.

Если к этому прибавить не вошедшее в эту цифру среднее ежедневное число больных в тюремной больнице 19, больнице приказа общ. призрения 32, госпитале 175, местных войсках 15, больницах при учебных заведениях 46, итого 387, то получим цифру 6533, т.е. один больной в 1879 г. приходился на 5 чел. населения или из 100 чел. населения было 19 больных. Такой коэффициент текущей болезненности (понимая слово «текущая» в условном смысле), если даже, предполагая неточность, сократить эту цифру наполовину, нужно считать весьма большим по сравнению с другими местностями, ибо, напр., по Эстерлену, на Западе вообще из 100 жителей постоянно больных 4—6%.[99]

Можно приблизительно определить и общее число больных в течение 1879 г. Из добытых мною цифр (см. ниже таблицу) находим, что общее число больных, обращавшихся в лечебницы и к помощи трех врачей, равно 5489 человекам; если к этому прибавить валовую годовую цифру больных разных больниц, где уже, конечно, один и тот же больной мог быть показан несколько раз, а именно больных учебных заведения и госпиталя 1835 ч. и больницы приказа общественного призрения 1472 ч., то получим приблизительную цифру всех болевших в 1879 г. — 8796. Эта циф-

ра скорее менее, чем более действительной, ибо сюда не входят больные в частной практике других врачей в городе, кроме 3-х врачей, больные в войсках, которые не были отправлены в госпиталь, и т. д.; таким образом, в течение 1879 г. один больной в Ставрополе приходился на 38 человек населения, или 26,4% больных.

Во всяком случае цифры эти, хотя и приблизительные, указывают, однако, на тот факт, что более $^1/_4$ населения переболело в 1879 году, а если исключить отсюда случайности и проявление особенной экстенсивности эпидемий в 1879 г., можно полагать ежегодное количество больных равным от $^1/_5$ — $^1/_6$ части населения.

Общее число больных 4-х санитарных пунктов, а также встречавшиеся в практике 3 врачей, распределялись по полицейским частям следующим образом:

	Больных всех возрастов			На 100 болевших	В том числе детей до одного года			На 100 болевших детей до одного года
	Мужчин	Женщин	Обоего пола		Мужчин	Женщин	Обоего пола	
1-я часть	962	838	1800	32,8	246	123	369	34,9
2-я часть	685	669	1354	24,6	132	89	221	20,9
3-я часть	783	710	1493	27,2	148	151	299	28,2
4-я часть	410	432	842	15,3	93	75	168	15,9
Итого	2840	2649	5489[100]	99,9	619	438	1057	99,9

Из 100 общего числа больных 32,8% падает на долю 1-й части, 24,62% — второй, 27,2% — третьей и, наконец, 15,3% — четвертой. Сопоставляя эти данные с высказанным ранее о материальном благосостоянии и гигиенической обстановке жителей по частям города, мы видим, как отчетливо отражается на здоровье вредное действие бедности, плохой гигиенической и санитарной обстановки жителей. Там, где народ беднее, где почва и вода засорена всякими отбросками и нечистотами заводов, где улицы грязны, с кучами гниющего навоза (1 и 3 часть города), там и болезненность сильнее, и наоборот: где жители состоятельнее (2 часть), почва и вода не засорены (4 часть), болезненность далеко слабее. Мы убеждены, что разница гигиенической обстановки жителей и материального их благосостояния еще резче отразилась бы на смертности, но, к сожалению, для доказательства этого в высокой степени вероятного заключения у меня нет данных, так как мертвых не всегда хоронят и записывают в пределах и церквах той части, в которых они жили; например, живущие в 1-й части хоронятся священниками старого (Троицкого) и нового (Казанского) соборов и вписываются в метрические книги обеих церквей без обозначения места жительства, следовательно, разделить по частям города умерших нет возможности. Таким образом, я считаю 4-ю часть города во всех отношениях наиболее выгодной для здоровья горожан и уже высказался, что будущее принадлежит этой части.

Из этой же таблицы видно, что и цифры заболеваний детей на первом году жизни также идут параллельно цифрам заболевания взрослых.

Сословия	Мужчин	Женщин	Оба пола	%
Дворян и чиновников	257	264	521	9,4
Духовного звания	77	59	136	2,4
Купцов	142	115	257	4,6
Отставных нижних чинов	374	238	612	11,1
Мещан	1,540	1,521	3,061	55,7
Крестьян	415	427	842	15,7
Казаков	23	37	60	1,0
Итого	2828	2661	5489	99,9

Из таблицы видно, что наибольший % (55,7%) заболеваний приходится на долю мещан, как самого большого по числу класса; второе место (15,7%) занимают крестьяне, частью рабочие, приходящие в город на заработки, частью выходцы, не успевшие еще приноровиться к условиям городской жизни, 3-е место (11%) занимают отслужившие отечеству ветераны, представляющие, понятно, a priori уже вечно больной контингент населения, 4-е дворяне и чиновники; последние, по преимуществу, вследствие непосильного труда, соединенного со скудным питанием тела, благодаря незначительному размеру содержания, условиям постоянного сидения и т.п. незавидной обстановке.

Отношение между заболеваниями обоих полов и разных возрастов почти сводится к тождеству, которое представляет в частности относительно большие колебания, как видно из следующей таблицы:

Распределение больных по полу и возрасту

Возраст	Мужского пола	Женского пола	Обоего пола	% к общему числу больных	Отношение заболеваний мужчин к женщинам	На 100 населения данного возраста[101]
До 1 г.	619	438	1057	19,3	1:0,7	34,0
От 1 г. до 5 л.	572	540	1112	20,2	1:0,7	39,1
От 5 до 10 л.	239	223	462	8,4	1:0,7	15,4
От 10 до 15 л.	331	260	591	10,8	1:0,7	18,4
От 15 до 20 л.	245	196	441	8,0	1:0,8	13,4
От 20 до 30 л.	268	487	755	13,7	1:1,8	12,5
От 30 до 40 л.	180	248	428	7,8	1:1,3	10,9
От 40 до 50 л.	172	125	297	5,4	1:0,8	9,1
Свыше 50 л.	202	144	346	6,3	1:0,7	11,0
Итого	2828	2661	5489	99,9	1:09	26,4

Из таблицы видно, что самый большой % заболевания дают дети от 0 до 5 лет, средний % от 10 до 15 и от 20 до 30; такие отношения вполне справедливы, если припомним, что в течение более 4-х лет у нас постоянно свирепствуют эпидемии, поражая по преимуществу детей от 1-го до 5-ти лет, и что, кроме того, много детей заболевает на 1-м году жизни от слишком сурового и неправильного вскармливания и ухода. Возраст от 10 до 15 и от 15 до 20 лет дает также значительный % заболеваний, представляя большое число больных среди молодого учащегося поколения, изнуряемого непомерным трудом, с

плохим вознаграждением убыли питанием. В возрасте от 20 до 30 лет общую цифру заболеваний повышают, главным образом, болезни женщин, при условиях половой зрелости, родов, послеродового периода и изнурений; в последнем возрасте (а также от 30 до 40 лет) общее число больных женщин даже превышает число мужчин почти вдвое. В следующие годы мужской пол остается преобладающим. В общем же, как сказано, количество заболеваний по полам почти одинаково.

Большая часть больных принадлежит к населению православного вероисповедания (около 80%), далее следуют евреи, и менее всего больных среди армяно-григорян, католиков и сектантов. Абсолютная большая болезненность среди православных объясняется, конечно, многочисленностью их, относительная же — бедностью и слишком плохими гигиеническими условиями быта. Большее относительное заболевание среди евреев зависит от бедности и, главным образом, от скученности их, так как нередко 10 и более семейств живут в одном дворе и часто в одном доме, с кучей детей, занимая небольшие конурки, причем грязь от домашнего обихода при нечистоплотности евреев достигает ужасающих размеров. При этих условиях всякий болезненный процесс, могущий передаваться, действительно принимает характер повального заболевания. Впрочем, значительное число евреев в амбулаторной практике объясняется также любовью их лечиться, доверием к врачам и верой в медицину.

Вот все, что касается болезненности по отношению к субъективной ее стороне — к населению.

Посмотрим теперь на другую сторону вопроса — характер самих заболеваний в связи с теми вредными агентами, которые способствуют болезненности.

В приложенной в конце труда таблице К я привел распределение всех больных по группам болезней. Из таблицы видно, что самый большой % заболеваний (24,74%) падает на органы пищеварения, причем наиболее частою болезнью является катар кишок [острый (7,9%) и хронический (3,1%)]. Эта болезнь со всеми сопровождающими ее явлениями главным образом поражает детей преимущественно летом. Причинами её являются у грудных детей диспепсические явления, происходящие, в свою очередь, от ненормального вскармливания. Матери, чтобы освободить себя во время полевых работ и ярмарок, очень рано ребенка отнимают от груди и прикармливают посторонней грубой пищей; оставляют его на продолжительное время дня на попечение старух и малолетних братьев и сестер, которые, чтобы успокоить плачущее дитя, нередко «затыкают» ему рот морковью, огурцами, картофелем или просто грязной, прокисшей соской. В более позднем возрасте детей поносы возникают при прорезывании зубов и поддерживаются плохой диететикой, а у 2—3-летних, главным образом, возникают вследствие употребления недозрелой зелени, плодов и фруктов; поэтому цифра больных детей, как видно из возрастного распределения больных, весьма велика. Катары кишок у детей, затягиваясь, нередко принимают то характер cholera nostras, то дизентерии, сильно истощающих детей. Плохой аппетит, боли в животе, частые испражнения (25—30 раз в сутки), быстрое исчезание подкожного жирного слоя и, наконец, упадок сил с финальной эклампсией — все это ведет, в большинстве случаев, ребенка к гибели.

Эта болезнь господствует в летние месяцы, в июле и особенно в августе. На частоту её появления, помимо чисто диететических погрешностей, по моему мнению, имеет влияние также и самая местность, так как чаще болеют дети тех, которые живут в низменных, сырых местностях предместий города: Ташлы, Мутнянки, Мамайки, тогда как болезнь реже встречается у детей, живущих на возвышенных местах (Воробьевке). В этом мнении меня еще укрепляет неоднократно наблюдаемое явление, что детские поносы, не уступающие никаким врачебным средствам, проходили сами собой, без лечения, если ребенка переводили на жительство в более высокие места.

Второе место по частоте из этой группы болезней принадлежит воспалению зева (6,4%), — обстоятельство это мне кажется случайным и исключительным, так как, благодаря существованию в городе дифтерита, очень может быть, число жаб увеличилось вследствие «genii epidemici», и эта болезнь обусловливалась лишь меньшею степенью восприимчивости к дифтеритной заразе. По крайней мере, по отзывам врачей, в предыдущее годы число катаральных воспалений зева было не так значительно. Жаба эта и носит несколько иной, отличающийся от обыкновенной характер: краснота зева гораздо насыщеннее, глотание не очень затруднительно, общие лихорадочные явление часты, подчелюстные железы нередко припухают и, кроме того, часто замечается тонкий, в виде флёра, налет на миндалях и задней стенке глотки. При последнем явлении жаба считалась врачами как слабая катаральная форма дифтерита. Таким же эпидемическим напряжением я объясняю и появление значительного числа идиопатического воспаления околоушной железы. Обе рассматриваемые болезни почти всегда оканчивались выздоровлением.

Третье место в этой группе занимает катар желудка у взрослых (см. 3-е примеч. табл. К.). Нечего и говорить, что эти болезни составляют почти неотъемлемую принадлежность простолюдина и мещанина; пища и питье их, как будто нарочно, приспособлены к тому, чтобы вызывать и поддерживать катары желудка и кишок; впрочем, нередко эти заболевания встречаются и у купцов, употребляющих жирную и не всегда удобоваримую пищу, а также у женщин рядом с расстройством в половой сфере.

Другие расстройства пищеварительных путей не часты и носят случайный характер.

Вторую наиболее частую группу болезней составляют эпидемии (16%); из них наибольшие цифры дает дифтерит (10,25%), корь (2,4%) и оспа (1,3%).

Эпидемии почти постоянно присущи городу и, как явление, заслуживающее большого внимания, дают мне право рассматривать их подробнее (см. ниже).

Третье место занимают эндемии и, главным образом, перемежающаяся лихорадка (11,62%). Лихорадка, как уже давно замечено врачами, в Ставрополе проявляется в двух формах: первая форма, которой приписывается местное происхождение, господствует преимущественно осенью, хотя иногда встречается и весной, имеет правильный тип, редко сопровождается гастрическими явлениями; другая же — злокачественная (Febris intermettens

perniciosa), с неправильным типом, нередко маскированная (Feb. inter. larvata), господствует летом и весной и влечет за собой явления кахексии (Cachexia paludosa).

Первая форма лихорадки является продуктом развития миазматических начал в самом городе, так как высота положения его (1929 футов над уровнем Черного моря) еще не исключает этой возможности, ибо, по Торопову[102], самостоятельное развитие миазмов возможно во всех местах, лежащих ниже 4000 футов. Действительно, местная миазма является весьма значительной вследствие перечисленных ненормальностей в гидрографическом и санитарном отношениях. Застои воды речек, протекающих в городе, искусственные запруды их для технических целей, с массою выбрасываемых в воду заводских отбросков, навоза и нечистот, плохосодержимые пруды и колодцы, масса поверхностно лежащих органических остатков и навоза как вблизи городской черты, так и в самом городе, при условиях ограниченного движения воздуха в некоторых участках (как по Ташле, Мутнянке и др.), грязно содержимые улицы и особенно дворы, богатая растительность в городе, летние жары и неравномерное распределение, в силу орографических особенностей местности, занимаемой городом, выпадающего водяного осадка, — все это вместе взятое порождает гниль, способствующую развитию миазмы.[103] Тип этой формы лихорадки чаще однодневный, хотя довольно часто наблюдается и трехдневный; больные не сильно изнуряются и относительно скоро вылечиваются употреблением хинина, даже суррогатов его или мышьяка.

Вторая форма лихорадки заносная, существованием своим обязанная господствующим в Ставрополе ветрам — юго-восточному и западному, особенно последнему. Юго-восточный ветер, дующий с устьев Терека, хотя и сильно лихорадочной местности[104], прежде чем достигнет Ставрополя, проходит чрез обширные степи Ставропольской губернии (Карагайские, Джамбулакские, Трухмянские, Ачикулакские и др.) и, теряя в них забираемую с Терека влагу вместе с болотной миазмой, является в Ставрополь не особенно зловредным; западный же ветер, дующий с берегов Кубани, проходит более короткий путь и большую часть захватываемой миазмы доносит до города. Связь заболеваний лихорадкой с ветрами можно было бы видеть из сопоставления частоты западного ветра и заболеваний лихорадкой по месяцам, если бы город был свободен от местного происхождения миазм.

Заболевания заносной лихорадкой отличаются атипическим течением. Нередко температура тела достигает до 40 $^{1}/_{2}$ — 41° С, держится на этой высоте без значительных колебания 2—3 дня, напоминая картину тифозного заболевания. Иной раз в один день наблюдается несколько повторных пароксизмов со всеми критическими явлениями.

Из скрытых форм, кроме часто встречающейся Neur. supraorbitalis, наблюдалась и гастралгия малярийного происхождения.[105] В зависимости от заболеваний такой формой лихорадки наблюдался мной и другими врачами (Соколов) артериосклероз в раннем возрасте (от 20 до 25 лет), выражающийся жесткостью и извитостью артерий, плечевых и височных, наряду с соответствующими изменениями со стороны сердца. Это были те случаи, где anamnesis и st. praesens больного вполне исключал другие этиологические моменты (старость, злоупотребление спиртными напитками, сифилис).[106] Заболевания заносной формой лихорадки имеют постоянно изнурительный характер и влекут за собой расстройство кроветворения, «завалы» паренхиматозных органов, водянки, маразм и т.п. явления кахексии, трудно уступающие лечению. Нередко весь арсенал противолихорадочных средств не оказывает никакого действия и больной принужден переменить местожительство.

Насколько вообще сильно развита в Ставрополе перемежающаяся лихорадка, можно отчасти судить по числу больных этой болезнью в местных войсках. По сведению дивизионного врача, в Крымском полку из среднего наличного числа 2267 нижних чинов переболело лихорадкой в разное время 1879 г. 2732 человека.

638 человек больных лихорадкой распределяются по полицейским участкам так: в 1-й части — 258 чел., или 40,4%; во 2-й части — 107 чел., или 16,6%; в 3-й части — 190 чел., или около 30% и в 4-й части — 83 чел., или 13%. Итак, опять большие цифры падают на самые плохие в санитарном состоянии участки города (1 и 3 его части).

4-е место по частоте появления (9,47%) принадлежит группе болезней дыхательных органов, а из них чаще всего (4,32%) встречаются заболевания бронхов. Последние болезни наблюдаются также чаще среди детей бедного класса населения периферии города как последствие так называемой простуды, т.е. действия холодного и сырого воздуха, ибо дети, не имея наблюдения со стороны взрослых, голые и босые, подвергаются всем вредным колебаниям температуры как на дворах, улицах, так и в домах, плохо приспособленных для жизни. Особенно бронхит превалирует в зимние и весенние месяцы, во время наибольших воздушных и температурных колебаний. У взрослых болезнь наблюдается реже, и причина ее — недостатки правильного регулирования чистоты воздуха в общественных местах, домах, присутственных местах и учебных заведениях. Из страданий собственно легких чаще (2,7%) встречаются крупозное и катаральное воспаление, особенно зимой, и отчасти чахотка (1,11%) во все времена года. Воспалением легких страдают часто учащиеся гимназисты, гимназистки, семинаристы, дети юношеского возраста в бедных семьях вследствие тех же моментов, располагающих к простуде, что и при бронхитах. Чахоточные обыкновенно в Ставрополе вследствие крайнего непостоянства погоды чувствуют себя плохо и погибают обыкновенно в начале весны.

Климатическая же путаница и сырость в домах, особенно в низших этажах, служат причиной частого появление ревматического страдания суставов и мышц (6,1%) среди небогатого класса людей.

Женщины в крестьянской и мещанской среде, изнуряющиеся домашними, а летом и полевыми работами, при условиях заболевания лихорадкой и при плохом питании, представляются часто истощенными и малокровными, а девушки — хлоротическими и дают значительный % (2,35%) этих болезней, а равно и болезней маточной сферы и зависящих от расстройства последней страданий нервной системы и общих неврозов.

Поэтому и новорожденные дети в этой среде нередко слабы, золотушны (1,8%) и не могут противостоять всем внешним вредным влияниям, которые они встречают в мещанской и бедной еврейской среде.

Из остальных групп накожные болезни встречаются вследствие грязи, плохой одежды и нечистоплотности детей мещан и крестьян.

Из глазных болезней (3,53%) чаще встречаются страдания наружных сред глаза, кератиты и конъюнктивиты — болезни, обусловливаемые пылью, несущейся летом по улицам порывами восточного ветра (в августе). Легкие воспалительные страдания наружных частей глаза, вследствие небрежности больных, нередко вовлекают в страдание и внутренние среды глаза или переходят в формы тяжелые и хронические (трахомы). Впрочем, трахоматозные воспаления конъюнктивы чаще встречаются у нижних чинов местных войск, и причинами появления, иногда и повального распространения трахомы, служат, главным образом, плохо устроенные казармы, скученность солдат, масса органической пыли в помещениях, недостаток белья (полотенец), нечистоплотность и т.д. (В Крымском полку в 1879 г. болело глазными болезнями нижних чинов 1302 чел.)

Болезни сердца и его оболочек встречаются чаще как осложнение ревматических страданий.

Из хирургических болезней превалируют язвы (1,56%) и воспаления клетчатки (1,43%). Язвы обыкновенно составляют последствие травматических насилий, так как эти повреждения у простолюдинов или подвергаются лечению знахарок, буквально растравляющих раны сулемой, купоросом и другими лекарствами, или остаются без всякого лечения, будучи перевязываемы грязным тряпьем. И долго ходит бедняк от знахарки к знахарке, выслушивая ряд их нашептываний и перебирая арсенал мазей, наконец, с надеждой обращается в аптеку то за «вытяжным», то за «затяжным» пластырями, а язва идет далее и далее, пока не заставит его слечь и обратиться к врачу. Воспаление клетчатки и нарывы также последствия случайной травмы при работе. Понятно, что большая часть этих болезненных форм теряется у знахарей и знахарок.

Венерические болезни

Изложив все виды тайной и явной проституции и указав, благодаря развитию ее, на возможность заболевания местного населения венерическими болезнями, мы, однако, далеко не исчерпали всех источников возникновения этих болезней, так как они в частностях, к сожалению, редко могут быть выяснены; можно лишь с уверенностью сказать, что эти источники заражения попадаются весьма часто. Но и это в высшей степени вероятное заключение подтвердить точной цифрой заболевания при отсутствии лечебниц для приходящих, неудовлетворительности городской больницы приказа общественного призрения, при невозможности пользования больных бесплатными медикаментами и т.п. не представляется возможности. Многие больные в силу этого или не прибегают к врачебной помощи, а скорее и охотнее обращаются к знахаркам и цирюльникам[106], или же остаются без всякого лечения. Таким образом, приводимые ниже цифры, собранные за 1879 год, менее действительных и лишь отчасти характеризуют напряжение венерических болезней в городе. Цифры эти заимствованы из книг санитарных пунктов, из книг амбулаторных больных трех врачей, из записной книги городового врача (книги, в которую вносятся все больные проститутки) и из истории болезней местной больницы.

Примечание. Из XXII таблицы видно, что наибольшее число больных обращалось в частные амбулаторные врачей (49,7% общего числа больных), в то время как на санитарные пункты всего 22,4% обоего пола. Это обстоятельство как будто противоречит тому наблюдению, что устройство бесплатных лечебниц для приходящих больных при бесплатных медикаментах (как это было на санитарных пунктах) привлекает большое число больных венерическими болезнями; кажущееся противоречие объясняется тем, что больные с венерическими болезнями стеснялись обращаться к врачам санитарных пунктов, так как больных врачи принимали в единственной комнате при участии акушерки (не старше 23-летнего возраста), сестры милосердия и фельдшеров, которым во время приема этих больных деваться было некуда, а потому, понятно, больные предпочитали искать помощи там, где не было этой официальности и где болезнь действительно оставалась секретной. Следовательно, из небольшого числа венерических больных санитарных пунктов (устроенных почти исключительно для дифтеритных) нельзя еще выводить заключение, что в Ставрополе нет надобности в устройстве бесплатной лечебницы для приходящих больных венерическими болезнями.

Из общего числа заболевших больных мужчин пользовалось в местной гражданской больнице 59 человек (16,9%), но и эту цифру нужно считать весьма почтенной при небольшом числе кроватей для сифилитиков в больнице приказа, при высокой месячной плате (67 коп. в сутки) и весьма дурной обстановке самой больницы. Мы убеждены, что число больных венерическими болезнями в больнице было бы гораздо более, если бы улучшить гигиеническую обстановку и увеличить число кроватей в ней. Кроме того, мне кажется, что большее число больных венерическими болезнями будет обращаться за помощью в больницу, когда общество, а следовательно, и больничная прислуга, будет смотреть на сифилитиков как на обыкновенных больных, а не на каких-то прокаженных, развратников и чуть ли не преступников, но до этого гуманного взгляда мы, провинциалы, еще не дошли.

Из общего числа больных женщин пользовалось в больнице 42 (21,2%). Это число падает почти исключительно на проституток-одиночек, отправленных для излечения в больницу полицией.

Все больные венерическими болезнями, обратившиеся на санитарные пункты и в амбулаторные врачей, по занятиям распределялись следующим образом:

Мужчин		Женщин	
Приказчиков	124	Горничных	32
Рабочих и мастеровых	69	Кухарок	9
Занимающихся полевыми работами, мелкой торговлей (и детей их)	45	Нянек	6
		Кормилиц	3
		Прачек	8
		Швей	25
Учащихся	24	Детей и жен купцов, приказчиков и чиновников	12
Неизвестных занятий	28		
		Жен и детей мещан и крестьян	14
		Неизвестных занятий	6
Итого	290	Итого	105

Таким образом, 43% больных мужчин приходится на приказчиков, 23,7% мастеровых и рабочих, а

остальные 33,3% распределяются между земледельцами, учащимися и др. Из женщин наибольший % дают горничные и швеи (после проституток).

Из всего числа больных венерическими болезнями на возраст взрослый приходится 85%, остальные 15% на детей до 10 летнего возраста.

На перелойные страдания приходится 49,3%, на мягкий шанкр 19,3% и на сифилис 31,2%. С перелоем ищут врачебной помощи почти исключительно приказчики и учащиеся, с явлениями мягкого шанкра — те же и мастеровые. Общие явления сифилиса встречаются чаще среди мастеровых, крестьян и мещан; с застарелыми формами сифилиса (поражением костей и внутренних органов) обращаются, главным образом, крестьяне, переселившиеся из разных губерний России (Вятской, Рязанской, Воронежской и Донской области) и заразившиеся вне Ставрополя.

Редко можно встретить проститутку-одиночку (тайную или явную), не страдающую белями; между ними же иногда встречаются значительно развитые припадки сифилитического поражения, тогда как среди проституток публичных домов было всего 4 страдающих белями и 2 мягким шанкром (у одной с нагноением паховых желез левой стороны).

Итак, как видно из собранной мной цифры болевших венерическими болезнями, цифры, вероятно, выражающей не более $^{2}/_{3}$ действительного числа больных (так как сюда не выключены больные тюрьмы, госпиталя и случаи, попадающиеся в частной практике других врачей), общее число всех больных за год было 547. На 1000 жителей приходится 16,4 человека больных, или 1 больной на 60 чел. населения.

Столь относительно сильное развитие венерических болезней в Ставрополе зависит:

1. От значительного числа тайных проституток, маскирующих себя именами горничных, швей, прачек и т. д., находящихся вне врачебно-полицейского контроля.

2. От сильного развития явной одиночной проституции в ущерб проституции в публичных домах. Немногие наши данные о проституции и заболеваниях венерическими болезнями подтверждают статистически выработанное положение[108], что проституция в публичных домах имеет громадные преимущества пред проституцией одиночной, более гарантируя общественную нравственность, здоровье и безопасность, так как несравненно легче поддается врачебному и полицейскому надзору. Правда, и проституция в публичных домах есть зло, но зло, которое должно сознательно терпеть, как неизбежное, при настоящих нравах общества, зло, все-таки менее вредное, чем сильная одиночная проституция, а потому, в интересах здоровья населенья, следовало бы всеми мерами препятствовать последнему виду проституции, сводя его к систематическому и целесообразному устройству проституции первого вида.

3. От отсутствия периодического свидетельствования рабочих и ремесленных заведений, нижних чинов полицейской команды и местного войска и т.д.

4. От неразвития населения окраин города, отсутствия правильно организованной врачебной, бесплатной и неофициально обставленной помощи, от небольшого числа кроватей для венерических больных в местной гражданской больнице, а вследствие этого пользования иногда одиночных проституток на дому.

Всякое мероприятие (будет ли это со стороны правительства, городского общественного управления или общества), имеющее целью уменьшить одно из перечисленных в этих четырех пунктах безотрадных явлений, сократит источники распространения венерических болезней, следовательно, и число больных ими.

Эпидемии

Дифтеритную эпидемию, существующую в Ставрополе до последних дней моего наблюдения, т.е. до конца 1880 года, я считаю не лишним описать подробнее, исходя из того убеждения, что как бы ни была незначительна та или другая эпидемия в различных местностях России, описание её заслуживает полного внимания врачей, так как одни и те же эпидемии, имея между собой много общего, в деталях разнятся до бесконечности, сообразно условиям местности и населения, организации борьбы и т.д. Но, описывая дифтерит в Ставрополе, я, конечно, не думаю сказать что-либо новое, не сказанное до сих пор в науке; для меня важна не столько эпидемия дифтерита вообще, сколько таковая на ставропольской почве: занесение и источники распространения заразы, борьба с эпидемией силами местной администрации, врачей и городского управления. Правда, эпидемия дифтерита в Ставрополе, по сравнению, напр., с полтавской, ничтожна, но из множества описаний хотя и небольших эпидемий будущий эпидемиолог дифтерита в России, может быть, почерпнет что-либо годное.

Краткая история эпидемии дифтерита и борьбы с ней

Вопрос, когда и откуда занесена дифтеритная зараза в г. Ставрополь, не решен положительно: некоторые старожилы-врачи уверяют, что до сентября 1876 года не было случаев заболевания самостоятельной формой дифтерита, но иногда попадались случаи скарлатины, осложненные дифтеритом.

Другие врачи Ставрополя думают, что дифтерит с ослаблением скарлатинной эпидемии принял самостоятельный характер злокачественной жабы с конца 1876 года. Однако, есть некоторые данные предполагать, что дифтеритная зараза занесена в город (и губернию вообще) с южных губерний России. Доктор Скаковский, десятки лет практиковавший в Ставрополе, в своей статье, появившейся в 1868 году[109], писал: «Оспа, скарлатина и дифтерит в Ставрополе не доходят до таких размеров, чтобы их можно было бы назвать эпидемическими». Таким образом, несомненно, что спорадические случаи дифтерита попадались в Ставрополе в 1868 г., и, по всей вероятности, зараза была занесена сюда с соседних зараженных местностей, т.е. с земли Войска Донского, где, как известно[110], в конце 1868 года и в начале 1869 г. была эпидемия дифтерита. Возможность этого переноса подтверждается отчасти и тем фактом, что в этих годах было переселение в Ставрополь, по сведениям мещанской управы, нескольких семейств из округов Хоперского и Усть-Медведицкого.

Эпидемическое появление дифтерита в 1876 году заставило искать новый источник занесения заразы, и хотя с положительностью не найдено семьи, в которой впервые появился дифтерит, однако, по

тем же сведениям медицинской управы, известно, что колонизация с южных зараженных губерний России не прекращалась до сих пор, и нет ничего невероятного в предположении занесения заразы этими переселенцами, приписавшимися к мещанам г. Ставрополя. Как бы то ни было, эпидемия дифтерита в 1876 г., несмотря на свою интенсивность, не была особенно экстенсивна, также как и в следующем 1877 г. Болезнь выхватывала отдельные жертвы, чаще из бедного класса населения, с чем мирились, как с карой Божьей, жители, не принимая никаких мер. Внимание же администрации было обращено на более сильную эпидемию дифтерита в губернии, а именно в селах Урожайном и Владимировке, где, по сведению врача Сергеенко, смертность доходила до $58^1/_2$%.[111]

Осенью 1877 года дифтерит усилился. Несмотря на близость опасности, городское общественное управление, занятое другими нуждами города, оставалось глухим к воплям отдельных горожан и не предпринимало мер для ассенизации города и дезинфекции зараженных домов. Администрация же, конечно, без содействия городского управления не имела никаких средств предпринять что-нибудь положительное и ограничилась предписанием городовому врачу и полиции о возможном принятии мер к прекращению эпидемии.

В первой половине 1878 г. заболевания в центре города стали появляться чаще: смерть подкосила десятки детей из богатого и интеллигентного класса населения. «Гром не грянет — мужик не перекрестится», — говорит русская пословица. Хотя и долго гремел гром и предвещал развитие эпидемии, однако и образованные жители Ставрополя креститься не думали. Пресечь распространение эпидемии, когда она была в начале своего развития, было бы легко и недорого, стоило, быть может, только строго изолировать и дезинфицировать все зараженные дома и принять рациональные меры к ассенизации города для уничтожения тех источников, которые, хотя бы даже теоретически, могли способствовать распространению дифтеритной заразы. Когда же эпидемия приняла большие размеры, даже самое искреннее желание помочь беде нередко не приводит к желаемым результатам, но и это искреннее желание являлось лишь у отдельных личностей. По крайней мере, попытки администрации призвать общество действовать сообща, сохраняя свои же собственные интересы, и дать дружный энергический отпор эпидемии остались почти бесплодными. Администрация и врачи сами по себе не могли сделать особенно многого, хотя они распинались в отыскивании средств для пресечения зла.

В сентябре 1878 года начальником губернии были созваны все врачи города с целью привести в известность число существующих больных, а главное — выработать меры для прекращения эпидемии. Врачи, по предложению начальника губернии, разделили город на участки с целью в известные часы дня являться в данный участок для подания медицинской помощи заболевшим по указанию санитарных попечителей, имеющих быть назначенными городскою думою. Кроме того, последняя должна была дать средства для бесплатной раздачи медикаментов и приобретения дезинфицирующих средств.

Врачебным отделением губернского правления изданы наставления о предохранении от заражения дифтеритом и розданы жителям города. Предписано полиции следить, чтобы не хоронили умерших в открытых гробах, не провожали покойников или прощались с ними и т.д.

Опыт, однако, показал, что подобные мероприятия не привели к желанным результатам. Городская дума не имела возможности ассигновать большую сумму для приобретения дезинфицирующих средств; санитарные попечители, назначенные из купеческого сословия, были заняты своими торговыми делами и редко сообщали о вновь заболевших врачу. Врачи вначале весьма добросовестно являлись в свои участки, сами отыскивали больных, советовали окружающим изолировать их, назначали нужные медикаменты, гигиеническое и диететическое содержание больного, но потом, видя бесцельность этих объездов, оставили их. При делении города на участки врачи имели в виду подачу бесплатного врачебного пособия бедному сословию горожан, но эта часть населения не имела возможности следовать советам врачей, которые предлагали, напр., отделить заболевшего от здорового, что было невозможно, так как хата была одна. Лекарство и дезинфицирующие средства не покупались, т.к. не на что было их купить (дело идет о большинстве, а не о возможных исключениях). Наконец, предположим, что пользование отдельных случаев дифтерита и было бы обставлено прекрасно, да разве этим мы могли бы ослабить эпидемию, не говоря уже о прекращении её? Неоднократно доказано, что в разгар эпидемии лечение больных отходит на второй план, и считается необходимой паллиативой и, наоборот, строгая изоляция больных, дезинфекция зараженных участков и ассенизация города выступают на первый план. Хотя врачи и обращали внимание отдельных весьма зажиточных жителей на те или другие антигигиенические условия их жилищ, дворов, отхожих мест, но редко кто слушал врача. Многие успокаивали себя мыслью, что «если вот уже 3-й год Бог милует их, то авось и на 4-й пощадит». Вот в этой-то ужасной апатии отдельных членов общества и непонимании своих собственных интересов, в этом подавляющем индифферентизме городского управления по отношению к здоровью горожан и заключалась, главным образом, причина, почему эпидемия вообще приняла значительные размеры и почему самопожертвованные усилия местной администрации и врачей остались бесплодными. Полиция исполняла все предписания начальника губернии по прекращению эпидемии дифтерита, но исполняла все это по мере возможности, так как она не успевала помогать деятельности врачей; например, на обширном протяжении речки Ташлы (включая сюда Монастырную улицу, Скомороховы хутора и группы) были назначены из 1-й части города только два полиц. солдата, с тем, чтобы они следили, дабы дифтеритных больных не хоронили в открытых гробах, не провожали их и не целовали, а также указывали бы врачу о вновь заболевающих. Наставления о дифтерите разбирались охотно народом, но масса значения и цели их не понимала, примиряясь с тем, что «не про нас все это писано»; другие же, грамотные, не вычитав в наставлении откуда можно получать бесплатные лекарства, карболовую кислоту, чтобы расставлять

ее по углам хат, и уксус, чтобы окуриванием его очищать воздух, подшучивали над нашими полумерами; неоднократно можно было слышать на нижнем базаре, после раздачи наставлений, шутки простолюдина: «Приказано из этих бумажек сигарки крутить, чтобы дифтерит не пристал». Полумеры при прекращении эпидемии не ведут даже к полууспехам, а прямо вредят делу, подрывая доверие населения к врачам, к их лечению, дезинфекции и ассенизации.

В конце 1878 года мы как-то успокоились, как бы привыкли к эпидемии дифтерита, как к неизбежному злу. Врачи, не имея возможности и средств бороться с эпидемией, возложили надежду (?) на зимний холод, на распространение наставления. В это же время узнали о чуме, появившейся на границе Ставропольской губернии. Представление о более сильном враге, чуме, сменило будничное представление о дифтерите, кори и т. д. Но с минованием страха о чуме в конце февраля 1879 года снова заговорили о дифтерите, который был особенно силен в январе этого года. Снова врачебным отделением даны были новые предписания городовому врачу в том же смысле, как и все прежние: врач с утра до вечера двигался по улицам города и ограничивался грустным констатированием факта вымирания подрастающего поколения, стона и плача периферии города. Администрация еще раз обратилась к городской думе с просьбой оказать материальное содействие; но дума ответила, что у неё не хватает средств, что у города есть и другие более важные (!?) нужды.[112]

В течение летних месяцев 1879 года дифтеритная эпидемия в Ставрополе значительно ослабела и, казалось, все клонилось к прекращению ее, хотя в губернии эпидемия продолжала свирепствовать с прежней силой, в особенности в Медвеженском уезде. Понятно, что если сравнительно интеллигентный класс городского населения относился так индифферентно к развитию и распространению эпидемии, то тем менее можно было ждать содействия от крестьянского сословия. Видя такое весьма упорное и прогрессивное распространение эпидемии и безуспешность принимаемых мер, объясняя наше бессилие в борьбе с эпидемиями отсутствием строго выработанного плана борьбы, недостатком медицинского персонала, денежных средств, апатией общества и т.д., начальник губернии (вице-губернатор К.Л. Зиссерман) 2-го августа 1879 г. обратился к главному кавказскому начальству с просьбой «о принятии каких-либо исключительных и чрезвычайных мер, дабы наложить, наконец, железную руку на зло, угрожающее истреблением целого поколения детей».[113] На основании этого ходатайства управляющим медицинской частью на Кавказе и за Кавказом А.А. Реммертом был составлен особый доклад, который был одобрен и утвержден 3-го сентября 1879 г.

19-го сентября на общем заседании врачей Ставрополя управляющий медицинской частью на Кавказе и за Кавказом изложил приблизительно следующее: «По донесениям, существующим в медицинском управлении, констатируется факт, что Ставропольская губерния представляет собой в высшей степени благоприятную почву для возникновения и развития как эпидемии, так и эндемии до ужасающих размеров. Не говоря уже о дифтерите, более легкие виды эпидемии, как корь и скарлатина, приобретают более жестокий характер, поражая своей интенсивностью и экстенсивностью, например, эпидемия кори года четыре назад давала 56% смертности, что, конечно, зависит главным образом от плохих гигиенических и санитарных условий населения. Поэтому полумеры в настоящее время неуместны, а необходимо организовать правильный, рациональный способ борьбы с эпидемией по всей губернии; с этой целью последнюю необходимо разделить на три отдела: а) северный, состоящий из Медвеженского и Ставропольского уездов; б) южный — из Александровского и Новогригорьевского уездов и в) средний — из города Ставрополя и соседних селений (двух). Каждый из отделов, в свою очередь, делится на санитарные участки по числу станов, а в городе смотря по необходимости.

Каждый участок вверяется особому врачу, который при содействии назначенных в его распоряжение лекарских помощниц[114] и фельдшеров действует в двух направлениях: 1) способствует прекращению существующей эпидемии и 2) изыскивает средства для предупреждения их, развития и возникновения вновь.

Меры первого рода состоят: а) в лечении больных; b) в дезинфекции жилых помещений, а также предметов и вещей, находящихся в домах, где были пораженные дифтеритом; и с) в изолировании здоровых детей от больных в особо устроенные для этого общественные пансионы. Что же касается мер второго рода, то они будут изысканы путем подробного санитарного исследования участников в экономическом, гигиеническом и статистическом отношениях. Последнее будет относиться к констатированию за последние четыре года всех господствовавших в участках эпидемий вообще и дифтерита в особенности, по отношению к числу заболеваний и смертности. Изучив эти вопросы, возможно будет, может быть, выяснить и необходимые меры к предупреждению нового возникновения эпидемии».

Далее А.А. Реммерт сообщил подробно организацию санитарных отрядов, выбор попечителей, права и обязанности их; устройство пансионов для выделения здоровых детей из зараженной семьи, а также, если будет надобность, и особых больниц для дифтеритных больных, устройство дезинфекционной камеры и санитарного пункта и т.д. На основании этих указаний и были составлены впоследствии местными врачами весьма толковые инструкции, где подробно излагались обязанности и взаимные отношения врачей отделов и участков, санитарных попечителей, сестер милосердия. По ходатайству г. вице-губернатора, местный дамский комитет Красного Креста принял участие в деле прекращения эпидемии и назначил на свой счет сестер милосердия, также снабдил бельем и другими необходимыми принадлежностями.[115]

Критическая оценка метода санитарно-статистического исследования и результатов последнего

Перейдем к разбору цифр заболевших и умерших от дифтерита и к критической оценке самого метода добывания этих цифр, т.е. «санитарно-статистического» исследования. Этим исследованием предполагалось выяснить все условия, способствующие распространению и развитию эпидемии дифтерита, а также определить, какая роль в распространении и развитии этой болезни принадле-

жит топографическим особенностям местности, экономическому и социальному быту населения, умственному развитию, занятиям, обычаям и т.д. Кроме того, предполагалось констатировать все случаи заболевания эпидемическими болезнями за последние годы по отношению к оспе, кори, скарлатине и дифтериту.

Широкая программа деятельности и богатый материал для исследования: изучить основательно все стороны быта населения, условия его заболевания, причины развития и распространения эпидемии и все это подтвердить статистическими цифрами.

Опишу вкратце, насколько на практике была выполнена эта обширная программа, чем и выяснится степень годности и достоверности приводимых ниже цифр.

Предложение санитарно-статистического исследования основывалось на том верном положении, что нельзя выяснить вполне болезненных явлений общественного организма, не зная основательно его физиологической функции.

К сожалению, исследование жизни населения и условий его заболевания производилось в разгар эпидемии наряду с целым рядом других мероприятий, и врачи, обремененные другой работой (лечением больных, дезинфекцией, ассенизацией, отчетностью), не имели возможности уделить этой существенной отрасли своей деятельности времени, тем более что назначен был 3- месячный срок для окончания исследований.

Итак, хотя изучение всех проявлений физиологической и патологической жизни населения имеет громадное значение[116], но это изучение всегда должно предшествовать (отнюдь не идти наряду) всякому мероприятию и не должно быть стесняемо рамками известного определенного срока.

Для однообразного характера всех исследований были составлены врачами бланки, по которым должны были собираться сведения.

Бланк																				
№ двора	Дом	Вероисповедание	Народность	Года	Число лиц в доме		Болевшие дифтеритом		Умершие от дифтерита		Умершие от прочих болезней		Заболевание дифтеритом		Источник занесения дифтерита	Материальное благосостояние живущих	Санитарные условия помещения и двора	Оспа	Корь	Скарлатина
					Взрослых	Детей	Взрослых	Детей	Взрослых	Детей	Взрослых	Детей	Первый случай	Последний случай						
				76																
				77																
				78																
				79																

Приводим форму бланка.

Посмотрим, насколько собранные подобным путем сведения оказались годными.

1. Определение числа жителей с 1876 по 1879 г. не могло быть точным, ибо народная перепись, производимая наличными силами 4-х врачей, тянулась более 3-х месяцев. Известно, что непременным условием всякой переписи, имеющей целью определить более или менее точно число жителей, должна быть кратковременность ее. По нашей переписи число жителей в Ставрополе в 1879 г. определено в 28543 человека, в то время как по одной дневной переписи 1872 г. насчитывалось 29617 чел. населения обоего пола, и эта цифра за последние 8 лет значительно увеличилась путем механической и естественной прибыли. Уменьшение числа жителей (по переписи врачей) зависит от того, что в эту цифру не вошли пребывающие в учебных заведениях, тюрьме, госпитале, казармах и т.д.; пропущены были и некоторые дома. На основании вышесказанного я не считал годным для статистики такое народоисчисление, хотя подведение итогов 6 и 7 граф четырех толстых томов статистических сведений стоило немало усидчивого и кропотливого труда; еще менее точна цифра населения за предыдущие годы, ибо жители легко могли забыть год смерти того или другого члена семьи.

2. Число больных дифтеритом (итоги 8 и 9 граф) должно быть тоже менее действительного, так как многие больные с легкими формами дифтерита, не искавшие врачебной помощи, могли не знать о характере болезни, а давно болевшие — забыть. Точно так же невозможно было определить первые и последние случаи заболевания дифтеритом; эти графы неизвестно с какою целью были помещены в бланках. Если они были помещены для выводов о распределении дифтеритных больных по месяцам, то редко в какой-либо графе исследования врачей были отмечены месяцы заболевания, ибо трудно было на основании, напр., таких ответов: «кажется, болели о весеннюю ярмарку, а может быть, и об осеннюю», определить месяц заболевания. Если же сведениями, помещенными в этих графах, требовалось узнать, «откуда пошел еси дифтерит», то из добытых сведений явствует только, что дифтерит был одновременно в 1876 г. во всех частях города, кроме 4-й части.

3. При таком мимолетном опросе жителей трудно было определить и источник заразы, и редко обозначены в графах исследования «от соседа или родственника». Таким образом, источник занесения заразы (ход дифтерита) оставался часто неизвестным вследствие обыкновенного ответа жителей: «Кто его знает, как будто никуда не ходили, должно с простуды». Хотя путем неоднократных и подробных расспросов часто и обнаруживался несомненный источник занесения заразы, но это узнавалось не при обходе дворов и не за прошлое время, а при пользовании врачом заболевшего члена семьи.

4. Что касается исследования быта населения,

его материального благосостояния, гигиенической и санитарной обстановки, то определение этих сторон жизни оказалось на деле невыполненным: врач, мало знакомый с участком, является в дом на 8-10 минут, и тут требуется решить ряд вопросов, решение которых возможно только путем долговременного наблюдения и знакомства с населением. Понятно, редко кто передавал точно о своем материальном благосостоянии, видя в этих расспросах что-то нехорошее, фискальное, а врачу же, обремененному работой по текущей болезненности населения, некогда было подробно объяснять каждому жителю, что в этих расспросах нет никаких полицейских или финансовых целей; да, наконец, не зная хорошо врача, ему бы и не верили. Нередко можно было слышать от мещан, живущих по окраинам города: «сперва опишут все подробно, а там пойдут назначать новые какие-либо городские повинности». Врачи прекрасно сознавали невозможность собирания в столь короткое время при малом знакомстве с бытом населения даже приблизительных сведений, а потому в графе о материальном благосостоянии, гигиенической обстановке жителей и т.д. отмечали неопределенно: «удовлетворительное, плохое, среднее», желая чем-нибудь наполнить графу.

5. Наибольшею неточностью отличаются сведения об оспе, кори и скарлатине (обозначалось только число болевших), так как, кроме сказанного во 2-м пункте, жители могли смешивать одни болезни с другими, редко прибегая при этих циклических болезнях к медицинской помощи. И если даже врач нередко не решается дифференциально диагностировать у постели больного корь и скарлатину, называя болезнь ничего не выражающим термином «skarlatina morbillosa», то тем менее можно было ожидать правильного диагноза от простого народа, который всякую сыпь красного цвета называет корью. Неточность добытых сведений доходит до того, что, по сведениям врачей, общее число болевших скарлатиной по всем вероисповеданиям менее, чем число умерших от этой болезни только среди православных, как увидим ниже.

6. Некоторая точность принадлежит цифрам наличного числа больных, так как тяжелобольных врачи при обходе участков видели сами, а скрывать случаи легкие и хронические не было оснований; понятно, что и полученный таким путем коэффициент текущей (?) болезненности должен быть менее действительного, так как в сведения не вошли больные учебных заведений, городской больницы, войск, госпиталя и т.д.

7. Точно так же немногим менее действительной и цифра умерших от дифтерита, соразмерно полученным меньшим цифрам населения и текущей болезненности. При поверке сведений врачей об умерших от дифтерита среди населения православного вероисповедания по метрическим книгам духовной консистории оказалась разница весьма незначительная.[117]

Из всего вышесказанного, мне кажется, можно заключить, что санитарно-статистические сведения не дали тех результатов, которых нужно было ожидать, что назначенный срок для собирания одних сведений, напр., числа жителей и текущей болезненности, был слишком велик и не по силам 4 врачам, для других же сведений слишком короток, так как, обозревая участки, à vol d'oiseau врачи не могли познакомиться с бытом населения в экономическом, санитарном и гигиеническом отношениях, не могли даже точно констатировать всех бывших случаев заболевания эпидемическими болезнями за последние 4 года. Некоторые врачи, зная a priori, что потраченный труд далеко не окупится ценностью добытых результатов, или не собирали никаких сведений, как, напр., многие врачи губернии, или поручали это дело фельдшерам.

Из огромной массы сведений, собранных врачами и мною обработанных, я рассмотрю в этом труде цифры болевших и умерших от дифтерита, цифры относительно годные и более других близкие к действительным.

Взяв итоги из таблицы L, получим следующее распределение дифтеритных больных по частям города:

	1876 г.		1877 г.		1878 г.		1879 г.		1880 г.		Итого		Процент смертности к заболеванию	Процент заболевания к населению 1872 г.	Процент смертности к населению 1872 г.
	Заболело	Умерло	Заболело	Умерло	Заболело	Умерло	Заболело	Умерло	Заболело	Умерло	Заболело	Умерло			
1-я часть	8	6	36	23	106	88	100	51	73	7	323	175	54,2	4,47	2,28
2-я часть	10	9	21	13	149	52	163	46	73	7	416	127	30,5	5,79	1,77
3-я часть	5	4	19	13	75	49	145	51	31	7	275	124	45,1	4,67	2,11
4-я часть	—	—	27	21	120	47	217	88	14	3	378	159	44,7	4,03	1,69
Итого	23	19	103	70	450	236	625	236	191	24	1392	585	42,0	—	—

Как видно из этой таблицы, эпидемия дифтерита, начавшаяся в 1876 г., не была особенно экстенсивна в этом году, также как и в 1877 г. В 1878 г., и в особенности 1879 г., эпидемия дифтерита достигла наибольшего напряжения, а в начале 1880 г. уменьшилась экстенсивность и интенсивность эпидемии. Постепенное уменьшение интенсивности, начиная с 1876 г. (предполагая, что отношение умерших к заболевшим более или менее точно), свидетельствует об ослаблении губительной силы той заразы, которая в начале эпидемии уносила более половины жертв, уменьшение же экстенсивности в 1880 г.

еще не говорит за прочное уничтожение эпидемии и невероятность возобновления её при благоприятных для этого не известных нам условиях, так как временные колебания, иногда почти до полного (кажущегося) прекращения, наблюдались при этой эпидемии всегда и везде.

Из распределения дифтеритных больных по частям города мы видим, что наибольшее число заболевших приходится на 2-ю часть, что, вероятно, зависит от относительной скученности населения в этой местности, а потому и легкой возможности прийти в соприкосновение с дифтеритной заразой; в остальных частях города заболеваемость почти одинакова. Смертность, по отношению к заболеванию, идет в другом порядке: более всего из заболевших умерло в 1-й и 3-й части города, далее во 2-й и наименьшее в 4-й. Процент смертности к населению следует проценту смертности к заболеванию: из известного числа жителей наиболее умерло в 1-й и 3-й, наименее во 2-й и 4-й части. Сопоставляя с этими данными сказанное ранее о материальном благосостоянии жителей по частям города, мы видим, что среди населения 2-й части города, более обеспеченного, заболеваемость дифтеритом ничуть не меньше, чем среди бедных жителей (1-й и 3-й части города); наоборот, смертность, по отношению к населению и заболеванию, более среди бедных. Что касается влияния санитарных условий местности, то в этом отношении дифтеритная зараза не придерживалась строго местностей с наихудшим санитарным состоянием: из карты мы видим, что в 1-й и 3-й части города встречается много кварталов, совершено свободных от заболевания дифтеритом, напр., по окраинам Солдатско-слободского предместья и Ташлянской группы.

Дифтерит придерживался скорее хороших путей сообщения, чем санитарного состояния кварталов: те места города, которые отделяются оврагами, ярами и т.д., дают minimum заболеваний (бывали, конечно, и сюда заносы заразы); те же места, где пути сообщения хороши (2-я и 4-я части), заболевания наблюдаются почти в каждом квартале. Низко лежащие места не оказывали заметного влияния на экстенсивность эпидемии: на самой возвышенной местности, Воробьевке, болевших более, чем в оврагах и балках по реке Ташле и Мамайке.

Итак, наблюдения эпидемии дифтерита в Ставрополе вполне подтверждают факты, давно добытые, что, хотя санитарная обстановка населения, его материальное благосостояние не имеют резкого влияния на экстенсивность эпидемии, однако бедность и в связи с этим находящийся, быть может, недостаток медицинской помощи и т. д. имеют несомненное влияние на течение самой болезни в смысле большей опасности её (интенсивность заразы).

	Заболело	Умерло	% смертности к заболеванию
Православного	1190	513	43,1
Римско-католического	46	21	
Лютеранского	33	11	35,6
Армяно-григорианского	29	10	
Иудейского	93	29	
Сектантов	1	1	
Итого	1392	585	42

По вероисповеданию больные распределяются следующим образом:

Из этих чисел видно, что среди православного населения заболевали абсолютно больше других вероисповеданий. Общее наблюдение почти всех врачей в городе говорит за то, что среди населения неправославного вероисповедания (исключая евреев) заболевало и относительно менее. Из наших же цифр видно, что смертность по отношению к заболеванию более в населении православного вероисповедания, чем среди населения других вероисповеданий.

За все время существования эпидемии среди сектантов был только один случай заболевания, а среди персиян, трухмян, ногайцев, калмыков и эстонцев не было ни одного случая. Из сказанного, конечно, не следует, что население нерусское и неправославное менее восприимчиво или прикосновенно (Immunität) к заразе.[118] Мне кажется, эта кажущаяся невосприимчивость достаточно объясняется умственным развитием, образом жизни и тем страхом, который чувствуют неправославные или туземцы при появлении какой-либо эпидемической болезни. Староверы, например, живя по реке Ташле, совершенно обособлены от остальной православной болеющей братии, и при первом заболевании они, зная возможность распространения болезни, тщательно изолируют заболевшего и, по выздоровлении или смерти, принимают самые строгие меры для дезинфекции всего зараженного. Во время эпидемии мы неоднократно наблюдали, что, напр., армянка или грузинка не пускала своего ребенка и не шла сама навестить соседку армянку, у которой ребенок заболел дифтеритом, хотя бы этим нарушалась самая искренняя дружба.[119] Меньшая же смертность по отношению к заболеванию среди населения неправославного вероисповедания объясняется, может быть, лучшим материальным благосостоянием.

По возрастам больные распределялись следующим образом:

	Заболело	Умерло	% смертности к заболеванию
Взрослых от 15 лет	124	7	5,6
Детей до 15 лет	1268	578	45,5

Таким образом, из общего числа заболевших 91% приходится на детей, а 9% — на взрослых.

В исследовании врачей не помещено распределение больных по месяцам и временам года; поэтому приводим общее наблюдение: несомненно, был констатирован врачами факт, что с наступлением весенних и в особенности летних месяцев при наименьшей относительной влажности воздуха, в июле и августе, эпидемия значительно ослабевала и казалось даже, что окончательно прекратилась, так было летом в 1878, 1879 и 1880 г. Если же появлялось несколько случаев заболевания летом, то это удивляло даже жителей, напр., в 1879 г. появилась в местной прессе следующая заметка: дифтерит, окончательно прекратившийся было, вдруг опять выхватывает жертвы в июле месяце, когда при жаре в 25° эпидемию дифтерита можно было менее всего ожидать.[120] С наступлением осени (с половины октября или ноября) при относительной влажности

воздуха 68—80% и умеренных холодах эпидемия опять временно ожесточалась; с наступлением же сильных холодов в январе эпидемия достигала своего acme с тем, чтобы к весне и к лету уменьшится до minimum'а. Жители настолько привыкли к этим колебаниям эпидемии (осенним её ожесточениям), что всегда осень ожидали не без страха.

Исключением из повторяющегося в течение 3-х лет месячного распределения заболеваний дифтеритом был 1879— 1880 год, что видно из XXIII таблицы (цифры выбраны из книг санитарных пунктов и отчетов врача среднего отдела).

Наибольшее число заболевших было в октябре, с этого месяца экстенсивность эпидемии постепенно уменьшается (без обычного повышения в январе), так что к концу весны и в начале лета не было почти ни одного случая заболевания. Этот исключительный ход дифтерита и служил основой предположения, что эпидемия дифтерита в Ставрополе окончательно прекратилась в зависимости, главным образом, от санитарно-ассенизационной деятельности. В самом деле, роковое совпадение acme эпидемии с началом этой деятельности (с 1-го октября 1879 г.), постепенное уменьшение экстенсивности и интенсивности эпидемии, без типичной эксацербации в январе в связи с тем фактом, что эпидемия существует в городе более 4-х лет (срок средней продолжительности дифтеритной эпидемии, по Ахшарумову),[121] — все это давало некоторое право предполагать, что эпидемия в Ставрополе прекратилась; но, к сожалению, с наступлением осени опять стали попадаться случаи заболевания, а в октябре 1880 года они были очень часты; иначе говоря, летнее ослабление эпидемии было принято за полное прекращение. На этом основании и были закрыты санитарные пункты и вообще прекращена вся санитарно-ассенизационная деятельность в городе.

	Заболело	Умерло	% смертности к заболеванию
От 1 месяца до 1 года	19	8	42,1
От 1 года до 3-х лет	93	37	39,7
От 3 до 5 лет	48	19	37,5
От 5 до 8 лет	103	15	14,1
От 8 до 12 лет	80	9	11,2
От 12 до 16 лет	55	1	1,8
От 16 до 20 лет	40	—	—
Свыше 20 лет	54	2	3,7
	492		91
По сословию			
Дворян	9	1	
Чиновников	76	15	
Духовного звания	15	2	
Купцов	26	4	
Мещан	244	50	
Крестьян (и казаков)	54	8	
Военных (и отставных солдат)	68	11	
	492	91	

По возрасту вышеприведенные цифры (XXII табл.) больных распределялись следующим образом:

Мы привели все цифровые данные, заимствованные нами из массы статистических сведений, собранных врачами в городе, а также из амбулаторных книг санитарных пунктов. На основании этих источников, хранящихся во врачебном отделении Ставроп. губ. правления, обозначены мною на прилагаемой карте места, пораженные дифтеритом. На карте мы обозначили только абсолютное число болевших и умерших, а не относительное, так как не известно число жителей по кварталам.

Источники распространения эпидемии дифтерита

Оставляя в стороне вопрос о сущности дифтеритного яда, причине его зарождения и т.д., мы опишем вкратце источники и пути распространения в Ставрополе раз появившейся дифтеритной заразы. В сущности, все сводится к плохой изоляции дифтеритных больных и дезинфекции всего зараженного. Эпидемия дифтерита благодаря невежеству населения, суевериям, обычаям и апатии к собственному здоровью сама брала дань, без борьбы, добровольно.

Общеизвестное убеждение всего русского крестьянства, что «всякая эпидемия — кара Божья, кому суждено заболеть, наверное заболеет, что бы не предпринять», присуще и многим жителям Ставрополя, и мы видели, как на постели дифтеритного сидели его братья, сестры, дети соседей, сверстники больного для развлечения последнего, видели, как этим путем зараза распространялась из дома в дом, из улицы в улицу; от одного заражались многие другие, и, в огромном большинстве случаев, передача заразы совершалась путем соприкосновения: умирает ребенок от дифтерита, являются соседки обмывать труп и, возвращаясь домой, переносят заразу к своим детям; является женщина с Мамайки на базар, заходит по дороге к знакомым (ярмарочная площадь, дом Р.), где дифтеритный больной, посидит около него два-три часа и потом заносит к себе дифтеритную заразу, от которой гибнут трое детей. Играют вместе пятеро детей, один принадлежит семье, где был дифтеритный больной, к вечеру того же дня заболевает один из играющих (дочь офицера Ш.) и через три дня умирает от септической формы дифтерита. Немного спустя заболевают трое из остальных играющих детей (купца М.) и через три дня все умирают; ухаживающие за детьми бабушки, не принимая никаких мер предосторожности, вскоре сами заболевают и одна из них (г-жа Паль, 58 лет) умирает.

Не всегда, конечно, легко было узнать источник занесение заразы в данный дом, но путем подробного и тщательного расспроса почти всегда можно было доказать, что за несколько дней кто-нибудь из членов вновь заболевшего навещал дифтеритного больного, иногда в очень отдаленной части города. Перечислением фактов передачи заразы путем причастия, отпевания и похорон в открытом гробу, проводов и поцелуев трупа, поминок, детских игр и т.д. можно было бы наполнить целые страницы.

Школы, особенно первоначальные, нередко тоже служили источником распространения заразы. В школы приходили дети, по-видимому, совершенно здоровые или с небольшим затруднением глотания (дети из семьи, в которой дифтеритные больные) и, проводя несколько часов между своими сверстниками, распространяли заразу. Действительно, в Ольгинской женской гимназии иногда можно было доказать, как зараза передавалась от одной ученицы (из зараженной семьи) рядом сидя-

щей.[122] Далее, в октябре 1879 года было замечено, что одновременно заболело 5 детей-армян. Отыскивая причину столь усиленной болезненности среди армянских детей, вообще редко болеющих дифтеритом, мы убедились, что дети все почти заразились одновременно в армянской школе, учительница которой, незадолго до заболевания детей, сама перенесла дифтерит; вещи, платья, постель и мебель её, по выздоровлении, не были дезинфицированы.

Бывающие в Ставрополе ярмарки и базары, куда стекается множество людей со всех концов губернии, также много способствовали переносу всех эпидемических болезней из города в села и обратно, как об этом сказано ранее. В некоторые села Медвеженского уезда дифтерит был занесен из Ставрополя, после осенней ярмарки 1877 года; относительно же ближайших к Ставрополю сел: Татарки (12 верст), Надежды (11 в.), Московского (28 в.) — перенос заразы был весьма резок, очевиден и не раз мной несомненно констатирован.[123]

Наконец, бесплатные лечебницы для приходящих, устроенные во время эпидемии дифтерита, санитарные пункты, куда стекались дифтеритные больные, служили отчасти и рассадником эпидемии. Дифтеритные, в единственной для больных комнате, сообщались с другими больными и, таким образом, иногда заражали их. Мы собрали несколько случаев, где больные бронхитом или интермиттентом заболевали дифтеритом, и на другой источник занесения заразы нельзя было указать, как только на «санитарный» пункт.

Особенности течения и лечения дифтерита в отдельных случаях

Изложив на предыдущих страницах особенности течения эпидемии по отношению к временам года, к возрасту и материальному благосостоянию, перейдем теперь к краткому описанию особенностей отдельных случаев на основании личных наблюдений более чем 400 больных.

Продолжительность инкубационного периода в тех случаях, где можно было прямо и непосредственно доказать соприкосновение с дифтеритными больными и с зараженными вещами, была maximum четыре дня; в других случаях от начала возможности заражения до появления периода предвестников проходило 10—16 часов. Конечно, точно определить начало инкубации в разгар эпидемии было почти невозможно, с ослаблением же эпидемии в начале лета или с новым ожесточением осенью, когда число новых заболеваний было немного, источник и время занесения заразы поддавались определению гораздо легче.

Период предвестников в некоторых случаях выражался сильным лихорадочным явлением, с потрясающим ознобом, общей слабостью, сильной головной болью и редко — гастрическими явлениями; в трех случаях — кровохарканием, без наклонности к ним и объективных изменений в легких; у детей до 3-х лет иногда период предвестников сопровождался рвотой и эклампсическими припадками. По этим продромальным явлениям, продолжающимся 5—20 часов, трудно было, конечно, диагностировать болезнь, тем более что одинаковые явления, кроме кровохаркания, предшествовали и другим свирепствующим единовременно в городе болезням: оспе, кори, скарлатине и др. Во многих случаях (около $^1/_3$ виденных мной) предвестники были не резки и первое, что обращало внимание больного, это затрудненное глотание resp. местное поражение зева. Резкие продромальные явления не всегда указывали на степень тяжести развивающейся формы, так как нередко вслед за сильным ознобом и поднятием температуры тела до 40° С развивалась легкая катаральная форма дифтерита, и наоборот.

Описывать отдельные формы дифтерита и местные изменения при них считаю излишним, ибо случаи, наблюдаемые в Ставрополе, ничем особенным не отличались от давно описанных в различных эпидемиях России и Европы и установившихся в науке форм катаральной, крупозной, септической и гангренозной.[124] Времена года имели несомненное влияние на частоту тех или других форм: в начале осени и зимой чаще встречались случаи крупозные и септические, весной и летом — катаральные. Об особенностях катаральной формы дифтерита мы уже говорили. Температура тела при крупозной форме повышалась до 39—40° С. и держалась на этой высоте (с небольшими утренними послаблениями) 4—5 дней, далее понижалась до нормы, по временам немного подымаясь, с отложением новых дифтеритических масс в зеве. При ограничении местного процесса (это доказывалось образованием демаркационной линии на границе с здоровыми частями) и по отделении дифтеритных пленок, температура была нормальна. В случаях септических, оканчивающихся летально, температура тела, доходящая в первые дни до 40—41° С, к концу второго и на третий день понижалась даже ниже нормы, редко с кратковременными значительными повышениями.

При исходе в выздоровление постепенно улучшались местные и общие явления, хотя поправление шло вообще весьма долго.

Смерть следовала в крупозных формах болезни от задушения, вследствие перехода процесса на гортань, или же от истощения, в периоде отделения пленок, вследствие сильных кровотечений: больные обыкновенно умирали на 7—10 день от начала болезни. В случаях септических и гангренозных смерть зависела, конечно, от отравления крови гнилостными продуктами: при этом особенно была сильна инфильтрация подчелюстных и шейных желез, появляющаяся обыкновенно на 2 день от начала болезни. Вообще при этих формах смерть, при явлениях адинамии, следовала на 3-4-5 день.

В 46 случаях мы имели возможность исследовать мочу: из них в 29 (степень тяжести болезни была различна) мы могли констатировать в моче белок, в одних случаях следы его, в других (17) довольно значительное количество. При микроскопическом исследовании, кроме редко встречающихся жирноперерожденных эпителиальных клеток, мы никогда не находили мочевых цилиндров (гиалиновых или фибринозных, свидетельствующих о глубоком паренхиматозном поражения почек), исключая двух случаев, в которых до заболевания дифтеритом существовала Брайтова болезнь; поэтому присутствие в моче белка мы объясняли сильной гиперемией почечной ткани.[125]

Только один раз мы видели случай переноса дифтерита на другие слизистые оболочки; в этом случае

дифтерита зева развилась conjunctivitis diphterica и последовательно keratitis parenchimatosa, iridochoroiditis и полная картина панофтальмита, — случай, окончившийся потерею зрения на правый глаз; сочувственное страдание левого глаза ограничилось гиперемией сред его.

Из последовательных болезней чаще всего наблюдался паралич мышц мягкого неба и зева и зависящее от этих страданий расстройство функции глотания. В четырех случаях (еврейских семействах) мы видели паралич нижних и верхних конечностей и в двух случаях (ребенок Сумбатова и Чебанова) функциональное расстройство зрения (паралич аккомодации?); дети жаловались на скорое утомление зрения и при чтении печатные буквы сливались в одну сплошную серую массу. Все эти параличи, с улучшением питания организма, проходили сами собой и иногда с помощью железа, ванн и электричества.

Об особенностях лечения различных форм дифтерита скажу немного.[126] После более чем 4-летнего перебора почти всех в старое и новое время предложенных средств большинство врачей города пришло к тому убеждению, что ни одно из прославленных quasi-специфических средств в тяжелых формах дифтерита не приносит ощутительной пользы в смысле улучшения общих и местных явлений.

Из местных средств чаще всего употреблялись крепкие растворы карболовой кислоты[127] (Acidi carbolici crist. 3j-jv, glycerini, spir. aromatici ana ξβ S. Помазывание зева через два-три часа) и влажная теплота (вдыхание теплых паров из аппарата Siegl'я). Механическое лечение (грубое стирание кисточкой или пальцем, обернутым в полотенце), вопреки наблюдениям Шаховского[128] и Viart (de Montbard)[129] и др. оказались вредными.

Часто и охотно назначались врачами внутрь противолихорадочные средства: хинин (Oertel, Seitz, Покровский и др.) и салициловокислый натрий (Вагнер).[130] Пользование бензойно-кислым натром не дало тех блестящих результатов, о которых писали другие врачи (Летцерих[131], Богуш[132] и др.).

Питательная и укрепляющая пища занимала самую видную роль в лечении больных (бульон, молоко и вино различных сортов, чаще всего портвейн и коньяк).

Лечение осложнений и последовательных болезней велось по общим правилам.

Оспа. По санитарно-статистическим исследованиям болевших оспой было в 1876 году 39, в 1877 году 57, 1878 году 302 и 1879 году 105 чел. По метрическим записям, умершие от оспы распределились по месяцам следующим образом:

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Итого:
1876 г.	—	1	3	2	3	3	4	6	5	2	1	3	33
1877 г.	4	2	5	1	2	2	8	15	2	2	5	3	51
1878 г.	3	8	5	6	6	11	16	24	16	10	8	3	116
1879 г.	1	3	2	3	—	2	7	5	3	3	6	2	37
Итого:	8	14	15	12	11	18	35	50	26	17	20	11	237

Из этих цифр видно, что эпидемия оспы постепенно увеличивалась с 1876—1878 г.; наибольшее число умерших приходится на летние месяцы (август).

По отзыву старожилов — местных врачей, эпидемия оспы в Ставрополе до 1878 г. не была особенно развита, и она в течение многих десятков лет поражала не столько своей силой, сколько постоянством. Поэтому нечего говорить о каком-либо заносе заразы и искать пути её распространения; болезнь эта в Ставрополе существовала давно, народ с ней свыкся, как с корью и скарлатиной, считая оспу почти неизбежной болезнью детского возраста. Те случаи, которые мы наблюдали в 1878-80 гг., ничем не отличались от течения оспы средней интенсивности; почти в $^{2}/_{3}$ случаев (всех больных, виденных мною в 1878-80 годах, было 231) можно было доказать соприкосновение с больным оспой или с его платьем (еврейских семьях). Заболевали преимущественно дети, которым не была привита предохранительная оспа, хотя я видел и два летальных случая от сливной оспы, где годом раньше была привита успешно (?) гуманизированая лимфа.

Оспопрививание, имеющее в большинстве случаев несомненное, по моему убеждению, предохранительное влияние, в Ставрополе находится в зачаточном состоянии. Городовой фельдшер, обремененный многими другими занятиями, единственный оспопрививатель в городе, если не говорить о другом оспеннике, получившем «патент» на право этой операции лет сорок тому назад и редко кому прививающем по старости своей. Из ведомостей об оспопрививании, представляемых этими деятелями, можно видеть, насколько неудовлетворительно ведется у нас оспопрививание: средним числом в год (за 3 последние года) привита предохранительная оспа 350 детям, следовательно, из рождающихся в Ставрополе 1100 детей остаются не привитыми более 700. Большинство детей населения окраин города остаются без оспопрививания, а группа же сектантов-староверов, живущих по реке Ташле, безусловно, отказывается от этой операции, называя её «чертовою печатью».[133] Оспенная лимфа (в последнее время детрит) получается в Ставрополе из Петербурга и Тифлиса.

Предполагать какие-либо улучшения в деле оспопрививания в настоящее время, при массе других зол общественного здоровья, хотя и возможно, но вряд ли исполнимо.

Корь. По статистическим сведениям, собранным врачами, болевшие корью по годам распределялись следующим образом[134]: в 1875 — 51, в 1877 — 114, в 1878 — 809, в 1879 — 268 человек.

Корь существует в Ставрополе, по свидетельству старожилов, чуть ли не с основания города, но эпидемические болезни стали свирепствовать в последние 2-3 года, в особенности в летние месяцы (август). Корь, по понятиям жителей, болезнь обязательная для детского возраста, и я неоднократно видел среди населения по р. Ташле, как сердобольные родители даже приносили своего ребенка в дом, где был коревой, чтобы «отбыть эту повинность» зимой, во время года, более свободное от занятий. Наибольшее число болевших корью, по сведениям врачей, приходится на и 1 и 3-ю часть города, далее 4-ю и самое незначительное — 2-ю.

Из осложнений кори мы встречали круп гортани, бронхопневмонию и катар кишок, в особенности в летние месяцы; от этих осложнений и зависели смертельные исходы.

Из виденных мною 42 случаев скарлатины в 1877—79 годах 8 осложнялись дифтеритной жабой.[135]

	Скарлатиной болело по сведениям врачей	Умерло по метрическим книгам православной духовной консистории
В 1876 году	71	89
В 1877 году	44	54
В 1878 году	16	33
В 1879 году	13	13
	144	192

Из других эпидемических болезней встречаются: коклюш (зимой 1879 г.), поражая исключительно детей до 4-летнего возраста. Рожа, осложняющая как травматические повреждения (и операционные раны в местной больнице), так и развивающаяся самостоятельно; далее, тиф сыпной (летом 1878 года), реже брюшной. Возвратной горячки в Ставрополе я не наблюдал.

Размеры врачебной помощи. Народная медицина

Перейду теперь к обзору тех наличных сил и средств, какими располагает город для того, чтобы сколько-нибудь помогать своему населению при появлении болезни, как явления, нарушающего нормальный строй жизни отдельных и коллективных единиц. Всех врачей в городе 21 (8 военных, 7 гражданских, 3 вольнопрактикующих и 3 отставных); следовательно, один врач приходится на 1535 человек. Если примем во внимание, что некоторые врачи (более 4) не практикуют, что состав военных врачей постоянно меняется, не давая возможности отдельным лицам заниматься практикой, в силу чего можно исключить еще 3 человека (младших врачей, постоянно командируемых), то останется занимающихся практикой 14 человек, т.е. один врач на 2374 человека.

Если к сказанному прибавить, что все врачи живут в центре города и что у них не хватает времени на посещение всех больных, то станет понятным, что все жители окраин города почти не получают медицинской помощи. Лечебницы для приходящих, куда бы могла приютиться бедная больная часть населения, в Ставрополе пока нет, единственная же больница приказа общественного призрения настолько плоха, что если бы и не существовало её, то город потерял бы очень немногое.

В силу вышесказанного ясно, что $^1/_3$ населения города совершенно почти лишена какого бы то ни было врачебного пособия и что тем самым создается основа возникновению народной медицины.

С другой стороны, основа эта получает большую крепость в силу ограниченности умственного кругозора населения бедного класса. Населяющие окраины города мещане, отставные солдаты и рабочие крестьяне довольствуются помощью знахарей и знахарок, целителей, поддерживаемых невежеством, суевериями и любовью русского народа лечиться у своих же собратьев, более поживших на белом свете и более опытных. Насколько жители верят этим целителям, видно из часто наблюдаемого факта, что, в громадном большинстве случаев, к врачу обращаются после долгого лечения у знахаря, знахарки или цирюльника. Весьма нередко образ действий врача контролируют больные этими представителями народных медицинских сведений, и результатом этих совещаний является превратное понятие о враче, окончательно подрывающее его значение.

Чаще всего народ прибегает для кровопускания к цирюльникам, которые не отказывают в этом решительно никому, и к тому же, по окончании кровопускания, снабжают иногда различными мазями, каплями своего приготовления, нередко содержащими сильнодействующие вещества (сулему). Некоторые цирюльники считаются костоправами, хотя имеют очень ограниченное понятие о переломах и вывихах. Накладываемые повязки при переломах весьма грубы, состоящие из лубков, которыми обкладывается переломленная конечность, и туго связывается обводами бинта. Мне не раз приходилось видеть образовавшиеся под влиянием подобных перевязок экскориации, омертвения кожи, отеки конечностей и т.д. Некоторые цирюльники пользуют венерические болезни по рецептам, когда-либо прописанным врачами. Цирюльники занимаются также лечением свирепствующего в городе дифтерита. Лечение хирургическое: указательный палец правой руки, при фиксации головы дитяти левой, вводят в глотку, подводят под миндалевидные железы и быстрыми, энергическими движениями «выдавливают, раздавливают или поднимают подвалившее под глотку, причем иногда удается вытащить беленького червяка», т.е. содранную дифтеритную пленку. В итоге такого насилия появляются большие ссадины, царапины от ногтей или от сдирания пленок и быстрое ухудшение местных и общих явлений. Вера в «выдавливание червяка» настолько велика, что в 1878 году $^3/_4$ дифтеритных больных жители периферии города водили к этим цирюльникам и, между прочим, к одному печнику(!!!), жившему около нового собора и составившему громкую известность в 1-й части города. Цирюльники сами глубоко убеждены в пользе такого лечения; иначе я не могу объяснить лечение собственных детей подобным образом: дочери цирюльника Д. первая помощь была подана отцом, помощь вышеописанная, но больная умерла от тяжелой формы дифтерита в 3-й день, в июле месяце 1880 г., когда вообще дифтерита в городе не было и в предыдущие месяцы попадались исключительно легкие формы.

Из других деятелей народной медицины упомяну о глазном операторе, который прославился, кроме Ставропольской губернии, еще в Кубанской и отчасти в Терской области; он производит все операции на веках, на слезных путях и операцию катаракты, что, главным образом, и доставляло ему известность. Этот народный оператор сам рассказывает, что лечение о способе производства операции катаракты передается из рода в род, и в настоящее время обучает тому же искусству своего сына.

Операция катаракты состоит в низдавливании ее в область зрачка (Reclinatio). Укрепив блефарастатом веки больного и фиксировав весьма грубым, кажется, местной работы пинцетом глазное яблоко, оператор вводит трехгранную иглу длиной $^3/_4$ вершка на границе между роговой и белочной оболочкой, ро-

таторными движениями разрывает (?) сумку хрусталика и той же иглой нездавливает хрусталик сверху, снаружи книзу и внутри так, что задняя поверхность хрусталика становится нижнею, а передняя верхнею. Далее, после удаления иглы, накладывается легкая, давящая повязка, которая снимается через 4-5 дней. Понятно, что эта операция в первый момент имеет результат и слепой вдруг становится видящим, но впоследствии он опять нередко теряет зрение потому, что хрусталик, став инородным телом, способствует воспалительным процессам других сред глаза.

Другие операции на веках, редко приносящие несомненную пользу, считаю излишним описывать.[136]

Кроме оперативных пособий оператор назначает своим пациентам различные мази, капли и порошки неизвестного состава. Очевидно, «глазной порошок» содержит весьма раздражающее вещество, ибо я знаю больного, который, после вдувания этого порошка, заболел паренхиматозным кератитом и панофтальмитом, окончившимся атрофией глазного яблока.

Существование такого народного оператора и слава его зависели от отсутствия в прежнее время врачей-специалистов в таком отдаленном городе, как Ставрополь. Известно, что глазная хирургия до последнего времени среди провинциальных врачей не пользовалась любовью: «оперировать глаза — дело трудное», — говорили врачи, — «тут нельзя отрезать вершком больше, вершком меньше, как, например, при ампутации». Врач обыкновенно вырабатывал несколько приемов и далее их в диагностике и терапии глазных болезней не шел: процесс острый, конъюнктива красна, слезотечение и блефароспазм, — стало быть, необходимы ледяные примочки и капля раствора атропина; если же представлялось хроническое страдание конъюнктивы и роговой оболочки, назначались цинковые капли и редко ляпис. Если представлялось страдание внутренних сред глаза, сопряженных с функциональными расстройствами, требующими для диагностики офтальмоскопического исследования, то в этих случаях болезнь окрещивалась или темной водой, катарактой, или общим именем «amaurosis» и больной, смотря по материальному благосостоянию, признавался или неизлечимым, или отправлялся в университетские города снять «катаракту», которой нередко и не было. Что же удивительного, если при существовании таких врачей лет 20 тому назад явился человек «ex populo», которому хотя бы из 100 оперированных случаев выпадал один удачный, а 99 — неудачных; понятно, что один удачный случай доставлял ему громкую известность среди народа. С появлением же врачей, знакомых с глазною хирургиею и вообще с офтальмологией, слава народного оператора быстро упала, вследствие чего последний, имея мало работы в городе, часто объезжает губернию и соседние области, разыскивая больных. Врачебное отделение губернского правления, конечно, давно запретило ему практиковать.

Кроме глазного, в Ставрополе есть и мозольный оператор-персиянин, который заостренной костяной пластинкой после предварительной ножной ванны и пятиминутного накладывания на мозоль неизвестного состава «мягчительной мази» выковыривает внедрившиеся в кожу эпидермоидальные массы без особой боли; этим приемом персиянин приносит гораздо меньше вреда, чем банщики, которые отрезают послойно мозоли и иногда доходят до обнажения сустава.

О всевозможных оперативных приемах повитух считаю лишним говорить. Почти все повитухи из русского крестьянского сословия, приемы их общеизвестны и не раз описаны русскими врачами. Скажу вкратце только о некоторых, весьма курьезных приемах. При слабых родовых потугах повитуха втискивает роженице что-нибудь в рот, чаще всего её же косу. Вследствие затрудненного и тяжелого дыхания напрягается брюшной пресс и усиливаются (?) потуги. Раскрытие рта вследствие вталкивания туда инородных тел настолько сильно, что местный почтенный практикант А.Н. Трапп видел даже случай вывиха нежней челюсти. В других случаях, если почему-либо роды замедляются, повитуха обыкновенно «тащит» ребенка за что попало, и если только показалась в половой щели ручка, то отказывается от дальнейших попыток, должно быть, по опыту зная невозможность окончания родов таким путем. В таком случае предлагается обратиться к врачу, ибо «силушки моей не хватает», по их выражению. Иногда при черепных положениях середину длинного холщевого полотенца силой закидывают за шейку ребенка и потягиванием за концы полотенца ускоряют (?) роды.

Заключение

Оценивая вкратце все сказанное в этом труде, мы видим, что г. Ставрополь далеко не такой благословенный уголок, каким его рисуют другие врачи, и что в нем как материальная жизнь, так и здоровье горожан не особенно блестящи, ибо существует масса условий, способствующих развитию вредно действующих начал, вызывающих сильную болезненность и смертность.

Если в этой работе нам не удалось выяснить с надлежащею яркостью количественные отношения, которые обрисовали бы вполне точно зависимость между зловредными факторами, с одной стороны, и болезненностью населения, с другой, если приводимые мною сведения и цифры не представляют собою отчетливой картины гигиенической обстановки города, а также физиологической и в особенности патологической жизни горожан, то я могу высказать только, что все заключения и выводы, помещенные в отдельных главах этого труда, по крайней мере для меня лично, составляют глубокое убеждение, малая доказательность которого всецело вытекла из недостатков самого материала. Много лет существует Ставрополь, а подобные вопросы жизни его населения до сих пор, к сожалению, мало разрабатывались. Если и существуют врачебные наблюдения, то они частичны, не обнародованы[137] и недоступны к оценке.

Но каковы бы ни были недостатки и пробелы нашей работы, нами вполне сознаваемые, нужно иметь в виду, что основой всего труда служило лишь искреннее желание помочь населению моего района деятельности в борьбе с постоянными недугами и болезнями, и потому я позволю себе в заключение повторить слова грузинского поэта: «Не бесследно же пройдут эти порывы истомленной души, и стезя, с таким трудом протоптанная, все же останется, чтобы облегчать путь собратам моим» (Н. Бараташвили).

Положения

1. Успешная борьба с эпидемиями возможна лишь в районах, предварительно всесторонне исследованных с гигиенической точки зрения. В отсутствии такого знакомства с условиями жизни и заболевания населения заключалась, главным образом, причина неполного успеха санитарно-ассенизационной деятельности в Ставропольской губернии во время эпидемии дифтерита в 1879 и 1880 гг.

2. Полумеры в борьбе с эпидемиями бесполезны и вредны, так как они (полумеры) дискредитируют в глазах населения санитарно-ассенизационную деятельность.

3. Смертность детей на первом году жизни служит лучшим показателем гигиенических условий жизни населения.

4. Болезненность и смертность жителей города Ставрополя будут уменьшаться пропорционально улучшению благосостояния населения и санитарной обстановки города.

5. Затрата городских общественных средств на улучшение санитарного состояния города производительнее всех других расходов городского бюджета.

6. Лечение дифтерита зева (общей инфекционной болезни) в настоящее время должно быть симптоматическим и выжидательным, аналогично другим острым инфекционным болезням.

7. Оперативное лечение (прокол per rectum) haematocele retrouterina intraperitonealis, и по моему наблюдению, дает лучшие результаты, чем лечение выжидательное.

8. Рассеивание больных (реконвалесцентов и одержимых хроническими наружными и внутренними болезнями) нижних воинских чинов по духоборским деревням Тифлисской губернии в последнюю турецкую войну было существенным подспорьем госпитального лечения и немало содействовало успехам военно-врачебной деятельности.

Примечания

1. Описание губернского города Ставрополя штаб-лекаря Миняева. Москва, 1851 г.

2. «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», 1868 г.

3. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающейся лихорадки. СПб. 1864 г., стр. 92 и друг.

4. По триангуляции Северного Кавказа, произведенной генералом Ходзько с 1860 по 1864 год (Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии 1876 г., стр. 66)

5. «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», 1868 г.

6. Сведения эти заимствованы из прекрасной компилятивной статьи Щуровского «Геологический очерк Кавказа». Русский вестник 1862 г., апрель, а также из статьи Барбот-де-Марни «Геологическое описание калмыцких степей и прилежащих к ним земель. Кумо-Манычская экспедиция». СПб. 1868 г.

7. «Отчет по исследованию месторождения нефти в Закубанском крае и Таманском полуострове». Тифлис. 1867 г.

8. Op. cit., стр. 62.

9. «J. Leunis. Oryktognosie und Geognosie». Hannower. 1861 г. Ч. 3, стр. 97.

10. Клевак — железный брус, на одном заостренном конце которого наваривается сталь.

11. Геология настоящего времени Котта. СПб. 1874 г., стр. 162.

12. Чтобы показать, насколько годность для питья колодезной воды понятие относительное, приведу результаты химического исследования воды одного из находящихся на Ташле колодцев, на даче Салмина. Вода этого колодца, по отзыву всех вокруг живущих поселян, употребляющих эту воду для питья, «прекрасная и здоровая». 100000 частей воды этого колодца содержали сухого остатка 148 частей. Сухой остаток этот состоит из:

Сернокислой извести.....63,750
Сернокислой магнезии 22,070
Хлористого натра.....60,675 (?)
Органических веществ.....1,505
Аммиачных соединений.....следы.

Если сравнить состав воды этого колодца с химическим составом хорошей воды, напр., по Рейхардту (Grundlagen zur Beurtheilung des Trinkwassers, Iena 1875 г. стр. 31) или по Hager'y (Untersuchungen. Leipzig. 1874 г.), то увидим, что твердого остатка вода этого колодца содержит втрое больше нормы; такое же обилие в этой воде солей, извести и магнезии (анализ произведен по поручению городской управы в аптеке Лалиенкампфа, и подробный ход анализа и способ получения выше приведенных цифр изложен в акте от 15—26 мая 1880 г., представленном управе). Вследствие отсутствия самых необходимых приспособлений (напр., химических весов и подозрительной чистоты реактивов в местных аптеках) мы не могли произвести анализа вод других колодцев, что особенно было бы интересно по отношению к колодцам, находящимся вблизи кожевенных заводов, так как вообще вода этих колодцев содержит кроме минеральных солей и большое количество органических нелетучих и летучих примесей: цвет воды многих колодцев желтоватый, от прибавления хлористого олота получается осадок фиолетового или даже черного цвета, так, например, в воде колодца во дворе кожевенного завода Щербина.

13. Подробности смотри в сочинении A. Normann. Florula Stavropolensis. Enumeratio plantarum propre Stavropol sponte nascentium. Тифлис. 1881.

14. Большая часть сведений сообщена мне учителем зоологии Н. Я. Динником.

15. Буден. «Руководство к изучению медицинской географии, статистики и эпидемических болезней». СПб. 1864 г.

16. Летописи главной физической обсерватории, издаваемые г. Вильдом с 1872 по 1879 г. включительно.

17. Я ограничусь разбором метеорологических наблюдений станции за 8 лет, ибо до конца шестидесятых годов наблюдения производились (начиная с 1854 г.) с помощью кое-каких имеющихся под рукой не выверенных инструментов (флюгер малой величины, с показанием силы ветра, получен станцией из главной физической обсерватории только в конце 1876 г.), не были обработаны научно и были отрывочны; понятно, основывать на них какие-либо заключения было бы ошибочно или, по крайней мере, сомнительно; полагаю, что взятого мною 8-летнего периода достаточно для исключения случайностей отдельных годов.

В показаниях времени принят новый стиль; температура выражена в градусах Цельсия; количество выпавших осадков в виде дождя и снега, а также высота барометра, приведенная к 0°, выражены в миллиметрах; относительная влажность в процентах насыщения. Направление ветра обозначено условленными знаками, определенными постановлениями международного метеорологического конгресса. Облачность выражена в степенях от 1—10, причем 10 обозначает, что небесный свод был вполне покрыт облаками. Из всех годов наблюдения неполны за 1872 г. (не измерялось количество выпавшего атмосферного осадка в январе и феврале) и за 1874 г. (наблюдения вовсе не производились в конце июня и в начале июля, всего 11 дней). При вычислении в некоторых сложных таблицах десятые и сотые доли, для избежания пестроты таблицы, откинуты; поэтому местами годичные итоги разнятся от суммы месячных именно на эти не принятые в расчет доли.

18. Летописи главной физической обсерватории 1878 г., стр. 454. По Веселовскому (О климате России. 1857 г., стр. 322), в Тифлисе выпадает в год 20 дюймов атмосферной влаги.

19. Последние так называются потому, что собственно не имеют улиц, а представляют беспорядочную группу домов.

20. Систематический перечень улиц, переулков и групп города помещен в «Табели домов и дворовых мест в губернском городе Ставрополе». Ставрополь. 1881 г.

21. Описываемое мной ниже санитарное состояние улиц, дворов и т.д. относится к 1879 и к началу 1880 года. Эта глава, также глава о заводах, почти целиком взята из моего официального отчета об эпидемии дифтерита в 1879—80 гг. в городе Ставрополе.

22. О препятствии этому просачиванию посредством выкладки ямы рыхлым и порозным плитняком не может быть речи, так как камень этот допускает свободно фильтрацию воды.

23. Гигиена Эрисмана. Т. II., стр.70.

24. Надеемся, что вновь учреждаемое общество пособия бедным города Ставрополя обратит должное внимание на устройство ночлежных домов; помощь общества в данном случае необходима, и чем скорее таковая будет подана, тем плодотворнее получатся результаты.

25. Женское отделение устроено лучше и содержится гораздо чище.

26. Этот способ образования мыльной пены нужно предпочесть образованию ее с помощью мочалки, которых, по крайней мере в Ставрополе, я никогда не видал чистыми.

27. Хотя подобного рода сведения и важны сами по себе, однако мы не могли собрать достаточного числа их потому, что число рабочих весьма незначительно и больные из них редко пользуются врачебным советом, а ограничиваются или употреблением домашних средств, или, в случае более серьезного заболевания, они отправляются на поправку в села (главный контингент рабочих из сельского сословия) и таким образом ускользают от врачебного наблюдения.

28. Профессиональная гигиена Эрисмана. СПб. 1877 г., стр. 350.

29. Статистические сведения о Ставропольской губернии, выпуск I, 1868 г.

30. Руководство к частной патологии и терапии Цимсена, т. II, ч. I, стр. 43.

31. Ставропольские губернские ведомости. 1867 г. №№ 33 и 34.

32. Из этого доклада и заимствуем некоторые нижеприведенные сведения.

33. Очерк основ санитарной деятельности А. Доброславина. СПб. 1874 г., стр. 78.

34. Результаты однодневной переписи помещены в протокол общего заседания Ставропольского губернского статистического комитета 15 января 1875 года. Смотри также «Ставропольская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1873 г.». Ставрополь. 1874 г. Из этих двух источников и заимствованы мной, с надлежащей проверкой, абсолютные цифры переписи 1872 г.

35. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб. 1878 г., т. I, стр. 64.

36. Essai de physique sociale. Paris. 1835 г., стр. 297.

37. Исключением служит еврейское население, которое, по меньшей мере, удвоилось после 1872 г., по словам местного раввина.

38. О смертности детей на первом году жизни. СПб. 1863 г.

39. Хотя наш статистический комитет благодаря стараниям секретаря его теряет постепенно характер бюрократически-официального учреждения, однако я думаю, что он до тех пор не будет ученоадминистративным и душой местной администрации, пока все учреждения, от которых собираются сведения комитетом, не проникнутся убеждением в необходимости сообщения точных цифр, хотя бы для этого требовалось производить громадные и кропотливые выборки.

40. Vergleichende Statistik von Europa. Von Otto Gausner. Eemberg. 1865 г., т. I, стр. 193.

41. Янсон. Русские данные о браках. Знание. 1873 г., № 8, стр. 227.

42. Oesterlen. loc. cit.

43. Op. cit. т. I, стр. 37 и 116 и др.

44. Naissances par mois (подр. цит. ниже)

45. Allgemeine Bevölkerungsstatistic. Leipzig. 1859 г.

46. Материалы для акушерской статистики г. Москвы. Дисс. Муратова. 1879 г., стр. 63.

47. Все ниженазванные авторы цитированы Янсоном (Сравнительная статистика, стр. 174) и Oesterlen, T. I, стр. 169.

48. T. I, стр. 177.

49. Ставропольские губернские ведомости. 1879 г. № 4.

50. «Naissances par mois» Annales d'Hygiene publique et med. leg. 1833 г. Том V, часть 1-я, стр. 82.

51. В цифры смертности Ставрополя не входят «мертворожденные», ибо таковые не подлежат церковной статистике.

52. Сравнительная статистика Янсона, стр. 264 и след.

53. Таблица смертности для города Москвы, составленная Матвеевым, 1878 г., №№ 14, 15 и 16, неофициальная часть губернских ведомостей.

54. Ibid.

55. Archiv des vereins für wissenschaftliche Heilkunde. 1866 г., 2-я книга, стр. 113.

56. «Русские данные о смертности» // Знание, 1873 г., № IV, стр. 79.

57. Мы не выбирали цифр по отдельным месяцам и дням первого года жизни по двум причинам: 1) наши цифры незначительны для каких-либо подробных заключений и выводов и 2) нам кажется, что в показании возраста умершего на первом году

жизни в среде мещанской и крестьянской не может быть особой точности, ибо в амбулаторной практике мы замечали, что многие крестьяне и мещане не могли точно определить возраст больного ребенка.

58. Op. cit., стр. 141.

59. Знание 1873 г., № 4. «Русские данные о смертности», стр. 80 и 84.

60. О смертности детей на первом году жизни. Диссертация. СПб., 1863 г., стр. 29.

61. Цитированы Эстерленом, т. I, стр. 148.

62. Архив судебной медицины. 1866 г., № 4. «О причинах прибыли и убыли народонаселения». А. Малаксианова.

63. Op. cit., т. II, стр. 77.

64. Ibid.

65. Op. cit., стр.17.

66. Взгляд на условия смертности детей на первом году жизни. Архив судебной медицины и общей гигиены. 1867 г.

67. Многие нижепоименованные авторы цитированы Снигиревым и Малаксиановым в вышеназванных трудах.

68. Опыт сравнительного изучения гигиенич. условий крестьянского быта и т.д. Диссертация. СПб. 1880 г.

69. Снигирев, отыскивая причины меньшей смертности детей на первом году жизни в первые три дня, говорит: «При самой беднейшей обстановке, при самом незавидном общественном положении и материальном обеспечении ребенок пользуется наилучшим присмотром. Время и заботы матери принадлежат исключительно ему, он сыт и получает надлежащую пищу».

Несомненно, что уход за ребенком в первые дни по рождении гораздо лучше, чем в последующие, но пища, получаемая им в эти дни, по крайней мере в Ставрополе, условно «надлежащая»; мы знаем десятки матерей и даже из высшего интеллигентного класса населения (жен врачей), которые первые два, иногда и три дня не прикладывают ребенка к грудям, объясняя это нагрубанием их и, вследствие этого, незначительным количеством отдаваемого молока, имеющего слабительные свойства, «а раз появится понос, в особенности летом, ни одно лекарство не спасет ребенка». Таково убеждение многих ставропольских матерей, акушерок и повитух, этих руководительниц кормления детей в первые дни и недели; кроме того, по мнению многих повитух, причиной заболевания грудницей служит именно кормление грудью детей в первый день, поэтому ограничиваются назначением сахарной и розовой воды или настоя ромашки.

70. Мы не отделили возраста от 10 до 15 лет, так как среди городского населения эти два возраста, обыкновенно учащихся, ничуть не разнятся в условиях жизни; с 20 лет одни оканчивают курс в учебных заведениях, другие переходят в разряд подмастерьев, стало быть, становятся вполне взрослыми и самостоятельными.

71. Для кривых возрастов от 1 года до 50 лет, для большей наглядности, взяты большие квадраты в диагр. VII b.

72. Руководство к практической гигиене. СПб. 1869 г., стр. 9.

73. Руководство статистики России, стр. 201.

74. Исчисление поверхности Российской Империи И. Стреблицкого. СПб. 1874 г., стр. 83.

75. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии 1876 г. Вып. VII, стр. 56.

76. Я не без умысла привел здесь сведения за 8 лет и вывел из них средние величины, будучи глубоко убежден, что все эти сведения не собираются подворно ежегодно, а сообщаются статистическому комитету из года в год, придерживаясь цифр, раз когда-либо собранных. Внимательное рассмотрение этих цифр еще более подтвердит уже неоднократно высказанное мной ранее, что некоторый цифры, сообщаемые статистическому комитету, только приблизительны и не всегда годны для статистических целей. Первое, что заметно в этих цифрах — это в разные годы совершенно одинаковое количество четвертей как засеваемого, так и снимаемого, напр., в 1876 и за 1877 гг. В 1876 году засеяно 93 четверти озимой пшеницы, снято 372, в 1877 г. посеяно столько же, сколько в 1876 г. и, что интереснее, уродилось совершенно такое же количество, сколько и в предыдущем году, а между тем эти два года относительно урожая были совершенно различны: в то время как 1876 г. был самым неурожайным, урожай 1877 г. был одним из лучших за последние 10 лет. Далее известно, что и 1875 г. был неурожайным, что однако не видно из XXI таблицы, так как 1875 г. оказывается урожайным, а в следующий год посев не вернул даже посеянного (посеяно 38 четвертей ржи, а снято 19). Не доверяя особенно вследствие вышесказанного этим цифрам, ниже я привожу качество урожая за последний 10-летний период по наблюдениям сельских хозяев губернии.

77. Op. cit. т. I, стр. 277.

78. Цены за 1868 г. взяты из Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии, стр. 53; цены за 1879—80 г. собраны мной лично и неоднократно проверены; и те и другие цифры нужно считать относительно точными, ибо нет никаких данных предполагать, чтобы торговцы в показаниях не покупателю могли уменьшить или увеличить цены.

79. Сведения доставлены самими виноторговцами.

80. Die Weinbereitung. Von D-r J. Bersch. Wien. 1871 г.

81. См. статью И. Бентковского в «Сборнике статистических сведений о Ставропольской губернии». 1876 г., стр. 51.

82. Что таковая фильтрация существует, это доказывается, например, наполнением по истечении года до края кувшина, первоначально наполненного вином только до 3/4 вместимости; иногда же, наоборот, уменьшением количества. Кувшины, прибавляющие и убавляющие вино, хорошо известны туземцам, и первые особенно ценятся, если с прибавлением количества воды вино не особенно портится, что происходит вследствие содержания в почвенной воде солей щелочных земель.

83. Природа и люди на Кавказе. П. Надеждина, стр. 190.

84. Во многих мастерских учащиеся не имеют даже постели, спят где попало и как попало: на земляном полу, верстаках, едва прикрывшись лохмотьями; в особенности этой бедностью отличаются небольшие мастерские небогатых хозяев (портных и сапожников) во всех частях города.

85. Некоторые лишены и этой возможности, так как обязаны ходить на вечерние занятия в свои канцелярии, где по вечерам «дела не делают, а от дела не бегают».

86. Понятно, что вся сумма жизненных условий значительно сокращает жизнь этих канцеляристов и между ними редко можно встретить доживших до преклонных лет. Если и встречаются в некоторых правлениях чиновники с сединами, согбенными спинами, вечно с озабоченным лицом, с примесью некоторого испуга, то все эти добрые старички — остатки доброго, старого времени, когда чиновникам вообще жилось лучше, чем теперь.

87. Гг. судебные следователи Бучен, Воскресенский и Евдокимов были настолько любезны, что охотно предоставили в мое распоряжение свои настольные реестры.

88. Hausner. Op. cit. T. I. стр. 132.

89. В последнее время благодаря деятельному участию многих частных лиц основано общество распространения грамотности. Общество открыло уже две бесплатные первоначальные школы, и общее число учащихся в конце 1880 года было около 150.

90. По официальному отзыву пристава 3-й ч. г. Ставрополя в 1879 г. на мое отношение, в котором просилось прислать список всех проституток, живущих в 3-й части города Ставрополя, оказалось, что там проституток нет вовсе, хотя в то же время существует общеизвестный факт, что именно в этой-то части города сосредоточились все проститутки.

91. Относиться добросовестно полиция при ее наличных средствах и занятиях не может при самом искреннем желании.

92. Op. cit. T. I, стр. 181.

93. Упомянем кстати, что ни один завод в городе не имеет своего врача, который бы свидетельствовал состояние здоровья рабочих, вследствие чего заболевания венерическими болезнями между рабочими, вероятно, нередки.

94. De la prostitution publique et cet. 2-me edit. Paris. 1863 г.

95. Рапорт от 16 апреля 1881 г. за № 49.

96. Да и трудно было требовать без секции распознавания болезни, часто не видавши больного.

97. Диагностику болезней, означенную в книгах, нужно считать настолько точной, насколько вообще возможна точность при амбулаторном приеме больных. Исходя же из того убеждения, что при характеристике болезненности массы нет надобности и возможности идеально точной и детальной диагностики отдельных болезней, я распределил их по большим группам, по системам органов, т.е. обозначил болезни как общие заболевания одного какого-либо органа, исключая эпидемических болезней.

98. Н.С. Сергеенко и А.И. Соколова. Некоторые сведения о болезненности в местных войсках мне сообщил д-р А.И. Маковский.

99. Oesterlen. Handbuch der medicin. Statistik. Tübingen. 1874 г. Том 2, стр. 994 и др.

100. В эту цифру не вошли 152 больных венерическими болезнями: проститутки и пользованные мужчины в больнице. Все больные с неточной диагностикой или не дождавшиеся врачебного совета исключены.

101. Отношение числа больных по возрасту взято к возрастному составу населения 1872 года при произвольном предположении, что возрастной состав остается постоянным; во всяком случае, отношения эти должны быть несколько менее действительных.

102. Op. cit., стр. 54.

103. По р. Ташле, на винокуренном заводе Термикелова, по отзыву живущих там, по наблюдениям моим и врача Сергеенко, ни одно лицо как среди рабочих, так и хозяев и приказчиков, не было свободно от заболевания инмермиттентом, и выздоровление их следовало вскоре после переселения в другие, возвышенные части города. То же нужно сказать о многих других местностях отчасти в центре города, а главное по окраинам его. Места сильно и слабо лихорадочные отмечены на прилагаемой карте зеленой краской различной насыщенности.

104. На карте распространения лихорадок на Кавказе, составленной Н.И. Тороповым, берега Терека и Кубани обозначены зеленой краской.

105. К. Бахутов. «Два случая гастралгии малярийного происхождения». Протокол Кавказского медицинского общества, 2-го мая 1881 г.

106. Историю болезней этих больных сообщим по накоплении материала.

В имеющейся у меня под рукой литературе я встретил лишь в положениях диссертации д-ра Ретивцева намек о связи болотной кахесии с хроническим воспалением сосудов. А. Ретивцев. «К вопросу о нормальной и патологической гистологии гиалинового хряща». СПб. 1881 г.

107. В Ставрополе, как и на всей Руси, терапевтические приемы знахарок нехитры: при одном предположении о существовании у данного субъекта дурной (французской) болезни, знахарки назначают внутрь сулему или окуривают киноварью и т.д. В амбулаторной практике иногда встречаются больные с поражением десен, слюнотечением, язвами на внутренней поверхности щек и др. явлениями меркуриализма, при отсутствии припадков сифилиса.

108. Hügel. Zur Geschichte, Statistik und Regelung der Prostitution. Wien. 1865 г., с. 167.

109. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. 1868 г.

110. Приложение к Архиву судебной медицины 1870 г. Эпидемиологический листок. Январь и февраль.

111. Протокол заседания губернского комитета общественного здравия 8 декабря 1877 года.

112. Если даже признать факт, что у ставропольской думы в то время действительно, вследствие многих неблагоприятных, хотя и случайных обстоятельств, средства были весьма ограничены, то и тогда трудно все-таки согласиться, чтобы у города были какие-либо другие настоятельные нужды выше здоровья отдельных членов его, т.е. горожан.

113. Протокол соединенного заседания Общего присутствия Ставропольского губернского правления и Губернского комитета общ. здравия, 19 сентября 1879 г.

114. Бабок Закавказского повивального института, где они изучают весьма основательно фельдшерский курс.

115. Подробное изложение организации санитарных участков и отделов, затруднений санитарной деятельности, отношения к делу самих деятелей (врачей, фельдшеров, повивальных бабок, сестер милосердия, санитарных попечителей, местной полиции, высшей администрации) и населения, с критической оценкой всех санитарных мероприятий и ассенизационной деятельности, — все это вместе составит предмет другого моего труда, большая часть которого у меня уже готова к печати. В том же труде я, на основании имеющихся данных, постараюсь ответить на вопрос, почему, несмотря на самые, по-видимому, рациональные меры, принятые

в Ставрополе в 1879 и 1880 годах, эпидемия дифтерита, по-видимому, прекратившаяся в июле 1880 г., снова вспыхнула осенью (в октябре), хотя и значительно слабее, чем в предыдущих годах, и почему, стало быть, мероприятия не принесли той пользы, которой от них можно было ожидать.

116. Без этого предварительного изучения жизни населения и условий его заболевания всякое мероприятие, имеющее целью прекратить какую-либо эпидемию, нередко останется мерой бумажной, кабинетной, не приносящей, конечно, никакой пользы.

117. Цифра умерших от дифтерита среди православного населения, выбранная мной из метрических книг с распределением умерших по полу, возрасту и месяцам, будет помещена в моем другом труде «Санитарно-ассенизационная деятельность в г. Ставрополе 1879—80 гг. и результаты ее».

118. Мой товарищ д-р А.Ф. Умисса («Эпидемия дифтерита в южном санитарном отделе Ставропольской губернии в 1879 и 1880 гг.». Тифлис. 1881 г.) пришел к заключению, что мусульманское население неприкосновенно к дифтеритной заразе, и виной этому автор склонен считать отчасти и отсутствие у мусульман культуры свиней, как носительниц заразы. Трудно согласиться с этим предположением почтенного автора, ибо, по его же наблюдению, эстонцы тоже неприкосновенны к заразе и не заболевали дифтеритом, однако культура свиней у них значительна. Кроме того, заболевания среди еврейского населения Ставрополя довольно часты. Неприкосновенность же в смысле полной неспособности тканей организма мусульманина к восприятию дифтеритной заразы, конечно, невозможна и непонятна.

119. У туземцев же Закавказского края страх к заражению так велик, что «те части деревни, где больные эпидемической болезнью (тиф, кровавый понос и др.), становятся безлюдными, страшными для жителей; ни любовь, ни родство, ни дружба не удержат здорового около больного: муж бросает больную жену, брат сестру, дети родителей, а родители убегают даже от своего единственного ребенка... Положение этих больных самое жалкое: во дворе тишина и в доме не слышно признаков человеческого существования — только с дальнего угла доносятся оханья и стоны брошенных больных, около которых можно найти все, кроме необходимого...». А.С. Бахутов. «Эпидемия кровавого поноса в Кутаисском уезде летом 1873 г.». Протокол Кавказского медицинского общества. 1874—1875 г., № 9.

120. Ставропольские губернские ведомости. 1879 г. Июль.

121. Дифтерит Полтавской губернии в 1879 г. Полтава. 1880 г., стр. 37.

122. Меры, которые принимались для ограничения распространения дифтеритной заразы среди учениц Ольгинской женской гимназии, изложены в циркуляре по управлению Кавказского учебного округа. 1881 г., № 1, стр. 51.

123. См. рапорты врачебному отделению о ходе дифтеритной эпидемии в г. Ставрополе и ближайших к нему селах в октябре и ноябре 1879 г.

124. Seitz, Diphterie und Croup. Berlin. 1877 г., стр. 302 и след. — Эртель: «Эпидемический дифтерит». Руководство к частной патологии и терапии Цимсена, стр. 504.

125. Часто мы находили белок у интермиттентных во время пароксизма.

126. Лечение, употребляемое Ставропольскими врачами, мной изложено подробно в другой работе, представленной Кавказскому медицинскому обществу (протокол Кавказского медицинского общества 1880 г., № 11).

127. Впервые предложенная Kempester'ом (American Journal of Medical Sciences. 1868 г.) и впоследствии расхваливаемая Рот (Berlin, klin. Wochenschrift. 1870 г., стр. 291) и Браш (там же, 1871, № 46).

128. Врачебные ведомости. 1880 г., № 42.

129. Le courrier médical. 1880 г., № 46.

130. Journal für practiche Chemie. 1875 г. 2-я кн., стр. 60.

131. Berlin. klin. Woch. 1879 г., № 7, стр. 93.

132. Медицинское обозрение. 1879 г. Март, стр. 403.

133. Не зависит ли это обстоятельство от того, что первыми популяризаторами оспопрививания среди сектантов были доморощенные оспенники, прививающие вместе с оспой, быть может, и сифилис?

134. Я не выбирал цифр умерших от кори, так как диагностику болезни, при которой очень часто не обращаются к врачебной помощи, нельзя считать точной.

135. Цифра больных скарлатиной, по сведениям врачей, очевидно, не верна, ибо умерших от скарлатины по метрическим книгам более. Многие случаи скарлатины, не пользованные врачами, жители относили, вероятно, к кори и так вносили в метрические записи.

136. Этот оператор ездил в С.-Петербург в медицинский департамент за получением права медицинской практики, но, конечно, права этого он не получил, ибо требовалось сдать экзамен по анатомии и физиологии глаза, о чем он не имеет понятия. Инструментов, употребляемых в офтальмологической практике, у оператора достаточно, имеются также учебники Брауна и Мейера, которых он не читает, плохо владея русским языком. Оперативные приемы описаны мной со слов самого оператора.

137. Исключая двух цитированных мною трудов врачей Миняева (1851 г.) и Скаковского (1868 г.).

Текст и ниже следующие приложения печатаются по изданию:
Бахутов К. Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя. Диссертация на степень доктора медицины. — СПб., 1881.

Таблица I, показывающая средние температуры*

	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.	Среднее	Наибольшая и наименьшая t за 8 лет	Разность между средними температурами	
Январь	-3,05	-0,3	-2,6	-3,3	-7,3	-2,4	-5,9	-2,0	-3,35	-0,3 (-7,3)	Января и февраля	1,04°
Февраль	-9,59	3,3	-3,7	-1,4	-2,9	-4,1	-3,5	3,4	-2,31	3,4 (-9,59)	Февраля и марта	3,84°
Март	3,07	1,0	-2,7	-3,9	5,5	5,7	1,9	1,7	1,53	5,7 (-3,9)	Марта и апреля	7,32°
Апрель	11,65	8,3	8,7	5,6	10,8	9,0	6,9	9,9	8,85	11,65 (5,6)	Апреля и мая	5,91°
Май	17,55	15,7	13,7	13,4	15,3	13,1	13,7	15,7	14,76	17,55 (13,1)	Мая и июня	3,59°
Июнь	16,9	17,6	16,6	21,0	20,5	17,8	19,2	17,2	18,35	21,0 (16,6)	Июня и июля	1,55°
Июль	20,06	20,0	17,3	20,9	20,1	20,0	18,5	22,4	19,90	22,4 (17,3)	Июля и августа	0,16°
Август	22,48	20,2	20,0	21,1	19,5	19,9	19,2	18,1	20,06	22,48 (18,1)	Августа и сентября	4,91°
Сентябрь	16,69	14,8	14,3	13,0	17,7	14,8	15,8	14,2	15,15	17,7 (13,0)	Сентября и октября	5,72°
Октябрь	9,6	10,9	8,8	9,9	6,5	8,3	9,9	10,8	9,33	10,9 (6,5)	Октября и ноября	4,27°
Ноябрь	7,44	3,4	6,2	4,3	2,1	3,8	8,8	4,5	5,06	8,8 (2,1)	Ноября и декабря	5,12°
Декабрь	0,28	-0,3	5,7	-5,6	1,7	-2,8	3,6	-3,1	-0,06	5,7 (-5,6)	Декабря и января	3,29°
Год	9,42	9,55	8,52	7,9	9,1	8,6	9,0	9,4	8,94	9,55 (7,9)	Зимы и лета	21,3°
Зима	-4,1	0,9	-0,2	-3,4	-2,8	-3,1	-1,9	-0,5	-1,9	0,9 (-4,1)	Самого холодного и самого теплого месяца	23,41°
Весна	10,7	8,3	6,6	5,0	10,5	9,2	7,5	9,1	8,4	10,7 (5,0)		
Лето	19,8	19,2	18,0	21,0	20,0	19,2	18,9	19,2	19,4	21,0 (18,0)		
Осень	11,2	9,7	9,7	9,0	8,7	8,9	11,5	9,8	9,8	11,5 (8,7)		

*В данном издании не приводятся таблицы A, B, C, D и E из-за их нестандартного формата

Таблица II, показывающая наибольшие и наименьшие температуры

	Январь		Февраль		Март		Апрель		Май		Июнь		Июль
·	Max.	Min.	Max.	Min.	Max.	Min.	Max.	Min.	Max.	Min.	Max.	Min.	Max
1872 г.	7,8	-12,8	5	-24	14,4	-14	21,7	0,8	29,4	3,2	29,4	10,6	30,4
1873 г.	8,6	-6,4	9,2	-14,6	15,4	-11,4	21	-2,3	29,3	4,9	27,6	11,8	31,8
1874 г.	6	-9,6	6,6	-14,6	12,8	-25	21,3	-2,5	27	1	25,1	10,1	24,5
1875 г.	9,7	-19,2	8,9	-6,5	12,5	-21,4	17,5	-4,6	23,1	5,6	28,9	14,6	30,3
1876 г.	4,3	-17,9	8,8	-15,3	19,7	-8,8	26	-1,5	26,5	-0,7	29,7	12,5	27,8
1877 г.	10,1	-18,8	7,8	-12,1	22,2	-5,6	21,4	-0,7	22,4	4,6	29,3	8,8	30
1878 г.	6,1	-15,2	7	-10,8	13,1	-11,5	18,3	-3,3	25	3,2	25,7	13,8	27,5
1879 г.	9	-13,6	14,6	-5,3	14,3	-7,6	23,7	-5,1	26,6	8,2	26,7	11,6	31,8
Среднее	7,7	-14,1	8,4	-12,9	15,5	-13,2	21,3	-2,4	26,1	3,7	27,8	11,7	29,2
	Июль		Август		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь		Год	
	Min.		Max.	Min.	Max.	Min.	Max.	Min.	Max.	Min.	Max.	Min.	Max.	Min.
1872 г.	12,7		31,8	12,4	28	5,3	22,6	-0,8	22	-7,4	16,4	-18,4	31,8	-24
1873 г.	14,4		27,8	12,7	27,4	2,2	19,3	2	16,2	-7,8	9,9	-10,4	31,8	-14,6
1874 г.	11,9		28,3	14,7	22,9	7,3	19,1	-3,3	18,6	-4,9	13,3	-4,4	28,3	-25
1875 г.	14,9		29,7	13,3	26,9	2,2	24	0,4	12,8	-3,8	8,2	-19,3	30,3	-21,4
1876 г.	12,7		28,7	11,4	27,1	6,5	22,6	-8,5	15,7	-13,3	11,7	-8,7	29,7	-17,9
1877 г.	13,8		29,4	10,4	26,6	3	21,1	-2,9	13,8	-7,6	5,9	-11,4	30	-18,8
1878 г.	13,6		28,4	13,3	23,1	10,1	18	2,8	22	-0,6	14,4	-10,8	28,4	-15,2
1879 г.	14,8		26,6	11	26,9	3,8	18,8	1,4	12	-3,4	15,2	-13,5	31,8	-13,6
Среднее	13,6		28,9	12,4	26,1	5	20,7	-1,1	16,6	-6,1	11,8	-12,1	30,2	-18,8

Таблица III, показывающая разность наибольшей и наименьшей температур

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Разность наибольшей и наименьшей температуры в году
1872 г.	20,6	29,0	28,4	20,9	26,2	18,8	17,7	19,4	22,7	23,4	29,4	34,8	55,8
1873 г.	15,0	23,8	26,8	23,3	24,4	15,8	17,4	15,1	25,2	17,3	24,0	20,3	46,4
1874 г.	15,6	21,2	37,8	23,8	26,0	15,0	12,6	13,6	15,6	22,4	23,5	17,7	53,3
1875 г.	28,9	15,4	33,9	22,1	17,5	14,3	15,4	16,4	24,7	23,6	16,6	27,5	51,7
1876 г.	22,2	24,1	28,5	27,5	27,2	17,2	15,1	17,3	20,6	31,1	29,0	20,4	47,6
1877 г.	28,9	19,9	27,«8	22,1	17,8	20,5	16,2	19,0	23,6	24,0	21,4	17,3	38,8
1878 г.	21,3	17,8	24,6	21,6	21,8	11,9	13,9	15,1	13,0	15,2	22,6	25,2	43,6
1879 г.	22,6	19,9	21,9	28,8	18,4	1,51	17,0	15,6	23,1	17,4	15,4	28,7	55,4
Средняя разность	21,8	21,3	28,7	23,7	22,4	16,1	15,6	16,5	21,1	21,8	22,7	23,9	49,0

Таблица IV

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Год	Зима	Весна	Лето	Осень
Тихо	230	239	231	222	213	198	179	249	254	277	278	249	2819	718	666	626	809
N	1	4	5	12	15	24	15	8	9	5	6	3	107	8	32	47	20
NE	6	6	22	15	19	37	23	15	11	12	9	5	180	17	56	75	32
E	29	17	85	70	70	56	42	105	38	43	29	28	612	74	225	203	110
SE	264	208	183	194	177	141	114	166	189	243	229	174	2282	646	554	421	661
S	18	23	25	19	14	11	15	12	20	13	19	35	224	76	58	38	52
SW	41	37	40	25	20	38	45	29	29	25	24	50	403	128	85	112	78
W	126	108	113	82	124	132	166	92	86	60	71	123	1283	357	319	390	217
NW	27	34	40	81	92	75	121	68	84	66	55	77	820	138	213	264	205

Чтобы видеть нагляднее распределение тихой погоды и ветров, в V таблице вычислено число часов наблюдения с ветрами и тихой погодой по отношению к 100 общего числа каждого месяца и времени года

Таблица V

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Год	Зима	Весна	Лето	Осень
Тихо	30,9	35,3	31,0	30,8	28,6	27,8	24,8	33,4	35,2	37,2	38,6	33,4	32,2	32,2	30,1	28,7	37,0
N	0,1	0,5	0,6	1,6	2,0	3,3	2,0	1,0	1,2	0,6	0,8	0,4	1,2	0,4	1,4	2,1	0,9
NE	0,8	0,8	2,9	2,0	2,5	5,1	3,1	2,0	1,5	1,6	1,2	0,6	2,0	0,7	2,5	3,4	1,5
E	3,9	2,5	11,4	9,7	9,4	7,8	5,8	14,1	5,2	5,7	4,0	3,7	7,0	3,4	10,2	9,3	5,0
SE	35,4	30,7	24,5	26,9	23,7	19,8	15,8	22,3	26,2	32,6	31,8	23,3	26,1	29,8	25,0	19,3	30,2
S	2,4	3,4	3,3	2,6	1,8	1,5	2,0	1,6	2,7	1,7	2,6	4,7	2,5	3,5	2,6	1,7	2,3
SW	5,5	5,4	5,3	3,4	2,6	5,3	6,2	3,8	4,0	3,3	3,3	6,7	4,6	5,9	3,8	5,1	3,5
W	16,9	15,9	15,1	11,3	16,6	18,5	23,0	12,3	11,9	8,0	9,8	16,5	14,6	16,4	14,4	17,9	9,9
NW	3,6	5,0	5,3	11,2	12,3	10,5	16,8	9,1	11,6	8,8	7,6	10,3	9,3	6,3	9,6	12,1	9,3

Из этих двух таблиц видно, что преобладающие в Ставрополе ветры Ю.-З. и западные, далее по частоте следуют СЗ, В, ЮЗ, Ю, СВ и С, а именно:

Отношение ЮВ к

З	1:0,56
СЗ	1:0,35
В	1:0,27
ЮЗ	1:0,17
Ю	1:0,09
СВ	1:0,07

Таблица VI

		Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Год	Зима	Весна	Лето	Осень
Число ясных дней	Сумма за 8 лет	15	12	32	39	49	47	54	82	84	56	40	21	531	48	120	183	180
	Среднее в год	1,9	1,5	4,0	4,9	6,1	5,9	6,8	10,2	10,5	7,0	5,0	2,6	66,4	6,0	15,0	22,9	22,5
Пасмурных	Сумма за 8 лет	122	85	79	51	31	18	16	17	22	40	72	119	672	326	161	51	134
	Среднее в год	15,2	10,6	9,9	6,4	3,9	2,2	2,0	2,1	2,8	5,0	9,0	14,9	84,0	40,7	20,2	6,3	16,8
Дождливых	Сумма за 8 лет	11	11	28	91	94	111	97	74	72	77	46	43	755	65	213	282	195
	Среднее в год	1,4	1,4	3,5	11,4	11,7	13,9	12,1	9,2	9,0	9,6	5,7	5,4	94,3	8,1	26,6	35,2	24,4
Снежных	Сумма за 8 лет	56	57	46	16	3	—	—	—	—	4	18	57	257	170	65	—	22
	Среднее в год	7,0	7,1	5,8	2,0	0,4	—	—	—	—	0,5	2,2	7,1	32,1	21,2	8,1	—	2,8
Дней с грозами	Сумма за 8 лет	2	1	1	20	26	56	43	31	16	4	—	1	201	4	47	130	20
	Среднее в год	0,2	0,1	0,1	2,5	3,2	7,0	5,4	3,8	2,0	0,5	—	0,1	25,1	0,5	5,9	16,2	2,5
Градом	Сумма за 8 лет	1	—	—	4	5	8	4	3	1	—	—	—	26	1	9	15	1
	Среднее в год	0,1	—	—	0,5	0,6	1,0	0,5	0,4	0,1	—	—	—	3,2	0,1	1,1	1,9	0,1
Бурей	Сумма за 8 лет	5	5	7	3	4	3	1	3	4	1	—	7	43	17	14	7	5
	Среднее в год	0,6	0,6	0,9	0,4	0,5	0,4	0,1	0,4	0,5	0,1	—	0,9	5,4	2,1	1,8	0,9	0,6

Таблица VII

	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.	Средн.	Абсолютные колебания
Январь	Наблюд. не произв.	96,7	84,4	36,6	30,4	18,7	33,0	15,0	39,4	96, 7 (15,0)
Февраль		31,0	18,3	18,2	25,6	68,5	38,1	23,5	27,9	68,5 (18,2)
Март	14,1	36,2	19,2	38,4	0,7	41,5	44,7	40,8	29,5	44,7 (0,7)
Апрель	65,1	79,5	34,7	44,0	8,6	168,4	88,0	123,8	76,5	168,4 (8,6)
Май	43,7	65,3	46,9	40,2	45,2	86,0	121,4	54,5	62,9	121,4 (40,2)
Июнь	100,3	157,4	144,5	25,4	145,3	27,5	109,2	168,8	109,8	168,8 (25,4)
Июль	76,1	27,5	124,7	44,3	206,1	133,0	52,4	28,1	86,5	206,1 (28,1)
Август	13,0	67,1	79,3	50,8	46,8	80,6	47,3	68,1	56,6	80,6 (13,0)
Сентябрь	24,1	38,2	19,9	104,5	78,8	130,4	49,9	35,1	60,1	130,4 (24,1)
Октябрь	71,5	74,5	13,1	59,9	102,1	64,1	23,3	67,9	59,6	102,1 (13,1)
Ноябрь	59,5	39,1	1,9	27,6	71,1	10,3	11,0	65,5	35,7	71,1 (1,9)
Декабрь	88,3	59,5	4,8	103,3	131,0	25,4	23,9	157,2	74,1	157,2 (4,8)
Год	555,7	772,0	591,7	593,2	891,7	854,4	642,2	848,3	718,6	891,7 (555, 7)
Зима	88,3	187,2	107,5	158,1	187,0	112,6	95,0	195,7	141,4	195,7 (88,3)
Весна	122,9	181,0	100,8	122,6	54,5	295,9	254,1	219,1	168,9	295,9 (54,5)
Лето	189,4	252,0	348,5	120,5	398,2	241,1	208,9	265,0	252,9	398,5 (120,5)
Осень	155,1	151,8	34,9	192,0	252,0	204,8	84,2	168,5	155,4	252,0 (34,9)

Таблица VIII

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Зима	Весна	Лето	Осень	Год
1872 г.	87,8	79,0	83,3	78,8	63,2	74,2	68,5	60,6	66,5	86,3	78,9	73,5	80,1	75,1	67,6	77,2	75,0
1873 г.	87	84	89	74	72	72	64	60	72	83	81	81	84	78	66	79	77
1874 г.	88	88	85	72	72	78	83	70	69	78	77	82	86	76	77	75	78
1875 г.	79	89	80	75	75	56	74	69	75	80	85	80	83	77	66	80	76
1876 г.	79	82	75	58	64	62	73	65	67	84	89	86	82	66	67	80	74
1877 г.	88	88	83	87	82	65	74	66	77	86	85	93	89	84	68	83	81
1878 г.	83	88	76	83	75	78	72	67	70	74	67	79	83	78	72	70	76
1879 г.	87	71	76	74	70	75	57	74	69	80	85	83	80	73	69	78	75
Среднее	84,8	83,6	80,8	75,2	71,6	70,0	70,6	66,3	70,6	81,4	80,9	82,1	82,1	75,9	68,9	77,6	76,5

Таблица IX

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1872 г.	33	12	48	41	22	35	33	23	27	42	21	17
1873 г.	36	52	15	28	35	43	41	34	31	35	41	38
1874 г.	41	40	47	27	28	30	23	25	33	40	40	42
1875 г.	41	73	14	23	45	27	35	29	41	31	53	40
1876 г.	27	48	29	19	29	20	35	30	28	42	53	45
1877 г.	39	53	40	48	49	29	28	27	46	44	27	77
1878 г.	36	85	33	43	43	53	45	27	35	32	19	35
1879 г.	52	24	32	21	32	33	28	42	30	40	52	26
Среднее	38	44	32	31	35	33	33	29	30	38	38	40

Таблица X

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Год	Зима	Весна	Лето	Осень
1872 г.	715,0	715,8	712,4	709,3	711,2	708,6	708,3	708,8	711,3	714,5	714,9	713,7	711,9	714,8	710,9	708,6	713,6
1873 г.	12,7	13,0	11,2	10,5	10,8	9,1	8,8	11,5	11,5	14,3	11,7	10,9	11,3	12,2	10,8	9,8	12,5
1874 г.	13,0	12,4	14,1	11,3	8,9	10,8	9,2	10,5	13,9	15,8	11,8	12,0	11,9	12,4	11,4	10,2	13,8
1875 г.	10,5	11,5	9,0	9,8	12,1	10,7	7,9	10,6	13,3	11,7	11,0	8,7	10,5	10,2	10,3	9,7	12,0
1876 г.	15,2	11,8	10,1	12,5	11,1	9,1	9,1	10,4	11,2	14,2	11,3	9,5	11,2	12,2	11,2	9,5	12,2
1877 г.	14,6	8,5	9,6	7,6	9,6	12,0	10,2	11,4	11,5	14,6	13,4	15,2	11,5	12,8	8,9	11,2	13,2
1878 г.	10,8	9,7	8,6	9,7	11,0	9,2	7,9	9,3	11,2	15,0	15,3	10,4	10,6	10,3	9,8	8,8	13,8
1879 г.	13,7	10,9	8,7	10,3	10,5	9,6	9,1	9,5	12,9	12,7	12,3	11,6	10,9	12,1	9,8	9,4	12,6
Среднее	713,1	711,7	710,4	710,1	710,6	709,8	708,8	710,2	712,1	714,1	712,7	711,5	711,2	712,1	710,4	709,6	712,9

Таблица XI

Среднее за 8 лет		713,1	711,7	710,4	710,1	710,6	709,8	708,8	710,2	712,1	714,1	712,7	711,5	711,2	712,1	710,4	709,6	712,9
1872 г.		1,9	4,1	2	-0,8	0,6	-1,2	-0,5	-1,4	-0,8	0,4	2,2	2,2	0,7	2,7	0,5	-1	0,6
1873 г.		-0,4	1,3	0,8	0,4	0,2	-0,7	0	1,3	-0,6	0,2	-1	-0,6	0,1	0,1	0,4	0,2	-0,4
1874 г.		-0,1	0,7	3,7	1,2	-1,7	1	0,4	0,3	1,8	1,7	-0,9	0,5	0,7	0,3	1	0,4	0,9
1875 г.		-2,6	-0,2	-1,4	-0,3	1,5	0,9	-0,9	0,4	1,2	-2,4	-1,7	-2,8	-0,7	-1,9	-0,1	0,1	-0,9
1876 г.		2,1	0,1	-0,3	2,4	0,5	-0,7	0,3	0,2	-0,9	0,1	-1,4	-2	0	0,1	0,8	-1	-0,7
1877 г.		1,5	-3,2	-0,8	-2,5	-1	2,2	1,4	1,2	-0,6	0,5	0,7	3,7	0,3	0,7	-1,5	1,6	0,3
1878 г.		-2,3	-2	-1,8	-0,4	0,4	-0,6	-0,9	-0,9	-0,9	0,9	2,6	-1,1	-0,6	-1,8	-0,6	-0,8	0,9
1879 г.		0,6	-0,8	-1,7	0,2	-0,1	-0,2	0,3	-0,7	0,8	-1,4	-0,4	-0,1	-0,3	0	-0,6	-0,2	-0,3
Наибольшие отклонения	с «+»	2,1	4,1	3,7	2,4	1,5	2,2	1,4	1,3	1,8	1,7	2,6	3,7	0,7	2,7	1	1,6	0,9
	с «-»	-2,6	-3,2	-1,8	-2,5	-1,7	-1,2	-0,9	-1,4	-0,9	-1,4	-1,7	-2,8	-0,7	-1,9	-1,5	-1	-0,9
Сумма отклонений		4,7	7,3	5,5	4,9	3,2	3,4	2,3	2,7	2,7	3,1	4,3	6,5	1,4	4,6	2,5	2,6	1,8

Таблица XII

		Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Средний годовой	Разность абс. max и min
1872 г.	Max	722,3	24	22,7	14,8	16,1	13,5	13	14,1	18,5	22	21,2	21,4	18,6	24
	Min	9,2	0	2,7	0	0,41	3,4	1,7	2,8	2,9	7,5	4,8	5,4	3,6	
1873 г.	Max	20,7	24,1	23,9	18,9	18	12,9	13	16,6	16,8	20,5	19	21,8	18,8	24,7
	Min	2,2	699,4	4,8	3,6	4,3	5,2	2,4	6,4	2,5	8,3	2,5	1,6	3,6	
1874 г.	Max	21,5	721,4	24	18,4	15,4	17,5	15,9	14,5	18,7	23,7	22,2	18,2	19,2	29,1
	Min	695,4	694,6	698,2	697,6	2,5	4,1	5,4	4,7	10,1	9,9	696,5	5,4	2	
1875 г.	Max	723	718,4	717,4	716,8	18,4	14,9	13,6	16,5	19,8	17,7	718,3	20,9	17,9	28,2
	Min	1,3	4,3	698,1	3,1	7,9	4,6	1,7	1,5	3	4,6	1,7	694,8	2,2	
1876 г.	Max	22,9	20,9	715,3	19,9	16,2	14,9	11,8	13,8	14,9	21,5	20,6	714,8	17,2	25
	Min	3,9	4,4	2,1	697,9	699,7	3,3	4,6	3,9	6,9	5,5	2,7	3,2	3	
1877 г.	Max	21	17,8	17,1	713,4	718	18	14,3	17,2	17,9	21,9	24,8	23,9	18,9	30
	Min	6,8	694,8	699,5	698,1	2,8	6,3	5,6	4,7	5,9	7,2	1,9	5,6	3,2	
1878 г.	Max	21,3	719,2	716,6	716,6	15,7	14,5	14	14,2	15,5	21,6	21,5	16,6	17,2	30,7
	Min	0,1	697,7	689,9	1,7	6,7	3,8	1	2,1	5	9,5	6,6	2,4	2,2	
1879 г.	Max	22,4	722,2	716,2	15,1	17	16	14,8	16	19,1	18,4	22,5	23	19,3	25,2
	Min	6,4	697,8	697,8	3,2	3,4	5,5	4,7	4,9	8,3	6,4	699,1	3,4	2,5	
Среднее за 8 лет	Max	721,8	721	719,1	716,6	716,8	715,2	713,8	715,3	717,6	720,9	721,2	720	718,2	—
	Min	703,1	699,1	698,8	700,6	703,9	704,5	703,3	703,8	705,5	707,3	701,9	702,7	28	
Разность средних max и min		18,7	21,9	20,3	16	12,9	10,7	10,5	11,5	12,1	13,6	19,3	17,3	15,4	
Абсолюты	Max	723	724,1	724	719,9	718,4	718	715,9	717,2	719,8	723,7	724,8	723,9	—	34,9
	Min	695,4	694,6	689,9	697,6	699,7	703,3	701	1,5	702,5	704,6	696,5	694,8	—	
Разность абсолютов		27,6	29,5	34,1	22,3	18,7	14,7	14,9	15,7	17,3	19,1	28,3	29,1	—	—

Таблица XIII

	Средняя температура			Среднее месячное количество атмосферного осадка		
	1872-1875 г.	1876-1879 г.	Разность средних температур	1872-1875 г.	1876-1879 г.	Разность
Январь	-2,31	4,6	-2,09	54,4	24,2	-30,2
Февраль	-2,84	-1,77	1,07	16,8	38,9	22,1
Март	-0,63	3,7	4,33	26,9	31,9	5
Апрель	8,56	9,15	0,56	55,8	97,2	41,4
Май	15,08	14,45	-0,53	49	76,8	27,8
Июнь	18,02	18,67	0,65	106,9	112,7	5,8
Июль	19,56	20,25	0,69	68,1	104,9	36,8
Август	20,94	19,17	-1,77	52,5	60,7	8,2
Сентябрь	14,69	15,62	0,93	46,6	73,5	26,9
Октябрь	9,8	8,87	-0,93	54,7	64,3	9,6
Ноябрь	5,32	4,8	-0,53	32	39,4	7,4
Декабрь	0,02	0,15	-0,17	63,9	84,3	20,4
Год	8,85	9,03	0,18	627,6	808,8	181,2
Зима	-1,71	-2,1	-0,39	135,1	147,4	12,3
Весна	7,67	9,1	1,43	131,7	205,9	74,2
Лето	19,51	19,36	-0,15	227,5	278,3	50,8
Осень	9,94	9,76	-0,18	133,3	172,2	43,9

Примечание. «+» и «-» пред разностями означают насколько одни месяцы последнего четырехлетия стали теплее или холоднее, а в какие месяцы выпало более или менее атмосферной влаги

Таблица XIV

Полицейские части города	Сведения переписи 1872 г.										Домов							
	Жителей								Пространство занимаемое дворовыми поместьями		Каменных (из плитняка, битого щебня или лома)	Деревянных	Из других материалов (землебитного самана и турлучных)	Питейных домов, трактиров, винных погребов, гостиниц	Постоялых дворов, ночлежных домов и др.	Общественных торговых бань	Заводов
	Улиц	Переулков	Групп	Площадей	Базаров	Мужчин	Женщин	Обоего пола	Десятин	Сажень							
Первая	12	7	6	—	—	3545	3674	7219	445	1504	138	773	201	12	2	1	31
Вторая	14	3	3	3	1	3951	3224	7175	83	249	349	548	38	46	7	3	9
Третья	8	7	5	1	—	3039	2822	5861	496	1173	28	703	192	16	—	1	15
Четвертая	15	4	1	3	2	6117	3245	9362	245	122	584	403	177	50	4	—	5
Во всех частях	49	21	15	7	3	16652	12965	29617	1270	1648	1099	2.427	608	124	13	5	60

Примечание. На основании этой таблицы легко вычислить, что на каждого жителя в 1872 г. в первой части приходилось 148 квадр. саж. места, занимаемого городом, во второй — 27, в третьей — 203 и в четвертой — 61 квадр. саж., но такое вычисление дает только приблизительное понятие о скученности населения по частям города, так как население 1-й и 3-й части живет нередко в перечисленных выше группах домов, каковые группы отделяются друг от друга обширными огородами, балками и оврагами, между тем как во 2-й и 4-й части города распределение домов равномернее. Судить о скученности населения по числу жителей на один дом тоже невозможно, ибо дома по своей вместимости в различных частях города далеко не одинаковы.

Таблица XV

Название местности, № дома, имя и фамилия содержателя	Размеры в метрах: Комнаты ночлежного дома: Длина	Ширина	Вышина	Окон: Длина	Ширина	Объем воздуха в комнате	Объем печки, который исключен из общего объема комнаты	Отношение площади окна к объему комнаты	Наибольшее и наименьшее число ночлежников	Наблюдения во время обходов домов
Николаевский проспект, № 47., С.К. Постоялый и ночлежный дом	6,6	4,3	2,4	0,7	0,5	65,8	2,2	1:97	16 40	Двор завален навозом, местами лужи, издающие острый аммиачный запах. Отхожие места не чистились более 8 месяцев. В ночлежной комнате стены и земляной пол сыры. Воздух при скоплении людей удушливо-зловонный, t=16-21 градус. Вентиляции нет. Досчатые нары, но спят и под нарами, на печках, иногда же на окне, без различия пола, возраста и семейного состояния. Цена на ночлег 5 коп., ночуют исключительно городские.
Там же № 51 Постоялый и ночлежный дом И. Ахп.	6,4	3,7	2,2	0,8	0,7	46	6	1:93	12 38	Сырость в комнатах весьма значительная. Грязь и нечистоты под нарами. Ц. 5 коп., при этом постоялом дворе есть и небольшая чистая комната для проезжающих крестьян. Ц. 10 коп.
Там же И.С. Постоялый дом, № 98	5,3	3,4	2,3	1,2	0,5	41,4	_	1:69	5 12	Содержится комната чисто, вентиляции нет. Останавливаются исключительно приезжие в город крестьяне. Ц. 5-10 коп.
Поспеловская ул. Постоялый и ночлежный дом, П.К. № 2-й										Двор занавожен. Отхожие места переполнены. Помойной ямы нет. 1-я комната сырая и грязная без нар, спят на земляном полу. 2-я — чище и светлее с деревянным полом. В обеих комнатах нет вентиляции. Ц. 5 коп.
1-я комната	4,7	4,6	2,5	0,9	0,8	46,8	7,2	1:75	13 25	
2-я комната	4,8	3,5	2,4	1,0	0,6	34,2	6,1	$1:67_{2}$	8 20	
Там же Постоялый двор А.Ф., № 24	4,5	4,1	2,5	1,0	0,6	46,1	_____	$1:76_{8}$	5 10	Через двор идет глубокий ров (городская канава), в который кроме навоза выбрасывается и падаль животных. Отхожего места и помойной ямы нет. В этот двор свозится навоз с соседних дворов и с постоялого двора № 51 и тут же выделывается кизяк. Ц. 10 коп.

Таблица XV (продолжение)

Название местности, № дома, имя и фамилия содержателя	Размеры в метрах: Комнаты ночлежного дома — Длина	Ширина	Вышина	Окон — Длина	Ширина	Объем воздуха в комнате	Объем печки, который исключен из общего объема комнаты	Отношение площади окна к объему комнаты	Наибольшее и наименьшее число ночлежников	Наблюдения во время обходов домов
Там же Постоялый двор В.К., № 33	4,5	3,5	2,3	1,1	0,4	36,2	—	$1:82_3$	8 12	Комната сырая и грязная. Останавливаются исключительно греки. Отхожих мест нет. Ц. 10 коп.
Там же Постоялый двор М.Е., № 36	5,2	3,6	2,0	0,7	0,5	32,6	4,8	$1:106_9$	4 8	В переднем дворе кучи навоза, задний двор представляет баз. Комната чистая с деревянным полом. Ц. 10 коп.
Верхне-Базарная улица Постоялый и ночлежный дом А.Т., № 9								$1:65_1$	35 40	Со двора навоз редко вывозится. Отхожие места не чистятся. Ночлежники — исключительно городские рабочие и нищие, воздух зловонен, t 20 градусов R
1-я комната	4,8	4,2	2,3	1,2	0,7	46,3	—			
2-я комната	Размеры почти одинаковые с предыдущей комнатой									
Там же Постоялый двор А.В., № 5	8,4	4,5	2,6	1,3	0,7	93,7	4,5	1:108	27 50	В ночь под базарные дни постоянно комнаты полны, причем воздух удушливый и зловонный. Двор редко очищается.
Там же Ночлежный дом М.Т., № 6	Размеры комнаты близко подходят к предыдущей								17 29	В этом же дворе здание семинарской больницы. Помойных ям нет, около ворот рядом с колодцем выбрасываются отбросы из кухни

Таблица XVI

	Моложе 20 л. М.	Ж.	20-25 л. М.	Ж.	25-30 л. М.	Ж.	30-35 л. М.	Ж.	35-40 л. М.	Ж.	40-45 л. М.	Ж.	45-50 л. М.	Ж.	Свыше 50 л. М.	Ж.	На 100 браков совершено по годам	Число жителей на один брак
1872 г.	42	141	89	37	34	16	17	9	16	9	15	5	3	—	1	—	14,9	121
1873 г.	33	117	50	28	27	9	21	9	22	5	8	1	6	2	5	1	11,8	156
1874 г.	34	126	74	35	31	11	23	6	12	7	8	4	3	—	4	—	13,0	145
1875 г.	37	142	93	57	45	3	17	5	10	3	10	4	4	2	1	1	14,0	129
1876 г.	15	96	68	48	41	8	12	5	10	2	4	1	5	—	6	1	11,1	175
1877 г.	28	83	55	33	35	10	8	5	5	2	6	4	4	1	4	4	9,7	202
1878 г.	39	111	63	35	22	6	14	2	10	2	3	-	6	3	2	—	10,9	181
1879 г.	45	116	47	44	49	12	24	3	9	7	8	3	4	4	7	4	13,3	154
Итого	273	932	539	317	284	75	136	44	94	37	62	22	35	12	27	11	99,6	—
На 100 браков	18,8	64,3	37,2	21,9	19,6	5,1	9,4	3,0	6,5	2,6	4,3	1,5	2,4	0,8	1,8	0,7	—	—
Среднее для обоих полов	41,5		29,5		12,3		6,2		4,5		2,9		1,6		1,2		—	158

Таблица XVII

Заключено браков	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.	Сумма	На 100 браков
Холостых с девицами	177	124	154	183	121	110	128	155	1152	79,4
Холостых с вдовами	14	19	18	14	18	10	11	6	110	7,6
Вдовцов с девицами	14	14	10	8	9	16	17	19	107	7,4
Вдовцов с вдовами	12	15	7	12	13	6	3	13	81	5,6
Итого	217	172	189	217	161	142	159	193	1450	100

Таблица XVIII

	Месяцы												
	Январь		Ферваль		Март		Апрель		Май		Июнь		Июль
	Пол												
Возраст	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.
От 1 дня до 1 года	84	78	90	73	126	92	85	59	98	78	124	90	180
От 1 года до 5 лет	82	70	55	52	79	79	60	68	51	50	59	43	94
От 5 лет до 10 лет	23	22	18	16	18	20	12	16	10	20	14	10	14
От 10 лет до 20 лет	9	15	13	4	23	13	13	16	16	4	15	6	9
От 20 лет до 50 лет	75	58	56	45	54	54	58	45	68	37	45	31	40
От 50 лет до 100 лет	69	60	50	39	81	45	54	40	47	39	54	28	53
Итого	342	303	282	229	381	303	282	244	290	228	311	208	390

	Месяцы											
	Июль	Август		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь		Год	
	Пол												
Возраст	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
От 1 дня до 1 года	152	239	195	102	99	89	84	71	63	92	64	1380	1127
От 1 года до 5 лет	69	106	103	75	76	71	83	64	57	59	69	855	819
От 5 лет до 10 лет	15	17	13	20	11	20	26	11	12	14	19	191	200
От 10 лет до 20 лет	8	15	16	6	15	14	13	13	11	25	12	171	133
От 20 лет до 50 лет	26	59	39	54	34	49	42	55	40	80	44	693	495
От 50 лет до 100 лет	27	52	38	47	56	66	54	62	34	72	43	707	503
Итого	297	488	404	304	291	309	302	276	217	342	251	3997	3277

Таблица XIX

	Месяцы												
	Январь		Ферваль		Март		Апрель		Май		Июнь		Июль
	Пол												
Возраст	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.
От 1 дня до 1 года	21,0	23,8	22,5	22,2	31,5	28,0	21,3	18,0	24,5	23,8	31,1	27,5	45,0
От 1 года до 5 лет	20,5	21,3	13,8	15,9	19,8	24,1	15,0	20,7	12,7	15,2	14,8	13,1	23,5
От 5 лет до 10 лет	5,8	6,7	4,5	4,9	4,5	6,1	3,0	4,9	2,5	6,1	3,5	3,0	3,5
От 10 лет до 20 лет	2,3	4,6	3,2	1,2	5,7	3,9	3,3	4,9	4,0	1,2	3,7	1,8	2,3
От 20 лет до 50 лет	18,7	17,6	14,0	13,7	13,4	16,5	14,5	13,7	17,0	11,3	11,2	9,5	10,0
От 50 лет до 100 лет	17,1	18,3	12,5	11,9	20,3	13,7	13,4	12,2	11,8	11,9	13,4	8,5	13,3
Итого	85,4	92,3	70,5	69,8	95,2	92,3	70,5	74,4	72,5	69,5	77,7	63,4	97,6

	Месяцы												
	Июль	Август		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь		Год	
	Пол												
Возраст	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
От 1 дня до 1 года	46,4	59,8	59,5	25,5	30,2	22,2	25,6	17,8	19,3	23,0	19,5	345,2	342,8
От 1 года до 5 лет	21,1	26,5	31,4	18,8	23,2	17,8	25,4	16,0	17,4	14,8	21,0	214,0	249,8
От 5 лет до 10 лет	4,6	4,3	4,0	5,0	3,3	5,0	7,9	2,7	3,7	3,5	5,8	47,8	61,0
От 10 лет до 20 лет	2,4	3,7	4,9	1,5	4,6	3,5	4,0	3,2	3,3	6,3	3,7	42,7	40,5
От 20 лет до 50 лет	7,9	14,7	11,9	13,5	10,3	12,3	12,7	13,9	12,2	20,0	13,4	173,2	150,9
От 50 лет до 100 лет	8,2	13,0	11,6	11,8	17,3	16,5	16,5	15,5	10,3	18,0	13,1	176,6	153,5
Итого	90,4	122,0	123,3	76,1	88,9	77,3	92,1	69,1	66,2	85,6	76,5	999,5	999,5

Таблица XX

	Месяцы											
Возраст	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
От 1 дня до 1 года	22,4	22,3	29,7	19,6	24,1	29,3	45,7	59,6	27,8	23,8	18,5	21,2
От 1 года до 5 лет	20,9	14,8	21,9	17,7	13,9	13,9	22,3	28,9	21,0	21,6	16,7	17,9
От 5 лет до 10 лет	6,2	4,7	5,3	3,9	4,3	3,2	4,0	4,1	4,1	6,4	3,2	4,6
От 10 лет до 20 лет	3,4	2,2	4,8	4,1	2,6	2,7	2,3	4,3	3,0	3,9	3,2	5,0
От 20 лет до 50 лет	18,1	13,8	14,9	14,1	14,3	10,3	8,9	13,3	11,9	12,5	13,0	16,7
От 50 лет до 100 лет	17,7	12,2	17,0	12,8	11,8	10,9	10,7	12,1	14,5	16,5	12,9	15,5
Итого	88,8	70,1	93,7	72,4	71,0	70,5	94,1	122,5	82,5	84,7	67,6	81,1

Таблица XXI

	Посеяно четвертей									Снято четвертей								
	Озимой пшеницы	Ржи	Яровой пшеницы	Овса	Ячменя	Гречихи	Остальных яровых хлебов	Картофеля	Льна	Озимой пшеницы	Ржи	Яровой пшеницы	Овса	Ячменя	Гречихи	Остальных яровых хлебов	Картофеля	Льна
1872 г.	110	15	—	25	10	12	13	16000	20	330	45	—	75	30	48	75	48000	150
1873 г.	148	25	—	65	10	12	36	16000	20	740	150	—	520	60	48	360	80000	180
1874 г.	92	38	—	44	18	20	9	11000	4	450	19	—	220	90	100	45	42000	40
1875 г.	90	126	—	60	32	47	28	20000	20	360	504	—	120	96	470	280	60000	100
1876 г.	93	118	—	48	29	60	23	19500	22	372	—	—	144	87	600	23	58500	88
1877 г.	93	—	118	48	29	60	23	19500	22	372	—	472	144	87	600	23	58500	88
1878 г.	102	144	5	74	27	63	33	18000	36	416	590	23	317	120	598	310	90400	182
1879 г.	110	140	7	80	30	70	36	19000	38	441	581	22	320	118	615	306	96500	180
Среднее за год	104	63	—	55	23	43	25	17375	22	446	238	—	232	86	384	177	66737	126

Таблица XXII

Куда обращались больные за врачебной помощью	Перелой			Мягкий шанкр			Твердый шанкр и сифилис			Всего			На 100 общего числа больных мужчин	На 100 больных женщин	На 100 больных обоего пола
	Мужчин	Женщин	Оба пола	Мужчин	Женщин	Оба пола	Мужчин	Женщин	Оба пола	Мужчин	Женщин	Об. пола			
Санитарные пункты	38	26	64	14	9	23	19	17	36	71	52	123	20,3	26,2	22,4
Проститутки в публичных домах	—	4	4	—	2	2	—	—	—	—	6	6	—	3,0	1,0
Одиночки и арфянки	—	48	48	—	13	13	—	26	26	—	87	87	—	43,9	15,9
Амбулаторные врачей (и больные в частной практике)	127	8	135	35	6	41	57	39	96	219	53	272	62,7	26,7	49,7
В больницу приказа общественного призрения	19	—	19	27	—	27	13	—	13	59	—	59	16,9	—	10,7
Итого	184	86	270	76	30	106	89	82	171	349	198	547	99,9	99,8	99,7
Из указанного числа проституток пользовалось в больнице приказа	—	17	—	—	14	—	—	11	—	—	42	—	—	21,2	—

Таблица XXIII

	1879 год									1880 год																
	Октябрь			Ноябрь			Декабрь			Январь			Февраль			Март			Апрель			Май			Итого		
	Заболело	Выздоровело	Умерло	Заболело	Выздоровело	Умерло	Заболело	Выздоровело	Умерло	Заболело	Выздоровело	Умерло	Заболело	Выздоровело	Умерло	Заболело	Выздоровело	Умерло	Заболело	Выздоровело	Умерло	Заболело	Выздоровело	Умерло	Заболело	Выздоровело	Умерло
В 1-й части	31	23	8	36	30	6	17	12	5	26	23	3	33	31	2	6	5	1	8	7	1	—	—	—	157	131	26
Во 2-й части	44	41	3	20	19	1	18	17	1	10	9	1	25	24	1	18	16	2	11	9	2	9	8	1	155	143	12
В 3-й части	28	10	18	17	14	3	31	23	8	16	15	1	7	6	1	5	1	4	3	2	1	—	—	—	107	71	36
В 4-й части	26	17	9	18	16	2	15	12	3	8	6	2	3	2	1	3	3	—	—	—	—	—	—	—	73	56	17
Итого	129	91	38	91	79	12	81	64	17	60	53	7	68	63	5	32	25	7	22	18	4	9	8	1	492	401	91

Таблица H
Список выписываемых периодических изданий (журналов и газет) в 1880 году. Составлено на основании данных Ставропольского почтового управления

Названия периодических изданий	Число подписчиков
Артиллерийский журнал	1
Архив ветеринарных наук	2
Библиотека для чтения	5
Будильник	9
Всеобщая газета (Гатцука)	42
Воспитание и обучение (бывший Детский сад)	6
Высочайшие приказы о гражданских чинах	2
Вечерняя газета	3
Ваза	6
Всемирная иллюстрация	8
Вестник общества садоводства	1
Вестник народной помощи	3
Вестник Европы	10
Военный сборник	8
Ведомости справок о судимости	22
Гласность	4
Голос	22
Гамелиц (на еврейском языке)	1
Досуг и дело	2
Древняя и новая Россия	3
Детское чтение	4
Душеполезное чтение	11
Дроэба (на грузинском языке)	4
Дело	25
Железнодорожный листок	1
Живописное обозрение	30
Женское образование	1
Журнал коннозаводства	2
Журнал М-ва народного просвещения	5
Журнал уголовного и гражданского права	3
Земледельческая газета	2
Зодчий	4
Задушевное слово	1
Записки русского химического общества	1
Записки русского технического общества	1
Игрушечка	6
Иллюстрированный мир	32
Иллюстрированный вестник	4
Известия русского географического общества	2
Инженерный журнал	2
Исторический вестник	1
Иверия	1
Кавказ	25
Луч	16
Лесной журнал	4
Мшак (на армянском языке)	4
Московские ведомости	14
Молва	15
Модный свет	74
Модные выкройки	6

Названия периодических изданий	Число подписчиков
Модный магазин	13
Новое время (журнал)	11
Новое время (газета)	40
Неделя	31
Новости	40
Нева	40
Нива	98
Нувелист	4
Народная школа	8
Новый русский базар	13
Оружейный сборник	7
Отечественные записки	20
Природа и люди	3
Правительственный вестник	30
Полицейские ведомости СПб.	1
Петербургская газета	2
Петербургский листок	4
Петербургские ведомости	12
Пчела Армении (Мегу-гая-стани)	6
Педагогическая хроника	3
Педагогический сборник	1
Переводы отдельных романов	5
Православное обозрение	6
Природа и охота	9
Рассвет	3
Русская газета	5
Русские ведомости	11
Родина	1
Русское богатство	1
Русская речь	4
Русская старина	6
Русская мысль	3
Русский курьер	24
Русский инвалид	27
Русский вестник	6
Русский еврей	3
Решения главного военного суда	6
Развлечение	1
Сельское хозяйство и лесоводство	1
Семейные вечера	10
St.-Petersburg Herold	2
Сенатские ведомости (без решен.)	25
Сенатские ведомости (с решен.)	18
Сенатские ведомости кассационного департамента	2
Сенатские объявления по судебным делам	10
Семья и школа	5
Слово	6
Собрание иностранных романов	5
Странник	4
Современные известия	14
Современность	9
Суфлер	2
Сын Отечества	47
Свет и тени	18
Сборник телеграфного департамента	1
Сельская беседа	6
Стрекоза	8
Труды Импер. вольн. экон. общ.	2
Театральная библиотека	2
Тифлисские объявления	5
Указатель министерству финансов	6
Христианское чтение	1
Церковный вестник	26
Церковные ведомости	13
Чтение для солдат	13
Чтение в обществе любителей духовного просвещения	3
Шут	6
Юридический вестник	4

Газет на немецком, французском, польском и эстонском языках, выходящих в России и за границей, выписывается 20 названий 28 подписчиками. Губернские и Епархиальные ведомости получаются со всех губерний России по одному экземпляру. Кроме вышеперечисленных газет и журналов, в 1881 г. выписываются:

Названия периодических изданий	Число подписчиков
Художественный журнал	2
Полярная звезда	3
Южный край	5
Русь	3
Московский телеграф	5
Улей	4
Минута	2
Порядок	13
Страна	4
Жизнь	8
Осколки	1
Отголоски	2
Фаланга	1

Число подписчиков медицинских изданий представляем в следующем списке (1880 год)

Названия периодических изданий	Число подписчиков	Названия периодических изданий	Число подписчиков
Военно-медицинский журнал с прил.	7	St. Petersburger Medic. Wochenschr.	2
Военно-медицинский журнал без прил.	5	Annales d'Hygiène publique et de mèd. lég	1
Врачебные ведомости	2		
Врач	4	Berlin Klinische Wochenschrift	3
Венская клиника	2	Centralblatt. f. d. medic. Wissenschaften	1
Здоровье	5		
Медицинское обозрение	6	Gesundheit	1
Медицинский вестник	2	Mediciniche Neuigkeiten	1
Протоколы и журналы Кавказск. медицинск. общества	8	Schmidt's Jrbücher d. Med.	1
		Courrier médicale	1
Сборник судеб. медицин. и т.д.	4	Gazzette médicale de Paris	1

Примечание. За безусловную точность общего числа подписчиков трудно ручаться. Мы привели только нам известное число подписчиков медицинских изданий.

Таблица I
Сведения о стоимости продуктов ежедневного употребления при розничной продаже в городе Ставрополе

Название продуктов	Цены за 1879 и 1880 годы				Цены за 1868 год			
	Низшая цена в летнее время или в ярмарочные или базарные		Высшая цена в зимнее время или вообще в неторговые		Низшая цена		Высшая цена	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Муки за 1 пуд								
Ржаной	1	—	1	10	—	40	—	60
Пшеничной лучший сорт	1	50	1	60	—	90	1	5
Посредственной	1	40	1	50	—	70	—	90
Крупчатой	4	—	4	60	2	40	2	40
Солода	2	—	2	40	1	60	1	60
Гороха сушеного	3	50	3	60	2	—	2	—
Фасоли	1	60	1	70	1	60	1	60
Хлеба печеного за 1 фунт								
Ржаного	—	3	—	3	—	1,5	—	1,5
Пшеничного самого белого	—	4,5	—	4,5	—	3	—	3,5
Пшеничного посредственного	—	4	—	4	—	2,5	—	3
Ситного	—	4	—	4	—	1,5	—	2
Крупчатого	—	10	—	12	—	8	—	8
Круп за 1 фунт								
Гречневых красных	—	7	—	8	—	4,5	—	5
Гречневых белых	—	6	—	6	—	3,5	—	3,5
Пшеных	—	5	—	6	—	1,5	—	2
Сорочинского пшена	—	10	—	10	—	7	—	7
Индийского риса	—	12	—	12	—	15	—	15
Манной	—	12	—	12	—	8	—	8
Перловой	—	12	—	15	—	12	—	12
Макарон лучших	—	12	—	12	—	8	—	8
Макарон посредственных	—	10	—	12	—	7	—	7
Вермишели	—	12	—	12	—	8	—	8
Мяса за фунт								
Говядины лучшей	—	7	—	8	—	4	—	5
Говядины обрезной	—	4	—	5	—	2	—	2
Говяжьи ноги с частью головы	—	50	—	60	—	25	—	30
Язык говяжий один	—	15	—	20	—	15	—	15
Солонины лучшей	—	6	—	7	—	3,5	—	3,5
Солонины посредственной	—	4	—	5	—	3	—	3
Баранины лучшей	—	6	—	7	—	4	—	5
Баранины обрезной	—	4	—	5	—	2	—	2
Бараний гусак и голова	—	10	—	12	—	8	—	10
Курдючного сала	—	10	—	15	—	10	—	10
Свинины	—	9	—	10	—	8	—	8
Сала свиного	—	15	—	20	—	15	—	20
Ветчины копченой	—	20	—	25	—	20	—	25
Соленых перепелок	—	30	—	35	—	20	—	25
Живность за штуку								
Индейка	—	70	1	40	—	30	—	60

Название продуктов	Цены за 1879 и 1880 годы				Цены за 1868 год			
	Низшая цена в летнее время или в ярмарочные или базарные		Высшая цена в зимнее время или вообще в неторговые		Низшая цена		Высшая цена	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Гусь	—	50	1	10	—	40	—	60
Утка	—	40	—	60	—	20	—	25
Курица	—	30	—	50	—	15	—	20
Пара цыплят	—	25	—	30	—	15	—	20
Яиц сотня	1	—	2	—	—	60	1	50
Рыбы за фунт								
Стерляди замороженной	—	30	—	50	—	8	—	10
Осетрины свежей	—	30	—	50	—	12	—	20
Осетрины просоленной	—	30	—	30	—	11	—	12
Севрюжины свежей	—	35	—	40	—	10	—	15
Севрюжины просоленной	—	20	—	25	—	10	—	12
Лососины соленой	—	20	—	25	—	10	—	12
Лещей свежих	—	10	—	20	—	10	—	12
Карасей	—	8	—	10	—	6	—	8
Судака просоленного	—	8	—	15	—	8	—	15
Тарани сухой сотня	—	50	—	60	1	—	3	—
Тешки осетровой	—	70	—	75	—	15	—	20
Балыку осетрового	1	20	1	30	—	35	—	60
Икры зернистой	2	—	2	50	—	40	—	60
Икры паюсной	1	—	1	40	—	40	—	60
Пара голландских сельдей	—	—	—	—	—	30	—	30
Пара копченой шемаи	—	40	—	50	—	15	—	20
Сотня раков больших	—	70	1	—	—	50	—	70
Сотня раков малых	—	50	—	75	—	20	—	20
Молока								
Неснятого 1 кув. (большой штоф)	—	20	—	30	—	10	—	25
Снятого	—	15	—	18	—	8	—	15
Сливок стакан	—	15	—	20	—	6	—	10
Творога 1 фунт	—	10	—	15	—	2	—	5
Сметаны стакан	—	15	—	20	—	4	—	10
Масла сливочного фунт	—	40	—	45	—	20	—	35
Масла коровьего фунт	—	30	—	35	—	18	—	22
Зелени за сотню								
Капусты	3	—	5	—	2	50	5	—
Бураков	—	75	1	20	1	50	3	—
Огурцов свежих летом	—	40	—	50	—	8	—	10
Огурцов соленых зимой	1	—	1	10	—	50	—	80
Арбузов	3	—	5	—	1	50	2	—
Дынь	2	—	2	50	1	50	2	—
Картофеля крупного	—	75	—	80	—	25	—	30
Картофеля мелкого	—	35	—	40	—	20	—	25
Лука	1	—	1	20	—	60	1	—
Яблок	1	—	1	40	1	—	1	20
Вишень ведро	—	60	1	50	—	50	—	80
Чернослива за фунт	—	17	—	20	—	15	—	15
Винограда за фунт	—	5	—	7	—	4	—	6
Прочих предметов за фунт								
Сахара 1 пуд 1-го сорта	7	20	8	20	8	20	9	60
Сахара 1 пуд 2-го сорта	7	10	8	10	8	—	8	50
Сахарного песка за фунт	—	17	—	18	—	18	—	20
Меда белого	—	20	—	20	—	20	—	20
Меда желтого	—	18	—	18	—	15	—	15
Кофе лучшего	—	70	—	70	—	50	—	60
Кофе посредственного	—	60	—	60	—	40	—	45
Белых сушеных грибов	—	80	—	90	—	50	—	65
Масла постного горчичного	—	25	—	30	—	25	—	30
Масла постоного подсолнечного	—	18	—	20	—	13	—	15
Масла постного деревянного	—	30	—	32	—	28	—	30
Миндаля	—	50	—	50	—	30	—	30
Лаврового листа	—	30	—	30	—	30	—	30
Зернистого перца	—	35	—	35	—	28	—	28
Корицы	—	80	—	80	—	80	—	80
Гвоздики	1	—	1	—	—	60	—	60
Сандала	—	20	—	20	—	20	—	20
Мыла казанского пуд	5	60	6	—	4	40	4	80
Мыла белого русского пуд	5	20	5	50	4	—	4	80
Мыла желтого русского пуд	4	50	4	80	3	60	3	60
Свечей стеариновых фунт	—	30	—	30	—	30	—	30
Сальных лучш. сорта	—	16	—	16	—	12	—	13
Сальных посредственных	—	15	—	15	—	11	—	12
Фотогена за пуд	3	20	4	—	4	80	4	80
Крахмала фунт	—	15	—	15	—	12	—	12
Синьки фунт	—	20	—	20	—	20	—	20

Название продуктов	Цены за 1879 и 1880 годы				Цены за 1868 год			
	Низшая цена в летнее время или в ярмарочные или базарные		Высшая цена в зимнее время или вообще в неторговые		Низшая цена		Высшая цена	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
За ведро								
Спирту	?	?	?	?	7	60	9	—
Водки хлебной	5	—	6	—	3	80	5	—
Красного местного вина	2	—	6	—	2	—	2	50
Пива	1	80	2	—	1	20	1	80
Меда	3	—	—	—	1	20	1	80
Квас	—	15	—	20	—	30	—	40
За куб. саж. 3-х поленн.								
Дров толстых 1—го сорта	25	—	35	—	20	—	22	—
Дров тонких 2—го сорта	18	—	19	—	14	—	16	—
За пуд								
Каменного угля	—	40	—	50	—	20	—	27
Донского антрацита	—	40	—	50	—	20	—	25
Углей куль	1	80	2	—	1	20	1	50
Сена пуд	—	15	—	35	—	10	—	20
Большой воз	4	—	8	—	2	90	5	—
Камыша воз	2	—	2	50	1	50	2	50
Соломы воз	2	—	2	50	1	50	2	—
Овса четверть	2	—	4	50	1	70	2	50
Воды ведро	—	1	—	1,5	—	1,5	—	2
Воды бочка	—	30	—	50	—	25	—	30

Таблица К
Болезни, наблюдавшиеся в городе Ставрополе в амбулаторной и частной практике в 1879 году

	Абсолютное число	Отношение к общему числу больных в %	Итоги абсолютных чисел	Проценты	Отношение к населению 1879 года в процентах
Болезни органов дыхания					
Болезни носовой полости	9	0,16			
Болезни гортани	23	0,42			
Болезни бронхов	237	4,32			
Воспаление легких (крупозное и катаральное)	149	2,71	520	9,47	1,56
Чахотка	61	1,11			
Другие болезни легких	17	0,31			
Болезни плевры	24	0,44			
Болезни органов кровообращения					
Воспаление пери- и эндокардия	48	0,87			
Органические болезни сердца	26	0,47	142	2,58	0,42
Болезни сосудов	68	1,24			
Болезни органов пищеварения					
Болезни полости рта	48	0,87			
Воспаление околоушной железы (Parotisis idiopatica)	78	1,42			
Воспаление зева (Angina catarrhalis et phlegmonosa)	356	6,49			
Катар желудка	189	3,44			
Катар кишок острый	435	7,93	1358	24,74	4,08
Катар кишок хронический	172	3,13			
Кровавый понос	12	0,22			
Воспаление брюшины	4	0,07			
Болезни печени и желчных путей	31	0,56			
Глисты	27	0,49			
Другие болезни органов пищеварения	6	0,10			

	Абсолютное число	Отношение к общему числу больных в %	Итоги абсолютных чисел	Проценты	Отношение к населению 1879 года в процентах
Болезни мочевых органов					
Болезни почек	8	0,15	22	0,40	0,66
Болезни мочевых путей	14	0,25			
Болезни женских половых органов					
Болезни матки и покровов ее	80	1,46	141	2,56	0,42
Болезни яичников	12	0,22			
Болезни влагалища	26	0,47			
Болезни беременных	7	0,12			
Болезни послеродовые	16	0,29			
Болезни нервной системы					
Воспаление мозга и его оболочек	38	0,69	145	2,64	0,43
Апоплексия, опухоли и другие болезни головного мозга	8	0,14			
Болезни спинного мозга и его оболочек	5	0,09			
Невралгия	51	0,91			
Параличи	22	0,40			
Общие неврозы	21	0,38			
Болезни кожи, подкожной клетчатки, мышц, суставов и костей					
Острые накожные сыпи	27	0,49	751	13,68	1,93
Хронические	64	1,16			
Паразитические болезни кожи	17	0,31			
Раны	24	0,43			
Язвы	86	1,56			
Воспаление подкожной клетчатки и нарывы	79	1,43			
Обморожения	12	0,22			
Ожоги	15	0,27			
Доброкачественные опухоли	9	0,16			
Злокачественные	13	0,23			
Ревматизм (суставной и мышечный)	335	6,10			
Переломы костей	23	0,43			
Вывихи	11	0,20			
Костоеда и некроз	17	0,30			
Другие болезни костей и суставов	19	0,34			
Инфекционные болезни					
Рожа	29	0,52	881	16,05	2,64
Оспа	73	1,33			
Корь	135	2,45			
Тиф	8 (?)	0,15			
Дифтерит	563	10,25			
Скарлатина	30	0,54			
Коклюш	43	0,78			
Перемежающаяся лихорадка	638	11,62	638	11,62	1,91
Венерические болезни	395	7,19	395	7,19	—
Общие расстройства питания					
Анемия и хлороз	129	2,35	263	4,79	
Золотуха	99	1,80			
Цинга	12	0,22			
Маразм	23	0,42			
Отравление	10	0,18	25	0,45	
Запой	15	0,27			
Болезни век, слезных путей, конъюнктивыи роговой оболочки	147	2,67	194	3,53	
Другие болезни глаз	47	0,85			
Болезни уха	14	0,25	14	0,25	
Всего	5489	—	—	99,95	

Примечания.

1. Больные с неточной диагностикой болезней или недождавшиеся совета исключены из чисел этой таблицы.
2. Числа таблицы показывают число больных, а не их посещений.
3. В общую группу «катар кишок» внесены все болезни, главным образом, детей, диагностированные как enteritis catarrhalis, dyspepsia, летний детский понос, cholera nostras, infantum, tabes mesaraica, слизистый понос и т.д., а в группу болезней «катар желудка» отнесены острые и хронические катары желудка (и 27 случаев катара кишок) у взрослых.
4. В 4-х случаях воспаления брюшины в 3-х диагностирован перитифлит, в одном peritonitis acutissima вследствие прободающей круглой язвы желудка. Все другие виды воспаления брюшины и параметриты отнесены к болезням покровов матки. В рубрику «болезни беременных и послеродовые» входят выкидыши, воспаления грудных желез, один случай эклампсии беременных и послеродовые эндометриты.

Географическое положение

Город Ставрополь находится под 45°3' северной широты и 59°39' восточной долготы от острова Ферро и возвышается над уровнем Черного моря на 1790 футов. По тригонометрической нивелировке, произведенной Фуссом и другими, положение Ставрополя над морским уровнем определяется в 1996 футов.

Геогнозия местности. Город Ставрополь расположен на Темнолесском плоскогорье, идущем от Ташлы-Сырта, высшую точку которого составляет Чишгур-Ахчиш[1]. Хотя горная цепь Ташлы-Сырта, по-видимому, кажется, составляет продолжение кристаллической формации, основанием которой служит Эльбрус, однако же при исследовании оказывается, что эта цепь состоит из эруптиновых пород и более давнего происхождения, чем Эльбрус, Казбек и Арарат; доказательством этому служат трахиты и лава последних гор, между тем этих геологических элементов нет в Ташле-Сырте. Темнолесское — Ставропольское плоскогорье состоит из двух ярусов третичной (молассовой) формации: нижнего и верхнего; первый образовался из мергелей и тёмно-серого кремнистого известняка, заключающего в себе раковины, верхний ярус составляют песчаники, в которых находится множество органических остатков, кораллов, раковин и проч., кроме сего, в этой же формации находят кости китообразных животных. Раковистый камень, на котором расположен Ставрополь, составляет верхний слой высшего яруса молассовой формации и состоит из песчаника, связанного известковым цементом, преимущественно же из Мактра и Венус. Камень этот на возвышенных местностях города находится в обнаженном состоянии, а в низменных частях покрыт почвой от фута до сажени и более толщиною. Почва в Ставрополе в низменных местах болотистая, в местах подгорных — глинистая, по плоскогорьям — черноземная, она вообще состоит приблизительно из 24 частей песку, 40 частей глины и 26 частей чернозему с незначительной примесью извести. Кроме того, в нагорных местах изредка встречается под почвою кварцевый песок, а в окрестностях города по Тифлисской дороге — твердый камень, состоящий из тёмно-серого кремнистого известняка. Наконец, в 9 верстах от города, на городской земле в Кравцовом озере, между Ставрополем и станицею Сенгилеевскою, находится огромное количество торфа.

Исторический очерк Ставрополя

Город Ставрополь существует недавно, хотя название одной из рек Ставрополя, Мамайки, указывает на то, что местность, расположенную над этою рекою, некогда занимали тюркские племена. В первый раз является Ставрополь под этим названием в 1777 году, когда на военной оборонительной линии от Моздока до Азова, в числе 8 укреплений, было утверждено построить крепость под № 8, которую в память найденного при работах креста назвали Ставрополем[2]. Крепость эта была воздвигнута на горе, на которой в настоящее время находится Казанский кафедральный собор и от которой теперь остались едва только приметные амбразуры и следы вала. Куда девался найденный при работах ставропольской крепости крест, в народе не осталось никакого предания, а о том, что он действительно был найден и что в память этого крепость была названа Ставрополем, предание сохранилось, находящийся же в настоящее время каменный крест на дворе крепости, составляющей ныне двор Ставропольского интендантского отдела и склада, поставлен в 1817 году в память избавления жителей Ставрополя от чумы[3]. За сим в историческом отношении мы не должны смешивать нашего Ставрополя с Кумыкским Ставрополем, построенным в 1772 году на Сулаке, во время похода Петра Великого в Персию через Кавказ, и известным под названием укрепления Св. Креста, потому что в то время не было ещё и помину о настоящем Ставрополе.

Таким образом, Ставрополь начинает быть известным, как мы сказали, с 1777 года, т.е. со времени поселения в ставропольской крепости русского гарнизона, а в последующем за тем году — полка хоперских казаков, переведенных в Ставрополь и расположившихся за крепостью, по горному скату на северо-восток. Вслед за прибытием хоперских казаков начали прибывать в Ставрополь и переселенцы из России, но так как казаки не желали смешиваться с ними и устроили для себя станицу, то переселенцы заняли местность с другой стороны Ставропольского плоскогорья, расположенную к юго-востоку, по Черкасской (ныне Николаевской) улице. С 1802 года Ставрополь начал возрастать и сделан уездным городом. В то время инспектором Кавказской линии был генерал-лейтенант, знаменитый князь Цицианов. Из земель Северного Кавказа образована была тогда особая Кавказская губерния, составлявшая пять уездов: Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский. Георгиевск, как центральный пункт, избран был губернским городом. В 1808 году в Ставрополе поселилось 50 армянских семейств на местности между станицею, занимаемою хоперскими казаками, и юго-восточной плоскостью, заселенною русскими переселенцами; местность эта впоследствии называлась армянским кварталом (ныне Армянская улица). В 1882 году в Ставрополе уже считалось 5000 жителей, и Ставрополь назначен областным городом преобразованной Кавказской губернии в область, хотя в действительности перевод областных присутственных мест из Георгиевска в Ставрополь последовал не раньше октября месяца 1824 года. С тех пор стала возрастать и торговля города. Со времени переселения армян жители Ставрополя не ограничивались уже одной только меною товаров с горскими адыгскими племенами, но начали торговать пшеницею и рогатым скотом с Нахичеванью, Ростовом-на-Дону и Таганрогом.

В 1824 году некоторые жители вместо деревянных домов начали воздвигать каменные здания, преимущественно на Черкасской и Армянской улицах. Тогда же был построен дом для командующего войсками и штаба его. Места, оставленные в 1827 году хоперскими казаками, переселившимися на Кубань, заняли те из жителей, которые не в состоянии были строиться в самом городе с соблюдением правил архитектуры, а самые беднейшие стали поселяться на

Солдатской слободке. Между тем, распространявшаяся торговля с ногайцами и со многими пунктами Южной России умножила капиталы ставропольских жителей, а вместе с тем стала привлекать в Ставрополь на жительство и других капиталистов, вследствие чего город начал ещё более застраиваться, народонаселение быстро увеличиваться, особенно же с 1837 года, когда блаженной памяти император Николай I осчастливил Ставрополь посещением своим и основал в нем гимназию.

Вслед за тем город ещё более стал оживляться: постройки его распространились уже в самых отдалённых частях и, между прочим, на местности, называемой ныне Воробьёвкою. Построены были тогда два гостиных двора, казармы для линейных батальонов, здание военного госпиталя. В Ставрополе была учреждена епархия (1842 года апреля 4), воздвигнуты храмы, театр, клуб, построены разные заводы и фабрики, открыта духовная семинария (1846 года 13 октября), а в 1847 году[4] Кавказская область переименована была в губернию и город Ставрополь из областного сделался губернским.

Нынешнее положение Ставрополя

Ставрополь в настоящее время занимает весьма обширное пространство, с севера и юга изрытое оврагами. Границами города считаются с северо-запада холмы, покрытые кустарниками и лесом, с юга речка Ташла и с востока степь, обильная многими курганами.

Город Ставрополь составляют следующие части: Старый город, Новый город, Воробьёвка, Подгорная слободка, предместье Ташла, Монастырская часть, Станица, Армянский квартал, Солдатская слободка, предместья — Мутнянское, Мамайское и Георгиевское. *Старый город* составляет лучшую и красивейшую часть Ставрополя, он расположен по обеим сторонам Николаевской улицы (прежняя Черкасская, или Большая улица), середину коей по всему продолжению её занимает прекрасная тенистая аллея. Этим бульваром Николаевская улица разделяется на две половины, или на две широкие улицы, идущие по правую и левую стороны аллеи. Правая половина улицы в 1844 и 1845 годах была выложена плитами из серого камня, в 1860 и 1861 годах плиты эти оставлены только по краям улицы, а на середине устроено шоссе из щебня; на нижней части Николаевской улицы сооружен Троицкий собор, выше построены большие каменные дома, в которых, между прочим, помещаются: почтовое управление, гимназия, магазины, гостиницы и Дворянский клуб. Левая половина Николаевской улицы почти не мощеная, на этой стороне наиболее замечательные постройки: здание Городской думы, весьма красивой архитектуры в готическом стиле, в нем помещаются все общественные городские управления, как то: Городская дума, Магистрат, сиротский и словесный суды и проч., гостиный двор, занимаемый ныне преимущественно армянским купечеством, в середине левого лицевого корпуса двора устроена церковь. К югу, параллельно с Николаевской улицей, расположена Александровская (прежняя Третья) улица, она несколько уступает величиною построек Николаевской, но также шоссирована; здесь находятся: дом бывшего командующего войсками и штаба его, Воронцовский сад (прежняя Бабина роща), городская больница и уездное училище. Между этими двумя улицами от Гимназического переулка идёт так называемая Вторая улица. Улицы Николаевскую и Александровскую соединяет Театральная улица, также покрытая шоссе, в красивых домах её помещаются лучшие магазины, театр, главная аптека, дом, в котором помещается арестанская рота, на этой же улице находится римско-католическая церковь. Театральная улица, продолжаясь в противную сторону, соединяется с Комиссариатскою (прежний Татарский базар), на которой расположены: великолепное здание учебного заведения Св. Александры, или так называемого приюта, женское училище 1 разряда, все присутственные места, дом Интендантского отдела и склада, городская полиция, помещение пожарной команды и, наконец, Казанский кафедральный собор с высокой, красивой архитектуры колокольней, оконченной в 1867 году.

Александровская улица. Вид с Северной стороны. Фото начала XX века

Николаевская и Александровская улицы на половине своих протяжений в Старом городе встречаются с Архиерейской улицей, покрытой шоссе. Здесь находятся: Духовное уездное училище, архиерейский дом, Архиерейская церковь и каменный мост, построенный через большой ров, по которому проходит родник Желобок. Наконец, Николаевская и Александровская улицы выходят на Ярмарочную площадь, расположенную за Тифлисскими каменными воротами.

Новый город начинается обширною базарною площадью от дома командующего войсками. Правая сторона площади занята двумя гостиными дворами, кругом и по направлению к Воробьевке построены красивые каменные дома, в ряду коих находится весьма большое здание духовной семинарии и Андреевская церковь. На левой стороне площади возвышаются большие каменные здания для нового помещения гимназии, здесь же, вблизи домов, в которых помещаются телеграфное управление, главная гауптвахта, соляная контора, рота служителей Интендантского склада, лютеранская церковь, смирительный дом, запасная аптека и госпитальные здания[5], позади которых, немного далее, растянут военный форштадт и госпитальное

кладбище. К югу и востоку за военною слободкой расположены каменные постройки для линейного № 1-го батальона, тюремный замок, Мутнянское, Мамайское и Георгиевское предместья и провиантский магазин.

Влево от госпитальных зданий расположена Воробьёвка. Эта часть города состоит из 4-х улиц и заключает много довольно хороших домов. За Воробьёвкой тянется Подгорная слободка по обеим сторонам речки Ташлы, слободка эта занимает горный склон Воробьёвки, Нового города, Комиссариатской улицы и Станицы. В Подгорной слободке улицы весьма кривые и тесные. Хотя здесь также встречаются дома лучшей постройки, и даже каменные, однако же большая часть этого населения состоит из мелких и бедных жилищ.

На возвышенности, по ту сторону реки Ташлы, находится женский Иоанно-Мариинский монастырь. Основание этой обители положено первым кавказским архиепископом Преосвещенным Иеремией. Ныне в монастыре находятся две церкви, несколько деревянных и каменных домов, в коих расположены кельи и все хозяйственные заведения обители.

Станица удержала свое название от полка хоперских казаков, живших в ней до 1827 года. Она занимает склон ставропольской горы к с.-в. В Станице существует до настоящего времени старый базар, кругом обстроенный каменными и деревянными домами, нижние этажи коих исключительно заняты под торговые лавки, среди площади расположены мясные ряды. Станица оканчивается улицами, выходящими также на Ярмарочную площадь, последняя также обстроена: на ней находятся несколько домов и много лавок. К северной стороне площади примыкает Успенское кладбище с красивой церковью, построенной в готическом стиле. Кладбище обнесено каменной оградой. От Ярмарочной площади тянется население по обеим сторонам родника Желобка до Архиерейского моста, за которым открывается новая обширная площадь, кругом застроенная домами, в середине её находится церковь Св. Варвары, построенная в большом тенистом саду, обнесенном каменной оградой. В обе стороны от этой площади расположена Солдатская слободка, состоящая из четырёх улиц, довольно хороших и правильно застроенных.

Церкви

До 1817 года в Ставрополе была одна только деревянная церковь, принадлежавшая полку хоперских казаков (впоследствии перевезенная этими казаками на Кубань). В 1817 году сооружена была первая соборная каменная церковь с 2-мя приделами и колокольней на Николаевской улице. Это бывший Кафедральный Троицкий собор[6]. Затем, в последующие годы, были построены следующие каменные церкви[7]: Спаса-Преображения — купеческая, в гостином дворе; приходская, во имя Св. великомученицы Варвары — в центре площади, между Архиерейским мостом и Солдатской слободкой; Успенская, вблизи ярмарочной площади на Успенском кладбище; церковь при мужской гимназии во имя Св. Архистратига Михаила; крестовая трёхпрестольная церковь при Архиерейском доме, Андреевская, на площади Нового города во имя Св. Андрея Первозванного; церковь во имя Скорбящей Божьей Матери при военном госпитале; две церкви во имя святого Иоанна Предтечи и Спаса-Преображения, и при них женская обитель в монастырской части города; церковь во имя Святых Петра и Павла при тюремном замке; церковь во имя святого Георгия на Георгиевском предместье; наконец, Кафедральный собор с 2-мя приделами и при нем 5-этажная колокольня.

Кроме этого есть ещё церкви: католическая, армяно-григорианская, лютеранская, еврейский молитвенный дом и одна мечеть для воспитанников гимназии мусульманского исповедания.

Разделение Ставрополя в полицейском отношении

Г. Ставрополь в полицейском отношении разделяется на 2 части — 1-ю и 2-ю.

В 1-й части четыре квартала под №№ 1, 2, 3 и 5-м. Улиц в этой части с Подгорной слободкой 13, переулков — 7, площадей — 2, мостов — 3.

1-й квартал заключает все население по реке Ташле, или Чле, включительно до женского монастыря; 2-й квартал — Станицу и Нижний базар, а остальные два квартала — Подгорную и Воробьевку.

Во 2-й части два квартала под №№ 4 и 6.

Улиц в этой части 14, переулков — 16, площадей — 3.

4-й квартал заключает поселение Желобовки, 6-й квартал — Мамайку и Форштадт.

По речке Чле расположены хутора, водяные мельницы и дача почетного гражданина Термикелова.

На городской земле, примыкающей к 2-й части, в урочище Грушевая балка, на расстоянии от города в 8-ми верстах, состоит в черте города хутор мещанина Чернова, а по речке Мамайке, верстах в пяти от города, дача почетных граждан Плотниковых, вблизи Карабина источника дача кол. рег. Павлова.

Статистика города Ставрополя

По сведениям ставропольского статистического комитета, в Ставрополе считалось в 1866 году: 1) дворян потомственных — муж. пола 135, жен. 98; личных — м. 357, ж. 125; 2) духовенства: православного белого — м. 35, ж. 25; монашествующих — м. 14, ж. 80; армяно-григорианского — м. 3, ж. 2; римско-католического — м. 1; евангелическо-лютеранского — м. 1, ж. 1; еврейского — м. 1; магометанского — м. 1; 3) городских сословий — почетных граждан: потомственных м. 20, ж. 21; личных м. 7, ж. 6; купцов — м. 605, ж. 567; мещан — м. 4765, ж. 4571; цеховых — м. 190, ж. 79; армян-ремесленников и торговцев — м. 292, ж. 191; 4) сельских сословий: крестьян государственных: всех наименований — муж. 465, жен. 274; крестьян-собственников — м. 96, ж. 56; колонистов — м. 22, ж. 15; 5) военных сословий — регулярных войск м. 805, ж. 170; иррегулярных войск — м. 2261, ж. 600; бессрочно отпускных — м. 22; отставных нижних чинов, солдатских жен и дочерей — м. 1065, ж. 723; солдатских детей и кантонистов — м. 23; 6) иностранных подданных — м. 18, ж. 21; 7) лиц, не принадлежащих к вышеуказанным разрядам, — м. 162, ж. 141; воспитывающихся в разных заведениях — м. 1006, ж. 307. Итого муж. пола 12372, жен. — 8173 души.

По вероисповеданиям. Православных — муж. 10830, жен. 7350, раскольников разных сект — м. 17, ж. 19, армяно-григориан — м. 219, ж. 122, римско-ка-

толиков — м. 1.003, ж. 539, протестантов — м. 237, ж. 90, евреев — м. 47, ж. 31, магометан — м. 19, ж. 22.

Родившихся было: 1) православного исповедания м. 421, ж. 414; 2) римско-католического м. 21, ж. 24; 3) протестантского м. 15, ж. 14; 4) армяно-григорианского м. 18, ж. 12; 5) еврейского м. 6, ж. 1, 6) у раскольников м. 3, ж. 2.

Умерших. 1) православных м. 446, ж. 405; 2) римско-католиков м. 12, ж. 3; 3) армяно-григорианского м. 8, ж. 3; 4) протестантского м. 8, ж. 2; 5) у раскольников м. 1; 6) евреев м. 1, ж. 1.

Браков. 1) у православных 153; 2) римско-католиков 13; 3) протестантов 11; 4) армяно-григориан 4; 5) евреев 1.

Зданий находится: жилых домов: казённых — каменных 10, деревянный 1; церковных и монастырских — каменных 5, деревянных 2; общественных — каменных 6, деревянных 2; частных — каменных 1799, деревянных 951; нежилых: магазинов для склада товаров: казенных каменных 3, общественных каменных 199, дер. 56, частных каменных 140, театр 1, полицейских будок 10, бань каменных 14, деревянных 6. Всего каменных 2187, деревянных 1018.

Заводов и фабрик в Ставрополе: свечно-сальных 3, мыловаренных 2, салотопенных 4, кожевенных 3, для выделки овчин 2, шорных 2, воскобойных 1, табачных 5, ватных 2, пивоваренных 1, для выделки одеколона 1, лещедных 1, кирпичных 8, кафельных 1, гончарных 3, черепичных 1, колокольных 1, фосфорических спичек 1, экипажных 1. Итого 46.

Ремесленников. Хлебопеков 14, булочников 6, мясников 13, кондитеров 3, портных 29, сапожников 31, модисток 1, шапочников 10, меховщиков 2, печников 4, столяров и плотников 8, медников 5, шорников 4, каретников 5, колесников и тележников 11, кузнецов 14, слесарей 2, бондарей 9, извозчиков 100, коновалов 2, часовщиков 2, седельников 2, ювелиров 1, золотых и серебряных дел мастеров 9, цирюльников 4, палочников 2, обойщиков 3, живописцев и иконописцев 3, фотографов 3, резчик печатей 1, стекольщиков 5, маляров 13, кровельщиков 8, каменщиков 30, водовозов 35, трубочистов 2, пильщиков 2, овчинников 2, лудильщиков 4, делающих деревянную посуду 1, скорняк 1. Итого 414.

Скота в городе считалось: лошадей 1038, рогатого скота 4975, овец простых 3217, свиней 742, коз 130, ослов и мулов 93 и буйволов 95. Итого 10560 голов.

В 1866 году из г. Ставрополя было отправлено на продажу во внутренние губернии России крупного скота 12000 голов, на сумму 60 т. руб. серебром.

Хлебопашество. Жителям города Ставрополя принадлежит 17500 десятин земли. Из этого числа только до 700 десятин занято под постройками, садами, огородами и выгонами, 2078 десятин состоят под лесом и кустарниками. Таким образом, под распашку и земледелие приходится 14059 десятин удобной земли. При столь достаточном количестве последней жители города Ставрополя засевают довольно много ржи, овса и пшеницы, в меньшем количестве просо, ячмень и гречиху, но наиболее всего жители обрабатывают землю под засевы картофеля, капусты, бураков, огурцов и проч. огородной зелени, которой в изобилии снабжают не только город, но и окрестные станицы и селения.

Садоводство. Садоводством занимаются преимущественно те из жителей, которые живут по Ташле и Мамайке, где сады изобилуют преимущественно сливами, вишнями, кизилом, крыжовником, красной и черной смородиной, отчасти малиной[8]; кое-где разводят и персики, но они мелки и невкусны; разводят также виноград, но не в большом количестве; есть и тутовые сады, но шелководством занимаются весьма мало.

Торговля. Собственно в Ставрополе только некоторые из русских торговцев занимаются покупкою рогатого скота, отправляемого с наступлением весны в Москву и С.-Петербург; большая же часть ставропольских гуртовщиков покупают скот в окрестностях и по Кубани. В последнем случае закупка овец производится и для убоя. Сало отправляется через Ростов и Таганрог за границу. Сверх того, жители Ставрополя занимаются торговлею строевым лесом, который покупают в Царицыне и доставляют в Ставрополь, а также скупают большие партии кож для отправки в Россию. Местную торговлю составляют: спиртные напитки, т.е. разных сортов водки, выделываемые на месте, и красное вино, кизлярское и прасковейское, также европейские вина. Оптовая торговля водкой производится в значительных размерах, далее железо, хрустальная, стеклянная, фаянсовая и деревянная посуда, красные и пушные товары. К числу главнейших промыслов относятся извозничество и ломка камня.

Оптовая, бакалейная и красная торговля производятся преимущественно русскими купцами. Армяне занимаются исключительно торговлею галантерейными товарами. Грузин и персиян здесь немного, они занимаются выделкою кож, шитьём шапок, продажею фруктов и частью кахетинского и других вин. Разной мелочной торговлей занимается также много отставных солдат.

Ярмарки. В Ставрополе три ярмарки: летняя Троицкая, которая бывает почти через два месяца после Пасхи, осенняя Ивановская, 12 октября, и 3-я, недавно установленная, Иоанно-Предтеченская, 29 августа. На первой ярмарке жители окрестных мест обыкновенно запасаются от торговцев всем, что только необходимо для предстоящих сенокосов и жатвы, преимущественно косами серпами и вяленою сухою рыбою, сами же продают городским жителям оставшийся от посевов хлеб. Кроме того, на этой ярмарке производится в весьма больших размерах торговля рогатым скотом и лошадьми. В эту же ярмарку устраиваются ежегодно конские скачки. Насколько Троицкая ярмарка имеет большое значение для жителей и торговцев окрестных мест, настолько же важна в хозяйственном отношении, преимущественно для жителей города Ставрополя, осенняя ярмарка. На ней горожане и жители окрестностей запасаются на зиму всеми необходимыми продуктами, теплой одеждой, красными товарами и топливом. Иоанно-Предтеченская ярмарка незначительна. Торговля на упомянутых 3 ярмарках в 1866 г. производилась в следующих размерах: в летнюю ярмарку товаров и разного скота было привезено на сумму 350768 р., продано на 273869 р., в осеннюю — на 233335 р., продано на 153197 р., в Иоанно-Предтеченскую на 45759 р., продано на 10445 р.

Продовольствие. Жители Ставрополя обеспечиваются, как уже отчасти было упомянуто, жизненными продуктами, привозимыми из окрестных местностей. Ржаная и пшеничная мука, просо, разная крупа, овес, сено и топливо покупаются у государственных крестьян и казаков, которые доставляют в город все эти продукты в изобилии в базарные дни, по понедельникам и пятницам[9]. Скот покупается преимущественно у кочующих жителей. Рыба доставляется летом на базары из ближних озер, прудов и из р. Кубань, зимою из р. Кубань и Дона. Из Кубани доставляют севрюгу, осетра и крупного сазана, с Дона привозят судака, стерлядь, лещей, севрюгу, осетра, свежую икру, тешки и балык. Сельди привозят преимущественно из Черномории, шамая — из Кизляра, раков — из окрестных озер; дичь, зайцы, дикие козы, фазаны, куропатки, дрохвы, утки и проч. — из окрестностей Ставрополя и из-за Кубани. Поваренная соль доставляется из прикаспийских озер и продаётся в городе по 52 копейки за пуд.

Отопление. Городские жители употребляют для топлива дрова, хворост, каменный уголь, донской антрацит и кизяк. Последний весьма распространён в хозяйственном быту, по случаю возникающей с каждым годом дороговизны на дровяной лес. Каменный уголь и антрацит преимущественно употребляются в казенных заведениях. Пуд каменного угля стоит 28 коп., пуд антрациту — от 18—20 к., сажень же дров тонких — от 12 до 15 руб., толстых — от 15—25 р., хворосту — от 5—7 р. за сажень, кизяк — от 80 к. до 1 р. 50 коп. за воз. Дороговизна дров происходит от недостатка лесу, а частью и оттого, что рубка казенного леса отдается с подряда, вследствие чего капиталисты, закупив лесные участки, продают потом дрова по ценам довольно высоким. Хотя доставляют дрова и из Кубани, казаки, но от дальней доставки и эти дрова обходятся весьма дорого.

Ставрополь. Торговля на Ярмарочной площади. Фото начала XX века

До 1802 года кругом Ставрополя процветали дремучие леса. Но тогда их нарочно истребляли со стратегической целью, впоследствии же рубили их вопреки всем правилам лесного хозяйства и устава. Оттого леса ставропольские были слишком скоро опустошены так, что близко уже то время, когда вовсе не будет лесу. Разведение же нового, семенами, плохо удается.

Нравы и обычаи. Так как Ставрополь большею частью населен русскими, то здешние нравы и обычаи, в общих чертах, мало отличаются от обычаев, общих народонаселению других русских губернских городов. Достойно замечания, однако же, что в Ставрополе, все население коего составилось из переселенцев многих губерний, сословие купцов отличается весьма добрыми правилами как в торговом отношении, так и в образе жизни. Напротив этого, о ремесленном и вообще рабочем классе, а в особенности же о домашней прислуге, должно отозваться, к сожалению, весьма невыгодно. Эти сословия поистине составляют здесь сброд, отличающийся, за весьма редкими исключениями, чрезвычайно распущенным образом жизни, беспорядочным и весьма нетрезвым поведением.

Общественные гулянья. Местами общественных гуляний и увеселений в Ставрополе служат: 1) обширный, тенистый бульвар; 2) Воронцовский сад, бывшая Бабина роща. Здесь устроены вокзал, оранжереи, пруды, тенистые аллеи. В летнее время здесь часто играет музыка, устраиваются аллегри и проч. Воронцовский сад составляет одно из преимущественных и любимейших общественных гуляний ставропольской публики; 3) для зимних увеселений устроен Дворянский клуб с еженедельными танцевальными вечерами; 4) театр, отделанный внутри заново и весьма красиво. В настоящем году в нем идёт, весьма оживленно, итальянская опера. Вблизи и в окрестностях города находится несколько дач, из коих некоторые доступны и для публики, как напр., дача Павлова. К числу любимейших простонародных гуляний должно отнести ярмарки, ибо тогда устраиваются на них различные балаганные и другие увеселения, привлекающие множество простого народу.

Воды. Ставрополь снабжается водой из следующих рек: Ташлы, Мутнянки и Мамайки. Речка Ташла берёт своё начало на северо-западной окраине города из-под холма, покрытого лесом, она в своём истоке образуется из нескольких родников, из которых самый большой называется Холодным, в дальнейшем течении к с.-в. Ташла принимает два больших источника и много родников и направляется далее к Михайловской станице, где, встретившись с речкою Грачевкою, впадает вместе с нею в р. Калаус, а эта последняя в р. Маныч. Ручьи из родников, впадающих в р. Ташлу, летом почти пересыхают, но самая Ташла и в летнюю пору не перестает струиться, весною же и осенью течет весьма бойко и разливается иногда так сильно, что наносит по временам опустошения поселенцам берегов её. Мутнянка берёт начало в южной окраине города и выходит из глубокого рва. Направляясь к с.-в. и приняв в себя много родников, протекающих по городским землям, преимущественно же родников, идущих по второй и третьей улицам Солдатской слободки, а также и из Воронцовского сада, Мутнянка течет к Надежденской станице, у которой сливается с речкой Мамайкой.

В лесу, раскинутом по холмам Георгиевского предместья, вытекает 6 родников, которые, сливаясь между собой, составляют третью речку, Мамайку. Она с самого начала идёт по направлению к ю.-з., а далее поворачивает на с.-в. и, приняв в себя на пути много родников, а у Надеждинской станицы р. Ташлу, впадает в р. Калаус.

При этом не можем не упомянуть о прекрасных 6-ти каменных водопоях, устроенных на родниках Мамайки, а ещё более об известном Карабинском источнике. Карабинский источник находится в трёх верстах от центра города на ю.-з. окраине. Вода в нем вытекает из-под каменного пласта. По легкости и чистоте своей карабинская вода есть самая лучшая. Щедро удовлетворяя потребности почти всего населения,[10] Карабинский родник составляет одно из лучших богатств города в гигиеническом отношении. В Ставрополе устроено также несколько бассейнов: один на Верхнем базаре, около гостиных рядов, второй между аллеями бульвара на Николаевской улице против Казанского кафедрального собора, третий на Ярмарочной площади, за городскими воротами; в последний вода пропускается только во время ярмарок. Все эти бассейны устроены в 1840 году; кроме того, в городе находится до 600 колодцев. Таким образом, несмотря на то, что в Ставрополе нет большой реки, недостатка в количестве воды здесь никогда не бывает, относительно же качества необходимо заметить, что вода в родниках и колодцах вообще солонцеватая, даже в воде из городских бассейнов находится много солей, так что и эту воду нельзя назвать вполне пригодной для внутреннего употребления; один только Карабинский родник, в воде которого углекислая известь, углекислая магнезия, хлористый натр и следы железа содержатся в незначительном количестве. Глубина речек в Ставрополе весьма незначительна, особенно в летнее время, по причине каменистого грунта ложа, по которому они протекают, также и глубина всех вообще колодцев в городе далее аршина и много двух и трёх аршин не доходит. Последнее обстоятельство служит причиной тому, что во все почти погреба, устраиваемые под нижними этажами домов, обыкновенно весною затекает вода. Поэтому ни один каменный дом в Ставрополе не избегает сырости, тем более что для кладки фундамента употребляется все тот же скважистый, наносный песчаник, сильно втягивающий в себя влажность, из коего вообще производятся в Ставрополе каменные постройки.

Климат и господствующие болезни. Климат в Ставрополе весьма непостоянный, часто в один и тот же день бывает несколько перемен, после 10 и более градусов теплоты вдруг появляется метель и холод, температура понижается до точки замерзания, иногда в апреле бывает вьюга, снег и морозы, а в январе до 10 и более градусов теплоты. Зима иногда начинается в первой половине ноября, а иногда в конце октября, и в короткое время морозы доходят до 20—24 градусов, за сильными морозами нередко наступает вдруг оттепель, а затем снова, вскоре же, поднимаются метели и мороз. Особенно же продолжительны и весьма часты в Ставрополе туманы.

Господствующие ветры: северо-восточный, дующий со стороны Каспийского моря, и юго-западный — со стороны Черного моря. Юго-западные ветры приносят с собой летом дождь, а в остальное время года или дождь или снег; это наиболее частые ветры в Ставрополе; северо-восточные постоянно бывают сухие и холодные. По временам года ветры в Ставрополе распределяются так: в январе, феврале, марте, апреле преобладают северо-восточные, в ноябре и декабре юго-западный ветер, потом южный, далее северо-западный, за ним северо-восточный и восточный. Месяц февраль составляет время, в которое наиболее всего дуют здесь сильные ветры.

Дожди чаще падают летом, осенью и в феврале месяце. Гроза бывает преимущественно в июле и августе месяцах.

Снег более всего выпадает в декабре и январе; количество снега иногда бывает так велико, что в дома и во дворы, особенно в те, кои находятся на окраинах города, необходимо бывает въезжать через ворота, заносимые снежными сугробами; иногда же в продолжение всех зимних месяцев, как это было, например, в 1864 году, падает весьма мало снегу. Одним словом, все времена года зависят здесь преимущественно от дующих ветров; таким образом, если в течение года преобладают северо-восточные ветры, то атмосфера делается вообще сухою, зимою господствуют сильные морозы, летом жара и засуха, если же преобладает юго-западный ветер, лето бывает дождливое, осень и зима снежные и дождливые с частыми оттепелями.

Несмотря, однако ж, на сильные и частые в Ставрополе ветры, последние редко переходят в ураганы, так как сила ветров, прежде чем они достигают до Темнолесской возвышенности, много ослабевает, разбиваясь о вершины горных хребтов, встречаемых на пути. Таким образом, непостоянство погоды, частые туманы, сильные и острые ветры весьма легко располагают жителей Ставрополя к заболеванию простудными болезнями, как то: воспалением горла, плевры, лёгких, грудными катарами, ревматизмами, преимущественно сочленений, к которым весьма часто присоединяется воспаление оболочки сердца. Кроме того, в Ставрополе нередко встречаются перемежающиеся лихорадки, являющиеся иногда даже в злокачественной форме, а также тиф в виде брюшного, петехиального тифа и тифозной горячки.

Так как почва Ставрополя наносная, смешанная с множеством органических остатков, гигроскопична, большею частью поверхностная и лежит на раковистом камне, то понятно, что, пропитываясь отжившими растениями, она при богатой и изобильной растительности составляет в то же время источник местных лихорадок, даже в летнее время, при случающейся засухе, так как не глубоко протекающая подпочвенная вода и тогда доставляет достаточное количество влажности корням растений как для их жизни, так и для их постоянного разложения. Осенью же и весною лихорадки особенно увеличиваются, осенью — от испарений, поднимающихся в виде густых туманов из гигроскопической почвы, пропитанной органическими остатками, весной, во время поднятия подпочвенной воды, — от улетучивания в воздух под влиянием солнечных лучей кроющихся в почве разложившихся азотистых веществ.

В Ставрополе, за исключением иногда двух летних месяцев, дуют, как мы уже сказали, попеременно два ветра: один северо-восточный с Каспийского моря, другой юго-западный с Черноморья, оба эти ветра приносят нам ещё другие, так сказать, наносные лихорадки, которые своей упорностью и другими последствиями резко отличаются от местных. Пароксизмы местных

лихорадок проходят правильнее и легче, и хотя иногда возвращаются, но не влекут за собой столь сильной анемии, гидремии или меланотического состояния селезёнки, как это бывает в лихорадках, наносимых ветрами, наконец, первые легче излечиваются: хинин при них действует целебно и в малых приёмах, и подкожные впрыскивания его раствора чаще приносят пользу, чем при лихорадках наносных.

Наконец необходимо присовокупить, что на Кавказе при вскрытии мертвых тел нередко можно встретить двойную и тройную селезёнку, что мы наблюдали несколько раз в секционном покое ставропольского военного госпиталя.

Обширное пространство, на котором расположен Ставрополь, высота положения местности, частые ветры и зажиточность жителей, кажется, не должны бы располагать население города к заболеванию тифом, между тем, последний составляет здесь весьма частое явление. Причины развития этой болезни в Ставрополе следует отнести отчасти к тому обстоятельству, что на речках Ташле и Мамайке существует несколько кожевенных заводов; мочение кож, запружение этих мелководных речек и засорение их органическими остатками мало того что может способствовать развитию эпизоотии, но развивает зловредные испарения, уносящиеся в воздух, которым дышат жители города, особенно сказанный вред причиняют заводы, расположенные в самом городе, в которых выделываются курпеи или бараньи кожи, остатки последних часто выбрасываются вблизи домов самих жителей; заражению воздуха способствуют и мыловарни, устроенные ниже уровня домов городских жителей, из мыловарен зловредные газы, как напр. кэролен, постоянно сообщаются дыханию,[11] скопление навоза в большом количестве в некоторых дворах для приготовления из него кизяков также много способствует заражению воздуха, а также дурное устройство ретирадных мест и их несвоевременная очистка в одних дворах и совершенное отсутствие ретирадных мест в других. Немало влияют неблаготворно на здоровье быстрые перемены температуры, а следовательно и самой почвы, быстро следующие за холодом оттепели и неглубоко находящаяся подпочвенная вода, испаряющаяся в почву, все это благоприятствует разложению лежащих на почве и в почве органических остатков и служит причиной развития испарений, если не развивающих тифа, то поддерживающих оный; доказательством этому служат сырые и переполненные органическими остатками местности, в которых первоначально и появляется тиф, а потом уже переходит и на возвышенные части города, как это случилось в 1865 году, когда тиф обнаружился первоначально между Вятскими переселенцами, жившими по Ташле, и мало-помалу распространился по всему городу; несправедливо жители города приписывали распространение в это время тифа означенным переселенцам, потому что переселенцы прибыли в Ставрополь здоровыми, и тиф в городе существовал уже до прибытия их, но усталость, изможение после продолжительного путешествия и дурные гигиенические условия, в которые они по прибытии в Ставрополь были поставлены, конечно, расположили их к заболеванию тифом и поносом скорее и более, чем коренных жителей, бывших обеспеченными всем необходимым для благоустроенного помещения и здоровой обильной пищи.

Кроме описанных болезней в Ставрополе часто встречаются, как мы уже выше сказали, болезни сердца.

Редко приходится вскрывать мёртвые тела без того, чтобы не найти в них органических пороков сердца, это зависит, как мы уже упомянули, от частых ревматизмов, условливаемых резкими климатическими переменами.

Воздушная опухоль легких составляет в Ставрополе болезнь, которая преимущественно и довольно часто встречается между нижними чинами, что зависит, конечно, от часто повторяющихся катаров дыхательных путей. Завалы печени и селезёнки весьма часто бывают вообще у жителей, как последствие предшествовавших и долго продолжавшихся лихорадок. Завалы часто сопровождаются катаром желудочно-кишечного канала. Кровавые поносы встречаются летом от неумеренного употребления в пищу незрелых овощей.

Бугорчатка не так много распространена в Ставрополе, как в прочих местах России, хотя причину этого не должно искать в господствующей здесь лихорадке, ибо последняя не исключает собой бугорчатки. Скорее всего, причина редкого появления бугорчатки заключается в условиях положения города на довольно значительной высоте и на обширном пространстве.

Золотуха часто встречается в разных видах, но зоб почти никогда.

Рак появляется довольно часто преимущественно на лице и в брюшных органах.

Нервный бред в числе местных болезней занимает не последнее место, особенно в простом народе, преданном пьянству до чрезвычайного излишества.

Истерика чаще поражает женщин торгующего армянского сословия, страдающие ею женщины называются кликушами, причина этой болезни проистекает, как надо полагать, преимущественно от сидячей жизни женщин-туземок.

Рожа появляется весьма часто вследствие простуд.

Проституция, судя по большому числу сифилитиков, поступающих в госпиталь, сильно развита в Ставрополе. Причины тому следующие: 1) несоразмерная числительность обоего пола, так как мужского пола в Ставрополе гораздо больше, чем женщин; 2) недостаток контроля за всеми вообще публичными женщинами, из коих только самая незначительная часть является для врачебного осмотра. Наибольшее же число подобных женщин преимущественно ведёт бродячую жизнь в разных питейных местах и, часто переменяя свое пребывание в них, скрывается от надзора медицинской полиции и тем самым служит рассадником сифилиса между нижними чинами и простым народом. Это бродяжничество по разным притонам служит главной причиной тому, что и показания поступающих в госпиталь больных сифилисом не представляют возможности находить виновниц болезни; 3) несвидетельствование мужчин и женщин, состоящих на фабриках и заводах, даёт возможность молодым и неопытным рабочим скрывать долго болезнь и через это распространять оную.

Глистная болезнь и лепра почти не встречаются в Ставрополе. Отсутствию первой, как надо полагать, много способствует немалое употреб-

ление жителями тыквенных семян, которые принадлежат к одним из лучших противоглистных средств. Трихиной болезни никто здесь ещё не наблюдал.

Чесотка, укушение змеей, сибирская язва, столбняк, каменная болезнь и водобоязнь хотя встречаются в Ставрополе, но весьма редко.

Оспа, скарлатина и дифтерит не доходят до таких размеров в Ставрополе, чтобы их можно было назвать эпидемическими, но коклюш и корь господствуют здесь иногда повально, причем, как мы наблюдали, всегда поражались дыхательные органы, и потому нередко последствия от этого были печальны, особенно если корь поражала детей, страдавших до неё коклюшем, а взрослых — грудными болезнями.

По случаю отапливания печей каменным углем, в Ставрополе весьма часты бывают угары, хотя смертельных случаев от угара почти не бывает[12].

Из этого краткого очерка видно, что кроме гибельных последствий, проистекающих от атмосферных и местных условий, сифилис и пьянство, в свою очередь, столько же, если не более вредно действуют на положение народного здоровья.

Холера, как в прошлом году, так и в прежние эпидемии её, не распространялась сильно в Ставрополе, в последний раз, т.е. в 1866 г., на 20000 жителей в городе заболело холерою и холериною всего 116, из них умерло только 37. Особенно замечательно в этом случае Воробьевское предместье, в котором, несмотря на помещавшееся там холерное отделение, ни один из жителей оного не заболел холерой. Этому способствовали следующие условия: 1) возвышенная местность Воробьевского предместья, окруженная с юго-запада горами и кустарниками, а с севера и востока глубокой долиной и рвом, по которым протекает речка Ташла; 2) слой почвы на Воробьевке вдвое толще и глубже над подпочвенною водою, чем в центре города; 3) простор между домами и широкие улицы; 4) обилие огородов, сильнее дующие ветры, чем в самом городе, и наибольшая свежесть атмосферы; 5) большое количество озона в воздухе, преимущественно же постоянно достаточная дезинфекция холерных испражнений сернокислым железом[13].

В заключение считаем нелишним присовокупить следующие наблюдения, произведенные нами по отношению климатологии местности города Ставрополя:

Среднее барометрическое давление воздуха в 1866 году:	
Январь	567,22
Февраль	564,62
Март	565,53
Апрель	563,68
Май	564,36
Июнь	563,59
Июль	562,86
Август	564,69
Сентябрь	565,65
Октябрь	564,39
Ноябрь	568,83
Декабрь	561,43
Среднее за год	564,32

Средняя температура воздуха в тени по Реомюру в 1866 году:	
Январь	0,5
Февраль	2,0
Март	5,6
Апрель	8,8
Май	12,8
Июнь	18,8
Июль	18,5
Август	16,4
Сентябрь	11,8
Октябрь	4,4
Ноябрь	0,9
Декабрь	1,5
Средняя за год	7,8

Количество влаги по русским дюймам в 1866 году:	
Январь	1,745
Февраль	3,350
Март	0,360
Апрель	1,170
Май	3,770
Июнь	3,210
Июль	2,705
Август	1,915
Сентябрь	0,260
Октябрь	4,725
Ноябрь	1,060
Декабрь	0,615

Примечания

1. Чишгур-Ахчиш находится в Пятигорском уезде, и, по определению акад. Абиха, высота этого пункта составляет 11380 англ. футов.

2. По некоторым преданиям, Ставрополь получил свое название от древнего греческого поселения на Каспийском море, где целая страна называлась Ставрополем.

3. См. Кавказский календарь за 1855 год.

4. Во время управления бывшего тогда наместником кавказским князя М.С. Воронцова.

5. Госпиталь основан в 1845 году. Он состоит из 4-х корпусов, из которых 3 соединены между собой коридорами. Мест в госпитале устроено для 800 больных, есть женское отделение и отделение для умалишенных.

6. Со времени постройки нового Кафедрального собора Казанской Божьей Матери Троицкая церковь называется старым собором.

7. Почти все приходские церкви г. Ставрополя построены старанием первого кавказского епископа Иеремии, память о благочестивой жизни и неусыпных трудах которого ещё сохранилась и по настоящее время.

8. Яблок и груш мало в Ставрополе, и те не из лучших сортов.

9. В Ставрополе нет общественного хлебного магазина, который мог бы на случай неурожая, яв-

ляющегося здесь после 6 и 7 лет, обеспечивать недостаточный класс жителей от голода.

10. Только отдалённые части городск. предместий не пользуются карабинскою водою.

11. *Прим. редакц.* Упоминаемые автором обстоятельства устранены уже. В июле 1867 года состоялось постановление Губернского правления относительно находящихся в Ставрополе и Пятигорском уезде кожевенных, салотопенных, мыловаренных заводах. По весьма подробном исследовании всего этого дела, означенным постановлением, между прочим, определено, чтобы для предохранения здоровья жителей Ставрополя при заводах на речках Чле (Ташле) и Мамайке запруды для вымачивания кож, промывания их и бросания туда остатков от обработки оных и вообще мочка и промывание кож в речках не производились более, и вместе с тем приняты меры к устройству на всех заводах особых бассейнов для вышеупомянутых потребностей. Очищение этих резервуаров будет производимо только при полноводии, во время больших дождей. В то же время на заводах имеют быть устроены высокие трубы для провода отделяющихся зловонных газов в верхние слои атмосферы. Воспрещены значительные починки на заводах, дабы последние по приходе в ветхое положение были переносимы за городскую черту ниже протоков городских родников, речек и проч.

12. Обливание теплой водой угоревших считается лучшим народным средством в Сибири, если же нет тёплой воды, то можно для этой цели употребить и холодную, или же закапывать угоревших в снег с открытым лицом и шеей, в чем я имел блистательный успех на двух угоревших нижних чинах в Ставрополе, на спасение которых уже нельзя было надеяться. Самое же энергическое средство к спасению угоревших состоит в переливании крови из здорового субъекта угоревшему.

13. Ввиду предупреждения жителей на будущее время, считаю небесполезным присовокупить несколько слов о холерном грибе и о необходимости дезинфекции холерных испражнений в предотвращение развития холерной эпидемии. Опыты Галиера, основанные на исследованиях Клобе и Томэ, приводят к несомненному заключению, что холерная эпидемия развивается из холерного гриба, отечеством которого считается Индия. Удобную для размножения этого гриба почву составляет кишечный канал, в котором он и распространяется, в чем убеждают открываемые ядрышки *Микрококусы*. Что холерный гриб, а не другой гриб и не холерный яд производят холеру, в том убедился Галиер многочисленными опытами. Так, например, когда он кормил животных холерными испражнениями, не подвергнутыми дезинфекции, в них развивалась настоящая холера, когда же он дезинфекцией убивал в испражнениях холерный гриб, то у животных от употребленных ими пораженных дезинфекцией холерных испражнений не было вовсе холеры. Далее Галиер соединял холерный гриб с вареной говядиной с прибавлением к ней раствора сахара при t 16—25 град. по Реомюру и уже после 48 часов заметил ядрышки холерного гриба, истреблявшие мясные волокна, наподобие истребляемого ими эпителия в кишках, и при кормлении этим мясом животных вызывал у них холеру.

Из этого следует, что так как холера передается от одного субъекта другому путём холерных испражнений, то очевидно, что надлежащая дезинфекция последних, где она будет употреблена, не даст на будущее время распространяться холере, убивая в этих испражнениях холерный гриб. Лучшими дезинфекционными средствами, убивающими холерный гриб, оказались минеральные кислоты, сернокислое железо и сернокислая медь, а из внутренних средств — хинин, минеральные кислоты, красные вина, а в промывательных — сернокислое железо.

Рекомендуемые же Илишем и другими карболевая кислота, уксус и другие растительные кислоты, поваренная соль и проч. гораздо слабее минеральных кислот и сернокислого железа. Необходимо только заметить, что дезинфекция тогда только убивает холерный гриб, когда будет употребляема постоянно и в достаточном количестве.

Текст печатается по изданию:
Скоковский Н.И. Сведения о городе Ставрополе // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1868. — Вып. 1. — С. 3—24.

И.В. Бентковский. **Суворов встречает 1779 год в крепости Ставропольской**[1]

Северный Кавказ в 70-х годах прошлого столетия представлял для нас еще темную и неопределенную, в смысле прочного обладания, страну. Правда, наши предположения и расчеты на этот край созрели уже в то время; но они могли осуществиться и нет: все зависело от счастья оружия и, конечно, от деятельности наших полководцев. Тогда, как известно, вся Кубанская сторона, т.е. бывшая Черномория и Закубанье, была еще занята разными кочующими ногайскими племенами, подвластными крымского хана и союзниками России, что, однако же, нисколько не мешало им быть нашими врагами. Такие отношения к соседям, при неопределенности государственных границ с этой стороны, привели нас к необходимости учредить Моздоко-Азовскую линию основанием 10 крепостей, в том числе и Ставропольской.

Владимирский драгунский полк, под командою полковника Шульца, занял место для построения этой крепости 22 октября 1777 года, а построение ее производил полковник Ладыженский в 1778, 1779 и 1780 годах.

Суворов в Ставропольской крепости встречал новый 1779 год, а на другой день имел свидание с преданным России сераскиром Аслан Гиреем, причем выдал ему 3000 р. и обещал сменить генерала Рейзера за оскорбления, нанесенные им сераскиру. Заметим, что время занятия Моздоко-Азовской линии и построения крепостей было самым бедственным временем на Северном Кавказе. Совершенный неурожай хлебов и трав в 1779 и 1780 годах простирался до самого Дона, необычайно снежные и суровые зимы продолжались целое трехлетие, по 1781 год включительно. Семь Донских полков, возвращавшихся с Кавказа в декабре 1779 года, от великих метелей и недостатка корма наполовину лишились своих лошадей; многие из казаков явились домой пешие, озлобленные, с отмороженными частями тела. В следующем году погибло на Дону от неурожая и жестокой зимы до полумиллиона штук рогатого скота, лошадей и овец. Наконец, появилась и чума, занесенная из Турции.

Значит, сто лет прошло со времени основания Ставропольской крепости, этой родоначальницы г. Ставрополя. Что же это за крепость была в фортификационном отношении, можно судить по ее плану.

6 января 1790 года генерал-поручик Бибиков, начальник Кавказского корпуса, в отсутствие графа Салтыкова, предпринял поход в Анапу, не имея на то разрешения, и потребовал от Кавказского губернатора для своего отряда 10000 шуб, и когда это не могло быть исполнено в короткое время, приказал солдатам отнимать шубы у хозяев квартир.

1 января 1850 года начали выходить «Ставропольские губернские ведомости».

3 января 1853 г. Открытие губернатором, генерал-лейтенантом Волоцким, Ставропольской публичной библиотеки.

3 января 1858 г. Прибытие в Ставрополь преосвященного Игнатия (Брянчанинова), Епископа Кавказского и Черноморского.

1 января 1865 г. Назначение в Ставропольскую губернию 10 судебных следователей.

1 января 1866 г. Открытие Ставропольской контрольной палаты.

Примечание

1. Ставропольские губернские ведосмости, 1879 г. № 1.

Текст печатается по изданию:
Бентковский И.В. Суворов встречает 1779 год в крепости Ставропольской // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию г. Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

И.В. Бентковский. **Историко-статистические сведения о городе Ставрополе**

Нет пока положительных сведений о времени основания Ставропольской крепости, так сказать, родоначальницы нынешнего губернского города. Положительно только известно, что по проекту князя Потемкина Таврического и повелению императрицы Екатерины II, в 1776 г. занята была русскими войсками Моздокская линия, от Моздока до Азова и вниз по Кубани, а в следующем году Кавказская линия, от кр. Ставропольской до Черкасска, или, вернее, до кр. св. Дмитрия, что ныне Ростов-на-Дону. В хронологическом указателе важнейших в Ставропольской губернии событий упоминается, что в Ставрополе до 1777 года существовало уже укрепление; а Дебу в сочинении своем о Кавказской линии говорит, что учреждение (заметим, не построение) Ставропольской крепости считается с 1777 года[1]. Между тем, из ведомости о крепостных постройках 2-й дистанции Моздокской линии, отысканной в архиве старых дел Губернского правления, оказывается, что крепость Ставропольская строилась в 1778, 1779 и 1780 гг.[2]

Хотя каждое из упомянутых сведений, в известном отношении, исторически верно, но и затем ни одно не указывает, когда именно брошена первая лопата земли на сооружение вала или рва в Ставропольской крепости, без чего и день закладки ее пока неизвестен.

Опираясь, однако ж, на имеющиеся сведения, можно с большею достоверностью сказать, что полковник Ладыженский в 1776 г. занял место под

Ставропольскую крепость Владимирским драгунским полком в полном 8-эскадронном составе и что драгуны, расположенные лагерем, могли заняться в тот год только расчисткою предназначенного для крепости места от векового леса и построить самое необходимое, как то: гауптвахту, сарай для полкового обоза и восемь конюшен для лошадей. Все эти постройки были только временные, потому что в 1778 году пришлось их перестраивать и переносить на другие места. Люди же разместились тогда по-походному, в палатках, или балаганах, в которых и перезимовали. Следующий 1777 год весь прошел в земляных работах по возведению крепостных стен, но построек никаких не было, а люди по-прежнему продолжали жить по-походному, в палатках и балаганах. Только с приходом на линию в 1778 г. хоперских казаков, часть которых поселена и при Ставропольской крепости, постройки пошли деятельно. Так, в том же 1778 г. построено (см. таблицу I).

Поэтому в 1778 г. сделано 213 разных построек, из которых 22 было в крепости, а вне ее 191; в том числе, казачьих 179, частных 6 и казенных 28, но драгуны все еще продолжали жить по-походному, потому что только в 1779 г. построено для них 14 казарм (по 2 в эскадроне) и канцелярия.

Таблица I.
Здания, построенные в 1778 г. в крепости Ставропольской

В крепости	
Домов, со всем принадлежащим к ним строением:	
штаб-офицерских	2
обер-офицерских	11
Гауптвахта, которая ныне (т.е. в 1778 г.) переделанная бревенная (удерживаем без изменения текст подлинника)	1
Пороховой, для поклажи полку Владимирского Драгунского и Артиллерийского снарядов и пороху выход	1
Запасный магазин (вероятно амуничных вещей)	1
Сарай для полкового обоза, который ныне (1778 г.) переделан совсем новый	1
Домов Хоперского казачьего полка, со всем принадлежащим строением:	
Полковничий	1
Старшинских	2
Маркитантских лавок	2
За крепостью	
Хоперского семейства, на прежнем месте казачьих домов	179
Маркитантских лавок	3
Конюшен для казенных лошадей, которые в нынешнем (1778 г.) перенесены на другое место	8
Кирпичный сарай	1

Причину ослабевшей в том году строительной деятельности можно объяснить ошибочными распоряжениями и необдуманными экспедициями генерала Рейзера за Кубань, вызвавшими на всем протяжении линии усиленные набеги горцев, а вследствие того и усиленные преследования партий с нашей стороны, для чего и драгуны часто были отвлекаемы от крепостных работ. Приезд однако же Суворова в Ставропольскую крепость в мае 1779 г., во время обозрения всех военных линий, свидание его здесь с турецким сераскиром, закубанским князем Арслан-Гиреем и удовлетворение жалобы последнего на генерала Рейзера имели благотворное влияние как на ослабление горских набегов, так не менее того и на успешное продолжение крепостных построек.

Нет сомнения, что по личному указанию Суворова в 1780 году в Ставропольской крепости выстроена была первая «Церковь Божия», как сказано в ведомости, «для полка Володимирского драгунского, в которой иконостас полковой поставлен, и навсегда может быть крепостною». К сожалению, нет плана, по которому можно было видеть размеры крепости и расположение в ней строения, а главное, место, на котором существовала первая церковь в Ставрополе. Нам кажется, что она была на том самом месте (на горе), где еще недавно был высокий каменный крест, поставленный, по мнению других, в память свирепствовавшей на линии в 1810 г. чумы, которая, впрочем, действительно тогда и в Ставрополе была.

Таблица II.
Здания, построенные в 1780 г. в крепости Ставропольской

В Ставропольской крепости, кроме церкви, в 1780 году выстроено:	
Казарм в 7 эскадронов прибавлено по одной, а в восьмом эскадроне все три	10
Деловой двор с тремя казармами	1
Казарм для музыкантов	2
— для артиллеристов	1
Цейхгаузов для полкового казначейства	1
— в эскадронах для амуниции по одному	8
— для поклажи материалов городской артиллерии	1
Выход для поклажи той же артиллерии снарядов и пороху	1
Кухонь	8
Сараев для обоза в эскадронах по одному	8
Домов обер-офицерских с принадлежащими к ним службами	14
Домов для нижних чинов	50
У ворот кардегардий	2
Маркитантских домов	6
Лавок	7
Погреб с деревянною нарубкою	1
Старшинских домов хоперского семейства	3
За крепостью	
Для госпиталя, во дворе, обрытом рвом, казарм для больных	5
Баня	1
Домов	2
Маркитантских лавок	18
Для поставления государственных лошадей еще вприбавок конюшня	1
При оных для караульных казарм	3
Домов хоперского семейства, старшинских	8
Казачьих	161
На речке Ачле (ныне Ташла) мельниц	5
Торговых бань	2
Итого	332

Оказывается, что к концу 1780 г. в крепости Ставропольской и вне ее было уже выстроено: 1 церковь, 467 домов и 92 разных нежилых строений. Успех полковника Ладыженского в свое время замечательный, если принять во внимание, что все постройки производились, можно сказать, под неприятельскими выстрелами и собственными силами. Этот энергичный строитель, под ведением которого одновременно строились еще крепости Московская и Донская, сильно огорчался тем, что не мог сделать ничего больше и дешевле. «На сих днях, — писал он в рапорте генералу Фабрицияну 28 сентября № 1780, — получил я Указ за известие, что князь (Потемкин) требует для

Азовской линии до 2000 каторжных, а мы чем согрешили, что к нам ни одного не назначено, а принуждены теперь во все работы употреблять бедных солдат? Сделайте милость, батюшка Иван Ворфоломеевич, и выпросите нам хотя 500 человек. А сколько бы я мог ими добра сделать, то бы Ваше Превосходительство сами после увидеть изволили. Я их сам беру прокормить и одеть, чтобы они ничего казне не стоили. (Замечательное бескорыстие того времени.) Я в сем намерении и писал к Вам, что поселенные домы ничего не будут стоить, ибо сим посредством будут мне стоить 1000 кирпичей только 25 коп., а сажень дров для обжигания только 8 коп., а целый поселенный дом только 8 рублей». Но Бог миловал. Крепость строилась без каторжных, и Ставропольская губерния никогда местом ссылки не была. Нельзя не обратить внимания на то, что в 1780 г. в Ставрополе было уже 6 маркитантских домов и 27 лавок — зародыш торгового сословия и торговли будущего города. Из тогдашних деревянных строений одна только госпитальная казарма уцелела до 1836 года (все время занимаемая больничною палатою) на том самом месте, где ныне дом генерала Кусакова.

Спустя 5 лет (в 1785 г.) при учреждении Кавказского наместничества в числе пяти уездов образован и Ставропольский, а Ставрополь сделан уездным городом. Тогда же, или в следующем году, крепостная церковь перенесена в город, на то место, где ныне Св. Троицкий Собор, и существовала там до 1822 года, т.е. до построения новой каменной церкви; а прежняя деревянная продана на слом жителям (кажется) села Успенского, что ныне станица. Это административное значение город сохранил до 10 августа 1822. г., когда Кавказская губерния, по проекту Ермолова, преобразована в область, а областным городом назначен Ставрополь, хотя, впрочем, областные присутственные места перенесены из Георгиевска в новый областной город не ранее 2 октября 1824 года.

Нет сведений о числе гражданского населения в Ставрополе, как в период возведения его на степень уездного города, так и в последующие 38 лет. *Известно только, что город не имел отдельной территории и пользовался поземельными угодьями вместе с казаками.* Городские и станичные постройки были почти нераздельными.

Словом, экономические условия граждан и казаков, за исключением, разумеется, вытекающих из сословной обязанности последних, были почти одинаковы. Только по переселению Ставропольской станицы (в станицы Барсуковскую и Суворовскую) в 1825 г. земля, бывшая во владении казаков в количестве 16267 дес. 57 саж., вся отдана городу.

Дебу в сочинении своем о Кавказской линии говорит, что в Ставропольской станице в 1816 году, кроме казаков, проживало лиц гражданского ведомства разночинцев, крестьян, дворовых людей, инородцев и отставных солдат 104 мужчины и 106 женщин; но, к сожалению, по необъяснимой причине, умалчивает о городском населении Ставрополя, которое во всяком случае не могло быть значительно.

Более чем за год до перевода присутственных мест из Георгиевска, по ведомости Ставропольской городской полиции, 29 мая 1823 г.[3] в населении города числилось (см. таблицу III).

Исключив из этого числа военнослужащих 610, останется гражданского населения только 1798 д. м. п. О числе женщин тогдашняя полиция не сочла нужным сообщить сведений.

Таблица III.
Население города по ведомости Ставропольской городской полиции

Служащих чиновников, военных	42
Гражданских	50
Нижних чинов, военных	568
отставных	158
Священно-церковных служителей	16
Купцов	108
Мещан	729
Иностранцев, грузин и армян оседлых	48
Временно проживающих	111
Дворовых людей	270
Крестьян	50
Разночинцев	240
Итого	2408

В том же 1823 году в Ставрополе находилось уже (см. таблицу IV).

Таблица IV.
Здания, построенные в городе Ставрополе к 1823 г.

Каменная церковь во имя св. Троицы, впоследствии собор, называемый ныне старый. (Другая церковь, деревянная, во имя Казанской Божией Матери, была в станице Ставропольской, ныне 2-й части города, перевезенная в 1841 г. казаками в станицу Суворовскую)	
Домов каменных	10
Домов деревянных	469
Казенных зданий, занимаемых присутственными местами, казарм и проч.	18
Заводов: кожевенных, мыльных, салотопенных, кирпичных и известковых	28
Лавок	28

Отсюда можно заключить, как медленно развивалось экономическое состояние г. Ставрополя. Но всего замечательнее, что с 1780 г., т.е. в продолжение 43 лет, прибавилась только одна лавка.

Впрочем, и города, как и люди, переживают свой период младенчества. Для Ставрополя период этот кончился в 1824 году. С перенесением из Георгиевска присутственных мест Ставрополь, сделавшись гражданским и военным центром Кавказской области, вступил в возраст юношества, и с тех пор начал постепенно, но твердо развивать и свое экономическое состояние, и свое население. Нет сомнения, что в 1876 г. вполне возмужалый, и притом владея значительным запасом материальных сил, **Ставрополь отпразднует столетний юбилей своего существования**, имея уже у себя железную дорогу, о которой, конечно, и не снилось строителю Ставропольской крепости.

Примечания

1. Дебу. О Кавказской линии. СПб. 1829 г., стр. 23.
2. Ставропольские губернские ведомости 1860, № 12.
3. Северный архив 1828 г. № 4.

Текст печатается по изданию:
Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о городе Ставрополе // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. III.

И.В. Бентковский. **Ставропольская старина. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе**

Первые населенцы Ставрополя, начиная с основания крепости, находили в обширных окрестных лесах в избытке строевой лес и потому, вероятно, весьма долго не обращали никакого внимания на другой строительный материал — камень, не менее обширные залежи которого занимали Ставропольское плоскогорье, состоящее из двух ярусов третичной (моллосовой) формации: нижнего и верхнего. Первый образовался из мергелей и темно-серого кремнистого известняка, заключающего в себе раковины; верхний же ярус составляют песчаники, в которых находится множество органических остатков, кораллов, раковин и проч. Раковистый камень, на котором расположен Ставрополь, составляет верхний слой высшего яруса моллосовой формации и состоит из песчаника, связанного известковым цементом, преимущественно же из мактра и венус. Камень этот на возвышенных местностях города находится в обнаженном состоянии, а в низменных частях покрыт почвою от фута до сажени и более толщиною.[1]

Каменоломни, которым так обязана щеголеватая наружность Ставрополя — говорит г. Барбот де-Марни[2] — лежат в самой черте города. Камень — известковый ракушник — является прямо из-под чернозема, на глубине $^1/_3$ — 3 аршин. Цвет камня белый, но большею частию желтовато-серый и иногда красноватый. Камень очень мягок, хотя местами и представляет кремнистые разности, дающие искры. Раковины являются преимущественно в виде ядер.

Пласты породы имеют от $^1/_4$ до $^1/_2$ арш. толщины и представляют совершенную горизонтальность, весьма редко они слабо изогнуты и трещиноваты. Для добычи строительного камня выбираются места, где пласты имеют одинаковую толщину, около $^1/_4$ аршина. При добыче делают ряд вертикальных врубов на расстоянии 10 вершков. Работа эта ведется наваренными сталью железными кайлами (клеваками). Потом горизонтально вбиваемыми железными клиньями отделяются брусья, которые уже прямо идут на постройки.

Однодневная перепись 18 декабря 1872 г. насчитала в Ставрополе (кроме 9 церквей, которые все каменные) 8426 разного назначения зданий, и в том числе 3858, или 46% каменных, придающих городу ту щеголеватую наружность, замеченную г. Барбот де-Марни, которая приятно бросается в глаза многим, в первый раз приезжающим в Ставрополь.

В 1798 г., как мы уже говорили[3], в Ставрополе не было еще ни одного каменного дома, так точно, как и в городском лесу, быть может, не было уже ни одного строевого дерева. По крайней мере в 1805 г., при отмежевании городу двухверстного выгона, показано на плане 821 дес. 894 саж. дровяного лесу.

Нужда заставила тогдашних жителей обратиться к другому строительному материалу, более прочному и, так же как и лес, сподручному — камню, на который они, да и первые строители Ставропольской крепости, в течение четверти столетия не обращали никакого внимания. Первый пример каменных построек показал городской ратман купец Волков, как это видно из предложения Астраханского губернатора Захарова Ставропольскому магистрату от 2 января 1800 г. за № 7.

Губернатор пишет: «Ставропольский городничий Зервальд рапортом мне доносит, что посредством тамошнего купца Волкова выписаны из города Черкаска каменщики, коими найдено, что из находящегося в Ставропольском уезде ломового камня можно производить строения с малым превышением цены против деревянного, не истребляя леса на сжение кирпича. Приняв такое изобретение с уважением, Ставропольскому магистрату предлагаю объявить о том сего города обывателям, внушив при том им, что будут таковое благое изобретение употреблять они в свою пользу, то не только получат сами выгодность, но городу дастся украшение, которое отнесется к славе и похвале его обитателей».[4]

Отсюда ясно, да и предание подтверждает, что купец Илья Волков первый начал постройку каменного дома в 1799 году.[5] Что же касается внушения обывателям, то оно не скоро вошло в их сознание, так как в 1834 г. мы нашли в Ставрополе казенных и частных домов и нежилых строений не более 30. Тем не менее под руководством каменщиков, выписанных Волковым из Черкасска, ставропольцы начали «бить камень», и в 1808 г. специально уже занимались этим промыслом 1 купец и 1 мещанин.

Одновременно с постройкою в Ставрополе первого каменного дома возникла мысль о построении в городе каменной церкви, без сомнения, тогда по строительному материалу первой на Северном Кавказе.

Троицкого собора протопоп и благочинный Илья Тимофеев, 1800 г. июня 21 № 177, писал следующее Ставропольскому городничему титулярному советнику Зервальду: «Астраханская духовная консистория от минувшего мая № 711 предписала мне понудить жителей Ставропольского уезда и священников тех селений, которые не имеют выстроенных церквей и отправляющих в молитвенных домах и часовнях священнослужение, дабы присылали к высокопреосвященному Платону архиепископу Астраханскому и Моздокскому о дозволении строить в их селениях церкви через доверенных прошения и старались бы вообще построить оные через год непременно; а как в г. Ставрополе церковь, хотя и не в давнем времени выстроена, но весьма непрочным делом, так что в рассуждении постройки к оной приделов, подвержена опасности к скорому падению и от случающихся в зимнее время метелей проходит сквозь стены снег, а в летнее время бывает от дождей великая течь, так что важнейшие церковные вещи, яко-то: престол и антиминс часто бывают намоченными и все церковные утвари, парчи, что весьма противно церковным правилам и государственным узаконениям, в том случае, вследствие упомянутого указа, сообщаю вам и прошу г. Ставрополя жителей, долженствующих быть в приходе Троицкого собора, к выстройке вновь прочнейшей церкви понудить; в случае же их к тому несогласия, то по данной мне благочинической инструкции, в рассуждении непрочности о запрещении священнослужения в оной церкви не премину представить его высокопреосвященству Платону, что последует к вящему всех здешних прихожан неудобству».

Обыватели Ставрополя, в числе 18 купцов и 24 мещан, бывших в общественном собрании 12 августа 1800 г., по прочтении им в городовом магистрате отношения благочинного Тимофеева № 177, приговорили: «На место состоящей в Ставрополе, на мещанском форштате деревянной соборной Св. Тро-

ицкой церкви, выстроить желаем каменным зданием, а пока она созиждена будет, ту, деревянную, дабы течи не могло быть, также и другую ветхость, должны исправить лучшею прочностью».

Желание жителей, столь похвальное могло, однако ж, по не зависящим от них причинам осуществиться нескоро... новый каменный собор во имя Св. Троицы освящен был только в 1819 году.

Медленность в постройке предположенного каменного собора происходила от многих условий и более всего от местных интриг и парализующего влияния тогдашнего режима. Распоряжение Астраханского архиепископа Платона о представлении ему на утверждение планов строящихся церквей через доверенных от общества и за отдаленностью Астрахани и по малонаселенности губернии, а более всего по военным обстоятельствам края, в то время весьма тревожным, тоже не могло благотворно влиять на успешность церковных построек. Между тем тогдашнее Ставропольское общество делало все зависящее от него. Так, 12 февраля 1801 г. приговором купечества и мещан избраны для сбора доброхотных подаяний на вновь строящийся каменный собор во имя Св. Троицы купцы Никита Деревщиков и Василий Полежаев, а попечителями постройки церкви купцы Моисей Ефремов и Гордей Анненков.

Доброхотные подаяния, вероятно, шли успешно, потому что уже в 1804 г. епархиальное начальство сделало распоряжение об освящении места, где имела быть выстроена церковь, а общество в следующем году приискало подрядчика для означенной постройки; как вдруг вмешалась в это дело местная полиция, и постройка собора оттянулась на несколько лет...

Городничий Зервальд 10 августа 1805 г. донес губернскому правлению, что «купец Федор Деденев при сборе общества рядился построить каменную церковь Св. Троицы за 12900 р., но окончательно не сторговался, и что магистрат без переторжки отдал постройку церкви за ту же цену купцу Акиму Чернову; между тем Деденев хотел было понизить эту цену до 12000 р.». По этому рапорту губернское правление предписало магистрату донести: на какую сумму общество предпринимает постройку церкви — церковную ли или собранную с общества? С чьего разрешения собиралась сумма? Есть ли на постройку церкви план и кем утвержден? Городничему же Зервальду предписало не вмешиваться в общественные дела.

Что отвечал магистрат на это предписание в делах, из которых заимствуем исторические сведения о г. Ставрополе, мы не нашли, но мы нашли другой интересный документ, из которого видно, что собранная на постройку сумма заимообразно расходовалась на другие общественные нужды. Так, купечество и мещанство в собрании своем 1 ноября 1805 г. единогласно приговорило: «как во время обойдения выгону здешнему городу земли, употреблено немалое количество церковной суммы на разные общественные расходы, то на пополнение оной и еще впредь касаться могущих быть таковых же надобностей, собрать с нас с платежного в казну рубля по 35 к., которые деньги должны мы взносить при объявлении на 1806 г. капитала, с мещан в числе подушных безнедоимочно, которые должен принимать от нас и в расход употреблять городской староста».

Между тем, соборный протопоп Илья Тимофеев в 1806 г. опять отнесся в магистрат, прописывая, что еще 25 августа 1804 г. последовал указ бывшего Астраханского архиепископа Платона, по прошению Ставропольского градского общества, от церковного поверенного купца Ефремова, коим предписано было (ему, Тимофееву) по желанию общества в том же 1804 г. в августе месяце посвятить место, где имеет быть выстроена каменная церковь Св. Троицы, вместо существующей деревянной, которая пришла уже в такую ветхость, что угрожает падением, чего (он) до сих пор не исполнил, хотя неоднократно обращался о том с просьбою к бывшему городскому голове купцу Волкову. Почему он и просит ускорить дело и приступить к постройке церкви, так как заготовленный в достаточном количестве материал приходит в ущерб.

Вероятно, вследствие этого купец Чернов представил лично в Георгиевск план церкви на рассмотрение, а губернское правление указом 10 марта 1806 г. предписало магистрату в присутствии всего благородного, купеческого и мещанского общества произвести новые торги, назначило сроки и велело о вызове желающих публиковать по всей губернии.

Постройка собора, очевидно, затягивалась, так сказать, не по существу дела, а по интригам, выясненным в общественном приговоре купцов и мещан 1 мая 1807 г., в котором сказано, что по их желанию предположено было выстроить в Ставрополе вместо деревянного каменный собор во имя Св. Троицы,

Проспект К. Маркса, 71. Дом купца Ильи Волкова. Первое каменное здание в городе Ставрополе

к чему с 1803 г. приготовлено немалое количество материалов и что о посвящении места по прошению старосты, купца Ефремова, бывший Астраханский архиепископ Платон в августе месяце 1804 г. дал протопопу Илье Тимофееву указ и грамоту прислал, что для постройки собора был обществом подряжен купец Аким Чернов, коего старанием был сделан на тот собор план и бывшим губернатором Гольденшольдом утвержден, согласно которому общество и желает построить собор. Но бывший городской голова Илья Волков своими происками предлагает рядчиками купцов Созонта Медведева и Федора Деденева, которых общество допустить к той постройке не желает, потому что Волков льстит себя надеждою участвовать с ними в постройке. За такими происками Волкова (говорится в приговоре) постройка собора не начата, в приготовленных материалах происходит ущерб, а между тем деревянный собор угрожает падением, почему и духовное начальство может запретить в нем священнослужение. Купец же Деденев объявил на том сходе, что сделанный старанием купца Чернова план на собор отдан им губернатору Николаю Михайловичу Картвелину, почему общество тем же приговором уполномочило гражданского старосту через магистрат ходатайствовать о возвращении плана и о разрешении постройки собора.

На такое ходатайство губернатор Картвелин предложением на имя городского головы Архунда-

ки дал знать, что план каменной церкви отдан им купцу Плотникову *для некоторых исправлений*.

Пока план собора странствовал таким образом и переходил из рук в руки, ничего не смыслящая в архитектуре шестигласная дума приговором 18 мая 1808 г. постановила: на постройку собора с каждой наличной души купцов и мещан собирать по 10 аршинных тесаных камней и по одной четверти известки, а если кто не вывезет, то на его счет нанимать с платою по 3 к. за камень и по 20 к. за $^1/_4$ известки. А буде кто не вывезет, с того взыскать по 20 к. за воз. При постройке церкви попечителем был купец Моисей Ефремов — он же был и гласным.

В том же году 3 августа купеческое и мещанское общества добровольно согласились, чтобы на вновь строящийся собор, как то: на алтарь и трапезу, на нижние полы и потолки купить соснового лесу и полосового железа для связи на деньги, которые будут собраны с общества; да сверх того на кумпол, или на что потребуется лесу, вырубить в казенном лесу хотя с платою попенных денег.

Сколько было собрано доброхотных пожертвований и окладных на постройку собора по 1808 г. включительно, кто был строителем собора, когда происходила закладка и освящение собора, — о том в старых делах городской управы сведений не нашли. Но в наших руках были две шнуровые приходно-расходные книги, из которых видно, что церковным попечителем Моисеем Ефремовым с 21 февраля 1809 г. по 1 марта 1819 г. собрано от разных источников церковной суммы 64676 р. 22. к. Можно поэтому предполагать, что в 1819 г. собор постройкою окончен и освящен. Такое предположение получает тем более вероятности, что в сентябре того же 1819 г. епархиальною властью разрешено городу продать старую деревянную церковь на молитвенный дом и деньги записать в церковную сумму.[6]

Между тем, пока продолжалась постройка каменного собора, Калужской губернии помещик прапорщичьего чина, комиссар Андрей Семенов Богданов, возвращаясь больной из Кавказских горячих вод, умер в Ставрополе 12 февраля 1816 г. и духовным завещанием пожертвовал 10000 р. на устройство иконостаса во вновь строящейся церкви, с тем чтобы из денег этих часть употреблена была на сооружение над могилою его памятника.[7] Калужский приказ общественного призрения деньги эти, за исключением пересылочных в пользу почт, но с наросшими на них процентами, всего 10312 р. 98 к. в 1819 г., препроводил в Кавказское губернское правление, которое передало их в распоряжение городской думы для употребления по назначению завещателя.

Суммы этой, конечно, было недостаточно, так как в освященном уже соборе, кроме иконостаса, оставалось еще многое устроить и с возможным благолепием отделать; а потому городское общество из среды своей выбрало нового попечителя гласного думы Андрея Харичкина и выдала ему шнуровую денежную приходно-расходную книгу. Из этой книги видно, что Харичкиным записано в приход с 4 февраля 1821 по 1824 г. 21759 р. 1 к. Главными источниками поступлений на этот предмет были: доходы с двух ярмарок — Троицкой и Ивановской, кошельковый сбор от того же Троицкого собора, доброхотные пожертвования граждан и деньги, вырученные от продажи старой деревянной церкви, которую купило общество села Успенского (что ныне станица Кубанской области) за 2900 р. Сумма, поэтому, на устройство нового иконостаса в соборе и прочего простиралась к 1824 г. до 32071 р. 99 к. Средства эти значительно увеличили купцы Игнатий Волобуев и Корней Чернов тем, что вся живопись для иконостаса заказана ими была в Москве на собственный их счет.

Ставропольское же тогдашнее купеческое и мещанское общество воспользовалось поездкою в разные российские города по своим делам купца Никиты Плотникова и приговором 14 декабря 1819 г. уполномочило его приискать и нанять мастеров для поделки и постановки иконостаса в соборе. На основании такого полномочия купец Плотников 19 марта 1820 г. заключил в Москве с вечноцеховым мастером позолотного дела Аполлоном Башкаревым условие, которым Башкарев обязался за 13700 р. выполнить всю столярную и позолотную работу собственными материалами и окончить в июле 1821 г. Причем приличное содержание мастеров квартирою, продовольствием и отоплением, а равно издержки их, переезд из Москвы в Ставрополь и обратно падали на счет городского общества. Для резных же иконостасных работ Плотников нанял в Арзамасе тамошнего мещанина Климента Ламскина, но за какую цену, в делах, из которых черпаем эти сведения, мы не нашли.

За такое похвальное усердие и деятельность в благолепном украшении нового храма высокопреосвященнейший Платон, архиепископ Астраханский и Кавказский, ставропольскому обществу и его выборному купцу Никите Плотникову преподал архипасторское свое благословение. В то время городское общество на свой счет содержало соборный певческий хор. Регент, которым тогда был отставной подпоручик Григорий Иванов, получал 500 р. в год; даже певчие и те получали жалование.

Приделы к собору Св. Троицы были уже пристроены впоследствии; но о них пока мы никаких сведений не имеем.

Примечания

1. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, вып. 1, 1868 г. стр. 3 и 4 Стат. г. Скоковского «Сведения о г. Ставрополе».

2. Калмыцкая степь Астраханской губернии, по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции, С.-Петербург, 1868 г., стр. 62.

3. «Ставр. губ. ведом.» 1876 г. № 2, статья: «О лесах в пределах бывшей Кавказской губернии».

4. Из дел Ставроп. городской управы.

5. Дом этот, двухэтажный, на большой Николаевской улице, принадлежит ныне действительному статскому советн. Константинову. Было бы не лишнее, если бы нынешний владелец на наружной стене дома, на приличной доске, память о времени построения передал потомству.

6. Сообщ. благочинного протоиерея Евсеева 16 сентября 1819 г. № 346 и Кавказск. гражданск. губернат. Малинского 25 сентября № 3032.

7. Из указа Астраханской духовной консистории протоиерею Троицкого собора 26 мая 1820 г. № 476 видно, что Андрей Богданов похоронен в Ставрополе на загородном общем кладбище, где ему и воздвигнут надгробный памятник. Кладбище это в то время находилось там, где ныне церковь во имя Св. Варвары.

Текст печатается по изданию:
И.В. Бентковский. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

И.В. Бентковский. **Сведения о Ставропольском женском училище 1 разряда**[1]

Ставропольское женское училище 1-го разряда находится под покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Александровны. Оно состоит из шести классов и класса приготовительного. Будучи заведением открытым, оно предназначено собственно для учениц приходящих всех сословий и вероисповеданий. Причисляясь к женским учебным заведениям 1-го разряда, оно состоит в главном ведении попечителя учебного округа, которым утверждаются все вопросы учебно-воспитательные, предварительно разрешенные педагогическим советом. Для слияния интересов ставропольских женских училищ, именно 1-го разряда и Св. Александры, председательница Благотворительного общества Св. Александры есть почетная попечительница училища 1-го разряда. Непосредственное наблюдение за преподаванием учебных предметов и успехами учащихся возлагается на инспектора.

Так как средства заведения находятся в полной зависимости от питаемого к нему доверия общества, то важно показать, насколько училище 1-го разряда пользовалось его доверием в период своего существования. В первый год своего открытия (1861 г.) в нем было учащихся 81, во 2-й — 64, в 3-й — 58, в 4-й — 80, в 5-й — 68, в 6-й — 71, в начале 7 года — 129, в 1868—69 году поступило 39. Таким образом, всех учащихся в 1868—69 году было 168. В течение года выбыло, по определению педагогического совета: 8 — за неаккуратное посещение классов и неуплату денег за право ученья; 3 — за неявку в классы без уважительных причин; 4 — по случаю выезда из Ставрополя родителей; 2 — по болезни; 2 перешли в пансион при училище Св. Александры и 2 — по желанию родителей; всего 21 ученица. Затем к окончанию годичных испытаний (17 июня) воспитанниц состояло 147.

Из них:

Дочерей духовного звания	4
Дочерей дворян и чиновников	69
Дочерей почетных граждан и купцов	63
Дочерей мещан и прочих сословий	11
Всего	147
По вероисповеданиям:	
православного	121
армяно-григорианского	16
лютеранского	8
римско-католического	2
Всего	147

В основу обучения положено преподавание Закона Божия. Заботясь, насколько возможно, о всестороннем развитии всех способностей, училище имело в виду доставить девицам религиозно-нравственное образование.

Для достижения этой конечной цели оно, пользуясь каждым удобным случаем, обращало особенное внимание, чтобы, излагая истины веры и правила христианской нравственности, внушить детям религиозно-нравственные понятия и чувства и направить их волю к добру. Выполнению этого способствовало объяснительное чтение евангелия, отрывков из творения отцов церкви и изучение священной истории Нового Завета по тексту евангелия. Независимо от этого для развития и сознательного усвоения религиозных и нравственных истин каждый день, перед началом учения, одна из воспитанниц, по очереди, в присутствии законоучителя читала утренние молитвы: каждый урок Закона Божия в высших классах начинался чтением и объяснением Евангелия. Евангелие излагалось по возможности полно и систематически: причем требовалось буквальное изложение некоторых изречений Спасителя. При преподавании пространного катехизиса как учебника внимание детей обращалось в виде беседы на краткое историческое развитие тех догматов православной веры, которые превратно понимаются другими христианскими исповеданиями.

Вообще, для выполнения главной цели заведения перед началом академического года педагогическим советом под председательством г. директора составляется программа относительно объема, сущности преподаваемых в училище предметов и распределения их по классам. Предварительно рассмотренные и одобренные педагогическим советом программы выполняются добросовестно.

Вместе с религиозным образованием воспитанниц и с осмысленным приобретением ими знаний шло нравственное их развитие.

Значительное число учащихся в приготовительном классе до 60, помещение их в одной комнате, потребовали разделения этого класса на два отделения: высшее и низшее. В одно из них, по определению педагогического совета, 17 июля минувшего года назначена особая учительница. При разделении воспитанниц на отделения принята была поступательная классная система, по которой обучавшая учениц низшего отделения в будущем академическом году переходит с хорошо успевшими в высшее: обучавшая же в этом последнем будет заниматься в младшем для обучения оставшихся в нем и вновь поступающих учениц, не умеющих почти или вовсе читать.

В низшем отделении в начале учебного года обращено было особенное внимание на обогащение детей запасом слов и оборотов русского языка. К достижению этого способствовали беседы по методам наглядного обучения, которые предшествовали обучению чтению и письму. Затем уже следовало хоровое и одиночное обучение чтению механическому и объяснительному совместно с письмом. Кроме того, наглядное обучение чисел, упражнение со спичками (черчение) и хоровое пение. Беседы наглядного обучения в приготовительном классе имели вообще влияние на самостоятельное развитие детского мышления.

От воспитанниц высшего отделения приготовительного класса из пройденного с ним в учебном

году для перевода в первый класс на экзамене требовали:

По Закону Божию — молитвы перед учением и после учения, Св. Духу, Св. Троице, Богородице, Ангелу Хранителю, Молитва Господня, Символ веры, 10 заповедей Господних, Молитва за Государя, покаянная и перед причащением. По русскому языку, кроме механического чтения, требовали как объяснения содержания, так и последовательную передачу прочитанного из книги «Родное слово» Ушинского.

По арифметике, придерживаясь метода Грубе, — разрешение задач, преимущественно умственно, от самой простой наглядности до возможной для детей отвлеченности.

В остальных классах было пройдено:

По закону Божию: важнейшие события из истории Ветхого и Нового Заветов, евангельская история излагалась преимущественно по тексту евангелия: православный катехизис, изъяснение богослужения, в особенности литургии, и важнейших молитв и песней церкви, а также важнейшие события из истории церкви.

Женское учебное заведение Святой Александры в городе Ставрополе. Фото начала XX века

По русскому языку и словесности: предварительный и высший курс грамматики с практическими упражнениями в языке. Общее понятие о стихосложении и ознакомление с некоторыми произведениями лучших отечественных писателей нового времени.

По арифметике: четыре действия над целыми и дробными, простыми и именованными числами, десятичные и периодические дроби и решение задач тройного правила посредством приведения к 1.

По геометрии — общее понятие об измерениях.

По географии — физическая и политическая географии важнейших государств всех частей света и география отечественная.

По естественной истории — ознакомление с главнейшими видами животных и растений.

По истории — история всеобщая и русская.

По физике — общее понятие о свойстве тел: теплоте, магнетизме, электричестве, гальванизме, свете и звуке.

Кроме обязательных предметов, некоторых детей обучали: армянскому языку и Закону Божию армяно-григорианского исповедания, немецкому языку и Закону Божию лютеранского исповедания, а также французскому языку, музыке и танцам. Кроме того, во второй половине учебного года были введены: хоральное пение и черчение с соблюдением правил перспективы в высших классах. В пении и черчении, несмотря на незначительный период его преподавания в женской гимназии, дети оказали весьма удовлетворительные успехи.

Гимнастика, требуемая уставом, не была еще введена по недостатку необходимых для того аппаратов и помещения.[2]

Рукодельные занятия, необходимые вообще для домашнего быта, выполняются в недостаточной степени. Но и эта часть, весьма важная в деле женского обучения, в будущем академическом году должна получить более широкое и лучшее развитие.

Во время посещения Великим Князем наместником Кавказским женской гимназии, 30 минувшего апреля, городской голова С.Ф. Деревщиков с депутацией граждан поверг при входе в училище перед Его Императорским Высочеством почтительнейший адрес о дозволении содержать на счет особой складчины граждан 20 девиц в продолжение 12 лет, с именованием их воспитанницами Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Федоровны с тем, что город по окончании ими курса выдает им приданое до 150 р. каждой. И кроме сего, город обязуется открыть при женской гимназии на свой счет особый ремесленный класс, в котором обучали бы девиц полезным мастерствам.[3]

Состояние хозяйственной части женской гимназии усматривается из нижеследующих данных.

Для более полного изложения сведений о годичном обороте училищных сумм и их употреблении принят 1868 гражданский год. В остатке к 1 января 1868 г. от минувшего года состояло наличными деньгами 1306 р. 83 1/2 к., 46 билетов 5% второго внутреннего с выигрышем займа на 4600 р., 40 серий с процентами на 2000 р.

В течение года поступило:

1. Из городской думы в пособие на содержание училища — 1339 р. 38 к.

2. Из прибылей приказа общественного призрения на тот же предмет — 440 р.

3. Собрано за право учения обязательным предметам — 1867 р. 50 к.

4. За право учения необязательным предметам — 465 р.

Пожертвований единовременных:

5. При предложении г. начальника губернии Г.К. Властова, от 14 февраля за № 616, вырученные от данного любителями спектакля — 301 р. 60 к.

6. От г. управляющего питейно-акцизными сборами В.Г. Терещенко и г. чиновников вверенного ему управления — 448 р. 52 к.

7. Купца И.П. Соколова, собранные им по подписке на детскую библиотеку — 15 р.

8. Купца Л.И. Сумского — 10 р. 32 к.

Всего в 1868 году поступило наличными 6194 р. 15 1/2 к.

В 1868 году израсходовано:

1. На жалованье: инспектору, начальнице, двум надзирательницам, учительнице приготовительного класса и в награду — 1521 р. 50 к.

2. На жалованье учителям обязательных предметов — 3052 р.

3. На жалованье учителям необязательных предметов — 345 р. 98 к.

4. Из суммы на учебные пособия, на выписку журнала «Семейные вечера», книг, а также картин и других предметов наглядного обучения 69 р. 93 к.

5. На награды воспитанницам — 19 р. 95 к.

6. Из суммы на содержание дома: на жалованье

училищным служителям, на отопление здания, за воду, часовому мастеру, печнику — всего 550 р.

7. Из суммы на непредвиденные расходы: на покупку мела, чернил, на покупку новой и исправление прежней училищной мебели — 118 р. 49 1/2 к.

Всего в 1868 г. израсходовано — 5677 р. 85 1/2 к.

Затем к 1 января 1869 г. состояло:

Наличными деньгами — 516 р. 30 к.

И государственных процентных бумаг на 6600 р. — к.

Примечания

1. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, 1870 г., вып. III.

2. В настоящем году гимнастика введена уже (1868—69 г.)

3. Предположения эти, будучи удостоены милостивым вниманием Их Высочеств, получили уже разрешение: приступлено к устройству ремесленного класса, открытие которого последовало уже в начале 1870 г.

Текст печатается по изданию:
Бентковский И.В. Сведения о Ставропольском женском училище 1-го разряда // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

И.В. Бентковский. **Открытие в Ставрополе первых присутственных мест**[1]

Высочайший именной указ Екатерины II об образовании Кавказского наместничества из двух областей, Кавказской и Астраханской, состоялся 5 мая 1785 г., а 9 мая т.г. последовал именной указ правящему должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора генерал-поручику Павлу Сергеевичу Потемкину об устройстве Кавказской губернии.

Этим указом: а) признано полезным устраивать города в близости горских народов; б) повелено ввести городовое положение, утвержденное 21 апреля т.г. и в Кавказском наместничестве в Кизляре, Моздоке и других городах, где управление городское прежде единственно относилось к военному начальству; в) для развития торговли и ремёсел дозволено иностранцам селиться в городах Кавказского наместничества; г) обещано также дать вскоре разрешение селиться в Кавказской губернии выходцам из Закавказья, а армянам основать город; д) с открытием казенной палаты и должности директора домоводства повелено наделить землями татар и вновь желающих селиться в губернии; е) повелено открыть почтовое сообщение от Царицына до Кавказской линии, а отсюда до Черкасска, а если нужно для безопасности, обвести на этом пути селения земляными укреплениями. Почтовые станции должны быть на расстоянии 15—30 верст и ж) повелено основать город на пространстве от Черкасска до линии (т.е. до Ставропольской крепости) и, наконец, поселение отставных солдат повелено предпочесть отдаче их на росписки частным людям.[2]

Потемкин счел однако ж нужным войти в сенат с новым докладом о полном разрешении вышеозначенного указа, так как некоторые его пункты относились до верховного правительства. Вследствие чего сенат сделал распоряжение по Империи о доставлении сведений о желающих поселиться в Кавказском наместничестве из экономических, дворцовых, однодворцев и прочих государственных крестьян, каковых оказалось в разных губерниях до 800 чел., а в Пензенском наместничестве до 1000 чел., которым из казны велено было дать по 20 р. на двор, для чего и отпущено на первый случай в распоряжение генерал-поручика Потемкина 50000 р. Что же касается поселения на линии отставных солдат с выдачею каждому в пособие по 20 р., то сенат предписал указами военной и адмиралтейской коллегиям и канцеляриям полков лейб-гвардии и главной артиллерии и фортификации.[3]

В таких распоряжениях высшего правительства прошел весь 1785 г., почему и кавказское наместническое правление только 31 января 1786 г. могло распорядиться об открытии присутственных мест. В указе о том сказано, что для открытия уездных присутственных мест в Георгиевске, Александрове и Ставрополе командирован председатель уголовного суда подполковник Пирогов; что в каждое присутственное место отпущено законов, на столы сукна и на первый случай на расход денег, бумаги, чернил и проч.; что по прибытии в каждый из этих городов подполковника Пирогова открытие должно начаться чтением Высочайшего повеления и молебствием. А как тогда уездных казначеев определено не было, то денежные казенные суммы, где таковые есть (говорится в указе), должны оставаться на руках сохранными у тех лиц, у которых они находились впредь до прибытия казначеев, с тем чтобы о количестве принятых сумм донесено было казенной палате.

Из другого же и от того же числа указа за № 68 бургомистру Яковлеву видно, что для открытия уездных присутственных мест в Ставрополе командирован кавказским наместническим правлением надворный советник Зряхов.

Подполковник Пирогов, окончив возложенное на него поручение, донес кавказскому наместническому правлению, что присутственные места с принесением в церквах благодарственных молений и с преподанием священниками благословения открыто им: в Георгиевске 7, в Александрове 10, а в Ставрополе — *15 февраля 1786 года.*[4]

Поэтому пятнадцатого февраля исполнится девяносто лет открытию в Ставрополе первых присутственных мест[5] *(в 1875 г.).*

Важность события требует от нас более чем простого заявления исторического факта и потому уже, что сама императрица Екатерина II собственноручным письмом от 25 февраля т. г. поручила главнокомандующему в Кавказской губернии ге-

нерал-поручику Павлу Сергеевичу Потёмкину объявить свое высочайшее удовольствие по случаю открытия Кавказского наместничества всем в том учавствующим сей губернии дворянам и горским князьям и удостоверить каждого в искреннем ее императорского величества желаний, чтоб новый образ управления, принося им новые выгоды, послужил к утверждению их спокойствия и благоденствия.[6] Сверх того, императрица от щедрот своих приказала отпустить в ссуду новым городам 10000 р. и высочайше повелела сенаторам графу Александру Романовичу Воронцову и Алексею Васильевичу Нарышкину осмотреть все открытые в Кавказской губернии присутственные места. Сенаторы в Екатеринограде были уже 3 марта 1786 г.[7] Стало быть, мудрая Екатерина II считала открытие Кавказского наместничества чрезвычайно важным событием.

Удивительна быстрота действий того времени: 15 февраля открыты присутственные места в Ставрополе, десять дней спустя (25) императрица уже пишет письмо Потемкину, а 3 марта ревизующие сенаторы уже в Екатеринограде. Такая быстрота сообщений была бы понятна в наш паровой век, но в то время она решительно непостижима...

Присутственные места в Ставрополе. В настоящее время улица Советская. Фото начала XX века

Щедроты Екатерины II не ограничились присылкой в ссуду городам 10000 р., так как генерал Потемкин 24 января (значит, до открытия присутственных мест) прислал в Кавказское наместническое правление на благоусмотрение приказа общественного призрения 500 р., пожалованные императрицею, и сверх того 165 р. для выдачи на руки совершенно бедных и больных поселян с распискою по 15 р. каждому, а как приказ общественного призрения не был тогда еще открыт, то 500 р. отосланы в казенную палату, а 165 р. розданы городничим.[8]

Говоря об открытии в Ставрополе первых присутственных мест, мы, однако ж, не принимаем 1786 г. за год его основания. Как из жизни человека не вычитают период его младенчества, так и история не вправе игнорировать жизни первых обитателей Ставрополя – когда они жили здесь под защитой крепости № 8 и, не имея самоуправления, находились в ведении военных начальников. Не один, впрочем, Ставрополь был в такой зависимости: до издания в 1786 г. городового положения многие русские города, если даже не большинство, находились в такой же неопределенной обстановке. Что с самого основания Ставропольской крепости начал стекаться под ее защиту разный рабочий и промышленный люд и проживать здесь сначала временно, а потом и постоянно, — в том едва ли можно сомневаться. На это есть даже многие доказательства. Так, из сообщения Ставропольского нижнего суда в городовой магистрат от 6 июля 1786 года № 123 видно, что еще до учреждения города в 1785 г. записывались в мещане при Ставропольской крепости, что в 1784 г. зачислен в мещане вольноотпущенный Оренбургской губернии секунд-майора Пояркова крепостной человек Иоаким Нечаев, проживающий в Ставропольской крепости с 1782 г., что в том же 1782 г. была 4-я ревизия, а из записанных по той ревизии людей не оказалось в 1786 г. семи человек, которых нижний земский суд и разыскивал. В 1784 г. жил еще в Ставропольской крепости купец Яковлев, как это видно из векселя на 137 р. отставного подпоручика Федора Фостикова. Наконец, в 1785 г. (все-таки до открытия присутственных мест) зачислены в ставропольские мещане Калина Скоморохов и Иван Ртищев.

На существование во вновь учрежденных в Кавказской губернии городах, или, вернее, в тогдашних крепостях, гражданского населения указывает между прочим и следующее распоряжение. Главнокомандующий генерал-поручик Потемкин в предложении кавказскому наместническому правлению 28 января 1786 г. (заметим, что тогда уездные и городские присутственные места не были еще открыты) пишет: «1) что воинские поселяне (вероятно, казаки) подсудны гражданским присутственным местам только в поземельном отношении, как то: в завладении одним от другого, в закладной и купчей и в обиде нажитого, в остальных же случаях они в зависимости от военного начальства и без депутата с военной стороны судимы быть не могут; 2) чтобы городничие, которые по малолюдству в то время городов не были назначены, взятых за ссору, буйство, драку и воровство поселян отсылали к военному начальству и 3) чтобы уездные и нижние земские суды, магистраты и расправы в почтовые дела не мешались, так как учрежденные почтовые станции (по 4 подводы на каждой) для возки курьеров содержатся казаками, кои находятся в зависимости военного начальства».

Переходя к вопросу о том, какие присутственные места были открыты в Ставрополе 15 февраля 1786 г., отвечаем: Ставропольский нижний земский суд и городовой магистрат.

Уездные суды были тогда открыты во всей губернии только два (вероятно, тоже по малолюдности губернии), один в Георгиевске на уезды Георгиевский, Александровский и Ставропольский, а другой в Моздоке, на уезды Моздокский и Кизлярский.

Потемкин на другой же день по открытии присутственных мест ордером № 15 определил в должность ставропольского публичного нотариуса курского дворянина отставного прапорщика Калугина, а в должность ставропольского городничего прапорщика Степана Ярова.

Первым бургомистром в ставропольском магистрате был Козьма Яковлев, а ратманом Карп Колесников. Вероятно, они были по назначению, так как по силе 279 ст. учрежд. о губерниях в магистратах должны заседать два бургомистра и 4 ратмана, почему, должно быть, и общественным приговором 15 ноября избраны в ратманы Михаил Тарасов и Степан Рясницкий.

Баллотировали тогда шарами. Выборы эти, как неполные, не были утверждены, потому что когда повелено было выбрать еще 2 ратманов, то общество по неимению грамотных выбрало Василия Белова и служащего писцом в магистрате поляка (как сказано в приговоре), довольно сведущего и хорошего поведения Якова Леговского. Все они были утверждены наместническим правлением 17-го января 1787 г. и на верность службы приведены к присяге астраханского драгунского полка священником Елисеем Терпиловым.

Первые общественные деятели в Ставрополе во всяком случае заслуживают, по крайней мере в интересах их потомства, чтобы поименованием сохранить о них память. Из первого общественного приговора 15 ноября 1786 г. видно, что в составлении его участвовали следующие ставропольские мещане: Антон Руднев, Яков Тарасов, Назар Голиков, Антоний Камарик, Алексей Стрежиков, Тимофей Катасанов, Иосиф Ртищев, Василий Быканов, Андрей Волобуев, Петр Акулинин, Козьма Руцкий, Петр Пашков, Никита Черкешенин, Петр Воробьев, Григорий Неделика и Иван Чернышев.

Впрочем, это были далеко не все тогдашние ставропольские мещане, большинство их, а именно 32 человека, были в отлучке по билетам, которые тогда выдавались за подписью главнокомандующего в Кавказской губернии генерал-поручика Потемкина, — в разъездах по разным российским губерниям для торговли и промыслов. В таком же младенческом состоянии была тогда здесь торговля; лучше всего можно усмотреть из предложения Потемкина от 25-го февраля 1788 г. № 442, в котором сказано, «что для покрытия присутственных столов в уездных судах отыскаться только могло 18 аршин сукна, а сколько потребуется еще, сделать выписку, чтобы из Астрахани я прислать мог».

Примечания

1. «Губернские Ведомости» 1876 г. № 5-й.
2. Полное собрание законов Российской Империи, т. XIX, №№ 13404 и 16194.
3. Там же.
4. Дело Ставропольской городской управы. Указ городовому магистру от 9 марта 1786 г. № 894.
5. Событие, заслуживающее, чтобы о нем вспомнить 15 февраля благодарственною молитвою и добрым делом.
6. Указ Кавказск. наместн. правления 10 апреля 1786 г., № 1738.
7. Указ Кавказск. наместн. правления 20 июля 1789 г., № 8360. Были ли сенаторы в Ставрополе и когда, сведения о том пока не отысканы.
8. Дело Ставр. гор. управы 1786 г. № 3.
9. В год открытия присутственных мест комендантом Ставропольской крепости был Булычев, впоследствии присутствующий в кавказском наместническом правлении надворный советник.

Текст печатается по изданию:
Бентковский И.В. Открытие в Ставрополе первых присутственных мест // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

И.В. Бентковский. **Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1786 года до учреждения шестигласной думы 18 января 1808 года**[1]

Экономическая жизнь зарождающегося города, как и человека, находится под безусловным влиянием одних и тех же законов постепенного развития, пока, наконец, не достигает периода зрелости. Изучение поэтому экономического развития Ставрополя не только не лишено исторического интереса, но и полезно в социальном отношении. В данном случае такое изучение необходимо и для полной истории края, колонизация которого одновременно с введением гражданственности и военными делами лежала на прямой обязанности тогдашних главных военных начальников на Северном Кавказе. Вытекающая отсюда двойственная обязанность была далеко не легка и в позднейшее время, а тем более тогда, когда Черномория не была еще заселена казаками, передовая Кубанская линия не была занята нами и когда наши войска должны были и драться с турками и крымцами, и защищать новые города и поселения, лежащие на северной стороне Моздоко-Азовской линии от набегов и разорения закубанских ногайцев.

Весьма понятно, что и после открытия в губернии присутственных мест нелегко было тогдашнему главному военному начальнику укомплектовать административные и судебные органы, как по недостатку благонадежных, способных к тому лиц, так и по малочисленности русского населения губернии. Так, в 1786 г. в уездах Екатериноградском, Кизлярском и Ставропольском не было стряпчих[2], а в 1796 году ставропольское купечество, по неимению публичного нотариуса, приговором 31 августа избрало для протеста векселей и ценовщиком купца Федора Стасенкова. Даже для прямых полицейских должностей квартального надзирателя и его помощника, которого титуловали квартальным поручиком, избраны были обществом свои же граждане. Далеко позже, а именно 22 августа 1800 г., астраханский губернатор Иван Семенович Захаров, бывший в Ставрополе, официальным предложением спрашивал магистрат, в состоянии ли купечество по своей численности избрать из среды своей в должность смотрителя при местном винном магазине. На этот вопрос купечество дало отрицательный ответ. В том же 1800 г. для свидетельствования лавок, нет ли в них запрещенных товаров, избраны были купцы Денис Черноглазов и Михаил Шуваев, которые о ревизиях своих обязаны были через каждые две недели рапортовать губернскому правлению.

Отсюда понятно, что тогдашнее кавказское начальство только крайним недостатком чиновником вынуждено было отправление некоторых административных функций поручать выборным гражданам вновь учрежденных городов, для которых отправление таких должностей не могло не иметь парализующего влияния на собственные их дела. Следует, однако ж, заметить, что уже в то время некоторые выборные, служащие в магистрате, получали жалованье из городских доходов; например, в 1804 г. бургомистр получал 120 р., а 2 ратмана по 100 р. в год.[3] Следует еще заметить и то, что хотя в магистрате, согласно городового положения, должно было быть четыре ратмана, но их, как оказывается, было только два; что, вероятно, было допущено или по малолюдству города, или же потому, что и двум часто нечего было делать. Так, напр., в журнале 1789 г. июня 27, в пяток в 7 часов, записано следующее: «В Ставропольском магистрате присутствовали бургомистр Архип Паренов и ратманы Артамон Тарасов и Антон Немиров и, по неимению дел в слушании, упражнялись в чтении законов».

Все высочайшие повеления и правительственные распоряжения, подлежащие обнародованию или исполнению, поступали в магистрат из наместнического правления, которое находилось тогда в Астрахани. Магистрат каждую такую бумагу обязан был заслушать, составить о том журнальное постановление и о получении указа рапортовать. Канцелярская процедура выполняема была с величайшею точностью и аккуратностью. В числе важнейших бумаг, Кавказское наместническое правление 8 сентября 1786 г. препроводило при указе в Ставропольский городовой магистрат высочайше утвержденное положение о благочинии, водоходстве и жалованной дворянству и городам грамоте. Магистрат поэтому был в то время важным правительственным органом, и ему поручаемо было обнародование законов.

Но было ли тогда в Ставрополе и его уезде дворянство и в каком числе, — на этот вопрос в своем месте ответим. Скажем только теперь, что для дворян Кавказской губернии установлен был следующий мундир: «темновышневый кафтан с голубым бархатным воротником и косыми обшлагами, четырьмя на разрезе пуговицами; подбой и камзол такого же цвета, пуговицы белые, на кафтане по обеим сторонам гнездами и карманы косые».[4]

В марте 1786 г. генерал-поручик ездил в Астрахань для открытия областных присутственных мест, поручив командование войсками на линии генерал-майору Шемякину, которому и гражданские, и присутственные места относиться были должны. В сентябре сделано было распоряжение о встрече ожидаемого на Кавказскую линию генерал-фельдмаршала кн. Григория Александровича Потемкина, которого в Ставрополе должны были встретить коллежский асессор Молебников с городничим, дворянством и купечеством. Ожидался также приезд в 1785 г. самой императрицы Екатерины II, но от таких неосуществившихся ожиданий остались только в память потомству до сороковых годов выстроенные в губ. городе Екатериноградe из жженого кирпича большие триумфальные ворота.[5] Словом, начиная с 1787 г., для тогдашнего гражданского начальства и г. Ставрополя настало время успешной деятельности, положившей краеугольный камень нынешнему его экономическому состоянию.

Рассмотрим эту деятельность по категориям, насколько позволяют имеющиеся у нас в руках, далеко не полные, сырые материалы.

Отвод городу двухверстного выгона. По указу Кавказского наместнического правления прибыл в Ставрополь 17 августа 1786 года уездный землемер Филипп Хохлов для отрезки городу двухверстного выгона и для отмежевания хоперского полка, станицы Ставропольской казакам и однодворцам земли. Чрезвычайно близкое соседство казаков с гражданами — станица своими постройками примыкала к городским — было причиною беспрерывных поземельных споров, окончившихся только с выселением в 1828 году казаков на Кубань. Но главнейшим поводом споров было то, что казаки на городской земле по р. Ташле завели 7 мельниц и 17 хуторов, как это видно из отношения хоперского казачьего полка поручика Иноземцева в городовой магистрат от 22 марта 1789 года.[6] Хотя поэтому поземельное дело было запутано обоюдными притязаниями граждан и казаков, но землемер Хохлов все-таки отвел городу двухверстный выгон. Споры за землю все-таки продолжались, как оказывается из следующего.

Хоперский полк (казаки тогда неохотно принимали названия своих станиц; при том же в Ставропольской станице жил и командир хоперского полка) 6 августа 1795 года представлял графу Гудовичу, «что станица заселена при Ставропольской крепости еще до открытия кавказского наместничества, когда не было еще в Ставрополе ни купцов, ни мещан и жители станицы — казаки — завели на том месте хутора, сады и огороды, и ныне земля эта состоит по назначению для города Ставрополя и через то происходят у казаков с купцами и мещанами споры и распри, то хоперский полк и просит к прекращению оной приказать вместо занятой станицами и хуторами городской части земли вымежевать таковую же часть из назначенной казакам Ставропольской станицы земли». Граф Гудович приказал это исполнить, и Кавказское наместническое правление 7 апреля 1796 года дало о том указы ставропольскому городничему Зервальду и уездному землемеру Костылеву.

Вследствие такого распоряжения землемер Костылев 16 сентября того же года за № 28 сообщил магистрату, что по измерению им станицы Ставропольской хуторов с огородами, садами и всеми заселенными местами по р. Чле (по нынешнему Ташле — речка эта по-татарски называлась Ашле) и под Круглым лесом, оказалось занятой казаками городской земли 174 д. 2224 с.

Дело отмежевания Ставрополю двухверстного выгона, казалось, приходило к концу, как неожиданно, по высочайшему указу 9 февраля 1797 года, велено приостановиться с производством дел, заведенных по указу 19 мая 1781 года, доколе невоспоследует точного постановления об отмежевании городам выгонов и нового о том Ее Императорского Величества указа.

Между тем, в течение того времени были правительственные распоряжения и частные требования об отводе из городского выгона земли в сословное или частное владение. Так, Кавказское наместническое правление указом 31 октября 1795 года предписало уездному землемеру Костылеву отвести церковным служителям вновь строящейся в Ставрополе церкви во имя св. Троицы земли.

(Вероятно, здесь говорится о старой деревянной церкви, вместо которой впоследствии выстроен новый каменный собор). Приступая к исполнению указа, землемер Костылев сносился с магистратом, в каком месте отвести причту земли, где было бы хлебопашество и покос — поблизости ли Форштадта или от границы окружной градской земли? На это магистрат ответил, что хотя городу и отведена выгонная земля на две версты во все стороны, но по р. Ташле застроена хоперскими казаками, устроившими водяные мельницы, хутора, гумна, сады и что от того градское общество претерпевает в земле крайний недостаток и не находит средств, где можно бы отвести для церковнослужителей землю. Городничий Зервальд 15 декабря 1796 г. тоже требовал от магистрата присылки депутатов для отвода священно-церковнослужителям вновь строящейся на Форштадте церкви Св. Живоначальной Троицы земли 93 д. из числа занятой казаками на р. Чле или под Круглым лесом; но и на этот раз магистрат уклонился от исполнения требования. На том, кажется, дело и остановилось; по крайней мере, духовенство ставропольских городских церквей и до сих пор не имеет законом положенной и нормально отмежеванной земли...

Приостановленное, как мы видели выше, дело об отводе городам выгонных земель опять получило движение. Кавказский гражданский губернатор тайный советник Каспаров 30 сентября 1803 года дал предложение Ставропольскому магистрату, что правительствующий сенат обратил к нему планы выгонных земель г.г. Георгиевска, Александрова, Ставрополя и Кизляра, представленные еще в 1796 году графом Гудовичем, и предписал отмежевать те земли по тем планам с тем, если они состоят действительно во владении казны и никто ими не владеет, и при том, если при отводе их никем из смежных владельцев не будет предъявлено споров. По отмежевании же, составив планы с межевыми книгами, выдать кому следует со взысканием положенных по межевой инструкции денег.

Приступая к приведению в исполнение упомянутого указа правительствующего сената, уездный землемер Пичугин 20 июня 1805 года требовал от магистрата сведений о числе душ купеческого и мещанского звания, о поселившихся на городской земле и присылке поверенных для бытности при отмежевании городу выгонной земли. Магистрат отвечал Пичугину, что город стоит в смежности с Ставропольскою станциею Хоперского казачьего полка, которая заняла городской земли 174 д. 2224 с., исключая под Круглым лесом. После чего еще занято поселившимися по ту сторону р. Члы и расчищено разными азиатцами и вырублено строевого и плодородного лесу под посев табаку и посадку винограда, а близ крепости, на так называемом татарском базаре, разного звания люди имеют дома, а недалеко от того же базара имеют казармы войсковая команда, лазарет и конюшню для лошадей. Кроме того, здешние купцы и мещане также имеют дома и другие заведения с дозволения городничего. Поверенными по отводу выгона избраны: купец Федор Деденев и мещанин Петр Воробьев. Что же касается числа купцов и мещан, числящихся в 1805 году в Ставрополе и имеющих дома и разные заведения вне города, но в черте городского выгона, то магистрат сообщил о них землемеру Пичугину следующие сведения:

Купцов в том году 2 гильдии было 4, 3 гильдии 231, а мещан 416. Сверх того, имели дома:

На р. Мутной. Купцы: Яков Елагин — хутор и кожевенный завод; Павел Шуваев — хутор и кожевенный завод; Филат Деревщиков — хутор и кожевенный завод с огородом и тутовыми деревьями; Иван Шуваев — хутор и кожевенный завод. Мещане: Филат Евлагин — хутор и мыльный завод; Дементий Карташов — хутор и кожевенный завод и однодворец Нестор Воронин — хутор и кожевенный завод.

Близ татарского базара. Купцы...[7] Деревщиков — хутор и кирпичный завод и... Ефремов — хутор, кирпичный завод и огород с тутовыми деревьями.

От города по ту сторону воинской команды, за лазаретом. Мещане: Федор Давыдов, Еремей Шляхов, Петр Воробьев (от него верхняя часть города стала называться Воробьевкою), Евстафий Чернявский и Васалий Тарасов имеют дома.

На правой стороне р. Члы. Купцы: Афанасий Воробьев имеет дом и мельницу: Михаил Плотников дом, 3 мельницы и тутовый сад; Федор Деденев — дом и 2 огорода; Гордей Анненков — мельницу, мыльный завод, огород и тутовый сад; Василий Есенович (от него поныне переезд через р. Ташлу называется Ясеновским) имеет мыльный завод и мещанин Никита Палухчин дом с огородом.

На левой стороне р. Члы. Купцы: Илья Волков, Георгий Архундаки и гость Николай Венцианов имеют огороды для разведения тутовых деревьев.

Сведения эти указывают между прочим на разбросанность городских займищ и построек, поныне характеризующую Ставрополь.

Между тем, городской голова Илья Волков и Федор Деденев, пользуясь случаем отвода городского выгона, в 1805 году обратились с прошением к землемеру Пичугину об отводе им земли около Карабина источника, первому 5, а последнему 15 дес. для разведения тутовых плантаций. Но в свою очередь и магистрат вошел с просьбою в губернское правление, чтобы воспретить этот отвод, так как и Волков и Деденев вошли в товарищество и действуют во вред интересам общества, что около Карабина источника добывается камень для постройки церкви и что камень нужен для всех, а Волков и Деденев, получив отвод, будут отдавать на откуп, и что они захватили уже на городском выгоне земли — Волков 20 и Деденев 5 дес.

Как решен губернским правлением рапорт магистрата, сведения в архиве старых дел мы не нашли; но из всего видно, что в то время, как и долго спустя, городской выгон захватывал каждый, кто только мог... Были однако ж случаи, что желающие занять землю под видом разведения тутовых плантаций обращались к губернаторам, которые легко разрешали подобные просьбы на основании существовавшего уже тогда закона. Так, 4 августа 1805 года землемер Пичугин писал магистрату, чтобы во исполнение предписания кавказского гражданского губернатора действительного статского советника Христиана Петровича Гельденшольда об отводе из городского выгона земли здешнему городничему коллежскому асессору Зервальду и штатной коман-

ды прапорщику Шарову, под тутовые плантации и другие полезные заведения, каждому по 100 дес. в избранном ими месте по обеим сторонам р. Члы, отрядил депутатом купца Волкова.

Городское общество протестовало против такого распоряжения на том основании, что городу выгон еще не отмежеван, что земля эта нужна гражданам для подобных же предприятий и просили, чтобы Зервальду и Шарову отведена была земля в ином урочище, если она им действительно нужна, о чем и было подано губернатору прошение.

Между тем, губернское правление возвратило землемеру Пичугину составленный им план городской выгонной земли потому, что на нем не были означены линиями спорные земли, и предложило недостаток этот исправить. Казакам же отказано в праве, заявленном ими на р. Мутную, потому что она признана сенатом за живой рубеж городского выгона.

Наконец, только в 1806 году вследствие ходатайства поверенного по земле мещанина Воробьева кавказское губернское правление предписало землемеру Пичугину утвердить составленный им план городского выгона, так как поверенный хоперского полка Мельников в полевом журнале подписался, что он и казаки в законной пропорции выгонной земли города Ставрополя не спорят.

Итак, отвод городу двухверстного выгона тянулся ровно двадцать лет.

План этого выгона, сделанный в 1805 году землемером Пичугиным, по указу Кавказской казенной палаты, был поверен исправляющим должность землемера Петровским в 1828 году и по поверке оказалось:

а) Сенного покосу и степи, способной для хлебопашества 1270 д. 614 с.

б) Лесу дровяного 821 д. 894 с.

в) Степи для выгона годной 900 д. 1431 с

г) Под строением города, крепости, солдатской слободки, под хутором, садами и заводами 486 д. 2173 с.

д) Под большой почтовой дорогой 48 д. 1170 с.

е) Под проселочными дорогами 20 д. 1184 с.

ж) Под каменистым местом 80 д. 1900 с.

з) Под кладбищами и церквями 1 д. 200 с.

и) Под р.: Члою, Мутнянкою, Желобовкою и половиною р. Мамайки, ручьями, оврагами, отвершками, водомоинами и крутостью гор и берегов 95 д. 834 с.

А по всей окружной меже 3553 д. 800 с.

А за исключением неудобных мест, одной удобной земли 3477 д. 312 с.

Приписка городского населения и его характер

В архиве, из которого берем сведения для нашей монографии, нет цифровых данных о числе жителей г. Ставрополя в период, предшествовавший возведению крепости № 8 на степень уездного города. Едва ли такие сведения могут дать и военные архивы того времени, хотя не военное сословие, проживающее тогда в крепости, находилось в ведении ее комендантов, быть может, в одном только полицейском отношении. Во всяком случае, можно допустить, что искомое число населения было незначительное. Вывод наш опирается на следующие данные.

Со дня открытия в Ставрополе первых присутственных мест и по 15 октября 1786 г., т.е. в течение семи месяцев, было записанных в купцы 1 и в мещане однодворцев 121, дворцовых крестьян 7, экономических 9, дворовых 1, малороссиян 16 и из поляков 3, всего 157 человек. Первоначальный, поэтому и преобладающий элемент городского населения, рассматриваемый в этнографическом отношении, был великорусский.

Первым ставропольским купцом был Козьма Яковлев, подавший 20 ноября т. г. прошение о перечислении его во 2 гильдию, а мещане Михаил Тарасов, Макар Колесников и Иван Чернышев о зачислении в третью гильдию. Все они указом 20 января 1787 г. в тех гильдиях и утверждены. Большая часть записавшихся были крестьяне новозаведенных в губернии селений, а именно: села Михайловского 13, Надежды 20, Пелагиады 4, Нижней Буйволы 5, Высокой Буйволы 1, Медвеженской балки 1, Нины 1 и Грачевки 4. Затем остальные были: тамбовского наместничества 4, курского 6, харьковского 1, воронежского 1, калужского 1, орловского 1, польских уроженцев 3 и отставной вахтер 1. Преобладающее поэтому число первых городских жителей, а именно 49 семейств из 67, было местное, т.е. кавказское, а все население города земледельческого характера. В следующем году приписка к городскому сословию как будто приостановилась, по крайней мере, разбираемый архив не дал нам о ней никаких сведений. Но спустя 6 лет мы находим уже в Ставрополе купцов 195, а мещан 120 муж. п.

Весьма интересны цифровые данные о естественном приращении населения в 1792 год.

Купцов было в то время	195
В течение года умерло	17
родилось	47
К 1793 году состояло налицо	225

Мещан было	120
В течение года умерло	32
родилось	29
За убылью осталось	147

Замечательный вывод приведенных цифр тот, что в 1792 г. купеческое сословие путем естественного приращения увеличилось на 15%, а мещанское на 3% уменьшилось.

Для истории города не важно, но для современников-граждан интересно знать, кто были его предки, положившие основание нынешней торгово-промышленной его деятельности, а следовательно и нынешнему его экономическому состоянию. Сохранившиеся акты городского архива дают нам на этот вопрос следующие сведения.

1788 г. октября 11 села Пелагиады однодворец Павел Черных и сыновья его Сафрон, Никифор и Карней зачислены в мещане г. Ставрополя.

В 1789 году зачислены в 3 гильдию купцы того же села однодворцы: Леон Шутов с сыновьями Иваном, Дементием, Тимофеем и Филипом, однодворец Потап Белбородов с сыновьями Ильей, Давыдом, Иваном и Михаилом и сибирского наместничества, Корсунского округа, села Николаевского Бекетова, секунд-майора Ивана Дементьева подданный Мокей Шуваев с семейством в 4 души мужского и 1 женского пола.

1792 г. села Марьевки (ныне Старой) однодворец Никита Деревщиков с сыновьями: Федотом и Филиппом.

В 1783 г. в ставропольские 3 гильдии купцы зачислен села Медведского крестьянин Скоморохов.

Вообще в том году в Ставрополе было купцов 204, мещан и цеховых 104 и дворовых людей 24.

Все эти, однако ж, отрывочные сведения не заключают точных цифровых данных о тогдашнем населении Ставрополя, и, к немалому сожалению, впредь, до разбора архива местной казенной палаты, мы не имеем сведений о числе жителей г. Ставрополя и вообще Кавказской губернии, оказавшихся по народной переписи, произведенной в 1794 г. по высочайшему повелению.[8] Между тем, разборка означенного архива дала бы богатый материал для истории распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе.

Движение городского населения в Ставрополе путем переписки и естественного приращения в рассматриваемый нами период времени всего лучше можно проследить по исповедным спискам, которые, вероятно, сохранились в архиве местной консистории, или Троицкого собора. Рассмотрение этих списков и метрических книг того времени дало бы богатый статистический материал для нашей монографии, весьма важный, и мы, не сомневаясь в просвещенном содействии епархиальной власти, надеемся со временем воспользоваться этим материалом. Здесь кстати упомянуть, что исповедные списки установлены указом Анны Иоановны 4 февраля 1737 года и что в самой их форме, приложенной при этом указе, замечается более статистическая цель, нежели религиозная, так как форма требовала полного именного списка прихожан с объяснением их сословности и занятий. Верность таких списков обусловлена была до 1812 года строжайшею ответственностью, даже опасностью лишения духовного сана. Но относясь с полным доверием к спискам, наука будет иметь в своем распоряжении числовые данные только о православном населении города; число же жителей инославных исповеданий и нехристианских религий, которые, вероятно, тогда проживали в городе, как равно число пребывающих в крепости войск, останется, быть может, навсегда неизвестным. Между тем, все население города, без различия сословности, составляло общую массу потребителей, имеющую безусловное влияние на развитие торговли и промышленности, что в свою очередь послужило основанием развития экономического состояния города.

В ожидании, пока представится возможность сгруппировать по разным источникам данные о движении городского населения в Ставрополе, приведем имеющиеся у нас в руках по этому предмету данные.

В 1798 году в Ставрополе было купцов 201 м. и мещан 417 м.[9], между тем, по бывшему в том году набору, по которому взято было с 500 душ по одному рекруту, а с купцов по 500 руб. за рекрута, взыскано с 339 душ купеческого сословия по одному рублю. Такую разницу в числе душ можно объяснить тем, что умершие были исключены из оклада.

В следующем 1799 г. мы опять находим разноречивые сведения о числе Ставропольских купцов и мещан; так, в окладной ведомости читаем, что мещан в том году было 184 семейства в числе 482 м. п. душ, а по рекрутскому расписанию значится, что в Ставрополе купцов было 161, а мещан 405 м. п. душ.[10]

Колебание числовых данных, в особенности о купечестве, еще более замечается в 1800 г., в котором купцов, объявивших капиталы, показано 225 ч., а мещан 413 м. п. душ; между тем, год спустя объявлено было 55 капиталов на сумму 110592 руб.

За 1804 г. мы имеем тоже разноречивые сведения о числе купцов и мещан в Ставрополе; так, например, из дел городской управы видно, что в том году купцов было 272, а мещан 388 душ, по сведениям же Равинского, купцов 246, а мещан 402 души. Все же население города, по его сведениям, состояло из 835 мужского и 568 женского пола.[11]

Числовые данные Равинского в 1806 г. уменьшаются до 724 душ м.п., а именно официальная ведомость насчитывает купцов 247, мещан 408 и дворовых 69, всего 724 души м. п. Не будь здесь дворовых людей, можно бы полагать, что ведомость ведет счет только платящим в казну подати и другие оклады.[12]

Два года спустя, а именно 20 марта 1808 г., из доставленных по требованию министра внутренних дел князя Куракина сведений видно, что в том году в Ставрополе было купцов: 2-й гильдии 4, 3-й гильдии 85 и с двойным окладом из однодворцев 19; мещан 478 и с двойным окладом из однодворцев 75; итого 661 м. п. душ.

Заканчивая этими сведениями 1808 г., считаем не лишним упомянуть и о том, что в то время приписке в городские сословия и исключению из них была предоставлена широкая свобода самим городским положением, в котором сказано: «П. 92. Дозволяется всякому какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торга, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собой объявит капитал выше тысячи рублей и до пяти тысяч, записаться в гильдии. П. 93. Срок записания в гильдию да будет с 1 декабря по 1 января. П. 114. В третью гильдию вписать, какого пола и лет, кто объявит капитал выше тысячи до пяти тысяч рублей. И п. 139. Буде крестьянин, ведомства директора домоводства, запишется в посад да платит по крестьянину, где надлежит до новой переписи по государству, по посаду же посадскую подать». Этот закон, общий для всей империи, хотя численно и увеличил сословие купцов (что, конечно, в фискальном отношении было в свое время выгодно), тем не менее внес в его среду земледельческий элемент, так не гармонирующий с новою для него деятельностью на поприще торговли и промышленности. Отсюда понятна характеристическая черта нашей торговли, так не свойственная преобладающему большинству русского купечества и ставящая его в исключительное положение не только на внутренних, но и внешних рынках, что до очевидности ясно выражается на общем ходе нашей торговли.

Не менее значительно, что и выход из городских сословий зависел прямо от магистрата и не был стеснен регламентациею. Так, например, в 1808 г. ставропольские мещане Россиевский уволен был в духовное звание, а Гангилов и Стрижанов — в казаки. Они дали только за поручительством подписки в исправной уплате до новой ревизии казенных податей и сборов.

Приведенные за рассматриваемый период данные доказывают, что если статистика о населении Ставрополя до 1808 года имеет кое-какие сведения, то этим она обязана фиску.

Купечество, его капиталы, торговля, промышленность и нужды

Задолго до открытия Кавказской губернии ордером кн. Потемкина от 10 марта 1780 г. предписано было генерал-майору Якоби «для приласкания кабардинского народа построить на Моздокской линии для произвождения мелочных товаров торгу в крепостях: Ставропольской, Георгиевской и Моздокской, на казенную сумму к поклаже товаров амбары, а для продажи оных лавки». И в том же году 31 марта генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин предписывал кабардинскому приставу Ушакову: «По причине междуусобных жалоб от кабардинцев на армян и от них на кабардинцев, приносимых к прекращению оных и удержанию прочного постановления на всегдашнее кабардинцев устройство и спокойствие, запрещено армян и других торговых людей через линию в Кабарду пропускать, а ко взаимной торговле, назначены на линии три города: Екатеринодар, Георгиевск и Ставрополь».[13]

Известно, что амбары и лавки не были построены на казенную сумму в указанных администрацией пунктах, и, вероятно, потому, что кабардинцы предпочли по-прежнему вести торговлю с армянами, а это в свою очередь доказывает, что и сильной администрации не всегда удается создавать торговые рынки.

В своем месте мы уже говорили, что при открытии присутственных мест во всех городах новой губернии нельзя было найти достаточного количества сукна для покрытия канцелярских столов, и начальству пришлось выписывать сукно из Астрахани; а между тем, это было спустя пять лет после данного кн. Потемкиным ордера генералу Якоби о постройке в Ставрополе, Георгиевске и Моздоке на казенный счет амбаров и лавок для торговли с кабардинцами. Торговля, действительно, была тогда ничтожна. В 1786 г. в Ставрополе торговали только холстом, хрящем и крашениною г. Черкасска казак Осип Кочетов и г. Белгорода мещанин Михаил Кобызев; последний по доверенности купца Козьмы Яковлева.

Цены на этот товар существовали тогда следующие: тонкий макарьевский холст за 100 арш. 15 р., такой же среднего разбора 8 р. 50 к., городецкий холст за 100 арш. 8 р., холст сулейка за 100 арш. 5 р. 50 к., хрящ 5 р., крашенина арзамская за 100 арш. 12 р. 50 к. и московская разная крашенина за 100 арш. 8 рублей.

Сообщение тогдашнего ставропольского купечества с метрополиею было и небезопасное и по административным распорядкам затруднительное.

До 1789 г. паспорта, или, вернее, подорожные на отлучку купечества в разные российские города по торговым делам, выдавались за подписью главного начальника края Потемкина, что равно затрудняло обе стороны; но с того времени выдача таких документов облегчена передачей в магистрат, который их выдавал на гербовой бумаге пятикопеечного достоинства. Еще больше облегчения сделано в 1792 г. при зачислении в купечество. Известно, что по ст. 92-й городового положения зачисление в купцы предоставлено городовым думам; но со времени учреждения губернии почему-то зачисление зависело от казенной палаты, и только 10 июня 1792 г. Кавказское наместническое правление разъяснило указом такое отступление от закона, причинявшее чиновникам лишнюю переписку, а купцам лишние расходы.

В 1794 году ставропольские купцы в числе 205 душ объявили капиталов 109125 р. С этой суммы купечество должно было взнести в казну однопроцентного сбора 1096 р. 25 к., а с прочими сборами 2985 р. 55 к. Эти прочие сборы были разных наименований, как-то: сорокаалтынные, накладные, семигривенные и трехрублевые. Сверх того, купцы платили 4% с объявленного капитала в городской доход.

На г. Ставрополе успела тогда накопиться и недоимка, о взыскании которой генерал-аншеф Рязанский, Тамбовский и Кавказский генерал-губернатор граф Гудович строго предписывал (из Георгиевска) Ставропольскому магистрату 14 октября 1794 г. № 1154.

В том же году запрещено было проживающим в Ставрополе из разных островов беломорским грекам 11 чел. и 12 тифлисским грузинам производить торговый промысел без платежа в доход города; а в следующем 1795 г. купцу Волкову разрешено открыть трактир, как сказано в указе «№ 2 Герберга». Между тем, Кавказское наместническое правление городничему Зервальду предписывало, что Высочайшими указами 30 сентября 1745 г., 5 августа и 17 сентября 1764 г. узаконено, «чтобы армян и других иностранцев в Россию приезжающих по их желанию принимать и записывать в вечное подданство, которые торги и промыслы имеют, по-прежнему с платежом. Без желания же их не записывать и не записавшимся в подданство дворов своих, лавок и никаких заводов строить и покупать не дозволять; за чем смотрение имеет магистрат». Греки и грузины не хотели, однако ж, ничего платить в доход города, хотя и торговали в Ставрополе кизлярскими и заграничными винами, получаемыми из Таганрога, сухими фруктами и кизлярскими водками, которую подделывали на манер французской.

В последующие два года торговля, судя по объявленным капиталам, то падала, то развивалась; так, в 1797 г. ставропольские купцы объявили капиталов 98330 руб., а в 1798 г. объявлено на 160431 руб.

Армяне, торговавшие тогда в Ставрополе, в отношении принятия русского подданства не подходили под категорию греков и грузин, так как о них Астраханское губернское правление 12 мая 1800 г. дало Моздокскому армянскому суду за № 10658 следующий указ: в высочайше жалованной армянскому народу грамоте, пун. 1 и 2 сказано: армян, поселившихся в Астрахани, Кизляре, Моздоке, Дербенте и Маскуре, Всемилостивейше повелеваем принимать во временное Империи Нашей подданство, а не вечно.

Между тем, Ставрополь мало-помалу населялся и застраивался. В 1789 г. в городе было жилых домов: купеческих, мещанских и разного звания людей 84; но торговля и промышленность была все еще слабо развита, как это между прочим ясно выражается тогдашней ценностью недвижимых имуществ в следующем факте. Купец Скоморохов 1796 г. продал купчихе Гордениной свой дом со всеми при нем надворными строениями, на мещанском Форштадте (ныне Николаевская улица) за 90 руб. Слабое состояние торговли доказательнее выражается и в том, что инженер 1 класса кондуктор Кулаков, командированный на правый фланг Кавказской линии в креп. Донскую, Московскую и

Ставропольскую, для приведения их в оборонительное состояние и для составления на разные постройки планов и смет, в сентябре 1800 г. получил из городового магистрата следующие сведения о ценах на строительные материалы. Сведения эти доказывают тогдашнее состояние торговли в Ставрополе и в этом отношении весьма интересны, почему их и приводим вполне. Тысяча жженных кирпичей стоила тогда 15 р., а сырых 10 р., масла конопляного пуд 4 р. 50 к., мелу пуд 1 р. 20 к., фунт сурику 40 к., пуд железа 3 р. 50 к., пуд стали 12 руб., четверть углей 60 к., за пуд толстой веревки 2 р., а средней и тонкой 2 р. 50 к., деревянное ведро 20 к., фунт проволоки для печей 80 к., бруски точильные по 10 к., вьюшки чугунные 2 р., дверцы к голландским печам 70 коп., заслонки по 1 руб., топоры плотничьи 2 р. 50 к., а дровосечные 1 руб. 50 коп.

Следующих же предметов вовсе в продаже не было: разной длины досок, бревен и тесаных брусьев, ушатов и шаек, точил, буравов больших, средних и малых, настругов одно-и двуручных, долот всех величин, каменотесных кирк, ломов и лопат штукатурных, землекопных. В таком-то жалком состоянии ставропольская торговля встретила XIX столетие.

С перемещением в 1801 г. городового магистрата из крепости на мещанский Форштадт торговля как будто стала развиваться; по крайней мере заметно, что купцы для своих операций имели больше необходимого простора, чем могли иметь в крепости, так как около магистрата начали группироваться незатейливые торговые помещения. В том же году объявлено было 55 купеческих капиталов на сумму 110592 р., давших казне 1382 р. 40 к. дохода. Вообще с того времени купечество числительно увеличивалось и крепли капиталы: так, в 1804 году в Ставрополе было уже 176 купеческих семейств, в числе 416 душ м. п., объявивших капиталов на 174456 руб. Сажень дров была тогда по 2 р., фунт свечей продавался по 13 к., свинцу — 20 к., а стопа писчей бумаги — 4 р. 25 коп.

В 1805 г. по указу губернского правления учреждена в Ставрополе квартирная комиссия и базары, а цены на хлеб и прочее существовали следующие:

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
За четверть	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Мука ржаная	2, 20	2 —	2 —	2 —	2 —	2 —	2 —	2, 40	2, 70	3 —	3, 38	3, 20
Мука пшеничная	4, 50	4 —	4 —	4 —	4 —	4 —	4 —	4, 80	6 —	6, 40	6, 40	6, 40
Пшено	4 —	5 —	4, 50	4 —	4 —	4 —	4 —	4 —	5 —	5, 60	5 —	5 —
Овес на торгу	— 90	— 80	— 70	— 70	— 80	— 70	— 80	1 —	— 90	1 —	— 85	1, 5
Овес в лавке	1, 10	1 ,20	1, 20	1, 20	1, 20	1, 20	1, 20	1, 20	1, 20	1, 20	1, 20	1, 25
Ячмень	— —	— —	— —	— —	— —	— 80	— —	— —	— —	— —	— —	— —
Пуд сена	— 10	— 15	— 12	— 15	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— 15	— 15

Эти цены, кроме торговых видов, показывают еще, что в 1805 г. озимый хлеб родился плохо, так как ржаная и пшеничная мука с августа месяца в цене значительно поднялась. Из яровых хлебов овес и пшено в ноябре тоже подорожали, а ячмень, за исключением июня, весь год не появлялся на торге. Словом, 1805 год в сельскохозяйственном отношении был неблагоприятен. Не мог он быть благоприятным и для торговли младенчествующего города, тем боле что тогда для ее операции не было постоянных помещений и торговля в базарные дни производилась на открытом месте, остальное же время в домах, большею частью из амбаров и разных помещений.

Вследствие таких неудобств, равно стеснительных для продавцов и покупателей, купечество в 1805 году по собственной инициативе решило построить лавки или гостиный ряд, на собственный же счет, а магистрат, заявляя о таком желании городничему, спрашивал, не будет ли к тому каких-либо препятствий.

Городничий Зервальд ответил магистрату, что «на построение лавок между бывшею крепостной и Форштадтом никаких препятствий не имеется, но советовал собрать общество и приговором определить как число лавок, так и то, чтобы те, которым будут отведены места, в состоянии были их построить в должном порядке, избегая безобразия, с соблюдением и торговых выгод. Место для лавок выбрать через землемера и составить план, который представить в губернское правление на утверждение».

Купечество во всем поступило по совету городничего, место для лавок было уже отведено; но новый губернатор Николай Михайлович Картвелин воспретил постройку таковых.

В 1806 году было в Ставрополе 92 купеческих капиталов, в числе 247 душ, на сумму 190048 р., а мещан было 408 душ. мужского пола. От этой суммы купечество должно было в том году внести 1 % в казну и 2 % в доход города, всего 2850 р., 72 к. Сумма по курсу и по размерам тогдашней торговли не малая и тем значительнее, что в то время купечество находило необходимым построить на свой счет гостиный ряд, не дожидаясь построения обещанных казною амбаров и лавок. Интересен, следовательно, вопрос: чем же торговало 70 лет тому назад купечество, в чем заключалась промышленность граждан и вообще какие занятия характеризовали деятельность тогдашнего гражданского населения города Ставрополя?

На эти вопросы мы можем ответить следующими официальными данными (см. таблицу на следующей странице).

В этом распределении занятий ясно выражаются характеристичные черты деятельности тогдашнего купечества.

Официальные данные показывают, что в 1806 г. торговлею занималось 76,52%, ремеслами и мастерствами 9,34%, хлебопашеством и промыслами, более свойственными крестьянскому сословию, 14,14%. Шестнадцать купеческих семейств, зани-

мающихся в то время хлебопашеством, огородничеством, садоводством, извозом, битьем камня, наконец, личною послугою в качестве простых работников положительно доказывают, что объявление капиталов, удовлетворяя фискальным целям и создавая сословность, весьма часто не имело никакого влияния ни на современное состояние торговли, ни на ее развитие.

	Купцы	Мещане
В 1806 г. занималось		
в Ставрополе подрядами	3	—
Продажею мыла из своих заводов	2	—
Мыльный завод имел	—	1
Продажею разных товаров		
и кож своего завода	4	—
Занималось скотопромышленностью	4	1
Почтовою гоньбою	1	2
Торговали красным товаром	2	—
Занимались покупкою хлеба	2	—
Продажею холщовых		
и мелочных товаров	11	3
Продажею холста, железа и дегтя	3	1
Продажею мелочных товаров	10	5
Продажею горячих напитков	4	—
Продажею бечевы и дегтя	2	—
Продажею деревянных товаров	2	—
Продажею харчевых припасов	4	14
Продажею мяса и покупкою		
звериных шкур	2	4
Продажею и покупкою		
звериных шкур (специально)	3	1
Продажею сбитня	1	1
Продажею табаку и горшков	1	—
Продажею сальных свечей	1	—
Содержал трактир	1	—
Содержало питейные дома	6	2
Затем занимались разными		
мастерствами,		
ремеслами и промыслами:		
Кузнецов было	2	3
Плотников и столяров	2	9
Сапожников	—	6
Портных	—	4
Хлебников	1	—
Шорник	1	—
Горшечник	—	1
Скорняк, он же и шубник	—	1
Живописец	1	—
Занимались мельничным промыслом		
и сеянием табаку	1	2
Выделкою сыромятных кож	—	1
Хлебопашеством	3	20
Огородничеством и садоводством	1	3
Извозом	4	11
Битьем камня	1	1
Наконец, жили в работниках	4	38

Приведенный перечень торговых и промысловых специальностей доказывает и то, что в то время их развитию отчасти неблагоприятствовали и ограниченные потребности местного населения; тем не менее купечество и тогда уже осознавало потребность построения на собственный счет гостиного двора, о чем за два года перед тем заявляло желание и составило приговор. К сожалению, их желанию суждено было осуществиться не раньше 1828 года.

Постройка гостиного двора, как и построение Троицкого собора, имела свою, не лишенную интереса историю. Припомним, что в 1805 г. губернатор Картвелин воспретил купечеству постройку на свой счет лавок, ничем не мотивируя отказ. Но купечество 1 мая 1807 года вновь составило приговор, причем выяснило, что запрещение губернатора последовало по происках купца Волкова, к которому общество никогда доверия ни имело и иметь не могло; что в построении каменных лавок купечество имеет большую нужду, так как в базарные дни оно вывозит товары на открытый торг; что при размежевании города со станицей многие лавки отошли в последнюю и что приготовленный уже на постройку камень может растратиться. Магистрат, уполномоченный таким приговором общества, начал вновь ходатайствовать о разрешении, но губернатор спустя год отозвался, что плана на лавки не имеет и что по получении такового он представит план на утверждение главнокомандующему, генерал-фельдмаршалу графу Ивану Васильевичу Гудовичу. Вскоре после того и в том же году Картвелин умер. При его преемниках нашлись новые мотивы, затянувшие постройку гостиного двора на двадцать лет...

Ставропольское купечество в 1808 году состояло из 42 капиталов, на сумму 184103 р., и платило в казну всех сборов 3242 р. 80 к., а в доход города 810 р. 72 к. На местном рынке появился новый товар — овечья шерсть, по крайней мере в первый раз встречаем, что в том году цена белой шерсти была по 2 р. 30 к. за пуд, а черной — 1 р. 15 к. С того времени, можно допустить, кавказская шерсть начала поступать на рынки внутренних губерний.

Население города путем приписки, хотя медленно, все-таки продолжалось. В 1808 г. причислился в мещане и вскоре затем в купцы уроженец бывшего Новгород-Северского наместничества и уезда, села Оболенского, выборный каз к Карп Цирюльников, отсужденный сенатом из подданства помещика Змиева.

В том же году 13 февраля последовал в магистрат указ казенной палаты, что гости: подданный Венецианской республики Николай Венецианов, грек Константин Морский и армянин Павел Муратов, не пожелавшие записаться в вечное подданство России, на основании высочайшего именного указа 1 января 1807 года исключены из купеческого звания и лишены прав, купечеству присвоенных. Этот указ так подействовал на наших гостей, что все немедленно присягнули на верноподданство.

Городские доходы и натуральные повинности

Развитие экономической жизни каждого возникающего городского общества, как и жизнь каждого индивидуума, вследствие различных условий совершается более или менее медленно, пока, наконец, не достигнет периода зрелости или не остановится на полпути за недостатком сил, без которых дальнейшее развитие немыслимо. Ставрополь в этом отношении счастливее своих сверстников, одновременно возведенных с ним на степень городов при открытии Кавказского наместничества. Его экономическому развитию, сравнительно с остальными городами Северного Кавказа, благоприятствовали: здоровый климат, хорошая родниковая вода, черноземная почва, богатые и обширные леса, а более всего, как кажется, относительная близость к Дону и к театру продолжительной борьбы с Турциею за обладание Кубанскою стороною и Крымом. Вследствие этой близости Ставрополь быстро

населялся и экономически развивался. Поступление городских доходов может, между прочим, служить мерилом его общественного постепенного развития. К сожалению, за время с 1786 по 1797 г. включительно в архиве старых дел городской управы мы не нашли по этому предмету никаких данных, из поздних же уцелевших шнуровых книг магистрата видно, что источниками городских доходов были сборы за места для торговли на ярмарках и базарах, проценты от продажи казенного вина и откупная плата с городских весов.

Первый источник, собираемый копейками, давал незначительный доход. Процентов от продажи казенного вина поступало в городскую кассу также немного: от 1 р. до 6 р. в месяц. Не раньше 1801 года питейной прибыли город получил 150 р. 29 к., а с купца Акима Чернова поступило откупной платы с городских весов 306 р.

Затем в 1789 г. Ставрополь имел доходов 643 р. 65 к. — расходов неизвестно.

	Доходы	Расходы
В 1799 г.	769 р. 5 к.	756 р. 99 к.
В 1800 г.	738 р. 32 1/2 к.	734 р. 87 1/2 к.
В 1801 г.	1090 р. 59 к.	894 р. 96 к.
В 1802 г.	1068 р. 31 1/2 к.	975 р. 75 к.
В 1803 г.	1662 р. 63 к.	1159 р. 70 к.
В 1804 г.	1071 р. 88 1/2 к.	неизвестно
В 1805 г.	1527 р. 70 к.	1522 р. 77 к.
В 1806 г.	неизвестно	неизвестно
В 1807 г.	1856 р. 57 1/4 к.	1570 р. 57 к.

Увеличение городских доходов с 1801 г. падает на счет питейной прибыли и весовых. До 1807 г. подрядчики поставляли горячее вино в Ставрополь по казенной цене 1 р. 80 к. ведро, а с того времени и по 1811 г. откупщик коллежский асессор Петр Бородин платил в Ставрополь в год за вино, водки, наливки 90 000 р., за пиво и мед 4000 р. Поверенным его в делах был статский советник Галицын.

Ставрополь с самого возведения на степень уездного города (как впрочем и все города тогдашнего Кавказского наместничества) не пользовался никакими льготами и нес те же натуральные повинности, какие лежали на всех городах России.

В 1786 году был объявлен рекрутский (4-й в том году) набор с 500 душ по одному рекруту, а с купечества за каждого рекрута повелено взыскать по 500 р.; между тем именным указом 4-го марта того же года цена рекрута, установленная в 1766 г., возвышена со 120 руб. до 360 руб. Вероятно, вскоре после того цена возвышена еще до 500 руб., но указа о том в архиве мы не нашли. Во время этого набора население Ставрополя состояло из одного купца и 157 мещан, которые дали натурою одного рекрута и уплатили складочных 113 р. 4 к.

В 1787, 1789 и 1790 годах тоже были рекрутские наборы, но сведений о числе сданных городом рекрутов в делах не оказалось, но мы нашли не менее интересные сведения о том, что в 1792 г. на гор. Ставрополе уже числилось недоимок за остающихся рекрутов и складочных рекрутских 10835 руб., сумма для тогдашнего населения немалая. Манифест 12-го октября 1793 г. объявил набор с 500 душ по одному рекруту, а с купцов деньгами по 410 р. за рекрута. В каком размере город отбыл эту повинность, сведений опять мы не нашли. Затем в 1796 году повелено было произвести усиленный набор, по 5 рекрутов с 500 душ, а с купечества взять по 500 рублей за рекрута и кончить набор к 1 января 1797 года. В этот набор со ставропольских купцов за двух рекрутов взыскано 1000 руб., а с мещан взято два рекрута натурою. Но манифестом 11 ноября этот набор отменен, а повелено нераспределенных ректрут по полкам возвратить домой, а поступивших в полки зачесть в счет будущих наборов. Складочные же деньги велено было возвратить.

В следующем 1797 году был опять набор по 3 человека с 500 душ, а с купцов по 500 руб. за рекрута. В силу этого манифеста Ставрополь за 234 купцов внес 1170 р. и сдал одного рекрута натурою.

В набор 1798 г., уменьшенный до одного рекрута с 500 душ при той же цене за рекрута с купцов, Ставрополь дал государству одного рекрута натурою и 339 р., взысканных с такого же числа купечества. Всех душ в губернии, подлежащих рекрутскому набору в том году, было 24000.

В рекрутский набор 1799 г. с 405 душ мещан город дал одного рекрута натурою, а с остальных 45 уплатил складку, купцы же с 161 души внесли 230 руб. 23 коп. Этот набор, по счету 72, отличался от прежних наборов тем, что к Ставрополю причислены были ближайшие селения, составляющие рекрутский участок. Дорожа статистическими данными о тогдашнем населении губернии, приводим число душ, причисленных к ставропольскому рекрутскому участку.

В 1799 г. в г. Ставрополе числилось купцов 161 и мещан 405 душ. В селениях: Михайловском — 1408 душ, Рождественском — 1014, Старо-Марьевском — 296, Надежде — 1583, Покровском (Ныне Бешпагирском) — 182, Новотроицком — 619, Пелагиаде — 1203, Новой Марьевке — 1309, Богоявленском (ныне станица Сенгилеевская) — 960, Николаевском — 569 и Каменном броде — 232 души, всего 9767 душ в участке, из которого взято 28 рекрут.

Затем в 1800 и 1801 годах наборов не было.

По 73 рекрутскому набору, произведенному в 1802 г. в Ставрополе, из 414 душ мещан взято 2 рекрута, а с купцов взыскано 458 р.

О 74 и 75 наборах сведений не оказалось, но в 1805 г. по 76 набору (из 500 душ по 4) Ставрополь дал трех рекрутов, а купцы уплатили 972 р., причем купцы давали по 4 р. с души, а мещане — 72 к. складочных.

Из рекрутской росписи по 76 набору видно, что Ставрополь и тогда был первым между городами Северного Кавказа. Так, Ставрополь с 243 душ купцов внес 972 руб., Георгиевск с 133 — 532 р., Александров с 123 — 492 руб, Кизляр с 26 — 104 р., а Моздок с 17 — 68 р.

После государственной рекрутской повинности, отбываемой и натурой и деньгами, главною и самою тяжелою для граждан повинностью было содержание общественной почты. Военное положение края и города, расположенного на главном пути сообщения с метрополиею, прямо указывает на значение почтовой натуральной повинности, хотя о размерах ее до 1798 г. в городском архиве того времени никаких сведений не нашли. Известно только, что в том году купец Белобородов и экспедитор почтовой инспек-

ции Жданов содержали в Ставрополе общественную почту в 16 лошадей с упряжью, повозками и ямщиками, но за какую плату, сведений нет. Такая натуральная повинность для малолюдного тогда города была не по силам, и генерал Кноринг 6 февраля 1801 г. № 122 дал магистрату следующее предложение: «По донесению ко мне ставропольского городского головы купца Волкова касательно отягощения городских жителей дачею лошадей для проезжающих и подвод для пересылаемых колодников, предписал я и лично приказал командиру Хоперского казачьего полка подполковнику Голяховскому, чтобы в том участвовали и Ставропольская казачья станица, чередуясь между собой. Что же следует до присоединения в складку к городу поселян для содержания городовой почты, о том предложил на рассмотрение Астраханского губернского правления».[14]

Вследствие такого предложения губернское правление причислило в складку 62 души дворовых, приписанных в Ставрополе, села Надежды 266 душ, явившихся в уезде беглых 107 и Александровского уезда, села Чернолеса 210 душ. Это распоряжение почтовым сбором обложило 1318 душ, считая в том числе ставропольских купцов 201 и мещан 475 душ.

Казенной почты в то время в Ставрополе еще не было, хотя уже был экспедитор почтовой экспедиции, который отправлял казенную и частную корреспонденцию на Георгиевск и, вероятно, на обывательских лошадях, потому что только 15 января 1803 г. князь Цицианов вошел с представлением к почтдиректору действительному тайному советнику Трощинскому, чтобы почту из Москвы отправлять в Георгиевск через Черкаск на Дону, в том внимании, что направление ее на Астрахань дает 500 верст кругу, отчего и петербургская почта получается в Георгиевске неделею позже.[15]

В том же году открыто почтовое сообщение от Ставрополя до Среднего Егорлыка, что, впрочем, не облегчило города в отправлении почтовой повинности, потому что и в 1804 г. причислено к нему в складку для найма почтовых лошадей 40 душ дворовых, 43 — деревня Тугулук помещика Криворучкина, 79 — деревня Калиновка помещика Устинова и 702 души крестьян села Покровского (ныне Бешпагир), что с 272 душ купцов и 388 душ мещан города Ставрополя составило 1524 души окладных.

Для почтовой гоньбы в 1806 г. граждане Ставрополя наняли 5 января купца Ивана Белобородова для отбывания почтовой повинности на 6 лошадях за 495 руб., из чего видно, что город значительно облегчился. Между тем того же числа в Георгиевске ставропольский городской голова Илья Волков заключил с Кавказским губернским правлением контракт на 2 года на отправление почтовой гоньбы по почтовому тракту от границ Донского войска до Георгиевска на следующих станциях: в урочище Песчаные Копани, Питенской или Рассыпной, Калалинской, Медвежье-Колодезной, Преградной, Безопасной, Донской, Московской, Ставропольской, Бешпагирской, Новогеоргиевской, Северной, Александровской, Сабле-Копанской, Александрийской и в Георгиевске, на всех 16 станциях обязываясь иметь по 16 лошадей, а на Георгиевской — 24 лошади. По силе указа 1769 г. Волков должен был иметь ямщиков не моложе 18 и не старше 40 лет. Плату должен был получать потретно, считая на пару 260 руб. в год, а за все станции 12133 р. 33 $^1/_4$ к. бездоимочно из уездного казначейства, которую вносили крестьяне и мещане по расписанию правительства. Этим контрактом купечество было освобождено от участия в почтовой повинности.

Из журнального постановления шестигласной думы на 13 марта 1808 года об учреждении в городе более правильной почтовой гоньбы однако ж видно, что почтосодержатель купец Волков от содержания почты устранен за участие его с ставропольским уездным казначеем Матвеевым в растрате более 20000 р., а потому гражданами был нанят новый содержатель почты купец Иван Белобородов.

Первые начатки городского благоустройства

Войска, расположенные в крепости Ставропольской, и натуральная в пользу их повинность граждан. — Попытки жителей к разведению виноградных садов. — Чума. — Выборные общественные деятели. — Городская полиция. — Открытие шестигласной думы.

Основные в последней четверти прошлого столетия на Северном Кавказе города, в том числе и Ставрополь, слабые и по населению, и по экономическому состоянию, долго не могли и думать о каком бы то ни было городском благоустройстве. Но и тогда уже, как и теперь, Ставрополь во всех отношениях шел впереди своих сверстников.

Первою заботою общественного управления на пути к благоустройству города, как кажется, была самопомощь в пожарных случаях, а отсюда и заведение самых необходимых принадлежностей при тушении пожаров. Осуществление этой мысли шло, однако ж, как видно из дела, чрезвычайно медленно, потому что только в 1800 г. город содержал 2 бочки и 4 пожарных лошади за 70 р. в год, но на уплату этой ничтожной суммы мог собрать с 414 душ мещан только 49 р. 70 к., быть может, и потому, что содержатель обоза вместо четырех имел три лошади.

Не раньше 1805 года городничий Зервальд, вероятно, по желанию граждан, обратился в Харьков к механику с вопросом, по каким ценам можно у него приобрести пожарные трубы. Механик ему ответил, что труба 1 разбора стоит 360 рублей, 2 — 260, а 3 — 160 и что за доставку трубы в Ставрополь он возьмет 45 р. с тем, что тот, кто ее доставит, научит, как обращаться с трубою. Зервальд сообщил эту переписку магистрату с предложением купить 2 трубы, 1 и 3 разбора. Граждане, не исключая разночинцев, сдали на этот предмет раскладку, по которой собрано было с купцов и мещан 879 руб. 70 к., а с разночинцев 520 руб.; всего 1399 р. 70 к. На эти деньги предложено было купить пожарные трубы, бочки, багры, лошадей и построить сарай. Между тем и губернатор, действительный статский советник барон Христиан Петрович Гильденшольд, со своей стороны собрал сведения о ценах на пожарные трубы в Туле через тамошнего губернатора, который его известил, что оружейник Роман Гнидин объявил ему следующие цены: за трубу 1 разбора — 400 р., 2 — 350 р., а 3 — 300 р., объясняя, что трубы будут с медными ящиками и стаканами, на ходу, с железными осями и с кожаными рукавами в 12 аршин, а за доставку по 3 р. с пуда.

Губернатор Гильденшольд, сообщая эти сведения магистрату, советовал выписать трубу 2 разбора, или средней величины. Магистрат выбрал трубу 3 разбора и на выписку ее 19 января 1806 г. отослал губернатору 355 р.

Пока происходила переписка, ратман купец Никита Плотников, ездивший в то время в Харьков на ярмарку, купил там на свои деньги трубу 3 разбора за 150 р. и 19 февраля доставил в Ставрополь. Магистрат рапортовал о том губернатору, который возвратил представленные на его предмет 355 р., а губернское правление поспешило просить магистрат, чтобы такую же трубу выписали и для Георгиевска, почему Плотников купил и доставил в Георгиевск трубу 1 разбора.

Из этого понято, как нелегко было Ставрополю при тогдашних незначительных городских доходах (1527 р.) идти по пути общественного хозяйства и благоустройства, которое опираться могло лишь на одни раскладки и денежные сборы с душ... Разнообразные в то время сборы, сверх казенных податей и окладов, при сравнительно ограниченном экономическом состоянии города, для жителей были тем труднее, что они тогда еще платили на какой-то ремонт расположенному в Ставропольской крепости 4 эскадрону Таганрогского драгунского полка. Эта ремонтная повинность, хотя и неизвестно, в каких размерах, существовала долго: только 3 октября 1800 г. № 236 астраханский губернатор тайный советник Андрей Павалишин дал знать магистрату, «что денег в ремонт на текущий 1800 г. на полковые надобности от них требовать не будут».

В архиве дел городской управы есть доказательства, что граждане города еще в прошлом столетии делали более или менее серьезные попытки к усвоению виноградной культуры.

Так, между прочим, в 1798 г. ставропольский купец Горденин отдал греку Гревилю свое поместье, находящееся на левой стороне р. Ташлы, на три года с тем, чтобы он ему развел виноградник в 1500 кустов и своими средствами обрабатывал, за что, по окончании срока, половина отданного Гревилю места поступает в его собственность. Если же он вздумал бы впоследствии свою часть продать, то на покупку оной Горденин имеет преимущество перед всеми покупателями, но не ниже той цены, какую бы давали другие. При всем том, и несмотря на многолетние усилия частной предприимчивости, виноградная культура в Ставрополе не привилась по причинам, о которых поговорим в ином месте и в другое время.

Экономическое состояние города в рассматриваемый период времени вообще развивалось медленно. Особенно тягостным для населения города был 1807 год, когда на Северном Кавказе существовала на людях чумная эпидемия, от чего в Ставрополе прекращены были базары, а ярмарок совсем не было, вследствие чего и местная торговля была в полном застое. Тогдашняя чума и правительственные мероприятия к ее прекращению заслуживают более подробного обозрения, чем мы и займемся в ближайшем будущем.

Для истории города интересно сохранить список выборных общественных деятелей в рассматриваемый период времени. Вот он:

В 1786 г. бургомистром был купец Козьма Яковлев, а ратманом — купец Карп Колесников.

В 1789 г. бургомистр — купец Михаил Тарасов, ратман — Василий Белов.

В 1791 г. бургомистр — купец Архип Терехов, ратман — Артамон Тарасов.

В 1794 г. бургомистр — купец Иван Маленин, ратман — Василий Хахненко.

В 1797 г. бургомистр — купец Илья Волков, ратман — Гордей Анненков.

В 1801 г. бургомистр — купец Созон Медведев, ратман — Аким Чернов.

В 1804 г. бургомистр — купец Гордей Анненков, ратман — Василий Хахненко.

Говоря о первых городских общественных деятелях, нельзя не сохранить в памяти и первых полицейских деятелей.

В 1785 г. первым городничим в Ставрополе был прапорщик Степан Яров.

В 1786 г. — титулярный советник Аввакумович.

В 1789 г. должность городничего правил секунд-майор Михайловский и в том же году назначен городничим поручик Григорьев.

В 1796 г. городничий IX класса Зервальд.

В 1802 г. правил должность городничего капитан Клешин.

В 1805 г. вторично встречаем городничего Зервальда.

Наконец, вследствие законодательного распоряжения, по указу губернского правления от 18 января 1808 г., в г. Ставрополе открыта шестигласная дума, и первым городским головою был выбран Юрий Мануйлович Архундаки.

Примечания

1. «Губ. вед.» 1876 года, №№ 6, 7, 10, 11, 12, 17, 18 и 19.
2. Указ правящего должность губернского прокурора 11-го марта 1786 г., № 926 Ставропольскому магистрату.
3. Секретарь магистрата получил тогда из тех же источников 150 руб., а повытчик 139 руб. жалованья в год.
4. Полное собрание законов. Т. XXII № 15975.
5. О величине этих ворот можно судить из того, что из употребленного на них кирпича выстроен в Екатериноградской станице войсковой собор значительных размеров. Замечательно, что председателем комиссии по постройке этого собора был магометанин полковник Терганов, командир Горского казачьего полка.
6. Доказательство тогдашней безопасности от хищнических набегов.
7. За ветхостью бумаги невозможно прочитать.
8. Указом Кавказского наместнического правления 29 марта строжайше предписано было окончить эту народную перепись к сроку, т.е. к 1 июля 1795 г.
9. Это видно из дела об окладе на содержание городской почты в 1798 по 1801 г.
10. В 1799 г. зачислены в мещане выкрещенные из турок Григорьев и Иванов.
11. Акты кавказск. ахеограф. комиссии, т. 3, стр. 713.
12. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии, изд. вольных экономических обществ. С.-Петербург, 1809 г., стр. 483.
13. Акты Кавказ. археогр. комиссии т. 2, стр. 1109 и 1112.
14. В 1801 г. губернское правление из Екатеринодара опять переведено было в Астрахань.
15. Акты Кавказской археологической комиссии, т. 2, стр. 233.

Текст печатается по изданию:
Бентковский И.В. Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1786 года до учреждения шестигласной думы 18 января 1808 года // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

И.В. Бентковский. **Материалы для истории Северного Кавказа. Город Ставрополь**[1]

Ставропольская крепость, основанная 22 октября 1777 г., в следующем году имела уже 6 маркитантских домов и 27 лавок. В том же году поселено при крепости отдельно слободкою 332 отставных солдат, жен их 81 и 37 детей – это и было зародышем нынешнего города. При возведении крепости на степень уездного города, при образовании Кавказской губернии, в Ставрополе в 1786 году был один купец 3-ей гильдии и 95 мещан. Сверх того, прибывших осенью предшествовавшего года, но не успевших построить себе домов, для которых земля под поселение была отведена на р. Ташле, 843 человека.

Спустя 25 лет — в 1811 году — в Ставрополе было:

	Мужского пола	Женского пола	Домов
Дворян	64	61	27
Духовенства	11	11	4
Купцов	175	157	44
Мещан	445	450	171
Отставных солдат	82	79	42
Канцелярских служителей	8	7	3
Военнослужащих	68	69	38
Вдов-солдаток	10	33	19
Крестьян	17	22	-
Однодворцев	155	152	50
Армян	45	5	19
Итого	1021	1021	409
2037 душ			

Несмотря на такие ничтожные цифры, сенатор Мертваго, ревизовавший в 1818 году Кавказскую губернию, о Ставрополе высказал официальное мнение, что «следовало бы губернию переименовать в область, учредя все судебные и правительственные места в Ставрополе, яко единственном месте, на город похожем, и который всегда будет центром торговли и лучшим для жительства людей».

Мнение это разделял и Ермолов, писавший графу Кочубею 26 марта 1821 г.: «Кавказскую губернию, по малому числу жителей, переименовать в область, а областным городом, по неудобности и нездоровому климату в Георгиевске, где находятся теперь губернские присутственные места, назначить Ставрополь, который на Кавказской линии всегда будет центром торговли и лучшим для жительства людей».

Вследствие такого представления Ермолова 24 июля 1822 года г. Кавказская губерния переименована в область, а Ставрополь назначен областным городом. Год спустя в Ставрополе (фактически присутственные места переведены из Георгиевска в Ставрополь только осенью 1824 года) числилось: служащих чиновников — военных 42 и гражданских 50, нижних чинов — военных 568 и отставных 158, священно-церковнослужителей 16, купцов 108, мещан 729, иностранцев, грузин и армян оседлых 48, временно проживающих 111, дворовых людей 270, крестьян 50 и разночинцев 240, а всего 2408 человек. Исключив из этого числа военнослужащих, гражданского населения было тогда в Ставрополе 1798 мужского пола жителей. Прирост поэтому населения за 12 лет простирался до 777 душ мужского пола, или 76,1%. Отчисляя отсюда 12% естественного приращения, на долю колонизации падает 54%.

В прошлом 1878 г. в Ставрополе было жителей: 18173 мужского и 12868 женского пола, а всего 31041 душа; в том числе, квартирующих войск 2335 человек. Поэтому в Ставрополе с 1786 по 1823 год, в бытность его уездным городом, гражданское население мужского пола увеличилось на 91%, а с того времени, когда город сделан центром губернской администрации, т.е. в продолжение 55-ти лет, на 485%.

Примечание

1. Ставроп. губ. ведомости 1879 г. № 22.

Текст печатается по изданию:
Бентковский И.В. Материалы для истории Северного Кавказа. Город Ставрополь // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

И.В. Бентковский. **Ставропольская старина**[1]

Вспоминать старину если не всегда приятно, то, по меньшей мере, интересно и в каком-нибудь отношении поучительно. Воспоминания же о ставропольской старине имеют не один только местный интерес. Когда-нибудь, мы думаем, они займут не лишнюю страницу в истории распространения русского владычества на Северном Кавказе, для которой мы, современники, нравственно обязаны собирать по разным местным архивам материалы, пока они не истреблены еще всеистребляющим временем. И незначительные, по-видимому, факты в руках будущего историка будут иметь значение камней, из коих искусный зодчий воздвигнет великолепное здание. Для многих поэтому интересно будет знать, сто лет назад что было в Ставрополе.

Известно уже из прежних наших исторических исследований, что Владимирский драгунский полк в 8-эскадронном составе под командою полковника барона Шульца занял место для построения Ставропольской крепости 22 октября 1777 года и что вместе с драгунами пришли из Царицына волгские и хоперские казаки, без семейств, для занятия новой Моздоко-Азовской линии. Ставропольская крепость не имела тогда названия, а считалась

крепостью под № 8. Хоперские казаки не пришли до места с владимирскими драгунами, но были остановлены около крепости № 7, впоследствии Северной, где и перезимовали. Хоперский полк первоначально предположено было поселить на Тереке; но, по изменившимся обстоятельствам, весною 1778 года часть полка, командиром которого был премьер, майор Устинов, передвинули к Ставропольской крепости, а остальных хоперских казаков в 1779 году перевели к крепостям Московской и Донской, при которых они были поселены. Казачьи семейства оставались тогда еще на старых местах жительства, при Новохоперской крепости, в станицах: Алферовке, Пыховке и Красной, пока их отцы и мужья не построят для них домов на новой линии. В этих постройках прошел весь 1778 г., в течение которого казаками построено было в Ставропольской станице 179 домов, а в крепости – полковничий дом и 2 старшинских. Сверх того, в том же году построено в самой крепости для штаба и обер-офицеров 13 домов, 3 сарая для полковой амуниции и обоза, 1 гауптвахта, пороховой погреб и 2 маркитантские лавки. Словом, население в 1778 году было исключительно военное, так как семейства казаков прибыли только в следующем году. Но и после этого казачий элемент не мог считаться прочным в смысле городского сословия, которое, вероятно, уже тогда имелось в виду правительства при предстоящем учреждении Кавказской губернии и основании городов. С этой целью и не менее того для усиления защиты от набегов хищников при Ставропольской крепости в 1778 году начали поселять отставных солдат и снабжать их оружием, рабочими волами, лошадьми и проч. Таким образом, при Ставропольской крепости основалась «солдатская слободка», которая и доныне сохранила это название, хотя и составляет часть города. В 1779 году было уже поселено 332 человека отставных солдат, а в 1782 году их считалось уже 494 человека; при них жен 81 и 37 детей обоего пола. Слободка эта отстояла от крепостного вала на 350 саженей. Между крепостью и слободкою произрастал тогда лес, впоследствии Бабина роща, остатки которой уцелели доныне под более громким названием «Воронцовского сада». Вот эта-то бедная Солдатская слободка в продолжение ста лет и разрослась в нынешний Ставрополь — город с 30000-м русским населением, в котором недвижимые имущества представляют 7000000-ую ценность. В этом отношении Ставрополь, что бы о нем ни говорили, первенствующий город на всем Северном Кавказе. Значит, Ставрополь недаром прожил сто лет. История поэтому его протекшей жизни и экономической деятельности, если бы она когда-нибудь появилась на свет, была бы тем интереснее, что в 1779 году едва ли можно было предвидеть, что выйдет из первоначального поселения отставных солдат.

Первый год для новых поселенцев – солдат и казаков – был во всех отношениях самым тяжелым годом. Сенюткин в своем сочинении «Донцы» говорит, что 4 июня 1778 года Дулак-Султан напал на Ставропольскую крепость, но с уроном был отбит 180 казаками Кутейникова полка. Между тем Бутков об этом нападении говорит совсем другое. По его словам, темиргоевцы и бесленеевцы в числе 1500 человек под предводительством Чулак-Султана при нападении на Ставропольскую крепость убили 20 казаков и отогнали 240 лошадей, но при этом и сами лишились 30 человек. Разноречие понятное: в то время, когда Сенюткин говорит о военном подвиге своих донцев, Бутков занес в свою летопись потерю хоперцев, поселенных при крепости. Трехлетние сряду бедствия первых поселенцев увеличили до высшей степени необычайно суровые зимы, неурожай трав и чума, о чем мы уже говорили по случаю встречи в Ставрополе Суворовым нового 1779 года.

Рядовой и унтер-офицер Владимирского драгунского полка

Примечание

1. Ставроп. губерн. ведомости 1879 г. № 3.

Текст печатается по изданию:

Бентковский И.В. Ставропольская старина // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

2 Воспоминания, путевые записки, дневники

Воспоминания Григория Ивановича Филипсона

<...> По положению Военной Академии мы имели право воспользоваться четырехмесячным отпуском с производством жалования <...> я просил о назначении меня на Кавказ. Всем такая просьба казалась странною; все находили, что я мог бы ожидать бо льших успехов по службе, оставаясь при войсках гвардейского корпуса. Объяснение было очень простое: я не имел состояния, столичная жизнь и деятельность мне не нравились, а Восток продолжал привлекать меня к себе. Желание мое было исполнено и, сверх того, Государь разрешил мне выдать 1500 рублей ассигнациями на путевые издержки <...>

9 апреля я переехал через вонючий Егорлык, служивший границею Ставропольской губернии, а в 2 часа ночи был в Ставрополе. У меня было какое-то предчувствие, что меня здесь задержат, и потому я поднял на станции большой шум, требуя скорее лошадей по дороге в Тифлис. Можно вообразить мою досаду, когда смотритель подал мне предписание явиться к обер-квартирмейстеру войск Кавказской линии и состоять в его распоряжении. Все мои мечты о Востоке разлетелись, как дым! Целую ночь я проходил из угла в угол по небольшой станционной горнице в самом мрачном расположении духа.

В 10 часов я явился к полковнику Горскому, который как-то сонливо-равнодушно сказал, что меня давно ожидали. Я с раздражением отвечал, что не имели никакого права меня ожидать, потому что срок моего отпуска оканчивается еще через 10 дней. Горский улыбнулся и сказал: «Чего же вы сердитесь? Я совсем не думал делать вам упрека». Мне стало совестно. Передо мной стоял маленький, невзрачный человек в странном костюме, но с добрым, простодушным выражением лица и с манерами, в которых ничего не было начальнического <...>

На другой день полковник Горский представил меня командующему войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанту Вельяминову, а после того я явился к начальнику штаба генерал-майору Петрову. О последнем мне не придется говорить: это была личность довольно ничтожная, несимпатичная и с дурной славою; на дела, и особенно военные, он не имел никакого влияния. Вельяминов его не жаловал. Петров почти ничего не делал и только щеголял мундиром генерального штаба, которого он не имел права носить.

О генерале Вельяминове мне придется говорить много раз. Это был человек далеко выдающийся из рядов толпы. Он принял меня с ледяною холодностью и, помнится, ровно ничего не сказал. Это был худощавый человек лет 50-ти, рыжий, с тонкими губами и тонкими чертами лица. Одет он был в светло-зеленый атласный архалук. Вообще тогда на Кавказе мало знали военную форму и нисколько ею не стеснялись, от младшего до старшего. О киверах и шляпах помину не было; ходили в фуражках и папахах, а вместо форменной шпаги или сабли носили черкесскую шашку на ременной портупее через плечо. Глазу моему, привыкшему на севере к стройной формальности, странно было видеть такое разнообразие и даже иногда фантастичность военных костюмов.

Вообще Ставрополь имел своеобразный вид. В пестром населении его было много армян, грузин, ногайцев и даже горцев. Первые были исключительно торговцы и за свою бесцеремонную ловкость в мелочной торговле назывались не иначе как армяшками. Костюм ногайцев, армян и грузин подходил несколько к костюму черкесов, который был в большой моде у всех русских. Большая часть офицеров, особенно приезжих, носили этот костюм если не публично, то, по крайней мере, в своей квартире. Довольно забавно было встречать иногда какого-нибудь мирного секретаря или столоначальника в черкеске с 16 ружейными патронами на груди. Но черкесское оружие носили всегда и все офицеры. Общая мода имела своих фанатиков и знатоков. Оружие имело условную цену, иногда до нелепости высокую. Холодное оружие было действительно не дурно, хотя не выдержит сравнения с хорошими сабельными и кинжальными клинками солингенскими. Огнестрельное оружие было гораздо хуже: кремневые замки винтовок и пистолетов были старинной, очень неудобной системы. Наружный вид и отделка оружия были своеобразны и очень кра-

сивы. Русские переняли от черкесов старательное сбережение оружия. Чистый черкесский костюм взят в образец для служебных мундиров линейного казачьего войска и несколько изменен был в Черномории. Вообще, как костюм и оружие, так седло и убранство лошади были красивы, удобны и приспособлены к климату и роду войны.

Я приехал в Ставрополь именно в то время, когда прошлогодние прикомандированные офицеры собирались уезжать и за стаканом кахетинского рассказывали приезжающим, новым прикомандированным, свои похождения и передавали свои впечатления на Кавказе, обетованной земле для всякого, кому надоела сонная, пустая, однообразная жизнь в России, и особенно в Петербурге. Офицеры прикомандировывались ко всем частям Кавказского корпуса на один год для участия в военных действиях. Эта мера была небесполезна, но не нравилась местным войскам, потому что слишком часто гости делались счастливыми соперниками хозяев при получении наград. В апреле месяце в Ставрополе было видно особенное оживление. Все заняты были приготовлениями к экспедициям, которые обыкновенно начинались в мае. Главные военные действия в этом году должны были производиться на правом фланге против Закубанских горцев. Отрядом должен был командовать сам Вельяминов. Н.И. Горский предложил мне на выбор отправиться в отряд или на съемку, которая должна была делаться двумя партиями топографов: в Черномории и в окрестностях Минеральных Вод. Я выбрал последнее, думая, что полезнее для меня будет ознакомиться со всеми особенностями края, прежде чем принять участие в военных действиях. Кстати же, мне нужно было и отдохнуть в хорошем климате: Петербургская жизнь и занятия отзывались большой усталостью.

2 мая я выехал из Ставрополя с четырьмя топографами, которые должны были составлять мою партию. Съемка моя должна была примыкать с восточной стороны к той, которая была прежде доведена до укрепления и урочища Каменный Мост на Малке, а с западной и южной — к Кубани и Карачаю. Большая часть съемки назначена в 200 саж. в дюйме, и только самая западная часть от Эшкакона к Кубани в масштабе верста в дюйме. Край этот до того мало был известен, что составленная мною карта, из всех имевшихся в Генеральном Штабе сведений, оказалась впоследствии неверною на 30 верст между Каменным Мостом на Малке и Кубанью.

Я поселился в ст. Кисловодской, в трех верстах от укрепления Кисловодского, куда знаменитый нарзан привлекал посетителей, больных и здоровых, изо всей России. Все лето я провел в разъездах для осмотра работ топографов, которые были размещены верст на полтораста. Места, где производилась съемка, считались небезопасными, а потому при каждом топографе было от 15 до 20 линейных казаков, и, кроме того, у меня в конвое было человек 12, в числе которых были и из мирных горцев. Я с наслаждением дышал полной грудью ароматическим, здоровым воздухом гор и степей. Поездки мои совершались всегда верхом и часто продолжались по неделе и более. На всем пространстве съемок не было почти никакого жилья; только беспрестанно встречались по балкам пространства, заросшие крапивой и высоким бурьяном. Это были места аулов, жители которых в 1811 году вымерли от чумы или разбежались. Природа в этой стране великолепна и величественна. Местность постоянно возвышается к югу и образует два отрога Кавказа, тянущихся на расстоянии более двухсот верст и перерываемых ущельями Кубани, Кумы, Подкумка, Малки и их притоков. Дальний, т.е. южный, отрог имеет уже значительную высоту. Некоторые вершины, как, например, Бермамыт, Эшкакон и другие, имеют до 7000 ф. высоты. Леса хвойные и лиственные растут вообще только по долинам и ущельям рек, остальное пространство покрыто густой, сочной, ароматической, но не высокой травою, питающей огромные стада овец, принадлежащих кабардинцам и карачаевцам, которых аулы были за десятки верст за Малкою и в вершинах Кубани <...>

В начале августа я переехал из Кисловодской станицы в аул Тохтамышевский, верстах в 8 от Кубани и ст. Баталпашинской. Мне хотелось видеть ближе быт туземцев. Огромный аул населен был ногайцами, но их обычаи, образ жизни и вооружение совершенно одинаковы с черкесами и абазинцами, их соседями. Аул с давнего времени покорен, но очень нередко жители его поодиночке присоединялись к хищническим партиям немирных горцев, участвовавших в разбоях, служили вожаками или укрывали хищников. На туземном языке говорилось, что это молодежь шалит. Но эти шалости имели всегда характер трагический и как повторялись почти ежедневно, то в русском населении укоренилась ненависть к так называемым «мирным», и их не без основания считали более вредными, чем племена, находившиеся в явно враждебном к ним отношении. Впрочем, край был, очевидно, в переходном положении: кубанские ногайцы и абазинцы мало-помалу теряли свою самостоятельность и даже воинственность, по мере того как наши действия отодвигали немирные горские племена далее к западу от верхних частей Кубани <...>

То, что называлось городом [Кисловодск], состояло из нескольких улиц с маленькими турлучными домиками, принадлежащими офицерам и солдатам гарнизона; там были две роты и штаб-квартира линейного батальона. На бастионах маленькой крепостцы было несколько орудий, из которых едва ли когда-нибудь стреляли. Возможность открытого нападения на Кисловодск едва кому-нибудь приходила в голову, тем более что передовые отряды войск еще не были сняты, хотя курс минеральных вод уже кончился,и только осталось несколько запоздалых посетителей <...>

Съемка моя была вычерчена, подписана и наклеена. 2 декабря я возвратился в Ставрополь, готовясь получить большие похвалы за безупречный успех работы. Я представил обер-квартирмейстеру все листы съемки, занявшие пол почти всей его столовой. Горский, посмотрев очень равнодушно, сказал: «Что же это вы сделали? Вы сняли все пространство. Куда же мы будем посылать съемочные партии?». Этот вопрос поубавил мои надежды, а когда Горский представил меня и мою съемку командующему войсками, генерал Вельяминов сказал только: «Экая тармалама!». Последнее выражение относилось к большой пестроте плана края, гористого и во многих местах покрытого лесами хвойными, лиственными и смешанными. Впоследствии време-

ни я получил при общем представлении одновременно тысячу рублей, которые мне были совсем не необходимы, и я их отправил своим старикам.

Через несколько дней по моем приезде полковник Горский объявил мне, что я должен вступить в исправление должности обер-квартирмейстера по случаю скорого отъезда его, Горского, в Тифлис по требованию корпусного командира <...>

Полковник Горский выехал в Тифлис, а до того времени ничего не делал или рисовал акварелью батальные картины, а я исправлял его должность и раз в неделю докладывал генералу Вельяминову, которому такой порядок вещей совсем не казался ненормальным. Вообще тогда на Кавказе не было того педантического формализма, который на каждом шагу бил в глаза во всей России. Частный начальник устраивался в своем управлении более или менее по своему личному усмотрению. Особенно это относилось к начальникам главных частей. Генерал Вельяминов был вместе и начальником Кавказской области. Его гражданское управление, в котором он имел права генерал-губернатора, было совершенно отделено от военного. Последнее устроилось довольно оригинально. Главные его части, как и везде, составляли дежурство и управление генерального штаба. Дежурство, сверх обыкновенного круга действий, имело еще много других занятий, обусловливаемых особенностями края и производившимися в нем военными действиями; генеральный штаб, напротив, был значительно стеснен в своем круге действий. Вельяминов не любил офицеров этого ведомства. Большую часть занятий по военным действиям во всем крае он сосредоточил в секретном отделении, которым, под его руководством и в его квартире, управлял состоявший при нем для особых поручений полковник Ольшевский. Он прежде был адъютантом Вельяминова и теперь пользовался у него большим доверием. Об этой личности я должен сказать несколько слов. Ольшевский, поляк и католик, был сын какого-то шляхтича в Белоруссии или Литве, воспитывался в кадетском корпусе и поэтому образование получил самое посредственное. Никакого иностранного языка он не знал. От природы он имел хорошие умственные способности, на службе приобрел навык и рутину очень хорошего канцелярского чиновника, а в школе Вельяминова сделался очень недурным боевым офицером. Ольшевский был очень трудолюбив и, кажется, искренно был предан Вельяминову.... Он был хороший семьянин и любил окружать себя родными и угодниками. Последних было у него немало в военном и гражданском ведомствах. С Горским он был во вражде, и это невыгодно отзывалось на служебном положении офицеров генерального штаба. Личность и характер Ольшевского были очень несимпатичны. Говорят, будто Вельяминову однажды кто-то сказал о злоупотреблениях Ольшевского, и Вельяминов отвечал: «докажи, дражайший, и тогда я его раздавлю; а если не можешь доказать, то я сплетней не желаю и слушать». Если этого и не было, то могло быть <...>

Генерал-лейтенант А.А. Вельяминов. Автолитография И.Фридрица

Алексей Александрович Вельяминов происходил из старого дворянского рода, но не имел никаких аристократических притязаний. Однажды у него за обедом один господин (г. Кутузов), думая доставить ему удовольствие, сказал, что род его древний и что в истории России Вельяминовы упоминаются и при Дмитрии Донском. «Нет, это ты, дражайший, далеко хватил. При Иване Грозном, действительно, упоминается о Вельяминове; но, видно, был мошенник, за то и повешен». У Алексея Александровича был старший брат, Иван Александрович, бывший генерал-губернатор Западной Сибири, и две сестры, старые девицы, жившие в небольшом родовом имении в Тульской губернии. С братом Алексей Александрович был всегда очень дружен; смерть брата ускорила и его кончину. Он был последним в своем роду и умер холостым. Вот все, что я знаю о его семействе; а о его молодости мне известно только, что он служил в артиллерии и участвовал в Аустерлицком сражении (1805 г.). Он принадлежал к кружку, из которого вышло несколько заметных деятелей, как Ермолов, князь Меньшиков, граф Бенкендорф и другие, с которыми он сохранил дружеские отношения. На Кавказе он сделался известен как начальник штаба отдельного Кавказского корпуса во время командования А.П. Ермолова, которого он был верным другом и помощником. Они были «на ты» и называли друг друга Алешей. За Елизаветпольское сражение Вельяминов получил Георгия 3-й степени; очевидцы говорят, что он был главным виновником победы, начав решительную атаку даже против воли главного начальника Паскевича. Командующим войсками Кавказской линии и Черномории и начальником Кавказской области он был назначен, кажется, в 1831 году. А.А. Вельяминов получил хорошее образование, а от природы был одарен замечательными умственными способностями. Склад его ума был оригинальный. Воображение играло у него очень невидную роль; все его мысли и заключения носили на себе видимый характер математических выводов. Поэтому, вероятно, и в отношениях к людям ему чужды были чувствительность и сострадание там, где он думал, что долг или польза требовали жертвы.

Строгость его доходила до холодной жестокости, в которой была некоторая доля цинизма. Так, во время экспедиции он приказывал при себе бить палками или ногайками солдат, пойманных в мародерстве. Он покойно садился на барабан и назначал время, в продолжение которого должна производиться экзекуция. При этом он разговаривал с другими, пока по часам оказывалось, что прошел назначенный срок. Однажды за обедом при мне он в разговоре об одном преступнике цинически сказал: «Ну что ж? Следует ему прописать английское стегание?». Этим шутливым термином он называл публичное наказание кнутом.

Вельяминов хорошо, основательно учился и много читал; но это было в молодости. Его нравственные и религиозные убеждения построились на творениях энциклопедистов и вообще писателей XVIII века. За новейшей литературой он мало следил, хотя у него была большая библиотека, которую он

постоянно пополнял. Он считался православным, но, кажется, был деистом, по крайней мере, никогда не бывал в церкви и не исполнял обрядов. Настольными его книгами были Жильблаз и Дон-Кихот на французском языке. Первого ему читали даже накануне смерти; изящная литература его нисколько не интересовала <...>

Я думаю, что не было и нет другого, кто бы так хорошо знал Кавказ, как А.А. Вельяминов; я говорю Кавказ, чтобы одним словом выразить и местность, и племена, и главные лица с их отношениями, и, наконец, род войны, которая возможна в этом крае. Громадная память помогала Вельяминову удержать множество имен и фактов, а методический ум давал возможность одинаково осветить всю эту крайне разнообразную картину. Из этого никак не следует, чтобы я считал его непогрешимым и признавал все его действия гениальными. Впоследствии мне придется говорить об его ошибках; теперь же могу сказать только, что как в военном деле, так и в мирной администрации это был самобытный и замечательный деятель.

При таком обширном круге действий А.А. Вельяминов был очень ленив. Стоило немало усилий упросить его выслушать какой-нибудь доклад или подписать бумаги. Приговоры по судебным делам оставались по году и более не подписанными, и подсудимые во множестве сидели в остроге, который отличался всеми возможными неудобствами. Мой доклад ему по вторникам был всегда довольно короток; но один раз, пришедши в кабинет с докладным портфелем, я несколько минут ждал, пока он встанет с кушетки, где обыкновенно лежал на спине, заложив руки за шею. Когда он вышел, то покосился на меня неласково и сказал: «Ныне не твой день, дражайший». Не успел я сказать, что сегодня вторник, А.А. вышел в другую комнату, и я услышал, что он работает на токарном станке. Я подождал минут пять в адъютантской и вошел опять в кабинет, когда Вельяминов был уже там. Он молча ходил взад и вперед, по временам косясь на мой портфель; наконец, не выдержал и спросил с неудовольствием: «Да что это у тебя, дражайший, сегодня так много к докладу?». Тогда только я спохватился. «Это, ваше превосходительство, проект покорения Кавказа флигель-адъютанта полковника Хан-Гирея, присланный военным министром на ваше заключение». – «А, пустоболтанье! Положи, дражайший, на стол, я рассмотрю». Я положил в одно из отделений его письменного стола и более года видел его там же, только с возраставшим слоем пыли. Так он и не рассмотрел до своей смерти этого проекта, в котором, действительно, ничего не было существенного. Зато если А.А. превозмогал свою лень, то своеручно писал огромные черновые бумаги разумно, толково, с полным знанием края и дела. Он страдал геморроидальными припадками, которые иногда до того усиливались, что он не мог ехать верхом или на дрожках, и его во время экспедиции однажды носили на носилках. Вообще он был сложения довольно слабого, рыжий, среднего роста, худощавый, с манерами и движениями медленными; он вероятно и в молодости не считался ни ловким, ни красивым. В чертах лица его особенно заметны были его тонкие губы, острые и редкие зубы и умные серьезные глаза; он говорил всегда серьезно, степенно и умно, но без педантства и напускной важности. За обедом, у себя, он был разговорчив, но не позволял говорить о служебных делах. Гостеприимство его было оригинально до странности: у него обыкновенно обедало человек 25 или тридцать, но он никого не звал. Всякий из штабных мог приходить. Сам он, как строгий гомеопат, обедал у себя отдельно и чрезвычайно диетно, но каждый день заказывал повару меню «для компании» (как он называл) и выходил к общему столу за вторым блюдом. Хозяйство его шло беспорядочно, но оригинально. Все запасы и даже столовые принадлежности закупались в гомерических количествах. Всем у старого холостяка заведовал Ольшевский. Однажды, когда А.А. вышел на крыльцо, чтобы сесть в экипаж, один из нас обратил его внимание на то, что его фуражка уже порядочно устарела; он снял ее, поворачал серьезно на все стороны и сказал Ольшевскому: «Скажи, дражайший, чтобы мне сшили дюжину фуражек». Так было во всем: единицами он не считал. Во время экспедиций с ним была его походная кухня, которой запасы возились в фургонах, и сверх того было 18 вьючных верблюдов; но зато гостеприимство его не изменилось. В Ставрополе мне случалось месяца два сряду видеть за его столом какого-то артиллерийского обер-офицера в стареньком сюртучке и в шароварах верблюжьего сукна. Однажды А.А. спросил меня: кто этот капитан? Я пошел узнать. Оказалось, что этого офицера (поручика) никто не приглашал, а приходил он к обеду, потому что ему есть нечего. После этого я не видел этого офицера, и уверен, что Вельяминов велел ему помочь. Для этого употреблялись обыкновенно деньги из экстраординарной суммы, которая отпускалась в значительных размерах для подарков горцам и для содержания лазутчиков, но большею частью только выводилась по книгам в расход на Мустафу или Измаила, а на деле расходовалось совсем на другие предметы. В том крае и в то время это было совершенно необходимо. Конечно, от начальника зависело, чтобы эта сумма была употреблена с пользою и не попала в его собственный карман. Вельяминов был в этом отношении вне всякого подозрения; но, к сожалению, этого нельзя сказать об его окружающих, пользовавшихся его доверием. Надобно признаться, что при выборе этих приближенных он мало обращал внимания на их нравственную сторону. Оттого при нем являлись нередко личности довольно темные. Легко может быть, что многие из них были ему навязаны ***ским, который пользовался его ленью и делал много такого, что легло упреком на память Алексея Александровича.

Подчиненные и войска боялись Вельяминова и имели полное доверие к его способностям и опытности. У горцев, мирных и немирных, имя его было грозно. В аулах о нем пелись песни; он был известен под именем Кызыл-Дженерал (т.е. рыжий генерал) или Ильменин. Деятель времен Ермолова, он не стеснялся в мерах, которые должен был принимать в некоторых случаях. Деспотические выходки его были часто возмутительны. Однажды, узнав, что конвой от Донского полка при появлении горцев бросил проезжающего и ускакал и что по произведенному дознанию в этом полку было множество злоупотреблений, он послал туда штаб-офицера и приказал арестовать полкового командира и

всех офицеров, а казаков всего полка по именному списку всех высечь нагайками. Донцы, конечно, подняли большой шум, и Вельяминову был сделан секретный высочайший выговор.

Чтобы кончить речь о Вельяминове, я должен выставить еще одну черту его характера. Он не боялся декабристов, которых много к нему в войска присылали. Он обращался с ними учтиво, ласково и не делал никакого различия между ними и офицерами. Многие бывали у него в солдатских шинелях, но в Ставрополе и деревнях они носили гражданскую или черкесскую одежду, и никто не находил этого неправильным <...>

Я... поехал в Ставрополь. Там я нашел много перемен. Для дежурства строился новый дом на одном дворе со старым; для генерального штаба куплен дом генерала Петрова. Все это помещено просторно, мебель новая, все сидит чинно и важно — просто министерство. Я уже говорил о Троскине и генерале Граббе. Последний поместился, конечно, в доме своего предместника, но нашел его неудобным и недостаточным: кое-что переломал, многое пристроил. Надобно сказать, что во время Эммануэля командующий войсками помещался в одноэтажном каменном доме, отделявшемся от соседнего, деревянного, десятисаженным переулком. Вельяминов, любивший во всем огромные размеры, купил соседний дом и соединил его со своим, уничтожив переулок. Это соединение образовало огромный зал в 33 аршина длины; таким образом, составилось помещение очень обширное, с фасадом, похожим на какую-то фабрику. Генерал Граббе пристроил еще несколько комнат; преемник его, Гурко, еще прибавил от себя, так что образовалось громадное, но неуклюжее помещение, стоившее казне очень большой суммы на постройки и ежедневный ремонт.

Отправившись являться к командующему войсками, я вышел в знакомый зал и почти не узнал его. Меня встретил дежурный адъютант в мундире и шарфе. Вся мебель была новая, и везде были видны претензии на вкус, комфорт и порядочность. По докладу обо мне, генерал Граббе вышел в сюртуке, с трубкою на очень длинном чубуке. Он принял меня с театральной важностью, но очень ласково и сказал несколько любезностей в красивых фразах. Он пригласил меня обедать и представил своей супруге. Мадам Граббе, родом молдаванка, была в свое время замечательной красавицей, несмотря на слишком малый рост. У нее была куча детей, и каждый год ее семейство увеличивалось. Несмотря на то, она была еще очень хороша. В ее манерах было немало эксцентрического, но вместе с тем было что-то доброе и искреннее, особенно выдававшееся при театральных манерах ее мужа.

К обеду собралось с десяток лиц, гражданских и военных, мне большей частью неизвестных. Беседа шла на французском языке, причем радушный хозяин сказал несколько фраз, годных в любой светский журнал. При прощании хозяин и хозяйка очень любезно пригласили меня бывать у них без церемоний. Все это было хорошо, но мне почему-то стало жаль прежнего порядка вещей. Героический период Кавказа кончился, наступили новые времена, новые условия, новый взгляд на вещи при новой обстановке. Хорошо, если не слишком дорого обойдется России этот столичный или европейский лоск, заменивший грубоватую простоту нравов и жизни прежних подвижников Кавказской войны.

С большой радостью встретил я Н.В. Майера. В толпе новоприбывших с Граббе и Троскиным у него не было близких знакомых. Наша зимняя жизнь опять вошла в прежнюю колею. Князь Валериан Голицын был уже прапорщиком и мечтал об оставлении службы; но ему сказали, что теперь это будет неловко и даже едва ли удастся. Сатин еще остался зимовать в Ставрополе. Этого общества было для меня очень довольно, хотя и между моими сослуживцами я не мог жаловаться на недостаток людей, для меня сочувственных. Льва Пушкина тоже какой-то ветер занес в Ставрополь <...>

Новая моя резиденция, город Ставрополь, порядочно изменилась с тех пор, как я был там в первый раз, десять лет тому назад. Город очень расширился, особенно в нагорной части. Огромный пустырь за домом командующего войсками наполовину застроился. Явились большие дома, каменные и деревянные, казенной архитектуры. Губернские присутственные места поместились в новых огромных зданиях, для них построенных. Даже городской острог потерял свою прежнюю патриархальную наружность: его заменило огромное каменное здание, со всем тюремным комфортом и с титулом городской тюрьмы. Вообще видно было, что торговля и промышленность усердно разрабатывали единственный местный источник обогащения – казну. В Ставрополе и прежде не было, и теперь почти нет коренных местных жителей, а есть подвижное служащее население или люд, которые кормятся Кавказскою войною. Только им было на руку крайнее усложнение в последнее время администрации военной и гражданской. Впрочем, грязь в городе осталась та же самая, да не переменился тоже и характер гражданской администрации <...>

Штаб 13-й пехотной дивизии был в Ставрополе; начальником ее был г.-л. Степан Герасимович Соболевский. Счастливый случай доставил мне удовольствие провести целый год с моим старым полковым командиром, который 20 лет тому назад отечески приласкал меня, 17-летнего юношу. Он нисколько не изменился: все тот же бронзовый цвет лица, женские черты, но добрейшие лицо и улыбка. В голове ни одного седого волоса, хотя ему было 60 лет. Здоровье ему не изменило; по-прежнему не знал он других лекарств, кроме кислой капусты, которая служила ему панацеей от всех недугов. Его всегдашнее хлебосольство развилось у него до страсти. Его квартира была против армянской церкви, в самой грязной части города. С 10 часов утра его фаэтон, запряженный четверкой жирных вороных лошадей в ряд, отправлялся собирать гостей к обеду, а потом развозил по домам. Редко кто пробирался к нему пешком, а в экипаже никто не дерзал особливо с тех пор, как патриарх Нерсес, проезжавший через Ставрополь и желавший отслужить обедню в своей церкви, завяз в грязи и должен был просидеть часа три в своей карете, запряженной восемью белыми конями. Степан Герасимович, как и все начальники дивизий, оставался в Ставрополе без всякого дела. В конце 1846 года остатки его дивизии выступили с Кавказа в Севастополь. Для Степана Герасимовича началась опять прежняя жизнь, ученья и смотры без конца, и кормление всех званых и незваных. Это продолжалось недолго. Однажды, после театра, плотно поужинав у своего знакомого, он, закормивший насмерть двух генералов, умер от удара, в коляске, на пути к своей квартире. Мир душе его! Это был честный и добрый человек <...>

Осенью 1845 г. мать с остальной сестрой, Любовью, переехала ко мне в Ставрополь, и мы широко устроились на квартире в доме Масловского, где квартировал мой предместник.

Волей-неволей я должен был познакомиться со ставропольским обществом. Это были исключительно люди служащие. Ставрополь — искусственный город, так как и прежде его областным городом был Георгиевск, а еще прежде Екатериноград. Постоянных туземных жителей там не было, если не считать купечества, да и то было пришлое.

Начну обзор властей предержащих с архиерея Иеремии, о котором я уже имел случай сказать несколько слов. Это был собиратель епархии, строгой жизни монах, но желчный и болезненно самолюбивый; большое неудобство в нашей церкви — это назначение епископами большею частью лиц, проходивших карьеру службы от профессора семинарии, или духовной академии, инспектора или ректора. Они действительно бывают людьми учеными, в их смысле того слова, но не знают ни мирской, ни монастырской жизни. Возмутительное раболепство и бесправие духовенства и титулование владыкою развивают у архиереев гордость и тщеславие, которые особенно усиливаются от введенного императором Павлом жалованья духовенства черного и белого орденами. Очень, очень желательно внести живую струю в нашу церковь, заразившуюся тлетворным духом чиновничества. Очень, очень желательно возвратиться к духу древней православной церкви, где в сан епископа выбирали граждане не ученого монаха, а достойнейшего, часто даже и из мирян. Преосвященный Иеремия был со мною очень ласков, пока между нами не пробежала черная кошка. Он желчно изъявил неудовольствие, что в официальных бумагах я писал ему преосвященнейший владыко, милостивый архипастырь, а оканчивал поручением себя его святым молитвам. Это показалось ему неуважительным. Виновным себя не признаю, но от души жалею, что это испортило мои отношения к такому достойному архипастырю.

Гражданским губернатором был г.-м. М.М. Ольшевский, мой старый знакомый. Это был способный и грамотный человек, усердный и хороший администратор, несмотря на свою толстоту и болезненность. Вокруг него была толпа родственников и клиентов, о которых он очень заботился. При проезде князя Воронцова он произвел, казалось, очень хорошее впечатление на нового наместника. В его угодливости начальству и всем нужным людям, и в резком тоне со всеми остальными проглядывал маленький шляхтич Могилевской губернии. В мое время он недолго оставался губернатором. Заводовскому князь поручил передать Ольшевскому, чтобы он просил об увольнении его от своей должности, если не хочет быть уволенным без прошения. Когда я в разговоре с Заводовским показал удивление такому деспотизму, он сказал, что князь «имие хвакты». Возможно, что он сам и представил эти «хвакты»; но все-таки дело, может быть, и справедливое, было сделано темными, хамскими путями. Ольшевский был назначен бендерским комендантом и умер в чине г.-лейтенанта.

Управляющим Казенною Палатою (и, следовательно, по-тогдашнему и вице-губернатором) был д. с. с. Б-в. Это был второй Пав. Ив. Чичиков, или, по крайней мере, его брат; кстати же и имя его было Яков Иванович. Он был не стар и не молод, не толст, но и не тонок, держал себя и говорил совершенно прилично. В его прошедшем была история Смоленского шоссе, причем д. с. с. (губернатор) Хмельницкий пропал, а статский советник Б. уцелел. Он был смоленский помещик; супруга его — лицо бесцветное, а две дочери, — девицы хорошо образованные и миловидные, но обе горбатые, а старшая еще и карлица. Я был в их доме persona grata как возможный жених, в чем однако же скоро пришлось разочароваться. Они жили очень прилично, и в их гостеприимстве были претензии на роскошь. В служебном мире все были довольны Б-м, но своих темных выгод он не упускал. Младшая дочь их бежала с подполковником Порожнею, черноморцем, находившимся при г. Заводовском, а старшая с каким-то студентом. Папенька очень не щедро давал им, а когда умер, не оказалось в доме ничего на похороны. Казак, однако же, не унывал, и ночью распорол подушку, на которой лежала голова покойника, и вынул оттуда 160 тыс. рубл. кредитными билетами. Как видно, приобретатель не хотел расстаться с ними и на одре смертном!

Управляющий Палатою государственных имуществ был д. с. с. Л., человек способный и умный... Он был учителем в одной провинциальной гимназии и вышел на широкий путь служебных почестей женитьбой на отставной возлюбленной какой-то важной особы. В его управлении было много темных дел, но он очень ловко умел войти в милость князя Воронцова, который ставил ему в большую заслугу то, что он взял на себя поставку части провианта для Кавказских войск из туземного хлеба. Понятно, что не так смотрели на это государственные крестьяне, которые принуждены были поставлять этот хлеб по ценам, какие угодно было назначить их управляющему. Все это, по исстари заведенному обычаю, делалось добровольно, наступя на горло.

Губернским жандармским штаб-офицером был полковник Юрьев, человек честный, смотревший на свои обязанности как на какое-то священнодействие. Он был без усов и бороды и не отличался особенной бойкостью ума. Женат был на дочери Реброва, бывшего правителя гражданской канцелярии при г. Ермолове и с переменой начальства удалившегося от дел в свое благоприобретенное имение в Кавказской области. Как человек слабого характера и как кавказский помещик, Юрьев, сам того не замечая, был орудием практических запевал гражданского ведомства. Супруга его, с вечно подвязанными щеками, была особа нравственная, но скучная и бесцветная и известна была у молодежи как la chaste epouse du vertueux gendarme...

На этих словах обрывается рассказ о Ставропольских чинах. <...>

Текст печатается по изданию:
Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. — М.: В университетской типографии на Страстном бульваре, 1885. — С. 88—89, 90, 92—94, 96—97, 110—111, 104—105, 113—115, 177—178, 302, 312, 326—328.

3 Этнографические очерки

В.В. Верещагин. **Путешествие по Закавказью в 1864-1865 годах***

I

Вступление. — Калмыки-кочевники. — Улусы, котуны и кибитки. — Одежда. — Детская постель. — Калмык вор, игрок и пьяница. — Их гелунг вместе священник и лекарь. — Приговор медика. — Ногайцы-кочевники. — Лучше в России, чем в Турции. — Возвращение эмигрировавших. — Страшная бедность! — Казаки. — Станицы их. — Прошедшее и настоящее. — Казак верхом. — Одежда. — Греки-нищие. — Цыгане и монахи. — Охота с револьвером. — Ставрополь. — Генерал Евдокимов. — Знахарка. — Ручьи. — Не скупитесь давая на чай. — Георгиевск. — Пусть лучше гибнет путешественник, чем пострадает телеграф. — Воскресный день в Георгиевске. — Пятигорск. — Превосходные вареники. — Ермоловские бани и Еленинские источники. — Провал. — Цыганский табор. — Художник лицом к лицу с натурой. — Чиновник, не имеющий понятия об искусстве.

Целью моей поездки было Закавказье — страна, занимающая все пространство от Черного моря вплоть до Каспийского и лежащая вдоль южного ската главной цепи Кавказских гор, до границ Персии и Азиатской Турции; собственно же Кавказ состоит из гор и громадных равнин. К северу равнины эти, или степи, доходят до земель донских казаков; к востоку они тянутся по берегам Каспийского моря, до самой Астраханской губернии; на западе же — их омывают воды Черного и Азовского морей.

Прежде чем приступить к описанию моего путешествия по Закавказью, считаю нелишним передать несколько собранных мною сведений о Кавказе. Нужно ли при этом оговориться, что я не рассчитывал этими несколькими страницами очертить вполне весь край?

Тем не менее, смею надеяться, что мои эскизы, как они ни поспешно набросаны, не будут безусловно лишены всякого интереса и помогут ознакомиться с населением, о котором так мало у нас сведений, между тем как оно так резко отличается от всего того, что мы привыкли постоянно видеть. Тип, обычаи, нравы и привычки этих племен носят оригинальный, самобытный характер, и каждый с невольным удивлением остановится над ними.

Переехав границу, отделяющую Ставропольскую губернию от земли донских казаков, я начал встречать калмыков; я был уже за чертой Европейской России: начинался Кавказ. Тут мне придется пополнить свои заметки некоторыми сведениями, сообщенными человеком, хорошо изучившим этот край и его жителей.

Все, что представляется глазам путешественника влево от большой дороги, занято кочевьями калмыков. Первое впечатление степи далеко не приятно. Глаз теряется в бесконечном пространстве, утомляется, отыскивая признак оседлого жилья, какого-нибудь намека на цивилизацию; ни кустика, ни забора, ничего, что бы нарушало однообразие этой бесконечной пустыни. Палящий жар летнего солнца и отсутствие всякой зелени наводят на сомнение в том, чтобы эта земля могла производить какие-нибудь полезные растения. Между тем почва тут почти всюду плодородна, и русское соседнее население умеет заставить эту почву давать себе все необходимое для жизни. Правда, все это приобретается лишь усиленным трудом и терпением. Кочевья калмыков разделены на улусы. Каждый улус заключает в себе несколько котунов, или подвижных деревень. Котуны эти произвольно переменяют место стоянки и состоят из нескольких кибиток, поставленных одна подле другой. Это, так сказать, лагерь. Я советую любителям первобытных нравов и патриархальной жизни посетить калмыков; я уверен, что они найдут для себя совершенно новые впечатления.

С первого взгляда незаметно деятельности у калмыков. Большую часть дня и ночи мужчины проводят вне своего жилья. Они обыкновенно уходят на работу, то есть грабить иноплеменных соседей. В это время женщины и дети стараются укрыться от лучей палящего солнца и кое-как прячутся в своих дырявых кибитках. Движение извне начинается

* Гравюры автора

только к вечеру, когда загоняют скот. Тогда оглушительный гул подымается со всех сторон. Раздаются крики проклятия, смешанные с мычанием рогатого скота, лаем собак и писком ребят.

Кибитки или палатки калмыков составляют сбор всяких нечистот. Страшная картина самой ужасной бедности. Она вся в лохмотьях, и ветер отовсюду легко проникает в нее. Беспорядок в ней страшный. На полу нагромождены тюки, чемоданы, сундуки, арканы, седла и кучи лохмотьев. Только по одному очагу можно догадаться о существовании семьи. Очаг служит днем для приготовления пищи, а ночью заменяет постель: дети зарываются в его теплую золу, единственное их убежище во время холодов.

Одежда мужчин и женщин не представляет ничего замечательного: это сбор самых разнообразных лохмотьев. До десятилетнего возраста большая часть мальчиков и девочек ходят летом почти голые. Во время морозов, доходящих тут до тридцати градусов, и зимних буранов, которые составляют обыкновенное явление в этих равнинах, открытых для всех ветров, дети прячутся в палатку; но рваный кров ее так плохо защищает их от стужи, что они целыми днями сидят, забившись под кучи лохмотьев.

Новой одежды на калмыках почти не увидишь. В праздник они заменяют свои лохмотья только менее изорванным платьем.

Одежда калмыка состоит из постоянно грязной рубашки, бешмета, широких штанов и красных сафьянных сапог. На голове он носит четырехугольную суконную шапку, опушенную барашком, макушка которой часто украшается громадною кистью. Богатый, сверх этого платья, надевает еще широкий и длинный халат. Женщины не опоясываются, подобно мужчинам, поверх рубашки. Волосы они заплетают в несколько кос, украшают их разноцветными лентами, а на голове носят шапочку.

Чтобы составить себе верное понятие о калмыке, представьте себе человека с впалым лицом, узкими, к вискам приподнятыми глазами, выпуклыми скулами и отвислыми ушами. Голова его покрыта длинными густыми и взъерошенными волосами, зато на бороде волосы у него до того редки, — точно кто-нибудь выщипал их. Прибавьте к этому, что он небольшого роста и удивительно плотно сложен.

Калмыки очень ловки и большие плуты. Они смотрят на воровство как на прибыльное ремесло и производят его с невообразимым искусством. Каждый порядочный калмык должен быть ловким вором. Украсть скотину в глазах глупого и доверчивого крестьянина, загнать ее далеко и променять с барышом на другую, которая приводится в свой котун, — дело у них более чем обыкновенное. Ремесло воровства тщательно передается отцом сыну, и редкий сын не идет по следам своего отца. Обязанность кормить детей и заботиться о них лежит у калмыков на одной только женщине; мужчина же не вмешивается в это дело. Правда и то, что по большой части ребенок растет без всякого присмотра. Самые богатые отцы редко отдают своих сыновей в учение к гелунгу (священнику). О школах и общественных заведениях калмыки не имеют вовсе понятия; по крайней мере, мне не удалось встретить у них ничего подобного. Невежество их страшное. Только у одних оседлых калмыков встречаешь кое-какое развитие.

Кочевник почти нищий, малочисленное стадо составляет все его имущество, и едва хватает на пропитание его семьи. Он не обрабатывает землю, не готовит на зиму пищи ни для себя, ни для своего скота, словом, не делает никаких запасов, вследствие чего, если зима бывает сурова, то он теряет почти весь свой скот. Равнодушие его ко всему удивительное, даже во время положительного разорения он остается невозмутимым, зная, что ловким и удачным воровством он легко может пополнить весь свой убыток. Замечательно, что редко можно поймать калмыка на месте преступления. Большею частью вся деревня знает, что такой-то наверное совершил кражу и спровадил ее чуть не среди белого дня, но виновный всегда сумеет найти средство отделаться от наказания. Закон наш не признает уликами голословное обвинение. Свидетели и следы воровства считаются у наших судей полууликами и признаются недостаточно сильными для обвинения. Правда, розыск по горячим следам воровства — самый обыкновенный у нас способ производить по этим делам следствие, но вор обладает особенным искусством спрятать вовремя концы.

Пища калмыков самая грубая; похлебка из лошадиной или какой другой падали, с мучной подболткой, составляет основу его пищи. Мясо убитой ими скотины считается у них недозволяемой роскошью. Зато чаю калмык выпивает огромное количество, приправляя его разными разностями, отчего тот теряет свой вкус и аромат.

Пьянство у них распространено весьма сильно; женщины и дети пьют наравне с мужчинами. При всяком удобном случае и во всякое время они готовы напиться донельзя: это самое приятное и самое обыкновенное для них препровождение времени.

Другая их страсть, почти равная пьянству, игра. Я не раз видел, как грязные и оборванные игроки играли по целым дням в кибитках в разрозненные и сальные карты.

Калмык отличный наездник и очень любит верховую езду. Конь у него, большей частью, такой же породы, как и у ногайца, по крайней мере, вид и ход у них одинаковы. Крепкий и сильный, конь этот нескоро устает. Тип его своеобразен. Я очень жалею, что у меня недостало времени набросить в альбом одно из этих полезных и достойных животных.

Выродившаяся порода остальных домашних животных калмыка очень некрасива и находит мало покупщиков. Одни верблюды, пасущиеся большими стадами вдоль большой тифлисской дороги, с барышом сбываются своими хозяевами.

Калмыки язычники. Они держатся ламаитского вероисповедания. Чтобы передать, до чего они

неразвиты и суеверны, я расскажу один случай, в котором ясно выказывается бесстыдное шарлатанство гелунга, исправляющего у них две должности: священника и лекаря. Один из этих гелунгов обманул калмыка следующим образом.

Больной калмык, рассказав все признаки своей болезни, просит гелунга помочь ему. Лекарь, после продолжительного раздумья, неестественным голосом говорит ему следующее:

— Страшна твоя болезнь; но не в тебе она находится, а во всем твоем табуне: дьявол вселился в него в виде вороного жеребца, и девять твоих кобылиц жеребы чертенятами. Хотя ты и не замечаешь этого и твои глаза не видят ничего, но душа твоя страждет, и вот причина твоей ужасной болезни.

— Как же мне избавиться от этого?

— Есть одно средство, если ты решишься на большие пожертвования.

— Я готов отдать все мое имущество.

— Ну так слушай: у меня есть друг, который колдун. Только он один, посредством известного зелья, может узнать, которые из твоих кобылиц жеребы чертенятами, и, отыскав дьявола, изгнать всю эту чертовщину из твоего стада; но он согласится спровадить в ад черта и чертенят лишь с условием, чтобы ты дал ему пятьдесят совершенно черных овец. Мне же за то, что я уговорю его и вылечу потом тебя, ты дашь пятьдесят белых овец и пятьдесят рыжих ягнят.

Несчастный страдалец соглашается на все. И в то время как изгоняют в ад его лучшего жеребца с лучшими кобылицами, то есть спроваживают их для продажи в Землю донских казаков, пока сто овец и пятьдесят ягнят переходят в хуруль, или храм гелунгов, больной отдает Богу душу.

Как ни мало вероятным кажется рассказ этот, он совершенно верен, и подобные злоупотребления здесь более чем обыкновенны.

Продолжая свой путь на юг, я встречал по дороге много ногайцев. Они двигались из калмыцких степей к Тифлису. Что-то особенное, непривычное было в их передвижении. Чтобы объяснить это необыкновенное состояние, надо заглянуть в их прошедшее и порассказать о переселении их в Турцию, из которой они в настоящее время возвращались в Россию, к своим покинутым жильям. Что было поводом их переселения? По всей вероятности, более всего этому способствовало взяточничество властей, управлявших ими. Но, однако, не следует упускать из виду, что, оставляя свою родину, они поддались тому обаянию, которое распространяет Турция на всех мусульман. Прибавьте влечение к неизвестному и непреодолимое желание найти в чужой стране более удобств для жизни. Дело в том, что, как мне не раз приходилось наблюдать, у народов, исповедующих исламизм, есть особенное влечение к туркам. Одно имя Стамбула (Константинополь) чарует слух бедных мусульман, живущих в разных странах. Там думают они найти истинную веру, блаженство, покой и радость.

Ногайцы убедились на опыте, как тщетны все эти надежды. Обольщенные богатыми обещаниями, они поспешно продали все, что только могли продать, и, бросив остальное, отправились многочисленными толпами в Турцию. Множество их погибло там от голода, усталости и разных лишений, а малое число оставшихся на этой негостеприимной земле и до сих пор нищенствует по большим городам Турции.

Когда русское правительство узнало о несчастии бывших своих подданных, оно предложило помочь тем из них, которые захотят возвратиться в Россию. Большая часть ногайцев приняла это предложение, и толпа, встреченная мною по дороге к Тифлису, состояла из ногайцев, возвращавшихся домой. Тяжело было видеть этих несчастных в лохмотьях, полумертвых от голода, трудящихся приведением в порядок прежнего своего хозяйства и проклинающих Стамбул и свое легкомыслие.

Земли, занимаемые ногайцами, тянутся вдоль северо-западной границы Кавказа и на юг доходят до калмыцких степей. Все это громадное пространство носит название Ногайской степи.

Ногайцы — народ мирный, трудолюбивый и скорее привыкают к оседлой жизни, чем калмыки, с которыми они очень схожи по своим нравам, обычаям и привычкам, вследствие чего я нахожу лишним распространяться о них.

Правда и то, что мне некогда было посещать ни их поселений, ни их стоянок. Если мне удалось набросать карандашом несколько типичных лиц, помещенных мною в этом описании, то я обязан этим встрече моей с одной толпой, возвращавшейся из Турции и отдыхавшей лагерем у дороги. Вьючный скот их, такой же худой, как и сами хозяева, пасся в это время на воле по обеим сторонам дороги, едва находя себе пищу в плохой и запыленной траве. Мужчины были заняты выделыванием из дерева ложек, чашек и т.п. Все это продавалось ими на месте проезжавшим крестьянам. Большая часть женщин чинила разное лохмотье, между тем как некоторые из них приготовляли незаманчивую похлебку. Ребятишки, точно рой мух, вертелись подле сковород в надежде получить какой-нибудь кусочек для поддержания своих истощенных продолжительной ходьбой желудков. Вид этих несчастных показался мне еще жальче, когда я узнал из разговоров с ними, что они пользовались прежде относительно хорошею обстановкою, вследствие чего имели полное право делать друг другу упреки за изменение своего быта к худшему.

Многие из этих ногайцев говорят довольно чисто по-русски, что доказывает известную долю развитости; особенно если сравнить их с другими туземными жителями, которые с трудом привыкают к незнакомым звукам и плохо понимают наш язык.

Выкурив трубку скверного табаку, дружелюбно мне предложенную ногайцем, я дал на прощанье несколько гривенников тем из них, с которых рисовал эскизы. Взамен того я получил провизию на дорогу и был, сверх того, осыпан благословениями.

— Ты наш знакомый, — сказал мне старичок с отвислыми ушами, дружески ударив меня по плечу, — когда ты будешь в Ставрополе, спроси старика Аль-Аль, он узнает тебя.

Подъезжая к Ставрополю, мы начали встречать казачьи станицы и городки. На известном пространстве они расположены подле большого тракта, но, по мере приближения к главной цепи Кавказских гор, они все больше и больше удаляются от дороги и наконец мелькают только вдали по сторонам ее.

Казаки поселены на земле, составлявшей некогда военную границу. Лицом, нравами и обычаями здешний казак в настоящее время очень напоминает поселенцев Новороссийского края, или скорее малоросса, и отличается от последнего только привычкой к деятельной жизни, которая была так оживлена во время первоначального заселения этого края.

Станицы, или селения линейных казаков, тянутся вдоль всей горной границы, бывшей прежде границею с непокорными землями. Еще в прошедшем столетии они составляли единственную ее защиту от набегов диких соседних племен, но теперь, после покорения Кавказа, линия или граница эта не имеет более того значения, какое имела прежде, во время первого поселения казаков.

Казацкая станица похожа на все большие села, которые мы привыкли встречать в России. Население ее состоит от тысячи до двух тысяч. Церковь обыкновенно помещается в средине селения, которое обносится кругом забором. Над въездными и выездными воротами виднеются дощечки с означением года основания и числа жителей. Подле ворот устроена вышка, вроде квадратной башенки, с которой казак-часовой может видеть все, что происходит вокруг станицы. Подобные же вышки виднеются от времени до времени по возвышенностям вдоль большой почтовой дороги. Подле них находятся небольшие казармы для пикетов, в былое время охранявших их. Полуразрушенные здания эти были некогда свидетелями горячечной деятельности воровства и грабежей.

Безыскусственная постройка этих вышек не лишена оригинальности: на четырех длинных столбах, вбитых в землю, помещается небольшой квадратный балкончик, обнесенный перильцами, с остроконечной дощатой или соломенной крышей. Кровля эта покрывает балкон немного выше человеческого роста и кончается шпицем или просто колом. Узкая лестница ведет с балкончика во двор, застроенный низкими, покрытыми соломою строениями. Это мазанки, в которых помещается караул и пристройки для конюшен. Двор обнесен плетнем. Ничтожная ограда эта не представляла никакой защиты при нападении неприятеля, и у казаков всегда была наготове оседланная лошадь, чтобы, в случае опасности, иметь возможность сейчас же скакать за подкреплением. Все эти предосторожности и приспособления к защите в настоящее время совершенно лишние. Опасности более не существует. Все это напоминает прошедшие времена.

Казаки живут в мазанках, крытых соломой; дощатая кровля встречается только у более зажиточных из них. Внутренность казацкого жилья отличается от изб наших крестьян чистотой и сравнительно бóльшими удобствами. Мазанки с их пристройками окружены тыном, скрытым за густою листвою деревьев, что очень украшает это жилье; оно как будто утопает в зелени.

Воспоминания воинственной жизни отцов, все эти кровавые схватки, частые ночные тревоги и постоянная осторожность днем еще живы в памяти казаков. С часу на час ожидая неприятеля, они не раздевались и не покидали своего оружия, готовясь ежеминутно защищать своих жен, детей и стада.

Только Терек своим быстрым течением преграждал путь к вторжению горцев, но и по его берегам ходил патруль и сторожили вооруженные казачьи пикеты. Лишь только сторживший на вышке казак замечал издали неприятеля, он тотчас же давал знать об этом товарищам, и те, если находили это необходимым, посылали за подкреплением в ближайшие станицы, а сами немедленно шли на неприятеля. Казаки должны были сторожить всюду: при переправах, за заборами, в лесах. Горцы, зная хорошо с какими опытными людьми имеют дело, условливались как можно скрытнее о своих нападениях, причем соблюдались всевозможные предосторожности. Так, например, выбрав самого ловкого товарища, они, прежде чем напасть на русских, посылали его поразведать и высмотреть. По большей части тот пускался вплавь, толкая перед собой пень или куст, за которым скрывался. Плохо приходилось казакам, если горец успевал высмотреть небрежно оберегаемый проход или нападал на спящего часового. Вся шайка бросалась за ним и опустошала все огнем и мечом.

Но беда и горцу, если казак, привычный ко всем хитростям врага, заметит, бывало, его бритую голову: дав ему возможность подплыть к себе поближе, он всегда успевал ловко влепить ему пулю в лоб, несмотря на сучья, его скрывавшие. Казакам необходимо было иметь зоркий глаз и чуткое ухо, чтобы узнавать приближение неприятеля. И зрение, и слух развились у них необыкновенно. Постоянные набеги и стычки выработали в них силу, хладнокровие, неустрашимость в виду смерти и умение отражать хитрость хитростью. Все это хотя уже большою частью утратили нынешние казаки, но многое в них еще напоминает прежнего линейца. И теперь они с детства учатся ни во что ставить жизнь свою и смело идут на какую угодно опасность. Не сходя почти с коня, линеец легко становится отличным наездником, полным огня и отваги.

Наездничество в большом ходу у них. Казак на коне выделывает чудеса ловкости: он стреляет на всем скаку в цель и редко делает промах; скача во всю прыть лошади, он подымает с земли разные вещи, подбрасывает в воздух свою шашку и винтовку и ловко ловит их, с невероятной быстротой соскакивает с седла и вскакивает на него.

Мне посчастливилось присутствовать при занимательном зрелище — джигитовке; целый отряд казаков скакал во весь опор, стоя на седлах, слегка только нагнувшись вперед. Казаки очень любят это упражнение, щеголяют им и охотно джигитуют в честь важного лица, которому хотят оказать почет.

Чем важнее лицо, тем лучше их джигитовка. Они умеют удивительно разнообразить ее, причем нередко подвергают себя действительной опасности. Джигитовка не всегда обходится без перелома ноги или руки, иногда случается даже, что джигит мертвым остается на месте.

В былое время линейные казаки пользовались большими льготами и преимуществами, из которых и до сих пор некоторые остаются за ними, вследствие чего казаки считали себя народом свободным и тщеславились этим перед русскими крестьянами. Они свысока смотрели на нашего крестьянина и любили пощеголять перед ним красноречием, как это я заметил относительно наших солдат, уроженцев северной России.

Наряд казаков почти тот же, что и кавказских горцев; они переняли у последних все, начиная с папахи до обуви; климат и гигиенические условия видно сильнее всякой моды.

Заклятый и смертельный враг горцев, казак, однако, уважает в них бесстрашие и молодцеватую храбрость. Казацкая молодежь старается походить на горцев не только удалью, но даже и нарядом. Всякий, кто наблюдал за ними, согласится со мною в этом. Впрочем, в поле и в домашней работе казак мало отличается от нашего малороссийского крестьянина и носит ту же свитку и шапку. Наряд казачки ничем не отличается от малороссиянки.

Казаки и казачки соединяют в себе изящество и пропорциональность форм с красотою лица. Жаль только, что умственное развитие их далеко не гармонирует с красотой и развитием тела. Подобно природному русскому человеку, казак не любит рассуждать и, руководствуясь привычкой, отвергает пользу всякого нововведения. Он строго придерживается преданий своих отцов, а потому — враг всякого прогресса и цивилизации.

Большая часть из них староверы, и хотя не идут явно против православия, но скрытно противостоят ему.

Далее по дороге я встретил толпы загорелых и покрытых лохмотьями нищих — греков. Бедняки эти бродят летом по большим дорогам и доходят до самой Москвы. Может быть, я сильно ошибаюсь, называя их бедняками. Кто знает, сколько собирают они денег? Легко может быть, что после этого долгого странствования они приносят домой плотно набитые мошны. Народ наш сострадателен к нищим, а греки к тому же кажется хорошо изучили ремесло нищенства. Подходя к проезжим, грек обыкновенно лепечет следующую заученную речь: «Я грек, я брат русских, я православный, я нищий, я православный нищий». И чтоб доказать свое православие, он осеняет себя крестом. Выставляя на вид свою бедность, они с особенным искусством выказывают весь ужас своих лохмотьев, и в случае надобности показывают свои случайные немощи и болезни; но большая часть из них пользуется крепким телосложением и способны работать не менее вола. Любопытнее всего то, что иноплеменные бродяги, особенно цыгане, стараются выдать себя за греков, крестятся и уверяют, что они православные и братья русских.

Наравне с этой униженной толпой стоят, по моему мнению, и другие нищие, не греки, но такие же мошенники, как и те, — это монахи или люди, переодетые в монашеское платье. Они не ходят пешком, а ездят по всей России. В чудесных рассказах их на первом плане обыкновенно выступает их отшельническая жизнь и страдания, ими переносимые за православие. Больше всего они обирают богатых купцов, в особенности купчих, и возвращаются восвояси с плотно набитой мошной.

Я не иду далее; может быть, прочтя эти строки, греки обидятся на меня за то, что я сравнил их с этими побирушками.

Один только вид разнообразных и любопытных картин, разбросанных всюду по дороге, мог заставить меня предпринять это трудное и утомительное путешествие. Если б я мог по крайней мере передать читателю то впечатление, которое производили на меня эти картины!

Дорога после дождя походила на грязную речонку. Но не то же ли самое встречаем мы по всем дорогам России?

По этому случаю я позволю себе маленькое отступление.

Не только на Кавказе, но по всей России дороги еще в очень плохом состоянии. Бог знает когда их проложили, и с тех пор никто никогда не поправляет их; разве ждут проезда какого-нибудь важного лица. Тогда сгоняют соседних крестьян, и те засыпают валежником ямы и топи и свозят нечистоту, по которой обыкновенно ездят прочие смертные. Есть, правда, на святой Руси и шоссейные дороги, как например Кавказская и дорога между Москвой и Воронежем; но все эти шоссе дурно содержаны и часто становятся невыносимее обыкновенных дорог. По ним просто иногда проезду нет. Надо еще заметить, я говорю об этом как очевидец, что тяжелые транспорты с разными поставками для армии постоянно тянутся по шоссе, оставляя на нем страшные следы свои.

Часто проезжему нельзя иначе ехать, как шагом, если он не хочет сломать себе шеи. Нам приходилось употреблять на переезде от станции до станции вдвое и втрое больше времени, обыкновенно нужного на это. Когда раз, не понимая предосторожности, вследствие которой мой ямщик вез меня шагом, я жаловался на его тихую езду, он хладнокровно мне заметил: «Небось дойдем и шагом. Тише едешь, дальше будешь!»

Станционные дома содержатся весьма плохо. Для проезжих предназначается одна, две, самое большее три маленьких комнатки, с постелями жесткими и дурно содержанными. Зато, взамен должно быть этих неудобств, все стены станции увешаны разными почтовыми правилами. Одна дорога в Грузии служит исключением; о ней я еще со временем поговорю. Составляет она исключение не потому, чтобы чувствовался тут недостаток почтовых правил, но потому, что езда по ней удобна и почтовые лошади очень хорошо содержатся.

В числе всех неудобств, встречающихся при путешествии по святой Руси, надо упомянуть и о станционных смотрителях, с которыми приходится иметь

дело. Это большею частью народ грубый и неприятный, за что впрочем их много винить нельзя. Стоит вспомнить только нам наше недавнее прошедшее: давно ли им приходилось сносить брань и угрозы проезжих, нередко приправленные побоями.

На одной из подобных станций я не мог долго уснуть, потому что в конуре, отделенной от комнаты, в которой я помещался, одной только тонкой деревянной перегородкой, пьяный смотритель пел на всевозможные лады разные молитвы.

Другой раз почтенный старик-смотритель пригласил меня; подобное внимание он, должно быть, оказывает каждому проезжему, прослушать песни, которые он выучился наигрывать на флейте.

Еще один случай приходит мне на память. На одной из станций одна из комнат для проезжих была превращена в арестантскую: в ней заперли почтальона, у которого украли дорогую почту. Надо заметить, что обыкновенно посылки у нас возятся на телеге в больших чемоданах с висячими замками. На чемоданах последней телеги помещается обыкновенно почтальон и наблюдает за передовыми телегами. Провинившийся почтальон ехал подобным же образом, как вдруг неизвестные люди поравнялись с ним на тройке, вступили с ним в разговор и пригласили его зайти в первый встретившийся по пути кабак. Почтальон не отказался и, находясь под хмельком, не заметил, как его милые спутники, продолжая свои россказни, успели распороть ножом чемоданы и побросали на дорогу посылки; сообщники их тотчас же подобрали их. Он доехал до следующей станции на чемодане почти уже пустом, ничего не подозревая о мошенничестве.

Осенью, после летних дождей, нет почти проезда по дорогам. Мне случалось не раз завязнуть после проливного дождя. Колеса уходят по ступицу в колеи, наполненные клейкой, глинистой грязью; лошади еле тянут и двигаются невыразимо медленно. Нередко на полдороге от станции ломается ось, и вы засели на месте.

Со мной раз случилось подобное несчастье; ось моей телеги переломилась с такой силой, что меня выкинуло из телеги лицом в грязь. Мне пришлось дожидаться под проливным дождем, пока ямщик вернулся и привез все необходимое для поправки сломанного экипажа.

В один прекрасный день мы с г. В., кавказским офицером генерального штаба, подверглись еще большей опасности. При перемене лошадей на Ордынской станции, последний переезд до Владикавказа, нам запрягли в телегу тройку необъезженных лошадей. Лишь только мы выехали за станицу, они нас подхватили и понесли. Невозможно описать, как мы неслись несколько верст. Нужно же было г. В. вспомнить, что нам придется проезжать по плохим мостам речонок с очень крутыми и высокими берегами. Если мы так помчимся по ним, заметил он, то нам, наверно, несдобровать.

— Как же быть?

— Одно остается — выпрыгнуть из телеги.

— Попробуем. Вы скачите с этой стороны, а я с этой.

Выпрыгнули: товарищ мой расшиб себе спину, я расцарапал все лицо. А наша проклятая тройка промчалась благополучно по всем мостам, влетела в ворота станицы, не задев за них, и как ни в чем не бывало подкатила к станции. Не так счастливо отделались мы с бедным ямщиком.

Подъезжая к Ставрополю, мне пришлось ехать по скучной пустынной дороге, окаймленной бесплодными, забытыми Богом и сожженными солнцем степями. Подобные степи на Кавказе не редкость.

Ближе к городу страна становиться гористее, растительность сноснее, воздух приятнее и свежее.

Тут я в первый раз встретил орла. В Европе мне случалось видеть его только в зверинце да в зоологических садах.

Какая разница между тем чахлым, грустным, потерявшим перья орлом и этим, который носится передо мною в воздухе, свободный, сильный, быстроокий. Широко и величественно распустив свои крылья, он именно парит в вышине.

За неимением ружья, я взялся за свой запыленный вследствие долгого неупотребления револьвер. Воображение мое рисовало мне, как я на расстоянии каких-нибудь двадцати или двадцати пяти шагов пробью несколькими пулями это гордое животное и оно упадет к моим ногам. Я видел уже чучелу, сделанную из убитого мною орла. Птица доверчиво приблизилась ко мне, но, вдруг испуганная моим выстрелом, понеслась от меня прочь.

Самолюбие мое заставило меня предположить, что я смертельно ранил орла. Может быть, это так и было.

В Закавказье я имел потом не раз дело с этим огромным хищником, и оставался более доволен своими выстрелами.

Смеркалось, когда показался живописный Ставрополь. Город стоит на отлогом холме, и громадный собор его виднеется издали со своими довольно изящными украшениями.

Въехав в город, я не мог ничего различить в темноте, кроме длинного ряда больших правильных зданий да огоньков, мелькавших из окна в окно.

Зато в предместьях дома так редки и расположены до того неправильно, что линия освещенных окон беспрестанно прерывается и мрак господствует всюду. При таком мерцающем освещении, то спускаясь, то подымаясь в гору, не мудрено и самому черту сломать себе ногу.

Вскоре уютный кров гостиницы, хорошо истопленная печь и мягкая постель заставили нас забыть все неудобства дороги. Несправедливо было бы не заявить благодарности трактирщику за то, что, по моему мнению, составляет венец его заботливости угодить гостю. Я говорю про орган, принадлежность всех порядочных гостиниц, под более или менее мелодичные звуки которого так сладко спится путешественнику.

На другой день утром я успел обежать и осмотреть город.

Ставрополь ничем не отличается от большинства наших губернских городов, и хотя он считается главным городом Северного Кавказского округа, но не носит на себе никакого особенного характера.

Главная его улица не уступает улицам европейских городов: длинная линия ее пряма и широка, с бульваром посередине. Спускаясь довольно круто, она достигает подножия горы. С этой возвышенности путешественник может окинуть разом всю панораму города: большие правильные казенные здания, красивые дома частных лиц, магазины, даже может различить европейский костюм жителей обоего пола. Направо возвышается громадный

собор, неприятное смешение итальянской архитектуры с византийской. Подобное неуклюжее и неестественное смешение было в большом ходу у нас в начале этого столетия, но, к счастью, начинает мало-помалу выходить из употребления.

Окончности города не так правильно застроены и не отличаются чистотой; они даже грязны.

Ставрополь имеет отчасти вид военного города; в нем живет со своим штабом заведующий всеми здешними войсками.

В описываемое мною время должность эту занимал генерал Евдокимов, герой последней кавказской войны. Он споспешествовал к изгнанию восставших в турецкие владения и был исполнителем строгих мер, употребленных при этом. Сын солдата, Евдокимов начал службу с низших военных чинов, дослужился до звания главнокомандующего и получил графское достоинство.

Между людьми, носящими на улицах знаки своей храбрости, он занимает первое место: два раза пуля изрыла его лицо и оставила на нем глубокие следы, свидетельствующие о его храбрости.

Из Ставрополя я отправился в Георгиевск, город, лежащий к югу в ста пятидесяти верстах от Ставрополя.

Позвольте мне тут немного уклониться от цели моего очерка и рассказать вам об одном случае, оставившем во мне очень неприятное впечатление в первый же день после моего выезда из Ставрополя.

Дело было весной. В это время тут появляются первые плоды, и я не мог воздержаться от соблазна полакомиться не совсем еще спелыми сливами и съел несколько штук их.

Следующую за тем ночь я почувствовал сильную внутреннюю боль.

Сто шестьдесят верст отделяли меня от Ставрополя, нечего было и думать о возможности послать за доктором. Пришлось прибегнуть к тамошним средствам. Услужливый казак, староста этой станции, вызвался сходить за лекаркой, известной во всем околотке по искусству своему вылечивать от всевозможных болезней. Я согласился. Явилась пожилая, опрятно одетая женщина. Помолясь на образа и отвесив мне низкий поклон, она принялась меня расспрашивать о моей болезни. Затем налила в чашку горячей воды и давай ею прыскать меня, дуть и нашептывать какие-то слова. Я не мог разобрать, была ли то молитва или заговор, до того голова моя отяжелела вследствие моего недуга.

Тем и кончился первый визит моего доктора в юбке. Лекарка обещала зайти ко мне на следующий день.

На мое счастье, случай привел на эту станцию какого-то проезжего, весьма почтенного господина, с которым я потом имел удовольствие не раз встречаться в Тифлисе. Он возил с собою аптечку, и, соединенными усилиями, мы с ним ухитрились составить снадобье, благодаря которому я на другой же день был на ногах.

Когда на следующее утро пришла навестить меня моя лекарка, надо было видеть восторг ее, смешанный отчасти с удивлением. Она не хотела верить глазам своим при виде чудесного действия своего заговора. Такое сверхъестественное исцеление должно было немало способствовать к дальнейшей ее славе в этом околотке.

— Ну теперь, голубчик, сбирайся с Богом в дорогу, — говорила она мне, пряча проворно в карман деньги, так легко ее заработанные, — да смотри не забывай старуху.

Нет ничего несноснее, как переезжать по Ставропольской дороге горные ручьи, беспрестанно тут встречающиеся. Летом они высыхают, и тогда через них легко переправляться вброд, но весной, вследствие таяния снегов, и осенью, от дождей, они превращаются в страшные потоки. Мутная от грязи вода их бурлит и сносит мосты. Переезд становится очень опасен, если только не положительно невозможен. Благоразумнее всего выждать, пока вновь построят разрушенный водою мост, и только те рискуют переезжать в это время ручьи вброд, кому не мила жизнь или кто не боится потерять свой багаж.

Я присутствовал однажды при подобной переправе солдата, ехавшего на волах. Волы кое-как выкарабкались, а повозку с солдатом поглотили волны.

Меня уверяли, что в полноводье подобные происшествия тут вовсе не редкость.

Кого винить? Неужели ручьи, сносящие периодически своим повышением мосты, которые на следующее лето так же плохо и небрежно опять строятся? Не винить ли в этом скорее местное начальство: верное рутине, оно ежегодно велит кое-как исправить разрушенное водою, нисколько не заботясь, чтобы новые постройки произведены были добросовестнее и прочнее прежних.

Почтовые станции распределены по казачьим селениям, через которые проходит почтовая дорога. Расстояние между ними от пятнадцати до двадцати пяти верст.

Почта тут вольная; одно и то же лицо заведует станциями десятью, двадцатью, а иногда и более. Арендаторы эти не отличаются большою добросовестностью, и проезжим зачастую приходится тащиться от станции до станции шагом. Лошади околевают с голоду, телеги еле держатся от ветхости и частой езды и ломаются беспрестанно. По случаю скотского падежа или, скорее, вследствие дороговизны кормов, приходится по целым дням сидеть на станциях и ждать, пока станционному смотрителю заблагорассудится объявить, что переменные лошади готовы.

Впрочем, за хорошую плату на чай ямщик не щадит своей тройки. Но надо ему отдать справед-

ливость, он даже и при самой быстрой езде редко берется за кнут. Я часто присматривался к удивительной сноровке, с какой ямщики наши одним только голосом или движением умеют воодушевить лошадей и заставить их мчаться во всю прыть. Любой наш крестьянин мастер ласковым словцом ободрить своих лошадок, когда доволен ими, и без побоев выказывать свое неудовольствие. Лошади всегда понимают его.

Когда дорога очень плоха и лошадям трудно везти экипаж, ямщик своими ласковыми прибаутками облегчает им тяжесть труда. Но всю эту ласковость к животным вы встречаете только у чисто русских ямщиков; татары, ногайцы и другие здешние туземные жители отличаются, напротив, своей жестокостью в отношении животных.

Итак, несмотря на плохие дороги, в России можно ездить очень шибко при хороших лошадях и если едущий не будет скупиться давать хорошо на чай. Не будучи ни знатным господином, который скорой ездой старается заглушить томящую его скуку, ни купцом, спешащим по делу, я, однако, успел в 1865 году проехать в восемь дней расстояние более двух тысяч верст, а именно, от Тифлиса до Петербурга. Мне просто пришлось ехать по курьерской надобности.

Георгиевск — первый город, который встречается по дороге, проложенной вдоль казачьих станиц. Это маленький дрянной городишко с плохой крепостью.

После моей кратковременной болезни и встречи со знахаркой я несколько дней ехал не на перекладной, а в почтовой карете, шедшей из Ставрополя в Тифлис. Езда в тяжелом, нового устройства экипаже не так поэтична, как на легкой троичной тележке, но зато мои бока поотдохнули и я был избавлен от приятного ощущения ожидать, что может меня так подбросить, что простишься и с жизнью, особенно при рытвинах, то и дело встречающихся по дороге.

Между Ставрополем и Георгиевском дорога пролегает мимо казачьих станиц. Кажется, они еще многолюднее тех, через которые мне приходилось проезжать, и местоположение их живописнее. Разбросанные по холмам, они белеют длинными рядами своих мазанок, утопающих в густой зелени.

Мы благополучно проехали мимо всех этих станиц и добрались до города.

Говоря благополучно, я не совсем точно выразился: с нами случилось одно маленькое происшествие. Подъезжая к одной из станиц, ямщик так разогнал лошадей, что ехавшая перед нами крестьянская телега, нагруженная целой семьей, не успела свернуть в сторону. Ямщик должен был или задеть за телеграфный столб, или налететь на них. Из человеколюбия он выбрал первое и сильно ударил дышлом в телеграфный столб. На этот треск выбежал станционный смотритель. Выслушав оправдание ямщика, он в досаде разразился следующей речью.

— Забыл, что ли, дурак, сколько ответственности и хлопот было у нас тот раз за вывороченный телеграфный столб? Хочешь возобновить старое, что ли? Дави лучше людей, но не смей мне задевать за столбы!

Приехав ночью в Георгиевск, все пассажиры, и я вместе с ними, отправились отыскивать, где бы поужинать.

Единственная гостиница в городе, на углу площади, была со всех сторон заперта, точно готовилась к приступу; долго стучали мы в ворота, пока наконец послышались шаги на лестнице и к нашему большому удовольствию раздался голос. Голос этот не отличался нежностью, называл нас полуночниками и ворчал на то, что потревожили его сладкий сон; но, несмотря на все это, мы добились таки, чтобы нам подали чай и ужин. На следующий день мы хотели выехать рано утром, но нас задержали. Не было на станции лошадей, и, несмотря на воркотню проезжих, нам пришлось просидеть тут с полдня. Что касается меня, то я не совсем был недоволен этой остановкой и воспользовался свободным временем, чтобы побродить в пестрой толпе народа.

День был воскресный. Большое оживление господствовало вокруг станции. Виднелись груды разного товара, провизии и в особенности фруктов, несмотря на то, что лето только что начиналось. Рано поспевшие плоды были заманчивы на вид, но, вспомнив ставропольские сливы, мою болезнь и знахарку, я издали только любовался этими грудами лакомств.

Далее на базаре встречались все принадлежности казацкого костюма и хозяйства: старое ружье, глиняные горшки, поношенные сапоги, солдатские шапки, черкесская папаха, маленькие кинжалы с плотными клинками, башлыки, которые носят и горцы и казаки, надевая поверх шапок, чтобы предохранить себя от дождя. Я нашел нелишним запастись башлыком для предстоящего мне переезда в горах. Это была моя первая покупка кавказского изделия.

Потом я пошел бродить далее по городу. Ряды домишек, ничем не защищенных от солнца, между которыми редко попадались каменные, образуют несколько неровных, немощеных, пыльных улиц, прорезанных рынками или просто пустыми площадями. Бараны и телята преспокойно щипали плохую траву, растущую по улицам.

На углу одной площади из-за густой зелени деревьев виднеется деревянная церковь с кладбищем.

По воскресеньям все незанятое народонаселение толпится на базаре. Одни являются сюда, чтобы купить или продать, другие для того только, чтобы узнать что-нибудь новенькое и посплетничать, так как сплетни — самое обыкновенное препровождение времени во всех неразвитых странах. Остальные части города наслаждаются покоем, изредка только проедет кто-нибудь верхом или покажется телега, наполненная арбузами или казаками и казачками.

Я встретил отряд, сопровождавший пленных горцев, скованных по два вместе и окруженных солдатскими штыками. Они отправлялись на базар покупать себе необходимые вещи. Глухой звук их тяжелых цепей неприятно действовал на слух и напоминал о довольно значительной роли Георгиевска, защищавшего окрестности от нападений соседних горцев.

Отсюда, при хорошей погоде и безоблачном небе, путешественник может в первый раз видеть снежные вершины главной цепи Кавказских гор. Вид прелестный: на далеком, беспредельном горизонте, под палящими лучами южного солнца, раскинулись эти гиганты с блестящими белыми макушками. Мне долго не верилось, что видневшиеся вдали массы были точно грядой колоссальных утесов, покрытых снегом и льдом, а не столпившиеся громовые тучи.

При выезде из Георгиевска дорога разделяется на две ветви. Одна из них ведет в Пятигорск, Кисловодск и другие места, известные в летописях медицины своими целительными железными и серными ключами.

Проехав этим путем некоторое пространство, открывается перед вами восхитительная панорама. Непрерывная цепь постепенно повышающихся гор образует разнообразные и поразительные виды. Направо в теряющейся дали гордо поднимается вечноснежная вершина Эльборуса.[1] Налево виднеются полузакрытые тучами вершины Казбека. Прямо против меня стоят три отдельные горы. Одна из них, Машук, всей своей массой возвышается над Пятигорском.

Город с горою описаны были Лермонтовым. Он избрал их местом действия своих героев и героинь.

Город не представляет ничего особенно интересного и выдающегося, но, чтобы меня не заподозрили в лености, я постараюсь описать общий его вид.

При въезде в Пятигорск приходится объехать крутую скалу, у подножия которой протекает небольшой ручей. Тут начинается предместье, т.е. показывается небольшой ряд казачьих домиков, чистеньких, беленьких с удобным расположением внутри. В одном из таких домиков я нашел для себя помещение и простой, но здоровый обед. Стоило мне все это очень дешево, особенно если взять во внимание вкусные вареники, которыми меня часто угощала моя добрая старая казачка.

Если когда-нибудь случай забросит вас, читатель, в Пятигорск и вы из экономии не пожелаете тратиться на дорогие приманки табльдота, я вам советую последовать моему примеру и поселиться в одном из маленьких домиков предместья и попробовать вареники, приготовленные по-кавказски.

При въезде в город главная улица идет вправо к горам и целебным ключам. На ней вы встречаете новейшие постройки и приезжающих лечиться. Другая улица ведет влево и оканчивается у подошвы горы большой площадью; по праздникам в ярмарочные дни площадь эта превращается в рынок.

Следуя по первой из улиц, вы встречаете армянские лавки. Армяне играют такую роль на Кавказ и за Кавказом, какую присвоили себе западно-русские евреи; они торгуют разными московскими изделиями и ведут свои дела очень недурно. На противоположной лавкам стороне возвышается церковь Пятигорска, более похожая на городские бани, чем на храм Божий.

Подле церкви помещается клуб со всеми трактирными удовольствиями, залами для игры, гостиницами и т.д.

Ермоловские бани, названные так в честь знаменитого Ермолова, и лечебные заведения Еленинских ключей замечательны красотой своего местоположения. Особенно живописны последние. Они своими длинными аллеями и ступенями, проложенными в скалах, напоминают эффектную декорацию оперы.

От Еленинских ключей я часто подымался по узким тропинкам к маленькой круглой беседке, откуда открывался великолепный вид. На громадном пространстве за городскою чертою тянулись казачьи станицы и татарские селения, окруженные густою зеленью.

Недалеко от города находится любопытное место, прозванное Провалом. Само название показывает его происхождение: обрушившаяся скала образовала грот с одним только отверстием сверху, но к нему проделали вход в скале. Грот этот представляет усеченный конус в несколько сажень в вышину, с площадью от семи до девяти квадратных аршин. Серные ключи, из которых один горячий, прорыли вокруг стены большие отверстия, наполненные водой ярко-голубоватого цвета.

Впечатление, которое испытываешь при виде этого узкого и глубокого отверстия, очень неприятно: смотря в него, чувствуешь головокружение. Я часто заходил любоваться этой удивительной игрой природы, но не подумал срисовать провал, в чем теперь сильно раскаиваюсь.

Гора Машук изобилует минеральными ключами. Вообще серные воды Пятигорска пользуются известностью, справедливо ими заслуженною. В окрестностях этого города находятся железные родники Железноводска, Кисловодска и др., куда русские эскулапы посылают ежегодно немалое число своих пациентов.

Продолжая мой путь по Кавказу, я встретил целый табор перекочевывавших цыган. Тележки их, запряженные несколькими лошадьми, нагружены были на четыре аршина выше человеческого роста разными разностями: платками, платьем, хозяйственными принадлежностями; взъерошенные женские и детские головы выглядывали из-за этих движущихся гор разного хлама. Все это представляло любопытную и странную картину. Некоторые из цыган шли подле телег своих пешком, другие были верхами. Шествие это вытягивалось иногда в длинную линию, подымая страшную пыль и наполняя воздух несвязными звуками, криком и отвратительными ругательствами. Нельзя сказать, чтобы все это производило приятное впечатление.

Цыгане останавливаются обыкновенно табором подле городов или больших сел, где им гораздо выгоднее заниматься своими ремеслами. Они промышляют здесь, как и везде, кузнечеством, плотничеством или какими-нибудь мелкими мастерствами, но главное их ремесло — попрошайничество и воровство. Впрочем, цыгане умеют приноровиться к разным местностям, временам года и добыть себе деньгу при разных обстоятельствах.

Цыганки всюду известны как гадальщицы, ворожеи и колдуньи. В чем состоит их секрет морочить народ — неизвестно. Можно приписать это только их странной наружности и необыкновенному костюму. Вместе с этими подозрительного свойства способностями они, подобно цыганам, обладают умением воровать.

Вот почему их не жалует народ, и вообще неохотно дозволяется им селиться по городам и селам. Где бы табор ни остановился, тотчас грабежи и воровство увеличиваются, и кончается это всегда тем, что цыган выпроваживают оттуда без дальних околичностей.

Хозяйство цыган соответствует вполне их кочевой жизни. Снятая с передка телега, припертая кольями, воткнутыми в землю, и покрытая старым рваным холстом, ветхим войлоком или какой другой тканью, составляет его единственный кров.

Можно себе представить, как должна быть отвратительна внутри подобная палатка. Перед вами тут нищета во всей отвратительно-грязной своей обстановке. Тут так тесно, что едва можно двигаться.

Кушанье цыгане готовят на небольшом чугунном тагане. Этот же таган, перевернутый кверху

ногами, предлагается вместо сиденья почетному посетителю. Остальное все соответствует первому: ведро с водою, несколько ветхих хозяйственных принадлежностей, узлы лохмотьев составляют всю домашнюю рухлядь их.

Мех, наковальня, тиски и другие кузнечные принадлежности помещаются по большей части вне палатки под открытым небом.

В костюме цыган нет ничего национального; сбор вещей различного цвета и покроя составляет обыкновенную одежду их, вследствие чего легко тотчас определить, из какой страны пришли цыгане. Судя по различным частям одежды тех цыган, с которыми я встретился, могу сказать с уверенностью, что они прибыли сюда из Крыма. Табор их расположился неподалеку от станицы. Это меня заставило остановиться тут на несколько дней.

Вид гривенников, которыми я наделял за каждый сеанс желавших стоять на натуре, магически действовал на цыган. Взрослые и дети наперерыв предлагали мне свои услуги.

Довольно странный случай поссорил меня с ними, и этюды мои были прерваны. Раз вся честная компания эта встретила меня довольно резкими упреками, почти бранью. Дело в том, что у одного из цыган безо всякой видимой причины разболелась та рука, которую я срисовал. Стали доискиваться причины болезни и вообразили, что я ее напустил на него.

«Убирайся прочь! — кричали они, увидев меня, — ты шайтан, ты напускаешь на нас недуг».

Вообще, мои рисунки были поводом к не одной странной сцене.

Надо заметить, что позирующий никак не может понять, к чему и ради какой цели заставляют его стоять на натуре, он даже не понимает, чего хотят от него. Только желание получить обещанную плату заставляет его сидеть покойно, но лишь только он увидит, что черты его переносятся на бумагу, как приходит в удивление и, смотря по характеру, или начинает хохотать как ребенок, или, если он подозрителен, уходит от вас, не говоря ни слова. В последнем случае никакое обещание не может остановить его; он уверен, что хотят погубить его не только в этой жизни, но и в будущей.

Нищие самые покойные натурщики, я срисовал некоторых из них. Они тщательно условливаются в цене, прежде чем начать сеанс, и делают это с большим толком. «Если ты хочешь, — говорят они, — посадить меня на столько-то часов, а даешь мне столько-то, то я не согласен, потому что я могу получить более того, собирая милостыню». Рассуждение это верно и логично.

Впрочем, некоторые русские чиновники не стоят выше цыган в понимании искусства. В то время как мне перепрягали раз лошадей, я должен был поместиться в крестьянской избе, потому что станционный дом сгорел. Пользуясь свободной минутой, я взялся за свой дорожный альбом и начал набрасывать в нем внутренность избы во всем ее безобразном виде: рухлядь, детей, скотину, куриц, петуха — словом, всю грустную обстановку ее.

Староста входит в избу, видит мою работу и спрашивает, что я такое делаю?

— Ты видишь, рисую избу.

— А зачем вам это, сударь?

— Просто ради воспоминания.

— Так позвольте поубрать маленько, больно неладно все лежит тут.

— Пожалуйста, ничего не трогай, я хочу срисовать все как есть.

Староста вышел, но вернулся со станционным смотрителем; тот принялся меня расспрашивать в свою очередь.

— Что вы это делаете, сударь?

— Рисую избу, как видите.

— Позвольте спросить вас, с какою целью-с вы это делаете?

— Да так себе, для развлечения, хочу ее начертить себе на память.

— Позвольте... Я вас покорнейше прошу не продолжать срисовывать ее.

— Это почему?

— Заметьте, сударь, что изба эта только на время заменяет станцию-с. Станционный дом скоро-с будет готов.

— Но мне решительно все равно, выстроится ли станция или нет. Я рисую просто ради препровождения времени.

— Будьте-с так добры, не пишите об этом. Беспорядок в ней право случайный-с... постройка новой станции...

— Ну вас всех прах побери!

Желая поскорее избавиться от их докучливости, я закрыл свой альбом. Лошади уже были готовы, и мы поехали далее. Дорогой ямщик объяснил мне, в чем дело: они меня приняли за ревизора, объезжающего инкогнито почтовые станции.

Какого происхождения цыгане? Откуда вышли они? Но и более сведущие меня люди не могли определить этого, а мне подавно не решить вопроса, который не разъяснен учеными. Одно я знаю, что цыган встречаешь повсюду и в Европе, и в Азии, и лица их носят совершенно своеобразный характер, по которому легко тотчас узнать цыгана. Можно сказать с достоверностью, что у них чисто южный тип.

II

Владикавказ. — Лезгинская бурка. — Кабардинцы. — Исторические предания. — Два класса: благородные и земледельцы. — Валий. — Одежда. — Оружие. — Кабардинец верхом. — Лезгинка. — Восстание горцев. — Лезгин Хаджи-Муртуз. — Дарьяльское ущелье. — Казбек. — Тифлисская дорога. — Обвалы Бешеной Балки. — Падение снежной лавины. — Покинутый монастырь. — Осетинцы. — Жилища их. — Религия. — Вновь присоединенные. — Замок царицы Тамары. — Ананурский монастырь. — Праздник Св. Георгия в Мцхете. — Тифлисс. — По дороге в Тифлис. — Виды. — Страдания путешественников. — Плачевная участь верблюдов. — Ворон приятель верблюда. — Смертельный приговор, исполнение его и пир. — Татары и армяне. — Зимние их жилища. — Бедность. — Отвращение к труду. — Летнее скитальничество. — Жены и дочери бэков верхами. — Арбы. — Амазонки. — Лихорадка причитание. — К чему ведут предостережения и конвой. — Способ приобретения доходов. — Ловля разбойников.

Город Владикавказ находится в ста пятидесяти верстах от Георгиевска. Построен он у самой подошвы главной цепи Кавказских гор и довольно хоро-

шо укреплен. Он защищает вход с севера в дефиле, единственное место, через которое можно пройти в горы, что объясняет и название его. Терек, на котором стоит Владивкавказ, берет свое начало в Дарьяльском ущелье. В начале течет он к северо-западу, потом, круто повернув у Моздока к востоку, течет прямо в Каспийское море.

Городские строения Владикавказа не представляют ничего картинного. Город построен, как обыкновенно строятся у нас все уездные города. Лавки с выставленными товарами тянутся вдоль главной улицы. Посредине города — площадь; вокруг нее — судебные места, почтовые здания и гостиницы. Я тут не встретил никаких следов мануфактурной промышленности.

Советую каждому, посещающему Владикавказ, запастись тут лезгинской буркой. Неоцененная по своему удобству, бурка эта фабрикуется в горах из овечьей шерсти[2] и отличается от других бурок легкостью, плотностью своей ткани и коротким волосом. Она лучше дагестанской, и шерсть ее снаружи длиннее. Бурка и папаха тут во всеобщем употреблении, что придает жителям местный характер, не лишенный поэзии.

Следующая за этой станция по тифлисской дороге находится в самом горном ущелье. Но прежде чем нам пробраться туда, я хочу вас познакомить с кабардинцами, которые живут подле Владикавказа, населяя всю западную страну первых возвышенностей главной цепи Кавказских гор.

Насколько я заметил, тип встречаемых мною на Кавказе горцев был один и тот же; несмотря на то, что они принадлежали разным племенам, одежда их, лица, обычаи и вероисповедание почти одинаковые. И то, что я буду говорить о кабардинцах, может относиться и к другим горцам, живущим в этой местности. Таким образом, описав одно племя, я избавлю читателя от частых повторений одного и того же.

Начну я с легенд о происхождении кабардинского племени. Легенды эти распространены здесь в народе, и я, не ручаясь за историческую достоверность их, передам их вкратце, как можно вернее.

«Кабардинский народ и князья их родом из Египта. Они вышли многочисленными толпами из этой страны и появились в Крыму, на реке Кабарде, название которой и приняли. Во второе свое переселение они перебрались через море и дошли берегами Кубани до самого ее истока. Некоторые из них тут и остались, другие перешли за Кубань; но большая часть из них раскинула свои палатки на пространстве и теперь занимаемом Большой и Малой Кабардой. Многие из их князей и начальников приняли христианство, о котором имели уже понятие, живя возле греков в Крыму и на Кубани. Кабардинцы считались самым могущественным народом между кавказцами, и все окрестные племена платили им дань».

«Общество их делилось на два разряда: на землепашцев, или рабов, и на благородных, подразделенных на четыре класса, включая в эти классы и князей.

Главным начальником кабардинцев был Валий: «над князьями князь». Власть его над подчиненным ему народом была наследственная. Многие из них, недовольные русским правительством, стали переселятся за Кубань. Не только семьи, но целые селения бросали родную землю и переселялись к непокорным горцам. Главным поводом подобного переселения было уничтожение их права судиться по шариатскому уставу, который был заменен подкупным судом военных комиссаров. К тому же им запретили ходить на поклонение в Мекку.

Чума, появившаяся здесь в начале нынешнего столетия и свирепствовавшая в течение четырнадцати лет, похитила более половины народонаселения. Генерал Ермолов в 1822 году покончил с остальными. Он предал всю Кабарду огню и мечу, и жители ее разбежались. В настоящее время число их не простирается более десяти тысяч и влияние их на соседние племена совсем рушилось».

Все это я передал так, как было мне рассказано некоторыми из здешних жителей.

Сношения кабардинцев с Россией начались очень давно. Они признали над собою власть России еще во время похода Иоанна Грозного на Астрахань. Но эта добровольная подчиненность была только наружная; настоящее подчинение Кабарды России произошло не ранее последнего столетия. С этих пор кабардинцы и князья их были России вернее других племен. Вооруженные восстания были тут редки. Но этот, по-видимому, добровольно подчинившийся народ не доверял своим победителям, что и до сих пор продолжается.

Как уже сказано выше, народ этот делится на благородных и земледельцев, или рабов. Вас с первого разу поразит резкая граница, разделяющая эти два класса: наружность, обращение различают их еще более, чем одежда.

Сын благородного или князя с раннего возраста приучается обращаться с конем и оружием и смотрит с презрением на всякое другое занятие. Он знает, что ничем другим не может приобрести влияния над окружающими его и заслужить общее уважение, как только храбростью, стойкостью, неустрашимостью и высокомерием; но обширное поле брани, на котором подвизались его предки, погибло для него с покорением Кавказа. Прежде набеги на неприятельские владения были естественной школой для молодежи, но не надо забывать отличительный характер западной Азии: тут набеги делались больше с целью похвастаться своей храбростью и удалью, чем с желанием ограбить.

Глаз наблюдателя, хоть сколько-нибудь привычного различать оттенки всего его окружающего, тотчас же отличит благородного кабардинца по его врожденной молодцеватости. Крестьянин их, напротив, неуклюж, что составляет весьма сильный контраст с природной развязностью воина.

Впрочем, земледелец не завидует благородному сословию. Он уважает более здравый смысл и мощь своего собрата, чем хитрость и ловкость благородного кабардинца.

В прежние времена власть князя и вообще всякого благородного была неограниченна, он мог распоряжаться своим рабом, как ему заблагорассудится, и тот смиренно склонял свою голову под тяготеющим над ним ярмом, беспрекословно слушался своего господина и оставался верен ему.

Преданность раба была безгранична, он не дозволял никогда постороннему дурно относиться о своем господине; словом, это была привязанность собаки к своему хозяину.

Со времени освобождения крестьян в России отношения эти приняли совсем другой характер.

Кабардинка не только заботится о прокормлении своих детей, но нередко доставляет пропитание и своему мужу. Находясь под непосредственной властью представителя семьи, она, как какая-нибудь вещь, обязана служить ему.

Женщины и девушки ткут и приготовляют все принадлежности своей и мужской одежды. Нарядный кабардинец не столько тщеславится своим красивым и хорошо сшитым платьем, сколько тем, что у него есть женщина, которая умеет приготовить это платье.

Подобно всем остальным кавказским горцам, одежда кабардинца состоит из следующего: поверх рубашки и широких штанов надевается архалук или бешмет. Бешмет этот застегивается снизу доверху на пуговицы снурочными петлями. Чем чаще посажены эти пуговицы и петли, чем более выдается вперед грудь, тем выше ценится искусство женщины, сумевшей сшить его. На бешмет надевается чуха или черкеска. Татарского покроя платье это, застегиваясь только на несколько нижних крючков, оставляет грудь открытою и придерживается узким ременным поясом с серебряными украшениями. По обе стороны груди нашиваются одноцветные или разных тонов куски материи с разделением для газырей (деревянных патронов). В газырь всыпают заряд пороха и затыкают его пулей, обернутой в насаленную тряпицу.

Дома кабардинцы носят обувь из толстой кожи на высоких каблуках с поднятыми вверх носками или просто цветные шерстяные чулки с узорами. Для верховой езды они употребляют ноговицы с чевяками (род туфлей с мягкой подошвой).

Бритую голову свою они покрывают папахой (шапка из бараньей шкуры), на плечи набрасывают бурку. Папаха и бурка неудобны по своей тяжести, особенно летом, но не надо забывать, какая огромная разница между температурой гор и долин. Для горца очень удобен его наряд, потому что ему часто приходится спускаться со снежных гор в теплые долины, или возвращаться обратно — в холодную температуру.

Оружие их состоит из кинжала, пистолетов и винтовки. Горцы до сих пор еще не употребляют пистонов, и огнестрельное оружие их кремниевое. Пистолеты, привешенные к снурку, надетому на шею, затыкаются сзади за пояс. Винтовку они носят за спиной на перевязи в чехле, сделанном из того же материала, из которого делается и бурка. Подле винтовки прикрепляются две тоненькие, длинные, заостренные палочки. Когда кабардинец хочет стрелять пеший, то он втыкает палочки крест-накрест в землю и на эту импровизированную сошку опирает дуло своей винтовки. Несмотря на такую устарелую систему, пуля, пущенная искусною рукою горца, редко не попадает в цель.

Поверх папахи кабардинцы носят большой широкий башлык из верблюжьей шерсти и особенно искусно обертывают себе шею длинными его концами так плотно, что ни ветер, ни дождь не пробирают их. В жару башлык заменяет им папаху.

Иногда архалук и черкеска обшиваются узким серебряным галуном, но по большей части на них не видишь ничего блестящего. Зато, если горец богат, оружие его всегда покрыто серебряной оправой с чернью. Нередко встречаешь горца, до того плохо одетого, что если бы не дорогое оружие, которым увешан его пояс, то его можно было бы принять за нищего.

Мне казалось нелишним пускаться в описание подробностей наряда кабардинца потому, что его носят не одни только горцы. Казаки его себе усвоили, хотя он на них сидит не так ловко и красиво, как на горцах.

Женщин я видел только покрытых длинной чадрой и не могу описать даже их платья. Я успел только заметить при слегка приподнятой чадре коротенькие и чрезвычайно широкие шальвары и мужскую обувь их с высокими каблуками.

Женщины высшего сословия носят богатый, очень оригинальный и весьма сложный костюм.

Конь кабардинца до того худ, что можно пересчитать его ребра. По-видимому, он уступает в силе другим лошадям кавказской породы, но при езде он неутомимостью превосходит их.

Седло горца покрыто кожаной подушкой, стремена поддернуты так высоко, что нога с голенью образует нечто вроде римской цифры V. Обыкновенно восточные жители высоко подтягивают стремена, но кабардинцы доводят это до крайности. Невольно удивляешься, как при всей неудобности положения ног и при такой ничтожной точке опоры горец так плотно держится на седле, точно прирастает к нему. Я же, при моих продолжительных переездах в горах, не мог приучить себя, несмотря на все свои ухищрения, к этому неудобному положению ног при поднятых стременах. Случалось часто, что я, к ужасу моих спутников, вынув ноги из стремян, оставлял их просто висеть по примеру наших мужичков, возвращающихся с пашни на своих толстобрюхих пегих лошаденках.

Женщины живут затворницами, они редко выходят из своих саклей, и их можно встретить, только когда они отправляются за водою.

Как благородные кабардинцы, так и земледельцы их нисколько не развиты.

Молодежь не получает никакого образования; грамотные тут попадаются весьма редко.

Кабардинцы, подобно всем мусульманам, не употребляют вина. Пища их состоит из нескольких незатейливых блюд. Горцы, подобно всем сельским жителям, очень воздержаны. Как члены самой развитой из европейских наций, живя постоянно в деревне, привыкают к воздержанию, так и горцы редко изменяют этой похвальной привычке. Зато на свадьбах и других подобных торжествах они проводят целые дни в еде и оставляют ее только лишь для танцев.

Национальный танец Кавказа и Закавказья — лезгинка. Она состоит из очень трудных и преоригинальных движений в такт, под звуки веселой, но однообразной музыки. Этот танец танцуют и мужчины, и женщины, только не вместе, а отдельными группами. Присутствующие бьют при этом в ладоши под такт музыки.

Есть много признаков христианства в обеих Кабардах; местами встречаются даже развалины христианских храмов. Изображения религиозного содержания на стенах их остались почти нетронутыми временем. По уверению некоторых, не далее как лет двадцать пять тому назад можно было еще встретить стариков, на памяти которых совершалось богослужение в этих покинутых ныне храмах. Магометанство утвердилось тут только в конце восемнадцатого столетия, и то благодаря турецким миссионерам.

Отличительные черты характера кабардинца: отвага, грубость и мщение. При этом природа создала его сильным и не лишенным и умственных способностей.

Рассказывают, что однажды кабардинцы отправили депутацию к русскому царю. К которому из наших государей — неизвестно, но только, наверное, не к ныне царствующему. Выборные эти, изложивши государю свои просьбы и желания своих соплеменников, закончили свою речь следующим: «Государь! Ты милосерд, мудр и великодушен; но нам известно, что в числе твоих приближенных находится недоброе существо, по имени «правительство». Великий государь, прогони, прогони навсегда от себя это коварное и отвратительное «правительство». Раз избавившись от него, все дела пойдут лучше во всех странах, признающих власть твою...»

Выдуманный этот анекдот повторяется в обеих Кабардах и говорит в пользу сметливости и хитрости ее жителей.

Но я должен заметить, что добровольное подчинение России кабардинцев и других кавказских племен спасло их от окончательного разорения, которому подверглись соседи их, жившие по ту сторону Кубани. Враждовавшие с Россией, племена эти были смирены оружием, аулы их разорены и оставшиеся жители выселены в Турцию. История этого покорения всем известна, и я не стану входить в подробности ее.

В то время как я проезжал по Кубани, покорение Кавказа было окончено. Однако еще продолжались стычки с некоторыми незначительными племенами, засевшими в неприступных горных ущельях, где они надеялись отбиться от России. Мне случалось расспрашивать людей, участвовавших в этих делах. Один из офицеров рассказывал, что война эта была для них весьма тяжела. Постоянная погоня за неприятелем по самым непроходимым местам, беспрестанная перестрелка со скрывающимися в горах горцами, горячки и разные другие болезни, господствующие в этом климате, ожесточали наших солдат и делали их неумолимыми в рукопашном бою. Но надобно тоже знать, какой характер носят и восстания горцев. Чтобы дать хоть малое понятие о них, я передам в нескольких словах рассказ о лезгинце Хаджи-Муртузе, приобретшем себе некоторую известность на Кавказе и стоявшем во главе одного из последних восстаний в Дагестане. Восстание это было последним, несмотря на неуместность всех подобных попыток. Как это чаще всего случается, тамошние власти ничего не подозревали о замышляемом восстании и нисколько не были готовы дать отпор неприятелю, как вдруг, в один прекрасный день, является гонец из Лагодехского укрепления к князю Шаликову, генералу, заведовавшему в то время окружными войсками, и доносит следующее: «Обширное белоканское население поднялось против России и увлекло в восстание окружающие его аулы. Шайка в несколько тысяч человек окружила крепость Закаталы и готовится к осаде ее. Главным предводителем и распорядителем восстания подозревается Хаджи-Муртуз». Надобно сказать, что Хаджи-Муртуз считался до тех пор человеком, преданным русскому правительству. Он даже был награжден орденами и получил чин капитана за свое содействие русским во время последних дел. Понятно, что князь Шаликов не мог вдруг поверить его измене; тем не менее, он собрал наскоро горсть солдат и двинулся с ними к главному центру восстания. Неподалеку от Белокан он встречает горцев из окрестностей Джарека, шедших к нему навстречу. Все они были, по большей части, люди пожилые и более или менее заявившие себя с хорошей стороны разными услугами правительству. Они окружили генерала и стали уверять его в своей преданности правительству и готовности охранять его от всякой опасности. Уверенный в их преданности, князь Шаликов оставляет своих солдат в арьергарде, а сам, окруженный горцами и грузинской милицией, отправляется дальше к восставшим. Подъехав на расстояние, с которого можно было уже различить ретраншаменты восставших, он преспокойно отдает следующее приказание сопутствующим ему горцам:

— Идите,— говорит он, — и заставьте этот народ разойтись по своим домам.

Горцы поскакали, но вместо того, чтобы идти против восставших, они бросились врассыпную и вскоре совсем исчезли из виду. Тогда только Шаликов понял всю опасность своего положения. Он остался один с несколькими приближенными в виду неприятельского лагеря. Постыдным ли ему казалось отступление или просто оно было невозможно, только он поскакал вперед и вскоре очутился у пещеры, в которую вела одна узкая дорожка по окраине скалы, над страшной пропастью. На скале

появился сам Хаджи-Муртуз с винтовкой через плечо. Князь успел только закричать: «Мошенники!» — как тут же упал бездыханен.

Небольшой отряд, его окружавший, был изрублен в куски. Солдаты, оставленные в арьергарде, бросились на выстрел, но тотчас же были окружены толпой головорезов, прозванных абреками. Толпа все росла. Пришлось нашим храбрецам пробиваться сквозь массу горцев до крепости Закаталы, отстоявшей на десять верст от места.

Из двухсот человек отряда генерала Шаликова пятьдесят легли на месте, а более пятидесяти были ранены. Солдатики наши не оставили горцам не только ни одного раненого, но даже убитого. Легко представить себе, каково было этой горсти несчастных пробиваться сквозь ряды разъяренного неприятеля! Каждому солдату приходилось нести на плечах или раненого, или мертвого товарища!

Легче представить, чем описать, в каком виде достигли они до крепости. Изнемогая от ран и усталости, добрались они наконец до Закатал, подняли одного из товарищей, и тот кое-как, посредством рупора, успел предупредить гарнизон о приближении неприятеля.

Несчастных этих впустили наконец в крепость, но и сама крепость могла ли долго защищаться от неприятеля? Обыкновенный гарнизон ее не превышал числом тысячи человек, но и эти солдаты не все были внутри стены; многие из них работали вне крепости и были истреблены восставшими. В крепости оставалось небольшое число защитников, и те могли рассчитывать только на свои силы. Нечего было и думать о подкреплении из Лагодех, Кахетии, Тифлиса; восставшие горцы сожгли мосты на Алазане, чем прервали всякое сообщение.

Жители Закатал присоединились к гарнизону крепости и приготовились по возможности к предстоящей осаде.

День прошел в тревожном ожидании. Настала ночь. Горцы затянули свою кровавую песню. Это был сигнал к атаке. Поднялся затем дикий крик, оглушительный, адский грохот, и горцы ринулись на крепость. Несмотря на свое отчаянное нападение, они, однако, были отбиты. На следующий день они опять дали вздохнуть нашим и приготовиться к отражению ночного нападения. Но к вечеру явилось подкрепление, войска подоспели с разных сторон, и развязка этой кровавой драмы была совсем другая, чем можно было до тех пор ожидать. Восставшие не могли бороться с такой силой, сдались, и с ними поступили, как обыкновенно поступают в таких случаях: двенадцать из них были повешены на месте, более ста — сосланы в Сибирь и разные другие места.

Причины этого восстания были религиозный фанатизм и ненависть, которую обыкновенно чувствуют побежденные народы к победившему их. О неудовольствии частных лиц и их интригах не стоит и говорить. Все это мелочи. Но что сталось с Хаджи-Муртузом? Спустя восемь месяцев после описанных мною происшествий он еще бродил в горах и лесах той местности. Никто из горцев не решился бы выдать его, но он сам отдался в руки властей по просьбе жителей, для которых очень тягостно было кормить солдат, назначенных разыскивать его. Приговоренный к смерти, он был помилован и сослан на жительство в одну из наших дальних внутренних губерний. Я навестил его в то время, когда он еще содержался в Тифлисе в крепости, и долго разговаривал с ним. Лицо его выражало грусть и усталость. Участь его еще тогда не была решена: его судили военным судом, и никто не знал, чем кончится это дело.

Дарьяльское ущелье наводит на путешественника страх, смешанный с каким-то тоскливым чувством. Кажется, что вот-вот эти громадные гранитные массы обрушатся и задавят вас. Скалы прямо и гордо подымаются к небу. Никакой признак растительности не нарушает их мрачного серого колорита. Густые облака тяжелым и влажным саваном застилают вершины этих великанов, и солнечному лучу очень редко удается пробить густой покров их. Дождь почти беспрерывно идет в ущелье. Вода двух рек журчит у подножия Дарьяла: на севере Терек стремится сначала к Владикавказу, потом внезапно поворачивает к востоку и течет в Каспийские море. На юге Арагва несет свои воды в Куру, впадающую тоже в Каспийское море.

Как Терек, так и Арагва стекают со снежной вершины Казбека. Гора эта поднимается над Дарьяльским ущельем, почти в самой середине его.

Большая военная дорога в Грузию, единственный путь сообщения между Россией и Закавказьем, идет по берегу Терека и Арагвы. Она построена кавказскими солдатами и приносит громадную пользу этому краю. Следующее место из донесения генерала Кноринга, бывшего начальника кавказских войск, дает верное понятие об этом громадном труде. На всяком шагу труд этот встречал бесчисленные препятствия и невероятные затруднения, вследствие чего так медленно подвигались эти циклопские работы.

«Терек, — пишет Кноринг, — течет с невыразимой быстротою. Он прорезывает в двух местах Кавказский кряж во всю его ширину. Единственно возможный прямой путь сообщения с Грузией пролегает через этот узкий проход, образовавшийся между двух громадных скал. Чтобы переехать Терек у границ Грузии, надобно на расстоянии тридцати пяти верст построить восемнадцать мостов. Мосты эти нельзя иначе утвердить, как соединив оба берега поперечными деревянными перекладинами. Ежегодно изменяемое русло реки и огромные каменные глыбы, которые она в своем течении смывает и уносит с собой, не дозволяют построить мост иначе, как с перекладинами. В некоторых местах Терек течет на таком близком расстоянии от скал, что не оставляет никакого проезда по обоим берегам своим. Приходится, так сказать, цепляться по узкой береговой тропинке, по которой иной раз с трудом перебирается телега».

В настоящее время вместо этой неутешительной картины, начерченной Кнорингом, путешественник находит хорошее шоссе, прекрасные мосты и станционные дома — словом, такую дорогу, которая сделала бы честь любому искусному европейскому инженеру.

Терек не перестает, однако, вести борьбу с проложенной дорогой. От времени до времени он поднимается, достигает в своем развитии шоссе и смывает и портит во многих местах шоссейную насыпь. Все это, однако, скоро исправляется, и починки эти нисколько не мешают проезду по шоссе. Благодаря Дарьяльскому ущелью, дорога эта представляет единственный путь, соединяющий две страны света.

Все усилия ума человеческого не могут справиться только с двумя бичами здешней природы: с обвалами и лавинами. Обитатели равнин и степей не могут себе представить весь ужас этих явлений, так хорошо известных каждому горцу.

Нет человека, который бы рассказывал без ужаса о периодическом обрушении лавин с Казбека и о провалах Бешеной Балки. Ужасы эти составляют принадлежность Дарьяльского ущелья. Об обвалах очевидец рассказывает следующее:

«В нескольких верстах от станции Казбека течет небольшой ручеек. Его с трудом можно заметить: так он тихо пробирается между камешками. Спускаясь в равнину, он поит стада и потом перпендикулярно течет и впадает в Терек. Все течение его не более версты. Подобные ручьи текут тут на высоте восьми или девяти тысяч футов. Во время частых весенних дождей ручейки эти растут с неимоверной быстротой; воды в них становятся мутными, с черноватым даже отливом; глухой ропот их растет и, усиливаясь, превращается, наконец, в страшный гул, оглушающий окрестности. На этот-то хорошо всем знакомый грохот сбегаются окрестные жители.

Я последовал за толпой и присутствовал при этом потрясающем зрелище. Совсем черные волны казались огромным скопищем грязи. Все мы стояли в гробовом молчании. Вдруг страшный треск, подобный громовому раскату, пронесся по горам, и горное эхо повторило его бесчисленное число раз. Быстрота течения ручья заметно слабела... Ребятишки вдруг подняли крик: «Вот она, вот она, пошла!» Толпа бросилась в указываемую сторону. Черная громадная масса воды стремилась у моих ног, унося с собою огромные глыбы гранита, оторванные от утесов. Камни эти сталкивались, кружились и с глухим гулом катились с ручьем вниз по горе.

Я тихо побрел с возвышенности, на которой стоял, по направлению ручья и проследил его до впадения в Терек. Поток останавливался иногда на несколько минут. Воды напирали на преграду из камней и грязи, его остановившую, и, образовав громадный водоворот, одолевали наконец ее, со страшным треском скатываясь в пропасть».

Нетрудно разъяснить себе это странное явление: ручей проложил себе путь в гранитном слое. Стекая с вершины горы, уносит он с собою каменные глыбы, и те, цепляясь за скалы, нагромождаются одна на другую и образуют иногда нечто вроде плотины. Не находя себе свободного прохода между скважинами этих глыб, воды потока накапливаются в этом месте до тех пор, пока не смогут осилить эту каменную преграду. Отягощенные вновь отрываемыми при этом обломками скал, воды потока становятся все грознее, и последний обвал бывает всегда самый ужасный.

Падение снежной глыбы на Казбеке еще страшнее и опаснее.

Много было описаний об этих лавинах, но большая часть из них неверны. Из слов нескольких очевидцев, имевших случай следить время от времени за падением лавин, я мог вывести только следующее.

До 1832 года громадная лавина срывалась ежегодно с вершин Казбека, засыпая большую часть Дарьяльского ущелья, и, останавливая на несколько часов течение Терека, производила страшные опустошения по Военно-Грузинской дороге. В продолжение нескольких лет в этом месте был самый затруднительный переход: приходилось перебираться с опасностью для жизни через громадные глыбы льда и снега, загромождавшие Дарьяльское ущелье, единственный путь из России в Грузию.

Ежегодное явление это разнилось только в силе и продолжительности таяния низвергаемой в ущелье массы льдов. С некоторого времени опасное низвержение это приостановилось. Громадная каменная глыба, оторванная от скалы, засела с боку Дарьяльского ущелья и сдерживает до сих пор падение лавин.

Видали ли вы когда-нибудь, читатель, как катится тяжелая масса на гладкой наклонной поверхности и вдруг ее приостанавливает один ловко поставленный палец? Точно так же достаточно одной гранитной глыбы, ловко засевшей, чтобы сдержать в настоящее время падение громадных глыб Казбека. Проезжая ущельем, путешественник может видеть вершину этой оторванной скалы.

Желательно, чтобы она служила всегдашней преградой лавинам, грозившим в продолжение стольких веков засыпать ущелье.

Со времени покорения русскими Кавказа на Казбеке произошли только три страшных обвала, засыпавших часть Дарьяльского ущелья, именно: в 1808, 1817 и 1832 году.

О первых двух не сохранилось никакого воспоминания у тамошних жителей, они только рассказывают, что таяние второй лавины продолжалось пять лет, что, впрочем, не подтверждено никакими точными доказательствами.

О последнем же обвале я собрал достоверные сведения. Лавина свалилась неожиданно 13 августа 1832 года, в пять часов утра, и засыпала на две версты узкий проход Терека. Громадное накопление льдин, снега и камней приостановило течение реки, и жители Владикавказа могли видеть русло ее совсем сухим в продолжение нескольких часов. Приостановленные в своем течении, воды Терека поднялись на огромную вышину и образовали целое озеро в верхней части ущелья. После восьмичасовой борьбы с этой громадной массой волны успели, наконец, проложить себе проход сквозь лавину.

На расстоянии с лишком двух верст образовался над рекою свод из льда и снега. Слышался только глухой ропот Терека, пробиравшегося под этим тяжелым кровом. Вышина обвала была около 35 сажен, вся же величина массы составляла около 936,580 кубических сажен. Небольшие обвалы случаются и теперь тут нередко, но они незначительны сравнительно с только что описанным мною. Однако, благодаря им, приходится расчищать дорогу ущелья в течение нескольких недель сряду. По вышеописан-

ному можно судить, как трудно содержать в порядке этот единственный путь из России к Закавказью.

Чтобы устранить опасное падение огромных лавин — несчастье, которое и теперь еще может легко случиться, — придумали было поднять дорогу на 50 сажен, но проект этот был оставлен. Работы, однако, начались и шли довольно быстро; длинная прямая линия, проложенная сквозь скалы, виднеется и теперь при проезде сквозь это ущелье.

Я считаю нелишним поговорить теперь о Дарьяле и племенах, окружающих горы. Почтовая станция, построенная против самого Казбека, названа по его имени. Древний, нынче заброшенный, монастырь виднеется неподалеку от Казбека, на одной из уединенных вершин. Не думаю, чтобы можно было пробраться в него в настоящее время, по крайней мере, я не вижу никакой возможности пройти туда. Он довольно хорошо сохранился и снаружи кажется совершенно целым зданием, окруженным каменными стенами. Все его кровли целы. Большую часть года он прячется за тучами.

Посредине Дарьяльского ущелья, где начинает показываться зелень, на нижних уступах скал виднеются жилища горных грузин и осетинов. Грузины эти ничем не отличаются от своих тифлисских собратьев.

Осетины живут не только в Дарьяльском ущелье, но и на довольно большом расстоянии от гор, к юго-западу от Владикавказа, в том месте, где кончаются аулы кабардинцев.

Они очень резко отличаются от племен, их окружающих, особенно по языку и обычаям.

По большей части селения их расположены на покатости гор. Высокие стены с башенками, виднеющиеся по обеим сторонам Дарьяла, напоминают времена набегов. Выбор местности при постройке жилищ и расположение саклей доказывают, что жители руководствовались более всего мыслью защитить себя и устроить себе жилище прочное и удобное для той жизни, которую приходилось вести им. Большая часть саклей этих выстроены в два этажа. Нижний из них предназначается для конюшен и хлевов. Сакли лепятся по горе, в которой большая часть из них высечена.

Некоторые из путешественников нашли в нравах и обычаях осетинов большое сходство с древними германцами. Известно даже, что этнологи до сих пор затрудняются в определении происхождения этого племени. Одни производят его от германцев, другие — от славян, некоторые же — от турок. Обычаи осетин дают повод предполагать, что они имели сношения с европейцами не в очень отдаленную от нашей эпоху. Вы встречаете у них кровати, столы, чего не находите у других кавказских и закавказских племен; они садятся по-европейски, не поджимая под себя ног. Глава семейства помещается обыкновенно на кресле, искусно выточенном.

У меня было подобное кресло во время моего пребывания в Тифлисе. Резьба на нем была довольно груба, но рисунок имела правильный.

По всему вероятию, в древности осетины населяли самые северные части Кавказа, но впоследствии горцы оттеснили их к горам.

Религия их представляет смесь христианства, магометанства и язычества. Они соблюдают наши посты и в неделю христианской Пасхи приносят в жертву хлеб и масло на алтарях, устроенных в священных рощах. Развалины древних храмов, виднеющиеся тут, доказывают, что некогда они исповедовали православие. Русское правительство серьезно хлопочет об их воссоединении. К ним посылают обыкновенно молодых священников, только что окончивших курс богословия, полных еще энергии для проповедания слова Божия.

Закончу свой рассказ об осетинах анекдотом, в правдоподобности которого усомнился бы первый, если бы не был убежден в достоверности источника, из которого почерпнул его: мне рассказывал очевидец.

Священник уговорил этого господина пробыть у него до воскресенья, чтобы иметь случай видеть церемонию, устроенную для новообращенных. Пришедши к обедне, господин этот увидел в церкви несколько осетин. Они по старой привычке стояли в шапках и преспокойно разговаривали о своих делах. Когда вошел священник, он тотчас заметил это и обратился к ним со следующей строгой речью: «Сколько раз объяснял я вам, что вы находитесь в храме Божьем! Можно ли тут стоять в шапках! В церкви не только не следует болтать о всяких пустяках, но надо удерживаться и думать о чем бы то ни было другом, кроме как о Боге».

После нескольких еще увещеваний в этом же духе он вошел в алтарь. Началась служба. Священник поминутно должен был останавливаться и напоминать то тому, то другому кружку о неприличности их говора. Все они толковали тут о своих делах, как на каком-нибудь базаре.

Один из присутствующих, утомясь, должно быть, продолжительностью нашей обедни и соскучившись слушать службу на совершенно непонятном ему славянском языке, вынул из кармана трубку, набил ее табаком и хотел закурить. Но у него не оказалось кремня в кармане, соседи его тоже не взяли кремня с собою. Он готов был уже отправить свою трубку обратно в карман, как священник вышел из алтаря с дымящейся кадильницей. Если осетин молился, то, наверное, ему пришло в голову, что в эту минуту Господь услышал его просьбу и посылает просимое. Как бы там ни было, но он подошел к священнику и попросил его остановиться на минуту и дозволить об уголь кадильницы закурить трубку.

Священнику пришлось снова прибегнуть к поучению, как следует христианам стоять в церкви.

Пристыженный, осетин грустно возвратился на свое место и должен был выслушать еще замечания от своих товарищей.

— Право, ты глуп, — сказал один из них, — надоело тебе стоять — выйди из церкви и кури себе на просторе, а то черт дернул тебя курить!..

— Если на то пошло, — отвечал недовольный осетин, — так я никогда больше не вернусь сюда. — И, надев шапку на голову, побрел прочь.

По этому рассказу видно, как серьезно их обращение.

Большие развалины виднеются на громадной скале Дарьяльского ущелья, на правом берегу Терека. Это, по словам жителей, остатки замка царицы Тамары. В описаниях древних путешественников встречаются некоторые объяснения о постройке этого укрепления. Мы выпишем некоторые из них. Страбон пишет:

«Путь в Герию с севера очень труден. Только на четвертый день подъезжаешь к Арагве, и тут вам преграждает путь громадная стена, охраняющая замок».

Плиний говорит: «В стране герийцев находятся Кавказские ворота (Дарьяльское ущелье); некоторые ошибочно называют их Каспийские врата. Природа в этом месте устроила проход, запертый железными воротами, под которыми протекает река Дириодорис. Над ущельем возвышается замок Куманиа, довольно хорошо укрепленный и способный сдержать напор многочисленных племен».

Еще памятнее объяснение Масуди, жившего в X веке:

«Врата Аланского замка находятся в земле аланов. Они построены Исорендиаром, сыном Гистаспа. Он оставил тут довольно сильный гарнизон для того, чтобы прекратить вторжения аланов в Кавказский край. Нельзя туда пробраться иначе, как через мосты, построенные ниже крепости этой...

Крепость стоит на скале и положительно неприступна; в нее можно только пробраться с согласия защищающих ее. Она так хорошо устроена, что один человек, запершись в ней, мог бы отбиться от нападения врагов.

Крепость висит точно на воздухе и господствует над мостом, дорогой и рекой».

Неприступность этой крепости, вероятно, преувеличена Масуди. Но, тем не менее, надо предполагать, что она имела важное значение во время борьбы южных племен с северными. В начале нашего столетия развалины ее имели еще довольно правильный вид, но остатки эти были взорваны, когда пролагали военно-грузинскую дорогу.

Против редута, построенного в десятых годах нынешнего столетия, на правом берегу Терека виднеются еще следы тропинки, ведшей на вершину скалы. Говорят, что это следы водопровода крепости.

Один владетельный князь рассказывал мне, между прочим, что во времена оны жил, по преданию, в этих странах герой, защитивший Грузию от неприятельского нашествия. Крепость эта была построена по велению царицы Тамары. Начало предания об этой царице теряется во мраке неизвестности и смешивается со всеми необыкновенными подвигами и замечательными происшествиями, сохранившимися в народной памяти.

Построение этой крепости относят к разным временам; но нет никакого положительного указания на то, чтобы замок этот был точно когда-нибудь местопребыванием грузинской царицы.

Перейдя ущелье, тотчас же чувствуется перемена климата. Воздух делается мягче по мере того, как вы незаметно спускаетесь к теплым долинам.

В Мцхете — последняя станция, подъезжая к Тифлису, — встречаешь другую древность, более замечательную первой. Это тоже церковь во имя св. Георгия. Надо заметить, что большая часть встречающихся тут религиозных зданий посвящена этому святому.

Многие археологи и путешественники занимались тщательными изысканиями об этом замечательном храме.

В день празднования памяти угодника стекаются сюда из Тифлиса и других окрестностей множество странников и странниц. Мужчины, впрочем, едва заглядывают в церковь. Они обыкновенно привозят с собою разную провизию, в том числе несколько бурдюков доброго кахетинского вина. Расположившись вокруг монастыря на довольно большом от него расстоянии, они в продолжение нескольких дней сряду поют, танцуют и пьют в честь св. Георгия. Пиры эти продолжаются днем и ночью.

Тифлис лежит в двадцати верстах отсюда. Здания его и жители заслуживают более подробного описания, чем я мог это сделать в мое первое путешествие.

Не менее жалею и о том, что я не могу на этот раз рассказать подробнее о Кавказе. Страна эта в настоящем ее виде представляет обширное и обильное поле как для описания новейшего туриста, так и для исследования новейшего ученого. Настоящее время — самая удобная минута для изучения этой страны. Прочный мир водворился на месте давнишних кровавых драм, которых была свидетельницей в продолжение стольких веков страна эта. Путешественнику теперь легко пробраться на Кавказ и изучить тамошнюю природу и ее обитателей.[3] Мир сблизил побежденных с победителями, и, без сомнения, резкие черты характера горцев скоро сгладятся под влиянием цивилизации, так сильно изменяющей все страны.

Кавказские племена, эмигрировавшие в Турцию, унесли с собою навсегда все, что составляло отличительную черту Кавказа. Но об этом нисколько не пожалеет тот, кто думает больше о благосостоянии страны, чем о ее живописном виде.

В жаркий летний день я ехал по дороге из Тифлиса в Шушу. Вправо от меня подымались небольшие холмы, влево виднелась сначала ровная степь, а за ней — река Кура со своими берегами, покрытыми роскошною растительностью. Вдали главный хребет Кавказских гор с вечноснежными вершинами склонялся к Апшеронскому мысу Каспийского моря. Вид величественный! Впрочем, он произвел на меня очень мало впечатления. Я был страшно утомлен, покрыт пылью и разбит от толчков моей перекладной.

Невозможно придумать ничего утомительнее езды на перекладной, особенно в жаркий день в степи. Неужели никогда не сделают более удобным экипаж этот, сохраняющий, кажется, еще до сих пор свой первобытный характер?

Прибавьте к этому дорогу, хотя и ровную, но покрытую камнями, отчего жар днем становится еще несноснее. Кругом все выжжено палящим солнцем, не встречаешь ни растения, ни живого существа; кое-где только виднеется узкая полоска зелени или несколько тощих и чахлых кустов.

Мы продолжаем двигаться вперед. Вправо от дороги причудливо струится ручей, стекающий с гор. Он быстро стремится, отыскивая себе более простора, и сливается наконец с водами реки Куры.[4]

По дороге попадаются маленькие черепахи, местами встречаются огромные пространства земли, покрытые кучами саранчи. Насекомые, подобно брызгам воды, летят во все стороны из под копыт наших лошадей. Далее по пути попадаются трупы и остовы лошадей, верблюдов и других вьючных животных, не вынесших этой удушливой атмосферы. Падаль заразила бы воздух, если бы хищные птицы, коршуны и вороны, за которыми следуют и голодные соседних селений собаки, не слетались на пир, к остаткам несчастных животных. Веселый пир хищников кончается только с последней обглоданной ими костью, совсем выбеленной лучами палящего солнца.

Звон колокольчиков возвещает изредка о приближении почтовой тройки. Если подобная встреча не дает путешественнику большого удовольствия, то все-таки доставляет ему некоторое утешение. Вид усталого, задыхающегося от пыли и жара путешествен-

ника доставляет эгоистическую радость: видишь, по крайней мере, что не один терпишь эту муку.

Караван верблюдов остановился отдохнуть у дороги. Проводники — татары — наслаждаются сном под импровизированными палатками. Они устроили себе целые стены из товарных тюков и покрыли их войлоком. Развьюченные животные щиплют плохую траву, изредка им попадающуюся, или покойно лежат под лучами палящего солнца.

Верблюд красив во время отдыха. Он спит, вытянув шею и морду, нижняя губа его отвисает, ноздри широко раздуваются, глаза плотно закрыты. Он храпит, бедный труженик! Животное это по-эпикурейски наслаждается теми редкими минутами отдыха, которыми люди награждают его волей-неволей. С вечерней прохладой он снова пустится в путь и пойдет, не останавливаясь всю ночь и все следующее утро. Я часто с невольным сожалением смотрел на этих несчастных животных, на их истертые, покрытые ранами горбы, ничем не защищенные от палящих лучей солнца. Вороны налетают на эти изувеченные горбы с уверенностью найти в них себе обильную пищу. Раны наполнены разными насекомыми, а вожак и не думает избавлять верблюдов от докучливости их. В этом случае ворон приносит пользу верблюду. И хозяин, и гость остаются довольны друг другом.

Смерть верблюда — частое и неизбежное последствие его тяжелого труда и дурного с ним обращения — представляет для всего каравана грустное и вместе с тем радостное происшествие. Слегка жалеют это полезное животное, но радуются возможности полакомиться его мясом. Бедным вожакам не каждый день достается подобное лакомство. Раз мне удалось присутствовать при подобном совещании погонщиков. Решался вопрос о жизни одного больного верблюда, который был приговорен к смерти. Положили беднягу на бок, связали ему ноги и, пригнув голову к спине, закололи его ножом в грудь.

Ужасно было видеть, как животное с налившимися глазами кровью хрипело и билось в предсмертных муках.

Когда кровь перестала струиться, здоровый детина влез на живот верблюда и начал топтать его ногами до тех пор, пока не выжал из него всю кровь до последней ее капли. Тогда все участники будущего пира, засучив рукава, принялись кромсать животное на части, требушить и готовить из него себе кушанье. В один присест они съели более половины всего мяса.

Я хочу поговорить о встретившихся мне на моем пути туземцах и о жилищах их.

Страна населена татарами и армянами. Племена эти никогда не соединятся тесно между собою. Не только в деревнях они не образуют одной общины, но даже в городах, где необходимость сталкивает их вместе, они избегают сближаться между собою.

Жилища здешних поселян скорее похожи на берлоги, чем на дома; некоторые из них поднимаются от земли только на один аршин, самые высокие — на полтора или не более двух аршин. Фасад и дверь укреплены на толстых бревнах, боковой вход ведет в одну, а иногда в две комнаты, смотря по состоянию ее владельца. Такие же бревна поддерживают изнутри это плохое строение. Для света оставляется в потолке сакли отверстие, оно же служит и трубою. Дождь легко проникает в саклю через эту дыру и через отверстие для входа.

На сучках внутренних необтесанных бревен развешиваются хозяйственные принадлежности; в углах валяются, прикрытые тряпицей, одежда, покрывала и другие ничтожные вещи.

Очаг помещается посередине сакли, то есть на маленьком таганчике стоит котелок. За неимением хорошего топлива тут употребляют сухой кизиль. Едкий дым его выедает глаза, и человек, не привыкший к этим жилищам, может задохнуться от этого дыма. Понятно, как должно быть холодно и неудобно при подобном устройстве сакли.

Главная причина такой плохой обстановки туземца заключается, по-моему, в необходимости для него переменять летом место жительства. Жара в этих низменных местах невыносима, и лихорадки уносят множество жертв. Правда, можно было бы провести воду с гор и тем оплодотворить почву. Были бы тогда поля, сады и леса с прохладной тенью, но это не может сделаться само собою, нужно спустить воду, удобрить землю, насадить деревья — словом, потрудиться порядком, что вовсе не во вкусе здешних жителей.

Татарка

Они предпочитают пробиваться кое-как всю зиму в своем плохом жилье. К счастью, зима тут продолжается недолго, а с наступлением лета они переселяются в горы и там кочуют в продолжение восьми месяцев. Все это время плачевное зимнее жилище их брошено на произвол судьбы. Семья, переселяясь в горы, уносит с собою не только все хозяйственные принадлежности, но все, что только возможно захватить, потому что в отсутствие хозяев ни одна движимость, не исключая даже лохмотьев, не минует рук того из соплеменников, которому придется побывать тут. Они готовы растаскать само строение, если бы оно заключало в себе хоть сколько-нибудь ценный материал. Вот почему лачужка и строится самым незатейливым и грубым способом. Лень и воровство поддерживают обычай подобных построек. Надобно перемениться нравам, чтобы изменились эти жилища. Возможно ли не бедствовать, возможно ли изменить к лучшему свою обстановку, когда человек чувствует положительное отвращение к труду?

Итак, старые и молодые ждут с нетерпением возврата весны, времени переселения из равнин в горы. Тут начинается у них невообразимая суматоха: разного рода хлам, нужный и ненужный, навьючивается на верблюдов, лошадей, ослов, даже на волов и коров, и длинная вереница тянется к холмам.

Во время моего путешествия мне случалось встречать несколько подобных перекочевьев. Один из караванов, поравнявшихся со мною у Елисаветполя, был очень велик. Жители нескольких аулов

соединились вместе, потому что веселее и безопаснее перебираться в большом обществе, так как милые соотечественники, встречаемые по пути, не преминут воспользоваться плохо лежащей вещью, а иногда даже малочисленностью каравана.

Переселявшиеся горцы принарядились в лучшее свое платье. Довольно трудно решить: смотрят ли они на кочевье как на праздник или просто боятся попортить при укладке свою одежду?

Двигались они к горам весело и шумно, подымая по дороге целые тучи пыли. Впереди каравана гнали лошадей, между которыми попадались очень красивые, по чему можно предположить, что в числе кочевников переселялись беки, или благородные.

Беки обыкновенно не едут вместе с другими: они отправляются в путь первые со старшими сыновьями своими, а жены, дочери и меньшие сыновья их перекочевывают вместе с остальным населением.

Мимо меня проехало несколько наездниц, но лиц их я не видел; они были закутаны в цветную чадру. Должно быть, это были жены и дочери бека.

Женщины тут ездят верхом по-мужски и тоже на высоко поднятых стременах. Седла их богато расшиты шелком, уздечка и остальная сбруя блестят золотом и серебром.

Длинная чадра женщин падает до пят и прикрепляется к высокому головному убору их красивыми булавками. По богатству наряда проехавших мимо меня женщин и роскошной сбруе лошадей их, надо предполагать, что бек, семейству которого они принадлежат, должен быть очень богат. За семейством бека ехали земледельцы, если только можно назвать так этих полувоинов и полупоселян.

Некоторые из мужчин ехали верхом, другие шли подле своих вещей. Арбы, прикрытые коврами с пестрой каймой, скрипели и страшно стучали своими большими колесами; в них помещались молодые женщины и девушки. Из-под приподнятого ковра временами выглядывали прекрасные черные глаза, а иногда и все улыбающееся личико. В других арбах ехали старики и старухи, которые не в состоянии были ни идти пешком, ни ехать верхом; худые и костлявые ноги их болтались снаружи.

Обычай заставляет прятать в арбах хорошеньких и молоденьких женщин, между тем как женщины еще не старые, но некрасивые, лица которых не обращают на себя внимание прохожих, преспокойно едут верхом, не стараясь иногда даже скрывать лиц своих. Когда ленивому татарину надоедает нести свое оружие, он увешивает им свою дражайшую половину, и та преспокойно двигается во всем боевом наряде. Ружье у нее на плече, пистолет за спиною, кинжал заткнут за пояс; в довершение всего, она же обязана заботиться и о ребятах.

Детей обыкновенно сажают на тюки вместе с курами, петухами и хозяйственными принадлежностями.

Вся компания болтает, смеется, бранится так, что гул стоит в воздухе. Прибавьте еще к этому детский крик, пение петухов, блеяние овец, мычание коров и крик верблюдов — и вы хотя немного себе представите всю шумную обстановку перекочевки этого разнородного собрания. Когда толпа эта исчезнет уже у вас из виду, вы все еще слышите неясный гул, нескоро смолкающий в тишине степи.

Солнце садится и уже начинает свежеть. Прученный опытом, я советую каждому путешественнику не доверять приятности этой коварной прохлады, а закутаться поплотнее, если он не желает получить лихорадку. Плохо знакомый со здешним климатом, я прежде пренебрегал этими предосторожностями и дорого за то поплатился.

Лихорадка царствует в этих странах постоянно. Хинина — единственное средство против нее, но, так как она очень дорога, то мало кто в состоянии ею воспользоваться. К тому же я убедился на опыте вместе со многими другими, как она плохо помогает; горячий чай благотворнее всего действовал на меня во время сильных, изнурительных лихорадочных пароксизмов, но он, разумеется, не уменьшает болезни. Я рекомендую это средство даже тем, которые скептически отнесутся к моей заметке, и посоветую им напиться чаю, который здесь все более и более входит в употребление в зажиточных семьях.

В тот же день я снова встретил кочевников, расположившихся по сторонам дороги.

Женщины, образовав большой кружок, громко причитали. Причитанием этим выказывали они свое горе об умершем, который лежал посреди них, завернутый в свои одежды и одеяло.

«Бедняга, — приговаривали они, — не перекочует более в горы, не будет дышать чистым горным воздухом. Он пал на полпути и не в состоянии продолжать свой жизненный путь».

Огоньки, мелькая вдали, говорят нам о близкой станции.

— Берегись, барин, — кричит мне ямщик, — тут яма.

Не успел я ухватиться за края тележки, как очутились мы в овраге, перебрались по воде на другой берег и так же быстро неслись к станции.

По предписанию наместника, меня должен был сопровождать конвой. Но на этой станции я не нашел его.

Я никак не мог добиться, предпочитали ли солдаты спать ночью вместо того, чтобы тащиться со мною, или точно была какая опасность в то время при переездах, только мне не советовали пускаться в путь ночью.

— Положим, — говорил мне станционный смотритель, — вас не тронут, но могут легко ограбить.

— К чему же в таком случае конвой? — спрашиваю.

— Э, сударь, как можно полагаться на этот народ. При опасности только пятки их замелькают, все дадут тягу.

Хотя я спешил добраться скорее до Шуши, где 10 мая празднуется могарем — праздник, который мне в прошлом году не удалось увидеть, — я решился остаться ночевать. Странно, что в продолже-

ние шестидесяти лет русское начальство не может искоренить грабеж и разбой в этой невоинственной стране.

Мне пришло в голову вникнуть поглубже в этот серьезный вопрос, и я, к прискорбию своему, убедился, что те лица, которые должны способствовать развитию здешнего народонаселения, потворствуют первые воровству и грабежам.

Жадность некоторых здешних властей — первое зло. Виноватый почти всегда может рассчитывать откупиться более или менее значительной суммой, смотря по важности проступка.

Весь вопрос в том, может ли преступник дать известную взятку. В настоящее время, вероятно, взяточничество уменьшилось, по крайней мере, нельзя не предполагать этого.

Кстати, тут можно познакомить читателя с оригинальным способом брать взятки, даже в делах нисколько не похожих, с первого взгляда, на доходные. Я говорю о разбойниках и поимке их. Правда, я не был свидетелем ловли этих новых Немвродов, но слышал об этом от лиц, хорошо знающих дела этого края и заслуживающих полного доверия.

Собираются власти околотка, чтобы ловить разбойников. К ним присоединяется сам комендант или его плац-майор, а за ними следует множество казаков, вооруженных с головы до ног. Кажется, настал последний час для всех хищников; кажется, что громовая туча эта разразится над жертвами жестокой войной и кровь польется рекою и обагрит землю!

Но успокойтесь, читатель, все кончится миролюбиво, тихо и покойно.

Подобные ловли служат только развлечением и совершенно безопасны. Ведутся они следующим образом: толпа охотников, во главе которой находятся начальники, отправляется на поимки разбойников, которых, само собою разумеется, никогда не находят и не желают нисколько с ними встретиться, потому что тогда бы ничего не значило разом их уничтожить, а для истинного охотника весь интерес охоты был бы тогда потерян. Вот наши охотники приблизились, положим, к стаду овец — окружают его со всех сторон. Кроткие животные дрожат, предчувствуя беду.

— Чего же вы пугаетесь, — говорят им охотники, — мы ваши друзья, а не враги, мы пришли не угнетать вас, а защитить в случае нужды от волков, медведей и других хищников, которые вас разоряют. Но враги ваши скрываются или скрывались между вами, потому что мы шли по их следам, и след как раз привел нас к вашим жилищам.

— Увы, — отвечают овцы, — действительно они здесь были, ограбили нас и унесли все, что мы припасли на зиму и сохраняли на черный день.

— А! Так вот где их притон, так это вы скрываете этих врагов порядка, вы их поите и кормите, — кричат охотники.

— Аллах! Аллах! Чем же мы виноваты, — кричат овцы, — можем ли мы отказать им, когда они требуют? Они завладели всем силой, да кроме того еще и нас самих измучили.

— Ни слова больше! Вы преступники!

Затем приступают к разбору дела: отделяют тех, кто видел разбойников и не поймал их (казалось бы, как может овца одолеть волка или медведя, но это здесь не берется в соображение).

Все эти преступники, большей частью самые жирные и сытые, едут в город, где их не заколют, а посадят в клетку под замок, за железную решетку. После нескольких таких поимок у охотников является достаточное количество пленников. Они не берут их с тем, чтобы убить или мучить, — напротив, они будут их кормить и беречь до тех пор, пока родственники их не решатся заплатить выкуп — кто травой, кто орехами, кто кусками говядины. Так кончается охота. Охотники насытились, овцы, хотя немного и подстриженные, остались целы и невредимы.

— Однако вы хотели нам сказать про охоту за разбойниками, — скажет мне читатель, — а вместо того тут дело шло только о солдатах и овцах.

Но любезный читатель хорошо понял, что в этой притче дикие звери изображают разбойников, овцы же мирных поселян. Таким-то способом местное мелкое начальство обделывает свои делишки.[5]

И в настоящее время путешествие по Закавказью сопряжено с некоторыми опасностями, но в прежнее время путешественников безнаказанно грабили и даже убивали.

Не только простые путешественники, особенно торговцы, не пускались в путь ночью, но даже почту не решались отправлять, хотя бы это было в нескольких верстах от Тифлиса.

В 60-ти верстах от этого города приходится переезжать прекрасный мост, знаменитый в летописях преступления.

Но мне не следует забегать вперед, буду рассказывать все по порядку. Переночевав, я продолжал утром путь свой и доехал до последней станции перед Елисаветполем. Город этот построен на месте прежней крепости Ганжинского ханства, присоединенного к России в начале этого столетия.

Дом станционного смотрителя и другие постройки окружены валом, разрушенным от времени. Издали завидели мы сплошную массу зелени, составлявшую приятный контраст с желтой выжженной степью. В этой зелени садов скрывался Елисаветполь, древняя Ганжа, бывшая некогда столицей тирана, хана Ганжинского. Я уже предавался сладостным мечтам о прохладе и покое, но неожиданный случай прервал мои мечты: сломалось колесо моей телеги. Ямщик отправился на прежнюю станцию, а я остался среди дороги караулить мою опрокинутую колесницу и тощих лошадей. Вправо от меня виднелась немецкая колония, расположенная на холмах; прямо передо мной — настоящий оазис из садов, окружающих город. По дороге шло и ехало много народу. Не будучи в состоянии выносить дольше палящий зной, я решился оставить все свои вещи на произвол судьбы и попросил проходящего татарина уступить мне осла. На этом-то благородном животном я совершил свой въезд в столицу Ганжинского ханства. Невыразимо приятное ощущение овладело мной, когда я, избавившись от пыли и жары, с наслаждением вдыхал в себя свежий и ароматический воздух елисаветпольских садов. По всем направлениям, как снаружи, так внутри города, тянутся между садами узкие и кривые улицы.

III

Елисаветполь — Сломанное колесо. — Сады. — Татарская семья. — Молодой переводчик — Улицы. — Мечеть. — Площадь. — Торговля. — Виноделие. — Армяне. — Въезд в Шушу. — Необыкновенные прыжки. — Предание о Гуссуне и Гуссейне. — Шуша. — Продолжение легенды о Гуссейне. — Погребальный праздник в память мученика Гуссейна. — Драма религиозного содержания. — Персидский актер. — Взволнованная аудитория. — Процессия. — Самоистязатели. — Добровольное нанесение ран. — Дервиши. — Манекен имама. — Смешное происшествие. — Праздник Гуссуна и Гуссейна в Персии в XVII веке.

Елисаветполь похож на все восточные города. Редкий дом фасадом своим выходит на улицу: все они прячутся в зелени, так что взор прохожего не может проникнуть в жилье. Татарин, как истинный житель Востока, тщательно скрывает от посторонних глаз свою семью и свою семейную обстановку. Случай помог моему любопытству. В караван-сарае, где я остановился, отвели мне комнату во втором этаже.

Из моего окна я мог видеть двор и все жилище татарской семьи. Никого из мужчин не было дома, вероятно, они все были заняты кто в лавке, кто в мастерской. Только хозяйка с несколькими дочерьми работала во дворе. Мое любопытство обратилось в серьезное наблюдение, и я стал изучать расположение и устройство дворов, в особенности же костюмы и движения молодых девушек.

Несколько раз мать обращалась ко мне с речью, звуки которой доносились до меня, и я мог бы разобрать каждое слово, если бы понимал язык их. Один из моих соседей, молодой армянин, перевел мне речь старухи. Она, не без основания, выговаривала мне за мою нескромность и осыпала меня ругательством на своем известном наречии. Молодой сосед мой был, как большая часть его соотечественников, живой, умный и болтливый собеседник. Его звали Бег-Лар. Древний благородный род Бег-Лара происходит от армянских князей, владевших когда-то этой страной. Бег-Лар, видимо гордившийся своим именем и происхождением, не был ни князем, ни начальником, а просто поверенным французских купцов, приезжавших сюда всякое лето для закупки шелковых коконов. Болезнь шелковичных червей, распространившаяся по всей Европе, не дошла до Закавказья, и коконы тут вздорожали. Марсельские и лионские купцы ежегодно съезжаются сюда, рыщут по всей стране, разыскивая драгоценные коконы, и оспаривают их друг у друга. Благодаря этой конкуренции, цена на этот товар стоит постоянно высокая. По словам Бег-Лара, его хозяева отлично обделывали дела свои. Он мне постоянно хвалил французов за их живость, веселость, прекрасный характер, за мягкость, а главное (что ближе всего было его сердцу), за их щедрость. Этим он делал мне тонкий намек и побуждал к соревнованию. Я ему предложил быть моим переводчиком и вместе слугой; сначала он отказался, надеясь выгоднее продать свое время, притом же ему казалось унизительным быть слугой. Но раз согласившись на мои условия, он служил мне хорошо, шатался со мной по городу, торговался за меня на базаре и беспрестанно рассказывал мне кучу смешных анекдотов, над которыми смеялся первый и более моего.

Я недолго оставался в Елисаветполе. По правде, и смотреть-то там нечего было, только двум—трем из его улиц можно дать это название, но и те не вымощенны. В сухое время пыль на них стоит столбом, а в дождь — грязь по колено. Одно в них достоинство: проезд по ним совершенно свободен, никого не встречаешь, кроме тяжело нагруженных ослов. Улицы эти так извилисты и столько в них закоулков, что ходить по ним, без привычки, трудно; к тому же они пересекаются ручейками, пропадающими в садах, что заставляет с большим вниманием выбирать дорогу, и, прежде чем перепрыгнуть, осмотреть тщательно местность. Жители Елисаветполя, как мужчины, так и женщины, носят очень высокие каблуки; без этой предосторожности кумушки не могли бы так часто бегать в гости и лишены были бы удовольствия посплетничать и передать друг другу новости, что составляет единственное их развлечение. В Елисаветполе, как и во многих других городах, высочайшее наслаждение женщин состоит в болтовне, сплетнях и злословии.

В городе очень мало каменных зданий, дома по большей части очень низки, темны, грязны и имеют грустный вид.

Большая, величественного вида мечеть, построенная во времена персидского шаха, знаменитого Надира, занимает вместе с другими зданиями и лавками угол площади, остальные стороны которой окружены отвратительно грязными лавчонками.

Площадь эта достойна замечания. Проходят в нее через большие ворота, выходящие во двор; на дворе этом возвышается мечеть с двумя минаретами. Купол мечети покрыт растительностью, и все здание окружено густой зеленью столетних деревьев. В торговый день вся площадь покрывается народом, подымается шум и суета, в лучших лавках выставляют великолепные товары, доставляемые преимущественно московскими и персидскими фабриками. Произведения елисаветпольских фабрик незначительны и состоят большею частью из ковров и шелковых материй невысокого достоинства.

Елисаветполь — рассадник вкусных и разнообразных плодов. Жители его гонят из тутового дерева водку и пьянствуют тайком.

Вино здешнее недурно, купцы продают его за настоящее кахетинское, пользующееся такою известностью. Им наполняют огромные бурдюки, и я встречал множество телег, нагруженных ими, когда я, выехав из города, продолжал свой путь в Шушу.

Татары не приготовляют сами вино; Аллах запретил им это, они предоставляют это занятие армянам, которые скупают свежий виноград и выжимают сами из него сок.

Вообще армяне не так правдивы и честны, как татары, но изобретательнее и деятельнее первых. Они прибрали к своим рукам если не все занятия потруднее, то, наверное, все статьи подоходнее. Богатые армяне скупают тоже мало-помалу и землю, что, впрочем, возвращает дело к первобытному порядку, потому что армяне владели некогда этой страной, завоеванной татарами.

В Елисаветполе, как и в других местах, татары и армяне образуют два враждебных кружка.

Выехав из Елисаветполя утром, мы переехали небольшую речку Ганжинку, в виду древнего двор-

ца ганжинских ханов, незамечательного здания, в котором теперь помещается начальник губернии.

Бег-Лар, сидя подле меня в телеге, держал длинную палку с острым железным концом. На этой палке я обыкновенно укрепляю огромный дорожный зонтик, чтобы защитить себя от солнца в то время, когда рисую на открытом воздухе.

Палка эта была предметом любопытства для туземцев, встречаемых нами. «Что это за палка? — толковали они, — Оружие ли это или какая мера? Если это оружие, то его, должно быть, приготовили, чтобы убить кого-нибудь; если же это мера, то она сделана, верно, для измерения участков. Для кого же готовится это смертоносное оружие? Для измерения какого участка приготовлена эта мера?»

Долго говорили о проезде некоего чиновника со странным оружием, неизвестно для какой цели приготовленным.

Все эти вопросы, наивно выраженные любопытными прохожими, очень занимали Бег-Лара, желавшего во что бы то ни стало придать себе больше значительности и заставить думать окружающих, что он служит не какому-нибудь купцу, а значительному путешественнику.

Дальнейшее наше путешествие из Елисаветполя в Шушу не было ознаменовано ничем замечательным.

Влево от нас и перед нами лежала широкая гладкая степь с абрисом главных вершин вдали. Вправо подымались отлогие горы, кончающиеся высокими снежными вершинами.

Уже стало темнеть, когда мы, повернув вправо, очутились в узком горном проходе и ехали несколько верст до Шуши, окруженные роскошною растительностью.

Мы въехали в Шушу поздно вечером, когда уже едва можно было различить во мраке абрис города, построенного на вершине высокой крутой горы.

Шуша — главный город Карабахского ханства — довольно хорошо укрепленное место. С двух сторон его защищают дикие скалы, с двух других — постройки, стены и башни.

Чтобы пробраться в город, надо подыматься по гористой, неудобной, выложенной крупным камнем дороге. Пятерик лошадей, весь в поту, изнемогая от тяжести, едва тащил мой экипаж.

Не успели мы еще подняться на гору, как я увидел над городом сильное зарево, и до меня стал долетать глухой гул голосов. По мере того как я приближался к городу, зарево становилось ярче, небо окрасилось в кровавый цвет, точно сильный пожар охватил город. Вместо глухого гула голосов послышались дикие вопли нескольких тысяч человек. Удивленный, встревоженный и испуганный, я въехал в город через узкие ворота крепости, и вдруг передо мной предстало зрелище самое невероятное, при котором пришлось мне когда-либо присутствовать.

Положительно вся площадь была покрыта наплывом шумной толпы. Разделившись на сотни, вытянувшись в ряд, татары прыгали по площади, испуская неистовые крики. Каждый из них держался левой рукой за пояс своего соседа, а правой, свободной рукой, потрясал при каждом скачке толстой палкою над своей головою.

Бесчисленным толпам этим предшествовали мальчишки, костюм которых состоял из смешения мишуры с кожами, вывороченными шерстью кверху. Мальчишки тоже прыгали, кривлялись, били в турецкий барабан и ударяли в такт медными тарелками посреди шума, криков и топанья танцующих.

Малахи — распорядители — поощряли словами и движениями толпу танцующих и отталкивали с бранью толпящихся любопытных.

Вскоре отделился от этой толпы бек (благородный) и, потрясая саблей над головами, осыпал ругательством любопытных.

Ко всему этому гулу примешивался еще шум говора, оклики в толпе, лошадиное ржание и тому подобные звуки, неизбежные при шумном народном празднике. Зрелище освещалось громадными нефтяными факелами; в железных решетчатых фонарях горело тряпье, поливаемое беспрестанно нефтью. Сотни этих факелов, надетых на длинные жерди, распространяли потоки пламени на танцующих, освещая их сзади.

В массе этих прыгунов я скоро различил группу армян, прыгавших особняком. Они не держались за руки; на левой руке у каждого из них перекинут был плащ, точно они собирались в дорогу. Впрочем, танцевали они подобно остальным и метались во все стороны с видимым увлечением.

Не лишним будет разъяснить читателю, по какому случаю народонаселение Шуши пришло в такой странный восторг, похожий на бред или помешательство.

Это было празднество в честь двух магометанских мучеников, внесенных в священную историю магометанства; мученики эти, особенно чтимые обширной сектой шиитов, — Гасун и Гуссейн. Для того чтобы понял читатель обряд и церемонию, к описанию которых я приступаю, необходимо мне припомнить ему в кратких чертах драматические обстоятельства мученичества Гасуна, двоюродного его брата Муслима и его двух детей и, наконец, смерть Гуссейна. Для этого рассказа я пользуюсь выпиской из одного достоверного источника.

Имам Гусун, или Гассан, наследовал в управлении Медины четырем прямым наследникам Магомета: Абу-Бекру, Омару, Осману и Али. Он почитался магометанами как потомок и представитель пророка, был любим ими за правдивость и великодушие.

Айзид, или Иезид, сирийский царь, возненавидел его и положил погубить, чтобы овладеть его землями. Было несколько покушений на жизнь Гассана. В одно из его путешествий в Куфу один из клевретов Иезида старался несколько раз подлить яду в кушанье мединского правителя. Письмо, найденное у этого человека, открыло соучастие Иезида.

В другой раз, человек, притворившийся слепым, приблизился к Гассану как бы для того, чтобы получить исцеление от прикосновения к его царским ногам, но, подойдя к нему, пронзил его оружием, напитанным ядом, на которое он опирался будто бы на палку. Гассан упал, кровь ручьем хлынула из раны, но он не дозволил толпе растерзать убийцу. Поспешили влить противоядие в раны, и тем спасли жизнь его.

Последнее покушение на жизнь его происходило в Медине, в собственном дворце Гассана. Раз ночью женщина всыпала яду в кубок, ставившийся ему на ночь. Гассан, проснувшись, попросил пить у сестры своей Кульсумы. Проглотив смертоносный яд, он почувствовал, что нет ему более спасения.

Сын его, Квазима, был слишком мал, чтобы наследовать ему, и он, умирая, передал правление в руки меньшого своего брата Гуссейна.

Айзид неистово радовался смерти своего врага и намеревался стереть с лица земли все его семейство. Гуссейн, боясь его замыслов, пожелал увериться в преданности куфских жителей и послал к ним двоюродного своего брата Муслима. Лишь только Муслим появился в Куфе, тридцать тысяч её жителей преклонились перед ним. Эта весть взбесила Иезида, он грозил разгромить Куфу, если её жители не отстанут от Гуссейна. Жители Куфы, не будучи в состоянии бороться с таким сильным врагом, должны были посоветовать Муслиму быть осторожнее. Тот удалился в дом почтенного гражданина Гани, но правитель Абдул, вернувшись из Сирии, явился в дом Гани и потребовал выдать Муслима. Гани отказал. Абдул засек его до смерти и потом убил и Муслима.

С Муслимом приехали в Куфу его два сына, старший — семи, меньшой — шести лет. Их бросили в темницу.

Тюремщик, человек преданный Гуссейну, освободил их и отправил к одной женщине по имени Шура.

Узнав о бегстве детей, Абдул оповестил всех жителей, что он предаст лютейшим мукам того из них, кто осмелится приютить детей. Испуганная этим Шура велела своему сыну проводить детей до каравана, остановившегося подле Куфы. Караван этот шел в Медину. Но дети заблудились ночью в лесу, и холод заставил их спрятаться в дупло финикового дерева, росшего у ручья.

Маленькая прислужница пришла утром черпать воду и увидела в ручье отражение детских лиц. Подняв голову, она закричала им:

— Не дети ли вы Муслима?

При имени отца, дети принялись кричать и плакать. Девочка отвела их к своей госпоже, жене мусульманина Гарриса. Добрая женщина приняла детей со слезами, обняла, умыла их ноги и руки, напоила и накормила их и спрятала в потаенное место.

Вечером Гаррис возвратился домой утомленный и недовольный.

— Жена, — сказал он, — давай мне поскорее ужинать. Я очень устал, и лошадь моя также; мы с нею весь день отыскивали детей Муслима и все-таки не нашли.

— Зачем же ты отыскиваешь этих детей? — спросила жена.

— Что за вопрос! Разумеется, затем, чтоб отвезти их к Абдуллаху, который даст мне за них большую награду.

— Не с ума ли ты сошел? Мусульманин ли ты? — вскричала жена. — Неужели ты хочешь обагрить свои руки в крови потомков Пророка? Или хочешь навлечь позор и проклятие небесное на твое семейство?

Гаррис велел ей молчать, и, осыпав ее упреками, лег спать.

Ночью одному из маленьких детей приснился отец его вместе с Пророком. Пророк говорил Муслиму: «Зачем ты пришел сюда без твоих маленьких детей; зачем оставил их среди твоих врагов»? — Муслим отвечал: «Успокойся, отец мой, дети будут непременно здесь завтра же утром».

Взволнованный этим сном, ребенок проснулся и рассказал свой сон брату; оба они принялись рыдать.

Гаррис в это время не спал, все думая о своем намерении, и сказал жене: «Что значит этот детский плач? Откуда взялись дети в моем доме»?

Он встал, засветил лампу и отыскал детей, которых тотчас же узнал.

— А! — сказал он им. — Я скачу целый день по лесам, ищу вас, а вы лежите в моем доме и спите на хорошей постели!

С этими словами он схватил детей за волосы и потащил их к своей лошади.

Его жена и невольник со своей женой и дочерью бросились на колени перед ним, умоляя пощадить бедных сирот, но он, вне себя от гнева, начал бить всех без разбора так жестоко, что одних ранил, других убил и после того отправился в путь со своей добычей.

Доехавши до берега реки, он зарезал детей и бросил тела их в воду, а головы отнес к Абдуллаху, требуя за них награды. Абдуллах находился в это время посреди своего совета. При виде этих двух детских голов ни один из присутствующих не мог удержаться от слез; сам Абдуллах содрогнулся от жалости и ужаса. Он спросил у Гарриса, куда он девал тела этих невинных жертв, и, получив от него ответ, велел заковать его в цепи и отрубить ему голову на берегу той самой реки, где он совершил преступление. Обе детские головки были также, по приказанию его, брошены в реку, поглотившую их тела. В одной из священных мусульманских книг повествуется, что когда эти головы бросили в воду, то тела детей выплыли на поверхность, соединились с головами и снова погрузились в волны.

Между тем Гуссейн сам приблизился к Куфе. Айсид выслал ему навстречу, на берега Евфрата, тридцатитысячную армию. У Гуссейна же было только семьдесят человек, когда он очутился лицом к лицу с сирийскими войсками.

Хотя исход сражения не мог быть сомнителен, однако Гуссейн со своими товарищами защищался, насколько было возможно, и выдерживал нападение неприятеля в продолжение двух дней (некоторые авторы говорят, в продолжение двадцати дней).

К концу второго дня почти все его товарищи были убиты и сам он покрыт ранами. Истощенный потерей крови, он упал с лошади. Победители поочередно посылали солдат с приказанием отрубить ему голову; но солдаты с ужасом отказывались от этого богохульного поручения: даже те, которые подходили к нему с твердым намерением умертвить его, отступали назад при одном взгляде на его лицо. Наконец, двое — Сипан, сын Арвы, и Сумур-заль-Жоу-сун, побуждаемые обещанием награды, решились подойти к упавшему с лошади Гуссейну и отрубить ему голову. При этом Сумур закрыл себе лицо плащом.

— Кто ты? — закричал ему Гуссейн. — Раскрой лицо.

Сумур повиновался.

— Подождите немного, — проговорил Гуссейн уже слабеющим голосом, — сегодня пятница, и десятый день месяца могарема, притом же теперь час молитвы, я хочу помолиться, дайте мне пожить еще несколько минут.

Сказав эти слова, он простерся ниц, а убийцы воспользовались этим движением, чтоб отделить голову его от тела.

Все семейство Гуссейна взято было в плен, а голову его вздернули на пику и носили по многим городам. И во всех местах, где ее проносили, голова эта творила чудеса.

Однажды ночью ее оставили в храме; солдат, стоявший на страже, полюбопытствовал взглянуть в дверную щель и увидел старика огромного роста, с длинной седой бородой, который подошел к голове и стал горячо целовать ее, обливая слезами. Вскоре другой старик присоединился к первому, затем в храм стали входить воины, женщины и дети.

Солдат, испугавшись, чтоб они не украли голову Гуссейна, отворил дверь, чтоб войти в храм, но в ту же минуту получил такую пощечину, что едва мог опомниться.

— Как смеешь ты тревожить пророков, предков и родных усопшего, — проговорил голос, — когда они приходят навещать его в этот утренний час?

Пощечина оставила черное пятно на щеки солдата, который с наступлением дня пошел показать ее офицеру и рассказал ему все что было.

Все эти события совершились в 61-м году христианской эры и подали повод к ежегодному празднованию, свято исполняемому всеми мусульманами-шиитами в течение первых десяти дней месяца могарема.

Мы уже говорили, что татары проводят каждый вечер первых девяти дней месяца могарема в том, что скачут и кричат как сумасшедшие.

Десятый день исключительно посвящен празднованию смерти Госсейна, известного в Шуше под именем Гуссейна.

В течение десяти дней мусульмане соблюдают строгий пост и не едят ничего от утренней зари до вечерней, а самые набожные даже не бреют ни волос, ни бороды, воздерживаются от курения, бань и всякого рода путешествий. Время они проводят в благочестивых совещаниях, которые в переводе на простой язык можно попросту назвать сплетнями.

Те, которые в течение целого дня не касаются пищи и не курят наргиле, с избытком вознаграждают себя за это лишение при первом наступлении сумерек и до утренней зари не перестают есть и курить.

В мечетях читают описание страданий имамов и говорят проповеди по этому предмету. Из этих описаний берут сюжеты для мистерий или драм, которые играют в течение первых девяти дней. Наиболее же торжественные сцены и большое представление оставляют к десятому дню.

На самом деле, эти сценические представления в своей общности составляют одну пьесу, в которой изображаются те факты, которые мы уже изложили.

Если бы татары в точности придерживались древнего обычая, то вся драма должна бы быть разыграна только в последний день; но так как это было бы слишком утомительно и для публики и для актеров, то пьесу раздробили на столько же дней, сколько дней празднества. Смерть Гуссейна составляет развязку последней сцены.

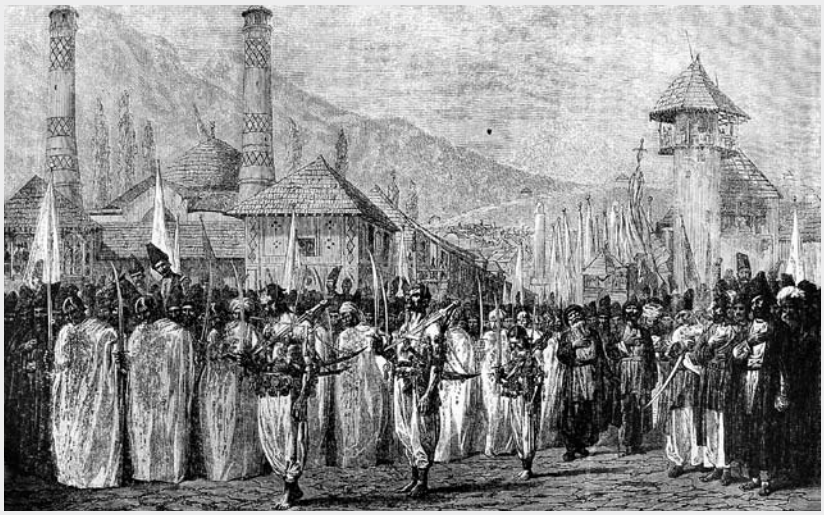
В Шуше представление драмы происходило обыкновенно или близ мечети, или в купеческих караван-сераях, или в других местах, где находятся дворы, окруженные зданиями. Для этого там устраивают подмостки. Большинство актеров набирается охотой из самых жителей; но для исполнения главных ролей выписывают из Персии, из секты шиитов, особенных актеров, уже прославившихся на этом поприще.

Главный распорядитель спектакля определяет форму костюмов, в которых оригинальность и фантастичность преобладают над исторической верностью. В этих переодеваниях не соблюдается ни истины, ни цельности. Так, например, среди актеров со щитами в руках, одетых в кольчуги, панцири и каски, я вдруг заметил одного в платье русского чиновника современного покроя и в старой шляпе с пуховым околышем.

Мне сказали, что эта смешная фигура представляет будто бы французского посланника, очевидца исторических событий, составляющих сюжет этой драмы.

Другой актер, представлявший арабского калифа, неподвижно сидел на своем месте; вместо тюрбана у него на голове надета была французская кавалерийская каска с длинным хвостом из лошадиных волос.

Все женские роли выполняли мужчины, драпированные до самых глаз длинными покрывалами или шалями, на манер того, как их обыкновенно носят туземные женщины.



Религиозная похоронная процессия в Шуше

Дворы, в которых дают представления, битком набиты народом, а в галереях исключительно видны только покрывала мусульманских женщин. Актеры группируются и садятся полукругом на платформу; у каждого из них в руках тетрадка, по которой он читает свою роль жалобным и монотонным голосом. Впрочем, мне случилось видеть одного персидского актера, который декламировал в роли убийцы Пророка с таким чувством и произносил слова таким звучным и сильным голосом, что все зрители были потрясены до глубины души. Подобные зрелища всегда сильно действуют на толпу. Со всех сторон слышались рыдания, слезы текли из всех глаз. При выполнении одной из сцен, именно той, где молодой имам, последний из рода Гуссейнов, прощается, перед отъездом на войну, со своею матерью и семейством, слезы и рыдания зрителей доходят до такой степени, что даже приостанавливают на время представление. Я сам видел стариков с седыми волосами, которые плакали навзрыд как дети. Я уже не говорю о женщинах, которые обливались слезами, бились в конвульсиях и не переставали рыдать во все продолжение пьесы.

Такое преувеличенное волнение большинства зрителей заставляет сомневаться в их искренно-

сти и наводит на мысль о другой, несколько корыстной причине этой религиозной чувствительности. У шиитов существует предание, что каждая слеза омывает горы грехов; поэтому мы позволяем себе думать, что именно вследствие этого предания правоверные так необузданно предаются своей горести, которая вначале быть может притворна, но потом, вследствие возбуждения и нервного раздражения, незаметно переходит в истинную, неподдельную горесть.

В течение целых девяти дней татары расхаживают по городу многочисленными толпами; их торжественные шествия и пение жалобных гимнов сопровождаются мерными ударами в грудь. С наступлением вечера они, как я уже говорил выше, собираются с разных концов города на площади, где остаются скакать и кричать до поздней ночи.

Таким образом татары выражают свою скорбь и мужество, с которым бы они стали защищать свою веру и своих святых. Но так как имамы давным давно уже переселились в вечность, и так как нет никакого средства вернуть их оттуда на землю, то поклонники этих святых хотят, по крайней мере, показать миру, с каким рвением они стали бы защищать своих патронов, если бы им суждено было жить в те блаженные времена.

Впрочем, эти ночные собрания уже много лет как запрещены законом по причине часто случавшихся на них кровопролитий.

Каждый татарский город разделен на несколько партий, ведущих между собою вековую вражду с незапамятных времен. Если б у членов каждой из этих партий спросить о причине их обоюдной ненависти, они не знали бы, что сказать. По своему невежеству, татары смешивают события давно минувших дней и настоящих времен, и в память того, что их предки когда-то дрались в Шуше за Гайдари и Неемета, оспаривавших друг у друга право на персидский престол, татары, по прошествии многих столетий, когда уже самые имена обоих соперников почти забыты, все еще продолжают драться то за Гайдари, то за Неемета.

Так как местному правительству очень хорошо известно это враждебное расположение партий, то оно не допускает их сходиться вместе и заботится об удалении той или другой партии из места общего собрания, хотя при этом редко обходится без сопротивления со стороны изгоняемых.

Мне рассказывали, что на одном из таких сборищ, происходившем в запрошлом году в Закавказье, после окончания ночного празднества найдены были на площади тела нескольких десятков убитых, не считая раненых и увечных.

Огромная торжественная процессия выходит из стен города в сопровождении всего городского населения, которое располагается на обширной поляне, чтоб присутствовать на представлении последнего акта той кровавой драмы, которая совершилась некогда на берегах Евфрата.

Смешавшись с толпой народа, собравшегося на площади, я вместе с нею жадно ждал начала представления, долженствовавшего изобразить наглядным образом тот дикий фанатизм и варварство, которые уже немыслимы в наше время.

Отдаленные и продолжительные крики: «Гуссейн! Гуссейн!» возвестили приближение процессии, появившейся в том самом порядке, в котором она неизменно появляется каждый год.

Впереди показались, в числе нескольких сот человек, так называемые самоистязатели, или изрубленные. Они шли, выстроившись в два ряда, и несли в правой руке саблю, обращенную острием к лицу.

Кожа на головах этих фанатиков изрублена саблями; кровь льет из ран, все лицо покрыто темно-красной массой крови, запекшейся от солнечного жара, так что под этой кровавой сплошной маской видны только белки глаз и сверкающие белые зубы. Сектанты закутаны в белые, туго накрахмаленные простыни, которые препятствуют крови, изобильно текущей по их телу, впитываться в одежды.

Рядом с этими фанатиками выступают главные действующие лица, или герои этого дня, домогающиеся славы сравняться или даже превзойти самого Гуссейна. Они готовы для этого подвергнуться всевозможным истязаниям, и потому наносят себе раны острым оружием, вонзая его в свое полуобнаженное тело. Лица их испещрены острыми деревянными палками, которые проходят под кожу лба и щек и выходят над ухом, к которому привешены маленькие замочки и маленькие складные зеркала. Такие же зеркала на крючках из проволоки проткнуты сквозь кожу живота, рук и груди. Два скрещенных кинжала прикреплены к спине и груди так близко к телу, что клинья их могут каждую минуту проткнуть кожу; по бокам точно так же скрещиваются две сабли, с которых спускаются тяжелые медные или железные цепи, смотря по усердию добровольных мучеников. Тело их прикрыто тонкими железными или деревянными прутьями, расположенными в неравном расстоянии друг от друга и иногда служащими для облегчения страшной пытки, которую они на себя налагают. Многие, желая избежать мучений и в тоже время блеснуть пред народом своим усердием, стараются только для виду воткнуть все эти предметы под кожу, но умеют делать это с таким искусством, что издали они кажутся глубоко вонзенными в тело. В настоящее время отъявленных фанатиков насчитываюсь не более пяти или шести человек в многочисленной секте самоистязателей.

Я сам видел многих из этих несчастных, уносимых без чувств с места торжества. Другие, несмотря на видимое истощение сил, все еще старались брести с помощью родных и знакомых и не отставать от других во время торжественного шествия.

Остальные члены процессии играют второстепенную роль в этой драме всеобщего искупления. Они одеты в траурные платья; их коротенькие черные или фиолетовые кафтаны обыкновенно расстегнуты на груди, по которой они колотят себя кулаками, испуская пронзительные крики. Некоторые не довольствуются тем, что просто бьют себя в грудь, они схватывают камни и, желая похвастаться своим религиозным усердием, бьют себя до тех пор, пока грудь не сделается совершенно красная.

Народ толпами следует за процессией с громкими криками: «Вот наши праведники, вот защитники нашей веры!»

Между сектантами я заметил одного дервиша в белом суконном платье и в остроконечной шляпе. На груди у него развевались в виде украшения бумаги с разными религиозными надписями. На шее висели длинные цепи и веревка, с которой спускался тяжелый камень таких размеров, что несчастного почти постоянно тянуло вниз. Кругом толпились кучи любопытных, в особенности женщин, следовавших за процессией. Они жадно выжидали своей очереди, чтоб хоть одним глазком взглянуть на блаженного мученика.

Впрочем, говоря вообще, большая часть дервишей посвящает себя в эти дни самым мирным и спокойным занятиям; они преимущественно расстилают по дороге маленькие ковры, раскладывают на них четки, камни и разные мелочи, добытые из Кербелэ и других священных мест, садятся у этих ковров, горестно разводят руками, стонут, плачут и выпрашивают милостыню.

Затем, в конце длинного шествия появляется торжественная процессия с ковчегом на руках, украшенным драпировками и зеркалами. На подушках лежит человек в богатой одежде, изображающий молодого имама, злополучную жертву войны.

Ковчег окружен народом, поддерживающим его со всех сторон. Каждый считает за счастие прикоснуться к нему хоть на одно мгновение.

Предание говорит, что юный имам, племянник Гуссейна, с большим трудом добился от своего дяди позволения идти на войну, где его ожидала верная смерть, и когда он уже совсем собрался в путь, Гуссейн обручил его со своею дочерью. В память этого события за ковчегом идет татарин с бритой головой, на которой поставлена раскрашенная свадебная корзина и другие принадлежности свадебного торжества.

За татарином следует воин в кольчуге и каске; широкая шаль опоясывает его бедра, он держит секиру изящной работы. Это начальник армии калифа, тот самый, который умертвил имамов. За ним ведут раненую лошадь Гуссейна в золотой сбруе и богато вышитом чепраке. Лошадь, чепрак и сбруя пробиты пулями, и в них вонзены в разных местах стрелы, на которых для изображения крови приклеены бумажки, закапанные красным сургучом.

Наконец, позади всех появляется гробница имама, которую несут с величайшими почестями. Имама изображает манекен, одетый в богатое платье.

Манекен этот без головы, а на место шеи под платьем проведены коровьи жилы, на которых висит еще окровавленное мясо. Вся грудь испещрена стрелами; с обоих боков её трепещут две живые голубки, изображающие собою эмблему невинности. У подножия гробницы помещается мальчик на коленях, с головы до ног окутанный белым саваном, запятнанным кровью. Для глаз и для рта в саване сделаны прорезы, из отверстия рта высовывается длинный красный язык, приделанный в память того момента, когда Гуссейн и его семейство умирали от жажды.

Многочисленная толпа с громкими рыданиями провожает эту драгоценную ношу.

За нею следуют муллы и актеры. Последние вооружены и костюмированы сообразно значению своих исторических ролей.

Народ замыкает шествие густой сплошной массой, в которой безразлично смешиваются мужчины, женщины и дети.

Двери, окна, стены и балконы всех домов сплошь покрыты зрителями.

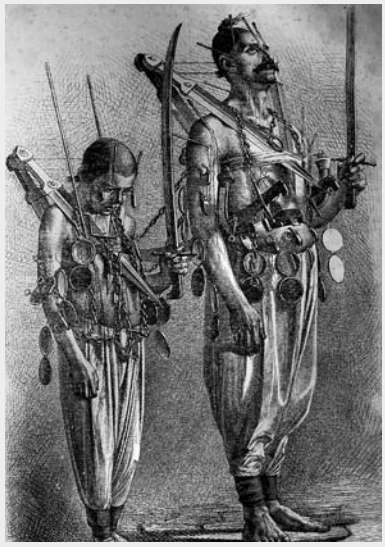
При выходе из города процессия располагается кругом на поляне, где должно происходить представление.

В средине кружка, на самом видном месте, садятся самоистязатели. Вокруг толпится народ. Конные занимают задние ряды.

При первом сигнале, поданном для начала представления, со всех сторон раздаются вопли и стонания.

Для большей торжественности, во все представления драмы играет русская полковая музыка, которая, по правде сказать, вовсе не идет к античной величественной постановке драмы. Вероятно, за недостатком более приличных актеров, роль убийц Пророка выполняют донские казаки, надо признаться, выполняют ее очень неудовлетворительно. Игра этих казаков, появляющихся в конце драмы, подала повод к одному комическому происшествию, при котором мне привелось присутствовать.

По плану драмы, молодой имам одним своим появлением разгоняет толпу врагов, следовательно, казакам, изображающим воинов Айсида, приходится сложить оружие и бежать перед четырнадцатилетним мальчиком. Но храбрые донские казаки не хотят и слышать об этом: фикция драмы для них не существует. Неужели им, казакам, бежать перед мальчишкой и покрыть себя таким позором? Они не могли снести этой мысли, и, вместо того чтоб бежать, с таким ожесточением напали на молодого человека, что роли совершенно изменились и юный Пророк принужден был бежать без оглядки. С этой минуты пьеса погибла. Весь эффект пропал от этого смешного происшествия; зрители вознегодовали, со всех сторон поднялись крики; от казаков настоятельно требовали, чтоб они оставались верны преданию и бежали перед Пророком. Но вразумить их не было возможности, храбрецы не хотели ничего слушать и до тех пор гонялись за Пророком, пока их лошадей не схватили под уздцы и не вывели вон из кружка.

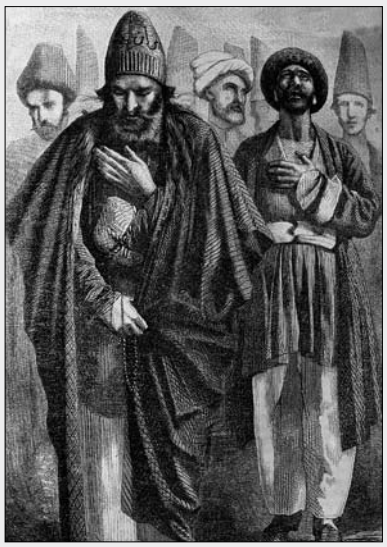


Так кончилась драма, а вместе с нею и праздники. Говорят, что в прежнее время народ до такой степени входил в интересы представления, что нападал на мнимых убийц имама с таким ожесточением, что жизнь их часто подвергалась опасности и с каждым годом становилось труднее найти актеров для выполнения этих опасных ролей. Теперь толпа, по-видимому, яснее стала понимать вещи и не предается таким неистовствам. Поэзия исчезает из нравов нашего века, и весьма вероятно, что со временем исчезнет и самый обычай празднования этой драмы.

Во всех мусульманских странах празднование это имеет драматический характер, но исполнение его бывает различно. Самые интересные описания этих церемоний принадлежат путешественнику XVII века Шардену и англичанину Морьеру — XIX века. Сравнение их описаний с предыдущим рассказом не лишено интереса.

«Персияне, — пишет Шарден, — называют этот праздник E'id yall (искусство убивать людей), или праздник «мучеников». Он празднуется обыкновенно в продолжение первых десяти дней могарема, первого месяца в году. Дни эти называются a chour, т. е. десять дней, в память того, что Магомет получил Коран в десятый день месяца.

Праздник этот называется также днем шпаги или «днем резни». Это главный праздник после праздника «жертвоприношения», самого торжественного в Персии. Пышность празднества преимущественно зависит от народного усердия, и потому он празднуется различным образом, смотря по местности, времени и обстоятельствам. В продолжение всех этих десяти дней не слышно звуков труб и кимвал, обыкновенно раздающихся в известные часы дня. Благочестивые люди не бреют ни бород, ни волос, не ходят в баню, не ездят в дорогу и вообще ничего не предпринимают. Большинство одевается в черные и фиолетовые платья, — цвета, почитаемые траурными. Все ходят с постными и унылыми лицами, и каждый старается подладиться под общий тон этого публичного траура.



В течение этих десяти дней, с утра до вечера, по улицам бродят группы людей низшего сословия, то полунагие и вымазанные черным, то запятнанные кровью, то вооруженные с головы до ног и с обнаженной шпагой в руке. Иногда попадаются также люди с высунутыми языками, как у умирающих, с отчаянными глазами и с конвульсиями во всем теле; они держат в руках два камушка, которыми бьют друг друга и кричат во все горло: «Гуссун! Гуссун!» Этот Гуссун был старший брат Гуссейна, кончивший жизнь на этой же войне. Люди, вымазанные черным, желают изобразить мучительную жажду и палящий зной, томившие Гуссуна до такой степени, что он, по рассказам очевидцев, весь почернел, и язык у него высунулся наружу.

Кровью же вымазываются затем, чтобы напомнить Гуссейна, покрытого ранами и истекающего кровью. Вся эта сволочь таскается по улицам, выпрашивая подаяние во всех лавочках и у всех проходящих, которые попадаются им на пути. Никто ни отказывает просителям в мелкой монете, и если им случится напасть на жида, армянина или индейца (в особенности язычника, а не мусульманина), они сдирают с него в пять раз более денег, чем со всякого другого, говоря: «Вы убили нашего Пророка, так дайте же нам что-нибудь за его кровь». Вследствие этого язычники во все эти десять дней стараются сидеть дома и как можно менее показываться на улицу, так как их всегда можно узнать по костюму, потому что они не смеют носить обыкновенный персидский наряд.

Ребятишки, завидев издали какого-нибудь язычника или вообще чужестранца, никогда не упустят случая крикнуть ему вслед: «Да будет проклят Омар!», воображая, что все чужестранцы должны чтить память Омара и что для них, как для турок, нет ничего оскорбительнее этого проклятия. Помню, раз мне случилось проходить в день празднества мимо детского училища. Ученики, заподозрив во мне иностранца, выскочили на улицу и, прокричав мне в лицо: «Да будет проклят Омар!», тотчас же разбежались в разные стороны, вероятно опасаясь, чтоб я не отмстил им с помощью моего слуги, шедшего неподалеку; но я только засмеялся и закричал им вслед: «Проклинайте его больше, что же вы остановились?» Изумленные мальчики были так поражены моими словами, что не знали, что сказать. За них отвечал надзиратель, случившийся тут же. Он обратился ко мне и сказал: «Вы правы, он и весь его род, и все его последователи достойны проклятия». Затем он пробормотал, что «европейцы уважали их Пророка и что, по его мнению, европейские собаки и те лучше турецких ученых».

Во все продолжение этого печального торжества на улицах, переулках и площадях воздвигаются кафедры с устроенными вокруг них скамьями для отдохновения слушателей. Они обиты парчой и со всех сторон украшены щитами, копьями, огнестрельным и холодным оружием, барабанами, кимвалами, трубами, знаменами, львиными и тигровыми шкурами, стальными вооружениями и конской сбруей — словом, всеми принадлежностями полного арсенала. Кроме того, тут же развешано множество хрустальных и бумажных фонарей, ламп и светильников, которые зажигают с наступлением ночи. В этих местах собирается весь мелкий люд квартала выслушивать рассуждения какого-нибудь благочестивого мужа, толкующего о значении празднества, до тех пор, пока не явится настоящий проповедник и не начнет читать одну из глав книги, под названием: «El dath», т.е. «Искусство убивать людей», где описывается в десяти главах, распределенных на все десять дней праздника, жизнь и смерть Гуссейна. Он проповедует на эту тему целых два дня, стараясь возбуждать народ к плачу и сетованию. Между прочим, я помню одного проповедника, говорившего народу, «что каждая слеза, пролитая во время этого празднества, может смыть целую гору грехов, хотя бы эта гора равнялась горе Синайской». Этими словами он надеялся вызвать в них ненависть к врагам и противникам святого мученика.

Я бы никогда не поверил той горести, которую выказывает большая часть народа, — это просто непостижимо. Они бьют себя в грудь, кричат и воют; в особенности женщины рвут на себе платья и заливаются горькими слезами.

Я сам присутствовал на нескольких проповедях, и меня поражало напряженное внимание слушателей, которое я не мог приписать ничему другому, кроме их набожности, хотя, но правде сказать, проповедник старался поразить их своим патетическим слогом. Его проповеди, подобно итальянским панегирикам, отличались множеством сказочных подробностей, заимствованных из легенд. Так, на-

пример, в первый день праздника, когда проповедник повествует о рождении Гуссейна, он говорит между прочим, что будто ангел Гавриил, сошедший с неба для того, чтобы поздравить Магомета с рождением Гуссейна, предсказал ему, в то же время, день и час, в которые этот ребенок примет мученический венец от руки своего близкого родственника, некоего Моавии.

Спустя несколько времени отец этого Моавии пришел вместе с женою поздравить Магомета с благополучным разрешением его дочери, на что Магомет ответил:

— Правда ваша, я рад, что дочь моя родила сына; она родит еще другого, но и у вас также родится сын, потомки которого погубят весь мой род.

Тогда Моавия сказал: «Пусть лучше у нас не будет детей».

— Нет, — прервал его Магомет, — такова воля Всевышнего; она должна исполниться.

В последний день праздника вся проповедь состояла из описания добровольного мученичества Гуссейна. Проповедник говорил, что сорок тысяч ангелов предлагали Гуссейну свои услуги, но он с благодарностью отказался от них, и тогда к праведнику, умирающему от жажды, приблизился ангел в образе пустынника с кружкой воды. «Не надо! — проговорил Гуссейн, — если б я захотел воды, то имел бы целые реки», — с этими словами он коснулся пальцем земли, и из неё брызнул целый фонтан. — «Но, — прибавил он, — Бог повелевает мне умереть в мучениях. Да будет воля Его!»

По окончании проповеди народ кричит изо всей силы: «Гуссейн! Гуссейн!» до тех пор, пока совсем не охрипнет. Крики сопровождаются звуками маленьких барабанчиков в соединении с особенным инструментом вроде колокольчиков. Все это вместе с жалобными и протяжными воплями производит мрачную, погребальную музыку; полунагие, вымазанные черной краской, люди, мерно ударяя своими двумя камушками, добавляют фантастический эффект этой унылой гармонии, которая, на первый раз, производит ужасающее впечатление на душу. Когда толпа накричится до изнеможения, то каждый расходится по домам, все еще продолжая твердить хриплым голосом: «Гуссейн! Гуссейн!»

Так празднует чернь. Высшее сословие проводит эти дни несравненно приличнее и скромнее. Богатые приглашают к себе множество знакомых духовного звания, которые являются к ним аккуратно каждый день, в четыре часа пополудни. Разговор все время идет на тему наступившего празднества, — каждый приводит по этому поводу лучшие места из известных авторов и высказывает свои собственные мысли. В семь часов начинается чтение одной из глав книги «El dath», после которого самые умные и ученые из среды общества делают на счет её свои замечания; затем в десять часов подают закуску, и собрание расходится до следующего дня. Это повторяется все десять дней сряду; последний день, самый торжественный из всех, проводят в молитве в продолжение всей ночи».

Я был раз семь или восемь свидетелем этого торжества в Персии, но ни разу не встречал такого великолепия, как на празднестве 1667 г. Персидский шах только что вступил на престол, а так как он при жизни родителя еще не выходил из сераля, то его вступление в общественную жизнь можно назвать вторым рождением. Поэтому был отдан приказ, чтобы праздник, на котором он еще никогда не присутствовал, праздновался с особенным великолепием.

Сверх обыкновенных церемоний в этом году были устроены для потехи шаха еще две особенные процессии, из которых одна состояла из стражей шаха «суффи», известных своею набожностью, и самых ревностных последователей секты имама. Замечательнее всего в этой процессии были распростертые на окровавленной, чрезвычайно узкой доске, два человека, в совершенстве изображавшие мертвых, и десять ослов, из которых каждый вез трех маленьких мальчиков, распевавших гимны в честь праздника. Вторая процессия состояла из магометанских индейцев из секты Алия и была всех красивее. Впереди выступали пять слонов с маленькими башнями на спине, в которых сидели дети, оглашавшие воздух песнями в честь Гуссейна; шесть породистых лошадей в позолоченной сбруе, украшенной дорогими каменьями, следовали за ними. Рака, устроенная в виде парадной кровати, имела восемь футов в окружности и была обита золотой парчой с превосходной золотой бахромой, что придавало ей чрезвычайно красивый вид; ее несли двенадцать человек. На кровати стояли два гроба, покрытые сукном, шитым золотом; по углам гроба размещены были четверо детей; двое из них пели хвалебные гимны, а остальные двое обмахивали мух широкими опахалами из перьев; позади раки тяжело двигались на быках два огромные здания: одно представляло мечеть Медины, и другое — Мекки.

Все эти процессии проходили чрез царскую площадь, мимо шаха, сидевшего в одной из зал против главных дверей. Придворный судья сам присутствовал на церемонии и находился на площади, окруженный конными и пешими солдатами в числе шестидесяти человек; он наблюдал за порядком, который легко мог быть нарушен в эти дни ссорами испаганских жителей, которые с тех пор, как Испагань разделилась на участки, ведут между собою ожесточенную вражду и ждут только удобного случая, чтобы вступить в драку, совершенно неуместную во время торжества.

Я не берусь описывать подробностей всех этих церемоний и упомяну только о последнем дне, в который шах отправился в семь часов утра в свою залу и выслушал обычную проповедь, назначенную для этого дня.

Кафедра проповедника устроена была на обширной платформе, в богато убранной палатке, находившейся возле царской залы; вокруг кафедры собралось множество духовных лиц, позади которых стояли стражи шаха, так называемые «суффи». После проповеди своды залы огласились пением хвалебного гимна в честь Гуссейна и его рода. Гимн

этот был пропет в два хора неистовыми голосами, потому что каждый хор старался только о том, чтоб перекричать друг друга; затем на площади раздались проклятия Айзиду и его сподвижникам, и вслед за тем — благословения шаху.

По окончании церемонии проповеднику выдали триста экю, а другим духовным лицам по сорока платьев, но так как этот подарок был сделан не в виде почета, а в виде милостыни, то получившие платья не подошли, как того требовал обычай, приложиться к ногам шаха.

Во все продолжение этого празднества персы раздают щедрые милостыни бедным. Они считают преступлением отказать им в чем бы то ни было в эти дни. Богатые выставляют у своих ворот в огромных сосудах воду со льдом с чашкой наверху. Гуссейн умер от жажды, и, не имея средств утолить ее, он сам отдался в руки своих врагов: поэтому никто не должен терпеть жажды в эти дни. По улицам ходят водоносы с мехами за спиной и предлагают каждому проходящему чашу с холодной водой. При этом они приговаривают обычную фразу: «Да будет благословен до семи родов тот, кто заплатит за эту воду!»

В течение всех десяти дней персидский шах угощал ужином многочисленных членов процессии, состоящих по меньшей мере из 4000 человек; кроме того, он посылал каждый день в главную мечеть для раздачи бедным по тысяче двести фунтов хлеба, по пятидесяти мясных блюд и по пятидесяти франков серебряною монетою.

В заключение надо заметить, что эти процессии нисколько не имеют религиозного характера; они скорее похожи на какой-то фантастический маскарад или на собрание безумцев, одержимых бешенством. Пенье и крики этих людей неизменно кончаются проклятиями против врагов их веры. Духовенство, как я уже говорил выше, вменяет им в заслугу и всячески старается поддержать в них ненависть к первым арабским калифам, удержавшим за собою магометанскую империю, вместо того чтоб уступить её потомкам Магомета, от дочери его Фатимы»

IV

Описание похоронного праздника Гуссейна в Персии в XIX веке. — Празднование той же церемонии в Индии. — Дома в Шуше. — Армяне и татары. — Угощение у богатого татарского негоцианта. — Описание залы. — Картины и украшения. — Камины. — Кокетство и одежда женщин. — Их положение. — Базары. — Бани. — Школы. — Дочь Хана. — Лошади. — Джафар-Кули хан. — Охота. — Удобный случай для артиста. — Положение татарской и армянской женщины. — Крестьяне. — Анекдот. — Промышленность в Шуше. — Обработка шелка. — Выделка материи и ковров. — Карабахское вино. — Нравы шушинских татар.

По всему Тегерану, пишет путешественник Морьер, воздвигаются черные полотняные палатки с разными траурными украшениями. Народ имеет право беспрепятственно входить в них во всякое время. Кроме издержек на сооружение палаток, нужны еще суммы на освещение, наем актеров и на жалованье мулле или священнику. Многие из доброхотных дателей не только жертвует деньгами на постройку и содержание палаток, но еще снабжают съестными припасами рабочих, нанятых для сооружения этих построек, и твердо уверены, что такие жертвы искупят их многочисленные грехи и призовут на них благословение Божие.

Сосед наш Могамед-Хан устроил у себя на дому палатку, в которую целыми толпами стекались жители всего квартала. Во все время, как они прибывали, звуки труб и литавр не переставали греметь. Подобные палатки попадаются на каждом шагу, но, кроме того, в некоторых уединенных местах устроены особые деревянные кафедры, с которых муллы говорят проповеди народу. Замечательно, что эти проповеди нисколько не мешали нашим обычным прогулкам верхом, так что мы часто врезывались в толпу, в то время как правоверные были заняты исполнением своих религиозных обрядов, и никогда никто не трогал нас пальцем.

Персияне даже так мало стеснялись нашим присутствием во время своих богослужений, что главный визирь пригласил однажды все посольство провести восьмую ночь праздника в его палатке. Войдя в нее, мы увидели несколько персиян в трауре и заметили, что на них не было ни бриллиантов, ни кинжалов. Городской мулла, приблизившись к великому визирю, завел с ним ученый разговор, а остальные члены собрания шепотом говорили между собой.

Мы только что успели сесть на свои места, как двери залы распахнулись настежь, и мы увидели муллу, стоящего на кафедре в палатке; его окружала толпа народа, ослепительный свет разливался повсюду.

Проповедник начал с того, что напомнил народу, какое великое значение имеет каждая слеза, пролитая в память Гуссейна; что она есть сила, снимающая с души бремя грехов, и вслед за тем торжественно объявил, что всякий, не сетующий в этот скорбный день, будет исключен из среды своего народа.

Потом, развернув книгу, он стал читать нараспев гнусавым голосом одну из предназначенных для этого дня трагических сцен из жизни Гуссейна. Чтение не замедлило произвести свой обычный эффект на слушателей, и едва мулла окончил первые три страницы, как великий визирь начал покачивать головой и жалобно восклицать: «Уай! Уай! Уай!» (обычное выражение горести у персов). Все собрание вторило ему хором, насколько хватало сил.

Чтение муллы продолжалось около часу; некоторые места были так патетичны, что в самом деле могли произвести глубокое впечатление на толпу, в особенности на такой суеверный и восприимчивый народ, как персы. При чтении одного из подобных мест слушатели вдруг встали, а великий визирь, отвернувшись к стене и подняв руку вверх, начал молиться.

По окончании чтения в залу вступили актеры, из которых некоторые были одеты в женские костюмы: они начали петь, приложив тонкий листок бумаги к губам, какой-то речитатив, который мы выслушали не без удовольствия. Во время самых трагических сцен в аудитории раздавались вопли, но без всякой аффектации, и я, сидя поблизости от муллы и от великого визиря, мог заметить, что оба они плакали. Иногда случается, что во время этих собраний мулла обходит всех присутствующих и собирает их слезы в кусок хлопчатой бумаги, который потом выжимает в особый флакон. В Персии суще-

ствует поверье, что если дать умирающему проглотить одну каплю из этих слез, то он непременно выздоровеет, хотя бы все доктора отказались от него, поэтому слезы эти собирают как драгоценность.

На десятый день праздника шах пригласил посланника и его свиту на церемонию последнего дня, где смерть Гуссейна должна была изображаться в лицах. Позавтракав, мы отправились в назначенное место и разместились в особо приготовленной для нас маленькой палатке, расположенной над дугообразною дверью, ведущею в залу, куда ожидали прибытия шаха.

Прежде всего, нам бросилась в глаза на обширной дворцовой площади, называемой Майдан, группа каджаров, или лиц, принадлежащих к королевской крови, которые были босы и, мерно ударяя себя в грудь, вторили пению одного из своих собратий, стоящего посередине кружка. У всех была растегнута рубашка, и они усердно колотили себя по голой груди. Шах дал знак каджарам, из которых многие приходились ему близкими родственниками, подойти к нему поближе без чулок и башмаков и присутствовать при совершении церемонии. Каджары тотчас повиновались и стали подвигаться тихими шагами, держа в руках жезлы, вроде тех, которые обыкновенно носят церемониймейстеры; они успешно распоряжались этими жезлами, разгоняли толпившийся народ, били непослушных, и вообще следили за общественным порядком.

Часть площади, отделенная забором, должна была представлять город Кербелу, близ которого погиб Гуссейн. Возле стояли две жалкие палатки, изображавшие жилище Гуссейна в пустыне, и, наконец, платформа для актеров, покрытая ковром, — вот и вся декорация драмы.

Чрез несколько минут после нашего прибытия появился шах; мы не могли видеть его за толпой, но угадывали его приближение по движению в народе и по коленопреклонениям офицеров его свиты.

Процессия началась в следующем порядке: впереди шел человек огромного роста, совершенный атлет; грудь его была обнажена до пояса, в руках он нес длинный шест, футов в тридцать вышиной; на верху его развевались разные украшения из жести, с выписками текстов из Корана. За ним следовал другой такой же обнаженный человек и нес на плечах шест, гораздо короче и толще, чем у первого; к нему привязан был молодой человек, упиравшийся ногами в грудь носильщика. Затем появился третий человек с еще более развитыми мускулами и почти совершенно нагой; за этим шел водонос с огромным кожаным мешком, наполненным водою; на плечах его громоздились друг на друге четверо молодых людей. Это было, как нам после сказали, аллегорическое представление жажды, томившей Гуссейна в пустыне.

Наконец появилась на носилках гробница, поддерживаемая носильщиками. Напереди у неё был вставлен орнамент овальной формы, усыпанный драгоценными каменьями, а на верху сверкала звезда из бриллиантов. Два подсвечника, украшенные драгоценными камнями, стояли на выдающихся частях гробницы, а по бокам и сверху висели кашемировые шали; на самой же вершине красовалась чалма, изображавшая головной убор Гуссейна. С каждой стороны саркофага шел человек с длинным шестом, увешанным дорогими шалями, из-под которых виднелась рука, покрытая бриллиантами и изображавшая руку Магомета.

За саркофагом шли четыре заводские лошади в богатой упряжи; на лбу у них прикреплены были дощечки, усыпанные бриллиантами; на седлах вырезаны эмблемы, относящиеся к смерти Гуссейна. Окончив свое шествие, процессия остановилась по правую руку от палатки шаха.

Спустя несколько минут появилась толпа людей со зверскими лицами, совершенно нагих и слегка только прикрытых белыми простынями. Они все были вымазаны кровью и, потрясая своими саблями, начали петь гимны, полные какой-то дикой и странной мелодии. Они изображали шестьдесят двух родственников, или, как их называют персы, мучеников, сопровождавших молодого имама и погибших на войне, защищая его.

За ними шла белая лошадь в черном убранстве; она была утыкана стрелами и изображала лошадь Гуссейна в ту минуту, как он был убит.

Седалище племянника Гуссейна

Шествие замыкалось небольшой группой, человек в пятьдесят, которые следовали за лошадью, постукивая время от времени деревянными палочками, бывшими у них в руках. Они выстроились в ряд перед палаткой шаха и выполнили какой-то танец под управлением балетмейстера, дирижировавшего ими и напевавшего речитативом какую-то пьеску. Танцовщики били в такт ладонями, а иногда подпевали ему, стараясь попасть в тон, и мерно постукивая палочками.

Танцовщиков сменили трагические актеры, из которых прежде всех выступил на сцену Гуссейн в сопровождении своих жен, сестер и других родственников.

Представление показалось нам длинным и скучным, к тому же мы сидели так далеко от сцены, что не могли слышать нежных и чувствительных разговоров, которые по всей вероятности вели между собою актеры.

Мы подошли к тому месту, где лежал несчастный Гуссейн, распростертый на земле в ожидании удара, который должен был лишить его жизни. В это самое мгновение раздались со всех сторон горестные вопли, стоны и рыдания; непритворные слезы текли из глаз у всех зрителей; мы были так близко от них, что могли судить об этом собствен-

ными глазами. Что же касается до актеров, игравших роль воинов Айсида, убийц Гуссейна, то они принуждены были бежать со сцены: до такой степени разъярились на них зрители; они бросали в них каменьями и осыпали их градом проклятий.

Нам рассказывали, что для выполнения этих ролей так трудно приискать актеров, что в последний раз распорядители спектакля принуждены были набрать русских пленных для представления воинов Айсида. После случившегося побиения камнями воины эти разбежались кто куда попал.

Пьеса окончилась пожаром, истребившим город Кербела. Огонь охватил сначала тростниковые хижины, нарочно выстроенный за забором, о котором я упомянул уже выше. В последнем действии появилась гробница Гуссейна, покрытая черным сукном. На верху её поставлено было чучело тигра, изображавшее того мифического льва, который, по словам легенды, стерег в продолжение нескольких дней смертные останки имама. Церемония закончилась стихами в честь Магомета и его потомков и в честь шаха.

Самое поразительное во всем представлении — это выставка обезглавленных тел мучеников; все они уложены в ряд, в одну линию, и возле каждого тела лежит его отрубленная голова. Чтобы передать эту картину во всей её живости, распорядители зарывают несколько человек в землю, оставляя наверху одну только голову, затем укладывают других в виде обезглавленных трупов. Трупы и головы размещены в таком порядке, что зритель видит пред собою каждую голову, отделенную от туловища. Многие подвергаются этой пытке добровольно, из чувства набожности, и нередко умирают от неё.

Мусульмане, живущие в Индии, несмотря на то, что состоят преимущественно из сунитов, празднуют также праздник месяца могарема.

Они избирают заранее несколько домов для совершения в них религиозных церемоний. (Чужестранцев в них не допускают). Дома эти называются ashourkhana (десятидневными домами). Их белят заново и убирают внутри знаменами, изображающими гербы Гуссейна, устраивают в них гробницы наподобие гробницы этого святого и украшают разными предметами, напр., ящиками из слюды, которая заменяет зеркальные стекла, маленькими дворцами из бамбукового дерева, из бумаги и из мишуры, которые известны под названием shah-nushin (дворец шаха); затем комнату убирают коврами, транспарантами, лампами, люстрами, канделябрами, чучелами различных рыб, страусовыми яйцами, бумажными цветами, фонтанами и пр. и пр. Перед каждым таким домом вырывают большую кругообразную яму, в которой каждый вечер горят огни. Вокруг них вертятся и пляшут правоверные, рассекая по временам пламя своими палками и саблями с неистовыми криками, сливающимися в один уступленный гул: Ja Alli! Ja Alli! (О Алли! О Алли!), Shah Hussun! Shah Hussun! (Благородный Гуссун! благородный Гуссун!), Shah Hussein! (Благородный Гуссейн!), Doulha! Doulha! (Невеста! Невеста!), Hai dost! Hai dost! (Увы, друг наш! увы друг наш!), Ruhio! Ruhio! (Постой! Постой!)

Женщины в знак горести бьют себя в грудь и, кроме обычных восклицаний, описанных выше, прибавляют нечто вроде припева, повторяя каждое слово два раза. Они воспевают таким образом смерть трех юношей, утопавших в своей крови. Женщины эти называются sinazunni; они имеют обыкновение совершать свои причитания при свете какой-нибудь лампы.

Во внутренности домов ashour-khana читают молитвы, жгут благовония и разносят в честь святых мучеников сахар и сахарную воду, предлагая их без разбора богатым и бедным. В известные часы дня факиры читают места из Корана и из жития святых мучеников. По ночам раздается пение хвалебных гимнов в честь этих святых, исполняемое чистыми детскими голосами, нарочно подобранными для этой цели.

Вечером один из главных начальников религиозной секты выезжает на улицу под золотым или серебряным зонтиком. Иногда он присутствует верхом, но по большой части его несет на руках кто-нибудь из народа; музыка сопровождает его повсюду, и молодые девушки следуют за ним, причитая похоронные песни и колотя себя в грудь. При каждом огне он останавливается и начинает молиться. Воротившись к себе в «ashour-khana», начальник протягивается как мертвый и представляет из себя одного из мучеников, а присутствующие начинают плакать и молиться над его телом; затем все пьют и едят.

В некоторых персидских провинциях существует обычай давать в этот вечер драматическое представление, в котором изображена в лицах свадьба Касима, сына Гуссуна, женившегося в самый день сражения на любимой дочери Гуссейна.

Во время празднества по улицам на длинных пиках разносят чалмы, которые должны изображать голову Гуссейна. Это делается в память того, что Иезид, после того как обезглавил святого, велел своим воинам носить его голову по всем улицам города. Вместе с чалмами разносят также tahouts, или гробницы, в сопровождении факира.

Женщины и мужчины, в особенности те, которые не находятся в супружестве, надевают в эти дни зеленые или красные платья: зеленые изображают отравленное тело Гуссуна, а красные — окровавленный труп Гуссейна.

В самые торжественные часы праздника перед домами зажиточных жителей и купцов появляется род фонтанов, из которых бьет для угощения народа душистый мед, шербет и холодная ароматическая вода.

Во все десять или двенадцать дней праздника могарема мусульмане преимущественно заботятся о соблюдении чистоты и опрятности в своих одеждах. Они воздерживаются от всяких удовольствий, иногда даже от пищи и питья, и от всяких работ. В эти дни никому не позволяется даже мысленно отрываться от печального события, в честь которого совершается празднество, и допускается только одно исключение и одно занятие — похороны.

Город Шуша совершенно отличается от других закавказских городов, в которых мне случилось по-

бывать. Эривань, Нахичевань и Елизаветполь, куда я заглянул только мельком, носят на себе отпечаток восточного характера. Дома в этих городах малы, низки, выстроены преимущественно из кирпича и земли и отличаются редкими окнами и низкими кровлями, теряющимися в зелени окружающих садов. Улицы узки, грязны, неправильны: мостовых почти совсем нет.

Шуша представляет совершенный контраст с этими городами. Дома её правильны, красивы, высоки и освещены прекрасными, многочисленными окнами. Город построен из камня, взятого из утесов, на которых он расположен. Улицы везде вымощены широкими плитами, крыши домов сделаны из теса — на манер европейских.

По наружности армянские дома очень сходны с татарскими, но внутреннее их убранство совершенно различно от убранства татар.

Армяне меблируют комнаты по образцу своих соотечественников, живущих в Тифлисе, т. е. почти на европейский манер, а татары руководствуются в этом случае убранством персидских домов.

В Шуше, как и везде, армяне играют роль прогрессистов, а татары — роль консерваторов и вообще задерживающего элемента.

Армяне любят нововведения и спешат применять их к своей жизни; татары же с трудом принимают всякое изменение, даже явно служащее к их пользе.

У армян вы не найдете ребенка, который бы не понимал по-русски; у татар — напротив, из десяти один только говорит по-русски, несмотря на то, что вокруг них постоянно слышится говор на этом языке.

Относительно умственной апатии и природной небрежности татары мало чем отличаются от турок; армяне же, по своей деятельности, предприимчивости и уму, подходят скорее к персам, которых не без основания называют восточными французами. К несчастию, армяне, рассеявшись по всем частям света, сделались слишком эгоистичны и корыстолюбивы; они только о том и думают, чтобы не упустить из виду выгодной сделки, и всеми правдами и неправдами стараются извлекать из всего свою пользу. В закавказских странах они не без успеха разыгрывают ту же роль, которую играют евреи в Европе.

Губернатор города Шуши, князь М*, превосходнейший и добрейший человек, с которым мне удалось познакомиться, услужливый, как все грузины, предложил мне ввести меня в некоторые богатые татарские дома, наиболее заслуживающие внимания.

— Вы там увидите целое собрание татар, — сказал он мне, — и послал слугу известить одного богатого негоцианта, что он придет к нему пить чай вместе со своим гостем, одним приезжим чужестранцем.

Войдя к татарину, мы застали у него большое общество; зала была невелика, но красива, хорошо убрана, и очень мне понравилась. Множество приглашенных сидели вдоль стен, по их лицам можно было подумать, что они погружены в глубокие размышления; у мужчин были черные или рыжие бороды; неизменный янтарный мундштук торчал во рту, а возле находился наргиле. Последний поочередно переходил из рук в руки.

Угощенье состояло из чаю и пилава (пшена, поджаренного с мясом в масле или жире и сильно приправленного пряностями); его обыкновенно запивают чаем.

Дома богатых татар обыкновенно имеют два этажа: в первом, т. е. внизу, помещаются конюшни, кухни и комнаты для прислуги; во втором, который обнесен кругом широким балконом, живет хозяин и его семейство.

Деревянная лестница ведет на этот балкон, а оттуда — в небольшую переднюю, в которой навалена целая груда туфлей с ног приходящих гостей; сюда же ставят крупную жестяную посуду с грубыми разными украшениями, таз и рукомойник для омовения рук перед обедом и после обеда, кувшины для воды самых разнообразных форм, суповые миски, блюда и чашки.

Чужестранцев или гостей малознакомых обыкновенно вводят сначала в эту комнату, но друзья и короткие знакомые, без всяких церемоний, проходят в огромное окно, занимающее пространство от потолка до полу. Это лучшее украшение залы, такие окна иногда занимают целую стену и, выходя на балкон, освещают всю комнату. Обыкновенно в них вставляют цветные стекла, обделанные в тонкие деревянные ободочки, похожие на красивое кружево.

Снизу окно поднимается, и два соседа, сидя каждый у своего окна, могут беспрепятственно наслаждаться по целым часам вечерней прохладой и куреньем наргиле.

Стены и потолок украшены рисунками, а иногда особенными фигурами в персидском вкусе, задуманными и исполненными с большим вкусом. Относительно рисунков можно заметить, что, несмотря на богатство фантазии, они по большей части неудачны, и притом сюжеты, избираемые художниками, не отличаются нравственностью.

Живописцы, которых можно назвать историческими, изображают в своих картинах или древних сказочных героев, или персидских шахов, между которыми чаще других повторяется знаменитый Надир-Шах, или сражения персиян под начальством разных знаменитых полководцев. Само собой разумеется, что победа всегда на стороне персиян, а неприятели постоянно изображены разбитыми. Эту лесть легко можно объяснить тем, что вся страна находилась некогда во власти персиян и история её неразрывно связана с историей Персии. Что касается до других картин, я не берусь их описывать в подробности; скажу только, что слишком часто появляются в них изображения нимф без всяких покровов, словом — в первобытном костюме Истины, вышедшей из колодца.

В стенах устроены ниши для фарфоровой и стеклянной посуды; тут же стоят сундуки и ящики всевозможных форм. На стенах висит целый арсенал холодного и огнестрельного оружия со всеми

возможными принадлежностями. Пушистый ковер покрывает пол, а широкие диваны, или, лучше сказать, подушки, огибают стены.

Камин раскрашен яркими цветами и служит только для украшения, но не для нагреванья: в нем никогда не разводят огня. Комнаты топят так называемыми «manegalis», т. е. железными ящиками, наполненными раскаленными угольями. Туземцы уже привыкли к чаду, происходящему от этого первобытного способа топленья.

Я описал здесь приёмную комнату богатого татарина; это светлая сторона медали, но не надо забывать, что у восточных народов жизнь имеет две стороны: одну праздничную, которую выставляют напоказ, другую будничную, скрытую от глаз посторонних. Чем роскошнее и богаче убранство приемных комнат, тем грязнее и некомфортабельнее внутренние отдаленные покои.

Дома татарская женщина и её дети ходят чрезвычайно неопрятно; но, отправляясь на улицу или куда-нибудь в гости, они наряжаются в пух и прах. Татарские и армянские женщины не выходят ина-

че, как закутанные с головы до ног в длинные покрывала; у татарок покрывала из шелковой полосатой и клетчатой материи; у армянок — из белого коленкора. И те, и другие заманчиво поглядывают сквозь свои покровы на проходящих европейцев, и не раз случалось, что тамошние красавицы, оглядевшись кругом и не видя поблизости туземцев, как будто невзначай, под видом скромного желания плотнее закутаться, откидывают на мгновение свои покрывала, из-под которых, как молния, блеснет глазам очарованного прохожего прелестное лицо и стройный стан.

Когда я знал восток только из описаний историков и путешественников, которые, как известно, не слишком гонятся за истиной и не скупятся на самые преувеличенные похвалы всему, что видели и слышали во время своих путешествий, я воображал, что восточная женщина есть олицетворение красоты и грации. И действительно, если посмотреть на нее издали, на улице или на террасе, или во время процессий, когда она, вся закутанная в покрывало, поражает вас какой-то заманчивой тайной, вы чувствуете себя под влиянием её огненных взглядов и в каком-то чаду уже готовы писать ей стихи и воспевать ее как богиню... Но погодите! Стоит только подойти к ней, и очарование исчезнет: один запах её одежды уже охладит вас. Туземцы обоих полов не признают необходимости белья; даже самые богатые из них носят свои платья день и ночь, не спуская с плеч, до тех пор, пока они совсем не расползутся и крайняя необходимость не заставит сменить их на новые.

Увы! надо правду сказать, женщины грязны от самого рождения и до смерти. К тому же они необразованны, невежественны, суеверны, болтливы и злословны. Конечно, в этом некого винить, кроме их повелителей. Но лучше перестанем говорить об этих бедных, обиженных судьбой созданиях.

Мужчины, по крайней мере, пользуются общественной жизнью и хоть относительной свободой действий; для женщины сфера эта совершенно недоступна. Татары большую часть дня проводят за прилавком или на базаре, потому что на востоке каждый должен заниматься каким-нибудь торговым делом или, пожалуй, хоть делать вид, что занимается: иначе его прозовут лентяем.

Базары на востоке, кроме своего торгового значения, играют весьма важную роль для общества. Они заменяют собрания или парламенты, на которых обсуждаются самые животрепещущие общественные вопросы и сообщаются свежие политические новости; тут же рассказывают самые незначащие вещи, случившиеся в течение дня. Женщины могли бы занять блестящее место на этих сходках, но, к несчастию, их не допускают туда, и они должны довольствоваться менее обширным полем действий для изощрения своего ума, красноречия и воображения.

Впрочем, по зрелом рассуждении я должен заметить, что это не совсем верно. У женщин есть также свой кружок и свои собрания. Читатель, быть может, догадывается: это бани.

Бани есть центр, вокруг которого сосредоточиваются всевозможные сплетни и слухи. Побывав на язычке у кумушек, каждый простой случай превращается в новость, которая в тот же день облетает весь город и его окрестности.

Бани, кроме того, имеют и другой интерес для путешественника. Глядя на опрятность жителей, трудно поверить в существование каких бы то ни было бань, а эти, к сожалению, не выполняют гигиенических условий, но служат, напротив, источником разных накожных болезней, не переводящихся в этих странах. Тот, кто раз побывал в этих банях, без труда поймет причину их вредного влияния. Все они выстроены под землею, и наружу выходит один только купол — необходимая принадлежность каждой бани. Крутая лестница ведет вниз по ступеням в первую комнату, или предбанник, где посредине устроен бассейн, а иногда фонтан. Вдоль стен тянутся широкие скамьи, покрытые войлоком, наполненным всевозможными насекомыми. Каменный пол вечно выпачкан грязью. Свет проходит в небольшое отверстие, оставленное наверху купола.

Вторая комната, или баня, представляет просторное помещение с резервуаром горячей воды. В самых роскошных банях есть также резервуары и с холодной водой.

Первым посетителям достается чистая вода, вторым — мутная, третьим — грязная, а последним — и грязная, и вонючая вместе. В конце концов она превращается в густую массу грязи ужасного зеленова-

того оттенка, с таким отвратительным запахом, что от него просто тошнит.

В некоторых банях, из экономии, чтоб меньше топить, воду не переменяют в продолжение двух или трех дней.

Из всех бань Закавказья только тифлисские можно назвать поистине прекрасными. Они выстроены в утесе, из которого бьет натуральный горячий серный ключ. Армяне и грузины стекаются туда целыми толпами с самоварами и запасами разной провизии; они проводят там почти целый день: вымоются, закусят, попьют чаю, поболтают и с новым жаром принимаются мыться; затем снова пьют, едят и болтают.

В банях существуют свои обычаи. Банщик раскладывает вас на горячем полу или на широкой лавке (lohta) и спрашивает, не угодно ли вам «поправить члены». На ваш утвердительный ответ он, со всею ловкостью и опытностью мастера, начинает вас править, т. е. вывертывать вам руки, ноги, шею, затем, вскакивая к вам на грудь или на спину, он прокатывается но ней несколько раз на пятках. Это своего рода пытка, но она нравится туземцам. Когда кости хорошо выправлены, начинается мытье: прислужник соскабливает ногтями грязь с тела и кончает операцию, намыливая все тело душистым мылом.

После бань я посетил татарские школы. Иногда они бывают причислены к мечетям, а иногда устроены в частных домах.

В Шуше я видел при мечетях так называемые «высшие школы»; они попадаются редко, и в них гораздо меньше учеников, чем в обыкновенных школах.

Школу скорее всего можно узнать по шуму, который слышен еще издалека. Окрестности гудят от повторяемых эхом свежих и звучных детских голосов, разучивающих или повторяющих вслух свои уроки.

Школа состоит из одной только комнаты с широким балконом, который выходит на улицу. На балконе во всю ширину стены прорублено широкое окно, нижняя часть которого постоянно открыта в хорошую погоду. Внутри школы потолок и стены украшены рисунками и стихами из Корана, относящимися к программе учения.

Я помню, что в одной из школ мне случилось видеть старую, изломанную, почерневшую и заржавленную люстру, которая, по всей вероятности, висит в ней с незапамятных времен и не выбрасывается, несмотря на свою негодность.

У стен и в глубине ниш навалены груды книг и тетрадей; на столбах, поддерживающих потолок, развешаны сумки учеников.

В углу комнаты сидит мулла, начальник школы. Вокруг него, по какой-то странной случайности, собраны самые красивые и самые богатые дети, отличающиеся своей одеждой от прочих учеников, которых пестрые и поношенные платья изобличают их скромное положение в свете. На полу, зажав уши руками, сидят в беспорядке около сотни ребятишек, поджавши под себя ноги, так что их почти совсем не видно. Нагнувшись всем корпусом вперед над книгой, лежащей на полу, они раскачиваются из стороны в сторону и, не переставая ни на минуту, бормочут все в один голос. Это и есть то знаменитое учение уроков, о котором я говорил выше. Ученики конкурируют друг с другом в том, чтоб перекричать один другого. Понятно, что от этого происходит страшный шум, и школа становится похожа на рой жужжащих пчел, или, скорее, на жидовскую синагогу.

Выучив свой урок, каждый ученик подходит к учителю и, подобно маленькому ручью, впадающему в большую реку, выливает свое смиренное знание в глубину премудрости преподавателя. Если юный школьник слишком понадеялся на свою память, его постегивают розгами и снова отправляют на место переучивать урок.

Татарские педагоги не скупятся на розги; для них бить и наказывать — привычное дело. Пучки мягких и гибких розог не выходят у них из рук и часто оставляют глубокие следы на спине, руках, ногах и на всем теле этих беззащитных созданий, попадающихся под удары. Если учитель бывает не в духе, — а его занятие именно такого свойства, что способствует беспрерывному раздражению, — то большая часть учеников уходит из класса с синяками на всем теле.

От телесных наказаний изъяты только одни чрезвычайно красивые или очень богатые дети. Только для них смягчается сердце учителя, бесчувственное и непреклонное ко всем другим.

Я могу судить об этом хорошо потому, что мне, как нарочно, случилось жить по соседству от школы. С утра до вечера я выслушивал беспрерывные крики и стоны, долетавшие до меня из школы, и иногда сливавшиеся в один долгий вопль отчаяния. Очевидно, наставник, потерявший терпение, переставал рассчитывать силу своих ударов и, раздражаясь все более и более, приходил наконец в такое бешенство, что не щадил нисколько своих юных воспитанников.

Наказание розгами отличается своей простотой и быстротой; учитель кладет ученика на спину и придавливает ему ноги двойной доской, не позволяющей ему сделать ни одного движения. Двое учеников придерживают доску, двое других держат виновного за руки, и еще двое, справа и слева, хлещут беднягу по пяткам. Во время этой экзекуции учитель курит наргиле, по временам отрываясь, чтоб читать наставления своей жертве.

Спрашивается: что же это за головоломная наука, которую приходится с помощью розог вбивать в голо-

вы несчастных татарских мальчиков? Это просто-напросто чтение и выписывание стихов из Корана. По крайней мере, первоначальное обучение состоит только в этом. Дети, которые готовятся вступить в духовное звание, учатся в высших заведениях и там исчерпывают до дна глубокий колодезь науки. Там они научаются комментировать Коран или, лучше сказать, выучивают наизусть бесчисленное количество комментариев, написанных на эту тему. Тут же они знакомятся с историей, если только можно назвать этим именем беспорядочное собрание побасенок, анекдотов, легенд о разных героях и принцах.

Насколько я мог заметить, татары признают все эти басни за неотъемлемую принадлежность древней персидской истории и считают совершенно невозможным ввести какие бы то ни было изменения в эту отжившую и уже устаревшую несколькими веками систему преподавания. Конечно, нововведения противны духу мусульманской религии, но зато легко представить себе, с каким трудом переваривают ученики эту бесполезную науку, не приносящую никакой практической пользы, — в результате оказывается, что успехи по этим двум предметам идут чрезвычайно туго. В первоначальных школах, наряду с детьми, еще не прошедшими всех ступеней этой неблагодарной науки, доканчивают иногда свое воспитание взрослые, пятнадцати- и двадцатилетие юноши.

Нельзя сказать, чтобы сообщество взрослых с детьми было полезно или способствовало дисциплине — напротив, оно ведет иногда к неудобствам разного рода.

По-видимому, татары, как взрослые, так и малолетние, охотно готовы принять более разумную систему образования. Относительное количество учащихся к цифре населения в городах и деревнях весьма значительно. В сельских татарских школах, где учат читать и писать, учение хотя менее распространено, чем в городах, но пользуется большим уважением, нежели в армянских селах и у христиан Закавказья. Нечего и говорить, что на долю женщины не перепадает ни одной крохи какого бы то ни было знания.

Неподалеку от Шуши, у ворот, ведущих в Елисаветполь, стоит большой старинный дом, принадлежащий дочери последнего хана, Мехте-Кули-Хана.

Несмотря на умственную слабость и бесхарактерность, этот хан, находившийся под покровительством России, пытался войти в сношения и интриги с персидским двором. Вследствие этого он лишился главного начальства над страною. Тем не менее, он продолжал жить в своем доме и пользовался уважением своих сограждан, но уже не как начальник, а как первый подданный русского царя. Он был принят в русскую службу в качестве генерала.

Умирая, хан оставил порядочное состояние своей дочери, за которой еще до сих пор сохранилось некоторое влияние, перешедшее к ней от отца. Она всячески старается поддержать его и с этой целью принимает самое живое участие в церемониях десятидневного празднества месяца могарема.

Сын её присутствовал на процессии верхом на лошади, сопровождаемый и окруженный нукерами. Он был одет, подобно членам секты «самоистязателей», в белую простыню, на которую с его изрубленного лба стекали капли крови. Ему было всего двенадцать лет. Прелестная малютка, внучка хана, также выделялась своею красотой из среды подруг, ехавших на верблюдах или в палатках и рвавших на себе волосы в знак отчаяния. Этой же дочери хана принадлежали самые богатые и самые великолепно убранные лошади, придававшие особенную пышность и торжественность праздничной процессии. На конюшнях её находятся превосходные лошади, известные под именем лошадей хана.

Впрочем, в Карабахе у каждого «бека» есть своя конюшня и свой конный завод почти такого же устройства, как в Европе. Татары имеют обыкновение накладывать на своих лошадей особые метки.

Я узнал из рассказов, что начало этих конных заводов следующее.

По смерти знаменитого персидского шаха Надира, первому карабахскому хану, по имени Пан-Хану, удалось овладеть большею частью превосходных лошадей с царских конюшен и с царского конного завода. Эти лошади были двух пород: одни — настоящие арабские, другие — помесь с турецкими. Часть этих лошадей он оставил за собою, а остальные роздал своим приближенным. Эти-то чистокровные скакуны положили начало первым конным заводам, которые со временем получили значительное развитие.

К сожалению, нынешние карабахские лошади потеряли много из своих прежних достоинств. По красоте (одно из их главных преимуществ) они стоят выше турецких и арабских лошадей, потому что, хотя они так же горячи, как последние, но зато уступают им в силе и в выносливости.

Вырождение этой породы отчасти можно приписать климату, отчасти же, и по всей вероятности в гораздо большей мере, самим коннозаводчикам, которые совершенно не умеют вести рационально своих заводов. Они не придерживаются определенной системы ни в скрещивании пород, ни относительно каких бы то ни было гигиенических условий. За исключением небольшого количества лошадей, которые постоянно круглый год стоят на конюшнях у богатых татар, остальные пасутся под открытым небом, летом в горах, зимою — в долинах. Небрежность в отношении к их содержанию доходит до такой степени, что татары не делают запасов сена на зиму, и лошади принуждены сами добывать себе корм из-под снегу.

Хоть я не могу назваться тонким знатоком в лошадях и не прихожу в восторг от их достоинств, но я не мог оставаться равнодушным к варварскому способу стреноживания лошадей у татар. Это тем более поражало меня, что леса, окружающие горы, представляют превосходное пастбище для лошадей в ночное время. Когда я заметил об этом одному татарину, показывавшему мне свой табун, он отвечал, что «не стоит водить их туда, что лошади и так привыкли», как будто какое-нибудь живое существо может привыкнуть к подобному обращению; притом перетертые и израненные ноги лошадей довольно красноречиво противоречили его словам. При таких неблагоприятных условиях остается только удивляться, что эта раса совсем не уничтожилась. Но я забываю, что не описал еще наружности этих благородных животных.

Чистокровная карабахская лошадь почти без гривы, хвост у неё очень густ, как у всех турецких лошадей, но круп несравненно красивее. По голове и ногам можно признать в ней арабскую породу. Шерсть на ней гладка, коротка и до такой степени шелковиста, что переливается, как атлас. Обыкно-

венные цвета карабахских лошадей — рыжий и серый, гнедой встречается реже, а вороной — почти никогда. Я видел в Шуше, у Джафар-Кули-Хана, лошадь джебраильской породы (по имени местечка, близлежащего к Шуше). Я не знаю, путем какого скрещивания произведена эта порода, но лошади её гораздо крупнее, сильнее и крепче карабахских лошадей, только не так красивы.

Я забыл сказать, что средняя величина карабахской лошади не превышает двух аршин и двух вершков. Мне случилось как-то видеть помесь нынешней карабахской лошади с небольшой турецкой; не могу судить о её достоинствах и силе, но на первый взгляд она неказиста. Самые лучшие лошади, которых мне пришлось видеть в Шуше, принадлежат заводу того же самого Джафара-Кули-Хана, о котором я уже говорил. У него их немного, но выбор их превосходен. Джафар скупил их у своих знакомых беков. Не знаю, действительно ли он знаток в лошадях или ему только посчастливилось, но повторяю, что нигде я не видал подобных лошадей. Я срисовал одну из них с натуры — именно заводского жеребца. Джафар-Кули-Хан сказал мне, что в прежнее время он и по количеству, и по качеству лошадей был первым коннозаводчиком в стране, но, по причине своих частых отлучек, отвлекавших его иногда на долгое время из дому, лишился половины своего завода и половины своих доходов.

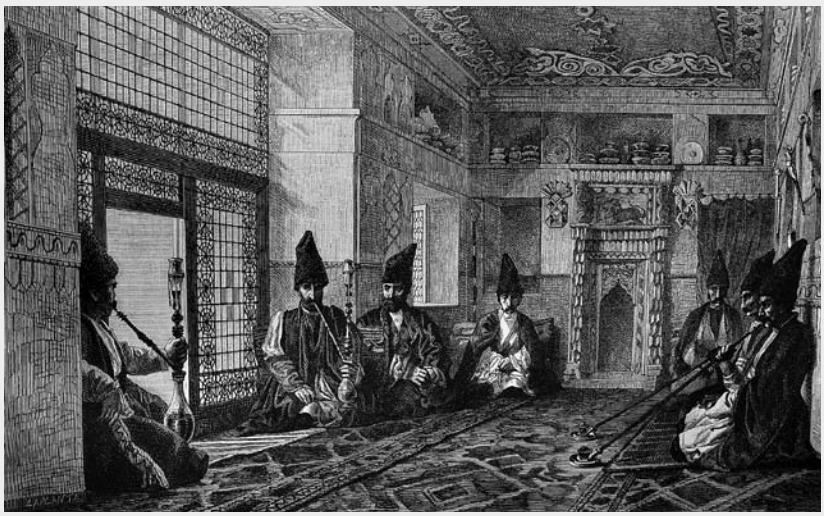
Джафар-Кули-Хан человек очень почтенный и от природы неглупый. Он много жил в обществе, много видел, много слышал, и разговор его очень интересен. Я познакомился с ним на одном из вечерних представлений, которые он давал у себя на дворе. Я, кажется, упомянул уже, что богатые и благочестивые мусульмане в первые девять дней могарема имеют обыкновение давать у себя драматические представления, состоящие из нескольких сцен, относящихся к предсмертным страданиям имама. Их дают обыкновенно или в доме, или на дворе, или даже на улице перед домом. Нарочно для этого приглашают актеров, и на представления собираются все родственники, друзья и знакомые хозяина. Мне же посчастливилось попасть в число приглашенных в качестве путешественника, осматривавшего достопримечательности города.

Я застал хозяина лежащим на подушках, у окна, выходившего на балкон, с которого был вид на улицу; он тотчас заговорил со мной чистым русским языком, прося у меня извинения, что не встает принимать своих гостей, и очень любезно повторил свое приглашение на вечерний спектакль. Этот спектакль ничем не отличался от предыдущих, уже описанных мною. Я мало обращал на него внимания, потому что меня несравненно более занимал сам хозяин.

Джафар уже старик; лицо у него умное и выразительное; длинная рыжая борода падает ему на грудь. Он давно уже не встает с постели. Это не прежний отважный Джафар, это только его тень. Он был один из претендентов на карабахский престол, но его мужество, отважность и решимость делали его слишком опасным, и потому долгие годы были проведены им в изгнании. Его красота, молодость и богатство доставили ему когда-то значение в модном петербургском кружке, где он вел рассеянную жизнь; весьма вероятно, что в настоящее время он старается искупить благочестивыми делами старинные грешки.

Одна из комнат его дома убрана на европейский манер; в ней стоит старое фортепьяно, к которому иногда подводят старика, так как он не может ходить без поддержки. Он припоминает разные старинные мотивы и наигрывает их дрожащими пальцами. Я старался навести его на разговор о его прошедшей жизни, столь обильной приключениями; но он, по-видимому, не любит вспоминать о прошлом. Ему очень понравились мои эскизы и портреты наших общих знакомых, но восторг его достиг высшей степени, когда он увидал набросанные мною эскизы лошадей. Он с трудом мог поверить, что они были сделаны просто карандашом, без всяких других вспомогательных средств.

Кстати упомяну здесь, что я собрал целую коллекцию портретов татарских аристократов; в них вполне схвачен татарский тип. Мне удалось набросать все эти эскизы среди самой оригинальной обстановки.



Зала в доме татарина в Шуше

Начальник края (присвоивший себе все эти рисунки) затеял большую охоту, на которую пригласил весь цвет аристократии Шуши. Приглашенные явились в назначенный час в сопровождении своих нукеров (почетных слуг).

Поезд двинулся в горы, растянувшись длинной вереницей, впереди которой ехал губернатор, окруженный казаками. В двадцати верстах от города охотники бросили лошадей в поле, а сами, осмотревши ружья, вошли в густой и темный лес. Слуги в это время разбивали палатки. На горе, осененной тенью деревьев, в густой траве, засели охотники в ожидании зверя. Я не взял с собою ружья, со мной был только револьвер и мои карандаши. Между тем, вдали собаки заливались громким лаем, то нападая на зверя, то снова теряя его, а я, воспользовавшись этим временем, копировал одно за другим лица моих соседей, и на второй же день охоты у меня был полный портфель портретов.

Если не ошибаюсь, то мне давал сеанс Идеат-Ага, сын Джафара-Кули-Хана, в ту минуту, как с нами случилось маленькое приключение, которое могло довести нас до беды.

Собаки на минуту замолкли, мы все сидели в густой и высокой траве, скрывавшей нас с головой, и

Идеат-Ага, зарядив ружье, прислонился спиной к дереву и начинал уже дремать, наскучив, вероятно, долгим сеансом и еще более долгим ожиданием появления зверя.

Как вдруг я услышал позади себя какой-то треск и шорох. Я перестал рисовать, оглянулся, но, не видя ничего, подумал, что это шевельнулся один из моих соседей, и продолжал свое дело, не обращая более внимания на шум. «Стреляй, Идеат-Ага! Стреляй!» — раздалось вдруг возле меня. Я поднял голову: в четырех шагах от нас неподвижно стоял громадный медведь, глядевший на нас изумленными глазами, потому что высокая трава скрывала нас от него до сих пор. Идеат-Ага выстрелил в него, почти в упор, раз, потом другой, но — или он еще не совсем проснулся, или у него дрогнула рука — только медведь не был ранен, хотя и обратился в бегство. Я тоже выстрелил в него из револьвера, и вслед за тем посыпались частые выстрелы с холма, со стороны прочих охотников, которые, увы, не могли попасть в него, потому что медведь был уже далеко. Мы утешали себя только тем, что он должен быть тяжело ранен и недалеко уйдет.

Результат охоты был не блестящ. Затравили только диких коз, из-за которых, конечно, не стоило собираться такому множеству народа со всевозможными охотничьими снарядами. На поверку вышло, что самый счастливый охотник был я или, вернее, губернатор, захвативший всю мою добычу, состоявшую из коллекции портретов. Притом на охоте было все-таки очень весело, а это самое главное. Население Шуши состоит из трех различных элементов, которые так чуждаются друг друга, что никогда не сходятся между собой, за исключением только одной охоты.

Русские, составляющие, так сказать, передовой и, без сомнения, более цивилизованный элемент, по-видимому, могли бы служить связью для двух остальных — армянского и татарского, но или они не хотят, или не могут этого, только знакомства их ограничиваются посещением своих же соотечественников — не более. Дело в том, что эти русские — по большей части чиновники, гражданские или военные, и потому боятся уронить свое достоинство сближением с армянами, которые сами по себе народ очень общительный. Татары далеко не так податливы: чтобы свести с ними знакомство и дружбу, необходимо употребить для этого много труда. Таким образом, общественная жизнь совершенно неизвестна этому богатому и коммерческому городу; у каждого свои интересы, и каждый вращается только в кружке своих единоплеменников.

Низкое положение туземной женщины, без сомнения, способствует еще более этому грустному порядку вещей. Я уже сказал, что татарской женщине не дано никаких средств для развития её умственных способностей; в отношении к мужчине она стоит на степени существа низшего разряда. Разумеется, бывают исключения, и случается, что умная и энергическая женщина забирает все хозяйство в свои руки и ведет весь дом как полновластная хозяйка, но это уже чисто нравственное насилие, посягательство на право мужа. За татаркой признается одно только право — работать с утра до вечера, как вьючная лошадь. Будь она кротка, добра или зла и болтлива, добродетельна или ветрена — это все равно! Положение её не изменится. Она должна заботиться о средствах к поддержанию своего существования, и единственная её заслуга и главнейшая обязанность — давать наследников своему мужу.

Этот жалкий удел мусульманской женщины давно уже известен всем и каждому. Несравненно удивительнее, что у армян существует почти то же самое, тогда как там введена христианская религия, которая должна бы положить этому конец. Но предрассудки, завещанные средневековой эпохой, имеют, как видно, еще большую силу.

Рассматривая в других отношениях татар и армян, я готов отдать предпочтение первым: они мужественнее, откровеннее и благороднее армян.

Татарские крестьяне, несмотря на свое невежество, гораздо нравственнее людей высшего сословия, напр., беков, которые, утратив первоначальную чистоту нравов, приняли только внешние формы цивилизации и новых идей. Прежние патриархальные нравы еще сохранили здесь свое влияние, хотя в сношениях беков с крестьянами уже заметна большая перемена, с тех пор как рабство уступило место свободе. В сущности, татары — неисправимые и безнадежные консерваторы, и даже принимая и прилагая к жизни какие-нибудь нововведения, смотрят на них подозрительно и с глубоким вздохом вспоминают о прошедшем, хотя в настоящем жизнь их сравнительно гораздо счастливее прежней.

Насколько я мог заметить, здешние татары сохранили еще во всей силе уважение к ханам, которые когда-то ими управляли. Они как будто забыли их недостатки, бесчеловечие, варварство, мошенничество и все пороки, присущие мелким восточным тиранам, и видят только сквозь призму своих воспоминаний мнимую политическую свободу, которой будто бы пользовались их отцы, деды и прадеды.

В татарах, как мне кажется, до крайности развито чувство подобострастия и низкопоклонства к высшим. Я приведу здесь один характерный анекдот, слышанный мною по этому поводу, если только его не выдумали армяне, которые любят посмеяться и поострить насчет своих вечных соперников. Как сейчас помню живой и комический рассказ Бег-Лара, его жесты и неподражаемое искусство, с которым он передавал голос и ухватки татар, так что нельзя было удержаться от смеха. Вот сущность его рассказа.

Однажды татарский крестьянин приходит домой в необыкновенно веселом и счастливом распо-

ложении духа; лицо его сияет, он едва может перевести дух, видно, что он захлебывается от восторга. Жена его теряется в догадках над тем, что с ним случилось, и осыпает его вопросами. Он делает ей знак, что от радости не может говорить. Наконец, волнение его утихает, и он рассказывает, что видел хана, самого хана! И хан его заметил! И не только что заметил, но сам лично говорил с ним.

— Не может быть, — говорит жена, тоже чрезвычайно пораженная этим необычайным событием. — Где же? Как это случилось? Рассказывай скорее, не пропускай ничего.

— Да, слава и благодарение хану! Мы завещаем нашим детям воспоминание об этом событии. Да, здесь никто еще не удостаивался подобной чести.

— Говори же, не мучь меня.

—Хан шел окруженный беками, я стоял у него на дороге и низко поклонился ему; он взглянул на меня, и сказал мне....

— И сказал тебе?

—И сказал мне: «Отойди прочь, собака, что ты стоишь на дороге».

Возвращаюсь к Шуше и её окрестностям, которые мне остается рассмотреть в торговом и промышленном отношениях. Мне придется ограничиться только несколькими словами по этому поводу. Большая часть туземных жителей, в особенности армян, ведут обширные дела с Россией и Персией. Они скупают лучшие товары и дорогие материи, но преимущественно занимаются вывозом сырых материалов, и почти все очень богаты, остальные жители живут кое-как, или, лучше сказать, прозябают.

Татары, занимающиеся скотоводством, обладают огромными стадами овец, шерсть которых частью на месте же употребляется в пряжу, а остальная идет в продажу, в грязном виде. Обрабатывание хлопчатой бумаги, также как и разведение тутовых деревьев, производится в ничтожном количестве. Я присутствовал при работах татар, видел, как они воспитывают шелковичных червей, как моют куколки, разматывают шелк и ткут материи; все приемы их допотопны, и потому нельзя ожидать от них хороших результатов; они только портят материал. Еще грустнее, что этими работами занимаются сильные и здоровые мужчины, тогда как на долю женщин и девушек выпадает самый обременительный труд, требующий чрезвычайного напряжения и силы мускул.

Здешние шелковые материи прочны, но грубы; они не идут в продажу в другие страны и употребляются только туземными жителями; цвет этих материй преимущественно ярко-красный.

Ковры также несколько грубы, но зато отличаются прочностью; их яркие краски и прекрасные рисунки заимствованы у персов, почему торговцы коврами часто продают их за настоящие персидские.

Мне несколько раз случалось присутствовать при тканье этих ковров; иногда они бывают так велики, что их ткут вне дома. Целое семейство, например, мать с дочерьми, сидит на улице за этими коврами, и пальцы их с необыкновенной быстротой скользят по основе и завязывают непрерывный ряд разноцветных узелков, концы которых впоследствии подрезываются длинными ножницами. В этом и состоит все искусство тканья тех знаменитых восточных ковров, которые так превозносят европейцы. Если взять в расчет относительную дешевизну этих ковров, то невольно является вопрос: во сколько же ценится рабочий день женщины и что может приобрести целое семейство, занимаясь этим тяжелым трудом? Увы! Цифра вознаграждения самая незначительная. Не надо забывать, что рисунки должны быть выучены наизусть и что в них не допускается ни малейшей неверности. Узоры заимствуют обыкновенно или с персидских ковров, или с живописных украшений мечетей, или с домов богатых беков.

В Карабахе (кара бах — черный виноград) производится хорошее вино, но с примесью странного вкуса. Оно сладко, как слабый медок, если бы в него положить большой кусок сахара на стакан. Не могу определить, происходит ли этот вкус от особенного свойства винограда или только от дурной перегонки. Во всяком случае, вино это не выносит перевозки и употребляется только в тех местах, где его производят.

V

Отъезд из Шуши. — Неприветливые тенихкенские собаки. — Армянские деревни. — Немецкая колония Оллендорф. — Губернатор. — Разбор дел. — Полезный людоед. — Поездка к молоканам и духоборцам. — Медно-литейный завод. — Кочующие народы. — Стрижка овец. — Татарские стада. — Бой баранов и бой верблюдов.—Гостеприимство номадов. — Молокане. — Их происхождение. — Их история. — Догматы веры. — Депутация к Наполеону I. — Духоборцы. — Их появление.

Начальник края дал мне провожатого, и я, навьючив все мои вещи на лошадь, выехал из Шуши. Я намеревался переехать горы и отправиться осматривать Оллендорф, немецкую колонию, находившуюся неподалеку от Елисаветполя. Мне сказали, что я найду там елизаветпольского губернатора, полковника М*, а мне нужно было его видеть, чтоб просить у него охранных писем на проезд по владениям, находившимся под его ведомством.

Я был один. Провожатый мой отпросился у меня повидаться с сестрой, которая была замужем за армянским священником и жила в деревне, в окрестностях Шуши; впрочем, он обещал мне вернуться ко времени моего вторичного проезда через Карабах и тогда сопровождать меня в Нахичевань, Эривань и далее.

Начало моего путешествия было несчастливо; не успел я спуститься с горы, на которой расположена Шуша, и не проехал еще Кан Канди, колонии, где стоит русское войско, как полил такой сильный дождь, что, не доезжая до Тенихкенда, я уже промок до костей. При въезде в эту деревню меня окружили громадные собаки, необычайно сильные и злые; они кидались под ноги лошадям, старались схватить их за ноздри или укусить путешественника за ноги. Если бы не подоспели хозяева, мы бы решительно не могли справиться с этими свирепыми церберами, очевидно оскорбленными моим вторжением в их владения. Одна из самых огромных собак, соскочив с кровли той избы, у которой я остановился, принялась лаять и рычать на меня, как будто хотела сказать: «Ну вот! найдут эти иностранцы в чужие места,

да еще без спросу, — как же тут не взбеситься?» Собака, подняв морду, вытянула шею и, пролаяв еще несколько раз, продолжала глухо рычать.

Деревня Тенихкенд выстроена на возвышенном месте, и потому, несмотря на то, что Шуша отстоит от нее на двадцать верст, она видна как на ладони. Это деревня — армянская, так же как и большая часть деревень, по которым мне случилось проезжать.

Армяне преимущественно занимаются возделыванием земли и потому устраивают свои колонии в местах, удобных для посева пшеницы, и притом на высотах, где могут оставаться на лето и зиму; в противном случае, им пришлось бы кочевать во время жары, которая в низких местах невыносима.

Армянские каменные дома гораздо представительнее жалких татарских лачуг, расположенных у подножия гор. Армяне проводят в них круглый год, это их постоянные жилища. Впрочем, относительно комфорта дома их мало отличаются от татарских, насколько я мог судить по их наружному и внутреннему устройству. Только дома начальников да самых богатых жителей представляют некоторые удобства: они, как мне показалось, гораздо прочнее и обширнее остальных домов, по крайней мере настолько, что семья может жить отдельно от скотины — от буйволов, коров и других домашних животных.

Мне пришлось изведать на себе самом все неудобства слишком близкого соседства с этими животными.

Однажды я ночевал в Тенихкенде, и так как мне не хотелось оставаться на ночь в дымной избе, наполненной всякого рода насекомыми, то я отправился под широкий навес, или сени, устроенные перед домом, и там постлал себе на полу великолепную душистую постель из свежей травы. Это и было причиною всех моих несчастий; мне не удалось сомкнуть глаз во всю ночь, потому что буйволы, с необыкновенным нахальством, мыча и лягаясь, беспрерывно подсовывали под меня свои морды и без всякой церемонии переваливали меня с боку на бок, вытаскивая из под меня траву. Несмотря на то, что их несколько раз отгоняли и привязывали, они обрывали веревки и снова приходили ко мне, стараясь выдергать все до последней былинки из моей, привлекательной для них, постели. И действительно, к утру подо мной не осталось ничего, кроме голых досок.

Несмотря на все эти неудобства, я твердо решился не сдаваться на гостеприимные приглашения туземцев и не садиться на их ковры во все время моего путешествия без особенно крайней необходимости. Только благодаря этой решимости, я не сделался добычей всевозможных домашних насекомых, ползающих и прыгающих, которые кишат не только в домах, но и на самих жителях, посвящающих все свои досуги преследованию и умерщвлению этих паразитов. Внутреннее устройство изб зажиточных армян почти не отличается от устройства татарских жилищ (поча). У тех и у других вместо окон проделано наверху отверстие и в средине избы устроена дымная печка; это неизменное расположение всех изб вообще, и если они разнятся между собою, то только большим или меньшим количеством домашней утвари, сообразно средствам хозяина. Во всех избах есть ткацкий станок, который или прислонен к стене, или стоит на дворе под навесом. На нем ткут каймы и небольшие ковры грубой отделки, потому что в деревнях, для того чтобы сделать большой хороший ковер, нужно затратить порядочную сумму денег на покупку дорогих шерстей всевозможных оттенков, а у крестьянина нет на это средств.

Крестьяне едят очень плохо. У них почти никогда не бывает мяса за столом, и весь обед состоит преимущественно из хлеба, дурно приготовленного сыра и трав. Они очень любят некоторые из этих трав, но по необходимости стараются выбирать только такие, которые, утоляя голод, не производили бы тотчас же вредного влияния на здоровье.

До сих пор помню странную сцену, которой я был свидетелем в Шуше. Несколько голодных крестьян, заметив, что у стены моего дома росла трава, бросились на нее с такою жадностью, что в несколько минут не осталось следа никакой растительности, как будто тут прошло стадо голодных животных.

Некоторые из этих трав довольно приятны на вкус, и в особенности хороши с острым туземным сыром, для которого служат отличной приправой.

В этом краю сеют рожь, овес и пшеницу. Сбор пшеницы довольно хорош, сравнительно с другими хлебами. Пятнадцатая часть этого сбора идет в пользу казны.

Достойно замечания, что здесь в некоторых местностях вовсе не собирают солому: она или оставляется стоять на корню, или ее сжигают. Снимаются одни только колосья, которые ссыпают в мешки и уносят по домам.

Лен родится великолепно на этих землях, но его разведением занимаются мало. Жители дорожат только льняным семенем, из которого делают масло на продажу; что касается до драгоценных льняных волокон, то они бросают их как никуда не годные. Трудно поверить, чтобы бедные люди могли поступать так по невежеству; скорее, эта небрежность происходит от лени: им просто не хочется трудиться над разработкой льна.

В одно холодное утро я выехал из деревни Дахбах, где меня очень радушно угощали сыром, травами и даже, как редкостью, цыпленком, которого я ел, запивая чаем. Окрестности этой деревни замечательны своей роскошной растительностью и становятся все красивее и красивее, по мере того как углубляешься в страну.

— По какой дороге хотите вы ехать? — спросил у меня проводник. — Здесь две дороги: одна короткая, но не очень удобная, а другая подальше, но зато хорошая.

К несчастию, я сам выбрал короткую и, конечно, поплатился за это. Дорога шла лесом, по едва видным тропинкам. Огромные древесные ветви то преграждали мне путь, то хлестали меня по лицу; кроме того, я несколько раз чуть не слетел с лошади; в некоторых местах приходилось спускаться по таким скользким и крутым гранитным глыбам, что я принужден был идти пешком и вести под уздцы мою лошадь, которая садилась на задние ноги и скатывалась на передних. Иногда нам попадались деревья огромной величины; на дороге лежал старый выдолбленный пень, в диаметре которого была, по крайней мере, сажень. Я было пожалел, что не могу снять с него мерки, но, но правде сказать, мне было не до того.

После этого дьявольского спуска мы выбрались наконец из лесу в самом жалком виде. И лошади, и люди были исцарапаны, измучены, ушиблены.

Мы расположились отдыхать на прелестной лужайке, и я, в память этого путешествия, успел набросать портреты всех моих дорожных спутников.

Сделав этот порядочный переезд, я приехал в деревню Карабек (кара значит черный, бек — дворянин). Несмотря на то, что эта деревня татарская, она гораздо красивее других сел, расположенных в долинах. Странно, что туземцы, имея под рукой множество лесов, строят свои жилища из моху и земли или из земли, тогда как им бы ничего не стоило срубать деревянные избы, как это делают русские, живущие по соседству. На всем протяжении моего пути в одной только деревне Куссапет, где скучено около полутораста семейств, я видел единственную деревянную избу большого размера и правильно построенную.

Последняя деревенька шушинского округа скрывается в зелени густых кустарников и деревьев; она расположена на берегу реки, которая служит границей между округами Шушинским и Елизаветпольским.

По дороге мне попались какие-то путники, расположившиеся отдыхать по другую сторону реки. Судя по их одежде, это были татарские крестьяне; один из них сидел, другой лежал, третий рассказывал, а четвертый предавался интересному занятию, а именно: ловле насекомых на своем теле.

Я поспешил удалиться от этой картины, а мой проводник, не упускавший случая поболтать, подошел к татарам и вступил с ними в разговор. Через несколько времени он догнал меня.

— О чем ты так долго разговаривал с этими людьми? — спросил я. — Кто они такие?

— Да они здешние, елизаветпольские. Они мне все рассказывали про нового губернатора.

— Что же они о нем говорят?

— Хвалят его; говорят, что с тех пор как он приехал, у них в округе стало так мирно, так покойно, как давно уже не было.

Этот новый губернатор был полковник М*, о котором я еще слышал в Шуше, что он человек умный, честный и деятельный. Теперь мне еще более захотелось с ним познакомиться, после этих неожиданных похвал со стороны встретившихся крестьян.

Вскоре направо от меня раскинулась елизаветпольская долина, вся залитая жаркими солнечными лучами и как бы потонувшая в красноватом тумане; казалось, душная атмосфера давила ее; в самом деле, в полдень жар в ней должен быть невыносим.

Налево виднелась немецкая колония Оллендорф со своими садами, выбеленными домиками и неизбежной готической церковью. Мне указали на дом губернатора, находившийся возле церкви, на видном и красивом месте.

— Дома? — спросил я.

— Дома, сейчас только лег отдохнуть.

Я кивнул головой, и, чтобы не терять времени, отправился осматривать колонию.

В Оллендорфе, как и во всякой немецкой колонии, царствуют чистота и опрятность, доходящая до мелочности. Улицы широки и прямы, мостовые гладки и чисты, как пол; небольшие опрятные домики, чисто выбеленные, отличаются уютной комфортабельной наружностью. Я располагал было нанять себе квартиру в одном из этих домиков на все время моего пребывания здесь, но судьба решила иначе.

— Вы не думаете ли нанять у них квартиру? — спросил у меня полковник М*, с которым мне наконец удалось познакомиться.— И не пробуйте! Они ни за что не согласятся на это.

— Но ведь я заплачу им хорошую цену, — возразил я.

— Они не согласятся ни на какую цену и ни за что не пустят вас поселиться в их доме. Посмотрите, какую почетную должность я здесь занимаю, а мне и то едва удалось нанять этот дом по приезде моем сюда, я едва мог достать корму для лошади. Верите ли, что им некуда девать сено, а они не соглашаются уступить его ни за какую цену, и на все говорят со своей обыкновенной немецкой флегмой: «У нас сено не продажное».

— Что же этому за причина?

— Да ничего! Они живут, как говорится, по пословице: «собака лежит на сене, сама не ест и другим не дает».

Слова полковника М*, который, без сомнения, должен был знать характер местных жителей, произвели на меня такое впечатление, что я даже не стал пробовать искать себе здесь квартиру. Трудно предположить, однако, подобную черствость и подобный эгоизм в здоровых, веселых и, по-видимому, добродушных людях, которые никогда не пройдут мимо вас не поздоровавшись и никогда не забудут кивнуть головой, проезжая в телеге, запряженной парой, на которой они торжественно восседают с неизбежной трубкой в зубах.

Пройдя за деревню, я услышал неподалеку от себя веселый говор и смех: я стал осматриваться и увидел несколько немочек в соломенных шляпках, которые молотили хлеб не так, как колотят татары, а по способу, употребительному у других народов. Несмотря на эту трудную работу, они не упускали случая посмеяться над проходящими, заглядывавшими в их хорошенькие, румяные личики.

— С счастливым приездом, — закричала мне одна молодая красивая девушка.

Слова эти подхватили хором ее подруги, и все залились дружным смехом.

Я прошелся по некоторым из оллендорфских садов; в устройстве их заметны симметрия и аккуратность; виноградники хорошо обработаны, и плодовые деревья разведены в огромном количестве.

Здешние немцы производят порядочное вино, которое армяне продают за кахетинское; водку гонят из ягод ежевики.

В самой средине немецкого селения, на площади, возвышается церковь правильной формы. Она содержится очень чисто, внутри ее расставлены скамьи и устроен амвон. Образов нет, и вместо звуков органа слышно пенье прихожан.

Кстати упомяну здесь в коротких словах об основании за Кавказом этих немецких колоний, которые составились, если не ошибаюсь, из уроженцев Виртембергского королевства.

Во время управления краем генерала Ермолова проходил через эту колонию караван, состоящий из большого числа немцев, которые, направляясь в Иерусалим, чтобы поклониться гробу Господню, зашли по дороге в эти места.

Генерал-губернатор, узнав об этом, велел сказать им, что когда они вступят в турецкие владения, то курды и другие хищнические племена ограбят их и даже, может быть, лишат жизни.

— Если вы не имеете намерения вернуться на родину, — было им объявлено от имени генерала Ермолова, — то останьтесь здесь: вам дадут земли, вы не будете обременены налогами, вы можете ис-

полнять обряды своей религии, не опасаясь никакого преследования, и т. д.

Колонии сами выбирают свое начальство. У них есть в Тифлисе официальные покровители и доброжелатели. Правило: «порадей немцу, и немец тебе порадеет» свято соблюдается на Кавказе, как и везде в России.

Мое время прошло недаром у полковника М*. Я выиграл уже тем, что находился в его обществе, и так как он имел много практических сведений, то разговор его отличался особенной прелестью, живостью и интересом. С удовольствием вспоминаю, с какою добросовестностью и справедливостью вникал он во все жалобы, донесения и прошения, подаваемые ему. С утра до вечера он каждый день выслушивал со своего балкона подсудимых, рассматривал их дела и составлял решения в присутствии всего народа. Иногда ему приходилось выслушивать в течение одного дня более двадцати или тридцати жалоб. Его отличная память, опытность, навык в делах и, главное, знание народного духа давали ему возможность различать на взгляд правого от виноватого.

Например, к полковнику приходит татарин и жалуется, что ночью к нему пришел такой-то, унес многие из его вещей и оскорбил его жену.

— Это ложь! — прерывает полковник.

— Правда, господин, истинная правда!

— Ложь! — повторяет полковник.

— Клянусь вам, истинная правда.

— Ты лжешь, повторяю тебе, одно из двух: или он у тебя ничего не унес, или он не оскорбил твоей жены.

По рассмотрении дела, действительно, оказалось, что полковник был прав и никакого воровства не было, а только жена татарина понесла оскорбление.

До поступления полковника М* Елизаветпольский округ пользовался весьма незавидной репутацией; теперь же там все мирно и спокойно, не слышно более ни о грабежах, ни о разбое, потому что за каждую пропажу быков или овец с пойманного вора тотчас же взыскивают в пять раз более того, что он украл.

Полковник прекратил также резню и убийства, которые до него бывали так часто в этом краю и начинались почти всегда из-за пустяков. Средство, употребленное им в этом случае, состояло в том, что он запретил кому бы то ни было носить с собой кинжалы. Дозволялось иметь при себе всякое другое оружие, пистолет, ружье, даже саблю, но не кинжал. Первые три орудия жители носят обыкновенно, только выходя со двора, и по возвращении домой вешают их на стену; кинжал же, по общепринятому в стране обычаю, они постоянно держат за поясом, и потому, если из-за каких-нибудь пустяков выходила ссора, то кинжал сейчас являлся на сцену и начиналась резня.

Со времени реформы, выдуманной полковником М..., когда к нему являлись поссорившиеся с жалобами друг на друга, он по обыкновению мирил их и потом давал следующее замечание:

— А ведь сознайтесь, что если б в то время при вас был кинжал, то драка не обошлась бы благополучно, и, кроме того, кто-нибудь из вас был бы убит.

— Может быть, ага, очень может быть.

— Теперь понимаете, почему я вам запретил носить с собой кинжалы?

— Понимаем, ага, очень хорошо понимаем.

Но так как не все это понимают и так как очень трудно уничтожить привычку, вкоренившуюся веками, то полковник принужден был прибегать к более энергическим средствам для того, чтоб подчинить непокорных исполнению своего закона; а именно, он дозволил каждому, кто увидит кинжал у другого, брать его себе в вечное и потомственное владение.

Один только человек из числа туземцев, окружавших полковника, имел право носить при себе кинжал.

Я заметил это и спросил у полковника, что это значит.

— А это значит, что в его пользу сделано исключение. Во-первых, нужно вам сказать, что он — людоед.

— Вы шутите, полковник?...

— Нисколько; он в самом деле людоед. Видите ли, ему пришлось однажды возвращаться со своим товарищем с берегов Амура, и он, когда у них вышли съестные припасы, изрезал своего товарища в куски и изволил скушать его. В свое оправдание он приводит, что сделал это во избежание воровства. Он, изволите ли видеть, так честен, что не мог решиться украсть у мужика какую-нибудь курицу или овцу и предпочел сесть своего товарища. Последний был, по его словам, не очень честный человек, и о нем никто не стал бы ни жалеть, ни осведомляться. Вдобавок этот людоед заявляет, что поступок его не был следствием гнева или ненависти, а просто вытекал из крайней необходимости. Вероятно, поэтому он съел только часть своего товарища, а остальную унес на всякий случай.

— Но ведь это чудовище! — вскричал я,— и на него нельзя смотреть без ужаса.

Полковник сделал утвердительный знак. Потом он объяснил мне, что по разным причинам, не будучи в состоянии наказать этого человека, он старался по крайней мере извлекать из него всевозможную пользу, давая ему разные трудные поручения. Вот что он рассказал мне по этому поводу.

«Несколько времени тому назад я издал амнистию, вследствие которой всем разбойникам позволено было вернуться в свои дома и безнаказанно жить в них, занимаясь обычными работами. Один из этих разбойников, на душе у которого лежало десятка с два убийств, не хотел внимать никаким увещеваниям и продолжал вести свою прежнюю разбойническую жизнь. Открыто схватить его или овладеть силой было очень опасно и трудно, потому что ему известны были все дороги и все закоулки и он сумел бы скрыться. Тогда я подумал о моем храбром амурце, прозванном так в память своего путешествия на Амур, и возложил на него трудное поручение доставить мне этого разбойника в руки живого или мертвого. Амурец пустил в дело хитрость и, прикинувшись вором, втерся в доверие разбойника, а вскоре после того принес мне его голову. Теперь он опасается мщения родных этого злодея, которого он так ловко обработал, и потому я позволил ему, на случай нечаянного нападения, носить при себе постоянно кинжал, и он, действительно, с ним не расстается ни на минуту».

Человек, о котором рассказывал полковник М..., стоял в нескольких шагах от нас и по моим взглядам, устремленным на него, вероятно догадывался, что речь идет о нем. Очевидно, он совестился, что его так расхваливают за его геройский поступок, и смущенно переминался, взглядывая в нашу сторону. Ему было лет около сорока, росту он был сред-

него и крепкого сложения; лицо его отличалось энергией.

Расставшись с полковником М..., я направил путь к горам, расположенным по направлению к Эривани. Неподалеку от Гокчинского озера существуют две секты: молокан и духоборцев.

По дороге в Тифлис мне довольно часто попадались молоканские села; духоборцы же расположились не только в Елизаветпольском округе, но и близ Александрополя, на границе Турции. Мне очень хотелось поближе познакомиться с этими сектантами, которых полковник М... знал очень хорошо, так как ему приходилось по службе вступать с ними в частые сношения, и он уже несколько раз побывал в их скитах. Поэтому я взял от него рекомендательные письма к главным начальникам обеих сект: молокан и духоборцев — и, кроме того, запасся проводником. Полковник пожелал мне всего лучшего и отправился в город, где должен был разобрать одно чрезвычайно запутанное дело, целый мошеннический заговор, который он обещал открыть и судить при всем народе на базарной площади.

По дороге мне не попадалось ничего интересного; почти все время приходилось ехать лесом по узким размытым дождем тропинкам.

Я видел проездом большой медно-литейный завод с бесчисленными строениями вокруг, на котором работают несравненно лучше, чем на таких же казенных заводах, эксплуатируемых их агентами. Этот завод называется Кектабекским и снят на аренду одним иностранцем, у которого он дает, без сомнения, двойные барыши.

По дороге мне попались также кочевые палатки номадов, которые в то время занимались стрижкой овец. Туземцы очень ценят овечью шерсть, которая у них в большом употреблении и которою они также торгуют.

Овец стригут по два раза в год, весною и осенью; с каждой овцы снимают около четырех или пяти фунтов шерсти. Пуд шерсти стоит не менее трех рублей. Порода баранов в этом краю отличается необыкновенно толстым и длинным хвостом, который волочится по земле. Говорят, что будто один хвост этот весит иногда более пуда.

Жители побогаче, в особенности из татар, имеют многочисленные стада овец; но так как шерсть здесь не в цене, а туземный сыр, на который идет преимущественно овечье молоко, почти совсем не продается, то жители занимаются скотоводством, что называется, спустя рукава, с удивительной небрежностью. Они почти совсем не запасаются сеном на зиму, и потому, при наступлении зимы, когда начинаются морозы и выпадает глубокий снег, большая часть овец вымирает за недостатком корма, который в то время бывает чрезвычайно трудно достать. Флегматичный татарин и не думает считать себя виноватым. «Против Бога ничего не поделаешь!» — говорит он спокойно и остается убежденным в своей правоте.

Мне случалось и прежде видеть огромных баранов. В Шуше Джафар-Кули-хан показывал мне двух баранов из Нахичевани, которых подарил ему один таможенный смотритель.

Здесь за некоторыми большими баранами ухаживают так, как только можно ухаживать за лучшими лошадьми, назначенными для скачки. Их нарочно подготовляют для так называемых бараньих боев, к которым туземцы имеют необыкновенное пристрастие. Кроме бесчисленных пари, доходящих иногда до значительной денежной суммы, каждый владелец барана в высшей степени заинтересован тем, чтобы его баран оказался самым крепкоголовым во всем крае. Я присутствовал на одном из этих боев и, признаюсь, не мог без содрогания видеть ударов, наносимых баранами друг другу. У меня в ушах болезненно отзывался оглушительный стук их черепов и их рогов, и я с трудом мог понять, каким образом они могли уцелеть после первого столкновения.

Каждый раз после схватки бедных животных принуждены были оттирать, затем их снова выводили и наталкивали друг на друга. Опять завязывалась драка, продолжавшаяся до тех пор, пока один из сражающихся не падал на землю или не обращался в бегство. Замечательно, что никогда побежденный баран не вступает снова в бой, и нет никаких средств, чтоб заставить его это сделать.

Мне рассказывали, что верблюжьи бои еще интереснее и что верблюды, точно как люди, сцепляются во время боя передними ногами друг с другом. Я не успел посмотреть на это зрелище, потому что зимою их оставляют на свободе в течение целого периода, когда они, что называется, «бесятся».

Во время моего путешествия я ночевал у номадов, и со мной случилось одно приключение, которое стоит рассказать, так как оно наглядным и правдивым образом обрисовывает пресловутое гостеприимство восточных народов вообще, и номадов в особенности.

Было уже совсем темно, когда я подъехал к их палаткам; я был один, спутники мои отстали и были еще далеко. Я направился к одной из палаток, показавшейся мне чище и лучше других, и вот что со мной было.

Заглядываю в палатку — меня не пускают, иду в другую, — там повторяется то же самое; в третью, в четвертую — мне говорят, что мне будет неудобно... тесно... что у соседа гораздо лучше.

Меня так усердно гоняли из палатки в палатку, что я исходил весь стан номадов и, наконец потеряв терпение, ушел от них в самом дурном расположении духа.

Мрак, холод и голод вместе с усталостью делали мое положение крайне незавидным. Как вдруг ко мне подбегает хозяин первой палатки, откуда меня только что выгнали, и начинает рассыпаться в извинениях и любезностях. Он уверяет, что только крайняя необходимость заставила его отказать мне, что он был на молитве и потому не мог тотчас принять меня. Наконец он почти с нежностью восклицает: «Мой дом — твой дом, войди в него»!

Я был крайне озадачен, но вскоре загадка эта разъяснилась. Мои провожатые, встретившись с этим самым татарином при въезде в стан, спросили его, у кого остановился ага?

— Какой ага? — спросил татарин с удивлением, потому что он не мог поверить, чтобы ага ехал на дрянной лошаденке, одетый в старую черкеску, с изломанной шапкой на голове. А между тем это был один из честнейших и добрейших татар, как мы после узнали.

— Говорят тебе, что ага остановился у кого-нибудь из вас, — нетерпеливо отвечали мои спутники, — он должен здесь ночевать. Не слушая более

ничего, татарин пустился за мной в погоню. Чтоб изгладить во мне впечатление своего первого дурного приема, он угостил меня, как принца. Передо мной воздвиглось молоко всех сортов, сыр с неизбежными травами, чай и целая гора жирнейшего пилава. Несмотря на мое сопротивление, он зарезал для меня барана и хотел непременно оставить меня у себя гостить не только на одну ночь, но на несколько дней. Он предлагал мне ехать с ним на охоту с коршунами, заменяющими соколов, и говорил, что все уже готово к этой охоте.

Я отказался. Была суббота, и мне хотелось поспеть к духоборцам к воскресенью, чтобы присутствовать на их обедне, потому что полковник М... советовал мне особенно обратить на это внимание.

Мы расстались друзьями с моим хозяином, и я, наверно, считал бы его за самого радушного человека, если б вчерашний случай не научил меня быть осмотрительнее в моих заключениях.

Выехав от него, я направился к селениям духоборцев и молокан.

По словам Гакстгаузена, учение молокан представляет богословскую и философскую систему, несравненно более полную и более разработанную, чем учение всех других сект. Тем не менее, предписания этого учения до такой степени общи и неопределенны, что нередко правила, которые в одной молоканской общине считаются основными, в другой, иногда даже соседней, порицаются как вредные, или, по крайней мере, считаются безразличными или неважными.

О происхождении этой секты, так же, как и секты духоборцев, неизвестно ничего положительного. Обе они появились одновременно в начале восемнадцатого столетия и достигли полного своего развития только спустя несколько поколений.

Первыми основателями их почитаются следующие лица: Прокофий Лупкин, простой стрелец, который проповедовал, что истинное учение Христово совсем исчезло с лица земли и что на него возложено поручение снова восстановить его. Он был осужден на смерть и казнен в 1710 году. В 1684 году, ещё до появления Лупкина, один силезец, по имени Кульман, явился в Россию и начал распространять учение Иакова Бема. Его сожгли живого. В начале восемнадцатого столетия врач Дмитрий Тветидинов стал распространять новое учение, которое с жаром приняли стрельцы, отказываясь в то же время от исполнения всех наружных обрядов, предписываемых церковью. Это новое учение было отвержено на соборе, собранном по этому поводу в 1714 году, и признано за еретическое.

В 1734 г. правительство нарядило особую следственную комиссию по поводу открытия в одном месте довольно большого числа последователей этой секты. Оказалось, что сектанты признают внутреннее откровение и придают таинствам крещения, причащения и брака одно духовное значение. Утверждая, что на них нисходит дух святой, они кривлялись, делали странные телодвижения и в заключение падали в конвульсиях и в этом состоянии начинали пророчествовать. Очень вероятно, что эта секта представляет остаток древних ересей и что их система, еще не вполне развившаяся, послужила впоследствии основанием учения молокан и духоборцев.

Эти сектанты не имеют никаких священных книг, за исключением двух сочинений, чрезвычайно редких. Одно из этих двух сочинений приписывается некоему Оресту Новицкому. Говорят, что будто за один экземпляр этой книги одна раскольничья община заплатила около 500 рублей.

Молокане появились в первый раз в Тамбовской губернии. Народ прозвал их молоканами за то, что они ели молоко по постным дням, а сами они называли себя истинными христианами. Вскоре секта эта распространилась в Харьковской губернии, и там, спустя несколько времени после Семилетней войны, в деревне Охотче поселился пленный прусский унтер-офицер. Он выучился русскому языку и остался тут на житьё. Обладая всеми необходимыми качествами для того, чтобы властвовать над толпой, он сумел приобрести любовь и уважение крестьян, для которых сделался другом, советчиком, судьей и, в довершение, духовным руководителем. Учение его, по-видимому, нашло для себя хорошо подготовленную почву в одной из раскольничьих сект, существовавших до появления молоканства; в противном случае русское духовенство, строго охраняющее чистоту православия, могло бы воспрепятствовать распространению этой новой секты.

Этот ревностный проповедник не имел ни своего дома, ни хозяйства; он жил по чужим домам, и его всегда радушно везде принимали. По вечерам он собирал вокруг себя семью своего хозяина и начинал вслух читать Библию, которую потом толковал слушающим. До самой своей смерти он продолжал поучать и вести жизнь проповедника. Имя его так и осталось неизвестным, ещё менее можно сказать, принадлежал ли он к секте квакеров, как это думали некоторые; несомненно только то, что он дал секте более ясный и определённый характер.

В Мелитопольском уезде, в Таврической губернии, Гакстгаузен встретил три молоканские деревни, расположенные по реке Молочной между колониями меннонитов и селами ногайских татар. В этих трех селениях — Ново-Васильевском, Астраханском и Ново-Спасском — живут три тысячи молокан. Избы у них очень красивы, крестьяне одеваются очень опрятно и живут, по-видимому, в довольстве, но, как я слышал, они большие плуты; земледелие и скотоводство здесь процветают.

Один из раскольников по просьбе Гекстгаузена изложил для него на бумаге сущность учения молокан.

Вот каким образом они объясняют некоторые из заповедей: о второй заповеди, например, они отзываются так: мы не держим у себя в домах образов, потому что не хотим иметь изображения Божества, сделанного рукою человека. Мы не признаем в них никакого спасения, и потому не считаем нужным поклоняться им.

Третья заповедь объясняет им, что присяга греховна.

Четвертую они понимают так, что «седьмой день суббота» не есть день отдохновения, а день пра-

зднования Воскресения Христова. Они проводят воскресные и праздничные дни в молитве, пении священных гимнов и чтении евангелия.

По пятой заповеди, повелевающей почитать родителей, они считают себя обязанными повиноваться царю и всякому начальству.

Шестую заповедь они понимают так: «есть два рода убийства: убийство делом и убийство словом». В первом случае, когда убийство совершается для защиты царя и отечества, оно не вменяется в преступление; во втором случае, когда оно посягает на нравственную сторону человека, т.е. когда его совращают с пути истинного и отклоняют от исполнения его обязанностей или вовлекут в дурную жизнь, тогда оно считается убийством нравственным. К такого же рода убийцам причисляются все ненавидящие и оскорбляющие своего ближнего, потому что, как сказал св. Иоанн: «всякий ненавидящий брата своего есть убийца человека».

Восьмая заповедь повелевает им считать всякого рода насилие, алчность и обман таким же преступлением, как и воровство.

Девятая заповедь заключает в себе не только повеление не свидетельствовать ложно, но и запрещает всякую насмешку, обман и лесть.

Десятая заповедь учит обуздыванию и подавлению всех страстей.

В заключение они говорят, что все десять заповедей сводятся к двум главным пунктам — «любви к Богу и любви к ближнему». Гакстгаузен был очень удивлен, нашедши у молокан перевод сочинений Юнга Штиллинга. Им особенно нравится то место, где говорится о тысячелетнем царствии, потому что они тут видят намек на их секту. Они утверждают, что в течение периода этого времени они будут царствовать на земле вместе с Иисусом Христом. Это верование внушило мысль некоему Терентию Белозерову выдать себя за пророка, или посланника Божия, которому поручено возвестить близкое наступление тысячелетнего царствия. Он велел молоканам каяться и приготовляться к принятию этой новой эры постом, молитвою и воздержанием. Он запретил им всякие занятия, за исключением самых необходимых работ для поддержания существования. По уверению его, наступление этой эры должно совершиться после двух с половиною лет испытания. Когда его спросили, как он мог узнать будущее, он ответил, что он пророк Илия, явившийся возвестить пришествие Христа, и что спутник его, Энох, пошел с тою же самою целью на запад. Он объявил заранее день, в который он будет взят обратно на небо. И в самом деле, день этот скоро наступил. Тысячи молокан со всех концов России стеклись на то место, где должно было совершиться это чудо. Терентий появился, торжественно восседая на телеге. Он велел толпе упасть ниц па землю; затем, распростерши руки, подобно орлу, расправляющему крылья, он попытался было лететь; но увы! бедный пророк с позором упал на землю, придавив в своем падении какую-то женщину, имевшую несчастие стоять слишком близко от него. Суматоха при этом произошла неописанная. Бледные и исхудавшие от поста, молокане приняли весьма неблагосклонно его неудачу и его падение; они не в шутку накинулись на него и стали осыпать его бранью и упреками; в заключение, чтоб отучить его навсегда от поползновения разыгрывать роль пророка, они связали его по рукам и ногам и представили в уездный суд.

Но Терентий не унывал и, нисколько не теряя присутствия духа, продолжал выдавать себя за Илью-пророка, посланного Богом. Оковы, надетые на него, для того чтобы он в самом деле не улетел из острога, еще более утверждали его в его мономании. К счастью, долговременное пребывание в тюрьме благоприятно подействовало на него; он стал рассуждать о превратности и суете всего земного и о неудобствах выдавать себя за пророка, так что когда его выпустили из тюрьмы, он был очень рад принять свое прежнее скромное имя Терентия, совершенно забыв о том, что он хотел разыгрывать роль пророка. Он, однако, до конца жизни продолжал предсказывать наступление тысячелетнего царствия и оставил после себя значительное число учеников, которые продолжают еще и поныне собираться по несколько дней и ночей сряду, для того чтобы вместе молиться и петь псалмы. Иногда случается, что некоторые из них внезапно воображают себя вдохновенными, и вследствие этого начинают скакать, делать странные телодвижения и, наконец, падают на пол в конвульсиях, после чего начинают пророчествовать.

Часть их переселилась, с разрешения правительства, в Грузию и поселилась по соседству с колониями виртембергских лютеран. Там они созерцают вершину величественного Арарата и блестящую радугу Ноева ковчега, этот залог примирения Бога с человеком.

Молоканам ставят в вину то, что они, ссылаясь на IV книгу Моисеева десятикнижия, глава V, стих VI, сделали из своих трех деревень притон разных темных подозрительных личностей. В этих деревнях находились фальшивые монетчики, мошенники и беглые монахи, так что местная полиция почти постоянно принуждена делать беспрестанные обыски и домовые осмотры.

Молокане вообще характера смирного, спокойного и миролюбивого; но, несмотря на то, в них сильно развит религиозный фанатизм, побуждающий их иногда на весьма странные поступки. Так, напр., несколько лет тому назад, в городе Николаеве Саратовской губернии один молоканин бросился, как бешеный, в средину крестного хода и, вырвав икону из рук несшего ее, стоптал ее в ногах. Но торжество его недолго продолжалось; народ, опомнившись от неожиданности, накинулся на него и убил его на месте.

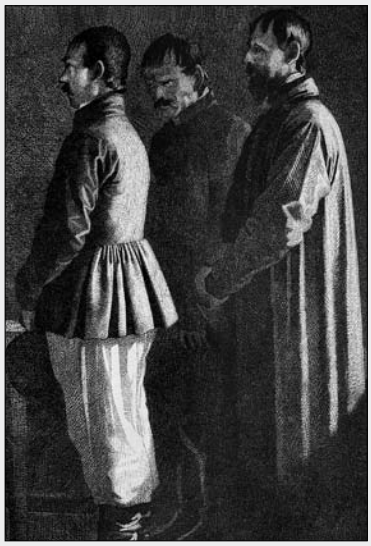
У молокан сохранились смутные предания о подвигах Наполеона. Во время нашествия его на Россию они вообразили, что французский завоеватель был тот самый лев из Иосафатовой долины, о котором говорится в их старинном псалтыре, и что он пришел низвергнуть с престола лжеимператора и возложить венец на истинного белого царя. Вследствие этого тамбовские раскольники реши-

лись послать ему навстречу депутатов в белых одеждах, которым поручено было его приветствовать. Депутаты прошли через Малороссию и проникли в Польшу до Вислы, но тут они были взяты в плен. Одному из них удалось бежать и воротиться на родину; остальные исчезли неизвестно куда, так что о них не было более ни слуху ни духу.

Время появления духоборцев, как мы заметили выше, так же мало известно, как и время происхождения предыдущей секты, но, по всей вероятности, духоборцы появились ранее молокан. Можно даже предполагать, что секта духоборцев возникла из молоканства и что, развиваясь одновременно во многих частях России, она, наконец, слилась в одно организованное учение и получила одно общее название.

Духоборцы считают, что они происходят по прямой линии от одного из трех юношей, ввергнутых в огненную печь за то, что те не хотели поклоняться изображению Навуходоносора; у них нет, однако, никаких письменных памятников в подкрепление этого верования.

Наименование духоборцев дано им было екатеринославским архиепископом Амвросием, которому поручено было в 1785 г. исследовать их учение. Слово духоборцы можно понимать двояко: борцы за дух, или борцы против духа; вероятно, Амвросий, давая им это наименование, понимал это слово в последнем значении, но сами сектанты, принявши имя духоборцев, понимали его в противоположном смысле.



Духоборцы в первый раз появились в Екатеринославской губернии и потом вскоре распространились по всей России, а именно: в Финляндии, на острове Эзеле, в Москве, в Калуге, в Курске, в Воронеже, в Харькове, в Тамбове, в Саратове, в земле войска донского, на Кавказе, в Иркутске и даже в Камчатке.

По-видимому, у духоборцев нет общего главы всей секты. Общины иногда враждуют одна с другой, и между ними, по-видимому, не существует никакой связи. По временам только в среде духоборцев является какой-нибудь отдельный предводитель, пользующийся в течение своей жизни неограниченной властью над той общиной, в которой он родился. Так, например, в половине прошлого столетия, подобный предводитель, по имени Колесников, явился в селе Никольском, Екатеринославской губернии. Духоборцы, над которыми в 1791 г. было наряжено следствие, отзывались о нем, чрез несколько лет после его смерти, не иначе как с глубоким уважением. Говорят, что Колесников умел читать и писать, что в то время была большая редкость между крестьянами. Сверх того, он обладал природным умом и замечательным даром слова. Раскольники уважали его в особенности за его строгий образ жизни; у него было небольшое состояние, которое он употреблял на богоугодные дела. Народ подчинился его влиянию до такой степени, что дом его сделался центром, где обсуждались все дела и интересы молоканской секты. Праздники и воскресенья были посвящены им на поучение народа.

Но самый знаменитый из вождей секты, имя которого сохранилось до нашего времени, был, бесспорно, Капустин. Происхождение его и первое время жизни до той поры, когда он выступает в качестве главы секты, совершенно неизвестно. Если верить слухам, он был когда-то крепостной, отданный, по воле своего господина, в солдаты за какую-то провинность. Вышедши из гвардии с чином унтер-офицера, он оставил Петербург и поселился в среде молокан, в Тамбовской губернии, где секта эта была очень распространена. Неизвестно, принадлежал ли он сам к секте, но, спустя несколько времени по прибытии, он объявил себя пророком и стал проповедовать. Число его последователей быстро возросло. Вскоре это новое учение породило между молоканами религиозные распри, заставившие приверженцев нового проповедника отделиться от коренной секты и переселиться в Таврическую губернию, в Мелитопольский уезд.

Еще в 1801 году духоборцы села Никольского, Екатеринославской губернии, испросили у императора Александра позволение поселиться на берегах реки Молочной в числе тридцати семейств. Находясь в благоприятных обстоятельствах и не будучи ничем стеснены, переселенцы эти достигли вскоре такого цветущего состояния, что обратили на себя внимание всех духоборцев других местностей. К ним-то поспешили присоединиться, с разрешения правительства, ученики Капустина, бежавшие из Тамбовской губернии.

Тогда роль Капустина сделалась еще блистательнее. Его красота, величественная фигура и необыкновенный дар слова, вместе с нравственной силой, подчинили ему все умы; сектанты добровольно покорялись ему и признавали над собой его власть: он царил над ними как царь, или скорее как пророк.

Он особенно развивал верование в переселение душ, существовавшее, впрочем, у них и до него. Он учил также, что Христос родится в каждом верующем, что Бог проникает в каждого, потому что когда слово стало плотью, то и каждое божеское действие на земле облеклось на вечное время плотью, т. е. стало человеком; однако каждая человеческая душа, по крайней мере пока существует сотворенный мир, составляет особый индивидуум. Бог выбрал самого совершенного и самого чистого из людей, какие только были, и поселился в личность Иисуса Христа, и, таким образом, душа Иисуса стала совершеннейшею и чистейшею изо всех человеческих душ. После того как Бог явился уже раз людям в образе Иисуса, Он пребывает всегда в человеческом роде и живет и обнаруживает себя в каждом верующем. Но куда же девалась индивидуальная душа Иисуса? По закону переселения душ, она неизбежно должна была поселиться в другое человеческое тело. Иисус сам сказал: «Я останусь с вами до конца дней!» Таким образом, душа Иисуса, предпочтенная самим Богом всем остальным человеческим душам, из поколения в поколение переходит постоянно в новое тело, и, в силу ее высоких способностей и по особому и необходимому повелению Божию, она постоянно удерживает сознание о всех прежних состояниях, пережитых ею. Поэтому человек, в котором она обитает, знает, что в нем душа Иисусова. В первые века после Христа убеждение это было так распространено между верующими, что каждый тотчас признавал нового Иисуса и каждый

новый Иисус руководил христианством, был главою его и разрешал все религиозные споры. Каждого нового Христа называли папой. Однако скоро ложные папы овладели престолом Иисуса. Истинный Иисус удержал при себе только небольшую горсть верных и истинно верующих, как он предрек это еще в Новом Завете: «Много званых, мало избранных». Эти истинно верующие суть духоборцы, а поэтому между ними постоянно находится Иисус и душа его обитает в одном из них. «Так Сильван Колесников в Никольской, которого еще хорошо знали многие старики, из вас был истинный Иисус, теперь же, как верно то, что надо мною небо, а под моими ногами земля, так верно и то, что я истинный Иисус Христос, ваш Господь, а потому падите на колена и молитесь мне»!

Все пали на колена и молились ему.

VI

Учение духоборцев. — Колония духоборцев. — Славянка. — Происхождение колонии. — Посвящение Александра I. — Догмат духоборцев. — Их простодушие. — Анекдот. — Богослужение. — Я присутствую при обрядах. — Псалмы. — Объяснение. — Недоверие. — Новый губернатор. — Молокане. — Подразделения их. — Чистые. — Скакуны. — Религиозное чтение. — Странные церемонии. — Скакание. — Конец путешествия.

Духоборцы поселились на Молочных Водах, в девяти деревнях. В 1833 году там жило до 4000 душ.

Капустин ввел между ними полную общность имущества. По его распоряжению, поля обрабатывались общиною, жатва делилась самим Капустиным между всеми; открыты были магазины на случай голодных годов; развились всевозможные отрасли промышленности, приготовляли хорошие ремни, красивые шапки и т.д.; колония, видимо, расцветала.

Около 1814 года Капустин попал под суд за привлечение других к своей вере, посажен в острог, но скоро был освобожден на поруки. Его последующая судьба темна; скоро стало известно, что он умер и погребен. Начальство хотело в этом увериться, разрыло могилу и нашло там мужчину с длинной рыжей бородой, тогда как Капустин брюнет и всегда брил бороду; лица нельзя было разобрать. Жена Капустина жила уже некоторое время на острове при устье реки Молочной, в семи верстах от деревни Терпение, недалеко от Азовского моря. Скоро зажиточные духоборцы начали брать паспорты в Лугань под предлогом закупки лошадей. У начальства возбудилось подозрение; оно стало допытываться у жены Капустина и узнавать в окрестности, но ничего не открыло. Только уже много позднее и после того, как Капустин в самом деле умер в 1820 году, открыта была неподалеку от прежнего жилья Капустина, пещера, в которой он провел последние годы своей жизни. Я также видел эту пещеру; очень узкий вход, вероятно, прежде замыкавшийся дверью, ведет от берега зигзагообразным коридором в комнату, где стояла постель и печка. Свет проникал в нее через деревянную трубу, выходящую наружу и скрытую кустарником.

После смерти Капустина Христос, по уверению сектантов, перешел в сына его. Он уверил своих последователей, что душа Христа имеет власть соединяться с любым человеческим телом, которое она выберет и что она поселится в теле его сына. Сына этого звали Иларионом Калмыковым. Чтобы избавить его от рекрутчины, Капустин отправил свою беременную жену к ее отцу, Калмыкову, чтобы она там родила, и впоследствии снова выдал ее замуж за ее ребенка, признанного за незаконнорожденного, названного Иларионом Калмыковым. Иларион было 15 лет, когда умер его отец. Но он не унаследовал духа отца: он предался пьянству, порядок распался между духоборцами, общность имущества нарушилась. Он умер в ссылке, в Ахалцыхе, на Кавказе в 1841 году, и оставил после себя двух малолетних мальчиков; духоборцы надеются, что в одном из них, на тридцатом году жизни, явит себя Христос.

При распадении общего порядка выказался деспотизм предводителей и старшин. У Капустина был совет из тридцати старшин, из которых двенадцать считались апостолами. После его смерти, при его слабом сыне, они управляли всем. Но когда слишком многие были посвящены в таинственные мистерии, то начались подозрения, недоверие, наговоры, опасались открытия. Тогда совет старшин признал себя полновластным инквизиционным трибуналом. Выражение «кто отречется от своего Бога, да погибнет от меча» получило произвольное толкование. Дом заседания суда назывался рай и мука; место казни было на острове, при устье Молочной. Уже за одно подозрение в измене или в переходе к православию люди наказывались пыткой и смертью. В продолжение двух лет пропало, большею частью бесследно, до четырехсот человек. Последнее расследование со стороны правительства дало ужасные результаты: найдено было несколько заживо похороненных, многие были изуродованы. Следствие, начавшееся в 1833 г., окончило свои занятия в 1839 г. Тогда государь приказал всех духоборцев с Молочной переселить на Кавказ, разделить их там и иметь над ними строгий полицейский надзор. Остаться разрешалось только тем, кто пожелает перейти в православие. Это повеление было сообщено им генерал-губернатором графом Воронцовым. Вследствие этого, в том же 1841 г., наиболее ревностные духоборцы в числе 800 человек были переселены на Кавказ, и между ними Иларион Калмыков с семьей. В 1842 году переселились еще восемьсот человек, а в 1843 г. девятьсот человек. Часть перешла в православие, чтобы остаться на месте; многие возвращаются теперь из своего нового отечества, где им очень тяжело живется, и принимают православие. Но более чем вероятно, что переход этот совершенно внешний. Если бы правительство открыло у них училища, послало бы к ним умных, набожных и деятельных священников, то невежественная толпа могла бы честно отказаться от своей веры, а иначе из них образуются лицемеры.

В 1817 году в России были два квакера, Аллан из Англии и Драгет из Пенсильвании. В то время было распространено воззрение, что у духоборцев те же религиозные основания, что и у квакеров. Император Александр, которому эти квакеры были представлены, сам предложил им познакомиться с учением духоборцев. Они отправились на Молочную. Тогдашний директор колонии меннонитов, статский советник Контениус, свез их к духоборцам и устроил род религиозного диспута между квакера-

ми и некоторыми умными духоборцами (Капустин тогда уже умер или скрывался). Конечно, разговор велся через переводчика и длился половину дня. Со стороны духоборцев выступил известный Гришка, ловкий и бойкий малый. Духоборцы говорили уклончиво, двусмысленно; они мастерски умеют вести такой разговор; англичане держались стойко, и наконец духоборцам нельзя было более отлынивать. И когда они на категорично поставленный им вопрос: «Верите ли вы в Христа, единородного Сына Божия, второе лицо Св. Троицы?» отвечали: «Мы верим, что Христос был хороший человек, и ничего больше», то Аллан закрыл себе глаза рукою и вскричал: «мрак!». Тотчас после этого оба англичанина уехали.

Сделав небольшое отступление, продолжаю рассказ о посещении мною духоборцев.

С высоких горных вершин мы увидели под нашими ногами долину, где находится колония духоборцев; колония эта называется Славянка. Мне говорили, что несколько подальше, за соседними горами, также живут целые селения раскольников, но их я не посещал.

Вскоре мы встретили самих духоборцев, которые возвращались многочисленными толпами в свои дома, неся на плечах косы и грабли. На них были белые рубашки, засунутые в широкие панталоны, как у солдат, а на головах надеты фуражки с широкими козырьками.

Все они казались очень веселы, разговаривали и смеялись между собой, а встретившись с нами, вежливо поклонились, сняв фуражки.

Деревня Славянка находится в ущелье, на берегах быстрой реки, текущей с гор и впадающей в Куру; от этого места до Елизаветполя считается более шестидесяти верст.

На горе не видно почти никакой растительности, но в самой колонии много деревьев и зелени. Население деревни состоит в настоящее время из двухсот пяти семейств, не считая шестисот холостых мужчин.

Духоборцы были выселены в эту страну из Таврической губернии, в которую лет двадцать тому назад их точно так же выселили из внутренних губерний России. Многие старики еще помнят место своего рождения в Тамбовской, Саратовской и других губерниях.

Первая партия эмигрантов прибыла сюда в 1840 году, а другие — несколько позже. Вначале жизнь их была очень тяжела: необходимость принудила эмигрантов сперва поселиться у соседних армян, где им пришлось много терпеть от враждебно смотревших на них татар, которые без церемонии грабили их и иногда даже убивали.

Постройка домов представляла большие затруднения, потому что лесов не было в окрестности, а перевозка бревен по гористым дорогам была чрезвычайно неудобна. Вследствие этого многие из духоборцев, с отчаяния, снова обратились в православие и вернулись в Россию.

Другие, между тем, стали устраиваться мало-помалу, насколько возможно, и в настоящее время, то есть по прошествии более двадцатипятилетнего непрерывного труда, колонии духоборцев, которых числом, кажется, четыре, живут оседлою жизнью и процветают, несмотря на зависть окрестных туземцев.

В прежнее время секту духоборцев строго преследовали и употребляли всевозможные средства, чтобы воспрепятствовать их распространению. По этой-то причине духоборцы и были изгнаны сначала в Тавриду, потом в еще более пустынные места, и даже в настоящее время их продолжают еще ссылать в Закавказские горы.

Император Александр I, будучи сам несколько склонен к мистицизму, посетил их, когда они еще находились в Таврической губернии, и присутствовал при их богослужении. Его посещение оставило в духоборцах благодарное воспоминание; император обошелся с ними очень благосклонно и улучшил их гражданский быт, до тех пор весьма незавидный.

«Только с этого дня, — говорят духоборцы, — на нас стали смотреть как на людей. Теперь мы можем возить в город продавать скот или что другое, можем запасаться там провизией и покупать что хотим; а прежде купцы и прохожие ругали нас язычниками, так что нам просто не было проходу, и в городе нас притесняли и проклинали на каждом шагу».

Эти гонения и притеснения и теперь еще памятны всем, и потому, хотя положение вещей изменилось к лучшему, духоборцы имеют мало последователей.

Основную идею религии духоборцев можно объяснить в коротких словах. Все их верование заключается в одной формуле: «Бог един в трех лицах: Бог Отец, или память, Бог Сын, или разум, и Бог Дух святой, или воля; словом, Триединый Бог».

У них нет священных книг, и они не признают ни Евангелия, ни Библии, ни посланий, ни святых писаний Отцов православной церкви. «Все эти книги, — говорят духоборцы, — написаны людьми, а все, что от людей, то несовершенно».

Понятия духоборцев об Иисусе Христе довольно смутны; признавая его Сыном Божьим, они не могут понять, зачем он приходил на землю и страдал, как простой смертный. Их вера в Христа основывается только на том, что сказано о нем в псалмах Давида, передаваемых духоборцами друг другу изустно, из поколения в поколение. По выпискам, которые я приведу ниже из этих псалмов, можно будет судить, действительно ли текст их принадлежит Давиду, пользующемуся у них большим уважением. Может быть, в самом начале, когда духоборское учение только что создавалось, эти молитвы имели какое-нибудь значение, но впоследствии, при изустной передаче их от отца к сыну, духоборцы по невежеству, вероятно, исказили многие слова и даже целые фразы до такой степени, что смысл их сделался смешон.

Тем не менее, они убеждены, что каждое слово их псалмов прямо исходит из уст самого Давида; пренебрегая всем написанным, они верят только совершенно непонятным и нелепым изустным преданиям.

Так, например, кроме царя Давида они почитают еще трех ветхозаветных пророков: Ананию, Азарию и Мисаила.

— Почему же это так? — спросил я.

— Что такое?

— Я у вас спрашиваю, за что вы почитаете Ананию, Азарию и Мисаила?

— За то, что они до конца оставались у креста Господня; апостол Петр отрекся от Христа, а они остались ему верны.

— Но, — заметил я, — эти люди жили задолго до Рождества Христова и потому никак не могли быть свидетелями его страданий.

— Не наше дело об этом рассуждать; мы должны этому верить, так как нам передавали отцы наши.

— А знаете ли вы, — спросил я у беседовавших со мной стариков, — еще кроме Давида, другого ветхозаветного пророка, по имени Исаию, который тоже предрекал пришествие Христово?

— Какой же это Исаия? — возразили они. — Может быть, это Авраам, или Исав, или Иаков?.. Они жили так давно, что теперь их не разберешь.

Святых, признаваемых греческою церковью, они считают просто за людей добродетельных, не более.

Уважение к властям политическим или правительственным начинает уже составлять часть их догматов, хотя они не совсем убеждены, что это уважение согласуется с основными принципами их религии, но необходимость заставила их исполнять это на практике и забыть их прежнее, любимое правило:

Я ничего не боюсь,

Я ничего не боюсь,

Во всем полагаюсь на Бога.

Эти стихи напоминают мне один анекдот.

Однажды в воскресенье, когда духоборцы, празднуя этот священный день, предавались излишнему употреблению водки, один отставной солдат, которых много есть между раскольниками, начал с кем-то браниться под моим окном.

Я послал моего проводника, из казаков, унять его и слышал из окна, как они спорили между собой:

— Как тебе пришло в голову придти сюда шуметь? — говорил казак. — Здесь живет проезжающий чиновник! Что же ты делаешь?

Пьяница посмотрел с презрением на моего посланного, подбоченился и пропел ему в ответ:

Я ничего не боюсь,

Во всем полагаюсь на Бога.

Обидевшийся казак воротился ко мне, говоря:

— Ничего с ним не поделаешь, ваше благородие. Он пьян!..

«Мы почитаем государя, — говорят духоборцы, — это нас напрасно винят, будто мы властей не признаем. Государя нельзя не почитать; только мы его не называем отцом, как православные».

Я сам имел случай присутствовать при обрядах духоборского богослужения, они очень просты.

В воскресенье меня впустили в обыкновенную крестьянскую избу, чистую, просторную, хотя и низкую, в которой топилась большая русская печь. Там уже собрались все верующие: мужчины по одну сторону, женщины по другую; старухи сидели на лавках, а остальные стояли.

Церемония службы состоит в том, что все поочередно читают молитвы; если кто-нибудь ошибется, его тотчас останавливают.

— Не так надо говорить!

— Как не так? Ну так как же? Говори сам.

И если тот, кто прервал, в свою очередь ошибется, на него со всех сторон посыплются выговоры. Я заметил, что мужчины ошибались чаще, чем женщины: эти последние тверже знают молитвы, или, правильнее сказать, псалмы, и потому они, по большей части, останавливали других.

Псалмы эти они повторяют по несколько часов, до тех пор пока переговорят все, что знают, или — что случается часто во время тяжелой рабочей поры — пока не заснут от усталости и не обличат себя всхрапываниями, раздающимися во всех концах комнаты.

По окончании молитв собрание приступает к пению.

— Послушайте, господа, — скажет кто-нибудь, — здесь душно и жарко: не выйти ли нам петь на двор?

Тогда все собрание переходит во двор, где мужчины опять становятся по одну сторону, а женщины — по другую. Говорят, что этот обычай ставить мужчин против женщин есть исполнение слов Св. Писания: «имей перед собой изображение Божие в час молитвы...»

Протяжное, грустное, меланхолическое пение духоборцев навевает на непривыкших к нему неопределенные мечтания и какие-то далекие воспоминания... Мне в это время представлялась Волга и песни бурлаков, похожие на вздохи...

Впереди мужчин всегда стоит распорядитель хора, запевающий начало каждого псалма. В Славянке эту должность исполнял один почетный старик, который часто приходил ко мне побеседовать, и при этом никогда не являлся с пустыми руками, а всегда приносил мне или сот меду, или свежих огурцов. Взамен того он не пропускал случая принять от меня или взять самому порядочную пачку сигарет, которыми, как я узнал потом, он хвастался перед соседями.

— Это добрый чиновник меня угостил, — говорил он, — и он меня уважает!

Он часто намекал на важность исполняемой им должности и говорил своим товарищам: «Поди вот! Не всякий знает, как надо начинать псалом! Кому от Бога талант дан, тот только может».

Когда запевала начинает, некоторые поют вслед за ним, произнося слова, а другие довольствуются тем, что слегка стонут. Перед концом службы верующие составляют полукруг и начинают кланяться и обниматься друг с другом. Каждый из мужчин поочередно кланяется и целуется с остальными; женщины, со своей стороны, исполняют то же самое между собой. Каждый берет другого за руку, и они кланяются друг другу два раза, потом целуются и опять отвешивают по два поклона, во второй раз ниже, чем в первый. Поклоны эти делаются очень неловко, несколько наискось, и в продолжение всей церемонии пение не прекращается.

По окончании всего надеваются шапки на голову и духоборцы расходятся по домам.

Я переписал с буквальною точностью их псалмы, под диктовку старых и малых. Те и другие, в особенности старики, кажется, вовсе не понимают, что говорят; бормочут, путаются и очевидно не знают, что значат произносимые ими слова.

Когда я спрашивал у них объяснения некоторых фраз, они почти всегда отвечали в таком роде:

— Кто ж это знает? Это премудрость Господня; до этого своим умом не дойдешь.

Иногда же они говорили следующее:

— Мы не знаем, а Бог уже знает! Так наши отцы говорили, и мы так говорим; нас этому выучили с малолетства, и Бог уже знает, что все это значит.

Если же мне иногда удавалось получить род объяснения, оно всегда было очень темно. Точность в произношении слов и конструкции фраз считается у них важнее понимания смысла. Если случится читающему псалом пропустить одно слово, он останавливается и начинает сначала. Иногда бывает так, что духоборец, не замечая ошибки, продолжает читать дальше, но, дойдя до конца, подумает и скажет: «Должно быть, я что-нибудь пропустил; что-то очень скоро кончилось».

Во время диктовки, если кто-нибудь из них ошибался в словах, то говорил: «Нет, тут не так, прочтите мне сначала все, что вы написали». Я читал, например, следующие слова: «...и мы сообщаемся его святых, божественных, страшных животворящих таинств...»

— Хорошо, хорошо, так. Напишите теперь «Христа».

После этого он начинал припоминать каждое слово псалма и бормотал про себя: «...божественных, страшных, животворящих, Христа... страшных, животворящих...»

— Ну, теперь напишите еще: «вечных»... Ах нет, это должно быть дальше. Прочитайте мне все опять сначала, чтобы чего-нибудь не забыть.

Одним словом, этому конца не было.

У них молятся не в одно воскресенье, но во все дни недели, после работы; впрочем, суббота особенно посвящена религиозным обрядам.

Чрезвычайно удивительно, как могут духоборцы, со своим практическим смыслом, приписывать свои псалмы пророку Давиду, когда самый текст этих псалмов показывает, в какую эпоху возникло это учение и при каких обстоятельствах образовалась секта.

Вот, например, один из этих псалмов, в котором заключаются, как в катехизисе, догматы религии духоборцев.

«Мы, служащие Духу Божию, славимся Иисусом Христом; мы приняли Дух, получаем все от Духа и Духом бодрствуем».

«Мы веруем во единого Бога Отца, всемогущего, создавшего нас, и небо, и землю, и даровавшего нам свет».

«В Него веруем».

«Мы крестимся[6] во имя Отца, и Сына, и Святого Духа».

«Мы молимся Богу духом, Духом истины, и возносим наши молитвы к Богу истинному».

«Я возвышаю голос мой к Господу; голос мой обращается с молитвою к Господу».

«Мы исповедуем Богу небесному, ибо Господь милосерд, благость Его бесконечна; все грехи наши нам отпускаются, и мы сообщаемся святых, божественных, страшных, животворящих таинств Христа, бессмертного... прощение грехов...» (Здесь очевидно пропущены какие-то слова; вероятно, это надо понимать так, что мы исповедуемся ради прощения наших грехов).

«Мы ходим в церковь, единую, святую, католическую, апостольскую церковь, где собираются истинные христиане».

«Священником мы имеем праведника, святого, не фальшивого, не злого и не грешника».

«Мы славим и чтим Пресвятую Деву, ибо от нее родился Иисус Христос для искупления греха Адама».

«Мы чтим святых праведников и следуем по стопам их».

Тут необходимо заметить, что в разговоре со мною духоборцы дали мне понять, что они не все то одобряют, что я переписал здесь.

«Поклоняемся образу Божию неоцененному, образу Божию, который небеса воспевают и славят, святым образам истинным и неподдельным (вероятно, не похожим на картины) Отца, и Сына, и Святого Духа».

«Чтим государя императора. Спаси Господи государя императора».

«Соблюдаем пост в помышлениях наших».

«Спаси меня от всякого греха, сохрани уста мои от сквернословия, руки мои от убийства и даруй мне воздержание; избави меня от всякой лжи».

«Мы имеем брак, вечный источник блаженства, и в нем мы восстановляемся».

«Мы не желаем ходить в церковь, сооруженную руками людскими; не поклоняемся писаным образам, не признаем их святости и не ставим в них нашего спасения, ибо полагаемся не на самих себя, но на глагол Божий, на крест нашего Искупителя и на славу Божию».

Написавши под диктовку все эти слова, я громко прочел их духоборцам, с той мыслью, что они заметят в них ошибки и поправят их; но кроме некоторых незначительных изменений и прибавления забытых слов, все оказалось правильно написано и сообразно с их преданиями.

Впрочем, духоборцы, несмотря на то, что исповедуют свою веру в таких странных выражениях, ведут жизнь очень разумную и даже благодетельную. Правда, что и другие преследуемые и гонимые секты, как-то: молокане, субботники и скопцы, живущие за Кавказом, находятся в таких же условиях.

Но, поживши между молоканами и духоборцами, я отдаю преимущество этим последним в отношении нравов.

Молокане пьют и курят, хотя у них запрещено вино и табак; у духоборцев этого запрещения не существует, они курят и пьют при народе и часто сами выделывают махорку.

Молокане часто поддаются искушению обманывать и воровать, а у духоборцев такие поступки так редки, что их можно перечесть.

По словам духоборцев, молокане отступились от своей первоначальной веры, и хотя они энергично протестуют против этого упрека, я считаю мнение духоборцев более основательным. Впрочем, надо прибавить, что обе эти секты ненавидят друг друга.

— Они безбожники, хуже собак, — говорят молокане про духоборцев.

— Разве они люди? — говорят, в свою очередь, духоборцы про молокан.

Относительно моего прибытия к ним и моих занятий, духоборцы изъявили мне гораздо более доверия, чем молокане. Эти последние до сих пор еще убеждены, что я приезжал к ним по секретному предписанию, и все ожидали, что их сошлют на берега Амура.

Впрочем, сначала и духоборцы сомневались во мне.

— Вот вы у меня расспрашиваете о том и о другом, — говорил мне один старичок, — а мы даже не знаем, кто вы такой.

— Зачем же тебе это знать?

— Затем, что мы не знаем, что можно вам гово-

рить и чего нельзя. Вы нам скажите, по крайней мере, чиновник ли вы, дворянин ли вы, чтобы нам знать, как с вами обращаться.

Я объяснил им так ясно, как только мог, что моя единственная цель состояла в том, чтобы изучить их образ жизни посреди татар и армян.

— Вы заключились в этих горах, — сказал я им, — никого почти не видите и редко выходите из своего селения; поэтому на ваш счет распускают много разных слухов, которым не знаешь, верить или нет, я и хотел убедиться собственными глазами, правда ли все, что про вас говорят.

Некоторые их них, по-видимому, понимали меня и кивали головой в знак одобрения.

— Правда, правда, — говорили они, — про нас много вздору рассказывают.

Иные даже до того бывали вежливы, что благодарили меня за честь, которую я им делал своими расспросами.

Духоборцы, как я уже сказал, не имеют ни книг, ни рукописей, не знают грамоты и ничему не учат детей, говоря, что наука совершенно бесполезна для крестьян; только занимающие служебные должности при колониях составляют исключение из этого правила; они, по большей части, из отставных солдат, и все умеют читать и писать.

Невежество духоборцев доходит до того, что один старик серьезно просил меня сосчитать, сколько ему лет, зная, что при выселении из Тамбовской губернии он был в Тавриде с отцом своим в 1822 г. и ему было в то время четырнадцать лет.

— Мне давно уже хотелось это знать, — говорил он, — но до сих пор никто не мог мне этого сосчитать.

Узнавши, что я много путешествовал, этот самый старик хотел непременно, чтобы я указал ему настоящее место, куда заходит солнце.

— Неужели у солнца нет определенного места, где оно всегда садится? — спрашивал он меня по несколько раз.

Неизвестно, от кого духоборцы переняли свою одежду; они уверяли меня, что ходят в русском платье, но в России нет таких костюмов. Длинные и широкие панталоны еще могут, пожалуй, назваться русскими; но откуда взялись коротенькие сюртуки, вроде солдатских, с прямыми воротниками и застегивающиеся на груди внутренними крючками, как у казаков? Все духоборцы, без исключения, носят такие сюртуки.

Женщины одеваются в обыкновенное русское платье; волосы покрывают платком или куском материи, свернутым в виде сахарной головы, с висящими позади концами.

Дома духоборцев построены по образцу домов южной России. Снаружи они украшены резьбой, выпуклыми изображениями всадников на лошадях и тому подобными фигурами. Внутри всегда чисто, стены тщательно выбелены и иногда увешаны рисунками на бумаге или плохой живописью.

Телеги их совершенно схожи с теми, какие я видал в восточной Пруссии; сидение в них очень просторное и кругом обведено отогнутыми перильцами. В этих телегах могут поместиться человек двадцать и даже более.

В полях стоят пчельники, которые могут принести оборотливому хозяину рублей по сто дохода в год.

Нитки и полотно они продают во всякое время, но в урожайные годы главная их торговля состоит из хлеба и картофеля.

Почва, хотя и каменистая, однако довольно плодоносна; на ней отлично родится рожь, пшеница и овес: последний несколько хуже; гречиха лучше, чем просо. Из конопли ткут холстину; лен вообще очень ценится.

В Славянке насчитываются двести пять духоборских семейств. Они держат всякого рода скотину; крупный рогатый скот у них превосходен, но в нем легко заметить помесь с туземной породой скота Черного моря. Бараны довольно замечательны своей наружностью и происходят, по словам духоборцев, от испанской породы. В самом деле, глядя на них, можно поверить, что они из Испании или из южной Франции.

Хозяева продают их шерсть по восьми и девяти рублей с пуда, тогда как соседние туземцы выручают за пуд шерсти своих баранов не более четырех или пяти рублей серебром.

Из всего этого можно видеть, что духоборцы не имеют недостатка в средствах к существованию; жизнь их неприятна только тем, что соседи их часто обижают. Они всегда отзываются о татарах и армянах с самой невыгодной стороны.

— Между ними в том только разница, — говорят они, — что татарин убивает и грабит, не таясь ни от кого, а армянин, чтоб обмануть, подымается на хитрость.

Если навести их на разговор о грабеже и убийстве, то рассказам их конца не будет.

— Только с приездом нового (т.е. нового губернатора области) мы стали жить спокойно, — говорят они, — а то бы татары вконец нас разорили и уничтожили. Они нас грабили среди белого дня, хватали нас, связывали нам руки, и пока одни приставляли нам кинжал к груди, другие уводили наших лошадей. Ежели мы подавали прошение в суд, нас вызывали к судье в самую рабочую пору, когда каждый день стоит рубль серебра. И зачем же нас требовали в город? Затем, чтоб сказать нам: «Молчи, брат, о твоем деле; воров не искали, — тебе остается только объявить, что ты доволен решением». Так оканчивались все наши процессы.

Если кто отлучался куда-нибудь подальше, то не рассчитывал воротиться живым; даже возвращавшегося благополучно из ближнего места друзья и родственники встречали с радостью и говорили: «Слава Богу! Ты жив и невредим!» «Если хоть одна ночь проходила спокойно, без грабежа и воровства, то также благодарили Бога».

Молокан очень много в Закавказье; они ведут жизнь довольно счастливую и обеспеченную, но между ними нет того мира и согласия, которым наслаждаются духоборцы. Почти беспрерывно у них возникают раздоры, и многие, недовольные старыми уставами, придумывают новые, отчего происходят бесконечные распри. Очень часто составляется новая партия и старается привлечь на свою сторону как можно больше единомышленников. Как только партия сделается сильна, новые сектанты выбирают себе другого священника и назначают местом своих собраний другой дом.

С течением времени, секта духов, как называют себя молокане, разделилась на многие партии.

Во-первых, на *чистых* молокан, у которых обряды богослужения самые разумные. Они признают ветхий и новый завет, читают и поют псалмы Давида, оказывают чрезвычайное уважение к ним и к псалмопевцу. Некоторые из ветхозаветных праздников празднуются с общего согласия всеми сектантами. Впрочем, так называемые *чистые* молокане относительно этих библейских праздников не всегда согласны между собою. Есть одна секта, которая, подобно *субботникам*, соблюдает их все без исключения, так что образовалась новая партия, составляющая середину между чистыми молоканами и *шабашниками*, или *жидовцами*. Однако партия эта малочисленна, и мне ни разу не случалось видеть, чтоб она составляла целую отдельную колонию.

Они также расходятся в мнениях насчет других второстепенных обрядов. Так, например, некоторые из молокан находят соблазнительным обычай целоваться во время молитв, и это было уже причиной нового отпадения. Но более всего противоположны друг другу понятия *чистых* и *скакунов*. Последние принимают в самом буквальном значении слова писания о сошествии Св. Духа на верующих. Они утверждают, что это сошествие тогда только видимо и действительно, когда оно имеет силу повергать молящихся в экстаз, т.е. в такое состояние, что они становятся, как одержимые бесом, и говорят на разных языках. По этой-то причине божественная служба скакунов совершается почти всегда вечером или, лучше сказать, ночью, так как она длится далеко за полночь: результатом этого бывают странные сцены, смешные для тех, кто не принадлежит к их секте.

Говорят, что *чистые* чрезвычайно возмущаются этими нововведениями и что ни один из них ни за что на свете не пойдет в собрание скакунов: по его мнению, это значило бы осквернить себя.

Во всяком случае, такое разделение подало повод ко многим ссорам, тем более что *скакуны* ввели в свою службу новые песни, сочиненные их современными пророками и псалмопевцами; песни эти поются перед скаканием, их веселый и более увлекающий напев располагает и возбуждает верующих к принятию в себя злого духа.

Но и в секте скакунов, в свою очередь, возникли раздоры. Некоторые из них, ссылаясь на свидетельство ветхозаветных писателей и на примеры патриархов и царей древности, допускают многоженство. Впрочем, до сих пор еще этих нововводителей немного, и пропаганда их производится с большой осмотрительностью.

Принимая меня за лицо официальное, эти господа или, лучше сказать, их начальники просили меня представить правительству от их имени записки под заглавием: «Дополнение к общему учению скакунов». Я, разумеется, отказался от этого поручения, но достал для себя копию с этого *Дополнения*.

Насколько я могу судить, главную роль во всех раздорах играют личные неудовольствия и соперничество священников и старшин.

Масса, будучи относительно менее учена и развита, чем ее начальники, легко обольщается всякими нововведениями. Достаточно минутной страсти или каприза, чтоб увлечь ее, и потому в секту скакунов и многоженцев идут преимущественно молодые люди, которые рады поплясать, попеть и не прочь от многоженства.

Впрочем, секта многоженцев, за исключением склонности к большому количеству женщин, не отличается от секты скакунов в основных правилах своего учения, и потому, для большей ясности, секту молокан можно разделить на две главные группы: *чистых* и *скакунов*.

Раз в субботу, поздно вечером, я зашел в дом, где совершалась служба *чистых*. Дом этот был простая русская изба, со скамьями вокруг стен; присутствующих было еще немного; молитвы не начинались.

Один пожилой толстяк с морщинистым лицом (я узнал после, что это был священник) сказал мне:

— Садитесь, пожалуйста, поближе, мой милый, мы с вами потолкуем.

Между тем как я обменивался с ним и с моими соседями обыкновенными пожеланиями здоровья, народ все прибывал, и вскоре жар сделался нестерпимым, не говоря уже о других неудобствах, неизбежных при тесном собрании рабочего люда.

Священник, глава, сидел на почетном месте, в углу, против входа, под образным киотом, завешенным занавесом. Вместо образов у молокан в этих киотах хранятся священные книги и разные вещи, как-то: бумага, чернильница, святцы, подсвечники и другие предметы домашнего обихода.

Во время молитв книги кладут на стол средней величины, покрытый чистою белою скатертью и поставленный, по русскому обычаю, в углу от входа. Возле священника помещаются несколько помощников; вокруг них, на лавках, рассаживается народ: кто постарше — ближе к столу, а молодежь — в самой глубине избы. Женщины также не выступают вперед, а остаются у дверей или садятся в угол.

— Отчего у вас женщины сидят позади мужчин? — спрашивал я потом.

— Они чином ниже мужчин, любезный, оттого и сидят позади, — отвечали мне несколько голосов, и при этом многие кивнули головами в знак согласия.

В ожидании начала молитв все разговаривают между собой, и, несмотря на то, что жар в избе удушающий, большая часть народа не снимает коротеньких шубеек.

Но вот священник возвышает голос:

— Ну, что же мы будем читать сегодня?.. Я и прежде не горазд был читать, а теперь глаза у меня стали еще слабее... Читай ты, брат Иван Васильевич!

— Нет, Яков Никифорович, читайте сами.

— Говорю тебе, что у меня глаза слабы... Ну давай уж, так и быть! Прочтем что-нибудь от апостола Иоанна.

После этих предисловий, необходимых, чтоб не уронить себя в глазах постороннего человека, Яков Никифорович надел на нос очки и начал читать одно из посланий Св. Иоанна, останавливаясь на каждой фразе, чтоб объяснить смысл ее слушателям. Иногда его объяснения были нелепы, иногда же, напротив, полны нравственного и практического смысла.

— Понимаете ли, братья мои, что повелевает апостол? Не ссориться! И однако ж у нас третьего дня дети поссорились на косьбе и ходили жаловаться к заседателю; вот это-то апостол осуждает! Если случится у вас ссора, то соберите стариков; они вас разберут, помирят, заставят вас поцеловаться, и делу конец. А вы с чего-то придумали ходить к заседателю! Это большой грех. И так... и потому... Ну, теперь будем читать дальше!..

И он продолжает. На таких местах, где он сам не понимал смысла фразы, он искусно отклонял комментарии, говоря:

— Вот это также апостол не велит делать.

Или:

— Вот это также надо всегда помнить, не забывать.

Дойдя до слов апостола о будущей жизни на небе, он сказал:

— Когда она наступит?.. Этого никто не знает, и даже может быть, наши внуки не доживут до вторичного пришествия Христова.

Окончив наконец главу, священник обратился к народу, говоря:

— Ну, дети мои, теперь спойте что-нибудь!

При этих словах все собрание мгновенно оживилось. Один из помощников священника выбрал псалом и, посоветовавшись с соседями, каким напевом петь его, затянул громким голосом первую строфу. Вся толпа подхватила монотонным и грустным напевом наших народных песен. По временам кто-нибудь начинал новый стих, другие подхватывали хором, и это однообразное пение длилось, длилось без конца...

Молокане поют очень громко и визжат так, что их хор слышится с одного конца селения до другого. По субботам, когда несколько собраний запоют псалмы в одно время, невозможно заняться никаким делом; сколько ни затворяйте окна и двери, их голоса слышно так, как будто они поют в вашей комнате.

После пения на полу постлали маленький ковер, и все, ставши вокруг, начали читать молитвы и класть земные поклоны. Священник громко произносил молитвы, и присутствовавшие бормотали их вслед за ним. Потом все опять сели на лавки и продолжали петь; после того все стали в ряд вдоль стен и началось общее лобызание, за исключением священника, который сам не кланялся никому и только принимал первый поцелуй других, все остальные подходили друг к другу, т.е. Иван к Петру, Петр к Ивану, кланяясь три раза в землю и целуясь друг с другом двоекратно.

У духоборцев мужчины лобызаются с мужчинами, а женщины с женщинами; у молокан же не существует этого различия, и все без исключения целуются друг с другом, с той только разницей, что, вероятно, по преимуществу *чина*, мужчины начинают первые. Во все время этой церемонии поклонов и поцелуев пение продолжается, потом читают еще одну молитву, и тут уже наступает конец.

Прежде чем собрание разойдется, священник обыкновенно назначает, в какой день и час сходиться опять.

— Братья, собирайтесь все завтра в полдень, мы будем молиться Господу Богу.

Когда они искали свои шапки, я услышал от них выражения, почерпнутые из святых книг, как например: «Где моя риза ветхая?» или «Где моя риза светлая?» Так величали они свои кафтаны, сложенные ими в одну кучу при входе.

Я забыл упомянуть еще об одном обычае, доказывающем в молоканах большую деликатность.

Когда служба уже началась, опоздавшие входят не один по одному, а целыми группами, которые сначала собираются у дверей и потом пользуются промежутком молчания между молитвой и пением, чтобы войти в избу. В ожидании этого они мысленно повторяют молитву; при входе их все присутствующие встают с мест и также молятся шепотом, потом низко кланяются им, и служба продолжается своим чередом.

Я предложил молоканам по поводу таинства крещения следующий вопрос:

— Почему вы, молокане, не креститесь водою? Сам Христос подал тому пример и крестился водою.

— Правда, Христос так крестился, но только для исполнения обряда, потому что в Писании что сказано? Иоанн Креститель говорит: «Я крещу вас водой, но придет человек, которому я не достоин развязать ремень от сапогов его; тот будет вас крестить водой и огнем». Стало быть, если надо креститься водою, то надо креститься и огнем. Что это такое будет?

Надобно заметить, что молокане в выборе псалмов и текстов для назидания верующих предпочитают те из христианских правил, которые могут оказать лучшее влияние на их умы. Так например, они признают, что Господь бесконечно милосерд и что нет такого греха, словом, делом или мыслью, который бы не отпустился через покаяние. Они даже заходят еще дальше и говорят:

— Если человек не грешит, то ему не в чем и каяться; но если, согрешив, он не покается, то святой Дух не сойдет на него и он не спасется.

Этот так пламенно призываемый Святой Дух нисходит на человека только в час покаяния, и по учению чистых молокан, его присутствие не обнаруживается никакими видимыми признаками; счастливец только вздыхает, плачет и находит утешение в молитве.

Но не так бывает у *скакунов*. Когда кающиеся почувствуют в себе Святого Духа, то считают своей обязанностью войти в экстаз, чтобы показать этим, в каком состоянии временной святости находится его душа. Святой Дух сначала потрясает все их тело, и они начинают шататься как пьяные; потом все, мужчины и женщины, топают ногами на одном месте, скачут, вертятся, прыгают на лавки, на столы или же ложатся на этот стол и возят его по всей избе. Женщины ломаются еще больше мужчин.

Это исступление становится совершенно понятным, если припомнить, что секта скакунов состоит большей частью из молодых людей, которым строгие пуританские правила их учения запрещают предаваться светским удовольствиям, пению, пляске и другим. Здесь же они пользуются случаем, чтобы

до истощения сил удовлетворить естественной потребности движения.

Притом же надо заметить, что моление продолжается очень долго, по четыре и по пять часов и даже более, и происходит в чрезвычайно жаркой избе, в темноте ночной, после дня, проведенного в тяжелой работе. При таких условиях не удивительно, что им нравится такое состояние исступленной экзальтации.

Я пришел в собрание скакунов около полуночи. В избе было жарко, как в бане, и почти совершенно темно; одна только светильня, плавающая в жире, распространяла от себя мерцающий свет.

Вот каких сцен я был свидетелем.

Все верующие, плотно прижавшись друг к другу, лежали ниц; один только священник стоял со сложенными руками, опустивши голову на грудь, и тихо читал молитву, из которой ясно слышались только слова, произносимые им с торжественностью: «Господи помилуй, Господи помилуй, слава Отцу и Сыну и Святому Духу».

Теснота заставляла некоторых становиться на лавки; чувствуя слабость, они прислонялись к стене, поднявши кверху руки и голову. Один из них, стоя на лавке, уткнулся лицом в угол и горько плакал. По временам из среды верующих слышались глубокие и тяжкие вздохи, сопровождаемые подобными фразами: «О Господи! За что ты на нас посылаешь такие наказания? Господи, за что они меня бьют? Они сами не знают!!. О! Ох!.. Ух!.. Ух!..» В другом конце раздавались громкие и неумолкаемые рыдания. Один из лежащих на полу вдруг вскакивает, поднимает руки и голову вверх и остается, как бы прикованным к месту, в этой позе. Это значит, что он принес покаяние и теперь готов взлететь на Сион, но ему недостает для этого крыльев.

Так продолжалось более часу, потом все вместе затянули *новые песни*, сначала довольно тихо, но вскоре стали сопровождать их быстрыми движениями тела...

Мне до сих пор еще представляется один крепкий, здоровый мужчина, который сначала все стоял спокойно, потом вдруг затопал ногами, как бешеный, и, тряся головою, начал качаться из стороны в сторону; я ожидал, что он упадет, но вместо того он начал откидывать ногами и кривляться всевозможным образом. Вскоре все собрание задвигалось и комната наполнилась стонами и жалобными воплями женщин. Все заскакали, затопали, замахали руками, лица принимали все более и более свирепое выражение. Я забился в угол, мне было страшно; мне казалось, что они приготовляются к какому-то кровавому обряду...

Наконец, один из них, как бы одержимый бесом, сбросил свечу на землю ударом кулака, и все покрылось непроницаемой тьмой...

Впрочем, свечу тотчас опять зажгли.

Главный аргумент, которым молокане оправдывают свои неистовства, есть пример пророка Давида, игравшего на арфе и плясавшего перед кивотом завета.

В деревне Новая Саратовка, где я также останавливался, скакуны, желая подражать в точности своему возлюбленному пророку, хотели было обзавестись арфами, но, не могши нигде их достать, заменили их натянутыми на круг кожами и стали славить Бога с аккомпанементом тамбурина.

Во время пребывания моего в Саратовке, эти тамбурины уже вышли из употребления, потому что они подали повод к таким беспорядкам, что сами их изобретатели принуждены были запретить их для избежания несогласий и раздоров.

Скакуны, как я уже говорил, имеют избранных, которые, находясь в сообщении с Духом Святым, говорят на разных языках. Мне не случилось ни разу присутствовать при этих вдохновенных речах, но, по рассказам тех, кто их слышал, я мог судить, что кроме страшных нелепостей, ничего в таких случаях не говорилось. Нельзя и ожидать ничего другого от таких невежественных людей.

— Как вы можете верить? — спрашивал я у раскольников. — Здесь никто не говорит на другом языке, кроме татарского и армянского; все это наверное вздор!

— Мы точно этих языков не знаем, — отвечали они, — но если Дух дарует кому-нибудь премудрость, то ему все возможно, потому что это от Бога.

Они объясняют, что говорящие на разных языках будут им полезны, когда образуется царство Сиона, составленное из различных народов, между которыми молокане будут избранные. Что это будет за царство? Они конечно этого не знают и не уясняют себе; но идея о нем глубоко укоренилась в их мозгу. Один пророк[7], или глава скакунов (пронырливый крестьянин, знавший наизусть все замечательные места из Ветхого и Нового Завета), объяснил мне свои мысли о царстве Сиона следующим образом:

— Сион есть гора (Ап. Гл. XXI), это вечный Сион (Ап. Гл. XX), царство, составленное из народов Божьих, над которым будет царствовать сам Христос; место этого будущего царства еще неизвестно, но верно, что оно настанет, верно также, что одни только избранные взойдут на него. Вокруг этого Сиона будет новый Иерусалим, составленный из разных народов со всех стран света, говорящих на разных языках.

Кстати, об этом Сионе; вот что мне рассказывал один человек, посещавший, так же, как я, раскольников.

— Я пришел, — говорил он мне, — во время божественной службы в избу скакунов и, насколько позволяла темнота различать предметы, разглядел, что на печке что-то шевелится; я вгляделся попристальнее и увидал очень толстого и совершенно голого крестьянина, который ворочался на печке с боку на бок. Я принял его за фанатика, но мне объяснили, что это он *оперяется*.

— Что же это значит, оперяться?

— Это значит, что он освобождается от греха (приносит покаяние) и просит у Бога крыльев, чтобы лететь на Сион.

Когда я передал этот рассказ нескольким священникам из скакунов, беседовавших со мною, они стали смеяться и повторили мне свою обычную фразу, что все это выдумано завистью и ненавистью.

Правда, что когда кто чувствует в себе духа, то поднимает руки кверху, как будто приготовляется оставить этот греховный мир и идти туда, куда повелит Господь; это большая разница от того, чтобы раздеваться донага.

Я часто видел это поднимание рук и всегда удивлялся, как они могли, не уставая, стоять целый час в этом положении.

Молокане уверяют, что если один из членов собрания грешит и не приносит покаяния, то Дух Святой, непременно во время молитвы, откроет этот грех кому-нибудь из присутствующих; тогда этот

уведомляет священника, и виновного стараются склонить к покаянию.

В случаях прегрешения телесного или других тайных грехов, виновного, смотря по степени проступка, не пускают в собрание во время общего лобызания или во время молитвы.

Кто хочет вступить в секту скакунов, тот должен сначала покаяться перед священником и обещать ему на будущее время воздержаться, насколько возможно, от греха. Когда это условие выполнено, священник объявляет в следующее собрание, что «вот брат такой-то покаялся и просит Духа у Бога». Чтоб приобщить новопришедшего к этой божественной милости, все другие кающиеся, уже получившие Св. Духа и называющиеся *священным хором*, накладывают руки ему на голову, по примеру апостолов, и надевают на него какой-нибудь видимый знак, например, пояс, который с этих пор он должен носить постоянно.

Обряды молоканской религии очень просты.

Детей крестят так: читают приличные случаю молитвы, поют, нарекают новорожденному имя, обыкновенно имя того святого, который приходится в этот день, и после того садятся за стол обедать.

Во время бракосочетания читают молитвы, поют псалмы, и родители благословляют будущих супругов. Затем, по русскому обычаю, следует более или менее сытное угощение, смотря по состоянию новобрачных. Покойников молокане закапывают сами, отслуживши над ними панихиду.

По словам их, они не пьют вина и не курят табаку, который называют *чертов ладан*; но тайком они позволяют себе и то и другое; в особенности же очень любят водку.

Мы уже сказали, что молокане хитры, пронырливы и далеко не так искренни, как их соседи духоборцы. Это легко заметить с первого раза. Я часто слышал, как они плакались на свою бедность, тогда как жили в полном довольстве и не могли, кажется, жаловаться на тяжелые подати.

Почти все молокане промышляют торговлею. Большая часть их занимается извозом; они перевозят товары из Тифлиса в другие Закавказские города и обратно.

Замечательно, что у них почти все умеют читать и писать.

Молокане были выселены в Закавказье, по предписанию правительства, назад тому двадцать пять или тридцать лет. Теперь им позволено возвращаться во внутренность России, но они, по-видимому, не слишком прельщаются условиями этого возвращения, так как до сих пор еще не назначено, на какой земле и в каких местах могут они там поселиться. Поэтому они пока выжидают и не торопятся.

Впрочем, если бы им дали в России достаточное количество земли, то, по всей вероятности, многие ушли бы из Закавказья; о горах они жалеть не станут.

— Можно ли сравнить! — говорят они. — В России место все ровное, гладкое, а здесь глядите какие махины!

Побывши несколько дней у молокан, я возвратился в Шушу, а оттуда отправился через горы в Нахичивань, в Эривань, в Александрополь и другие Закавказские города.

Примечания

1. Эльборус, или, вернее, Эль-Бруз, в котором германский путешественник насчитывал в начале нашего столетия только пять тысяч четыреста футов, подымает на пять тысяч шестьсот футов свою трахитовую вершину с кратером, в настоящее время наполненным водою. Это самая высокая точка линии пересечения земного шара, считая от меридиана Болорских гор и Атлантики до экватора и Северного полюса. Казбек, вторая высочайшая вершина Кавказских гор, на шестьсот футов ниже Эльборуса.

2. Особенный род войлока, в котором с лицевой стороны оставляется длинная шерсть, что делает ее похожею на бараний мех.

3. Чем и занимается уже несколько лет сряду ученый добросовестный наблюдатель г. Густав Радде, путешествия которого к Байкальскому озеру приобрели ему заслуженную известность.

4. Кура, или Мбквари (древний Cyrus), берет свое начало на южном скате Кавказских гор и течет через Гори и Тифлис. Протекая через всю Грузию, она отделяет Ширван от Карабаха и впадает в Каспийское море. Она протекает пространство более 800 верст.

5. Просим припомнить, что автор говорит о прошлом.

6. У духоборцев крещение, как и прочие таинства, состоит только в произнесении известных слов.

7. Пророк принимает также титул начальника, или чтеца слова Божия, главного охранителя стада Божия. Все общество скакунов вообще имеет одного только пророка. После него идет священник со своими помощниками, которые, после его смерти, становятся кандидатами на его место.

Текст печатается по изданию:
Путешествие по Закавказью в 1864—1865 годах Василия Верещагина // Всемирный путешественник. — Спб., 1870. — Т. 7. — С. 209—305.

Е. Вейденбаум. **Очерк этнографии Кавказского края**

Кавказ издревле славился разноплеменностью своего населения. По известному рассказу греческого географа Страбона, в гор. Диоскурию, в нынешней Абхазии, собирались для торга купцы семидесяти, по некоторым же сведениям, трехсот различных народов, из которых ни один не говорил на языке своих соседей, потому что каждый из них, по гордости или дикости, воздерживался от сношений с чужеземцами. Плиний прибавляет к этому известию, что в Диоскурии торговые сношения велись через посредство 130 переводчиков. В одной Албании, занимавшей восточную часть Закавказья, Страбон насчитывает 26 отдельных языков. В позднейшее время многоязычия Кавказа обратило на себя внимание арабов. Географ Аль-Азизи дал ему название «горы языков» (*джебаль альсуни*), потому что население этой страны говорило, будто бы, на 300 языках.

Мнение о необычайной разноплеменности кавказского населения поддерживалось до конца прошедшего столетия, когда Кавказ был впервые посещен учеными академическими экспедициями. Языки грузинский и армянский уже с давних времен подвергались исследованию и изучению католическими миссионерами, водворявшимися с целью пропаганды в различных местностях Кавказского края. Но языки и наречия горцев и особенно Дагестана были совершенно неизвестны в то время, когда наша Академия наук впервые отправила на Кавказ своих ученых сочленов во второй половине прошедшего столетия. Хотя главной задачей этих экспедиций было изучение естественных произведений страны, но они не остались бесплодными и для познания народностей Кавказа и их языков и наречий. Академики Гюльденштедт, Гмелин и Паллас составили сборники слов на кавказских горских языках, указали, насколько было возможно, на сходство и несходство их между собой и, таким образом, положили начало как лингвистическому исследованию Кавказа, так и лингвистической классификации кавказских народов. В настоящее время эти сборники слов, записанных по слуху и немецкими буквами, не имеют никакого научного значения, как не удовлетворяющие требованиям лингвистики. Но в то время эта наука еще и не существовала. Тем не менее, несмотря на несовершенство способов исследования, несмотря на то, что звуки горских языков, очень трудно уловимые для европейского уха, подвергались искажениям при записывании, — некоторые из выводов и наблюдений, сделанных учеными путешественниками, подтверждены новейшими исследованиями, имевшими в своем распоряжении все те могущественные средства исследования, которыми располагает ныне наука о языке. Особенной проницательностью или, если можно так выразиться, каким-то лингвистическим чутьем обладал академик Антон Гюльденштедт (род. 1745 г., ум. 1781 г.), сделавший первую попытку классификации горских языков. Все многочисленные языки Дагестана он соединил в 8 групп, из которых некоторые удержались и в современной лингвистической классификации Кавказа, после тщательных и вполне научных исследований барона П.К. Услара. Таким образом, Гюльденштедт первый способствовал разъяснению того тумана, который так долго застилал «гору языков». В начале настоящего столетия кавказскими языками занимался известный ориенталист Юлий Клапрот, доказавший верность предположения акад. Палласа о принадлежности осетинского языка к арийскому или, как тогда называли, индо-европейскому семейству языков. Менее счастлив был Клапрот в определении места, принадлежащего в лингвистической классификации языкам дагестанским (лезгинским) и чеченскому. Он считал возможным сблизить их с языками северной Азии, особенно с самоедским и вогульским, но современные точные исследования не подтвердили этих сближений.

История вполне научного лингвистического изучения Кавказа начинается только с сороковых годов, т.е. со времени посещения края акад. Шегреном, занимавшимся исследованием осетинского языка. Начало исследованию языков Дагестана положил акад. Шифнер, давший своими опытами о языках тушин, аварцев и удинов ключ к уразумению строения восточно-горских языков. Но истинным Колумбом в области кавказской лингвистики был барон Петр Карлович Услар (род. 1816 г., ум. 1875 г.). Он открыл для науки неведомый дотоле мир языков, не имеющих себе родичей нигде на земном шаре и сохранившихся в ущельях Кавказа как последние представители иной, давно минувшей эпохи. Деятельность Услара на поприще лингвистики началась в 1861 г. и продолжалась беспрерывно до 1875 г. В этот 14-летний период времени он дал образцовые исследования языков абхазского, чеченского, аварского, лакского, хюркилинского, кюринского и табасаранского. Этими трудами, изумительными по точности исследования и совершенству метода, Услар разрушил окончательно вековую иллюзию о «горе языков» и доказал, что Кавказ далеко не так многоязычен, как полагали прежде.

По физическому типу народы Кавказа принадлежат к двум расам: средиземной (по старой классификации Блуменбаха — кавказской) и монгольской. Представители первой населяют сплошь оба склона Кавказского хребта и западную половину Закавказья. Народы монгольской расы окаймляют подошву Б. Кавказа, занимая преимущественно равнины и возвышенные плоскости. В ущелья Главного хребта углубляются они только в верховьях Кубани и некоторых левых притоков Терека. Главная же масса их сосредоточена на прибрежье Каспийского моря, в восточной половине Закавказья и на Армянской плоской возвышенности, где они живут смешанно с племенами средиземной расы. Такое распределение обеих рас указывает на их культурные отношения: монгольские племена явились на Кавказском перешейке как кочевники и, потеснив в ущелья коренных земледельческих обитателей края, расположились на местах, удобных для скотоводства.

Антропологические исследования только что начаты на Кавказе и потому нет еще достаточного количества данных для подразделения кавказских представителей средиземной расы на несколько типов, хотя всякому привычному глазу невольно бросается в глаза разница, иногда довольно значительная, в физических признаках некоторых племен. Заслуживает внимания и дальнейшего исследования указание на то, что все черепа, найденные до сих пор

в древнейших могильниках на Кавказе (в Кобане, Мцхете и Делижане), резким образом отличаются формой от черепов современных обитателей Кавказского края. Первые принадлежали к так называемым длинным черепам, проявляя в большей или меньшей степени типические признаки этой формы. Напротив, все нынешние туземные народы Кавказа и принадлежащих к нему стран относятся, по форме черепа, насколько теперь можно судить по немногочисленным измерениям, к типу коротко-головых (брахикефалов), так что ни один из них не может считаться прямым потомком того доисторического населения, которое оставило следы своего существования в названных выше могильниках. Если дальнейшие, более многочисленные исследования и измерения подтвердят окончательно это различие в форме черепов, то необходимо будет заключить, что древние могильники существовали до появления на Кавказе племен, ныне его населяющих.

В лингвистическом отношении обитатели Кавказского края распадаются на несколько групп. Языки народов монгольской расы (ногайцев, кумыков, туркменов, татар, турок и калмыков) принадлежат к так называемому урало-алтайскому семейству языков. Арийское семейство имеет на Кавказе своих представителей в языках осетинском, армянском, курдском и различных персидских наречиях (татском и талышинском). Языки грузинский, лазский, мингрельский и сванетский, составляющие так называемую *картвельскую,* или *иверскую группу*, а также и языки кавказских горцев не имеют нигде родичей вне Кавказа и стоят особняком в лингвистической классификации под названием *собственно кавказских языков*. Соединение в одну группу языков грузинского, лазского, мингрельского и сванетского указывает на существующее между ними родство, но степень этой генетической связи еще не установлена. Что касается до горских языков, то их соединяют в две группы: *западно-горскую* (языки абхазский, убыхский и черкесский) и *восточно-горскую*, обнимающую собою языки народов Дагестана, известных у нас под общим именем лезгин, языки тушинский и чеченский. Родство абхазского и черкесского языков между собой еще не доказано с достаточной ясностью и потому некоторые лингвисты (Л.П. Загурский) считают преждевременным установление общей западно-горской группы, сделанное Усларом и принятое Фридрихом Мюллером. Равным образом не имеется до сих пор достаточных оснований для сближения или генетической связи между названными выше тремя группами собственно кавказских языков.

Этнографическая номенклатура Кавказа представляет до сих пор величайшую путаницу и способствует поддержанию старого предрассудка о необычайном числе кавказских народов. В действительности же на Кавказе только множество народных названий, которые вводят в заблуждение лиц, незнакомых близко с составом населения этой страны. Вообще народы редко известны своим соседям под тем именем, которое они сами себе дают. На Кавказе это можно считать общим правилом. При разноплеменности здешнего населения и разобщенности его, каждый народ носит, сверх собственного, по меньшей мере еще столько же названий, сколько имеет разноязычных соседей. Происхождение всех этих названий весьма различно и не всегда поддается объяснению. Очень распространены названия бранные, шуточные, презрительные, данные с целью унизить или поддразнить своих соседей. Аварцы Дагестана получили это имя от кумыков, на языке которых *авар* или *ауар* значит сварливый, бродяга, беспокойный. Жители Дидойской котловины в Дагестане именуются у кахетинских грузин *цунта*, т.е. оборванцы. Множество названий заимствовано от характера местности, в которой живет народ. Горцы северного Дагестана известны были у нас под кумыкским названием *тавли* (тавлинцев), означающим в переводе: горцы (*тау* = гора). Грузины, живущие в верховьях Арагвы, называются у своих соседей грузин, обитателей долины, *мтиулами*, т.е. горцами, от грузинского *мта* = гора. Название *хевсуров*, храброго грузинского общества в центральной части Б. Кавказа, происходит от грузинского слова *хеви* = ущелье, откуда *хевсури* = житель ущелья. Такое же значение имеет в грузинском языке название *мохеви*, которое дается грузинам, обитающим по верхнему течению Терека. Различие религий дает также повод к возникновению названий. Солдаты наши соединяют под именем татар всех кавказских мусульман, несмотря на различие рас и языков. Неправильное название это господствовало долгое время и в официальной переписке. В пределах Закатальского округа живут грузины-мусульмане, называемые у местных татар *енгилой*. Многие не подозревают их грузинского происхождения и считают особым народом, а между тем название их значит, в переводе с татарского, *новообращенные* и дано им после того, как они приняли ислам.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы показать каким путем, при отсутствии ближайшего знакомства с населением и его языками, могло возникнуть преувеличенное представление о необычайной этнографической пестроте Кавказа. Множество названий, означающих один и тот же народ на разных языках или части этого народа, или, наконец, родовые его подразделения, принимались и принимаются за имена отдельных народов и племен. В старинных русских дипломатических актах, относящихся к 16—17 столетиям, упоминается в горах по Тереку народ *мичкизы*. Впоследствии, когда русские войска побывали за Тереком, появились названия *чеченцев* и *кистов*, наконец, при более близком знакомстве с горцами восточной половины северного склона Кавказского хребта, мы узнали о существовании *галгаев, гливов, ингушей, карабулаков, назрановцев, ичкеринцев, ауховцев* и многого множетсва других народов. После лингвистических исследований оказалось, что все они составляют одно племя или народ, который сам себя называет *нахчий*, у нас же известен теперь под именем чеченцев. Все же приведенные выше названия означают или родовые подразделения этого народа, или заимствованы нами от названий селений (напр. назрановцы и чеченцы) и местностей (ауховцы, ичкеринцы), или же, наконец, взяты у соседних народов. Так, *мичкыз* наших актов есть искаженное название *мичикючь*, под которым чеченцы известны у кумыков; *кисты* или *кистины* — грузинское название того же народа; *карабулаки* — татарское название части плоскостных чеченцев; *глигвы* — грузинское имя для горных чеченцев и т.д.

Ввиду такого накопления названий, подающего повод к недоумениям и представляющего в ложном свете этнографическую картину Кавказа, было бы правильнее придерживаться только тех имен, которые дает сам себе каждый народ. Но долговременное употребление так укоренило некоторые названия, что редко кто знает народы *нахчий, адиге, картвелы* и т.д., тогда как они известны всем под неправильными именами чеченцев, черкесов, грузин и т.д. Вследствие этого, в изложенном ниже обзоре этнического состава населения Кавказского края сохранены общеупотребительные названия, но вместе с тем указаны и те, которые каждый народ дает сам себе.

Русские занимают сплошь более или менее значительные пространства только на Северном Кавказе и именно в губернии Ставропольской, областях Терской и Кубанской и в Черноморском округе. В закавказских провинциях немногочисленные русские села разбросаны среди инородческого населения. Основание первого русского поселения относят обыкновенно к 1568 г., когда, по приказанию царя Ивана Грозного, воеводы его князь Андрей Бабичев и Петр Протасьев поставили при устье р. Тюмени, одного из рукавов Терека, город или крепость Терки для защиты черкесского князя Темрюка от притеснений шамхала тарковского. Это первое, исторически известное, русское поселение у подошвы Кавказа, которое не исключает возможности и вероятности более раннего водворения вольных русских людей в этих отдаленных и неизвестных в то время странах. С тех пор русское пришлое население занимало постепенно привольные места, лежащие при северной подошве Кавказа. Заселение происходило отчасти добровольно или самовольно, отчасти по распоряжениям правительства и частных лиц, переводивших своих крепостных людей на пожалованные им свободные земли.

Ход русской колонизации Кавказа изложен в особой главе, здесь же необходимо сказать несколько слов о тех элементах, которые вошли в состав кавказского русского населения. За исключением сибирских и, может быть, самых северных и западных губерний Европейской России, все остальные содействовали более или менее колонизации Предкавказья. Наибольшее число поселенцев дали губернии средней и южной полосы, но точных сведений о количестве людей, данных каждой из них в отдельности, к сожалению, не имеется. Во всяком случае русское население Предкавказья представляет, в этнографическом смысле, значительную пестроту, которая не успела еще всюду изгладиться. Наибольшим единством отличается казачье население бывшей Черномории, входящей ныне в состав земель Кубанского войска. Черноморцы, как известно, происходят от запорожцев, среди которых малороссийский элемент играл преобладающую роль. Язык, нравы и обычаи своего племени сохранили они до сих пор. В бывшем линейном казачьем войске успел сложиться, местами, своеобразный этнографический тип. В этом отношении обращает на себя особенное внимание население станиц Кизляро-Гребенского полка, самого древнего по времени поселения на Кавказе. Здесь, вследствие смешения с горцами и под влиянием условий жизни и быта, выработался из русского населения особый физический тип, своеобразные нравы и обычаи. Тип этот не поддается описанию, вследствие отсутствия антропологических измерений, но особенности его резко бросаются в глаза каждому наблюдателю при сравнении напр. казаков червленских с казаками соседних, но более молодых станиц. Червленские женщины, славящиеся красотой и бойкостью, имеют в своем складе несомненные горские черты.

Русское сельское население Закавказья состоит почти исключительно из сектантов (молокан, духоборов и др.), или высланных из внутренних губерний по распоряжению правительства, или переселившихся добровольно в половине сороковых годов. Они водворены в губерниях Тифлисской, Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской. Несмотря на неблагоприятные в почвенном и климатическом отношениях места, отведенные для поселения некоторым из этих сектантов, все они достигли значительного материального благосостояния и дали большой прирост. Главное занятие их — извозный промысел. С присоединением к России Карсской области часть закавказских сектантов перешла в нее и образовала несколько селений. Там же водворились и еще продолжают водворяться русские выходцы из внутренних губерний. Незначительные русские поселки находятся также в Черноморском и Сухумском округах. Сверх того, русские составляют более или менее значительную часть населения во всех почти городах Кавказского края, а также в слободках и штаб-квартирах, при которых водворялись отставные солдаты.

Осетины живут на Владикавказской плоскости и по обоим склонам Главного хребта: в ущельях Терека и его притоков Ардона, Фиагдона, Гизельдона и Уруха на северном склоне и Лиахвы, Ксана и Арагвы на южном склоне. Владикавказская плоскость занята ими только в недавнее время, уже после водворения русской власти на Северном Кавказе. Все осетинское население делится на несколько обществ: ущелья Уруха и его притоков заняты *дигорцами*, ущелье Ардона — *алагирцами*, по ущельям Саудона и Фиагдона живут *куртатинцы*, по Гизельдону, его притокам и по левой стороне ущелья Терека — *тагаурцы*. Южные, или закавказские, осетины известны у северных под именем *туальта*. Осетинский язык принадлежит к иранской ветви арийского семейства языков.

Ближайшие родственники его — языки персидский, курдский и афганский. Он распадается на три наречия: *ирское* или *тагаурское*, на котором говорят общества тагаурское, алагирское и куртатинское; *дигорское* — у обитателей ущелья р. Уруха (Ирафа) и *туальтское* — на южном склоне Главного хребта, представляющее собой в сущности только говор или поднаречие иронского. Соответственно этому осетины называют себя: одни *дигорцами*, другие *иронами*, или *ир*, третьи — *туальтцами*. Общего имени они не имеют. У грузин осетины называются *осси*, страна их *Осети*, откуда наши *Осетия* и *осетины*. В русских летописях они часто упоминаются под именем *ясов*, а у средневековых путешественников западной Европы — *аланов* или *асов*.

Названия урочищ и некоторые исторические указания удостоверяют, что еще в средние века осетины занимали предкавказские степи до р. Дона, название которого означает в осетинском языке реку или воду, но были отодвинуты с плоскости в горы более сильными кабардинцами. Эти последние считали осетин своими подвластными и передали им многие особенности своего общественного

устройства. Время перехода части осетин на южную сторону Главного хребта неизвестно. Здесь они находились в зависимости от грузинских князей, которая впоследствии превратилась в крепостное состояние. Официально осетины считаются христианами и мусульманами, но в действительности в верованиях как тех, так других значительнейшую часть составляют чисто языческие представления. Христианство распространено преимущественно на плоскости и у туальтцев; дигорцы и тагаурцы придерживаются учения Магомета.

Из всех известных народов, принадлежащих по языку к иранской ветви, осетины проникли всего далее на северо-запад от главного местожительства иранских народов, но, к сожалению, древняя история их до настоящего времени неизвестна и только от будущих исследователей можно ожидать удовлетворительного ответа на вопрос: когда и каким путем народ этот, отделившись от своих родичей, пришел на Кавказ и поселился среди племен, не имеющих с ним ничего общего по языку. В последние годы осетины обратили на себя особенное внимание лингвистов и этнографов. Язык их достаточно исследован акад. Шегреном и проф. В.Ф. Миллером. Собрано значительное число замечательных, так называемых *нартовских* сказаний, изображающих деяния осетинских *нартов* (богатырей). Общественный строй и обычное право осетин исследованы проф. М.М. Ковалевским в связи с правом других арийских народов.

Талышинцы и *таты* обитают в восточной части Закавказья и по прибрежью Каспийского моря. Первые занимают Ленкоранский уезд, так называемый Талыш, вторые составляют почти сплошное население в Бакинском, северной части Шемахинского и южной части Кубинского уездов. Отдельные поселения их доходят до Дербента. Язык татов есть наречие ново-персидского. Талышинский также близок к этому последнему и, быть может, составляет только его наречие. Татским же языком говорят и евреи Дагестана и Бакинской губернии. Талышинцы и таты исповедуют мусульманство шиитского толка. Название *тат*, как кажется, не есть этническое, т.е. не означает известного народа, а определяет только образ жизни и социальное положение. На джагатайском наречии тюркского языка это слово имеет значение подданного, живущего или служащего у вельможи. Тюркские племена, гордившиеся своим кочевым бытом, давали название татов всем порабощенным ими народам, ведшим оседлый образ жизни. Известно, что так называемые береговые крымские татары резко отличаются по физическому типу и образу жизни от степных татар северной части Крыма. Они принадлежат несомненно к средиземной расе и, по всей вероятности, представляют собой остатки бывшего оседлого населения южного берега (греков, готов, итальянцев и т.д.), принявшего мусульманство и тюркский язык под давлением завоевателей. Хотя у нас они, как мусульмане, называются татарами, но сами татары дают им презрительное название татов. Таково же, надо полагать, происхождение имени тат, данного тюркскими племенами оседлому иранскому населению восточного Закавказья.

Курды называются иногда, особенно в официальной переписке, *куртинами*. Главная масса кавказских курдов живет в пограничных с Персией и Турцией уездах Елисаветпольской и Эриванской губ. и Карсской области. Отдельные кочевья встречаются около озера Гокча, гор. Ардагана и в Батумском округе при устье Чороха. Курды известны с древнейших времен как обитатели Мидии, нынешнего Курдистана. Оттуда распространились они по древней Великой Армении, вытеснив из некоторых частей ее армянское население. Занимаются преимущественно скотоводством и только незначительная часть перешла к земледелию. Отличаются мужеством и храбростью, но склонны к разбоям и грабежам и потому представляют собой очень беспокойное пограничное население. Разделяются на множество отдельных родов, ведущих постоянно междоусобные распри. Курдский язык, принадлежащий к иранским, распадается на наречия *курманджи* и *заза*. Большинство закавказских курдов принадлежат к мусульманам-суннитам, а незначительная часть, называемая *езидами*, причисляет себя к особой секте. Правоверные мусульмане относятся к этим сектантам с большим отвращением и дают им презрительные названия *чертопоклонников* и *чирах-сондеран*, т.е. гасителей светильников. Сущность религиозных верований езидов до сих пор не исследована с достаточной ясностью. Известно, что все езиды, как русские, так и турецкие, имеют светского и духовного начальников и наследственных жрецов, разделяющихся на четыре степени. Признают бытие высшего существа и не произносят хулы против шейтана (сатаны), считая его падшим ангелом, который рано или поздно приобретет прежнюю милость и вновь займет первое место у высшего существа. Вследствие этого езиды избегают произносить имя шейтана и заменяют его словами *инсан* (человек) и *рахман* (всемилостивый). Величайшим пророком езиды признают некоего шейха Ади, могила которого находится при сел. Баадри или Байзра близ Моссула в Месопотамии. Здесь совершаются главные религиозные церемонии, в которых первую роль играет так называемый *мелек-тауз*, т.е. князь-павлин, — медное изображение павлина или птицы на медной же подставке, имеющей вид подсвечника. По объяснению езидов, мелек-тауз не есть изображение божества, а символ или знак светского главы секты, по словам же мусульман, это есть изображение шейтана. Все религиозные церемонии совершаются пред мелек-таузом. Езиды неохотно посвящают иноземцев в свои верования и обряды. Мусульмане, в своем презрении к ним, утверждают, что во время религиозных церемоний езиды тушат огни и предаются чудовищным оргиям. Отсюда и прозвище чирах-сондеран. Насколько ныне известно, в верованиях езидов можно усмотреть следы сабеизма, христианства, гностицизма,

манихеизма и магометанства. Езиды, обитающие в пределах Закавказья, ведут полуоседлый образ жизни, занимаются земледелием и не так склонны к разбоям, как кочевые курды-мусульмане.

Армяне называют себя *гайями* или *гайканами*, по имени своего мифического родоначальника Гайка. Грузины именуют их *сомехи*. Русское название заимствовано с запада; оно употреблялось греческими писателями еще со времен Гекатея и Геродота. Иногда армянские писатели называют свой народ *торгомосианами*, в предположении, что мифический Гайк был потомком библейского Торгомы или Фогармы, внука Иафета.

В пределах Кавказского края главная масса армян находится в Эриванской губ., где они составляют немного более половины (52 %) всего населения. Армяне-земледельцы живут и в других губерниях восточного Закавказья и в Карсской области, а ремесленники и преимущественно торговцы рассеяны по всем городам и многим селениям Кавказского края. Не все кавказские армяне принадлежат к коренным жителям края. Со времени водворения русской власти на Кавказском перешейке, под защиту ее несколько раз переселялись армяне персидские и турецкие. В 1828 г., после окончания войны с Персией, перешло в наши пределы из Адербейджана и водворилось в тогдашней Армянской области (ныне Эриванская губ.) около 40 000 армян.

Сосредоточивая в своих руках капиталы, городские армяне монополизируют в свою пользу всю торговлю и промышленность края и держат в экономической зависимости земледельческое население. Но сила и значение, которыми они пользуются повсюду в передней Азии, основываются не на одной только торговле, а еще и на склонности их к образованию. Между городскими армянами редко можно встретить неграмотных. Армяне имеют свою национальную церковь, глава которой, патриарх или католикос, пребывает в Эчмиадзине. Религиозное единство заменило для них ту связь, которую они утратили с потерей политической самостоятельности и рассеянием народа. Вследствие этого, армянин, отказавшись от своей церкви, отказывается вместе с тем и от своей национальности.

Армянский язык принадлежит к арийским, но место его в этом семействе еще не определено окончательно. Лингвисты относили его прежде всего к иранской ветви, но новейшие исследования опровергают это мнение и дают основание считать его единственным в настоящее время представителем самостоятельной, ныне уже исчезнувшей ветви арийских языков, занимавшей среднее место между группами иранской и славо-литовской. Армянский язык распадается на несколько (до 12) диалектов. Один из них, так называемый *араратский*, сделался с четвертого века литературным языком Армении.

Вопрос об отдаленном прошлом армянского народа возник в научной форме только в последние годы, с первыми попытками чтения клинообразных надписей так называемой *ванской системы*, найденных в пределах древней Армении. Название это дано им вследствие того, что первые надписи подобного рода были скопированы в гор. Ване проф. Шульцом в 1827 г. Впоследствии они открыты в Эриванской губернии. Судя по сделанным до сих пор попыткам чтения этих надписей, можно ожидать, что окончательная дешифровка их прольет совершенно новый свет на историю и этнографию южного Закавказья и передней Азии.

Народы, принадлежащие к *иверской* или *картвельской группе*, занимают в пределах Кавказского края почти сплошь довольно обширную территорию, в состав которой входят бассейны Чороха, Риона и Ингура, верхнего течения Куры до впадения в нее Алгетки, бассейны Иоры и Алазани до их слияния.

В картвельской группе различают четыре языка: грузинский, мингрельский, лазский и сванетский. Большинство лингвистов признает их родственными между собой, но степень этого родства еще не определена. Вся группа стоит особняком в лингвистической системе, и попытки отыскать ей родичей оказались безуспешными.

Сванетским языком говорит небольшое горное племя, обитающее в верхних долинах рр. Ингура и Цхенис-цкали. Оно известно было еще классическим писателям под именем *сванов* или *суанов*. Название сванеты заимствовано нами от грузинского *Сванэти*, т.е. страна сванов. Жители верхней долины Цхенис-цкали подчинялись владетелям Мингрелии, почему и назывались дадиановскими сванетами. Долина верхнего течения Ингура делилась на две части: западная признавала над собой власть князей Дадишкилиани и называлась княжескою Сванетией, восточная — состояла из самостоятельных обществ и поэтому именовалась вольной Сванетией. Судя по значительному числу христианских памятников в Сванетии, надо думать, что население ее исповедовало прежде христианство. В настоящее время о нем остались только одни воспоминания в некоторых обрядах, получивших вполне языческую окраску. Язык сванетский очень мало исследован. Он не имеет алфавита.

Представители *лазского языка* живут в пределах Закавказья только в незначительном числе по левому берегу нижнего течения Чороха и к западу от его устья. Главная масса лазов обитает в Турции, в так называемом Лазистане.

Территория *мингрельского языка* не имеет резко очерченных границ. В общих чертах она может быть обозначена на востоке течением Цхенис-цкали, на юге Рионом, на западе Черным морем и на севере незначительной речкой Охурей или Охуры, впадающей в море севернее Ингура. Местные жители признают, впрочем, границей с этой стороны р. Гализгу, до которой простиралось владение Самурзакань. По восточной и южной окраинам своей территории мингрельский язык соприкасается с грузинским, а по северной с абхазским языком. В политическом отношении мингрельцы подчинялись туземным владетелям, носившим титул дадианов. Часть мингрельской территории между Ингуром и Гализгою составляла постоянный предмет раздоров между дадианами и владетелями Абхазии. Она называется Самурзакань, т.е. владение Мурзакана, который,

по народному преданию, был членом абхазского дома Шервашидзе и отвоевал эту страну у дадианов. Мингрельцы находились издавна под культурным влиянием Грузии. Географические названия показывают, что грузинский язык вытеснил во многих местах мингрельский. Так как этот последний не имеет письменности, то богослужение отправляется в Мингрелии на грузинском языке. Он же служит и для письменных сношений мингрельцев, хотя иногда употребляется только один грузинский алфавит, переписка же ведется по-мингрельски.

Вся остальная и притом значительнейшая часть территории, занятой картвельскими народами, принадлежит *грузинскому языку*, который на прибрежье Черного моря, в Гурии, врезывается клином между языками лазским и мингрельским. Область распространения его не имеет явственных очертаний, но во всяком случае она теперь значительно меньше, чем была прежде, до водворения в крае тюркских племен, вытеснивших или поглотивших во многих местностях грузинское население. Не более двух столетий тому назад грузинский язык господствовал во всем бассейне Чороха и по верхнему течению Куры, т.е. в округе Ардаганском, уездах Ахалцихском и Ахалкалакском. Приняв мусульманство, коренное население этих местностей забыло постепенно родной язык и заменило его турецким. Только в округе Батумском сохранился еще грузинский язык у жителей Аджарии, хотя и там мужчины умеют говорить по-турецки. Остатки грузинской речи сохранились также отчасти в Закатальском округе у так называемых енгилойцев.

Грузины называют себя *картвелами* или *картли*, страну свою *Сакартвело*. У классических писателей Грузия именуется *Иберией* или *Иверией*. В западной Европе общеупотребительно ныне название *Георгия*, происхождение которого до сих пор не выяснено. Наши названия *Грузия, грузины* происходят, вероятно, от тюркского *гюрджи*, значение которого неизвестно. Грузин разделяют часто на множество отраслей или племен: собственно грузин, имеретин, гурийцев, аджарцев, хевсур, пшавов, тушин и т.д. Во избежание недоумений, столь частых при запутанности этнографической номенклатуры Кавказа, необходимо постоянно иметь ввиду, что все эти подразделения составляют один грузинский народ, говорящий одним грузинским языком. Некоторые из перечисленных выше названий имеют значение территориальное или политическое: так, имеретины суть жители бывшего имеретинского царства, гурийцы — княжества Гурии, аджарцы — ущелья р. Аджарис-цкали и т.д. Тушины, пшавы и хевсуры суть грузины-горцы, сохранившие в труднодоступных ущельях центральной части Б. Кавказа свою независимость от феодальных владетелей старой Грузии. Пшавы и хевсуры упоминаются часто в грузинских летописях под общим именем *пховелов*. Мусульманские писатели называют их *кара-калканами* = черные щиты, вследствие чего Ананурская крепость на военно-грузинской дороге носила иногда название Кара-Калкан-кала. Все эти горцы, особенно хевсуры, представляющие во многих отношениях высокий этнографический интерес, признают себя христианами и вели всегда ожесточенную борьбу со своими мусульманскими соседями в Чечне и Дагестане. Но в действительности христианство выражается у них только в соблюдении некоторых обрядов, все же религиозные воззрения и понятия этих одичавших горцев чисто языческие.

В грузинском языке, единственном из всех языков картвельской группы, имеющем письменность, замечаются по местностям некоторые отличия. Но они не настолько значительны, чтобы можно было признать их наречиями; это говоры, которые до сих пор остаются неисследованными. Поэтому, с точки зрения лингвистической классификации, грузины должны быть признаны единым и нераздельным народом или племенем. Но вместе с тем нельзя отрицать, что под влиянием отчасти смешения с другими народами, отчасти образа жизни, некоторые части грузинского народа приобрели особые, только им одним свойственные типические черты в наружности, нравах и характере. Особенности эти легко заметны для привычного глаза, но научно еще не определены.

Отдаленное прошлое картвельских народов остается неизвестным. Исторические указания о грузинах (иберах) начинаются только около эпохи Р.Х. Судя по распространению грузин в историческое время, можно думать, что они пришли в Закавказье с юго-запада, от верховьев Куры и Чороха. Вопрос об этом еще не подвергался научному исследованию.

Западно-горскую группу, как уже было сказано, составляют абхазцы, убыхи и черкесы. Народы эти занимали приморский (юго-западный) склон Главного хребта от речки Охури на юге до Таманского полуострова на севере, а также обширную полосу земли, расположенную между Кубанью и Главным хребтом и далее по рр. Куме, Подкумку, Малке, Баксану и Тереку приблизительно до гор. Моздока. В настоящее время область распространения народов западно-горской группы не имеет уже означенных выше границ, вследствие выселения в Турцию значительнейшей части черкесов.

Абхазцы называют себя *апсуа*, страну свою *Апсне*. У классических, византийских и средневековых писателей они известны под именем *абазгов* или *авазгов*; в наших летописях называются *обезами*. У некоторых современных авторов они именуются *азега*; вероятно, это есть искаженное черкесское *адзеха* или *азеха*. Современное русское название заимствовано от грузинского *апхази*.

Абхазцы занимают ныне низменную полосу между предгорьями Главного хребта и Черным морем на пространстве приблизительно от р. Охури до Гагринской теснины. В недавнее время они распространялись и за Гагры до р. Хосты, но в 1864 г. население этой приморской местности, известной под грузинским именем Джигетии, почти поголовно ушло в Турцию. Нагорное пространство,

орошаемое верховьями рр. Бзыби и Кодора, было также занято абхазскими обществами *медозюй* (у нас назывались *медовееевцами*), *замбал* (цебельдинцы) и др., переселившимися в Турцию в 1864 — 66 гг. В неизвестную с достоверностью эпоху, которую акад. Гюльденштедт относит к 17 столетию, часть абхазцев, перейдя на северный склон Главного хребта, водворилась в верховьях Б. и М. Лабы, Зеленчуков, Урупа и др. рек, впадающих в Кубань. Они делились на несколько обществ или родов, у нас же были известны под именем *абазинцев* или *абаза*. После покорения Западного Кавказа значительная часть их ушла в Турцию, оставшиеся же в крае поселены главным образом в Баталпашинском уезде. По сведениям 1883 г., всех абазинцев считалось в Кубанской области 9747 д. об. п.

Абхазский язык, распадающийся на несколько наречий, замечателен в том отношении, что он, подобно языкам басков и американских индейцев, принадлежит к так называемым приставочным (агглютинативным) языкам. Из наречий исследовано только одно бзыбское бар. Усларом. Со времени переселения в Турцию джигетов наречие их не имеет более представителей на Кавказе.

Многочисленные развалины церквей, отличающихся нередко обширными размерами и прекрасной архитектурой, свидетельствуют наравне с историей о процветавшем некогда христианстве в Абхазии. Мусульманство начало распространяться в крае только со времени утверждения турецкой власти на восточном берегу Черного моря, т.е. во второй половине 16 столетия, когда турки построили крепость в Сухуме и поставили в ней свой гарнизон. Но учение Магомета не было в силах вытеснить окончательно христианские обряды и предания, точно так же как эти последние никогда не могли вполне заменить для абхазцев их языческие верования. В настоящее время часть абхазцев вновь обратилась к учению Христа. Необходимо заметить, впрочем, что это обращение более внешнее, так как верования их представляют и до сих пор странную смесь христианства и язычества. Политический строй Абхазии сложился, вероятно, под влиянием феодальных порядков грузинского царства, владевшего некоторое время юго-восточным прибрежьем Черного моря. В неизвестную эпоху Абхазия получила самостоятельных владетелей в лице князей Шервашидзе, называвшихся у абхазцев Чачьба. Полагают, что они происходят от наместников (эриставов) грузинских царей и утвердили свою независимость во время распадения Грузии. Народные предания о владетелях Абхазии не восходят далее начала 18 столетия. В 1810 г. Сефербей, приняв христианство, вступил в русское подданство. За владетелем было сохранено право внутреннего управления страной, так что в сущности его подданнические отношения к России выражались только в том, что русская власть поддерживала владетеля, в случае надобности, против враждовавших с ним фамилий. Такие отношения продолжались до конца 1864 г., когда владетель князь Михаил, за тайные сношения с турецким правительством, был удален из края, а в Абхазии, наименованной Сухумским военным отделом, введено русское управление.

Убыхи занимали часть прибрежья Черного моря к северо-западу от джигетов, приблизительно между реками Хоста и Шахе. Сами себя называли *пех*; русское название заимствовано у черкесов. Язык убыхов, по мнению Услара, должен считаться самостоятельным, хотя в некоторых отношениях он представляет сходство с абхазским и черкесским. Окончательного разрешения важного для этнологии западного Кавказа вопроса об языке убыхов едва ли можно теперь ожидать, так как немногочисленный народ этот переселился после событий 1864 г. в Турцию и рассеялся по М. Азии. На Кавказе осталась только горсть убыхов (по сведениям 1883 года, всего 80 душ об. п.), водворенных в черкесских аулах Кубанской области и, вероятно, в значительной мере забывших свой родной язык.

До покорения Западного Кавказа, когда прибрежье Черного моря было известно нам почти исключительно по слухам, относительно убыхов и их происхождения ходили самые странные рассказы. Иные полагали, что это потомки крестоносцев, выброшенных бурей на кавказский берег; по мнению других, убыхский народ составился из разных выходцев, в том числе из казаков-некрасовцев, вследствие чего в языке убыхов встречается много русских слов. Едва ли нужно говорить, что все подобные рассказы, как и следовало ожидать, оказались праздными вымыслами. Убыхи слыли самыми гордыми и храбрыми из всех горцев Западного Кавказа. В 1864 г., когда сопротивление закубанских черкесов было сломлено, отряды наши, наступавшие чрез Главный хребет для занятия приморского края, ожидали встретить сильный отпор со стороны убыхов. Но ожидания не оправдались, и убыхская земля была занята почти без выстрела.

Черкесы — многочисленное и воинственное племя, занимавшее прибрежье Черного моря от границы убыхских владений до Тамани, весь Закубанский край и земли, известные под названием Б. и М. Кабарды. До появления русских на Северном Кавказе черкесы пользовались также всем степным пространством от Кубани до Манычской низменности и простирали свою политическую власть до самых устьев Терека.

Черкесы называют себя *адиге*, в наших летописях они упоминаются под именем *касогов*, заимствованным нами, вероятно, у осетин, которые и ныне еще называют кабардинцев *касагами*, а кабардинскую плоскость *касажским полем*. Для объяснения общепринятого ныне названия *черкес* было сделано множество попыток, но ни одна из них не может быть признана удовлетворительною. Вероятнее всего, что это слово имеет связь с названием *керкет,* которое древние географы (Скилакс, Страбон, Плиний) давали обитателям кавказского берега Черного моря. Есть основание полагать, что генуэзские купцы, основавшись на Кавказе, возобновили классическое название керкет в итальянской формы circassi, откуда и возникло турецкое *черкес*, распространившееся по всей Европе и М. Азии. Со времен Страбона, за обитателями восточного побережья Черного моря утвердилось у классических писателей еще название *зихов*, имеющее много вариантов и заимствованное, вероятно, у абхазцев. Оно встречается у итальянских писателей до 16 столетия в форме zychi.

Черкесы распадаются на несколько групп, которые называются обыкновенно племенами, хотя только немногие из них (кабардинцы, бесленеевцы, абадзехи) служат представителями отдельных наречий и говоров адигского языка. Поэтому было бы, может быть, правильнее признавать среди черкесов только

3—4 племени или народа, а остальные подразделения называть обществами или союзами. Но термин «черкесские племена» сделался таким обычным, что теперь трудно избежать его употребления.

Образ жизни, нравы и политическое устройство черкесов стали известны нам только с тех пор, как ход событий на Северном Кавказе привел нас к столкновению с этими племенами. Некоторые сведения о них сохранились также у путешественников, посещавших Черкессию в 16 и 17 столетиях. О временах более отдаленных существуют только отрывочные сведения. Известно, что под влиянием Византии черкесы приняли христианство и отказались от него в пользу учения Магомета только в начале прошедшего или в конце 17 столетия, когда турки из политических видов начали усиленную проповедь мусульманства среди горцев Западного Кавказа. О бывшем в Черкессии христианстве свидетельствуют и до сих пор остатки храмов и других христианских памятников в ущельях Закубанского края. Судя по составленным в сороковых годах текущего столетия описаниям религиозных верований и обрядов черкесов, надо думать, что некоторые племена сохранили воспоминание об учении Христа до последнего дня своего пребывания на Кавказе. Прибрежные черкесы, менее других подвергавшиеся турецкому влиянию, поклонялись крестам, воздвигнутым среди священных рощ, и совершали перед ними жертвоприношения в честь языческих божеств. Война черкесов против нас никогда не имела в их глазах того религиозного характера, который был придан ей горцами Чечни и Дагестана под влиянием фанатических учений. Шамиль несколько раз посылал своих наибов для распространения мюридизма на Западном Кавказе, но проповедь равенства всех мусульман и обязательности для них беспрекословного подчинения воле имама и его наибов не могла иметь прочного успеха среди черкесских племен, так как требовала коренного изменения их социального строя и порядка ведения и решения общественных дел. Известный Магомет-Амин, проведший в Черкессии десять лет (1848—59 гг.) в качестве шамилевского уполномоченного, употребил величайшие усилия для соединения адигских племен под знаменем мюридизма, но успех далеко не соответствовал его энергии и замечательному организаторскому таланту. Черкесы очень неохотно и только уступая насилию отказывались от суда по обычаю (адату) и своих сословных прав. В 1859 г., после падения Шамиля, Магомет-Амин признал наконец дальнейшую борьбу с ними безнадежной и принес присягу на подданство вместе с абадзехами, среди которых деятельность его пользовалась наибольшим сочувствием и успехом.

Изложение общественного и политического строя черкесов может представлять теперь только научный интерес. Адиге имели свободные и зависимые сословия. У кабардинцев, о которых будет еще речь, успел выработаться из этих общественных элементов настоящий аристократический строй, у племен же закубанских (абадзехов, шапсугов, натухайцев) еще в половине прошедшего столетия произошла социальная революция, лишившая первенствующие сословия *пши* и *ворк* всех их преимуществ и уравнявшая их в правах с многочисленным средним сословием свободных людей *тльфекуатль*, называвшемся у нас неправильно *тхвохотль*.

Из черкесских племен, игравших более или менее выдающуюся роль в истории Кавказской войны, заслуживают внимания:

Кабардинцы, или *кабертай,* обитают в Б. и М. Кабардах. Прежде простирали свою политическую власть до устьев Терека и потому были первыми адигами, с которыми вступили в сношения русские при водворении своей власти на Кавказе. В те времена кабардинцы еще признавали себя христианами и охотно искали покровительства московских царей против турок и крымцев. Иван Васильевич Грозный, приняв в подданство кабардинцев, ласкал их, строил для них церкви и женился на черкесской княжне Марии Темрюковне. Но и крымские ханы употребляли все усилия для привлечения на свою сторону новых московских подданных посредством обращения их в мусульманство. Отдаленная Москва не могла, конечно, иметь такого близкого и действительного влияния на дела Северного Кавказа, как соседние и могущественные крымцы, и потому учение Магомета распространилось постепенно между первенствующими сословиями. Под его влиянием возникла легенда об арабском происхождении Инала, предполагаемого родоначальника всех кабардинских князей. Борьба с Крымом за политическое влияние на Кабарду составляет главное содержание истории наших дел на Северном Кавказе. Занимая земли по Тереку и имея в зависимости от себя все соседние горские племена: ингушей, осетин, абазинцев и горских татар по верховьям Чегема, Баксана и Кубани, кабардинцы владели всеми дорогами, ведущими с плоскости к наиболее удобному перевалу через Главный Кавказский хребет. Вследствие этого, сохранение дружественных к ним отношений получило для нас особенно важное значение со времени принятия Грузией русского покровительства. В изъявление особого своего благоволения к кабардинскому народу, императрица Екатерина Великая неоднократно жаловала ему Высочайшие грамоты. Такой чести никогда не удостаивались остальные горские племена Кавказа.

Выше было сказано, что общественный строй кабардинцев основывался на аристократическом принципе. Б. Кабарда принадлежала четырем княжеским фамилиям: Кайтукина, Бек-Мурзина, Мисостова и Атажукина. М. Кабардой владели фамилии Мударова и Таусултанова. Все сословия, как благородные (*ворк*), так и неблагородные (*пшитль*), подчинялись беспрекословно своему князю или предводителю (*пши*). С раздроблением княжеских родов и под влиянием мусульманства, власть князей начала разделяться: первоначально в делах управления принял участие народ посредством выборных представителей, а затем и духовенство. В последние годы независимого существования кабардинцев, общественные дела ведались валием и мехкеме. Звание валия принадлежало старшему по летам князю, который с помощью наиболее именитого лица из благородного сословия *тлакотлешь* управлял внешними и внутренними делами Кабарды. Мехкеме (т.е. собрание), составленное из духовенства и почетных ворков, с участием валия и его ассистента, чинило суд и расправу, а также согласием своим узаконяло постановление валия касательно введения новых и отмены старых обычаев (адатов).

Высокое значение кабардинских князей в народном мнении создало сложную систему этикета в отношениях между различными сословиями Кабарды. Страна эта была и теперь еще остается для горцев школой хорошего тона и манер. В прежнее время, когда существовал обычай *аталычества*, т.е. отдачи детей на воспитание в чужие семейства, черкесы и абхазцы охотно отправляли своих сыновей к кабардинцам. Все горцы Северного Кавказа, а за ними и казаки заимствовали из Кабарды форму одежды, вооружения, посадку на коне и т.д. и внимательно следят за всеми изменениями капризной кабардинской моды.

В 1867 г. был нанесен последний удар аристократическому строю кабардинцев, значительно пошатнувшемуся уже со времени подчинения их русскому управлению. В упомянутом году последовало освобождение всех зависимых сословий, положившее начало новому порядку вещей в Кабарде.

Абадзехи, составлявшие многочисленное и влиятельное племя, занимали бассейн р. Белой (Схагуаше). Название их означает *под-абхазцы*, т.е. живущие ниже абхазцев. Выше было уже сказано, что деятельность шамилевского наиба Магомет-Амина имела наибольший успех среди этого племени. В период окончательного покорения Западного Кавказа абадзехи были главными организаторами и руководителями сопротивления.

Бжедухи, или *бзедуг,* владели землями по левому берегу Кубани от р. Пшишь до р. Супсы. *Шапсуги* жили по обоим склонам Главного хребта, занимая на северной его стороне пространство между рр. Адагумом и Супсой, а на южной между рр. Пшадой и Шахе. *Натухайцы*, правильнее *ноткуадж* или *натхокоадж*, обитали на берегу моря от р. Пшады до Кубани и по левую сторону этой реки до границы шапсугов.

В период времени с 1858 до 1865 г. большая часть закубанских и приморских черкесов переселилась в Турцию. Общее число переселенцев определяют в 470000 душ. Оставшиеся в крае обломки племен выведены из гор и водворены аулами в Екатеринодарском, Майкопском и Баталпашинском уездах. В 1883 г. всех черкесов в Кубанской области считалось 56423 д. об. п. Судя по примеру прошлых лет, можно ожидать, что число это будет постоянно уменьшаться вследствие выселения в Турцию.

Восточно-горскую группу составляют многочисленные племена, обитающие в Дагестане, на прилегающем к нему южном склоне Главного хребта и по северному скату Андийского водораздела. Языки их обнаруживают несомненные признаки общности происхождения. К этой группе принадлежат чеченцы, горцы Дагестана и удины.

Чеченцы занимают северный склон Андийского водораздела и лежащую при подошве его равнину, орошаемую Сунжей и ее притоками. Точное обозначение пределов этого племени представляет некоторые затруднения. Северная граница определяется ныне течением Сунжи, но до 1840 г. чеченские аулы доходили до правого берега Терека. На северо-востоке чеченцы сталкиваются с кумыками и уже к северу от Качкалыковского хребта встречается смешанное кумыкское и чеченское население. Восточной границей племени может быть признана, как кажется, р. Акташ, отделяющая своими верховьями Аух от Салатавии, где говорят по-аварски. С юга область чеченского языка ограничивается Андийским водоразделом, хотя в Дагестане и существуют два чеченских аула.

В верхних долинах Аргуни и Ассы чеченцы сталкиваются с хевсурами. На западе они распространяются до военно-грузинской дороги. Небольшое число, около 500 душ, горных чеченцев (кистин) перешло на южную сторону Главного хребта и водворилось в долине Кахетинской Алазани, в ущелье Панкис. В недавнее время некоторые из этих переселенцев приняли христианство.

Территория, занятая чеченскими обществами, не имеет одного общего названия. Под именем Чечни подразумевается обыкновенно только плоскостное пространство, заключенное между Черными горами и Сунжею. Дремучие леса, покрывавшие прежде чеченскую землю, сохранились ныне только в горах. На плоскости они отчасти вырублены во время горской войны для открытия доступа в неприятельские земли, отчасти уничтожены самими туземцами для увеличения площади пахотных земель.

Все чеченцы именуют себя *нахчуой,* или *нахчий,* от чеченского же слова *нах* = народ, люди. Общеупотребительное ныне у нас название *чеченцы* появилось только в 17 столетии и дано всему народу по имени большого, ныне не существующего аула Чачан или Чечен, находившегося на р. Аргуни.

Чеченцев разделяют обыкновенно на горных и плоскостных. Кажется, что они говорят различными наречиями. Те из них, которые занимают верховья Ассы и Аргуни, называются обыкновенно заимствованным у грузин именем *кистов* или *кистинов*. Обитатели ущелий Камбилейки, Сунжи и Ассы обозначаются также именем *ингушей*, *галгаевцев* или *галашевцев*. Часть их, переселившаяся на плоскость, называется *назрановцами*. Все эти подразделения или, как их иногда называют, народы говорят одним и тем же чеченским языком, который был специально исследован Усларом.

Отдаленное прошлое чеченцев остается неизвестным. Влияние мусульманства в значительной мере вытеснило из памяти народной древние предания или же придало им ложную окраску. Подобно кабардинцам, чеченцы-мусульмане сочинили легенду о происхождении из Аравии мифического родоначальника своего Турпала. Лингвистика могла бы пролить некоторый свет на первобытную историю чеченского племени, но, к сожалению, ничего еще не сделано в этом отношении.

Некогда чеченцы, по крайней мере живущие по соседству с грузинами, были не чужды учению Христа. В горах между Тереком и Аргунью существуют до сих пор остатки церквей и других памятников христианства. Одна из подобных церквей в ущелье Ассы сохранила на себе следы грузинской надписи. Горные чеченцы (ингуши) и теперь еще не могут быть названы вполне мусульманами. Многие верования их сохраняют языческий характер, а обряды,

совершаемые ими в известные дни при развалинах церквей и часовен, показывают, что в старину они были знакомы если не с сущностью, то с внешней, обрядовой стороной христианского учения. Ислам начал усиленно распространяться в Чечне только в начале прошедшего столетия, и с тех пор плоскостные чеченцы сделались самыми ревностными мусульманами. Из их среды вышел известный пророк Шейх-Мансур[1], поднявший против нас в конце прошедшего столетия всех горцев Северного Кавказа. Впоследствии, когда в Дагестане распространился мюридизм и началась проповедь газавата, чеченцы были главным оплотом и поддержкой имамов и особенно Шамиля, находившего у них верный приют в трудные минуты своей политической деятельности. Падение власти Шамиля началось с того времени, когда с нашей стороны появилось сознание, что путь к покорению Дагестана ведет через Чечню. Для открытия этого пути все усилия наших войск, в последние годы борьбы с мюридизмом, были направлены к проложению широких просек через неприступные чеченские леса. В 1863 году среди чеченцев возникло и быстро распространилось фанатическое учение *зикра*[2], грозившее одно время нарушить спокойствие всего края. Наконец, в 1877 году, в последнюю турецкую войну, легковерный, восприимчивый и воинственный чеченский народ первый поднял знамя восстания против русской власти во имя ислама и своим примером увлек население Дагестана.

Общественный строй чеченцев резко отличается от строя горцев Западного Кавказа в том отношении, что у них нет и, как известно, никогда не было разделения на сословия. Они все *уздени*, т.е. свободные люди. Единственный зависимый класс составляли рабы, но это были пленники, захваченные во время набегов. В былое время чеченцы вели большую торговлю рабами, сбывая их в Эндери (Андреево) и в Анапу для вывоза в Турцию. Весь чеченский народ дробится на множество отдельных обществ или союзов. Сохранив родовой быт, чеченцы сохранили, несмотря на сильное влияние мусульманства, все свойственные этому быту учреждения: ответственность рода за каждого из своих сочленов, третейский суд по обычаю (адату) в случае столкновения и т.д.

В ближайшем родстве с чеченским находится так называемый *тушинский* или *тушский язык*. Название это, употребленное впервые акад. Гюльденштедтом и принятое последующими лингвистами, совершенно неправильно и уже не раз подавало повод к недоумениям. Дело в том, что тушинами называются, как было указано в своем месте, горные грузины, живущие по верховьям Андийского Койсу (Тушинской Алазани) и отчасти на южном склоне Главного хребта в верхней долине Кахетинской Алазани. В неизвестную, но вероятно очень отдаленную эпоху в верховьях Андийского же Койсу поселилось небольшое чеченское общество, называющее себя *бацби* (в единственном числе *бацав*). Гюльденштедт, хотя угадал родство их языка с чеченским, но назвал их тушинами, с которыми они живут совместно, но отличаются и по языку, и по происхождению. Бацби составляли прежде одно Цовское сельское общество, а ныне разделяются на два: Индуртское и Сагиртское, заключающие в себе 1500 д. об. п. Большая часть этих горцев перешла в недавнее время на Алазанскую равнину и поселилась близ сел. Ахмет. Язык бацби был исследован акад. Шифнером. Он происходит от чеченского, но в течение времени и под влиянием грузинского настолько разошелся с ним грамматически, что может считаться теперь не чеченским наречием, а отдельным языком.

Под именем *лезгин,* или *лезгов,* известны ныне у нас многочисленные горские племена, населяющие Дагестанскую область и, отчасти, южный склон Главного хребта. Название это в высшей степени неправильно, так как может дать повод к предположению, что дагестанские горцы, подобно черкесам и чеченцам, составляют один народ, говорящий различными наречиями одного и того же языка. Между тем, в Дагестане существует не менее шести самостоятельных, хотя и родственных между собой языков, раздробляющихся сверх того на множество наречий. Название лезгин заимствовано нами, как кажется, у грузин, которые обозначают соседних с Кахетией дагестанских горцев общим именем *леков*, а страну их *Лекети*. Лек, в свою очередь, представляет, вероятно, грузинскую форму названия *лак*, которое дают себе кази-кумухцы, часто тревожившие в прежнее время Грузию своими набегами. Название лезгин прилагалось прежде и у нас преимущественно к южным дагестанцам, а северные, пограничные с линией, были более известны под именем тавлинцев.

В общем обзоре было уже сказано о великих заслугах барона П.К. Услара в исследовании горских языков. Замечательные труды его дают ныне возможность набросать верную этнографическую картину Дагестана. Необходимо только постоянно иметь в виду, что в этой стране единство языка очень часто не совпадает с политическим единством. Население, в силу разных условий, дробилось здесь на множество обществ или союзников, слагавшихся нередко из представителей различных языков и потому изображавших собою народы в смысле политическом, но не этнологическом. Вследствие этого в очерке этнографии Дагестана удобнее говорить о распределении по стране языков и затем уже показывать, какие народы или общества входят в состав каждой из лингвистических областей.

Аварский язык. Область его простирается в меридианном направлении через весь Дагестан от Чир-Юрта на Сулаке до Закатал, занимая нижнее течение Андийского Койсу, бассейны Аварского и Кара-Койсу и южный склон Главного хребта почти на всем протяжении Закатальского округа. С севера на юг область имеет до 160 в. в длину, а наибольшая ширина не превышает 70 в. Кроме того, небольшие участки аварского языка встречаются в верхнем бассейне Андийского Койсу (в Технуцале и Ункратле). Разделяя восточные языки Дагестана от западных и соприкасаясь с ними на границах своей территории, аварский язык приобрел в стране значение международного и употребляется при взаимных сношениях почти всеми разноязычными лезгинскими племенами и обществами. Племена, говорящие аварским языком, не имеют одного названия: каждое называет себя по имени общества, к которому принадлежит, или по главному селению. Наименование *маарулал,* которым они отличают себя от жителей низменных мест, значит в переводе горцы, от *маар* = гора, откуда *маарулмац* = горский (т.е. аварский) язык. Под именем аварцев были у нас первоначально известны только жители бывшего аварского ханства, но теперь название это прилагается безразлично ко всей совокупности обществ, говорящих на аварском языке. В таком обширном значении употребляется оно и в настоящем очерке.

История Дагестана известна только со времени распространения в нем ислама, принесенного на Кавказ арабами в восьмом столетии нашего летоисчисления. События, предшествовавшие этой эпохе, едва ли будут когда-нибудь открыты, так как мусульманство почти изгладило из памяти народной воспоминания о языческих временах. Отдел лингвистики, называемый палеонтологией языка, обладает средствами для проникновения в доисторическое прошлое народов, но языки Дагестана еще не исследованы в этом отношении. Некоторые слова и выражения аварского языка, в связи с отрывочными преданиями, дают основание думать, что некогда аварцы вели кочевой образ жизни на прикавказских равнинах. Какие-то события, вероятно, нашествие более сильных племен, заставили их податься к югу, в тесные ущелья нагорного Дагестана. Здесь приобрели они первенствующее значение и, подвигаясь вперед, расселились широкой полосой от Чир-Юрта до Главного хребта. В 17 столетии часть аварцев, воспользовавшись слабостью кахетинского царства, перешла на южный склон Главного хребта, в пределы нынешнего Закатальского округа, и подчинила себе местное грузинское и тюркское население. Аварцы эти известны под именем *Джарских лезгин*.

Многие писатели пытались отождествить кавказских аварцев с теми аварами или, по нашим летописям, обрами, которые водворились на берегах Дуная в половине шестого столетия. Но для такого отождествления не имеется до сих пор никаких данных, кроме сходства в названиях обоих народов. Аварцы Дагестана, как было уже указано, получили это имя от своих соседей кумыков.

Из всех аварских обществ наиболее важное значение имело всегда общество *Хунз* или *Хундериль-бо* (т.е. хунзахское войско), занимающее в самом центре Дагестана плоскую возвышенность вокруг Хунзаха, между Андийским и Аварским Койсу. Значение это обусловливалось как храбростью хунзахцев, так и географическим положением их страны: удобные доступы открываются с Аварской плоской возвышенности во все главные дагестанские ущелья. Хунзахцы состояли издревле под властью начальников, носивших титул нуцалов, которым многие окрестные общества платили подать и давали вооруженную помощь. Арабы, завоевав Дагестан, подчинили себе, после упорной борьбы, также и общество Хунз, но были вынуждены оставить его под властью нуцалов, тогда как в других частях страны местные правители были заменены арабскими предводителями из числа потомков Магомета. Вследствие этого, во мнении правоверных мусульман, нуцалы Аварии, несмотря на их политическое могущество, всегда стояли ниже других дагестанских владетелей, ведущих свое происхождение от дядей пророка. Дальнейшая история Аварии почти совершенно неизвестна до начала 18 века. В это время аварские правители, заменившие титул нуцала званием хана, играли первенствующую роль в нагорном Дагестане и своими набегами наводили страх на все Закавказье. В половине прошедшего столетия ханы ширванский, шекинский, бакинский и дербендский, паша ахалцихский и грузинский царь Ираклий II должны были покупать спокойствие своих владений ценой значительной дани, наложенной на них Омар-ханом Аварским. Появление русских войск за Кавказом и в Прикаспийском крае положило предел разбойническим подвигам властителя Аварии: 7 ноября 1800 г. Омар-хан, вторгнувшийся в Кахетию, был разбит наголову генерал-майором Лазаревым на берегу р. Иоры. После смерти грозного хана, последовавшей в 1801 г., преемник его Султан-Ахмед-хан принял присягу на подданство России. Акт этот, конечно, не помешал ему возмущать против нас Дагестан и потому, после смерти его, было признано необходимым не допускать избрания ханов, неблагоприятствующих русским интересам. Дальнейшие события, касающиеся аварского ханства, изложены в обзоре Кавказской войны.

Аварцы, не подчинявшиеся хунзахским ханам, составляли несколько независимых или вольных обществ под управлением выборных старшин. Из числа этих обществ необходимо упомянуть об *Андаляле* по нижнему течению Кара-Койсу и о *Джурмуте* в верховьях Аварского Койсу. Джурмут вместе с соседними шестью обществами составлял особый Анкратльский союз. У грузин все горцы, живущие на северном склоне Главного хребта, в том числе и аварцы вольных обществ, были известны под общим именем *глуходар* = человек с голой или открытой грудью. Название это показывало бедность горцев, искавших заработков в благодатной Кахетии.

Лакский или *кази-кумухский язык*. Область распространения его может быть обозначена границами нынешнего Кази-Кумухского округа, т.е. бассейном Койсу того же имени. Внутри этих границ большая часть жителей говорит лакским языком, хотя имеются также аулы, населенные представителями иных языков: аварского, тюрко-адербейджанского и др. Жители незначительного сел. Арчи говорят своим особым языком, распространение которого ограничивается одним этим аулом.[3] С другой стороны, лакский язык употребляется и вне указанной выше области, а именно в некоторых селениях Даргинского округа.

Племя, говорящее лакским языком, называет себя *лак*, а страну свою *лакралкану*, т.е. место лаков. Подобно жителям Аварии, лаки всегда играли важную роль в Дагестане и опустошали своими набегами богатые долины Закавказья. История этого народа известна более или менее только с 777 г. нашего летосчисления, т.е. со времени принятия им учения ислама. Предание рассказывает, что жители главного лакского селения Кумуха, или Гумука, не только сами охотно приняли мусульманскую веру, но и распространяли ее между соседними племенами силой оружия, за что получили от арабов почетное прозвание *кази* или *гази*, т.е. воюющий за веру. С тех пор лаки приняли имя кази-кумухов, под которым известны ныне во всем Дагестане. Овладев страной лаков, арабский полководец Абумуслим поставил в ней правителем Шах-Баала, происходившего из потомков пророка, и дали ему титулы *шамхала*[4] и *вали Дагестана*. Это последнее звание (араб. *вали* = наместник, правитель) показывает, что кумухским владетелям подчинялись, сверх страны лаков, еще и многие другие дагестанские общества.

История шамхалов и их правления остается почти совершенно неизвестной до половины 17 столетия, когда они вступили в подданство московских государей. Еще ранее этого, а именно в конце 16 века, они перенесли свою резиденцию в Тарку, на берег Каспийского моря, а в Кумух переходили только на летние месяцы. Надо предполагать, что в это время власть шамхалов в нагорном Дагестане начала клониться к упадку. После смерти шамхала Сурхай-Мирза-хана (в 1640 г.) преемники его совсем покинули Кумух и владетельные права их над лаками выражались только титулом дагестанского вали и незначительными поборами. Вскоре кази-кумухцы совсем отложились от шамхалов и выбрали себе из потомков Шах-Баала особого правителя с титулом *хахлавчи*.[5] Главная обязанность его заключалась в сборе ополчения и начальствования над ним. В ближайшее управление народом он не вмешивался: каждое селение управлялось собственными выборными старейшинами, а дела духовные ведались главным кумухским кадием. Избрание хахлавчи совершалось представителями от всех лакских селений. Преимущество в выборе имел всегда старший в роде шамхальской фамилии, оставшейся в Кумухе. Впоследствии хахлавчи, принявшие в начале 18 столетия звание кази-кумухских ханов, успели расширить свою власть над народом и укрепить до некоторой степени преемство этого звания в своем нисходящем потомстве.

Из длинного ряда владетелей лакской страны в народе сохранилось воспоминание о хане Сурхае, прозванием *Чолак* (безрукий), правившем от начала до середины 18 столетия. В истории он известен разграблением в 1712 г. Шемахи, причем погибли почти все русские купцы, ведшие в столице Ширвани обширную торговлю. Происшествие это было, как известно, одним из главных поводов к персидскому походу Петра Великого. В памяти дагестанских горцев Чолак-Сурхай-хан знаменит как противник могущественного властителя Персии Надир-шаха, предпринимавшего с 1734 г. несколько походов в Дагестан для наказания непослушного хана. Горцы и теперь еще с гордостью вспоминают о поражениях, нанесенных ими грозному завоевателю Индии. Магомед-хан, сын Сурхая, наследовал энергию и воинственность отца своего. Он отнял у Фет-Али-хана Кубинского Кюру и Кубу, но должен был отказаться от них, когда для поддержания дружественного нам кубинского владетеля прибыл с Кавказской линии в Дагестан русский отряд под начальством генерала де-Медема. Магомед-хану наследовал в 1789 г. сын его Сурхай II, получивший под старость прозвище *кун-буттай* (по-лакски буквально «большой отец», т.е. дедушка), которое у нас нередко принималось за титул и писалось *хамбутай, хомутай, хан-бутай* и т.п. Долгая жизнь Сурхая исполнена самых разнообразных приключений. Продолжая политику своего отца, он постоянно стремился присоединить к бедному и бесплодному кази-кумухскому ханству богатые кубинские провинции. С этой целью он овладел кюринскими селениями и верхними обществами Самура, которые долго отстаивали свою независимость против его покушений. В персидский поход графа Зубова (в 1796 г.) Сурхай пытался оказать сопротивление нашей армии, но был разбит под Кубой генералом Булгаковым и вынужден принести присягу на подданство. Несмотря на то, он продолжал принимать прямое или косвенное участие во всех последующих враждебных действиях против наших войск. Вследствие этого было признано необходимым обеспечить более прочным образом южную часть Прикаспийского края от покушений на него со стороны честолюбивого и беспокойного кази-кумухского хана. В 1811 г. генерал Хатунцов, разбив скопище Сурхая, занял подвластные ему селения Кюры, а в следующем году образовано из них особое *Кюринское владение* и отдано в управление, на ханских правах, но под верховной властью русского государя, Аслан-беку, племяннику и непримиримому врагу Сурхая. Для обеспечения нового ханства со стороны Кази-Кумуха поставлен в сел. Курах русский гарнизон, а впоследствии (в 1815 г.) занято незначительным отрядом еще и сел. Чирах. Стесненный Сурхай поспешил изъявить покорность, но в 1813 г. бежал в Тавриз искать заступничества Персии. Возвратясь через год назад, он вновь утвердился в Кумухе, принял присягу на верность и опять изменил ей. Во второй половине 1819 г. генерал князь Мадатов, по приказанию генерала Ермолова, двинулся в Кумух для обуздания беспокойного хана. Сурхай предупредил кн. Мадатова, бывшего с отрядом в кюринском ханстве, и 19 декабря обложил Чирах, занятый батальоном апшеронского полка под командой штабс-капитана Овечкина. Но попытка взять укрепление не удалась, и Сурхай, угрожаемый с тыла ген. Ермоловым, должен был отступить. Трехдневная славная оборона Чираха прославила имена Овечкина и прапорщика Щербины, убитого при отражении штурма. В июне 1820 г. князь Мадатов двинулся в Кумух. Скопище Сурхая было разбито на перевале между Чирахом и Хозреком, и отряд наш вступил без боя в столицу ханства. По приказанию Ермолова, князь Мадатов объявил Сурхая низложенным и поставил в Кумухе ханом Аслан-хана, оставшегося вместе с тем и правителем кюринским. Престарелый Сурхай бежал в Персию и тщетно ходатайствовал у шаха о пособии войсками и деньгами. В 1826 г., воспользовавшись вторжением персиян в Карабах, он пробрался через Шемаху в Дагестан, в надежде привлечь на свою

сторону кази-кумухцев и получить помощь от Турции. Но попытка не имела успеха, и в следующем году 83-летний Кун-буттай окончил свою бурную жизнь в ауле Согратле, где и находится его могила.

Аслан-хан кази-кумухский и кюринский считается главным виновником распространения мюридизма в Дагестане. Наружно преданный русскому правительству, он покровительствовал ярагскому мулле Магомеду, проповеднику нового учения. На него же падает обвинение в тайном подстрекательстве Гамзад-бека к истреблению аварских ханов. Поводом к этому служили как личная ненависть Аслан-хана к ханше Паху-бике, так и желание получить Аварию в свое управление. Честолюбивые замыслы его осуществились: после гибели Паху-бике и ее детей, правительство наше назначило Аслан-хана правителем Аварии. Таким образом под его властью соединилась значительнейшая часть нагорного Дагестана. Резиденцией своей он избрал Кумух, а в Кюре и Аварии правили его наибы и наместники.

Дальнейшие сведения об истории кази-кумухского ханства изложены в обзоре Кавказской войны. После падения Шамиля из ханства образован округ того же имени. Кюринское ханство просуществовало до 1864 г.

Страна лаков совершенно безлесна и малопроизводительна. Удобные для хлебопашества земли расположены узкими полосами на дне ущелий и разбросаны небольшими клочками по уступам гор. Садоводство незначительно из-за суровости климата. Обширные горные луга могли бы питать летом значительные стада баранов, но недостаток зимних пастбищ стесняет развитие скотоводства. Не находя на родине достаточно средств для удовлетворения своих скудных потребностей, лаки по необходимости всегда искали и ищут на стороне способов к прокормлению. В старые времена они грабили богатые провинции Закавказья или принимали участие в усобицах в качестве наемных воинов. С умиротворением края эти источники дохода закрылись и лаки обратились к более мирным занятиям. Ежегодно более 10000 кази-кумухцев покидают в сентябре месяце свою родину и расходятся, в качестве лудильщиков, оружейников, чернорабочих и т.д., по всему Кавказскому краю, в землю Донского войска, Астрахань, Оренбург, Персию и Турцию. В мае они возвращаются домой для обработки своих полей.

Кюринский язык. Область распространения его определяется средним и нижним течением Самура, называемым по-кюрински *срединной рекой*, и текущим параллельно ему на север Гюльгары-чаем или Курах-чаем. Кюринское население начинается на Самуре в 20 в. ниже аула Рутул и занимает оба берега реки до самого устья, прерываясь в низовьях немногими тюркскими селениями. Верхняя долина Самура принадлежит неисследованным еще языкам *рутульскому,* или *михет,* и *цахурскому*. По словам туземцев, оба они сродни с кюринским. Область цахурского языка распространяется и на Елисуйское ущелье Закатальского округа. Точно так же и кюринский язык переходит отчасти из долины Самура на южный склон Главного хребта, в Нухинский уезд. На северной границе своего распространения кюринский язык соприкасается с языком табасаранским, на западе, в верховьях Курах-чая, с языком *агульским*, имеющим с ним некоторые черты сходства. Кюринский язык, по числу говорящих на нем, занимает в Дагестане третье место после языков аварского и даргинско-кайтахского.

Население, говорящее по-кюрински, не имеет ни для себя, ни для своего языка одного общего имени. Название *кюринцы* предложено Усларом только условно, ради удобства описания, так как в действительности оно принадлежит одним обитателям Кюры, составляющей часть области кюринского языка. Иногда кюринцы прилагают к себе название лезгин, заимствованное ими у окрестного тюркского населения. В этнографическом описании это название не может быть принято во избежание недоразумений, так как у нас оно дается безразлично всем дагестанским горцам.

Страна, занятая кюринцами, распадается в географическом отношении на три отдела, соответствующие нынешнему административному и бывшему политическому делению края: долину среднего Самура, правую и левую стороны его нижнего течения. Обитатели первого отдела, входящего ныне в состав Самурского округа, делились прежде, до подчинения России, на три независимых общества, управлявшихся выборными старшинами. Некоторые из кюринских селений этого отдела причислялись к рутульскому магалу, следовательно, находились в союзе с народом иноязычным. По имени главного селения Ахты, все кюринцы среднего Самура называются *ахтинцами*. На правой стороне нижнего Самура кюринский язык занимает полосу земли шириной почти до гор. Кубы. Но кюринцы не составляют здесь сплошного населения, а перемешиваются с адербейджанскими тюрками. В некоторых селениях природный язык одной части обитателей есть кюринский, а другой — адербейджанское наречие. Отдел этот подчинялся прежде кубинским ханам, а ныне входит в состав Кубинского уезда, образованного из бывшего ханства. Северные аулы кюринской территории, расположенной на левой стороне нижнего течения Самура, подчинялись некогда маасуму табасаранскому. Все остальное пространство этой территории между бывшим владением табасаранским и Самуром называется *Кюра* или *Кюре,* а обитатели его собственно *кюринцами*. Страна Кюра, легко доступная для соседей, долго составляла предмет раздоров и борьбы между владетелями Дербента, Кубы и Кази-Кумуха. В 1812 г. образовано из нее особое *Кюринское ханство*, история которого рассказана выше. В настоящее время бывшее ханство и южная часть Табасарани составляют Кюринский округ.

Обширная нагорная страна, отделяющая бассейн Сулака от Прикаспийского края, занята племенами или обществами, известными у нас под именем *даргинцев* и *кайтахцев*. С запада к ним примыкают лаки и аварцы, с севера и востока тюркские племена, с юга табасаранцы и агулы. По нынешнему административному делению, большая часть этой страны образует Даргинский округ, и только небольшие отрезки ее входят также в состав Темир-хан-шуринского, Кайтахо-Табасаранского и Кази-Кумухского округов.

Население страны, о которой идет речь, говорит многочисленными наречиями одного языка, не имеющего общего названия. Для удобства изложения, можно было бы назвать его *даргинско-кайтахским*. По имеющимся доныне скудным сведениям, все наречия этого анонимного языка могут быть соединены в три группы: *акушинскую,* наиболее распро-

страненную, *хайдакскую* и *буркунскую*. Из всех этих наречий, Услар успел исследовать только одно, принадлежащее к хайдакской группе и названное им *хюркилинским языком*, по имени сел. Хюрук (на наших картах Оракли или Урахли). Акад. Шифнер изменил это название на *хюрканский язык*.

Население, говорящее наречиями даргинско-кайтахского языка, никогда не составляло одного политического тела и не имеет общего наименования. Народ делит себя на несколько отделов, называемых *даргуа* или *даргва*. Назначение этого термина остается до сих пор неразгаданным, но во всяком случае он не основывается на лингвистических отличиях. Существует пять таких отделов или даргва: *Акуша-даргва,* или просто *даргва*, подразделяемая в свою очередь на пять обществ или табунов, в состав которых входит также несколько аварских и лакских селений. Эти пять обществ составляли издревле политический Акушинский союз, игравший по своей многочисленности важную роль в Дагестане. К его помощи или посредничеству обращались в случае нужды соседние народы и владетели. Каждое общество управлялось своим наследственным кадием, а во главе всего союза стоял акушинский кадий, живший в главном селении Акуше. Он пользовался большим значением в Дагестане. При торжестве избрания шамхала тарковского и объявления об этом народу, акушинскому кадию принадлежало почетное право возложения папахи на голову вновь избранного правителя. *Каба-даргва* до начала нынешнего столетия входила в состав владений уцмия кайтахского, а затем, после войны, продолжавшейся семь лет, присоединена к акушинскому союзу. *Уцуми-даргва* — совокупность всех земель, состоявших под властью уцмия кайтахского. У нас известна под общим именем *Кайтах* (правильнее Хайдак), который делится на верхний и нижний или *Кара-Кайтах*. В состав последнего входит также несколько кумыкских и тюрко-адербейджанских селений, лежащих на прикаспийской плоскости. Хайдакские наречия настолько отличаются от акушинских, что обитатели Акуша-даргва и Уцуми-даргва не могут свободно понимать друг друга. *Гвамур-даргва* составляла также часть владений уцмия, но получила особое название вследствие того, что управлялась всегда кем-либо из членов семейства владетеля. Большая часть жителей — кумыки. *Буркун-даргва* составляла некогда самостоятельное вольное общество, а в прошлом столетии завоевана Сурхай-ханом кази-кухумским. В составе этого отдела есть два агульских селения.

Кроме того, существует еще несколько обществ и селений, говорящих даргинско-кайтахскими наречиями, но не принадлежащих к перечисленным отделам. В настоящее время Акуша-даргва, Каба-даргва и отдельное общество Сюргя образуют Даргинский округ; Уцуми-даргва и Гвамур-даргва входят в состав Кайтахо-Табасаранского, а Буркун-даргва причислена к Кази-Кумухскому округу.

Жители Кайтаха гордятся тем, что они первые из горцев Дагестана приняли мусульманскую веру от арабских завоевателей. Правителем Кайтаха арабский полководец назначил Эмир-Гамзу из рода корейшитов (потомков пророка) и даровал ему титул *исми* (т.е. именитый), который впоследствии был искажен в *уцми* или *уцмий*. История потомков первого правителя Кайтаха остается совершенно неизвестной до прошедшего столетия, когда они вступили в непосредственные отношения с русскими во время персидского похода Петра Великого. В народной памяти сохранилось имя уцмия Рустем-хана, жившего в 12 столетии и составившего сборник народных юридических обычаев (адатов), которым и до сих пор руководствуются в Кайтахе при решении некоторых судебных дел. Первые уцмии жили в горном селении Кала-Корейше (= крепость корейшитов), потом перешли в Уркарах и, наконец, перенесли свою резиденцию в прикаспийскую плоскость в селение Маджалис и Янги-кент (= новое селение), образованное из военнопленных. Это постепенное передвижение с гор на плоскость может быть вероятнее всего объяснено ослаблением значения уцмиев среди горных племен, всегда дороживших своей самостоятельностью и неохотно подчинявшихся какой-либо внешней власти. После занятия в 1806 г. генералом Глазенапом Дербенда, кайтахский Адиль-уцмий поспешил присягнуть на подданство России, но в 1819 г. изменил и бежал в Аварию. После поражений, нанесенных кайтахцам кн. Мадатовым и разгрома союзников их акушинцев генералом Ермоловым при сел. Леваши 19 декабря 1819 г., достоинство уцмия было уничтожено прокламацией Ермолова от 12 января 1820 г. Для заведывания нижним Кайтахом был назначен особый пристав, а в верхнем или горном управление оставлено в руках выборных старейшин под наблюдением русской власти.

В верхнем Кайтахе находится замечательный аул *Кубачи*, о жителях которого распространено много странных рассказов. Полковник артиллерии Гербер, участвовавший в персидском походе Петра Великого, в сочинении своем о народах Дагестана сообщил известие, что предки кубачинцев были *франками*, т.е. европейцами, поселившимися в дагестанских горах в седьмом столетии. Рассказ этот, подхваченный молвой, принял у последующих путешественников более определенные формы. Одни утверждали, что кубачинцы родом из Генуи, другие считали их выходцами из Богемии или Моравии. Последнее обстоятельство так заинтересовало моравских братьев или гернгутеров, поселенных в Сарептской колонии на Волге, что в 1781 г. они послали в Кубачи двух депутатов для того, чтобы завязать сношения со своими кавказскими земляками и единоверцами. Летом 1782 г. посланцы возвратились в Сарепту и, конечно, привезли известие, что кубачинцы исповедуют ислам и не имеют ничего общего с моравскими братьями. Академики Гюльденштедт и Паллас, во время путешествий своих по Кавказу, собрали образцы кубачинского языка и нашли, что он имеет родство с наречиями акушинскими. Но ни исследования ученых академиков, ни отрицательные результаты поездки сарептских колонистов не могли поколебать веру в европейское происхождение кубачинцев. Молва не говорила более о выходцах из Моравии или Богемии, но с тем большей уверенностью утверждала, что в Дагестане существует колония генуэзцев, сохранивших даже свой итальянский язык. Паллас сообщает, что в его время в войсках Кавказской линии ходила молва, что один кубачинец, отправившийся на богомолье в Мекку, встретился случайно в Константинополе с венецианским матросом и мог свободно говорить с ним на своем итальянско-кубачинском языке.

Легенда о франкском происхождении кубачинцев сохранилась и до настоящего времени с легкими изменениями. Еще в 1866 г. один путешественник, лично посетивший сел. Кубачи, сообщил в печати, что хотя кубачинцы и говорят горским языком, но сохранили французские личные местоимения.

Кубачинский язык, к сожалению, не был подробно исследован Усларом. Во всяком случае теперь положительно известно, что он принадлежит к восточно-горской группе и, конечно, не имеет ничего общего с европейскими языками. Услар полагал, что этот мнимо-франкский язык есть не более как одно из акушино-хайдакских наречий. Что касается легенды о франкском происхождении кубачинцев, то теперь трудно разыскать время и причину ее возникновения. Некоторые исследователи, заслуживающие доверия, утверждают, что сами кубачинцы производят себя от франков и что таковыми считают их и соседние народы. Если они, как это нередко случается, не заимствовали от нас же легенду о своих франкских предках, то источник этого предания кроется, может быть, в двойственном значении самого слова *франк*. Известно, что на востоке, в том числе и всюду на Кавказе, франками называются не европейцы вообще, а только одни католики. Вероисповедное значение этого имени до такой степени укоренилось в передней Азии, что и туземцы, например армяне, принадлежащие к римско-католической церкви, отказываются от национальности и называют себя франками. Поэтому легенда о франкских предках кубачинцев может быть истолкована в том смысле, что они некогда исповедовали католическую веру. Прямых доказательств этого мы не имеем, но существование в 15 столетии католиков среди населения западного берега Каспия подтверждается назначением из Рима епископов в Прикаспийский край и неоднократным упоминанием в папских буллах о пропаганде христианства среди хайдаков. Иосафат Барбаро, бывший с 1471 до 1479 г. венецианском послом при персидском властителе Узун-Гассане, рассказывает в описании своего путешествия в Персию, что среди кайтахов встречается много христиан греческого, армянского и католического исповеданий. Ввиду этих сведений, высказанное выше предположение о значении названия франки, прилагаемого к предкам нынешних кубачинцев, заслуживает некоторого вероятия.

Кубачинцы не занимаются хлебопашеством, а промышляют торговлей и ремеслами, особенно же славятся на всем Кавказе отделкой оружия и всех его принадлежностей. Название их кубачи, или гувечи, происходит от тюркского слова *кубе* = кольчуга, панцирь, и показывает, что они издревле занимаются почетным в Азии ремеслом оружейников. Персияне называют их *зирех-геран* = делающие кольчуги. Такое же значение имеют и все названия, которые они сами себе дают (*ухбукан, аугвуган*) или получают от своих соседей. Кубачинцы управлялись всегда самостоятельно и не подчинялись уцмию, владения которого окружали их аул, крепкий положением и многолюдством.

Область распространения *табасаранского языка* определяется бассейном р. Рубаса, впадающей в Каспийское море. На севере язык этот соприкасается с хайдакскими наречиями, на юге с кюринскими, с запада к нему примыкает агульский язык, а на востоке область его отделяется от Каспийского моря прибрежной полосой, занятой тюркскими племенами. Табасаранский язык не имеет наречий; замечается только небольшое различие в говоре жителей северной и южной Табасарани. Вследствие близкого соседства и постоянных сношений с тюркскими племенами прикаспийской плоскости, табасаранцы усвоили себе их адербейджанское наречие и забывают понемногу свой родной язык. По замечанию Услара, «едва ли в целом свете найдется народ, который бы менее знал свой родной язык, чем табасаранцы. На нем говорят они, как бы на языке чужом и плохо выученном». Исследование этого вымирающего языка было последним трудом покойного кавказского лингвиста. Значение названия Табасарань неизвестно; жители плоскости выговаривают его иногда Табарасан.

Арабы, завоевав Прикаспийский край, поставили над табасаранцами особого правителя с титулом *мейсума* или *маасума*. В состав владений его входили также и пограничные с Табасаранью кюринские селения. В течение времени северная часть края вышла из-под власти маасумов и начала управляться самостоятельно выборными кадиями, известными под именем табасаранских. Право на избрание имели только потомки первого кадия, назначенного арабами для решения духовных дел.

У нас Табасарань делилась на *южную*, т.е. владение маасума, и *северную* или *вольную*, находившуюся под управлением кадия. Достоинство маасума уничтожено в 1828 г.

Предшествующие страницы посвящены описанию областей распространения пяти главнейших дагестанских языков, исследованных Усларом, и изложению кратких этнографических и исторических сведений о народах, говорящих этими языками. При этом было упомянуто мимоходом о предполагаемом родстве некоторых мелких языков, еще не подвергавшихся специальному исследованию: арчинском, гульском, рутульском, цахурском, кубачинском и др. Затем совершенно неизведанной лингвистической областью остается ущелье верхнего и среднего течения Андийского Койсу. Население его, если верить показаниям туземцев, говорит пятью различными языками. Весьма вероятно, что ближайший анализ низведет их на степень наречий одного и того же языка. В настоящее время начато исследование так называемого *Андийского языка* (Л.П. Загурским), но результаты этой работы еще не обнародованы.

Население ущелья Андийского Койсу делится на несколько обществ: *Анди, Карата, Ахвах, Багулал, Цеза* или *Дидо* и пр. Они занимаются преимущественно скотоводством и принадлежат, по своим обычаям и образу жизни, к числу самых грубых племен Дагестана.

В своем месте было уже замечено, что некоторые из Дагестанских народов (аварцы, кюринцы, цахурцы) перешли отчасти и на южный склон Главного хребта. Переселение их свершилось в сравнительно недавнее время, и они представляют собой только небольшие колонии, отделившиеся по тем или иным причинам от главной массы своих дагестанских соплеменников. Но кроме этих колоний, на южной стороне Главного хребта живет небольшой народ, который не имеет соотечественников в Дагестане, а между тем говорит языком, принадлежащим несомненно к восточно-горской группе. Народ этот — *удины* или *уды*, обитающие только в селениях Варташене и Ниже-Нухинского уезда. По всей вероятности они представляют собой по-

следние остатки обширного племени, утратившего постепенно свой язык и бытовые особенности под влиянием пришлых народов. Некоторые данные позволяют искать предков удинов в исчезнувшем народе агванов или албанов, который, по словам армянских летописцев, населял провинцию Агванию (Албанию классических писателей) в восточной части Закавказья и принял христианство от армян.

Еще в недавнее время удины занимали в Нухинском уезде несколько селений, которые ныне считаются татарскими. В самом Варташене значительная часть удинского населения забыла родной язык и заменила его татарским или армянским. В недалеком будущем можно ожидать совершенного исчезновения этого вымирающего народа.

Язык удинский был исследован акад. Шифнером. Он подходит ближе всего к кюринскому, но подвергся сильному влиянию татарского, а также усвоил себе много армянских слов. Варташенские и нижские удины принадлежат к православной и армяно-григорианской церквам.

Исторические судьбы горцев восточного Кавказа известны более или менее обстоятельно только со времени принятия ими учения Магомета. Описанию этого важного события, превратившего Дагестан из *жилища вражды*[6] в страну ислама, посвящено мусульманскими писателями несколько сочинений, знакомящих нас с тогдашним положением дел в прикаспийских странах. О доисламистском периоде истории Дагестана не имеется никаких письменных источников, кроме скудных указаний армянских летописцев. Устные предания горцев не восходят до этих отдаленных эпох. Магометанство старательно вытеснило из народной памяти все то, что напоминало о языческих временах. Таким образом, для познания отдаленного прошлого восточно-кавказских горцев остается пока единственный источник: их языки. Он хранит в себе богатый запас указаний на культурное состояние жителей Дагестана в доисторические времена и может дать ключ к решению загадочного вопроса о их первоначальной родине. К сожалению, богатый материал, представляемый для подобного рода исследований лингвистическими трудами Услара, еще ждет разработки. Некоторые попытки, сделанные в этом направлении, дали уже возможность навсегда опровергнуть долго господствовавшее мнение о роли Кавказского перешейка как моста, по которому народы Азии перешли когда-то в Европу. При описании области распространения аварского языка было упомянуто, что народ, называемый нами аварцами, по всей вероятности обитал прежде на степях Северного Кавказа и вел пастушеский образ жизни. Названия некоторых дагестанских урочищ показывают, что и даргинские племена занимали прежде северную часть Прикаспийского края, населенную ныне кумыками. По замечанию Л.П. Загурского, восточно-горские языки, имеющие общие названия для некоторых растений и животных умеренной полосы, не имеют таковых для растений и животных теплого климата и, по большей части, обозначают их или словами заимствованными, или же метафорическими и описательными выражениями. Если связать эти выводы с тем обстоятельством, что горские языки Кавказа не имеют родичей вне этой страны и образуют самостоятельные лингвистические группы, то становится вероятным предположение, что кавказские горцы суть только ничтожные остатки первобытных племен, которые занимали прежде обширные степные пространства к северу от Кавказа и были оттеснены в горные ущелья напором каких-то других, более сильных племен. Поэтому, выражаясь словами Услара, «Кавказ был не путем переселения народов, а *убежищем* народов, гонимых и истребляемых на равнине».

Труднодоступные ущелья Дагестана способствовали сохранению разнообразия местных языков и развитию их особенностей. Под влиянием суровой и бедной природы страны выработался тип умеренного в своих привычках, свободолюбивого, воинственного и сурового горца, бывшего долгое время грозой для жителей Закавказья. Дагестанцы, как и чеченцы, не имели сословий и не знали личной зависимости: они были все *уздени*, т.е. свободные люди. Поставленные арабами в некоторых частях края правители не могли никогда установить твердого преемства власти в своем нисходящем потомстве. Народ упорно удерживал за собой право избрания достойнейшего из числа всех наличных членов владетельского рода. Требовалось только, чтобы избира-

емый не был *чанка*, т.е. происходящим от неравного брака. Но и это правило не всегда соблюдалось: известны случаи, когда личные достоинства избираемого заставляли забывать о нечистоте его крови. Основанием общественного быта дагестанских горцев служит род (так называемый *тохум*), со всеми свойственными этой форме быта учреждениями: судом по обычаю, кровомщением и т.д. Вольные общества представляли собой союзы родов, иногда различного племенного происхождения. Для исследователей первобытных форм общественного строя изучение быта и учреждений дагестанских горцев представляет величайший научный интерес.

Народы монгольской расы, населяющие кавказский перешеек, принадлежат к двум отраслям урало-алтайского семейства языков: монгольской и тюрко-татарской. К первой причисляются калмыки, ко второй все остальные представители монгольской расы на Кавказе.

Тюрко-татарские племена представляют собой остатки бесчисленных азиатских полчищ, на-

воднивших некогда всю переднюю Азию и восточную половину материка Европы. Проникнув на Кавказский перешеек с северо-востока из-за Волги и с юго-востока из Персии, они завладели здесь всеми местами, которые представляли необходимые для степных кочевников удобства. Этим обстоятельством объясняется современное распространение тюркских племен на перешейке: они занимают степи Северного Кавказа, западное прибрежье Каспийского моря и все закавказские равнины и плоскогорья. Посреди этого тюркского моря возвышается, как остров, массив Большого Кавказа, при котором спаслись от полного порабощения картвельские и горские племена.

Тюркское население степей Северного Кавказа сохранило еще почти неприкосновенными типические черты своей расы и своего быта. Но на каспийском прибрежье и особенно в закавказских провинциях пришельцы в значительной мере утратили свой монгольский тип вследствие смешения с туземными племенами. Весьма вероятно, что многие из так называемых закавказских татар представляют собой в действительности коренных обитателей страны, заимствовавших от пришельцев только язык и религию. Этот процесс отатарения совершается и теперь на наших глазах во многих местностях Кавказского края. В своем месте было уже сказано о грузинах, превратившихся в турок, о табасаранцах и удинах, почти забывших свои родные языки и заменивших их тюрко-адербейджанским наречием.

Современное тюрко-татарское население Кавказа состоит из перечисленных ниже племен.

Турки (османлисы) обитают в юго-западной части Закавказья, именно в Карской области, Артвинском и Батумском округах, Ахалцихском и Ахалкалакском уездах. Можно полагать, что собственно турецкое население составляет в этих провинциях только незначительный процент, большинство же принадлежит к отуреченным грузинам. После присоединения к России Карсской области (в 1878 г.) значительнейшая часть мусульманского населения ее выселилась в пределы Турции. Оставленные ими земли заняты отчасти греками, вышедшими из разных мест М. Азии, отчасти русскими. Большинство последних происходит из русских (молоканских и духоборческих) селений Закавказья.

Среди мусульман Карсской области встречаются *туркмены* или, как их называют, *тараканцы*, наречие которых представляет отличия от языка османлисов.

Адербейджанские турки, называемые обыкновенно *закавказскими татарами*, составляют главную массу населения восточной половины Закавказья. Тюркское наречие их, подвергшееся сильному влиянию персидского языка, называется обыкновенно *адербейджанским*, по имени персидской провинции, пограничной с Закавказьем. Наречие это до сих пор не исследовано научным путем, равно не определена точным образом область его распространения. На западе оно соприкасается с наречием османли (турецким языком) населения Карсской области. Вверх по Куре оно доходит до Тифлиса, стоящего на рубеже грузинского и тюркского населения. В Прикаспийском крае адербейджанское наречие встречается близ Дербенда с наречием кумыков. Простота и доступность для изучения сделали адербейджанское наречие международным языком для всего восточного Закавказья. Каждый год оно делает новые захваты среди горцев Дагестана, влияя на туземные языки и вытесняя их мало-помалу.

Выше было уже сказано, что в состав закавказских татар вошли различные этнические элементы, связанные ныне общностью языка и религии. Только точные лингвистические и антропологические изыскания могут определить происхождение каждого из этих элементов. В некоторых местностях само население отличает себя особым именем. Так, татары Закатальского округа называют себя *мугалами*, но говорят адербейджанским наречием.

Закавказские татары, перешедшие в Карсскую область из пограничных губерний Закавказья, известны под именем *карапапахов*.

В отношении образа жизни закавказские татары представляют большие отличия, зависящие от местных условий и, быть может, от племенного происхождения. Некоторые живут совершенно оседло и занимаются земледелием и садоводством, другие сохранили в большей или меньшей степени кочевые привычки. По религии они принадлежат к двум главным исповеданиям ислама: суннитскому и шиитскому.

В политическом отношении татары восточного Закавказья составляли множество отдельных ханств, образовавшихся из обломков персидской монархии. С водворением русской власти за Кавказом эти ханства были одно за другим уничтожены.

Кумыки занимают северную часть дагестанского прибрежья Каспийского моря приблизительно от устья Терека до Дербенда. На западе они соприкасаются с чеченцами, аварцами и даргинцами. Южной границей распространения их считается Башлы-чай, впадающий в Каспий к северу от Дербенда. Здесь они сходятся с другими тюркскими племенами. Кумыкское наречие принадлежит к ногайской ветви тюркского языка. Научному исследованию оно еще не подвергалось.

Кумыки пришли в Прикаспийский край с севера, но неизвестно когда именно. Полагают, что событие это совершилось не ранее конца 12 столетия. До прихода кумыков западное побережье Каспия принадлежало хазарам, ведшим в течение нескольких веков упорную борьбу с персидскими сассанидами, а затем с арабами из-за обладания Дербендом. Нашествие племен монгольской расы разрушило могущественное Хазарское царство, и с тех пор хазары исчезли со страниц истории, оставив науке загадку своей национальности, религии и языка. В настоящее время большинство этнологов, историков и лингвистов относит этот исчезнувший народ к числу тюркских. Ввиду этого, исследование языка, быта и физического типа кумыков, непосредственных наследников хазарской территории, представляет величайший научный интерес. Нет сомнения в том, что в состав кумыкского народа вошли различные этнические элементы, в том числе и дагестанские горцы. По наружному виду кумыков можно причислить их к средиземной расе.

Кумыки подчинялись с давних времен особым владетелям, носившим титул шамхалов. В описании лакского народа было уже сказано о происхождении этих владетелей и о перенесении ими своей резиденции из гор на прибрежную плоскость. Здесь вступили они в сношения с русскими, водворившимися на устьях Терека, и упоминаются часто в старинных дипломатических актах под искаженным

именем шевкалов. В 1718 г., когда власть наша на Северном Кавказе была уже прочно установлена, шамхал Адиль-Гирей признал выгодным для себя вступить в подданство России. В персидский поход Петра Великого он оказал русскому корпусу важные услуги доставкой продовольствия и перевозочных средств, но вскоре изменил и предпринял осаду нашей крепости Св. Креста на Сулаке. По велению императора Петра он был схвачен и сослан в Архангельскую губернию, а достоинство шамхала упразднено и владения его присоединены к России. В 1732 г. шамхальские земли, вместе со всеми завоеваниями Петра в Прикаспийском крае, были возвращены Персии. В 1734 г. Надир-шах восстановил шамхальское достоинство и вручил его Хаспулату, сыну Адиль-Гирея. В 1776 г. шамхал Муртузали вновь вступил в русское подданство и с этого времени начинается непрерывная и неизменная верность русской державе тарковских владетелей, утверждавшихся в этом звании Высочайшими грамотами. В тридцатых годах шамхальская власть была ограничена известными правилами, за исполнением которых наблюдали русские офицеры, состоявшие при шамхалах в звании помощников. В 1867 г. Шамсудин-хан отказался добровольно от своих шамхальских прав по управлению народом и владение тарковское вошло в состав Темир-хан-шуринского округа.

В первые века существования шамхальства, оно заключало в себе все кумыкское население. Впоследствии некоторые части его отпали от зависимости тарковских владетелей и образовали самостоятельные политические единицы. В 16 столетии Кумыкская плоскость между Тереком и Сулаком и часть земель по правому берегу этого последнего поступили в надел Султан-Мута, сына Андия-шамхала. От него произошли нынешние кумыкские князья, которые в старину назывались у нас кумыкскими владельцами (костековским, аксаевским, андреевским и пр.) и причиняли большие хлопоты кизлярским комендантам своим своевольством и раздорами.

Около двух столетий тому назад несколько селений кумыкских и аварских, состоявших в зависимости от шамхала, добровольно отдались под управление некоего Мехти или Кара-Мехти (= Черного Мехти), принадлежавшего к членам кази-кумухского ханского дома. Таким образом, возникло *ханство Мехтулинское,* или *Мехтулла* (в переводе: мехтиевское). Оно состояло из 13 селений, расположенных в бассейне р. Манас. Главное из них, Дженгутай, было резиденцией ханов. Впоследствии мехтулинский ханский дом породнился с аварским, вследствие чего члены его правили несколько раз Аварией. В 1876 г. Решид-хан мехтулинский отказался от своих ханских прав и Мехтулла включена в состав Темир-хан-шуринского округа.

Подобно дагестанским горцам, кумыки не имели лично зависимых сословий, за исключением незначительного числа рабов из военнопленных и так называемых чагаров, зависимость которых происходила от пребывания на землях беков, потомков владетельных фамилий. Все остальное население было лично свободно и отбывало только некоторые, обычаем определенные повинности в пользу своих владетелей и членов их семейств.

Карачаевцы занимают верхнюю долину Кубани от истоков ее до бывшего Хумаринского укрепления. Тюркское наречие их до сих пор не исследовано; вероятно, оно принадлежит к ногайской ветви. Точно так же остается неизвестным, когда и какие причины заставили этот малочисленный народ покинуть степи и искать убежища в горных ущельях среди чуждых ему по происхождению племен. По одним преданиям, карачаевцы кочевали некогда около Крыма, по другим, они происходят от тех татарских орд, которые кочевали некогда на берегах Кумы и владели городом Маджары, лежащим ныне в развалинах. Соседство и сношения с абхазцами и кабардинцами обнаруживаются как в физическом типе карачаевцев, так и в их нравах, обычаях и одежде. По условиям местности и, быть может, по унаследованным привычкам, они до сих пор занимаются коневодством и скотоводством, чему способствуют прекрасные нагорные пастбища Главного хребта. Подчинение Карачая русской власти совершилось в 1828 г. после похода генерала Емануэля. До этого они находились в некоторого рода зависимости от князей Б. Кабарды, которые владели выходами из Карачаевской котловины на плоскость и потому заставляли карачаевцев платить себе дань за свободный пропуск на зимние пастбища.

К западу от карачаевцев, в верховьях Баксана, Чегема и Черека, живут небольшие тюркские общества, известные под общим именем горских татар. В частности, обитающие по Баксану называются *урусбиевцами*, по Чегему — *чегемцами*, по Урвану, левому истоку Черека — *безингиевцами*, по Череку — *балкарцами*. Подобно карачаевцам, они занимаются преимущественно скотоводством и состояли в зависимости от кабардинцев. Наречие и происхождение этих мелких мусульманских народцев до сих пор не исследованы.

Ногайцы обитают в степи между рекама Кумой и Тереком и при устье Сулака. Кроме того, небольшие поселения их находятся близ Пятигорска и при слиянии Зеленчука с Кубанью.

Нынешние ногайцы Северного Кавказа представляют собой только незначительные остатки многочисленных кочевых орд, владевших прикавказскими степями во время могущества Кипчакского царства. После присоединения Астрахани к России ногайцы поступили под верховную власть московских царей. Но и крымские ханы считали их своими подданными. Из этих двойственных отношений к Москве и Крыму возникли среди ногайцев усобицы, последствием которых были постоянные переходы кочевников с Волги и Терека на Кубань и обратно.

Когда Крымское ханство пало и владения его на Кавказе подчинились России, ногайцы, кочевавшие к северу от Кубани, были переселены частью в восточную половину Предкавказья, частью в Мелитопольский уезд. Мера эта вызывалась необходимостью удалить кочевников от влияния турок, пользовавшихся всеми случаями для возбуждения против нас населения Кавказа. Во время передвижения часть ногайцев успела бежать за Кубань к враждебным нам горцам. На оставленных кочевниками землях были водворены черноморские казаки.

В настоящее время ногайцы, считавшие во времена могущества Золотой орды подвластными своими все горские племена Северного Кавказа, составляют мирное население степей между Кумой и Тере-

ком. Они распадаются на несколько отделений, известных под именами *джембулуковцев, едисанцев, едишкульцев* и *кара-ногайцев*, а в административном отношении образуют особое Ачикулак-Джембулуковское приставство.

Ногайцы, живущие на Кубани и около Пятигорска, известны под именем *кубанских татар*. Они ведут оседлый образ жизни. В их физическом типе, нравах и быте проявляется значительное влияние кабардинцев и других черкесских племен.

К западу от ногайцев, по Калаусу и Восточному Манычу, находятся кочевья *туркмен*, называемых у нас неправильно *трухмянами* и *трухменцами*. Они кочевали прежде на полуострове Мангишлаке, но в 1630 г. покорены калмыками и приведены ими на прикавказские степи. Скотоводство составляет и теперь главное их занятие, но вместе с тем замечается наклонность к принятию оседлого образа жизни. Религия магометанская суннитского толка.

Среди ставропольских туркмен находится незначительное число *киргизов*, вполне усвоивших себе туркменские нравы и обычаи.

Калмыки занимают степь между Б. Егорлыком и озером Манычем. В первой половине 17 столетия они, под предводительством Хо-Урлюка прикочевали из Средней Азии к Уралу и приняли русское подданство. Затем перешли на правую сторону Волги и заняли кавказские степи, подчинив себе ногайские племена. Калмыцкие ханы оказали нашему правительству много услуг в деле установления русской власти на Северном Кавказе. Аюка-хан принимал участие в персидском походе Петра Великого, а Убаши-хан в военных действиях прошедшего столетия против закубанских горцев и ногайцев, подчинявшихся крымским ханам.

Поселенные ныне в Ставропольской губернии калмыки принадлежат к Большому Дербетовскому улусу. Они ведут кочевой образ жизни и исповедуют буддийскую религию. Язык принадлежит к монгольской ветви урало-алтайского семейства.

В настоящем обзоре перечислены только главнейшие народы, населяющие Кавказский перешеек. Кроме них, в различных местностях края обитают незначительные по числу представители различных пришлых племен. Одни из них вселились в недавнее время, после подчинения Кавказа России, другие в более или менее отдаленные эпохи. К первым принадлежат немцы, чехи, болгары, греки, эсты и пр., занявшие по вызову правительства свободные земли в крае.

Немцы поселены колониями в Ставропольской губ., Кубанской и Терекской областях, Тифлисской и Елисаветпольской губ., Сухумском и Черноморском округах. Старейшая из колоний, так называемая Шотландская, или Каррас, близ Пятигорска, основана в 1803 г. шотландскими миссионерами. Они вытеснены постепенно из этой колонии немцами, пришедшими из саратовских немецких поселений. Закавказские колонии (Тифлисской и Елисаветпольской губ.) основаны в 1818 г. выходцами из Виртемберга. Все остальные учреждены значительно позже.

Поселения *греков*, вышедших из М. Азии, находятся на Северном Кавказе в Кубанской обл. и Ставропольской губ., а за Кавказом в Черноморском и Сухумском округах, в Тифлисской губ. и Карсской области. В Тифлисской губ. они занимают местность Цалку в верховьях р. Храма.

К мелким племенам, издревле обитающим на Кавказском перешейке, относятся *евреи*, представляющие большой интерес в этнографическом и лингвистическом отношениях. Они сосредоточены главным образом в Прикаспийском крае и живут особыми слободками в Кубе и Дербенде. Полагают, что поселение их на Кавказе относится к очень отдаленным временам, быть может, к дохристианской эпохе. Они говорят татским языком. Сверх того, евреи живут в западной части Закавказья (в Тифлисской и Кутаисской губ.), где усвоили себе грузинский язык. На Кубани существует небольшое поселение евреев, вышедших из гор после выселения черкесов. Евреи Терской области происходят из Прикаспийского края. Все эти евреи называются обыкновенно *кавказскими* в отличие от тех, которые водворились в крае при русском правительстве.

Среди татарского и армянского населения Закавказья встречаются также оседлые и бродячие *цыгане*, известные в крае под именем *боша* и *карачи*.

Примечания

1. Ушурма, принявший имя Шейха-Мансура, был уроженцем сел. Алды в Чечне. Он начал свою деятельность в 1785 г., принимал участие в защите Анапы против Гудовича. После взятия крепости штурмом (в 1791 г.) попал в плен и умер в ссылке в Соловецком монастыре.

2. Проповедником *зикры* (собственно зикруллах — молитвословие, призывание, воспоминание имени Бога) явился чеченец Кунта-Хажи. Само учение не заключало в себе ничего особенного и было, вероятно, заимствовано у какой-либо из многочисленных мусульманских сект. Последователи его сопровождали пение молитв исступленной пляской и криками. Опасность зикры для нас заключалась в том, что она, подобно шамилевскому мюридизму, стремилась создать в Чечне свою особую администрацию из наибов, векилей и мюридов для достижения политических целей. Волнение, возбужденное среди чеченцев зикристами, пришлось подавить силой оружия.

3. По замечанию Услара арчинский язык приближается к аварскому.

4. Некоторые считают этот титул искажением имени первого арабского правителя, другие объясняют происхождение его тем, что дед Шах-Баала назывался *Хал* и был родом из провинции *Шам* (Сирии); по толкованию третьих, слово хал означает княжеский титул, следовательно, шамхал = сирийский князь. Все три толкования очень неудовлетворительны.

5. Название это производят от арабского *халх* = народ и лакского *лавай* = высший, превосходный.

6. *Даруль-харб* по-арабски город, или селение вражды, т.е. страна, жители которой не подчиняются мусульманской власти, не находятся с ней в союзе и не уплачивают определенного налога. В такой стране каждый мусульманин может лишить неверного жизни и имущества, не подвергаясь за это ответственности перед шариатом.

Текст печатается по изданию:
Вейденбаум Е. Очерк этнографии Кавказского края // Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. — Тифлис, 1888. — С. 64—129.

Е. Вейденбаум. **Исторический очерк распространения русской власти на Кавказском перешейке. Колонизация края и казачество**

Кавказ знаком русским с давних времен. Известия о сношениях с ним, мирных и враждебных, находим на первых страницах нашей начальной летописи. Под 965 г. Нестор отметил поход великого князя Святослава Игоревича против хазаров, ясов и касогов. Историки полагают, что последствием этого подхода было подчинение русской власти страны Тмутаракани на берегах Черного и Азовского морей. При распределении Владимиром Святославичем уделов между его сыновьями, Тмутараканское княжество досталось Мстиславу, сделавшемуся впоследствии (с 1024 г.) также и князем черниговским. С начала 12 столетия Тмутаракань перестала принадлежать Руси, и имя ее не встречается более на страницах нашей истории.

Мусульманские писатели сохранили нам много известий о грабительских набегах руссов на прибрежья Каспия и Закавказье в девятом и десятом столетиях: около 880, в 909—910, 914 и 943 годах. В поход 943 г. руссы поднялись на судах вверх по р. Куре и разграбили богатый гор. Бердаа, находившийся, как полагают, на месте нынешнего татарского сел. Барда на р. Тертере, в Джеванширском уезде. Подобные же нападения на богатые прикаспийские области повторялись неоднократно и во все последующие века. Из них наиболее известен набег, совершенный в 1668 г. Стенькою Разиным на южные побережья Каспийского моря.

Со времени монгольского нашествия знакомство Руси с Кавказом должно было значительно расшириться, так как русские люди часто посещали орду, кочевавшую в зимние месяцы в теплых долинах Предкавказья. В летописных сказаниях, относящихся к этой эпохе, встречаются первые, более или менее точные, географические сведения о различных местностях Северного Кавказа. В 1277 г. князья Борис Ростовский, Глеб Белозерский, Федор Ярославский и Андрей Городецкий водили войско в орду, чтобы вместе с ханом Мангу-Тимуром воевать против кавказских ясов и алан, не повиновавшихся татарам. Князья наши завоевали в этот поход ясский город Дедяков, или Тетяков, и взяли знатную добычу. В 1319 г. в этом же городе, находившемся где-то за Тереком, был замучен ханом Узбеком великий князь Михаил Ярославич Тверской.

Но не одни только враждебные сношения имела древняя Русь с прикавказскими странами. Летописи упоминают и о браках между русскими князьями и кавказскими княжнами. В 1153 г. великий князь Изяслав II посылал своих послов «в Обезы» (Абхазию) для испрошения себе руки дочери царя обезского, а в следующем году невеста-княжна прибыла в Киев. Грузинские летописцы сохранили любопытное сказание о браке царицы Тамары с русским князем Георгием, как полагают, сыном Андрея Боголюбского. Вторая жена царя Ивана Васильевича Грозного Мария была черкешенкой, дочерью князя Темрюка.

Нет никакого сомнения в том, что и торговые русские люди издавна посещали прикавказские страны и даже имели постоянное пребывание в некоторых чужеземных городах, расположенных на большой дороге, ведшей из Европы в Азию через Каспийское море. Летописцы упоминают о русских купцах в Орначе при устье Дона, в Маджарах на Куме, в Итиле на Волге. В 1470 г. тверской купец Афанасий Никитин проехал по Волге в Астрахань, а оттуда чрез Дербенд и Баку и пробрался на Малабарский берег в Индии.

Подчинив себе Казань и Астрахань, Россия пришла в непосредственное соприкосновение с Кавказским краем. С этих пор начинаются постоянные, то мирные, то враждебные, сношения московских царей с этим краем. Персия, Турции и Крым стремились утвердить свое господство на Кавказском перешейке. Необходимость обороны против этих могущественных в то время держав побуждала Москву привлекать местное население в сферу своего влияния. Таким образом возникли те отношения России к Кавказу, которые только через триста лет привели к полному подчинению этого края власти русских государей.

Понятно, что прежде всего русская политика и русское оружие обратились к подчинению ближайших к Астрахани кавказских народов. В 1552 г. пятигорские черкесы, утесняемые с одной стороны крымскими татарами, стремившимися утвердиться на Кубани, с другой — шамхалом тарковским, отдались под покровительство Ивана Грозного. Царь поспешил закрепить более прочным образом это добровольное подчинение: он повелел крестить черкесов в христианскую веру и поставил (в 1577 г.), для их зашиты, гор. Терки на левом берегу Терека против устья Сунжи. Турки и крымцы были очень недовольны построением города, закрывшего для них «черкесскую дорогу», т.е. путь от Черного моря к Каспийскому, и настоятельно требовали, чтобы город был снесен и дорога отперта. Вследствие этого царь Федор Иванович приказал оставить Сунженский городок и вместо него возвести (около 1587 г.) новый Терки при устье Терека. В 1559 г. вступил в русское подданство и шамхал тарковский, после предпринятого против него похода. Подчинение это было, конечно, только на словах и не помешало шамхалам действовать враждебно против нас при удобном случае.

Утверждение русской власти на Тереке дало возможность московскому правительству завязать дружественные сношения с христианскими народами Закавказья. В 1586 г. царь Федор Иванович отправил из Казани в Грузию толмача Русина для собрания сведений об этом государстве. Возвратясь в Москву, Русин привез с собою посланников князя иверийского (так назывались у нас тогда цари Кахетии) Александра, которые просили о покровительстве и помощи против турков, воевавших в то

время с персиянами и опустошавших закавказские провинции Персии. В следующем году князь Александр, особым актом от 28 сентября 1587 г., отдал себя, своих сыновей, вельмож и все царство иверийское в подданство царю Федору Ивановичу и его потомкам. С этих пор начинаются постоянные дипломатические сношения России с царством грузинским, причем неоднократно повторялись уверения о подданстве с одной стороны и обещания поддержки с другой. Но еще долгое время ни Россия, ни Грузия не имели достаточных средств для выполнения взаимных обязательств и обещаний. Находясь между двумя могущественными мусульманскими государствами, соперничавшими из-за владычества на Кавказском перешейке, слабая и угнетенная Грузия не была в состоянии исполнить обещаний, данных далекому покровителю и искала спасения своего в полном подчинении тому из ближайших соседей, на стороне которого в данную минуту была победа. Россия владела тогда на Кавказе одним только Терским воеводством в низовьях Терека. Между Грузией и нашими владениями находились неприступный Кавказский хребет, населенный свободолюбивыми горцами. Единственный удобный и легкодоступный путь с низовья Терека в Закавказье проходил вдоль западного берега Каспийского моря, но он принадлежал Персии и был заперт Дербентом. В ближайшем соседстве с терским воеводством находилось владение шамхала тарковского, относившегося враждебно и к России, и к Грузии. Вследствие этого русское покровительство ограничивалось долгое время почти исключительно дипломатическими представлениями персидскому и турецкому правительствам и посылкою в Кахетию монахов, священников, иконописцев и других мастеров. Военные действия, предпринятые с нашей стороны против шамхала и иных горских владельцев для открытия дороги в Грузию через Дагестан, не имели успеха. Вина в этом падает главным образом на кахетинских царей. Желая улучшить свое положение на русский счет, они вызывались в случае войны оказать помощь своими войсками, силу которых определяли в 20,000 и даже 40,000 человек. В действительности же страна находилась в состоянии полного упадка и бессилия. В 1604 г., в бытность в Кахетии посланника воеводы Михаила Игнатьевича Татищева, царь Георгий просил у него нескольких русских стрельцов для устрашения турок и кумыков, приближавшихся к пределам Грузии. Татищев послал 40 стрельцов, которые присоединились к грузинскому войску, состоявшему из 5000 человек под начальством самого царя, и первым залпом обратили неприятеля в бегство.

Согласно уговору с кахетинскими царями, было предпринято несколько походов против шамхала для открытия сообщения с Грузией. Два из них заслуживают внимания: поход 1594 г. воеводы Хворостинина и 1604—5 гг. воевод Бутурлина и Плещеева. И тот и другой окончились для нас неудачно, но покрыли побежденных вечною славою. Бутурлин взял приступом шамхальский город Тарку, но затем должен был обороняться в нем против многочисленных скопищ, собравшихся со всех концов Дагестана. Не получив обещанной помощи из Кахетии, воевода вступил в сношение с шамхалом Султан-Мутом и выговорил своим войскам свободный пропуск на Терек. Во время отступления, когда отряд наш переправился уже через р. Озень и считал себя в безопасности, шамхал изменнически напал на него с превосходными силами. В жестокой рукопашной сече, длившейся несколько часов, пала вся московская рать и оба воеводы — Бутурлин и Плещеев. Спаслось от гибели только несколько конных детей боярских и казаков.

По замечанию Карамзина, «поражение это на 118 лет изгладило следы российского владения в Дагестане». Действительно, попытки проложить мечом путь в Закавказский край не повторялись более до Петра Великого, но дипломатическое воздействие на кавказские области продолжалось и, шаг за шагом, по мере усиления России и ослабления могущества Персии и Турции, подготовляло дело подчинения края русской власти.

Упомянутый выше Татищев, посланный в Кахетию в 1604 г., имел от царя Бориса Федоровича поручение посетить также Карталинию и склонить тамошнего царя Георгия к отдаче дочери Елены в замужество за царевича Федора Борисовича. Брак этот не состоялся, но дал повод к принятию карталинским Георгием присяги на верность России.

В 1618 г. просили царя Михаила Федоровича о принятии под его защиту и покровительство владетели имеретинский, гурийский и мингрельский, состоявшие в даннических отношениях к султану турецкому. Для приведения мингрельского князя к крестному целованию было снаряжено из Москвы в 1639 г. особое посольство, собравшее при этом случае любопытные сведения о правлении, силе и пространстве владений дадианов.

Все эти присяги и целования креста, возобновлявшиеся по нескольку раз, не могли, конечно, иметь существенного значения для нас до тех пор, пока многочисленные кавказские правители, титуловавшие себя в сношениях с нами царями и владетелями, были в действительности только шахскими или султанскими наместниками, вполне зависевшими от произвола своих повелителей. Самостоятельная политика их заключалась только в междоусобицах, смутах и интригах, доведших край до полного разложения и истощения. Поэтому водворение мира и порядка на Кавказском перешейке могло осуществиться только при условии уничтожения власти действительных хозяев в крае, т.е. Персии и Турции. Начало этому было положено великим Петром. Он первый сознал ясно значение для России Закавказья в борьбе ее с мусульманским миром, и он первый пытался стать твердою ногою за Кавказскими горами для действий оттуда против азиатских соседей. Со времени Петра ни одна почти война наша с Персией и Турцией не оканчивалась без присоединения к России какой-либо части Кавказского перешейка.

К концу 17 столетия край этот, вследствие смут в Персии, находился в состоянии полной анархии. Мелкие владельцы восточной половины Закавказья воспользовались этим случаем для удовлетворения своих хищных наклонностей. В 1712 г. Сурхай-хан кази-кумухский, отложившись от Персии, возмутил Дагестан и Ширвань и взял Шемаху, в которой было побито и ограблено более трехсот русских купцов, основавшихся там для торговли шелком. Петр, заботившийся так много об установ-

лении торговых сношений с востоком чрез Каспийское море, не мог смотреть равнодушно на такой поступок с русскими подданными. Он потребовал удовлетворения от шаха персидского, но Гуссейн сам находился в стесненном положении от афганцев и не мог ничего сделать для обуздания бунтовщиков. Оставалось наказать их русским оружием. Немедленно по заключении шведского мира, Петр предпринял в 1722 г. из Астрахани поход для восстановления порядка на каспийском прибрежье. Политические обстоятельства в Кавказском перешейке были довольно благоприятны для нас: кабардинцы держали нашу сторону, несмотря на угрозы крымского хана; шамхал тарковский был утвержден в этом достоинстве при помощи России и получал от русского правительства денежное и хлебное жалование; прочие дагестанские владельцы не обнаруживали явной неприязни. В половине июля 1722 г. войска были отправлены морем из Астрахани к устью Терека. Конница следовала к Теркам береговой дорогой. Главным начальником флота и сухопутных сил состоял адмирал Апраксин. Петр прибыл в Терки 23 июля. Так как устье Терека оказалось неудобным для высадки, то войска сошли на берег 28 июля на косе Уч при Аграханском заливе, а 23 августа состоялось торжественное вступление их в Дербенд. На пути к этому городу эндирийский и отемишский владетели пытались оказать сопротивление наступающим отрядам, но понесли жестокое поражение. Богатое и многолюдное сел. Эндери было взято штурмом и уничтожено отрядом бригадира Ветерани. Немедленно по прибытии в Дербенд Петр приступил к распоряжениям о дальнейшем походе мимо Баку к устью Куры для заложения там торгового города. Но гибель судов, везших из Астрахани провиант для войск, и беспорядки, возникшие в сенате в Петербурге, побудили государя прекратить наступательные действия и спешить возвращением в столицу. Он покинул Дербенд 7 сентября 1722 г. Для обеспечения за нами занятого края, на всем протяжении от Терека до Дербенда были возведены полевые укрепления, а в Тарку и Дербенде поставлены русские гарнизоны. На левом берегу Сулака, в расстоянии 20 в. от устья, государь лично заложил крепость Св. Креста.

Персидский поход впрочем этим не кончился. Турки готовились воспользоваться смутами в Персии для увеличения на ее счет своих кавказских владений. Афганцы, овладев Испаганью, искали турецкого покровительства и приближались к Каспийскому морю. Ввиду этих тревожных событий Петр повелел занять прибрежные провинции Персии к югу от Дербенда. В ноябре 1722 г. полковник Шипов с двумя батальонами вошел на судах в Энзелийский залив и занял гор. Решт под предлогом защиты его от афганцев. В следующем году генерал-майор Матюшкин взял с боя гор. Баку. В это же время турки завладели персидскими областями от Эривани до Тавриза и заняли Карталинию и Кахетию до границ шемахинского ханства. Утесненная Персия просила мира. Прибывший в Петербург персидский посол Измаил-бек, трактатом от 12 сентября 1723 г., уступил России в вечное подданство города Баку и Дербенд с их землями и провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад. Петр, со своей стороны, обязался послать в Персию войско для восстановления внутреннего порядка. Трактат этот не был ратифицирован шахом, и посол Измаил-бек, опасаясь казни за уступку персидских провинций, не осмелился возвратиться на родину и поселился в Астрахани. Тем не менее весь занятый край остался за Россией, а трактатом от 12 июня 1724 г. русское и турецкое правительство взаимно признали сделанные ими приобретения на Кавказе и в Персии.

Но Россия недолго пользовалась благоприятно сложившимися для нее обстоятельствами. Великие предположения великого государя не нашли сочувствия в правительстве императрицы Анны Ивановны. Обладание берегами Каспия, составлявшее заветную мечту Петра, было признано невыгодным для нас, так как содержание их стоило более, чем они давали доходов. Трактатом от 21 января 1732 г., заключенным в Реште, Анна Ивановна возвратила шаху Тахмаспу все земли от р. Куры, а вскоре, по Ганжинскому трактату от 10 марта 1735 г., отданы Надир-шаху также бакинская и дербендская провинции и признано главенство Персии над всеми дагестанскими народами и шамхалом тарковским. Границею России со стороны Дагестана признана р. Сулак, а потому кр. Св. Креста брошена и обитатели ее переведены в кр. Кизляр, воздвигнутую в 1735 г. на левом берегу Терека.

Турецкая война 1736—1739 гг., окончившаяся Белградским миром (7 сентября 1739 г.), не принесла России тех выгод, на которые давал ей право успех нашего оружия. Положительный результат этой войны заключался только в уничтожении унизительного для нас Прутского договора и в признании за русскими государями императорского титула. Что касается до влияния нашего на Северном Кавказе, то, после Белградского мира, оно скорее ослабло, чем упрочилось. Война 1736 г. была предпринята, между прочим, в возмездие за постоянные вторжения крымцев в Россию и за оскорбительные для русского правительства поступки турок в делах персидских. Взятие Азова, занятие Крыма и поражение, нанесенное прикубанским народам калмыцким ханом Дундук-Омбо, давали надежду на совершенное освобождение Предкавказья от власти крымских ханов и на прочное утверждение там нашего влияния и значения. Но обстоятельства сложились иначе. Хотя по Белградскому мирному договору Россия и приобрела Азов, но обязалась срыть его укрепления и оставить окрестные земли пустыми для отделения ненаселенным пространством русских владений на Дону от турецких на Кубани. Точно так же вся Кабарда объявлялась свободною и должна была служить *барьерою* между обоими государствами. Договорившиеся стороны имели, впрочем, право в случае надобности укрощать и наказывать кабардинцев силою оружия. Упоминая о Кабарде в договоре с Турцией, русское правительство надеялось устранить этим на будущее время домогательства крымских ханов на владение Кабардою. Цель эта однако не была достигнута; Россия же, считавшая кабардинцев своими подданными со времен Ивана Грозного и имевшая между ними

много влиятельных приверженцев, добровольно и торжественно отказалась от своих исторически сложившихся отношений к этому наиболее сильному народу Предкавказья. Границею между русскими владениями на Тереке и турецкими на Кубани признана р. Калаус.

С воцарением Екатерины II наступила новая эпоха в нашей восточной политике. Турецкие войны ее имели решительное влияние на судьбу Кавказского перешейка и привели к окончательному подчинению его русской власти. Изъятие Крыма из подчинения Турции, а затем уничтожение самостоятельного Крымского ханства и окончательное присоединение его к России дали наконец возможность осуществить мечту Петра Великого о заведении флота на Черном море. Занятие Крыма сделало нас полными хозяевами всего Предкавказья почти до самых предгорий Главного хребта.

В войну 1768—74 гг. был сделан первый опыт действия против турок из Закавказья. В то время когда одна русская армия направлялась на европейскую Турцию, а другая против крымских татар, два отдельные корпуса были назначены для операций на Кубани (под начальством генерал-майора де-Медема) и в Закавказском крае. Последний, состоявший под командою генерал-майора графа Тотлебена, имел назначение оказать помощь имеретинскому царю Соломону I для изгнания турок из пределов Имеретии. К военным действиям был привлечен и грузинский царь Ираклий, пользовавшийся в это время независимостью благодаря слабости Персии. Корпус Тотлебена состоял из томского пехотного полка, четырех эскадронов карабинеров и гусаров, 200 донских казаков, 300 калмыков и 12 полевых орудий. Перейдя осенью 1769 г. чрез Кавказские горы по Дариальскому ущелью, Тотлебен перезимовал в Тифлисе, а весною 1770 г. двинулся в Имеретию, где соединился с царем Соломоном. Турки занимали в долине Риона четыре крепости, в том числе Кутаис и Поти. В июле войска наши овладели Багдадом и Шаропанью, а 6 августа взяли штурмом Кутаис. Попытка блокировать Поти не удалась, а вскоре Тотлебен был отозван и заменен генералом Сухотиным, который также не имел успеха в своих действиях против Потийской крепости. В 1772 г. русский отряд оставил Закавказье и возвратился на линию. Действия корпуса де-Медема ограничились мелкими поисками против чеченцев, кабардинцев и других горских племен, причем войска наши взяли турецкий гор. Копыл на Кубани и впервые проникли в предгорья Закубанского края.

Кучук-Кайнарджийский мирный трактат (от 10 июля 1774 г.), которым окончилась первая турецкая война Екатерины II, заключал в себе несколько статей, касавшихся прямо или косвенно Кавказского края: он установил независимость Крымского ханства от Турции; Россия получила крепость Керч и Еникале с их уездами и пристанями, а также гор. Азов с принадлежащим к нему уездом; кабардинцы признаны русскими подданными, но Кубань оставлена под властью крымского хана. Постановления трактата не были столь же благоприятны для Имеретии: русское правительство признало над нею верховные права Порты и выговорило только отмену дани мальчиками и девочками и всякого рода других податей; Турция получила обратно взятые Тотлебеном крепости, но обязалась не делать в крае новых приобретений. Впрочем, царь Соломон не подчинился этим условиям и выгнал всех турок из Имеретии, оставив во власти их только Потийскую крепость.

Благоприятные для нас последствия нового положения вещей, созданного на Кавказе Кайнарджийским трактатом, не замедлили обнаружиться. Создание независимого Крымского ханства, состоявшего в действительности в полном подчинении России, значительно затруднило для Турции возможность и право открытого вмешательства в дела Предкавказья и возбуждения населения против русской власти. Военные действия Тотлебена за Кавказом привели Грузию к сознанию необходимости, для собственной безопасности, держаться тесного союза с Россией. Последующие события показали, что правительство Екатерины вполне оценило все выгоды такого положения дел и умело искусно им воспользоваться для упрочения и распространения русского владычества на Кавказском перешейке.

Несмотря на заключение мира, турецкие интриги и подстрекательства продолжали по-прежнему волновать крымцев и кубанцев. Русские войска дважды вступали в Крым и на Кубань для восстановления спокойствия и порядка. Сознавая свое бессилие и призрачность своей власти, крымский хан Шагин-Гирей отрекся от престола и передал свое царство в руки Екатерины. Манифестом от 8 апреля 1783 г. императрица объявила, что Крым, Таманский полуостров и вся кубанская сторона приняты под всероссийскую державу. Турции, ослабленной войною, оставалось только принять к сведению это естественное последствие предшествующих событий: актом от 28 декабря того же года Порта признала р. Кубань границею русских владений в западной части Предкавказья; весь Закубанский край оставался в турецкой власти, хотя фактически она проявлялась только на прибрежье, где Турция владела кр. Суджук-кале (ныне Новороссийск). В виде противовеса возрастающему могуществу русских на Северном Кавказе, турки летом же 1783 г. приступили к возведению сильной кр. Анапы.

Вслед за присоединением Крыма последовало принятие под защиту России грузинского царства. Договором, заключенным российскими и грузинскими уполномоченными в кр. Георгиевске 24 июля 1783 г., царь Ираклий, отказываясь от подданства Персии, вступил со своими наследниками и потомством под покровительство России. По смыслу этого договора Грузия делалась составною частью Российской империи, так как царю оставлялось только внутреннее правление краем и права взимания податей, сношение же с соседственными державами он мог иметь только с согласия русского генерала, командующего войсками на Кавказской линии, или русского резидента при грузинском дворе. Статья третья договора установляла, что наследники грузинского престола испрашивают и получают инвеституру от российских императоров и присягают им на подданство. Грузинские войска предоставлялись на службу России, и в этом отношении царь обязывался следовать требованиям русских начальников. Русское правительство со своей стороны принимало на себя обеспечение царю всех его владений и даровало грузинскому дворянству на всем пространстве Российской империи права русских дворян. Особою

статьею правительство наше обязывалось ввести в Грузию, для защиты ее, два батальона при четырех орудиях. Это условие было исполнено вскоре после заключения договора.

Вторая турецкая война 1787—91 гг. не дала России никаких земельных приращений на Кавказском перешейке. Военные действия со стороны Кавказа ограничились походами против чеченцев, кабардинцев и закубанцев, поднятых против нас религиозною проповедью имама Шейха-Мансура и подстрекательством турок. Из отдельных эпизодов этой войны на Кавказе заслуживают внимания: в 1790 г. несчастный для нас зимний поиск за Кубань, к стороне Анапы, генерал-поручика Бибикова, потерявшего более тысячи человек от холода, изнурения и болезней; поражение, нанесенное 30 сентября того же года генералом Германом отряду трехбунчужного паши сераскира Батал-бея на берегу Кубани, причем был пленен и сам знаменитый паша; взятие 22 июня 1791 г. Анапы, после кровопролитного штурма, отрядом генерала Гудовича и пленение всего гарнизона, трехбунчужного Мустафы-паши и имама Шейха-Мансура.

Ясский мир, заключенный 29 декабря 1792 г., только подтвердил права России на Крым, Тамань, правый берег Кубани и Кабарду. Турция обязалась принять меры к прекращению вторжений закубанцев в русские пределы и ахалцихского паши в Грузию. Обязательства эти, как и прежде, остались неисполненными. Немедленно по заключении мира турки начали вновь укреплять Анапу. С нашей стороны, на низовьях Кубани, было учреждено в 1792 г. Черноморское казачье войско.

В 1795 г. персидский Ага-Магомед-хан вторгся в Грузию и разорил до основания гор. Тифлис. Для наказания хищника и предупреждения занятия им прикаспийских провинций был предпринят в 1796 г. персидский поход под предводительством генерал-поручика графа Валериана Зубова. В апреле месяце действующий корпус выступил из Кизляра, 10 мая занял Дербенд после краткой осады, а в ноябре был уже на берегу Куры ниже Джевада. Все ханы и владельцы восточного Закавказья спешили изъявить свою покорность главнокомандующему. Цель похода была, казалось, достигнута. Граф Зубов собирался заложить на Куре город Екатериносерд и приступить к укреплению Баку, но внезапная смерть Екатерины не дала осуществиться этим предположениям. Император Павел повелел немедленно прекратить все военные действия и возвратить войска на Кавказскую линию. Обрадованный таким неожиданным оборотом дел, Ага-Магомед-хан собирался уже вновь опустошить христианские провинции Закавказья, но пал от руки убийцы 4 июня 1797 г. в гор. Шуше, на пути в Грузию.

Присоединение к России грузинского царства, состоявшееся по манифесту императора Александра I от 12 сентября 1801 г., и введение в Грузии русского управления изменили коренным образом наше положение на Кавказском перешейке. Став твердою ногою на южном склоне Кавказского хребта, Россия получила возможность с большими удобствами и уверенностью действовать против Турции и Персии, не переставших вмешиваться в дела Закавказья. Весь край состоял в эпоху присоединения Грузии из множества отдаленных владений. На Северном Кавказе Россия господствовала в Кабарде и на всем пространстве к северу от Кубани и Терека. Абхазия, Гурия, Мингрелия и Имеретия хотя считались независимыми, но в действительности находились под большим или меньшим влиянием Турции, владевшей Карсом, Ахалцихом и Поти. Восточную и южную часть Закавказья занимали мелкие ханства, которые, смотря по обстоятельствам, то признавали свою независимость от Персии, то отвергали ее. Дагестанские владельцы подчинялись России настолько, насколько земли их были доступны русскому оружию: шамхал тарковский, как ближайший к Кизляру, обнаруживал наибольшую нам преданность. Горцы закубанские и приморские считались только номинально в турецком подданстве, в действительности же Турция имела непосредственное влияние на ближайших соседей Анапы. Чеченцы и вольные общества Дагестана не признавали над собою никакой иноземной власти и управлялись родовыми и выборными старшинами. Грузия, разоренная горцами и персиянами, служила поприщем для интриг многочисленных членов царского дома, недовольных введением русского управления.

При таких обстоятельствах последовало 9 сентября 1802 г. назначение генерал-лейтенанта князя Павла Дмитриевича Цицианова главноуправляющим в Грузии. Задача, предстоящая ему, была в высшей степени трудною и сложною: надлежало восстановить в крае гражданский порядок и одновременно с тем вести непрестанную борьбу с врагами внешними и внутренними. Князь Цицианов, отличавшийся личной храбростью, твердостью, благоразумием и проницательностью, блистательно выполнил эту задачу в короткий период своего управления краем. Его образ действий послужил на долгое время образцом для последующих начальников в Грузии. Военные силы наши в крае были в то время весьма незначительны: для всех оборонительных и наступательных действий князь Цицианов имел в своем распоряжении восемь полков пехоты, один кавалерийский регулярный и один донской казачий полки и 24 орудия. Первые удары были направлены против беспокойных ханств Закавказья, служивших главным очагом неурядиц и смут. Подчинение их должно было отдать в наши руки Каспийское море и обеспечить сообщение с Кизляром и Волгою, откуда закавказские войска могли с большими удобствами и вероятностью получать свое снабжение, чем по трудной дороге через Главный хребет. Третьего января 1804 г. взята штурмом Ганжа и переименована в Елисаветполь в честь императрицы Елисаветы Алексеевны. Ганжинское ханство уничтожено и присоединено к Грузии под названием Елисаветпольского округа. В 1804 г. приведены к покорности и обложены данью джарские лезгины. Трактатом от 21 апреля 1804 г. имеретинский царь Соломон II вступил в вечное подданство России. За год перед тем принята в подданство и Мингрелия. В 1806 г. князь Цицианов подступил к Баку и принудил ее к сдаче, но был изменнически

убит 8 февраля бакинским ханом при поднесении крепостных ключей.

Невозможно проследить в кратком очерке все эпизоды той великой борьбы, которая выпала на долю русских войск на Кавказе со дня введения нашего управления в Грузии. Здесь могут найти место только наиболее крупные события, способствовавшие утверждению и распространению русской власти на Кавказском перешейке. К таким событиям относятся турецкая война, продолжавшаяся с перерывом от 1807 до 1812 г., и персидская кампания 1808—1813 гг. В 1810 г. имеретинский царь Соломон II, державший сторону турок вопреки присяге, принесенной им в 1804 г., был низложен и царство его, прокламациею генерала Тормасова от 21 января, присоединено к России. Тогда же принято в подданство княжество гурийское и введен русский гарнизон в гор. Сухум для охранения владетеля Абхазии.

Персидская война, ознаменованная блистательными победами Котляревского при Асландузе и Ленкорани, доставила России, по Гюлистанскому мирному трактату от 21 октября 1813 г., обладание ханствами карабахским, шекинским, шерванским, дербендским, кубинским, бакинским и талышинским. Ханство ганжинское было завоевано еще при Цицианове, и трактат только подтвердил присоединение его к России. Таким образом, русские владения в восточной половине Закавказья получили в общих чертах те границы, которые они имеют в настоящее время. Во власти Персии оставались еще ханства эриванское и нахичеванское.

Ко времени управления краем генерала Ермолова (1816—1827 гг.) относится начало *Кавказской войны*, т.е. последовательного ряда военных действий, имевших целью привести к покорности горское население Дагестана, Чечни и Закубанского края. Водворение русской власти в восточной половине Закавказья и на западном берегу Каспийского моря поставило на очередь эту задачу. Для стеснения и обуздания мятежных чеченцев Ермолов заложил Сунженскую линию и продолжил ее к морю рядом укреплений и крепостей за Тереком и Сулаком. Походы в Чечню и Дагестан, сделавшие имя Ермолова грозным среди горцев и вечнопамятным в рядах кавказских войск, привели к покорности Кайтах, Табасарань, Акушу и кази-кумухское ханство. Одновременно с войною против горцев велись военные действия в западной половине Закавказья для усмирения бунта в Гурии, Имеретии и Абхазии.

В 1826 г. внезапное вторжение в Карабах персиян, под предводительством наследника шахского престола Аббас-Мирзы, послужило началом персидской войны 1826—28 гг., ведение которой выпало на долю генерала Паскевича, назначенного в 1827 г. главнокомандующим войсками отдельного кавказского корпуса. После поражений, нанесенных персиянам кн. Мадатовым при Шамхоре (3 сентября 1826 г.) и генералом Паскевичем при Елисаветполе (13 сентября), войска наши перешли в персидские пределы и заняли эриванское и нахичеванское ханство и Адербейджан. Первого октября сдалась крепость Эривань, доставив главнокомандующему титул графа Паскевича-Эриванского.

По Туркменчайскому мирному договору, заключенному с Персией 10 февраля 1828 г., названные два ханства присоединены к России и образовали Армянскую область с русским управлением. Это была последняя наша персидская война. Она определила существующую и поныне границу между русским Закавказьем и Персией.

Вслед за подписанием Туркменчайского договора открылась турецкая война 1828—29 гг., ознаменованная блистательными действиями корпуса фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского: 23 апреля 1828 г. последовало взятие Карса, 24 июля кр. Ахалкалаки, 15 августа кр. Ахалциха, а 27 июля 1829 г. войска наши были уже в Эрзеруме. Условия мира, достойно увенчавшие эту кампанию, дали нам важные приобретения на Кавказском перешейке: по Адрианопольскому трактату, заключенному 2 сентября 1829 г., Россия получила ахалцихский пашалык, крепости Поти и Анапу, Закубанский край и весь берег Черного моря от Анапы до р. Чолока в Гурии. Приобретения эти навсегда положили конец турецкому вмешательству в дела населения западной части Кавказского края. Хотя Турция никогда не могла осуществить своих прав на обладание черкесскими племенами, тем не менее номинальное подчинение их султану стесняло русское правительство в его действиях против хищников, находивших тайную поддержку и поощрение в турецкой Анапе. Такими же очагами смут и интриг по отношению к мусульманскому населению русского Закавказья были кр. Поти и особенно Ахалцих. Адрианопольский мир положил конец такому состоянию дел: Россия сделалась полновластной повелительницей на всем пространстве края и могла принять меры к обузданию непокорных племен без опасения протеста со стороны Турции о нарушении ее верховных прав на ту или другую часть кавказского населения.

Немедленно по заключении мира начались усиленные военные действия для покорения Закубанского края и черноморского побережья. Вместе с тем возникла кровавая борьба с мюридизмом в Дагестане и Чечне. Изложение хода этой борьбы находится в очерке *Кавказской войны*.

Крымская война не дала нам никаких земельных приобретений за Кавказом. Блистательные подвиги русского оружия в Малой Азии (победы при Баш-Кадыкляре и Кюрюк-Дара, взятие Карса) могли только уравновесить потерю Севастополя. Парижский мир (30 марта 1856 г.) оставил наши кавказские владения в прежних границах и возвратил Турции провинции, занятые нами во время войны.

Нынешние пределы Кавказского края установлены в последнюю восточную войну 1877—78 гг. По Берлинскому мирному договору (15 мая 1878 г.) Россия приобрела Карс, уже несколько раз бывший в нашей власти в минувшие войны, Кагизман, Ардаган, Ольти, Артвин и Батум, обладающий лучшею бухтою на всем протяжении южного берега Черного моря. Общее пространство присоединенной территории составляет 461 кв. милю. Новая граница с Турцией, проходя на большей части своего протяжения по значительным горным хребтам, закругляет русские владения в Малой Азии и, в сравнении с прежнею пограничною чертою, дает нам важные стратегические выгоды в военных действиях против азиатской Турции.

Одновременно с распространением русского владычества на Северном Кавказе силою оружия и политикою, шло завоевание края посредством вольной и правительственной колонизации его русскими переселенцами. Здесь, как и на других окраинах нашего государства, пограничных с воинственными и хищническими племенами, колонизация выразилась первоначально в форме казачества.

Возникновение первых казачьих поселений на Кавказе относят обыкновенно к 1577 г., т.е. ко времени построения на Тереке, против устья Сунжи, города Терки, в котором царский воевода Лука Новосильцов поставил гарнизоном приведенных им с собою городовых казаков. Когда Сунженский городок, по настоянию Турции, был брошен, казаков перевели в новый Терки, построенный при устье Терека. Затем они жили некоторое время при кр. Св. Креста на Сулаке и назывались аграханским войском, а после основания в 1735 г. Кизлярской крепости поселены при ней с наименованием *терско-кизлярским войском*.

Поселение казаков в низовье Терека послужило началом *Кавказской линии*, имевшей целью охранение русских владений на Северном Кавказе от вторжений и грабежей воинственных горцев. По мере распространения нашей власти на этой окраине, удлинялась постепенно и кордонная линия, до тех пор пока она не соединила, наконец, непрерывным рядом крепостей, укреплений и станиц Каспийского моря с Азовским и Черным. В тылу линии, под защитою ее, водворялись крестьянские поселения, представлявшие вместе с тем готовый контингент для пополнения казачества.

Во второй половине 18 столетия казачьи станицы простирались по левому берегу Терека от устья реки через Кизляр до кр. Моздока, построенной в 1763 г. Линия эта, имевшая более 200 в. протяжения, охранялась несколькими казачьими войсками, имевшими каждое свое особое внутреннее управление. Дельту Терека от моря до Кизляра занимало упомянутое выше терско-кизлярское войско. Выше Кизляра по течению Терека следовали три станицы или города *терского семейного войска*, образованного Петром Великим в 1724 г. из одной тысячи донских семейств. К ним примыкало *гребенское войско*, сидевшее по берегу Терека пятью большими станицами. Относительно времени возникновения этого войска существует несколько мнений. Большинство историков полагает, что оно основано около 1584—85 гг. донскими казаками. В конце царствования Ивана Грозного, именно в 1577 г., стольник Иван Мурашкин был послан с большим отрядом для укрощения и наказания донских казаков, разбойничавших на Волге. Спасаясь от преследования и казни, донцы бежали во все стороны, на Терек, Куму и Урал. Одна партия беглецов удалилась чрез прикавказские степи за Терек и Сунжу, водворилась там в соседстве с кумыками и чеченцами и положила основание вольному гребенскому войску.[1] В смутное время к нему присоединилась часть казаков, принявших участие в бунте Заруцкого; в 1620 и 1658 гг. бежали с Дона на Терек казаки-раскольники, в 1698 г. мятежники-стрельцы. Кроме того, за Сунжею находили радушный прием и шайки разбойников, и одиночные бродяги всякого звания и происхождения. Внутренняя жизнь гребенцов, в период пребывания их за рубежом государства, остается до сих пор очень мало известною. Только в конце 17 столетия они перешли из-за Сунжи на правый берег Терека и поселились здесь пятью городками, или станицами: Курдюковской, Гладковской и Щедринской, к которым впоследствии присоединились еще Ново-Гладковская и Червленая. С этого времени начинается служба войска правительству. В 1711 г. оно приняло участие в походе против крымских татар, а в следующем году перешло на левую сторону Терека и разместилось в пяти станицах, которые сохранили доныне свои старые, указанные выше, названия.

Для заселения линии от крайней гребенской станицы до кр. Моздока была переведена в 1770 г. часть волгского казачьего войска, сидевшего на правом берегу Волги между Царицыном и Камышином. Переселенцы в числе 517 семейств образовали пять станиц и послужили ядром для сформирования *моздокского казачьего полка*.

Кавказский казак. 1860-е годы.

Приобретения, сделанные Россией на Северном Кавказе по Кучук-Кайнарджийскому миру (1774 г.), вызвали открытое неудовольствие среди кабардинцев, взволнованных еще ранее построением кр. Моздока. Для обуздания их князь Потемкин, бывший в то время наместником и генерал-губернатором новороссийским, азовским и астраханским, нашел необходимым продолжить Кизляро-Моздокскую линию до устья р. Дона. Новая линия, названная *Моздоко-Азовской,* или *Кавказской*, была устроена в 1777 г. по проекту генерал-майора Якоби. Начинаясь при впадении р. Малки в Терек, она пересекла прикавказские степи в северо-западном направлении и оканчивалась у гор. Азова. Для образования станиц при десяти крепостях[2], составлявших основание линии, была переведена на Кавказ остальная часть *волгского войска* и слободско-украинские казаки, обитавшие на р. Хопре. Войско заняло пять станиц от кр. Екатерининской до кр. Александровской, а

хоперцы, образовавшие *хоперский полк*, остальное протяжение линии.

В 1782 г. последовало присоединение Крымского ханства и подвластного ему кубанского края. Для ограждения новой границы и защиты линии от черкесских набегов командовавший войсками на линии генерал-поручик Потемкин построил в 1784 г. на берегу Кубани три укрепления: Преградный стан, Прочный окоп (ныне станица) и Григориполис (ныне станица). В 1792 г. при генерал-аншефе Гудовиче, ряд укреплений был продолжен вниз по Кубани сооружением крепостей (ныне станиц) Кавказской и Усть-Лабинской и нескольких редутов. В том же году, в видах лучшего обеспечения границы от вторжений хищнических партий, на всем протяжении новой линии, от Воровсколесского редута вниз по правому берегу Кубани до Усть-Лабинской крепости, повелено было поселить донские полки, находившиеся в то время на трехлетней службе на Кавказской линии. Распоряжение это вызвало среди донцов сильное волнение, которое однако было подавлено: в 1794 г. ряд станиц обосновался на Кубани при укреплениях и редутах.

Группа кавказских казачьих офицеров. 1860-е годы

В том же 1794 г. все нижнее течение Кубани от кр. Усть-Лабинской до моря поступило под охрану черноморских казаков. Войско это ведет начало от запорожцев. После уничтожения в 1776 г. Запорожской сечи, часть казаков, в числе 5000 человек, бежала в Турцию, а остальные подчинились распоряжениям правительства и водворились на указанных им местах. В 1787 г. императрица Екатерина разрешила князю Потемкину сформировать из них «кош верных казаков», а в следующем году новое войско поселилось за днепровским лиманом со стороны Кинбурна и с отличием участвовало в турецкой войне. После заключения Ясского мира «верные казаки», наименованные *черноморским войском*, получили землю между Бугом и Днестром. Но не успели они еще окончательно устроиться на новых местах, как Высочайшими грамотами от 30 июня и 1 июля 1792 г. черноморскому войску были пожалованы для поселения полуостров Тамань и земли между Черным и Азовским морями, на р. Ее и до Усть-Лабинской крепости. К 1794 г. все черноморцы были уже на месте и расселились в сорока куренях. Берег Кубани в войсковых пределах охранялся казачьими постами и образовал *черноморскую кордонную линию*. В 1795 г. в войске считалось не более 25000 душ, из них 17000 мужских. При такой малочисленности казаки не могли охранять надлежащим образом границу своих земель на Кубани. Ввиду этого правительство признало необходимым увеличить состав войска малороссийскими казаками из Полтавской и Черниговской губерний. Подобные переселения повторялись три раза (в 1809—11, 1821—25 и 1848 гг.) и дали Черноморью более 100000 д. об. пола.

Таким образом, к началу текущего столетия на всем протяжении Северного Кавказа от Кизляра до Бугаза владения наши охранялись от горских набегов беспрерывною линиею крепостей, редутов и станиц, занимавших левый берег Терека, правый берег Кубани и пространство между этими реками. К этому кордону примыкала линия, соединявшая Моздокскую крепость с Азовом. В 1802 г. казачье население всей линии, без Черноморья, состояло из 13500 мужчин и 12984 женщин.

Под защитою линии начали заселяться оседлыми земледельцами обширные прикавказские степи, служившие до тех пор кочевьями для ногайцев и зимними пастбищами для горских стад и табунов. Первые русские неказачьи поселения возникли в виде слободок при укреплениях на линии и состояли из отставных солдат, торговцев, ремесленников, чернорабочих и т.п. люда. Затем появились на Куме и ее притоках крестьянские села и слободы, образованные преимущественно однодворцами. К 1786 г. в таких поселениях считалось до 20000 душ муж. пола. Начало же правильной гражданской колонизации края относится ко времени открытия Кавказской губернии (1785 г.), когда сделан был по всей России вызов желающих поселиться на Северном Кавказе, причем поселенцам давались земли по указанию местного начальства и денежное пособие от казны. Вместе с тем последовало разрешение раздавать земли большими участками в частную собственность. Таким образом, одновременно с правительственной колонизацией казенных земель, открылась частная колонизация посредством перевода помещиками своих крепостных крестьян на пожалованные земли. Дело заселения шло так успешно, что в 1802 г. русских жителей гражданского ведомства в Кавказской губернии считалось 73646 д. об. п.

Дальнейшая история линии заключается в упрочении ее посредством увеличения числа станиц, улучшении администрации и в постепенном выдвигании укреплений и станиц на неприятельскую территорию. Селения казенных крестьян, по мере надобности, перечислялись в казачье сословие и давали необходимый контингент для более тщательного надзора за кордоном. Для занятия новых линий и укрепления старых передвигались целиком или частью существовавшие уже казачьи станицы. В 1825 г., при Ермолове, было занято верхнее течение Кубани и заселено казаками хоперского и волгского полков. В управление графа Паскевича последовало разделение линии на несколько воен-

ных отделов, получивших особые названия: 1) *Черноморская линия* — все протяжение правого берега Кубани в пределах земель черноморского войска; 2) *правый фланг* — остальное протяжение линии по Кубани от границы Черноморья до укр. Хумаринского; 3) *центр* — от Хумаринского на Кубани до укр. Ардонского на Ардоне; 4) *левый фланг* — от укр. Ардонского до Каспийского моря.

В 1832 г. совершилось преобразование управления казачьих полков, поселенных на линии. Выше было указано, что правый берег Терека охранялся несколькими *войсками*, имевшими каждое свое особое управление. В 1832 г. эти отдельные мелкие войска получили название полков, и все полки, занимавшие линию от Каспийского моря до границ Черномории, соединены в административном отношении в одно *Кавказское линейное казачье войско* под начальством особого наказного атамана. Черноморские казаки сохранили свое прежнее управление и своего отдельного атамана, подчинявшегося, впрочем, командующему войсками на Кавказской линии.

В 1841 г. началось занятие станицами и укреплениями *Лабинской линии*, а в 1845 г. *Сунженской*. Обе эти линии имели очень важное значение в борьбе с кавказскими горцами. В том же 1845 г. (14 февраля) издано особое Положение об управлении Кавказского линейного войска.

При вступлении в должность главнокомандующего кавказскою армиею князя Барятинского расчленение линии на отделы было упрощено: все протяжение ее в пределах бассейна Кубани составило *правый фланг*, в бассейне Терека — *левый фланг*. Это был первый шаг к последовавшему вскоре затем более коренному преобразованию администрации территорий, занятых кавказскими казаками. В 1860 г. (19 ноября) черноморцы и шесть бригад линейцев образовали *кубанское войско*, все остальные линейцы — *терское войско*. Занятые же ими территории — бассейны Кубани и Терека — вошли в состав Кубанской и Терской областей.

В обзоре Кавказской войны упомянуто о великих заслугах, оказанных Кубанским казачьим войском при покорении западного Кавказа и заселении Закубанского края, покинутого черкесскими племенами.

По окончании долголетней борьбы с горцами, было признано своевременным приступить к постепенному подчинению казачества общему гражданскому порядку управления. В 1868 г., в отмену существовавших до того правил, разрешено всем русским подданным неказачьего сословия приобретать в собственность существующие на войсковых городских и станичных землях дома и всякого рода строения на общем основании, не испрашивая на то согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества. Вслед за тем (указами от 30 декабря 1869 г.) в Кубанской и Терской областях, состоявших до тех пор в военном ведомстве, введены общие гражданские учреждения и судебные уставы. Только строевая служба казаков и войсковое хозяйство оставлены в ведении военного начальства, во всех же других отношениях войсковое сословие подчинено гражданскому управлению.

Пятнадцать лет, протекших со времени этой реформы, изменившей коренным образом веками сложившийся быт казаков, показали с достаточной ясностью трудность, если не полную невозможность, согласования общих гражданских порядков с теми требованиями, которые предъявляются казачеству как к наследственно военному сословию, обязанному поголовною военною службою. В настоящее время управление Кубанскою и Терскою областями находится накануне реформы, имеющей целью устранить, по возможности, указанные неудобства.

В заключение этого очерка нелишне напомнить, что значительная доля заслуги в деле покорения Кавказа принадлежит казачеству. Оно положило начало русской колонизации Кавказского перешейка; под его защитою возникли города и селения на пустынных пространствах Северного Кавказа; о боевых заслугах кавказских казаков в рядах русской армии могут свидетельствовать не один только Кавказ, но также Турция, Персия и Средняя Азия.

Примечания

1. Название это производят от слова гребень, так как поселение казаков находилось у гребня Черных гор.

2. В позднейшее время из крепостей Георгиевской и Ставропольской возникли города Георгиевск и Ставрополь, крепости Екатерининская и Павловская ныне станицы. Большая часть остальных (кр. Александровская, Московская, Донская) ныне селения Ставропольской губернии.

Текст печатается по изданию:
Вейденбаум Е. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказском перешейке. Колонизация края и казачество // Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. — Тифлис, 1888. — С. 129—157.

Ростов-на-Дону — Владикавказ

<...> 4. От станции *Невинномысской* (366 в. от Ростова) идет почтовая дорога (64 1/2 в.) на гор. Ставрополь.

Ставрополь, называемый обыкновенно Кавказским, губернский город Ставропольской губернии, расположен на Ставропольской плоской возвышенности на высоте около 2000 фут. н. у. м., при незначительных речках Ташле, Мутнянке, Мамайке и др., которые летом пересыхают. Водой город снабжается из колодцев и родников. Имеет 37017 ж. Основание города относится к 1777 г., когда была заложена на Кавказской линии Ставропольская крепость и при ней поселены хоперские казаки. В 1785 г., при образовании Кавказской губернии, Ставрополь сделался уездным городом, в 1822 г. областным Кавказской области, в 1847 г. губернским городом Ставропольской губ. До образования Кубанской и Терской областей, Ставрополь был средоточием всей гражданской и военной администрации Северного Кавказа. К этому времени относится период его наибольшего процветания и оживления. С перенесением военных управлений во Владикавказ и Екатеринодар, он значительно опустел, а в 1874 г., когда ростовско-владикавказская ж. д. оставила его далеко в стороне, он лишился и тех выгод, которые давало ему положение на большой почтовой дороге, соединявшей Ростов с Владикавказом.

5. От станции *Невинномысской* идет в южном направлении почтовая дорога (50 в.) до гор. **Баталпашинска** на Кубани, бывшей станицы Баталпашинской. Название станице было дано в память жестокого поражения, нанесенного близ этого места 30 сентября 1790 г. отрядом генерал-майора Ивана Ивановича Германа турецкому корпусу, состоявшему под начальством анатолийского сераскира Батал-паши. Трофеями нашими были сам паша и вся неприятельская артиллерия. За эту блистательную победу, уничтожившую двухлетние приготовления турок, генерал-майор Герман получил орден св. Георгия 2-го класса.

От Баталпашинска идет вверх по правому берегу Кубани экипажная дорога до карачаевкого сел. Учькулан, лежащего близ подошвы Эльбруса. От этой дороги близ бывшего укр. Хумаринского отделяется ветвь, которая направляется вверх по р. Теберде и подходит к подножию Клухорского перевала (9075 фут. н. у. м.) на Главном хребте. Через перевал разрабатывается в настоящее время тропа к верховьям р. Кодора и оттуда вниз по ущелью этой реки к сел. Ольгинскому в Цебельде, на соединение с дорогой, идущей из Сухума.

6. От станции *Минеральные воды* (466 в. от Ростова) идет почтовая шоссейная дорога (20 1/4 в.) в гор. Пятигорск.

Пятигорск, административный центр Пятигорского округа Терской области, расположен на левом берегу р. Подкумка, при южной подошве г. Машуки, на высоте 1777 фут. н. у. м. Имеет 13133 жит. Название дано городу по имени группы окрестных гор Бештау (= пять гор), почему вся местность называлась у нас в старину Пятигорьем, а туземное население пятигорскими черкесами. Горы этой группы разбросаны в виде трахитовых островов на возвышенной равнине, образованной пластами меловой формации. Главнейшие из гор: собственно Бештау (4589 фут.), Змеиная (3260 фут.), Машука (3258 фут.), Железная (2808 фут.), Развал (3041 фут.).

В Пятигорском округе находятся **Кавказские Минеральные Воды**, с историей которых тесно связана история самого Пятигорска. По отзывам специалистов, нигде на земном шаре нет такого счастливого сочетания на относительно малом пространстве столь разнообразных целебных источников, как в районе Кавказских Минеральных Вод. Источники распадаются на четыре группы: сернощелочные в Пятигорске, железистые в Железноводске, щелочные в Ессентуках и углекислые в Кисловодске. Первые сведения о существовании целебных вод близ горы Бештау обнародованы в 1717 г. лейб-медиком Петра Великого Готлибом Шобером, который основывался только на рассказах и слухах. В 1773 г. горячие серные ключи были посещены академиком Гюльденштедтом, но пользование ими сделалось возможным только с 1780 г., когда в 3—4 в. от нынешнего Пятигорска, по дороге в Ессентуки, было построено Константиногорское укрепление. Приезжие больные помещались или в самом укреплени, или в слободке при нем и ежедневно отправлялись к источникам, где на время курса ставилась военная команда для защиты от нападений горских хищников. В 1812 г. появились на месте нынешнего Пятигорска первые строения, послужившие началом Горячеводского поселения, которое росло и развивалось по мере водворения спокойствия в крае. Главным устроителем его был командовавший войсками Кавказской линии генерал Емануель (в 1826—31 гг.). В этот период возведены архитекторами братьями Бернардацци все главнейшие и лучшие ванные и другие казенные здания. В 1830 г. Горячеводское поселение названо Пятигорском и сделано уездным городом вместо оставленного за штатом Георгиевска.

По химическому составу многочисленные пятигорские источники относятся к серносоленым, имеют температуру от 24,4 до 36,4 по Р.

В расстоянии 15 1/4 в. к западу от Пятигорска, на левом берегу Подкумка, при впадении в него речки Бугунты, находится группа **ессентукских минеральных вод**. Известность их начинается с 1823 г., когда они были исследованы профессором Нелюбиным. В 1826—27 гг. при источниках поселена Ессентукская станица, получившая свое название от речки Ессентук, впадающей здесь в Подкумок. Станица расположена на степной местности на высоте 1979 фут. н. у. м. Многочисленные источники, разбросанные на небольшом пространстве, принадлежат к соленощелочным, сернощелочным и сернокислым. Первые пользуются громкой известностью и составляют главную драгоценность группы. Температура их от 7,2° до 11,5° по Р.

К ю.-з. от Ессентуков, в расстоянии 20 3/4 в., находится **Кисловодск** в долине правого притока Подкумка, находящейся на высоте 2702 фут. н. у. м. Здесь, близ слияния горных речек Козады (Ольховки) и Елкошу (Березовки), бьет из земли сильный и холодный (11,5° по Р) углекислый источник, известный под черкесским названием Нарзан (= богатырский напиток). Слухи о чудесных целебных свойствах Нарзана давно ходили на Кавказской

линии, но точные сведения о нем были получены только в конце прошедшего столетия от посетивших его путешественников Рейнеггса и Палласа. В 1803 г., после заложения близ источника Кисловодского укрепления, пользование богатырской водой сделалось доступным для больных. Под защитой укрепления образовалась слободка, получившая название Кисловодска. Благоустройством своим он много обязан наместнику князю М.С. Воронцову, при котором построено в 1848—51 гг. архитектором Уптоном красивое здание галереи над Нарзаном. Кисловодск, обладающий живительным горным воздухом, представляет собой прекрасное дачное местопребывание.

Железноводск находится в 13 в. к северу от Пятигорска и расположен на лесистой седловине, соединяющей Бештау с Железной горой, при южной подошве этой последней, на высоте 2070 фут. н. у. м. Минеральные источники известны с 1810 г., когда они были впервые исследованы доктором Гаазом, но употребление их с врачебной целью началось только с 1812 г. В 1831 г. положено начало Железноводской станице, облегчившей больным пребывание на водах. По химическому составу многочисленные железноводские источники принадлежат к соленожелезистым; температура их очень разнообразна: от 12° до 42° по Р.

Кавказские Минеральные Воды с самого начала открытия их и до 1862 г. находились в ведении правительства, истратившего значительные суммы на их устройство. В 1862 г. казенное управление было признано неудобным, и воды переданы для эксплуатации в частные руки со значительным пособием от казны. Такой порядок, продолжавшийся более 20 лет, показал ошибочность взгляда на преимущества и пользу для благоустройства вод управления их частным лицом, и потому с 1884 г. воды приняты вновь в ведение казны и состоят под управлением особого правительственного комиссара.

Долина р. Подкумка выше Кисловодской станицы представляет большой интерес в археологическом отношении по находимым в ней памятникам христианства. При слиянии Подкумка с его правым притоком Эшкаконом, в 15 в. к с.-з. от Кисловодска, находится отдельная плосковершинная гора, известная под именем Рим-горы и Бургуссана, откуда и название соседней Боргустанской станицы. Местные смутные предания сообщают, что на горе была крепость франков, оставивших следы своего пребывания в виде каменных крестов, находимых на горе и в ее окрестностях. Название Рим-гора, или Рум-кале (= греческая крепость), указывает скорее на византийскую эпоху. К сожалению, никто до сих пор не занимался серьезно исследованием горы и находимых на ней памятников, из которых многие исчезли уже безвозвратно.

В расстоянии 40—45 в. к ю.-з. от Кисловодска находится возвышенность Бермамыт (8569 фут. н. у. м.), наиболее высокий пункт передовой цепи, образованной поднятием пластов юрской формации. К северу цепь эта имеет очень пологий склон, а к югу падает крутым обрывом, имеющим до 100 фут. высоты. С Бермамыта открывается к югу великолепный вид на *Эльбрус*, вершина которого, по прямому направлению, находится на расстоянии около 40 в. Вулканический конус его расположен несколько севернее Главного хребта и соединяется с этим последним узким и высоким гребнем, который разделяет истоки Кубани и Баксана. По высоте Эльбрус, называемый иногда у русских Шат-горой, а карачаевцами Минги-тау, значительно превосходит все другие вершины Кавказского перешейка. Макушка его разделена седловиной на два отдельных пика, из которых восточный имеет 18431 фут., а западный 18525 фут. высоты. Снежная линия на северном склоне находится на высоте 11500 фут. Долгое время Эльбрус считался совершенно неприступным: кабардинцы рассказывали, что подошва его окружена со всех сторон непроходимыми болотами, а вершина охраняется великаном, прикованным цепью в обширной пещере. Но не эти рассказы, а враждебное настроение горских племен, живущих около Эльбруса, препятствовало долгое время его научному исследованию. В 1829 году, после подчинения русской власти Карачая, генерал Емануель решился произвести рекогносцировку вновь приобретенной территории и пригласил нашу Академию наук принять участие в экспедиции. Академия командировала своих сочленов Купфера, Ленца, Мейера и Менетрие. К 9 июля отряд генерала Емануеля и сопровождавшие его члены ученой экспедиции прибыли к истокам р. Малки и в тот же день академики, архитектор Бернардацци и несколько горцев предприняли с северной стороны восхождение на снежный конус Эльбруса. Ночь с 9 на 10 число они провели на границе вечных снегов, а на рассвете продолжали свой путь, но около полудня должны были прекратить восхождение по случаю рыхлости снега и сильного утомления. Вершины достиг, как полагают, только кабардинец Килар, или Хилар, опытный охотник, вышедший с места ночлега раньше академиков и успевший возвратиться до того времени, когда солнце размягчило снежный покров. По барометрическим наблюдениям Купфера, экспедиция достигла 14465 фут. высоты, академик Ленц приблизительно еще на 1500 фут. выше. Высота вершины была взята глазомерно, причем допущена очень большая ошибка. Купфер определил эту высоту в 16,434 фут., т.е. на 2091 ф. менее действительной. Почти через 40 лет после академической экспедиции, а именно 19 июля 1868 г., совершили первое удачное восхождение на вершину Эльбруса члены лондонского альпийского клуба Фрешфильд, Мур и Теккер. В 1874 г. (16 июля) достигли вершины англичане Гров, Уокер и Гардинер, а 11 августа 1884 г. венгерец Мориц Деши. Все эти путешественники следовали по одному и тому же пути: из сел. Урусбиева в верховьях Баксана по юго-восточному склону снежного конуса. Здесь перечислены только те путешественники, которые посещали Эльбрус с целью восхождения на его вершину. Кроме них, более или менее значительной высоты достигали Радде, Динник и др., занимавшиеся специальными ботаническими, зоологическими и геологическими исследованиями.

Название Эльбрус неизвестно туземному населению. Полагают, что оно зендского происхождения и значит «высокая гора».

7. От станицы *Незлобной* (490 в. от Ростова) идет почтовая дорога через гор. Георгиевск вниз по р. Куме до сел. Владимировки, или Ребровки, протяжением в 158 $^3/_4$ в.

Георгиевск, заштатный город Терской области, на левом берегу Подкумка, в 5 в. от ст. Незлобной,

на высоте 1032 фут. н. у. м. Имеет 8290 жит., почти исключительно русских. Основание городу положено в 1777 г. построением Георгиевской крепости на Кавказской линии. В этой крепости был заключен 24 июля 1783 г. российскими и грузинскими уполномоченными трактат, по которому царь Ираклий отдал на вечные времена свое царство под верховную власть России. При открытии в 1786 г. Кавказской губернии, Георгиевск был назначен уездным, а в 1802 г. губернским городом, вместо Екатериноградa, и сделался местопребыванием главного военного и гражданского начальства всего Предкавказья. В 1822 г., когда последовало переименование Кавказской губернии в область, Георгиевск уступил административное первенство Ставрополю, сам же сделался опять уездным городом, а в 1830 г., с переводом уездного управления в Пятигорск, остался за штатом. Ныне о бывшем значении Георгиевска, как главного города всего Северного Кавказа, напоминает только одно обширное кладбище, называемое в шутку «кладбищем коллежских асессоров». При введении русской администрации в Кавказском крае, с целью привлечения чиновников на службу в этой отдаленной тогда окраине, были установлены некоторые служебные преимущества и, между прочим, право на производство без экзамена в чин коллежского асессора. Мера эта помогла: на кавказскую службу стали проситься чиновники, жаждавшие штаб-офицерского чина, но не чувствовавшие себя в силах выдержать требовавшийся в те времена экзамен. Весьма естественно, что этот административный персонал был не из лучших в нравственном отношении. Многие из искавших на Кавказе первого штаб-офицерского чина, под влиянием лихорадок, которыми славился тогда Георгиевск, и неумеренного употребления вина, быстро оканчивали свое служебное поприще и находили вечный приют на кладбище коллежских асессоров.

В Георгиевске бывают ежегодно три ярмарки, оборот которых простирается до 2 $^1/_2$ миллионов рублей.

Почтовая дорога, соединяющая Георгиевск с Владимировкой, проходит через богатые и многолюдные русские селения, расположенные по обоим берегам р. Кумы. Они образованы в восьмидесятых годах прошедшего столетия, отчасти добровольными переселенцами, отчасти крепостными людьми, поселенными на пожалованных дворянам землях. Пустынный край этот обязан своим оживлением заботам первого наместника генерал-поручика Потемкина. Дворяне-землевладельцы положили первое начало виноделию, составляющему ныне одну из важных отраслей хозяйства прикумских селений. В конце прошедшего столетия славилось своими виноградниками сел. Кавказский Усвят, принадлежавшее генералу Скаржинскому. По преданию, он послал ко двору Екатерины Великой несколько бутылок своего вина. Императрица нашла в нем сходство с бургонским и узнав, что имение Кавказский Усвят находится близ развалин Маджар, назвала вино бургон-маджарским. Вследствие этого и Скаржинский переименовал свое имение в Бургон-Маджары, под каковым именем оно известно и ныне. По сведениям 1875 г., в прикумских селениях было 2328 виноградников на 1640 десятинах. Приготовляемое здесь вино известно под названием прасковейского чихиря, по имени сел. Прасковеи.

В расстоянии 5 в. от Прасковеи и 114 в. от Георгиевска находится **Маджары,** или **Маджар,** древнее городище, на левом берегу Кумы при впадении в нее р. Мокрой Буйволы, или Бывалы, между армянским местечком Карабаглы, или Св. Креста, и сел. Покойным. Путешественники прошедшего столетия (Гербер, академики Гмелин, Гюльденштедт, Паллас и др.) видели на месте городища многочисленные кирпичные здания, из которых некоторые были, по-видимому, мечетями, большинство же представляло обширные надмогильные мавзолеи. При водворении русских поселений на Куме в восьмидесятых годах прошедшего столетия почти все эти памятники были разрушены окрестными поселенцами, употребившими кирпичи на постройку своих жилищ. Часть материала пошла также на сооружение крепости в Екатериноградe. Теперь только ямы указывают те места, на которых находились древние здания. Маджарское городище, к сожалению, не было исследовано научным образом и потому время возникновения и роль его в истории остаются неизвестными. В конце прошедшего и начале текущего столетий господствовало мнение, основанное на простом созвучии названий, что Маджары были жилищем венгров (мадьяров). По-татарски Маджар значит каменное строение. Из всех путешественников, посещавших городище, один Клапрот обратил внимание на находимые среди развалин надмогильные камни с арабскими надписями и монеты. Первые относились к 14 веку, вторые, чеканенные почти исключительно в Сарае, к 13, 14 и 15 столетиям. Из этого Клапрот заключает, что город был построен кипчакскими ханами и разрушен или опустел во время смут, возникших в Золотой Орде после Тохтамыша. Но вывод этот основан на случайных и немногочисленных археологических находках. Поэтому весьма возможно, что раскопки могли бы дать указания на более древнюю, дотатарскую эпоху существования города. В Дербенд-наме (истории гор. Дербенда) Маджары названы городом хазарским. В русских летописях Маджары, или Моджчары, упоминаются по поводу кончины великого князя Михаила Ярославича Тверского, замученного 22 ноября 1319 г. ханом золотой орды Узбеком в ясском городе Тетякове. Приближенные великого князя привезли тело его в Маджары, город торговый, в котором жили многие русские купцы и имелась православная церковь. В Книге Большого чертежа, составленной в 16 столетии, гор. Маджары уже не упоминается, а говорится только о находящемся на *правой* стороне Кумы Можаровом юрте, состоящем из семи мечетей. Для объяснения этого обстоятельства необходимо прибавить, что путешественники прошедшего столетия находили древние строения в нескольких пунктах по обоим берегам Кумы и потому различали: нижний Маджар на правом берегу при нынешнем сел. Бургон-Маджары, средний, или большой, на левой стороне реки между Карабаглы и сел. Обильным и верхний — на правой стороне, против большого, при сел. Прасковейском <...>

Текст печатается по изданию:
Вейденбаум Е. Маршруты и описание главнейших пунктов // Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. — Тифлис, 1888. — С. 228—238.

Конец XIX — начало XX века

1 Документы, исторические описания, исследования

Ставрополь Кавказский. Историко-статистический очерк*

Время основания. Время основания Ставрополя относится к семидесятым годам прошлого столетия. В то время наши кавказские владения подвергались постоянным опустошительным набегам со стороны различных горских племен, для ограждения от коих, по повелению императрицы Екатерины II, была предпринята постройка целого ряда крепостей — так называемая Кавказская линия, — в числе коих была построена и Ставропольская крепость.

В 1776 году Владимирский драгунский полк под начальством полковника Ладыженского, коему было поручено руководить постройкой крепости, заняв место под будущую крепость, расположился лагерем и приступил к постройке самых необходимых временных помещений. Местность, занятая драгунами, была сплошь покрыта вековым лесом, для расчистки коего потребовалось много времени, так что только в следующем 1777 году можно было приступить к земляным работам; отряд же все время продолжал жить по-походному — в палатках или балаганах. Только в 1778 году было приступлено к замене временных помещений постоянными. Частые военные тревоги и стычки с неприятелем сильно тормозили успешность работ, но тем не менее постройка шла довольно быстро, а с приходом в 1778 году части Хоперского казачьего полка дело еще более продвинулось, так что в этом году уже насчитывалось в крепости 22 здания, а вне её — 191. Весною 1779 года, при обозрении укреплений, Ставропольскую крепость посетил Александр Васильевич Суворов и имел здесь свидание с турецким сераскиром Арслан-Гиреем по поводу жалобы последнего на действия генерала Рейзера. Это свидание повело к обоюдному соглашению и имело влияние на ослабление горских набегов, а следовательно, и на успешность работы по постройке крепости, которая продолжала обстраиваться и в следующем 1780 году. Ко времени пребывания в крепости А.В. Суворова относят также и постройку первой «церкви Божией для полка Володимирского драгунского, в которой иконостас полковой поставлен и (которая) навсегда может быть крепостною». Покойный И. Бентковский полагал, что церковь эта была на том месте, где ныне находится небольшое каменное здание, вблизи алтарной части Казанского кафедрального собора, и где в 1840—1850 гг. стоял каменный крест, по всей вероятности тот самый, который в настоящее время вделан в стену этого здания-часовни.

Вероятно, в память посещения Ставропольской крепости А.В. Суворовым была написана картина масляными красками, изображающая Суворова стоящим около крепостных сооружений, будто бы ставропольских. Эта картина находится в здании Ставропольской гор. Думы. План Ставропольской крепости до сего времени не разыскан, но, благодаря указаниям Д.С. Извощикова, можно сказать, что крепость и поселения при ней были расположены на площади от Ясеновской улицы до Приютского переулка и от бульвара до Интендантского переулка.

Местность, где ныне находятся здания присутственных мест, в 1825—30 годах носила название «Глинище», ибо здесь добывалась глина, и, по всей вероятности, здесь же находился первый по времени сарай для выделки кирпича. В 1780 году крепость была закончена, и в ней насчитывалось 467 домов и разных нежилых построек — 92; была одна церковь.

Под охраной возникшей крепости началась и торговая деятельность. Здесь в то время было уже три маркитантских дома и 27 лавок, расположенных приблизительно на том месте, где теперь рядская церковь и старые торговые ряды.

Рядом с возникшею крепостью природа царила во всей своей красе. Тянувшийся по долине реки Ташлы лес, полный тихой прелести, и прилегавшие к нему пространства, покрытые сочной зелёной травой, привлекали сюда массу разных птиц и зверей; здесь водились, между прочим, в изобилии фазаны и кабаны.

Чудную картину представляло поселение, если приближаться к нему с севера. Местность перерезывалась несколькими речками и ручьями, названия коих сохранились в потомстве: это первая, вторая и третья Чла (Ташла), Желубовка, Мутнянка, Мамайка

* Автор неизвестен

и несколько других речек, протекавших по нынешним улицам города, как то: по Николаевскому проспекту и Александровской ул. Ложе этих речек теперь вымощено и обращено в водосточные каналы.

Переименование крепости с поселением в город. 5 мая 1785 года Высочайшим указом императрицы Екатерины II было повелено учредить Кавказское наместничество, а указом от 9 мая того же года было повелено образовать Кавказскую губернию, состоящую из шести уездов и в том числе из Ставропольского с уездным городом Ставрополем во главе.

Новая губерния подвергалась преобразованиям вплоть до 1822 года, когда, по ходатайству генерала Ермолова 27-го июля 1822 г., был утвержден проект преобразования Кавказской губернии в область, причем Ставрополь был назначен областным городом, хотя фактически стал таковым только со 2-го октября 1824 года, когда были перенесены сюда из Георгиевска все административные учреждения. Наконец, 2 мая 1847 года высочайшим указом повелено было Кавказской области именоваться по главному городу Ставропольской губернией, а округам её — уездами.

Таким образом, Ставрополь из незначительной крепости стал губернским городом, центром управления Северного Кавказа; в нем сосредоточивались все административные учреждения, а в 1842 году была учреждена Кавказская епархия с кафедрой в г. Ставрополе.

Церкви и монастыри. В 1823 году в городе была уже каменная церковь, ныне Троицкий собор, сооруженная на том месте, где в 1785—86 гг. поставлена была деревянная церковь, перенесённая из самой крепости. С учреждением кафедры в Ставрополе число храмов быстро стало возрастать, так, при первом кавказском преосвященном, Иеремии, были выстроены: Казанский собор, Андреевская, Варваринская, Георгиевская (на Мамайке), а также Крестовая — домовая, при архиерейском доме, и в женском Иоанно-Мариинском монастыре. Во времена преосвященного Германа устроены домовые церкви при Ольгинской женской гимназии, при духовной семинарии и при женском епархиальном училище. Ныне в городе считается всех церквей, со включением Иоанно-Мариинского женского монастыря, 26. Монастырей в городе два: Иоанно-Мариинский женский и Андреевский мужской, учрежденный при преосвященном Иеремии. Кроме того, в городе есть 1 армяно-григорианская церковь, 1 католическая, молельные дома: евангелическо-лютеранский — 1, еврейский — 1 и магометанский — 1.

Территория города. В 1825 году казаки, проживавшие в г. Ставрополе, были переселены в станицы Барсуковскую и Суворовскую, а земля, бывшая в их пользовании, была передана в количестве 16267 дес. 57 саж. городу. В 1837 году во время пребывания в городе Государь Император Николай Павлович, лично выслушав доклад местного начальства о необходимости наделения городу четырёхверстной пропорции выгонной земли, 4-го января 1838 года Высочайше повелеть соизволил на дарование городу выгонной земли, вместо прежней 2-верстной, 4-верстной пропорции, «чтобы жители за недостатком торговли и промышленности могли преимущественно заниматься земледелием и скотоводством».

По плану дачи г. Ставрополя, исполненному в 1873 году, состоит земли: под строениями и дворами — 274 дес. 1860 саж., огородами — 446 дес. 1080 саж., садами и рощами — 496 д. 300 с., улицами и площадями — 374 д. 930 с., кладбищами — 13 д. 860 с., по проекту заселения городом — 909 д. 100 с.; итого под городом — 2514 д. 1050 саж. Под хуторами: строениями и дворами — 7 дес. 120 саж., огородами — 107 д. 672 с., садами и рощами — 13 д. 1080 с., улицами и площадями — 2 д. 1000 с., итого — 130 д. 472 с. Степи, удобной к пахоте и сенокошению, — 11414 дес. 308 с., мокрого луга — 19 д. 1160 саж, лесу дровяного 1390 дес. 310 с., рассадки леса 1 д. 1600 саж., кустарнику — 109 д. 1680 с., солонцов удобных — 91 д. 2050 саж., итого удобной земли — 13026 д. 2808 с., солонцов неудобных — 183 д. 1700 с., каменистой степи — 1277 д. 2000 с., каменоломней — 80 д. 520 с., под озером — 61 д. 1480 с., реками, ручьями, прудами и ½ реки Грушевки — 51 д. 1760 с., обрывами и рытвинами — 35 д. 450 с., проселочными и полевыми дорогами — 79 д. 975 с., почтовыми дорогами — 75 д. 120 с., итого неудобной земли — 1844 д. 1785 с. Всего удобной и неудобной земли со включением города и хуторов — 17516 д. 815 с.

Из означенной дачи вырезано: Иоанно-Мариинскому монастырю всего — 220 д. 1320 саж, архиерейскому домовому управлению — 64 д. 960 с. и лесу 200 д., под дачу Мартына Августа — 49 д. 960 с. Всего же в даче города по плану, составленному в 1873г., значится 17765 д. 1775 с.

В 1896 году почетный гражданин А.Ф. Нестеров пожертвовал городу 2286 д. 1800 с. земли на реке Кугульте для благотворительных целей.

Географическое положение. На плане окрестностей г. Ставрополя, составленном в 1885 г. офицерами военно-топографического отдела во главе с Е.А. Беклемишевым, городские постройки показаны под 44°1'20" — 45°3'50" сев. шир. и 59°35'55" — 59°40'5" вост. долготы, высота же над уровнем моря близ Даниловской церкви показана — 292 с., Софийской — 275, 2 с., Казанского собора — 261 с., Троицкого — 244 с., Успенской — 240 с., русло р. Ташлы у Флоринского переезда — 220 с., у Михайловского — 196 саж.

Метеорологические данные. По наблюдениям за 20 с лишним лет, средняя годовая температура, определяемая по термометру со шкалой Цельсия при метеорологической станции Ставропольской мужской гимназии, составляет +8,2 град. Наименьшая месячная температура (-4,7 град) приходится на январь, а наибольшая (+19,9 град) на июль или август (+20 град). Средняя температура апреля (+7,3 град) и октября (+9,3) подходят к средней годовой. Абсолютный минимум температуры -24 град.

Напряжение и сила ветра по данным за последние 5 лет из наблюдений над электрическим флюгером и анемометром таковы: в среднем за год сила ветра около 4-х метров (немного меньше) в секунду. Господствующим ветром является юго-восточный, повторяемость коего составляет 26% числа всех наблюдаемых направлений ветра. Северо-западный ветер по повторяемости составляет 16% числа всех ветров. Меньше других наблюдается северо-восточный ветер. Осадков в среднем за год выпадает 720,1 мм. Наибольшее количество осадков (99,7 мм) приходится на июнь, а наименьшее (29,9 мм) на февраль. В среднем в год бывает 122,7 дня с осадками, из коих 38,1 дня — со снегом. Наибольшее число дней (13) с осадками приходится на июнь, а наименьшее (7,8) — на август. Со снегом больше на январь — 9,9 дня.

По показанию барометра той же станции, высота над уровнем моря означена двумя числами — 272, 68 саж. и 266,86 саж. Какая из них верна —неизвестно, точную цифру может установить предположенная весною 1897 г. нивелировка.

Число домов. По произведенной летом 1896 года переписи, в Ставрополе значится домов: каменных — 1558, деревянных — 2525, разных — 1672, а всего — 5755 домов. Таким образом, деревянные дома составляют 44,4% всего количества домов, каменные — 27,1% и прочие 28%. Из всего этого количества только около 1/3 всех домов имеют железные крыши. Материалы для постройки каменных домов добывали в местных каменоломнях, которые, впрочем, уже истощились, так что с 1895 г. начали строить из камня, доставляемого из сел. Татарского, Пелагиады и др.

Население. В 1837 году население города, по предположению, должно было достигать до 22000. В 1873 году при составлении плана дачи города населения считалось 29617 душ, из коих 16652 м., 12965 ж. По полицейским сведениям, число жителей к 1 января 1896 г. простиралось до 40690 душ: 21089 м. и 19061 ж., но это число далеко не точно и, конечно, однодневная перепись 1897 года откроет истинную цифру населения города.

Занятия жителей. Занятия ремеслом и промыслом мало развиты среди населения и не выходят из узкого круга удовлетворения местных потребностей, на что указывает ограниченное число ремесленников и промышленников, коих, по данным 1895 г., числилось в городе всего 1791 чел. (а в губернии с населением в 753355 душ — 10422 чел.). Главными отраслями сельского хозяйства являются земледелие и скотоводство, кои ведутся в обширном размере, да отчасти огородничество и садоводство.

Фабрично-заводская деятельность. Фабрично-заводская деятельность вообще слабо развита и направлена, главным образом, на обработку продуктов земледелия и скотоводства. Всех заводов в губернии в 1895 году числилось 3140 при 4232 рабочих и при годовом обороте в 2736940 руб. По сумме оборотов первое место в губернии принадлежит городу, где при 71 заводе производительность достигает 1105990 руб. По роду фабрики и заводы в Ставрополе распределяются следующим образом: винокуренных — 1, пивомедоваренных — 3, мукомольных — 3, паров. и водян. — 18, пряничных — 1, минеральных вод — 6, пшенично-крахмальных — 1, воскобойных — 2, мыловаренных — 4, салотопенных — 1, кожевенных — 7, кишечных — 1, скотобойных — 1, кирпичных — 12, кафельных — 1, горшечных — 7 и чугунных — 1.

Торговля. О состоянии торговли можно судить по количеству выбранных населением разного рода торговых документов. Из Ставропольской городской управы выдано в течение ноября и декабря месяцев 1896 года на право производства торговли в 1897 году:

Свидетельств 1-й гильдии:
Правлению Ставропольского городского общественного банка — 1.
Свидетельств первой гильдии — 7.
Билетов первой гильдии 3 класса — 18.
Билетов первой гильдии 5 класса — 1.
Паспортных свидетельств купеческих семейств — 14.
Свидетельств 2-й гильдии 3 класса — 173.
Свидетельств 2-й гильдии 5 класса — 124.
Билетов второй гильдии 3 класса — 232.
Паспортных свидетельств купеческих семейств — 49.
Свидетельств мелочного торга 3 класса — 117.
Свидетельств мелочного торга 5 класса — 130.
Билетов мелочного торга 3 класса — 10.
Билетов мелочного торга 5 класса — 8.
Промысловых свидетельств 3 класса 1 разряда — 1.
Промысловых свидетельств 3 класса 2 разряда — 5.
Промысловых свидетельств 3 класса 3 разряда — 8.
Приказчичьих свидетельств 1 класса — 116.
Приказчичьих свидетельств 2 класса — 233.
Свидетельств на развозный торг — 7.
Свидетельств на розничный торг — 3.
Таким образом, всех документов выдано — 1481.

Доходы и расходы. В 1896 году в доход города поступило: с городских замель и лугов — 51271 р. 97 к., с лесов — 16000 р., с недвижимых имуществ — 37677 р. 50 к., оценочного сбора — 34095 р., с торговых документов и промышленных заведений — 23071 р., нотариальных и разных случайных доходов — 11599 р. Весь доход выразился в сумме 173690 р. 47 к. В 1896 году было израсходовано: на содержание гор. общ. управления — 35016 р. 87 к., погашение долгов и % — 7526 р., пособия, содержание учебных благотворительных и т.п. заведений — 40977 р. 89 к., по отправлению воинского постоя, отопление и освещение тюрьмы — 3880 р., содержание полиции — 17499 р. 58 к., пожарной части — 7883 р. 96 к., благоустройство города и др. расходы — 52654 р. 11 к. Всего израсходовано 173690 р. 12 к.

Долги и специальные средства. К 1 января 1896 года город состоял должным Городскому общественному банку по займам: на устройство водопровода в 1874—5 гг., за уплатою 80139 руб. 43 коп., — 21030 р., на устройство мамайского начального училища — 3555 р. и Общ. Вл. ж. д. в возмещение расходов по постройке ставр. ветви — 750000 руб.

Специальных средств значилось: на содержание стипендии имени почетного гражданина города Ставрополя Г.К. Властова 17172 руб. 43 к., на устройство городской больницы — 8341 руб. 33 к., на содержание двух лечебниц — 1577 р. 71 к., на содержание 10-ти престарелых лиц при убежище св. Андреевско-Владимирского братства — 3191 р., имени епископа Евгения на содержание престарелых лиц того же братства — 622 р. 4 к., на составление плана гор. Ставрополя — 1951 р. 46 к., на содержание стипендиата имени цесаревича Николая 17256 руб. 6 к., то же имени великой княгини Ольги Фёдоровны — 4736 р. 5 к., на приданое стипендиаткам имени великой княгини Ольги Фёдоровны — 4654 р. 80 к., на содержание городской лечебницы — 259 р. 95 к., дома призрения — 1204 р. 36 к., капитала имени И.П. Зимина — 10000 р., капитала имени Л.Е. Павлова — 64547 р. 95 к. А всего 133303 руб. 96 к., в том числе наличными — 823 р. 27 к. и банковыми билетами — 132480 р. 69 к. Квартирных оставалось к 1 января 1896г. — 7622 р. 25 коп.

Благоустройство. В 1895 году израсходовано по благоустройству города 41592 р. 21 к., из коих 13736 р. 76 к. израсходованы на мостовые, коих в городе имеется — 21 верста 150 саж., а остальные 103 версты улиц не замощены, затем из упомянутой суммы израсходовано на освещение улиц — 5941 р. 8 к., город освещается 473 фонарями. В 1896 году на благоустройство города израсходовано 52654 р. 12 к.

Народное здравие и общественное призрение. В Ставрополе в 1898 году числится врачей на

Народное просвещение. Учебные заведения в городе Ставрополе

№	Название учебных заведений	Число учащихся	Время открытия
1	Ставропольское казачье юнкерское училище 72/—	72	1870 г.
2	Мужская классическая гимназия с реальным при ней отделением 767/—	767	1837 г.
3	Духовная семинария 277/—	277	1846 г.
4	Женская гимназия св. Александры —/273	273	1849 г.
5	Ольгинская женская гимназия —/430	430	1861 г.
6	Епархиальное женское училище —/486	486	1873 г.
7	Частная 2 разряда женская прогимназия Первушиной —/12	12	1896 г.
8	Галатузовой		1896 г.
9	Мужское духовное училище —/295	295	1823 г.
10	Четырёхклассное городское училище —/334	334	1854 г.
11	Михайловское ремесленное училище —/49	49	1872 г.
	Начальные училища Министерства народного просвещения а) содержащиеся на средства «Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе»		
12	Софийская 40/24	64	1879 г.
13	Варваринская 30/30	60	1879 г.
	b) Содержимые на средства городской управы		
14	Александровское 27/23	60	1880 г.
15	Мамайское 45/13	58	1881 г.
16	Ташлянское 44/13	57	1882 г.
17	Павловское 1-ое 38/12	50	1888 г.
18	Форштадтское 46/9	55	1890 г.
19	Павловское 2-е 42/-	42	1890 г.
20	Желубянское 34/6	40	1890 г.
21	Ясеновское 36/26	62	1891 г.
22	Слободское 35/16	51	1891 г.
23	Воробьёвское 34/11	45	1891 г.
	Послеобеденные классы:		
24	при Воробьёвском училище 20/15	35	1896 г.
25	при Ясеновском училище 18/26	44	1896 г.
	Воскресные школы:		
26	Женская при Ольгинской женской гимназии —/225	225	1889 г.
27	Мужская при 4-классном городском училище 157/—	157	1889 г.
28	Мужская при Софийском училище 56/—	56	1895 г.
29	Женская при церковно-приходской епархиальной женской школе —/79	79	1894 г.
	Частные училища 3-го разряда:		
30	Карягиной 10/6	16	1873 г.
31	Семеновой 9/10	19	1875 г.
32	Зубрилиной 9/3	12	1888 г.
33	Гехта 76	76	1888 г.
34	Ивановой 12/4	16	1888 г.
	Церковно-приходские:		
35	При Иоанно-Мариинском женском монастыре 14/38	52	1863 г.
36	При Духовной семинарии 112/—	112	1888 г.
37	При Женском епархиальном училище —/55	55	1885 г.
38	При Троицком соборе 45/—	45	1886 г.
39	Владимирская 50/—	50	1888 г.
40	Андреевская —/50	50	1888 г.
41	При «Убежище» Андреевско-Владимирского братства 35/8	43	1889 г.
42	При «Доме для бесприютных» Андреевско-Владимирского братства 54	54	1889 г.
43	То же /46	46	1885 г.
44	При епархиальном свечном заводе 43/7	50	1893 г.
45	При Успенской церкви 13/7	20	1894 г.
46	Католическая при костеле 13/11	24	1884 г.
47	Евангелическо-лютеранская 15/5	20	1896 г.
	Итого 3016/1979*	4995	

**В этой таблице верхние цифры дробей означают число учащихся мужского пола, а нижние — женского пола.*

Таким образом, в учебных заведениях гор. Ставрополя обучалось в сентябре 1896г. 4995 чел., что составляет около 9% населения города (40000). Приходящих было 3568, пансионеров — 1427; мужского пола — 3016 и женского пола — 1979 душ.

службе — 6 и вольнопрактикующих — 14, женщин-врачей — 1, повивальных бабок — 3. В городе имеются 3 аптеки. Всех больниц — 7, из коих 5 — при учебных заведениях, одна тюремная и одна — Приказа общественного призрения на 25 кроватей. Кроме того, в городе имеются 2 амбулаторные лечебницы. Насколько эти последние соответствуют потребностям населения, показывает число посещений за 1895г., именно — 27796 чел.

Народные чтения. Вопрос об организации народных чтений возник одновременно с принятием Городской Думой обязательного постановления об ограничении праздничной торговли. Чтения были открыты с января 1892 г., с какого времени они и производятся постоянно, прерываясь, впрочем, в летнее время, когда население занято полевыми работами и не может посещать чтений. Необходимый инвентарь для чтений приобретается на средства Городского общественного управления и состоит из двух волшебных фонарей, 612 картин — всего на сумму 1314 руб.

Чтения ведутся в софийских казармах, в летнем помещении Общественного собрания и в здании Городской Думы, а с прошлого 1896 года также и в тюремном замке для заключенных. В течение 5 лет было 109 чтений, причем их посетило 57074 чел., в среднем на чтение приходится 523 чел. Кроме того, чтения происходят также при «Убежище», где лекторами являются члены причтов, по назначению епархиального начальства.

Педагогический музей. Педагогический музей дирекции народных училищ Ставропольской губернии помещается в здании городского 4-классного училища, заведует музеем преподаватель этого училища А.Д. Жиленко. Музей этот открыт в 1881 г. и содержится на средства крестьянских обществ, отпускающих ежегодно по 270 руб. Учительская библиотека музея состоит из 2175 названий книг на сумму 4158 р. 81 к., а ученическая — из 797 названий книг на сумму 275 р. 55 к. В музее имеется масса разных книг, пособий, руководств, образцы различных производств, модели машин, коллекции насекомых и минералов. В последнее время музей начал обогащаться также предметами археологической важности, а в канцелярию Ставропольской дирекции народных училищ поступают пожертвования на постройку специального здания для педагогического музея.

Публичная библиотека и читальни. Городская общественная библиотека, содержимая ныне на средства Городского общественного управления, была открыта в 1852 году и содержалась исключительно на частные средства, но в 1865 году, по отъезде из города некоторых лиц, принимавших в ней деятельное участие, библиотека лишилась средств и прекратила свое существование. Только в 1867 году, по настоянию начальника губернии Г.К. Властова, библиотека возобновилась и с тех пор существует и поныне. Заведует библиотекой К.А. Росляков. В 1895 году из библиотеки было выдано 16663 книги. На средства города содержится также и бесплатная читальня, открытая 3 декабря 1895 года в здании Городского общественного управления. В 1896 году К.А. Праве на частные средства открыта вторая бесплатная читальня на Карсской улице в д. Масленникова. Наконец, третья читальня находится при «Убежище для бесприютных» и содержится на средства Андреевско-Владимирского братства.

Общества. В городе функционируют несколько обществ, из коих старейшим является благотворительное общество Св. Александры, учрежденное в 1848 году по инициативе княгини Е.К. Воронцовой, которая по этому поводу удостоилась получить от Государыни Императрицы Александры Федоровны, супруги Императора Николая, рескрипт, в коем, между прочим, было сказано: «С живейшим чувством удовольствия соглашаясь на учреждение в г. Ставрополе женского благотворительного общества, Я вменяю себе в приятную обязанность засвидетельствовать Вам искреннейшую душевную признательность за ревностные и неустанные попечения Ваши о распространении образования в обширном крае».

Общество Св. Александры содержит на свои средства 7-классную женскую гимназию, на которую расходует ежегодно до 40000 руб., обучая до 300 воспитанниц. Капитал общества св. Александры доходит до 125000. Непосредственное отношение к делу народного образования имеет «Общество для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе», основанное в 1878 году. В 1896 году это общество решило расширить круг своей деятельности, а до сего ограничивалось лишь содержанием 2-х одноклассных школ. «Общество вспомоществования недостаточным ученицам ставропольских гимназий» учреждено в 1880 г., Андреевско-Владимирское братство учреждено 1 января 1893 года епископом Евгением. Деятельность братства: религиозно-нравственная, миссионерская и благотворительная. Братство содержит для названных целей читальню, книжный склад и школы, а благотворительность выражается содержанием «Убежища для бесприютных», «Дома беспомощных» и раздачею денег и обедов беднякам. Кроме этих обществ, нарождается новое — «Общество помощи бедным».

Текст печатается по изданию:
Ставрополь Кавказский. Историко-статистический очерк // Адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга Ставропольской губернии. — Ставрополь: Издание В.В. Берк, 1897. — С. 24—35.

Н. Динник. **Ставрополь Кавказский**

Ставрополь Кавказский — губернский город на верховьях речки Ташлы, на высоте около 2000 футов, на сильно пересеченной местности. В окрестностях довольно много лесов. Питьевой водой город снабжается из родника посредством водопровода, проведенного в бассейны. Площадь, занимаемая Ставрополем вместе с предместьями, равна 25 кв. верстам, в том числе под поселением города 2514 десятин, под общественными садами и бульварами 496 десятин. Городской земли 17766 десятин, в том числе под пашнями и сенокосом 11414 десятин и под городскими лесами 1493 десятины. Жителей 44679 (22951 мужчина и 21728 женщин). Дворов 4292. Главный контингент населения, преимущественно православного, составляют русские, затем следуют армяне, евреи, поляки, немцы и пр. Мещанского сословия 9100 семей, почетных граждан 47, купцов 71, дворянских фамилий 60. Главное занятие мещан — хлебопашество и огородничество. Заводов 63, с 329 рабочими и с производством на 874895 руб.; всего более развито мукомольное производство. Торговых и промышленных заведений 597. Городской общественный банк, отделения банков государственного, азов.-донск. ком. и харьк. зем., банковая контора, общество взаимного кредита. Церквей 17, монастырь женский Иоанно-Мариинский. Учебных заведений 55, с 5596 учащимися. Мужская гимназия с реальным отделением (808 учеников), 2 женские гимназии (775 учениц), училища: городское 6-классное (363 учащихся), ремесленное (58 учащихся), общественное 2-классное (69 мальчиков, 20 девочек), городских одноклассных 10 (297 мальчиков, 158 девочек), благотворительных 2 (41 мальчик, 42 девочки), лютеранское 1 (26 мальчиков), католическое 1 (11 мальчиков, 9 девочек), частных учебных заведений 6 (96 мальчиков, 48 девочек), воскресная школа, вечерних и повторительных курсов для взрослых 11 (359 мужчин, 449 женщин). Духовные учебные заведения: семинария (293 человека), училища епархиальное женское (448 человек) и духовное (303 человека), образцовых школ 2 (71 мальчик, 53 девочки), церковно-приходских школ 13 (456 мальчиков и 343 девочки). Два благотворительных общества: Андреевско-Владимирское братство и Общество для содействия распространению народного образования. Первое имеет убежище для бесприютных детей (61 дитя), при нем школа (52 человека) с мастерской, бесплатную народную библиотеку-читальню, дом для беспомощных престарелых (12 мужчин, 25 женщин) и при нем 2 школы — для мальчиков (65 человек) и для девочек (50 человек), бесплатную столовую, книжный склад, снабжающий беднейшие школы учебными пособиями. Второе общество имеет 2 школы (89 человек) и при них послеобеденные классы (92 человека), 4 воскресные школы, 2 бесплатные библиотеки-читальни, 1 дешевую платную библиотеку имени В.Г. Белинского; оно устраивает народные чтения (62), которые в 1899 г. посетило более 5000 человек. Городская общественная библиотека с 14564 тт., городских бесплатных библиотек-читален 3, книжных магазинов 4, типографий 5; газет издается 3 (одна — частным лицом). Общества: церковно-археологическое, медицинское, ветеринарное, охотничье, для содействия защиты и воспитания детей, помощи бедным, вспомоществования беднейшим ученицам, с женской гимназией, вспомоществования недостаточным ученикам, с мужской гимназией. Богадельни 2, на 70 человек. 5 больниц при учебных заведениях, 1 при тюремном замке, больница приказа общественного призрения на 25 кроватей, 2 городские лечебницы для приходящих, 1 частная глазная лечебница, приемный покой при станции железной дороги. Вольнопрактикующих врачей 14, дантистов 4, аптек 3. По смете 1899 г. поступило городских доходов 190802 руб.; израсходовано 178387 руб., в том числе на содержание городского управления 34936 руб., на народное образование 25239 руб., на медицинскую, ветеринарную и санитарную части 10037 руб., на общественное призрение 3915 руб., на благоустройство города 25116 руб., на содержание городской полиции 19823 руб., на пожарную часть 8715 руб. Ставрополь составляет конечный пункт Ставропольской ветви Владикавказской железной дороги.

Ставропольский уезд граничит с юго-западной стороны с Кубанской областью; занимает пространство в 6764,9 кв. верст. Поверхность в южной части уезда гористая, пересеченная многими глубокими балками, в северной же части имеет чисто степной характер. В южной части многие пункты поднимаются до высоты 2000 футов и более (см. Ставропольская губерния); северная же сравнительно низка. Южная часть уезда имеет более или менее влажный климат, получает значительное количество атмосферных осадков и орошается многими, хотя и маленькими речками; северная же отличается сухим климатом, совершенно безлесна и слабо орошена. Из речек наибольшее значение имеют Большой Егорлык, Кугульта, Ташла и Грачевка, но и в них воды много весной и в начале лета, осенью же они почти пересыхают. Южная часть отличается хорошими подпочвенными водами, а в северной части они содержат много солей. Климат более или менее здоровый (о почве, животном и растительном мире — см. Ставропольская губерния). Жителей 129509 (65532 мужчины и 63977 женщин). Густота населения — 16 человек на 1 кв. версту (1898). Главное занятие жителей — земледелие. Собрано (1898): озимой пшеницы 4298331 пуд, ржи 178023 пуда, овса 1213421 пуд, ячменя 1801475 пудов, проса 227864 пуда, льна 168026 пудов, конопли 18522 пуда. Средний урожай с 1 десятины: озимой пшеницы 49 пудов, овса 61 пуд, ячменя 74 пуда, льна 14 пудов. Крестьянских дворов 13988; из них не имеет волов 6466, лошадей 3662, овец 6297, никакого скота 759. От 6 до 12 пар волов имеют 3435 дворов, по 2 лошади 3368, по 11—50 овец 4431 двор. Под виноградниками только 800 кв. саженей. Заводов 521, с производством на 136440 руб.; первое место занимает мукомольное производство (11 паровых мельниц, 350 ветряных и водяных). Маслобойных заводов 30, овчинных 65, известковых 12, кирпичных 10, мыловаренный 1, кожевенный 1, горшечных 10, крупорушек 19. Разными промыслами и ремеслами занимаются 1798 лиц. Всех селений 24, частных владений 64, казенных лесных участков 2. Более значительные селения: Безопасенское (12476 жителей), Терновское (10099), Михайловское (9744). Церквей 22 (не считая города Ставрополя), аптека 1 (в селении Безопасенском), школ министерских 27, церковно-приходских 29. Мирских расходов 165619 руб., в том числе на народное образование 16530 руб., на церковь 27858 руб., на народное здравие 1669 руб., на подводную повинность 33401 руб., на жалованье должностным лицам 32413 руб., на общественные здания 13857 руб. На душу приходится мирских платежей 4 руб. 21 коп., на 1 десятину — 39 коп. Пожаров было 43, сумма убытков 12416 руб. (1898).

Текст печатается по изданию:
Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Эфрона. — СПб., 1900. — Т. 31. — С. 389—390.

Г.Н. Прозрителев. **Из истории города Ставрополя**[1]

I

В 1910 году работами в губернском архиве мне удалось установить время возникновения нашего родного города, и мы в торжественном заседании в 125-летнюю годовщину отметили 5 мая как день начала Ставрополя, так как указ Екатерины II об образовании в Кавказском наместничестве Ставропольского уезда и уездного города Ставрополя дан был 5 мая 1785 г. День этот постановлено ежегодно отмечать торжественным нашим собранием. В своей брошюре к 125-летию города Ставрополя я касался, главным образом, установления момента возникновения Ставрополя как города и предшествовавшего его положения.

В настоящем моем сообщении я намерен познакомить вас с следующими моментами его исторической жизни.

Другим памятным днем для Ставрополя является 15 февраля 1786 года, когда возникли в Ставрополе городские учреждения.

Став из обыкновенного населенного пункта, и притом случайно возникшего, центром гражданской жизни, Ставрополь, естественно, мог развиваться только с того момента, когда в нем получили основание учреждения, охраняющие права жителей в отношении внутреннего распорядка.

Создание, таким образом, гражданских учреждений является фактом в высшей степени важным, и день 15 февраля 1786 года должен быть признан днем знаменательным в нашей жизни, когда торжественно были открыты первые учреждения, первые присутственные места.

В настоящее время, благодаря разбору губернского архива и архива, найденного при переделке пожарных конюшен и перенесенного мною в колокольню, мною собран обширный материал для истории Ставрополя, но все-таки считаю долгом и в настоящий момент помянуть добрым словом наших первых работников по ставропольской старине, И.В. Бентковского и вместе с ним архитектора Архипова, собравшего ценные данные в этом направлении еще ранее Бентковского.

В указе 9 мая 1785 года Павлу Сергеевичу Потемкину, генерал-поручику, правящему должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора, об устройстве Кавказской губернии повелено было строить вблизи горских народов города, вводя в них городовое управление 21 апреля 1785 года.

Так как этот указ широко затрагивал вопрос переселенческий и внутреннее устройство края, то он порождал многие недоразумения в отношении осуществления мероприятий на месте; поэтому, вероятно, введение управления в Ставрополе и замедлилось.

Только 31 января 1786 года Кавказское наместническое управление дало распоряжение об открытии присутственных мест в Ставрополе.

В то время все управление сосредоточивалось в Астрахани, и оттуда был командирован председатель Уголовного суда подполковник Пирогов для открытия присутственных мест в городах Кавказской губернии (Указ. Кавк. намест. управ. 31 января 1786 года).

В Ставрополь был отдельно послан надворный советник Зряхов.

Из донесения Пирогова видно, что открытие в Ставрополе состоялось 15 февраля 1786 года (Указ № 68 — 1786 года бургомистру Яковлеву) с молебным пением в церквах и преподанием священником благословения открываемым учреждениям.

В Указе Наместничества указан был порядок открытия, которое должно начаться чтением Высочайшего манифеста, и добавлено, что в каждое присутственное место отпущены: законы, сукно на стол и на первый случай на расходы деньги, бумаги, чернила и проч.

Что касается денежных сумм, имеющихся на местах, то за отсутствием еще Казначейств, они должны храниться на руках у того, у кого они были до прибытия казначея, но с тем, чтоб о них было доложено Казенной палате.

В том же указе говорится и об открытии Кавказской казенной палаты.

Мне удалось найти в наших архивах эти исторические книги «законов», присланные тогда в ставропольские присутственные места.

В настоящее время они представляют библиографическую редкость, а для Ставрополя они являются тем знамением правды, под которым он впервые начал свою гражданскую жизнь.[2]

Были присланы следующие книги:

1. Указы Екатерины II-й 1765—1766.
2. Указы Екатерины II-й 1766 (за 1/2 года).
3. Указы 1767 г. (по 1 июля).
4. Воинский Устав, напеч. 1780 г. (Петра I-го).
5. Регламент Коллегии, напеч. 1731 г.
6. Словарь юридический ч. II-я с 1755—1775 г. Начинается указом 24 января «о учреждении в Москве университета и двух гимназий: одну для дворян, а другую для разночинцев, кроме крепостных людей».

Под некоторыми указами — ссылка на другие по тому же предмету.

Создание нового города и введение в нем гражданского управления вместо управления, которое прежде относилось «единственно к военному начальству», было весьма крупным событием для всего края, нуждавшегося в упорядочении отношений внутренней жизни обывателей и проявлении их самодеятельности.

В правительственных сферах также придавали большое значение этому новому направлению в политике в отношении далеких окраин и хотели обратить внимание всего населения края на подобные мероприятия.

Екатерина II собственноручным письмом от 25 февраля главнокомандующему в Кавказской губернии Павлу Сергеевичу Потемкину выражала свое удовольствие по поводу открытия присутственных мест и поручила объявить об этом дворянам и горским князьям и удостоверить каждого в искреннем её желании, чтобы новый образ правления послужил к утверждению их спокойствия и благополучия.[3]

Новым городам было отпущено в пособие в ссуду 100000 р.[4]

А для удостоверения, как прочно налажено новое дело в крае, повелено было сенаторам графу Александру Романовичу Воронцову и Алексею Васильевичу Нарышкину обревизовать новооткрывшуюся губернию и созданные присутственные места. И 3 марта 1786 года сенаторы уже были в Екатеринограде, тогда губернском городе.[5]

Необходимо отметить, что край, а вместе с ним и наш Ставрополь, переменой в порядке управления обязан Павлу Сергеевичу Потемкину, который в своих представлениях Екатерине II указывал на необходимость развития гражданской части в крае и больших облегчений для обывателей. Суровый военный режим связывал обывателя и отдавал его в зависимость от личного усмотрения того или другого начальника гарнизона, который в свою очередь был связан строгостью военных законов, которыми часто прикрывались и злоупотребления.

Несмотря на то, что всего несколько лет прошло со времени массового водворения переселенцев на Кавказ, накопилось много разного рода недоразумений, жалоб, и потому в создании гражданского управления краем была существенная необходимость. Этим, вероятно, и вызывалась сенаторская поездка. П.С. Потемкин добился этого изменения, как и преобразования крепости № 8 в город Ставрополь. Ему же обязаны и наши села в том, что получили разрешение строить церкви и иметь свой причт, хотя и с ограничением, чтоб было не менее 500 душ в селе, чего они прежде тщетно добивались.

Хотя отдаленность Кавказа и военные обстоятельства и пугали, но все же кавказский простор привлекал поселенцев, а тяжелые условия жизни внутренней России только способствовали этому негласному заселению: все, что укрывалось от помещичьего гнета и терпело притеснения во внутренних губерниях, уходило на Кавказ и здесь создавало свою собственную новую жизнь. Естественно, что район каждой существующей уже крепости тянул к себе поселенцев, и создававшиеся вольные (невоенные) поселения, слободки, требовали внутреннего управления и «расправы» по возникавшим между жителями недоразумениям. Жители слободки занимались промыслами, мелкой торговлей, сначала для потребностей крепости, а затем постепенно расширяли свои операции, и было крайне необходимо регулировать создавшееся положение. Надо было узаконить такие поселки и создать для них управление взамен царивших всяких случайностей при улаживании споров.

Такое поселение при Ставропольской крепости известно с 1782 года, но несомненно, что при самом построении крепости в 1777 году уже было положено начало такому поселению женами солдат, строивших крепость, и отставными солдатами. Это тем более верно, что присутствие населения «невоенного» в самой крепости еще до образования города подтверждается самим планом крепости 1778 года, где в пределах крепостной стены показаны «обывательские строения».

В отношении существования слободки при Ставроп. крепости имеется вполне достоверное свидетельство, которым является переписка Нижнего земского суда с городовым Ставроп. магистратом по поводу отыскания семи человек мещан, значащихся по четвертой ревизии в числе мещан при Ставроп. крепости и записанных в мещане в 1782 году, которых не оказалось в 1786 году.[6] В числе мещан в 1782 г. значился Иоаким Нечаев, вольноотпущенный оренбургского помещика. Запись в мещане велась в 1784 году, и в этом году там проживал купец Яковлев, а в 1785 году зачислены в мещане Калина Скоморохов и Иван Ртищев.

Жизнь вызывала необходимость признать существование вольных поселений при крепостях и тех правоотношений, какие возникали между жителями их. Естественно, что в этом случае одно военное начальство крепости могло санкционировать гражданские сделки и так или иначе регулировать течение невоенной жизни. И вот из сохранившейся копии протеста векселя видно, что обязанности нотариуса по протесту векселей возложены были на полковое начальство. Купец Кузьма Яковлев, торгующий в Ставр. крепости, предъявил к протесту вексель, выданный ему 24 февраля 1784 г. отставным подпоручиком Федором Фостиковым, и протест «к сохранению вексельного права» был совершен за неимением публичного нотариуса в полковой канцелярии Астраханского драгунского полка, подписан адъютантом Феодосием Раевским. К протесту приложена печать полка, свидетелем при протесте был отставной казак Донского войска Столяров.

Таким образом гражданские сделки совершались еще за три года до открытия присутственных мест, и санкционировались они военным начальством полка, который составлял гарнизон крепости.

Протест был выдан на руки Яковлеву. Надо заметить, что протест был совершен вполне правильно, почти в тех же выражениях, как и ныне.

Городовое управление по указу 21 апреля 1785 г. делало город самоуправляющимся во всех делах хозяйственных путем выбора достойнейших лиц, и это, конечно, являлось громадным толчком к развитию собственных сил населения.

А потому открытие органов самоуправления было буквально торжеством для жителей вновь созданных городов, после бесправной и зависимой жизни от военного начальства крепости.

Первоначально в Ставрополе были открыты из числа присутственных мест: Городовой магистрат и Нижний земской суд; уездные суды находились в Моздоке и Георгиевске, куда относился и Ставропольский уезд.

Учреждена была должность публичного нотариуса и назначен городничим.

Первым нотариусом в Ставрополе был курский дворянин отставной прапорщик Калугин, а первым городничим прапорщик Стефан Яров.

По закону городовой магистрат состоял из двух бургомистров и 4-х ратманов, но первоначально был только один бургомистр и один ратман. Первым бургомистром был Кузьма Яковлев, а первым ратманом — Карп Колесников.

Только 17 января 1787 года дело наладилось, был избран полный состав и приведен к присяге. Первые же выборы 15 ноября 1786 года не были утверждены, так как по недостатку грамотных не мог быть избран полный состав присутствия.

Небезынтересно указать, что из числа первых деятелей городского управления уцелело только несколько фамилий, а остальные, бывшие во главе города, не появлялись впоследствии и почти все вымерли.

В общественном приговоре 15 ноября 1786 года участвовали Антон Руднев, Яков Тарасов, Назар Голиков, Антоний Камарик, Алексей Стрежиков, Тимофей Катасонов, Иосиф Ртищев, Василий Быканов, Андрей Волобуев, Петр Акулинин, Козьма Руцкий, Петр Пашков, Никита Черкеменин, Петр Воробьев, Григорий Неделика и Иван Чернышев.

Из числа этих фамилий удержались в настоящее время только две: Ртищевы и Рудневы, — предста-

вители которых состоят в несомненном родстве с первыми деятелями городского управления.

Среди дел указанного архива в колокольне являются весьма ценными протоколы заседаний Городового магистрата, где имеется ежедневная запись как состава присутствия, так и рассмотренных дел.

Население города было очень польщено новым законом и созданными учреждениями и с достоинством носило звание мещанина, получив в нем расширение прав обывателей сравнительно с крестьянским сословием. Мещанин приобретал гражданские права и назывался гражданином.

Времена были тяжелые, на Руси царило крепостное право при полном бесправии личности.

Легче жилось государственным крестьянам, но и это податное сословие не было избавлено от телесного наказания.

Архивы сохранили по этому вопросу и за более позднее время интересные документы.

Звание мещанина спасало, выводило из бесправия, и новый город стал быстро наполняться записывавшимися в число его обывателей. Благодетельная мера, объявленная в высочайшем манифесте о ссудах городам из заемного банка, встречена была несочувственно, она очень напугала новых горожан той ответственностью, которая возлагалась на городские общества, и все города, как и наш Ставрополь, на запрос Наместнического правления уклонились от получения ссуд, ссылаясь на неустройство общества и недостаточное число лиц, вошедших в состав купцов и мещан города. Из мнения Ставропольского магистрата видно, что в 1787 г. 4 июня было в Ставрополе только 162 мещанина... В конце концов Наместническое правление решило представить все на усмотрение правящего должность Кавказского губернатора.

II

В развитии города Ставрополя огромную роль сыграли казаки Ставропольской станицы. Теперь только в названиях улиц в нижней части города: Казачья, Хоперская, Станичная улицы — осталось воспоминание об этом казачьем поселении, да небольшая часовня на нижнем базаре указывает на место, где стояла казачья церковь. В 1825 году станица была упразднена, и казаки переселены на Кубань в станицу Суворовскую.

Ставропольская станица возникла на несколько лет раньше Ставрополя и связана с проведением Азово-Моздокской линии.

Предположенная постройка крепостей по линии от Азова до Моздока, несомненно, требовала охраны от набегов горцев, и вот в том же 1777 году, когда приступлено было к устройству линии от Моздока до Азова, двинуты были для поселения на ней с Дону хоперские казаки. О них в наказе, данном на имя князя Потемкина, упомянуто таким образом: «Хоперскому казачьему полку, расположенному в 27 верстах от Донских станиц, и следовательно в ненужном месте, велено в этом же 1777 году перейти на линию наступающею весною, под командою войскового старшины (потом подполковника) Конона Устинова,[7] а для содержания форпостов нарядить из Донского войска пристойное прикрытие».

По прибытии казаков в Ставропольской крепости для них тотчас же под поселение отведен был участок земли к с.-в. от крепости, по скату возвышенности и по равнине. Здесь-то собственно и началось первое население нынешнего города, постепенно распространявшегося дальше и дальше к востоку и югу по равнине. Пришедшие казаки поставили деревянные незатейливые постройки, которые не отличались своей красотой, но военным людям, пришедшим на Кавказ для укрепления границ, и некогда было думать о красоте и удобстве своих жилищ; они старались только как бы скорее заложить их основание и потом приняться за свое главное дело — оружие. Но тем не менее протянулись улицы, обстроились, и в 1780 году казаки соорудили церковь во имя Казанской Б. М. Станица строилась довольно быстро, потому что казаки не имели недостатка в материалах и свободно пользовались лежавшими вокруг них лесами. Окопали казаки свое жительство валом, огородили и начали заниматься садоводством, составлявшим, как кажется, главный предмет тогдашней их хозяйственной деятельности.

Хоперцы прибыли к Ставропольской крепости 22 октября, и потому построенная ими церковь заложена в честь Казанской Божьей Матери. Остальные казаки хоперского полка образовали станицы: Михайловскую, Старую Марьевку, Надежду, Бешпагир и др.

Вот под прикрытием этих станиц и возникало при крепости поселение вольных людей, слободка, которые, не принадлежа к казакам и часто являясь, может быть, и не с безупречным прошлым, селились подальше от казаков. Да и сами казаки недружелюбно встречали новых поселенцев, вероятно, по той же причине.

На это обстоятельство указывают и протоколы Городового магистрата, из которых за 1787 год видно, что уже были мещане, изобличенные «в неоднократных продерзостях (воровстве) и подлежащие отдаче в солдаты». Как бы то ни было, но казаки даже отгородились от новых поселенцев плетневым забором, проведенным от базарной площади к востоку до конца возникавшей улицы новых поселян, называвшейся Большой Черкасской, ныне Николаевский проспект. Забор этот существовал до тех пор, пока казакам не повелено было идти на Кубань и станица упразднена. В то время как о мещанах слободки имеются неодобрительные отзывы, казаки оставили по себе добрую славу.

В первый же год по своем водворении казаки выдержали нападение скопищ черкесов и кабардинцев, отстояли крепость и спасли от разорения и гибели жителей слободки. Это было в мае 1779 г.: 200 хоперцев разбили партию в 1500 человек напавших закубанцев. В следующем 1780 году Ставропольская крепость снова подверглась нападению закубанцев, но снова была спасена удальством горсти казаков, которые даже взяли в плен предводителя горцев Аслан-Гирея.

Таким образом, город на самой заре своего существования многим обязан казакам-хоперцам, и ставропольцы должны быть признательны первым поселенцам Ставропольской станицы и чтить их память.

Как крепость, так и станица тесно связаны с жизнью слободки и являются первыми свидетелями зарождения будущего города и его хранителями, а потому в истории города им должно быть отведено почетное место. К сожалению, в этом отношении имеется пока очень скудный материал, так как архивы Ставропольской крепости и станицы до сих пор не найдены и приходится довольствоваться

теми данными, какие встречаются в переписке по разным делам в других учреждениях и архивах.

Но тем не менее можно дать точную характеристику хоперцам и казакам Ставропольской станицы и признать за ними беззаветную храбрость, отвагу, домовитость, уживчивость и усердие к церкви.[8] Несмотря на то, что они были, так сказать, первыми хозяевами места, занятого близ крепости, они с возникновением города скоро почувствовали притеснение со стороны мещан, и в архивах сохранились жалобы их даже на то, «что мещане совсем их от церкви оттерли».

Жители захватили их пастбища и сенокосы и вообще смотрели на прилегающие земли как на городские, ссылаясь на какие-то распоряжения, и не признавали прав казаков. Целый ряд недоразумений и хозяйственных столкновений обострил отношения между казаками и жителями, и обиженными оказывались казаки.

Дело дошло до того, что жители города стали оспаривать даже право казаков на церковь, доказывая, что она построена на общие средства и преимущественно на средства жителей. Власти, видимо, становились на сторону горожан, и спор настолько осложнился, что казакам не позволили взять церковь при переходе их на новые жительства, и только через 12 лет им удалось осуществить свое право и увезти свою церковь.

Казаки чувствовали себя крайне обиженными и самым переселением, и предпочтением, которое отдавалось жителям, и несправедливостью, допущенною в отношении прав их на церковь.

В архиве удалось найти интересное дело о споре жителей с казаками о правах на церковь.[9]

А тут присоединились неудовольствия и ряд столкновений городских обывателей с станичниками из-за базара, из-за водопоя в горе (нынешняя Соборная гора), из-за камыша, росшего по горе и по речке Ташле, и пр.

В связи с этим стоял и вопрос земельный, наделение города землею, чего при существовании станицы сделать было нельзя.

Архив нам сохранил и споры духовенства той и другой церкви между собой из-за совершения треб. Духовенство Троицкого собора неоднократно жаловалось в консисторию на то, что причт казачьей церкви совершает требы между городскими жителями и тем уменьшает их доходы. Были случаи личного столкновения духовенства между собой.

Дело в том, что долговременное совместное сожительство городских мещан с казаками породило родственные и дружеские отношения между ними, что имело значение и для духовенства казачьей станицы. В силу тех или других причин это духовенство приглашали к себе горожане, обращаясь к нему, как более доступному, нежели «соборяне», и за требами.

Вот тут и начались недоразумения и пререкания. А так как духовенство казачьей церкви было в ведении военного начальства, то оно и имело у себя значительную поддержку.[10]

Казаки станицы, видя в жителях соперников, не шли на возвышенность, а наоборот, подавались больше на север и запад и постепенно стали расселяться по р. Ташле и Мамайке, разбрасываясь хуторами и образовывая как бы две станицы. На левом берегу р. Ташлы мне удалось найти кресты и каменные плиты бывшего когда-то кладбища.

Много крестов расхищено, и о надписях судить нельзя, но на одном кресте удалось прочитать «иерей», а остальное стерто.

Привольные места и земельный простор значительно способствовали благосостоянию, а трудолюбие сделало из казаков хороших хозяев. Крепко сжились они с своими новыми местами, и тяжело было им узнать весть о переселении на Кубань.

Но в 1826 году, когда город намечался областным, окончательно было решено переселить казаков, что и было поручено князю Горчакову.

Князь Горчаков был первым начальником Кавказской области, учрежденной в 1822 году.

Трудное дело выпало на долю Горчакова, но хорошее знакомство с казаками и умение дали ему возможность выйти из затруднительного положения и наладить переселение казаков без особых осложнений. Зная казаков, Горчаков не вдруг приступил к исполнению поручения, а сначала путем убеждения и общений сумел создать в среде казаков сторонников новой меры, а затем склонил казаков заблаговременно продавать свои дома горожанам и находил покупателей. Задача заключалась в том, чтобы казаки не ломали своих домов и, уходя, не оставили бы пустого места. Еще в 1795 году в станице было 300 казачьих дворов, а к этому времени число их значительно возросло.[11]

Хоперский казак в обмундировании 1777 года

Небольшая часть, действительно, успела продать свои жилища, но ввиду того, что в городе было меньше жителей, чем казаков, и притом они не располагали средствами, продажа не имела успеха.

Добровольная продажа построек в станице, хотя бы и по низкой цене, имела громадное значение для казаков, так как правительство не находило возможным давать казакам при переселении вознаграждение за их дома в станице и, так сказать, выкупать их. Князь Горчаков добился только Высочайшего повеления в том, чтобы за казачьи сады и мельницы с землей под ними было выдано казакам вознаграждение по справедливой оценке, обратив эти обзаведения в число государственных имуществ для извлечения из них пользы. Таким образом, продажа домов в станице являлась прямой выгодой для казаков. В приложении мы приводим означенное распоряжение, явившееся благодаря благожелательности к казакам князя Горчакова.

Закончить переселение выпало на долю другому начальнику области, генералу Эммануэлю, который повел дело уже не с той постепенностью, как Горчаков.

Весною 1827 года, поломав свои дома и уложив на подводы, потянулись казаки со своим скарбом на новые места, ближе к неприятелю, для новой борьбы с ним. За бесценок сбыли казаки свое добро горожанам, радовавшимся удалению своих соперников.

Ставрополь после этого выселения мог свободно расширяться и распространяться во все стороны. Гражданам не с кем было теперь вести споров за земли и усадьбы: «Казаки все оставили в их полное владение», — говорит Архипов.

Необходимо заметить, что за время своего пребывания казаки значительно обезопасили жителей от нападения как калмыков, так и закубанцев, а в первое время казаки должны были выпускать свой скот только на ружейный выстрел от крепости, и то под охраной конного наряда.

Крепость Ставропольская с своими 13 пушками сыграла в этом деле видную роль, являясь серьезной угрозой непокорным, если бы возникли волнения при переселении.[12]

После удаления казаков и упразднения станицы настала очередь и крепости уступить свое место обывателю, который скоро стал растаскивать по камешкам ее стены.

Что касается крепости Ставропольской, то существует некоторое разноречие относительно года ее построения: в 1777 году или в 1778 году, – но это обстоятельство не имеет значения для самого города, а потому не будет погрешностью, если мы годом ее основания будем считать 1777 год, тем более что весною следующего года выступили с Дона хоперцы и осенью были уже у Ставропольской крепости, а это было в 1778 году.

Предложенная Потемкиным военная линия должна была пройти от крепости Маздока через реки Золку, Куму, Карамык, Тамузлов, Буйволу, Калаус, мимо Темного леса вниз по реке Большому Егорлыку до Маныча и Дона — до крепости Св. Дмитрия, лежавшей у устья Азовского моря, почему и линия получила название Азово-Моздокской линии.

Близ нынешней ст. Темнолесской и теперь еще видны развалины крепости, а близ Ставрополя был пост № 8, и близ него было повелено заложить крепость Владимирскому драгунскому полку. Выбор и пал на нашу возвышенность. Не останавливаясь здесь на вопросе, почему избрано было это место и как строилась крепость, мы все-таки можем установить, что первым строителем был полковник Ладыженский.[13]

Имя его должно быть сохранено в памяти ставропольцев как первого создателя будущего города.

Из приложенного плана видно, что крепость была невелика по пространству, но для того времени, при 13 пушках, это было серьезное сооружение, под охраной которого можно было жить в безопасности.

Скоро, как мы видели, было оценено русским человеком значение этого укрепления, и он пошел к нему со всех сторон.

Здесь кстати сказать, что Суворов не строил Ставропольской крепости, и на карте, составленной им в 1778 году, ее нет, а намечен Темижбек, и в Ставрополе Суворов не был.

Крепость строилась быстро.

Теплая и бесснежная зима 1777—1778 года способствовала и постройке крепости, и приливу поселенцев к ее стенам.

В настоящее время, т.е. в 1915 г., сохранились от крепости только два столба, сложенных из тесаного камня, составлявших ворота внутреннего двора крепости, чрез которые шла дорога из станицы.

Жизнь крепости протекала довольно однообразно и мирно, так как постройка Суворовым ряда крепостей на Кубани вплоть до Кавказской и Темижбека составила большую преграду закубанским племенам и отрезала их при посредстве Азово-Моздокской линии от с.-в. части Северного Кавказа.

Настало значительное успокоение, тем более что преграждался и калмыкам доступ в прикубанские степи.

Вблизи Ставрополя в 30 верстах стояла крепость Московская, а с юга Темнолесский рентраншамент, и потому Ставрополь был в полной безопасности и ему не угрожало даже нападение Шейха-Мансура в 1785—1789 гг. Хотя движение распространилось до самой Анапы и знаменитый шейх мечтал захватить Ставрополь.[14]

Близость станицы и возникновение слободки создавали возможность общения, и крепость не была отрезанной, хотя сообщение и совершалось при посредстве «оказии», т.е. под прикрытием военной команды и при одной пушке. Судя по отметкам на бумагах сохранившихся в архиве дел о времени посылки и получения, сообщение было налажено хорошо, и почта доставлялась с удивительной быстротой, хотя, конечно, это надо отнести к казенным бумагам, а не к частной переписке.

Сообщение велось при посредстве верховых казаков, и эстафета доставлялась с изумительной быстротой.

Вести из России не были часты, и письмо было большой редкостью.

Если принять во внимание прилив переселенцев и то, что военное начальство должно было входить в их нужды и принимать участие в их правоотношениях, то можно утверждать, что в крепости было большое оживление и жизнь шла бойко.

Что касается внутренней жизни, развлечений, то главным удовольствием было чаепитие, спиртные напитки (водка) были только для праздников, в самом ограниченном количестве, а виноградное вино было недоступно. Таким образом, пьянства на первое время совсем не было. Охота на кабанов, медведей была большим развлечением, а обилие птиц, в особенности перепелов, стрепетов и фазанов, сделало охоту любимым отдыхом и создало обычай.

Грамотность была очень слабо развита, школ не было, но начало им положено было в казачьих станицах учреждением полковых школ.

Книга была редкостью, хотя и встречаются книги 1785 года как светские, так и церковные, привезенные из России.

Встречаются рукописи и «наставления» в жизни.

Бумага была только в казенных учреждениях, и письменные принадлежности составляли принадлежность писца. Писали гусиными перьями, а чернила приготовлялись из чернильных орешков. Надо сказать, что бумага и чернила того времени прекрасно сохранились.

Приложения

I. Переписка по поводу предполагавшихся ссуд городам Кавказской губернии из заемного банка в 1786—1787 гг.

От Главнокомандующего в Кавказской губернии.
В Кавказское Наместническое Правление
Предложение

Препровождаю в Наместническое Правление присланные ко мне письма от Г-на Тайного Советника Сенатора и кавалера Петра Васильевича Заводовского со вложением рассуждения о раздаче из заемного банка от щедроты Ее Императорского Величества определенной суммы на города, ответ мой на первое его письмо с приложением объяснения о каждом городе и ответ мой на последнее его письмо, дабы Правление ведало содержанием их, понеже в предпоследнем параграфе письма помя-

нутого Г-на Сенатора Петра Васильевича Заводовского сказано сими словами: «Какие удостоверения могут они представить в благонадежность возврата и кои средства полагаете вы или само купечество к соблюдению ссудной суммы».

Из сего следует, чтоб наместническое правление отобрало от всех городов купечества, через кого надлежит, какие удостоверения, который город представить может на сумму им от щедроты Ее Императорского Величества назначаемую, и собрав оные, ко мне представить.

Павел Потемкин.

№ 512. 21 апреля 1787 года.

Милостивый Государь мой Павел Сергеевич!

Получив почтенное письмо Вашего Превосходительства, в котором благоволили вы меня уведомить о состоянии городов, обоих всевысочайше вверенных вам губерний, Кавказской и Саратовской, и извлекая из оного, так как и из приложенного к нему мнения вашего, все то, что мне к сведению моему потребно, не нахожу я, Милостивый Государь мой, некоторых объяснений, кои неминуемо нужны для основания общих правил к обнадеживанию заемного банка, и ради достижения тех выгод и польз, для чего от щедрой Монархини нашей всем в Империи городам ссуды предопределены.

Ваше Превосходительство, проницательно рассмотрев локальное положение всех Кавказской и Саратовской губернии городов, и войдя подробно в состояние купечества их, благоразумно расположили их на классы, соответственно рассуждению к вам препровожденному; но сколько именно потребно каждому городу Всемилостивейше жалуемой ссуды, какие удостоверения могут они представить в благонадежность возврата, и кои средства полагаете вы, или само купечество, к соблюдению ссудной казны, того вы объяснить не изволили.

Не могши без столь подробного сведения приступить к исполнению возложенного на меня служения, и следовательно уделить городам Кавказской и Саратовской губерний изливаемой от щедрот Ее Императорского Величества денежной ссуды, покорнейше ваше превосходительство прошу необходимое сие объяснение выполнить, и сколько возможно без продолжения ко мне доставить.

С совершенным почитанием и преданностью имею честь быть, Милостивый Государь мой, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Петр Заводовский.

30 генваря 1787 года.

Милостивый Государь мой Павел Сергеевич!

Видели Ваше Превосходительство из дошедшего к Вам Высочайшего манифеста, данного июня в 28-й день сего года, коль благотворительным образом Ее Императорское Величество учредить соизволила денежный заем для дворянства и купечества во вновь открываемом в здешней столице заемном государственном банке.

Щедрота и милость, Высочайше изволенные для городов и купечества всего государства раздачею одиннадцати миллионов рублей, имеют единственно предметом своим пользу и распространение рукоделий, внутреннего торгового обращения, разных промыслов и отпуска в чужие края Российских произрастений и товаров, не меньше же того подкрепление торгу подданных Российских с Китайским и Персидским государствами и с другими, соседними Азиатскими областями. Правила о займах дворянских в сем установлении явственны; но для городов составить оные нельзя без ближайшего или паче местного удостоверения о положении и их состоянии, что наилучше должно быть известно главному начальнику в каждой губернии. Будучи определен главным директором над сим государственным заемным банком, имею честь по точному Высочайшему указу просить Ваше Превосходительство уведомить меня, какие города найдете вы в двух вверенных вашему управлению губерниях Саратовской и Кавказской и в третьей области Астраханской, по состоянию частного положения их нужд и выгод, требующими и коликой именно денежной ссуды, присовокупя к тому и мнение ваше, заимственное от опыта и местного наилучшего удостоверения, каким образом каждому городу требуемую сумму вверить, избранному ли нарочито для того обществу, которое бы за целость оного ответствовало, или правлению городскому на двадцать два года, дабы от сих раздача частным людям того города или иногородным, привозимыми товарами или закупкою оных торги в оных ведущим, под какой залог и обязательства производима была благонадежнейшим образом со стороны обеспечения данного от казны капитала и верной уплаты оного ежегодно от заемщиков установленными процентами. Средства и способы, кои вашим превосходительством по лучшему вашему усмотрению изобретены будут для сего, послужат к основанию общих правил в обнадеживание самой казны и для достижения тех выгод и пользы, на которые частным людям сии ссуды предопределены. В приложенной у сего записке сообщаю вам не яко точные уже правила, но одно только рассуждение к оным, руководствовавшее соображением пользы и выгод от назначенной городам денежной ссуды, которая не полагается единственно на упомянутые тут города, ибо оные только названы в пример, но и опричь оных собственному вашему благоусмотрению предоставляется рассмотрев состояние всех городов в ваших губерниях и области и сообразя предмет щедроты от милостей Монарших, назначить которым из них полезно и безопасно будет и коликую именно учинить из назначенной вообще суммы ссуду. На сей конец повторю еще мою просьбу, дабы сходствуя во всем выше изъясненному благоволили доставить мне уведомление к последнему числу декабря сего текущего года. О присылке равных сему известий сообщил я и всем государевым наместникам или должности их отправляющим, исполняя сим данный указ и высочайшую волю Ее Императорского Величества.

С высокопочтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой

Петр Заводовский.

Июля 24 дня 1786 года.

С.-Петербург.

1787 года 4 мая дня в Кавказском наместническом правлении от 21 апреля под №512, по предложению Его Высокопревосходительства, приказали во все городовые магистраты, исключая Астраханской, указами велеть, собрав городских голов, и общества положить основание, какими кому достоверитель-

ными способами в городах в пользу оных и торговли, сумма пожалованная, может быть в ее употреблении, однако же предохранена без растеряния, кому ссуда учинится и вообще капитал ее прислать мнение за подписом градских голов, магистрата и общества купцов без продолжения времени.

Подписали: Ларион Алиусеев, Василий Булычов, Андрей Тюкин.

Выписал регистратор.

Мнение
Екатериноградского городового магистрата, представленное в Кавказское наместническое правление 9 июня 1787 года за № 169

Вопрошается: какие удостоверения могут города представить в благонадежности возврата, и кои средства предположить можно к соблюдению ссудной суммы.

Казна при выдаче денег купечеству обыкновенно обеспечивает себя капиталами, какие показывает оно, и поручительством. Но опыт доказал, сколь много казна потерпела, вверяя на таком основании деньги и в цветущих городах; сколь медленно или совсем не достигала той прямой цели, для которой она делала им вспоможение. Ибо редко можно найти такое общество, в кое не вкрадывались бы в большой части распутные, за которых принуждена будучи часть добрых людей выплачивать растраченные ими казенные деньги приходит в разорение. Кроме сего бесчисленны суть обстоятельства, которые, стекшись, расстраивают все неусыпные распоряжения добрых стяжателей имения, и заглушают отрасли торговли в руках их; и так обращая внимание на общество многолюдное, обзаведенное, распространившее уже сколько-нибудь свою торговлю и тем умножившее свои капиталы, можно обеспечить раздачу сию так, чтоб отдать оную на отчет и попечение какого-либо верхнего правительства, например, губернского магистрата, который, отбирая представления от городового магистрата на самых честных и зажиточных людей, одобряет их пред главным начальником в губернии, и тогда с апробаций его произведет раздачу: сим кажется средством достанутся деньги в такие руки, в коих надежно оные сохранены будут, и польза прямая государственная соблюдена будет. Но поелику в сем городе общество весьма еще малолюдно и не более, как из семнадцати человек составляется, коего вообще весь капитал до двадцати шести тысяч шестисот рублей простирается, притом по новости еще не обзавелось, то при всех выгодах Всемилостивейше ему дарованных, и при выгодах, какие с избытком можно найти в торговле в сей стране, столь слабые силы имеет оно к произведению торговли, что неможно раздачу сию произвести лично, а ежели и на целое общество, то не и иначе как под смотрением какого-либо правительства, например, губернского и городового магистратов, которые, так сказать, хозяйственным порядком войдут, как в распоряжение данною на ссуду суммою, так и самое состояние торговли, смотря неусыпным оком на образ производства оной, поверяя почаще в кладовых сумму денег, выручаемых с продажи товаров, и в лавках товары (что все оное строение на первый случай со стороны казенной должно из особенной суммы выстроить на счет купечества) и наконец поверяя самую бухгалтерию, которую должно непременно во всем приличном на сей случай порядке завести; и имея всегда в виду поведение и способности каждого мещанина, коему общество вверяет должности по торговле случающиеся, а когда уже общество, участвующее в обороте сей ссудной суммы, научится через опыт, каким образом возвысилась их торговля, как находило оно свои прибытки, увидит, что суммы на ссуду ему данной знатная часть уже выплачена, общество граждан умножится с течением времени, откроются другие обстоятельства, поспешествующие к торговле, например, землепашество в лучшем состоянии будет, размножатся селения, окружающие горские его соседние народы умягчат дикость свою, приобыкнут к роскошной жизни, познав больше цену в вещах, найдут и нужды больше в оных, а сим способом и расход вещей умножится и прочее. Тогда можно к облегчению магистратов сделать другое распоряжение относительно до беспечности казны и пользы государственной самого общества сего города. Но сколь велика сумма потребна на ссуду здешнему обществу, сие зависит от рассмотрения главного начальника, народа высокоего мудрость и прозорливость и неусыпное попечение о благосостоянии народа Высочайше вверенного его управлению всю нашу надежду возлагаем. Однако ж общество, следуя сему основанию, на каком, как выше сего объясняются, полагает раздачу ссудной суммы, полезным и достаточным к достижению прямой цели, в рассуждении торговли средством, чтоб не менее, как тридцать тысяч рублей выдать. Из сего губернское правление видеть изволит, какие полагает городской магистрат и все общество сограждан сего города верные средства к надежному возвращению Всемилостивейше жалуемой на ссуду суммы, какие меры находит к приведению в цветущее состояние торговли и соединенной с нею прямой государственной пользы. В должности городского головы губернского магистрата заседатель Иван Боев, екатериноградский купец и губернского магистрата заседатель Иван Кирилов сын Баранов, екатериноградский купец и губернского магистрата заседатель Алексей Зайцев. Екатериноградский купец и губернского магистрата заседатель Яков Тупиков. Екатериноградский мещанин и губернского магистрата заседатель Игнатий Базарников. Екатериноградский купец и совестного суда заседатель Александр Баранов; совестного суда заседатель Леонтий Сандуленков. Екатериноградский купец и городового магистрата бургомистр Андрей Яковлев, по неумению его грамоте прилагаем свою печать. Екатериноградский мещанин и городового магистрата бургомистр Степан Бочарников, екатериноградский купец и городового магистрата ратман Андрей Дьяков, екатериноградский мещанин городового магистрата ратман и прочее.

Мнение Кизлярского купечества

1787 года мая 31 дня вследствие полученного Ее Императорского Величества из Кавказского наместничества правления указу мы города Кизляра купцы нижеподписавшиеся на определенную на города к раздаче из заемного банка от щедроты Ее Императорского Величества сумму, дабы она предохранена была без растеряния, своим мнением полагаем, кто будет брать, тому дан будет о вверении взятой суммы из городского магистрата аттестат.

Подлинное подписано тако: 2-й гильдии купец и голова Яков Калашников, 3-й гильдии купец и бургомистр Афанасий Чернов, 3-й гильдии купец и бур-

гомистр Михана, 3-й гильдии купец и ратман Егор Серебряков, 3-й гильдии купец Дмитрий Васильев, 3-й гильдии купец Василий Свешников. В должности секретаря подпоручик Иван Моисеев.

Мнение Ставропольского городского общества

1787 года июня 4 дня по силе насланного из Кавказского наместнического правления от 19 минувшего мая, под № 3931, указа, и на запрос в оном, какие удостоверения могут быть в благонадежности возврата и кои средства предположатся к соблюдению назначенной от щедроты Ее Императорского Величества городам ссудной суммы в Ставропольском городовом магистрате, имев полное собрание Городской глава, магистратские судьи и общества купечества и мещанства, основание свое полагают, что сего города Ставрополя, все оное Градское общество составляется, как то: 2 и 3-й гильдии купечества семейного 12 человек, коего вообще купеческий капитал тридцать одна тысяча руб., мещанства сто шестьдесят два человека, коих также мещанский капитал восемь тысяч руб., а всего вообще капитала купеческого и мещанского тридцать девять тысяч руб., однако из оного общества большая часть граждан по новости еще совершенно не обзавелась и при всех выгодах, Всемилостевейше Градскому обществу дарованных, Ставропольское городское общество к получению ссудной суммы не иначе приступить может, как под смотрением вышнего над собою правительства, яко губернского и городового магистрата, и раздачу оной произвести каждому купцу и мещанину лично, однако с разбором от распутного состояния на первых порах только честным и зажиточным людям, и по примеру их объявленного на залог капитала, которые на то сплетены быть должны, один по одному круговою порукою и одобрены пред главным начальством от здешнего магистрата, а посредством сего из ссудной суммы деньги поступят в надежные руки, и сохранены будут на прямую цель государственной пользы, к благонадежному возврату сим примером: Ставропольский городовой магистрат сопряжет уже себя хозяйственно и распоряжение прямым образом производства, торговли, рукоделия и ремесла, по цехам приличествующего неусыпно обязан смотреть без запущения нарочитого времени, поверкою чаще в кладовых выручаемой с продажи товаров суммы и личных товаров в лавках, кои все на первый же случай следует выстроить со стороны казенной из особенной суммы на счет купечества и мещанства; потом наконец таковою ж поверкою доходить будет, в самую бухгалтерию, которую должно во всем приличном тому порядке завести; а по образу сего основания здешнее купечество и мещанство, имевшее в руках своих оборот ссудной суммы через опыты настояще приобыкнет впредь с течением времени возвысить свои торговли, а цехи и спустят отрасли полезного рукоделия и ремесла; при всем том, каждый внимать будет свои прибытки, и выгодную выплатку казне ссудной суммы без потери, а между тем размножится общество, и предварительно поспешествуют другие обстоятельства, и сугубому обращению торговли и всякий гражданин да подщиться устепенить по оборотам свое звание; и впредь таковым способом послужить может на будущее время в облегчение губернского и сего городового магистратов, сделается уже и от того, каковое распоряжение относительно до обеспечности казны и пользы государственной, да и сего города купечества, и мещанства, которым как велика потребна сумма на ссуду относится оное рассмотрению главного начальства, однако ж здешнее общество граждан, следуя вышепрописанному основанию, признает за достаточное количество получению себе судной суммы: до тридцати тысяч руб.; или сколько главным начальством рассуждено быть может, а сего ради, Кавказскому наместническому правлению благорассмотреть соизволит, сколь предварительное сего городского магистрата и от всего общества сограждан положение к надежному возвращению всемилостивейшее жалуемой на ссуду суммы, также и подражание устепенить приведением по новости места в цветущее состояние торговли, а за всем тем в удостоверение утверждается сие подписанием рук нижеследующими: градской глава и бургомистр Михаил Тарасов, ратман и 3 гильдии купец Яков Логовской, ратман и 3 гильдии купец Василий Билецкий, ратман и 3 гильдии купец Степан Расинской, купец Иван Абрамов, купец Дементий Хахленков, купец Анфим Хаустов, купец Василий Репухов, вместо себя и за вышеписанных руку приложил, ставропольский купец Савостьян Чернышев, староста Прокофий Савин, мещане Павел Стасенков, Иван Лысой, Лазарь Голиков, Алексей Лукьянченков, Семен Леванидов, Калина и Григорий Скамароховы, Федор Заикин, Тимофей Катасонов, Осип Ртищев, Семен Фотистов, Петр Коренев, Козма Куцков, Абросим Уваров, Потан Ермолов, Захар Попов, Тарас Зотов, Яков Тарасов, Агап Лебедев за себя и вместо вышеписанных мещан руку приложил.

Мнение Моздокского городского общества

1787 года мая 24 дня, по указу Ее Императорского Величества, в Моздокском городском магистрате слушан насланный из Кавказского наместнического правления, Ее Императорского Величества указ коим велено собрав городских голов и общества положить основания какими кому доверительными способами в городах, в пользу оных и торговли, сумма пожалованная может быть в ее употреблении, однако ж, предохраняя без растеряния кому куда учинится и вообще капитал ее прислать мнение за подпискою городских голов магистрата и общества купцов и мещан. Того ради в Моздокском городовом магистрате определено: в силу оного указа, повестить всем здешним моздокским жителям, градскому главе, а потом всему обществу, купцам и мещанам, чтоб они сего числа собрались в сей городовой магистрат, для выслушивания сего указа, которые пришед и по выслушании оного указа объявили свое мнение, что мы приняли намерение производить торговлю в здешнем городе для общественного продовольствия промысле, но как ныне настоит случай к приготовлению для оного разных товаров, а мы еще на первый случай и по новости в здешнем городе в жительстве и не имеем к тому у себя довольного капитала, то в таком случае городовой магистрат благоволит представить в том, что желание мы свое имеем оной от щедроты Ее Императорского Величества суммы на вышепрописанную надобность получить до пяти тысяч рублей, а тогда городовой магистрат и благоволит по своему усмотрению о всем нашем обществе обстоятельства и кому какое положить достоверными способами в пользу нам торгового промысла, то и определяет по

нашим состояниям, кому сколько принадлежит выдавать магистратом, в случае какой надобности, с возвратом в указанное время и с положенными процентами, в исправности же возврата оной суммы во уверение нужды, к сему своеручно подписуемся: к сей подписке вместо градского главы Василия Медведева за неумением грамоте по его прошению моздокский мещанин Павел Сапожников подписался. К сей подписке вместо словесного судьи Алексея Голаванова, мещанин Павел Сапожников подписался; к сей подписке моздокский староста Никита Ветров и проч.

Мнение Георгиевского городового магистрата, представленное в Кавказское Наместническое Правление от 4 августа 1787 года №123.

В пользу торговли купеческого города Георгиевска о раздаче из заемного банка ассигнованной от щедроты Ее Императорского Величества суммы Георгиевской, городовой магистрат и от всего общества купеческого, полагается до двадцати тысяч рублей. В прочем отдается на рассуждение Кавказского наместнического правления августа 1 дня 1787 года.

На подлинном подписано тако: бургомистр Иван Квитковский, ратман Николай Черкашинов, градский голова Никифор Зайцев, купец Михайло Ксинеев, купец Иван Попов, купец Петр Пастушков, купец Захар Усачев, ратман Андрей Беляев и другие.

Мнение Кизлярского городового общества

1787 года октября 11 дня, вследствие полученного Ее Императорского Величества из Кавказского наместнического правления указу, мы, города Кизляра купцы нижеподписавшиеся на определенную на город к раздаче из заемного банка от щедрот Ее Императорского Величества сумму, дабы она предохранена была без растеряния, своим мнением полагаем; что как сего города общество купеческое суще малое, то и оной из заемного банка суммы брать не желаем и, к удостоверению о благонадежности возврата вышеуказанной суммы, средств с своей стороны представить никаких не находим.

3-й гильдии купец и голова Калашников, 3-й гильдии купец и бургомистр Афанасий Чернов, 3-й гильдии купец и ратман Михайло Устинов, 3-й гильдии купец и ратман Егор Серебряков, 3-й гильдии купец Дмитрий Васильев, 3-й гильдии купец Степан Смирнов и другие.

Заключение

1788 года февраля 29 числа наместническое правление, рассуждая, что из лучших городов Кавказского наместничества, Астрахань имеет уже у себя назначенную сумму в давно учрежденный коммерческий банк; Кизляр, где большею частию сухопутный с Персией и другими азиатскими народами торг производится, в рассуждении малого числа купечества, в принятии в ссуду денег отказывается; Красноярск и Черноярск, хотя по положению своему на берегу Волги могли бы иметь некоторую из того пользу, но поелику они так же, как Екатериноградское и Моздокское купеческое общество не представляют никакого залога к уверению в предохранении просимых сумм, или же каких иных способов к употреблению ее к прямой пользе государству и их обществ, сверх того ими возлагается о сохранении все попечение в распоряжении сумм и в сборе оных на правительства, которые быв заняты настоящею его должностью, либо в оной упущение сделав, либо о другой не радеть начнут, потому наместническое правление полагает свое мнение согласно рассуждения о раздаче денег из заемного государственного банка на города за отсутствием главнокомандующего из губернии, предоставить все сие на рассмотрение правящего должность Кавказского губернатора господина статского советника и кавалера Лариона Спиридоновича Алексеева и приобща подлинные письма господина тайного советника сенатора и кавалера Петра Васильевича Заводовского и рассуждение о раздаче денег, на место отправления, учинить представление.

II

Копия

Крепость Ставропольская
1784 года февраля 24 дня.
Вексель на 137 руб.

Один месяц считая от сего тысяча семьсот восемьдесят четвертого года февраля 24 дня по сему моему одинакому векселю повинен я заплатить Козьме Яковлеву господину купцу крепости Ставропольской или он кому прикажет отдать российскою ходячею монетою денег сто тридцать семь рублей. Векселедатель отставной подпоручик Федор Фостиков.

1784 года апреля 2 дня торгующий в крепости Ставропольский купец Козьма Яковлев объявил в подлинной векселя с коего выше сего следует копия, то, хотя по сему заимодавец по неимению здесь публичного нотариуса для платежа и сыскан был, но объявил, что по неимению в наличности денег заплатить нечем почему к сохранению вексельного права при свидетельстве надлежащим образом протестовал и сей протест именованному истцу Яковлеву отдан.

Адъютант Феодосий Раевский.

У сего протеста Астраханского драгунского полка печать.

При протесте векселя свидетелем был донского войска отставной казак *Семен Столяров.*

III

По описи №27

Протокол

состоящим в Ставропольском городовом магистрате присутствиям и что в оном решено дел с каким заключением 1787 года генваря 1 дня

Присутствие и заключение дел:

1 пятница для нового года, 2 суббота, 3 воскресенье присутствия не было, 4 понедельник присутствие состоялось, и в оное прибыл пополуночи ратман Макар Колесников в 6-м часу.

Слушано:

1. Указ из Кавказского Наместнического Правления от 21-го декабря минувшего 786 года под №6072 о причислении в Ставропольское купечество польского уроженца Якова Логовского с капиталом тысячи ста рублей приказали во исполнение оного указа, а по силе Высочайшего оградах 785 года апреля 21 дня 114 статьи положения реченного из поляк Логовского в здешнее купечество по окладной книге в третью гильдию причислить со взысканием с него с тысячи ста рублевого капитала однопроцентных денег и о том, а также и о получении того указа, в Кавказское Наместническое Правление отрапортовать. Ратман Макар Колесников.

Когда протокол скреплен. Закреплено 4-го числа.

Когда исполнение учинено. Рапортовано сего числа.

IV. Предложение начальника Кавказской области, генерал-майора князя Горчакова от 27 августа 1826 г. № 1854, Хоперскому казачьему полку

По поводу отношения г. корпусного командира о дозволении казакам, переселяемым из внутренних мест Кавказской области к границам оной, продажи принадлежащих им на прежних жилищах домов, садов и мельниц вместе с землею, на коей таковые заведения находятся, министр финансов представлял в Комитет министров мнение, чтобы за казачьи сады и мельницы сколько при самовернейшей при посторонних понятых и чиновнике Кавказской казенной палаты произведенной оценке причитаться будет, выдать из казны с особого Высочайшего разрешения настоящим их владельцам вспоможения, обратив упомянутые заведения в число государственных имуществ для приобретения от них казенной пользы. Что же касается до построенных в станице Ставропольской, не выходящей от городской черты, домов, то в продаже оных в частные руки по состоянию на городских землях не настоит препятствия.

Таковое представление Министерства финансов утверждено Комитетом министров, а от 1 июня последовало собственноручное Е. И. В. повеление: «согласен, но не обижать ценой и уведомить, какие меры приняты будут для оценки». Г. Министр финансов, представляя е. в.-пр-ву привести в исполнение означенное Высочайше утвержденное представление его и последовавшее по оному собственноручное Е. И. В. повеление относится к е.в.-пр-ву об уведомлении его, какие меры приняты будут к оценке принадлежащего казакам имущества для доведения о сем до Высочайшего сведения.

Вследствие чего е. вы-пре-во от 7 сего августа за № 1891 предписывает мне, снесясь с казенною палатою, которой уже дано предложение, об отряжении чиновника для бытности со стороны ее депутатом при оценке садов и мельниц, переселяемым казакам принадлежащих, назначить для сего депутатов от каждого полка, из коего переселяются станицы, оценить их посредством жителей окрестных селений, к казачьему сословию не принадлежащих, избрав для сего 12 почетных стариков для каждой переселяемой станицы, которые по совершении присяги должны при депутатах объявить настоящую цену каждого сада и мельницы, переселяемым казакам принадлежащих, каковая оценочная ведомость и опись садам и мельницам должна быть учинена депутатами на месте.

Во исполнение чего дав с сим вместе предложение Кавказской казенной палате о назначении для исполнения сей Высочайшей воли ее чиновника, а Хоперскому казачьему полку предписываю немедленно назначить депутата от полка для нахождения при описи и оценке садов и мельниц; о назначении же к каждой станице 12 почетных стариков из жителей окрестных селений предписано земским исправникам Георгиевскому и Ставропольскому. Предуведомляю при сем, что исполнение по сему должно быть сделано сколько можно успешнее, оценочные ведомости и описи представить ко мне для отправления корпусному командиру.

Между тем в особенную обязанность командовавшему полком предписывается объявить по всем переводимым станицам, что Е. И. В., снисходя к положению переселяемых казаков сверх вспоможения им дарованного, приказал взять в казну принадлежащие им на прежних жилищах сады и мельницы по настоящей безобидной цене, внушить им, сколь велико милосердие в сем случае Его И. В.-м оказанное, и поставить им в обязанность, дабы в каждой переселяемой станице было отправлено особое молебствие о долгоденствии всемилостивейшего государя, толико пекущегося об их благе. (Дело Кавк. област. правл. 1826 г. № 1/6).

V. [Рассуждение о раздаче денег из заемного Государственного банка на города]

На пособие городам было обращено особое внимание и разослано было особое рассуждение, разъясняющее значение этой меры. Ссуда эта предназначена была главным образом на развитие внутренней торговли и промышленности, а потому в «Рассуждении» прямо указано, что вредно раздавать тем, кто покупает товары за границей, нам ненужные. Автором этого рассуждения был сенатор Заводовский.

«Рассуждение» представляет большой интерес, а потому мы и приводим его полностью.

Рассуждение о раздаче денег из заемного Государственного банка на города.[15]

В предполагаемом намерении городам нашим сделать вспоможение ссудою одиннадцати миллионов рублей, нужно кажется иметь в виду два предмета: 1-е, чтоб послужила оная прямо к существенной пользе не только городов особенно, но и к распространению торга, а особливо внутреннего, вообще обращая сию ссуду на те отрасли оного, кои послужить могут к прямой пользе Государства; 2-е, чтобы и раздаваемые суммы в займы предохранены быть могли. А как вверяемый торгующим капитал не может быть обеспечен такими залогами, как ссуда, делаемая дворянству под заклад деревень, да и состояние купца в существе своем редко прямо известно быть может, то и возвращение капитала, вверяемого торгующим не может основываться как на полезном употреблении оного, а потому самому и нельзя не полагать, что оба вышеупомянаемые предметы весьма между собою связаны, так что если в исполнении первого не со всею рассмотрительностью поступлено будет, то и до другого трудно будет достигнуто; для чего и нужно в распределении раздачи денег по городам весьма наблюдать различие локального их положения, нужд, промыслов их, и всех купеческих оборотов, кои им свойственными быть могут, дабы многие из городов, воспользуясь податливостью правительства в раздаче денег, не употребили их на такие иногда извороты, кои общему торгу, а особливо балансу нашему повреждение сделать могут, а сверх того и вверенный им капитал подвергнуть иногда опасности, для чего и нужно войти в подробное рассмотрение состояния городов наших, дабы тем удобнее определить можно было, которым из них полезно и безопасно ссуды делать, и так вообще разделить можно их на три класса.

В первом положить должно, сверх двух столиц, все большие портовые города, как Архангельск, Астрахань, Ригу, Ревель и тому подобные. О черноморских же портах для того здесь не упоминается, что для ссуды их назначены уже другие суммы.

Во второй класс положить все те города, кои или пристани имеют так как Воронеж, Гжадцк, Ржев,

Володимир, Нижний Новгород, Морша-Вышегра (когда близ сего города прожектированная водяная коммуникация предпринята будет), Вологда, Ярославль, Казань, Чебаксар, Новгород, Тверь, Торжок, Рыбный, Устюг-Великий, а равно и те города, кои хотя пристаней не имеют, но по локальному положению их связаны по торгу с портами нашими, также и русские города, кои рукоделиями внутрь и около их заведенными, или свозом туда всяких земляных разных продуктов, так как Тула, Бело-Озеро, Устюг, Железнопольской и тому подобное, в близости коих или внутри их большие есть начала к заведениям разных рукоделий. Ссуда денежная, подобным городам делаемая, оживит как их, так и всякие закупки и развозку товаров и продуктов здешних к другим местам Государства и к портам нашим, и тем может дать совсем другой вид всей нашей внутренней торговле, ибо начал к тому уже довольно, а нужно только чтоб иметь более торгующих, кои бы с некоторым капиталом в сем полезном торге упражняться могли. В сей класс городов, кои ссуду и помощь заслуживают, можно положить также и те города, в коих большие внутренние ярмарки бывают, а равно и все губернские города, хотя б который из них ни пристани не имел, ниже бы отличался какими-либо фабриками и рукоделиями, ибо самое то стечение людей, кое навлекает за собой пребывание присутственных мест, учрежденных при губернском городе, делают уже такое место удобным для безбедного внутреннего обращения, а потому, и помощь тут денежная не инако как с пользою употреблена быть может.

В третьем классе положить бы можно те окружные города, кои для того только и сделаны дабы казенные подати туда доставлять с большею удобностью можно было, нежели чрез большое расстояние их отвозить, как то прежде происходило, и также где некоторые нижние ссуды учреждены для равной же удобности частных людей и жителей тех округ. В сих городах или в большей части оных, кроме мелкого какого и мало значащего внутреннего торга, другого и быть почти не может. И так всякая им ссуда денег была бы подвержена сомнению да и не принося существенной пользы, подала бы такмо им способ ввести себя в неоплатимые долги.

Из сего класса исключаются разве те только города, кои по самым большим государственным дорогам находятся, и кои по сему их положению временем и мало-помалу в некоторое приращение прийти могут; и так по мере сего можно будет небольшие ссуды им сделать, для строения же городов сей заем употреблять было бы вверяемый капитал подвергать опасению, всякое украшение в городе тогда только прочным и полезным считаться может, когда состояние жителей соответствует оному, а без того и сделанное в скором времени разрушится. Есть правда род строений нужных не только в портах, но и во внутренних больших торговых городах, для сооружения которых полезно б было и помощь от правительства сделать, так как на амбары, гостиные дворы и пристани, кои, принося доход городу, могут тем самым обеспечить и суммы на то вверяемые, особливо когда при построении оных наблюдаема будет не огромность зданий, а соразмерность с торгом и оборотами торговыми, для которых оное делать должно.

Разделяя таким образом для удобнейшего соображения все города на три класса, следует сделать расположение, на каком основании назначаемые деньги для городов в заем должно будет раздавать.

На портовые наши города можно будет ссуду делать не на общество, а на лица. Такой ссудой вывозной наш торг гораздо может и возвыситься и выгодным сделаться. Для Санкт-Петербурга мнится довольно шестисот тысяч рублей. Для другой столицы достаточно будет такой же суммы, ибо Москва хотя и не портовый город, но как имеет она большое обращение и связь со всеми нашими портами, и со всею почти внутренней нашей торговлей, а также с торгом Оренбургским, Китайским и Персидским, то ссуда денежная на такие предметы не инако как крайне полезной быть может, и сделает не малое пособие к распространению внутреннего нашего торга и умножению фабрик и рукоделий наших, кои также все почти большую связь имеют с Москвою. Для города Архангельского определить можно до четырехсот тысяч рублей, как для увеличения отпуска наших товаров в чужие государства, поддержав тех купцов, кои занимаются закупкою товаров наших для отпуска за море, так и для усиления рыбных, сальных и китовых промыслов, кои все еще гораздо могут быть умножены, хотя они впрочем и сами по себе приметным образом возрастать начинают, на Астрахань, а особливо для усиления персидского торга тысяч до четырехсот денежной ссуды употребить можно.

В тех городах, где ссуда полагается на лица, а не на торговые Общества, то есть в портах и обеих Столицах, в первых таможенные свидетельства и залог самих товаров могут кажется служить достаточной уже надежностью, сколько кому вверять, сверх того, что дома и фабрики также в залог приниматься могут.

Что ж касается до прочих городов, кои портов не имеют, и которые входят в расписание второго класса, то денежная ссуда кажется вверяема быть может не инако как обществу тех городов.

Итак, кроме двух столиц и портовых городов, полагая раздачу денег не на лица, на целые общества предложить господам Генерал Губернаторам, или правящим их должность дать свое мнение, на чей отчет и попечение раздаваемые суммы положить удобнее в их губерниях, дабы полезный предмет отдачи в займы, назначаемой на города столь знатной суммы во всей точности мог быть исполнен, казна во всем обеспечена, а деньги с настоящею пользою для Государства употреблены были, почему тут и нужно к лучшему распоряжению оного истребовать предварительно сведения о состоянии, о выгодах и нужде в подкреплении таковой ссудой торговли каждого города, а по получении уже сих нужных сведений можно будет определить какую сумму на каждый город дать.

Почитается нужным, чтоб как в прочих городах, так и в обеих столицах непременно наблюдаемо было, дабы сей заем отнюдь не простирался в пользу тех купцов, которые выписывают в Россию чужие товары, а единственно делать пособие токмо тем, кои занимаются прямо внутренним торгом, или которые, закупая по России здешние продукты, отвозят их к портам для заморского отпуска. Что ж принадлежит до тех, кои или у портов иностранные товары закупают, или за границу ездят для закупки таких же в существе нам весьма ненужных товаров, то не только не полезно их в том поддерживать, но и весьма вредно усиливать сей род торга, который и так не к выгоде Государства крайне год от года умножает-

ся, пожирая часть нашего баланса, а сверх того как спекуляция и оного основываются на беспошлинном ввозе сих товаров в Государство, то и портовым таможенным доходам подрыв крайне делает.

При разделении на классы городов, хотя вообще входит тут в соображение нужная помощь для всего нашего Азиатского торга, но еще и особенно уважено должно быть, сколь полезно было бы не беззнатную сумму употребить на ссуду для усиления Сибирского, Персидского и Оренбургского торга, которые столь много способствовать могут к приведению в цветущее состояние многие наши города, и торгующих, кои чем занимаются.

Примечания

1. Доложено в торжественном заседании Комиссии 20 июня в ознаменование 130-летней годовщины основания г. Ставрополя.

2. Дела Архива, бывш. в пожарн. конюш.

3. Указ. Кавк. Намест. Прав. 10 апреля 1786 г. № 7738.

4. Ставрополю, Моздоку и Кизляру, Георгиевску и Екатериноградy.

5. Ук. Кав. Нам. Прав. 20 июня 1786 г. № 8360.

6. Отнош. Ниж. Земск. Суда от 6 июля 1686 г. № 123. Пол. Соб. Зак. Рос. Имп. т. XIX № 13404 и № 16194.

7. Дед владельца деревни Устиновки, ныне сел. Кононовки, в 40 верст от Ставрополя.

8. Хоперские казаки на Кавказе, Г. Прозрителева.

9. Д. С. Г. Арх. 1821 — 38 год. № см. приложение.

10. Казанский кафедральный собор в Ставрополе на Кавказе. Г. Прозрителева.

11. Предложении Князя Горчакова 27 августа 1826 года № 1854.

12. Казанский кафедральный собор. Г. Прозрителев.

13. Раскопки в Интендантском дворе. Г. Прозрителев.

14. См. Шейх-Мансур. Г. Прозрителев.

15. Прислано Павлу Григорьевичу Потемкину от Тайного советника и сенатора Петра Васильевича Завадовского при письме от 24 июля 1787 г. Дело Губ. арх. № 16 (590) 1787 года.

Текст печатается по изданию:
Прозрителев Г.Н. Из истории города Ставрополя // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1915. — Вып. VII. — С. 3—8, 20—31.

Г.Н. Прозрителев. **Историко-археологический путеводитель по городу Ставрополю-на-Кавказе и его окрестностям**

Часть I

Краткие исторические сведения о городе Ставрополе. Географическое положение и геогнозия местности. Соборная гора. Каменный крест на Соборной горе. Каменные столбы на Соборной горе. Крест во дворе интендантства. Могилы у креста во дворе интендантства. Двор интендантства и постройки на его площади. Военная гауптвахта. Ставропольская крепость. Кафедральный собор. Соборная колокольня. Постройки соборного причта. Фонарная. Барятинский сквер. Соборная лестница. Могилы у кафедрального собора. Пожарная каланча. Дом Главного штаба. Магистрат. Городская дума. Городской архив. Александровская гимназия. Николаевский проспект (Красная улица). Бульвар верхний. Площадка у старого бассейна против кафедрального собора. Курган на ярмарочной площади за Тифлисскими воротами. Бульвар нижний. Старая гимназия. Лавочная церковь. Часовня на Нижнем базаре. Тифлисские ворота. Дом юнкерского училища. Павлова дача. Карабин. Каменные ломки, или лавы. Гремучка. Виды на окрестности.

Краткие сведения о городе Ставрополе

Точных сведений о времени возникновения поселения на месте, где ныне стоит г. Ставрополь со своими окрестностями, нет. Но тем не менее необходимо признать, что в самую отдаленную эпоху нашей истории и даже далеко до возникновения русского государства здесь кипела жизнь, жил какой-то культурный народ, который и оставил следы своего существования на нашем плоскогорье. Об этой прошлой жизни, бесспорно, свидетельствуют развалины построек, остатки жительства, укрепленные пункты, могильники, расположенные вокруг Ставрополя, не в далеком от него расстоянии.

Такими свидетельствами далеко минувших лет являются у нас Русский городок, развалины большой постройки в урочище Валик в Казенном лесу, городок на спуске к селению Татарка, целый ряд курганов по речкам Ташла и Мамайка с остатками древних жительств и могильники с кирпичными в них склепами. К той же отдаленной эпохе относятся и каменные бабы, которые были найдены здесь, на месте Ставрополя, в значительном числе и которые частью сохранились ещё и до настоящего времени. Археология дает нам указания для определения времени, к которому можно отнести все эти остатки прошлого, и мы смело можем утверждать, что еще до нашей эры здесь, на нашем плоскогорье, на месте нашего города, шла бойкая жизнь.

Но кроме этих остатков далекого прошлого, о нем нам говорят с полной достоверностью разные предметы домашней утвари, оружия, монеты и украшения. На месте Ставрополя найдены бронзовые топоры, бронзовые и железные стрелы, копья, древние металлические зеркала, ожерелья, бусы и, как уже сказано, каменные бабы, которые являются первыми памятниками культуры после каменных орудий. Из всех этих свидетелей минувших веков монеты с большей точностью говорят о прошлом; и монеты Парфянского царства и Босфорского, найденные здесь, ясно свидетельствуют о том, что и наше место принимало участие в мировой жизни этих отдаленных от нас эпох.

Серьезное значение нашего плоскогорья в то отдаленное от нас вермя обусловливалось тем, что в восточной части Северного Кавказа, нынешней нашей губернии, был центр могучего влияния той исторической эпохи — город Великие Мажары, столица Хазарского царства, а на западе развивалась греческая культура в тех греческих колониях, которые очень рано возникли по берегам Черного и Азовского морей, и далее — Босфорское царство на теперешнем Крымском полуострове. Общение Великих Мажар, бывших центром всего тогдашнего культурного мира, с греческим западом шло именно чрез нынешнюю Ставропольскую губернию, и наше плоскогорье было одним из видных этапных пунктов того движения. Находимые предметы свидетельствуют об этом общении и распространении влияния как того, так и другого народа. Последние археологические работы у нас на Северном Кавказе с положительностью удостоверяют широкое и могущественное влияние жившего здесь народа, хотя и исчезнувшего, но оставившего, несомненно, глубокий след в истории нашего края.

Но вот настают времена христианства, и оно широкой волной идет с запада на восток, прорезывает горы до самого Каспийского моря и оставляет следы на Северном Кавказе в виде древних церквей, крестов, намогильных плит с надписями, целого ряда гробниц и построек; и как свидетельство этого периода у нас, на нашей горе, ныне называемой Соборной, находят каменный крест, доказательство жизни первых христиан, может быть, спасавшихся от гонения и искавших убежища в этих отдаленных от Греции и Рима местах. Само название Ставрополь происходит именно от этой находки здесь креста.

Но наступившее затем движение народов, их уклад, сопровождавшийся страшными войнами, отодвигает историю Северного Кавказа в сторону, сметает бывшие здесь народы, делает его как бы временной стоянкой этих грозных военных лагерей, и мы только к IX веку снова видим нашу страну среди общей жизни народов, снова здесь развивается жизнь. Но новый натиск с востока в виде нашествия монгольских орд в XIII веке опять низводит страну к полному упадку. Северный Кавказ делается достоянием кочевых полчищ, их взаимных войн, военных передвижений целых народностей, и только к концу XVII века резко обозначается русское влияние, и русский человек все в большем и большем числе водворяется среди широких пространств Северного Кавказа.

Когда возник Ставрополь, точно неизвестно, но правительство Екатерины II, желая обеспечить границу государства от Турции, решило построить ряд укреплений от Азова до Моздока, и среди намеченных пунктов была крепость №8, которая и основана затем именно на нашей нынешней Соборной горе, где теперь стоит двор интендантства. Найденный здесь каменный крест дал название крепости, которое потом перешло к казачьей станице, а потом и к самому городу. В 1777 году полковник Ладыженский

приступил к устройству крепости, расположившись здесь с Владимирским драгунским полком. Этот день надо считать днем возникновения поселения на месте Ставрополя как военного пункта. В 1778 году пришли казаки с р. Хопра и расположились под горой с северной стороны. Скоро вокруг крепости и под защитой её возникла слободка, вольное поселение из зашедших сюда крестьян, отставных солдат, их семейств, и стала развиваться жизнь вне крепости, но все же подчиняясь военному управлению и входя в общий строй военной жизни без собственного управления. Ныне существующие у нас улицы Михайловская, Мавринская и Барятинская — это и были солдатские слободки первая, вторая, третья. Жизнь населения слободки всецело стояла в зависимости от крепости, от её потребностей и её положения в данное время.

Господствующее положение крепости, благодаря возвышенной местности, значительный гарнизон и близость казачьей станицы делали место это вполне безопасным, и потому сюда потянулась значительная часть поселенцев, и слободки росли. Явилась необходимость создать другие условия для жизни этой части поселения при крепости, и в 1785 году 5 мая последовал указ Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества, причем образованы были в Кавказской губернии три уезда: Георгиевский, Моздокский и Ставропольский — и Ставрополь был назначен уездным городом. День 5 мая и надо считать началом существования Ставрополя как города. В следующем году открыты были присутственные места.

В это время Ставрополь представлял из себя ряд домов, довольно неправильно разбросанных по юго-восточной и юго-западной стороне от крепости; на северной стороне была расположена станица, где теперь Хоперская улица и Станичные улицы, с церковью на Нижнем базаре, где теперь часовня, а на нашем нынешнем Николаевском проспекте рос лес, в нескольких местах были топкие места от родников, вытекавших из Крепостной горы, и один из этих ручьев пересекал его в том месте, где на площадке между бульварами ныне стоит бассейн, и тут шла глубокая водомоина по направлению к нынешнему дому Меснянкина (старая гимназия). Население в это время было весьма невелико: всего 467 дворов и 27 лавок к 1780 году.

Новый город не имел своей церкви и составлял приход казачьей церкви. Эта церковь построена в 1780 году, а первою церковью надо считать походную церковь Владимирского полка, помещавшуюся внутри крепости в плохом деревянном здании. Надо полагать, что церковь эта стояла на том месте, где ныне во дворе интендантства стоит крест. Впоследствии церковь эта (за уходом Владимирского полка) была оставлена и долго стояла без всякого призора, пока не была наконец продана и перевезена, кажется, в станицу Успенскую.

В это время город не имел собственной отдельной земли, а земля была в общем владении с казаками, вернее жители-горожане пользовались казачьей землей и теми угодьями, которые составляли казенную землю. С переводом казаков в станицу Суворовскую в 1825 году казачьи земли остались в исключительном пользовании горожан; и наши архивы содержат много дел, возникших по поводу положения и способа пользования этим земельным казачьим имуществом.

Этой земли осталось 16267 дес. 57 кв. саж.

Таким образом, благодаря указу Екатерины II от 5 мая 1785 года Ставрополь из слободки при крепости обратился в город со значительной уездной территорией, жители из бесправных, подчиненных всецело суровому военно-крепостному управлению, обратились в горожан, права которых покоились на знаменитой «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи», данной 21 апреля 1785 года.

А потому день 5 мая и должен быть признан днем рождения нашего города и праздником ставропольцев.

Географическое положение Ставрополя

Ставрополь находится под 45° с.ш. и 59,39° в.д. от острова Ферро и над уровнем моря стоит на 1790 футов. По тригонометрической нивелировке, произведенной Фуссом и другими, положение его определяется над уровнем моря на 1996 футов.

Геогнозия местности

Ставрополь расположен на Темнолесском плоскогорье, идущем от Ташлы-Сырта, высшую точку которого составляет Чишгур-Ахчиш. Хотя горная цепь Ташлы-Сырта по-видимому, кажется, составляет продолжение кристаллической формации, основанием которой служит Эльборус, однако же при исследовании оказывается, что эта цепь состоит из эруптивных пород и более давнего происхождения, чем Эльборус, Казбек и Арарат; доказательством этому служат трахиты и лава последних гор, между тем, этих геологических элементов нет в Ташле-Сырте.

Темнолесское (Ставропольское) плоскогорье состоит из двух ярусов третичной (молассовой) формации: нижнего и верхнего. Первый образовался из мергелий и темно-серого кремнистого известняка, заключающего в себе раковины. Верхний ярус составляют песчаники, в которых находится множество органических остатков, кораллов, раковин и проч.; и кроме сего в этой же формации находят кости китообразных животных и других крупных млекопитающих. Раковистый камень, на котором расположен Ставрополь, составляет верхний слой высшего яруса молассовой формации и состоит из песчаника, связанного известняковым цементом, преимущественно из мактра и венус. Камень этот на возвышенных местах города находится в обнаженном состоянии и добывается в глубоких лавах, а в низменных частях покрыт почвою от фута до сажени и более толщиною.

Почва в Ставрополе в низменных местах болотистая, в местах подгорных — глинистая, по плоскогорьям — черноземная, она вообще состоит приблизительно из 24 частей песку, 40 частей глины и 26 частей чернозема с незначительной примесью извести. Кроме того, во многих местах имеются залежи кварцевого песка и по Тифлисской дороге, за ярмарочной площадью — твердый камень, состоящий из темно-серого кремнистого известняка. Наконец, на Кравцовом озере, на Грушевой имеются залежи торфа.

Соборная гора

Самым интересным и достопримечательным местом в Ставрополе является Соборная гора, названная так потому, что здесь стоит Кафедральный собор во имя Казанской Божией Матери. Горя эта, составляя конец мыса, разделяющего две балки: справа — выемка бульвара и Николаевского проспекта, а слева — спуск в Подгорное — заканчивается спуском в долину и низменность, занятую нижней частью города и далее идущую к Надежде и Старой Марьевке. Здесь, на этой горе, все прошлое Ставрополя, его колыбель, вся его история.

С этой горы открывается чудный вид на долину р. Ташлы с её чудной зеленью садов, огородов, длинных улиц и огромным пространством между Ташлой и Мутнянкой на 20 и 30 верст на восток. Как широкий горизонт открывается стоящему на этой горе, так и начинания, возникшие здесь, открывали широкие перспективы зарождавшемуся здесь поселению, предсказывая ему блестящее будущее.

«Суворовский крест» на Соборной горе. Фото начала XX века

Каждый шаг на этой горе связан с воспоминаниями о далеком прошлом, тяжелых, бурных, кровавых днях долгой войны, этой величественной эпохи из жизни Кавказа. Маленькая по пространству, но сильная по значению, по занимаемой местности, гора эта символически знаменовала будущее маленького укрепленного пункта, никогда не мечтавшего стать шумным, многолюдным городом, центром всего края, каким стал Ставрополь.

Покрытая вековым лесом, охваченная глубокими балками с пробегающими по ним ручьями и речками (Мутнянка, Ташла), гора эта с древних времен служила надежным убежищем и защитным пунктом для всех, кто искал укромного и безопасного места. Здесь возникло в древности маленькое укрепление, и сюда укрылись преследуемые в Римской империи христиане для создания своей общины — церкви и дальнейшей проповеди великого учения. Им, этим изгнанникам, и принадлежат первые просветительные шаги, и они ознаменовали свое вступление в чуждой им до того стране своим знаменем, символом распятого, поставивши на этой горе крест. Везде, где проходили гонимые христиане, спасаясь от жестоких мучений, которым они подвергались в своей стране, они ставили кресты, знаменуя путь свой символом страдания, готовые на всякие лишения, какие пошлет им судьба в новой, дикой стране.

Гора эта — излюбленное место гулянья для горожан, и ежедневно до поздней ночи можно встретить по ней гуляющих, зорко всматривающихся в окружающую даль расстилающейся перед ними низменности. Здесь и воркующие парочки, наслаждающиеся обворожительным видом и счастливые в эту минуту своей любовью. Сидя у подножия креста, невольно отдаешься прошлому, и мелькающие внизу огоньки кажутся бивуачными огнями военных отрядов, которые проходили здесь с великими и малыми завоевателями, делавшими нашу страну ареной своих подвигов.

Все изменения в жизни Северного Кавказа и переживаемые события отражались на этой горе и оставляли на ней тот или другой след. Здесь мы видим остатки древнего доисторического нашествия на Северный Кавказ какого-то народа восточного происхождения, который оставил нам величественный памятник — каменные бабы — древний памятник культуры. Каменные бабы разбросаны по всей нынешней губернии, и здесь они стояли группой.

Статуи сделаны из грубого песчаника, но, видимо, выработаны прекрасно художником, который сохранил все особенности быта, и ясно видно, что народ переживал бронзовую эпоху и носил бронзовое оружие и предметы домашнего обихода На статуях изображены: зеркальце, нож, отвертка, меч, боевой топор и гребень для расчесывания волос. Видны воины: женщины и мужчины. На воинах на голове металлический шлем, металлический воротник, цепочка, на которой прикреплен спрятанный в карман на груди знак или часы, справа у бедра меч и боевой топор.

На женщинах видны ожерелья, одежда с опушкой меховой и каемкой по краю, видны груди. На некоторых головной убор — большие шляпы. Несмотря на протекшие тысячелетия, статуи сохранились хорошо, за исключением тех, которые разбиты и испорчены безжалостной рукой последнего времени. Наша гора была свидетельницей пребывания этого народа...

Но вот идут христиане... Водружается крест.

С севера движутся новые полки, идет русский человек...

Крест на горе указывает на место, освященное молитвами изгнанников, и русский отряд обосновывается здесь, как и древний укрепленный пункт.

Создается крепость. Идут битвы...

Но время уносит противника, уносит и крепость, возникает город, и от прошлого остаются только небольшие остатки.

Каменный крест на Соборной горе

Крест на Соборной горе сзади собора стоит на пьедестале, и под ним имеется на металлической доске надпись: «Крест по преданию поставлен Суворовым в 1780 году». Надпись эта не соответствует действительности, так как Суворов в этом году в Ставропольской крепости и не был, да и не было надобности ставить крест, так как крепость была закончена, была в ней церковь. В это время уже была построена тут же, под горой, в станице, церковь хоперскими казаками.

Крест же этот имеет более древнее происхождение, он был найден здесь, на горе, при закладке крепости и поставлен христианами первых веков, укрывавшимися в наших пределах от гонений. Как известно, римские императоры делали Кавказ местом ссылки для христиан. План крепости 1809 года имеет важное значение, так как на нем обозначено место крепостной церкви, что и служило основанием при обследовании и промерах в отношении каменных столбов, стоящих тут же на горе, указанных ниже, и местонахождение крепостной церкви.

Что касается этого последнего креста, то положительно известно, что он долгое время стоял в часовне, бывшей сзади собора, и пред ним постоянно горела лампада. Точных сведений о том, когда была сооружена эта часовня нет, но она тщательно поддерживалась до 1884 года, и в ней зажигалась лампада. Несомненно, если бы этот крест служил обозначением места, выбранного для постройки собора, то при сооружении собора он уже утерял свое значение, и место, где он стоял, должно было войти в пространство, занятое зданием собора, и не было смысла так тщательно его хранить. Точно так же, если бы он был поставлен Суворовым, он терял смысл при постройке крепостной церкви на другом месте.

После 1886 году часовня была сломана и крест, вынутый из неё, оставался открытым. Но в 1889 году, ввиду объявленного чествования памяти Суворова, наше городское управление по совету гласного И.П. Кувшинского оцементировало этот крест и поставило на пьедестал как крест, поставленный Суворовым, сделав указанную надпись. Основанием для такой ошибки послужило то, что в городской управе, в присутственной комнате, висела картина, на которой изображен Суворов с подзорной трубой в руке, стоящий у развалин крепости или постройки, служившей ей началом. Картина, как говорили, кисти художника Лагорио, бывшего учеником ставропольской гимназии. С другой стороны, у Бентковского имеется небольшая статья «Суворов встречает 1780 год в Ставропольской крепости». В отношении этого креста у старожилов вовсе не было в памяти, и о постановке его Суворовым, наоборот, было мнение, и прочно сложившееся, что крест поставлен на горе жителями, добивавшимися постройки церкви во имя Св. Николая, приурочивая это благое дело к памятному для Ставрополя 1810 году, когда прекратилась чума, свирепствовавшая в Ставрополе и унесшая много жертв. Называли даже купца Чернова, который и хлопотал об этой постройке.

Но если б это было так, то постройка собора делала крест ненужным, и его не стали бы хранить. Нахождение этого креста при основании крепости и послужило основанием для названия крепости и города — Ставрополь: Ставрос — крест, поль — город.

Каменные столбы на Соборной горе

Каменные столбы, стоящие на Соборной горе справа от собора, составляют остаток ворот внутреннего двора бывшей Ставропольской крепости. Столбы сложены на цементе из тесаного местного камня, прочной постройки и сохранились хорошо. Но, к сожалению, и их коснулась разрушительная рука, и две плиты с правого столба сброшены и лежат тут же, а другие две такие же карнизные плиты унесены, в остальном столбы в прежнем положении, как в 1916 г.

Размер столбов: вышина ___, толщина ___[1]; в столбах — крюки железные для ворот, которые отворялись наружу. Несомненность столбов, как остатков бывшей крепости, установлена промерами всего пространства бывшей крепости согласно плану крепости 1809 года, найденному Г.Н. Прозрителевым, о чем и был составлен протокол ученой архивной комиссии при участии инженера Маньковского в 1916 году, который и производил промер и обследование. В 1886 году была ещё видна часть стены каменной, идущей от левого столба сзади собора по направлению к постройкам причта. Стена была сложена из штучного тесаного камня, но в настоящее время нет и следов этой стены, хотя фундамент её, очевидно, остался.

Крест во дворе интендантства

Крест во дворе интендантства, находящегося на этой же Соборной горе, на Соборной улице, обнесен железной решеткой и сохранился хорошо. При посредстве плана 1809 года выяснено, что этот крест стоит именно на том месте, которое обозначено на плане как место нахождения крепостной церкви. Этими данными установлено положение каменных столбов и существование в крепости церкви и устраняется предположение о постановке Суворовым креста в 1780 году на Соборной горе. Крест этот старинной формы и напоминает тот, который поставлен древними христианами. Он обнесен решеткою, конечно, после, но поставлен на том месте, где приходился алтарь бывшей здесь крепостной церкви и когда она была снесена. Такие кресты обычно ставятся после упразднений церкви и на том месте, какое соответствует нахождению престола.

Могилы у креста во дворе интендантства

Обычно лиц почетных погребают у церкви и именно впереди алтаря, а, следовательно, и данные могилы у креста должны были находиться впереди стоявшей церкви, обращенной алтарем на восток; и крест, стоящий за могилами, несомненно, указывает расположение алтаря. Над могилами была каменная плита без всякой надписи, очевидно, положенная впоследствии. При вскрытии могил там оказались два каменных склепа. Как председатель ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителев приступил к вскрытию благодаря тому, что служащие в интендантстве сделали попытку разрыть могилы. В склепе была вода, проступившая, очевидно, из почвы через нижнюю часть, через швы в камнях, бока же были хорошо промазаны известью и воды не пропускали; верх склепов был сложен из камней, положенных под углом и образовавших ребро. В обоих склепах лежали костяки покойников, на одном из них уцелели сапоги: кожа прекрасно выделана, черного цвета, дратва сгнила. Остатки остальной одежды

свидетельствовали, что покойник был положен в форме полковника XVIII века. В памяти старожилов сохранилось воспоминание, что похоронен здесь командир крепости, убитый во время набегов горцев. Бывший окружной начальник палаты государственных имуществ Василий Степанович, умерший в 90 лет, человек, интересовавшийся стариной, развитой и о многом осведомленный из местной жизни, утвердительно говорил об этом. Первым комендантом и строителем крепости был капитан-полковник Ладыженский. Но когда именно он был убит, сведений нет, хотя надо полагать, что во время первого нападения кабардинцев на крепость в 1780 году, так как к 1800 году был уже другой комендант.

Во втором склепе покойник был в гражданской одежде, судя по простой черной пуговице (костяной) на его одежде. Покойник был небольшого роста, с небольшой головой. К сожалению, взятые из склепов черепа в мое отсутствие были снова брошены в могилу по распоряжению начальника вещевого склада и склепы зарыты, что и не дало возможности дополнить исследование и произвести измерение. Возможно, что второй покойник был женщиной и предполагают, что это была жена коменданта. Необходимо было снова произвести раскопки и сделать более тщательные исследования, но этому помешал в то время мой переезд в Тифлис в 1916 году. Перед моим отъездом, ввиду установления места нахождения крепостной церкви, был отслужен молебен у этого креста в присутствии властей и всего состава ученой архивной комиссии и снята фотография, хранящаяся в Музее Северного Кавказа.

«Шефский дом» во дворе интендантства

Двор Интендантства и постройки на его площади

Нынешний двор интендантства, находящийся на Соборной улице, составляет часть того пространства, которое занимала Ставропольская крепость. Двор имеет трое ворот: двое — на Соборной улице (западные и восточные) и одни с площади от Александровской гимназии, — [и] обнесен каменной стеной из штучного тесаного камня, которая упирается в имеющиеся постройки и соединяет их.

Здание, стоящее направо от входа во двор через восточные ворота, построено еще в 1790 года; со двора оно имеет колонны при входе. Это здание приемочной комиссии (провиантмейстерская комиссия), окна его с решетками железными выходят на Соборную улицу, постройка одноэтажная, каменная. Главный корпус (двухэтажный, с подъездом на Соборную улицу) построен позже, в 1820 году. Тогда была комиссариатская комиссия, и в 1864 году учреждено интендантство, вещевой склад и ставропольский кубанский продовольственный отдел.

Складочные, вещевые магазины каменные, обращенные к собору, существовали еще во времена крепости, и в них были сделаны амбразуры, как вверху, так и внизу. Это длинная, очень прочная постройка с открытыми коридорами со стороны двора. На одном из этих магазинов была прибита чугунная доска в память посещения в 1837 г. Николаем I. Доска эта, по словам заведующего вещевым складом А.Д. Дядченко, была снята смотрителем вещевого склада Гиршем и, как он слышал, отправлена им в Петроград[2] в конце 90-х годов.

До 1864 году в главном корпусе в нижнем этаже помещалось казначейство и в выступе каменном во двор была кладовая, железные двери уцелели до настоящего времени. С учреждением вещевого склада был назначен смотритель склада, и был первым Фон-Вах, за ним Колобов, Росицкий, Гирш, Ахвердов, Яхнопольский, Ховренко, Васильев. Аким Данилович Дядченко был сначала помощником делопроизводителя, затем чиновником особых поручений, смотрителем магазина и, наконец, заведующим складом.

В делах комиссариатской комиссии Дядченко видел указ Екатерины II о даровании каких-то милостей, но точного содержания не помнит. Что касается архива, то он был перенесен в главную гауптвахту в 1885 году на бывшей Госпитальной улице, где помещался военный архив, а часть была отправлена в Тифлис; оставшуюся часть в интендантстве разграбили в 1918 году, а остатки были проданы в 1919 году.

Военная гауптвахта

Около двора интендантства, на площади между двором и Александровской гимназией, стояло небольшое каменное здание о четырех комнатах, с открытым коридором на каменных колоннах; в нем помещалась гауптвахта, и перед ней стояла пушка, из которой обыкновенно в 12 часов дня делали выстрел. Затем гауптвахта была переведена на Госпитальную улицу в новое здание, и старое здание было оставлено. Оно оставалось до 1886—88 годов, когда было передано городу и затем сломано.

Гауптвахта эта связана с судьбой известного революционера Германа Лопатина. Он был арестован после сделанного у него жандармами обыска и содержался на этой гауптвахте, откуда и бежал. По другим рассказам, так как военный надзор был строг, то Лопатин, задумав бежать, просил перевести его в тюрьму, хотя здесь содержались привилегированные лица. Друзьям его удалось добиться этого перемещения в Ставропольский тюремный замок, откуда и состоялся его побег.

На этой же гауптвахте содержались в 50-х и 40-х годах все бывшие тогда юнкерами впоследствии ге-

нералы и видные военные деятели, составлявшие высшие чины кавказского управления. Эти юнкера были сынками очень богатых помещиков (это была «золотая молодежь»), которых посылали на Кавказ для отличий и чтобы выслужиться и скорее получить офицерский чин.

Проживая в Ставрополе, удаленные от военных действий с горцами, они предавались кутежам и вели картежную игру. Проигрывая большие суммы, они входили в долги, за которые должны были расплачиваться мамаши, жившие в своих имениях «на крепостных душах», как тогда говорили. Постоянные просьбы о высылке больших сумм для уплаты «долгов чести» становились для некоторых состояний не по силам, и вот те, кто победнее, обратились с просьбой в Петроград[3], указывая на непомерную картежную игру. Голос их был услышан высшим начальством, и приказано было прекратить игру. Местное начальство точно исполнило приказ и виновных подвергло аресту на гауптвахте, где конечно, при военном надзоре карты никак не могли быть допущены. Исполнив приказание, начальство донесло в Петербург.

Но, к удивлению всех, вскоре опять полетели жалобы родителей на большие проигрыши их сынков, хотя в указанное время виновные содержались под арестом. Снова последовала расправа, а начальство, предполагая плохой надзор, задумало внезапно проверить, как содержаться юнкера... Юнкера чинно сидели за столом, о картах и помину не было. Начальство было довольно и донесло в Петербург о результатах своего посещения. На самом же деле оказалось, что в это самое время велась самая азартная игра... Юнкера играли «на мух». Перед каждым сидящим за столом лежала небольшая крупника сахару, и все наблюдали, на чей сахар муха раньше сядет, тот считался выигравшим. Ставки были огромные.

На этой же гауптвахте содержались пленные польские и французские офицеры из наполеоновских войск 1812 года и сосланные на Кавказ декабристы.

Ставропольская крепость

Она занимала все пространство на горе от нынешнего Приютского переулка до спуска к Ясеновской улице. Эта возвышенность представляет мыс, образуемый балками: с одной стороны, с южной — бывший Николаевский проспект, а с другой — нынешние улицы Подгорного. Крепость была обнесена валом и стеной, на которой стояли пушки. Вокруг крепости рос большой строевой лес. Крепость господствовала над всей располагающейся перед ней на восток долиной нижней части нынешнего города и далее к селам: Надежде и Старой Марьевке, всем пространством правого и левого берегов р. Ташлы и Мутнянки.

В ширину крепость занимала от спуска в Подгорное до нынешнего бульвара по Николаевскому проспекту (ныне Красная улица), и стена шла по нижней границе нынешней усадьбы Прозрителева. В соседней балке протекал ручей с хорошей водой, и сюда ходили из крепости по воду под прикрытием военной команды.

Кафедральный собор

Собор заложен в 1843 году, а окончен в 1847 году, византийского стиля о пяти куполах, план составлен архитектором Тоном по повелению Николая I, постройка производилась под наблюдением местного архитектора Ткаченко. История собора изложена в брошюре Г.Н. Прозрителева «Казанский кафедральный собор в Ставрополе-на-Кавказе».

Собор имеет калориферное отопление, и пол вымощен чугунными плитами. Под всем собором имеется интересное высокое подвальное помещение, хорошо освещенное с южной стороны, с несколькими отделениями. В одном из них погребен епископ Ставропольский Феофилакт, а в другом — Александр Федорович Нестеров. Вход в этот этаж с северной стороны; из него есть ход в собор. Собор построен очень прочно, и главным его недостатком служат массивные пилоны, поддерживающие тяжелый купол, затесняющие собор и мешающие как размещению молящихся, так и общему виду храма и богослужению. Хоры устроены над притвором и, находясь вне пространства самого храма, не делают пение звучным, и вообще для проповедника собор не представляет удобств.

В общем постройка красивая, и собор эффектно высится на возвышенности, издалека видный при подъезде к городу с северной и восточной стороны. С постройкой колокольни, при ее исключительной вышине, собор потерял много в своем величии, но на картине местного художника, изображающей Ставрополь 1848 года, собор величественно увенчивает возвышенность, высоко поднимаясь над рядом остальных зданий, расположенных по краю ее. Ризница собора содержит богатые священнические облачения и хорошей работы воздухи и другие предметы алтарной утвари. Из архиерейского облачения достойны внимания митры первых епископов Иеремии и Иоанникия. Интересна художественной работы серебряная вызолоченная массивная модель собора, вес ее около двух пудов. Из икон обращают на себя внимание в художественном отношении: «Снятие со Креста» — большое полотно в алтаре за престолом; Николая Чудотворца — в правом приделе с правой стороны; «Успение», писано на доске по золоту, оригинальная работа. На канунном столе — икона 1832 года, в центре — «Троица». На правом пилоне от входа — «Христос в багрянице и терновом венце», там же икона Божьей Матери. И обе хорошей работы. На переднем правом пилоне — икона Казанской Божией Матери XVIII века. Икона эта перешла из церкви станицы Ставропольской, когда она была упразднена и казаки вселились в станицу Суворовскую. Церковь ещё оставалась, из-за неё шел спор, и икона была взята из церкви, а казакам при переносе церкви досталась копия ее. Работа хорошего мастера и заслуживает внимания знатоков.

Но в описи церковного имущества по поводу этой иконы говорится следующее: «Икона храмовая Казанской Божьей Матери написана в 1838 году в Москве взамен таковой же иконы, бывшей в Ставропольской станичной Казанской церкви, перенесенной казаками со всем своим имуществом и утварью в станицу Суворовскую; так как все жители Ставрополя питали к сей иконе особенное почтение и благоговение и проводили ее с особенным сожалением и горестию, то бывший в то время церковным старостою купеческий сын Иван Волобуев употребил свое старание как можно скорее и лучше устроить и украсить настоящую икону, которая действительно заменила прежнюю».

В правом приделе с левой стороны — икона Иоанна Крестителя, у которого на груди в чаше Спаситель. В ризнице хранятся: саккос Павла Тобольского, посох Игнатия из слоновой кости и серебряной оправы по дереву, две главы змия. Облачение архиерейское пожертвовано из Киево-Печерской лавры и привезено епископом Иеремией, а также икона Антония и Феодосия Печерских и Божией Матери с надписью 15 августа 1844 года. Дарохранительница из серебра пожертвована купцом Михаилом Ртищевым в 1886 году, вес 30 фунтов (работа Хлебникова). Крест серебряный, пожертвованный в память примирения поссорившихся друзей Дмитрия Афанасьевича Венецианова и ректора семинарии.

Евангелие, «бывшее в плену у Кази-муллы», доставленное епископом Иеремией, с надписью: «Сие Евангилие сколь достопримечательно по своей древности, сколько и по бедственному приключению. В 1831 году 1 ноября в утреннее время Кази-мулла, коему преемствовал нынешний изувер Шамиль, напал со своими полчищами на богоспасаемый град Кизляр и многих из граждан ограбил, многих предал

Казанский кафедральный собор. Фото начала XX века

мечу своему, многих увел в плен. Не пощажены и обитель сия Крестовоздвиженская, и церковь Свято-Троицкая; все почти, что имели сии храмы ценного: ризы, кресты, Евангелия среброкованые, — унес он.

Тогда и сия священная книга похищена была из церкви, обнажена от всего, что было на ней из серебра вызолоченного, и брошена подле дома Мицкевича. Вновь оправлено оно строителем иеромонахом, ныне назначенным в сан игумена Вениамином, который рассказывал мне о сем. Иеремия, недостойный епископ Кавказский, мая 19-го дня 1845 года. Тому же подверглось и другое Евангелие, печатанное в царствование Елизаветы Петровны. 23 декабря 1848 года принесено в кафедральную ризницу как памятник древности. Другое Евангелие печатано при Петре I — 1713 года. Оправлено в переплет в 1881 году протоиереем Яковенко».

Соборная колокольня

Это трехъярусное каменное здание, сделанное из местного камня, по своей красоте, прочности и выдающейся высоте является единственным на всем Кавказе. Построена по плану губернского архитектора Воскресного, под его руководством и надзором, окончена с водружением креста 14 сентября 1867 году на средства собора (около 17 тысяч рублей) и средства городских обывателей; имеет высоту до креста 46 саженей, шар под крестом — 2 аршина 10 вершков и сам крест — 5 аршин 6 вершков. Крест железный, обтянут медной латунью и через огонь вызолочен. Цепи, укрепляющие крест, железные, оцинкованные, длиною 13 аршин. Глава колокольни луковичная, покрыта железом в виде чешуйчатых шашек и окрашена цветными красками. На колокольне колокола: первый колокол, весом 525 пудов, отлит в городе Ставрополе в 1852 г. на заводе купца Ефимова иждивением временного первой гильдии купца, коллежского регистратора Лавра Ермолаевича Павлова; второй, весом 104 пуда 23 фунта, устроен в 1844 году иждивением ставропольского мещанина Сергея Лунева; всех же колоколов семь.

Со второго яруса колокольни открывается чудесный вид на все окрестности города Ставрополя и на цепь гор с двумя ее великанами — Эльборусом и Казбеком. Особенно хорошо наблюдать пред восходом солнца, когда это величественное светило восходит как будто из-под земли. Весь Ставрополь, с его пересеченной местностью и балками, кажется точно изображенным на карте; все здания умаляются, и улицы кажутся ленточками. Экскурсия на колокольню представляет громадный интерес, и с этой именно высоты всего лучше возможно изучение подробностей Ставропольской возвышенности. К сожалению, церковное и городское управления не обращали внимания на внутреннюю каменную лестницу, по которой приходится подниматься в ярусы колокольни, а в некоторых местах она делается небезопасной для поднимающихся по ней — ступеньки стерты от ходьбы.

Постройки соборного причта

Постройки эти представляют длинное здание, одноэтажное, где устроено несколько квартир. Здание это расположено внизу под горою, окружено садом и составляет часть Подгорного. Здание это — дом бывшего комиссионера Тамамшева, которому принадлежал и прекрасный сад с хорошими фруктовыми деревьями, уцелевшими частью и до настоящего времени. Здесь проходила крепостная наружная стена. Ворота двора причта выходят на площадку у подножья горы, где был расположен базар и шел ряд торговых лавок, до пересечения с Армянским рядом, ныне улицей, спускающейся к Нижнему базару. Угол Армянского ряда составляет двухэтажный дом Топоркова, где помещалась первая гостиница, под домом устроены прекрасные теплые подвалы. На другом углу этого здания помещался в 40-х—50-х годах бакалейный магазин Александра Федоровича Нестерова, известного своим даром городу 2500 десятин земли в Ставропольском уезде для нужд бедных горожан.

Торговые лавки были расположены выше площади, и к ним были устроены каменные ступеньки во всю ширину спуска. В 1888 году в доме Топоркова помещалось убежище для бесприютных детей братства Св. Владимира, которое было основано Г.Н. Прозрителевым в 1888 году, и бесплатная столовая для бедных. Дом этот в то время принадлежал Приказу Общественного призрения и был затем куплен братством.

В 1912 году убежище было переведено в новый дом, построенный братством на усадьбе бывшего инвалидного двора на Нижеслободской улице, а бесплатная столовая закрыта. Впоследствии усадь-

ба причта была увеличена присоединением от площади, где стоит собор, участка земли, уступленного городским управлением по дарственной, совершенной в 1883 году, в количестве 578 кв. саженей для постройки причта. При постройке дома был проведен каменный забор и усадьба отделена от площади. До этого же на уступленном участке пожарная команда сваливала навоз и накоплялись целые горы его; навозные лужи текли и образовывали целые озера во время дождей, несмотря на близость церкви.

Фонарная

Это старинное полуразвалившееся деревянное здание составляет остаток того торгового ряда, который шел у крепостной стены на базарчике. Постройка оригинальная, в полтора этажа с балкончиком, уцелела до сих пор, несмотря на все произошедшие разрушения. Она примкнута к горе и кажется, что это начало подземного хода. До устройства электрического освещения улиц здесь помещались фонарщики, зажигавшие уличные фонари на центральных улицах.

Барятинский сквер

Сквер расположен по южному склону Соборной горы и представляет драгоценное достояние прошлого. Сквер засажен Нечмировым в память приезда князя Барятинского по взятии Шамиля в 1859 году. При господствующих северо-восточных ветрах сквер несет большую службу для городя он хорошо распланирован и прекрасно разросся. Богатейшие кленовые деревья своей могучей кроной дают тень и прохладу во время жаров и защищают от пыли. Лужайки между деревьев всегда располагают к отдыху и, к сожалению, за отсутствием надзора зеленая сочная трава их привлекает бродячий скот, который пасется наряду с детьми и нянями, ищущими прохлады и тени. Здесь же располагаются и влюбленные парочки на широких каменных скамейках.

Благодаря заботам бывшего городского главы Розанова сквер отделен от площади каменною стеною и в настоящее время представляет хорошее место для гулянья. Один состав гласных думы предполагал в этом сквере произвести большую постройку и часть его вырубить. К счастью, более благоразумная часть под влиянием протеста некоторых лиц воспротивилась этому святотатству, и сквер уцелел. Положение сквера в центре города и на таком доступном для ветров месте обязывает всемерно оберегать его и поручить заботу о нем садовнику, чтобы не оправдалась русская пословица: «Глупому сыну не в помощь отцовское наследство». Уцелело одно дерево от прежнего леса. Здесь насажены: дуб, клен, акация.

Соборная лестница

Это прекрасное сооружение служит для спуска с соборной горы на Николаевский проспект. Лестница имеет 97 ступеней, 8 площадок, ширина ее _[4]. Сделана она из местного камня, очень прочного, и является украшением города среди всех построек. Это монументальное сооружение является выдающимся в архитектурном отношении. Окончена постройка в 1851 году, и по ней шел в городскую думу Александр II, в то время наследник, во время его приезда в Ставрополь. Очень красивый вид на эту лестницу от старого бассейна, стоящего на площадке между бульварами. Вверху лестницы устроено небольшое здание, служившее для помещения сторожа. В 1886 году при сооружении ограды сделаны в конце лестницы каменные колонны с пирамидальными верхушками. К сожалению, каменные барьеры лестницы (стены) расхищаются, и лестнице грозит то же самое. Необходимо принять меры по охране.

Могилы у кафедрального собора

Забытые могилы!.. Время пощадило вас, но люди щадят вас только потому, что слишком на видном месте покоятся останки, скрытые в ваших недрах. Но они, люди, и не принимают никаких мер к сбережению. И могила Варпаховского осела, пьедестал под мраморной колонной треснул, колонна наклонилась. И только собор спасает тебя, немого свидетеля погребения хранимого тобою покойника, в свое время отдавшего много труда и сил на служение краю, и теперь лишь надпись на твоей колонне напоминает о его существовании. Еще пройдут годы, колонна упадет, и безжалостная рука гробовщика поставит ее на другую могилу неведомого для тебя нового покойника, а надпись тщательно уничтожится.

Могила Дарьи Кусаковой и её сына, генерал-майора Льва Ивановича Кусакова. Видное место в городе занимали эти мать и сын, и крупную роль играли они в истории нашего края. Судьба привлекла Кусакова на Кавказ. Из мелких чинов пробил он себе дорогу и, сделавшись дежурным штаб-офицером и помощником начальника области, был вершителем всех дел, восходивших на решение властей. Всё зависело от него, от его доклада. Весь Северный Кавказ был в его руках.

Правда говорили, что и он сам был в руках у другого более хитрого и умного, у грека Посполитаки, обделывавшего за его спиной свои крупные дела. И ходила по рукам карикатура под названием «Бандура». Был изображен сидящий на стуле Кусаков, изо рта его до ног через его большой живот натянуты струны, а сбоку стоит Посполитаки с смычком в руках и водит по струнам. Надпись гласит: «Яку знаю, таку граю». Деятельность Посполитаки широко развивалась в Екатеринодаре вообще в Черномории, среди кубанских казаков по аренде очень крупных рыбных заводов, дававших весьма крупные барыши, а также и по другим оброчным статьям.

Кусаков имел крепостных крестьян, привезенных из России и поселенных им на своей собственной земле в Ставропольской губернии. Как с той, так и с другой стороны возникали постоянно жалобы, т.е. со стороны помещика — за неповиновение, за сопротивление и побеги, так и со стороны крестьянина — за притеснения от помещика.

Наиболее строптивые из крестьян были даже сосланы в Сибирь по требованию помещика. Известен следующий случай. По жалобе помещика была сослана в Сибирь «за развратное поведение и другие нетерпимые поступки», как сказано в прошении самого Кусакова, девица, крепостная его Екатерина Кузнецова. За что именно была сослана Кузнецова, точных сведений нет, но в том же прошении Кусакова говорится, что из писем её, полученных из места ссылки, попавших к нему в руки, он узнает, что она делала много воровства в доме

его, находясь в услужении у его матери и сестры и, передавала будто бы другим, и в письмах поименовывала участников и поручала им кланяться, и припоминала некоторые случаи воровства, и делала внушение матери, выхваляла жизнь в Сибири. Ввиду таких данных Касаков, узнав, что на почте получено страховое письмо на имя её матери, обратился в почтовую контору с просьбой о выдаче этого письма, но контора на точном основании почтдиректорской инструкции отказала в выдаче письма постороннему лицу.

Принимая во внимание условия того времени и влияние Кусакова, нельзя не отметить гражданского мужества небольшого чиновника, почтмейстера, осмелившегося оказать сопротивление требованию такого влиятельного лица Дело это происходило в 1859 году.

Кусаков подал жалобу губернатору и, ссылаясь на то, что требование было основано «по причине», чтобы обнаружить преступление крепостных людей против владельца, просит о вскрытии письма и предъявлении его ему, «ибо если оно заключает неблагонамеренные внушения, то могут выйти вредные последствия от других моих крестьян». По распоряжению губернатора письмо было вскрыто и предъявлено Кусакову. В письме Екатерина в самых нежных выражениях шлет матери своей поклон и говорит, что она прибыла в город Томск и живет в услужении у чиновника, который, видя её старание и заслугу, выдал её замуж за хорошего человека, сапожника, и просит выслать ей на обзаведение денег и писать ей. Никаких угроз или преступных указании в письме не оказалось. Наконец, в феврале 1860 году. Кусаков выдал письмо матери Кузнецовой, прислав его из Екатеринодара (ныне Краснодар), где он состоял в это время начальником Штаба Черноморского казачьего войска.

Вообще владение крестьянами на Кавказе не удавалось, и, ступив на кавказскую почву и видя свободную казачью жизнь и свободных переселенцев, крепостные при первой возможности разбегались в разные стороны и уклонялись от работ на помещиков. Кусаков был хорошим хозяином и уже в 50-х годах завел образцовое хозяйство и имел усовершенствованные земледельческие орудия и машины. Таких хозяйств в Ставропольской губернии было немного: Реброва, Юрьева и Скаржинского в Прасковейском (Святокрестовском) уезде, тяжело жилось крепостным.

Дарья Кусакова была матерью Кусакова. Это старая дворянка из Тверской губернии, имевшая там ещё в 1812 году своих крепостных, которые частью и перешли в ставропольское имение Кусакова. Женщина она была с большим характером, властная, энергичная и с недюжинным умом. Она близко принимала участие в делах сына, и говорили, что областью правит не сын, а она. В какой мере это было справедливо, с точностью сказать нельзя, но во всяком случае, несомненно, что она имела огромное влияние на сына, а через него и на направление дел, которые проходили через его руки, а этим и на дела области, конечно, вероятно, в отношении разных назначений и хозяйственных дел. Сын относился к матери с большим почтением и дорожил её советами. Со смертью их прекратился в Ставрополе род Кусаковых, и дом их, находящийся на Верхнем базаре, был продан и приобретен дворянским депутатским собранием. Оба памятника [на могилах] чугунные, сохранились хорошо.

Могила Гливенко. Он был протоиереем кафедрального собора и в то время имел большое значение: «Соборный протопоп».

Могила Успенского. Дмитрий Успенский был ключарем, хотя он получил только семинарское образование, но был человек отзывчивый, просвещенный и интересовался стариной Ставрополя. Состоял председателем церковного археологического общества, но мало уделял внимания церковному музею. Когда в среде общества возникла мысль написать историю Ставропольской епархии, то он вошел в состав избранной комиссии и взял для разработки некоторые дела из консистории и успел написать несколько очерков из жизни духовенства в епархиальных ведомостях, но к дальнейшей работе не приступал. Участвуя в поездках архиерея по епархии, он вел дневник поездок и составлял интересные отчеты, но они не были напечатаны и остались в делах консистории. И к этой могиле заросла тропа, как и к остальным покойникам, рядом с ним лежащим.

Пожарная каланча

Мысль о постройке каланчи возникла еще в 1837 году вследствие представления городничего. Начальник области поручил строительной комиссии составить план постройки и смету. 3 февраля 1838 года общее управление кавказской области сообщило об этом окружному начальнику. Строительная комиссия составила план и отправила его в Градскую думу для указания места места постройки и способа, каким она может произвести постройку. Но Дума уведомила, что средств она не имеет, и общее управление просит окружного начальника высказать его мнение по этому вопросу. Окружной начальник, соглашаясь с мнением Думы, прибавляет, что есть более неотложные и важные нужды, как то: постройка помещения для пожарных инструментов, дома для арестованных женщин, — но они не удовлетворяются по недостатку средств города, и притом полицейское управление стоит на таком возвышенном месте, что почти весь город виден. Вследствие такого заключения окружного начальства исполняющий обязанности начальника области генерал-лейтенант барон Таубе предложил строительной комиссии отложить постройку каланчи до более благоприятного состояния городских средств. На этом и заканчивается дело о постройке каланчи.

Но в апреле 1839 года строительная комиссия снова предлагает окружному начальнику избрать удобное место, так как предположено построить съезжий дом с каланчою близ сарая, где помещаются пожарные инструменты. Сообщение это подписал гражданский губернатор Семенов. Сама форма бумаги не оставляет сомнения, что вопрос о постройке уже решен и требовалось только исполнение формальностей.

Полицейское управление в то время находилось на том самом месте на Соборной горе, где стоит и теперь, и, действительно, по своему местоположению оно господствовало над всей прилегающей низменностью, на которой были расположены станица и город, и с этого места, действительно, был виден почти весь город благодаря отсутствию построек, ниже расположенных по Соборной улице, Николаевскому проспекту, поэтому надобности в каланче большой не было. С каланчи хороший вид на Ставрополь. Но пожарная команда возникла еще в 1820 году, и служителями были полицейские солдаты.

Дом Главного штаба

Главный штаб войск Кавказской линии. Дом этот остался без изменений до настоящего времени. Двухэтажное здание, хорошо построенное, оно и теперь принадлежит к лучшим домам города. Это первый дом, который суждено было посетить знаменитому Шамилю после его пленения в 1859 году при въезде в Ставрополь.

Магистрат

Здание, стоящее по линии верхней части Николаевского проспекта (ныне Красной улицы), в полтора этажа, смешанной постройки, служило первоначально для помещения первого присутственного места магистрата, открытого в 1786 году.

В нижнем этаже помещался архив. Вся история Ставрополя до 1848 году прошла здесь, в стенах этого здания. Ныне помещается в нем амбулатория для городских больных.

От улицы здание отделено теперь каменной стеной, вследствие чего оно с улицы видно только вполовину. Тип постройки — обыкновенный дом с небольшими окнами и частыми переплетами в оконных рамах. Внутри оно переделывалось, но снаружи сделан только легкий ремонт.

Городская дума

Здание Думы расположено на спуске с Соборной горы, но все-таки настолько высоко в отношении окружающей местности, сильно понижающейся к востоку, что оно господствует над остальной местностью и при своем двухэтажном строении очень эффектно высится среди остальных строений.

От самого восточного конца города и даже с прилегающей к городским (Тифлисским) воротам площади оно прекрасно видно и величественно венчает возвышенность, резко выделяясь на горизонте своими двумя башенками. Построено оно по плану архитектора Славянского, и, несмотря на простоту положенного в основание его мотива, оно очень красиво, легко и, благодаря соразмерности частей, нарядно и всегда имеет праздничный вид, хотя чуждо наружных украшений.

Талантливый строитель с расчетом выбрал место для постройки и кокетливо набросил на башенки легкую крышу — опрокинутые тюльпаны, уперев в них шпили, как стебельки от цветочной чашечки. Построено оно в 1848 году. Низ здания был укреплен контрфорсами, составлявшими глухие боковые балконы, но в 30-х годах городская управа решила, упразднить эти балконы, считая их излишними и рассчитывая использовать нижнее помещение. После этой переделки через год здание дало трещину: южная сторона обнаружила сползание.

Предполагая, что это неожиданное явление происходит от просачивания почвенных вод, решено было но проекту архитектора Бржезицкого обнести здание дренажной канавой, но разрушение не остановилось. Тогда убедились, что бывшие балконы имели свое значение, и снова их восстановили, хотя и в меньшем размере.

Наконец, с назначением в 1910 году городским архитектором инженера Булыгина решено было переделать южную половину здания, углубив фундамент и осветив нижний (третий) этаж, сделав его жилым. Но эта крупная переделка в здании едва не повела к полному уничтожению всего здания и не лишила город этой красивой, оригинальной и ценной в историческом отношении постройки, служащей украшением центральной части города. Бывший в то время городским головою Поярков, не связанный с прошлым города воспоминаниями и совершенно чуждый ему, выдвинул проект снести до основания это здание и построить новое, хотя и на этом месте, но в новейшем стиле — муниципалитет.

Ставропольская ученая архивная комиссия в лице председателя Прозрителева в видах охраны памятников местной старины настаивала на сохранении здания в прежнем его виде, допуская переделки, необходимые для укрепления, но без изменения внешнего его вида.

Городская управа поддерживала проект городского головы и даже в своем докладе ссылалась на заключение академика Суслова, заявившего будто бы, что здание не имеет никакого стиля и может быть сломано. Но, несмотря на такой авторитет, архивная комиссия не отступала от своего настояния, и, к счастью, в думе нашлось большинство, ставшее на историческую точку зрения, и принят был первый проект. И таким образом здание уцелело.

С балкона второго этажа этого здания открывается чудный вид на всю нижнюю часть города и раскидывающуюся даль с восточной стороны. Окаймляющие низменность горы, поднимающиеся террасами к югу, красиво выделяются на горизонте за 34 версты от города, видны села Надежда, Старомарьевка, белеют хатки села Бешпагира, прижавшегося в глубоком изгибе горы. А с крыши здания и его башни открывается прелестная панорама всей волнистой поверхности общей возвышенности с далеким предгорьем и величавым гигантом Эльборусом, который высится над всеми горными исполинами, гордо подняв две свои головы.

План Булыгина был выполнен вполне удачно. Внутри сделаны большие переделки, расположение комнат изменено благодаря прибавлению здания во двор, увеличению боковых крыльев, получились лишние комнаты и возможность сделать хорошую внутреннюю бетонную лестницу вместо прежней деревянной.

Прежде это здание имело в главной зале хоры (в западной стороне его), и из них был ход в башню, из которой обыкновенно приезжавшие в Ставрополь любовались дивным видом гор. Вся история Ставрополя с 1848 года до последних дней связана с этой залой: в ней проходили и тяжелые, и радостные дни города. Сюда прибегали жители и в скорбные дни холеры сорок восьмого года; здесь ликовали и по случаю приезда в 1851 году наследника, будущего Александра II, с которым так много соединялось надежд; здесь город чествовал и Барятинского, сломившего упорство знаменитого Шамиля, которого он вез через Ставрополь в Петроград.[5] Гроза Кавказа, Шамиль ехал пленником и все праздновали это огромное событие, так как с этим проездом было связано прекращение грозного военного времени, в котором и город нес большие тяготы и утраты.

Все начинания для города исходили из этой залы и все выдающиеся кавказские деятели проходили здесь, связанные с тем или иным событием кавказ-

ской жизни. Здесь же, в этом зале, закончила свое существование и Городская дума городового положения, уступив место городскому Совету в 1918 году, как в 1870 году. Покончила свои дни шестигласная дума, созданная по указу 1785 года, в свое время бывшая громадным шагом вперед по пути гражданского развития страны.

Почти половина всей истории нашего города связана со зданием городской думы. Все радости и неудачи город встречал в этом здании. Величественно оглядывает оно всю нижнюю часть города, колыбель его, из которой он постепенно вырастал, как дитя из колыбельки, рос, ширился быстро и уходил во все стороны.

Красивое и приветливое здание это было первым украшением, да и теперь оно не потеряло в художественном отношении и не видит себе соперников в новом городе. Глинистый спуск, изборожденный рытвинами от потоков воды, густой бурьян и торчащие среди него камни — такой вид представляла из себя возвышенность, отделяющая ныне Николаевский проспект от Соборной улицы.

Вид на здание городской думы. Фото начала XX века

У подошвы этой возвышенности был пустырь, и здесь собирался базар. Трудно было Ставрополю тягаться с другими городами России; развитие его сильно задерживалось военным управлением в крае, и, являясь областным центром, Ставрополь почти не знал гражданской жизни.

Но вот 2 мая 1847 года состоялось высочайшее положение, и область была переименована в Ставропольскую губернию, а Ставрополь стал губернским городом. Жители встрепенулись. «Граждане не жалели денег и приносили огромные пожертвования на разные благотворительные учреждения», — пишет современник. В ознаменование этого перехода к новой жизни решено было основать каменное двухэтажное здание для присутственных мест городового управления. 29 мая 1847 г. была совершена закладка здания нынешней Городской думы. Постройка эта скоро изменила вид местности, и бурьян, и рытвины на глинистом спуске исчезли и перестали пугать местных жителей, служа прежде убежищем для темного люда. В новом здании должны были поместиться магистрат и Дума, помещавшиеся прежде в тесном и плохом деревянном здании.

Граждане с любовью и энергией относились к новой постройке, и так как городских сумм на постройку по выработанному плану и смете не хватало, то первой гильдии купец Иван Ганиловский «из усердия к общественной пользе» постройку здания принял на себя и произвел на свои средства. Граждане видели в этом здании «свой дом», центр городской жизни, и все симпатии населения были направлены сюда. При закладке здания под основы его была положена медная доска со следующей надписью: «1847 года мая 29-го дня по Р.Х., в 22-ое лето благополучного царствования Всероссийского императора Николая Павловича, при августейшей супруге его, ее императорском величестве Александре Федоровне, наследнике, великом князе цесаревиче Александре Николаевиче и супруге его, ее императорском высочестве Марии Александровне, во время главного начальствования в Кавказском крае наместника Кавказского генерал-адъютанта князя Михаила Семеновича Воронцова, с благословения и освящения места Просвещенным Иеремиею, епископом Кавказским и Черноморским, в бытность начальником области генерал-лейтенанта Николая Степановича Завадовского, Кавказским гражданским губернатором генерал-майора Ивана Ивановича Норденстама и в присутствии многих почетных лиц заложено в городе Ставрополе на счет городских доходов и содействием ставропольского первой гильдии купца Ивана Григорьевича Ганиловского здание сие для помещения городовых присутственных мест: градской думы, городового магистрата и других городских управлений, по плану архитектора Славянского».

С устройством здания думы явилась необходимость упорядочить и место вокруг него, и потому базар, согласно высочайше утвержденному плану города, перенесен к Воробьевскому предместью, т.е. на нынешнюю Александровскую площадь, называвшуюся тогда Татарским базарчиком. Это обстоятельство, стоявшее в связи с постройкой здания городской думы, имело огромное влияние на развитие города. С переводом базара и мелкой торговли на верхнюю часть города многие из жителей поспешили занять в этой местности места и возвели прочные каменные постройки. Город сразу двинулся на запад, скученность внизу уменьшилась и санитарное состояние города значительно улучшилось. Ранее возник там новый гостиный ряд (старые каменные ряды), и положение этой части города упрочилось. Около этого времени в нижней части города проведен был новый бульвар старанием командующего войсками генерала Завадского (от нынешнего бассейна до Тифлисских ворот), разработана Бабина роща (до того запущенная и крайне сырая) и названа Воронцовской, устроен общественный рассадник, тутовый сад, и, наконец, коллежский советник Нечмиров занялся разведением парка на горе вокруг кафедрального собора, и был создан близ Варваринской церкви питомник для обучения воспитанников духовных училищ.

Город сам стряхнул с себя спячку[6], появились тротуары, мостики, канавы, преходы; жители стараются украсить и старые дома. Наконец в 1850 году появился дворянский клуб и возникает освещение улиц спиртовым газом (спирто-скипидарной жидкостью). Были освещены: Николаевская улица от госпиталей до Тифлисских ворот, Театральная, Александровская улицы и Александровская пло-

щадь. «Видя превосходство этого освещения, многие жители поставили у себя такие фонари», — говорит современник. А наместник Кавказа граф Воронцов, посетивший Ставрополь в 1851 году, распорядился ввести такое освещение в Тифлисе, для чего было послано туда из Ставрополя 12 фонарей для образца. К этому надо прибавить и возникновение у нас женского учебного заведения Св. Александры (ныне гимназия). И все это было сделано за три года.

Таким образом, с возникновением здания городской думы связан целый ряд весьма светлых воспоминаний, оно как бы было толчком развития города, и мы вправе считать его памятником местной старины и дорожить по самим условиям его возникновения и той роли, какую оно сыграло в развитии самосознания граждан города Ставрополя. Безусловно, необходимо сохранить прежний внешний вид этого здания и в расширении держаться того же стиля. К этому обязывает наше прошлое.

К сожалению, бывшие гласные всех составов интеллигентной думы не озаботились не только написать историю городского управления, но даже собрать материал для написания и допустили городской архив до самого плачевного состояния и даже до расхищения из него дел.

Городской архив

А между тем, архив этот хранил дела от самых первых дней Ставрополя до последних знаменательных событий и составлял весьма ценный в научном отношении материал для истории всего края. Военное и гражданское управление краем отлилось в нем во все подробностях, так как жители-горожане своими обычаями и постоем глубоко вливались в огромный водоворот общей кавказской жизни, сплошь проникнутой неотложными требованиями великой Кавказской войны. Жители стонали от постоя, т.е. бесплатного предоставления квартир для военных команд и отдельных чинов, в громадном количестве проходивших через город и расположенных в нем. Только приезд Александра II в 1851 году принес жителям избавление, и постой был заменен денежным взносом в квартирную комиссию в удовлетворение неоднократных ходатайств жителей.

И крепость со своим особым управлением для поселившихся под ее покровом обывателей, и первые домики пришельцев, боязливо приткнувшиеся к оврагам, и первый форштадт, а за ним и слободки, где солдатские жены и окончившие долгую службу солдаты и инвалиды повели хозяйство. Все нашло место себе в этом архиве, с яркостью отразив бытовые черты в своих ходатайствах. А вот и начало муниципалитета..,[7] первый бургомистр, крупная личность — Яковлев, а за ним и магистрат.

В высшей степени характерны первые шаги городских деятелей, ощупью шедших среди массы нахлынувших на них разнообразных дел и велений и твердо отстаивавших права и привилегии своих новых граждан. «А что, разумеется, до прав и привилегий граждан, то таковых мещане не имеют», — писали городские власти в ответ на строгие бумаги начальства. Тут и указы Кавказского наместнического правления, учрежденного в 1785 году. А вот и городская ратуша, и ее голова, и ратманы. И, наконец, городская шестигласная дума.

Постепенно выдвигалось выборное начало, и городское управление все более и боле становилось на свои ноги, освобождаясь постепенно от административной опеки. Скромно, но устойчиво маленькая горсточка представителей города ведет свое хозяйственное дело, «обороняется» от властолюбивых губернаторов, власть которых была велика. А кроме губернатора была еще власть начальника области, а там главнокомандующего и наместника. Трудно было вести маленькое суденышко городскому кормчему, не имея ещё ни знаний, ни законов, которые (указы) не всегда согласно давали указания, да и достать их было трудно. И господа, присутствовавшие по субботам, занимались чтением законов, как говорится в журнале магистрата.

1861-1864 годы принесли новые порядки, а с ними и светлые мечты на будущее. Сошел со сцены целый ряд упраздненных правительственных учреждений, и вся их длинная работа, целая эпопея нужд, горя и домогательств, без просвета нудных обывательских потемок[8] спустилась в архив и ждала себе работника. Но вот и новая городская дума по городовому положению. Вот и городской голова Розанов и секретарь К.А. Росляков... Начинается широкое школьное строительство, народное образование в руках города... А вместе с этим и широкая борьба со старыми порядками и деятелями. Отбираются участки городского леса у долгосрочных арендаторов, которые завели в лесу целые хозяйства, пасеки.

Возбуждается громкое дело по обвинению бывшего городского головы Деревщикова в растрате и хищениях. Долго С.Ф. Деревщиков стоял у кормила города, много отдал ему сил, построил огромные корпуса торговых лавок на Верхнем и Нижнем базарах, напоил город свежей ключевой водой из знаменитого источника Карабина, устроил водопровод и открыл бассейны в городе. Но новым деятелям казалось, что не обошлось без того, чтобы городские деньги не остались в кармане Деревщикова, и возникло обвинение. Пропали прежние заслуги, и вместо покойной, почетной старости — тюрьма... Но смерть распутала дело, и Деревщиков оказался не «хищником», а действительно общественным деятелем, оставившим городу крупное достояние в виде водопровода, торговых рядов, и не собравшим себе ничего. Умный, энергичный, с огромной практической сметкой, Деревщиков из крестьянских мальчиков вырос в общественного деятеля (без образования).

Старые деятели ушли. Мещанство и купечество стояло у городских дел. Новые выборы дали думе чиновников, прежде не принимавших участия в городском управлении. Идет борьба с мещанским обществом. Но вот и скандальный процесс по обвинению казначея новой городской управы Ермолова в растрате крупной суммы общественных городских денег. Ермолов приговорен к заключению в арестантские роты.

Снова идет борьба между старыми и новыми: одни не жалеют денег на новые начинания, опытные поля, постройку школ, устройство освещения; старые указывают на повышение налогов, обеднение мещанства, безрезультатность начинаний, их большую стоимость — окраины во мраке и тонут в грязи, а все делается для центра. А вот длинный ряд годов мучительных ходатайств, чтобы пробиться городу к железной дороге. Бурно заседает Дума, решая

вопрос, оставить ли город в стороне от линии железной дороги или сделать его упорным пунктом. Вопрос, с которым связаны крупные интересы города.

Настают и последние дни Думы. Снова борьба, но уже с новой властью — народной, выдвинутой переворотом 1917 года. Снова бурные заседания, но видно, что это конвульсии умирающего организма, не находящего себе поддержки в остальных частях тела: население не на стороне думы. Вот и власть Совета — большевики. Дума сошла со сцены...

Не озаботились за свое длинное существование городские деятели собрать и портреты крупных своих сочленов. Никто не думал о завтрашнем дне и слишком отдавались интересам данного дня. Не сохранили и зеркало своей души — архив, который нелицеприятно учит, и в будущем историк с горечью и грустью будет собирать клочки разрозненных дел, не имея возможности дочитать до конца интересное дело.

До 1848 года Дума помещалась в старом здании ратуши, которое впоследствии, с упразднением ратуши, было переделано внутри. В 1827 году дума помещалась там вместе со словесным судом. Здание это то самое, которое стоит по линии забора усадьбы нынешней думы. Архив первоначально помещался в нижнем этаже этого домика, затем в нижнем этаже нового здания, в северной его половине. Долгие годы хранил архив и любовно смотрел за ним архивариус Зенин, а за смертью его управа не имела постоянного архивариуса, и архив пришел в упадок.

Александровская гимназия

Училище Св. Александры с пансионом для благородных девиц основано в 1848 году. Инициатором открытия этого заведения, второго в Ставрополе женского учебного заведения, была княгиня Е.К. Воронцова. Было образовано женское благотворительное общество Св. Александры, и из него выделен попечительный совет, который и заведовал делами. Открыто училище 12 октября 1849 года. В числе членов общества числилась и Евдокия Прозрителева, жена бывшего в то время секретарем городской думы Николая Прозрителева, мать Григория Николаевича Прозрителева.

Место для постройки здания было подарено обществу Л.Е. Павловым, и само здание построено на средства его в 1862 году. Первоначальное здание занимало угол площади и нынешней Нестеровской улицы. Эта улица называлась Александрийской по имени училища. Впоследствии, в конце 80-х годов, к нему был пристроен по улице длинный корпус по плану и под руководством инженера Савицкого с подвальным этажом, в старой половине которого были расширены окна и помещение сделано светлым, удобным для жилья.

В 1900 году в угловой части здания устроено помещение для церкви и над крышей сделан купол по плану инженера Кускова. Церковь светла, красива и имеет хорошую живость[9]. Постройка произведена на средства потомственного почетного гражданина Федора Александровича Леонидова. При здании хороший сад, а вся усадьба занимает целый квартал.

В 1867 году преобразовано в шестиклассное училище и открыт педагогический класс. Затем оно переименовано в гимназию. Здание имеет хорошие большие залы, но старая часть темна, и нижний этаж сырой.

Николаевский проспект (Красная улица)

Центральная часть города всегда обращала на себя внимание как городского управления, так и властей. Особенно заботились о главной улице, которая называлась Черкасской, в силу того, что по ней шел тракт на Черкасск. Улица эта была самая проездная, и по ней шло официальное сообщение, приезд в Ставрополь и из России, и из Закавказья, и из губернии. Другого въезда в Ставрополь не было. Шла дорога из крепости на крепость Московскую, но эта дорога не была безопасна, «сообщение по ней шло с оказией». Обыкновенно раз в неделю из крепости до ближайшей крепости снаряжался целый транспорт с провиантом и другими принадлежностями для военных надобностей, и к нему присоединялись все приехавшие к тому времени и горожане, имевшие надобность выехать, и под прикрытием пушки в сопровождении команды обоз двигался в путь. Такие передвижения назывались оказией. С устройством Черкасского тракта, когда стало более безопасным движение на север, такие оказии остались в более глухих местах, как на Кубани.

Ближайшая станица к Ставрополю Кубанской области Барсуки была под угрозой нападения горцев, и путь этот на Ставрополь был небезопасен. Чркасская улица представляла собой широкое пространство, разрезанное во всю длину с запада на восток ручьем, который размыл небольшой яр, наполнявшийся водою до краев, с быстротой пробегавшей по возвышенности, особенно во время дождей.

От Соборной горы также протекал ручей в том месте, где теперь между концами бульваров стоит бассейн. Другой ручей протекал несколько выше, где в настоящее время сад губернаторского дома. Часть воды из ручья вытекала по нынешней Варваринской улице, которая от невылазной грязи называлась Грязной улицей. В грязи здесь еще в 50-х годах застревали подводы, и легковые извозчики избегали проезжать по ней даже в 80-х годах. В таком положении Черкасская улица оставалась до 1837 году. В этом году призжал в Ставрополь Николай I. Хотя были приняты все меры к благополучному проследованию государя, но на беду погода осенью была плохая, шел дождь и ямщик, вероятно, по неопытности, при въезде на Черкасскую улицу влетел в водомоину и экипаж застрял. Несмотря на все усилия, лошади не могли вытащить экипаж государя, и пришлось его высаживать и препровождать на извозчике. Уверяют, что даже некоторое расстояние государь шел пешком под дождем. Крайне раздосадованный и больной лихорадкой, государь неприветливо встретил начальника области Вельяминова и, посылая прокляться тому, кто расположил город в таком месте, тут же заявил, что город надо упразднить и перенести на Кубань, где ныне стоит Армавир. Несмотря на все доводы Вельяминова, Николай стоял на своем и был не в духе.

На другой день, как говорят, государь чувствовал себя лучше, и Вельяминов возобновил разговор о Ставрополе в защиту его, но успеха не имел. Случилось так, что государь после приступа пароксизма лихорадки захотел пить и потребовал холодной воды. Ему был подан стакан воды, обыкновенно употребляемой ставропольцами. Выпив залпом поданную воду, государь за обедом спросил Вельяминова, откуда такая вкусная вода. Вельяминов объяс-

нил, что вода из местного городского источника Карабина, очень богатого водоема. Это обстоятельство в связи с тем, что государь после выпитого стакана воды почувствовал себя лучше, совершенно смягчило его, и заступничество Вельяминова увенчалось успехом. Город был спасен.

Осмотр города также оказался в пользу его, и Николай согласился быть на открытии в Ставрополе гимназии и был на самом открытии. Говорят даже, что он сам высказал мысль о необходимости гимназии. Хотя ещё в 1812—1814 годах дворяне приглашались к пожертвованию на устройство гимназии, но дело не подвигалось.

К отъезду государя погода улучшилась, и он уехал в хорошем расположении духа. В память этого приезда Черкасская улица переименована была в Николаевский проспект, но долго еще она продолжала называться просто Большой улицей. С этого времени стали заботиться о засыпке яра, отводе воды в русло ручья, где губернаторский дом, и, наконец, о замощении улицы. Вид города сразу изменился с устройством этой улицы, но упорядочена была главным образом верхняя часть. В 1844—1845 годах улица была замощена огромными каменными плитами, и во время грязи это представляло большое удобство, но зимою во время гололедки лошади скользили и падали. И случилось, что лошадь одного из высокопоставленных лиц на большом ходу поскользнулась, упала и сломала ногу. Лошадь была дорогая, породистая, и владелец негодовал на городскую думу, приписывая вину ей. Вследствие этого приказано было перемостить улицу.

С приездом Николая I в Ставрополь связано несколько анекдотов, хотя за достоверность событий можно ручаться. Николай I любил быструю езду на лошадях и не терпел промедления в запряжке и выезде на станциях. Погода также не останавливала его. На одной из станций близ Ставрополя служил почтовый чиновник Зленко, которому и пришлось провожать Николая. После отъезда Николая из Ставрополя этот Зленко подал по начальству рапорт, в котором просил занести в его формулярный список, что он удостоился высочайшего разговора, а именно: государь сказал: «Ты дурак» — на его замечание о погоде, что и было исполнено начальством.

Другой случай был на станции Русской (первая станция от Ставрополя). Почтовую гоньбу содержал Ставропольский городской голова. Зная, что Николай любит бешеную езду, он запряг в его коляску четверых самых лучших, сильных и строгих лошадей и, не доверяя ямщикам, сам сел на козлы править лошадьми, и лихо пронесся по хорошей дороге. Коляска катилась, плавно покачивалась, и Николай был доволен. Но вот, когда подъезжали уже к станции, надо было подняться на пригорок, и ямщик-голова, боясь, чтобы лошади не замялись в тяжелом экипаже, прикрикнул на лошадей и лихо влетел на возвышенность, причем ловко обогнув косогор. Лошади взяли в карьер. Коляска раскачалась, и задремавший Николай испугался, опасаясь опрокинуться, и крикнул: «Дурак, держи!». Но ямщик-голова, не обращая внимания, лихо подъехал к станции, и лошади стали как вкопанные. Николай был доволен и, выходя из коляски, сказал, обращаясь к ямщику-голове: «Нет, ты не дурак!». Николай не знал, что беседует с головой. Плотников (голова), возвратясь в Ставрополь, доложил о случившемся городской думе и просил занести эти слова в аттестат, что и было исполнено.

Черкасская улица входила в Черкасский тракт. Черкасский тракт возник сам собой в 1777 году благодаря постройке крепостей, через которые и шло первоначальное сообщение. В 1785 году было велено открыть почтовое сообщение с Царицына до Кавказской линии и до Черкасска, а селение обнести земляным валом. О состоянии этого тракта заботились ввиду большого проезда и единственного пути из России. В 1803 году князь Цицианов предписал ставропольскому исправнику Бабину сделать по дороге от Черкасска до Донской крепости туры, оплести их хворостом, «буде же того нельзя, то из земли сделать на каждой полуверсте по обеим сторонам дороги курганы вышиною сажень, а внизу поперечь две сажени, и буде можно было, осенью посадить на верхушках оных тополевые деревья».

Николаевский проспект. Фото начала XX века

Распоряжение это имело громадное значение ввиду совершенно отрытой степи, где разгуливали страшные ветры, и во время зимних метелей при отсутствии близкого жилья проезжающие и путники попадали в самое ужасное положение, сбиваясь с дороги. Нередки были случаи замерзаний блуждающих в степи проезжавших и сбившихся с пути. О размерах снежных метелей во время зимы и страшной опасности от них для движения можно было судить по тому, что в настоящее время останавливается движение поездов из-за снежных заносов по линии Владикавказской железной дороги и по Ставропольской ветке.

Распоряжение это стояло в связи с представлением Цицианова почт-директору от 15 января того же года о необходимости открыть почтовый тракт от Черкасска до Георгиевска, так как почта в Георгиевск получается через Астрахань и делает этим путем 500 верст кругу. Впоследствии по сторонам дороги были сделаны каменные, сложенные из тесаных камней столбы, причем по гладкой стороне, обращенной к дороге, можно было ощупью ночью узнать направление пути. Столбы эти уцелели частью до настоящего времени. Гнев Николая I и его

раздражение против Ставрополя были, конечно, неосновательны, тем более, что лица, знакомые с условиями, всегда высказывались в пользу Ставрополя.

Так, сенатор Мертваго, ревизовавший Кавказскую губернию [в] 1818 году высказал мнение, что следует переименовать губернию в звание области, учредя судебные и правительственные места в Ставрополе, «яко в единственном месте, на город похожий, и он всегда будет центром торговли и лучшим для жительства местом». То же писал и Ермолов, бывший в Ставрополе в 1821 году, настаивая на переводе представительных учреждений из Георгиевска по нездоровому его климату в Ставрополь.

В 1802 году Кавказская губерния была образована из пяти уездов: Кизлярского, Моздокского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского, губернским городом был назначен Георгиевск. Кавказская губерния была переименована в область 24 июля 1822 года, областным городом назначен Ставрополь. В 1847 года 2 мая Кавказская область переименована в Ставропольскую губернию. В 1860 году ноября 9-го образованы Терское и Кубанское войска из бывших Черноморского и линейного войска казачьих станиц, и часть Ставропольской губернии отделена от нее.

Ставрополь к этому времени был уже настоящим городом, оправдав мнение сенатора Мертваго и Ермолова. Несмотря на тяжелые условия заселения, в Ставрополе было еще в июле 1806 году купцов — 247, мещан — 408, дворовых — 69, но уже существовал форштадт (близ Троицкого собора). В 1811 году было:

	мужского пола	женского пола	домов
Дворян	64	61	27
Духовных	11	11	4
Купцов	175	157	44
Мещан	446	450	171
Отставных солдат	82	79	42
Канцелярских служащих	8	7	3
Военнослужащих	68	69	38
Вдовых солдаток	10	33	19
Крестьян	17	22	—
Однодворцев	155	122	50
Армян	45	5	19
Итого:	1081	1016	417

А 5 ноября 1811 года открыто в Ставрополе всенародное училище. В 1812 году возникал вопрос о постройке купцами за свой счет торговых лавок. В 1829 году были устроены канавы для стока воды и поставлены фонари. В 1836 году открыта гостинца Ганиловского, где ныне окружной суд. В 1833 году было позаимствовано из Приказа общественного призрения 70 тысяч рублей на постройку ярмарочных лавок. В 1835 году открыта ремесленная управа. Интересно, между прочим, распоряжение о неоштукатуривании домов в том году, когда они выстроены, для избежания сырости. Поднимался в 1837 году вопрос о переводе базара на Александровскую площадь. Базар помещался на площадке, которая ныне находится у подножия спуска с Соборной горы к Армянской улице и Нижнему базару, занимая и улицу, идущую к Ясеновскому бассейну; тут были торговые лавки, остаток которых составляет фонарная. Словом, город, видимо, жил здоровой жизнью людей, желавших благоустройства и порядка в общественных делах. Собирали горожане между собою деньги и на окончательную отделку Троицкого собора, и на постройку в будущем церкви во имя Св. Николая на горе.

Другой тракт издавна шел по Кавказской области через село покойное (основано в 1784 году) до Астрахани (400 верст). По сведениям архива села Покойного 10 февраля 1820 года шел из Астрахани транспорт — 450 верблюдов казенных — и старосте с. Покойного выдана начальником отряда квитанция, что им было дано 2 проводника до села Благодарного, 21 февраля было дано 10 проводников для сопровождения транспорта военных вещей, 23 апреля дано 6 человек проводников до Маслова Кута для сопровождения 5 артиллеристов.

Ставрополь был центром, и от него шли тракты на Россию: [станции] Русская, Московская, Донская, Безопасная, Преградная, Медвежье, Летник, Песчанокопская, Ср. Егорлык. На Владикавказ: Старая Марьевка, Базовая, Сергиевка, Калиновка, Александров, Саблинская, Сухопадинская, Александрийская, Георгиевск, Старопавловская, Солдатская, Прохладная, Пришибская, Александровская, Змейская, Ардонская, Владикавказ. На Екатеринодар: Русская, Рождественка, Егорлыкская, Камышеватская, Григорополисская, Промежуточная, Темижбекская, Кавказская, Казанская, Тифлисская, Ладожская, Усть Лаба.

Бульвар верхний

Верхний бульвар, идущий от старого бассейна до пересечения Николаевского проспекта Театральной улицей, частью еще остаток того леса, который когда-то рос по этой части города и составлял сплошную заросль с садом губернаторского дома. Впоследствии посажены были деревья. Тополи посажены в 1848 году по распоряжению князя Воронцова. Старые деревья, достигавшие значительной толщины, вырублены. В 50-х годах эта часть бульвара (верхняя) настолько была густа, что вечером небезопасно было ходить.

Площадка против окружного суда образована в 80-х годах, и здесь предполагалось устроить кофейную и одно время производилась довольно бойко торговля чаем, молоком, пирожным, но затем в 1907 году еврей Гликштейн, занимавшийся жестяным промыслом, выпросил себе разрешение построить киоск ниже этого места, рядом с площадкой, устроенной городским головой Ивановым для игр детей (против губернаторского дома), и открыл там торговлю в своей кофейне. Особенно бойко он торговал вафлями (парижскими), и публика вся повалила к нему. Эта часть бульвара, разделяясь на три аллеи, является прекрасным местом для отдыха, благодаря своей тенистости, а вечером и ночью скамейки верхней его части все заняты воркующими парочками, и это любимое место любовных свиданий. Бульвар этот — богатое украшение города и требует особенного внимания для его сбережения.

Площадка у старого бассейна против Кафедрального собора

Площадка, в которую упирается этот бульвар, с устроенным на ней бассейном — самое бойкое место в городе ныне, но в старые годы место это было довольно глухое. Бассейн устроен здесь в 1840 году на средства купца Тамамшева, и вода взята из источника при тюрьме.

Между прочим, с ней связано одно трагикомичное событие начала 50-х годов. В то время Ставрополь был военным центром, здесь сосредоточено было все управление, была масса войск, и сюда из внутренней России направлялись все жаждущие отличий в военных действиях, которые в широком масштабе шли в эти годы против горцев. Сюда стекалась молодежь богатых и знатных фамилий, крупных помещиков в надежде путем отличий в боях получить офицерский чин и открыть себе путь к дальнейшему повышению. Много юнкеров проживало в Ставрополе в ожидании назначения в отряд и проводило жизнь в кутежах, попойках и развлекалось разными скандалами по ночам. Бульвар верхний служил для них излюбленным местом. Переворачивание скамеек бульварных, ломка скамеек у ворот дворов, на которых обыкновенно сидели обыватели во время праздничного отдыха, перемена вывесок над магазинами с одного на другой — все это было делом рук юнкеров. Богатство и связи давали возможность всем участникам дебошей оставаться безнаказанными даже в более крупных дебошах. Начальство, несмотря на жалобы, не могло справиться с этой «золотой молодежью», хотя и принимало меры. Но арест на гауптвахте для них был своего рода развлечением. Жаловались на своих сынков из России и мамаши в том, что они проигрывают в карты большие суммы, и начальство применяло даже арест в случае обнаружения азартной игры. Начальство не могло сладить с разнузданностью юнкеров.

И вот эта молодежь, бродя ночью под Рождество по городу (в то время не было еще обычая устраивать елки), встретила на площади перед бульваром идущего в кафедральный собор к заутрене протоиерея Гремяченского. Протоиерей шел снизу, где он имел свой дом. Недолго думая, компания окружила протоиерея и начала чинно подходить под благословление. Не спеша производили эту церемонию, а протоиерею надо было поспешить к архиерейскому служению. Окончив это глумление, юнкера, оцепив кружком батюшку, распрашивали, куда и зачем он спешит. Наконец, потребовали, чтобы он проплясал здесь же, на морозе, трепака. Ошеломленный, батюшка протестовал, ссылаясь на греховность требования, на святость праздника, на звон колокола и т.п., но ничего не помогло, — компания настаивала на своем. В соборе уже тревога: почему нет протоиерея, архиерей уже приехал. А протоиерей, подняв рясу, усердно отплясывает трепака, подбадриваемый понуканиями и угрозами злых шутников. Вспотел и устал батюшка, и взмолился к своим мучителям. Смиловались, наконец, отпустили. Изумлению и удивлению от такого нахальства не было конца, когда прибежавший протоиерей рассказал архиерею о постигшем его несчастии. Наутро весь город уже говорил о событии. Начальство было возмущено таким поступком, но в результате — та же безнаказанность, так как виновных не оказалось. История эта была замята и до Петрограда[10] дошла только в рассказах, но не в донесениях. В городе говорили, что будто бы это глумление над протоиереем было местью ему за то, что он, ссужая проигравшихся картежников деньгами, брал большие проценты, и многие снисходительно относились к поступку юнкеров. Другая проделка, более злая, жестокая и преступная, имела своей жертвой девушку. Это было уже злодеяние.

Курган на Ярмарочной площади за Тифлисскими воротами

Вблизи Ставрополя, за Тифлисскими воротами, на кургане в трех верстах от города, стояла казачья вышка. Это был казачий пикет — наблюдательный пункт для безопасности от нападения горцев. В 50-х уже не было нужды в этом наблюдении, и казачий надзор в этом месте был снят, но вышка осталась. Это было деревянное сооружение на четырех столбах, вышиною аршин 6—9, с полом, крышею и барьерными стенками. Для входа на эту площадку приставлялась лестница. На этой площадке (на вышке) дежурил казак, наблюдавший за появлением неприятеля в прилегающих к городу балках и ложбинах, а внизу, в землянке, находились остальные казаки, составлявшие пикет в случае надобности, дававшие знать об опасности в город или другой укрепленный пункт. Опасность Ставрополю в это время с этой стороны уже не грозила. Такие вышки были по дороге к монастырю, где постовой пункт, и на дороге в Татарку, где разрытый курган.

И вот на такой вышке, стоявшей за Тифлисскими воротами, было совершено злодеяние в одну из ночей 1852 года. Наутро проезжавшие из ближайших станиц жители заметили, что на вышке висит что-то странное. Прибывшие из города власти увидели висящую на вышке вниз головой женщину, одетую в бальное платье, причем опустившиеся юбки и платье закрывали голову, а ноги и нижняя часть тела были обнажены. Дознанием установлено было, что девушка эта накануне была на балу в городской ротонде и весело танцевала. Когда она уехала с бала, никто не заметил, но больше не возвращалась. За что погибла эта несчастная и такой ужасной смертью, осталось неизвестным, точно так же остались неизвестными и виновники этого возмутительного преступления, но все называли юнкеров и говорили даже, что были известны имена участников. Дело заглохло.

Бульвар нижний

Бульвар этот, начинающийся от площадки и идущий до Тифлисских ворот, насажден по распоряжению начальника области Завадовского в 40-х годах и носил название Завадовского, о чем гласила доска с надписью на одной из каменных колонн, высеченных в виде пирамиды и поставленных при начале бульвара: «Бульвар Завадовского». После смерти Завадовского доска была снята, и постепенно все забыли, кому город обязан этим прекрасным насаждением.

Оба бульвара разделяют Николаевский проспект на две части или улицы и являются украшением города. Эта прекрасная тенистая аллея служит главной дорогой для сообщения с нижней частью города и с вокзалом, давая в то же время отдых идущим и место для прогулки и игр детей. Здесь до устройства бульвара была промытая водой ложбина с грязными берегами, и переходили ее по плохоньким деревянным мостикам. Сюда же втекал и ручей из Соборной горы, начинаясь от угла второго ряда лавок старого гостиного ряда за лавочной церковью. Родник забы-

ли и образовали колодец, который существовал до настоящего времени. Вода в нем очень хорошая. Ручьи, вытекавшие с противоположной стороны улицы, тогда ещё не застроенной, протекали по уклону на юг и восток, и здесь была невылазная грязь, трясина до самой площади, и сама улица называлась Грязной. Извозчики застревали в этой грязи, и улица была в дождливое время непроходимой. Ныне она называется Варваринской, и вымощена только в конце 90-х годов XIX столетия.

Старая гимназия

Здание это, стоящее на углу Николаевского проспекта и Варваринской (Грязной) улицы, является очень интересным в архитектурном отношении. Воздвигнуто оно в конце XVIII столетия и относится к самым старым зданиям Ставрополя, и до постройки зданий в соседстве с ним оно эффектно выдвигалось среди невзрачных строений старого города, составляя лучшее его украшение. Здесь были первые лучшие магазины. Название старой гимназии оно носит потому, что в нем помещалась мужская гимназия, открытая в 1837 году, в год приезда в Ставрополь Николая I. В закругленной части здания была устроена церковь. До 70-х годов гимназия находилась в этом здании, затем переведена была в новое здание, воздвигнутое на Александровской площади.

Лавочная церковь

На нынешнем Николаевском проспекте (Красная улица), на левой его стороне, считая от верхней части города, стоит среди домов и старого корпуса лавок церковь во имя Нерукотворного Спаса. Церковь построена в 1828 году на средства купцов, которые участвовали в постройке гостиного ряда. По общему соглашению было решено две средние лавки оставить для церкви, и для устройства ее подняли купол выше корпуса, а на уровне крыши остальных лавок соорудили пол и передний фасад украсили колоннами в дорическом стиле с треугольниками на них, в церковь вела широкая деревянная лестница.

До перестройки церкви в 1915 году и рядом стоящего здания мещанской управы на этом здании была доска с надписью: «Сей гостиный ряд выстроен попечением областного начальника, генерала от кавалерии Емануеля иждивением ставропольских купцов в 1828 году». Второй ряд лавок построен позже, при областном начальнике Вельяминове. Фасад церкви, как и передняя часть корпуса, обращенные к площади, оригинальны и имеют особенности той эпохи. В архитектурном отношении здание церкви и корпус лавок, как здания, относящиеся к Александровской эпохе, заслуживали внимания и охраны, имея все характерные черты известного стиля. К сожалению, местное городское управление не было на высоте сознания важности исторических памятников и допустило частные лица сделать переделки в наружных стенах и в окнах того и другого корпуса, чем совершенно искажен внешний вид всего здания. Также непростительна и переделка здания церкви, совершенно уничтожившая старый (характерно скромный) вид церкви вместе со стенной живописью, которая была в куполе и в фасадном треугольнике крыши. Бывшие лепные (штукатурные) украшения по карнизу также погибли. До переделки под церковью был широкий проход с Николаевского проспекта на противоположную сторону к бывшему тогда базару, и корпус имел оригинальный вид. Строители при переделке в 1915 году опустили пол церкви до уровня улицы и уничтожили бывший проход. На колоннах сделали фигурные пояски и вместо живописи в треугольнике над колоннами выставили лепное изображение Нерукотворного Спаса.

Церковь ныне имеет удобный вход, и внутри она благодаря стенной живописи в новейшем стиле имеет веселый нарядный вид и хорошо освещена. Все переделки (в сущности, построена новая церковь) сделаны на средства частных лиц по подписке и главным образом на средства старожиловкупцов Мокина, Ртищева и Демьянова. Среда уцелевших старых икон обращают на себя внимание в притворе «Снятие со Креста», «Проповедь на море», «Святителя Николая». Внутри церкви на правой стене — старинная икона Нерукотворного Спаса, хорошей работы, а на аналое пред алтарем — небольшая икона Спаса, принесенная в дар первым епископом Иеремией с его надписью, отличается своеобразностью изображения.

Часовня на Нижнем базаре

Место, где стоит ныне часовня, было занято церковью, построенною в 1780 году казаками Ставропольской станцы, которая и была расположена в этой местности и далее, где ныне Станичные улицы, Казачья и Хоперская улицы, составляющие память прошлой истории Ставрополя.

После упразднения станицы и перевода казаков на Кубань (в станицу Суворовскую) церковь их оставалась, и только в 1838 году после долгих споров с горожанами была взята казаками и перевезена в станицу Суворовскую, а на месте бывшего алтаря этой церкви поставлен был казаками крест, и в том же году на этом месте Игнатием Волобуевым была сооружена часовня. Ныне часовня находится в ведении женского монастыря и в ней имеются старинные иконы хорошей живописи. В архитектурном отношении часовня имеет интерес как здание первой четверти XIX века.

Тифлисские ворота

Красивое сооружение, имеющее вид крепостных ворот с амбразурами на верхней площадке, на которой можно было устанавливать пушки. По высоте своей оно господствует над всей местностью заярмарочной площади и служит лучшим наблюдательным пунктом за возможными подступами «хищников» по Мутнянской и Ташлянской балкам, особенно при существовании вышки-пикета на кургане. С верхней площадки открывается прекрасный вид на всю низменность и окрестные возвышенности. При воротах были устроены кордегардия, плацформа и шлагбаум, и въезд был только после удостоверения личности проезжающих. Построены ворота в память Отечественной войны 1812 года и свое название получили от того, что отсюда шел тракт на Тифлис, так как проезда через западную часть в то время не было. С верхней площадки можно видеть весь город, вид которого

производит прекрасное впечатление. Раскидывающийся живописно по возвышенности и покатостям Ставрополь представляет богатую картину, могущую удовлетворить самого разборчивого художника. При хорошей погоде вся эта картина делается еще более восхитительной, так как венчается величественным Эльборусом.

Дом юнкерского училища

На углу Александровской площади и Вельяминовской улицы расположено длинное одноэтажное здание, идущее главной своей частью по Вельяминовской улице и службами по Александровской площади. Первая часть его, считая от ворот, составляла дом главнокомандующего, отчего улица называлась Генеральскою. Дом этот начат постройкою при Эммануэле (1826) и в то время стоял одиноко в местности незастроенной и глухой, называемой Татарским базарчиком, что ныне Александровская площадь (Верхний базар), куда съезжались татары из аулов в базарные дни.

При этом доме огромное усадебное место, на котором был разведен сад, прекрасно распланированный, с хорошими плодовыми деревьями, который вместе с дикорастущими огромными деревьями, остатками бывшего здесь леса, представлял превосходное место для гулянья и в санитарном отношении имеет большое значение для города. К сожалению, в 1918—1919 годы деревья были вырублены. В саду уцелело здание-беседка в виде башни старинной постройки, в архитектурном отношении представляющее большой интерес. С верхней площадки его открывается богатый вид на окружающую местность, а в то время при отсутствии построек вид открывался до Холодного родника, и здание это служило и для военных целей.

Впоследствии в доме бывшего главнокомандующего было размещено Кубанское казачье юнкерское училище и были сделаны переделки и пристройки по Александровской площади, где помещалось 100 лошадей для обучения юнкеров, почему и здание удержало это название.

Павлова дача

В южной части города, на спуске к Мамайке, расположена прекрасная роща. Занимая большое пространство как по спуску, так и внизу, в балке, эта роща представляет богатейшее насаждение и [со] своими двумя прудами и бассейнами является чудным уголком для отдыха и гулянья в летнее время. Обилие прекрасной воды, тень и прохлада делают это место в высокой степени ценным, так и в лечебном отношении оно является благодетельным, укрытое от господствующих в городе ветров и совершенно лишенное пыли. Место это прекрасно разделано покойным Павловым, соорудившим здесь бассейны, пруды, мостики, аллеи, каменные лестницы, скамейки, столы, каменную ограду и все приспособления для гулянья.

Создав этот чудный уголок из обыкновенного дикорастущего леса, Павлов устроил здесь часовню, в которой и погребен вместе со своей женой. Дачу эту пожертвовал он городу, обязав в своем завещании устроить дом для призрения престарелых горожан и школу для обучения детей садоводству, оставив на расходы некоторый капитал. Пожертвование весьма ценное. В часовне стоят две гробницы.

Место это и в хозяйственном отношении имеет большое значение, так как, благодаря орошению (при обилии воды и легкости его устройства при нахождении источников в верхней части) здесь могут быть прекрасные огороды.

Место это всегда было излюбленным [для] гулянья, и сюда приезжали со своими самоварами целые семьи с детворой, располагаясь под развесистыми деревьями. С возвышенности в левой части дачи открывается чудный вид на предместье Мамайку и окружающие горы. Чудный воздух, ароматы цветов и разные деревья, растущие по спуску, и сильный пригрев южного солнца создают в этом месте санитарную стоянку для грудных больных и малокровных детей.

Тифлисские ворота. Фото начала XX века

К сожалению, городом мало обращено внимания на это богатейшее наследство, и за отсутствием надзора этот чудный уголок в последнее время делался малодоступным из-за хулиганских выходок форштадтской молодежи, являющейся сюда целыми шайками.

Карабин

Ниже Павловой дачи расположен знаменитый источник Карабин. Водой этого источника питается весь город. Прекрасная вода проведена по чугунным трубам в бассейны в город, и ей обязан город прекращением заболеваний, сопряженных с употреблением колодезной загрязненной воды. Здесь, в головище источника, устроен огромный резервуар, и напором вода из него идет в город.

Источник этот питается ключами и осадками, выпадающими на прилегающей возвышенности, и потому требует охраны от загрязнения всей местности, называемой Каменоломкой, и песочного яра; но, к сожалению, на это не обращено должного внимания и даже допущена была сплошная вырубка леса в головище верхней Мамайки и вырубка леса, растущего на спуске.

Устройство водопровода и резервуара совершено городским головой Деревенщиковым, но память о котором совсем не чтится городом. До устройства водопровода на Карабине горожане ездили со своими бочками за водой, наливая ее из открытых желобов. Место это было разделано: имело столы, скамейки, каменные корыта, как для стирки белья, так и для водопоя, — и сюда в праздничные дни приезжали горожане с самоварами и едой на целый день для гулянья. Находясь в соседстве с Павловой дачей, урочище это обладает теми же качествами и требует к себе особенного внимания, которого, к сожалению, ему не уделяется.

Источник этот известен с древних времен, у горцев он назывался «Здоровая вода». Первоначально урочище это было занято еще в конце XVIII века полковником Таганрогского драгунского полка, расположенного в Ставропольской крепости, Карабиным, а затем, по выходе полка в 1805 году из крепости и по отъезде Карабина, место это было отведено для постройки пол-пивного завода, который и

Каменный карьер в окрестностях села Пелагиада. Фото 2005 года

существовал там до 1840 года. По имени этого первого владельца источник и носит свое название.

В течение всего времени существования города четыре лица покушались присвоить это богатейшее урочище с богатырским источником в собственность, но городская дума, несмотря на трудные времена, твердо стояла на исключительном праве города на это урочище. Палата уголовного и гражданского суда 29 октября 1847 года решением своим утвердила источник Карабин за городом Ставрополем. В решении этом, между прочим, приводится следующий довод в пользу домогательства города: «Колодезь сей почти единственный в Ставрополе, из которого берется вода для питья и употребляется в пищу, внутри же города вода, будучи горько-кисловатой и солонцеватой, к употреблению не удобна». Таким образом источник Карабин был спасен для будущего городского водопровода.

Каменные ломки или лавы

На всем пространстве, какое занимает Ставрополь, залегает мощный слой камня верхнетретичного отложения, но особенно он обнажается на склонах и в западной части города, поблизости источника Карабина. Здесь бьют камень для построек, и весь Ставрополь построен из этого камня. Все нынешние улицы Каменоломская, Карабинская, Аульчик, Ловушка (или Лавушка) и расположенные по ним обывательские дворы, дома и разные постройки стоят на местах, где выбран камень и образовавшиеся ямы засыпаны навозом и разными отбросами. Ямы эти, проникая вглубь на несколько сажень, представляют большой интерес и дают прекрасный материал в научном отношении. Уцелевшие ямы в виде глубоких колодцев дают разрез этого сарматского яруса и залегавшей в нем глины с массою прекрасно сохранившихся не только ракушек, но и костей вымерших животных (дельфинов, китообразных) и даже целых скелетов. Во дворце Румянцева особенно интересна такая лава (яма), в которой можно наблюдать 12 рядов вынутого камня и с различными позвонками, ребрами и прочим живших некогда в бывшем Сарматском море животных. Там же в глине найден мною целый скелет такого животного, хранящийся в Музее Северного Кавказа.

В геологическом отношении лавы, особенно лава Румянцева, представляют громадный интерес и содержат богатый палеонтологический материал. Безусловно, было бы необходимо устроить надзор за теми находками, которые попадаются рубщикам камня и которые они по невежеству бросают и разбивают. Здесь же можно видеть слои глинистых отложений, между которыми особенно важна зеленая глина (мыльная) и серая (пишущая). Вообще ставропольская глина высокого качества, и ниже этого места, близ завода Меснянкина, есть залежи красной огнеупорной глины.

Гремучка

В глубине Мамайского леса из возвышенности вытекает источник прекрасной воды. Необыкновенно холодная, очень вкусная вода обращает на себя внимание. При выходе на поверхность вода производит шум, «гремит», отчего источник и получил свое название. Прогулка в это урочище доставляет большое удовольствие, тем более, что здесь можно собрать богатый ботанический, геологический и палеонтологический материал. В воде этого источника, в старом русле его, вы можете найти довольно больших размеров куски окаменелых деревьев. Собранные мною куски хранятся в Музее Северного Кавказа. Особенно интересен один дубовый, в котором ясно видно, что дерево уже подверглось порче (стало гнить) и в этом виде окаменело. Урочище это не обследовано, и если углубиться в почву, то можно иметь хорошие находки.

Виды на окрестность

Ставрополь, благодаря своему высокому положению, обладает возможностью дать наблюдателю превосходные виды на большое расстояние. Эльборус и цепь гор видны не только с колокольни, но и с Ярмарочной площади, с террасы дома Прозрителева, Соборной улицы, с площадки Тифлисских ворот. Но и ближайшие окрестности и предместья Ставрополя не уступают по красоте отдаленным местам, хотя другого характера.

Чарующий вид открывается на всю Ташлу и заташлянскую часть города из окон северной стороны Музея Северного Кавказа. Прелестная местность с массою разнообразных домиков, с огородами и са-

дами получает чисто волшебный вид, в зависимости от освещения в то или другое время дня. Смотришь и не хочется оторваться от восхитительной картины: богатый сюжет для художника.

Близ дома Ермакова, за зданием синагоги, надо остановиться у низкого каменного забора и вам откроется восхитительный вид на Подгорное и всю заташлянскую часть. Эта долина реки Ташлы так хороша и богата разнообразной растительностью, что, любуясь расстилающейся перед вами местностью, удивляешься, как много дает эта небольшая речка обитателям своею влагою, орошая почву и в то же время умеряя жар и холод и делая климат этой долины мягче и теплее сравнительно с нагорною частью в то же время года. У самой синагоги, на краю спуска на Первую Подгорную улицу, тот же вид, но несколько западнее. Здесь же можно наблюдать следы геологических переворотов, бывших некогда на нашем плоскогорье. Здесь же видна необыкновенно мощная, толстая глыба камня (сарматского слоя), часть которого как ножом отрезана. Это ее излом под давлением необычайной тяжести, давившей на эту глыбу. Глыба эта составляет край общего слоя камня на этой площади и висела, очевидно, над оврагом, образовавшимся благодаря постепенному вымыванию почвы (глины) протекавшей водой. Река Ташла — это остаток некогда бывшего здесь огромного водоема, в котором собиралась вся вода на площади вокруг Холодного родника и прилегающего леса.

Станьте на пересечение улиц Воронцовской (Пролетарской) и Госпитальной (Ленинской) — и вам откроется прекрасный вид на долину реки Мутнянки. Вдали видно селение Надежда, протянувшееся по этой речке, и её нагорный берег, белеющие обнажения которого так и манят к себе исследователя: в них еще много остатков вымерших животных (гигантов), некогда живших в данной местности. Там найдены кости китообразных, черепа дельфинов, череп и зубы носорога, отпечатки рыб и под дном р. Мутнянки — скелет дельфина. Все эти находки доставлены мною в Музей Северного Кавказа и хранятся там как свидетели минувшего, далекого от нас прошлого нашего края. В том же кряже и далее по нему к селу Старой Марьевке встречаются растительные окаменелости и целые стволы деревьев. Найденные мною куски хранятся в Музее Северного Кавказа.

Видеть образцы изменений, какие происходили в нашей местности, действуя постоянно на изменения ее наружного вида, можно на спуске на Флоринку, направляясь с Верхнего базара мимо дома Меснянкина. Здесь целые слои земли сползают сверху вниз, подмываемые почвенной водой и рядом мелких источников, пробивающихся с возвышенности. Все это идет в Ташлу и постепенно уносится ею в долину, отлагая там плодородный слой, служащий огородникам для посева и сбора урожая, особенно помидоров и капусы. Точно так же наблюдения эти можно сделать на берегу реки Мутнянки, где обнажается первобытная серая глина.

Вид на долину р. Мутнянки с красиво протянувшимся селом Надежда оживляется белеющей на первом плане церковью (новой). Построена эта церковь на пожертвования, собранные по обету одним частным лицом, и место выбрано очень удачно. Старая церковь (казачья) стоит внутри села, она невысока и потому теряется среди массы построек, но она имеет историческое значение, и с ней связано много воспоминаний.

Часть 2. Окрестности Ставрополя

Виды с возвышенности. Леса и охота. Лысая гора. Полковничий яр. Долина реки Мутнянки. Лазоревые цветы. Дорога на Новую Марьевку. Русские хутора. Постовая караулка. Богатый родник. Женский монастырь. Землянка отшельника. Урочище Валик. Столбик. Вишневая. Грушевая. Озера Сенгилеевское и Кравцово. Татарка. Вшивое озеро. Бударка. Стрижамент. Развалины на Татарской дороге. Холодный родник. Архиерейский лес. Дом отдыха. Стойбище. Начало реки Мамайки.

Виды с возвышенности

Ставрополь расположен на возвышенности до 2 тыс. футов, и потому ему открывается богатейший вид на всю долину и низменность, которая тянется с восточной стороны, а также на кряж, который тянется по краю этой низменности, по берегу Мутнянки и Мамайки, и идет далее на Спицевку и Кононовку.

С Соборной горы видны села: Надежда, Старая Марьевка (теперь эта часть заслонена поднявшимися деревьями Барятинского сквера), а с балкона и окон дома Прозрителева видно село Бешпагир (34 версты), красиво вьющаяся дорога от Нового Форштадта и чудный вид на Эльборус, который в хорошую погоду открывается для глаз не только своею шапкою, но и до самых «плеч». Кстати сказать, такой ясный облик Эльборуса всегда предвещает дождь. Также хорошо виден Эльборус и с Ярмарочной площади, если стать в ста саженях за Тифлисскими воротами. С той же соборной горы чудный вид на реку Ташлу и всю ее долину, и на нижнюю часть города.

Лес и охота

Ставрополь с западной, частью с северной и южной сторон окружен лесами. Лес некогда рос по всей возвышенности в изобилии, и где идут ныне улицы, там росли вековые дубы, карагач, белолистка, а вдоль рек — верба в два обхвата. Лес этот вырубался как в военных соображениях, так и по мере застройки города и долго служил материалом для построек. Старые дома строились из цельных, нераспиленных бревен, и некоторые в Подгорном уцелели до настоящего времени.

Монастырский, Архиерейский и Мещанский леса представляли некогда почти непроходимую чащу и были небезопасны в своих балках от зверей. До конца 70-х годов около Ставрополя в лесах водились кабаны и медведи, и для охоты за ними снаряжались целые команды охотников по распоряжению военных властей. Были рыси, козы, дикие кошки, забегали олени. Обилие зверя и птицы способствовало развитию охоты, и почти каждый чиновник был охотником, имел хороших собак и после занятий отправлялся в лес, а в субботу уезжали на дальние места для охоты.

Среди мещан были известные охотники. Но большей частью охотились поблизости: обилие перепелов, куропаток благодаря большим посевам проса вполне удовлетворяло охотников. Перепела заготовлялись впрок, солились, и с ними пекли пре-

восходные пироги. Пуд соленых перепелов можно было купить в 60-х годах за 5—10 рублей.

Были в лесу и фазаны, но они являлись некоторую роскошью для охотников. В 80-х годах, в начале, еще можно было иметь хорошую охоту в окрестных лесах по перу и зверю. Казенный лес, занимая большое пространство, оберегаемый от порубок, представлял непроходимую чащу. Необыкновенно глубокие балки в Казенном лесу (как на Валике, Вишневой и др.) служили прекрасным местом для зверей, а близость лесов Кубанской области к Новой Марьевке и станице Темнолесской (Темный лес), куда дальше примыкает низменность и долина реки Кубани и рек Барсуков, служила весьма благоприятным условием для зверей и всякой дичи.

Лысая гора

Переехав реку Ташлу через Ясеновский переезд и поднявшись на монастырскую гору, вы можете любоваться видом на всю южную и восточную часть, в особенности поднявшись на Лысую гору, которая дает возможность видеть во всей красе Ставрополь, а за ним и кряж Стрижамента. Для проезда к этой горе надо ехать за Тифлисские ворота и чрез Михайловский переезд направиться по дороге, которая пролегает левее Михайловской дороги.

Трудно оторваться от этого восхитительного вида. Постоянно чистый и прозрачный воздух на этой отдельно стоящей «лысой макушке», открывает большой кругозор и дает эстетическое наслаждение, действуя необыкновенно бодрящим образом. Беспокоит только иногда сильный ветер.

Полковничий яр

Совсем иную картину дает ближайшее к городу урочище Полковничий яр. Это чудесный ковер цветов, богатейшее разнотравье. Спустившись в глубину этого яра, вы вдыхаете чудный аромат богатой степной растительности и совершенно защищены от ветра, который часто на верху города гуляет с особенной силой. Значительно испорчено это чудное место устройством здесь свалок нечистот и боен, тем более, что канавы с нечистотами остаются незакрытыми, а отсутствие должного надзора дает возможность «отходникам», особенно ночным, разливать нечистоты в беспорядке и, не доезжая до свалок, по дороге и по сторонам ее. Место это сильно занавоживается, и при западном ветре страшное зловоние делает крайне тяжелым проезд по дороге в Полковничий яр.

Это — излюбленное место прогулок ставропольцев. Здесь в мае и июне масса тюльпанов (лазоревые цветы) — adonis vernalis. Название это урочище получило от того, что место это было при заселении Ставрополя предоставлено полковнику Конону Устинову для сенокоса, а некоторые уверяют, что там была убита жена полковника.

Долина реки Мутнянки. Лазоревые цветы

Так же хороша и другая часть долины по правую сторону мыса, который ее разделяет. Здесь идет крутой спуск к речке Мутнянке, и дно долины бывает усеяно лазоревыми цветами, тюльпанами ярко красного цвета. А левая сторона мыса за Полковничьим яром, спуск к реке Ташле изобилуют желтыми тюльпанами. Такой же ковер цветов и на горе за монастырем, по дороге к Михайловскому лесу.

Дорога на Новую Марьевку

Хороша дорога лесом на Новую Марьевку, где вы любуетесь озером, и тут же остатки старого редута, древнего городища с черепками глиняной посуды.

Русские хутора

Дорога мимо монастыря на Русские хутора открывает вам богатейший вид на долину речки Русской с ее садами, рощами и богатыми хуторами, а охватывающие ее холмы и балки делают местность необыкновенно красивой, с мягким, сильно нагретым воздухом, лишенным всякой пыли, и вы невольно глубоко и сильно дышите, упиваясь в то же время ароматом степи. Имея своих хороших лошадей, я мог посещать эти отдаленные от города места и, наслаждаясь их прелестями, отдавался в то же время изучению края. Но и ближайшие места к городу не менее хороши.

Постовая караулка

Дорога из города через Ясеновский переезд и через монастырь далее по опушке казенного леса мимо постовой караулки, вдоль Архиерейско-Мещанского леса на Холодный родник необыкновенно хороша для прогулок благодаря полной защищенности от западных и северных ветров и прекрасной растительности. Обыкновенно на постовой караулке делался привал, здесь можно было всегда иметь превосходное молоко, хороший хлеб и чай.

Богатый родник

Хороша поездка и на Богатый родник или Расставанье (ныне отсюда взят водопровод в нижнюю часть города). Дорога идет от монастыря. В прежнее время, когда дорога из Ставрополя на Черкасский тракт проходила здесь, то обыкновенно провожающие с отъезжавшими из города прощались у этого родника, устраивая закуску и выпивку, и затем расставались, почему родник получил название Расставанье.

Женский монастырь. Землянка отшельника

Монастырь основан в 1847 году епископом Иеремией, первым епископом Ставропольской епархии, в память его отца и матери и назван по имени их Иоанно-Мариинским. Монастырь занимает красивое местоположение, имеет большое количество леса, разделенного глубокой балкой. В балке этой в 1858 году была открыта пещера, вырытая под большим ветвистым дубом, вход в которую был завален камнем и засыпан землей.

Отец мой, Николай Григорьевич Прозрителев, при участии молодых чиновников Матвея Жовнера и учителя уездного училища Звоницкого обследовали эту пещеру. Она оказалась землянкой в одну комнату, по стене углубление небольшое, как бы для иконы. В землянку вела дверь, которая была полуоткрыта, а вход в эту дверь, как бы небольшие сени, сделан был в земле, которая обрушилась.

Мне было 9 лет, и я хорошо помню, как совершалось это обследование. Проникали в нее с большим страхом, с зажженными свечами, но интерес подогревался существовавшим преданием, что здесь жил какой-то известный разбойник и зарыл большой клад. В землянке ничего не найдено, и кому принадлежала она, не установлено. Думают, что здесь жил отшельник, ушедший после основания монастыря.

В то же время, но позже, в монастыре и, кажется, в том же месте был найден древний бронзовый топор, который и был отослан в Петроград[11], в Эрмитаж. Уверяют, что топор был золотой.

Монастырь всегда пользовался вниманием горожан, служил местом для прогулок в летнее время. Около него стали постепенно поселятся жители и образовались Монастырские улицы. Из монастыря прекрасный вид на город, а с противоположной стороны — на дорогу, которая вела к почтовой станции Русской, первой от города по Черкасскому тракту. При гостеприимстве и радушии обитавших там монахинь посещенье монастыря составляло большое развлечение, и большинство эту прогулку совершало пешком через Ясеновский спуск.

Дорога идет по переходе р. Ташлы по довольно отлогому подъему и в жаркий день утомительна до вершины возвышенности, но усталость совсем не чувствуется, когда вы обернетесь назад, остановясь на своем пути; чудный вид на Ставрополь с его колокольней, собором и прочими постройками, протянутыми по краю возвышенности, а по склону сады Подгорного и масса разнообразной постройки домиков, террас, расположенных улицами, поднимают ваши силы, и вы неизменно проходите эту длинную дорогу. Примыкающий слева Архиерейский лес дополняет картину богатого зеленого ковра садов Подгорного и той мощной растительности, которая охватывает весь спуск к реке Ташле. На полугоре расположено армянское кладбище, где всегда можно отдохнуть, присев на камнях забора.

Но во время грязи эта дорога крайне тяжела. В монастыре в глубине леса лежит родник, называемый «Криничка», с очень холодной и прекрасной вкусной водой. Уверяют, вода этого родника укрепляющим образом действует на глаза, и его называют «глазным источником». Многие подтверждают, что вода имеет целебные свойства.

До последнего времени там проживало до семьсот монахинь, и у них было обширное хозяйство. В настоящее время там основано пригородное хозяйство, прекрасно обставленное, с большим наличием удойных коров, и ведется большая распашка. Продукты доставляются для нужд городских столовых.

В монастыре две церкви (одна в трапезной), где иконы работы самих монахинь. Монахини занимались золотошвейными работами и живописью, некоторые работы по художественности и исполнению достойны были серьезного внимания. Монастырь известен как место заключения (ссылки) урожденной баронессы Розен, впоследствии игуменьи Митрофании, присланной сюда после ее процесса в Петрограде[12].

Ферма монастыря также интересна своим обширным хозяйством: в прудах водилось много рыбы. На монастырском кладбище имеются памятники художественной работы. Разросшийся монастырь теперь известен под именем Скомороховых хуторов, названных так по имени первого поселившегося там...[13]

Урочище Валик

Урочище Валик с его глубочайшей балкой, прекрасным лесом и чудной поляной — превосходное место для прогулок. В глубине леса имеются развалины древней каменной постройки, по-видимому, древней церкви или башни. Недавно здесь сделаны посадки хвойных деревьев. Валик интересен в историко-археологическом отношении. К какому времени оно относится, сказать с точностью нельзя, но, во всяком случае, ранее эпохи занятия Северного Кавказа русскими войсками и образования крепости Ставрополя. Этот вал находится в связи с той древней постройкой в лесу, о которой было упомянуто раньше. Постройка представляла, вероятно, башню, и последнее предположение вероятнее, так как в развалинах этой постройки мне удалось в 80-х годах найти куски черепков очень большого сосуда и следы подземного помещения внутри самого здания. Здание было обнесено стеной, следы которой сохранились в ряде камней между большими деревьями, которые выросли на этом месте. С того места, где стояло это здание, открывается прекрасный вид на глубокую долину. Возвышенность эта господствует над всей низменностью, которая тянется по спуску к станице Новомарьевской.

Если пройти влево от караулки, минуя ее, то вы станете спускаться по тропинке и придете к началу глубочайшей балки, поросшей лесом, в которой вы не увидите и солнца. Это необыкновенно интересная дорога и приведет вас к Каменнобродской дороге и к Сенгилеевскому озеру. В четыре часа в балке уже темно.

Столбик

От Валика, идя по опушке леса на юг, вы попадете в урочище Столбик. Почему это место носит такое название, не известно. Но столб каменный действительно стоит на некотором расстоянии от опушки, а значение его не установлено. Некоторые старожилы уверяли что здесь в прежнее время расстреливали приговоренных к смертной казни военным судом, но подтверждения документального не удалось найти.

Вишневая

Далее этой балки идет балка Вишневая. Вся дорога по опушке леса хороша, особенно в знойные дни; справа — густой лес, а слева кустарник и «загоны» разных посевов представляют очень красивую картину.

Грушевая. Озера Сенгилеевское и Кравцово

Продолжая путь той же Грушевой опушкой леса, вы доходите до спуска к озерам: Кравцова и Сенгилеевскому. Балка эта носит название Грушевая: здесь в большом количестве росли грушевые деревья, и обыкновенно жители отправлялись сюда для

сбора груш. Насаждения эти — остатки прежних садов бывших некогда здесь жительств.

Дорога к Сенгилеевскому озеру идет правее, а к Кравцову — левее. Обе дороги пролегают по спуску, и первая тянется на протяжении семи верст до озера. Дорога эта крайне утомительна на обратном пути от озера, но прогулка туда очень интересна по тем видам, которые открываются при поворотах по спуску. Этой же дорогой можно пройти и в колонию немецкую Иогансдорф или Молочную, где можно получить молоко, масло и прочие молочные продукты хорошего качества. Озеро очень интересно как по своему положению, так и по происхождению. Вода в озере горько-соленая, напоминающая морскую воду, и полезна в лечебном отношении.

Озеро очень глубоко в середине и, как уверяют, имеет водовороты, почему плаванье по нему для купающихся небезопасно. Существует мнение, что озеро сообщается с каким-то другим водоемом подземным проходом. Берега его пологи, в особенности у колонки. В озеро впадает р. Земзюлька. Уровень воды в озере не понижается, несмотря на большое испарение. Озеро это называется еще Рыбным, и водящаяся в нем рыба очень вкусна, но некрупных размеров и не разнообразна.

Если стать на вершине кургана с левой стороны дороги при начале спуска, то вы будете любоваться необыкновенно красивой горной картиной, в которой особенную прелесть составляют блестящие ручьи, протекающие на дне очень глубоких балок, и три озера: Кравцово, Сенгилеевское и Новомарьевское, открывающиеся для глаз. Балки окружены высоким кряжем с очень причудливыми обрушениями. Обе балки разделяются каменной грядой с остроконечными возвышенностями. Левая балка Кравцова озера собственно и носит название Грушевая. На дне ее расположены огороды и сады жителей, дающие ей очень веселый, нарядный вид.

Открывающийся с упомянутого кургана вид на эти глубоко расстилающиеся пред вашими глазами низины не уступит по красоте швейцарским видам, и как дачное место, низменность левая (Кравцово озеро) превосходна, будучи совершенно защищена от ветров благодаря своему низкому положению и окружающим горам. В климатическом отношении низменности эти также хороши: нет в них сырости и лихорадок, благодаря хорошей ключевой воде и тому обстоятельству, что верхние слои воздуха переменяются от сильных ветров, дующих на возвышенность и с быстротой срывающихся с нее в балку, а также и тому, что из самой нижней части балки идет отвершек на юг и выходит на самое плоскогорье, к шоссе, идущему на Татарку, и служит как бы вентиляционной трубой, проходя между возвышенностями, поросшими лесом.

Прогулка сюда особенно хороша и полезна: воздух необыкновенно бодрящий, мягкий, с чудным ароматом цветов и богатой степной растительности. Если спуститься только до первого поворота дороги, то вы уже будете наслаждаться всеми прелестями этой местности и с удовольствием проведете день, не чувствуя зноя палящего наверху солнца и сильных порывов дующего наверху ветра. Долина эта по справедливости может быть названа долиной очарования. В геологическом и ботаническом отношениях местность эта представляет большой интерес, а потому научные экскурсии сюда будут иметь богатый материал для исследований. Надо еще добавить, что по дну балки вьется дорога, служащая для сообщения с Татаркой и другими селениями, и придает общей картине какой-то волшебный вид с бесшумно двигающимися по ней подводами.

Возвратиться в город надо по дороге, идущей по краю возвышенности, и вы будете все время любоваться справа видами этой балки, выглядывающими на вас, как из окон, по прогалинам в лесу, растущему по краю возвышенности, в слева — распашка и посевы горожан на огромном пространстве. Дорога из города на Грушевую идет мимо Холодного родника, огибает Кругленький лес и от Столбика поворачивает налево, проходя между посевами картофеля, пшеницы и прочего. На хороших лошадях поездка эта доставит особенное удовольствие, и я часто посещал этот прелестный уголок. В Кравцовом озере имеются залежи торфа.

Татарка

Село Татарка лежит в десяти верстах от Ставрополя в глубокой долине, в которую ведет дорога по шоссе. Спуск по этому шоссе идет по краю возвышенности, постепенно понижаясь, и потому для проходящих здесь открывается чудный вид на все пространство долины, лежащей внизу и простирающейся на десятки верст с её холмами и речками.

Само село расположено внизу по речке и частью по спуску и отличается красивым местоположением. Прогулка эта во всех отношениях интересна, давая богатый материал для наблюдения и бесед, а чудный воздух, лишенный пыли, действует животворно и целительно.

В лесу, прилегающему к селу, по возвышенности лежит родник, называемый «Криничкой», и пещера, имеющая продолжение (ход) в гору. Осмотр этого урочища очень интересен, тем более, что существует предание о подземных ходах на большое расстояние и о зарытых в глубине кладах.

Вшивое озеро

В пяти верстах от города на юге лежит довольно обширное озеро, поросшее камышом, и потому некоторые части его представляют трясину (болото); вода удерживается только на средине, особенно в жаркое лето. При дождях озеро наполняется водой, и в нем появляется рыба; озеро это — самое излюбленное место охоты для ставропольцев. Здесь по преимуществу мелкая дичь — кулики разных видов, но при воде оседает и крупная птица: можно встретить журавлей, гусей, цапель, чипуру и др. Озеро до сих пор не обследовано в научном отношении.

К сожалению, даже до сих пор остается за ним это некрасивое название, а между тем, это невежественная переделка слова «уч». В переводе с татарского это слово означает «три», и этим словом татары называют крест. Здесь найден был крест, поставленный древними христианами, как на ставропольской Соборной горе. «Уч» переделали в «уши», а затем — «вши», и получилось вшивое озеро. Другая такая же переделка произошла в названии села Овощи, где также был найден крест, по-татарски — «уч», а прибывшие в край русские переделали слово «уч» в Овощи.

Бударка

На юг от Ставрополя видна среди общей возвышенности интересная по своей форме гора, называемая Бударка. Гора издали кажется крепостью, и с нее открывается прекрасный вид на Ставрополь. Прогулка пешком к этой горе дает богатейший материал в ботаническом и геологическом отношении.

Стрижамент

На юг от города видна плоская возвышенность, среди которой выделяется гора, покрытая лесом, называемым Темным лесом. От Ставрополя дорога сюда идет по шоссе и от второй станции поворачивает налево через степь. На горе этой имеется поселок отставных солдат, названный Стрижамент, что составляет искаженное слов «ретраншемент». Поселок расположен на противоположной стороне, и от него открывается чудный вид на долину р. Кубани и всю прилегающую местность.

Видна река Зеленчук, ее впадение в р. Кубань, а при хорошей погоде виден Армавир, и вся картина заканчивается Кавказским хребтом. Хотя гора эта лежит от Ставрополя на 35 верст, но прогулка туда вознаградит усталость обворожительными своими видами и необыкновенно грандиозными обрушениями на северной стороне этой горы, где каменные нагромождения представляют положительно хаос. В образовавшихся среди них пещерах водятся дикие кошки, очень опасные при входе в пещеру. Здесь же растет интересное растение лох, достигающее огромных размеров. Место это имеет значение в историческом отношении, и здесь сохранились развалины — остатки древнего укрепления, построенного при проведении Азово-Моздокской линии. Со Стрижамента открывается прекрасный вид на Ставрополь и всю его возвышенность.

Развалины на Татарской дороге

На старой дороге на Татарку, где проходил до постройки шоссе почтовый тракт, шедший чрез Карятинскую станцию (первую от Ставрополя), вблизи спуска видны остатки стены, окружавшей укрепление довольно значительного размера, где видны насыпи, бывшие в самом укреплении. Этот городок очень древний, и кем был создан, сведений нет, так как исследований и раскопок не было произведено.

Холодный родник

Самым ближайшим местом прогулок для ставропольцев служит Холодный родник, лежащий в трех верстах от города. Родник этот дает начало реке Ташле и имеет прекрасную холодную воду, вкусную и очень здоровую благодаря отсутствию загрязнения. Громадное значение реки Ташлы в хозяйственном отношении для губернии придает особый интерес к этому роднику и требует тщательной охраны его.

Архиерейский лес

Другим самым ближайшим местом для прогулок и ученических экскурсий является Архиерейский лес. Удобный проход в него через Андреевское архиерейское подворье с Лермонтовской улицы делает его весьма доступным для пешеходов. В ботаническом отношении это насаждение представляет огромный интерес, и работы в прохладной тени под обширными кронами столетних деревьев составляют одно удовольствие.

Через весь лес проложена по распоряжению бывшего епископа Владимира мостовая, и проезд на гору с выходом из леса на монастырскую дорогу очень удобен. В верхней части леса были устроены дача архиерея и церковь, при даче была хорошая пасека. Лес этот составляет часть общего леса, росшего на Ставропольской возвышенности, нарезан архиерейскому дому по распоряжению наместника Воронцова от 8 июня 1846 г., и план утвержден Палатою государственных имуществ 17 ноября 1852 г. Лес все время содержался в порядке, и в нем производилась правильная порубка, отчего лес разрастался и улучшался. В настоящее время значительная часть леса этого вырублена без всякого порядка и возвышенность оголена, а лес имел защитный характер и сдерживал почвенный песок от напора ветров.

Дом отдыха

В последнее время, при советском правительстве, в целях доставления отдыха утомленным работой рабочим и служащим создано прекрасное учреждение, называемое Дом отдыха, где выздоравливающие больные получают все содержание, врачебный надзор и пользуются прекрасными условиями местности среди лесной растительности и прилегающей к ней степи. Место здоровое, и проживание здесь в течение двух-трех недель и даже месяца крайне благотворно действует на ослабленных тружеников, возвращая их вполне способными к продолжению работы. При доме имеется библиотека и полная культурная обстановка. Учреждение это культурно-просветительное, заслуга медико-санитарного отклика советского правительства, не оставляющего без помощи своих обессиленных работою служащих и рабочих. Ставрополь может гордиться этим учреждением, и больные с глубокой благодарностью оставляют Дом, где оправились и набрались сил для новой своей работы. По устройству и всей обстановке этот дом является единственным благотворительным учреждением по сравнению с учреждениями подобного рода за рубежом. Советское правительство, создавая это учреждение, стало далеко впереди просвещенных стран Европы в отношении благотворительности, как и вообще в отношении социального строительства.

Стойбище. Начало реки Мамайки

По выезде из Ставрополя, направляясь по Невинномысской улице, вы выезжаете на так называемый выгон или дорогу, по которой ежедневно утром и вечером проходит городское стадо коров и прочего скота. Невообразимая пыль, поднимаемая тысячами животных, и затесненный постройками конец этой дороги производят неприятное впечатление унылого сбитого пространства, лишенного всякой растительности и привлекательности, тем более, что господствующий здесь западный ветер бьет со всех сторон и с двух смежных улиц из города, и с широкого выгона, обдавая вас тучами нагре-

той, жгучей пыли. Вы направляетесь влево по дороге и начинаете спускаться в небольшую выемку, образованную сильным потоком воды с окрестных возвышенностей. Выемка эта представляет чудный уголок, прелести которого и картинность его только и может воспроизвести талантливый художник на полотне яркими, живыми, многоцветными красками. С правой стороны выходит обильный ключ прекрасной холодной воды, захваченный в бассейн, под которым стоит огромное корыто с желобами для водопоя скота и лошадей. Здесь место отдыха каждого проезжающего в город и из города. Слева спуск в глубокую балку, покрытую лесом, и из скалы, скрывающейся в лесу, стена которой отвесно спускается вниз, также бьет обильная вода, дающая начало реке Мамайке. Прямо пред вами возвышенность, также покрытая лесом, охватывает эту выемку, давая небольшой подъем для дороги, которая идет чрез эту возвышенность и выводит вас на плоскость, где расположен мелкий лес. Все это вместе взятое составляет весьма живописный, картинный вид, доставляющий удовольствие и отдых утомленному путнику. Выемка открыта в сторону течения реки Мамайки и защищена от западных ветров. По краю возвышенности, образующей долину реки Мамайка, беленькие домики мамайских улиц дополняют пейзаж этого уголка.

Комментарии

Текст публикуется по рукописи, хранящейся в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея (Ф.2, дд. 44, 45, 74, 75). Датировка отсутствует. Предположительно работа была написана в 1920—1921 годах. Первые упоминания о ней встречаются в архивных документах за 1921—1922 годы. Впоследствии Г.Н. Прозрителев возвращался к ней, вносил дополнения, уточнения. В частности последние два описания во второй части («Дом отдыха» и «Стойбище. Начало реки Мамайки») были дополнены после 1925 года. Имеются комментарии, внесенные в рукопись в 1929 году.

Путеводитель состоит из 62 описаний мест города и его окрестностей, которые снабжены авторскими заголовками. «Краткие исторические сведения о Ставрополе» даны по статье, изданной отдельной брошюрой, а также опубликованной во втором выпуске Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии в 1910 году.

Из сохранившихся двух вариантов рукописи в основу данной публикации положен второй — доработанный. В отличие от первого варианта он имеет оглавление, уточненную систематизацию описаний, и два новых описания: «Дом отдыха» и «Стойбище. Начало реки Мамайки». Первоначально оглавление к первой части путеводителя включало также описания: «Дача Ртищева», «Дача Бибердова (тутовый сад)», «Станица», «Периодические издания», «Типографии», «Присутственные места», «Окружной суд», «Убежище Братства Св. Владимира», «Народные глашатаи», «События в Ставрополе». Затем Г.Н. Прозрителев исключил их. Однако не известно, были ли они написаны или работа над ними только предполагалась. Как отмечается на первом листе рукописи, Прозрителев предусматривал публикацию иллюстраций к путеводителю (одиннадцати рисунков, плана города и карты Ставропольской губернии). В рукописи они, к сожалению, отсутствуют.

Текст рукописи легко читается, за исключением отдельных листов, написанных автором: в первом варианте — «Геогнозия местности», «Казанский кафедральный собор» (окончание) в первой части, «Грушевая. Озера Сенгилеевское и Кравцова», «Татарка», «Вшивое озеро», «Бударка», «Стрижамент», «Развалины на Татарской дороге», «Холодный родник» во второй части; во втором варианте — «Дом отдыха» и «Стойбище. Начало реки Мамайки» во второй части.

В описание Иоанно-Мариинского женского монастыря (последние три абзаца) автором в начале 20-х годов была внесена правка, которая учтена в публикации. Часть из них сделана рукой Г.Н. Прозрителева, другая записана под его диктовку кем-то из окружения.

В рукописи имеются незначительные исправления, уточнения автора, сделанные чернилами и простым карандашом. Пометы и подчеркивания цветными карандашами принадлежат, очевидно, Г. Краснову, изучавшему и использовавшему работу при написании исторического очерка «Ставрополь-на-Кавказе».

Листы сброшюрованы в четыре тетради при жизни Г.Н. Прозрителева. На первом листе второго варианта приклеен фотопортрет краеведа за 20—30-е годы размером 3,5х3,5.

Предпринимавшиеся Григорием Николаевичем попытки издать рукопись успеха не имели. Впервые она была опубликована к 220-летию города в газете «Вечерний Ставрополь» в 1997 году с небольшими сокращениями.

Примечания

1. Цифры в тексте не указаны
2. Так в тексте, нужно — Петербург.
3. Так в тексте, нужно — Петерберг.
4. Размер не указан.
5. Так в тексте, нужно — Петербург.
6. Так в тексте.
7. Так в тексте.
8. Так в тексте.
9. Так в тексте.
10. Так в тексте, нужно — Петербург.
11. Так в тексте, нужно — Петербург.
12. Так в тексте, нужно — Петербурге.
13. Предложение не окончено.

В.В. Белоконь

Текст печатается по материалам:

Фонд Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве № 2. Дела 44, 45, 74, 75.

Г.Н. Прозрителев. **Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии**[1]

Нынешние обитатели Ставропольской губернии забыли уже, что там, где стоят их многолюдные богатые села, была беспредельная степь и ветер гулял на всем ее пространстве.

Забыли они первых смелых выходцев из внутренней России, отважившихся пуститься на Кавказ и обосновать там свое жительство. А надо помнить тех первых засельников этой когда-то глухой окраины, бывшей в то время местом опасным и крайне тяжелым в климатическом отношении. Смелые русские люди пренебрегали опасностями, бросали свои пепелища, свои родные места, с которыми у них было связано так много воспоминаний, где были могилы их отцов и дедов, и шли с полной верою в будущее. Они шли с крепкой надеждой на свои силы, на свою выносливость в труде, на свое уменье взяться за дело и с беспредельной любовью к родине, которой нужны были верные сыны, чтобы удержать за ней ее новые владения и поддержать там ратных людей, своею жизнью и кровью заплативших за эти приобретения.

Ратные люди всех родов оружия умирали здесь с верою, что исполняют долг пред родиной, охраняя ее и расширяя ее пределы, дают простор для своего народа, который мог бы удобнее расселиться и жить счастливее.

За это счастье и благо своего народа безропотно шли целые полки в бой, переносили всяческие лишения, умирали и думали только о благе для других, для тех, кто будет жить на отвоеванных ими землях. Честно исполнив долг, они стяжали вечную славу воинов, у которых нельзя отнять ни храбрости, ни верности своему долгу.

И вот на помощь этим-то славным собратьям пришли другие, не менее смелые и отважные, мирные поселенцы, чтобы своими трудами и водворением хозяйственной жизни закрепить пройденные войсками места и дать им необходимое довольствие.

Этим-то первым пришельцам с разных концов России и обязаны теперешние обитатели Ставропольской губернии и Северного Кавказа тем земельным простором, который нашли здесь, и тем благосостоянием, которым они теперь пользуются.

А сколько погибло этих, неведомых теперь, первых переселенцев, погибло от болезней, от злой лихорадки, от неудобств, плохой воды, набегов кочевников и горских народов. Сколько их попало в плен и там переносило тяжкие мучения.

Много испытаний выпало на долю первых тружеников, поставивших здесь первые свои землянки, но ни опасности, ни самая смерть не пугали, и русский человек только с упованием на Бога сменял один другого в этом шествии на далекую окраину, и «погибельный Кавказ» обратился в цветущий край.

Этим-то первым засельникам Кавказа и должно быть почетное место в памяти народной, в памяти потомства, которое воспользовалось плодами их трудов и их отваги.

Правильное и массовое водворение русских людей на Северном Кавказе началось в царствование Екатерины II.

Правительство Екатерины II хорошо понимало, что как бы ни были успешны войны с воинственными соседями, с Персией и, главным образом, Турцией, но что воспользоваться плодами этих побед, удержать отнятые земли можно только путем водворения на этих землях мирного населения и созданием условий гражданского порядка.

Задача эта ясно и определенно была поставлена в отношении Северного Кавказа, и к выполнению ее приступили во всеоружии.

В силу этого, вслед за созданием крепостей, образовавших линию от крепости Св. Дмитрия (ныне Ростова) и Азова до Моздока, правительство стало заботиться о колонизации края.

Десять сильных по тогдашнему времени крепостей на этом пространстве хотя и составляли оплот и создавали «границу», но промежутки между ними были так велики, что давали возможность свободного прохода неприятельским отрядам необыкновенно подвижного горского населения.

По отдаленности от внутренней России содержание крепостей стоило страшно дорого, и полное обеспечение в продовольствии по тому времени почти было невозможно. Вот это и требовало постройки других между крепостями укреплений и создания мирного населения, хозяйственное обзаведение которого обеспечивало бы продовольствие войск. Доставка провианта — это был самый существенный и больной вопрос всех военных операций на Кавказе в то время. И вот, пользуясь впечатлением успехов первой войны и закончив линию крепостей с необыкновенной быстротой, Екатерина отдельным указом объявляет о переселении на Кавказ. Благодаря талантливым своим сподвижникам Екатерина могла в короткий промежуток времени, с 1781 по 1784 год, видеть новый край заселенным на громадном пространстве.

Несомненно, что самое устройство каждой крепости уже привлекало население и давало хотя небольшой контингент лиц, создававших под прикрытием крепости мирное поселение, «форштадт».

Такой поселок, например, возник около крепости № 8 и затем вырос в г. Ставрополь.

Но это были маленькие ячейки, по условиям военного времени не всегда допустимые, и они не могли, за некоторыми исключениями, развить своей хозяйственной деятельности. Нужно было крестьянское население.

Несмотря на огромное пространство, которое должны были пройти переселенцы, отсутствие дорог и всевозможные затруднения, какие неизбежно должны быть в таком огромном деле, как массовое передвижение поселенцев, само переселение шло довольно гладко.

Это обстоятельство необходимо отметить, тем более что отряды переселенцев, как увидим ниже, составлялись не из одной какой-либо местности, а из всех углов России. И каждый новый пункт, поселенный здесь, имел очень пестрый состав населения.

В деле Саратовского и Кавказского генерал-губернатора за 1787 год за № 607 имеется крайне интересная ведомость о переселенцах.

Ведомость эта составлена «генерал-поручиком Павлом Сергеевичем Потемкиным, правящим

должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора, действительным камергером, Кавказского мушкетерского полка шефом», как значится в заголовке.

Хотя мы и не имеем сведений о составе поселенцев, пришедших ранее 1781 года, но эта ведомость, говорящая о переселенцах к моменту открытия Кавказского наместничества, т.е. к 1785 году, дает полное основание заключить, что и ранее пришедшие представляли из себя ту же смесь.

К 1784 году уже были из переселенцев образованы следующие 14 сел: Михайловка, Пелагиадское, Надежда, Высоцкое, Александрия, Благодарное, Покойное, Федоровка, Обильное (в нынешней Ставропольской губернии), Незлобное, слободы: Курская, Государственная, Прохладная, село Малка (в нынешней Терской области). Таким образом, был охвачен громадный район от р. Ташлы и Ставрополя до р. Терека и на восток до нижнего течения р. Кумы.

В эти четыре года было передвинуто около 51915 муж. и 15653 жен., а всего 67568 об. пола.

Передвижение в таком порядке продолжалось и далее, и с открытия Кавказского наместничества до начала XIX века открыто было 47 сел с населением в 67568 об. п.

Вот из этой-то ведомости мы и можем почерпнуть крайне интересный материал о составе передвинутого на Кавказ населения.

Прежде всего надо сказать, что поселенцы были взяты из губерний: Харьковской, Курской, Пензенской, Азовской, Воронежской, Рязанской, Тульской, Калужской, Симбирской, Ярославской (цыгане), Нижегородской, Екатеринославской, Казанской, Орловской, Киевской, Саратовской, Владимирской, Черниговской, Вологодской, Московской, Петербургской, Новгородской, Могилевской, Костромской, Смоленской и Тверской.

Таким образом, сюда вошли представители всей России, не исключая и некоторых инородцев.

Затем между ними были: малороссияне, однодворцы, отставные гусары, экономические крестьяне, отставные солдаты Кавказского корпуса, дети их, крестьяне дворцовые, крестьяне казенных ведомств, цыгане, отставные солдаты (тульские), люди неразрешенных званий, солдаты разных наместничеств, бывшие запорожцы, зашедшие разночинцы, курские войсковые, киевские разночинцы, казанский поляк, смоленские разночинцы, не помнящие родства, киевские подсудимые, черниговские подсудимые, саратовские колонисты, преступники-малороссияне с Дона, московские разночинцы, татары, ясачные люди, киевские казаки, харьковские поселяне, могилевские разночинцы, крещеные татары, крещеные чуваши, вятские заводские крестьяне, пахотные солдаты.

Этот пестрый состав и лег в основу поселения нашего края.

Если исключить из этого состава весьма небольшое число «сомнительных» людей, как они по ведомости значатся, то в общем первый прилив состоял из самых трудоспособных людей, что и показали они по водворении на месте.

Но и те, кого мы назвали «сомнительными», выйдя из старых условий, где у них не удалась жизнь, здесь на свободе и просторе могли стать людьми вполне пригодными к общественной жизни.

Например, «малороссияне-преступники с Дона» — это, вероятно, те, что участвовали в Булавинском бунте; «не помнящие родства» — вероятно, крепостные люди, ушедшие от барской неволи. Словом, здесь не было того переселенческого элемента, которым наводнялась впоследствии Сибирь.

Расселение на месте происходило довольно своеобразно. Селили всех понемножку и каждому селению давали поселенцев всех родов. Например, селение Федоровка на Куме: однодворцев Харьковской губ.— муж. 99, жен. 85; Орловской — 8 муж., 4 жен.; Воронежской — 144 муж., 140 жен., Екатеринославской — 47 муж., 31 жен.; малороссиян Черниговской губ. — 24 муж., 12 жен.; Киевской — 23 муж., 15 жен.; Новгородской — 7 муж., 3 жен.; Саратовской — 20 муж., 12 жен.; бывших запорожцев — 9 муж.; зашедших разночинцев — 194 муж.; Тамбовской — 30 муж.; курских однодворцев — 1; владимирского наместнич. экономических — 5 муж., 9 жен.; курских войсковых — 89 муж., 89 жен.; киевских разночинцев — 14 муж.; казанский поляк — 1 муж., всего 715 муж. и 433 жен.; или село Михайловское: Курского наместн. однодворцев — 1492 муж., 1106 жен.; отставных солдат — 5 муж., 5 жен.; цыган — 8 муж., 10 жен.; Тверского — экономических — 1 муж., всего 1506 муж. и 1121 жен.; или село Обильное: Тамбовского — однодворцев — 149 муж.; казенных крестьян — 35 муж.; отставных солдат — 2; Пензенского — казенных крестьян — 128, однодворцев — 636, татар — 5, дворцовых — 3, отставных солдат — 1; Курского — экономических — 318, Тульского (то же) — 86, рязанских однодворцев — 48, всего 1411 муж. и 822 жен.

Ниже мы приводим этот важный исторический документ, и читатель может проследить состав каждого селения.

Самое видное место между переселенцами занимают так называемые однодворцы. Они составляют почти 50% всего числа переселенцев.

Необыкновенно удачно был сделан выбор и отдано предпочтение перед другими этой части охотников. Однодворцы несомненно представляли из себя более развитых и культурных людей сравнительно со всеми остальными. И в служилом отношении были более приспособленным элементом.

Придя на новые места, они здесь явились культурными пионерами.

Из обозрения дел Ставропольской казенной палаты видно, что им принадлежит первоначальное устройство водяных мельниц, прудов, колодцев, фруктовых садов, устройство других хозяйственных обзаведений в глухой степи, которые оживляли край. Они шли впереди хозяйственной и промышленной жизни края.

Однодворцы были грамотны, и в то отдаленное и глухое время в семьях их можно было встретить даже гражданскую книгу, составлявшую редкость и среди городского населения России. В семьях их сохранялись по наследству разные интересные рукописи.

Как грамотные и более развитые люди, они несли общественные должности и являлись первыми учителями народа, собирая детей для обучения грамоте. Первая школа грамоты возникла у нас среди них.

Однодворцам наш край многим обязан своим развитием.

Как велико было число их среди переселенцев, видно из того, что в с. Пелагиаде их значится 1492, в Михайловке — 1492, других было 800 и т.д.

И в каждое село, за исключением 3—4, включены и однодворцы.

Надо сказать, что под однодворцами разумеется класс людей, образовавшийся из служилых людей, детей боярских и, преимущественно, низших разрядов: казаков, стрельцов, рейтаров, драгун, солдат, копейщиков, пушкарей, затинщеков, воротников и засечных сторожей, селившихся в XVI и XVII вв. на восточной и на южной границах Московского государства для защиты его от ногайских и крымских татар. Служилые люди низших разрядов в Московском государстве получали денежное жалованье и корм натурою, поместья же за службу отводились дворянам и детям боярским, но так как доставлять продовольствие натурой для значительного войска, оберегавшего юго-восточную границу, было затруднительно, и наемные служилые люди, не заинтересованные лично в охране границ, исполняли сторожевые и другие службы небрежно, то правительство пришло к мысли давать землю для содержания не только высших, но и низших служилых людей, назначаемых для охраны границы, и отводить ее им близ последней. Служилые люди украинских городов были поэтому и воинами, и земледельцами. Поместные их участки, в общем, были столь незначительны, что большей их части не представлялось ни надобности, ни возможности обрабатывать землю крепостными людьми; каждый селился поэтому на своей земле не многими, а одним двором, и при обращении в гражданское состояние украинские служилые люди получили на этом основании наименование однодворцев. Обращение их в крестьянское сословие последовало в то время, когда южная граница государства отодвинулась далеко в степь, и служилые люди, поселенные между тульской оборонительной линией (направление Шаэк — Тула — Брянск — Путивль) и белогородской (Козлов — Коротояк — Белгород — Ахтырка), оказались уже не на границе, а внутри страны; вместе с тем оборона границ возложена была на регулярное войско.

В составе поселенцев обращают на себя внимание «разночинцы», «люди неразрешенных званий» и «зашедшие разночинцы».

Нет сомнения, что среди «неразрешенных званий» должны быть и дворяне, в особенности так называемые «отыскивающее дворянство», которых впоследствии на Кавказе оказалось много, судя по массе рассмотренных нами дел этого рода в архиве Губернского Правления.

Естественно, что всех этих недорослей из дворян, не имевших правильных документов на звание свое, надо было записать в эту рубрику.

Волна движения должна была захватить частью и дворянство, но из скромности они умалчивали о своем звании, а по прибытии на место возбуждали разные ходатайства о правах на дворянство. К этому времени внутри России уже образовался класс дворян, не служивших и давно уже потерявших свои вотчины, а пугачевское движение совсем выбило их из колеи, и естественно, что они пошли «на новые земли», обилие которых всех прельщало.

Интересно, что уже в то время был класс «солдатских детей», лиц, никуда не приписанных и не причисленных ни к какому сословию, о правах которых и теперь возникает спор.

Нельзя сомневаться в том, что пестрый состав населения каждого нового села являлся следствием известного рода политики.

Как ни успешно шло переселение, но правительство опасалось волнений в силу тех или других причин, а по условиям военного времени волнения были очень нежелательны и даже опасны. Понятно, что однородный состав населения, людей, связанных общими интересами одной местности, скорее могло объединить то или другое недоразумение, требование или ложные слухи. Люди же с разных сторон, разных настроений и характеров, представляли менее опасную почву в этом отношении.

С этою же целью в каждый крупный пункт включали преобладающее число однодворцев, составлявших почти служилый элемент.

Опасения правительства были небезосновательны, так как вскоре тяжелые условия жизни, неприспособленность многих поселенцев, неурожаи и болезни вызвали целый ряд серьезных осложнений и недовольство среди поселенцев, с чем приходилось серьезно считаться местным властям.

Привѣтъ изъ Ставрополя

Крестьяне в окрестностях Ставрополя. Почтовая открытка начала XX века

Жизнь переселенцев сложилась крайне своеобразно в новых местах.

Серьезной особенностью новых поселений и их больным местом было следующее.

Хотя колонизация края и была начата правительством в расчете на мирный характер поселения, но все же постоянные набеги горцев и наступательное движение наших войск требовали, чтобы водворяемое население было более подвижным.

Вот с этой целью старались по возможности ограничивать число женщин, и мы видим, например, что в селе Пелагиаде на 1668 мужчин только 973 женщины, считая, в том числе, конечно, и детей, в Благодарном на 180 муж. — 94 женщины, в с. Малка на 609 мужчин — 110 женщин, и такое несоответствие замечается в каждом селе. А если присоединить войсковые части в крепостях, то получится совсем незначительное число женщин сравнительно с мужчинами среди пришедших в новый край.

Это обстоятельство вело ко многим неудобствам и, помимо всего другого, способствовало возникновению крайне несоответственных браков по возрастам мужчины и женщины, браки совсем старика с

очень молодой девушкой, не достигшей и 16 лет, были обычным явлением очень продолжительное время на Северном Кавказе.

К тяжелым условиям жизни первых поселенцев надо присоединить и отсутствие у них первое время церквей.

Несмотря на все ходатайства, им не разрешали строить церкви и они оставались без священников.

Казалось бы, что удовлетворение религиозных потребностей населения, пришедшего в чуждый край, оторванного от остальной России и окруженного враждебным иноверным населением, должно было явиться первою заботою правительства в интересах скорейшего установления порядка и сносных условий жизни поселенцев во вновь приобретенном крае. Особенные условия военного времени, полное безлюдье, оторванность от своих близких внутри России и тяжелые климатические условия — все это, естественно, вызывало, более чем при других условиях, необходимость такого учреждения, где бы население могло в суровой и тяжелой жизни найти утешение, и таким учреждением, естественно, могла бы быть только церковь. Отсутствие возможности исполнить самые необходимые христианские требы, как крещение и погребение, не говоря уже о церковных службах, только усугубляли тяжелое положение первых поселенцев.

Трудно себе представить, чтобы могли быть затруднения и помехи в таком деле, как построить свою церковь, иметь своего священника, а между тем такие препятствия существовали и были не экономического характера, не недостаток средств и происходили не от местного духовного или гражданского начальства, а ставились самим правительством и исходили от Святейшего Синода. Архивы наши сохранили почти невероятные данные по этому вопросу.

Существовали, очевидно, какие-то опасения, что население не в силах будет поддерживать церкви и духовенства, а может быть, были и опасения за прочность приобретения края. Но будущее не оправдало этой странной осторожности.

И только благодаря усиленному ходатайству Павла Сергеевича Потемкина было разрешено строить церкви, но только в тех селах, в которых было не менее 500 душ мужского пола.

После первых неудач хозяйство переселенцев стало налаживаться и в особенности теплые зимы способствовали разведению скота. Это совершенно преобразило хозяйство и явилось серьезным подспорьем в хлебопашестве, дав возможность иметь рабочую силу.

С каждым годом более упрочивалось положение поселенцев и росло их благосостояние.

В особенности хороши условия жизни оказались в долине реки Кумы, и жители получили прозвище «хлебные мужики».

Все больше и больше отодвигался театр военных действий, и река Кума с ее притоками была уже вне всякой опасности.

В западной части были другие условия. Движение отрядов войск в горы требовало, чтобы на месте были подвижные, способные так же быстро собраться, как и горцы, нужно было население, которое всегда было бы под ружьем и само себя охраняло бы.

Возникает в правительстве мысль об образовании казачества на «линии», такого же, каким было Терское Войско и Войско Черноморское. И вот последовало распоряжение об обращении в казаков тех 14-ти сел и слободок, которые были основаны с 1781-го по 1784-й год, а именно: Михайловка и друг., см. выше.

Не ожидали этого поселенцы и не думали, когда шли по вызову на Кавказ, что будут под ружьем.

Некоторые из них вошли в состав знаменитого в истории нашего края Хоперского полка казаков, ранее пришедших с Дона (к 1778 г.).

Настало снова тяжелое время для поселенцев. Совсем они не были приспособлены к такой службе, не были они похожи на джигитов. Их одели в черкесские костюмы, но боевого вида у них не было, они отрастили себе животы и, перетянутые узким ременным поясом, они резко обнаруживали свое «пузо» и получили обидное прозвище «чига пузатая», за которое впоследствии линейский казак обнажал кинжал. Много горя протерпели «новые казаки», пока они постигли «казацкую ухватку» и избавились от названия «мужичье».

Казацкая служба была тяжелая, и часто поголовно шли они в походы, а дома оставались жены и дети. Вся та работа, которая была прежде и в поле, и дома, уже стала не под силу, и хозяйство сократилось.

Этим обстоятельством объясняется то, что в хозяйственном отношении эти 14 станиц отстали от остальных возникших одновременно. И только с конца 1869 года, когда снова были обращены в «мужиков» эти казаки, они начали расширять свое хозяйство, а не жить изо дня в день по казачьему положению; станицы эти в Ставропольской губернии: Михайловская, Надежда, Сергиевка, Татарка, Бешпагир, Старо-Марьевка, Александровская, Круглолесская, Чернолесская, Спицевка, Пелагиада и Северная.

Такая ломка в строе жизни несомненно отражалась на экономической жизни края, но к чести населения надо сказать, что оно показало себя достойным как в военном деле, так и в бытовом, хозяйственном. Из простого тяжелого «мужика» быстро выработался «линейский казак», храбрость, отвага и молодечество которого составили ему неувядаемую славу в тяжелой 60-летней войне с горцами, и, снова взявшись за плуг, он сделал Северный Кавказ житницей России.

Сведения о дальнейшем переселении мы имеем из дела Ставропольского Губернского Архива, но, к сожалению, там уже не указан с такой подробностью состав населения, и мы можем только привести время возникновения сел.

Селения основаны (см. таблицу на следующей странице).[2]

Но говоря о первых поселенцах Северного Кавказа, нельзя забыть тех русских людей, которые далеко ранее XVIII века зашли на Кавказ и хотя пришли другим путем и при других условиях, но прочно утвердились в гребнях гор и, несмотря на все натиски отважного неприятеля, сумели там удержаться.

Очерк событий, относящихся к этому движению русских на Кавказ, образование Гребенского, Терского войска составит предмет следующего моего сообщения, как равно и поселения некрасовцев по Кубани.

Примечания

1. Доклад 18 ноября 1910 г. в Ставропольском статистическом комитете

2. Из дела Ставропольского Губернского правления 1827г. № 4. О размежевании земель Ставропольского округа.

Первые поселения Ставропольской губернии

Название поселения	Год и место основания
Новоегорлыкское	В 1806 году на левом берегу Большого Егорлыка
Сандата	В 1810 году на том же берегу
Красная Поляна	В 1813 году на Большом Егорлыке
Средне-Егорлыкское	В 1808 году при границе Войска Донского при Среднем Егорлыке
Песчанокопское	В 1812 году при колодцах или канавах в верховье реки Песчаной
Летницкое	В 1808 году на Егорлыке
Медвежье	В 1808 году на Егорлыке
Преградное	В 1808 году на Егорлыке
Безопасное	В 1808 году при соединении реки Ташлы с Егорлыком
Ладовская Балка	В 1832 году при урочище Ладовской Балке
Белая Глина	В 1830 году при верховье реки Рассыпной
Новопокровское, Карасун тоже	В 1827 году при реке Карасуне
Новорождественское	В 1803 году на реке Челбасах
Терновка	В 1812 году на реке Терновка
Тихое	В 1819 году на реке Тихой
Тугулук	Село это образовалось от хуторов села Пелагиады, отчислено от села в 1817 году, на реке Тугулуке
Московское	В 1826 году поселено на землях от переселения станицы Хоперского полка при реке Ташле
Донское	В 1826 году тоже при реке Ташле
Новогеоргиевское	В 1826 году на реке Терновке
Кугульта	Образовалась из хуторов села Пелагиады, село сделано в 1816 году на верховье реки Кугульты
Спицыно	Образовалось из хуторов села Бешпагирского, отчислено в 1816 году, на вершине Балки Кривой
Константиновское	На верховье реки Кугуш, образовано из хуторов сел Петровского и Донской Балки. Отчислено в 1812 году
Пятигорского уезда	
Александровское	В 1826 году поселено на земле Волжского полка
Грушевка	На реке Грушевке, образовано из хутора села Калиновки Отчислено в 1811 году
Ореховское	В 1798 году, на верховье Буйволы и родниках
Шишкино	В 1817 году на верховье Буйволы из хутора села Медведского
Сухая Буйвола	В 1812 году из хутора Медведского на верховье Буйволы
Александровка	В 1800 году на Буйволе
Чернолесское	В 1789 году на Тамузловке
Малая Тамузловка	В 1803 году на Тамузловке
Журавка	В 1816 году на р. Тамузловке из хутора Новосельцы
Сабля	В 1796 году на реке Сабле
Александровского уезда	
Круглолесское	В 1797 году на верховье реки Сабли
Ставропольского уезда	
Богоявленское (Сенгилеевское)	В 1797 году на реках Егорлык и Сенгилеевке Станица Кубанской области
Каменнобродское	В 1794 году на реках Егорлыке и Татарке. То же
Новомарьевское	В 1794 году на реке Медведке. То же
Рождественское	В 1797 году на реке Чибиковой. То же
Татарское	Составилось из хуторов села Надежды. Отчислено в 1718 году
Бешпагирское	В 1896 году на реке Бешпагирке и редуте
Новодонецкое	В 1813 году на реке Бейсюге, ныне станица Кубанского войска
Новомалороссийское	В 1807 году на той же реке, ныне станица
Архангельское	В 1801 г. на реке Челбасах. Станица
Ильинское	В 1801 году на реке Калалах. Станица
Дмитриевское	В 1801 году на реке Калалах. Станица
Расшеватка	В 1802 году на реке Расшеватке. Станица
Новоалександровская	В 1804 году на той же реке. Станица
Успенское	В 1803 году на реке Калалах. Станица
Новотроицкое	В 1794 году на реке Егорлыке. Станица

Приложение

Ведомость, составленная генерал-поручиком, правящим должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора, действительного камергера, Кавказского мушкетерского полка шефа Потемкина.

О первоначальном поселении крестьян по открытии Наместничества

Откуда, когда и в какое селение поселены	Число душ Мужского пола	Число душ Женского пола	Год основания и место
Екатериноградского округа **Село Близкое под № 3** Харьковского наместничества однодворцев	1861	43	В 1787 при Малке, ныне станица.
Слоб. Прохладная под № 4			
Курского — малороссиян	530	471	
Курского — отставной гусар	1	—	
Курского — офицеров	3	2	
Малороссиян — Пензенского	10	11	
Малороссиян — Харьковского	9	4	
Малороссиян — Азовской губ.	6	—	В 1783 году на Малке, ныне станица
Малороссиян — Воронежского	5	—	
Однодворцев — Харьковского	1	—	
Однодворцев — Рязанского	1	—	
Пензенский экономический крестьянин	1	—	
	567	488	
Село Малка № 5			
Оставных солдат Кавказ. корпуса	201	65	
Их детей	11	—	В 1782 на Малке
Тульских однодворцев	397	45	
	609	110	
Село Спасское № 6			
Калужского — Экономических	423	152	
Калужского — Дворцовых	23	6	В 1787 году
Симбирского коронного ведомства	662	8	
	1108	166	
Слобода Курская № 7			
Малороссиян — Курского	316	200	
Малороссиян — Харьковского	27	5	В 1783 году на Куре
Цыган — Ярославского	148	—	
Цыган — Курского	53	—	
	544	205	
Село Государственное № 8			
Курского — Экономических	47	24	
Курского — Однодворцев	75	24	В 1783 году на Куре
Нижегородских однодворцев	435	230	
	557	278	
Крепость Павловская № 9			
Тульск. отставн. солдат	38	—	
Пензенских, то же	9	—	В 1787 году
	47	—	

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ Мужского пола	Число душ Женского пола	Год основания и место
Село Незлобное № 10				
Экономических	Харьковского	45	22	В 1784 г. на р. Золке, ныне станица
	Воронежского	5	—	
	Тульского	2	—	
	Екатеринославск.	9	—	
	Пензенского	6	—	
	Тамбовского	6	—	
	Рязанского	1	—	
Однодворцев	Харьковского	158	18	
	Курского	7	—	
Симбирских неразделенных званий		509	—	
		748	40	
Слоб. Александровская № 11				
Отставн. солдат Кавказ. корпуса		417	46	В 1778 году на правом берегу Кумы
Их детей		48	24	
Разных наместничеств отставных солдат		39	—	
		504	70	
Село Отказное № 12				
Пензенских	Дворцовых	287	219	В 1785 г. по обеим сторонам Кумы
	Однодворцев	552	370	
Курских однодворцев		23	—	
Казанских, то же		4	—	
		866	589	
Село Прасковьино № 13				
Воронежских	Дворцовых	288	223	В 1785 году на правой стороне Кумы против старых Мажар
	Экономических	290	219	
	Однодворцев	349	277	
Тамбовских однодворцев		5	—	
Рязанских, то же		1	—	
		933	719	
Село Нины № 14 (или Фролов-Кут)				
Орловского	Однодворцев	353	1	В 1785 году на левом берегу Кумы
	Отстав. солдат	1	433	
Курского	Однодворцев	51	—	
	Экономических	276	—	
Калужских экономических		397	441	
Воронежских однодворцев		80	—	
		1158	875	
Слоб. Григорьевская № 15 (или Федоровка)				
Однодворцев	Харьковского	99	85	В 1781 г. на левом берегу Кумы
	Орловского	8	4	
	Воронежского	144	140	
	Екатеринославского	47	31	
Курских однодворцев		1	—	
Село Обильное № 4 (или Карамык)				
Тамбовских	Однодворцев	149	—	В 1784 году на Карамыке реке
	Казен. крестьян	35	—	
	Оставн. солдат.	2	—	

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ Мужского пола	Число душ Женского пола	Год основания и место
Пензенских	Казен. крестьян	128	—	
	Однодворцев	636	—	
	Татар	5	822	
	Дворцовых	3	—	
	Оставн. солдат	1	—	
Курских экономических		318	—	
Тульских то же		86	—	
Рязанских однодворцев		48	—	
		1411	822	
Село Новозаведенное № 5				
Орловских	Экономических	450	—	
	Однодворцев	121	—	
	Дворцовых	28	—	
	Цыган	20	—	
Тамбовских	Дворцовых	5	—	В 1785 году
	Однодворцев	152	—	
	Ясачных	86	—	
			579	
Курских экономических		29	—	
Рязанских, то же		15	—	
Пензенских дворцовых		293	—	
Калужских, то же		21	—	
		1220	579	
Село Подольское № 6				
Воронежских однодворцев		544	—	
Село Межигородное № 7				
Воронежских однодворцев		545	—	
Александровского округа				
Слобода Калиновка № 2				
Орловских				
Однодворцев		750	—	
Экономических		6	2	
Тульских, то же		3	—	
Костромских однодворцев		1	82	При Куме выше деревни Владимирской
Черниговских малороссиян		1	—	
Воронежских однодворцев		1	—	
Саратовских государ. крест.		1	—	
Харьковских, то же		1	—	
Не помнящих родства, зашедших добровольно		155	—	
		919	84	
Село Никольское № 4				
Тамбовских однодворцев		750	—	
Георгиевского округа				
Село Сабля № 1				
Отставных солдат Кавказ. окр.		95	—	В 1783 г. на Куме
Московской губ. разночинцев		585	29	
С.-Петербургского коронного ведомства		14	—	
		694	29	

Откуда, когда и в какое селение поселены	Число душ Мужского пола	Женского пола	Год основания и место
Слобода Александрия № 2			
Тамбовских	426	416	
Однодворцев	88	39	
Дворцовых	203	90	
Экономических	43	—	
Казенных	5	—	
Отставн. солдат			
Воронежских однодворцев	55	—	
Харьковских, то же	1	—	
Орловских, то же	1	—	
Калужских, то же	1	—	
Курских, то же	1	—	
Поляков	5	—	
	829	545	
Село Подгорное № 3			
Курских	854	667	
Однодворцев	8	—	
Малороссиян			
Рязанских однодворцев	130	28	
Орловских — То же	18	—	
Орловских — Экономических	54	45	
	1064	740	
Владимирских экономических	5	9	
Курских войсковых	89	89	
Киевских разночинцев	14	—	В 1783 на Куме
Казанских поляков	1	—	
Малороссиян — Черниговского	24	12	
Малороссиян — Киевского	23	15	
Малороссиян — Новгородского	7	3	
Малороссиян — Саратовского	20	12	
Малороссиян — Бывш. запорожц.	9	—	
Малороссиян — Зашедш. разноч.	194	—	
Малороссиян — Тамбовских	30	—	
	715	400	
Село Васильевское № 16			
Смоленских разночинцев	646	—	
Село Найденое № 17			
Непомнящих родства	40	—	
Киевских подсудимых	159	—	Основано в 1785 году на речке Большой Буйволе
Черниговских, то же	110	—	
	309	—	
Село Красное № 18			
Смоленских разночинцев	600	—	
Село Покойное № 19			
Воронежских однодворцев	517	415	
Орловских, то же	5	—	В 1784 на левом берегу Кумы и при устье Буйволы
Калужских — Дворцовых	136	112	
Калужских — Экономических	522	260	
	1180	787	
Колония № 20			
Саратовских колонистов	183	164	Эта колония была поселена в Мажарах в 1778 году по распоряжению Вяземского

Откуда, когда и в какое селение поселены	Число душ Мужского пола	Число душ Женского пола	Год основания и место
Моздокского округа			
Село Павлодольское № 3			
Преступников малороссиян с Дона	17	—	
Пензенских дворцовых	546	—	
Вологодского корон. ведом.	188	—	
Тамбовских экономических	5	—	
Харьковских, то же	4	—	В 1787 году на Тереке
Воронежских однодворцев	145	1004	
Пензенских, то же	76	—	
Курских — Малороссиян	5	4	
Курских — Однодворцев	165	—	
	1438	1010	
Село Владимирское № 3			
Владимирских — Дворцовых	132	—	
Владимирских — Экономических	195	—	
Костромских, то же	89	—	
Рязанских, то же	478	—	
	894	—	
Слобода Новоселицы № 4			
Орловских — Однодворцев	74	—	
Орловских — Отставн. солдат	1	—	
Воронежских — Однодворцев	93	—	
Воронежских — Корон. вед. кр.	266	858	
Воронежских — Экономических	147	—	
Пензенских Дворцовых	8	11	В 1787 г. на Томузловке
Пензенских Однодворцев	531	—	
Пензенских Отставн. солдат	6	—	
Харьковских однодворцев	21	5	
	1147	874	
Село Благодарное № 5 на Мажарской дороге			
Отставных солдат	15	—	
Пензенских однодворцев	153	94	
Казанских пахотных солдат	4	—	В 1782 г. на Томузловке
Вятских, то же	8	—	
	180	94	
Село Белый Ручей № 6			
Казанских — Экономических	91	—	
Казанских — Дворцовых	7	—	
Вятских экономических	32	137	В 1784 г. при Белом Роднике
Воронежских, то же	41	—	
Новгородских корон. крест.	59	—	
	230	137	
Село Медведское № 7			
Курских — Однодворцев	550	—	
Курских — Экономических	5	—	
Курских — Отставн. солдат	5	—	
Тамбовских Однодворцев	619	719	
Тамбовских Экономических	1	—	В 1785 году на вершине Буйволы
Тамбовских Дворцовых	64	18	
Тамбовских Отставн. солдат	3	—	
Воронежских однодворцев	26	—	
	1273	737	

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ Мужского пола	Женского пола	Год основания и место
Село Высоцкое № 8				
Орловских	Однодворцев	412	404	В 1784 г. при вершине Буйволы и родниках, впадающих в оную
	Отставн. солдат	6	—	
	Экономических	100	98	
Воронежских однодворцев		48	28	
Тамбовских	Однодворцев	40	23	
	Дворцовых	14	5	
	Ясачных	7	—	
Могилевских разночинцев		317	—	
		944	558	
Село Петровское № 9				
Киевских казаков		105	34	В 1787 г. на Калаусе
Харьковских поселян		16	14	
		121	48	
Село Сергиевское № 10				
Отставн. солдат Кав. кор.		263	44	
Их детей		19	—	
Тамбовских однодворцев		839	284	
		1121	328	
Село Бешпагир № 11 (при Бешпагирском редуте)				
Рязанских однодворцев		980	—	
Село Дорожное № 12				В 1797 г. на Бешпагирке
Тамбовских однодворцев		241	—	
Костромских, то же		578	—	
		819	—	
Село Белый Колодезь № 13 В 1789 г. наименовано Донской Балкой				
Тамбовских однодворцев		2	—	В 1787 г. на истоках из болот гористого правого берега Калауса (переведены в Донскую Балку)
Пензенских, то же		153	227	
Псковского казен. ведомства		205	—	
		360	227	
Село Копани № 14				
Казанских однодворцев		8	—	
Вятских, то же		1	—	
Нижегородских, то же		474	—	
Тамбовских экономических		104	—	
		587	—	
Село Приправное № 15				
Вятских экономических		11	—	
Вологодских, то же		15	—	
Тамбовских, то же		104	—	
		130	—	
При Копанях № 16				
Пензенских крещен. татар		29	—	
Вятских заводских		4	—	
Казанских крещеных чуваш		23	—	
		56	—	

Откуда, когда и в какое селение поселены		Число душ Мужского пола	Женского пола	Год основания и место
Село Томузловка № 17				
Смоленских разночинцев		1256	—	
Ставропольского округа				
Село Надежда № 2				
Курских	Однодворцев	1523	999	В 1784 г. на Мамайке
	Отставн. солдат	22	4	
	Цыган	18	15	
		1563	1028	
Село Марьино № 3				
Воронежских	Однодворцев	872	571	В 1790 г. на Чле
	Отставн. солдат	4	—	
Курских однодворцев		8	—	
Костромских цыган		28	—	
		912	571	
Село Михайловское № 4				
Курских	Однодворцев	1492	1106	В 1784 г. на Ташле
	Отставн. солдат	5	5	
	Цыган	8	10	
Тверских экономических		1	—	
		1506	1121	
Село Пелагиада				
Курских	Однодворцев	1635	964	В 1783 г. на вершине речки Ташлы
	Отставн. солдат	3	—	
	Цыган	18	9	
Малороссиян		12	—	
		1668	973	
Село Безопасное № 6				
Киевских казаков		1000	—	
Нижегородских, то же		155	—	
		1155	—	
Село Преградное № 7				
Киевских казаков		1200	—	
Село Вестослав № 8				
Отставн. солдат Кавк. корп.		500	84	В 1778 г. при р. Калалах
Киевских казаков		754	—	
		1254	84	

Текст печатается по изданию:
Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1913. — Вып. 5.

Г.Н. Прозрителев. **К 125-летию губернского города Ставрополя-на-Кавказе**

Точных данных о времени возникновения поселения на месте, где ныне стоит город Ставрополь со своими окрестностями, нет. Но, тем не менее, необходимо признать, что в самую отдаленную эпоху нашей истории и даже далеко до возникновения русского государства здесь кипела жизнь, жил какой-то культурный народ, который и оставил следы своего существования на нашем плоскогорье. Об этой прошлой жизни, бесспорно, свидетельствуют развалины построек, остатки жительства, укрепленные пункты, могильники, расположенные вокруг Ставрополя не в далеком от него расстоянии.

Такими свидетелями далеко минувших лет являются у нас «Русский городок», развалины большой постройки в урочище Валик, в казенном лесу, городке на спуске к селению Татарка, целый ряд курганов по речкам Ташле и Мамайке с останками древних жительств и могильники с кирпичными в них склепами. К той же отдаленной эпохе относятся и «каменные бабы», которые были найдены здесь на месте Ставрополя в значительном числе и которые частью сохранились еще и до настоящего времени.

Археология дает нам указания для определения времени, к которому можно отнести все эти остатки прошлого, и мы смело можем утверждать, что еще до начала нашей эры здесь, на нашем плоскогорье, на месте нашего города, шла бойкая жизнь.

Но кроме этих остатков далекого прошлого о нем нам говорят с полной достоверностью разные предметы домашней утвари, оружие, монеты и украшения. На месте Ставрополя найдены бронзовые топоры, бронзовые и железные стрелы, копья, древние металлические зеркала, ожерелья, бусы и, как уже сказано, каменные бабы, которые являются первым памятником культуры после каменных орудий.

Из всех этих свидетелей минувших веков монеты с большей точностью говорят о прошлом, и монеты Парфянского царства и Босфорского[1], найденные здесь, ясно свидетельствуют о том, что и наше место принимало участие в мировой жизни этих отдаленных от нас эпох.

Серьезное значение нашего плоскогорья в то отдаленное от нас время обусловливалось тем, что в восточной части Северного Кавказа, нынешней нашей губернии, был центр могучего влияния той исторической эпохи — город Великие Можары, столица Хозарского царства, а на западе развилась греческая культура в тех греческих колониях, которые очень рано возникли по берегам Черного и Азовского морей, и далее Босфорское царство на теперешнем Крымском полуострове. Общение «Великих Можар», бывших центром всего тогдашнего культурного мира, с греческим западом шло именно через нынешнюю Ставропольскую губернию, и наше плоскогорье было одним из видных этапных пунктов того движения. Находимые предметы свидетельствуют об этом общении и распространении влияния как того, так и другого народа.

Последние археологические работы у нас на Северном Кавказе с положительностью удостоверяют широкое и могущественное влияние жившего здесь народа, хотя и исчезнувшего, но оставившего несомненно глубокий след в истории нашего края.

Но вот настают времена христианства, и оно широкой волной идет с запада на восток, прорезывает горы до самого Каспийского моря и оставляет следы на Северном Кавказе в виде древних церквей, крестов, намогильных плит с надписями, целого ряда гробниц и построек, и, как свидетельство этого периода у нас, на нашей горе, ныне называемой Соборной, находят каменный крест[2], доказательство жизни первых христиан, может быть спасавшихся от гонения и искавших убежища в этих отдаленных от Греции и Рима местах.

Само название Ставрополь происходит именно от этой находки здесь креста.

Но наступившее затем движение народов, их уклад, сопровождавшийся страшными войнами, отодвигает историю Северного Кавказа в сторону, сметает бывшие здесь народы, делает его как бы временной стоянкой этих грозных военных лагерей, и мы только к IX веку снова видим нашу страну среди общей жизни народов, снова здесь развивается жизнь. Но новый натиск с востока в виде нашествия монгольских орд в XIII веке опять низводит страну к полному упадку. Северный Кавказ делается достоянием кочевых полчищ, их взаимных войн, военных передвижений целых народностей, и только к концу XVII века резко обозначается русское влияние и русский человек в большем и большем числе водворяется среди широких пространств Северного Кавказа.

Когда возник Ставрополь, точно не известно, но правительство Екатерины II, желая обеспечить границу государства от Турции, решило построить ряд укреплений от Азова[3] до Моздока, и среди намеченных пунктов была крепость № 8, которая и основана затем именно на нашей Соборной горе, где теперь стоит двор интендантства.

Найденный здесь древний каменный крест дал название крепости, которое потом перешло к казачьей станице, а потом ко всему городу.

В 1777 году полковник Ладыженский приступил к устройству крепости, расположившись здесь с Владимирским драгунским полком.

Этот день надо считать днем возникновения поселения на месте Ставрополя как военного пункта.

В следующем 1778 году пришли казаки с р. Хопра и расположились под горой с северной стороны.

Скоро вокруг крепости и под защитой ее возникла Слободка, вольное поселение из зашедших сюда крестьян, отставных солдат, их семейств, и стала развиваться жизнь в крепости, но все же подчиняясь военному управлению и входя в общий строй военной жизни без собственного управления.

Ныне существуют у нас улицы Михайловская, Мавринская и Барятинская — это и были солдатские слободки 1-я, 2-я, 3-я. Жизнь населения слободки всецело стояла в зависимости от крепости, от ее потребностей и ее положения в данное время.

Цели охраны границ от набегов закубанских народов, удержание их в покорности и постоянное расширение границ путем вторжения вглубь земель горских народов, — эти задачи военной организации и местного управления всецело являлись и интересами населения слободок при новой крепости, и ими оно всецело и жило.

Господствующее положение крепости благодаря возвышенной местности, значительный гарнизон и близость казачьей станицы делали место это вполне безопасным, и потому сюда потянулась значительная часть поселенцев и слободки росли. Явилась необходимость создать другие условия для жизни этой части

поселения при крепости, и в 1785 году, 5-го мая, последовал указ Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества, причем образованы были в Кавказской губернии три уезда: Георгиевский, Моздокский и Ставропольский — и Ставрополь назначен уездным городом. *День 5-го мая и надо считать началом существования Ставрополя как города.* В следующем году открыты были присутственные места.

В это время Ставрополь представлял из себя ряд домов довольно неправильно разбросанных по юго-восточной стороне от крепости, на северной стороне была расположена станица, где теперь Хоперская улица и Станичные улицы, с церковью на нижнем базаре, где теперь часовня, а на нашем нынешнем Николаевском проспекте рос лес, в нескольких местах были топкие места от родников, вытекавших из крепостной горы, и один из этих ручьев пересекал его в том месте, где на площадке между бульварами ныне стоит бассейн, и тут шла глубокая водомоина по направлению к нынешнему дому Меснянкина (старая гимназия).

Население в это время было весьма невелико: всего 467 дворов и 27 лавок к 1780 году.

Новый город не имел своей церкви и составлял приход казачьей церкви.

Эта церковь построена 1780 году, а первою церковью надо считать походную церковь Владимирского полка, помещавшуюся внутри крепости в плохом деревянном здании. Надо полагать, что церковь эта стояла на том месте, где ныне во дворе интендантства стоит крест.

Впоследствии церковь эта за уходом Владимирского полка была оставлена и долго стояла без всякого призора, пока не была, наконец, продана и перевезена, кажется, в ст. Успенскую.

В это время город не имел собственной отдельной земли, а земля была в общем владении с казаками, вернее, жители-горожане пользовались казачьей землей и теми угодьями, которые составляли казенную землю.

С переводом казаков в станицу Суворовскую в 1825 году казачьи земли остались в исключительном пользовании горожан, и наши архивы содержат много дел, возникших по поводу положения и способа пользования этим земельным казачьим имуществом. Этой земли осталось 16267 дес. 57 кв. саж.

По вопросу о времени возникновения Ставрополя как города имеется очень интересное дело 1840 г. (№1226)[4] о доставлении в Штаб войск Кавказской линии и Черномории сведений «о времени основания Ставрополя и переименовании его в областной».

Очевидно, составлялась историческая записка и собирались сведения от местных присутственных мест. Штаб спрашивал[5] Областное правление, какие имеются сведения «об основании Ставрополя, а равно и о правах и привилегиях жителей».

Спрошенная по этому поводу Городская Дума ответила Областному правлению[6] «по делам Думы, чтобы жители города сего какие облегчения или привилегии имели, не видно, а также, в каком именно году город Ставрополь основан, сведений не имеется».

На этом донесении Думы имеется резолюция Начальника области: «не хорошо, что Дума не знает об этом. Опросить кого-либо из старожилов и пригласить в канцелярию старосту Плотникова».

Вероятно, расспросы эти не дали требуемых результатов, и тогда Областное правление обратилось к документам и сообщает штабу, что сведения *о наименовании города Ставрополя уездным*, а потом и областным, а также и все сведения об основании города содержатся в полном собрании Зак. Рос. Империи.

В отношении последующей судьбы Ставрополя как города это действительно единственный надежный источник, но все подробности существования города и его внутренней жизни могут быть изучены только по делам, хранящимся в наших архивах.

Указав на полное собрание законов, Областное правление делает следующую справку:

«Том XXVII (1802—1803)» — назначение Ставрополя уездным городом Кавказской губ. 205113.

«Том XXXVIII (1822—1823)». О назначении уездного города Ставрополя областным городом Кавказской области, 29138.

«Том XXXIX (1824)». О переводе из Георгиевска в Ставрополь областных присутственных мест, 30078.

«Том XL (1825)». О переводе в Ставрополь Георгиевского внутреннего гарнизонного батальона и Георгиевской жандармской команды, 30341.

Но в штабе, как видно, указанных томов Полн. соб. зак. не оказалось, и он просит сделать ему выписку, причем прибавляет, чтобы «это было исполнено в возможной скорости, так как сведения необходимы для скорейшего окончания описания этого города».[7]

Областное управление представляет эту выписку и приводит уже упомянутый нами выше Указ Екатерины II от *5 мая 1785 года*, помещенный в Полн. Собр. Зак. (изд. 1830 года) под № 16193 «о составлении Кавказского наместничества и образовании уездов: Екатериноградского, Кизлярского, Моздокского, Александровского и *Ставропольского*».

Но при этом в своей справке Областное правление, по вине переписчика, делает ошибку, которая ввела и составителей описания города в заблуждение, а именно: указ этот отнесен к 5 марта 1785 г., и эта ошибка стала повторяться и другими. Между тем указа 5 марта нет, и в этом месяце только 11 числа состоялся известный указ «о обвинении подпоручицы Рожновой за подговор и увоз людей и за насильное завладение крестьянами Мундшенка Ушакова, без суда, за упрямство, неповиновение и отбывательство».

Таким образом благодаря Указу императрицы Екатерины II от 5 мая 1785 г. Ставрополь из слободки при крепости обратился в город со значительной уездной территорией, жители из бесправных, подчиненных всецело суровому военно-крепостному управлению, обратились в горожан, права которых покоились на знаменитой «грамоте на права и выгоды городам Российской Империи», данной 21 января 1785 г.

А потому день 5 мая и должен быть признан днем рождения нашего города и праздником ставропольцев.

Примечания

1. Найденные парфянские монеты относятся ко времени царя Готорза 51 г. по Р. Х., босфорские — ко времени В. Митридата.

2. Такие кресты были найдены и в других местах Ставропольской губернии и Кавказа.

3. До этого времени последним укрепленным пунктом была крепость Св. Дмитрия, где ныне Ростов-на-Дону.

4. Ставроп. губ. архив.

5. Отнош. 12 января 1840 г. № 46.

6. Отнош. 29 января 1840 г. № 100.

7. Отнош. 1 марта 1840 г. № 254.

Текст печатается по изданию:

Прозрителев Г.Н. К 125-летию губернского города Ставрополя-на-Кавказе) // Альбом видов губернского города Ставрополя и его окрестностей. На 1907 г. и 1910 г. — Ставрополь, 1912.

Г.Н. Прозрителев. **Источник Карабин. К истории губернского города Ставрополя**

Источник Карабин для жителей города Ставрополя и его окрестностей является в высшей степени благодетельным: его чистой, холодной и высокого качества воде ставропольцы обязаны своим благополучием. Хорошая питьевая вода имеет громадное значение для здоровья жителей, и не будь в Ставрополе этого богатыря-поильца, едва ли бы возможно было возникновение здесь, на этой возвышенности, самого города и его быстрый рост.

Источник этот известен был с самых древних времен и назывался он у горцев, некогда живших здесь, «здоровая вода», название это удержалось и до сих пор.

Нынешнее название свое «Карабин» получил впоследствии по имени владельца лесного урочища, откуда вытекал этот мощный ручей.

Этому источнику Ставрополь обязан своим развитием и возвышением. В то время, когда Ставрополь намечался как город, было сделано указание на обилие в нем хорошей воды. Затем хорошая вода его и отсутствие серьезных желудочных заболеваний обратили на него внимание медицинских знаменитостей, и Ставрополь сделали главной стоянкой Кавказских войск, в нем сосредоточили все военное управление. Ставрополь все больше и больше стал оспаривать значение г. Георгиевска, ныне Терской области, это кладбище гражданских кавказских чиновников, и Ставрополь был сделан губернским городом, все присутственные места из Георгиевска были переведены в Ставрополь. В представлениях начальствующих о предпочтении Ставрополя «болезненному» Георгиевску указывалось именно на его богатую воду, на его Карабин.

Нельзя сомневаться в том, что экономическое значение города, его хозяйство, доходность строений и заработок жителей резко изменялись по мере того, как совершался этот прилив в него массы войск и армии чиновников. Город стал неузнаваем — бедные обыватели-мещане, не имевшие никаких заработков, ободрились, стали обстраиваться и обзаводиться прочным хозяйством; потребности войск всех родов оружия, расположенных здесь, масса офицерства, постоянное передвижение команд и целых больших частей чрез Ставрополь благодаря военным операциям давали на каждом шагу заработок тем, кто желал трудиться. В особенности в Ставрополе развилось огородничество и садоводство благодаря громадному спросу этого нового населения. Вытекавший из Карабина ручей служил для поливки огородов.

Даже само направление в заселении и занятии улиц стоит в полной зависимости именно от этого источника: все тянулись к нему, город шел вверх, там вырастали целые улицы, шли захваты земли, и городскому управлению приходилось только зарегистрировывать поселявшихся.

Возникновение жительства вокруг Карабина относится к самым первым дням Ставрополя, несмотря даже на то, что и в то время, и значительно позже эта местность была далеко не безопасна. Центр города, т.е. Нижний базар, Троицкий собор — улицы, первые по своему возникновению, — были в самых плохих условиях, так как там не было хорошей питьевой воды, нет источника, а вода получалась из колодцев довольно сомнительного качества. Все зажиточные семейства, имевшие собственных лошадей, привозили воду из Карабина и употребляли ее только для питья и самовара, скупо расходуя, так как доставка была довольна затруднительна, особенно в зимнее время. До возникновения водовозного промысла жителям нижней части города приходилось довольствоваться колодезною и дождевою водою, в то время как жители нынешнего Старого Форштадта и других улиц верхней части пользовались прекрасной водой Карабина. И недаром верхняя часть всегда считалась более здоровой.

Развитие учебных заведений и сосредоточение огромного количества учащихся в Ставрополе также обусловлено все той же «здоровой водой». Начало учебным заведениям было положено учреждением в Ставрополе мужской гимназии. Наша гимназия возникла в приезд в Ставрополь императора Николая I в 1838 году.

Известно, что ненастная погода, грязь по дорогам и невзрачность нового города произвели на государя скверное впечатление, и он, раздраженный, намеревался подписать указ об упразднении Ставрополя как города и перенесении этого центра на Кубань, где теперь Армавир. Несмотря на все доводы начальника области Вельяминова, государь стоял на своем и Вельяминов был в отчаянии. Рассказывают, что спас Ставрополь стакан карабинской воды. Государь, заболевший лихорадкой, потребовал «свежей» воды, и ему был подан стакан кристальной воды нашего богатыря — Карабина.

Вода так понравилась, что государь заинтересовался, и это дало Вельяминову новый сильный довод в пользу Ставрополя. Гроза пронеслась мимо Ставрополя, и город уцелел, чем и обязан Вельяминову.

Так рассказывали об этом современники.

Благодетельное значение воды Карабина для всего населения Ставрополя особенно обозначилось со времени устройства водопровода и проведения воды его в существующие ныне бассейны.

Интересные результаты дает сравнение метрических записей о смертности в нижней части города до этого времени и после: видно, что город оздоровел и смертность уменьшилась.

В настоящее время мы не ценим этого сокровища, благами которого ежедневно пользуемся. Количество питьевой воды в городе увеличилось, использованы и другие источники, но Карабин служил Ставрополю 125 лет и спасал его в тяжелые годы таких испытаний, как чума 1810 года и холера 1830 и последующих годов.

Нельзя не отметить, что в холеру 1892 года было установлено, что там, где пользовались семьи водой источника Карабина, не было почти и заболеваний, тогда как в других улицах, где довольствовались водою из колодцев, заболевания имели смертельный исход.

И вот на это-то богатство города в разное время посягали многие, желая захватить его в частную собственность.

Несмотря на условия старого времени, бывшая Городская Дума стойко боролась против таких попыток и, наконец, решительно выступила в 1847 году в деле о продаже купцом Анненковым купцу

Николаю Ермолову полпивного завода, в усадьбе которого и оказался Карабин. Городская Дума одержала победу, и Карабин признан городским.

Нам удалось в архиве найти интересное дело «о Карабине-колодезе и о Мойке»[1], из которого мы и приводим решение Ставропольской палаты уголовного и гражданского суда, установившее право города на этот источник.[2]

«По указу его императорского величества, в Ставропольской палате уголовного и гражданского суда слушали: выписку и подлинное дело, поступившее из Ставропольского городового магистрата о запродаже Ставропольским мещанином Александром Анненковым купцу Николаю Ермолову полпивного завода с другими пристройками и усадебным местом, принадлежащим городу Ставрополю, и об источнике Карабине, оспариваемом Анненковым у города, и о прихвате купцом Черновым к усадьбе своей части городской земли. Приказали:

В 1816 году подвергнуто было публичной продаже имение бывшего откупщика питейных сборов статского советника Ленивцева за состоявшее на

нем казенное взыскание, в числе имущества сего описан был полпивный завод за городом Ставрополем, близ родника Карабина состоящий, завод сей продавался без земли, потому что оная принадлежала в собственность не Ленивцеву, а городу, и продан был штаб-лекарю Гейеру за 700 руб. ассиг., и когда Кавказское, ныне Ставропольское, губернское правление указом от 2 сентября 1816 года № 7669 предписало городничему Янушеву взыскать с Гейера следуемые за завод деньги, то он от платы их отказался, потому что завод отдавали ему без земли и родника, тогда Губернское правление вновь назначило полпивный завод в продажу, который и продан коллежскому асессору Новикову за 410 руб. ассиг., недостающее затем количество денег обращено было на Гейера. 11 сентября 1817 года Новиков взял из Ставропольской градской полиции свидетельство, удостоверяющее покупку завода и платеж за оный денег. А 25 ноября того же года сделана на обороте сего свидетельства надпись, что на точном основании сего свидетельства право владения купленным полпивным заводом с принадлежащим ему строением передал ставропольскому купцу Гордею Анненкову. В июле 1818 года Новиков уполномочил доверенностью губернского секретаря Алексеева на совершение купчей крепости на проданный Анненкову завод. В доверенности этой Новиков писал уже, что завод продан с усадебным местом в длину от дороги, лежащей к тому заводу 115, а в ширину 100 саж. Причем объяснил, что данной на имение заводом он не имеет. В то же время Гордей Анненков уполномочить сына своего Василия доверенностью на получение от поверенного Новикова Алексеева купчей на купленный им завод, в доверенности этой Анненков также объявил, что завод куплен с землею, мерою в длину 115, а в ширину 100 саж. Обе эти доверенности засвидетельствованы Ставропольскою градскою полициею. По сим бумагам и совершена Алексеевым купчая крепость в бывшей Кавказской палате уголовного и гражданского суда 11 июля 1818 года на проданный Анненкову завод со значением лежащей под ним земли в длину 115, а в ширину 100 саж., с платежом двойных пошлин. В 1829 году Гордей Анненков начал было воспрещать жителям брать из источника воду и требовать за оную плату, за что возникли на него жалобы. Тогда Анненков вошел 31 августа 1829 г. в Ставропольскую Городскую Думу с объявлением, что он на Карабине-колодце для удобнейшего набирания воды устроил на каменных столбах новые желоба и самый свободный проезд, на что издержал собственных денег до 500 руб., но удовлетворения от жителей не получил. А потому, предоставляя все устройство в полное и всегдашнее распоряжение Думы, просил удовлетворить его только тремястами рублями. Градская Дума входила о сем с представлением к областному начальнику, который и разрешил принять постройку во владение Градской Думы и на поддержание ее в должной исправности полагать ремонтную сумму, а купца Анненкова удовлетворить 300 рублями из градских доходов, вследствие сего строение Думою и принято в свое ведение с выдачею Анненкову 300 руб. В 1840 году Гордей Анненков завещал означенный полпивный завод с каменным при нем мыльным заводом, для сушки солода овином и фруктовым садом сыну своему Александру Анненкову. Завещание это по смерти завещателя засвидетельствовано в Кавказском областном правлении 22 апреля 1841 года. По засвидетельствовании духовного завещания Александр Анненков в то же время запродал полпивный завод с землею, начиная от родника в длину 115, а в ширину 100 саж., ставропольскому купцу Николаю Ермолову за 1840 рублей сереб. и вошел в областное правление 22 апреля с прошением о совершении купчей. Против сей продажи Ставропольская Градская Дума предъявила спор, называя Карабин-колодезь и саму землю принадлежащими городу, потому что завод продан с аукциона без земли, что эта земля считалась принадлежащей городу, что Анненков, сделавши около родника устройство, отдал оное в распоряжение города и что близ того источника устроено обществом каменное здание в виде часовни с вызолоченными главою и крестом, и Анненков никакого против сего не предъявлял спора. Мещанин Александр Анненков доказывал права свои тем, что это место занято было прежде полковником Таганрогского драгунского полка Карабиным, а по выбытии его в 1805 или 1806 году отведено содержавшим откуп воронежским купцам Горденину и Малецкому для постройки пивного завода, что с передачею от-

купа коллежскому асессору Бородину, а после статскому советнику Ленивцеву, переходил во владение и пивной завод с пристройками и землею, что в 1817 году купил завод с аукциона коллежский асессор Новиков и продал отцу его Гордею Анненкову с землею, на что и совершена купчая крепость без всякого со стороны общества спора, что с того времени, владея спокойно более земской давности, в 1829 году дозволил только городу пользоваться из источника одной водою, и, разработавши источник собственным своим иждивением, во избежание беспокойства от пользующихся водою, отвел приток воды от строения в сторону устроенными на каменных столбах желобами, оцененными в 520 руб., но денег от города не получал и на всегдашнюю уступку в пользу города из крепостного владения ни одной сажени земли на владение устроенными на столбах желобами никакого крепостного акта никогда не давал и соседям земли не уступал; Градская Дума опровергает владение Анненкова и десятилетнюю давность тем, что он, получив неправильно купчую крепость и неправильно воспользовавшись владением земли, принадлежащей городу, не представил оную в Городовую Ратушу для ввода его во владение из опасения, дабы не открылась фальшь в приобретении купчей на землю. При измерении оказалось, что образовать в таком порядке поместье Анненкова, чтобы было мерою в длину 115, а в ширину 100 саж., невозможно, потому что в состав оной неминуемо должны войти каменная часовня, источник Карабин, Общественная градская мойка и бывшая часть усадьбы купца Корнея Чернова со всеми ее заведениями полпивного завода и фруктовым его, Чернова, садом, и потому фигура земли по указанию границ Анненкова снята на план. По исчислению оказалось земли 5051 квад. сажень и что мойка состоит в черте усадебного места Анненкова на пустопорожней земле. Место это с дикорастущими деревьями оценено в 510 руб. сереб., за исключением однако же насаженных на оном фруктовых разного рода деревьев и имеющихся построек, у купца же Чернова по измерении оказалось 4407 кв. саж., а из свидетельства Градской Думы, выданного в 1827 году купцу Чернову на владение сим местом, видно, что ему отведено было земли мерою в длину 40, а в ширину 15 саж., следовательно, во владении его оказалось земли более против документа на 3807 квад. саж., излишек сей по неудобному и гористому местоположению оценен присяжными оценщиками в 30 руб. сереб. Дело это передано было Ставропольским губернским правлением на рассмотрение Ставропольского городового магистрата, который решением по сему делу 31 августа 1845 определил: признать мещанина Александра Анненкова законным владельцем означенного поместья в длину 115, а в ширину 100 саж., так как он владел без всякого спора или притязания с лишком более двух земских давностей, и совершить на оную узаконенную купчую крепость на имя покупателя Ермолова. Но как при измерении областным землемером Нечаевым оказалось невозможным образовать усадьбу Анненкова в означенной мере в какой-либо четвероугольник, не захватив Карабина колодца, городской мойки и завода купца Чернова, то Магистрат полагал считать меру в следующих границах, начиная от источника Карабина, остающегося во владении Градской Думы, и устроенных для набирания воды желобов и подъезда к оным вниз по ручью по границе места, принадлежащего унтер-офицеру Цибулину, до пустопорожнего места, городу Ставрополю принадлежащего; от Цибулина по прямой линии до места купца Чернова, где показано на плане 45 и 9,5 саж., от сего места мимо вверх на 28 саж., потом, идя вверх также по границам поместья Чернова до того пункта, где на горе при образовавшемся каменном обрыве оканчивается граница купца Чернова, 30 саж., затем, следуя натуральной границе, образовавшейся каменным оврагом, до источника Карабина сколько по измерении окажется. А так как Мойка, находящаяся гораздо ниже оврага, определяющего натуральные границы, остается внутри усадьбы Анненкова, то и оную оставить в его владении. А оказавшийся у купца Чернова излишек, владеемый им самовольно, отобрав от него, оставить во владении города со всеми сделанными на оном строениями и заведениями.

По внимательном рассмотрении настоящего дела Палата уголовного и гражданского суда находит, что состоящее подле родника, называемого Карабином, место находилось во временном владении откупщиков питейных сборов под устройством пивного завода. В 1817 году, когда все имение откупщика Ленивцева подвергнуто было описи и назначено для аукционной продажи, в том числе и пивной завод подле Карабина-колодезя, то общество города Ставрополя вошло с представлением, что земля, состоящая под заводом, принадлежит городу. Вследствие сего, правительством продан был завод без земли коллежскому асессору Новикову, а Новиков продал завод сей ставропольскому купцу Гордею Анненкову, но в данной губернскому секретарю Алексееву доверенности поместил уже, что он продал завод с землею, и означил произвольно количество земля в длину 115, а в ширину 100 саж.; на основании этой подложной доверенности и совершена в бывшей Кавказской палате уголовного и гражданского суда в 1818 году купчая крепость. О каковом подлоге и о продаже с аукциона завода без земли не мог не знать и сам выкупщик Анненков, будучи коренным жителем города Ставрополя, тем более что в свидетельстве, выданном Новикову из полиции о покупке им завода и об уплате за оный денег, вовсе земли не показано, свидетельство это передано Новиковым Анненкову, однако он, давая доверенность сыну своему Василию на получение купчей, поместил в ней, что завод купил с землею. По совершении купчей Анненков не предъявил оной ни городовой ратуше, ни полиции для ввода его во владение купленным заводом. Но за всем тем Ставропольская Градская Дума не могла не знать, что Анненков купил завод без земли, однако допустила его владеть спокойно более десятилетней давности, быть может, потому, что считала его, как откупщика Ленивцева, временным владельцем, и предъявила спор тогда уже, когда наследник Анненкова Александр Анненков начал продавать завод купцу Ермолову. Впрочем, Гордей Анненков никогда не владел таким количеством земли, какое показано у него в купчей, это подтверждается тем, что если отдать ему 115 в длину, а 100 саж. в ширину, то отойдет устроенный обществом в виде часовни павильон, Градская общественная мойка и

Карабин колодезь и большая часть усадьбы купца Чернова; Александр Анненков продал Ермолову землю, начиная от Карабина колодца. А во время спора предъявил права свои и на сей колодезь, и на Общественную мойку в намерении извлечь из того большую для себя пользу, если бы оные ему достались, *ибо колодезь сей почти единственный во всем Ставрополе, из которого берется для питья и употребляется в пищу (внутри города вода, будучи горько-кисловатого и солонцеватого вкуса, вовсе не удобна для употребления)*. Мойка также весьма необходима для целого города, который, кроме копаных колодцев с горько-кисловатою водою, не имеет проточной речки. Но спор Анненкова не может быть признан законным, потому что колодезь и Мойка и большая часть земли, в купчей показанной, никогда не были во владении Анненкова. Они состояли во владении города. Самая купчая не должна служить ему доказательством на владение, так как совершение оной основано на подложной доверенности. Права Анненкова на владение утверждаются на одной земской давности, но давность эта должна простираться на землю, в действительном владении Анненкова находившуюся, а не на показанное в купчей количество. Купец Чернов, получивши в 1827 году свидетельство от Думы на владение землею в количестве 40 длины и 15 саж. ширины, захватил места вчетверо более сего количества, против сего завладения со стороны общества хотя не предъявлено никакого спора по неудобному качеству земли, но за всем тем Чернов не должен владеть не отведенною ему землею без платежа за оную городу. И вследствие того Палата уголовного и гражданского суда, на основании 475, 476, 479 и 2232 ст. 10 т. Зак. гражданских изд. 1842 г., полагает: мещанина Александра Анненкова признать законным владельцем в той только части земли, какое в действительном владении у него находилось, и признать только по праву земской давности, а остальную затем землю, а также Карабин-колодезь и Мойку признать принадлежащими городу. В Ставропольское губернское правление сообщить при исполнении решения, чтобы выдало покупщику Ермолову купчую на то только количество земли, какое признано будет принадлежащим Анненкову, а о прочем представив ведаться с продавцом Анненковым особо от сего дела. Купцу Чернову вменить в обязанность исходатайствовать у общества акт на владение излишнею землею, в противном же случае отдать оную в пользу города. Решение сие объявить при открытых дверях присутствия купцу Чернову без апелляции, а прочим с правом апелляции. А дабы они явились для сей надобности в день подписания протокола 28 ноября, оповестить их чрез Ставропольскую городскую полицию и передать на согласие копию казенных дел стряпчему. И затем дело по основанию 2700 и 2817 ст. 10 т. препроводить в Казенную палату на согласие и для представления посредством гражданского губернатора в Правительственный Сенат, Магистрату же поставить на вид, что он за силою 2653 ст. т. 10 не должен был рассматривать этого дела; подлинный за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря, подписом окончен 28 и прокурором читан 29 ноября сего года».

На копии этого решения имеется надпись губернского стряпчего: «О изъявлении на сие решение со стороны казны удовольствия донесено Палате 18 декабря 1847 г. за № 32.

Так был спасен для города наш богатырь-источник.

Примечания

1. Д. См. Губ. арх. 1847 года № 53, оп. 28.

2. Копия с решения Ставропольской палаты уголовного и гражданского суда, состоявшегося на 29 октября 1847 года, передаваемая к делам Ставропольского губернского казенных дел стряпчего. Сохранена орфография подлинника.

Текст печатается по изданию:
Прозрителев Г.Н. Источник Карабин. К истории губернского города Ставрополя // Труды Ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1913. — Вып. V. — С. 3—11.

Г.Н. Прозрителев. **Необходимо охранять памятники прошлого**

Охранение памятников старины не в обычаях русского человека; мы забываем прошлое и не относимся с должным уважением к тем немым свидетелям минувшего времени, которые случайно уцелели и дошли до нас. Много было примеров самого грубого уничтожения весьма ценных предметов, имевших большой научный интерес. Это явление повсеместное, общерусское и объясняется, конечно, тем, что не в должной мере позаботились пролить свет на значение всех этих остатков прошлого и распространить в народ необходимые о них сведения, а отсутствие образования и даже грамотности в населении исключают возможность должной оценки и сознательного отношения ко всем находкам и остаткам от прошлого, к тому, что не имеет ныне практического значения. В частности, что касается нашей местной старины, то известно, что развалины древнего города Мажары (близ Прасковеи) разграблены, кирпич употреблен на постройки и даже не пощажена церковь, развалины которой в 1848 году еще видел архитектор Архипов и утверждал, что на стенах были видны фрески. Еще в 1831 году Ставропольский губернатор доносил Министру внутренних дел: «В некоторых селениях делают строения из добываемого вблизи камня, а в двух в Пятигорском округе (Покойное и гор. Св. Креста) многие дома сложены из кирпича, называемого между простым народом «мамаевским», который они доставали из развалин древних Мажар; ныне кирпич сей на домах, а также курганы и разрытые ямы для добывания оного, видные на большом пространстве, одни только свидетельствуют о бывших здесь развалинах». (Акты Кавказской археографической комиссии т. IX., стр. 536).

Да, и прибавим, это были развалины великого и славного города Мажары.

Близ Майкопа в кургане была найдена древняя греческая гробница с золотыми пластинками по краям, на которых были изображены сцены из военной жизни, но это золото переплавили и сделали кольца «дивчатам», а медная чаша с ручками (величиной в 2-3 ведра), найденная там же, обращена была в домашний сосуд и затем бесследно исчезла. У меня сохранились, случайно добытые мною из десятых рук, только незначительные кусочки этих пластинок нов. развалины около ст. Каменнобродки Кубанской области расхищены. Каменные бабы разбиваются в куски и употребляются на мостовую. «Русский городок» около с. Михайловки Став. губ. расхищен, как и «Частные курганы» около с. Кугульты, представляющие большой интерес. Курганы ограбляют хищники-кладокопатели. Словом, полное пренебрежение ко всем этим остаткам минувшего. Мы не перечисляем всех известных нам мест, подвергшихся разграблению и расхищению, так как своевременно указывали на это на страницах «Северного Кавказа».

Отсутствие местного археологического общества и полное невнимание к этому делу местной интеллигенции, и долгая бездеятельность местного Статистического комитета, конечно, только способствовали подобному хищничеству. Этим же объясняется и то, что древний крест, стоявший на Соборной горе и уцелевший при всех обстоятельствах, теперь оштукатурили, побелили, уничтожив все следы его происхождения, и без всякого основания приписали Суворову, который его никогда не ставил.

Для местной истории имеют большое значение и старые кладбища: на них часто в намогильных крестах и плитах хранится очень ценный материал, проливающий верный свет на протекшие события.

Кладбища, конечно, имеют отношение главным образом к данному населенному пункту, но это не может умалять их значение, тем более, что местная история у нас совсем в забросе и часто даже невозможно установить время возникновения и таких крупных пунктов, как Ставрополь. Когда собственно возник Ставрополь как населенный пункт и кто здесь жил ранее, неизвестно. На все это могут ответить только немые свидетели прошлого, это наши курганы вокруг Ставрополя и по берегам реки Ташлы и частью старые кладбища.

Ценным для нашего края является старое кладбище города Георгиевска, где имеется и так называемое кладбище «титулярных советников», или «коллежских асессоров».

Это кладбище коллежских асессоров составляет интересную и крайне грустную страничку кавказской истории. В былое время при заселении нашего края весь необходимый состав чиновников пополнялся служилым сословием из России. Тяжелые климатические условия Кавказа и особенно Георгиевска, где было сосредоточено все управление, и скудное содержание делали невозможным существование этих тружеников, но являвшаяся сюда молодежь еще боролась со страшной лихорадкой и хотя с трудом, но выживала, а все выходцы преклонных лет погибали очень скоро. И приходилось только разными льготами привлекать сюда служащих. Одной из таких льгот была и следующая. Желая поднять нравственный и умственный уровень чиновников в России, правительство, по инициативе Сперанского, издало указ, по которому все служащие, достигшие титулярного советника, для получения следующего чина, коллежского асессора, должны были подвергаться экзамену в науках. Удар был нанесен ужасный, а между тем при условии общего невежества и поголовной полуграмотности служащих, рубикон этот могли перейти только счастливые единицы, а остальные вынуждены были оставаться вечными титулярными советниками. Теперь даже трудно понять все то горе и отчаяние целой армии чиновников, мечтавшей на склоне дней достичь коллежского асессора. Оставался один выход — это принять вызов на Кавказ, где каждый титулярный советник через год по прибытии получал чин коллежского асессора без всякого экзамена. И вот все эти ищущие повышения двинулись на Кавказ, в Георгиевск. Но злая лихорадка скоро собирала среди них обильную жатву, и уголок старого Георгиевского кладбища, называемый кладбищем коллежских ассесоров, служит указанием на те тяжелые условия, при которых приходилось на Кавказе водвориться русскому человеку. Многие из них не выживали и урочного года, и на крестах надпись иногда гласит,

что покойный не дослужил всего нескольких дней до желанного чина.

Но в Ставрополе имеются даже более интересные места, как древнее кладбище на берегу реки Ташлы (за рекой), Варваринское, а в губернии старое кладбище в селении Ореховском.

К сожалению, везде разграбляется все, что можно. В каком небрежении у нас все эти остатки прошлого, примером может служить старое кладбище за Ташлою.

Оставленное много лет без огорожи, оно сделалось проездным местом, кресты и плиты лежали на дороге. Только два года тому назад[1] его обрыли канавой, но в то же время продали все эти кресты и плиты одному из жителей на постройку, и только заступничество ближайших жителей спасло от уничтожения эти остатки прошлого. А между тем еще не установлено, к какому времени относится возникновение этого кладбища. Виденный там нами ранее, 4 года тому назад, камень с надписью «Иерей» в настоящее время уничтожен, и мы 25 апреля 1905 года его уже не нашли. Из рассказов стародожилов, между прочим, устанавливается, что более ста лет тому назад бывшая станица Ставропольская уже имела церковь и хоронила на этом кладбище, а церковь была на теперешнем Нижнем базаре, по склону же возвышенности, где теперь Ставрополь (нынешнее Подгорное), поселен был аул.

«Каменные бабы» в экспозиции Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Уверяют, что перестали хоронить на этом кладбище 30 лет тому назад. Но надо полагать, что это ошибка, и погребение прекращено там гораздо ранее.

Следующим по времени возникновения является Варваринское кладбище. Все памятники на этом кладбище в ужасном виде. Не только металлические части, намогильные кресты и проч., но даже тяжелые куски мрамора и камня — все это растаскивается и исчезает. В южной части кладбища имеется большой холм, служивший, говорят, общей «братской могилой»; говорят, в середине его была дверь, ведшая в эту гробницу. Кто там погребен и когда — неизвестно, но, несомненно, очень давно, так как на вершине этого холма имеются остатки мраморного памятника, из надписи на котором видно, что там похоронен полковник Бражников в 1826 году, а рядом лежит массивная каменная плита, судя по грубой отделке и грубой на краю ее надписи, еще более старая. Но относятся ли они к погребенным внутри этого холма или тела были положены сверху, неизвестно. Прекрасный мраморный памятник Бражникову расхищен. Расхищены и другие, видно очень старые, памятники. Ряд чугунных намогильных досок семьи Стасенковых также в плохом положении: земля под ними опустилась, и, вероятно, они скоро будут разбиты на куски. Стасенковы принадлежат к видным старожилам Ставрополя, и, кажется, из них никого уже не осталось в живых, почему и некому присматривать за памятниками. Но причту церкви следовало бы принять меры к сохранению этих памятников, тем более что некоторые из погребенных там Стасенковых принимали большое участие в постройке самой церкви, которая и сооружена над могилой одного из Стасенковых. Следовало бы все эти доски и уцелевшие кресты перенести в нижнее помещение под церковью, которое и было предназначено для погребения. Все каменные кресты и плиты из простого камня собираются кем-то в кучу и, очевидно, идут куда-нибудь в поделку, так как собранная куча от времени до времени изменяется в своей величине. Надо бы обратить внимание на все это. Там же стоит довольно красивая часовня, запертая висячим замком, окна выбиты, и от расхищения пока спасают ее прочные двери, но, вероятно, ненадолго. Кому она принадлежит и для чего возведена — причту неизвестно. Если вспомнить, в каком порядке содержатся кладбища у иностранцев, то право стыдно становится за тех, у кого на глазах совершается невозбранно все это расхищение и разрушение у нас, русских.

В селении Ореховском Ставропольской губернии Благодаринского уезда в том кургане, на котором устроена церковь, среди села обнаружилось старое кладбище. В восточной стороне этого кургана за церковною оградою в нескольких местах расположены гробы, составляемые из отдельных кусков камня. Небольшие плиты поставлены в ряд на ребро на ½ — ¾ аршина в вышину и образуют гроб, расширенный в одной части и суженный к другой.

Правильно лежащие костяки неизвестных покойников теперь постепенно вымываются водой и по косточкам сносятся вниз. Некоторые из них жителями выбраны и перенесены на кладбище, а камни употребляются на постройку. Осмотрев это кладбище, в 1900 г. я обращал на него внимание покойного отца Дмитрия Успенского как председателя церковного Археологического общества, и писал, что надо произвести тщательный осмотр и исследование, и только после этого перенести костяки на кладбище. Надо установить время возникновения этого кладбища и происхождение покойников, а без осмотра и вскрытия могил этого сделать нельзя, и надо торопиться, иначе будет потеряна всякая возможность разгадать эту загадку, если будет продолжаться такое разрушение и частичный перенос на кладбище. Но до сих пор ничего не было сделано. Важно иметь в виду, что, по рассказам стариков, недалеко от этого места стоял какой-то каменный крест, кажется, с надписью, но его также разбили и кто-то снес на кладбище верхушку его. Надо бы образовать комиссию для исследования этого холма, во всяком случае представляющего большой интерес.

Писал я и по другому поводу покойному отцу Дмитрию, но и на этот раз успеха не было, потому что, как он говорил мне, он не встретил надлежащей поддержки. Дело в том, что в с. Нины среди старого хлама в сторожке при церкви хранится статуя Христа. Услышав об этом, я поехал в с. Нины и, благодаря любезности местного священника, осмотрел эту весьма интересную статую, вырезанную из дерева и изображающую Иисуса Христа в терновом венце, сидящим в темнице. Работа далеко не заурядная, и статуя производит большое впечатление, а окружающая обстановка: заброшенность, пыль, хлам, разные обломки — до такой степени возмущают вас, что вы стараетесь скорее уйти. Подробно я писал по этому поводу отцу Дмитрию и советовал взять статую в музей, но почему он не встретил поддержки — не знаю. По рассказам старожилов, эта статуя была принесена каким-то неизвестным разбойником и поставлена ночью на паперть церкви, в то время как она только была окончена постройкой (церковь построена в 1797 году), при статуе был и мешочек с золотом. Найденную статую поставили первоначально в церкви среди местных икон, где она и стояла очень долго, но затем, по распоряжению кого-то, ее перенесли на хоры, а затем приказано было перенести ее в чулан. Когда священник по своему назначению донес об этой статуе бывшему епископу Евгению, то последовало приказание сжечь ее. И только оставление в этом неприглядном помещении и умолчание о ее существовании спасло ее от уничтожения.[2]

Этот эпизод служит лучшим доказательством того небрежения к прошлому, о котором я упомянул в начале и за которое должны краснеть интеллигентные люди.

Примечания

1. В 1903 году по распоряжению Городской управы обнесено канавой.

2. В настоящее время статуя эта, по настоянию председателя Ставропольской ученой архивной комиссии, перенесена в музей Церковно-археологического общества.

Текст печатается по изданию:
Прозрителев Г.Н. Необходимо охранять памятники прошлого // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1911. — Вып. 1.

Г.Н. Прозрителев. **Древние христианские памятники на Северном Кавказе**

Горские народы, шестидесятилетняя война с которыми так прославила Кавказ, были во время столкновения с Россией магометанами, поэтому и установилось убеждение, что население это всегда было мусульманского исповедания, и некоторые даже самую войну объясняли мусульманским фанатизмом, который будто бы и руководил движением.

Мнение это остается и ныне не опровергнутым благодаря положительному отсутствию научных исследований Кавказа в этом отношении. То немногое, что имеется в работах по этнографии Кавказа, далеко не изменяет сказанного, и вопрос о происхождении горского населения Кавказа и его первоначальных верованиях остается открытым в литературе. Даже некоторые исследователи положительно называют сказкой указание на то, что по всему Кавказскому предгорью и на Северном Кавказе в пределах Кубанской, Терской области и нынешней Ставропольской губернии в самые отдаленные времена, далеко еще до распространения ислама, христианство прочно установилось и исповедовавшее его население обладало высокой культурой. Последовавшие потом нашествия диких орд из Азии и затем фанатические войны проповедников Корана смели с лица земли довольно значительное население Кавказского предгорья и его степной полосы, а с ним погибло и христианство, и весьма интересная культура, о которой теперь можно судить только по немногим остаткам.

Такой ход исторических событий для Северного Кавказа кажется многим невероятным, а между тем на месте с очевидностью устанавливается несомненными свидетелями отдаленных эпох, что появление ислама и утверждение его среди горского населения относится к позднейшему времени и что раньше господствующим исповеданием было здесь христианство. Свидетелями этими являются развалины древних христианских церквей, надгробные памятники, каменные статуи с изображением крестов, кресты намогильные и мелкие металлические, надписи на каменных плитах и еще сохранившиеся во многих местах поверья и обряды христианского типа. Все это разбросано на громадном пространстве от берегов Черного и Азовского морей до сел. Бургон-Маджары Ставропольской губернии (древний город Мажары) и в южных пределах Терской области.

В Хасавюртовском округе Терской области, в местности, называемой Салатавия, заключающей 12 горских селений, ныне мусульман, есть место, носящее название «Кяфир-забазул-хобал», что означает «кладбище неверующих», и там при пахоте находят небольшие металлические кресты, жители же мусульмане во время праздника Ураза-байрама красят яйца и раздают тому, кто пришел в гости, при этом пекут хлеб русской формы (высокий), тогда как обычная форма — чурек, лепешка. Близ аула Чир-юрт есть место, называемое «Патан», что означает воскресенье, «церковь христианская», и, по словам жителей, имеющиеся там развалины и есть остатки бывшей христианской церкви. В Темир-хан-шуринском округе Дагестанской области во время Уразы-байрама жители обнимаются и поздравляют друг друга с праздником.

Аварцы думают, что предки их были христиане. Предание говорит, что когда явился Абу-Муслин, первый проповедник ислама на Кавказе, и завоевал аварцев, то князь их Суркан бежал в нынешний Душет, но затем снова возвратился, когда отступил Абу-Муслин, и наложил штраф по одной курице на каждого, кто будет творить «намаз» (мусульманскую молитву с омовением), но при вторичном наступлении Абу-Муслина Суркан снова бежал, и магометанство установилось в Аварии окончательно.

Не подлежит сомнению, что все это указывает на существование христианства, следы которого уцелели, несмотря на все ужасы войн, охватывавших Кавказ в течение долгого времени.

Отсутствие систематических научных исследований не дает возможности установить, так сказать, карту распространения бывшего населения и хода христианства, но нахождение во многих местах этого пространства совершенно тождественных предметов не оставляет никакого сомнения, что это следы одного и того же культа, имевшего широкое распространение. Если монеты и украшения, совершенно тождественные, найдены как в горе Митридат, близ Керчи, так и в развалинах древнего города Мажары, в Ставропольской губернии, на расстоянии до 500 верст, то несомненно, что все это пространство служило дорогой для общения населения столь отдаленных областей, а предметы, случайно найденные кое-где по этому пространству, только подтверждают это заключение.[1]

К сожалению, до сих пор правильных исследований нет. В особенности не посчастливилось Ставропольской губернии: ее совсем не коснулись исследования, если не считать поездки Иванова в 1885 году (гидрографическое исследование) и историко-статистических описаний покойного И.В. Бентковского, относящихся к позднейшему периоду истории Кавказа, ко времени начала завоевания его русскими. А между тем Ставропольская губерния представляет громадный интерес с ее реками Кумою и Калаусом, с незапамятных времен служившими историческими дорогами народов, двигавшихся по этому пространству от Каспийского к Черному морю. Здесь масса каменных изваяний («каменных баб», теперь почти исчезающих), намогильных курганов со следами культуры какой-то народности, совершенно исчезнувшей, могильники, открываемые на значительных глубинах, со следами доисторической культуры и предметами культа, совершенно непонятными ныне, предметы каменного периода, остатки вооружений различных неизвестных народов, масса монет, разбросанных на всем этом пространстве: египетских, сирийских, персидских, греческих, римских, кое-где уцелевшие части украшений от бывших построек и, наконец, названия урочищ и местностей, не принадлежащие к языку ни одной из существующих ныне народностей, — все это дает такой громадный и интересный научный материал, что он может занять не одного исследователя. А между тем все это гибнет при случайных находках невежественных людей и со временем совершенно исчезнет. Доказательством этому может служить тот же весьма интересный город Мажары, развалины которого занимают 14 верст, где еще в 1837 году архитектор Алексеев видел прекрасно сохранившиеся фрески на развалинах православной церкви, а ныне все это сравнялось с землей, и на место построек указывают лишь курганы и знаменитые мажарские кирпичи, и изразцовые плиты расхищены крестьянами на свои постройки.

Епископ Владимир в своей Исторической записке о христианстве на Кавказе делает следующие указания: «Замечательным памятником христианства служат живописные развалины на правом берегу Подкумка, где еще недавно находили серебряную церковную утварь и большие железные кресты».

Остатки церквей имеются на реке Белой, у станицы Белореченской. Кресты найдены по реке Урупу, близ станицы Преградной. Особенно много кладбищ и церквей по реке Большому Зеленчуку.

У черкесов сохранилось предание о том, что у них были епископы и место их пребывания было в 4 верстах от Нальчика. Некоторые роды ведут свое происхождение от Шогена, т.е. священника.

В разных местах Кабарды и Владикавказского округа найдены монеты Анастасия, Юстиниана, Ираклия Фоки, что указывает на греческое влияние, и оно шло дальше по бассейнам Кумы и Терека.

Среди осетин Владикавказского округа много христианских церквей древней постройки, как, например, в Касарском ущелье храм Михаила и Гавриила, в аулах Лац, Долау-Кау, Дергавском ущелье, на Канадурском перевале в аулах Нузал, Зыгвис, на Казбеке развалины церкви Вифлеем.

В 858 году Кирилл и Мефодий были у хазар и прошли через северную часть Ставропольской губернии. Коган разрешил креститься, и в Мажарах была церковь.

После победы русского князя Мстислава образовалось русское Тмутараканское княжество, где был епископ, построены были церкви, и епархия прожила 100 лет.

Герберштейн говорит о пятигорских черкесах, что они в исповедании и обрядах сходствуют с греками и ведут богослужение на славянском языке.

В 1559 года послы Кабардинского народа в Москве просят прислать им священников для крещения народа (556 примеч. к 8 т. Карамзина).

В горах до сих пор в памяти народа живет Ауз-Гирге (Иисус Греческий), Ялия (Илья), Аймыс (Моисей), клянутся именами Богоматери и Георгия, и удержалось греческое деление месяцев и года (ист. зап 1888 года).

Все эти указания вполне подтверждают факт существования христианства в горах в далеком прошлом.

В какой мере могут быть интересны исследования в упомянутых местностях, может служить доказательством найденная мною совершенно случайно у торговца старыми вещами среди разного бумажного хлама, обреченного на завертку, топографическая карта рек Кефара и Бешгона Кубанской области. К какому времени относится составление этой карты, кто был потрудившийся над исследованием этой и ныне недоступной местности в горах и кому принадлежала эта карта — мне не удалось установить расспросами, на карте же нет на то никаких указаний. Во всяком случае, с достоверностью можно утверждать, что она составлена не позже 40-х годов, так как на карте Кубанского края 52-го года на месте обозначенного на найденной карте Надежинского укрепления стоит уже укрепление Сторожевая.

Не подлежит также сомнению, что и карта составлена с военными целями топографами, бывшими в распоряжении отдельного Кавказского корпуса действовавших войск. После занятия данной местности производились обыкновенно топографические съемки, служившие драгоценным материалом для составления военных планов. Карта представляет ущелье горных рек Кефара и Бешгона, при слиянии которых и стояло укрепление Надежинское.

Особенная заслуга составителя и значение этой карты заключается в том, что добросовестный исследователь не ограничился нанесением местности, но сохранил на карте и все то, что он увидел там, хотя и не входившее в пределы его задачи. Нанеся «коши» (поселки), оставленные оттесненным нашими войсками населением, он наносит развалины древнего укрепленного лагеря, развалины древних построек, древний крест, статуи двух рыцарей на Бешгоне и статуи рыцарей христианских на Кефаре, и все это он точно воспроизвел на обороте карты, причем необыкновенно старательно копирует уцелевшие на статуях, крестах и др. камнях надписи, из которых некоторые на арабском языке, а некоторые на греческом.

Благодаря содействию муллы Нуцалова арабская надпись разобрана и, за исключением некоторых незначительных ошибок, указывающих, что надпись эта копировалась и спасший ее не знал арабского языка, она вполне уцелела. Перевод ее следующий:

«Дом мой открыт для каждого пришедшего,
Стол мой уготован для каждого алчущего.
О, Милостивый, о, Благодетель,
О, Правосудный, о, Вседержитель.
Добрые дела остаются, жизнь прекращается.
Прах несчастного убитого Шака — сына Тарши».

Надпись сделана на арабском литературном языке, на котором написан и Коран; первые две строки — рифмованное двустишие и, несомненно, сделано ученым, но судить по надписи, какого исповедания был покойный, — нельзя, так же как и по имени Шака и Тарши, которые не составляют книжных магометанских имен. По мнению г. Нуцалова, надпись на арабском языке не свидетельствует еще о принадлежности покойного к магометанской религии, потому что сам Нуцалов встречал евреев из Иерусалима, говоривших на арабском языке, но не магометан. Возможно, что надпись сделана в память покойного на языке, на котором была письменность, а распространение арабского языка на Кавказе в древности не подлежит сомнению. Что касается греческих надписей, то они разобраны благодаря содействию бывшего профессора ставропольской семинарии М.И. Попова, насколько это было возможно при ошибках и погрешностях, допущенных при списывании.

На большом кресте начало надписи и сокращения на боковых концах креста не разобраны, а далее можно читать так: «живот свой положил раб И. Христа Господа Нашего Кристи, сын Георгия», хотя именительный падеж слова Георгиос и последние буквы левой части надписи и дают основание сомневаться в точности этой передачи. Крест этот найден на реке Бешгоне.

На малом кресте можно прочитать: «живот свой положил... Боже», на левом конце сокращения означают «Иисус», «Матерь», остальные надписи стерты. Крест найден у аула Сидова в среднем течении реки Кефара[2], где также найдены развалины древних каменных построек с христианскою церковью и кладбищем. Выше по течению также имеются в двух местах развалины и в них найден камень, надпись на котором, можно думать, означает: «живот свой по-

ложил Тороун», хотя последнее слово остается под большим сомнением. Вообще г. Попов, оказавший мне любезность прочтением надписей, считает возможным допустить ошибки в переводе благодаря искажениям в снимках надписей. Что касается статуй, то они представляют большие глыбы местного камня, нижняя часть которых, не отделанная, служит пьедесталом и зарывалась в землю, точно так же, как и остальные каменные изваяния (каменные бабы), разбросанные по Северному Кавказу, с тою только разницей, что у этих статуй не изображены ноги. Все 4 статуи стоячие. Две из статуй несомненно христианские, судя по крестам на них.

Характерно у христианских статуй расположение крестов — на плечах и на лбу, а также изображение в правой руке чаши у одного воина, тогда как у другого в той же руке — обнаженная сабля. Все это дает основание думать, что здесь было намерение изобразить людей, воевавших за веру и погибших за нее, испивших чашу страдания.

Что касается вооружения, то изображена только сабля с расширенной частью у рукоятки, чем она совершенно отличается от горской сабли; сабля показана у пояса, а не через плечо, как теперь носят. Это последнее обстоятельство указывает на очень древнее происхождение этих статуй, так как все кавказские горские народы всегда носили саблю через плечо. Точно так же заслуживают внимания и металлические застежки на груди, которых у горцев не было.

Сентинский храм в Тебердинском ущелье. IX век н.э. Один из древнейших христианских храмов в России

Вооружение на других статуях заключается в алебарде (или топоре) и кинжале, и, кроме того, сзади прицеплен железный крюк, нечто вроде пики, который насаживался на древко, и им обыкновенно противника стаскивали с лошади.

По этому вооружению можно думать, что в данном случае изображены не всадники, а пешие воины.

Расширенные привески с боков по неточности изображения объяснить очень трудно. Закругленная вырезка на груди возможно, что изображает металлический нагрудник, употреблявшийся у горцев и позже, или же цветную вставку нижнего костюма, сохранившуюся в употреблении и до сих пор. К сожалению, головы не уцелели.

Кроме указанных древностей, неизвестный автор перечисляет виденные им древние церкви в Теберде, на Хумаре, на реке Малый Зеленчук и Большой Зеленчук, Кубанской обл.

Христианство в горах было распространено в I же веке своего появления и потом охватывало все пространство от Черного моря до Дагестана. Русские войска, пришедшие в край в конце 18-го столетия, не обратили должного внимания на эти следы христианства, а начавшиеся вскоре враждебные действия против горцев дали возможность свободно распространяться исламу и окончательно уничтожить следы христианства. Благодаря случайной находке архивного дела[3] мы можем установить, что русские военные власти первые сведения о существовании в горах за Кубанью христианских церквей получили в 1829 году после того, как военные операции против карачаевцев и абазинцев были закончены удачно, народы эти покорились, и по договору с Турцией от 2 сентября 1829 года эта часть была присоединена к России.

Бывший начальник Кавказской области генерал-лейтенант Эмануель доносил 30 декабря 1830 года Министру внутренних дел графу Закревскому, что по возвращении минувшим летом из-под горы Эльбрус вместе с академиками он хотел обозреть в горах за Кубанью древние церкви, в особенности ту, которая при реке Теберде и никем из русских не была еще осмотрена. Разливы рек Кубани и Теберды помешали ему, и он поручил это сделать архитектору при Минеральных Водах Бернардоци, который, несмотря на трудности, исполнил это, снял планы с церквей и рисунок с креста, высеченного на камне, и составил описание.[4] Представляя все это и письмо Бернардоци на французском языке, начальник области пишет, что церкви эти, несмотря на протекшие несколько столетий, так сохранились, что для приведения их в прежний вид не потребуется много издержек, почему он и полагал бы восстановить одну из них, на левой стороне Кубани в 160 верстах от Ставрополя, где и местность красивая, и могут быть разведены сады. Делая такое предложение, он в то же время добавляет, что для этого потребуется при впадении рек Марии и Теберды в Кубань иметь укрепление. Выгоды от такого занятия будут те, что там же, согласно проекту Екатериноградской карантинной конторы, можно учредить карантин и меновой двор для обмена с покорившимися карачаевцами и абазинцами, куда могут приходить и другие с отдаленных гор; военные и гражданские чины могли бы пользоваться этой церковью, а при восстановлении богослужения и абазинцы, как бывшие христиане, обратились бы в православие, а со временем и другие горские народы, почему он полагал бы устроить там монастырь и странноприимный дом.

Министр внутренних дел, как видно из отношения от 31 декабря 31 года, докладывал Государю об этом предположении и предписано было Эмануелю снестись с главноуправляющим в Грузии.

2 ноября 31 года начальнику Кавказской области главноуправляющий барон Розен сообщил, что бывший начальник области Эмануель предполагал восстановить одну из церквей на Кубани и что государь находил это заслуживающим внимания, почему он и поручил начальнику области, которым в то время был Вельяминов, войти в рассмотрение предположений М. В. Д. с местными удобствами и определить количество потребных расходов. Дело было возвращено со всеми документами и запиской графа Закревского. Докладывая Государю, М. В. Д. граф Закревский составил записку 1 февраля 1830

года, копия которой приложена к делу, но в ней только излагаются все обстоятельства дела с добавлением лишь того, что все документы по этому делу были на рассмотрении академии наук.

В рапорте от 17 марта 1833 года на имя корпусного командира барона Розена Вельяминов говорит, что к восстановлению церквей в горах за Кубанью в теперешних обстоятельствах Кавказского края ничего предпринять нельзя, потому что, во-первых, чтобы решить, одну ли церковь восстановить, или две, нужно туда идти с батальоном пехоты и орудиями; во-вторых, чтобы приступить к исправлению, надо привести в безопасность эти места, а для этого надо устроить укрепление, для чего потребуется значительный отряд войска для работы и обеспечения сообщения с областью. Но и по окончании в укреплении должны быть войска, в которых и так чувствуется недостаток на Кавказе, почему многие важные пункты остаются без войск, места же, где церкви, в военном отношении не заслуживают внимания. Впоследствии, когда наша линия перейдет за Кубань, тогда можно восстановить и церкви.

На рапорт этот 13 апреля 33 года барон Розен просит начальника области все документы и дело отправить Военному министру, которому он сообщил и указанное мнение.

27 апреля 33 года все это было представлено начальником области Военному министру, при рапорте № 345.

1 июля 33 года барон Розен уведомляет начальника области, что Воен. министр согласен с мнением его о невозможности теперь восстановить древние церкви и что с этим согласен и Государь.

На этом дело и заканчивается.

Надо заметить, что в это время ни Эмануеля, ни Паскевича Эриванского, при которых возникла эта мысль, уже не было, и потому возможно, что предположения их относительно занятия указанных мест и восстановления церквей были отвергнуты новым управлением и по соображениям не общего характера. Последующие события, вызванные упорной Кавказской войной и ужасным, по своим последствиям для покоренных, выселением горцев с Кавказа, не благоприятствовали осуществлению предположения Эмануеля.

И только в 1889 году на реке Большой Зеленчук бывшим ставропольским епископом Владимиром, впоследствии архиепископом казанским, ныне умершим, основан монастырь на месте нахождения древних церквей, найдено обширное христианское кладбище и больших размеров развалины. Церкви восстановлены, и в некоторых церквах даже сохранились на стенках фрески.

На прилагаемой карте указаны развалины какого-то древнего каменного поселка с церковью и христианским кладбищем у аула Сидова, два укрепленных лагеря и еще какие-то развалины. Все это свидетельствует о существовании здесь весьма большого населения, достигшего значительной культуры, и в такой местности, где и в настоящее время лишь медведи да орлы могут считаться хозяевами.

Нельзя не упомянуть здесь о тех весьма интересных гротах, которые найдены в высоких горах, почти в неприступных местах за Голубыми озерами в Нальчикском округе Терск. обл. В гротах этих имеются прекрасно сохранившиеся трупы каких-то жителей, обитавших в горах в то отдаленное время. По типу и сохранившейся кое-где одежде, это не греки. Гроты замуравлены, заложены каменной стеной, и очевидно эти обитатели погибли здесь, спасаясь от преследования. Возможно, что это последствия гонения, возникшего на христиан, а может быть, были и другие причины, как нашествие диких полчищ. На это может ответить только серьезное и тщательное исследование, которого край ждет.

Большой интерес представляют и трупы, найденные во глубокой пещере близ станицы Карабулакской Терской обл. Нахождение здесь же костей собаки и зайца породило целую легенду и повело к большому спору о происхождении этой могилы.

Все эти остатки прошлого и развалины смотрят с укором на нас, русских, взявших Кавказ в свои руки, эти свидетели отдаленных времен зовут к себе исследователя, чтобы рассказать ему историю погибшего народа, задолго еще до нас внесшего сюда слова любви, заповеданные Христом, и свет Его высокого учения.

Примечания

1. В селении Ореховке Ставропольской губернии Благодарненского уезда имеется древнехристианское кладбище с каменными гробами и крест, а на месте, где теперь Ставрополь, по преданию, найден был крест во время занятия этой возвышенности нашими войсками, почему первоначально Ставрополь назван был городом Св. Креста.

2. На карте название реки пишется Кяфар, хотя, по другим актам, она называется Кефар и Кафир. «Кяфир» в переводе на русский язык — «неверующий».

3. Дело инженерной части при Команд. войск. на Кавк. л. и в Черномор. № 47—12.

4. При деле не оказалось ни плана, ни рисунка, ни письма Бернардоци. Вероятно, документы находятся при делах Военного министра, куда было сделано донесение нач. обл.

Текст печатается по изданию:
Прозрителев Г.Н. Древние христианские памятники на Северном Кавказе // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1906. — Т. 1.

Г.Н. Прозрителев. **Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа**

Сведения наши о Северном Кавказе и, главным образом, о той его части, где нынешняя Ставропольская губ., начинаются только со времен Екатерины II, когда возгоревшиеся войны с Турцией вызывали необходимость движения наших войск в пределы Кубанских и Кумских земель, занятых ногайскими народами, находившимися всегда под влиянием Турции.

Постепенное занятие этого края нашими войсками и устройство военной линии, т.е. ряда укреплений, и дало возможность отодвинуть беспокойные кочевые орды и водвориться мирному населению, а потому с этого времени считают начало культурной жизни этого края. Многие думают, что до этого времени Северный Кавказ был страной совершенно дикой и не имеющей исторического прошлого.

Между тем существование населения на берегах реки Кумы (в нынешней Ставропольской губернии) и в глубокой древности не может подлежать сомнению.

Хотя нет точных исторических данных в отношении этой местности за тот отдельный период, но это нисколько не изменяет достоверности указанного положения и не дает основания сомневаться в справедливости предания, в подробностях описывающего жизнь существовавшего здесь и погибшего впоследствии народа, имевшего, несомненно, высокую культуру. Лучшим доказательством основательности предания и немыми, но верными свидетелями прошлой жизни являются те многочисленные остатки жилищ, которые тянутся почти на 25 верст по обеим сторонам реки Кумы, там, где ныне находится гор. Св. Креста, селения Прасковея, Покойное, Бургон-Маджары. На этом пространстве видны громадные ямы, бугры, канавы, разного рода углубления, и все это заполнено массой строительного кирпича, прекрасно сохранившегося. Все эти развалины народ называет почему-то «кирками» и «мамаевым городом»; здесь жили «мамаи», говорят местные жители. По преданию, здесь был в древности большой город Мажары, тянувшийся вдоль реки Кумы, с большими и хорошими строениями, башнями, мечетями, минареты которых далеко были видны с высокого берега Кумы; были и христианские церкви. Город имел виноградники и вел обширную торговлю, народ жил богато, занимался виноделием, сюда стекались торговые люди со всех концов света. Нашествие диких орд, истребивших население, уничтожило некогда цветущий город и обратило его в развалины. Но по другим рассказам, жители вымерли от моровой язвы. Возможно, что и то и другое было причиною гибели этого древнего города, составлявшего бойкий центр Северного Кавказа в те отдаленные времена. Русское население явилось здесь в начале XVIII века, и в 1765 году в селе Бургон-Маджары была построена церковь, верстах в 5-ти от главных развалин, но древний город уже был в развалинах, и населения не было.

Кажется, ни один народ не оставил после себя такого великолепного строительного материала, какой находится в этих развалинах в виде кирпича, называемого жителями «мамайским». Несмотря на многие протекшие столетия, он не только вполне годен для построек и в настоящее время, но и далеко превосходит нынешний кирпич. Каким способом этот народ приготовлял кирпич, неизвестно, но, вероятно, долгим опытом он нашел этот способ, благодаря которому из теперешнего кирпича только так называемый «железняк» может сравниться с ним, хотя этот ископаемый кирпич не обливной, а обыкновенный сортовой кирпич. «Мамайский» кирпич, как видно, выделывался на месте, и самое существование древних кирпичных заводов в этой местности устанавливается остатками горнов и громадными кусками сплава (шлаки), служащего характерными признаками обжигания. Кроме «строительного» кирпича, выделывался и кирпич отделочный, вставлявшийся, вероятно, в карнизы и пр., так как у него одна сторона глазированная, а остальные несколько срезаны. Зеленый цвет глазировки этого кирпича замечательно сохранился, и самая глазировка на некоторых кирпичах даже не потрескалась. Строительный кирпич имеет форму квадратных плит в 5 вершков и толщины несколько больше вершка.

Благодаря разграблению этих развалин, начавшемуся более ста пятидесяти лет тому назад, со времени поселения здесь русских, теперь нельзя определить без тщательных раскопок ни характера бывших построек, ни бывшей в употреблении посуды, но несомненно, что здесь выделывалась гончарная посуда и эти гончарные изделия были высокого качества, судя по немногим кускам, попадающимся в развалинах. О необыкновенной их прочности могут свидетельствовать громадные глиняные кувшины, находимые в развалинах, служившие для сохранения вина.

О количестве оставшегося в развалинах кирпича можно судить уже по тому, что в селах Покойном, Прасковее, Бургон-Маджары и гор. Св. Креста значительная часть домов построена из этого кирпича, в Св. Кресте даже построена из него армяно-григорианская церковь. Основанный лет 15 тому назад среди этих развалин Воскресенский монастырь также воспользовался этим прекрасным материалом, но, несмотря на все это, и теперь осталась его целая масса. Все, кто только желает, выкапывает этот кирпич для собственных надобностей и, удивляясь его прочности и замечательной пригодности, не только не помянут с благодарностью тех неведомых тружеников, трудами которых они теперь пользуются, но даже и кости их разбрасывают по поверхности, забирая кирпич и грабя могильные склепы.

Повсюду разбросаны в развалинах кости некогда живших здесь людей; часто целыми кучами выброшены они из могил, и никто не подумает собрать их и снова уложить в землю или, по крайней мере, не выбрасывать из могилы.

Среди развалин встречается много гробниц — могил, выложенных сырцовым кирпичом, также прекрасно сохранившимся, благодаря необыкновенной крепости этого кирпича. Натыкаясь на такие гробницы, жители забирают все, что находят на скелетах: бусы, кольца, – а самые кости беспощадно выбрасывают наружу, так что во многих местах эти развалины представляют смесь кирпича, ломаных костей и глины.

Нельзя не отнестись с большим порицанием и негодованием к подобным поступкам теперешних жителей, которые с таким пренебрежением относятся к этим «мамайским» покойникам, как они называют

их, предполагая в них не христиан, хотя это предположение требует еще доказательства, и, наоборот, есть много оснований думать, что тут было в значительном количестве и христианское население.

Судя по рассказам находивших целые скелеты, видно, что хоронили в полусидячем положении, с руками протянутыми вдоль корпуса.

Осмотренные нами склепы на монастырской земле имеют в вышину 1 ¼ арш., в ширину 15 вершков. Форма склепа — гробовидная; склеп имеет кирпичные стенки — в вышину одного кирпича, а крыша его образовывалась наклонением более длинных кирпичей, причем промежутки закладывались снова кирпичами меньшего размера. Вероятно, такой сырец изготовлялся специально для этой цели, так как величина его значительно больше жженого кирпича. Но, судя по другим могильникам, виденным мною в других местах, употреблялся для могил и обыкновенный жженый кирпич. Надо предполагать, что хоронили и без склепов, так как в некоторых местах развалин кости видны лежащими прямо в земле. Судя по положению как склепов, так и этих могил, можно подумать, что покойников клали головой на запад, хотя с некоторым уклонением от нашего направления к северу.

Никаких предметов погребального культа в могилах не найдено.

Могилы и склепы очень хорошо видны на монастырском участке в углублении, образовавшемся от вынутой земли для предполагавшейся здесь церкви, ныне оставленной. Находимые здесь камни свидетельствуют об обычае ставить на могилах памятники: на некоторых прекрасно сохранились надписи и украшения. Памятники, имеющие надписи, сделаны из очень крепкого не местного камня и хорошо отделаны. В настоящее время такой камень добывается близ города Пятигорска на расстоянии 120—130 верст от этого места. Форма этих намогильных камней, судя по уцелевшим, виденным мною кускам, это доска от ¾ до 1 арш., верхняя часть которой выдается углом; края плиты хорошо обтесаны. По насечкам с задней стороны камня надо думать, что работали острыми клевками, какими теперь работают каменщики-персияне, а не русской киркой. Большого размера плиты разделены полосками на три части: рисунок, надпись и рисунок, а у меньших все отделения заняты надписями, но задняя часть представляет или арабески, или изображение, вероятно, мечетей и минаретов или других построек.

Совершенно случайно в одной из усадеб вблизи этих развалин удалось мне обнаружить огромную плиту, положенную у порога. Плита — из камня, добываемого ныне близ села Новоселец, в 50 верстах от того места. На одной стороне этой плиты, по поднятии ее, обнаружен высеченный на ней гроб. Уцелевшая часть плиты имеет в длину 25 вершков и в ширину 1 ¼ аршина, причем гроб начинается на ¼ от края плиты. Вся остальная верхняя часть плиты увезена в другое место, и мне не удалось ее найти, но на имеющейся части длина гроба 21 верш., в шир. 5 верш., в вышину 2 ½ верш., в нижнем конце, а в верхнем конце в ширину 7 верш., в вышину 4 верш. При этом верхняя часть гроба плоская, далее края спущены и наклонно идут к основанию, так что вся фигура имеет вид 6-угольника. На данной части плиты надписей нет, но имелись ли они на остальной части — сказать нельзя, хотя, по уверению очевидцев, на той части в конце гроба было изображение головы.

Можно с уверенностью сказать, что эта намогильная плита, с высеченным на ней гробом, положена была в память христианского покойника.

По рассказам, на берегу реки Кумы, в нынешнем саду Арзамановых, были найдены в 50 годах металлические кресты, по размерам приблизительно такие же, какие у нас употребляются при богослужении, а это, в связи со свидетельством архитектора Алексеева, видевшего здесь в 1837 году развалины церкви с изображениями святых на стенах, вполне устанавливает существование христианства в древних Мажарах.

В одной из могил, где был найден скелет, очевидно, женщины (так как крестьянка, нашедшая его, принесла мне и снятые со скелета бусы), найден был кусок гипса, но с какою целью он был положен туда, неизвестно. Находимые в могилах бусы частью литого стекла, а частью мозаика. Из числа бус обращают на себя внимание бусы с пестрыми глазками; подобные бусы были найдены г. Синицыным в раскопках Жареного кургана на Волге. В курганах южного приладожья найдены стекловидные бусы, вполне сходные с первыми найденными мною здесь бусами, что подтверждает предположение г. Брандербурга, что эти украшения шли с востока и были предметом торговли (Отчет Археологической комиссии за 1893 год).

Древний ритуальный камень в экспозиции Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Не подлежит сомнению, что здесь жил народ очень зажиточный, так как и теперь еще, несмотря на 150-летнее разграбление, находят множество монет различных народов — преимущественно арабские, персидские и др. народов, и монеты времен магометанства. Особенно обращают на себя внимание монеты под №№ 1 и 2, так как совершенно тождественные с ними найдены в раскопках близ Керчи в горе Митридат, что несомненно указывает на общение жителей Мажар с побережьем Черного моря, Босфорским царством. Надписи на приводимых монетах и плите разобраны благодаря любезному содействию ученого муллы г. Нуцалова, и на одной из серебряных монет (без дырочки) значится: «Зобра Али-ханъ», т.е. чеканена при хане Али, 267 г., на другой он читает Атель-хан. Так как остальная надпись на этой второй монете не поддается разбору, то делать какие бы то ни было заключения нельзя, но если верно прочитано слово «Атель», то это имеет важное значение. Слово «Атель» делает указание на город Атель, принадлежавший хазарам и находившийся близ устья реки Волги, где первоначально и обитали хазары. Имеющиеся на монетах этих отверстия указывают на то, что уже в то отдаленное время они носились как украшения, а это свидетельствует о их древнем происхождении, так как они в таком виде и найдены в могильнике. Над-

пись на найденной мною плите означает 749 г., но определить, какого летосчисления, не представляется возможности.

Среди развалин можно еще хорошо определить улицы и переулки, и первые шли на северо-восток и как бы направлялись к реке Куме; имеющаяся на монастырской земле среди развалин довольно глубокая канава указывает, что вода была проведена из р. Кумы, причем, надо полагать, что вода у реки поднималась, так как самые постройки лежали на плоскости на 5—6 саженей выше уровня воды. Служила ли канава для снабжения питьевой водой, сказать нельзя, точно так же как и то, шла ли вода по трубам или по самой канаве; хотя, судя по довольно обрывистым берегам канавы и ее величине, надо предполагать второе. Вероятно, канава была выложена кирпичом, тем более что труб не найдено, а по рассказам жителей, находили канавы, выложенные кирпичом. Старики уверяют, что около этого места от развалин к реке Куме шла широкая лестница, выложенная большими белыми и изразцовыми плитами и такими же барьерами, но все это расхищено.

Древний ритуальный камень в экспозиции Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Справедливость этого подтверждается словами покойного секретаря Ставропольского статистического комитета И.В. Бентковского, который мне лично говорил, что видел в 70-х годах в сел. Покойном такую плиту, величиною в арш., и слышал об этой лестнице. Вероятно, и теперь можно найти еще эти плиты, которые крестьяне, как и другие находки, вделывают в свои печи и из предосторожности, боясь ответственности, замазывают их глиной и забеливают. В последнем я лично убедился в хате одного крестьянина, который по приятельству открыл мне этот секрет: он взял мокрую тряпку и ею потер верхнюю часть своей печи, на которую я до этого совершенно не обращал внимания, и тут только я увидел целый ряд «мамайских» отделочных кирпичей, вставленных в карниз печи, прекрасная зеленая глазировка которых выглядела совершенно свежею.

Насколько представляли интерес эти остатки древнего города, видно из того, что даже в законодательном порядке сделана была попытка охранить их: строго запрещалось добывать этот кирпич, но, конечно, одного запрещения было мало, и все, что можно было, теперь расхищено на постройки.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в развалинах близ села Бургон-Маджары кирпич несколько отличается от такого же кирпича на монастырской земле: он гораздо краснее и несколько тоньше, хотя такими же плитами, зеленый же кирпич один и тот же, хотя возможно, что изменение это от времени. Здания, очевидно, штукатурились, или, по крайней мере, внутренние помещения имели лепные карнизы и, судя по найденному мною куску, для этого употреблялся чистый гипс, смешанный с мукою, что делало его необыкновенно легким. Карниз имеет вид вафельной доски, выпуклый и, судя по обратной стороне, был на дереве. В постройках употреблялся и камень, но для полов и выстилок. У того же покойного Бентковского я видел доставленные ему из развалин Мажар в 1885 году часть каменной колонны и кусок каменной чашки хорошей работы, но где в настоящее время эти находки, мне неизвестно.

Характерно, что среди этих развалин найден ручной жернов, тогда как при такой культуре несомненно должны были существовать мельницы. Такие ручные жернова до сих пор в употреблении у местных кочевых инородцев, трухмен и ногайцев.

Около селения Бургон-Маджары в одном из курганов найдены следы постройки, вероятно, двухэтажной, с подвальным помещением, так как оно имело необыкновенно прочные стены, а пол выложен был каменными плитами. Жители предполагают, что постройка эта — остатки бывшей церкви, так как старики, лет 60 тому назад, видели будто бы здесь еще стены с изображением икон.

Все постройки древнего города шли как по высокому берегу Кумы, так и по лугу, который в настоящее время заливается водой и в некоторых местах представляет болото. В одной из ям на монастырском участке, где, надо предполагать, был кирпичный завод, вода в колодце, вырытом в настоящее время, стоит всего на 2 арш. от поверхности, хотя, судя по развалинам построек, в то отдаленное время вода не могла быть так близко.

Все эти сведения собраны мною на месте путем расспросов и осмотра развалин, без всяких раскопок, и предметы добыты у жителей, находивших их при разных земляных работах. Но несомненно, что раскопки дадут весьма ценный материал для изучения бывшего здесь населения, и их необходимо произвести скорее, иначе все погибнет. Влияние этого древнего города распространилось на значительное пространство, так как тождественные с «мажарскими» («мамайскими») кирпичами найдены мною в разрытых жителями могильниках близ сел. Падинки, близ сел. Берестовки, на хуторе Безменова и близ Ставрополя, — это в расстоянии 200 верст от Мажар. Что касается названия этого города «Мажары», то покойный Бентковский слово «Маджары» читает «Мадьяры» (Madyar) и думает, что здесь жили венгры, но местные жители называют «мажары», а народ «мажарцами», и такое название удержалось и на старых картах в названии «северомажарская дача», почему догадка Бентковского может быть и не верна, тем более что произношение Ж как ДЖ (Маджары) возможно объяснить влиянием поселившихся здесь в 1799 году армян, образовавших гор. Св. Креста, которые действительно называют «Маджары», тогда как русское население говорит «Мажары». Нынешнее название села Бургон-Маджары дано было Екатериной II, которой, по преданию, было доставлено прекрасное вино, выделывавшееся уже в то время русскими жителями Мажар, притом настолько хорошее, что напоминало бургонское.

Судя по всем имеющимся в Мажарах письменным свидетельствам, необходимо прийти к заключению, что это был хазарский город. Так он называется в истории г. Дербента, где упоминают (VIII в. до Р.Х.) Большие и Малые Мажары, что подтверждается и развалинами около Св. Креста и около села Бургон-

Маджары. В 1282 и 1231 годах упоминают о Мажарах как о значительном городе Абдул-Газы-хан и Абдулфеди, а в наших летописях под 1319 годом занесено, что замученный Ханом Узбеком русский князь Михаил Тверской был привезен в Мажары по дороге в Москву. Мажары, по словам летописца, был торговый город, в нем жили русские и была православная церковь, в которую купцы, узнав о прибытии тела убитого князя, хотели поставить его, покрыв дорогими коврами. По преданию, каменный сарай, в котором остановились пристава, сопровождавшие тело убитого князя, находился как раз над Кумою неподалеку от того места, где впоследствии возник город Св. Креста, и на этом месте в 1889 г. построен Воскресенский Мамай-Мажарский монастырь. Эти указания на принадлежность Мажар хазарам нисколько не противоречат данным истории о поселении «хазар», которые, по словам истории Карамзина, обитали на западной стороне Каспийского моря, называвшегося Хазарским, в степях астраханских. Хазары были сильный народ; они вели успешные войны с персидским царем Хозроем. В VII веке коганы их играют видную роль в истории Византии и покоряют себе земли от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Босфор и большую часть Тавриды, несколько веков называвшейся Козарией. Первоначально коганы их жили в Ателе — богатой и многолюдной столице, основанной близ устья Волги. Хазары имели города и старались их украшать, требуя искусных зодчих от греческого императора Феофила. В VIII веке они приняли иудейство, а в 858 году — христианскую веру.

Таким образом, все пространство Северного Кавказа от Каспийского до Азовского и Черного морей было местом, где жил и действовал некогда народ, достигший высокого развития и погибший в водовороте грозных событий исторического уклада народов; его торговые караваны, учреждения и стоянки, несомненно, шли по всему пространству нынешней Ставропольской губернии, и тут же на реке Куме был центр этой древней, несомненно, бойкой жизни. Здесь были Великие Мажары, память о которых живет до сих пор, несмотря на то, что самый народ исчез с лица земли. С большим основанием можно думать, что хазары погибли в тот период, когда они были христиане, и падение их надо отнести ко времени пришествия татарских орд с Чингис-ханом (1224), который пришел через Кавказ и прежде всего обрушился на хазар при проходе вдоль Каспийского моря на север. А второе нашествие (1238) и утверждение Золотой орды на берегах Волги и на Кавказе, близ Дербента, окончательно уничтожило этот некогда выдающийся народ, просуществовавший 700 лет. Только беспощадное истребление и разрушение, которому предавали все татары и пришедшие с ними орды, разлившиеся по Северному Кавказу, уничтожили в нашем крае следы влияния этого высококультурного народа древности, но тем не менее тщательные изыскания и раскопки дадут большие указания для истории прошлого нашего края, связанного с именем этого исчезнувшего народа. Смотря на эти развалины, заполненные прекрасным кирпичом, и окружающие их ныне крестьянские постройки из самана (земляной кирпич-сырец), крытые соломой, невольно приходится сознаться, что немного мы дали краю почти за 150 лет его нахождения под нашим господством. А путешественники XVIII в. Паллас и др. видели на месте нынешних развалин Мажар многочисленные кирпичные здания и обширные намогильные мавзолеи. Громкое прошлое погибшего народа призывает исследователя, а продолжающееся разграбление заставляет не медлить с производством правильных изысканий.

Текст печатается по изданию:
Прозрителев Г.Н. Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1906. — Т. 1.

Г.Н. Прозрителев. **Казанский кафедральный собор в Ставрополе-на-Кавказе***

На том месте, где в настоящее время стоит Ставрополь, в северо-западной части возвышенности, была расположена казачья станица. Нынешние Станичная и Хоперская улицы указывают на место нахождения этой станицы, центром которой был нынешний Нижний базар, где и стояла казачья церковь Казанской Божией Матери. О времени возникновения этой станицы, а тем более первого поселения на этом месте, сведений не имеется, хотя известно, что первые переселенцы были из Донской области, с реки Хопра, хоперские казаки.

С учреждением города и возрастанием городского населения потребность в казачьей станице как сторожевом пункте становилась все меньше и меньше, тем более что построение крепостей на Моздоке и по Кубани служило достаточным оплотом против вторжения закубанских горцев. Естественно, возникла мысль о переводе Ставропольской станицы в другое место. Мысль эта возникает вслед за построением Ставропольской крепости, тем более что всего в 35 верстах от Ставрополя имелась солидная крепость Темнолесский ретраншемент, построенный собственно Суворовым.

Нежелание вызвать неудовольствие казаков, много послуживших в деле водворения русских на Ставропольской возвышенности, останавливало приведение в исполнение этой мысли. Но с учреждением города и обилия гарнизона крепости дело приняло решительный оборот. А тут присоединились неудовольствие и ряд столкновений городских обывателей со станичниками из-за базара, из-за водопоя в горе (нынешняя Соборная гора), из-за камыша, росшего по горе и по речке Ташле, и пр.

В связи с этим стоял и вопрос земельный, наделение города землей, чего при существовании станицы сделать было нельзя. К тому же, заградив крепостями ход закубанским народам, правительство оставляло промежутки незаселенными, для чего и могли служить новые казачьи станицы.

И вот в число к намеченным переселению попали и казаки Ставропольской станицы, окончательно выселенные в станицу Суворовскую ближе к Бештаокумским черкесам.

Несмотря на нежелание казаков оставлять ставшие для них родными места, переселение совершилось в 1825 году без особых осложнений, под угрозой пушек, стоявших в Ставропольской крепости на нынешней Соборной горе, господствующей над всей северо-западной частью города.

В 1838 году казаки окончательно перевезли с собой церковь Казанской Божией Матери, стоявшую на Нижнем базаре.

Все пространство бывшей станицы присоединено было к городу, и обыватели приобрели казачьи дома, купив их за бесценок.

С уходом станицы и перенесением церкви горожане почувствовали значительное неудобство, так как в то время в Ставрополе была только одна церковь, Троицкий собор (Старый собор).

Значительная растянутость города с его тремя слободками, 1, 2 и 3 улицы (Михайловская, Александровская и Барятинская) от р. Ташлы и до р. Мутнянки составляла большое неудобство как в посещении церкви, так в требо-отправлении, а потому у жителей возникает желание построить церковь ближе к окраинам, каковою и была в то время нынешняя Соборная гора.

Недостаток в церквях чувствовался давно, еще в 1816 году горожане в память избавления города от «повальной болезни» решили построить церковь во имя Св. Николая, но по недостатку средств, продолжительному неурожаю, намерение это не было приведено в исполнение до 1841 года.

Существование казачьей церкви отчасти пополняло этот недостаток и также способствовало отложению постройки церкви, хотя эта самая казачья церковь давала массу поводов для столкновения горожан с казаками и последние жаловались, что их «совсем от церкви мещане оттерли».

Архив нам сохранил и споры духовенства той и другой церкви между собой из-за совершения треб. Духовенство Троицкого собора неоднократно жаловалась в Консисторию на то, что причт казачьей церкви совершает требы между городскими жителями и тем уменьшает их доходы. Были случаи столкновения духовенства между собой.

Дело в том, что долговременное совместное сожительство городских мещан с казаками породило родственные и дружеские отношения межу ними, что имело значение и для духовенства казачьей станицы. В силу тех или других причин это духовенство приглашали к себе горожане, обращаясь к ним как к более доступным, нежели «соборяне», и за требами. Вот тут и начинались недоразумения и пререкания. А так как духовенство казачьей церкви было в ведении военного начальства, то оно имело у себя значительную поддержку.

На Соборной горе в то время было уже интендантство и несколько домов обывателей. Здесь-то и облюбовали жители место для будущей церкви.

Ставропольский старожил чиновник И. Евсеев утверждает, что на месте, где теперь построен Казанский Кафедральный собор, в городе Ставрополе была построена деревянная церковь одним драгунским полком,[1] квартировавшим в Ставрополе и окрестностях его в исходе XVIII и в начале XIX столетия, которая при выступлении полка в поход, в Отечественную войну против французов в 1812 году, по описи была сдана полиции, в бытность городничим Гервальда. Через несколько времени по уходе полка церковь эта каким-то «секретным» образом одним купцом, временно проживавшим в городе Георгиевске, сломана, перевезена в Георгиевск и поставлена на тамошнем кладбище. По окончании войны драгунский полк снова был отправлен на Кавказ и, проходя через Ставрополь, увидел, что его церкви более не существует, и о том, куда девалась таковая, завел со ставропольской полицией переписку, которая продолжалась далеко за двадцатый год и окончилась без всякого результата. Купец, перевезший полковую церковь в Георгиевск, оказался давно умершим и следовательно, кто позволил перевезти ему церковь, узнать было невозможно .

По обстоятельствам того времени весьма возможно, что церковь драгунского полка и была продана ввиду ветхости и за отсутствием надзора за ней по уходе полка.

* Фотографию Казанского кафедрального собора см. на стр. 344 настоящего издания

Если даже Соборная церковь, бывшая в то время в Ставрополе, нынешний Троицкий собор, как доносил в 1800 году протоиерей, была в плачевном положении — «была выстроена непрочным делом... подвержена опасности от падения; от случающихся в зимнее время метелей, проходит сквозь стены снег, а в летнее время бывает от дождей великая течь, так что важнейшие вещи — престол и антиминс — бывают намоченными...», — то можно себе представить, в каком виде могла быть в то время оставленная церковь полковая, имеющая характер временной постройки. Объясняется продажа ее именно тем, что в тот момент это было имущество, никому не принадлежащее, которое могло подвергнуться расхищению. «Секрета» в продаже, конечно, не могло быть.

Что касается места нахождения этой церкви, то на существование ее указывает имеющийся и в настоящее время каменный крест во дворе Интендантства, в значительном расстоянии от нынешнего нахождения Собора, а следовательно, церковь эта и не могла быть на месте нынешнего Кафедрального собора.

Хотя постройка церкви в 1816 г. не была осуществлена, но мысль эта не оставлялась горожанами. В архиве Ставропольского губернского правления и Духовной Консистории сохранился ценный материал для истории возникновения нашего Казанского Кафедрального собора. Из дела 1841 года видно, что домогательство жителей только в 1839 году приняло благоприятный оборот. 15 февраля 1839 г. Святейший Синод разрешил построить каменную во имя Казанской иконы Божией Матери церковь, и 25 мая того же года были возвращены, утвержденные Синодом, план и фасад, составленные Комиссией, но на месте, где прежде стояла казачья церковь. Но дело постройки не подвигалось вперед «по обстоятельствам общества», как говорится в приговоре купеческого и мещанского общества от 16 ноября 1841 года.

Существенным препятствием к осуществлению задуманного жителями дела было именно избрание места. Еще в 1816 общество выбрало место «на горе» и думало построить церковь во имя Св. Николая, в память избавления города от чумы.

Но, очевидно, это место, как часть крепости, не нашли возможным дать горожанам, и разрешения не последовало.

С уходом станицы и переносом казачьей церкви вопрос о месте, казалось, разрешался сам собой, и разрешение, как мы видели, последовало на постройку церкви, но на месте старой казачьей и во имя Казанской Божией Матери, какой была старая церковь.

Между тем, желания горожан, купеческого и мещанского общества к этому времени были уже иные. Общества эти находили уже недостаточным проектированной раньше церкви, думали о расширении и мечтали все-таки об избранном ими раньше месте. И вот они в ноябре 1841 г. составляют новый приговор и, соглашаясь на постройку во имя Казанской Божией Матери, просят разрешения расширить ее двумя приделами и указывают на неудобства места внизу, где была казачья церковь.

В этом приговоре говорится: «1841 года ноября 16 дня Ставропольские купеческое и мещанское общества, быв в собрании в Градской Думе, имели совещание и по обсуждении сообразив обстоятельства, что со времени снесения в 1838 году казаками, переселенными начальством в станицу Суворовскую, бывшей в городе Ставрополе деревянной церкви во имя Казанской Божией Матери, все вообще граждане, а особенно живущие в предместиях города, быв отдалены жительством от оставшегося в целом городе одного Св. Троицкого Собора, встречают невозможность особенно в ненастную погоду бывать во храме, и с удобностью принимать в нуждах необходимые христианские требы; что с ходатайства Градской Думы от имени их общества по представлении Новочеркасской Духовной Консистории Святейший Правительствующий Синод разрешил построить в городе Ставрополе церковь по составленным Комиссией проектам, смете, плану и фасаду, препровожденным из оного в Консисторию, а от оной чрез местного благочинного в Градскую Думу 25 мая 1839 г.; что по сим планам и фасадам построение церкви еще поныне не начато по обстоятельствам дел сих обществ, что место, на котором существовала свезенная казаками церковь, по тесноте своей, грязному в низменности положению неудобно к построению по утвержденным плану и фасаду великолепного храма и отстоит оное от Святого Троицкого Собора ближе ста сажень, чем самым устроение на оном церкви не принесет существенной пользы отдаленным прихожанам; место же для построения храма во имя Святителя Николая избрано обществом еще в 1816 году во время бедственного положения города от существовавшей заразы, начальством утверждено и до двенадцати тысяч рублей ассигнациями на построение оного составилось временами суммы: потому в отвращение всех объясненных неудобств, для доставления всем вообще жителям и других отдаленных мест от собора лучшего удобства приходить в храм для богомолия, а вместе с тем ради увековечения священной памяти посещения города Ставрополя Всеавгустейшим Монархом в 1837 году октября 16 числа во изъявление душевно верноподданнической преданности Всемилостивейшему Государю Императору всех жителей города Ставрополя и самого ради украшения города, общество купеческое, мещанское положили: предоставить Градской Думе испросить от местного главного начальства разрешения к построению церкви во имя *Казанския Божия Матери* на том месте, которое избрано под постройку храма во имя Святителя Николая, по утвержденному плану и фасаду; украсив сию церковь двумя приделами: во имя Святых Николая Чудотворца и Александра Невского, на месте же свезенной казаками церкви, где был святый престол, построить приличной архитектуры большую часовню для иконы».

Опасаясь, очевидно, новой затяжки дела, приговор добавляет: «Желая скорее достигнуть священнослужения в предполагаемом сем новом храме, просим Градскую Думу в возможной скорости постараться освятить место и приступить к постройке. Несомненно надеются общества, что Градская Дума не оставит озаботиться скорее испросить на сей приговор утверждения Его Превосходительства господина генерала-адъютанта и кавалера Павла Христиановича Граббе; а о приделах с престолами во имя Святителя Николая Мир-Ликийского Чудотворца в 6-й день декабря и Александра Невского в 30-й день августа празднуемых кому следует предоставить. Вместе с тем купеческое и мещанское общества, желая взаимного на предполагаемую постройку согласия дворян и чиновников, предостав-

ляют Градской Думе испросить таковое от них посредством Ставропольского Коменданта господина полковника и кавалера Масловского».

Следуют подписи. Первой стоит подпись Игната Волобуева, неграмотного.

На приговоре имеется надпись, что он в ставропольской Градской Думе явлен и в книгу под № 20 записан. Подписали: городской голова Никита Плотников, гласный Андрей Иванов и письмоводитель Смоковский.

На этот раз ходатайство городского общества было более удачным, на сторону общества стал окружной начальник полковник Масловский, принимавший и впоследствии деятельное участие в этом деле.

Масловский в представлении своем Начальнику Кавказской области 18 ноября 1841 года просит удовлетворить желание общества и, прибавляя, что выбор этого места «был утвержден начальством» и на месте этом «был поставлен крест на горе», говорит, что опрошенные им местные дворяне и чиновники тоже одобрили выбор общества.[2]

От какого начальства последовало это «утверждение» в 1816 г., ни в представлении Масловского, ни во всем деле указаний нет, но, вероятно, у Масловского было основание для такого утверждения.

Представление Масловского имело большое значение.

С полным сочувствием отнесся к ходатайству городского общества и Начальник области Павел Христианович Граббе, с особенной поспешностью отправивший (22 ноября) ходатайство к архиепископу Новочеркасскому и Георгиевскому Афанасию. В то время Кавказская область была причислена к Новочеркасской епархии.

Граббе так горячо взялся за это дело, что, не дожидаясь, пока будет разрешаться вопрос о «месте» в Новочеркасской Консистории, он, ознакомившись с желанием общества, озаботился немедленно изготовить проект и фасад здания и сообщил Градской Думе для одобрения. Такая поспешность имела громадное значение и этими первыми шагами, положительно можно утверждать, был обеспечен дальнейший ход дела.

В своем письме к Преосвященному Афанасию Граббе прямо говорит, что «избранное обществом место на горе, между Гостиным рядом и комиссариатскими зданиями по положению своему есть самое благоприличное для храма и к допущению на нем постройки препятствий не встречается».

Граббе положительно утверждает, что сооружение церкви желательно и ходатайство общества он находит «весьма уважительным».

А так как первый проект ввиду предполагаемых двух приделов требует изменений, то он и представляет известного художника Дурнова новый план и фасад, на который и общество изъявило согласие.

Граббе говорит далее, что он готов даже принять на себя личное ходатайство в Петербурге, куда он должен был ехать, но просит только согласие и благословение Преосвященного.

Письмо это со всеми документами было отправлено Преосвященному с нарочным.[3]

В конце письма Граббе просит даже, чтобы закладка церкви была совершена 6 декабря, в день тезоименитства Государя.

Несомненно, что такая могущественная поддержка должна была оказать влияние на ход дела.

Архиепископ Афанасий спешно приказал Консистории рассмотреть дело и в письме от 28 ноября говорит, что он лично согласен на сооружение на означенном месте по вновь проектируемому плану, но что до отмены прежнего Святейшим Синодом он благословения на закладку дать не может и вполне одобряет личное ходатайство Граббе в Петербурге.

Взявшись с энергией за это дело, Граббе воспользовался своим пребыванием в Петербурге и подал всесильному тогда графу Протасову (21 января 1842 г.) записку, в которой подробно излагает обстоятельства дела, просит исходатайствовать разрешения Святейшего Синода на постройку и добавляет, что «прежнее место в части города, называемой станица, тесно, грязно, закрыто обывательскими домами и слишком близко к Троицкому Собору и потому не принесет пользы отдаленным прихожанам».

Нельзя не признать, что лучшего места для постройки Собора нельзя было найти, и ставропольцы должны с признательностью помянуть имя Павла Христиановича Граббе, своим влиянием отстоявшего его для Ставрополя.

Только благодаря Граббе так долго тянувшееся дело могло принять такой счастливый оборот и увенчаться успехом.

Граф Протасов лично доложил Государю об этом деле, и на его доклад Николай I написал: «Согласен, но фасад переделать А. Тону или Брюллову».

Конечно, о большем и не мечтали ставропольские граждане, и 6 марта 1842 года было объявлено им о таком высочайшем благоволении.

Обрадованные ставропольцы в то же время, вероятно, пугались стоимости предстоящей постройки, если проект поручается таким известным художникам.

Хотя прямых указаний на это в деле и нет, но тот же благодетель Граббе снова пишет графу Протасову, благодарит его и просит оказать благосклонное содействие к ускорению составления проекта, чтобы можно было с весны приступить к постройке, и прибавляет, что, при всем усердии жителей, они не могут пожертвовать более 100 тысяч рублей, о чем желательно сообщить гг. архитекторам для соображения при составлении проекта.

24 мая 1842 года было объявлено ставропольскому обществу, что составленный проект профессором Академии Художеств Александром Тоном утвержден Государем и гражданский губернатор Сотников вместе с этим приглашает общество составить Комитет по постройке и представить об этом приговор.

11 июля 1842 года была получена от архиепископа Афанасия храмозданная грамота и исполнение по ней поручалось протоиерею и благочинному Крастилевскому, которому 30 июля вручена грамота окружным начальником Масловским.

Храмозданная грамота. «Божиею Милостию Смиренный Афанасий Архиепископ Новочеркасский и Георгиевский.

По указу из Святейшего Правительствующего Синода и по власти, данной нам от великого Архиерея Нашего Господа Иисуса Христа, благословляем мы, по прошению паствы нашей Кавказской Области города Ставрополя, прихожан, соорудить в сем городе каменным зданием во имя Казанской Божией Матери, с двумя пределами с одной стороны во имя Святителя и Чудотворца Николая, а с другой Св. Александра Невского, новую церковь. Но вступить в начинание сие с испрашиванием помощи Вседержителевой с тем, чтобы храм тот устроен был по плану с фасадом, составленному Профессором Императорской Академии Художеств Александром Тоном и утвержденному Его Императорским Величеством,

прочною и доброю архитектурою и всем нужным и пристойным снабжен, Алтарем на Восток, по обычаю Восточной Греко-российской церкви, и Алтарь тот был бы не тесен и не темен, и престолы как в настоящем Храме, так и в приделах вышиною в аршин шесть вершков и содскою, а шириною и длиною по мере Алтаря под надзором местного Благочинного, Священнослужителей, старосты церковного, почтеннейших прихожан и по распоряжению Архитектора, или другого сведущего по строительной части лица; для чего по чиноположению строение оного Храма на удобном месте заложить, потом отрапортовать нам имеет местный Благочинный. Когда же оный Храм устроен, благолепным иконостасом украшен и как сосудами серебряными, так и ковчегом, дароносицею и крестом напрестольным и прочими всеми вещами по благопристойности неоскудно удовольствован будет, равно ризницею из шелковой материи, книгами, всем тем, что нужно для Св. Храма, по всем том нам от ведомственного Благочинного донесено будет, с приложением описи имущества того Храма, тогда и об освящении оного Благословение воспоследует. Дана сия грамота за подписанием нашим и за печатью Новочеркасской Кафедры в богоспасаемом городе Новочеркасске в доме Нашем. Июль 11 дня 1842 года».

Таким образом, все необходимое было добыто и оставалось приступить к постройке.

Но ревностно принявшемуся за это дело Павлу Христиановичу Граббе не суждено было видеть осуществление начатого им и с таким настоянием веденного им дела.

19 мая 1843 года вступил уже новый Начальник области генерал-лейтенант Гурко.

К этому времени в жизни Кавказской области произошли большие перемены. Кавказская область с Черноморией были выделены в особую епархию, и в Ставрополь 10 апреля 1843 года прибыл первый епископ Иеремия, наименованный Кавказским и Черноморским.

И вот новый начальник области генерал-лейтенант Гурко объявляет окружному начальнику, что «с учреждением епархии дело о постройке церкви Казанской Божией Матери в Ставрополе не может подлежать иному ведению, кроме духовного, о чем надлежит объявить городскому обществу, причем, — прибавляет начальник области, — от Преосвященного они должны ожидать назидания и благословения, все же распоряжения об устроении церкви предоставляются собственному граждан усердию и попечению, а со стороны областного начальства будет только наблюдение за правильностью постройки, с полной готовностью содействовать успешному совершению богоугодного предприятия».

Таким образом, общество предоставлялось собственным силам в отношении средств на постройку, а это было крайне тяжело для него по тому времени.

По распоряжению Начальника области сняты были копии с плана и фасада для Строительной Комиссии, а подлинные отправлены Начальнику области.

С уходом П.Х. Граббе дело постройки замедлилось и, как видно из отношения Преосвященного Иеремии от 3 июля 1843, ничего не было сделано до этого времени, для составления Комитета «никакого почти не сделано начала».

Иеремия прибыл в Ставрополь 10 апреля 1843 года, и подвинуть постройку церкви было первым его делом.

Он обращается 29 мая к окружному начальнику Масловскому и просит его принять на себя работу старателя по сооружению.

Но так как Масловский, находясь на службе, не мог этого сделать без разрешения начальника области, то Иеремия просит генерал-лейтенанта Гурко разрешить Масловскому принять на себя эту обязанность.

Вслед за этим и городское общество (13 июля) просит о том же Масловского и в приговоре по этому поводу помощником назначает ему купца Корнея Чернова.

Вероятно, и в духовенстве были противники избранного для церкви места «на горе», так как в отношении своем от 15 июня Иеремия просит Начальника области об «освидетельствовании избранного для церкви места и о дознании удобства или неудобства его» и прибавляет просьбу прислать копию с «дела, первоначально веденного о храме, для епархиальных дел».

Это требование об осмотре было совсем неожиданным, так как о пригодности места не возбуждалось уже вопроса и не возникало даже никакого сомнения, тем более что градский голова уже просил разрешения Иеремии на освещение места для закладки храма 25 июня в день рождения Николая Павловича.

Возможно, что нежелание исходило от тогдашних «соборян», которые с устройством здесь нового храма теряли свое значение, и Троицкий собор обращался в обыкновенный приходской храм. А может быть, были и другие лица, недовольные избранным местом, но только начальник области «удовлетворяя такому требованию», как пишет окружной начальник, предписал областному архитектору Бернштейну освидетельствовать место, о чем и уведомил градского голову гражданский губернатор.

Все дело вместе с тем в подлиннике было отправлено Преосвященному Иеремии с просьбой возвратить по миновании надобности.

18 июня генерал-лейтенант Гурко из лагеря на рр. Бежгоне и Кефаре уведомил Преосвященного, что разрешает полковнику Масловскому заняться столь богоугодным делом, как дело постройки церкви.

22 июля 1843 года был составлен следующий акт: «1843 года июня 22 дня члены Кавказской области строительной Комиссии областной архитектор Бернштейн и поручик Шефлер при бытности ставропольского окружного начальника полковника и кавалера Масловского, ставропольского градского главы Плотникова, ставропольских почетных граждан: Волобуева, Стасенкова и купцов Ганиловского, Брацианова, Чернова, Волкова, Леонидова и Пахомова и депутата со стороны духовной Протоиерея Троицкого Собора Крастилевского — отвели и освидетельствовали место между Гостиным двором и комиссариатскими зданиями, на котором предположено построить каменную церковь во имя Казанской Божией Матери с двумя приделами. По освидетельствовании и испытании грунта земли отведенного места оказалось, что под верхним наносным слоем находится пласт песчано-глиняной земли, по наклонному положению этого слоя расстояние его от разных точек поверхности места изменяется от полутора до трех аршин, крепость и толщина означенного пласта позволяют основать на нем самые грузные строения, и потому значительных осадков, через которые могло бы сделаться повреждение в строении, как местных, так и общих, при правильном устроении фундамента быть не может, в чем и подписом нашим удостоверяем.

Областной архитектор Бернштейн, строительного отряда путей сообщения поручик Шефлер. Вышеозначенное освидетельствование и отвод под построение церкви земли произведен в присутствии нашем: комендант города Ставрополя и окружной начальник полковник Масловский, градской глава Никита Плотников, почетный гражданин Игнатий Волобуев, и по неграмотству с приказания подписал сын его родной Петр Волобуев. Почетный гражданин 1 гильдии купеческий сын Егор Стасенков, 1 гильдии купец Ганиловский, 2 гильдии купец Филипп Брацианов, 2 гильдии купец Корней Чернов, 3 гильдии купец Илья Прокофьев-Волков, 3 гильдии купец Яков Леонидов, 3 гильдии купец Петр Пахомов, а за неграмотного подписал Петр Павлов сын Шалавинов. Кафедральный протоиерей Константин Крастилевский».

24 июня гражданский губернатор Сотников пишет Преосвященному: «Сейчас получил донесение архитектора об освидетельствовании места, поспешаю уведомить Вас с препровождением акта и плана для дальнейших распоряжений по духовной части».

Очевидно, гражданские власти чувствовали неловкость своего положения вследствие неожиданного требования Преосвященного, так как дело прошло все инстанции и удостоилось высочайшего соизволения, а потому посмотрели на это требование как на ненужную затяжку, и торопились покончить с этим, делая намек Преосвященному, что посылают ему этот акт для дальнейших распоряжений *по духовной части*.

Таким образом, первые шаги Преосвященного Иеремии в Ставрополе отмечаются некоторым обострением его отношений к властям гражданским.

Но надо сказать, что и в дальнейшей своей деятельности Преосвященный Иеремия не раз имел эти огорчения, как он горько жалуется в своих письмах и дневнике. В особенности серьезное столкновение произошло из-за раскольников (старообрядцев), следствием чего по представлению графа Воронцова было даже отделение ста станичных церквей от епархии и передача их в ведение обер-священника, что крайне огорчило Преосвященного.

Таким образом, еще раз этим актом осмотра была удостоверена пригодность и целесообразность избранного горожанами места для будущего Собора, и мы ныне, спустя 67 лет, только можем присоединиться к смелому и решительному заключению архитектора Бернштейна, вполне оправдавшемуся на деле прочностью здания Собора, не давшего за все время никаких дефектов.

Ободренное этим заключением комиссии Ставропольское городское общество из купцов и мещан 2 июля снова представило Преосвященному дополнительно к прежнему представлению договор, обеспечивающий постройку задуманной церкви, о чем Иеремия говорит в своем отношении к Начальнику области от 5 июля 1843 года. Общество горожан обязывалось: «собрать в течение будущих трех лет с каждого капитала купцов первой гильдии по 60 руб., второй гильдии по 40 руб., а третьей гильдии по 30 руб. серебром, с мещан же с каждого рубля, следующего в платеж казенных податей и прочих общественных повинностей, по 20 коп. серебром».

Усердие горожан, таким образом, не только не ослабевало, но, наоборот, увеличивалось, судя по значительности взятого на себя последнего обязательства.

К этому пожертвованию надо присоединить еще и пожертвование Градского Главы Никиты Михайловича Плотникова, который еще 11 июля 1842 года заявил Присутствию Думы, что он «в память умершего сына жертвует на постройку церкви «Казанской Божией Матери» с приделами Святителя Николая Чудотворца и Александра Невского 1000 руб. и на предположенную на старом кладбище во имя Успенской Божьей Матери — пятьсот рублей, сверх того, на пополнение общественного долга, изложенного в приговоре общества, состоявшегося 27 января 1841 года, на основании коего по недостатку общественной суммы сделан заем Градской Думы из разных сборов Сиротского Суда и церковных, коих общество хотя вышеписанным приговором 24 января 1841 года положило уплачивать в течение 6 лет, но и до сего времени еще такового долга нисколько не внесено, жертвует тысячу пятьсот рублей ассигнациями, каковую сумму вносить будет в течении 3 лет по разным частям каждый год по 1000 рублей, т.е. в три года три тысячи рублей, из коих Градская Дума половину должна обратить на постройку означенной церкви, а другую половину на пополнение общественного долга».

Наконец Преосвященный назначил день освящения места для храма 8 июля и уведомил начальника области, прося назначить для присмотра чиновника по искусственной части.

«Уведомляю Вас о сем, Милостивый Государь, и намереваясь 8 числа сего же июля совершить по чиноположению свят. церкви освящение места и основание храма, я долг имею покорнейше просить Ваше Превосходительство о распоряжении к назначению для надзора за производством работ чиновников искусственной части».

Достигли, наконец, ставропольцы своего заветного желания, и 8 июля 1843 года состоялась торжественная закладка храма, нынешнего Кафедрального собора на горе, на месте, которого они так долго добивались.

Строительным комитетом назначен был для надзора архитектор Бернштейн, о чем и было дано знать Преосвященному 26 августа. Таким образом, первые камни здания храма, его основа, были положены под наблюдением архитектора Бернштейна.

Но затем Преосвященный пишет в июле 1844 года, что до сведения его дошло, что Бернштейн уезжает на Минеральные Воды и просит о назначении нового начальника.

Комиссия назначает архитекторского помощника Славянского, о чем и состоялось постановление Комиссии 28 июня 1844 года.

На этом заканчивается «первоначально веденное дело о постройке церкви», которое, как видно из отношения Кавказской Духовной Консистории от 24 ноября 1844 года, и возвращено в канцелярию Общего управления Кавказской области.

В конце этого дела имеется расписка архитектора Ткаченко в получении высочайше утвержденного плана церкви, строящейся в Ставрополе, — «Казанской Божией Матери», 27 июля 1844 года.

Нельзя не отметить, что то неожиданное требование Преосвященного Иеремии, которое было указано выше, об освидетельствовании места, избранного для церкви, было, по-видимому, сделано не без причины.

Дело в том, что хотя и состоялось утверждение и последовало высочайшее соизволение на постройку церкви на этом месте, но уступки этого места, как части бывшей крепости, принадлежавшей военному ведомству, сделано не было.

Следовательно, в будущем возможны были недоразумения относительно принадлежности места. Предусмотрительный Иеремия своим требованием об освидетельствовании места достиг того, что только в это

время впервые состоялась формальная передача этого места городу, и составлен торжественный акт, приведенный выше, причем это место отмечено было на городском плане. Такого мнения о необходимости передачи места городу, вероятно, держались и в Градской Думе, так как деятельными участниками этой постройки были И.Н. Волобуев и градской голова Плотников, бывшие ближайшими помощниками Иеремии.

В этом отношении ставропольцы обязаны признательностью своему первому архипастырю, который, не увлекаясь благорасположением данного места, заглядывал и в будущее и был вполне прав, так как и теперь еще в Ставрополе не разрешен вопрос о принадлежности городу некоторых мест, занятых в прежнее время военным ведомством для своих целей, несмотря на то, что эти места фактически находятся во владении города.

С именем Преосвященного Иеремии для Ставрополя связаны и другие начинания: открытие Ставропольской духовной семинарии (1846 г. 13 ноября), открытие Консистории, постройка церквей при тюремном замке, при военном госпитале, при мужской гимназии и открытие Ставропольского женского монастыря, Иоанно-Мариинской обители, в память родителей Иеремии.

Иеремия пробыл на Кавказской кафедре и прожил в Ставрополе около 7 лет, и перемещен отсюда в Полтаву в конце 1849 года.

Итак, только через 33 года осуществилось заветное желание ставропольцев иметь у себя церковь «на горе». Те затруднения, которые горожане встречали на пути своего ходатайства, совершенно непонятны, и неудовлетворение их желания необъяснимо ни местными причинами, ни соображениями высшего начальства.

Это обстоятельство является тем более странным, что заботы правительства по отношению к нашей окраине, Северному Кавказу, и в частности к Ставрополю, всегда заключались в том, чтобы скорее этот край сделать доступным для водворения гражданского населения, сделать его краем мирным и отодвинуть театр военных действий возможно далее. Местные условия также требовали постройки новой церкви, так как существующей церкви, Троицкого Собора, было крайне недостаточно.

Церковь ставропольской казачьей станицы обслуживала нужды станичников, которых еще в 1795 году было 300 дворов, да и та в 1838 году была из Ставрополя увезена. Следовательно, оставалась небольшая церковь, Троицкий Собор, которая была крайне тесна.

А между тем еще в 1795 году приговором ставропольских мещан и купцов по поводу разрешения построить Троицкую церковь удостоверено, что в ставропольском Форштадте было 200 обывательских домов и 1225 д. о. пола.

К местным соображениям присоединялось и то, что горожане возымели желание построить эту новую церковь в память избавления от страшной эпидемии чумы, бывшей в Ставрополе в 1810 году и унесшей очень много народу.

И разрешения не давали, несмотря на все это.

Это странное отношение к нуждам населения при общей заботливости о водворении мира в крае замечалось и по отношению к постройке церквей в других пунктах Кавказской области.[4]

Существовали, очевидно, какие-то опасения, что население не в силах будет поддерживать церкви и духовенство, а может быть, были и опасения за прочность приобретения нового края. Но будущее не оправдало этой странной осторожности.

Постройка храма была закончена в 1847 году, и указом Святейшего Синода от 20 августа за № 9062 он был переименован в Кафедральный Собор, а 22 октября того же года состоялось освящение при торжественной обстановке.[5]

Существующая ныне при соборе колокольня сооружена по проекту архитектора Воскресенского в 1859—1860 году и при выдающейся высоте является одним из лучших сооружений этого рода на Кавказе.

Примечания

1. Таганрогским.

2. Упоминанием в представлении Масловского о кресте, поставленном на горе в 1816 г., на месте, избранном горожанами для постройки церкви во имя Св. Николая, разрешается, по-видимому, вопрос — к какому времени отнести и кем именно был поставлен крест, ныне находящийся на Соборной горе, в 5 саженях от здания Собора на востоке. По предложению И.П. Кувшинского, крест этот поставлен на пьедестал с надписью, что он «поставлен Суворовым». Но надобно заметить, что данных, подтверждающих указание Масловского, в деле нет, хотя, надо полагать, что общество в своем приговоре не преминуло бы сослаться на это обстоятельство.

При этом надо заметить, что указанный крест, как мы лично видели в 1880 году, был вделан в стену отдельно стоявшей от собора часовни, в наружной восточной ее стене, и в часовне всегда зажигалась лампада. Если бы этот крест обозначал избранное для церкви место, то оно и вошло бы в площадь постройки теперешнего собора и самый крест пошел бы в закладку фундамента, как это всегда делается, и не было бы надобности строить для него отдельную часовню и поддерживать неугасимую лампаду. А часовня стояла с восточной стороны Собора и в 5—6 саженях от него.

Точно так же нет никакого основания и для предположения И.П. Кувшинского, тем более, что и закладка крепости Ставропольской Суворовым не подтверждается, а строителем ее, как теперь точно известно, был полковник Ладыженский.

Ввиду этого надо полагать, что крест этот — один из древних крестов, находимых в разных местах Северного Кавказа, и нельзя не пожалеть, что, обмазав крест цементом, «реставраторы» сгладили все неровности и уничтожили все следы, а может быть, и надпись на нем, проливавшие свет на прошлое креста. Вследствие нахождения этого креста на данной возвышенности и крепость, а затем и город, получили свое название Ставрополь, т.е. город Креста.

3. В деле имеется предписание выдать подорожную на взимание почтовых лошадей нарочному купцу Ивану Волобуеву, командированному к архиепископу Новочеркасскому с планом и фасадом на предполагаемую в Ставрополе церковь.

4. См. «Возникновение церквей в Кавказской области» Г.Н. Прозрителева.

5. Дело Губ. Арх. 1847 г. № 1584.

Текст печатается по изданию:
Прозрителев Г.Н. Казанский кафедральный собор в Ставрополе-на-Кавказе // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1910. — Вып. II.

Г.Н. Прозрителев. **В дороге. По Ставропольской губернии в 1914 году**

I

...В высшей степени интересно заглянуть в настоящее время в наши села.

Мне пришлось сделать очень большой объезд по нашей губернии ранней весной настоящего года и теперь, после возникновения военных действий. То и другое наблюдение разделяются всего четырьмя-пятью месяцами, а какая громадная разница: едешь в данный момент и не верится, что это те же села, те же люди; все стало иное до неузнаваемости.

Приходится сталкиваться с самыми разнообразными людьми по положению и достатку.

— Здравия желаем, барин! — встретил меня знакомый сторож В... волостного правления. — Вы опять «архиву» следствовать приехали... Теперь сняли ее с чердака, сделали вам удовольствие... Да только время сейчас скрутное, не до ней... Тут одни бабы в осаду взяли...

— Почему?

— Да жалованье получают, ну с утра и до вечера с ними и крутимся.

Для того чтоб совершить свой длинный путь через четыре уезда, приходится прибегать к разным способам передвижения: и на почтовых, и на земских (обывательских), и на «вольных», и частью по «чугунке».

Всего менее интересные встречи на железной дороге, так как здесь публика сплошь довольствуется газетами, и настроение стоит в зависимости от той или другой газеты или прочитанной телеграммы.

Деревня совсем иное, в особенности места наиболее удаленные от центров. Сюда хотя и доходят телеграммы, рассылаемые земством, но все это с значительным опозданием и, конечно, не охватывает всей массы населения. В некоторых селах издаются даже собственные телеграммы, получаемые непосредственно от агентства, но тоже являются достоянием интеллигентной и более грамотной части села, а масса по-прежнему остается в значительной степени неосведомленной и довольствуется слухами.

Газеты также не пополняют сведений, так как они прежде всего малопонятны по своему содержанию и утомительны для малограмотного по своему объему.

— Мудрено, барин, пишут в газетах. Начнешь читать, собирается нас человек десять, а там такие слова, что и не выговоришь.

— Запнешься раз, другой; соврешь иное, что и сам не поймешь.

— Ну вот, компания и говорит: «Нет, ты, брат, Тарас, брось читать, а расскажи нам словами».

А чего же расскажу, когда я сам не разберу.

Пошли мы с одной газетой к писарю. Ну, он почитал, почитал себе под нос и говорит: «Это — перевод с иностранного, все равно не поймете». Так мы и ушли.

А больно было интересно написано.

Так говорил мне мой приятель, крестьянин очень толковый и развитой, но, к сожалению, малограмотный.

Да, надо признаться, что, несмотря на обилие газет, они мало проникают в массу благодаря своему языку, малопонятному для малограмотной части населения.

А интерес к печатному слову невероятный, даже среди самой темной массы. И не только интересуются тем, что касается их, но обсуждаются все вопросы внутренней и внешней политики: финансовый, экономический, рабочий вопросы, — словом, настоятельное желание сознательного отношения к явлениям государственной жизни.

В высшей степени разумное, трезвое и вполне сознательное отношение к военным событиям, требующим громадного напряжения и громадных жертв со стороны населения. Поражаешься той стойкости, с которой выносится бремя войны, тому необычайному подъему и гордому сознанию участия в великих мировых событиях.

Я хорошо помню войну 1877—1878 годов и тот порыв, который тогда охватил русское общество. Но то одушевление не может даже идти в сравнение с настоящим настроением, с настоящим величайшим проникновенным откликом всей, так сказать, толщи населения.

Это можно только объяснить сознательным отношением к переживаемому великому моменту.

У всех горе, но ни у кого нет слез, а слышно только: «надо прогнать», «надо идти», «надо пособить».

Народное самолюбие уязвлено, народ чувствует себя оскорбленным. И войска дерутся с ожесточением и самоотвержением, выражая гнев пославшего их народа:

— Не отдадим Варшавы, — кричали солдаты, идя в бой, и то же в умах всего населения от мала до велика в отношении Варшавы и всей России: прогнать немца — это приказ народа!..

Нельзя слушать без умиления размышления на эту тему даже самых заурядных представителей села...

Конечно, не без курьезов и среди такого общего разумного понимания.

Изучая памятники местной старины, осматриваю старое кладбище. Старая церковь, на паперти группа странников, больше женщины. Ожидают звона к вечерне.

Подхожу: оживленный разговор о войне. В руках у странника лубочная «боевая» картинка.

— Зачалась она с немца, — говорил наставительно странник, которого называли Яша.

Он, очевидно, возражал кому-то.

— У его заготовлена была вся снасть, даже мосты с собою возил и войска переправлял, а тут эти самые летуны — куда хочет, туда и войска доставит...

— Да с чего она зачалась, Яша?!

— А вот нам читали, что «она возгорелась», — запальчиво заговорила старушонка с котомкой за плечами.

Слушатели насторожились, и все в один голос заговорили:

— Кто возгорелась?!

— Да кто же?! Она самая и есть: Агельма ихняя, — так же запальчиво продолжала первая.

Это заявление произвело сильное впечатление на странников, и они даже ближе придвинулись к старушонке, повернувшись спиной к Яше.

Я заинтересовался.

Группа была человек в десять. Как видно, шли издалека.

Старушонка утерла края своих губ двумя пальцами и, помахивая в такт левой рукой, медленно продолжала:

— Как наш царь Александр Николаевич...

— Николай Александрович, — не вытерпел Яша и сердито поправил рассказчицу.

— Ты погоди, Яша, я сама дойду, — не смущаясь, ответила старушонка.

— Не перебивай! — сердито заметили Яше остальные странники.

— Как наш Царь, державный батюшка, — продолжала старушонка, — прикрыл казенку; не дам, говорит, водки, ни в жисть, ну «ей» конец и пришел... Как немцу без водки быть?

Она, Альгельма ихняя, и... загорелась... Так и читали: «возгорелась и стала война». Нутро у нее, значит, загорелось: «Давай, говорит, водки!».

А наш Батюшка: «Ни в жисть, ни капельки!»

Все слушатели облегченно вздохнули, видимо, довольные данным разъяснением.

Но Яша не мог успокоиться.

— Вильгельм ихний царь, а не Альгельма. Он войну и зачал.

Но Яшу не слушали, и каждый из слушателей стал припоминать случаи, как люди загорались от водки.

— Мой свекор, — говорила довольно молодая бабенка, — пил запоем, все, бывало, до нитки пропьет. А мамушка плачет. А ей бабки и скажи: «Не дай ты ему, да и все».

Она его и заперла. А он кричит: «Дай, горит у меня...». А она, — никак не дам, — говорит. — Ну он и помер — загорелся.

— Да, сразу никак нельзя оторвать — загорится, — подтвердили все в один голос.

Старушонка, видимо, торжествовала, а посрамленный Яша свернул картину и пошел в сторону.

— А далеко ли путь держите, люди божие? — спросил я.

— В Ерусалим, — ответила первая старушонка, — за время, пока турка войну не начал.

Раздался звон к вечерне, и вся компания двинулась в церковь, а я пошел смотреть каменного покойника, стоявшего на кладбище.

II

Неузнаваемо стало село с закрытием «казенки». Нет водки, и нет того пьяного разгула, той бесшабашности, какая бросалась в глаза при поездке по селу.

— На 80 процентов сократилось число всяких озорничеств и протоколов, — говорил мне урядник богатого села.

Сократилось число преступлений, даже имущественного характера, так как среди них была масса краж, совершенных молодыми парнями на выпивку на посиделках и под влиянием все того же опьянения.

Недаром говорится, что пьяному море по колено.

— Дозвольте покурить, барин, — обратился ко мне мой ямщик, когда тройка земских поднималась по крутому подъему дороги.

Нам навстречу спускались огромные воза с сеном.

Сидевший на одном из них приветливо поздоровался с моим ямщиком.

— Вот, барин, человеком стал...

— Почему?

— Да все от водки, пропился дотла; окоротили «казенку» — хозяином стал.

На работу он — огонь. Теперь все завел.

Да, водка нашего брата обмывала...

У нас стало теперь вот как: иди ночью, никто тебя не тронет, а то, бывало, не пройдешь.

На Здвиженье у нас престол. Так что тут было, один страх: шум, песни, ругаются, дерутся, ножами порежутся.

Урядник ничего не сделает, присылали, бывало, стражников, и им влетало...

А сейчас пришло, что и уряднику нечего было делать — тишина, как будто другой народ.

Самые «питухи», и те теперь говорят: «вот были дураки, куда деньги бросали».

Ох, проклятое это зелье!

У меня тесть пил и сладу с ним не было. Пропил два надела, а третий продал под векселя. Упросили его — он и раздал векселя детям. Так вот житья не было: как придет моя жена к матери, так он ее за косы: «давай вексель», — и других тоже. А ему пропить... Хотели уже отдать, чтоб избавиться. Так тут Бог дал, прикрыли водку. Что же вы думаете: другой человек стал. Теперь и векселя у него, а ничего. Жалеет, что землю продал... И хозяйство пошло, ровно кто помогает со стороны...

Ставропольские крестьяне убирают урожай. Фото начала XX века

— Ну, а бабы ваши как теперь живут?

— Бабы не нарадуются: «другой свет стал, равно мы теперь народились». Одна бьется, бывало, с детишками, а мужики в пивной.

А теперь не то: мужик дома, работает. Благодарят... Стыд стал в народе без водки. Да вот, к примеру, я: то же жалованье, та же езда, а теперь у меня и деньги есть, и вот тепло одет, а то, было, дрожишь здесь на передке, как пес на морозе, и дома ничего нет.

Чудо, как все это сталось!

— А правда, барин, что министр не хотел прикрывать казенку: пусть, говорит, пьют?!

— Это неправда, — поспешил я ответить.

— Да, как же супротив царского указа...

И благодарит народ, дай Бог здоровья, — ямщик снял шапку и перекрестился.

Да, действительно, жизнь совершенно изменилась с прекращением продажи спиртных напитков.

Теперь уже все боятся, как бы не вернулось старое: ужасом веет от недавнего прошлого.

— Да вы теперь и калмыка не узнаете: водки нет, и другой человек стал, — говорил мне приятель-крестьянин в селе, прилегающем к улусу.

— Поживут так — и воровать перестанут. А пили они до бесчувствия...

— Может быть, они и теперь достают водку?

— Нет, водки нет. А вот немцы тем пользуются, из околонка продают свое поганое вино, да лупят по 6 р. за ведро. Берут калмыки по 5—6 ведер и пьют. А там чего только нет, в этом вине. Тащат и тихонько пьют.

Бывало, приедет калмык, и спросишь: «Ну, как, Овше, праздник был?»

— Карош был праздник, очень карош, драка был большой, за виски тягался, водка много пил.

— А сегодня приехал, спросил: «Ну что, как праздник? — Плохо, бачка, водка нема... ровно, скучно».

Набор у нас прошел на диво: тихо, скромно, ровно и не те «гожие». А прежде, за два месяца до призыва уже начинают гулять. И чего они только не делают, все в страхе, а ночью пройти нельзя.

Пьют и дебоширят.

Это общий отзыв жителей.

— Ну что, призыв у вас был? — спрашиваю своего возницу, молодого парня.

— Меня забрали, — весело и с улыбкой отвечает новобранец, — 74 человека взяли из нашего села. Льготы нынче нет, всех берут...

— А как прежде?

— Прежде брали 15, не больше.

— А как идут ребята?

— Весело, с охотою. Один, как забрали, вышел и заплакал... Все затюкали его. А другой голый выскочил на мороз и кричит «гож»; в ладошки бьет.

— Чему же он так обрадовался? — поинтересовался я.

— Да как же теперь оставаться дома: у нас и девки на войну хотят...

III

Война и особенно исключительные условия, в которых она ведется, вызвала отклики в самых низинах народной массы, слышно общее негодование: «не по правде воюет».

— А как ежели кончать раненых, так этаким манером и мы их ни одного не оставим!.. Бейся, да по закону.

А раненого... Бог судил.

Такова краткая, но вполне ясная философия войны.

И с этой заповедью уважения к раненому русский человек идет в бой, бьется насмерть, но не помнит зла к пленному и раненому.

Величайшим уважением проникаешься к этому серому, неграмотному философу, слушая его размышления на самые острые темы. И в основе всех суждений лежит жалость к слабому, обиженному и желание правды в отношениях...

Явились поэты, «певцы войны», совсем малограмотные, но порою с удачной рифмой и звучным стихом.

Несколько таких импровизаций удалось записать, и, к удивлению, авторы их совсем почти не обучались в школе, и впервые проснулось в них дарование под влиянием настоящих событий.

— А что, поют у вас новые песни? — спрашиваю своего ямщика.

— Нет, стихи баптисты поют.

— А насчет войны?

— Да, у нас один ловко «сказует», ладно так выходит.

Этого «одного» мне на обратном пути удалось повидать и записать его «пустяк»:

Как грянули барабаны,
Раздалось наше ура,—
Побежали, как бараны,
Врассыпную кто куда.

Как засели все в траншеи,
И зачали в нас стрелять...
Ну, мы дали им в три шеи,
Снова стали удирать.

Все бежали без оглядки,
Побросали сапоги...
Видны были только пятки —
Каковы наши враги!

Автор оказался грамотным, был в школе, ревностный посетитель чайной, где постоянно читает газеты.

Встретил и другого такого певца войны. У него оказалась целая тетрадь его творений, записанных собственноручно, совершенно безграмотно. В конце тетради приписка: «моему стихотворению нет конца, бумаге конец — негде писать». Автор без всякого образования.

Все стихотворения проникнуты верой в несокрушимость России и безусловную ее победу над немцами, Вильгельма автор поносит бранными словами и переходит даже в нецензурные сравнения. Для автора Вильгельм — что-то вроде Вельзевула.

Приведу некоторые из его творений с сохранением орфографии. Озаглавлено: «фильтон тараса».

Как уздумалося немцам
Всю европу покорить
Захотелось чертям диким
У расеюшки побыть

Ты не думай черт паршивый
Как расеюшкой шутить
Вить россия смертоносна
Она грудь твою пронзить

Разоритель божьих храмов
И хулитель ты икон
И зовут тебя вильгельман
Настоящий ты дракон

Эх немецкая лапатка
Вить не будет табе сладко
Тогда посмотри,
Дослужился до гиены
Мы отправим на елену
На остров святой

У нас русския народы
У нас много и свободы
Дружно постоим,
Разузнаете россию
Как она лиха
До берлина доберется
У вас пиво не плоха

Вить мы смирныя такия.
А вояки мы давно.
Мы мамаев всех побили
И батыя все равно

Чингисхана, тимучина
Тамирлана все одно
Мы за Австрию возьмемся
До гирманцев доберемся
Поразделим вас.

Эх нечистая ты сила
Ты второй наполион
Ты порезал мужчин мирных
Ты добрался и до жон

Вить ты тигра и безбожник
Настоящий лютой змей
Чесных девушек порочил
Ни щедил никак детей

Ты пословицу послушай
Говорится что у ней:
У симействи задерутся
Ты не липни братец к ней.

В чужу кашу не мешайся
Не просили же мы вас
Наша каша пирсалена
Угостили же мы вас

В последних двух строфах автор отмечает дошедшие до него газетные сообщения, что Вильгельм хотел воспользоваться нашими внутренними волнениями.

Далее автор продолжает:

Верой руской православной
Наш гордится весь народ
А немецкой вашей хари
Мы воткнем копье у рот.

У нутри нас врагов многа
Ты гляди же брат сирега
Ни давайся им...

Здесь германец виш старался
До росии добирался
Он шпионов нанимал
Прокламацыи кидал

Вить вильгельм давно тут бьется
Над царями он смеется
На сьезды всегда спешил
Усех наскрость протомил

В последней строфе заключается указание на участие Вильгельма в совещаниях правителей Европы по поводу революционного движения:

На риспублику взгляните
У китайцев возотьня
И у турок и у персов
Там идет давно резня.

IV

В следующем стихотворении автор очень трогательно описывает положение детей, оставшихся после ушедшего на войну отца. Озаглавлено оно так:

«Вроде фильтона как у нас прощались мобилизация, здетьми раставались»:

Вы прощайте мои детки
Поцелуйти вы меня
Нидаждетеся сиротки
Ксебе роднаго отца

Вы успомните цыплятки
На руках вас как держал
Отвернулся со слезою
И сам горько зарыдал.

Прощай маменька родная
Дорогой ты мой отец
Прощай милая супруга
Распадися наш венец.

Раступись земля сырая
Скрой ты зглаз моих сирот
Горько горько я заплакал
Как прощался у ворот.

Когда будете молится
Пред иконою святой
То усердния просите
Серебристою слезой

Осталися горемыки
Ни кому вы ненужны.
Усяк скаже — чьи такия
Оборванцы попришли.

Люди ждут святой день пасхи
Все кобединки идут
А как нам горьким сиротам
Горьку весточку несут.

Ваш папаша у больницы
Весь израненый лежит
Перед ним стоял там доктор
«Видно нечего тужить».

«Умирайже воин сильнай»
Доктор речь ему сказал
А сам скорами шагами
Из больницы побежал.

Генералу доложил он
«Умирает наш больной».
Тут полковники сбежались
«Где же воин наш герой».

Генералы тут сказали
«Видно нечего тужить
На груди его высокой
Крест смедалию лежит».

Далее автор говорит, что проводить умершего собрались «милосердныя сестрицы» и доктор, который сказал «речь» о положении оставшихся детей.

Ты кому же мой касатик
Своих деток приручил
Отца матерю старушку
Ты во гроб их положил.

В этой «речи» говорится о «несчастной сиротской доле» и отмечено безучастное отношение к детям окружающих, что особенно тяжело чувствуется в большие праздники. Люди идут в церковь...

Они горько сидят плачут
Под родительским окном.
Бувало наш папашечка
За ручку возьмет
И нас малых деточек
К церкви поведет.

Это стихотворение, несмотря на свою длинноту и недостатки, производит сильное впечатление на слушателей, и мне удалось присутствовать на одном таком чтении автора, когда все присутствовавшие плакали, и многие горькими слезами.

Надо сказать, что автор охотно читает свои произведения своим односельчанам, его уже знают и идут «послушать».

Стихотворение заканчивается следующими словами:

Вышла на Росеюшщу
Долюшка така
Сирот понаделала видно сдалека...

Все стихотворения написаны с очень малыми помарками, и, очевидно, автору очень легко дается размер и рифма, и он пишет набело.

V

Отвратительная осенняя погода заставила заночевать раньше, не добравшись до знаменитой скалы села N-...ского, где начертана пленными поляками 1813 года интересная надпись.

Я открыл эту надпись и сфотографировал ее еще раньше, но в эту поездку хотелось кое-что дополнить.

Завернул на «заезжий», где приветливо уже светился огонь.

При входе в «комнату» обратил внимание на громкий разговор, доносившийся в отворенную дверь с «хозяйской» половины.

Слышалось: «наши», «немцы»...

Я невольно прислушался и остановился у отворенной двери.

Визгливый женский голос оборвался.

Из-за стола, с шумом отодвигая стул, выдвинулся среднего роста человек и страстно, запальчиво заговорил, сильно размахивая руками.

— Да, великое свершилось. Завеса, плотно закрывавшая от глаз наших истину, раздвинулась, и мы во всем великолепии, в лучезарном сиянии увидели любовь... Вечную красоту жизни, дыхание мира, покоя, радости. Мы увидели, что только при ней нет ни крови, ни пожаров, ни убийств, ни посягательств...

И завесу эту раздвинул он, этот скромный русский человек, солдат, умирающий за далекого обиженного и разоренного брата. Он выполнил свято завет Того, Кто любовь ставил выше собственной жизни и пришел смертью победить зло, и открыть путь к добру, к светлому и чудному будущему. Великий Боже, ты вложил дух твой в сердце русского и святы дела... И путь его огнем сожжет исчадия сатаны и охранит сирых и убогих...

Я, как очарованный, слушал это страстное, вдохновенное излияние, открыв немного дверь.

Собеседников было четверо: женщина, чиновник в тужурке, по виду «землеустроитель», небольшого роста средних лет человек, стоявший на середине комнаты, которому и принадлежат приведенные слова, и батюшка.

— Любить должно не всякого, — прервал оратора «устроитель»

— Жизнь создается не одним чувством... Государство не может...

— Сила создает право, — перебила запальчиво женщина. — Распыляться в «общей» любви, значит это создавать неустойчивость, слабость... Куда-то, зачем-то!.. За других!.. А у себя — розы?.. Прежде дома, а потом к людям... — так же запальчиво и скороговоркой продолжала женщина, красивая интеллигентная брюнетка.

Собеседники были увлечены и не обращали внимания на мое появление.

Вся эта сцена заняла несколько минут и, к сожалению, была прервана хозяйкой, заявившей:

— Иван Петрович, Вас домой зовут, скорей.

Пылкий оратор быстро схватил шапку и, не прощаясь, стремительно ушел в двери.

Собеседники поднялись и стали расходиться.

— Как он изменился, — заговорил «устроитель», обращаясь к батюшке и нахлобучивая барашковую шапку.

— Да, — протяжно произнес батюшка. — Эта война многому дала совсем другое освещение... Люди как будто проснулись. Такие люди, как Иван Петрович, это... золотое сердце.

Ушли.

В ушах моих ясно звучали слова пылкого Ивана Петровича.

— Чай-сахар, Ваш? — послышался голос хозяйки. — Самоварчик готов.

— Да, давайте, пожалуйста.

— Я, кажется, помешал Вашим гостям?

— Нет. Они — свои.

— Здешние?

— Это докториха наша.

— Лечит?

— Да, очень такая славная. Детишек уж больно крепко любит. Ночь-полночь, идет... Дай Бог ей здоровья.

— Давно?

— Нет, как бы Вам сказать...

— А Иван Петрович?.. — перебил я.

— Это учитель... Вот не было американца...

Я изумленно смотрел на хозяйку.

— Да он — наш, а в Америке был.

У нас много ездили туда. Вот. Иван... — хозяйка стала перечислять ездивших в Америку и, видя, что я удивленно смотрю на нее, пояснила.

— Вернулись, хорошо заработали. Женщины ездили с швейными машинами, в Канаде были... До войны вернулись.

— Ну как там?

— Ничего, цена хорошая, а все домой тянет, одно слово, родина...

— Может, Вам газетку? — прибавила хозяйка.

— Пожалуйста, принесите.

Хозяйка принесла «Русское Слово», «Биржевые Ведомости».

Газеты оказались уже читанные мною, и я приступил к чаю, рассчитывая пораньше улечься, тем более что «карвать» не обещала покойного сна.

— Благодарю, читал уже, — обратился я к хозяйке, возвращая газеты.

— Да, у нас «Отделения» нет, а чрез волость, ну через неделю и читаем... хорошо еще как не застрянет... Так и письма... Просили «Отделение», да все нет.

— А пишут с войны?

— Да, как же, очень нужаются бедные. Бабы носят к нам читать.

— Может, почитаете солдатские грамотки?..

— Очень буду рад, пожалуйста.

Текст печатается по изданию:
Прозрителев Г.Н. В дороге. По Ставропольской губернии в 1914 году // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1916. — Вып. VII.

Г.Н. Прозрителев. **Шамиль в Ставрополе**

Было время, когда имя Шамиля наводило страх на всех жителей Кавказа. Грозный имам, владыка горцев, был недоступен в своих горных ущельях, и многие считали его непобедимым.

Но 25 августа 1859 г. пал Гуниб, твердыня горцев, и великий имам стал пленником России.

Трудно теперь понять ту великую радость, какую испытали современники, когда стало известно невероятное событие, что Шамиль в плену. Надо было пережить то время Кавказской войны, полной неожиданностей и всевозможных злоключений, чтоб, действительно, встретить ликованием падение этого неукротимого борца и вдохновителя горских племен на тяжелую геройскую борьбу.

Война кончилась... но если бы она и не кончилась, то без Шамиля это уже не война.

Лично мне пришлось в детстве пережить тот страх, какой овладевал взрослыми, и то впечатление, какое производило имя Шамиля, хотя я жил тогда в Ставрополе, в центре кавказского, так сказать, вооружения, среди многочисленных войск.

«Шамиль хитер, и не знаешь, откуда он придет», — приходилось слышать от взрослых, хотя Ставрополь от Дагестана на почтенном расстоянии.

Помню, были многие, полагавшие возможным нападение и на Ставрополь; это относится к 50-м годам, когда Шамиль уже значительно был стеснен нашими войсками и отступил в горы.

И вот Шамиль, действительно, в Ставрополе, но уже не грозным воином, а пленником.

Помню, в сентябре стояла прекрасная погода. Весь город высыпал на улицы посмотреть проезд Шамиля.

Курьерские лошади быстро промчались по Николаевскому проспекту вверх, и ничего не удалось увидеть.

Наутро мы, детвора, бросились к «Бабиной Роще». Я подбежал в то время, когда Шамиль выходил из ворот на улицу. Волоса стали дыбом и ноги подкосились, когда чуть не в упор налетели мы на грозного пленника, пред именем которого привыкли трепетать.

На всю жизнь запечатлелась и гордая осанка пленника, белая черкеска, папаха с чалмой и большая рыжая борода. Впечатление этой неожиданной встречи было так сильно, что оно вытеснило вес остальные, и я ничего другого из этого дня не помню.

Впоследствии я узнал, что Шамилю в роще, в ротонде, был устроен офицерством обед.

Выходил он из рощи в ворота, стоящие по Александровской улице.

Личные воспоминания мне удалось пополнить архивными сведениями.

Среди дел Губернского Архива, предназначенных к уничтожению, оказалось дело канцелярии Ставропольского губернатора за 1859 г. о приезде Шамиля и приготовлении для него квартиры.

Каким-то чудом уцелело это интересное дело, обреченное на сожжение или лавочные завертки комиссией графа К., разбиравшего Губернский Архив. Эта комиссия рассматривала в день по 15 тысяч дел... К чести бывшего, ныне покойного, губернатора Никифораки надо сказать, что такая «успешная» работа была забракована им, и дела спасены.

Теперь, рассматривая эти «обреченные» дела, диву даешься бесшабашности, с какой относились к делам, обрекая их на уничтожение. Масса весьма ценного материала в них.

Указанное дело возникло вследствие сообщения Штаба войск правого крыла Кавказской линии исправляющему должность Ставропольского гражданского губернатора.

Штаб пишет: «Из донесения Начальника Штаба войск Левого крыла к Г-ну Командующему войсками, от 1 сентября № 5260, о следовании из укр. Темир-Хан-Шуры в С.-Петербург взятого нашими войсками в плен Шамиля, нужно полагать, что он прибудет в Ставрополь 7 или 8 числа сего месяца.

А потому имею честь покорнейше просить приказания Вашего Превосходительства об отводе для помещения пленного и сопровождающего его адъютанта г-на Главнокомандующего, Полковника Тромповского, удобной и поместительной квартиры, о месте нахождения коей не оставьте поставить в известность Ставропольского Коменданта для присылки в свое время военного караула».

4 сентября губернатор предписал полицмейстеру приготовить квартиру.

Хотя в предписании говорится, чтоб полицмейстер донес о месте нахождения квартиры, но в деле нет сведений — где именно было отведено помещение для Шамиля.

По словам некоторых ставропольских старожилов и, между прочим, В.С. Воскресенского (ныне покойного), Шамиль в этот свой проезд квартировал на углу Воронцовской и Госпитальной в доме бывшем Воскресенского.

Шамиля везли в Петербург. И, видимо, власти торопились препроводить возможно скорее дорогого пленника и потому были приняты все меры для проезда без задержек.

Насколько помню, ходил слух, что будто бы горцы в числе 15 тысяч предполагали сделать нападение и отбить Шамиля. Но это была только шумиха, так как падение Гуниба произвело ошеломляющее впечатление на все горы. Да и сам Шамиль верил, что он недоступен в этом орлином гнезде и никто не отважится взобраться на эту горную вышку. Но судьба распорядилась иначе.

Мы прилагаем здесь портрет героя Гуниба — капитана Апшеронского полка, который первым взошел на Гуниб, будучи тогда еще юнкером.

Проезд на почтовых лошадях в то время был усиленный, поэтому почтовая контора пишет гражданскому губернатору: «За отсутствием Начальника Штаба Дежурный Штаб-Офицер от 5 сего сентября за № 4506 сообщил этой конторе, что из копии открытого извещения о предстоящем проезде пленного Шамиля, отправляемого в С.-Петербург, препровожденного к Г. Командующему войсками Правого Крыла при отзыве Командующего Войсками в Прикаспийском крае Г. Генерал-Адъютанта Барона Врангеля, от 1 сего же месяца № 4552,

что под проезд Адъютанта Г. Главнокомандующего Гвардии Полковника Тромповского, сопровождающего пленного, потребуется 20 лошадей, почему просит заготовить сказанных лошадей на Новочеркасском тракте.

Вследствие сего Ставропольская Губернская Почтовая Контора честь имеет покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о выставке по 20 на каждую станцию обывательских лошадей по тракту от Ставрополя до Средне-Егорлыка, дабы не сделать задержки в следовании Его Высокоблагородия Г. Тромповского, потому что в настоящее время гораздо более противу прежнего усилился разгон лошадей и сего числа отправляется тяжелая Почта, которая следует на 11 тройках, отчего может произойти остановка».

Ввиду этого сообщения губернатор 7 сентября предложил Палате государственных имуществ сделать распоряжение о высылке требуемых лошадей.

Когда именно выехал Шамиль из Ставрополя, в деле нет указаний, но несомненно, что в Ставрополе по маршруту была только дневка.

Шамиля должны были доставить в Петербург для представления Государю, а затем уже препроводить в Калугу. Вместе с Шамилем были взяты в плен его семья и близкие.

И вот 1 декабря 1859 г. Командующий войсками правого крыла генерал-лейтенант Филипсон пишет Ставропольскому губернатору, что семейство Шамиля отправлено из Темир-Хан-Шуры 29 ноября и прибудет в Ставрополь в первых числах декабря.

При этом приложен следующий список семейства.

«Список семейству Шамиля, отправляемому из укр. Темир-Хан-Шуры в гор. Калугу».

Сыновья Шамиля:

1) Старший Кази Магома.

2) Младший Магомед-Шафи.

3) Жена Магомед-Шафи Эминет.

4) Зайдет —жена Шамиля.

Дочери его замужние:

5) Написет — жена Абдурахмана.

6) Дочь ее Магозат.

7) Фатимат —жена Абдурагима.

Дочери его девицы:

8) Наджибат.

9) Баху Месед.

Зятья Шамиля:

10) Абдурахман — муж Написеты.

11) Абдурагим — муж Фатиматы.

Они сыновья Джамал-Эдика Кази Кумухского, тестя Шамиля.

13) Родственница Шамиля и нянька детей его Халуш.

14) Сын ее Омар (17 лет).

15) Родственник же Шамиля Джамал Эдик Хусейн-Оглы, уроженец сел. Гимр (35 лет).

Служанки при семействе Шамиля:

16) Вали Киз (50 лет),

17) Месси (17 лет).

К этому семейству должны присоединиться в г. Моздоке для следования оттуда в г. Калугу:

1) Шуанет — жена Шамиля.

2) Дочь его от нее Сапиат.

При них:

3) Слуга Хайрулла (35 лет).

4) Служанка Фаризат (40 лет).

Семейство это сопровождают из Темир-Хан-Шуры фельдъегерского корпуса поручик Гузей Разумов и в качестве переводчика житель Гидатлинского общества Рибир-Магома.

Далее приложен список экипажам, «в коих отправляется семейство Шамиля из укр. Темир-Хан-Шуры».

Число лошадей, нужное под экипажи

1) Тарантас с оглоблями — 5 лошадей.

2) То же — 5

3) Фургон дышловый — 6

4) То же — 6

5) Тарантас фельдъегеря — 5

6) Перекладная под вещи — 3

Итого потребно на каждом переезде по 30 лошадей.

Ставропольский губернатор 3 декабря предписал полицмейстеру приготовить удобные, теплые и поместительные квартиры.

С своей стороны Почтовая контора, получив уведомление от Штаба войск, пишет губернатору, что генерал-лейтенант князь Меликов от ноября за № 1812 сообщил оному Штабу, что семейство Шамиля отправлено 29 числа прошлого ноября месяца из Темир-Хан-Шуры в гор. Калугу, и что оное будет проезжать по правому крылу в первых числах сего месяца — и что под проезд его требуется лошадей под два тарантаса 10, под два фургона — 12, под тарантас фельдъегеря 5 и под одну перекладную 3, а всего 30 лошадей. Вследствие чего Ставропольская Губернская Почтовая контора, вместе с сим, предписала Почтовым станциям от Ставрополя до Моздока и Средне-Егорлыка с тем, чтобы во время следования семейства Шамиля не могло встретиться ни малейших препятствий к безостановочному и спокойному следованию его, при этом докладывает, что по настоящему времени и погоде невозможно обойтись без подставных обывательских и казачьих лошадей, потому что постоянное отправление почт, эстафет, проезжающих, курьеров, фельдъегерей и комиссионеров, а также и проезд Магамет Амина из Ставрополя в Тифлис, вместо 6 потребует 12 лошадей, то в таком случае губернская контора не может ручаться за остановку, ежели не будет сделано распоряжение о выставке в пособие к почтовым обывательских и казачьих лошадей, по несколько троек под проезд семейства Шамиля».

Одна из жен Шамиля, именно Шуанет, была, как известно, пленная армянка из Моздока, дочь почетного гражданина Улуханова.

Улуханова взята была в плен молоденькой девочкой и так поразила своей красотой предводителя партии горцев, что он не решился присвоить ее себе, а представил Шамилю. Судьба сулила ей стать женой грозного повелителя горцев, который очень привязался к ней, и дочь от нее Сапиат пользовалась особой любовью Шамиля.

После смерти Шамиля Шуанет не пожелала возвратиться к своим родственникам, а уехала в Турцию, где и жила до конца дней своих, получая пенсию от султана.

Недавно мне удалось в проданных пожитках одного ставропольского старожила найти портрет этой красавицы с интересной надписью, сделанною рукою современника.

Надпись следующая сделана чернилами: «Наследница почетного потомственного гражданина моздокского армянина Луханова, взята в плен черкесами в 1845 году и состоявшая супругой мугометанского Императора Кавказского воина Шамиля». (Сохранена орфография подлинника).

Каким-то чудом уцелел этот портрет среди всякой рухляди, сломанных стульев и др. старья.

В настоящее время он выставлен в Губернском музее Северного Кавказа (здание губернского Правления).

Видно, что Шамиль при боевых своих достоинствах умел ценить женскую красоту и окружал значительною роскошью попадавших к нему красавиц, несмотря на все невзгоды, которые ему приходилось терпеть. <...>

По поводу этого портрета ставропольский старожил Г.И. Шалашный сообщил нам следующие интересные подробности:

«Шуанет действительно дочь моздокского армянина Улуханова, и фамилия Улухановых существует в Моздоке и теперь. Она была взята в плен на хуторе близ Моздока во время набега горцев на эти хутора.

Кроме Улухановой, пленницами Шамиля были две кахетинские княгини: Чавчавадзе и Орбелиани, причем первая из них была взята в плен с маленьким сыном. Пленные княгини Чавчавадзе и Орбелиани освобождены в 1853 или 1854 году из плена не за выкуп, т.е. не за деньги, а в обмен, так как Шамиль решительно отказался взять выкуп и потребовал в обмен за княгинь своего сына. Сын этот в 40-х годах, когда дела Шамиля были очень плохи, был отдан нашим войскам в качестве заложника и таковым был отослан кн. Воронцовым в Петербург, где по повелению Императора Николая I был помещен в один из Кадетских корпусов, откуда, по окончании курса, был выпущен офицером в один из квартировавших в столице полков. Вот этого-то сына и требовал Шамиль за княгинь Чавчавадзе (с сыном) и Орбелиани. Сын Шамиля неохотно и по принуждению должен был ехать из Петербурга на Кавказ к отцу в Ведено.

Обмен произошел на речке Мичик по дороге от Хасав-юрта к Ведено.

Сын Шамиля от тоски или вследствие других причин заболел в Ведено скоротечной чахоткой. Убитый горем отец в 1856 или 1857 годах прислал в Хасавюрт, будучи во враждебных отношениях с русскими, человек 10 своих мюридов и просил командира Кабардинского полка князя Дмитрия Ивановича Святополк-Мирского послать в Ведено одного из полковых врачей, Мирский оставил в заложниках человек 5 мюридов, а с остальными послал в Ведено доктора Козловского, который через несколько дней возвратился и заявил, что сын Шамиля переживает последние минуты. Вслед за Козловским приехал в Ведено нарочный, чтобы сказать Козловскому, вернувшемуся из гор будто бы за лекарством (по совету больного), что больной умер. Мюридов отпустили в горы. Все это достоверно известно мне от отца, служившего с 1855 г. в Хасав-юрте по 1861 год».

Рекомендуем прочитать:

Г. Галоян. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древних времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. — Мысль, М., 1976.

Н. Киняпина, М. Блиев, В. Дегоев. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в.). — М., 1984.

Н. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. — М., 1958.

Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документов и материалов. — Тбилиси, 1953.

В. Пикуль. В гостях у имама Шамиля // В. Пикуль. Кровь, слезы и лавры. — Советский писатель. Ленинград, 1988.

В. Гниловской. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия. — Ставрополь, 1952.

Г. Краснов. Ставрополь-на-Кавказе. — Ставропольское кн. изд-во, 1957.

Текст печатается по изданию:

Прозрителев Г.Н. Шамиль в Ставрополе // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1913. — Вып. VIII.

Г.Н. Прозрителев. **Александр II в Ставрополе-на-Кавказе**[1]

Царь-Освободитель посетил Кавказ три раза: в 1850 году, когда он был еще Наследником престола, и в 1861 и в 1870 годах — уже Императором.

В первый свой приезд он из Тамани направился на Тифлис, и на обратном пути из Тифлиса удостоил и наш город своим посещением.

О пребывании в Ставрополе Александра II сохранилось очень мало данных.

По собранным мною данным в местных архивах и из рассказов современников-очевидцев, можно установить необыкновенное воодушевление и радость местного населения, когда стало известно, что должен приехать Наследник.

Крутое время царствования Николая I, особенно тяжелые условия жизни на Кавказе, обусловливавшиеся в значительной степени военным положением края и его отдаленностью от центральных учреждений, делали кавказского обывателя особенно беззащитным.

Естественно, что во всех своих обидах, претерпеваемых «от начальства», неустройства края в административном отношении и нескончаемой судебной волокиты, обыватель все упование возлагал на верховную власть, и в данном случае на Великого Князя Наследника, слух о доброте которого и необыкновенной приветливости шел отовсюду.

Все в один голос говорили, передавали мне современники — и между прочим отец мой, в то время уже бывший чиновником, — что «Наследник — ангельской доброты, любит простой народ, стоит за всех обиженных и угнетенных».

Замечательно, что никто из современников не связывал в это время с именем Наследника мечты об освобождении крестьян, или, по крайней мере, мне ни от кого не приходилось об этом слышать.

В этом отношении я едва ли ошибаюсь, так как такие современники, как И.В. Бентковский и генерал И.Д. Попко, с которыми мне приходилось много раз беседовать, никогда не останавливались на этом обстоятельстве.

Под особенной тайной передавался слух, что будто бы Наследник не ладит с отцом и что будто бы за свою любовь к народу попал даже на гауптвахту по приказу своего грозного родителя.

Все это еще больше выдвигало Наследника в глазах населения, и окрыляло надежды всех и каждого.

При таких условиях пришла и в Ставрополь весть, что Наследник уже на Кавказе и должен быть и в Ставрополе.

«Долго ожидал наш город прибытия Августейшего гостя, потому что слух о посещении Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем здешнего края предупредил официальное известие об этом счастливом событии, когда же Его Высочество изволил проезжать в окрестных местах, сердца с увлечением следовали за ним в путешествии, о котором сообщаемые в местных газетах сведения каждый носил в сердце, как отрадную весть».[2]

Так пишет обозреватель местной жизни в Ставропольских Губернских Ведомостях.

И автор был в данном случае совершенно искренен, и даже скромно передавал общее восторженное настроение.

Путешествие по Кавказу Наследника началось 14 сентября 1850 г.; в этот день он высадился в Тамани, 15 был в Екатеринодаре, а затем по дороге в Тифлис проезжал по станицам вблизи Ставрополя.

Такая близость Царственного гостя крайне волновала наших горожан, и хотя за отсутствием газетных известий — не могли знать о времени проезда, но стоустая молва не только осведомляла город о месте нахождения Наследника, но и передавала все подробности его пребывания в том или другом пункте.

Празднества Тифлиса по поводу приезда Наследника еще более подогрели ставропольцев.

И между прочим в Ставрополе таинственно передавали друг другу надпись, сделанную в Тифлисе на одном из транспарантов с вензелем Наследника, надпись гласила: «Ты обращся оживиши ны и людіе твоя возвеселятся о тебе».[3]

Условия жизни того времени были таковы, что обо всем происходящем в крае при отсутствии газет можно было узнавать путем личной переписки или путем слухов. И до Ставрополя дошел этот слух.

Надпись толковали в смысле *ожиданий на обновление русской жизни*. А так как в то время и надежды такие были преступны, то и надписи этой придавали особенное значение, и находили ее необыкновенно «смелой» выходкой.

Это было единственным обстоятельством, где пробилось, так сказать, наружу внутреннее чувство страха и надежды на будущее, которое было в душе у всего населения...

Приезд в Ставрополь был назначен на 29 октября. Тот же автор-современник говорит: «Наконец настал и радостный день 29 октября, день, назначенный для приезда Государя Наследника. До того погода стояла пасмурная и дождливая, но в этот незабвенный день природа будто покорилась общему желанию; небо прояснилось, стих осенний ветер, и воскресенье 29 октября было великим праздником для ставропольцев. Еще с утра вся Большая улица, начиная от Тифлисской заставы до дома командующего войсками, представляла движение необыкновенное. Здесь должен был проезжать Наследник Цесаревич, и в пестрых толпах, наполнявших эту широкую улицу, нельзя было не заметить нетерпеливого ожидания. Все знали, что Его Высочество должен *прибыть поздним вечером,* но многие пришли навстречу желанному далеко до заката солнца, с приближением же сумерок толпы густели, движение становилось живее, выражая явное нетерпение. Но вот заблистали огни иллюминации, облившей всю Большую улицу с окружающими ее возвышениями ярким светом, и торжественный звон колоколов возвестил, что ожидание Августейшего виновника торжества будет непродолжительно. Тогда все взоры вперились в сумрачную даль, все сердца устремились ему навстречу, говор умолк, и это благоговейное безмолвие было предвестником шумных восторгов, потому что, когда весть о въезде Его Высочества в городские ворота, подобно прочим значительным зданиям великолепно иллюминованные, как электрическая искра коснулась народа, восторженные крики «ура» загремели в воздухе. Толпы заволновались и понеслись вслед за экипажем Его Высочества с таким соревнованием, что даже дамы в своих длинных нарядах нередко обгоняли мужчин».

По рассказам современников, в Старой Марьевке встретила Государя Наследника сформированная

помещиком Устиновым (бывш. владельцем нынешнего сел. Кононовки) конная сотня казачьих девушек в полном казачьем вооружении, которая и сопровождала экипаж Его Высочества до Ставрополя.

По обычаю того времени, вдоль дороги были расставлены горящие смоленые бочки, освещавшие путь.

Для остановки и ночлега высокого гостя был назначен дом командующего войсками, ныне дом бывшего юнкерского училища, на углу Вельяминовской и Александровской площади. Насколько нам известно, дом этот с тех пор не перестраивался.

«До самой глубокой ночи дом этот, говорит тот же автор, был окружен почти всем населением Ставрополя; тысячи глаз были прикованы к окнам этого дома, жадным взором ловили светлый образ гостя за двойными окнами и, увидав, обрадованные выражали свой восторг потрясающим криком «ура», который вторился далеко в толпах не имевших возможности протесниться к дому».

Из дел Ставропольского дворянского депутатского собрания видно, что к приезду Цесаревича в Ставрополе предполагалось устроить выставку «всех произведений и изделий фабричной, заводской, ремесленной и другой промышленности Ставропольской губернии».[4]

Сообщая об этом 27 июля, Ставропольский гражданский губернатор просит предводителя дворянства пригласить дворян к участию.[5]

К сожалению, не имеется никаких указаний, осуществилось ли это предположение и где была устроена выставка.

Но надо думать, что выставка не была устроена, так как у того же цитируемого нами автора нет ни малейшего указания на посещение ее Наследником, хотя он точно указывает, где именно Александр II был в Ставрополе днем 30 октября.

Вероятно, последовавшая отмена первоначально назначенной более продолжительной остановки в Ставрополе изменила намерение местного начальства относительно устройства выставки, хотя в указанной бумаге было даже назначено, чтобы экспонаты были доставлены к половине августа и все дворяне были оповещены.

Тогда же гражданский губернатор отдельным письмом уведомлял предводителя дворянства: «Милостивый государь, Герасим Степанович, из полученных сведений положительно известно, что Государь Наследник изволит прибыть в Тамань 15 сентября и оттуда будет продолжать путь свой по Кавказской линии. Поспешая уведомить о сем ваше превосходительство, я, согласно личного приказания г. управляющего гражданскою частью в Ставропольской губ., имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, пожаловать в Пятигорск для личных совещаний относительно встречи Его Императорского Высочества. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности А. Волоцкой. Пятигорск 27 июля 1850 года».

Странно, что в архиве дворянского депутатского собрания нет дела об участии дворянства во встрече Александра II, между тем из указанного письма несомненно, что приготовления, очевидно, были, а, следовательно, должно быть и постановление относительно участия тех или иных дворян в представлении, но по этому обстоятельству мы не имеем никаких сведений.

Сохранилось указание относительно заготовки из имений ставропольских помещиков лошадей,[6] необходимых для проезда.[7]

Отсутствие указанного дела в архиве тем более странно, что, несомненно, в представлении Государю Наследнику участвовал губернский предводитель дворянства, так как сохранилась копия рапорта его, представленного Его Высочеству со сведениями о числе дворян в Ставропольской губ. и количестве крепостных и земли в их владении.[8]

Из приложенного к рапорту списка видно, что всех дворянских фамилий было 380.

В то время к Ставропольской губернии принадлежали и уезды Кизлярский и Пятигорский.

Всей земли было во владении дворян 391714 дес. удоб. и неуд. и 5788 душ крепостных.[9]

Утром 30 октября Его Высочеству представлялись генералы и другие высшие чиновники города, в числе которых был и губернский предводитель дворянства, и городской голова с гражданами поднес Его Высочеству хлеб-соль.

В это время во главе губернии и города были: управляющий гражданскою частью в губернии генерал-лейтенант Н.С. Заводовский, гражданский губернатор А. Волоцкой, губернский предводитель дворянства Г.С. Колантаров, епископ Кавказский и Черноморский Иоанникий, полицеймейстер майор Я.М. Шаликов и городской голова Плотников.

Император Александр II

После представления и осмотра войсковых частей, поставленных на «Татарском базаре», нынешней Александровской площади, Государь Наследник отправился в Кафедральный собор, где «у западных дверей, — говорит тот же наш автор, — будучи встречен Преосвященным Иоанникием и сонмом духовенства с крестом и святою водою, при собрании военных и гражданских чиновников после произнесения долголетия Государю Императору и всему Августейшему Дому, изволил приложиться к кресту и местным иконам».

Затем Его Высочество был в заведении Св. Александры, нынешней Александровской гимназии, в мужской гимназии и военном госпитале.

Мужская гимназия в то время помещалась в доме Плотникова, ныне дом Меснянкиных, на углу Николаевского прос. и Варваринской ул., а заведение Св. Александры в доме Серовой, ныне Чеглокова, на углу Николаевского пр. и Европейского переулка. Это учебное заведение было только что открыто 12 октября 1849 года.[10,11]

Между прочим, современник-очевидец Н.С. Мокин передавал мне, что он видел, как Государь Наследник шел по соборной каменной лестнице; Н.С. Мокин в то время был десятилетним мальчиком. Если допустить точность этого свидетельства, то надо думать, что Его Высочество из собора направился в мужскую гимназию.

Основываясь на статье того же нашего автора, надо признать, что рассказы об обеде от города и просьбе горожан, обращенной к Наследнику, являются вымыслом, так как после посещения указанных учреждений Его Высочество, говорит наш автор, «изволил отбыть в дальнейший путь по дороге к Новочеркасску, напутствуемый благословениями всех сословий города и восторженными криками ура. На Московской станции в 30 верстах от Ставрополя Его Императорское Высочество удостоил принять завтрак, изготовленный усердием наказного атамана Кавказского казачьего линейного войска и полковых его командиров». Следовательно, Его Высочество выехал из Ставрополя утром 30 октября, или, во всяком случае, до полудня.

Из Ставрополя сопровождали Государя Наследника командующий войсками генерал Заводовский и гражданский губернатор Волоцкой.

В это время известные нам: И.Д. Попко[12] был ближайшим адъютантом[13] генерала Заводовского, а И.В. Бентковский[14] был начальником Михайловской станицы, ныне с. Михайловское, и оба были ближайшими очевидцами пребывания в Ставрополе Его Высочества: первый по своей обязанности при Заводовском, последний в числе других начальников станиц и волостных голов был вытребован в Ставрополь к приезду Его Высочества.

Александровская улица (в настоящее время ул. Дзержинского) названа в ознаменование посещения Ставрополя Александром II. Фото начала XX века

Вечером 30 октября Его Высочество был уже в Медвежьем, «где изволил, говорит наш автор, принимать *вечерний стол* и в милостивых выражениях благодарить генерала Заводовского по всем вверенным ему управлениям».

Затем Государь Наследник уволил генерала Заводовского и гражданского губернатора Волоцкого от дальнейшего сопровождения и изволил направиться далее, по дороге к Новочеркасску. Статью свою наш автор заканчивает следующими словами: «Впечатление, произведенное в нашей губернии этим счастливым событием, невыразимо и долго-долго останется в народной памяти.

«В изъявление благодарения Господу Сил за счастливое окончание путешествия Государя Наследника по здешнему краю 3 сего ноября епархиальным Преосвященным совершено было соборне молебствие при собрании всех военных и гражданских чиновников в полной парадной форме».

Нельзя не отметить для характеристики того времени, что статья нашего автора[15] о пребывании Государя Наследника в Ставрополе могла появиться в Ставропольских Ведомостях только 15 ноября, т.е. чрез 16 дней по отъезде Наследника.

В ознаменование посещения Ставрополя Государем Наследником испрошено было разрешение наименовать вторую улицу и площадь Татарского базара, где были представлены войска, *Александровскими,* а Большую улицу, ранее называемую Черкасскою, *Николаевской* в память приезда в 1837 году Николая I.[16]

С именем Александра II ставропольцы должны соединять и воспоминание об освобождении их от крайне тяжелой и разорительной постойной повинности *натурою,* вызывавшей массу недоразумений и тяжелых огорчений для горожан. Вслед за проездом Государя Наследника, именно 13 декабря 1850 года, последовало Высочайшее повеление о замене этой повинности денежными взносами, и ставропольцы избавились *от постоя,* о чем до того времени так долго хлопотали.

В это же время возникла мысль о постановке в Ставрополе памятника бюста Его Высочества.

Мысль эта почему-то не получила осуществления, но затем при вторичном посещении Александром II Кавказа в 1861 году снова заговорили о постановке в Ставрополе этого памятника, но и на этот раз Ставрополю не повезло: памятник Александру II был поставлен на месте, где он отдыхал во время пребывания в Нижнефарском отряде, близ станицы Царской, в урочище Мамрюк-Огой Кубанской области.[17]

В заключение нельзя не упомянуть еще об одном интересном деле, также относящемся к приезду Александра II в Ставрополь, которое нам удалось найти в нашем губернском архиве.

Дело это содержит прошения, поданные разными лицами Наследнику Цесаревичу. Несмотря на все строгости того времени и принятые меры, двенадцать прошений все-таки достигли Наследника.

Лица, подавшие эти жалобы, видимо, уже потеряв всякую надежду добиться удовлетворения своих ходатайств обыкновенным путем у местного начальства, решили прибегнуть к Монаршей милости и воспользовались пребыванием Наследника.

Все возлагали на путешествие Наследника по Кавказу огромные надежды и, безусловно, верили, что все будет исполнено, как только «Цесаревич Александр Николаевич» узнает. «Трудно жить, начальство обижает, а потому только, что Наследник ничего об этом не знает». Эти слова слышались от каждого, говорил мне один старик, бывший очевидцем приезда Александра II в Ставрополь. Несомненно, было много жалоб и разного рода прошений, но, к сожалению, до нас дошло только 12.

26 января 1851 года все эти жалобы канцелярия наместника препроводила управляющему гражданской частью в Ставропольской губернии генерал-лейтенанту Заводовскому *на его заключение.*

Жалобы, как видно из пометки на них, поданы 29 и 30 октября в Ставрополе, следовательно, в дни пребывания Государя Наследника в нашем городе.

Крайней наивностью и несерьезностью отличаются почти все эти прошения.

Трудно допустить, чтобы у населения не нашлось более важных вопросов и более серьезных наруше-

ний его прав, нежели те обстоятельства, которые указаны в этих жалобах. Несомненно, такие вопросы и нарушения были, но, вероятно, такого рода прошения не проникли чрез дозор и не достигли рук Наследника.

Данные же жалобы, естественно, не давали Наследнику возможности увидеть изнанку местной жизни и скорее могли вызвать только улыбку, нежели гнев на местное начальство, чего, как уверяют, ожидали современники.

Моздокский армянин Иван Соловьянов просит освободить его от платежа податей и общественных повинностей по старости и бедности: он находился 18 лет в плену у турок и, возвратившись, прожил в Моздоке до 77 лет, платя все подати. «Буду воздавать о здравии Вашего Высочества молитвы Всевышнему и ожидать милостивого разрешения». Подписал за неграмотного просителя Губ. Сек. Дмитрий Собачкин.

Отставной Коллеж. Регистратор Дементий Михайлов, писец Губернского Правления по найму, «потеряв остроту зрения», просит дать ему штатное место. «До конца жизни буду молиться Всевышнему о Благоденствии и долголетии Царственного Семейства Вашего».

Крестьянин Владимирской губ. Степан Мокин просит взыскать с купца Кирилла Сойнина 542 руб. 47 коп. заработанных денег, которых он не получает с 1849 года, «терпит убытки и продовольствует своих работников съестными припасами, стоящими ему сверх этой суммы 25 руб.».

Крест. сел. Новоселицы Марфа Проскурякова, утомившись ожидать ответа на свои прошения с 1846 года наместнику и гражданскому губернатору Волоцкому, пишет: «Ваше Императорское Высочество, внемлите молению бедствующей вдовицы, находящейся в плачевном положении, повелите кому следует согласно всемилостивейшим узаконениям о вдовицах меньшего моего сына Сергея, находящегося при мне, записать в податное состояние для прокормления меня». Повергает свою просьбу в милостивое воззрение Наследника «яко царя царей» и ожидает благотворной резолюции.

О том же просит и кр. Харитон Гладков, жалующийся на сельского голову, отбирающего у него сына. «Забыт Святой Закон Августейшего Твоего Родителя, но Ты ниспослан нам возвратить его».

Кр. Ефим Фокин не получил с комиссариатского чиновника Осипа Антоновича Крупинского 28 руб. за штукатурную и печную работу, и «хотя Крупинский был оштрафован гауптвахтным содержанием», но все же денег не платит... «Проживая здесь с чувствительными издержками и почти не в состоянии платить Государственные и земские повинности», Фокин «просит помиловать верноподданных Всероссийского Престола». Прошение даже не подписано.

Еще нелепее прошение уволенного от службы подпоручика Александра Яковлева Криворучкова, который припадает к стопам Его Высочества «как я обиженный остаюсь от здешнего начальства с женою моей и малолетними детьми шестьми, которые остаются без должного воспитания, и взыскано с меня невинно по делу обоюдному об обиде на письме, якобы обида была моя с братом родным моим подпоручиком Василием Криворочковым Надворному Советнику Михайле Суходольскому и взыскано как с меня и брата моего по решению Ставропольского Уголовного и Гражданского Суда с каждого в пользу Суходольского по 560 р. и 70 коп. (всего 1121 р. 40 коп. серебром) и это дело состояло до Милостивейшего Манифеста 1841 г., а с нас взыскано с прошлого 1849 г., а по жалобе моего брата Подпоручика Василия Криворучкова принесенному жалобу Сенату по 7 Департаменту, где он сказал буквально: «Не следовало тому месту и принимать таковые жалобы». Это вопреки сделано бывшим Председателем Ставропольского Уголовного и Гражданского Суда Статским Советником Петром Пышненко». (Следует подпись).

При чтении этих жалоб невольно закрадывается мысль, что не являются ли они своего рода искусственным показателем, что благоденствие населения ничем не нарушается и все довольны и счастливы, а если и есть недовольные начальством, то *вот каковы* их претензии.

Не верится, чтобы у населения нового края не было обид и горя более серьезного, которым они

Черкасская улица. Переименована в Николаевскую во время посещения Ставрополя Александром II. В настоящее время проспект К. Маркса

хотели бы поделиться с наследником престола, на которого были все упования.

Такая мысль подкрепляется тем суровым режимом, который был в правлении Заводовского, и тем положением крепостных, какое обнаружилось в 1853 году в знаменитом деле о бунте крестьян помещика Колантарова в сел. Маслов-Кут, окончившемся кровавой расправой.

Борьба эта крестьян с помещиком, как обнаружилось, тянулась 60 лет; были, несомненно, и глубокие нужды, но они устранены «мудрым управлением».

Несколько более серьезными являются жалобы кр. помещика Жукова на разные притеснения и обиды, и они просят освободить их от рабства на волю, на что «у Жукова нет никаких документов, хотя они и куплены им», но обид и притеснений не перечисляют.

И жалоба кр. Василиссы Сазоновой, жалующейся на то, что ее с мужем и ребенком держат в тюрьме за то только, что она оспаривает владение ею со стороны помещицы Рымкевичевой, от которой она с мужем бежала.

Но оказалось, что в том и другом случае у помещиков имеются надлежащие на них документы, правильно совершенные купчие крепости, и обиды

со стороны Жукова не подтвердились, а Сазоновых взяли под арест для пересылки к помещице.

Словом, и тут ничто не могло угрожать начальству.

Единственно серьезной жалобой было прошение крест. с. Привольного, вновь поселенного, обращавшее внимание на злоупотребления по переселенческому вопросу и расхищение земли, но среди остальных «неправых» жалоба эта потонула.

Но надо сказать, что и эти жалобы, явившиеся, очевидно, после тщательной фильтрации, получили разрешение не «милостивой резолюцией Наследника», а все они от Наместника, как сказано выше, посланы были к Заводовскому, а тот на каждое дал свое заключение, и 12 сентября 1851 года Наместник пишет Заводовскому: «Соглашаясь с вашим заключением на жалобы, поданные Его Высочеству Государю Наследнику, предоставляю вам объявить просителям», что и было буквально исполнено.

В деле имеются по каждой жалобе заключения Заводовского, сводящие все жалобы к полной неосновательности их.

В то же время нет никаких следов, чтобы они были в руках у Наследника.

Таким образом, и этого слабого голоса обывателя и верноподданного Наследник не мог услышать, и уехал он с Кавказа с убеждением, что там если и льются слезы, то только слезы благодарности.

11 ноября 1850 года последовал на имя Наместника Высочайший Рескрипт.

Князь Михаил Семенович. Из полученных Мною известий от Вселюбезнейшего Моего Сына, Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, Я с особенным удовольствием усмотрел, что вами приняты были все возможные меры к удобнейшему Его путешествию на Кавказе и к осмотру Его Высочеством всего в том крае достопримечательнейшего, как в военном отношении, так и по гражданской части; засвидетельствование Его Высочества удостоверяет Меня, что все отрасли вверенного вам управления, видимо, достигают главнейшей цели Моих желаний: пользы и благосостояния всех и каждого, и что войска отдельного Кавказского корпуса, всегда отличные своею храбростью, доведены до необходимого и должного фронтового образования. Относя столь удовлетворительное положение края попечению вашему вверенного непосредственным трудам вашим, а все распоряжения по путешествию Его Высочества вашей особенной личной заботливости, Мне приятно возобновить вам изъявление Моего постоянного благоволения и душевной Моей признательности за вашу достохвальную службу Мне и отечеству. Пребываю к вам навсегда благосклонный. На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано Николай.

Примечания

1. Доклад Г. Н. Прозрителева 20 февраля 1911 г. в юбилейном заседании Ставропольского Комитета, Ученой Архивной Комиссии и Церковного Археологич. Общества.
2. Ставропольские Губ. Вед. 1850 г. № 47.
3. Газета Кавказ 1850 г.
4. Дело 1850 года № 48/1308.
5. Отношение Ставроп. гражд. губерн. № 3511, июля 27 дня.
6. Отнош. Ставроп. гражд. губерн. 15 августа № 4002 (Дело стр. 36), губ. предвод. дворян. 25 сентября № 105 (Дело стр. 37).
7. Список о числе приготовленных под проезд Государя Наследника лошадей. (Дело стр. 50).
8. Рапорт и сведения стр. 47 и 48.
9. Сведения стр. дела 48.
10. Бентковского. Благотв. Общ. Св. Александры.
11. Краснова. Историческая записка.
12. Ген.-лейт., автор: «Терские казаки» и «Черноморцы».
13. Бывший секр. Ставропол. Статис. Комит., автор многих работ о Ставр. губ.
14. См. газету Кавказ 1853 года.
15. Мы думаем, что автором был совет. Губ. Правл. Крюков.
16. Кавказский календарь 1865 года «Ставрополь».
17. Бентковского. Император Александр II на Кавказе в 1861 году.

Текст печатается по изданию:

Прозрителев Г.Н. Александр II в Ставрополе-на-Кавказе. — Ставрополь, 1912.

В. Дейнеко. **Суворов и город Ставрополь. Первая страница истории города Ставрополя**

Местные ставропольские предания довольно правдоподобно связывают возникновение бывшей Ставропольской крепости с именем Суворова. Суворову приписываются закладка крепости и лагерная стоянка на холмистом мысе, на котором находится Казанский собор и здания интендантства; крест, недавно поставленный на конце холма, обращенном к нижней части города, по преданию, тоже сочетается с его именем. Насколько эти предания верны, трудно решить по имеющимся в наличности материалам, но они имеют неоспоримое фактическое основание в том именно обстоятельстве, что Суворов был в Ставрополе в первый же год его существования.

Громкое имя Суворова записано в истории Кавказа настолько почетным и блестящим образом, что оно скорее принадлежит истории всего Северного Кавказа, чем истории отдельных выдающихся населенных его пунктов. При необыкновенной подвижности Александра Васильевича, немного населенных мест в четырехугольнике между городами Астраханью и Ростовом (кр. Св. Димитрия) и реками Тереком и Кубанью осталось непосещенными им. Но все-таки наиболее продолжительное пребывание его падает на Астрахань, Ростов и Ейск и первоначальную линию укреплений вдоль реки Кубани, главным образом, от ст. Кавказской до устья. Этот последний несомненный факт позволяет нам установить, что пребывание гениального полководца в других местах Сев. Кавказа во всяком случае было весьма кратковременно и не могло быть ознаменовано никакими выдающимися событиями (исключая военные действия), которые позволили бы нам связать особенно тесно имя его с названием того или другого населенного пункта Сев. Кавказа, кроме упомянутых. Все-таки Суворов и г. Ставрополь друг другу не совсем чужие: по всей вероятности, Суворов был восприемником младенчествующего Ставрополя. Возникновение первого поселения в восточной, нижней части современного Ставрополя находится в связи с историей Хоперского казачьего полка.

В 1716 г. на р. Хопре (лев. пр. Дона) среди крестьянского русского населения поселились беглые черкесы, бежавшие из киргизского плена персияне и в соседстве, недалеко от р. Битюга, некоторое число крещеных калмыков. Эти разноплеменные элементы постепенно слились с русским населением, приняли православие и русский язык, образовали Хоперский казачий полк и поселились отчасти около Новохоперской крепости. По докладу Астраханского, Новороссийского и Азовского генерал-губернатора князя Г.А. Потемкина, утвержденному Императрицей Екатериной II 24 апреля 1777 года, полк этот в числе 500 взрослых казаков (не считая их семейств) был переселен на проектированную Г.А. Потемкиным (вероятно, по докладу генерала Медема) Азовско-Моздокскую линию, долженствовавшую пройти чрез реки Золку, Куму, Карамык, Томузловую, Буйволу, Калаус мимо Черного Леса (около Ставрополя) вниз по Большому Егорлыку до Маныча и по Манычу до Дона у г. Черкасска (старого, пониже Ростова). Левый крайний пункт должен был составлять г. Моздок, правый же г. Ст. Черкасск и кр. Св. Димитрия (Ростов), лежавшие почти у самого устья Дона недалеко от впадения его в Азовское море (отсюда название линии Азовско-Моздокская). Выполнителем укрепления линии был генерал-поручик Иван Варфоломеевич Якоби (тогда генерал-майор), который в качестве военного астраханского губернатора принял команду над Кавказским корпусом и всею местностью от проектированной линии к востоку, кончая Астраханью, от генерала Медема 21-го мая 1777 года по назначению и приказу светлейшего.

Кроме Хоперского полка, на линию были назначены еще для прикрытия и крепостных работ Волжский казачий полк, Владимирский драгунский, Кабардинский пехотный, два донских полка и два егерских батальона.

Грубыми штрихами эта линия была уже обозначена: на ней кое-где находились военные посты с казачьими маленькими поселками, обнесенными высокими плетневыми оградами с бойницами и небольшим передовым рвом. Потом только некоторые получили еще земляные брустверы с барбетами и амбразурами для орудий. Близ девственной лесной пустыни Черного Леса, на окраине которой находилось и место, занятое потом Ставрополем, на верхнем истоке р. Егорлыка, называемом Ташлою, был расположен пост № 8, ныне станица Михайловская, когда пришли к истоку другой р. Ташлы, называвшемуся тогда Члою, хоперские казаки. Прибытие их нужно отнести к поздней осени 1777 г., ибо между утверждением Потемкинского доклада от 24-го апреля императрицею и приведением в исполнение плана Азовско-Моздокской линии генералом Якоби, принявшим дела от Медема только 21-го мая, должно было пройти значительное время. Если даже согласиться с догадкою «Памят. кн. Ставр. губ. на 1893 г.», что «день престола первой в Ставропольской станице церкви, построенной во имя Казанской Божией Матери, празднуемой 22-го октября, отмечал собою время прибытия хоперских казаков на новое местожительство и начало заложения Ставропольской крепости», то придется ограничить это допущение в таком смысле, что в этот день, возможно, прибыли хоперцы, но о закладке не только крепости, но даже и станицы 22-го октября 1777 г. не может быть и речи. Неопровержимое доказательство этого находится в Кавказском сборнике (за 1897 г. т. 18), в «материалах для истории Северного Кавказа», где в «описании городов, крепостей и пр.», составленном от 16-го января 1792 г. по приказанию и под руководством графа Гудовича, даются следующие сведения о гор. Ставрополе: «Город Ставрополь в 1778 году заселен станицею и наименован крепостью Ставропольскою, а 1786 года в январе месяце, по открытии Кавказского Наместничества, учрежден городом. При сем городе в станице поселенного Хоперского казачьего полка служащих и неслужащих старшин и казаков 745. Жителей, записавшихся по городовому положению: купцов 181, мещан 119. Всех 1045 (с казаками). К хлебопашеству и сенным покосам земли и лесу на всякое употреб-

ление еще не отмежевано, а довольствуются всем из общественных дач, казне принадлежащих». Там же сообщается, что, кроме Ставрополя, хоперцами построены и заселены станицы: Андреевская, переименованная в Северную, Московская и Донская. Вся площадь верхней части современного Ставрополя тогда была покрыта дремучим лесом, среди которого, по причине валежника и каменной подпочвы, застаивалась на ровных местах вода и образовывала множество небольших и неглубоких болот (по верхней Базарной площади и вдоль улиц Воробьевской, Гимназической и Госпитальной далее на запад). Хоперцы, вероятно, по этой причине предпочли поселиться на относительно сухом склоне этого плато, к востоку от отделившегося мысом от плато холма, занятого теперь Казанским собором и постройками интендантства, а в 1778 г. застроенного крепостью. В воспоминаниях старого кавказца М.Ф. Федорова, бывшего Ставропольским полицеймейстером в 1857г. («Кавк. Сб». 1879 г. т. 3) и собиравшего исторические справки о г. Ставрополе, говорится, что из этого леса верхнего плато вытекал «единственный источник ключевой воды, куда жители крепости выходили за водою под прикрытием роты, при орудии», причем это сведение относит он к началу нашего века. Тут, конечно, речь идет не о Карабинском источнике; едва ли также и о р. Чле (Ташле). Скорее, это ключ, протекающий в роще, или же вернее ключ, протекавший по современному Николаевскому проспекту, где, еще по памяти старожилов, были болотистые рытвины, печальное воспоминание о когда-то бежавшем здесь ключе, который исчез с вырубкою на плато дремучего леса. Если таковы были суровые условия жизни Ставропольской крепости начала 19 века, в чем можно усомниться, то можно себе представить всю суровость жизненных условий первых насельников-хоперцев. Они жили в землянках, совокупность которых составляла небольшую станицу, окруженную только рвом и плетнем; не были даже защищены стенами с пушками, ибо покровительство и защиту крепости они получили не ранее 1778 года, артиллерию же не ранее 1779 г., когда генерал Якоби прислал в только что отстроенную крепость и станицу 13 полевых пушек и отдал их в распоряжение казаков; последние обязаны были из своей среды назначать прислугу к этим орудиям. Этим и можно объяснить находки небольших ядер и картечи как раз на месте хоперской станицы в нижнем Ставрополе. Как имя князя Г.А. Потемкина связано с главными мероприятиями правительства на Север. Кавказе в эти годы, так исполнителями этих мероприятий и главными инициаторами местных применений их являются генерал-поручики И.В. Якоби и А.В. Суворов. Имя Якоби большая часть историков сочетает с возникновением между прочими Ставропольской крепости. Известный историк «Кавказской войны» В. Потто говорит, что по инициативе Якоби были заложены новые крепости на Азовско-Моздокской линии: Екатериноград, Георгиевск и Ставрополь как главнейшие. Неизвестный историк «Памят. кн. Ставроп. губ.» передает, что «построение Ставропольской крепости производилось под наблюдением полковника Ладыженского, в распоряжении которого для производства крепостных работ состоял Владимирский драгунский полк и прибывшие для населения при крепости хоперские казаки». По этой версии получается: инициатор крепости — Якоби, исполнители — Ладыженский с владимирскими драгунами и хоперскими казаками. При этом построение относится к концу 1777 года, что совершенно противоречит вышеуказанному документальному «описанию городов и пр.» графа Гудовича. Самое большее, что успели сделать хоперцы, это выстроить землянки ввиду наступающей зимы, которая, как известно, в возвышенной местности г. Ставрополя не отличается особенною мягкостью даже тогда, когда по соседней Кубани она довольно сносна. Где были владимирцы, трудно сказать, вероятнее всего — на Тереке или Малке, где легче было разместить и прокормить этот большой 10-эскадронный полк; в ставропольской же лесной пустыне это сделать было невозможно, хотя зима с 1777 на 1778 год по Кубани была сравнительно мягкая и малоснежная. Но это точно известно только относительно нижнего и среднего течения реки Кубани; тамошний климат не может служить показателем для весьма своеобразного Ставропольского. Во всяком случае, к постройке Ставропольской крепости едва ли могли приступить хоперцы с прибывшими владимирцами ранее марта месяца 1778 года, когда владимирцы уже перешли из-под команды Якоби в команду Суворова.

Якоби, как было указано, принял команду над Кавказским корпусом 21 мая 1777 г. Несколько позже соседом его и командиром Кубанского корпуса является генерал-поручик А.В. Суворов. По приказу светлейшего (Потемкина), он 19 декабря 1776 года поступил под начальство князя Прозоровского в Крымский корпус, в январе за болезнью князя им командовал, а в июне 1777 года, тяготясь зависимостью от него и климатом, уехал в отпуск в Полтаву к жене и пробыл там до конца ноября, когда получил предписание от Румянцева, главного командира всех южных военных сил, вернуться немедленно в Крым. Не желая возвращаться под начальство антипатичного ему Прозоровского, Суворов обратился за покровительством к светлейшему, и Румянцев получил из Петербурга приказ отдать в главную команду Суворова Кубанский корпус, стоявший от кр. Св. Димитрия до гор. Ейска. Хотя корпус этот находился в косвенной зависимости от Прозоровского, Суворов сумел добиться полной независимости от него. Он приехал на Кубань в половине января 1778 года и пробыл на первый раз здесь около 100 дней, до конца апреля месяца, когда он должен был принять главное начальство и над Крымским корпусом за увольнением Прозоровского в двухгодовой отпуск; Кубанский корпус все-таки оставался под его начальством до конца 1778 года.

В эти 100 дней первого пребывания Суворова на Кубани было сделано изумительно много: войска обучены на Суворовский лад, остановлены набеги закубанских татар, весь край объехан, изучен и описан, было выстроено более 30 укреплений. При этом многие историки (Потто, Бобровский) согласно указывают, что укрепления прикубанские начинались с нынешней станицы Кавказской, тогда еле намеченный редут, но ничего не упоминают о Ставрополе. А. Петрушевский указывает, что Суворовым лично осмотрен и описан край по берегу моря до Кубани и по Кубани до Копыла, тогда как на карте «Кубанской линии крепостей и укреплений», составленной лично Суворовым в 1778 г., обозначено урочище Темижбек недалеко от теперешней Кавказской станицы на Кубани, что служит ясным доказательством, что Суворов побывал в местах недалеко от Ставрополя.

Постройка укреплений отчасти началась до прибытия Суворова, но большинство было заложено при нем (Александровское, Марьинское, Копыльское, Новотроицкое и др.), причем Суворов все объезжал, за всем наблюдал сам. В команду его поступили пять полков пехоты, 10-эскадронный Владимирский драгунский полк, 20 эскадронов гусар, 4 полка донцев и 12 орудий. Прикубанский край был еще безлюден, если не считать бродивших кое-где по северному берегу ногайцев и донских гулебщиков; закубанский край привольно заселен черкесами и кое-где ногайскими и карачаевскими татарами, враждебными России по влияниям Турции, считавшей этих свободных дикарей в сфере своего влияния и даже подданства.

Укрепления нужно было строить солдатскими руками и притом в самое короткое время, так как опасались нового разрыва с Турцией по поводу крымских дел.

Если Владимирский драгунский полк строил Ставропольскую крепость, то в районе вверенных Суворову войск он, следовательно, занимал самое восточное положение, служил коммуникации, и при том непосредственной, Кубанской линии с Азовско-Моздокской. Мы видели уже, что едва ли он мог зимовать в холодной ставропольской пустыне, каковое удовольствие выпало в зиму с 1777 г. на 1778 г. на долю хоперцев. Перезимовав, вероятно, на Тереке и будучи вытребованы в команду Суворова, владимирцы на походе (в конце февраля или в марте) за недостатком, возможно, людей были задержаны для постройки Ставропольской крепости — таково первое и наиболее вероятное предположение. В таком случае Суворов, который всегда объезжал вверенные ему войска, был в Ставрополе хотя бы по той причине, чтобы вывести поскорее свой полк с чужой линии на свою. Но возможно и другое допущение. Бобровский просто говорит, что вышепоименованные войска поступили под начальство Суворова в половине января 1778 г., тогда можно допустить, что Владимирский полк зимовал или в г. Ейске, или около кр. Св. Димитрия (Ростов). В последнем случае получается картина построения кубанских укреплений от устья к верховьям, причем владимирцы идут с запада на восток, пока не достигают Азовско-Моздокской линии, на которую почему-то переходят и строят Ставропольскую крепость, что весьма неправдоподобно. Владимирский драгунский полк или находился в команде Якоби в 1778 г. и строил Ставропольскую крепость, не поступая в команду Суворова, что несогласно с фактом, или перешел в команду Суворова от Якоби и на походе строил некоторое время Ставропольскую крепость, или же совсем не участвовал в построении этой крепости, тогда имя Суворова не имеет никакого отношения к ее построению, ибо только именем Владимирского полка связывается в 1778 г. имя Суворова с построением Ставропольской крепости: неучастие этого полка в постройке исключает и участие Суворова.

В конце апреля 1778 г. Суворов, оставляя за собою главную команду над Кубанским корпусом, вверенным им генерал-майору Райзеру, заведшему ссоры с закубанцами и излишнее кровопролитие, уехал для главного начальствования в Крым, где беспорядки, интриги и морские демонстрации турок, неудовольствие с ханом и крымцами из-за выселения крымских христиан на Бердянскую линию были так велики и сложны, что поглотили всецело все время с мая до самого конца года: Суворов не имел возможности ни проверить Райзера на Кубани, ни свидеться с семейством в Полтаве. Бестактные действия Райзера, ссоры его с закубанцами, бесполезное кровопролитие и смута имели следствием выговор Райзеру и предание суду многих его подчиненных. Обстоятельства эти исключают возможность выделения владимирских драгун из состава Кубанского корпуса для построения Ставропольской крепости в период с мая месяца до конца 1778 г., т.е. как раз в период отсутствия Суворова на Кубани. Причем необходимо заметить, что и в своем присутствии Суворов при нормальном ходе дела считал Кубанский корпус очень слабым и требовал подкрепления в три батальона, но не получил. Что же представляли Кубанские силы в его отсутствие при водворившемся беспорядке? Владимирский полк, очевидно, не мог участвовать в это время в постройке Ставропольской крепости. Всего вероятнее, хоперцы одни достраивали свою станицу, доканчивали станичные и крепостные укрепления.

Только 1-го или 2-го января 1779 г. удалось вырваться Суворову из крымского ада. Он отправился немедленно в Полтаву на свидание с семьею, прожил неделю с небольшим и помчался в Астрахань по экстренному делу. В чем состояло оно, точно неизвестно, но совершенно понятно из образа действия Суворова. По прибытии в Астрахань Суворов немедленно отправляется на Терек, в Кизляр и Моздок, проезжает по всем укреплениям Азовско-Моздокской и Кубанской линии, чрез кр. Св. Димитрия (Ростов) на Бердянскую линию и возвращается по Арабатской стрелке в Крым в конце февраля 1779 года. На этом огромном пути он внимательно осматривает все укрепления и старается изучить положение дел. Нас не должна удивлять изумительная быстрота этого объезда, сделанного Суворовым в 40 с небольшим дней, объезда около 3,5 т. верст, если мы припомним, что от пехотного солдата он требовал, в случае нужды, до 70 верст в день. То суворовские переходы. Сам же он на лошадях делал по хорошим степным дорогам едва ли менее двухсот верст в сутки. Миновать Ставропольскую крепость он не мог уже по тому обстоятельству, что она лежит на линии и единственной дороге. Сколько Суворов пробыл в Ставропольской крепости и станице, неизвестно; столько, конечно, чтобы проинспектировать ее укрепления, получить сведения о местном положении, отдохнуть и переменить лошадей. Возможно, даже только последнее, так как он мог знать, как мы видели, Ставропольскую крепость еще в один из первых четырех месяцев 1778 г. Если в это время или же во время объезда 1779 г. совершалась в Став-

Граф Рымникский, князь Италийский, генералиссимус Александр Васильевич Суворов

рополе закладка или освящение часовни, то Суворов, при своей искренней религиозности, конечно, принимал участие в этой церемонии.

То обстоятельство, что Кубанскую линию укреплений он возводил сам, а в Астраханское военное управление генерала Якоби он был послан, очевидно, для высшего инспектирования, позволяет нам думать, что именно на Кавказском корпусе и укреплениях по Тереку и Азовско-Моздокской линии было сосредоточено главное его внимание. На Кубани же дело его состояло только в отрешении от команды Райзера за его непонимание той истины, что «благомудрое великодушие иногда более полезно, нежели стремглавный военный меч», ибо Суворов всегда избегал кровопролития, насколько это от него зависело.

На Кубани же он постарался закрепить прежние хорошие отношения с прикубанскими ногайцами, что принесло в том же году хорошие плоды.

Предусмотрительность правительства, пославшего такого строгого и опытного инспектора, каким был Суворов, на линии Кавказских крепостей, получила блестящее оправдание в скором времени после проезда Суворова по этой линии.

Очевидно, с русской стороны ждали нападения на линию со стороны кабардинцев и черкесов и готовились к отражению его. Из 30 полевых орудий, находившихся в распоряжении Якоби, в Моздоке было оставлено только 4, тогда как в Георгиевской и Ставропольской крепостях было сосредоточено по 13 орудий, что указывает на значение, придаваемое этим только что возникшим укреплениям. Сам Якоби, вероятно, объезжавший вместе с Суворовым линию, остается на ней и располагается с главными силами у кр. Св. Павла. С весны 1779 года начался целый ряд нападений черкесов и кабардинцев, решившихся во что бы то ни стало уничтожить линию, стеснявшую их безнаказанные грабежи. Почти одновременно в конце мая и начале июня они огромными скопищами обрушиваются на линию с невероятным упорством, яростью и дикою энергией: до самых времен Шамиля не было такого обдуманного и сильного нападения. Кабардинцы налегли на самого Якоби, а черкесы перешли в прикубанские части и обрушились главною массою на Ставропольское и окрестные укрепления. В Ставрополе против полторы тысячи черкесов оказалось всего 200 человек казаков. Казаки оказали геройское сопротивление и разбили черкесов наголову. Это первая боевая заслуга Ставрополя перед Россией через год с небольшим после его возникновения, тесно связанная с именами хоперских казаков, Суворова и Якоби. По всей объезханной только что Суворовым линии русские одержали полную победу. Большая часть прикубанских ногайцев, обыкновенно бывших заодно с черкесами, не только не оказали им помощи, но даже перессорились с ними и вступили в кровопролитную войну, тянувшуюся почти три года и осложненную междоусобиями среди самих ногаев. Часть их была заодно с черкесами против сородичей и русских. Черкесы в союзе с ними в 1780 году опять напали на Ставрополь, но были разбиты двумя сотнями донцов под начальством есаула Локтионова, причем попался в плен их предводитель Аслам-Гирей, из крымских Гиреев.

Анархия среди ногайцев и свободные переходы черкесов через Кубань, не давшие возможности развиться русской колонизации в ставропольских степях, объясняются выводом Кубанского корпуса с Кубани, причем часть войск ушла в Ейск и на Дон, часть же, в том числе и Владимирский драгунский полк, поступила на Азовско-Моздокскую линию и участвовала в отбитии нападений кабардинцев и черкесов на линию. Это произошло вследствие изменения отношений к Турции, подтвердившей условия Кучук-Кайнарджийского мира и прекратившей попытки к вмешательству в крымские дела конвенцией в марте 1779 года Суворов выслал русские войска из Крыма и прикубанского края весною, и сам, наконец, освободился от своей трудной крымской задачи в июле месяце 1779 года и ухал в Полтаву.

Дальнейшая его деятельность тоже до известной степени принадлежит Сев. Кавказу. В конце 1779 года Суворов был вызван в Петербург и во время милостивой аудиенции императрицею был награжден звездою Св. Александра Невского с собственной одежды государыни. Два года (1780 и 1781 г.) он провел в Астрахани по особенному поручению следить за делами Персии и Индии, потом до августа 1782 года командовал Казанскою дивизией. После этого он получил опять в команду войска, назначенные в Крым, и сейчас же Кубанский корпус вторично. Поместив семью свою в кр. Св. Дмитрия, он главную квартиру свою учредил в городе Ейске и занял войсками линию до Тамани, подготовляя присоединение прикубанского края к России. Образ действий его с ногайцами был вполне миролюбив и тактичен. После манифеста от 8-го января 1783 года «о принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу» ему в июне удалось благополучно привести ногайцев к присяге на верноподданство. Но переселение их в Уральские степи, по приказу светлейшего, вызвало недоразумения, нападения на русские отряды, кончившиеся разгромом ногайцев, уходом многих за Кубань и необходимостью дать им памятный урок. Кровопролитный погром вековым хищникам был дан недалеко от впадения Лабы в Кубань в урочищах Керменчике и Сарычигере. Ногайцы навсегда были усмирены. Степи к востоку от Ставрополя могли после этого довольно спокойно заселяться, а Кубанский край скоро ожил после переселения на Кубань запорожцев и малороссийских казаков и образования Черноморского войска.

В феврале 1784 года Суворов навсегда покинул прикавказские и прикаспийские страны, чтобы прославить свое и русское имя у Черного моря, Дуная, Вислы и в Западной Европе до пределов Франции.

Без его уже участия Сев. Кавказ и Ставрополь продолжали населяться и расти. В 1786 году Ставрополь превратился в город и один из главных центров расположения войск, с 15 ноября 1802 года сделался уездным городом восстановленной Кавказской губернии, а после ее превращения в область 24 июля 1822 года был намечен в главные областные города и фактически стал им после окончательного перевода присутственных мест из г. Георгиевска весною 1825 года.

Потомки ставропольских первонасельников, современников пребывания Суворова на Кавказе, видевших его лично, хоперские казаки в том же 1825 году переселены на р. Куму и образовали станицу Карантинную, впоследствии, по странному историческому совпадению и случаю, названную Суворовскою.

Текст печатается по изданию:

Дейнеко В. Суворов и город Ставрополь. Первая страница истории города Ставрополя. — Ставрополь, 1900.

<...> Насколько Н.С. Рындовский содействовал правильной постановке в Ставропольской (Кавказской) гимназии учебного дела, строгой дисциплине и неукоснительному точному исполнению обязанностей как учащими, так и учащимися, настолько Януарий Михайлович Неверов явился в ней насадителем религиозно-нравственного чувства, гуманности, вежливости в обращении и любви ко всему изящному. Не ослабляя требований от учащихся серьезного отношения к классным занятиям, Януарий Михайлович в то же время старался культивировать их внутренний мир, внося в него те светлые начала европейской цивилизации, которые ему пришлось наблюдать в Германии вместе с таким великим гуманистом, каким был Грановский, с которым дружба Неверова продолжалась до самой смерти знаменитого московского профессора. Назначенный 26 октября 1850 года директором училищ Ставропольской губернии, Неверов явился в Ставрополь совершенно больной, и В.Д. Терзиев, служивший в гимназии с 25 июля 1845 года то в должности преподавателя татарского языка, то как инспектор, взял на себя попечение о Януарии Михайловиче. Он ухаживал за ним, как за любимым дорогим братом, приняв на себя обязанность кормить и поить директора и присматривать за его квартирой. Неверов до весны будущего (1851) года почти не вступал в должность и распоряжения делал согласно докладу Терзиева.

Любитель общества, Януарий Михайлович при содействии Терзиева, имевшего брата-чиновника при местном губернаторе, скоро познакомился со всеми представителями города. Жена Терзиева, инспектора, Жанетта Адольфовна, урожденная Капгер, вместе с сестрою своею Шарлотою устроили квартиру Неверова в доме В.А. Добрянского, женатого на последней. Открытая жизнь Добрянских, собиравших у себя в доме лучшее общество Ставрополя, скоро примирила Неверова с Кавказом. Добрянские занимали нижний этаж дома, Неверов — верхний. Поправившись, Януарий Михайлович сам стал устраивать вечеринки, на которые к нему являлись представители лучшей части общества. Здесь были и педагоги, и ученики старших классов, и монахи, и чиновники, и офицеры: всякий, как умел, принимал участие в беседе и в развлечениях. Тут монах О., обладавший прекрасным обработанным голосом, пел под аккомпанемент игравшей на рояле дамы, там шла оживленная беседа по литературе, в другом углу передавались новости, полученные чрез частные письма от участников Крымской кампании. Такие новости собирались даже от учеников, находившихся в переписке со своими родственниками, участвовавшими тогда в военных действиях. Сам барон Александр Павлович Николаи, бывший в то время попечителем Кавказского учебного округа, посещавший часто Ставрополь, предлагал ученикам сообщать ему выписки из крымских писем, касающихся военных действий. Этим путем в пятидесятых годах добывались и более свежие, и более точные сведения о текущих событиях, чем чрез газеты и журналы... Вечера устраивались у Януария Михайловича обычно по субботам. Они начинались педагогическими совещаниями, предшествовавшими приезду посторонних гостей, не принадлежавших к педагогическому миру. Заботы о чае, как и вообще по устройству подобных вечеринок, брал на себя В.Д. Терзиев и всегда умело вел хозяйственную часть как в обыденной домашней жизни Януария Михайловича, так и в гимназии. Редко устраивал у себя вечера Василий Дмитриевич, но зато с большим шиком, чем Януарий Михайлович, который особенно любил посещать великосветские кружки: это были настоящие балы. Особенно эти балы были блестящи 1 января, в день именин Терзиева. Они долго сохранялись в памяти высшего общества как Ставрополя, так и Ейска, где был в шестидесятых и семидесятых годах директором Кубанской гимназии Василий Дмитриевич. Таким общением с внешкольным миром Неверов и Терзиев без всяких родительских кружков и комитетов узнали то, что нужно для правильной постановки учебного дела, не вызывающей острых отношений между учащимися и учащими, между родителями и педагогами. Благодаря такому сближению с обществом местные власти относились сердечнее к учебным заведениям, чем в двадцатом столетии. В особенности эта сердечность ярко выступала, когда во главе Ставропольской губернии был Петр Александрович Брянчанинов, а епископом Кавказским и Черноморским — родной брат его, променявший военный мундир на монашескую рясу и клобук, — Игнатий. Последний так широко жил, что св. синод вынужден был указать размер суммы, которую может расходовать на себя епископ Кавказский. Из 24-28 тысяч рублей прежнего дохода кавказского архиерейского дома Игнатию предложено было расходовать только 12 тысяч рублей в год, не более. Кроме любви к обществу, собиравшемуся на вечеринки (на чай) преосвященного Игнатия, затягивавшиеся иногда за полночь, епископ любил блестящую обстановку, экипажи, лошадей, шелковые и бархатные рясы и всегда свежие белые перчатки, в которых он даже благословлял благочестивую публику. Справедливость требует сказать, что сам преосвящ<енный> Игнатий не принимал никакого участия непосредственно в пирушках и картежной игре, происходившей иногда в его доме. Он, как гостеприимный хозяин, ходил около столов. Разумеется, Брянчаниновым очень нравились и Неверов, и Терзиев, и губернатор не раз посещал их вечера. С не меньшею задушевностию во второй половине шестидесятых годов относился к Кубанской гимназии и ее директору Терзиеву атаман Кубанской области граф Эльстон-Сумароков. Он во время приезда в Ейск, где помещалась Кубанская гимназия, присутствовал на заседаниях педагогического совета и выслушивал часто долгие прения преподавателей о том, какое образование лучше — классическое или реальное. Насколько доверчиво относился граф к гимназии, видно из того, что сын его сдавал в Ейске окончательный экзамен, хотя мог бы то же самое сделать и в Керчи, находящейся от Екатеринодара, резиденции атамана, не дальше Ейска. Такие отношения между местными властями и учебным персоналом устанавливались отнюдь не раболепством последнего пред первыми. Наоборот, Неверов, как и Рындовский, держал себя независимо от губернаторов и прочих

сильных мира сего. Как-то губернатор генерал-лейтенант Волоцкой высказал Неверову неудовольствие по поводу существующих в гимназии порядков. Януарий Михайлович оспаривал точку зрения начальника губернии на гимназическую жизнь. Не привыкший к возражениям генерал сказал обидное для Неверова. Януарий Михайлович обжаловал лично поступок губернатора преемнику князя Воронцова Н.Н. Муравьеву, часто бывавшему в Ставрополе, где постоянно жила семья его. Муравьев пригласил Неверова и Волоцкого к себе на квартиру и, приняв сторону первого, примирил их друг с другом. Так же Неверов смело выступил на защиту министерских программ, когда одна из председательниц попечительного совета при гимназии св. Александры, супруга губернатора, в присутствии своего мужа и других лиц высшего общества вздумала во время годичных испытаний порицать гимназические программы и восхвалять институтские. <...>

Положением от 18 декабря 1848 года о Кавказском учебном округе в гимназиях Тифлисской и Ставропольской, кроме приготовительного и семи классов гимназических, учреждался еще девятый класс — специальный, в котором сверх общих предметов преподавались немецкий язык для готовящихся на немецкие факультеты и педагогика и дидактика — для тех, которые намерены себя посвятить званию учителей низших училищ и домашних наставников. Приехав на Кавказ и вступив в должность директора училищ Ставропольской губернии, Януарий Михайлович не мог не заметить недостатка в педагогических силах, нужных для уездных и низших училищ. Поэтому он все усилия употреблял привлечь юношей, оканчивающих курс гимназии, на педагогическое поприще. С этою целию он им покровительствовал, старался во всем им оказать содействие и поощрял их занятия. Тем не менее специалистов, добровольно посвящавших себя приготовлению к учительскому званию, оказывалось очень мало. В отчете за 1851 год, первый год своей педагогической деятельности на Кавказе, Януарий Михайлович говорит: «Добровольно служить по учебному ведомству никто не соглашается по трудности обязанности учителя». Поэтому он предлагал обязать казеннокоштных воспитанников слушать лекции специального класса по педагогике и дидактике и по окончании курса служить по учебному ведомству не менее 6 лет. По случаю закрытия 15 ноября 1858 года Главного педагогического института при Московском и Петербургском университетах было учреждено 10 стипендий, предназначенных для кавказских и закавказских уроженцев, готовящихся к занятию учительских должностей по Кавказскому учебному округу. Я.М. Неверов хлопотал о предоставлении этих стипендий специалистам Ставропольской гимназии, но наместник кавказский князь Барятинский (9 сентября 1860 год) нашел несправедливым предоставлять их только специалистам Ставропольской гимназии. Свои заботы о подготовлении хороших учителей Януарий Михайлович не ограничивал одним теоретическим курсом педагогики: он старался также дать своим специалистам возможность приобрести и практический навык в преподавании. С этою целию готовившиеся в учителя должны были посещать низшие классы гимназии. Кроме того, чтобы дать возможность специалистам, готовящимся к учительскому званию, для «испытания сил своих иметь дело с детьми, ровно ничему не учившимися, получить, так сказать, сырой материал, взяв детей на полную свою ответственность, развивать их под надзором своих наставников, самостоятельно, стараясь самому найти дорогу к их сердцу и рассудку», Я.М. Неверов ходатайствовал, 28 ноября 1859 года, об открытии при гимназии воскресной школы для бедных детей. Эта школа должна была давать им даровое обучение и, в случае нужды, учебные пособия. Три преподавателя мужской гимназии обещались не только трудами своими содействовать проектированной школе, но и денежными пособиями. Попечитель Кавказского учебного округа барон А.П. Николаи 15 августа 1860 года представленный Неверовым проект воскресной школы утвердил в виде опыта на один год. Януарий Михайлович известил об этом бывшего тогда Ставропольского губернатора П.А. Брянчанинова и просил его разрешить напечатать в «Губернских Ведомостях» объявление об имеющей открыться школе, а городского и ремесленного голов пригласил на 26 января на совещание. Ни то, ни другое желание Януария Михайловича не было исполнено: губернатор ему ответил, что «так как по предмету утверждения проекта воскресной школы я не получал повеления от наместника, то и не считаю себя вправе привести в исполнение требуемое директором распоряжение», о чем начальник губернии уведомил городского и ремесленного голов. Получив такое уведомление, головы сочли неудобным явиться в назначенное на 26 января заседание. Не встретил Неверов ожидаемого содействия в осуществлении своего проекта и со стороны брата губернатора, преосвященного Игнатия, епископа Кавказского. Последний, основываясь на IV заповеди, находил, что в воскресные и праздничные дни «преподавание истин христианской веры, а также молитв может святить эти дни; напротив, занятие с детьми другими науками, относящимися, главным образом, до жизни общественной, нарушает святость этих дней». Поэтому владыка признавал «законным» преподавание в праздничные дни исключительно «религиозных предметов», а в будни — прочих предметов. Наместник кавказский князь Барятинский, на разрешение которого было представлено это дело, от 15 апреля 1860 года высказал следующее мнение: «Не считая от подобного учреждения особой пользы, не желаю открытия при Ставропольской гимназии и предполагаемого воскресного класса». Итак, два брата, единодушно действуя, похоронили проект Неверова. Это их единодушие и взаимное содействие проявлялось и в других более мелочных случаях: когда гости у владыки засиживались за полночь и не в состоянии были сами разойтись по домам, то преосв<ященный> Игнатий обращался за помощию к брату, присылавшего в дом епископа полицию, развозившую гостей по домам. Такое единодушие позднее встречалось, но, конечно, в более серьезных делах, у двух братьев Зиссерманов, из которых один был губернатором в Ставрополе, а другой — прокурором суда.

Януарий Михайлович Неверов. Директор Ставропольской губернской гимназии в 1850-1860 годах

Особенным попечением Неверова пользовались ученики-горцы, появившиеся в пансионе Ставропольской гимназии в 1849 году. Прежде малолетние горцы воспитывались в кадетских корпусах, и на содержание их отпускалась из государственного казначейства особая сумма. Но этот способ воспитания оказался во многих отношениях неудобным: малолетние горцы не могли привыкнуть к северному климату России, а на юге ее в первой половине XIX столетия не было корпусов. Между горцами возникала тоска по родине, бывшая причиною различных болезней и смертности. Не зная русского языка, горцы не могли наряду с другими кадетами следить за ученьем. Вследствие этого еще 17 февраля 1842 года государь Николай Павлович повелел: «Не учреждая в Ставрополе особого училища, образовать при тамошней гимназии отделение для приготовительного воспитания до 50 горских мальчиков, из которого они должны уже поступать в кадетские корпуса или другие военно-учебные заведения». По тем же побуждениям в 1853 году последовало высочайшее повеление «оставить в кадетских корпусах одну только третью часть воспитанников из горцев, а взамен остальных воспитывать их в Ставрополе и Екатеринодаре». Такое высочайшее повеление, по уверению наместника кавказского, произвело на горцев самое приятное впечатление, так что они неотступно просили местное учебное начальство об определении детей их в пансион гимназии.

С самого вступления своего в должность директора училищ Ставропольской губернии Я.М. Неверов озабочен был, каким образом применить гимназическое образование к той цели, которую правительство имело в виду при назначении 65 горских вакансий при Ставропольской гимназии. После долгих соображений Януарий Михайлович пришел к заключению, что горцам следует давать такое образование, которое бы предоставляло им средство быть полезными гражданами «не на воинственном, а преимущественно мирном поприще, не выходя из своей сферы, т.е. не отдаляясь от своих природных нравов, обычаев, верований» и т.д. Поэтому горцам, по мнению Неверова, нужно преподавать не латинский язык, не законоведение (русское право), имеющее мало применения к быту горцев, руководящихся большею частию своим правом-шариатом, а естественные науки. Он предлагал начать преподавание их применительно к Кавказу с III класса, допустив к слушанию этого предмета и детей христиан, по воле их родителей. На представленную программу, созданную в указанном духе Неверовым, наместник кавказский Н.Н. Муравьев взглянул отрицательно: «В преподавании естественных наук не предвидится особой надобности». По уходу Муравьева с Кавказа барон А.П. Николаи разрешил временно вести преподавание по программе, составленной Я.М. Неверовым. Наконец новый наместник князь Барятинский утвердил неверовскую программу, по которой полагалось 14 уроков естественной истории в Ставропольской гимназии.

Не менее Януария Михайловича озабочивала мысль о том, чтобы в сношениях с туземцами образованные русские люди, окончившие курс в кавказских гимназиях, знали местные языки настолько, чтобы без затруднения могли понимать инородцев и объясняться с ними на их языке. В Ставропольской гимназии по «Положению 1 июля 1837 года» преподавались с успехом татарский и армянский языки. В 1849 году введен был в курс гимназии и черкесский язык, для преподавания которого был приглашен прапорщик Омар Берсеев (23 января 1850 года — 27 июня 1860 года), практически и теоретически знавший основательно этот язык. Берсеев привез с собою и составленную им азбуку черкесского языка. Но барон Николаи и Неверов находили недостаточным для государственных целей изучение только упомянутых выше языков. Убедившись при посещении Ставропольской гимназии, как успешно в ней ведется изучение туземных языков, на которых и русские ученики получали навык объясняться без затруднения, попечитель учебного округа пришел к мысли об основании при Ставропольской гимназии восточного отделения. В 1860 году Януарий Михайлович представил барону А.П. Николаи подробный проект его, по которому каждый воспитанник этого отделения должен специально изучить арабский язык, татарский или турецкий и одно из горских наречий. Это изучение начинается, взамен латинского языка и законоведения, с IV класса и идет более практически, чем теоретически; оно преимущественно состоит в чтении и разборе восточных рукописей, а также — в переводах. По окончании курса в специальном классе воспитанники восточного отделения прикомандировываются к приставам горских народов для прочнейшего усвоения разговорного языка; затем их предположено было определять на должности письменных переводчиков и низшие административные посты по управлению горцами. Весной 1861 года барон А.П. Николаи и Я.М. Неверов покинули Кавказ, не завершив своих проектов по учебному делу. Преемники Януария Михайловича не только не стремились к осуществлению его проектов, но даже несочувственно относились к тому, что им создано и что окрепло при Ставропольской гимназии.

Должность попечителя Кавказского учебного округа с 1 июля 1860 года была упразднена. Его обязанности возложены были на местных губернаторов, чем и вызван был переход барона Николаи в другое ведомство, а Неверова — в Москву на пост директора Лазаревского института. В Москве Януарий Михайлович продолжал заботиться о кавказской молодежи, учащейся в высших учебных заведениях. Двери его квартиры всегда были открыты для студентов, часто искавших рекомендации Неверова на частные уроки. Имея широкое знакомство в московском учено-литературном обществе, Януарий Михайлович легко удовлетворял просьбы кавказцев-студентов. В Москве в шестидесятых годах пользовалась популярностью кондитерская Филиппова. Неверов вечерком сам любил в нее заходить. Встречая по дороге кавказца-студента, лично ему знакомого, он останавливал его словами: «Милый мой, что же ты забыл про меня? Заходи». Предметом беседы Януария Михайловича с кавказцами служила судьба покинутой им гимназии. Ничего утешительного он про нее не слыхал. На экзамене 15 июня 1862 года из пяти специалистов Ставропольской гимназии трое получили по математике и геометрии по единице, число переведенных учеников в старшие классы было менее половины. Такой неутешительный ход учебного дела в эти годы оказался не в одном Ставрополе, но почти во всех учебных заведениях Кавказского края.

Причину такого явления прежде всего нужно искать в упразднении должности попечителя округа и в подчинении учебных заведений местным губернаторам и начальникам областей, из которых каждый, по своему усмотрению, устанавливал порядок занятий в гимназиях. Результатом такой учебно-административной реформы было то, что ученики одной кавказской гимназии не могли переходить в другую вследствие вводимых в их курсы частных изменений. Между губернаторами и директорами нередко возникали случаи взаимного непонимания, переходившие в столь серьезные недоразумения, что они весьма плачевно отзывались на ходе учебного дела в крае. Такого рода недоразумения или взаимного непонимания между губернаторами и педагогическим советом гимназии встречались в Ставрополе чаще, чем в Кубанской гимназии, устроившейся в Ейске, население которого не претендовало на вмешательство в учебные дела, а власти его — градоначальник Сальстет и городничий Худобашев, более чем скромные люди, — любовно относились к местной гимназии, внушая своим отношением к ней уважение и полное доверие к учебному персоналу. Не то было в Ставрополе. В отчете своем за 1861 год ставропольский губернатор Пащенко жалуется «на значительное отсутствие и опаздывание учителей и учеников». Без сомнения, для того, чтобы заставить учителей исправно посещать классы и аккуратно выполнять программы положенных в гимназии предметов, губернатор 7 января 1862 года предписал учителям составлять при начале учебного курса программы преподаваемого предмета с точным распределением чтений соответственно каждому уроку. На это распоряжение педагогический совет ответил следующим образом: «Такого рода программы возможны только при методе преподавания акроаметической, состоящей в не прерываемом ничем изложении предмета самим учителем. Но акроаметическое преподавание, удобоисполнимое и уместное в университетских и академических аудиториях, нисколько не стесняющих преподавателя ни субъективным состоянием слушателей, ни требованием нормальных от вне предначертанных программ и дисциплинированных правил, — в сфере средних общеобразовательных заведений, каковы гимназии, если бы и оказалось возможным по отношению к некоторым предметам, то решительно устраняет выполнение других обязанностей, возлагаемых на учителей гимназическим уставом и притом не обусловливает действительной пользы преподавания для самих учеников гимназии» и т.д. Губернатор, выслушав это постановление, потребовал, чтобы оно было изменено, «дабы не довести его, губернатора, до необходимости дать совету предложение резкого свойства».

Не меньшею причиною, если не более важною, чем учебно-административная реформа 1860 года, слабых успехов учившихся в Ставропольской гимназии за этот период были отсутствие штатных преподавателей даже по главным предметам и замена их вольнонаемными людьми (напр<имер>, латинский язык поручался лекарю), надзирателями и разными сторонними людьми, не знакомыми ни с какими педагогическими приемами. В конце шестидесятых годов в Ставропольской гимназии недоставало 5 учителей. <...>

Я.М. Неверов, покидая Кавказ, оставил педагогическому персоналу и воспитанникам гимназии «Нравственный катехизис» — подробную инструкцию, обнимающую и предусматривающую все случаи в жизни учебного заведения, воспитанники которого принадлежат к разным национальностям, стоящим на различных ступенях культурности и вынесшим из своих семейств свой нравственный кодекс. Преобладающий численностию в пансионе Ставропольской гимназии русский элемент тоже был далеко неоднородный по культуре: здесь есть и великороссы, и бывшие запорожские казаки-малороссы, долго сохранявшие свой собственный семейный уклад и понятия о доблести, чести и праве, и гребенские казаки-старообрядцы, сжившиеся с соседями-горцами и усвоившие в некоторых отношениях нравственный облик своих соседей, часто кунаков. Красивый костюм, заимствованный казаками у горцев, сближал тех и других и по наружности, и во взглядах на право. Известный профессор Московского университета Никита Иванович Крылов державшему у него экзамен горцу Шумафу Гацукук Тутаюку, ученику Кубанской гимназии, заметил: «На что тебе право? У тебя право — кинжал!» Едва ли бы ошибся Никита Иванович, если бы то же свое изречение применил к казакам половины прошлого столетия.

До чего доходила в середине шестидесятых годов разнузданность пансионеров-горцев, видно из следующего факта: ученик-татарин Кармов оскорбил словами надзирателя Н.И. Балталона. Последний объявил оскорбившему его ученику, что о его проступке будет доложено инспектору, и направился с этою целию к дверям пансиона. Кармов, подталкивая его сзади коленом, в это время приговаривал: «Ступай, ступай».

Если принять во внимание мягкий, как воск, характер русского человека, то понятно будет, почему не большинство подчиняло своему влиянию туземцев, а, наоборот, последние своим ухарством, ненавистию ко всему, что связывает их разнузданность и не дает возможности развернуться во всю ширь их свободе, несовместимой с условиями жизни культурного человека, нередко ассимилируют себе по правам русских. Вот почему на Кавказе бьют и убивают ученики учителей своих и начальников учебных заведений не только татары, абхазцы и т.п. инородцы, но и русские. Что еще более поразительно в данном случае — это стремление скрыть поднявшую руку на педагога. Такое отношение к преступлению свидетельствует о сочувствии учащейся молодежи к преступнику. Но подобных явлений не встречалось, когда во главе учебных заведений на Кавказе стояли Рындовские, Неверовы, Илляшенки, Пузыревские и все принадлежавшие к их педагогической школе. Януарий Михайлович Неверов в своем «Нравственном катехизисе» указал средства для воздействия на разноплеменной состав воспитанников пансиона Ставропольской гимназии. Его «катехизис» не есть свод моральных изречений, основанных на христианском только учении: это собрание общечеловеческих истин, не противоречащих духу христианства, но одинаково понятных для людей, стоящих на всех ступенях культуры. В заключение своей инструкции надзирателям Януарий Михайлович прибавляет: «Можно исчислить только внешние обязанности надзирателей, но и самое точное исполнение их не может, однако, удовлетворить всем требованиям их звания... Деятельный надзиратель должен одинаково следить

за всеми моментами умственной, нравственной жизни вверенных его надзору детей и юношей, направлять их к доброму, уяснять их понятия, поощрять их к труду, внушать любовь ко всему благому и прекрасному. Один машинальный надзор над тем, чтобы дети сидели на местах и смотрели в книгу, ни к чему не ведет и унижает только звание надзирателя». Неверов на практике старался показать преподавателям и воспитателям, как нужно относиться к учащейся молодежи: он, не будучи по закону обязан заниматься уроками, нередко делал их, особенно по языкам, обращая преимущественное внимание на слабейших воспитанников, по праздникам пред обедней читал пред учениками-христианами очередное евангелие, сопровождая чтение моральными выводами, выслушивал богослужение от начала до конца и т.д. По отъезду Януария Михайловича с Кавказа ставропольские педагоги, не имея пред собою авторитетного руководителя в лице начальника учебного заведения, окунувшись в омут общественной жизни, часто игнорировали свои обязанности: надзиратели не считали нужным даже присутствовать в пансионе, оставляя воспитанников вне всякого наблюдения со стороны старших. <...>

Недолго Януарию Михайловичу пришлось стоять во главе Лазаревского института, перешедшего чрез несколько лет в ведение воспитанника Ставропольской гимназии Кананова, воспитанника той эпохи, когда Неверов был директором ее. Без сомнения, Кананов явился продолжателем в институте неверовского режима. Кстати заметим, что и теперь стоит во главе Лазаревского института г. Гидулянов, воспитанник Ставропольской гимназии. К счастью Кавказа, 3 мая 1864 года главным инспектором его учебных заведений был назначен Януарий Михайлович, с 1867 года попечитель Кавказского учебного округа. К такому назначению сочувственно отнеслись не только педагоги, желавшие серьезно работать на ниве просвещения, но и родители, до сего времени беспокоившиеся за участь своих детей, учившихся в кавказских гимназиях. Ставши во главе учебного округа, Неверов с расширением сферы своей деятельности и увеличением полномочий не изменил той системы управления, благодаря которой Ставропольская гимназия достигла при нем полного расцвета. И попечителем округа он остался сердечным человеком, доступным для своих подчиненных во всякое время и готовым все сделать для них, если только это не послужит во вред учебно-воспитательному делу. «Милый мой» — был обыкновенный привет его как для учителя, так и для ученика. Посещая гимназии, он по целым часам выслушивал урок того или другого преподавателя, а не переходил из класса в класс через каждые 5-10 минут, как это делают теперь некоторые попечители округов и их сотрудники — окружные инспектора. Таков же был и Ф.Д. Илляшенко, избранный Неверовым в ближайшие себе помощники. Он точно держался той же тактики в отношениях к педагогическому персоналу, как и Януарий Михайлович. Прослушав целый урок преподавателя, избрав для этой цели самый укромный уголок в классе, где-либо на задней скамейке, Януарий Михайлович молча выходил из класса. На лице его нельзя было прочесть того впечатления, какое произвел на него прослушанный урок. Только в беседе с учителем с глазу на глаз Неверов в совершенно безобидной форме высказывал свое мнение о прослушанном уроке. На большой перемене Януарий Михайлович нередко председательствовал в учительской на общем собрании педагогического персонала. Здесь он высказывал свои взгляды на меры, которые следует предпринять для избежания грубых шалостей учащихся, иногда вредящих их здоровью. Как-то раз он заметил, что дети возвращались со двора в класс с синяками и даже окровавленными носами. Как на причину такого явления инспектор, запрошенный попечителем, указал на привычку учеников, чтобы размять члены после часового неподвижного сидения в классе, драться друг с другом. На первом же собрании учителей Януарий Михайлович предложил учебному начальству, чтобы дети не дрались друг с другом, но вместе с тем могли бы размять члены, поставить во дворе несколько деревянных болванов: «Пусть дети бьют их сколько угодно», — заключил свою речь Неверов. Сидевший тут хохол-учитель чистописания Страшкевич прыснул со смеха на всю учительскую залу. Януарий Михайлович вспыхнул и ушел из залы, никому ничего не сказав. Но начальство исполнило совет попечителя, поставило во дворе несколько манекенов-болванов. Ученики, выбежав из класса, увидя болванов, спросили надзирателя, для чего они поставлены. Узнав от него о цели появления статуй на гимназическом дворе, ученики бросились их бить бесцеремонно кулаками. Но ужас! Кулаки у них оказались оцарапанными, а у некоторых даже окровавленными. Раздосадованные ученики тогда с большим ожесточением бросились друг на друга. Начальство, видя такие неутешительные последствия забавы детей с манекенами, приказало статуи убрать со двора. Справедливость требует сказать, что такое развлечение для гимназистов на переменах придумал не сам Неверов: ему рекомендовал эту забаву гимназический врач.

Г.И. Кананов, выпускник Ставропольской губернской гимназии (1852), директор Московского Лазаревского института восточных языков

Неверов отличался безграничною доверчивостию к людям. Он убежден был, что только по ошибке, принимая зло за добро, человек кому-либо может вредить. Поэтому Януарий Михайлович легко поддавался влиянию близко стоявших к нему по службе лиц. Самое продолжительное (с 1851 по 1879 год) влияние на него имел В.Д. Терзиев, служивший с ним в Ставрополе около десяти лет. В Тифлисе для Януария Михайловича «веселый барин», как о нем всегда докладывал попечителю лакей, был наиболее желанный гость. Но нужно правду сказать, Терзиев, этот «хороший хозяин», по словам Неверова, никогда не пользовался своею близостию к нему во зло кому-либо. Наоборот, даже недоброжелатели его и завистники, которых у него было много, под его начальством в Кубанской гимназии благополучно жили. Но были люди, которые своею бесцеремонностию в обращении с попечителем, громкими фразами и лестию опуты-

вали Неверова и создавали себе карьеру. За таких господ, обманывавших его надежды, приходилось краснеть не раз Януарию Михайловичу. Насколько доверчив был Неверов, видно, между прочим, из следующего факта. Возвращаясь из-за границы, в Одессе он нанял для себя нового лакея. По приезде в Керчь, где остановился пароход на два часа, лакей попросился у барина на берег посмотреть город. «Ты, милый мой, не опаздывай, а по первому свистку явись на пароход. Вот тебе часы, чтобы ты не пропустил времени, когда нужно явиться сюда». И Януарий Михайлович снял с себя часы, купленные за границей за 200 рублей, и вручил их лакею, от которого еще не взял документа. Лакей уплыл на лодке к берегу, находившемуся от парохода на расстоянии не менее версты. Проходит час-другой. Пароход через известные промежутки дает первый, второй и третий свисток, а лакея все нет. Так и поехал дальше Неверов без часов и лакея, об имени и фамилии которого он даже и не справился.

В детях Януарий Михайлович видел одно доброе: это, с его точки зрения, ангелы, чуждые грубых вкусов. Учитель приготовительного класса армянин В. узнал, что завтра у него на уроке будет попечитель. Он немедленно привел свою классную комнату в возможно лучший вид и на другой день ждал Януария Михайловича в полной уверенности, что попечитель останется доволен его, В-ва, уроком, тем более, что ученики были предупреждены о посещении почетного гостя. Попечитель вошел в класс и нашел его не только в безукоризненном, но даже в образцовом виде: нигде нет ни пылинки, на окнах цветы, около учительского стола разостлан ковер, а на ковре поставлено мягкое кресло, предназначенное для почетного гостя. Сев на указанное место, Неверов предложил В-ву вызвать кого-либо из учеников и спросить урок. Учитель вызвал армянина-ученика и спросил его: «Знаешь Птычка?» «Знаю», — отвечал сурово ученик. «Кавари». Ученик бойко говорит стихотворение А.В. Кольцова «Птичка». После слов «Солнце красное взойдет, птичка гласу Бога внемлет, встрепенется и поет» Неверов спрашивает ученика: «А ты, милый мой, что делаешь, когда встаешь?» «Мамка, дай чурека[1]», — сказал ученик. Неверов не ожидал такого прозаического ответа, вспыхнул и ушел из класса, не подав руки В-ву.

Во время осмотра учебных заведений вне Тифлиса Неверов по вечерам любил беседовать с местным учебным персоналом не по вопросам педагогики или дидактики, а на современные, большею частию литературные темы, интересовавшие общество той эпохи. Для таких бесед к начальнику учебного заведения приглашались преподаватели, которые известны были за знатоков литературы, следящих за ее направлением. Януарий Михайлович натуральную школу называл просто «нраво-описательной» и не любил о ней разговаривать. К большинству славянофилов он относился сочувственно, но некоторых из них, встреченных им в литературных кружках Москвы, прямо называл неблаговоспитанными. Неверов — питомец Берлинского университета начала тридцатых годов — весь был пропитан благоговением пред корифеями немецкой классической литературы — Шиллером, Гете и пр. Поэтому он вступал с особенным оживлением в беседу о немецких писателях второй половины XVIII века и первой четверти XIX века. Здесь он не затягивал своей речи э...э...э, что всегда он делал, когда ему приходилось говорить о скучных материях. Особенно свежим и бодрым Януарий Михайлович себя чувствовал по возвращении из Кисловодска, после ванн нарзана, или с заграничных курортов. Тут речь его лилась рекою, и Неверов казался помолодевшим на целых 25 лет. Как бы нечаянно, доставая какую-либо книжку из ручного саквояжа, Януарий Михайлович ронял привезенные из-за границы прокламации или нелегальные листки, делая вид, что не замечает этого. Разумеется, сидевшие около него успевали за 2-3 минуты поднять и прочесть оброненное, а затем вручить его по принадлежности. Януарий Михайлович со словами «Ах, Боже мой» спешил опять запрятать в свой саквояж листки. Впрочем, такая небрежность, намеренная или ненамеренная, не имела никаких последствий: никто не пользовался оплошностию попечителя. Но, вероятно, за границей нашлись охотники, которые донесли в Петербург о провозе Неверовым нелегальной литературы. Поэтому как-то на границе отобрали книжки и листки у Януария Михайловича и возвратили ему их только тогда, когда из Тифлиса был получен отзыв о Неверове наместника как о совершенно благонадежном человеке.

В своих заботах о материальном благосостоянии вверенных Неверову учебных заведений Януарий Михайлович находил сильную поддержку в бароне А.П. Николаи, который в эпоху попечительства Неверова был при наместнике кавказском начальником главного управления по гражданской части. Барон также любовно относился к интересам учащих и учащихся Кавказского учебного округа, как это было при попечительстве его. Зато с губернаторами, десять лет тому назад (1850-1860) не особенно церемонившимися с попечителем бароном Николаи, последний был суров и не всегда подавал им руку. Им часто приходилось подолгу ждать приема начальника главного управления. Между же Неверовым и бароном Николаи установились чисто дружеские отношения, продолжавшиеся и в Петербурге, после перехода обоих туда на службу.

Едва ли не высшею заслугою Я.М. Неверова как попечителя было основание первого учительского института на Кавказе (в Тифлисе), первым директором которого был Н.П. Захаров, бывший в пятидесятых годах преподавателем математики Ставропольской гимназии. Выбор Януария Михайловича настолько был удачный , что ученики Захарова на всем Кавказе блестяще исполняли и исполняют учебно-воспитательные обязанности, состоя в должности преподавателей и инспекторов городских и начальных училищ. Память о Н.П. Захарове так же долго будет жить на Кавказе, как и о Семенове, директоре первой учительской семинарии на Северном Кавказе, избранном на эту должность Януарием Михайловичем. О Семенове, впоследствии заведовавшем учебною частию начальных училищ С.-Петербурга, его кавказские питомцы отзываются: «Он внедрил в нас любовь к учебно-воспитательному делу, которое мы не променяем ни на какое другое, более почетное и выгодное в материальном отношении». Таковы были педагоги-руководители учебного дела на Кавказе, призванные Януарием Михайловичем стать во главе учебных заведений Кавказа.

Будучи на Кавказе насадителем гуманного воспитания детей и вдохновителем в этом направлении педагогов, Януарий Михайлович хозяйственную часть учебного округа, определение прав того

или другого лица на пенсии и пособия, а учебных заведений — на отпуск из государственного казначейства средств к существованию и улучшению их экономического состояния, вполне предоставил правителю своей канцелярии А.Д. Илляшенко, окончившему курс Ставропольской гимназии в 1849 году, следовательно, воспитаннику школы Н.С. Рындовского, т.е. той школы, из которой выходили только деловые люди, люди долга и служебной чести. Своим подчиненным, обращавшимся к Януарию Михайловичу с ходатайством о пособии или о пенсии, он обыкновенно говаривал: «Ступай, милый мой, к Александру Дмитриевичу. Он укажет тебе законы и даст надлежащие справки». На закате дней своих Януарий Михайлович, видимо, озабочен был мыслию о том, каким образом оставить о себе навсегда память в учебных заведениях Кавказа. Скромный в домашней своей обстановке, в удовлетворении своих жизненных потребностей, Неверов и во время пребывания на курортах, что он в последнее время своего попечительства делал ежегодно, занимал самый дешевый номер в гостинице, заваленный чемоданами, книгами и газетами так, что в нем трудно было свободно расположиться двум-трем человекам. Сам Януарий Михайлович любил проводить большую часть дня в каком-либо уютном уголке парка, вероятно, скрываясь от докучливых просителей и вообще от людей, любящих поболтать с особами и выпытать у них что-либо новенькое для беседы с друзьями. Не на веселые размышления наводили его и те сослуживцы, которые, будучи поставлены Януарием Михайловичем на видные служебные должности, не оправдывали его надежд, а некоторые за глаза прямо смеялись над ним, называя его «старухой». Это люди карьеры, умевшие блеснуть пред начальством даром красноречия. При введении реформы в гимназиях гр. Д.А. Толстого они из ярых поклонников реального образования вдруг преобразились в усердных проводников в школах толстовского классицизма. Заочно, в отсутствии начальства, они смеялись над классической системой, не стесняясь при этом присутствием товарищей-учителей и учеников. Таких людей, стоявших во главе гимназий при Неверове и его преемниках, было достаточное количество на Кавказе. Они, разумеется, не содействовали серьезному отношению ни учителей, ни учеников к толстовскому классицизму, а скорее подрывали в корне своим апатичным отношением к латинскому и греческому языкам зарождавшееся в учащейся молодежи стремление к изучению их. Немного нашлось честных людей, которые, будучи несогласны с толстовской системой воспитания, покинули места директоров гимназий. Таков был Евгений Львович Марков, отец члена Государственной думы Николая Евгеньевича. Он, не сочувствуя толстовскому классицизму, оставил должность директора Симферопольской гимназии и по ходатайству Я.М. Неверова назначен был директором Кубанской учительской семинарии.

Уходившему со службы на Кавказе Януарию Михайловичу предложено было звание сенатора. Но он сам о себе говорил: «Какой я сенатор без знания законов!» — и предпочел занять пост члена совета министра народного просвещения. На Кавказе скоро забыли о нем, так что в 1887 году, когда исполнилось 50 лет государственной службы Неверова, он по случаю пятидесятилетнего юбилея Ставропольской гимназии в частном письме напомнил и о себе. После смерти своей он оставил 64000 рублей, завещанных им разным учебным заведениям. Из них 2000 рублей поступило в фонд учеников Ставропольской гимназии. На панихиде, отслуженной по случаю смерти Януария Михайловича в Ставропольском соборе, присутствовал только один воспитанник его — А.Ф. Макаровский, хотя Ставрополь и доселе насчитывает много сослуживцев и питомцев и близких знакомых Януария Михайловича. Так кончилась жизнь одного из видных педагогов XIX столетия. Рындовские и Неверовы сошли со сцены, но результаты их деятельности на Кавказе долго еще будут осязательны и очевидны: питомцев их педагогической школы и теперь легко отличить не только на педагогическом поприще, но и во всякой сфере деятельности общественной и государственной.

Примечание

1. Чурек — хлеб из кукурузы.

Текст печатается по изданию:
Краснов М.В. Просветители Кавказа. — Ставрополь, 1913. — С. 61—80.

Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета. Доклад действительного члена Ставропольского статистического комитета Г.Н. Прозрителева на заседании комитета 28 августа 1906 года

«Главная задача биографии состоит, как мне кажется (говорит Гете), в том, чтобы представить человека в его отношениях к окружающей обстановке и показать, насколько она противодействовала и насколько содействовала ему».

(Гете «Поэзия и правда»)

В истории существования нашего Ставропольского губернского статистического комитета резко выделяется время с 1871 г. по 1891 г. Этот двадцатилетний период является временем расцвета, полной и всесторонней деятельности комитета и, так сказать, временем сознательного и целесообразного существования его. То, чем комитет стал после 1891 г. и каким он оставался до осени прошлого года, можно назвать состоянием летаргии, когда жизнь еще не погасла, но внешних жизненных проявлений, полезных для окружающего, нет. Между тем, статистический комитет по самому своему названию имеет самые жизненные задачи, смысл своего существования он черпает из самых сложных и подчас бурно перекрещивающихся явлений повседневной жизни. Ни одна сторона местной жизни не может пройти незамеченной, и ни одно явление не отойдет бесследно в прошлое. Конечно, все это — при правильной постановке дела и, главное, при энергии и деятельной работе лиц, входящих в состав Комитета. Несмотря на то, что комитет насчитывает в своем составе несколько лиц, обыкновенно деятельность его зависит от одного лица, с любовью и энергией берущегося за дело. И раз такое лицо оказывается в составе комитета, он оживает, работа идет, и все остальные подтягиваются и откликаются на вопросы местной жизни. Но если нет такой центральной фигуры, деятельность комитета сводится к нулю.

Такое положение единственного ученого учреждения в губернии очень печально, но таковы уж условия действительности в провинциальном городе, а отчасти виной и общие причины, выработавшие в русском человеке излишнюю скромность и нерешительность.

Но тем больше заслуга того, кто бодро берется за работу и своим почином создает настроение и у других, вызывает желание поработать и внести луч света в потемки местной жизни; в крайнем случае, такой энергичный работник на своих плечах выносит всю тяжесть работы.

Такой центральной фигурой за указанный двадцатилетний период существования комитета был И.В. Бентковский, памяти которого и посвящены настоящие строки.

Покойный Бентковский не был уроженцем нашего края, попал сюда случайно и при таких обстоятельствах и в такое время, когда каждому было дело «до себя», и условия жизни нашего края далеко не благоприятствовали ученой и литературной деятельности.

Тем не менее Бентковский стал настолько близким человеком и так проникся интересами и нуждами нашего края, что посвятил всего себя изучению условий его существования и в течение всей своей долгой жизни не оставлял без внимания и посильной разработки вопросов, касающихся жизни Северного Кавказа.

Результатом такого его отношения являются оставшиеся его почтенные труды, и по ним с полной определенностью можно установить высказанное нами выше положение. Нельзя не отметить, что биографические данные, поскольку они известны, не указывают на подготовку Иосифа Викентьевича к ученой деятельности; образование он получил гимназическое, окончив курс в 30-х годах. Это образование, конечно, служило малой подготовкой, и дальнейшим

развитием от обязан всецело себе, своей усидчивой работе, которая при изменившихся обстоятельствах в его молодости дала совсем другое направление всей его последующей жизни и деятельности.

Польское восстание 30-х годов было ближайшей причиной того, что Бентковский попал на Кавказ. Об этом времени Бентковский не любил говорить и, несмотря на мои близкие с ним отношения, он никогда лично не говорил мне об этом невольном путешествии. Недоброжелатели его обыкновенно говорили, что он пришел на Кавказ «в серой шинели». Из послужного списка его видно, что он происходил из дворян Варшавской губернии Брескульского уезда. Здесь он значится православным, но когда именно Иосиф Викентьевич принял православие, неизвестно.

В 1832 году он, по окончании гимназического курса в Царстве Польском, поступил на службу рядовым в Депо Плоцкого Воеводства, в 1833 году произведен в унтер-офицеры. В следующем году в январе переведен в Навагинский полк и в феврале того же года зачислен в Кавказский линейный 1-й батальон, и в этом же году он прибыл на Кавказ, сосланный после усмирения польского восстания 30-х годов. В 1836 году он был зачислен в Ставропольский Казачий полк и переименован в урядники, и только в 1842 году в мае произведен в хорунжие. В это время ему было 32 года. В 1845 году он был назначен заседателем в полковое правление 4-й бригады Кавказского линейного войска. В 1848 году назначен был начальником Михайловской станицы, а в 1854 году произведен в сотники и в этом чине и вышел в отставку 25 марта 1857 года.

Благодаря разнообразной и усердной службе понесенное им наказание — ссылка на Кавказ — не имела никаких последствий и в послужном списке сказано: «наказаниям и взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, никогда подвергаем не был ни по судебным приговорам, ни в дисциплинарном порядке, в подозрении по преступлениям, влекущим за собой такие ограничения, и под судом никогда не был».

Только по выходе в отставку Иосиф Викентьевич мог очевидно заняться литературной деятельностью, но прежняя служба и частые разъезды, соединенные с нею, несомненно дали ему богатый материал по изучению края.

По окончании службы он поселился в с. Безопасном и ему посвятил свою первую работу.

В 1860 году 1 марта Иосиф Викентьевич был избран членом-корреспондентом Ставропольского статистического комитета. В 1862 году 29 марта в заседании Ставропольского статистического комитета избран в действительные члены его. 16 ноября 1871 года избран секретарем этого же комитета. В 1864 году 25 марта избран членом-корреспондентом Общества любителей кавказской археологии, ныне Кавказского общества истории и археологии. Второго октября того же года избран членом-сотрудником Императорского кавказского медицинского общества. 20 ноября того же года — членом-сотрудником Всероссийского общества естествоиспытателей.

В 1874 году великий князь Михаил Николаевич, в то время наместник Кавказа, за составление статистической карты Ставропольской губернии пожаловал его золотой табакеркой в 275 рублей ценою.

В 1875 году избран членом-сотрудником Императорского географического общества. В 1877 году 16—28 февраля избран почетным членом Нижегородского губернского статистического комитета. В том же году 20 марта избран членом-сотрудником Императорского вольного экономического общества. По приказанию бывшего наместника кавказского и согласно предложению ставропольского губернатора от 3-го октября 1877 года № 2044 был командирован в Тифлис в помощь инструктору Кавказского коннозаводского округа действительному статскому советнику Дитерихсу для составления общего соображения о землях, необходимых для коннозаводских нужд Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии. В 1878 году приказом по Главному управлению государственного коннозаводства назначен корреспондентом по Кавказскому краю. В 1877 году 16 апреля за составление обозрения XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества св. Александры в бозе почившей государыней императрицей пожалован золотым перстнем, украшенным изумрудом и бриллиантом.

В 1881 году 30 января избран действительным членом Кубанского статистического комитета. В 1883 году 26 февраля избран почетным членом того же комитета. В 1885 году 24 мая за отлично усердную службу всемилостивейше пожалован орденом Святой Анны 3-й степени. В 1885 году 16 апреля избран членом-соревнователем Ставропольского медицинского общества.

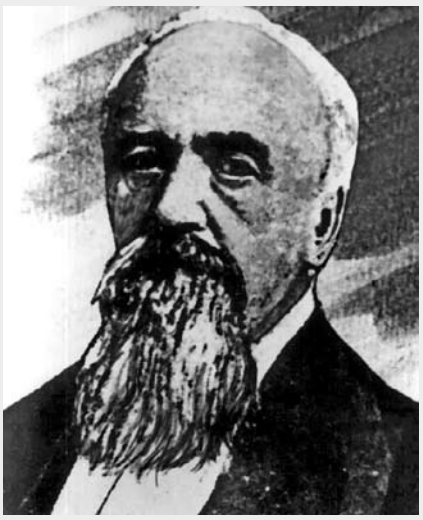
Весь этот перечень служит единственной наградой за долголетнюю усидчивую работу, и кроме этого и своих литературных трудов Иосиф Викентьевич наследства не оставил.

Как ни странно, но и эта скромная кабинетная деятельность Бентковского, которой он всецело был поглощен, давала ему недоброжелателей, которые, собственно говоря, не имели даже достаточно повода к враждебному чувству, потому что Бентковский не отличался искательством и местное чиновничество, среди которого и были недоброжелательные лица, не могли указать случая, когда бы он стал ему поперек дороги. Но для среды, где крупных интересов не существует и где трепещут за свое место, более или менее близкое положение к начальству составляет цель жизни, особенно в то время, там не надо больших поводов и достаточно даже того, что человек ведет иную жизнь, чем другие, не играет в карты и все пишет. Так было и с Бентковским. Особенность его положения составляли его многосторонние знания и то, что он впоследствии по обязанности секретаря Статистического комитета посещал губернаторов, давало повод к различному к нему отношению служебного мира. Одни заискивали перед ним, другие боялись, третьи ненавидели, но никто, собственно говоря, не имел достаточного основания для своего чувства. Это отношение к нему менялось в зависимости от того, как в тот или другой период относился к нему губернатор.

Особенно прочно положение Бентковского было при губернаторе Дене, который серьезно изучал нашу губернию и в Иосифе Викентьевиче видел единственного пособника. Вечно занятый работой Иосиф Викентьевич вел замкнутую жизнь в Ставрополе и наиболее близкими его знакомыми были генерал Кравцов, генерал Попко, автор «Терских

казаков», и А.В. Архангельский, который, кажется, один только до самой смерти Иосифа Викентьевича остался его неизменным приятелем и не имел поводов к размолвкам. Мы отмечаем это обстоятельство ввиду того, что небольшая в то время группа интеллигентных людей в Ставрополе, интересовавшихся наукой и историей края, стала почти в неприязненные отношения друг с другом с момента выпуска в свет генералом Попко своей книги «Терские казаки». И генерал Кравцов, и Бентковский порицали автора за неправильное пользование материалом и были несогласны с его выводами, что очень раздражало самолюбивого автора, а издание Кравцовым и Бентковским брошюры по поводу его книги окончательно их разъединило, а с ними распался и кружок лиц, примыкавших к ним.

Иосиф Викентьевич первоначально проживал в селе Безопасном и предавался разнообразной хозяйственной деятельности, даже некоторое время занимался, кажется, торговлей. Но со времени избрания его секретарем Статистического комитета он переезжает в Ставрополь и всецело посвящает себя литературной и ученой деятельности.



Иосиф Викентьевич Бентковский — секретарь Ставропольского статистического комитета (1871—1891)

Из приведенного здесь библиографического указателя его трудов видно, что он, так сказать, окунулся в целый водоворот вопросов, которые ставила жизнь края, и желая сам, может быть, разобраться в них и не находя нигде печатного ответа, он волей-неволей должен был хвататься за все, желая выяснить путь к истинному пониманию требований и нужд местного населения. Здесь и история, и статистика, и этнография, и прочее и прочее.

Неизбежно такая разбросанность отражается невыгодно на цельности и обстоятельности работы, но такова судьба провинциального работника, взявшегося за изучение края.

Работая в одиночку по самым разнообразным вопросам, а потому неизбежно спешно, Иосиф Викентьевич не гнался за особенной полнотой исследования, он хотел возможно шире охватить проявления местной жизни и дать, так сказать, руководящие указания для будущих деятелей, любящих свой край.

Личная жизнь Бентковского не дает особенного материала, она протекла, что называется, в четырех стенах, среди семьи и его ученых занятий. И за исключением эпизода его молодости — ссылки на Кавказ за участие в польском восстании — жизнь его прошла мирно, особенно при его ровном и уживчивом характере.

Женат он был три раза уже по прибытии на Кавказ, и в 3-й раз уже 68 лет женился на молоденькой учительнице того же селения Безопасного, от которой и имел сына, поразительно похожего на него.

Бентковский вел большую переписку, но, к сожалению, я не мог иметь в своем распоряжении этого весьма интересного материала.

Близким человеком к Иосифу Викентьевичу, когда он жил в с. Безопасном, был фельдшер Николай Петрович Абрамский. Долговременное знакомство его с Иосифом Викентьевичем и то обстоятельство, что я лично знал Абрамского как почтенного и полезного общественного деятеля, дало мне основание обратиться к нему с просьбой сообщить сведения о Бентковском. В письме своем от 12 марта 1906 г. Абрамский хотя и не сообщает фактических подробностей из жизни Иосифа Викентьевича, но тем не менее указания его заслуживают внимания. Он пишет: «Иосиф Викентьевич был в высшей степени честен и справедлив. Он не терпел слушать никакой лжи, никогда не умалчивал, если видел, что начальство врет, хотя бы это было и высшее начальство. Благодаря своей прямоте и темпераменту он публично останавливал врунов и хвастунов, почему он и не подвигался в чинах, как получил сотника, так им до отставки и остался. Сверстники же по той же Варшавской школе в 70-х и 80-х годах уже были министрами, товарищами министров, посланниками и проч., и он с ними вел переписку до самой своей смерти».

Далее Абрамский передает такой случай, характеризующий современное Иосифу Викентьевичу общество 40-х годов на Кавказе.

«Были такие вруны, говорил Иосиф Викентьевич, как, например, один дивизионный командир, что в офицерском собрании уверил всех офицеров, за исключением Иосифа Викентьевича, что во Франции солдаты оттого быстры в походах и делают большие переходы, что во многих полках солдатам икры повырезаны, что их будто бы сильно облегчает на ходу и прочее. Вот тут-то Бентковский обличал их в невежественных суждениях и прочем».

Все это было, когда Бентковский состоял сотенным командиром над казаками станицы Михайловской. Затем, будучи станичным атаманом, он поймал несколько фур чайной контрабанды, около сотни ящиков с чаем. Арестовав контрабанду, он поместил все ящики в станичном правлении в очищенной арестантской комнате, которую наполнили до потолка. Запечатали внутреннюю и внешнюю двери и поставили часовых. Стоимость контрабанды была в несколько тысяч рублей.

Иосиф Викентьевич, хотя и часто, и днем и ночью, проверял часовых и печати, однако не укараулил.

Часовые, подкупленные контрабандистом, хорошо знающим свое дело, выкрали все ящики, причем печати и замки остались невредимыми. Контрабандист часто ездил в Ставрополь и обратно в Михайловку, жаловался губернатору и судебному ведомству, уверял, что и документы его там же, с арестованными предметами, просил и настаивал, чтобы назначена была комиссия, которая лично убедится, что у него не контрабандный чай, а опечатанный, указал, куда он везет и прочее. Каково же было удивление комиссии и поражение Иосифа Викентьевича, когда ни одного ящика не оказалось. Замки же и печати все были целы. Комиссия при тщательном осмотре не нашла нигде никаких следов поломок и разрушений. Спустя некоторое время успели найти следы на камышовой крыше, где со двора были выдернуты несколько снопов, затем больше половины от верхушки отрублены, а костыки камыша снова воткнуты, вбиты, разглажены снаружи, посыпаны землей и заглажены. С крыши же по доске были спущены ящики. Контрабандист

же, как опытный мошенник, затягивал дело до тех пор, пока убедился, что у него все в порядке, стал действовать наверняка и успел. Губернатор предложил Иосифу Викентьевичу безотлагательно подать в отставку и выехать из Михайловки.

Абрамский очень симпатично отзывается о последней жене Иосифа Викентьевича и говорит: «Если Иосиф Викентьевич и дожил до глубокой старости, 80 лет, то он много обязан своей доброй, честной, тактичной и любимой жене, с которой он прожил счастливо 15 лет».

Но отсутствие подобного материала в данном случае не является существенным, так как Иосиф Викентьевич весь вылился в его трудах, разбор которых и даст лучшую характеристику его. На этом, главным образом, мы и остановимся.

Требовать безупречности и оставить особенно строгие требования при оценке его работ — это значит совсем закрывать глаза на условия, при которых ему пришлось работать, но даже и в этих условиях он оставил нам весьма ценные работы. Хотя надо заметить, что многие из ставропольской интеллигенции скептически относились к работам Бентковского.

Бентковского упрекали в неточности сведений, которые он приводил в своих работах. Приводили на вид даже курьезы, что в путеводителе его от Ставрополя до Надежды показано 10 верст, а от Надежды до Ставрополя 12 верст. Подобный упрек даже брошен был ему в глаза в соединенном заседании Городской Думы по вопросу о проведении на Ставрополь железной дороги. Но если вспомнить, что Бентковский был один работник в комитете, а дело собирания сведений по губернии и в настоящее время находится в том же положении, в каком оно было в 50-х годах, и всецело находится в руках волостных писарей, которые не имеют физической возможности за многочисленностью обязанностей и массой работы заниматься точной статистикой, — то будет понятно, над каким материалом работал Бентковский. При этом и канцелярия его состояла из одного старика писца, который никоим образом не мог проникнуться уважением и интересом к порученной ему работе.

Несомненно, что точных данных и безупречных сведений Бентковский не имел, но где они в других комитетах могут быть названы точными? Дело статистики тогда стоит прочно и добываемые ею сведения соответствуют действительности, когда опрос и исследования производятся на месте, непосредственно у самого населения, и явления повседневной жизни и результаты трудов отдельных лиц и обществ закрепляются цифрами. Исследователь, побывав в данной местности, имеет возможность дополнить эти цифры пояснением, почерпнутым из того впечатления, которое он вынес лично из обозрения продуктов или работ, или даже внешнего вида населения, до известной степени определяющего его зажиточность и способ питания.

Но если исследователь сидит в губернском городе и довольствуется присланными сведениями из разных мест, точно так же полученными не из личных наблюдений, а со слов, или поставленных наугад, то, конечно, к таким выводам нужно относиться с осторожностью.

Но во всяком случае ошибки такого центрального статистика будут лежать не на его совести, а на тех условиях, в которые поставлен он в своей работе. В самом деле, для того, чтобы совершать опрос и производить исследования на месте, нужны средства на поездки, а между тем Статистический комитет едва оплачивает скромное жалование секретаря и содержание писца, и других сумм не имеет. Это главное условие невозможности получить точные сведения остается и до настоящего времени, которое, во всяком случае, значительно ушло вперед против того, когда начинал свою работу Бентковский.

Тем не менее, зная лично Бентковского в течение 15 лет и неоднократно беседуя с ним по тем или другим вопросам местной жизни, я безусловно утверждаю, что он никогда не шел на сделку в своих статистических работах ввиду тех или иных соображений, хотя подобные требования неоднократно предъявлялись ему администрацией. Бентковский после таких внушений спешил поделиться со мной и взволнованно говорил, что хотят переделать таблицу умножения и доказать, что дважды два не четыре. И он добавлял при этом: «Я, тем не менее, сохраню свои черновики и докажу, когда надо будет, свою правоту».

Надо сознаться, что жизнь далеко не так складывалась, чтобы можно было доказывать эту правоту и восстанавливать поруганные цифры, так как соображения «высшие» брали верх и начальство по-своему переделывало тот или другой доклад, не стесняясь заявлений автора.

Канцелярия всегда к услугам в таких случаях, и бойкое перо, отписывающее о благополучии в крае, всегда найдется. Подобный случай, о котором я упомяну ниже, и повел к роковой развязке для Иосифа Викентьевича, ускорив его кончину.

Таким образом, точность данных в работах Бентковского хотя и может быть признана относительной, тем не менее он со своей стороны прилагал старания для проверки получаемых сведений, и мне лично известно, что он в разных местах губернии, имея своих личных знакомых, путем частных писем делал их своими деловыми корреспондентами и опрашивал по тем или другим вопросам и данным статистики края. Знакомство у него было большое, благодаря долговременности пребывания в уезде, и потому общение было оживленное, поддерживаемое, помимо писем, и личными приездами этих лиц в Ставрополь к Бентковскому, который за последние 15 лет при мне жил в нем безвыездно. Эти сношения и личные знакомства значительно помогали ему, и не раз мне приходилось слышать от него с радостью, что он имел возможность из верного источника удостовериться в том или другом обстоятельстве. Изучая в настоящее время его работы, можно положа руку на сердце сказать, что если эти данные не охватывают всей жизни губернии, не представляют необходимой полноты и имеют погрешности, то, во всяком случае, он один и никто другой не ознакомил нас посильно с жизнью нашей губернии, выносся все на своих плечах.

Конечно, было бы полезнее иметь точную картину жизни нашей губернии по данным точной статистики, но для этого не надо оставлять человека одиночным работником.

По вопросу статистики Бентковский сделал много. Он первый задался мыслью составить списки населенных мест Ставропольской губернии и, несмотря на значительную трудность этой работы, в

1874 году им издан список населенных мест по сведениям 1873 года, куда вошли уезды Ставропольский, Пятигорский, Новогригорьевский, Медвеженский, с 50 волостями, затем Большедербентовский улус, Трухмянское, Ачикулакское, Караногайское приставства с показанием деления губернии в полицейском отношении и расстояний ста административных и мировых центров. В этой работе он по каждому пункту, как бы он ни был незначителен (хутора и отселки), показывает число дворов жителей, исповедание, народность, промышленные заведения и местонахождение пункта, а также училища. Кроме этих таблиц, он дает сводные сведения по уездам и отдельным пунктам о количестве населения по сословиям и их процентное отношение. Есть сведения о сектантах. Затем дает высоту разных пунктов, определенную барометрически, высоту курганов, определенную триангуляцией Северного Кавказа, высоту над уровнем Черного моря и, наконец, хронологический список основания населенных мест Ставропольской губернии. Конечно, и здесь можно найти много ошибок, тем не менее, это единственная работа для Ставропольской губернии, по которой мы можем судить о положении ее назад тому 33 года и сравнить ее с настоящим. Этим указанием мы не хотим умалить значение деятельности его предшественника, секретаря Черноярского, работы которого по этому вопросу помещены в сборнике за 1868 год, но если находить недостаточно точными работы Бентковского, то, понятно, за более ранний период работы эти могут быть еще менее совершенными. Это издание Бентковского составило шестой выпуск сборника комитета. Хотя издание это попало в рубрику сборников комитета, но несомненно, что это единоличная работа Бентковского, о чем и упомянуто на первой странице. Не может подлежать сомнению, что работа эта имеет большое практическое значение, так как многие необходимые справки не могут быть получены при отсутствии путеводителя по губернии, памятной книжки или списков населенных мест. Все сведения, приуроченные к данному населенному пункту, по крайней мере в отношении движения населения, составляют ценное подспорье в повседневной жизни, а потому такая книга является весьма пригодным и желательным изданием.

Предшествующие издания комитета не могли восполнить этого недостатка, хотя имели как приложения таблицы, помещаемые губернатором во всеподданнейшем отчете. Поняв необходимость такого издания, Бентковский, очевидно, уже раньше имел эту мысль, когда еще не был секретарем комитета, и вот мы видим, что он еще в 1869 году во 2 выпуске комитета помещает большую статью — описание селения Безопасного (31 л.), которую между прочим сопровождает таким эпиграфом: «Изучать крестьянский быт — значит изучать историю; крестьянский обычай есть живой архив — собрание неоцененных исторических источников» (Рюль). Хотя Бентковский и не оставил после себя работ по собиранию крестьянских обычаев, но тем не менее он всегда клал в основу своих изысканий именно приведенную выше точку зрения, а потому эпиграф этот выбран не случайно, а, так сказать, отвечал его внутреннему настроению и постановленной им себе задаче. Зная Бентковского лично, я могу утверждать, что он никогда не отступал от указанного направления. И в этой же статье он прямо говорит: «...война на Северном Кавказе и заселение его шли рука об руку с равным усилием и большими материальными и нравственными пожертвованиями. Едва ли поэтому можно сомневаться, что во многих случаях успех русского оружия обусловливается успехом водворения оседлого населения».

«И когда в последние десять лет военная литература обогатилась очерками многих отдельных эпизодов Кавказской войны и биографиями действовавших лиц... материалы, относящиеся к заселению Северного Кавказа и Ставропольской губернии в частности, все еще не тронутые, покоятся в разных архивах. Не пора ли стряхнуть с них пыль и передать их науке», — говорит Бентковский. Таким образом, Бентковский придавал большое значение тому незаметному труженику, который, собственно говоря, и слагает страницы истории, но о котором по большей части история молчит — это хлеборобкрестьянин, составляющий основу государственной жизни. Эта мысль наша подтверждается и тем, что Бентковский задумал большую работу: «Историю колонизации Северного Кавказа», о которой мы будем говорить ниже, но значительная часть которой, к сожалению, для нас потеряна, так как осталась в рукописи, и неизвестно, где теперь находятся бумаги, оставшиеся после смерти Бентковского.

В том же сборнике помещена и другая его статья: «Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношении» (продолжение в 3-м выпуске), хотя это заглавие и не вполне отвечает статье, так как ее содержание — описание населенных пунктов, входящих в этот участок, и, собственно говоря, сведений по мировой юрисдикции в этой статье нет, да и сам Бентковский заканчивает ее следующим заявлением: «...население каждой отдельной местности живет своей экономической жизнью, которая развиваться может только при благоприятствующих ей условиях, поэтому мы будем возвращаться к 3-му мировому участку до тех пор, пока не исчерпаем данных о его экономическом состоянии». В том же 3-м сборнике есть еще его статья и о городе Ставрополе.

Тогда же, вероятно, зародилась у Иосифа Викентьевича мысль составить путеводитель по Ставропольской губернии, что он осуществил значительно позже, издав объемистую книжку: «Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии 1883 г.» (450 страниц в ⅛ листа), которая и до сих пор остается единственной в этом роде для всего Северного Кавказа.

Обращая внимание главным образом на экономические условия жизни губернии, Бентковский первый стал разрабатывать статистику поземельной собственности и поместил в 4-м выпуске за 1871 г. статью: «Описание владельческих земель, расположенных в Ставропольской губернии и уезде, по бассейнам рек Большой и Малой Кугульты, и в смежных с ними урочищах, к которой приложил числовую таблицу и карту земель».

О частном землевладении Бентковский говорит еще в статье «Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе». С. Г. В. 1876 года № 11.

Еще одну подробность необходимо подчеркнуть в деятельности Бентковского, говоря о частновладельческих землях. Дело в том, что кавказские земли на его глазах подвергались буквальному расхищению. Появилась идея насадить помещичье хо-

зяйство, для которого явился контингентом весь состав чиновничества, служившего на Кавказе, которым и стали раздавать, каждому по несколько сотен и тысяч десятин, эти земли, пройденные русским солдатом и мужиком. Возникли новые помещики, которые никогда и не заглядывали в свои обширные поместья, ожидая только случая перепродать их в другие руки за какую бы то ни было цену. И вот началась горячка по продаже этих высочайше пожалованных земель, сбивая цену до 3 руб. за десятину, а некоторые участки так и остались в качестве «ничьих», потому что владельцы их забыли о них (поместье Алексеева). И в это-то время щедрой раздачи этих земель, которых было роздано 285000 десятин, русский крестьянин все-таки не находил на Кавказе земли и являлся «дурноселовцем», которого гнали с занятого места казачьи команды и разоряли его хату.

И в это же самое время в заселении земель отдавалось предпочтение всем, но только не русскому крестьянину. Земли раздавались армянам, грекам, турецким выходцам, немцам, эстонцам, татарам, а русский человек, выходец из России, селился украдкой, занимая землю тайком, и обращался в дурноселовца.

Зная всю эту историю в подробностях, Бентковский не раз с горечью говорил мне об этом, и к его чести надо сказать, что он во всей этой погоне за землей не урвал себе кусочка, хотя при его положении, связях и знакомстве в то время он легко мог бы это сделать. Между прочим, он передал мне для ознакомления очень интересный документ, касающийся этого периода, которым и предложил мне при случае воспользоваться. Чтобы осветить этот период, я приведу указанный документ целиком:

«Прежде всего, нелишним считаю упомянуть, что главный контингент лиц, воспользовавшихся наградами, состоял как из высших, так отчасти и второстепенных членов Главного Управления и Губернских и Областных учреждений Кавказского и Закавказского края, а также генералов и штаб-офицеров военного ведомства.

Можно сказать положительно, что нет начальника отдельной части как Главного Управления, так и провинциальных учреждений, который не успел бы вполне обеспечить солидным образом свое материальные положение на счет казенной земельной собственности.

Награждались большею частью не какие-либо выдающиеся заслуги, даже незаурядная, бескорыстная и усердная служба, а преимущественно связи, бездарная посредственность и часто одно прохождение службы, попрошайничество и проходимство. Чтобы получить земельный участок, нужно было сперва попасть в список кандидатов, ведшийся в Главном Управлении, а затем назойливо, а иногда смиренно хлопотать о получении участка.

Вообще раздача земель на Кавказе производилась на тех же самых условиях, как и в Оренбургском крае, но не успела она получить широкой огласки единственно потому, что обезземеливали казну, а не общественные владения.

Что касается Контроля, то он мог оставаться только немым свидетелем свершавшегося на его глазах, так как каждая награда получала высочайшую реакцию».

Это выписка из донесения управляющего Ставропольской контрольной палатой покойного Ежовского от 2-го декабря 1882 года за № 5052.

А вот другой документ, относящийся к тому же делу:

Донесение Управляющего Контрольной Палаты на имя г. Государственного Контролера от 30 Ноября 1881 г. за № 5045.

«Вследствие письма господина директора Канцелярии Государственного Контроля от 12 ноября за № 6689 и в дополнение к представлению моему от 3-го октября сего года за № 4103, имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что в половине шестидесятых годов в Ставропольской губернии считалось свободной казенной земли приблизительно 540 тысяч десятин. Из этой массы земель с 1866 года, то есть в течение пятнадцати лет отчуждено: а) по высочайшему повелению 15 мая 1865 года в ведение удельного ведомства 113707 дес., б) при перечислении Кизлярского уезда из состава Ставропольской губернии в *состав Терской области* в 1872 году передано в ведение Терского областного правления *84654 дес.* и в) *при выдаче в Ставропольской губ.* владенных записей отведено в дополнительный надел крестьянам (до 15 десятинной пропорции на душу согласно ст. 10 устава о благоустройстве в казенных селениях, т.XII, ч. II св. зак.) *около 40 тысяч десятин.*

Затем осталось, следовательно, свободной казенной земли до 300 тысяч десятин, из коих, как, ваше высокопревосходительство, изволите усмотреть из приложенных при сем сведений, по разновременно последовавшим высочайшим соизволениям роздано в награду разным лицам 208745 десятин и предположено было еще раздать, как это видно из имеющегося в местном Управлении государственным имуществом распоряжения Главного управления наместника кавказского от 5 ноября 1877 года за № 3408, более 74 т. дес., так что весь размер земель, розданных и предположенных к раздаче в награду собственно в Ставропольской губернии, простирается свыше 280 тысяч десятин, что составляет 93 с третью % всего количества свободной земли.

Равным образом и в областях Терской и Кубанской (входящих в ревизионный район Ставропольской палаты), по имеющимся в палате сведениям, свободных казенных земель к 1875 году приблизительно состояло: в Терской области более 120 т. дес., из коих роздано в награду по высочайшим пожалованиям до 50 т. дес., или почти половина всего запаса; отведено под устройство образцовой фермы и других сельскохозяйственных заведений (согласно 142—148 ст. т. XII ч. II св. зак. устава о городском и сельском хозяйстве, по продолж. 1869 года) более 600 дес., и в дополнительный надел сельским и аульным обществам более 47 т. дес., а в Кубанской области к тому же 1875 году числилось свободной казенной земли, расположенной на низменностях, приблизительно более 45 т. дес., которые уже к 1876 году почти все розданы были в награду, и в мокрой полосе, недоступной для сельского хозяйства, около 1400 т. дес., которые по настоящее время по своей непригодности остаются свободными, принося казне самый ничтожный доход.

При этом необходимо объяснить, что непомерная раздача казенных земель в частное потомственное владение, истощившая в короткое время

некогда обильный запас их на Кавказе, хотя давно обратила на себя серьезное внимание Контрольной палаты, но не могла быть преследована ею в ревизионном порядке, ибо самый вопрос о праве Контроля возбуждать переписку по делам, санкционированным высочайшею властью, остается до сих пор в существующем законодательстве не разрешенным. Тем не менее Контрольная палата, не желая ограничиваться одним лишь формальным отношением к делу, то есть наблюдать за правильностью исключения администрацией, согласно 56 и 57 ст. уст. о каз. оброч. ст., земельных участков из оклада, — в течение последних пяти лет неоднократно требовала от распорядительных управлений подробные инвентарные списки о всем казенном земельном имуществе, а равно и копию с высочайших повелений о награждении разных лиц земельными участками, чтобы по документам этим проверить, по крайней мере, действительность тех мотивов, кои приводились во всеподданнейших докладах в доказательство необходимости награждений, а также правильность выполнения уже состоявшихся высочайших повелений о награждении.

Уже в одних копиях высочайших повелений Контрольная палата ожидала найти далеко не бесполезный в ревизионном отношении материал, как на это указывали некоторые случайно доставленные в Палату сведения. Так, например, из сведений, доставленных Терским областным правлением по поводу требования Контрольной палаты в 1878 году, замечено, что при проверке отвода некоторых участков, совпавшей с преобразованием местных административных учреждений, отобрано было обратно в казну 1140 дес., как отмежеванных сверх количества, высочайше пожалованного. Одинаково, только благодаря случаю, было Палатой также замечено, во-первых, что при отводе пожалованных участков принимались иногда полторы и две десятины за одну пожалованную по той будто бы причине, что отводимая земля показывалась или малогодною, или же совсем не годною для сельского хозяйства, а во-вторых, из 63 т. дес. плодороднейшей в крае земли, приобретенной в 1865 году казной у князей Бековичей-Черкасских за 94500 рублей, более 25 т. дес. роздано в награду разным лицам, и в этом числе 3 т. дес. тем же князьям Бековичам, у которых земля эта куплена казною.

Очевидно, следовательно, что если правительство купило у частного лица эту землю, то находило ее почему-либо необходимой для себя и, следовательно, ходатайство о пожаловании этой земли в награду частным лицам, как для казны ненужной, должно бы было показаться неуместным; между тем, как можно судить по имеющимся в Палате данным, во всеподданнейших докладах о пожаловании в награду участков из земель, купленных у князей Бековичей-Черкасских, способ приобретения этих земель правительством — именно покупкой — не указывался, вследствие сего означенные доклады и удостаивались высочайшего утверждения.

Но несмотря на все требования Палаты, Терское и Кубанское областное правление не доставили ей до сих пор не только копий с высочайших повелений о пожалованных участках, но даже и общих инвентарных описей казенному земельному имуществу, находящемуся в их распоряжении; Управление же государственного имущества Ставропольской губернии, хотя и доставило некоторое подобие инвентарной книги, заведенной в 1869 году, но от доставления Палате копий с высочайших повелений о пожалованных земельных участках уклонилось, направив Палату в Ставропольское губернское правление, где, по словам его, должны находиться указы Правительствующего Сената на отвод участков. Затребовав посему копии с означенных указов от Ставропольского губернского правления, Контрольная Палата также не только не получила просимого, но даже никакого ответа».

Это сообщение принадлежит покойному Ежовскому, бывшему в то время управляющим Контрольной Палатой.

Нельзя не согласиться, что все эти данные характеризуют Бентковского, который не поддался искушению участвовать в этой земельной вакханалии, хотя утверждаю, что он был лично известен наместнику Кавказа и состоял в переписке с выдающимися деятелями Тифлисского чиновничества, а с местными губернаторами был, до Никифораки, в близких отношениях и на хорошем служебном счету.

Бентковский был сторонник передачи земель, в широком значении этого слова, в руки русского крестьянства и не верил в прочность насаждения чиновничьего владения, что впоследствии вполне и подтвердилось, так как из всех этих высочайше пожалованных земель осталось не более одного-двух участков в руках первоначальных владельцев, а остальные все перешли или в руки крестьянских товариществ, или в руки тавричан-землевладельцев; за счет их в значительной мере увеличилось и землевладение крестьянских обществ, хотя большая часть попала в руки частных лиц.

Бентковский так же смотрел и на передачу земель инородцам, другим национальностям, не ожидая от них больших успехов в земледельческом хозяйстве, но признавал большее право на эти земли за русским мужиком и солдатом как лучшими колонизаторами и более пригодными хозяевами-земледельцами, что и подтвердилось впоследствии, так как русские селения далеко опередили в своем развитии все эти иностранные колонии. А лучшим примером может служить заштатный город Св. Креста, едва влачащий свое существование со своим армянским населением. <...>

Он указывает на то, что колонизация шла вначале вообще без всякой регистрации, случайно, и что подбор статистических данных для истории колонизации края — труд далеко не легкий, хотя, прибавляет Бентковский, «...должно сказать, что нет труда, которого нельзя было бы совершить соединенными силами», и жалуется еще на недоступность гражданских и казачьих архивов, которые познакомили бы с ясными и темными сторонами этой интересной страницы истории Кавказа.

Указывая на значительный контингент поселенцев, которых дало крепостное право, державшее внутри России в железных условиях крестьян, Бентковский замечает, что дело переселения все-таки пошло законнее с учреждением конторы над переселенцами, состоявшей в ведении Ставропольского нижнего земского суда и находившейся на границе губернии в селении Средне-Егорлыкском.

С этого времени, несмотря на все несовершенство управления, все-таки хоть какие-нибудь гарантии получали прибывшие переселенцы и не отдавались на произвол и усмотрение местных чиновников.

Бентковский, придавая большое значение в заселении крестьянскому элементу, говорит, что обра-

зование на Кавказе казачества шло в ущерб экономическому развитию страны.

«Соображения того времени требовали преимущественно такого населения, которое удовлетворяло бы двум неотложным местным потребностям: военной и гражданской, а эту двойственную обязанность могли нести только казаки. Вот почему казаки значительно превышали численность гражданского населения Ставропольской губернии». И это последнее обращалось в казаки насильственно (в 1833 году — 33 селения, в 1834 году — 2 селения и в 1844 году — 4 селения).

Желая увеличить это население, в казаки принимались все до 1865 года.

Отдавая должное той необходимости, которая вызывала военный строй населения, нельзя не согласиться с Бентковским, что одновременное развитие гражданского быта и подходящих условий для жизни гражданского населения безусловно скорее подвинуло бы развитие края и гораздо ранее подняло бы его экономическое значение.

Отмечая эту точку зрения, я хочу выяснить отношение Бентковского к главному и весьма серьезному вопросу Северного Кавказа.

Безусловно, что наш местный земельный вопрос сложился под влиянием этих воззрений и даже существуют два законодательных акта, определяющие землевладение крестьян и казаков совершенно различно.

В то время как первые получили надел не более 15 десятин на душу, вторые располагали таковым до 30 десятин.

Первые ограничены в своем распоряжении даже усадебной оседлостью, а вторым эта часть нарезана в собственность с правом отчуждения по купчим крепостям.

Если при этом принять во внимание, что казачьи офицеры получили безвозмездно крупные участки земли от 200 десятин и более, то станет понятным, какое предпочтение оказывалось казачьему населению.

Это противоположение подушного населения (крестьянства) казачьему сказывалось в остальном строе жизни края и нельзя было не видеть, что оно было тормозом в развитии и вызывало нежелательное обострение в отношениях этих двух групп населения.

Бесспорно, что боевое время требовало воина, но если вспомнить, что мирный житель не только переживал все опасности от нападения враждующих кавказских племен и нес громадные имущественные потери в случаях набегов, он в то же время подушно нес платежи, отбывал натурой подводную повинность для всех проходящих войск, физическим трудом участвовал во всех нуждах армии и в то же время добывал на кавказских полях, еще не обеспеченных для мирного труда, тот провиант, без которого и военные операции немыслимы; и благодаря ему появился собственный местный хлеб, с которым и военные операции пошли быстрее, а самые первоначально хотя и жалкие селения служили базой для войск и местом расквартирования и временных остановок команд — то станет понятно, какую почтенную и видную роль сыграл этот мирный труженик в заселении Кавказа.

Вот поэтому мирное население (не военное) имело право на большее внимание к себе со стороны правящих, и все распоряжения, клонившиеся к ограничениям его, тяжело отражались на общем развитии края и мешали быстрому его ходу.

Нельзя не упомянуть, что даже значительно позднее крестьяне не везде могли селиться в казачьих селениях и так называемые «иногородние», то есть выходцы из внутренних губерний, до сих пор являются в Кубанской и Терской областях бесправными, не имеющими возможности приобретать в собственность в станицах усадебной оседлости, с ограничением во всех других отношениях, даже до права пользования местными школами. Все это создало крайне нежелательные и обостренные между казаками и иногородними отношения, доходившие не раз и во многих местах до открытого столкновения.

А между тем все быстрое развитие Кубанской области: торговля, промышленность, ремесла, хлебопашество за последнее время создано именно этим иногородним населением, проживающим там бесправно не на правах коренных жителей в количестве 1058560 душ.

Если бы управление краем приняло своевременно во внимание интересы этой части населения, то безусловно, что тот громадный вывоз хлеба, которым может гордиться теперь Кубанская область и Ставропольская губерния (92 миллиона пудов), создался бы много десятков лет ранее, а с ним изменились бы и все другие условия жизни населения в культурном отношении.

Бентковский, высказываясь в этом направлении в то время, правильно совершенно оценивал события, проходившие перед его глазами.

Такое же противоположение, к сожалению, чувствовалось даже и городским населением, и военное управление городов останавливало экономический рост их.

Этим же объясняется и то ничтожное число городских поселений, какое мы имеем на Северном Кавказе, так как нивелировка, неизбежная при военном управлении, в городах, естественно, значительно могла терпеть в своей стройности.

Положение купцов и в особенности мещан при господстве военного духа далеко не было завидным, а потому и рассчитывать на развитие городов и промыслы было нельзя.

Бентковский, между прочим, обращает внимание в этой статье и на вопрос об общинном землевладении и преимущества его перед частным землевладением, но сожалеет, что сведений у него недостаточно для этого и статистика ими не располагает.

Между прочим, Бентковский обращает внимание и на так называемый хуторской вопрос, который и до сих пор не сходит у нас на Северном Кавказе со сцены.

Дело в том, что обилие земли на первых порах заселения и разноплеменный состав населения данного населенного пункта, хотя в общем русской народности, вели естественно к желанию быть подальше друг от друга, а не вполне наладившееся управление в селах даже побуждало жителей к этому.

Конечно, и тяжести, выпадавшие на долю селений в смысле отбывания повинностей, толкали многих к уходу из села, и вот в пределах сельского юрта возникали хутора и кочевки.

Безусловно, удалившиеся на хутор и в отношении земельном пользовались большими удобствами, и хозяйство их ширилось, но зато жившие в селе волей-неволей должны были нести за них разные

тяготы, а в горячее военное время создавалось много неожиданных требований помимо установившегося режима. Бентковский говорит, что селение Безопасное должно было в 1816 году сопровождать одних арестантов 1438, которым было дано в провожатые и караул 1876 человек и подвод 196, воинских команд прошло 4433 человека, сверх того в течение 4 месяцев выставлено было под проезжающих на минеральные воды в Пятигорск 4880 лошадей, а в конвой для сопровождения почты 488 и на соляное озеро 56 человек. Но этим не оканчивалось отбывание повинностей, так как еще общество наняло на этот год *сельскую почту* из 4 троек за 1200 рублей, выдало 151 четверть овса, 1706 пудов сена и ржаной муки 26 четвертей. На *содержание моста* через реку Егорлык селение внесло 782 рубля и на содержание казенной почты 673 рубля 57 копеек. С платежом казенных податей сумма всех вообще сборов достигла до 7883 рубля 45 копеек, и это при 748 душах. Понятно, что при таких условиях уход из села был лучшим средством избавиться от натуральных повинностей, и многие уходили на хутора. И вот для устранения этого воспрещено было заводить хутора и для кочевок дозволялось иметь базы, дома и в них жить по одному человеку из семьи.

В наше время этот вопрос возник на почве все большего уменьшения земли и уже с начала 80-х годов, помимо воздействия местного, путем приговоров и различных ограничений, возникали целые процессы о снесении хуторов с общественной земли.

Благодаря такому направлению села наши необыкновенно разрастались и растягивались на 6—8 и 10 верст.

Безусловно, образование хуторов выгодно только для некоторых, но, с другой стороны, такое скучивание в большие села вредно отзывается как в смысле управления, так и в отношении школ и другого, а потому необходимо было бы поставить вопрос о расселении и разделении наших крупных сел на мелкие единицы.

По этому вопросу мне приходилось беседовать с Бентковским, и он высказывался даже за представительство на сходах выборных от домохозяев, ввиду неудобств обсуждения дел на больших сходах в больших селах и трудности посещения сходов.

Бентковский о хуторах говорит в статье «О значении хуторов в Ставропольской губернии». С. Г. В. 1878 г. №№ 18, 19, 20, 21, 22, 23.

Он между прочим затрагивает вопрос о семейных разделах и смотрит на них, как на источник наших бед у крестьянина, и как противодействие этому течению приводит случай содружества, совместного жительства по договору, указывая на желательность соединения, а никак не раздела. Он пишет: «По высочайшему повелению, изложенному в циркуляре министра финансов гр. Канкрина, воспрещен раздел семейств с тем, что самовольные разделы, после указа 1823 года не будут принимаемы правительством ни в какое уважение. Тем не менее, и за позднейшими воспрещениями, раздробление семейств продолжается» (стр. 57 «Сел. Безопасное»).

«Поводом разделов бывает смерть отца (часто и при жизни его), выход в отставку брата, семейные несогласия и прочее. Но что бы ни было причиной разделов, последствия их одинаковы — ослабление патриархальных прав главы семейства, упадок нравственности и уменьшение народного благосостояния...» (там же).

По этому поводу надо заметить, что раздел семейный является прямым следствием уменьшения земли в пользовании крестьянских общин. Препятствовать разделам значит подрывать производительные силы семьи. Прежде, при земельном просторе, все члены семьи были в деле: один пас скот и жил почти всегда в степи, другой пахал и на целое лето уезжал на пахотные участки, третий жил дома, а теперь все на одном деле и стали ссориться. Жизнь была проще и требования были одинаковые, а теперь у всех разные желания.

Хотя Бентковский и говорит, что появление нищих в селе и общее обеднение вызывалось семейными разделами, порождавшими ряд исков и споров, но отдельной работы по этому вопросу у него нет и достаточных статистических данных, кроме общих соображений, он не приводит. Только в «Экономическом журнале» есть статья «Семейные разделы» (1885 год, книга 13). Так же и в отношении появления сельского пролетариата — цифр, убедительно говорящих, не дает.

Много и других интересных данных, характеризующих то прошлое время, отмечает Бентковский в этой статье. Так, он упоминает о значительном наплыве фальшивых бумажных денег, что цены на хлеб возрастали и куль пшеничной муки в 9 пудов был 16 рублей ассигнациями; что за размен десятирублевой бумажки давали 2 рубля, что было семь видов подделок бумажки 25 рублей, что курица стоила 60 копеек, а цыпленок 30 копеек и что в 1820 году в первый раз появилась саранча, а затем холера в 1831, 1847, 1848, 1858, 1868 годах.

Небезынтересные подробности сообщает об иеромонахе Георгадзе. «18 июля 1847 года, проезжая чрез село Безопасное на почтовых, умер от холеры служивший в С.-Петербурге при домовой церкви грузинского царевича Таймураза иеромонах Виктор Георгадзе, 80 лет, имевший наперстный крест. Этот старец, застигнутый на станции холерой, отверг предлагаемые ему средства лечения и умер. Когда же после смерти местные священники приступили к облачению покойника, то нашли на голом теле его железные вериги весом в 18 ¾ фунт., которыми он был перепоясан как дьякон орарем.

Два четырехконечных толстых креста, один на груди, а другой на противоположной стороне, поддерживались железной цепью, наглухо заклепанной. Для снятия с покойника вериг потребовался кузнец — они сохраняются в ризнице Безопасненской церкви и, судя по работе их, можно предполагать, что сделаны в Петербурге. Деревянная доска с надписью, вделанная в стену правого придела, указывает могилу отошедшего. Князь М.С. Воронцов, проезжая в 1854 году через Безопасное, почтил молитвой могилу иеромонаха Виктора и осматривал вериги». В настоящее время они в Музее Цер. Арх. Общ. в Ставрополе.

Отмечает Бентковский и знаменитый тяжелый голодный 1833 год, когда неурожай был на всем Северном Кавказе. Бедствие это было ужасное, люди пухли от голода и умирали, но, прибавляет Бентковский, тем не менее, окружное начальство предписывало в октябре взыскивать подати безослабно, вследствие чего село Безопасное внесло недоимки за 1832 год 809 рублей и текущих податей 9675 рублей. Послабления, значит, не было (стр. 52).

Интересно, что уже в то время были так называемые «иногородние».

На деле оказалось, что кроме коренного населения в губернии был громадный наплыв переселенцев, никуда не причисленных. А тяжести отбычи не уменьшились. «О размере подводной и квартирной повинности в 1834 году лучше можно судить из того, что тогда проследовало через Безопасное разных воинских команд 19145 человек и арестантов 1334 человека, всего 20479 человек. Под своз нижних чинов, отправленных в гвардию за один раз, было наряжено 249 подвод, а в другой раз для перевозки 1000 четвертей провианта из села Средне-Егорлыкского 350 подвод» (стр. 55).

По вопросу о переселении Бентковский дает такую картину: «Кавказское начальство немало имело хлопот с переселенцами. По заведенному обычаю, прежде приходили из России «осадчии» осматривать места, и которое им понравилось, то и выбирали для поселения и затем возвращались в Россию; когда же на следующий год приводили партию, тогда подавали в казенную палату прошение о причислении в избранное ими селение. Но пока тянулась переписка, переселенцы расходились по уезду, а нередко и губернии, и кто где хотел, там и проживал, переменяя желание быть зачисленным то в то, то в другое селение. Немало также приходило на поселение и с фальшивыми документами, что не могло еще более не затруднять начальство и увеличивать потребностей продовольствия. Но таков был уж край, такое время и такие обстоятельства» (стр. 56).

С особой тщательностью роясь в архивах, Бентковский не упускает ни одной подробности и приводит, что в 1836 году собирались сведения о курганах, причем приказано было вымерить их в основании и через верх и описать местоположение и грунт, и их насчитано в Безопасном 6: Волчий, Балагай и четыре безымянные.

Приводит он, между прочим, распоряжение комитета о натуральных повинностях: «Комитет о натуральных земских повинностях под председательством губернатора, генерал-лейтенанта Таубе, в 1837 году издал правила, которыми, между прочим, требовалось, чтобы рекрутские партии при переходах через селения довольствуемы были на квартирах улучшенной пищей, «в скоромные дни мясо со щами, или вместо него молоко или яйца, кашу крутую с маслом или иную сытую пищу, в постные дни щи с рыбой, или вместо них горох или щи с капустой, картофель, огурцы, арбузы, дыни и т.п.». Карта обеда составлена хорошо, а главное, дешево.

За такую улучшенную пищу крестьянин получал от офицера партии по 9 копеек (за конвойных ничего не платили)... Но вопрос в том, имел ли тогда крестьянин сам такую пищу, хотя бы в годовые праздники?

По вопросу о натуральных повинностях, тяжело ложившихся на население, Бентковский говорит в статье «Городские доходы и натуральные повинности» (С. Г. В., 1876 г., № 17 и 18) и в другой, «Первые начатки городского благоустройства. — Войска, расположенные в крепости Ставропольской, и натуральные в пользу их повинности граждан» (С. Г. В., 1876 г., № 19).

Останавливаясь подробнее на движении населения, Бентковский делает вывод естественного прироста, который давал 327,3 ежегодно, смерть похищала 261,8.

Мы подробнее остановились на этой первой работе Бентковского, чтобы указать, что он в то время имел определенную точку зрения и значительный навык в работе и умение обращаться с цифрами и архивным материалом.

В статье «Очерк 3-го мирового участка» он подробно останавливается на описании рек, протекающих в пределах этого участка, говорит, какая рыба в них водится, и устанавливает состав переселенцев из губерний Курской, Орловской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Тамбовской и Черниговской. В этот участок входят 22 пункта с населением 51264 д. Здесь он дает краткое описание селений, с указанием главным образом на постройку церквей.

Относительно земельных наделов приводит следующую таблицу (см. таблицу на следующей странице).

«Таблица эта представляет факт, заслуживающий серьезного внимания, — говорит Бентковский. — По числу государственных наличных крестьян мужского пола в 3-м мировом участке недостает 112469 десятин земли.

Такое количество равняется наделу 7498 душ, а между тем в участке еще 103 души ожидают причисления. Взвешивая важность вытекающих отсюда последствий, нельзя не убедиться в неотложной необходимости прекратить дальнейшее причисление, о чем уже и сделано в июне месяце сего года (1869) по всей России объявление ставропольского губернатора — так как со временем и без того, с естественным приращением населения, еще больше увеличится недостаток в земле».

Интересно отметить, что Бентковский тогда уже поднимал вопрос о возможности недостатка земли для коренного населения в Ставропольской губернии.

В этой же статье Бентковский дает общую картину жизни населения данного района, останавливаясь подробнее на некоторых сторонах, и, между прочим, устанавливает, что этот район тяготел к Ростову, а не к Ставрополю.

О торговле говорит следующее: «Как красная, так и разносная торговля в руках староверов из разных посадов и слобод Черниговской губернии, крепко сохраняющих древний, без сомнения, обычай при найме приказчиков или так называемых «молодцов» торгового дела и вообще работников. Обычай заключается в том, что наемная плата уславливается не на год, а понедельно, хотя бы приказчик и 20 лет служил у хозяина, и простирается обыкновенно от 60 коп. до 8 р. в неделю; причем обувь должна быть непременно хозяйская. Надел молодец хозяйские сапоги — значит, нанялся; хотя часто о цене и помину не бывает, в полной уверенности, что хозяин не обидит. Сапоги напоминают ему, что для хозяйской пользы он не должен жалеть своих ног, или, говоря иначе, служат символом подвижности и заботливости, качеств, столь необходимых в торговом деле, а с тем вместе заменяют письменное условие найма. Правда, что с недавнего времени, по требованию закона, с приказчиками заключаются формальные контракты с прописанием годовой платы, но это не мешает сохранению характеристического обычая в прежней силе».

Все указанные в этих статьях данные послужили ему для его путеводителя, а также и тот материал, который заключает в себе этот сборник (вып. II).

Почему собственно Бентковский взял для описания данный район, то есть 3-й мировой участок,

	Число наличных мужского пола	Количество надела		В том числе десятин			Приходится на душу		До полного надела недостает десятин
		Десятин	Саженей	Усадебной и выгон.	Пахотной	Сенокосной	Десятин	Саженей	
Сел. Песчанокопское	2176	21152	530	3484	5134	12534	9	1730	11497
Сел. Богородицкое	1904	18615	«	1700	4905	12010	9	1864	9945
Отс. Кручен.-Балка	676	6663	«	370	3873	2420	9	2025	3477
Сел. Жуковское	1968	20357	«	2919	4955	12483	10	825	9485
Отс. Рассыпной	879	5840	«	594	1846	3400	6	1659	7345
Сел. Летницкое	1842	20239	«	2979	4940	12320	10	2370	7391
Сел. Привольное	1226	15822	«	2049	3238	10545	13	164	2568
Итого	10671	108688	530	14095	28881	65712	«	«	51708
Сел. Сандата	2137	20750	«	500	14105	6145	9	1705	11285
Сел. Ивановское	834	7950	«	200	5684	2066	9	1277	4560
Сел. Красная Поляна	2619	33390	«	3670	18905	10815	12	1796	5895
Сел. Поливенное	706	9079	1414	179	5800	3100	12	2061	1511
Отс. Развильный	578	7185	«	115	4500	2570	12	1033	1485
Сел. Николаевское	1117	8743	1129	143	5000	3600	7	1985	8012
Итого	7991	87098	143	4807	53994	28296	«	«	32748
Сел. Воронцовское	1955	23033	800	1833	18150	3050	11	2223	6292
Сел. Екатериненское	765	7683	800	483	7050	150	10	104	3792
Хут. Шаблиевский	345	3750	«	420	3250	80	10	2090	1425
С. Ново-Манычское	594	5416	1600	216	5200	«	9	2300	3494
Отс. Баранниковский	470	4150	«	625	3525	«	8	2011	2900
С. Ново-Егорлыкское	2075	22340	«	1000	18220	3120	10	1848	8785
Хут. Березовский	223	2050	«	400	1550	100	9	266	1325
Всего	6429	68423	800	4977	56946	6500	«	«	28013
Дер. Александровка	239	1536	«	152	1200	184	6	597	«
Всего	25330	265745	1473	24031	141022	100692	«	«	112469

границы которого представляются далеко не такими постоянными, сказать нельзя, но такое изолирование имело большие неудобства при исследовании, так как искусственно созданный район совершенно случайно обходит другие, не вошедшие в него пункты, совершенно без всякого основания, хотя они по своим условиям вполне соответствуют тем, которые вошли в него. Это значительно усложняет исследование, потому что приходится говорить одно и то же в нескольких местах, продолжая исследование губернии.

Литературная деятельность Бентковского началась с 1853 г., когда он поместил в С. Г. В. статью «Практические замечания о болезни рогатого скота, называемой на Кавказе „чихирь“». Ту же статью он поместил и в «Трудах Императорского Вольного Экономического Общества».

Уже из этой статьи видно, что он следил за жизнью и нуждами населения, потому что в то время болезнь эта являлась бичом для населения, да и теперь вопрос об этой болезни, несмотря на хорошо поставленное дело ветеринарии в губернии, является иногда серьезным.

После этой статьи следует значительный перерыв, и следующая статья напечатана в Г. В. в 1862 г.: «Практические замечания о калмыцком рогатом скоте, овцах, лошадях» (№ 42) и «Поездка на Джалгинское соляное озеро» (№43—44).

Почему вначале с таким промежутком работал Бентковский, я сказать не могу, но очевидно, что это зависело в известной мере от добрых отношений его с редакцией «Ставропольских Губернских Ведомостей» и, в частности, Статистическим комитетом, так как ряд его статей после этого помещен в «Биржевых Ведомостях», а именно «Записки виноторговца» (1863 г., № 88), «Коммерческий взгляд на производительные силы Ставропольской губернии и ее торговое значение» (№ 154), «Нападки питейного положения на музыку и мои личные на питейную номенклатуру» (№ 2, 1864 г.), «О почтовых каретах из Ростова-на-Дону в Пятигорск» (№ 5),

«О разрядах населенных местностей России и о размерах патентного сбора» (№ 5), «Заметки торговца на положение о пошлинах за право торговли и промыслов» (№ 40), «К вопросу о подорожных» (№ 78), «Джалгинское соляное озеро» (№ 35 — 40), «О привилегиях по соляному делу» (№ 53—54), «На статью о необходимых льготах Каспийского рыболовства» (№ 199), «Проект Ростово-Владикавказской железной дороги» (№ 321) ,«Экономическое состояние городов европейской России» (№ 25—80), «Да здравствует арифметика» (№ 125).

Таким образом, в 1863 и 1864 гг. Бентковский не работает в «Ставропольских Губернских Ведомостях», и причиной, вероятно, явились какие-либо недоразумения с редакцией.

С 1865 г. (№ 40) снова появляются его статьи: «Несколько слов о возможности направить течение Кубани в Дон и тем порешить обмеление Донских гирл». Но затем снова следует перерыв до 68 г., когда он в 1-м выпуске Статистического комитета помещает «Воды и степи Большедербетовского улуса», хотя в «Биржевых Ведомостях» за 66 и 67 гг. поместил три статьи: «О политико-экономическом и административном устройстве Кавказа» (№ 30); «Одна из причин, парализующих развитие коневодства в Большедербетовском улусе» (декабрь) и «Взгляд на наше коннозаводство в связи с ремонтированием армии кавалерийскими лошадьми» (май и июнь).

С 1869 г. Бентковский, очевидно, уже довольно близко стоял к Статистическому комитету, так как помещает ряд статей в его выпусках, перечисленных мною в отдельном списке. Статьи Бентковского помещены в I, II, III, IV, VII, VIII, IX выпусках Статистического комитета. По поводу 1-го выпуска надо заметить, что он издан в 1868 г., хотя Комитет существовал с 1858 г., так что можно думать, что благодаря настоянию Бентковского состоялся выпуск сборника Комитетом, с которым с этого времени Бентковский сблизился.

«Всех статей за это время до вступления его секретарем Статистического комитета (16 ноября 1871 г.) он напечатал 14».

Между ними обращает на себя внимание как уже указанная статья «О Безопасном» и «Очерк 3-го мирового участка», так и статья «О сети Кавказских железных дорог», в отношении чего Бентковский держался особого мнения.

С № 22 «Ставропольских Губернских Ведомостей» за 1871 г. Бентковский опять начинает помещать свои работы и уже совершенно прекращает работу в столичных изданиях и даже в других местных газетах, за исключением двух статей в газете «Кубань» за 1883 г.: «Происхождение казачества, его развитие и идеи» и «Одна из главнейших причин упадка табунного коневодства в Черномории»; в «Ставропольских епархиальных ведомостях» — «По поводу фальсификации деревянного масла» (1883 г.) и в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей Российских» за 1887 г. — «Гребенцы».

В 1883 г. он поместил в «Кубанском сборнике», т. I, «Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта».

При возникновении «Экономического журнала» личный его знакомый А. Субботин, издатель и редактор, как я помню, предложил Бентковскому дать свои работы для его издания, и Бентковский с 1885 г. поместил 5 статей в этом журнале.

А с возникновением местной газеты «Северный Кавказ» дал и для нее 3 статьи в 1885 г.

Таким образом, Бентковский начал работать по вопросам края с 1853 г. и не отрывался от них до самой своей смерти, затрагивая положительно все стороны местной жизни. Его статьи касаются коневодства, соляного вопроса, питейного дела, водного вопроса, сельскохозяйственного, ветеринарии, скотоводства, промышленных вопросов, лесоводства, железнодорожного дела, этнографии, статистики, истории, экономических вопросов и дают биографические материалы.

Чувствуя необходимость иметь в своем распоряжении издание для своевременного помещения работ, Бентковский возбудил вопрос о выделении неофициальной части «Ставропольских Губернских Ведомостей» из ведения официального редактора, «обыкновенно назначаемого из чиновников Губернского Правления», и о передаче редактирования этой части газеты ему.

И с № 25 1875 г. он сначала подписывается «за редактора неофициальной части», а затем, наконец, с № 32 становится заведующим неофициальной частью «Ставропольских Губернских Ведомостей» и ведет это дело до № 13 1889 г. Это последний номер, подписанный им.

Необходимость иметь это издание в исключительном распоряжении Статистического комитета чувствуется на каждом шагу, так как только при своевременном печатании известных работ может быть интерес у авторов, дающих бесплатно свои работы и удовлетворяющихся единственно получением отдельного оттиска своих статей.

«Губернские Ведомости», как специально местный орган, безусловно, должны служить интересам своего края прежде всего, а потому здесь больше, чем в других изданиях, должно быть уделяемо место статьям и заметкам по вопросам местной жизни. На каждом шагу чувствуется полная неосведомленность и даже грубое незнание не только мелких подробностей жизни губернии, но даже выдающиеся явления жизни ее населения, экономическое положение того или другого уезда или отдельного пункта, производительные силы, ископаемые богатства, археологические находки, положение архивов — все это находится еще в полном неведении даже для официальных сфер, не только для частных лиц.

А между тем пролить свет на все это, заинтересовать и вызвать энергию к работе по тем или другим вопросам только и можно тогда, когда на страницах местного органа, принадлежащего исключительно губернии, можно широко и последовательно помещать соответствующие работы.

Этот орган не может задаваться другими целями, как только экономическая и историко-статистическая жизнь губернии, для которой он и существует.

Другие задачи никогда не будут выполнены должным образом, потому что вопросы политические и общелитературные и прочие с большей силой и средствами разрабатываются в других изданиях, с которыми соперничать неофициальная часть «Ставропольских Губернских Ведомостей» не может.

Польза такого предоставления неофициальной части в распоряжение Статистического комитета и Архивной комиссии очевидна, и стоит только об-

ратить внимание на этот период заведывания ею Бентковским, когда мы находим громадный, весьма ценный и единственный материал для изучения губернии и Северного Кавказа.

В статье «Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии в 1875 г.» Бентковский устанавливает, что в 75 г. в Ставропольской губернии было 85 табунов — 17331 шт. лошадей, причем на долю крестьянских обществ в трех уездах, за исключением Медвеженского, выпадало 10 тыс. штук и наименьшее количество — на Большедербетовский улус — 1501 штука. При этом табуны распределяются для выпаса вне земель крестьянского владения. По этому поводу Бентковский говорит, что табунное коневодство не в характере русского крестьянина, и оно не вошло в круг предприятий крестьянина, так как полезность его уступает скотоводству и овцеводству, и уменьшение табунного коневодства Бентковский ставит в зависимость от распространения земледельческой культуры.

Бентковский смотрит на это как на занятие невыгодное, которое должно сменить другое направление, культурное, более согласное с «современными физиологическими понятиями».

Между прочим, он устанавливает, что лучшие лошади у нас идут за границу и в русскую армию попадают лошади низшего сорта.

Останавливаясь на домашнем коневодстве, Бентковский пользуется подворно собранными сведениями в 1874 г. Оказывается, что из числа 52653 дворов не имеют лошадей 16899 дворов, а всего в 4-х уездах 69508 голов, причем имеются дворы, имеющие от 11 до 20 лошадей (в Ставропольском уезде 9 дворов, в Александровском 16, в Новогригорьевском 25 дворов), а от 4 до 10 лошадей — 2638 дворов, от 100 до 200 — 1 двор.

Здесь же устанавливает он, что в Большедербетовском улусе в то время коневодство уже пало, и от 4 до 10 лошадей только было 10 кибиток у зайсанга Икитиктунова рода, а большее число почти отсутствует в большинстве родов. В лучших условиях находятся трухмяне. Что касается ногайцев, то из числа 963 оседлых дворов 414 не имеют лошадей. Всего же в Ачикулакском приставстве 2780 голов, кроме этого бурей в том году уничтожено 2779 голов.

В Караногайском приставстве всех лошадей 17275 голов.

Из приведенных цифровых данных Бентковский приходит к следующим выводам: 1) большая часть населения в губернии или вовсе не имеет лошадей, или имеет по одной; 2) семейств, имеющих по 2-3 лошади, только 21% всего населения; 3) домашнее коневодство русского сельского населения преобладает над инородческим и 4) вообще коневодство недостаточно развито.

Что касается скотоводства, то оно насчитывало 581192 головы.

По уездам больше было в Медвеженском.

У крестьянского населения 467013 голов, у частных землевладельцев 8297, у кочующих народов 91476 голов.

Овцеводство составляет главную силу экономического состояния населения, и было 1997807 овец.

Бентковский говорит, что быстрое распространение тонкорунного овцеводства в губернии, дошедшего до 174600 голов, следует приписать овцеводам-тавричанам, в собственность которых перешло 14,77% всех земель частного владения. Между тем, на 1868 г. в губернии было 1715 тонкорунных овец. Овцеводство кочевников, несмотря на обширность степей, было не в выгодных условиях.

Исторические сочинения Бентковского охватывают период с 1722 г. по 1825 г. и представляют собой последовательные очерки истории колонизации края, которая доведена до 1825 г.

Первоначально отдельные статьи Бентковский впоследствии задумал объединить в большой работе «История колонизации края». Эта работа, к сожалению, для нас потеряна, так как она, по словам сына его, не была напечатана и в рукописи передана Фелицину[1], в бумагах которого, вероятно, и осталась после его смерти, и что с ней сталось, я сведений не имею.

Сын Бентковского говорил мне, что после смерти отца он послал эту рукопись Фелицину, и тот ответил, что она не представляет значения, так как это свод всех прежних работ Бентковского, а потому будет напечатана впоследствии, но, очевидно, обещания своего Фелицин не исполнил.

А между тем я лично видел у Бентковского еще в 85 году значительную часть этой работы, переписанную набело. Рукопись, безусловно, представляла большой интерес, и необходимо приложить старания к отысканию ее, так как это единственная работа в этом роде по Северному Кавказу, Бентковский сам придавал ей значение. В письме ко мне от 19 июля 1890 года Бентковский говорит: «...свою историю колонизации продолжаю, надеюсь окончить к 15 августа и отослать Чернявскому в Тифлис».

Такая же судьба постигла и составленный им «Исторический атлас Северного Кавказа», служащий приложением к этой работе. Я хорошо помню, что Бентковский предлагал Ставропольскому Комитету напечатать этот атлас, но, не встретив сочувствия со стороны председателя Комитета, бывшего губернатора Никифораки, передал его с грустью, как он говорил, в распоряжение его приятеля Фелицина, бывшего секретаря Кубанского Статистического комитета, а впоследствии председателя археографической комиссии.

В библиографическом указателе Фелицина под № 463, отдел 1-й, значится, что этот атлас находится в библиотеке Кубанского Статистического комитета, но А.С. Собриевский, бывший секретарь этого Комитета, утверждает, что там его нет, и на запрос его об этом атласе нынешнему секретарю г. Руденко сведений не получено.

Где находится атлас, неизвестно.

За работу по истории колонизации края Кубанский Статистический комитет избрал Бентковского своим почетным членом.

Кроме того, он состоял почетным членом Нижегородского Статистического комитета.

Другие работы Бентковского также обращали внимание на себя, и за статью «О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии» он получил от Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии бронзовую медаль.

А за сочинение «Обзор 27-летней деятельности Ставропольского благотворительного женского общества Св. Александры» получил бриллиантовый перстень от покойной императрицы.

Водяной вопрос в нашем крае является очень важным и потому обращает на себя внимание Бентковского в весьма интересной статье «О возможности соединения Кубани с Доном». Бентковский говорит:

«В Дон вливается река Маныч, который принимает в себя Большой Егорлык, а в эту последнюю впадает река Земзюлька, близ станицы Сенгилеевской Кубанской области, вершина которой находится в четырех верстах от Кубани ниже станицы Николаевской. Время разлива Кубани совпадает со временем мелководья на Дону. Чтобы провести канал на 2 версты, потребуются незначительные земляные работы, а дальше только простую небольшую канаву. Исток Земзюльки лежит ниже уровня Кубани, а следовательно, возможность направления воды вполне вероятна» (Ставропольские Губернские Ведомости, 1865 г., № 40, стр. 179).

Если принять во внимание, что река Егорлык, протекающая через всю западную часть Ставропольской губернии, составляет единственную водную артерию ее и что эта река во многих местах носит название «вонючего» Егорлыка, так как в летнее время благодаря пересыханию образуются отдельные загнивающие зловонные болота, в которых и скот не пьет воды, то надо признать, что вопрос о таком соединении является и теперь весьма жизненным вопросом, тем более что по этой реке лежат станицы Сенгилеевская, Каменнобродская, Новотроицкая (Кубанской области). А в Ставропольской губернии расположны села: Птичье — 6335, Безопасное — 13533, Дмитриевское — 11897, Преградное — 12923, Медвежье — 12731, Привольное — 6674, Летницкое — 11824, Жуковка — 6799, Красная Поляна — 13512, Ивановка — 5896, Сандата — 12168 и Новоегорлыкское — 16274, а всего 130566 человек населения.

Трудно перечислить и даже предвидеть те громадные последствия, которые имело бы подобное соединение, дающее Ставропольской губернии и Кубанской области водный путь, служащий не только для сплава, но даже и для небольшого судоходства, на возможность которого указывает Бентковский. А потому проект его заслуживает серьезного внимания и теперь. Если иметь в виду, что с тех пор вопрос этот совершенно не затрагивался и проект был забыт, а между тем край наш именно нуждается во внутренних путях сообщения, то мы должны признать большие заслуги за Бентковским, который выдвинул этот вопрос и тем наметил самую серьезную нужду нашего края, удовлетворение которой вовсе не представляет особых затруднений.

В своих работах Бентковский оставил нам как бы программу дальнейшей деятельности всех сочувствующих интересам края, и было бы полезно снова поставить на очередь намеченные им вопросы.

Таким же полезным указанием Бентковского является и проведение Кумы до Каспийского моря, в отношении чего существует старинный проект капитана Новицкого 1802 года.

Полезность подобного проведения при том положении прикаспийских степей, в котором они в настоящее время находятся, — представляя из себя песчаную пустыню с небольшими оазисами, через которые пролегают дороги главным образом для верблюдов и лошадей, — не может подлежать сомнению, и надо удивляться, как администрация не поставит это себе главною задачей. Край этот терпит именно от безводья, целые десятки тысяч десятин заносятся песком и только изредка имеют чахлую растительность, годную для верблюдов.

Нельзя себе и представить того изменения и тех улучшений, которые последуют в условиях жизни населения этой заброшенной окраины, если Кума увидит море и эта песчаная полоса в 74 версты, бесплодно поглощающая ее воды в настоящее время и отрывающая ее от берегов моря, будет прорезана водным потоком и даст возможность поселения при этой реке. В настоящее время, когда недостаток в земле чувствуется и у нас, вопрос о переселении является неотложным, было бы непростительно забывать о подобных попытках расширить площадь для заселения и песчаную пустыню обратить в культурный край, тем более что больших затрат на это не требуется.

Возможность подобного соединения с морем указала сама Кума в 1804 году, промыв по пути к морю канал на 100 верст, и остается расчищать не более 30 верст до вытекающего из моря озера, называемого Казюпай... трудной работы находится не более 5 верст, говорит Бентковский.

Нельзя не отметить одну подробность по этому поводу, непонятную при том усилии Бентковского, с которым он указывает на необходимость урегулирования течения Кумы и соединения Кубани с Егорлыком.

Стоя на точке зрения полезности немедленного осуществления этих проектов и обставляя их солидными данными в пользу неотложности исполнения, Бентковский по поводу проекта Данилова о соединении Кубани с Тереком высказывается против не только самого проекта и возможности его осуществления, но даже находит его при данных условиях бесполезным.

Нельзя не удивляться такому отрицательному взгляду Бентковского, который все-таки был знаком с местными условиями, и в этом отношении предусмотрительность и предсказания его не оправдываются действительностью и указания его, как, например, на небольшую продуктивность Владикавказской железной дороги, совершенно уничтожены дальнейшим развитием жизни той местности, где прошла Владикавказская железная дорога, создавшая громадные торговые и хлебные пункты, вызвавшая небывалый сбыт хлеба, вывоз шерсти, поднявшая цены на землю и оживившая громадные районы, лежавшие до того в полном забвении.

Может быть, статья Бентковского и не имела прямого влияния на задержание проекта Данилова, но нельзя не признать, что помехой все-таки она служила, так как он в ней говорит от лица местного статистика со ссылкой на цифры, свидетельствующие о производительности соответствующих районов, и надо думать, что кавказское начальство имело ее в виду, а потому нельзя не пожалеть, что приходится отмечать несочувствие Бентковского в таком благом для края деле, как соединение Кубани с Тереком.

Осуществление этого предприятия, как бы дорого оно ни стоило, явилось бы могучим орудием к поднятию той части Северного Кавказа, которая и теперь, благодаря отсутствию путей сообщения в этом направлении, остается заброшенной.

При возникновении мысли о проведении Владикавказской железной дороги точно так же слышались заявления, что возить будет нечего и что край не обладает тем богатством, а население производительностью, которые бы могли питать дорогу, доставляя ей грузы.

Но действительность превзошла все ожидания, и мы видим теперь, что Владикавказская дорога является богатейшей, хотя и прорезывает Северный Кавказ только с юга на север.

Из исторических сочинений Бентковского обращают на себя внимание, кроме «Истории колонизации Северного Кавказа», «Заселение Черномории 1792—1825 гг.» и «Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии». 1-я часть обнимает историю ногайцев, и это единственный труд по этому вопросу.

Большое внимание Бентковский уделяет калмыкам и дал ряд статей и, между прочим, составил калмыцкий календарь 1870 и 1871 гг.

Бентковский призывает к изучению калмыцкого народа и, между прочим, говорит (в статье «Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам»): «Монгольская цивилизация, хотя и на подкладке буддизма, но по времени и в некоторых отношениях опередила цивилизацию европейскую. Поставив своей задачей сделать человека возможно гуманным, монгольская цивилизация выработала замечательные законы об общественном призрении, благотворительности и человеколюбивых подвигах. Ее гуманные взгляды простирались даже на сострадание к животным. Изучение социального быта монголов с этой точки зрения представляется поэтому чрезвычайно интересным и, можно сказать, положительно необходимым в том внимании, что прежде, чем реформировать общественные учреждения калмыков, за что мы только теперь принимаемся, нужно вполне ознакомиться с прежними социальными условиями и воззрениями народа, чтобы тем легче и вернее направить его на новый социальный путь и изменить его консервативные воззрения...»

Бентковский справедливо замечает, что прежде чем изменять условия жизни калмыков и кочующих инородцев, надо изучить их историю и бытовые условия, а между тем в этом отношении после Бентковского ничего не сделано для изучения инородцев Ставропольской губернии. А давно бы следовало написать их историю.

Работая по статистике, Бентковский делал опыт сравнения обзоров губернии Ставропольской с другими губерниями. Цель, безусловно, хорошая, имеющая практическое значение, так как этим путем можно избежать крупных ошибок в управлении. И на основании цифр Бентковский приходит к выводу, что перевес земледельческой деятельности не обусловливается плотностью населения, а наоборот, большее пространство земли, имеющееся в распоряжении населения, способствует развитию этой культуры и благосостоянию населения.

Надо отметить одну крупную подробность, указывающую, что Бентковский в часы досуга занимался и стихотворными опытами.

В моем распоряжении имеется стихотворение, хотя нигде не напечатанное и не имеющее особенных достоинств этого рода произведений, но обращающее на себя внимание как материал для характеристики самого Бентковского. Это стихотворение написано рукой Бентковского и передано им лично мне.

Стихотворение это первоначально приписывалось молодому адъютанту Завадовского, впоследствии генерал-майору Попко, автору «Черноморцев» и «Терских казаков», но другие, более осведомленные, уверяют, что оно принадлежит Бентковскому.

Хотя лично Бентковский мне не говорил, что он автор этого стихотворения, но тем не менее передал собственноручный список его, причем, как я помню, говорил, что написано оно не Попко.

Читая его на память, Бентковский, видимо, переживал прошлое, делая замечания на некоторые места, для меня непонятные, давая полное основание думать, что стихотворение написано им.

В пользу этого заключения говорит и то, что Завадовский впоследствии узнал автора этого памфлета и Бентковский подвергся какому-то наказанию, хотя несомненных улик и не было.

Я склонен думать, что действительным автором был Бентковский.

В то время еще был молодой офицер, известный остряк Едлинский, но по свидетельству всех знавших его, он отличался только острыми ответами и короткими меткими эпиграммами.

Все стихотворение написано в виде диалога и называется «Исповедь Завадовского».

Когда свершил земной свой путь
Палач Кавказа, Завадовский,
Задумав в аде отдохнуть,
Как Громобой или Твардовский,
Тогда по милости Христа,
К нему с последним утешеньем
Служитель слова и креста
Был послан и предстал с смиреньем.
Потом отверз свои уста:
«Любезный сын, сберися с силой,
Последний жизни час настал,
Между тобою и могилой
На перепутье дьявол стал.
Отдай свои мне прегрешенья
И ни единого не скрой,
Не то геенны злой мученье
За дверью гроба — жребий твой.
Скажи во-первых: чтил ли Бога
Ты в единице Трисвятой,
Или быть может Чернорога
Ты ублажал свой мольбой?»

Завадовский
Не знав я, братчику, ни Бога,
И ни якого Чернорога,
И не молывся я никому.
В чим грих, в чим правда я не знаю
И слов твоих не понимаю,
Оставь, паниче, цур ему.

Священник
Не сотворил ли ты кумира
Здесь на земле, иль в небесах,
Признавши тварь владыкой мира
И Божества ей честь воздав.

Завадовский
От тут немного будто правда:
Я Воронцова страх любыв,
За теж яки мени награды
Вин мни в знак памяти дарыв.

Священник
Не изрекал ли богохульства,
Не клялся ль именем Творца,
Считал ли ты за грех кощунство,
Скажи, заблудшая овца?

Завадовский
Не знавши Бога, богохульства
Не мог я, отче, учинить.
Не мог считать за грех кощунство
И клятив тих произносыть.

Священник
Ты чтил ли свято день субботний,
В шесть дней свершив свои дела,
И, посещая храм Господний,
Не умножал ли ты тем зла?

Завадовский
Конешно, иногда для виду
Я церковь, правда, посищав,
Бувало постою, тай выйду:
Нельзя же — я ведь генерал.

Священник
А уважал ли ты всех старших,
По воле Бога власть стяжавших,
И, ради скучного конца,
Ты чтил ли матерь и отца?

Завадовский
Отца и мать... да их по счастью
Давно уже хапун забрав,
А что касается до власти,
То кроми князя я не знав.

Священник
Не мстил ли иногда, несчастный,
И в зверской хитрости твоей
Не убивал ли ты людей,
По должности тебе подвластных?

Завадовский
Мечом не тилько человика,
Но даже муху не сгубив,
Но мстыть любив я спокин вика,
Иными средствами не бив.

Священник
Скажи теперь мне, сын мой,
Злым и блудодейным названный,
Не тяготел ли над тобой
Нечистый — мыслию призванный.

Завадовский
Бувало времячко, паниче,
Когда я помоложе був,
Теперь же сердце хоть и хоче,
Да плоть ослабла, нема сил.

Священник
Не крал ли ты, не отнимал ли
У бедных их последний кров,
Скажи прямей, не притеснял ли
Сирот и беззащитных вдов.

Завадовский
На що мени их бидный кров,
Коли я жив в казенном доми,
Касательно ж сирот и вдов
Скажу тоби прямий як можно,
Я их тиснив, но осторожно.

Священник
Не клеветал ли сам безбожно
На ближнего, иль иногда
Не слушал ли доносов ложных
На друга, недруга, врага?

Завадовский
Чудак ты, батюшка, ий Богу,
Як будто ты живешь в лису.
Кто ж правдою набив кису,
Кто з нею выйшов на дорогу?

Священник
Не пожелал ли чужого
Имущества, жены другого,
Раба, вола, осла его,
Прибытка ради своего?

Завадовский
Те-те-те-те куды заихав,
Мовчи, мовчи, я знаю сам
Досталось кой-кому с кивш лыха,
За то я грошей вить набрав.

Священник
Увы, несчастный, ты не видишь,
Что ты совсем погиб душой,
Ты добродетель ненавидишь,
Ты враг религии святой.
Покайся же скорей пред Богом,
Смирись пред добрыми людьми,
Не возносись гордыни рогом
И слову моему внемли:
Раздай греховное стяжанье
И все, что у кого отнял,
Отдай ты им все состоянье,
Моли, чтоб Бог прощенья дал.

Завадовский
Сего-то, батюшка, не буде,
От грошей я не откажусь,
Душою лучше подилюсь...
Мовчи, мовчи, вже буде, буде.

Священник горько прослезился,
Молитву крестную прочел,
Знаменьем крестным осенился
И шагом медленным ушел.

И только наш служитель Бога
С крестом вдали невидим стал,
Вдруг из подземного чертога
Владыка тартара предстал.

Завадовский
Мое поштенье, що вгодно!?

Демон
А ты не знаешь, старый хрен.
Без принуждения, свободно
Ты сам отдался в вечный плен.

Завадовский
Коли ж було се, я не знаю,
Позвольте справиться в делах,
Быть может иногда спросонья,
Иль як-нибудь я второпях.

Демон
Не рассуждать прошу покорно,
Ты знаешь, я не Воронцов:
Сейчас ты рай отверг упорно,
Так в ад ступай в конце концов.

И только крикнул: «Эй, ребята!»
Откуда взялись чертенята —
Кричат, мяучат как коты:
Пора, пора, наш друг бесценный,
Довольно пожил ты, почтенный,
И нагрешил довольно ты.

Завадовский
Постойте, братчики, немного,
Хоть раз я Богу помолюсь,
Пошлю доклад до Воронцова
Да с жинкой, с дитками прощусь.

Демон
Стыдись: всю жизнь не знавши Бога,
Безумец, смеешь думать ты,
Что он у смертного порога
Простит злодея. Брось мечты,
Об Воронцове не печалься,
Ты не навеки с ним расстался:
Он будет там, где будешь ты.
Седой бездельник, марш за мною!

Завадовский
Ой, братцы, так пропав я з вами.
Прощай, Платоновна...
И все мое прощай.

Сохранена орфография подлинника. Это стихотворение было собственноручно написано Бентковским с поправками, что меня еще более убеждает в его авторстве.

Насколько мне известно, в бумагах покойного генерала Попко не сохранилось списка этого стихотворения.

Последние годы Бентковского были омрачены жестким и несправедливым к нему отношением бывшего Ставропольского губернатора Никифораки.

Не имея собственно никаких оснований к преследованию, Б. Никифораки очевидно тяготился таким секретарем Статистического комитета, каким был Бентковский, безусловно знающий, с характером независимым и не склонным к заискиваниям. И вот Никифораки задумал отделаться от него, но удалить его, как лицо, избранное комитетом и имеющее бесспорные заслуги, он не мог и потому стал позволять себе насмешки и разные замечания на те случайные ошибки, которые могли оказаться в его работах и приложенных таблицах (к Всеподданнейшему отчету).

Не раз Бентковский жаловался мне на подобное отношение к нему, но уйти, не имея никаких средств, он не мог и потому должен был скрепя сердце переносить эти нападки. И вот он в письме от 19 июля 1890 г. пишет, что он «чем дальше, тем больше слабеет благодаря этим огорчениям». «5-го июля, — пишет Бентковский, — я подал Никифораки прошение о представлении меня к усиленной пенсии за 43 года и вчера он объявил, чтоб я подавал в отставку, иначе он не может меня представить к пенсии. На такую любезность я возразил, что этого сделать не могу, потому что потерял бы Владимира, на который выслужил право и к которому в нынешнем году не был представлен только по случаю его отсутствия; что разрешение пенсии пришлось бы мне ожидать год, а может быть и больше, а подав в отставку, останусь без средств к жизни; наконец, сказал, что, так как наши Комитеты содержатся на счете земских сборов, то я мог бы получать и пенсию и служить секретарем, если бы это было угодно Комитету. На это он ничего мне не ответил, но очевидно готов был меня стереть не только с должности, но и с лица земли».

Безусловно, такое отношение было резкой несправедливостью в отношении Бентковского, всю жизнь работавшего для нашего края.

Несмотря, однако, на такое серьезное огорчение, Бентковский не перестает интересоваться местными делами и тут же пишет мне по поводу дела Князь-Михайловского поселка. В то время этот вопрос был самым живым в губернии, так как местный епископ Владимир переведен был в Нижний Новгород и созданный им поселок крещеных калмыков Большедербетовского улуса [Князь-Михайловский] оставался на произвол судьбы.

Бентковский пишет, что эти калмыки, благодаря упущению губернатора в его представлении в Комитет министров, будут платить албан в том числе и зайсангам. Таким образом, прибавляет он, «православные калмыки должны будут платить подушную подать идолопоклонникам».

Бентковский очень интересовался судьбой возникшего у нас Братства Св. Владимира и в письме ко мне от 8-го мая 1890 г. спрашивает о результатах общего собрания, на котором предстояло рассмотреть проект изменений в уставе, задуманных новым епископом Евгением с целью ограничения прав совета. По этому поводу в следующем письме он, между прочим, говорит: «впрочем, если Владыка будет упрямиться и настаивать на своем, то я буду действовать энергичнее».

Все вопросы интересовали Бентковского, и между прочим в письме от 8 ноября 1889 г. он говорит о ведомости городских домовладельцев, составленной Городской Управой, которую он в подробностях рассмотрел и нашел много недосмотров, и указывает, что в ней приводятся пятирублевые дома на Николаевском проспекте.

В другом письме он снова жалуется, что, несмотря на 29 листов его работ в Статистическом комитете как члена его, все-таки «мое просвещенное начальство не знает моих трудов». При этом присылает новый указатель его статей.

29-го марта 1889 года, в письме ко мне он пишет: «Я крепко призадумался о собственном положении. Можете себе представить, что благодетельное начальство оставило меня на жаловании 62 р. 50 к. в месяц. Как жить, воспитывать сына? Бога ради, навестите меня. Случай рассказать Вам теперешнее положение облегчит мое горе».

Это письмо относится к тому времени, когда, желая выжить его из Комитета, употребляли даже неблаговидные приемы, так, он лишен был заведования неофициальной частью «Ставропольских Губернских Ведомостей» и соединенного с ним вознаграждения в сумме 400 рублей.

Безусловно, все это не могло не отразиться на здоровье хотя еще крепкого, но уже в весьма преклонном возрасте Иосифа Викентьевича.

И он положительно не знал, что делать, тем более что его работы были напечатаны в местных издани-

ях и никакого дохода ему не приносили. Издание же отдельно его сочинений как-то не останавливало на себе его внимания, да и безусловно требовало расходов, а грубый отказ Никифораки в напечатании его исторического атласа не давал ему надежды на получение субсидии для издания или, по крайней мере, для бесплатного напечатания в губернской типографии.

Каждое свидание с губернатором приносило ему огорчение, почему он старался бывать возможно реже, но это все-таки его не избавляло от уязвлений, так как услужливые чиновники вкривь и вкось старались доводить до его сведения, тем или другим путем, все сказанное о нем губернатором.

Вообще последнее время нравственно жилось Бентковскому очень тяжело. И в соответствии с отношением к нему губернатора изменилось к нему отношение и чиновников, и ему даже не отвечали на его запросы о тех или других сведениях, тогда как прежде все были послушны и угодливы перед ним.

То или другое отношение губернатора и раньше создавало, так сказать, настроение служебного состава, среди которого, особенно в то время, Бетковскому поневоле приходилось вращаться. И это настроение резко сказывалось на отношении к нему. Тяжело было Бентковскому работать при таких условиях. Полное одиночество, отсутствие возможности совета и обмена мыслями неизбежно сказывается на работе, давая ей все более и более узкие рамки и лишая ее более полного освещения. Бентковского окружали одни чиновники, а если принять во внимание, что он встречал и недружелюбное отношение непосредственного начальства, то мы поймем, что только его недюжинные силы могли побороть эти препятствия и не заглушить в нем стремления к изучению края и бескорыстной работе. Условия в провинции для ученой деятельности и теперь не во многом можно назвать благоприятными, а тогда эти условия были неизмеримо хуже. Чисто формальное отношение и легкая оценка трудов, а иногда и пренебрежительное отношение официальных лиц к подобной деятельности и работе, для которых нужна поддержка, является весьма серьезным тормозом и отнимает у многих всякую охоту трудиться.

Наконец, в начале лета 1890 года Бентковский сообщил мне, что он оканчивает очень интересную работу, которую думает представить губернатору по его возвращении и надеется этим докладом прекратить те злоупотребления, которые совершаются в волостных правлениях и о которых хотя все знают, но, тем не менее, молчат. Дело шло о так называемых «темных суммах», которые находились в безотчетном и бесконтрольном распоряжении местных сельских властей и служили для всяких непредвиденных расходов, а частью и для произвольного пользования ими. Суммы эти в каждой волости, как утверждал Бентковский, образовывались из остатков от сверхсметной раскладки каждого года, благодаря прибавкам к раскладу на всякий случай. Сумм этих Бентковский насчитывал 500000 рублей по губернии.

Собрав сведения путем долгого кропотливого труда, проверкой действительных расходов волостей со сметными их назначениями, Бентковский надеялся, что труд его будет оценен, но вышло как раз наоборот.

В августе месяце я получил от жены его тревожное уведомление, что Иосиф Викентьевич заболел, с просьбой приехать немедленно. Я застал его уже почти без сознания. Проболел он недолго. 15-го августа он скончался.

В день его заболевания произошло следующее. В этот день Иосиф Викентьевич был у Никифораки по поводу своего злополучного доклада, который он ему представил ранее.

По словам жены, он вернулся крайне расстроенный, взволнованный, весь трясся и едва мог говорить. С извозчика он сошел при помощи посторонних. Он рассказал ей, что его глубоко оскорбил губернатор Никифораки, бросив ему его доклад чуть не в лицо, кричал на него, вел себя самым оскорбительным образом, не стесняясь даже посторонних лиц, бывших в приемной.

Такого отношения Бентковский не мог перенести, и у него сделался удар сейчас же по возвращении домой.

79 лет его и предшествовавшие огорчения только помогли приблизить роковую развязку и свести в могилу еще полезного работника.

Как бы ни относиться к этому тяжелому эпизоду в жизни Бентковского, но несомненно надо признать, что грубое и оскорбительное обращение с человеком, который всю жизнь посвятил себя ученым трудам и который среди бывших для него благоприятных течений не составил себе состояния, должно было потрясающе подействовать на него, и он не мог справиться с этим волнением.

Мы с полным правом можем сказать, что в лице Иосифа Викентьевича, как честного и добросовестного ученого работника, Ставропольская губерния потеряла своего дорогого сына, хотя он и был для нее случайным и далеким пришельцем, и Статистический комитет может гордиться, что в числе его членов может записать и его имя.

Список статей И.В. Бентковского

Статьи Бентковского, помещенные в сборниках Статистических сведений о Ставропольской губернии

Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков. Сборник, вып. I, 1868 г.

Историко-статистические сведения о селении Безопасном. Сборник, вып. II, 1869 г.

Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях. Там же и в 3-м выпуске того же сборника.

Одежда калмыков Большедербетовского улуса. Там же.

Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях. Там же и в 3-м выпуске того же сборника.

Хронологический указатель достопримечательных событий в Ставропольской губернии и вообще на Северном Кавказе. Там же.

Исторические сведения о городе Ставрополе. Сборник, вып. III, 1870 г.

О сети кавказских железных дорог. Там же.

Калмыцкий календарь на 1870 год. Там же.

Историко-статистические сведения о городе Моздоке. 100-летний его юбилей. Сборник, вып. IV, 1871 г.

Описание владельческих земель, находящихся на реках Большой и Малой Кугульте, с картою. Там же.

Калмыцкий календарь на 1871 г. Там же.

Список населенных мест Ставропольской губернии по сведениям 1873 г. Издание Статистического Комитета, выпуск VI. Ставрополь, 1874 г.

Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Издание Статистического Комитета, 1876 г., вып. VII.

Обзор XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александры. Издание Статистического Комитета, 1876 г., вып. VIII. (За это сочинение автор получил от покойной императрицы бриллиантовый перстень).

Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением карты. Вып IX. Издание Статистического Комитета. 1883 г.

Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта. Кубанский сборник. Труды Кубанского Областного Статистического Комитета. 1883 г. Том I.

Вопрос лесной

О лесах в пределах бывшей Кавказской, а ныне Ставропольской губернии. С. Г. В. 1876 г. № 1 и 2.

Наше лесоводство и его неожиданные враги. С. Г. В. 1879 г. № 29.

Археографические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии. С. Г. В. 1879 г. № 33.

Кустарные промыслы

Кустарные промыслы в Ставропольской губернии. С. Г. В. 1878 г. №№ 15, 16, 17.

По вопросу об образовании

Ст. Народное образование в С. Г. В. 1879 г. № 48.

Обозрение 27-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению Св. Александры. Вып. VIII. 1878 г.

Статистика

Статистика преступлений в Ставропольской губернии за период с 1871 г. по 1876 г. С. Г. В. 1876 г. №№ 45, 46, 47, 48.

Статистика движения дел у мировых судей и в мировом съезде Ставропольского судебно-мирового округа за последние пять лет. С. Г. В. 1879 г. №№ 8, 26.

Статистика насильственных и случайных смертей в Ставропольской губернии с 1871 г. по 1876 г. С. Г. В. 1876 г. № 49.

Периодическая печать

Статистика периодической прессы. С. Г. В. 1879 г. № 41.

Народные бедствия

Материалы для статистики народных бедствий в Ставропольской губернии. С. Г. В. 1878 г. №№ 24, 25.

1879 год в Медвеженском уезде. С. Г. В. 1880 г. № 10.

Чума на Северном Кавказе в прошлом и нынешнем столетии. С. Г. В. 1879 г. № 2.

Чума рогатого скота в Ставропольской губернии. С. Г. В. 1882 г. № 31.

Наши расчеты с саранчой. С. Г. В. 1880 г. № 39

Страховое дело

Городские общества взаимного от огня страхования. С. Г. В. 1878 г. № 29.

Взаимное от огня страхование в С.-Петербурге. С. Г. В. 1881 г. № 8.

Статьи Бентковского, помещенные в «Биржевых ведомостях»

Акциз и откуп. [псевдоним граф Фотограф]. 1863 г. № 44.

Записки виноторговца [псевдоним Заглоба]. 1863 г. № 88.

Коммерческий взгляд на производительные силы Ставропольской губернии и ее торговое значение. 1863 г. № 154.

Нападки питейного положения на музыку и мои личные на питейную номенклатуру. Прибавление к «Биржевым ведомостям». 1864г. №2.

О почтовых каретах из Ростова-на-Дону в Пятигорск. «Биржевые ведомости». 1864 г. № 5.

О разрядах населенных местностей России и о размерах патентного сбора. Прибавление к «Биржевым ведомостям». 1864 г. № 5.

Заметки торговца на положение о пошлинах за право торговли и промыслов. 1864 г. № 40.

К вопросу о подорожных. 1864 г. № 78.

Джалгинское соляное озеро. Прибавление к «Биржевым ведомостям». 1864 г. №№ 35, 38, 39, 40.

О привилегиях по соляному делу. Прибавление к «Биржевым ведомостям». 1864 г. №№ 53 и 54.

На статью «О необходимых льготах Каспийского рыболовства». 1864 г. № 199.

Проект Ростово-Владикавказской железной дороги, представленный в 1864 г. Его Императорскому Высочеству Наместнику Кавказскому. 1864 г. № 321.

Экономическое состояние городов европейской России. 1865 г. №№ 25, 57, 63 и 80.

Да здравствует арифметика. 1865 г. № 125.

О политико-экономическом и административном устройстве Кавказа. 1866 г. № 30.

Одна из причин, парализующих развитие коневодства в Большедербетовском улусе. Учено-литературные прибавления к «Биржевым ведомостям» за декабрь 1866 г.

Взгляд на наше коннозаводство в связи с ремонтированием армии кавалерийскими лошадьми. Записки для чтения «Биржевых ведомостей», книга 5 и 6 за май и июнь 1867 г.

В «Экономическом журнале», издаваемом Субботиным

Переселенческий вопрос на почве сравнительной статистики. 1885 г., кн. 5.

Семейные разделы. 1885 г., кн. 13.

Наши окраины. Поземельное устройство в Ставропольской губернии. 1886 г., кн. 7.

Отхожие промыслы. 1886 г., кн. 19.

По поводу фальсификации деревянного масла. 1888 г.

Оливководство на Кавказе. 1888 г., ноябрь.

В трудах «Вольного императорского экономического общества»

Практические замечания о болезни рогатого скота, на Кавказе называемой «чихирь».

В «Ставропольских губернских ведомостях»

Практические замечания о болезни рогатого скота, на Кавказе называемой «чихирь». 1853 г. № 8 (см. «Тр. Вол. Им. Экон. Общ.).

Практические замечания о калмыцком рогатом скоте, овцах и лошадях. 1862 г. № 42.

Поездка на Джалгинское соляное озеро. 1862 г. №№ 43 и 44.

Несколько слов о возможности направить течение Кубани в Дон и тем порешить вопрос об обмелении донских гирл. 1865 г. № 40.

Удачный опыт соления сена при кошении в дождливое время. 1871 г. № 22.

Однодневная перепись города Ставрополя 17 декабря 1872 г. 1873 г. №№ 19 и 53, 1874 г. №№ 1 и 2, 1875 г. № 5.

Поездка по Ставропольской губернии. 1874 г. №№ 32, 33 и 34.

Историко-статистические сведения о виноделии в Ставропольской губернии. 1875 г. №№ 13, 14, 15 и 16.

Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии. 1875 г. №№ 28, 29, 30, 31, 36, 37, 38, 39, 40, 41 и 42.

Генерал-от-инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель. 1875 г. № 38 и 39.

Ставрополь в историко-статистическом, административном, торгово-промышленном и экономическом отношениях. 1875 г. №№ 43, 44, 45, 46, 47.

О лесах в пределах бывшей Кавказской, а ныне Ставропольской губернии. 1876 г. №№ 1 и 2.

Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе. 1876 г. №№ 3 и 4.

Открытие в Ставрополе первых присутственных мест. 1876 г. № 5.

Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1785 г. до учреждения шестигласной думы 18 апреля 1808 г. 1876 г, №№ 6, 7 и 10.

Ставропольское купечество, его капиталы, торговля, промышленность и нужды. 1876 г. №№ 11 и 12.

Первое приходское училище в Ставрополе. 1876 г. № 13.

Городские доходы и натуральные повинности. 1876 г. №№ 17 и 18.

Первые начатки городского благоустройства. Войска, расположенные в крепости Ставропольской, и натуральные в пользу их повинности граждан. Попытки жителей к разведению виноградных садов. Чума. Выборные общественные деятели. Городская полиция. Открытие шестигласной думы. 1876 г. № 19.

Вторичное открытие Кавказской губернии. 1876 г. №№ 27 и 28.

Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Астрахани до основания крепости Кизляра с 1722 по 1735 г.

От основания крепости в урочище Кизляр до построения крепости Моздока с 1735 г. по 1765 г. 1876 г. № 30.

От построения укрепления Моздок до учреждения Кавказского Наместничества с 1765 г. по 1786 г. 1876 г. №№ 31, 32 и 33.

До учреждения Кавказской губернии в 1786 г. 1874 г. № 34.

Движение гражданской колонизации на Северном Кавказе со времени открытия Кавказской губернии до перевода присутственных мест из Екатеринограда в Георгиевск в 1804 г. 1876 г. №№ 35 и 38.

Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 г. 1876 г. № 41.

Древние христианские церкви за Кубанью, близ Хумары. 1876 г. № 43.

Статистика преступлений в Ставропольской губернии за период с 1871 г. по 1876 г. 1876 г. №№ 45, 46, 47 и 48.

Статистика насильственных и случайных смертей в Ставропольской губернии с 1871 по 1876 г. 1876 г. № 49.

Сравнительный обзор экономического состояния Ставропольской и Астраханской губерний по сведениям 1873 г. 1876 г. № 50.

Статистические сведения о состоянии Ставропольской губернии за 1875 г. 1876 г. №№ 51 и 52 и 1877 г. №№ 2, 3 и 4.

За 1877 год

Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести. №№ 5 и 6.

Военные законы монголов и влияние их на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа. № 8.

Грабежи, разбои, воровство с точки зрения монгольских законов и буддизма. №№ 13 и 14.

Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам. № 15.

Монгольские законы об охоте. № 16.

Краткие сведения о ссудо-сберегательных товариществах и кассах по 1-е октября 1876 г. №№ 38, 39, 40 и 41.

По поводу столетнего юбилея дня рождения Императора Александра I.

Материалы для истории края. № 1.

Несколько слов о причинах упадка шелководства в пределах бывшей Кавказской губернии. №№ 3 и 4.

За 1878 год

К вопросу как улучшить и удешевить мясо в Тифлисе. № 5.

Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии. №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 1879 г. №№ 15, 16, 17, 18.

Кустарные промыслы в Ставропольской губернии. №№ 15, 16 и 17.

О значении хуторов в Ставропольской губернии. №№ 18, 19, 20, 21, 22 и 23.

Материалы для статистики народных бедствий в Ставропольской губернии. №№ 24 и 25.

Обзор Ставропольской и Казанской губерний по сведениям 1876 г. № 26.

О мерах к успешному ходу кавказского виноделия и сбыта местных вин. №№ 27 и 28.

Обзор Ставропольской и Подольской губерний по сведениям 1874 г. № 28.

Городские общества взаимного от огня страхования. № 29.

Обзор земледельческой деятельности Ставропольской губернии за 1877 г. и сравнение ее в этом отношении с Харьковской губернией. № 31.

Народная нравственность в Ставропольской губернии по материалам с 1871 г. по 1878 г. №№ 33, 34 и 38.

Обзор Ставропольских конских скачек на Императорские призы. №№ 41, 42, 43, 44.

Заштатный город Св. Креста. Монография. №№ 46, 47, 48, 49, 50, 52 и 53.

За 1879год

Старинный проект проведения р. Кумы в Каспийское море. № 1.

Чума на Северном Кавказе в прошлом и нынешнем столетии. № 2.

Ставропольская старина с приложением плана крепости. Суворов встречает 1779 г. в Ставропольской крепости. № 1.

Несколько слов о Ставропольском климате. №№ 4 и 6.

Значение Ставропольской губернии в системе акцизных сборов. № 5.

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Колонизация низовья Кубани. № 7.

Статистика движения дел у мировых судей и в мировом съезде Ставропольского судебно-мирового округа за последние пять лет. №№ 8 и 26.

Материалы для новой истории Северного Кавказа. Смерть первого черноморского кошевого атамана Чепеги и последовавшие затем события. № 8.

О первоначальном физическом воспитании у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губер-

нии. №№ 9 и 10. [За эту статью Импер. общ. естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило бронзовую медаль].

О рельсовом соединении Ставрополя с Ростово-Владикавказской железной дорогой. № 13.

Городское хозяйство, мясной и хлебный рынки. № 15.

Распределение недвижимых имуществ между городским населением по сословиям. № 21.

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Город Ставрополь. № 22.

О необходимости изучения Ставропольской губернии в ботаническом отношении. № 23.

Целительные грязи Джалгинского соляного озера. № 28.

Наше лесоводство и его неожиданные враги. № 29.

Владикавказское ремесленное училище и его питомцы. № 30.

Наши кочевники и их экономическое состояние. №№ 32, 34, 35.

Археографические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии. № 33.

Почтовая статистика. № 38.

Статистика периодической прессы. № 41.

Два слова о проекте Данилова (о соединении Черного и Каспийского морей судоходным ирригационным каналом посредством вод Терека и Кубани). 1879 г. № 45.

Народное образование. № 48.

Бабуковцы. №№ 50 и 51.

За 1880 год

Материалы для истории образования бывшего кавказского линейного (ныне Терского) казачьего войска. №№ 2, 3, 4, 5, и 6.

Беглый обзор развития экономического состояния Ставропольской губернии в 25-летнее царствование Императора Александра II. №№ 8, 9 и 10.

1879 год в Медвеженском уезде. № 10.

Конокрадство и самосуд. №№ 26, 32 и 34.

Результаты сенокошения в 1880 г. № 33.

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские так называемые «крещеные калмыки». №№ 35, 38 и 42.

Наша общественная благотворительность. № 37.

Наши расчеты с саранчой. № 39.

Подспорье топлива. № 41.

За 1881 год

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории. Памятная книжка Кубанской области 1881 г. [За эту статью Кубанский областной статистический комитет почтил автора званием своего почетного члена].

Торф на Кравцовом озере близ Ставрополя. №№ 6 и 7.

Взаимное от огня страхование в С.-Петербурге. № 8.

Два слова о предполагаемой ветви железной дороги от Ставрополя. № 44.

Несколько общих выводов о населенных местах и поземельной собственности в Ставропольской губернии. №№ 44, 46, 47.

За 1882 год

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение бывшего Кавказского линейного казачьего войска. №№ 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11 и 1883 г. №№ 8 и 10.

Река Кума и необходимость улучшить ее экономическое значение. 1882 г. №№ 27 и 28. (Статья эта возбудила вопрос об урегулировании реки Кумы).

Обзор экономического состояния инородцев, кочующих в Ставропольской губернии. №№ 29, 30, 31, 32, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50 и 1883 г. №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11.

Чума рогатого скота в Ставропольской губернии. 1882 г. № 31.

За 1883 год

Обзор конского хозяйства в Ставропольской губернии. № 12 и 1884 г. № 26.

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Кавказской области. № 37.

Сравнительный обзор хлебной производительности на Северном Кавказе по сведениям 1882 г. № 39.

За 1884 год

Крепостная колонизация в бывшей Кавказской, ныне Ставропольской губернии. № 30.

За 1885 год

Где был построен гор. Терки. № 3.

Город Терки. №№ 6, 7, 8.

Значение гор. Терки в истории распространения русского владычества на Северном Кавказе. № 11.

Судьбы шелководства в Ставропольской губернии. №№ 12, 13, 14.

За 1886 год

Кавказская губерния во время А.П. Ермолова с 1816 г. по 1824 г. №№ 27, 28, 29, 30.

Петр I на Кавказе. Построение крепости Св. Креста. №№ 33, 34.

Первоначальное устройство административных учреждений Кавказской губернии. №№ 39, 40, 41, 42, 43, 46.

За 1887 год

Упразднение гор. Екатеринодара и перенесение губернских присутственных мест в Астрахань. №№ 4, 5, 6.

Вторичное открытие Кавказской губернии в гор. Георгиевске. №№ 7, 9, 10, 11.

Кавказская губерния до преобразования в область 1804—1824 гг. №№ 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 26, 27.

Император Николай I в Ставрополе. № 42.

В газете «Кубань»

Происхождение казачества, его развитие и идеи. 1883 г.

Одна из главнейших причин упадка табунного коневодства в Черномории. 1883 г.

В «Ставропольских епархиальных ведомостях»

По поводу фальсификации деревянного масла. 1888 г. № 22.

В «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». Москва, 1887 г., кн. 3.

Гребенцы. Откуда пришли гребенские казаки. Когда и где поселяются за Тереком. С какого времени начали служить русским царям.

Примечание

1. Бывший председатель археографического комитета в Тифлисе.

Текст печатается по изданию:

Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета. — Ставрополь, 1908.

К.Л. Хетагуров. **Заметки в газете «Северный Кавказ»**

<Кто из ставропольских обывателей...>[1]

Кто из ставропольских обывателей наиболее знаком с архиерейским мостом и Желубянской улицей?

Извозчики и дрогали. Первые — потому, что ломают на этих улицах свои экипажи, а вторые — потому что, увязнув в грязи с своими дрогами, тщетно взывают к прохожим о помощи. Желубянские обыватели подавали-подавали в городскую управу слезные прошения о необходимости замощения их улицы и подавать устали. А управа молчит и не хочет снизойти к просьбам желубянцев. Она, вероятно, позабыла, что в районе 3-й части города, где находится и Желубянка, проживают до 70 человек извозчиков, платящих в пользу города известный налог.

А про обывателей-пешеходов и говорить нечего: в дождливую погоду они чуть ли не купаются в грязи. Желубянские доморощенные «инженеры», чтобы сделать свою улицу мало-мальски годною для безопасного по ней проезда, навалили в разных местах до 30 возов хмыза (хвороста), но надолго ли такая гать? Перегниет хмыз, и опять образуются на тех местах непролазные болота.

Бедные желубянцы!

* * *

Весна идет и, вместе с тем, должна бы возобновиться после зимней спячки деятельность городской санитарной комиссии. Но... она спит, или же не совсем проснулась. По крайней мере, деятельности ее в отношении оздоровления города пока незаметно. Почти в любом дворе вы можете встретить кучи навоза, всевозможного мусора, а в некоторых дворах обонять такое благорастворение воздухов, что хоть нос затыкай да беги со двора. На городских окраинах, по улицам не редкость встретить трупы собак, кошек, а нашим санитарам до этого как будто и дела нет. Очень жаль!

* * *

21-го марта, в 12 часов ночи, в Ставрополе, именно в Подгорной, было наблюдаемо землетрясение. Так, по крайней мере, пишет корреспондент «Биржевых ведомостей». Наговорив о «колебаниях почвы», «треснувших стенах, через трещины которых свободно может пролезть ребенок», и т.п. страхах, корреспондент прибавляет, что «по словам древних стариков, древних жителей Ставрополя, землетрясение в этом городе было очень давно — в 20-х годах нынешнего столетия, и с тех пор не повторялось уже».

Итак, в Ставрополе было землетрясение! Признаюсь, это для меня новость, да не только для меня, но даже и для самих подгорненцев: оказывается, что никто из них не слышал «страшного шума и гула, как бы под землей», только вот «древние старики, древние жители Ставрополя», может быть, они слышали «страшный шум и гул, как бы под землей», и наблюдали «легкое колебание почвы»? Имея дурную привычку,— грешный человек, сознаюсь в этом, — не всякому слову верить, а тем более слову провинциального газетного корреспондента, я на днях отправился в Подгорное «интервьюировать» «древних стариков, древних жителей Ставрополя», по поводу землетрясения. Вот вам результаты моего «интервьюирования»: во-первых, ни одного древнего старика, который помнил бы землетрясение в 20-х годах текущего столетия, в Подгорном не оказалось; во-вторых, и «шум и гул, как бы под землей» и «разрушенные домики и попадавшие печи», были результатом не землетрясения под 22-е марта, а постепенного сползания почвы от быстрого таяния снега, скопившегося здесь в минувшую зиму в небывалом до сих пор количестве. Вот и выходит, что корреспондент-то «Биржевых ведомостей», хотя и слышал древними ушами древних стариков «звон» в Подгорном, да не узнал, откуда именно раздавался «он».

<Что ни день, то в Ставрополе новость...>[2]

Что ни день, то в Ставрополе новость и новость, так сказать, сногсшибательного свойства.

Судите сами: к нам скоро прибудет товарищество оперных артистов под «командой» «бесподобных» Яковлева и Фюрера.

Затем пожалуют малороссы, снявшие театр у Митина. Потом прикатит оперетка.

Кто раньше из них обрадует ставропольцев — неизвестно. Быть может, все разом! И выйдет тогда по пословице: «Не было ни гроша, да сразу алтын».

Ставропольцу буквально придется разрываться.

Сегодня он будет слушать «бесподобного» Яковлева, завтра смотреть малороссов, послезавтра наслаждаться опереткой.

Он разом вознаградит себя за все время скуки, когда он только и развлекался тем, что ходил *смотреть*, но не слушать фонограф Эдиссона.

* * *

Недавно открыла свои «действия» в Ставрополе пивная, под милым названием: «Пивная, ах!»

Подумаешь, право, каких только пивных не бывает на свете. Наверное, существуют где-нибудь пивные, под названием: «Прошу покорно» или «Ай люли». Мы, по крайней мере, можем похвалиться только «Пивною, ах!»

Судя по этому «милому» восклицанию, можно предположить, что содержателями пивной явится «грациозный элемент», т.е. девицы.

Но по бесцеремонному обращению с посетителями пивной нельзя сказать этого.

Недавно нам пришлось наблюдать такую «миленькую» сценку.

В пивной столпилась масса посетителей, на улицу доносился оживленный шум и говор, слышалась популярная среди городских извозчиков песня «Разлука ты, разлука!»

Вдруг дверь в пивной с шумом растворилась, и оттуда вылетел с быстротой молнии какой-то извозчик, которого сзади наколачивали двое каких-то рабочих!

Извозчик, очевидно, потеряв терпение, заорал благим матом: «Караул!»

Подобный случай не единственный, как говорят!

Потому следовало бы «Пивную, ах!» переименовать в пивную «Кар-р-раул!»

* * *

Городское самоуправление вздумало озаботиться внешним благообразием города!

Так, например, по Николаевской и Воронцовской улицам собраны кучи грязи и навоза, собраны и не прибраны!

Почему не прибраны — неизвестно.

Вероятно, для того, чтобы, так сказать, наглядно убедить обывателя в энергичной деятельности городского самоуправления по части внешнего благоустройства города.

К сожалению, это доказательство не долговременно, так как кучи эти, быстро высыхая и превращаясь в пыль, снова разносятся ветром по городу.

* * *

Не мешало бы тому же городскому самоуправлению обратить должное внимание на Ясеновский спуск; канавы, идущие по обе стороны шоссе, необходимо довести до самой балки, иначе стекающая к нему со всех сторон вода не замедлит сделать его негодным для езды.

Порча шоссе уже началась.

* * *

Говорят, что мы в недалеком будущем все сделаемся вегетарианцами. Это хотя и похвально, но навряд ли приятно. А между тем это так. Ни на Верхнем, ни на Нижнем базарах вы с известного часа утра уже не можете найти требуемого количества и качества мяса. Мясники отпускают вам столько, сколько им самим заблагорассудится, да еще так, что к первому сорту примешивают «недовески» чуть не из-под лавки.

Поучительно!

* * *

А если уж мы, в самом деле, собираемся сделаться вегетарианцами, то для чего тогда существует баз г. Меснянкина на Ташле? Одно из двух: или быть вегетарианцем и пользоваться чистой водой, или уж, коли приходится довольствоваться водой с обильной примесью пахучих выделений из база, то хоть вдоволь наедаться мясом.

Правильно!

<Многим торговцам не по шерсти пришлась...>[3]

Многим торговцам не по шерсти пришлась заметка нашего «обывателя» о распродажах и дешевках. Считаем нелишним для полноты картины отметить следующий факт. На «распродажу» готового платья в одном из видных магазинов явился на днях молодой человек. Выбрав себе брюки за баснословно дешевую цену, молодой покупатель попросил позволения испытать доброкачественность товара. Ему разрешили «потянуть». Товар расползся. Брюки насильно были вручены слишком любопытному покупателю, и только на другой день через полицию удалось выручить деньги неопытного юноши. «Семья не без урода...» Конечно!

* * *

Нам недавно прислан интересный «документик».

Интересен он именно в том отношении, что до некоторой степени характеризует нравы городской молодежи, именно молодежи «служащей».

Дело было в первых числах апреля, на железнодорожной Михайловской станции.

Несколько молодых человек провожали на поезд № 5-й своего приятеля и «напровожались» до того, что едва на ногах стояли.

А затем... затем они дружно принялись ругать ни в чем неповинных пред ними станционных служащих.

Мало этого, на глазах телеграфистки начали проделывать такие манипуляции, которые в российском кодексе предусмотрены как нарушение общественной благопристойности.

За такие «шутки», как известно, по головке не гладят, а просят пожаловать к мировому судье.

Но для молодых служащих ничто не страшно, потому что...

— Ты знаешь, кто я такой? — кричал каждый из них, указывая на свою фуражку с особым околышем.

Советуем продолжать в том же духе!

* * *

В городские пекарни, содержателями которых являются в большинстве случаев турки, санитарная комиссия, очевидно, считает лишним заглядывать.

А надо бы заглянуть, потому что пекаря — народ крайне нечистоплотный и вообще помещения пекарен содержатся очень неопрятно.

Нам, например, передают, что в одной из пекарен для опары употребляется та же самая вода, в которой пекаря моют руки!

Да и одни ли турецкие пекарни нуждаются в контроле?

* * *

«Азиатчина» у нас на каждом шагу... В 9—10 часов вечера, когда по тротуарам масса гуляющей публики, ночные сторожа возвещают посредством трещоток и колочения дубиной в доску о своем бодрствовании.

А в 1—2 часа ночи, когда именно нужно бодрствовать, они «спят» сном праведника.

Некоторые из них имеют при себе собак, которые накидываются на каждого проходящего.

Недавно был такой случай.

Около одного дома в 9 часов вечера «сторожевые» собаки накидываются на проходящего.

— Сторож! — кричит тот.— Уйми своих собак.

— Ступай, ступай, не тронут, — послышался в ответ ленивый голос сторожа.

Порядки!

* * *

Экономия прежде всего...

Это хотя и выгодно, но не всегда удобно.

Ставропольская прислуга любит соблюдать экономию во времени.

Относить в помойную яму кухонные отбросы, помои и сор — потеря лишнего времени. Гораздо удобнее отворить окно и выплеснуть помои на улицу.

Точно также удобнее выметать сор из комнат на тротуар.

Особенно со второго этажа хорошо выметать!

Подмел комнаты, собрал сор в кучи и вали с балкона!

Что за беда, если этим «пеплом» будут посыпаться головы прохожих!

* * *

Мы слышали, что свиньям строго воспрещено гулять в центральной части города, между тем одна очень милая парочка их почему-то нарушает это строгое постановление и свободно разгуливает по Воронцовской и Вельяминовской улицам. Хорошее, видно, настает времечко!

<С открытием Троицкой ярмарки...>[4]

С открытием Троицкой ярмарки в городе стали появляться разные «проповедники», наставляющие простой люд «на путь истины».

Так, 3-го мая, около 7 часов утра, на Нижнем базаре появились какие-то субъекты, по виду похожие на странников.

Заняв столы торговок молоком, они скоро собрали вокруг себя толпу слушателей.

«Проповедь» их была обличительного свойства.

Они обличали слушателей в неправильности «перстосложения» и предрекали им скорое пришествие антихриста.

Собравшаяся толпа, а главным образом торговки молоком, не остались пассивными слушателями.

Многие из них вступили с «проповедниками» в «дебаты», в свою очередь обличая их в «фармазонстве».

«Проповедники» пришли в негодование, начали метать громы и молнии...

В это время к «аудитории» подошел городовой и в одну минуту разрешил вопрос горячего спора, попросив публику «честью» разойтись и пригрозив «проповедникам» кутузкой.

* * *

В городском саду идут деятельные работы по приведению его в порядок и по устройству цветников, обещающих в нынешнем году быть особенно интересными.

В каждом городе обязательно должна быть своя достопримечательность. У нас такой достопримечательностью является, конечно, наша садовая «ротонда».

Неприкосновенность ее в том виде, в каком она переходит от поколения к поколению, сделается, кажется, величайшей заботой нашего городского самоуправления, и мы в недалеком будущем узрим свою археологическую редкость под стеклянным колпаком с электрическим освещением ясеновской станции, производящей с начала нынешнего года внутреннюю установку электрического освещения в домах и в магазинах по Николаевскому проспекту и Казанской площади и скоро имеющей расширить свои операции на Новый Форштадт, Мойку и Лягушевку.

<Если нас слух не обманывает...>[5]

Если нас слух не обманывает, то Ставрополь во время коронационных празднеств превратится в сплошную музыкальную симфонию. Кроме двух «настоящих электрических» фонографов и известного посетителям общественного собрания «бального» оркестра, у нас целых два хора военной музыки будут чередоваться с настоящими малороссийскими мелодрамами и настоящей оперой. Занятно!

* * *

Город наш вообще «мирной». Везде орудием убийства и даже самоубийства служит что-нибудь огнестрельное и в крайнем случае «кинжал», а у нас самым употребительным оружием являются ножницы, да еще тупые. 4 мая их применил опять в покушении на самоубийство некий казак войска донского Д.; смягчающим вину обстоятельством служит то, что Д. перерезал себе дыхательное горло тупыми ножницами в припадке белой горячки.

* * *

Зато «рыцари темной ночи» стали довольно часто проявлять свою деятельность.

Воруют из прихожей одежду, воруют из бань белье, воруют даже лошадей.

Городской полиции приходится быть, что называется, на «чеку». На то ярмарка!

С наступлением весны и «собачий вопрос» заметно обостряется. Даже городовые не застрахованы от «шалостей» этих «друзей человека».

6-го мая, например, на Станичной улице, в одном из домов, на полицейского накинулась громадная собака, которая изорвала на нем одежду и слегка «контузила» его самого.

Та же собака раньше искусала одну женщину.

Так и просится, чтобы ей надели намордник...

Только не ремневый!

<Ничего нет легче...>[6]

Ничего нет легче, как дурачить публику.

Приехал в незнакомый город, вывесил с «разрешения начальства» разноцветные простыни с отуманивающими рекламами и обирай простодушных граждан гуртом или порознь, все равно,— пока каждый самолично не убедится в том, что ты действительно шарлатан. Не успеет околпаченная публика обменяться впечатлениями о твоих «сеансах» в одном городе, как ты уже проделаешь их в другом и т. д.

Чем ты рискуешь?

Единственный способ, каким каждый с удовольствием отблагодарил бы тебя за твои сеансы, — это сейчас же во время сеанса накостылять тебе шею...

Но ведь это «самоуправство»!

Благодаря такому положению вещей всевозможные предсказатели «по древней науке хиромантии», индийские факиры, спириты и антиспириты самым бессовестным образом беспрепятственно обирают с конца в конец всю матушку Русь. Кроме гостящего у нас в настоящее время «предсказателя», нас собирается посетить индийский факир, доктор и хирург Лориц, изрядно насмеявшийся уже над владикавказской публикой.

* * *

Но не для одних только этих заезжих «мудрецов» у нас довольно простоты, ее достаточно и для доморощенных факиров, которые хотя сами и не глотают расплавленный свинец и из рассеченного брюха не вываливают свои внутренности, все же, однако, проделывают над публикой такие фокусы, каким впору позавидовать лучшему медиуму...

Для подтверждения нашей мысли следует только припомнить ресторатора, насытившего 150 торжественно настроенных желудков тухлой рыбой, сырым ростбифом и приготовленным на свечном сале мусом и получившего за этот «сеанс» чуть не 1000 р.

<В Ставрополе наступил сезон эквилибристики...>[7]

В Ставрополе наступил сезон эквилибристики, жонглерства и «неутомимой» езды на дрессированных и недрессированных лошадях и самокатах.

Кроме подвизающегося у нас цирка «любимца» ставропольской публики Макса, нас собирается посетить цирк Сура и, кажется, даже Соломонского.

* * *

Говорят, что и владелец местного «летнего театра», не довольствуясь сборами, какие делали в его саду малороссы, собирается переделать свой театр в цирк.

Это было бы весьма желательно как в интересах публики, так и самого хозяина: публика, посещающая цирк, не так взыскательна в отношении удобств помещения и доброкачественности буфетной провизии, тогда как «чистая» публика мало того, что ропщет на тесноту и балаганность помещения, не вполне предохраняющего ее даже от дождя, она еще придирается ко всяким мелочам по буфету: и водка вонючая, и закуска лежалая, и рюмочки неказистые и пр. и пр.

Нет, цирк куда лучше!

* * *

Не отстает от требований сезона даже наш Нижний базар. 9-го июня здесь, близ кабака Т., который служит дневным сборищем всевозможной городской голытьбы, толпа рабочих и босяков, в 50—60 человек, окружила двух борцов, состязавшихся в силе своих кулаков, и шумными возгласами то одобряла, то порицала того или другого борца. Но когда последние разъярились в достаточной степени и лица их были избиты в кровь, в толпе вдруг произошла ужасная свалка: зрители принялись колотить друг друга. Зрелище было ужасное: в воздухе мелькали кулаки, люди с окровавленными лицами валились на землю; на свалившихся насаживались несколько человек и били их кулаками, топтали сапогами... Прибежавший городовой не в силах был унять разбушевавшейся толпы. Да и что он один мог сделать с ней? Только когда на помощь ему явилось еще несколько городовых, толпу удалось разогнать. Как нам сообщали, подобные побоища на Нижнем базаре, а именно близ кабаков, посещаемых босяками и рабочим людом, устраиваются нередко.

<Для всякого понимающего церковное пение...>[8]

Для всякого понимающего церковное пение становится удивительным то обстоятельство, что в Ставрополе, в таком сравнительно большом губернском городе, нет ни одного мало-мальски порядочного хора: церквей много, но любителю церковной музыки решительно негде послушать хорошего пения. Это тем более странно, что в окрестных, подчиненных ставропольской епархии городах, — городах много меньших и не более Ставрополя богатых, процветают прекрасные певческие хоры. Кроме архиерейского хора, долженствующего стоять целою головою выше всех других хоров в городе, у нас имеются хоры в духовной семинарии, мужской гимназии, духовном училище, но все они так посредственны, что и говорить о них не стоит; если же и говорить, то нужно говорить об архиерейском хоре, от которого всякий православный христианин вправе требовать прекрасного исполнения, превосходной выдержки и полнейшей гармонии. Так оно на самом деле и есть в других губернских городах, а у нас... Это тем более удивительно, что у нас во главе архиерейского хора стоит человек с безусловным знанием возложенного на него дела.

Интересно бы выяснить действительную причину констатируемого нами факта.

* * *

Нашим харчевням и притонам с горячительными напитками готовится не особенно приятный сюрприз.

С 21-го июня на Верхнем базаре, при пивном зале, в доме Цыпина открывается дешевая народная столовая и торговля чаем.

Если это совершенно новое для Ставрополя учреждение действительно будет отвечать тому требованию, какое к нему несомненно будет предъявлено в самых широких размерах, то ничего не останется, как пожелать успеха предпринимателю, но с той, однако, оговоркой, чтобы в наиболее скором времени из дешевой столовой погнать торговлю пивом.

Коли пить, так только чай!

* * *

Нова для Ставрополя и продажа кумыса в городском саду.

К сожалению, эта новинка не может долго продержаться, и вот почему.

На группах наших минеральных вод, где кумысники платят бешеные деньги за право и место торговли, полубутылка этого «жизненного эликсира» продает-

ся за 15 копеек — цена возмутительно дорогая и положительно недоступная больным с посредственным материальным обеспечением, которым предписано выпивать в день по крайней мере 10 полубутылок.

Что же ожидает ставропольское кумысное заведение, где полубутылка ценится в 30 копеек?

Если такая оценка вызвана дороговизной аренды пустующего из года в год павильона, то нельзя не выразить своего «удивления» по адресу городской управы. Если же единственным мотивом ее является цель кумысника зашибить поскорее деньгу, то мы можем только выразить свое сожаление как по его адресу, так и по адресу верующих в целебное свойство этого модного изделия, которому в сущности базарная цена без посуды maximum 5 копеек.

Не мешало бы всем заинтересованным сторонам получше подумать над тем, чтобы предприятие развивалось к общему благополучию.

* * *

Усиленный санитарный осмотр дворов приводит к весьма печальным результатам. Везде наблюдается громадное скопление нечистот, так что даже благоухание распустившихся в необыкновенном изобилии цветов не гарантирует обоняние от неприятностей. И все это потому, что некому вывозить нечистоты. Правильно устроенных ассенизационных обозов в городе нет, а дилетанты предпочитают заниматься огородничеством и полевыми работами.

Если нас память не обманывает, то, кажется, у города имеются все наиболее усовершенствованные приспособления для ассенизационного обоза.

Почему бы управе не сформировать обоз, который мог бы брать подряды по очистке отбросов как в общественных, так и частных местах.

<Ларчик, оказывается, не так просто открывался...>[9]

Ларчик, оказывается, не так просто открывался, как принято думать.

Недоумения наши по поводу плохого санитарного состояния города разрешились, наконец, в 7 очередном заседании нашей думы, на обсуждение которой между прочим был предложен доклад управы об избрании *председателя городской санитарной исполнительной комиссии*. Доклад управы произвел на думцев впечатление, не уступающее по своей экспрессивности последствиям знаменитой фразы гоголевского жандарма в «Ревизоре». Оказывается, что комиссия, избранная в 1892 году, по случаю холеры, под председательством бывшего городского головы П.В. Розанова, давным-давно прекратила свои операции, и члены ее даже забыли, для чего они тогда были избраны. Дума нашла, что комиссия была избрана по старому положению и потому ее можно считать канувшей в вечность, что комиссия нужна (еще бы!), и ее следует снова избрать, а потому вопрос об избрании председателя прежней снять с очереди.

И вышло, что у нас теперь нет ни председателя комиссии, ни даже самой комиссии.

Логика!..

* * *

Хорошо, что сама мать-природа не оставляет нас своими заботами и всячески старается смягчить нашу нечистоплотность. Если ей не удается смыть дождем или смести ветром наши занавоженные улицы, площади и дворы, то она, по мере сил и возможности, прикрывает наиболее запущенные места зеленью. И удивительно в данном случае, что вместо того, чтобы не дать зарасти «ковылем-травой», например, лестнице к новому собору или большой улице перед пустующим губернаторским домом, мы, неизвестно для какой надобности, полем траву в боковых частях бульварной аллеи.

И это логика!

* * *

Вообще нынешнее лето для нас положительно благодетельно! Не только о миазмах, микробах и бациллах нет у нас речи, но скоро нам обыкновенную назойливую комнатную муху станут показывать за деньги, как диковинку, как медиумов, факиров или даже «птичек певчих», «всемирно известных» геркулесов и тому подобную редкость.

Одно жаль, — наши любительницы сезонно-модных костюмов лишены возможности померяться вкусами...

— Ах, этот противный ветер,— негодуют наши модницы,— и когда только он перестанет?..

Зато простым смертным, работающим в канцеляриях, конторах и тому подобных учреждениях, не жизнь, а масленица! Пиши себе с утра до вечера, — ни пот тебя не прошибет, ни муха тебе не мешает.

Хорошо!

* * *

Роща наша даже в «музыкальные дни» перестала быть обычной толкучкой. Многие, правда, обвиняют музыку, но я скорей склонен свалить все на тот же холод. По вечерам хоть шубу надевай. Даже сторожа архиерейского леса до того отвыкли от людей, что всякий, кто по старой привычке имеет неосторожность отправиться туда погулять, рискует быть избитым и изувеченным одичалыми сторожами, как это и случилось 21-го июня с крестьянкой А.М. Потерпевшая искала у архиерейского пруда своего сынишку, а сторож Б. тут как тут.

Спасибо каменщикам,— прибежали на крик и выручили.

<Городские нимвроды...>[10]

Городские *нимвроды*, по-видимому, никак не могут дождаться того дня, с которого им разрешается по всем правилам искусства утолять свою жажду к крови. Иначе чем же объяснить то обстоятельство, что они, игнорируя закон об охоте, в настоящее время очень успешно истребляют «запрещенную дичь»? К сожалению, еще ни один из этих нетерпеливых охотников не был привлечен к ответственности, как это наблюдается в Ростове и других городах. Виноваты, конечно, наши полевые сторожа (если они есть), что не могут изловить ни одного из нарушителей закона об охоте.

* * *

Если за охотниками на пернатых и зверей обязаны следить полевые сторожа, то за охотниками на приезжающих из сел в городские базары крестьян во всяком случае никто не следит. Между тем это положительно необходимо. Охотники этой категории — обыкновенно субъекты без определенных занятий, или, как они себя именуют, «комиссионеры». Их охота довольно оригинальна. В базарные дни, рано утром, они отправляются за город и у проезжих дорог поджидают крестьян, едущих с хлебом

на городской базар. Едва только покажется воз, как «комиссионеры», точно голодное воронье, вмиг окружают его и начинают торговать у крестьянина хлеб, предлагал за него самую низкую цену, клянясь Христом-богом, что в городе цена на хлеб стоит еще ниже. Для того, чтобы крестьянин был сговорчивее, «комиссионер» угощает его водкой, которая всегда в достаточном количестве хранится у него в кармане. Пьяный крестьянин в большинстве случаев соглашается продать хлеб по цене, предложенной ему «комиссионером», который тут же вручает ему задаток и сопровождает его в город, к амбару своего хозяина; последний платит ему за комиссию по 8 коп. от четверти. Впрочем, бывают и такие случаи, что «комиссионеры» различных фирм, окруживши крестьянский воз с хлебом, переругаются, а иногда передерутся между собой, а крестьянин между тем преспокойно приезжает в город и продает хлеб по более выгодной цене. К сожалению, такие случаи очень редки. Большею же частью охота на крестьян вполне удается, и «комиссионеры» мало того, что обманывают их в цене, но еще обвешивают и обмеривают их при ссыпке хлеба в амбары.

* * *

Вслед за известными уже нашей публике «магами», «самогипнотизерами», «прорицателями» и всякого рода шарлатанами конца XIX столетия, обирающими невежественную публику, в Ставрополе стали появляться «проповедники» и собиратели пожертвований на построение «храмов божьих». Шатаясь по окраинам города со двора на двор, они дурачат большею частью женщин рассказами «о святом городе Ерусалиме», выманивая у них деньги и одежду, а при случае даже похищая что плохо лежит. Некоторые из этих проходимцев одеты в монашеские рясы и выдают себя за посланников Иоанна (Кронштадтского).

* * *

Избавиться от таких дешевых шарлатанов легко при желании полиции относиться к своим обязанностям не как к букве закона, а более серьезно.

Но как предохранить себя от шарлатанства врачей, без помощи которых не обходится современное расслабленное человечество?

На днях, например, один из практикующих здесь врачей, пользуя у себя на дому молодую даму, после десятка визитов до того наглядно стал выражать свое увлечение пациенткой, что последняя, защищая долг супружеской верности и честь матери, вырвалась из рук эскулапа и, прибежав домой, рассказала обо всем мужу.

Называть имени героя мы не станем, потому что он сам, прочитав эти строки, отлично поймет всю гнусность своего поступка.

<Скука... ах, какая скука!..>[11]

Скука... ах, какая скука!.. Ах, какая невыносимая скука!.. Вот канва, на которой ведутся в настоящее время беседы наших горожан. Все, что имело возможность вырваться из «противного» Ставрополя на выставку, на воды, на море и тому подобные излюбленные места праздного скитания, флирта и прожигания последних грошей и здоровья,— все уже, очертя голову, ринулось на Невинку и на ст. Михайловскую пресловутой Ставропольской железной дороги, открытие которой с каждым днем все более и более удаляется в «далекую туманную даль».

— Ах, какая скука! Вчера — роща, сегодня — роща, завтра — роща... каждый день — роща!.. В воскресенье — музыка, в четверг — музыка... ах, какая музыка! Марш, полька, вальс, кадриль... Вальс, полька, кадриль и в заключение опять марш... И за это двадцать пять целковых в вечер!

* * *

Куда деваться?

В лес... в широкое поле, «где, шествуя, сыплет цветами весна». Ах, какая возня! Надо собирать компанию, закупать провизию, везти самовар, чайную, столовую, кухонную посуду... И в довершение всего — дождь... Удовольствие!

Куда же деваться?

На дачи Павлова и Ртищева... Попробуйте...

На первой непременно натолкнетесь на пьяную компанию, а на второй надо быть самому непременно пьяным, чтобы не видеть той возмутительной грязи, какую вы встретите там. Пруд запущен, лодки допотопные, дорожки никогда не чистятся... Столы, скамейки... Боже, что это за «мебель»! А кегельбан, а «шары»... Ко всей этой обстановке вам подают донельзя загрязненный самовар и такую же посуду. Ни прислуги сколько-нибудь сносной, ни скатерти, ни салфеток... Трудно поверить — в «заведении» нет даже *полотенца* для чайной посуды!

Нет, лучше в рощу или в цирк!

* * *

В последнем, впрочем, особенной необходимости уже не видится. Наши доморощенные атлеты — хозяева различных мастерских и даже модных магазинов, хотя и непублично, но довольно часто мерятся силой с своими учениками, подмастерьями и мелкими служащими. «Атлеты» эти, забывая, к сожалению, статьи об истязаниях и самоуправстве, склонны в большинстве случаев воспитывать своих учеников по таким учебникам, какие применяются только в цирках для дрессировки лошадей и детишек. Возмутительное самоуправство наблюдалось, между прочим, на Нижнем базаре в четверг 11 июля. Действующими лицами были некий торговец бакалейными товарами и сухими фруктами и мальчишка лет 11—12, которого первый заподозрил в краже пары чулок.

* * *

В одной из своих заметок я говорил об открывшейся на Верхнем базаре, в доме Цыпина, дешевой народной столовой, без права торговли водкой. В короткое время столовая приобрела массу посетителей, главным образом из пришлого рабочего люда, что, конечно, не особенно по вкусу пришлось содержателям заведений с другим меню. Начался обычный поход против «трезвых». И вот в один «прекрасный» день в столовой накрывают двух «косарей», пьющих водку. Содержатель, говорят, привлекается к ответственности, и столовая, конечно, прекратит свое существование. Интересно бы только знать, были ли это действительно косари и была ли им водка продана в столовой, или же это, как есть основание предполагать, проделка «ряженых».

* * *

В заключение, к сожалению, опять приходится заняться склонением слова *врач*.

Употребленное мною в № 53, в рубрике «По городу», выражение: «как предохранить себя от шарлатанства врачей, без помощи которых не обходится современное расслабленное человечество» — некоторые «знатоки» русского языка стараются объяснить якобы желанием автора заметки если не прямо назы-

вать всех врачей шарлатанами, то, по крайней мере, выразить сильное сомнение по этому поводу. Смею заверить всех склонных к такому объяснению моих слов, что я не имел в виду такого обобщения и извиняюсь перед всеми честными врачами за неточность своего выражения, если она действительно есть.

<Тихая, монотонная жизнь нашего сонного города...>[12]

Тихая, монотонная жизнь нашего сонного города нарушена «докторским» инцидентом, о котором только у нас и разговора. В «Северном Кавказе» недавно была помещена такая заметка:

«На днях один из практикующих здесь врачей, пользуя у себя на дому молодую даму, после десятка визитов до того наглядно стал выражать свое увлечение пациенткой, что последняя, защищая долг супружеской верности и честь матери, вырвалась из рук эскулапа и, прибежав домой, со слезами рассказала обо всем мужу. Называть имени героя мы не станем, потому что он сам, прочитав эти строки, отлично поймет гнусность своего поступка».

Эта заметка и всполошила всех докторов.

Корпорация докторов пристала к редакции «Северного Кавказа» — назовите, мол, фамилию врача, так как одна «паршивая овца» портит все наше стадо, а не то — в суд будем жаловаться. Редакция не согласилась на это и свое несогласие мотивировала так.

Центром тяжести в этом нашем объяснении является соображение о том, что опубликование имени врача повлекло бы для него крайне тяжелые последствия. Да и вообще, говорили мы, название имени частного лица, которому приписывается деяние отрицательного характера, в огромном большинстве случаев не только не достигало бы цели, так как для видов нравственного воздействия важно не то, что на данное лицо будут указывать пальцами, как на заслужившее укор, а важно, чтоб оно само себя узнало в печатном изложении факта. Те же мотивы мы приводили и в письме на имя г. губернского врача, предложившего нам от имени всех врачей города Ставрополя вопрос о том, будет ли названо имя врача, если все его ставропольские товарищи дадут подписку в том, что не возбудят против редактора газеты преследования за диффамацию. В нашем ответе врачам мы подчеркнули не то, что, кроме статьи о диффамации, имеется еще статья о клевете, а то, что, во-первых, название имени их товарища может повлечь за собою в высшей степени важные для него последствия и, во-вторых, что в данном случае вопрос идет не о выведении на свежую воду товарища, которому приписывается предосудительное поведение, а, так сказать, pro domo sua, т.е. ставропольские врачи, потребовавшие от нас наименования их товарища, хлопочут из таких побуждений, которые мало делают им чести: им нужно не столько прекращение на будущее время возможности повторения того, что с точки зрения не только общественной, но и общечеловеческой морали считается предосудительным, сколько гарантия того, чтоб инцидент не мог быть отнесен на счет каждого из них. А вот о том-то гг. врачи не подумали, что не дело какой бы то ни было газеты возбуждать судебное преследование против фактического виновника в каком-нибудь преступном деянии, не дело газеты быть доносчиком против данного лица; ее дело только указать публике на отрицательный факт, имеющий место в ее среде, и дать этому факту надлежащее определение с точки зрения разума и морали. Не подумали они также и о том, что требовать предания имени своего же товарища на всеобщее поругание из-за того только, чтобы приписываемый ему факт не был отнесен публикой на счет каждого из них, по меньшей мере, не великодушно, а если к этому присоединить еще и то, что название имени провинившегося врача повлечет за собою неминуемо и обнаружение имени той женщины, которой пришлось играть в инциденте роль потерпевшей, то требование гг. врачей окажется не только не великодушным, но и прямо некрасивым.

Но врачи не удовольствовались этим объяснением и прислали редактору «Северного Кавказа» следующее открытое письмо:

«Ставропольский губернский врач обратился к вам, как это видно из его письма от 6 сего июля за № 054, с просьбой указать печатно фамилию того врача, о котором говорится в заметке, помещенной в № 53 редактируемой вами газеты, если он представит вам подписку всех наличных врачей города Ставрополя в том, что никто из них не возбудит против вас судебного преследования за диффамацию. В своем ответе на имя губернского врача вы отказались от его предложения, ссылаясь на существование статьи, трактующей о клевете. Из страха нести законную ответственность за клевету, вы решились оставить не снятым позорное пятно, наложенное на всех нас вышеназванной заметкой. Мало того, из вашего объяснения «pro domo sua», помещенного в № 55 «Северного Кавказа», видно, что мы и на будущее время не гарантированы от анонимных сообщений, позорящих честь всех врачей г. Ставрополя, почему мы, нижеподписавшиеся, по всестороннем обсуждении настоящего дела, признавая себя глубоко оскорбленными и оклеветанными, считаем себя вынужденными видоизменить свои отношения к вам. Подлинное подписали врачи: Соколовский, Бернард, Соколов, Соколов, Атлас, Зубрилин, Журавлев, Любомирский, Вейтко, Брусиловский, Никольский, Белоконь, Топорков и Мираков. С подлинным верно: и. д. губернского врача, доктор медицины Соколовский».

Так разрешила коллегия ставропольских врачей этот вопрос «о чести».

<Все обстоит благополучно...>[13]

Все обстоит благополучно...

Погода стоит весенняя... В роще продолжает играть «музыка», хотя с уходом майкопцев были основания опасаться, что мы останемся без музыки... На ярмарочной площади — пожар... На Станичной улице около полицейской части — убийство... За Ясеновским мостом чуть не произошло столкновение поездов. Последнее обстоятельство служит, конечно, предзнаменованием того, что день открытия ставропольской железной дороги вот-вот уже «рукой подать»... Впрочем, это не трудно было бы предугадать и по другим симптомам, не имевшим до сих пор места в жизни Ставрополя, как-то: необыкновенно быстрый рост числа всевозможных контор, частая смена вывесок торговых фирм, неожиданное вылетание в трубу «солидных» предприятий и т.д.

Но самыми характерными признаками скорого открытия ставропольской ветви, несомненно, должны считаться кражи, производимые неизвестными артистами чуть ли не с помощью четвертого измерения и усыпляющих снадобий. В «Листке происшествий» «Северного Кавказа» отмечалось уже несколько случаев похищения золотых и других ценных вещей через окна в то время, когда хозяева тут же почивали настолько необыкновенно глубоким сном, что не слышали, как воры переступали через их головы и разгуливали по всем комнатам, иногда при полном их освещении.

* * *

Рядом с таким быстрым поступательным движением по пути прогресса у нас до сих пор в самых широких размерах практикуется кулачное побоище. Наблюдается оно в последнее время на Форштадте, близ кладбищенской церкви, по воскресным и праздничным дням; кончается оно пока разбитыми «сопатками», «фонарями» под глазами и помятыми боками, но, судя по ходу его развития, оно в будущем обещает дать и более веские доказательства своего права гражданства.

* * *

Немало отстают от общего прогрессивного движения и наши судебные пристава, которые до сих пор предпочитают расклеивать по городу объявления о торгах рукописные, а не печатные, хотя собственноручное изготовление их навряд ли обходится дешевле типографского. А если бы даже и так, то гг. судебным приставам не следовало бы упускать из виду, что публика при теперешнем широком распространении печатной афиши не с особенной охотой останавливается перед рукописью, да еще неразборчивой. А это, кажется, не в интересах хозяев продаваемого имущества.

* * *

Не особенно дорожат современными требованиями прогресса и наши санитары. Фруктовый сезон у нас в настоящее время во всем разгаре. Жалоб на желудочное расстройство у детей не оберешься, а торговля недоброкачественными продуктами у нас идет так же бойко, как и до проведения железной дороги.

Да одна ли торговля фруктами, квасом и тому подобным требует строгого контроля! Посмотрите, что делается в рыбных и мясных рядах... На днях, например, на Нижнем базаре торговец рыбой С. отпустил такую рыбку своей покупательнице, что пришлось прибегнуть к помощи полиции для «улажения вопроса».

Не мешало бы тем же санитарам хоть изредка заглядывать в обывательские дворы.

<Толки о железнодорожной катастрофе...>[14]

Толки о железнодорожной катастрофе до сих пор не умолкают... Все ищут виновных... Подробности дела будут, конечно, выяснены судебным следствием, пока же можно считать вполне установленным только следующее: поезд, вышедший первым со станции «Ставрополь», не был предуведомлен о том, что за ним с той же станции выйдет другой, в путевом журнале первого поезда не обозначено никакой остановки около поста № 4, между тем к хвосту поезда был прицеплен вагон с кирпичом, предназначенным для поста № 4; разгружая кирпич, бригада поезда не приняла никаких установленных мер для самоограждения; сторож, который должен был со значком стоять за 200 сажен от остановившегося поезда, был замечен машинистом второго поезда почти около места катастрофы, перед самым моментом столкновения, предупредить которое было уже тем невозможнее, что второй поезд шел задним ходом, со скоростью приблизительно 20 верст в час; второй поезд также не был предупрежден о том, что первый имеет остановку у поста № 4, и шел тем смелее, что он, помимо 15 минут промежутка между выходами поездов, простоял еще минут 25 около водоема, близ Ясеновского моста. Непостижимо только одно обстоятельство: как оба поезда не могли не заметить друг друга через балку, когда полотно дороги и по ту и по другую сторону балки относительно пунктов нахождения обоих поездов пролегает, как на ладони?!

* * *

На днях в редакцию было прислано письмо следующего содержания:

«Один из городовых, оберегающих железнодорожную насыпь через так называемый «Чёртов яр», ведет себя с публикой совершенно неподобающе. 4 сентября, например, я был свидетелем, как он, жестикулируя кулаками, с неистовым криком и непристойной бранью бросался на публику, натравляя на нее собаку, которая здесь же на моих глазах оборвала пальто у одного мальчика, толкал «проходящих» в яр, а некоторых гнал «прочь» обнаженной шашкой. Он был почему-то в шинели наподобие офицерской, без плечевых знаков, и барашковой шапке без полицейского герба. Если верить одному из рабочих, то городовой этот числится во 2-й части города под № 2».

Интересно знать, кто платит жалованье этому полицейскому за его «доблестную» службу — город или железнодорожное общество?

* * *

Хорошая манера писать вопросами. Никак нельзя придраться и привлечь редактора за диффамацию. Постараемся пользоваться ею почаще... Чем, например, покончен вопрос о стачке наших хлебопеков? Неужели он до сих пор не разрешен к их благополучию? Тогда зачем же их так много было на спектакле 15 сентября, и зачем большинство их так беззаботно дремало во время бесподобного исполнения «Теплых ребят»?.. И правда ли, что весь состав исполнителей «Теплых ребят», движимый своим успехом, собирается предпринять артистическое турне?

* * *

В заключение нас просят решить еще один вопрос: нашим бакалейным торговцам, как известно, разрешается производить торговлю даже и по воскресным и праздничным дням, с утра и до вечера, но с соблюдением установленной очереди. В эту очередь включены между прочим и фирмы, торгующие не только бакалейным товаром, но и спиртными напитками. Спрашивается, законно ли и справедливо ли это?

<Осень едва ли не самое лучшее время года в Ставрополе...>[15]

Осень едва ли не самое лучшее время года в Ставрополе... Слегка желтеющая зелень, теплые солнечные дни и тихие, полные нежного великолепия вечера... Хочется подольше оставаться под открытым небом и, прежде чем закупориться за двойные рамы, вволю надышаться чистым воздухом и наглядеться на опадающие листья, на умирающие цве-

ты... Если к этому прибавить вполне естественное желание каждого видеться со своими знакомыми на нейтральной почве и не менее естественное стремление его обменяться с ними впечатлениями лета, то станет совершенно понятно то неудовольствие, которое ставропольская публика так справедливо высказывает по адресу нашего муниципалитета. И в самом деле: единственным местом, где каждый обыватель, не чувствуя себя ничем и никем стесненным, вволю может подышать чистым воздухом и приятно убить свободный вечер, это наш городской сад. Между тем, по какому-то совершенно непостижимому обычаю, с переходом общественного собрания в зимнее помещение вся ставропольская публика лишается возможности посещать сад позже 7 и даже 6 часов вечера, в то время, когда большинство наиболее склонно провести час-другой на воздухе. Куда деваться? Слоняться по пыльным улицам, по изрытым и узким тротуарам... Толкаться на бульваре, как в каком-то тюремном коридоре, и глотать ту же уличную пыль при возмутительно плохом освещении к тому же... Да где же тут справедливость? Неужели городской сад существует только для клуба и городские обыватели могут пользоваться своим садом только по милости клуба?

Ведь всего-то ровным счетом обыкновенно зажигается в нем 25 самых простейших ламп, и наша слишком уже невзыскательная публика находит это освещение вполне достаточным.

Неужели же город не располагает средствами поддержать тусклое мерцание этих ламп хоть до 10—11 часов вечера и тем дать возможность своим обывателям подышать лишний час чистым воздухом?

* * *

Заговорив об управе, нельзя не отдать ей должную дань за ее заботы о внешнем благоустройстве города, в особенности за прекрасное замощение улиц...

Рядом с этим, однако, нельзя не обратить ее внимание на наши тротуары, донельзя изрытые осенними и летними ливнями. Некоторые из них при освещении улиц, какое практикуется у нас «до луны», «после луны» и во всяком случае до часу-двух ночи, положительно опасны для движения; в особенности испорчены тротуары около казенных и городских учреждений, не говоря уже о тротуарах на более отдаленных улицах... Нельзя ли, между прочим, напомнить г. Филимонову (на Николаевском проспекте) о том, что тротуар, испорченный им при постройке дома, давным-давно пора привести в надлежащий вид, да мимоходом, кстати, заглянуть и к дворянину Чеглокову, на безобразно грязное содержание двора которого нам указывают особенно часто.

<Не остается никакого сомнения...>[16]

Не остается никакого сомнения, что печатное слово даже в Ставрополе имеет великое значение. Заметка моя о необходимости освещения городского сада имела блестящие последствия: на другой же день (это было 2 ½ недели тому назад) на главных аллеях сада фонари были повешены... но до сих пор еще ни разу не зажжены. О цивилизация, это ты!

* * *

Не остается никакого сомнения и в том, что у нас в Ставрополе не учреждения существуют для публики, а публика для учреждений и должностных лиц. Ни малейшего внимания на ее жалобы, на ее вполне законные требования!.. Как будто в городе нет ни городской управы, ни даже полиции... Благодаря такому порядку вещей все у нас делается как-то само собой, не справляясь, насколько это удобно и приятно для обывателей... Сообразно этим «традициям», более «независимые» обыватели положительно стали игнорировать требования общественной гигиены, безопасности, порядка и этики. Посмотрите, что делается на наших площадях, улицах, дворах... Зайдите когда-нибудь в любую народную харчевню, кабак, пивную, где главным образом собирается серый, рабочий люд... Все пропитано невообразимою грязью и невыносимым зловонием. Впрочем, нет даже надобности забираться так далеко. Попробуйте постоять пять минут на углу, около дома дворянина Чеглокова на Николаевском проспекте, попробуйте погулять полчаса по тротуару, между указанным углом и помещением окружного суда, — и с вами сделается головокружение. Неужели,— в отчаянии спрашиваешь себя, — у всех, кому это ведать надлежит, до такой степени притупилось обоняние?

* * *

Да есть же в таком случае еще и другое чувство для того, чтобы заметить самое грубое нарушение требований общественной гигиены. Присмотритесь к канавам. Помимо того, что они навалены навозом, мусором и всевозможными отбросами, в них постоянно сочится самых разнообразных цветов и всевозможной густоты жидкость, спускаемая с обывательских помойных ям, заводских чанов и других пахучих «мест». Особенно большой эффект производят канавы все того же Николаевского проспекта, начиная от пивоваренного завода наследников Салиса и кончая Тифлисскими воротами, хотя и здесь нельзя не отвести первенствующее место канаве от дома Чеглокова до «Старой гимназии» и от архиерейского переулка до Старого собора.

О знаменитом душистом роднике в верхней части проспекта не может быть, конечно, речи,— он вне всякого конкурса...

* * *

Если и этого мало, то есть же еще и третье чувство — осязание, с помощью которого нельзя не заметить игнорирования нашими домостроителями самых элементарных правил ограждения построек и устройства временных кладок. Поразительным примером в этом отношении служит купец Филимонов, который мало того, что своими кладками отбил у публики охоту ходить по большой улице, но и по снятии их «не желает» изрытый им тротуар привести в надлежащий порядок. К сожалению, пример Филимонова нашел себе достойного последователя в лице заведующего постройкой, рядом с отделением государственного банка. О наших тротуарах вообще мы уже и не говорим ввиду близости зимы, которая наверно позаботится уравнять их «пушистым снежком»...

* * *

Есть же, наконец, и четвертый способ восприятия впечатлений. Пошлые остроты, непристойная брань, хоровые «студенческие» песни и отдельные «серенады»— положительно не дают пройти по бульвару людям, мало-мальски привычным к более порядочным слуховым ощущениям. В последнее время для женщин стало даже не безопасно ходить без провожатых по нашим главным улицам, не говоря уже о бульва-

ре, да еще позднее 7—8 часов вечера. От оскорблений не гарантированы даже гимназистки, несмотря на их форменное платье, и притом чуть ли не среди бела дня, на глазах у гуляющей публики...

* * *

О пятом органе чувств не стоит упоминать,— он всегда занят более приятными ощущениями в «первоклассных» ресторанах, пивных и шашлычных.

Примечания

1. Печатается по СК (газета «Северный Кавказ» за 1893—1902 гг., г. Ставрополь) № 33 от 25 апреля 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу. Уличные наблюдения и заметки», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

2. Печатается по СК № 34 от 28 апреля 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой: «По городу. Уличные наблюдения и заметки», с подписью *Старик*. Автограф неизвестен.

3. Печатается по СК № 35 от 2 мая 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу. Уличные наблюдения и заметки», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

4. Печатается по СК № 36 от 5 мая 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу. Уличные наблюдения и заметки», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

5. Печатается по СК № 38 от 12 мая 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

6. Печатается по СК № 45 от 6 июня 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой: «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

7. Печатается по СК № 47 от 13 июня 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

8. Печатается по СК № 49 от 20 июня 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

9. Печатается по СК № 52 от 30 июня 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

10. Печатается по СК № 53 от 4 июля 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой: «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

11. Печатается по СК № 56 от 14 июля 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

12. Печатается по тексту газеты «Тифлисский листок». Впервые опубликовано в «Тифлисском листке» № 177 от 31 июля 1896 г. под рубрикой «Ставрополь-Кавказский», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

13. Печатается по СК № 64 от 11 августа 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

14. Печатается по СК № 75 от 19 сентября 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

15. Печатается по СК № 76 от 22 сентября 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

16. Печатается по СК № 80 от 6 октября 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

Текст печатается по изданию:
Хетагуров К.Л. Публицистика // Хетагуров К.Л. Собрание сочинений: В 5 т. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. — Т. 4. — С. 54—62, 71—82, 86—95, 109—111, 117—124.

20-е — 50-е годы XX века

1 Документы, исторические описания, исследования

А. Малинин. **А.В. Суворов в Ставрополье**

«Потомство мое, прошу брать мой пример!»
Суворов

I

«Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» — напутствовал великий Сталин наших чудо-богатырей, шедших в бой за освобождение Родины от немецко-фашистских полчищ.

И в ряду мужественных образов наших великих предков образ Александра Васильевича Суворова наиболее вдохновлял его мужественных потомков.

Русский народ глубоко и свято хранит заветы своего гениального полководца. «При имени Суворова сильнее бьется русское сердце и горячее кипит русская кровь», — сказал в свое время Н.А. Полевой.

Кровная связь Суворова с русским народом, его историей и культурой обусловливает тот неослабевающий интерес к личности и деяниям великого полководца, который всегда существовал в России и с несказанной силой возрос в дни Великой Отечественной войны.

Книга деяний Суворова раскрыта и лежит перед вами. В ней мы находим заветы, которые он нам оставил и которым звал нас следовать...

В этой книге жизни А.В. Суворова имеются и страницы, на которых запечатлены его деяния на Северном Кавказе и в частности в Ставрополье.

К ним мы и обратимся.

II

С Северным Кавказом связан целый период в жизни Александра Васильевича Суворова: это годы с 1778 по 1784, годы между первой и второй турецкими войнами.

Эти годы совпадают с самым тяжелым временем жизни великого полководца.

После Кучук-Кайнарджийского мирного договора[1] герой Туртукая и Козлуджи А.В. Суворов фактически оказался не у дел и исполнял различные мало ему приятные поручения правительства.

Недоверие, зависть и прямое недоброжелательство со стороны высшего военного командования заставляли глубоко и незаслуженно страдать гениального полководца.

Восходящая звезда первого класса, А.В. Суворов имел много недоброжелателей и завистников среди временщиков и придворной знати, для которой он был «новым человеком», выскочкой...

Классово-чуждый придворной знати, Суворов писал: «...я всех старее службою и возрастом, но не предками, не камердинерством у равных».

Он говорил про себя, что он «солдат, не знающий ни племени, ни рода».

Высмеивая и вышучивая придворных, Суворов с гордостью заявлял, что своего генеральского чина он добился «ранами и увечьями, и многими победами».

Отсюда вполне понятны и враждебность, которая постоянно окружала Суворова в среде паркетной знати, и стремление затушевать, поставить в тень генерала, на которого уже были обращены взоры всей России.

Овеянному славой побед, Суворову в указанный период давались незначительные поручения военно-административного характера: переселить часть крымского населения на Азовское побережье, укрепить пограничные крепости, провести военную экспедицию против ногайцев.

Конечно, такие поручения могли бы удовлетворить любого заурядного генерала, ищущего путей подняться по лестнице чинов и орденов, но они не могли удовлетворять полководца, чуявшего в себе силы непомерные.

Самолюбие Суворова было уязвлено не тем, что Румянцев и Потемкин пожинали подготовленные им лавры, а тем, что он был превращен из «солдата» в «инженера».

«Баталия мне лучше, чем лопата извести и пирамида кирпича», — жалуется он. «Мне лучше 2—3 тысячи человек в поле, чем 20—30 тысяч в гарнизоне».

Тем не менее никогда самолюбие не управляло действиями Суворова, и он на малых делах забывал себя, когда дело шло о пользе отечества.

Таким он проявил себя на Северном Кавказе.

III

Проследим жизненный путь А.В. Суворова на указанном этапе.

Не успела еще окончиться первая турецкая война, как Суворова вызвали с театра военных действий и послали в помощь графу П.И. Панину для действий против Пугачева.

По завершении этой операции Суворов отправляется из Саратова в Москву для свидания с женой.

Здесь он получил назначение командующим войсками в Оренбурге, Пензе и Казани с поручением привести восставший край в спокойное состояние.

Проведя в этих делах зиму и весну 1774—1775 гг., Суворов летом 1775 года приехал в Москву, где в то время Екатерина Вторая праздновала мир после счастливых войн. По Кучук-Кайнарджийскому договору Россия приобретала устья Днепра и Буга, с одной стороны, устья Дона и Керченского пролива — с другой. К тому же все татары, жившие на северных берегах Черного моря и по берегам Азовского моря, признавались независимыми от турецкого султана.

Победителю при Туртукае и Козлуджи А.В. Суворову была пожалована золотая шпага, усыпанная бриллиантами.

Екатерина назначила его начальником петербургской дивизии, но Суворов испросил позволения временно остаться в Москве для устройства личных дел после смерти отца и оставался в Москве в течение года (1775—1776).

Кучук-Кайнарджийский договор передавал в распоряжение России колоссальные черноморские степи, и Екатерина II для упрочения порядка на новых окраинах назначила в 1775 году наиболее способного и умного из своих фаворитов Григория Александровича Потемкина[2] наместником и генерал-губернатором Новороссийским, Азовским и Астраханским.

С назначением Потемкина началось создание и осуществление смелого проекта сооружения на Северном Кавказе мощной военно-оборонительной линии от Терека до Дона, т.е. Моздокско-Азовской линии, имевшей своим назначением обеспечить оборону новых окраин России от вторжения со стороны Турции и подвластных ей горских племен Кавказа.

24 апреля 1777 года Екатерина II утвердила доклад Г.А. Потемкина о построении Моздокско-Азовской оборонительной линии.

Проект военно-оборонительной линии был составлен генерал-майором Якоби, сменившим в мае месяце 1777 года генерала Медема на посту Астраханского губернатора.

По плану Якоби, военно-оборонительная линия должна была пройти от Моздока через реки Золку, Куму, по верховьям Карамыка, Томузловой, Буйволы, Калауса, около Черного Леса и вниз по реке Большой Егорлык до Маныча, а затем, продолжаясь по Манычу, около Черкасска примкнуть к Дону.

На всем этом протяжении было запроектировано построить 10 крепостей: Екатериноградскую, Павловскую, Марьинскую, Георгиевскую, Андреевскую, крепость № 8, Северную, Московскую и Донскую[3].

Но еще в 1776 году, до создания крепостей и даже до утверждения плана Екатериной II, вся Моздокская линия, от Моздока до Азова и вниз по Кубани до крепости св. Димитрия (Ростов-на-Дону) была занята русскими войсками.

По Кучук-Кайнарджийскому договору Крымское ханство получило полную «вольность», но, охваченное русскими крепостями и отрезанное ими и Черным морем от общения с другими магометанскими странами, оно, естественно, подпадало под русское влияние.

В Крымском ханстве боролись две партии: одна, русофильская, стоявшая за сближение с Россией, другая — туркофильская, возглавляемая ханом Девлет-Гиреем, ярым ненавистником русских.

В конечном итоге русофильская партия восторжествовала, и на ханский трон сторонниками России был возведен Шагин-Гирей, по просьбе которого были введены в Крым русские войска под командой князя Прозоровского[4], на которого и была возложена русским правительством обязанность вооруженной силой поддержать Шагин-Гирея.

Приближалось присоединение Крыма. Вновь запахло войной с Турцией, и тут-то вновь понадобился опальный генерал.

По приказу Г.А. Потемкина А.В. Суворов 19 декабря 1776 года был назначен в Крымский корпус в распоряжение князя Прозоровского.

Прибыв в Крым, А.В. Суворов по поручению Прозоровского принял на себя оборону Перекопа.

В июне 1777 года Суворов, тяготясь зависимостью от антипатичного ему Прозоровского и заболев перемежающейся лихорадкой, уехал в отпуск к жене в Полтаву и пробыл там до конца ноября.

Здесь он получил от главнокомандующего войсками юга России Румянцева[5] предписание немедленно вернуться в Крым.

Однако А.В. Суворов, не желая возвращаться в Крым под начальство Прозоровского, обратился с письмом к Г.А. Потемкину, и Румянцев получил из Петербурга приказ о назначении генерал-поручика А.В. Суворова командиром Кубанского корпуса, расположенного на территории от крепости св. Димитрия (Ростов-на-Дону) до г. Ейска. Хотя этот корпус находился в зависимости от Прозоровского, Суворов добился полной самостоятельности в командовании корпусом.

На Кубань А.В. Суворов приехал в половине января 1778 года и пробыл здесь до конца апреля, т.е. около 100 дней.

IV

Прибыв на Кубань, А.В. Суворов принял стройку Моздокско-Азовской оборонительной линии под свое непосредственное наблюдение и командование.

Очевидно, строилась и крепость № 8, будущая Ставропольская. Вопрос о времени возникновения Ставропольской крепости, несмотря на имеющуюся литературу, не вполне еще уточнен.

Первой точкой будущей крепости явился пост № 8, у истоков реки Ташлы, называвшейся тогда Члою, куда в октябре 1777 года прибыли вытребованные на линию хоперские казаки.[6]

Это было место, покрытое лесом, здесь на каменной подпочве застаивалась вода, и даже на ровных местах образовывались небольшие и неглубокие болота.

Очевидно, этот военный пост и имеет в виду хронологический указатель важнейших в Ставропольской губернии событий, упоминающий, что на месте Ставрополя до 1777 года существовало уже укрепление.

Но укрепление это еще не было крепостью. Дебу[7] в своем сочинении о Кавказской линии говорит,

что учреждение (но не построение) Ставропольской крепости считается с 1777 года.

Между тем в «Описании городов, крепостей и пр.», составленном 16 января 1792 года по приказанию и под руководством графа Гудовича[8], значится, что «город Ставрополь в 1778 г. заселен станицею и наименован крепостью Ставропольской, а в 1786 г. в январе месяце, по открытии Кавказского Наместничества, учрежден городом». Нам представляется, что это противоречие между годами основания крепости вполне устранимо: еще в 1776 году, когда началось занятие русскими войсками Моздокско-Азовской линии, возник военный пост № 8 у истоков реки Ташлы, куда в октябре 1777 года прибыли будущие строители крепости, а самое строительство, когда была брошена первая лопата земли на сооружение вала или рва в Ставропольской крепости, относится уже к 1778 году и последующему времени.

Это мнение подкрепляется и ведомостью о крепостных постройках 2-й дистанции Моздокской линии, согласно указаниям которой Ставропольская крепость строилась в 1778, 1779 и 1780 гг.[9]

«Палатка Суворова» и часть стены казармы Ставропольской крепости на Соборной горе в городе Ставрополе

Перейдем к вопросу о строителях крепости.

В. Потто, автор «Кавказской войны», полагает, что главнейшие крепости на Моздокско-Азовской линии — Екатериноградская, Георгиевская и Ставропольская — были заложены по инициативе генерала И.В. Якоби.

Ряд других авторов[10], располагавших не дошедшими до нас материалами, сообщает, что строительство Ставропольской крепости производилось под наблюдением полковника Ладыженского силами Владимирского драгунского полка (в 8-эскадронном составе), бывшего под командой полковника барона Шульца, и Хоперского казачьего полка под командой майора Устинова.

Одновременно со Ставропольской в ведении Ладыженского находилось и строительство крепостей Московской и Донской.[11]

Между тем существовало и поныне упорно держится в народе предание, что Ставропольская крепость была заложена А.В. Суворовым в бытность его с 1778 г. командиром Кубанского корпуса. Согласно этому преданию, А.В. Суворов, приняв в январе 1778 г. командование над Кубанским корпусом, при объезде Моздокско-Азовской линии прибыл на пост № 8 и, ознакомившись с условиями и расположением поста, указал место, где должна быть заложена намеченная планом Якоби крепость.

Этим местом оказался тот холм в виде мыса, который в дальнейшем получил название Соборной горы, а ныне известен под названием Комсомольской горки, на которой сооружен памятник генералу армии И.Р. Апанасенко.

Это была стратегически наиболее выгодная высота, доминировавшая над окружающей местностью. Ее-то и высмотрел орлиный взор великого полководца.

Здесь, по указанию Суворова, и начались земляные и прочие крепостные работы под наблюдением полковника Ладыженского.

Согласно тому же преданию, на указанной горе при производстве закладочных работ был найден в земле каменный крест, давший впоследствии основание назвать крепость Ставропольской: по-гречески «стаурос» означает крест, «полис» — город, отсюда Ставрополь — город Креста. Этот крест в 1816 году был поставлен на Соборной горе, как об этом писал окружной начальник полковник Масловский в своем отношении на имя начальника Кавказской области от 18 ноября 1841 года по вопросу о построении в Ставрополе Кафедрального собора.[12]

По сообщению же И.П. Кувшинского, бывшего в девяностых годах XIX в. преподавателем истории в Ставропольской женской гимназии и, очевидно, занимавшегося вопросом ставропольской старины, найденный крест стоял на пьедестале с надписью: «Поставлен Суворовым».

Таким образом, в сообщениях Масловского и Кувшинского имеются расхождения.

Поскольку сообщение Масловского, более раннее по времени и официальное по своему характеру, ничего не говорит о надписи на кресте, приходится думать, что эта надпись возникла позже 1841 г., т.е. относится уже ко времени Кувшинского и, очевидно, покоится на предании.

Тем не менее существование этой надписи вполне вероятно, не верить И.П. Кувшинскому у нас нет оснований, и поэтому эта надпись лишний раз подтверждает нам, насколько стойко и упорно держалось и держится в народе предание о том, что Ставропольская крепость была заложена любимым полководцем. С такими преданиями историку в своих исследованиях приходится считаться.

К этому же нас побуждают и другие, уже вполне объективные данные.

За 100 дней своего первого пребывания на Кавказе (с января по апрель 1778 г.) А.В. Суворов проделал изумительно большую работу. Готовясь к возможным осложнениям с Турцией, ожидая нападения на линию со стороны сателлитов Турции, А.В. Суворов с поспешностью, по-суворовски готовился к обороне.

Войска Кубанского корпуса были обучены на суворовский лад, набеги закубанских горских племен остановлены.

Край, военно-оборонительная Моздокско-Азовская линия были объеханы, изучены, описаны.

Суворов лично составил карту «Кубанской линии крепостей и укреплений». На карту занесено урочище Темижбек, недалеко от ст. Кавказской. Это лишний раз подтверждает, что Суворов не только бывал, но и изучал Ставрополье. «Постройка укреплений

отчасти началась до прибытия Суворова, но большинство было заложено при нем (Александровское, Марьинское, Копыльское, Новотроицкое и др.), причем Суворов все объезжал, за всем наблюдал сам», — говорит В. Дейнеко в упомянутом труде.

Весь этот суворовский стиль работы вполне гармонирует с традиционным преданием о заложении Ставропольской крепости Суворовым.

Объезжая и инспектируя оборонительную линию, Суворов все видел, ко всему приглядывался, ко всему подходил по-суворовски, на ходу исправляя ошибки и пробелы в работе.

Очевидно, увидев, что полковник Ладыженский при выборе места для Ставропольской крепости не учел профиля местности, Суворов исправил его ошибку и указал, где должна находиться Ставропольская крепость.

Следы неутомимой и высокоорганизованной деятельности А.В. Суворова по обороне Моздокско-Азовской линии, и в частности Ставрополя, мы видим и в дальнейшем.

Вот перед нами отношение А.В. Суворова от 4 апреля 1778 г. на имя Астраханского губернатора генерал-майора Якоби.[13]

А.В. Суворов пишет: «Имея непосредственное командование вверенного мне, расположенного на Кубани корпуса, продолжаю я занятие здешнего края известным уже Вашему превосходительству порядком до самой Моздокской линии, которую связь надеюсь кончить с успехом предположенными укреплениями так же, как и коммуникационные, к стороне Азова, редуты».

Далее А.В. Суворов требует от Якоби присылки на линию вспомогательных войск на случай возможного нападения со стороны ногайцев и др. горских народов.

Но генерал Якоби, вероятно, находившийся в оппозиции к Суворову, не сразу выполнил его требование и прислал в только что отстроенную Ставропольскую крепость и станицу 13 полевых пушек не ранее 1779 г.

V

Ознакомимся с тем, что представляла собою в 1778 году Ставропольская крепость. Прибывшие для постройки крепости драгуны Владимирского драгунского полка, расположившись лагерем, в 1777 году занялись расчисткой предназначенного для крепости места от векового леса. В этом году они построили лишь первые, самые необходимые деревянные здания, как то: гауптвахту, сарай для полкового обоза и восемь конюшен для лошадей. Все эти здания были только временные, и в следующем 1778 году их пришлось перестраивать и переносить на другие места. Люди же размещались по-походному, в палатках, в которых и перезимовали зиму 1777—1778 годов.

Хоперские казаки возводили жилые постройки за крепостным валом, по горному скату к востоку от крепости.

Весь 1778 год прошел в земляных работах и возведении крепостных стен на указанном Суворовым месте. В то же время в 1778 году было возведено 213 разных построек, из которых 22 были в крепости, а 191 вне ее; в том числе казачьих — 179, частных — 6 и казенных — 28.

Владимирцы все еще продолжали жить по-походному, потому что только в 1779 г. построены были для них 14 казарм и канцелярия.

Строительство крепости и построек производилось собственными силами казаков и драгун под неприятельскими выстрелами.

VI

В конце апреля 1778 года Суворов, сохраняя за собою командование Кубанским корпусом, вверил его во временное командование генерал-майору Рейзеру, а сам отбыл в Крым, где ввиду отъезда князя Прозоровского в Петербург принял под свою команду войска, расположенные в Крыму и в низовьях Днепра.

Здесь Суворов обнаружил необыкновенный такт и административные способности, управляя Крымом от имени слабого Шагин-Гирея и выполняя поручения высшего командования.[14]

В Крыму Суворов пробыл до конца 1778 года. Из Крыма А.В. Суворов часто писал Г.А. Потемкину, жалуясь на различные служебные затруднения, на свое расстроенное здоровье и продолжительную болезнь жены, и просил разрешения хоть на короткое время съездить к семье, где ожидалось рождение ребенка. Но дела повернулись так, что из Крыма Суворов был вынужден вновь приехать на Кавказ к Кубанскому корпусу.

Его заместитель, временно командующий корпусом генерал Рейзер ошибочными распоряжениями и необдуманными экспедициями за Кубань вызвал на всем протяжении линии усиленные набеги горцев, вследствие этого и ответные контрмероприятия русских военных властей.

Суворов прибыл с целью наведения порядка на Кавказ и встречал новый 1778 год в Ставропольской крепости.[15]

Здесь же 2 января 1779 года он имел свидание с турецким сераскиром, закубанским князем Аслан-Гиреем, причем выдал ему 3000 рублей и обещал сменить генерала Рейзера.

Это свидание имело благотворное влияние на ослабление горских набегов на наши крепости, а поэтому и на успешное продолжение крепостных построек.

Из Ставрополя А.В. Суворов отбыл в Полтаву на свидание с семьей, но пробыл дома лишь с неделю и срочно выехал в Астрахань, вероятно, для инспектирования генерала Якоби.

В середине января 1779 года Суворов покидает Астрахань и спешно отправляется на Терек, в Кизляр и Моздок, и в течение месяца (до конца февраля) проезжает по всем укреплениям Азовско-Моздокской и Кубанской линии, включая Ставропольскую крепость.

С февраля месяца 1779 года и по август месяц 1782 г. мы не видим более А.В. Суворова на Кавказе.

VII

В конце февраля 1779 года Суворов возвращается в Крым. За время с 1779 г. по 1782 г. А.В. Суворов вновь исполнял разнообразные поручения. Сперва он командовал Малороссийской дивизией, а затем получил новое назначение.

На него была возложена обязанность осмотреть Астрахань и Каспийское море с целью выяснения тех мер, которыми можно было бы усилить русское влияние в Персидских областях и развить русскую торговлю в Хиве, Бухаре и Индии.

Около двух лет провел Суворов в Астрахани, сперва энергично собирая сведения, согласно данному ему поручению, а затем перейдя на скучное бездействие, по мере ослабления в Петербурге внимания к персидским делам.

Суворов много раз и настойчиво просил о переводе его из Астрахани, на что ему несколько раз отвечали очень уклончиво.

Наконец, снизошли к просьбам Суворова и назначили в Казань командиром Казанской дивизии.

В Казани Суворов пробыл всего несколько месяцев и в августе 1782 года вторично получил в командование Крымские войска и вновь Кубанский корпус.

Поместив свою семью в крепость св. Димитрия (Ростов-на-Дону), Суворов направился на Кавказ и главную свою квартиру учредил в Ейске.

Крымские войска он принял от графа де-Бальмена.

Это новое назначение А.В. Суворова опять на ответственный и руководящий пост было вызвано назревшими в Крыму событиями.

Подстрекаемые турками татары свергли с ханского престола Шагин-Гирея, который бежал и обратился за содействием к русскому правительству.

Русские войска вступили в Крым, быстро подавили мятеж и восстановили Шагин-Гирея на троне.

Наступил момент окончательного присоединения к России Крыма и ногайских земель. Снова понадобился великий, но опальный полководец, и Суворов был вызвав на юг.

Г.А. Потемкин поручил А.В. Суворову очень щекотливое дело — подготовить присоединение ногайских татар к России и помешать подкреплению их со стороны Турции.

Прибыв на Кубань, Суворов принялся за исполнение поручения.

Образ действий его по отношению к ногайцам был вполне миролюбив и тактичен.

После манифеста Екатерины II от 8 января 1783 г. «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу» А.В. Суворов благополучно в июне месяце 1783 года привел ногайцев к присяге на верность России.

Приняв все военные меры на случай мятежа, укрепив пограничные редуты и крепости, А.В. Суворов пригласил в г. Ейск именитых представителей ногайского народа. Здесь он устроил праздник, на который съехалось до 3000 ногайских князей, и объявил им условия, на которых крымский хан Шагин-Гирей слагал с себя ханское звание и передавал Крым России. После выслушания речи Суворова было постановлено, что все ногайцы съедутся в Ейск для принесения присяги.

28 июня 1783 г. степь около Ейска была покрыта ногайцами, которые и принесли на Коране присягу России.

Все закончилось пиром при звуках пушечной пальбы, полковой музыки и татарских песен.

Так А.В. Суворов успел бескровно со свойственным ему тактом и миролюбием присоединить к России ногайских татар.

Но дело испортилось последовавшими распоряжениями Г.А. Потемкина. По его приказу ногайцев начали переселять в уральские степи, что вызвало недоразумения и волнения.

Ногайцы вновь поднялись, стали нападать на русские отряды и уходить за Кубань. Вновь потребовалось применение военной силы, и А.В. Суворов пошел против ногайцев.

Встретив ногайские полчища недалеко от впадения Лабы в Кубань близ развалин старой крепости Кременчук, А.В. Суворов разбил ногайцев, которые бежали, преследуемые русскими.

Пройдя еще 14 верст, Суворов приблизился к главному кочевью ногайцев — близ Сары-Чигера. Огонь артиллерии заставил ногайцев бежать.

Ногайцы смирились и были прощены. Ногайская операция была последним делом, совершенным А.В. Суворовым на Кавказе.

В феврале месяце 1784 года А.В. Суворов получил приказание сдать Кубанский корпус и принять в командование Владимирскую дивизию.

В феврале 1784 года Суворов навсегда покинул прикавказские и прикаспийские страны, чтобы прославить свое имя еще более громкими и блестящими победами.

А его боевые товарищи, суворовские орлы остались на Северном Кавказе и, верные его заветам, множили боевую славу своего великого полководца.

Имя Суворова продолжает жить в памяти и сердцах потомков строителей Моздокско-Азовской оборонительной линии.

Примечания

1. Кучук-Кайнарджийский мирный договор, заканчивавший первую турецкую войну (1768—1774), был подписан графом П.А. Румянцевым-Задунайским 10 июля 1774 г.

2. Потемкин-Таврический, князь, Григорий Александрович (1739—1791), фаворит Екатерины II.

3. Крепость № 8 в дальнейшем была переименована в Ставропольскую.

4. Прозоровский, князь, Александр Александрович, генерал от инфантерии (1732—1808).

5. Румянцев-Задунайский, граф, Петр Александрович, генерал-фельдмаршал (1725—1796).

6. В. Дейнеко. Суворов и гор. Ставрополь, 1900 г., стр. 3.

7. Дебу. О Кавказской линии. — СПб, 1829 г., стр. 23.

8. «Кавказский сборник» за 1897 г., том XVIII, «Материалы для истории Северного Кавказа».

9. «Ставропольские губернские ведомости», 1860 г., № 12.

10. А. Анонимный автор статьи «Краткий обзор Ставропольской губернии», помещенной в «Памятной книжке Ставропольской губернии», за 1893 г.

Б. И.В. Бентковский «Историко-статистические сведения о городе Ставрополе», 1910 г.

В. Г.Н. Прозрителев. «К 125-летию г. Ставрополя», 1911 г.

11. И.В. Бентковский, упомянутый труд.

12. Г.Н. Прозрителев. «Из прошлого Северного Кавказа. Казанский кафедральный собор в Ставрополе-на-Кавказе». 1910 г., стр. 6 и 10.

13. «Кавказский календарь» за 1850 г.

14. По поручению П.А. Румянцева Суворов переселил из Крыма до 30000 христиан на пустынное до того времени побережье Азовского моря.

15. «Ставропольские губернские ведомости», 1879 г. № 1.

Текст печатается по изданию:
Малинин А. А.В. Суворов в Ставрополье // Ставропольский альманах. — Ставрополь: Краевое книжное издательство, 1946. — С. 252—262.

В.Г. Гниловской. **План Ставропольской крепости 1811 года. Историко-географический очерк***

Ставропольская крепость, или иначе крепость № 8 Азово-Моздокской оборонительной линии, положившая начало гор. Ставрополю, была построена в 1777—80 гг. Таганрогским (Владимирским) драгунским полком.[1] По преданию, в выборе места для крепости непосредственное участие принимал великий русский полководец А.В. Суворов, командированный в 1778 г. на Кавказ для наблюдения за строительством и для инспектирования Азово-Моздокской линии (2). В это время, по словам предания, на месте будущего Ставрополя уже имелось небольшое военное укрепление, расположенное где-то в верховьях реки Ташлы, носившей в то время также и имя реки Члы. Возможно, что следами этого первоначального укрепления являются остатки вала, сохранившиеся на верхней плоскости Ставропольской горы, к северо-западу от Михайловского родника, дающего начало р. Ташле, в урочище, именуемом Валик. Наличие вала в этом районе показано на хранящейся в Ставропольском краевом музее Археологической карте г. Ставрополя, составленной Г.Н. Прозрителевым.

Согласно рассказу предания, А.В. Суворов, ознакомившись с расположением поста № 8, признал выбор места неудачным и указал новый, стратегически более выгодный участок для постройки крепости на месте современной центральной части города Ставрополя, где и были возведены крепостные постройки под руководством командира драгунского полка полковника Ладыженского.

Ставропольская крепость была одной из наиболее значительных крепостей Азово-Моздокской линии и была построена по всем правилам военной техники того времени. Крепость принимала участие в военных действиях. Так, закубанские горцы, возбуждаемые турками, обещавшими им помощь, в 1779 году напали на линию одновременно в нескольких пунктах, в том числе и на Ставропольскую крепость, но понесли здесь поражение: двести казаков из донского полка Кутейникова наголову разбили их главный полторастатысячный отряд (3).

В начале XIX столетия, в связи с постройкой ряда новых укреплений в более южных районах, Ставропольская крепость утратила свое прежнее значение.

Крепость как военный объект, видимо, существовала вплоть до 1812 года, когда Таганрогский драгунский полк, дислоцировавшийся в крепости, был отправлен в армию, сражавшуюся с Наполеоном. Деревянная церковь крепости после ухода гарнизона была сломана кавказскими содержателями (откупщиками) питейных сборов, комиссионером Задонским и купцом Шугаевым, и продана в г. Георгиевск, где была установлена на кладбище. В 1821 г. Белгородский уланский полк (бывший Таганрогский драгунский), проходя через Ставрополь и обнаружив факт исчезновения церкви, возбудил по этому поводу соответствующее дело перед управлением Кавказской области. В статье Г.Н. Прозрителева «Опись делам, имеющим военное значение...», помещенной в V выпуске Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии (4), указывается наличие прошения Задонского и Шугаева начальнику Кавказской области «о дозволении перевезти из Ставрополя в Георгиевск деревянную церковь, принадлежащую Таганрогскому драгунскому полку», а также наличие дела, возбужденного Белгородским уланским полком в связи с тем, что он «по выступлении из города передал церковь «под надзор» земскому начальству, которое без ведома полка продало ее».

Переписка но данному вопросу, содержащая 44 листа, была начата 5 ноября 1821 года и закончена в 1829 году. Факт слома церкви говорит о фактической ликвидации крепости, что также подтверждается тем, что на плане гор. Ставрополя, датированном 1833 годом, хранящемся в Ставропольском краевом музее, крепостные постройки не указываются, за исключением участков крепостной стены, сохранившихся до наших дней.

Ставропольская крепость была построена на небольшом восточном отроге Ставропольских высот, называемом прежде Крепостной, а в дальнейшем Соборной, или Кафедральной, горой и ныне Комсомольской горкой. В стратегическом отношении этот участок был выбран очень удачно, что, возможно, действительно, согласно преданию, «высмотрел орлиный взор великого полководца». Крепостная гора являлась господствующей над окружающей местностью. С севера она была ограничена глубокой балкой реки Ташлы и круто обрывалась на восток, к выравненной площади, где располагалась Ставропольская станица (район бывших Станичных, ныне Калининских улиц и современного нижнего колхозного рынка). С южной, наиболее опасной в то время стороны Крепостная гора была защищена рядом вытянутых с запада на восток глубоких речных балок: двух Мамаек, Мутнянки, Желобовки и безымянной балки, проходившей почти у подножья крепостных стен, начинавшейся родниками от бывшего Верхнего, или Татарского, базара, во дворах квартала, ограниченного отрезками современных улиц: Коминтерна и проспекта Ворошилова, Советской улицы и улицы Дзержинского. Через дворы данного и нижележащих кварталов и в настоящее время протекает ручей в искусственном каменном русле, впадающий в конечном итоге в р. Желобовку. Наличие в прошлом в этом районе верховий балки хорошо заметно в современном рельефе, в частности, в прогибе местности, который пересекает проспект Ворошилова между ул. Дзержинского и Советской улицей. Другой отвершек данной балки начинался на участке, где располагается теперь стадион «Динамо».

На западе площадь, занятая постройками, принадлежащими крепости, но расположенными вне ее стен, — госпиталем и другими зданиями, —ограничивалась глубоким крутым оврагом, лежащим между современными Интернациональной улицей (б. Еврейский переулок) и Кавалерийским спуском (б. Флоринский переулок).

Интересные подробности, характеризующие географические условия окрестностей крепости, были записаны Бентковским (1) в 1833 году со

* План Ставропольской крепости 1811 года см. на стр. 18-19 настоящего издания

слов семидесятипятилетнего казака, пришедшего на «линию» с Хопра вместе с их командиром, премьер-майором Устиновым. Казак говорил: «Когда мы пришли в Ставрополь, крепость не была совсем окончена, и мне довелось на ней поработать. Для станицы едва нашли удобное место, тут была поляна, а кругом лес. Первый год косили там, где теперь дом командующего войсками (угол современной ул. Дзержинского и улицы Коминтерна. — *В.Г.*), а хлеб сеяли где собор старый — (площадь нижнего колхозного рынка. — *В.Г.*). Там, где теперь Армянская улица (улица Шаумяна. — *В.Г.*), была тогда просека через лес — по ней ходили мы по воду из крепости к роднику, его теперь нет. Около теперешней армянской церкви было озеро из родников, текущих из горы. Бывало, из станицы в крепость без ружья не ходили; а из крепости за вал оплошно не показывай носа».

Топография Ставропольской крепости в литературе освещена очень мало. Впервые план крепости под заголовком «План Ставропольской крепости (1777—1809 г.)» был опубликован И.В. Бентковским в № 1 газеты «Ставропольские губернские ведомости» за 1879 г. (6).

В дальнейшем этот же план был повторно напечатан в статьях Прозрителева в Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии, вып. 2-й (7) и в Сборнике сведений о Северном Кавказе, изд. Ставроп. Губ. статистического Комитета, т. IV, 1910—11 гг. (5). Этот план был единственным планом, по которому приходилось знакомиться с очертаниями Ставропольской крепости и расположением в ней построек. К сожалению, в плане не было никаких указаний на размеры крепости и не имелось масштаба, так что до сего времени не было точных данных для определения местоположения крепости по сравнению с расположением современных зданий и улиц города. В северном и южном направлениях крепость, как надо было предполагать, ограничивалась площадью плоской части Комсомольской горки, на востоке обрывом в сторону рынка. Протяжение крепостных стен на запад оставалось совершенно неизвестным.

В прошлом году Ставропольскому краевому музею удалось обнаружить неизвестный ранее рукописный чертеж плана Ставропольской крепости, датированный 1811 годом, за подписью инженер-подпоручика Ахиткина. План имеет такой заголовок: «Генеральный план Ставропольской крепости с показанием на оном вновь строющегося и неначатого оборонительного здания, а какие при оных в минувшем июне месяце произведены работы значат под покрытием приличных красок.

Сочинен июля дня 1811-го года».

Под заголовком имеется «изъяснение», отмечающее пять строящихся зданий, три неначатых строения и два «исправленных починкою».

План изображает отмывкою рельеф местности. На нем хорошо видны плоская часть Крепостной горы, показаны река Ташла, верховья оврага, расположенного восточнее современной Кавалерийской улицы, принадлежащего бассейну р. Ташлы, дорога в «казачью станицу», «дорога из Георгиевска» и «в крепость Московскую». В очертаниях крепости изображены: план стены, — стена, видимо, была двойной, — ров, окружавший крепость с юга, юго-востока и с севера; постройки внутри крепости и крепостные здания, расположенные за ее пределами.

План составлен в масштабе 20 сажен в английском дюйме (1:1680). Север показан на нижней рамке плана.

На плане имеется звезда румбов, но правильность показа ею сторон горизонта вызывает сомнения по следующим основаниям: сохранившиеся части крепостной стены и части крепостных строений по своему расположению на 20° не совпадают с обозначением направлений картушкой румбов. У нас создается впечатление, что направление сторон горизонта показано на плане с отклонением на 20° к востоку. Наш вывод подтверждается тем, что направление сторон горизонта, изображаемое картушкой, также на 20° не совпадает с расположением показанной на плане крепостной церкви, которые обычно строились вытянутыми в направлении запад — восток.

Разница в изображении сторон горизонта с их действительным направлением в настоящее время могла бы быть объяснена вариациями земного магнетизма, но такие значительные колебания (20°) вряд ли допустимы. Учет изменений магнитного склонения за 137 лет, прошедших со времени составления плана, мог бы несколько уменьшить степень расхождения, но не может полностью объяснить эти различия, так как годовые изменения склонения обычно измеряются секундами и долями минут и, кроме того, в пределах Европейской части СССР за XIX век наблюдались изменения склонения как к востоку, так и к западу. Отсутствие аналогичных данных по Ставрополю не дает возможности определить поправки к плану на изменение склонения.

Инженер-подпоручик Ахиткин был, видимо, строителем, а не топографом и мог не обратить должного внимания на правильность изображения румбов, кроме того, само назначение плана — фиксация произведенных строительных и ремонтных работ — и не требовала точности в этом отношении. Мы полагаем, что это расхождение связано было с ошибкой чертежника при копировании плана. В этом отношении интересно также упомянуть о наличии еще одной ошибки (описки) при выполнении плана, а именно, вместо надписи «Ташла» на плане значится «атшла».

Сравнение плана подпоручика Ахиткина с планом, опубликованным Бентковским, показывает на общее сходство контура изображаемой ими крепости, но в то же время и на наличие значительных расхождений в форме и направлении стен, особенно в юго-восточном участке крепости. Эти расхождения не могут быть объяснены какими-либо коренными перестройками крепости, переносом стен, рвов и т.д., тем более что даты, к которым относятся оба плана, близки друг к другу (1809—1811 гг.), а могли возникнуть только в силу неточностей изображения в одном из них. Детальное рассмотрение плана Бентковского выясняет причины имеющихся различий. Дело в том, что этот план печатался не с гравированного или цинкографского клише, а с клише, составленного путем набора различных типографских знаков: линий, прямоугольников и т.д. Ограниченность возможностей такого способа в передаче деталей рисунка вела к неизбежным искажениям, например, в юго-восточной части крепостной стены на плане Бентковского показан значительный выступ наподобие бастиона, которого фактически не было, и т.д. В итоге выявляется, что план Бентковского был составлен на основе плана, аналогичного плану Ахиткина, но в нем «были допущены существенные искажения и в масштабе, и в очертаниях, в результате чего план Бентковского должен быть квалифицирован не как план, а как схематический рисунок с плана крепости. Единственным же известным подлинным планом Ставропольской крепости должен быть признан публикуемый в данной статье план инженер-подпоручика Ахиткина.

План Ахиткина позволяет дать более правильное описание конфигурации и размеров крепости, ее месторасположения, ее внутренних и внешних построек.

Крепость имела форму неправильного, вытянутого с Ю — З на С — В многоугольника, более или менее приближающегося по форме к овальной фигуре. Длина ее продольной оси достигала 700 метров, длина наибольшей поперечной оси равнялась 320 метрам, площадь, занятая крепостью, имела около 10 гектаров. Крепость относилась к типу крепостей, приспособленных для круговой обороны, со всех сторон была обнесена каменной стеной толщиною около одного метра, высотою более двух метров. Общая длина крепостной стены составляла 1630 метров. С южной, юго-восточной и северной стороны крепость имела ров с валом общей длиной в 1140 метров, северо-западная часть крепости, обращенная в сторону наиболее крутого участка склона, к Подгорной части города, на протяжении в 490 метров была укреплена стенами без рва. План Ахиткина позволил более или менее точно решить вопрос о местоположении крепости. Сопоставляя очертания крепостных стен на плане с сохранившимся участком стены и сохранившимися частями крепостных зданий, а также с рельефом местности, мы пришли к следующим выводам.

Фронтальная стена крепости, обращенная на юг, начиналась на середине современной Пионерской улицы, от обрыва во дворе домов № 4 и № 6, и тянулась на запад, пересекая двор и северную часть здания бывшей Совпартшколы (в прошлом здания Александровской женской гимназии), сожженного немецко-фашистскими оккупантами. Направление этой части крепостной стены показывает аллея деревьев, тянущаяся перед фасадом здания недостроенного кинотеатра, расположенного между Пионерской улицей и зданием бывшей Совпартшколы. Внутри двора б. Совпартшколы направление бывшей крепостной стены сохраняет длинный жилой дом, протяженностью в 104 м, построенный в I половине 19-го столетия (бывший приют для благородных девиц им. Св. Александры).

При осмотре этого дома нам удалось выяснить, что его южная стена не только «сохраняет направление» фронтальной линии крепости, но является ни чем иным, как частью бывшей крепостной стены, что подтверждается наличием в ней бойниц, обнаружившихся в некоторых местах под осыпавшейся штукатуркой. Видимо, в целях экономии, бывшая крепостная стена была использована «отцами города» как основание при возведении здания приюта, что, конечно, не создавало удобств для воспитываемых детей, так как и теперь жителям дома, в целях утепления, приходится некоторые бойницы, заложенные камнями, дополнительно обмазывать глиной.

Описываемое здание первоначально было одноэтажным, в дальнейшем над его западной половиной был возведен второй этаж, резко отличающийся от первого и по материалу и по способу кладки стен.

Крайний западный конец фронтальной части крепостной стены доходил до современной улицы Клары Цеткин за зданием Горсовета (несколько севернее его), где начинается крутой спуск в Подгорную часть города. Общая протяженность фронтальной части крепостной стены составляла 416 метров. Почти на середине этого участка, между сохранившейся частью крепостной стены и недостроенным зданием кинотеатра, располагался главный бастион крепости, представлявший собою треугольный по форме выступ стены, выдвинутый на 30 метров к югу. Он имел три площадки для пушек, средняя из них имела эстакаду для подъема пушек.

Главные ворота крепости, выезд на Московскую и Георгиевскую дороги, располагались у восточного края бастиона. Западный край сохранившегося участка крепостной стены, примыкавшего к бастиону, как установлено по его внешнему виду, ограничивал проем ворот с востока. Против ворот, в глубине крепости, на расстоянии около 100 метров располагалась крепостная церковь; на этом месте прежде росло несколько тополей, из которых к настоящему времени сохранилось одно дерево. Здесь же была расположена могила полковника Ладыженского, первого начальника и строителя крепости; место его могилы было обнесено железной решеткой, ныне не сохранившейся.

В восточном конце фронтальной части крепости южная стена образовывала резкий изгиб на северо-восток, отчасти соответствующий современному изгибу Пионерской улицы, и тянулась далее, более или менее параллельно с бровкой юго-восточного склона Комсомольской горки, вплоть до ее северо-восточного конца, в районе могилы генерала армии И.Р. Апанасенко. Часть стены, расположенной с северо-западной стороны современной Пионерской улицы, в месте ее изгиба, составляет остов старинного здания с заложенными окнами, сложенного из штучного камня (ракушечника) и увенчанного вверху карнизом. Судя по азимуту и протяженности остова этого здания он составлял внешнюю часть так называемого шефского дама, находившегося внутри крепости и отмеченного на плане Ахиткина литером «А». Видимо, при ликвидации крепости, в целях обеспечения проезда с современной Пионерской улицы на территорию восточной части бывшей крепости, был срыт восточный конец южной стены, доходивший до крутого спуска. При этом был образован двойной изгиб Пионерской улицы по сравнению с направлением крепостной стены, и некоторые здания, в частности шефский дом располагавшийся прежде внутри крепостной стены, оказался на линии вновь созданного проезда; вновь построенное здание (двухэтажный дом на северной стороне Пионерской улицы) было возведено позднее уже по линии указанных изгибов.

Восточная часть крепости имела вторые ворота, выходящие в казачью станицу, на бывшую Армянскую улицу. Остатки столбов этих ворот автору статьи приходилось видеть сохранившимися вплоть до 1930-х гг., в начале современной дороги с Комсомольской горки на улицу Шаумяна (б. Армянскую), вблизи памятника генералу армии тов. Апанасенко.

С двух сторон от восточных ворот, а также на середине и у западного конца юго-восточного участка стены крепости, в местах небольших изгибов, образующих подобие бастионов, располагалось еще пять площадок для пушек, четыре из них также были оборудованы эстакадами. Сохранившиеся участки крепостной стены (отмечены на планах) имеют бойницы (амбразуры), расположенные на расстоянии 75 см друг от друга. Высота бойниц 80 см, их ширина с внешней стороны 15 см. Участки крепостной стены, часть стены бывшего шефского дома (отмечены на планах), а также тополь на месте могилы полковника Ладыженского представляют собою единственные памятники первых годов существования нашего города и подлежат охране как памятник старины.

План Ахиткина позволяет ознакомиться с расположением построек внутри крепости. Значительная часть построек, например, казармы, помещения для офицеров и священника, непосредственно примыкали к южной (фронтальной) стене крепости и находились под ее защитой. Часть домов, например, упомянутый шефский дом под литером «А», примыкали к юго-восточной стене крепости; вдоль других стен располагались служебные помещения: кузни, слесарная изба и др. В центральной части крепости находились: церковь, гауптвахта (первое здание, которое было сооружено в крепости), соляной амбар, уездное казначейство и кладовая, и в самом восточном участке пороховой погреб и артиллерийский сарай. Большая часть этих строений, видимо, имела свои усадьбы, обнесенные заборами, такими же были и «обывательские строения» (вероятно, дома служащих казначейства). В целом крепость внутри напоминала небольшой городок. Вне крепости, к югу от нее и по современной Советской улице, располагались конюшни для строевых и «подъемных» (обозных) лошадей и в наибольшем удалении на запад от крепости, в районе современной прачечной на ул. Булкина (б. Торговая), располагалось здание временного госпиталя. К сожалению, на плане Ахиткина приводится мало обозначений изображаемых планом зданий. В печатаемом плане они нами даются на основе обозначений в плане Бентковского, вынесенными за пределы рамки плана.

Дальнейшая работа по изучению архивных и картографических материалов может дать новые интересные сведения, детализирующие и уточняющие наши представления о Ставропольской крепости и истории города Ставрополя.

Комсомольская горка и примыкающие к ней участки города были ядром, вокруг которого начал расти Ставрополь. Район Комсомольской горки является весьма интересным объектом для школьных историко-географических экскурсий. С нее открывается обширная панорама нижней части города и его окрестностей. На север видна глубокая долина реки Ташлы, на востоке район слияния рек Мамаек, Мутнянки, Ташлы, опускающихся со Ставропольской горы, и ограничивающие их на горизонте небольшие горы-останцы: Острая, Холодная, Пикетная и длинная гряда Бешнагирских высот; с южной стороны, в ясные дни, видны гигантская снеговая шапка Эльбруса и часть Кавказского хребта.

Осматривая на экскурсии открывающуюся панораму, учащиеся выясняют условия образования рельефа окрестностей, а также убеждаются в преимуществах выбора А.В. Суворовым данного места для постройки Ставропольской крепости. Помимо ознакомления с географическими особенностями расположения г. Ставрополя, экскурсанты могут осмотреть сохранившиеся части крепостных построек — часть крепостной стены и остатки бывшего шефского дома на Пионерской улице. Здесь следует обратить внимание на материал стен, их размеры, размеры бойниц, сохранившуюся местами былую охристую окраску крепостной стены.

Руководясь планом крепости, можно наметить местоположение остальных участков крепостной стены, южных ворот, бастиона близ здания кинотеатра, восточных ворот и т.д.

Интересным является знакомство со старинными постройками по ул. Шаумяна — одной из первых улиц города, связывавшей в свое время крепость с казачьей станицей, а также со зданием первого гостиного двора, расположенного между швейной фабрикой и южным склоном Комсомольской горки. В западном районе бывшей крепости необходимо осмотреть часть крепостной стены, составляющей теперь нижний этаж здания во дворе б. Совпартшколы и установить место, где располагалась западная граница крепости (за зданием горсовета). Можно ознакомиться с оврагом на Интернациональной улице, замыкавшим и защищавшим с запада весь участок, занимаемых в прошлом Ставропольской крепостью и окружавшим ее поселком. При экскурсии в этот район желательно обратить внимание на большие старинные дома по северной стороне Советской улицы — первой улицы верхней части города, где располагались т.н. «присутственные места», т.е. учреждения, и на остатки старинных зданий на колхозном рынке, бывшие «жирные ряды» Татарского рынка. Эти дома были построены в более позднее время и, возможно, уже после ликвидации крепости.

Экскурсия на Комсомольскую горку особо интересна потому, что она является памятником не только прошлой, но и современной нам истории. У восточного края горы похоронен герой гражданской и Отечественной войны, генерал армии Иосиф Родионович Апанасенко, погибший в 1943 г. при освобождении Белгорода, а на ее южном склоне, под сенью деревьев, расположена могила юного партизана — комсомольца Геннадия Голенева, павшего смертью храбрых в борьбе с немецкими извергами за освобождение Ставрополя. Оба они в своих героических делах в борьбе за освобождение нашей Родины вдохновлялись мужественным образом нашего предка, основателя Ставропольской крепости, полководца А. В. Суворова.

Примечание

1. В имеющейся литературе и архивных материалах указывается, что крепость была основана Владимирским драгунским полком, в тех же материалах полк, располагавшийся в крепости, в последующие годы называется уже Таганрогским драгунским полком без указания на смену одного полка другим, и Таганрогский полк упоминается в качестве строителя крепости. Создается впечатление, что данные наименования являются синонимами.

Литература

1. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о селе Безопасном // «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», вып. 2, Ставрополь, 1869.

2. Малинин А. А.В. Суворов в Ставрополе // «Ставропольский альманах», вып. I, 1946.

3. Потто (ред.). Исторический очерк Кавказских войн. — Тифлис. — 1899.

4. Прозрителев Г.Н. Опись делам, имеющим военное значение... // «Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии», вып. V, Ставрополь.

5. «Сборник сведений о Северном Кавказе», т. IV, Ставрополь, 1910—1911.

6. «Ставропольские губернские ведомости», 1879, № 1.

7. «Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии», вып. 2, Ставрополь, 1910.

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г. План Ставропольской крепости 1811 года // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1949. — Вып. 1. — С. 165—176.

В.Г. Гниловской. **Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия. Историко-географический очерк***

В 1952 году исполняется 175 лет со дня основания Ставропольской крепости, положившей начало городу Ставрополю. Приближение данного юбилея и возрастающий интерес общественности к истории города побудили нас собрать некоторые материалы, характеризующие Ставрополь в историко-географическом отношении.

Вопросы исторической географии Ставрополя в литературе освещены мало. Наиболее подробные данные в этом отношении приводились в статье анонимного автора «Ставрополь в географическом, историческом, топографическом отношениях» (Кавказский календарь на 1855 год) и в работах И.В. Бентковского и Г.Н. Прозрителева, опубликованных в связи с празднованием 125-летнего юбилея города (3, 6, 7, 8, 9, 10, 19, 20, 21). Но эти статьи во многом устарели и, кроме того, являются библиографической редкостью.

Первым этапом нашей работы по выяснению вопросов исторической географии Ставрополя было описание плана Ставропольской крепости, составленного подпоручиком Ахиткиным в 1811 году (11). В этой работе нам удалось установить местоположение бывшей Ставропольской крепости и нанести его на современный план города.

В настоящей статье мы даем описание неизвестных ранее планов города Ставрополя 1805, 1833 годов и плана 1854 года, опубликованного в одном из томов Кавказского календаря.

Эти планы позволяют выяснить размеры и очертания города в различные этапы его жизни, последовательность застройки, географические факторы, определявшие расширение города, расположение в прошлом зданий, имеющих исторический интерес, уточняют некоторые вопросы топонимики и т.д. Публикуемые в статье иллюстрации знакомят с внешним обликом города в первые годы его существования.

Прежде чем приступить к описанию планов, кратко охарактеризуем некоторые этапы истории города и условия, определявшие его развитие.

Город Ставрополь возник из поселка при крепости № 8 Азово-Моздокской оборонительной линии. Крепость № 8 располагалась на одном из самых обширных останцев Ставропольской возвышенности, составляющем водораздел двух крупных долин центрального Предкавказья — долины Калауса и долины Егорлыка. В общем стратегическом плане Азово-Моздокской линии на крепость № 8 падала задача защищать проход по долине реки Калаус от закубанских горцев, подстрекаемых турками к нападению на Россию.

В докладе князя Потемкина Екатерине II по вопросу создания Азово-Моздокской линии указывалось: «Под № 8 крепость на вершине Егорлык, называемой Ташле, **будучи первой крепостью к Черному лесу, прикрывает обще с крепостью под № 7 проход** между Калаусскими вершинами и Черным лесом».[1] Крепость № 7 находилась на западном склоне Прикалаусских высот, в местности, именовавшейся Аджилю. В дальнейшем крепость № 7 получила название Северной, вокруг нее возникло одноименное село, расположенное по дороге из Ставрополя к с. Александровскому.

Цитированный доклад был утвержден Екатериной II 24 апреля 1777 года. Он имел силу закона **и был первым официальным документом, положившим начало созданию крепости № 8, а вместе с нею и городу Ставрополю** (см. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., том XX, 1775—1780 г., СПб, 1830 г., стр. 518; документ № 14607 под заголовком: «1777 г. апреля 24. Высочайше утвержденный доклад Астраханского, Новороссийского и Азовского генерал-губернатора князя Потемкина об учреждении линии от Моздока до Азова»).

Тактическая оценка местности, выбранной для сооружения крепости № 8, была нами дана в статье «План Ставропольской крепости 1811 г.» (11). Параллельно с чисто военными задачами Ставрополь выполнял и другие функции. Ко времени создания «линии» под ее защитой сложился важный почтовый тракт Черкасск — Ставрополь — Моздок, обеспечивающий связь юга Европейской части России с Терским казачеством, Закавказьем и «Горячими водами». Ставрополь, расположенный в центральной части тракта, по мере заселения и освоения Предкавказья приобретал значение важного транзитного и торгового пункта.

Этот факт автор описания Ставрополя в Кавказском календаре на 1855 г. (24) отмечает следующими словами: «Из отчетов, доставляющихся тогда лицами, следившими за успехами торговли, заметно, что обороты капиталов значительно увеличились и что класс промышленных людей также умножался. Успех этот также приписывают выгодному **положению** Ставрополя, хотя он стоит в таком месте, которое лишено совершенно водяных сообщений. Знатоки дела говорят, что Ставрополь, находясь между двумя морями — Каспийским и Черным, между землею Войска Донского и Закавказьем и на главном почтовом тракте, по необходимости должен был сделаться одним из выгодных рынков для обмена произведений севера и юга; что такое положение дало торгующему сословию удобства к быстрым оборотам и скорому обогащению; но главные обороты в то время, о котором мы пишем (30-е годы XIX столетия — *В.Г.*), производились на ярмарках Троицкой и Ивановской».

Влияние на Ставрополь развития Кавказских курортов тот же автор характеризует следующим образом: «Нужно еще упомянуть здесь, что открытие города Пятигорска с его минеральными источниками усилило в Ставрополе движение и доставило ему несколько материальных средств от проезжающих из внутренних губерний во время «курса». Число посетителей Пятигорска в управлении генерала Вельяминова (1831—1838 гг. — *В.Г.*) было самое значительное, и большая часть из них принадлежала к людям богатым. Эти **праздные туристы** (подчеркнуто нами. — *В.Г.*), стремившиеся ежегодно к минеральным источникам не столько для облегче-

* Описанные в статье планы Ставропольской крепости 1805, 1833 годов см. на стр. 14-15, 33 настоящего издания

ния себя от недугов, сколько из любви к кавказской природе, не жалели денег и щедро оделяли, во время своего приезда, Ставрополь и особенно Пятигорск, в котором проживали по три и четыре месяца».

Функции Ставрополя как крепости в связи со строительством новых, более южных «линий» сравнительно скоро были утрачены. Уже с 1812 г. крепость, видимо, не имела гарнизона (11), а в 1827 г. казаки Ставропольской станицы были переселены в Барсуковскую, Суворовскую и Баталпашинскую станицы. Ставрополь же, утратив чисто военное значение, все в большей мере приобретал значение военно-организационного и административного центра. Через него передвигались войска, проходившие на Кавказ, здесь находился штаб командующего Кавказской армией, интендантство и т.д. В 1785 году гражданский поселок, возникший вокруг крепости, был превращен в уездный город Кавказской области, в 1822 году в Ставрополь был перенесен центр этой области, в 1847 году Кавказская область переименована в Ставропольскую губернию, а Ставрополь — в губернский город.

Каменный крест на Крепостной горе. Именной символ Ставрополя. Установлен в 2000 году в честь основания города и наступления III тысячелетия

В заключение вводной части статьи кратко остановимся на вопросе о годе основания Ставрополя, так как до сего времени в этом вопросе имеется большая путаница.

Прежние исследователи истории города — Г.Н. Прозрителев, а вместе с ним и другие члены Ставропольской Ученой Архивной комиссии и Ставропольского Статистического комитета — в 1910 году, не имея в своем распоряжении точных данных о дате возникновения Ставропольской крепости, а возможно, и по каким-либо другим соображениям, решили принять за год основания Ставрополя дату указа Екатерины II о создании Кавказского наместничества и, в связи с этим, о преобразовании гражданского поселка при Ставропольской крепости в уездный город.[2] Специальная комиссия, избранная Ставропольским Статистическим комитетом **1 декабря 1910 г.** (подчеркнуто нами. — *В.Г.*) для составления и издания «сборника материалов для истории губернского гор. Ставрополя в память 125-летия» постановила: «Днем возникновения Ставрополя **как города** считать 5 мая 1785 года и его **крещением** — указ императрицы Екатерины II «О составлении Кавказского наместничества» (15).[3]

5 мая 1910 года этот юбилей был отмечен совместным торжественным заседанием Ставропольского Статистического комитета и Ученой Архивной комиссии, изданием ряда брошюр и альбома видов Ставрополя. Интересно, между прочим, подчеркнуть, что празднование юбилея состоялось ранее, чем указанное выше **решение комиссии.**

Мы полагаем, что датой основания Ставрополя надо считать 1777 год, год основания крепости. Одновременно с крепостью здесь возникли станица и гражданский поселок, превратившийся затем в город Ставрополь. Такого же мнения придерживался первый исследователь Ставропольской старины И.В. Бентковский (3, 6). В дальнейшем, видимо, и Г.Н. Прозрителев стал сомневаться в правильности решения комиссии 1910 года о дате основания Ставрополя, но открыто признать эту ошибку он не решился. Так, в статье «Из истории г. Ставрополя» (19), написанной в 1916 году, он приводит ряд данных и документов, доказывающих существование гражданского поселка (слободки) при Ставропольской крепости до 1785 года, в частности, данные о переписке в 1786 году Нижнего Земского Суда с городовым магистратом Ставрополя по поводу «отыскания семи человек мещан, **значащихся по 4-й ревизии, в числе мещан при Ставропольской крепости и записанных в мещане в 1782 году** (подчеркнуто нами. — *В.Г.*), которых не оказалось в 1786 году».

Отсюда видно, что уже в 1782 году не только существовал поселок, но он и юридически был оформлен, там проходила запись в мещане и проводилась перепись населения. И.В. Бентковский в статье «Ставропольская старина» указывал, что казаками в Ставропольской станице в 1778 году было построено 173 дома, в 1778 году в поселке при крепости стали поселять отставных солдат, в 1779 году тут было поселено 332 человека отставных солдат и их семьи в составе 81 женщины и 37 детей (9).

Можно привести другие документы, подтверждающие наличие в Ставропольской крепости гражданского поселка и развитие в нем торговли задолго до 1785 года. Одним из них является «ордер князя Потемкина генералу Якоби от 10 марта 1780 года», говорящий: «Для приласкания кабардинского народа к Российской стороне велено было построить на Моздокской линии для препровождения мелочными товарами торгу в крепостях Ставропольской, Георгиевской и Моздокской на казенную сумму к поклаже товаров анбары, а продажи оных лавки» (2, стр. 1109). Другой «ордер генерала Потемкина кабардинскому приставу князю Уракову от 31 марта 1783 года» указывает: «По причине междуусобных жалоб кабардинцев на армян и от сих на кабардинцев произносимых, к прекращению оных и удержанию прочного постановления на всегдашнее кабардинцев устройство и спокойствие запрещено армян и других торговых людей с товаром через линию в Кабарду пропускать, а ко взаимной торговле назначены по линии **три города для обмену и продажи товаров: Екатериноград, Георгиевск, Ставрополь**» (подчеркнуто нами. — *В.Г.*) (2 стр. 1112).

Этот ордер особо интересен тем, что в нем впервые в официальных документах, но еще до указа 1785 года, Ставрополь уже именуется городом.

Официальной датой заложения крепости ее жители считали 22 октября (3 ноября) 1777 года, ее свя-

зывали с днем прихода сюда Владимирского драгунского полка. Возможно, что полк пришел сюда и раньше этого дня, но официально день прихода полка был отнесен к одному из ближайших религиозных праздников, в данном случае к дню «Казанской божьей матери», в честь которого были также посвящены первые церкви Ставрополя— сперва в станице, а затем главный (Кафедральный) собор.

Наше положение о 1777 годе как годе основания Ставрополя подтверждается не только цитированным выше указом Екатерины II от 24 апреля 1777 года, но также другими документами и литературными источниками. Так, например, на «Карте Кавказа, с показателями политического его состояния до 1801 года», приложенной к актам Кавказской Археографической комиссии (1), имеющей характер официального издания, показано направление Азово-Моздокской линии и отмечены следующие даты основания крепостей: Ставрополь — 1777, Александров — 1777, Георгиевск — 1777, Моздок — 1763.

В старых книгах начала XIX столетия, впервые упоминающих о Ставрополе, например, в «Словаре географическом Российского государства», изданном в 1807 году (23), и в сочинении И. Дебу «О Кавказской линии с 1816—1826 г.», изданном в 1829 году (14), также годом основания Ставрополя признается 1777 год.

Нам кажется, что имеется достаточно оснований одновременно опровергнуть и легенду о происхождении наименования города Ставрополя, поддерживаемую Г.Н. Прозрителевым (21), связывавшую это наименование с якобы имевшей место находкой каменного креста при заложении крепости № 8. Легенда эта возникла, видимо, довольно поздно, во 2-й половине XIX века. Наоборот, «Словарь географический Российского государства» (23), изданный всего через 30 лет после основания крепости, ничего о кресте не упоминает. Не упоминает о нем также и И. Дебу в 1829 г. (14); критически относится к этой легенде и автор описания Ставрополя в Кавказском календаре на 1855 год (24). Более того, И. Дебу, так же как и директор народных училищ Астраханской и Кавказской губерний Ровинский в своем сочинении «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний...», написанном в 1804 г. и изданном Императорским Вольным Экономическим обществом в 1809 году (22), говорят, что крепость № 8 была названа Ставропольской в честь крепости «Ставрополь», построенной Петром I в 1722 г., при его возвращении из Дербентского похода. Эта крепость была создана в местности, расположенной между рекой Сулак и Аграханским полуостровом, издавна называемой Ставрополем, так как на ней прежде располагалась греческая колония. Астраханские архиереи, которым эта местность была подведомственна, носили в силу этого титул «Епископов Астраханских и Ставропольских». Петровская крепость Ставрополь в 1736 году была срыта, гарнизон ее переведен в Кизляр, а ее имя, можно полагать, было перенесено на крепость, построенную в 1737 г. на Волге (Ставрополь Куйбышевский), и в дальнейшем на крепость № 8 Азово-Моздокской линии, возникшую в 1777 г.

Если бы при постройке действительно был найден каменный крест, то, во-первых, он бы мог сохраниться, и авторы, писавшие о Ставрополе в начале XIX столетия, знали бы о его существовании. Во-вторых, строители крепости — солдаты, казаки и офицеры, кому впервые мог встретиться крест, вряд ли бы стали именовать по своей инициативе крепость в греческом произношении «Ставропольской», она бы могла получить имя в русском произношении «Крестовой», «Каменнокрестной» и т.д. Видимо, наименование крепости Ставропольской было сделано «сверху», единым актом, начальством, знающим греческий язык и историю Петровской крепости Ставрополь.[4] Наименования других крепостей линии имели аналогичное происхождение, о чем можно судить по тому факту, что почти все они даны в честь членов царской фамилии.

Интересно также отметить, что легенда о находке креста, «определившего» наименование города, возникла после основания в Ставрополе епархии и епархиального управления, деятелям которого, вероятно, принадлежала инициатива создания и распространения этой легенды.

План города Ставрополя 1805 года

Описываемый план 1805 года является самым ранним из всех известных планов Ставрополя. Он был обнаружен летом 1950 года Н.И. Стащуком в фондах Ставропольского государственного краевого архива в качестве приложения к делу о споре казаков Ставропольской станицы и жителей города Ставрополя о земельных угодиях.

План составлен в масштабе 100 сажен в одном английском дюйме. Он показывает застроенную площадь города, окрестные леса, пахотные земли, пастбища и сенокосы, принадлежавшие жителям города и станицы, в том числе спорные земли.

На верхней рамке плана имеется надпись:

«Геометрической специальной спорной план дачи № 1-й Кавказской губернии города Ставрополя выгонной земли, состоящей в споре Хоперского казачьего полка Ставропольской станицы казаков. Межевание учинено в 1805 году июня 30 дня ставропольским уездным землемером Пичугиным — число десятин оной дачи значит ниже сего в экспликации».

«Межевал и план сочинял ставропольский землемер Пичугин».

Этот план, видимо, был известен И.В. Бентковскому, так как он описывал условия землепользования города и станицы по данным землемера Пичугина (10).

К сожалению, данный план охватывает лишь территорию самого города и не касается территории станицы. Площадь, занятая станицей, на плане не заполнена, так как станица считалась самостоятельным населенным пунктом и в состав города Ставрополя не входила. Более того, она отделялась от городских построек плетневым забором, сохранявшимся до переселения казаков на Кубань в 1827 году.

На публикуемой схеме плана наглядно видна граница города и станицы, она проходила от угла современных улиц Шаумяна и Геннадия Голенева на восток.

План показывает размеры и местоположение Ставрополя в 1805 году. Основная часть города располагалась к югу и юго-востоку от подножья Крепостной, ныне Комсомольской, горки. К востоку же от горы располагалась казачья станица. Крепостная

гора и стоявшая на ней крепость явились, таким образом, ядром, вокруг которого вырос город Ставрополь, в силу чего он по своему происхождению может быть отнесен к типу «крепостных» городов. Данный план является также первым документом, показывающим местоположение крепости, и полностью подтверждает высказанные нами предположения по этому вопросу (11). Положение крепости определило направление первых улиц и конфигурацию города.

В первоначальном планировании города отразилась также вторая, транспортная, функция Ставрополя. От главных южных ворот крепости начинались дороги в соседние населенные пункты на запад и север, в крепость Московскую и город Черкасск, и на восток, в город Георгиевск. Последняя дорога проходила по современному проспекту им. Сталина, представляя собою участок почтового тракта между Черкасском и Тифлисом (Тбилиси), в силу чего сама улица первоначально называлась Черкасской, а у ее восточного конца (против современного здания Краевого управления сельского хозяйства) располагалась Тифлисская застава. Западный выезд из города назывался Черкасской, или Московской заставой. Местоположение этой заставы, видимо, изменялось в зависимости от роста города в западном направлении. Черкасская улица простиралась от Тифлисской заставы на юго-запад до небольшой поперечной ей улицы (современный проспект Ворошилова).

Дальнейшему продвижению Черкасской улицы на юго-запад препятствовала небольшая, ныне застроенная балка, вытянутая в восточном направлении и дававшая начало современной речке Желобовке, в силу этого у западного конца Черкасской улицы трактовая дорога делала изгиб к северо-западу, выходя на территорию современной Советской улицы. Этот изгиб более или менее соответствовал изгибу южной стены крепости и рельефу местности и давал возможность почтовой дороге обойти верховье балки по ее левому берегу. Участок современной Советской улицы, на которую сворачивала дорога, в то время имел несколько небольших домов только по своей южной стороне и еще не носил наименования улицы. В дальнейшем, после ликвидации крепости, на северной стороне этой зарождающейся улицы были построены здания для учреждений — «присутственные места», и она была названа Комиссариатской.

Таким образом, главная транспортная магистраль города того времени состояла из Черкасской улицы и ее продолжения по современной Советской улице. Она имела общую протяженность около 1,7 километра. Эта магистраль в восточной половине, до современной улицы Розы Люксембург, имела два ряда домов, западная же половина имела кварталы и дома только с южной стороны, причем северная сторона почти на всем ее протяжении была занята крепостной стеной (западный конец крепости располагался у пересечения современной Советской улицы с улицей Клары Цеткин).

К югу от Черкасской улицы, называвшейся также Первой, параллельно ей протягивались еще две — Вторая (ул. Орджоникидзе) и Третья (часть улицы Дзержинского). Из них Вторая была более короткой, так как ее продвижению на запад также мешала упомянутая выше балка. Третья улица своим западным концом упиралась в Бабину рощу (современный парк культуры и отдыха). Общее протяжение города с севера на юг достигало 600 метров. Естественной южной границей города, как показывает план 1805 года, был второй отвершек балки Желобовки, истоки которой располагались в Бабиной роще. Современная площадь Маяковского лежала уже за городом, в центре ее находилось первое в Ставрополе кладбище (бывшее Варваринское); на нем были похоронены некоторые из декабристов, сосланные в Ставрополь.

Три первых продольных улицы города пересекались пятью поперечными. Наиболее восточной из них являлась Казачья, сохранившая свое имя до сих пор; она вела из города в станицу, ее южный отрезок, упиравшийся в нижнюю часть балки Желобовки, теперь называется улицей Рылеева.

Западнее Казачьей располагалась главная поперечная улица города, северная часть которой — от Черкасской улицы до станицы — называлась прежде Хоперской, а южная (от Черкасской до балки Желобовки) Кузнечной, так как в ее южном конце располагались кузни, перенесенные отсюда на бывшую Ярмарочную площадь в 1843 г., когда здесь обосновалось архиерейское подворье. С этого времени улица стала называться Архиерейской. Теперь обе части этой улицы носят имя Геннадия Голенева.

Следующая поперечная улица (современная улица Розы Люксембург) вела к кладбищу и служила дорогой к городским хуторам и заводам, располагавшимся в верховьях балки Мутнянки (Аульчик), где имелось около двадцати домов, и на «хутора, огороды и сады» Ставропольской станицы, располагавшиеся по балке Мамайке и ее притоку, ручью Карабин. Здесь казаки имели около 30 домов, два пруда и значительную площадь земли, из-за которой у них шли споры с жителями города.

Параллельно предыдущей располагалась улица, носящая теперь имя Коста Хетагурова; она была короткой и ограничивала с востока Бабину рощу. Самой западной поперечной улицей города являлась небольшая извилистая улица, начинавшаяся от крепостных ворот, пересекавшая верховье балки Желобовки и тянувшаяся далее на юг по западной границе Бабиной рощи. Направление этой улицы сохраняет теперь проспект имени Ворошилова. В 1805 году она служила западной окраиной города, за нею начиналась степь, используемая для покоса и выгона скота. Крайней южной линией городских усадеб служила южная граница Бабиной рощи, проходившая по линии современной Комсомольской улицы. Далее, вплоть до Мамайки, также простирался обширный степной участок.

План 1805 года свидетельствует о том, что город начинал распространяться далее на запад. На плане показаны кварталы, отведенные для застройки по современным улицам Дзержинского и Кагановича, на участке от площади имени Ленина до Краснофлотской улицы (бывшая Мойка), по которой был запроектирован «общественный тутовый сад». Этот участок назван на плане «Солдатская слободка», вся северная сторона этого отрезка улицы Дзержинского показана занятой садами, но без домов. Во всем районе «слободки» обозначен существующим лишь один дом с обширным садом (угол современных улиц Кагановича и Громова). Насколько нам известно, в дальнейшем этот район назывался не слободкой, а Воробьевкой. Видимо, здесь в 1805 г. только планировалось создание слободки, но фактически она была построена в другом месте. Наименование же Воробьевки связывают с тем, что здесь первоначально имелся хутор однодворца Воробьева.

План 1805 года показывает, что заселение Ставрополя и рост города был также связан и с сельскохозяйственной колонизацией района. Первые селения строились не только вокруг крепости или вдоль тракта, но и по речным балкам, дающим воду для орошения огородов и устройства водяных мельниц. Так, в Ставрополе уже в первые годы его существования была заселена балка Мамайка. Еще большее значение имела балка речки Ташлы; здесь создавались хутора казаков. На плане 1805 года на Ташле показано восемь прудов с мельницами и большие площади, занятые «тутовыми садами и табашными огородами разных жителей».

На описываемом плане не нанесены территории казачьей станицы, и этот участок на составленной нами схеме плана показан пунктиром, причем расположение улиц дается применительно к плану 1833 г. Большой ошибки здесь не допускается, так как рост станицы в период с 1805 по 1833 год был незначительным. Центральной частью станицы являлась площадь, занятая в настоящее время нижним колхозным рынком. На этой площади стояла небольшая деревянная церковь Казанской божьей матери, в связи с чем площадь называлась Казанской.

Главными улицами станицы были Казачья и бывшая Хоперская, вытянутые на север приблизительно на полкилометра. Поперек этих улиц, более или менее параллельно Черкасской улице, располагались четыре улицы, называвшиеся прежде Станичными, а теперь улицами имени Калинина. На востоке они ограничивались глубоким оврагом, известным под названием «Чертов яр», служившим естественной границей с востока. Главными условиями, определившими выбор данного участка для расположения станицы, являлись: близость его к крепости, равнинность местности, наличие питьевой воды (родники имелись у подножья Крепостной горы), близость к Ташлянской балке с ее огородными землями.

В подтверждение этого мы полагаем нелишним привести слова семидесятипятилетнего казака, строившего крепость, записанные И.В. Бентковским в 1830 году, цитированные нами также в статье «План Ставропольской крепости 1811 года»: «Когда мы пришли в Ставрополь, крепость не была совсем окончена, и мне довелось на ней поработать. Для станицы едва нашли удобное место, тут была поляна, а кругом лес. Первый год косили там, где теперь дом командующего войсками (угол современной ул. Дзержинского и улицы Коминтерна. — *В.Г.*), а хлеб сеяли, где собор старый (собор стоял на современном проспекте имени Сталина против Казачьей улицы, ведущей на площадь нижнего колхозного рынка. — *В.Г.*). Там, где теперь Армянская улица (улица Шаумяна. — *В.Г.*), была тогда просека через лес — по ней ходили мы по воду из крепости к роднику, его теперь нет. Около теперешней Армянской церкви было озеро из родников, текущих из горы. Бывало, из станицы в крепость без ружья не ходили, а из крепости за вал оплошно не показывай носа» (4).

В достоверности приведенного описания вряд ли приходится сомневаться. Указываемые даты также подтверждают соответствие этого описания историческим фактам. Если автору описания в 1830 году было 75 лет, то в год прихода к крепости хоперских казаков (1777) он был еще молодым человеком 22 лет и мог служить в казачьем полку, строившем крепость.

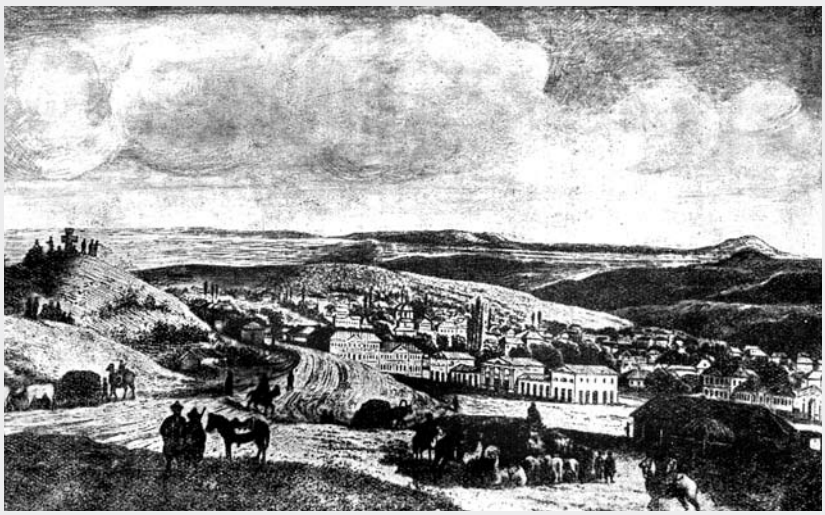
Недавно в Ставропольский краевой музей была передана гражданином г. Ставрополя Г.И. Двойченко интересная фотография со старинной картины, изображающей Ставропольскую станицу в первые годы ее существования. Судя по технике письма, картина была написана акварелью; в нижнем правом углу ее имелась четкая надпись, сделанная, видимо, чернилами: «Ставроп. креп. стан. 1780 год». Автор картины неизвестен, и никакой подписи она не имела. Эта картина является первым из всех известных изображений Ставрополя и, судя по указанной дате, была написана три года спустя после основания крепости. На обороте фотографии имеется надпись «Древний вид Ставропольской станицы — крепости» и № 22, возможно, указывающий инвентарный номер какой-то коллекции. Ничего другого об истории картины и фотографии нам неизвестно.

Картина изображает вид на Ставропольскую станицу и крепость с восточной стороны. На переднем плане располагаются хаты и дворы с фигурой казака, опершегося на забор из жердей. В средней части, слева, стоит деревянная церковь с тремя крестами, построенная в стиле русских шатровых церквей, а правее видны хаты, располагающиеся у подножья горы. На заднем плане возвышается сама гора, увенчанная крепостными стенами. Сличение фотографии с местоположением бывшей станицы показывает полное соответствие рельефа местности и не оставляет сомнений в подлинности изображения. Рисунок был сделан приблизительно от места пересечения Казачьей улицы и современной улицы имени Горького и охватывает тот участок станицы, который занят теперь нижним колхозным рынком. Церковь располагалась на середине современной базарной площади (в дальнейшем на ее месте была часовня), там, где ныне находится водоразборная колонка. Это была первая церковь в Ставрополе (не считая Крепостной). Она просуществовала недолго: казаки, переселившиеся в 1827 году на новые места, прибыли в 1839 году в Ставрополь за оставленной ими «собственностью», сломали и перевезли церковь в станицу Суворовскую. Перед этим у них шла долгая тяжба с горожанами, обе стороны доказывали свои «права» на церковь, представлявшую в условиях безлесного юга большую материальную ценность.

Картина иллюстрирует некоторые черты быта станицы. Хаты, видимо, были турлучные, крытые большими, вероятно, тополевыми досками, заборы сделаны либо из жердей, либо из расколотых бревен, вбитых в землю, либо из бутового камня. Для ворот иногда употреблялись каменные столбы. Среди поселка между домами изображено довольно много высоких деревьев, а справа показана группа пирамидальных тополей. Деревья, вероятно, являлись остатком первоначально бывшей тут древесной растительности. На поверхности горы вокруг крепостных стен деревьев не показано, возможно, если они здесь и росли раньше, то могли быть вырублены для создания большей обозримости местности. Наличие группы тополей вызывает сомнение в соответствии картины указанной дате (1780 г.). Могли ли тополи так вырасти за срок в 3 года, прошедших от основания станицы? Но молодые пирамидальные тополя, думаем, к этому времени уже могли быть в станице, так как в условиях Ставрополя они растут довольно быстро; кроме того, поскольку мы имеем

дело с картиной, а не с фотографией, то можно думать, что художник допустил некоторую вольность в изображении, исходя из художественных задач, и увеличил высоту молодых тополькв. В крайнем случае, можно предположить, что год написания картины относится к несколько более позднему времени, чем это указано, однако эта разница не может быть большой, и нет никакого сомнения в том, что картина изображает Ставропольскую станицу в первые годы ее существования.

План города Ставрополя 1805 года дает представление о географических условиях его окрестностей в начале девятнадцатого века. Как видно из плана, за прошедшие сто пятьдесят лет условия эти изменились мало. Существует мнение, что на площади современного Ставрополя при основании города росли сплошные леса. План 1805 года показывает, что площадь, занятая лесом, была больше, чем теперь, но сплошного массива леса не было. В ближайших окрестностях Ставрополя имелись те же лесные участки: Круглый лес (он ранее назывался Угольным), Городской (бывший Архиерейский), Пригородный



Вид на центральную часть города Ставрополя со склонов Крепостной горы (по фотографии с картины Н. Чернецова, 1829 год)

(бывший Монастырский). Современный Круглый лес имел те же очертания, что и теперь, но простирался дальше на восток, примерно до современной Краснофлотской улицы; ныне его восточный край отодвинут к западу, на один километр. Между Круглым и Городским лесами, так же как и теперь, имелся проход шириною до полукилометра, занятый пахотными землями. Лес тут, вероятно, вообще не произрастал в силу близкого залегания камня. В дальнейшем на этом участке были каменоломни, в настоящее время располагаются огороды жителей. По этому проходу пролегала показанная на плане «Большая столбовая дорога из города Ставрополя в город Черкасск», она тянулась на запад и возле Холодного родника сворачивала к северу, проходя затем вдоль западной опушки Городского леса. У северо-западного конца этого леса она пересекала помеченный на плане 1805 года «Старый вал».[5] Городской лес также сохранил свои очертания. На его юго-западной опушке выделялся безлесный участок, называемый теперь Осетинской поляной, в 1805 году она была распахана. Между Осетинской поляной и отрогами Холодного родника выделялась другая аналогичная безлесная поляна меньшего размера. В дальнейшем на ней также располагались ныне уже заброшенные каменоломни. В настоящее время эта местность покрыта низкорослым корявым кустарником, описание которого сделано В.В. Скрипчинским в книге «Экскурсии по Ставрополью» (12). В восточной части массив Городского леса, распространяясь по Ташлянской балке, сохранял значительную ширину до оврага, проходящего параллельно Кавалерийскому переулку, и занимал правый берег этого оврага (район современной Интернациональной улицы). Восточнее устья этого оврага (район современного Сипягина пруда) лес резко суживался и занимал, согласно плану, неширокую прирусловую часть Ташлянской балки. Показанные на плане места, отведенные под тутовые сады, примыкающие справа и слева к прирусловой части леса, возможно, являлись остатком бывшего леса. Пригородный лес имел несколько большие размеры и доходил до Армянского кладбища, уже обозначенного на плане 1805 года. Между Пригородным и Городским лесом располагалось довольно значительное безлесное пространство, расширяющееся на северо-запад. Теперь оно частично занято Октябрьским районом города. Ближе к городу здесь были выгонные участки, а дальше пахотные земли. За Армянским кладбищем к 1805 году здесь уже имелись небольшие хутора (6 домов), положившие начало Октябрьскому району города. Кладбище и хутора располагались на дороге из Ставропольской станицы в Московскую.

Все остальные участки, охватываемые планом, показаны как безлесные, в том числе склон Ташлянской балки к северу от крепости (современная Подгорная часть города), пространства между Желобовкой, Мутнянкой и Мамайкой в нижней части города и между намечаемой к созданию Солдатской слободкой и балкой Мамайкой в ее верхней части. В этом районе, занимаемом теперь предместьем Форштадт, широкое распространение имели пески, что показано также и на плане — в центре этой площади помечен «пещаной курган».

Отмеченные факты показывают, что в первые годы жизни Ставрополя непосредственно прилегающие к городу участки были преимущественно безлесными. План не дает указаний на характер растительности безлесных мест, все они отмечены одним условным знаком, характеризующим степи. Имеющиеся в литературе указания на истребление населением лесов в районе Ставрополя, вероятно, в большей мере относятся к лесам, не указанным на данном плане, располагавшимся за пределами городской черты (Русская лесная дача — б. Казенный лес).

Почвенный покров в районе Ставрополя представлен разновидностями черноземов, что также в некоторой степени свидетельствует о наличии здесь в прошлом преимущественно степной растительности.

Если на территории Ставрополя прежде произрастали леса, то, видимо, они в массе были уничтожены задолго до прихода сюда русских поселенцев. Распространение лесов, показанное на плане 1805 года, имеет тесную связь с условиями рельефа: леса, как правило (за исключением Круглого леса), располагались по балкам, и часто контуры леса совпадали с бровками склонов балок (например, южная граница Городского леса).

Можно предполагать, что среди лесов, примыкающих к городу, наибольшей вырубке подвергся лес в восточной части Ташлянской балки, от него осталась только прирусловая часть. Этот лес, вероятно, покрывал северные склоны Крепостной горы

и отсюда переходил на ее восточные и южные склоны. Об этом лесе говорится в приведенном выше рассказе семидесятипятилетнего казака.

В краеведческой литературе высказывалось предположение, что древесная растительность парка культуры и отдыха также является остатком произраставшего тут леса. Но на плане 1805 года бывшая Бабина роща показана как искусственно насаженный участок с прямолинейными границами, резко ограниченный со всех сторон степью, простирающейся на большое пространство без каких-либо переходных форм. Видимо, лес, который мог протягиваться узкой полосой вдоль восточного склона Ставропольской горы (от уступа каменной плиты в районе современного проспекта Ворошилова до подножья склона в районе нижнего колхозного рынка), был уничтожен еще до прихода сюда русских. Равнинное пространство, простирающееся восточнее склона, вероятно, вообще было безлесным, и здесь уже при основании крепости земля распахивалась.

Речная и балочная сеть, отраженная на этом плане, соответствует ее современному расположению. Только упоминавшийся ранее левый отвершек балки Желобовки, затруднявший расширение города, в настоящее время полностью застроен и мало заметен в рельефе. Эта балка в первые годы жизни Ставрополя имела значение не только как южная граница города, но и как место добычи глины для строительства хат. Она создавала значительные транспортные неудобства, а кроме этого, была во многих участках заболочена и покрыта густым тростником. Необходимо отметить, что на плане 1805 г. река Ташла именуется рекою Члой; в дальнейшем она носила оба эти наименования.

План Ставрополя 1833 года

Другим документом, позволяющим судить о территориальном развитии Ставрополя в первой половине XIX столетия, является план Ставрополя 1833 года, хранящийся в фондах Ставропольского краевого музея, инвентарный № 14736.

Этот план поступил в краевой музей 15 февраля 1941 года из геобюро. План составлен в масштабе 31 мм = 100 сажен. Он охватывает территорию города Ставрополя в следующих границах: на юге — до реки Мамайки; на севере — часть левобережья Ташлы, примерно до Армянского кладбища: на западе— до Даниловского кладбища; на востоке — до места слияния реки Желобовки с рекою Мутнянкой. План показывает застроенные участки города (черной тушью) и намечаемую планировку кварталов города (красными чернилами). В обширном «изъяснении» под цифрами указываются существовавшие в то время строения, а под литерами латинского алфавита места, отведенные для постройки казенных зданий. Помимо этого, указываются предполагаемые наименования запланированных новых улиц и площадей.

План имеет следующий заголовок: «План города Ставрополя (Ставропольской губернии) с назначением вновь мест для казенных общественных зданий и усадеб для жителей города». Под заголовком слева сделана надпись: «На подлинном плане написано: «Быть по сему Николай I», «Александрия близ Петергофа 11-го августа 1833 года».

«Подлинный подписал: исполняющий должность начальника области председатель, генерал-майор барон Таубе».

Кроме указанной подписи, имеются две другие: внизу слева: «Подлинное подписал гражданский губернатор Нордестан 23-го августа 1847 года» и вверху, в левом углу: «Подлинное утверждено: августа 28 дня 1848 года». «Временно командующий войсками на Кавказской линии и в Черноморье, управляющий гражданской частью в Ставропольской губернии, генерал-лейтенант Завадовский».

Заголовок и приведенные подписи говорят о том, что описываемый план представляет собою одну из копий плана Ставрополя, составленного и утвержденного в 1833 году. Копии с оригинала подписывались и «утверждались» вновь назначаемыми гражданскими губернаторами в 1847 и в 1848 годах. Копии перечерчивались с оригинала, видимо, без внесения каких-либо существенных изменений, о чем говорят следующие факты. План показывает существующей церковь Ставропольской станицы, сломанную и увезенную из Ставрополя в 1839 году, в то же время собор на Крепостной горе, построенный в 1847 году, показан только запроектированным. Исходя из этого, мы считаем, что описываемый план отображает Ставрополь по состоянию на 1833 год, а не на 1847 или 1848 год, и его надо правильно именовать «планом Ставрополя 1833 года». Некоторые факты позволяют предполагать, что данный план был известен прежним исследователям истории Ставрополя, но он принимался ими за план 1848 года, в соответствии с последней датой утверждения.

Сравнение планов 1805 и 1833 годов, а также учет имеющихся исторических сведений указывают на значительный рост города за этот период. Крепости в это время уже не существовало, хотя сохранялись части ее стен с примыкающими к ним с внутренней стороны зданиями. Одним из них являлось длинное (104 м) здание, стоящее ныне во дворе дома № 1 по Советской улице. Это здание впоследствии было использовано как помещение «для приюта благородных девиц», превращенного затем в Александровскую женскую гимназию. До настоящего времени сохранился также участок крепостной стены на современной Пионерской улице (11). Находившаяся внутри крепости гауптвахта оказалась расположенной на площади возле упомянутых выше остатков крепостной стены, там, где теперь сооружается здание кинотеатра. Эта гауптвахта существовала сравнительно долго. Из нее 18 января 1870 года совершил побег революционер Г. Лопатин (18).

Гауптвахта располагалась вблизи женского училища, в связи с чем дирекция училища, находя неудобным такое соседство, возбудила ходатайство о переносе гауптвахты в другое место. К востоку от нее были построены здания интендантства, называвшегося тогда Комиссариатским депо. Большая часть этих зданий сохранилась до сих пор. В центре двора бывшего интендантства, имеющего форму пятиугольника, сохранился до сего времени и тополь на месте бывшей крепостной церкви. По соседству с интендантством на Крепостной горе было здание полиции, самая же восточная часть площади отводилась под сооружение Кафедрального собора, построенного в 1847 году.

Ставрополь, утратив чисто военные функции, все в большей степени превращался в военно-организа-

ционный и торговый центр. Наибольшее значение в этом отношении имело превращение его в 1822 году в административный центр Кавказской области.

Росту торговли, помимо других причин, способствовало переселение сюда в 1808—1809 годах 50 армянских семейств, ведших крупную торговлю скотом, отправляемым отсюда в гор. Черкасск. Расширение административных и торговых функций вызывало необходимость преобразования центральной части города. Она расширялась на юг, за пределы балки Желобовки и частично к западу. Северный и южный отвершки Желобовки в 1833 году были уже застроены. В месте их слияния, на бывшей Кузнечной улице, был построен существующий до сего времени мост, носивший в дальнейшем наименование Архиерейского.

К югу от Бабиной рощи возникла Солдатская слободка из двух улиц, вытянутых с востока на запад — 1-й Слободской, или иначе Кладбищенской (она начиналась от кладбища), — теперь это Комсомольская улица, и 2-й Слободской, иначе Солдатской (теперь это отрезок улицы Ленина, расположенный за Комсомольской улицей). Солдатская улица являлась в это время южной границей города. Между нею и расширившимся поселком в верхней части балки Мутнянки (бывшие «хутора и заводы городские») оставался участок выгона. Восточнее кладбища располагался еще незастроенный выгонный участок, охватывавший все пространство от русла Желобовки до Мутнянки. Сохранился также отдельный поселок по Мамайке. Близ верховий Мутнянки, на ее правом берегу «был построен обширный винный подвал». На западе границей города до 30-х годов XIX столетия являлась окраина Бабиной рощи (по направлению современного проспекта Ворошилова). Примыкающий к ней участок степи до современной площади Ленина был занят Татарским базаром, и «сюда, по понедельникам, съезжались ногайцы и другие горцы из-за Кубани с лесом и мелочными статьями домашнего хозяйства; здесь шла у них, выражаясь словами граждан, деятельная **сатовка,** или торговля, но татары, сбыв свои произведения в городе, очень редко отправлялись с полною выручкой в аулы, а по большей части оставляли ее снова в Ставрополе, потому что нуждались для домашнего своего быта во многих необходимых предметах. По сбыте товара они тотчас же отправлялись в русские или армянские лавки и закупали там железные и стальные вещи, бумажные и другие изделия. Несмотря на то, что ставропольские купцы с подобными товарами разъезжали по аулам, ногайцы и вообще горцы *предпочитали* (курсив наш. — *В.Г.*) нужные для них предметы покупать в самом городе. Такое **«предпочтение»** вполне понятно, так как купцы, при доставке товаров в аулы, брали с горцев втридорога. «Эти небольшие, по-видимому, обороты (пишет тот же автор) также много содействовали к обогащению жителей и вместе с тем к расширению торговли» (24, стр. 479).

Приведенная выдержка достаточно ярко характеризует роль города Ставрополя в подчинении хозяйства горцев русскому торговому капиталу.

Но ставропольские купцы богатели не только за счет эксплуатации горского, но также и русского населения, причем в способах увеличения своих капиталов они не стеснялись, широко используя постигавшие население стихийные бедствия и, в частности, эпидемию холеры 1830 г., причинившей Ставрополю «довольно чувствительный удар относительно народонаселения», а также и колоссальный неурожай 1833 года, который «еще более обессилил материальные средства многих жителей». Купцам же «этот неурожайный год дал средства удвоить, утроить и даже учетверить свои капиталы; мы лично спрашивали несколько раз у теперешних первостатейных купцов-старожилов, — говорит автор статьи о Ставрополе в Кавказском календаре, — что именно помогло им более к обогащению, и большая часть из них отзывалась, что капиталы нажиты ими от торговли в 1833 году хлебом, который они постоянно имели у себя в запасе весьма в значительном количестве, потому что хлеб, как мы видели и прежде, постоянно заготовлялся ими для заграничной торговли» (24, стр. 482).

К 1833 году участок Татарского рынка был отодвинут далее на запад, в район современного верхнего рынка. На участке, занимаемом прежде базаром, были разбиты два небольших квартала, где были построены (в период 1827—1833 гг.) дом командующего и дом штаба войск Кавказской линии и Черноморья. Здесь же располагался обширный сад и пруд. Большая часть этого места занята теперь стадионом «Динамо». Этот сад был единственным местом общественных гуляний. В праздничные дни в нем играла полковая музыка, на площади, перед домом командующего, пускались фейерверки.

Таким образом, с 30-х годов XIX столетия линия современной улицы Коминтерна, после постройки на ней дома командующего, стала западной границей города, далее на запад простиралась ровная обширная степь. У северного края этого пространства, вдоль бровки склона балки Ташлы, располагался упоминавшийся выше поселок Воробьевка. Намечаемая по плану 1805 года застройка поселка, судя по плану 1833 г., еще не осуществилась. Быстрое заселение Воробьевки началось с 1836 г.; в описании, относящемся к данному времени, говорится: «Эта часть города, расположенная на возвышенной равнине и признанная в климатическом отношении самой здоровою, состояла из одной улицы, которая простиралась в длину более как на целую версту (24). Воробьевка, будучи отделена от города обширным пустырем, выглядела как самостоятельный поселок и служила в то время до некоторой степени дачным или даже курортным участком, что также отмечено следующими словами: «Остальные незначительные постройки (Воробьевки. — *В.Г.*) также приносили жителям значительный доход, будучи отдаваемы медикам и другим лицам в наем, искавшим во время лета успокоения от городского шума и от жары, которая для приезжих из внутренних губерний на первый раз казалась невыносимой» (24).

К этому периоду жизни Ставрополя относится пребывание в нем М.Ю. Лермонтова; по преданию, он проживал в районе Воробьевки, в силу чего эта улица в дальнейшем именовалась Лермонтовской.

На востоке постройки города доходили до современной площади Орджоникидзе. Город занимал также территорию бывшей станицы, причем этот район долго сохранял наименование станицы. Он разрастался в северном направлении в пределы балки Ташлы.

К 1833 г. между бывшей крепостью и руслом Ташлы создалось предместье Подгорное. Современники так характеризовали этот район: «Подгорная слободка, усеянная по крутому горному скату небольшими домиками, в которых, как видно,

не принимала участия архитектура и представляла (предоставляла. — *В.Г.*) право каждому поселенцу производить постройку дома по его собственному плану. В этой части города улицы кривы, темны, грязны и местами так узки, что двое гуляющих не могут пройти рядом. Некоторые из жителей справедливо говорят, что Подгорная слободка — лабиринт города Ставрополя» (24).

В северной части города, вдоль русла Ташлы и на склоне ее левого берега из бывших казачьих хуторов создалось предместье, по наименованию Ташла. Современники характеризовали Ташлу и Мамайский поселок, имеющие большие сады, как самые богатые предместья Ставрополя, противопоставляя их самому бедному району — Солдатской слободке.

Предполагаемая планировка города, показанная на плане 1833 года, намечала застройку всего пространства от левобережья Ташлы до Мамайки и от района современной Краснофлотской улицы (б. Мойка) примерно до современного вокзала.[6]

На этом участке предполагалось создать 18 продольных и 14 поперечных улиц, пересекающихся под прямыми углами. При этом в ряде мест намечалось исправление «погрешностей» города, вкравшихся при построении домов и занимаемых ныне усадьб, т.е. спрямление некоторых улиц. Площадь, отводимая под новые кварталы, примерно в 3 раза превосходила застроенную часть; будущая же численность населения города намечалась при этом в 20000 человек.

В дальнейшем развитии города намеченный план застройки в той или иной мере, хотя и не полностью, был выполнен. Современная же площадь города значительно превосходит размеры, намечаемые планом 1833 года.

В «Изъяснении» плана указывалось, что «вода в речках, близ Ставрополя протекающих, солоноватая, потому приположено провести оную от вершины речки Члы». План показывал направление этого предполагаемого первого водопровода. Он должен был начаться от источника, называемого Мойка, и давать воду в бассейн на территории современной площади Воровского.

План проектировал также создание нового кладбища в западной части города, известного теперь под именем Даниловского. На плане показывается место, отведенное для «плитной ломки», т.е. вырубки камня, в верховьях источника Карабина. Эти первые в Ставрополе каменоломни теперь застроены домами жителей.

На плане показываются существующими, помимо усадеб жителей, следующие строения: три церкви (Троицкий собор, станичная и армянская), городская дума, бывшее уездное училище, приходское училище, полиция, областная почтовая контора, гостиный ряд, мясной ряд. Кроме этого, показаны «казенные строения»: дом областного начальника, дежурного штаб-офицера, тюремный бывший замок, областной архив, гауптвахта, винный подвал, госпиталь «с принадлежащим к нему строением».[7]

В новой планировке города был отведен участок для «присутственных мест», в том числе для домов гражданского губернатора и вице-губернатора, думы, магистрата, сиротского суда, полиции, гауптвахты, дома для приезжающего генералитета, для дворянского собрания, почтовой конторы, почтовой станции, места для харчевой продажи. Все эти «учреждения», в том числе и «место харчевой продажи», предполагалось разместить в одном квартале на участке, ограниченном теперь улицами Пушкина, Коминтерна, Ленина и Молотова, представлявшего в то время пустырь. Однако проект создания этого бюрократического комбината осуществлен не был.

Планом также отводились места для духовного училища, для четырех новых приходских церквей, костела и одного собора (на Крепостной горе), место для гимназии, казенной палаты, штаба и для «непредвиденных казенных зданий».

На плане показаны дороги, ведущие из города в станицу Сенгилеевскую и город Новочеркасск. Заметим также, что главную улицу, согласно «изъяснению» плана, предположено было называть уже не Черкасской, а Новочеркасской.

Первоначально в Ставрополе строились только небольшие деревянные дома. Один современник указывал, что не все из этих «незавидных домов» имели у себя даже деревянные крыши, большая часть домов была покрыта камышом и соломой.

Торговля на Ярмарочной площади (в настоящее время площадь им. В.И. Ленина). Фото начала XX века

Развитие торговли способствовало росту города. Первые наиболее крупные дома в Ставрополе принадлежали купцам, ими же был построен ряд гостиных дворов. На строительстве стал использоваться местный известняк-ракушечник. Для его разработки из города Черкасска купцом Волковым были выписаны каменщики, «коими найдено, что из ставропольского ломового камня можно производить строения» (7).

Первые каменные дома сооружались вокруг Крепостной горы, на прилегающих к ней участках Черкасской и Армянской улиц. Первым каменным зданием, построенным еще в 1799 году, был двухэтажный дом, расположенный на углу современных проспекта имени Сталина (№ 57) и Пионерского переулка. Он принадлежал ратману городского магистрата, упомянутому купцу Волкову.[8] Расположенное рядом с ним здание 2-й поликлиники (угол Пионерского переулка и улицы Шаумяна) также является одним из самых старых зданий города. В 1828 году на средства, собранные по подписке купцов, был построен первый в Ставрополе гостиный двор. Западный двух-

этажный корпус этого здания сохранился до сих пор и занят теперь швейной фабрикой.

Гостиный двор имел довольно красивый внешний вид и служил украшением центральной части города. Он состоял из трех двухэтажных корпусов, называемых «складочными магазинами». Центральный корпус был украшен колоннами, он соединялся с западным и восточным корпусами рядами одноэтажных лавок. На этом доме долгое время сохранялась своеобразная мемориальная доска со следующей надписью: «Сей гостиный ряд выстроен попечением областного начальника, генерала от кавалерии Еммануэля, иждивением ставропольских купцов». В дальнейшем, в сороковых годах, центральный корпус этого здания был использован для помещения в нем гостинорядской, или иначе Спасской церкви. В это же время, при Эммануэле (1826—1831 г.), начал строиться дом «командующего на Кавказской линии и в Черномории» (точная дата окончания строительства этого дома нам неизвестна). Этот дом посещали все приезжавшие на Кавказ военные и должностные лица, в том числе М.Ю. Лермонтов, ссыльные декабристы и другие. Описание этого дома приведено в историческом романе Голубова «Солдатская слава». Дом был построен в стиле ампир, но его первоначальная архитектура до настоящего времени почти не сохранилась. В 1834 году возле дома командующего, с восточной стороны, было построено небольшое здание для штаба войск Кавказской линии. По линии западного фронтона дома командующего (на современной улице Коминтерна, у ворот стадиона «Динамо»), располагался небольшой дом дежурного штаб-офицера.

В 1834—35 годах к северу от гостиного ряда, у самого подножья Крепостной горы, были построены еще четыре небольшие каменные корпуса для лавок. Они сейчас заняты под квартиры жителей. Эти дома позже подверглись значительной перестройке, но все же и теперь их стены сохраняют черты старинной архитектуры.

Облик города Ставрополя в 30-х годах иллюстрирует впервые публикуемая фотография с картины Н. Чернецова, написанной в 1829 году (см. на стр. 468 настоящего издания. — *Сост.*).

Данная фотография была доставлена в 1948 году в Ставропольский краевой музей К.И. Туманской из Пятигорского курортного музея. Об авторе картины и времени ее написания не имелось никаких сведений, кроме подписи на обороте: «Ставрополь. Худ. Гагарин».

До последнего времени в Ставрополе данная картина не была известна, и многими даже высказывалось сомнение в принадлежности этого изображения нашему городу. Но анализ фотографии показал соответствие ландшафта, изображаемого картиной, окрестностям Ставрополя и тождество изображенных зданий с сохранившимися старыми домами.

В результате было установлено, что картина изображает вид на центральную часть Ставрополя с Крепостной горы, от места современной электростанции.

На лицевой стороне фотографии была заметна срезанная наполовину рамкой неясная подпись художника и цифра «88». Эта подпись первоначально, видимо, и была ошибочно принята за подпись художника Гагарина, на самом же деле на фотографии написано не «Гагарин», а «Голубев». Вызывала сомнение цифра «88», на основе чего высказывалось мнение, что картина была написана в 1888 году. Однако, сопоставляя даты постройки изображенных зданий с датами постройки зданий, возникших в более позднее время, нам удалось установить, что картина была написана в период с 1828 по 1834 год, а в 1888 г. с нее, видимо, была снята копия художником Голубевым. Первоначальный же автор картины оставался еще неизвестным.

В 1950 году Ставропольский краевой музей получил фотокопию с аналогичной фотографии, хранящейся в пятигорском музее «Домик Лермонтова», причем на ней внизу имеется надпись «Ставрополь 1829. Н. Чернецов». Эта надпись окончательно подтвердила наши предположения о времени написания картины и указала имя ее первоначального автора. В музее «Домик Лермонтова» экспонирована акварельная копия художницы З. Ваниной с другой картины Н. Чернецова, написанной также в 1829 году и изображающей тот же вид города Ставрополя, но с иными бытовыми сценами.

Как первая, так и вторая картины Н. Чернецова на переднем плане изображают южный склон Крепостной горы к Черкасской улице, к тому месту, где теперь разбит цветник и установлен 1 мая 1951 года монумент И.В. Сталина. Склон горы показан имеющим значительные неровности; виден изгиб дороги, поднимающейся на гору, по которой едет воз сена, запряженный двумя парами волов, следует пешеход и всадник на верблюде. Восточная часть склона изображает бугор с каменным крестом на его вершине, фигуры людей вокруг креста, на склонах бугра и у его подножья. Изображение этого бугра несколько искажает истинный рельеф местности. Видимо, это искажение, повторяющееся на обеих картинах, допущено художником сознательно, для придания им большей живописности, а также в силу стремления художника поместить на картине крест, стоявший на Крепостной горе.

Фактически же каменный крест, установленный на Крепостной горе купцом Н. Плотниковым в 1817 году в память избавления Ставрополя от эпидемии чумы, от места написания картины художнику не мог быть виден.[9]

В нижней части склона Крепостной горы, видимо, изображается базар; здесь показаны фигуры всадников на лошадях, в бурках и с ружьями, всадники на верблюдах, группы верблюдов и лошадей вокруг возов сена и т.д.

С правой стороны нарисовано большое деревянное здание типа складских помещений, охраняемое вооруженным часовым.

Передний план занят первым гостиным двором, построенным в 1828 году и описанным нами выше. Армянские лавки, построенные в 1834 году между гостиным двором и Крепостной горой, на картине отсутствуют. Восточнее, перпендикулярно к гостиному двору, по линии современного Пионерского переулка видно высокое трехэтажное здание, занятое теперь 2-й поликлиникой. Нижний полуподвальный этаж его в настоящее время почти закрыт сооруженной тут площадкой со ступеньками. Рядом располагается двухэтажный дом, описанный нами как первый каменный дом в Ставрополе. За гостиным двором виднеется часть Черкасской улицы; на ней выделяются небольшой двухэтажный дом в пять окон на углу современного проспекта им. Сталина и улицы Розы Люксембург; рядом длинный одноэтажный дом и красивые каменные ворота, расположенные по соседству. В нижней части Чер-

касской улицы виднеется бывший Троицкий собор, построенный в 1817 году. Эта была первая каменная церковь Ставрополя. За линией Черкасской улицы виднеются крыши домов других улиц, доходящих до балки Желобовки.

На заднем плане видны балка Желобовка, водораздел Желобовки с Мутнянкой и обширная платообразная равнина, над которой на горизонте поднимается длинная гряда Бешпагирских высот, отдельно стоящий останец, называемый ныне горой Жирной, и гора Острая.

В пределах города среди домов изображены силуэты пирамидальных тополей и других деревьев.

В 1820 году через Ставрополь проезжала вместе с молодым А.С. Пушкиным, сосланным на юг, семья генерала Н.Н. Раевского. В Ставрополе они имели кратковременную остановку. Город произвел на них хорошее впечатление. «Ставрополь, — писал отсюда Раевский своей дочери, — уездный город, на высоком и приятном месте и лучшем для здоровья жителей всей Кавказской губернии. В нем нашел я каменные казенные и купеческие дома, сады плодовитые и немалое число обывателей, словом, преобразованный край, в который едущего ничего кроме отдаленности страшить не должно».[10]

Эти слова, видимо, в первую очередь относятся к упомянутым ранее домам на современном Пионерском переулке, так как гостиный двор построен еще не был. Столь благоприятная характеристика Ставрополя Раевским частично связана с тем, что он наблюдал его только проездом. Лица же, знавшие город подробнее, давали иные отзывы. Так, например, один из современников, описывая город в 1822 году, говорил: «В Ставрополе вместе со станицей считалось едва ли около 5000 жителей, у которых, кроме двух церквей (станичной и Троицкого собора. — *В.Г.*) и трех или четырех каменных домов, не было ничего более порядочного» (24, стр. 477).

Перенесение в Ставрополь центра Кавказской области в 1822 году ускорило рост города, но тем не менее внешний вид его все еще оставался малопривлекательным. И.В. Бентковский, разжалованный в солдаты и сосланный на Кавказ в 1830 году, после польского восстания, так описывает Ставрополь того времени: «Ставрополь — тогда уже областной город и центр военного начальства, был более похож на деревню. В феврале 1832 года мы нашли в нем не более 25 каменных, крытых железом домов, остальные же были крыты тесом, а больше всего камышом или соломой. В городе не было ни одной гостиницы, несмотря на то, что в ней была крайняя необходимость для офицеров и чиновников, приезжающих по делам службы. Правда, им отводились квартиры, нередко по нужде вместе с хозяевами, но для удовлетворения жизненных потребностей был только один грязный, крытый лубками трактир...»[11]

Ставрополь отличался также бездорожьем. Современники отмечали, что в дождливое время года и в начале весны по улицам города «совершенно было невозможно ни пройти, ни проехать» даже к правительственным заведениям — «присутственным местам», разбросанным по всему городу. Первая мостовая в городе была сооружена только в 1837 году, и то толчком к этому послужило не стремление городской власти к созданию удобств для жителей, а предполагаемый приезд царя. Первая мостовая прошла по главной улице на расстоянии от Тифлисской заставы до дома командующего.

Ставрополь в это время вообще отличался неблагоустроенностью, о чем говорят и такие факты: на проекте планировки города 1833 года, подписанном многими генерал-губернаторами, среди различных запроектированных наименований улиц значатся: «Глухой переулок» (теперь ул. Коста Хетагурова), «Грязная улица» (ныне ул. им. Розы Люксембург) и т.д.

План 1833 года также дает некоторые материалы для суждения о культурном облике и условиях общественной жизни Ставрополя в тот период. Так, например, школ в городе было только две, церквей же три. При проектировании соотношение школ и церквей сохранялось в пользу последних. Так, по плану 1833 года предполагалось сооружение двух новых учебных заведений и пяти новых церквей.

Количество школ значительно уступало числу различных учреждений, обеспечивающих обуздание «непокорных». На месте бывшей крепости располагалось здание полиции (теперь пожарное депо), на месте современной женской школы № 1 помещался «тюремный замок», часть бывшей «Бабиной рощи», примыкающая к замку, была отведена под огороды, обрабатываемые заключенными. Имелись упоминавшаяся выше гауптвахта, «арестантские роты» и место для «аманатов», т.е. заложников из числа горцев. В дальнейшем к этим учреждениям, согласно плану Ставрополя 1854 г., добавились еще «каземат для арестантской роты гражданского ведомства», «исправительное арестантское отделение» и т.д.

Интересно отметить, что в Ставрополе в 1858 году, при общей численности населения в 17623 человека, только в одном тюремном замке и его отделении содержалось 1573 заключенных, что составляло почти 9% к общей численности населения города. Такой громадный процент заключенных частично объясняется тем, что ставропольская тюрьма «обслуживала» не только город, но и другие населенные пункты губернии, но из указанного количества заключенных 978 человек приходилось на пересыльных. Замечательна группировка заключенных по составу «преступлений». Имеющиеся в этом отношении цифры касаются только их постоянного состава. Из общего количества в 595 человек — 301 человек, т.е. половина, была посажена в тюрьму за такие «преступления», как «неповиновение начальству и владельцам» (помещикам), «побег от владельцев и бродяжничество».

Кроме всякого рода учреждений, поддерживавших власть буржуазно-помещичьего государства, в Ставрополе в эти годы быстро возрастало число предприятий и мест, где подвизались купцы: гостиные дворы, мясные ряды, «соляные магазейны», «провиантские бунты», винные подвалы и так называемые «жирные ряды» (часть сохранившихся зданий «жирных рядов» старинной постройки можно сейчас видеть в районе верхнего колхозного рынка). Развитие торговли получало также отражение в наименованиях улиц и площадей: Базарная площадь, Ярмарочная, Сенная площадь и т.д.

Несмотря на большие доходы, большая часть купцов не проявляла инициативы к благоустройству города и даже к созданию собственных удобств, «капиталы оставались лежать мертвыми». Это об-

стоятельство также частично было связано с тем, что Ставрополь являлся транзитным военным пунктом, и большим бременем для многих жителей являлись военные постои. Особое недовольство ими выражали купцы, заявлявшие, когда им говорили о необходимости нового строительства, что «они постоянно думали и думают об украшении своего города, но самое главное затруднение, останавливающее их предприятие, состоит в том, что они, убив свои капиталы, не предвидят после того никаких для себя материальных выгод, а только один убыток, и невольно будут терпеть недостатки, ибо, соорудив какое-либо капитальное здание, они обязывались половину его покоев отдать под постой». В дальнейшем они постарались переложить с себя тяготы постоев на плечи малоимущих групп населения, добившись в 1837 году «дарования» для себя «льготы», освобождавшей вновь построенные большие каменные дома от постоя и других повинностей на десять лет.

Более интенсивное строительство Ставрополя началось со второй трети XIX столетия, чему способствовало быстрое увеличение населения города.

По данным на 1851 год, в Ставрополе числилось 14368 человек. В это время он был первым по величине городом Северного Кавказа. Следующие за ним по размерам города имели: Моздок 10970 и Кизляр 9305 жителей. Город Екатеринодар (Краснодар) имел только 7872 жителя. Больше того, Ставрополь в то время являлся одним из крупнейших городов всего Кавказа и занимал после Тифлиса (47304 жит.), Шемахи (19733 жит.) и Шуши (15194 жит.) четвертое место.

Интересно соотношение мужского и женского населения Ставрополя в то время. В 1853 г. в Ставрополе уже числилось 17627 жителей, в том числе 11183 мужского пола и 6444 женского. Столь значительное несоответствие численности мужчин и женщин было вообще характерно для вновь заселяемых участков и, кроме того, оно было связано с тем, что Ставрополь был военным центром Северного Кавказа. О военных функциях города хорошо говорят данные о социальном составе его населения. Так, в 1853 г. в Ставрополе проживало:

Духовенства и членов их семей	189 чел.
Военнослужащих (офицеров и солдат, служащих и находящихся в отставке) и членов их семейств	7290 чел.
Гражданских служащих и членов их семейств	1065 чел.
Купцов и членов их семейств	1023 чел.
Мещан и членов их семейств	5057 чел.
Крепостных крестьян	950 чел.
Казенных крестьян	826 чел.
Воспитанников учебных заведений	840 чел.
Прочих	308 чел.

Эти данные показывают, что военнослужащие и их семьи составляли главную часть населения города.

Росту Ставрополя также способствовало преобразование его в 1847 году из областного в губернский город. За период с 1838 по 1855 год в Ставрополе было построено около 250 каменных зданий.

Характерной чертой этого периода в развитии Ставрополя является освоение верхней части города — строительство зданий по б. Комиссариатской (ныне Советской) улице, застройка Воробьевки и расширение ее далее на юг и юго-запад. В нижней части города также возводились большие каменные здания.

Интересно отметить, что при застройке верхней части города строительство обходило район современной площади Ленина, в силу чего в центре города создавался большой пустырь, делящий город на две части: «Старый» и «Новый» город. В создании такой большой площади у города не было никакой потребности, и, видимо, оно объяснялось близким к поверхности залеганием в этом месте каменной плиты, затруднявшей строительство.[12] Вероятно, этими же условиями вызвано возникновение и других площадей, унаследованных городом от прошлого (площадь Воровского, площадь Ашихина).

Наличие пустынного поля посреди города невольно обращало на себя внимание лиц, впервые приезжавших в Ставрополь. Так, один из современников, посетивший Ставрополь в пятидесятых годах, писал: «Наружный вид Ставрополя мало соответствовал важности политического значения, которое город должен был иметь в глазах люда, обращавшего к нему свои взоры и упования. Поднявшись на гору с северной стороны (по б. Флоринской, ныне Кавалерийской улице. — *В.Г.*), приезжий прежде всего усматривал необыкновенно просторное поле, на котором две линии низеньких деревянных домов, образуя входящий прямой угол, обозначали два фаса проектированной площади; с двух остальных сторон поле ограничивалось кладбищем (Даниловское кладбище. — *В.Г.*) да оврагом. Эта возникающая площадь занимала самый высокий пункт горы. Посреди ряда построек, очерчивающих восточный фас, открывалась главная улица, фланкированная по углам каменными домами, справа — длинным одноэтажным строением, в котором жил командующий войсками, слева — горделиво глядевшими на своего приземистого соседа двухэтажными хоромами советника казенной палаты З. Начальник штаба, губернатор и комендант обитали в домах, составляющих украшение главной улицы, наряду с театром, с гостиным двором и со знаменитою гостиницей Найтаки. За исключением названных, все прочие дома деревянные, турлучные или из сырцового кирпича принадлежали к числу известных в провинции домов «без архитектуры», т.е. в один этаж, пять окон во фронте, дверь сбоку под крошечным навесом, все это без тени украшения».[13]

Наиболее быстро шли постройки в период 1840—42 гг. В это время были созданы так называемые «присутственные места» — т.е. государственные учреждения, занимавшие ряд красивых каменных домов, занимающих почти всю современную Советскую улицу. В 1842 году было построено красивое трехкорпусное здание бывшего Военного госпиталя (на нынешней улице Ленина); в 1843 году — здание тюремного замка. К юго-западу от дома командующего, на «пустыре» были построены также воинские казармы, где прежде воинские части располагались лагерем.

В 1847 году было построено одно из красивейших зданий Ставрополя — «городские присутственные места», занимаемое теперь Крайисполкомом. При закладке этого здания 29 мая 1847 года в основание фундамента была положена медная доска с выгравированной на ней надписью, указывающей, что здание «для помещения Градской Думы, городового магистрата и других городских управлений»

создано за счет городских доходов и средств купца Ивана Григорьевича Ганиловского «по проекту архитектора Славянского» (24).

В этом же районе, на углу современных улиц Розы Люксембург и проспекта Сталина купцом Плотниковым был построен трехэтажный дом, сданный им внаем для 1-й гимназии.

Старая базарная площадь, располагавшаяся у подножья Крепостной горы, после постройки здесь городской Думы приобрела значение административной площади, базар отсюда был перенесен в верхнюю часть города, где, в пределах современного колхозного рынка, были построены новые лавки, уже упомянутые нами выше «жирные ряды».

На месте старого базара вскоре был устроен бассейн с фонтаном, а от него каменная лестница на вершину Крепостной горы к построенному на ней Кафедральному собору.

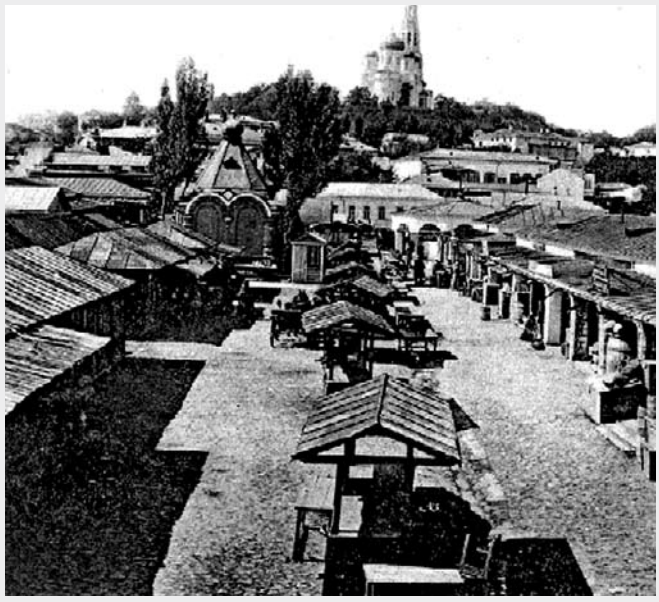
В 1842 г. в Ставрополе была учреждена «Епархия», в силу чего город приобрел еще одну функцию — управления делами православной церкви почти на всем Северном Кавказе. Это вызывало значительный приток средств и стимулировало сооружение в Ставрополе большого количества церквей. Число их к 1855 г. достигало 15. Кроме того, были построены духовная семинария (ныне здание пединститута), духовное училище (теперь здание школы № 4 на улице Геннадия Голенева) и т.д. На бывшей Кузнечной улице было создано архиерейское подворье. Затем сооружено второе подворье с церковью и мужским монастырем в верхней части города (здание КрайОНО). В распоряжение архиерейского управления был передан крупный массив леса — современный Городской лес.

В связи с ростом города обращалось внимание на его благоустройство и внешний вид. Так, в 1839 году стал засаживаться бульвар. До этого времени, по словам современников, «пространство в верхней части Черкасской улицы, от театра до Градской думы, находилось в запустении, зарастало бурьяном и наводило собою грустное впечатление на гуляющих». Сперва была создана верхняя часть бульвара, до «Градской думы», а затем он был продолжен до Тифлисской заставы. Посадка бульвара была закончена в 1849 году, и он стал одним из лучших украшений города. В начале бульвара у Тифлисской заставы в 1850 году была сооружена каменная триумфальная арка, получившая название «Тифлисских ворот».

По поводу этих ворот цитированный нами автор (24) писал: «Спустившись под гору, улица упиралась в высокие каменные ворота, не то крепостные, не то триумфальные, красовавшиеся на чистом поле и потому ничего не запиравшие...»

В описываемые годы стали зарождаться некоторые коммунальные предприятия, в частности, было положено начало городскому водопроводу. До этого времени жители пользовались водой из колодцев или речек Ташлы, Мамайки, Мутнянки. В центральную же часть города вода подвозилась из источника Карабин, расположенного в трех верстах от центра главного населения.[14] В силу этого, по словам современников, «в Ставрополе образовался особый класс промышленных людей, известный под именем водовозов. Они снабжают город водой, и некоторые из них имеют значительные от того выгоды» (24). С 1840 года «водовозы эти упали очень много», говорит тот же автор, так как был создан первый водопровод и бассейн. Водопроводы были тогда частным предприятием. Первый из них был построен гражданином Тамамшевым, он забирал воду из родника Аульчика, в верховьях речки Мутнянки, и проводил ее затем к старой базарной площади города, где был построен бассейн. Водопровод давал 12 тысяч ведер воды в сутки. Предприятие Тамамшева привело к тому, что доходы водовозов, которых он заменил, направились в кассу Тамамшева и, надо полагать, он имел более значительные выгоды, чем водовозы.

Второй водопровод был построен в 1850 г. Он служил продолжением первого водопровода и давал воду на Ярмарочную площадь (площадь Орджоникидзе), где также был сооружен бассейн. Такой выбор направления водопровода был связан с тем, что на ярмарки в то время собиралось до 20000 человек и пригонялось очень много скота. В 1850 году в Ставрополе были также приняты меры к устройству тротуаров, водосточных канав, и, кроме того, было впервые введено усовершенствованное освещение трех улиц города газом «спирто-скипидарной жидкости». Устроенное освещение было удачным, так что наместник Кавказа князь Воронцов дал распоряжение переслать двенадцать фонарей в Тифлис в качестве образца для ведения подобного освещения в Тифлисе: видимо, подобное освещение улиц являлось на Кавказе новинкой.



«Старая базарная площадь» у подножья Крепостной горы. Фото начала XX века (в настоящее время — Нижний рынок)

В отношении народного образования в Ставрополе дело обстояло далеко не благополучно. Первая начальная двухклассная школа была открыта только в 1804 году, на 27 году жизни города, и то это была «партикулярная» школа, т.е. содержащаяся на общественный счет, главным образом за счет пожертвований. Первым учителем в ней был отставной вахтер Свирид Извощиков, а в 1805 году — Стефан Поляков. Положение учителей было незавидным, об этом говорит «приговор купцов и мещан», вынесенный 24 января 1805 года. В нем было записано: «что как при здешнем магистрате есть школа и учитель, но не отколь жалованья не получает, поэтому приговорили давать ему по 50 рублей в год из полагаемых на общественные нужды, причем дозволяется ему брать за обучающих азбуку с букварем 1 рубль, часослов 2 рубля, псалтырь 3 рубля, но сие оставить на воле

родителей» (8). В 1805 году учитель Поляков получил только 10 рублей жалованья, что, как было объяснено тогда, «может быть произошло от недостатка городских доходов», которых в том году было 1527 р. 70 к., в остаток к следующему — 4 р. 93 к.». «Решения» купцов говорят также и о характере изучаемых «наук», заключавшихся в псалтыре и часослове.

В 1811 году в Ставрополе было открыто первое в Кавказской губернии уездное училище, в 30-х годах оно было преобразовано в высшее уездное училище, т.е. стало четырехклассным.

Бывшее «партикулярное» училище в 1816 году переведено в разряд приходских училищ, т.е. было принято на содержание казной и тоже стало подчиняться учебному ведомству.

Оба училища первоначально входили в Казанский учебный округ. Учебники они получали из Петербурга, через Казань, на что затрачивался целый год. В силу этого в первый год жизни уездное училище книг не имело.

Еще хуже обстояло дело с помещением для школ. Уездное училище помещалось на Крепостной горе в

Здание духовного училища. Открыто в 40-х годах XIX века (в настоящее время лицей № 4)

плохом деревянном доме, в котором «в зимнее время никак не можно было жить и преподавать», тем не менее даже это помещение местное дворянство и купеческое сословие пытались использовать в вечерние часы и воскресные дни для клуба — «под клоб», как говорилось в их ходатайствах.

Для приходского училища в 1820 году общество построило специальный двухэтажный каменный дом. Но в 1821 году командир 22-й пехотной дивизии генерал-майор Сталь 2-й словесно приказал занять дом под больных солдат, так как «городское начальство, **почитая невозможным для помещения больных рекрут отвести дома первейших граждан** (выделено нами. — *В.Г.*), кои только к тому удобны, признавало за лучше назначить для временного помещения больных рекрут каменный дом, в коем помещалось приходское училище» (16), и занятия были прекращены на полгода.

В дальнейшем в нижнем этаже школы была помещена пожарная команда и «вследствие накопившегося в нижнем этаже конского навоза стала проникать в верхний этаж чрез окна и чрез полы страшная вонь», что создало невыносимые условия для школьников.

В 30-х годах в нижнем этаже приходского училища вместо лошадей уже помещались арестанты, содержащиеся при полиции. Школа находилась в районе нижнего базара, и сюда преимущественно сажали пьяных, криками и вообще бесчинством «возмущающих весьма часто учительный порядок». Учителям приходилось бороться за освобождение школы от такого соседства, но они получали ответ, что «областное правление считает лишним выводить арестантов из означенного училища, так как, по уведомлению полицейского управления, в здании имеется двойной потолок, через который «**отголоски**» арестантов не могут проникать в учебные помещения».

В 1837 году в Ставрополе была открыта первая на Кавказе мужская гимназия. Первоначально она имела только 30 человек учеников и четыре класса. Фактически в гимназию было превращено бывшее уездное училище (приходское же училище стало ее приготовительным классом). Гимназия сперва помещалась в частных домах, в последнее время в трехэтажном здании, арендованном у купца Плотникова, расположенном на углу современных проспекта им. Сталина и ул. Розы Люксембург; в дальнейшем для нее было построено специальное здание, занимаемое теперь Суворовским военным училищем.

В 1852 году число учащихся достигло 236 человек. Сохранились интересные подробности жизни гимназии в первые годы ее существования. В 1852 году «для достижения эстетического образования детей» гимназией было приобретено фортепиано, на котором учащиеся обучались музыке у частных учителей за особую плату от родителей. При гимназии были библиотека и физический кабинет, которые, по словам современника, находились «в удовлетворительном состоянии», первая заключает в себе 1765 названий книг, «из них 53 весьма ценные» (24). Физический кабинет состоял «из 83 аппаратов и машин, по большей части **годных к употреблению**». В гимназии была интересная традиция: в каждую годовщину основания гимназии в ней проводился конкурс на лучшее сочинение учащихся на русском языке. Работы обычно были хорошие, и для них в дальнейшем было выхлопотано установление наград в виде одной золотой и одной серебряной медалей.

В пансионе гимназии отводилось 15 мест для детей **почетных горцев**, т.е. князей и верхушки феодальной знати горских народов. Это мероприятие было своеобразным проявлением классовой политики буржуазно-помещичьего государства, стремившегося привлечь на свою сторону туземных феодалов, чтобы превратить их в своих помощников в деле эксплуатации трудящихся горских народов. Для этих привилегированных учащихся при гимназии, наряду с православной церковью, была даже устроена специальная мечеть.

В 1846 году в Ставрополе была открыта духовная семинария и несколько раньше духовное училище. В 1851 году было основано армянское училище.

Первую женскую частную школу организовала в 1831 году жена учителя Гололобова. До этого девочки единицами посещали уездное училище, первая ученица поступила в школу в 1821 году.

В 1849 году было открыто первое женское «среднеучебное заведение» (женская гимназия) имени св. Александры, оно было создано на средства благотворительного общества и обучало преимущественно детей дворян и купцов.

Первая библиотека общественного пользования возникла в 1839 году. Она также принадлежала частному лицу — купцу Челахову, который за право чтения книг взимал с читателей по 8 рублей серебром в год, «но в библиотеке этой мало было интересных книг: она состояла большею частью из одних устарелых романов» (24).

29 декабря 1852 года по специальному разрешению наместника Кавказа в Ставрополе была открыта первая общественная публичная библиотека, чтобы «доставить бедным чиновникам и другим недостаточным людям средства к образованию, а всем вообще ставропольским жителям — приятное развлечение». При открытии библиотека имела 546 томов. Библиотека содержалась на пожертвования, и, кроме того, «действительные члены библиотеки» вносили: служащие по одному проценту от получаемого ими жалованья, а купцы и другие частные лица по семи рублей серебром в год. Эта библиотека явилась зародышем современной краевой библиотеки, насчитывающей теперь около 250000 томов.

Попытки основать в городе театр относятся к сороковым годам. В 1841 году граждане принялись за постройку незатейливого здания театра, который был окончен в 1842 году и походил во многом на лубочный балаган (24).

В 1845 году купцом Ганиловским было построено для театра весьма солидное каменное здание, выделявшееся среди театров многих других губернских городов. С 1846 года здесь начала играть выдающаяся труппа Зелинского. Она ставила классические пьесы: «Горе от ума», «Ревизора», «Гамлета», «Разбойников» Шиллера и др., что сразу привлекло к театру жителей и способствовало росту театра. Ставропольский театр был первым русским театром на Кавказе.

В Ставрополе в это время имелись энтузиасты развития в городе садоводства и шелководства. Одним из таких был чиновник Нечмиров П.Н. Он создал несколько садов и питомников, в которых стремился разводить редкие породы деревьев. Так был устроен питомник в бывшей Бабиной роще, на южном склоне Крепостной горы (теперь Комсомольский садик), питомник в районе старого (б. Варваринского) кладбища; в последнем саду, кроме плодовых деревьев, разводились красящие растения и была организована школа садоводов. Много уделялось внимания развитию тутовых садов. Один из инициаторов этого дела на свои деньги купил в Тарасконе (во Франции) 1000 особо ценных тутовых деревьев, нанял корабль и перевез их в Одессу; оттуда они были доставлены на Северный Кавказ и посажены частично в Ставрополе в тутовом саду по р. Ташле, а частично в имении Реброва — Владимировке по р. Куме.

Промышленность в эти годы в Ставрополе была развита недостаточно, большую часть изделий получали из центральных губерний и частично из-за границы. На имеющихся заводах работало 200 человек, не считая «прислужников». Кроме этого, в 1850 году в городе еще работало 170 ремесленников.

Заводы были мелкие. Самым крупным заводом был водочный, он один давал в год продукции на 15000 рублей серебром. Имелся пивной завод с годовым производством на 3000 рублей.

Самой крупной отраслью промышленности было свечное дело. Имелось 8 заводов сальных свечей (ими преимущественно освещались дома жителей) и два завода восковых свечей. Вместе эти заводы давали продукции на 35 тыс. рублей в год.

Кроме этого, был воскобойный завод, 7 кожевенных с общей продукцией на 18000 рублей, 3 шорных, 3 мыловаренных, 6 салотопенных, 6 кирпичных, один известковый и затем колокольный завод купца Ефимова, отливавший колокола до 500 пудов весом. Общая годовая продукция всех перечисленных заводов исчислялась в 111250 рублей серебром.

План Ставрополя 1854 года

Итоги территориального развития Ставрополя за период с 1833 года к середине XIX столетия иллюстрирует план 1854 года. Он был опубликован в Кавказском календаре на 1854 год и, видимо, служил иллюстрацией к описанию Ставрополя, помещенному в Кавказском календаре на 1855 год. До настоящего времени этот план считался самым старинным из всех известных планов Ставрополя. Условно мы его будем называть планом 1854 года,[15] но фактически он был составлен года на два ранее, и вполне естественно, что здания, построенные в 1854 году, в нем не отражены. План этот стал библиографической редкостью, в силу чего мы приводим схематическое изображение центральной части территории, охватываемой планом. План 1854 года был напечатан литографским способом в две краски с изображением рельефа путем отмывки. План охватывает пространство от левобережья р. Березовки на севере до Мамайского леса на юге, и от места слияния Желобовки с Мутнянкой до западной окраины Городского леса. Он изображает условными знаками каменные и деревянные строения города, леса, парки, сады, огороды. Масштаб плана — 200 сажен в английском дюйме. В изъяснении указывается, что в Ставрополе в это время имелось 14 церквей, 246 каменных домов и 1522 деревянных дома, и перечисляются самые значительные казенные здания.

На плане 1854 года видно, что в нижней части города уже было застроено все пространство от Ташлы до Мутнянки; в верхней части более или менее густо были застроены б. Воробьевская улица (верхняя часть ул. Дзержинского) и современная улица Кагановича; три соседних улицы, расположенные южнее (верхние части ул. Ленина, Молотова и Лермонтова), только начинали застраиваться и имели дома преимущественно в своих западных частях.

Верхняя городская площадь была значительно шире, она охватывала территорию современной площади Ленина, протягивалась на юг вплоть до истоков Мутнянки и далее на юго-западе сливалась со степным пространством, занятым теперь кварталами Старого Форштадта, вплоть до Даниловского кладбища и родника «Стойло». В северной части этой площади, близ базара, на углу современных улиц имени Ленина и Коминтерна, стояли «провиантские бунты и соляные магазейны», у верховий Мутнянки располагался «Разгонный пост», т.е. пост почтовой станции. Поселки по балкам Мамайке и Ташле на плане 1854 года показаны более значительными, чем на предшествующих планах, заселялись также и Скомороховы хутора (современный Октябрьский район).

Внешний облик Ставрополя в 50-х годах XIX столетия показывают гравюры, помещенные в Кавказском календаре на 1855 год. Эти гравюры стали

еще большей библиографической редкостью, чем статья, к которой они служили приложением. Их удалось нам найти после длительных поисков. В экземплярах Кавказского календаря на 55 год, хранящихся в краевой библиотеке и в других библиотеках Ставрополя, они отсутствуют: видимо, они были вырваны прежними владельцами этих книг. Такая же судьба постигла эти гравюры в экземплярах Кавказского календаря, просмотренных нами в архивах и библиотеках Пятигорска и Баку. Не оказалось этих видов и в книге, полученной нами по межбиблиотечному абонементу из Всесоюзной библиотеки имени В.И. Ленина. И, наконец, недавно удалось получить фотографии с этих гравюр из Ленинградской Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

Оглавление в Кавказском календаре на 1855 год, которое натолкнуло нас на поиски гравюр, говорило о них очень скупо: «два вида города Ставрополя», так что содержание этих иллюстраций стало нам известным только по получении их фотографий. Одна из них изображает общий вид Ставрополя вдоль

План города Ставрополя 1854 года

бывшей Черкасской улицы от пункта, расположенного несколько восточнее Казачьей улицы. В середине проходит главная улица с молодым бульваром, разветвляющимся в верхней части на две полосы; слева виден б. Троицкий собор, за ним здания и вдали деревья бывшей Бабиной рощи. Справа от главной улицы на первом плане крыши домов, затем здание городской управы, видны также бывшая Крепостная гора с собором. Вторая фотография изображает здания «присутственных мест». На первом плане стоит дом, занимаемый теперь исполкомом городского Совета, являющийся одним из наиболее красивых зданий города. В перспективе видны другие каменные дома, построенные для «присутственных мест». Все они сохранились до сего времени на современной Советской улице. Изображения зданий на описываемых гравюрах художником были несколько стилизованы, в частности, вытянуты по вертикали, в силу чего здания и весь ансамбль изображаемой улицы производят более величественное впечатление, чем они выглядят в натуре. На обеих иллюстрациях изображаются бытовые сцены — гуляющие представители местной знати — мужчины в цилиндрах и узких брюках в обтяжку, дамы с собачками в старомодных платьях, напоминающих кринолины, и т.д.

Рассматривая эти иллюстрации, невольно вспоминаешь описание Ставрополя середины прошлого столетия, сделанное Л.Н. Толстым в «Казаках» (25, стр. 348).[16] Л.Н. Толстой от лица Оленина, разочаровавшегося в городской культуре, говорил: «Ставрополь, через который он должен был проезжать, огорчил его. Вывески, даже французские вывески, дамы в коляске, извозчики, стоявшие на площади, бульвар и господин в шинели и шляпе, проходивший по бульвару и оглядевший проезжих, больно подействовали на него... И ему опять вспомнились клуб, портной, карты, свет... От Ставрополя зато все уже пошло удовлетворительно: дико и, сверх того, красиво и воинственно».

* * *

В пятидесятые годы XIX столетия Ставрополь достиг наивысшего развития как военно-организационный и административный центр Северного Кавказа; эта роль Ставрополя отражалась на росте города и его внешнем облике.

В дальнейшем, в 60-х годах, с окончанием Кавказской войны Ставрополь утратил значение военно-организационного центра, постройка же в 70-х годах Владикавказской железной дороги, прошедшей параллельно бывшей Азово-Моздокской линии, но «обошедшей» Ставрополь, лишила город былого транспортного значения, поэтому вплоть до Великой Октябрьской революции Ставрополь сохранял значение лишь торгового и административного пункта. Новая жизнь в Ставрополе началась со времени Октябрьской революции, когда за короткий срок город превратился в крупный промышленный, культурный и организационный центр обширного края, значительно расширился.

За годы сталинских пятилеток в Ставрополе было создано много новых промышленных предприятий, реконструированы некоторые старые заводы. В городе работают завод «Красный металлист», биофабрика, несколько мельничных заводов, мясокомбинат, продукция которого расходится во многие районы страны. Имеются кожевенный завод, маслозавод, асфальтовый, кирпичный заводы, швейная, обувная, макаронная и другие фабрики.

В городе создано много новых средних школ. Только в советские годы в Ставрополе были открыты вузы и техникумы. В настоящее время имеется пять институтов: сельскохозяйственный, медицинский, педагогический, учительский и институт иностранных языков.

Открыт целый ряд научно-исследовательских учреждений, среди которых наибольшую известность имеют Всесоюзный научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства и Ставропольское опытное поле многолетних культур, научные работники которого вывели многолетнюю рожь, сорго-гумаевый гибрид, используемый для закрепления песков, и другие ценные культуры. Большие достижения имеет селекционная станция, работники которой, лауреаты Сталинской премии Сыроватский и Снеткова, вывели новые ценные сорта пшеницы.

Ставрополь был сильно разрушен за время фашистской оккупации, все промышленные предприятия, вузы, школы, крупные здания были сожжены.

21 января 1943 года частями героической Советской Армии город был освобожден от фашистов. За годы войны и послевоенной сталинской пятилетки, при огромной помощи партии и правительства, трудящиеся не только восстановили родной город, но сделали его много лучше и красивее, чем он был до войны. Улицы центральных частей, а также и окраин покрыты асфальтом. Проспекты имени Сталина и Ворошилова превращены в улицы-парки, они украшены фонтанами, скульптурными группами, красивыми фонарями-люстрами. У подножья Комсомольской горки, откуда разрастался наш город, установлен величественный монумент любимого вождя народов И.В. Сталина.

Город украсился прекрасным по архитектуре зданием вокзала, входным порталом у восстановленного здания драматического театра, новыми высокими красивыми зданиями.

Одно из украшений города — бульвар — продолжен до вокзала. На всех реконструированных улицах созданы широкие газоны, по улице Ленина насажена многокилометровая тополевая аллея. В ближайших окрестностях города разрастаются обширные лесополосы. Лесное кольцо, шириною в один километр, создается вокруг соседнего Сенгилеевского озера, служащего для жителей города излюбленным местом экскурсий и отдыха в выходные дни.

Построенная по соседству на Невинномысском канале Свистухинская гидроэлектростанция дала промышленности и жителям краевого центра необходимое количество электроэнергии. Все улицы и в центре и на окраинах освещены. В пределах города все шире развивается автобусное сообщение, так что сам термин «окраина» уже теряет свой смысл и он скоро исчезнет, как уже исчезли их бывшие наименования — «лягушонка», «монастырь» и другие.

Жители города Ставрополя неустанно работают над осуществлением генерального плана реконструкции города. Город должен «расти вверх», унаследованные от прошлого пустыри исчезнут, место бывшей крепости на Комсомольской горке превратится в обширный новый парк. В улицах, в планировке и архитектуре города будут запечатлены черты новой сталинской эпохи.

Примечания

1. Возвышенность, на которой была построена Ставропольская крепость, у первоначальных жителей этой местности называлась Ташлы-Сырт (13), что означает: Каменистый гребень (каменистые горы). Это наименование унаследовали две реки, начинающиеся в пределах возвышенности: Ташла, на которой стоит Ставрополь, и Ташла в районе села Михайловского. Видимо, эта возвышенность также называлась Егорлык по имени реки, протекающей у ее южного подножья. Наименование «Черный лес» относилось к лесным массивам, расположенным в верховьях балок, начинающихся в пределах возвышенности, в том числе к современным Русской лесной даче (б. Казенный лес), к Мамайскому, Татарскому, Городскому и другим лесным участкам.

2. Ставрополю в отношении сведений о времени его основания вообще не везло. В 1840 году штаб войск Кавказской линии запрашивал областное правление: «Какие имеются сведения об основании Ставрополя, а равно о правах и привилегиях жителей?». Городская дума по этому поводу отвечала: «По делам думы, чтобы жители города сего какие облегчения или привилегии имели, не видно, а также, в каком именно году город Ставрополь основан, сведений не имеется». На этом отношении начальник области наложил резолюцию: «Нехорошо, что дума не знает об этом. Опросить кого-либо из старожилов и пригласить в канцелярию старосту Плотникова».

3. В противоположность данному решению некоторые авторы считают, что в 1785 году был только выделен уезд, а Ставрополь был превращен в уездный город только в 1802 году по указу Павла I.

4. После сдачи настоящей статьи в печати была опубликована статья Г.Д. Краснова «О происхождении наименования Ставрополь» (см. газету «Ставропольская правда» от 8 декабря 1951 г.), полностью подтвердившая это предположение.

5. Местность эта сейчас называется Валик.

6. Публикуемая «Схема плана города Ставрополя (1833 г.)» охватывает только часть территории, изображаемой подлинником, без окраин и предместья Мамайки.

7. Местоположение некоторых из указанных зданий в имевшемся у нас экземпляре плана не найдено.

8. И.В. Бентковский в 1873 г. писал по поводу данного дома: «Было бы не лишнее, если бы нынешние владельцы на наружной стене дома, на приличной доске, память о времени построения передали потомству» (7).

9. Крест стоял на месте построенного в 1847 г. на Крепостной горе Кафедрального (Казанского) собора; после постройки собора, по данным Кавказского календаря на 1855 г., крест находился во дворе интендантства.

10. Архив Раевских, т. I, 1908 г., стр. 522. Цитируется по книге К. Черного: «Пушкин и Кавказ», Ставрополь, Крайиздат, 1950, стр. 7.

11. Бентковский И.В., генерал-лейтенант А.А.Вельяминов, «Ставропольские губернские ведомости» 1881, 21 марта, № 12. Цитируется по статье А.В.Попова «Декабрист А.А. Бестужев в Ставрополье» (Сборник материалов по изучению Ставропольского края, т. 1, Ставрополь, 1950 г.).

12. Наши предположения в этом отношении подтверждаются данными М.В. Краснова, автора книги «Историческая записка о Ставропольской гимназии» (16, стр. 22). Характеризуя площадь, он говорит: «Это место, равняющееся квадратной версте, покрыто сплошным камнем; на нем зелень появляется в апреле месяце и к половине мая совсем исчезает; лишь одна десятая часть этого пространства доступна для кое-какой растительности». Он описывает многократные неудачные попытки посадки деревьев на этом месте.

13. Т(орнау), Воспоминания о Кавказе и Грузии (26). Цитируется по книге А.В. Попова «М.Ю. Лермонтов в период первой ссылки», Ставрополь, 1949.

14. Источник Карабин был описан в специальной статье Прозрителева (20). Им приводятся интересные факты о попытке некоторых землевладельцев в 1847 г. захватить источник в свою собственность и продать его другим лицам, в силу чего городу пришлось бороться «за право» пользоваться этим источником. Одновременно отметим, что Г.Н. Прозрителев неправильно оценивал роль источника Карабин в планировке и расширении города. По его

мнению, «даже самое направление в заселении и занятии улиц стоит в полной зависимости именно от этого источника: все тянулись к нему, город шел вверх, там вырастали целые улицы, шли захваты земли...». Все предшествующее, сказанное по поводу планов города 1805 и 1833 года, опровергает это: ни одна улица не «тянулась» к Карабину, улицы возникали вокруг Крепостной горы, и центральная часть города долгое время отделялась от района источника обширным пустырем.

15. Под таким заголовком он заинвентаризирован в фондах Ставропольского краевого музея за № 14736.

16. Л.Н. Толстой проезжал через Ставрополь в 1854 году, к которому относятся описываемые иллюстрации.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Архив главного управления наместника Кавказа, т. I, Тифлис, 1866.

2. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Архив главного управления наместника Кавказа, т. II, Тифлис, 1868.

3. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о городе Ставрополе, «Сборник сведений о Северном Кавказе». К 125-летию г. Ставрополя н/К, т. VI, Ставрополь, 1910.

4. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о селе Безопасном, «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», вып. 2, Ставрополь, 1869.

5. Бентковский И.В. Генерал-лейтенант А.А.Вельяминов, «Ставропольские губернские ведомости», 1881, 21 марта, № 12. Цитируется по статье А.В.Попова «Декабрист А.А. Бестужев в Ставрополье», «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 1, Ставрополь, 1949 г.

6. Бентковский И.В. Материалы для истории Северного Кавказа. Город Ставрополь, «Сборник сведений о Северном Кавказе», Ставрополь, 1910. Впервые печаталось в Ставроп. губ. ведомостях 1879, №22.

7. Бентковский И.В. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе, «Сборник сведений о Северном Кавказе», ч. VI, Ставрополь, 1910.

8. Бентковский И.В. Первое приходское училище в городе Ставрополе. «Сборник сведений о Северном Кавказе», т. VI, Ставрополь, 1910.

9. Бентковский И.В. Ставропольская старина. «Сборник сведений о Северном Кавказе», т. VI, Ставрополь, 1910.

10. Бентковский И.В. Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1786 г. до учреждения шестигласной думы 18 января 1808 года, «Сборник сведений о Северном Кавказе», т. VI, Ставрополь, 1910.

11. Гниловской В.Г. План Ставропольской крепости 1811 года (Историко-географический очерк), «Материалы по изучению Ставропольского края, вып. I, Ставрополь, 1949.

12. Гниловской В.Г., Скрипчинский В.В., Резник П.А., Галушко А.И. Экскурсии по Ставрополью, Крайиздат, Ставрополь, 1951.

13. Гремяченский. Стрижамент. газета «Северный Кавказ».

14. Дебу И. О Кавказской линии с 1816—1826 г., СПб, 1829.

15. Загорская В. Соединенное торжественное заседание Ученой Архивной комиссии, Ставропольского статистического комитета 5 мая 1910 года. «Сборник сведений о Северном Кавказе», т. IV, Ставрополь. 1910—1911.

16. Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии, Ставрополь, 1887.

17. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., т. XX, 1755—1780 г., СПб., 1830.

18. Попов А.В., Лопатин Г.А., «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. I, Ставрополь, 1949.

19. Прозрителев Г.Н. Из истории г. Ставрополя на Кавказе. «Труды Ставропольской ученой архивной комиссии», т. VII, Ставрополь, 1916.

20. Прозрителев Г.Н. Источник Карабин, «Сборник сведений о Северном Кавказе», т. XI, Ставрополь, 1914.

21. Прозрителев Г.Н. К 125-летию г. Ставрополя (на Кавказе), «Сборник сведений о Северном Кавказе», т. IV, Ставрополь, 1910—1911.

22. Ровинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний.., составленное в 1804 г. и изданное в 1809 г. Императорским вольным экономическим обществом, СПб. Цитируется по сообщению Собриевского А.С., Труды Ставропольской Ученой Государственной Архивной комиссии, вып II, 1910.

23. Словарь географический Российского государства, М., 1807.

24. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях, «Кавказский календарь на 1855 год», стр. 471—537, Тифлис, 1854.

25. Толстой Л.Н. Собрание сочинений, изд-во «Правда», М., 1948, стр. 248.

26. Т(орнау), Воспоминания о Кавказе и Грузии, «Русский Вестник», 1869, март.

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Крайиздат, 1952. — Вып. 4. — С. 175—217.

В.Г. Гниловской. **Сталинский план преобразования природы и задачи краеведов Ставрополья**

«Я вижу, что колхозный строй, через посредство которого коммунистическая партия начинает вести великое дело обновления земли, приведет трудящееся человечество к действительному могуществу над силами природы».

И.В. Мичурин

Южный и юго-восточный район Европейской части СССР занят обширными лесостепными и степными участками, имеющими площадь свыше 1,7 миллиона квадратных километров. На этой площади мог бы разместиться ряд крупных государств Западной Европы: Франция, Германия, Италия, Англия, Австрия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, вместе взятые.

Степи Европейской части СССР выделяются как основная житница нашей страны, дающая большую часть зерна, технических культур, и в то же время как самый крупный животноводческий район. Основным богатством юга являются различные виды плодороднейших черноземных почв, создавшихся в течение тысячелетий под богатым растительным покровом степи.

Ни в одной другой стране нет такого значительного массива чернозема, выделяющегося среди других почв земного шара наибольшим плодородием, как имеющего наилучшую зернистую структуру, обеспечивающую корням растений необходимые условия воздушного и водного питания.

Эти плодородные степи при первоначальном их заселении земледельцами давали баснословные урожаи, в силу чего в степных районах России, так же как и в нашем крае, многие вновь возникавшие в конце 18 и в начале 19 столетий селения получали наименования Урожайных, Изобильных, Обильных, Отрадных, Благодатных и т.д., говорившие о плодородии здешних мест и обилии земли по сравнению с центром крепостнической России.

Степи еще в условиях России превратились не только в основной производящий, но и в главный экспортный район страны.

В годы сталинских пятилеток сельское хозяйство степного района на базе коллективного труда начало глубокую перестройку, выражающуюся в расширении площадей посева, введении новых, более ценных сельскохозяйственных культур, механизации всех производственных процессов и в борьбе за повышение урожайности, достигнув в этом к 1940 г. решающих успехов.

Другой важнейший фактор плодородия степей — благоприятный теплый климат, обеспечивающий большую продолжительность вегетационного периода, — также дает южному району ряд преимуществ перед северными участками страны.

Но в климатическом отношении в степях не все обстоит так благополучно: недостаточная увлажненность ряда мест, периодически повторяющиеся засухи, сильные восточные ветры — суховеи, производящие «захват» хлебов, а осенью и весной сдувающие верхний слой почвы вместе с посеянными семенами, в значительной мере снижают урожайность степных районов, делают их сельское хозяйство неустойчивым, вызывают периодические недороды, а то и полную гибель посевов.

Особенно сильно эти недостатки климата стали сказываться во второй половине 19 столетия, когда, в условиях неправильной агротехники и одностороннего зернового хозяйства, хищнически эксплуатирующего почвенные богатства, создалась распыленность верхних горизонтов чернозема, он стал истощаться, не мог обеспечить растениям нормального водного режима и воздушного питания, почва сама стала неустойчивой, легко поддающейся смыву ливневыми водами и развеванию ветром.

Неурожаи и связанные с ними голодовки миллионов населения стали все чаще и чаще посещать южные районы царской России.

За последние 65 лет в Поволжье неурожаи повторялись около двадцати раз, в среднем каждые 2-3 года; в Воронежской, Ростовской, Сталинской областях около 15 раз, в Башкирской и Татарской АССР, в Курской, Харьковской, Днепропетровской областях около 10 раз.

Ф. Панферов описывает жуткую картину неурожая такими словами:

«Все сгорело. Умирают с голода люди, падает скот, на десятки лет разрушено хозяйство, а те, кто был в силах сбежать в другие места, сбежали. Край становится опустошенным. Так часто бывало до советской власти, и было это поистине народным непоправимым бедствием. Трудовой человек предоставлялся самому себе: как хочешь, так и борись с голодом. Власть не помогала, да и не в ее интересах было помогать. Верно, иногда появлялись филантропы, создавали два-три десятка столовых на весь обширнейший край. Зато богатели кулаки, мукомолы. Они открывали амбары с запасом хлеба, драли с голодающих шкуры, становились миллионерами». [1]

При каждой засухе в дореволюционное время, по словам В.Р. Вильямса, начиналась «возня по сбору пожертвований в целях оказания помощи голодающим».

Реальные результаты помощи обычно были ничтожны, а размеры голодовок с каждым годом увеличивались.

Лучшие представители русской науки, стремясь помочь населению, искали путей преодоления засухи.

Знаменитый русский ученый, основатель науки почвоведения В.В. Докучаев не оставался в стороне от дела организации помощи пострадавшим, но его участие отличалось исключительной по тому времени оригинальностью: он задумывается над тем, как предотвратить бедствие. Он кропотливо изучал причины засух, высказывал мысль, что только выяснив причины засух, можно разработать действительные меры борьбы с ними и спасения России от повторения неурожаев.

В.В. Докучаев, П.А. Костычев и в советское время В.Р. Вильямс научно обосновали принципы борьбы с засухами — и не с их последствиями, а с их причинами, — выражающиеся в необходимости введения травопольной системы земледелия, предусматривающей борьбу за накопление почвой

влаги, сохранение и восстановление ее структуры, создание полезащитных лесных полос, соблюдение агротехнических правил обработки почвы и производства посева.

Но учение Докучаева о борьбе с засухой, высказанное им еще в 1896 г. в знаменитой книге «Наши степи теперь и прежде», в условиях мелкособственнического хозяйства и помещичье-капиталистического строя России не могло быть претворено в жизнь. Осуществление задач борьбы с засухой и господства над природой могло быть достигнуто только в СССР, в стране победившего социализма, создавшего для этого необходимые условия в виде концентрации в руках государства огромных материальных средств, в создании самого мощного в мире коллективного земледелия.

Борьба с засухой стала в нашей стране всенародным делом. Еще в 1924 году И.В. Сталин сказал: «Мы решили... сделать все возможное для того, чтобы застраховать себя в будущем от случайностей засухи». Реконструкция сельского хозяйства на основе коллективизации позволила из года в год вводить в практику земледелия отдельные элементы защитных мероприятий, указанные Докучаевым и его последователями.

Читателям этой статьи, написанной в сталинские времена, в 1949 году, будет интересно узнать, что 1 мая 1951 года на Комсомольской горке (ныне Крепостная гора) был открыт памятник Сталину

Одновременно во многих местах, в совхозах и в опытных сельскохозяйственных учреждениях велась проверка всех агротехнических правил травопольной системы земледелия, давшая блестящие результаты. Например, совхоз «Гигант», расположенный в Ростовской области, по соседству с нашим краем, выполнив весь комплекс мероприятий травопольной системы, в частности, осуществив лесопосадки среди полей совхоза общей площадью 600 гектаров, практически избавился от засух и в последние засушливые годы имел на своих полях средний урожай в 25 центнеров с гектара, даже в те годы, когда на соседних полях хлеб выгорал от засух.

Упрочение колхозного строя позволило все в более и более широких размерах вводить в Поволжье, на Северном Кавказе и в других засушливых районах необходимые мероприятия по сохранению в почве влаги — вводились севообороты, чистые пары, улучшалось семенное дело, задерживался на полях снег, создавались лесополосы. Эти мероприятия улучшали условия развития растений в отдельных районах, но еще не создавали полной победы над засухой. В отдельные годы (1946, 1947 и 1948 гг.) засухи принесли сельскому хозяйству некоторых районов страны большой ущерб.

Энтузиастам мероприятий по борьбе с засухой приходилось сталкиваться и бороться с отсталыми в этом отношении взглядами и преодолевать различные реакционные теории. Еще в 1936 году В.Р. Вильямс писал: «Вопрос о лесоразведении в степной полосе (черноземной и других) сейчас важнейший практически вопрос, тем более что враги социалистической реконструкции сельского хозяйства могут еще делать попытки, опираясь на старые научные авторитеты, дискредитировать мероприятия по лесоразведению и устройству необходимых лесозащитных полос в степной области».[2]

По словам В.Р. Вильямса, трудами Докучаева и практикой социалистического хозяйства, в противоположность реакционным взглядам, было установлено, что «древесные растения произрастают в черноземной области и могут произрастать. Леса существовали, существуют и могут существовать. Деревья успешно произрастают внутри черноземной области на самых разнообразных почвах: в оврагах, в балках, в степных западинах (блюдцах), в поймах рек, на плато, на черноземах глинистых, суглинистых и супесчаных, на песчаных почвах, на обнажениях материнских пород».[3]

В.Р. Вильямс указывает, что безлесье степей в первую очередь связано не с какими-либо природными факторами степи, а с производственной деятельностью человека. «Человек является причиной внедрения лесов в степи, и он же беспощадно рубит леса и очищает путь для победного надвигания степи на лес. Так происходит в бесплановом капиталистическом хозяйстве».[4]

Оценивая труды Докучаева, Костычева и других «богатырей русской науки», изучавших прошлое степной полосы в целях построения лучшего ее будущего», В.Р. Вильямс говорил о новом советском, подлинном хозяине земли: «Пришел новый человек. Он возьмет труды этих ученых, разберется в них критически и все заслуживающее внимания, все ценное положит в основу своего дела. Труды Докучаева и других не пропадут даром».[5]

Слова маститого ученого-патриота нашли полное подтверждение в опубликованном в октябре 1948 г. постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), принятом по инициативе товарища Сталина, «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительстве прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР».

Этот план является могучим орудием преобразования природы всего юга Европейской части Советской страны. Газета «Правда» говорит, что среди решений, определивших собою пути развития социалистического сельского хозяйства, он выделяется грандиозностью поставленных задач. За два-три пятилетия должен полностью преобразоваться «лик земли» всего степного юга.

Постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) намечает приступить, начиная с 1949 года, к планомерному внедрению агрономических мероприятий на основе учений В.В. Докучаева, П.А. Костычева, В.Р. Вильямса, объединяемых в понятии травопольной системы организации сельскохозяйственной территории, заключающейся в создании защитных

лесополос, введении правильных севооборотов, надлежащей обработке почвы, применении удобрений, в создании сети прудов, имеющих большое значение не только для земледелия, но и для развития животноводства.

Осуществление этого плана обеспечит достижение в ближайшее время высоких и устойчивых урожаев в сельском хозяйстве, не зависящих от капризов погоды, и создание прочной кормовой базы животноводства.

Одним из наиболее грандиозных мероприятий плана является создание государственных и колхозно-совхозных защитных лесополос. Оно не только изменит условия водоснабжения почвы, но и полностью преобразит ландшафт южнорусских степей, увеличив облесенность некоторых степных участков более чем в 10 раз. Сам характер намечаемого расположения лесополос и лесных массивов достаточно ярко говорит об их значении. 8 гигантских многорядных государственных лесных полос вытянутся вдоль берегов и водоразделов рек Урала, Волги, Дона и их притоков.

Одна из полос по линии Степное — Черкесск, охватывающая водораздел Черного и Каспийского морей, протянется далеко на юг через территорию Ставропольского края, сомкнувшись с лесами предгорий Кавказа.

Не менее величественно выглядит план создания колхозно-совхозных полезащитных лесных насаждений, овражно-балочных лесонасаждений, посадок для закрепления песков и расширения государственных и колхозных лесов степной полосы. Общая площадь всех этих насаждений в сомкнутом виде составит 6031000 гектаров, или 60000 квадратных километров, что примерно соответствует площади двух таких западноевропейских государств, как Бельгия и Голландия. Эти посадки охватят пространство от Тулы и Ульяновска до Симферополя и Черкесска и от Днестра и Измаила на Дунае до Уральского хребта и Гурьева на Каспийском море.

Лесопосадки во многом изменят климатический режим местности, увеличат количество осадков в среднем на 15%, увлажнят воздух, улучшат водоснабжение почвы, предохранят реки от обмеления, создадут естественное задержание снега. Еще большее значение их будет в борьбе с суховеями и их вредным влиянием. Сила ветра будет ослаблена, повышение влажности предохранит почву от выдувания ветром и смыва ливневыми потоками. В степях исчезнут пылевые бури, долгое время наносившие ущерб земледелию южной части страны.

При пылевых бурях в отдельных случаях почвы выдувались на глубину до 25 см. На площади в сотни тысяч гектаров не только уничтожался урожай, но и сносился пахотный горизонт. Наносы перенесенной почвы создавали бугры до 2 метров высотою, засыпали овраги, небольшие реки и даже дворы. В 1886 г. в Мариупольском уезде было засыпано 1600 дворов, и крестьяне принуждены были переселиться на новые места.

При аналогичной пыльной буре в Приднепровье в апреле 1928 года в течение двух дней посевы яровых были выдуты начисто. В эти дни движение в городе Днепропетровске без защитных очков было невозможно, днем в учреждениях работали при электрическом свете. Песчаные заносы затруднили движение поездов, прекратились полевые работы, были повалены столбы электропередачи и остановился ряд предприятий.

В то время как в нашей стране создаются условия для решительной борьбы с ветровой эрозией почвы, в капиталистических странах, в связи с хищническим использованием природных богатств, эрозия почвы принимает чудовищные размеры, особенно в США, где, по оценке департамента земледелия США, в силу действия ветра «уже оказались непригодными для возделывания около 20 миллионов гектаров земли и на 50 миллионах гектаров снесен целиком или частично верхний слой почвы». Убытки, причиняемые ветром в США сельскому хозяйству, дорогам и т.д., составляют в год свыше 400 миллионов долларов, но тем не менее частнокапиталистическое хозяйство остается неспособным сколько-либо существенно бороться с почвенной эрозией.

Значение работ по созданию лесонасаждений в нашей стране может быть достаточно оценено не только тем, что они приравнены к другим видам планируемой производственной деятельности колхозов и совхозов, но и тем, что Президиумом Верховного Совета СССР был издан специальный указ, предусматривающий присвоение звания Героя Социалистического Труда и награждение орденами и медалями СССР колхозников, работников лесозащитных станций, МТС, совхозов и лесхозов за достижения по полезащитному лесоразведению.

Мероприятия по созданию высоких и устойчивых урожаев в лесостепных и степных районах выражаются не только в создании защитных лесополос, но и в других мерах, предусмотренных постановлением Совета Министров и ЦК ВКП(б). Более того, защитное лесоразведение, как указывает постановление, может дать реальные результаты лишь при выполнении других разделов плана, в частности, введения системы полевых и кормовых севооборотов во всех совхозах и колхозах степной и лесостепной зоны Европейской части СССР. Освоение севооборотов должно быть закончено к 1955 году. Оно предусматривает обязательное включение в севооборот многолетних бобовых и злаковых трав, применение чистых паров, соблюдение правильной системы обработки почвы, предотвращающей смыв, введение глубокой вспашки (на глубину до 20-22 см), лущение стерни, зяблевую обработку, мероприятия по снегозадержанию, посев сортовыми, обеззараженными от вредителей семенами, применение органических и минеральных удобрений.

Выполнение всех указанных разделов постановления правительства будет служить не только повышению производительности сельскохозяйственного труда и развитию земледелия, но и росту кормовой базы животноводства.

Последний раздел плана преобразования природы степных и лесостепных районов предусматривает широкое развитие системы совхозных и колхозных прудов и водоемов в балках и других понижениях рельефа местности за счет вод местного стока, которые обычно в малой степени использовались в сельском хозяйстве.

Всего за ближайшие 10 лет намечено создать в южном районе около 45 тысяч водоемов, в среднем по одному пруду на 2 колхоза. Создание такого большого числа водоемов будет в значительной мере увлажнять воздух, улучшать микроклимати-

ческие условия, способствовать использованию местных вод для орошения огородов. Водоемы явятся базой рыборазведения, источником гидроэнергии для колхозных и совхозных электростанций. Они украсят наши села, на них будет развиваться водный спорт и местные курорты.

Сталинский план преобразования природы, утвержденный правительством, встречен советским народом как большой праздник. Наш народ получил в свои руки оружие для борьбы с неурожаями. «Идея преобразования природы, по словам «Правды», овладела миллионами советских людей. Она превратилась в могучую материальную силу, помогающую колхозному строю добиваться новых славных успехов в борьбе за коммунизм». Об этом говорит то воодушевление, с которым вся страна приняла за осуществление великого исторического плана. К настоящему времени партийные организации и советские органы краев и республик, приступив к выполнению плана, проделали большую работу. Специальное сообщение по этому вопросу Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) говорит, что в 1948 г. уже посажено 200 тыс. гектаров защитных лесонасаждений. Подготовлена почва для лесопосадок в 1949 г. в размерах, гарантирующих выполнение в весеннее время всего плана лесопосадок этого года, успешно идет подготовка кадров, заготовка семян, строительство прудов, осуществление севооборотов.

Первые итоги говорят, что наш народ, руководимый партией Ленина-Сталина, способен творить чудеса и что «недавно удивляло мир величием замысла, сегодня изумляет его претворением этого замысла в жизнь».

* * *

Ставропольский край расположен в центре Предкавказья. Его обширная территория, равная 78 тысячам кв. км, почти сплошь занята обширными степными пространствами. Леса в крае занимают всего только 265 тыс. гектаров, т.е. 3,6% его территории. К тому же все леса сосредоточены в предгорной и горной части края, обильной осадками и не нуждающейся в мероприятиях по обводнению. Основная же, равнинная часть территории имеет лишь небольшие лесные участки в наиболее высоких местах Ставропольской возвышенности, в верховьях балок или по поймам рек.

В северных и восточных районах края, охватывающих 60% территории, где сосредоточено $^2/_3$ всего зернового производства края, более половины крупного рогатого скота и почти все тонкорунное овцеводство, лес занимает только 12 тыс. гектаров, то *есть* составляет 0,26% всей лесной площади в пределах края, а некоторые из восточных и северных районов — Арзгирский, Левокумский, Ипатовский, Туркменский, Труновский, Молотовский — лесов совершенно не имеют.[6]

Важнейшим природным богатством Ставрополья являются его плодородные черноземные почвы, «по праву считающиеся лучшими почвами не только у нас, но и за границей».[7] В зависимости от рельефа и изменения климатических факторов в пределах территории края почвенный покров претерпевает значительные изменения. Южная, высокая часть края, относящаяся к области избыточного увлажнения, занята горнолуговыми и горнолесными почвами, она имеет сравнительно небольшую площадь.

На большей, равнинной территории края состав почв меняется в направлении с юго-запада на северо-восток. Юго-западная, наиболее высокая часть равнинного пространства занята различными типами центрально-предкавказских черноземов. Крайняя северо-западная часть (Молотовский, Дмитриевский, Ново-Александровский район) имеет предкавказские карбонатные черноземы. В центральной части края в направлении с северо-запада на юго-восток, через с. Петровское — Буденновск протягивается полоса различных типов темно-каштановых почв. Восточнее, по линии Дивное — Буденновск — Степное, располагается массив светло-каштановых почв, переходящий в крайних северо-восточных частях края в светло-каштановые солонцовые почвы в комплексе с солонцами и солончаками. Восточные пограничные части края в пределах Курского и Левокумского районов имеют местами массивы разбитых подвижных песков.

Смена почв в направлении с юго-запада на северо-восток находится в прямой зависимости от условий рельефа и распределения осадков. По количеству выпадающих осадков край подразделяется на 5 зон: зону обильного увлажнения с количеством осадков более 600 мм, расположенную в горной части края; зону достаточного увлажнения с количеством осадков от 500—600 мм, охватывающую в основном предгорные районы края, сюда также должны быть отнесены и окрестности г. Ставрополя; зону неустойчивого увлажнения с количеством осадков от 400—500 мм, охватывающую всю юго-западную часть равнинной части края западнее линии ст. Ново-Александровская, с. Спицевское, Новоселицкое, Георгиевск. Далее на север и северо-восток предыдущая зона сменяется засушливой полосой с осадками в 400—300 мм, переходящей в пределах Арзгирского, Туркменского, Ипатовского и Левокумского районов в пятую зону крайне засушливого климата, здесь в среднем в году осадков выпадает менее 300 мм.

Почвы края отличаются большим содержанием гумуса и благоприятной структурой. Мощность гумусовых горизонтов в западной части края у некоторых типов почв достигает более одного метра. К востоку, в полосе темно-каштановых и светло-каштановых почв, в связи с возрастанием засушливости, почвы становятся беднее, процент гумуса уменьшается, увеличивается степень их засолонения, но тем не менее и эти почвы при достаточном увлажнении обладают высоким плодородием.

Преимущества Ставропольского края, создаваемые его почвенным покровом, часто в значительной мере нивелировались неблагоприятными сторонами климата. Предкавказье, в том числе и Ставропольский край, расположенные между двумя барическими областями — теплым глубоким Черным морем, с одной стороны, и обширной Арало-Каспийской областью, с другой, являются ареной борьбы мощных воздушных потоков, идущих с запада и востока, в силу чего этот район выделяется в условиях Европейской части Союза как район сильных западных, восточных и юго-восточных ветров.

Ветры обычно достигают значительной силы и продолжительности, особенно в равнинной части Ставрополья. Восточные ветры, прогреваясь над пустынями Средней Азии, приходят сухими, принося с собой засухи, «захват» хлебов, пылевые бури, особенно характерные для восточной части края. Одновременно сильные ветры являются причиной значительной ветровой эрозии почв, что наиболее проявляется также в восточных районах.

Недостаточность осадков определяла слабую обеспеченность края поверхностными водами. Территория края образует своеобразную внутреннюю бессточную область. Кубань и Терек, несущие большое количество воды с Кавказских ледников, к югу от Ставропольских равнин резко изменяют свое первоначальное направление и уносят воду на соседние территории. Внутренние реки Ставрополья Егорлык, Калаус и Кума маловодны, к тому же, нижние части Калауса и Кумы теряются в песках, не доходя до моря.

Засушливость климата создавала периодически повторяющиеся засухи, неустойчивость урожаев и вызывала, особенно в условиях дореволюционной России, частые недороды, число которых все более и более возрастало. В результате общий уровень урожайности в бывшей Ставропольской губернии, несмотря на высокое плодородие почвы, был низок и равнялся в среднем за период с 1906 по 1917 г. для озимой пшеницы 5,7 ц. с гектара и, кроме того, с каждым годом он шел на убыль, между тем как в начале заселения губернии урожаи здесь часто достигали величины в сам-20, сам-30 и даже сам-40. Причиной снижения урожаев и все более часто повторяющихся засух, однако, являлся не сам климат, а хищническое в условиях частного капиталистического хозяйства использование природных богатств края, его плодородных почв, растительности, подземных и поверхностных вод.

Впервые в нашем крае обратил внимание на расхищение почвенных богатств частными хозяевами, в особенности крупными капиталистами, так называемыми тавричанами, геолог Д.Л. Иванов. Начиная с 1885 г., ему пришлось в течение двух лет производить геологические исследования. Его работы совпали со страшной засухой и голодом 1885 года. Это обстоятельство заставило исследователя глубже вникнуть в причины этого бедствия. Свои наблюдения и выводы он изложил в виде доклада Русскому Географическому обществу под заголовком «Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края». Не все положения его доклада правильны, так как Иванов, не владея методом марксистского анализа, не мог вскрыть социальную природу хищнического отношения к природным богатствам края. Но фактический материал, собранный Ивановым, не потерял своего научного значения.

Иванов в качестве одной из причин учащения засух указывал истребление лесов в Ставропольской губернии. Так, например, окрестности Ставрополя когда-то изобиловали лесом, и эта местность даже носила наименование «Черный лес». В 1846 г. вокруг гор. Ставрополя имелось 2171,5 десятин леса, в 1879 г. леса было 1501,4 десятины, а в 1885 г. его осталось только 1305 десятин; за 40 лет было безвозвратно истреблено 866,5 десятины. Подобное истребление леса также наблюдалось и в других соседних лесных массивах: на горе Стрижамент, на Прикалаусских высотах.

В то же время шла безудержная распашка земель сверх всякой потребности в хлебе и сверх возможности убрать урожай. Иванов писал, что «земледельческая алчность достигла предела». «Запашки оказались столь значительны, что не хватало рук убрать хлеб, часть была брошена на корню, часть сгнила в копнах. Об уборке соломы с гумен здесь до прошлого года не имели понятия».[8]

Одним из результатов хищнического использования земель, как указывает Иванов, был «полный неурожай 1885 года. На огромном пространстве хлеба были брошены совсем и только под осень кое-где стали скрести остатки яровых на сено; полная бескормица от Маныча до Терской области; страшная засуха не только в отдаленных степях с одними колодцами, но и в центральных ключевых частях края отозвалась обессилием скота, падежами и гибелью садов, бахчей, огородов; бесконечные восточные ветры с вихрем выметали степи, поднимая зловещие тучи пыли и песку, замучивая все живущее среди этой суши, жары, бескормицы и безводицы. Работа осталась одна: черпать воду из мелких колодцев и день и ночь поить измученную скотину. Земледельцу спасать было нечего, остались только скотоводы и огородники с садовниками. Начался неистощимый ряд ухищрений и взаимных несправедливостей, чтобы уберечь свою скотину и сады с огородами. Прежнее общее довольство, которое отчасти еще маскировало уже народившееся резкое неравенство достатков в среде односельчан одного поселка, сразу обнажилось до наготы: удовлетворить экстренному спросу со стороны бедняков на корм и воду было возможно, но ответить громадной потребе крупных скотоводов можно было, только рискнув последним.

Нечего говорить, что «сила сломила солому», огромные отары прошли по сгоревшим полям и окончательно превратили их в черную землю, не оставив былинки, рогатый скот полез в молодые леса, сбился по ручейкам и ключикам, оставляя всюду разрушение».

«Что творилось в крайних приманычских и прикаспийских степях — среди несчастного кочевника, можно себе представить по образцам благорастворенных центральных участков».

«Засуху объяснили, — пишет Иванов, — временным божьим попущением, наказанием за какой-то неизвестный грех, который нужно замолить и т.п.» Действительными же причинами ее являлись: 1) истребление растительности, особенно древесной и кустарниковой, 2) разрушение поверхностных слоев почвы и обнажение коренных пород, 3) неправильная эксплуатация ключей и рек.

Ивановым также было обращено внимание на рост оврагов на Ставрополье. Он указывает, что, по словам жителей, интенсивный рост оврагов-«яров» начался с 70-х годов. «15 лет, не больше, тут ровно было», — говорили ему крестьяне. Действительно, в 70-х годах до Северного Кавказа дошла первая железная дорога, вызвавшая новую волну хищнической распашки в целях выгодного для крупных хозяев экспорта хлеба.

Ивановым было также прослежено влияние на почвенный покров хищнического выпаса, особенно в хозяйствах крупных скотопромышленников, которых так много было на Ставрополье. Он говорит, что «стеснение выгонов широкими распашками и естественное желание пасти скотину поближе к селению сделали то, что склоны балок (крутых по преимуществу) испестрились массой горизонтальных тропочек, промежутки между которыми были обнажены скотиной от травянистой растительности. Это облегчило их размыв и выветривание».

«Под селом Северным все склоны окружных гор покрыты мелким щебнем и представляют почти

полное отсутствие растительности, и те же склоны местный старик описывал мне, — говорил Иванов, — как лучшие луга лет 65 тому назад». По его словам, «тут не было видно ни одного камешка, мы и не думали, что здесь камень есть, а потом пустили скотину, выбила она землю — он и обнаружился».

«Особенно разрушительно, — продолжает Иванов, — действует пастьба в тех случаях, когда определенный участок земли арендуется на несколько лет скотопромышленником. Последний *за свои деньги* (курсив Иванова) старается взять все, что возможно, с земли и скучивает к концу аренды скотину до предела. Склоны выбиваются преимущественно как обладающие большей влажностью и лучшей растительностью».

В этом же направлении действовала хищническая бесконтрольная частная ломка камня, копание глины, добыча других строительных материалов; она привела к вскрытию сыпучих песков на г. Куцай возле с. Петровского, в окрестностях Бешпагира, в Константиновском, Благодатном, Кугульте, Тугулуке, Михайловском, в с. Татарке и в других местах.

Иванов приводит несколько ярких иллюстраций «порядков» капиталистического «использования» столь ценной в Ставрополье воды. Они, по его словам, определялись несложным соображением: «бери воды как можно больше», и помещики брали, не считаясь с нуждами и потребностями соседних крестьянских селений, они проводили каналы без всякого соглашения с соседями, забирали много воды, то обезвоживая, то, наоборот, затопляя соседей. «Дело дошло до того, что в сухие годы целые селения оставались буквально без воды, когда вверху работали мельницы, подпружая сады или наполнялись лиманы для рыбных арендаторов и т.д.». «Лучшим примером такого частного «распоряжения», по словам Иванова, могут служить мельницы помещиков Маслова-Кута», вошедших в историю кровавой расправой над крестьянами, учиненной в 1853 году, при которой было убито картечью 121 человек и ранено 149 крестьян.

Мельницы этих помещиков забирали $^2/_3$ всей воды р. Кумы, отводили ее в никому не нужный канал и затем в лиманы устья реки Буйволы, все же «низовое» население в силу этого фактически оставалось без воды.

Аналогичные факты расхищения природных богатств Ставропольской степи указывали и другие авторы.

Профессор В.В. Докучаев, посетивший Прикубанские равнины в августе 1875 года, был поражен той массой пыли, какая носилась по степи; ему приходилось наблюдать поверх лежащих почв серовато-белый налет, иногда до 1—2 дюймов мощности.[9]

По сообщению Апостолова, в 1884—1886 гг. Владикавказская ж.д. была засыпана пылью, причем толщина ее слоя доходила до аршина, и поезда не могли ходить. Весною 1886 г. в ст. Убеженской 94 двора были буквально занесены пылью, вследствие чего войсковая администрация была вынуждена отпустить потерпевшим жителям лесной материал для обзаведения новыми постройками. Такому же бедствию подвергались станицы Расшеватская, Успенская, Ново-Александровская и др. В меньших размерах засыпание повторялось ежегодно, вследствие чего нередко происходило переселение жителей с одного места на другое. В селе Жуковском в 1885 г. курган высотою в 2 метра был снесен ветром и вновь насыпан на противоположной стороне села.

В заключение своей статьи Иванов указывал на необходимые мероприятия по защите почв от разрушения, охране вод и т.д., среди которых самое главное место им отводилось защитному лесонасаждению. Но одиночный голос Иванова прозвучал в условиях помещичье-крепостнической России «гласом вопиющего в пустыне». Более того, резкая критика земельных порядков, видимо, не понравилась помещикам Ставропольской губернии. Этот раз обошлось как будто без репрессий, но в «Известиях Петровской академии» в 1887 г. появилась написанная по заказу ставропольских помещиков статья некоего К.М. Дементьева, одного из чиновников губернского по крестьянским делам присутствия, стремящаяся сгладить впечатление, производимое статьей Иванова. В ней ничего не говорилось о мерах по упорядочению землепользования, по поднятию плодородия почв и вопросам обводнения, вопросы эти отводились в сторону, статья же Иванова поливалась бранью, ее назвал Дементьев «комом грязи, брошенной в лицо местным крестьянам».

Тем временем природные ресурсы Ставрополья продолжали расхищаться в еще больших размерах. Этот вопрос вновь был поднят на 1-м Северо-Кавказском мелиоративном съезде в 1914 году.

Инженер Давыдов И.И. в своем докладе «Вопрос об охране артезианских вод в Ставропольской губернии»[10] указывал, что артезианские колодцы в Ставропольской губернии, которые начали закладываться с 1902 года, используются неправильно. Крупнейшим в губернии районом артезианских вод являлся Прикумский район, здесь за 11 лет, к 1913 году, число скважин достигло 375 с общим дебитом до шести миллионов ведер в сутки, но хищническое использование этих вод, ожививших огромный степной район, вело к быстрому истощению воды, веками накапливавшейся в водоносных слоях. Так, к 1913 г. в 299 фонтанирующих скважинах дебит упал на 50%. Это было связано с тем, что скважины не охранялись, не закрывались, изливали воду день и ночь, вода спускалась в овраги, заболачивала окрестности и превращала дороги в непроходимые. Изливаемая вода использовалась только на 20%, а 80% ее бесцельно пропадали.

Инженер Давыдов сокрушенно говорил, что «администрация и общественные учреждения, познающие опасность положения, связанные устарелым законом, распространяющим право владельца земли на ее недра и на все, в них сокровенное, в том числе и на воду, не в силах **и не вправе** остановить грядущее бедствие». Он предлагал остановить это явление, ограничить право хищнической траты воды изданием закона, регулирующего бурение скважин, способ их устройства и пользование водой, но таким законам суждено было осуществиться только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда земля и ее недра и «все в них сокровенное» стали достоянием социалистического государства.

На 1-м Северо-Кавказском мелиоративном съезде[11] также приводились данные о мероприятиях по борьбе с сыпучими песками на территории бывшей Ставропольской губернии, распространенными главным образом в бывшем Ачикулакском приставстве. Здесь располагалось два массива сыпучих песков, более северный из них — массив Бажиганских песков шириною от 5 до 20 км с рядом ответвлений, западный конец которых расположен близ Ачикулака, и более южный массив Бакылзанских песков,

западный конец которых в настоящее время входит в пределы Курского и Левокумского районов Ставропольского края, занимая площадь около 47 тыс. гектаров. Пески за 40 лет, до 1914 года, продвинулись на запад на 8 километров, перерезав дорогу на Моздок, которую пришлось перенести на новое место.

В 1898 г. в Ачикулакском приставстве были приняты первые более или менее крупные шаги по укреплению песков, и была создана «Ачикулакская шелюговая и осокоревая плантация по успокоению песков». Деятельность ее имела главным образом то значение, что она не только выявила возможность закрепления песков, но определила состав наиболее подходящих в этих целях деревьев и кустарников, таковыми оказались шелюга, бурунный тал, белая акация, дуб, шелковица, лох, тамарикс, аморфа, желтая акация, ясень, карагач, клен американский и другие. Но сами закрепительные работы, начатые по инициативе и на средства туркмен, отпускавших на эти цели 9000 рублей в год «по приговору туркменского общества», были ничтожны, всего за 10 лет с 1904 года было закреплено 1025 десятин песков, в то время как пески увеличивались каждый год примерно на 3%, т.е. на 1500 десятин. Лишь только в 1912 году в этих расходах приняло участие государство, отпустившее на них 6608 рублей. Деньги, отпущенные казной, были не только недостаточны, но, кроме того, из этой суммы 4295 рублей были затрачены на командировки чинов лесного ведомства, «знакомящихся и изучающих вопрос», 300 рублей на канцелярские расходы и только 1473 рубля на содержание Ачикулакского питомника.

Успешные опыты лесопосадок имели место в Янкульской степи, в бывшем Медвеженском уезде, но они были ничтожны по площади и не оказывали никакого влияния на хозяйство губернии.

Пески же продолжали развеваться, создавая пылевые бури, засыпая культурные участки.

Пылевые бури, как наследие дореволюционного хищнического использования земли, дошли до нашего времени, причем потеря почвой в результате распыления ее нормальной структуры и незащищенность территории от ветра стали приводить к возникновению бурь не только при восточных, но и при западных ветрах. Так, грандиозная пылевая буря, пронесшаяся по Северному Кавказу 9 апреля 1936 г., привела к гибели в Ставропольском крае 272 тысячи гектаров посева, 17% всей посевной площади, причем в Арзгирском районе погибло 88% посевов, в Курсавском — 42%, в Невинномысском — 35%, в Бурлацком — 39% и т.д.[12]

С установлением колхозного строя в нашем крае вводились в практику сельского хозяйства новые, основанные на данных сельскохозяйственной науки приемы земледелия, в восточных частях края успешно развивалось строительство каналов для орошения, в результате чего сельское хозяйство стало более устойчивым против действия неблагоприятных метеорологических факторов, урожайность значительно поднялась, достигнув в среднем по зерновым культурам 10,7 центнера с гектара. У передовых колхозов она была еще выше. Например, в том же 1936 году колхоз им. Молотова, Спицевского района, несмотря на неблагоприятные условия, имел среднюю урожайность 14,6 ц с гектара. В 1947 году большинство колхозов Ново-Александровского района на основе применения передовой агротехники, несмотря на засуху, имели средний урожай 20—25 центнеров с гектара.

* * *

Принятый Советом Министров СССР и ЦК ВКП(б) план наступления на засуху определяет также меры борьбы с засухой и в пределах Ставропольского края, он указывает основные задачи колхозов, совхозов и всех жителей края в борьбе за преобразование природы.

Постановлением предусматривается среди других мероприятий плана создание в 1950—65 гг. на территории нашего края мощной государственной защитной лесной полосы в направлении Степное — Черкесск, общей протяженностью около 250 км. Она пройдет через 8 районов нашего края: Апанасенковский, Гофицкий, Петровский, Спицевский, Александровский, Нагутский, Курсавский и Черкесскую автономную область.

Она будет иметь четыре полосы леса, шириною по 60 метров каждая, с промежутками между ними по 300 метров. Эта полоса будет проходить по Прикалаусским высотам, по водоразделу между Кумой и Калаусом, а в южной части края по водоразделу между Кумой и Кубанью. Эта лесная полоса будет умерять силу ветров, увлажнять воздух, защищать склоны от размыва, но, главное, она будет иметь водоохранное значение для многочисленных ручьев и рек, стекающих в западном и восточном направлениях от Прикалаусских высот, в том числе рек Айгур, Сухой и Мокрой Буйволы, Томузловки, Сухого и Мокрого Карамыков, Сабли, реки Чичеры и других притоков Кумы и Калауса.

В результате запасы грунтовых вод в горизонтах, питающих эти реки, увеличатся, дебит источников и рек возрастет, оживут многие иссякшие родники, пересыхающие реки станут полноводными, у названных рек исчезнут эпитеты: Сухая, Горькая, Гнилая и т.д.

На полях колхозов и совхозов, а также на землях государственного фонда в пределах Ставропольского края за период с 1949 по 1965 г. должно быть посажено 200 тысяч гектаров полезащитных полос и, кроме этого, 51 тысяча гектаров лесных массивов. В результате этих работ общая площадь леса в крае удвоится, а площадь лесополос, составляющая в настоящее время 16 тысяч гектаров, возрастет в $13^1/_2$ раз. На каждые 100 гектаров пашни будет приходиться в среднем по 6,25 гектаров леса. В восточных и северных районах края: Апанасенковском, Ипатовском, Арзгирском, Архангельском, Благодарненском, Буденновском, Бурлацком, Новоселицком, Дмитриевском, Курском, Левокумском, Молотовском, Петровском, Степновском, Труновском и Туркменском, в большей степени страдающих от засух и суховеев, лесополосы будут создаваться особенно густо, через каждые 300—350 метров, и общий процент леса к пашне здесь дойдет до 6,5%.

В более увлажненных южных и юго-западных районах: равнинной части края расстояние между лесополосами будет несколько большим — 350—400—500 метров, общая степень облесенности пашни будет колебаться от 5,3% до 6,25%.

Секретарь Краевого Комитета ВКП(б) тов. И.П. Бойцов в своем докладе о Сталинском плане преобразования природы указывал на огромный размах предстоящих лесопосадочных работ: например, в Ипатовском районе площадь лесополос должна будет возрасти к

1965 г. с 676 гектаров, имеющихся в настоящее время, до 6860 гектаров, в Арзгирском районе она возрастет с 670 гектаров до 8520, в Курском районе площадь лесополос возрастет в 14 раз, в Апанасенковском в 16 раз, а в Молотовском даже в 40 раз.

Работы по полезащитному облесению будут также сочетаться с восстановлением имеющихся лесных полос, поврежденных и изреженных в период войны, когда лесные полосы играли заметную роль в боевых операциях и часто использовались как хорошее маскировочное средство. Немецко-фашистские оккупанты, всеми силами стремясь нанести ущерб советскому народу, нещадно истребляли полезащитные лесополосы и ценнейшие лесные массивы. Например, ими была вырублена большая часть Ставропольского городского леса, вырублена значительная часть Бештаугорских лесов, лесов горы Машук и т.д.

Одним из звеньев плана преобразования природы является охрана и дальнейшее расширение лесных массивов степных и лесостепных районов, расположенных на землях гослесфонда, и колхозных лесов.

В этой области на территории края на ближайшие три пятилетия также намечены обширные лесокультурные и лесопосадочные работы. Постановление Исполкома Краевого Совета депутатов трудящихся и Краевого Комитета ВКП(б) по этому поводу дает такую директиву:

«Принять меры к сохранению ценных лесных массивов в крае — Бештаугорского и Янкульских лесов и Дмитриевской лесной дачи, а также всех лесных массивов, расположенных по водоразделам рек Егорлыка, Калауса, Кумы и Подкумка, установив строгий режим рубок, обеспечивающий сохранение и улучшение этих лесов». Среди указанных лесных массивов имеется Темнолесенская лесная дача, расположенная на склонах горы Стрижамент, водоразделе Егорлыка и Кубани. Этот лес представляет большую ценность не только как водоохранный массив, но и потому, что в Темном лесу сохранился единственный на равнинах Ставрополья участок векового букового леса, воссоздающий облик тех лесов, которые в прежнем покрывали склоны Ставропольских высот и других участков Ставропольской возвышенности. Этот же лес, являющийся самым восточным участком буковых насаждений в пределах Европейской части СССР, достоин стать специальным заповедником.

Еще большее значение среди отмеченных массивов леса принадлежит Бештаугорской лесной даче, охватывающей леса на склоне горы Бештау, горы Железной, Машука и других лакколитов Пятигорья. Эта обширная лесная дача охраняет знаменитые целебные воды Пятигорья, образующиеся из глубинных горячих вод, идущих от ядер лакколитов и вод, возникающих в поверхностных горизонтах земной коры. Кроме того, леса Бештаугорской дачи превращают курорты Кавминводской группы, в частности Железноводск, также и в летний горно-климатический курорт и украшают наши курорты. Значение охраны Бештаугорского лесного парка подчеркивается в постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б).

План преобразования природы степных и лесостепных районов базируется на тщательном изучении природы южных районов. Планом указываются не только общий объем работ и направление государственных лесополос, но и система облесения колхозных полей. Основные лесополосы, как правило, должны создаваться по границам полей севооборотов колхозов и совхозов, а при больших размерах полей севооборотов — внутри их, по границам бригадных участков.

Ширина лесополос и расстояние между ними должны изменяться в зависимости от местных условий и назначения каждой из них. Полосы, защищающие поля от ветров, должны создаваться шириной 10—20 метров. На склонах, подверженных смыву, они должны быть шире — до 60 м. Приовражные и прибалочные лесопосадки, также предусматривающие борьбу с размывом и развеванием, должны достигать до 50 метров ширины, крутые склоны балок и оврагов сплошь засаживаться деревьями, вокруг водоемов необходимо создавать лесополосы шириною до 20 метров.

Планом также рекомендуются для посадок определенные породы деревьев и кустарников в соответствии с особенностями почвенного покрова той или другой местности. Так, в западной части Ставропольского края на различных типах черноземных почв основными породами должны явиться дуб, гледичия, ясень, акация белая, сопутствующими породами — клен остролистный и полевой, абрикос, груша и кустарниковые — смородина золотистая, скумпия. На более богатых гумусом приазовских и предкавказских черноземах, кроме указанных, могут сажаться липа, граб, шелковица белая, кизил. На более бедных южных черноземах в числе сопутствующих и кустарников также рекомендуются яблоня и бирючина.

В пределах полосы темно-каштановых почв, протянувшейся почти меридианально через центральную часть края, в направлении с. Тахта, Петровское, Георгиевск, к породам, указанным для черноземов, добавляется еще кустарниковая жимолость татарская, и для песков рекомендуется сосна обыкновенная.

В следующем почвенном районе, занимающем весь восточный и северо-восточный участок края, восточнее линии Дивное — Буденновск, характерном светло-каштановыми и засоленными почвами, состав пород значительно изменяется. Главными здесь становятся вяз мелколистный, акация белая, сопутствующими им будут клен татарский, шелковица белая, из кустарников — смородина золотистая и приспособленные к засоленным почвам лох узколистный, называемый на Ставрополье маслинкой, и тамарикс, хорошо известный ставропольцам под именем гребенчука.

Среди намечаемых к посадке пород имеются и долговечные, как, например, дуб, представляющий очень ценную, но медленно растущую породу, так и менее долговечные, но быстро растущие породы. Намечаемые планом посадки 10—15 процентов плодовых деревьев и кустарников, в том числе груши, яблони, абрикоса, смородины, белой шелковицы, значительно увеличат обеспеченность населения плодами, в то время как сейчас многие районы края их совсем не имеют.

Лесопосадочные работы в Ставропольском крае будут также преследовать и цели закрепления подвижных песков. Подвижные пески, называемые у нас барунами, имеются главным образом на востоке — в Левокумском и Курском районах. Правительственный план обязывает краевые организации в период с 1949 г. по 1955 год закрепить 13,5 тысяч гектаров, то есть, примерно, одну треть песчаных массивов,

в том числе на 1949 г. намечается закрепление 1,8 тысяч гектаров. Работы будут производиться силами краевого управления лесного хозяйства. Буруны, представляющие собою холмистые песчаные участки, будут засаживаться белой акацией, мелколистным вязом, дубом, тополем, белой шелковицей, абрикосом, лохом узколистным, скумпией, тамариском, ивой, сосной и среднеазиатским джузгуном. Промежутки между лесополосами будут засеваться различными травами, и таким образом эти участки будут не только закрепляться, но и превращаться в ценные пастбища и покосы. Успешная деятельность нашего земляка, ученого-селекционера профессора А.И. Державина по выведению новых сортов растений позволяет применить для закрепления песков новое растение, полученное профессором Державиным от скрещивания сахарного сорго и гумая, так называемый сорго-гумаевый гибрид, обладающий высокой засухоустойчивостью, значительной высотой — в 2,5 метра, обеспечивающей урожай сена до 25 центнеров с гектара. Сорго-гумаевый гибрид будет давать не только сено, его сахаристые стебли могут использоваться для получения патоки, заменяющей сахар.

Великий план преобразования природы степных районов страны требует колоссальных работ по подготовке и вспашке почвы, посадке и посеву леса, уходу за лесонасаждениями, выращиванию посадочного материала, сбору семян древесных и кустарниковых пород.

Осуществление плана потребует продуманной организации труда во всех звеньях колхозов, совхозов, предприятий управления лесного хозяйства, занимающихся лесонасаждениями, широкой механизации труда, детального изучения природных особенностей каждого района и биологии высаживаемых растений и т.д.

В этих целях на территории края создаются пять новых лесхозов: Дмитриевский, Приманычский в Арзгире, Нижнекалаусский в с. Дивном, Ворошиловский в с. Михайловском и Курской; создается 25 лесозащитных станций, обязанности которых будут состоять в подготовке почвы, посадке леса и уходе за лесонасаждениями.

Колоссальная потребность в лесопосадочном материале, выражающаяся в 23,7 млн. штук в 1949 г., в 38,4 миллионах штук в 1950 г. и почти в миллиард саженцев в 1951—1955 гг., будет удовлетворяться через существующие и вновь организуемые питомники лесхозов, треста «Агролесопитомник», совхозов и колхозов. В 1949 году должно быть заложено 178 питомников только по линии Краевого Управления сельского хозяйства.

Борьба с засухой в Ставропольском крае, согласно правительственному плану, будет проводиться не только путем облесения полей, но и путем орошения водами Кубани и притоков Терека, а также использования вод местного стока. Помимо действующей в юго-восточной части края Терско-Кумской оросительной системы, в настоящее время начинается широкое применение орошения в районах, расположенных вдоль Егорлыка, за счет воды первой очереди Кубано-Егорлыкского канала. Колхозы этих районов в ближайшие два года должны будут освоить 10 тысяч гектаров орошаемых земель. С пуском второй очереди Кубано-Егорлыкской обводнительной системы площадь орошаемых земель в этом районе достигнет 125 тыс. гектаров.

В районах, расположенных вне территории, охватываемой Кубано-Егорлыкской и Терско-Кумской системами, орошение будет базироваться на водах местного стока. Всего за семь ближайших лет, с 1949 по 1955 г., в колхозах края будет создано 500 прудов и 170 прудов на совхозных землях, из них 50 прудов в 1949 г. Больше всего будет создано прудов в Курсавском районе, не имеющем воды для питья и водопоя. Здесь только на колхозных землях намечено создать 58 водоемов. Затем следуют Ново-Александровский район — 38 прудов, Апанасенковский — 29, Нагутский — 28 и т.д. Создание такого большого количества искусственных водоемов позволит широко развить посадки овощей, картофеля, которых не имели многие районы края. На орошаемых участках возникнут посевы риса, широко разовьется виноградарство. Пруды будут использованы для рыборазведения и установки колхозных и совхозных гидроэнергетических станций. В создании прудов колхозам будет оказана большая помощь со стороны государства как по линии проектно-изыскательных работ и техническому руководству, так и по линии предоставления долгосрочных кредитов.

Но все мероприятия по преобразованию природных условий края — лесоразведение, строительство прудов и другие — будут иметь благоприятное влияние на развитие сельского хозяйства только при условии выполнения других мероприятий, намечаемых государственным планом, касающихся внутренней структуры сельскохозяйственного производства, соблюдения рациональных приемов агротехники и т.д. Среди этих мероприятий основным является переход к травопольным севооборотам. В этом отношении колхозы Ставрополья достигли значительных успехов, введение травопольных севооборотов, согласно правительственному сообщению, в Ставропольском крае достигло 100%. Но в деле освоения севооборотов еще имеется ряд недостатков, заключающихся главным образам в недостаточном производстве семян посевных трав, сокращении, по сравнению с 1940 г., укосных площадей и т.д. Постановление исполкома Ставропольского Крайсовета и Крайкома ВКП(б) о плане полезащитных лесонасаждений в крае предлагает в кратчайшее время ликвидировать указанные недостатки, а также обеспечить вспашку земли в соответствии с требованиями агрономической науки, лущение стерни, борьбу с сорняками и вредителями сельскохозяйственных культур, развитие снегозадержания, применение удобрений, главным образом, за счет вывоза на поля навоза. Особенное внимание уделяет постановление обеспечению посева сельскохозяйственных культур только сортовыми семенами, развитию селекционной работы и наряду с этим подготовке кадров, способных успешно работать по осуществлению плана борьбы с засухой и перестройки сельского хозяйства края.

Великий план преобразования природы, созданный советским государством, встречен всем советским народом как новое яркое доказательство укрепления могущества нашей Родины и величайшей заботы партии и правительства о нуждах населения и о процветании советской земли.

Новым трудовым и политическим подъемом ответили колхозники, рабочие МТС, совхозов, лесхозов,

специалисты сельского и лесного хозяйства на опубликование этих исторических решений. Готовность советских людей претворить в жизнь программу плана, ускоряющую переход от социализма к коммунизму, нашла яркое выражение в многочисленных письмах к инициатору плана борьбы с засухой товарищу И.В. Сталину. Так, колхозники, рабочие и специалисты сельского и лесного хозяйства Ставропольского края обещали товарищу И.В. Сталину досрочно выполнить показатели государственного плана полезащитных насаждений, введения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов по краю. К концу декабря 1948 года уже было вспахано для весенних лесопосадок 6700 гектаров, собрана 321 тонна семян древесных пород, заложено 219 гектаров лесопитомников. За 1948 год построено 75 водоемов.

В газете «Ставропольская правда» ежедневно печатаются письма колхозников, берущих на себя обязательства о создании дополнительных лесополос, новых площадей орошаемых участков, закладке колхозных лесопитомников и т.д.

* * *

Претворение в жизнь плана преобразования природы является делом не только работников сельского и лесного хозяйства, но и всего советского народа. Каждый трудящийся СССР должен найти для себя место и участок работы, в котором он сможет быть полезным в выполнении грандиозных задач плана. Это в особенности относится к широким слоям краеведов — учителей, агрономов, научных работников, пионеров, школьников, студентов, работников интеллигентного труда и т.д.

Советское краеведение ставит задачи не только теоретического изучения своей местности, но и стремится к реальной помощи в решении тех или иных практических вопросов, стоящих перед народным хозяйством или культурным развитием своего края, района, населенного пункта. В настоящее время силы всех краеведов должны быть мобилизованы на претворение в жизнь сталинского плана преобразования природы. Задачи плана столь обширны и разнообразны, что работник любой специальности, помогая осуществлению плана, сможет найти применение своим силам и знаниям и интересное для себя занятие.

Успешное выполнение плана требует детализации целого ряда вопросов, изучения природных особенностей местности, ее рельефа, выяснения деталей в распределении почв, микроклиматических условий, биологических особенностей растений, высаживаемых в лесополосах, наличия животных и насекомых, вредных или полезных лесопосадкам. В решении всех этих вопросов неоценимые услуги могут оказать краеведы, хорошо знакомые с особенностями своей местности. Поскольку состав пород, включаемых в лесополосы, зависит от почвенных условий, а характер почвы в зависимости от рельефа и других факторов может меняться даже на коротких расстояниях, особенно в восточных частях края, то потребуется выяснение почвенных особенностей каждого севооборотного поля, каждого бригадного участка. В выполнении этой задачи могут помочь местные учителя и школьники, знакомые с простейшими методами полевого анализа почв.

План лесонасаждений предусматривает вариации в ширине лесополос и расстояний между ними в зависимости от микроклиматических условий. На участках, наиболее подвергающихся действию сильных ветров, они должны делаться шире, расстояние между ними сокращаться. Опять-таки местные краеведы должны изучить и указать такие особо «ветроопасные» участки. Метеорологические наблюдения, проводимые в ряде школ, например, членами Ставропольского общества краеведения учителем Папуша в ст. Ново-Троицкой, учителем Бганцевым в с. Петропавловке Арзгирского района и другими учителями, получившие высокую оценку на страницах печати со стороны работников Краевого Управления сельского хозяйства, также будут способствовать конкретизации и уточнению мероприятий по борьбе с засухой. В этом отношении особо желательно максимальное распространение среди школ наблюдений над количеством и характером осадков, так как этот метеорологический фактор от места к месту резко изменяется, существующая же сеть станций недостаточна для учета этих изменений. Распределение же осадков по территории обуславливает почвенный покров, условия произрастания растений, количество вод местного стока, процессы смыва почвы отдельных мест и ряд других процессов, влияющих на земледелие.

Не менее важное значение будет иметь изучение биологии высаживаемых в лесополосах деревьев и кустарников. Помимо пород, рекомендованных к посадке планом, краеведы смогут указать ряд местных растений, приспособленных к климату и почве, которые также целесообразно будет использовать; в особенности это касается травянистых растений, необходимых для засевания между лесополосами на закрепляемых песчаных участках. Юные краеведы и пионерские организации края несомненно окажут большую помощь не только в изучении растений, но и в сборе семян деревьев для питомников, семян кормовых трав для закрепления лесков и введения их в севооборот. Велика может быть роль школьников в посадках деревьев в селениях, вокруг водоемов, в охране леса, в борьбе с вредителями лесных полос. Первые шаги в этом отношении уже начаты, с приближением весны их размах должен становиться все большим и большим.

Создание лесополос потребует также изучения и организации борьбы с вредителями леса, так, например, в прежнее время, при закреплении песков в Ачикулакском районе, молодые деревья сильно страдали от пруса, от медведки, от зайцев и других грызунов. Столь значительное облесение может изменить состав животного мира каждой местности, здесь могут появиться новые для данного участка представители фауны, как благоприятные для сельского хозяйства, например, насекомые-опылители, птицы, уничтожающие вредителей сельского хозяйства, так и вредные для него.

Эти изменения должны изучаться для принятия своевременных мер для борьбы с распространением вредных животных и насекомых.

При создании многочисленных водоемов краеведы, знакомые с условиями рельефа, могут быть полезны при выборе места для пруда, для изучения гидрологического режима создаваемых водоемов и изучения их гидробиологических свойств, решения вопросов о рыборазведении. Предварительное изучение местности при создании водоемов важно также и для того, чтобы избежать возможности превращения их в малярийные очаги, в этих целях желателен учет мест обитания в пределах края рыбки-гамбузии, уничтожающей личинок комаров, и разведение ее в создаваемых прудах.

Обширное поле деятельности представляет учет изменений всей природной обстановки края в результате его облесения, учет эффективности лесополос и посева трав-закрепителей песков, эффективности других мероприятий плана. Необходимо будет выявить возникающие изменения климатического режима, изменения процессов водной и ветровой эрозии почвы, изменения, возникающие среди растительного покрова и животного мира. Но учет этих изменений возможен только на основе сравнения соответствующих факторов с их современным состоянием. Так, например, в области зоологии, для того, чтобы выяснить, какие новые животные, насекомые и птицы появятся в результате облесения, нужно учесть их современный состав в данной местности.

Краеведы должны заняться учетом экономической эффективности осуществляемых мероприятий плана, в частности, роста урожайности тех или иных культур и сенокосных угодий, роста доходов колхозов от рыболовства, сбора плодов среди лесополос и т.д.

Конкретные факты и цифры эффективности плана борьбы с засухой особо будут важны в другом большом разделе работы краеведов, в разделе пропаганды всего плана преобразования природы и его отдельных мероприятий среди самых широких слоев трудящихся края. Пропагандируя план, надо показать, как страдала данная местность в прошлом от периодических засух и суховеев, как усугублялись неблагоприятные стороны климата местности в результате хищнического использования почвы и других природных богатств края частными хозяевами, приводившего к распылению почв, росту пылевых бурь, оврагов, истощению почвы, снижению урожайности и т.д. Наряду с этим показывать научные основы сталинского плана преобразования природы, рассказывать о его славных творцах, выявлять перспективы развития хозяйства, создаваемые планом, характеризовать первые достижения в этой области. Кроме знакомства с планом борьбы с засухой, краеведы должны будут в той или иной степени пропагандировать среди населения рациональные агротехнические приемы земледелия, отвечающие особенностям местной природы, осуществления которых требует государственный план.

Великий план преобразования природы все более и более входит во все сферы нашей жизни, нашего быта, народ создает о нем песни, сказания. И в этой области краеведам предстоит большая работа по учету влияния сталинского плана не только на перестройку всей хозяйственной деятельности, но и по учету отражения плана в народном творчестве, в песнях и других произведениях фольклора.

Природа является матерью-кормилицей, но она также таит в себе много опасностей для человека, среди них — засухи, суховеи, пылевые бури, вмиг уничтожающие плоды длительного упорного труда, превращающие цветущие области в пустыню. Следуя мичуринскому принципу, мы не можем ждать милостей от природы, нам надо самим брать их от нее, а для этого надо обезвредить все неблагоприятные для сельскохозяйственного производства природные факторы, т.е. взять в свои руки руководство течением природных процессов.

По сообщению В. Викторова, Василий Робертович Вильямс в свое время принял наших земляков-ставропольцев — делегацию колхозников сельхозартели «Красный ключ» Петровского района. В беседе с ними он наметил такую перспективу урожайности полевых культур для этого колхоза при освоении травопольных севооборотов: колосовые культуры — 60–65 центнеров с гектара, подсолнечник — 40, хлопок — 30, кукуруза — 65, бахчи и корнеплоды — 400 центнеров с гектара.

«Речь тогда шла об одном степном колхозе, — говорит тов. Викторов. — Травопольные севообороты, лесопосадки, строительство прудов и водоемов — все мероприятия, намеченные сталинским планом преобразования природы, — теперь осуществляет не один, а все колхозы и совхозы, и в этом заложен источник большого успеха. Такого огромного размаха работ не мог предвидеть великий ученый. Но уже тогда он мечтал, что наступит то время, «когда урожай в 100 центнеров с гектара будет средним урожаем моей Родины!».[13]

В нашей социалистической стране разработан первый в мире план преобразования природы на обширном пространстве. Он утверждает господство над силами природы человека. В условиях единой системы социалистического труда осуществление плана будет иметь громадное значение не только для вас, но и для всех грядущих поколений, оправдывая слова центрального органа нашей партии «Правды»: «Никогда не забудут благодарные потомки мудрых решений партии Ленина-Сталина, разработавшей и осуществившей план преобразования природы».

Примечание составителей

Статья была написана в 1949 году и отображает идеологию и дух времени, которые для нас уже история.

Примечания

1. Ф. Панферов. О Великом плане. — «Правда», 5. XII. 48 г.

2. Вильямс В.Р. В.В. Докучаев в борьбе с засухой. Предисловие к книге Докучаева «Наши степи теперь и прежде». Сельхозгид, 1936.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же.

6. Бойцов И.П. Претворим в жизнь Великий Сталинский план преобразования природы // «Ставропольская правда», 8. XII. 1948.

7. Доц. Гаврилюк Ф.Я. Почвы Ставропольского края. — Ставрополь, 1947.

8. Здесь и ниже слова Д.Л. Иванова цитируются по статье: Иванов Д.Л. «Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края» // Известия Русского Географического Общества, 1886, том III.

9. Докучаев В.В. Русский чернозем, стр. 277.

10. «Труды 1 Северо-Кавказского мелиоративного съезда». Новочеркасск, 1914 г.

11. См. указанные ранее «Труды съезда».

12. Шаврыгин П.И. Пыльные бури на Северном Кавказе // Журнал «Природа», № 11, 1936 г.

13. В. Викторов. «Знамение коммунизма» — газета «Ставропольская правда» за 1949 г.

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г. Сталинский план преобразования природы и задачи краеведов Ставрополья // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Краевое книжное издательство, 1949. — Вып. 1. — С. 3—33.

В далеком прошлом

Местность, на которой раскинулся Ставрополь, человек заселял с древних времен. Об этом свидетельствуют находки старинных орудий труда, предметов домашнего обихода и давних захоронений людей. Так, у пригородных сел Надежда и Михайловка были найдены каменные топоры. В самом Ставрополе, у реки Ташлы, — бронзовые наконечники копий, на улице Дзержинского — каменная булава вождя. И, наконец, в районе Химбакинститута[1] археологом Минаевой в 1940 году было обнаружено погребение, совершенное примерно около четырех тысяч лет тому назад, в бронзовом веке. В неглубокой яме лежали кости мужчины, кремневый скребок, костяной наконечник стрелы, небольшой медный нож, точильный брусок и отшлифованный каменный молот.

Основным занятием древнейшего населения Ставропольской возвышенности являлась охота, что подтверждается найденными орудиями труда, которые хранятся в Краевом музее. Общественная жизнь доисторических обитателей протекала в первобытно-родовых коммунах, при коллективном владении орудиями труда, окрестными степями и лесами.

С VII века до нашей эры господствующее положение на Ставропольском плато занимали скифы. Их многочисленные курганы сохранились в пригородах Ставрополя, по дороге на село Татарка и в других местах. Кочевники скифы применяли железо, занимались охотой, разводили скот. Общество у них делилось на классы. Из основной массы кочевников выделялась богатая знать, владевшая стадами и табунами. Их скотоводство обслуживалось рабами. По описаниям древних историков, скифы были ловкими наездниками, умелыми охотниками, жестокими воинами. Кожей убитых врагов они обтягивали колчаны, а из черепов делали чаши.

С течением времени скифов вытеснили родственные им племена сарматов, а с I века нашей эры Ставропольскую возвышенность занимали предки осетин — аланы.

Следы поселения алан были обнаружены в самом городе на площади имени Маяковского при прокладке водопровода и на левом берегу Мамайки при его распашке. Аланы занимались земледелием, пастбищным скотоводством и охотой. Они вели оживленную торговлю с городами побережья Черного моря и со странами Востока. Об этом рассказывают находки на территории Ставрополя монет[2] Боспорского и Парфянского царств.

Северо-западнее алан жили анты — славяне, издавна населявшие бассейн реки Дона и полуостров Тамань.

В IV веке н.э. по Северному Кавказу лавиной пронеслись кочевники монголы, гунны. Они покорили алан и вытеснили некоторые из их племен со Ставропольской возвышенности в Кавказские горы.

С распадом гуннской державы господствующее положение на Северном Кавказе захватили хазары. Эти отсталые, но воинственные тюркские племена подчинили себе алан, а в дальнейшем заняли и восточнославянские земли на юге. Овладев торговыми путями между западом и востоком, хазары ввели высокие пошлины на провозимые товары. Затем они двинулись вглубь владений восточных славян, покорили их и наложили тяжелую дань.

К X веку восточные славяне объединились, образовали древнерусское государство, усилившееся при князе Святославе.

Для избавления Руси от унизительной хазарской дани, освобождения ее земель на юге и беспрепятственной торговли со странами Востока был совершен решительный поход восточных славян против хазар. В 965 году отважные дружины Святослава разгромили хазарские войска, затем разрушили и сожгли их города. В дальнейшем славянские дружины вошли в хазарские владения на Северном Кавказе, где победили ясов и косогов, то есть осетин и черкесов. В период этого похода Святослав укрепил русское княжество Тмутаракань на полуострове Тамань.

Поверженное хазарское царство вскоре окончательно было добито половецкими, печенежскими и другими кочевыми племенами. Памятниками пребывания на нашем плато этих кочевых племен служат так называемые «каменные бабы», расставленные ими во многих местах.[3]

С XIII века территорию Северного Кавказа занимают монголо-татары. Владычество их над покоренными народами Маркс называл «кровавой грязью монгольского ига». «Оно не только давило, — писал Маркс, — оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой». На Ставропольском плато татары кочевали почти до конца XVIII века. В память о них остались названия пригородных рек: Мамайки (по имени татарского хана Мамая), Ташлы (от татарского слова «каменистая») и речки Татарки, что в восьми километрах к югу от Ставрополя.

Местные татарские орды с XV века вошли в состав Крымского ханства, которое в конце века потеряло самостоятельность и превратилось в турецкого вассала.

Весь Кавказ, таким образом, оказался во враждебном кольце. На юге его окружали агрессивные Турция и Иран, а на севере — зависимое от Турции Крымское ханство.

* * *

С XVI столетия усилившаяся Турция и шахский Иран упорно стремились захватить Кавказ и поработить его народы. Однако в судьбах Кавказа была заинтересована и Россия. Она боролась за освобождение русских земель на юге от турецко-татарских захватчиков и за обеспечение безопасности юго-восточной границы. Кроме того, Россия нуждалась в морях. Крайняя потребность народов России в морских побережьях особо отмечена Марксом. «Ни одна великая нация, — писал он, — не существовала и не могла существовать в таком удалении от всех морей. Никто не мог себе представить великой нации, оторванной от морского побережья».

Политика России на юго-востоке облегчалась неоднократными просьбами народов Кавказа об оказании им помощи в борьбе за освобождение от ирано-турецкого порабощения.

Еще в пятидесятых годах XVI столетия кабардинские князья обратились с просьбой к Ивану IV защитить их от набегов турок и подвластных турецкому султану орд крымского хана. В Москву из Кабарды была послана делегация в составе 155 человек. В 1556 году русские войска заняли Астрахань — последний татарский оплот на Волге, и Россия получила выход в Каспийское море.

Падение этого ханства радостной вестью пронеслось по Кавказу. Прекратились набеги на горские аулы орд астраханских татар, а местное население убедилось в могущественности России.

В 1588 году русское государство выстроило у устья Терека укрепленный городок Терки и в его гарнизон послало три стрелецких полка.

Этим актом Россия решительно разорвала ирано-турецкое кольцо окружения Кавказа.

В 1722 году Петр I походом на Кавказ укрепил безопасность русской юго-восточной границы и одновременно оказал большую помощь народам Кавказа в борьбе как с Турцией, так и с Ираном. На побережье Каспия он заложил сильную крепость недалеко от устья реки Сулак, назвав ее именем Святого Креста.[4]

Впоследствии войска России были отозваны с прибрежной линии Центрального Кавказа и расположены по Тереку на старом рубеже. Крепость Святого Креста в 1735 году была снесена русскими войсками, а взамен ее выстроена новая крепость Кизляр.

В 1737 году тревожные события развернулись на Дону. Воспользовавшись отсутствием строевых казаков, воевавших в это время с турками в Бессарабии, крымские орды двинулись к донским поселениям. Переправившись в августе через Дон, они прошли вверх по реке 194 версты, разоряя по пути казачьи станицы. Оставшиеся в них женщины и девушки-казачки упорно защищали свои семьи и хозяйства; переодевались в одежду казаков, вооружались и храбро сражались, но и это не спасло их от разорения и рабства. По произведенному впоследствии учету оказалось, что нападению подверглись шесть станиц и совершенно был разрушен Кумшицкий городок.

Напряженное положение создалось и на терской границе. Отход с Центрального Кавказа русских войск был истолкован не как дружелюбный акт, а как слабость России. Поэтому, не ожидая противодействия со стороны России, персидский шах Надир, поощряемый Англией, решил занять Кавказ и покорить его народы. Собрав в 1741 году 100 тысяч своих войск, этот шах отправил на английских судах по Каспию десант к берегам Дагестана, а с остальными силами двинулся по суше в Кавказские горы.

Получив вооруженный отпор от местных племен, озлобленный Надир разрушил по пути 14 аулов, истребил женщин, детей и стариков и соорудил кровавый холм из их голов. Звериная ярость Надира еще более ожесточила горцев. Отступая, они завлекли кровавого шаха вглубь гор и около аула Чох разбили его.

Происки английских колонизаторов и агрессивные действия персов на Кавказе вынудили Россию для защиты терской границы и безопасности горских народов выслать в 1742 году на Северный Кавказ сорокатысячное войско, а в 1745 году — еще два пехотных полка.

Значение русского влияния на юго-востоке Энгельс оценивал таким образом: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей».

Все последующие русско-персидские и русско-турецкие войны ослабляли силы шахского Ирана и оттоманской Порты, содействуя освобождению народов Кавказа от их исконных врагов.

Русско-турецкая война, спровоцированная Францией в 1768—1774 годах, после русских побед на Дунае и отражения турецкого десанта на Кавказе, закончилась полным разгромом турецких вооруженных сил. Влияние турок в Европе после войны резко упало, а их государство «Блистательная Порта» настолько ослабло, что вынуждено было сделать России ряд важных политических и территориальных уступок. По мирному договору, заключенному в с. Кучук-Кайнарджи, Крым был объявлен независимым от Турции, а власть султана над Кабардой была передана крымскому хану. Однако русское правительство заставило хана отказаться от этой власти и признать зависимость Кабарды от России.

Кабардинцы, избавленные от турецкого ига, освобождались, таким образом, и от подданства крымскому хану и уплаты ему непосильной, грабительской дани.[5]

Новая граница России на Северном Кавказе стала проходить от устья Терека вверх по этой реке до Моздока, а отсюда — на северо-запад к Азову.

Семисотверстное расстояние пограничной линии охранялось русскими войсками лишь на протяжении двухсот верст. Они размещались в Кизлярской и Моздокской крепостях и в 13 казацких станицах, расположенных между ними. Далее граница на пятисотверстном расстоянии, от Моздока до Азова, была незащищенной.

Вдоль этой границы кочевали жалкие остатки когда-то грозных монголо-татарских орд — подданных крымского хана, а за границей проживали кабардинцы, черкесы, абазинцы и другие кавказские народы.

Открытая граница на Северном Кавказе вызывала тревогу у России, тем более что утрата Турцией влияния в Крыму и Кабарде усилила вражду турецких феодалов. Но не только они переживали свои потери. Быстрое распространение влияния России на районы Черного и Каспийского морей обеспокоило французские и английские правящие круги, давно мечтавшие превратить в свои колонии и Крым и Кавказ. Однако они не вступали открыто в вооруженную борьбу, а для достижения своих целей провоцировали на военные столкновения с Россией то турок, то персов.

Так, Англия и Франция предоставили крупные займы с условием, чтобы Турция готовилась к новой войне и развернула широкую подрывную кампанию против русского влияния на Кавказе.

Опасаясь укрепления дружбы между народами Кавказа и русским народом, турецкое правительство поставило перед своими агентами задачу всемерно разжигать национальную вражду и особенно ненависть к русским. Крупную роль в проведении этой политики играло мусульманское духовенство, усиленно насаждавшее ислам и возбуждавшее среди горцев религиозный фанатизм.

Нетерпимость этого «учения» к иноверцам, тем более к установлению с ними дружбы, подчеркивалась Марксом: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство, — писал он, — сводят географию и этнографию народов всего мира к простой и удобной формуле деления на две половины: правоверных и неверных. Неверный, это — «гяур», это — враг. Ислам проклинает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными».

На эту сторону исламизма и рассчитывали султанские и шахские верхи и стоявшие за их спиной англо-французские капиталисты.

Некоторые кавказские феодалы и наиболее отсталые племена поддавались на эти провокации. Они создавали вооруженные отряды, которые насильственным путем стремились подчинить султану горское население. Их отряды, соединяясь с ордами подданных крымскому хану татар, проникали через открытую границу за Дон в южные части Воронежской, Саратовской и Астраханской губерний. Из-за частых набегов хозяйственная деятельность и мирная жизнь нарушались, а проживание здесь становилось опасным. Открытую часть границы использовали контрабандисты и англо-турецкие шпионы. Все это требовало надежной защиты границы.

Положение в самой России во второй половине XVIII века характеризовалось обострением борьбы крепостных крестьян против угнетавших их помещиков-дворян. Крестьянскими восстаниями были охвачены многие губернии России. Наконец в 1773 году вспыхнула крестьянская война под руководством Емельяна Ивановича Пугачева.

Жестоко расправившись с восставшими крестьянами, Екатерина II еще более усилила крепостнический гнет, а волжских казаков за их участие в крестьянской войне решила сослать на Кавказ и прикрыть ими границу от Азова до Моздока.

Григорий Александрович Потемкин, светлейший князь Таврический, генерал-фельдмаршал, наместник Астраханской, Азовской и Новороссийской губерний

Закрытие границы и создание на Кавказе новых русских форпостов было поручено Г.А.Потемкину, назначенному в ноябре 1775 года наместником Астраханской, Азовской и Новороссийской губерний. По его распоряжению была обследована граница от Азова до Моздока, составлены карты местности и описание пограничной линии.

5 мая 1776 года Потемкин представил Екатерине II доклад «О заселении пограничных по Тереку земель Волгским войском; о соединении всех под разными названиями состоящих небольших войск в один корпус и о наименовании его Астраханским казачьим войском». По этому проекту граница прикрывалась волжскими казаками и солдатами-отставниками.

Из своих волжских станиц казаки выселялись на Кавказ, где от Моздока до Азова должны были выстроить шесть укрепленных селений. В других пограничных местах добровольно селились уволенные со службы солдаты.

К началу следующего года часть волжских казаков прибыла в назначенный им корпус, однако большинство из них, поняв, что переселение на Кавказ является местью дворян за участие казаков в крестьянской войне, а также за укрывательство от помещиков беглых крепостных крестьян, разбежались. Да и добровольных переселенцев на пользовавшийся в то время дурной славой «погибельный» Кавказ нашлось немного. В результате этот план Потемкина не был осуществлен.

В апреле 1777 года Потемкин представил Екатерине II новый доклад «Об утверждении линии от Моздока до Азова». В этом докладе мероприятия по закрытию Северо-Кавказской границы были разработаны полнее. На границе создавалось десять укрепленных селений, ряд форпостов и редутов. Для строительства и заселения линии ссылались на Кавказ не только волжские, но и неблагонадежные хоперские казаки. Работы прикрывались войсками: несколькими полками казаков с Дона, Владимирским драгунским, Кабардинским пехотным полками и двумя батальонами егерей. Все эти войска сводились в Астраханский корпус.

Строительство укреплений намечалось от Моздока и проходило по рекам Тереку, Малке, Куре, Подкумку, Карамыку, Калаусу, Ташле, Егорлыку и далее по Манычу к Черкасску. Сооружение всех укреплений предполагалось закончить летом 1777 года. Для ускорения постройки к работам привлекалась одна треть регулярных частей, а за труд солдатам полагалось жалованье по пяти копеек в сутки.

Укрепленная линия предназначалась не только для охраны границы. Под ее прикрытием предусматривалось расширение на Северном Кавказе хлебопашества, виноградарства и садоводства, заведение для нужд текстильной промышленности России хлопководства, шелководства и тонкорунного овцеводства.

Купечество России, опираясь на укрепленную линию, рассчитывало расширить свою внешнюю торговлю и вытеснить англо-французских конкурентов с ближневосточных рынков.

Ставрополь — военный центр Кавказа

24 апреля 1777 года проект Потемкина был утвержден Екатериной. Командиром Астраханского корпуса и строителем Азово-Моздокской укрепленной линии был назначен генерал-майор Якоби.

По пути из Петербурга на Кавказ Якоби 20 мая получил от Потемкина следующий приказ: «Учреждаемые по линии от Моздока до Азова укрепленные селения наименовать: 1-е с-я Екатерины, 2-е с-го апостола Павла, 3-е с-я Марии, 4-е с-го Георгия, 5-е с-го апостола Андрея, 6-е с-го Александра Невского, 7-е Ставрополь, 8-е Донское, 9-е Московское, 10-е Владимировское».

Вскоре началась подготовка к закрытию всей северокавказской границы.

Первыми на линию выступили два полка донских казаков. Вдоль открытой границы они установили посты, а между ними дозоры. После этого из Саратовской и Воронежской губерний к урочищу Маджары (около теперешнего Буденновска) начался подвоз продовольствия для войск. Из Астраханской инженерной команды отправлялся шанцевый инструмент. Из Царицынской, Кизлярской и Моздокской крепостей — пушки для укреплений.

К границе стягивался корпус. 26 июля из Астрахани к Моздоку двинулся Кабардинский пехотный полк. Полки казаков с Волги и Хопра с повозками, нагруженными плугами и зерном, но без семей, сосредоточивались сначала в Царицыне. Туда же прибыл Владимирский драгунский полк (участвовавший в 1774 году в подавлении крестьянского движения Пугачева) и не случайно, а для конвоя «неблагонадежных» казаков.

6 августа пятьсот хоперских и семьсот волжских казаков в сопровождении драгун направились на

юг к урочищу Маджары. Движение полков происходило вдоль Ергеней — ряда возвышенных холмов, являющихся водоразделом между Волгой и Доном. Их западные склоны имели хорошую воду и обильные корма, а восточные были покрыты солончаками с выгоревшей травой и горько-соленою водой. Проводники калмыки, не желая опустошать пастбищ своих родичей, кочевавших в этих местах, перевели незаметно колонны полков с западного склона на восточный. В полках начался падеж коней. Измучались казаки, а после перехода Ергеней наполовину спешились.

Якоби между тем прибыл в Моздок, вызвал к себе князей Большой и Малой Кабарды и ознакомил их с решением правительства закрыть границу от Моздока до Азова. Якоби разъяснил при этом, что укрепленная линия создается и для их защиты «как сынов отечества» от утеснений со стороны Турции, крымского хана и Ирана. Князья «торжественно поклялись» в верности России. Затем Якоби пригласил ногайских мурз, кочевавших с ордами вблизи Моздока, договорился с ними о поставке лошадей и перевозке грузов и для «приласкания к России» роздал им подарки.

29 августа Кабардинский пехотный полк прибыл к Моздоку. Через день к урочищу Маджары подошел Владимирский драгунский полк с волжскими и хоперскими казаками.

После отдыха Кабардинский пехотный полк двинулся на запад, к урочищу Бештамаку (месту слияния в Терек пяти рек). 11 сентября там была заложена первая крепость линии — Екатерининская (теперь станица Екатериноградская, Кабардинской АССР). Строилась она до 28 сентября. Укрепления ее состояли из земляного вала и кругового рва, а артиллерийское вооружение — из 7 медных пушек, привезенных из Кизляра.

18 сентября Владимирским драгунским полком с волжскими и хоперскими казаками была заложена на реке Куре вторая крепость линии — Павловская (ныне станица Ново-Павловская, районный центр Аполлонского района Ставропольского края)

В первых числах октября двумя ротами солдат Кабардинского полка с частью казаков Волжского полка была заложена на реке Золке третья крепость линии — Марьинская (теперь станица Старо-Марьинская Георгиевского района).

Одновременно другими ротами солдат Кабардинского полка и волжскими казаками строилась крепость св. Георгия на реке Подкумке (в настоящее время г. Георгиевск) и Андреевская на реке Карамыке (вскоре она была ликвидирована, и вместо нее выстроена на реке Томузловке крепость Александра, теперь село Александровское).

Постройкой этих пяти крепостей заканчивалось строительство первой дистанции укреплений Азово-Моздокской линии.

Рядом с крепостями, в одноименных станицах, было поселено по 140 волжских казаков. Осенью 1777 года эти казаки вспахали целинные земли и посеяли озимые хлеба.

Самой сильной из пяти первых крепостей была Георгиевская. Грозно выдвинув свои форты на Куму и Подкумок, она контролировала верховья рек Кумы, Малки и Баксана. Строилась она фундаментально, из камня. Артиллерийское вооружение крепости, по тем временам, было мощным. В ней стояло 29 чугунных и медных пушек. В строительстве этой крепости принимали участие и местные жители-туркмены.

Второго октября Владимирский драгунский и хоперский казачий полки получили приказ Якоби двигаться к Черному лесу у реки Ташлы (к месту построения Ставропольской крепости). По пути эти полки оставили на реке Чичере 250 казаков и два эскадрона драгун, которые 18 октября основали здесь крепость Александровскую, переименованную впоследствии в Северную (теперь село Северное Александровского района).

22 октября 1777 года шесть эскадронов драгун и 250 хоперских казаков прибыли к Черному лесу у реки Ташлы. Этот день и является днем основания Ставрополя как русского населенного пункта на Кавказе.

Отдохнув несколько дней, казаки и драгуны занялись расчисткой векового леса (на месте теперешней Комсомольской горки), возвели затем часть укреплений, расставили в них пушки и соорудили постройки: конюшни на несколько сот лошадей, сараи для полковых обозов. По случаю теплой и бесснежной зимы казаки и солдаты не строили себе жилищ, а зимовали по-лагерному — в палатках.

Таким образом, поздней осенью 1777 года из второй дистанции крепостей Азово-Моздокской линии были заложены две крепости: Александровская, переименованная впоследствии в Северную, и Ставропольская.

Из всех основанных крепостей наиважнейшей была Ставропольская. Располагаясь на плато, в преддверии Кавказа, она занимала господствующее положение над всей окружающей местностью. Крепость прикрывала дороги на Дон и Царицын, контролировала проходы между Калаусскими высотами и Черным лесом, имела обсервационное (наблюдательное) значение для верховьев Кубани и впадающих в нее рек. Через нее шло сношение с Закавказьем и снабжение всех войск, расположенных на линии.

Основание на Кавказе семи новых русских форпостов встревожило английские и турецкие правящие круги. Чтобы помешать укреплению России на Кавказе, Турция засылала сюда большое количество своих агентов.

Некоторые горские князья, поддавшись турецким провокациям, нарушили свою клятву на верность России и в конце 1777 года решили силой оружия препятствовать созданию укрепленной линии на Кавказе. В связи с изменой князей генерал Якоби доносил в Петербург: «Народ стоит в непоколебимой верности и твердит, что как скоро взбунтуются их князья, то они отложась уйдут со всеми семьями в наши крепости, лишь бы их приняли без выдачи». Одновременно Якоби отдал приказ: если князья и их приближенные будут совершать нападения на русские укрепленные селения, «то защищаться до последней капли крови».

На Кубани в это время происходили тревожные события. Турецкий султан Абдул Гамид упорно провоцировал прикубанских татар на вооруженное столкновение с Россией. Русское правительство, желая мирного сожительства с этими татарами, решило изолировать их от пагубного влияния Турции. Такую сложную задачу поручено было разрешить победителю турок у Туртукая и Козлуджи, уже прославленному полководцу, генерал-поручику Александру Васильевичу Суворову.

По приказу Румянцева-Задунайского он был назначен командиром Кубанского корпуса, и 5 января 1778 года Суворов впервые прибыл на Северный Кавказ.

В укреплении Копыл (теперь станица Славянская Краснодарского края) Суворов принял корпус от генерал-майора Бринка и лично выехал на рекогносцировку Кубани.

Для изоляции татар от дальнейших турецких провокаций Суворов решил создать укрепленную линию от устья Кубани до Ставрополя (крайней правофланговой крепости Азово-Моздокской линии). Таким образом, северокавказская граница полностью прикрывалась и отпадала необходимость продолжения Азово-Моздокской линии.

Суворов строил энергично. Сам избирал места для укреплений, руководил работами, повсюду поспевал, учил солдат и наставлял. Из-за измены горских князей продолжал строительство и под огнем. За краткий срок, немногим более ста дней, Суворов как опытный, талантливый военный инженер выстроил до трех десятков укреплений. Ближайшая к Ставрополю крепость Павловская (теперь станица Кавказская) находилась, по его исчислению, в 131 $^1/_2$ версты.

Получив в дальнейшем назначение командовать одновременно и вторым корпусом Крымским, Суворов перевел свой штаб в Бахчисарай и выехал в Крым.

Строительство укреплений вверх по Кубани в «смычку» с Моздокской линией, «к Ташле», продолжалось по письменным указаниям Суворова.

Созданные укрепления на Кавказской границе, по заключению Суворова, были «неодолимы» для горских князей и «становились им совершенною уздою». Татарские орды этими укреплениями были оттеснены от Кубани и изолированы от турок. Их набеги на Дон прекратились.

Между тем строительство Ставропольской крепости у реки Ташлы (на теперешней Комсомольской горке) успешно продолжалось. Стены строили из камня, добываемого на месте. Толщину стен доводили до метра, а в высоту они были более двух метров. Для ружейной стрельбы в крепостных стенах устраивались бойницы, для крепостных пушек сооружались площадки, для боеприпасов — пороховой погреб, а для штаба Владимирского драгунского полка — шефский дом со службами.

Одновременно со строительством крепости строилась и Ставропольская казачья станица. Она располагалась в районе теперешнего нижнего рынка и улиц: Геннадия Голенева, Казачьей, Калинина, Кирова, Сталинградской и др. Росшие в те времена вокруг Ставрополя леса давали хороший строительный материал.

Для обороны казаки обнесли свою станицу земляным валом, а для выезда в поле и сообщения с крепостью построили ворота. У полевых ворот устраивались сторожевые вышки, на которых постоянно находились часовые казаки и наблюдали за прилегающей местностью. Кроме строительных работ и сторожевой службы, казаки ежедневно посещали Ставропольскую крепость, где обучались артиллерийскому делу. Дисциплина среди них поддерживалась сурово. Пятьдесят ударов плетью провинившемуся казаку считалось наказанием обыденным.

Нелегко жилось хоперцам. Они должны были строить крепость, станицу и одновременно вести свое хозяйство. С поселением на линии продовольственное снабжение их прекращалось, а казенного обмундирования и обуви вообще не полагалось. За время долгих переходов и утомительных работ казаки обносились, а поселившись здесь, еще и наголодались. Трудно было вести хозяйство и без семей, которые прибыли в станицу лишь в середине 1778 года. Не поддерживали казаков и материально. Положенного жалования не платили, обещанного пособия по 20 рублей на двор — не выдавали, а «льгота», освобождавшая их в течение 3 лет от военной службы, казалась насмешкой. Выезжал ли казак в поле или в лес, пас ли коня, вел ли его на водопой, все время он был начеку: с заряженным ружьем, с пистолетом за поясом и с остро отточенной шашкой.

Но все же, как ни бедствовали казаки, в конце концов они обустроились и наладили свое хозяйство. По словам 75-летнего казака (записанным И.В. Бентковским), «первый год косили там, где теперь дом командующего войсками (современные кварталы около стадиона «Динамо»), а хлеб сеяли, где собор старый (в районе теперешнего Нового Форштадта)». «Там,— рассказывал далее казак,— где теперь Армянская улица (современная ул. Шаумяна), была просека через лес, по ней ходили мы по воду из крепости, к роднику, его теперь нет. Около теперешней армянской церкви (сохранилась до настоящего времени) было озеро из родников, текущих из горы. Бывало, из станицы в крепость без ружья не ходили; а из крепости за вал оплошно не показывай носа».

К осени 1778 года строительство Ставропольской крепости было закончено. Длина ее стен составляла 1698 метров,[7] а занимаемая площадь равнялась 10 гектарам. В южной части крепости для выезда в Георгиевскую крепость и сообщения с Черкасском были построены главные ворота. В северо-восточной части крепости находились вторые ворота — для связи с казацкой станицей. Главный бастион крепости с площадками для пушек помещался на месте, где построен теперь кинотеатр «Родина».

В строительстве крепости, кроме солдат и казаков, принимали участие и местные кочевники — ногайцы, подвозившие на своих арбах строительный материал.

К концу 1778 года в Ставрополе (в крепости и станице) было выстроено 213 различных построек.

В феврале следующего года Ставрополь посетил Александр Васильевич Суворов. 2 января 1779 года, временно сдав командование Крымским и Кубанским корпусами полковнику Бригману, он выехал из Евпатории в отпуск в Полтаву. Однако Суворову не дали отдохнуть. Не прошло и десяти дней, как от Румянцева был получен приказ срочно осмотреть укрепления на Кавказе, а также проинспектировать несение службы по границе. К этому времени отношения и с горцами, и с прикубанскими татарами осложнились. В нарушение прямых указаний Суворова не предпринимать наступательных действий и «не меньше оружия поражать противника человеколюбием» командир Кубанского корпуса Райзер, снарядив экспедицию за Кубань, начал там военные действия и разорил один аул. Вскоре он самым опрометчивым образом оскорбил одного из ногайских султанов.

Суворов, устранив все инциденты на границе, 23 февраля послал Румянцеву письмо, в котором описывает результаты своей поездки: «...На Кубани, Сиятельнейший граф! точно тихо. Касайский Аслан Гирей вывел паки (снова — *Г.К.*) несколько российских захваченных. Я с ним виделся в Ставрополь-

ской крепости: сих султанов стараюсь я всемерно содержать в содружестве словом и посредственной мздою.[8] Один из них, разбойничествующий Дулак, не вовсе еще покорен: чуть недавно в драке не потерял головы и думаю, что утихнет. Все то зависит от оспалости (сонного состояния. — *Г. К.*) кубанского российского начальника».

Вслед за этим письмом Суворов послал Румянцеву рапорт, из которого видно, что в феврале 1779 года Суворов посетил все семь крепостей Азово-Моздокской линии, а также два ее редута: Алексеевский (теперь село Сергеевское) и Бешпагирский (теперь село Бешпагир). Далее он проехал по укрепленной линии вдоль по Кубани и через Азов-Бердянск возвратился в Крым.

Укрепления на Азово-Моздокской линии к его приезду были не только выстроены, но и заселены. В казацких станицах он насчитал 940 семейств, а в Ставрополе, по его донесению, находилось: «...семь эскадронов Владимирского драгунского полку при полковом командире. Хоперского казачьего полку 140 семей, артиллерии 10 орудиев». Ближайшим к Ставрополю укреплением на Кубани был фельдшанец Державный (теперь станица Николаевская Краснодарского края), находившийся в 27 верстах.

Весной 1779 года Турция совершила коварный дипломатический маневр. Подтверждая условия Кучук-Кайнарджийского мирного договора, она «торжественно» обещала прекратить провокации в Крыму и на Северном Кавказе, но за это потребовала удаления русских войск из Крыма, с Кубани и снесения укреплений, построенных Суворовым.

Поверив искренности турецких намерений, русское правительство приказало срыть все укрепления по реке Кубани, а Кубанский корпус отвести за Дон. Но как только эти укрепления были уничтожены, а войска отведены за Дон, турецкие агенты распустили слух о том, что сделано это из-за боязни русских перед «могущественной Портой», что Турция введет на Северный Кавказ свои войска и вытеснит оттуда русских.

Вторично нарушив свои клятвы на верность России, горские князья, подстрекаемые турками, летом 1779 года предъявили Якоби ультиматум: снести все укрепления Азово-Моздокской линии (в том числе и Ставропольскую крепость), а корпус отвести за Астрахань.

Получив от Якоби категорический отказ, горские князья, не дождавшись помощи от турецких войск, открыли военные действия против линии. Неожиданные нападения их отрядов застали русские войска врасплох. Их воинские части были разбросаны по всей границе, и только у Павловской крепости было сосредоточено в лагере около двух тысяч солдат.

Летом горский князь Дулак Султан с большим отрядом воинов переправился через Кубань и бросился на небольшой Алексеевский редут, но редута взять не смог и отступил с большими потерями. Такая же участь постигла его и у стен Александровской крепости.

Самое жестокое поражение Дулак понес у Ставропольской крепости, на которую напал его главный полуторатысячный отряд. Сильным ружейным и пушечным огнем атака была отражена, затем конной контратакой русских отряд Дулака был рассеян.

Вскоре на помощь правофланговым крепостям линии из Ставрополя выступил Владимирский драгунский полк. В сентябре на его место в Ставрополь прибыл Ладожский пехотный полк.

После ликвидации Кубанской линии крепостей и отвода корпуса за Дон граница от Ставрополя до Дона оставалась открытой. Чтобы прикрыть этот рубеж, решено было продолжить строительство Азово-Моздокской линии и построить крепости: Московскую и Донскую. Обе крепости строились солдатами Ладожского пехотного полка и в сентябре следующего года были закончены постройкой.

Десятая (последняя) крепость Азово-Моздокской линии — Константиногорская (взамен Владимирской) — была заложена генерал-поручиком Якоби на месте теперешнего Ново-Пятигорска. Строилась она в течение 1780—81 годов.

После окончания постройки Азово-Моздокской линии многие горцы ушли от своих феодалов и с разрешения Потемкина поселились за русской укрепленной границей. Эти горцы похитили у своих князей большое количество русских пленных, привели их с собой на линию и избавили, таким образом, от продажи в турецкое рабство.

В Ставрополе в 1779—80 годах солдатами Ладожского полка были выстроены 24 казармы и крупные военные склады, а за крепостным валом — пять госпиталей. За эти же годы казаками в станице было построено 169 домов, 18 продуктовых лавок и две торговых бани. В центре станицы из дубового и ясеневого леса выстроили церковь.

Станичные казаки несли сторожевую службу на границе, обеспечивали почтовую связь между крепостями, а в свободное время занимались хозяйством: распахивали целинные земли, разводили домашний скот, рассаживали фруктовые сады. На речке Ташле они выстроили пять водяных мельниц.

Однако проживание в Ставрополе продолжало оставаться тревожным. Нередко появлялись враждебные отряды горцев, угонявших от стен крепости лошадей, волов, захватывавших в плен работавших в поле казаков, где им грозила смерть или продажа в рабство.

С течением времени усилению обороны Ставрополя, важнейшей крепости на Северном Кавказе, придавалось все большее значение. Поэтому, кроме расположенных в крепости войск, а в станице — казаков, по указу военной коллегии (так называлось тогда военное министерство) в нем селились и отставные солдаты. В 1779 году в Ставрополь прибыли первые 332 отставника и приступили к основанию солдатских слободок. Для обзаведения хозяйством им выдавалось денежное пособие, лошади, коровы и волы, а как пограничным жителям — оружие для самозащиты.

Солдатские слободки строились на юг от крепостного вала, между ними и крепостью был тогда лес. Остатком этого леса в настоящее время является городской Парк культуры и отдыха с его вековыми деревьями. К 1782 году отставниками были построены три слободы, которые располагались в средней части современных улиц Комсомольской, Ленина и Молотова. Таким образом, Ставрополь как русский укрепленный пункт на Кавказе защищался не только регулярными войсками и проживавшими в станице казаками, но и опытными в военном деле отставниками.

Созданная линия крепостей усилила позиции России на юго-востоке, и в 1783 году Россия без единой капли крови присоединила к себе Крым,

Тамань и Правобережную Кубань. Пограничная линия передвинулась на юго-запад, а большинство крепостей, в том числе и Ставропольская, оказалось в тылу. Началось создание новых укрепленных линий по Тереку и Кубани.

С этого момента развитие Ставрополя как населенного пункта происходило значительно быстрее. Сюда стали прибывать на поселение и выходцы из внутренних губерний России — крестьяне. Для устройства жилищ они постепенно вырубили лес между крепостью и солдатскими слободками и на запад от казацкой станицы, вверх по склону горы, выстроили целую улицу. Эта улица с начала ее возникновения в 1785 году и до настоящего времени является главной городской магистралью. Вначале она называлась Большой Черкасской, а теперь носит название проспекта Сталина. Первое наименование улица получила потому, что по ней проходил правительственный тракт на Черкасск. По тракту шло оживленное сношение России с Кавказом и Закавказьем, и, кроме этой улицы, другого въезда в Ставрополь не было.

Осенью 1785 года в Ставрополь прибыло сразу 843 переселенца. Земля для них была отведена по речке Ташле. Там образовался первый пригородный район, так называемое Ташлянское предместье.

* * *

Для укрепления на Северном Кавказе дворянской власти Екатерина II 5 мая 1785 года подписала указ об образовании из двух областей — Кавказской и Астраханской — Кавказского наместничества. Главным городом этого наместничества был назначен город Екатериноград (на Тереке). По этому же указу Ставрополю были предоставлены права уездного города, изложенные в жалованной грамоте городам Российской империи.

Городские права, полученные Ставрополем, увеличивали преимущества местных дворян и купцов. Трудящиеся города от этого преобразования никаких выгод не получали.

По «Жалованной грамоте» все население Ставрополя образовывало «общество градское», делившееся на шесть разрядов: на лиц, имевших в городе дом или землю, — «настоящих городских обывателей», затем на купцов и ремесленников, далее на гостей: иногородних и иностранных (постоянно проживавших в городе), на именитых граждан, и, наконец, на посадских — лиц, проживавших в городе, но не вошедших в другие разряды. Посадские и ремесленники объединялись под общим названием «мещане» (от проникшего с Украины слова «мисто», то есть город). Большинство городского населения состояло из мещан и купцов. К началу XIX века в Ставрополе проживало: купцов 455 и мещан 642 человека. Кроме них, в городе жили дворяне и попы, относящиеся к перворазрядным «городским обывателям», из иногородних — черкасские, армянские и грузинские торговцы; из иностранных гостей — купцы из Греции и Венеции; из именитых граждан — один живописец и, наконец, не входившие ни в какие разряды дворовые люди — крепостные.

Для самоуправления все «общество градское» избирало так называемый магистрат — городской административный и судебный орган. В него входили бургомистр (с 1808 года наз. городской головой) и четыре советника-ратмана. Городской магистрат проводил в жизнь правительственные указы, выносил решения по городским делам, ведал пропиской и выдачей паспортов.

Кроме этих выборных должностей, в городе были: городничий, назначенный губернатором из дворян и занимавшийся полицейскими делами, стряпчий, исполнявший функции прокурора, и землемер, производивший отмежевание земель.

Денежными делами ведало казначейство, а здравоохранением — приказ общественного призрения, имевший в штате лекаря и повивальную бабку.

Для управления уездом в город был назначен земский исправник, руководивший исполнительным органом губернатора — нижним земским судом. Для разбора судебных дел крестьян в городе была так называемая земская расправа (в дальнейшем она называлась управой). Первоначально в Ставропольский уезд входили следующие села: Михайловка, Надежда, Марьевка (теперь село Старо-Марьевка), Пелагиада и солдатское село Вестославское.[9] Кроме того, казацкие станицы Московская и Донская.

С течением времени в Ставропольский уезд прибывало все большее число переселенцев. В связи с этим в городе в 1807 году была открыта специальная переселенческая контора, ведавшая распределением по уезду прибывших крестьян из Орловской, Курской, Тульской и других губерний.

Крестьяне шли из тех мест, «в коих, — по их выражению, — великие недостатки они в землях имели». Их привлекали незанятые целинные земли, возможность свободно селиться на них, производить большое количество продуктов и обменивать их на промышленные изделия центральных губерний. Все это характеризовало уезд как одну из колоний России. На это указывал и В.И. Ленин: «Еще более приложимо это понятие колонии к другим окраинам, — писал он, — например, к Кавказу. Экономическое «завоевание» его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое».

Между тем и в город продолжался приток переселенцев, особенно отставников. Ими было основано два новых предместья, названных Форштадтами. Первое из них — юго-западнее города (теперь Старый Форштадт) и второе — южнее Ставрополя (теперь Новый Форштадт).

После преобразования Ставрополя в город основным занятием жителей продолжало оставаться сельское хозяйство. Вокруг Ставрополя им было отведено около трех тысяч десятин земли, на которых они сеяли рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо, горох, фасоль, чечевицу, лен и коноплю. Урожайность зерновых культур по тем временам была хорошей. Просо давало урожай сам[10]-девять, яровая пшеница — сам-восемь, рожь яровая — сам-шесть, ячмень — сам-восемь.

Целину пахали «малороссийскими» плугами, запрягая в них до 5 пар быков. Применяли и малые, так называемые саратовские плуги, которые тянули две пары быков. Городская беднота пахала землю примитивными сохами и косулями. По вспаханной и пробороненной полосе первое лето сеяли просо, на второе — пшеницу или рожь, на третье — овес или ячмень. Затем оставляли эти земли на три года «запасаться собственными соками», а сами продолжали распашку целины настолько, «сколько каждому хозяйству потребно для нужд своих».

Для помола зерна на речке Ташле было выстроено 12 водяных мельниц.

На огородах выращивали капусту, лук, тыкву, брюкву и огурцы. В Ташлянском предместье жители развели обширные сады. В них было много ви-

шен, слив, крыжовника, кизила, черной и красной смородины и малины. В некоторых садах росли персики, яблони и груши. Разводили ставропольцы и виноград, но в небольшом количестве.

По особому распоряжению царского правительства жители Ставрополя обязаны были заниматься новой для того времени отраслью сельского хозяйства — шелководством. На приусадебных участках началась посадка тутовых (шелковичных) деревьев, а для выращивания тутовой рощи в 1808 году было выделено за речкой Ташлой более 9 десятин удобной земли. Шелководством в Ставрополе занималось до 140 хозяйств, которые с 1813 по 1820 год добыли 506 фунтов шелка-сырца.

С целью поощрения шелководам выдавались премии и даже медали, однако большинство местных жителей, не имеющих опыта в уходе за червями, предпочитали заниматься другими отраслями хозяйства.

Промышленность уездного города была незначительной и состояла из десяти небольших предприятий, работавших на сельскохозяйственном сырье. В 1804 году в Ставрополе было четыре кожевенных заведения, два мыловаренных, два пивоваренных и два кирпичных. Кожевенные заведения располагались по речкам Ташле и Мутнянке, где были устроены запруды для мочения кож.

Ремесленничеством в городе занимались отставные солдаты и казаки, а из иногородних — армяне и черкесы.

До получения Ставрополем прав города торговая жизнь проходила в нем по большей части на устраиваемых по понедельникам базарах. На них съезжались соседние горцы и из ближайших кочевий татары. Однако после захода солнца на ночь оставаться в селении горцам и татарам запрещалось.

Торговля в то время производилась меновая. «Сату» — меняешь? — спрашивал казак или крестьянин черкеса, указывая на его товары.

«Сату», — утвердительно кивая головой, отвечал черкес.

С помощью мимики, жестов и пальцев выяснялось, на что и на сколько.[11]

Черкесы меняли бурки, черкески, башлыки, кавказские пояса и сапоги, седла, а из продуктов — сало, орехи и мед. Ногайцы обменивали скот, коней, кожи, войлоки и шерсть (овечью и верблюжью). Крестьяне и казаки меняли зерно, муку, пшено, домотканое полотно, железные, деревянные и гончарные изделия.

С преобразованием Ставрополя в город торговля все больше развивалась. К 1806 году в нем было 82 торговых лавки с товарами на сумму 100 тысяч рублей и 20 тысяч пудов соли в магазине для обмена.

Два раза в год в Ставрополе устраивалась ярмарочная торговля. На ярмарки (летнюю и осеннюю) съезжались купцы из Курской, Воронежской и Екатеринославской губерний, ногайцы и черкесы из аулов и крестьяне из уезда. Кроме местных и сельских товаров, на них продавались английские, голландские и русские сукна, шелковые и бумажные ткани и разные промышленные изделия Центральной России.

Черкесы и ногайцы, продав свои товары, закупали мануфактуру, чугунные котлы, медную посуду, замки, сундуки, иглы, ленты, зеркала, вату, свинец, медный купорос, соляную кислоту, нашатырь, соль, зерно и хлебные продукты. Приобщаясь через торговлю к более передовой экономике и культуре, многие из горцев добровольно вступали в подданство России.

Оживление в торговлю внесло и поселение в Ставрополе в 1808 году пятидесяти армянских семейств. Владея многими горскими языками, они проникали во все уголки Кавказа. Скупая по аулам скот, кожи, шерсть, продукты, армяне отправляли эти товары в Ростов и Таганрог, где продавали их в Центральную Россию и за границу. Через несколько лет между крепостью и казачьей станицей они выстроили в городе так называемый армянский квартал (теперь улица имени Шаумяна), служивший одним из центров городской торговли.

Нужно отметить, что торговая деятельность в те времена являлась основным источником городских доходов. Большая часть средств собиралась за проданное в Ставрополе так называемое казенное вино.

Городской доход Ставрополя в 1805 году равнялся 1,5 тысячи рублей, но, начиная с 1808 года, только один винный откупщик Бородин, собиравший проценты за проданное в городе вино, водку, наливки и пиво, ежегодно вносил в магистрат по 13 тысяч рублей.

Разбогатевшие купцы занялись своим благоустройством. На главной улице — Большой Черкасской — они скупали ветхие деревянные домишки, сносили их и воздвигали каменные постройки. Добывавшая для них камень беднота ютилась на так называемой «каменной ломке» в землянках.

К 1823 году в Ставрополе было выстроено 28 каменных и 497 деревянных домов. Из-за частых пожаров «общество градское» вынуждено было приобрести противопожарный инвентарь, построить специальный сарай, каланчу и организовать добровольную пожарную дружину.

Необходимость иметь в городе грамотных людей заставила магистрат открыть в 1804 году начальную школу. Первым учителем в ней был некто Поляков. Постановлением общества ему полагалось жалованье 50 рублей в год и разрешалось с каждого ученика получать за обучение азбуки с букварем — 1 рубль, за часослов — 2 рубля, а за псалтырь — 3 рубля. Помещалась школа в здании, принадлежавшем городу. В 1815 году она была преобразована в приходское училище, которое в 1821 году имело два класса: в I обучалось 116 учеников и во II — 60 учеников.

30 августа 1811 года в Ставрополе была открыта вторая школа — государственное уездное училище. С момента открытия этого училища и до 1821 года в нем было обучено 225 детей, в большинстве из семей дворян и купцов.

Так же, как и во всех городах царской России, жители Ставрополя обязаны были нести натуральные повинности, самой тяжелой из них являлась повинность содержания общественной почты. Расположение Ставрополя на главном пути сообщения России с Кавказом вызывало большие почтовые и пассажирские перевозки. Несмотря на то, что в 1798 году горожане содержали почтовых лошадей с упряжью и ямщиками, к несению этой повинности были привлечены и живущие в пригородах казаки.

Второй натуральной повинностью являлось расквартирование в городе проходящих войск и постой проезжих людей. Эта повинность не только отя-

гощала жителей, но и отражалась на росте города и его благоустройстве, так как многие горожане, имевшие средства, продолжали жить в маленьких невзрачных домишках только потому, что не желали иметь постояльцев.

Наконец, третьей повинностью были рекрутские наборы — посылка в царскую армию новобранцев на существовавшую тогда 25-летнюю военную службу. В новобранцы, как правило, попадали бедняки, а богачи откупались от воинских повинностей денежными взносами.

В 1812 году многие из жителей Ставрополя вместе со всей страной участвовали в борьбе с войсками Наполеона. Первыми на фронт выступили из крепости драгуны Таганрогского полка. По городу и уезду проводились усиленные рекрутские наборы. 29 июля был обнародован манифест: «О составлении временного военного ополчения для оказания помощи войскам, сражавшимся против Наполеона».

На сельских сходах крестьяне заявили, что «на защиту любезного отечества своего идти без исключения всем». Однако этот, как выразился земский исправник, «достопохвальный патриотизм» не был поддержан ставропольским дворянством и купцами, отказавшимися вооружать ополчение крестьян.

В следующем году в Ставрополе было объявлено о торжествах по случаю одержанной победы над Наполеоном. Характерно, что оповещены были только благородные сословия: дворяне и купцы. Крестьянам и мещанам об этом даже не сказали.

Полными хозяевами уездного Ставрополя были купцы. Все местные богатства: лавки, набитые товарами, разные заведения, крупные земельные участки и лучшие дома принадлежали им. Власть в городе они осуществляли особой воинской командой, гласным городским судом, церковью и гауптвахтой. Наиболее видный из них, как правило, избирался на должность бургомистра или городского головы. Руководя городской жизнью, он умножал свой капитал и содействовал наживе купцов.

Первый же ставропольский бургомистр купец Козьма Яковлев был взяточник, вымогатель и крайне жестокий человек. За пользование сенокосами, прописку и выдачу паспортов требовал себе подарков. Он же, как описывает архивный документ, до смерти забил своего приказчика Ивана Теличенко.

Один из следующих бургомистров, Илья Волков, отличался тем, что присвоил 20 десятин городской общественной земли. Жадность его к деньгам была настолько известна, что сами же купцы не доверили ему суммы, собранной на постройку торгового ряда. Все же Волков на должности бургомистра нажился и выстроил в Ставрополе первый каменный двухэтажный дом.

В мошенничествах и злоупотреблениях не отставали от купцов и дворяне. Надворный советник Офросимов, ведавший Кавказской переселенческой конторой, присваивал средства, отпускаемые для переселенцев, и обрекал на нищету и голод всех прибывших крестьян. В Ставрополе на эти деньги он выстроил так называемую «Офросимовскую улицу доходных домов».

Для охраны «общественного порядка» дворяне и купцы выстроили в городе в 1798 году первую тюрьму. Сидели в ней по большей части ставропольские мещане и беглые крепостные крестьяне.

С течением времени Ставрополь все более превращался в тот пункт, из которого шло не только военное, но и экономическое воздействие на племена Кавказа. С 1815 года в нем находился главный смотритель меновых дворов, руководивший всей русской государственной торговлей на Кавказе. Этот торговый «генерал» действовал в Кавказской губернии не менее энергично, чем военный.

Зная крайнюю нуждаемость горцев в соли, мануфактуре, а при неурожаях — в хлебе, главный смотритель заготовлял и отправлял на меновые дворы главным образом эти товары. Обмен их производился по значительно повышенным ценам. Однако невыгодность для горцев такой торговли всячески маскировалась. Так, заведующим меновыми дворами в станицах Усть-Лабинской, Константиногорской, Наурской, Прохладной и при Овечьем Броде официально было указано: внимательно относиться к запросам горцев и обменивать товары только добровольно. На всех дворах были вывешены таксы — расценки на товары на русском и на местном языках, хотя грамотных горцев было ничтожно мало. Из Ставрополя посылались чиновники якобы для того, чтобы следить на меновых дворах за поступлением товаров и правильностью торговли с горскими племенами. Главный продукт обмена — соль — была заготовлена государством на 300 тыс. рублей. Отпускалась она на меновых дворах по цене 20—25 копеек пуд и обменивалась горцами ежегодно по 40—50 тыс. пудов. Дворы были завалены пушниной, лесом, кожей, воском, продуктами промысла и ремесла.

Одновременно дворы служили карантинами и пунктами наблюдений по границе. Из расспросов и разговоров с горцами заведующими дворами узнавалось, что происходит в горах и как относится население разных аулов к русским. Это сообщалось смотрителю. В результате жителям аулов, недружелюбно относившимся к русским, соль и другие товары не отпускались. Проживание в таких аулах осложнялось, падал мелкий и крупный рогатый скот, расстраивалось хозяйство.

Лишение необходимой соли действовало на этих горцев иногда сильнее, чем выстрелы из пушек. И царская Россия их покоряла не только вооруженной силой, солдатскими штыками, но и на меновых дворах, обычной солью.

Таким образом, экономическое воздействие, наряду с военными успехами, еще более усиливало позиции России на Кавказе.

* * *

Растущее влияние России на Кавказе встревожило английские правящие круги. Все их попытки захватить Кавказ при помощи турок или персов потерпели поражение. Тогда британские капиталисты применили другие более коварные приемы. Началась засылка на Кавказ английских агентов и организация совместно с Турцией религиозного движения фанатиков — мюридов, направленного против русских.

Наиболее активным английским агентом, появившимся в этот период на Кавказе, был секретарь английского посольства в Константинополе Давид Уркуарт, подвизавшийся в горах под именем Даут-Бея. Возбуждая горцев против России, он обещал им помощь из Англии порохом, свинцом и оружием.

Известно немало и других подобных английских агентов. Такую же провокационную роль играли и распространявшие мюридизм турецкие резиденты.

Используя стремление горцев к освободительному движению, воспитывая в них изуверскую идею беспощадного истребления всех немусульман, про-

поведники мюридизма стремились разжигать крайнюю ненависть к иноверцам, особенно к русским.

Одному из вождей мюридизма Гази-Мухаммеду удалось собрать в Чечне последователей мюридов и в начале 30-х годов XIX объявить «газават» — священную войну России.

Это вызвало необходимость защиты пограничной Кавказской губернии, которая в связи с реорганизацией административного деления была преобразована в 1822 году в область. В ее состав вошли округа: Ставропольский, Георгиевский[12] и Кизлярский. Наиболее удобным пунктом управления областью был признан Ставрополь, назначенный Кавказским областным центром. В связи с этим город начал усиленно застраиваться. Территория Ставрополя расширялась вверх по горе на запад и по крутому горному скату на север от крепости. На Большой Черкасской и на Армянской улицах жители выстроили новые каменные дома, а военное ведомство — на Ново-Черкасской улице построило дом командующего войсками Кавказской линии. На Крепостной горке был расширен арсенал, созданы большие инженерные, продовольственные и вещевые склады. Ставрополь к этому времени, по свидетельству главнокомандующего на Кавказе А.П.Ермолова, являлся «местом сосредоточения всех боевых и жизненных запасов войск».

Для лучшей охраны области хоперские казаки были переселены из Ставрополя ближе к границе. Местами нового поселения им были назначены: пост Карантинный на реке Куме (теперь станица Суворовская), Баталпашинское укрепление на реке Кубани (теперь город Черкесск) и вновь создаваемая станица Барсуковская.

Из Центральной России подходили на Кавказскую линию все новые и новые войска. В их числе прошли через Ставрополь на фронт сводный гвардейский полк и солдаты Черниговского полка, сосланные правительством на Кавказ за декабрьское вооруженное восстание 1825 года.

После переезда в Ставрополь командующего войсками Кавказской укрепленной линии в город начали прибывать многочисленные военные организации. Важнейшей из них был Генеральный штаб войск Кавказской линии и Черномории. Этот штаб планировал и руководил всеми боевыми действиями не только на Кавказе, но и на его Черноморском побережье. Кроме этого штаба, в городе были штабы двух пехотных дивизий, управления казачьими войсками, корпусом военных инженеров, пехотные и артиллерийские части.

С этого момента Ставрополь приобрел значение Кавказского военного центра.

Диверсионные действия Турции против России осуществлялись в этот период из крепости Анапа. В ней находились турецкие войска и командовавший ими паша. Построенная французскими инженерами, эта крепость являлась сильнейшим опорным пунктом турок на Кавказе. Отсюда начинались военные походы, шло вооружение враждебных России горских племен, засылались на Кавказ англо-турецкие провокаторы и диверсанты, подстрекательство которых вызывало набеги горцев на поселения русских.

Анапская крепость была у Турции одновременно и базой работорговли. Султанские купцы везли в нее оружие, боеприпасы, шелковые ткани, изделия из золота и серебра, и падкие на эту роскошь горские дворяне и князья взамен этого снабжали их невольниками — рабами. Враждуя и захватывая друг у друга много пленных, они своих же горцев продавали в Турцию «живым товаром». Большинство из них попадало в рудники у Трапезунда, а женщины-горянки — в восточные гаремы.

Весной 1828 года в Ставрополе было получено известие, что анапский паша особенно усиленно вооружал горцев против России, раздавал местным князьям богатые подарки, а также распускал слух о том, что султан обещал прислать к горцам 40 тысяч турецких войск, если они начнут войну против русских.

Для прекращения подобных провокаций Генеральный штаб войск Кавказской линии и Черномории решил лишить Турцию опорного пункта на Кавказе, а для этого занять крепость Анапу. Осада турецкой крепости началась 2 мая 1828 года. С моря против нее действовал русский флот, а с суши — четыре полка казаков и Таманский гарнизонный полк. 12 июня после ожесточенных боев Анапская крепость была взята, пала и основная база работорговли на Черном море.

Дом командующего войсками Кавказской линии на пересечении улиц Маршала Жукова и Дзержинского. В настоящее время на его месте построен Дом книги

Известие об этой победе обрадовало ставропольских горожан. Взволнован был и Александр Сергеевич Грибоедов, ехавший в это время посланником в Иран. 25 июня он писал из Ставрополя Булгарину:

«Вчера я сюда прибыл... здесь меня задерживает приготовление конвоя. Как добрый патриот, радуюсь взятию Анапы. С этим известием был я встречен тотчас при въезде. Нельзя довольно за это благодарить бога тому, кто дорожит безопасностью здешнего края».

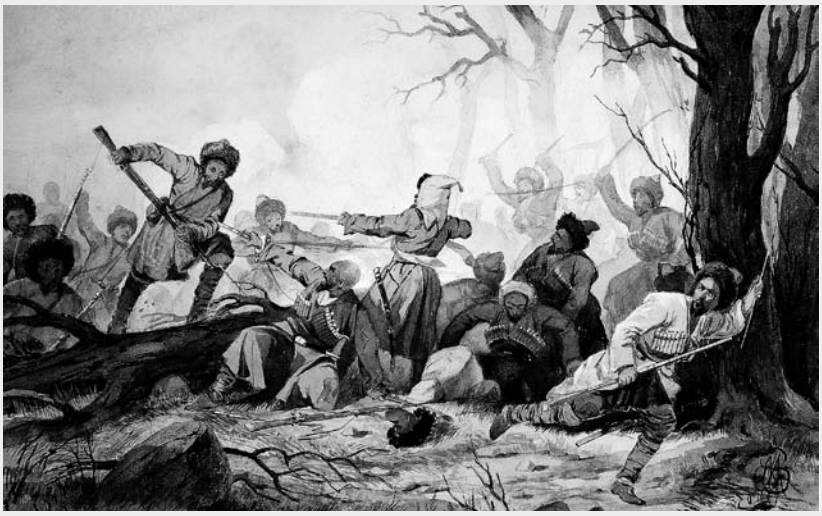
И далее: «Теперь, после падения Анапы, все переменилось: разбои и грабительства утихли и тепловодцы (лечащиеся на Минеральных Водах — *Г.К.*), как их здесь называют, могут спокойно пить воду и чай. Генерал Еммануэль отправился (из Ставрополя — *Г.К.*) в Анапу, чтобы принять присягу от тамошних князей. На дороге с той стороны Кубани толпами к нему выходили навстречу горские народы с покорностью и подданством».

В Ставрополе Грибоедов останавливался в доме командующего войсками (теперь дом на улице Дзержинского за № 116). Вскоре Грибоедов выехал во Владикавказ.

В Ставропольском государственном краевом архиве имеется краткое дело «О проезде через Кавказскую область назначенного полномочным министром при Тегеранском дворе господина статского советника Грибоедова». В этом Деле имеется рекомендательное письмо начальнику области генералу Еммануэлю и просьба оказать Грибоедову всемерное содействие «для безостановочного продолжения пути к месту его назначения».

В 1829 году Ставрополь вторично посетил Александр Сергеевич Пушкин. В «Путешествии в Арзрум» он пишет: «В Ставрополе увидал я на краю неба облака, поразившие мне взоры тому ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи».

Впервые Пушкин был в Ставрополе в мае 1820 года. Ехал он тогда на Минеральные Воды вместе с семьей генерала Раевского и останавливался в городе на кратковременный отдых. Город произвел на путников хорошее впечатление. «Ставрополь,— писал генерал в письме к своей дочери,— уездный город, на высоком и приятном месте и



Кавказская война. Схватка в горах. Рисунок М.А. Зичи (1858)

лучшем для здоровья жителей всей Кавказской губернии. В нем нашел я каменные казенные и купеческие дома, сады плодовитые и немалое число обывателей, словом, преобразованный край, в который едущего ничего, кроме отдаленности, страшить не должно».

Дальнейшее следование на Кавказ было небезопасно. Проезжавшие через Ставрополь сопровождались вооруженной воинской командой или присоединялись к оказии — транспорту военного имущества, охраняемого солдатами или казаками с пушкой. Выезжала оказия по утрам. Перед отправкой ее в путь с Крепостной горки делали из орудия выстрел. Вдоль дороги через каждые 3—4 версты стояли сторожевые посты, а между ними пикеты. Но и это не всегда оберегало путников от неожиданных налетов. Случались ограбления, а некоторые из едущих на Минеральные Воды попадали в плен к горцам.

Хотя позиции России на Кавказе были значительно укреплены, все же борьба за Кавказ продолжалась. Осенью 1832 года Гази-Мухамед был разбит, а в бою под Ахалкухумом — убит. Движение мюридов возглавил его последователь Шамиль. Англия усилила свои диверсионные действия. К кавказским берегам она послала шхуну «Виксен» с официальным грузом «соль», а фактически на ней было доставлено оружие и боеприпасы. Конфискация этой шхуны русским флотом привела в негодование английские правящие круги и едва не вызвала войну с Россией.

Английская печать развернула пропаганду «об угрозе Индии» со стороны России. Английские дипломаты доказывали при этом, что «Кавказ — это ворота в Индию», а «Черкессия ее бастион». Поэтому будто бы английское правительство должно было активно выступить в районе Черного моря и помешать России утвердиться на Кавказе. На самом деле угрозы Индии со стороны России не существовало. Английская пропаганда была дымовой завесой, за которой скрывались агрессивные намерения самой Англии в отношении Кавказа.

Известно, что Англия не прочь была отхватить весь Крым до Перекопа и «возвратить» его Турции, затем высадиться на Кавказе, отнять Грузию, отобрать весь юго-восточный Кавказ, создать для Шамиля Черкессию, а самого Шамиля обратить в покровительствуемого Турцией и Англией вассала.

Борьба с Шамилем шла не только на фронте, но и с его агентурой в тылу. В район Пятигорска, Калаусо-Саблинское и Бештау-Кумское приставства Шамилем были засланы шейхи и абреки, вербовавшие ему мюридов и возбуждавшие мусульман против России.

В Ставрополь поступали донесения, что шейхи в местных аулах для подготовки приверженцев Шамиля назначили испытание, посадив значительное количество мусульман на 40 дней в ямы. Среди кумыков и ногайцев имелись уже лица, выдержавшие это испытание и ходившие в белых чалмах с опущенными назад концами, то есть с признаками посвящения в мюриды.

В связи с этим начальник области отдал приказ: немедленно выпустить всех испытуемых из ям и направить их на работы по домам. Белые чалмы снять, а проповедников мюридизма арестовать. Задержанные «пророки» были доставлены в Ставрополь, допрошены и, оказавшись подданными султану, высланы в Турцию.

Дальнейшая борьба с Шамилем потребовала усиления на Кавказе русских вооруженных сил. Через Ставрополь проходили новые воинские части. Вместе с ними направлялись на фронт и некоторые освобожденные из сибирской ссылки декабристы, среди них писатель Александр Бестужев-Марлинский.

Вслед за декабристами в Кавказскую армию был сослан Михаил Юрьевич Лермонтов за стихотворение «Смерть поэта», написанное им в связи с гибелью Пушкина.

В середине апреля 1837 года Лермонтов по пути в действующую армию прибыл в Ставрополь. Здесь он остановился в доме своего родственника — генерала П.И. Петрова, начальника штаба Кавказской линии. В Ставрополе Лермонтов познакомился с командующим войсками Кавказской линии и Черномории генералом Вельяминовым, участником Отечественной войны 1812 года. Его рассказы, по предположениям некоторых лермонтоведов, послужили поводом к сочинению Михаилом Юрьевичем стихотворения «Бородино».

В начале мая Лермонтов выехал из города к месту службы в Нижегородский драгунский полк, расположенный на Тереке. Затем поэт совершил поездку по Кавказской укрепленной линии и, заболев маляри-

ей, больным возвратился в Ставрополь. Здесь Лермонтов лечился в военном госпитале, а отсюда для продолжения лечения был переведен в Пятигорск.

В октябре Михаил Юрьевич снова прибыл в Ставрополь и остановился у Петрова.

Вскоре Лермонтов познакомился с находившимися в Ставрополе декабристами Сергеем Кравцовым и Валерьяном Голицыным, а затем и с прибывшими из сибирской ссылки Лихаревым, Лорером, Назимовым, Нарышкиным, Одоевским и Черкасовым. В ожидании своего назначения по полкам эти декабристы задержались в Ставрополе. Их часто посещал Лермонтов. Из всех декабристов, бывших в то время в городе, Лермонтов наиболее сблизился с поэтом А.И. Одоевским. В Ставрополе Одоевский написал одно из лучших своих стихотворений «Куда несетесь вы, крылатые станицы». 22 октября Лермонтов вместе с Одоевским покинули Ставрополь и направились на службу в Нижегородский драгунский полк.

Следующее посещение Лермонтовым Ставрополя произошло в 1840 году. Лермонтов вторично был сослан на Кавказ. 10 июня он прибыл в город, а 18 был отправлен в действующую армию. Перед отъездом Лермонтов писал своему другу А.А. Лопухину: «Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк...»

Последний раз Лермонтов был в Ставрополе в мае 1841 года. Отсюда он писал своей бабушке Арсеньевой:

«Я все надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощение и я могу выйти в отставку».

Но прощенья от царя Николая I Лермонтов так и не дождался. 15 июня на склоне горы Машук вблизи Пятигорска он был убит на дуэли. Вслед за Пушкиным по воле царя был загублен еще один гениальный русский поэт.

* * *

Продолжавшийся приток новых поселенцев вызывал усиленную застройку верхней части Ставрополя, известной в то время под названием «Воробьевки». Эта часть, расположенная на ровном возвышенном месте, являлась наиболее удобной для построек. Вскоре здесь образовалась одна, а затем и вторая Воробьевские улицы (теперь на этом месте — верхняя часть улицы имени Дзержинского и улица имени Кагановича).

С начала 30-х годов городские застройки производились по плану. Ни один дом не строился в городском центре без совета архитектора. Только лицам, селившимся на окраинах у речек Ташлы, Мутнянки и Мамайки, разрешалось производить постройки без планировки улиц, сообразно с местностью.

Отапливались дома хворостом, дровами и кизяком, но так как этого топлива не хватало, печи всех казенных зданий и многих частных домов переделывались для отопления углем. Пользование им к этому времени стало более доступным. Еще в 30-х годах на правом берегу Кубани около Хумаринского укрепления, на расстоянии 160 верст от Ставрополя, были обнаружены пласты каменного угля. 80 пудов этого угля впервые привезли в Ставрополь на Троицкую ярмарку в 1840 году.

С 1849 года хумаринским углем заинтересовались купцы, снявшие это месторождение в аренду. В Ставрополь ежегодно доставлялось по 100 тысяч и более пудов хумаринского угля. (В настоящее время это месторождение — прозванное краевой кочегаркой — разрабатывается трестом «Ставропольуголь»)

Водой город снабжался вначале из источника Карабин, оттуда воду развозили по Ставрополю в бочках. В 1840 году был выстроен первый водопровод, забиравший воду из родников реки Мутнянки и подававший ее до городского центра. В конце водопровода, около здания городской думы, был устроен бассейн емкостью 12 тысяч ведер. Через десять лет водопровод был продолжен до Ярмарочной площади (теперь площадь имени Орджоникидзе). Там был также выстроен бассейн и водопровод для приводимого на ярмарки скота. Для хозяйственных нужд жители использовали воду колодцев, имеющихся во дворах.

* * *

Здравоохранение развивалось в городе медленно. Первая больница на 15 коек была открыта лишь в 1836 году. В основном медицинская помощь населению оказывалась на дому или в парикмахерских — цирюльнях. В них имелась следующая такса за услуги:

«За кровопускание — 7 $^1/_2$ коп. серебром.

За выдернутие испорченного зуба — 15 коп. серебром.

За кровопускание рожками, за каждый — 3 коп. серебром.

За приложение пластыря — 7 $^1/_2$ коп. серебром

За промывательное — 7 $^1/_2$ коп. серебром

За продажу пиявиц с их припусканием, как в частных домах, так и в цирюльнях, в продолжение целого года, за каждую штуку — 10 коп. серебром».

Однако такая помощь была небезопасной. До нашего времени дошли документы об одном случае из многих подобных. Солдатка Мария Персиянова жаловалась на цирюльника Едигарова, что при кровопускании она почувствовала сильную боль, а после не могла владеть руками. Освидетельствование во врачебной управе показало, что ей было нанесено четыре раны с повреждением сухожилий.

Городская дума вынуждена была обязать цирюльников сдавать практический экзамен на умение пускать кровь, останавливать кровотечение, ставить пиявки, прививать оспу, приготовлять пластыри, перевязывать легкие раны, удалять больные зубы и ухаживать за больными.

Постепенно город благоустраивался. Всем домовладельцам было указано: устроить около своих жилищ тротуары, а для стока дождевой воды канавы. Большую Черкасскую и Ново-Черкасскую улицы замостили камнем. На Большой Черкасской, кроме того, посадили деревья (теперь бульвар на проспекте Сталина). В это же время был приведен в порядок парк, находившийся при доме командующего войсками (остаток его сохранился на территории теперешнего стадиона «Динамо»). В этом парке проводились народные гуляния. Для развлечения жителей бывший в то время начальник Кавказской области Вельяминов приказывал по праздникам пускать фейерверки на площади перед своим домом, а в парке играл военный духовой оркестр.

Заботясь о внешнем виде города, городские власти не уделяли внимания благоустройству школьных зданий. Так, Дом уездного училища, находившийся на территории бывшей крепости, пришел в

такую ветхость, что, по донесению смотрителя училища, «за большой течью нет уже возможности жить и преподавать в классе». В связи с этим в здании была отремонтирована крыша и поставлена одна печь, «дабы в осеннее время дожди не выгнали учащих и учащихся вон из училища». Все хлопоты о капитальном ремонте этого здания или постройке нового дома не имели успеха. Помещение училища продолжало разрушаться. Только в 1837 году, с преобразованием уездного училища в гимназию (первую на Северном Кавказе), старый дом был сломан, и училище перешло в здание, арендованное на Большой Черкасской улице (теперь жилой дом за № 2 по улице имени Розы Люксембург).

Помещение приходского училища, построенного на средства горожан, было каменным и имело два этажа. В верхнем этаже размещались классы, а в нижний этаж «временно» был сложен пожарный инвентарь. Но из-за того, что в городе развалилась пожарная конюшня, Дума решила поместить в нижний этаж и пожарных лошадей. Вскоре учитель Чернявский вынужден был заявить: «Во время сырой погоды и ветра ученики в классах едва в состоянии выносить тяжелый воздух». Неоднократно этот учитель обращался с просьбой освободить здание училища от лошадей, но Дума отвечала, что, пока не будет выстроен новый сарай, лошади останутся в нижнем этаже. Правда, спустя некоторое время лошади были выведены из школьного здания, но в нижний этаж поместили арестантов, большей частью из буйствующих пьяных, собранных с расположенного рядом базара. Их крики и ругань проникали через потолок в верхний этаж и «возмущали весьма часто учебный порядок». В дальнейшем приходское училище было переименовано в подготовительный класс гимназии и переведено в другое здание.

Кавказская гимназия вначале имела пять классов, но с 1854 года число классов увеличилось до восьми. Изучались в ней русский язык и словесность, история и статистика, закон божий, география, естествознание, математика, физика, рисование, черчение и языки французский и ногайский, и, наконец, необязательными предметами были языки греческий, арабский и немецкий.

Обучение гимназистов до 4 класса было общим. С 5 класса они делились на специальные группы: будущих чиновников, учителей, студентов.

Готовящиеся стать чиновниками изучали русское законоведение, а в зависимости от избранного места дальнейшей службы — дополнительно черкесский или армянский языки. Для стремившихся работать учителями начальных школ вводилась педагогика и дидактика. Пожелавшие поступать по окончании гимназии в высшие или специальные учебные заведения учили латинский язык.

Физические упражнения проводились в гимназическом саду, невзирая на погоду. Там находился спортивный городок, гимнастические приборы и снаряды.

Большинство учащихся гимназии было из привилегированных классов. Из 318 учеников, обучавшихся в 1855 году, детей потомственных дворян было 85, детей офицеров — 174, горских феодалов — 25, почетных граждан —7, детей попов — 5, чиновников — 4 и разных сословий (в основном купцов) — 18.

В 1841 году в Ставрополе была открыта духовная семинария — бурса, выпускавшая служителей церкви.

Первое женское 4-классное училище было открыто в 1849 году. Обучалось в нем до двухсот учениц, дочерей благородных сословий, а главным предметом являлся закон божий. Училище готовило «набожных девиц, скромных попечительных хозяек, домашних рукодельниц». Для общего развития давались лишь самые элементарные понятия по остальным дисциплинам.

* * *

2 мая 1847 года Кавказская область была переименована в губернию и стала называться Ставропольской. Ставрополь в связи с этим превратился из областного центра в губернский, а бывшие в составе области округа названы уездами. В губернию входили также заштатные города — Георгиевск и Моздок.

Для Думы, Городского магистрата и других губернских учреждений решено было построить новое здание. Строилось оно по проекту архитектора Славянского из местного камня в три этажа. Сооружение началось 23 мая 1847 года и закончилось в следующем году. Расположение этого здания было удачным: на главной улице, в центре города, на видном, возвышенном месте (в этом доме теперь находится Крайисполком — проспект Сталина № 65). Позднее были выстроены помещения для других учреждений.

Сосредоточение в Ставрополе многочисленных войск, снабжение их продовольствием, обувью и другими товарами способствовало дальнейшему экономическому развитию Ставрополя: росла городская промышленность, интенсивнее стало развиваться пригородное сельское хозяйство; увеличивалась торговля. Ставропольские купцы брали огромные подряды на поставку в армию продуктов, фуража и снаряжения. Вместе с тем Центральная Россия требовала со Ставропольской губернии сельскохозяйственное сырье.

Из-за повышенного спроса на продукты поля вокруг Ставрополя сплошь занимались посевами пшеницы, овса, кукурузы, гречихи, проса и огородными культурами, развивалось и садоводство. Многочисленные сады раскинулись как в самом городе, так и по речкам Ташле и Мамайке. В урожайные годы в Ставрополе было такое обилие плодов, что ими снабжались не только сам город, но и окрестные села и станицы. Развивалось шелководство: к северо-западу от города, по левому берегу речки Ташлы, разрослась обширная тутовая роща. При роще имелась школа шелководов, в которой обучались дети государственных крестьян.

Развивалось и животноводство. Для снабжения молочными продуктами госпиталей, проезжих и воинских частей многие хозяева городских домов имели не менее чем по пяти коров. Продажа молока, масла и сметаны приносила значительные доходы. Дворяне в окрестных поместьях с большой выгодой занимались коневодством и овцеводством.

Промышленность города, работавшая в основном на сельскохозяйственном сырье, состояла из 43 мелких предприятий с количеством рабочих от 3 до 50 человек. К 1850 году в Ставрополе находилось пять табачных и одна ватная фабрика, из заводов — салотопенные, мыловаренные, воскобойные, свечные, шорные, кожевенные, пивоваренные, кирпичные, известковые и литейно-колокольный.

Производственный процесс на фабриках и заводах выполнялся обычно вручную. На более крупных из них стояли конные машины. Рабочий день доходил до 14 часов. Труд был изнурительно тяжелым, а оплачивался низко. Жалованья платили от 3 до 8 рублей

в месяц. Была и сдельная оплата труда. Например, на кирпичных заводах рабочему за каждую выработанную тысячу кирпичей платили один рубль.

Из пригородных промыслов наибольшее значение имели добыча строительного камня, а также заготовка сена и дров.

* * *

13 декабря 1850 г. квартирная повинность — обязанность горожан предоставлять жилище для проезжих людей и проходивших воинских частей — была отменена. Избавившись от постоев, жители начали строить большое количество зданий. К 1853 году в Ставрополе уже имелось более 2 тысяч домов, расположенных на 22 улицах и 5 площадях. Для перехода через речки было выстроено 4 каменных и 2 деревянных моста.

Благоустройство губернского центра в этот период заключалось в устройстве двух парков и освещении трех главных улиц.

Один парк был устроен на месте Бабиной рощи (теперь Городской парк культуры и отдыха), при нем находился питомник, снабжавший губернию лучшими в то время сортами виноградных лоз, саженцами фруктовых и декоративных деревьев. Особенно хорошо выращивались Балбекские пирамидальные тополя, привезенные из Крыма. Двести таких тополей в 1851 году было отправлено из Ставрополя в Кисловодск для устройства там аллеи. Саженцы посылались также в Баку и другие пункты Кавказа.

Другой парк был устроен на склоне горы около здания Городской думы (теперь Комсомольский сквер).

Вечером освещение Ставрополя ограничивалось Большой Черкасской улицей (теперь проспект Сталина), Александровской (теперь улица Дзержинского) и Театральной (теперь проспект Ворошилова). Освещались улицы газовыми фонарями. Их преимущество перед керосиновыми было настолько очевидным, что наместник Кавказа в 1851 году приказал устроить такое же освещение в Тифлисе. Для этого из Ставрополя в Тифлис были посланы для образца 12 газовых фонарей.

В 1842 году в Ставрополе открылся первый театр. Но походил он скорее на балаган. Посещали его плохо, и театр вскоре закрылся. Через три года был выстроен новый каменный театр, по наружному и внутреннему виду не уступавший лучшим театрам других губернских городов (теперь здание клуба имени Блинова, проспект Ворошилова № 7).

На сцене этого театра в 1846 году были показаны «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизор» Гоголя, «Гамлет» Шекспира, «Разбойники» Шиллера.

Первая общественная библиотека с 546 томами книг была открыта 29 декабря 1852 года. Спустя три года в ней уже находилось 1459 томов, 13 географических карт и один глобус. Губернская библиотека была платной. Со служащих брали за чтение книг один процент от получаемого жалованья, а с остальных 7 рублей в год. Открывалась она два раза в сутки — утром и вечером. При библиотеке имелся читальный зал, где посетители читали свежие газеты и журналы.

Жизнь Ставрополя как военного центра Кавказа была своеобразной. Верховную власть в городе и губернии осуществлял командующий войсками, он же — губернатор. Большинство жителей было занято обслуживанием войск или находилось на воинской службе. Из 14-тысячного населения Ставрополя в 1849 году 44% составляли солдаты, офицеры и члены их семей.

Характерными чертами городской жизни были встречи и проводы воинских частей, размещение и обучение новобранцев, приезды старших начальников, смотры и военные парады.

Усталыми и запыленными прибывали в Ставрополь новобранцы. Их распределяли по частям, переодевали, а на прилегающих к казармам улицах и площадях муштровали.

Начальствующих лиц встречали торжественно, с помпой. Город иллюминировали и украшали. Въезд в Ставрополь на расстоянии одной версты освещали зажженные смоляные бочки. Вдоль Большой Черкасской улицы и перед домом командующего войсками тысячами горели плошки. Бульвар освещали фонарями, по городу взлетали разноцветными огнями фейерверки. На Александровской площади (теперь площадь имени Ленина) проводили смотры

Большая Черкасская улица, позднее Николаевский проспект (в настоящее время проспект К. Маркса). Вид на бульвар и торговые ряды

и военные парады. По случаю благополучного прибытия начальников-господ духовенство устраивало в церквах благодарственные молебны. Местные дворяне и купцы давали роскошные балы и обеды.

Без каких бы то ни было встреч прибывали раненые с фронта. Размещали их в 4 двухэтажных корпусах на 200 человек каждый. Улица, на которой стояли эти дома, были названа Госпитальной (теперь улица Ленина).

В июле 1847 года Ставрополь посетил Николай Иванович Пирогов — замечательный ученый, патриот, основатель русской и мировой военно-полевой хирургии. Ехал он на Кавказский фронт для показа хирургических операций с усыплением раненых серным эфиром прямо на фронте, в полевых условиях. Перед его приездом в городе было получено распоряжение о приготовлении в местной аптеке 40 фунтов эфира. Интересны путевые впечатления Н.И. Пирогова:

«Проезжая через необозримые степные луга между Доном и Ставрополем, никак нельзя подумать, что приближаешься к грозным высотам Кавказа... от Ставрополя едешь, будто сидя в ароматической ванне. Нигде мне не случалось встретить такие необозримые пространства, как будто бы нарочно

засеянные различными породами шалфея, богородицкой травою, солодковым корнем, диким лавендулом и проч.»

Сделав 100 полевых операций на фронте и многочисленные операции в кавказских госпиталях, Пирогов в ноябре выехал из Тифлиса в Ставрополь. После осмотра раненых и госпиталя он сделал следующее заключение: «В Ставрополе находится один из больших военных госпиталей Кавказа, но в него поступает гораздо менее хирургических оперативных случаев, нежели в другие небольшие госпитали, находящиеся ближе к месту военных действий...». Из Ставрополя Николай Иванович Пирогов отправился в Тамань и далее в Крым.

В январе 1854 года в Ставрополе побывал Лев Николаевич Толстой. Ехал он с Кавказа в Россию после получения первого офицерского чина. Разочарованный в дворянской культуре, Лев Николаевич рассчитывал, что в далеком от центра России Ставрополе не увидит ее, но, как пишет он в своем произведении «Казаки», «Ставрополь, через который он должен был проезжать, огорчил его. Вывески, даже французские вывески, дамы в коляске, извозчики, стоявшие на площади, бульвар и господин в шинели и шляпе, проходивший по бульвару и оглядывавший проезжих, — больно подействовали на него».

Кавказской экзотики, которую надеялся встретить 27-летний Толстой, в городе уже не было. Ставрополь в то время был точной копией губернских городов Центральной России. Кавказская экзотика была делом «давно минувших дней, преданьем старины глубокой».

* * *

Кроме военных, купцов и мещан, в Ставрополе в то время проживало около тысячи крепостных крестьян. О жестоком обращении помещиков со своими дворовыми свидетельствует сохранившееся «дело» с жалобой крепостных Марфы и Наталии Талановых на ставропольскую чиновницу дворянку Зазулевскую. В жалобе, поданной 1 ноября 1847 года, крепостные рассказывали, что часто без всякой причины их избивает хозяйка, что Зазулевская никогда их не одевала, а всю одежду и обувь заставляла приобретать работой на других господ; кормила их барыня только постными щами и просяным хлебом. В избиении Натальи принимали участие и дети Зазулевской, при этом из головы Наталии вырвали большое количество волос. Эти волосы были приложены к жалобе (в настоящее время жалоба и «вещественное доказательство» — вырванные волосы — экспонированы в Краевом музее).

Закончилось «дело» тем, что крепостных крестьянок посадили в тюрьму.

С 1 января 1850 года в городе стала выходить первая печатная газета «Ставропольские губернские ведомости», орган помещиков-крепостников. Выпускалась она один раз в неделю, по субботам. Содержание газеты делилось на два отдела: общий и местный. В общем отделе печатались статьи и сведения, относящиеся ко всему государству. Местный отдел разделялся в свою очередь на официальную и неофициальную части. В последней описывались местные события, природа и история края, давались хозяйственные советы, объявления частных лиц.

С первых же номеров в общем отделе (для сведения всего государства) помещались извещения о розыске беглых крепостных крестьян. Например, статский советник Ясинин разыскивал бежавшего от него дворового Леонтьева Василия и описывал его приметы: «37 лет от роду, роста среднего, глаза серые, рот и подбородок умеренные, волосы на голове, усах и бороде темно-русые, усы и борода небритые».

В этом же отделе помещались сведения о пойманных крепостных, так называемых «бродягах».

Так, в номере 8 за 1854 год Губернское правление извещало, что задержаны Зуйко Герасим, Листоферов Александр, Савва Воловик и Анастасия Усачева с дочерью Прасковьей. Наружность их описывалась подробно. Усачева была «28 лет от роду, роста 2 аршина 3 вершка, волосы на голове русые, глаза голубые, нос умеренный, лицо чистое; дочери ея Прасковье полтора года».

Расправа была такова: Зуйко попал в арестантскую роту, Воловик и Листоферов в рекруты. У Усачевой отняли малолетнюю дочь и отдали в ставропольский приказ общественного призрения, а ее сослали в Сибирь.

Особую ненависть властей вызывали крестьяне, скрывавшие свою крепостную зависимость. В газете, например, сообщалось, что Никита Непомнящий и Андрей Знакомый получили по 40 ударов розог, на их руках выжжен условный знак «Б», на год они направлялись в арестантские роты, затем на поселение в Сибирь.

Увеличивая свои богатства, дворяне и купцы все больше разоряли трудовое население Ставрополя и губернии. В «Кавказском календаре» на 1855 год появилась любопытная заметка, в которой сообщалось, что «число бедных в нашем городе весьма велико». В то же время привилегированные классы лицемерно показывали свою благотворительность. Приказ общественного призрения устраивал бесплатные обеды для нескольких десятков бедняков. Небольшое количество старух и стариков помещали в богадельни, а для «успокоения увечных воинов» была «учреждена небольшая библиотечка из назидательных сочинений». Все эти подачки широко рекламировались как «щедрость» помещиков и купцов для «народа». Надо к тому же сказать, что бедняки, которых кормили обедами и устраивали по богадельням, были разорившиеся и опустившиеся чиновники и дворяне. К таким «беднякам» относились: родившаяся от благородных родителей и воспитанная в «хорошем» обществе вдова надворного советника Лазаренкова; проигравшийся в карты коллежский советник Кушкарев; коллежская секретарша Горохова, жизнь которой до пьянства мужа протекала «ручьем светлым и игривым»; жена штабс-капитана Рихтер и другие. Всех этих лиц буржуазия называла «наши бедные».

Бедняков из простого народа городские власти преследовали и сажали в тюрьму. В 1853 году в ставропольской тюрьме, кроме пересыльных арестантов, содержалось 595 заключенных, из них за бродяжничество и уклонение от крепостной зависимости сидело 444 человека.

Борьба против помещичьего гнета часто выливалась в открытые бунты крепостных. Такой бунт произошел в 1853 году в селе Маслов Кут. В нем участвовало более 2 тысяч вооруженных дубинами и камнями крепостных. 10 января к селу прибыли пехотные части, казаки и артиллерия. Крестьяне поклялись «скорее погибнуть всем, но помещику, угнетавшему их, не подчиняться». На площади села они устроили баррикады из телег, бочек, за которыми укрылись в ожидании нападения. До столкновения крестьян с войсками местный священник

пытался усмирить непокорных. Однако крестьяне закричали: «Вы, отцы, не христиан увещевать, а проклятого помещика защищать вышли».

Наконец с речью к восставшим обратился сам ставропольский губернатор Волоцкий: «У царя более 60 миллионов верноподданных. Как же вы хотите, чтобы для вас одних государь переменил законы? Вы — крепостные Калантаровых, а потому обязаны повиноваться им беспрекословно... Ступайте расходитесь по домам». Крестьяне не расходились и кричали: «Волю хотим, волю». Разъяренный губернатор приказал открыть огонь из орудий. Шестнадцатью залпами из пушек было убито и ранено 340 крепостных. Несколько сот крестьян сослали в Сибирь, а 60 из них посадили в ставропольскую тюрьму. Из тюрьмы эти крестьяне писали наместнику Кавказа, что уже третий год невинно содержатся в тюрьме единственно за то, что «искали вольности от тирана, державшего их в рабстве».

Весь ход экономического развития страны толкал к уничтожению крепостного права. Крымская война, закончившаяся поражением царизма, ослабила самодержавие. Расстроенная экономика и непрекращающиеся восстания крепостных крестьян вынудили царское правительство отменить в 1861 году крепостное право.

Положение и манифест были получены в Ставрополе 23 марта, но объявить его разрешалось только после того, как «обнародование будет совершено в соседнем со Ставропольской губернией Войске Донском». Поэтому в Ставрополе положение и манифест были обнародованы лишь 18 апреля 1861 года.

В этом манифесте царская милость была не для крестьян, а для помещиков-дворян. В.И. Ленин писал, что «Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними».

Лучшие земли продолжали оставаться у помещиков. Земли у крестьян оказалось меньше, чем было до реформы. Так, в пользовании у крепостных крестьян в Ставропольской губернии было 63 536 десятин земли, а при «освобождении» они получили только 26 401 десятину. Остальную землю 37 135 десятин отрезали в пользу помещиков.

Таких колоссальных «отрезков» не знала ни одна губерния России. Кроме этого, за само «освобождение» и оставшиеся у крестьян наделы помещики получили 2 миллиона рублей. Ставропольские крепостные, «ободранные до нитки, вышли на свободу», находясь фактически опять в зависимости у дворян. Неудивительно, что и после отмены крепостного права продолжались волнения крестьян и на усмирение их посылались войска.

* * *

Многолетняя борьба за Кавказ закончилась полной победой России. Англо-турецкие планы завоевания Кавказа потерпели провал. В августе 1859 года Шамиль был пленен и 7 сентября, окруженный усиленным конвоем, был доставлен в Ставрополь, а через день направлен в Петербург. В шестидесятых годах военные действия на фронтах прекратились. Генеральный штаб войск Кавказской линии и Черномории в Ставрополе, а за ним и другие многочисленные штабы и армейские учреждения были ликвидированы. Вскоре движение войск через город приостановилось, закончились и военные поставки для армии. Ставрополь перестал играть роль руководящего военного центра.

Начинались мирные преобразования Кавказа. 20 февраля 1860 года указом сената правое крыло Кавказской укрепленной линии было названо Кубанской областью, левое крыло — Терской. Все пространство, находившееся к северу от Главного Кавказского хребта, включая Терскую, Кубанскую области и Ставропольскую губернию, получило название Северного Кавказа.

Ставрополь капиталистический

Отмена крепостного права в России ускорила развитие в стране капитализма. Крестьяне, разоренные платежами за землю, уходили из сел на заработки в города. Фабриканты получили дешевую рабочую силу. По всей России развернулось промышленное и железнодорожное строительство. Росли города, фабрики и заводы. Оживлялась торговля. Ставрополье в связи с этим превращалось в крупный сельскохозяйственный район, оставаясь одновременно на положении колонии России.

Удовлетворяя потребности промышленных центров в хлебе и сельскохозяйственном сырье, Ставропольская губерния увеличивала посевы пшеницы и других культур, а для снабжения городов мясом форсировала разведение крупного рогатого скота. В 1871 году в губернии было собрано около 10 миллионов пудов хлеба, а через десять лет — свыше 20 миллионов пудов. Количество крупного рогатого скота за эти годы возросло с 404 тысяч до 565 тысяч голов.

Ставрополь в этот период получает значение крупного торгового центра Кавказа. С осени городские купцы закупали в уездах большое количество скота, а с наступлением весны его перегоняли на продажу в Москву и Петербург. Огромные партии пшеницы, семян льна, перетопленного сала, кожи и шерсти отправлялись через Ростов в Центральную Россию и за границу.

В обратном направлении двигался через Ставрополь поток железных и медных изделий, лесных материалов, мануфактуры, посуды, соды, красок, галантереи и других промышленных товаров.

Усиливалось экономическое «завоевание» Кавказа Россией. Прогрессивное значение этого процесса подчеркивал В.И. Ленин.

«Русский капитализм, — писал он, — втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости,— создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтичного национального костюма в костюм европейского лакея».

На Ставрополье не имелось нефтепромышленников и фабрикантов табаку. Ставропольская губерния была в то время вотчиной скотопромышленников, «фабрикантов» пшеницы, крупных торговцев «хлебным вином» — водкой и спиртом.

Так, годовой оборот городских скотопромышленников во главе с Иваном Меснянкиным в 1868 году

равнялся сумме около одного миллиона рублей, оборот торговцев хлебом — примерно полумиллиону рублей, купцов, торговавших спиртом и водкой, равнялся сумме около двух миллионов рублей, в то время как все остальные купцы, вместе взятые, торговавшие в Ставрополье различными товарами, имели годовой оборот менее двух миллионов рублей.

Развитие капитализма в Ставропольской губернии наиболее быстро происходило в сельском хозяйстве. На смену косам и серпам, граблям и цепам вводились новые усовершенствованные орудия и машины. В своем труде «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич Ленин отмечал: «В Ставропольской губернии... в связи с ростом иммиграции в нее идет усиленное распространение с.-х. машин. В 1882 г. их считалось 908, в 1891—1893 гг. в среднем 29275, в 1895 г. — до 64 тысяч с.-х. орудий и машин». Количество усовершенствованных с.-х. орудий и машин в течение этих 13 лет увеличилось в губернии более чем в 70 раз.

Крестьянские хозяйства, применявшие эти машины, процветали, а не имевшие их разорялись.

Ставрополь капиталистический. Паровая мельница А.Б. Гулиева, одна из крупнейших на Северном Кавказе

Ускорялось классовое расслоение деревни. Наиболее зажиточные выделялись в деревенскую буржуазию — кулаков, а разорившиеся пополняли ряды бедняков и батраков.

С ростом капитализма увеличивалась товарность сельского хозяйства. В 1881 году в губернии было продано хлеба на сумму около 4,5 миллионов рублей, а в 1905 году на сумму 12 миллионов рублей. Продажа хлеба выросла за этот период более чем в 2,5 раза.

В Ставрополе появились крупные торговцы хлебом, скупавшие и перепродававшие пшеницу. Насколько быстро они обогащались, можно судить по росту капитала некоего купца Макара Попова. В 1858 году он имел капитал всего в 3 тыс. рублей, однако в 1896 году его капитал вырос до 13 миллионов рублей. Кроме доходов с торговых операций, большие прибыли он получал с обширных земельных участков, на которых работало несколько сот батраков.

С 70-х годов на Ставрополье начала развиваться и новая, более доходная отрасль сельского хозяйства — тонкорунное овцеводство. Занятие им особенно усилилось с появлением здесь так называемых «тавричан» — кулацких выходцев из Таврической губернии. Развивая свои хозяйства, тавричане и местные кулаки обращались за денежными займами к купцам. В Ставрополе в связи с этим образовалась банкирская контора, широко кредитовавшая закупки овец. Во главе этой конторы стоял известный в то время банкир Попов. Его контора выдавала ссуды овцеводам из расчета 18 процентов годовых. Рассчитывая, что дешевый труд батраков оплатит и эти расходы, овцеводы брали ссуды нарасхват. И все же из-за высоких процентов некоторые из них разорялись, а Попов по дешевке скупал их участки земли и овец.

Одновременно Попов служил посредником между ставропольскими овцеводами и иностранными конторами в Ростове-на-Дону. Закупая шерсть у овцеводов по очень низкой цене, он втридорога продавал ее в Ростов и за границу.

В дальнейшем крупные капиталисты объединились и создали «Общество ставропольских овцеводов», во главе которого стояли местные купцы Маловичко, Жуков и Попов. Эти заправилы быстро наживались. Только на одной махинации — аренде земель в районе Старо-Зармутинской дачи, которые они сняли в Губернском правлении по 1 руб. 30 коп. за десятину, а мелким овцеводам сдавали по 20 рублей за десятину, — положили себе в карманы полмиллиона рублей. Общество пользовалось особой правительственной поддержкой. По требованию крупных ставропольских овцеводов был увеличен тариф на ввозимую из-за границы шерсть, открыт значительный кредит в Русском государственном банке и снижена стоимость перевозки овец по железным дорогам.

К концу XIX века крупные овцеводы развили свою деятельность настолько, что скупали огромные земельные участки и тысячами закупали тонкорунных овец. Производство шерсти в губернии все возрастало и «шерстное дело» давало огромные доходы.

* * *

Промышленность города к 1870 году состояла из 36 мелких кустарного типа предприятий, работавших на сельскохозяйственном и местном минеральном сырье. Наиболее значительными предприятиями были винокуренные заводы, выпускавшие продукции на 900 тысяч рублей в год.

Количество городских рабочих в Ставрополе после отмены крепостного права медленно, но все же возрастало. Если в 1860 году их было около 200 человек, то через десять лет количество их увеличилось до 460 человек. Число ремесленников возросло за эти же годы до 600 человек.

Развитие капитализма потребовало применения более быстрых средств связи. Этой цели служил телеграф, открытый в городе 12 января 1863 года. Вначале телеграфная связь была только между Ставрополем и Тифлисом и проходила через Пятигорск, Нальчик, Владикавказ и Душт. В июне этого же года была открыта вторая линия, проходившая от Ставрополя на Новочеркасск и далее на Москву и в Петербург.

В городе оживилась торговля. Открывались новые крупные магазины, торговавшие сельскохозяйственными орудиями, мануфактурой, швейными машинами и другими промышленными товарами.

Широко были известны ставропольские ярмарки — весенняя, летняя и осенняя. Пользовались они таким успехом, что привлекали не только живущих в губернии, но и население с Терека и из-за Кубани. Перед открытием ярмарок все дороги, ведущие в город, были запружены народом.

Открывались ярмарки на городской площади (теперь площадь имени Орджоникидзе). Московские ситцы, ярославские полотна, саратовская сарпинка, елецкие кружева, персидские ковры, бухарские шали и платки, английские сукна раскладывались в наскоро сколоченных лабазах; в других торговали вяземскими пряниками и коврижками, антоновскими яблоками, грушами из Темир-Хан-Шуры, винами из Прасковеи, черниговскими и калужскими грибами, рыбой, чаем из Китая. Горами наваливались арбузы, дыни и капуста, гирляндами висели плетенки чеснока и лука. В конском ряду шла оживленная торговля воронежскими тяжеловозами, быстроногими кабардинскими скакунами, ногайцы продавали диких степных лошадей.

Недалеко от площади около бульвара располагалась «комедия», цирковой балаган, обвешанный яркими афишами с изображением необыкновенных силачей, шпагоглотателей и прочих фокусников. Рядом крутились унизанные стеклярусом карусели.

На осенней ярмарке, называемой Покровской, жители города запасались продуктами на зиму, теплой одеждой, топливом и мануфактурой. Обороты на этой ярмарке были значительно меньше, чем на летней. Еще меньше были обороты на весенней ярмарке. Весенние распутицы затрудняли подвоз товаров, и эта ярмарка не пользовалась успехом.

Во время летней — Троицкой ярмарки — на Осетинской поляне устраивались скачки. Победителям выдавались призы. Чаще всего их получали лошади караногайской и кабардинской пород. Скачки привлекали много народу.

С течением времени облик Ставрополя менялся. Город разрастался. В нем было уже 4589 жилых строений, 3 площади и 51 улица. Почти треть зданий принадлежала дворянам и купцам. От ежегодной сдачи квартир они имели на 210 тыс. рублей доходов.

Проведенная в 1872 году перепись показала, что к этому времени в Ставрополе проживало 29617 человек. Из них 16352 мужского и 12965 женского пола.

До начала 80-х годов Ставрополь во всех областях жизни продолжал играть ведущую роль на Северном Кавказе. Он был не только наиболее населенным городом, но также главным административным, торговым и культурным центром.

Сильнейший удар экономике города был нанесен в 1875 году постройкой Владикавказской железной дороги. Дорога проходила, минуя Ставрополь, связывая Ростов-на-Дону с Владикавказом. Хлебные грузы, сельскохозяйственное сырье и скот потянулись из губернии к станциям Минеральные Воды, Курсавка, Армавиру, Тихорецкой. Гужевые тракты — Тифлисский, Черкасский и Царицынский, — проходившие через Ставрополь, потеряли свое хозяйственное значение.

Ставрополь перестал играть роль крупного торгового пункта, лишь сосредоточение в нем административных учреждений и учебных заведений поддерживали его связи с губернией. В городе падала хозяйственная и торговая деятельность. Сокращалась и без того мало развитая промышленность. Уменьшилось занятие ремесленничеством и промыслами. Возникла безработица. Рост города приостановился, зато развивались другие связанные железнодорожной линией города: Армавир, Кавказская, Владикавказ, Новороссийск и особенно Екатеринодар.

Начались бесконечные поездки «отцов» города в Петербург с просьбами о проведении железной дороги до Ставрополя. Наконец после долгих мытарств представителям Городской думы удалось договориться с правлением Общества Владикавказской железной дороги о строительстве небольшой ветки от станции Кавказской, но с условием, что город в течение 24 лет уплатит акционерам своего рода «контрибуцию» в 750 тыс. рублей.

Строительство железнодорожной ветки началось в 1893 году. Через четыре года дорога была построена. В процессе стройки Дума неоднократно ссорилась с правлением Общества. Даже вокзал был построен там, где правление нашло более выгодным для себя, а не там, где хотело большинство горожан. Поэтому, когда дорога была выстроена, город отказался платить Железнодорожному обществу по 31250 рублей в год. Дело разбиралось в окружном Петербургском суде, где к городу Ставрополю Обществом Владикавказской железной дороги был предъявлен иск на сумму в 102 тыс. рублей (трехгодичные взносы и проценты за просрочку). Выслушав объяснения сторон, суд отказал Обществу в иске и дело прекратил.

Прибытие поезда на ставропольский вокзал. Фото начала XX века

Дорога начала функционировать. Газета «Северный Кавказ» по этому поводу сообщала: «Открылась перевозка арестантов по Ставропольской ветке Владикавказской железной дороги. 17 февраля выступила первая партия на город Петровск» (теперь Махачкала — *Г. К.*)

Торговая деятельность с проведением железной дороги оживилась. К городу вновь потянулись обозы с хлебом и с сельскохозяйственным сырьем. Строились амбары для ссыпки зерна и склады для шерсти. Открывались новые предприятия и магазины. Появились в Ставрополе и греческие торговые конторы, скупавшие хлеб для заграницы. В городе совершались крупные торговые сделки и большие спекуляции зерном. Ставропольские банкиры понижали цены на хлеб при закупке и взвинчивали их при продаже. В результате производившее хлеб трудовое крестьянство разорялось.

В 90-х годах прошлого столетия в селах Ставрополья за четверть лучшей пшеницы купцы плати-

ли 2 руб. 50 коп., то есть около 25 копеек за пуд. Чтобы уплатить многочисленные царские налоги, долги кулакам и приобрести предметы, необходимые в хозяйстве, крестьяне вынуждены были продавать хлеб до последнего зерна. Торговые же агенты, закупив зерно по низкой цене, везли его на городской пристанционный рынок. Там этот же хлеб они продавали по 10 рублей за четверть.

Не так-то просто было продавать здесь хлеб крестьянам. Вокруг станции и у амбаров их окружали перекупщики-маклеры, купцы, назойливо назначавшие свои цены. Если крестьянин не соглашался, по его адресу сыпалась отборная брань, нередко пускались в ход кулаки. Растерявшийся крестьянин спешил поскорее отделаться от своего хлеба — продать его по назначенной цене и убраться подобру-поздорову домой. Особенно упорным крестьянам выписывали фиктивные квитанции к какому-нибудь амбару. Приехав туда, он получал категорический отказ и сопровождаемый насмешками ехал на старое место. В конце концов и он или продавал перекупщикам свой хлеб, или вез его обратно в село. Неудивительно, что при таких ограблениях трудящихся крестьян ставропольские купцы баснословно богатели. Кроме Попова, в городе появились другие крупные капиталисты.

Линия Ставрополь — Кавказская оказалась прибыльной, и акционеры Владикавказской железной дороги недаром прозвали ее «хлебной дорожкой». Вскоре их 500-рублевые акции котировались на бирже по 4 тыс. рублей.

Хлеб из Ставрополя большей частью отправлялся за границу. Из 15 миллионов 268 тысяч пудов зерна, проданного в городе за 1901—1905 годы, 73 процента было отправлено через Новороссийский порт на зарубежные рынки.

С проведением железной дороги произошли значительные изменения и в пригородном сельском хозяйстве. Прежде всего это коснулось садов. Фрукты в большом количестве начали доставляться в Ставрополь из соседней Кубанской области, где они созревали раньше. Цены на местные сорта упали, и городские сады стали малодоходными. С другой стороны, в Ставрополе ощущался большой недостаток овощей. В погоне за прибылью землевладельцы вырубали сады и превращали их в огороды.

Особенно увеличилась в этот период посадка картофеля. Спрос на него был большой. Местные богачи снимали под огороды участки пригородной земли, а попадавшиеся в этих местах леса безжалостно вырубали.

На приусадебных участках горожан по речкам Ташле, Мамайке и Мутнянке вместо садов предпочитали сажать помидоры, капусту, лук, чеснок, редиску, баклажаны и огурцы. Городская тутовая роща была уничтожена.

Промышленность города, как и прежде, работала в основном на сельскохозяйственном сырье. Наиболее развито было мукомольное дело (паровые мельницы Алафузова, Анпеткова), затем кожевенное, маслобойное, воскобойное, пивоваренное, салотопенное и мыловаренное. Самым крупным предприятием была мельница Алафузова, имевшая 16 вальцовых станков и элеватор на полмиллиона пудов зерна.

Единственный в городе литейно-механический завод Руднева-Шмидта изготовлял плуги собственной модели, черепичные и маслобойные прессы. Он же производил капитальный ремонт губернских мельниц и выпускал различное литье: колонн, лестниц, памятников, оград и т.п.

В 1897 году на ставропольских предприятиях, в мастерских и промыслах было занято уже 4773 рабочих, выработавших продукции на сумму 874895 рублей.

Для кредитования торговли, сельского хозяйства, промышленности и городского строительства в Ставрополе были открыты городской общественный банк и отделения центральных банков: Государственного, Коммерческого Азово-Донского и Харьковского земельного.

Ставрополь в этот период был не только торговым центром, но и рассадником русской культуры на Кавказе. По числу учебных заведений ему принадлежало первое место среди всех городов на Северном Кавказе. К 1897 году в городе были: мужская классическая гимназия, реальное и ремесленное училища, духовная семинария, две женских гимназии, 44 одноклассных и двуклассных школы. Обучалось в них 4778 учеников, в основном детей привилегированных классов.

Крупнейшим учебным заведением являлась ставропольская мужская классическая гимназия (переименованная из Кавказской). В 1868 году для нее было выстроено новое здание, имевшее свыше двухсот комнат (теперь дом по улице Кагановича, № 2). Обучалось в ней до 800 учеников. В гимназии находился пансион, где жили и бесплатно содержались дети чиновников, офицеров и горских феодалов, квартиры преподавательского состава, библиотека с тремя тысячами книг и несколько подсобных мастерских.

В столярной мастерской гимназистами ремонтировалась вся школьная мебель, изготовлялись и новые вещи: столы, кресла, вешалки, шкафы. Несколько из них получили хорошую оценку на политехнической выставке в Москве. Ученики занимались выпиливанием и резьбой по дереву. Переплетная мастерская обслуживала все гимназические нужды и школьной библиотеки. Работало в этих мастерских одновременно по 80—100 учеников. Гимназисты занимались также в хоровом кружке и в двух оркестрах: духовом и струнном.

Из числа воспитанников гимназии вышли видные для того времени общественные, политические деятели и ученые. В ней обучались: Герман Александрович Лопатин, впоследствии социалист, ученик Н.Г. Чернышевского, друг Маркса и Энгельса; Коста Хетагуров, выдающийся осетинский поэт; Евгений Дмитриевич Фелицын, знаток истории Кавказа; исследователь его природы Николай Яковлевич Динник и другие.

Герман Александрович Лопатин в 1862 году закончил классическую гимназию и для продолжения образования уехал в Петербург. Здесь он участвовал в нелегальных студенческих кружках. В 1867 году Лопатин тайно уехал за границу, чтобы поступить в отряды Гарибальди. После подавления этого движения Герман Александрович выехал из Италии и возвратился в Ставрополь, но уже как политически неблагонадежный ссыльный. С помощью отца, служившего в казенной палате, ему удалось устроиться на службу чиновником у губернатора. Здесь в свободное от службы время он изучал английский язык. Его занятия были настолько успешны, что вскоре он легко читал английские книги, журналы и газеты. В Ставрополе он в подлинниках прочитал произведения Маркса, Спенсера и Лассаля.

Заинтересовавшись затем городской общественной библиотекой, он стал работать в ней библиотекарем бесплатно. Эту библиотеку Герман Александрович использовал как место сходок гимназистов, семинаристов и приезжающих на каникулы студентов. Здесь же выдавались им политические книги и журналы. Но за деятельностью Лопатина следили, и на него последовал донос.

Доносчиком оказался директор Ставропольской гимназии Марков. «Посещая не раз публичную библиотеку, — писал он, — я всегда находил в ней много наших воспитанников и еще более семинаристов. Все они выбирали себе для чтения большей частью весьма пикантные вещи. На первом плане были, разумеется, журналы: «Дело», «Искра»[13] и т.д. или книги Добролюбова, Чернышевского. Мне казалось всегда, что если в Ставропольской гимназии попадаются иногда молодые люди с превратным, так называемым отрицательным направлением, то причину этого надо искать положительно в здешней публичной библиотеке». Последствием доноса явилась проверка библиотеки; изъятие из нее многих журналов и книг и запрещение Лопатину заниматься общественной работой. Герман Александрович решил уехать за границу. Но из письма, захваченного при обыске у одного из революционеров в Петербурге, намерение его стало известно. В Ставрополь немедленно была послана телеграмма об его аресте.

В декабре 1869 года у Германа Александровича был произведен обыск, и, хотя ничего компрометирующего жандармы не нашли, он был посажен на гарнизонную гауптвахту (помещалась на небольшой площади, где сейчас выстроен кинотеатр «Родина»).

6 января 1870 года, в 9 часов вечера Лопатин с разрешения караульного начальника вышел погулять по площади вместе с содержавшимся на гауптвахте хорунжим Улитиным, к которому пришла жена. Выйдя через некоторое время посмотреть, где гуляют арестованные, караульный начальник обнаружил, что гуляет только Улитин с женой, а Лопатин, по словам хорунжего, неизвестно куда скрылся. Поиски Лопатина по городу и по губернии не дали результатов. Герман Александрович исчез, как в воду канул, на глазах у всех ставропольских властей. И только впоследствии сам Лопатин рассказал, что, завернув на прогулке за угол женского училища, он направился к знакомому мастеровому, Кузьке Косому, и у него, в курятнике, скрывался восемь дней. Затем мастеровой достал ему фальшивый паспорт, а Герман Александрович купил одежду казака, бурку, лошадь и в таком виде выехал в Ростов. Из Ростова он перебрался в Петербург и уже оттуда уехал за границу.

Прибыв в Париж, Лопатин познакомился с Полем Лафаргом, зятем Маркса. Получив от него рекомендательное письмо к Марксу, Герман Александрович направился в Лондон. На Маркса он произвел приятное впечатление. В письмах к Ф. Энгельсу Маркс о Лопатине писал: «У него очень живой критический ум, веселый характер, стоический, как у русского крестьянина, который довольствуется тем, что имеет». В следующем письме Маркс отмечает: «Рассказы Лопатина о разных русских делах весьма интересны, и их особенно полезно знать». И, наконец, в письме от 3 августа 1870 года Маркс пишет: «Он — единственный «солидный» русский, какого я до сих пор встречал».

Впоследствии Лопатин был избран в состав членов Генерального Совета Первого Интернационала, а в начале 70-х годов Лопатин принялся за перевод первого тома «Капитала» Маркса.

Смерть Маркса глубоко потрясла Лопатина. В письме к его дочери Элеоноре Герман Александрович писал: «Моя дорогая мисс Тусси! У меня нет слов, чтобы выразить Вам, какую боль причинило мне известие о смерти Вашего отца и как глубоко я сочувствую Вашему горю. Сообщение о кончине моего уважаемого и любимого друга было первое, что я услышал, переступив порог Лаврова! Маркс умер как раз в тот день, когда я переходил границу России. Таким образом, задержка в несколько дней лишила меня радости еще раз в жизни обнять этого человека, которого я любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца».

По возвращении в Россию в 1884 году Лопатин был арестован и посажен в Шлиссельбургскую тюрьму. Только революция 1905 года освободила Лопатина из заключения. В последние годы жизни он отошел от политической деятельности, а в 1918 году скончался.

В Ставропольской гимназии воспитывался и Коста Хетагуров, впоследствии видный общественный деятель и выдающийся осетинский поэт.

Герман Александрович Лопатин, выпускник Ставропольской губернской гимназии (1862), член Генерального совета I Интернационала

Еще в юности его общительный, приветливый характер, искренность вызывали любовь к нему товарищей-учеников. Имея склонность к живописи, Коста в 1881 году уехал учиться в Петербургскую академию художеств. Однако, не имея средств к жизни, он академии не закончил и вернулся в Осетию. Изгнанный за прогрессивную деятельность дворянством и царской администрацией из Осетии в 1893 году, Коста Хетагуров направился в Ставрополь. Здесь он сразу же занялся кипучей и самой разнообразной общественной деятельностью. Организовал кружок «Любителей изящных искусств», народный театр, где в роли артистов выступали любители. На сцене этого театра были поставлены пьесы Островского «Бедность не порок», «В чужом пиру похмелье» и другие, прошедшие с большим успехом. Цены местам в народном театре были небольшими, и горожане его охотно посещали. Помещался он на бывшей Воронцовской улице в Народном доме (теперь Дом пионеров на проспекте Ворошилова).

Коста состоял членом многих научных учреждений, различных художественных и добровольных обществ. Постоянную же работу он избрал в редакции газеты «Северный Кавказ», издававшуюся либералом Прозрителевым. Эта газета являлась первой частной газетой на Северном Кавказе. Только в ней и можно было помещать статьи, освещающие политические события на Кавказе и в России.

С приходом Коста газета «Северный Кавказ» стала более оппозиционной по отношению к царскому

режиму. Она уделяла большое внимание национальным вопросам, острыми статьями отзывалась на политические события в России, вела энергичную полемику с либеральной теорией культурничества и малых дел. Из-за этих статей газета часто выходила с большим количеством цензурных помарок.

На ставропольский период жизни Хетагурова падает и расцвет его поэтического таланта, который впервые проявился у него еще в гимназические годы. В газету «Северный Кавказ» он написал большое количество лирических стихотворений, в ней же опубликовал крупную сатирическую поэму «Кому живется весело».

Добившись разрешения правительства проживать в родной Осетии, Коста в 1896 году выехал из Ставрополя. Но недолго продолжалась его жизнь во Владикавказе: в 1898 году он снова был выслан из Осетии, но уже без права проживания на Кавказе. Только в 1900 году ему разрешили приехать на Кавказ, и Хетагуров снова вернулся в Ставрополь. Здесь он опять стал работать в редакции газеты «Северный Кавказ».

В этот последний период пребывания Хетагурова в Ставрополе газета «Северный Кавказ», находящаяся под его влиянием, боролась против декадентства — буржуазного, оторванного от реальной жизни течения в искусстве и литературе. Газета «Северный Кавказ» резко критиковала искусство декадентов и широко популяризировала творчество М.Ю. Лермонтова, великого украинского поэта Т.Г. Шевченко и первые произведения основоположника пролетарской литературы Алексея Максимовича Горького. В 1901 году газета поместила статьи о произведениях В.И. Ленина «Экономические этюды» и «Развитие капитализма в России», а также о книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В этих критических статьях газета полностью присоединялась к замечательным экономическим и политическим выводам В.И. Ленина и Ф. Энгельса.

В конце 1901 года Хетагурову было разрешено переехать на жительство во Владикавказ. Родной осетинский народ устроил ему восторженную встречу. Однако долгие скитания подорвали здоровье Коста. В 1906 году, после тяжелой болезни, поэт скончался. В память о деятельности Хетагурова в Ставрополе одна из улиц названа его именем.

Один из крупных историков Северного Кавказа Евгений Дмитриевич Фелицын родился в Ставрополе в 1848 году. Шестнадцати лет он окончил гимназию и поступил на службу в Ставропольский пехотный полк. В дальнейшем Евгений Дмитриевич перешел в сословие казаков.

Участвуя в походах по Кавказу, Фелицын обследовал многочисленные горы и долины, ущелья и лощины, встречая на пути памятники живших когда-то здесь народов, он начал увлекаться древнейшей историей Кавказа. Собрав за время экспедиций большое количество материалов, он издал первую археологическую карту Северного Кавказа.

Древности Кавказа, показанные им в 1878 году на археологической выставке в Москве, вызвали огромный интерес ученых. Фелицын был награжден золотым председательским жетоном.

Изучая новую историю Кавказа, он просмотрел громадное количество архивных документов в Ставрополе, Екатеринодаре и Владикавказе. В дальнейшем Кавказской археографической комиссией, председателем которой был Фелицын, изданы ценнейшие научные труды. Одновременно им было опубликовано большое количество исторических статей и выпущена военно-историческая карта Кавказа с нанесением на ней всех существовавших форпостов, редутов и крепостей.

Зная, как трудно изучать «дела давно минувших дней», Евгений Дмитриевич собирал и систематизировал статистический материал из современной ему жизни. Им была разработана и разослана учителям школ программа описания станиц, издан полный список населенных мест Кубанской области, опубликованы планы городов Екатеринодара и Новороссийска, составлен библиографический указатель литературы по Северному Кавказу объемом более 400 страниц. Известны и многие другие его работы.

Евгений Дмитриевич Фелицын был избран действительным членом Московского археологического общества, почетным членом Ставропольского и Кубанского статистических комитетов и многих других общественных организаций и обществ. После смерти Фелицына осталось много его трудов и обширная библиотека из книг по Северному Кавказу.

Известный исследователь кавказской природы Николай Яковлевич Динник родился в Ставрополе в 1847 году. Получив образование в классической гимназии, он выехал в Москву. В 1873 году, закончив университет, Николай Яковлевич со званием кандидата естественных наук вернулся в Ставрополь. Здесь он работал в гимназиях преподавателем естествознания.

Влюбленный до страстности в кавказскую природу, Николай Яковлевич все каникулы и выходные дни использовал для экспедиций. Где только он не побывал! Исследовал труднодоступные и малоизученные места Кавказа, путешествовал по побережью Каспия и в Закавказье. Во время этих экспедиций Николай Яковлевич собирал громадное количество материала, а возвратившись в Ставрополь, систематизировал его и подготовлял к печати. За книгу «Звери Кавказа» он был премирован Российской Академией Наук. Его кавказоведческие труды были отмечены русским Географическим обществом золотой и серебряной медалями. Кроме интересных и увлекательных книг, его перу принадлежит более 60 научных статей и сообщений.

Деятельность в области науки он сочетал с большой общественной работой. Николай Яковлевич Динник был гласным Городской думы, одним из организаторов общества по изучению Северного Кавказа и членом многих других научных организаций и обществ. Семидесяти лет Николай Яковлевич скончался. Именем Динника — талантливого исследователя кавказской природы — заслуженно гордятся ставропольцы.

* * *

В капиталистическом Ставрополе, так же как и в других городах России, центральная часть застраивалась особняками богачей, а рабочие ютились на окраинах в маленьких невзрачных домишках.

Постоянным спутником этих окраин были нищета и эпидемические болезни, особенно распространенные среди детей. Дети умирали от скарлатины, кори, дифтерита. У многих из них не была даже привита оспа, в результате чего на окраинах вспыхивала эпидемия этой болезни.

Разрастаясь, город не благоустраивался, о чем свидетельствуют рассказы живших в то время ставропольцев: «Окраина города, Желобовка, представ-

ляла собой, по их словам,несколько городских улиц, забытых богом и людьми. Население их при приближении весны запасалось лодками и пробковыми поясами, чтобы добираться до городского центра».

«Восточная часть города, Лягушевка, была названа так потому, что находилась на дне болота, в котором водились не только лягушки, но и черепахи».

«Ставропольские площади, — рассказывали они, — зимой были похожи на пустыни, а летом эти места зарастали репейником и разными колючками, образовывавшими здесь дремучие заросли. В них в ночное время прятались «соловьи-разбойники», обкрадывавшие прохожих».

«Бассейны были устроены или в виде фонтанов, или в виде будок, загромождавших дороги. Вода подавалась неравномерно. То отпускалась в час по «столовой ложке», то выливалась беспрерывно. Зимой вокруг них образовывались хорошие бесплатные катки, на которых жители падали и разбивали себе головы; летом же они порождали болота, в которых купались свиньи, собаки, а иногда и пьяные обыватели»

«В самом городе вблизи мостовых устраивались каменоломни. В ночное время они служили волчьими ямами для прохожих и проезжих».

Жизнь городских рабочих была тяжелой и бесправной. Рабочий день продолжался 10—12 часов. На отдельных предприятиях, например, на свечном заводе, он доходил до 15 часов. Заработная плата была непомерно низкой, охрана труда отсутствовала.

В столярной мастерской Дундукина хозяин, чтобы не отапливать зимой несколько помещений, сгонял всех рабочих в одну комнату. Потолок ее был низкий, стены чернее, чем в кузнице, кругом паутина, пыль и грязь. В комнате было душно и угарно. Рабочие рассказывали: «Со свежего воздуха войдешь, тяжелый воздух с ног сшибает. Поверите ли, — говорили они, — утром целый час откашливаешься, вся грудь грязью и копотью забита. Вентилятор один да и тот не действует; просили хозяина сделать, он и внимания не обратил. Вот в таких условиях приходилось каждый день по 10 часов работать. Здесь самый здоровый человек за пять лет измотается, в калеку превратится. Все равно, что каждый день хозяин по ломке крови из нас выпускает».

Питались рабочие у хозяина. Вот их отзывы о пище: «Круглый год щи с кислой капустой да жареная картошка. Щи такие, что оскомину набьешь, картошкой хоть пушку заряжай: стену прошибешь. Свежего хлеба не бывает потому, что его много едят, а это хозяину невыгодно: тратит господин Дундукин на харчи не более 3 рублей в месяц, а вычитывают с каждого рабочего по 25 копеек в день».

Особенно жестоко эксплуатировались пришлые на заработки крестьяне. Цена уборки одной десятины им была известна, но многие из них не знали, что на Ставрополье, кроме казенной десятины в 2400 кв. сажен, применялись экономическая в 3200 кв. сажен и так называемая «калмыцкая» десятина в 4000 кв. сажен. По окончании работ кулаки заявляли, что они нанимали батраков убирать десятины, исчисляемые «по-калмыцки», и платили наполовину меньше.

С введением машин потребность в рабочей силе все больше уменьшалась. В корреспонденции из Ставрополя за 1903 год газета ленинская «Искра» сообщала, что «по линии Владикавказской ж.-д. в сентябре пришлые на заработки крестьяне в некоторых именьях поломали машины вследствие безработицы. Администрация напугана и целыми вагонами отправляет «бунтовщиков» на родину. Настроение среди безработных крайне приподнятое. В местных деревнях много толкуют об этих происшествиях; во многих случаях выражаются симпатии к безработным. Среди безработных много крестьян Черниговской и Харьковской губерний».

Несладко жилось и так называемым иногородним и местным безземельным крестьянам. Один из крупных ставропольских землевладельцев дошел до того, что обложил арендовавших и живущих на его земле крестьян необычайным налогом. За пользование воздухом с каждой души он брал по 50 копеек в год. За крупный рогатый скот по 30 и за мелкий по 10 копеек с головы. Получал даже по 5 копеек и за собак. Только птицу он «великодушно» освободил.

Терпели невзгоды и казаки. Кроме сельскохозяйственных работ, они несли воинскую службу. Необходимые доспехи (кроме винтовок) приобретались самими казаками. Средний доход казака в 1898 году равнялся 33 рублям, а затрата на воинскую службу 16 рублям. Из-за частых отрывов от хозяйства казачество беднело, а окончательно разорившиеся казаки шли наниматься в батраки. Многие из обедневших казаков роптали, а при упоминании о боевых традициях полков открыто заявили: «Слава-то наша осталась казачья, да жизнь-то у нас стала собачья».

Крестьянские волнения в Харьковской и Полтавской губерниях, начавшиеся в 1902 году, встревожили ставропольского губернатора Никифораки, «старого помпадура», как называла его газета «Искра». Со страху ему стало казаться, что и в Ставрополе подготовляется демонстрация рабочих, а в губернии выступления крестьян. Дошло до того, что он для усмирения якобы готовящихся беспорядков завел сыскное отделение, увеличил количество городовых и задержал отправку на маневры Майкопского батальона.

Жандармы и полиция метались по городу, как угорелые, ища революционеров. На вокзале они сновали в поисках «крамольников», подозрительно осматривая всех приезжих.

На майской ярмарке Никифораки отменил все увеселения. Для наблюдения за порядком выслал туда отряды солдат, городовых, которые опрашивали приезжих и разгоняли самым бесцеремонным образом неизбежное на ярмарках скопление народа. Такой «порядок» настолько затормозил ведение торговли, что ярмарка закрылась до срока.

Созданная самодуром Никифораки обстановка вызывала возмущение у трудового населения Ставрополя. На городских окраинах «Каменной ломке» и «Воробьевке» шли толки о том, что пора бы перебить всех чиновников и бар и что все скоро будет по-иному.

«Ставропольская революция», созданная воображением «помпадура», — писала газета «Искра», — так и не проявилась. Между тем, вместо крестов и орденов Никифораки получил нахлобучку из Петербурга за то, что задержал батальон солдат, тогда как он первого мая должен был уйти на маневры».

Во всех учебных заведениях в этом же году был установлен казарменный режим, особенно после того, как у гимназистов была найдена газета «Искра». Воспитанникам запрещалось посещение те-

атров, публичной библиотеки, чтение революционной литературы, а пансионерам хождение в отпуск. Вместо этого для гимназистов устраивали вечерние чтения «священного писания».

Возмущенные учащиеся старших классов потребовали прекращения внешкольного «сердечного попечения», разрешения ходить в публичную библиотеку и театры, а жившим в пансионе — отпуск.

Получив категорический отказ, учащиеся разбили окна квартир директора и инспектора гимназий, сожгли журналы с перечнем проступков и, наконец, принудили директора покинуть город. Волнения учащихся всполошили не только гимназическое начальство, но и отделение жандармерии.

Приближались события 1905 года... <...>

Примечания

1. В настоящее время институт вакцин и сывороток.

2. Первая датируется началом I века до н.э., вторая — 51 г. н.э.

3. Несколько их собрано в краевом музее.

4. По преданию, рассказанному Петру, на этом месте существовал когда-то древний город Ставрополь, что в переводе с греческого означает город Креста. Таким образом, это название города не является новым, а одним из древнейших на Северном Кавказе.

5. Самой тяжелой данью для горцев было представление с Кавказа трехсот мальчиков и трехсот девочек при вступлении каждого крымского хана на престол.

6. За десять лет с 1722 по 1731 год в русских пехотных частях на Кавказе умерло от болезней 36644 человека.

7. Часть стен бывшей Ставропольской крепости сохранилась до сих пор по улице имени Суворова.

8. Суворов за нанесенные Райзером оскорбления Аслан Гирею выдал в Ставрополе последнему 3000 рублей, разъяснил далее Райзеру, что «Благомудрое великодушие иногда более полезно, чем стремглавый военный меч», а впоследствии отстранил от должности Райзера, как неспособного установить дружбу с кавказскими племенами.

9. Основанное на речке Калалах в 1787 году, но разгромленное через два года неприятельским отрядом, прорвавшимся через Кубань.

10. Во столько раз больше посеянного.

11. Мерилом стоимости товаров служила соль — продукт, крайне необходимый горцам (ее не было в горах). Пуд коровьего масла стоил 16 пудов соли, мера яблок — 16 фунтов соли, фунт воска — $1^1/_2$ пуда соли, шкурка зайца — 1 пуд соли, лошадь — 50 пудов соли. Государственная цена на соль была 35—40 копеек пуд.

12. Георгиевский округ в 1830 году был переименован в Пятигорский.

13. Еженедельный политический журнал, высмеивающий правящие классы. Издавался в Петербурге в 1850—73 гг.

Текст печатается по изданию:
Краснов Г.Д. Ставрополь-на-Кавказе. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1957. — С. 5—76.

И. Чилим (И.Я. Егоров). **Город Ворошиловск**

Крепко строили этот город. Закладывали глубокие фундаменты. Неторопливо тесали пористый известняк-ракушечник, удобнейший строительный материал, и возводили стены такой хозяйственной добротности, что дома из поколения в поколение переходили по нотариальным записям без всяких изъянов, выражая в полной мере понятие «недвижимое имущество».

Никакие предшественники Карбюзье[1] не тревожили ставропольскую инженерскую мысль беспокойными исканиями. Инженеры тут, по-видимому, были толстые, благодушные, спокойные; они отлично знали свое крепкое, ясное, двухэтажное дело, а по окончании стройки, после молебна, несомненно, пили рябиновку, ели баранью ногу с кашей и цельных осетров, а потом дулись в преферанс до следующего подряда.

Капитальные строения степенны, но не однообразны — иногда с фигурными венецианскими окнами, с витыми колоннами под кудреватыми капителями, с растительно-русалочными кариатидами. Самые богатые дома отделывались — особенно внутри — с восточным привкусом, с примесью красот, от Василия Блаженного, с купецкой истовостью, в коей благолепие и долголетие сочетались неразрывно.

Мостовые же клали, как бы готовясь сопротивляться любому землетрясению.

Однажды, когда Ставрополь был объявлен второй нефтяной столицей государства Российского, здесь было решено построить некое величественное здание, способное затмить красоту Бакинской Девичьей башни и сделать вызов башне Эйфелевой.

Нефть нашли в одном колодце между Ставрополем и Александровском. Отцы города решили отпраздновать великое событие. Приказали звонить во все колокола. Пили шесть дней и шесть ночей. Потом запрягли в огромный тарантас двенадцать коней цугом, на каждого коня посадили обнаженную деву; сидящие в тарантасе тоже наполовину обнажились, объявили себя чистокровными эллинами и, как таковые, подъехали к дому губернатора с криками: «Зевс! Сойди с Олимпа и прими дары наши!»

При этом губернатору поднесли на золотом блюде камень, пропитанный нефтью.

Губернатор приказал нагих дев прикрыть хотя бы жилетками, а камень, пропитанный нефтью, понюхал и сказал: — Да, знаете ли, это дело пахнет миллионами!

После этого авторитарного заключения эллины и двенадцать дев нанесли визит архиерею и еще послали уничтожительную телеграмму Нобелю:

«Нобель, ко́бель, чихать мы на тебя хотели».

Однако Ставрополь не вышел в нефтяные столицы по той простой причине, что камень, пропитанный нефтью, оказывается, был нечаянно обронен в колодец одним машинистом локомобиля, обслуживавшего молотилку. Машиниста побили, колодец почистили, Эйфелева башня не состоялась, да и не очень-то она нужна была, если принять во внимание, что колокольня ставропольского кафедрального собора видна в ясные дни за тридцать километров.

Город скупщиков зерна, крупных животноводов, разногильдейных купцов и сановного духовенства — 18 церквей и два монастыря — жил сытно, уютно, богато, вел торг с тремя морями, с горами и степью, строил триумфальные арки по случаю приезда царей, крепко выпивал по этому поводу, закладывал монастыри и семинарии, завоевывал Кавказ, имел в свое время крепостцу и во все времена — огромный гарнизон. Но на тучном курдючно-пшеничном теле города быстро зарубцовывались следы казарменного бытия, оставались только выразительные названия окраин и слободок: Первая солдатская, Вторая Солдатская, Третья солдатская. Потом стерлись и номера.

До предоктябрьских времен Ставрополь был благоустроенным большим чистым губернским городом. Его разномастные жители от купцов и помещиков до окраинных козоводов имели одну хорошую склонность: сажать как можно больше деревьев — тополей, акаций, лип, вязов, кленов, конских каштанов. Все это вырастало могуче, широко, крепко, толстокоро — на столетия.

И о нынешнем Ворошиловске можно без натяжки сказать: он утопает в зелени. Уличные аллеи, бульвары, деревья перед окнами, сады во дворах, общественные сады и парки, просторные, тенистые, без единого сухого сучка, чуть запущенные и оттого еще более выразительные. Каждое тутошнее дерево с его баобабовым размахом за глаза может обслужить полдюжины отдыхающих единиц.

В годы гражданской войны, когда красные партизаны Ставрополья, — а их было круглым числом сто тысяч, — выбивали из Ставрополя ожиревших «эллинов», много упало в город снарядов. А он, этот крепкий каменный город с его толстокорыми садами, только покрякивал, чуть шелушился, не рушился и после советизации потребовал лишь текущего ремонта.

На место исчезнувших «эллинов» он легко принял свыше десяти тысяч советской учащейся молодежи, мускулистых парней и девушек в майках. Здесь обосновались три вуза, пять техникумов, 40 школ, многочисленные лаборатории и научные кабинеты, опытные станции и т.д.

При первом знакомстве Ворошиловск производит впечатление города молодежи, среди которой изредка проплывают архивные старцы с невиданными бакенбардами, старушки в шляпах времен севастопольской кампании. Они продают на базаре хитро открывающиеся копилки, бронзовые подсвечники, веера из павлиньих перьев и прочие не больно интересные предметы, назначение коих дискуссионно.

Ворошиловск за годы социалистического строительства обогатился восемью крупными предприятиями: здесь мясокомбинат — один из самых мощных в Советском Союзе; станкостроительный завод, консервный завод, биофабрика, здесь крупная мукомольная промышленность и т.д.

При всем этом город остается просторным. Чтобы не создалось впечатление запущенности, дворники по указанию горсовета выковыривают столовыми ножами пасхальную зелень, кое-где предательски вылезающую из-под шлифованного камня мостовых. Мероприятие трогательное, хоть и не столь радикальное.

В многочисленных столовых и кафе могут, если посетитель усидчив, плотно накормить, но категорически откажут, если он потребует стакан чаю или молока.

— Молоко ж не в столовой, а на базаре продают. Там, хоть залейся. А пьют его, молоко, дома. И чай тоже. Столовая такими мелкими делами не занимается. Вот приедут краевые, они наладят, они умеют. А мы люди простые.

Именно в этих мелочах улавливается налет «провинциальности» нравов города Ворошиловска.

«Вот приедет край...».

Сегодня это — тема неустанных разговоров во всех общественных местах и частных домах Ворошиловска. Приедет край, по-другому заживет, загрохочет город.

Предстоящий переезд краевого центра ворошиловскими гражданами в частной оценке воспринимается оживленно-радостно. В служебном, учрежденско-ведомственном отношении люди почему-то чувствуют себя как... демобилизованные.

— Надо бы подтянуться, да ведь все равно край приедет, и все будет по-новому.

Краевые работники приезжают пачками, критически осматривают город и в большинстве случаев остаются довольны.

— Большой, хороший город. Надо только привести его в порядок, кое-где починить, кое-где покрасить, поасфальтировать.

Любители надстроек с удовольствием осматривают могучие стены двухэтажных зданий, их вековечные фундаменты: можно надстраивать хоть до пяти этажей — и не пошелохнется. Крепкий, устойчивый город!

Хороши лесистые окрестности Ворошиловска с их размашистым зыбким рельефом, с их многопланностью, совершенно исключающей представление о Ворошиловске как о степном городе. А к удовольствию любителей больших прогулок, гребного спорта и рыбалочных дел — в восемнадцати километрах от города раскинулось Сенгилеевское (оно же Рыбное) озеро с зеркальной площадью в 30 квадратных километров. Быть тут яхт-клубу и самой боевой автостанции.

Примечание

1. Известный современный французский архитектор, один из созидателей своеобразного утилитарно-урбанистического стиля в архитектуре.

Текст печатается по изданию:
Чилим И. (Егоров И.Я.). Город Ворошиловск // Орджоникидзевская правда. — 6 июня 1937. — № 128 (286).

2 Палеонтологические заметки

В. Гниловской, Д. Панов. **Природа Ставрополья**

<...> Во вторую половину Миоцена... Море на Северном Кавказе обратилось в замкнутое пресное море-озеро, называемое Сарматским морем. Сарматское море, начинаясь от современного Аральского, охватывало площадь Каспийского моря, Северного Кавказа, Черного моря, Венгерской низменности. На севере оно простиралось до Сталинграда. От современного Средиземного моря оно отделялось континентальным барьером в районе Босфора и Дарданелл. Породы, отложенные Сарматским морем, имеют исключительно широкое распространение в пределах равнинной части края. Они отделяют друг от друга северное и южное пятна майкопских отложений и слагают всю поверхность Ставропольской возвышенности, исключая лишь ее крайние северные и восточные части.

Сарматские отложения делятся на три части: Нижний, Средний и Верхний Сармат. В Нижне-Сарматское время море было наиболее глубоким. Оно простиралось далеко на север от Кавказского острова и отложило плотные темные вязкие глины с тонкими прослоями мягких известняков и железистых мергелей. Эти глины обнажаются на дне речных долин, глубоко врезавшихся в поверхность Ставропольской возвышенности, как то: Калауса и его притоков — Грачевки, Мутнянки и др., реки Мокрой Буйволы, в долине Егорлыка и его правых притоков: рек Татарки, Московской, Тугулука и др.

В следующее Средне-Сарматское время море Северного Кавказа сперва откладывало темные сланцевые, так называемые криптомактровые глины, трудно отличимые по внешнему виду от предыдущих. Они также включали пласты серых мергелей. Сравнительная устойчивость пластов мергелей против размыва обусловила образование в местах их выхода на поверхность так называемых структурных террас. На такой террасе расположена нижняя часть города Ставрополя. Терраса тянется от подножия Комсомольской горки (нижний колхозный рынок) и далее на восток, охватывая привокзальную площадь и районы, лежащие за вокзалом.

Выше криптомактровых глин отлагались менее вязкие и более песчанистые тощие глины Среднего Сармата. Из них сложен уступ Комсомольской горки в Ставрополе, спускающийся к упомянутой выше террасе.

Последними отложениями Средне-Сарматского моря являлись известково-песчанистые слои, слагающие современную поверхность Ставропольской возвышенности в районе г. Ставрополя и поверхность многочисленных гор-останцев в других районах Ставрополья: горы Стрижамент, Недреманная, Сейна близ станицы Темнолесской, Бешпагирские высоты, южная часть Правобережных Прикалаусских высот и многие другие.

Сравнительная устойчивость покрывающего эти отложения пласта известняка против размыва обусловливает платообразный характер поверхности указанных гор.

Рассмотрим строение этой свиты на примере обнажений в г. Ставрополе. Здесь тощие глины Среднего Сармата покрыты пластом известняка, выходящего на обширной площади Ленина и смежных с ней площадях. Выше данного пласта, в юго-западной части города, обнажается толща переслоев глин и песков, переходящая затем в свиту мелкозернистых белых и желтых песков, разрабатываемых для строительных целей в карьерах внутри города.

Среднесарматские пески покрываются верхним пластом ракушечника, слагающим наиболее высокие уровни Ставропольских высот (район Холодного Родника, психбольницы и т.д.). Строение других останцев Ставрополья аналогично.

Известково-песчанистые отложения Среднего Сармата наглядно показывают, что море быстро мелело: отложения глин сменились песками и ракушечниками. Раковины моллюсков в известняках толстостенны, многие из них перетерты волнами, все это характерно для прибрежных условий. Близость берега подтверждает часто встречающаяся косая напластованность раковин в известняке, отложенных по склону берегового уступа. Ее можно увидеть в Ставрополе в известняках на улице Громова, близ Павловой

дачи. Средне-Сарматское море уходило на север, здесь вновь формировался Ставропольский полуостров.

Глинистые и песчаные породы Средне-Сарматского моря содержат много остатков водорослей и континентальных растений, ими переполнены мергелистые пласты. В песчаном карьере близ тюрьмы в г. Ставрополе находили части окаменелых стволов громадных растений, снесенных в море с полуострова. Многие из этих остатков обуглились и превратились в бурый уголь (лигнит), часто находимый в виде пропласток в районе сел Надежды, Старой Марьевки, хут. Извещательного и т.д. Более детальные поиски лигнита могут привести к открытию более крупных включений, имеющих хозяйственное значение.

Сарматское море изобиловало рыбой. На поверхности почти каждой пластинки глины, отпрепарированной ножом, можно увидеть рыбью чешую, помет рыб (капролиты), представляющий мучнистую массу кофейного цвета, и часто отпечатки скелетов рыб, достигающих иногда длины целого метра.

В морях этого времени обитали крупные млекопитающие: киты, тюлени и дельфины, их кости и даже целые скелеты встречаются как в глинах, так и в известняках Среднего Сармата. Много этих окаменелостей собрано в Ставропольском музее.

В следующую Верхнесарматскую эпоху море отступило на север и северо-восток Ставропольского плато. Волны Верхнесарматского моря размывали известняки и мергели Среднего Сармата, превращая их в гальку. Мощные накопления галечников, сохранившиеся в ряде мест в виде конгломератов, позволяют сейчас восстановить береговую линию моря и оконтурить очертания Ставропольского полуострова в Верхнесарматское время, поднявшегося почти до современной высоты. Полоса галечников тянется от станицы Каменнобродской к селу Труновскому, далее на Бешпагир, села Сергиевское, Северное, Калиновку, Новоселицы; здесь же местами видны и береговой уступ былого моря, и волноприбойные знаки на размытых известняках.

Затапливая северные и северо-восточные части Ставропольского края, Верхнесарматское море отлагало свои осадки на отложения предыдущего Среднесарматского бассейна. Местами последние оказались размытыми, и верхнесарматские породы залегают теперь на глинах Среднего Сармата (села Петровское, Бешпагир). Исчезновение в этих районах известняково-песчанистой толщи Среднего Сармата привело к ухудшению условий водоносности этих участков.

Сорокаметровая толща верхнесарматских пород состоит из песчанистых плотных ракушечников, галечников, белых кварцевых песков, голубоватых и серых глин и напоминает по внешнему облику породы Среднего Сармата. Породы эпохи Верхнего Сармата занимают широкую площадь севернее упомянутой береговой полосы.

Сарматское море заканчивает собой Миоценовый век Третичной эпохи. <...>

Текст печатается по изданию:
Гниловской В., Панов Д. Природа Ставрополья. — Ставрополь: Краевое книжное издательство, 1945. — С. 20—24.

В.Г. Гниловской. **Занимательное краеведение. [О Сарматском море в окрестностях Ставрополя]**

<...> Первоначально здесь (в окрестностях Ставрополя. — *Ред.*) было глубокое море. На дне моря осаждались мелкие илистые частицы, образовавшие глину. Вместе с глиной откладывались остатки растений и других морских организмов, они придали глине темно-серую окраску. Тонкостенные раковины моллюсков, встречающиеся в глине, тоже говорят, что море здесь было глубоким и волнение воды тут не чувствовалось. В дальнейшем, попав в толщу глины и не выдержав давления вышележащих пластов, раковины были раздавлены.

В более позднее время дно поднялось, море быстро обмелело, вместо глин стали откладываться частицы мелкозернистого песка. Обмеление моря продолжалось — этот участок превратился в берег моря. Раковины моллюсков, населявших прибрежную полосу, перетираемые морским прибоем, дали материал для известняка, образовавшегося в последний момент жизни этого древнего водоема.

Подобную историю пережил не только район села Шпаковского и окрестностей города Ставрополя, но также многие части равнинного Ставрополья: район Бешпагирских высот, окрестности Светлограда, Александровского и другие районы. Ранее всего море ушло из мест нынешнего расположения города Ставрополя, здесь образовался полуостров, сложенный из известняка. Берег моря располагался по линии: станица Каменнобродская, Новотроицкая, город Изобильный, Труновское, Бешпагир. Морской прибой постепенно разрушал вновь образовавшийся полуостров, откладывая вдоль берега мощную толщу гравия и гальки. В дальнейшем и это море исчезло, и вся территория края превратилась в сушу.

Море, некогда заливавшее окрестности Ставрополя, носит название Среднесарматского. Оно было слабосоленым замкнутым морем, напоминающим Каспий. Это море исчезло более 5 миллионов лет назад. Самыми типичными животными в нем были моллюски кардиум фиттони и мактра пондероза — по ним всегда можно узнать отложения этого моря. Их мы находим в известняках окрестностей Ростова, куда распространялось Среднесарматское море. Под Одессой в толще этого известняка при добыче камня прорублены знаменитые катакомбы, использованные партизанами гражданской и Великой Отечественной войн.

Море, окружавшее в дальнейшем древний Ставропольский полуостров, называлось Верхнесарматским; оно было похоже на предыдущее, но отличалось другим составом моллюсков, наиболее распространены в нем были моллюски, называемые мактра каспия, их раковины служат верным признаком отложений Верхнесарматского моря. <...>

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г. Занимательное краеведение. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1974. — С. 162—164.

Западное Предкавказье

<...> Под этим названием я понимаю западную часть Северного Кавказа, расположенную между Таманским полуостровом и рекой Лабой. В этой области сарматские отложения отличаются большим разнообразием, чем на соседнем Таманском полуострове. Здесь хотя и развиты широко глины, но наряду с ними довольно часто встречаются более грубозернистые породы — пески, песчаники и конгломераты, а в некоторых местностях наблюдается значительное развитие известняков.

Песчано-известковые нижнесарматские отложения (V) в этом районе сохранились небольшими участками в виде разрозненных выходов (Анапа, река Псебепс, станицы Нижне-Баканская, Хадыженская), но чаще песчано-известняковые отложения встречаются в виде обломков песчаников и раковинных известняков. На западе у Анапы развиты исключительно раковинные известняки; восточнее на реке Псебепс в них наблюдается примесь песка, и здесь нередко эти известняки переходят в песчаники; еще восточнее у станицы Нижне-Баканской наряду с известняками появляются пески, переполненные раковинами, и, наконец, у станицы Хадыженской известняки замещаются песками и отчасти песчаниками.

Глинистые нижнесарматские отложения пользуются несравненно большим распространением. При этом среди них намечаются два следующих типа: a) глины с прослоями песчаников и ракушников (A) и b) глины с прослоями мергелей. Первый тип глин (A) встречается редко (среднее течение реки Псебепс и станица Хадыженская); второй составляет основную массу нижнесарматских отложений Западного Предкавказья. Последний тип почти повсеместно распадается на две части: верхнюю — глины с *Mactra eichualdi* Lask. (S) и нижнюю — глины с *Syndesmya reflexa* Eichw. (E). На западе глины с *Mactra eichwaldi* Lask. содержат прослои плотных или мягких мергелей, скопления диатомовых (в виде пятен и налетов) и иногда тончайшие прослойки песка. Здесь они сравнительно хорошо отделяются от нижних глин с *Syndesmya reflexa* Eichw., содержащих также прослои мергелей с многочисленными рыбными и растительными остатками. Следует отметить, что эти глины, хотя и носят название слоев с *Syndesmya reflexa* Eichw., но они не всегда охарактеризованы присутствием названных форм и очень часто их не содержат. В более восточных выходах нижнесарматские глины не везде разделяются на две части, что я объясняю, главным образом, недостаточно детальным изучением разрезов этих глин. В этом меня убеждает то обстоятельство, что для многих пунктов это расчленение применялось уже отдельными авторами. Весьма интересный разрез нижнего сармата наблюдался П.Я. Шибинским (199) в Тульском районе. Здесь под среднесарматскими глинами с *Cryptomactra pes-anseris* Andrus. (U) залегает 30-метровая толща темно-серых глин с прослоями темно-серых песчанистых мергелей, охарактеризованная *Mactra eichwaldi* Lask. (S). Ниже лежат синдесмиевые глины (35 м). Они располагаются на пласте песчанистого ракушника с конкской фауной. Синдесмиевые глины Тульского района выражены несколько в иной фации (Cu), чем в более западных листах. Здесь в них наблюдаются прослои мелкозернистых глинистых песчаников, местами переходящих в плотные песчанистые ракушники с массой нижнесарматских раковин, среди которых встречаются конкские формы (*Turritella atamanica* Bog. и *Mactra eichwaldi* Lask. var. *buglovensis* Lask.). Местами (Слюсарева ливада и Вертепная балка) этот ракушник достигает 10 м мощности.

Средний сармат Западного Предкавказья, так же как и нижний, представлен почти исключительно глинами. Более грубозернистые отложения встречаются обособленными участками, приуроченными обычно к наиболее южным выходам среднего сармата. На западе (г. Опекутан, г. Ханчутка, г. Султанская, х. Школьные, ст. Нижне-Баканская) развиты известняки часто оолитовые или песчанистые, иногда переходящие в известковистые песчаники (D). По наблюдениям И.М. Губкина (87), мощность этих отложений достигает 60 м.

Восточнее (в Хадыженском, Нефтяно-Ширванском и отчасти Майкопском районах) известняки отсутствуют; они здесь, судя по частым находкам обломков и глыб конгломератов, были замещены последними. Только лишь у моста в Майкопе появляются песчаники и пески с богатой среднесарматской фауной (D).

Глинистые отложения среднего сармата, в особенности глины, охарактеризованные криптомактровой (глубоководной) фауной (U), сохранились лучше; глины же, охарактеризованные обычной среднесарматской фауной (T), хотя и смыты частично в послесарматское время, но выходов их сохранилось много. На западе они хорошо обнажены по среднему течению р. Псебепс, у ст. Нижне-Баканской, в Хадыженском районе (балка у общего моста), Нефтяно-Ширванском районе [обн. 18 (192)], и в Майкопском районе (по обе стороны Майкоп-Туапсинского шоссе). В этих обычно песчанистых глинах содержится богатая фауна (весьма часто встречаются *Barbotella*), нередко скопляющаяся в прослои ракушников; наблюдаются также прослои песков и песчаников. По своему типу описываемые глины весьма напоминают среднесарматские глины нижнего Дона.

Более глубоководные глины (U) среднего сармата (слои с *Cryptomactra pes-anseris* Andrus.) обычно содержат прослои мергелей. Характер самих глин довольно разнообразен. Изменениям подвержены не только их окраска, но и степень известковистости. Тем не менее этот горизонт благодаря своей очень своеобразной фауне легко прослеживается и отчетливо выделяется в толще сарматских глин. Мощность криптомактровых слоев, по определениям отдельных авторов, колеблется между 60 — 120 м. В Кесслерово-Варениковском районе К.А. Прокопов (155) наблюдал весьма интересное переслаивание описываемых глин с песчаниками (T), содержащими фауну, известную под названием типичной среднесарматской (мелководной). Это переслаивание, по мнению названного автора, указывает на некоторые колебания физических условий бассейна.

Верхнесарматские отложения в Западном Предкавказье пользуются небольшим распространением. На западе они известны в Анапском (87) Кесс-

лерово-Варениковском (155) и Крымском (195) районах. В Ильском и Смоленском (194) районах они отсутствуют. В Калужском районе, по словам К.А. Прокопова, «верхний сармат имеет значительное распространение, но отсутствие обнажений и редкость ископаемых затрудняют точно выяснить его границы, в особенности по отношению к среднему сармату» (163, стр. 16). Восточнее в Псекупском районе (103) Н.К. Игнатович, основываясь на находках костей китообразных, считает возможным присутствие здесь верхнесарматских слоев, к которым, по его мнению, может быть, относятся глины с плохо сохранившимися раковинами *Mactra*, встреченные им по дороге от ст. Ключевой в Соленый Яр. В еще более восточных районах верхний сармат прослеживается хорошо. Характер верхнесарматских отложений весьма разнообразен. На западе в наиболее северных выходах эти отложения представлены немыми глинами с прослоями мергелей (G). В районе Уташской антиклинали (65) мергеля червячковые, как на Таманском полуострове. Высыпки таких же мергелей имеются и у х. Курчанских (87) и севернее Воронцовки (87). В долине же р. Непитль у х. Медовки (155) червячковые образования в мергелях отсутствуют, и последние содержат большое количество рыбных и растительных остатков. В более южных выходах глины делаются более песчанистыми, в них появляются прослои песков и иногда прослои ракушников. Верхняя часть глин охарактеризована *Mactra caspia* Eichw. (C), нижняя — мелкими тонкостенными *Mactra* (Dm). Мелководные фации верхнего сармата в этой части Западного Предкавказья представлены, главным образом, ноздреватыми пещеристыми известняками (Ch), нередко оолитовыми и содержащими иногда прослои конгломератов и песчаников. Весьма часто здесь встречаются раковины *Mactra caspia* Eichw., скопления которых образуют банки ракушников, обычно сцементированных в раковинные известняки. На востоке глины верхнего сармата также пользуются большим распространением (Калужский, Хадыженский, Нефтяно-Ширванский и Майкопский районы), но здесь немые глины (G) встречаются реже, а преобладают песчанистые глины с прослоями песков и ракушников, состоящих из *Mactra* (C и Dm). Мелководные отложения верхнего сармата (Ch) здесь сохранились очень плохо в виде небольших разрозненных участков. Представлены они главным образом песками и песчаниками с прослоями галек и конгломератов. В низах верхнего сармата, в г. Майкопе С. Чарноцким (193) был встречен прослой рухляка с пресноводной фауной (B).

Таким образом, в Западном Предкавказье в продолжение всего сарматского века мелководные фации (волынские, днепровские, бешпагирские и херсонские слои) пользовались весьма нешироким распространением. Они, по-видимому, располагались узкой полосою вдоль холмистого и местами обрывистого Кавказского берега. Ширина переходных фаций (кужорские, аксайские, танаисские, даманские и катерлезские слои) также была невелика, что, по моему мнению, свидетельствует о значительном наклоне дна в этой части Сарматского моря. О быстро увеличивающихся глубинах можно судить и по широкому развитию глубоководных фаций (эрсаконские, ставропольские, урупские и грозненские слои), располагавшихся здесь недалеко от береговой линии.

Центральное Предкавказье (р. Лаба — р. Малка)

Нижний сармат здесь представлен главным образом глинами с прослоями мергелей и только лишь на юге, а именно, в долине рр. Урупа и Б. Зеленчука и в бассейне р. Невинки (г. Каменная, г. Дубровая и пр.) наблюдаются пески (V). В урупских и зеленчукских разрезах пески содержат иногда линзообразные прослои песчаников. Книзу они постепенно обогащаются глинами в виде прослоев и переходят в серые слабопесчанистые глины (A), фауна которых напоминает фауну слоев с *Mactra eichwaldi* Lask. [*Mactra, Ervilia, Syndesmya* и *Cardium cf. ruthenicum* (Hilb.) Lask.]. Ниже идут глины с *Syndesmya* и с прослоями мергелей (E). Примерно такой же характер имеют нижнесарматские пески в бассейне р. Невинки, но здесь они лежат над конкскими слоями и содержат богатую фауну, среди которой встречаются конкские формы (N). Глинистые отложения нижнего сармата на западе расчленяются на две части; нижнюю — глины с *Syndesmya* (E) и верхнюю — глины с *Mactra eichwaldi* Lask. (S). Восточнее, по Калаусу, отчетливо намечаются синдесмиевые глины (E), глины же с *Mactra eichwaldi* Lask. (S) резко не выделяются. Общая мощность нижнего сармата Центрального Предкавказья не превышает 90 м.

Среднесарматские слои выражены более разнообразно. При этом глинистые и песчано-известняковые отложения пользуются одинаково большим распространением. Глинистые отложения всегда залегают под песчано-известняковыми и имеют довольно однообразный характер. В нижней их части обычно располагается пачка мергелей (3—8 м) с тонкими прослоями глин (U). Здесь наиболее характерной формой являются довольно крупные *Cryptomactra* со слаборазвитыми килями. Выше залегают серые известковые глины с прослоями ноздреватых мергелей (U) с многочисленными *Cryptomactra, Akburunella*, *Cardium*, *Trochus* и др. (40—60 м). Еще выше глины делаются более песчанистыми, прослои ноздреватых мергелей исчезают (пограничные слои между U и T), к обычной криптомактровой фауне примешиваются *Trochus stavropolianus* Kudr., *Tapes naviculatus* (R. Hoern.) Andrus. (в большом количестве), *Trochus pseudoangulutus* Sinz var. *tschebrikensis* Usp. и изредка *Mactra fabreana* d'Orb. и *Cardium fittoni* d'Orb. (главным образом в прослоях рыхлых марких мергелей). На эти глины налегают обычно песчанистые, вначале серые, а затем желтые тонкослоистые с волноприбойными знаками на плоскостях напластования глины (T), выше переходящие в желтые пески (D), а иногда на глинах с *Tapes naviculatus* (R. Hoern.) Andrus. и отчасти в них (Армавир) залегают мшанковые известняки (Bs) в виде больших разрозненных глыб. Располагающийся выше песчано-известняковый средний сармат в своей основной массе представлен желтыми, значительно реже белыми,мелкозернистыми песками (D), достигающими 80 м мощности. На западе в долине р. Урупа пески содержат прослои глин и ракушников. Севернее (между Армавиром и с. Терновкой) в них залегают мшанковые рифообразные известняки (Bs). Восточнее на столовых возвышенностях Ставропольского плато в верхней части песков появляются прослои раковинных известняков (D), сменяющиеся далее на восток (р. Калаус) прослоями песчаников (D). На границе с верхним сарматом наблюдаются или следы

размыва, часто сопровождающиеся значительным развитием конгломератов и галечников (B), или же наблюдается постепенная смена одного отдела сармата другим, сопровождающаяся быстрым обеднением фауны.

Верхнесарматские сложения центрального Предкавказья на западе (р. Уруп) представлены светло-серыми, почти неслоистыми глинами с *Mactra naviculata* Baily (B). Севернее, у Армавира в низах верхнесарматского разреза залегают на размытом среднем сармате также слои с *Mactra naviculata* Baily, но выраженные песками с прослоями ракушников (B), состоящих в основной массе из названных выше раковин, среди которых встречаются *Paludina* и наземные формы. В этом же разрезе выше залегает толща разнообразных как по окраске, так и по величине зерна, песков, в средней части которых располагается прослой рыхлого ракушника (Ch), состоящего почти исключительно из раковин *Mactra crassicolis* Sinz. К западу эти пески переходят в серые глины с прослоями раковинных известняков (C). Еще севернее между Горькой Балкой и ст. Новотроицкой пески сменяются полосой галечников и конгломератов с линзообразными прослоями песков (B), содержащих многочисленные окатанные криптомактровые раковины и неокатанные раковины *Paludina*. Эти конгломераты и галечники окаймляют Ставропольскую возвышенность с запада. Они наблюдаются также и на востоке, а именно — в южной части Бешпагирского плато. Здесь они занимают небольшую площадь и к северу быстро сменяются песками с прослоями песчаников (B), в которых весьма обычны находки пресноводных форм. Восточнее, по р. Калаусу, эти пески прикрываются ноздреватыми раковинными известняками, нередко переходящими в известковистые песчаники (Ch). Мощность верхнего сармата весьма изменчива, она колеблется между 30—70 м.

Фации сармата Центрального Предкавказья весьма разнообразны. Из отложений начала нижнего сармата наиболее хорошо сохранились глубоководные фации (эрсаконские слои). Переходные фации (кужорские слои) здесь пока неизвестны. К мелководным же фациям (несвитаевские слои), по-видимому, относятся пески г. Каменной. В общем же намечается, что в начале нижнесарматского века на всей почти площади Центрального Предкавказья отлагались глубоководные осадки (эрсаконские слои), и только лишь на крайнем юге располагались мелководные фации (несвитаевские слои). Распределение фаций во второй половине нижнесарматского века также, по-видимому, существенно не отличалось от распределения фаций в начале того же века. Следует только отметить, что в продолжение всего нижнего сармата в области центральной части Предкавказской антиклинали (верховья р. Козьмы и верховья б. Бечуг) море было более мелким, чем в западной части описываемой области. Здесь отлагались песчано-глинистые слои типа переходных фаций. Для более дробного расчленения этих слоев пока данных не имеется. В начале среднесарматского века в этой же области появляются уже мелководные отложения (днепровские слои), быстро замещающиеся к западу и югу вначале танаисскими слоями, а затем урупскими. Как происходила смена фаций к северу от этой отмели, неизвестно, так как здесь сарматские отложения смыты и появляются только лишь по правому берегу р. Кубани и на северной окраине б. Удельной степи в виде глубоководных отложений — урупских слоев.

Во второй половине среднесарматского века расположение фаций в Центральном Предкавказье резко изменяется. Мелководные фации (днепровские слои) далеко продвигаются к северу. С северо-запада они окаймляются полосой (Армавир — Терновка) мшанковых рифов (бессарабские слои). Глубоководные же фации в этот период далеко отодвигаются к западу и востоку и почти выходят из пределов Центрального Предкавказья.

Почти вся область распространения мелководных фаций (днепровские слои) конца среднего сармата с наступлением верхнесарматского века осушается. На юго-западе (р. Уруп) образуется неглубокий, возможно замкнутый залив, в котором начинают отлагаться мелководные илы с *Mactra naviculata* Baily и *Unio*. Преградой, препятствующей свободному сообщению этого залива с морем, по-видимому, явились осушившиеся среднесарматские мшанковые рифы, часть которых в настоящее время обнажается у Армавира и на Джелтмесских высотах. Верхнесарматское море не успело разрушить этой серьезной преграды, доказательством чему служит полоса верхнесарматских галечников (бешпагирские слои), окаймляющая с запада ту полосу мшанковых рифов, которая располагалась между г. Армавиром и с. Терновкой.

В восточной части Центрального Предкавказья, где такая преграда отсутствовала, море начала верхнесарматского века, смыв значительную часть днепровских слоев, далеко проникло вглубь суши, образовав широкий залив, прибрежные отложения которого в виде песков, галечников и конгломератов мы наблюдаем в настоящее время в окрестностях с. Бешпагира.

Во второй половине верхнесарматского века значительных передвижений береговой линии не ощущается. В это время широким распространением пользуются мелководные фации (херсонские слои), и только лишь на западе у Армавира наблюдается быстрая смена их переходными фациями (катерлезские слои).

Восточное Предкавказье (р. Малка — р. Ярык-су)

Выходы сарматских отложений наблюдаются здесь полосою в предгорьях и в хребтах, располагающихся между рр. Тереком и Сунжой. Нижнесарматские отложения представлены исключительно в глинистой фации. Нижняя часть нижнего сармата почти повсюду выражена синдесмиевыми глинами с прослоями мергелей (E). По р. Урух у с. Ахсарисар между этими глинами и глинами с богатой нижнесарматской фауной залегает толща глин с мелкими *Ervilia* и с прослоями ракушника (Cu), которую я также отношу к низам нижнего сармата и которую я считаю эквивалентом слоев, обнажающихся у ст. Тульской (Западное Предкавказье). Верхняя часть нижнего сармата на востоке выражена глинами с *Mactra eichwaldi* Lask. В более западных выходах, а именно, между рр. Нальчиком и Камбилеевкой, на них, а иногда непосредственно на более нижних горизонтах описываемого отдела сармата,

располагаются песчанистые глины, нередко содержащие прослои песков и ракушников (A). Среди среднесарматских глин Восточного Предкавказья также наблюдается два типа: a) глины с прослоями мергелей и охарактеризованные присутствием раковин *Cryptomactra pes-anseris* Andrus. (U) и b) песчанистые глины, с мелководной среднесарматской фауной (T). Первый тип глин широко развит на востоке, а на западе (р. Нальчик — р. Камбилеевка) не меньшим распространением пользуется второй тип. При этом песчанистые глины здесь залегают непосредственно на нижнем сармате, и только лишь к востоку от р. Камбилеевки, а именно в Датыхском районе, они налегают на глины второго типа, т. е. глины с прослоями мергелей и с *Cryptamactra pes-anseris* Andrus. В этом же районе по р. Сунже обнажаются и мелководные отложения среднего сармата — зеленовато-серые песчаники с прослоями глин, глинистого гравия и конгломерата (D). Второй выход мелководных отложений (желтоватые глинистые пески) известен на г. Кызбурун (77). Известняки в среднем сармате восточного Предкавказья встречаются весьма редко. Они были обнаружены (13) только лишь в области погружения Аргуданской антиклинали, где по р. Лескен выступают утесы мшанковых известняков, достигающих 12 м высоты (Bs).

Верхний сармат Восточного Предкавказья, так же как и в более западных районах, можно подразделить на две части, нижняя из которых представлена здесь почти исключительно глинами. Только лишь на крайнем западе наблюдаются песчанистые отложения, а именно, С. Гатуевым (77) были обнаружены на г. Куба-Тапа рыхлые песчаники с тонкостенными мелкими *Mactra* (B); Б. Алферовым (23) между рр. Нальчиком и Урух наблюдались диагонально-слоистые песчаники (B) с прослоями ракушника (*Mactra naviculata* Baily, *Solen* и пресноводные формы). Далее на восток, между рр. Урух и Камбилеевка, выходов верхнего сармата нет. Еще восточнее в Датыхском, Рошненском, Воздвиженском и Беноевском районах на среднесарматские криптомактровые глины согласно налегают глины с *Hydrobia* и *Ostracoda* (Dm). В более северных районах (Малокабардинский, Сунженский, Грозненский, Терский, Брагунский хребты) на тех же криптомактровых глинах залегают глины грозненских слоев, не содержащие остатков моллюсков (G). Гидробиевые и грозненские глины принято относить к среднему сармату, по-видимому, на том основании, что в северокавказских разрезах обычно между криптомактровыми слоями и верхним сарматом залегают слои с типичной среднесарматской фауной. В разрезах Грозненского нефтеносного района сармат представлен глубоководными фациями, а следовательно, отсутствие здесь слоев с типичной среднесарматской фауной (мелководная фация) вполне естественно, и считать, что здесь эта мелководная фация замещена не глубоководными среднесарматскими отложениями (криптомактровыми глинами), а какими-либо другими слоями, как, например, гидробиевыми или грозненскими, нет оснований. Бедность фауны гидробиевых слоев и полное ее отсутствие в грозненских слоях, несомненно, стоит в связи с опреснением бассейна и почти полным вымиранием фауны в начале верхнесарматского века. Эти соображения побуждают меня относить гидробиевые и грозненские слои не к среднему сармату, а к низам верхнего.

Верхняя часть верхнего сармата более однообразна. Она выражена глинами с прослоями песчаников (C) и охарактеризована присутствием раковин *Mactra caspia* Eichw. К востоку от р. Камбилеевки эта часть верхнего сармата обнажена хорошо. На западе ее выходы известны только между рр. Нальчиком и Урухом.

Условия выходов сарматских отложений в Восточном Предкавказье весьма благоприятны для изучения фаций. Здесь мы имеем в общем довольно широкую полосу выходов (предгорья и хребты между рр. Тереком и Сунжей), которая позволяет прослеживать изменение слоев с юга на север, т. е. в направлении от берега к глубинам, но, к сожалению, в предгорьях значительная часть сармата размыта; при этом смыты главным образом мелководные фации. Они сохранились только лишь на западе небольшими участками. Переходные фации сохранились лучше. В начале нижнего сармата (кужорские слои) они не распространялись далеко к северу. В настоящее время кужорские слои известны только лишь между рр. Урухом и Ардоном. Во второй половине нижнего сармата (аксайские слои) эти фации начинают продвигаться, и сейчас выходы аксайских слоев известны на довольно большом пространстве (между рр. Нальчиком и Камбилеевкой). Среднесарматские переходные фации (танаисские слои) занимают еще большую площадь и на востоке достигают Рошненского района. В начале верхнего сармата (даманские слои) они распространяются еще далее на восток вплоть до Дагестана; в середине верхнего сармата на севере (хребты между рр. Тереком и Сунжей) вытесняют глубоководные фации и удерживаются здесь вплоть до конца сарматского века (катерлезские слои). Глубоководные фации на западе развиты слабо и нередко даже отсутствуют здесь, но к востоку от р. Ардона они начинают преобладать.

Вообще в Восточном Предкавказье обращает на себя внимание весьма широкое развитие глубоководных отложений и почти полное отсутствие мелководных. Мелководные отложения, как это можно судить по очень редким их остаткам, имели вид нешироких полос, главным образом, галечников и песков. Из глубоководных отложений этой области представляют большой интерес грозненские слои. Они не содержат фауны моллюсков и, по мнению акад. А.Д. Архангельского (31), принадлежат к отложениям глубин, зараженных сероводородом. Их образование, как я об этом уже упоминал, обусловлено опреснением и сокращением бассейна в начале верхнего сармата. Эти перемены в условиях жизни Сарматского моря, с одной стороны, вызвали почти полное вымирание фауны в переходных (даманские слои) фациях, а с другой стороны, разобщили глубины Западного и Восточного Предкавказья, что, по-видимому, и послужило одной из причин сероводородного заражения.

Текст печатается по изданию:
Колесников В.П. Сарматские моллюски // Палеонтология СССР. — Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1933. — Т. 10. — Ч. 2. — С. 445—453.

А. Швырева. **Редкая находка**

В кабинете природы Ставропольского краеведческого музея раздался резкий телефонный звонок. Звонил председатель Ново-Марьевского сельсовета М.М. Абрамов. Он сообщил, что недалеко от станицы Ново-Марьевской по течению реки Беспутки чабан колхоза имени Ленина Василий Дмитриевич Звягинцев обнаружил крупные окаменевшие позвонки какого-то животного. Просил поскорее приехать, определить, какое это животное.

На место находки выехали научные сотрудники Ставропольского краеведческого музея во главе с директором музея Г.Д. Красновым и научные консультанты, кандидаты географических наук И.Н. Сафронов и В.Г. Гниловской.

Предварительное исследование костного материала показало, что найденные кости принадлежат киту. Они залегали в отложениях Нижне-Сарматского моря, то есть геологический возраст животного — более 20 миллионов лет.

Раскопки дали общую картину залегания костей и наличие частей скелета. Оказалось, что хорошо сохранился череп кита, длина которого составляет 173 сантиметра, шейные и грудные позвонки, частично кости конечностей.

Теперь об отсутствии остальных частей скелета кита. Он залегал на берегу реки Беспутки. В весенний период, когда река наиболее полноводна, берег подмывался сточными водами, обрушивался, увлекая с глыбами породы и кости. Видимо, где-то ниже по течению реки кости переотложились. Но найти их не удалось.

Сейчас кости перевезены в музей. Предстоят работы по обработке костей и их реставрации. После реконструкции скелета кита Ставропольский краеведческий музей станет обладателем очень интересного экспоната. Планируется работы по монтажу скелета ископаемого китообразного завершить в первом квартале будущего года.

Сотрудники музея просят жителей нашего края и в дальнейшем сообщать о палеонтологических находках и ни в коем случае не предпринимать раскопок самостоятельно.

Текст печатается по изданию:
Швырева А. Редкая находка // Ставропольская правда. — 3 октября 1963 г.

О. Кузнецов. **«Чудо-юдо рыба кит». Находке ставропольского чабана 20 миллионов лет**

Удивительное открытие сделал на днях, сам того не подозревая, чабан колхоза имени Ленина Ставропольского края Василий Дмитриевич Звягинцев. Около станицы Ново-Марьевской, по течению реки Беспутки, он нашел большущие окаменевшие позвонки какого-то животного. Все заинтересовались, какому же гиганту могут принадлежать такие огромные кости. Тут же сообщили о загадочной находке в краевой центр.

В станицу Ново-Марьевскую выехали ученые. Как выяснилось, позвонки принадлежат древнему киту. Но откуда взялся кит на Ставрополье? Оказывается, много лет назад здесь было Нижне-Сарматское море. А это — его обитатель. По мнению ученых, геологический возраст «ставропольского кита» — двадцать миллионов лет. В процессе раскопок найден отлично сохранившийся череп животного. Длина его — 173 сантиметра.

Кости ископаемого животного перевезены в Ставропольский краеведческий музей. Предполагается после их обработки и реставрации сделать монтаж скелета ископаемого кита.

Текст печатается по изданию:
Кузнецов О. «Чудо-юдо рыба кит». Находке ставропольского чабана 20 миллионов лет // Труд. — 10 октября 1963 г.

3 Воспоминания, путевые записки, дневники

Э. Юнгер. **Излучения**

Ворошиловск, 27 ноября 1942. Утром в городском музее, основанном еще в царское время и содержащем главным образом зоологическую коллекцию, пострадавшую от времени. Так, я увидел змей, выцветших на солнце, белыми чешуйчатыми спиралями обвивших сучья или высохших до состояния мумий в сосудах, откуда улетучился спирт. Тем не менее, судя по всему, экспонаты были расставлены по своим местам с любовью и желанием сделать это наглядно. Посетитель замечает это по едва уловимым признакам; так, мне бросилась в глаза надпись, указывающая на местный круг любителей: «Acta Societatis Entomologicae Stauropolotanae, 1926». Ставрополь — старое название Ворошиловска.

Среди чучел зверей я обратил внимание на пару двухголовых существ: козу и теленка. У козы уродство сформировалось в виде головы Януса, тогда как у теленка при двух мордах образовалось всего три глаза, причем третий, как у Полифема, находился на лбу. Это слияние было совершено не без известной доли элегантности и производило впечатление обдуманной комбинации, скорей мифологического, нежели зоологического толка.

Это, между прочим, было бы интересной задачей как для естествоиспытателя, так и для гуманитария — разработать тему «двухголовости». Вероятно, пришлось бы признать, что явление это подчиняется низшим, не касающимся ни вегетативного, ни демонического отделам жизни. Ожидаемые преимущества, вроде некоей стереоскопической духовности или уникальной возможности разговаривать с самим собой, уже приданы нам более простым и гениальным способом — двудольным строением нашего мозга. Сиамские близнецы не были слитным существом, они были прикованы друг к другу.

Несмотря на ранний час, я увидел какое-то количество разглядывающих витрины посетителей. Я наблюдал за двумя по-крестьянски одетыми женщинами, обсуждавшими экспонаты, из коих некоторые казались им особенно достойными восхищения, как, например, красно-розовая, ощетинившаяся длинными иглами раковина.

Вечером у квартирмейстера, старшего лейтенанта Мерка, подобно всем снабженцам отличавшегося точным, здравым взглядом на вещи. Две кореянки, близнецы, грациозно обслуживали нас. Разговор с капитаном Дитлофом, управлявшим здесь до войны большим имением, о возможностях колонизации и использования этих мест. Изобилие неслыханное; но оно, как обычно бывает, простирается также на мучения и хлопоты. Ледяные ветра, в минуты уничтожающие посевы в полном цветении, пшеничная ржа, поднимающаяся во время жатвы облаком, так что лошади слепнут, далее полчища саранчи и нехрущей и к тому же чертополох, стебли которого достигают толщины руки. Опасна также колючка, куст которой, вырастая, сбивается в шар и, отвалившись от корней, катится под осенним ветром по полям, рассеивая семена.

Ворошиловск, 29 ноября 1942. Утром на большом рынке, где много посетителей, но ничтожно мало товаров. Цены — в соответствии с голодом. Я заплатил три марки за небольшой моток пряжи, какой еще недавно во Франции предлагали за несколько пфеннигов. Вокруг поющего нищего со свежеперевязанным обрубком руки толпился народ; казалось, они меньше внимали мелосу, чем бесконечно длящемуся тексту. Картина, достойная Гомера.

Затем мимо прошла похоронная процессия. Впереди две женщины несли деревянный крест с венком, за ними четверо других шли с крышкой гроба на плечах, как с украшенной цветами лодкой. Сам гроб четверо молодых мужчин несли на льняных полотенцах; в нем лежала мертвая женщина приблизительно тридцати шести лет с темными волосами и резко очерченным лицом. Голова покоилась на цветах, а в ногах, которыми несли вперед, лежала черная книга. Православная традиция показать так человека при свете дня встречалась мне уже на Родосе; она мне нравится, кажется, будто он еще в сознании и прощается со всеми, прежде чем сойти во тьму.

На днях мне снова пришел в голову план новой работы, «Тропа Масирах». Рассказчик Оттфрид

начинает в момент, когда он уже прошел огромную пустыню и видит признаки приближающегося побережья. Сперва идут солончаки, саранча и змеи — растительный и животный мир, рожденный в высохших песках. Затем цветущий терновник и, наконец, пальмы и следы прежних селений. Но земля все равно пустынная и вымершая; временами дорога ведет через разрушенные города, с проломами в стенах, перед которыми завязли в песке осадные машины.

У Оттфрида есть карта, которую нарисовал Фортунио; частично словами, частично иероглифами она описывает дорогу в Гадамар, где Фортунио отыскал жилу с драгоценными камнями. Карту читать трудно; Оттфрид выбрал бы охотнее путь морем, но ему приходится двигаться по предуказанным следам, так как каждая отметка связана с другой, как звенья одной цепи, будто Фортунио задал владельцу карты задачу, успех решения которой и будет увенчан нахождением сокровищ. Этапами этой задачи становятся приключения, сначала занимательные, затем требующие духовных сил и превращающиеся наконец в этические испытания.

Оттфрид, вечер за вечером, словно мехи гармоники разворачивающий странную карту, давным-давно оставил бы это предприятие, если бы не вид драгоценного камня, данного ему Фортунио в качестве образца, — опала, формой и размером напоминающего гусиное яйцо, в волшебной глубине которого клубится цветной туман. Если долго вглядываться, то внутри него можно различить магические превращения, картины прошлого и будущего. Драгоценная жила дошла до нас из сказочных времен земли, являясь последним свидетельством канувшего в вечность изобилия «золотого века».

Тропа Масирах, которой Оттфрид и его спутники должны пройти на головокружительной высоте над береговым прибоем, представляет собой один из этических этапов. Ее история, ее топография. Крутая и узкая, она вырублена в гладкой скале, так что человеческая нога или копыто мула с трудом могут ступать по ней. Она не просматривается целиком, и, чтобы караваны не сталкивались, на обоих ее концах установлены вышки, с которых криком оповещают о намерении пройти по ней. Оттфрид проигнорировал это предупреждение, как, к несчастью, также и группа евреев из Офира, следующих навстречу с противоположной стороны. Обе группы со своими мулами встречаются в самом узком, страшном месте над пропастью, где от самой мысли о повороте назад замирает сердце. Как разрешится конфликт, грозящий гибелью одной или обеим партиям?

Обдумывая эту тему, пока ходил по рынку, я не хотел упустить ни одной детали; все это годилось бы для изображения жизненного пути вообще. Карта должна предсказывать судьбу, запечатленную на ней, как на линиях ладони. Рудник самоцветов — Вечный город, описанный в Откровении Иоанна; это цель, оправдывающая путь. Так что это многообещающий замысел.

Эти мысли осенили меня, конечно, в самое неподходящее время, и сегодня я отложил уже написанную первую страницу. Возможно, наступят лучшие, более свободные для этого дни.

Ворошиловск, 30 ноября 1942. На кладбище, самом заброшенном, какое я когда-либо видел. Оно занимает прямоугольный участок земли; полуобвалившаяся стена окружает его. Заметно отсутствие имен; надписи едва видны как на замшелых плитах, так и на изъеденных непогодой андреевских крестах, вырезанных из мягкого, желто-бурого известняка. На одном я различил слово «Patera», вырезанное греческими буквами, и подумал о Кубине и его городе-мечте Жемчужине, о котором здесь многое напоминало.

На могильных холмиках густо разросся кустарник; чертополох и репейник растут повсюду. Между тем вырыты, по-видимому как попало, новые могилы, не отмеченные ни каменным, ни деревянным надгробием. Только старые кости белеют на разры-

Ставрополь (Ворошиловск) зимой 1943 года

том дне. Позвонки, ребра, берцовые кости разбросаны, как в головоломке. Я видел также позеленевший детский череп, лежавший на ограде.

Обратно по полуразрушенному предместью. В облике домов, в складе лиц, в бесчисленных, большей частью неразличимых подробностях разум улавливает отголосок дыхания Азии. Я ощутил это в особом жесте, каким маленький мальчик в своеобразной позе скрестил на груди руки. Все это рассеяно в незаметных деталях, ускользающих от взгляда. Третий глаз, глаз на темени, следы которого, как верят ученые, они нашли, был, вероятно, глазом для архетипов; страны, звери, источники, деревья, видимые сегодня как пространства и тела, воспринимались тогда как образы, как боги и демоны.

Ворошиловск, 1 декабря 1942. Посещение Института чумы, в котором работают русские ученые и служащие. Обильная земля этой страны — также своего рода Эльдорадо эпидемий и болезней, таких как украинская лихорадка, дизентерия, тиф, дифтерит, инфекционная желтуха, возбудители которой еще не обнаружены. Говорят, чума возвращается раз в десять лет; она была в 1912, 1922 и 1932

годах, и теперь снова пришло ее время. Ее заносят караваны из Астрахани. Мор среди грызунов является ее предвестником. В этих случаях институт посылает экспедицию, состоящую из зоологов, бактериологов и сборщиков, для более подробного изучения. Распространение эпидемии контролируется «чумными станциями». Особое внимание уделяется истреблению крыс; для этого во всех колхозах есть специальные ловчие, «дератизаторы».

Разговор с научным руководителем, профессором Хохом, с которым мне было особенно легко. Это отношение человека к человеку, которое во Франции назвали бы *гуманным,* в случае с русским приобретает оттенок стихийности, идущей словно из тайной глуби. Обоюдная приязнь, создаваемая там благородным усилием, душевной активностью, здесь основана, скорее, на инертности, носит женственный и в то же время смутный, не имеющий отношения к морали характер.

Профессору Хоху назначена смягченная форма высылки, которая называется «минус шесть»; это означает, что ему запрещено пребывание в шести крупнейших городах страны.

Так как Институт чумы получает в больших количествах вакцину, к нему после вхождения немецких войск была приставлена охрана. Для снабжения ему выделили колхоз, в котором русское государство до этих пор содержало и кормило восемьсот душевнобольных. Чтобы освободить хозяйство для института, этих больных уничтожила служба безопасности. В подобной акции сказывается стремление творцов идеологии заменить мораль гигиеной, точно так же, как правду — пропагандой.

Ворошиловск, 2 декабря 1942. Дыхание этого мира палачей столь ощутимо, что умирает всякое желание работать, писать и размышлять. Злодеяния уничтожают все, людское пространство становится нежилым, будто из-за припрятанной падали. При таком соседстве вещи теряют свою душу, вкус и аромат. Дух изнемогает на задачах, которые он ставит перед собой и которые могли бы его увлечь. Но именно вопреки этому он обязан бороться. Краски цветка, растущего на смертельной кромке, не должны поблекнуть для нашего глаза, будь это расстояние хоть в ширину ладони от бездны. Это именно та ситуация, которую я изобразил в «Скалах».

Ворошиловск, 4 декабря 1942. Туманная погода, достаточно прояснившаяся к вечеру. Звезды скорей угадываются, чем заметны за вуалью тумана.

Семена подсолнуха, которые здесь всюду предлагают. Они черные с красивыми белыми полосками. Все время видишь, как стар и млад, стоя или на ходу, без устали грызут их, быстро кидая в рот и ловко щелкая. Шелуху выплевывают, ядрышко съедают. Порой кажется, это времяпровождение — вроде курения, иной раз — род гомеопатического питания. Утверждают, что у женщин от них делаются крепкими груди. На всех дорогах и тропах земля усеяна выплюнутой шелухой, будто здесь до этого проходила армия грызунов.

В общении с людьми я заметил, что мне, в силу склада ума или характера, труднее разговаривать с представителями средних слоев, тогда как общение с простыми или высокоразвитыми натурами не представляет никакой трудности. Тут я похож на пианиста, нажимающего лишь крайние клавиши, и должен с этим смириться. Либо крестьяне и рыбаки, либо важные персоны. Обычно общение состоит в утомительном переходе на язык будничных понятий или в поисках по карманам денег на обмен. Часто я ощущаю себя находящимся в мире, для которого я недостаточно вооружен.

Ворошиловск, 6 декабря 1942. Воскресенье, морозно и ясно. Лежит легкий снег. Утром гулял в лесу и, глядя на его тонкое покрывало, вспоминал удивительные стихи, которые тихонько произносила про себя Перпетуя в нашей лейпцигской мансарде:

Заносит снегом зло...

Мы жили тогда в студии. По ночам сквозь стеклянную крышу мы видели кружение звезд, зимой тихо падали снежинки.

В лесу было немного веселее. Навстречу мне шли крестьянки с длинными гнутыми деревянными шестами на плечах, на концах которых качались ведра или какой-нибудь небольшой груз. Даже на хомуты лошаденок, танцующие над ними во время ходьбы, было весело смотреть. Это наводит на мысль о прежних временах, о прежнем достатке. Ощущаешь, чего лишила этот край абстрактная идея и как бы он расцвел под солнцем благой отеческой власти. Когда я слышу людскую речь с этими гласными, в которых звучит затаенная радость, сдержанный смех, то вспоминаю, как в зимние дни подо льдом и снегом чувствуется биение родника.

Закончил: Иеремию, чтение которого начал 18 октября в Сюрене. В течение всей поездки я читаю Книгу Книг, и мир вокруг дает все основания для этого.

Видения Иеремии невозможно сопоставить с визионерством Исайи, безмерно превосходящим первого по силе. Исайя рисует судьбу универсума, тогда как Иеремия — пророк политической ситуации. В этом смысле роль его значительна; он — признанный ясновидец, тончайший инструмент национального самосознания. Силы проповедника, поэта и государственного деятеля еще слиты, еще нераздельны в нем. Конец мира для него — не космическая катастрофа, возбуждающая не только ужас, но и восторг страсти, а политический крах, крушение корабля государства, навлеченное изменой божественному порядку.

Положение, в котором он себя ощущает, угроза со стороны Навуходоносора, власть которого он умеет оценить по-другому и правильнее, чем царь. В соответствии с этим он и дает советы Зедекии — но тщетно. Мы уже не в силах оценить всю сложность миссии Иеремии, ибо теократия для нас теперь чуждое понятие. Для этого следовало бы сравнить его задачу с задачей обласканного прусским двором ясновидца, если бы он в 1805 году, зная завершение не только 1806, но и 1812 года, давал королю советы, направленные против Наполеона. В подобном случае против него была бы не только военная партия, но и чернь. Так что смелость, с которой выступил Иеремия, вряд ли возможно переоценить; она основывается на том, что факт его союза с Богом для него неоспорим. Это придавало ему уверенность.

Ворошиловск, 7 декабря 1942. Вчера был важный день; меня вдруг озарило, что значит «Это — ты». Уже многие годы, со времен Южной Америки, я не испытывал ничего подобного.

Существует ли географическое, точнее, геомантическое воздействие на характер? Я думаю; не только на нравы, что наблюдали уже Паскаль и Стендаль, но и на самые основы нашего существа. Будь это так, тогда в других широтах мы испытали бы распад и затем перекристаллизацию. Это соответствовало бы и физическим изменениям: сперва у нас появился бы жар, затем возникло бы новое здоровье. Гражданами мира в высшем смысле были бы мы, если б земной шар, как целое, влиял на наше формирование. Такого состояния достигали в пределах своих наций только властители мира; легенда о космическом зачатии Александра касается этого предмета. Молния попадает в его мать, в лоно земной жизни. Великие поэты, как Данте в его блужданиях и Гёте в «Западно-Восточном диване», проницательно намекают на это. Затем — мировые религии, исключая ислам, слишком привязанный к своему климату. Сон Петра о зверях, символизирующих в своей радости сообщество стран и царств этого мира.

Вечером ясно и звездно; великие картины вспыхивают в мерцании, какое я видел только на юге. Существовало ли в иные времена чувство безграничного холода, охватывающее нас при виде всего этого? Самое явное выражение его я находил до сих пор только в некоторых стихах Фридриха Георга.

Во сне я был занят множеством дел, но в памяти осталась только последняя картина: машина, капот которой несет на себе маленького долгоносика, орехового вредителя. Во сне он был размером с ягненка и сверкал на солнце, чей луч проходил сквозь него, как сквозь темно-вишневый, прозрачный, с красными прожилками рог. Разрывы семи бомб, сброшенных русским летчиком на рассвете, разбудили меня, как раз когда я любовался этой фигуркой.

Утро было сияющим; ни одно облачко не омрачало небесного пространства. Я поднялся на колокольню, представлявшую собой восьмигранную башню на четырехугольном цоколе, несущую наверху купол в виде плоской луковицы. Впервые я увидел всю местность с ее вытянутыми прямоугольными кварталами приземистых домов, из которых то тут то там торчал гигантский новострой — казарма или управление полиции. Итак, чтобы понастроить эти ящики, пришлось уничтожить несколько миллионов людей.

Эльбрус с его двойной вершиной и серебрящимися в утреннем свете заснеженными склонами встает, казалось, сразу за воротами, хотя на самом деле он находится на расстоянии четырех дней пути. Темная цепь гор Кавказа, из которых он вздымается, кажется крошечной. Давно уже не видел, чтобы земля вот так представала перед моим взором — как рукотворное создание Господа.

На обратном пути я проходил мимо группы пленных, работавших под присмотром на дороге. Они расстелили на обочине шинели, и проходящие клали туда иногда свои малые дары. Я видел бумажные деньги, куски хлеба, луковицы и помидоры, из тех, что здесь готовят зелеными в уксусе. Это была первая черточка человечности, увиденная мною в этих местах, если не считать нескольких детских игр и прекрасного товарищества среди немецких солдат. Но в этом эпизоде соединилось все: жители в роли дающих, закрывающая на это глаза охрана и несчастные пленные.

Текст печатается по изданию:
Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 — апрель 1945). — СПб.: «Владимир Даль», 2002. — С. 226—237.

После смерти моей матери все, жившие под зеленой крышей нашего дома на Первой Ясеновской, разлетелись в разные стороны и отцовский дом, уютный и сладостный, опустел и отдан внаймы какому-то неизвестному мне «хозяйственному» человеку. Мебель Луи Филиппа была продана; рояль вывезен в Ростов; книжный шкаф, знавший столько моих тайн, рассыпался. И в этом очаровательном северокавказском городе нет теперь ни одного человека, носящего мое имя. Поражу пастыря, и рассеются овцы. Первый раз за сто лет, в Страстную Пятницу, никто из нас не побежит к гробу замученного Бога, никто из нас не поцелует кровавых пяти ран, которые он принял, чтобы искупить мир от греха, проклятия и смерти. Никто из нас в этом городе не услышит пламенного акафиста страстям, когда жарко пылает шесть ставников свеч и кисея голубоватого гроба пропитана женственным ароматом болгарского розового масла, похожего на то, которое когда-то приносила Мария из Магдал: ее волосы так любил писать венецианский Тициан.

И в светлую заутреню ни в Рядской церкви, ни в Варваринской, ни в Кафедральном соборе, ни в Троицком не будет ни одного человека, принадлежащего к нашей семье. На заутрене ирмосы «Воскресения день» у нас пелись особым напевом, которого я потом не слыхал нигде в России и не видел даже в сборниках Римского-Корсакова — и их не коснется ухо мое.

Тяжело и больно — и в эту минуту, такой затерянный и такой от всего родного отрешенный, я хочу хоть через эти печатные столбцы, хоть мысленно, хоть только прикосновением луча сердца быть с тобой, мой родной, мой милый и незабываемый с древнегреческим именем, самый для меня прекрасный и цветущий город на земле. Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя!

Наступала весна, и с ней, в первое воскресенье после весеннего равноденствия — пасхальная ночь, пир веры. И постился ты или не постился, пришел ли ты в шестой или девятый или даже двенадцатый час, все равно: иди в гости к Господу Богу и будешь принят, и обласкан, и окормлен. Тебе будет дан высший слух, и ты уследишь, как в эту ночь, восходя кверху, из неведомых и таинственных хранилищ струятся соки земли по жилам трав, деревьев и цветов: каштановое идет каштанам, березовое — березам, вишневое — вишням. Холодновато, но это особенный пасхальный твердый холодок. В звездах плещется уверенный и веселый, горящий и несгорающий свет. Прекрасно освещен кремнистый путь в Иудею. Мчится цугом запряженная телега Больших Медведиц.

* * *

Город погасил свои торговые огни: золото, серебро и медь переложил из одних карманов в другие, между семьюдесятью тысячами разделил хлеб, вино и елей. И притих. Сквозь ставни прокрадываются, словно по линейке отчерченные, полоски желтоватого не электрического света: усталые горожане, борясь с дремотой, привычной в этот час, застегивают тугие крахмальные воротнички, изнутри подталкивая запонку большим пальцем; завязывают узлы ярких галстуков-самовязов; заводят праздничные часы с тремя дедовскими крышками, механизм на рубинах; жмутся в новой, упругой и еще не блестящей обуви; с искушением поглядывают на роскоши пасхального стола: эффектные куличи выпечены из нольной муки и распространяют запах ванили и кардамона. В отдалении в углу, на большом подносе, установлена батарея: водка с еще ненарушенной белой головкой; удельное вино № 21 и № 26; коньяк Шустова «Золотой колокол»; цинандали князя Андронникова; рислинг Токмакова и Молоткова; вишневка Штритера и рижский бальзам; фруктовые воды Ланина и местное пиво Салиса и Антона Груби... Пустяки, конечно, но все это сидит в памяти, в каком-то левом углу черепа, и записано, как на граммофонной пластинке...

Скользки навощенные подошвы новых сапог, нужно осторожно ходить по праздничным плюшевым дорожкам, — ощущение чистоты, обновления и заботливой прибранности к празднику. Все уже устали торопиться и нервно ждут первого удара в большой колокол, в который зазвонит старший звонарь Кафедрального собора Тарас. Тараса знает весь город, и сейчас весь город думает о нем. В руках у Тараса — первая строчка стихотворения.

Все уже оделись, все готовы к выходу, но еще не разрешает Тарас. Все еще нет праздника, еще холодновата эта ночь, ночь весеннего волнительного равноденствия. Хмур Северный Кавказ. Посматривают украдкой на часы. И вдруг:

— Бо-ом! — сказал свое первое слово большой колокол, отлитый при преосвященном Иеремии, первом епископе Ставропольском, как гласит надпись на торжественной меди.

— Бо-ом! — отвечает ему расстриженный монах Агафангел из Троицкого собора.

Песнь начали главные басы, основа хора, — вслед за ними вступают другие голоса: баритон Рядской церкви, серебристый тенорок из духовного училища, женский альт архиерейского старого подворья, — и стоящий на горе город с торжественным греческим именем слушает с благодарной улыбкой ночную, единственную в мире симфонию колоколов, украшенных славянской вязью, с выпуклыми буквами императоров, архиереев, с упоминанием событий, с именами жертвователей, усердных к церкви и вере, с именами купцов Чепелевых, Нестеровых, Волобуевых, вычурные могильные памятники которых так пугали меня в детстве.

И да будет прославлен Бог, который в эту ночь возвращает слух мертвецам: свят и незабываем звон святого колокола; интересно бы посмотреть на чертей, которые в эту минуту вверх тормашками летят с колокольни. За целый год не удалось подточить каната, на котором висит колокол.

* * *

О, эти старенькие и хитренькие покойнички! У Чехова есть село, в котором на похоронах дьячок всю икру съел.

Наш город известен тем, что когда-то, в семидесятых годах, принимал у себя великого князя, одного из Михайловичей; угощение было на славу, за спаржей в Ростов посылали, а наутро, перед отъездом князя, — почтительнейше представил ему счет за все съеденное и выпитое. А ело и пило человек пятьдесят.

— Город наш нищ и убог, — сказали купцы своему гостю, немало удивленному, — еле-еле с хлеба

на квас перебиваемся... А потому явите божескую милость: прикажите получить.

И роскошный, с разливанным морем, с гимном, обед влетел великому князю в копеечку. Обед же воистину был приснопамятный:

— Селедки дышали! — восторженно до самой смерти рассказывал отставной клубный официант, специалист по закускам, — в желе свечка горела! Пирамида из разноцветных леденцов была!

— А князь много кушал?

— Какое там! Индюшиное крылышко, и то без хлеба.

Император Александр II, которому ошеломленный Михайлович показывал счет, сказал, смеясь:

— Жирно, брат, кушаешь!

Эти же купцы, получившие с князя деньги за обед, который они же сами съели, — эти выжиги, сквалыжники и алтынники любили свой город и часто бывали большими поэтами. Это именно они, как флорентийцы, почувствовали красоту солнечных южных площадей и соорудили на них фонтаны со струей на полторы сажени. Это они зацепили, пронюхали и взлелеяли талант архитектора Воскресенского, который застроил город зданиями так называемого губернского ампира, а на горе вознес трехэтажную колокольню в честь троичности лиц. Эта колокольня по изяществу, по легкости, по игрушечности считалась второю в России после Троице-Сергиевской. И ее смело мог бы подписать сам Растрелли. Прелестной оградой из незамысловатого камня обнесли рощу и Барятинский парк. Вспоминая, очевидно, одесскую лестницу, Воскресенский на подступах к колокольне и собору вывел красоту-лестницу в сто девяносто ступеней. И надо было видеть, когда горожане и горожанки спускались по ней или на Крещение, или в Духов день.

Почтовая открытка начала XX века. Архиерейский дом.

Именно они, эти купцы, выходцы из Калужской губернии, свили в предгорьях еще не замиренного Северного Кавказа теплое колонизаторское российское гнездо, где десятками лет среди вишневых, яблоневых и каштановых садов по особым североросийским рецептам культивировали ликеры не хуже monachorum benedictorum. Именно здесь готовили знаменитую настойку доктора Эрнеста, составленную на водке из 38 предметов. Настойка давала долголетнюю жизнь, и сам Эрнест дожил до 96 лет и умер по случайности, упав с горячей лошади.

И за них, за упокой их наивных и богобоязненных душ в эту ночь всегда бьет первый удар старший звонарь Кафедрального собора хромоногий николаевский солдат, кавалер своему государю Тарас, по прозванию «Отдай рубль».

По церковному уставу в эту ночь не полагается обычной архиерейской встречи, и архиепископ Агафодор скромно подъезжает к пономарке и облачается в ризнице. Ровно в половине двенадцатого начинается полуношница, и хор исключительным напевом, полагающимся только в эту ночь, поет:

—Волною морскою...

Последние минуты лежит в своем гробу Учитель: ровно в двенадцать высыпают из алтаря кресты, иконы, евангелие, церковные знамена, подхватывают плащаницу и несут ее вокруг церкви. У всех в руках свечи, бросающие особенные тени на лица и делающие их особо выпуклыми и чуть на себя не похожими.

Если вы не вышли из церкви и остались в странно опустевшей церкви, то переживаете редкий музыкальный эффект: то четко вблизи, то все дальше благоговейные и чеканящие каждый слог голоса поют:

— Воскресение твое, Христе Спасе..

На фоне стройного хора слышно поддевание, неопытное и любительское, плохо знающее мудреные славянские слова. Шествие, наконец, приблизилось к затворенным дверям, что-то неразборчиво читают, и вдруг хор на стремительно взбегающих нотах, на шестьдесят четвертых, гремит мажорный, торжествующий христианский клич:

— Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ...

Смерть побеждена, растоптана, и на одно мгновение в тебя входит сладчайшее несказанное ощущение собственного бессмертия. И невольно сливаешься с торжествующим народом и торжествующими певцами.

— Утреннюем утреннюю глубоку и вместо мира песнь принесем Владычице...

И эту песнь, приносимую вместо мира, поет и архиерей, одетый в древлерусские царские одежды, и губернатор, получивший сегодня камергера, и кланяющийся с высокой свечой протодиакон, подвивший к празднику концы пышных волос. В соборе разлито чувство равенства, христианский социализм: вы можете христосоваться и с архиереем, и с камергером; все светло и тепло, горят три паникадила, и огонь свечей кажется особенным, гуще позлащенным.

В каком-то упоении летит время, и вдруг вы слышите из алтаря сдержанно рокочущий бас:

— Время сотворити Господеви.

Начинается обедня и читается первая глава от Иоанна на всех языках: на славянском, на латинском, на древнегреческом и еще на каком-то, которого понять не могу.

* * *

Архиерейская служба тянется дольше всех, и я последний прихожу домой. Вся семья и вся дворня собрались уже в зале: христианский социализм. Повар Филипп Васильевич Рашевский — католик, но и он здесь, без колпака, без белого одеяния, в визитке и при золотой цепочке, протянутой сквозь верхние

пуговицы. Все оживленно разговаривают, рассказывают, кто в какой церкви был и какой батюшка служил, и какой регент регентовал. Рассаживаемся, и возле матери ставят высокое детское креслице: на нем усаживается кот Лапкин-Бабкин, которого знает вся губерния по моим очеркам в газете «Северный Кавказ». Кот, сохраняя спокойствие, внимательно следит за справедливостью раздачи. Когда его долго забывают, он тихонько трогает мать лапкой.

* * *

После разговен мы с матерью бежим на свидание к отцу, бежим по бульвару мимо Тифлисских ворот.

О, это кладбище провинциального нешумного города, где все могилы известны тебе, как дома на главной улице. Оно к великому дню вычищено, деревья — в цвету, все холмики со вчерашнего дня усыпаны фиалками и ранними тюльпанами. Тихо и призрачно горят огни намогильных лампад и свечей, вставленные в садовые фонарики, — какой мир, какая отрада, какая примиренность со смертью, вера в будущее воскресение, преклоненная голова перед последним всерешающим судом, — печаль и воздыхание, и какая мечта о жизни бесконечной! И думаешь: сколько поэтов все-таки прошло по земле!

Проснувшиеся озябшие птицы, разговаривая меж собой, как в опере, поют свои диалоги. Тишина. Лежат люди головой к востоку и думаешь: а вдруг там, под землей, происходят вещи, о которых даже и подумать нельзя? А по насыпи, огибая кладбищенскую стену, тихо ползет со станции Кавказской пустой состав товарного поезда, и делается невыразимо жаль будничного кондуктора, приютившегося с флажком на последней площадке. Около наших могил поставлена садовая решетчатая скамья: мы сидим на ней вдвоем с матерью. Только что мы катали красное яичко по надгробным плитам, и оно с сухим треском подпрыгивало на выпуклых буквах. Мы одинаково с матерью любим того человека, который зарыт здесь: моего отца. И нам кажется, что это он посылает нам утренний, густой, как масло, воздух, которым дышит благодатная северокавказская черноземная степь. Где-то начинает ворожить солнце и от постепенно прибывающей с востока светлости, из которой скоро сделается свет, кажется, что воздух разжижается и меняет свой запах: начинают оживать и дышать цветы и молодая еще глупая трава, и над нашей головой явно просыпается молодая яблоня, невеста неневестная. Вокруг нас — бесконечное царство Креста, дошедшего сюда с Голгофы, и земля, пропитанная слезами.

Наш участок густо заселен дедами, и только около отца есть свободное место. Мы говорим с матерью о том, кто из нас имеет больше прав на это последнее место: я или она?

— Я лягу здесь, — твердо говорит мать, — потому что я была его женой и прожила с ним счастливо тридцать пять лет.

— А я — его сын, — возражаю я, — на это место я имею больше прав.

— Но почему?

— Потому, что ты была его женой: прошедшее время. А я совмещаю в себе все три времени: я был, есмь и всегда останусь его сыном.

— Да, но ведь в тебе течет и моя кровь.

— Я точно знаю, сколько во мне твоей крови и сколько отцовской. Отцовской больше и отцовская — сильнее.

— Митя! — вдруг повышенным тоном, наклонившись к могиле, спрашивает мать, — кого ты хочешь около себя: меня или Илью?

И мы оба затаили дыхание.

Ответа нет. Щебечут птицы.

— Он отвечает в птицах, — говорит мать.

Мы слушаем птиц, но не понимаем их оперы.

Как у зверей, простых и немудреных, не гнавшихся за райскими ядовитыми яблоками, сейчас на заре обострены наши чувства. Мы бестрепетно постигаем таинство смерти, тяжкий естества чин. Мы относимся к ней с покорностью и радостью, ожидая сладчайших загробных встреч и жизни будущего века. Относимся к отцу, как к существу живому, слышащему нас и о нас радующемуся. И не только сердцем, но капельками своего разума утверждаем одиннадцатый и двенадцатый члены великого символа.

* * *

На плите отца выбита выпуклая надпись:

«Жития его было пятьдесят семь лет».

И невольно думается:

«А сколько же отпущено мне?»

В предопределение я твердо верую. Я знаю, что где-то записан мой час. Вспоминаю предсказания цыганок, хиромантов, гадальщиков. Всматриваюсь в линию жизни под бугром большого пальца, рождается сознание силы и трудноуловимых, но уверенных постижений. Яснее всего — ощущение общности и торжественности с землей, из которой взят и в которую неминуемо отойдешь. Думаешь о ней, о земле: о ее гениальном труде, о точности ее дел, о нежности, о капризах, о сердитости, о гневе, о художественной четкости, об изящном воображении, об отношении к нам, как к детям, которых надо покормить малиной и виноградом, — к детям, 50—60 лет занимающихся не тем, для чего посланы и не знающих ни дня своего, ни часа.

Мы уходим с кладбища, у ворот нас провожает сторож Никифор, получающий заранее приготовленную трешницу. Мы идем по шоссе, и перед нами на возвышении, как на усеченной сахарной голове, расположен акварельный город, ясны, как на карте, линии его улиц, бульваров и площадей.

Встречается, наконец, желанный извозчик и предупреждает нас, что сегодня биржа работает по двойному тарифу.

* * *

Теперь мой Китеж затонул, Его древнегреческое имя заменено именем советского маршала. Но вы можете мне верить или не верить, объясняйте это чудом или теорией произвольных представлений, — в пасхальную ночь, после заутрени, утреннюю утреннюю глубоку, во время второго сна я слышу старый звон. Вот ударил Тарас, ему последовал расстриженный монах, вот тенорок духовного училища, потом цыганский альт архиерейского подворья...

И не было ни войн, ни революций. Стоит, как град Петров, Россия, и никакие врата адовы не одолеют ее.

Это между четвертым и пятым часом утра.

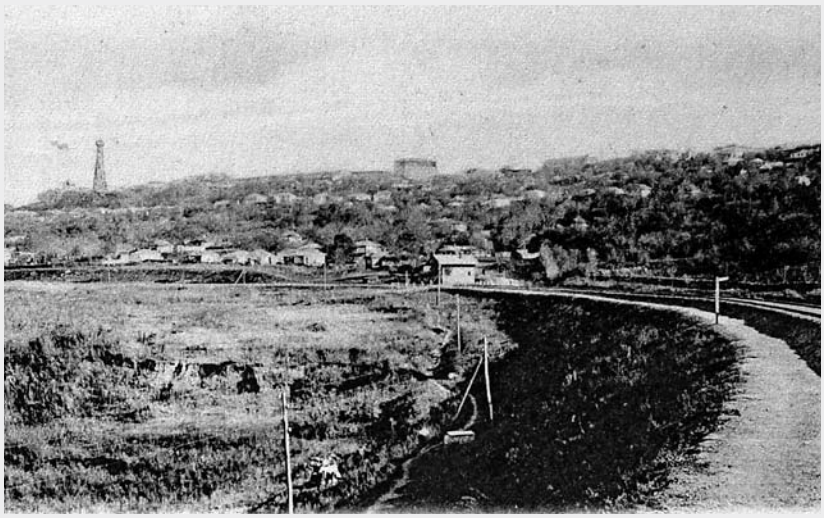
Текст печатается по изданию:
Сургучев И.Д. Китеж. Ставропольский хронограф на 1996. — Ставрополь, 1996. — С. 208—214.

И.Д. Сургучев. **Северный Кавказ**

У каждого — свой счет, говорят французы. И каждый по-своему открывал Кавказ.

Были, например, люди, которые находили, что Кавказ начинается в буфете ростовского вокзала, где подавали красный борщ и лаваш.

Мы, ставропольцы, начинали свой Кавказ со станции Изобильной, за пятьдесят верст до Ставрополя. От Изобильной, на некоторых поворотах пути, нет-нет да и блеснет ставропольская колокольня, свеча на горе, краше которой нет ничего на свете. Да, да: краше которой нет ничего на свете. Я знаю колокольни и киево-печерскую, и троице-сергиевскую, — обе от Растрелли, — но наша, работы Воскресенского, конечно, лучше, элегантнее, легче, — игрушечка, статуэтка. Архитектор Вознесенский, вероятно, из семинаристов, был отмечен печатью гения: он, например, брал самый обыкновенный известковый камень и делал из него забор для Барятинского парка и рощи. Сначала я ничего не замечал, но, когда увидел маленькую акварельку старого художника Смирнова, то, во-первых, понял, что такое эта стенка, а, во-вторых, что такое искусство. Я до смерти проходил бы мимо этой стенки, так и не заметив ее красоты, а Копшучек, учитель гимназии, показал мне на акварельке, чем дышит эта стенка. А дышала она тем, что на другой же день я побежал на Успенское кладбище искать могилу Воскресенского и узнал, что его могила и есть тот черный человек, которого я в детстве боялся, как огня.



Ставрополь. Северный вид. Почтовая открытка начала XX века

Когда вы влезали на второй этаж этой колокольни, то, как и из Батума, вы видели Эльбрус. А когда сходили вниз на бульвар, то слышали, как мальчишки кричали:

— «Северный Кавказ» — на завтрашний день!

«Северный Кавказ» это была газета, основанная адвокатом Д.И. Евсеевым и в которой я начинал свою литературную жизнь. Именно в ней и напечатал свою первую повесть под титлом: «Из дневника гимназиста». Повесть была большая, в шести номерах, и имела дикий успех. Дьякон Троицкого собора, сотрудник «Епархиальных ведомостей», повстречавшись со мной на бульваре, сказал басом:

— Собрату по перу — мое поштение.

Дорого бы я дал, чтобы сейчас отыскать эту повесть о любви.

Что прекрасней песен
О цветах и звездах?
Всякий тотчас скажет:
«Песни о любви».

* * *

Мы жили на Северном Кавказе.

Ставрополь упоминается у Толстого, в начале «Казаков». Там Толстой едет на перекладных по главной улице и видит, что среди вывесок есть некоторые с французскими надписями, а по тротуару шел какой-то господин, остановился и посмотрел на Толстого. В экземпляре из ученической библиотеки было на полях написано: «Костя». Костей звали рыжего учителя латинского языка, культурного, зазнавшегося и очень неумного человека. Но, почему-то, я и до сих пор думаю, что на Толстого действительно смотрел Костя. Больше некому.

И в Максим Максимыче есть:

— Вы едете в Ставрополь?

Помню, что такие высокопоставленные упоминания повергали нас в великую гордость. Мы себя чувствовали людьми, прикосновенными к большой литературе. Нам не хотелось быть Тамбовом на карте генеральной.

* * *

Климат был такой: летом — жарища, зимой — холодище, весна — райская, а осень: такой осени даже в раю не бывает. Вот где бы вы поняли, что такое осенние скрипки.

Через весь город тянулся чудесный и густой бульвар, на котором ставропольцы начинали все свои амурные комбинации. В конце бульвара, перед степью с лазоревыми цветами, стояла триумфальная арка, называвшаяся тифлисскими воротами. Через тифлисские ворота когда-то шли войска, предназначенные для замирения Кавказа. А потом, когда все стихло, на них сиживал лермонтовский «Демон».

* * *

Во время замирения Кавказа Ставрополь был глубоким тылом и потому в нем выстроены большие военные госпиталя и та улица, на которой они построены, называлась Госпитальной.

Через Ставрополь проходило множество войск и на этих проходивших войсках нажили большие состояния ставропольские финансовые тузы, — все эти Меснянкины, Несторовы, Саломатины.

Реноме этих тузов было небольшое, и звали их так: Прокошка Меснянкин, Мишка Несторов и т.п.

Выжиги были отъявленные. Раз устроили такую штуку: проезжал через город великий князь Михаил Николаевич. Ну, конечно, все, как у людей: задать великому князю обед. Спаржи в Ставрополе никогда не было: послали в Ростов. Закатили стол покоем человек на полтораста, со слезами пели гимн, а наутро подали великому князю счет. Князь вытаращил глаза, растерялся и заплатил за всех сто пятьдесят человек, которые первый раз в жизни ели

спаржу и, по-моему, вкуса оной не одобрили, потому что и впредь в Ставрополе ее не культивировали. Князь приехал в Петербург и показал счет Императору Александру. Тот расхохотался и сказал:

— Жирно, брат, кушаешь.

И, когда проводили Владикавказскую железную дорогу, то Ставрополь, город с дорогими обедами, был оставлен в стороне верст на пятьдесят! Тамбов.

* * *

Прошли года, как поется в цыганском романсе. Ставропольцы начали подумывать о проведении через губернию ветки Армавир — туапсинской железной дороги. Меня выбрали председателем железнодорожной комиссии. Пришлось вступить в борьбу с графом Коковцевым, который был против этого варианта («вести дорогу на сахарную голову»). Все, чего мы достигли путем огромных усилий, граф сметал движением своего мизинца и смотрел на меня с презрением. И вдруг, каким-то наитием, я понял, что граф боится одного: печати. И вот тут, ради своего родного города, я пошел на некоторые низости: я сошелся кое с кем из «Нового времени» и со столбцов этой правительственной крепости сделал несколько вылазок против графа, — и, о чудо! Всесильный граф стал шелковым, и мой вариант прошел через междуведомственную комиссию, которая заседала где-то на Конногвардейском бульваре. Тем дело и кончилось, но вскоре после этого Коковцев приехал на Кавказ по делам какой-то ревизии, и меня послали в Армавир, чтобы пригласить графа в Ставрополь на обед. Опять съездили в Ростов за спаржей, я поднес графу хлеб-соль и пригласил графа на обед. Коковцев посмотрел на меня с усмешкой и сказал:

— Простите, но я не так богат, чтобы завтракать в городе Ставрополе-Кавказском.

Но в Ставрополь, все-таки, заехал, стакан вина выпил и все что-то ощупывал у себя в жилетном кармане: по-моему, там была бумажка в рассуждении того, что попросят заплатить за консомацию.

* * *

После Ярославцев ставропольцы были, конечно, самым жуликоватым народом Империи: и это — они, ставропольцы, выдумали следующие изречения:

— Один восторг, два упоения; воздух по копейке штука; пустячки-варенички; горизонтом пахнет; будьте уверочки; будьте покойнички.

Веселая, богатая была страна северокавказская, ставропольская. При царе-государе она, вместе с соседкой, Кубанской областью, кормила хлебом всю Европу. В Ставрополе были постоянные конторы Луи Дрейфуса и Вальяно, закупавшие пшеницу на корню. Потом, при гениальном Ленине и еще более гениальном Сталине, эти житницы не только никого не кормили, но и сами перманентно подыхали с голода.

Очень долго «гибельный Кавказ» был местом неблагосклонной ссылки, и, отчасти, именно эти ссыльные оказались колонизаторами Северного Кавказа и, в частности, города Ставрополя. Потом, из-за слухов о баснословной дешевизне, сюда понаехали отставные чиновники или, как их тут звали, «чинодралы» с маленькими пенсиями. И, действительно, дешевизна жизни была здесь разительная: фунт первоклассного «черкасского» мяса стоил три копейки, фунт осетрины — пятак. Климат божественный, излечивалась даже чахотка (нотариус Праве вылечился), тишина, покой, никаких фабрик и заводов, только мельницы Анпеткова и Унанова. Квартиры-особнячки с садиками: умирать не надо. Никаких достопримечательностей в городе не было: откуда-то взялись зимний пейзаж Клевера да чулки голландской королевы. Было две женских гимназии: Ольгинская и Александровская, мужская гимназия, реальное училище. Гимназистки были прехорошенькие, но епархиалки имели свои персональные достоинства. Духовенство было богатющее, жило по-помещичьи. В Прасковейском уезде культивировали виноград и получали вино, похожее на испанский кларет. Преступления совершались только на почве ревности, но тут уже в буквальном смысле слова снимали шкуру. Крепостного права здесь не знали, помещиков не было, были на ролях помещиков хохлы из Таврической губернии, которых звали тавричанами и которые были создателями тех тачанок, на которых потом приснопамятный батько Махно устанавливал свои пулеметы. Мечта этих тавричан была одна: повыдавать своих дочерей за «батюшек», чтобы дочки стали матушками. Народ жил сытно, ели и пили в свое удовольствие, но в Думу посылали революционеров: Онипку, Борисова, Старлычанова, которые, как и надо было ожидать, довели губернию до постыдной нищеты. Что ты был и что стал и что есть у тебя? — этими кольцовскими словами можно спросить Ставрополь и богатейшую губернию Ставропольскую, бывших красоту и гордость Северокавказья.

Но Кавказ — безмолвен:

Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущелье — мгла и дым.

Наш поэт, — конечно Лермонтов!

Текст печатается по изданию:
Сургучев И.Д. Северный Кавказ // Возрождение. — 1956. — № 59. — С. 5—9.

4 Персоналии

Г.К. Праве. **Автобиография**

Я родился 7 марта 1862 года в Санкт-Петербурге (ныне Ленинграде) в семье мелкого чиновника, имевшего второй чин губернского секретаря и служившего в экспедиции по раздаче платы за деревенских питомцев при Санкт-Петербургском воспитательном доме. Мать возилась с детьми и по хозяйству, отец же бывал на службе утром и вечером, и постоянно, кроме того, приносил работу домой, за которой засиживался далеко за полночь, так что семья видела его только за обедом или углубившимся в работу.

Занимали мы всего одну комнату, разделенную ситцевой занавеской на две части: одна, за занавеской, служила спальней, а другая — столовой, кабинетом и так далее, одним словом, универсальной комнатой. Квартира наша помещалась как раз напротив места службы отца, и первые впечатления, оставшиеся в моем детском мозгу, были довольно безотрадны. Каждое утро я мог видеть из окон нашей комнаты, как растворялись ворота Воспитательного дома и оттуда выезжал фургон, с двух сторон нагруженный детскими гробами. Это были младенцы, подброшенные несчастными матерями, жертвами нужды и общественного темперамента.

Отец мне представляется вечно сидящим склоненным над работой. Деда отец не помнил, так как тот умер, когда отцу было всего 2 года и его, как сироту, отдали на казенный счет в Гатчинский сиротский институт, где он и окончил полный курс, это было среднее учебное заведение реального типа. Изредка, когда отец не приносил вечерней работы, я с любопытством наблюдал за тем, как он то лепил из воска географические карты, то столярничал или слесарничал, а то делал модели из картона или из дерева. Этим он прирабатывал кое-что к своему скудному бюджету.

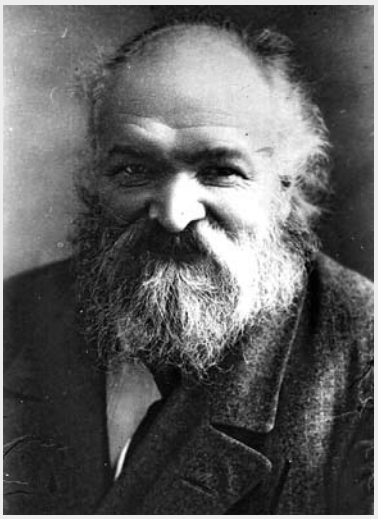
Каждый год в семье появлялся новый ребенок, я был вторым по порядку. Старший умер вскоре после рождения. Прибавки же к жалованию отца шли очень медленно, и к тому времени, как в семье набралось 9 человек детей, ресурсы ее равнялись 25—30 руб. в месяц, и потому в семье всегда чувствовался недостаток в средствах на самое необходимое. Плохая квартира и не лучшее питание вырывали из семьи почти каждый год все новые жертвы. В семье ко дню смерти отца, в 1882 г., осталось только четверо: три брата и сестра, причем я был старший в семье. Когда мне было около 4 лет, мы переехали к моей бабушке, со стороны матери, которая жила в Санкт-Петербурге по Подольской улице в Семеновском полку, примыкавшем к Обводному каналу.

В конце нашей улицы находился газовый завод (на Обводном канале), предмет постоянного нашего детского любопытства. Обстановка нашей жизни изменилась к худшему, так как теснота увеличилась. Семья, в которую мы переехали, состояла из старухи бабушки, разбитой параличом, и трех теток, из которых одна жила тут же с мужем, мелким служащим частной конторы, другая была вдова моряка с двумя детьми, а третья, девица, ухаживала за бабушкой. Так как в нашей семье все мужчины умирали, не достигая 43-летнего возраста, то мне пришлось детство провести преимущественно среди женщин. Оставшиеся в живых отец и дядя большую часть времени проводили на службе или за работой.

Несмотря на то, что отец был так сильно занят, он все-таки находил время хотя бы изредка заниматься с нами, детьми, и даже выписал для меня журнал «Вокруг света», издававшийся в 60-х годах Генкелем, произведший на меня как своим содержанием, так и прекрасными рисунками очень сильное впечатление, и я его перечитывал без конца; особенно мне нравились многочисленные статьи по естествознанию и описание путешествий. Первая же книга, которую я прочел и затем много раз перечитывал, выучившись хорошо читать в 6-летнем возрасте, была «Мир Божий», книга для чтения Ушинского. Любимыми моими статьями в этой книге были «Чудный домик» (описание устройства человеческого тела), «Дядя и племянник» и

рассказ «Слепая лошадь». Особенно решающее влияние на все последующее направление моей деятельности имела статья «Дядя и племянник», в которой описывалось, как дядя, приехавший из-за границы, привез в подарок племянникам целую коллекцию животных, сделанных из папье-маше. С этого момента любимыми моими играми сделались устройство зоологического сада и собирание всевозможных коллекций.

Первую приличную коллекцию насекомых я собрал, когда мне исполнилось 9 лет и когда отец, склеив мне хорошую стеклянную коробку для них, научил меня сбору и накалыванию насекомых. Эта коробка послужила фундаментом к основанию будущего Музея. На 11 году я поступил во 2 класс Второй классической гимназии, из которой, пробыв в ней только $^1/_2$ года, перешел в 3 класс Санкт-Петербургского коммерческого училища пансионером на казенный счет. Здесь окончил полный курс как общеобразовательного отделения, состоявшего из 6 классов и равнявшегося по своей программе курсу тогдашних реальных гимназий, так и оба 7—8 специальные классы, посвященные преимущественно коммерческим наукам и дополнительному курсу по русской, французской, немецкой и английской литературам, химии и политической экономии. Курс я окончил хорошо, получив похвальный лист и звание кандидат коммерции, дававшее мне право преподавания коммерческих предметов в средних учебных заведениях.



В то время коммерческое училище (ныне Высший коммерческий техникум) было по учебной постановке одним из лучших реальных учебных заведений. С особой благодарностью вспоминаю учителей зоологии: известного педагога Животовского, впервые введшего наглядные учебные пособия в России, профессора зоологии Э.К. Брандта и доктора ботаники А.Ф. Зельгейма, которым я всецело обязан своей любовью к естественным наукам, и профессора Петербургского университета Василия Дмитриевича Смирнова, под руководством которого я прошел курс русской словесности и литературы. С его же помощью я имел возможность (не имея собственных книг за недостатком средств) использовать богатства Санкт-Петербургской публичной библиотеки, одним из отделений которой он заведовал. Именно это обстоятельство дало мне возможность значительно расширить свои знания путем самообразования.

До 12 лет в моем распоряжении были только вышеупомянутые книги: «Колокол» Герцена, который выписывал отец, 6 томов полного собрания сочинений Н.В. Гоголя издания Кулиша и грибоедовское «Горе от ума». С 12 лет я мог начать пользоваться богатейшей библиотекой только что умершего князя Урусова, опекуном для ликвидации имущества которого был назначен мой дядя по матери. До 14 лет я перечитал в этой библиотеке всю передовую бульварную французскую литературу, которая раз навсегда избавила меня от увлечения легким чтением. С 14 до 17 лет я перечитал систематически всех русских и главнейших европейских классиков. С 17 лет я засел за изучение философии, увлекался Огюстом Контом, сначала в изложении Люнса и Милля, а затем проштудировал Сократа, Канта, Декарта, Спинозу и Спенсера. Параллельно с прохождением курса в училище с 11 лет начал давать частные уроки, каковое занятие с прогрессирующей интенсивностью продолжал до 30-летнего возраста.

С детских лет и до окончания в училище я постоянно пользовался малейшей возможностью посещать зоологический музей Академии наук и сельскохозяйственный музей в Соляном городке, где получил очень много пригодившихся мне впоследствии знаний. Еще года за 2 до окончания курса в Коммерческом училище я начал вместе с несколькими товарищами изучать латинский и греческий языки, чтобы выдержать по окончании курса дополнительный экзамен по этим языкам, иметь возможность поступить в университет для продолжения образования. Без этого поступить в него было нельзя. Но, к сожалению, смерть отца, последовавшая во время моих выпускных экзаменов, лишила меня возможности заниматься продолжением систематического образования, и я, как старший в семье, должен был, прямо по окончании курса, поступить на службу в Государственный банк, где, пробыв три месяца на месте исправляющего должность старшего контролера и не будучи в состоянии выносить высокомерного обращения со служащими директора банка, подал в отставку и перешел на службу в частную сельскохозяйственную контору. Здесь мне в скорости предложили занять место управляющего в одном из крупных крымских имений, принимая во внимание, что к этому времени у меня развился туберкулез, которым я заразился от отца, прожив последний год перед его смертью в одной с ним комнате. Желая воспользоваться этим предложением, я стал усиленно изучать сельское хозяйство под руководством любезно согласившегося на то известного в 80-х годах в Санкт-Петербурге агронома Генкина. Он не только руководил моими занятиями, но и представил в мое распоряжение свою богатейшую сельскохозяйственную библиотеку. Однако туберкулез так быстро стал прогрессировать, что уже в 1884 году я должен был оставить службу в конторе и едва успел закончить курс хозяйства у Генкина. Предлагавшееся мне место управляющего в Крыму я предоставил моему товарищу по училищу, страдавшему еще сильнейшим туберкулезом.

С половины 1884 г. я уже не мог вставать с постели, постоянные горловые кровотечения и изнурительная лихорадка совершенно обессилили меня, и я с женой и годовалым ребенком остался без всяких средств к существованию. Благодаря героической, неустанной работе жены, работавшей буквально день и ночь иглой, я обязан был тем, что мы не умерли с голода за это ужасное время. Знаменитый доктор С.П. Боткин, специалист по легочным болезням, лечивший раньше моего отца, отказался меня лечить, заявив, что болезнь

зашла уже так далеко, что никакие курорты в мире не могут меня спасти; но молодой врач Лев Бернардович Бертенсон, тогдашнее восходящее светило по легочным болезням, любезно согласившийся безвозмездно лечить меня, сказал, что если бы меня удалось переправить в Ставрополь Кавказский, то я мог бы еще выздороветь, по счастью, как раз в то время вышел приказ об открытии Ставропольского отделения Крестьянского поземельного банка. Случайно зашедший ко мне товарищ по училищу В.Г. Васильев, служивший в этом банке, узнав о моем бедственном положении и о мнении д-ра Бертенсона, предложил мне подать прошение в Крестьянский банк о предоставлении мне места бухгалтера в Ставропольском отделении банка, одел меня, почти на руках снес с лестницы на извозчика и доставил к управляющему Крестьянским банком.

Так как все время болезни, лежа в постели, я не переставал интересоваться толстыми журналами и прочитывал все номера «Вестника Европы», где тогда велась ожесточенная полемика по поводу только что возникшего Крестьянского поземельного банка, то я был вполне в курсе дела. В беседе с управляющим, забыв совершенно, что я явился просителем, со свойственной молодости горячностью, вступил с управляющим Картавцевым в жаркий спор, доказывая ему неправильность принятого правительством направления в постановке дела помощи крестьянам по приобретению земли у помещиков; я доказывал ему, что если и дальше политика правительства не изменится, то это приведет только к разорению крестьян и обогащению за их счет помещиков. Так как управляющий, прочтя мое заявление, сказал мне: «Вы, молодой человек, не имея служебного стажа, желаете сразу занять ответственное место бухгалтера, а между тем, вот здесь передо мною лежит папка, в которой 80 прошений лиц служащих в нашем банке от 1 до 3 лет и просящих предоставить им это место». На это я, конечно, ничего не мог возразить и сослался на то, что я имел дерзость попытаться получить это место только ввиду того, что для меня это было соломинкой, за которую хватается утопающий, и хотел уже распрощаться, как какая-то случайно брошенная управляющим фраза по поводу крестьянского банка вызвала резкую реплику с моей стороны, что и было причиной возникшего между нами горячего спора. Однако, не успев его окончить, я почувствовал характерное щекотание в горле, всегда предшествовавшее кровотечению. Я извинился, сказав, что мне плохо, и вышел за дверь, где меня ждал Васильев, действительно подвергся сильному кровотечению. Уняв его стаканом воды с солью, принесенным мне Васильевым, я в состоянии полной апатии был доставлен с еще большими трудностями Васильевым на дом. Конечно, после этого посещения я потерял всякую надежду, но через несколько дней Васильев пришел ко мне и, радостно возбужденный, объявил, что я назначен бухгалтером в Ставропольское* отделение банка, которое открылось одновременно со Ставропольским, и отвез меня в банк для получения инструкций от старшего бухгалтера; в Ставропольское же отделение был назначен первый кандидат Агафонов, уже прослуживший в Крестьянском банке 3 года. Благополучно доставленный домой и немного возбужденный, так как и это назначение было лучше безнадежного пребывания в Петербурге. Между тем, через 3 дня у меня опять появился особенно сияющий Васильев и заявил, что через неделю, то есть в ночь под 9 мая 1885 г., я должен выехать в Ставрополь, куда я назначен вместо Агафонова, получившего телеграмму о смерти отца, отказавшегося от Ставропольского отделения и выехавшего получить наследство.

Получив 100 рублей прогонных на дорогу, я, оплакиваемый всеми родными, был отвезен на вокзал и через 6 дней пути прибыл на ст. Невинномысскую, ближайшую тогда к Ставрополю, с 2-летней дочкой. В Ставрополе мы были встречены в гостинице, куда мы приехали, временно управляющим Ставропольским отделением банка Леонидом Дмитриевичем Ивановым, который выпросил у хозяина для нас комнату (свободных номеров не было) и заявил, чтобы я в течение двух месяцев или по крайней мере до выздоровления не работал, а поправлялся. Все же за меня он обещал проделывать сам. Что и исполнил. Через несколько дней он подыскал подходящую для Банка квартиру, в которой отвел нам две комнаты. Сада при этой квартире не было, но двор был весь покрыт бурьяном, и меня ежедневно с утра клали ничком на деревянную тахту, укрывая голову газетами и предоставляя мою спину действию солнечных лучей. Лето 1885 г. отличалось необычайной засушливостью. В течение 4 месяцев не выпало ни капли дождя, температура доходила до 42°, и благодаря, вероятно, этому обстоятельству через два месяца я уже приобрел способность передвигаться и к началу августа, по предписанию врачей, стал ежедневно совершать прогулки с раннего утра до захода солнца в прилегающую к городу степь. Конечно, по старой привычке и чтобы не тратить даром времени, я на этих прогулках или собирал зоологический и ботанический материал, или, лежа в траве, наблюдал жизнь Ставропольской фауны.

Значительно окрепнув к концу года, я уже начал нормально работать в банке, приняв участие в его окончательной организации вместе с прибывшим новым управляющим банка Дмитрием Никифоровичем Никитиным, старым земцем и еще более старым коммунаром. Он и его жена в 60-х годах входили в состав коммуны Технологического института в Петербурге. Это был замечательный человек, до самоотвержения преданный идее просвещения и улучшения положения крестьян. Часто, чтобы не допустить до продажи с аукциона крестьянской земли за неплатеж недоимок, он лично занимал где только можно было денег и, уплатив недоимку, сохранял землю за крестьянами. Вот этому-то человеку я особенно обязан как своим дальнейшим политическим развитием, так и тем, что в 1892 г. мог занять должность нотариуса. Он вместе с покойным Иваном Поликарповичем Кувшинским внесли за меня 6000 р. залогу, без чего нельзя было сделать-

* Так в тексте рукописи Г.К. Праве. — *Ред.*

ся нотариусом. Когда почему-либо нельзя было лично улаживать на местах крестьянские дела, он вместе с командируемым членом крестьянского банка посылал меня уладить недоразумения в пользу крестьян.

В Крестьянском банке я прослужил до 13 октября 1892 г., так как к тому времени предполагалось закрытие Ставропольского отделения банка. Выдержав конкурсный экзамен на нотариуса и сдав должность того же 13 октября, открыл в Ставрополе нотариальную контору. В этой должности я и пробыл до марта 1920 г., когда были закрыты все нотариальные конторы, и перешел на службу заведующего Музейно-экскурсионной секции Ставропольского губоно и одновременно заведующим Центральным народным музеем имени жены моей Марии Васильевны Праве, который был собран мною до 1904 г., находился в моей частной квартире и затем, после почти 15-летних предложений городу взять Музей в свою собственность, передал его городу.

В должности заведующего Музеем состою и до сих пор. Должность заведующего Музейно-экскурсионно-выставочной секцией оставил по своему желанию, решив всецело посвятить себя работе Музея. От военной службы был освобожден по болезни, а впоследствии по занимаемым должностям, а ныне не подлежу по возрасту. Беспартийный. С самого приезда в Ставрополь, кроме собирания коллекций для будущего Ставропольского музея, главное внимание обратил на распространение всех видов внешкольного образования среди народа, для чего пробыл 35 лет гласным Городской Думы, участвуя почти во всех ее комиссиях, особенно в комиссии, заведовавшей народным образованием в г. Ставрополе. Был сначала членом общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе, а впоследствии и председатель его правления. Учредил вместе с покойным писателем Яковом Васильевичем Абрамовым первую в Ставрополе бесплатную народную библиотеку (1887 или 1889 г. не помню) на окраине города (на старом форштадте). Участвовал в распространении как в городе, так и губернии воскресных школ, библиотек, народных чтений с туманными картинами и в устройстве народного университета в г. Ставрополе, преподавал в воскресных школах. Основал две первые артели в Ставрополе (столяров и переплетчиков). Был членом Союза городских служащих. Участвовал в создании первого кооператива в Ставрополе. Был председателем правления и почетным членом (как инициатор) Общества для изучения Северо-Кавказского края, состоял членом Русского энтомологического и других ученых обществ. В течение 54 лет собирал коллекции и материалы для Ставропольского центрального народного музея им. Марии Васильевны Праве, переданного мною в 1904 г. в собственность города вместе с научной библиотекой и музеем наглядных учебных пособий, которыми и руководил в то время с основания до 1920 года бесплатно, а с 1920 г. в качестве платного заведующего.

Состоял почетным членом Общества ставропольских врачей, избранный за распространение врачебно-гигиенических знаний среди народа. Избран советом Сельскохозяйственного института в 1922 г. профессором педагогики. Постоянно брал на поруки заключенных революционеров всех социалистических партий. В 1905 г. участвовал в качестве делегата от города во всех земских и городских политических съездах в Москве. В 1922–23 гг. вместе с женой дважды избран героем труда. Арестам и преследованиям не подвергался, но находился под постоянным негласным жандармским надзором. Неоднократно призывался к судебным допросам по политическим делам как жандармами, так и прокуратурой, а также подвергался жандармским и полицейским обыскам. Был председателем Комиссии по преобразованию России в 1904 г. и на Учредительном собрании Ставропольского общества политкаторжан был избран почетным членом этого общества. В февральскую революцию был председателем Комиссии по ликвидации жандармского управления и членом Просветительной комиссии. Основал первую политическую библиотеку-читальню. В 1922 г. по 24 г. был избран членом Горсовета, каковым состою и ныне, а также состою членом секции Горсовета по внешкольному образованию.

Чего мне удалось достигнуть в своей просветительской деятельности, трудно учесть, но главная моя работа заключалась в устройстве и оборудовании образцового по полноте и в то же время компактности Центрального Народного Музея имени М.В. Праве, состоящего из следующих подотделов, в сущности отдельных учреждений, объединенных под одной крышей и единым управлением.

Вот эти учреждения:

1. Стационарный и научный музеи.

а) Стационарный, главным образом естественно-исторический и сельскохозяйственный, развернутые, уже представляют человека как продукт природы, как зоологическую единицу. Остальные отделы, за неимением подходящего оборудованного помещения: художественный, этнографический, археологический, культурно-исторический и т.д. — должны представить человека как члена человеческого общежития (гуманитарный отдел); еще представлены слабо, но при наличности достаточно оборудованного помещения могли бы быть развернуты в достаточной мере;

б) В научном музее собран довольно обширный естественноисторический материал, преимущественно по изучению местного края (всего более 60000 объектов), только наполовину разработанный специалистами.

2. Музей наглядных учебных пособий, обширнейший на Северном Кавказе, также могущий служить показательным учреждением этого рода для всей Республики (имеет более 34000 учебных пособий).

3. Публичная библиотека, первая в России по введению международной десятичной системы и, вероятно, первая по величине и ценному содержанию на Северном Кавказе (более 70000 томов). Кроме того, при Музее имеется ремонтно-монтировочная мастерская учебных пособий.

4. Выставочный отдел, где постоянно меняются крупные систематические и небольшие, преимущественно злободневные, выставки.

В 1924—25 г. отчетном году с 1 апреля по 1 октября все отделы Музея посетило 174914 человек.

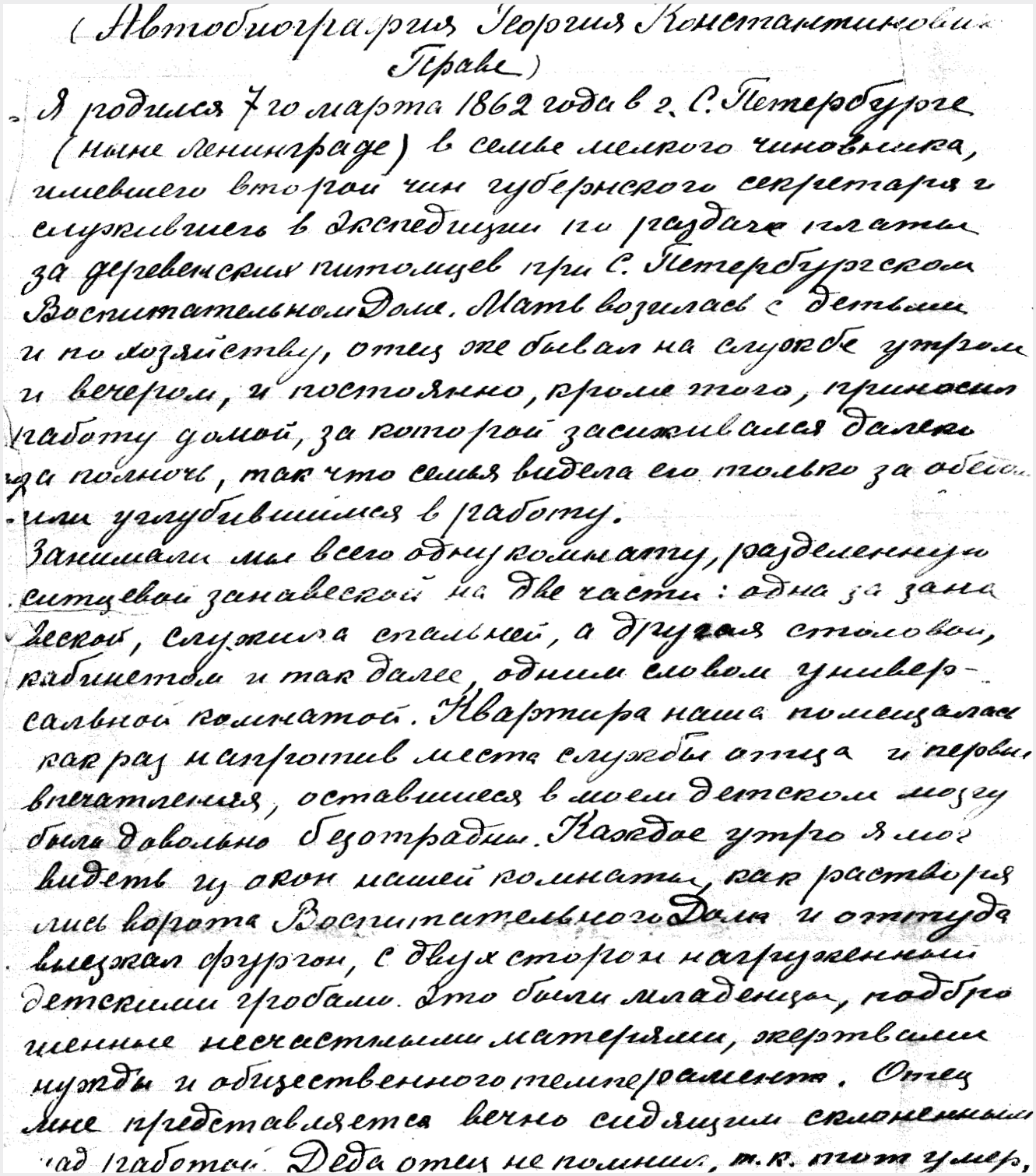
Во всех отделах Музея мною введены оригинальные технические приспособления и методы, система регистрации, указатели, вместилища для

объектов, например, методы монтировки наглядных учебных пособий и проч.

Часть краеведческого материала обработана специалистами и опубликована, но большая часть нуждается в обработке, за неимением в музее ни одного научного работника. Мною же собрана довольно полная литература по Ставрополью, а отчасти и по другим местностям Северо-Кавказского края и составляется подробный указатель по Ставрополью (написано уже 1000 карточек и пересмотрено около 22000 томов, а также составлен алфавитный указатель гербария Ставропольского округа с указанием местных, великорусских и малорусских названий растений до 1098 видов дикорастущих растений).

Многие музеи Северного Кавказа: Майкопский, Ейский, Кропоткинский, Краснодарский и др. — при своем возникновении были инструктированы мною. Равно как Петровский музей в Астрахани и Московский музей наглядных учебных пособий. Всю работу, которую приходится вести, я не могу учесть. В дальнейшем желал бы продолжать ту же работу в Музее как учреждении, особенно ценном для внешкольного образования, почти во всех его отраслях.

Текст печатается по материалам:
Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ф. 1, ед. хр. 1.



(Автобиография Георгия Константиновича Праве)

Я родился 7-го марта 1862 года в г. С. Петербурге (ныне Ленинграде) в семье мелкого чиновника, имевшего второй чин губернского секретаря и служившего в экспедиции по раздаче платы за деревенских питомцев при С. Петербургском Воспитательном Доме. Мать возилась с детьми и по хозяйству, отец же бывал на службе утром и вечером, и постоянно, кроме того, приносил работу домой, за которой засиживался далеко за полночь, так что семья видела его только за обедом или углубившимся в работу.

Занимали мы всего одну комнату, разделенную ситцевой занавеской на две части: одна за занавеской, служила спальней, а другая столовой, кабинетом и так далее, одним словом универсальной комнатой. Квартира наша помещалась как раз напротив места службы отца и первые впечатления, оставшиеся в моем детском мозгу были довольно безотрадны. Каждое утро я мог видеть из окон нашей комнаты, как растворялись ворота Воспитательного Дома и оттуда выезжал фургон, с двух сторон нагруженный детскими гробами. Это были младенцы, подброшенные несчастными матерями, жертвами нужды и общественного темперамента. Отец мне представляется вечно сидящим склоненным над работой. Деда отец не помнил, т.к. тот умер,

Автобиография Георгия Константиновича Праве. Первый лист рукописи из фондов Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Г.К. Праве. **Меморандум**

1. Основатель Ставропольского Губернского Центрального Народного Музея имени М.В. Праве начал собирать коллекцию более 50 лет тому назад (в 1871 г. в Петербурге).

2. Специально по Ставропольской губернии и Северному Кавказу собирал коллекции с 1885 года.

3. Впервые основатель выставил часть своих коллекций на первой в Ставрополе педагогической выставке в начале 90-х годов. В 1912 году за участие в первой и единственной большой Ставропольской губернской сельскохозяйственной выставке музею присуждена была большая золотая медаль.

4. Музей до 1904 года существовал как частное учреждение, и им пользовались, как и библиотекой основателя, многие школы и все желающие частные лица всегда бесплатно.

5. После 15-летних, постоянно отклоняемых, предложений Ставропольской Городской Думе принять в дар музей он был наконец принят от основателя в 1904 году постановлением Думы и с этого времени становится общественным учреждением.

6. Несмотря на скудность средств и недостаток в оплачиваемых работниках, удается привлечь к работе в музее более 150 бесплатных сотрудников (за все время существования музея как официального учреждения).

7. С 1912 года музею на помощь приходит департамент земледелия, выдав ему за 5 лет 11000 рублей субсидии.

8. В 1914—1916 годах земство отпускает музею ежегодное пособие в размере 2000 рублей, а с 1917 года оно соглашается делить с Городской Думой пополам бремя расходов по содержанию музея.

9. С 1920 года музей становится государственным учреждением РСФСР, которая и берет его целиком на государственное снабжение.

10. Однако помощь эта начинает быстро сокращаться, и к 1 января 1922 года музей снимается с государственного снабжения и начинает быстро приходить в упадок, не отопляется за отсутствием средств на топливо и на хозяйственные расходы как у Губина, так и у основателя его, продолжающего стоять во главе музея. В результате — гибель большой коллекции тропических растений, выращивавшихся в течение 25 лет, животных, а также многих препаратов в жидкостях. Под угрозой гибели теперь все органические коллекции музея, если отсутствие отопления продлится и в январе 1922 года. Необходим экстренный ремонт крыши, протекающей во многих местах, ремонт водопровода и центрального отопления, починка обвалившихся потолков и др. С марта месяца современного года на государственном снабжении оставлено всего 8 человек служащих, а сейчас получается на 8 человек 5 пайков. Однако музей имеет полное право и основание стать музеем общегосударственного значения, он заключает в себе целый ряд учреждений, обслуживающих все нужды просвещения города Ставрополя, а отчасти и губернии, особенно поскольку он является для нее показательным учреждением.

Он заключает в себе: 1) стационарные – сельскохозяйственный, естественноисторический, гуманитарный и художественный музеи (выставлено более 12000 предметов); 2) музей наглядных учебных пособий, могущий обслуживать все нужды просвещения в доступной ему области наглядного обучения (имеет более 30000 учебных пособий); 3) центральную публичную библиотеку (более 65000 томов), единственную по величине, как и музей наглядных учебных пособий, на Северном Кавказе; 4) научный музей, собирающий материалы по изучению губернии и отчасти всего Северного Кавказа (имеет до 50000 предметов); 5) специальный отдел выставок и витрин, служащий для популяризации знаний и могущий развертывать крупные выставки по всем отраслям знаний; 6) ремонтно-монтировочную мастерскую для всех нужд музея.

11. Музей выработал собственную систему расположения материалов, типичную для провинциальных музеев, и потому может служить примером при устройстве новых музеев в провинции.

14. Музей сыграл немалую роль в насаждении в Ставрополе высшего сельскохозяйственного образования, в популяризации науки вообще и сельскохозяйственных знаний в частности.

15. Музей является старейшим и обширнейшим учреждением такого рода на всем Северном Кавказе.

16. Он внес свое новое в развитие музейного дела в России и потому имеет все права на признание его имеющим общегосударственное значение и взятие в ведение академического центра.

Это необходимо еще и потому, что основатель и постоянный руководитель его уже окончательно расстроил свое здоровье, а в случае его смерти Музей неминуемо погибнет, оставшись без руководителя, так как почти все подготовлявшиеся им молодые заместители погибли от тифа и других болезней, и к тому же он находится в двусмысленном междуведомственном положении, когда, при нужде в его содействии для просветительной работы, различные ведомства и учреждения оспаривают право на завладение им, а при ослаблении интереса к просвещению стараются сбыть его с рук.

17. Если такое признание не состоится, то будет очень обидно за государство, которое лишится крупного просветительного учреждения, которыми так бедна Российская Республика.

Губернский город Ставрополь
5 августа 1922 г.

Текст печатается по материалам:
Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. О.Ф. № 6556. Инв. № 27.

Г.К. Праве. **План организации и развития музейного дела в Ставропольской губернии**

Организация музейного дела в Ставропольской губернии. Сейчас, когда Великая Русская революция достаточно углубилась и окрепла, когда имеется достаточно твердая и сильная власть, которая, как опытный кормчий, может вывести наш государственный корабль в тихие воды нормальной жизни, нам особенно нужно просвещение, и все пути, ведущие к нему, должны быть использованы полностью.

В числе таких путей одно из главных мест занимает наглядное обучение. Идеалом было бы учить всему наглядно, и особенно производительно для обучающегося было бы брать вечные уроки самой жизни, т.е. всему обучаться на месте нахождения отдельного объекта изучения.

Так, изучая какое-либо производство, обучающемуся следует самому войти в процесс этого производства, изучить его в подлинной производственной обстановке.

Изучать природу лучше всего в самой природе: животных и растения — в нормальной обстановке мест их обитания (в лесу, в поле), астрономию, изучая доступное наблюдению всякого звездное небо, физические законы – на повседневных явлениях жизни. Но хотя все это и доступно жителю деревни и так именно и мыслится при обучении Единой трудовой школой, однако такого рода обучение доступно только в пределах окружающей обучающегося природы, в обстановке своего местного края. А чтобы ознакомиться с другими странами, с их природой, бытом, промышленностью и пр., необходимы, по крайней мере, отдаленные экскурсии, да и те доступны массам в самом ограниченном объеме, как по невозможности объехать все страны, так и по многим другим чисто техническим причинам. Вот для большего расширения кругозора, для выработки миросозерцания во всем объеме человеческого знания и на всем пространстве не только Земного шара, но и вселенной, необходимо увидеть собранным в пределах возможности в одном месте, в определенной научной последовательности этот материал, который может дать нам весь необъятный, но доступный для человека мир в его бесконечном разнообразии. А это возможно только в хорошо и полно поставленном местном общеобразовательном и прикладном музее.

Такой музей и должен стоять во главе развития всего музейного дела в губернии, и по счастливой случайности мы имеем его в Ставрополе – это Центральный Народный Музей имени Марии Праве. Он ведет огромную культурную работу более 35 лет. Это довольно крупное и сложное учреждение, заключающее в себе ряд других просветительных учреждений, тесно с ним связанных, а именно:

I. Стационарный (находящийся на месте) музей, доступный вполне для широких масс населения, носит научно-популярный и прикладной характер. Его задачи – представить природу и общество в их последовательном развитии. Поэтому он подразделяется на следующие отделы:

1. Естествознание с подотделами: а) химия (материя), б) физика (сила), земля в пространстве (астрономия и космография), г) земля как планета (физическая география, минералогия и все отделы геологии), д) органический мир: палеонтология, то есть история растительного и животного царств до современных форм, ботаника и зоология, представленные в последовательном развитии от бактерий до высших растений и от простейших животных до человекообразной обезьяны, анатомия, физиология и эмбриология животных и растений, общие биологические явления: сезонный и половой диморфизм, альбинизм, меланизм, охранительная окраска, мимикрия, паразитизм, симбиоз, сомеоналізм, теория естественного отбора, менделизм, теория мутации и т.п., е) человек как продукт природы, как зоологическая единица, его анатомия, физиология, эмбриология и патология.

Весь отдел естествознания представлен довольно полно в пределах имеющегося даже очень недостаточного помещения и занимает центральную часть музея.

2. Отдел сельскохозяйственный и отдел промышленности, также по преимуществу сельскохозяйственной, для более удобного демонстрирования того, как и для чего нужна теория науки в применении ее к потребностям человеческой жизни. Отдел этот расположен по периферии (окружности) отдела естествознания и представляет собою живую иллюстрацию практического применения каждой из представленных в отделе естествознания наук, так что:

а) химии соответствует отдел удобрения и химического состава почвы, а также химических веществ, употребляемых для борьбы с вредителями растительного и животного происхождения. Здесь же представлен круговорот азота в природе;

б) физике соответствует отдел сельскохозяйственных машин и орудий, отдел метеорологии, отдел физических свойств почвы и ее обработки, водоснабжения и т.п.

в) физической географии, геологии и минералогии соответствует отдел почвоведения (физический состав почвы, процесс почвообразования, борьба с оврагами и песками) и коллекции и рисунки по каменно-угольной, нефтяной и гончарной промышленности, а также по добыванию и обработке железа, меди и др. металлов, соли, цемента и пр.;

г) ботанике соответствует отдел общего растениеводства: полеводства, луговодства, лесоводства, огородничества, садоводства, виноградарства, виноделия, выделывания промышленных и лекарственных растений и борьбы с сорными растениями;

д) зоологии соответствует отдел вредных и полезных насекомых и других беспозвоночных, отдел рыборазведения, отдел птицеводства и животноводства в обширном смысле слов, переработка продуктов животноводства (маслоделие, сыроварение и т.п.).

е) биологии, анатомии, физиологии, эмбриологии и патологии животных соответствуют биологические явления в жизни домашних и сельскохозяйственных животных, их болезни (ветеринарный отдел) и т.п.

В качестве заключительного отдела всех предыдущих отделов является отдел по организации сельского хозяйства, сельскохозяйственной промышленности, а также отдел сельскохозяйственной экономики.

Последующая программа развития стационарного музея намечена по следующей схеме: человек как член человеческого общежития и как разумное существо во всех проявлениях его жизни; сюда войдут все науки по обществоведению, так что в результате осуществления этой программы стационарный музей должен будет иметь два новых отдела.

3. Социальный отдел с подотделами: антропологии, этнографии, археологии, истории, политической экономики и т.п., которые в своей совокупности должны представить, в пределах возможного, полную картину культурного развития человечества во всех его жизненных проявлениях. Сюда должны войти: история жилища, одежды, орудий производства, орудий борьбы за существование, история верований, письменности и литературы, история торговли и промышленности, история человеческого общежития и его постепенного развития (семья, род, нация, государство и т. п.), история политического развития народов и т.п.

4. Художественный отдел, вернее, музей изобразительных искусств, который должен содержать в себе образцы различных искусств: живописи, ваяния, зодчества и т.д. и все отделы прикладного искусства как в художественной технике, так и промышленности с обращением особенного внимания на русское искусство и последовательное историческое расположение материала. Материалов для означенных отделов в Центральном музее собрано уже довольно большое количество, и остановка в развертывании этих отделов только за недостатком приспособленного для них помещения. С отремонтированием всего здания музея, что предполагается осуществить в 1921 году, можно будет довольно наглядно представить и эти отделы.

Таким образом, общий план устройства стационарного музея по окончательному его развертыванию выразится так: материя и сила, мироздание и земной шар в пространстве, земной шар как планета, строение и история земли, история растительного и животного царств; человек как зоологическая единица и человек как член человеческого общежития и как разумное существо во всех его проявлениях.

Красною нитью через все отделы стационарного музея должна проходить мысль о труде как главном двигателе человеческого и мирового прогресса.

II. Научный музей при Центральном Народном Музее служит для собирания и систематизирования всевозможных материалов по изучению Ставропольской губернии, отчасти Северного Кавказа. Он уже накопил довольно обширный материал по геологии, палеонтологии, ботанике и зоологии, выразившийся в десятках тысяч экземпляров. В некоторых частях уже совершена и научная работа по разработке гербария Ставропольской губернии (более 6000 экземпляров растений), и напечатан список растений этого гербария, составлен рукописный список растений и амфибий, иллюстрированный фотографическими снимками, обработана учеными часть энтомологического и палеонтологического отделов.

III. Музей наглядных учебных пособий, имеющий до 30000 учебных пособий: коллекций, таблиц, рисунков, карт, диаграмм, диапозитивов, стереографов, чучел, моделей и отдельных предметов по всем отраслям знания, которыми музей снабжает все учебные заведения всех трех ступеней Единой трудовой школы, а также выставки, лекторов и все другие внешкольные и дошкольные учреждения, как равно выставочные витрины и пр. Здесь же преподавательский и лекторский персонал может знакомиться с имеющимися учебными пособиями, для чего периодически устраиваются выставки или по отдельным предметам (по русскому языку и литературе, по математике, географии, естествознанию, гигиене, сельскому хозяйству, сельскохозяйственной промышленности и т.п.), или на определенные темы (по уходу за детьми, по истории книги, одним словом, на самые разнообразные темы).

Конечно, изучение местного края или каждой отдельной науки как в научном, так и в стационарном музеях, определение предметов на классификацию, устройство выставок и вообще вся работа музея в целом немыслима без научной систематической библиотеки по отраслям знаний и популяризации науки, а поэтому при музее имеется:

IV. Центральная публичная библиотека, как обслуживающая все нужды музея, так и являющаяся крупнейшим книгохранилищем в губернии (до 50000 томов), при ней имеется читальный зал, чтобы всякий гражданин имел возможность всегда найти на месте нужную книгу, как строго научного содержания, так и популяризующую вопрос, которым он интересуется, имеются, по возможности, все энциклопедии, атласы и справочные издания, дающие возможность самостоятельно заниматься любым предметом и всегда иметь под рукой справочные издания. Из публичной библиотеки книги на дом не выдаются (для домашнего чтения и занятий имеется в Ставрополе более 20 библиотек, из которых производится выдача книг на дом). Библиотека устроена по десятичной системе и имеет два карточных каталога: алфавитный и предметный (по содержанию). Печатных каталогов до сих пор не было возможности завести.

V. Ремонтная мастерская при музее, служащая для ремонта и изготовления коллекций для всех отделов музея и для создания новых образцов учебных пособий, для плановой цели ее функции, персонал, обстановку и помещение придется сильно расширить. Сейчас она обслуживается служащими всех отделов музеев и не имеет специального персонала.

Кроме этой мастерской, для обслуживания всего музейного дела в губернии имеется в виду создать крупную самостоятельную мастерскую наглядных учебных пособий.

Весь Центральный Народный Музей, во всей совокупности его учреждений, должен быть руко-

водящим центром для всех остальных музеев губернии, должен быть как бы музеем музеев, т.е. показательным музеем для всех остальных музеев губернии, для чего у него имеется достаточный материал и опыт прошлых лет. Придется только добавить опытных и специально знающих музейное дело работников и озаботиться спешным ремонтом остальных ¾ занимаемого лучшим музеем здания. Так как в уездах нет ни одного правильно поставленного музея, то желательно всю постановку музейного дела в уездах начать снова и по следующему плану.

В каждом из уездов должно быть по одному уездному музею (желательно при Народном доме), которые, черпая опыт, знания и методы из Центрального Музея, могли бы самостоятельно руководить насаждением музеев в своем уезде и обслуживать их, снабжая передвижным (то есть доступными для перевозки) материалом, а также инструктировать и направлять их деятельность. Поэтому во главе уездного музея, как и в губернском Центральном Народном Музее, должно стоять лицо с энциклопедическим образованием или, в случае если это невозможно, два лица: одно – с естественнонаучным образованием, другое – с общественно-политическим. Только такая постановка дела будет обеспечивать главную задачу музея – быть рассадником широкого и разностороннего образования, имеющего своею конечною целью дать прочное и законченное миропонимание. Вместе с тем стоящие во главе музея заведующие должны быть людьми энергичными и с организаторскими способностями. Уездных музеев должно быть: 5 — в уездных центрах и 2 — на инородческой территории.

Каждый уезд на своей территории должен иметь два районных музея (всего, значит, 14), такие при Народных домах, как непременная их принадлежность, и назначением своим ставить ближайшее руководство и обслуживание волостных музеев.

При организации всех этих музеев необходимо сотрудничество всех сочувствующих развитию и процветанию местного музейного дела, как то: культурно-просветительских кружков, политпросветов, комсомолов и т.д. Из числа этих сочувствующих должны быть сорганизованы при каждом музее: 1) коллегия, работающая в полном контакте с заведующими музеем, 2) бюро, ставящее своей целью исследование природы и быта местного края, 3) бюро для определения и классификации поступающих в музей материалов и предметов. Ставя себе задачу исследования местного края, исследовательское бюро должно руководить местными экскурсиями, устраивать выставки собираемых материалов и т.п., вовлекая в эту работу все более и более широкие круги местного населения и тем поднимая его до сознания необходимости культурного отношения к местному краю и всему остальному миру.

Следующей после районных музеев ступенью должны быть волостные музеи. Их, по числу волостей, будет около 140. Так как при каждой школе должен существовать музей наглядных учебных пособий и кабинеты для работ по лабораторному методу, то те села, где нет Народных домов или нет возможности устроить музей при Народном доме, могли бы использовать эти школьные музеи в том смысле, что один из них, наиболее богатый по своему содержанию, мог бы быть открыт для населения в свободное от учебных занятий время. В тех населенных пунктах губернии, где не имеется ни Народных домов, ни школ, желательно оборудование музейных ячеек при библиотеках-читальнях. Со временем они могут сделаться и самостоятельными музеями, если на местах найдется достаточно материалов, а главное, найдутся любящие дело работники.

Все музейные ячейки и волостные музеи должны быть в постоянных сношениях со своими районными музеями, а эти последние — с уездными, уездные же с Центральным Народным Музеем – идейным руководителем всего музейного дела в губернии.

Для объединения работ всех музеев по исследованию Ставропольской губернии все научные материалы (то есть правильно собранные и снабженные указанием на время, место и обстоятельства их нахождения) должны быть направлены в Центральный Народный Музей, где они, по разборке и выделении неимеющихся в Центральном Музее объектов, служат материалом для изготовления коллекций, которые и отсылаются обратно в выславший материал провинциальный музей.

По требованию момента при устройстве всех типов музеев главное внимание должно быть обращено на производственную пропаганду вообще и на сельскохозяйственную в особенности, как преобладающую в нашей губернии. Поэтому лучше всего в данный момент сорганизовать музеи на местах, исходя из главнейшего в данной местности производства, например, хлебопашества, и именно той отрасли его, которая преобладает в данной местности, и поставить дело так, чтобы ясно было: влияние на урожай обработки почвы, отбора и очистки семян, удобрения, времени посева в данной местности хлебных растений и т.п., показать способы и орудия борьбы с вредителями из животного и растительного царств, с сорными травами и пр., познакомить с более усовершенствованными способами уборки урожая, с дальнейшей обработкой собранного урожая и его практическим использованием кустарным, а где можно — и фабричным способом (приготовлением муки, круп, макарон, вермишели, декстрина, крахмалина). Затем, исходя из данного производства, представить по возможности те химические и физические явления, которые участвуют в ходе данного производства; сорта других хлебов, которые возможно было бы рекомендовать для данного района; коллекции полезных и вредных животных и растений; развитие их и биологические явления их жизни; дальнейшие судьбы добытых продуктов, способы упаковки и перевозки их, направление на рынок, внутренний и внешней, знакомство с требованиями, предъявляемыми рынком, нормы потребления, влияние пищи на организм и т.д. Там, где окажется для населения желательным и оно само признает это возможным, разработать вопрос об огородничестве, садоводстве, виногра-

дарстве, виноделии, животноводстве и т.д. В качестве основных средств для осуществления всего намеченного требуется: 1) кадр хорошо подготовленных музейных работников и 2) организация издательского дела, поддерживающего постоянную живую связь между всеми работниками и направляющего и объединяющего их работы.

Для достижения первой цели необходимо немедленно сорганизовать шестимесячные курсы музейного дела, рассчитанные не менее как на 100 слушателей. Курсы должны быть снабжены достаточным материалом для практических занятий, чтобы дать слушателям хотя бы важнейшие навыки в музейной работе. Читать лекции на них и руководить практическими занятиями должны специалисты, приглашенные из Москвы или Петрограда.

По окончании курсов наиболее способные из курсантов станут во главе уездных и районных музеев, а остальные распределяются между музейными ячейками, из которых должны возникнуть музеи низших типов: волостные, школьные и при библиотеках-читальнях.

Особые краткосрочные курсы должны быть организованы для учителей, как будущих руководителей школьными музеями.

Еще более важным, чем организация курсов при развертывании музейного дела в губернии, является издание журнала и брошюр по отдельным вопросам теории и практики музейного дела. Широко распространяя эти издания путем бесплатной рассылки по краю, и в первую очередь по школам, можно достигнуть постоянного и непрерывного руководства теми работниками, которые осуществляют устройство музеев на местах. Весьма ошибочно было бы собрать несколько лиц, обучить их музейному делу и разослать по глухим местам, оставив там на произвол судьбы. Музейное дело таково, что, желая создать для него работников, необходимо всегда иметь связь с ними, не ограничиваясь только получением от них отчетов. Нужно непрерывно подбадривать их, руководить их деятельностью, давать им дополнительные указания.

Наиболее же важно отыскать тех, которые, живя в глуши, хотят приложить свои силы на благо народного просвещения. Прекрасный журнал «Школьные экскурсии и школьный музей», издававшийся в Бендерах с 1913 по 1917 год, отлично показал, какую огромную пользу может принести правильно поставленное периодическое издание такого рода. В программу предполагаемого журнала должны войти руководящие ставки по музейному делу, указывающие на цели и значение, руководство к собиранию и приготовлению коллекций, статьи, являющиеся объяснением музейных коллекций, и т.п. Редакция такого издания должны быть отзывчива на запросы читателей, давая ответы на получаемые ею письма. Развитие издательского дела является тем более важным, что в настоящее время найти какую-либо литературу по вопросам, связанным с организацией музеев, совершенно невозможно. Курсы же, посылка инструкторов и т.п. никогда не заменят собою справочников, в любое время дающих ответ на вопросы, возникающие у малоопытного музейного работника. Обе эти задачи – организация курсов и издательского дела – должны быть осуществлены Губернским отделом народного образования, в лице существующей при нем музейной и выставочно-экскурсионной секции.

* * *

Развертывание всего музейного дела в губернии должно пойти по следующей схеме, рассчитанной на 10 лет.

1. Организация музейных курсов, открытие которых должно быть не позже 1 марта 1921 года, с таким расчетом, чтобы к 1 сентября имелся налицо первый выпуск музейных работников.

2. Организация уездных музеев, которая должна быть закончена, хотя бы в схематическом виде, к концу 1921 года.

3. Организация издательского дела с таким расчетом, чтобы ко времени открытия курсов можно было выпустить сначала руководящие брошюры по музейному делу, а затем, при благоприятных условиях, и сам журнал и более детальные брошюры по отдельным вопросам теории и практики музейного дела, так чтобы выпускаемые музейные работники к 1 сентября могли иметь в своих руках подходящие для работы руководства.

4. Необходимость укрепления в сознании населения важности насаждения музейного дела в губернии путем местной прессы и устной агитации среди самых широких слоев общества.

5. Основание в том же 1921 г. отдельных музейных ячеек как следствие интереса, который должен проявиться среди населения вследствие газетной и устной агитации.

6. Создание в 1922 году районных музеев и дальнейшее укрепление и развитие уже возникших к этому времени музеев и организация курсов по музейному делу при уездах.

7. Дальнейшее возникновение музейных ячеек, постепенно преходящих в волостные музеи.

8. Насаждение в 1923 г. волостных музеев, организуемых учебными музеями, которые должны к этому времени достаточно окрепнуть и развернуться.

9. Окончательное завершение, закрепление и развитие всех типов музеев по всей губернии должно осуществляться в остальные 7 лет, с таким расчетом, чтобы радиус обслуживания волостными музеями местностей по возможности равномерно уменьшался, делая сеть музеев все гуще и гуще.

Данная схема практически, вероятно, пойдет несколько иначе, и жизнь заставит, всегда идя навстречу потребностям местного населения, следовать по пути наименьшего сопротивления.

Заведующий музейно-экскурсионно-восстановительной секцией и Центральным Народным Музеем Г. Праве.

Текст печатается по материалам:
Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ф. 1, ед. хр. 4.

Г.К. Праве. **Программа для составления музея**

Начертать в небольшой записке полную программу, по какой должно было бы вести составление музея, конечно, невозможно. В настоящее время количество разного рода типов музейных коллекций так велико, что вопросы, могущие быть иллюстрированными в музее, столь многочисленные, что перечень их оказывается совершенно невозможным. Десятки, сотни тысяч номеров могут быть в музее, и все-таки он не будет исчерпывающе полным. Поэтому цель настоящей записки предложить схему, намеченную лишь в самых общих чертах. Провинциальные музеи должны, по нашему мнению, быть прежде всего просветительными учреждениями. Изучение местного нрава, накопление научных коллекций должно быть, конечно, одной из задач музея, но эта последняя задача должна носить подчиненный характер. Россия слишком бедна просветительными учреждениями, чтобы мы могли себе позволить начать устройство музеев с коллекциями только местного характера. Следует отметить, что подавляющее большинство русских музеев носит именно местный характер, но в Соединенных Штатах таких музеев почти нет, там каждый музей не стремится только представить природу данного штата, но имеет своей задачей накоплять коллекции, могущие распространить в широких слоях населения по возможности максимум знаний.

Исходя из этого, мы в даваемой ниже программе приводим целый ряд коллекций, не носящих местного характера. В этом перечне даны только самые общие указания. В зависимости от условий некоторые отделы будут в иных музеях сокращены сравнительно с нашей программой, другие совсем выброшены, а иные, быть может, сильно расширены. В этом ничего не будет страшного, так как характер каждого музея будет зависеть от личности его руководителя. Так и должно быть, ибо, если организатор музея будет в точности проводить начертанную программу, следовать ей, не внося корректировок и дополнений, он будет чиновником, ценность которого для дела будет совершенно ничтожна.

Переходя теперь к краткому рассмотрению отделов, мы перечисляем их в таком порядке, в каком желательно их расположить в музее. Большинство перечисленных коллекций может быть сделано своими силами без особенных приборов. Способы их приготовления изложить здесь, конечно, невозможно, мы полагаем, что в случае если работа по организации музеев в губернии будет построена достаточно широко, то будет организовано и издательство разного рода руководств по собранию и приготовлению коллекций и устройству музеев.

В музее, как нам думается, должны быть следующие отделы:

1. Химия. Коллекция главнейших химических элементов. Периодическая система элементов в виде стенной таблицы. Рисунки, иллюстрирующие круговорот элементов, имеющих значение в сельском хозяйстве, например, азота.

2. Физика. Коллекция физических приборов, хотя бы самодельных по цели, или рисунки разного рода машинных двигателей и прочее. Стенные таблицы по физике. Этот отдел наиболее трудно создать своими силами.

3. Астрономия. Карта северного звездного неба. Приборы, объясняющие движение планет, фазы луны, затмение и прочее (планетарий, теллурий и так далее).

4. Строение земного шара. Коллекция минералов. Коллекция горных пород. Отдельные коллекции по истории таковых: состав гранита, происхождение торфа, происхождение глины и почвы, разрушение горных пород и прочее. Коллекция почв, полезные ископаемые и их утилизация: металлические руды, глина, песчаник, мрамор, гипс, известняки и так далее. Коллекция металлов. Разного рода изделия из произведений мертвой породы. Размер земной коры. Рисунки, модели, коллекции по истории земли и деятельности физических факторов: ветра, воды и другие. Весьма желательна специальная коллекция местных минералов и горных пород с указанием того, как они могут быть использованы.

5. Развитие жизни на земле. Коллекции и таблицы, карты по зоо- и фитопалеонтологии. В рисунках должно быть возможно полнее представлена жизнь на земле в минувшие геологические эпохи. Особая коллекция местных ископаемых. Карты России в разные геологические эпохи с обязательным указанием места, занимаемого данной губернией.

6. Общая биология. Коллекции, таблицы по мимикрии, охранительной окраске, приспособляемости организма к внешним условиям, паразитизм, симбиоз, наследственность и ее законы. Естественный и искусственный отбор, скрещивание. Вывод новых пород культурных растений и домашних животных. Влияние подбора. Мутации.

7. Ботаника. Коллекция главнейших представителей всех классов растительного царства. Гербарий местной флоры. Жизнь растений. Приспособляемость, видоизменение различных органов. Полезные растения и их утилизация. Различные породы культурных растений, особенно могущие иметь значение в данном районе. Их болезни, способы их лечения. Растения-паразиты. Растениеводство. Удобрение и обработка почвы, ее значение. Химический состав различных растений. Уход за растениями.

8. Зоология. Главнейшие представители животного мира. Систематические коллекции, в которых представители местной фауны должны быть снабжены особенными указаниями. Вредные животные, их биология и борьба с ними. Полезные животные и продукты, ими оставляемые. Анатомия, физиология и эмбриология животных. Химический состав различных продуктов животного происхождения.

9. Человек. Анатомия, физиология, эмбриология и патология человека. Медицина и гигиена. Уход за ребенком, физическое его воспитание, алкоголизм.

10. Этнография. Коллекции, рисунки, карты, модели по этнографии. Различные человеческие расы. Народы данной губернии, их особенности и быт.

11. География. Карты, глобусы, виды и рисунки, диаграммы.

12. Археология и история. Первобытный человек. Доисторическая культура. Исторические карты, рисунки, модели. Археология и история местного края. История культуры, история жилища, оружия, орудий, одежды, книги, культовых способов добывания огня. Войны прежде и теперь. История рабства.

13. Обществоведение. Развитие общества, значение общественности, взаимопомощь. Государственность. Графическое изображение различных форм последней. Взаимоотношение классов. Государство и гражданин. Обеспечение труда. Страхование от безработицы. Обеспечение государством старости. Гражданские свободы в разных странах. Налоги, бюджет. Этот отдел главным образом будет состоять из диаграмм и таблиц. Количество вопросов, могущих быть в нем представленными, бесконечно.

14. Искусство. Коллекция, по возможности полная, хороших копий со всех картин какого-либо художника. Можно рекомендовать Серова, Васнецова, Поленова или кого-либо из старых мастеров для изучения его творчества в полном объеме. Копии картин знаменитых художников. Произведения искусства чужих народов: Индия, Египет, Япония, Бирма. Изображение знаменательных произведений культуры, архитектуры, сооружений и прочее.

Каждый из этих отделов может быть неограниченного объема. Программа каждого из них, при подробном ее составлении, может занять несколько томов, поэтому невозможно и пытаться ее составить. Отметим только, что подавляющее большинство может быть устроено своими силами. Для этого нужно иметь самый небольшой навык к ручному труду и умению использовать то, что попадается под руки. Нет предмета, который бы не мог быть так или иначе использован для музея. Лоскутки материи, спичечные и папиросные коробки, старые негативы, битые рюмки и стаканы, куски картона и открытки, обгорелые спички и пробки, куски металла и дерева, бумага, найденная на улице, пуговица, коробки от консервов, старый иллюстрированный журнал, газетная бумага — все это представляет для музея крупную ценность и должно быть использовано. Далее — бесконечно разнообразная природа. А если это будет сделано, музей может быть создан без больших средств и без наличия целого штата сотрудников.

Текст печатается по материалам:
Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ф. 1. Ед. хр. 4.

В.К. Лучник. **Памяти Георгия Константиновича Праве**

В жизни каждого общества, просуществовавшего более или менее продолжительный период времени, неизбежно наступает такое время, когда оно начинает утрачивать своих сочленов. Это, конечно, суждено было и нашему молодому энтомологическому обществу. Однако никто из нас не мог думать о том, что первую утрату мы понесем в первый же год нашего существования и что ушедшим из нашей среды окажется наиболее дорогой наш сочлен, глубоко всеми нами чтимый Георгий Константинович Праве.

В настоящее время, когда мы все находимся под свежим впечатлением от его кончины, трудно с достаточной полнотой оценить ту роль, которую в нашей среде играл Георгий Константинович; надо, чтобы прошло время, надо, чтобы наше общество, музей, лица, близкие к покойному, были некоторое время лишены его помощи, его советов и участия, и тогда значение Георгия Константиновича как человека, бескорыстно служившего науке и просвещению, будет оценено с должной полнотой.

Георгий Константинович Праве родился 7 марта 1862 г. в С.-Петербурге. Предки его были выходцами из Швеции, в течение ряда поколений вполне обрусевшими.

Домашняя обстановка, в которой рос покойный, не могла особенно содействовать развитию в нем любви к природе и стремления к научной работе, хотя некоторое влияние в этом смысле и было. Покойный часто вспоминал о том, что отец его, будучи всегда стесненным в средствах, выписывал для него научно-популярные журналы и благожелательно относился к попыткам Георгия Константиновича собирать естественно-исторические коллекции. Между прочим, и до сих пор сохранился тот сделанный отцом Георгия Константиновича ящик, в котором помещалась первая энтомологическая коллекция последнего.

Во всяком случае, любовь и интерес к природе и, как выражение этого, стремление к собиранию коллекций проявились очень рано у Георгия Константиновича, начавшего коллекционирование насекомых ребенком.

В 1872 г. Георгий Константинович поступил в классическую гимназию, но спустя полгода был переведен в коммерческое училище, где, между прочим, слушал известного пионера в деле наглядного обучения Животовского, ботаника Зельгейна и известн. зоолога проф. Брандта, оказавших сильное влияние на Георгия Константиновича в деле укрепления в нем интереса к естественным наукам. Будучи в коммерческом училище, Георгий Константинович интересовался также литературой и философией и занимался систематическим их изучением. Вообще, как в юные годы, так и позже, Георгий Константинович не ограничивался какой-либо одной специальностью, но интересовался весьма многими отраслями знания и был поразительно разносторонне образованным человеком. Эта разносторонность его и, как следствие ее, широта кругозора позволяли Георгию Константиновичу легко и быстро ориентироваться даже в новых для него вопросах.

По окончании коммерческого училища Георгий Константинович предполагал поступить в университет для продолжения образования, но смерть отца и необходимость вследствие этого помогать семье не дали этой возможности, и Георгий Константинович поступает на службу в Государственный банк, из которого спустя 3 месяца переходит в частную сельскохозяйственную контору. Новая работа потребовала знакомства с сельским хозяйством, и Г.К. приступает к систематическому изучению такового под руководством агронома Генкина, предполагая в будущем работать в области сельского хозяйства.

Однако начавшийся в 1884 г. туберкулез легких скоро вынудил Г.К. прекратить свои усиленные занятия. Быстро развивающаяся болезнь приняла настолько угрожающий характер, что Боткин, лечивший Г.К., пришел к выводу, что выздоровление больного положительно невозможно и никакое лечение или перемена климата не смогут спасти Г.К. К счастью, значительно оптимистичнее оценил положение больного Бертенсон, настойчиво рекомендовавший Г.К. переезд на юг и указавший Ставрополь как пункт, по своему климату могший помочь больному.

В мае 1885 г. Г.К. был привезен в Ставрополь, где поступил в открывшееся здесь отделение Крестьянского банка. Южное солнце оказало чрезвычайно благотворное влияние на здоровье Г.К., и в конце лета он получил возможность экскурсировать. Совершенно неизученная в то время, богатая природа нашего края особенно развила в Г.К. пытливость натуралиста, и он с чрезвычайной энергией начал сборы коллекций по всем отраслям естествознания.

Помимо окрестностей города, Г.К. много собирал и по губернии во время своих служебных поездок.

В это же время Г.К. начинает принимать деятельное участие в просветительной работе, организуя первую в городе бесплатную библиотеку, работая по устройству народных чтений и организуя воскресные школы. К 80-м же годам относится появление мысли об организации в Ставрополе музея, первый план какового был разработан покойным при участии ныне здравствующего энтомолога К.А. Запасника, бывшего частым спутником Г.К. на экскурсиях. Интересно отметить, что проект организации музея, составленный в то время, отличается необычайной полнотой и почти целиком совпадает с тем, что впоследствии было осуществлено Г.К. в основанном им в Ставрополе музее.

В 1892 г. Г.К. делается нотариусом, а вскоре после того избирается гласным Городской Думы, в каковой работает главным образом в области народного просвещения. Несмотря, однако, на значительную занятость служебными делами и общественной работой, Г.К. продолжает собирание разного рода коллекций, наглядных школьных пособий и постепенно составляет значительную библиотеку.

В 1895 году Г.К. удается заинтересовать энтомологией своего брата Константина Константиновича Праве, гостившего в Ставрополе, и в этом же году Г.К. избирается действительным членом Русского энтомологического общества.

Уже в 90-х годах коллекции, накопленные Г.К., начинают постепенно использоваться местными педагогами, каковым Г.К. с неизменной любезностью выдавал их во временное пользование. Таким образом фактически в это время коллекции Г.К. образо-

вали как бы частный подвижной музей школьных наглядных пособий. Это сравнительно ограниченное использование накопленного им научного имущества казалось Г.К. недостаточным, и он начинает возбуждать в Городской Думе вопрос об открытии в Ставрополе музея. Однако предложения подобного рода неизменно были отклоняемы вплоть до 1904 г. Только в этом году Городское самоуправление согласилось принять от Г.К. в дар его коллекции, долженствовавшие стать основой будущего музея. Соответствующее постановление было вынесено 19-XII 1904, причем одновременно с тем на организацию музея было ассигновано 500 рублей. Первые задания музея были довольно скромными. Музей получил название «Ставропольского городского музея учебных пособий имени М.В. Праве» и должен был явиться чисто школьным музеем, представляющим из себя собрание наглядных пособий, выдаваемых во временное пользование в учебные заведения города. Такое узкое понимание задач музея никогда не разделялось его основателем, ставшим руководителем нового учреждения, и с самого начала работа Г.К. и его сотрудников имела своей целью устройство музея, преследующего более широкие просветительные и научные цели.

Со времени основания музея Г.К. начинает отдавать все силы своему детищу и посвящает работе в музее все свободное время.

Первое время недостаток средств, скептическое отношение к музею местных общественных деятелей, недостаток работников не давали возможности рассчитывать на быстрый рост музея, однако ближайшее будущее показало, что при том энтузиазме, который всегда был свойствен Г.К., возможна организация большого дела даже при самых неблагоприятных условиях.

Не ограничиваясь теми скромными ассигнованиями, которые на музей делались, Г.К. затрачивал на его устройство и пополнение значительные суммы из своих личных средств и, что самое главное, сумел привлечь в музей многочисленных бесплатных сотрудников, приходивших в музей с желанием работать на общую пользу. Помимо специалистов, ведших научную работу, в музее работали многочисленные любители природы и лица, просто сочувствовавшие музею. Работа в музее находилась для всех: одни обрабатывали коллекции, другие собирали материал, третьи были заняты изготовлением коробок или вычерчиванием диаграмм.

Для многих останется незабвенным то время, когда они с энтузиазмом, свойственным молодости, просиживали в музее долгие вечера и по мере сил работали для музея под руководством его основателя, неизменно готового помочь своими советами.

Первоначально музей имел очень скромный объем, так что для него было отведено всего 2 комнаты при бесплатной библиотеке. Мне, начавшему бывать в музее с весны 1906 г. первоначально для определения своих энтомологических сборов, позже, уже в качестве постоянного музейного работника, отлично памятно то время, когда музей был лишен даже необходимейшей мебели и представлял сравнительно жалкий вид. Однако энергия Г.К. дала возможность сравнительно быстро развернуть музей, каковой в 1907 году был открыт.

В первые годы своего существования музей имел особенно много бесплатных сотрудников. Из таковых особенно заслуживают быть упомянутыми ныне уже умершие Н.Я. Динник, В.И. Кувшинский, А.А. Чернышов, а из молодежи М. В. Бржезицкий, П. И. Нагорный, безвременно скончавшийся сын основателя музея Ю. Г. Праве и многие другие. Особо следует отметить также Е. Р. Хадарина, первоначально сторожа музея, позже заинтересовавшегося под влиянием Г.К. музейной работой и самостоятельно великолепно освоившегося с музейной техникой, а ныне занимающего должность хранителя музея.

Особенно показательным является то обстоятельство, что многочисленные сотрудники музея в большинстве случаев не ограничивались работой по вопросам, специально их интересовавшим. Постоянный пример Г.К. невольно побуждал заботиться не о личных интересах, но об интересах всего музея. Вследствие этого бесплатными сотрудниками музея велась работа по даче объяснений посетителям музея, по выдаче наглядных пособий в школы и пр.

Чрезвычайное расширение музея было причиной того, что сравнительно скоро помещение, занимаемое музеем, оказалось недостаточным, и в 1909 г. его пришлось перевести в новое здание, где музею было предоставлено 6 зал и 3 рабочих комнаты. К этому времени музейная работа получила особое развитие. Появление новых сотрудников, организация в 1910 г. Об-ва для изучения Северо-Кавказского края, основателем, а впоследствии и председателем которого был Г.К., открытие в Ставрополе Энтомологического бюро — все это весьма благотворно отразилось на музее и, в частности, на развитии работы его по накоплению научных материалов. Музей того времени мог считаться уже крупным учреждением, а коллекции его представляли из себя весьма ценное и систематически подобранное собрание.

В 1911 г. Г.К. по предписанию врачей совершил поездку в Германию и Чехию, где им были изучены многие музеи. Из этой поездки были вывезены многочисленные и весьма ценные предметы для музея.

Здание, занимавшееся музеем, вследствие его роста вновь оказалось недостаточным, и в 1913 г. музей совершил последнее переселение в помещение, занимаемое им поныне.

Здесь представились большие возможности, чем раньше, развернуть музей, отчасти по тому плану, который много лет тому назад был намечен Г.К.

По мысли последнего, провинциальный музей, будучи научно-исследовательским учреждением, должен в то же время вести просветительную работу в широких слоях населения, давая по возможности максимум знаний, возбуждая интерес и вызывая уважение к науке и сознание ее значения.

Вследствие этого, он считал совершенно ошибочным нередко наблюдаемое у нас стремление к организации исключительно краеведческих музеев. Если смотреть на музеи как на учреждения, ведущие исследовательскую работу, то тогда от них действительно можно требовать ограничения области, ими изучаемой. Однако наши провинциальные музеи, помимо чисто научных задач, преследуют также просветительные цели, и эта сторона их деятельности не может искусственно урезываться. Лично нам думается, что в этом отношении мысли Г.К. были совершенно правильными.

Массовому посетителю музея надо дать знание по возможности в его полном объеме, ознакомить его с животным миром вообще, дать ему сведения о жизни земли в прошлом за все время ее существова-

ния, дать представление о разнообразии и богатстве растительности всего земного шара.

Стоя на узко краеведческой платформе, мы в Ставропольском музее не могли бы выставить весьма многих объектов, особенно ценных в образовательном отношении. Примеры охранительной окраски, вроде классической Каллима, актинии, симбиотирующие с раком-отшельником, однопроходные млекопитающие и многое другое не могло бы быть представлено в нашем музее, т.к. соответствующие объекты чужды нашей природе. Между тем они представляют огромный интерес для широких слоев населения, т.е. для подавляющего большинства посетителей музея. Поэтому в выставочной части музея краеведческий принцип совершенно сознательно был отвергнут его основателем. Вместе с тем значение материалов местного происхождения, необходимых для научной работы и, в частности, интересующих специалистов, никогда не умалялось Г.К. Материалы такого рода энергично накоплялись с самого основания музея, но они составили в большинстве особую группу коллекций, хранящихся в совершенно ином виде и недоступных широкой публике, но охотно предоставляемых специалистам для их научных исследований. Стремясь показать в музее каждую научную дисциплину с возможной полнотой, Г.К. считал необходимым по возможности везде сблизить теоретическое знание с так называемой «прикладной наукой», дабы указать на значение знания. Поэтому против шкафов с физическими приборами в музее помещены модели машин, работа которых производится теми силами, которые иллюстрируются выставленными приборами, наука о земле связана в музее с почвоведением и тут же находятся коллекции удобрений, ботаника соединена с растениеводством и т. д. Этот интересный и вполне оригинальный план построения музея, к сожалению, не мог быть проведен с должной полнотой и последовательностью главным образом вследствие недостаточности средств и тесноты помещения.

С переходом музея в 1914 г. в новое помещение его обширные коллекции смогли быть развернутыми должным образом, и с тех пор выставочный отдел музея изменился в ничтожной степени. Ставропольский музей, являющийся гордостью Ставрополя, неизменно вызывает удивление лиц, впервые в него попадающих и видящих в сравнительно небольшом провинциальном городе обширный музей с тщательно и систематически подобранными коллекциями.

Работа, проделанная по организации музея, покажется нам тем более значительной, что она продолжалась, в сущности, весьма недолго. Постановление об открытии музея было вынесено в декабре 1904 г., в 1907 г. он был открыт и к концу 1914 г. получил почти тот вид, который он имеет в настоящее время. Таким образом, все то обилие экспонатов, которое мы видим в музее, было собрано в течение 10 лет. Этот исключительный рост музея следует приписать полностью энергии его основателя, отдававшего музею все свои силы и сумевшего привлечь к музею многочисленных сотрудников. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что почти все время Г.К. совершенно бескорыстно заведовал музеем, будучи вместе с тем нотариусом, т. е. отдавал музею все то время, которое оставалось у него свободным после утомительной конторской работы.

Только в 1920 г. с ликвидацией частных нотариальных контор Г.К. занимает должность платного директора музея, на каковом посту остается до конца. Утром 21 августа 1925 г. в день своей смерти, последовавшей от паралича сердца, он по делам музея посещает Окружной отдел народного образования, до последнего дня заботясь о своем любимом детище.

Отдавая все свои силы музею, Г.К. в то же время неизменно принимал деятельное участие во многих других начинаниях, имевших просветительные или научные задания. Он был одним из организаторов Ставропольского сельскохозяйственного института (впоследствии закрытого), принимал деятельное участие в работах местных просветительных и научных обществ. Заслуги его по организации С.-х. института получили свое признание со стороны Совета института, избравшего единогласно Г.К. профессором honoris causa.

Дом по улице Вельяминовской (ныне улица Дзержинского), в котором жил Г.К. Праве. До настоящего времени не сохранился

Что касается до нашего Энтомологического общества, то Г.К. с самого начала оказался его деятельнейшим членом. Я отлично помню, как в 1906 или 1907 году мы мечтали с покойным о том, как хорошо было бы организовать в Ставрополе кружок энтомологов. Эта мысль получила осуществление почти через 20 лет и встретила со стороны Г.К. живейшее сочувствие. Избранный после категорического отказа от занятия должности председателя членом Совета об-ва, Г.К. был неизменным посетителем заседаний об-ва, принимавшим деятельное участие в обсуждении делаемых в обве докладов. С огромным интересом отнесся Г.К. к мысли об устройстве обществом выставки пчеловодства и шелководства, до каковой ему не было суждено дожить.

Вообще, до конца дней Г.К. сохранил особую любовь к энтомологии, привлекшей к себе его интерес еще в детстве. Не имея возможности более специально заниматься насекомыми, Г.К. неизменно просматривал энтомологические сборы, поступающие в музей и живо интересовался энтомологическими работами своих друзей.

Наш очерк жизни Г.К. будет не полон, если мы в заключение не охарактеризуем его как человека.

Г.К. не был баловнем судьбы. Необходимость работать ради заработка уже в школьные годы, впоследствии тяжелая болезнь не могли, казалось бы, содействовать выработке особо мягкого характера. Однако те неблагоприятные условия, которые вызывают озлобление и содействуют развитию эгоистических побуждений у большинства, не оказали в этом отношении влияния на личность Г.К.

Это был исключительный по своей сердечности и мягкости человек, полный любви к ближнему, готовый прийти на помощь всякому.

Работая в нотариальной конторе, Г.К. едва ли не ежедневно принимал посетителей, которые приходили к нему не как к нотариусу, но как к человеку, к которому можно обратиться в тяжелую минуту жизни, со стороны которого можно было встретить сочувствие, получить совет, а зачастую и материальную помощь. При этом посетители такого рода нередко не были лично ранее с ним знакомы, никогда его не видели, но слыхали, что Г.К. Праве такой человек, который готов каждому прийти на помощь. С этой стороны его знал весь город.

Показательным является случай, имевший место лет 15 тому назад. Поздней ночью в глухом, темном переулке на Г.К. напали двое громил, потребовавших от него шубу. Покойный заявил, что он охотно отдал бы ее, но боится замерзнуть, а потому обещает отдать ее им завтра, когда они зайдут к нему, заверяя их своим словом, что никаких мер к задержанию их предпринято не будет. При этом Г.К. был указан свой адрес и названо свое имя. Последнее произвело на громил чрезвычайное впечатление. Узнав, что перед ними находится не кто иной, как Праве, они заявили, что его грабить нельзя, и попросили прощения за то, что они, не зная, с кем имеют дело, чуть не задушили хорошего человека.

Хорошо знали Г.К. ставропольские мещане, в среде которых он пользовался глубочайшим уважением. Нам, стоявшим у гроба с телом Г.К., выставленного в музее, пришлось видеть раздирающие душу сцены прощания старых мещан города, знавших Г.К. по его работе в Городской Думе.

Во время похорон Г.К. приходилось слышать фразы о том, что «его все любили».

Неправда, не может не иметь недоброжелателей, завистников и врагов тот, который является активным общественным работником, который организует большое дело и борется за его развитие.

Были, конечно, и недоброжелатели у покойного, но их было мало.

Правильнее будет, если мы, вспоминая о покойном, скажем, что он всех любил, в каждом человеке старался найти все самое лучшее, стремился найти оправдание даже таким проступкам, которые обычно вызывают осуждение. Слишком много надо было сделать зла покойному или, вернее, тому делу, над которым он работал, чтобы вызвать с его стороны осуждение. И последнего удавалось достигнуть лишь немногим.

Эта-то незлобивость и ласковость покойного делали его особенно обаятельным.

Ведь не случайность то, что почти все, имевшие дело с Г.К., называли его «дедушкой». Под этим названием его знали работники просвещения, пользовавшиеся музеем, так его называли все его близкие, дедушкой был он для детей, бывающих в музее.

Популярность Г.К. особенно выявилась после его смерти, когда тело его было выставлено для желающих проститься с ним в вестибюле музея. Непрерывной вереницей многие тысячи ставропольцев в течение трех дней шли для того, чтобы в последний раз посмотреть на самого любимого, самого уважаемого гражданина нашего города. На гроб его были возложены десятки венков от правительственных и общественных организаций города и округа, от знавших покойного, а еще больше было принесено букетиков цветов, с которыми приходили дети, прощавшиеся со своим «дедушкой». В лице покойного они потеряли своего лучшего друга.

Мы не можем сейчас полностью оценить то значение, которое имел покойный, но ясно, что заменить его не может никто. В будущем могут явиться новые работники, быть может, более ученые, опытные, энергичные, но никогда на смену дедушке не придет другой, с такой же бескорыстной любовью к делу, с таким энтузиазмом и с такой прекрасной душой.

Текст печатается по изданию:
Лучник В.К. Памяти Георгия Константиновича Праве. — Ставрополь-Кавказский: Издательство Ставропольского энтомологического общества, 1926.

60-е — 80-е годы XX века

1 Документы, исторические описания, исследования

Ю.Н. Христинин, А.Е. Екимцев. **День моего города**

Ставрополье... Широко и привольно раскинулось оно на юге нашей страны. Есть здесь и бескрайние, пропахшие горьковатым запахом чабреца и полыни степи. Есть и горы, седые вершины которых никогда не покидают снега, и леса... Богатый это край, щедрый. Колосятся на его полях рожь и пшеница, возводятся на его земле заводы и фабрики, строятся новые дома.

Много здесь мест удивительных: кому не известны богатырские минеральные воды Пятигорья, волшебные струи говорливых речушек Кисловодска, окруженные дымкой тайн и легенд ущелья Домбая, Теберды, Архыза. Сотни тысяч людей приезжают сюда ежегодно, чтобы прикоснуться ко всей этой красоте, набраться здоровья и сил.

А в самом центре чудесного края — Ставрополь. Большой и светлый, он стоит на широком плато, возвышаясь над степями и лесами, и любуется ими. В ясное солнечное утро отсюда можно видеть, словно плывущий вдали большой корабль, двуглавый старый Эльбрус. Отсюда он кажется в эти часы находящимся совсем-совсем недалеко. «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взор тому ровно за десять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи». Так писал когда-то, после своего второго посещения города, Александр Пушкин. Два столетия назад появился Ставрополь в семье городов российских. Как воин, как крепость на южных границах государства. По седым ковылям степей, сквозь покрытые соснами и грабами лесные массивы пришли сюда первые посланцы России. Их было не так уж много — всего двести пятьдесят казаков Хоперского казачьего да несколько эскадронов Владимирского драгунского полков. Выбрав себе самое высокое в округе место, расчистили они его от леса и начали строить укрепление. А 22 октября 1777 года утром по сигналу труб все прибывшие выстроились в каре. И под торжественные звуки тех же военных труб был вспахан плугом десятигектарный участок земли: быть на нем отныне новой крепости Азово-Моздокской укрепленной линии. Так родился Ставрополь.

С шестисотметровой высоты над уровнем моря казачьим пикетам были хорошо видны дороги, ведущие с Кавказа к Дону и Царицыну, словно на ладони просматривались верховья горной реки — красавицы Кубани. Уже через год начала стремительно расти у стен крепости казачья слободка. На речке Ташле заскрипели каменными дисками жерновов пять водяных мельниц. Открыли двери торговые лавки, загорелись лучины в оконцах приземистых глинобитных избушек. Сама крепость была обнесена сначала земляным валом, а позднее — каменной стеной метровой толщины да высотою в два с лишним метра с узкими глазницами бойниц.

До наших дней сохранилась часть этой стены в одном из центральных районов города...

Работы по строительству крепости инспектировал генерал-поручик Александр Суворов, оставшийся весьма довольным их ходом.

Сейчас на месте центральной части крепости, на нынешней Комсомольской горке — любимом месте отдыха трудящихся — установлен памятник великому русскому полководцу. Половодье цветов подходит к самому пьедесталу, обрамленному склонившимися над ним пышными зелеными косами плакучих ив.

С историей Ставрополя связаны имена многих людей, которые являются национальной гордостью нашей страны. Сюда, на Кавказ, царское правительство ссылало лучших сынов России. Здесь проходили службу солдатами сосланные после восстания на Сенатской площади декабристы, среди них, после возвращения из Сибири, А.И. Одоевский. В Ставрополе останавливался, будучи проездом к месту своей «почетной ссылки» в Персию, автор бессмертной комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедов. Часто бывал здесь М.Ю. Лермонтов...

На одной из центральных магистралей города шумит своими ветвями и по сию пору могучий, в девять обхватов, дуб. Этому восьмисотлетнему великану оказались нипочем все прошедшие мимо него бури и невзгоды. Ставропольцы называют дуб Лермонтовским: по преданию, под непроницаемой сенью его любил отдыхать опальный поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Лермонтов. Он приехал в го-

род впервые в 1837 году — в ссылку после известного своего стихотворения «На смерть поэта». Приехал в места, где трижды — на Кавказских минеральных водах — бывал ребенком. «Синие горы Кавказа, — восклицал взволнованно поэт, — приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое, вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе». Тут, в уездном Ставрополе, с трепетным сердцем переступил он порог скромного обиталища А. Одоевского, декабриста, ставшего ему верным другом. Имя этого человека было хорошо знакомо по стихотворному ответу на знаменитое пушкинское послание «Во глубине сибирских руд...»

В Ставрополе М. Лермонтов познакомился с командующим войсками Кавказской линии и Черномории Вельяминовым, участником Отечественной войны 1812 года, и под впечатлением его рассказов о Бородинском сражении написал «Бородино» — вдохновенный патриотический гимн мужеству и стойкости русского солдата. Через три года новая ссылка приводит Михаила Юрьевича Лермонтова в Ставрополь...

Имя поэта дорого каждому из ставропольцев. Оно присвоено улице, одному из старейших на Кавказе драматическому театру, краевой библиотеке. А на месте дома командующего Кавказской линии, где бывал нередко поэт, ныне воздвигнут своеобразный памятник его творчеству — один из лучших в Российской Федерации Дом книги.

Летело над городом время. Когда в 1854 году в Ставрополь приехал Лев Николаевич Толстой, то взору его предстал уже губернский город: здесь было больше двух тысяч домов, пять площадей, два десятка улиц, из коих три главных были даже освещены...

Через заставы Ставрополя, мимо сонных инвалидов, дремавших у полосатых шлагбаумов, проехало немало знаменитых людей. Но с этим городом связана и юность ряда людей, которые оставили в истории свой заметный след.

Один из них — Герман Лопатин, первый переводчик на русский язык «Капитала» Карла Маркса, его русский друг. Воспитанник Ставропольской мужской гимназии — тогда крупнейшей на Кавказе, — он отдал себя великому делу борьбы с самодержавием. После окончания Петербургского университета он побывал в эмиграции, ссылке, был членом Генерального Совета I Интернационала, предпринял дерзкую попытку освободить из сибирской ссылки Н.Г. Чернышевского. Потом — два десятилетия в одиночной камере Шлиссельбурга — годы, которые так и не смогли сломить духа этого человека... В декабре 1975 года тысячи ставропольцев пришли на открытие памятника своему земляку.

Из стен Ставропольской гимназии вышел и известный народоволец Михаил Фроленко, четверть века проведший в Шлиссельбургской крепости как совершенно секретный узник. Одна из улиц города названа его именем.

Долгое время в Ставрополе жил осетинский поэт и просветитель Коста Хетагуров. На главной улице города стоит ему памятник...

Свежей струей ворвались в мещанский уклад губернского города грозные события первой русской революции.

Вот она, краткая хроника тысяча девятьсот пятого года в Ставрополе.

3 июня. Массовая антиправительственная демонстрация горожан у здания городской думы.

7 июня. Снова демонстрация. По приказу губернатора войска открыли огонь по безоружным людям. Убито четырнадцать, ранено около семидесяти... «Кровавый день Ставрополя» — под таким названием вошел он в историю.

11 июня. Похороны жертв «Кровавого дня». И снова — мощная демонстрация, приведшая в трепет все губернские власти.

В июле в городе создается комитет РСДРП, возникает боевая рабочая дружина. События развиваются стремительно: всеобщая забастовка рабочих на заводах города, создание Совета рабочих депутатов, изгнание из окрестных сел представителей царской администрации.

После поражения первой русской революции ставропольские большевики ушли в подполье, чтобы продолжить борьбу, и она особенно усилилась в годы нового революционного подъема. Трудящиеся массы Ставрополя под руководством большевиков активно боролись за свержение царского самодержавия и власти буржуазии. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую, самую яркую, счастливую главу в истории города, как и всей нашей страны. 1 (14) января 1918 года Общегубернское народное собрание большинством голосов приняло решение «организовать в губернии власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». В борьбе за установление в городе и губернии власти трудящихся видную роль сыграли ставропольские рабочие, руководимые своими вожаками, — Н. Анисимовым, М. Морозовым, А. Пономаревым.

Сотни и тысячи борцов отдали в тяжелые годы гражданской войны свою жизнь за счастье Родины, за торжество идей Октября. Имена Петра Ипатова, Фомы Шпака, Константина Трунова, Ивана Кочубея носят ныне улицы города и районы края.

В невероятных лишениях и муках рождалась новая жизнь...

1920-й. Холодный, голодный... Отказывая себе в самом необходимом, ставропольские рабочие и крестьяне осенью направляют в Москву эшелон с продовольствием. Их посланцев в Кремле принимает и благодарит Владимир Ильич Ленин...

Самоотверженно работая по всей стране на стройках легендарных первых пятилеток, ставропольцы преобразили и свой город, весь благодатный край, как бы помолодевший от радости новой, созидательной жизни. И вдруг — война... Только за первые две недели Великой Отечественной войны более трех тысяч коммунистов города подали в партийные организации заявления с просьбой направить их на фронт. Ибо нет у коммуниста других преимуществ, кроме преимущества первым встать на защиту Родины...

Сформированный в Ставрополе казачий полк прибывает в распоряжение командира второго гвардейского кавкорпуса генерала Л.М. Доватора. А несколько позднее комкор пишет в Ставропольский крайком партии: «Мне выпала счастливая доля командовать такими славными патриотами, какими являются казаки Кубани и Терека. Очень многие из них за доблесть и мужество в борьбе с немецким фашизмом награждены правительственными наградами. Многие пали смертью храбрых... Я был бы счастлив, если бы получил пополнение, например, человек 500, чтобы второй гвардейский

кавалерийский корпус и впредь состоял бы из терских и кубанских казаков и высоко держал боевые традиции ставропольцев».

Просьба прославленного командира была выполнена: ставропольцы очень скоро послали ему пополнение в тысячу сабель.

Лето сорок второго — время упорных боев за Кавказ. 3 августа наши части вынуждены были оставить Ставрополь. Чужая речь зазвучала на его улицах, замелькали надписи на незнакомом населению языке. Но и в дни оккупации ставропольцы остались непокоренными. Повсеместно возникали партизанские отряды. Ими руководил краевой партизанский штаб во главе с первым секретарем крайкома партии Михаилом Андреевичем Сусловым. И горела земля под ногами гитлеровцев, близился час освобождения. Советская Армия громила врага в ожесточенных боях на Северном Кавказе. И 21 января 1943 года над Ставрополем снова гордо взвился Красный стяг свободы. Враг не прошел к бакинской нефти, к богатствам Грузии и Армении. Но ущерб, нанесенный фашистами городу, выражался едва ли не астрономической цифрой: были взорваны все лучшие здания, разрушены школы и вузы, жилые дома и библиотеки, клубы и дороги...

Большую работу по восстановлению города под руководством партийной организации начали ставропольцы. А война еще шла, еще грохотала по полям Европы...

Неувядаемой славой в ее огне покрыли себя тысячи горожан — живых и павших. В память о тех, кого сегодня нет с нами, горит огонь Вечной славы. У него несут свою ежедневную почетную вахту юные часовые городского пионерско-комсомольского поста. Имена земляков, погибших за наше прекрасное сегодня, ставропольцы присвоили улицам своего города, дорогие имена патриотов — Леонида Севрюкова, Федора Васильева, Клавдии Абрамовой...

Давно прошли трудные, незабываемые годы послевоенного строительства. И неузнаваемо преобразился Ставрополь. Сегодня это большой, красивый современный город, крупный промышленный, культурный и научный центр Северного Кавказа. По сравнению с довоенным периодом население в городе увеличилось почти в два с половиной раза и составляет ныне более 200 тысяч человек.

Лицо города по праву определяет его развитая индустрия. За последние годы в Ставрополе выросли новые предприятия — заводы технического углерода, химический, «Электроавтоматика». Сравнительно молодую отрасль химического производства открыла «Малая химия» — завод химреактивов и люминофоров. Продукцию его знают миллионы жителей нашей страны — именно здесь, в цехах предприятия, рождаются люминофоры, идущие для изготовления кинескопов цветных телевизоров.

Гордость горожан — завод автоприцепов, завод-гигант, связанный прочными деловыми и дружескими узами со знаменитым Камским автомобильным... В десятках стран мира знают и ценят ныне продукцию с эмблемами многочисленных предприятий Ставрополя. Во всех сферах народного хозяйства города работают тысячи ударников коммунистического труда. Запевалами борьбы за эффективность производства и качество продукции в нынешней пятилетке, как всегда, выступают коммунисты, комсомольцы.

Чтобы представить стремительные темпы развития города, достаточно привести одну цифру: в девятой пятилетке уровень промышленного производства возрос в 1,7 раза.

И кого не порадуют такие факты.

Двенадцать тысяч новоселий было отпраздновано в городе за годы минувшей пятилетки. А сколько появилось в Ставрополе новых дорог, тротуаров, улиц и целых жилых микрорайонов! Сооружены: плавательный бассейн международного класса и многие спортивные комплексы; огромный цирк, на арене которого выступают лучшие цирковые артисты и коллективы страны; универсальные магазины, светлые просторные школы, больницы...

В районе Осетинской поляны приветливо встречает новая площадь имени 200-летия Ставрополя.

Неподалеку от промышленной зоны в степи вырос целый жилой массив для рабочих и инженеров. Построен он очень быстро: после реконструкции домостроительный комбинат бесперебойно обеспечивает стройки готовыми элементами будущих квартир. Их на комбинате создают больше, нежели вводили в строй жилья два-три года назад все ставропольские строители... Ставрополь решительно «оторвался от земли» и устремился своими этажами в голубое небо: две трети всех построенных в нем зданий — дома повышенной этажности. Дома в двенадцать — четырнадцать этажей скоро составят почти две трети всей вводимой в эксплуатацию жилой площади.

По генеральному плану развития Ставрополя к 1990 году город должен вырасти вдвое. Фактически же эта цифра будет превзойдена.

Большие успехи у ставропольцев в развитии образования и культуры, науки и искусства. Десятки тысяч учащихся садятся в дни занятий за парты светлых благоустроенных школ. А вузы, техникумы, ПТУ только за девятую пятилетку подготовили около сорока тысяч специалистов...

В краевом центре есть свои ученые, писатели, поэты, артисты, художники. В Ставрополе созданы и успешно работают Всесоюзный научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства, институты гидротехники и мелиорации, вакцин и сывороток, противочумный институт Кавказа и Закавказья, десятки научных станций, филиалов. В городе выходят две краевые газеты, журнал, альманах «Ставрополье». Всегда многолюдно в краеведческом музее им. Г.К. Праве. Это важный просветительский и исследовательский центр. А в музее изобразительных искусств посетители подолгу простаивают перед полотнами Айвазовского, Репина, Левитана, Маковского...

Все это будни Ставрополя.

Замечательны достижения его людей. Прекрасны их планы. И их свершение — в руках ставропольцев нынешнего дня. Значит — быть Ставрополю таким, каким видят его архитекторы, инженеры, строители. Быть ему еще шире, еще приветливее.

В знаменательное время, в юбилейной для страны десятой пятилетке, разработанной историческим XXV съездом КПСС, встретил Ставрополь свой 200-летний юбилей. Он красив и сегодня, наш город. Но завтра он будет еще красивее, еще замечательнее, а настоящая красота беспредельна...

Текст печатается по изданию:
Христинин Ю.Н., Екимцев А.Е. День моего города. Ставрополь. — М.: Планета, 1976.

Главные ворота Кавказа Ставрополь в годы борьбы России за Кавказ. 1777—1864

Завоевательные устремления царизма

Борьба России за Кавказ диктовалась исторической необходимостью упрочения южных границ, выхода к Черному морю и овладения путями экономических связей с Ближним Востоком и Средней Азией. Во второй половине XVIII в. эта борьба составляла главную задачу внешней политики русского государства.

Крымский полуостров и правобережная Кубань — главные объекты борьбы — входили в состав Крымского ханства, вассала турецкого султана. Территория левобережья Кубани, населенная многочисленными народами Кавказа, тоже находилась в зависимости, хотя и номинальной, от Турции и Крыма. Чтобы не дать России осуществить ее замыслы, Турция вынашивала планы полного овладения Кавказом. Ее поддерживали Англия и Франция, мечтавшие чужими руками утвердить свое влияние в этом важном стратегическом и экономическом районе.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. явилась началом борьбы царского правительства за Крым и правобережье Кубани. Противники стремились использовать в своих интересах местные народы. В создавшихся исторических условиях важное значение имел исход борьбы: будут ли народы Кавказа присоединены к отсталой Турции или к более передовой России, к союзу с которой они были более склонны.

В 1774 г. по условиям Кучук-Кайнарджийского договора Россия приобретала выход к Черному морю. К ней отходили Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн. Таким образом, в районе Северо-Западного Кавказа Россия получила Приазовье и земли между реками Доном и Еей. На Северном Кавказе Кабарда и Северная Осетия были присоединены к России. Вскоре и Крымское ханство стало независимым от Турции.

Попытки Турции использовать местные народы и магометанскую религию для отторжения Кавказа заставили русское правительство срочно укрепить границу южных владений. Осуществление этой задачи было возложено на генерал-аншефа князя Потемкина — «государева наместника азовского и астраханского». По его распоряжению военные специалисты обследовали границы, составили карты местности и описание пограничной линии. В итоге князь Потемкин представил Екатерине II доклад о сооружении десяти крепостей от Азова до Моздока. Доклад получил одобрение, и 24 апреля 1777 г. последовал царский указ о строительстве Азово-Моздокской линии. Летом того же года были развернуты строительные работы.

В сентябре 1777 г. в Крыму, не без участия турок, вспыхнуло восстание против ставленника России Шагин-Гирея. Оно охватило и Кубань. В 1778 году на пост командующего Кубанским корпусом, на который возлагалось подавление восстания и ликвидация опасности вторжения в Прикубанье враждебных России сил, был назначен прославленный полководец А.В. Суворов. Ему надлежало продолжить строительство укрепленной пограничной линии от Ставрополя вдоль Кубани к Азову. В сложной обстановке Суворов искусно осуществлял военные и политические меры по подготовке присоединения Крыма к России. Создавая Кубанскую укрепленную линию, он уже в 1778 г. перенес правый фланг Кавказской линии от устья Дона к устью Кубани.

С начала 80-х годов борьба России и Турции за Крым вступила в заключительную фазу. В Крыму и на Кубани противник был настолько ослаблен, что в 1783 г. царское правительство добилось присоединения Крыма к России и тем самым укрепило свои позиции на Кавказе. Присоединение Крыма явилось актом большого исторического значения: «В результате этих побед,— говорится в «Тезисах о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954)», — был освобожден от владычества Турции Крым и южные украинские земли, что сыграло огромную положительную роль в развитии производительных сил всей страны, получившей ранее недоступный для нее выход к морю».

Решительные военные действия под командованием Суворова обеспечили присоединение к России бывших владений Крымского ханства в Прикубанье. Особым соглашением России и Турции в декабре 1783 г. Кубань была объявлена границей русских владений на Северо-Западном Кавказе.

Левобережье Кубани оставалось горской территорией, которую населяли многочисленные черкесские народы, карачаевцы, абазины и ногайцы. Тогда же под протекторат России перешла Восточная Грузия; договор об этом был подписан грузинским царем Ираклием II 24 июня 1783 г. в Георгиевске.

Для связи России с Грузией в том же году началось строительство Военно-Грузинской дороги через горный перевал Кавказа. А протянувшаяся вдоль Кубани и Терека степная полоса Предкавказья, огражденная с юга кордонными линиями, стала усиленно заселяться.

Турция не могла примириться с потерей Крыма и осуществлением активной колониальной политики России на Черноморском побережье и на Кавказе. Это привело к новой русско-турецкой войне 1787—1791 гг.

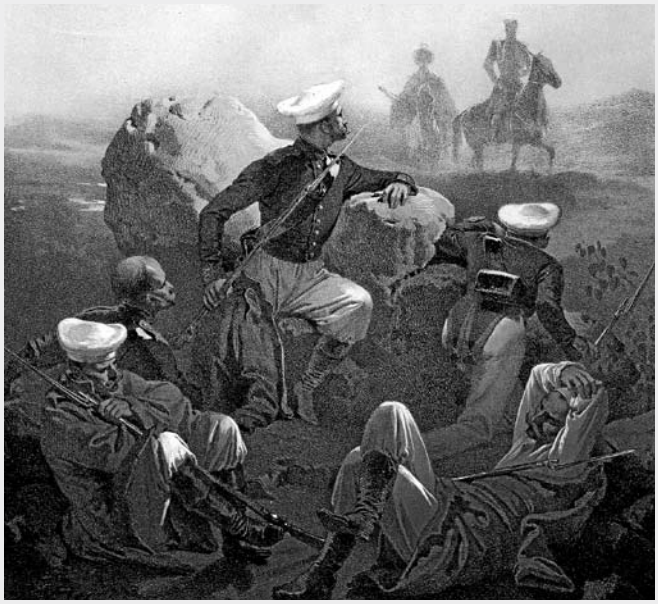
Турция, как и Россия, стремилась превратить Закубанье в свою провинцию. Но осуществить такие намерения только силой оружия соперники не могли. В связи с этим царизм принял политические, экономические и дипломатические меры для укрепления своих связей с народами Кавказа. Особое внимание было обращено на Дагестан, Кабарду, Грузию, Армению и Азербайджан.

Турецкий султан тоже искал союзников среди феодалов Северного Кавказа и Закавказья. Используя в своих интересах начавшуюся борьбу горцев за независимость, Турция вдохновляла и поддерживала постоянные набеги закубанцев на русские границы. Однако в ходе войны туркам не удалось поднять народы левобережной Кубани против России. Письма Батал-паши к черкесским князьям нашли отклик только у части местной знати. Эти князья и

зависимые от них горцы приняли участие в борьбе против русских. Часть населения Закубанья заняла нейтральную позицию, бесленеевцы отказались поддержать турок, а кубанские абазины и ногайцы в 1787 г. присягнули на верность России.

В 1790 г. в разгроме турецких войск, которыми командовал Баталпаша, активное участие принимали и горцы. В 1791 г. русские войска овладели крепостью Анапой — главной турецкой базой на Северо-Западном Кавказе. По Ясскому мирному договору 1791 г. Анапа была возвращена Турции. Кучук-Кайнарджийский договор между Россией и Турцией подтверждался. Россия не получила новых территориальных приобретений, однако прочно закрепила свои позиции на правобережной Кубани.

В 1792 г. черноморское казачье войско, созданное из бывших запорожцев еще в ходе русско-турецкой войны, было поселено на территории Северо-Западного Кавказа. За военную службу на границе Екатерина II пожаловала казакам богатейшие кубанские земли от Азовского моря до Усть-Лабинской крепости вверх по течению Кубани.



Кавказская война. Секрет. Автолитография М.А.Зичи из серии «Кавказские сцены» (1853)

Расширение колонизации Северного Кавказа и жестокость завоевательной политики русского царизма вызвали упорное сопротивление горских народов и привели к длительной и жестокой Кавказской войне 1817-1864 гг.

Антиколониальная борьба горцев переплеталась с их борьбой против феодалов, угнетавших крестьян. Подъем освободительного движения народов Кавказа стремились использовать в своих интересах Иран и Турция, но русско-иранская война 1826—1828 гг. и русско-турецкая война 1828—1829 гг. окончились победой России. Иран вынужден был уступить России территорию Восточной Армении, а Турция — береговую полосу от Анапы до Поти. Все это резко изменило стратегическую обстановку на Кавказе в пользу России.

Военные действия русских войск в верховьях Кубани закончились присоединением в 1828 г. территории Карачая к российским владениям.

Борьба против феодального и колониального гнета приняла особенно широкий размах во второй четверти XIX в., вылившись в длительную войну горцев Северного Кавказа против колониальной политики царизма. Наиболее крупные восстания произошли в Чечне и горном Дагестане. Несмотря на решительные военные действия царского правительства, движение горцев продолжало разрастаться. Во главе движения встало мусульманское духовенство, которое придало ему форму газавата — непримиримой «священной» войны против неверных (т. е. немусульман).

В 1834 г. это движение возглавил Шамиль и на правах религиозного вождя-имама подчинил своей власти население горного Дагестана, Чечни и объединил его в созданном им государстве — имамате. Опираясь на поддержку народа и отрядов фанатически преданных воинов (мюридов), Шамиль добился значительных успехов в борьбе с регулярными войсками царской России.

Однако религиозная идеология (мюридизм) оказала отрицательное влияние на развитие освободительного движения горских народов. Она усилила в руководстве движением влияние реакционного духовенства и ускорила обострение внутренних противоречий в имамате. Религиозный фанатизм мюридов изолировал горцев от общения с другими, в частности христианскими народами Кавказа, и исключил возможность совместного выступления кавказских народов против царизма.

С конца 40-х годов имамат Шамиля стал клониться к упадку, нарастали внутренние классовые противоречия между массой крестьянства и эксплуататорской феодальной верхушкой. В итоге от имамата отпадали целые районы, и Шамиль лишался поддержки народных масс.

Царское правительство, сосредоточив на Кавказе крупные военные силы, обеспечило к 1859 г. захват почти всей Чечни и Нагорного Дагестана. Весной 1859 г. в районе чеченского аула Ведено главные силы имамата были окружены. Шамиль с небольшим отрядом мюридов бежал в дагестанский аул Гуниб. 25 августа 1859 г. он сложил оружие и сдался русскому командованию.

Горцы Западного Кавказа с большим упорством продолжали борьбу против царизма до середины 60-х годов. Последний крупный очаг сопротивления горцев — урочище Кбаада (ныне курорт Красная Поляна) — был занят царскими войсками 21 мая 1864 г.

Так закончилась длительная колониальная война царизма против горских народов Северного Кавказа, и завершилось окончательное присоединение Кавказа к России.

В результате коренное население захваченных территорий стало объектом колониальной эксплуатации. Но несмотря на колониальный гнет, присоединение Кавказа к России было единственным средством избавления народов Закавказья от тяжелого ига отсталых феодальных государств — Турции и Ирана. Энгельс в письме Марксу 23 мая 1851 г. писал: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку..., господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей...»

Следовательно, присоединение Кавказа к России объективно имело прогрессивное значение. Оно привело к включению его в общероссийский процесс развития капитализма, который способствовал переходу горских и кочевых народов к более высоким формам хозяйственной и общественной жизни. В лице русского народа и его передового отряда — революционного пролетариата они обрели защитника и руководителя в борьбе за полное социальное и национальное освобождение.

Город у крепостной стены

На правом фланге Кавказской линии, «на вершине Егорлыка, называемой Ташлою», создавалась крепость под № 8, которая имела назначение защищать проход по долине реки Калаус от закубанских горцев, подстрекаемых Турцией к нападению на русские поселения.

Для сооружения крепостей и несения службы в гарнизонах укрепленной линии на Кавказ переселили волгских и донских казаков. Прикрывали строительные работы регулярные воинские части: Владимирский драгунский, Кабардинский пехотный полки, два батальона егерей и несколько казачьих полков с Дона. В строительстве крепостей принимали участие и местные кочевники — ногайцы. В связи с важностью и срочностью работ в указе Екатерины II значится — «третью часть войск, отряженных на закрытие их, употребить в работу оных с зарплатою каждому по 5 коп. в сутки».

Все перечисленные войсковые части были сведены в Астраханский корпус, а командиром его и руководителем строительных работ Азово-Моздокской линии был назначен астраханский губернатор генерал-майор Яко-би. Наблюдение за ходом работ осуществлял подполковник Герман.

Следовательно, первым официальным документом, положившим начало созданию крепости № 8, а вместе с нею и города Ставрополя, явился указ Екатерины II от 24 апреля 1777 г. На основании этого указа и ордера князя Потемкина от 19 мая 1777 г. казаки Хоперского полка были переселены «с реки Хопра на здешнюю линию» и водворились станицами Ставропольской, Московской, Донской и Северной.

Для снабжения прибывших на Азово-Моздокскую линию казаков Владимирскому драгунскому полку было приказано создать в Маджарах (около г. Буденновска) специальный магазин. К концу октября 1777 г. на левом фланге Азово-Моздокской линии было закончено строительство двух крепостей — Екатерининской и Павловской (станица Екатериноградская Кабардино-Балкарской АССР, станица Новопавловская Ставропольского края).

Еще 5 октября 1777 г. Владимирский драгунский полк с хоперскими казаками по приказу генерала Якоби выступил из Павловской крепости «к Черному лесу на урочище Ташлу и Калаус».

В ордере генерала Якоби командованию Владимирского драгунского полка был изложен объем строительных работ на 1777 г.: «По позднему времени и по малости людей нынешнею осенью всех их (крепости.— *Авт.*) окончить не можно, для чего и располагаю я ныне построить только две крепости — одну на Калаусе, а другую на Ташле...»

Надо полагать, что полк прибыл на урочище Ташлу, где было определено местопребывание командования, к исходу первой половины октября. К этому времени, очевидно, и надо отнести начало работ по сооружению крепости под руководством полковника Ладыженского.

В ордере генерала Якоби от 27 октября 1777 г. сообщалось о состоянии дел по строительству крепостей Азово-Моздокской линии: «св. Екатерины, св. Павла совсем отстроены, вновь заложенные св. Марии и св. Георгия отстраиваются, а на Томузлове, на Ташле и на Калаусе тоже разбиты, и заложены, и начались строиться. Прочие же три крепости на Буйволе и Егорлыке и под Черным лесом оставляю я до будущей весны...» Однако уже в конце ноября 1777 г., в связи с отменой строительства крепости на Буйволе, произошли изменения в нумерации и названии некоторых крепостей. Так, построенная на Калаусе крепость св. Александра стала числиться под № 6, а крепость на Ташле — под № 7.

Таким образом, исторические документы, обнаруженные в Центральном государственном архиве древних актов, позволяют утверждать, что основание крепости на Ташле произошло на исходе первой половины октября 1777 года.

Опровергается легенда о происхождении наименования города, которую связывали с каменным крестом, якобы найденным при строительстве крепости. Вначале крепость на Ташле именовалась Московской, а по «Ордеру» генерала Якоби с 22 ноября 1777 г. она стала называться Ставропольской. Следовательно, это название было взято «по порядку данных им имен» из официального документа царского правительства. Созданная на возвышенности (ныне Комсомольская горка) крепость занимала господствующее положение над окружающей местностью.

Кавказская война. Наиб со знаменем. Гравюра по рисунку Т. Горшельта

В 1777 г. были закончены только земляные оборонительные сооружения, а каменные стены с бойницами возведены лишь к осени 1778 г. Крепость представляла собой пятиугольник, длина ее стен составляла 1698 метров, а занимаемая площадь равнялась 10 гектарам.

Одновременно возникла и Ставропольская станица Хоперского казачьего полка, где располагался его штаб. Под поселение станицы, к востоку от крепости, на равнине был отведен участок земли.

Большой интерес представляет рассказ, записанный в 1830 г. известным знатоком ставропольской старины И.В. Бентковским со слов старого казака, строившего крепость и станицу: «Когда мы пришли в Ставрополь, крепость не была совсем окончена, и мне довелось на ней поработать. Для станицы едва нашли удобное место, тут была поляна, а кругом лес. Первый год косили там, где теперь дом командующего войсками (на месте Дома книги), а хлеб сеяли, где собор старый (на современном проспекте К. Маркса напротив Казачьей улицы). Там, где теперь Армянская улица (ныне улица Шаумяна), была

тогда просека через лес — по ней ходили мы по воду из крепости к роднику, его теперь нет. Около теперешней Армянской церкви было озеро из родников, текущих из горы. Бывало, из станицы в крепость без ружья не ходили, а из крепости за вал оплошно не показывай нос».

Центральной частью станицы являлась площадь, занимаемая ныне Нижним колхозным рынком. Несколько позже при Ставропольской крепости начали поселять отставных солдат, которых снабжали оружием, рабочими волами и лошадьми. В 1779 г. было поселено 332 отставных солдата, а в 1782 г. их насчитывалось уже 494. Так возникла Солдатская слободка. Жители станицы и отставные солдаты занимались сельским хозяйством, разводили сады. Множество диких кабанов, медведей и обилие птиц, в особенности перепелов, стрепетов и фазанов, делали охоту обычным занятием.

Создавая Азово-Моздокскую линию в период обострения борьбы с Турцией за Северо-Западный Кавказ, царское правительство ставило своей задачей укрепление границ и сохранение мирных отношений с закубанскими черкесами и другими народами. Военная администрация Кавказа стремилась установить с ними экономические связи — всячески развивать обмен и продажу товаров.

Уже в марте 1780 г. по распоряжению князя Потемкина для «приласкания кабардинского народа к российской стороне» велено было построить на Моздокской линии — в крепостях Ставропольской, Георгиевской и Моздокской — на казенный счет амбары для хранения «мелочных товаров» и лавки для продажи их. В 1783 г. в тех же целях князь Потемкин указывает: «Ко взаимной торговле назначены по линии три города для обмену и продажи товаров: Екатериноград, Георгиевск, Ставрополь».

Таким образом, около шести лет спустя после основания названных крепостей они уже официально именовались городами и помимо своего военного назначения стали центрами экономических связей с народами Кавказа. Несомненно, за такой политикой царизма скрывались захватнические цели, но по своим объективным последствиям она способствовала сближению горских и кочевых народов с русским народом. Крепости Кавказской линии уже в начале своего существования стали пунктами скопления вольных поселенцев из российских губерний.

До реформы 1861 г. значительная часть крестьян бежала от непосильного крепостного гнета помещиков в степи южной Украины, на Дон, Нижнее Поволжье и в район Предкавказья. Здесь они находили свободные земли, кое-какие заработки и могли рассчитывать на некоторое укрытие от преследования полицейских властей. На Северном Кавказе беглые крестьяне на первых порах пользовались покровительством военной администрации Азово-Моздокской линии. Это объяснялось тем, что крепости нуждались в наемных рабочих для строительства, хозяйственных целей, а также для обслуживания и снабжения гарнизонов необходимыми товарами.

О нехватке людей для строительных работ говорит тот факт, что десять лет спустя после основания Кавказской линии был издан указ, в котором отмечалось, что, несмотря на выделение средств, в течение трех лет по городам Кавказской губернии для «публичных строений никаких еще заготовленных материалов нет». Предлагалось начать выжиг кирпича, приготовление извести, камня и пр. и «к выгоде казенной и пользе вновь поселившихся крестьян употребить их на работу с платой из казны наличными деньгами..., а нерадивых и праздных понуждать».

По свидетельству современников, в первые десятилетия XIX в. все поселения Кавказской линии были наполнены беглецами из внутренних губерний России.

Значительная удаленность Кавказа от центра страны создавала большие трудности в ходе войны. Малочисленность местного населения осложняла транспортировку военных грузов. Не обеспечивалось пополнение действующей армии рекрутами. Задачи экономического освоения новых территорий, развития торговли, ремесла, городской жизни требовали постоянного притока переселенцев из российских губерний.

Не случайно в южных и юго-восточных районах дореформенной России существовали льготные правила приписки и податного обложения мещан и купцов. Однако в условиях крепостного права об организованной колонизации окраин не могло быть и речи. Следовательно, возникновение и развитие городов в степном Предкавказье более всего зависело от самовольного переселения.

В таких крепостях Кавказской линии, как Кизляр, Моздок, Георгиевск, Ставрополь, вследствие постоянного притока самовольных поселенцев быстро изменялась социальная структура населения, росло их экономическое значение. Постепенно они становились городами.

Пока владения России на Кавказе ограничивались поселениями по Тереку, они входили в состав Астраханской области. Но в связи с утверждением царизма на правобережной Кубани и завершением процесса присоединения степного Предкавказья, в 1785 г. было создано Кавказское наместничество в составе двух областей — Кавказской и Астраханской. Кавказская область состояла из шести уездов: Екатериноградского, Кизлярского, Моздокского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского. Областным центром стал Екатериноград.

В 1786 г. в Ставрополе были открыты уездные присутственные места, органы городского сословного управления и учреждены две ярмарки в году. В 1802 г. на огромном пространстве от устья Лабы до Каспийского моря и к северу до Маныча возникла Кавказская губерния с центром в Георгиевске. В ее состав входило пять уездов: Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский. Хозяйственное описание Кавказской губернии, предпринятое в 1804 г. Вольным экономическим обществом, дает достаточно полное представление о состоянии уездного города Ставрополя. Он имел уже два предместья-форштадта: мещанский с южной стороны, и Татарский базар — с юго-западной.

В составе городского населения, насчитывавшего 2986 «душ обоего пола», преобладали казаки и военные — 61,6 %. Этим объяснялся значительный перевес численности мужчин (1664) над женщинами (1322), к тому же много мужчин прибывало на временные заработки из внутренних губерний России и оседало. Из гражданских поселенцев мещане и «прочие» составляли около четверти населения (соответственно 21,5 и 1,7%). Обращает на себя внимание множество представителей купеческого сословия — 15%, или каждый седьмой горожанин! Купцы и мещане составляли основные городские сословия, совместно их доля достигала без малого 37%.

Знаменательно, что в то время около половины купцов и почти 60% мещан всей Кавказской губернии было сосредоточено в уездном городе Ставрополе. Он уже представлялся значительным соперником Кизляра — самого старого из городов Предкавказья, считавшегося главным пунктом русско-кавказских торговых связей. А в 1815 г. Ставрополь становится еще и центром управления учрежденных на Кавказской линии меновых дворов, где находился главный смотритель меновой торговли с горцами.

В экономической жизни города преобладала торговля. Ее вели не только «российские 3-й гильдии купцы», которых насчитывалось 246 человек, но и армяне, греки, торговые люди с Дона.

Из Таганрога и со знаменитой Макарьевской ярмарки на Волге в Ставрополь привозили сукна разных сортов, полотно, позументы и другие товары, необходимые для военных. Для нужд горских и кочевых народов Предкавказья купцы привозили холст, недорогие шелковые и полушелковые ткани, зеркальца, металлические изделия (ножницы, ножи, иглы и др.).

Как уже известно, два раза в год устраивались ярмарки в самом Ставрополе (весной и осенью), на которые съезжались купцы не только Северного Кавказа, но также Воронежской, Курской и Екатеринославской губерний.

Эти ярмарки имели большое значение в развитии экономических связей с горскими и кочевыми народами. Многие из них пригоняли для продажи лошадей, крупный рогатый скот, овец, привозили кожи, овечью и верблюжью шерсть, мед. В Ставрополе они покупали муку, пшено, разные материалы для одежды и другие промышленные изделия.

В хозяйственном описании губернии за 1804 г. при оценке значения торговых связей Ставрополя с народами Кавказа сказано: «Словом, сии народы продажею и покупкою своею производят полезный оборот».

В начале XIX в. в городе уже имелось небольшое количество мелких промышленных предприятий: мукомольные водяные мельницы на Ташле, кожевенные, мыловаренные и кирпичные заводы. Из отставных солдат, черкесов и армян появились мастеровые: кузнецы, слесари, медники, серебряники. Изменился и внешний облик города. В 1804 г. наряду с немногочисленными казенными строениями, домами казачьей станицы уже имелось 39 купеческих товарных лавок, один трактир, несколько кабаков и около трехсот домов гражданских поселенцев.

В «Военнотопографическом и статистическом описании Кавказской губернии за 1811—1812 годы» подчеркивалось, что успехи экономической деятельности сделали «Ставрополь после Кизляра знатнейшим по Кавказской губернии торговым местом».

Для развития торгового оборота в 1814 г. был издан указ «о дозволении производить торговлю на ярмарках всем сословиям».

В 1819 г. на рост экономического значения Ставрополя обращала внимание местная администрация: «Город сей положение имеет на возвышении при истоке речки Желобовки, с двух сторон окружен лесом и глубокими оврагами, имея здоровый воздух, изобилие ключевой воды, для строения лес и камень в даче городской, в окружности же наилучшую почву, земли, привлекает к себе и жителей, и торговлю, в особенности скотом, который со всей губернии здесь сосредоточивается. Ожидать должно, что сей город со временем войдет в число торговых российских городов».

По мере заселения и экономического освоения Предкавказья Ставрополь приобрел значение важного торгового и транзитного центра. Он стал своеобразными главными воротами Кавказа. В начале XIX в. Кавказская губерния имела целую сеть грунтовых дорог, необходимых в военных целях и для развития хозяйства и торговли. Почти все они проходили через Ставрополь.

Большой Черкасский тракт соединял Петербург и Москву с Кавказом. Он проходил от Черкасска через Медвежье (ныне Красногвардейское), Преградное, Безопасное, Донское, Московское, Ставрополь, Старомарьевское, Александровское, Георгиевск, Прохладную и далее в Закавказье. Большая дорога соединяла Ставрополь с Ростовом. Другая дорога, называвшаяся Большой Сальской, шла из Ставрополя через село Петровское, левым берегом Калауса на Каменный брод через Маныч. По ней двигались купеческие транспорты со строевым лесом с Дубовской пристани на Волге.

На Екатеринодар из Ставрополя вела дорога через села Рождественское, Новотроицкое, Новоалександровское, станицу Темижбекскую вниз по Кубани, через Лабинскую крепость. Эта дорога связывала далее Екатеринодар с Таманским полуостровом и Крымом.

Особо важное государственное значение имел Большой Черкасский тракт, по которому двигались войска и военные грузы, осуществлялась связь действующей армии Кавказа с Петербургом. Кавказская администрация уделяла особое внимание заселению этого главного почтового тракта. В 1826 г., с началом русско-иранской войны, была учреждена экстра-почта, которая, следуя через Ставрополь, доставляла срочные военные донесения из Тифлиса в Петербург на 14-е сутки. Днем и ночью по тракту мчались фельдъегерские тройки, курьеры. По воспоминаниям офицера Кавказской армии 30-х годов, станционный смотритель, заслышав издали звон двух колокольчиков под дугой курьерской тройки, обязан был мигом подать уже готовую тройку, оставалось только «перевалить вещи и опять лететь птицей в пространство».

Скорость на курьерских составляла 20 верст в час. Наряду с экстра-почтой, следовавшей безостановочно до места назначения, существовала ординарная, т. е. обыкновенная почта.

По свидетельству чиновника военного ведомства, ехавшего весной 1841 г. с подорожной «по казенной надобности», на Кавказе «возили на почтовых превосходно, как нигде в России». Путь от Москвы до Ставрополя занимал 15 дней, а от Ставрополя до Тифлиса — 10.

В 1824 г. в Кавказской области насчитывалось 30 почтовых станций, расстояние между ними составляло от 15 до 32 верст (это зависело от наличия источников воды).

В Ставрополе находились Кавказская областная почтовая контора и почтовая станция, на которой имелось 10 пар лошадей (в дальнейшем число лошадей было увеличено). С развитием путей сообщения возрастало число станций. В 1832 г. в Кавказской области уже имелись 41 почтовая станция и 463 лошадей.

Для крестьянского населения сел и податных сословий городов, расположенных по пути движения, «почтовая гоньба» являлась тяжелым бременем. В числе натуральных земских повинностей они обязаны были строить и ремонтировать дороги, мосты, выполнять почтовую повинность путем найма лошадей с надлежащим числом ямщиков. На них же было возложено продовольствие и размещение проходивших по тракту воинских команд и рекрутских партий, обеспечение их подводами. Зато купцы и другие местные и иногородние предприниматели, бравшие на откуп содержание почтовых станций, получали значительные барыши.

Росло и военно-административное значение Ставрополя. В 1819 г. база снабжения амуницией войск Отдельного грузинского корпуса (с 1820 г.— Отдельного кавказского корпуса) была переведена сюда из Ростова-на-Дону.

По указу 24 июля 1822 г. Кавказская губерния была переименована в область. Центром ее стал Ставрополь. Возникли значительные затруднения с размещением областных административных учреждений. По свидетельству городской полиции, к весне 1823 г. в Ставрополе насчитывалось всего около 500 домов, из них лишь десять каменных.

А.А.Бестужев-Марлинский. Гравюра XIX века

В связи с этим перевод учреждений из Георгиевска состоялся лишь в октябре 1824 г. На первых порах они были разбросаны по всему городу, так как размещались в арендованных частных домах.

В Ставрополе была сосредоточена вся военная и гражданская администрация. Здесь размещалась штаб-квартира командующего войсками Кавказской линии и Черномории, управление Кавказского линейного казачьего войска, учреждения, ведавшие заготовкой и снабжением войск продовольствием и обмундированием. Отсюда исходили все приказы военного командования относительно завоевательных действий царской армии.

Превращение Ставрополя в областной центр способствовало более быстрому росту населения, строительству частных и казенных домов, внешнему благоустройству города.

«Теплая Сибирь» декабристов

В декабре 1825 г. Россия впервые увидела открытое вооруженное выступление против крепостничества и самодержавия.

Центром восстания стал Петербург, где революционно настроенные офицеры вывели на Сенатскую площадь гвардейские полки. Восставших было около трех тысяч. Но нерешительность руководства восстанием, их оторванность от народа позволили войскам Николая I жестоко подавить восстание.

Выступление на Юге Черниговского полка явилось продолжением восстания декабристов, но оно также было подавлено царизмом. Вожди декабристов — Пестель, Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин были казнены. Остальные приговорены пожизненно и на разные сроки к ссылке в Сибирь на каторгу и на поселение.

Восстание получило высокую оценку В.И. Ленина, который рассматривал декабристов прежде всего как родоначальников революционного движения в России и считал их наиболее выдающимися деятелями первого поколения революционеров.

В.И. Ленин утверждал, что дело декабристов не пропало, декабристы — «лучшие люди из дворян помогли разбудить народ».

После разгрома восстания часть осужденных направили в действующую армию на Кавказ, который еще Александр I назвал «теплой Сибирью».

В 1829 г. в Отдельном кавказском корпусе насчитывалось свыше 65 офицеров и более трех тысяч солдат – участников восстания Сводного гвардейского, прибывшего из Петербурга, и Черниговского полков.

Почти все декабристы следовали на Кавказ через Ставрополь. Солдаты расформированного Черниговского полка в составе шести рот двигались по этапу через ставропольские селения: Медвежье, Преградное, Безопасное, Донское, Московское. В Ставрополе они были распределены по воинским частям. Позже на положение рядовых солдат в Отдельный кавказский корпус по «монаршему милосердию» была переведена часть декабристов, сосланных в Сибирь.

Еще задолго до 14 декабря некоторым из будущих декабристов довелось побывать на Кавказе. Так, с 1818 по 1824 г. в Нижегородском драгунском полку служил А.И. Якубович. Он был сослан на Кавказ за участие в дуэли, неоднократно бывал в Георгиевске, в сражениях отличался поразительной храбростью. В 1821—1822 гг. В.К. Кюхельбекер служил чиновником для особых поручений у командующего корпусом генерала А.П. Ермолова. Член Южного общества П.А. Муханов в начале 1825 г. предпринял путешествие по Кавказу, посетил Ставрополь и Георгиевск. Близкий к декабристам поэт и драматург П. А. Катенин для прохождения военной службы в 1834 г. выехал на Кавказ, жил в Ставрополе, а в период 1836—1838 гг. служил комендантом Кизлярской крепости.

В Ставрополе и Пятигорске в 30—40-х гг. побывали А.А. Бестужев-Марлинский, А.И. Одоевский, А.Е. Розен, Н.И. Лорер, М.А. Назимов, В.Н. Лихарев и многие другие.

Незабываемые встречи с декабристами на Кавказе запечатлены в воспоминаниях современников и самих участников восстания.

Осенью 1837 г. в Ставрополь были доставлены из Сибири шесть декабристов, разжалованных в рядовые: Одоевский, Лорер, Розен, Лихарев, Назимов и Нарышкин. О встрече с прибывшими изгнанниками с большим волнением рассказывал сосланный сюда друг А.И. Герцена и Н.П. Огарева — Н.М. Сатин. Он вспоминал, что командующий войсками правого фланга Кавказской линии генерал Засс «принял их не как подчиненных, а как товарищей».

В известной гостинице Найтаки в атмосфере глубокого сочувствия завязалась дружеская беседа: говорили о 14 декабря и обстоятельствах, сопровождавших его. «Можете представить,— писал Сатин,— как это волновало тогда наши юные сердца и какими глазами смотрели мы на этих людей, из которых каждый казался нам или героем, или жертвой дикого

деспотизма». Беседа шла в то время, когда ожидался приезд Николая I, который возвращался из Тифлиса. «Наступила темная осенняя ночь, — продолжал Сатин, — дождь лил ливмя, хотя по улице были зажжены плошки, но заливаемые дождем, они трещали и гасли... Наконец, около полуночи прискакал фельдъегерь и послышалось отдаленное «ура». Мы вышли на балкон, вдали, окруженная горящими (смоляными) факелами, двигалась темная масса. Действительно, в этой картине было что-то мрачное. «Господа!— закричал Одоевский,— смотрите, ведь это похоже на похороны! Ах, если бы мы подоспели!..»

И, выпивая залпом бокал, прокричал по-латыни (по-видимому, «Да погибнет!»). — «Сумасшедший! — сказали мы все, увлекая его в комнату,— что вы делаете?! Ведь вас могут услыхать, и тогда беда!» — «У нас в России полиция еще не училась по-латыни»,— отвечал он, добродушно смеясь. Лишь к утру расстались мы уже не простыми знакомыми, а почти друзьями и расстались с иными навсегда».

Пока декабристы ожидали назначения в действующую армию, в Ставрополь прибыл сосланный на Кавказ М.Ю. Лермонтов. Здесь и произошла его встреча с изгнанниками, а также с доктором Н.В. Майером, который послужил поэту прототипом доктора Вернера в романе «Герой нашего времени». Одна часть декабристов, прибывших в Ставрополь, была размещена в полках Кавказской линии, а другая — направлена в Закавказье. Лорер писал: Николай I «повелел разместить нас непременно по разным местам». В Пятигорске в 1838 г. состоялась встреча Н.П. Огарева с декабристами, которая как бы символизировала историческую преемственность двух поколений русского освободительного движения.

Эта встреча оставила в памяти Огарева неизгладимое впечатление на всю жизнь. Более двадцати лет спустя Н.П. Огарев вспоминал: встреча с декабристами «возбудила все мои симпатии до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками. Я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь...»

Жизнь декабристов на Кавказе была нелегкой: многие из них сложили головы в сражениях, умерли от ран и болезней.

Пророчески прозвучало знаменитое стихотворение А. Одоевского «Куда несетесь вы, крылатые станицы?» Проезжая по ставропольской земле и глядя на стремительный полет журавлей на юг, поэт с глубокой грустью произнес:

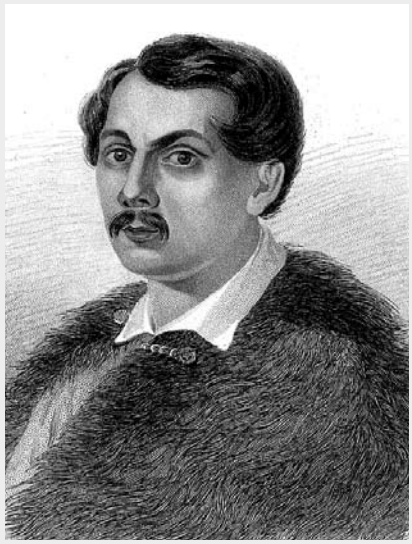
«И мы на юг! Туда, где
яхонт неба рдеет.
И где гнездо из роз
себе природа вьет.
И нас, и нас далекий
путь влечет!
Но солнце там души не
отогреет,
И свежий мирт чела
не обовьет...»

В сражениях были убиты А. Бестужев-Марлинский, И. Бурцов, Б. Бодиско, А. Берстель, В. Лихарев, А. Войнилович, А. Миклашевский. От ран и болезней скончались А. Одоевский, А. Корнилович, В. Дивов, Д. Арцибашев, Д. Искритский, Н. Кожевников, А. Ринкевич, Н. Семичев.

По всему Кавказу разбросаны могилы первенцев свободы. В Ставрополе умер близкий к декабристам поэт В. И. Соколовский и погребен на Варваринском кладбище. Облегчению участи сосланных на Кавказ в значительной мере способствовал А. С. Грибоедов, занимавший с 1826 г. пост начальника дипломатической канцелярии главноуправляющего в Грузии. Декабристы считали его «другом и добродетелем».

Благожелательно относились к ним и некоторые из высокопоставленных должностных лиц кавказской администрации: командующий Отдельным кавказским корпусом генерал А.П. Ермолов, начальник штаба корпуса генерал А.А. Вельяминов (в 1831—1837 гг. командующий войсками Кавказской линии и начальник Кавказской области), генерал Н.Н. Муравьев и др.

Полны глубокого смысла слова Н.П. Огарева, который писал о Кавказе той поры: «среди величавой природы со времен Ермолова не исчезал приют русского свободомыслия, где по воле правительства собирались изгнанники, а генералы, по преданию, оставались их друзьями».



П.З.Захаров. Портрет А.Н.Муравьева. 1838–1840 гг. Бумага, акварель

Декабристы, сосланные на Кавказ, оставили здесь глубокий след в истории общественной мысли и культуры. Они принесли сюда революционные идеи и вписали яркую страницу в историю содружества народов Кавказа и России.

Среди русских писателей, которые не только близко познакомились с кавказскими народами, но и верно отразили их жизнь в своих произведениях, декабристы были первыми.

Один из руководителей и идейных вдохновителей декабристского движения Александр Александрович Бестужев-Марлинский, будучи другом Пушкина и Рылеева, считался звездой первой величины среди тех, кто формировал литературные вкусы революционно настроенной молодежи России 20-х — начала 30-х годов XIX в.

Александр Иванович Одоевский после Рылеева являлся самым значительным поэтом-декабристом. Декабристы оказали большое воздействие на развитие местной национальной литературы. Средством укрепления литературных связей явилось печатное слово на русском языке. Большая заслуга в этом принадлежала Пушкину, Грибоедову и декабристам.

В 1828 г. появилась первая русская газета на Кавказе «Тифлисские ведомости». Выступление на страницах газеты Бестужева-Марлинского, Сухорукова, Бурцова, Лачинова и других свидетельствовало о том, что герои 14 декабря не утратили революционного мировоззрения.

Деятельность декабристов на Кавказе имела большое значение и для самих изгнанников. Она

вселяла уверенность, что смысл их жизни здесь заключался отнюдь не в том, чтобы «искупить вину» перед российским монархом, а в высоком гражданском предназначении — способствовать всестороннему сближению национальной культуры народов Кавказа с культурой великого русского народа.

Во второй половине 20-х и в начале 30-х годов декабристы имели не только в Тифлисе, но и на Северном Кавказе кружки «для дружеских бесед». Их творческая деятельность стала живой связью общественно-политической жизни кавказских народов с русским общественным движением.

Известный народник Адриан Михайлов, размышляя о глубоком духовном влиянии декабристов на развитие освободительных идей в России, вспоминал Северный Кавказ, Ставрополь, где учился, и поражался, «какую большую работу проделало русское самодержавие в деле революционизирования окраин, ссылая туда своих врагов. Коснулась эта работа и Ставрополя».

Все это показывает, как в общественной жизни осуществлялась глубокая связь и преемственность двух поколений русских революционеров на далекой окраине страны.

Экономический центр Предкавказья

Многолетняя Кавказская война потребовала большого напряжения народных сил. По южным и юго-восточным дорогам страны на Кавказ двигались воинские команды, партии рекрутов, обозы, транспорты с военными грузами, продовольствием и фуражом.

Весь этот нескончаемый поток по Большому Черкасскому тракту устремлялся к Ставрополю. Здесь можно было встретить рязанских и калужских извозчиков с «казенной кладью» из Москвы (на дорогу уходило около 40 дней), транспорты с оружием из Тулы. С Дона, из Воронежской и Саратовской губерний сюда прибывали обозы с хлебом для войск.

По сведениям за 1850 г., для доставки в казенные магазины соли потребовалось более 300 пароволовых фур, а для перевозки обмундирования и продовольствия необходимо было более шести тысяч таких фур. Особенно большой приток людей и обозов наблюдался здесь в летние месяцы, когда, помимо солдат и рекрутов, прибывало «из России» много рабочих.

Для укомплектования полков Кавказской действующей армии через Ставрополь двигались рекрутские партии не только из губерний южной полосы, но также из Тамбовской, Воронежской, Рязанской, Курской, Саратовской, Оренбургской и других губерний. Более 60 лет Ставрополь являлся воротами, через которые прошли на Кавказ многие тысячи людей.

Потребностям войны в значительной степени была подчинена коммерческая деятельность ставропольских купцов, которые заключали контракты, совершали крупные подряды на поставку продовольствия для армии и перевозку военных грузов.

Купец 1-й гильдии Игнатий Волобуев за успешную поставку продовольствия и фуража в 1829—1830 гг. для войск Отдельного кавказского корпуса был награжден Николаем I золотой медалью.

На этих поставках купцы наживали большие деньги, во имя чего шли на обман, подлоги и спекуляцию. По свидетельству командующего войсками Кавказской линии, в 1840 г. «главные торговцы» Иван Волобуев и Стасенков при закупке продовольствия для войск «допускали непозволительную спекуляцию». Не случайно генерал Филипсон в 1845 г. писал: «Торговля и промышленность усердно разрабатывали единственный местный источник обогащения — казну». Главный промысел крестьян Кавказской области — «извозный» — тоже был подчинен потребностям войны. Государственные крестьяне, кроме того, что занимались хлебопашеством, большую часть года перевозили военные грузы, а по найму ставропольских купцов — строевой лес, доски, деревянную посуду, железные изделия из Ростова, Екатеринославской и Саратовской губерний.

Ставропольские и иногородние купцы брали на откуп все: от содержания почтовых станций и помещений для канцелярий до сбыта лесоматериалов и вина. Большие доходы купечество получало от торговли, которая оставалась одним из главных направлений их коммерческой деятельности. Городская дума по просьбе Географического общества в 1851 г. представила подробные сведения о торговле в Ставрополе и губернии. Купцы города наряду с закупкой ржи, овса и ячменя для нужд армии продавали заграничным конторам в Ростове-на-Дону и Таганроге пшеницу и льняное семя. В Москву, Харьков, Ростов, Курск вывозилось большое количество кож крупного рогатого скота. На московском и петербургском рынках славилось мясо быков черкесской породы, поставляемых с Кавказа.

В дореформенной России основной формой товарного обращения была ярмарочная торговля сельскохозяйственными и промышленными товарами, продуктами. В Ставропольской губернии и на Кавказской линии в 1849 г. насчитывалось свыше 40 ярмарок. Наиболее крупными из них являлись ярмарки Ставрополя. Здесь, как уже известно, в 1796 г. были учреждены две ярмарки — Троицкая (весной) и Ивановская (осенью). Торг происходил не более одной недели на площади за Тифлисской заставой (ныне площадь Орджоникидзе). На этих ярмарках продавали крупный рогатый скот, лошадей, кожи, холст, шелковые и шерстяные ткани и другие товары.

На Ивановскую ярмарку в 1842 г. съехались из сел и станиц Кавказской области, от горцев и кочевых народов свыше 11 тыс. человек. Прибыли купцы с «персидскими товарами» из Тифлиса, купцы из Москвы привезли золотые и серебряные вещи, из Тулы и Ростова — железные товары, из Новочеркасска — чай, сахар. Всего из российских губерний на ярмарку прибыло до 200 человек. Ставропольские ярмарки представляли собой красочное зрелище. В эти дни в городе царило необычное оживление, население его удваивалось, среди пестрой толпы появлялись приехавшие на ярмарку горцы и кочевники Кавказа в своих национальных одеждах.

Много товаров поступало с крупнейших ярмарок России: с Нижегородской, Коренной (близ Курска), Луганской и др. С Нижегородской ярмарки товары сплавлялись по Волге до Царицына (ныне Волгоград), а далее перевозились на пароволовых фурах до Ставрополя.

Местные и иногородние купцы доставляли необходимые промышленные товары из различных торговых центров страны: из Петербурга и Москвы — сахар, вино, различные ткани, из Харькова — суконные товары. Строевой лес привозили в Ставрополь царицынские торговцы. Так, параллельно с крупной внешней торговлей в южных портовых го-

родах происходил внутрироссийский товарооборот, связывавший эти отдаленные районы юга и юго-востока с центральными областями России.

О состоянии городов Ставропольской губернии в середине 50-х годов писал один из очевидцев: «кто посещает Кавказ с проездом в Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск, Владикавказ, Грозный и др., видит города, оживленные торговлей и русской жизнью. Там, где 25 лет тому назад стояли бедные избы и землянки, ныне воздвигнуты красивые здания». Шло быстрое развитие постоянной городской торговли. Ставрополь в 1858 г. имел около 300 торговых лавок.

К середине XIX в. в Ставрополе были сосредоточены основные купеческие капиталы губернии, производилась самая крупная оптовая торговля продуктами сельского хозяйства.

Промышленные предприятия не имели большого значения в экономической жизни города, преобладали мелкие кустарные производства по переработке продуктов сельского хозяйства. В 1847 г. имелось 45 предприятий: кожевенных, мыловаренных, свечных, шорных, кирпичных и других, удовлетворявших только потребности местного населения. К середине XIX в. на них работало не более 200 человек, и вырабатывали они продукции менее чем на 200 тыс. рублей. К 1850 г. в Ставрополе было промышленных предприятий больше, чем во всех остальных городах губернии.

С ростом городского населения возрастала нужда в людях ремесленных специальностей. В связи с этим в 1836 г. было учреждено в Ставрополе цеховое ремесленное управление, а в 1838 г. городская дума представила список, в котором числилось 48 человек — портных, сапожников, шубников, шорников, кузнецов, печников.

Мастер являлся полноправным членом цеха — имел свою мастерскую, а подмастерье выступал в роли наемного рабочего у мастера. К 1850 г. число ремесленников в Ставрополе возросло до 170 человек, однако ремесло в его традиционных формах занимало незначительное место в хозяйственной жизни города.

Многие переселенцы из внутренних губерний России шли в Ставрополь и другие города Предкавказья на сезонные строительные работы. Среди них были плотники, каменщики, штукатуры, люди других профессий.

Основным занятием для большинства жителей было сельское хозяйство. На пригородных землях сеяли пшеницу, ячмень, рожь, овес, просо, а на огородах выращивали капусту, лук, огурцы и другие овощи. Земли по Ташле и Мамайке были заняты обширными фруктовыми садами. Не случайно жители этих городских предместий по своему хозяйственному обзаведению считались наиболее состоятельными.

В начале XIX в. на приусадебных участках производилась посадка тутовых деревьев, а в 1808 г. за Ташлой было отведено более 9 десятин земли для тутовой рощи. Шелководством в Ставрополе занималось до 140 хозяйств, которые с 1813 по 1820 г. получили 506 фунтов шелка-сырца. Развитие шелководства всячески поощрялось, за достижения в этой отрасли присуждались премии и медали.

Признанным основателем русского шелководства был ставропольский помещик А.Ф. Ребров, просвещенный и передовой деятель сельского хозяйства Северного Кавказа. Несомненно под его влиянием эта отрасль получила некоторое развитие и в Ставрополе.

В целях улучшения шелководства на Кавказе по распоряжению министра финансов в 1842 г. на юге Франции в Тарасконе было закуплено более тысячи саженцев тутовых деревьев и из Марселя отправлены в Одессу. По распоряжению помещика А.Ф. Реброва часть этих деревьев посадили в его имении Владимировке Пятигорского округа, а остальные — в Ставрополе. В 1850 г. при ставропольской тутовой роще была создана практическая школа для обучения шелководов.

В заселяемых южных и юго-восточных окраинах дореформенной России хозяйственное развитие в значительно меньшей степени тормозилось феодально-крепостническими производственными отношениями. Поэтому здесь раньше и быстрее возникали товарные отрасли сельского хозяйства, что способствовало более быстрому развитию городов, преимущественно на торговой основе.

В экономике города первое место по размерам обращавшихся капиталов также принадлежало торговле. Переключение капиталов в сферу промышленного производства происходило в незначительных размерах. Получили некоторое развитие мелкотоварные ремесленные и сельскохозяйственные промыслы местного значения.

Следовательно, производственная основа экономики города находилась за его пределами, т.е. в селах, станицах и аулах. Там разводили крупный рогатый скот, служивший на протяжении более полувека главным предметом оптовой торговли ставропольских купцов, там же производились все сельскохозяйственные продукты, на закупках и продаже которых те же купцы наживали большие деньги.

Темпы роста Ставрополя и Георгиевска, расположенных в районах наиболее интенсивной крестьянской колонизации и развивавшегося сельского хозяйства, были гораздо более высокими, чем темпы развития старых городов — Моздока и Кизляра. По числу жителей и темпам роста населения Ставрополь занимал первое место. Он являлся самым большим городом Северного Кавказа, а по отношению к городам Закавказья занимал четвертое место (после Тифлиса, Шемахи и Шуши).

Наиболее высокими темпами росло торгово-промышленное население, благодаря чему в первой половине XIX в. Ставрополь превратился в главный очаг формирования буржуазии Предкавказья.

В 1825 г. в Ставрополе был только единственный купец 2-й гильдии, разбогатевший на торговле скотом. Купцов 3-й гильдии, торговавших тогда в городе, насчитывалось 49 — местных и иногородних. Торговлей и промыслами занимались здесь мещане, отставные солдаты и государственные крестьяне.

В 1835 г. в Ставрополе уже насчитывалось купцов 1-й гильдии— 4, 2-й гильдии — 2, и 3-й гильдии — 128. Следовательно, за 10 лет гильдейское купечество возросло более чем в два раза. По указу 1842 г. в Ставрополе учрежден орган городского сословного управления — городской магистрат.

Ставрополю суждено было сыграть большую роль в заселении и хозяйственном освоении богатейшей окраины России.

Характеризуя политику царизма в заселении окраин, В.И. Ленин подчеркивал, что вековое господство крепостников-помещиков наложило свою

печать не только на жизнь давно заселенных губерний, но заражало «ядом крепостнического бюрократизма центральной России окраинную Россию».

Для хозяйственного освоения земель Предкавказья правительство стремилось насадить и здесь дворянское землевладение. Екатерина II указом 22 декабря 1782 г. объявила «о раздаче желающим под поселение земель, составляющих обширную степь, простирающуюся по линии Моздокской».

Щедро раздавались плодородные земли титулованной знати — князьям Вяземскому, Безбородко, графу Воронцову, Чернышову и другим. Всего с 1782 по 1804 г. было роздано более 600 тыс. десятин. Однако помещичье-крепостническая колонизация не получила здесь широкого развития. Крупные земельные владения дворянской знати быстро переходили в руки местных дворян — военных и гражданских чиновников кавказской службы, которых в шутку называли «владимирскими» по ордену св. Владимира, дававшего право дворянства. В 1838 г. в Кавказской области насчитывалось 190 дворянских семейств, но из них, по официальным данным, дворянство «оседлое, имевшее здесь поместья, весьма малочисленно». К 1861 г. в Ставропольской губернии на долю дворянских имений приходилось менее двух процентов общей земельной площади, а число крепостных крестьян достигало только двух процентов сельского населения. Подавляющее большинство населения составляли государственные крестьяне.

В 1833 г. в Кавказской области находилось уже 50 казенных селений, в которых насчитывалось около 40 тыс. крестьян. Кроме того, для усиления казачьего линейного войска к началу 1833 г. было переведено в казачье сословие 31 селение государственных крестьян области. Лучшие земли степного Предкавказья занимали крепостники-помещики и казаки. Переселенцы из государственных крестьян размещались в тылу Кавказской линии. Они занимали земли Ставропольской возвышенности, долин рек Кумы, Калауса, Егорлыка. Наиболее крупный вклад в дело экономического освоения земель внесли русские и украинские крестьяне-переселенцы, которым принадлежала главная роль в распашке целинных степей и первое место в производстве хлеба. Широкое развитие приобрело степное скотоводство и коневодство, ставшее главной отраслью сельского хозяйства казаков и помещиков. Постепенно развивалось шелководство и виноградарство.

Менее чем за сто лет после присоединения территории Предкавказья к России усилиями переселенцев были достигнуты значительные успехи в области сельскохозяйственного освоения земель. Помимо того, было положено начало разведке недр (карачаевский каменный уголь), промышленной переработке нефти, расширенному использованию Кавказских минеральных вод в лечебных целях. Одновременно развивались торговые связи с промышленными центрами страны и с заграницей.

Социально-экономическое развитие Предкавказья сопровождалось ростом городов. Однако по-разному сложилась судьба городов, возникших около крепостей Азово-Моздокской линии. Если Ставрополь превратился в важнейший военно-административный, экономический и культурный центр Северного Кавказа, то ряд городов потерял свое былое значение. Среди них Александровск, превратившийся в 1837 г. в обычную станицу. То же произошло и с губернским городом Екатериноградом. Георгиевск превратился в заштатный город. В то же время в мае 1830 г. на Кавказских минеральных водах возник новый город — Пятигорск, ставший вместо Георгиевска окружным центром.

Как уже отмечалось, экономической основой для развития Ставрополя являлось сельскохозяйственное производство области. Но, в свою очередь, областной город оказывал значительное влияние на распространение лучших методов ведения хозяйства среди российских поселенцев, а также горских и кочевых народов Кавказа.

В 1807 г. была открыта специальная переселенческая контора, ведавшая распределением по уезду прибывших для поселения крестьян.

В октябре 1837 г. в городе впервые была организована выставка Кавказской области, которая представила лучшие образцы мериносовой шерсти, шелка, гипса, добываемого в окрестностях Кисловодска. В 40-х годах ставропольский питомник под руководством опытного садовода А.И. Полянского выращивал многие редкие растения, лучшие сорта фруктовых деревьев, доставленных из крымских имений князя М.С. Воронцова. Этот питомник считался лучшим на Юге России, он снабжал своими саженцами весь Северный Кавказ. По распоряжению наместника на Кавказе, саженцы замечательного бельбекского тополя были отправлены в Кисловодск, Баку и другие места.

В начале 40-х годов в Кавказской области началось культивирование картофеля. Основным районом его разведения был Ставропольский уезд. Отсюда эта культура стала проникать в аулы Карачая и Черкесии.

Ставропольская практическая школа для обучения шелководов, созданная в 1850 г., несомненно оказала свое влияние на развитие этой отрасли хозяйства. В том же году «для распространения и улучшения конских заводов губернии» в городе учреждены скачки.

В 1851 г. на всемирную выставку в Лондон из Ставрополя были отправлены экспонаты: каменный уголь, яшма, шелк и шерсть.

Сдвиги в социальной структуре

В южных и юго-восточных губерниях России во второй четверти XIX в. наблюдался быстрый рост городского населения. Объяснялось это тем, что здесь хозяйственная деятельность в значительно меньшей степени была скована феодально-крепостническими производственными отношениями.

Превращение Ставрополя в военно-административный, экономический и культурный центр Северного Кавказа обусловило значительные сдвиги в социальной структуре его населения, выросшего с 1804 г. почти в 6 раз и составившего в 1860 г. 17420 человек. За минувшие 56 лет доля военных сословий упала с 61,6% до 27,4%. Теперь в их числе учитывались не только казаки, но и регулярные войска, отставные солдаты, солдатские дети и кантонисты. А численность купцов, мещан, ремесленников и прочих городских сословий поднялась до 47,2%. 10% составляли сельские сословия — дворовые, а также государственные и помещичьи крестьяне. Около 15% приходилось на дворянство, духовенство и прочих. Областной город обращал внимание приезжих прежде всего пестротой своего населе-

ния. Здесь были беглые крепостные внутренних губерний и государственные крестьяне, крепостные местных помещиков и дворовые люди городского дворянства, местные и иногородние купцы, мещане, ремесленники.

Многолетняя война наложила отпечаток на социальную структуру населения. В городе оседало значительное число отставных солдат, солдатских детей и кантонистов.

Начальник штаба войск Кавказской линии и Черномории генерал Г.И. Филипсон в 1845 г. писал: «Вообще Ставрополь имел своеобразный вид. В пестром населении его было много армян, грузин, ногайцев и даже горцев».

Население отличалось большой подвижностью. В летние месяцы, когда из российских губерний прибывало много сезонных рабочих, оно возрастало, а зимой сокращалось.

Верхушку городского общества составляло дворянство — представители военной и гражданской администрации, духовенство, крупные купцы-скотопромышленники, подрядчики, комиссионеры. Подавляющее большинство чиновников города составляли прибывшие из российских губерний. Многие из них не отличались высокими моральными достоинствами и склонностями к культурной общественной жизни. По словам современников, они обладали «дурными наклонностями» и были «дурного поведения». Здесь, как и в других городах царской России, господствовал произвол правительственных чиновников и выборных властей, процветали взятки, вымогательства и растраты городских средств.

Характеризуя местное дворянство середины 30-х годов, начальник области генерал Вельяминов писал: «Дворянство Кавказской области малочисленно, бедно и не имеет никакого образования. Оно совсем почти не несет службы», по выборам от дворянства замещались должности предводителей, а с 1838 г. – заседателей в областном суде.

Следовательно, дворянство области по своему общественно-политическому и культурному влиянию значительно уступало дворянству коренных губерний России, не уступало лишь в одном — в жестоком обращении со своими крепостными.

Сохранились документы, свидетельствующие о купле и продаже крепостных в городе Ставрополе, о потрясающей жестокости здешних салтычих и изуверов, отрывавших уши, косы и лишавших самой жизни ни в чем не повинных крестьян. В 1847 г. в Ставрополе было более 300 дворян, которых обслуживали 655 дворовых людей. Эта категория крепостных, лишенных земли, находилась на положении рабов, их продавали, обменивали и покупали, жестоко наказывали и убивали.

В рапорте ставропольского городничего в июле 1820 г. сообщалось, что жена штабс-капитана Пошевкина «бывшую в бегах дворовую девку Анну Фомину, имеющую от роду 17 лет, по приводе из полиции наказала кнутом и палкою бесчеловечно», на другой день девушка умерла. Чтобы скрыть злодеяние озверелой помещицы, тело убитой тайно ночью было вывезено за город и брошено в Круглом лесу.

В декабре 1846 г. ставропольский полицмейстер сообщал губернатору о зверской расправе жены чиновника Аксеновой над своею дворовой Аксиньей Кузьминой. Будучи беременной, Аксинья заболела и не могла выполнять домашнюю работу. Барыня стала принуждать ее к работе и беспощадно бить плетью, что явилось причиной преждевременных родов, а через три дня мать и ребенок умерли.

В ноябре 1847 г. дворовые ставропольской чиновницы Зазулевской, сестры Марфа и Наталья Талановы, в поданной ими жалобе рассказали о жестокостях своей барыни — она морила их голодом, била. Эта жалоба и приложенный к ней большой пучок волос, вырванный с головы Натальи Талановой, как страшный документ произвола местных крепостников экспонируется в Ставропольском краевом музее им. Г.К. Праве.

В ставропольской тюрьме побывали многие крепостные крестьяне, бежавшие на Кавказскую линию от помещиков внутренних губерний России.

Для принятия мер к прекращению побегов крепостных Николай I в 1832 г. командировал «в землю донских казаков и смежных с нею губерний» князя Трубецкого. По сведениям, представленным ему 23 августа 1832 г., в Ставрополе находилось более 200 арестованных крепостных крестьян, которые бежали от помещиков Саратовской, Пензенской, Воронежской, Курской. Орловской, Екатеринославской и других губерний. Среди арестованных было 130 крепостных саратовского помещика Нарышкина. Пойманных крестьян по приговору областного суда беспощадно секли плетьми и возвращали помещикам.

Царское правительство делало все возможное для того, чтобы упрочить крепостнические порядки и на окраинах страны. Осуществляя помещичье-крепостническую колонизацию Кавказской области, министерство внутренних дел распорядилось ввести здесь в 1839—1840 гг. утвержденные самим Николаем I единые для всей России образцы орудий телесного наказания. За неимением в Ставрополе искусных мастеров изготовление таких образцов было предпринято в столице крепостнической России — С.-Петербурге.

В 1850 г. стала выходить газета «Ставропольские губернские ведомости». На ее страницах помещались извещения о розыске беглых крепостных крестьян, а также сведения о пойманных «бродягах». Так, в № 8 за 1854 г. губернское правление извещало, что задержаны Зуйко Герасим, Листоферов Александр, Савва Воловик и Анастасия Усачева с дочерью Прасковьей. Расправа была жестокой: Зуйко попал в арестантскую роту, Воловик и Листоферов — в рекруты, дочь Усачевой отдали в ставропольский приказ общественного призрения, а мать сослали в Сибирь.

Нелегко жилось на чужбине и государственным крестьянам. В конце 20-х годов колонизаторская деятельность царского правительства привела к усилению освободительной борьбы горцев Северного Кавказа. Тревожное время наступило на Кавказской линии. В 1832 г. участились набеги из-за Кубани на села и хутора российских поселенцев. В связи с этим выставлялись дозоры для охраны сел и станиц, снаряжались вооруженные разъезды из самих жителей. Заниматься сельским хозяйством приходилось с оружием за плечами.

Жителям Ставрополя было «строжайше приказано» не ездить поодиночке за город рано утром и поздно вечером, а при выездах иметь оружие. Езда по дорогам ночью прекращалась, могли ездить толь-

ко нарочные, которым давали в прикрытие «сколько было нужно казаков». Из Ставрополя в Тифлис можно было ехать только «при оказии»— под охраной целой роты солдат, одной или двух пушек.

В большой нужде жили многие горожане из государственных крестьян, мещан, отставных солдат, которые попадали в лапы местных богатеев-эксплуататоров. Много бед пережил здесь трудовой народ России, которому суждено было в непривычных условиях проложить первую борозду экономического освоения края. Не случайно в памяти народной сохранилось выражение «погибельный Кавказ».

В 1830—1831 гг. на Россию обрушилась эпидемия холеры, проникла она с юго-востока. Наиболее пострадавшими оказались Оренбургская, Астраханская, Саратовская губернии и Кавказская область. В Ставрополе холера нанесла «довольно чувствительный удар относительно народонаселения», как официально сообщалось.

Население пораженных местностей страдало не только от холеры, но и от бессмысленных, крайне стеснительных мероприятий администрации. По России прокатилась целая волна «холерных бунтов», которые носили антифеодальный характер. Эпидемия холеры возникала в Ставрополе в 1847, 1865, 1866 гг.

В 1833 г. царскую Россию постиг неурожай. Этот год сохранился в памяти народа как «самый неурожайный и бедственный» год XIX столетия. Особенно страшные бедствия он принес в губерниях: Воронежской, Полтавской, Черниговской, Слободско-Украинской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, а также в Бессарабской и Кавказской областях.

С ранней весны установилась сильная жара, из-за чего погибли посевы, травы. От бескормицы погибал скот, наблюдалась большая смертность детей. Население Кавказской области стремилось бежать от голодной смерти в российские губернии. Царское правительство оказалось бессильным помочь голодающим. Единственное, что оно смогло сделать, это пригласить крестьян на заработки в Новороссийский край, где нужны были рабочие для ломки и обработки гранита у берегов Буга, который нужен был для строительства в г. Одессе набережной и мостов, а также дороги по южному берегу Крыма. Была только одна льгота — бесплатные паспорта для поездки на указанные работы.

На голоде и народной нужде богатели ставропольские купцы. В мае 1833 г., по официальным сведениям, цены на хлеб в Ставрополе «чрезвычайно возросли». Первостатейные купцы — старожилы с циничной откровенностью утверждали, что от торговли хлебом в 1833 г. они получили возможность «удвоить, утроить и даже учетверить свои капиталы».

Местная администрация вынуждена была отмечать систематическое возрастание числа бедных людей в городе. Если в начале 40-х гг. в Ставрополе наблюдалось «бродяжничество нищих в значительном количестве», то в 1855 г. подчеркивалось, что «число бедных в нашем городе весьма велико».

Протест крестьян России против крепостнической эксплуатации и бесправия, рост массового антикрепостнического движения нашел свое отражение и в районе Предкавказья.

Яркую страницу в историю борьбы российского крестьянства вписали крепостные помещиков Калантаровых Ставропольской губернии. Эта борьба имела длительную и драматическую историю, в ней принимало участие не одно поколение. Началась она еще в конце XVIII века, когда в 1795 г. жители села Маслов Кут (ныне Стародубское) из казенных крестьян были переведены в разряд крепостных помещика Зотова. С этого времени почти на протяжении столетия масловокутские крестьяне с исключительным упорством и героизмом добивались земли и свободы. Особенно усилилась борьба с 1825 г., когда наследники Зотова продали имение кизлярским виноторговцам братьям Калантаровым. Неоднократно царские управители Кавказа и Ставропольской губернии «приводили в повиновение помещикам» непокорных крестьян вооруженной силой.

В январе 1853 г. царские палачи открыли артиллерийский огонь картечью по восставшим крестьянам села Маслов Кут, на площади остались убитыми и ранеными более трехсот человек.

Это кровавое событие встревожило не только местных крепостников и кавказскую администрацию, но и царское правительство. Даже Николай I воскликнул: «Ужасно, ежели справедливо». «Не могу поверить, —писал он, — что нужно было столь большое кровопролитие для приведения покорности буйной толпы, полагаю, что и ружейных выстрелов было бы довольно». Царя волновала в данном случае не судьба крестьян, а судьба крепостнических порядков России. В итоге судебного процесса по делу восстания в селе Маслов Кут несколько сот крестьян были сосланы в Сибирь, а часть находилась в тюрьме г. Ставрополя.

Крымская война 1853—1856 гг. обострила кризис феодально-крепостнического строя в России, что нашло свое выражение прежде всего в росте крестьянских волнений. Когда правительство в ходе войны вынуждено было прибегнуть к формированию ополчения, среди крестьян распространились слухи, что всех ополченцев после войны освободят от крепостной зависимости. Эти слухи проникали и в Ставропольскую губернию. Крепостной крестьянин помещицы Кусаковой Ефрем Губарев в письме с военной службы писал родителям о наградах, полученных им в 1853-1856 гг. «за турецкую кампанию», и сообщил, что дядя его за участие в ополчении скоро получит свободу.

И только за одну мысль о желанной свободе денщик Ефрем Губарев, служивший уже в Ставрополе, был наказан своим офицером 50-ю ударами палкой.

Поражение России в Крымской войне ускорило и обострило развитие социального кризиса внутри страны. Царизм, по словам Энгельса, скомпрометировал не только «Россию перед всем миром», но и «самого себя перед Россией».

Война показала «гнилость и бессилие крепостной России» и ускорила назревание революционной ситуации 1859-1861 гг. Отмена крепостного права становилась экономической и политической необходимостью.

Новое во внешнем облике

Несмотря на то, что Ставрополь в 1824 г. стал военно-административным центром Северного Кавказа, в начале 30-х годов по своему внешнему виду он мало соответствовал важности его политического значения.

Подавляющее большинство городских жителей, прибывших из российских губерний, находились в нужде, дома их были покрыты камышом или соломой, и только небольшая часть имела деревянную крышу. Но в конце 20-х и в 30-х годах начали возво-

диться казенные здания. Так, на площади Татарского базара в 1826—1831 гг. был построен дом командующего войсками на Кавказской линии и Черномории (ныне здесь расположен Дом книги).

В первой четверти XIX в. Ставрополь утратил значение города-крепости, в ходе войны пограничные кордонные линии передвигались в южном направлении, создавались новые укрепления, а целый ряд крепостей Азово-Моздокской линии терял свое военное значение. По указу Александра I Хоперский казачий полк с 1825 г. в течение трех лет был переведен в верховья Кубани и на р. Куму. В связи с этим возникли новые станицы: Невинномысская, Беломечетская, Бекешевская. В 1827 г. хоперских казаков Ставропольской станицы переселили на Кубань — в станицы Барсуковскую, Баталпашинскую и на Куму — в станицу Суворовскую.

Ставрополь получил более широкие возможности для своего развития. Казачьи усадьбы были заняты новоселами, которые не имели возможности построить дома в самом городе. Так возникли Солдатская и Подгорная слободки, заселенные беднотой. В описании князя П. Голицына дается достаточное представление о городе той поры: «Уже в 1828 г. устройство Ставрополя изменилось к лучшему. До этого в городе не существовало никаких общественных зданий, а улицы от грязи часто были непроходимы. Теперь улицы уже имели каменные тротуары с перилами, а некоторые из них были вымощены. Были устроены канавы для стока воды. Город был освещен фонарями».

В 1829—1830 гг. появилось несколько новых улиц — город расширялся все более в южном направлении. Однако строительство развивалось медленно. Большим тормозом являлась тяжелая квартирная повинность. В ходе Кавказской войны Ставрополь был обременен военным постоем армейских частей и проходящих на Линию и в Закавказье рекрутских партий. Кроме того, город обязан был предоставлять квартиры не только военным, но и гражданским чиновникам. Тяжесть квартирной повинности для горожан усугублялась тем, что строительство военных казарм в Ставрополе вне крепости началось только в 1837 г.

По словам одного из очевидцев, областной город до конца 30-х годов «едва ли своей красотой мог перещеголять некоторые наши уездные города». Только главная улица города — Большая Черкасская – была вымощена камнем. Николай I, проезжая в 1837 г. через Ставрополь, даже выразил желание упразднить его и основать новый город на Кубани. (Поездка Николая I на Кавказ в 1837 г., как и последующие поездки по России, дорого обходились народу. Путевые издержки царя только в пределах Кавказского края составили свыше 140 тыс. руб. Кроме того, было загнано около 170 лошадей).

По ходатайству областной администрации лишь в конце 30-х годов хорошие дома, построенные частными гражданами, освобождались на десять лет от военного постоя. Эта мера, по словам губернатора, привела к более быстрой застройке города, а в обзоре губернии за 1838 г. подчеркивалось: «Лучшие города в области по строениям — Ставрополь и Пятигорск».

На Большой Черкасской улице областного центра были построены каменные двухэтажные дома, в начале 40-х годов запрещалось на главной улице крыть крыши соломой и камышом.

За период 1838—1851 гг. в Ставрополе построено более 280 каменных домов; город стал производить на приезжих более приятное впечатление.

В июне 1840 г. декабрист А. Беляев писал о Ставрополе: «Расположен он на возвышенности и очень красив, осененный садами и рощами, которые вперемежку с белыми каменными строениями придавали ему прекрасный вид». Не случайно Беляев называл Ставрополь столицей Кавказской области.

О значительных переменах в облике Ставрополя к середине 40-х годов сообщает генерал Г.И. Филипсон: «Новая моя резиденция, город Ставрополь, порядочно изменился с тех пор, как я был там в первый раз, десять лет тому назад. Город очень расширился, особенно в нагорной части. Огромный пустырь за домом командующего войсками наполовину застроился. Явились большие дома каменные и деревянные казенной архитектуры. Губернские присутственные места поместились в новых огромных зданиях, для них построенных. Даже городской острог потерял свою прежнюю патриархальную наружность: его заменило огромное каменное здание со всем тюремным комфортом и с титулом городской тюрьмы».

Неизвестный художник. Вид города Ставрополя (1836)

Одной из первых капитальных построек, которая бросалась в глаза всем прибывавшим в город через Черкасскую заставу, в верхней части было трехкорпусное здание военного госпиталя, строительство которого по проекту архитекторов братьев Бернардацци было начато в 1842 г. (ныне авиаучилище). К этому времени в Ставрополе имелась и городская больница, но она была рассчитана только на 20 коек. Город благоустраивался, зарождались коммунальные предприятия.

По свидетельству И.В. Бентковского, еще в феврале 1832 г. здесь не было ни одной гостиницы, хотя нужда была большая. В связи с этим для офицеров и чиновников, приезжающих по делам службы, отводились квартиры в частных домах, а «для удовлетворения жизненных потребностей был только один крытый лубками трактир».

Но в 30—40-х годах почти все проезжающие через Ставрополь называли «знаменитую гостиницу

Найтаки», предназначенную для «важных особ, приезжающих из внутренних губерний на минеральные воды». Очевидно, эта гостиница возникла к середине 30-х годов в доме купца Ивана Гониловского на Большой Черкасской улице. В 1852 г. в городе уже было две гостиницы, четыре трактира и 42 биржевых извозчика, содержателями которых являлись купцы и другие предприниматели.

В верхней части Большой Черкасской улицы, где еще в 30-х годах был пустырь, поросший бурьяном, к 1849 г. разбили бульвар и протянули его вниз до конца улицы. Бульвар стал излюбленным местом отдыха горожан. В самом центре города сохранившийся остаток леса с вековыми дубами, получивший название Бабиной рощи (по имени ее владельца капитана Бабина), в 1847 г. обращен в общественный сад для публичных гуляний. На пустыре, прилегавшем к саду, возникли питомник, оранжерея и дом для садовника и его учеников.

С 1850 г. в Ставрополе началась более правильная планировка и устройство тротуаров, сточных канав, уличного освещения на Николаевской, Александровской и Воронцовской — трех главных улицах города. В тот год в связи с приездом наследника престола Александра главную улицу — Большую Черкасскую — переименовали в Николаевскую; параллельную ей Вторую — в Александровскую. Александровской же была названа большая верхняя Торговая площадь (ныне имени Ленина). А с приездом в 1854 г. наместника царя на Кавказе князя Воронцова его имя было дано Бабиной роще, превращенной в общественный сад, и улице Театральной (ныне проспект Октябрьской революции), народ же попросту именовал ее Воронцовкой. По инициативе откупщика Кокорева город освещался специальными фонарями со спирто-скипидарной смесью. Князь Воронцов одобрил это нововведение и приказал переслать в качестве образцов 12 фонарей для освещения улиц Тифлиса.

Александровская улица. Почтовая открытка начала XX века

Одним из главных недостатков в благоустройстве города до 40-х годов являлось плохое обеспечение жителей водой. Питьевую воду получали из Карабинского источника, находившегося на расстоянии трех километров от города, водовозы доставляли воду и продавали ее по цене от 2 до 4, а в ненастную погоду — по 10 и более копеек за ведро, что было слишком обременительно для городской бедноты.

В 1840 г. почетный гражданин города купец Г.И. Тамамшев построил на свои средства водопровод из черепичных труб: от родника у истоков р. Мутнянки до объемистого каменного бассейна «на главной улице, близ гостиного двора». Протяженность его — около трех километров. Через 10 лет этот водопровод был продлен до Ярмарочной площади, где также был сооружен бассейн для нужд ярмарки.

В 1841 г. купец Тамамшев на свои средства построил на въезде в Ставрополь с восточной стороны у Тифлисской заставы каменные ворота со стеной, получившие название Тифлисских ворот. От Казанского кафедрального собора на Крепостной горе (ныне Комсомольская горка) была построена спускавшаяся к бассейну каменная лестница, обсаженная тополями.

Но подобная благотворительность со стороны ставропольского купечества наблюдалась не часто. В докладной записке командующего войсками Кавказской линии военному министру в 1845 г. сообщалось о награждении чином «коммерции советника» почетного гражданина 1-й гильдии купца Г. Тамамшева за «важные услуги» городу и отмечалось, «что бескорыстное усердие в общеполезных делах на Кавказе довольно редко, капиталы находятся в руках нескольких лишь лиц, и они по своему произволу направляют все коммерческие дела». Строили многие купцы, но далеко не бескорыстно, а ради наживы. Купец И. Волобуев по контракту, заключенному с местной администрацией, построил на Комиссариатской улице (ныне Советской) каменный трехэтажный дом с двумя флигелями и в 1844 г. сдал их в аренду на 20 лет для размещения областных и окружных учреждений.

Купец И. Гониловский построил в 1845 г. каменное двухэтажное здание и тоже сдавал его в аренду содержателям городского театра, а в 1847 г. им же было заложено каменное здание для размещения городских учреждений, в основание фундамента положена медная доска с надписью, которая заканчивалась словами: «Здание сие построено для помещения городской думы, городового магистрата и других городских управлений по плану архитектора Славянского».

В этом же районе, на углу современных улиц Розы Люксембург и проспекта Карла Маркса, купцом Н. Плотниковым в 1847 г. построен каменный трехэтажный дом, который он сдал по контракту под помещение «Кавказской областной гимназии с благородным пансионом сроком на 20 лет по 4 тыс. рублей в год».

Большинство наиболее крупных зданий города, сохранившихся до наших дней, было построено в 40—50-х годах. В мае 1847 г. Кавказская область была преобразована в Ставропольскую губернию. В то время Ставрополь состоял из многих частей и окружающих его предместий, получивших народные названия: Старый город, Новый город, Воробьевка, Подгорная слобода, Солдатская слобода, Мутнянка, Мамайка, Ташлянское поселение, Скомороховы хутора.

В Старом городе были сосредоточены все лучшие казенные, общественные и частные дома. Особенно отличались хорошими постройками улицы: Николаевская, Александровская, Театральная и Комиссариатская. Здесь обращали на себя внимание здания областных и окружных учреждений, городской думы, театра, здание полиции, дома ставропольских бога-

теев: Волобуева, Гониловского, Плотникова, Стасенкова и др. В этом районе города на главной улице располагались лучшие гостиницы, торговые заведения и даже «модный магазин». Здесь же находился выстроенный купцами еще в 1828 г. каменный гостиный ряд, состоявший из трех двухэтажных лавок. Таким образом, во внешнем облике города отражалось преобладающее значение в его экономике торговли.

К западу от Старого города по равнине тянулась Воробьевка, получившая свое название от бывшего когда-то здесь хутора однодворца Воробьева. Этот район не отличался своими постройками, но в климатическом отношении считался лучшим в городе. Здесь находились обширные сады и огороды.

Новый город в верхней части стал возникать с постройки военного госпиталя, который почти весь состоял из каменных одноэтажных домов и к середине XIX в. в западной части совершенно слился с Воробьевским предместьем. К юго-востоку от Нового города располагались казармы Кавказского линейного батальона, а за ними несколько каменных, деревянных и турлучных домиков, принадлежавших женатым солдатам батальона и мещанам. Это предместье получило название Форштадта. С южной стороны к Старому городу примыкала Солдатская слободка, населенная почти исключительно бедными жителями города.

Далее, к югу от р. Мутнянки, за небольшой возвышенностью находилась Мамайка, которая славилась своими садами, занимавшими пространство на восток от источника Карабин на протяжении трех километров по берегам реки.

На север от Старого города по горному склону располагалась Подгорная слобода. Ее узкие, кривые и грязные улицы были застроены небольшими домиками городской бедноты.

На северо-запад отсюда, на крутой горе виднелись Скомороховы хутора, это тогда небольшое, но достаточно хорошо обустроенное предместье города (территория современной Октябрьской улицы).

В северной части города, по долине Ташлы и на склоне ее левого берега располагалось предместье того же названия. По течению реки были устроены водяные мельницы, кожевенные, мыловаренные и кирпичные заводы, тянулись обширные фруктовые сады.

К концу 1853 г. в Ставрополе насчитывалось 2082 дома, из них 281 каменный, 44 улицы и переулка, из которых 7 мощенных камнем, 3 площади.

Как и в каждом губернском городе царской России, здесь было много церквей; к 1855 г. их насчитывалось 15.

К середине XIX в. внешний облик города, бесконечные потоки людей, крупные коммерческие операции, связанные с торговлей и военными поставками, по словам очевидцев, создавали Ставрополю «вид значительности». Л.Н. Толстой свое впечатление о городе выразил в повести «Казаки»: «Вывески, даже французские вывески, дама в коляске, извозчики, стоявшие на площади, бульвар...»

По утверждению администрации, Ставрополь являлся самым благоустроенным городом Северного Кавказа.

Общественная жизнь и культура

Длительная Кавказская война создавала своеобразные условия для развития общественной и культурной жизни городов Предкавказья. В ходе войны Ставрополь не только превратился в военно-административный и экономический центр огромного края, но значительно повысилось его общественное и культурное значение.

Воспоминания очевидцев — участников войны, сосланных на Кавказ декабристов и других борцов против самодержавия – дают возможность в какой-то степени себе представить картину общественной жизни города в те далекие годы. Будущий декабрист П.А. Муханов, путешествуя по Кавказу в начале 1825 г., в своих путевых очерках сообщал о живущих в Георгиевске и в Ставрополе чиновниках, «составляющих небольшой круг образованного общества», о их «танцевальных собраниях» и других развлечениях.

В 30 — 40-х годах в общественной жизни города наблюдались существенные перемены: с развитием военных действий усиливался поток офицерской молодежи, прибывают сосланные декабристы, студенты университетов, участники польского восстания.

Война налагала свою печать на весь уклад жизни города. О тревожных 30-х годах на Кавказской линии сообщалось: Ставрополь «ежедневно все более и более оживлялся; прибывали офицеры, одни из отрядов возвращались домой, другие приезжали им на смену. Ставропольская военная семья всеми силами старалась веселить приезжих гостей. Ежедневно устраивались обеды и ужины в гостинице тогда знаменитого Найтаки. Ужины обыкновенно кончались прогулкой с хором музыкантов по городу. Словом, в ожидании экспедиции жилось в городе весело и беззаботно. Возвратившиеся офицеры рассказывали о делах, перестрелках и лихих набегах и распаляли только наше воображение».

Местом общественных гуляний служил обширный сад с прудом при доме командующего войсками Кавказской линии и Черномории (ныне стадион «Динамо»). В праздничные дни здесь играла полковая музыка.

Из воспоминаний графа Д.А. Милютина, служившего в 1839—1845 гг. в войсках Кавказской линии, мы узнаем, что городское общество «состояло исключительно из одних служащих», которые «проводили жизнь почти исключительно в товарищеских кружках».

Несомненно, в этом обществе было много «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок...», о которых писал А.И. Герцен. Но здесь были и лучшие люди российской интеллигенции, люди из «фаланги героев» 14 декабря — «с отличными дарованиями и с прекрасными чувствами». Развитию творческой деятельности декабристов на Кавказе в значительной степени способствовало то обстоятельство, что они здесь встретили не только сочувствие, но нашли много людей передовых взглядов и единомышленников.

Доктор Н.В. Майер не случайно стал близким другом декабристов. После окончания медико-хирургической академии в Петербурге он поступил на службу врачом в ведение генерала Инзова, управлявшего колониями в южной России. Позже Майер был переведен в распоряжение начальника Кавказской области генерала Вельяминова для особых поручений. Зимой он жил в Ставрополе, а летом — на минеральных водах. Это был широко образованный человек, владевший европейскими языками. Его глубокие и разносторонние познания привлекали пристальное внимание лучшей части русского офицерства и декабристов.

Н.И. Лорер писал: «В Ставрополе познакомился я с очень ученым, умным и либеральным докотором Николаем Васильевичем Майером... Он знал многих из нашего кружка и помогал некоторым и деньгами и полезными советами. Он был друг декабристам».

Близкие отношения сложились у Майера с А. Бестужевым-Марлинским, А. Одоевским, С. Палицыным. Через него устанавливались новые связи и знакомства у декабристов. В 1837 г. в доме Н.В. Майера познакомился с Лермонтовым М.А. Назимов.

Опальные декабристы произвели большое впечатление на поэта, особенно сблизился Лермонтов с Назимовым, в котором привлекали широта интересов, твердость характера и перенесенные им испытания.

О встречах, происходивших у Майера, Лермонтов передает в повести «Княжна Мери»: Печорин вспоминал: «я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи, разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление, толковали об убеждениях: каждый был убежден в разных разностях».

Воспоминания офицера генерального штаба Г.И. Филипсона, служившего в Ставрополе, дают достаточное представление о политических интересах Майера. По его рекомендации Филипсон в 1837 г. читал запрещенные в России книги: «Историю английской революции» Гизо, «Историю французской революции» Минье, «Историю контрреволюции в Англии» Карреля и другие. «Я их прилежно изучил, — пишет Филипсон, — и это дало совсем особенное направление моим мыслям и убеждениям».

Приведенные факты несомненно указывают на то, что в ставропольском кружке декабристов, в котором бывали Лермонтов и Майер, тоже читали запрещенные книги и обсуждали кардинальные вопросы общественного развития.

Н.П. Огарев, познакомившийся в 1838 г. с Майером в Пятигорске, впоследствии писал: «Жизнь Майера естественно примкнулась к кружку декабристов, сосланных из Сибири на Кавказ в солдаты — кто без выслуги, кто с повышением. Он сделался необходимым членом этого кружка, где все его любили как брата».

В 1839 г. на Кавказ прибыл С.А. Раевский, который являлся самым близким и значительным человеком из окружения Лермонтова. Раевский служил в канцелярии кавказского гражданского губернатора в Ставрополе. В 1840 г. на Кавказе оказалась значительная часть петербургского общества оппозиционно настроенной аристократической молодежи, которое по числу членов называлось «кружком шестнадцати». Состояло оно из университетской молодежи и кавказских офицеров. Из них прибыли сюда: М. Лермонтов, А. Столыпин-Монго, Д. Фредерике, А. Долгорукий, С. Долгорукий, Н. Жерве.

По свидетельству офицера А. Чарыкова, служившего на Кавказе в 1840—1841 гг., когда война «была в полном разгаре», Ставрополь являлся «сборным пунктом, куда ежегодно стекалась масса военных для участия в экспедициях против горцев». По его словам, самыми популярными лицами в Ставрополе были офицеры штаба командующего войсками Кавказской линии И.А. Вревский и Н.П. Слепцов. Они пользовались всеобщей любовью, и «гостеприимные их двери были всегда раскрыты для приезжавшей военной молодежи».

Среди передовой части русского офицерства декабристы пользовались глубоким уважением и большим авторитетом. Офицер кавказской службы К.Х. Мамацев писал, что знакомство с декабристами оказало на него благотворное влияние. Он был знаком с Бестужевым-Марлинским, братьями Беляевыми, Назимовым, Лихаревым. «Люди эти,— по его словам,— пользовались всеобщим уважением за свой ум и высокую нравственность».

Прапорщик А.Д. Есаков с большой теплотой вспоминает о встречах в Ставрополе зимой 1840—1841 гг. В эту зиму здесь собирался цвет военной молодежи. Конец 1840 г. провел в Ставрополе и Лермонтов.

Чаще всего сходились у капитана генерального штаба барона Ипполита Александровича Вревского. Члены кружка и сам Вревский проявляли большой интерес к декабристам. Автор воспоминаний пишет: когда случалось приезжать из Прочного Окопа (крепость на Кубани) рядовому Михаилу Александровичу Назимову, то «кружок особенно оживлялся».

Сами декабристы говорили о высоком уровне общественных интересов значительной части российского офицерства на Кавказе. По воспоминанию одного из них — А.П. Беляева, прибывшего в Ставрополь в 1840 г., – в Кавказской области «можно было видеть цвет петербургского военного общества, или лучше сказать, цвет русской армии».

Эта мысль прекрасно выражена М.Ю. Лермонтовым в повести «Княжна Мери». Говоря о местном «водяном обществе» Пятигорска, он отмечал: «они менее обращают внимание на мундир, они привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум». В цензурно приемлемой форме поэт дает понять, что на Кавказе при Николае I можно было встретить офицеров, переведенных из гвардии в армейские полки (как Печорин и сам Лермонтов) или разжалованных в солдаты (как многие декабристы).

За революционную деятельность Николай I отправлял в действующую кавказскую армию и студентов. Уже в 1826 г. вольнослушатель Московского университета Александр Полежаев, продолжатель декабристских традиций и предшественник революционно-демократической поэзии, за поэму «Сашка» был отдан в солдаты. В 1829—1833 гг. он участвовал в военных действиях на Кавказе и пользовался благожелательным отношением командующего войсками генерала А.А. Вельяминова. Здесь Полежаев произведен в унтер-офицеры.

После расправы Николая I с революционными организациями Москвы — кружком Критских и Сунгуровским обществом, которые считали себя продолжателями дела декабристов, часть студентов Московского университета была отправлена в солдаты на Кавказ. В 1832 г. сюда прибыли Яков Костенецкий и Платон Антонович — университетские товарищи А. И. Герцена, в 1839 г. они были произведены в офицеры. На Кавказ отправили в 1835 г. и Михаила Критского, который вскоре погиб в сражении.

Яков Костенецкий в 1841 г. служил в Ставрополе старшим адъютантом в штабе командующего войсками генерала П.Х. Граббе, который сам в молодые годы состоял членом «союза благоденствия», а в 1825 г. привлекался по делу декабристов.

Об интеллигенции Ставрополя в годы Кавказской войны писал известный актер и театральный деятель Н.Н. Синельников, выступавший на сцене городского театра в конце 70-х годов: «В прежние времена Ставрополь был населен бывшими петербургскими светскими людьми. Это были те офицеры гвардии, которых ссылали на Кавказ, часто разжалованными

в солдаты. Они затем снова получали офицерский чин, но без права возвращения в столицу. Вот эти-то аристократы поселялись в Ставрополе».

Высокий уровень общественных и культурных интересов ставропольской интеллигенции тех лет несомненно в значительной степени определял уровень просветительной и общественной роли города в 30—50-х годах XIX в.

Театральное искусство провинциальной России развивалось в трудных условиях. Эти трудности создавались произволом местной администрации и чисто коммерческими соображениями антрепренеров, являвшихся непосредственными вершителями судеб театральных трупп.

Но несмотря на эти трудности, провинциальная сцена дала столичным театрам таких великих артистов, как Щепкин, Пров Садовский, Савина, Стрепетова, Давыдова и др. Отдельные передовые антрепренеры внесли большой вклад в театральную культуру России. К ним относятся такие деятели русского театра, как П.М. Медведев, Н. Н. Соловцов, Н. И. Собольщиков-Самарин, Н. Н. Синельников.

Мысль о создании театра в Ставрополе возникла в 1841 г., а к 1842 г. было уже построено для него помещение, но оно «походило во многом на лубочный балаган».

Первым содержателем театральной труппы был губернский секретарь Г.П. Яценко. Спектакли начались в 1843 г., но в первые два года они большого успеха не имели, и вскоре Яценко оказался несостоятельным.

В 1845 г. спектакли проходили уже в специальном здании, построенном купцом И. Гониловским. Современники писали, что здание ставропольского театра «может поспорить с многими театрами наших лучших губернских городов». Это был первый русский театр на Кавказе, сыгравший большую роль в общественной и культурной жизни края.

В 1845 г. ставропольская труппа актеров по контракту с 1 сентября по 8 января 1846 г. с большим успехом выступала в Тифлисе. Этим было положено начало второму русскому театру на Кавказе (ныне государственный театр им. А.С. Грибоедова в Тбилиси).

В Ставрополь в 1846 г. прибыла из Киевской губернии русская труппа известного тогда актера и антрепренера К.М. Зелинского.

Деятельность ставропольского театра была отмечена в 1852 г. столичным журналом «Москвитянин». Корреспондент писал, что лучшими в жизни этого театра были 1846—1849 гг., когда на его сцене играли знаменитый трагик Н.Х. Рыбаков и артист императорских театров А.А. Алексеев.

«Имя Николая Хрисанфовича Рыбакова, — писал выдающийся русский актер В.Н. Давыдов,— гремело, гремит и будет греметь в России, которую он обошел чуть не из конца в конец, всюду встречаемый и сопровождаемый овациями».

Ученик Мочалова и последователь великого Щепкина, Рыбаков утверждал реализм на русской сцене. Известно, что он послужил прототипом Геннадия Несчастливцева в комедии А.Н. Островского «Лес». В течение трех лет Н.Х. Рыбаков сыграл на сцене ставропольского театра свои лучшие роли: Гамлета в одноименной трагедии Шекспира и Карла Моора в «Разбойниках» Шиллера.

Поборник демократического искусства, А.А. Алексеев в те же годы с блеском выступил перед ставропольскими зрителями в роли Фамусова в комедии Грибоедова «Горе от ума» и Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя.

Отъезд Рыбакова и Алексеева, естественно, отрицательно сказался на театральной жизни города, но высокое реалистическое искусство их оставило глубокий след. Оно помогло донести до зрителя сокровища русской и мировой драматургии. Значительно возрос авторитет театра, его общественное и культурное влияние. Создавались свои театральные традиции, развитие которых помогло ставропольскому театру завоевать репутацию одного из лучших театров юга России.

Наместник на Кавказе князь М.С. Воронцов, учитывая успехи ставропольского театра, назначил ему ежегодную дотацию в сумме 1200 руб.

На страницах «Кавказского календаря» 1855 г. сообщалось, что театр Ставрополя «в последнее время посещен был многими талантливыми артистами, приобретшими себе уже громкую известность в столицах». При этом упоминается имя выдающегося русского комедийного актера В. И. Живокини.

В начале 50-х годов Ставрополь посетили замечательные музыканты и композиторы. Среди них известная виолончелистка, уроженка Парижа Элиза Кристиани после своих выступлений в Петербурге, совершая концертную поездку по России, побывала и в нашем городе. Известный польский скрипач и композитор Аполлинарий Контский, будучи придворным солистом в Петербурге, в 1853 г. дал два концерта для ставропольской публики.

Автор статьи по истории Ставрополя с полным основанием писал в «Кавказском календаре» на 1855 г.: «У нас на Кавказе шесть губернских городов: Тифлис, Кутаис, Эривань, Шемаха, Дербент и Ставрополь, но из них в отношении общественных удовольствий преимущество только остается за Тифлисом и Ставрополем. Один господствует за Кавказом, а другой на Кавказе».

Конечно, это высокое искусство не было доступно трудовому люду.

В дворянской крепостнической России система народного образования носила сословно-классовый характер. К концу XVIII столетия здесь имелась Академия наук, университет, гимназии и другие учебные заведения, а крестьянство и мастеровой люд огромной страны в массе своей оставались неграмотными. Что же можно сказать о районе Предкавказья, заселение которого происходило на рубеже XVIII и XIX столетий?

Первая школа в Ставрополе была открыта только в 1804 г. — более чем через четверть века со времени его основания. Первому учителю Полякову из общественных средств было назначено жалование 50 руб. в год. Кроме того, он мог собирать с каждого ученика по 1 руб. за обучение «азбуки с букварем».

В конце 1815 г. эта школа была преобразована в приходское училище и перешла в ведение учебного начальства, обучалось в ней 69 мальчиков. В 1811 г. в Ставрополе создается уездное училище, в котором обучалось всего лишь 25 мальчиков.

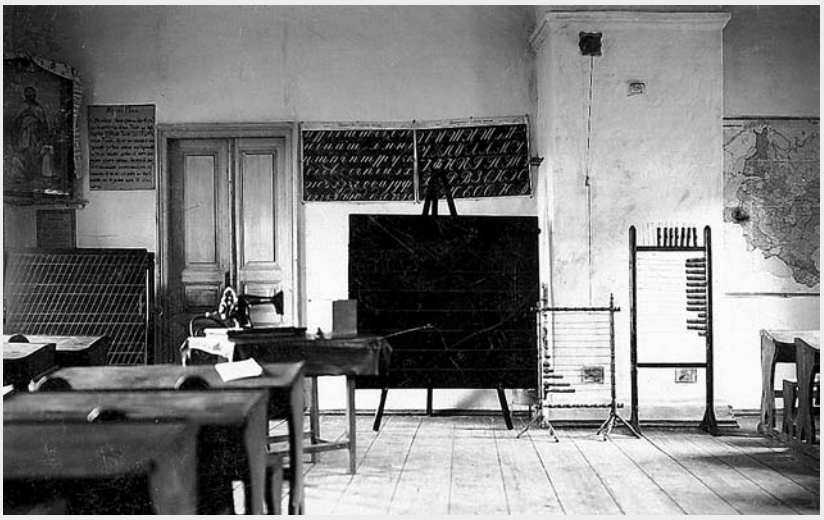
Потребовалось более полувека, чтобы в городах Кавказской области Ставрополе, Георгиевске, Моздоке и Кизляре могли возникнуть к 1836 г. по одно-

му уездному и одному приходскому училищу. Появились небольшие училища в некоторых казачьих станицах. В селах же области, а тем более в горских аулах школ не существовало.

В уездных и приходских училищах (в одногодичных или двухгодичных) обучали элементарным навыкам чтения, письма и счета. Но главная задача школьного обучения сводилась к воспитанию послушных «слуг царю и отечеству». Поэтому во всех школах на первом месте стояло изучение «закона божьего».

В отчете начальника области за 1836 г. сообщалось: «Вообще в Кавказской области успехи в образовании юношества медленны и недостаток в средствах есть, кажется, главная к тому причина». Однако практика колониальной политики на Кавказе заставила царское правительство расширить сеть учебных заведений.

В целях создания социальной опоры в среде местного дворянства 18 октября 1837 г. правительство учредило Ставропольскую мужскую гимназию и при ней «благородный пансион» для детей дворян,



Внутренний вид Богородицкой церковно-приходской школы

что, по словам гражданского губернатора, «положило основание будущих успехов просвещению в Кавказской области».

Гимназия была создана на базе уездного училища и до 1846 г. находилась в ведении Харьковского учебного округа, а затем — в подчинении наместника на Кавказе. В 1839 г. в ней обучалось 129 человек, из них дети дворян и офицеров составляли 75,2%, дети купцов — 14,7%, дети мещан и разночинцев— 10,1%. Следовательно, дети привилегированных сословий составляли подавляющее большинство. В 1838 г. жена учителя гимназии Крупье открыла в Ставрополе частный пансион для воспитания девушек дворянского происхождения.

Местные купцы, в большинстве своем малограмотные или вовсе неграмотные, стремились избегать общественной службы в городском сословном управлении и целиком были поглощены жаждой обогащения. Только между купцами высших гильдий заметно было стремление к просвещению. Некоторые из них определяли сыновей в гимназию, а дочерей посылали в пансион Таганрога или в Керченский Кушниковский девичий институт.

В конце 1849 г. в Ставрополе, впервые на Северном Кавказе, было открыто среднее учебное заведение св. Александры — «для благородных девиц и дочерей купцов и почетных граждан с целью образования из них будущих жен и хороших матерей семейства». В начале 50-х годов здесь обучалось 100 человек, с 1851 г. в городе существовало армянское училище на 30 детей.

Для подавляющего большинства трудящихся Ставрополя просвещение было недоступно, они стояли в стороне от общественной и культурной жизни города.

Для организации управления горским населением Кавказа царизм нуждался в переводчиках и чиновниках, хорошо знающих быт и нравы местных народов. С целью подготовки верных проводников колониальной политики в национальных районах создавалась сеть начальных школ.

Детей местной знати отправляли в кадетские корпуса, гимназии и университеты. Один из военных администраторов Северного Кавказа заявил, что все это делалось для того, чтобы по возвращении на родину юноши «могли бы действовать на умы единоплеменников своих в видах нашего правительства».

В 1842 г. при Ставропольской мужской гимназии было открыто подготовительное отделение и создан пансион для горской молодежи. Учебные заведения города, особенно на первых порах, не имели элементарных удобств для обучения детей. Даже областная гимназия не имела собственного учебного помещения.

В 1845 г. начальник Кавказской области В.И. Гурко возбуждал вопрос перед министром народного просвещения «о средствах к улучшению положения Кавказской областной гимназии с благородным при ней пансионом... Необходимо приобрести для гимназии и пансиона собственный дом. Помещение их в доме наемном сопряжено с большими неудобствами». Но собственного здания гимназия не получила и на сей раз, в августе 1847 г. она разместилась во вновь построенном доме купца Н.М. Плотникова на Большой Черкасской улице.

Царское правительство для утверждения своего господства на Кавказе стремилось прежде всего широко использовать русскую православную церковь и все формы религиозно-мистической пропаганды. В первой четверти XIX в. для пропаганды идей реакционной внешней и внутренней политики царизма была использована религиозная общественная организация — «Российское Библейское общество», имевшее в стране около трехсот отделений.

В 1818 г. в г. Георгиевске открыли Кавказское отделение «Библейского общества» с официальной целью «распространения священного писания как в сей губернии, так и в сопредельных с нею заграничных местах». В ходе Кавказской войны царская администрация стремилась превратить Ставрополь в центр религиозного воздействия на местные народы Предкавказья. В Ставрополе находился духовный чин высшей ступени церковной иерархии — епископ Кавказский и Черноморский. В 1843 г. здесь была открыта Кавказская духовная консистория, а в 1846 г.— Кавказская духовная семинария.

Учебная программа семинарии предусматривала изучение осетинского, татарского и калмыцкого языков. По утвержденным правилам в число воспитанников на казенный счет принимались осетины, черкесы «и прочие иноверцы с тем, чтобы означенные, по окончании семинарского курса, поступали

во священники преимущественно в приходы, населенные их единоплеменниками».

Русская православная церковь организовала при Кавказской духовной семинарии миссионерскую деятельность, которая имела целью насаждение христианства (православия) среди кавказских народов.

Глава христианской церкви в Грузии Экзарх Евгений в 1834 г. откровенно писал, что «распространение между горцами христианства, имея целью дело богу приятное, должно вмещать в себе и цель политическую».

Миссионерская деятельность семинарии способствовала усилению колониального режима царизма на Кавказе, однако она сыграла известную роль в распространении русского языка среди горских и кочевых народов.

Подлинным очагом культурного влияния была светская школа. Вопреки русификаторским и колонизаторским устремлениям царизма русские светские школы на Кавказе способствовали формированию национально-демократической интеллигенции.

Первостепенная роль в этом отношении принадлежала Ставропольской мужской гимназии, положившей начало приобщению горских и кочевых народов к демократической русской культуре, оказавшей благотворное влияние на их духовное развитие.

Известно, какую большую роль сыграли декабристы в деле всестороннего сближения национальной культуры народов Кавказа с культурой великого русского народа. Идеи просветительства приносили на Кавказ лучшие представители российской интеллигенции из военной и университетской молодежи.

Все это способствовало тому, что уже в 50-е годы губернская мужская гимназия превратилась в образцовое среднее учебное заведение.

В период 1850—1861 гг. директором гимназии был замечательный педагог и писатель Януарий Михайлович Неверов; он же возглавлял ставропольскую дирекцию училищ. Еще будучи студентом Московского университета, Неверов испытал благотворное влияние бурной общественно-политической жизни молодежи. Он находился в дружеских отношениях с Т. Н. Грановским и Н.В. Станкевичем, был членом его кружка, близко знал В.Г. Белинского и А.И. Герцена.

Будучи в Ставрополе, Неверов вел переписку с замечательным русским ученым и общественным деятелем Т.Н. Грановским. В своей педагогической практике Неверов руководствовался принципами прогрессивной педагогической мысли, стремился воспитывать у учащихся способности к размышлениям, приучал их работать не памятью, а умом.

В 1851 г. при Ставропольской гимназии были созданы два дополнительных специальных класса: университетский — для подготовки окончивших гимназию к поступлению в высшие учебные заведения и педагогический класс — для подготовки «младших учителей гимназии, смотрителей и учителей уездных училищ».

Просветитель-демократ Неверов был последовательным сторонником распространения просвещения среди народов Кавказа и делал все возможное для того, чтобы и высшее образование в российских университетах сделать доступным для молодых горцев. Под его руководством в Ставропольской гимназии сложилась замечательная традиция: начиная с 1852 г., ежегодно, в день основания учебного заведения (18 октября), проводился конкурс лучших сочинений на русском языке для соискания наград. Итоги конкурса 1853 г. не только оправдали, но даже далеко превзошли самые смелые предположения.

Высшей награды были удостоены сочинения кавказцев: абазина Адиль-Гирея Кешева на тему «О сатирическом направлении в русской литературе» и осетина Тхостова — «Кавказ по сочинениям Марлинского, Пушкина и Лермонтова».

Среди русских учителей гимназии были истинные поборники просвещения, чуждые великодержавной идеологии царских колонизаторов.

Преподаватель русской словесности Ф.В. Юхотников писал в 1858 г., что «из 20 горцев, учеников этой гимназии, большинство не только начало соперничать с русскими, но и заметно выдаваться вперед. На горцев посыпались награды и поощрения.

Вид с Крепостной горы на здание Ставропольской губернской гимназии и Николаевский проспект

Они являлись в родной аул с новыми познаниями и в родном языке». Наряду с другими предметами здесь преподавались тюркский и черкесский языки.

Ставропольская гимназия сыграла большую роль в культурной жизни горских народов. Просветительная и общественно-педагогическая деятельность Неверова способствовала приобщению формировавшейся интеллигенции народов Кавказа к передовой демократической русской культуре. Об этом говорится в стихотворении основоположника осетинской литературы К.Л. Хетагурова «Памяти Я.М. Неверова»:

Мы шли за ним доверчиво и смело,
Забыв вражду исконную и месть,—
Он нас учил ценить иное дело
И понимать иначе долг и честь...
Он нас любил, и к родине суровой
Он завещал иную нам любовь,—
Отважный пыл к борьбе направил новой
И изменил девиз наш — «кровь за кровь».
Он нам внушил для истинной свободы
Не дорожить привольем дикарей...
Я знал его... Я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей.

Ставропольская гимназия долгое время оставалась единственным учебным заведением, в котором получали образование дети дворян, чиновников и казачьей старшины Северного Кавказа, а также дети знати горских народов.

Прогрессивная система обучения и воспитания способствовала формированию основ демократического мировоззрения и общественно-политических взглядов учащейся молодежи. Большое воздействие на воспитанников гимназии оказывала та атмосфера общественной и культурной жизни города, которая создавалась под влиянием декабристов и лучшей части военной и университетской молодежи.

На страницах столичного журнала «Русский педагогический вестник» в 1858 г. сообщалось: «На ставропольском театре дан был воспитанниками губернской гимназии публичный спектакль», который устраивался с благотворительной целью и прошел с большим успехом. В заключение состоялся концерт с участием горской молодежи. Сбор с этого спектакля в сумме 545 руб. серебром предназначался на устройство в Ставрополе среднего учебного заведения для девушек всех сословий. Ставропольская гимназия положила начало формированию местной интеллигенции как из среды российских поселенцев, так и из горских народов.

Одним из первых горцев, закончившим в 1860 г. гимназию с золотой медалью и поступившим в Петербургский университет, был уже известный нам абазинец Адиль-Гирей Кешев. Потом некоторое время он работал переводчиком татарского языка в канцелярии начальника Ставропольской губернии и преподавал татарский язык в гимназии. Впоследствии А. Кешев — талантливый литератор, прогрессивный общественный деятель — стал одним из просветителей народов Кавказа.

Жители Ставрополя с гордостью вспоминают, что из стен губернской мужской гимназии вышли замечательные деятели второго поколения революционеров России. Первым среди них был Герман Александрович Лопатин.

Наряду со школой важнейшим фактором развития культуры является печать. Несмотря на то, что царская Россия не знала свободы печати, борьба прогрессивных и реакционных устремлений в культурной и общественной жизни страны находила отражение на страницах газет и журналов.

Первая в Ставрополе и на Северном Кавказе типография появилась в 1816 г., но вначале она обслуживала потребности военной и гражданской администрации: печатались казенные бумаги, приказы, формуляры.

Первая газета — «Ставропольские губернские ведомости» — начала выходить с 1 января 1850 г. Газета состояла из двух частей: официальной, в которой печатались распоряжения и постановления центральных и местных властей, и неофициальной — для описания торговли, сельского хозяйства, частных извещений, чрезвычайных происшествий и т.п. Газета выходила под непосредственным надзором и руководством губернской администрации. Не допускалось печатания статей на общественно-политические темы, фельетонов и юмористических заметок. Впоследствии в неофициальной части газеты публиковались местные материалы исторического, археологического, этнографического характера.

В 1839 г. в Ставрополе открылась небольшая частная библиотека купца Челахова, но она имела мало интересных и полезных книг. Однако купец за право пользования этими книгами взимал с каждого читателя по восьми рублей серебром в год.

Общественная библиотека в городе открылась 29 декабря 1852 г. в казенном доме бывшей строительной и дорожной комиссии. Книжный фонд библиотеки составлял менее 600 томов. Часть книг была куплена, а часть поступила в порядке пожертвования от жителей города и губернии. На первых порах без поддержки общественности библиотека испытывала большие затруднения, и только усилиями ставропольских книголюбов были созданы некоторые условия для ее существования.

Читатели — действительные члены библиотеки — за право пользования книгами вносили: состоящие на службе — по одному проценту от получаемого жалования, а купцы и прочие лица — по семи руб. серебром в год. Однако без ежегодных субсидий от городской думы библиотека развиваться не могла. В библиотеку поступали «дозволенные правительством» книги, журналы и газеты на русском языке.

К 60-м годам XIX в. Ставрополь становится самым культурным городом Северного Кавказа, а губернская мужская гимназия и театр являлись подлинными очагами русской культуры на Кавказе. По официальному признанию местной администрации, «г. Ставрополь обслуживал в просветительном отношении как Предкавказье, так и Кавказ».

В годы Кавказской войны в Ставрополе побывали многие великие люди России.

У колыбели рождения нашего города стоял знаменитый полководец А.В. Суворов. Будучи командующим Кубанским корпусом в 1778—1784 гг., он по долгу службы неоднократно посещал Ставропольскую крепость.

Великий русский писатель А.С. Грибоедов, получив назначение на пост полномочного министра при Тегеранском дворе, последний раз в своей жизни проследовал через Ставрополь 26 июня 1828 г. Командующий Кавказской линией генерал Е.А. Емануель получил официальное письмо из Петербурга об оказании содействия Грибоедову «для безостановочного продвижения в пути к месту его назначения». Через год Грибоедов был убит в Тегеране.

Дважды посетил Кавказ великий русский поэт А.С. Пушкин: первый раз — вместе с генералом Н.Н. Раевским в 1820 г. для лечения минеральными водами, а второй раз — в 1829 г. во время поездки в действующую армию Закавказья. Первое посещение было ознаменовано появлением романтической поэмы «Кавказский пленник», а второе нашло свое отражение в реалистических зарисовках «Путешествия в Арзрум», где Пушкин писал: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи».

Творческая биография великого поэта М.Ю. Лермонтова теснейшим образом связана с Кавказом.

Знаменитое стихотворение «Смерть поэта», прозвучавшее в России как политическая прокламация, принесло Лермонтову широкую известность и привело к первой ссылке на Кавказ. Весной 1837 г. поэт прибыл в Ставрополь, заболел и недели две пролежал в военном госпитале, а затем был отправлен в Пятигорск на лечение водами. Осенью того же года он, как уже известно, в Ставрополе познакомился с декабристами.

Летом 1840 г. — снова Кавказ. В Ставрополь Лермонтов приехал 10 июня. Здесь он встретился со многими петербургскими знакомыми, преимущественно гвардейскими офицерами, прибывшими сюда для участия в военных экспедициях. В ожидании назначения Лермонтов в обществе молодых офицеров принимал горячее участие в ежедневных шумных обедах и ужинах в роскошной по тому времени гостинице Найтаки.

В письме из Ставрополя 17 июня к А. Лопухину поэт писал: «Завтра еду в действующий отряд на левый фланг в Чечню...» Последний раз Лермонтов посетил Ставрополь в мае 1841 г., а 15 июля того же года был убит на дуэли в Пятигорске.

Неоднократно бывал в Ставрополе выдающийся русский композитор А.А. Алябьев (1787—1851), находившийся в 1831—1832 гг. на Кавказе в ссылке. Здесь на него большое впечатление произвели мелодии горских народов, которые были использованы в произведениях, вошедших в сборник композитора «Кавказский певец» и в его оперы. Кроме того, им написана «Кабардинская песня» и «Черкесские песни».

В 1847 г. на Кавказ прибыл великий русский хирург и анатом, основоположник военно-полевой хирургии Н.И. Пирогов (1810—1881). Приехал он в действующую кавказскую армию и при осаде аула Салты впервые в истории хирургии применил эфир для наркоза в полевых условиях.

В своих очерках путешествия Пирогов дал прекрасное описание цветущих степей Предкавказья, которыми он любовался по пути из Ставрополя «через Моздок в Кизляр по линии и по почтовому тракту». «От Ставрополя едешь, будто сидя в ароматической ванне. Нигде мне не случалось встретить такие необозримые пространства, как будто бы нарочно засеянные различными породами шалфея, богородицкой травою, солодковым корнем, диким лавендулом и проч.»

Весной 1851 г. Л.Н. Толстой в возрасте 23 лет приехал на Кавказ и прожил здесь более двух лет. Находясь на лечении в Пятигорске, Лев Николаевич работал над первыми своими повестями «Детство» и «Отрочество». Под впечатлением поездки на Кавказ он создал прекрасную повесть «Казаки».

Начало 60-х годов XIX столетия ознаменовалось крупными социально-экономическими переменами в истории России. Резкое обострение кризиса феодально-крепостнического строя заставило царское правительство отменить крепостное право.

В.И. Ленин писал: «19-е февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи».

К этому же времени длительная и тяжелая Кавказская война шла к своему завершению. В результате поражения Шамиля летом 1859 г. весь Северный Кавказ и Дагестан были окончательно присоединены к России. В мае 1864 г. закончилось присоединение Западного Кавказа. С окончанием войны «политическое» завоевание Кавказа было завершено.

На грани второго столетия своей истории Ставрополь вступал в полосу больших перемен. Еще в 1860 г. на территории Черноморского казачества и Кавказского линейного войска возникли две казачьи области — Кубанская и Терская.

К этому времени относится период наибольшего процветания и оживления Ставрополя.

Отмена крепостного права в России и окончание войны на Кавказе положили начало новому периоду — периоду экономического «завоевания» богатейшей окраины страны.

В этом процессе по-иному сложилась история города.

Время крутых перемен. Город в период развития капитализма. XIX в., 60—90-е гг. Пореформенный Ставрополь

С образованием Кубанской и Терской казачьих областей и с окончанием Кавказской войны резко изменился весь уклад политической и социально-экономической жизни Ставрополя.

Уже в 1865 г. штаб командующего войсками Кубанской области был перенесен в Екатеринодар (ныне Краснодар). В историческом очерке «Путеводителя по Кавказу» за 1888 г. о Ставрополе сообщалось: «с перенесением военных управлений во Владикавказ (ныне г. Орджоникидзе) и Екатеринодар он значительно опустел».

В 60—70-е годы значительная часть территории Ставропольской губернии с городами Моздоком, Кизляром, Георгиевском и всей группой курортов Минеральных Вод отошла к Терской области. Город терял свое былое значение военно-административного и политического центра огромной территории Предкавказья.

Однако падение крепостного права в России и окончание Кавказской войны явились главным условием быстрой колонизации малонаселенного Северного Кавказа и экономического освоения его богатств.

Бескрайние степные просторы привлекали крестьян внутренних губерний, обезземеленных реформой 1861 г. Военно-казачья колонизация Предкавказья периода войны заменяется крестьянской земледельческой колонизацией. Основной поток переселенцев направлялся в сельские местности, но значительная часть их оседала и в городах.

Переселенцы прибывали почти из всех губерний Европейской России, но главным образом из Воронежской, Харьковской, Курской, Орловской, Черниговской, Полтавской и Екатеринославской.

До середины 70-х годов Ставрополь продолжал оставаться торгово-промышленным центром огромного сельскохозяйственного района Предкавказья. В 1868—1869 гг. из Москвы, Нижнего Новгорода, Харькова, Полтавы, Ростова-на-Дону и Царицына ежегодно поступало свыше 500 тыс. пудов различных товаров, для чего требовалось до 30 тыс. пароволовых фур. Кроме того, из Ставрополя в Ростов и обратно перевозилось до 6 млн. пудов грузов.

В 1869 г. на Троицкую ярмарку привозили «крестьянский товар, земляных дел орудия, посуду стеклянную, деревянную, кожевенные, бакалейные товары, табак, рогатый скот, лошадей и баранов». С давних пор в городе существовали два базара — «Верхний» на Александровской и «Нижний» на Казанской площади.

С развитием внутреннего рынка скотопромышленность в пореформенной России получила еще большее значение в коммерческой деятельности купцов города. За один только 1875 г. они продали в Москве и Петербурге около 17 тыс. быков. Наиболее крупные скотопромышленники купцы Меснянкины, братья Ивановы отправляли на мясные рынки столиц по 5—6 тыс. быков в год.

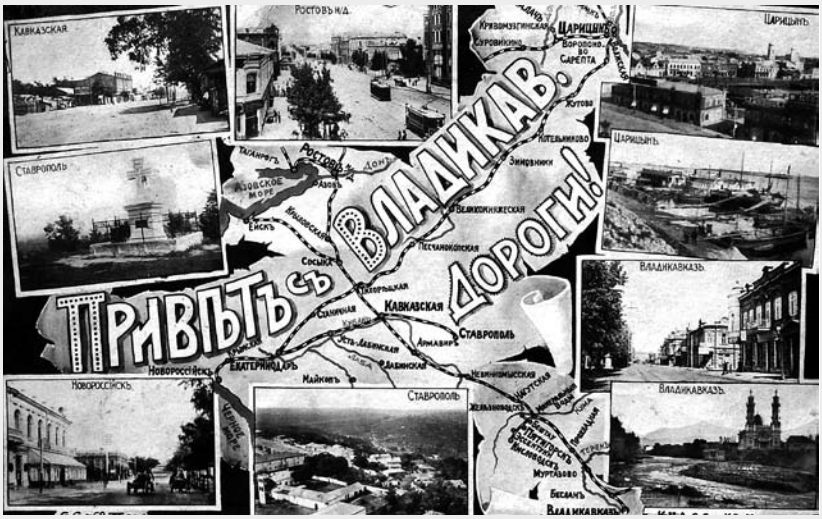
В течение двух недель 1865 г. в городе была открыта выставка «сельских произведений» Ставро-

польской губернии и Кубанской области, которую посетило около 10 тыс. человек. В мае 1872 г. губерния экспонировала «сельскохозяйственные произведения» на Политехнической выставке в Москве.

В середине 70-х годов Ставрополь лишился последнего преимущества перед другими городами Предкавказья. В 1875 г. закончилось строительство Ростово-Владикавказской железной дороги и со 2-го июля открылось движение поездов. Губернский город, около сотни лет стоявший на главном почтовом тракте Кавказа, оказался далеко в стороне от железнодорожной магистрали.

Знаменитый Черкасский тракт в пределах губернии становится дорогой местного значения, а город теряет роль крупного торгового центра. В отчете за 1881 г. губернатор с тревогой сообщал: «Торгово-промышленная деятельность в г. Ставрополе все более и более ослабевает».

Город не имел даже удобных подъездных путей к железной дороге. В связи с этим городская дума в ноябре 1881 г. направила в Петербург депутацию с ходатайством о проведении к Ставрополю железнодорожной ветки. При обсуждении вопроса в Государственном совете было высказано мнение о том, «что в настоящее время Ставрополь не имеет более ни политического, ни экономического значения», а поэтому затрата до 3,23 млн. руб. на строительство ветки «не оправдывается значением города».



«Привет с Владикавказской дороги». Почтовая открытка начала XX века

Однако изолированным от линии Ростово-Владикавказской железной дороги оказался не только город, но и почти вся Ставропольская губерния, так как дорога коснулась ее лишь на юго-западе, пройдя у границ с Кубанской и Терской областями. Подавляющее большинство ставропольских селений находилось на значительном удалении от новой дороги, и основная масса крестьянства концентрировала продажу скота и продуктов сельского хозяйства на городских и сельских ярмарках, которых в 1881 г. насчитывалось в губернии 82, и 3 из них — в Ставрополе. По случаю троицкой ярмарки и конских скачек в тот год в городе наблюдалось «значительное стечение народа».

В развитии пореформенной России В.И. Ленин усматривал две стороны: «развитие капитализма вглубь, т.е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории,— и развитие капитализма вширь, т.е. распространение сферы господства капитализма на новые территории». К одной из таких «новых территорий» относилась и Ставропольская губерния, где немногочисленные помещичьи хозяйства быстро исчезали, уступая место капиталистическому хозяйству кулаков, купцов и мещан.

Капиталистическая перестройка сельского хозяйства губернии до 70—80-х годов шла по линии приспособления животноводства к потребностям рынка. В итоге получили развитие две отрасли торгового животноводства — мясное скотоводство и тонкорунное овцеводство. В роли наиболее крупных скотопромышленников и овцеводов выступали «таврические» — капиталистические предприниматели, прибывшие сюда вместе со своими отарами тонкорунных овец из Таврической и других южных губерний.

В 80—90-х годах, когда тонкорунное овцеводство превратилось в основную отрасль торгового животноводства Предкавказья, а главный рынок сбыта шерсти России переместился из Харькова в Ростов-на-Дону, Ставрополь приобрел значительную роль. Овцеводы губернии при посредстве местных купцов-ростовщиков М. Попова, Саламатиных, Меснянкиных и др. заключали крупные сделки по продаже шерсти.

Строительство железных дорог и близость морских портов сыграли большую роль в экономическом освоении Северного Кавказа. Прежде всего усилился приток переселенцев. За 30 лет (1867—1897 гг.) в Ставропольскую губернию переселилось около 300 тыс. человек, возникло 44 новых селения. Среди них — Винодельное (ныне Ипатово), Дербетовка, Тахта, Арзгир, Рагули, Тищенское и многие другие.

Менее чем за полстолетия российские переселенцы освоили огромные пространства земли, девственная ковыльная степь покрылась посевами пшеницы, ячменя и других культур.

Предкавказье из района, потреблявшего зерно, превратилось к концу XIX в. в крупный район зернового производства страны.

Ставропольская пшеница с давних пор завоевала себе славу на европейских рынках. Производство зерна находилось главным образом в руках кулаков, чьи хозяйства превратились в крупные капиталистические предприятия с сотнями и тысячами десятин посева, с большим числом наемных рабочих и сельскохозяйственных машин.

Отличительная черта пореформенного экономического развития Ставропольской губернии заключалась в том, что она относилась к типичным аграрным окраинам России со слаборазвитой промышленностью и бурным притоком переселенцев.

В.И. Ленин писал: «В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозимых московских фабрикатов».

Таким образом, Северный Кавказ в экономическом смысле играл роль колонии. Он специализировался на массовом производстве продуктов сельского хозяйства, получая в обмен изделия промышленности. Под влиянием развивавшегося капитализма в сельском хозяйстве изменялась со-

циальная структура села, быстро росли сельская буржуазия и пролетариат, увеличивалось число иногородних поселенцев, неприписанных безземельных крестьян.

Огромная масса пореформенной «бродячей Руси» — сезонных сельскохозяйственных и строительных рабочих, ремесленников в поисках работы устремилась на Кавказ.

Все эти крупные социально-экономические перемены, происшедшие в губернии, нашли яркое отражение и в жизни города. Уже в 80-х годах Ставрополь начал играть посредническую роль в снабжении сельского хозяйства губернии усовершенствованными машинами и орудиями. Торговый дом Исакова в 1885 г. открыл в городе склад заграничных земледельческих машин. В 1888 г. началось строительство шоссейной дороги от Ставрополя до станции Невинномысской. Но эта дорога проходила по территории губернии на незначительном расстоянии и захватывала только одно село Татарское.

Возрастало значение Ставрополя как центра кредитных операций. Помимо уже существовавших городского общественного банка, общества взаимного кредита и банкирской конторы М. Попова, в 1885 г. появилось отделение крестьянского поземельного банка. В 1893 г. один из крупнейших коммерческих банков в кредитной системе пореформенной России — Азовско-Донской банк — открыл в городе свое отделение, а в 1895 г. возникло отделение Государственного банка. Ставрополь все больше и больше приобретал черты капиталистического города.

Быстрое развитие торговых отраслей капиталистического сельского хозяйства, рост экономического значения Ставрополя обусловили настоятельную необходимость соединить город железнодорожной веткой с главной магистралью.

В «памятной записке» правительства по данному вопросу сообщалось: «В 1892 г., когда Ставропольская губерния являлась запасным хлебным магазином для многих из пострадавших от неурожая местностей России», вновь возник вопрос о строительстве железной дороги.

Еще летом 1889 г. по поручению акционерного общества Ростово-Владикавказской железной дороги инженер В. Воробьев произвел изыскания, связанные с прокладкой ветки от станции Кавказской до г. Ставрополя. По проекту длина дороги составляла около 130 верст.

Товаро-пассажирское движение по Ставропольской ветке открылось 10 мая 1895 г. лишь от станции Кавказской до станции Михайловской (ныне Пелагиада). К Ставрополю дорога была подведена к 1 января 1897 г. По территории Ставропольской губернии эта ветка проходила только на протяжении 22,5 версты с двумя станциями — Пелагиадой и Ставрополем, а остальные 105 верст — по территории Кубанской области.

Экономика города развивалась на аграрной основе. Наибольшее развитие получили торговля скотом, шерстью и хлебом, а также промышленная переработка продуктов сельского хозяйства. К концу XIX в. по уровню промышленного производства Ставрополь занимал первое место в губернии. В 1897 г. на его долю приходилось около 46% общего объема производства. Главными отраслями были мукомольное и маслобойное производство. В городе работали три наиболее крупные паровые мельницы, которые по своей производительности могли заменить почти все паровые мельницы губернии.

В бакалейных магазинах Петербурга широкой известностью пользовалась пшеничная мука ставропольской мельницы Баранова. Промышленные товары, необходимые для жителей города и сел, привозились из Москвы, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Царицына и других мест. В этих экономических сферах и развивалась коммерческая деятельность местных купцов и предпринимателей.

Большие обороты в хлебной торговле совершал торговый дом «К.К. Анпеткова и А.Е. Унакова», которому принадлежала также крупная паровая мукомольная мельница и паровой маслобойный завод. На этих предприятиях в 1900 г. работало 40 человек, и годовой оборот составлял 60 тыс. рублей. В 1901 г. в городе имелось: 4 склада сельскохозяйственных машин, 30 хлебных ссыпок, хлебная контора кавказского отделения парижской экспортной фирмы «Луи Дрейфус».

Хлебные перевозки по Ставропольской ветке росли значительно быстрее, чем по главной магистрали Владикавказской железной дороги. Не случайно эту ветку называли «хлебной дорожкой». Наблюдая развитие капиталистического предпринимательства в Ставрополе, Коста Хетагуров отмечал «необыкновенно быстрый рост числа всевозможных контор, частую смену вывесок торговых фирм, неожиданное вылетание в трубу «солидных» предприятий».

В отличие от многих губерний пореформенной России «степные ярмарки» Северного Кавказа процветали до конца XIX в. Здесь, наряду с развитием постоянной торговли, ярмарочная сельскохозяйственная торговля оставалась еще основной формой товарного обращения.

В процессе пореформенной колонизации Ставропольской губернии росло население города. По данным первой всероссийской переписи 1897 г. оно составляло 41 590 человек и за 37 лет с 1860 г. возросло почти в 2,4 раза.

Удельный вес городских сословий (купцов и мещан), а также крестьян, продолжал расти и достиг соответственно 57,1 и 24,6%. Доля этих категорий городских жителей возросла с 57,9 в 1860 г. до 81,7%.

Состав городского населения трансформировал в себе те особенности, которые наблюдались при заселении губернии: пореформенная колонизация носила крестьянский характер. Среди жителей города были уроженцы пятидесяти губерний Европейской России, но большинство прибывало из Воронежской, Курской, Полтавской, Харьковской, Пензенской, Орловской, Калужской, Тульской губерний и Донской области. Русские поселенцы составляли подавляющее большинство горожан — 87,2%, украинцы — 2,7%, армяне — 1,7%, поляки, немцы и проч. — 8,4%.

В сфере материального производства было занято 40,7%, в ремесленном и промышленном производстве абсолютное большинство составляли строительные и ремонтные рабочие, портные и сапожники, а также жители, занятые переработкой продуктов сельского хозяйства. Преобладали мелкие кустарные и полукустарные предприятия.

Распределение населения по роду занятий

	Всего с семьями	Доля, %
В ремесленном и промышленном производстве	10516	5,3
В сельском хозяйстве	6427	15,4
В торговле, коммунальных и других предприятиях	19153	46,1
Прочие занятия	5476	13,2
Всего	41572	100

Среди тех, кто был занят сельским хозяйством, преимущество принадлежало земледельцам. Развивалось садоводство и огородничество, незначительное место занимало животноводство.

В летнюю пору население Ставрополя возрастало. Сюда прибывало много сезонных рабочих, ремесленников, являлись ходоки от российских переселенцев и годами добивались земельного надела. По степным дорогам и ярмаркам в поисках работы и куска хлеба бродило много неустроенного люда.

В Ставрополе нередко можно было видеть переселенцев, которым Кавказ принес только горе. Так, тяжелая участь постигла горнозаводских крестьян-переселенцев из Вятской губернии, которые, потеряв все на родине и не получив ничего на чужбине, оказались в трагическом положении. В течение зимы 1865—1866 гг. из 480 вятских переселенцев, находившихся в городе, умерли от нищеты, голода и болезней 242. Часть из оставшихся в живых осела в Ставрополе.

Революционно-демократическое движение

Несмотря на то, что Ставрополь находился на большом удалении от главных центров общественно-политической жизни России, революционно-демократическая идеология оказывала свое влияние на местную интеллигенцию.

С начала 60-х годов устанавливается связь «Вольной русской типографии» в Лондоне с Кавказом. Связь осуществлялась учителем гимназии из Екатеринодара (ныне Краснодар) Н.И. Вороновым, который был корреспондентом газеты «Колокол», а с 1862 г. — связным А.И. Герцена.

В 60-х годах обнаруживаются первые проявления разночинного свободомыслия в Ставропольской мужской гимназии. Местной администрации приходилось принимать меры к ограждению немногочисленных воспитанников горского пансиона, существовавшего при гимназии, от соприкосновения с «проповедниками социализма».

Царский наместник на Кавказе князь А.И. Барятинский обратился с письмом к Александру II по поводу «страшного направления Ставропольской гимназии», поставившей целью «развитие свободы мыслей».

Известный революционер-народник 70-х годов Адриан Михайлов (1853—1929) после окончания Георгиевского уездного училища поступил в 1863 г. в Ставропольскую гимназию. Являясь живым свидетелем общественной жизни учащейся молодежи Ставрополя 60-х и начала 70-х годов, он в своей автобиографии сообщает важные сведения, которые в значительной степени расширяют наши представления о распространении революционно-демократической идеологии на Северном Кавказе.

На первых же гимназических каникулах А. Михайлову довелось встретиться на черноморском побережье с людьми, которые в молодые годы общались с декабристами. От них он узнал об истинных причинах крестьянского восстания в ставропольском селе Маслов Кут. Они обстоятельно познакомили его с журналом А.И. Герцена «Полярная звезда» и знаменитым письмом Белинского к Гоголю, письмом, содержание которого явилось вершиной революционно-демократических идей великого демократа и получило высокую оценку В.И. Ленина.

В гимназии А. Михайлов сдружился с воспитанником Сергеем Голоушевым, который через знакомую библиотекаршу общественной библиотеки приобщил его к чтению книг, «изъятых из общего пользования». «И здесь на чердаке, у слухового окна,— пишет А. Михайлов,—мы глотали книги по его выбору... Начал я с «Что делать?» Все праздники этого учебного года просидел над «Современником» и к концу года уже перечитал Чернышевского и Добролюбова».

Вскоре С. Голоушев уехал из Ставрополя в Оренбург, куда по службе был переведен его отец. Там он стал главою кружка революционеров и впоследствии предстал перед судом по процессу «193-х» участников «хождения в народ».

Следующие каникулы А. Михайлов также провел на черноморском побережье. На этот раз он познакомился с рукописями А. С. Пушкина «Ода временщику», в которой выражены политические взгляды молодого поэта (при жизни Пушкина ода получила распространение только в рукописи), комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (полный текст комедии был напечатан только в 1862 г., поэтому «Горе от ума» получило широкое распространение в рукописи).

Кроме того, Михайлов прочитал произведение А.И. Герцена «Историческое развитие революционных идей в России», нелегально изданное в 1861 г. студенческим кружком Московского университета. На старшем курсе гимназии А. Михайлов уже прочитал статью И. Кауфмана о первом томе «Капитала» К. Маркса.

Много лет спустя он вспоминал о том большом влиянии на воспитанников Ставропольской гимназии, которое оказывала молодежь, высланная сюда «по политическим мотивам» из Петербурга и Москвы. А. Михайлов писал: «Появлялись высланные. Первым из них на моей памяти был Герман Лопатин. Он вел большие знакомства, имел большое влияние... Затем в Ставрополе появилась сразу целая группа высланных: среди них брат Германа Лопатина, Всеволод, судившийся потом по процессу «193-х». Для гимназистов это был богатый источник революционного просвещения».

В связи с «политической неблагонадежностью» в 1869 г. вместе с Всеволодом Лопатиным из Московского университета были исключены Василий Семибратов, Николай Динник и высланы под надзор полиции в Ставрополь.

Герман Александрович Лопатин закончил Ставропольскую гимназию в 1861 г., а в 1866 г. с большим успехом завершил университетское образование. Перед молодым ученым-естественником, кандидатом Петербургского университета, защитившим диссертацию, открывался широкий горизонт деятельности

на научном поприще. От самого Д.И. Менделеева он получил приглашение остаться при кафедре. Но Г.А. Лопатин посвятил свой ум и энергию благородной борьбе за свободу своего народа.

В 1867 г. он тайно направляется в Италию с намерением сражаться на стороне народного героя Гарибальди. По возвращении в Россию был арестован за «антиправительственную, революционную пропаганду» и выслан в г. Ставрополь «под непосредственный надзор отца... и под строгое наблюдение местных властей с предоставлением ему права поступить там в государственную службу...» Отец в Ставрополе состоял в должности председателя губернской казенной палаты. Г.А. Лопатин был назначен младшим чиновником особых поручений при губернаторе и прожил здесь более года (с сентября 1868 г. до декабря 1869 г.). Его деятельность, несомненно, оставила след в общественно-политической жизни города и губернии.

Будучи библиотекарем, он проводил большую просветительную работу среди учащейся молодежи, приобщая ее к свободомыслию. Об этом свидетельствует секретное донесение начальству: «библиотека превращена им в место сходок для гимназистов и семинаристов старших классов и для высланных студентов».

Директор Ставропольской гимназии Л.Л. Марков в представлении попечителю Кавказского учебного округа писал: «посещая не раз публичную библиотеку, я всегда находил в ней много наших воспитанников и еще более семинаристов. Все они выбирали себе для чтения весьма пикантные вещи. На первом плане были, разумеется, журналы «Дело», «Искра» и т. д. или книги вроде Добролюбова, Чернышевского, Михайлова». Директор даже склонен был думать, что причину свободомыслия среди воспитанников гимназии «надо искать положительно в здешней публичной библиотеке».

В ставропольской ссылке Г.А. Лопатин проявил глубокий интерес к произведениям К. Маркса. Отсюда он запрашивал своих петербургских друзей о ходе подготовки издания русского перевода книги Маркса «К критике политической экономии». Следовательно, благодаря Лопатину имя Карла Маркса произносилось в кругу передовой разночинной молодежи Ставрополя уже в 1869 г.

В конце 1869 г. по телеграфному распоряжению третьего жандармского отделения Г. А. Лопатин вновь был арестован, но отважный революционер не мог примириться с создавшимся положением и совершил побег вначале в Петербург, а затем за границу.

Там он близко сходится с К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые высоко оценили его революционную деятельность. «Немногих людей я так люблю и так уважаю, как его»,— писал Маркс о Лопатине.

Став ближайшим другом основоположников научного коммунизма, членом Генерального совета I Интернационала, Лопатин первым приступил к переводу «Капитала» Маркса на русский язык.

Будучи отважным и решительным человеком, он предпринял попытку освободить Н.Г. Чернышевского из сибирской ссылки, но был арестован. В связи с этим окончание перевода «Капитала» было передано Н.Ф. Даниельсону.

Большую и мятежную жизнь прожил Г. А. Лопатин. За революционную деятельность несколько раз подвергался аресту, был приговорен к смертной казни, которую заменили бессрочной каторгой. 21 год провел в застенках Шлиссельбургской крепости, и только во время революции 1905 г. его освободили. Но здоровье бесстрашного революционера было подорвано, он отошел от политической деятельности и в 1918 г. умер.

Михаил Федорович Фроленко (1848 — 1938) вошел в историю революционного народничества как деятельный участник «хождения в народ», член Исполнительного комитета «Народной воли», человек исключительного мужества, энергии и находчивости. Родился он в Ставрополе в семье отставного фельдфебеля. В 1870 г. окончил Ставропольскую гимназию, учился в Технологическом институте в Петербурге, а затем в Петровской земледельческой и Лесной академии в Москве.

О своей жизни в Ставрополе М.Ф. Фроленко писал: «В гимназии у нас был уже кружок революционно настроенных гимназистов, и вообще бродил вольный дух, проявлявшийся и в том, что тихонько ходили в театр, когда там читался «Парадный подъезд» (Некрасова, шел «Иван Грозный» или «Горе от ума».

В своих «Записках семидесятника» М.Ф. Фроленко хорошо передает влияние на учащуюся молодежь Ставрополя той общественно-политической обстановки, которая создалась в 60-х годах XIX в. в России. «Лучшей книгой,— писал он,— был переживаемый момент. Освобождение крестьян, реформа, обещание новых, затем попятное движение — все это возбуждало толки, надежду, критику, разочарование. В обращение поступила масса хороших новых мыслей, передовых идей. Все это носилось в воздухе, усваивалось и оставалось надолго в душе. Все это заменяло мне книгу в моем развитии. Только этим, да тем воспитанием в детстве..., мне кажется, и можно легко объяснить то обстоятельство, что я без всякой ломки, как бы естественно, вошел потом в ряды революции, начавши еще в гимназии не глубоким, малопродуманным нигилизмом».

Вот атмосфера, в которой закладывались и воспитывались лучшие устремления будущих героев «Народной воли», их бескорыстное служение делу освобождения своего народа.

В этой же атмосфере, по словам М.Ф. Фроленко, воспитывалось «отрицательное отношение к дипломам, к карьере, ко всему показному; простота в одежде, в жизни, честность», еще неопределенное «стремление послужить народу, стране, любовное отношение к угнетенным, неверие или, лучше сказать, лишь отрицательное отношение к обрядам церкви — вот и все, с чем я вышел из гимназии».

Несомненное «революционное просвещение» части молодежи, окончившей Ставропольскую гимназию, продолжалось и углублялось на студенческой скамье университетов и институтов страны.

В своих воспоминаниях А.Ф. Михайлов рассказывает, как студенты Московского университета создавали кружки самообразования. «Группировались земляки, — пишет он, — сгруппировались и мы, бывшие ставропольские гимназисты. Начали с Милля с комментариями Чернышевского. Продолжили «Капиталом» Маркса. Изучение увлекало».

Разночинное свободомыслие коснулось и воспитанников Кавказской духовной семинарии. В октябре 1868 г. петербургский обер-полицмейстер Трепов сообщал ставропольскому губернатору о том, что семинарист В. Преображенский на призыв извест-

ного петербургского книгоиздателя Ф.Ф. Павленкова организовал сбор денег на устройство памятника революционному демократу Д.И. Писареву и на учреждение стипендии его имени в Петербургском университете. По сведениям ректора семинарии, В. Преображенский не только собирал средства по просьбе Павленкова, но и выписывал книги его издательства. (За выпуск сочинения Д.И. Писарева Павленков в 1867 г был выслан в Вятскую губернию)

В Ставропольской мужской гимназии из учеников старших классов еще в начале 60-х годов возникло тайное общество. В 70-х годах оно издавало рукописный журнал «Люцифер». О содержании журнала сведений не обнаружено. Известно, что в числе корреспондентов состояли Петр Добротин (псевдоним – «Граф Парижский») и Яков Абрамов (псевдоним «Федосеевец»).

Яков Васильевич Абрамов (1858—1906) — публицист-народник, сотрудник журналов «Отечественные записки», «Дело», «Устои» и других изданий, автор рассказов о народной жизни. Родился в г. Ставрополе в мещанской семье, учился в гимназии, но из шестого класса «вследствие неприятностей с гимназическим начальством» перешел в местную духовную семинарию.

В 1877 г. Абрамов поступил в медико-хирургическую академию, но в 1878 г. за Революционную пропаганду был исключен и выслан из Петербурга на родину. Только в декабре 1880 г. ему разрешили возвратиться в столицу, где и началась его публицистическая деятельность.

По материалам городского полицейского управления, в конце 70-х годов в Ставрополе, «образовалась конспиративная квартира» из гимназистов: Симонова, Пламеневского, Чебатова, Полюхова и Н.Г. Гомалицкого, который уже побывал в сибирской ссылке. Воспитанники гимназии имели возможность читать журнал «Земля и воля», издававшийся в Петербурге народнической организацией в 1878 — 1879 гг.

В. В. Полюхов, став студентом Петербургского университета, осуществлял связь столичных революционных народников с Северным Кавказом.

Если в 60-х годах очагом свободомыслия на Северном Кавказе считался только Ставрополь, то с начала 70-х годов ими стали Пятигорск, Георгиевск, Екатеринодар, Владикавказ, Грозный. Однако Ставрополь не потерял своего прежнего значения. Здесь, по признанию кавказской администрации, складывались наиболее сильные и крепкие «гнезда социалистов».

К 1879 г. в городе существовало значительное ядро разночинной молодежи, связанное идеей борьбы против самодержавия.

Его деятельность не была изолирована от революционно-демократического движения крупных общественно-политических центров страны и от крестьянских волнений 60—70-х годов в губернии.

По утверждению наместника на Кавказе, великого князя Михаила, летом 1879 г. в Ставропольской губернии несколько лиц были заподозрены в распространении запрещенных книг.

Как известно, конец, XIX — начало XX столетий ознаменовались вступлением освободительного движения в третий пролетарский этап. На арену борьбы против самодержавия выступал рабочий класс, который оказывал все более значительное влияние на развитие революционного движения крестьянства. В этой связи большой интерес представляет деятельность первых в России социал-демократических групп.

Организатором одной из них был наш земляк — Михаил Иванович Бруснев (1864—1937), родившийся и станице Сторожевой Зеленчукского района в семье кубанского казака. Образование получил в Ставропольской гимназии, а затем в 1891 г. закончил Петербургский технологический институт.

Еще будучи студентом, Михаил Бруснев в 1889 г. объединил рабочие кружки Петербурга, а в 1890—1891 гг. сам руководил кружком пропагандистов-студентов, в который входили Н.К. Крупская, С.И. Радченко и др. Н.К. Крупская говорила, что Бруснев был чрезвычайно умным и каким-то необыкновенно простым человеком, ушедшим в революционное движение.

Группа Бруснева ставила своей целью пропаганду марксизма среди передовых рабочих для подготовки из них руководителей рабочего движения. В 1891 г. группа организовала первую в России маевку.

В стране, как в центре, так и на окраинах, росло рабочее и крестьянское движение, но оно развертывалось уже в иной политической и общественной обстановке — в России назревала буржуазно-демократическая революция.

Город меняет черты

С ростом населения, развитием экономической и культурной жизни рос сам город. Расширение его шло, главным образом, в западном и юго-западном направлениях. Застраивалась территория верхней части Ставрополя, известной под названием Нового города. Она начиналась обширной Александровской площадью от дома командующего войсками (ныне площадь им. В.И. Ленина). К середине XIX в. Новый город почти весь состоял из каменных одноэтажных домов, за исключением здания военного госпиталя.

В 1868 г. на южной стороне Александровской площади по проекту архитектора Воскресенского построили мужскую гимназию (ныне главный корпус военного училища связи). На северной стороне площади в 1873 г. было сооружено двухэтажное торговое здание по проекту архитектора П. Никифорова (ныне краеведческий музей).

Сама же Александровская площадь, по свидетельству современника, представляла собой «место, равняющееся квадратной версте, покрыто сплошным камнем, на нем зелень появляется в апреле месяце и к половине мая совсем исчезает; лишь одна десятая часть этого пространства доступна для кое-какой растительности» (сейчас здесь прекрасный сквер).

Центральная часть Ставрополя застраивалась административными и коммерческими зданиями, домами богатых купцов и крупных скотопромышленников-тавричан. В 1868 г. здесь находилось семь гостиниц. Лучшая из них, как и в каждом губернском городе, называлась «Европа». Для простого приезжего народа существовали два постоялых двора и 11 харчевен, а на «толкучем рынке» Верхнего базара был устроен «Обжорный ряд».

По утверждению И.В. Бентковского, Ставрополь по внешнему облику и благоустройству «после Тифлиса являлся первым городом Кавказского неместничества». К началу 70-х годов он наполовину был вымощен, 300 фонарей освещали его улицы и площади. В городе имелось около сотни фаэтонов, пролеток и линеек, легковых и до 150 ломовых извозчиков.

Губернатор Никифораки в начале 90-х годов заявил, что «большинство учебных заведений в Ставрополе и роскошных помещений для них создано весьма недавно». На западной стороне Александровской площади в 1884 г. выстроено здание Кавказской духовной семинарии (ныне главный корпус педагогического института). К лучшим учебным зданиям города, построенным и 60-80-х годах, относились: епархиальное училище (ныне главный корпус сельскохозяйственного института), Ольгинская женская гимназия (средняя школа № 1), женская гимназия св. Александры (жилой дом № 1 по Советской улице).

К концу XIX в. в городе появляются гостиницы с такими громкими названиями, как «Гранд Отель», «Лондон», «Варшава». Появились также гостиницы «Тула», «Калужское подворье», «Русское хлебосольство» и другие, в названиях которых в какой-то мере отразился процесс заселения города переселенцами из внутренних губерний.

Открываются меблированные комнаты, гастрономические и универсальные магазины, бани с дворянскими и общими отделениями. По утвержденному в 1897 г. проекту на Николаевском проспекте был построен двухэтажный дом губернатора (в надстроенном здании ныне размещается городской комитет КПСС и исполком городского Совета депутатов трудящихся).

В нижней торговой части города на проспекте в 1910 г. открылся новый театр «Пассаж», построенный в коммерческих целях купцами Меснянкиными. В одном здании объединялись торговый «Пассаж», драматический театр и кинотеатр «Модерн» (ныне краевая филармония). В городском парке в 1911 г. закончено строительство трехъярусного летнего театра купца М. Пахалова.

Ставрополь имел телеграфную связь с Тифлисом еще в 1862 г., а в 1863 г. была установлена прямая связь с Москвой. Телеграфная линия вскоре приобрела большое международное значение: через Ставрополь и Тифлис осуществлялась телеграфная связь между Москвой и Тегераном, Лондоном и Бомбеем. Городская телефонная сеть общего пользования начала создаваться в 1897 г. К концу мая 1902 г. в списке абонентов значилось 137 телефонов, из них только 8 на квартирах, а остальные в гостиницах, учреждениях и на предприятиях.

Больничная и амбулаторная помощь далеко не удовлетворяла нужд населения. В 1910 г. в городе было шесть больниц, в которых работали 14 врачей и фельдшеров. Для стационарного лечения в больницах имелось лишь около 200 мест.

Характеристика городского хозяйства Ставрополя, данная в 1904 г. губернатором Никифораки, существенно отличается от характеристики Бентковского, относящейся к началу 70-х годов. За прошедшие 30 лет площадь города возросла в два раза, а с работами по благоустройству местная администрация и купечество не торопились. Существовавшие ранее мостовые пришли в полную негодность, но только в 1902 г. приступили к устройству мостовых из речного кубанского булыжника на Николаевском проспекте, Воронцовской и Театральной улицах. Подавляющее же большинство улиц в дождливую пору тонули в непролазной грязи.

Освещение было скудным, многие керосиновые фонари мерцали «наподобие ночников», а большая часть города совершенно не освещалась. Небольшая электростанция купца Иванова, построенная еще в 1897 г., «с энергией от 300 до 400 лампочек» могла освещать только полторы улицы. Городская электрическая станция была построена лишь в 1909 г.

Ощущалась острая нужда в питьевой воде. Городская администрация мало занималась улучшением санитарного состояния Ставрополя. В обзорах санитарной комиссии постоянно отмечалось, что гостиницы, трактиры и постоялые дворы содержались «весьма неряшливо и в крайне безобразном виде», площади Нижнего и Верхнего базаров занавожены. Система канализации и водостока в дореволюционном Ставрополе отсутствовала, хотя проект этой системы был разработан в 1910 г.

В каждом губернском городе пореформенной России, помимо дворянско-буржуазного центра, имелись и рабочие окраины, терпевшие беспросветную нужду.

Совершенно не были благоустроены окраины Ставрополя. Восточная окраина города располагалась на заболоченной низине, в связи с чем и получила в народе прозвище «Лягушевка». Не в лучших условиях находилась и юго-восточная окраина — «Желобовка». Городская беднота здесь ютилась в жалких турлучных домиках, которые в дождливую пору тонули в грязи <...>

Текст печатается по изданию:
Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь. Исторический очерк. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1977. — С. 7—85.

В.Г. Гниловской. **Рукописные планы города Ставрополя первой трети XIX столетия***

Старинные планы городов и других населенных пунктов представляют ценные документы, широко используемые в историко-географических исследованиях. Они позволяют судить о местоположении, размерах, природной обстановке города и факторах, определяющих его развитие в отдельные исторические периоды.

Планы наглядно показывают пространственное размещение основных частей города: кварталов, улиц, площадей, дорог, их соотношения друг с другом, с рельефом местности и гидрографической сетью, что не может быть заменено любым, хотя бы самым подробным описанием.

Анализ планов города за различные годы дает материал о социальном, хозяйственно-экономическом и культурном развитии данного населенного пункта. Об организации его территории и внутригородских исторических, хозяйственных, природных подразделениях: «старый и новый город», центр и пригороды (форштадты, слободки), промышленные участки, базары, места ярмарок, городские угодья (леса, пашни, сенокосы, пастбища, сады, плантации).

При сравнении планов выявляется расположение и время постройки отдельных зданий, история наименования улиц, площадей, пригородов и многие другие вопросы, слабо освещенные в текстовых архивных документах.

Наиболее ранним из известных к настоящему времена планов Ставрополя является рукописный план 1787 года, обнаруженный нами в Государственном историческом музее, публикуемый в 14 выпуске Материалов по изучению Ставропольского края.

Из рукописных планов начала XIX века нами были описаны планы 1805 и 1833 годов, позволившие наметить основные черты территориального развития Ставрополя за этот период (Гниловской, 1952). Дальнейшие поиски привели к обнаружению нескольких других, ранее неизвестных, планов города за промежуточные годы, существенно пополняющих историко-географические сведения о Ставрополе за первую треть XIX столетия. Каждый из них раскрывает какие-либо новые стороны жизни города, представляющие интерес для историков, географов, топонимистов, краеведов, и поэтому они заслуживают опубликования как своеобразный исторический документ.

В предлагаемой статье публикуются рукописные планы Ставрополя, обнаруженные нами в Центральном Государственном историческом архиве (ЦГИА) в Ленинграде, в Военно-Ученом Архиве Центрального Государственного Военно-Исторического Архива (ВУА, ЦГВИА) в Москве, в Государственном Архиве Военно-Морского Флота (ГАВМФ) в Ленинграде, в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК).

Всего нами описывается шесть планов Ставрополя, пять из этих планов воспроизводятся в виде схем. Схемы составлялись путем генерализации. В целях лучшей читаемости уменьшенные фотокопии планов перечерчивались, при этом надписи и цифровые обозначения делались увеличенными, а тексты «изъяснений» и «экспликаций» включались в описание планов. На планах и в описаниях сохранены стиль и орфография подлинников.

I. План города Ставрополя 1805 года

«План города уездного Ставрополья с показанием существующего положения и вновь прожектированных кварталов» «Масштаб к плану дюйм аглицкой 100 сажень» (1:8400). ЦГАВМФ, фонд 3, опись 26, дело 3263.

План ориентирован верхней стороной рамки на север. Дата составления плана не указана. План очень близок к плану 1805 года (Гниловской, 1952), но охватывает меньшую площадь, ограниченную на юге р. Мутнянкой, на севере — южной окраиной леса, расположенного севернее армянского кладбища. Западной границей плана изображаемой территории является «Обывательский сад», располагавшийся на месте современной Краснофлотской улицы.

Восточной границей территории, охватываемой планом, является овраг, впадающий в Ташлу с юга (Чертов яр) и бывшая Тифлисская застава.

В отличие от уже известного плана 1805 года (Гниловской, 1952) на описываемом экземпляре изображены территория и кварталы казачьей станицы.

На плане показаны: речка Чла с одиннадцатью прудами и мельницами по ее руслу, два отвершка речки Желобовки, часть Мутнянки, лес в верховьях р. Члы (Ташлы) и лес в северной части плана, за армянским кладбищем. Рельеф показан отмывкой.

План изображает постройки внутри крепости; кварталы станицы с надписью «Хоперского казачьего полку станица, в коей полковой штаб пребивание свое имеет»; участки «форштадта», расположенные южнее и западнее крепости. Пространство от верховий Желобовки до урочища «Пещаной бугор» помечено знаком выхода на поверхность каменной плиты с надписью: «Каменистой грунт». Обширные участки западнее и восточнее полосы выхода камня, а также в левобережье р. Члы показаны как степные пространства.

В изъяснении к плану указаны: «Полковая церковь» (1) в центральной части крепости; к юго-западу от нее «Шефской казенной дом» (2); «Соляной магазейн» (3) против западного входа в церковь; «Гоуптвахт» (4) севернее церкви; «Ветхой казенной дом» (5) в западной части крепости; «Казначейство» (6) севернее гауптвахты и «кладовая» (6) (денежная. — *В.Г.*) в восточной части крепости, в этом же участке «Артелерийской сарай» (7) и «Пороховой выход» (8) (погреб — *В. Г.*).

В форштадте, т.е. в пределах окружающего крепость гражданского поселка, показаны: «Соборная церковь» (9) на главной улице, по которой проходил почтовый тракт. Церковь изображена двумя прямоугольниками, один из них, незакрашенный, изображал старую деревянную, в дальнейшем сломанную, и

* Описанные в статье планы 1805, 1809, 1833 годов см. на стр. 14-15, 16-17, 22 настоящего издания

другой, закрашенный, вновь построенную каменную, находившуюся против улицы Казачьей, на месте, где теперь построена гостиница «Ставрополь». Условным знаком за № 10 обозначены «Присутственные места», они располагались в пределах квартала, ограничивающего с запада современную Баррикадную улицу, на территории дома № 73 по проспекту К. Маркса. Другое здание, относящееся к присутственным местам, располагалось на углу современных улиц Р. Люксембург и пр. К. Маркса. К западу от крепости, близ верховий оврага, у современной Кавалерийской улицы располагались «Госпиталь» (11) и «Полковой лазарет» (12). Цифрой 13 на плане отмечены кварталы форштадта, занятые под «Обывательское строение», т.е. частные дома, таких кварталов насчитывалось около 20. Цифрой 14 обозначены «Вновь намеченные кварталы», т.е. проектируемые к застройке, они указаны в западной части города, носившей в дальнейшем наименование «Воробьевки», называвшейся также «Солдатской слободкой» (Гниловской, 1952). Эта местность соответствует отрезкам современных улиц Дзержинского, Морозова и Ленина, заключенным между улицами Артема и Краснофлотской, включающих также северные отрезки улиц Ломоносова и Льва Толстого. Три квартала этой местности уже были застроены. В небольшом доме (15), находящемся внутри крепости, против ее южных ворот, располагалась «Канцелярия».

Цифрой 16 обозначены «Обывательские сады». Они находились в районе армянского кладбища, занимали склоны долины р. Члы и Мутнянки. Этим же знаком помечена территория современного парка культуры и отдыха. Значительная часть садов занималась в то время под тутовые насаждения. 17 номером обозначены «Мастерские», расположившиеся на открытой площади, западнее современного парка культуры и отдыха. И за № 18 — «Торговые лавки» у восточного подножия Крепостной горы, вдоль северного отреза современной улицы Голенева (от улицы Горького до ул. Калинина) и вдоль нижней части улицы Шаумяна (бывшей Армянской), примыкающей к улице Голенева.

II. План города Ставрополя 1809 года

«План города Ставрополя с показанием во оном существующего казенного и обывательского строения, что и означено: каменные покрыты красною, а деревянные желтою красками, снятый в 1809 году». ЦГИА, фонд 1293, опись 168, дело 5, л. 1.

Верхняя рамка плана ориентирована на юг. Масштаб: в 1 дюйме 35 сажен (1:2940). Внизу справа стоит подпись: «Генерал от инфантерии Ермолов». План охватывает территорию крепости, станицы и бассейн Желобовки до современных улиц Ипатова и Спартака и бывшего Варваринского кладбища, на месте которого теперь располагаются здания строительного техникума. На востоке границей города являлась современная площадь Орджоникидзе. На западе изображения на плане доходят до истоков трех отвершков Желобовки, близ современной улицы Коминтерна. Вдоль бровки правого берега Ташлянской балки изображения плана охватывают более западные участки местности, показывая один из северо-восточных кварталов предместья, называвшегося ранее Солдатской слободкой, в дальнейшем — Воробьевкой.

Рельеф показан отмывкой, при этом подчеркивается понижение местности на восток в виде террасообразных уступов как в правобережье Желобовки, так и в пределах Крепостной горы, образующей левый склон долины этой реки.

Река Желобовка на плане названа «Ручей», без собственного имени, которое, однако, уже использовалось на более ранних планах. Наиболее значительным по длине и водоносности показан самый северный отвершек Желобовки, проходящий у южных стен крепости. Его истоки приурочены к современному кварталу города, расположенному перед кинотеатром «Экран». Здесь заканчивается плита известняка и имелись мощные родники, питавшие Желобовку. Несколько ниже истока русло ручья было перегорожено плотиной и устроен пруд.

Пруд и родники снабжали водой крепость, а также транспорт, проезжавший по главному тракту, проходившему вдоль южных стен крепости. Средний наиболее короткий отвершек Желобовки начинался в пределах современного парка культуры и отдыха. Наиболее южный — в квартале, в дальнейшем занятом усадьбой дома командующего. Все три отвершка реки сливались в один поток в районе современной улицы Голенева, у моста, называвшегося в последующие годы архиерейским, ниже которого имелся еще один пруд. В более позднее время русла всех отвершков были заключены в каменные закрытые сверху плитами лотки (желоба).

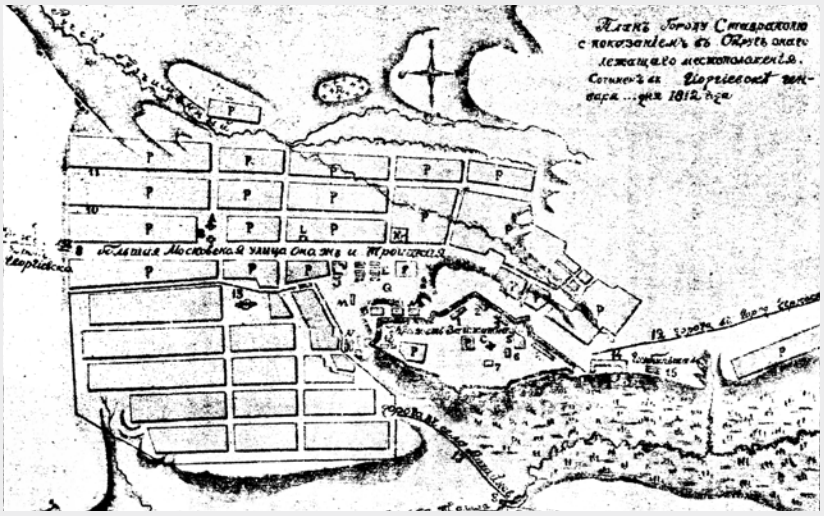
В северо-западном углу плана изображена часть русла реки Ташлы с оврагом и двумя прудами, более западный из них соответствует пруду, называющемуся в 20-м веке Сипягиным, а во времена Лермонтова — Волобуевым. Описываемый план впервые применяет к этой реке наименование Ташла, на предшествующих планах она называлась Члой, а еще ранее — Аджилю. Изъяснение к плану отмечает буквами латинского алфавита расположение отдельных зданий и социальную принадлежность владельцев (обыватели, казаки).

В изъяснении отмечены следующие строения:

a) «Ветхая церковь» (деревянная); b) «Вновь построенная каменная соборная церковь во имя Живоначальния Троицы»; c) «Церковь деревянная во имя пресвятые богородицы Казанския» (в казачьей станице); d) «Место, назначенное под построение каменной церкви во имя святителя Николая Чудотворца», строительство предполагалось на восточном выступе Крепостной горы; e) «Градская дума, ратуша и полиция» и f) «Земский и уездные суды», занимаемые ими здания (деревянное и каменное) указаны на участке дома № 81 по северной стороне современного проспекта К. Маркса на меридиане современной улицы К. Хетагурова; g) «Уездное училище» располагалось внутри крепости в ее центральной части; h) «Соляной магазейн», в центральной части крепости; i) «Денежная кладовая» и k) «Уездное казначейство», в северо-восточном углу крепости; n) «Шевской дом», вдоль юго-восточного фаса крепостной стены; m) «Солдатския казармы», обе располагались вдоль южного фаса стены, где теперь здание музыкальной школы; n) «Драгунская конюшня» и o) «Кузница», располагались вдоль южной стены крепости, западнее главного бастиона, в пределах двора дома № 1 по современной Советской улице; p) «Ветхая драгунская

конюшня» и q) «Манеж прежде бывшей, а ныне занимаемый по отделке гоубшпиталем»; находились западнее крепости у бровки балки Ташлы; v) «Питейной партикулярной дом», на восточном склоне Крепостной горы по дороге в станицу; s) «Торговые лавки», по северной стороне современного проспекта К. Маркса, на месте, где в дальнейшем были построены гостиные дворы; t) «Мясные ряды» и «бойницы» на восточном склоне Крепостной горы, на параллели современной улицы Калинина; v) «При домах торговые лавки, состоящие в казачьей станице», фактически этим знаком помечены как лавки при домах станичных, так и «обывательских» кварталов. Лавки располагались по восточной стороне современной Баррикадной улицы, по северной стороне ул. Шаумяна, по обеим сторонам ул. Голенева, от ул. Шаумяна до 1-й Станичной; w) «Обывательское строение», кварталы, занятые обывательскими усадьбами, они располагались в основном к югу от станицы и дугообразно вдоль южных склонов Крепостной горы.

Всего на плане было показано 25 обывательских кварталов, в том числе один внутри крепости. Они образовывали три продольные улицы, вытянутые с востока на запад, и 6 поперечных. Эти улицы сохранились и в современном плане города.



План города Ставрополя 1812 года

«Хоперского казачьего полка станицы (строения. — *В. Г.*)», помеченные значком x), занимали северо-восточный участок территории, изображаемой планом. Всего в станице показано 13 кварталов с 4 продольными и 2 поперечными улицами, также сохранившимися до сих пор. Знаком y) помечено «Кладбище».

«На плане указаны «Дорога в город Черкаск» вдоль современной Советской улицы и «Дорога из Александрова», заканчивающаяся у восточного конца главной улицы, где располагалась известная по другим источникам Тифлисская застава.

III. План города Ставрополя 1812 года

«План городу Ставрополю с показанием в округе онаго лежащего местоположения. Сочинен в Егоргиевске генваря 7 дня 1812 года» ЦГИА, фонд 1293, опись 168, дело 4, лист 2 (см. схему № 3)

Масштаб плана не указан. Верхняя рамка плана ориентирована на юг. В нижнем правом углу стоит подпись: «С натуры снимал губернский архитектор Мельников».

План очень близок к описанному выше плану 1809 года, он охватывает территорию города в тех же пределах, в том же масштабе, похоже, что его автором являлось одно и то же лицо, но надписи на плане 1812 года сделаны другим почерком. Изображенная гидрографическая сеть Желобовки повторяет рисунок, приведенный на плане 1809 года, на ее северном отвершке также показан пруд, другой пруд, ниже моста, отсутствует. Желобовка названа на плане «Ручей Безъименный». Система реки Ташлы показана на большем протяжении, чем на предыдущем плане; в восточной части изображаемого отрезка реки, при впадении в нее левого притока (балки), изображен 3-й пруд с мельницей. В отличие от предыдущего плана западная часть долины Ташлы (до меридиана современной улицы К. Хетагурова) показана покрытой лесом. Рельеф также изображен отмывкой с террасообразными уступами, понижающимися на восток. План изображает те же административные единицы, как и предыдущий: крепость, поселок и станицу. В контуре территории крепости с внутренними постройками имеется надпись: «Крепость заштатная», видимо, к этому времени, в связи с постройкой более южных оборонительных линий, Ставропольская крепость утратила военное значение и была зачислена в разряд заштатных, что косвенно подтверждает уход к 1812 году дислоцировавшегося здесь полка (Гниловской, 1952).

К югу от крепости расположено 26 кварталов гражданского поселка (форштадта). В нем против плана 1809 года прибавился один квартал на правом берегу Желобовки, ниже моста (в западной части современной Московской улицы). К востоку от крепости изображен план станицы с теми же кварталами. По периметру рамки, ограничивающей станицу, написано: «Станица Хоперского Казачьего полка, заселенная оного же полка казаками».

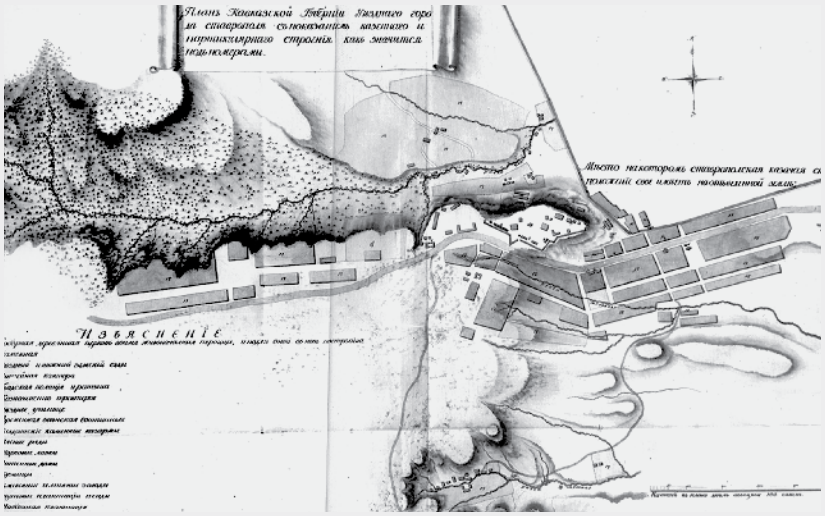
В «экспликации» к плану отмечены заглавными буквами латинского алфавита следующие объекты: A) «Вновь строящаяся каменная Соборная церковь во имя Живоначальной Троицы». B) «Ветхая деревянная Соборная церковь», расположенная немного севернее предыдущей. C) «Церковь деревянная, бывшая полковая во имя Николая-Чудотворца». D) «Место, назначенное под построение каменной церкви во имя святителя Николая-Чудотворца», строительство церкви предполагалось на южном склоне Крепостной горы, по линии, ограничивающей с севера формирующуюся центральную городскую площадь, но это осуществлено не было. E) «Вновь предполагаемые торговые каменные лавки», на этом месте, ограничивающем центральную площадь с востока, в 1828 году были построены 1-й и в 1834—1835 годах 2-й гостиные дворы» (Гниловской, 1952). Сохранившиеся западный корпус первого и четыре корпуса второго гостиных дворов охраняются как памятники истории и архитектуры Ставрополя. F) «Место, назначенное под построение деревянных торговых лавок, ныне состоящих в казачьей станице», их предполагалось поместить западнее каменных лавок по линии, ограничивающей центральную площадь с юга. G) «Открывшийся

источник, где и назначается в настоящем виде отделать колодезь», выход источника в центральной части площади был вполне возможен, т.к. на этом уровне обнажается водоносный горизонт. В дальнейшем здесь был сооружен бассейн (водоем), вода которого использовалась жителями, приезжавшими на базар. «Ныне существующие при домах каменные торговые лавки» показаны на тех же местах, что и на предыдущем плане, лавки вдоль современной улицы Голенева отмечены не условным литером, а надписью «торговые лавки». J) «Городническое правление и ратуша с городской думою, которые за ветхостью оных, по воле начальства и для распространения площади назначаются к переноске на место, значущееся на сем плане под № 1». Эти учреждения находились, как указывалось ранее, на главной улице в квартале, ограничивающем с запада Баррикадную улицу (проспект К. Маркса, д. № 73). Их запланировано было перенести на южный склон Крепостной горы, где вместе с проектируемым зданием собора они должны были «оформлять» северную границу центральной площади города. K) «Уездной суд, состоящий на обывательском месте, назначающийся к переноске на место под № 2». Суд располагался на углу современных улиц К. Маркса и Р. Люксембург, также намечалось перенести его дом на центральную площадь, рядом с городской думой. L) «Градская тюрьма, состоящая на проспекте, которая также назначается к переноске в другое удобное место». M) «Обывательской деревянной трактир к очищению площади должен быть снесен», находился у юго-восточного подножия Крепостной горы. N) «Городские мясные лавки». O) «Бойницы». P) «Обывательские домы». R) «Кладбище» и S) «Мельница» указаны на тех же местах, что и на предыдущем плане.

Помимо отмеченных объектов, внутри территории крепости были отмечены надписями строения, помечаемые нами цифрами 1) «Офицерские казармы», 2) и 3) «Казармы», 4) «Шефский дом», 5) «Старой Шефской дом», 6) «Соляной магазейн» и 7) «Гоуптвахт» и вне крепости (14) «Драгунские конюшни» и (15) «Госпиталь».

Описываемый план впервые по сравнению со всеми известными планами Ставрополя отмечает наименования улиц. Главная улица (8), соответствующая современным проспекту К. Маркса и ул. Советской, на плане названа «Большая Московская улица, она же и Троицкая, к ней с востока подходила «Дорога из города Георгиевска». Следующая за нею к югу продольная именовалась «Улица Средняя» (10), теперь ул. Орджоникидзе. Параллельная ей, современная ул. Дзержинского, называлась «Офросимовская» (11). У западного конца главной улицы начиналась «Дорога в город Черкаск» (12), а от станицы — «Дорога в село Михайловское» (13).

Новым в анализируемом плане являются элементы планирования различных мероприятий по благоустройству города, основным звеном их являлось стремление создать центральную административную и в то же время торговую площадь, помеченную на плане буйной «Q». По периферии площади намечалось сооружение собора, зданий для городнического правления, ратуши с думой, судебных учреждений и торговых предприятий, а в центре — устройство бассейна. Видимо, в этом сказалась утрата городом Ставрополем военных функций и переход на мирное строительство, а также появление должности и начало деятельности губернского архитектора, снимавшего план. Остается, однако, невыясненным некоторое противоречие между планами 1812 и 1809 годов. Согласно плану 1812 года дума и другие административные учреждения города располагались на главной улице, восточнее вновь организуемой площади, и ставился вопрос о переносе их «за ветхостью» зданий на северный фас площади к южному подножию Крепостной горы. На более же раннем плане 1809 года здания этих учреждений указаны расположенными на главной улице, но западнее вновь формирующейся площади, у северного конца современной улицы К. Хетагурова. Возможно, что план 1809 года в данном случае отражал не фактическое расположение этих зданий в 1809 году, а один из существовавших проектов их переноса, который, между прочим, и был осуществлен в дальнейшем.



План города Ставрополя 1815 года

IV. План города Ставрополя 1815 года

«План Кавказской Губернии Уездного города Ставрополяспоказаниемказенногоипартикулярного строения как значится под номерами». «Мачтаб, к плану дюйм английской 100 сажен» (1:8400) Приложение к «Статистическому описанию Кавказской губернии Ставропольского уезда, составленному Торри в 1815 году». ЦГВИА, ВУА, дело 19046. Микрофильм плана передан нами в ГАСК.

Верхняя сторона рамки ориентирована на север. План охватывает бассейн «речки Члы» (Ташлы), Желобовки с отвершками, названной «речка Желобов», и Мутнянки, именуемой «речка Мутная». Долина Члы изображена покрытой лесом до оврага у современной Кавалерийской улицы (бывшая «Флоринка»). Далее, вниз, древесно-кустарниковая растительность изображена только по пойме. Рельеф показан отмывкой с террасообразными уступами. План изображает территорию крепости, поселка у южного склона Крепостной горы и частично застроенных кварталов в верхней западной части города по современной улице Дзержинского (Воробьевка). План станицы не изображен, так как она считалась самостоя-

тельной административной единицей, не входившей в состав города, на ее территории написано: «Место, на котором Ставропольская казачья станица положение свое имеет на отведенной земле».

Большая часть названных в «Изъяснении» строений и других объектов была указана на тех же местах, что и в описанных выше планах, среди них: 1) «Соборная деревянная Церьковь Живоначальныя Троицы и подле оной вновь построена каменная», 9) «Мясные ряды»; 10) «Торговые лавки»; 17) «Обывательское строение»; 2) «Уездный и нижний земский суды» и 4) «Градская полиция и ратуша» показаны на тех же местах, как и на планах 1805 и 1812 гг. На территории крепости располагались: 5) «Казначейство и рентерия» (денежная кладовая. — *В.Г.*) и 8) «Солдатские каменные казармы», вдоль южного фаса крепостной стены. В правобережье оврага, вытянутого параллельно современной Кавалерийской улице, показана 7) «Временная военская гошпиталь», на этом месте план 1805 года изображал «полковой лазарет».

Под знаком 11) показаны «Питейные домы», на восточном склоне Крепостной горы, где в 1809 году и располагался предложенный к сносу «обывательский трактир». «Уездное училище» 6), находившееся прежде на территории крепости, изображается на северной стороне главной улицы, на середине квартала между современными улицами Казачьей и Голенева, в этом же отрезке на противоположной стороне улицы была расположена 19) «Тюрма». Описываемый план изображает местоположение целого ряда производственных и торговых объектов и учреждений: 12) «Кузницы» на правом берегу Желобовки, ниже моста, 13) «Кожевенные и мылные заводы» — в верховье р. Мутнянки, 16) «Кирпичные сараи» (заводы — *В. Г.*) на северном склоне Крепостной горы, 3) «Питейная контора», ведавшая торговлей спиртными напитками, располагавшаяся на главной улице, рядом с уездным судом, 14) «Тутовые плантации и сады», имевшиеся по долине Мутнянки, но главным образом по долине Ташлы, где они положили начало паркам вокруг современной 4-й городской больницы и хозяйства Зелентреста; 15) «Табашная плантация», находившаяся в восточном участке предместья Воробьевки, на усадьбе домов 141—143 современной улицы Дзержинского; 18) «Лавки для Ярманков» на современной площади Орджоникидзе.

V. План города Ставрополя 1829 года

«План областного города Ставрополя». «Снятие учинено по преписанию Начальника Кавказской области в 1829 г. Кавказским областным землемером Нечаевым» «Масштаб: в английском дюйме 100 сажен». Внизу справа подпись: «Архитектор Коллежский асессор Гайворонский». ЦГИА, фонд 1293, оп. 168, дело 5, лист 1.

Верхняя сторона рамки ориентирована на север. Рельеф изображен отмывкой. План изображает бассейны р. Ташлы, названной на плане «речка Чла», Желобовки, Мутнянки и Мамайки с левым притоком в ее верховье, именуемым «ручей Карабин». С запада на восток он охватывает пространство от современной Краснофлотской улицы до места впадения Желобовки в реку Мутнянку. У речки Члы отмечены четыре правых притока, самый восточный из них — Чертов яр и три, более западных, на участке между современными Кавалерийской и Краснофлотской улицами. В левобережье Члы отмечена открывающаяся в нее сухая балка. У р. Желобовки отмечены два верховья и один левый приток, вливающийся в нее уже за восточной границей города. Лес показан только в правобережье р. Члы до меридиана западного конца крепости.

План показывает территорию бывшей крепости и окружающие ее с юга, востока и севера части поселка («усадьбы жителей города»), занимающие также территорию бывшей станицы. Усадьбы жителей указаны и в более или менее изолированных предместьях, в том числе в расположенном в западной части города, между современными улицами Кавалерийской и Краснофлотской, по левобережью р. Члы, по долине Мутнянки и по р. Мамайке, восточнее устья ручья Карабин.

В изъяснении перечислены: 1) «Соборная церковь» (Троицкий собор). 2) «Церковь Казанской Божьей матери», бывшая станичная. 3) «Церковь Армянская», на месте, где теперь построено административное здание Октябрьского района города. 4) «Дом областного начальника», на углу современных улиц Коминтерна и Дзержинского, здесь теперь воздвигнут «Дом книги». 5) «Дом штаба» областного начальника, он сохранился до сего времени по улице Дзержинского № 116, рядом с «Домом книги». Описываемый план уточняет время постройки этого здания, которое относилось прежде к 1834 году (Гниловской, 1952). Оказывается, дом штаба существовал уже в 1829 году, и он мог посещаться не только Лермонтовым, Толстым, ссыльными декабристами, но и Пушкиным во вторую его поездку в Ставрополь. Здание это, связанное с пребыванием в Ставрополе великих русских писателей и других знаменитых людей России, представляет ценный исторический памятник. 6) «Дом дежурного штаб офицера» по улице Коминтерна к югу от дома областного начальника. 7) «Тюремный замок», находившийся на углу современных Комсомольской улицы и проспекта Октябрьской революции, на участке школы № 1. 8) «Областной архив». 9) «Полиция и дума» и 10) «Приходское училище», располагавшиеся в западной части центральной площади. Здание полиции и думы располагалось на северной стороне Главной улицы на меридиане современной улицы К. Хетагурова, там, где оно помечалось на плане 1809 года. Внутри территории бывшей крепости показаны: 11) «Кладовая окружного казначейства», 12) «Двор Комиссариатского Депа», 15) «Дом управляющего Комиссиею Комиссариатского Депа», и 16) «Окружное казначейство». Западнее бывшей крепости, в правобережье верховий оврага, впадающего в Ташлу, под № 13 показаны контуры трех зданий с надписью «Госпиталь с разными строениями» и несколько восточнее, на углу современных улиц Булкина и Советской (дом № 15), помечен одиночный дом за № 14, обозначенный в изъяснении «Гоупвахта». Видимо, в это время, в связи с ликвидацией крепости и передачей ее территории Комиссариатскому депо (интендантству), гауптвахта, обслуживающая гарнизон, была перенесена на новое место. Под № 17 на плане изображено два прямоугольника, изображающие «Гостиный ряд», соответствующий 1-му гостиному двору, построенному в 1828 году. № 18 отмечены кварталы города, в которых были размещены «Усадьбы жителей города», и № 19 — «Винной магазейн», изображенный в правобережье верховий р. Мутнянки, на месте, где теперь находится спиртзавод.

План 1829 года, по контурам существовавших кварталов и указанному расположению казенных и общественных зданий, очень близок к плану 1833 года, описанному нами в статье «Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия» (Гниловской, 1952). План 1833 года, также подписанный архитектором Гайворонским, показывал цветной тушью на фоне существовавших кварталов проект планировки новых улиц, площадей и кварталов с исправлением «погрешностей города, вкравшихся при построении домов и занимаемых ныне усадеб», выражавшихся в спрямлении многих улиц, особенно в Подгорной и Ташлянской частях города. Этот план являлся как бы первым генпланом строительства Ставрополя и был утвержден 11 августа 1833 года.

Описанный нами экземпляр копии плана 1833 года, хранящийся в Ставропольском краеведческом музее им. Г.К. Праве, представляет собою сравнительно позднюю копию плана 1833 года, изготовленную позднее 1848 года, имевшую последующие утверждения местным начальством, в 1847 г. генералом Нордестамом и в 1848 году — генералом Завадовским, но отражающим ситуацию, относящуюся к 1833 году.

В ЦГИА нами была обнаружена более ранняя копня плана 1833 г., краткое описание которой мы даем ниже.

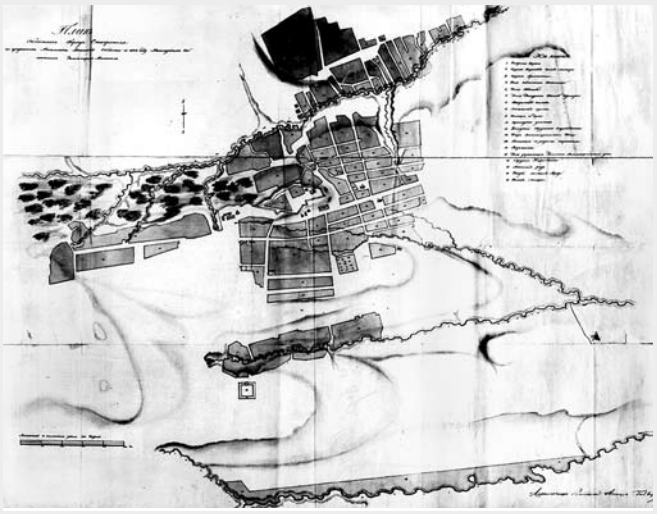
VI. План города Ставрополя 1833 года

«План города Ставрополя Кавказской области с назначением вновь мест для казенных общественных зданий и усадьб для жителей города сего 1833-го года». Масштаб: в английском дюйме 20 сажен. Кроме утверждения плана Николаем I, на нем имеются подписи: «Подлинной подписал генерал-лейтенант Вельяминов, архитектор коллежский асессор Гайворонский, и внизу справа надпись, заверяющая соответствие копии оригиналу: «Верно архитектор Гайворонский». ЦГИА, ф. 1289, опись 15, дело 375, лист 4.

Описываемый экземпляр плана города Ставрополя 1833 года, хранящийся в ЦГИА, представляет интерес как более ранняя копия оригинала этого плана, по сравнению с описанной нами в 1952 г. копией, выполненной в 1848 году. Сопоставление их друг с другом больших различий между ними не выявляет и показывает, что копия, снятая в 1848 году, могла служить основанием для характеристики города Ставрополя в 1833 году.

На копии плана, находящейся в ЦГИА, более четко, чем на последующих копиях, просматривается соотношение между имевшимися кварталами города и наложенной на этот фон более правильной прямоугольной сетью вновь запроектированных улиц, исправляющих недочеты в первоначальной планировке города. Это обстоятельство позволило обнаружить один из неизвестных ранее памятников истории нашего города.

Помеченный на плане 1833 года за № 20 «Гошпиталь с принадлежащим ему строением» (на плане 1829 года он был помечен 12-м номером) состоял из трех каменных зданий. Два из них, вытянутых с запада на восток, между современными улицами И. Булкина и Коминтерна, согласно новой планировке, подлежали сносу, так как через них должна была пройти с юга на север вновь запланированная улица, носящая теперь имя И. Булкина. Линия, проектирующая западную сторону этой улицы, отсекала крайний западный дом госпиталя, вытянутый в направлении ЮЮВ — ССЗ. Этот двухэтажный каменный дом, сложенный из штучного камня, сохранился до наших дней во дворе дома № 13 по улице И. Булкина. Расположение этого дома под острым углом к красной линии этой улицы и окружающим его домам всегда вызывало удивление жителей. Анализируемый план объясняет странное расположение этого дома и доказывает, что он являлся одним из зданий первого в Ставрополе военного госпиталя. Мы не знаем точно, до какого года сохранились первые два здания госпиталя и в каком году была проведена новая улица, во всяком случае сохранившееся здание должно было выполнять функции госпиталя вплоть до времени



План города Ставрополя 1829 года

постройки в 1842 году нового военного госпиталя на современной улице Ленина.

Первый военный госпиталь в Ставрополе памятен для нас тем, что в нем в 1837 году находился на излечении М.Ю. Лермонтов. Таким образом, план 1833 года помог установить новый исторический памятник города — один из домов, связанных с пребыванием в Ставрополе великого поэта.

Интересно отметить, что река Чла на данном плане именуется также рекой Грачевкой, чем его составители, видимо, хотели подчеркнуть принадлежность реки Члы бассейну реки Грачевки. Некоторое удивление вызывает тот факт, что здание Уездного училища, помеченное на анализируемом плане цифрой 7, опять указывается расположенным внутри крепости, в то время как по плану 1815 года оно было перенесено на главную улицу. Для объяснения этого и некоторых других еще неясных фактов, например, о местонахождении административных зданий города в разные годы его жизни, необходимо привлечение дополнительных архивных материалов.

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г. Рукописные планы города Ставрополя первой трети XIX столетия // Северный Кавказ: Физическая и историческая география. — Ставрополь, 1974. — Вып. 3. — С. 144—164.

В.Г. Гниловской. **Прошлое Ставрополя по городским планам***

В связи с приближением двухсотлетнего юбилея со дня основания Ставрополя и возрастанием интереса общественности к истории города мы собрали некоторые материалы, характеризующие Ставрополь в историко-географическом отношении. Наша работа базировалась главным образом на анализе сохранившихся старинных планов города и рисунков, изображающих Ставрополь в первое столетие его существования.

Город Ставрополь возник из поселка при крепости № 8 при Азово-Моздокской оборонительной линии. Крепость располагалась на одном из самых обширных останцев Ставропольской возвышенности, называемом Ставропольскими высотами, образующем водораздел двух крупных долин Предкавказья — долины Калауса и Егорлыка.

В докладе князя Потемкина Екатерине II по вопросу создания Азово-Моздокской линии указывалось, что «крепость № 8, вместе с крепостью № 7, должна прикрыть проход к долине Калаусской, между Калаусскими высотами и Черным лесом, от закубанских горцев», подстрекаемых турками к нападению на Россию. Наименование «Черный лес» относилось к лесным массивам, расположенным на Ставропольских высотах, где была запроектирована крепость № 8, в том числе к современным лесным дачам — Русской (быв. Казенный лес), Таманской (быв. Архиерейский лес), Круглому, Мамайскому, Грушевскому, Татарскому и др. лесным участкам, окружающим гор. Ставрополь. Крепость № 7 находилась на залесном склоне Прикалаусских высот, в дальнейшем получила название Северной, вокруг нее возникло село Северное, расположенное по дороге из Ставрополя к с. Александровскому.

Доклад Потемкина был утвержден Екатериной II 24 апреля 1777 года, он явился первым документом, положившим начало крепости № 8, а вместе с нею и городу Ставрополю (Полн. собрание законов Российской Империи, т. XX, СПб, 1830, стр. 518, документ № 14607).

Ставропольская крепость была построена на небольшом восточном отроге Ставропольских высот, называвшемся прежде Крепостной, в дальнейшем Соборной (Кафедральной) горой, а ныне Комсомольской горкой. В стратегическом отношении выбор был удачен. Гора являлась господствующей над окружающей местностью. С севера была ограничена глубокой балкой р. Ташлы, круто обрывалась на восток к выровненной площади, где располагалась Ставропольская станица. С южной, наиболее опасной в то время стороны крепость была защищена рядом вытянутых с запада на восток речных балок: двух Мамаек, Мутнянки и двух отвершков речки Желобовки. Один из них, проходивший вблизи крепостных стен, начинался от родников внутри квартала, ограниченного современным улицами: Советской, Дзержинского, Коминтерна и проспекта Октябрьской революции. Через данные и низлежащие кварталы этот ручей протекает теперь в закрытом каменном русле (желобе). Второй, более южный, отвершек Желобовки начинался на участке, где теперь находится стадион «Динамо». На западе территория, занятая пристройками к крепости, расположенными вне ее стен — госпиталем и другими зданиями, ограничивалась глубоким оврагом, находящимся между Интернациональной и Кавалерийской улицами.

Обнаруженный нами в фондах Исторического музея самый первый из известных к настоящему времени план Ставрополя, датированный 1787 годом, показывает, что крепость имела форму неправильного, растянутого с юго-запада на северо-восток многоугольника, приближающегося к овальной фигуре. Длина его продольной оси равнялась 700, а поперечной — 320 метров, площадь, занятая крепостью, имела около 10 га. Со всех сторон она была обнесена каменной стеной с бойницами, толщиной около метра, высотою более двух метров, общая длина составляла 1630 метров. С южной, юго-восточной и северной стороны крепость имела ров, северо-западная часть крепости, примыкающая к наиболее крутому склону балки Ташлы, имела только стены.

Сопоставляя указанный и другие планы Ставропольской крепости (1809 — 1811 гг.), нам удалось установить точное местоположение крепости, «вписать» ее контур в современный план города. Она занимала пространство от места, где находится могила генерала И.Р. Апанасенко, до современной улицы Клары Цеткин, ее южная фронтальная стена начиналась во дворе № 4 современной улицы Суворова и тянулась на запад, мимо фасада кинотеатра «Родина» во двор дома № 1 по Советской улице, принадлежащего в прошлом женской гимназии, а после 1917 года — Совпартшколе. Внутри двора бывшей гимназии направление крепостной стены «сохраняет» жилой дом протяженностью 104 м, наружная стена которого является частью крепостной стены, что подтверждается наличием в ней бойниц, обнаруженных нами в 1947 году в местах с осыпавшейся штукатуркой. В то время жителям дома, в целях утепления, приходилось некоторые бойницы, заложенные камнями, дополнительно обмазывать глиной. Теперь стена заново оштукатурена и бойниц не видно, только одна из них сохранилась в восточной части дома, в узком углу, где стена смыкается со зданием бывшей гимназии. Эта бойница служит постоянным объектом экскурсий знакомящихся с историей города.

В Ставропольской, а также других крепостях линии, к крепостным стенам с бойницами пристраивались с внутренней стороны солдатские казармы. Окна они имели только на стенах, обращенных внутрь крепости. Во время тревоги солдаты могли вести огонь через бойницы прямо из казарм. Такие казармы назывались «оборонительными».

Дом во дворе № 1 по Советской улице представляет казарму, сохранившуюся со времен крепости. В дальнейшем над западной половиной дома был возведен второй этаж, после ликвидации крепости дом использовался под «приют для благородных девиц», теперь в нем находятся квартиры жителей.

Почти на середине фронтальной стены крепости перед зданием кинотеатра «Родина» располагался ее главный бастион в виде треугольного выступа крепостной стены, выдвинутого на 20 метров к югу.

* Описанные в статье планы 1805, 1809, 1811, 1833, 1854 годов см. на стр. 14-15, 16-17, 18-19, 22 , 478 настоящего издания

Бастион имел три площадки для пушек и эстакады для их подъема. Главные ворота крепости, обеспечивавшие выезд на Московскую и Георгиевскую дороги, располагались между восточным краем бастиона и западным концом остатков крепостной стены, вошедших в мемориальный комплекс, посвященный основанию города. Вторые ворота, ведущие в казачью станицу, находились у восточного конца крепости, близ памятника Апанасенко, их остатки были уничтожены в 1937 году.

Известные планы Ставропольской крепости 1809 и 1811 гг. и им подобные составлялись в военно-инженерных командах при подведении итогов строительных и ремонтных работ, произведенных в крепости за год. Эти планы позволяют нам теперь ознакомиться с составом и расположением построек внутри крепости. Значительная часть зданий, например, казармы, помещения для офицеров и священника, примыкали к южной фронтальной стене крепости. «Шефский дом» (дом командующего) примыкал к юго-восточной стене крепости, остатки этого дома были снесены недавно, в связи с постройкой на Комсомольской горке плавательного бассейна. Вдоль северной стены располагались служебные помещения, кузни, слесарная изба, известковая печь и др. В центральной части находилась церковь, гауптвахта, соляной амбар, уездное казначейство и «рентерия» — денежная кладовая – и в самом восточном участке пороховой погреб и артиллерийский сарай. Часть этих строений имела свои усадьбы, обнесенные забором, такими же были «Обывательские строения» (вероятно, дома служащих казначейства и др.)

Крепость внутри напоминала небольшой городок. Вне крепости, к югу от нее, по линии современной улицы Советской, располагались конюшни для строевых и «подъемных» (обозных) лошадей. В наибольшем удалении на запад, в районе современной улицы Булкина находились постройки военного госпиталя.

План крепости 1787 года показывает, что к югу от основной крепости, на водоразделе между 1-м и 2-м отвершками Желобовки, имелась аванкрепость. Основная часть ее каменных стен протягивалась вдоль современной улицы Дзержинского, на участке от проспекта Октябрьской Революции до улицы К. Хетагурова. От ее главной стены отходили на север короткие боковые стены, ограничивающие территорию аванкрепости с запада на восток. Контур аванкрепости (в плане) определил направление упомянутых выше улиц. Небольшие изгибы стен аванкрепости образовали шесть бастионов. С наружной стороны аванкрепость окружалась рвом и валом. Боковые стены аванкрепости соединялись с основной крепостью двумя линиями «палисада» — сплошного забора из вбитых в землю бревен с заостренными верхними концами. Западная глухая линия палисада примыкала к основной крепости западнее главного бастиона, восточная, имевшая ворота, упиралась в стены основной крепости восточнее главных крепостных ворот. Аванкрепость имела значение передовой заставы, ее задачей являлось задержать противника перед главной крепостной позицией и заставить преждевременно развернуть свои силы. Сведений, когда была построена и когда была уничтожена аванкрепость, найти пока не удалось.

План Ставрополя 1787 года изображает также местоположение Ставропольской станицы и является первым из известных планов этого населенного пункта. Станица находилась у восточного подножия горы. Дорога, соединяющая «Станичные» ворота крепости с воротами станицы, проходившая по восточному склону Крепостной горы, немногим превышала полкилометра. Контур территории, занимавшейся станицей, изображен на плане в виде пятиугольника, разделенного пятью продольными улицами, вытянутыми с юго-запада на северо-восток, и двумя поперечными улицами на одиннадцать кварталов.

Продольные улицы соответствуют современным улицам Горького, Калинина, Жданова, Кирова и Таманской. Из двух поперечных улиц западная соответствует северной части улицы Голенева, бывшей Хоперской, а восточная — Казачьей, почти единственной улице, сохранившей свое наименование со времен существования станицы. Территория станицы также была обнесена палисадом с единственными воротами в его южной части. Здесь же, между палисадом и кварталами станицы, имелась площадь с лавками, на которой в дальнейшем была построена станичная церковь. Эту площадь унаследовал современный нижний колхозный рынок.

Азово-Моздокская линия заселялась Волгскими и Хоперскими казаками. Фактически это переселение являлось для казаков ссылкой за их сочувствие движению Пугачева. На передвигавшиеся одновременно на линию Владимирский драгунский и Кабардинский пехотный полки негласно возлагалась задача конвоировать неблагонадежных казаков.

16 мая 1744 года Потемкин предписал генералу Якоби «перевести полк хоперских казаков вместе с волжанцами нынешним же летом, сперва без семей, а по окончании строения и семьи с выдачей каждой на обзавод всем нужным по 20 рублей». После проведенного казаками смотра в крепости Новохоперской Якоби объявил им поход на Кавказ. Но хоперцам не хотелось покинуть насиженные пепелища, где они без боевых забот занимались мирным трудом. Пошли слухи, что переселение на линию сделано без ведома Екатерины II, а по одному «хотению» местного начальства. С каждым днем брожение увеличивалось, обнаруживался дух неповиновения.

Первыми восстали казаки слободы Красной, где агитировали станичный атаман Семен Сотников и Моисей Кузнецов, в результате 29 казаков категорически отказались идти на новую линию, несмотря на все уговоры командира полка премьер-майора Устинова. По получении доклада о бунте казаков губернатор генерал Якоби приказал зачинщиков заковать в колодки и доставить к нему в Царицын для расправы, «а прочих их согласников тамо на месте наказать — прогнать сквозь шпицрутены через тысячу человек по шести раз и отправить с прочими на линию».

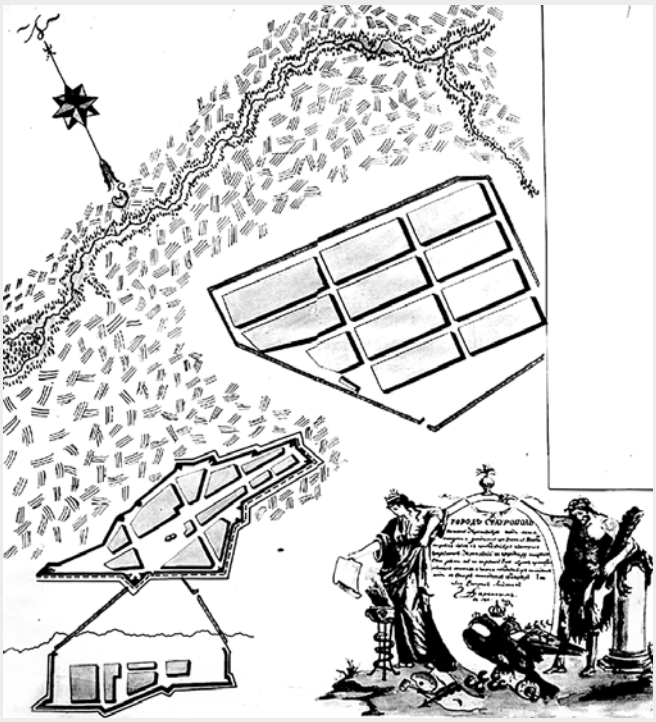
К 20 июня обнаружилось еще 32 человека недовольных. Устинов самовольно подверг их тягчайшему наказанию шпицрутенами, вызвав тем протест даже со стороны сурового Якоби.

Ставрополь в первые годы его жизни посетил великий русский полководец А.В. Суворов, командовавший войсками соседнего Кубанского корпуса. В феврале 1779 года он был командирован для инспектирования несения службы на Азово-Моздокской линии. 23 февраля Суворов докладывал из Ставрополя, что им посещены семь имевшихся к тому времени крепостей и два редута (Алексеев-

ский и Бешпагирский) «уже выстроенной и оселенной линии». Здесь он также улаживал пограничные конфликты и внушал не в меру ретивым военноначальникам, виновным в организации несправедливых карательных экспедиций против горцев, что «благомудрое великодушие иногда полезнее, чем стремглавый военный меч».

В мемориал, посвященный основанию нашего города, вошли не только остаток крепостной стены и макет воинской палатки, но и скульптурный портрет А.В. Суворова, деятельность которого в Ставрополе способствовала установлению дружбы русского народа с кавказскими племенами.

Азово-Моздокская линия за 40—50 лет своего существования в военных действиях принимала малое участие, т.к. в скором времени к югу и западу от нее были созданы новые укрепленные линии. Наиболее беспокойным в ее жизни был 1779 год. Постройка на Кавказе семи новых русских крепостей встревожила и активизировала правящие круги Англии и Турции. После ликвидации укреплений на Кубани горские князья, подстрекаемые турками, потребовали уничтожения Ставропольской и других крепостей Азово-Моздокской линии и пытались поддержать свои требования силой оружия. Летом князь Дулак-Султан, не дождавшись помощи турок, переправился с большим отрядом через Кубань, напал на крепость Александровскую, Алексеевский редут (теперь с. Сергиевское), но взять их не смог и понес большие потери. Его главный полуторатысячный отряд атаковал Ставропольскую крепость, но потерпел тут полный разгром.



План Ставропольской крепости 1787 года

Нарушение клятвы на верность России и агрессивные намерения своих феодалов не поддерживал простой народ кавказских племен. По этому поводу командующий войсками линии генерал Якоби доносил в Петербург: «Народ стоит в непоколебимой верности и твердит, что как скоро взбунтуются их князья, то они отложась уйдут со всеми семьями в наши крепости, лишь бы их приняли без выдачи».

Параллельно с военными задачами Ставрополь в первый период его жизни выполнял и другие функции. Вдоль Азово-Моздокской линии сложился почтовый тракт: Черкасск — Ставрополь — Моздок, обеспечивавший связь центра России с терским казачеством, Закавказьем и «Горячими водами». Ставрополь, расположенный в центральной части тракта, по мере заселения и освоения Предкавказья, приобретал значение важного транзитного и торгового пункта. Влияние на Ставрополь развития Кавказских курортов один из современников характеризовал следующим образом: «...открытие города Пятигорска с его минеральными источниками усилило в Ставрополе движение и доставило ему несколько материальных средств от проезжающих из внутренних губерний во время «курса»...» и далее «...эти праздные туристы, стремившиеся ежегодно к минеральным источникам не столько для облегчения себя от недугов, сколько из любви к кавказской природе, не жалели денег и щедро оделяли, во время своего приезда, Ставрополь и особенно Пятигорск, в котором проживали по три и четыре месяца».

Функции Ставрополя как крепости в связи со строительством более южных линий сравнительно скоро были утрачены. Уже в 1812 году крепость перешла в разряд заштатных, а в 1827 году казаки Ставропольской станицы были переселены в Барсуковскую, Карантинную (теперь Суворовскую) и Баталпашинскую станицы. Ставрополь же приобретал значение военно-организационного, административного и культурного центра. Через него передвигались войска на Кавказ, здесь находился штаб командующего Кавказской армией, крупнейшие интендантские склады. В 1785 году гражданский поселок, возникший вокруг крепости, был превращен в уездный город Кавказской области. В 1822 году в Ставрополь был перенесен из Георгиевска центр этой области, в 1847 году Кавказская область была переименована в Ставропольскую губернию, а Ставрополь — в губернский город.

Официальной датой заложения крепости ее жители считали 22 октября (3 ноября) 1977 года, ее связывали с днем прихода сюда Владимирского драгунского полка. Возможно, что полк пришел сюда и раньше этого дня, но официальный день основания крепости был отнесен к одному из ближайших религиозных праздников, в данном случае, к дню, посвященному иконе «Казанской Божьей Матери», в честь которого были также посвящены первые церкви Ставрополя — сперва в станице, а затем главный (Кафедральный) собор.

Необходимо остановиться на вопросе о происхождении наименования города Ставрополя и легенде, связывающей это наименование с якобы имевшей место находкой каменного креста при заложении крепости № 8. Слово Ставрополь — греческое и означает «город креста». Легенда эта нет-нет да и вновь появляется в наше время то в газетах, то в объяснениях экскурсоводов и бортпроводников самолетов аэрофлота, рассказывающих о нашем городе. Легенда эта возникла довольно поздно, во второй половине XIX века. В литературе, рассказывающей об истории Ставрополя, изданной вскоре после основания крепости, нигде о находке креста не упоминалось, а указывалось, что крепость № 8 была названа Ставропольской в честь крепости «Ставрополь», построенной Петром I в 1722 году, при его возвращении из Дербентского похода. Эта крепость была создана в местности, расположенной между рекой Сулак и Аграханским полуостровом, издавна называвшейся «Ставрополем», т.к. на ней прежде распо-

лагалась греческая колония. Петровская крепость Ставрополь в 1736 году была срыта, а ее имя было перенесено (по традиции сохранять имена уничтоженных крепостей) на крепость, построенную в 1737 году на Волге, получившую наименование «Ставрополь на Волге», переименованной в наше время в город Тольятти. В 1777 году это имя было присвоено и крепости № 8 Азово-Моздокской линии.

Если бы при постройке крепости действительно был найден крест, то, во-первых, авторы, писавшие о Ставрополе в начале XIX столетия, знали бы о его существовании, во-вторых, солдаты и казаки, кому впервые мог встретиться крест, вряд ли бы стали именовать крепость греческим словом «Ставрополь», она бы получила имя «Крестовой» или «Каменнокрестной» и т.д. В 1949 году мы высказывали предположение, что наименование крепости «Ставропольской» было дано «сверху», начальством, знающим греческий язык и историю петровской крепости Ставрополь. Вскоре наше предположение подтвердилось, краеведом Г.Д. Красновым был найден ордер (приказ) князя Потемкина командующему войсками Кавказской линии генералу Якоби, изданный в мае 1777 года, о наименовании всех проектируемых крепостей Азово-Моздокской линии, в которой крепости № 8 присваивалось имя Ставрополь. Таким образом, за 5—6 месяцев до того, как была вынута первая лопата на строительстве нашего города, он уже имел имя «Ставрополь». Интересно отметить, что легенда о находке креста, «определившего» наименование города, возникла после основания в Ставрополе Епархии и Епархиального управления, в интересах которого была создана и распространялась легенда о находке креста.

Интересные подробности о жизни Ставрополя в первые 20—30 лет его жизни показывает хранящийся в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) «План Ставрополя 1805 года», имеющий надпись: «Межевал и план сочинял ставропольский землемер Пичугин».

Основная часть города располагалась в это время к югу и востоку от Крепостной горы. На застройке Ставрополя сказалась его транспортная функция. От южных ворот крепости начинались дороги в соседние населенные пункты на север, в крепость Московскую и город Черкасск, и на восток, в город Георгиевск.

Последняя дорога проходила по современному проспекту К. Маркса, представляя собою участок почтового тракта между Черкасском и Тифлисом, в силу чего сама улица первоначально называлась Черкасской. У ее восточного конца (против здания Краевого управления сельского хозяйства) располагалась Тифлисская застава. Западный выезд из города назывался Черкасской или Московской заставой, местоположение которой изменялось в зависимости от роста города на запад. Черкасская улица простиралась от Тифлисской заставы до небольшой поперечной улицы, идущей от главных ворот крепости (теперь проспект Октябрьской Революции). Продвижению Черкасской улицы на юго-запад мешала застроенная теперь балка отвершка речки Желобовки, в силу этого у западного конца Черкасской улицы трактовая дорога делала изгиб, выходя на территорию современной улицы Советской. Этот изгиб давал возможность почтовой дороге обойти верховье балки по ее левому берегу. В верхней части балки, за счет воды родников и протекавшего по дну балки ручья, был создан пруд, которым пользовались проезжавший по тракту транспорт, проходившие военные команды и обозы переселенцев.

Вдоль Черкасской улицы строились дома зарождавшегося при крепости гражданского поселка, заселявшегося ремесленниками, купцами, отставными солдатами. К югу от Черкасской улицы, называвшейся также «Первой», параллельно ей протягивались еще две — более короткая «Вторая» улица (теперь улица Орджоникидзе), продвижению на запад которой также мешал отвершек балки Желобовки, и «Третья» улица (теперь улица Дзержинского), доходившая до проспекта Октябрьской Революции. Протяженность поселка с востока на запад (1,7 км) превышала его протяженность с севера на юг (0,6 км). Современные улицы Спартака и Комсомольская были южной границей города, а площадь Маяковского лежала уже за его пределами. В центре ее находилось первое в Ставрополе русское кладбище (Варваринское), на нем были похоронены некоторые из декабристов, сосланных в Ставрополь. Теперь на месте кладбища находится здание Строительного техникума. Три первых продольных улицы пересекались пятью поперечными. Первой от Тифлисской заставы поперечной улицей была Казачья, сохранившая свое имя до сих пор. Она вела из города в станицу. Ее южный отрезок, находившийся уже в пределах поселка, упиравшийся в нижнюю часть балки Желобовки, теперь называется улицей Рылеева. Западнее Казачьей располагалась главная поперечная улица города, северная часть которой (от Черкасской) называлась Хоперской, а южная (до Желобовки) — Кузнечной, на ней располагались кузни, перенесенные отсюда на бывшую Ярмарочную площадь (ныне площадь Орджоникидзе), когда здесь обосновалось архиерейское подворье. С этого времени Кузнечная стала именоваться Архиерейской. Теперь обе части улицы имеют имя Г. Голенева. Следующая поперечная улица (теперь Р. Люксембург) вела к кладбищу (называлась «Кладбищенской»), она также служила дорогой к «городским хуторам и заводам» в верховьях Мутнянки, называвшимися «Аульчик», и на хутора, огороды и сады Ставропольской станицы по балке Мамайки и ее притоку ручью Карабин. Здесь казаки имели значительную площадь земель, из-за которой у них шли споры с жителями города. Параллельно Кладбищенской располагалась улица, носящая теперь имя К. Хетагурова, она была короткой и ограничивала с востока «Бабину рощу», на месте которой возник теперешний парк культуры и отдыха. Самой западной поперечной улицей в 1805 году была улица, начинавшаяся от главных крепостных ворот, пересекавших отвершек балки Желобовки, тянувшаяся далее на юг по западной границе Бабиной рощи. Направление этой улицы теперь сохраняет проспект Октябрьской Революции, одновременно эта улица являлась окраиной города, за ней начиналась степь, используемая для покоса и выпаса скота. Между южной границей Бабиной рощи и Мамайкой также простирался обширный степной участок.

План 1805 года свидетельствует, что город начинал распространяться далее на запад. На плане показаны кварталы, отведенные для застройки по современным улицам Дзержинского и Морозова на участке от площади Ленина до Краснофлотской улицы (бывшая

Мойка), на которой был запроектирован «общественный тутовый сад». Этот участок назван «Солдатской слободкой», но во всем районе «слободки» был показан существующим только один дом с обширным садом, в дальнейшем этот участок города назывался «Воробьевкой», по имени первопоселенца.

Заселение Ставрополя и рост города был также связан с сельскохозяйственной колонизацией района. Первые дома строились не только вдоль тракта и вокруг крепости, но и по речным балкам, дающим воду для орошения огородов, устройства водяных мельниц. Особенно большое значение имела балка реки Ташлы, где создавались хутора казаков. В 1805 году на Ташле было 8 прудов, большие площади была заняты «тутовыми садами и табашными огородами разных жителей».

Природная обстановка местности во время основания крепости и станицы хорошо обрисована в рассказе казака, строившего крепость, записанном И.В. Бентковским в 1830 году: «Когда мы пришли в Ставрополь, крепость не была совсем окончена, и мне довелось на ней поработать. Для станицы едва нашли удобное место, тут была поляна, а кругом лес. Первый год косили там, где теперь дом командующего войсками (здесь теперь стоит Дом книги), а хлеб сеяли, где собор старый (на месте собора теперь построена гостиница «Ставрополь»). Там, где теперь Армянская улица (ныне улица Шаумяна), была просека через лес (со склону Крепостной горы. — *В.Г.*), по ней ходили мы по воду из крепости к роднику, его теперь нет. Около теперешней Армянской церкви (располагалась рядом со станицей. — *В.Г.*) было озеро из родников, текущих из горы. Бывало, из станицы в крепость без ружья не ходили, а из крепости за вал оплошно не показывай носа». Это описание соответствует историческим фактам, его автору в 1830 году было 75 лет, а в 1777 году он был еще молодым человеком 22 лет и мог служить в казачьем полку, строившем крепость.

В 1950 году нами была обнаружена у жителя Ставрополя Г.И. Двойченко интересная фотография со старинной картины неизвестного автора, изображающая Ставропольскую станицу в первые годы ее жизни (вероятно, после 1787 года). В настоящее время фотография находится в краеведческом музее им. Г.К. Праве, с нее сделана красочная копия большого формата, выставленная в историческом отделе музея (см. копию картины на с. 66 настоящего издания).

Картина изображает вид на Ставропольскую станицу и крепость с восточной стороны. На переднем плане располагаются хаты и дворы с фигурой казака, опершегося на забор из жердей. В средней части, слева, стоит деревянная церковь, построенная в стиле русских шатровых церквей. Правее видны хаты у подножия горы, на заднем плане — сама гора, увенчанная крепостными стенами. Сличение фотографии с местоположением бывшей станицы показывает ее соответствие рельефу местности и не оставляет сомнений в подлинности изображения. Рисунок был сделан от места пересечения Казачьей улицы с улицей Горького и охватывает участок, занимаемый нижним колхозным рынком.

Церковь располагалась в центре этой площади, в дальнейшем на ее месте была часовня. Это была первая церковь в Ставрополе, не считая крепостной. Она просуществовала недолго. Казаки, переселившиеся в 1827 году на новые места, прибыли в Ставрополь за оставленной ими «собственностью» в 1839 году, сломали и перевезли церковь в станицу Суворовскую. Перед этим у них шла долгая тяжба с горожанами, обе стороны доказывали свои «права» на церковь, представлявшую в условиях безлесного юга большую материальную ценность. Картина иллюстрирует некоторые черты быта станицы. Хаты, видимо, были турлучные с завалинками, крытые большими досками, заборы делали из жердей, либо из расколотых бревен, вбитых в землю, либо из бутового камня. На склоне горы, вокруг крепостных стен, деревьев не показано, возможно, они были вырублены для большей обозримости местности.

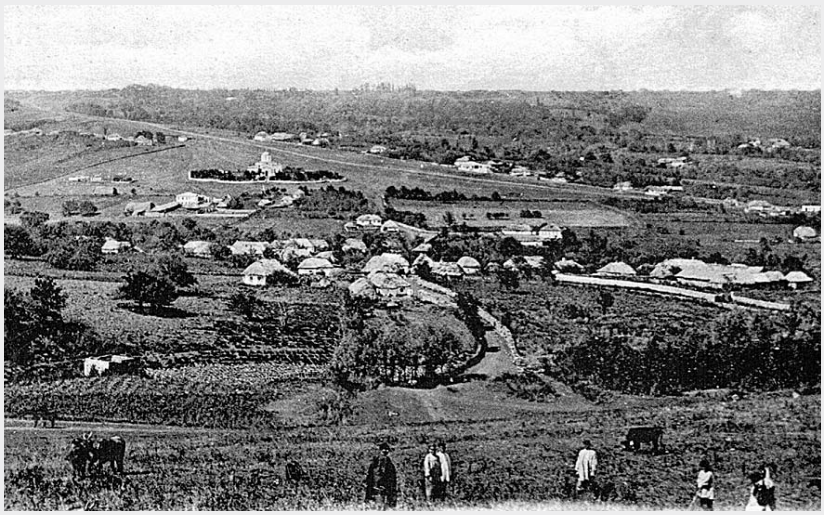
План Ставрополя 1805 года дает представление о географических условиях его окрестностей в начале XIX века. Как видно из плана, за последние 170 лет они мало изменились, а мнение некоторых историков о наличии здесь в прошлом сплошных лесов не имеет основания. В 1805 году в окрестностях имелись те же лесные массивы, что и сейчас (Круглый, бывший Архиерейский, Мамайский и др.), примерно тех же размеров и очертания, разделяемые степными участками. Контуры их определялись условиями рельефа и характером грунтов, так, например, на окраине Архиерейского леса, в участке выхода на поверхность плиты известняка, показана поляна, получившая в дальнейшем название «Осетинской». Теперь здесь расположен крупный жилой массив «Осетинка». Поверхность Крепостной горы и прилегающие участки (современная площадь Ленина) также были безлесными из-за близкого залегания каменной плиты. Лес тут был только на склоне горы в сторону станицы (по нему прорубили просеку) и на аналогичных участках, например, в районе Бабиной рощи.

Речная и балочная сеть, отраженная на плане, соответствует ее современному расположению. Упоминавшиеся отвершки балки Желобовки теперь сплошь застроены и мало видны на рельефе. В прошлом они создавали транспортные неудобства, в ряде мест были заболочены и покрыты тростником, в балках добывали глину для производства самана. Наибольшее экономическое значение имела обширная балка Ташлы, с протекавшей по ее дну речкой, вдоль которой имелись хутора, огороды, сады, мельницы. Название этой речки происходит от языка народов, кочевавших тут до поселения русских. Ставропольские высоты, на которых зарождается р. Ташла, протекающая через территорию Ставрополя, и р. Ташла, текущая от с. Шпаковского на север к Егорлыку, назывались тюркскими народами Ташлы-Сырт — «каменная возвышенность». Это наименование отразилось и на названии этих рек.

Другим документом, позволяющим судить об истории Ставрополя и его территориальном росте в XIX веке, является план 1833 г. с заголовком: «План города Ставрополя с назначением мест для казенных общественных зданий и усадеб для жителей города». Он хранится в фондах Ставропольского краеведческого музея имени Г.К. Праве (№ 14736), его копия имеется в Краевом Архиве (ГАСК), в Военно-Историческом архиве, в Москве. План охватывает территорию Ставрополя в следующих границах: на юге — до р. Мамайки; на севере — часть левобережья Ташлы, примерно, до 34-й средней школы; на западе — до Даниловского кладбища; на востоке — до места слияния р. Желобовка с р. Мутнянкой. План показывает застроенные к 1833 году участки города и красными чернилами намечаемую планировку новых кварталов.

В обширном «изъяснении» указываются существовавшие в то время строения, места, отводимые для постройки казенных зданий, предполагаемые наименования улиц и площадей. План утвержден в августе 1833 года, он являлся первым генеральным планом нашего города. Автором плана был городской архитектор И. Гайворонский, по его проекту в дальнейшем осуществлялась застройка города, вплоть до 1917 года. В 1966 году был разработан генплан реконструкции и строительства Ставрополя советскими архитекторами.

Сравнение планов 1805 и 1833 годов показывает значительный рост города за этот период. Крепости в то время уже не существовало, хотя сохранились части стен (1) (показанные здесь и далее цифры в скобках соответствуют цифрам на приводимом плане 1833 года) с примыкающими к ним с внутренней стороны зданиями. Одно из них, как упоминалось, служило приютом, превращенным затем в женское училище. Находившаяся внутри крепости гауптвахта (2) оказалась расположенной вблизи женского училища. Дирекция училища, считая такое соседство неудобным (оттуда неслись крики наказываемых), возбудила ходатайство о переносе гауптвахты в другое место. Гауптвахта существовала еще долго. Из нее 18 января 1870 года совершил побег революционер Г. Лопатин.



Предместье города Ставрополя Мамайка. Почтовая открытка начала XX века

На месте бывшей крепости, к востоку от гауптвахты, были построены здания интендантства (3), называвшегося тогда Комиссариатским депо. Главное двухэтажное здание интендантства, видимо, надстроенное над одним из крепостных домов, занято теперь музыкальной школой. В центре двора бывшего интендантства, имевшего форму пятиугольника, долгое время сохранялась группа пирамидальных тополей, посаженных на месте бывшей крепостной церкви, рядом с ней находилась ограда с могилой строителя крепости полковника Ладыженского. По восточному фасу территории, занятой интендантством, в длинном двухэтажном здании с арками, напоминающем по архитектуре здания гостиных дворов в Ленинграде, располагались главные склады. Это здание было уничтожено при строительстве плавательного бассейна.

С утратой чисто военных функций Ставрополь превращался в военно-организационный и торговый центр. Наибольшее значение в этом отношении имело превращение его в 1822 году в административный центр Кавказской области.

Росту торговли в Ставрополе, помимо других причин, способствовало переселение сюда в 1808 году 50 армянских семейств, ведших крупную торговлю скотом, отправляемым отсюда в город Черкасск.

Расширение административных и торговых функций Ставрополя вызвало необходимость преобразования центральной части города и создания в ней административной и торговой площади (13). Город расширялся на юг, за пределы балки Желобовки, и частично на запад. Северный и южный отвершки Желобовки были уже застроены. В местах их слияния, на бывшей Кузнечной улице, был построен существующий и в настоящее время мост, носивший в дореволюционное время название Архиерейского. К югу от Бабиной рощи возникла «солдатская слободка», состоящая из двух улиц: 1-й Слободской, теперь ул. Комсомольская, и 2-й Слободской — отрезок современной ул. Ленина, называвшейся одно время Мавринской улицей (6), служившей границей южной части города. Имелся отдельный поселок по Мамайке. Восточнее первого кладбища сохранялся незастроенный выгонный участок. Близ верховья Мутнянки, в правобережье был построен «обширный винный подвал» (7), на его месте теперь ликероводочный завод. Участок степи между западной границей Бабиной рощи и современной улицей Коминтерна был занят «Татарским базаром». «Сюда по понедельникам съезжались ногайцы, черкесы и другие горцы из-за Кубани с лесом и мелочными статьями домашнего хозяйства, здесь шла деятельная «сатовка», или торговля; татары, по сбыте товара, тотчас же отправлялись в русские и армянские лавки и закупали там железные и стальные вещи, бумажные и другие изделия. Несмотря на то, что ставропольские купцы с подобными товарами разъезжали по аулам, ногайцы и горцы предпочитали нужные предметы покупать в самом городе, т.к. купцы при доставке товаров в аулы брали с горцев втридорога». Приведенные слова современника говорят о подчинении хозяйства горцев русскому торговому капиталу. Купцы в способах увеличения своих капиталов не стеснялись, широко используя постигавшие население стихийные бедствия, в частности эпидемию холеры в 1830 году, колоссальные неурожаи 1833 года. Купцам «этот неурожайный год дал средства удвоить, утроить и даже учетверить свои капиталы, т.к. они постоянно имели в значительном количестве запасы хлеба, который заготовлялся ими для заграничной торговли». К 1833 году участок Татарского рынка был отодвинут дальше на запад на территорию, где теперь находятся кинотеатр «Экран» и гостиница «Кавказ» (4). На участке, занятом прежде базаром, были построены в тридцатых годах дом командующего (8), дом штаба войск Кавказской линии и Черноморья. Здесь же располагался обширный сад и пруд. Большая часть этого места занята теперь стадионом «Динамо». Этот сад был единственным местом общественных гуляний. В праздничные дни в нем играла полковая музыка, на площади перед домом командующего пускались фейерверки.

После постройки дома командующего линия современной улицы Коминтерна стала западной

границей города, далее, в пределах современной площади Ленина, простиралась обширная ровная степь. У северного края этого пространства, вдоль бровки склона балки Ташлы, располагался намеченный еще по плану 1805 года поселок Воробьевка (9). Его быстрое заселение началось с 1836 года. В описании, относящемся к этому времени, говорилось: «Эта часть города, расположенная на возвышенной равнине и признанная в климатическом отношении самой здоровою, состояла из одной улицы, которая простиралась в длину более как на целую версту». Воробьевка, будучи отделена от города обширным пустырем, выглядела как самостоятельный поселок и служила в то время до некоторой степени дачным или даже курортным участком, что также отмечено следующими словами: «Остальные незначительные постройки (Воробьевки. — *В.Г.*) также приносили жителям значительный доход, будучи отдаваемы медикам или другим лицам внаем, искавшим во время лета успокоения от городского шума и жары, которая для приезжих из внутренних губерний на первый раз казалась невыносимой».

К этому периоду жизни Ставрополя относится пребывание в нем М.Ю. Лермонтова. В 1837 году он некоторое время находился в военном госпитале, одно из зданий которого сохранилось во дворе современной улицы Булкина (10). Расположенная вблизи от госпиталя Воробьевская улица (теперь верхняя часть ул. Дзержинского) в дальнейшем называлась Лермонтовской, а расположенный во дворе дома № 187 по ул. Дзержинского памятник природы — семисотлетний дуб, — предание связало с памятью великого поэта, в силу чего дуб также зовется жителями «Лермонтовским». Конечно, Лермонтов мог знать эту достопримечательность Ставрополя и посещать знаменитый дуб. К этому времени относится также создание Лермонтовым рисунков, изображавших сцены ставропольской жизни, рисунка Волобуевой водяной мельницы на р. Ташле, у современного Пионерского пруда, и другого пейзажа, названного Лермонтовым «После прогулки на Волобуеву мельницу».

На востоке, как показывает план 1833 года, постройки города доходили до современной площади Орджоникидзе (где теперь находится цирк). Город занимал также территорию бывшей станицы, и этот район долго сохранял за собой наименование «станицы».

Между бывшей крепостью и руслом Ташлы создалось предместье Подгорное (11). Современники так характеризовали этот район: «Подгорная слободка, усеянная по крутому горному скату небольшими домиками, в которых, как видно, не принимала участия архитектура...». «В этой части города улицы кривы, темны, грязны и местами так узки, что двое гуляющих не могут пройти рядом... Подгорная слободка — это лабиринт города Ставрополя».

В северной части города, вдоль русла Ташлы и на склоне ее левого берега из бывших казачьих хуторов создалось предместье по наименованию «Ташла» (12). Современники характеризовали Ташлу и Мамайский поселок, имеющие большие сады, как самые богатые предместья Ставрополя, противопоставляя их самым бедным — Солдатским слободкам.

Предполагаемая планировка города, показанная на плане 1833 г., намечала застройку всего пространства от левобережья Ташлы до Мамайки и от современной Краснофлотской улицы (бывш. Мойка) примерно до современного ж.-д. вокзала. Предполагалось создать 18 продольных и 14 поперечных улиц, пересекавшихся под прямыми углами, при этом в ряде мест намечалось исправление погрешностей города, вкравшихся при построении домов, т.е. спрямление некоторых улиц. Площадь, отводимая под проектируемые кварталы (15), примерно в три раза превосходила застроенную, будущая численность населения предполагалась в 20000 человек.

В «изъяснении» плана указывалось, что «вода в речках, близ Ставрополя протекавших, солоноватая, потому приположено провести оную от вершины реки Члы». На плане изображалось направление предполагаемого первого водопровода. План проектировал создание в западной части города тогда «нового», но теперь уже закрытого, Даниловского кладбища. Отводилось место для «плитной ломки», т.е. каменоломен, в южной части города, в верховьях источника Карабин. Эти первые в Ставрополе каменоломни теперь застроены домами жителей.

На плане, помимо усадеб жителей, показываются существующими следующие строения: три церкви (Троицкий собор, станичная и армянская), городская дума, приходское училище, полиция, областная почтовая контора, гостиный ряд, мясной ряд и казенные строения: дом областного начальника, дежурного штаб-офицера, тюремный замок, областной архив, военный госпиталь с принадлежащим ему строением и др. В новой планировке был отведен участок для «присутственных мест», в том числе для гражданского губернатора, вице-губернатора, думы, магистрата, сиротского суда, дворянского собрания, полиции, гауптвахты, дома для приезжающего генералитета, почтовой станции. Все эти учреждения предполагалось разместить в одном квартале на участке, ограниченном теперь улицами Пушкина, Коминтерна, Ленина и Морозова, представлявшем тогда пустырь. Однако проект создания этого бюрократического комбината осуществлен не был.

Планом отводились места для духовного училища, четырех новых приходских церквей, костела и одного собора на Крепостной горе, место для гимназии, казенной палаты и для «непредвиденных казенных зданий». Первоначально в Ставрополе строились только небольшие деревянные дома. Один из современников указывал, что не все из этих «незавидных домов» имели у себя даже деревянные крыши, большая часть домов была покрыта камышом и соломой. Первые наиболее крупные дома в Ставрополе принадлежали купцам, ими же был построен ряд гостиных дворов. На строительстве стал использоваться местный известняк-ракушечник. Для его разработки из города Черкасска купцом Волковым были выписаны каменщики, «коими найдено, что из ставропольского ломового камня можно производить строения». Первые каменные дома сооружались вокруг Крепостной горы, на прилегавших к ней участках Черкасской (16) и Армянской (Шаумяна) улиц. Первым каменным зданием, построенным еще в 1799 году, был двухэтажный дом, расположенный на углу проспекта К. Маркса (№ 71) и Баррикадного переулка, принадлежавший ратману городского магистрата — купцу Волкову. Расположенное рядом с ним здание 2-й городской поликлиники (Шаумяна № 18) и дом по проспекту К. Маркса 73 также являются одними из самых старых зданий города. В 1828 году на средства, собранные по подписке купцов, был построен первый гостиный двор, он имел довольно красивый вид и был

украшением центральной части города, состоял из трех двухэтажных корпусов, называемых «складочными магазинами» (14). Центральный корпус был украшен колоннами, он соединялся с западными и восточными корпусами рядами одноэтажных лавок. Западный корпус этого здания сохранился до сих пор (проспект К.Маркса № 79). На этом доме была мемориальная доска с надписью: «Сей гостиный ряд выстроен попечением областного начальства, генерала от кавалерии Емануэля, иждивением Ставропольских купцов». Центральный корпус здания в дальнейшем был использован для помещения в нем гостинорядской, или Спасской, церкви.

В 1834—35 годах к северу от первого гостиного ряда, параллельно ему, на склоне Крепостной горы, был построен второй гостиный ряд, состоящий из четырех небольших двухэтажных каменных корпусов. Эти дома, занятые теперь под квартиры жителей, обросли различными пристройками, но тем не менее сохраняют черты старинной классической архитектуры и воссоздают облик Ставрополя в начале XIX столетия. Недалеко от Гостиных рядов, на противоположной стороне улицы (дом № 68), находилась знаменитая гостиница Найтаки, с балкона которой в 1837 году А. Одоевский, находясь в компании с М.Ю. Лермонтовым и ссыльными декабристами, выкрикнул на латинском языке саркастическое «приветствие» проезжавшему по улице Николаю Первому и его свите.

В это время, при Эммануэле, был построен дом «командующего на Кавказской линии и Черномории», описанный в историческом романе Голубова «Солдатская слава». С востока к дому командующего примыкал построенный несколько позже дом штаба войск Кавказской линии, которых посещали, для регистрации, все приезжавшие на Кавказ военные и должностные лица, в том числе М.Ю. Лермонтов, ссыльные декабристы и другие. На месте дома командующего теперь построено величественное здание «Дома книги». Здание штаба сохранилось (ул. Дзержинского № 116).

Облик Ставрополя в 30-х годах запечатлен в нескольких картинах знаменитого русского художника Н. Чернецова, написанных в 1829 году, фотокопии которых имеются в Ставропольском музее им. Г.К. Праве. Две картины изображают вид с южных склонов Крепостной горы на Черкасскую улицу и расположенную на ней центральную административную и торговую площадь города того времени. В верхней части склона горы изображаются различные сцены базара: гурты скота, пригнанного для продажи, фигуры всадников на лошадях в бурках с ружьями, всадники на верблюдах, возы сена, запряженные волами, и т.д. С правой стороны находится большое деревянное здание, охраняемое часовым, видимо, «соляной магазин». К востоку от торговой площади, на переднем плане, изображены гостиный ряд, о котором мы говорили выше, а за ним, слева, обращенные к Баррикадному переулку фасады двух первых каменных домов города. На виднеющемся отрезке Черкасской улицы за «соляным магазином» изображен двухэтажный дом, о пяти окнах на фасаде, расположенный на пересечении Черкасской улицы с Кладбищенской (теперь ул. Р. Люксембург), выше его длинный одноэтажный дом с красивыми воротами, вдали, в восточной части улицы, контур Троицкого собора, построенного в 1817 году. В зданиях, окружающих площадь, располагались магистрат и другие административные учреждения. За пределами города на картине изображено место слияния балок, разрезающих территорию города, далее обширная платообразная равнина, над которой на горизонте поднимаются Бешпагирские высоты и другие останцы Ставропольской возвышенности.

В 1820 году через Ставрополь проезжала вместе с молодым А.С. Пушкиным, сосланным на юг, семья Н.Н. Раевского. В Ставрополе они имели кратковременную остановку. Город произвел на них хорошее впечатление. «Ставрополь, — писал отсюда своей дочери Раевский, — уездный город, на высоком и приятном месте и лучшем для здоровья жителей всей Кавказской губернии. В нем нашел я каменные и купеческие дома, сады плодовитые и немалое число обывателей, словом преобразованный край, в котором едущего ничего, кроме отдаленности, страшить не должно». Из Ставрополя в 1820 году А.С.Пушкин впервые увидел Эльбрус, и он произвел на него большое впечатление, как и во вторую поездку в 1829 году, когда он направлялся в Закавказье. А.С. Пушкин писал об этом в «Путешествии в Арзрум»: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры тому ровно девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это снежные вершины Кавказской цепи».

Художник Н. Чернецов посетил Ставрополь тоже в 1829 году, и знаменательно, что он на третьей своей картине, посвященной нашему городу, изобразил «Вид Эльбруса из Ставрополя», как бы подтверждая слова Пушкина (копия этой картины выставлена в залах краеведческого музея).

Столь благоприятная характеристика, данная Ставрополю Раевским, частично связана с тем, что он видел его проездом. Лица, знавшие город подробнее, давали о нем худшие отзывы. Перенесение в Ставрополь центра Кавказской области в 1822 году ускорило рост города, но внешний вид его все еще оставался малопривлекательным. Сосланный на Кавказ в 1830 году после польского восстания И.В. Бентковский так описывает Ставрополь того времени: «Ставрополь, тогда уже областной город и центр военного начальства, был более похож на деревню. В феврале 1832 года мы нашли в нем не более 25 каменных, покрытых железом домов... в городе не было ни одной гостиницы, несмотря на то, что в ней была крайняя необходимость для офицеров и чиновников, приезжающих по делам службы... для удовлетворения жизненных потребностей был только один грязный, покрытый лубками трактир...». Город отличается бездорожьем, в дождливое время года «невозможно было ни пройти, ни проехать даже к присутственным местам», разбросанным по всему городу. Первая мостовая в городе, от Тифлисской заставы до дома командующего, прошла только в 1837 году, и то толчком к этому послужило не стремление городской власти к созданию удобств для жителей, а предполагаемый приезд царя.

План 1833 года дает некоторые материалы для суждения о культурном облике Ставрополя того времени: школ в городе было две, церквей три. В дальнейшем соотношение школ и церквей сохранялось в пользу последних, предполагалось создание двух новых учебных заведений и пяти новых церквей. Количество школ также уступало числу различных

учреждений, обеспечивающих обуздание «непокорных». На месте бывшей крепости располагалось здание полиции (теперь пожарное депо); на месте современной средней школы № 1 помещался тюремный замок; часть Бабиной рощи отводилась под огороды, обрабатываемые заключенными; имелись гауптвахта; арестантские роты; место для «аманатов» — заложников из числа горцев, в дальнейшем к ним добавились: «каземат для арестантской роты гражданского ведомства»; «исправительное арестантское отделение» и т.д. В 1858 году, при численности населения в 17623 человека, только в одном тюремном замке содержалось 1573 заключенных, почти 9 % к численности населения города. Такой громадный процент объяснялся тем, что ставропольская тюрьма обслуживала и другие пункты. Половина заключенных содержалась за такие «преступления», как «неповиновение начальству и владельцам», «побег от владельцев и бродяжничество».

Кроме всякого рода учреждений, поддерживавших власть помещичьего государства, в Ставрополе возрастало число предприятий и мест, в которых подвизались купцы: «гостиные дворы», «мясные ряды», «провиантские бунты», «винные подвалы», «жирные ряды» и т.д.

Здание полицейского управления на Крепостной горе. В настоящее время — пожарное депо. Фото начала XX века

Несмотря на большие доходы, большая часть купцов не проявляла инициативы к благоустройству города, к строительству крупных зданий. Это обстоятельство отчасти объясняется тем, что Ставрополь являлся транзитным военным пунктом и большим бременем для жителей были военные постои. «Купцы опасались, что, убив свои капиталы на крупное здание, принуждены будут половину его покоев отдать под постой». Они старались переложить с себя тяготы постоев на плечи «малоимущих», добившись «дарования» им «льготы», освобождавшей вновь построенные большие каменные дома от постоя и других повинностей на 10 лет.

Более интенсивное строительство Ставрополя началось со второй трети XIX веха; чему способствовал быстрый рост населения города. В середине XIX века Ставрополь был первым по величине городом Северного Кавказа. В 1851 году в нем проживало 14368 человек, в следующих за ним по размерам городах: Моздоке — 10970, в Кизляре — 9305, Екатеринодаре (Краснодар) только 7872. Он был одним из крупнейших городов всего Кавказа и занимал после Тифлиса (47304 жит.), Шемахи (19733 жит.) и Шуши (15194) четвертое место.

О военных функциях Ставрополя в середине XIX века хорошо говорят данные о составе населения. В 1853 году из 17,5 тысяч жителей на военнослужащих и членов их семейств приходилось 42 %, на гражданских служащих с семьями 6,0 %, на купцов — 5,8 %, на мещан — 28,8 %. В городе в то время проживало 950 дворовых крепостных и 826 человек казенных крестьян. Военнослужащие составляли главную часть населения города. Это же подчеркивает преобладание среди жителей мужского населения (64% мужчин и 36 % женщин).

Росту Ставрополя способствовало преобразование его в 1847 году из областного в губернский город. За период с 1838 по 1855 год в Ставрополе было построено 250 каменных зданий. Характерной чертой этого периода является освоение верхней части города — строительство по Комиссариатской улице (ныне Советская), застройка Воробьевки и ее расширение на юг и юго-запад. В нижней части города также возводились большие каменные здания. При застройке верхней части города строительство обходило район современной площади Ленина, в силу чего в центре создался большой пустырь, делящий Ставрополь на две части: «Старый» и «Новый» город. В создании такой большой площади (она простиралась от улицы Коминтерна до ул. Пушкина) у города не было потребности, появление ее объясняется близким залеганием каменной плиты, затруднявшей строительство. Этими же условиями вызвано возникновение и других больших площадей, унаследованных городом от прошлого (площади Воровского и Ашихина).

В настоящее время территории этих площадей полностью или частично застроены, на главной из них воздвигнут величественный памятник В.И. Ленину и построены громадные здания Крайисполкома, Драматического театра, разбит прекрасный парк-партер, который называется «Малым ботаническим садом Ставрополя».

Наиболее быстро шли постройки в период с 1840—1842 гг. В это время были созданы, по проекту знаменитого Пятигорского архитектора И. Бернардацци, здания «губернских присутственных мест», занимающие почти всю северную часть Советской улицы. В 1842 году было построено, тоже по проекту И. Бернардацци, красивое здание Военного госпиталя, три корпуса которого соединялись в единый ансамбль изящными колоннадами. К сожалению, ставропольские архитекторы не сумели сохранить первоначальный облик этого памятника истории и культуры — колоннады были разрушены, а в центре ансамбля допустили строительство девятиэтажного жилого дома. Здание госпиталя также памятно тем, что в нем в 1849 году работал великий русский хирург Н.И. Пирогов. В 1847 году было построено одно из красивейших зданий Ставрополя — «городские присутственные места» (проспект К. Маркса № 81), занимаемое теперь учебными помещениями Политехнического института. При закладке этого здания в 1847 году в основание фундамента положена доска с надписью, указывающей, что здание для помещения Градской думы, городового магистра и других городских управлений создано за счет городских доходов и средств купца И.Г. Ганиловского

«по проекту архитектора Славянского». В этом же районе, на углу современных улиц Р. Люксембург и проспекта К. Маркса купцом Плотниковым был построен трехэтажный дом, сданный им внаем 1-й на Кавказе мужской гимназии.

Старая базарная площадь, располагавшаяся у подножия крепостной стены, после постройки здесь здания городской Думы, приобрела значение только административной площади, базар отсюда был перенесен в верхнюю часть города в пределы упоминавшегося Татарского базара и стал называться «Верхним базаром», в противоположность «Нижнему базару», возникшему на принадлежавшей бывшей станице «Казанской площади». На месте старого базара был устроен бассейн с фонтанами, а от него каменная лестница на вершину Крепостной горы к построенному на ней Кафедральному собору.

В 1842 году в Ставрополе была учреждена «Епархия», город приобрел еще одну функцию — управление делами православной церкви на всем Северном Кавказе. Это вызвало значительный приток средств и стимулировало сооружение в Ставрополе большого количества церквей. Число их к 1855 году достигло 15. Кроме того, были построены духовная семинария (ныне здание пединститута), духовное училище на Кузнечной улице (теперь здание школы № 4 на улице Геннадия Голенева). На другой стороне той же улицы было создано Архиерейское подворье с церковью, колокольней, с небольшим монастырем, и улица стала называться Архиерейской. В верхней части города возникло другое архиерейское подворье с другим архиереем, с церковью (Андреевской) и мужским монастырем. В бывших покоях теперь находится профессионально-техническое училище № 14, а кельи монахов превращены в жилые дома. В расположение архиерейского управления был передан крупный массив леса, теперь городской лес, или Таманская лесная дача. В левобережье Ташлы, на окраине города, был создан женский монастырь.

В связи с ростом города обращалось внимание на его благоустройство и внешний вид. Так, в 1839 году стал засаживаться бульвар. До этого времени пространство в верхней части Черкасской улицы, от театра до Градской думы, находилось в запустении, зарастало бурьяном и наводило собою грустное впечатление на гуляющих. Сперва была создана верхняя часть бульвара, до Градской думы, а затем он был продолжен до Тифлисских ворот, построенных в 1842 году у заставы. Ворота имели вид триумфальной арки, соединялись со стеной и, как говорилось в отчете губернатора, «служили пользе и украшению города», они были построены «иждивением купца Тамамшева». Этот купец был также известен как строитель в 1840 году первого Ставропольского водопровода. До этого времени жители пользовались водой или из многочисленных колодцев, или из речек Ташлы, Мутнянки и др. В центральную часть города вода подвозилась от источника Карабин водовозами, имевшими «значительные от того выгоды». После постройки водопровода «водовозы эти упали очень много», говорили современники. Водопровод Тамамшева забирал воду из родника Аульчика, в верховьях Мутнянки, и приводил ее к старой базарной площади города, где был устроен бассейн. Доходы водовозов, надо полагать, теперь направлялись в кассу Тамамшева. За эти общественно-полезные деяния — постройку водопровода и Тифлисских ворот – купец Тамамшев, по ходатайству областного начальства, был награжден орденом и чином «коммерции советника».

Второй водопровод был построен в 1850 году, он служил продолжением первого и давал воду на Ярмарочную площадь, где также был сооружен бассейн, обеспечивавший участников ярмарки, собиравшихся в количестве до 20 тысяч человек. В 1850 году были устроены кое-где тротуары и водосточные канавы, а также введено усовершенствованное освещение трех улиц газом «спиртоскипидарной жидкости». Наместник Кавказа князь Воронцов распорядился переслать 12 фонарей как образец для введения этого новшества в Тифлисе.

В отношении народного образования дела обстояли далеко не благополучно. Первая начальная двухклассная школа была открыта только в 1804 году, через 27 лет после основания крепости. Она была «партикулярной», т.е. содержалась на общественный счет (лишь в 1816 году она была принята казной). Первым учителем был отставной вахтер Свирид Извозщиков. Положение учителей было незавидным, «приговор купцов и мещан» определил давать учителю по 50 рублей в год и разрешал брать с обучающихся азбуке с букварем по 1 рублю в год, а с изучавших часослов — 2 рубля; псалтырь — 3 рубля в год, «но сие оставить на воле родителей». Постановление о зарплате учителей часто нарушалось, в 1805 г. учителю Полякову было уплачено всего лишь 10 рублей.

В 1811 году в Ставрополе было открыто первое в Кавказской губернии уездное училище, преобразованное в 30-х годах в высшее, т.е. четырехклассное училище. Оба училища входили в Казанский учебный округ. Учебники они получали из Петербурга через Казань, на что затрачивался почти год.

Еще хуже обстояло дело с помещениями для школ. Уездное училище находилось на Крепостной горе в ветхом доме, «в котором в зимнее время никак не можно было жить и преподавать».

Для приходского училища общество в 1820 году построило двухэтажный каменный дом, вскоре дом был занят под больных рекрут, т.к. начальство «посчитало невозможным использовать более пригодные для этого дома первейших граждан», и занятия в школе были прекращены на полгода. В дальнейшем в нижнем этаже школы была помещена пожарная команда и «вследствие накопившегося в нижнем этаже конского навоза стала проникать в верхний этаж через окна и через полы страшная вонь», что создало невыносимые условия для школьников. В 30-х годах в нижнем этаже приходского училища вместо лошадей уже помещались арестанты, содержащиеся при полиции. Школа находилась в районе нижнего базара, и сюда преимущественно сажали пьяных, криками и вообще бесчинством «возмущавших весьма часто учительский порядок». Учителям долго пришлось бороться за освобождение школы от такого соседства. В 1837 году в Ставрополе была открыта первая на Кавказе мужская гимназия. Первоначально она имела только 30 учеников и четыре класса. Фактически в гимназию было превращено уездное училище, а приходское стало ее приготовительным классом. Длительный период (до 1868 года) гимназия помещалась в частных домах, в том числе в трехэтажном здании на углу проспекта К. Маркса и улицы Р. Люксембург. В этом здании обучались мно-

гие знаменитые выпускники Ставропольской гимназии: друг К. Маркса Г. Лопатин, «Кавказский Брем» Н.Я. Динник, народоволец М.Ф. Фроленко, исследователь Кавказа Е.Д. Фелицын, основоположник осетинской литературы К.Л. Хетагуров.

В 1868 году гимназия перешла во вновь построенное для нее здание в верхней части города, в котором теперь находится высшее военное училище связи. Дом Плотникова долгое время был известен под названием «старой гимназии». В 1852 году учащихся в гимназии насчитывалось 236 человек. Администрацией «для достижения эстетического воспитания детей» было приобретено фортепиано, на котором учащиеся обучались музыке у частных учителей за особую плату от родителей. «При гимназии была библиотека с 1765 книгами, из которых 53 были весьма ценными. Физический кабинет имел 83 прибора ...по большей части годных к употреблению». Каждую годовщину основания гимназии в ней проводился конкурс на лучшее сочинение. Работы обычно были хорошие, для них было выхлопотано установление наград в виде одной золотой и одной серебряной медалей.

В пансионате гимназии 15 мест отводилось для почетных горцев, т.е. князей и другой феодальной знати горских народов. Это было проявление классовой политики буржуазно-помещичьего государства, стремящегося привлечь на свою сторону туземных феодалов как союзников в эксплуатации трудящихся горцев. Для этих привилегированных учащихся при гимназии была устроена мечеть, «уживавшаяся» рядом с православной церковью.

Другим привилегированным учебным заведением, в котором обучались главным образом дети священнослужителей, была духовная семинария. В ее громадном трехэтажном здании, построенном в 1884 году, в котором теперь обучается 3000 студентов педагогического института, занималось только 150 семинаристов.

На третьем этаже были дортуары — спальни. В среднем находились классы, а весь первый этаж отводился под квартиры ректора и проректора семинарии.

Первая женская (частная) школа была организована в 1831 г. женой учителя Гололобова. До этого девочки единицами посещали уездное училище. Первая ученица поступила в школу в 1821 году. В 1849 году было открыто первое женское «среднеучебное заведение» (гимназия) им. св. Александры, оно было создано на средства благотворительного общества и обучало преимущественно детей дворян и купцов.

Первая библиотека общественного пользования возникла в 1839 году. Она принадлежала купцу Челахову, который взимал с читателей 8 рублей серебром в год, «но библиотека состояла большей частью из одних устарелых романов». Чтобы «доставить бедным чиновникам и другим недостаточным людям средства к образованию, а всем вообще ставропольским жителям — приятное развлечение», в Ставрополе 29 декабря 1852 года по специальному разрешению наместника Кавказа была открыта первая общественная публичная библиотека, имевшая при открытии 546 томов. Библиотека содержалась на пожертвования, и кроме того «действительные члены библиотеки» вносили: служащие по одному проценту от получаемого жалования, а купцы и другие частные лица по семи рублей серебром в год. Эта библиотека явилась зародышем современной краевой библиотеки им. М.Ю. Лермонтова, насчитывающей около 1 200 000 книг.

Попытки организовать в городе театр относятся к сороковым годам XIX века. Постройка первого незатейливого здания для театра была окончена в 1842 году, но оно больше походило на лубочный балаган. В 1845 году купец Ганиловский построил для театра солидное каменное здание (теперь это Дом офицеров на проспекте Октябрьской революции), выделявшееся среди театров других губернских городов. С 1846 года здесь начала играть выдающаяся труппа Зелинского. Она ставила классические пьесы: «Горе от ума», «Ревизор», «Гамлет» и др., что привлекало к театру зрителей и способствовало его росту. Ставропольский театр был первым русским театром на Кавказе.

В Ставрополе в это время имелись энтузиасты развития садоводства и шелководства, один из них был чиновник Нечмиров. Он создал несколько садов и питомников, в которых стремился разводить редкие породы деревьев. Такие питомники были в Бабиной роще, на южном склоне Крепостной горы, в районе Варваринского кладбища. В тутовом саду на Ташле и в имении Реброва во Владимировке, на Куме, были высажены особо ценные тутовые деревья, доставленные из Франции на специально нанятом корабле.

Промышленность в эти годы в Ставрополе была развита недостаточно, большую часть изделий получали из центральных губерний и из-за границы. На имеющихся заводах работало всего 200 человек, не считая «прислужников». Кроме этого, в 1850 году в городе работало еще 170 ремесленников (кустарей).

Заводы были мелкие, самый крупный из них был водочный. Самой значительной отраслью промышленности было свечное дело, имелось 8 заводов сальных свечей (ими главным образом освещались дома жителей) и два завода восковых свечей. Кроме того, имелись пивной завод, воскобойный, 7 кожевенных, 3 шорных, 3 мыловаренных, 6 салотопенных, 6 кирпичных, 1 известковый и колокольный завод купца Ефимова, отливавший колокола до 500 пудов весом.

Территориальный рост Ставрополя за период с 1833 года к середине XIX века иллюстрирует план города 1854 года, опубликованный в Кавказском календаре на 1855 год как приложение к помещенному в нем описанию Ставрополя, составленному анонимным автором.

План 1854 года был первым и единственным опубликованным планом нашего города, вплоть до обнаружения описанного выше плана 1805 года. Схематическое изображение центральной части плана 1854 года было опубликовано в 4-ом выпуске «Материалов по изучению Ставропольского края» в 1952 году. План изображает условными знаками деревянные и каменные строения города. В изъяснении указывается, что в Ставрополе в это время имелось 15 церквей, 246 каменных и 1522 деревянных дома, перечислялись наиболее значительные казенные здания.

В это время в нижней части города было застроено все пространство от р. Ташлы до р. Мутнянки. В верхней части города были застроены бывшая Воробьевская улица и современная улица Морозова. Три соседних с ней улицы, расположенные южнее (верхние части современных улиц Ленина, Мира,

Лермонтова) только начали застраиваться и имели дома, главным образом, в своей западной части. Верхняя городская площадь была значительно шире, она охватывала не только территорию современной площади Ленина, но протягивалась далеко на юг к истокам Мутнянки и далее на юго-запад, сливалась с обширным степным участком между бровкой склона Мамайской балки и Круглым лесом. В северной части этого обширного пустыря, на пересечении современных улиц Ленина и Коминтерна находились «провиантские бунты и соляные магазейны». У верховий Мутнянки располагался «Разгонный пост» почтовой станции. Поселки по балкам Мамайки и Ташлы были более значительны, чем в 1833 году. Заселялись также «Скомороховы хутора», в левобережье Ташлы, вдоль современной Октябрьской улицы, по дороге к женскому монастырю.

Внешний облик Ставрополя в 50-х годах XIX столетия хорошо показывают гравюры, помещенные в Кавказском календаре на 1855 г.

Эти гравюры стали еще большей библиографической редкостью, чем статья, к которой они служила приложением. Их удалось найти после длительных поисков. В экземплярах Кавказского Календаря на 1855 г., хранящихся в библиотеках Ставрополя, они отсутствуют, видимо, они были вырваны прежними владельцами этих книг. Такая же судьба была гравюр в экземплярах Кавказского календаря, просмотренных нами в библиотеках и архивах Пятигорска, Баку и Тбилиси. Не оказалось их и в книге, полученной нами по межбиблиотечному абонементу из Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина, и, наконец, фотографии с этих гравюр удалось получить из Ленинградской Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. После этого гравюры были опубликованы в нашей статье в 4-ом выпуске «Материалов по изучению Ставропольского края» в 1952 году. В 1953 году эти гравюры были помещены в книгу Г.Д. Краснова «Ставрополь на Кавказе» и с тех пор публикуются почти во всех изданиях, посвященных истории Ставрополя.

Одна из гравюр изображает общий вид Ставрополя вдоль бывшей Черкасской улицы от пункта, расположенного несколько восточнее Казачьей улицы. В середине проходит главная улица с молодым бульваром, разветвляющимся в верхней части на две полосы: слева виден бывший Троицкий собор, за ним здания, и вдали деревья бывшей Бабиной рощи. Справа от главной улицы, на первом плане, крыши домов, затем здание Городской управы, видны также бывшая Крепостная гора с собором. К западу от собора изображена невысокая колокольня, видимо, предшественница знаменитой Ставропольской колокольни, построенной архитектором Воскресенским в 1874 году, имевшей высоту 68 метров, существовавшей до 1943 г.

Вторая гравюра изображает здание «Присутственных мест» на Советской улице. На первом плане, справа, стоит главное двухэтажное здание, украшенное торжественным подъездом с колоннами. За ним еще пять двухэтажных и одноэтажных одностильных зданий, соединяемых друг с другом арочными проездами с воротами. Дома эти были построены по проекту архитекторов Бернардацци. Они образуют один из лучших архитектурных ансамблей нашего города, утвержденных в качестве памятника культуры республиканского значения. К сожалению, одно из них (самое западное) уничтожено, на его месте построено здание противочумного института, другое, в котором находится Краевое дорожное управление (д. № 9), по вине городской архитектуры, подвергалось коренной перестройке, чем была нарушена целостность всего ансамбля.

Рассматривая эти фотографии, невольно вспоминаешь описание Ставрополя середины прошлого столетия, сделанное Л.Н. Толстым в «Казаках». Л.Н. Толстой от лица Оленина, разочаровавшегося в городской культуре, говорил: «Ставрополь, через который он должен был проезжать, огорчил его. Вывески, даже французские вывески, дамы в коляске, извозчики, стоящие на площади, бульвар и господин в шинели и шляпе, проходивший по бульвару, оглядевший проезжих, больно подействовал на него... И ему опять вспомнились клуб, портной, карты, свет... От Ставрополя зато все уже пошло удовлетворительно: дико и, сверх того, красиво и воинственно».

Здания присутственных мест (современная улица Советская). Гравюра 1855 года

В середине XIX века Ставрополь достиг наивысшего развития как военно-организационный и административный центр Кавказа; эта роль Ставрополя отражалась на росте города и его внешнем облике.

В дальнейшем в 70-х годах, с окончанием Кавказской войны, Ставрополь утратил значение военно-организационного центра, постройка же в 80-х годах Владикавказской железной дороги, прошедшей параллельно бывшей Азово-Моздокской линии, но «обошедшей» Ставрополь, лишила город былого транспортного значения, поэтому вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции Ставрополь сохранял значение только торгового и административного пункта сельскохозяйственной губернии.

Новая жизнь в Ставрополе началась со времени Великой Октябрьской социалистической революция, когда под руководством коммунистической партии за короткий срок город превратился в крупный промышленный, культурный и организационный центр обширного края.

Численность населения увеличилась с 50 тысяч в 1917г. до 240 тысяч в 1975 году (в 4,8 раза). 84 % теперешних жителей Ставрополя родились при Советской власти, это представители 83 национальностей и народностей нашей страны. Население

города в основном состоит из рабочих и трудовой интеллигенции.

Промышленность дореволюционного Ставрополя состояла преимущественно из предприятий пищевой и легкой индустрии. В советское время в городе возникли и успешно развиваются машиностроение, металлообработка, химическая, стекольная и другие отрасли тяжелой промышленности. Численность рабочих с 1000 человек в 1914 году возросла к 1975 году до 37 тысяч, а объем промышленной продукция за это время увеличился в 78 раз.

За годы социалистических пятилеток в Ставрополе создано много новых промышленных предприятий, реконструированы старые заводы. В Ставрополе работают заводы «Красный металлист», Поршневых колец, «Электроавтоматика», Стеновых материалов и керамзита, Автоприцепов, Асфальтовый, Стеклотарный, Домостроительный комбинат, Мебельная фабрика, фабрика народных художественных промыслов «Восход», предприятия кожевенно-обувного объединения «Кавказ» и др.

Городское коммунальное хозяйство, оснащенное новой техникой, практически создано заново. Жилищный фонд города в 1975 году составил 2579 тыс. кв. м (из них 67 % — общественный фонд). По степени благоустройства коммунальные дома не могут даже сравниваться с жильем, имевшимся до революции. Центральным водяным отоплением, водопроводом, газом, канализацией и многим другим обеспечены дома общественного фонда. В городе созданы автобусное, троллейбусное и таксомоторное хозяйства. Троллейбусные линии превысили 50 км, за год по ним перевозится около 35 миллионов пассажиров. Город перешел на водоснабжение кубанской водой, подаваемой из Сенгилеевского водохранилища мощными водопроводами.

Ставрополь в 1975 году занимал площадь в 118 кв. км, из которых 44,4 кв. км находилось под постройками, 24,7 кв. км составляли зеленые массивы и насаждения общего пользования, 25,5 кв. м — пахотные земли. Общая протяженность улиц достигала 297 км, длина тротуаров — 514 км, из них 432 км заасфальтированы. Сети уличного освещения протянулись в 1975 году на 306 км.

Город разрастался во всех направлениях, как бы по радиусам. Застройка города осуществлялась наиболее совершенным методом, путем создания микрорайонов. В послевоенное время в Ставрополе возникли: Восточный промышленный район, охвативший площадь от ж.-д. вокзала до селекционной станции; жилой массив «Осетинка» — на пространстве от бывшей западной окраины города до Ботанического сада и Русской лесной дачи; громадный Юго-Западный жилой микрорайон, представивший своеобразный «город в городе», рассчитанный на 80 тысяч жителей, расположенный между улицей Доваторцев и южной окраиной Круглого леса; Северо-Западный промышленный район, протянувшийся на плоскости между городским лесом и Русской лесной дачей, вдоль Проспекта химиков и шоссе, ведущего к ст. Пелагиада. С востока к этому промышленному району примкнул обслуживающий его небольшой по площади Северо-Западный жилой массив. На крайнем юго-востоке, в долине реки Мамайки, создан микрорайон, вместивший ряд учебных заведений, Биофабрику, Институт вакцин и сывороток и обслуживающие их предприятия и учреждения.

Велик культурный рост города. Численность учащихся в образовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях достигла в 1975 году 52 тысяч человек. В городе работает четыре вуза: педагогический, сельскохозяйственный, медицинский и политехнический институты. Много различных научных учреждений, библиотек, музеев.

Достижения трудящихся Ставрополя в хозяйственном и культурном строительстве за годы советской власти очень велики, о них мы только упомянули. Они должны быть освещены в специально посвященной этому лекции.

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г. Прошлое Ставрополя по городским планам (методические указания для студентов очного и заочного отделений пединститута к изучению темы по исторической географии края). — Ставрополь: Ставропольский государственный педагогический институт, 1976.

В.Г. Гниловской. **План Ставрополя 1787 года**

До настоящего времени наиболее ранними картографическими произведениями, относящимися к истории города Ставрополя, считались два рукописных плана Ставропольской крепости начала XIX века. Один из них, составленный инженер-подпоручиком Ахиткиным в июле 1811 г. в масштабе 1:1680, хранится в фондах Ставропольского музея им. Г.К. Праве за № 5568, он был обнаружен нами в 1948 г., описан в статье «План Ставропольской крепости 1811 года» (Гниловской, 1949) и служил одним из основных источников сведений о начальном периоде жизни Ставрополя.

Второй план крепости того же масштаба, составленный в декабре 1809 года инженер-капитаном Кобелевым, находится в том же картохранилище (инв. № 5569). Специальному описанию он еще не подвергался. Оба указанных плана относятся к категории «строительных» планов. Они показывали планируемые и начатые постройкой здания и фиксировали выполненные за соответствующий год строительные работы.

В 1970 году в фондах Картографического отдела Государственного исторического музея СССР нами был обнаружен неизвестный в литературе план Ставропольской крепости и станицы 1787 г. Он хранится в «Альбоме планов крепостей» (инв. № 3374), в котором сброшюрованы разные по датировке и масштабу карты и планы, относящиеся к различным губерниям России, и среди них несколько карт, характеризующих Кавказ: «Карта полуденной границы Российской империи», «План губернского города Екатеринограда», «План Моздока», «План крепости Павловской», «План редута Вестославского», «План Ставрополя» и др. Первоначальная принадлежность альбома и время поступления его в музей точно не известна.

Описываемый план представляет рукописный оригинал, выполненный на александрийской бумаге в красках. На нем показаны отрезок р. Члы, ныне Ташлы, (без подписи наименования), ограниченный на востоке впадающей в Ташлу балкой, называемой теперь Чертовым Яром, и расположенные в правобережье долины Ташлы Ставропольская станица и крепость с аванкрепостью. Рельеф местности изображен отмывкой.

В правом нижнем углу листа помещен украшенный в характерном для карт XVIII века стиле пространный заголовок. В рисунок, окружающий легенду плана, входит фигура Геракла (Геркулеса) в львиной шкуре с палицей в левой руке, опирающегося на основание античной колонны и, возможно, символизирующей «Геркулесов столб». Правой рукой Геракл держит овальный щит, на котором начертаны заголовок и масштаб плана. С левой стороны у щита нарисована одна из муз, держащая в правой руке развернутый свиток рукописи. Перед ней находится металлический жертвенник с зажженным огнем на трехногом постаменте, обвитом змеей, символизирующей мудрость. У ног музы лежат книга, палитра с кистями, циркуль, деревянный молоток. На земле, у подножья щита, распростерто знамя с полумесяцем, со стрелою вместо древка, и плеть с рукояткой, украшенной полумесяцем. Поверх знамени лежат ядра и ствол пушки с восседающим на нем двуглавым орлом, увенчанным короной, с лавровой веткой в клюве.

Рисунок, по замыслу автора, должен символизировать победу России над мусульманской Турцией и ниспровержение власти турецких пашей. Фигура Геракла, героя народных сказаний, обладающего большой моральной силой, друга угнетенных, должна быть символом доблести победителей и их дружественного отношения к освобожденным народам. Муза с атрибутами науки и искусства свидетельствует, что победа России несет жителям вновь присоединенных территорий мир и просвещение.

Интересно отметить, что изображение участка земли, на котором нарисованы Геракл и Муза, очень напоминает поверхность многих гор Ставропольской возвышенности, покрытых плитой известняка, с редкой травянистой растительностью и зарослями деревьев по склону. Возможно, что автор рисунка стремился воспроизвести внешний облик «Каменной горы», на которой располагалась крепость. Заголовок плана имеет следующее содержание (приводится с сохранением орфографии подлинника): «Городъ Стауроподь начатой укреплением когда линия Кавказская заводилась при генерале Якобии камнемъ одеть с прибавлением некоторихъ временнихъ укреплений по природному положению сего места кое на каменной горе лежить приобретенныхъ станицеи и частию обнесениемъ палисадомъ когда в ономъ командовалъ бригадиръ что нени генераль лейтнант Апраксымъ в 1787 году».

Надпись свидетельствует о невысокой, по тому времени, грамотности ее автора, текст трудно читается, так как не имеет знаков препинания, встречаются также пропуски букв (лейтнант), неправильное написание слов (бригадиръ, Апраксым) и т.д., в силу чего требуется разъяснение — «перевод» написанного. По нашему мнению, легенда плана должна читаться следующим образом: «Строительство Ставрополя и его укреплений началось со времени Кавказской (Азово-Моздокской. — *В.Г.*) линии, когда ею командовал генерал Якоби. Город обнесен каменной стеной («камнем одет») с давлением некоторых временных укреплений, необходимых, в силу природных особенностей местоположения крепости, находящейся на каменной горе (ныне Комсомольской горке. — В.Г.), и укреплений, созданных у станицы («приобретенных станицей»), и частично обнесенных (крепости и станицы) палисадом, когда в Ставрополе командовал бывший бригадир, теперь генерал-лейтенант Апраксин».

Написание в заголовке слова «Ставрополь» с заменой звука «в» на звук «у» свидетельствует о южнорусском говоре его автора.

Описываемый план изображает Ставрополь, включавший крепость и станицу, в 1787 г., то есть через десять лет после их основания, и представляет большой интерес как первый из известных планов этого населенного пункта. Назначение плана точно

* План 1787 года см. на стр. 588 настоящего издания

не известно, но содержание и богатое оформление его легенды говорят о том, что он являлся генеральным (обзорным) планом и, возможно, готовился для парадного атласа, характеризующего крепости и населенные пункты вновь присоединенных к России территорий. В плане главное внимание обращено на оборонительные сооружения — тщательно вычерчены крепостные стены, рвы с валами, эстакады для подъема пушек, палисад, представляющий сплошной забор из врытых в землю толстых бревен с заостренными верхними концами. Внутренние же строения крепости и станицы изображаются обобщенно, только с подразделением на кварталы, без выделения отдельных домов и скорее отражают проектируемую застройку, а не ее фактическое выполнение.[1]

План Ставрополя 1787 г., несмотря на его схематичность, все же дает некоторые новые сведения о Ставропольской крепости в первые годы ее жизни. На всем правом склоне долины Ташлы, от русла реки до территории станицы и поверхности крепостной горы, показаны пахотные земли, в противоположность обычному мнению о наличии тут в прошлом «вековых лесов». На анализируемом плане древесно-кустарниковая растительность показана только в пойме реки Ташлы и узкой полоской вдоль самой верхней части северного склона крепостной горы. На расстоянии 90—120 сажен к югу от фронтальной стены крепости изображен засыпанный теперь ручей, представлявший один из отвершков речки Желобовки.

Контуры крепости, рва и земляного вала (в плане) совершенно идентичны их изображению на плане 1811 г. с тем отличием, что здесь они окрашены в условные цвета, стены — красной, рвы — зеленой краской, с отмывкой откосов, а на плане Ахиткина их местоположение отмечалось только линиями. В углах главного бастиона и в изгибах крепостной стены, с фронтальной и тыловой сторон, имелось пятнадцать площадок для пушек с эстакадами. К 1811 г. их число сократилось до восьми, они имелись только на южном, юго-восточном и восточном фасах стены. Это говорит об уменьшении ко второму десятилетию XIX в. военного значения Ставропольской крепости, так как создавались укрепленные пункты в более южных частях Предкавказья.

Показанные внутри крепости проектируемые кварталы образуют центральную улицу, вытянутую по длинной оси крепости с востока на запад, и три поперечные улицы, пересекающие главную. Первая из них располагалась в западной части крепости, против главных ворот; вторая — в центре, в наиболее широкой части; и третья — в восточной — суженной части территории крепости.

Интересно, что в 1787 г. к югу от основной крепости была аванкрепость. Последняя располагалась в правобережье отвершка речки Желобовки. Основная часть ее каменных стен протягивалась по линии теперешней улицы Дзержинского, на участке от современного проспекта им. Октябрьской революции до улицы Косты Хетагурова. От главной стены отходили на север, в сторону основной крепости, короткие боковые стены, ограничивающие территорию аванкрепости с запада и востока. Контур аванкрепости (в плане) определил местоположение упомянутых улиц, возникших в дальнейшем по направлению основной и боковых ее стен. Первыми дворами на этих улицах были семь усадеб, показанных на плане внутри аванкрепости в виде прямоугольных фигур. Контуры крайних восточной и западной усадеб изображены на плане пунктиром и не закрашены, видимо, к моменту составления плана эти места еще не были застроены.

Стены аванкрепости, вероятно, имели ту же высоту и конструкцию, что и у основной крепости, и оборудовались бойницами, но на плане это не отражено. Изгибы стен образовали шесть бастионов. С наружной стороны стены окружались рвом и крепостным валом. Во фронтальной стене аванкрепости имелись ворота. Боковые стены соединялись с основной крепостью двумя линиями палисада. Западная, глухая линия последнего примыкала к главному бастиону крепости, восточная, имевшая ворота, упиралась во фронтальный фас основной крепости, несколько восточнее крепостных ворот. Общая протяженность стен аванкрепости достигала 450 саженей (960 м), а обеих линий палисада — 270 саженей (576 м), ограничиваемая ими площадь, занятая аванкрепостью, равнялась 17,7 десятинам (19,3 га).

Аванкрепость, построенная на наиболее угрожаемом южном направлении, имела значение передовой заставы. По вооружению она уступала основной крепости, — судя по плану, артиллерии не имела. Используя ее, гарнизон крепости должен был задержать противника перед главной крепостной позицией и заставить его преждевременно развернуть свои силы. Сведений о том, когда была построена аванкрепость, какую роль она сыграла в жизни Ставрополя и когда была уничтожена, найти пока не удалось.

Описываемый план изображает также местоположение Ставропольской станицы и является первым из известных планов этого поселка. Станица была построена у восточного подножья крепостной горы. Кратчайшее расстояние между станицей и крепостью составляло 115 саженей (245 м). Расстояние между «Станичными» воротами крепости, расположенными на восточном фасе крепостных стен, и воротами станицы по прямой достигало 200 сажен (427 м). Контур территории, занимаемой станицей, изображен на плане в виде пятиугольника, вытянутого в направлении с запада на восток на 470 сажен (1016 м), с поперечной осью в 160 сажен (341 м).

Четыре продольные и две поперечные улицы подразделяли территорию станицы на десять больших кварталов в виде прямоугольников. В юго-западной части территории, примыкавшей к подножию крепостной горы, имелся еще полуквартал, в пределах которого в более поздний период была построена армянская церковь. В этом же участке на плане изображается узкий прямоугольник, вытянутый в направлении с северо-запада на юго-восток на 32 сажени. Судя по другим, близким по времени планам города, это были лавки, по их линии в дальнейшем возникла 2-я Ясеновская улица, называемая теперь ул. Фрунзе.

Территория, занимаемая станицей, была обнесена палисадом протяженностью в 1430 сажен (3051 м), с единственными воротами в его юго-западной части. Самая южная из изображенных на плане продольных улиц соответствует направлению современной улицы Горького, в прошлом называвшейся Поспе-

ловской. Располагавшиеся за нею три параллельные улицы назывались прежде 1-й, 2-й и 3-й Станичными, теперь это улицы Калинина, Жданова, Кирова.

Из двух поперечных улиц западная соответствует северной части современной улицы Голенева, прежде Хоперской, а восточная — Казачьей, почти единственной улице города, сохранившей свое наименование со времени существования станицы. В южной части территории, между палисадом и кварталами станицы, имелось две площади. На одной из них, меньшей по размерам, располагались упомянутые выше лавки. Другая, более значительная, изображена незастроенной.

В плане 1787 г. на территории станицы не показано церкви, вероятно, она была построена позже. Это обстоятельство в некоторой степени подтверждает высказанное нами сомнение в отношении датировки картины неизвестного автора, изображающей Ставропольскую станицу и впервые опубликованную нами в статье «Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия» (Гниловской, 1952). В дальнейшем она публиковалась в книге Г.Д. Краснова «Ставрополь на Кавказе» 1953 и 1957 гг. издания, без указания первоисточника.

Фотография с этой картины была обнаружена нами в коллекции жителя Ставрополя Г.И. Двойченко, и по нашему настоянию передана им в музей им. Г.К. Праве. На фотографии в нижнем правом углу имелась надпись чернилами: «Ставроп. креп. стан. 1780 год». Картина изображала дома, деревянную церковь, пирамидальные тополя на улицах и контур крепостных стен на горе. По ряду признаков мы высказали мнение, что, хотя картина изображает станицу в ранний период ее жизни, дата написания ее должна быть отнесена к более позднему времени, чем это указано на картине.

Описываемый план показывает, что в Ставропольской станице в 1787 г. еще не было церкви, откуда можно сделать заключение, что картина, изображающая станицу, была написана после 1787 г.

Церковь была построена на указанной выше площади, в самой южной части территории станицы, теперь на этом месте располагается нижний рынок города, в квартале между улицами Голенева, Казачьей, Горького и Шаумяна.

План Ставрополя 1787 г., раскрывший некоторые новые данные об истории города, является ценным историческим документом XVIII века. Он может быть использован при дальнейших, более детальных исследованиях начального периода жизни Ставрополя и изучении культурного слоя, отложившегося в наиболее древних частях города.

В заключение мы хотели выразить благодарность научному сотруднику Отдела картографии Государственного исторического музея СССР М.И. Наврот за большую помощь, оказанную нам в поисках и обработке документов по исторической географии Ставрополя.

Примечание

1. Возможно, что описываемый экземпляр плана был не вполне закончен — вдоль его восточной рамки очерчена длинная полоса, на которой, вероятно, предполагалось поместить «изъяснение», но никакого текста там нет.

Литература

1. Гниловской В.Г. План Ставропольской крепости 1811 г. // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1949. — Вып. 1.

2. Гниловской В.Г. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1952. — Вып. 4.

3. Краснов Г.Д. Ставрополь-на-Кавказе. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1953, 1957.

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г. План Ставрополя 1787 года // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1976. — Вып. 14. — С. 215—221.

Среди различных топонимов наиболее разнообразны названия улиц населенных пунктов. В их формировании могут принимать участие гидронимы, оронимы, названия, происходящие от имен и фамилий отдельных лиц, событий, соседних поселений, вошедших в состав города, дорог и т.д.

Названия улиц в то же время быстро изменяются в связи с развитием городов, сменой исторических событий, сменой жителей, появлением на улицах новых объектов. Коренные изменения во внутригородскую топонимию в нашей стране внесла Великая Октябрьская социалистическая революция, изменившая социальный строй, мировоззрение жителей, их отношение к обществу, труду, собственности.

Быстрая изменчивость наименований в городах часто ведет к стиранию их первичной мотивированности, возникновению ложных этимологий, переосмысливанию первоначальных названий.

Топонимия города Ставрополя почти не унаследовала наименований, существовавших в данной местности до ее заселения русскими. Некоторым исключением из этого является название главного водного потока города — Ташлы, происходящего от названия Ташлы-Сырт, относившегося к возвышенности, на которой в конце XVIII века был построен город Ставрополь. Этот гидроним, тюркского происхождения, в дальнейшем положил начало названию ТАШЛЯНСКОЙ улицы, существующему до сих пор.

I. Топонимия города Ставрополя в дореволюционный период

Сложившаяся к периоду Великой Октябрьской социалистической революции система внутригородских наименований Ставрополя в основном формировалась в XIX веке. Многие улицы города сохраняли свои начальные наименования в течение всего прошлого столетия, у других же названия менялись. Так, первая по возникновению и наиболее значительная улица города, ныне проспект К. Маркса, по которой проходил почтовый тракт в город Черкасск, сперва называлась ЧЕРКАССКОЙ, затем ПЕРВОЙ, потом БОЛЬШОЙ УЛИЦЕЙ, в дальнейшем была переименована в НИКОЛАЕВСКУЮ и далее в НИКОЛАЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ. Последние официальные названия плохо прививались, и у населения она чаще всего называлась БОЛЬШОЙ.

Исходными материалами для предлагаемой читателю характеристики топонимии и объяснения происхождения наименований улиц Ставрополя в дореволюционный период явились рукописные планы города 1805 и 1833 годов, изданные типографским способом планы Ставрополя 1854, 1904 и 1911 годов, а также списки домовладельцев города, опубликованные в 1870, 1904 и 1911 гг. Проводимый анализ топонимии дореволюционного Ставрополя будет основываться на плане города и списке улиц 1911 года как наиболее полных.

В основу систематизации наименований улиц города Ставрополя, имевшихся до революции и существующих в настоящее время, мы положили подразделения внутригородских топонимов, используемые А.В. Суперанской в статье «Наименования и переименования в городах» (1966), разработанные на материале топонимии Москвы.

Одновременно мы вносим в эти подразделения некоторые дополнения, применительно к особенностям дореволюционной и современной топонимии города Ставрополя. Главным из них является подразделение наименований улиц на две группы: самобытные («фольклорные»), возникающие в процессе народного творчества, и названия, присваиваемые административными органами. Названия последней группы чаще всего даются «в честь» тех или иных лиц, событий или других объектов, в большинстве случаев непосредственной связи с данной улицей не имеющих, в силу чего эти наименования имеют символическое значение. Так, среди выделяемой А.В. Суперанской группы наименований, связанной с фамилиями (именами) отдельных лиц, мы различаем наименования самобытные, возникшие от фамилий первожителей (домовладельцев), и названия, присвоенные в честь отдельных лиц, возможно, здесь и не проживавших, то есть относим эти наименования к двум различным генетическим типам.

Кроме того, мы находим, что выделяемая А.В. Суперанской группа названий, «повторяющих наименования соседних улиц» с добавлением их порядковой нумерации, внутри себя также неоднородна. Часть их повторяет наименование основной улицы, но называемые ими улицы не имеют свойств или объектов, с которыми связано отправное наименование. Например, в Ставрополе было шесть параллельных МОНАСТЫРСКИХ улиц, но монастырь находился только на одной из них — 1-й МОНАСТЫРСКОЙ, остальные же механически использовали наименование первой. Эту группу улиц действительно можно назвать «повторяющими».

К другой категории мы относим названия, которые, хотя и повторяют название 1-й улицы, с добавлением нумерации, но каждая отдельно взятая улица имеет свойства, отражаемые наименованием. Так, из четырех имевшихся в Ставрополе КАМЕНОЛОМСКИХ улиц каждая из них располагалась на участке бывших каменоломен, что отражалось на рельефе и внешнем виде всех этих улиц. То же относится к бывшим четырем СТАНИЧНЫМ улицам, указывавшим местоположение станицы, и другим подобным наименованиям, фиксирующим пространственное расположение какого-либо явления. Подобные наименования не могут относиться к категории «повторяющих», и все эти улицы, несмотря на их порядковые номера, должны считаться имеющими индивидуальные наименования и включаться в соответствующие им топонимические группы.

Незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции, в 1911 году, в Ставрополе насчитывалось 132 улицы, 51 переулок, 22 площади, 6 переездов, 1 проспект. Из общего числа всех используемых топонимов, равного 212, 169 наименований являлись индивидуальными и 43 названия (20%) повторяли названия соседних улиц или площадей.

В дальнейшем обзоре наименований улиц города Ставрополя дооктябрьского периода по топонимическим группам мы будем сперва рассматривать «самобытные» названия, на которые приходилось 93,3% всех индивидуальных наименований, и во вторую очередь присвоенные (6,7% всех названий). Одновременно по каждой группе будем указывать число улиц с индивидуальными названиями и число улиц, повторяющих названия соседних.

Самобытные наименования. Наименования, связанные с отдельными лицами

Эта группа топонимов занимала в дореволюционном Ставрополе одно из первых мест. По фамилиям отдельных лиц именовались 53 улицы города. Среди них 33 наименования являлись первичными и 20 наименований повторяющими названия соседних улиц.

В большинстве случаев лица, по фамилиям которых именовались улицы, были домовладельцами и чаще всего первожителями (зачинателями) данных улиц. Так, из 33 улиц, именуемых по фамилиям домовладельцев, на 20 из них в 1911 году еще проживали семьи, фамилии которых дали начало их названию. Многие из указанных домовладений были первыми домами на данных улицах, о чем свидетельствует их нумерация — это обычно были 1, 2, 3 или 4-е номера.

Целый ряд улиц имел как бы родовой характер. Так, на небольшом СТРОГАНОВСКОМ переулке, имевшем 18 домовладений, 11 домовладельцев носили фамилию Строгановых. На другой небольшой улице, называвшейся Толстовский переезд, проживало 7 домовладельцев с фамилией Толстовы.

Из 39 семейств, проживающих в 1911 году на улицах, одноименных с их фамилиями, большая часть представляла собою семьи мелких домовладельцев. У 15 из них стоимость домовладений имела оценку до 100 рублей каждое, у 13 от 100 до 300 рублей, у 6 до 500, у 4 от 1000 до 2000 рублей, и только один из них — Плотников, проживавший на ПЛОТНИКОВСКОМ переулке, имел дом, оценивавшийся в 4000 рублей. Это обстоятельство говорит, что указанные наименования присваивались не в честь видных богачей, а возникали от фамилий рядовых граждан, построивших на этой улице первый дом.

На 14 улицах, имевших наименования, происходящие от фамилий домовладельцев, в 1911 году уже не имелось фамилий, отвечающих названиям этих улиц, но 10 таких фамилий встречалось среди домовладельцев в других частях города.

В отношении наименований ЕРОХИНСКАЯ улица и БЕЛОБОРОДОВСКИЙ переулок мы не встретили в списке домовладельцев 1911 года соответствующих фамилий, но эти фамилии вообще бытовали у жителей города. Остается пока невыясненным происхождение наименования двух улиц: МАВРИНСКОЙ и ТЕРМИКЕЛОВСКОЙ, также, возможно, связанных с фамилиями домовладельцев. ТЕРМИКЕЛОВСКАЯ улица возникла в середине XIX века на берегах реки Ташлы. МАВРИНСКОЙ улицей с конца XIX века по неизвестным причинам стала называться улица, носившая до этого название 2-й СОЛДАТСКОЙ СЛОБОДКИ.

Некоторые из названий улиц по фамилиям домовладельцев могли порождать ложные объяснения. Так, названия ВОРОБЬЕВСКАЯ улица и ОРЕХОВСКИЙ переулок производят впечатление отражающих природные особенности местности. О ПЛОТНИКОВСКОМ переулке можно было думать, что он назван по профессии жителей, а о ТОЛСТОВСКОМ переезде, что он носит имя Л.Н. Толстого.

Наименования по группам лиц, проживающих на улице

Этот старинный тип наименований, развитый в Москве и других древних городах, обычно был связан с профессией жителей. В Ставрополе он не имел широкого распространения. В 1911 году было всего лишь четыре улицы с такими наименованиями: ЕВРЕЙСКИЙ переулок, АРМЯНСКАЯ, КАЗАЧЬЯ и ХОПЕРСКАЯ улицы. Первые две из них отражали национальность первожителей. На АРМЯНСКОЙ улице в начале XIX века были поселены семейства армян, занятых торговлей. КАЗАЧЬЯ и ХОПЕРСКАЯ ограничивали с востока и запада территорию станицы, заселенной 1778 году Хоперскими казаками.

Наименования по населенным пунктам и пригородам, вошедшим в город или связанным с ним дорогой

Этот тип наименований также не получил в Ставрополе большого распространения. Такие названия были у 20 улиц города. К ним относились шесть НОВОФОРШТАДТСКИХ, четыре СТАНИЧНЫЕ, две ХУТОРСКИЕ и одна НИЖНЕСЛОБОДСКАЯ улица. Они отмечали местоположение бывших пригородов или самостоятельных поселков, вошедших в состав города. Сюда мы относим также четыре очень короткие АУЛЬСКИЕ улицы, располагавшиеся в верховье балки Мутнянки, где на бровке склона имелись остатки древнего городища, получившие у первоначальных жителей название «Татарского аула». Имевшиеся в городе два МИХАЙЛОВСКИХ переезда, через речку Ташлу и железную дорогу, располагались на пути в село МИХАЙЛОВСКОЕ, а от бывшей НЕВИННОМЫССКОЙ улицы начинался тракт к станице НЕВИННОМЫССКОЙ.

Наименования по искусственно созданным объектам или учреждениям, располагавшимся на улице

Эта группа наименований занимала по численности второе место после улиц, связанных с фамилиями первожителей. Такие названия имели 49 улиц, в том числе у 36 из них названия являлись первоначальными, а у 13 они повторяли (под номерами) названия соседних улиц. Среди этой группы можно выделить названия по учебным заведениям, административным, лечебным и другим учреждениям: ГИМНАЗИЧЕСКАЯ и СЕМИНАРСКАЯ улицы, ДУМСКАЯ площадь, переулки — ИНТЕНДАНТСКИЙ, ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ПРИЮТСКИЙ, ИНВАЛИДНЫЙ (по дому призрения инвалидов), ГОСПИТАЛЬНАЯ, АНДРЕЕВСКО-ВЛАДИМИРСКАЯ (от одноименного благотворительного общества — «братства», БАТАЛИОННАЯ (по казармам батальона), ТЕАТРАЛЬНАЯ и др. улицы.

Названия двух улиц, относимых нами к этой группе,— ГОГОЛЕВСКОЙ и улицы БЕЛИНСКОГО, – возникли от располагавшихся на них начальных школ имени Гоголя и Белинского.

Названия ряда других улиц этой группы возникли от культовых зданий: СОБОРНАЯ площадь, КАФЕДРАЛЬНАЯ площадь (от Кафедрального собора), АРХИЕРЕЙСКАЯ (от архиерейского подворья), шесть улиц и шесть переулков МОНАСТЫРСКИХ (по женскому монастырю), АРМЯНСКАЯ площадь (по армянской церкви).

Ряд наименований был связан с транспортными сооружениями: ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ улица, ПОСТОВАЯ площадь («разгонный» пост почтовой станции»). Имелась улица под названием МОЙКА, где у выхода мощных источников производилась стирка, мытье фаэтонов. На четырех КАМЕНОЛОМСКИХ были карьеры. КАРАБИНСКАЯ площадь и три примыкающие к ней одноименные улицы назывались по расположенному здесь мощному каптированному роднику, именовавшемуся «Карабин», который долгое время был главным источником водоснабжения Ставрополя. Известный знаток старины Ставрополья Г.Н. Прозрителев в специальной статье «Источник Карабин» указывает, что этот источник был одним из условий возникновения и развития города Ставрополя. Интересно отметить, что наименование источника в дальнейшем было перенесено геологами на обнажающийся в районе карабинских улиц водоносный пласт известняка, и оно стало одним из стратиграфических терминов, характеризующих геологические напластования окрестностей Ставрополя. Таким образом, наименование «Карабин» является для Ставрополя историческим названием.

Названия по природным микрообъектам

Такие наименования имелись у 21 улицы. Все они происходили от названий четырех небольших рек, пересекающих территорию города: Ташлы, Мутнянки, Желобовки, Мамайки. Семнадцать улиц, обозначаемых номерами, повторяли эти наименования, имелось пять ТАШЛЯНСКИХ, шесть МАМАЙСКИХ улиц и т. д., но повторения эти не являлись механическими, все эти улицы располагались вдоль берегов или пересекали долины указанных рек.

Названия по физико-географическим свойствам местности

Этот тип наименований, очень близкий к предыдущему, мало использовался. Подобные названия имели всего лишь 5 улиц. К ним относился СТЕПНОЙ переулок, находившийся на окраине города, 1 и 2-я ЯСЕНОВСКИЕ улицы, располагавшиеся на месте бывшего ясеневого леса. Название ЯСЕНОВСКИХ повторяли расположенные по соседству ЯСЕНОВСКАЯ площадь и ЯСЕНОВСКИЙ переезд.

Названия по наименованию церквей

Подобные названия имели 25 улиц. Исходными для них являлись 13 названий, а 12 повторяли названия соседних. Названия этой группы отражали имена святых (ВАРВАРИНСКАЯ), названия праздников (ТРОИЦКАЯ) или икон (КАЗАНСКАЯ), которым были посвящены церкви. Значительная часть этих наименований могла смешиваться с топонимами, происходящими от фамилий или от названий городов (ГЕОРГИЕВСКАЯ, ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ. ЕВДОКИЕВСКАЯ, КАЗАНСКАЯ, СОФИЕВСКАЯ, ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ и т.д.).

Названия по местоположению улиц

Такие наименования имели 20 улиц города. Одни из них отмечали взаимоположение улиц (ПОПЕРЕЧНАЯ, ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ, 1-я, 2-я, 3-я КРАЙНИЕ, 1-я, 2-я... и 6-я ЛИНИИ НОВОГО ФОРШТАДТА, НОВАЯ ПЛОЩАДЬ, БЕЗЫМЯННАЯ улица, НОВАЯ БЕЗЫМЯННАЯ); другие — расположение улиц в отношении рек (1-я, 2-я ЗАТАШЛЯНСКИЕ), третьи наименования указывали положение улиц в отношении рельефа (ВЕРХНЯЯ, СРЕДНЯЯ и НИЖНЯЯ ПОДГОРНЫЕ).

Названия, отражающие внешний вид улиц

В дореволюционное время в Ставрополе улиц с подобными названиями не имелось.

Названия по основному назначению или использованию улиц

Этот тип наименований также был мало распространен, их имели только пять улиц, и все они отражали торговую специализацию улиц и площадей — ЯРМАРОЧНАЯ (ТОРГОВАЯ) площадь, ХЛЕБНЫЙ РЫНОК, ФОРШТАДТСКИЙ БАЗАРЧИК, БАЗАРНАЯ и ТОРГОВАЯ улицы.

Названия, повторяющие наименование соседних улиц

В эту группу мы включаем только те улицы, названия которых повторяли названия соседних, но сами не имели объектов или свойств, от которых возник первоначальный топоним. Таких улиц в городе насчитывалось около 43, что составляло 20% от их общего числа. Среди этих наименований мы находим 2-ю, 3-ю, 4-ю, 5-ю АЛАФУЗОВСКИЕ улицы, шесть КАНДАУРОВСКИХ, названных по фамилии домовладельцев на первоначальной улице, пять МОНАСТЫРСКИХ улиц и пять МОНАСТЫРСКИХ переулков, четыре ЕВДОКИЕВСКИЕ улицы (от наименования церкви на одной из них) и т.д.

Присваиваемые наименования

Выделяемая нами вторая категория присваиваемых наименований в дореволюционном Ставрополе не имела широкого распространения. Названия присваивались или в честь каких-либо лиц, или в честь событий.

Всего в 1911 году в Ставрополе насчитывалось 14 улиц этой категории. В честь отдельных лиц было названо 9 лиц и площадей: НИКОЛАЕВСКИЙ проспект, АЛЕКСАНДРОВСКАЯ, МИХАЙЛОВСКАЯ, ОЛЬГИНСКАЯ улицы, АЛЕКСАНДРОВСКАЯ площадь, а также в честь представителей Кавказской военной администрации и управителей губернии XIX века — ВОРОНЦОВА, ВЕЛЬЯМИНОВА, ВЛАСТОВА и БАРЯТИНСКОГО.

В дореволюционном Ставрополе не имелось улиц, названных в честь знаменитых писателей и

деятелей культуры. Исключением является переименование, уже после 1911 года, ТЕАТРАЛЬНОЙ улицы в улицу Л. Н. ТОЛСТОГО. Второе переименование подобного рода произошло в 1914 году, когда в ознаменование столетнего юбилея со дня рождения М.Ю. Лермонтова бывшей ВОРОБЬЕВСКОЙ улице, на которой проживал в 1840 году М. Ю. Лермонтов, было присвоено имя ЛЕРМОНТОВСКОЙ.

По окончании русско-турецкой войны 1877—1878 годов прежние Форштадтские улицы были переименованы в БАТУМСКУЮ, КАРСКУЮ, ПЛЕВНЕНСКУЮ и ШИПКИНСКУЮ улицы.

В Ставрополе в 1911 году имелась лишь одна улица, носившая чисто символическое наименование, — ЕВРОПЕЙСКАЯ, причем никакими внешними качествами, оправдывающими это наименование, она не отличалась, более того, до переименования она называлась — ГЛУХОЙ переулок.

II. Топонимия города Ставрополя в советский период

За годы советской власти Ставрополь превратился в крупный современный социалистический город почти с двухсоттысячным населением. Город продолжает расти вширь, особенно вверх, увеличивая этажность зданий. Появились новые жилые массивы: «Ясная Поляна», «Осетинка», «Ботанический» и другие. Число улиц в городе с 1911 года к 1967 году увеличилось с 212 до 433, а их общая протяженность — со 170 до 380 километров, т.е. более чем в два раза.

В городе возникла новая категория улиц — проезды, они создаются в целях уплотнения площади заселения, внутри старых кварталов, занятых обширными огородами и садами. Быстрый численный рост проездов породил у работников горкоммунхоза тенденцию: каждую вновь прокладываемую улицу, вне зависимости от того, создается ли она внутри старого квартала или на незастроенной местности, называть проездом, что нельзя признать правильным. Всего по плану города, составленному в 1966 году, имелись 181 улица, 144 проезда, 90 переулков, 5 площадей, 7 тупиков, 3 шоссе, 2 проспекта и 1 переезд.

Коренные социальные изменения, вызванные Октябрьской революцией, и рост города привели к полному видоизменению системы наименований внутри города.

Трудящиеся не желали сохранять старых наименований, данных в честь членов царской фамилии, церквей, и они исчезли с плана города. Улицы стали получать наименования в честь деятелей революции, героев гражданской и Отечественной войн, знаменитых поэтов, писателей, ученых.

Сложившуюся к 1967 году систему внутригородских наименований Ставрополя трудно разделить на категории «самобытных» и «присваиваемых», теперь большая часть наименований утверждается горисполкомом. Из 212 старых названий, имевшихся в 1911 году, в настоящее время сохранилось всего лишь 12 (3%), а 97% названий являются результатом наименования новых или переименования старых улиц.

Наименования, присвоенные улицам органами горисполкома, можно подразделить на две группы: первую группу составляют символические, данные в честь выдающихся лиц, событий, городов, народов нашей страны и т.д. или посвященные идеям и символам нового общества. Во вторую группу входят названия, присвоенные административными органами, но в то же время в какой-то мере отражающие исторические и географические свойства и особенности улиц.

Период переименований улиц в настоящее время в основном закончился, поэтому целесообразным является подведение некоторых итогов этой деятельности. Необходимо систематизировать используемые топонимические типы, выявить удельный вес отдельных из них, оценить мотивированность присвоенных наименований, их соответствие географическим и историческим особенностям улиц.

Последующий обзор современной топонимии мы будем вести, начиная с названий первой группы, присвоенных в честь лиц, событий и т.д., как имеющей наибольшее распространение.

Наименования в честь выдающихся лиц

Эта группа наименований занимает в современной топонимии города господствующее положение. Такие наименования присвоены 170 улицам города. Среди лиц, которым посвящены улицы, мы встречаем имена политических деятелей-демократов, героев Октябрьской революции, Гражданской и Отечественной войн, знаменитых летчиков и космонавтов, выдающихся деятелей культуры.

Именами политических деятелей названо 22 улицы. Это группа наиболее широкого диапазона. В ней встречаем имена Спартака, Минина и Пожарского, вождей крестьянского движения — Болотникова, Пугачева, декабристов, деятелей международного рабочего движения современной эпохи К. Маркса, Ф. Энгельса, Р. Люксембург, Э. Тельмана, К. Готвальда и других.

Имена борцов Великой Октябрьской социалистической революции и деятелей Советского государства носят 30 улиц. Среди них имена В.И. Ленина, М.И. Калинина Я.М. Свердлова, Ф.Э. Дзержинского, С. М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе и многих, кто боролся за власть Советов на Северном Кавказе и Ставрополье, — М. Акулова, Г. Анджиевского, М. Морозова, В. Петрова, А. Пономарева.

Семнадцать улиц названы в честь героев Гражданской войны, в том числе многих местных красных полководцев и командиров: Д. Ашихина, Я. Балахонова, П. Ипатова, К. Трунова, Ф. Шпака.

Такое же количество улиц носит имена воинов Великой Отечественной войны и героев Советского Союза, в том числе боровшихся с фашистами на Северном Кавказе, среди них улица имени И. Булкина, павшего при освобождении Ставрополя, и других.

Одиннадцать улиц посвящены знаменитым летчикам и космонавтам нашей страны.

Семь улиц названы именами выдающихся полководцев-патриотов прошлого времени: А. Невского, А. В. Суворова, П. Нахимова и других.

Среди названий большое место занимают имена деятелей культуры — 34 улицам присвоены имена поэтов и писателей, 22 — имена ученых и путешественников и 9 — имена художников и композиторов.

Названия в честь событий

В честь выдающихся событий названо восемь улиц, среди них проспект ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, улица ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ, БОРОДИНСКИЙ переулок. Часть названий связаны с событиями Гражданской войны и с памятью прославленных воинских соединений — ТАМАНСКАЯ улица, ДОВАТОРЦЕВ, ВОЛОЧАЕВСКИЙ, ПЕРЕКОПСКИЙ, ЧОНГАРСКИЙ переулки.

Названия в честь городов

Это новый топонимический тип, который не бытовал в Ставрополе в дореволюционное время, возможно, он не встречался и в других городах. А.В. Суперанская (1966) не указывает подобных топонимов для дореволюционной Москвы и отмечает, что этот тип в настоящее время в Москве почти не представлен.

Возникновение описываемой группы наименований, вероятно, ведет начало от практики называть улицы по тем городам, по направлению к которым они вели. Так, в дореволюционное время в Москве появились улицы КАЛУЖСКАЯ, СЕРПУХОВСКАЯ, ТВЕРСКАЯ, в Ставрополе —НЕВИННОМЫССКАЯ.

Переименование городов, изменение в направлении дорог иногда приводили к утрате служебного значения указанных названий и придавали им символический характер. В то же время многие города прославили себя трудовыми и ратными подвигами в период гражданской и Отечественной войн, появились города-герои, что создавало стимулы отмечать уважение к этим городам в наименовании улиц. Так стали появляться в населенных пунктах нашей страны и за рубежом наименования: ЛЕНИНГРАДСКАЯ, СТАЛИНГРАДСКАЯ, СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ и другие улицы.

В Ставрополе в 1967 году в честь городов и других населенных пунктов именовались 67 улиц (15,5%). Среди них значились не только имена городов-героев, но и многих других городов, расположенных на обширном пространстве от Мурманска до Баку, от Риги до Хабаровска. Символический характер этих наименований подчеркивается тем, что из их общего числа только 15 улиц носят названия пунктов, расположенных на Кавказе и в какой-то мере являющихся соседними.

Названия в честь выдающихся географических объектов

Одновременно с предыдущей группой топонимов в Ставрополе стало широко применяться наименование улиц в честь выдающихся географических объектов: морей, рек, озер, гор, каналов, полуостровов, перевалов и т. д. Мы не знаем, практикуется ли использование этого топонимического типа в других городах, но, судя по статье А.В. Суперанской, в Москве он не имеет распространения, в Ставрополе же в настоящее время насчитывается 38 таких наименований. К этому типу относятся названия улиц: АЗОВСКАЯ, КАСПИЙСКАЯ, УРАЛЬСКАЯ, ВОЛЖСКАЯ, проездов: БИЙСКИЙ, ДУНАЙСКИЙ, ВОЛГОДОНСКОЙ, ОНЕЖСКИЙ, ИРТЫШСКИЙ, ЧЕРНОМОРСКИЙ, КРЫМСКИЙ, КЛУХОРСКИЙ и т.д., вплоть до ПАМИРСКОГО, ГИМАЛАЙСКОГО и ПОЛЯРНОГО. Все эти наименования со Ставрополем непосредственной связи не имеют и являются символическими.

Прочие названия, имеющие символическое значение

Помимо указанных наименований улиц, присвоенных в честь конкретных лиц, событий, городов, географических объектов, в Ставрополе насчитывается до 80 наименований улиц, посвященных понятиям, идеям и реалиям социалистического общества, также имеющих символическое значение.

Символический характер многих из них совершенно ясен — это улицы МИРА, ДРУЖБЫ, ПРАВДЫ, СОВЕТСКАЯ, 8-го МАРТА, НАРОДНАЯ, КОМИНТЕРНА и т.д. У других же символический смысл наименований можно открыть только при непосредственном ознакомлении с улицей или ее историей. Так, названия улиц: УКРАИНСКАЯ, БЕЛОРУССКАЯ, ОСЕТИНСКАЯ, КАВАЛЕРИЙСКАЯ, ПАРТИЗАНСКАЯ порождают впечатление, что на данных улицах проживали или проживают соответствующие народности или группы людей; фактически же все они являются символическими и даны в честь отдельных народностей нашей страны, в честь партизан Гражданской войны, в честь кавалеристов Красной Армии и т.д.

Символическое значение имеют названия улиц: АВИАЦИОННАЯ, ПОГРАНИЧНАЯ, переулков: АЭРОФЛОТСКИЙ, БАРРИКАДНЫЙ, НОВОСЛОБОДСКОЙ, ПАРКОВЫЙ, о которых можно думать, что они названы по наличию на них, в прошлом или теперь, соответствующих объектов или близком расположении к ним, например, к аэродрому, к границе города.

Символическими являются названия по месяцам года, например, проезды: ФЕВРАЛЬСКИЙ, МАРТОВСКИЙ, АПРЕЛЬСКИЙ, иногда и названия по странам света: переулок ВОСТОЧНЫЙ, улица ЮЖНАЯ. К этой же группе часто относятся безличные названия, как бы характеризующие внешний вид улиц: проезды ВЕСЕЛЫЙ, СВЕТЛЫЙ и другие.

Переходя к характеристике наименований, присвоенных улицам города административными органами, имеющими не символический характер, а в какой-то мере отражающих особенности улиц, необходимо отметить, что они имеют очень незначительный удельный вес, всего лишь 16,0%. По сравнению с дореволюционным временем в Ставрополе сократилось не только общее число подобных наименований, но и число топонимических типов этой группы. Исчезли наименования по фамилиям первожителей данной улицы, наименования по населенным пунктам, вошедшим в состав города, наименования, повторяющие названия соседних улиц, и другие.

Названия, связанные с группами лиц, проживающими или проживавшими на улице, находят небольшое распространение. По этому принципу называются четыре проезда, ВРАЧЕБНЫЙ, МЕТАЛЛИСТОВ, РАБОЧИЙ и ЛИТЕЙНЫЙ, и упоминавшаяся ранее КАЗАЧЬЯ улица. Шестнадцать улиц города именуются по имеющимся на них искусственно созданным объектам или учреждениям, это — ЗАВОДСКАЯ, ВОКЗАЛЬНАЯ, ОГОРОДНАЯ, СЕЛЕКЦИОННАЯ (по селекционной станции), ТУАПСИНСКАЯ (по вокзалу бывшей Туапсинской железной дороги), а также переулок и проезды: ЗООТЕХНИЧЕСКИЙ (по бывшему Зоотехническому институту), КАРЬЕРНЫЙ, МЕЛЬНИЧНЫЙ, ОРАНЖЕРЕЙНЫЙ, ПРОМЫШЛЕННЫЙ, ТРАНС-

ПОРТНЫЙ (была транспортная артель). Среди этих наименований сохранилось пять дореволюционных названий — ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ улица, МОСТОВОЙ переулок и др.

Группа улиц, названия которых связаны с природными микрообъектами, включает 3 старых наименования, связанных с названиями рек, которые пересекают улицы, и два новых — ЛЕСНАЯ и ЛЕСНОЙ тупик, всего 5 наименований.

Группа наименований, отражающих физико-географические особенности местности, включает всего лишь четыре топонима: ОВРАЖНАЯ, ГОРНАЯ, тупик БЕРЕГОВОЙ и старое наименование — ЯСЕНОВСКАЯ улица.

Пятнадцать улиц названы по их местоположению в пределах города: КРАЙНЯЯ, ВЕРХНЯЯ, НИЖНЯЯ, ЗАВОКЗАЛЬНАЯ, ЮЖНАЯ, ОКРАИННАЯ, ПОЛЕВАЯ, переулки и проезды: ДАЛЬНИЙ, ЗАРЕЧНЫЙ, ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ, СРЕДНИЙ, в том числе сохранилось и одно старое наименование этой группы топонимов — ПОДГОРНАЯ улица.

Названия, характеризующие внешний облик улиц, также не нашли широкого использования. Всего насчитывается 17 улиц с подобными именами, среди них НОВАЯ и ПРОДОЛЬНАЯ улицы, а также проезды и переулки: ДВОЙНОЙ, ФИГУРНЫЙ, УГЛОВОЙ, КРУГОВОЙ, ЛИНЕЙНЫЙ, КОРОТКИЙ, МАЛЫЙ, КАМЕННЫЙ, ЗЕЛЕНЫЙ, ТИХИЙ.

Названия, отражающие основное назначение или использование, имеют семь улиц. Большая часть из них отражает транспортные функции и три шоссе: СТАРОМАРЬЕВСКОЕ, МИХАЙЛОВСКОЕ, НЕВИННОМЫССКОЕ, сюда же нами относится улица ОБЪЕЗДНАЯ, а также ВРЕМЕННЫЙ проезд, где застройщиками, еще не оформившими права на возведение дома, ставились времянки.

Подводя итоги характеристике современной топонимии города Ставрополя, необходимо отметить, что основой всех наименований и переименований являлись воспитательные цели: привитие чувства патриотизма, увековечивание памяти борцов Революции, строителей Советского государства, прославленных воинов Гражданской и Отечественной войн, воспитание уважения к деятелям культуры и науки нашей Родины. Этим задачам современная топонимия города вполне отвечает. В то же время установившаяся система наименований страдает рядом недостатков, которые указываются ниже.

Часто переименования проводились кампаниями, в спешке, без учета географических и исторических особенностей города и отдельных его частей. Новые наименования не всегда были достаточно продуманными, и в дальнейшем возникла необходимость их замены. Так, в сентябре 1937 года горкоммунхозом был составлен проект переименования сразу 208 улиц, почти 80% всего количества улиц, существовавших в то время. Необходимость переименования мотивировалась тем, что «некоторые улицы имеют по нескольку наименований,[1] другие носят имена крупных купцов, архиереев и думских деятелей».

В дальнейшем, в ноябре 1937 года, фактически состоявшееся переименование коснулось 129 улиц (более 50%). Из этого числа в последующие годы 54 улицы были вновь переименованы.

Массовые переименования вели к тому, что наряду с необходимыми изменениями уничтожались исторические названия, которые целесообразно было сохранить, например, ХОПЕРСКАЯ, АРМЯНСКАЯ, СТАНИЧНЫЕ, названия улиц в честь победы России над Турцией — ПЛЕВНЕНСКАЯ, ШИПКИНСКАЯ и другие.

Переименования продолжались и в послевоенное время и при этом также не всегда удачно. Так, были переименованы Карабинские улицы, двум из них были присвоены имена Герцена и Жуковского. Этим лицам можно было посвятить другие, более крупные улицы, а историческое наименование Карабинских сохранить.

Отсутствие предварительного общественного обсуждения проектов наименований и переименований и консультаций со специалистами историками и географами породило в присвоенных наименованиях целый ряд несообразностей. Одна из улиц, находящаяся на крайнем западе города в районе улицы ДОВАТОРЦЕВ, названа ВОСТОЧНЫМ переулком; из двух ЮЖНЫХ улиц одна действительно находится на юге города, другая же на его северо-восточной окраине; проезд ЗАПАДНЫЙ фактически расположен на северо-западе. Не отвечают своим природным особенностям проезды: КЛЮЧЕВОЙ, ЛУГОВОЙ, ПЕСЧАНЫЙ, улица РАКИТНАЯ. Также случайными являются названия переулков ШКОЛЬНОГО и ПОЧТОВОГО.

Недостаточная изученность первоначальной топонимии Ставрополя и отсутствие внимания к этому вопросу порождали целый ряд нежелательных осложнений в деле наименования улиц. Так, в 1937 году была переименована Хоперская улица, на которой в XVIII веке действительно селились хоперские казаки, сосланные на Кавказ за участие в восстании Пугачева, а в 1960 году это наименование было присвоено вновь созданной улице — проезду ХОПЕРСКОМУ, в западной части города, где до этого произрастал лес. Причем совершенно неизвестно, в честь чего же проезд назван ХОПЕРСКИМ, то ли в честь казаков-переселенцев, то ли в честь не столь уж значительной и видной реки Хопра — притока Дона.

В 1937 году улица, носившая название ЛОПАТИНСКОЙ, была переименована в БАЙДУКОВСКУЮ, так как мыслилось, что она носит имя домовладельца или купца. В послевоенное время ей было возвращено первоначальное наименование, поскольку возникло предположение, что название ЛОПАТИНСКАЯ как-то было связано с семьей революционера Германа Лопатина, проживавшего в Ставрополе в юные годы, с 1846 по 1861 год, и находившегося здесь с 1868 по 1870 год в ссылке. Но фактически эта улица никакой связи с Лопатиным или его семьей не имела. Она возникла в период с 1904 по 1911 год, когда никто из семьи Германа Лопатина в Ставрополе не проживал. Это переосмысливание старого наименования, какое делали работники горкоммунхоза, до населения не дошло, так как на вновь восстановленных табличках, обозначающих ЛОПАТИНСКУЮ улицу, ни инициалов, ни имени Германа Лопатина не было приведено.

Неудачно ответили работники горкоммунхоза на стремление ставропольцев увековечить имя героической Таманской Красной Армии. Первоначально это имя было присвоено бывшей АРХИЕРЕЙСКОЙ улице, по которой Таманская армия вступила в город. Дополнительно в 1937 году быв-

ший ЛЕПЛЯВКИН переулок был также переименован в ТАМАНСКИЙ. В послевоенные годы ТАМАНСКИЙ переулок по неизвестным причинам был переименован в ЗЕЛЕНЫЙ, а ТАМАНСКАЯ улица — в улицу Г. ГОЛЕНЕВА. Наименование же ТАМАНСКАЯ было присвоено малоизвестной 4-й СТАНИЧНОЙ улице. Эти перемещения наименований нельзя признать необходимыми и обоснованными. Бывшая 4-я СТАНИЧНАЯ улица непосредственного отношения к Таманской армии не имела и, наоборот, Г. Голенев не был связан с Таманской (бывшей Архиерейской) улицей.

Главная воспитательная задача наименований и переименований улиц в Ставрополе не во всех случаях выполняется с достаточной полнотой.

Называя улицу в честь какого-либо выдающегося деятеля, конечно, было необходимо обеспечить должное уважение к этому лицу как со стороны персонала, осуществляющего переименование, так и со стороны населения. Для этого следовало на табличках с названиями улиц, кроме фамилий лиц, в честь которых названы улицы, указывать их имена или инициалы. Иначе названия остаются безликими. Так, например, мало кто в городе Ставрополе может точно ответить на вопрос, в честь кого, например, названа одна из крупнейших магистралей города — улица СЕРОВА, в честь ли летчика А. К. Серова, знаменитого художника В. А. Серова, или в честь композитора А. Н. Серова. То же относится к улице ПАВЛОВА, о которой можно мыслить, что она названа и в честь великого физиолога И. П. Павлова, и в честь защитника Сталинграда русского воина Я. Ф. Павлова. В такой же мере это касается других наименований улиц Ставрополя в честь лиц, у которых имеются знаменитые однофамильцы: Жуковского, Крылова, Островского, Вавилова, Прокофьева, Ушакова, Никитина, Лебедева. Среди наших прославленных соотечественников с фамилией Никитин в Большой Советской Энциклопедии указано одиннадцать лиц, а с фамилией Лебедев и того больше — шестнадцать лиц, в том числе одних ученых физиков — четыре. В честь кого из них были названы улицы города, носящие эти имена, необходимо уточнить и обнародовать.

В актах или решениях горисполкома о наименованиях и переименованиях должно точно указываться, в честь какого лица называется та или иная улица, и мотивироваться каждое наименование или переименование. В секретариате горисполкома и обществе охраны памятников истории и культуры должна вестись соответствующая картотека улиц, времени их возникновения и истории их наименований или переименований.

В отношении многих малоизвестных населению фамилий, увековеченных в наименованиях улиц, кроме указания их инициалов на табличках необходимо в каких-то участках улицы устанавливать доски, кратко знакомящие жителей с деятельностью лиц, чье имя носят эти улицы. Это уже начато.

При отсутствии должного внимания к делу наименования и переименования улиц и соответствующего оформления таблиц названия обезличиваются, воспитательное значение переименований утрачивается. Сами новые наименования приобретают значение механических значков, наподобие простой нумерации улиц. В этом случае нумерация имела бы даже большие преимущества перед наименованиями по фамилиям, т.к. она указывала бы закономерное пространственное расположение улиц. Проведенные нами опросы жителей многих новых окраинных улиц показали на малую осведомленность населения о лицах, в честь которых названы улицы, на которых они живут. Многие школьники не могли объяснить, в честь кого названа улица, на которой находится их школа.

Встречались попытки со стороны жителей переосмысливания мало знакомых им или явно неудачно присвоенных наименований улиц. Одна женщина среднего возраста объяснила происхождение наименования их улицы «ПРОЕЗД ПАМИРСКИЙ» тем, что в послевоенное время, когда было мало стройматериалов, жители «по миру» собирали стройматериалы и строились. Другая предположила, что название ПРОЕЗД ГИМАЛАЙСКИЙ происходит от слова «Ермолайский».

Недостатком практики наименований улиц в городе Ставрополе является чрезмерный рост топонимов в честь выдающихся географических объектов и городов. Особенно нецелесообразной являлась замена этими наименованиями названий, отражающих исторические и географические особенности Ставрополя. Создается впечатление, что работники горкоммунхоза, ведающие наименованием улиц, стремясь украсить город новыми названиями, иногда не находили подходящих местных наименований, поэтому на плане города появлялись такие случайные для Ставрополя названия, как проезды ЧУКОТСКИЙ, ПЕЧЁРСКИЙ, ПАМИРСКИЙ, ГИМАЛАЙСКИЙ, БИЙСКИЙ, АРАЛЬСКИЙ, АЛДАНСКИЙ, ОНЕЖСКИЙ, ЗАКАРПАТСКИЙ, тупик ДВИНСКОЙ, тупик БАЙКАЛЬСКИЙ и другие, им подобные.

Мы думаем, что жители Ярославля и Симферополя нисколько не были бы в обиде, если бы в Ставрополе не было бы ЯРОСЛАВСКОГО и СИМФЕРОПОЛЬСКОГО переулков. То же относится к Гомелю, Красноярску, Орлу и другим городам, в честь которых названы переулки и проезды. При тщательном изучении истории и географии Ставрополя и края можно было бы найти много местных наименований, отражающих их особенности, имеющих воспитательное и познавательное значение.

В заключение нашего обзора надо еще отметить тот недостаток в современной топонимии города, что совершенно прекратилось использование наряду с именами также и нумерации улиц.

В настоящее время в Ставрополе все 430 улиц, часто очень небольших (средняя длина одной улицы около 860 метров) имеют индивидуальные наименования, что сильно осложняет работу органов связи, скорой медицинской помощи и других организаций, создает трудности для жителей в усвоении «географии города» — взаимного расположения большого числа улиц, проездов, переулков.

В отдельных, преимущественно новых участках города, часто сочетаются самые различные по своей мотивированности наименования улиц, в результате создаются какие-то лабиринты мало связанных друг с другом названий. В случайно взятом нами участке площадью всего лишь в 0,5 квадратного километра находим такое сочетание: ул. РЕПИНА, пер. ИНТЕНДАНТСКИЙ, ул. ТРУНОВА, проезд ПЕЧЁРСКИЙ, ул. ВОРОНЕЖСКАЯ, проезд ПРОЛЕТАРСКИЙ, ул. САРАТОВСКАЯ, проезды ГОМЕЛЬСКИЙ, Л. ЧАЙКИНОЙ, НОВОРОССИЙСКИЙ.

В некоторых городах, в новых кварталах, иногда практикуется именование параллельных улиц

отдельных участков города однородными именами в честь писателей, в честь ученых, в честь революционных деятелей и т.д., что облегчает ориентацию внутри города.

Широкое использование в прошлой нумерации улиц выделяло своеобразные микрорайоны с однородными наименованиями, например, микрорайон СТАНИЧНЫХ, НОВОФОРШТАДТСКИХ, МОНАСТЫРСКИХ, ПОДГОРНЫХ улиц, повторяющих наименования с прибавлением порядкового номера. Этот принцип наименований широко используется в Ленинграде, где имеется 10 СОВЕТСКИХ улиц, 23 ЛИНИИ на Васильевском острове. Применение этого метода значительно облегчило бы справочную и другую работу по использованию улиц в городе Ставрополе.

Внимание, какое уделяется в настоящее время советской общественностью охране памятников истории и культуры, памятников природы, изучению своей местности, должно помочь улучшить дело наименований населенных пунктов, улиц в городах и селах, исправить имеющиеся в этом отношении недостатки. Это даст возможность использовать топонимию населенных пунктов как важное воспитательное и познавательное средство.

Примечание

1. Примечание автора: отдельные улицы, возникавшие в разное время по одной линии, имели свои наименования. Приводимым постановлением они объединялись в одну улицу с общим наименованием, например, современная улица Дзержинского была образована из Лермонтовской, Первомайской улицы и улицы Р. Люксембург.

Литература

Гниловской В.Г. Территориальное развитие города Ставрополя в конце XVIII и первой половине XIX столетия. «Матер. по изуч. Ставроп. края», вып. 4, 1956.

Суперанская А.В. Наименования и переименования в городах. «Вопросы географии. Географические названия», 1966.

Микротопонимия. Изд-во МГУ, 1967. (Сборник материалов Всесоюзного совещания по микротопонимии).

Распределение наименований улиц города Ставрополя по основным топонимическим группам в 1911 и 1966 годах

Типы наименований	1911 год число	%	1966 год число	%
Самобытные и другие наименования, отражающие историю или свойства улиц				
По фамилиям первых поселенцев	33	15,6	—	—
По группе лиц	4	2,0	5	1,2
По населенным пунктам, вошедшим в состав города или связанным с ним дорогой	20	9,4	—	—
По искусственно созданным объектам	36	17,0	16	3,7
По природным микрообъектам	21	9,9	5	1,2
По физико-географическим особенностям местности	3	1,4	4	0,9
По названию церквей и религиозных праздников	13	6,1	—	—
По месторасположению улиц внутри города	20	9,4	15	3,5
По внешнему виду	—	—	17	3,9
По основному назначению или использованию	5	2,3	7	1,6
Повторяющие названия соседних улиц	43	20,2	—	—
Итого	198	93,3	69	16,0
Наименования, присвоенные (символические)				
а) в честь отдельных лиц	9	4,2	170	38,1
б) в честь событий	4	2,0	8	1,9
в) в честь городов	—	—	67	15,5
г) в честь географических объектов	—	—	38	8,8
д) в честь идей символов	1	0,5	81	18,7
Итого	14	6,7	364	84,0
Всего	212	100,0	433	100,0

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г. Очерк топонимии города Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1971. — Вып. 12—13. — С. 328—347.

Список переименованных улиц города Ворошиловска

Постановление

Президиума Ворошиловского Городского совета от 25 января 1938 года № 136
Во изменение постановления Президиума Горсовета от 3- IX – 37 г. за № 124
Президиум Горсовета постановляет переименовать следующие улицы:

Пор. №	Старое название улиц	Название улиц после переименования
1.	Лермонтовская улица	Улицы Дзержинского
2.	Первомайская улица	
3.	Улица Розы Люксембург	
4.	Гимназическая улица	Улица Кагановича
5.	Ленинская улица	Улица Ленина
6.	Мавринская улица	
7.	Нижне-Слободская	
8.	Без названия (до 126 кв.)	
9.	Невинномысская улица	Улица Молотова
10.	Ольгинская улица	
11.	Батальонная улица	Улица Лермонтова
12.	1-я Мутнянская улица	
13.	Шипкинская улица	Улица 8-го Марта
14.	Плевенская улица	Улица Тельмана
15.	Карская улица	Улица Первомайская
16.	Карский переулок (кв. 185)	Переулок Карский
17.	1-я Батумская улица	Улица Некрасова
18.	Шпаковская улица	1-я улица Шпаковская
19.	Без названия (271-280 кв.)	2-я улица Шпаковская
20.	2-й Школьный переулок (1 линия)	1-й переулок Чернышевского
21.	2-я линия Старого Форштадта	2-й переулок Чернышевского
22.	3-я линия Старого Форштадта	3-й переулок Чернышевского
23.	4-я линия Старого Форштадта	4-й переулок Чернышевского
24.	5-я линия Старого Форштадта	5-й переулок Чернышевского
25.	6-я линия Старого Форштадта	6-й переулок Чернышевского
26.	7-я линия Старого Форштадта	7-й переулок Чернышевского
27.	8-я линия Старого Форштадта	8-й переулок Чернышевского
28.	9-я линия Старого Форштадта	9-й переулок Чернышевского
29.	10-я линия Старого Форштадта	10-й переулок Чернышевского
30.	Новая площадь (квартал 281)	Новая площадь
31.	2-я Крайняя улица (кварталы 284—285)	Крайняя улица
32.	Базарная улица	Улица Куйбышева
33.	2-я Батумская улица	Переулок Куйбышева
34.	Шоссейная улица	Шоссейная улица
35.	1-я линия новые места	1-я Тимирязевская
36.	2-я линия новые места	2-я Тимирязевская
37.	3-я линия новые места	3-я Тимирязевская
38.	4-я линия новые места	4-я Тимирязевская
39.	5-я линия новые места	5-я Тимирязевская
40.	Степной переулок (кварталы 143—144)	Восточный переулок
41.	Прудовая улица (3 линия)	Прудовая улица
42.	Степной переулок (178—179, 162)	Степной переулок
43.	10-я (1-я) линия	2-й переулок Петрова
44.	Даниловская площадь	Площадь Петрова
45.	1-й Даниловский переулок (180—181)	1-й переулок Петрова
46.	2-й Даниловский переулок (161—169)	Переулок Спартаковский
47.	1-я Крайняя улица	Краснофлотская улица
48.	Мойка	
49.	Софиевская улица	Улица Льва Толстого
50.	Параллельная улица	Улица Громова
51.	Софиевская площадь	Площадь Громова
52.	Зоотехнический переулок	Зоотехнический переулок
53.	Пушкинская улица(Семинарская)	Пушкинская улица
54.	1-я Каменоломская улица	1-я Каменоломская улица

Пор. №	Старое название улиц	Название улиц после переименования
55.	2-я Каменоломская улица	2-я Каменоломская улица
56.	3-я Каменоломская улица	3-я Каменоломская улица
57.	1-я Павловская улица	4-я Каменоломская улица
58.	1-й Павловский переулок	1-й переулок Шевелева
59.	2-й Павловский переулок	2-й переулок Шевелева
60.	3-й Павловский переулок	3-й переулок Шевелева
61.	4-й Павловский переулок	4-й переулок Шевелева
62.	3-я Павловская улица	5-й переулок Шевелева
63.	Карабинская площадь	Карабинская площадь
64.	Безымянская улица	Колхозная улица
65.	1-я Карабинская улица	1-я Карабинская улица
66.	2-я Карабинская улица	2-я Карабинская улица
67.	3-я Карабинская улица	3-я Карабинская улица
68.	1-я Ловушинская	1-я Блиновская улица
69.	2-я Ловушинская	2-я Блиновская улица
70.	3-я Ловушинская	3-я Блиновская улица
71.	Георгиевская площадь	Площадь Гофицкого
72.	Георгиевская улица (306—309)	Улица Гофицкого
73.	1-я Мамайская улица	1-я Мичуринская улица
74.	2-я Мамайская улица	2-я Мичуринская улица
75.	3-я Мамайская улица	3-я Мичуринская улица
76.	4-я Мамайская улица	4-я Мичуринская улица
77.	5-я Мамайская улица	5-я Мичуринская улица
78.	6-я Мамайская улица	6-я Мичуринская улица
79.	7-я Мамайская улица(326—327)	7-я Мичуринская улица
80.	Полотно Туапсинск. ж. дор. (313, 314, 315, 316, 318)	8-я Мичуринская улица
81.	Нестеровский переулок	Перекопский переулок
82.	1-я Аульная улица	1-я Верхняя улица
83.	2-я Аульная улица	2-я Верхняя улица
84.	3-я Аульная улица	3-я Верхняя улица
85.	4-я Аульная улица	4-я Верхняя улица
86.	1-й Мутнянский переулок	1-й переулок Лермонтова.
87.	2-й Мутнянский переулок	2-й переулок Лермонтова
88.	Преображенская площадь	Площадь Ашихина
89.	1-я Преображенская улица	1-я улица Ашихина
90.	2-я Преображенская улица	2-я улица Ашихина
91.	1-я Ново-Форштадтск.ул	1-я улица Ежова
92.	2-я Ново-Форштадтск.ул	2-я улица Ежова
93.	2-я Павловская улица	
94.	1-я Мутнянская улица	3-я улица Ежова
95.	3-я Ново-Форшадтская улица	
96.	4-я Ново-Форштадтская улица	4-я улица Ежова
97.	5-я Ново-Форштадтская улица	5-я улица Ежова
98.	6-я Ново-Форштадтская улица	6-я улица Ежова
99.	1-я линия Нового-Форштадта	1-й переулок Крупской
100.	2-я линия Нового-Форштадта	2-й переулок Крупской
101.	3-я линия Нового-Форштадта	3-й переулок Крупской
102.	4-я линия Нового-Форштадта	4-й переулок Крупской
103.	5-я линия Нового-Форштадта	5-й переулок Крупской
104.	6-я линия Нового-Форштадта	6-й переулок Крупской
105.	7-я линия Нового-Форштадта	7-й переулок Крупской
106.	Ново-Форштадтская площадь	Площадь Ежова
107.	Мостовой переулок	Мостовой переулок
108.	Постовая площадь	Партизанская площадь
109.	Постовая улица	Партизанская улица
110.	Бассейная улица	Бассейная улица
111.	Площадь Воровского	Площадь Воровского
112.	Поперечная улица	Улица Артема
113.	Властовская улица	Коминтерновская улица
114.	Площадь Луначарского	Площадь Ленина
115.	2-я Мутнянская улица	1-я Мутнянская улица
116.	3-я Мутнянская улица	2-я Мутнянская улица
117.	4-я Мутнянская улица	3-я Мутнянская улица

Пор. №	Старое название улиц	Название улиц после переименования
118.	5-я Мутнянская улица	4-я Мутнянская улица
119.	Леплявский переулок	Зеленый переулок
120.	Пролетарская улица	Проспект Ворошилова
121.	Улица Льва Толстого	
122.	Европейская улица	Европейская улица
123.	Акуловская	Улица Розы Люксембург
124.	Варваринская (26—27)	
125.	Белобородовский переулок	Улица Маяковского
126.	Мухинский переулок	
127.	Площадь Маяковского	Площадь Маяковского
128.	Таманская улица	Таманская улица
129.	Хоперская улица	
130.	Шевченковский переулок	Улица Добролюбова
131.	Инвалидный переулок	
132.	Троицкий переулок	Переулок Рылеева
133.	Месеневский переулок	Транспортный переулок
134.	1-й Кандауровский переулок	1-й переулок Чкалова
135.	2-й Кандауровский переулок	2-й переулок Чкалова
136.	3-й Кандауровский переулок	3-й переулок Чкалова
137.	4-й Кандауровский переулок	4-й переулок Чкалова
138.	Слободской переулок	
139.	5-й Кандауровский переулок	5-й переулок Чкалова
140.	6-й Кандауровский переулок	6-й переулок Чкалова
141.	7-й Кандауровский переулок	7-й переулок Чкалова
142.	8-й Кандауровский переулок	8-й переулок Чкалова
143.	1-й Алафузовский переулок	1-й Стахановский переулок
144.	2-й Алафузовский переулок	2-й Стахановский переулок
145.	3-й Алафузовский переулок	3-й Стахановский переулок
146.	4-й Алафузовский переулок	4-й Стахановский переулок
147.	5-й Алафузовский переулок	5-й Стахановский переулок
148.	Улица Сталина	Проспект Сталина
149.	Комсомольский сквер	Комсомольский сквер
150.	Михайловская улица	Улица Орджоникидзе
151.	Плотниковский переулок	Переулок Менделеева
152.	1-я Мещанская улица	Ипатовская улица
153.	2-я Мещанская улица	Апанасенковская улица
154.	1-я Желубовская улица	1-я О.Ю. Шмидта
155.	2-я Желубовская улица	2-я О.Ю. Шмидта
156.	3-я Желубовская улица	3-я О.Ю. Шмидта
157.	Комсомольская улица	Комсомольская улица
158.	Ерохинская улица	Трудовая улица
159.	1-я Туапсинская улица	1-я Туапсинская улица
160.	2-й Туапсинский переулок	2-я Туапсинская улица
161.	3-я Туапсинская улица	3-я Туапсинская улица
162.	4-я Туапсинская улица	4-я Туапсинская улица
163.	5-я Туапсинская улица	5-я Туапсинская улица
164.	6-я Туапсинская улица	6-я Туапсинская улица
165.	1-й Туапсинский переулок	1-й Туапсинский переулок
166.	2-й Туапсинский переулок	2-й Туапсинский переулок
167.	3-й Туапсинский переулок	3-й Туапсинский переулок
168.	Ярмарочная площадь	Орджоникидзевская площадь
169.	Ярмарочная улица	Ярмарочная улица
170.	Торговая площадь (Верхний базар)	Торговая площадь
171.	Торговая улица	Торговая улица
172.	Шахтинская группа	Торговый переулок
173.	Нестеровская улица	Советская улица
174.	Соборная площадь	Комсомольская пл.
175.	Соборная улица	Пионерская улица
176.	Владимиро-Андреевский переулок	Пионерский переулок
177.	Интендантский переулок	Интендантский переулок
178.	Ставропольская улица	Ставропольская улица
179.	Ставропольский переулок	
180.	1-я Ясеновская улица	Ясеновская улица

Пор. №	Старое название улиц	Название улиц после переименования
181.	2-я Ясеновская улица	Улица Фрунзе
182.	Ясеновская площадь	Площадь Фрунзе
183.	Ясеновский переезд	Переезд Фрунзе
184.	Ясеновский переулок	Переулок Фрунзе
185.	Армянская улица	Улица Шаумяна
186.	1-я Спасская улица	
187.	2-я Спасская улица	Переулок Шаумяна
188.	Думский переулок	Депутатский переулок
189.	Казачья улица	Казачья улица
190.	Ореховский переулок	Школьный переулок
191.	Поспеловская улица	Улица М. Горького
192.	Казанский переулок	
193.	Казанская площадь	Рыночная площадь
194.	1-й Крестовый переулок	1-й переулок Горького
195.	2-й Крестовый переулок	2-й переулок Горького
196.	1-й Успенский переулок	1-й Мельничный переулок
197.	2-й Успенский переулок	2-й Мельничный переулок
198.	1-я Станичная улица	1-я улица Калинина
199.	2-я Станичная улица	1-я улица Калинина
200.	3-я Станичная улица	1-я улица Калинина
201.	4-я Станичная улица	1-я улица Калинина
202.	Флоринский переулок	Кавалерийский переулок
203.	1-й Волобуевский переулок	1-я Дачная улица
204.	2-й Волобуевский переулок	2-я Дачная улица
205.	Садовый переулок	Садовый переулок
206.	Тутовый переулок	Тутовый переулок
207.	Еврейский переулок	Интернациональный переулок
208.	Губановский переулок	Волочаевский переулок
209.	Приютский переулок	Улица Клары Цеткин
210.	1-я Подгорная улица	1-я Подгорная улица
211.	2-я Подгорная улица	2-я Подгорная улица
212.	3-я Подгорная улица	3-я Подгорная улица
213.	Железнодорожная улица	Железнодорожная улица
214.	Скомороховская площадь	Октябрьская площадь
215.	1-я Октябрьская улица	1-я Октябрьская улица
216.	2-я Октябрьская улица	2-я Октябрьская улица
217.	3-я Октябрьская улица	3-я Октябрьская улица
218.	4-я Октябрьская улица	4-я Октябрьская улица
219.	5-я Октябрьская улица	5-я Октябрьская улица
220.	1-й Октябрьский переулок	1-й Октябрьский переулок
221.	2-й Октябрьский переулок	2-й Октябрьский переулок
222.	3-й Октябрьский переулок	3-й Октябрьский переулок
223.	4-й Октябрьский переулок	4-й Октябрьский переулок
224.	5-й Октябрьский переулок	5-й Октябрьский переулок
225.	6-й Октябрьский переулок	6-й Октябрьский переулок
226.	2-й Георгиевский переулок (7 отд. Октябрьский 345, 349, 348, 349а)	2-й переулок Буденного
227.	Георгиевский переулок (349а — 346)	1-й переулок Буденного
228.	Георгиевская улица , 1-й Георгиевский переулок (348, 349, 350, 345, 349, 346)	Улица Буденного
229.	Ртищевская улица (346-347, идущая на север)	Улица Островского
230.	Ничмировский переулок (346—347, идущий на запад)	Переулок Островского
231.	Переулок Белинского	Переулок Белинского
232.	Лопатинская улица 355, 345, 347	Челюскинская улица
233.	Сипягинский переулок (347—384)	Динамовский переулок
234.	Тельновский переулок	Переулок Ляпидевского
235.	Фуниковская улица (393—394)	Улица Водопьянова
236.	Фуниковский переулок (390)	Переулок Водопьянова
237.	Фуниковский тупик (без названия 393)	Тупик Водопьянова
238.	1-я Заташлянская улица	1-я Заташлянская улица
239.	2-я Заташлянская улица	2-я Заташлянская улица

Пор. №	Старое название улиц	Название улиц после переименования
240.	3-я Заташлянская улица	3-я Заташлянская улица
241.	4-я Заташлянская улица	4-я Заташлянская улица
242.	1-я Ташлянская улица	1-я Ташлянская улица
243.	2-я Ташлянская улица	2-я Ташлянская улица
244.	3-я Ташлянская улица	3-я Ташлянская улица
245.	4-я Ташлянская улица	4-я Ташлянская улица
246.	5-я Ташлянская улица	5-я Ташлянская улица
247.	Теляховский переулок	Переулок Леваневского
248.	Пушкинский переулок	Переулок Пушкина
249.	Улица Гоголя	Улица Гоголя
250.	Кримаренковский переулок	Переулок Папанина
251.	Феоктистовский переулок	Улица Тургенева
252.	Феоктистовская улица	
253.	Без названия (395—396)	Переулок Тургенева
254.	Ремневский переулок (289—396)	Переулок Молокова
255.	Ремневский переулок (389—391)	Переулок Байдукова
256.	Без названия тупик (289, на юг)	Переулок Белякова
257.	Евдокиевская площадь	Площадь Трунова
258.	1-я Евдокиевская улица	1-я улица Трунова
259.	Переулок Михайловский	Переулок Кренкеля
260.	Без названия (134)	Переулок Бабушкина
261.	2-я Евдокиевская улица	2-я улица Трунова
262.	Строгановский переулок	
263.	3-я Евдокиевская улица	3-я улица Трунова
264.	Коробковский пер	
265.	4-я Евдокиевская улица	4-я улица Трунова
266.	Апальковский переезд	
267.	5-я Евдокиевская улица (до балки)	5-я улица Трунова
268.	6-я Евдокиевская улица	6-я улица Трунова
269.	7-я Евдокиевская улица	7-я улица Трунова
270.	Толстовский переулок	Переулок Прокофьева
271.	Уваровский переулок	Переулок Федосеева
272.	Термикеловская улица	Пригородная улица
273.	Термикеловский переулок	Пригородный переулок
274.	Свободная улица	Свободная улица
275.	Михайловский переезд	Чапаевский переезд
276.	2-я Хуторская ул (427, к северу)	1-я Чапаевская улица
277.	Новохуторская улица (427—428)	2-я Чапаевская улица
278.	1-я Хуторская улица(423—431)	3-я Чапаевская улица
279.	Степная (431, к югу)	4-я Чапаевская улица
280.	Без названия (431—432)	3-й Чапаевский переулок
281.	Ново-Хуторская улица (432, 428, 427, 433, 429)	2-й Чапаевский переулок
282.	Без названия (426—427)	1-й Чапаевский переулок

Примечание: цифры в скобках обозначают номера кварталов.

Председатель Городского Совета Елагин
Ответственный секретарь Духин

Текст печатается по изданию:
Приложение к газете «Орджоникидзевская Правда». — 1938. — № 24.

О переименовании улиц города Ставрополя

В соответствии с приказом Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 года «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» исполком городского Совета депутатов трудящихся решил переименовать нижеследующие улицы города

1.	Улицу Андреева	в улицу 2-я Каменоломская
2.	Улицу Буденного	в улицу Народная
3.	переулок Байдукова	в переулок Аэрофлотский
4.	пр. Ворошилова	в проспект Октябрьской революции
5.	Улицу Водопьянова	в улицу Максима Акулова
6.	Улицу Громова	в улицу Карла Маркса
7.	переулок Кожедуба	в переулок Николая Анисимова
8.	Улицу Коккинаки	в улицу Александра Пономарева
9.	Переулок Кривоносова	в переулок Варвары Косенко
10.	Переулок Каманина	в переулок Василия Зайцева
11.	Переулок Кренкеля	в переулок Весенний
12.	Переулок Ляпидевского	в переулок Парковый
13.	Улицу Микояна	в улицу Северокавказская
14.	Переулок Молокова	в переулок Степана Халтурина
15.	Улицу Покрышкина	в улицу 9-го Января
16.	Переулок Стахановский	в переулок Промышленный
17.	Переулок Хрущева	в переулок Дружбы
18.	Переулок Шолохова	в переулок Интернатский
19.	Переулок Изотова	в переулок Средний.

Решено также возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета РСФСР о переименовании станции Ворошиловск в станцию Ставрополь-Кавказский.

Текст печатается по изданию:
Ставропольская правда. — 1957. — № 245.

Современные названия

«Лозунговые», или символические названия
Гражданская
Депутатская
Дружбы
Интернациональный
Коллективная
Кооперативная
Мира
Молодежный
Мирный
Народная
Рабочий
Российская
Свободная
Юности
Фестивальный

Советские термины
Комсомольская
Комиссарский
Краснофлотская
Красноармейская
Красногвардейская
Красноармейцев
Молодогвардейцев
Партизанская
Перекопский
Пионерская
Советская
Социалистическая
Таманская
Гвардейский
Бородина
Бородинский
Волочаевский
Декабристов
Каховская
8 Марта
Октябрьской революции
Парижской коммуны
Первомайский
Правды
Пролетарский
Путиловский
50-летия ВЛКСМ
Рабочий
Революционная
Республиканский проезд
Февральский
Хоперский
Чонгарский
Шипкинский
9 Января

Названия в честь исторических деятелей
Багратиона
Болотникова
Герцена
Готвальда
Димитрова
Кропоткина
Кутузова
Лопатина
Маркса
Минина
Нахимова
Невского
Гагарина
Пестеля
Плеханова
Пожарского
Пугачева
Радищева
Разина
Рылеева
Суворова
Спартака
Тельмана
Ушаков
Ушинский
Халтурина
Хмельницкого
Цеткин
Чернышевского
Чкалова
Энгельса
Фроленко

Названия в честь деятелей революционного движения советского государства
Акулова
Анджиевского
Анисимова
Артема
Ашихина
Бабушкина
Болахонова
Баумана
Бруснева
Буйнакского
Васильева
Володарского
Ворошилова
Гофицкого
Дзержинского
Жданова
Заслонова
Ипатова
Кирина
Кирова
Котовского
Косенко
Кочубея
Красина
Крупской
Куйбышева
Лазо
Ленина
Лопатина
Люксембург
Морозова
Орджоникидзе
Пархоменко
Пономарева
Радолицкого
Свердлова
Трунова
Тухачевского
Урицкого
Фрунзе
Фурманова
Чапаева
Шаумяна
Шеболдаева
Щаденко
Щорса
Кулакова
Фроленко

Названия, связанные с Великой Отечественной войной
Абрамовой
Булкина
Бурмистрова
Гостелло
Голенева
Гризодубовой
Доваторцев
Короткова
Косьмодемьянской
Кошевого
Матросова
Молодогвардейцев
Осипенко
Панфилова
Петрова
Победы
Расковой
Севрюкова
Серова
Тюленина
Чайкиной
Черняховского

Названия в честь деятелей литературы и искусства
Айвозовского
Балакирева
Бажова
Белинского
Бестужева
Войтика
Гайдара
Глинки
Гоголя
Горького
Грибоедова
Добролюбова
Достоевского
Жуковского
Кольцова
Короленко
Крылова
Лермонтова
Маяковского
Мусорского
Некрасова
Островского
Прокофьева
Пушкина
Репина
Руставели
Стасова
Сурикова
Толстого А.
Толстого Л.
Тургенева
Фадеева
Хетагурова
Чаадаева
Чайковского
Чехова
Шевченко

Названия в честь ученых и первооткрывателей
Вавилова
Бурденко
Дежнева
Ковалевской
Кулибина
Ломоносова
Менделеева
Мечникова
Мичурина
Невельский
Павлова
Ползунова
Пржевальского
Седова
Семашко
Тимирязева
Циалковского

Отраслевые и производственные названия
Авиационная
Артиллерийская
Аэрофлотская
Биологическая
Ботанический
Дорожный
Зоотехнический
Селекционная
Учительская
Кузнечный
Литейный
Мельничный
Металлистов
Коменоломская
Карьерная
Артельный
Охотничий
Строительный
Транспортный
Врачебный
Деповский
Заводская
Учительский
Химиков проспект
Школьный
Аптечный
Опытный
Бригадирский
Вокзальная
Интендантский
Интернатский
Железнодорожная

Природно-хозяйственные и лирические названия
Апрельский
Весенний
Веселый
Вишневый
Грушевый
Дачная
Заречный
Зеленый
Ключевой
Лесная
Лесной
Луговой
Огородная
Оранжерейный
Ореховый
Парковый
Полевая
Прохладный
Ракитная
Садовый
Светлый
Тихий
Урожайный
Фруктовый

Названия по физико-географическим особенностям и месту в системе планировки
Горная
Двойной
Каменный
Кольцевой
Короткий
Круговой
Крутой
Линейный

Малый
Овражная
Опорный
Параллельный
Песчаный
Подгорная
Продольная
Речная
Ровный
Степной
Угловой
Фигурный
Целинная
Верхний
Восточный
Дальний
Вокзальная
Завокзальная
Западный
Нижняя
Объездная
Окраинная
Пограничная
Пригородная
Северный
Средний
Южная
Новая
45 параллель

Названия, связанные с гидронимами

Желобовский
Мутнянская
Ташлянская

Географические

Азовская
Алданский
Алтайский
Амурский
Ангарский
Аральский
Армавирская
Астраханский
Бакинская
Балтийский
Батайский
Белорусская
Беломорский
Бийский
Братский
Брянский
Волго-Донский проезд
Волжская
Воронежская
Гомельский
Двинский
Днепровский
Донской
Дунайский
Егорлыкский
Ереванский
Ессентукская
Жигулевский
Закарпатский
Запорожский
Извещательный
Иркутский
Иртышский
Невинномысская
Невинномысский
Новгородский
Новосибирский
Одесский
Онежский
Оренбургский
Орловская
Памирский
Пекинский
Печерский
Полярный
Полтавская
Прикумский
Пятигорская
Рижский
Ростовский
Сальский
Саратовская
Свистухинский
Севастопольский
Северокавказская
Сенгилеевская
Симферопольский
Смоленский
Сочинская
Ставропольская
Старомарьевское
Кавказский
Казанская
Камский
Калужский
Каспийская
Керчинская
Кизлярский
Киевская
Кисловодский
Клухорской
Краснодонской
Красноярский
Краснодарский
Крымский
Кубанский
Ладожский
Ленинградский
Луганский
Львовский
Мариупольский
Можайский
Моздокский
Московская
Мурманский
Сухумский
Тбилисский
Тебердинский
Терский
Томский
Туапсинская
Тульский
Украинская
Ульяновский
Уральский
Уфимский
Хабаровский
Цимлянский
Черкесский
Черноморский
Читинский
Чукотский
Шахтинский
Шпаковская
Якутский
Ялтинская
Ясная Поляна

Дореволюционные названия

Фамильные наименования (53 улицы из них 33 первичных)

Алафузовские улицы
Волобуевская
Кондауровские
Феоктистовская
Уваровский переулок
Ерохина
Воробьевская
Акуловский
Апальковский
Белинского
Белобородовский
Леплявкин
Мавринская
Малаховская
Поспеловская
Тольновский
Темиркелов
Шацкая
Строгоновская

Названия в честь русско-турецкой войны 1877—1878 годов

Шипкинская
Плевненская
Карская
Батумская

Названия в честь государственных деятелей, имеющих отношение к Ставрополю

Николаевский проспект
Александровская
Вельяминовская
Воронцовская
Барятинская
Михайловская
Ольгинская
Властовская

Названия в честь великих русских писателей

Гоголя
Толстого Л.
Лермонтовская
Белинского

Церковные названия и по именам святых (25)

Варваринская
Софиевская
Андреевская
Казанская
Успенский пер.
Троицкая
Преображенская
Георгиевская
Евдокиевская
Андреево-Владимирская пл.
Ольгинская
Павловская
Петропавловская

Названия по расположенному учреждению (49)

Гимназическая
Семинарская
Архирейская
Госпитальная
Думский пер.
Театральная
Комиссариатская
Железнодорожная
Интендантская
Моностырская
Полицейский пер.
Соборная пл.
Приютский пер.
Кладбищенский
Александрийская
Инвалидный
Андреево-Владимирская
Батальонная
Гоголевская
Белинского (от школ)
Кафедральная площадь
Армянская пл. (по церкви)
Постовая пл.

Названия по месту в системе планировки

Главная
Первая
Вторая
Третья
Средняя
Крайняя
Заташлянская
Новая
Параллельная
Поперечная
Линии 1-2-3-4

Названия по населенным пунктам и пригородам, вошедшим в город или связанных с ним дорогами (20)

Черкасская
Невинномысская
Михайловская
Московская
Слободская
Форштадская
Новофорштадская
Хуторская

Названия по природные микрообъекты (по рекам) (21)

Жолобовская
Карабиновская
Мамайская
Мутнянская
Ташлянская
Кабардинская пл. и три улицы

Названия по основному назначению или использованию

Кузнечная
Каменоломская
Мойка
Торговая
Ярморочная
Базарная
Хлебный рынок

Исторические

Хоперская
Казачья
Станичная
Армянская
Еврейский пер.

Символическое название

Европейский пер.

Названия по физико-географическим свойствам местности и особенностям улицы (5)

Каменная
Грязная
Глухой
Подгорненская
— верхняя
— средняя
— нижняя
Степной

Природно-хозяйственные названия

Садовый
Тутовый
Ясеновская
Ореховский

В.Г. Гниловской, В.В. Скрипчинский. **Из истории формирования архитектурного облика города Ставрополя**

До Великой Октябрьской социалистической революции Ставрополь был сравнительно небольшим провинциальным городом. В нем не велось сколь-либо крупного строительства, не было широко известных зодчих. Но в каждый из периодов развития города строились типичные для своего времени здания, отражавшие основные течения архитектурной мысли страны. Можно сказать даже больше: во многих случаях в городской архитектуре находило отражение то, что являлось знамением времени в передовых центрах. Здесь, вдали от столичных городов, шли творческие искания, появлялись интересные архитектурные работы. Строители заботились о рациональной планировке города, сооружении зданий, отвечающих значимости Ставрополя как губернского центра и их созвучии передовым для своего времени архитектурным стилям.

Среди архитекторов, творчество которых отразилось на облике города, было немало талантливых людей. Из них можно назвать архитекторов: Г. Гайваронского, братьев Бернардацци, П. Воскресенского, А. Прозоровского и других. Архитектор города Г. Гайваронский разработал в 1833 году первую научно обоснованную перспективную планировку, своеобразный «генплан» Ставрополя, задачей которого являлось исправление «погрешностей города, вкравшихся при построении домов и занимаемых ныне усадеб».

По проекту архитектора Славянского в 1847 году было создано одно из красивейших зданий города — бывшей «городской думы» (просп. К. Маркса, 81).

Известный вклад в архитектурное оформление Ставрополя внесли строители Пятигорска братья Бернардацци. По их проектам были построены в 1840–42 годах здания Главного на Кавказе военного госпиталя и Губернских присутственных мест.

Ансамбль зданий госпиталя, являющегося одним из главных архитектурных достопримечательностей Ставрополя, включал три двухэтажных корпуса, соединявшихся друг с другом дугообразными (в плане) галереями-портиками, украшенными по фасаду колоннадой дорического ордена. В последние годы целостность ансамбля была нарушена, портики, служившие переходами между зданиями, уничтожены, а в центре ансамбля возведен девятиэтажный жилой дом.

Комплекс зданий присутственных мест (ул. Советская, 3, 5, 7, 9), объединяемых красивыми арочными воротами, отражал провинциальную трактовку позднего русского классицизма. Этот ансамбль, как одно из лучших украшений города, был изображен на первой появившейся в печати гравюре, посвященной Ставрополю, в Кавказском календаре на 1855 год, и с тех пор воспроизводится почти во всех изданиях, характеризующих историю города. К сожалению, и этот памятник культуры, находящийся теперь на республиканском учете, тоже был частично разрушен.

По проектам «художника архитектуры» П.Г. Воскресенского, работавшего с 1851 года городским архитектором, был построен ряд крупных зданий во второй половине XIX века, в том числе здание бывшей мужской гимназии (улица Морозова, 4), выдающаяся по архитектуре, известная в Ставрополе и за его пределами 68-метровая колокольня кафедрального собора, воспроизводимая на многих исторических фотографиях города (разрушена в 1943 году). Здание, ныне занимаемое музыкальной школой (ул. Дзержинского, 87), построено в 1887 году по проекту архитектора А. Прозоровского.

В более близкое к нам время здесь успешно трудились архитектор П.Г. Кусков — строитель памятника архитектуры города — магометанской мечети; инженер Булыгин — автор проекта здания средней школы № 3 (Комсомольская улица, 64) и другие.

Авторы настоящего сообщения, не являясь архитекторами, но имея возможность длительное время наблюдать развитие Ставрополя, хотели наметить некоторые штрихи, характеризующие особенности архитектуры зданий, возведенных в разные периоды жизни города, и надеются, что в дальнейшем специалисты в области архитектуры создадут полную историю формирования архитектурного облика города, пока еще совершенно не освещенную в литературе.

* * *

Если пройти по улицам города, то можно увидеть здания, отвечающие различным архитектурным стилям и течениям. Некоторые из них, как, например, дом № 57 по проспекту К. Маркса и некоторые другие, включают элементы стиля барокко.

Ряд зданий принадлежит к зародившемуся в середине XIX века в Ставрополе оригинальному местному архитектурному стилю жилых и общественных зданий, который часто именуют «ставропольским».

Широкое распространение получил в Ставрополе в конце XIX и начале XX веков стиль, известный под названием «модерн».

После Великой Октябрьской социалистической революции, преимущественно в послевоенные годы (40—60-е), был сооружен ряд зданий, отражающих архитектурные искания этого времени, использующие элементы классицизма, допускающие богатое убранство фасадов (колонны со сложными капителями, массивные балконы, балюстрады, лепные барельефы и т.д.).

К ним относятся здания Дома трестов пищевой промышленности, известное среди населения под названием «дома под шпилем» (улица Ленина, 282), здание главного почтамта, железнодорожного вокзала, спецполиклиники (просп. Октябрьской революции, 41), кинотеатра «Родина». В таком же стиле первоначально проектировалось здание Дома Советов на площади Ленина, его предполагалось украсить ратушей со шпилем, башенными часами и т.д.

В 70–80 годах было построено несколько интересных в архитектурном отношении зданий, отвечающих современным течениям архитектурной мысли и градостроительства, широко использующих в конструкции зданий геометрически правильные объемы с включением стекла, бетона и металлических конструкций. Среди построек этого типа можно отметить здания Дома книги, кинотеатра «Экран», Газпрома, Дома политпросвещения, универмага, магазина «Океан».

Не пытаясь охарактеризовать строения всех встречающихся в городе стилей, остановимся на описании зданий, принадлежащих к упомянутому выше «став-

ропольскому стилю» и к стилю модерн. Старейшим зданием, несущим черты «ставропольского стиля», является дом № 10 на Советской улице. Характерными особенностями зданий этого стиля является четкое членение их этажей, причем второй этаж, как правило, более параден, чем скромный первый. Он обычно украшается расположенными по всему фасаду, между оконными проемами, полу- или трехчетвертными колоннами с капителями или пилястрами, иногда с каннелюрами. Колонны завершаются в нижней своей части сужающимися лепными фигурными окончаниями, имитирующими кронштейн. Все эти детали, являясь необходимым аксессуаром данного стиля, изменялись сообразно художественным вкусам времени постройки того или иного здания, а также в зависимости от средств, которые владелец мог вложить в сооружение дома.

Как мы можем видеть, все эти признаки присущи фасаду дома № 10, богато убранному лепными украшениями, включающими элементы стиля барокко.

Сравнительно бедное по убранству здание, но имеющее характерные черты «ставропольского стиля», расположенное по ул. Булкина, 9, изображено на фотографии Ю. Васильева в альбоме «День моего города» (1976) с надписью «Ставрополь — город современный, но бережно хранит и оберегает он старину прадедов». В 1870 году в этом стиле было построено здание на пр. Октябрьской революции, 13. К зданиям, развивающим этот стиль, построенным в более позднее время, относился жилой дом на углу улиц Ленина и Артема, а также относилось ныне уже несуществующее здание женской консультации на углу улиц Ленина и Коминтерна. Наиболее полное выражение этот стиль получил в зданиях современной детской поликлиники № 2 на углу улицы Дзержинского и проспекта Октябрьской Революции и краеведческого музея, построенного архитектором П. Никифоровым (ул. Дзержинского, 135). Помимо указанных, существует ряд других зданий того же стиля, среди них два дома за № 6 по ул. М. Морозова, построенные в 1870 и 1880 годах, занимаемые стоматологической поликлиникой медицинского института; здание № 7 на проспекте Октябрьской Революции, в котором располагается трикотажная мастерская; дом № 13 и используемый под жилье дом на пр. Карла Маркса, 70.

По мнению доктора архитектуры, профессора П.П. Ревякина, здания этого стиля являются своеобразной урбанизированной переработкой старых жилых домов горских народов Кавказа, в особенности расположенных в Грузии. В их двухэтажных домах в первом этаже помещались домашние животные, а во втором жили сами владельцы дома. Вокруг второго этажа сооружалась галерея, крыша которой подпиралась столбами, пол опирался на горизонтальные плахи или рейки, концевые выступы которых являлись как бы укороченным продолжением галерейных столбов. Нетрудно заметить, что все эти элементы архитектуры горского дома, будучи спроектированы на одну плоскость, находят отражение в облике зданий ставропольского стиля. Колонны или пилястры между окон на фасадах описываемых зданий наследуют (символизируют) столбы галерей, а упомянутые выше рельефно выделяющиеся на фасаде как бы висячие окончания колонн наследуют выступы плах, на которых покоился пол второго этажа.

С мнением П.П. Ревякина о том, что стиль таких зданий в основном местный, видимо, следует согласиться, хотя не исключено, что зодчие, сооружавшие подобные здания, могли заимствовать некоторые детали из построек других мастеров. Так, например, в одном из особняков, сооруженных, вероятно, в начале XIX века, а быть может, даже в конце XVIII, стоящем на набережной М. Тореза в Москве, мы обнаружили некоторые элементы, характерные для описываемых зданий. Однако это лишь единичный случай, и подобных зданий, несмотря на специальные поиски, в других городах мы не обнаружили. Поэтому мы полагаем, что здания такого стиля, родившегося и развившегося далее в Ставрополе, вполне заслуженно могут носить его имя. Они должны быть объявлены памятниками архитектуры города и безусловно сохранены.

Вторая серия зданий построена в стиле модерн. Этот оригинальный стиль, возникнув в последнем десятилетии XIX века, достиг наибольшего расцвета в первых десятилетиях нашего столетия. Всем хорошо известны московские здания: гостиницы «Метрополь», универсального магазина ЦУМа, старого здания Художественного театра, Третьяковской га-

Фрагмент здания, построенного в «ставропольском стиле». Улица Булкина, 9

лереи, особняка С.П. Рябушинского, Ярославского, Киевского и Казанского вокзалов.

В Ленинграде в этом стиле построены «Училищный дом» имени Петра Великого, особняк Кшесинской, Витебский вокзал. Ряд «доходных домов» в обеих столицах и в других городах также является примером этого стиля (Борисова, 1969; Борисова, Каждан, 1971; Власюк, 1972; Володина, 1974). В Ставрополе в эти же годы был построен ряд зданий, которые вполне заслуженно могут быть поставлены в ряд хороших образцов стиля модерн.

Социальной основой широкого распространения на Ставрополье зданий стиля модерн явилось быстрое развитие капитализма в сельскохозяйственном производстве после проведения на Кавказ железной дороги (1875 год). Рост экспорта сельскохозяйственной продукции способствовал разрастанию богатств крупных землевладельцев, капиталистов-овцеводов, называемых тавричанами, скупщиков скота и хлеба, владельцев мельниц, маслобоен. Они обычно посе-

лялись в городах, где возводили красивые особняки, заказывая их проекты передовым архитекторам страны. Большая часть зданий стиля модерн в Ставрополе являлась особняками частных лиц.

Стиль модерн, несмотря на кратковременность своего существования, интенсивно развивался. Основные его черты, а именно выражение функциональности внутреннего содержания здания в его внешнем, обычно асимметричном облике со свободным расположением объемов зданий; разнообразие пластичности архитектуры, являющееся следствием блестящего владения материалами и достижениями строительной техники, постоянно использовались зодчими, разрабатывавшими этот стиль.

На ранних этапах развития модерна архитекторы уделяли большое внимание повышенной декоративности фасадов, выражавшейся прежде всего в лепке многообразных орнаментов, в изысканных формах, создании цветовых пятен путем применения разноколерных блестящих глазурованных керамических плиток, цветного перламутрового стекла и других украшений. Хорошими примерами модерна этого периода в Ставрополе являются здание на проспекте Октябрьской Революции, 23, построенное в 1911 году, первой городской больницы на улице Дзержинского, 70, центральной аптеки на углу улицы Голенева и проспекта К. Маркса, жилой дом на проспекте Карла Маркса, 27, построенный в 1910 году (намеченный к сносу); детские ясли на Комсомольской улице, 99, построенные в 1906 году, построенные в 1899 году ограда и веранда в доме 97 по улице Дзержинского, занимаемом детсадом № 27.

При дальнейшем развитии стиля модерн количество украшений фасадов сокращалось, свободные поверхности увеличивались и возникало стремление к усилению выразительности структуры самого сооружения. Многим зданиям придавался облик, напоминающий средневековые замки, русские терема и т.д.

Отражение этого так называемого позднего модерна мы видим в здании Госбанка на улице Ленина, 286. В настоящее время произведена пристройка нового корпуса к западной стене здания. К чести авторов проекта пристройки надо отметить, что они учли художественную ценность этого здания и вели строительство с полным сохранением всех деталей архитектурного облика фасада.

В здании бывшей больницы на Комсомольской улице, 100, построенном в 1912 году, также относящемся к стилю модерн, отсутствуют лепные или какие-либо иные украшения, но видно стремление архитекторов придать ему облик старинного замка.

Здание переходного типа между вариантами раннего и позднего модерна мы видим на ул. Булкина, 17. В нем мало внешних украшений, его верхний этаж был приспособлен под жилье, а нижний — для размещения в нем магазинов.

Весьма интересно здание физиолечебницы на ул. Дзержинского, 127, в котором фасад украшен прекрасно сделанной кладкой из местного камня-ракушечника (имевшиеся на фасаде украшения из цветного стекла не сохранены). В качестве примеров небольших жилых особняков, построенных в этом стиле, можно указать здания детского сада на проспекте Карла Маркса, 38, построенное в 1905 году, на улице Дзержинского, 61, ул. Орджоникидзе, 81.

Во многих особняках черты стиля модерн проявлялись не только в конституции зданий и фасадов, но также и в облике внутренних интерьеров, подсобных помещений, в оформлении садиков, заборов и т.д. Хорошим примером может служить лестничная клетка дома физиолечебницы, перила которой украшены изящным орнаментом из фигурного железа. Оригинален интерьер главного зала центральной аптеки, стены и балконы которого обложены полированным деревом с типичным для модерна орнаментом из трех вертикальных накладных полос, пересекающих круг. В доме № 97 по улице Дзержинского черты стиля модерн в фасаде здания мало выражены, но они в полной мере проявляют себя в форме очень оригинального и красивого забора, протягивающегося вдоль усадьбы дома, а также в архитектуре обширной веранды, примыкающей к дому с востока, хорошо просматривающейся с улицы, в строении расположенной во дворе бывшей конюшни и в металлических изгородях, отделяющих сад от двора.

Совершенно особняком стоит оригинальное здание, находящееся на улице 8 Марта, принадлежащее в настоящее время Первой краевой больнице. Хорошее цветное фото как центральной части этого здания, так и трех архитектурных деталей его украшения помещено в юбилейном альбоме «День моего города. Ставрополь». Мы полагаем, что стиль этого здания вышел из рамок стиля модерн и соответствует его последнему этапу развития.

Так же как в Ленинграде и Москве, где здания стиля модерн являются одними из лучших украшений этих городов, указанные выше здания вполне достойно украшают и наш город. Это возлагает на нас ответственность за их сохранение путем включения в число архитектурных памятников.

Наш очерк архитектурно значимых зданий Ставрополя не только не претендует на какую бы то ни было полноту, но заведомо ограничен. Несомненно, что дальнейшее изучение зданий выявит новые ценные объекты как в рамках рассмотренных нами стилей, так и вне их рамок.

Библиографический список источников

1. Борисова Е.А. Архитектура. — В кн.: История русского искусства. — М.: Наука, 1969, том 10, кн. 2, с. 353—432.

2. Борисова Е.А., Каджан Т.П. Русская архитектура конца XIX — начала XX века. — М.: Наука, 1971, с. 239.

3. Васильев Ю. — Фотографии в книге «День моего города». Ставрополь, 1976.

4. Власюк А.И. Архитектура России. — В кн.: Всеобщая история архитектуры. Архитектура XIX — начала XX вв. — М.: Изд-во литературы по строительству, 1972, том 10, с. 33—136.

5. Володина Т.И. Модерн. — Большая Советская Энциклопедия. — М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1974, т. 16, с. 401—402.

6. Гниловской В.Г. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия. — Материалы по изучению Ставропольского края, 1952, вып. 4, с. 175—218.

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г., Скрипчинский В.В. Из истории формирования архитектурного облика города Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1988. — Вып. 15—16. — Стр. 235—242.

П. Горская. **История «Туапсинки»**

С автомобильной трассы Невинномысск — Ставрополь, между хутором Польским и Татаркой, хорошо видны высящиеся на пригорке опоры железнодорожного моста. Это остатки пролегавшей здесь некогда Армавиро-Туапсинской железной дороги, зигзагами извивавшейся по склонам гор. Интересна ее история.

95 лет назад, в 1872 году, правительство сдало в концессию барону Штейнгелю «сооружение и эксплуатацию железной дороги от Ростова-на-Дону до Владикавказа и шоссе от станции Минеральные Воды на Железноводск, Пятигорск, Ессентуки и Кисловодск». Прошло не более трех лет, и 15 июля 1874 года открылось движение по построенной «Обществом Владикавказской железной дороги» первой на Северном Кавказе магистрали длиной 652 версты. Коста Хетагуров в одном незаконченном отрывке оставил живое описание путешествия мальчика-горца по новой «чугунке» от Невинки до Ростова.

Однако новая дорога оставила в стороне прежний военный и торговый центр Северного Кавказа — город Ставрополь. Он становился «глубокой провинцией». О прежнем значении Ставрополя, о шумном движении по Главному Кавказскому тракту напоминали жителям только Тифлисские ворота (неведомо по какой причине они бессмысленно уничтожены уже в недавние годы!).

Связь с ближайшей железнодорожной станцией Невинномысской поддерживалась по шоссе, остатки насыпи и каменных мостов которого и теперь еще видны возле автомагистрали Ставрополь — Невинномысск. Томителен был путь в почтовых фургонах, на линейках, тачанках, бричках по старому шоссе в прежние годы.

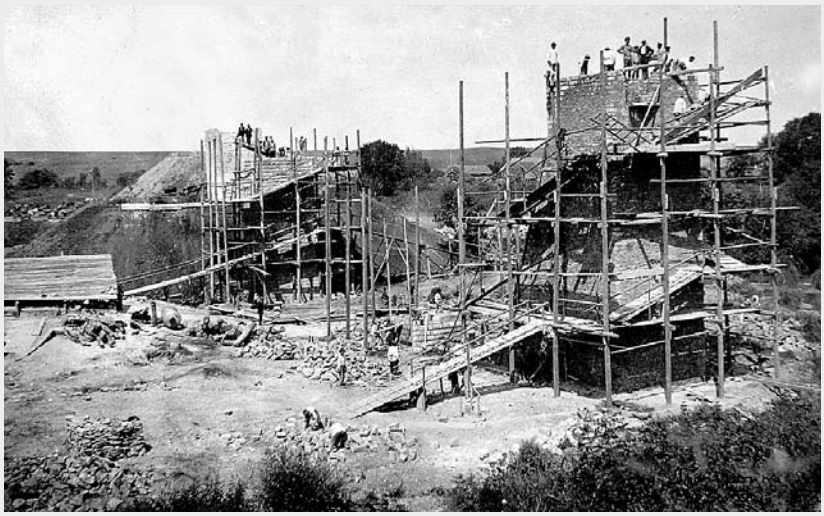
У многих пожилых ставропольцев осталась в памяти эта степная дорога с неизменной остановкой в пути для кормления лошадей на хуторе Извещательном, где когда-то стоял казачий пост, обязанностью которого было извещать Ставропольскую крепость о прорыве горцев за Кавказскую «кордонную линию».

Лишь 70 лет назад, в 1897 году, Ставрополь, наконец, соединили с Владикавказской магистралью. Ставропольская ветка протяжением 155 километров легла от станции Кавказской (бывшего Романовского поста), поднимаясь по северным склонам Ставропольской возвышенности. К городу она прошла окружным, более пологим путем, с северо-запада. После ее проведения Ставрополь стал оживать: за первые 15 лет вслед за этим население города удвоилось!

Шли годы. «Общество Владикавказской железной дороги» стало монопольно владеть путями сообщения на Северном Кавказе. Хозяева дороги, крупнейшие банковские магнаты, рассматривали район ее действия как свое воеводство. Председатель правления общества Кербедз, пользуясь своим положением, в несколько лет нажил многомиллионное состояние. Общество установило самые высокие в России тарифы на перевозку хлебных грузов, больнее всего бившие по мелким хлебоотправителям. Станция Невинномысская и поселок Романовский у станции Кавказской стали крупными центрами местной хлебной торговли.

Путеец Тихонов в 1908 году в записке «О рельсовых путях Северного Кавказа» негодующе писал: «Построенные железные дороги или находятся в руках финансового ведомства, меньше всего думавшего о развитии жизни проходимых дорогами пространств, или в руках частных обществ, которые считают проходимую страну отданной обществу на поток и разграбление».

Под давлением Кубанского казачьего войска, в какой-то мере считавшегося с общим недовольством деятельностью «Общества Владикавказской железной дороги», правительство вынуждено было разрешить в предреволюционные годы строительство важной в экономическом и стратегическом отношении Армавиро-Туапсинской железной дороги. Общественность Ставрополя волновали перспективы нового железнодорожного строительства. В 1910 году Н. Походня составил «Записку о потерях губернского г. Ставрополя в случае обхода его новыми железнодорожными линиями, проектируемыми по Ставропольской губернии». В ней выражалась тревога, что его экономика опять окажется под ударом.



Ставрополь. 1915 г. Строительство моста Туапсинской железной дороги через реку Мутнянку

Вскоре находившееся в г. Армавире «Общество Армавиро-Туапсинской железной дороги» соединило Армавир с г. Туапсе, где был построен новый порт, способный конкурировать с Новороссийском. Уже в конце 1916 года, в разгар империалистической войны, Ставрополь связался вновь построенной железной дорогой с Армавиром. По новой линии устанавливалась кратчайшая связь Ставрополя с черноморским портом Туапсе. Но все экономические выгоды этой связи парализовались тем, что Черное море было в то время во власти проникших сюда через Дарданеллы немецких дредноутов «Гебен» и «Бреслау».

От Армавира к Ставрополю дорога шла по правому берегу р. Кубани в сложных топографических и гидрогеологических условиях, с частыми поворотами — петлями, с крутыми подъемами и спусками. Особенно тяжел был участок в районе горы Недреманной и между Татаркой и самим Ставрополем.

На этих участках нередко были оползни, мешавшие нормальному и безопасному движению товарных и пассажирских поездов. Сложный горный рельеф, по которому пролегала трасса «Туапсинки» (как ее назвали в народе) со множеством искусственных сооружений, был ее форменным бичом. Требовались огромные затраты на ремонт и поддержание дороги в порядке. Зимние бураны вызывали заносы и тоже требовали больших снегоочистительных работ. В детской памяти автора осталась картина, как, пыхтя и натужась, паровоз «Овечка» с трудом пробивался сквозь снежные сугробы по лесистому ущелью, таща несколько товарных вагонов и платформ...

В революционные годы «Туапсинка» оказалась ареной жарких боев. Летом 1918 года, во время кровопролитных схваток на горе Недреманной отряда Балахонова с корниловцами и дроздовцами, белые подбрасывали по ней офицерские полки и боеприпасы.

«Туапсинка» стала очевидцем знаменитого ночного штурма Ставрополя таманцами в октябре 1918 года. Белогвардейцы заняли тогда на подступах к городу позиции впереди Татарки и по линии железной дороги и спешно перебрасывали по ней подкрепления из Армавира. По охватывающей Ставрополь дуге «Туапсинки» все время двигался готовый к бою бронепоезд. «Главный удар, — пишет начальник штаба Таманской армии Г.Н. Батурин, — мы рассчитывали нанести в направлении с. Татарка, развивая наступление по шоссе, идущему в город. Надо было также в первый момент овладеть железнодорожной линией, не дав возможности курсировать на ней бронепоезду».

И вот наступили решающие часы ночного штурма. Главная ударная группа таманцев около часа ночи, как только взошла луна и рассеялся туман, по сигналу ракеты бросилась с криками «ура» и «Даешь Ставрополь!» на позиции белых вдоль линии «Туапсинки». «Наши оркестры, — вспоминает Батурин, — высланные на ближайшие пункты, заиграли «Марсельезу» (в то время «Интернационал» еще не был разучен оркестрами Таманской армии). Ее звуки в ночной темноте, взлетающие в разных направлениях ракеты, неожиданный удар и крики «ура» произвели ошеломляющее действие на белых. Взяв первые линии, таманцы густыми цепями полезли на высоту у Татарки. Артиллерийский огонь местами совершенно срыл окопы. Бронепоезд был отрезан и брошен».

Захватив его и открыв из его орудий огонь, таманцы стремительно двигались вперед и «на плечах» бегущего врага ворвались в предместья города. Конные разъезды захватили Туапсинский вокзал. Утром 28 октября 1918 года доблестная Таманская армия с музыкой вошла в Ставрополь!

В последующие годы войны «Туапсинка» пришла в полный упадок. За ней не следили, оползни разрушили полотно дороги, на дорожные полустанки и путевые будки налетали кишевшие в лесах банды, и всякое движение на ней прекратилось. А скоро с дороги сняли рельсы и перебросили их на другие, более важные тогда участки. Такими первенцами советского железнодорожного строительства в нашем крае были дорога от станции Невинномысской на Баталпашинск (ныне г. Черкесск) и ветка от Петровского на Благодарное.

Ныне от вошедшей полвека назад в действие «Туапсинки» сохранились в окрестностях Ставрополя лишь следы насыпи, мостов и будок путевых обходчиков, да в самом городе несколько привокзальных зданий. Предоставим экономистам решать вопрос о целесообразности восстановления этой железной дороги, подумаем о другом: как сделать мемориальными опоры моста под хутором Польским и Татаркой, чтобы увековечить места, обагренные кровью таманцев, штурмовавших Ставрополь октябрьской ночью 1918 года...

Текст печатается по изданию:
Горская П. История «Туапсинки» // Ставропольская правда. — 8 февраля 1968 г.

2 Археологические исследования

Т.М. Минаева. **Очерки археологии Ставрополья**

От автора

Ставропольский край богат археологическими памятниками. В последние годы изучение их весьма расширилось соответственно развитию советской археологической науки, росту археологических исследований на территории нашей страны, и в том числе на Северном Кавказе.

Автор ставит своей задачей кратко, в определенной последовательности ознакомить читателей с некоторыми, наиболее важными археологическими памятниками Ставрополья и тем самым пробудить интерес к далекому прошлому своего края.

Краеведческие материалы имеют большое познавательное и воспитательное значение. Однако в школьной работе они используются еще в малой степени, так как вопросы истории Ставрополья слабо освещены в литературе, еще в большей степени это касается археологических памятников нашего края. Автор надеется, что излагаемые сведения будут полезны преподавателям истории в средней школе, а также студентам историко-филологических факультетов педагогических институтов и школьникам старших классов.

В книге отмечаются далеко не все известные и исследованные в настоящее время памятники материальной культуры, а только наиболее характерные для той или иной эпохи. Иногда упоминаются памятники, расположенные за административными границами края (Ильская стоянка, Майкопский курган), в тех случаях, когда для той или иной эпохи на территории края еще не исследованы характерные памятники древней истории.

Изложение фактов местной истории дается на фоне общей истории нашей Родины, так как только в таком аспекте они могут быть правильно поняты.

Автор стремился сделать изложение доступным для более широкого круга читателей, поэтому по возможности избегал специальных терминов и слишком дробного хронологического деления.

Книга не ставит задачей выяснить вопросы происхождения и истории отдельных народов, населяющих в настоящее время территорию Ставропольского края, в частности Карачаево-Черкесии. Этим вопросам посвящены специальные печатные работы, и, кроме того, готовится издание по истории народов Карачаево-Черкесии.

Автор приносит глубокую благодарность за ценные указания по подготовке данной работы к печати доценту В.Г. Гниловскому, своим коллегам по кафедре истории Ставропольского педагогического института профессору В.А. Романовскому, доценту А.П. Чевелеву, М.П. Заикину, Н.В. Василенко, Л.Н. Савельевой и научному сотруднику Адыгейского научно-исследовательского института П.А. Дитлеру.

Введение. В поисках памятников глубокой старины

Захватив с собой компас и рулетку, блокнот и несколько карандашей, кусок черного хлеба и два помидора, направляюсь по улицам спящего города к Кубани. Солнце еще не всходило. Изредка набегает легкий ветерок, неся с собою прохладу. Сады и деревья встречают меня свежей, яркой зеленью. Противоположный берег реки скрыт в утреннем тумане.

Шагается легко и бодро. Приятно размяться после сна на жестком полу с походным рюкзаком под головой, наполненным черепками древней глиняной посуды, обломками каменных орудий и прочим «археологическим пухом». Улица стала делать зигзаги, спускаясь по косогору в речную долину. Потянуло холодком и сыростью. Воздух наполнился мелодичным шумом быстрой реки. А вот и мост. Останавливаюсь посмотреть, как бурлит и пенится вода.

Крутой левый берег реки весь усеян гравием и булыжником. Набитые многими днями ходьбы, ноги остро его чувствуют сквозь подошву обуви. Из-за сырта с горбатыми силуэтами всхолмлений выплывает малиновое солнце. Небо из мутно-се-

роватого становится синим и чистым. «День будет жарким», — подумалось. Дорога повернула влево. Невдалеке показался хутор. Окруженные пустой зеленью садов, небольшие белые домики длинной цепью тянутся вдоль берега Кубани. Кое-где из калиток выбегают женщины с коромыслами на плечах. В глубине двора, у телег и сараев, копошатся старики.

На скамеечке, у низкого плетневого заборчика, над которым повисли отягченные розовато-желтыми абрикосами ветви, сидит старик. На голове меховая шапка, лицо наполовину скрыто седой бородой. В руках обрывок старой веревки и молоток. Подхожу, здороваюсь. Завязывается разговор.

— Вы здешний, дедушка? — спрашиваю.

— А то какой же! Знамо, здешний. И родился тут и вот скоро умирать буду опять же тут.

— Места-то свои, видно, хорошо знаете?

— Какие такие места?

— Поля, степь, окрестности.

— Как не знать! Исхожены не раз и не два.

— А не случалось ли Вам находить тут что-нибудь древнее. Какое-нибудь старинное оружие, стрелы, например?

— Да сразу так и не припомнишь. Може, и находилось, да все разве упомнишь? Вот перед войной как-то дети нашли где-то молоточек такой, из камня. Такой чудной, с дырочкой. А поверху отглажен. Рылись где-то в берегу и нашли. От них ведь не упрячешь ничего.

За этим случаем последовали воспоминания и о других находках то в береге реки, то в степи.

— А вот ты скажи. Вон видишь там курганы?— старик встал, отвел меня несколько в сторону и указал пальцем на группу курганов, что маячили на сырту вдали за селом.— Так вот, когда я еще был мальчонком, так копали их. Ну, нашли будто коня с серебряной сбруей, а на коне сидит человек, весь в золоте.

— Куда же дели коня и человека?

— Да говорили, что ушло это все в землю. Мужики стали браниться между собой, ну, известно, матерная брань, а конь-то и ушел в землю.

— А седок куда делся?

— И седок с ним ушел.

— Вы сами видели коня?

— Не, я не видел. Ну, я мальчонком еще был.

Старик снова подошел к скамеечке и грузно опустился на нее.

— А в тех курганах, если покопать, что-нибудь да есть,— сказал он и испытующе посмотрел на меня.

— Говорят, князья тут какие-то жили в старину, так зарыли там много добра.

— В каком же месте жили князья?

— Да где-то тут, говорят, може, и где наш хутор. У одного старика, помер он давно, была запись такая, где этот клад зарыт. На синей бумаге написано.

— Где же теперь эта запись?

— Да затерялась. А запись сам видел. Синяя такая бумага, толстая. Ткнешь перстом, а она лущит. Да, там много добра.

— А нет ли по берегу таких мест, где бы встречалась битая посуда, не наша, а старинная, камни всякие, зола?

— Кто знает. Може, и есть, да ведь это ни к чему.

— Пройду я, дедушка, до тех курганов вот так, напрямик? — спрашиваю я, показывая рукой по прямому направлению к курганам.

— Прямо ворона летает, да никогда дома не бывает. Ты вот иди-ка сюда, где я тебе укажу.

Выслушав подробные объяснения, как вернее пройти до курганов, поблагодарив старика и простившись с ним, свернула я в указанном мне направлении. Солнце уже поднялось довольно высоко и начинало пригревать спину. Внизу, под крутыми обрывами, шумела Кубань.

Вдруг глаз уловил вдали какой-то подъем поверхности берега в сторону реки, а на некотором расстоянии от него какая-то зеленоватая, плохо еще различимая полоса. Не ров ли? Ускоряю шаги. Надежда, что первые впечатления меня не обманули, придает силы. Зеленая полоса все отчетливее и отчетливее принимает форму правильного дугообразного рва с мягкими, сглаженными временем склонами. Ров порос травой, зеленеющей на фоне сухой, выжженной солнцем степи. А вдали от берега — и второй ров. Это, вероятно, городище. Необходимо зайти и осмотреть местность внимательно. По опыту знаю, что на пути моем к городищу должен быть овраг. Между оврагами обычно располагались в наших местах городища.

Подхожу ближе и прямо перед собой действительно вижу огромный овраг. Далеко протянулся он от берега реки в степь. Вершина его теряется в подъемах сырта. Склоны густо поросли кустарником. Местами обнажаются серовато-синие мергеля, местами среди кустов мелькает тропинка. По дну, усеянному голышами и галькой, пробегает маленький, как будто только что родившийся ручеек. На противоположной стороне, выше линии зеленой листвы, белеют под солнцем глинистые обнажения грунта. Под дерновым слоем ярко вырисовывается темная золистая полоса. Кое-где на светло-желтом фоне глины заметны силуэты глубоких ям, наполненных золой и сажей.

Несомненно, что это городище — остатки древнего укрепленного поселения.

Как туда перебраться? Перелезть через овраг — слишком глубок он, склоны слишком круты, да и заросли сильно кустарником.

Минут двадцать пришлось идти, пока оказалось возможным без труда перебраться через овраг. Вот, наконец, и городище. Широко разместилось оно по берегу реки между двумя оврагами. Со стороны поля его отделяет искусственный ров, неглубокий, сильно заплывший от времени. Ближе к берегу, на расстоянии метров двадцати от первого, — второй ров, значительно более глубокий. Так же как и первый, изогнувшись по площади городища, проходит он от одного оврага до другого. Площадь городища велика. Главнейшая часть возвышается над самым обрывом, у реки. Она тоже обнесена глубоким рвом. От нее сохраняется только небольшой кусок. Весь основной массив отделился далеко в сторону Кубани, огромными трещинами разрезался на несколько продольных частей. В изломах и трещинах

поверхностных слоев та же золисто-черная полоса с полуистлевшими костями животных, с черепками глиняной посуды, осколками каменных орудий. Все это осыпается по обнаженным склонам трещин и изломов, придавая им золисто-серую окраску.

На свежеоторванном от основного массива крупном участке ярко обрисовались остатки жилища, как бы разрезанного пополам. Крупные камни-голыши, служившие основанием зданию, в центре — очаг, сложенный из камней. Тонкая прослойка глины, которой был смазан пол жилища. Все пространство заполнено землей, перемешанной с мусором жилья.

Осторожно спускаюсь по обрыву метра на два вниз и вижу в откосе вторую половину того же здания. Показались обломки от глиняной посуды. Тут же, еле удерживаясь на крутом склоне, с жадностью рассматриваю черепки, очищая их от золы и сажи. От какого времени посуда? Какому народу принадлежало городище? Характерна гончарная техника, характерны формы посуды, характерен узор на поверхности сосуда. Это аланы в эпоху раннего Средневековья. Значит, приблизительно тысячу лет тому назад на этом месте располагалось укрепленное поселение. Остатки его, спрятанные теперь под дерном, так безжалостно разрушает река. Взглянула вниз. Над руслом Кубани громоздились холмы, почти задернованные. Это давно оторванные участки коренного берега, изломанные и разрушенные, успевшие уже задерноваться. Над ними высятся такие же, позднее оторванные массивы.

Вновь поднимаюсь на городище, много раз пробегаю по всей площади, обнесенной рвами. Замеряю, черчу, зарисовываю. Внимательно всматриваюсь в каждый бугорок на поверхности, в каждую ямку, вырытую сусликами. Замечаю всхолмления круглой формы — следы когда-то стоявших здесь жилищ. В беспорядке разбросаны они по площади городища. Стараюсь представить себе это место в те далекие времена.

Там и сям стояли небольшие домики. Стены из плетня, обмазанного глиной. Крыша земляная. В ней отверстие для вытяжки дыма из очага. Строения больших размеров, из камня имелись только в главной части, за третьим рвом, над самым берегом реки. По внутренней стороне этого рва сверкала под солнцем каменная ограда. В ней — каменные башенки с постоянным «дозором». Дозор был необходим в эпоху слагающегося феодализма с частыми междоусобными стычками. Необходим он был и для охраны стад — главного богатства населения и главной приманки для вражеских налетов.

Кубань не делилась еще на эти мелкие рукава, а несла свои шумные воды одним мощным руслом. От городища к ней вели тропы и спуски.

На другой стороне северного оврага, в откосе, под дерном вижу золисто-темную полосу. Иду туда.

Свободно и широко раскинулось оно в степи, на том же берегу Кубани. Оборонительных сооружений никаких не сохранилось. Видно, их и не было здесь. Жителям поселка, вероятно, нечего было оборонять. Имущественное положение их было незавидным. Значительную долю добытых тяжким трудом продуктов приходилось отдавать владетелю, жившему в усадьбе за глубокими рвами и прочными стенами. В страшное время вражеских нападений население могло укрываться за теми же стенами усадьбы — городища. А их жилища — полуземлянки, с бедной незатейливой утварью, — не могли возбуждать большой корысти у врага. Если же и сжигались они дотла во время нападений, то возобновить их плетневые стены и камышовые крыши не составляло большого труда.

Километрах в двух на запад от городища четко вырисовывались полукруглые контуры курганов. В центре возвышались две крупные насыпи. Вокруг них в беспорядке разместились мелкие курганчики. Над ними в безоблачном небе, распластав крылья, парил ястреб. Уже издали были заметны седловидные впадины на вершинах крупных курганов — следы давнишних ограблений. Все насыпи, кроме самых незначительных, оказались уже раскопанными. Раскопы маленькие, узкие, хищнические.

В течение ряда веков эти и им подобные курганы тревожили воображение своей таинственностью. О них слагались легенды и сказки, в которых говорилось о несметных богатствах, о бесчисленных кладах, зарытых в них. И поэтому раскапывали курганы во все времена. Искали клады. Одни искали «коня с серебряной сбруей», а на нем «всадника в золоте», другие искали «бочки с золотом и серебром», третьи — «золотое оружие». Никто, конечно, кладов таких в курганах не находил. А между тем самое ценное, что в них хранилось, — могилы древних жителей — разрушалось этими хищническими раскопками, и, таким образом, погибал ценный исторический памятник.

Вдали на горизонте, по гребню сырта, длинной цепью тянулись остроконечные вершины других курганов. Время и силы природы не успели еще испортить их первоначальной формы. Аккуратные, нерасплывшиеся, стояли они, напоминая собою сахарную голову.

Сооружались они всегда на открытых сыртах, чтобы насыпь можно было видеть за десятки километров, чтобы в течение веков указывали они будущим поколениям место погребения их далекого предка. Таким образом вечно жила бы о нем память в народе.

Сделав описание и замеры курганов и сняв план всей курганной группы, отправилась я в обратный путь. День клонился к концу. Солнце уже не жгло, а только грело. С запада поплыли легкие облака. Дорога шла полем. Воздух был полон запаха зрелой пшеницы. Впереди за темной зеленью садов виднелся Черкесск.

Много, очень много подобных походов пришлось сделать археологам, чтобы найти, осмотреть, исследовать памятники, о которых ниже пойдет речь.

Наш край в древности

Глава I. Каменный век

Появление человека на Северо-Западном Кавказе относится к началу так называемого четвертичного периода[1], к наиболее раннему этапу развития человеческого общества (600—500 тысяч лет тому назад). Древнейшие каменные орудия человека в последние годы были найдены в Прикубанье, на реке Фортепьянке, близ г. Майкопа, на р. Псекупсе. В настоящее время орудия древнейших людей обнаружены в южной и северной Осетии. Эти факты говорят о том, что на Северном Кавказе в раннечет-

вертичный период обитали редкие группы людей, по своему физическому облику близких к синантропу.[2] В поисках пищи бродили они по берегам рек, где чаще всего встречаются следы их пребывания. Собирали ягоды, грибы, плоды дикорастущих растений, выкапывали съедобные корни; добывали улиток, ящериц, насекомых и охотились на мелких животных. Лишь в редких случаях им удавалось убить крупное животное.

Природная обстановка, окружавшая человека того времени, резко отличалась от современной. Горы и предгорные равнины были покрыты густыми вечнозелеными лесами. В них росли лавры, самшит, тис и другие деревья. По берегам рек и в лесах в изобилии водились теплолюбивые животные: южный слон, носорог, бизон, саблезубый тигр, пещерный лев, медведь и др.

Благодаря теплому климату человек не нуждался в постоянной одежде, прикрываясь в холодное время невыделанными шкурами животных. Во время дождя или в жару он находил убежище в густых группах деревьев или кустов, под скальными навесами, в шалашах из наскоро набросанных ветвей. Деревья могли служить надежным убежищем человеку и от постоянно угрожавшей ему опасности от нападения хищных зверей.

Древнейшие обитатели Северного Кавказа, подобно синантропам, возможно, уже пользовались огнем, взятым от лесных пожаров, зажженных молнией. Они неустанно сохраняли его, так как добывать огонь еще не умели.

Для поисков пищи и более верной охоты, в борьбе с непонятной и страшной природой, в борьбе с опасными хищниками люди объединялись в небольшие коллективы по нескольку десятков человек. Эти коллективы — орды или стада – представляли собою древнейшую, наиболее примитивную форму человеческого объединения. Общий уровень развития первобытных людей в тот период был крайне низким. Орудия труда грубые и несовершенные.

Охарактеризованная ступень в развитии человечества (древний или нижний палеолит) продолжалась сотни тысячелетий. По данным новейших исследований, этот период исчисляется приблизительно от 800 тысяч лет до 100 тысяч лет до нашего времени.

В истории земли в четвертичный период произошло событие, повлиявшее на жизнь палеолитического человека. Началось похолодание. В северных областях Европы, Азии и Америки в этот период появились мощные ледники, вскоре покрывшие огромные пространства. Ледяной покров на территории европейской части нашей страны спускался двумя выступами-языками до Волгограда на Волге и до Днепропетровска на Днепре. Толщина льда достигала 2 км. Теплолюбивая растительность в областях, непосредственно прилегавших к ледникам, исчезла. Ее заменила скудная травянистая растительность, близкая к растительности современных тундр. Отступили на юг или вымерли животные теплого климата. Их сменили мамонты, шерстистые носороги, различные виды оленей, дикие быки и лошади. Водились и хищники — пещерные медведи, волки, песцы.

Борьба с суровой природой ледникового времени оказала значительное влияние на характер культурного развития людей древнего каменного века. В этот период крупнейшим достижением человека было открытие способов добывания огня: сначала путем высекания искры ударами кремня о кремень, позже — посредством трения кусков сухого дерева один о другой. Огромное значение этого открытия определено Ф. Энгельсом: «Какие бы достижения ни предшествовали открытию огня... но только научившись добывать огонь с помощью трения, люди впервые заставили служить себе некоторую неорганическую силу природы. Какое глубокое впечатление произвело на человечество это гигантское, почти неизмеримое по своему значению открытие, показывают еще теперешние народные суеверия...» (Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1955, стр. 80).

Кроме огня, в борьбе с холодом, как следствием надвигающегося ледника, первобытному человеку понадобилась одежда, которую он изготовляет из шкур животных. Понадобились теплые жилища. Люди используют теперь пещеры, отвоевывая их иногда у страшных хищников — пещерного льва, пещерной гиены и пещерного медведя.

Изменяются и совершенствуются орудия труда. Формы орудий становятся более определенными и устойчивыми. Крупные двусторонне обработанные остроконечники могли служить режущими орудиями, а также кинжалами. Они употреблялись для обработки дерева, для добивания животных на охоте. Это был мужской нож. Заостренные с обеих сторон наконечники могли прикрепляться к концу длинного деревянного копья. Появляются широкие, с дугообразно выпуклым краем, скребла; они служили для сдирания и обработки шкур при изготовлении из них одежды. Использовались шары из песчаника или известняка. Такие шары, привязанные попарно к длинным ремням, могли служить боласом; брошенные сильной и ловкой рукой, они спутывали ноги животного и делали его добычей охотника.

Основным оружием человека было, вероятно, копье. В одной из палеолитических пещер во Франции обнаружены кости животных с вонзившимися в них острыми осколками кремня. Такие раны были, очевидно, нанесены копьем с кремниевым острием — наконечником.

Но все же оружие людей этого времени очень примитивно, чтобы с помощью его человек мог успешно охотиться на таких крупных животных, как мамонт, носорог, бизон и других, мясом которых он питался. Без сомнения, главнейшую роль играла коллективная, облавная охота. Группа охотников, вооруженных деревянными копьями, возможно, с горящими головнями в руках, загоняла выслеженное животное или целое стадо к высокому обрыву, падая с которого оно разбивалось или калечилось. Охота являлась ведущим занятием людей ледникового периода. Для нее они объединялись в большие коллективы.

Широкой известностью пользуется палеолитическая стоянка близ станицы Ильской, Краснодарского края, на р. Иль. Открыта она в 1898 г. Впоследствии место стоянки было забыто, и только в 1925 г. советскому археологу С.Н. Замятнину при осмотре нефтяных промыслов удалось отыскать место этой стоянки. Исследованиями Ильской стоянки было установлено, что она представляла собой открытый лагерь первобытной орды. Для защиты от холода и непогоды люди сами строили жилища — шалаши.

Кости животных, обнаруженные на стоянке, принадлежали мамонту, дикой лошади, бизону, гигантскому и благородному оленям, дикому ослу, кабану, пещерному медведю, пещерной гиене, волку. Главным объектом коллективной охоты являлся бизон.

Кости его составляли 60% всех определенных особей. Общее количество особей бизонов, ставших добычей ильских охотников, насчитывается до 2400 экземпляров.

Для изготовления орудий человек пользовался главным образом речным галечником из яшмы, роговика, халцедона, кварцита, так как в окрестностях стоянки кремня нет. Обилие животных и подходящего камня для производства орудий обусловили длительное пребывание человеческой группы на этом месте.

Из орудий на стоянке оказались крупные листовидные наконечники копий, небольшие «рубильца», остроконечники, скребла. Нередки маленькие проколки, режущие острия, резцы. Встречались костяные «наковаленки», использовавшиеся при изготовлении каменных орудий. Найдено «шило», грубо сделанное из кости.

В культурном слое стоянки местами оказалась отвердевшая нефть, которая благодаря своей воздухонепроницаемости способствовала сохранению многочисленных остатков насекомых.

Исследование окаменелых костей из Ильской стоянки новым радиевым методом дало возможность определить возраст стоянки в 39000—34000 лет тому назад.

Следы культуры человека древнекаменного периода в последнее время обнаружены В.П. Любиным и на территории Ставропольского края, близ станиц Кардоникской и Зеленчукской. В ст. Абадзеховской (Краснодарского края) П.У. Аутлев открыл местонахождение нижнего палеолита, которое уже сейчас дало более 2 тысяч различных кремниевых орудий. Это одно из крупнейших местонахождений не только на Кавказе, но и в Советском Союзе.

Имеются краткие указания на следы пребывания палеолитического человека в гротах окрестностей Кисловодска и в пещере на р. Уруп близ станицы Преградной.

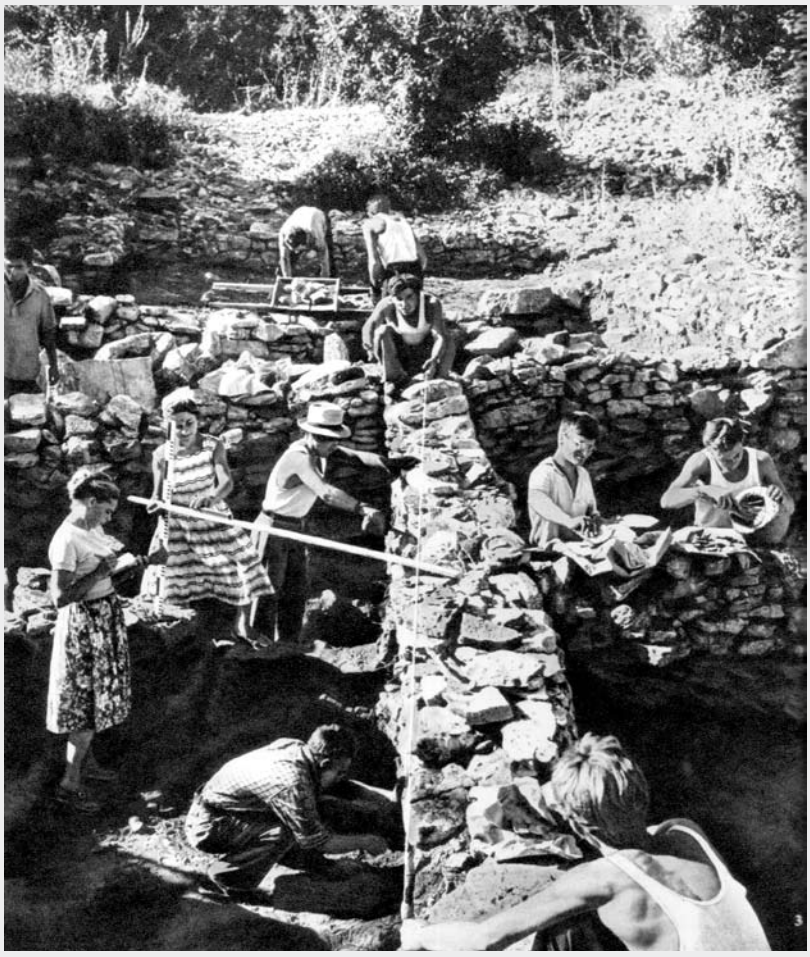
Таким образом, мы видим, что следов от человека древнекаменного века в нашем крае пока открыто немного. Население в те времена не было густым. Кроме того, отыскать следы палеолитического человека не так-то легко. Остатки его стойбищ залегают под мощными позднейшими напластованиями и обнаруживаются часто только случайно. Например, палеолитическая стоянка на правой стороне Волги близ Волгограда залегала на глубине 28 м от современной поверхности. Поэтому исследование палеолитеских памятников — дело весьма трудоемкое и дорогое.

Приблизительно 13 тысяч лет назад ледниковая эпоха кончилась. Началось таяние ледников. По широким равнинам восточной Европы потекли многоводные реки. Области, освобожденные от ледникового покрова, покрылись богатой растительностью, к северу — хвойными и лиственными лесами, к югу раскинулись травянистые степи. Холодолюбивые животные — северный олень и песец отошли в приполярные широты. Гиганты животного царства ледниковой поры — мамонты и носороги постепенно вымерли. В лесах теперь водились благородный олень, лось, бурый медведь, кабан, бобр и др. В степях — антилопа-сайга, дикий осел, лошадь, бык. На реках и озерах появились стаи водоплавающих птиц.

Время это называется средним каменным веком, или мезолитом (от греческого «мезос» — средний, «литос» — камень). В это время человек в своем прогрессивном развитии сделал новый крупный шаг вперед. Он изобрел новое орудие для охоты — лук и стрелу. Теперь первобытный охотник мог поражать животное на расстоянии, что делало охоту более верной. Кроме того, он мог охотиться и на водоплавающую птицу. Охота теперь стала более продуктивной.

Поселения среднекаменного века на Северном Кавказе обнаружены в 1954 г. С.Н. Замятниным и П.Г. Акритасом в гроте Баксанского ущелья. Исследователи назвали этот грот гротом Сосруко, по имени популярнейшего героя адыгского нартского эпоса.

Имеются находки от указанного времени и в Ставропольском крае. Интересные сведения по мезолитической стоянке «Яворы» сообщает в своем отчете об экспедиции 1956 г. В.П. Любин. Он пишет, что стоянка была обнаружена еще в дореволюционное время при рытье земельных ям для выжигания древесного угля. Обилие в ямах расщепленного кремня привлекло внимание местного населения, и оно в течение многих лет, особенно в годы Гражданской и Отечественной войн, совершало сюда походы, пудами выбирая из культурного слоя кремень, который использовали для высекания огня. Поэтому за местом, откуда выбирался



кремень, закрепилось название «Кременя». А так как место это еще недавно было густо покрыто кленовыми деревьями — яворами, то оно получило и второе название «Яворы». Стоянка Яворы лежит в 10—12 км к юго-западу от селения Маруха (на р. Марухе), на восточном склоне узкого водораздела между долинами рек Большой Зеленчук и Хуса. В числе орудий оказались шесть резцов, концевой скребок, два строгальных ножа, около полутора десятков кремневых вкладышей. Вкладышами оснащались боевые части копий, а также ножи и кинжалы из кости и дерева. Обработка кремня происходила на месте стоянки. Стоянка располагалась под открытым небом, а потому обитатели ее, вероятно, принуждены были строить искусственные жилища-шалаши. Судя по составу орудий, основным занятием их была охота.

Следующая ступень в развитии человека каменного периода называется новокаменным веком, или неолитом («неос» — новый, «литос» — камень). В этот период, охватывающий в основном IV и III тысячелетия до н.э., первобытный человек сделал новые культурные завоевания. Он открыл способы полирования и сверления камня. Полированные каменные орудия, одетые с помощью сверления на рукоять, значительно повышали производительность труда. Основным орудием являлся топор. В это же время человек овладевает умением лепить посуду из глины, что дало ему возможность варить пищу и хранить пищевые запасы. Он переходит от присвоения готовых продуктов природы к увеличению продуктов путем своей деятельности. Зарождаются начала земледелия и скотоводства. Материнский родовой строй, пришедший на смену первобытному стаду еще в древнекаменном веке, теперь достигает своего расцвета.

В Ставропольском крае новокаменный век не изучен. Пока выявлена только одна небольшая стоянка на р. Овечке (правый приток Кубани) близ г. Черкесска. На стоянке собрано «некоторое количество кремневых орудий». Раскопочные работы на ней не производились.

В 1955 г. одним из жителей станицы Зеленчукской на огороде был найден кремневый наконечник копья, который предположительно можно отнести к орудиям неолитического времени. Второй кремневый наконечник копья, близкий зеленчукскому, найден в насыпи одного из курганов на городище близ аула Кубины.

Глава II. Медно-бронзовый век

С III тысячелетия до нашей эры население Северного Кавказа вступает в новую фазу своего развитии, в так называемый металлический период. Первая, древнейшая часть этого периода называется медно-бронзовым веком. Первым металлом, который использовал человек для своих орудий, была медь. Работа медными орудиями оказывалась более производительной и менее трудоемкой, чем каменными, но благодаря природной мягкости меди орудия быстро изнашивались, поэтому скоро медь была заменена бронзой (сплав меди с оловом, цинком и другими металлами). Бронзовые орудия тверже и острее медных, кроме того, литье бронзы легче, так как ниже температура плавления.

Ни медные, ни бронзовые орудия, однако, не могли окончательно вытеснить каменных. Каменные орудия продолжали бытовать наряду с металлическими.

Употребление меди в чистом виде и в сплаве её с оловом раньше всего, еще в IV тысячелетии до н.э., было известно в Передней Азии и в Северо-Западной Индии. Несколько позже — в Египте, Малой Азии, на Кипре и Крите. В течение II тысячелетия бронза распространилась по всей Европе и Азии.

Рано развилась металлургия и на Кавказе. Горы Кавказа и Закавказья стали крупными центрами добывания и обработки металла. На Кавказе, в том числе и на Северном, развились яркие культуры меди и бронзы. В этом играло роль не только то обстоятельство, что Кавказ богат местными рудами цветных металлов — меди, свинца, цинка и др., – но и соседство Кавказа со странами Древнего Востока, где в это время существовали высокоразвитые рабовладельческие цивилизации.

Памятники Северного Кавказа медно-бронзового века многообразны. Сюда относятся остатки поселений, курганные погребения, клады бронзовых изделий, места выработки медной руды.

Наиболее замечательным курганом является знаменитый Майкопский курган, исследованный Н.И. Веселовским в 1897 г. Курган высотой 11 м стоял в г. Майкопе там, где ныне проходит Курганная улица. Он принадлежит к числу всемирно известных археологических памятников. Под курганом в грунте была вырыта обширная яма. В яме оказался деревянный сруб, разделенный на три отделения и перекрытый бревенчатым накатом. В главном отделении, на циновке, лежал мужской костяк, густо засыпанный красной краской. На голову умершего был надет убор с золотыми лентами и розетками на них, на шее и груди лежало несколько дорогих ожерелий из золотых, серебряных, сердоликовых и бирюзовых бус, бус из лазурита, «морской пенки». Тело умершего было накрыто пологом балдахина с нашитыми золотыми бляшками. Остов балдахина составляли 4 серебряные трубки с золотыми нижними концами. На трубки надеты массивные фигурки быков (два серебряных и два золотых). С умершим положены стрелы с кремневыми наконечниками, а в одном из углов могилы лежали медные и каменные орудия и оружие. Вдоль стен могилы стояло много посуды; крупные медные котлы для приготовления пищи, восемь глиняных сосудов, медное ведерко, медные и серебряные миски для еды и питья, большой глиняный сосуд для хранения напитков и свыше десятка небольших золотых и серебряных сосудов разного назначения.

Среди посуды особо выделяются два серебряных кубка с круглым дном, покрытые чеканными изображениями горного хребта с двумя выдающимися вершинами; с хребта вытекают реки, возле которых бродят быки, антилопы, лошади, горный козел, львы, пантера, кабан, медведь и водяные птицы.

Во втором и третьем отделениях сруба лежали женские костяки; они были густо посыпаны красной краской. Краска символизировала огонь, которому приписывалась очистительная сила. При костяках найдены золотые бусы и серьги, а также хозяйственная утварь. Здесь, возможно, были похоронены наложницы вождя, насильственно умерщвленные, чтобы сопровождать в «загробный мир» своего знатного повелителя.

Драгоценные украшения Майкопского кургана не местного происхождения. Сердоликовые бусы

по цвету и материалу считаются иранского или индийского происхождения. Как показал в своем исследовании минеролог Г.Г. Леммлейн, техника сверления этих бус указывает на производство их в древнейших иранских или индийских центрах. Бусы из бирюзы также иранского происхождения, из «морской пенки» — малоазиатского. Золотые и серебряные фигурки животных могли изготовляться в Месопотамии или Малой Азии. Наиболее показательны в этом отношении сосуды с чеканным горным пейзажем, где переданы изображения льва и пантеры — животных, не водившихся на Северном Кавказе. Дно этих сосудов украшено розетками, характерными для искусства Месопотамии. Некоторые орудия и оружие — топоры, кинжал — имеют аналогии среди шумерских древностей. Все это показывает, что ценнейшие вещи Майкопского кургана были привозными, они говорят о связях населения Северного Кавказа с цивилизованными странами Древнего Востока.

Погребение в Майкопском кургане определенно свидетельствует о наличии патриархальных отношений в северо-кавказском обществе того времени. Женские погребения, как мы видели, играли «служебную» роль по отношению к мужскому.

Майкопский курган датируется серединой III тысячелетия до н. э. Он и подобные ему богатые курганы Прикубанья принадлежали родоплеменной знати, родовым или племенным вождям. О том, какие богатства начинали скопляться в руках этой знати в III тысячелетии до н. э., говорит клад, найденный в 1897 г. у станицы Старомышастовской на Кубани. В небольшом серебряном сосуде с крышечкой было спрятано в земле свыше двух тысяч золотых, серебряных и каменных бус и других украшений из золота и серебра, чрезвычайно близких к майкопским. Вполне допустимо, что богатства эти приобретались в результате грабительских походов.

В Ставропольском крае кое-где имеются очень крупные курганы. Например, у южного конца аула Псаучья-Дахе, на левом берегу р. Малый Зеленчук, близ станицы Усть-Джегутинской. Много их и в степной части края.

От того же времени на Северном Кавказе сохранились курганные погребения и рядовых членов общества. В них умершему полагалось немного вещей — глиняный сосуд, одно-два орудия, несколько бусинок и других украшений. Насыпи над такими погребениями бывают невысокими. Так отражается в археологических памятниках постепенно развивающееся социально-экономическое расслоение первобытного общества.

«Во II тысячелетии до н. э., когда в Европе господствовал засушливый климат, на Кавказе наблюдалось усиленное таяние ледников. Реки, в том числе те, которые в настоящее время теряются в безводных местностях, были тогда полноводными. В связи с этим на Кавказе имелся мощный лесной покров. Густыми лесами были покрыты плоскогорья Армении, теперь совершенно обнаженные, дубравы занимали ныне безлесную Ставропольскую возвышенность, по окраине которой пролегала природная северная граница Кавказа — Манычская водная система, имевшая вид мелководной, полуболотистой полосы» (Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй. М., 1956, стр. 131).

В таких благоприятных условиях развивались племена Кавказа во II тысячелетии до н.э. Долины рек были весьма удобны для земледелия. Леса в изобилии доставляли дикие плоды. Богатство и разнообразие животного мира создавали условия для хорошей охоты. Обилие рек и кормовых ресурсов обеспечивало скотоводство. Многие области Кавказа богаты медными и другими рудами. Все это способствовало тому, что в эпоху бронзы в число наиболее передовых в культурном и социально-экономическим отношении выдвинулись племена Кавказа.

Во II тысячелетии до н. э. орудия труда и оружие изготовляли не из меди, а преимущественно из бронзы. От этого периода на Северном Кавказе сохранилось еще большее количество памятников, чем от предыдущего. Памятники эти исследованы и в Ставропольском крае.

В 1928 г. в окрестностях Пятигорска, в бывшей колонии Николаевской, Н.М. Егоровым вскрыто погребение в грунтовой яме, перекрытой деревянным настилом, на который были набросаны камни. У ног костяка, лежавшего скорченно на зольной подсыпке, оказались два бронзовых листовидных наконечника копий, обломки бронзового шила, плоский шлифовальный камень из песчаника, каменный шлифованный молоток. С другой стороны, также у ног погребенного, лежал камень с красной краской. В могиле найден глиняный горшок и кости лошади и теленка. Это остатки пищи, данной погребенному в «загробный мир».

Подобные погребения недалеко от указанного места раскапывал проф. Д.И. Самоквасов в 1881 г. Возле горы Бештау и на склонах горы Машук открыты остатки поселений того же времени.

В 1954 г. для хозяйственных надобностей экскаватором брали землю из насыпи крупного кургана близ с. Шпаковского в окрестностях г. Ставрополя. Экскаватор задел из нижних слоев насыпи крупный бронзовый сосуд — «вазу». О разрушении кургана известили Ставропольский краевой музей. Исследованием остатков этого кургана установлено, что насыпь его первоначально имела около 7 метров высоты. Основание насыпи на материке было окружено кольцом 40 м в диаметре из битого камня. В центре каменного кольца оказалась грунтовая прямоугольная яма глубиной 1,5 м. Яма была покрыта накатом из крупных дубовых плах. Поверх наката лежал слой битого камня. Дно ямы посыпано углем.

На слое угля лежал мужской сильно истлевший костяк, головою на юго-запад, на спине, с согнутыми в коленях ногами. Кости и все дно могилы были обильно посыпаны красной краской. Кроме того, под головой и плечами погребенного оказался тонкий слой мела. С левой стороны костяка лежал шлифованный и сверленый топор из серпентина. Точно такой же топор был найден в одном из древних погребений Приазовья на р. Молочной. Очевидно, между населением Приазовья и племенами Ставрополья существовали сношения.

Курганы эпохи бронзы исследованы близ аула Адыге-Хабль в Черкесии. Здесь они протянулись цепью по краю первой террасы над поймой р. Малый Зеленчук. Их местоположение указывает, что поселения людей эпохи бронзы тяготели к низким, пойменным долинам рек, которые были наиболее

пригодны для примитивного земледельческо-скотоводческого хозяйства.

В Ставропольском краевом музее хранится много случайных находок от этого же времени. Среди них имеются каменные шлифованные топоры, найденные в разных пунктах края, крупные каменные молоты, глиняные курильницы — небольшие чашеподобные сосуды с крестовидной ножкой и с полукруглым отделением внутри. Предназначались они для воскурения благовоний во время погребальной процессии. Курильницы всегда украшены снаружи сплошным орнаментом. Орнамент покрывает и дно ножек, так как курильницы, очевидно, во время процессий носили на высоких шестах. Этот тип сосудов получил такое широкое распространение на Северном Кавказе, что в последнее время в специальной литературе их стали называть северокавказскими курильницами. В Ставропольском крае они найдены близ с. Сотниковского, с. Спасского, с. Преградного, в упомянутом выше кургане близ аула Адыге-Хабль и в других местах края.

Бронзовое литое изображение оленя (VI—V вв. до н. э.). К животу оленя приделано колечко для подвешивания колокольчика. Найдено в районе селения Джеррах (Ингушская республика)

Весьма ценной находкой является каменная зернотерка из станицы Сторожевой, служившая для растирания зерна на муку. При ней найден и каменный полуцилиндрический пест, которым растирали зерно.

В самом конце II и в начале I тысячелетий до н. э. металлургия бронзы на Северном Кавказе развилась особенно ярко. В это время выделяются два крупных очага металлургии — в горах Северной Осетии и в Прикубанье. В горах Осетии получила развитие Кобанская культура, названная так по знаменитому могильнику возле осетинского селения Кобан. В Прикубанье — так называемая Прикубанская культура.[3] Территория южной части нашего края находилась на стыке этих двух культур. Поэтому в южных районах края встречаются самые богатые находки бронзовых изделий. Для примера укажу некоторые из них.

На р. Гиляч, впадающей слева в Кубань выше Теберды, в декабре 1938 г. в русле реки был найден клад, в состав которого входили бронзовые топоры и бронзовые серпы. 30 бронзовых серпов клада достались одному из жителей аула Учкулан. Два топора поступили в 1940 г. в музей г. Микоян-Шахара (ныне г. Карачаевск). В настоящее время они хранятся в Ставропольском музее.

Клад бронзовых изделий был найден в 1927 г. в пещере на левом берегу Кубани близ устья р. Индыш. В нем также имелись бронзовые серпы.

В г. Карачаевске, на правой стороне р. Теберды, в 1940 г. обнаружен был клад или погребение с рядом бронзовых вещей, из которых только бронзовый наконечник копья тогда же поступил в местный музей.

Большой клад был найден в 1938 г. между аулом Верхняя Теберда и курортом Теберда. Состоял он из 44 медных топоров, 17 таких же серпов и, что особенно важно, каменных литейных форм. Здесь, по всей вероятности, находилась древняя литейная мастерская.

На р. Кяфар, в районе станицы Сторожевой, в 1948 г. при геологических исследованиях найден ряд мелких бронзовых предметов: тяжелый браслет с насечками, два гладких браслета из прута с несомкнутыми концами, восемь обломков трубчатых пронизей и некоторые другие вещи.

Большой клад найден в 1941 г. при дорожных работах на месте древнего поселения в 1,5—2 км от станицы Боргустанской, расположенной на притоке Подкумка — р. Бугунта. Лежал он в двух глиняных сосудах и состоял из 30 бронзовых топоров, 10 таких же серпов, 3 бронзовых наконечников копий, 8 бронзовых тесел. Советский исследователь-кавказовед А.А. Иессен считает, что находка «может быть отнесена к категории кладов — сокровищ, что составлявшие ее предметы, вероятно, сохранялись обитателями данного поселения как запас изделий, требующих исправления... или как запас металла».

Можно было бы указать и еще много подобных находок по Ставропольскому краю. Эти факты дают основание предполагать наличие на Верхней Кубани и Теберде местного производства металла. Это тем более вероятно, что в указанных районах имелось рудное сырье, необходимое древним металлургам. Выходы медных руд известны во многих местах вдоль центральной части северного склона Кавказского хребта. В частности, имелись они и в бассейне Верхней Кубани. Здесь обнаружены следы древних выработок меди и медеплавилен. На правом берегу Кубани, в балке Багир-Кулак (Медная балка), южнее свинцово-цинкового рудника, инженером А.Д. Кондратьевым были найдены выработки для добычи медной руды и остатки медной плавки. Следы плавки медной руды тот же исследователь наблюдал на вершине водораздельного хребта между Кубанью и р. Даутом. На р. Муху, левом притоке Теберды, находились свалки шлаков древних медеплавилен. С левой стороны р. Муху, приблизительно в среднем ее течении, проходит глубокая балка, называемая Медной. В ней до сих пор сохраняются следы древних штолен по выработке руды. Интересно отметить, что балка эта располагается не так далеко от аула Верхняя Теберда, где был найден богатый клад бронзовых вещей и каменные литейные формы, о чем упоминалось выше.

Древние штольни по выработке медной руды имеются на р. Марухе, на восточном склоне горы Большой Кара-Бек. Река Маруха вытекает из ледников западной части Главного Кавказского хребта. На ней раскинулось только одно крупное селение — станица Маруха. Километров двадцать пять выше станицы река образует красивый водопад. Несколько ниже водопада к левому берегу реки подходят крутые склоны горы Кара-Бек. С противоположного берега легко заметить в склоне горы темную пещеру

на высоте около 100 метров над руслом реки. Она образовалась в результате искусственной выемки породы. Внимательно вглядевшись, можно увидеть высеченный в склоне подъем к пещере.

Пещера имеет два ответвления. Первое, северное, углубляется в скалу метров на 20—25; второе, южное, в виде сводчатой ниши углубляется всего на четыре-пять метров. На дне пещеры оказалось большое скопление золы, перемешанной с измельченной в порошок породой. Работа по добыче руды производилась с помощью огня. Горную породу нагревали, затем поливали водой, отчего она трескалась и тогда ее легче было дробить молотами. В золе найдены обломки от четырех каменных молотов, которыми дробили породу, и костяное орудие с зубчиками по краям в виде гребенки. Какую работу выполняли им — неизвестно.

В течение медно-бронзового периода население Северного Кавказа в области производства сделало большой шаг вперед. В середине и во второй половине II тысячелетия до н. э. были полностью освоены высокогорные пастбища. На них в теплое время года выпасался главным образом мелкий рогатый скот. На зиму его отгоняли в предгорные места. Таким образом, скотоводство приобрело полукочевой характер. Это давало возможность значительно увеличивать поголовье скота. Скотоводство играет теперь главнейшую роль в хозяйстве.

Наряду со скотоводством большие успехи сделало и земледелие. Возделывались мягкие почвы речных долин. Обработка почвы производилась мотыгами. Сеяли просо, ячмень, пшеницу. Для уборки урожая в начале периода применяли деревянные или костяные серпы с лезвиями из кремневых пластинок-вкладышей. На смену им пришли бронзовые серпы.

Развивается в этот период и металлургия. Особенно ярко расцветает она к концу периода, о чем свидетельствуют не только металлические вещи из погребений, но и клады бронзовых изделий, о которых упоминалось выше. Археологические памятники Северного Кавказа дают наибольшее количество металлических находок, чем какая-либо другая область СССР, кроме Закавказья.

Такие достижения в области производства привели к крупным изменениям в общественной жизни. Основные отрасли хозяйственной деятельности — скотоводство, металлургия — перешли в ведение мужчины. Женщина теперь стала играть второстепенную роль в хозяйстве. Поэтому род, основанный на материнском праве (матриархальный род) сменился родом, основанным на отцовском праве (патриархальный). Во главе рода стал мужчина — родовой старейшина. Родство стало считаться по мужской линии. Выходя замуж, женщина переходила в род мужчины и становилась в зависимость от него.

В данный период широкое развитие получает межплеменной обмен. Племена Северного Кавказа распространяли изделия своей металлургии на обширную территорию. Кавказские бронзовые вещи встречаются на всем Северном Причерноморье. Их находили на территории Предкавказья, Подонья, Крыма, Украины, вплоть до Воронежской области и до Мордовской АССР. В свою очередь произведения племен, населявших северные по отношению к Кавказу территории (Подонья, Украины, Поволжья), проникали на Северный Кавказ, указывая, таким образом, на связи северокавказских племен с внешним миром.

Необходимо отметить еще одну характерную для данного времени черту. Накопление ценностей в виде металла, запасов хлеба, стад домашнего скота вызывало частые военные столкновения между племенами и родами. «Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Война, которую раньше вели только для того, чтобы... расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства).

На значение войны в жизни племен указывают многочисленные находки оружия — мечей, кинжалов, боевых секир, стрел. Эти предметы сопровождают обычно мужские погребения, свидетельствуя еще об одном виде деятельности мужчины.

В 1963 и 1964 гг., в связи со строительством оросительной системы близ станицы Усть-Джегутинской, научной сотрудницей Ставропольского краевого музея А.Л. Нечитайло было раскопано несколько десятков курганов. В результате раскопок получен богатый и разнообразный археологический материал по медно-бронзовому веку. Он даст возможность глубже и шире изучить эту эпоху на Ставрополье. Но пока этот материал еще недостаточно обработан, а потому он и не привлекается в данном очерке.

Глава III. Ранний железный век

В погребениях позднего медно-бронзового периода наряду с бронзовыми предметами начинают появляться вещи, выработанные из неизвестного ранее металла — железа. На первых порах этот новый металл использовался для изготовления украшений, но в первой половине I тысячелетия до н.э. он стал играть основную и главнейшую роль в производственной деятельности человека. Уменье получать железо из руды открывает, как указывает Ф. Энгельс, «...эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не могли противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов». Каменные орудия, которые бытовали наряду с медными и бронзовыми, были быстро вытеснены железными. Железо — наиболее распространенный в мире металл. По твердости оно намного превосходит бронзу, а потому железные орудия и оружие, по сравнению с бронзовыми, являлись более качественными.

С VIII—VII вв. до н.э. на Северном Кавказе начинается массовое производственное применение железа. Значительную роль в распространении железа на Кавказе, в том числе и на Северном, сыграло государство Урарту; в VIII—VII вв. до н. э. оно было поставщиком железа в соседние страны.

Благодаря появлению письменности у других народов история населения Северного Кавказа с этого времени начинает освещаться и письменны-

ми источниками, которые дополняют, зачастую оживляют и конкретизируют источники вещественные. С этого времени мы узнаем названия племен и народов Кавказа и других областей СССР — киммерийцев, скифов, сарматов, меотов, керкетов, зихов, колхов и др.

Железо получает широкое распространение на Северном Кавказе в эпоху скифов.

Греческие авторы называли скифами различные по происхождению, но близкие по культуре оседлые и кочевые племена, живущие в степях Северного Причерноморья от Дуная до Дона в период от VII до III в. до н. э. В VII в. до н. э. во главе скифского племенного союза стали так называемые «скифы царские» — кочевники, родственные по языку североиранским племенам. Скифы были конными воинами и отличными стрелками из лука. Лук и стрелы — самое основное вооружение скифов. Кроме того, скифы вооружались копьями, дротиками, железными короткими мечами (акинаками). Слава о них как о метких стрелках разносилась далеко. Мидийский царь Киаксар, как сообщает Геродот, посылал к скифам своих сыновей обучаться стрельбе из лука. Отличаясь исключительным уменьем владеть оружием, на своих быстроходных конях скифы совершали дальние завоевательные походы. Насколько боялись народы древнего мира этих разрушительных набегов, свидетельствует библейский «пророк» Иеремия (VII—VI вв. до н. э.), угрожающий грешникам: «Вот я приведу на вас дом Израилев, народ издалека, говорит господь, народ сильный, народ древний, народ, языка которого ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его как открытый гроб; все они люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой; съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои; разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься».

Крупнейший советский исследователь истории государства Урарту — Б.Б. Пиотровский сообщает, что сохранились оракулы, вопросы к богу Шамашу, отражавшие тревогу, охватившую ассирийских царей Асархаддона и Ашурбанипала. Они спрашивали своего бога о том, удадутся ли планы воинов киммерийских, мидийских или же воинов скифских. Из этого видно, что ассирийцы опасались не только военных отрядов государств передней Азии, но и скифов.

Греческий историк V в. до н. э. Геродот, оставивший нам наиболее подробное описание быта скифов, сообщает, что «...скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами, преследуя же бегущих дошли до мидийской земли».

Скифы шли в Азию по длинной дороге, «имея по правую руку Кавказскую гору». Здесь мидяне сразились со скифами, но потерпели поражение в битве и потеряли свое господство, а скифы завладели всей Азией. Скифы господствовали в Азии 28 лет.

Из сообщений Геродота вытекает, что скифы вторглись в Азию через Дербентские ворота, идя вдоль Кавказского хребта с северной его стороны. Такое продвижение скифов подтверждается и археологическими находками. На Северном Кавказе встречаются в большом количестве отдельные предметы скифской материальной культуры и даже курганные погребения. Советский ученый-кавказовед Е.И. Крупнов полагает, что указанные находки «материально документируют пребывание, пусть даже временное, скифов на этой территории». Для примера укажем некоторые из находок скифского времени на Ставрополье.

Весною 1953 г. в Ставропольский музей поступили вещи из погребения, разрушенного при строительстве газопровода близ г. Ставрополя. Состояли они из одиннадцати бронзовых втульчатых наконечников стрел, пять из них — двуперые с шипом и дырочкой на втулке; железного наконечника копья; костяной цилиндрической пронизи для перекрещивающихся ремней конского убора; бронзовых удил со стремечковидными концами; каменного точильного бруска и глиняного горшка, от которого сохранилось несколько черепков.

Курган, из которого происходили вещи, находился в поле, к западу от города, на окраине Ташлянского леса. Здесь не так давно располагалась группа больших курганов. В настоящее время все курганы распаханы до основания. При рытье траншеи под газопровод случайно рабочие натолкнулись на погребение с указанными вещами.

Место находки было нами обследовано. Мы очистили довольно широкую площадь и обнаружили на ней остатки могильной ямы. По словам рабочих, основательно перерывших это место до нас, в могиле было два костяка. Возле одного из них лежали стрелы и копье, причем одна из стрел вонзилась в ребро костяка. Остальные вещи найдены в земле. Все кости, в том числе и черепа, были поломаны и разбросаны рабочими.

Инвентарь погребения достаточно характерен и по своему составу, и по типу вещей. Он совершенно подобен многим памятникам Украины раннескифского времени и может быть датирован первой половиной VI столетия до н. э.

В 1955 г. в Ставропольский музей поступили вещи из кургана, разрушенного при строительстве водохранилища близ села Сотниковского, Благодарненского района, Ставропольского края: три бронзовых трехперых наконечника стрел, часть массивного железного меча типа акинака, каменный точильный брусок с дырочкой для подвешивания, отросток рога оленя, обрезанный на верхнем конце. К вещам была приложена фотография глиняного горшка, двух человеческих черепов и бедровых костей, из чего ясно, что вещи происходили из погребения.

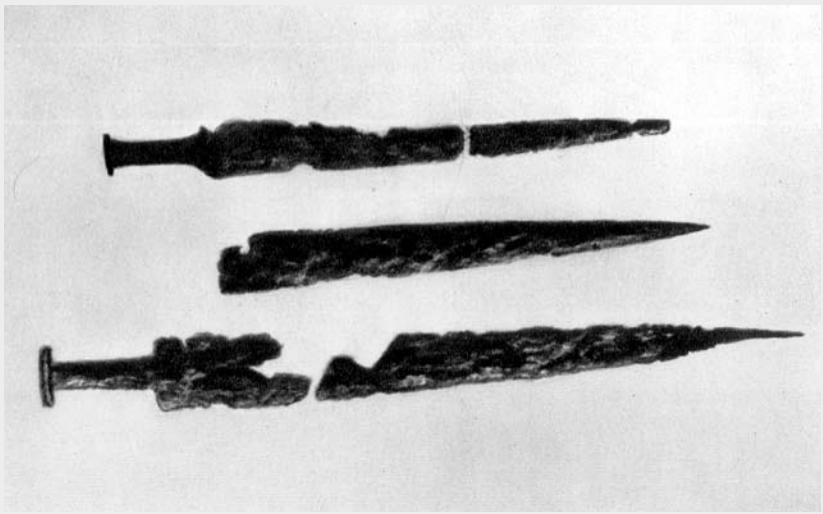
В 1924 г. заведующим музеем Северного Кавказа в г. Ставрополе Г.Н. Прозрителевым был раскопан курган, располагавшийся между г. Ставрополем и с. Татаркой. Курган был ограблен еще в древности. Сохранилась лишь ничтожная часть вещей, сопровождавших погребенного: чаша с резным орнаментом, глиняный кувшин с изображением бегущих оленей, золотые, украшенные зернью и бугорками пронизи, раковины каури, носившиеся в качестве ожерелья, янтарные бусы, обломки маленькой чаши из тонкого бронзового листа, обломки серебряного ситечка с позолоченным жгутиком вдоль края, бронзовые наконечники стрел.

Погребения скифского времени с подобными вещами известны и на территории Карачаево-Черкесской автономной области — близ хут. Дружба на Кубани, близ аула Жако на р. Малый Зеленчук.

В районе Пятигорья Н.М. Егоровым исследованы могильники, на материале которых отчетливо прослеживается влияние скифской культуры на культуру местных племен. Сюда относятся: могильник в глиняном карьере, находящемся в пяти километрах к северо-западу от г. Минеральные Воды,

могильник в г. Пятигорске по проспекту им. Калинина и могильник близ Перкальской скалы, к северу от горы Машук, несколько восточнее места дуэли М.Ю. Лермонтова. В указанных могильниках удерживается еще старый обряд погребений, известный в предшествующее время, в конце эпохи бронзы. Некоторые вещи погребального инвентаря также характерны для предшествующего времени — керамика, предметы украшений. Наряду со старыми формами вещей здесь налицо новые формы, характерные для скифской культуры: железные мечи, бронзовые наконечники стрел, каменные точильные бруски, железные наконечники копий, железный клевец, янтарные и стеклянные бусы, скифская керамика. «Старые» и «новые» формы вещей сочетаются в одном погребении. Указанные могильники, как полагает Н.М. Егоров, отражают культурно-хозяйственные отношения, возникшие между остатками старого местного населения и новыми пришельцами.

На территории Ставрополья в значительном количестве находились и находятся случайно отдельные скифские вещи. Например, близ с. Отказного, Советского района, был найден и доставлен в Ставропольский музей железный короткий меч с сердцевидным перекрестием и прямым навершием — типичный скифский акинак. Два таких же меча найдены в 1914 г. на р. Мамайке, на юго-восточной окраине Ставрополя. Там же обнаружены два бронзовых псалия (принадлежность удил) с львиными головами с раскрытой пастью. Псалии выработаны в специфически скифском «зверином» стиле. Излюбленным мотивом скифского искусства являлось изображение диких животных и зверей, терзающих друг друга. В науке стиль этот получил наименование «звериного».



Древние железные кинжалы

На горе Бештау близ Пятигорска был найден бронзовый скифский котел на высокой подножке с двумя вертикальными ручками у края. Котлы эти были весьма приспособлены для варки пищи на открытом костре. Они ставились и в могилу для погребенного. В таких случаях в них лежали кости, а иногда и целые костяки овцы. Скифский медный котел найден близ с. Ново-Егорлыкского.

Скифские бронзовые наконечники стрел встречались по всей степной части Ставрополья, а также и в других районах Северного Кавказа. Последняя по времени находка двуперой стрелы с шипом была сделана на огороде одного из жителей с. Татарки.

Подобные находки документируют продвижение скифов по степям Предкавказья и свидетельствуют о большом влиянии скифской материальной культуры на культуру местных племен. Скифы, проходя через северокавказские степи в Закавказье, могли на более или менее длительный срок задерживаться в отдельных местах. Но постоянного населения на Северном Кавказе скифы не составляли.

В эпоху скифов (VII—IV вв. до н. э.) связи местного северокавказского населения с соседними областями еще более оживляются по сравнению с предшествующей эпохой бронзы. В сближении северокавказских племен как с народами Закавказья, так и с населением основных районов нашей страны, как полагает Е.И. Крупнов, значительную роль сыграли скифы. Он предполагает «возможное участие в далеких скифских походах и местных племен Северного Кавказа». Подтверждением такого вывода, по его словам, могут служить привозные вещи, находимые в горах Кавказа, вроде ассирийских или урартских бронзовых шлемов, закавказского оружия, амулетов из голубой египетской пасты из городов восточного Средиземноморья и из Причерноморских греческих колоний.

Из античных государств, основанных греческими колонистами в Крыму и по берегам Черного моря, на Северный Кавказ поступали различные предметы украшений. Возможно, что часть из этих вещей доставлялась сюда предприимчивыми людьми из населения греческих колоний. В начале XX в. в г. Ставрополе на Варваринской площади (ныне на этом месте стоит здание строительного техникума) было открыто древнее погребение. В зубах погребенный держал золотую греческую монету. Такой обряд характерен для древних греков. По их верованиям, монета нужна была умершему для оплаты Харону за перевоз его через подземную реку Стикс в царство мертвых. Допустимо поэтому, что на Варваринской площади был погребен не местный житель, а пришелец-грек. Греческие золотые монеты в бывшей Ставропольской губернии находились и ранее.

Во II в. до н. э. сарматы, в основном кочевые племена, родственные по языку скифам, вытеснили скифов из степей Украины в Крым, где скифы образовали свое государство, существовавшее до III в. н. э.

Степями Восточной Европы вплоть до Дуная надолго завладели сарматы.

На Ставрополье от сарматского времени известны отдельные находки: бронзовые вещи от конского убора, найденные на р. Мамайке близ Ставрополя, длинные железные мечи, предназначавшиеся для рубящего действия в конном бою, из разных пунктов края, железные наконечники стрел с черешком для насадки на древко и некоторые другие вещи.

В окрестностях Пятигорска, на левом берегу р. Юцы, за ст. Горячеводской, было исследовано несколько погребений сарматского времени. Захоронения совершены в катакомбах, в склоне прибрежной террасы. К погребальной камере с поверхности вела колодцеобразная яма. На дне ее имелось небольшое отверстие, закрытое доской. Через него проникали в

камеру овальной формы с куполообразным потолком. Дно камеры лежало ниже дна входной ямы.

В камере лежал человеческий костяк, головою на запад. У ног костяка стояли кувшин черного цвета с геометрическим орнаментом, глиняная миска с остатками пищи — костями овцы или козы; рядом в миске находился железный нож. У головы оказалась вторая миска; кроме того, найдены бусы, пряслице (грузик для веретена), серебряная и железная пряжки.

Погребения относятся к I—II вв. н. э. Подобные катакомбные могильники сарматского времени известны в Прикубанье и в Грозненской области, в долине р. Сунжи.

Большой известностью пользуется Казинский клад. Это один из самых крупных по количеству золота кладов, обнаруженных на территории СССР.

5 апреля 1910 г. в с. Казинском, Александровского уезда, Ставропольской губ., крестьянин А.П. Алейников, вспахивая свой огород, расположенный по склону холма, нашел клад, состоящий из золотых вещей весом 39 фунтов 7 золотников 13 долей (почти 16 кг). Клад лежал в глиняном горшке. На месте находки представителем Ставропольской Ученой Архивной комиссии Г.Н. Прозрителевым с 15 по 17 апреля была произведена дополнительная раскопка, но ничего больше не было найдено. В кладе оказалось 19 предметов. Прежде всего обращают на себя внимание 9 больших массивных шейных обручей (так называемые гривны). Один из них на концах украшен грубо исполненными лошадиными головами, другой заканчивается фигурами львов, терзающих быков, некоторые по концам имеют изображение драконов. В состав клада входят пять браслетов из толстого золотого прута, загнутого спиралевидно; три колоколообразных предмета разной величины, с небольшими круглыми отверстиями в центре донышков. Это, видимо, части женского головного убора. Вещи Казинского клада по стилю весьма сходны с так называемыми сибирскими древностями. На этом основании их датируют II—I вв. до н. э. По всей вероятности, клад был зарыт сарматами, кочевавшими в это время в степях Ставрополья. Вещи клада были приобретены археологической комиссией за щедрое вознаграждение находчику. Ныне они хранятся в нашей государственной сокровищнице — Эрмитаже. Слава о находке такого богатого клада разнеслась быстро по всей России. В апреле — июне 1910 г. большинство русских газет информировали о находке клада.

История открытия клада закончилась судебным процессом. Прежний владелец усадьбы, год тому назад продавший ее Алейникову, предъявил свои права на клад, мотивируя это тем, что он продавал землю, а не ее сокровища. Суд решил дело в пользу Алейникова.

Шейная гривна с изображением сильно схематизированной головы животного, весьма близкая казинским гривнам, была найдена в 1897 г. где-то в окрестностях Ставрополя. По донесению полицмейстера ставропольскому губернатору, обстоятельства ее находки довольно интересны. Слесарь Маликов в Ставрополе купил у неизвестного человека два куска «медной» толстой проволоки за 20 копеек. Проволока эта долго валялась в мастерской слесаря. Спустя почти год после покупки Маликов взял проволоку для изготовления медной гайки и тут обнаружил, что проволока имеет особый блеск и слишком тягуча. Тогда он обратился к золотых дел мастеру, который установил, что проволока золотая. По рассказу Маликова, продавший объяснил, что нашел её в земле при выломке камня и что оба куска составляли один обруч, концы которого не были соединены.

По распоряжению губернатора эти куски проволоки были доставлены в Археологическую Комиссию в Петербург, которая ответила, что присланная проволока составляет древнюю электроновую (смесь золота и серебра) шейную гривну. В «Отчете» комиссии за 1897 г. сказано, что «по стилю гривна может относиться к Римскому времени».

Как и в предыдущий скифский период, в это время население Северного Кавказа поддерживало оживленные сношения не только с областями Северного Причерноморья, Крыма, Нижнего Поволжья, но и со странами далёкого Закавказья. О таких сношениях свидетельствует находка в г. Ставрополе на Воробьевке (ныне ул. Дзержинского) при постройке дома, в канаве, — серебряной парфянской монеты. По определению нумизматического отдела Гос. Эрмитажа, монета чеканена в царствование парфянского царя Орода I, который правил с 57 г. по 38/37 г. до н. э. Парфия в это время являлась крупной мировой державой. Неудивительно поэтому, что ее торговые связи простирались так далеко на север.

В последние годы учащиеся средней школы с. Спицевки Ставропольского края в песчаном русле пересохшей реки нашли две серебряные монеты римской императорской эпохи. Одна монета Савромата, вторая — Филиппа (280-е гг. н. э.). Находки указывают, что сарматы поддерживали связи с римскими колониями Причерноморья.

Итак, в результате беглого обзора древнейших памятников Ставрополья можно сделать следующие выводы. Территория Ставропольского края была заселена человеком с древнейших времен. На протяжении древнего периода истории население Северного Кавказа, и в том числе Ставропольского края, неуклонно развивало свою самобытную культуру, которая достигает высшего расцвета в эпоху бронзы. Жизнь населения Северного Кавказа протекала в тесной связи с жизнью не только соседних, но и отдаленных стран, что способствовало своевременному проникновению на Северный Кавказ достижений мировой культуры. Изолированности и отсталости в развитии народов Северного Кавказа не наблюдается.

Наш край в эпоху средневековья

Глава IV. Аланы в IV—VII вв. н. э.

С I в. н. э. в среде сарматских племен на первое место выдвигается племя алан. Это племенное наименование встречается в сочинениях римского философа Сенеки и поэта Лукиана. В 72 г. н.э. аланы, по указанию историка Иосифа Флавия, совершили поход в Мидию. Со II—III вв. н. э. аланский племенной союз начинает играть видную политическую роль в Северном Причерноморье. На Боспоре[4] содержался штат переводчиков для сношений с аланами. Во главе переводчиков стоял «главный аланский переводчик», как свидетельствует надпись на каменной плите, найденной в 1910 г. на Боспоре. Продвижение в степи Северного Причерноморья новых кочевнических орд во главе с гуннами, по всей вероятности,

помешало аланам упрочить свое положение на юге Восточной Европы. С IV в. н. э. исторические и археологические источники размещают алан по преимуществу в центральной части Северного Кавказа, по бассейнам верхней Кубани и Терека. Начиная с этого времени предгорья и горные районы верхней Кубани были густо заселены аланскими племенами. На данной территории открыто значительное количество аланских могильников и укрепленных поселений, так называемых городищ. Ознакомимся с некоторыми из них.

Наиболее характерным памятником ранних алан является могильник Байтал-Чапкан. Открыт он был в Черкесии в 1941 г. при строительстве шоссейной дороги между аулами Эльбурган и Кубина. Могильник располагался на высшей точке водораздела Кубани и Малого Зеленчука, к югу от горы Эльбурган, в местности, называемой Байтал-Чапкан (с ногайского языка).

В склоне невысокого холма были обнаружены могилы в виде высеченных в грунте больших камер или катакомб со сводчатым потолком, к которым вели с поверхности колодцеобразные глубокие и узкие входы. Вход соединялся с камерой маленьким (0,4—0,6 м) отверстием, плотно закрывавшимся каменной плитой. В камере на земляных нарах, покрытых первоначально войлоком, полагался умерший. У ног погребенного, в углу камеры, часто в нарочито выдолбленной нише, стоял крупный глиняный кувшин для воды или для молока. В стене камеры, налево от входа, кроме того, выдалбливались маленькие ниши для небольших сосудов с пищей. На дне камеры, возле ниш, лежали ребра овцы; это были остатки бараньей туши, положенной когда-то умершему. Изредка мясо и сосуды с пищей ставились на нарах рядом с погребенным.

Посуда этого могильника весьма своеобразна. Чаще всего встречается сосуд среднего размера с черной лощеной поверхностью с сильно раздутым, почти шаровидным корпусом и высокой прямой шейкой. По расширенной части корпуса налеплены небольшие сосочки, обведенные узкими блестящими полосками. Крупные кувшины для воды всегда имеют носик для слива, одну ручку и два боковых ушка. В таких кувшинах носили воду, ставя его на плечо и рукой придерживая кувшин за ручку, а иногда их носили за спиной, пропуская ремни сквозь боковые ушки и одевая затем ремни на плечи. Горские женщины так носили воду до последнего времени.

Возле погребенного размещались различные вещи: кинжал, узда для коня, зеркало, бусы, нарядные застежки и другие предметы. Особенностью найденных костяков являлись деформированные черепа, то есть черепа искусственно измененной формы. На голову новорожденного одевалась тугая повязка с тем, чтобы уничтожить вертикальность лба и придать черепу дынеобразную форму, вытянутую вверх. Спустя некоторое время повязка снималась с головы ребенка, и кости черепа развивались, сохраняя эту форму. Этот странный, на наш взгляд, обычай был широко распространен у алан и жил в течение многих столетий. В могильнике Байтал-Чапкан все черепа были сильно деформированными.

В могильнике раскопано всего 37 катакомб. Из них некоторые оказались ограбленными, но некоторые сохранились ненарушенными со времени их устройства. Из ненарушенных погребений интересна катакомба № 17. Она имела овальную форму. Вдоль стен шли невысокие (0,25 м) земляные нары, покрытые густым слоем тлена черного цвета, — остаток сгнившего войлока. На нарах лежал костяк мужчины головою на юго-запад. Вдоль правого плеча его обнаружен железный кинжал в деревянных ножнах. Ножны были обтянуты тонким серебряным с позолотой листом; на лист нанесен чешуйчатый орнамент. Ножны прикреплялись к поясу серебряной пряжкой с граненым кольцом. У правого локтя найдено несколько бусин синего с белыми глазками стекла. Это, по-видимому, был дар жены в знак любви и скорби. У ступней ног оказались бронзовые пряжки от кожаной обуви. У ног, в углу камеры, лежал на боку большой глиняный кувшин. На его стенках с внутренней стороны была заметна полоса серовато-белого цвета — след вытекшей из кувшина жидкости. На нарах, в противоположном углу камеры, стояло три глиняных горшочка и возле них лежали ребра молодой овцы. В стене камеры над горшочками находилась маленькая ниша. Она была пустая, но первоначально, по всей вероятности, в нее клались какие-то продукты, быть может, что-либо хлебное.

Катакомба № 29 отличалась от всех других своими размерами. Вход ее был глубиною до 3 метров, в нем были вырублены ступеньки для спуска. Обширная погребальная камера имела значительную высоту. В ней рабочий свободно стоял во весь рост. На стене заметны были следы узкого железного тесла, которым выдалбливалась камера. У ног погребенного, рядом с очень большим глиняным кувшином, стоял медный котелок с железной дужкой, сильно закопченный снаружи. В таких котелках варили пищу на костре или на открытом очаге, подвешивая его над огнем. На краю нар возле костяка была брошена узда; от нее сохранились железные удила и пряжки. Пояс умершего украшала красивая пряжка со вставным сердоликом. Вся обстановка могилы указывала на то, что здесь был погребен особо уважаемый, почетный член общества.

Могила № 14 выделялась из ряда других тем, что в ней оказалось совместное погребение мужчины и женщины равного возраста. Мужчина лежал вытянуто у стены камеры, со скрещенными ступнями ног; возле него стояли горшки, лежали кости овцы, железный нож и зуб лошади. Рядом с мужским, ближе ко входу находился женский костяк на правом боку, скорченно. Сосудов с пищей и костей от бараньего мяса возле него не было, но на груди к вороту одежды была прикреплена нарядная бронзовая бляшка, похожая на современные броши, инкрустированная стеклом.

Следов насильственного умерщвления женщины на костях не обнаружено. Очевидно, это было вторичное погребение жены в могиле мужа или же здесь имел место случай одновременной смерти.

Время от времени на могильнике Байтал-Чапкан совершались празднества в память об умерших, сопровождавшиеся жертвоприношением коня. Как протекали эти празднества, мы установить не можем. Для этого нет данных, но самый факт устанавливается с достоверностью. В двух случаях на могильнике обнаружены погребения черепа и конечностей ног лошади. Ноги лежали попарно, одна пара впереди, другая — за ней; прикрывал их череп. Все это поме-

щалось в маленькой и неглубокой ямке, вырытой настолько, чтобы кости были скрыты землей. Эти погребения не связывались с катакомбами могильника; они находились в местах, где катакомб не было. Можно предполагать, что во время празднества жертвенное животное съедалось участниками празднества, а голова и конечности ног погребались для божества. По всей вероятности, божество это было связано с культом умерших, с «загробным миром».

Интересно отметить, что подобные захоронения головы и конечностей ног лошади обнаружены в последние годы на одном из островов Дании (о. Борнхольм). Возможно, что обычай этот занесли туда пришельцы с Северного Кавказа или из Азии, захваченные волной так называемого «великого переселения народов» (IV—VI вв. н. э.).

Такой обряд погребения был у алан в IV—V вв. н. э.

Для характеристики хозяйства ранних алан весьма показательный памятник исследован в 1956, 1958 и 1959 гг. в устье горной реки Узун-Кол.

С оглушительным шумом несутся воды реки Узун-Кол, ударяясь пенистыми гребнями о гранитные

валуны, загромоздившие русло. Стройные, с темно-зелеными кронами сосны густо покрывают склоны ущелья. Над ними нависают скалистые голые утесы. В глубине ущелья сверкают на солнце снежные вершины. На расстояний 18—20 км от аула Хурзук река Узун-Кол впадает в еще более бурную реку Уллу-Кам, стекающую с западных склонов Эльбруса.

На мысу между этими реками, в срединной его части, возвышается гранитная скала. Поверхность ее сглажена до блеска древними ледниками. У геологов и географов такие скалы называются «бараньими лбами». Если подняться на эту скалу, то по направлению к слиянию рек, на склонах мыса, среди сосен и кустарников, заметны древние могилы, раскрытые и все разрушенные в настоящее время. Это были глубокие грунтовые ямы, с выложенными камнем стенками и покрытые большими гранитными плитами до полутонны и больше весом. С противоположной стороны скалы вы увидите ровное плато, а на нем следы стоявших здесь когда-то жилищ. Жилища разбросаны в беспорядке. Их всего около десятка. Выстроены они были из камня, сложенного «насухо», то есть без скрепляющего раствора. Вход в жилище устраивался в углу, а не в середине стены. Против входа в заднем углу располагался очаг. Но некоторые жилища очагов не имели. Вероятно, жители их готовили пищу на костре, вне жилища. Крыша была земляная и плоская.

В центре плато находилась круглая площадь диаметром 33 м, окруженная каменным забором. Рядом с нею два смежных длинных прямоугольных участка были отделены таким же забором. Это загоны для скота: круглый — для овец и коз, прямоугольный — для крупного рогатого скота. В круглом загоне могло поместиться, по подсчету специалистов-овцеводов, до полутора тысяч овец. К круглому загону с южной его стороны примыкала довольно глубокая землянка с большим очагом, сложенным из камней, и угловым входом. На очаге среди углей и золы лежали обгоревшие сосновые плахи. В землянке, по всей вероятности, жили пастухи, охранявшие скот в загонах в ночное время.

На некотором расстоянии от загонов, на плато от склона к р. Уллу-Кам до склона к р. Узун-Кол, заметен ров и над ним невысокий вал. Здесь когда-то стояла стена, ограждавшая поселение с южной стороны, так как с этой именно стороны к нему легче всего было подойти. Следы древней дороги, проходившей вдоль обрыва к Узун-Кол и поднимавшейся на плато, заметны до сих пор, если смотреть на них с высоты срединной скалы.

Не только стена и ров охраняли поселение. На линии стены стояла башня из крупных, слегка подтесанных глыб камня. В плане она почти квадратная. При расчистке толстых стен башни обнаружен медный котел с железной дужкой, похожий на котел из могильника Байтал-Чапкан. Он был снят когда-то с очага, так как на нем лежал густой слой копоти, и нарочито заложен в стену благополучия ради. Этот суеверный обычай алан неоднократно наблюдался при исследовании их каменных строений. От башни хорошо сохранилась подвальная часть глубиною до двух метров, хотя в ней и побывали любители легкой наживы в поисках кладов. Проникали в башню через подвал, к которому с поверхности вел наклонный ход. Боковые стороны хода были выложены тесаным камнем, над входом в стене лежали каменные балки. Из подвала наверх поднимались по деревянной лестнице или по бревну с засечками. Это боевая башня поселения. За ее крепкими стенами прятались жители во время вражеских налетов. С высоты ее стен направляли они свои стрелы в приближающегося неприятеля.

Вторая башня, сторожевая, стояла на вершине срединной скалы. С нее вели «дозор» за скотом, пасущимся в долине Уллу-Кам и по ущелью и склонам гор Узун-Кола. С башни открывался широкий горизонт и в ту и в другую сторону, и приближающийся враг был виден издалека.

От кого охраняли скот и поселение? Внешнего врага в данном пункте неоткуда было ожидать. Ущелье с юга закрыто снеговыми склонами Главного Кавказского хребта; благодаря высоте гор с запада и востока враг также не мог проникнуть. Открытой была долина Уллу-Кам со стороны ущелья Кубани. Но там жило родственное, тоже аланское население. Значит, можно заключить, что поселение и скот необходимо было охранять от своих же соплеменников. Очевидно, угон скота со стороны чужого рода практиковался в ту эпоху в ущельях гор.

Основным занятием жителей поселка был уход за скотом. Главная забота о стадах и охране их лежала на

обязанности мужчин. Женщины были заняты обработкой молочных продуктов, запасали на зиму масло, делали сыры, пряли шерсть. На это указывают орудия женского труда, находившиеся на поселении.

Географические условия местности были весьма благоприятны для выпаса скота. По ущельям и склонам гор, по долине Уллу-Кам имелись достаточные луговые пространства. Отсутствие сильной жары благодаря близости снегового Эльбруса, обилие чистой и мягкой воды делало этот район как нельзя более подходящим для летнего выпаса скота. Ущелье и до настоящего времени широко используется местным населением для этой же цели. Пастбищами этими владел какой-то определенный род. Силами рода строились сторожевая и боевая башни. Скот находился в общем владении, и загоны для него были общие.

Не круглый год оставались здесь жители поселка. С наступлением холодов и снежных заносов уходили они вместе со своим скотом в более низкие равнинные места, где скот мог легко добывать подножный корм. Жизнь на поселении замирала до следующей весны. Поэтому в некоторых жилищах отсутствуют очаги отопления и культурный слой на поселении тонкий.

Несмотря на то, что поселение располагалось в одном из самых глухих ущелий Северного Кавказа, жители его все же имели сношения с внешним миром. О внешних связях свидетельствуют привозные вещи погребального инвентаря. В могильнике находились стеклянные кубки из мастерских Крыма или Восточного Причерноморья, инкрустированные украшения, обрывки дорогих парчовых тканей, посуда оттуда же. В одной из могил городища Гиляч, по времени совпадающей с могильником Узун-Кол, найдена стеклянная граненая бутылка с греческой надписью на дне. Все это получалось в обмен на продукты скотоводства: жиры, шерсть, шкуры, кожи и прочее.

Когда протекала жизнь на поселении Узун-Кол? По инвентарю могильника намечаются два хронологических слоя. Первый можно датировать III—V вв. н. э., второй — VI—VII вв. н. э. Жилищ от первого периода не сохранилось. Исследованные нами жилища относятся ко второму периоду, к VI—VII вв. н. э.

В ранний период (III—VII вв. н. э.) у алан господствовала родовая организация общества, но она находилась на стадии своего разложения. В некоторых могильниках явно обнаруживается имущественное, а вслед за ним, по-видимому, и социальное неравенство погребенных.

Начиная с VI в. и позже исторические источники дают кое-какие сведения об аланских «царях», об их участии в войнах Персии с Византией. Трудно судить, объединяли ли эти «цари» под своей властью всех алан, обитавших на Северном Кавказе, или они были вождями отдельных аланских племен. Но уже в VI в. племенные вожди алан играли известную роль в международных отношениях.

Аланы в VIII—XII вв. н. э.

С VIII—IX вв. н. э. в истории алан Прикубанья начинается новый период, период раннего феодализма. Как отражаются новые черты общественного строя в памятниках материальной культуры алан? Характернейшим памятником этого периода является городище Адиюх.

Городище Адиюх располагается на правом берегу р. Малый Зеленчук, в 3 км южнее аула Инжи-Чукун. Место для города было избрано на редкость удачно. С западной и юго-западной сторон оно защищено высоким (свыше 100 м) отвесным обрывом над М. Зеленчуком, с северной стороны — ограничено глубокой, с весьма крутыми склонами, балкой Адиюх. И только со стороны поля пришлось укрепить его мощной каменной стеной с пятью башнями. Стена проходила дугообразно от балки Адиюх до обрыва над рекой. В ней было двое ворот. Главные, шириною 5 м, находились неподалеку от балки, вторые, меньше, недалеко от реки. Городище делилось на три части. Первая часть узким и длинным мысом выступала в пойму реки. Вторая, небольшая по площади часть отделялась от нее широким и глубоким рвом естественного происхождения. От третьей, самой большой части городища она отделялась вторым рвом.

Жилища строились из местного камня мягких пород, поэтому они быстро разрушались и часто перестраивались. Жилища имели прямоугольную форму, глинобитные или выстланные каменными плитками полы, плоскую земляную крышу и угловой вход. Отапливались они открытыми очагами, помещавшимися в центре жилища или в одном из углов его. Вдоль стен шли невысокие нары в виде скамеек. Вблизи жилищ имелись ямы для хранения зерна, широкие дворы для скота, навесы, где хранились принадлежности домашнего хозяйства. Размол зерна производился в жилище возле очага или в углу.

Интересные данные получены при исследовании второй части городища. Главное место здесь занимало строение из тщательно тесаного камня. Это была башня с подвальным помещением. К ней примыкало жилище обычного типа, с очагом в центре. За стеной этого жилища находилось помещение со стоком в стене, какие обычно устраивают в стойлах для скота. Вероятно, это была конюшня для особо ценных лошадей. С другой стороны, через небольшой дворик, располагались маленькие жилые помещения со смежными стенами. В этой же части обнаружены вместительные зерновые ямы, а возле них остатки строения, где производился размол зерна — «мельница». Здесь, в сгоревшей корзине, оказались зерна пшеницы, ячменя и проса.

С восточной стороны, через всю вторую часть городища, проходила стена, сложенная на известковом растворе, как бы замыкая собою вышеописанные строения. В северном конце ее, вблизи балки Адиюх, к стене примыкала башня. В противоположном конце возле стены оказалась постройка, служившая тюрьмой. Оно было вырублено в материковом каменистом грунте на глубине трех метров. К низкой и узкой двери его вел с поверхности полого спускающийся ход с шестью широкими ступенями. Недалеко от «тюрьмы», с той же наружной стороны стены, располагались длинные просторные помещения для скота. Все это было ограждено со стороны городища второй стеной, но менее мощной, чем первая.

Таким образом, мы видим, что вторая часть городища была сильно укреплена. Это было городище в городище. Башни, особое помещение для размола зерна, стойло для коня, загоны для скота отличают ее от третьей части городища. Характер жилищ тот же, что и в третьей части, те же нары, те же очаги. Но можно предполагать, что нары покрывались здесь не простой кошмой, а коврами, что над очагами висели

не глиняные, а металлические котлы. На этой части находились наиболее ценные вещи: железное чересло (плужный нож), большое количество зерновых ям, стеклянные браслеты, дорогие бусы, ножницы. Ясно, что в этой части жила семья, выделявшаяся своим общественным положением из среды остального населения. Об этом, кроме того, красноречиво свидетельствует наличие тюрьмы, где содержались пленные или же непокорные соплеменники.

Не только при жизни, но и после смерти члены этой семьи отделялись от других. Для них был устроен мавзолей на краю обрыва над рекой, на красивом открытом месте. В мавзолее и возле его стен оказалось всего одиннадцать погребений IX и начала X веков. Где хоронилось в это время рядовое население городища, пока неизвестно. С X в. н.э. христианство становится общенародной религией алан. С этого времени население городища хоронится на первой части, выступающей в пойму реки. Здесь раскопан большой могильник, где погребенные лежали по христианскому обряду — головой на запад, со скрещенными на груди руками, без вещей. В центре кладбища стояла маленькая христианская церковь.

Итак, материалы раскопок городища Адиюх дают основание заключить, что в эпоху VIII—X вв. н. э. у алан зарождались новые общественные отношения, постепенно складывался феодальный строй. К тому же выводу приводят исследования городища Гиляч.

Прежде чем говорить об аланском городище Гиляч, необходимо упомянуть о башне Адиюх, так как она стоит на мысу первой части городища Адиюх, над обрывом к реке, и издалека бросается в глаза путнику. Башня не относится к аланским памятникам. Она построена в XVIII веке кабардинским князем Темрюк-Аджи Баматовым.

Башня сооружена из грубо отесанных камней песчаника на известковом растворе. Она имеет вид четырехгранной пирамиды со срезанным верхом. По гнездам от сгнивших бревен междуэтажных перекрытий можно определить, что делилась башня на пять этажей. Первый этаж глухой, не имел ни окон, ни дверей. В него проникали через второй этаж. Вход в башню находился во втором этаже, со стороны обрыва над рекой. Проникнуть внутрь башни можно было только через этот вход с помощью приставной лестницы или просто бревна с зарубками. Такими же бревнами пользовались для сообщения между этажами через люки в перекрытиях.

Третий этаж имел окна и бойницы, обращенные к востоку, в сторону открытого подступа к башне. С наружной стороны бойницы имеют вид узких прямоугольных щелей, с внутренней стороны они откосами расширяются и принимают квадратные очертания.

Четвертый этаж мог освещаться только через отверстие в потолке, так как он не имел ни окон, ни бойниц. Пятый этаж, вероятно, не имел перекрытия и представлял собою открытую площадку для «дозора».

Первый глухой этаж вместе с подземельем служил для хранения воды и пищи при осаде и нередко — для содержания пленников или заложников. Второй этаж являлся, собственно, жилищем. Третий этаж с бойницами служил боевым целям. В четвертом, быть может, укрывались небоеспособные члены семьи в минуты острой опасности. Пятый, открытый этаж предназначался для дозорных целей, а также для отражения прорвавшегося к основанию башни врага при помощи сбрасывания камней, обливания кипятком и пр.

Почти каждый житель Черкесии знает сказание о славной красавице Адиюх и ее башне.

«Из камней сооруженный дом Адиюх стоял в недоступном месте, на высокой горе, в верховьях Инжиг-реки (М. Зеленчук). В самую темную ночь Адиюх протягивала из окна свои руки — и все кругом озарялось светом, более ярким, чем солнечный. Оттого и звалась она «Адиюх — светлорукой».

С утеса, на котором стоял дом, на другой берег был переброшен полотняный мост длиной с версту, гласит предание. Муж Адиюх каждый вечер прогонял скот по этому мосту. И каждый вечер освещала Адиюх ему путь своей белой рукой.

Однажды Адиюх поссорилась с мужем из-за того, что тот разбойничал, и задумала коварное дело. Вечером, когда муж гнал ворованный скот по мосту, протянула она из окна свою руку и, как обычно, осветила путь. Но как только стадо дошло до середины моста, Адиюх внезапно спрятала руку. Наступила кромешная тьма; скот и вместе с ним пастух упали в пропасть. Кровь падающих обрызгала обрыв над рекой». Так легенда объясняет выходы красных охристых глин в окрестностях балки Адиюх.

Вернемся к аланским памятникам и коротко расскажем о городище Гиляч.

Река Гиляч впадает в Кубань с левой ее стороны на тринадцатом километре к югу от г. Карачаевска. На расстоянии менее чем полкилометра она принимает в себя небольшой горный проток, называемый Малый Гиляч. На хребте между этими речками сохраняются до сих пор развалины крупного поселения. Скопления прекрасно тесаного камня то отдельной грудой, то сплошной полосой разбросаны по крутому склону к р. Гиляч. Камни давно покрылись мхом и поросли лесом и кустарником. Среди них, внимательно всмотревшись, можно увидеть фигурные наличники окон, иногда с изображением всадника с копьем, толстые, почти квадратные плиты перед входом в жилище, дугообразные, тщательно отесанные арки, упавшие с дверных притолок. Жилища размещались по склону уступами. К ним вели узкие проходы, укрепленные камнями в виде ступеней. В нескольких пунктах хребта видны вертикальные гладкие обрезы каменистой материковой породы. Это следы ломки камня, производившейся когда-то для нужд строительства.

Находки в жилищах малочисленны и бедны: стеклянная бусинка, железная стрела, обломок стеклянного браслета, бронзовая или железная пряжечка, роговая рукоять шила, железный ножичек, каменная ступа и каменные жернова. Больше всего в жилищах костей животных и черепков глиняной посуды. Жители оставили поселение мирным путем. Они унесли с собою все ценное и нужное для хозяйства. Металлические вещи, даже пришедшие в негодность, уносили, так как их можно было переплавить.

На открытой площадке среди строений стоял каменный истукан с вытянутыми вдоль туловища руками и отбитой головой. Говорят, что он был давно перенесен сюда с левой стороны М. Гиляча, и тогда была отбита и заброшена где-то в ущелье его голова.

На мысу над р. Гиляч, на одиноко высящейся скале, находятся развалины жилища с пристроенной к нему высокой башней. От башни вдоль скалы выдолблен в камне ров. По нему проходил нарочито прорубленный в скале ход к другой маленькой башенке, защищавшей подступ к скале с северной

стороны, со стороны речки М. Гиляч. На склоне скалы в сторону поселения стояла христианская церковь. От нее на вершину скалы вела хорошо устроенная лестница. Как видим, и на городище Гиляч наблюдается обособленность сооружений на скале от поселения в целом.

Городище окружено могильниками. Могилы насчитываются сотнями. Они по устройству разнообразны и разновременны. Ранние из них относятся к IV—V вв. н. э., поздние — к X—XII вв. Остатки жилых строений датируются поздним периодом — IX—XII вв. н. э.

Осенью 1962 г. на могильнике № 1 (левая сторона М. Гиляка) было исследовано языческое капище X—XI вв. Каменное почти квадратное строение сохранилось плохо. Особенно сильно разрушились восточная и южная стены. В центре строения, на полу, устланном плитками, стояло каменное круглое блюдо, диаметром 0,75 м с невысокими бортами. В северо-западном углу строения на небольшом возвышении лежало краснолаковое блюдечко и возле него железная стрела. Вблизи возвышения на полу темнело сажистое пятно и в нем несколько обгоревших бараньих косточек. Вблизи стен с внутренней и наружной их сторон в полном беспорядке валялись железные наконечники стрел, обломки стеклянных браслетов, обломки стеклянной посуды, различные бусы, черепки глиняных горшков. Часть стрел находилась на стене, часть под камнями, упавшими со стен. В общей сложности их найдено свыше сотни. Судя по тому, как широко были разбросаны вокруг строения стрелы, можно думать, что они первоначально размещались на стенах и впоследствии рассеялись вместе с падением стен.

Строение являлось священным местом — «капищем», куда приносили жертвы богам. Мужчины жертвовали стрелы, а изредка и лук, умоляя божество о помощи в бою и на охоте, женщины несли сюда свои украшения. Все, кто чем мог, «ублажали» всесильного бога ради своего благополучия. Весьма заманчивым кажется предположение — не стоял ли первоначально в капище истукан, найденный на городище? К сожалению, это предположение пока ничем не обосновывается. Интересно, что с принятием христианства жители поселения сохранили этот свой стародавний обычай, и в алтарь христианской церкви приносили в качестве пожертвования такие же стрелы и браслеты. Этот факт подтверждает слова одного из деятелей Алании епископа Феодора, что «аланы — христиане только по имени». Святилища XVII—XIX вв. известны давно на Северном Кавказе (например, в Осетии), но такое древнее языческое святилище обнаружено впервые. Оно дает кое-какие представления о религии алан, так называемого языческого периода, мало пока нам известной.

Основными занятиями алан и в этот период, как и в предыдущий, являлось скотоводство и земледелие, причем к X—XI вв. роль земледелия явно усиливается. На городищах и поселениях этого времени в большом количестве находятся орудия земледельческого труда: круглые каменные жернова, каменные ступы, толкачи к ним, железные серпы. На городище Адиюх в 1954 г. найдены зерна пшеницы, ячменя и проса. На городище Гиляч в 1962 г. также найдены зерна злаков, но пока они не определены. В Кисловодске, на месте строившейся мебельной фабрики, в 1958 г. в древней землянке найдены зерна пшеницы, двурядного ячменя, овса и проса. Земледелие стояло на высоком по тому времени техническом уровне. На городище Адиюх обнаружен плужный нож — чересло, свидетельствующий о наличии у обитателей городища плуга весьма сложной конструкции. Арабский географ X в. Масуди писал, что в «Алании земля хорошо обработана».

Наряду со скотоводством и земледелием большое значение в хозяйстве имела охота. Среди костей животных, найденных на городище Гиляч, почти половину составляли кости диких животных: кабана, благородного оленя, косули, зубра. Среди костного материала изредка встречались и кости рыб.

Развиты были и ремесла, особенно кузнечное ремесло. Железные шлаки в значительном количестве встречались на аланских городищах. Аланы славились хорошими мастерами по изготовлению оружия. Не случайно среди пожертвований в святилище больше всего оказалось железных стрел. На высоком уровне стояло и гончарное ремесло.

Начиная с VI—VII вв. среди алан под влиянием Византии распространяется христианство. В связи с распространением христианства начинает отмирать обычай деформирования черепа. С конца VII в. и позже деформированных черепов в аланских могильниках не встречается. В X в. христианство становится «государственной» религией. В ущельях гор повсеместно строятся небольшие церкви. В некоторых пунктах воздвигаются крупные храмы византийского образца. С левой стороны Кубани на вершине горы Шоана, над селом Коста Хетагурова (бывшее Осетинское), до сих пор высятся остатки древнего храма византийской стройки. Такой же храм стоит на вершине горы над аулом Сенты (ныне пос. Н. Теберда) по левую сторону р. Теберды. Три крупных храма стояли в ущелье р. Большой Зеленчук. Самый большой из них в 1889 г. был реставрирован и превращен в действующую церковь русского мужского монастыря. Храм имел архиерейское место и сиденье для священников, что указывает на то, что он был кафедральным храмом аланской митрополии. Северный из этих храмов хорошо сохранился до наших дней. Возле храмов лежат развалины большого города. Это был религиозный центр Алании. Вероятно, здесь находилась резиденция аланского митрополита. Постройка храмов относится к X—XI вв., о чем свидетельствует не только стиль храмов, но и греческая надпись на одном каменном кресте с датой сооружения — 1013 г. н. э.

Одновременно с христианством у алан распространялась и письменность на основе греческого алфавита. В ущелье Б. Зеленчука, выше упомянутых храмов, была найдена надгробная плита XI—XII вв. на осетинском (аланском) языке греческими буквами. Надмогильные кресты с греческими надписями встречались на аланском городище близ аула Кубины в Черкесии. Христианство, однако, принималось народом поверхностно. Археологические материалы показывают, что наряду с христианством в народе жили и языческие представления.

Экономические и политические связи алан с другими странами были весьма широкими. Правители Алании поддерживали оживленные сношения с Византией и Востоком через Закавказье. Эти связи подтверждаются, в частности, находками монет. На месте знаменитых зеленчукских храмов был найден резной камень с именем армянского царя

Ашота I (855—891 гг. н. э.). В притворе Сентинского храма (на р. Теберде) в 1908 г. найдена золотая монета греческих царей Константина и Василия. На аланском поселении на реке Амгате (левый приток Теберды) местными жителями в 1939 г. найдена золотая монета византийского императора Константина IV Погоната (668—685 гг.). В 1956 г. в песчаном карьере близ с. Петровского рабочими Петровского зерносовхоза найден клад арабских серебряных монет (диргемов) начала IX в. н. э. Клад в количестве нескольких десятков диргемов хранится в Ставропольском краеведческом музее.

В конце первого тысячелетия северокавказские аланы завязывают сношения и со славянами — русскими. Особенно оживленными эти сношения сделались со времени похода Святослава на хазар и с образованием на Таманском полуострове Тмутараканского княжества (см. о нем ниже).

В 965 г. киевский великий князь Святослав разрушил хазарскую крепость Саркел на Дону, покорил и разграбил столицу Хазарии Итиль (в устье Волги). Затем он проник на Северный Кавказ, где в нынешнем Северном Дагестане находился крупный хазарский город Семендер, бывший столицей Хазарии до перенесения ее на Нижнюю Волгу. Разорив Семендер, Святослав двинулся вдоль Кавказского хребта на запад до Керченского пролива. По пути «ясы победи и касоги», как говорит летописец. Ясами в летописи назывались аланы, касогами — прикубанские черкесы. В грузинских летописях аланы — ясы именуются осами, в восточных источниках — асами.

Со времени Святослава ясы нередко упоминаются в древнерусских летописях. Исторические свидетельства говорят о совместных военных походах на восток алан и славян, о женитьбе русских князей на аланских княжнах. Связь алан со славянами осуществлялась прежде всего через Тмутараканское княжество.

В последние годы найдены археологические материалы, указывающие на мирные связи славян с аланами и на влияние славянской материальной культуры на алан. Например, на средневековом аланском городище Верхний Джулат, на левом берегу Терека против селения Эльхотово (в Осетии), были обнаружены остатки христианской церкви начала XIII века. Храм имел большое сходство с постройками такого же рода в Киеве и Чернигове. Предметы, найденные при раскопках, также подтверждают сходство строительных приемов и планировки храма с зодчеством Древней Руси. По мнению исследователей, средневековый город Верхний Джулат является «славным ясским городом Дедяковым», о котором дважды упоминается в русской летописи XIII в. в связи с татаро-монгольским нашествием на Кавказ.

После татаро-монгольского нашествия наименование алан мало-помалу исчезает со страниц истории, заменяясь наименованием «осетины». История осетин, потомков алан, развивается на территории верхнего бассейна Терека, в основном на территории современной Кабардино-Балкарии и Северо-Осетинской АССР.

Глава V. Славяне на Кавказе

Древние славяне — руссы – познакомились с горскими племенами Кавказа задолго до упоминания в русских летописях ясов и касогов. Академик Б.А. Рыбаков пишет, что «славянские слова записаны в VII веке в Закавказье, куда славяне попадали в составе хазарских или византийских войск». Древние руссы неоднократно совершали грабительские походы по Каспийскому морю в Табаристан (юго-восточное побережье Каспия). В период от 864 по 884 гг. руссы напали на известную в то время гавань на юго-восточном берегу Каспийского моря — Абесгун. В 909—910 гг. они вновь напали на Абесгун и другие прибрежные пункты Табаристана. В 913—914 гг. руссы в большом числе появились на острове Сари на Каспийском море.

Крупный поход был совершен в 943—944 гг. на Бердаа — один из богатых закавказских городов. Поход этот по своему характеру несколько отличался от предыдущих. Он был более планомерным и организованным. Русские задержались значительное время в Бердаа. Возможно, что они намеревались осесть в этом пункте надолго. С наибольшими подробностями говорит об этом походе арабский историк Ибн-Ал-Асир: «...Ватага русских отправилась по морю в страны Азербайджана и поплыла морем в реку Куру, а эта река великая. Добрались они до Бердаа, и выступил против них наместник Бердаа с толпою дайлемцев и волонтеров, простиравшихся свыше 5000 человек». Русские преследовали их до самого города. Русские вошли в город и «объявили в нем помилование и поступали (с жителями) хорошо». Мусульманские войска, организовавшиеся для освобождения города, не могли одолеть русских. «Так прошло много дней. Русские уже направились к Мераге; но так как они ели слишком много плодов, то их постигла повальная болезнь и распространились между ними болезни и смерть». Борьба между русскими и мусульманами, однако, продолжалась еще долгое время. «У русских повальная болезнь усиливалась. Когда они хоронили человека, то они хоронили вместе с ним оружие его, и отсюда мусульмане добыли много вещей после ухода русских. Затем они (русские) ночью вышли из крепости, унесли на спинах своих все (неприятельское) имущество, которое они добыли, и другое, дошли до Куры, сели на корабли свои и удалились... Так Аллах очистил от них страну».

Русский исследователь-востоковед В.В. Бартольд считает замечательным явлением тот факт, что языческие войска, какими были русские, стремились восстановить порядок в занятом городе. «Известно, добавляет он, что в Западной Европе нормандские войска, которые в это время совершали набеги, были дикими ордами, огнем и мечом уничтожавшими все, здесь же было наоборот».

Для нас интересно вспомнить сведения другого восточного автора (Бар-еврея) о походе 944 г. на Бердаа. «В тот год, когда он, т.е. халиф Мустакфи (в 944 г.), начал царствовать, вышли разные народы: Аланы, Славяне и Лезги, проникли до Азербайджана, взяли город Бердау...». Указанный источник позволяет сделать вывод, что связи славян с северокавказскими горскими народами завязались еще в первой половине X в.

Вновь открытый источник — История Баб-аль абвад (то есть Дербента) Ширвана и Аррана[5] на арабском языке – дает возможность отмечать эту связь и позднее. По указанию В.Ф. Минорского, открывшего этот источник, в 987 г. эмир Дербента Маймун ибн-Ахмед, утесняемый своими же аристократами, вошел в связь с руссами, которые явились на 18 судах. Лишь одно судно вошло в порт. Население Дербента набросилось на руссов, вошедших в город, и

перебило их. Остальные 17 судов ушли на юг. События 987 г. не нарушили связи Маймуна с руссами, так как в 989 году эмир был окружен телохранителями из руссов.

Следующее упоминание руссов относится к 1030 г. На 38 судах они явились в Ширван, и ширваншах встретил их у Баку. По приглашению правителя Аррана руссы помогли ему в междоусобной борьбе с сыном, за что были щедро вознаграждены и через Рум (то есть византийскую территорию) возвратились восвояси.

В 1032 г. руссы опустошили Ширван, но, когда они возвращались с добычей по суше через Дагестан, дербентский эмир перерезал им отступление и истребил их, отобрав награбленное. На следующий год, в отместку за поражение, аланы и руссы пытались напасть на Дербент, но были отбиты.

Более близкое знакомство и непосредственные сношения руссов с некоторыми народами Северного Кавказа установились в результате укрепления политической власти русских князей в Тмутараканском княжестве.

Первое упоминание о Тмутараканском княжестве в летописи относится к 988 г., когда киевский князь Владимир сажает в Тмутаракань сына своего Мстислава. В XI столетии Тмутараканское княжество часто упоминается в летописях. В последующие столетия летопись о нем молчит.

В XVIII в. среди историков шел спор о местонахождении Тмутараканского княжества. Искали его поблизости от земель Киевской Руси, так как Тмутаракань была княжеством Киевской Руси. Решению вопроса помогло одно случайное обстоятельство. На восточном берегу Керченского пролива в Тамани солдатами был найден мраморный камень с русской надписью: «В лето 6576 (то есть 1068) индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмутараканя до Крчева (Керчи) 14000 сажен». Камень по распоряжению Екатерины II был поставлен на том месте, где он был найден (1 км от станицы Тамани), потом он был перенесен к каменной церкви, выстроенной в Тамани, затем в Керченский музей, откуда поступил в Петербург, в Эрмитаж, где и хранится в настоящее время.

В дальнейшем были сделаны и другие находки, утверждающие наличие русских на Тамани. Разновременно найдены вислые свинцовые печати с надписью «от Ратибора» (Ратибор был посадником Тмутаракани). Две такие печати найдены на Тамани, одна близ Керчи, одна под Севастополем и одна в Киеве. Они как бы намечают путь от Тмутаракани в Киев. На Тамани обнаружены три монеты князя Олега Святославича. Известна свинцовая печать жены Олега — Феофании Музалон с надписью: «господи помози рабе твоей Феофании Музалон, архонтиссе Руси», каменный образок с резной фигурой и надписью «Давид Глеб». На Тамани обнаружено надгробие с надписью: «Почил раб божий Иоанникий монах построивший монастырь сей»... В Тамани находились монеты, чеканенные тмутараканским князем Олегом Святославичем. Около Лысой горы на Тамани открыт могильник с 9 погребениями в каменных гробницах. В гробницах оказались вещи, характерные для киевских курганов XI—XII вв. В последние годы на Таманском городище (на месте станицы Таманской) раскопками были выявлены слои X—XII вв., несомненно, славянские, русские. Таковы археологические доказательства наличия на Таманском полуострове русских поселений Тмутараканского княжества.

Столь отдаленное, оторванное от основных земель Киевской Руси местоположение Тмутаракани казалось загадочным. С изучением вопроса о расселении славян в Восточной Европе стал яснее и вопрос о происхождении Тмутаракани как центра русского княжества. Новейшими исследованиями доказано, что задолго до образования Тмутараканского княжества славяне-русские осели по берегам Черного и Азовского морей. Археологические данные говорят о том, что славяне проникали и на Северный Кавказ. По восточному берегу Черного моря и в Нижнем Прикубанье встречаются древние погребения с трупосожжением, и сопровождаются они вещами, близкими к вещам приднепровских курганов. Погребения с трупосожжением характерны для славян до принятия ими христианства и не характерны для местных кавказских племен. О каких-то славянских поселениях в бассейне Кубани говорит арабский автор Ибн-ал Факих, писавший по источникам середины IX в.: «Кавказский хребет соседит со страной греков до границ алан и доходит до страны славян. На нем есть также род славян». Можно предполагать, что славянский элемент уже в IX в. на Северном Кавказе, и в частности на Таманском полуострове, был налицо.

Древний каменный крест. Стоит около селения Заманкул республики Северная Осетия

В VIII—IX вв. на Таманском полуострове и в Крыму господствовали хазары. Но в начале X в. господство хазар стало ослабевать. По предположению А.Н. Насонова, в 944 г. русские, направляясь из Бердаа, проходили Керченским проливом, и тогда ими были заняты укрепления, где стоял хазарский гарнизон, и там сел правитель, наместник киевского князя Игоря. Занятие русскими укреплений близ Керченского пролива окончательно подрывало здесь господство хазар и давало начало господству славяно-руссов — Тмутараканскому княжеству.

Центром княжества сделался город Тмутаракань (Таматарха, Матарха, Матрика) на Таманском полуострове. Город лежал у пролива, соединяющего Азовское море с Черным, и служил как бы воротами в Крым. Через него производилась торговля наро-

дов Северного Кавказа (алан, адыгов) с городами Причерноморья. Мимо города шли пути на Каспий и на Волгу. Всем этим определялось значение Тмутаракани. В походе Святослава на Восток (965 г.) он разгромил хазар и «ясы победи и касоги», упрочил положение русских на Таманском полуострове. Еще большее значение для укрепления Тмутараканского княжества имел поход князя Владимира на Корсунь — Херсон (989 г.), закончившийся взятием города. Поход укрепил положение Руси в Крыму, а тем самым и Тмутараканское княжество. Тотчас после корсунского похода Владимир посадил князем Тмутаракани сына своего Мстислава. По предположению Б.А. Рыбакова, тогда же и Корчев (Керчь) был присоединен к Тмутараканскому княжеству.

Первым Тмутараканским князем русская летопись называет Мстислава Владимировича. Касоги, ближайшие соседи русских, пытались, по всей вероятности, противодействовать утверждению русских князей в Тмутаракани. Русские летописи рассказывают о том, как в 1022 г. тмутараканский князь Мстислав Удалой победил в единоборстве выступившего против него касожского князя Редедю и «зарезал его пред полкы касожские». Таким образом, выступления касогов потерпели неудачу, и в X—XI вв. касоги находились в зависимости от тмутараканских князей и платили им дань. «Ростиславу сущу Тмутаракани и емлющу дань у касог и у иных стран», — говорит летопись.

Со средины XI в. связи Тмутаракани с Киевским княжеством прерываются. Со времени княжения Святослава Ярославича в Чернигове Тмутаракань оказывается под влиянием Чернигова. В ней, как и в других княжествах Русской земли того времени, происходит напряженная борьба за княжеский стол, частая смена одного князя другим. Скупые и отрывочные исторические свидетельства подтверждают княжение тех лиц, которые отмечены археологическими находками на Тамани. В частности, княжение сына Святослава Ярославича — князя Глеба, дважды изгоняемого из Тмутаракани галицким князем Ростиславом Владимировичем. В 1067 г. Ростислав был отравлен византийским агентом. Убийца подсыпал яду в чашу вина князя. Олег Святославич черниговский (брат Глеба) был схвачен в Тмутаракани хазарами и отослан «за море Цесарюграду». Греки отправили его в ссылку на остров Родос, где он женился на греческой аристократке Феофании Музалон и через два года вновь вернулся на княжение в Тмутаракань. После выдачи Олега грекам Всеволод Ярославич — киевский князь – посадил в Тмутаракани своего посадника Ратибора, в свою очередь изгнанного из Тмутаракани другими князьями.

Последнее упоминание Тмутаракани в летописи относится к 1094 г. в связи с выступлением Олега против Владимира Мономаха. Но Тмутараканское княжество продолжало жить, и в XII в. арабский географ Идриси, писавший около 1154 г., сообщает, что «Матарха (Тмутаракань) весьма древний город, а имя его основателя неизвестно. Матарха окружена возделанными полями и виноградниками; цари ее весьма отважны, мужественны, предприимчивы и весьма грозны соседним народам. Город этот густо населен и весьма цветущ; в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев».

Во второй половине XII в. Тмутаракань принадлежала к областям византийского владычества. В договоре между Византией и Генуей, заключенном в 1169 г. при императоре Мануиле, читаем: «Да смогут генуезские корабли спокойно торговать во всех областях нашего владычества, за исключением Руссии (Корчев) и Матрахи (Тмутаракань), если только моим величеством не будет дано на это специального разрешения». В чем выражалось «владычество» Византии в Тмутаракани, сидели ли здесь по-прежнему русские князья или какие-либо другие ставленники Византии, пока не выяснено.

Татаро-монгольское завоевание нанесло окончательный удар Тмутаракани. Она прекратила самостоятельное существование, войдя в состав Золотой Орды. Однако русское население удерживалось на Тамани и в золотоордынское время. Арабский писатель XIV в. Эль-Омари в числе народов, подчиненных хану Золотой Орды Узбеку, упоминает русских, черкесов и ясов, жителей одной местности на Кавказе. Здесь речь идет о русских жителях Тмутаракани. Население Тмутаракани татаро-монголами было ограблено и разорено. Эль-Омари сообщает, что русские, черкесы и ясы испытывали такую нужду, что продавали своих детей в рабство. Ассимиляция русского населения с этих пор ускоряется. Христианство заменяется исламом.

Во второй половине XV в. Тмутаракань захватили турки. Память о Тмутаракани — Таматархи сохранилась до наших дней в названии «Тамань».

Тмутараканское княжество сыграло большую положительную роль в жизни народов Северо-Западного Кавказа, главным образом адыгов и алан, с которыми у него были наиболее тесные сношения. Согласно положениям Б.А. Рыбакова, Тмутаракань являлась крупным политическим центром.

Ярким свидетельством культурного влияния Тмутаракани на соседние народы Северного Кавказа служит надпись русскими буквами на кабардинском языке, вырезанная на каменном кресте у села Преградного, Зеленчукского района, Ставропольского края, и датируемая 1041 г. Надпись говорит не только о распространении христианства среди кабардинцев в XI в., но и о распространении у них письменности с помощью русского алфавита.

Глава VI. Половцы на Ставрополье

После похода Киевского князя Святослава в 965 г. на болгар и хазар (о чем упоминалось в предыдущей главе) Нижнее Поволжье и Предкавказские степи не были удержаны Русью. В степях Восточной Европы стали господствовать кочевники — тюрки. Сначала печенеги, а потом половцы. Кочевников привлекали сюда богатые пастбища степных просторов и обилие многоводных рек, что было необходимо для их скотоводческого хозяйства. Несколько столетий длилась «борьба Руси со степью», то есть борьба пограничных русских княжеств со степняками-кочевниками. Особенно напряженно протекала эта борьба с половцами.

Половцы пришли в южнорусские степи в середине XI столетия. В 1055 г. их передовая разведывательная орда впервые появилась на левом берегу Днепра под Переяславлем. Народ этот был многочисленным и сильным. Основой хозяйства половцев являлось скотоводство. Хозяйство было натуральным. Половцы не только обрабатывали продукты скотоводства, но изготовляли почти все предметы, необходимые для их жизни. Женщины

валяли войлок, употреблявшийся в их быту в большом количестве, так как из войлока они устраивали себе жилище; шили сандалии, башмаки и другие вещи из обработанных шкур животных. Мужчины изготовляли кожи при помощи кислого сгустившегося и соленого овечьего молока, делали луки, стрелы, стремена, уздечки и седла.

Таким хозяйство половцев было до середины XII в. (приблизительно). Позже, под влиянием соседних земледельческих народов и обеднения некоторой части населения с развитием феодализма, у них появляется земледелие. Они выращивали просо, ячмень, пшеницу, дыни, арбузы, лук, чеснок и некоторые другие культуры. Арбузы кочевники-половцы называли своим оригинальным именем, отличным от латинского, персидского и русского, а именно «коун». Слово это сохранилось до настоящего времени в украинском языке — «кавун».

В середине XII в. на смену родоплеменному строю к половцам проникли феодальные порядки. Несколько позже у них началось интенсивное укрепление центральной власти в связи с деятельностью хана-объединителя Кончака.

С середины XI в. и до начала XII в. половцы, чувствуя превосходство своих сил над русскими, совершили несколько крупных набегов на Русскую землю. Русская летопись дает много ярких и красочных описаний столкновений русских князей с отрядами половцев, разорявших окраинные поселения русских земледельцев. Особенно успешной борьба с половцами была при князе Владимире Мономахе. Это был крупный полководец своего времени. За свою жизнь, по его словам, он совершил 80 походов и «3 великих». С половцами он 19 раз заключал мир.

В 1111 г. русское войско под руководством Владимира Мономаха проникло в глубь половецкой земли за Дон и нанесло решительное поражение половцам. Русская летопись сообщает о том, что устрашенный Мономахом половецкий князь Отрок бежал на Кавказ «в Обезы за железные ворота». Его брат Сырьчан удержался в донской степи и после смерти Мономаха послал своего «гудьца» (гусляра) сказать Отроку: «Владимир умер, воротися, брате, в землю свою». Посылаемому гонцу Сырьчан дал такое наставление: «Молви ему мои слова, спой ему песни половецкие, если же не захочет вернуться, тогда дай ему понюхать степной евшан». Отрок сначала отказался возвращаться и не хотел слушать половецких песен «гудьца», но когда понюхал «евшан», прослезился и сказал: «Лучше лечь костьми, да на родной земле, нежели на чужой жить в славе» — и вернулся в родную степь. Этим сказанием летописец стремился подчеркнуть значение побед Мономаха над половцами.

В грузинской летописи говорится, что в 1118 г. грузинский царь Давид Строитель направил к кипчакам (половцам) послов с предложением переселиться в Грузию; половцы охотно на это согласились и в количестве 40000 отборных воинов, под предводительством Атрака (по русской летописи — Отрок), переселились в Грузию и образовали постоянное войско грузинского царя. Давид Строитель женился на дочери Атрака — «главнейшего над кипчаками». Как видим, сведения и русской, и грузинской летописей о переселении части половцев в Грузию совпадают.

Историки намечают несколько центров половецких кочевий, широко разбросанных по степям Восточной Европы. Профессор К.В. Кудряшов отмечает половецкие центры «лукоморские», или подунайские, приднепровские, приморские, заорельские, донецкие, донские и, «наконец, известны половцы, обитавшие в степях Предкавказья».

О пребывании половцев в степях Предкавказья упоминает русская летопись. Из официальной истории монгольских походов на русскую землю известно, что половцы обитали в степях между Азовским морем и Каспием, где в 1223 г. были разбиты воеводой Чингисхана Субедэ. Арабский историк Ибн-ал-Асир, повествуя о первом появлении татаро-монгольских отрядов в Восточной Европе в 1222 г., говорит о том, что татары, перебравшись через Ширванское ущелье, вступили в области Северного Кавказа. «Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к аланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они (аланы) собрали у себя толпу кипчаков и сразились с ними (татарами). Ни одна из обеих сторон не одержала верх над другой».

Сообщая далее о нападении татаро-монголов на половцев, Ибн-ал-Асир говорит: «Услышав эту весть, жившие вдали кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских». Из сообщения Ибн-ал-Асира ясно вытекает, что половцы жили где-то в ближайшем соседстве с аланами, если аланы быстро могли собрать у себя «толпу кипчаков», и что половцы жили где-то близко от Кавказских гор, если, убегая от татар, они могли укрыться в горах.

Наиболее веские доказательства пребывания половцев на Северном Кавказе дают археологические данные. В 1894 г. проф. Н.И. Веселовский близ г. Анапы раскопал 6 небольших курганов, в которых обнаружены погребения людей, сопровождаемые конскими погребениями. В центре кургана находилась лошадиная могила. При костяке лошади, нарочито убитой при погребении ее хозяина, были найдены железные стремена, железные пряжки, железные удила и деревянное седло. Обе луки седла были украшены накладными костяными пластинками с резным орнаментом в виде переплетающихся между собой кружков с точками в центре. Лошадь была привязана к сосновому столбу, который сохранился тут же.

Скелет человека лежал в особой гробнице, южнее конской могилы. При нем обнаружены железные наконечники стрел, железная шашка, бронзовые пуговки от одежды. На некоторых мужских скелетах лежали железные кольчуги. Проф. Веселовский датировал погребения XI—XII вв. н.э. В них ярко отразился кочевнический быт погребенных. Умершего сопровождал конь, ведь с конем он не разлучался при жизни и без коня не мыслил своего существования и в «загробном мире». Сопровождали его и предметы вооружения, ведь они ему были крайне нужны при грабительских набегах, при охоте и охране стад — главных занятиях его жизни.

Н.И. Веселовскому удалось проследить курганы этого рода от предгорий Анапы до окрестностей г. Новороссийска. В 1902 г. тем же исследователем было вскрыто погребение близ станицы Ладожской, бывшей Кубанской области, где обнаружены кости коня. Поверх человеческого скелета лежал

деревянный лук с костяными украшениями; на голове большой железный шлем. С левой стороны погребенного лежали сабля, нож, каменный оселок и железные наконечники стрел.

В начале XX века проф. Д.Я. Самоквасов под Пятигорском близ колонии Константиновки раскопал курган, в котором оказались погребенными человек и мул. При человеческом костяке найдены колчан из костяных пластинок с изображениями животных, наконечники железных стрел, железный наконечник копья, круглая конусообразная бляха, железный нож, кресало и пара железных стремян. В челюстях мула сохранилось железное удило. Погребальный обряд и инвентарь данного погребения весьма близок половецким погребениям.

В 1886 г. в районе села Здвиженского (Воздвиженского), Ставропольской губернии, близ р. Маныч, при раскопке кургана найдены две золотые крупные серьги и медное зеркало. Серьги состояли из толстого золотого прута, согнутого в широкое несомкнутое кольцо; на кольцо насажена полая биконическая бусина, покрытая острыми колпачками;

верхушки колпачков украшены бисеринками, а по основанию обведены веревочкой. Подобные серьги находились на территории, занятой половецкими кочевьями, – в южнорусских степях и в степях центральной Европы. В настоящее время серьги из Здвиженского хранятся в Эрмитаже.

Интересный комплекс вещей был случайно найден в селе Подлужном близ Ставрополя и доставлен в Ставропольский музей в 1954 г. Он состоит из тонких костяных пластинок с резным орнаментом, украшавших седло, из трех тонких бронзовых бляшек с прямоугольными вырезами, нескольких маленьких обойм из бронзовой проволоки, узких костяных накладок от лука и костяной пуговички с нарезками. Костяные накладки от седла тождественны накладкам из Анапских курганов. Несомненно, что и в с. Подлужном было разрушено половецкое погребение XI—XII вв.

В 1956 и 1959 гг. на левом берегу р. Кубани, в пяти километрах южнее аула Кубины, Карачаево-Черкесской автономной области, мною были исследованы три кургана с половецкими захоронениями. В одном из них вместе с погребением мужчины была погребена лошадь. В другом, женском погребении оказались ножные кости лошади, а в погребении детском на краю могилы лежала нижняя челюсть лошади.

Все упомянутые курганы были насыпаны половцами, бродившими в период от конца XI в. до начала XIII в. по степям Северного Кавказа со своими стадами крупного рогатого скота, табунами лошадей, отарами овец.

О пребывании половцев на Северном Кавказе свидетельствует и еще один вид памятников, так называемые «каменные бабы».

Соучастник турецко-татарского похода к Азову и Астрахани в 1569 г. сообщает: «прийдоша ко езеру текущему его же нарицают Салилле-Дигирлик итамо уже есть конец поль можарских... и везде в полях стоят яко человеки по древнему обычаю от каменя соделанные, но тыя камения уже мхом поростоша». Здесь, очевидно, отмечаются «каменные бабы» в Прикумских степях, вблизи развалин золотоордынского города Мадакара, о котором мы расскажем в следующей главе.

В «Книге Большому Чертежу», составленной в начале XVII века для пояснения карты Российского государства, сказано: «А ниже Алалы пала в Кулауз истока и колодезь Какуйгыр (Какунгыр). А по правой стороне по тому истоку люди каменные болваны, против той соли, что емлют Азовцы». Здесь указываются «каменные бабы» в нижнем течении р. Калаус.

Подобные «каменные болваны» отмечались путешественниками и исследователями во всех степных областях от Монголии до Центральной Европы. Иногда эти памятники называли «каменными девками», но впоследствии за ними утвердилось наименование «каменных баб», так как они часто изображают женщин. Это название сохраняется за ними и в настоящее время. «Каменные бабы» передают изображения и женских, и мужских фигур. Они во множестве встречались в южнорусских степях. Ставили их обычно на степных курганах, чтобы они издали бросались в глаза путнику. Какой смысл имели эти изваяния, было ли это изображение божества или обоготворяемого предка, или они передавали портретные изображения погребенных, или же отмечали могилы героев — сказать трудно. Изучение этих памятников— дело сложное, так как в настоящее время почти все они сняты со своих первоначальных мест.

Посол французского короля Людовика IX к Мангу-хану в Монголию в XIII в. В. Рубрук по пути в Монголию наблюдал, как хоронили своих умерших половцы. Он пишет: «Команы (половцы. — *Т. М.*) насыпают небольшой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу». Таких статуй, держащих чашу, обнаружено множество на той территории, где кочевали половцы. Исследователи-историки считают их половецкими.

Половецкие «каменные бабы» можно видеть во всех музеях степных областей нашей страны. Характерными признаками их является не только сосуд в руке, но и головной убор, одежда и весь стиль изваяния. Головной убор у женских статуй представляет собою шляпу с высоким коническим или округлым верхом и широкими полями. От шляпы вдоль лица проходят иногда валики с поперечными насечками — подобие бараньих рогов. На шее обозначается ожерелье в виде одного или нескольких выпуклых обручей. Юбка украшается узорчатой каймой. Мужские изваяния имеют на

Каменное изваяние человека. Принадлежит Ставропольскому краеведческому музею

голове низкую ермолку, плотно облегающую голову, на груди ремни и бляхи, на поясе подвешенные мешочки с огнивом или ножом, топор, лук, колчан, маленькие сабли и другие вещи. Имеются статуи сидячие и стоячие.

Подобные каменные изваяния во множестве встречались в степях Ставрополья. Часто они служили ориентирами для путников, указывая направление дорог, межевыми знаками при разделе земли.

В январе 1844 г. в Кавказское областное Правление в г. Ставрополе поступило отношение министра Внутренних дел с предложением доставить ему подробные сведения о «каменных бабах» Кавказской области. В ответ на это отношение из канцелярии Ставропольского губернатора было сообщено о находке в Ставропольской губернии пяти «каменных баб», в том числе одна стояла в г. Ставрополе около гостиного двора. Это число далеко не исчерпывало действительного количества каменных изваяний ставропольских степей. Специальных поисков о них не производилось; на это дело чиновники губернаторской канцелярии смотрели как на служебную отписку. Кроме того, так как Министерство Внутренних дел налагало на местные власти ответственность за сохранение этих памятников, то, чтобы не нести ответственности, местные чиновники скрывали истинное количество «каменных баб», а иногда и уничтожали их нарочито, как удалось впоследствии выяснить проф. Веселовскому. Таким образом, хлопоты Министерства Внутренних дел о сохранении степных каменных изваяний иногда имели обратный результат.

Местное население также расхищало эти статуи, используя их для хозяйственных нужд. Ставропольский земский суд, сообщая ставропольскому губернатору, что «каменные бабы» стоят близ сел Медвежьего, Безопасного и Донского, добавляет: «Сверх того у разных жителей во всех селениях имеются подобные каменные фигуры для столбов в воротах и в другом употреблении».

Несмотря на столь интенсивное расхищение каменных изваяний наших степей и на недостаточную регистрацию их архивными документами, нам удалось установить свыше пятидесяти пунктов в Ставропольском крае, где они первоначально стояли. Линия их распространения проходила близко от предгорий. Часть степных каменных статуй находится в настоящее время в селах, часть — в музеях Ставропольского края. В Ставропольском краеведческом музее хранится около двух десятков таких изваяний. Эта статуя (женская) в сороковых годах XIX в. стояла в Ставрополе у гостиного двора. Потом она была перенесена в городской сад — «Бабину рощу» (ныне Парк культуры и отдыха), откуда ее впоследствии убрали за то, «что она неприлично руки держала», по словам одного из заправил города. Происхождение других неизвестно.

Итак, историческими и археологическими данными неоспоримо устанавливается факт пребывания половцев на Северном Кавказе. Предкавказские степи являются продолжением степей Поволжских и Придонских. По своим географическим условиям они вполне соответствовали требованиям скотоводческого хозяйства. Половцы, продвигаясь в южнорусские степи, не могли обойти Северный Кавказ. В конце XI—XIII вв. здесь образовался один из центров половецких кочевий. Это была периферия половецкого мира.

Основной областью расселения половцев на Северном Кавказе являлись степи Прикубанья, в частности степи Ставрополья, орошаемые реками Кумой, Калаусом, Егорлыком. Южная граница расселения половцев заходила в предгорья Закубанской области.

Половецкие археологические памятники встречаются и в Дагестане.

При своем продвижении к предгорьям половцы постепенно оттесняли в горы туземное аланское население, издавна владевшее данными местами. На многих аланских поселениях и городищах в верхней Кубани жизнь прекращается ко времени появления половцев на Северном Кавказе, то есть к концу XI века. В то же время в самой глубине предгорий и у входов в горные ущелья увеличивается количество поселений X—XII вв. Следы их встречаются повсюду по ту и другую сторону Кубани выше аула Хумары.

Некоторые поселения располагаются на труднодоступных местах, совсем неудобных для жительства. Например, поселение в балке Инал (близ аула Хумары) размещалось на вершине узкого горного кряжа и по его очень крутому южному склону. Жилища, судя по остаткам их оснований, задней стороной опирались на каменистый склон, а с фасада поддерживались специально сложенными из тесаного камня подпорками.

Выбор подобных мест для жительства был вынужденным; его могли обусловливать два обстоятельства — отсутствие удобных для поселения мест и стремление сделать поселение менее доступным для врага. Создается впечатление, что исконное население равнинных районов стало оставлять открытые, удобные для жительства места и прятаться в места, хотя и неудобные для хозяйства, но более или менее безопасные от внешнего врага. Причину такого положения можно усматривать в наступлении на равнины предгорий кочевников-половцев, опасных соседей для оседлого земледельческого населения.

Подобная картина намечается и для области к востоку от Прикубанья. В XI—XIV вв. там коренным образом изменяется состав археологических памятников по сравнению с предшествующим временем. Прекращают свое существование аланские городища, исчезают богатые могильники. По аналогии с Прикубаньем можно предполагать, что и в равнинной части Кабардино-Балкарии алан потеснили половцы еще до монгольского завоевания.

Продвижение половцев на земли туземцев — горцев нельзя представлять себе как военный поход, это было «мирное», постепенное продвижение кочевников к богатым пастбищам, не исключавшее, разумеется, и случаев частых бранных столкновений.

В первой половине XIII в. половцы Северного Кавказа подверглись разгрому со стороны татаро-монголов. Маловероятно, чтобы половцы при этом начисто освободили Предкавказские степи, какая-то часть их здесь сохранилась, как то показывают дальнейшие события, связанные с историей Золотой Орды. Но несомненно, что население в Предкавказских степях, в частности в Прикубанье, значительно поредело, а кое-где, возможно, и совсем исчезло. На опустевшие места прежних половецких кочевий в конце XIII—XIV вв. придвигаются новые насельники — адыгские племена, предки современных кабардинцев и черкесов.

История половцев имеет большое значение для истории Северного Кавказа, так как она тесно связана с вопросом происхождения современных тюркоязычных народностей Кавказа — балкарцев и карачаевцев. Вопрос о происхождении балкарцев и карачаевцев не получил еще в науке своего полного и окончательного решения. В этом вопросе столько же теорий, сколько авторов. В последнее время большинство исследователей усматривает связь балкарцев и карачаевцев с половцами-кипчаками, что подтверждается не только данными языка, но и археологическими и этнографическими данными. В 1960 г. Е.П. Алексеева в районе аулов Хурзук и Учкулан— старейших поселений карачаевцев — исследовала древние карачаевские погребения, в которых оказалось много общих черт с погребениями половцев. Такая общность погребального обряда не случайна. Она говорит о родстве карачаевцев и половцев. Е.Н. Студенецкая, изучая материальную культуру карачаевцев, отмечает в ней много общего с культурой поздних кочевников — тюрков. Кочевнические черты в культуре карачаевцев сохраняются с древних времен.

Сопоставляя эти данные с указанием исторического источника (Ибн-аль-Асир) о том, что половцы, спасаясь от татар в 1222 г., «одни укрылись в болотах, другие в горах...», мы получаем убедительные доказательства того, что половцы сыграли важнейшую роль в формировании карачаевской народности.

Глава VII. Золотая Орда

После татаро-монгольского завоевания русские княжества попали в зависимость от Монгольского государства, которое восточные писатели называют улусом Джучи, или Синей Ордой, а русские летописи — Золотой Ордой. Как и почему возникло это последнее название, неизвестно.

В состав Золотой Орды входили земли приволжских булгар, половецкие степи, Крым, Северный Кавказ, Хорезм в Средней Азии (область к югу от Аральского озера) и Западная Сибирь до реки Иртыш. Русские земли не относились к владениям Золотой Орды.

Центром улуса Джучи, или Золотой Орды, Батый сделал Поволжье, где была его ставка. На левой стороне Волги, несколько севернее Астрахани, он заложил город, получивший впоследствии название Сарая Бату, или Старого Сарая. Это была первая столица Золотоордынского государства. Брат и преемник Батыя Берке-хан основал новый город на левой стороне одного из рукавов Волги — Ахтубы, там, где ныне находится город Ленинск. Этот город получил название Сарая-Берке, или Нового Сарая. При Узбек-хане сюда была перенесена столица Золотой Орды. Развалины этих городов лежат в указанных пунктах и поныне.

Хотя Золотая Орда как государство была организована татаро-монголами, но не они составляли основную массу ее населения. Татаро-монголы представляли собою лишь привилегированную верхушку общества. Главную же массу населения Золотой Орды составляли прежние жители степей — кочевники (половцы). В таких же областях, как Крым, Поволжье, Северный Кавказ, в эпоху Золотой Орды удерживалась та же пестрота народностей, которая была характерна для них в домонгольский период. Здесь жили русские, аланы, хазары, евреи, черкесы и другие народы.

Завоеватели татаро-монголы, будучи в меньшинстве, постепенно сливались с туземным населением, забывали свой язык. На монгольском языке в XV в. в Дешт-и-Кыпчак, как утверждает наш крупный востоковед А.Ю. Якубовский, мало кто уже и говорил. Даже официальные грамоты ханов писались или на тюркском литературном, или на местном кыпчакском языке.

Этот процесс отюречения завоевателей-татар хорошо охарактеризовал арабский историк Ал-Омари: «В древности это государство было страной кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного с ними рода оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кыпчаков)». Со своей стороны, тюркское население приняло монгольское название «татары».

Уже в конце XIV в. замечаются признаки распада Золотой Орды. В ней иногда номинально одновременно правили два хана, фактически же власть захватывалась могущественными вассалами. Одним из таких был, например, крымский темник — Мамай.

Между тем в ближайшем соседстве с Золотой Ордой вырастала грозная для нее сила. Русские княжества, несмотря на тяжелое иго, давившее их, неуклонно развивались. Росли силы, которые давали Руси возможность не только обороняться от татар, но и наносить удары, подрывавшие их военную мощь. Наиболее сильным ударом явился разгром татар на Куликовом поле в 1380 г. После него Золотая Орда настолько ослабела, что достаточно было еще одного удара, чтобы она распалась на отдельные части. Этот последний удар был нанесен ей в самом конце XIV в. правителем Мавераннахра (в Средней Азии) Тимуром, мечтавшим о создании всемирной империи. Ему приписывают слова: «Все пространство населенной части света не стоит того, чтобы иметь двух царей». Всесокрушающим ураганом пронесся Тимур по Северному Кавказу, Крыму, Нижнему Поволжью. Сжег и уничтожил столицу Золотой Орды Сарай-Берке, города Хаджи-Тархан (Астрахань), Увек и другие.

В конце концов в первой половине XV в. от Золотой Орды отпали две наиболее богатые и культурные области — Крым и Булгары. В первой из них основалось Крымское ханство, во второй — Казанское. В Нижнем Поволжье в качестве жалкого остатка Золотой Орды образовалось Астраханское ханство. Золотая Орда как единое крупное государство перестало существовать.

Крупнейшим населенным пунктом на Северном Кавказе в золотоордынское время был город Маджар. Располагался он на берегу реки Кумы, в том месте, где она делает крутой поворот к востоку и принимает приток Буйволу. В настоящее время на этом месте стоит город Прикумск Ставропольского края.

Территория города Маджара тянулась по левому высокому берегу Кумы километра на три в длину и около одного километра в ширину. Это первая, наиболее крупная и богатая часть города. Вторая располагалась на нижней террасе долины Кумы,

в местности, позже называемой «Кирки», там, где ныне размещаются колхозные виноградники, сады и огороды.

Маджар был одним из крупных городов Золотой Орды, имевший право чеканить, или, как тогда говорили, «бить» свою монету. В списке городов Золотой Орды, составленном по монетным данным, в числе 26 городов, чеканивших монету, названы «Маджар» и «Маджар джядидэ» (то есть Маджар новый).

Абульгази-Баядур-хан в своей истории татар упоминает о нем как о городе. Абульфеда, арабский географ XIV столетия, давая описание северной части земли, упоминает Маджар: «К этим странам,— говорит он, — принадлежит и Ку-Маджар, в татарской земле, называемый Борка, который находится почти в середине между Железными воротами (т.е. Дербентом) и Азаком (Азов)». Город Маджар знали и русские летописи XIV в.

Маджар, как и другие крупные золотоордынские города, делился на отдельные участки — кварталы, в беспорядке, широко разбросанные по левому высокому берегу Кумы вплоть до реки Буйволы, позже превращенной в искусственное озеро. На плане развалин Маджара, составленном ставропольским губернским землемером А.П. Архиповым в 1848—1858 гг., то есть значительно позже того времени, как этот город перестал существовать, было обозначено 43 полных квартала и, кроме того, 7 кварталов нанесено на план полностью. В пределах всех обозначенных кварталов было указано 426 холмов различной величины, 168 углублений малого размера, 4 — среднего и 6 — крупного размера; 32 окопа средней величины и 6 окопов значительных размеров, одно кладбище, расположенное возле реки на горе, и 4 основания каменных башен.

Северо-восточнее этой части города, в долине Кумы, находилась другая часть Маджара. Посредством плотин и дамб долина, где располагался город, защищалась от разливов реки Кумы и представляла, таким образом, площадь, вполне пригодную для заселения.

Богатые дома строились из хорошо обожженного кирпича, имевшего квадратную форму, и из естественного камня. Украшались они особым «обделочным» кирпичом, лицевая сторона которого покрывалась глазурью голубой, зеленой, красной или желтой окраски. Иногда глазированные кирпичи украшались рисунками цветов или растений; часто из мелких глазированных кусочков создавались различные узоры в виде звезд, цветных зигзагов и других геометрических фигур. Такие украшения располагались на карнизах зданий, косяках дверей и окон, стенах и полах. Имелись они на общественных зданиях, сооружениях над погребальными склепами и жилых домах знати. Стены мечетей и медресе (высшие мусульманские школы), кроме того, украшались рядами глазированных плиток с цитатами, взятыми из Корана. На темно-синем или голубом фоне ярко выделялись белые или черные арабские письмена.

Кое-где возвышались круглые каменные башни; там и сям виднелись небольшие сооружения с куполообразным верхом. Стены их были украшены цветными глазированными кирпичами и причудливым орнаментом. Это были погребальные сооружения — мавзолеи. Подобные им постройки до сих пор еще можно видеть среди развалин средневековых городов Крыма.

В Ставропольском краеведческом музее хранится бронзовая дверная ручка, найденная в развалинах Маджара. На ней арабская надпись: «Кто пришел сюда, спасен будет».

Беднейшие строения возводились из кирпича-сырца, имевшего такую же квадратную форму, как обожженный кирпич. Здания из кирпича-сырца имели четырехугольную форму. Внутри они делились на две или три комнаты. Полы в комнате чаще встречались глинобитные, реже были устланы обожженным кирпичом. Иногда в полу цветными глазированными кирпичами выделялось в виде квадрата место для мусульманской молитвы — намаза. Вдоль стен шли земляные возвышения, одни более узкие, а другие более широкие. На первых сидели, на вторых спали.

Отапливались дома посредством дымоходов, проведенных под полами. Топка располагалась вне жилых комнат, но под одной с ними крышей, — в сенях, как сказали бы мы теперь. Эту систему отопления принесли, по-видимому, среднеазиатские мастера, волей или неволей попавшие сюда.

Лицевая сторона дома была обращена во двор. На улицу же выходила длинная глухая стена. Улицы были тесные, узкие, грязные.

Водою город снабжался при помощи водопровода. В неглубокой канаве, облицованной квадратным кирпичом, прокладывались длинные глиняные трубы, после чего канава засыпалась землей.

По крутому склону левого берега Кумы, в северной части города, шла широкая лестница, выложенная большими белыми изразцовыми плитами. По ней можно было спускаться в нижнюю часть города, в долину Кумы.

Много разного народа селилось в городе Маджаре. Верхушку общества составляла татаро-монгольская знать — крупные скотоводы-кочевники. Но в городе они жили мало, проводя большую часть года среди просторов северокавказских степей, где паслись их стада рогатого скота и табуны лошадей. И лишь на зиму, отогнав стада на подножный корм к побережью Каспия, возвращались они в Маджар.

Постоянными жителями города являлись оседлые земледельцы —огородники и садоводы, населявшие преимущественно нижнюю его часть. Это были, главным образом, остатки того населения, которое покорили татаро-монголы при завоевании Северного Кавказа: кипчаки (половцы), аланы, черкесы и другие. Занимались они и хлебопашеством, об этом свидетельствует тот факт, что во время раскопок домов в долине Кумы было найдено много орудий сельскохозяйственного труда: каменные жернова разных размеров, крупные цилиндрические камни — волокуши для обмолота хлеба, серпы, лемеха, косы и прочее.

Значительную долю сельскохозяйственных продуктов жители города должны были вносить в качестве податей хану-феодалу и местному чиновничеству.

Значительный процент населения города Маджара составляли ремесленники и торговцы. Вообще города Золотой Орды представляли собой крупные торгово-ремесленные центры. Не отставал от них в этом отношении и Маджар. В северной части развалин города и до сих пор заметны небольшие бугры — остатки домов, разделенных узкой, но довольно

прямой уличкой, где среди бугров, при нарушении дернового слоя, встречаются стекловидные шлаки и глиняные толстые трубки с застывшей на них цветной глазурью. Этими трубками мешали глазурь во время ее варки. Тут же встречаются скипевшиеся обломки от нескольких сосудов, части сосудов с поврежденной формой, сосуды, с поверхности которых глазурь стекла и застыла каплями, — все это брак производства, следовательно, в этом районе города находились гончарные мастерские. В них изготовлялась поливная посуда, расписные глазированные изразцы для отделки зданий, простая глиняная посуда: кувшины различных размеров, светильники, хумы для воды и зерна, водопроводные трубы, фляги, украшенные причудливым рельефным узором, предмет весьма нужный в быту скотовода-кочевника. Перебросив через седло две такие фляги, связанные ремнем, он мог надолго обеспечить себя водой в жаркое летнее время.

Наиболее ценные образцы керамики привозились со стороны, но главная масса глиняной посуды производилась на месте. С помощью хорошо оборудованных горнов ремесленники-гончары умели изготовлять высококачественную посуду самых разнообразных форм, умели они расписать сосуд синей, зеленой, желтой и другими красками, изобразить на нем ветви деревьев, птиц, рыб, сделать надписи арабскими письменами и затем покрыть роспись тонким слоем глазури. Они выработали специфические приемы производства, начиная от изготовления глиняного теста до особых способов размещения сырой посуды в обжигательном горне. Благодаря этому керамика, изготовленная в золотоордынское время (XIII—XV вв. н. э.), резко отличается от всякой другой и легко узнается.

Кроме гончаров, в Маджаре жили и работали резчики по кости. Многие мелкие предметы домашнего обихода — игольники, игральные кости, различные коробочки, ящички и прочее — изготовлялись ими из костей домашних животных. В развалинах городов находились как готовые костяные поделки, так и кости, обработанные не до конца,— полуфабрикаты.

Судя по наличию шлаков, содержащих железо, можно думать, что среди ремесленников Маджара были и специалисты по металлу: кузнецы, мастера по выделке ножей, холодного оружия, земледельческих орудий, серпов, лемехов, по выделке простой металлической посуды, по изготовлению маленьких металлических замков в виде конька, столь распространенных в золотоордынских городах.

Несомненно, имелись мастерские резчиков по камню. Они изготовляли резные плитки для украшения богатых зданий и надгробных сооружений-мавзолеев, делали надмогильные плиты с орнаментами и арабскими надписями. Такие плиты в большом количестве были найдены в городе.

Жили здесь и строители-каменщики, воздвигавшие крупные сооружения города. Некоторые из этих сооружений — каменные башни, мечети, мавзолеи — и после гибели города долго еще стояли на своих местах и привлекали на развалины Маджара многих путешественников и исследователей.

Особую группу составляли ремесленники по выработке строительного кирпича. В нижней части города обнаружены обжигательные печи. «Мамайский «кирпич», как прозвали его русские поселенцы, отличался не только своей квадратной формой, но и большой прочностью.

Можно предположить, что в Маджаре существовало и кожевенное производство, так как город находился в весьма благоприятных условиях для развития этого ремесла. К сожалению, явных следов этого производства среди развалин города не обнаружено.

То же можно сказать и о производстве по обработке шерсти. Трудно допустить, что в прикумских степях, в высшей степени пригодных для овцеводческого хозяйства, в крупном торгово-ремесленном центре, каковым в XIII—XIV вв. был город Маджар, отсутствовали бы мастерские по обработке этого ценнейшего сырья. Однако явных свидетельств этому мы не имеем. Изделия из шерсти не керамика и не металлическое производство: они не могут устоять против тлетворного влияния времени.

Кто же были эти ремесленники? Откуда пришли они на берега Кумы?

На Востоке в эпоху феодализма завоеватели часто переводили ремесленников из захваченных городов на новые места. Так же поступали и монголы. Плано Карпини в своем сочинении «История монголов» рассказывает, что «в земле сарацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и представляют их ко всем делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия». Практики переселения ремесленников из завоеванных городов и областей в свои города придерживались и татаро-монголы Золотой Орды. Русские летописи говорят о том, что татары при завоевании и разорении городов русских княжеств ремесленников не убивали, а уводили к себе. Были, конечно, ремесленники и среди исконных обитателей долины Кумы. Трудно только предполагать, чтобы в числе ремесленников встретились завоеватели страны — татаро-монголы.

Город Маджар был не только ремесленным, но и торговым центром на Северном Кавказе. Он лежал на путях, соединявших в то время Закавказье и Малую Азию с устьем Дона и устьем Волги. Пути эти определились задолго до эпохи Золотой Орды и были хорошо известны тогдашнему торговому миру.

О развитой торговле Маджара говорит, прежде всего, большое количество монет, найденных среди развалин этого города. Подавляющее большинство монет было чеканено при Узбек-хане (1312—1342 гг.). Затем следуют монеты Тохтогу-хана (1290—1312 гг.), непосредственного предшественника Узбек-хана, и, наконец, монеты Джанибек-хана (1342—1357 гг.), сына Узбек-хана. Это был период расцвета Золотой Орды. Особенного подъема как в экономическом, так и в культурном отношениях Орда достигла при Узбек-хане. Торговые гости свободно и безопасно могли проезжать от Судака вплоть до Хорезма (Хивы). Путь этот был оборудован ямами (ямскими дворами) с гостиницами, конной поставой, волами и верблюдами. Купцы, приезжавшие из Индии, Средней Азии, Китая, Генуи и Венеции, посещали как столицу, так и другие города Золотой Орды. Послы разных государств Запада и Востока толпились в ставке Узбек-хана.

Неудивительно поэтому, что и в золотоордынском городе Северного Кавказа именно в этот период шла наиболее оживленная торговля, было в обороте наибольшее количество монет с именем Узбек-хана.

Монеты с именем Маджара относятся к XIV столетию. Данный факт лишний раз подчеркивает, что расцвет торговли Маджара падает на этот век.

В связи с широким денежным оборотом находились в обиходе маленькие глиняные шаровидные сосудики с узкой прорезью сверху — денежные копилки. Глиняная копилка — обычная и частая находка в развалинах Маджара.

Кроме золотоордынских, в Маджаре найдены персидские и китайские монеты, значительное количество китайского фаянса, бронзовые китайские зеркала, посуда из Хорезма, бронзовая маленькая ступка, употреблявшаяся для аптекарских надобностей. Подобные ступки хорошо были известны в средневековых городах Западной Европы. Все это привезено сюда торговыми караванами, прибывавшими из восточных и западно-европейских стран.

Процветала в то время еще одна отрасль торговли — это торговля рабами. Материальных остатков от нее, конечно, не сохранилось, да и не могло сохраниться. Но по историческим свидетельствам и по всему укладу социально-экономической жизни Золотой Орды мы такую торговлю с достоверностью можем предполагать. В Золотой Орде рабов было много. В качестве рабочей силы они не играли большой роли, а служили главным образом товаром. Рабов вывозили в Крым, в Генуэзские колонии. Оттуда их направляли дальше. Вывозили рабов также в Египет и восточные страны. Рассказывая о разгроме Ногая войсками Тохтогу-хана в 1299 г., Рукн-аддин-Бейбарс пишет следующее: «Из жен и детей их взято было в плен многое множество и несметное скопище. Они были проданы в разные места и увезены в (чужие) страны. В областях Египетских султан и эмиры накупили множество людей, которых привезли туда купцы». Иногда само население Золотой Орды было вынуждено продавать своих детей в рабство. Эль-Омари о тюрках (половцах), входивших тогда в состав Золотой Орды, пишет: «Во время голода и засухи они продают своих сыновей. При избытке же они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе, как в крайности».

Базары Маджара обслуживали в первую очередь местные потребности. Кочевое население близлежащих степей привозило сюда продукты своего хозяйства: скот, шерсть, сало, молочные изделия, шкуры, лошадей, а здесь покупало все для себя необходимое: ткани, изделия из металла, глиняную утварь, хлеб, соль и прочее.

Наряду с местной торговлей базары Маджара обслуживали и караванную торговлю купцов, которые приезжали сюда из западных и восточных стран. Сообщая о смерти князя Михаила Тверского, убитого в 1319 г. приближенным Узбек-хана — Кавгадыем, неподалеку от Пятигорска, где в это время кочевал Узбек-хан, русская летопись говорит: «Посла тело блаженного в Маджжьчары с своими бояры». В Маджжьчарах гости (русские купцы), знавшие покойника, хотели прикрыть тело его дорогими тканями и поставить в церкви с честью, со свечами, но бояре московские не дали. Из Маджара повезли князя Михаила на Русь.

Следовательно, в 1319 г. в Маджаре были русские гости (купцы) и даже была христианская церковь. Эти известия летописи подтверждаются и археологическими находками. Среди развалин города были найдены металлические кресты, по размерам подобные тем, которые употребляются в православных церквах. Встречены также каменные надгробные плиты с изображением христианских символов — крестов и подсвечников со свечами. По преданию, христианская церковь и караван-сарай, где стояло тело Михаила Тверского, находились вблизи Кумы, неподалеку от того места, где впоследствии возник город Св. Креста (ныне Прикумск). В 1889 г. на этом месте был построен Мамай-Маджарский воскресенский монастырь. В настоящее время здесь находится больница города Прикумска.

В Маджаре можно было встретить купцов из весьма отдаленных стран. Арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший Орду в 1333 году, говорит о том, что на базаре Маджара он видел еврея из Андалузии (Испания). В своей книге «Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» он описывает некоторые города Золотой Орды и, между прочим, город Маджар: «Поехал я в город Маджар, город большой, (один) из лучших городов тюркских, на большой реке, с садами и обильными плодами... На базаре этого города я увидел еврея, который приветствовал меня и заговорил со мной по-арабски. Я спросил его, из какой он страны, и он сообщил, что он из земли Андалузской

Оборотная сторона золотой бляхи, найденной при раскопках

(Испания), что он прибыл оттуда сушей, а не ездил морем, и приехал через Константинополь великий, через румские земли и страну черкесов... Из города Маджара мы собирались ехать в ставку султана, находившуюся в четырех днях пути от Маджара в местности, называемой Биш-даг. Биш — значит у них пять, а даг – значит гора. На этом пятигорье (находится) ключ горячей воды, в котором тюрки купаются. Они полагают, что кто выкупается в нем, того не постигнет кручина болезни».

Таким образом, интернациональность рынка — черта, характерная для всех крупных городов Золотой Орды, – была свойственна, как видим, и Маджару.

В указанном выше произведении Ибн-Батута еще раз упоминает город Маджар. Характеризуя Узбек-хана, он говорит: «Владения его обширны и города велики. В числе их: Кафа, Крым, Маджар, Азов, Судак, Хорезм и столица его (Султана) Сарай». Здесь арабский путешественник ставит город Маджар наряду с крупнейшими золотоордынскими городами, каковыми являлись Сарай, Хорезм,

Азов. В самом конце XIV в. Маджар пережил сильное потрясение.

В 1395 г. Тимур двинулся со своим войском из Закавказья на Терек. Разбив Тахтамыша на реке Тереке, Тимур направился к Астрахани. «После отобрания (у жителей Астрахани) имущества, все бессловесное и одаренное даром слова было отдано на поток и разграбление».

Поход Тимура по Волге был ознаменован поголовным выжиганием всех золотоордынских городов и уводом в плен основной массы золотоордынского населения, которое направлялось через Кавказ в Самарканд. При таком всесокрушающем движении армии Тимура и при длительном пребывании ее на Северном Кавказе, в частности на Сунже и Тереке, трудно допустить, что город Маджар остался в стороне от этих грозных событий. Несомненно, что его судьба оказалась такой же, как и судьба других золотоордынских городов.

Но жизнь в Маджаре после разгрома все же возродилась. Среди развалин города найдены монеты XV и даже XVI вв. К XVI в. относятся и некоторые надписи на надгробных плитах. Очевидно, что в XV и XVI вв. город, или его развалины, были обитаемы. Но это уже не был тот крупный торгово-ремесленный центр, каким он был в XIV в. Жизнь в нем еле теплилась. Весьма возможно, что в последние годы своего существования город принял вид незначительного селения или даже, по словам проф. В.А. Городцова, представлял священное, но уже запустевшее место, куда стекались верующие для совершения религиозных обрядов и поклонения предкам.

Памятники XVII в. среди развалин Маджара отсутствуют, следовательно, в это время город уже не существовал.

В «Книге Большому Чертежу», составленной, как известно, в XVII столетии, по материалам конца XVI века, город Маджар уже не упомянут, а сказано только об юрте, сохранившем имя Маджара, да о мечетях: «А по реке Куме, с правой стороны, семь мечетей татарских Можаров Юрт да мечеть по другой стороне реки Кумы Арак Кешень».

Но память о Маджаре жила еще и во второй половине XVIII в. Путь из Царицына (ныне Волгоград) на Северный Кавказ назывался по имени города Маджара. Так, в рапорте астраханскому губернатору генералу Якоби, ведавшему постройкой Азово-Моздокской линии, от крепости (№ 8) которой получил свое начало город Ставрополь, было доложено, что «Волжские и Хоперские казаки вместе с владимирским драгунским полком выступили в Кавказский край из Царицына... 6 августа 1777 г. по Маджарскому тракту».

На Северном Кавказе сохранились следы сельских поселений золотоордынского времени. Три таких поселения были обследованы нами в 1945 г. в долине реки Сунжи, правого притока р. Терек. Одно из них находилось на левом берегу Сунжи, километрах в пяти к западу от аула Закан-Юрт, второе — на том же берегу, западнее станицы Самашкинской, и третье — на правом берегу Сунжи, против аула Закан-Юрт.

Первое поселение занимало большую площадь от обрыва над рекой до подножия Сунженского хребта. На площади поселения в беспорядке размещались остатки жилищ из самана, задернованные в настоящее время и поросшие бурьяном; возле них виднелись какие-то ямы, быть может, бывшие водоемы. Это поселение по своему характеру повторяет золотоордынские поселения Нижнего Поволжья — «классической» территории Золотой Орды. То же беспорядочное размещение жилищ, те же размеры и материал для жилища (саман в основном), те же ямы — водоемы вблизи жилищ, то же отсутствие каких бы то ни было укреплений вокруг поселения.

Второе поселение характерно следами огородных плантаций при нем, на которых заметны были следы канав, перерезавших участок в разных направлениях. Поселение располагалось на низкой ровной площади, ограниченной с западной стороны протоком, стекающим с Сунженского хребта. Сухое русло его четко вырисовывалось на равнине. Подобные плантации со следами оросительной системы наблюдались нами на правом берегу Волги, близ с. Александровки, Волгоградской области.

Указанные памятники расширяют наши представления о хозяйстве населения Золотой Орды. Становится понятным сообщение арабского путешественника Ибн-Батуты о том, что во время визита его к старшей, главной жене Узбек-хана она угощала его свежими вишнями. Следует думать, что вишни не были привезены издалека, а взяты из ближайших садов Поволжья. Население Золотой Орды, наряду со скотоводством, занималось и земледелием, в том числе садоводством и огородничеством. Кочевое же скотоводство было главнейшим и как бы привилегированным занятием. Оно являлось делом завоевателей — монголов. Даже ханы со своими придворными в летнюю пору выходили на кочевье.

В золотоордынское время (вторая половина XIII—XV вв. н.э.) в южной части Ставропольского края появляются могильники, которые своим видом резко отличаются от могильников предыдущих эпох. Представляют они собою кладбища из многих десятков мелких курганчиков, близко расположенных друг к другу. Иногда насыпи их смыкаются одна с другой. Под центром курганной насыпи вырыта неглубокая узкая могила, в которую опущен деревянный гроб — колода. В нее клался погребенный вытянуто, головою на запад. При мужских костяках находились сабли, железные наконечники стрел, кинжалы, кисеты с железным кресалом и кремешком; при женских встречались серьги, бусы, ножницы для стрижки овец, деревянные коробки с рукоделием. Сосудов с пищей в этих могилах не находили. В насыпи одного кургана оказался разбитый красно-глиняный золотоордынский кувшинчик. Подобные могильники встречались по Большому и Малому Зеленчукам, по р. Бежгонке, по р. Джеганас, по Кубани и в других местах предгорий. Как доказано исследованиями последнего времени, могильники эти принадлежат адыгским племенам — предкам черкесов, кабардинцев. Следовательно, в золотоордынскую эпоху в южной части Ставрополья обитали кабардино-черкесские племена.

Другого характера могильник открыт близ аула Ново-Кувинского, на левом берегу р. Большого Зеленчука. На поверхности могилы здесь ничем не отмечены. Нет над ними ни курганных насыпей, как в черкесских могильниках, ни камней. Обнаружен он был по выходу костей и профиля могилы в обрезе берега реки. Могилы его вырыты довольно глубоко в грунте. Поверху они покрыты большой и толстой плитой. Плиты лежат на глубине 0,4—0,5 м

м от современной поверхности. Такой слой почвы нарос над могилами со времени их устройства.

Погребенные лежат в могилах вытянуто, головою на запад. Руки их сложены по христианскому обряду. Посуду с пищей им не ставили. Вещей при них мало. В одной из женских могил, кроме бус и сережек, найдены бронзовое зеркало, бронзовые тонкие цепочки и медная золотоордынская монета конца XIV столетия. Она определяет время могильника.

Ново-Кувинский могильник, по всей вероятности, принадлежит предкам абазин, которые и до настоящего времени населяют аул Ново-Кувинский и некоторые другие аулы Карачаево-Черкесской автономной области.

Таким образом, мы видим, что в эпоху Золотой Орды происходит в основном распределение современных народностей Северного Кавказа по тем территориям, которые они занимают в настоящее время.

Интересная находка сделана в 1960 году на правом берегу Кубани вблизи головного сооружения Кубань-Калаусского канала, несколько южнее станицы Усть-Джегутинской. Здесь был вырыт котлован, в котором брали землю для дамбы. При этом было разрушено какое-то сооружение. От него сохранился карниз в виде многогранного столба из известкового песчаника, покрытого арабскими письменами. По характеру шрифта письмена относятся к XIV в. н.э. Возможно, что на карнизе был высечен текст из Корана — священной книги мусульман, хотя утверждать это категорически трудно, так как карниз разбит на мелкие куски и составить куски и прочесть всю надпись едва ли удастся.

Возле карниза и под ним валялись красные квадратные кирпичи, типичные для золотоордынского зодчества. Строения золотоордынских городов, в том числе и города Маджара, выстроены из такого кирпича. Среди кирпичей валялись остатки человеческого костяка. Очевидно, в этом месте находился подземный склеп золотоордынского времени, а над склепом стояло надземное сооружение в виде часовни, вход в которое был украшен карнизом с надписью религиозного содержания. Подобные склепы нам хорошо известны в золотоордынских городах. Важно вспомнить, что приблизительно в этом месте А.В. Фиркович находил много камней и каменных плит с арабскими надписями, о чем он говорит в описании своего путешествия по Северному Кавказу в 1848 году.

Усть-Джегутинская находка является наиболее древним свидетельством проникновения мусульманского обряда погребения в предгорья Кубани. В этом состоит ее историческое значение. Известно, что Узбек-хан (1312—1342 гг.), стремясь поддерживать с египетскими султанами крепкие политические связи, усиленно насаждал мусульманство среди своих подданных. Уже в начале своего правления он сообщал египетскому султану, что «в его государстве осталось очень немного неверных». Разумеется, что новая религия распространялась прежде всего не среди широких народных масс, а среди господствующих классов. Это подтверждает и вновь открытый усть-джегутинский склеп. Подобные склепы сооружались не для рядовых членов общества. Среди широких народных масс мусульманство распространилось значительно позже — в XVI—XVII вв. н. э., так как только с этого времени население начинает хоронить своих умерших по мусульманскому обряду.

Заключение

На основании выше охарактеризованного археологического материала мы проследили важнейшие этапы древней и средневековой истории Ставрополья. Ставропольский край, как показывают памятники, был заселен в древнейшую эпоху развития человеческого общества, в так называемую эпоху каменного века. Следы человека этого времени в нашем крае еще недостаточно изучены, но уже твердо установлены.

В III тысячелетии до н. э. на смену каменному веку приходит медно-бронзовый век. Население Северного Кавказа в медно-бронзовый век сделало большие достижения в области хозяйственной жизни. Главной отраслью хозяйства становится скотоводство. К концу эпохи бронзы осваиваются высокогорные пастбища. Совершенствуются земледельческие орудия. Широко развивается металлургия. Бронзовые изделия (топоры, тесла, серпы, различные украшения) поражают нас высоким качеством выработки и изяществом формы.

Развитие скотоводства, металлургии обусловило переход к патриархально-родовым отношениям. Во главе рода становится теперь мужчина — отец, патриарх.

Конец бронзового века являлся самой блестящей эпохой в жизни населения Северного Кавказа.

В начале I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе появляются первые железные орудия труда и оружие. Наступила «эпоха железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора».

В среду местного горского населения проникают скифы и позже —сармато-аланы, принося с собою элементы иранской речи.

С III—IV вв. н. э. на территории центральной части Северного Кавказа сложилась своеобразная аланская культура. Носителями ее были прежние степняки — кочевники сармато-аланы и туземные горские племена, которых аланы при своем появлении на Северном Кавказе не вытеснили, а смешались с ними.

Родоплеменной строй населения Северного Кавказа перерос не в рабовладельческий строй, как это было в странах Древнего Востока и юга Европы, а в феодальный. Наиболее показательные материалы о зарождающемся феодализме у алан дают городища Адиюх и городище Гиляч, указанные в работе.

Племена и народы Северного Кавказа развивали свою культуру не изолированно, не в отрыве от культуры соседних стран. Уже в эпоху бронзы, на основании археологических данных, исследователи отмечают связи населения Северного Кавказа с населением Закавказья, Украины, Приуралья. С древнейших времен устанавливается обмен не только с соседними племенами и народами, но и с населением Средиземноморья, Передней Азии, Прибалтики. Со времени появления в письменных источниках известий о киммерийцах и скифах история Кавказа оказалась особенно тесно связанной со всемирной историей.

Издавна существовали связи и с Русским государством. К жителям наших областей проникали вещи, характерные для русской культуры. Русская летопись упоминает имена северокавказских народностей, северокавказские города, указывает на совместные военные походы русских и алан.

С конца XI и в XII вв. н. э. степная часть Ставрополья осваивается под кочевья половцев. Аланское население оттесняется в горы. Спасаясь от татаро-монгольских полчищ, появившихся в начале XIII в. на Северном Кавказе, часть половцев убегает в горы, где смешивается с горцами и аланами.

После татаро-монгольского завоевания Восточной Европы наш край входит в территорию Золотой Орды. В эпоху Золотой Орды в предгорья Ставропольского края продвигаются адыгские племена — кабардинцы, черкесы и другие.

С падением Золотой Орды начинается новый период местной истории. Этот период изучается главным образом по письменным источникам. Археологические памятники теряют теперь свое первостепенное значение, хотя все же и привлекаются иногда историками.

Таковы те выводы, которые можно сделать на основании выше охарактеризованных памятников.

С открытием и исследованием новых археологических памятников, которыми так богат наш край, будут расширяться и наши познания в области местной истории. В этом деле и преподаватели, и школьники могут принести большую пользу науке. Если производить археологические раскопки разрешается только специалистам-археологам, то регистрацию, описание и охрану памятников древности может вести каждый любознательный человек. Чем больше людей будет заинтересовано в открытии и охране этих «документов далекого прошлого», тем лучше мы будем знать местную историю и тем глубже будем понимать общую историю нашей Родины.

Примечания

1. История развития жизни на земле делится на четыре эры: архейскую (древнейшую), палеозойскую (древнюю), мезозойскую (среднюю) и кайнозойскую (новую). Последняя делится на третичный период и четвертичный период, продолжавшиеся до 1 миллиона лет.

2. Древнейший человек, костные остатки которого обнаружены в Китае, невдалеке от Пекина.

3. Термином «культура» условно называются племенные объединения, отличавшиеся друг от друга типами орудий труда, украшений, формами жилищ, обрядами погребений.

4. Боспорское царство — рабовладельческое государство в Северном Причерноморье (V в. до н. э. — IV в. н. э.). Столицей Боспорского царства был г. Пантикапей на месте современного г. Керчи.

5. Ширван и Арран — раннефеодальные княжества на территории современного Азербайджана.

Основная литература

К главе I

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М., Госполитиздат, 1953.

Энгельс Ф. Диалектика природы. М., Госполитиздат, 1955.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1953.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Отдел второй, гл. 2, 3, 4. М., Госполитиздат, 1952.

Ленин В.И. О государстве. Сочинения, изд. IV, т. 29, стр. 433—451.

* * *

Арциховский А.В. Основы археологии. М. 1954.

Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953.

Замятнин С.Н. Новые данные по палеолиту Закавказья. «Советская этнография», 1935, № 2.

Замятнин С.Н. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XII, М.— Л., 1949.

Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Исследования по каменному веку в Кабарде (в 1954—1955 т). Ученые записки Кабардинского научно-исслед. ин-та, т. XI, Нальчик, 1957.

Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Раскопки грота Сосруко в 1955 г. Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-иссл. института, т. XIII. Нальчик, 1957.

Лунин Б.В. К вопросу о действительном возрасте подкумского человека в свете археологических данных. Советская археология, вып. IV, М.—Л., 1937.

Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.

Любин В.П. Первая находка нижнего палеолита на Ставрополье. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 73, 1959.

Любин В.П. Мезолитическая стоянка Явора. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 84. М., 1961.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

К главе II

Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Ученые записки Ленинградского университета, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949.

Алексеева Е.П. Находки эпохи поздней бронзы в Карачаево-Черкесской автономной области. «Советская археология» № 2, 1960.

Артамонов А.И., Гракова О.А. Бронзовый век. Большая Советская Энциклопедия, т. 6, М., 1957.

Артамонов М.И. Третий разменный курган у ст. Костромской. «Советская археология», вып. X, 1949.

Егоров Н.М. Боргустанский клад. «Советская археология», вып. XV.

Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия Государственной Академии истории материальной культуры, вып. 120, Л., 1935.

Иессен А.А. К вопросу о датировке «больших кубанских курганов». «Советская археология», вып. XII, М.—Л., 1950.

Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 23, М.—Л., 1951.

Иерусалимская А.А. Предкавказский вариант катакомбной культуры. «Советская археология», 1958, № 2.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960.

Минаева Т.М. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XVI, М., 1947.

Отчет Археологической комиссии за 1897.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа. «Труды V археологического съезда в Тифлисе». М., 1887.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. «Материалы по археологии Кавказа», т. VIII, М., 1900.

К главе III

Алексеева Е.П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии, Черкесск, 1960.

Граков Б.Н. Скіфи. Київ, 1947.

Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов. «Вестник древней истории», 1947, № 3.

Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Иессен А.А. и Пиотровский Б.Б. Моздокский могильник. Л., 1940.

Минаева Т.М. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 8, Ставрополь, 1956.

Пиотровский Б.Б. Скифы и Закавказье. Труды отдела востока Гос. Эрмитажа, т. III, Л., 1940.

Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.

Пиотровский Б.Б. Урарту. Сб. «По следам древних культур», М., 1951.

Придик Е.М. Новые кавказские клады. «Материалы по археологии России» № 34. Петроград, 1914.

Рунич А.П. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы. «Советская археология», 1901, № 1.

Смирнов К.Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XXXII, М.—Л., 1950.

Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XXXIV, М.—Л., 1950.

Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов. «Советская археология», 1957, № 3.

К главе IV

Алексеева Е.П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 60, М., 1955.

Алексеева Е.П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960.

Ванеев З.Н. Средневековая Алания. Сталинири, 1959.

Крупнов Е.И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953.

Крупнов Е.И. Галиатский могильник. «Вестник Древней истории», М., 1938, № 2.

Кузнецов В.А. Об одном извращении истории народов Северного Кавказа. «Вопросы истории», 1954, № 9.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа, М., 1962.

Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 2—3, Ставрополь, 1950.

Минаева Т.М. Археологические памятники на реке Гиляч в верховьях Кубани. «Материалы и исследования по археологии СССР» № 23. М.—Л., 1951.

Минаева Т.М. Городище на балке Адиюх в Черкесии. Сборник трудов Ставропольского гос. педагогич. ин-та, вып. 9, Ставрополь, 1955.

Минаева Т.М. Поселение в устье р. Узун-Кол. «Советская археология», 1960, № 2. Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 616—631.

Сысоев В.М. Археологические экскурсии по Закубанью. «Материалы по археологии Кавказа», т. IX, М., 1904.

К главе V

Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. Записки Академии Наук, т. XXVI, кн. 1. 1875.

Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 6, Л., 1941.

Мавродин В.В. Славяно-русские поселения Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV веках. Ученые записки Ленинградского Гос. педагогич. ин-та им. А.И. Герцена, т. XI, Л., 1938.

Насонов А.Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы. «Исторические записки», вып. 6, М., 1940.

Прозрителев Г.Н. К истории тмутараканского камня. «Сб. сведений о Севером Кавказе», т. VIII, Ставрополь; 1913.

Пархоменко В.А. Три Центра Древней Руси. Очерки истории СССР. IX—XIII вв. Глава третья. М., 1953.

Смирнов А.П. К вопросу об истоках Приазовской Руси. «Советская археология», 1958, № 2.

Тебеньков М. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер-Наме» Низами как источник для характеристики этих сношений. Тифлис, 1896.

Якубовский А.Ю. Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г.—943/42. Византийский временник, т. XXIV, Л., 1926.

Якубовский А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. III, № 5. М., 1946.

К главе VI

Алексеева Е.П. Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии. Материалы сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV веков. Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.

Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах или «Балбаллах». Записки Одесского об-ва истории и древностей, т. XXXII, 1915.

Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.

Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерки исторической географии. М., 1948.

Ляскоронский В.Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время. СПб., 1907.

Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. XI, Ставрополь, 1963.

Пискарев А.И. О местонахождении «каменных баб» в России. Записки Археологического об-ва, т. 3, СПб, 1851.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 62, М.—Л., 1958.

Пономарев А. Куманы-половцы. «Вестник Древней истории», № 3—4, М., 1940.

К главе VII

Алексеева Е.П. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв. Ученые записки Карачаево-Черкесского научно-исслед. ин-та, вып. 3, серия историческая. Черкесск, 1959.

Архипов Д.П. Очерки исследования древнего города Маджара. «Ставропольские губернские ведомости», 1856 г. № 12—20.

Греков В.Д., Якубовский Л.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 г. М., 1911.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1771—1785.

Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 5, Ставрополь, 1953.

Минаева Т.М. Археологические памятники Черкесии. Ученые записки Черкесского научно-исслед. ин-та, вып. 2, Черкесск, 1954.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 1, половина первая, 1772 и 1773 гг. перевод В. Зуева. СПб., 1788.

Прозрителев Г.Н. Маджары — один из древнейших городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1906.

Савельев В.К. О городах Маджаре и Булгаре по монетам. Труды IV археологического съезда, т. I.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде, СПб., 1884.

Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре. Труды IV археологического съезда, т. I..

Текст печатается по изданию:
Минаева Т.М. Очерки археологии Ставрополья. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1965.

Н.А. Охонько. **Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье**

В соответствии с физико-географическим районированием Предкавказья, его центральной частью является Ставропольская возвышенность, «занимающая определенный, с четко выраженными границами район» (1, с. 88; 2, с. 38—39; 3, с. 21; 4, с. 70; 5, с. 25). Именно этот район и является собственно Центральным Предкавказьем.

Акцентация на этом выводе представляется уместной потому, что в археологической литературе по Северному Кавказу наряду с общепринятым в географической науке определением Центрального Предкавказья (6, с. 9) существуют и неточные его толкования (7, с. 18; 8, с. 83; 9, с. 27), в то время как границы Центрального Предкавказья определяются естественными границами Ставропольской возвышенности. И эти два понятия суть одного и того же явления.

В рельефном представлении Ставропольская возвышенность имеет вид уплощенного широкого куполовидного поднятия, более повышенного в южной части и понижающегося к северу.

На севере возвышенность ограничена Приманычской низменностью, занятой долиной Маныча. Долина отделяет Ставропольское плато от Ергеней, расположенных севернее. К востоку от Ставропольского плато лежит Терско-Кумская низменность, представляющая южную часть обширной Прикаспийской низменности. К западу расположена Азово-Кубанская равнина. Внешней границей западных склонов возвышенности является обрыв к долине Кубани.

Южнее начинаются предгорья Большого Кавказа, от которых Ставропольское плато отделено обширным понижением, известным в литературе под именем Предкавказской западины (5, с. 26). Западина образует естественный коридор, идущий от Армавира до Пятигорья.

В западную, северную и восточную стороны возвышенность имеет плавное понижение, незаметно переходя в окружающие ее равнины. Исключение составляет южный край, имеющий повышение до 500—800 м и более, а затем круто обрывающийся. С юго-востока возвышенность стыкуется с районом Пятигорья и через него с предгорьями. В общей системе Северного Кавказа Ставропольская возвышенность является боковым отрогом Большого Кавказа, глубоко вдающимся в степь в виде клина.

Среди поверхности Ставропольской возвышенности можно выделить две различные по характеру рельефа части: центральную и окраинную. Центральная часть, расположенная между р. Егорлык и р. Калаус, имеет сложный рельеф, образованный высотами и расчлененный глубокими балками. Гора Стрижамент достигает отметки 832 м и является высшей точкой всего плато. Ставропольские высоты в окрестностях г. Ставрополя имеют отметки до 650 м и служат центром южной части возвышенности. Таких же примерно высот достигает гора Недреманная и др. После массива Ставропольских высот выделяются Прикалаусские высоты, расположенные восточнее и достигающие отметки 700 м.

«По своему внешнему виду возвышенность местами напоминает горный район с высокими платообразными массивами, которые расчленены глубокими долинами с террасовидными уступами» (10, с. 45).

Особенности рельефа предопределили остальные компоненты географической среды Ставропольской возвышенности и выявили ее место в системе Предкавказья.

Прежде всего возвышенности отводится роль важного климатического рубежа (11, с. 4). Она делит Предкавказье на две области, резко отличающиеся друг от друга по своим природным условиям, — Западное Предкавказье и Восточное Предкавказье. Склоны западной и центральной части возвышенности стоят на пути господствующих циклонических воздушных течений с запада, которые приносят влагу со стороны Атлантического океана.

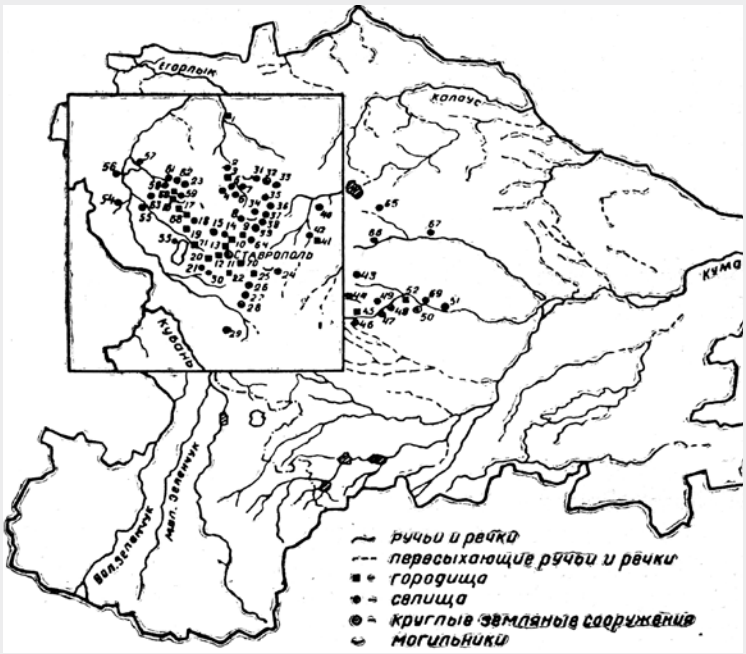


Рис.1. Карта поселений Ставропольской возвышенности

Влияние Ставропольской возвышенности на климат Предкавказья, сказывающееся в увеличении количества осадков на западе и уменьшении его на востоке, делает зональные черты природы Предкавказья как бы более контрастными.

Западная и центральная части Ставропольской возвышенности обладают плодородными черноземными почвами. Здесь господствуют разнотравные степи, а наиболее возвышенные места представляют собой подлинную лесостепь. К востоку, с возрастанием сухости климата, происходит смена от разнотравно-ковыльных степей к более сухим типчаково-ковыльным и, наконец, к полынно-типчаково-ковыльным, относящимся уже к полупустыне.

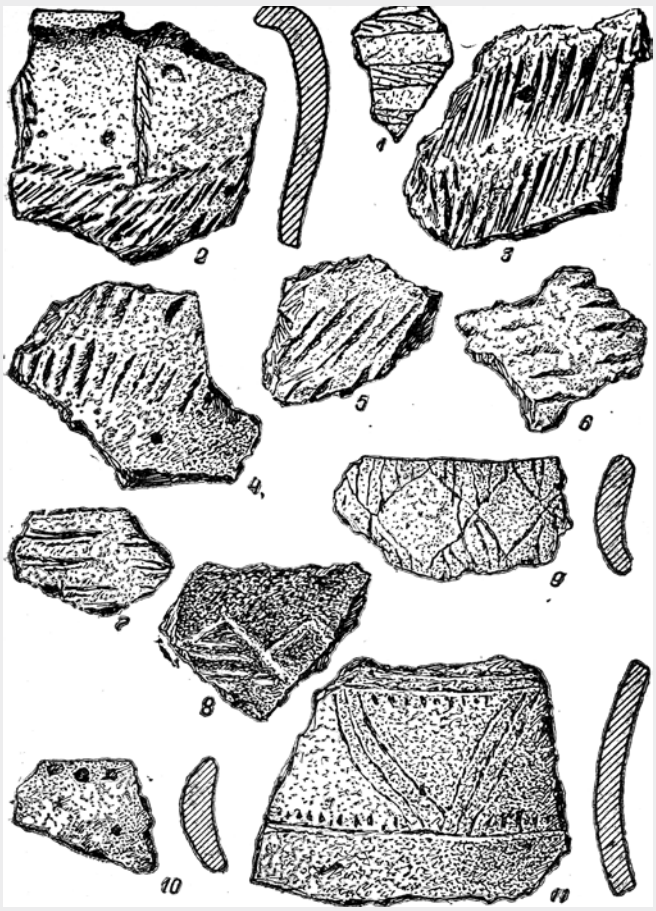


Рис. 2. 1–7 — керамика с поселения, 8 — поселение у х. Балки, 9 — Томулозовское городище, 10 — поселение на горе у с. Северного, 11 — Чапаевское городище

По всему комплексу географических, ботанических и почвенных характеристик западная часть Ставропольской возвышенности тяготеет к Западному Предкавказью (Азово-Кубанскому району), а восточная к Восточному Предкавказью (Терско-Кумской низменности) (2, с. 8, 9, 98, 144).

Другой важной особенностью региона является то, что он гидрографически полностью самостоятелен, имеет свои речные системы и служит водоразделом между бассейнами Азовского и Каспийского морей. Речные системы, начинающиеся в центральной части Кавказа (Кубань) и передовых хребтах (Кума), подходят к возвышенности лишь в ее периферийных частях.

Наиболее крупные реки Ставропольской возвышенности — Егорлык и Калаус. Первая связывает Центральное Предкавказье с Азовским бассейном, а вторая с Восточным Манычем и Прикаспием.

Восточные районы возвышенности прочно связаны многочисленными притоками с р. Кумой. В верховьях эти притоки очень близко подходят к бассейну р. Калаус.

Главным гидрографическим узлом Центрального Предкавказья служат Ставропольские высоты (район г. Ставрополя), дающие начало 12 полноводным ручьям, впадающим в Егорлык и Калаус. Здесь располагаются самые крупные лесные массивы и залегают мощные черноземы. Особенный интерес представляют северо-западные и южные склоны высот, являющие собой область куэстоподобных долин — правых притоков Егорлыка – и очень напоминающие предгорья. Климат Ставропольских высот отличается наименьшими амплитудами температур в году и наибольшим увлажнением (11, с. 13). Это район наиболее благоприятный для хозяйственного освоения.

Отмеченные черты физико-географического комплекса в большей степени предопределили роль Центрального Предкавказья — Ставропольской возвышенности в этно-исторических процессах Предкавказья и Северного Кавказа в прошлом. По меткому замечанию В. Б. Ковалевской, Ставропольская возвышенность «...оказывается северным форпостом зоны куэст (предгорий. — *Н.О.*), выдвинутым в Предкавказье, в область степей и равнин, местом географически обусловленного усиленного контакта степных кочевников с горцами» (13, с. 13).

Археологическая изученность Ставропольской возвышенности до последнего времени оставалась слабой и неравномерной.

Для дореволюционных, да и для первых советских исследователей главный интерес представляли экзотические районы Северного Кавказа. Если Ставропольскую возвышенность и отмечали, то походя, вскользь, на пути к Большому Кавказу, который был традиционно «в моде» у путешественников и ученых. Их всегда привлекали выразительные памятники гор и предгорий, отличавшиеся большей эффектностью и известностью (14).

Изучение бытовых памятников Ставропольской возвышенности до революции не проводилось. Имеются лишь отдельные упоминания о местонахождении некоторых поселений и случайных находок.

Наиболее известным памятником является Татарское городище, отмеченное на всех картах окрестностей г. Ставрополя с начала XIX столетия (15, с. 124).

Директор Астраханского народного училища И.В. Ровинский в начале XIX в. отмечает «знаки земляных укреплений» по р. Калаус, а в верховьях р. Сабли (приток р. Кумы) каменные развалины (16, с. 219).

С конца XIX в. и до 30-х годов XX в. археологическими памятниками Ставропольской возвышенности занимался Г.Н. Прозрителев. Специальных исследований поселений, насколько мне известно, он не проводил. В архиве Г.Н. Прозрителева и его печатных работах по истории края имеются краткие сведения о Татарском городище, сообщается о каких-то развалинах на северо-западной окраине г. Ставрополя, остатках «древних жительств и могильников» по р. Мамайке, а также различных находках по р. Ташле в районе с. Московского и с. Пелагиады, а также отмечаются следы древнего поселения в с. Надежда (17, с. 41—42, 118, 139; 18). Известно было Г.Н. Прозрителеву и Каряжское городище, на котором он в 1924 г. собрал предметы гуннского времени (19, с. 141—142; 20, с. 236).

В 30—40-х годах изучением ставропольских поселений занималась Т.М. Минаева (19). Ее статья «Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности», несмотря на некоторые неточности по части датирования, до последнего времени служила единственным источником по поселениям Центрального Предкавказья.

Два поселения были выявлены и описаны в 1960 г. А.Л. Нечитайло (21, с. 308—313). Одно из них эпохи бронзы у с. Казинки, второе со слоями скифо-сарматского и средневекового времени на Бредихинской поляне у с. Татарки.

В течение 70-х и начале 80-х годов изучением средневековых памятников активно занимается А.В. Гадло (9; 22; 23; 24; 25; 26) и А.В. Найденко (26; 27, гл. I— III). Два селища VIII—X вв. обследованы Х.Х. Биджиевым (28, с. 109—110).

Их работы позволили сделать выводы об интенсивном заселении Ставропольской возвышенности в VIII— X вв. и наметили дальнейшие пути изучения Центрального Предкавказья в хазарскую эпоху.

Крупной вехой в изучении поселений Предкавказья явились раскопки Грушевского городища и могильника под г. Ставрополем, проводимые А.В. Найденко с участием А.В. Гадло и автора (27, с. 44—50; 29, с. 34—36; 30). Материалы этого памятника, получившего датировочную привязку к греческой хронологии, могут быть эталоном для древностей Центрального Предкавказья эпохи раннего железа.

Интересный материал был получен экспедицией В.Г. Петренко, о чем будет говориться ниже.

С 1981 г. планомерным изучением поселений Ставропольской возвышенности занимается Ставропольский краеведческий музей им. Г.К. Праве, работающий совместно с Краснознаменской экспедицией Института археологии АН СССР. За этот период проведены раскопки на Ташлянском городище в г. Ставрополе (31), разведаны южные, северные и восточные районы возвышенности (32; 33). В результате обследовано 48 поселений, выявлено 6 могильников и 7 объектов предположительно культового характера (рис. 1)[1].

В общей же сложности мы располагаем сведениями о 70 поселениях Ставропольской возвышенности.

Целью настоящей работы ставится введение новых данных и с учетом прежних установление первичной хронологической и по возможности культурно-исторической характеристики поселений Ставропольской возвышенности, насколько это возможно на данном этапе. Затем на основании этого попытаться определить основные этапы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье, наметить направления путей заселения и распределение памятников на карте с учетом физико-географической характеристики региона.

Несомненно, что со временем, в связи с накоплением новых и новых данных, предлагаемые выводы будут уточняться, дополняться и даже исправляться. На данном же этапе предлагается следующее понимание памятников Ставропольской возвышенности.

Памятники эпохи бронзы. Нижний слой Ташлянского городища № 1 в черте г. Ставрополя. Поселение занимало низкий мыс по левому берегу р. Ташлы.[2] Керамика аналогична той, что собрана на поселении майкопской культуры у г. Усть-Джегуты (34, с. 32, 33, 37, рис. 12, 5). Вместе с керамикой обнаружены кремневые ножевидные пластины, отщепы и наконечник стрелы с выемчатым основанием. Среди находок имеется пластинчатая ручка, датирующаяся концом майкопской культуры (35, с. 67; 36, с. 80). На керамике заметно влияние черт, присущих ямной культурно-исторической общности (37).

Следы поселения в верховьях балки Шахтерской (левый приток р. Ташлы Егорлыкской), на южной окраине с. Пелагиада. Собрано большое количество кремневого инвентаря и отщепов, хранящихся в общественном музее с. Пелагиады. Нашей экспедицией в шурфе найден обломок каменного топора кабардино-пятигорского типа, по которому можно предполагать о времени второго этапа северокавказской культуры (6, с. 100, 146; 34, с. 58, 104).

Поселение этого же времени зафиксировано А.Л. Нечитайло на Шияновых кручах в верховьях р. Казинки (21, с. 308—310).

40 объектов Ставропольской возвышенности характеризуют переходный этап от эпохи бронзы к раннему железу и ранний железный век в целом. При этом намечается их следующая периодизация.

Памятники предскифского времени (VIII — первая половина VII вв. до н. э.); памятники скифского периода (середина VII — V вв. до н. э.); памятники савроматского и сарматского времени (конец V — начало IV вв. до н. э. — рубеж или первые века н.э.). Границей между памятниками савроматского и сарматского периодов служит начало III в. до н. э.

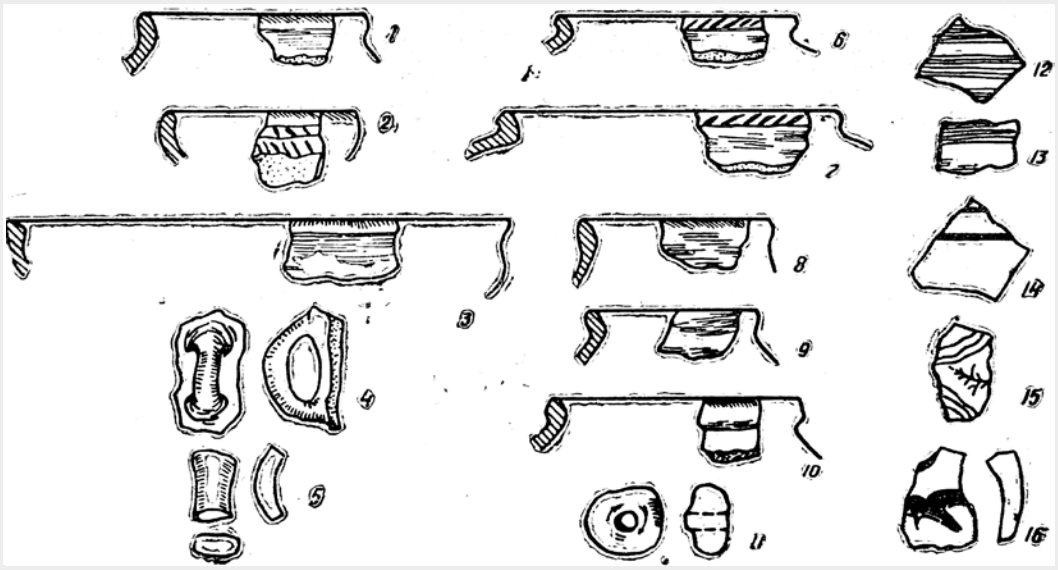


Рис. 3. Керамика с Краснознаменского поселения

Ряд поселений, вследствие недостаточной изученности, не позволяют отнести их строго к тому или иному периоду и атрибутируются как поселения раннего железного века. Многие памятники имеют слои нескольких последующих один за другим периодов, например, Грушевское городище, включающее слои с VIII по III вв. до н. э.

Памятники предскифского времени. Поселение Шестая точка в верховьях р. Карягиной (правый приток верховьев р. Егорлык), поселение на г. Стрижамент (северный склон), нижний слой Грушевского и Татарского городищ, Ташлянское поселение № 3. Все они расположены в южной, наиболее высокой части Ставропольской возвышенности. Занимают естественно укрепленные участки рельефа без искусственных укреплений в верховьях

речек. Шестая точка, Грушевка, Ташлянское № 3 и Татарское поселения размещались на мысах, а поселение на г. Стрижамент занимало лощину у самой вершины Стрижамента, хорошо защищенную естественными особенностями рельефа.

Памятники определяются по керамике с характерной орнаментацией и некоторым формам сосудов. Прежде всего это лепные сосуды с неровным цветом от серого до желто-коричневого, украшенные насечками различной формы (рис. 2, 1—7). Насечки могли сочетаться с прочерченным линейным орнаментом (рис. 2, 2). Таким орнаментом украшались кобанские чаши, обнаруженные на всех вышеотмеченных поселениях (рис. 2, 1). Такие чаши — типичнейший элемент кобанских могильников Пятигорско-Кисловодского района (7, рис. 27, рис. 29, 1—3, рис. 30, 1, табл. XXXI, 2, табл. XXXII; 38, рис. 1, 13, 16, 17, рис. 2, 20, рис. 3, 7, 13, 29, рис. 4, 2; 39, рис.47, рис. 6, 8). Датировка их не позже VIII—рубежа VIII—VII вв., до н. э. (39, с. 169), время бытования совпадает с киммерийским этапом истории (38).

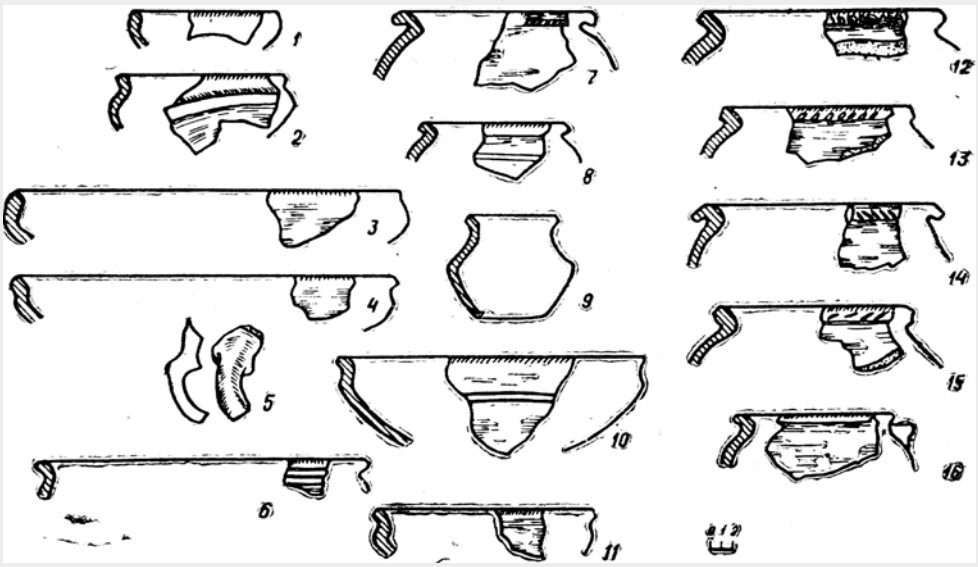


Рис. 4. Керамика с поселения у мелиоративного пруда

В погребениях Грушевского могильника такие чаши находятся вместе с наконечниками Новочеркасского типа (27, с. 46). Это же наблюдается и в Кисловодских могильниках. Все это позволяет согласиться с датировкой VIII—первой половиной VII вв. до н. э. при большей близости к VIII в. (40, с. 13—26).

На памятниках восточного варианта кобанской культуры чаши, близкие по форме, также не переходят рубеж VII в. до н. э. (41, с. 81, табл. V, 6—8).

Несколько сложнее обстоит дело с определением керамики с насечками (рис. 20, 1—7). Пока не удалось найти ей широких аналогий. Известен лишь пункт на склоне г. Машук в г. Пятигорске.

Некоторые выводы. Поселения и могильники предскифского периода по своему материалу ближе всего к памятникам Пятигорско-Кисловодского района.

Локализация памятников связана с южными, наиболее возвышенными участками Ставропольской возвышенности. Поселения занимают участки естественно защищенной местности в верховьях рек и их притоков. Искусственных укреплений, судя по всему, не было. Культурный слой тонкий, что может говорить о сравнительно недавнем заселении возвышенности до появления скифов. В какой-то период эти поселения прекращают свое существование. На одних жизнь прерывается полностью (Шестая точка, Стрижамент), на других продолжается в последующий скифский период.

Памятники скифского времени. Прежде всего это основной слой Грушевского городища (27, с. 44—46).

В 1981 г. В. Г. Петренко исследовала несколько погребений VI в. до н. э. на р. Черниковой юго-западнее с. Пелагиада (42). Позже нашей экспедицией здесь было открыто одновременное могильнику поселение, занимающее невысокое естественное всхолмление. Толщина культурного слоя до 1 м, в нем следы турлучных строений.

Первое поселение на Третьей речке, в 2 км севернее г. Ставрополя. Занимает одну из террас пологого берега речки. Культурный слой порядка одного метра. При рытье ям для деревьев А.И. Потехин собрал большое количество керамики, среди которой выделяются крупные чернолощеные сосуды, украшенные валиками в комбинации прочерченных полос и вдавлений (рис. 12, 1-4).

Большой процент занимают миски с простыми бортиками, украшенные иногда вертикальными налепами (рис. 12, 6). Среди находок глиняная половинка формы для отливки серьги (рис. 12, 7) и бронзовые наконечники стрел VII — VI вв. до н. э.3

В целом керамический комплекс поселения подобен Грушевскому городищу.

К скифскому времени принадлежит один из слоев Татарского и Ташлянского № 3 городищ, поселения в среднем течении Третьей речки в верховьях р. Развилки (балка Дубовая), в верховьях р. Горькой (у х. Кожевникова), на Павловой даче (левый берег). Группа поселений скифского времени выявлена на Прикалаусских высотах в верхнем течении р. Томузловки. Наиболее известное из них — Краснознаменское, расположенное рядом с группой скифских курганов, исследованных В.Г. Петренко. Ею же на поселении собрана керамика, имеются находки наконечников стрел VII—V вв. до н. э.

Среди наших сборов к скифскому времени можно отнести небольшую орнаментированную мисочку (рис. 3, 2) и фрагмент чернолощеного сосуда с прочерченным орнаментом (рис. 3, 15).

Слои скифского времени отмечаются на поселении у с. Северного (г. Высокая) и на Томузловском городище, расположенном недалеко от Краснознаменского поселения. Ограниченный объем статьи не дает возможности характеризовать их более подробно.

Выводы. Поселения скифского времени локализуются в районе Ставропольских высот с их окрестностями и на Прикалаусских высотах.

Самые крупные из них занимают выгодные ключевые позиции на высотах, в верховьях речек. На периферии располагались небольшие неукрепленные поселения, занимающие, как правило, ле-

вый берег речки от верховий до среднего течения. При выборе места предпочтение отдавалось участкам берега, дополнительно прикрытым балочкой или лощиной (верховья р. Развилки и р. Горькой, например).

Искусственных укреплений и других элементов фортификации поселения не имели, что отмечалось для поселений скифского времени в целом на Северном Кавказе Е.И. Крупновым (7, с. 165, 166, 167, 174).

По сравнению с предшествующей эпохой произошли некоторые изменения в керамическом материале. Исчезли сосуды с насечками, типа отмеченных на Шестой точке и др. поселений предскифского времени. Увеличился удельный вес мисок простых форм. По мнению Е.И. Крупнова, такие миски в большом количестве «появляются на Кавказе примерно с середины 1 тыс. до н. э.» и более присущи комплексам скифской культуры (7, с. 265).

Постепенно исчезают кобанские чаши классических форм, которые, похоже, перерождаются в неорнаментированные сосуды типа глубоких мисок с округлыми очертаниями плечиков вместо ребристых.

Погребальный обряд сохраняет черты, присущие заключительной стадии кобанской культуры западного варианта (42, с. 163).

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что все известные к настоящему времени памятники собственно скифов локализуются в местах, наиболее густо заполненных оседлыми поселениями. Это район Ставропольских и Прикалаусских высот (47; 48; 49; 50). Причем отмечается самая непосредственная близость крупных скифских курганов и поселений. Так, Ставропольский курган № 1, исследованный в 1984 г. автором с участием В.Г. Петренко и И.В. Отюцкого, находится всего в 2 км от Грушевского городища. Такое же расстояние отделяет знаменитые Александровские курганы от Краснознаменского поселения.

С открытием в 1985 г. В.Г. Петренко большой группы скифских курганов у с. Новозаведенного[4] стала вырисовываться определенная закономерность в размещении этих курганов по линии Ставрополь — Александровское — р. Кума. Раскопки около 400 курганов в более степных районах севернее с. Александровского и на Маныче[5] не дали пока ни одного скифского, за исключением, быть может, отдельных погребений.

Интересно заметить, что размещение скифских курганов совпадает с Азово-Моздокской линией первых русских крепостей при завоевании Кавказа.

Отмеченная ситуация отражает взаимоотношения скифов с местным оседлым населением кобанской культуры.

Очевидно, появление скифов в Центральном Предкавказье с середины — третьей четверти VII в. до н. э. (47, с. 44) способствовало вначале прекращению жизни на поселениях типа Шестая точка. Затем отношения стабилизировались, стали более тесными и взаимозависимыми, что привело к резкому увеличению оседлых поселений на Ставропольской возвышенности. Материальная культура поселений в своей основе сохраняет черты кобанской культуры заключительного этапа со степным скифским влиянием. На основании этого представляется верным вывод о проведении границы кобанской культуры по линии Буденновск — Александровское — северные склоны Ставропольских высот, что совпадает с мнением В.И. Козенковой (43, с. 32) и В.Г. Петренко (42, с. 163).

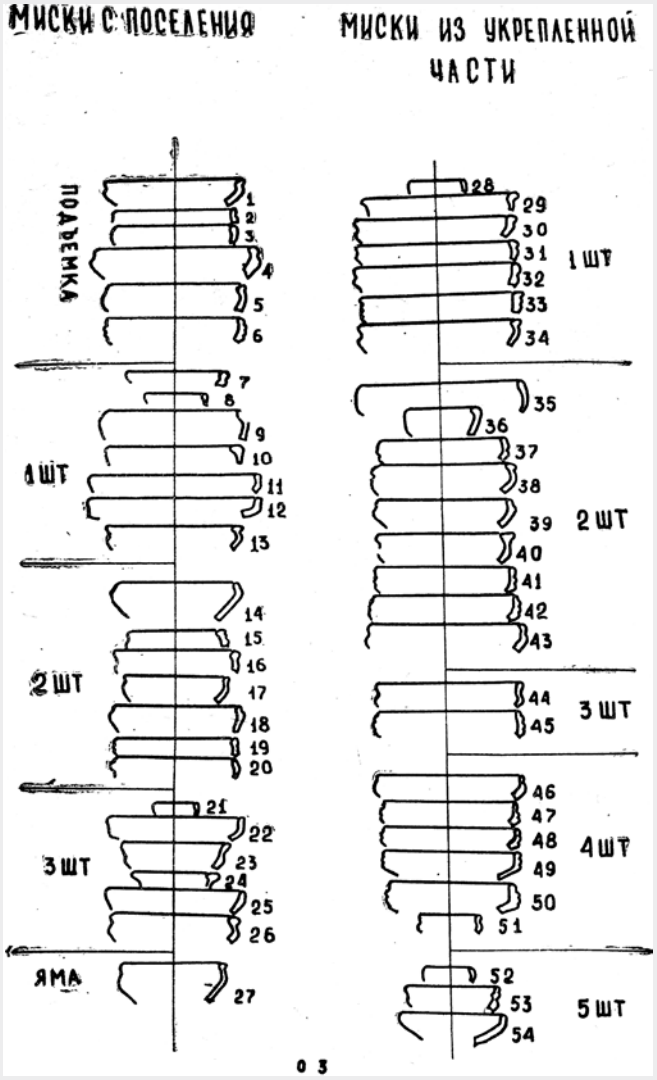


Рис. 5. Типы мисок сарматского времени с первого Ташлянского городища

На Ставропольской возвышенности поселения тесно соседствовали и переплетались с памятниками скифской культуры.

Обстановка снова меняется в конце V — начале IV вв. до н. э. К этому времени относится появление памятников типа первого поселения на р. Вербовке с могильником (западная окраина г. Ставрополя).

В верховьях речки на небольшом выступе берега размещается круглое сооружение из камня, сохранившееся в виде кольцевого вала. Камни носят следы обжига. Ширина вала 6 м, высота до одного метра. Внутренний диаметр круга 30 м.

С напольной стороны примыкает открытое неукрепленное поселение, сплошь поросшее лесом. В 150 — 200 м ниже поселения вдоль края берега располагается могильник, состоящий из дольменовидных гробниц, углубленных до краев в землю. Самая крупная гробница № 1 сильно ограблена.

В плане она прямоугольная, размером 5,35x2,45 м. Глубина 2 м. Стены составлены из вертикальных хорошо обработанных плит со средним размером 0,75x1,3 м. Сверху плиты доложены несколькими рядами горизонтально положенных камней небольших размеров.

Школьниками в музей доставлен комплекс вещей, состоящий из бронзовых и железных наконечников стрел, пряслиц, обломков зеркала и различных украшений. Среди находок греческий

чернолаковый канфар, хорошо датирующийся концом V — началом IV вв. (44, с. 176, рис. 14). Этим временем датируется и гробница № 2, доисследованная нами. Конструкция ее аналогична гробнице № 1. Выявились такие детали, как коридорный вход, ведущий к отверстию в боковой стене, каменная отмостка вокруг гробницы и каменный пол, покрытый слоем глины. Форма камеры близка к овальной. Несмотря на сильную ограбленность, удалось выяснить наличие коллективных захоронений. Среди находок обломки греческих амфор. Гробница с инвентарем конца V — начала IV вв. до н. э. была изучена Л.Н. Глушковым недалеко от поселения на площади Маяковского в г. Ставрополе.[6]

Могильник из аналогичных гробниц выявлен около поселения в верховьях балки Беспутки и на правом берегу р. Гремучки около стрельбища. Отмеченные дольменовидные гробницы очень оригинальны и необычны. Единственной аналогией пока может служить дольменовидная подземная гробница Кобу-Баши из Верхнего Прикубанья (61). Основной материал её датируется рубежом — первыми веками н. э. (61, с. 175), но присутствует и более ранний, вплоть до V в. до н.э. Не исключено, что гробница Кобу-Баши, будучи возведенной во второй половине I тыс. до н.э., имела долгий период использования и действовала в более стабильных условиях жизни предгорий до первых веков н.э.

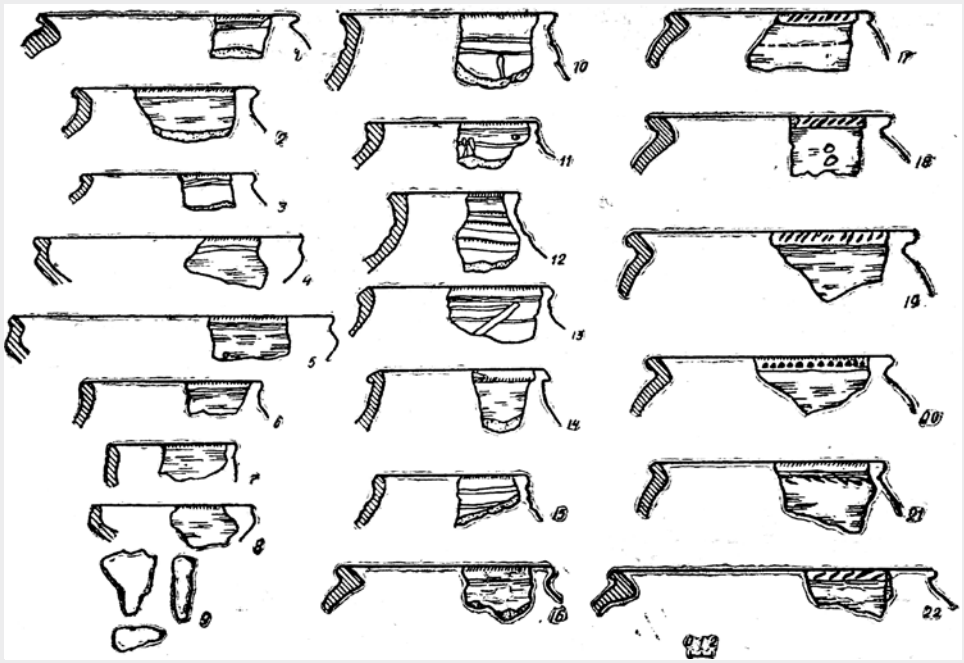


Рис. 6. Керамика с поселения у пруда Волчьи ворота

К поселениям типа Вербовки 1, имеющим круглые кольцевые сооружения на краю у берега речек и балок, относятся: поселение в верховьях балки Беспутки и поселение на кордоне Школьном. Последнее, по описаниям А.Л. Нечитайло, совпадает с Бредихинским городищем, выявленным в 1960 г. (21, с. 310—313). Здесь под насыпью кольцевого вала в 1984 г. было найдено скифское изваяние VI в., случайно обнаруженное в процессе земляных работ, проводимых лесничеством. Вал состоял из глины, грунта и камней. Находка, частично отбитая и брошенная под основание вала, позволяет говорить о времени сооружения его в период позже VI в., вернее всего в конце V — начале IV вв. до н.э., т. е. одновременно с Вербовским. Кольцевые сооружения отмечены на Татарском и Томузловском городищах, имеющих очень близкую планировку. Диаметр круга на Татарском городище 116 м, на Томузловском — 50 м. Оба памятника имеют слои второй половины I тыс. до н. э. Назначение кольцевых сооружений пока неясно. Возможно, что они соединяли защитные и культовые функции.

К этому же периоду относятся слои Ташлянского и Мамайского поселений в г. Ставрополе, поселение на р. Жилейке, городище у х. Нагорного, поселение у х. Красное Знамя, первое поселение на Третьей речке, поселение у х. Балки, Чапаевское городище, поселение у г. Ипатово и х. Нижнерусского, поселение на берегу Коминтерновского пруда у с. Красного, поселение на р. Бешпагирке, поселения у Суворовского моста, на берегу Мелиоративного пруда и пруда Волчьи ворота, а также другие, менее значимые пункты.

У Ташлянского № 1 и поселения на р. Жилейке выявлены могильники. В первом случае это узкие неглубокие ямы, обставленные каменными плитами на ребре. По железным наконечникам стрел, могильник относится к IV—I вв. до н. э. На р. Жилейке погребенный лежал в узкой яме, перекрытой на глубине 0,3 м поперечными каменными плитами. Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на восток. У левой ноги кости бараньей ноги с лопаткой, и с ними железный нож — черта, присущая сарматскому погребальному обряду. По керамике погребение можно отнести к концу V — IV вв. до н. э.

Керамика поселений второй половины I тыс. до н. э., сохраняя во многом старые традиции, имеет много новых черт. Прежде всего это явное преобладание мисок, характерных для сарматского времени. Миски отличаются разнообразной формой бортиков с профилировкой (рис. 4). Такое явление отмечается и в Прикубанье (45; 46).

Для поселений восточной части Ставропольской возвышенности очень характерны сосуды котлообразной формы, украшенные насечками и вдавлениями по резко выступающему краю венчика (рис. 3, 6—7; рис. 5, 7, 12—14; рис. 6, 17—22).

Являясь ведущим типом керамики в восточном Ставрополье, эта посуда в единичных экземплярах представлена на поселениях западной и южной частей возвышенности. В свою очередь на востоке мало мисок, не имеющих такого разнообразия форм, как на западных и южных поселениях.

Очень распространенным видом керамики в восточной части являются сосуды яйцевидной формы с выделенной, часто волнистой, шейкой (рис. 6, 10—15).

В западном и южном районах возвышенности эта посуда очень редка и количество ее увеличивается к востоку.

По имеющимся аналогиям, керамика восточного Ставрополья в основе своей датируется III — I вв. до

н. э. с присутствием материала IV в. до н. э. и рубежа н. э. (51, рис. 2, 13—15; 52; 53).

Всего на основании анализа главным образом керамического материала нами выделено 23 памятника второй половины I тыс. до н. э. По сравнению со скифским периодом их северная граница отодвигается до линии Буденновск — Ипатово. Наиболее многочисленные и выразительные памятники располагаются на Ставропольских высотах и левых притоках р. Кумы. Почти все они имеют укрепления. Поселения, выдвинутые дальше в степь, как правило, не укреплены и имеют недолгий период обитания.

Как отмечалось выше, керамический материал западных и южных районов Центрального Предкавказья отличается от восточного. Первый ближе к Прикубанью, второй — к Терско-Кумскому региону. Пограничная зона намечается где-то в районе р. Калаус.

В конце V—IV вв. до н. э., несмотря на появление нового, в погребальном обряде сохранялись кобанские традиции.

Какие-то бурные события отделяют IV в. от III в. до н. э. В начале III в. до н. э. гибнет Грушевское городище (27, с. 47), жизнь на котором больше не возобновлялась. Может быть, этим можно объяснить обожженность камней кольцевого сооружения на Вербовском поселении. С того времени начинается этап, менее связанный с местными традициями предскифского и скифского времени.

С конца V—начала IV вв. до н. э., очевидно, происходят какие-то изменения и в духовной жизни оседлого населения Центрального Предкавказья. Отчасти это уже проиллюстрировано на примере погребального обряда. Приведем еще доказательства в пользу выдвинутого предположения. Нашими разведками на ряде поселений (Чапаевское, у х. Балки, у х. Нагорного) отмечены небольшие земляные холмообразные сооружения, образованные за счет участков берега, отрезанных рвом (рис. 7, 8). Размеры их очень небольшие (от 5 до 15 м) и не могли выполнять функции укрепления.

Аналогичное явление присутствует на Прикубанских поселениях на отрезке между г. Невинномысском и г. Черкесском. Но здесь холмообразные сооружения имеют большие размеры и смотрятся как укрепления. Небольшими рекогносцировочными раскопками такого сооружения на городище Иванча у х. Прогресс Кочубеевского района выяснено его культовое назначение. Отрезанный рвом участок берега, выглядевший как холм удлиненной формы, состоял из напластований культовых площадок. Площадка сооружалась из глины, на ней устраивались глинобитные жертвенники, по периметру были вырыты ямы, видны следы костров. На жертвенниках и на площадке отмечены следы ярко-красного пигмента, нанесенного на глиняную поверхность. После совершения каких-то ритуалов остатки действий в виде углей, золы, костей животных и керамики собирались в ямы. Затем площадка перекрывалась грунтом из культурного слоя поселения. Поверх него насыпался слой гравия. На этом цикл завершался. Затем все повторялось. Иногда глиняная площадка перекрывалась только одним слоем грунта или гравия. В нескольких случаях непосредственно поверх одной глиняной площадки сооружалась другая. Всего зафиксировано 33 слоя, из них 11 глинобитных площадок. Вершина холма перекрыта мощной шапкой гравия, завершавшей функционирование культового объекта.

Судя по керамике, городище Иванча относится к середине — второй половине I тыс. до н. э. и одновременно поселениям Ставропольской возвышенности с холмообразными сооружениями.

На поселении у Коминтерновского пруда из-за отсутствия повышенного участка берега такое сооружение устроено на ровной местности, где был вырыт кольцевой ров с оставлением удлиненной площадки в центре.

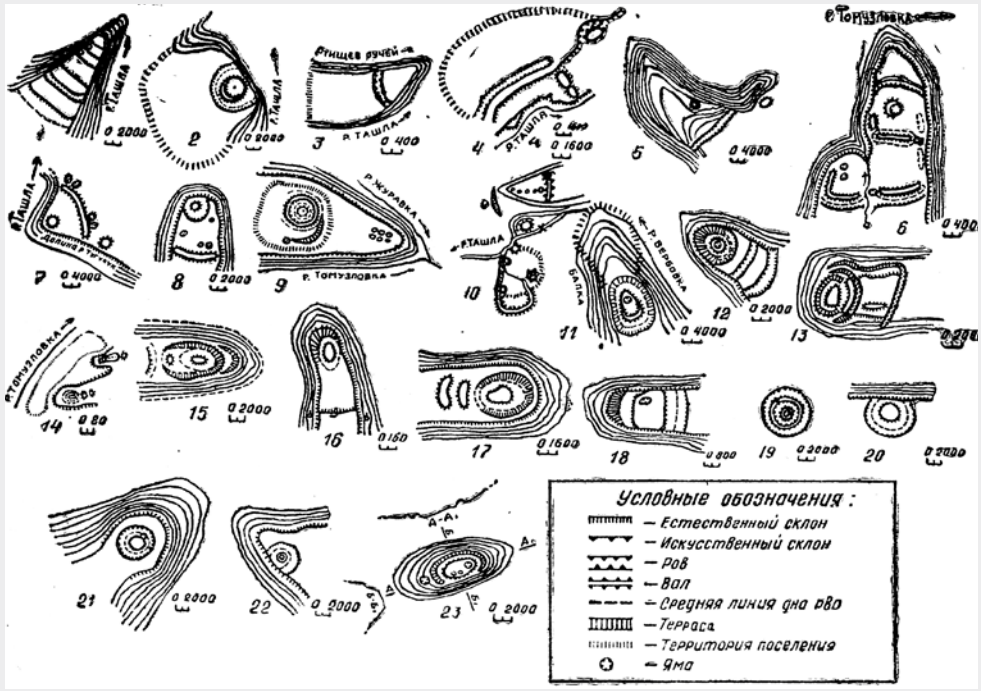


Рис. 7. Планы археологических памятников Ставропольской возвышенности

Более совершенная форма описанной конструкции отмечается на поселении у пруда Волчьи ворота. Здесь была оставлена круглая площадка, вокруг нее вырыт кольцевой ров с валом по внешнему периметру (рис. 7, 9). Сооружение у Мелиоративного пруда является как бы промежуточной формой между культовыми местами в виде участков берега, отрезанных рвом, и круглыми площадками на ровной местности с кольцевым рвом. Такие площадки зафиксированы нами на правом берегу р. Горькой у х. Кожевникова (рис. 7, 19), у станицы Рождественской Изобильненского района, у с. Китаевки и недалеко от Ташлянских городищ №№ 1—2 (рис. 7, 21). Площадки могли устраиваться на самом краю возвышенного речного берега, что отмечено нами у с. Калиновского (рис. 7, 20), у с. Дубовки, в верховьях балки Кизиловки (рис. 7, 22). Почти все описанные

площадки связаны с поселениями второй половины I тыс. до н. э. Очевидно, исходя из описанных фактов, следует объяснять и назначение круглых сооружений на поселении Вербовка 1, в верховьях Беспутки (рис. 7, 5), Бредихинском, Татарском и Томузловском городищах. Они могли сочетать в себе культовые функции с оборонительными, что особенно хорошо демонстрирует круглый вал на Татарском городище, имеющий очень большие размеры.

Анализ памятников раннего железного века Ставропольской возвышенности позволяет сделать некоторые выводы относительно их периодизации:

1-й этап — предскифский период VIII — первая половина VII вв. до н. э.

Не исключено, что VIII в. не крайняя граница, и будет возможность передвинуть ее дальше.

2-й этап — середина VII — конец V вв. до н. э.

3-й этап — вторая половина — конец V — начало III вв. до н. э.

4-й этап — III в. до н. э. — рубеж или первые века н. э.

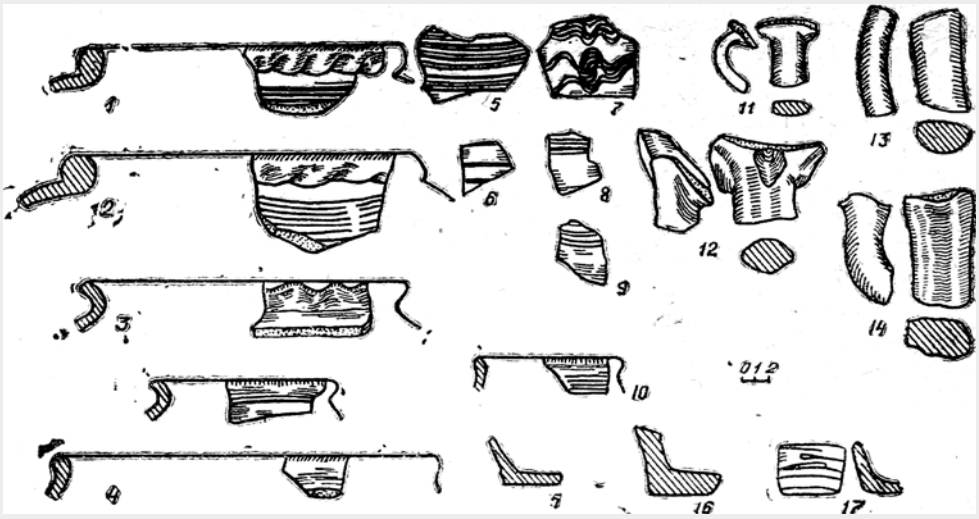


Рис. 8. Керамика с городища Лесные ключи

Первый этап связан с началом активного заселения Ставропольской возвышенности племенами западного варианта кобанской культуры с присутствием степных элементов. Второй этап — господство скифов и их сосуществование с кобанскими племенами. Третий этап — ослабление, а затем почти полное прекращение связей местного населения со скифским миром, центры которого смещаются в Северное Причерноморье, «окончательная стабилизация границы скифов и савроматов на Дону, укрепление могущества Боспора» и вхождение в его состав консолидирующихся племен Западного Предкавказья — Приазовья (54, с. 72).

Об усилении в этот период связей племен Ставропольской возвышенности с Боспорским царством и Прикубаньем свидетельствуют факты резкого увеличения греческого импорта (27, с. 44—50; наши находки в погребениях Вербовского могильника и амфорной керамики на поселениях) и близость местного керамического комплекса к прикубанскому, что более характерно для западных и южных районов Ставропольской возвышенности. К этому периоду, очевидно, следует относить и влияние первой волны сарматизации.

Начало четвертого этапа знаменуется гибелью многих поселений и активной сарматизацией региона (7, с. 166; 27, с. 50—57). После кратковременного упадка наблюдается стабилизация обстановки, активизация и расширение оседлой жизни, более плотное заселение Центрального Предкавказья как за счет местного, так и за счет постепенного оседания степного населения.

Зоной наиболее активной сарматизации были восточные районы Ставропольской возвышенности, связанные с бассейном р. Кумы. Южные районы (Ставропольские высоты) при наличии новых элементов продолжали традиционно сохранять многие черты исконно местного развития.

Похоже, что такие же процессы, в рамках предлагаемой периодизации, проходили и в Прикубанье (61, с. 84, 105, 129; 62, с. 146), с которым всегда тесно были связаны западные и южные районы Центрального Предкавказья.

Время с первых веков и до VIII в. н. э. остается пока белым пятном на археологической карте Центрального Предкавказья и если и освещено в какой-то степени, то только на основании скудных исторических данных, а также отдельных погребений и случайных находок.

В свое время Т.М. Минаева, выделяя ранний средневековый материал на поселениях Ставропольской возвышенности, склонялась к датировке его V—VIII вв. н. э. и относила к аланам, отмечая присутствие элементов сарматского времени (19, с. 145, 147—148).

Современный уровень науки и работы А.В. Гадло позволили уточнить эту датировку и сдвинуть ее к VIII—X вв. Нами зарегистрировано 33 поселения этого периода. Из них около 20 были выявлены А.В. Гадло.

К сожалению, тезисный уровень представления материалов без иллюстраций не позволяет использовать его в полном объеме. В то же время выводы А.В. Гадло относительно памятников Ставропольской возвышенности чрезвычайно важны и закладывают основу для изучения истории Центрального Предкавказья в VIII—X вв. (9; 22; 23; 24; 25; 26; 55, с. 102; 56, с. 32, 66).

Нашими работами получены новые данные, позволяющие дополнить и расширить существующие представления о заселении Центрального Предкавказья в раннее средневековье.

Принципиально важным является открытие крупного городища, расположенного севернее Ставропольских высот между с. Пелагиада и с. Подлужное на территории зверохозяйства «Лесные ключи».

Памятник представляет собой сложный военно-оборонительный и жилой комплекс, перекрывающий долину р. Ташлы (рис. 7, 10). Основная часть городища размещена на левом берегу долины. Здесь из-под обрывистого коренного берега выбиваются два мощных родника, спускающихся по балкам в р. Ташлу. Балки сначала идут параллельно, а затем соединяются и подходят к р. Ташле. Один родник называется местным названием «Капташ», а другой — «Пять братьев». Расстояние

между ними 180 м. Выше родников идет обрывистый склон, переходящий в более пологий и затем выходящий на ровное плато коренного берега. На плато был сооружен подковообразный вал, отделяющий участок берега от напольной стороны. Закругляясь, вал выходит на пологие склоны и заканчивается у обрыва к родникам. Концы вала ориентированы на родники.

Культурного слоя на защищенной валом площади нет. Непосредственно под тонким слоем дерна и грунта залегает скальное основание.

Поселение располагалось на нижней речной террасе между родниками, частично выходя на правый берег родника Капташ. Балка, пересекающая поперек весь левый берег долины, была намеренно углублена и превращена в мощный ров. В верхней части рва недалеко от родника Пять братьев и в нижней, при соединении с речкой, были построены башни. Ров с башнями был обращен в сторону открытой части долины вниз по течению. Нижняя башня почти полностью оказалась разобранной местными жителями, и нам удалось выяснить некоторые особенности ее конструкции. Нижняя часть башни углублена в землю, а точнее врезана в край склона рва на глубину до 3 м. Котлован имел подковообразную форму, концы его выходили к краю рва. Стены котлована были обложены камнями и образовывали фундамент, на котором покоилась наземная часть. Между концами подковы строилась прямая каменная стена, идущая вдоль края рва. Размер башни 6х5 м.

По словам жителей, участвовавших в разборке камней, между каменным цоколем и стенами котлована прослеживался мощный слой деревянного тлена, остатки которого фиксировались нами среди камней завала. Таким же образом располагалась и башня в верхней части рва. Но размеры ее побольше, до 10 м в диаметре, форма, похоже, круглая.

Со стороны родника Капташ отмечено только одно укрепление, сохранившееся в виде курганообразной насыпи со следами двух башен подковообразной формы.

На правом берегу реки напротив рва с башнями было еще одно укрепление в виде округлой насыпи, с плоским верхом, отрезанной от берега рвами и валом. По внутреннему рву, соединяющемуся с рекой, пускалась вода. Размер укрепленной площадки 36х40 м. Глубина рва от 3 до 10 м, ширина 11 м.

Правый берег долины крутой, ограниченный высокими обрывами скальных выходов.

Напротив поселения левого берега расположена балка Перерванка. Вдаваясь глубоко в берег реки, она образует узкий мыс, носящий название «Шпиль». На мысу располагалось укрепление. Основание мыса защищено мощным валом, идущим от обрыва берега Ташлы к обрыву балки Перерванки. Длина вала 110 м, высота 3 м. Ширина по основанию 10 м. Склоны вала крутые, хорошо сохранившиеся. По верху прослеживаются правильные ряды камней. Вероятно, вал является остатками каменной стены. Вдоль обрыва балки Перерванки виден проход шириной 3,75 м. Около прохода в системе вала сохранились остатки круглой башни в виде воронки диаметром 10,5 м.

Внутри укрепленной части мыс разделен продольным возвышением в виде невысокого гребня, идущего от середины вала к оконечности мыса. По этому гребню проследились пять воронковидных ям. Самая крупная находится у стены. Диаметр ее 7 м, по краю идет бруствер диаметром 12 м. Глубина 1,5 м. Следующая яма в 4 м от первой. Диаметр по брустверу 6 м, глубина 0,8 м. В 13 м от второй третья яма, затем четвертая и пятая. Все ямы выстроены по одной линии и, очевидно, являются составными частями единой фортификационной системы. Самая крупная яма с бруствером, очевидно, остатки башни, усиливающей оборонительную линию изнутри. Башней могла быть и вторая яма. Назначение малых ям пока неясно, но, судя по их расположению, они также элементы каких-то укреплений.

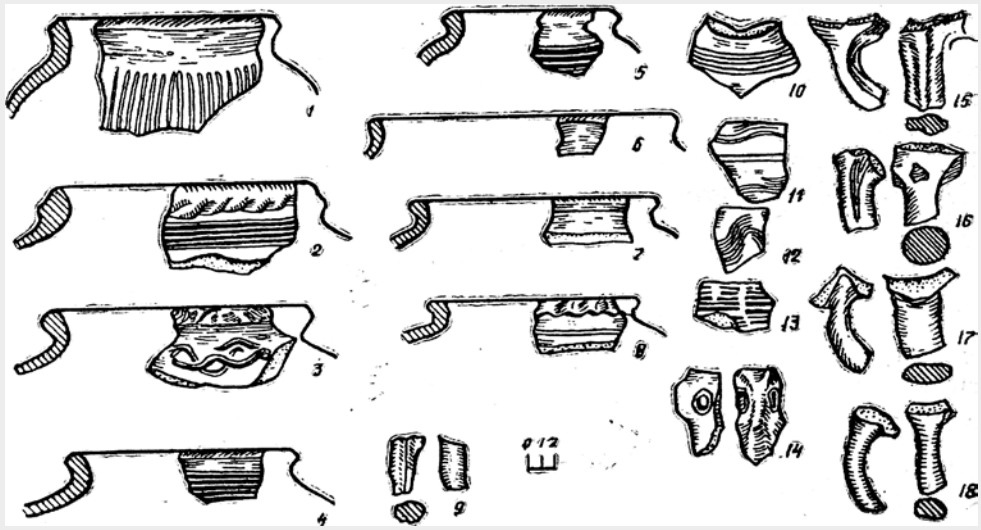


Рис. 9. Керамика с селища на юго-восточной окраине с. Пелагиады

От конца мыса спускается пологий гребень, по которому можно проникнуть в крепость. Для предотвращения этого поперек гребня был вырыт ров, который, в свою очередь, прикрывался мощной башней, сохранившейся в виде воронковидной круглой ямы с бруствером по краю и проходом со стороны южного склона. Внутренний диаметр башни 12 м, современная глубина 2,5 м.

На укрепленной части мыса был заложен шурф. Культурного слоя как такового не выявлено. На глубине 0,4—0,6 м найдены обломки амфорной керамики и придонная часть сероглиняного сосуда с сплошным рифлением, характерным для керамики VIII—X вв. В средней школе с. Подлужного хранятся железные наконечники стрел, собранные на территории укрепления (32, с. 76—77). Наконечники относятся к VIII—X вв.

На поселении левого берега долины между родниками для нужд зверохозяйства был распланирован участок и при этом обнажился обрез длиной 45 м, идущий поперек пологого склона. При зачистке обреза выявились остатки полуземлянок. Полуземлянка № 1 углублена в землю на 1,2 м. Стены сложены из камней в два ряда. Пол вымощен камен-

ными плитками. Размер строения в разрезе 3,5 м. У одной стены вырыта хозяйственная яма колоколовидной формы. К первой полуземлянке примыкает вторая аналогичной конструкции, впущенная в землю на 1,3 м с хозяйственной ямой у стены.

Обе полуземлянки являются строениями одного комплекса, выделяющегося на поверхности в виде возвышения, с развалами камней.

Западнее первого комплекса выявлен второй, прослеженный на поверхности в виде возвышения. Между комплексами культурного слоя как такового нет. Второй комплекс состоит из двух полуземлянок, стены которых были обшиты деревянными конструкциями. Дно первой полуземлянки проследилось на глубине 2,5 м от верха возвышения. Расстояние между стенами 2 м. Вдоль стен видны канавки глубиной 15 м, шириной 8 см, в каждые вставлялись деревянные конструкции обшивки стен. В заполнении полуземлянки много крупных камней, упавших сверху.

Вторая полуземлянка размещалась в 3,4 м западнее первой. Расстояние между стенами землянки 6,1 м. Вдоль стен канавки от деревянных конструкций. Посередине строения земляное возвышение в виде стола высотой 0,2 м, шириной 2,5 м. Кроме того, на поверхности поселения видны другие возвышения с выступающими камнями — следы жилых комплексов.

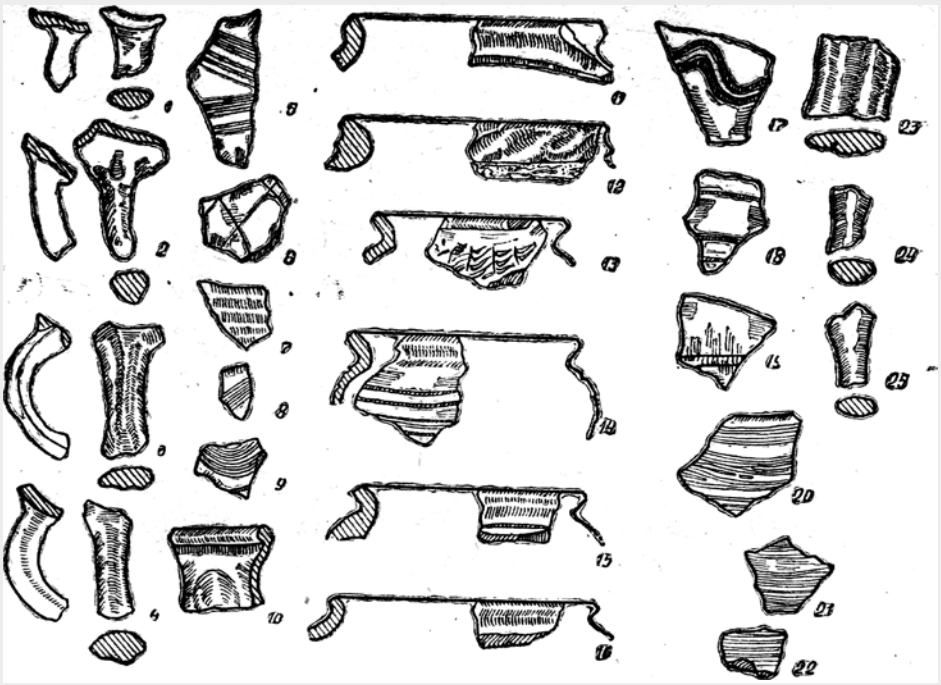


Рис. 10. Керамика с селища Бударка

При зачистке обреза и на территории поселения собрана керамика (рис. 8).

Большой процент составляют крупные пифообразные горшки с тяжелым «витым» венчиком и сплошным рифлением стенок (рис. 8; 1, 2, 5). Стенки имеют рифление до самого дна (рис. 8, 11). Близкие к ним горшки, имеющие волнистый край и стенки, украшенные линейно волнистым орнаментом (рис. 8, 3). Такая керамика датируется VIII—IX вв. (58, с. 222). В данном случае можно говорить о второй половине VIII—IX вв.

Выделяется серия простых сероглиняных горшков, более тонкостенных, изящных и с гладкими стенками (рис. 8, 4).

Имеются фрагменты сероглиняных пифосов, украшенные орнаментом в виде многорядных волн (рис. 8, 7).

В большом количестве присутствуют амфоры так называемого салтовского типа, как простые, так и орнаментированные зонами рифления (рис. 8, 6, 8—9). Ручки амфор гладкие, с продольным ребром (рис. 8, 14), в сечении овальные, прямоугольные, ромбические. Некоторые имели вдавления в нижней части (рис. 8, 12).

Выделяются красноглиняные сосудики, украшенные по плечикам красными расписными полосами (рис. 8, 10). В небольшом количестве попадаются обломки чернолощеных кувшинов так называемого салтовского типа.

Кроме того, имеются сведения о находках крупных пифосов желто-оранжевого цвета, имеющих выступающее днище. Такие известны в материалах Северного Причерноморья VIII—IX вв. (57, с. 196, рис. 6, 1—3).

Керамический комплекс достаточно выразителен и обычен для салтово-маяцких древностей Подонья — Приазовья и Крыма VIII—X вв.

К городищу Лесные ключи тяготеет группа неукрепленных селищ. Одно из них выявляется на территории с. Подлужного. Отсюда происходит крупный желтоглиняный пифос с выступающим дном и две амфоры салтовского типа. Жителями Подлужного показаны места скопления керамики: в некоторых из них при земляных работах выявлялось до 10 пифосов, закопанных в землю рядами.

Следы селищ VIII—X вв. выявляются в районе с. Московского по р. Богатой, соединяющейся с р. Ташлой севернее с. Подлужного. Ниже слияния этих речек долина р. Ташлы расширяется, становится легкодоступной для проникновения с севера, со стороны Западного Маныча и Восточного Приазовья.

На отрезке от с. Подлужного до с. Безопасного (место впадения р. Ташлы в р. Егорлык) обнаружен лишь один памятник — укрепленное городище у с. Донского при впадении справа в р. Ташлу р. Тугулук (рис. 7, 7). Высокий береговой мыс отрезан от поля рвом. На краю мыса круглая возвышенная площадка. Аналогичное сооружение выдвинуто в поле. Городище занимало очень выгодную позицию и контролировало долину в месте слияния двух речек. Оно служило северным форпостом ставропольских поселений.

Имеются основания говорить о наличии системы сторожевых постов на высотах столовых гор по правому берегу р. Ташлы. Они осуществляли связь между степью и городищем Лесные ключи.

Исходя из этого, становится понятной оборонительная система Лесных ключей, направленная в сторону выхода в открытые степи.

В тылу городища, выше по течению р. Ташлы, расположена очень удобная для обитания долина. Здесь выявлена группа открытых неукрепленных селищ. Одно из них размещается в среднем течении б. Шахтерской, занято усадьбами и огорода-

ми жителей с. Пелагиады. Керамика селища полностью аналогична керамике Лесных ключей. На селище выделяется холмообразное возвышение с плоской вершиной. Диаметр возвышения 20 м. Насыпано оно из грунта с большим количеством камней и керамики.

Второе селище — на юго-восточной окраине с. Пелагиада в месте слияния р. Ташлы и ее левого притока р. Черниковой. Селище занимает ровную открытую местность, поверхность его интенсивно распахивается, и в процессе этого выявляются два зольника. На пахоте много керамики. Территория распространения керамики 150х200 м.

Керамический комплекс в основном аналогичен Лесным ключам (рис. 9). В то же время имеются такие дополнения, как внутренние ручки от котлов (рис. 9, 14) и группа сероглиняной керамики высокого качества с плотным черепком и своеобразной формой горловины. Плечики горизонтальные, выделена прямая вертикальная шейка, край венчика выступает на внешнюю сторону (рис. 9, 7—8). Иногда край мог иметь ложновитую форму (рис. 9, 8).

Следы каменных строений полуземляночного типа хорошо просматриваются на современной поверхности в виде выходов камня.

Керамика аналогична керамике городища Лесные ключи и примыкающих к нему селищ (рис. 10).

Такая же керамика характеризует многочисленные селища, расположенные северо-западнее и западнее Ставропольских высот (25). Вместе с описанными памятниками они как бы обтекают высоты со всех сторон.

В это время на Ставропольских высотах существует группа поселений, и среди них такие крупные, как Татарское городище, синхронные памятникам типа Лесные ключи — Бударка. Об их одновременности свидетельствуют салтовские амфоры, в большом количестве встречающиеся на Татарском, Ташлянском № 1, Мамайском и др. городищах, а также сероглиняные пифосы с линейно-волнистым орнаментом (рис. 13, 3—4). Последние отмечались нами на Лесных ключах (рис. 8, 7) и Бударке (рис. 10, 17). Они встречаются на Хумаринском

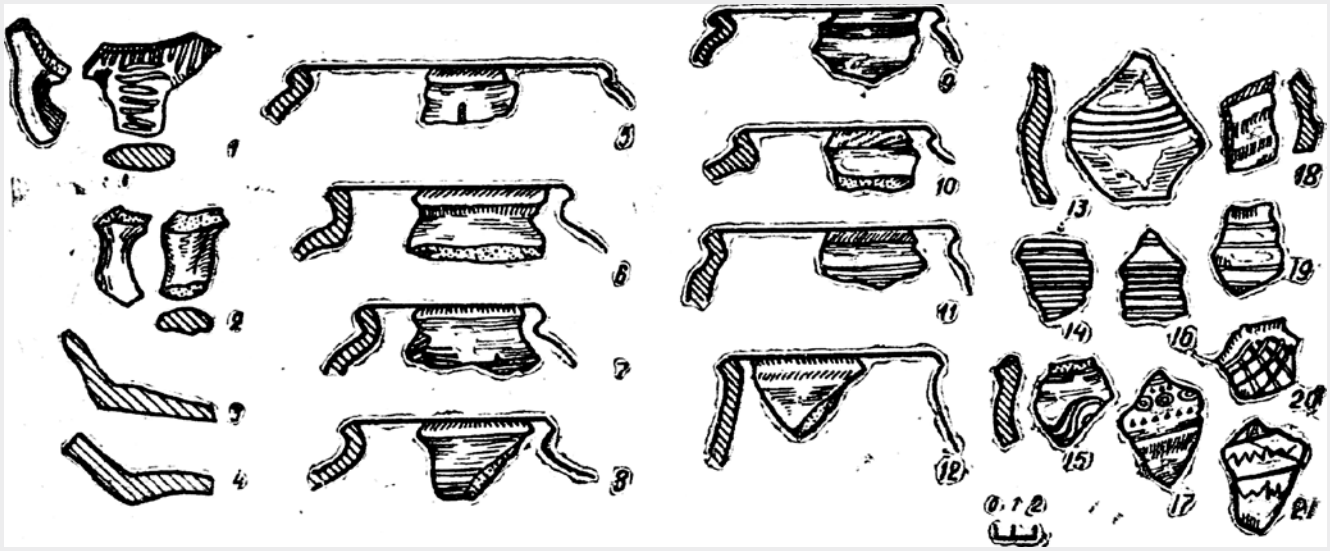


Рис. 11. Керамика с Жуковского городища

Близкие по форме и качеству сосуды имеют сплошное рифление по плечикам и, очевидно, тулову (рис. 9, 4). Выделение этой группы керамики важно для сравнения поселений западной части Ставропольской возвышенности с восточными, о чем будет сказано ниже.

Присутствуют горшки, покрытые вертикальными лощеными полосками (рис. 9, 1). Имеются обломки сероглиняных пифосов, украшенных линейно-волнистым орнаментом (рис. 9, 11—12).

Много амфор салтовского круга (рис. 9, 10) и обломков красноглиняных сосудов с гладкими ручками (рис. 9, 17—18).

Керамика типа Лесных ключей и прилегающих открытых селищ известна на многих усадьбах жителей с. Пелагиады.

Крупное поселение VIII—X вв. открыто в верховьях р. Бударки, примерно в 10 км юго-западнее Ставропольских высот. Поселение занимает открытые пологие берега одного из левых притоков р. Каряжки. В обрезе оврага выявлена полуземлянка глубиной 0,8 м с каменными стенами. Стены сложены из рваного камня в два ряда с использованием хорошо отесанных каменных блоков прямоугольной формы. Такие блоки в большом количестве присутствуют на поселении. Размеры их 45х30х20 см, 50х30х15 см.

городище и некоторых поселениях VIII—X вв. на средней Кубани (56, с. 75—76, 122, 124).

При этом на поселениях Ставропольских высот совсем не присутствует керамика со сплошным линейным и линейно-волнистым орнаментом. Исключением представляются находки двух мелких фрагментов на Мамайском городище и одного фрагмента на Третьей речке. Керамика с линейным и линейно-волнистым орнаментом — типичнейший элемент салтово-маяцкой культуры районов Крыма, Подонья, Приазовья и является одним из ведущих типов посуды на Хумаринском городище (56, с. 65—67, рис. 37, 43). Ее принято связывать с болгарами (59, с. 53).

В свое время Т.М. Минаева — один из крупнейших знатоков аланских древностей — уверенно сопоставляла материал Ставропольских городищ с аланским (19, с. 147) и даже прямо относила его к аланам (19, с. 153), датируя V—VIII вв. н. э. Уровень современных исследований показывает, что атрибуция поселений Ставрополья гораздо сложнее, а датировка средневекового материала смещается к VIII—X вв.

В раннесредневековых слоях первого Ташлянского, Татарского и Мамайского городищ выяв-

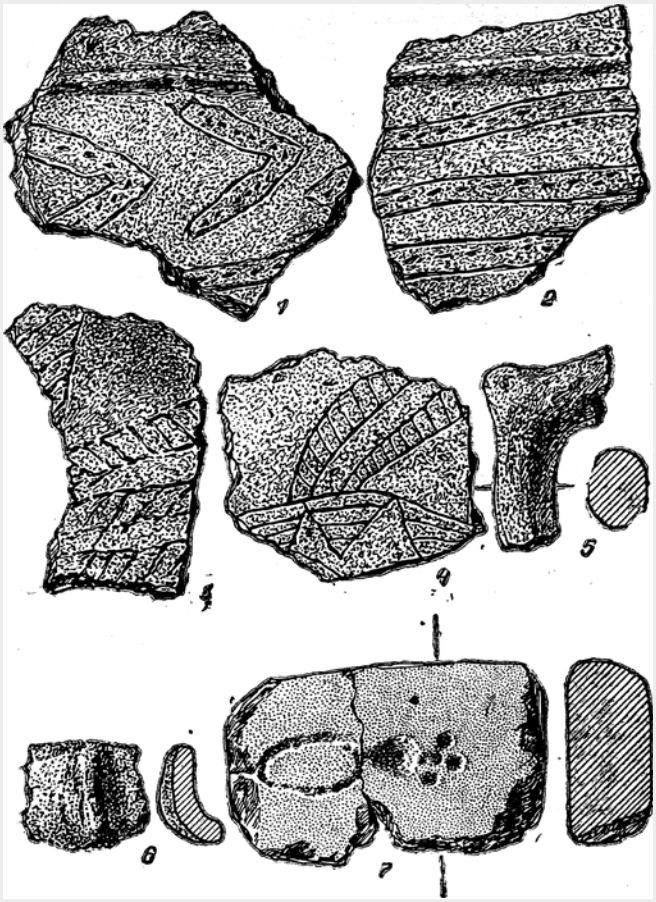


Рис. 12. Керамика с первого поселения на Третьей речке

ляется керамика, сближающаяся с материалом аланских поселений и нетипичная для Лесных ключей — Бударки. Прежде всего это сероглиняные и красноглиняные сосуды с полосчатым и сетчатым лощением — один из специфических признаков аланской керамики (8, с. 86). Затем серого или черного цвета сосуды с выступом внутри устья (рис. 13, 2) и чернолощеные кувшины с носиком-сливом (рис. 13, 1).

На Мамайском городище встречена серолощеная керамика с валиками, украшенными вдавлениями и нарезками. Аналогии известны на аланских памятниках (8, рис. 63, 46, 54; 60, с. 138).

Встречаются сосуды с черной блестящей поверхностью, орнаментированной полосчатым лощением (19, рис. 6). Полосчатое лощение подчас было довольно частым и глубоким, образуя волнистую поверхность.

Для понимания историко-этнической ситуации в Центральном Предкавказье в VIII—X вв. определенный интерес представляет сопоставление материалов поселений западной и южной частей Ставропольской возвышенности с восточными, связанными с бассейном р. Кумы.

Выразительные памятники выявлены на р. Томузловке — наиболее крупном левом притоке р. Кумы. Прежде всего это второе по величине после Татарского Томузловское городище, открытое нами в 1983 г., затем поселения у х. Красное знамя и х. Жуковского. Последние два были осмотрены А.В. Гадло в 1979 г.

В музее им. Г.К. Праве хранится коллекция случайных сборов из района с. Китаевки, материал которых использовал Х.Х. Биджиев (56, с. 66). Оба автора высказали мнение о единстве материала поселений VIII—X вв. восточной части Ставрополья с основной территорией (24, с. 64; 56, с. 66). Думается, что при общем сходстве эти памятники обладают своими особенностями, что позволяет поставить вопрос о выделении локальных вариантов.

Томузловское городище расположено северо-западнее с. Александровского на правом берегу р. Томузловки в урочище Алимова будка (рис. 7, 6). Занимает участок выдающегося в долину реки берега, защищенный с трех сторон обрывистыми склонами, а со стороны поля рвом и каменной стеной. Стена, подходя к обрыву, заворачивает и продолжается вдоль края, что отмечается и на первом Татарском городище.

Через укрепленную территорию протекает ручей, делящий городище на две половины. Западная занимает одну площадку, а восточная три, по числу речных террас. Между первой и второй площадками построен мощный вал с каменной стеной по верху. Современная высота вала со стеной около 10 м. У обрывов вал заканчивается, а далее идут короткие отрезки каменных стен. На стыке стен и вала видны проходы, усиленные круглыми каменными башнями. Основной проход находился на восточном конце вала и помимо башни усиливался стеной, идущей параллельно дороге, ведущей к воротам. Прежде чем войти в ворота, путник оказывался зажатым между стеной по правую руку и валом с башней по левую.

На второй площадке располагается невысокий каменный круг диаметром 50 м.

Вторая и третья части городища разделены межтеррасным уступом. На территории третьей части у западного обрыва остатки каменного строения, углубленного в землю.

Во всех частях городища были заложены шурфы, выявившие очень тонкий бедный культурный слой, датируемый по керамике скифо-сарматским и раннесредневековым (VIII—X вв.) временем. Поселение скифо-сарматского времени занимало в основном западную половину городища, а в VIII—X вв. его площадь увеличилась за счет включения в систему восточной половины.

Подступы к городищу контролировались сторожевым укреплением, расположенным южнее на высотке. Отсюда было видно Краснознаменское поселение, дающее материал скифо-сарматского и раннесредневекового времени (рис. 3).

Краснознаменское поселение занимает открытый участок обширного мыса между двумя широкими балками. На распахиваемой поверхности просматриваются зольники.

Примечательной особенностью поселения является холм-останец на краю мысовой части. Верх холма неровный, размером 50Х12 м с выходами камня. Посередине яма диаметром 8,5 м, глубиной 1,77 м, пробитая в каменном основании.

На склонах, обращенных к напольной стороне, три террасы шириной 12—16 м. Расстояние от нижней террасы до средней 2,7 м, от средней до верхней 3,25 м.

На террасах обнажается культурный слой, насыщенный керамикой, костями животных, остатками каменных и турлучных строений. Наиболее активно камни прослеживаются на глубине 40—50 см.

Ниже с. Александровского, на правом берегу р. Томузловки у х. Жуковского известно еще одно поселение VIII—X вв. (рис. 7, 13). Памятник состоит из селища на пологом берегу поймы и укрепленной части на мысу коренного берега. На конце мыса

укрепленная площадка 30х60 м, отрезанная от остальной части рвом шириной 26 м, глубиной 1,32 м. Выходя на склоны мыса, ров преобразуется в террасу шириной 9 м. Через 10 м от первого рва прорезан второй (шириной 16 м, глубиной 1,5 м). Между рвами образован невысокий вал.

На склонах мыса второй ров также переходит в террасу, шириной 4 м. В 102 м от второго рва сооружен третий, шириной 16 м, глубиной 1,5 м. Выходя на один из склонов, ров переходит в террасу шириной 3 м, продолжающуюся до конца мыса.

Расстояния от верха укреплений площадки до первой террасы 18 м, от первой до второй террасы 8 м, от второй до третьей 19,5 м.

Поверхность мыса неровная, с усложненным рельефом. Культурного слоя нет. Изредка встречается керамика, в частности, фрагмент стенки сосуда с рифлением (рис. 11, 14).

Внизу на поселении, занятом х. Жуковским, керамика встречается в большом количестве. Небольшая группа посуды аналогична керамике поселения сарматского времени у пруда Волчьи ворота (рис. 11, 9—10).

Из средневековой часто встречаются хорошего качества сероглиняные сосуды с гладкой поверхностью. Плечики почти горизонтальные, выделена невысокая прямая шейка и отогнутый край венчика (рис. 11, 6). Такие сосуды в единственных экземплярах отмечены на селище юго-восточнее с. Пелагиады (рис. 9, 7) и на Бударке.

Такие же сероглиняные сосуды, но с более крутыми плечиками без шейки и простым венчиком, имеют сплошное линейное или линейно-волнистое рифление в зоне плечиков и, судя по обломкам, на стенках (рис. 11, 78). Фрагмент такого же сосуда найден на селище юго-восточнее с. Пелагиады (рис. 9, 4).

Ручки уплощенные, овальные в сечении. Одна ручка украшена поперечными лощеными полосками (рис. 11, 1). Точно такая известна с первого поселения на Третьей речке.

Выделяется фрагмент сероглиняного сосуда, украшенного циркульным орнаментом в сочетании с валиком и наколами (рис. 11, 17). Группа сероглиняной керамики с циркульным орнаментом в комбинации с линейным стойко присутствует на поселениях Ставропольской возвышенности (рис. 13, 8).

Керамика с идентичной орнаментацией известна из салтово-маяцкого слоя Саркела (58, рис. 1, 1—2).

На поселениях р. Томузловки нами совсем не зафиксирована такая группа керамики, как пифообразные сосуды с витым венчиком и сплошным рифлением, столь типичные для памятников типа Лесные ключи— Бударка (рис. 8, 1—2; рис. 9, 2—3; рис. 10, 11—12). Это же явление отмечается и для поселений Ставропольских высот.

В то же время на Томузловских поселениях обычными являются сероглиняные сосуды с линейно-волнистым и линейным орнаментом (рис. 11, 7—8, 14, 16). При общем сходстве они отличаются от керамики западной части Ставропольской возвышенности по цвету, фактуре, отсутствию насечек и вдавлений по венчику, будучи ближе группе керамики Хумары и Адиюх.

На Томузловских поселениях отмечается меньший процент салтовских амфор, столь частых для западного и южного районов возвышенности.

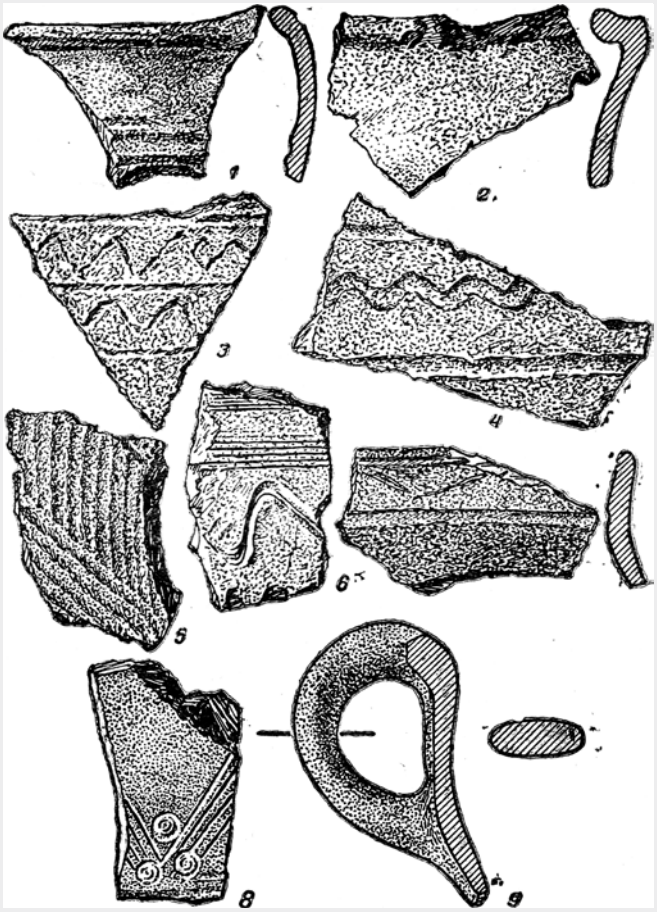


Рис. 13. Средневековая керамика с первого Ташлянского поселения

В целом же керамика Томузловских городищ, встречаясь на поселениях типа Лесные ключи — Бударка, имеет больше общего с керамикой поселений на Ставропольских высотах, которая резко отличается от керамики Лесные ключи — Бударка.

Таким образом, при существовании в Центральном Предкавказье в VIII—X вв. единого культурно-бытового комплекса внутри него можно выделить три локальные группы, а именно:

Памятники западной части Ставропольской возвышенности типа Лесные ключи — Бударка, связываемые с болгарской этнической общностью и тяготеющие к Западному Предкавказью.

Памятники восточной части возвышенности типа Томузловских поселений, связываемые с аланским этносом в его восточном варианте, при определенном воздействии болгарского компонента.

Памятники южной части возвышенности в районе Ставропольских высот, типа Татарского, Ташлянского № 1 и Мамайского городищ. Совершенно отличаясь от поселений круга Лесные ключи — Бударка, они ближе к аланским памятникам. Подобное деление намечается и для скифо-сарматского, а больше для сарматского времени, когда западная часть возвышенности тяготела к Западному Предкавказью, южная к кобанским памятникам предгорий Кабардино-Пятигорья и Прикубанья, а восточная к Терско-Кумскому региону.

Сарматская, а затем и аланская струя сильнее чувствуется на Куме с ее притоками, а в южной части возвышенности стойко сохраняется местный элемент.

Большую сложность при изучении поселений представляет проблема, к какой из эпох относить

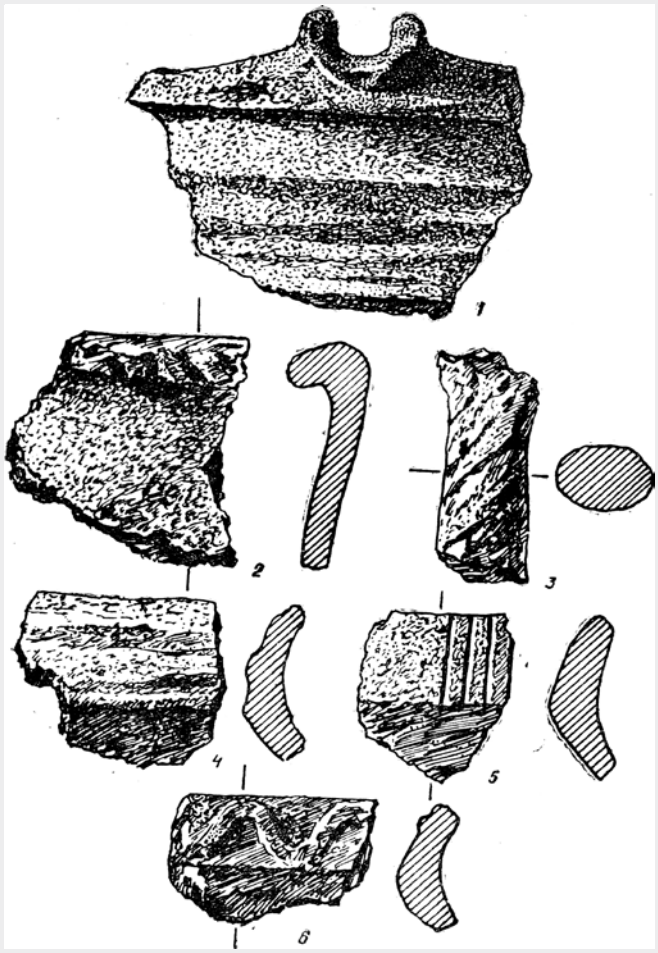


Рис. 14. Керамика с первого Ташлянского поселения Сарматского времени

существующие укрепления. В связи с открытием однослойного городища Лесные ключи VIII—X вв. появилась возможность определить основные черты средневековой фортификации Ставропольской возвышенности в чистом виде и на основе сравнения выделить ее на других многослойных поселениях.

Как было отмечено выше, укрепления на Ставропольской возвышенности появляются с IV в. до н.э., очевидно, в связи с сарматской экспансией. До этого времени они были нехарактерны. Исключение может составлять наличие более древнего, чем стена конца IV в. до н. э., вала на Грушевском городище (27, с. 45).

Позже места поселений с укреплениями сарматского времени использовались средневековым населением. Самым выразительным примером такого рода представляется Татарское городище, располагающее наиболее мощной и совершенной системой обороны. Можно предположить, что в I тыс. до н. э. здесь существовали валы с рвами и кольцевым валом в укрепленной части. В эпоху раннего средневековья рвы были углублены, валы подняты выше. Не исключено, что именно в это время количество валов и рвов было доведено до трех линий. По верху внутреннего вала была возведена каменная стена с башнями. Башни имели круглую форму и располагались на наиболее важных участках обороны.

Внутри оборонительной линии у вала со стеной были сооружены мощные круглые башни, сохранившиеся в виде курганообразных возвышений с глубокой воронкой в центре.

Примерно в 200 м впереди линии обороны в поле было выдвинуто круглое укрепление, возможно, крупная башня.

В систему обороны активно включались особенности рельефа прилегающей местности — эскарпировались балочки и овраги, превращенные в рвы. В укрепления были превращены мысы и возвышенности, находящиеся в непосредственной близости от городища.

Вход на территорию городища пролегал вдоль правого берега левого притока р. Татарки, где в крутом склоне была сделана дорога, хорошо заметная и в настоящее время. С левой стороны она ограничивалась обрывом, а с правой стороны нависал мощный вал с каменной стеной поверху. По обеим сторонам ворот стояли башни круглой формы.

Пройдя ворота, прибывший не сразу попадал в жилую часть, оказываясь в лощине. Из лощины в нижнюю часть города можно было попасть по узкой балочке, а для проникновения в верхнюю часть необходимо было преодолеть склон, контролировавшийся одной из внутренних башен.

В нижней части городища на краю мыса стояла цитадель в виде кольцевого вала диаметром 116 м с внешним рвом. По верху вала просматриваются камни, очевидно, остатки стены.

Несколько проще выглядит система укреплений второго Татарского городища, состоящая из валов и рвов, делящих поселение на три части. Поверх валов видны следы каменных стен и круглых башен (19, с. 130—131).

Не очень сложными представляются укрепления поселения на р. Мамайке (19, с. 131—132). Оно укреплено валом и мощной башней, сохранившейся в виде курганообразного возвышения с западиной по центру. Это возвышение полностью аналогично остаткам башен первого Татарского городища, причем устройство передового укрепления в виде мощной башни отмечается на городище у с. Донского. Остатки двух курганообразных сооружений отмечались Т.М. Минаевой на исчезнувшем уже поселении на пл. Маяковского в г. Ставрополе (19, с. 139—140).

Фортификационная система Томузловского городища близка по общей планировке Татарскому городищу при наличии черт, характерных Лесным ключам.

Помимо крупных крепостей в средневековье существовали небольшие укрепления на холмах-останцах. Самым интересным памятником такого рода представляется укрепление Змеиная горка, расположенное по правому берегу р. Грушевка юго-западнее г. Ставрополя (рис. 7, 23). Вершина холма-останца размером 18х27 м была выровнена и окружена каменной стеной. На площадке видны западины, похожие на воронкообразные ямы укрепления Шпиль. Склоны холма были эскарпированы. По низу эскарпированных склонов в 10 м от верха площадки был образован ров, переходящий в террасу. На наиболее пологом склоне с внешней стороны рва-террасы видна круглая воронковидная яма диаметром 4 м. На окружающих полях встречается керамика VIII—X вв.

Аналогичная система со всеми деталями отмечена нами на холме-останце в верховьях б. Тоненькой (правый приток р. Развилки). На прилегающем поле собрана керамика, и среди нее — амфорная VIII—X вв.

Функцию укрепления и одновременно жилого места выполнял, очевидно, холм-останец на Краснознаменском поселении.

Эскарпирование и террасирование склонов отмечается на холмах-останцах ряда мысовых укреплений — Жуковское городище, укрепление у г. Холодной недалеко от поселения Бударка (рис. 7, 16), сторожевое укрепление Томузловского городища и др. Эти приемы фортификации зафиксированы на Ташлянском поселении № 3 и Вербовском № 2 (рис. 7, 11), имеющих много общего между собой. Но средневекового материала здесь пока не отмечено. Не исключено, что прием эскарпирования и террасирования склонов применялся в сарматскую эпоху и был использован в средние века. Для подкрепления этого предположения можно обратиться к примеру поселения у Мелиоративного пруда, дающего материал сарматского времени (рис. 7, 14). Расположенные выше поселения небольшие мысовые площадки отрезаны от напольной стороны рвами, которые, выходя на эскарпированные склоны, преобразовывались в террасы. Поражают необычно малые размеры мысовых площадок, что заставляет предполагать какие-то и другие их функции, возможно культово-ритуальные, может, служившие и убежищами.

В заключение нельзя не отметить определенных закономерностей в размещении поселений, их плотности и направленности связей с соседними регионами. Замечено, что районы наиболее интенсивного заселения во все эпохи оставались одними и теми же. Прежде всего, это Ставропольские высоты с их окрестностями, затем Прикалаусские высоты и долина р. Кумы, наиболее удобные для хозяйственного освоения оседлым населением.

Естественное разделение возвышенности на западную, восточную и южную части приводило к тому, что западные памятники тяготели к Азово-Кубанскому региону, восточные — к Терско-Кумскому, а южные — к предгорному, Кабардино-Пятигорскому и Азово-Кубанскому одновременно. Это явление отмечается как для позднебронзового и раннего железного веков, так и для средневековья. Ставропольская возвышенность, делящая Предкавказье на Западное и Восточное в географическом смысле, осуществляла это и в историко-этнографическом плане. Становится очевидным, что на механизм заселения и освоения Центрального Предкавказья во все времена определенное воздействие оказывал устойчивый комплекс физико-географических факторов, тесно увязанный с экономическими ресурсами региона.

Ниже прилагается список поселений Ставропольской возвышенности, известных на настоящий момент. Порядковый номер списка соответствует номеру на карте (рис. 1).

1. Городище у с. Донского в месте слияния р. Ташлы (Егорлыкской) и р. Тугулук. Время точно не установлено. Предположительно раннее средневековье.

2. Селище в с. Подлужном. VIII—X вв. н. э. Открыто А.В. Гадло.

3. Городище Лесные ключи. VIII—X вв. н. э.

4. Селище в верховьях балки Шахтерской. Слои времени северокавказской культуры и раннего железного века.

5. Селище в среднем течении балки Шахтерской. VIII—X вв. н. э.

6. Селище на юго-восточной окраине с. Пелагиады в месте слияния р. Ташлы (Егорлыкской) и р. Черниковой. VIII—X вв. н. э.

7. Селище у опхоза «Шпаковского» на правом берегу р. Ташлы (Егорлыкской) напротив селища № 6. Время не уточнено.

8. Селище и могильник на р. Черниковой. Скифское время.

9. Чапаевское городище. Сарматское время.

10. Первое Ташлянское городище и могильник. Слои майкопской культуры, сарматского времени к VIII—X вв. н. э., могильник сарматского времени. Открыто С.К. Далем.

11. Круглое земляное сооружение в виде площадки, окруженной рвом. На площадке следы каменных конструкций. Расположено в Таманском лесу г. Ставрополя, правый берег верховий р. Ташлы (Калаусской) напротив второго и третьего Ташлянских поселений. Время не установлено. Предположительно объект культового характера второй половины I тыс. до н. э.

12. Второе Ташлянское городище в Таманском лесу г. Ставрополя. Первая половина I тыс. до н. э.

13. Третье Ташлянское городище в Таманском лесу г. Ставрополя на Лысой горе. Время не уточнено. Открыто Т.М. Минаевой.

14. Второе поселение на Третьей речке севернее г. Ставрополя. Скифское время.

15. Первое поселение на Третьей речке севернее г. Ставрополя. Слои скифского времени и VIII—X вв. н. э. Открыто Т.М. Минаевой и Л.Н. Глушковым.

16. Городище и могильник у х. Нижнерусского. Предположительно вторая половина I тыс. до н. э.

17. Второе городище на р. Вербовке. Предположительно вторая половина I тыс. до н. э.

18. Первое городище на р. Вербовке и могильник. Конец V—IV вв. до н. э.

19. Городище и могильник в верховьях балки Беспутки. Конец V—IV вв. до н. э.

20. Грушевское городище. VIII—III вв. до н. э. Открыто В.Г. Гниловским. В научный оборот введено Т.М. Минаевой, А.В. Найденко и А.В. Гадло.

21. Селище на х. Грушевом. Слои раннего железного века и раннего средневековья.

22. Татарские городища. Слои эпохи раннего железного века и VIII—X вв. н. э. Открыты в начале XIX в. В научный оборот введены Т.М. Минаевой.

23. Круглое земляное сооружение у ст. Рождественской, очевидно, культового характера. Предположительно сарматского времени. Открыто по фотографии из архива В.Г. Гниловского.

24. Селище и могильник на р. Жилейке. Конец V— IV вв. до н. э.

25. Городище у горы Холодной над озером Вшивым. Время не установлено.

26. Селище и круглое земляное сооружение у х. Гремучего. Время не установлено.

27. Селище Шестая точка. Предскифский период. (VIII — первая половина VII вв. до н. э.).

28. Селище Бударка. VIII—X вв. н. э.

29. Селище на г. Стрижамент. Предскифский период (VIII — первая половина VII вв. до н. э.). Открыто по сведениям А.Б. Белинского.

30. Поселение на кордоне Школьном (Бредихинское городище). Слои сарматского времени и раннего средневековья. Открыто А.Л. Нечитайло.

31. Селище в верховьях балки Дубовой — левого притока р. Развилки выше с. Дубовки. Ранний железный век.

32. Круглое земляное сооружение между с. Дубовкой и с. Калиновским на левом берегу р. Развилки. Предположительно объект культового характера. Время не установлено.

33. Круглое земляное сооружение у с. Калиновского на левом берегу р. Развилки. Предположительно объект культового характера. Время не установлено.

34. Селище в верховьях балки Горькой у х. Кожевникова. Ранний железный век.

35. Селище на левом берегу балки Горькой ниже х. Кожевникова. Предположительно ранний железный век.

36. Круглое земляное сооружение на правом берегу балки Горькой ниже х. Кожевникова. Предположительно объект культового характера. Время не установлено.

37. Селище на левом берегу балки Кизиловки напротив холмов-останцев Два брата. Ранний железный век.

38. Селище и могильник у х. Балки. Слои скифо-сарматского времени и VIII—X вв. н. э.

39. Селище и круглое земляное сооружение в верховьях правого отрога балки Кизиловки. Предположительно ранний железный век.

38. Селище на берегу Коминтерновского пруда у с. Красного. Сарматское время.

39. Городище у х. Нагорного. Вторая половина I тыс. до н. э.

42.Селище на р. Бешпагирке. Сарматское время. Открыто А.Б. Белинским.

43. Селище на озере Соленом у с. Калиновки Александровского района. Время не установлено.

44. Городище на горе Высокой у с. Северного. Скифское время.

45. Томузловское городище. Слои скифо-сарматского времени и VIII—X вв. н. э.

46. Краснознаменское поселение. Слои скифского, сарматского и раннесредневекового (VIII—X вв. н. э.) времени. Открыто В.Г. Петренко.

47. Поселение у Мелиоративного пруда на правом берегу р. Томузловки в одном километре ниже с. Александровского. Сарматское время.

48. Поселение у 15-й кошары колхоза им. Войтика на правом берегу р. Томузловки напротив слияния с р. Грязнушкой. Сарматское время.[7]

49. Селище у Суворовского моста на правом берегу р. Терновки Александровского района. Сарматское время.

50. Два круглых земляных сооружения в виде площадок, окруженных рвом и небольшим валом. Предположительно культового характера. Время не установлено.

51. Поселение у пруда Волчьи ворота восточнее с. Новоселицкого. Основной слой сарматского времени. Имеется материал несколько более ранний. Присутствует раннесредневековая керамика. Открыто В.А. Кореняко.

52. Жуковское городище на правом берегу р. Томузловки у х. Жуковского. Открыто А.В. Гадло. VIII—X вв. н. э. с присутствием материала сарматского времени.

Поселения №№ 53—67 открыты и введены в научный оборот А.В. Гадло.[8]

53. Селище на северо-западном берегу Сенгилеевского озера. VIII—X вв. н. э.

54. Селище в Кайдальской балке. VIII—X вв. н. э.

55. Селище севернее станицы Филимоновской. VIII— X вв. н. э.

56. Селище на юго-западном берегу Новотроицкого водохранилища. VIII—X вв. н. э.

57. Селище на северо-восточном берегу Новотроицкого водохранилища. VIII—X вв. н. э.

58. Селище в 4 км западнее х. Нижнерусского. VIII— X вв. н. э.

59. Селище в одном километре южнее станицы Рождественской. VIII—X вв. н. э.

60. Селище в 1,5 км к югу от школы х. Нижнерусского. VIII—X вв. н. э.

61. Селище в 5 км западнее станицы Рождественской на северном берегу балки Чебрик. VIII—X вв. н.э.

62. Селище на западной окраине станицы Рождественской. VIII—X вв. н. э.

63. Селище на левом берегу р. Вербовки в нижнем течении. VIII—X вв. н. э.

64. Селище на северо-восточной окраине г. Ставрополя (правый берег р. Ташлы Калаусской). VIII — X вв. н. э.

65. Селище у с. Рогатая балка. VIII—X вв. н. э.

66. Селище у с. Гофицкого. VIII—X вв. н. э.

67. Селище у г. Благодарного. VIII—X вв. н. э.

68. Городище Бучинка у г. Ставрополя. Открыто Глушковым Л.Н.

69. Укрепление Змеиная горка на холме-останце. Правый берег р. Грушевки. VIII—X вв. н. э.

70. Мамайское городище. Слои сарматского времени и VIII—X вв. н. э. Открыто и введено в научный оборот Т.М. Минаевой.

71. Поселение у х. Липового в верховьях р. Липовой западнее г. Ставрополя. Предположительно вторая половина I тыс. до н. э. Открыто с помощью А.Б. Белинского.

72. Поселение на Павловой даче в г. Ставрополе. Скифское время.

73. Поселение и могильник на пл. Маяковского в г. Ставрополе. Сарматское время. Открыто и введено в научный оборот Т.М. Минаевой. Могильник исследовался Л.Н. Глушковым.

74. Селище у г. Ипатово. Сарматское время и VIII— X вв. н. э.

75. Селище у станицы Каменнобродской. VIII—X вв. н. э. Изучалось Х.Х. Биджиевым.

76. Селище в с. Новомарьевском. VIII—X вв. н. э.

77. Каряжское городище. Открыто Г.Н. Прозрителевым. Введено в научный оборот Т.М. Минаевой. Время не уточнено. Имеется материал раннего средневековья.

78. Мысовое укрепление в урочище Ближняя Кобловая у с. Северного.[9]

Примечания

1. В период выпуска настоящего сборника было выявлено еще 6 поселений (№ 72—77), не нанесенных на карту. Сведения о них смотрите в прилагаемом списке.

2. На Ставропольской возвышенности протекают две речки Ташлы. Одна из них, протекающая по г. Ставрополю, впадает в р. Калаус (Ташла Калаусская), вторая впадает в р. Егорлык (Ташла Егорлыкская). В данном случае речь идет о Ташле Калаусской.

3. Благодарю В.Г. Петренко за консультацию по датировке стрел.

4. Благодарю В. Г. Петренко за полученную информацию.

5. Сведения получены от начальника Ставропольской археологической новостроечной экспедиции Института археологии С.Н. Кореневского.

6. Сведения получены от В.Г. Петренко.

7. Датировка поселения у 15-й кошары из-за небольшого количества материала имеет предварительный характер. То же относится и к датировке поселения у Суворовского моста.

8. Памятники под номерами 53—67, 75 автором не обследовались. Сужу о них по сведениям А.В. Гадло (№№ 53—67) и Х.Х. Биджиева (№№55, 75). Привязка на карте осуществлена приблизительно на основании словесных описаний и исследований.

9. Памятники без указания открывателя выявлены экспедицией Ставропольского краеведческого музея им. Г.К. Праве под руководством автора.

Библиография

1. Черновалов М.Д. Место Ставрополья в физико-географическом районировании Предкавказья. В сб. Северный Кавказ. (Физическая историческая география). Ставропольский госпединститут, 1974, вып. 3.

2. Гвоздецкий Н.А. Физическая география Кавказа. Курс лекций, вып. 1. Изд-во МГУ, 1954.

3. Кавказ. М.: Наука, 1966.

4. Дао Динь Бак. Геоморфологическое районирование Ставропольской возвышенности. Изв. Сев.-Кав. научного центра высшей школы. — Естественные науки, 1980, № 3.

5. Калесник С. В. Северный Кавказ и Нижний Дон. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

6. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) — МИА, № 93.

7. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

8. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.

9. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.

10. Гвоздецкий Н.А. Физическая география Кавказа. Курс лекций, вып. 2. Изд-во МГУ, 1958.

11. Гниловской В.Г. Особенности геоморфологии юго-западной части Ставропольской возвышенности. Рукопись автореферата дисс. на соиск. учен. степ. канд. геолого-минералогических наук. Хранится в фондах Ставропольского краеведческого музея им. Г.К. Праве № 23121/213.

12. Черновалов М.Д. Физико-географическая характеристика Ставропольской возвышенности в зоне Кубань-Калаусской обводнительно-оросительной системы (в связи с задачами более полного сельскохозяйственного освоения). Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. географических наук. М.: Изд-во МГУ, 1965.

13. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М.; Наука, 1984.

14. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья. Ставропольское книжное изд-во, 1971.

15. Леса Ставропольской возвышенности по историко-географическим данным. МИСК, 1971, вып. 12—13.

16. Гниловской В.Г. Первое печатное географическое описание Ставрополья. — МИСК, 1954, вып. 6.

17. Прозрителев Г.Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях. Ставрополь, 1920, ч. 1.

18. Архив Г.Н. Прозрителева, хранящийся в фондах Ставропольского краеведческого музея им. Г.К. Праве. Ф. 1, м/д 535.

19. Минаева Т.М. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности. — МИСК, 1949, вып. 1.

20. Охонько Н.А., Отюцкий И.В. Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска. — СА, 1982, № 4.

21. Нечитайло А.Л. Археологические разведки Ставропольского музея в 1960 г. — МИСК, 1964, вып. 11.

22. Гадло А.В. Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье. V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975.

23. Гадло А.В. Кавказская археолого-этнографическая экспедиция 1966—1981 гг. — Вестник ЛГУ, 1982, № 2.

24. Гадло А.В. Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточной части Ставрополья. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы доклада). М.: Изд-во Института археологии АН СССР, 1980.

25. Гадло А.В. Археолого-этнографические исследования 1972 года в западных районах Ставропольского края. — МИСК, 1976, вып. 14.

26. Гадло А.В., Найденко А.В. Работы в Ставропольском крае. — АО, 1973, М., 1974.

27. Очерки истории Ставропольского края. Т. 1, Ставрополь, 1984.

28. Биджиев Х.Х. Раскопки раннесредневековых памятников Карачаево-Черкесии и Ставропольского края. — АО, 1983, М., 1985.

29. Найденко А.В. Раскопки Грушевского городища. — IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Орджоникидзе, 1974.

30. Гадло А.В., Найденко А.В. Исследование Грушевского городища под Ставрополем. — МИСК, 1973, № 15—16.

31. Охонько Н.А. Отчет об археологических работах на Ташлянском поселении в г. Ставрополе. 1981 г. — Архив Института археологии АН СССР, № 8553.

32. Охонько Н.А. Отчет об археологических разведках в Ставропольском крае в 1982 г.— Архив Института археологии АН СССР, № 9110.

33. Охонько Н.А. Отчет об археологических разведках в Ставропольском крае в 1983 г.— Фонды Ставропольского краеведческого музея им. Г.К. Праве, м. д. 1655, № 7233.

34. Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, Наукова думка, 1978.

35. Формозов А.А. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае. Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. 11, Майкоп, 1961.

36. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.

37. Нечитайло А.Л. Элементы степных культур в памятниках ранней бронзы Северного Кавказа. — МИСК, 1971, вып. 15—16.

38. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи. — В сб.: Скифия и Кавказ. Наукова думка, 1980.

39. Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. — СА, 1981, № 2.

40. Іллінська В.А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів. — Археологія, 1973, 12.

41. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант.— САИ, 1982, вып. 2—5.

42. Петренко В.Г. Погребальные комплексы и находки у с. Пелагиада. — СА, 1984, № 2.

43. Козенкова В.И. О границах западного варианта кобанской культуры. — СА, 1981, № 3.

44. Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи. — СА, 1981, № 3.

45. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. — МИА, 1953, № 23.

46. Меотские городища аулов Октябрьский и Шенджия. — В кн.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.

47. Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе. Асб. ГЭ, 1983, № 23.

48. Петренко В.Г. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье. — КСИА, 1980, № 162.

49. Минаева Т.М. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее. — МИСК, 1956, вып. 8.

50. Охонько Н.А. Отчет о раскопках Ставропольского кургана № 1 в г. Ставрополе. — Архив Института археологии АН СССР, 1980.

51. Абрамова М.П. О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джулатского могильника. — КСИА, 1983, вып. 176.

52. Кореняко В.А. Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае. — КСИА, 1980, № 162.

53. Кореняко В.А., Найденко А.В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край). — СА, 1977, № 3.

54. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв., до н. э. Киев; Наукова думка, 1983.

55. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе. Изд-во «ИР», 1984.

56. Биджиев Х.Х . Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

57. Якобсон А.Л. Средневековые пифосы Северного Причерноморья. СА, 1966, № 2.

58. Плетнева С.А. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, 1959, № 75.

59. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982.

60. Минаева Т.М. Городище на балке Адиюх в Черкесии. — Сб. научных трудов Ставропольского госпединститута. 1955, вып. 9.

61. Алексеева Е.П. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. V (серия историческая). Ставрополь, 1966.

62. Анфимов Н.В. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. — МИА, 1951, № 23.

Текст печатается по изданию:
Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1988. — Вып. 15—16. — С. 243—291.

Ставрополь глазами современников. Составитель Л.Г. Орудина

1777
Григорий Александрович Потемкин

20 мая 1777 года командир Астраханского корпуса и строитель Азово-Моздокской укрепленной линии И. В. Якоби получил от Г. А. Потемкина следующий приказ.

Учреждаемые по линии от Моздока к Азову селения наименовать: 1-е С-я Екатерины, 2-е С-го Апостола Павла, 3-е С-я Марии, 4-е С-го Георгия, 5-е Апостола Андрея, 6-е С-го Александра Невского, 7-е Ставрополь, 8-е Донское, 9-е Московское, 10-е Владимирское.

1778
Александр Васильевич Суворов

Генералиссимус русской армии А.В. Суворов в 1778—1779 годах руководил строительством Ставропольской крепости. В рапорте генерал-фельдмаршалу П.А. Румянцеву от 5 апреля 1778 года (Суворов А.В. Документы. М., Воениздат, 1951, с. 35). А.В. Суворов докладывал о результатах осмотра укреплений на Кавказе, о мероприятиях по укреплению северо-кавказской границы.

Соразмеряя по приличеству и в позиции войск в здешнем крае, приступаю я, сиятельнейший граф, против половины настоящего месяца к продолжению и благоспешному окончанию преднамеренных в связь с вышеупомянутою Ставропольскою крепостью кубанских укреплений и коммуникационных ко оным от Азова пунктов, разве между тем получу от вашего сиятельства в отмену повеление, хотя, правда, много затруднения приносит неприбытие требуемых мною вдобавок войск, о чем троекратно уже писал я...

1804
И.В. Ровинский

Директор Астраханского народного училища И.В. Ровинский в 1804 году издал книгу «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству». Это было первое печатное описание входившей в бывшую Кавказскую губернию значительной части Северного Кавказа, в том числе всего равнинного Ставрополья.

Ставрополь, уездный город с земляною крепостью, лежит при реке Ташле... С южной и юго-западной стороны сей крепости построены форштадты, из коих первая называется Мещанской, другая Татарским Базаром, в коем однако ж живут отставные солдаты и полковые построены казармы, госпиталь и конюшни. В самой крепости имеются артиллерийские и инженерные дома с их магазинами; а по всем частям города находятся следующие деревянные строения: церквей имеется две, одна в крепости построена Таганрогским полком, а другая в форштадте построена обывателями во имя св. Троицы. Домов казенных 5, лазарет полковой 1. Домов, составляющих казармы, 2, партикулярных жилых домов 29, купецких товарных лавок 39, трактир 1, кабаков 5, заводов: мыльных 2, кожевенных 4, кирпичных 2, пивоваренных 2. Прудовых мучных мельниц на Ташле 12. А сверх сего поблизости крепости с восточной стороны лежит Хоперского полка Ставропольская станица, в коей имеется деревянная во имя Казанской богоматери церковь и казацких с чиновниками домов 294.

В сем городе по службам пребывают: полевого драгунского полка командир со всем полковым штатом и шефским эскадроном, артиллерийская и инженерная команды. По штатской службе: городничий, уездного и нижнего земского судов присутствующие и нижние служители. Разного звания домами живущих людей мужского пола 835, женского 568 душ, в том числе российских 3-й гильдии купцов мужского пола — 246, мещан — 402. Сверх того по торгам всегда пребывают армяне, грузины, греки и донские из Черкасска купцы. Мастеровые в сем городе находятся из отставных солдат медни-

ки, слесари, кузнецы; из армян и черкесов серебряники и слесари.

В Ставрополе торгуют по большей части греки, грузины, армяне и донские купцы, которые содержат привозимые из Таганрога и Макарьевской ярмарки товары, как-то: во-первых, разных сортов сукна, позументы, надобные для одежды военных людей. Во-вторых, холст, китайки и разные недорогие европейские и азиатские шелковые и полушелковые материи. Потом зеркальца, ножницы, ножнички, булавки, иглы, огниво, кремни, табак и прочие мелочи... Притом в сем городе бывают две ярмарки: первая в день св. Троицы, а другая в день Козьмы и Домиана. На сии ярмарки приезжают из Воронежской, Курской и Екатеринославской губерний купцы с товарами и торгуют каждый раз по три дня. Во все сии торговые времена приезжают черкесы и привозят в продажу горский мед, овечью шерсть, коровьи и звериные кожи. Калмыки и ногайские татары привозят также разные скотские и звериные кожи, войлоки и верблюжью шерсть. Во время же ярмарки черкесы, татары и особливо калмыки продают овец, коров и коней немалое количество, а потом покупают пшеничную муку, пшено, разные материи для своей одежды и разные употребляемые ими мелочные вещи. Словом, сии народы продажею и покупкою своею производят полезный оборот в Ставрополе торгующим купцам, а при том во все торговые оные дни сельские жители также привозят в продажу хлеб, съестные припасы, скотские кожи и овечью шерсть.

1818
Алексей Петрович Ермолов

В 1816 году главнокомандующим русскими войсками на Кавказе был назначен русский военный и государственный деятель генерал А.П. Ермолов. Он покровительствовал сосланным на Кавказ прогрессивным русским деятелям и декабристам, за что и был уволен в отставку в 1827 году. Благодаря стараниям А.П. Ермолова в 1822 году Ставрополь стал центром Кавказской области. В апреле 1818 года, при обозрении Кавказской линии, А.П. Ермолов сделал следующую запись (Записки Алексея Петровича Ермолова Ч. 1—2. 1816—1827. М., 1868, с. 44).

При обзоре Линии, со вниманием рассматривал я окрестности города Ставрополя, ибо со временем намереваюсь я перенести туда губернский город и оставить Георгиевск. Я приказал остановить все крепостные работы, жалея о тех, которые произведены с большими издержками.

1820
Николай Николаевич Раевский

Герой Отечественной войны 1812 года, генерал Н.Н. Раевский был в дружеских отношениях с А.С. Пушкиным и оказывал ему поддержку во время южной ссылки. В мае 1820 года Н.Н. Раевский пригласил поэта отправиться для лечения на Кавказские Минеральные Воды. 4 июня генерал с семьей и А.С. Пушкиным остановились для отдыха в Ставрополе. Своими впечатлениями о городе Н.Н. Раевский делится в письме к дочери Е.Н. Раевской от 13 июня 1820 года (Архив Раевских. Ч. I. Спб., 1908, с. 522).

Ставрополь — уездный город, на высоком и приятном месте и лучшем для здоровья жителей всей Кавказской губернии. В нем нашел я каменные казенные и купеческие дома, сады плодовитые и немалое число обывателей, словом, преобразованный край, в котором едущего ничего, кроме отдаленности, страшить не должно.

1826
Денис Васильевич Давыдов

Писатель и поэт, герой Отечественной войны 1812 года, Денис Васильевич Давыдов в 1826 году получил назначение в Кавказскую армию. 24 августа он прибыл в Ставрополь, где провел один день. Впечатление о городе Д.В. Давыдов записал в своих «Воспоминаниях о 26 годе» (Давыдов Д.В. Сочинения. Ч. I. М., 1860, с. 11—12). 25 августа Д.В. Давыдов выехал из Ставрополя в ставку генерала А.П. Ермолова.

Ставрополь — город не совсем красивый и довольно грязный, несмотря на то, что лежит на некотором возвышении, но за всем тем это оазида в пустынях аравийских. День был прекрасный, и я поэтому ходил вечером по городу, дабы увидеть Эльбрус, но не видел его. Я на Ставрополь смотрел любопытными глазами, ибо прежде думал жить в нем со всем моим семейством: два раза А.П. Ермолов представлял меня областным начальником линии и два раза получал отказ; мне предпочли Лисаневича и князя Горчакова.

1829
Александр Сергеевич Пушкин

А.С. Пушкин дважды был на Кавказе и дважды посетил Ставрополь. Первая его поездка состоялась в 1820 году, когда сосланный за «вольные» стихи в Екатеринослав (ныне Днепропетровск) А.С. Пушкин по дороге к месту ссылки заболел лихорадкой и проезжавшая в это время знакомая ему семья генерала Н.П. Раевского, направлявшаяся па Кавказские Минеральные Воды, пригласила больного поэта с собой. Вторая поездка на Кавказ состоялась в 1829 году, в мае. С этой поездкой нас знакомят его путевые очерки «Путешествие в Арзрум» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Изд. 3-е. Т. 6. М., «Наука». 1964, с. 644).

В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры тому ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи.

1832
Иосиф Викентьевич Бентковский

Известный статистик и этнограф Кавказа И.В. Бентковский большую половину своей жизни прожил в Ставрополе, здесь и умер. Много работ И.В. Бентковский посвятил Ставрополю, его истории, развитию экономики, статистики, культуры. Приведенный ниже отрывок из статьи «Генерал-лейтенант А.А. Вельяминов» («Ставропольские губернские ведомости», 1881, 21 марта) — первое впечатление от города по прибытии в феврале 1832 года на Кавказ сосланного за участие в польском восстании 1830 года И. В. Бентковского.

Ставрополь — тогда уже областной город и центр военного начальства, был более похож на деревню. В феврале 1832 года мы нашли в нем не более 25 каменных, крытых железом домов, остальные же были крыты тесом, а больше всего камышом или соломой. В городе не было ни одной гостиницы, несмотря на то, что в ней была крайняя необходимость...

Середина 30-х годов
Федор Федорович Торнау

Генерал-лейтенант, писатель Ф.Ф. Торнау оставил интересное описание Ставрополя того периода, когда в нем жили декабристы А.А. Бестужев-Марлинский, С.И. Кривцов, М.А. Назимов, Н.И. Лорер, поэты М.Ю. Лермонтов, П.А. Катенин и другие. Отрывок взят из «Воспоминаний о Кавказе и Грузии», помещенных в журнале «Русский вестник», 1869, т. 79, янв., с. 10—11.

Местность изменяла свой однообразный вид: дорога шла в гору, окаймленная с обеих сторон глубокими лесистыми оврагами. На значительной высоте раскинулся город, составлявший в то время административный центр обширной страны, простиравшейся от Черного до Каспийского моря.

Наружный вид Ставрополя, признаться, мало соответствовал важности политического значения, которое город должен был иметь в глазах люда, обращавшего к нему свои взоры и упования. Поднявшись на гору с северной стороны, приезжий прежде всего усматривал необыкновенно просторное поле, на котором две линии низеньких деревянных домов, образуя входящий прямой угол, обозначали два фаса проектированной площади; с двух остальных сторон поле ограничивалось кладбищем да оврагом. Эта возникающая площадь занимала самый высокий пункт горы. Посреди ряда построек, очерчивавших восточный фас, открывалась главная улица, фланкированная по углам каменными домами, справа — длинным одноэтажным строением, в котором жил командующий войсками, слева — горделиво глядевшими на своего приземистого соседа двухэтажными хоромами советника казенной палаты З... Спустившись под гору, улица упиралась в высокие каменные ворота, не то крепостные, не то триумфальные, красовавшиеся в чистом поле и поэтому ничего не запиравшие. Никому не удавалось разрешить трудную загадку, для чего поставлены эти ворота. Между тем нельзя было без них вообразить Ставрополь. Кроме командующего войсками, жили еще на площади: обер-квартирмейстер, дежурный штаб-офицер, председатель казенной палаты и несколько других, менее важных сановников военного и гражданского управления. Начальник штаба, губернатор и комендант обитали в домах, составлявших украшение главной улицы, наряду с театром, с гостиным двором и с знаменитою гостиницей Найтаки. За исключением названных, все прочие дома, деревянные, турлучные или из сырцового кирпича, принадлежали к числу известных в провинции домов «без архитектуры», то есть, в один этаж, пять окон во фронте, дверь сбоку под крошечным навесом, все это без тени украшения.

Не думал я, проезжая в первый раз через Ставрополь, что мне самому, десять лет спустя, придется в нем побывать, да еще с женой... Жил я на вышесказанной площади, в небольшом деревянном домике, принадлежавшем хозяину каменного углового дома, советнику З... Весной и осенью по ней разливалось море грязи; зимой она покрывалась снежною оболочкой в полсажени глубиной. Бывало, подымется вьюга и несколько суток нельзя показать глаза за двери дома; ворота занесет с обеих сторон, и люди принуждены лазить через них, пока употреблявшиеся на это дело арестанты не раскопают снежной горы. Однажды гости собрались к какому-то из счастливых обитателей площади провести вечер. Тем временем разыгралась непогода, воздух наполнился клочьями снега. Вечерние посетители кое-как выбрались за ворота, но на площади потеряли направление, никак не могли попасть в жерло большой улицы и вернулись, сколько их тут ни было, ночевать к принимавшему их хозяину, благодарные ему за то, что он не поспешил погасить свечи, позволившие им вторично отыскать его дом. В мое время знакомого мне доктора чуть не замело ночью на площади. Выехав около полуночи навестить больного, несмотря на дурную погоду, он увяз с санями в снежном сугробе, долго бился, стараясь высвободить лошадь с помощью кучера, но, утопая все больше, принужден был послать его за помощью, а сам остался при экипаже. Пока кучер добрался до домов, стучал в ворота — звонков в Ставрополе не знали — и не мог достучаться, доктора снег начал покрывать, вихрем кружась над его головой. Горка быстро увеличивалась, охватывая лошадь, сани и коченевшего седока. Случайно набрели на него офицеры, возвращавшиеся с веселой пирушки, и освободили его из этого некомфортабельного положения. В летнее время мне самому не раз случалось видеть и даже испытывать, как облака, нисколько не стесняясь городскими воротами, гуляли по ставропольским главным улицам. Бывало, катится навстречу клуб густого тумана, накрывает вас, обдает дождем и градом,— проносится вверх по улице, и снова яркое солнце светит над вашей головой.

1840
Михаил Юрьевич Лермонтов

Сосланный на Кавказ за стихотворение «Смерть поэта», М.Ю. Лермонтов в середине апреля 1837 года прибыл в Ставрополь, где находился Штаб войск Кавказской линии и Черномории. Осенью 1837 года поэт в Ставрополе познакомился с декабристами. В последний раз М.Ю. Лермонтов был в нашем городе в мае 1841 года. В приводимом отрывке из письма, написанного М.Ю. Лермонтовым в Ставрополе 17 июня 1840 года А.А. Лопухину (Лермонтов М.Ю. Соч. В 6-ти т. Т. 6. М., Изд-во АН СССР, 1957, с. 454—455), отражено настроение поэта в этот приезд.

Я здесь в Ставрополе уже с неделю и живу вместе с графом Ламбертом, который также едет в экспедицию... Я здесь от жары так слаб, что едва держу перо. Дорогой я заезжал в Черкасск к генералу Хомутову и прожил у него три дня и каждый день был в театре. Что за театр! Об этом стоит рассказать: смотришь на сцену и ничего не видишь, ибо перед носом стоят сальные свечи, от которых глаза лопаются. Смотришь назад, ничего не видишь, потому что темно, смотришь направо, ничего не видишь, потому что ничего нет, смотришь налево и видишь в

ложе полицмейстера. Оркестр составлен из четырех кларнетов, двух контрабасов и одной скрипки, на которой пилит сам капельмейстер. Этот капельмейстер примечателен тем, что глух и когда надо начать и кончать — то первый кларнет дергает его за фалды, а контрабас бьет такт смычком по его плечу. Раз, по личной ненависти, он его так хватил смычком, что тот обернулся и хотел пустить в него скрипку, но в эту минуту кларнет дернул его за фалды, и капельмейстер упал навзничь головой прямо в барабан и проломил кожу; но в азарте, вскочил и хотел продолжать бой — и что же! О ужас! На голове его вместо кивера торчит барабан... Но здесь в Ставрополе таких удовольствий нет, зато ужасно жарко...

1841
Петр Иванович Хицунов

П.И. Хицунов — преподаватель Ставропольской гимназии с 1839 по 1847 год, учитель словесности, автор ряда статей по археологии, истории, природе края. Публикуемый ниже отрывок взят из статьи П.И. Хицунова «Заметки по пути от реки Дона до Пятигорска, с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестных Минеральных Вод» («Отечественные записки», 1841, т. XVII, № 7, отд. VII, с. 1—13).

Ставрополь расположен на значительной высоте, на горе, подгорье к равнине. Так называемая крепость, служащая центром всему городу, занимает высший пункт, с которого можно видеть вокруг все части города, живописно раскинувшегося по разным направлениям, и обозревать на далекое пространство степь, взволнованную грядами холмов и длинными отрогами синеющих вершин кавказских. Крепость эта, с едва заметными рвами, носит только одно название крепости, в самом же деле она не заслуживает даже названия укрепления. Впрочем, во времена опасностей она служила для жителей прибежищем и защитою. В ней помещаются магазины, казармы и гауптвахта комиссариатской комиссии. В главном углу крепости, обращенной к городу, на всей высоте, над крутизной предположено было воздвигнуть церковь, которая и заложена была еще в 1815 г. водружением большого каменного креста.

Возвышенность места и обширность горизонта, открывающегося с этого пункта, не могли ничего лучшего представить для такого, по назначению своему, священного здания. Очень жаль, что строители остались при одном своем благом намерении, о коем красноречиво свидетельствует уединенно стоящий большой каменный крест, символ искупления и терпения...

Если бросить взор с этого пункта на окрестности и убегающий в синие туманы безграничный горизонт, то за взволнованною горами и холмами степью, как будто волшебный остров из глубины моря, встает Эльбрус в исполинских, но легких полупрозрачных формах: он кажется таинственною могилою, одетою белым, дымчатым покрывалом: гробница великого древнего Прометея...

Если обратиться лицом на восток, то с левой стороны будет часть, называемая Подгорною: здесь живут бедные отставные солдаты и разночинцы. Видно, что нужда и опасность от набегов заставила их лепить свои домики подобно гнездам птичьим, в ущельях горы, на неприступных местах.

Прямо против зрителя лежит часть города, называемая Станицею. Это старое поселение, прежде бывшая станица Кавказская, послужившая основанием городу и переведенная отсюда верст за 30 на реку Кубань. Направо простирается важнейшая часть города с главною и большою улицей, называемой Тифлисскою. Улица эта величественно поднимается на гору, имеет в длину $^3/_4$ версты, в ширину более 40 сажен и может считаться самою лучшей по чистоте своей, красивым домам, большею частью каменным двухэтажным, и по исправности тротуаров. На ней же стоит единственная здесь церковь соборная и каменный гостиный двор, который хотя не обширен, но отделан со вкусом с некоторым великолепием; он построен по старанию бывшего начальника Кавказской области генерала Эмануэля.., которому обязан особенно город важнейшими своими улучшениями: по улицам, непроходимым от вязкой и глубокой глины, проложены им каменные тротуары; для ярмарки за городом и внутри города на видном месте выстроены каменные гостиные дворы, удобные для помещения лавок и безопасные во время тревог; для снабжения города пресною и здоровою водою отделан колодезь, называемый Карабиным... Третья часть города, называемая Воробьевскою, лежит на запад от первых на горной равнине — место, где должны быть выстроены все присутственные места, тюремный замок, военные казармы, госпитали, гимназии и прочее, и, следовательно, здесь должна быть со временем главнейшая часть города. Теперь же лучшие дома этой части заняты военным госпиталем, учрежденным на 500 человек, но в нем больных всегда бывает не менее 800 человек.

Город Ставрополь занимает пространство более 10 верст в окружности, раскидываясь очень живописно по горе, подгорью, долине и двум глубоким балкам, из которых в первой, ограничивающей город с юга, протекает речка с мутною водою, или, лучше сказать, ручей, называемый Мамайка, а во второй, огибающей город с севера, течет такой же величины ручей — Ташла. Другой речки с проточной водой здесь нет, и в этом заключается важнейшая невыгода для города, вода для питья привозится версты за три из Карабина-колодца и в бочках развозится для продажи по городу...

Во время осенней и весенней грозы или зимних метелей, когда невозможно бывает по горам даже ходить, не только ездить, приходится по несколько дней терпеть недостаток в пресной воде.

Заметить должно, что почва земли под городом влажная, очень изобильная водою: стоит только прокопать на несколько аршин или дюймов землю в любом месте и тотчас открываются большие источники холодной воды; но качество ее не соответствует требованиям привычного вкуса: она бывает солена или горька в большей или меньшей степени... Если бы между жителями Ставрополя существовало менее разнохарактерности, инородности и более единодушия к благу общему, то давно бы можно город снабдить прекрасною водою посредством водопроводов...

Город заключает в себе до 1580 домов, большею частью деревянных и крытых камышом, самой незавидной архитектуры, только главная Тифлисская улица, где дома каменные и много двухэтажных, да две смежные с нею улицы по строениям и опрятности похожи на город, который вообще далеко ус-

тупает даже порядочному уездному городу внутри России, например, Белгороду. Из лучших зданий здесь можно указать гостиный двор, дом областного начальника и гостиницу купца Найтаки, гимназия, областное правление и областной совет помещаются также в порядочных домах...

Число жителей в Ставрополе простирается до 10 тысяч душ с войсками и гражданскими чиновниками. Постоянные обитатели мещане и купцы состоят не из коренных уроженцев здешних, но большею частью переселенцы из разных краев обширной России... Город кажется глухим и безжизненным по наружности, нелюдимым и разрозненным в целом. Нет здесь общих интересов: все живет врозь и действует отдельно, не слившись еще в тесный союз, столь полезный для благосостояния общества... Окрестности города гористы и живописны: куда ни обратись, всюду сады и рощи. Близ самого города, с северо-западной стороны, по горам раскидывается на большом пространстве частый кустарник; с юго-западной стороны находятся такие же остатки леса, и в вершине его открываются прекрасные ключи изобильной и холодной воды... Садов в Ставрополе так много, что издали город кажется весь в саду...

1841
Мелетий Яковлевич Ольшевский

Генерал-лейтенант М.Я. Ольшевский в 1841 году начал службу на Кавказе и провел здесь двадцать пять лет. Описание Ставрополя первых лет службы М.Я. Ольшевского на Кавказе даны по его воспоминаниям «Кавказ с 1841 по 1866 год» («Русская старина», 1893, т. 78, с. 575—577).

Областной Ставрополь был менее населен и далеко хуже обстроен настоящего губернского.[1] Каменные двух- или трехэтажные дома, даже на Большой улице, были на счету. Мощеных или шоссированных улиц не было. Тротуары были до того узки и неровны, что нужно было быть ловким ходоком или эквилибристом, чтобы в ночное время, а в особенности после дождя, не попасть в глубокую канаву, наполненную разными нечистотами, или не помять себе бока после падения. В областном Ставрополе не было существующего ныне длинного бульвара, обсаженного высокими тополями, акациями и липами; в то время только верхняя часть бульвара до фонтана была засажена небольшими деревцами. Бабина же роща, нынешний красивый городской сад, была не место приятного препровождения времени, а скорее притоном беглых и мошенников. На «крестовой горе» не возвышалось собора, красы Ставрополя, да и на самих покатостях этой горы, тогда изрытых ямами, откуда добывалась глина и песок, не было настоящего парка.

Огромное пространство между домом командующего войсками и госпиталем, на котором теперь возвышаются красивые каменные казенные и частные здания, в то время было пусто, и на нем осенью и зимой не раз случалось слышать вой волков и даже встречаться с ними или по часам блуждать по этой огромной площади в туман и метель. Но если областной Ставрополь по наружности хуже настоящего губернского, зато в нем было более веселого и боевого разгула, даже торговая деятельность была в нем громаднее. Будучи сосредоточением гражданского и военного управления Кавказа, в нем производились подряды на сотни тысяч рублей. Он был местом склада не только военных, продовольственных и боевых запасов, но и депо для купеческих товаров, как потребляемых жителями и войсками, так и отправляемых за Кавказ.

Кроме большого штаба и разных лиц, которыми генерал Граббе любил себя всегда окружать, Ставрополь пополнялся на несколько месяцев военной молодежью...

1847
Николай Иванович Пирогов

Замечательный ученый, основоположник военно-полевой хирургии, Н.И. Пирогов в 1847 году был командирован на Кавказ для испытания эфирного наркоза при производстве операций на поле сражения. (Ставрополь он посетил дважды: в июле, когда ехал на Кавказский фронт, и в ноябре, когда возвращался с фронта. В своем «Отчете о путешествии по Кавказу» (СПб., 1849, с. I—III, XXV) Н.И. Пирогов вспоминает своеобразную кавказскую природу.

Проезжая через необозримые степные луга между Доном и Ставропольем, никак нельзя подумать, что приближаешься к грозным высотам Кавказа. От Ставрополя едешь, будто сидя в ароматической ванне. Нигде мне не случалось встретить такие необозримые пространства, как будто бы нарочно засеянные различными породами шалфея, богородицкой травою, солодковым корнем, диким лавендулом и проч...

1854
Лев Николаевич Толстой

Литературная деятельность Л.Н. Толстого началась на Кавказе. В Ставрополе Л.Н. Толстой был в январе 1854 года. Несколько лет спустя в повести «Казаки» Толстой описал Ставрополь таким, каким он представился ехавшему на Кавказ помещику Оленину (Толстой Л.Н. Собр. соч. В 14-ти т. Т. 3. Повести и рассказы (1857—1863). М., Гослитиздат, 1951, с. 157).

Ставрополь, через который он должен был проезжать, огорчил его. Вывески, даже французские вывески, дамы в коляске, извозчики, стоявшие на площади, бульвар и господин в шинели и шляпе, проходивший по бульвару и оглядывавший приезжих, — больно подействовали на него. «Может быть, эти люди знают кого-нибудь из моих знакомых», и ему опять вспомнились клуб, портной, карты, свет... От Ставрополя зато все уже пошло удовлетворительно: дико и, сверх того, красиво и воинственно.

1862
Милий Алексеевич Балакирев

Русский композитор М.А. Балакирев, следуя на Кавказ для лечения, в первых числах июня 1862 года проезжал через Ставрополь. Его впечатления о городе отражены в письме к В.В. Стасову (М.А. Балакирев и В.В. Стасов. Переписка. М. «Музыка», 1970, с. 190).

Земля чудная, растет все, но не сеют леса, отчего постоянная засуха и жгучий жар и недостаток воды,

нет ни рек (не говоря о судоходных), ни озер, на некоторых станциях пить нечего. Население редко, однако на каждых 25 верстах встречаешь очень большие села. Народ здесь чисто русский, ходит в красных и белых рубашках с косым воротом и в папахе... В Ставрополь мы въехали в 7 час (ов) утра, солнце грело не по-нашему, особенно меня поразило обилие и вид зелени. В первый раз я увидел толстые высокие деревья акаций. Город очень красивый и оригинальный, расположен вроде Нижнего, на горах. Особенно эффектен собор, стоящий на самом высоком месте...

1863
Василий Васильевич Верещагин

Выдающийся русский живописец-баталист В.В. Верещагин в 1863 году совершил свое первое путешествие на Кавказ, которое описал в записках «Путешествие по Закавказью в 1864—1865 гг.»[2] («Всемирный путешественник», 1870, т. VII, вып. 14, с. 218—219).

Смеркалось, когда показался живописный Ставрополь. Город стоит на отлогом холме, и громадный собор виднеется издалека со своими изящными украшениями. Въехав в город, я не мог ничего различить в темноте, кроме длинного ряда больших правильных зданий да огоньков, мелькавших из окна в окно.

Зато в предместьях дома так редки и расположены до того неправильно, что линия освещенных окон беспрестанно прерывается и мрак господствует всюду. При таком мерцающем освещении, то спускаясь, то поднимаясь в гору, немудрено и самому черту сломать себе ногу.

На другой день утром я успел обежать и осмотреть город. Ставрополь ничем не отличается от большинства наших губернских городов и хотя он считается главным городом Северного Кавказского округа, но не носит на себе никакого особенного характера.

Главная его улица не уступает улицам европейских городов: длинная линия ее пряма и широка, с бульваром посредине. Спускаясь довольно круто, она достигает подножия горы. С этой возвышенности путешественник может окинуть разом панораму города: большие правильные казенные здания, красивые дома частных лиц, магазины, даже, может быть, различит европейский костюм жителей обоего пола. Направо возвышается громадный собор, неприятное смешение итальянской архитектуры с византийской. Подобное неуклюжее неестественное смешение было в большом ходу у нас в начале этого столетия, но, к счастью, начинает мало-помалу выходить из употребления.

Оконечности города не так правильно застроены и не отличаются чистотой.

1868
Николай Игнатьевич Скоковский

Статский советник Н.И. Скоковский в 60-е годы был главным доктором Ставропольского военного госпиталя. Его статья «Сведения о городе Ставрополе» (Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. I. Ставрополь, 1868, с. 6—9) дает наиболее полное экономико-географическое описание губернского центра 2-й половины XIX века.

Ставрополь в настоящее время занимает весьма обширное пространство, с севера и юга изрытое оврагами. Границами города считаются с северо-запада холмы, покрытые кустарниками и лесом, с юга речка Ташла и с востока степь, обильная многими курганами.

Город Ставрополь составляют следующие части: Старый город, Новый город, Воробьевка, Подгорная слободка, предместья Ташлы, Монастырская часть, Станица, Армянский квартал, Солдатская слободка, предместья Мутнянское, Мамайское.

Старый город составляет лучшую часть и красивейшую часть Ставрополя; он расположен по обеим сторонам Николаевской улицы (прежняя Черкасская, или Большая улица), средину коей, по всему продолжению ее, занимает прекрасная тенистая аллея. Этим бульваром Николаевская улица разделяется на две широкие улицы, идущие по правую и левую стороны аллеи. Правая половина улицы в 1844 и 1845 годах была выложена плитами из серого камня; в 1860 и 1861 годах плиты эти оставлены только по краям улицы, а на средине устроено шоссе из щебня; на нижней части Николаевской улицы сооружен Троицкий собор; выше построены большие дома, в которых, между прочим, помещаются: почтовое управление, гимназия, магазины, гостиницы и дворянский клуб. Левая половина Николаевской улицы почти не мощеная; на этой стороне наиболее замечательные построения: здание городской думы, весьма красивой архитектуры в готическом стиле; в нем помещаются все общественные городские управления, как то: городская дума, магистрат, сиротский и словесный суды и проч.; гостиный двор, занимаемый ныне преимущественно армянским купечеством; в середине первого лицевого корпуса двора устроена церковь. К югу, параллельно с Николаевскою улицею, расположена Александровская (прежняя третья улица); она несколько уступает величию построек Николаевской, но также шоссирована; здесь находятся: дом бывшего командующего войсками и штаба его, Воронцовский сад (прежняя Бабина роща), городская больница и уездное училище. Между этими двумя улицами от Гимназического переулка идет так называемая Вторая улица. Улицы Николаевскую и Александровскую соединяет Театральная улица, также покрытая шоссе; в красивых домах ее помещаются лучшие магазины, театр, главная аптека, дом, в котором помещается арестантская рота; на этой улице находится римско-католическая церковь. Театральная улица, продолжаясь в противоположную сторону, соединяется с Комиссариатскою (прежний татарский базар), на которой расположены: великолепное здание учебного заведения св. Александры, или так называемого приюта, женское училище первого разряда, все присутственные места, дом интендантского отдела и склада, городская полиция, помещение пожарной команды и, наконец, Казанский кафедральный собор с высокою, красивой архитектуры, колокольнею, оконченною в 1867 году.

Николаевская и Александровская улицы на половине своих протяжений в Старом городе встречаются с Архиерейской улицей, покрытою шоссе. Здесь находятся: духовное уездное училище, архиерейский дом, Архиерейская церковь и каменный мост, построенный через большой ров, по которому проходит родник Желобок. Наконец, Николаевская и Александровская улицы выходят на Ярмарочную площадь, расположенную за Тифлисскими каменными воротами.

Новый город начинается обширною базарною площадью от дома командующего войсками. Правая сторона площади занята двумя гостиными дворами; кругом и по направлению к Воробьевке, построены красивые каменные дома, в ряду коих находится весьма большое здание духовной семинарии и Андреевская церковь. На левой стороне площади возвышаются большие каменные здания для нового помещения гимназии; здесь же вблизи дома, в которых помещаются телеграфное управление, главная гауптвахта, соляная контора, рота служителей интендантского склада, лютеранская церковь, смирительный дом, запасная аптека и госпитальные здания, позади которых, немного далее, растянут военный форштадт и госпитальное кладбище. К югу и востоку за военною слободкою расположены каменные постройки для линейного и 1-го батальона, тюремный замок, Мутнянское и Георгиевское предместья и провиантский магазин.

Влево от госпитальных зданий расположена Воробьевка. Эта часть города состоит из четырех улиц и заключает много довольно хороших домов. За Воробьевкою тянется Подгорная слободка по обеим сторонам речки Ташлы; слободка эта занимает горный склон Воробьевки, Нового города, Комиссариатской улицы и станицы. В Подгорной слободке улицы весьма кривые и тесные...

1869
Герман Александрович Лопатин

Выдающийся русский революционер, член Генерального Совета I Интернационала, первый переводчик «Капитала» К. Маркса на русский язык Г.А. Лопатин окончил Ставропольскую гимназию. В 1868 году, как политически неблагонадежный, был сослан в Ставрополь, где более года находился под строгим надзором местных властей — с сентября 1868 года и до нового своего ареста в декабре 1869 года. В автобиографии Г.А. Лопатин вспоминает это тяжелое для него время. (Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография, показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Подг. к печати А.А. Шилов. Пг., Госиздат, 1922, с. 43—63).

Отсутствие всякой, сколько-нибудь широкой и полезной деятельности, обязательный и несимпатичный труд, недостаток людей, по уму и характеру подходящих к моим вкусам, наконец, отсутствие приятных впечатлений и сильных ощущений во всех областях жизни, в области умственной, нравственной, физической... делают для меня жизнь в Ставрополе с каждым днем все отвратительнее. Даже по газетам вы сами можете видеть, как стесняется у нас с каждым днем все более и более частная инициатива во всех сферах деятельности...

Даже те роды деятельности, которые в теории совершенно дозволены, на практике наталкиваются на бесчисленные затруднения и препятствия. Любопытно видеть, как трудно держаться даже за такую сравнительно ничтожную по своей полезности деятельность, как моя должность библиотекаря... Не прошло и нескольких месяцев моего управления библиотекою, как уже подается куда следует донос, что библиотекою управляет высланный за политическую неблагонадежность, что библиотека превращена им в место сходок для гимназистов и семинаристов старших классов и для высланных студентов, что я сводничаю между молодежью и сими изгнанниками... Из главного управления Наместника получено секретное приказание обрисовать негласно библиотеку, донести о характере ее книжного состава, назначить ответственное лицо и пр... Далее я уже писал, что из семинаристов дозволено посещать библиотеку только немногим и притом они могут читать только известные книги. Я писал, что пускаю всех и даю все: но для этого я вынужден на свой страх вести фальшивые конторские книги. Недавно (месяца три назад) явился ко мне директор гимназии и, ссылаясь на секретные инструкции, просил меня не пускать в библиотеку гимназистов. Сначала я пообещал, хотя в довольно неопределенных выражениях и притом с твердым намерением не исполнять своего обещания; но потом я укрепился в своей позиции и тогда положительно отказался закрыть гимназистам доступ в библиотеку до тех пор, пока мне не будет предписано этого официальным порядком. А когда мне это предпишут (едва ли), то я попрошу гимназистов ходить не в форме, а в штатском платье. Из этого вы видите, в каких пустяках приходится мошенничать! Далее, из официальных источников я знаю, что в июне сюда приезжал агент III отделения (фамилии и других подробностей относительно личности, местожительства я разузнать не мог, а то он едва ли бы уехал отсюда!). Ему поручено было выждать получение в Пятигорске тюка с нечаевскими прокламациями... Затем ему было велено собрать сведения об образе жизни и поведении высланных студентов. Я в особенности был рекомендован его вниманию. Вот видите, как заботится начальство о своих пациентах! Кстати, о высланных студентах... Секретным циркуляром (не забудьте, я служу по администрации, в центре губернских тайн) их велено продержать два года (!) в Ставрополе, и 5 лет они не имеют права въезда в столицы... Мест на коронной службе они найти себе не могут, потому что все места переполнены более благонадежными людьми. Действительно, ни один из них до сих пор не служит. Уроков им достать нельзя: кто же здесь вверит им своих детей? Ни народными учителями, ни волостными писарями, ничем подобным быть им не позволят. Мало того, они вынуждены постоянно жить в губернском городе, где невозможно сыскать подобных занятий. Частная деятельность в другой какой-либо форме у нас в С(таврополе) не развита... Этого мало; нравственное положение их тоже незавидно. Им не с кем душу отвести. Мне с ними смертельно скучно, потому что все это зеленая, зеленейшая юность. Людям, не сходным с ними по теоретическим взглядам, но тем не менее достигшим умственной зрелости, точно так же скучно с ними. С разными пошляками, изобилующими здесь, как и повсюду, им самим скучно. Самое нормальное общество для них были бы гимназисты и семинаристы старших классов, их недавние товарищи. Но вот беда: в секретном предписании директора гимназии значится: не отмечать «способен и достоин к поступлению в университет» тем из гимназистов 7-го класса, которые будут водить компанию с изгнанниками, а гимназистов младшего класса, которые будут якшаться с ними, просто исключать из гимназии. Результат выходит тот, что от изгнанников начинают бегать как от чумы. И они

остаются изолированными от общества и принужденными довольствоваться сообществом друг друга. Не правда ли, как легко и удобно пропагандировать при подобных условиях?! Итак: вы видите, насколько возможна в провинции полезная деятельность в сколько-нибудь широких размерах, особенно для нашего брата «ссыльно-поселенца». Сверх того, время здесь так раздроблено и перебито на кусочки, что трудно заняться чем-нибудь нужным...

Далее, работа по службе мне опротивела до омерзения. Думать, что она будет продолжаться в будущем на неопределенное время — для меня невыносимо! И одна мысль о том, что я могу со временем быть правителем канцелярии, или чем-нибудь подобным, может заставить меня повеситься от отчаяния и ужаса и таким образом очистить это место для следующего за мной кандидата. А может, здесь и есть хорошие люди: многих из них я сам готов с удовольствием признать за людей умных, образованных, честных и добрых; но, боже мой, что же мне делать, когда челюсти у меня трещат от зевоты, когда я разговариваю с ними, когда глаза у меня слипаются и хотят спать, как только я погляжу на них некоторое время!

Эта бесцветная жизнь, лишенная всяких живых интенсивных впечатлений в каком бы то ни было роде, меня душит... Я не в состоянии долее безнадежно пребывать в Ставрополе — я вовсе не желаю рисоваться ни перед собою, ни перед другими, оправдывая это стремление к абсентеизму общественной пользой и т.п. возвышенными целями. Очень может быть, что как ни незначительна та польза, которую приношу или буду приносить обществу здесь, она все-таки значительно более той, которую я буду в состоянии приносить там... Очень может быть, что я и сам лично ничего не выиграю от этого, что на чужбине я затоскую по родине... Все это может быть. Но сила не в этом. Сила в том, что я ежеминутно чувствую, как постепенно гибнет здесь мое нравственное существо, и это так невыразимо мучит меня, что я не в состоянии долее терпеть...

1879
Ольга Дмитриевна Форш

В 1879 году в Ставрополь со своей семьей приехал генерал Д. Комаров. Его дочери, известной ныне писательнице О.Д. Форш, тогда было шесть лет. До глубокой старости она сохранила впечатления той поры во всей их первозданной яркости. О.Д. Форш была убеждена, что именно близкое знакомство с кавказской природой «оказалось чудесным источником расцвета, позднейшего развития творческих сил и словесного их выражения», что детское восхищение красотой Кавказа для нее «было началом художественного освоения мира». Поэтические строки о нашем городе отражены в ее автобиографии «Дни моей жизни» («Звезда», 1959, № 5, с. 206).

Отец получил дивизию и должен был для командования ею переехать в Ставрополь Кавказский.

В Ставрополе мы поселились в большом каменном доме с часовыми у полосатых будок. Здесь, с базарной площади, виднелась в ясный день вся белоснежная цепь гор. Неподалеку, как хрустальное, неподвижно стояло удивительное озеро: темно-лиловое при каком угодно небе, оно как будто жило своей особой, отдельной от окружающего мира жизнью среди ярко-желтых, золотых песков. Озеро было рыбное, и отец, страстный рыболов, ездил к нему в коляске, вместе с детьми, на целый день. Рядом с озером высилась горушка, где летали бабочки, такие громадные, что маленькие детские руки не всегда могли удержать. Бабочки, как птички, дрались сильными лапками, извиваясь мохнатыми тельцами и внезапно вырываясь на свободу. У них на крыльях были «глаза» — синие с коричневым, как на павлиньем хвосте, опоясанные кругами,— белым и красным. Позднее, когда я учила наизусть пушкинского «Пророка», то шестикрылый серафим представлялся мне почему-то такой вот громадной бабочкой... Любовь к Кавказу была так сильна, как у зверя к его полям и лесам, до невозможности жить без них...

1893
Федор Иванович Шаляпин

Ф.И. Шаляпин в мае 1893 года вместе с оперным певцом Агнивцевым дал концерт в Ставрополе. Эта поездка, носившая несколько комический характер, живо запечатлелась в его памяти. Она описана в автобиографической повести «Страницы моей жизни» (Шаляпин Ф.И. Литературное наследство.— Т. I. — М., «Искусство», 1960, с. 111 — 113).

Поехали в Ставрополь. По скучной пыльной дороге прибыли в еще более скучный город и тотчас отправились к родственнику. Он принял нас тепло и радушно, охотно начал хлопотать об устройстве концерта, а мы с Агнивцевым стали искать аккомпаниатора. Нам сказали, что в городе есть пианистка, ученица Рубинштейна, дали ее адрес. И вот мы стоим перед маленьким домиком, беседуя с женщиной в подоткнутой до колен юбке, с грязной тряпкой в руке. Она сообщила нам, что ее барыне нехорошо, так что барыня легли в постель.

— А все-таки я скажу ей, что кавалеры пришли.

Пригласила нас войти в комнату, а сама исчезла. Мы сели. Откуда-то из-за стены до нас долетели тяжелые вздохи, стоны. Наконец, приоткрылась дверь, и вошла женщина. Лицо у нее было синее, глаза болезненно расширены.

— Я, действительно, ученица Антона Григорьевича Рубинштейна, но сейчас ни аккомпанировать, ни вообще заниматься музыкой не могу!— объявила она и тотчас же исчезла, крикнув кому-то: — Беги за бабкой!

Мы ушли, унося с собой некоторое недоумение. У ворот мы снова встретили бабу в подотканной юбке. Она вертела головой направо и налево, очевидно, соображая, куда ей бежать. Когда я спросил ее, чем больна хозяйка, баба спокойно сообщила:

— Родить собралась...

Признаюсь, это вообще прекрасное намерение в данном случае показалось нам несвоевременным и огорчило нас.

Но родственник Агнивцева отправил нас к другой аккомпаниаторше. В ту эпоху очевидно, все музыканты Ставрополя были женского пола. На этот раз мы увидели перед собой молодую блондинку с пышными волосами, видимо, очень веселую. Она смеялась над всем, что мы ей говорили.

— Так вы хотите, чтоб я аккомпанировала вам? — спрашивала она, заливаясь смехом. — Да ведь я с Левиным играла! Понимаете? С самим Левиным!

Мы оба смутились, не зная, кто этот Левин. Но все-таки просили ее помочь нам, очень усердно просили. Однако она решительно сказала:

— Я не могу аккомпанировать артистам, которые никому не известны! Но я могу дать вам записку к одной барышне... Слово «барышня» она очень подчеркнула. Мы с благодарностью взяли записку и отправились к «барышне». Пришли на окраину города, в глухую улицу к длинному забору, за которым среди бурьяна возвышался небольшой покосившийся домик. На крыльце дома лежала собака, похожая на кусок войлока. По двору развешано белье. Мы долго по очереди стучали в запертые ворота. Наконец, какая-то очень недоверчивая женщина, расспросив подробно, кто мы, откуда и зачем, впустила нас во двор и вызвала на крыльцо дряхлую старушку с трясущейся головой. Агнивцев, как бывший офицер, элегантно расшаркался и спросил, здесь ли живет m-elle такая-то?

— Зачем вам ее?

— А вот у нас письмо к ней.

Убежденный, что имеет дело с бабушкой аккомпаниаторши, Агнивцев подал ей послание блондинки, и вдруг мы увидел, что старушка вскрывает его.

— Виноват, — сказал Агнивцев, — письмо адресовано m-elle...

— Мамзель — это я, — не без гордости сказала старушка. Мы поняли, почему так весело смеялась блондинка, рекомендуя нам «барышню». Прочитав письмо, старушка сказала нам, что уже лет тридцать не подходит к роялю. Наше положение становилось безвыходным. Но какой-то добрый человек оповестил нас, что в городе есть еще одна аккомпаниаторша. Пошли к четвертой. Эта жила в каком-то овраге и оказалась женою околоточного надзирателя, женщиной очень миловидной и приветливой. Выслушав нашу просьбу, она страшно покраснела и сказала нам:

— Видите ли, я мало училась, играю только для себя и едва ли пригодна вам.

Мы умолили показать нам ее искусство. Играла она отчаянно, не имея никакого представления о ритме и движении пьесы. Ноты читала плохо, но все-таки мы ее научили. Я был все-таки настолько музыкален, что сам замедлял темп, когда она путала, но Агнивцев уже если начинал петь, то «чесал» до конца, не справляясь с аккомпанементом и не обращая внимания на него...

Как бы то ни было, но концерт состоялся и прошел не без успеха. Особенно доволен был околоточный.

1896
Коста Леванович Хетагуров

Почти двадцать лет жил в Ставрополе выдающийся осетинский поэт, революционер-демократ Коста Хетагуров. В 70-х годах он учился в Ставропольской мужской гимназии, в 90-х — работал журналистом в местной газете «Северный Кавказ». В это время и были написаны предлагаемые читателю зарисовки (Хетагуров К.Л. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 4. Публицистика. М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 119—120).

Кто из ставропольских обывателей наиболее знаком с архиерейским мостом и Желубянской улицей?

Извозчики и дрогали. Первые — потому, что ломают на этих улицах свои экипажи, а вторые — потому что, увязнув в грязи со своими дрогами, тщетно взывают к прохожим о помощи. Желубянские обыватели подавали-подавали в городскую управу слезные прошения о необходимости замощения их улицы и подавать устали. А управа молчит и не хочет снизойти к просьбам желубянцев. Она, вероятно, позабыла, что в районе 3-й части города, где находится Желубянка, проживает до 70 человек извозчиков, платящих в пользу города известный налог.

А про обывателей пешеходов и говорить нечего: в дождливую погоду они чуть ли не купаются в грязи. Желубянские доморощенные «инженеры», чтобы сделать новую улицу мало-мальски годною для безопасного по ней проезда, навалили в разных местах до 30 возов хмыза (хвороста), но надолго ли такая гать? Перегниет хмыз, и опять образуются на тех местах непролазные болота.

Бедные желубянцы!..

* * *

Осень едва ли не самое лучшее время года в Ставрополе... Слегка желтеющая зелень, теплые солнечные дни и тихие, полные нежного великолепия вечера... Хочется подольше оставаться под открытым небом и, прежде чем закупориться за двойные рамы, вволю надышаться чистым воздухом и наглядеться на опадающие листья, на умирающие цветы...

* * *

Скука... ах, какая скука!.. Ах, какая невыносимая скука!.. Вот канва, на которой ведутся в настоящее время беседы наших горожан. Все, что имело возможность вырваться из «противного» Ставрополя на выставку, на воды, на море и тому подобные излюбленные места праздного скитания, флирта и прожигания последних грошей и здоровья, — все уже очертя голову ринулось на Невинку и на ст. Михайловскую пресловутой Ставропольской железной дороги, открытие которой с каждым днем все более и более удаляется в «далекую туманную даль».

— Ах, какая скука! Вчера — роща, сегодня — роща, завтра — роща... каждый день — роща!.. В воскресенье — музыка, в четверг — музыка... ах, какая музыка! Марш, полька, вальс, кадриль... Вальс, полька, кадриль и в заключение опять марш... И за это двадцать пять целковых в вечер!..

Куда деваться?

* * *

В лес... в широкое поле, «где, шествуя, сыплет цветами весна». Ах, какая возня! Надо собирать компанию, закупать провизию, везти самовар, чайную, столовую, кухонную посуду... И в довершение всего — дождь... Удовольствие!

На дачи Павлова и Ртищева... Попробуйте...

На первой непременно натолкнетесь на пьяную компанию, а на второй надо быть самому непременно пьяным, чтобы не видеть той возмутительной грязи, какую вы встретите там...

1916
Николай Александрович Филимонов

Воспоминания Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии, крупнейшего инженера-гидротехника Н.А. Филимонова «Родной город» хранятся в Ставропольском краеведческом музее им. Г.К. Праве.

Хорошо помню Ставрополь накануне открытия движения по Армавиро-Туапсинской железной дороге. Каждую осень город днем и ночью стонал от скрипа обозов, стука колес, ржанья коней, крика

верблюдов. Ехали хлеборобы, виноградари, скотоводы; ехали на возах, телегах, мажарах, тачанках, бричках, ехали в бурках и с нагайками в руках. Приезжали и калмыки с самой дальней окраины губернии, ехали долго и прежде всего разбивали, часто в самом городе, свои войлочные юрты. Через несколько недель шум прекращался, город затихал, переходил к своей привычной, неторопливой и размеренной жизни, основательно подзаработав на операциях с зерном и просто на покупках.

1918
Алексей Николаевич Толстой

Летом 1943 года А.Н. Толстой приехал на Ставрополье в качестве члена «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников». Зверства фашистов в нашем городе в период оккупации описаны им в очерке «Коричневый дурман» (Толстой А.Н. Полн. собр. соч. Т. 14. М., Гослитиздат, 1950, с. 303—305). Период гражданской войны на Ставрополье и, в частности, взятие Ставрополя героической Таманской армией в октябре 1918 года отражен на страницах романа А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (Толстой А.Н. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 5. М., Гослитиздат, 1959, с. 631 — 632).

Взятие Ставрополя было поручено таманцам. И двадцать третьего октября началось наступление Таманской армии на Ставрополь и одновременно контрнаступление белых. Двадцать восьмого командиры всех колонн сообщили, что не хватает снарядов и патронов и если их завтра же не подвезут, — рассчитывать на победу невозможно. Реввоенсовет ответил, что снарядов и патронов нет, «берите Ставрополь голыми штыками»... В ночь на двадцать девятое были выделены две штурмовые колонны. Под прикрытием артиллерии, стрелявшей последними снарядами, они подошли к деревне Татарской, в пятнадцати верстах от Ставрополя, куда был вынесен фронт белых. Над степью взошла большая медная луна — это было сигналом, так как в армии не нашлось ракет... Пушки замолкли... Цепи таманцев без выстрела пошли к передовым окопам противника и ворвались в них. Тогда заревели трубы оркестров, забили барабаны, и густые волны обеих штурмовых колонн таманцев под музыку, заменявшую им пули и гранаты, обгоняя музыкантов, падая сотнями под пулеметным огнем, ворвались во всю главную линию укреплений. Белые отхлынули на холмы, но и эти высоты были взяты неудержимым разбегом. Противник бежал к городу. Вдогон ему понеслись красные казачьи сотни. Утром тридцатого октября Таманская армия вошла в Ставрополь.

1968
Владимир Георгиевич Гниловской
Василий Леонтьевич Котельников

В 1968 году в издательстве «Мысль» вышел 3-й том многотомного издания «Советский Союз». Один из разделов этого тома содержит экономико-географический обзор Ставрополья. Авторы его — кандидат географических наук, заведующий кафедрой физической географии и геологии Ставропольского государственного педагогического института В.Г. Гниловской и профессор кафедры общего землеведения Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина В.Л. Котельников, преподававший в 1940—1941 годах в Ставропольском пединституте. Отрывок из этого обзора предлагается вниманию читателей.

Очень своеобразная планировка и топография города. Его застроечные массивы расположены на склонах возвышенности с разницей высот между нижней и верхней частями местами более 200 м. Командное положение занимает Комсомольская (в прошлом Крепостная) горка. С нее открывается обширный обзор. На севере под крутым обрывом видна просторная долина Ташлы, на юго-востоке просматриваются узкие долины речек Желобовки, Мутнянки, Первой Мамайки, Второй Мамайки. Вдалеке, у пригородного села Надежды, долины речек соединяются, а за ними в синей дымке отдаленного горизонта маячат невысокие горы, оставшиеся после разрушения края Ставропольской возвышенности.

...Планировочным центром города является площадь В.И. Ленина — самое красивое место в городе. Перед Домом Советов, на обширной площадке из гранита и мрамора установлен величественный, отлитый из бронзы памятник В.И. Ленину, окруженный скульптурными группами из трудовой и военной жизни нашего народа. За памятником, на фоне здания Дома Советов из местного мраморизованного ракушечника, выделяется шеренга пушистых голубых елей. Далее высится новое здание драматического театра. Вся площадь напоминает парк-партер с розариями, газонами, водоемами, фонтанами, купами берез, вавилонских плакучих ив, клумбами, на которых с ранней весны до осенних заморозков цветут, сменяя друг друга, тюльпаны, виолы, ромашки, флоксы, аквилегии, канны. Тянутся аллеи декоративной рябины с опушенными седыми листьями и боярышника, вызывающего удивление тем, что его шаровидные кроны усеяны не белыми, как обычно, а розовыми цветами. На площади выделяются огромный Дом Советов, старые здания краевого музея и первой на Кавказе мужской гимназии. В ее здании 1 января 1918 года была провозглашена Советская власть в Ставропольской губернии.

От площади В.И. Ленина к Привокзальной площади ведет центральная магистраль — проспект Карла Маркса. В последние годы она преображена до неузнаваемости. На ней выстроен ряд массивных многоэтажных жилых зданий.

И зелень, незабываемая зелень бульваров и парков Ставрополя. Пирамидальные тополя, краснолистные клены, акации — белая и шаровидная, ясень, розы, жасмин, высокие каштаны, вековые дубы... В озеленение города включены окрестные лесные дачи (Круглый лес, Мамайская, Таманская), государственный лесопитомник и поднимающийся все выше и выше недавно заложенный ботанический сад.

Благодаря положению на гребне и склонах возвышенности климат города своеобразен. В сравнении с окрест лежащими низменностями в нем выпадает больше осадков, часты туманы, а зимой изморось, гололедица. В нижней части города теплее и весна наступает на несколько дней раньше, чем в верхней. Но особенно характерны ветры. Они здесь часты почти во все времена года. Неприятна зима с постоянным чередованием морозов с оттепелями. Неожиданно налетит метель, завалит мокрыми хлопьями снега дворы и улицы. А через день уже все растаяло: бегут ручьи, в воздухе запахнет весной.

А потом вдруг налетит жестокий северо-восточный ветер, в один-два часа заморозит все кругом. На улицах образуется гололедица. Трудно бывает в такую пору и пешеходам, и водителям транспорта. И так всю зиму.

Только осень почти безветренна. Тихие, теплые, но не жаркие дни сменяются такими же тихими, прохладными ночами. Зеленый наряд бульваров разнообразится бесчисленными оттенками желтых и красных красок. Базарные полки, уличные лотки, павильоны, прилавки овощных магазинов ломятся под тяжестью даров огородов, садов, виноградников. А в ноябре осень тихо уступает права своенравной и взбалмошной ставропольской зиме.

1972
Микаэл Леонович Таривердиев

Композитор М.Л. Таривердиев был участником IV «Музыкальной осени Ставрополья» в октябре 1972 года. Свои впечатления от пребывания в Ставрополе он высказал в беседе с журналистом Н. Каревой («Ставропольская неделя», 1972, 6 октября).

Существует в песенном искусстве определенная цепь: поэт — композитор — исполнитель и, конечно, слушатель. Без него цепь бы разрушилась и песни просто не состоялось бы. Нас очень порадовала искренняя заинтересованность ставропольцев в песне. На днях мы были с шефским концертом на ставропольском заводе «Электроавтоматика». С первых же шагов все увиденное поражало и восхищало нас. Ставрополь вообще привлекает зеленью, но завод этот прямо-таки напоминает сад, огромный цветник. Нас водили по прекрасным, светлым современным цехам. Мы знакомились с рабочими, которым доверено право работать без контроля. Все это — приметы нашего времени. И одна из главных, на мой взгляд,— необыкновенный духовный рост человеческой личности, стремление к прекрасному. Зал завода, где происходила творческая встреча нашего маленького коллектива, был переполнен, люди стояли в проходах. У них были живые, одухотворенные, красивые лица, какие нам приходилось видеть и в Москве, и в Ленинграде, в институтах и учреждениях науки и культуры. Рабочий человек нынче ни в чем не уступает интеллигенту, ни по широте взглядов, ни по интересу к искусству. Мы получили много интересных записок. Было приятно, что кругозор наших слушателей так широк, а отношение к музыке, к жизни серьезно и требовательно.

1973
Василий Павлович Соловьев-Седой

Популярный советский композитор, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии В.П. Соловьев-Седой был участником «Музыкальной осени Ставрополья» в 1967 и 1973 годах. В Ставрополе с большим успехом прошли его авторские концерты. Выступая по местному радио, В.П. Соловьев-Седой тепло отозвался о нашем городе.

Этот фестиваль лично для меня был весьма насыщен. Мы побывали в Пятигорске, в Новоалександровске и других населенных пунктах края. Везде нас отлично встречали. Народ настроен радушно. Вероятно, этому способствует и хороший урожай этого года, отличные перспективы на окончание уборки. Мы встречались с замечательными людьми. Я бы очень хотел передать огромную признательность и благодарность всем людям, с которыми я встречался, с которыми встречался наш творческий коллектив, и сказать, что мы никогда не забудем той теплоты, той по-настоящему дружеской общительности, при которой проходили наши концерты, наши дружеские встречи. И несомненно, что каждый раз было жаль уезжать. Но что поделаешь? Слишком большая нагрузка, слишком много надо посмотреть.

Итак, мы за небольшой срок дали шестнадцать концертов. При таких дальних поездках дать такое количество концертов, сами понимаете, весьма сложно. Но мы не уставали просто потому, что нам буквально не давали и минуты подумать о том, что мы устали. Настолько нас ласково, сердечно, хлебосольно, по-кавказски встречали.

Город Ставрополь весьма изменился за те пять-шесть лет, что я здесь не был. И я чувствую, что у него большая перспектива роста впереди. А люди? Они так же доброжелательны, и с ними приятно встречаться, как вообще с людьми, которые согреты таким прекрасным солнцем, которого, к сожалению, у нас на Севере, в частности — в Ленинграде не всегда достаточно...

Покидая город Ставрополь, покидая этот гостеприимный край, конечно, скажу вам честно, я с большим удовольствием еще бы сюда приехал. И если позволит здоровье, я обязательно побываю у вас еще!

1974
Марк Григорьевич Фрадкин

Композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР М. Г. Фрадкин сказал несколько слов о Ставрополе на авторском концерте, состоявшемся в начале октября 1974 года по краевому радио.

Третий раз я приезжаю на фестиваль «Музыкальная осень Ставрополья» и с интересом наблюдаю за жизнью и ростом города. Так получается, что мои приезды всегда падают на осень. Осень в городе удивительная: блеск по-летнему щедрого солнца, синь неба, буйство красок плодов и цветов, золото листопада... Я полюбил город, полюбил край. И приезжаю сюда с удовольствием, как друг, как старый знакомый. Каждое новое посещение Ставрополя дает возможность увидеть разительные перемены в нем: растут дома-новоселы, появляются новые проспекты, улицы, бульвары, скверы. И только вечно молодая площадь Ленина бережно хранит свой величественно-торжественный, неповторимый лик.

1975
Андрей Терентьевич Губин

Писатель А.Т. Губин родился в ст. Ессентукской. Все его творчество тесно связано со Ставрополем. Здесь вышли его первые книги «Афина Паллада», «Созвездие ярлыги», «Молоко волчицы».

У Ставрополя нет тысячелетий за плечами — у него сила молодости, а в лице проступают черты

будущего: высокая гармония лепестка розы и тысячетонного бетона, одинокой звезды на отшибе галактики и моря электричества, реактивного взлета с неувядающей прелестью лермонтовской строки. Нетрудно заметить это, если посмотреть на лица рабочих людей Ставрополя, а люди — это и есть крепостные стены, башни, дворцы, проспекты, парки, свет и тепло любого города. Тут люди — как отборное литое зерно на семена. Я в этом городе вижу поэзию завтрашнего дня. Я вижу в нем барабанщика и запевалу. И когда меня спрашивают, откуда я, то где бы ни жил, отвечаю: из самого Ставрополя!

И пока другие более именитые города с великим тщанием исследуют черепки и потемки, в которые уходят их фундаменты, или спесиво спорят до хрипоты о первородстве и первенстве, Ставрополь бежит, как марафонец, день и ночь, неустанно поставляя Родине хлеб, машины, горючее, здоровье, мастеров любого дела, одеваясь самоцветной мозаикой славы.

Неприступно горды москвичи — даже и те, которым еще надо поучиться у людей окраин. Втайне ставят свой город над всеми люди удивительной честности и нравственной силы — ленинградцы. Хлебосольные киевляне искренне недоумевают: как можно жить вне Киева? — над чем от души потешаются в своем патриотизме одесситы, тбилисцы, волжане, как и жители палаточных городов на великих сибирских стройках.

А я, любовно шагая по розовым дюнам Прибалтики, навек очарованный сказкой-Самаркандом, или закидывая удочку в Тихий, или Великий океан, думаю про себя: гордитесь, спорьте, выясняйте, у каждого заслуг немало, но в беге состязаний победит тот, кто не будет сидеть на дрожжах своих, кто останется, как Ставрополь, молодым, бегущим навсегда, сколько бы столетий ему ни стукнуло.

...По вечерам, бегло прочитывая перевернутую страницу еще одного дня, будто довольный сделанным, я все-таки несу в себе тревогу: где-то что-то упущено, недоделано, не так, мало, не то. Вглядываясь за полночь в небо, щедро осыпающееся зерном звезд на горы и степи Ставрополья, вспоминаю: долг! долг остался неоплаченным — мало любви вернул своему городу, которому обязан всем.

Город не в обиде — щедро готовит на утро свою заботу, будет кормить тебя, лелеять, охранять. Но трижды больше надо вернуть ему с утра — и сам станешь богаче — за его красоту, за его доброту.

Здравствуй, новое утро — нынче я не уйду дотемна со своего рабочего места, как не уходишь ты, никому не уступлю этого величайшего счастья: таскать кирпичи, растить сады, помогать людям, поднимать этажи выше, к солнцу, к будущему, которое больше любого прошлого.

Когда я перестану быть — я быть землей не перестану.

Я — землей ставропольской. Землей Синих и Белых гор. Землей Лермонтова, Землей Отечества, вскормившего меня. Землей, которая взрастит новые города, нивы, улыбки и стихи.

Я лишь малая горсть, но и сам Эльбрус состоит из крупинок...

Примечания

1. Это сравнение относится к 1866 и 1868 годам, когда М.Я. Ольшевский провел несколько дней в Ставрополе.
2. Как видно из названия, В.В. Верещагин описал путешествие 1864—1865 годов. Однако это указание неточно. В статье рассказано о впечатлениях двух путешествий художника по Кавказу: 1863—1864 и 1865 годов.

Текст печатается по изданию:
Ставрополь глазами современников. Сост. Л.Г. Орудина. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1976. — С. 8—81.

Л.Г. Орудина. **Ставрополь в старых и новых изданиях**

До революции в описании Ставрополю не везло. Правда, он не обойден вниманием историков, путешественников, писателей, художников, военных деятелей. Но, упоминаемый многократно на страницах периодических изданий, Ставрополь вплоть до 1953 года не имел обобщенного труда по своей истории. Тем интереснее представляется проследить его биографию по тем немногим, давно ставшим библиографической редкостью печатным источникам, которыми располагает музейный фонд Ставропольской краевой научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова.

Первое упоминание о рождении Ставрополя мы встречаем в докладе князя Потемкина Екатерине II по вопросу создания Азово-Моздокской линии. Наместник Астраханской, Азовской и Новороссийской губерний указывает в докладе, что «Крепость № 8, вместе с крепостью № 7, должна прикрыть проход по долине Калаусской, между Калаусскими высотами и Черным лесом от закубанских горцев, подстрекаемых турками к нападению на Россию». Доклад был утвержден Екатериной II 24 апреля 1777 года. Он явился первым официальным документом, положившим начало крепости № 8, а вместе с нею и городу Ставрополю.

Первое упоминание о Ставрополе в гражданской печати появилось в 1807 году в «Словаре географическом Российского государства». Вот что говорилось в нем о Ставрополе спустя тридцать лет после его основания: «Ставрополь с 1785 года учрежденный уездный город Кавказской губернии, прежде бывший под именем Ставропольской крепости, по Кубанской линии, проведенной между реками Тереком и Азовским морем, учрежденной в 1777 году, — лежит на правой стороне реки Ташлы, впадающей в левую сторону Калауса... Укрепление его представляет неправильный четвероугольник, который в самом большом диагонале 250, а в меньшем 120 сажен содержит, две стороны онаго отверстны, и простирается к высокому и крутому берегу, а две другие рвом, валом и тремя батареями укреплены. От сего города на запад 45, а на север 20 верст простирается большой лес, из долины коего, изобилующей родниками, река Егорлык, текущая в Маныч, берет свое начало: у татар Шеп-Карагач, а от россиян Черный именуемый. В сем городе деревянного строения российских церквей 3 епархии Астраханской. Домов казенных 16, 2 магазина, соленой и винный, денежная кладовая 1, партикулярных домов 484, лавок купеческих 72, заводов: кожевенный, мыльный и кирпичный. Садов виноградных 5, яблоневых 17, мельниц водяных 12. Обывателей: купцов 201, мещан 475, сверх того Хоперского полка казаки, в нем пребывает и драгунскому полку штаб-квартира. Купцы сего города торгуют разными товарами, а более такими, кои надобны для людей военных... Виноградные лозы и разные плодоносные деревья, растущие в ставропольских лесах, оказывают совершенную удобность для их разведения, а также для пчеловодства и скотских заводов, прохладный воздух и местоположение сего уезда способны».

Командующий крепостями Кавказской линии И. Дебу в сочинении своем «О Кавказской линии с 1816—1826 гг.» (СПб., 1829) также отмечает, что учреждение Ставропольской крепости считается с 1777 года. Он пишет, что уже к концу 1780 года в Ставропольской крепости и вне ее была построена одна церковь, 467 домов и 92 разных нежилых строения, а в Ставропольской станице уже в 1816 году, кроме казаков, проживало лиц гражданского ведомства, разночинцев, крестьян, дворовых людей, иногородцев и отставных солдат 104 мужчины и 106 женщин.

Первым печатным описанием Кавказской губернии в преддверии XIX века можно считать книгу директора Астраханского народного училища И.В. Ровинского «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству». Книга вышла в Санкт-Петербурге в 1809 году и содержит анализ экономического состояния ряда населенных пунктов Кавказской губернии, в том числе и города Ставрополя на заре его истории. «Ставрополь, — пишет И.В. Ровинский, — уездный город с земляною крепостью лежит на реке Ташле. С южной и юго-западной стороны сей крепости построены форштадты, из коих первой называется Мещанской, а другой Татарским базаром, в коем однако ж живут отставные солдаты и полковые построены казармы, гошпиталь и конюшни». Характеризуя социально-экономическую жизнь молодого города и примыкающей к нему Ставропольской станицы, автор подчеркивает господствующее в экономике жителей Ставрополя натуральное хозяйство, земледелие, соединенное с домашней крестьянской промышленностью. В Ставрополе в это время проживало «разного звания домами живущих людей мужского пола 835, женского 568 душ, в том числе российских 3-й гильдии купцов мужского пола — 246, мещан — 402. Сверх того по торгам всегда пребывают армяне, грузины и донские из Черкасска купцы». И.В. Ровинский дает сведения о количестве земли, домов, товарных лавок, питейных заведений, мельниц, кустарных предприятий. Большую роль в развитии экономики города автор уделяет местным ярмаркам и торговым операциям на них, дающим большой доход зажиточной купеческой верхушке города.

В 20-х гг. XIX в. сведения о городе Ставрополе проникли уже в учебные пособия для школ и гимназий. Так, русский историк, географ и статистик Е.Ф. Зябловский в своей книге «Землеописание Российской империи» Царства Польского и Великого Княжества Финляндского для употребления в губернских гимназиях» (СПб., 1822) отводит небольшое место Ставрополю и так описывает его: «Ставрополь — город и крепость при речке Ташле, текущей посредством Калауса в Маныч, с уездным училищем. Имеет 2 церкви, 400 домов и до 2250 жителей... Из заводов находятся: 10 кожевенных, 4 мыловаренных и 4 мельницы».

Ставрополь 20—50-х гг. прошлого столетия предстает перед нами в основном по дневникам, воспоминаниям, путевым запискам путешественников и военных деятелей, служивших в эти годы

на Кавказе. В 1820—1821 годы большое путешествие по России совершил Г.В. Гераков, статский советник, чиновник различных поручений по Министерству юстиции при Сенате. Литературным результатом этого путешествия были его «Путевые записки по многим российским губерниям» (ч. 1—2. Ч. 1. Пг., 1828). Побывав в начале августа 1820 года в Ставрополе, Гераков делает следующую запись: «Можно сказать, что от Георгиевска дорога — вначале степь, с несколько посохшею травою, потом сенокосы, хлеб до самого Ставрополя, который гораздо лучше Георгиевска, чист, однако, мало нашли съестного. Тут две церкви, одна каменная, другая деревянная. От Ставрополя верст семь гора, зелень веселая, рогатого скота множество, вдали горы зеленые и лесистые».

Писателю и поэту, герою Отечественной войны 1812 года Д.В. Давыдову, посетившему Ставрополь 24 августа 1826 года по дороге в Тифлис в ставку генерала А.П. Ермолова, Ставрополь хоть и не пришелся по душе, но показался «оазидой в пустынях аравийских». Весь день он бродил по городу, внимательно изучая дома, улицы, быт горожан, т.к., замечает Д. Давыдов, «прежде думал жить в нем со всем своим семейством».

П.Б. Голицын в книге «Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля» (Спб., 1857, с. 105—107) детализирует те изменения, которые происходят в Ставрополе к концу 1830 года. «В 1828 году, — пишет он, — устройство Ставрополя изменилось к лучшему. Улицы имели уже каменные тротуары с перилами, а некоторые из них были вымощены. Город был освещен фонарями; купечество, по убеждению начальника, положило в этом году основание каменного гостиного двора, вместо бывшего лубочного; начали воздвигаться каменные строения; дом областного начальника был совсем вновь построен; многим казенным строениям было положено основание. В 1830 году строения в Ставрополе уже значительно умножились: между тем отстроился новый гостиный двор, также были выстроены мясные ряды и харчевни; госпиталь исправлен, а на сооружение нового тюремного замка назначено правительством 170000 рублей. Улицы, тротуары, мосты, дороги были уже содержимы в исправности. Путь из Ставрополя в Пятигорск сокращен учреждением новой дороги от станицы Сабля».

А вот что пишет о Ставрополе чиновник для особых поручений Казенной Экспедиции грузинского правительства, деятельный сотрудник «Тифлисских ведомостей» Д.Е. Зубарев, посетивший Ставрополь летом 1828 года: «Город Ставрополь построен на высокой горе. Все лучшие здания, казенные и частные, находятся на вершине горы, а худшие на скате оной. Улицы вообще неправильны. Дома большей частью деревянные, выбеленные, весьма немногие построены из тесаного камня, добываемого близ города. Они большей частью с крытыми галереями, обращенными во двор. Гостиный двор тесен, а поэтому строится новый, довольно обширный. Купцы, торгующие в гостином дворе, почти все армяне, русских весьма немного. Против дома, занимаемого градской полицией, видел я калмыцкую кибитку, обитатели которой находятся по какому-то делу под следствием. Простой народ в Ставрополе и вообще в Кавказской области носит черкесское платье».

Конец 20-х и 40-е годы XIX столетия характерны для Ставрополя тем, что здесь часто и подолгу жили многие передовые люди России, сосланные на Кавказ под пули горцев: декабристы А.А. Бестужев-Марлинский и С.И. Кривцов, М.А. Назимов и Н.И. Лорер, поэты М.Ю. Лермонтов, П.А. Катенин, А.И. Одоевский и др. О пребывании декабристов в Ставрополе, об их ставропольском окружении мы знаем не только из записок самих декабристов. О благотворном, положительном влиянии декабристов на общественную и культурную жизнь города рассказывают многие очевидцы. Весьма важные сведения о приезде в Ставрополь осенью 1837 года декабристов содержатся в воспоминаниях Н.М. Сатина, поэта, товарища М.Ю. Лермонтова по Московскому благородному пансиону. «Осенью этого года, — вспоминает Н.М. Сатин, — в Ставрополе ожидали государя Николая Павловича. Под самым городом расположился лагерем генерал Засс, известный тогда на Кавказе под именем «храброго генерала». Он командовал летучим отрядом, который употреблялся для быстрых, неожиданных нападений на разные провинившиеся аулы. Под Ставрополем, кроме его отряда, палатку Засса окружала пестрая толпа депутатов от разных племен мирных горцев, которых он должен был представить государю... Однажды мы у него завтракали. Завтрак уже кончился, и мы сидели за стаканом кахетинского в веселой дружеской беседе. Взошел адъютант и, подавши Зассу пакет, доложил, что привезли из Сибири шестерых разжалованных в солдаты.

— Это декабристы! — сказал Засс. — Просите их сюда.

Через несколько минут в палатку вошли шесть человек средних лет в полудорожных костюмах и несколько сконфуженные. Но Засс тотчас ободрил их, он принял их не как подчиненных, а как товарищей. Это были декабристы Нарышкин, Лорер, барон Розен, Лихарев и поэт Александр Одоевский... Как нарочно, в эту ночь в Ставрополь должен был приехать государь. Наступила темная ночь, дождь лил ливмя, хотя на улице были зажжены плошки, но, заливаемые дождем, они трещали и гасли и доставляли более вони, чем света. Наконец около полуночи проскакал фельдъегерь и послышалось отдаленное «ура». Мы вышли на балкон. Вдали, окруженная горящими (смоляными) факелами, двигалась темная масса. Действительно, в этой картине было что-то мрачное. «Господа! — закричал Одоевский.— Смотрите, ведь это похоже на похороны! Ах, если бы мы подоспели!..» — и, выпивая залпом бокал, прокричал по латыни: «Аве, Цезарь, моритури те салютант!»

— Сумасшедший! — сказали мы все, увлекая его в комнату. — Что вы делаете?! Ведь вас могут услышать и тогда беда!

— У нас в России полиция еще не научилась по-латыни, — отвечал он, добродушно смеясь».

Много интересного сообщает о жизни декабристов и их друзей в Ставрополе в своих «Воспоминаниях» (М., 1885) офицер Генерального штаба Г.И. Филипсон. «Я провел, — пишет он, — зиму (1837—1838 гг. — *Л.О.*) по-прежнему, почти исключительно в обществе Майера и князя Голицина. С первым я очень подружился. У них я познакомился со многими декабристами и особенно сблизился с Сатиным, молодым человеком, присланным

из Московского университета в Саратов под надзор полиции за какое-то ребяческое политическое преступление. Из Саратова он получил позволение ехать на Кавказские Минеральные Воды и, по окончании курса, остался зимовать в Ставрополе в ожидании следующего курса вод. Это был очень хороший молодой человек, с доброй и теплой душою, но с плохим здоровьем; он хорошо учился, много читал и был либералом московского пошиба. Сатин жил вместе с Майером и князем Голициным на одном дворе. По-прежнему нашим спорам не было конца... Через Майера и у него я познакомился со многими декабристами, которые по разрядам присылались из Сибири в войска Кавказского корпуса. Из них князь Валериан Михайлович Голицын жил в одном доме с Майером и был нашим постоянным собеседником. Это был человек замечательного ума и образования».

В 1838 году в Ставрополе жил военный историк Ф.Ф. Торнау. Он задержался в городе по случаю открывшейся раны, полученной им еще в 1832 г. в Чечне. Здесь он подружился с семьей командира Моздокского казачьего полка Баранчеева, у которого по вечерам собирался «избранный кружок» кавказских офицеров. Здесь тоже можно было встретить «памятью, умом и знанием богато наделенного» доктора Н.В. Майера и декабристов А.И. Одоевского, С.И. Кривцова, В.Н. Лихарева, М.М. Нарышкина, П.П. Коновницына, А.И. Черкасова и С.М. Палицина — «все люди умные и отменно хорошие».

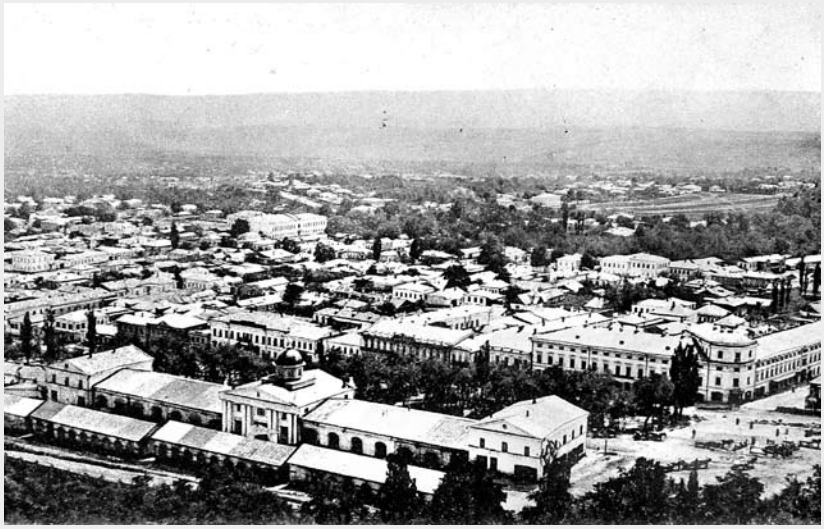
Интересные сведения о жизни ставропольского общества в эти годы о встречах с М.Ю. Лермонтовым, Л.С. Пушкиным сообщает известный русский инженер, генерал-лейтенант А.М. Дельвиг. В воспоминаниях ремонтера Борисоглебского уланского полка П.И. Магденко зафиксирована встреча с М.Ю. Лермонтовым в знаменитой гостинице Найтаки в последний его приезд в Ставрополь в июне 1841 года. «Мы остановились перед домом, — пишет П.И. Магденко, — в котором внизу помещалась почтовая станция, а во втором этаже, кажется, единственная тогда в городе гостиница... Помещение ее было довольно комфортабельно: комнаты высокие, мебель прекрасная. Большие растворенные окна дышали свежим, живительным воздухом. Было обеденное время, а я с любопытством озирался на совершенно новую для меня картину. Всюду военные лица, костюмы — ни одного штатского, и все почти раненые: кто без руки, кто без ноги, на лицах рубцы и шрамы; были и вовсе без рук и без ног, на костылях; немало с черными широкими перевязками на голове и руках. Кто в эполетах, кто в сюртуке. Эта картина сбора раненых героев глубоко запала мне в душу... Зашел я в биллиардную. По стенам ее тянулись кожаные диваны, на которых восседали штабс- и обер-офицеры, тоже большей частью раненые. Два офицера в сюртуках без эполет играли на биллиарде. Один из них, по ту сторону биллиарда, с левой моей руки, первый обратил на себя мое внимание. Он был среднего роста, с некрасивыми, но невольно поражавшими каждого, симпатичными чертами, с широким лицом, широкоплечий, с широкими скулами, вообще с широкой костью всего остова, немного сутуловат, словом то, что называется «сбитый человек». Такие люди бывают одарены более или менее почтенною физическою силой. В партнере его, на которого я обратил свое внимание, узнал я бывшего своего товарища Нагоргичевского, поступившего в Тенгинский полк, стоявший на Кавказе. Мы сейчас узнали друг друга. Он передал кий другому офицеру и вышел со мной в обеденную комнату.

— Знаешь ли, с кем я играл? — спросил он меня.

— Нет! Где мне знать, я впервые здесь.

— С Лермонтовым. Он был из лейб-гусар за разные проказы переведен по высочайшему повелению в наш полк и едет теперь по окончании отпуска из Санкт-Петербурга к нам за Лабу».

Каким же был Ставрополь в те годы, когда здесь жил М.Ю. Лермонтов и декабристы? «Ровно через три месяца по выезде из мирного Минусинска, 12 июня 1840 года, мы приехали уже из Тифлиса в Ставрополь, — пишет декабрист А.П. Беляев, — главную квартиру войск правого фланга Кавказской линии и столицу Кавказской области... Везде станции содержали казаки, поэтому почтовые лошади были превосходные и езда очень быстрая. Не доезжая Георгиевска, тогда уже заштатного города, показался гигантский Эльбрус, а за ним Пятигорье, отчего получил свое имя Пятигорск. Георгиевск тогда в 1840 году был небольшой, но чистенький городок, он расположен на реке Куме, и помню, что тут мы были поражены удивительною белизною пшеничных хлебов, что, впрочем, и понятно, так как тут была родина знаменитой во всем мире пшеницы — кубанки... Верст за шесть открылся Ставрополь. Он расположен на возвышенности и очень красив, осененный садами и рощами, которые в промежутку с белыми каменными строениями придавали ему прекрасный вид. В Ставрополь мы приехали в обеденное время и были очень рады встретить здесь нашего товарища — декабриста Николая Романовича Цебрикова... Пробыв в Ставрополе дней шесть, мы отправились в станицу Прочный Окоп, штаб-квартиру Кубанского казачьего войска...»

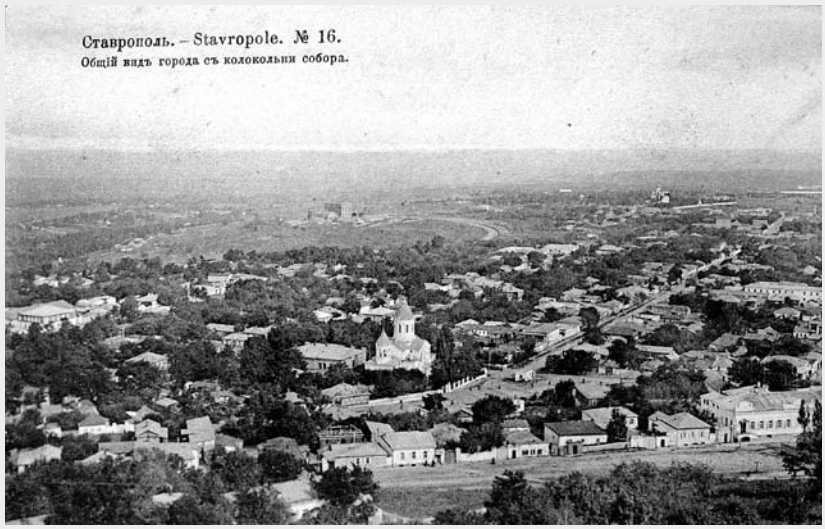


Вид на город с Крепостной горы. Почтовая открытка начала XX века

Пространное описание города 30-х и 40-х гг. дают преподаватель Ставропольской гимназии

П.И. Хицунов, русский писатель, известный исследователь Кавказа, генерал-лейтенант Ф.Ф. Торнау, генерал от инфантерии М.Я. Ольшевский, прослуживший на Кавказе 25 лет, старый кавказский офицер Г.И. Филипсон, писательница Е. Лачинова, генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин и др. П.И. Хицунов концентрирует внимание прежде всего на природно-экономических условиях и живописном расположении Ставрополя, а М.Я. Ольшевский характеризует Ставрополь как военно-организационный и административный центр Кавказа. «Будучи сосредоточением гражданского и военного управления Кавказа, — подчеркивает М.Я. Ольшевский, — в нем производились подряды на сотни тысяч рублей. Он был местом склада не только военных, продовольственных и боевых запасов, но и депо для купеческих товаров, как потребляемых жителями и войсками, так и отправляемых на Кавказ».

Интересное описание Ставрополя конца 30-х гг. приводит писательница Е.П. Лачинова, опубликовавшая в 40-х годах под псевдонимом Хамар-Дабанов обличительную, пронизанную оппозиционным духом повесть «Проделки на Кавказе». Эта книга — первая печатная попытка критически отнестись к системе управления и действиям царских властей на Кавказе. По признанию военного министра А.И. Чернышева, «книга эта тем вреднее, что в ней что ни строка, то правда». Вот как описывается в этой «крамольной» повести наш город: «Завиделся Ставрополь. В продолжении семи верст езды вы рассматриваете его расположение по скату горы; оно вам понравится, особливо после утомительной картины степей. Несколько больших зданий, потом глубокий овраг, усеянный домиками, несколько церквей и садов — прекрасный вид! Но прекрасный лишь издали. Вы въехали — какая пустота! Ни одного порядочного здания! Все мелочно и низко, а все корчит величие — жалко и смешно смотреть! Тут не заметите ни торговли, ни промышленности. Штаб, присутственные места и комиссии: провиантская, комиссариатская и военносудная с тюрьмою подсудимых, вот все, что есть в этом городе. Жителей — кроме служащих, подрядчиков и мелочных торговцев, почти нет, для них вообще не нужно изящества и художеств: мясной ряд, винный погреб, суконная лавка, мелочная лавка с чаем и сахаром, часовщик — или даже три часовщика, из которых ни один никуда не годится, совершенно достаточны для всех потребностей жизни. В Ставрополе найдете одну только роскошь, которой всю цену узнаете в особенности зимою. Это — гостиница. Стол в ней довольно дурен, но все чрезвычайно дорого, и в этой-то дороговизне большая выгода: сволочь не лезет туда. В этом трактире, который есть род клуба, вы проводите целые дни и находитесь в обществе всех приезжих, которых весною бывает очень много. В эту пору из всей российской армии съезжаются офицеры, командируемые на текущий год участвовать в экспедициях, равно как и те, которые кончили свой год и ожидают отправления к своим полкам. Гостиница — единственное место, где с некоторым удовольствием можно проводить время в Ставрополе: помещения опрятны, пространны и изрядно меблированы; первая комната — бильярдная, вторая— столовая, третья — довольно большая зала; далее две гостиных, в которых найдете «Русского инвалида», «Северную пчелу» и несколько ломберных столов, почти незакрывающихся. Прислуги довольно. Она опрятно одета и изрядно наметана. Честь и слава Найтаки, хозяину этого заведения! Да простятся ему его греческие склонности и грешки! Должно, однако же, сказать и то, что нумера, где останавливаются приезжие, темны, дурны, малы, нечисты, имеют всегда дурной запах, холодны и угарны зимой. Да ниспошлет же Найтаки судьба в наказание поболее должников, неплатящих долгов своих...»



Ставрополь. Общий вид с колокольни Кафедрального собора. Почтовая открытка начала XX века

«Жизнь в Ставрополе не отличалась разнообразием и оживленностью, — как бы продолжает мысль Хамар-Дабанова Д.А. Милютин. — Город, широко разбросанный на открытой, возвышенной плоскости степного характера, с низенькими домами, широкими прямыми улицами, обширными площадями, был похож на большую станицу или слободу. Да он и не имел другого значения, как только штаб-квартиры командующего войсками Кавказской линии Черноморья. В состав его входили и казачья станица и несколько слободок. Общество состояло исключительно из одних служащих. Климатические условия были крайне невыгодные: в зимнее время город заносился буквально сугробами снега, а в сырую погоду улицы делались непроходимыми от грязи. Как во всех штаб-квартирах, служащие проводили жизнь почти исключительно в товарищеских кружках»...

О Ставрополе конца 40-х гг. старый кавказец Г.И. Филипсон вспоминает: «Новая моя резиденция, город Ставрополь, порядочно изменилась с тех пор, как я был там в первый раз, десять лет тому назад (в 1835 г. — *Л.О.*). Город очень расширился, особенно в горной части. Огромный пустырь, за домом командующего войсками, наполовину застроился. Явились большие дома, каменные и деревянные, казенной архитектуры. Губернские присутственные места поместились в новых огромных зданиях. Даже городской острог потерял свою патриархальную наружность; его заменило огромное каменное здание, со всем тюремным комфортом и с титулом городской тюрьмы. Вообще видно было, что торговля и промышленность усердно разрабатывали единственный местный источник обогащения — казну. В Ставрополе и прежде не было и теперь почти нет

коренных местных жителей, а есть подвижное служилое население или люд, которые кормятся кавказской войной...

Для штаба войск утверждены новые обширные штаты; для дежурства выстроены дома, для генерального штаба куплен большой дом генерала Петрова. Напрасно бы я стал искать тех двух холодных комнат, в которых помещался в мое время генеральный штаб, и того дома, в котором был свален архив. Все было чисто, чинно, просторно и роскошно. Все било в глаза, и, только осмотревшись, можно было иногда пожалеть о временах старого Вельяминова».

В 50-х г. Ставрополю было посвящено несколько статей в периодических изданиях. Наиболее интересный материал заключает статья анонимного автора «Ставрополь в геологическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях» в «Кавказском календаре на 1855 год» и статья надворного советника Ставропольского губернского правления М.П. Крюкова «Некоторые города Ставропольской губернии» в «Кавказском календаре на 1852 год».

Статья в «Кавказском календаре на 1855 год» приводит богатый фактический и исторический материал по истории города с 1777 года. Автор рассказывает об основании и заселении Ставрополя, развитии промышленности и пригородного сельского хозяйства, образовании, культуре и медицинском обслуживании. Из статьи можно получить представление о том, как застраивался и благоустраивался Ставрополь, как развивалась в нем торговля, какое экономическое положение он занимал в разные годы как военно-административный и культурный центр Кавказа... «Раскидываясь живописно по горе и ее покатостям,— пишет автор статьи, — Ставрополь представляет в настоящее время богатую картину и в этом отношении удовлетворяет требованиям вкуса не одного только простого наблюдателя, но даже требованиям самого разборчивого художника. В прежнее время, когда Ставрополь не пользовался еще известностью, некоторые путешественники и туристы присваивали ему название красивого города; но теперь, мы уверены, они совершенно не узнают его, если кто из них не видел Ставрополя с 1837 года. В течение последних 16 лет в нем возникло столько перемен и благодетельных учреждений, что невольно удивляешься быстроте, с какою Ставрополь строился, и как скоро успел перещеголять своею наружностью многие из наших губернских городов...

Ставрополь, взятый в настоящую минуту со всеми своими окрестностями, занимает довольно обширное пространство, которое представляет из себя местность, усеянную несколькими холмами и небольшими оврагами. По этим-то холмам и оврагам расположена большая часть Ставрополя, местами довольно живописного, а местами грязного и скучного. Центральная улица города, известная прежде под именем Большой и Черкасской, а теперь Николаевской, разделяет Ставрополь в административном отношении на две части: одна из них тянется к Югу, другая к Северу; но указать с точностью естественные границы нашему городу не представляется возможности: у нас нет таких рек и гор, которые большей частью служат Кавказским местностям пределами, далее которых они не могут двигаться. Границы Ставрополя у нас обыкновенно определяются мерою; жители очень хорошо знают, что земли, принадлежащей городу, считается 17772 десятины 669 квадратных сажень, и им нет никакого дела, где и как она расположена и где ее естественный предел. Определяют еще некоторые таким образом границы Ставрополя, что он окружен со всех сторон казачьими землями... Город Ставрополь в административном отношении, как мы сказали, разделяется Николаевскою улицею на две части; но в народе, со всеми своими предместьями, носит он несколько названий. Названия эти следующие: старый город, новый город, форштадт, Воробьевка, Подгорная слобода, Солдатская слободка, Станица, Мутнянка, Мамайка, Ташлинское поселение, Скомороховы хутора.

Старый город, расположенный частью по незначительному горному склону, а частью на ровном месте, составляет лучшее и самое богатое население Ставрополя; особенно отличаются хорошими постройками улицы: Николаевская, Александровская, Театральная и улица присутственных мест. В этой части города сосредотачиваются все более замечательные правительственные, общественные и частные заведения. Самый вид старого города имеет много живописного при взгляде на него с С. и В. стороны; он также занимает первое место и по богатству капитальных зданий, из которых более обращают на себя внимание: дом купца Плотникова, присутственные места, городская Дума, Полиция, дома купца Ганиловского и почетных граждан Волобуевых и прочих. Пересчитывать все хорошее недостает времени: одним словом, вместо прежней бедной Черкасской улицы мы теперь видим улицу, усеянную домами и лавками красивой архитектуры, и на каждом шагу встречаем вывески с надписями: магазин такого-то или продажа таких-то товаров или, наконец, вывески разного рода ремесленников. Между этими последними вывесками, как и во всяком городе, есть много оригинальных, особенно по своим рисункам, смотря на которые нельзя не улыбнуться.

К западу от старого города по равнине тянется Воробьевка, получившая, как говорят, свое название назад тому лет за 60 от бывшего здесь хутора однодворца Воробьева. Эта часть города, лучшая в климатическом отношении и богатая своими садами и огородами, не может только похвастаться постройками; но в последнее время, с перенесением сюда базара и с устройством нового гостиного ряда на прилегающей к ней площади, Воробьевка значительно улучшилась и сделается, может быть, со временем, одною из лучших частей в Ставрополе. Это доказывает, что жители нашего города постоянно стараются сбывать теперь свои старые дома и переселяться на новую площадь. Другое доказательство будущего процветания Воробьевки то, что отводимые на ней под поселение места и те, которые принадлежат ее обывателям, весьма вздорожали против прежнего времени.

Новый город разъединен со старым огромною площадью; на ней теперь устраивается, на юго-запад от дома Командующего войсками, аллея из акаций, лип, тополей и других деревьев. Новый город, начавший возникать собственно после постройки военного госпиталя, состоит весь из каменных двух- и одноэтажных домов и совершенно слился с Воробьевским предместьем в верхней части. К юго-востоку

от нового города расположены казармы Кавказского линейного батальона, а за ними несколько турлучных, деревянных и из мелкого камня домиков, принадлежащих женатым солдатам этого батальона и ставропольским мещанам. Эта местность известна вообще под именем форштадта: некоторые же название это распространяют и на новый город.

Солдатская слободка, примыкающая к старому городу с Южной стороны, составляет не слишком богатое население, хотя местами попадаются здесь каменные, довольно порядочные дома, но они в общей сложности своей, относительно прочих частей города, за исключением, разумеется, предместий, нисколько не придают красоты слободке и даже теряют свое значение против того, если бы они были помещены где-либо в другом месте города или на лучшей улице...

Перейдем снова в старый город и, став на его главном возвышении, заглянем на Север. Здесь прежде всего бросается в глаза Подгорная слободка, усеянная по крутому горному скату небольшими домиками, в которых, как видно, не принимала своего участия архитектура и представляла право каждому поселенцу производить постройку дома по его собственному плану. В этой части улицы кривы, темны, грязны и местами так узки, что двое гуляющих не могут пройти рядом. Некоторые из жителей справедливо говорят, что Подгорная слободка — лабиринт города Ставрополя.

Узкие улочки Подгорного предместья. Переулок Интернациональный. Современный вид

К Северо-западу отсюда виднеются на крутой горе так называемые Скомороховы хутора, составляющие из себя хотя небольшое, но чистое и опрятное поселение...

В лощине, идущей от Запада к Востоку, между горными скатами, из которых на одном частью расположены Скомороховы хутора, а на другом Подгорная слободка, тянется по речке Ташле одноименное с ней предместие до Эмануэлевой дачи, которая служит пределом Ставрополя на Востоке.

В Ташлинском предместии находятся: тутовый сад, школа для образования шелководов и много прекрасных рощ; тут же по речке устроены мельницы, кирпичные, кожевенные и мыльные заводы...».

Точное представление о числе жителей, количестве казенных и общественных зданий в городе, бассейнов, дорог, мостов, бульваров, садов, о характере ставропольской промышленности к середине XIX в., наличии учебных заведений можно получить из статьи М.П. Крюкова «Некоторые города Ставропольской губернии» в «Кавказском календаре на 1852 год». «Общее число постоянных жителей, — отмечается в статье, — мужского пола до 7000, женского до 5000, а всего до 12000 душ. Заводская и фабричная промышленность города приметно возрастает. Существует 5 табачных и одна хлопчатобумажная, заводы — пивной, шорный, колокольные, мыльные, восковых и сальных свеч, кирпичные, известковые, кожевенные, сало-топленные, воскобойные, на которых управляется до 200 рабочих. Лавок в Ставрополе считается 217, из них 96 мелочных и 3 магазина, харчевен 2, трактиров 5, ресторация 1, питейных домов 10, штофных лавочек 6...

Учебные заведения: семинария, в котором учителей и чиновников 7 и 151 учащихся, два духовных училища, — учащихся 268; губернская гимназия: учителей и чиновников 20, учащихся 122; при ней благородный пансион с 86 воспитанниками; частный пансион благородных девиц, в котором учащихся 24 и заведение женского благотворительного общества св. Александры, имеющее 58 воспитанниц. А всего учебных заведений 7, в них учителей и чиновников 48, учащихся мужского п. 627 и женского 82. Заведения благотворительные: больница 1, дом умалишенных и богодельня.

В Ставрополе нет памятников древности, но место на горе, увенчанное Кафедральным собором и до сих пор называемое крепостью, представляет следы земляного вала, напоминающего нам славное имя генералиссимуса Суворова».

Определенный прогресс в изучении Ставрополя наблюдается во 2-й половине XIX века. С 1850 года в Ставрополе стала выходить газета «Ставропольские губернские ведомости». На страницах «ведомостей» печатались этнографические, топографические, географические, исторические и статистические материалы местного характера как отдельных авторов-энтузиастов, так и архивных статистических комиссий. «Ставропольские губернские ведомости», а также более поздние периодические издания («Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», «Обзоры Ставропольской губернии», «Труды Ставропольской Ученой Архивной комиссии», газ. «Северный Кавказ» и др.) являлись своеобразной копилкой значительного краеведческого материала по истории Ставропольской губернии в целом и города Ставрополя в частности, не утратившего своего значения и в наши дни.

В первую очередь хочется отдать должное И.В. Бентковскому, неутомимому краеведу, написавшему целый ряд статей по истории города Ставрополя, основанных на архивных материалах. Часть этих статей опубликована на страницах «Ставропольских губернских ведомостей». В статьях Бентковского нашли отражение вопросы строительства Ставропольской крепости в 1777—1780 гг., образование Кавказского наместничества и представление Ставрополю в связи с этим прав уездного города, торжественное открытие присутственных мест, организация благоустройства, торговли, самоуправле-

ния, народного образования. «И города, как и люди, пишет Бентковский, — переживают свой период младенчества. Для Ставрополя этот период кончился в 1824 году. Ставропольская крепость основана 22 октября 1777 г., переименована в уездный город 5 мая 1785 г., губернским городом назначена 10 августа 1822 г., но присутственные места переведены из г. Георгиевска только 1 октября 1824 г. С перенесением из Георгиевска присутственных мест Ставрополь, сделавшись гражданским и военным центром Кавказской . области, вступил в возраст юношества и с тех пор начал постепенно, но твердо развивать и свое экономическое состояние и свое население».

В 1883 году в типографии Ставропольского губернского правления вышел справочник, составленный И.В. Бентковским, — «Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии». В справочнике даны историко- статистические сведения о Ставрополе.

В 1868 году вышел первый выпуск издания Ставропольского статистического комитета «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии». В этом выпуске помещена статья Н.И. Скоковского «Сведения о городе Ставрополе». В статье автор описывает географическое положение города, дает исторический очерк развития, состояние экономики, народного образования Ставрополя того времени. Изучение истории Ставрополя было продолжено краеведами и в начале XX века. Так, в 1903 году в Ставрополе вышла книга В. Дейнеко «Суворов в Ставрополе», в которой автор сделал попытку обобщить документальные источники и сведения местных исследователей о пребывании генералиссимуса русской армии А.В. Суворова в 1778—1779 годах на Кубани и на Ставрополье и о его руководстве строительством Азово-Моздокской линии.

В феврале 1906 года в Ставрополе, по примеру других губерний, была создана губернская Ученая Архивная Комиссия, которая должна была не только составить губернский исторический архив, но и собрать сведения по истории края, знакомить с памятниками старины, содействовать распространению археологических и исторических сведений. С 1910 года начали издаваться труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии.

В трудах «Комиссии» помещены ценные материалы по истории Ставрополя. Например, в вып. V за 1913 г. напечатаны статьи Г.Н. Прозрителева «Описание города Ставрополя» и «Источник Карабин»; в вып. VII за 1915 г. его же статья «Из истории города Ставрополя». Ряд статей Г.Н. Прозрителева по истории города можно найти и в других выпусках «Трудов Ставроп. Ученой Архивной Комиссии».

Рассказывая об изданиях, посвященных прошлому города, нельзя пройти мимо интересных воспоминаний и впечатлений целого ряда революционных деятелей, артистов, музыкантов, художников, просто путешественников, в разное время побывавших в городе. А.С. Пушкин, вторично посетивший Ставрополь в 1829 году, восторженно пишет в «Путешествии в Арзрум» об облаках, «поразивших... взоры тому ровно за девять лет»; революционера Г.А. Лопатина, отбывавшего в Ставрополе в 1868—1869 гг. ссылку, угнетало здесь «отсутствие всякой, сколько-нибудь широкой и полезной деятельности». О.Д. Форш поэтически передает в своей автобиографии детское впечатление о Ставрополе, яркой и неповторимой природе Кавказа; композитора М.А. Балакирева поразило обилие зелени в городе и кафедральный собор, «стоящий на самом высоком месте», а выдающийся русский живописец-баталист В.В. Верещагин в 1863 году критически отнесся к этому, по его словам, неуклюжему сооружению, в котором художник увидел «неудачное смешение итальянской архитектуры с византийской», и город показался ему темным, не отличающимся чистотой и порядком; известному артисту императорских театров А.А. Алексееву, сыгравшему на сцене ставропольского театра в 1846— 1850 годы Фамусова, Городничего и многие другие, незабываемые для ставропольцев роли, было «жаль покидать Ставрополь, в котором я провел, — как пишет артист,— четыре года спокойно и хорошо, испытывая неподдельную любовь и расположение ставропольской публики», а у Ф.И. Шаляпина поездка в Ставрополь носила несколько комический характер: почти день провели в поисках аккомпаниатора и в конце-концов пришлось удовлетвориться услугами жены околоточного надзирателя.

Воспоминания о Ставрополе оставили актер и режиссер Н.Н. Синельников, игравший на сцене ставропольского театра в сезон 1878—1880 гг., один из зачинателей советской кинематографии Н. Перестиани, игравший в ставропольском театре у С.О. Степановой-Горской в 1889 году, заслуженный артист УССР А.А. Сумароков, поставивший на ставропольской сцене в сезон 1911—1912 гг. пьесу Бомарше «Женитьба Фигаро».

Таков краткий обзор редких дореволюционных изданий и тех материалов, которые вышли в наши дни, но содержат сведения о многих событиях жизни губернского города Ставрополя до революции. Необходимо отметить, что как бы ни были написаны книги и статьи дореволюционного периода, время на них наложило свой след. Мы не найдем здесь верного освещения положения трудящегося населения Ставрополя, о томившихся в ссылке борцах за свободу и многих, многих других вопросов, о которых трудно было и писать в условиях царской цензуры.

Многие советские историки, краеведы, публицисты, писатели внесли свой вклад в дело изучения и освещения в печати истории и сегодняшних достижений в жизни города. Много и плодотворно работали в этой области известный краевед, кандидат географических наук В.Г. Гниловской, доктор исторических наук профессор П.А. Шацкий. Сегодня трудятся краеведы Г. Беликов, Р. Бунькова, И. Усова, В. Водолажская и др.

Самой полной по содержанию первой работой по истории города Ставрополя, вышедшей в советское время, до недавнего времени была книга Г.Д. Краснова «Ставрополь на Кавказе».

К 200-летию Ставрополя вышла книга П.А. Шацкого и В.Н. Муравьева «Ставрополь» и историческое повествование И.В. Кузнецова «Крепость в степи», за которую автору была присуждена премия им. А. Скокова.

«Ставрополь глазами современников» — так названа книга, в которой собраны материалы, характеризующие наш город на протяжении двухвековой

его истории. Это выдержки из приказов, документов, статей, художественных произведений, писем, мемуаров, чья жизнь или деятельность были связаны со Ставрополем.

Два века — воистину незначительное время для города. Но есть годы, своей плодотворностью равные столетьям. Именно таковы годы советских пятилеток, которые неузнаваемо изменили город, увенчали его великолепными зданиями, проспектами, памятниками и придали новое социалистическое содержание его жизни. В этом еще раз убеждаешься, перелистывая и невольно сравнивая два фотоальбома, изданные в разное юбилейное для города время. В 1912 году к 125-летию со дня основания Ставрополя губернской типографией был выпущен «Альбом видов города» и в 1976 году, накануне 200-летия, ставропольцы получили великолепный сувенирный подарок-фотоальбом «День моего города», отпечатанный в Белградской типографии (Югославия).

Два альбома, как две судьбы в жизни города. Первый фотоальбом включает около 30 черно-белых фотографий, запечатлевших предреволюционный облик Ставрополя, его узкие улочки, мощенные булыжником мостовые, приземистые домики, наиболее достопримечательные здания и места — Ставропольская мужская гимназия, Тифлисские ворота, Александровская и третья женские гимназии, железнодорожное училище, женское епархиальное училище, Ставропольский окружной суд, Николаевский проспект и Воронцовская и Александровская улицы, базар на Александровской площади, церкви, соборы, несколько каменоломен, где вручную добывался камень. И вот сегодняшний «День моего города», запечатлевший Ставрополь 70-х годов. Даже без текста, по одним фотографиям, можно составить яркую картину жизни Ставрополя сегодняшнего дня. В книге фотографии приобрели самостоятельную и документальную ценность, несут большую познавательную и эмоционально-эстетическую нагрузку. Прекрасные по своим художественным достоинствам и полиграфическому исполнению, они помогают понять и почувствовать величие и масштабность строительства в городе: светлые, растущие вширь и ввысь, новые микрорайоны, крупные промышленные предприятия — заводы автоприцепов, люминофоров, «Электроавтоматика», «Красный металлист», поршневых колец, продукция которых получила мировое признание, обновленные и помолодевшие старые улицы и площади, здания институтов и школ, больниц и дворцов культуры, библиотек и кинотеатров, тенистые и живописные бульвары и парки, памятники старины и современного зодчества, — словом, всю многообразную жизнь краевого центра воссоздают страницы фотоальбома и его авторы — фотокорреспондент Ю. Васильев, журналист Ю. Христинин и ставропольский поэт А. Екимцев.

Да, в исторической, литературной и художественной летописи Ставрополя много приметных страниц, и нет возможности в одном обзоре перелистать их. Но и рассмотренные нами источники дают яркую картину богатой и интересной истории города за 200 лет его существования.

Тексты печатаются по изданиям:
Орудина Л.Г. Ставрополь в старых и новых изданиях // Ставрополье. Литературно-художественный альманах Ставропольской краевой писательской организации. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1982. — Вып. 4. — С. 99—106.
Орудина Л.Г. Ставрополь в старых и новых изданиях // Ставрополье. Литературно-художественный альманах Ставропольской краевой писательской организации. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1983. — Вып. 3. — С. 107—115.

В.В. Госданкер, Ю.Н. Христинин. **На сорок пятой параллели. Путеводитель по Ставрополю**

Знакомьтесь: Ставрополь

Есть разные города на свете. Большие, население которых исчисляется миллионами, с постоянным нестихающим шумом и неослабной мечтой каждого их жителя — вырваться хоть на час, хоть на минуту куда-либо за город — в лес, к речке, на природу... Есть и совсем крохотные города, больше напоминающие села, — с тенистыми деревьями на бульварах и уютной прохладой негромких фонтанов, от которых веет уединением и покоем.

Наш Ставрополь, путешествие по которому тебе, читатель, и предлагает совершить эта книга, относится к разряду средних городов Российской Федерации. В нем 292 тысячи жителей. И, может быть, именно поэтому так удачно совмещает он в себе прелести уютного города, к которым так стремится современный человек, — вдоль улиц с оживленным движением замерли в каком-то молчаливом раздумье старые каштаны, а звуки, столь характерные для густонаселенных городов, вовсе не заглушают шелест фонтанных струй.

Сегодняшнему Ставрополю — более двух веков. И седая старина мирно уживается в нем с бурными ритмами современности.

Сегодняшний Ставрополь — признанный культурный и индустриальный центр ордена Ленина Ставропольского края. Отсюда получает страна автоприцепы и деревообрабатывающие станки, электроприборы и поршневые кольца, мебель и биопрепараты, автомобильные краны и точные мерительные инструменты, кожи и обувь, приборы и стекло, лаки и краски, химреактивы и люминофоры для цветных телевизоров — всего, пожалуй, и не перечислить.

«На сорок пятой параллели». Конечно же, мы назвали так путеводитель по ордена Октябрьской Революции городу Ставрополю именно потому, что находится он как раз на этой самой географической параллели, под сорок пятым градусом северной широты. И это положение на географической карте уже само по себе придает городу некоторую необычность: от него до экватора и до Северного полюса — практически одинаковое расстояние. В градусном выражении — сорок пять градусов. А в километрах цифры незначительно разнятся за счет некоторой приплюснутости планеты у полюсов: до «вершины Земли» от Ставрополя — 5017, а до экватора — 4985 километров. Но, конечно, разница настолько незначительна, что ею, как говорится, можно без всякого риска пренебречь.

Ставрополь — административный и культурный центр многонационального Ставропольского края, в который входит также дважды орденоносная Карачаево-Черкесская автономная область.

О Ставропольском крае — несколько подробнее. Его площадь — 80,6 тысячи квадратных километров, что примерно составляет суммированные площади Бельгии, Швейцарии и еще трех Люксембургов. Находится Ставрополье между Черным и Каспийским морями. Население — свыше двух с половиной миллионов человек: русские, карачаевцы, украинцы, черкесы, армяне, абазины, ногайцы, греки, белорусы, татары, туркмены, осетины, евреи, цыгане, кабардинцы, грузины...

Край богат полезными ископаемыми, среди которых особую ценность представляют природный газ, нефть и медная руда. Но основное его богатство — зерно, особенно пшеницы сильных и твердых сортов, выращиваемые на бескрайних полях края, где климат не всегда бывает благосклонным к трудам земледельца. Но все равно ставропольцы очень любят свою землю, свой привольный край.

А он, край этот, широк и прекрасен. Еще в далеком 1847 году замечательный русский медик Н.И. Пирогов писал о нем восторженно и взволнованно: «От Ставрополя едешь, будто сидя в ароматической ванне. Нигде мне не случалось встретить такие необозримые пространства, как будто бы нарочно засеянные различными породами шалфея, богородицкой травой, солодковым корнем, диким лавендулом и прочее».

Подавляющее большинство населения краевого центра занято непосредственно в сфере материального производства. Сейчас здесь 76 промышленных предприятий, их продукцию знают в 52 странах мира.

В Ставрополе тринадцать научно-исследовательских институтов, среди которых особо выделяется Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени НИИ овцеводства и козоводства, десятки школ, педагогический, медицинский, политехнический, сельскохозяйственный институты, техникумы, профессионально-технические училища.

В городе работают краевой драматический ордена «Знак Почета» театр имени М.Ю. Лермонтова, краевая филармония, цирк, 10 дворцов культуры, 12 кинотеатров, театр кукол, 15 библиотек, выходят две краевые газеты, журнал, литературно-художественный альманах.

Постоянно растет производство промышленной продукции в Ставрополе. Ежегодно вводится в строй более 150 тысяч квадратных метров жилой площади. Это результат претворения в жизнь генерального плана развития Ставрополя, утвержденного Советом Министров РСФСР в 1968 году и рассчитанного на четверть века.

Выполнение этого плана идет успешно.

Биография города

Ставрополь — один из ста пятнадцати городов России, включенных в список исторических. У него — славное прошлое, которым по праву гордятся горожане. Давайте перелистаем вместе страницы биографии Ставрополя.

Она началась задолго до первого камня, заложенного в крепостную стену. С древнейших времен удобное для жизни Ставропольское плато и окружающие его бескрайние степи заселялись и осваивались многими племенами и народами. У пригородных сел Шпаковского и Надежды обнаружены каменные топоры, а у реки Ташлы на окраине Ставрополя — бронзовые наконечники копий. При строительных работах нередко встречаются погребения, датируемые двумя, тремя тысячелетиями до нашей эры.

В полутора километрах от кварталов Юго-Западного жилого района, начиная с 1973 года, археологи исследовали городище с мощной крепостной стеной. В руинах обнаружено большое количество древних сосудов (амфор) с клеймами с острова Родос (IV век до н. э.), что с достоверностью указывает на проникновение в эти края греческих товаров еще двадцать пять веков назад.

В краеведческом музее имени Г.К. Праве бережно хранятся многочисленные свидетельства скифской и сарматской эпох, рассказывающие о высокой культуре Предкавказья еще в VII веке до нашей эры. Особую ценность представляет клад золотых предметов весом в 16 килограммов, обнаруженный в 1914 году крестьянином Олейниковым из расположенного вблизи Ставрополя села Казинского. Уникальный клад передан в Государственный Эрмитаж, а в Ставропольском музее — точные гальванические копии подставок для женского головного убора, массивных ручных браслетов, шейного обруча.

Кочевники-скифы, как подтверждают раскопки близ села Татарки, применяли железо, охотились, занимались скотоводством и многими древними ремеслами.

На смену скифским и сарматским культурам с первого века нашей эры пришла широко распространившаяся на Северном Кавказе богатейшая культура аланских племенных объединений. У них было высоко развито земледелие, художественное ремесло, торговля с городами Северного Причерноморья и странами Востока.

Алан вытеснили из привольных степей в горы кочевники-гунны. Вслед за гуннами над огромной территорией, включавшей и восточно-славянские земли, стали господствовать хазары.

Из русских летописей известно, что Святослав — князь Киевский — со своей дружиной ходил за Кубань и в борьбе с местными племенами остался победителем. В X веке мы уже видим на Северном Кавказе целое славянское княжество — Тмутаракань. Это значит, что русские люди издавна знали эти края и в своих походах против нашествия хазар, половцев и печенегов хорошо были знакомы с привольными степями.

Захватили некогда эти степи и грозные ханы Золотой Орды, основавшие здесь свои ставки. О них напоминают археологические раскопки в многочисленных древних курганах и городищах, да и в названиях рек на Ставропольском плато, где кочевники обитали почти до XVII века: Мамайка, Ташла, Татарка...

Сбросив иго кочевников-завоевателей, Русь начала неуклонно расширять свои владения, и скоро степи и предгорья Северного Кавказа увидели сынов и дочерей многих народов необъятной Российской державы. Потянулись сюда и беглые люди — те, кого давил слишком уж сильно боярский да помещичий гнет, кому родная земля стала мачехой... Окрепшая Москва посылала сюда ратных людей и посольства, подготавливая успех создавшемуся централизованному государству, которое так нуждалось в укреплении своих южных границ.

После взятия Астрахани в 1556 году двери на Северный Кавказ к Каспийскому морю были для России открыты. Но на историческую арену в XVI веке выступали новые и сильные противники России — султанская Турция, шахский Иран и зависимое от Турции Крымское ханство. И это обстоятельство в дальнейшем втянуло Россию в тяжелые войны с могущественными соседними государствами, за спиной которых стояли Англия и Франция.

Развитие всех дальнейших исторических событий диктовалось, прежде всего, глубокой заинтересованностью России в экономических связях с Кавказом, крайней потребностью в выходе к морским побережьям. Вот почему рост русского влияния на Кавказе Фридрих Энгельс охарактеризовал следующим выводом: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей».

Стремились к единению с великой Россией и народы Кавказа. Еще в пятидесятых годах XVI века кабардинцы, недовольные ирано-турецкой поработительной политикой, обратились к Ивану Грозному с просьбой о защите их от набегов турок и орд крымского хана. В Москву из Кабарды была послана делегация. Это послужило толчком к обмену посольствами, оживлению торговых и культурных связей, образованию на Тереке и на гребнях Кавказских гор Терского и Гребенского казачества.

Северный Кавказ стал прибежищем и для многих беглых крепостных из центральных губерний России. Здесь местами укрытия для них обычно служили южные районы — Терек, Кума, а позднее — ставропольские степи и Кубань.

Большое значение для проникновения России на Северный Кавказ имел «Персидский поход» Петра I в 1722 году. Петр привлек на свою сторону калмыков, использовав их симпатии к России. Да и у подавляющего большинства народов Северного Кавказа не было никаких причин вступать в конфликт с Россией. Ведь турецкие завоеватели и подвластные им крымские ханы постоянно совершали опустошительные набеги на горцев, угоняли скот, уводили в плен детей и женщин. Горские народы искали спасения от врагов в союзе с Россией.

Подобное положение сохранялось здесь до второй половины XVIII века, когда Россия более основательно укрепилась на северном берегу Терека. В 1765 году было занято урочище Моздок и построена там крепость. А это стало первым и прочным камнем в деле дальнейшего массового заселения края, опорной точкой будущей знаменитой Кавказской линии.

После русско-турецкой войны 1768—1774 годов Крым стал независимым от Турции, а русско-турецкая граница прошла по Северному Кавказу от устья Терека до города Моздока. Образовалось неохраняемое «пространство» почти в пятьсот верст длиною. Это вызвало серьезную тревогу правительства. В 1777 году Екатерина II повелела своему фавориту Г.А. Потемкину построить на юге России новую укрепленную линию.

Азово-Моздокская укрепленная линия, которая по замыслу царизма должна была представлять собой опорную базу для стратегической экспансии на Кавказ, оказалась, в конечном счете, предприятием не только военным. И хотя то неблизкое время отмечено великолепными победами русского оружия над «блистательной Портой» (Оттоманской Турцией) и ее вассалами, не пушки и не мушкеты решили судьбу богатейшего края. Сюда пришли на дислокацию и поселение казаки Хоперского, Волгского и двух Донских казачьих полков, солдаты Владимирского драгунского и Кабардинского пехотного полков и двух егерских батальонов. Они и стали первостроителями Ставрополя, Георгиевска и других сел и станиц.

Важнейшее стратегическое значение при строительстве Азово-Моздокской укрепленной линии приобрела Ставропольская крепость: она контролировала окружающую местность между Калаусскими высотами и Черным лесом, прикрывала дороги на Дон, Царицын и Закавказье. «Волею князя Потемкина» крепость получила название Ставрополь (по-гречески «Ставрос» — крест, «полис» — город) в память о древней крепости, которая была построена Петром I в 1722 году в низовьях реки Сулак, а спустя четырнадцать лет была снесена. Несомненно и то, что в расчет было принято название, которое символизировало бы утверждение на Северном Кавказе христианства как официальной религии царской России.

Первый год строительства крепости владимирские драгуны и хоперские казаки провели по-походному, в палатках и балаганах. Так и перезимовали. Расположенные лагерем, часто под неприятельским огнем, они занимались расчисткой места, земляными работами и возведением каменных крепостных стен.

Из ведомости «о постройках второй дистанции» Моздокской линии видно, что Ставропольская крепость строилась не один год. К исходу же 1778 года на том месте, где сейчас расположен кинотеатр «Родина», у крепостной стены, остатки которой сохранились поныне, были сооружены, как указывает архивный документ, «два штаб-офицерских и одиннадцать обер-офицерских дома, гауптвахта бревенчатая, пороховой склад для поклажи полку Владимирского...»

В том же 1778 году приступили к постройке церкви «для полка Владимирского... в которой иконостас полковой поставлен...»

Осенью 1785 года в Ставрополь прибыло 843 переселенца из внутренних губерний России. Они начали обживать территорию по реке Ташле. Так образовался первый пригородный район — Ташлянское предместье.

А позднее, с 1807 года, когда в Ставрополе была открыта переселенческая контора, численность жителей увеличилась до двух тысяч человек, появился и разросся район, именуемый сейчас среди горожан Старым Форштадтом.

Значение Ставрополя, как одного из крупных военных и торговых центров, «места сосредоточения всех боевых и жизненных запасов войск», еще более возросло, когда в 1822 году он стал главным городом всей Кавказской области. Разумеется, уже одно это повлекло за собой его более ускоренное развитие.

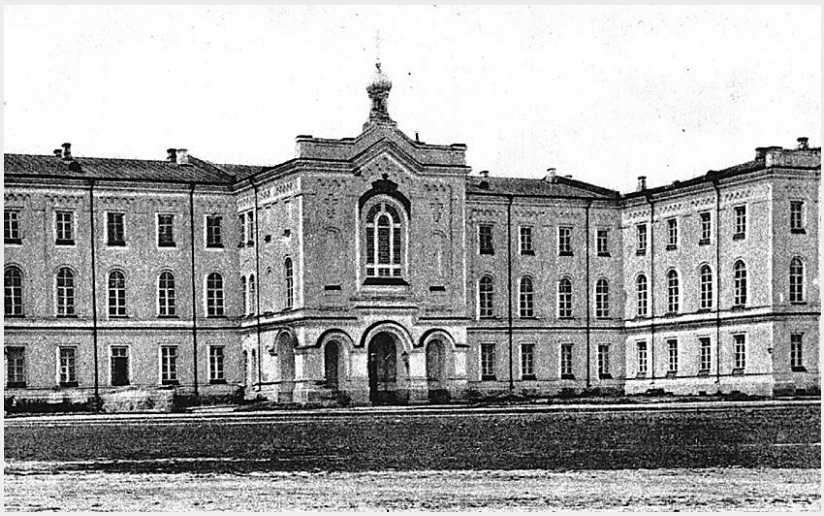
Первые зачатки промышленности Ставрополя связаны с ростом купеческого капитала. Ремесленники производили товары, а купцы бойко торговали мылом, кожами, кирпичом, холстом, железом, дегтем, бечевой, съестными припасами, табаком, сальными свечами. В изобилии появлялись трактиры и питейные дома.

В 1840—1842 годах по проекту известных архитекторов братьев Бернардацци были построены так называемые «присутственные места» — то есть государственные учреждения, занимавшие каменные дома №№ 3, 5, 7, 9, 11 по нынешней улице Советской. Выросло и трехкорпусное здание военного госпиталя (сейчас ул. Ленина, 270). К юго-западу от дома командующего на пустыре были построены воинские казармы.

Учреждение духовной епархии, в силу чего Ставрополь приобрел еще одну функцию — управление делами православной церкви почти на всем Северном Кавказе, повлекло за собой приток средств для строительства большого количества церквей. Число их вскоре достигло пятнадцати. Были построены здания духовной семинарии (ныне педагогический институт) и духовного училища (средняя школа № 4 на улице Геннадия Голенева), архиерейского подворья с церковью в верхней части города (район профтехучилища № 14).

Первая начальная двухклассная школа, содержащаяся главным образом за счет пожертвований, была открыта лишь на двадцать седьмом году существования города. Сначала учителем в ней был отставной вахтер. Потребовалось еще два с лишним десятка лет, чтобы город обогатился четырехклассным училищем, состоявшим в то время, как и первое приходское училище, на содержании Казанского учебного округа. Учебники здесь получали из Петербурга через Казань, на что уходило никак не меньше года.

В нижнем этаже приходского училища сначала находилось помещение для больных рекрутов, затем была устроена конюшня пожарной команды и арестантская комната городской полиции.



Здание духовной семинарии. В настоящее время — учебный корпус Ставропольского государственного университета

В 1841 году в Ставрополе открыли духовную семинарию-бурсу, выпускавшую служителей церкви.

Первое женское четырехклассное училище для двухсот «благородных девиц» было открыто в 1849 году и имело целью готовить «набожных девиц, скромных попечительных хозяек, домашних рукодельниц».

Росту города способствовало его преобразование в 1847 году из областного в губернский город: к 1855 году здесь насчитывалось свыше двухсот пятидесяти каменных зданий.

По данным учета 1853 года, в городе числилось 17627 человек, около 43 процентов населения составляли военнослужащие и члены их семей.

В течение почти столетия со времени основания города до открытия Владикавказской железной дороги (1875 год) Ставрополь был «главными воротами» России на Кавказ. Через него по утомительной и тревожной дороге из центральной России к месту военных действий или на Горячие или Кислые воды, в ссылку либо на торговые ярмарки, в Тифлис к наместнику Кавказа, в Азербайджан или Армению пролегал путь купцов, царских сановников, воен-

ных, чиновников, крестьян-переселенцев, ученых, дипломатов, путешественников.

С отменой крепостного права и окончанием Кавказской войны начинается новый период бурного заселения и экономического освоения края. Обезземеленные реформой 1861 года, крестьяне внутренних губерний России огромными массами устремились на Северный Кавказ. Их путь, полный страданий и мытарств, шел на Ставрополье главным образом из Воронежской, Харьковской, Орловской, Курской, Черниговской и Полтавской губерний.

Ставропольская губерния все больше удовлетворяла потребности промышленных центров России — Москвы, Петербурга, Ростова — в хлебе, мясе, сельскохозяйственном сырье. Огромные партии пшеницы, крупного рогатого скота и овец, овечьего и говяжьего жира, сырой овчины, шерсти, подсолнечных семян отправлялись из Ставрополя на Ростов, Новороссийск, в центральную Россию и даже за границу.

Однако экономическое развитие губернии и города почти на два десятилетия затормозила постройка в 1875 году Владикавказской железной дороги, которая прошла через Кавказскую, Армавир, Невинномысскую на Минеральные Воды, минуя губернский центр. Многолетние хлопоты и тяжба «отцов города» с Акционерным Обществом Владикавказской железной дороги привели, наконец, к постройке в 1897 году линии от станции Кавказской до Ставрополя. Железнодорожная ветка оказалась весьма прибыльной: еще большие потоки ставропольской пшеницы пошли в центр и, через Новороссийский порт, на зарубежные рынки.

Получила дальнейшее развитие и промышленность города, которая базировалась на переработке сельскохозяйственного сырья и включала в себя крупные паровые мельницы Алафузова и Анпеткова, кожевенный завод, салотопенные и мыловаренные предприятия, а позднее — чугунолитейный завод Руднева — Шмидта, обслуживавший сельскохозяйственное производство.

Развитие промышленности, естественно, требовало притока образованных людей.

В 1837 году в Ставрополе была основана первая на Кавказе русская мужская классическая гимназия с пансионатом для горской молодежи, в 1845 году — первый на Кавказе русский драматический театр, крупная публичная библиотека, типография. С 1850 года начала издаваться газета «Ставропольские губернские ведомости».

Пробуждению самосознания масс, либерально-демократического движения способствовало издание с декабря 1884 года общественно-политической газеты «Северный Кавказ». На ее страницах печатались гневные публицистические статьи Коста Хетагурова, а в начале 1900-х годов — комментарии к работам Ф. Энгельса, В.И. Ленина, статьи о Т.Г. Шевченко, Н.А. Добролюбове, А.М. Горьком.

Мощный размах рабочего движения в центре страны, переход российского пролетариата к открытой политической борьбе, приближение революции всколыхнуло и жизнь далекого провинциального губернского города.

Положение рабочих на заводе Руднева — Шмидта, на мельнице купца Гулиева, свечном заводе, столярной мастерской купца Дундукина, на каменоломнях было чрезвычайно тяжелым. Рабочий день длился по двенадцать-тринадцать часов при непомерно низкой оплате труда. И хотя по составу населения Ставропольская губерния была сплошь крестьянской, а в промышленности было занято лишь 1,8 процента населения, именно пролетарии Ставрополья вписали самые яркие страницы в историю революционных событий 1905—1907 годов в губернии. Именно они сыграли в этих событиях наиболее яркую роль.

Здесь, прорвав кордоны и полицейские рогатки, впервые в августе 1902 года появились динамитной силы страницы ленинской «Искры» Весть о II съезде РСДРП, о принятых им Программе и Уставе партии, а вскоре и дошедшая сюда книга В.И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» очень помогли в работе социал-демократам Ставрополя, Георгиевска, Минеральных Вод.

3 мая 1904 года жандармы обнаружили в городе свертки брошюр и листовок и среди них брошюру В.И. Ленина «Задачи русских социал-демократов», два листка «Для чего должен умирать русский солдат», антиправительственные прокламации «Война против войны», «Международный жандарм» и другие.

Первая социал-демократическая организация на правах группы Кубанского Комитета РСДРП возникла в Ставрополе в 1904 году.

В числе ее организаторов был большевик Иван Арефьевич Санжур («Саша»), активную пропагандистскую работу вели двоюродный брат Г.А. Лопатина А.К. Лопатин («Батя»), учащиеся духовной семинарии Н.С. Фролов, Н.П. Корнильев, В.Д. Сокольский, воспитанники гимназии П.А. Лопатин, У. Буйнакский и другие революционеры. Члены группы выезжали в села, проводили митинги, писали листовки, вели революционную наступательную агитацию.

Отзвуком «кровавого воскресенья» в Петербурге стали волнения металлистов, булочников, каменотесов, печатников и телеграфистов города. Вслед за тайными сходками семинаристов начались открытые выступления воспитанников мужской гимназии, первые маевки в Архиерейском лесу. Взволновала всю губернию политическая манифестация у здания городской Думы, где 7 июля 1905 года власти устроили расстрел мирной толпы горожан. Это событие вошло в историю как «кровавый день Ставрополя» и явилось новым толчком к развитию революционной борьбы в городе.

В подпольной типографии, организованной Ставропольским социал-демократическим комитетом, печатались революционные прокламации и отдельные произведения В.И. Ленина.

В начале 1914 года, под влиянием стремительно нараставшего революционного подъема во всей стране, в Ставрополе складывается небольшая по численности, но сплоченная социал-демократическая группа из учащейся молодежи, в состав которой входили Валериан Петров, Максим Акулов, Варвара Косенко, Мария Вальяно, Валентин Бородаевский, Борис Шеболдаев, Михаил Радолицкий и Елена Грабенко.

Группа была связана с социал-демократической организацией Екатеринодара, а также с Петроградским комитетом РСДРП(б) и выступала против шовинистского угара, который захватил в начале первой мировой войны значительные слои рабочих и крестьян, распространяла прокламации антивоенного содержания с призывом бороться за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

В конце 1915 года в городе возникла новая большевистская группа РСДРП во главе с профессио-

нальным революционером Александром Андреевичем Пономаревым — участником социал-демократического движения в Москве с 1896 года. Видную роль в группе играл Михаил Морозов, исключенный за антиправительственную пропаганду из Ставропольской духовной семинарии.

И когда в феврале 1917 года революционный натиск рабочих и солдат смел царизм, ставропольские большевики вышли из подполья, чтобы под лозунгами ленинской партии включиться в борьбу против кровопролитной войны, за Власть Советов

В ночь на 1 января 1918 года общегубернское народное собрание провозгласило на Ставрополье Советскую власть

В первые тревожные месяцы 1918 года под руководством советских и партийных органов в Ставрополе были сделаны шаги по осуществлению Декрета о Земле, национализации промышленности, отмене частной собственности, церковь была отделена от школы и государства, началось создание первых сельскохозяйственных коммун, ликвидация неграмотности.

На борьбу с белогвардейскими полчищами, вторгнувшимися в губернию весной 1918 года, советский Ставрополь послал на Медвеженский фронт свои первые добровольческие красногвардейские отряды. В марте 1918 года штаб Красной Армии сформировал 1-й Ставропольский полк крестьянской революционной армии, положивший начало массовой организации краснопартизанских отрядов — основной вооруженной силы новой власти, впоследствии боевого ядра регулярной XI Северо-Кавказской Красной Армии.

Летом 1918 года военное положение на Северном Кавказе осложнилось. Вооруженные до зубов и поддерживаемые Антантой белогвардейские части и соединения Краснова, Деникина и Алексеева угрожали существованию Советской власти.

10 июля в Ставропольский уезд вторгся со своей бандой генерал Шкуро. В ночь с 9 на 10 июля контрреволюционное офицерство подняло в городе мятеж, который был подавлен отрядами рабочих и красногвардейцев. На подступах к Ставрополю развернулись ожесточенные бои, но судьба города была предрешена: 21 июля 1918 года Ставрополь был занят превосходящими силами белогвардейцев.

В течение полутора лет в городе хозяйничали деникинцы. Только в преддверии ранней южной весны, 29 февраля 1920 года оперативная группа XI Красной армии в составе Таманской стрелковой бригады и 7-й кавалерийской дивизии, стремительно действуя на Ставропольском направлении, штурмом овладела губернским центром. Ставрополь снова стал советским. В тот же день на собрании ответственных политических работников ударной группы XI Красной армии было принято единодушное решение о создании Ставропольского бюро РКП(б) и временного губревкома. Решение это было согласовано и поддержано членом Реввоенсовета армии Сергеем Мироновичем Кировым и утверждено Северо-Кавказским ревкомом.

2 апреля 1920 года Г.К. Орджоникидзе телеграфировал В.И. Ленину: «Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополья, Терской и Дагестанской областей стало свершившимся фактом...»

Сразу же после освобождения Ставрополя заново созданные партийные и советские организации начали мобилизацию рабочих, служащих, всех жителей на восстановление предприятий, железнодорожной станции, связи, городского хозяйства. Восстановлены были административные органы, налажен выпуск газеты «Власть Советов».

В марте 1920 года был избран городской комитет коммунистического Союза молодежи, формировались отряды ЧОН для борьбы с контрреволюцией и саботажем.

6 июля 1920 года в Ставрополь приехал председатель Северо-Кавказского ревкома Серго Орджоникидзе. Он встретился с представителями советско-партийного актива на очередном заседании Губернского бюро РКП(б) и Губревкома, выступил с речью на первой беспартийной рабочей конференции.

В сентябре 1921 года ответственным секретарем губкома РКП(б) был избран Юрий Сократович Мышкин, член партии с 1912 года. Будучи ранее секретарем Замоскворецкого райкома партии в Москве, Ю.С. Мышкин во время обмена партийных документов в 1920 году подписал и вручил В.И. Ленину партийный билет № 224332.

Энергичный партийный работник, высокообразованный пропагандист и прекрасный оратор,

Ставрополь. 1917 год. Митинг в поддержку демократической республики

Ю.С. Мышкин возглавил борьбу губернской партийной организации в эти чрезвычайно трудные для ставропольцев двадцатые годы.

Тяжелая весть о смерти великого Ленина с глубокой скорбью была воспринята в Ставрополе и губернии. На траурных митингах звучали клятвы верности ленинским идеям. В первые же дни около 200 передовых рабочих вступили в ряды РКП(б).

Летом 1924 года с введением нового административного деления Ставропольская губерния была преобразована в округ и вошла в состав Северо-Кавказского края. Таким образом, Ставрополь стал крупным хозяйственным и культурным центром обширного сельскохозяйственного округа, в состав которого входили Александровский, Благодарненский, Виноделенский, Дивенский, Курсавский, Московский, Медвеженский, Петровский, Ставропольский и Туркменский районы.

После XIV съезда партии в нашей стране начала быстрыми темпами развиваться крупная социалистическая промышленность. В 1927 году произошли

существенные перемены в техническом оснащении, организации производства на литейном, механическом и сборном цехах завода «Красный металлист», суконной фабрике, предприятиях переработки сельскохозяйственного сырья, реконструировались мелькомбинаты, маслобойни, завершилось строительство железнодорожной ветки Ставрополь — Винодельное — Дивное, а с 1928 года в городе начал курсировать первый автобус, открылся маршрут Ставрополь — Александровское — Минводы — Пятигорск. На окраине города открылась пассажирская авиастанция, и в 1935 году в Ставрополь прибыл первый самолет из Ростова. Вскоре начались занятия летчиков и планеристов на летном поле аэроклуба общества Осоавиахим.

В начале 30-х годов в городе было открыто много учебных заведений. С первого октября 1930 года начались занятия на общественно-литературном и агрономическом отделениях Ставропольского агропедагогического института (впоследствии педагогического), а спустя год первые студенты заполнили аудитории новых химико-бактериологического и физико-технического отделений.

В 1932 году на базе техникума овцеводства был создан зоотехнический (впоследствии сельскохозяйственный) институт с отделениями мясомолочного скотоводства, овцеводства и свиноводства.

В этом же году открылся Ставропольский Всесоюзный научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства.

26 мая 1937 года ЦИК СССР, учитывая важное значение города в экономике и культуре огромного административного района Северного Кавказа, принял решение о переводе центра Орджоникидзевского края из Пятигорска в Ставрополь.

Предвоенные годы стали годами созидательного, вдохновенного труда горожан. Более чем в четыре раза, по сравнению с 1928 годом, возрос объем продукции, производимой предприятиями пищевой промышленности, в несколько раз увеличился выпуск станков и сложного оборудования для деревообрабатывающей промышленности на заводе «Красный металлист», были введены в действие мясокомбинат и маслосыроваренный завод, а местный консервный завод стал выпускать в сутки сто тысяч банок консервов, что по тем временам было огромным трудовым достижением.

Трудящиеся Ворошиловска (так непродолжительное время, вплоть до 12 января 1943 года назывался город) оказывали активную помощь в сооружении Невинномысского канала — крупнейшей стройки края.

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, нарушила мирную жизнь страны социализма. Началась Великая Отечественная война. Ставрополье, как и вся страна, стало жить и работать для фронта, для победы над жестоким врагом. «Все — для фронта, все — для Победы!..»

В партийные и комсомольские комитеты, в военкоматы уже в первые дни войны поступило около шести тысяч заявлений от добровольцев с просьбой о немедленной отправке на фронт. Рабочие Ставропольского мясокомбината, железнодорожного узла и «Красного металлиста», швейной фабрики, кожзавода и других предприятий города отказались от нормированного рабочего дня. Взамен ушедших на фронт мужчин к станкам стали женщины и подростки, началось движение по сбору средств в фонд обороны.

Ставрополь начал поставлять фронту минометы, боеприпасы, военное снаряжение, обмундирование, продовольствие.

3 августа 1942 года наши войска вынуждены были оставить Ставрополь. Период немецко-фашистской оккупации города явился страшным испытанием для его жителей. «Новый порядок», установленный гитлеровцами, начался с арестов и расстрелов коммунистов, комсомольцев, советских патриотов.

10 августа гитлеровцы вывезли из больницы и умертвили в «душегубках» 660 больных.

На территории аэродрома и у Холодного родника было расстреляно четыре тысячи человек, а всего в городе за время оккупации погибло от рук фашистских извергов более десяти тысяч человек.

Фашисты неистовствовали, но бесславный их конец был уже четко обозначен потрясшим весь мир разгромом гитлеровских войск под Сталинградом.

Начало 1943 года в битве за Кавказ ознаменовалось всеобщим наступлением советских войск. Ночью 19 января 1943 года части 347-й стрелковой дивизии 44-й армии Закавказского фронта, совершив 40-километровый бросок в метель, стужу, бездорожье, с боями приблизились к окрестностям краевого центра. Гитлеровцы стянули в Ставрополь свои разбитые части, остатки полков и дивизий, уцелевшую технику, готовились серьезно оборонять город. У вокзала они сосредоточили большое количество танков, около 300 автомашин с пехотой, артиллерию и шестиствольные минометы. Специальные группы начали планомерное разрушение города.

Первым к юго-восточной окраине подошел 1177-й стрелковый полк майора М.В. Львова. Шоссейную дорогу Ставрополь — Надежда перерезал 1175-й стрелковый полк майора А.Е. Короткова — уроженца Ставрополя. К северо-западной окраине подошли подразделения 1179-го полка подполковника А.Н. Гервасиева.

Жаркий и упорный бой нарастал, и к утру 21 января 1943 года Ставрополь был полностью освобожден от оккупантов. Городу был причинен огромный ущерб. Полностью были уничтожены электростанция, почта, телеграф, АТС, городские бани, хлебозавод, все цехи мясокомбината, мельницы, завод «Красный металлист», биофабрика, кожзавод, текстилькомбинат. Были разрушены 154 жилых дома, школы, превращены в груду развалин двадцать магазинов. Сумма убытков, причиненных Ставрополю фашистскими оккупантами, составила 153 миллиона рублей.

С первых же дней после освобождения под руководством партийных и советских органов трудящиеся начали возрождение родного города.

Весной 1943 года возобновил выпуск военной продукции завод «Красный металлист». Мясокомбинат, мельзавод № 5, обувная фабрика, мастерские города снова напряженно заработали для фронта. Более 1000 женщин Ставрополя объединились в черкасовские бригады. В квартальных комитетах и домоуправлениях, на восстановлении школ, педагогического и сельскохозяйственного институтов, драматического театра трудились все — от мала до велика.

Утром 8 октября 1943 года на разрушенную еще станцию Ставрополь прибыл первый эшелон из Баку. Трудящиеся Азербайджана прислали в подарок ставропольцам два вагона цемента, шесть вагонов ваты, один вагон мануфактуры, восемь ваго-

нов с предметами домашнего обихода, спальными принадлежностями, школьными пособиями. В ночь на 31 октября к 26-й годовщине Октября — в городе была восстановлена и пущена в эксплуатацию автоматическая телефонная станция на 500 номеров.

В 1944 году, когда Красная Армия одерживала решающие победы над гитлеровцами, в производственных коллективах Ставрополя ширилось движение «фронтовых бригад», работающих под девизом «В труде, как на фронте!»

Вслед за радостным событием — Днем Победы — в Ставрополь начали прибывать первые эшелоны демобилизованных советских воинов. 21 июля 1945 года весь город радостно встречал героев-доваторцев. К мирному труду возвращались те, кто с оружием в руках отстоял честь и независимость нашей социалистической Родины, прославил родной край.

Возобновление работ на Невинномысском канале в 1946 году дало возможность приступить к сооружению Свистухинской, а затем и Сенгилеевской гидроэлектростанций, куда по призыву горкома партии и горсовета были направлены сотни добровольцев-строителей. Город получил, таким образом, дополнительно десятки тысяч киловатт электроэнергии.

Рост экономического потенциала города в первые послевоенные пятилетки, реконструкция старых предприятий — «Красного металлиста», кожевенного завода, мясокомбината, швейной и обувной фабрик, мелькомбината, — строительство новых заводов: технического углерода, поршневых колец, «Электроавтоматики» и других, появление таких современных отраслей промышленности, как электротехническая и химическая, резко повлияли на рост и состав населения, социально-культурный облик города. По Всесоюзной переписи населения 1959 года Ставрополь насчитывал уже 141 тысячу человек. Были построены железнодорожный вокзал, почтамт, новые здания краевой библиотеки, драмтеатра, автовокзала, кинотеатра «Родина», дома трестов, гостиницы «Ставрополь». В районе Осетинской поляны начал расти крупный жилой массив на 30 тысяч человек, больших размеров достигло индивидуальное строительство. Там, где ранее были пустыри, выросли новые улицы, микрорайоны, производственные корпуса.

В 1959 году в Ставрополе засветились голубые экраны первых телевизоров, начались регулярные передачи краевой студии телевидения из Пятигорска. Летом 1964 года по центральным улицам города прошли первые троллейбусы. В аэропорт из Москвы прибыл реактивный пассажирский лайнер Ту-104.

Кипучий ритм 60-х и 70-х годов, шаги научно-технического прогресса, охватившего всю страну, властно вошли в жизнь краевого центра. Сотни новых профессий обрел город-труженик.

В сердцах и памяти ставропольцев, как всех советских людей, 1977 год останется важнейшей вехой на пути коммунистического строительства. Всенародное обсуждение и принятие новой Конституции СССР, празднование 60-летия Октября по счастливому совпадению стали юбилейными событиями и на календаре истории родного города. В том году ему исполнилось 200 лет.

С гордостью и волнением восприняли трудящиеся, все жители краевого центра Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1977 года, который гласил:

«За большие успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, отмечая их заслуги в революционном движении, в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, и в связи с 200-летием со дня основания наградить город Ставрополь орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР Л. Брежнев
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР М. Георгадзе»

12 мая 1978 года в краевом драматическом театре им. М.Ю. Лермонтова состоялось торжественное заседание Ставропольского городского комитета КПСС и городского Совета народных депутатов, посвященное вручению Ставрополю ордена Октябрьской Революции.

Высокую награду Родины прикрепил к знамени города прибывший на торжества член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов. Со словами сердечной благодарности Коммунистической партии и Советскому правительству за высокую оценку заслуг ставропольцев на заседании выступил первый секретарь крайкома партии М.С. Горбачев. Сейчас Михаил Сергеевич Горбачев — Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

...Растет, хорошеет Ставрополь. И вместе с ним растут, хорошеют его люди, чей труд на благо Родины делает нашу жизнь лучше и лучше.

Стоя у вечного огня...

Есть старинная легенда, вошедшая в некоторые книги даже в качестве исторической истины. Начало 1779 года, гласит она, на Северном Кавказе выдалось необычно холодным, метельным. И потому, наверное, человек в генеральском мундире, лихо выпрыгнувший из дорожной кибитки у ворот новой Ставропольской крепости, запрыгал на месте, пытаясь хоть немного согреться. Полусонный инвалид нехотя поднял полосатый шлагбаум:

— Милости просим проехать, ваше высокопревосходительство!

Приезжий генерал снова забрался в кибитку, весело подмигнув при этом стражу шлагбаума.

— Экий развеселый генерал, — ухмыльнулся инвалид. — Разве от такого прок в службе будет? Таких генералов на свете — хоть пруд пруди... Кто ж такой будет?

— Да ведь это же его высокопревосходительство генерал-поручик Суворов, — снисходительно пояснил подошедший офицер. — Эх, деревня, деревней ты, отец, и останешься! Суворова не признал...

Трудно сказать, насколько соответствует предание действительности. Но неоспорим факт: Суворов прикатил инспектировать строительство Ставропольской крепости неожиданно, без всякого предварительного предупреждения.

Несколько дней знакомился он с ходом работ и остался ими в принципе весьма довольным. Хотя при этом и не преминул сделать серьезное замечание: крепостную стену есть смысл возводить сразу же не из бревен, а из местного дикого камня: крепости Азово-Моздокской укрепленной линии должны быть прочными и надежными. Указание полководца, конечно же, было выполнено. И до сих пор еще в самом центре Ставрополя сохранилась часть старой

каменной крепостной стены с 56 бойницами. В память о полководце ставропольцы назвали эту стену Суворовской. Находится она на Комсомольской горке — самом высоком месте города (раньше она даже называлась Крепостной), отсюда и пошел два с лишним века назад город — главное укрепление Азово-Моздокской оборонительной линии, своеобразное окно России на Кавказ. А поскольку сердце крепости и было на горке, наверное, можно с полным основанием назвать ее и сердцем всей немалой оборонительной линии.

В 1948 году в архивах удалось обнаружить план крепости, относящийся к 1811 году. По нему удалось определить со всей точностью местоположение и форму построек. Теперь ясно, что занимала она около десяти гектаров земли, имея в поперечнике около семисот метров.

И так сложилось исторически, что как раз на Комсомольской горке сосредоточился целый ряд памятников прошлого, которыми так богат наш южный город. Главный из них, конечно же, сама крепостная стена, о которой мы уже говорили. А неподалеку от нее — там, где был когда-то пороховой погреб крепости, установлен памятник Александру Васильевичу Суворову.

Смена почетного караула у огня Вечной славы на Комсомольской горке (в настоящее время на Крепостной горе)

Здесь, на южном склоне горки, и горит огонь Вечной славы: в годы первой русской революции на этом месте проходила одна из крупнейших в истории города стачек ставропольцев...

Величествен монумент, на цоколе которого начертаны слова: «Счастье, завоеванное борьбой народа, жизнью вашей — вечно». Об этом месте написано немало стихов и песен.

Опять на горке Комсомольской
Стою у Вечного огня.
И биографией геройской
Волнует Ставрополь меня...

В этих словах ставропольский поэт Геннадий Фатеев выразил чувства всех горожан, приходящих к монументу, у которого несут свой постоянный пост юные часовые Поста Памяти — лучшие школьники города.

А на северной стороне горки — смотровая площадка, с которой открывается неповторимый вид на город. Рядом установлен монумент в честь героев гражданской войны. У самой вершины — дорогой ставропольцам памятник — на могиле генерала армии Иосифа Родионовича Апанасенко. Генерал погиб в суровые годы войны далеко отсюда — под Белгородом. Но, выполняя последнюю волю покойного, его прах похоронили здесь, в родном ему Ставрополе. А памятник — символическая палатка, выполненная из бетона и установленная близ крепостной стены, относит нас к первым дням существования города: с брезентовых палаток начинали свою жизнь в новых, неизведанных местах хоперские казаки.

Всю центральную часть бывшей ставропольской крепости, построенной в 1777—1780 годах, ныне занимает сквер — излюбленное место отдыха горожан. В его восточной части, позади памятника А.В. Суворову, в старинном двухэтажном особняке расположилась ныне вторая городская музыкальная школа. Это — один из первых каменных домов города. А чуть позади него высится огромный раскидистый тополь. Взгляните на него и обратите внимание на кое-где сохранившиеся ржавые стальные скобы, вбитые в ствол. Это — память о годах войны. Тогда этот тополь служил в качестве наблюдательного пункта зенитной батареи.

Здесь же, на горке, расположено здание штаба пионерско-комсомольского поста Памяти у огня Вечной славы — одного из первых постов такого рода в Ставропольском крае. Посмотрите, с каким чувством гордости, прикосновения к героическому прошлому народа несут свою службу юные постовые, и вы поймете — подвиги отцов и вправду дают сыновьям крылья.

Гордость Комсомольской горки — каскадная лестница, ведущая с проспекта имени Карла Маркса к вершине. Здесь всегда много ставропольцев — посидеть близ фонтанных негромких струй в тени старых деревьев очень приятно. А если у вас есть свободное время, на горке в Вашем распоряжении современный ресторан и кинотеатр «Родина».

Заметим, что Комсомольская горка — не «застывший» архитектурный ансамбль: архитекторы предполагают начать в недалеком будущем ее реконструкцию. Дело в том, что все памятники воздвигнуты в разное время, они разномасштабны и не составляют единой пространственной системы. Этому способствует и наличие на горке различных чужеродных зданий — электросети, пожарного депо, ресторана...

В результате реконструкции всю территорию горки предлагается объединить путем создания двух планировочных осей: памятник Апанасенко — кинотеатр «Родина» и памятник героям гражданской войны — крепостная стена. Место их пересечения акцентируется установкой мемориальной формы «Стена Памяти». Эта композиция в виде буквы «Т» соединит три памятных места — бюст Александра Суворова, памятник героям гражданской войны и памятник Апанасенко. Как будет выглядеть «Стена Памяти»? Это протяженная скульптурно-рельефная композиция, посвященная истории города и края. Ее персонажи — реально существовавшие люди, наши земляки. Среди них — офицеры Хоперского полка — первостроители крепости; первый переводчик «Капитала» на русский язык Герман Лопатин; сестра милосердия Римма Иванова — она была второй в истории России женщиной-георгиевским кавалером; герои гражданской и Великой Отечественной войн... Кстати, изобразительное ис-

кусство знает уже аналогичные примеры создания многофигурных композиций — памятник Тарасу Шевченко в Харькове, тысячелетию России в Новгороде. Главным композиционным акцентом станет деталь «Стены» более крупного масштаба — наше обращение к потомкам. Для организации предполагаемой планировки Комсомольской горки нужен снос пожарного депо. Нынешнее здание плавательного бассейна и ресторана предлагается объединить путем сооружения целого каскада плескательных бассейнов и ряда мелких водоемов.

Плоскостной характер композиции мемориала может быть обогащен введением в него вертикали, которая «укрепит» визуальные связи горки с прилегающими территориями, объединит композицию самого мемориала и усилит связь комплекса с огнем Вечной славы. При подобном варианте решения и памятник А.В. Суворову, видимо, придется увеличить: сейчас он слишком «легок»... Предусмотрено в проекте реконструкции световое и звуковое оформление композиции — «Колокол времени» — подобно тому, как отмечает время пушечный выстрел со стен Петропавловской крепости. Свою роль сыграют фактура и цвет материалов комплекса, в который войдут фрагменты крепостной стены, контуры бывших крепостных зданий и сооружений, установленные места захоронений... Эти детали, как предусматривает проект, могут быть отмечены памятными досками, декоративными растениями, цветом плит мощения...

Комсомольская горка Ставрополя — не только в прошлом и настоящем. Она еще — и в будущем.

В соседстве с крепостью

В 1822 году к Ставрополю официально перешли все административные функции главного города обширной Кавказской области.

И поэтому «отцы города» захотели совершить «по возможности главный переворот внутри и наружности Ставрополя, стряхнувши с него пыль». В соответствии с планом застройки, утвержденным в 1833 году, особое внимание было уделено присутственным местам. В них должен был разместиться согласно табели о рангах чиновный люд из бойких канцелярий городского магистрата, гражданского губернатора, сиротского суда, полиции, почтовой конторы, типографии и других учреждений.

19 мая 1839 года Кавказская областная землеустроительная комиссия, учитывая важность сооружения квартала для присутственных мест в Ставрополе, обратилась к членам этой комиссии — знаменитым архитекторам братьям Бернардацци, итальянцам по происхождению, работающим на Кавказских Минеральных Водах.

Если старший из братьев, Джованни, был по преимуществу строитель, то Джузеппе — архитектор-проектировщик, художник с хорошим вкусом. Донесения о проделанной ими работе, выписки из послужного списка говорят о заметном влиянии архитектурного почерка знаменитых зодчих при застройке Ставрополя.

Он, этот почерк, в значительной степени сказался и на облике одной из старейших улиц города, которая отличается от многих других своими красивыми, светлыми зданиями, ненавязчивым архитектурным вкусом и какими-то почти неуловимыми приметами самой ставропольской старины. Небольшая, по-особому уютная, приветливая, она надолго приковывает к себе взоры не только гостей краевого центра, но и тех, кто видит ее почти ежедневно.

Советская, а в прошлом Комиссариатская, Нестеровская улица начала формироваться в непосредственной близости с крепостью. На старых планах города мы находим здесь казарму для больных солдат, баню, маркитантские лавки, конюшню «для поставления государственных лошадей», гауптвахту... Все эти строения в пределах города составляли один из участков знаменитого почтового тракта из Петербурга на Тифлис.

Но ни «высокий штиль» архитекторов Бернардацци, ни хватка купца-строителя Игнатия Волобуева не смогли, однако, «стряхнуть пыль» с бюрократической машины, плотно расквартированной в присутственных местах. Здесь у подъездов всегда толпился трудовой люд — с делами и жалобами, надеждами и бедами...

В 1847 году, когда Ставрополь получил права губернского центра, канцелярские и прочие обязанности города заметно возросли.

По соседству с присутственными местами построили и торжественно открыли женское учебно-воспитательное училище имени Святой Александры (ныне дом № 1 по улице Советской). В уставе училища, между прочим, говорилось: «Воспитание девиц имеет целью дать основательное образование в христианском духе»...

Потребовалось еще пятьдесят с лишним лет, чтобы дремотный ритм чиновничьей улицы был нарушен немаловажным событием: на третьем этаже дома Губернского правления в 1906 году был открыт музей Северного Кавказа (ныне ул. Советская, 5) и одновременно начала свою деятельность Ставропольская ученая архивная комиссия. Основателем и бессменным руководителем этих новых очагов культуры был видный историк-кавказовед, археолог, этнограф, общественный деятель Григорий Николаевич Прозрителев (1849—1934).

Коллекции одежды народов Северного Кавказа, редчайшие документы, предметы быта разных эпох, собранные Г.Н. Прозрителевым, вызвали огромный интерес у горожан. К патриотическому движению охраны памятников истории потянулись гимназисты, чиновники, учителя, многие жители города.

Главным же делом Григория Николаевича были архивы, многие тысячи уникальных документов о Кавказских войнах, заселении края, основании крепости и города, его развитии. Присутственные места Ставрополя превратились в ту пору в средоточие богатейших архивных собраний, практически даже неразобранных, находящихся по великому невежеству людскому на краю гибели. Спасти архивы городского магистрата, казенной палаты, губернского правления, городской управы, окружного суда, чертежной комиссии и многих других учреждений, ввести эти исторические ценности в научный оборот и стало делом всей жизни Г.Н. Прозрителева и его помощников. Без их участия спасение собрания дореволюционных документов, которые хранятся ныне в Ставропольском краевом государственном архиве, было бы просто немыслимо.

Но вот пришло время, когда над старой улицей присутственных мест повеяли ветры великой ре-

волюции. Алый стяг над зданием Совета рабочих и солдатских депутатов ознаменовал новую, яркую главу истории города. На смену чиновничьим вицмундирам незамедлительно пришли гимнастерки, кожанки и ставшие символами нового мира красные косынки советских служащих; в классы и коридоры бывшей женской гимназии ворвалась шумная, непривычная жизнь: сели за парты, жадно вгрызаясь в труды Маркса и Ленина, курсанты губернской советско-партийной школы — рабочие, крестьяне, красноармейцы — подлинные хозяева Советской страны.

...Время внесло новые поправки в облик этой центральной улицы. К 200-летию Ставрополя свежими красками засияли отреставрированные фасады старинных зданий, на них появились мемориальные доски, красивые деревья и цветы придали улице еще большую теплоту и привлекательность.

Много новых обязанностей перед жителями и гостями города и края выполняют расположенные на ней организации и учреждения. Гостиница «Кавказ» на 650 мест с рестораном, баром и кафе «Солнечное», отделение «Интуриста» — первые «визитные карточки» города. Напротив гостиницы «Кавказ» разместились корпуса старейшего и крупнейшего в стране научно-исследовательского противочумного института Кавказа и Закавказья — важного международного центра профилактики особо опасных болезней. Сюда за опытом приезжают ученые со всех континентов мира.

На коротком отрезке, всего в полкилометра, Советская улица соединяет историю и новь социалистического Ставрополя.

От тройки до троллейбуса

Тот, кто приезжает в Ставрополь поездом и выходит на привокзальную площадь, наверное, и не подозревает о том, что сразу же, с самых первых своих шагов по здешней земле оказывается в месте историческом, овеянном самыми разными ветрами разных времен.

Дело в том, что как раз отсюда, взбегая на пригорок, начинается проспект имени Карла Маркса — главная городская магистраль. И если верно утверждение о том, что каждый уважающий себя город должен иметь деловой центр, то в Ставрополе таким центром, несомненно, стал этот проспект. Здесь размещены многие краевые и городские общественные организации, управления, главки, комитеты, крупные и мелкие магазины. Но для туриста, конечно же, главная притягательная сила не в них. Турист — человек любознательный, и ему, наверное, очень интересно узнать, что вытянулся нынешний проспект точно по линии бывшего здесь когда-то старого почтового тракта. По нему из центральной России спешили на Кавказ стремительные курьерские тройки с суровыми военными людьми, ползли на Горячие воды неспешные экипажи и кареты с изнывающими от несуществующих болезней и безделья томными российскими барынями. Мимо Крепостной горки они подкатывали к почтовой станции, на месте которой шумит сейчас с утра до вечера городской рынок № 2, известный ставропольцам под названием Нижнего.

А коль появился в свое время тракт, то есть ли что-либо удивительное в том, что именно тут возникли и первые «капитальные» дома города и торговые ряды? Здесь построен и первый в Ставрополе каменный дом — неподалеку от нынешней Комсомольской горки. Здесь селились наиболее именитые граждане, купцы и мещане.

Много раз менял проспект свое название. Был он улицей Черкасской, Московской, Большой, Первой. Перед самой революцией стал ненадолго Николаевским проспектом, а сразу после нее превратился в улицу Красную...

В начале проспекта некогда существовали довольно высокие каменные ворота, чем-то напоминающие триумфальную арку. Назывались они Тифлисскими; отсюда, рядом с нынешним домом № 13, дорога поворачивала на Георгиевск и далее шла на Тифлис. К воротам примыкала глухая стена, заключавшая собою центральную часть Ставрополя. А вдоль улицы журчала говорливая река Желобовка, которая когда-то сослужила добрую службу нашим предкам. Из нее брали воду, ее использовали для изготовления самана, в ней стирали белье и даже ловили рыбу. С годами, однако, речушка обмелела и утратила свое значение. Сейчас она упрятана в бетонный коллектор, увидеть ее нельзя. Но зато можно услышать, остановившись на тротуаре ночью, когда утихает, наконец, городской шум. Тогда только доносится до нас из-под слоя асфальта, словно из далекого прошлого, едва слышное журчание Желобовки...

Любопытный факт прошлого. Именно на этом проспекте впервые на Кавказе появилось уличное освещение. Отсюда в 1851 году двенадцать газовых фонарей в качестве образца были направлены в Тифлис, и вскоре там тоже появились уличные светильники.

Привычный для нас вид главная магистраль начала обретать после 1847 года. Тогда в ее середине, там, где сейчас начинается каскадная лестница, ведущая на вершину Комсомольской горки, возникла оживленная торговая площадь. Многочисленные мелкие лавочки, обступившие площадь, были полны посетителей. А возле соляного магазина даже стоял часовой — соль была в те времена чрезвычайно ценным продуктом, и ее продажа являлась государственной монополией. Здесь же появился и первый гостиный двор, который состоял из трех двухэтажных корпусов, построенных на средства заинтересованных купцов. Один из корпусов гостиного двора — западный — сохранился до сих пор (дом № 79, в нем сейчас находится вечерняя сменная школа № 1). На Базарной площади в середине прошлого века произошло и подлинное чудо, вызвавшее немало толков среди населения. Из огромной каменной колонны выходила наружу металлическая труба, из которой, стоило только нажать на рычаг, бежала вода. Это был первый в городе водопровод, который прослужил вплоть до начала нашего века.

Второй гостиный ряд «дожил» до наших дней. В нем — уже четыре двухэтажных корпуса классического стиля. Расположены они на нынешней улице Шаумяна и прежде выходили на проспект. Сейчас эти здания переоборудованы под жилые дома со всеми удобствами. Но внешний облик их сохранен. Неподалеку отсюда находилась и знаменитая гостиница грека Найтаки, в которой останавливались декабристы. С ее балкона в 1837 году декабрист А.И. Одоевский, оказавшийся в Ставрополе в момент торжественного въезда сюда Николая I, выкрикнул на латинском языке дерзкое «приветствие» самодержцу: «Да погибнет!» К сожалению, установить с полным основанием место нахождения гостиницы до сих пор не удалось.

На главной улице, как водится, размещались ра-

туша и магистрат. Ее украшением стало и здание присутственных мест города (ныне дом № 81), в котором сейчас один из корпусов политехнического института. На центральной башне этого здания находились часы-куранты, которые, к сожалению, все еще не восстановлены.

На углу улицы Розы Люксембург и проспекта (дом № 72) появился большой трехэтажный особняк купца Плотникова. Вскоре по просьбе городских властей дом был сдан им в аренду под первую на Кавказе классическую гимназию. Здесь начинали учиться первый переводчик «Капитала» на русский язык Герман Лопатин, известный народоволец Михаил Фроленко.

Интересную характеристику центральному проспекту города дал посетивший в 1862 году Ставрополь русский композитор М.А. Балакирев. «Главная улица, — писал он, — не уступает улицам европейских городов: длинная линия ее пряма и широка, с бульваром посредине. Спускаясь довольно круто, она достигает подножия горы. С этой возвышенности путешественник может окинуть разом панораму города: большие правильные казенные здания, красивые дома частных лиц, различит европейский костюм жителей обоего пола. Направо возвышается громадный собор, неприятное смешение итальянской архитектуры и византийской. Подобное неуклюжее неестественное смешение было в большом ходу у нас в начале этого столетия, но, к счастью, начинает мало-помалу выходить из употребления».

Шло время. Площадь у городских присутственных мест беднела, а сам проспект становился все наряднее и наряднее. Украшенный бульваром, утопающий в зелени деревьев, многие из которых сохранились и поныне, он начинает появляться на многих открытках, на журнальных иллюстрациях.

Вид проспекта описал в «Казаках» Лев Николаевич Толстой. «Ставрополь, через который он (Оленин. — *авт.*) должен был проезжать, огорчил его. Вывески, даже французские вывески, дамы в колясках, извозчики, стоявшие на площади, бульвар и господин в шинели и шляпе, проходивший по бульвару и оглядевший проезжих, больно подействовали на него... от Ставрополя зато все уже пошло удовлетворительно: дико и, сверх того, красиво и воинственно». Из этой цитаты вполне ясно: главный проспект Ставрополя, бывшего тогда «вратами Кавказа», стремился ни в чем не уступать своим более северным собратьям. Здесь, словно грибы после дождя, выросло несколько домов стиля «модерн», мода на которые пришла в Россию из Западной Европы. Сохранились дома №№ 103, 74, 27 и 38. Среди них резким диссонансом выделялся дом в стиле барокко (№ 53). Украшением проспекта стало здание губернаторского дома (№ 94), в котором сейчас расположен городской комитет Коммунистической партии Советского Союза. Особенно красиво своеобразное оформление парадного входа — массивный балкон поддерживают на своих плечах четыре кариатиды — скульптурные изображения женщин в древнегреческих хитонах.

На доме установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь в 1918 году размещался Ставропольский губернский Совет народных комиссаров».

А теперь — немного подробнее о бульваре. Его в далеком 1848 году по предписанию командования Кавказской оборонительной линии и Черномории, данному командирам пехотного и казачьего полков, дислоцировавшихся в Ставрополе, разбили солдаты. При этом было высажено пятьсот лип, а позднее — много других деревьев.

Под ними сейчас, окруженные цветами сирени, установлены бюсты Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина, а несколько ниже по проспекту — памятник Коста Левановичу Хетагурову, известному осетинскому просветителю, поэту и художнику, жившему в свое время в Ставрополе. Взор Коста обращен в сторону улицы, носящей его имя, неподалеку от которой, в местном литературном музее, восстановлена мемориальная комната Хетагурова.

Остается, пожалуй, только добавить, что и старейшина ставропольской промышленности — станкостроительный завод «Красный металлист» — тоже находится на проспекте имени Карла Маркса. Когда-то это полукустарное предприятие Руднева-Шмидта выпускало бороны, чугунные решетки для оград, надмогильные плиты, печные дверцы и тому подобную продукцию. Сейчас деревообрабатывающие станки предприятия, отмеченные Государственным Знаком качества, знают не только в СССР, но и в десятках зарубежных стран.

Украшение Ставрополя — дом губернатора. В настоящее время — здание администрации города. К. Маркса, 94.

Заканчивается проспект на его пересечении с проспектом Октябрьской революции, упираясь в ряд мелких магазинов. Генеральным планом развития города предусмотрен снос этих магазинов, создание мемориального исторического квартала, который позволит увидеть «кусочек» Ставрополя таким, каким был он в начале минувшего века.

И уж коли заговорили мы о кинотеатре, то скажем, что на проспекте сейчас находятся первый в крае широкоэкранный кинотеатр «Родина» и его более мелкий собрат — «Октябрь». Вечером вы можете побывать в находящихся здесь же краевой филармонии или цирке, ресторанах «Юг» и «Ставрополь».

...По старому почтовому тракту ныне спешат троллейбусы, и их мягкое шуршание шинами об асфальт нисколько не напоминает прохожим далекий звон валдайских колокольчиков под дугами давно ушедших в прошлое лихих ямщицких троек...

Имени Ленина

Главная площадь Ставрополя — главная площадь края. Она носит имя величайшего из людей — Владимира Ильича Ленина. Ему, основателю Советского государства, установлен здесь, перед зданием Дома Советов, в котором находятся краевой комитет КПСС и исполком крайсовета народных депутатов, величественный памятник. С гордо поднятой головой и добрым прищуром глаз, Ильич с своего постамента словно бы смотрит на привольно раскинувшийся у его ног город, который обязан ему своим сегодняшним счастьем.

Площадь Ленина — центр Ставрополя, его подлинное украшение. Ее никогда не обходили стороной ветры истории. И в этом легко убедиться, совершив хотя бы небольшую прогулку по площади. На нее выходит здание бывшей мужской классической гимназии, из стен которой вышло немало революционеров и просто свободомыслящих людей. Здесь учились Коста Хетагуров, известный кавказовед Евгений Фелицын, исследователь природы — «кавказ-

Площадь Ленина. Современный вид

ский Брем» — Николай Динник, организатор одного из первых марксистских кружков в России Михаил Бруснев, первый советский посол в Иране Иван Коломийцев... Здание было построено при расширении бывшей Кавказской гимназии — в 1868 году. В его почти двухстах комнатах жили и обучались восемьсот юношей. При гимназии был и пансион, и жилые дома для преподавателей, и прекрасная по тем временам библиотека, насчитывавшая более трех тысяч томов. Любопытно, что здесь в отличие от многих классических гимназий центральной России делались опыты приобщения учащихся к активному труду. Дети крупных чиновников и офицеров, независимо от заслуг и чинов родителей, работали в мастерских гимназии, постигая плотницкое и столярное ремесло. Их изделия — столы и стулья — были даже как-то удостоены похвального отзыва Московской политехнической выставки.

Конечно, сотню лет назад площадь выглядела совсем-совсем иначе. «Ставропольские площади, — свидетельствовал один из современников, — зимой были похожи на пустыни, а летом эти места зарастали репейником и разными колючками, образовывавшими здесь дремучие заросли. В них в ночное время прятались «соловьи-разбойники», обкрадывавшие прохожих».

Это — отзыв начала нашего века. А вот — характеристика, данная площади, которая называлась тогда Ярмарочной, статским советником Н.И. Скоковским в 1868 году. «Новый город,— писал Николай Игнатьевич, — начинается обширною базарной площадью от дома командующего войсками. Правая сторона площади занята двумя гостиными дворами; кругом... построены красивые каменные дома, в ряду коих находится весьма большое здание духовной семинарии и Андреевская церковь. На левой стороне площади возвышаются большие каменные здания для нового помещения гимназии; здесь же вблизи дома, в которых помещаются телеграфное управление, главная гауптвахта, соляная контора, рота служителей интендантского склада, лютеранская церковь, смирительный дом, запасная аптека и госпитальные здания, позади которых, немного далее, растянут военный форштадт и госпитальное кладбище. К югу и востоку за военною слободкою расположены каменные постройки для линейного и 1-го батальона, Тюремный замок, Мутнянское и Георгиевское предместья и провиантский магазин».

Но вернемся к зданию гимназии, напротив которого в сквере установлен памятник ее питомцу — русскому другу Карла Маркса Герману Александровичу Лопатину. Мемориальная доска на здании свидетельствует о том, что здесь в ночь на 1 января 1918 года была провозглашена Советская власть в Ставропольской губернии. Здесь проходил в декабре грозового восемнадцатого общегубернский крестьянский съезд. Он открылся в Александровской гимназии (дом по улице Советской, 1), в его работе приняли участие представители Совета солдатских депутатов. Вся работа же проходила в здании, о котором мы ведем наш рассказ. Несмотря на яростное сопротивление эсеров, крестьянский съезд принял резолюцию: «Всю власть в губернии передать как в центре, так и на местах, Советам крестьянских и рабочих депутатов с защитой этого права с оружием в руках».

После закрытия крестьянского съезда 31 декабря в актовом зале мужской классической гимназии открылось общегубернское народное собрание. Комиссар Временного Правительства, председательствующий на собрании, категорически протестовал против объединения делегатов съезда и собрания. Но из этого ничего не вышло: меньшевики и эсеры потерпели здесь сокрушительное поражение. И теперь уже объединенный съезд принял декрет, в котором говорилось: «Вся власть в губернии переходит в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Высшим законодательным органом для губернии является Общее собрание губернских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Когда декрет был поставлен на голосование, большие настенные часы в зале пробили двенадцать раз: наступил новый, 1918 год. Наступил рассвет новой жизни в губернии.

В канун революции площадь называлась Александровской. По ней в 1905 году, в дни Всероссийской Октябрьской политической стачки с революционными песнями прошли тысячи демонстрантов, повергнув в ужас «отцов города».

В феврале 1920 года тут встречали ставропольцы конников Таманской армии.

И здесь же в мае 1931 года, когда отмечалась пятнадцатая годовщина освобождения края от белых

банд, состоялась торжественная манифестация, почетными гостями которой были полководцы гражданской войны С.М. Буденный, В.С. Голубовский, наши земляки И.Р. Апанасенко и В.И. Книга.

И отсюда же в 1941 страшном году уходили на фронт горожане, в том числе воины сформированной в Ставрополе 343-й стрелковой дивизии, покрывшей себя неувядаемом славой в боях под Москвой, Сталинградом, освободившей Прагу.

Много событий помнит площадь. Среди них — торжественный митинг, посвященный награждению города орденом Октябрьской Революции. В память об этом событии здесь установлен обелиск с изображением ордена и текстом Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Площадь обступили стадион «Динамо», краевая библиотека имени М.Ю. Лермонтова, музей имени Г.К. Праве, Дом книги. Последний стал своеобразным памятником, о чем говорит мемориальная надпись на его стене. Дело в том, что Дом книги стоит на том самом месте, где раньше находился дом командующего войсками Кавказской линии и Черномории, в котором бывали А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой... На одной из картин ставропольской самодеятельной художницы А.В. Скрыгиной совсем еще молодой Лев Николаевич изображен на фоне этого, ныне несуществующего дома.

Но не только в историческом плане интересна площадь имени В.И. Ленина.

Остановитесь у фонтана, расположенного между зданиями Дома Советов и краевого драматического театра имени М.Ю. Лермонтова, оглядитесь вокруг. И вы увидите удивительный сквер, о котором нельзя не рассказать.

Именно здесь, на каменистой известняковой земле, шумела-гудела когда-то огромная ярмарка. В краеведческом музее сохранились снимки сорокалетней давности: горы арбузов, возы сена и соломы, коровы и лошади, куры и утки — все было здесь предметом торговли.

Но вот прошло время: на площадь пришли на свои субботники комсомольцы города. Они снесли примитивные дощатые «палатки» и «ларьки», сняли верхний слой известняка, привезли из пригородного Круглого леса чернозем. И зазеленели здесь первые робкие веточки будущего сквера-дендрария, автором проекта которого стала архитектор И. Лысякова.

Ныне сквер возмужал, и любоваться его красотой можно буквально часами. Особое очарование ему придает наличие многих десятков пород деревьев и кустарников. Сирень и рябина, боярышник и липа, сосны и пихты, ивы и акации, голубые ели и ярко-зеленые ставропольские каштаны...

Работники зеленого хозяйства города сумели поселить здесь, на сравнительно небольшом клочке земли, «пришельцев» с юга и севера, из Сибири и Дальнего Востока. Культуры подобраны таким образом, что сквер всегда, в любое время весны, лета и осени наполнен ароматом цветов: они распускаются поочередно, сменяя друг друга, радуя людей всеми красками солнечного спектра.

Всего здесь около восьми десятков разновидностей деревьев и кустарников, которые позволяют нам совершить некое подобие «путешествия» по планете. Белокрылый пирамидальный тополь расскажет нам о своей родине — Туркестане, лиственница — о Сибири, клен — о Далекой Канаде, лиана-древогубец — о Японии, гребенчук — о зонах пустынь и полупустынь с их безводьем и изнуряющим зноем...

В создании дендрологического сквера большую помощь горожанам оказали работники Ставропольского ботанического сада.

Остается, пожалуй, только добавить, что попасть на площадь имени В.И. Ленина можно большинством городских троллейбусов и автобусов.

Неподалеку от нее — вниз по улице Коминтерна — находится центральный городской автовокзал. В районе площади — крупнейший в крае широкоформатный кинотеатр «Экран», магазин «Цветы», Центральный универмаг.

На площадь приходят ставропольцы в дни торжеств и праздников. Она близка и дорога каждому из них.

Магистраль

Наверное, в каждом советском городе есть улица имени Владимира Ильича Ленина. И у нас именем вождя революции названа одна из самых красивейших, протянувшаяся на десять километров городская магистраль, на которой высокие и стройные тополя, словно часовые на посту, хранят историю, далекую и близкую, поучительную и строгую, суровую и счастливую...

Улица В.И. Ленина — ровесница города, его безусловная и добрая примета.

...Хоперские казаки и владимирские драгуны, заложившие в 1777 году Ставропольскую крепость, по праву вошли в историю как основатели нашего города. И все-таки им следует потесниться, не принимая единоличной славы. Дело в том, что первая партия из 332 отставных русских солдат с семьями по указу Военной коллегии прибыла сюда, чтобы рядом с крепостью и казачьей станицей положить начало Солдатской слободке. Это был один из маленьких островков мирной хозяйственной жизни будущего города.

И когда в 1785 году, при учреждении Кавказского наместничества, Ставрополь получил права уездного города, на его южной границе, расположенной совсем близко от крепости, уже определялись контуры первых улиц и кварталов, обитатели которых прочно осели на земле, занялись ремеслом и торговлей.

Солдатская улица — детище первопоселенцев — со временем устремилась в верхнюю часть города, и будто на ниточке времени, нанизывались здесь и в округе жалкие халупы бедняков, прочные дома именитых граждан, лабазы, салотопенные заводишки, мельницы, кузни, сады, винные подвалы и кожевенные предприятия...

Архивы сохранили нам некоторые свидетельства о составе населения первых улиц. Кроме отставных солдат, большей частью зачисленных городским магистратом в сословие мещан, были крестьяне из ближайших селений Михайловского, Надежды, Пелагиады, а также из Тамбовской, Воронежской, Курской, Харьковской и других губерний.

«...1788 года 11-го дня села Пелагиада однодворец Павел Черных и сыновья его Сафрон, Никифор, Корней зачислены в мещане города Ставрополя».

«...в 1789 году зачислены в 3-ю гильдию купцы того же села однодворцы Леон Шутов с сыновьями Иваном, Дементием, Тимофеем, Филиппом, одно-

дворец Потап Белобородов с сыновьями Ильей, Давыдом, Иваном и Михаилом и дворовый человек Мокей Шураев с семейством в 4 души мужского и 1 женского пола...»

Трудовой люд Солдатской и продолжившей ее с годами Мавринской улицы был постоянным зрителем смотров и военных парадов, проходивших через Ставрополь войск, военных оркестров и фейерверков у Дома командующего войсками по случаю приезда в город именитых особ, а по понедельникам — участком бойкого торжища на базарной площади, куда выходила улица.

Верхняя составная часть нынешней улицы Ленина в прошлом называлась Госпитальной, так как продолжалась от самого крупного на Кавказе русского военного госпиталя, построенного по проекту И. Бернардацци. Здание госпиталя сохранилось до нашего времени.

Рядом с военным госпиталем располагалась Кавказская казенная аптека и лаборатория. Летом и осенью 1847 года в госпитале работал Николай Иванович Пирогов — основатель военно-полевой хирургии, замечательный ученый и педагог. Здесь он проводил операции, обучал врачей и санитаров. «Казенным аптекам Ставрополя и Тифлиса дано предписание отпустить назначенное количество (два пуда) эфира со мною в Дагестан», — сообщал в путевых заметках Н.И. Пирогов.

Как известно, местные провизоры при его непосредственном участии успешно справились с заданием «произвести сорок фунтов эфира высшего достоинства и обеспечили его транспортировку по военным дорогам при 33-градусной жаре». Использование эфирного наркоза в хирургии позволило нашему великому соотечественнику и патриоту первому в мировой практике облегчить страдания тысяч раненых и больных солдат.

Немало исторических и памятных мест сохранилось на улице Ленина. Красивое здание краевой и городской контор Государственного банка СССР примечательно не только удивительным архитектурным стилем, не только мастерством постройки (дом № 286), но и событиями первых послереволюционных дней. Тогда сюда пришли люди, почти незнакомые с финансовыми делами. Их послала партия, чтобы заменить начавших саботаж новой власти старых банковских чиновников. Никто не верил, что они смогут это сделать: для этого нужно специальное образование. Но они смогли!

Мемориальная доска на здании по соседству свидетельствует о том, что отсюда красногвардейский отряд под командованием легендарного Фомы Шпака первым выступил на фронт против белогвардейцев, а в июле 1918 года он принимал активное участие в разгроме контрреволюционного офицерского мятежа.

Октябрь 1918 года. Под звуки духового оркестра, исполняющего «Марсельезу», в оккупированный деникинцами город штурмом ворвались бойцы Таманской Красной Армии — усталые, опаленные жарким боем лица красноармейцев... Жители улицы первыми из горожан приветствовали бойцов «Железного потока», своих освободителей. Улица Ленина помнит героев гражданской и Великой Отечественной войн. По ее мостовой проходили в четком строю перед отправкой на защиту родной Москвы ставропольские конники. А 21 января 1943 года улица Ленина одной из первых встречала пехотинцев и артиллеристов 347 стрелковой дивизии, освободившей Ставрополь от немецко-фашистских оккупантов.

Одно из самых памятных мест города — Холодный родник, вплотную примыкающий к улице в ее верхней части. Для каждого из жителей краевого центра — это не только живописный зеленый массив в соседстве с улицей. Прежде всего, это место, куда люди приходят почтить память героев, погибших в борьбе за Советскую власть, за свободу и независимость Родины. Четыре братские могилы в виде гранитных саркофагов и огромная стена-монолит у обрыва к Холодному роднику, сооруженные на небольшой поляне, напоминают нам о многом.

В дни первой русской революции рабочие дружины Ставрополя устраивали здесь нелегальные сходки и учились владеть огнестрельным оружием. В годы гражданской войны Холодный родник стал местом жестоких расправ контрреволюционеров над бойцами Красной армии и их семьями, над партийными и советскими работниками.

Под каменными плитами могил, отмеченных мемориальными текстами с именами героев, покоится прах погибших при взятии Ставрополя бойцов Таманской Красной Армии, советских граждан, замученных гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны. Тысячи горожан, седых ветеранов и юных пионеров приходят сюда весной, чтобы возложить цветы и почтить память героев.

8 мая 1975 года, в канун 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне на Холодном роднике, в связи с открытием мемориального ансамбля, состоялась торжественная манифестация.

Есть на улице Ленина еще одно дорогое для горожан место — памятный знак, обращенный в будущий век. В октябре 1978 года, когда вся наша страна отмечала 50-летие Ленинского комсомола, тысячи юношей и девушек краевого центра произнесли здесь клятву на верность Родине. Небольшое возвышение над тротуаром близ перекрестка с улицей Ломоносова, благоустроенное молодыми рабочими, архитекторами и художниками, и сооруженные там стела и монолит с шестью орденами — гордой славой комсомола, стали своеобразным символом преемственности поколений. В специальную нишу была вложена капсула с письмом комсомольцам Ставрополя 2018 года — года 100-летия Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

А легкокрылый «МИГ» в стремительном взлете, установленный невдалеке на высоком пьедестале в память и честь бесстрашных летчиков, как бы усиливает светлое чувство молодости и стремительного бега времени.

Улица многое помнит: и первую октябрьскую демонстрацию 1920 года, и участников конного пробега осоавиахимовцев, и первый довоенный автобус, курсирующий по единственному маршруту «Вокзал — Невинномысское шоссе», послевоенные субботники, память о которых хранят красивые и стройные тополя.

Бережно сохранив приметы прошлого, улица развивается вровень с нашим временем.

Совсем недавно здесь на огромной площади по периметру улиц Ленина, Ломоносова, Морозова и Зоотехнического переулка было завершено строительство культурного центра профсоюзов со зри-

тельным залом на 2 тысячи мест, художественными и спортивными сооружениями, репетиционными залами, библиотекой. Масштабы и архитектурный размах этого сооружения впечатляют современными методами применения гранита, мрамора, металла, декором, скульптурным оформлением.

Особенно интересно решен культурный центр в пространственном отношении — с большим отступом от «красной линии» улицы. А это продиктовало и дальнейшую «стратегию» развития магистрали: на отрезке от ул. Льва Толстого до проспекта Кулакова улица Ленина уже расширена до 70—90 метров. При этом высокие здания «Главставропольводстроя», гостиницы «Турист», Дома кооперации, центра научно-технической информации «Ставропольпромстроя», кондитерского комбината, магазина «Пазарджик», названного по имени города-побратима Народной Республики Болгарии, и жилого массива на перекрестке с улицей Доваторцев отлично сочетаются с архитектурными композициями горизонтального членения.

А троллейбусные и автобусные маршруты ведут нас все дальше и дальше, раскрывая перед нами преображающуюся буквально на глазах недавнюю окраину — Осетинскую поляну, где в дореволюционные времена выходил на учебные занятия расквартированный в Ставрополе Осетинский конный дивизион. Потом эта поляна, окруженная живописным лесом, стала местом состязаний красных кавалеристов, конно-спортивных праздников и манифестаций. В послевоенные годы на показательные учения конников-гвардейцев сюда приезжал Маршал Советского Союза С.М. Буденный.

Теперь здесь вырос огромный микрорайон. На этом отрезке расположены утопающая в зелени краевая клиническая больница, кинотеатр «Дружба», корпуса «Крайсельхозтехники», Всесоюзного научно-исследовательского института природных газов, высотные кооперативные жилые дома, универмаг «Ставрополь», «Универсам», институт «Крайколхозпроект», новый парк Победы, разместившийся в красивейшем лесном массиве.

Улица длиною в 200 лет. Ее историю и сегодняшний день венчает площадь, сформировавшаяся к юбилею города в самом оживленном массиве современных построек. Площадь так и называется — имени 200-летия Ставрополя.

У стен первого на Кавказе

Пятого февраля 1910 года на Ставропольском пивоваренном заводе Альфреда Грубе случилось страшное происшествие, до чрезвычайности перепугавшее хозяина — обрусевшего немца. Прямо во дворе завода, из скважины, которую бурили в поисках воды, раздалось вдруг страшное шипение. Казалось, что из-под земли потянуло порывом ветра, дующего с одинаковой, довольно большой силой. Однако ветер этот оказался весьма странным — когда один из рабочих швырнул возле скважины самокрутку, над ней вспыхнул огромный огненный смерч...

Так впервые в крае с глубины 185 метров был получен природный газ, язычок пламени которого ныне изображен даже на гербе Ставрополя.

Отдадим должное Альфреду Грубе: испуг прошел, а его место заняла чисто деловая предприимчивость. Была построена труба, по которой газ подали прямиком в заводскую котельную, и себестоимость производимого пива упала сразу в несколько раз. В карманы владельца завода золотым дождем потекли доходы... Само собой разумеется, что после этого и все другие ставропольские заводчики немедленно принялись бурить газовые скважины.

«Газовая горячка, — свидетельствует современник, — охватила всех...»

Не обошлось, конечно, и без казусов. Когда выяснилось, что ставропольский газ нефтяного происхождения, в город со всех концов России бросились всякого рода авантюристы от экономики: хотелось найти нефть и разбогатеть. Но нефти не было, и к началу мировой войны акционерные общества, возникшие в городе, распались, оставив в память о себе девятнадцать буровых скважин.

Газ использовался для отопления театра «Пассаж» (ныне здание краевой филармонии на проспекте Карла Маркса), приготовления пищи в ресторане «Гном». На пивоваренном заводе «Салис» газ выполнял сразу две функции: на нем варили пиво и использовали его в качестве приманки для посетителей. Дело в том, что каждый, пришедший в «фирменный бар Салиса», мог увидеть там подлинное чудо — горящую газовую горелку. Парадный вход к газовой скважине был архитектурно оформлен в виде островерхой массивной арки. Он сохранился до наших дней и ведет во двор дома по проспекту Октябрьской революции, 9.

И уж коли мы попали на проспект, давший «путевку в жизнь» ставропольскому газу, давайте расскажем о нем несколько подробнее.

В свое время проспект Октябрьской революции начался от Южных ворот Ставропольской крепости. В конце минувшего века он усиленно застраивался. Среди всех прочих зданий здесь появилось и здание первого на Кавказе русского драматического театра, в котором сейчас размещен гарнизонный Дом офицеров. Прошло еще несколько лет, и улица получила по данному поводу название Театральной.

Ставропольский драматический, который носит сейчас имя Михаила Юрьевича Лермонтова и удостоен ордена «Знак Почета», — театр с большими традициями, которыми можно гордиться. Конечно, в самом своем начале он был обыкновенным провинциальным театром. До сих пор сохранилась одна из местных газет, в которой изложено содержание очередной театральной премьеры. Трудно, право же, читать без улыбки содержание спектакля, носившего достаточно громкое название «За поруганную честь. Драма из жизни кузнеца».

«С усердием исполняет свою тяжелую работу трудолюбивый кузнец. Единственная отрада — молодая красавица жена служит ему верным помощником в жизни. Однажды приехал в кузню вельможа подковать лошадь. Пока кузнец был занят работой, вельможа передал молодой жене его записку, где просил прийти на свидание.

В назначенное время она спешит на свидание, но муж, заподозрив что-то неладное, идет вслед за ней и застает ее в замке вельможи. В пылу негодования он наносит вельможе удар по лицу. На зов последнего являются слуги, но не решаются

тронуть грозного кузнеца, пока он сам не покидает покоев вельможи.

Через некоторое время вельможа вновь подошел к кузне и дерзко заглядывал в окна, желая увидеть молодую жену кузнеца. Окончательно рассерженный кузнец заставляет вельможу зайти в кузню. Здесь вельможа обнажает шпагу, но кузнец ломает клинок, и между ними происходит поединок на молотах, в результате которого дерзкий вельможа падает с проломленным черепом».

Как видно, «народную тему» театр понимал достаточно примитивно... Но было это в самом начале: театр был основан в 1845 году. Позднее на его сцене выступали многие великие актеры минувшего века, среди которых особенно выделяется Николай Хрисанфович Рыбаков, послуживший А.Н. Островскому прототипом Геннадия Несчастливцева в пьесе «Лес». Одним из первых в стране Ставропольский драматический поставил «крамольного» гоголевского «Ревизора».

В 1964 году в Ставрополе было построено новое здание драмтеатра. Оно находится на площади имени Владимира Ильича Ленина, рядом с Домом Советов и рассчитано на 820 зрителей.

Ставропольский краевой театр драмы им. М.Ю. Лермонтова

За последние годы в нашем драматическом театре состоялось немало премьер спектаклей русской, советской и зарубежной классики. Среди них — «Кто ты, Василий Губанов?» Е. Габриловича и Ю. Райзмана, «Чистая сила» В. Дятлова, «Закон вечности» Н. Думбадзе, «Гнездо глухаря» В. Розова, «Ромео и Джульетта» В. Шекспира, «Лес» А. Островского, «Месяц в деревне» И. Тургенева, «Да здравствует королева, виват!» Р. Болта, «Берег» Ю. Бондарева и другие.

В труппе театра работает немало мастеров сцены. Среди них — народный артист СССР М.П. Кузнецов, народные артисты РСФСР Б.Н. Данильченко и В.Г. Фоменко, заслуженные артисты РСФСР Б.В. Дымченко, В.М. Аллахвердов и другие.

Но вернемся к рассказу о проспекте. В прошлом веке он носил имя наместника Кавказа графа Воронцова, и люди зачастую именовали его попросту Воронцовкой. Лишь в 1920 году, в дни первомайских торжеств, он был торжественно переименован в улицу Пролетарскую.

В наши дни проспект — практически единственная большая городская улица, отданная почти полностью в распоряжение пешеходов. Он закрыт для проезда любых видов автотранспорта и стал излюбленным местом прогулок горожан. На проспекте немало памятников архитектуры прошлого, но и наше время не прошло, как говорится, бесследно. Здесь красуется пока единственный в городе четырнадцатиэтажный дом. Впрочем, ради справедливости следует заметить, что «монополия» этого здания на высотность кончится очень скоро: планируется сооружение целой серии домов в четырнадцать и более этажей. Первый из них уже строится — на углу улиц Ленина и Доваторцев. «По совместительству» он будет и первым в городе зданием из монолитного бетона.

Несколько дальше по проспекту Октябрьской Революции находится резервный вход на стадион «Динамо» и центральный вход в парк культуры и отдыха имени Ленинского комсомола, Аллея Почетных граждан города.

В самом конце проспекта, на его пересечении с улицей Мира, расположен магазин «Вина Ставрополья» с крупнейшим на Северном Кавказе дегустационным залом.

Здесь же, на проспекте, — кинотеатр «Орленок», отданный сейчас в распоряжение детворы. А когда-то он был самым первым в Ставрополе кинотеатром, который назывался «Солей». Житель города Николай Николаевич Гольдман, который работал здесь еще до революции учеником киномеханика, платил «за науку» своему шефу пятнадцать папирос в день. Он вспоминает, что посетителей в «иллюзионе» было довольно много, хотя доступ в него имели далеко не все, а только представители хорошо обеспеченных сословий. Теперешний «Орленок», в котором демонстрируются детские фильмы, — самый посещаемый кинотеатр города. А напротив него — детское кафе-мороженое.

Все делает город для своих самых юных жителей. И те огромные елки, огни которых ежегодно вспыхивают на проспекте Октябрьской революции в канун новогодних праздников — тоже.

Улица музеев

Дальнейшее знакомство с городом мы продолжим по улице Дзержинского, которая на протяжении пяти километров пересекает самые оживленные кварталы, площади и магистрали краевого центра. Памятные места, старые и новые здания, мемориальные доски, три музея, даже деревья могут рассказать о многом.

От первых поселенцев нижней части улицы — отставных солдат, купцов и мастеровых людей, поставивших там свои дома, кузницы и лабазы, до бурного ритма нашего времени с его многоэтажными зданиями, многоликой толпой горожан, вереницей машин, огнями рекламы — все вместилось в биографию улицы. Нижняя ее часть именовалась раньше Александровской, средняя — Вельяминовской, верхняя — Воробьевкой.

О Воробьевке, названной так по имени первого ее жителя Воробьева, сохранились сведения из «Кавказского календаря на 1855 год»: «...Эта часть города, расположенная на возвышенной равнине и признанная в климатическом отношении самою здоровою, состояла из одной улицы, которая простиралась

в длину более как на версту... Постройки приносили жителям значительный доход, будучи отдаваемыми медикам и другим лицам внаем, искавшим во время лета успокоения от городского шума и жары».

В 1937 году несколько улиц краевого центра были переименованы. Одной из них и присвоили тогда имя несгибаемого революционера Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Это вполне понятно: ведь в первые годы Советской власти в доме на углу Вельяминовской и Воронцовской улиц размещались губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, рабоче-крестьянская милиция, угрозыск (ныне здание аптеки № 102). Здесь работал председатель губчека боевой соратник Феликса Эдмундовича, член Коллегии ВЧК Василий Иванович Савинов.

Совершим небольшое путешествие вверх по улице, где что ни квартал, то история.

Сразу обращают на себя внимание ярко выраженные черты южнорусского архитектурного стиля зданий, теперь взятых под охрану как памятники старины, здесь часто встречаются упоминания о революционной и трудовой героике города, замечательных людях и событиях отечественной культуры.

Мемориальная доска на здании управления внутренних дел Ставропольского крайисполкома сообщает, что в 1917—1918 годах здесь, в помещении бывшей гостиницы Пахалова, размещался Ставропольский комитет большевиков и Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

А несколько ниже, на противоположной стороне улицы, под стройными тополями, словно стерегущими покой домика, находится литературный музей. Перед входом — надпись:

«Здесь жил великий осетинский поэт Коста Левантович Хетагуров».

Домик этот когда-то принадлежал семье преподавателя рисования Ставропольской гимназии Василия Ивановича Смирнова. Двенадцатилетним подростком приехал Коста учиться в Ставрополь. Учитель рисования в гимназии стал наставником будущего поэта, а юноша с гордостью называл себя «признательным и благодарным учеником» старшего русского друга. А когда уже опальному поэту, страстному публицисту, демократу власти «милостиво дозволили» проживать в Ставрополе, В.И. Смирнов поселил его у себя в доме.

К 200-летию Ставрополя в этом доме, освященном именами художника и поэта, открылся общественный музей, созданный по инициативе городского Совета общества охраны памятников истории и культуры. Немало труда в организацию музея вложили старейшие краеведы, деятели литературы и искусства, семья Смирновых.

Сейчас в доме № 105 после реконструкции открылась мемориальная комната, где жил Коста, и бережно сохранены предметы быта, окружавшие его. В литературной части экспозиции представлены документы, фотографии, подлинные прижизненные издания поэта; воссоздан интерьер гостиной в доме Смирновых, экспонируются полотна и рисунки В.И. Смирнова.

Тысячи документов, редчайших снимков хранятся в литературном филиале Ставропольского государственного объединенного музея имени Г.К. Праве. Здесь проводятся многочисленные экскурсий, литературные и музыкальные встречи, активно ведется собирательская и научно-фондовая работа, идет подготовка к открытию новой экспозиции, посвященной развитию литературы многонационального Ставрополья.

Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что одна из старейших улиц города стала улицей музеев: она ведь и сама — музей... Рядом с домом, где жил Коста, расположен красивый двухэтажный особняк. Когда-то в нем размещались залы и буфет купеческого собрания, своеобразный клуб «среднего сословия» губернского города. А в 1961 году здесь разместились картины вновь созданного краевого музея изобразительных искусств. В основу его коллекции были положены многие полотна и предметы декоративно-прикладного искусства художественной галереи Ставропольского краеведческого музея. А теперь в его фондах хранится более трех тысяч произведений живописи, скульптуры, графики.

Русский отдел музея дает зрителю представление о характере развития отечественного искусства XVIII — начала XX веков и особенностях творчества крупнейших его представителей. Здесь вас ожидает встреча с портретами работы Д.Г. Левицкого, С.С. Щукина, С.К. Зарянко, пейзажами И.К. Айвазовского, А.П. Боголюбова; этюдами И.И. Левитана, А.И. Куинджи, В.Д. Поленова. Можно ознакомиться с историческим полотном Н.В. Неврева «Петр I в иноземном наряде», работами В.Е. Маковского, А.С. Степанова, С.И. Васильковского, Л.В. Туржанского и других известных мастеров.

Здание Ставропольского краевого музея изобразительных искусств. Ул. Дзержинского, 119

Западноевропейское искусство представлено несколькими ведущими художественными школами Европы XVII—XIX веков. В зарубежном отделе выставлен ценнейший экспонат музея — шпалера XVII века, выполненная во Фландрии. Здесь же представлены живописные произведения французского художника Пьера Миньяра, итальянского живописца Лагрене, немецкой художницы Анжелики Кауфман, мраморные скульпторы и изделия из фарфора, фаянса, хрусталя, имеющие большую художественную ценность.

Отдел современного искусства знакомит с творчеством известных советских мастеров М.С. Сарьяна, В.А. Фаворского, С.Т. Коненкова, М.К. Аникушина, Н.В. Томского, Л.Е. Кербеля. Широко здесь

представлены и местные художники, воспевающие созидательный труд, духовный мир, черты быта ставропольцев, прекрасную природу родного края.

Нередко в выставочных залах музея демонстрируются полотна и предметы декоративно-прикладного искусства из Эрмитажа, Третьяковской галереи, Русского музея, проводятся творческие отчеты выдающихся советских мастеров кисти и резца.

При музее работает лекторий по изобразительному искусству. Встреча с краеведческим музеем еще впереди, а пока наше внимание привлечет необычное по своему размаху высотное здание на углу улицы Дзержинского и проспекта Октябрьской революции. Сооруженное в 1975 году ставропольскими и болгарскими строителями, оно как бы венчает пирамиду многих ярких событий в биографии города: новый архитектурный стиль, под стать времени, вековую дружбу с сестрой нашей — Болгарией. В этом здании из бетона и стали размещено объединение «Севкавгазпром», «Ставропольтрубопроводстрой», управление Государственного комитета нефтепродуктов РСФСР, Гидрометеоцентр.

Дорожные работы у здания Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Фото середины 50-х годов XX века

А когда-то здесь была маленькая, но ставшая знаменитой типография Минкина, где в 1905 году одними из первых в городе забастовали рабочие-печатники. Именно в этой типографии по инициативе Ставропольского комитета РСДРП была отпечатана серия брошюр В.И. Ленина «К деревенской бедноте».

Старинное здание краеведческого музея, выходящее своим широким фасадом на площадь В.И. Ленина, — одна из безусловных примет Ставрополя. Любопытна история возникновения музея.

В 1873 году «отцы города» торжественно провозгласили открытие «общественного торгового здания», которое предполагалось сделать бойким местом для энергичного купеческого сословия.

Городской архитектор П. Никифоров и строитель-подрядчик купец 1-й гильдии Г. Маслов позаботились о значительности и красоте своего сооружения, пытаясь выразить в его конструкции, декорации оконных проемов, парапета, капителей, пилястр, карнизов, центрального входа парадность и традиционные черты архитектурного стиля того времени.

Около сорока лет «торговый центр» Ставрополя выполнял свою непреложную функцию, выгодно соседствуя с площадью, где шумели многолюдные базары.

В 1913 году в верхних этажах здания разместился городской музей, основанный еще в 1904 году. Постоянное пополнение коллекций позволило ему за многие десятилетия стать заметным явлением культурной жизни.

Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей имени Г.К. Праве — один из крупнейших на Северном Кавказе. В его экспозиции, фондохранилищах и семи филиалах — Литературном, Кисловодском, Пятигорском, Ессентукском, Невинномысском, Александровском и Георгиевском представлено свыше 180 тысяч ценнейших подлинников.

Окно в природу, историю, экономику и культуру многонационального края с древнейших времен до наших дней — так можно образно представить одну из главных задач этого краеведческого центра. Сотни волнующих реликвий революционной, боевой и трудовой героики Ставрополья раскрывают путь социалистического строительства, показывают современный облик преображенного Ставрополья.

Посетители увидят здесь экспонаты, рассказывающие о воплощении в жизнь решений съездов и Пленумов партии, о новостройках края, материалы о советском образе жизни. Памятные знамена ЦК КПСС и символический ключ, изготовленный по случаю пуска первого энергоблока Ставропольской ГРЭС 3 января 1975 года, трудовые реликвии невинномысских химиков, ипатовских хлеборобов и овцеводов, минераловодских железнодорожников, нефтяников и газовиков, строителей Большого Ставропольского канала и Прикумского завода пластмасс соседствуют в музее с предметами быта, боевой и походной жизни далеких лет борьбы за власть Советов, первых пятилеток, Великой Отечественной войны — боевой тачанкой красных кавалеристов, пушкой-трехдюймовкой, первым советским трактором «СТЗ», хозяйственным инвентарем колхозников 30-х годов, боевым знаменем ставропольцев-доваторцев, экспонатами о подвиге покорителей целины, строителей БАМа, КамАЗа, «Атоммаша»...

Огромную научную ценность имеет археологическая коллекция, насчитывающая более 17 тысяч предметов. Среди них — представленные в залах и в специальной экспозиции под открытым небом во дворе музея гробница аланского военачальника X—XI веков, каменный крест со славянской надписью, датируемый XI веком, золотые предметы скифской и сарматской эпох, найденные близ Ставрополя, амфоры греческих мастеров, датируемые IV веком до нашей эры, памятники золотоордынского периода...

Ставропольский краеведческий музей является обладателем редчайших палеонтологических, имеющих мировую известность находок — гигантского скелета южного слона, обитавшего на территории края почти миллион лет назад, кита-цетотерия — представителя фауны когда-то плескавшегося здесь Сарматского моря. «Возраст» кита весьма солиден — 17—19 миллионов лет.

Недавно в экспозиции отдела природы установлен впервые в мире научно реставрированный скелет ископаемого носорога (эласмотерия), обитавшего около 600 тысяч лет назад. Костяк его обнаружен близ станицы Гаевской Изобильненского района.

Гордостью экспозиции музея является искусно изготовленные биогруппа «Сайгаки», чучела зубра, благороднейшего оленя, волка, пингвинов, представите-

лей пернатого мира, коллекции беспозвоночных животных, бабочек, гербарий «Ставропольская флора».

Всеми своими средствами музей широко пропагандирует меры по охране природы, редких животных и растений, состоящих в особом списке — «Красной книге СССР».

Основанием и развитием музея город обязан видному общественному деятелю, краеведу Георгию Константиновичу Праве, отдавшему своему детищу почти сорок лет жизни. Природоведческие коллекции, собранные нотариусом Г.К. Праве и его неутомимыми помощниками из местной прогрессивной интеллигенции, были безвозмездно переданы в дар городу на пользу народного просвещения.

В 1914 году музей пополнился богатой коллекцией старинного оружия военно-исторического музея Самурского полка, ушедшего из Ставрополя на фронт. Особенно расширился музей за годы Советской власти. В 1927 году сюда поступил богатейший археологический и этнографический фонд музея Северного Кавказа.

В начале двадцатых годов открылся художественный отдел. Основой его послужили ценные полотна, реквизированные Таманской красной армией и Ставропольским ревкомом у местной буржуазии, а также картины, полученные из Академии художеств, Эрмитажа и приобретенные у населения.

За время гитлеровской оккупации музею был нанесен огромный материальный ущерб: почти полностью были уничтожены экспонаты отдела советской истории, разграблены ценные этнографические коллекции, картины.

После войны музей восстановлен и значительно расширен. Заново развернуты экспозиции по истории советского общества, этапам развитого социализма.

Научный архив музея насчитывает более двух тысяч дел. Это воспоминания активных участников революции, гражданской и Великой Отечественной войн, социалистического строительства, деятелей науки, культуры, материалы по истории заводов, фабрик, колхозов, строек, богатейший справочно-статистический аппарат, фототека, где хранится свыше 40 тысяч фотографий и негативов.

Сразу у краеведческого музея улица Дзержинского пересекается с небольшой, но памятной всем горожанам улицей. Когда-то она называлась Торговой. Это и понятно: рядом шумел Верхний базар с множеством керосиновых, скобяных, свечных, мануфактурных лавочек. После Великой Отечественной войны Торговую улицу назвали именем героя-разведчика 347-й стрелковой дивизии Ивана Гурьяновича Булкина. Куйбышевский рабочий, коммунист, поэт, старший лейтенант Булкин с группой автоматчиков одним из первых ворвался с боем в Ставрополь и погиб при освобождении города от немецко-фашистских захватчиков 21 января 1943 года. Его именем названа пионерская дружина 5-й средней школы, расположенной тут же, на углу двух улиц. В новом здании школы открыты лучшие в городе Ленинский зал и музей боевого пути воинов-освободителей Ставрополя.

На улице Дзержинского расположено оригинальной архитектуры здание ордена Дружбы Народов Ставропольского государственного педагогического института (угол улиц Дзержинского и Пушкина). Раньше оно принадлежало Ставропольской духовной семинарии.

Еще в начале века в это режимное учебное заведение проникли экземпляры ленинской «Искры», пробудившей бунтарский дух учащихся. Среди семинаристов, которые впоследствии избрали для себя революционный путь, были Нил Спиридонович Фролов, один из активных деятелей Ставропольской группы РСДРП в 1905 году, и Михаил Григорьевич Морозов — видный организатор ставропольских большевиков в дни Октября.

Более трех тысяч студентов — будущих педагогов — обучается ныне в этом крупнейшем вузе. Здесь получают высшее образование юноши и девушки многих национальностей, созданы специальные факультеты для подготовки учителей из Узбекской ССР, а также из дружественной нам страны — Афганистана.

Невдалеке сохранился дом, в котором родился и жил многие годы выдающийся наш земляк — «кавказский Брем» — Николай Яковлевич Динник. Воспитанник Ставропольской мужской классической гимназии, он впоследствии стал крупнейшим ученым-зоологом, широко известным во всей России и за рубежом.

Улица Дзержинского... В ее облике ощущается удивительная связь времен. Здесь как-то особенно гармонично соседствует прошлое и настоящее. Калейдоскоп автомобилей, троллейбусов, густая и пестрая толпа студентов, школьников, стройная цепь зеленых насаждений, обилие цветов. А вывески учреждений, как визитные карточки большого города с его повседневными делами и заботами, говорят сами за себя: универмаг, краевой Совет профсоюзов, техническое училище химиков, научная библиотека пединститута, Северо-Кавказский филиал НИИ по инженерным изысканиям в строительстве, партийный архив крайкома КПСС, детская школа искусств, Дом правосудия...

Такова она, эта удивительная улица, протянувшаяся через всю более чем двухвековую биографию города.

Бегущая в гору

Так коротко можно охарактеризовать улицу Мира — одну из самых красивых в краевом центре. Она проходит через весь город, постепенно поднимаясь ближе и ближе к небу: если в начале, у слияния речек Мутнянки и Желобовки ее высота над уровнем моря всего лишь 420 метров, то в конце, там где улица упирается в Круглый лес, она достигает отметки 640 метров. Шесть с лишним километров протяженность этой улицы, и пройти ее пешком довольно трудно: лучше воспользоваться услугами такси или экскурсионного автобуса. Нижняя часть улицы когда-то называлась не слишком звучным именем — Лягушовка. Очевидно, недостатка в квакающих земноводных в заболоченной пойме двух речушек в ту пору не было...

Улица Мира — одна из городских магистралей, наиболее подвергавшихся реконструкции и перестройке в советский период. На ней сохранилось очень мало домов «от прежних времен» — приземистых, одноэтажных. Им на смену пришли современные пяти- и девятиэтажные здания. Они весьма удачно контрастируют со зданиями пониженной этажности, в одном из которых, кстати, в районе автовокзала размещен магазин «Океан».

На улице Мира — много учреждений и организаций, но, если говорить о главных из них, то ими, ко-

нечно же, окажутся институты. Один из них — Ставропольский ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственный институт, находящийся на пересечении улицы с переулком Зоотехническим. Это — самый большой вуз края, существующий с 1932 года. В первые годы своего существования институт имел всего лишь два отделения — агрономическое и мелиоративное, на которых обучались 570 студентов. В числе его преподавателей были известные тогда ученые — почвовед С.А. Захаров, ботаник В.М. Савин и другие. Был при институте и свой сельскохозяйственный техникум, насчитывающий 170 учащихся.

Ныне институт, насчитывающий свыше четырех тысяч студентов, готовит для нужд сельскохозяйственного производства страны ученых агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, экономистов, инженеров, агрохимиков.

Неподалеку от главного корпуса сельскохозяйственного института находится здание Всесоюзного ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института овцеводства и козоводства. Он был открыт в 1932 году и представляет собой крупнейшее научное учреждение подобного рода в стране. Учеными института выведены такие широко распространенные породы овец, как Кавказская, Советский меринос, Ставропольская, Грозненская, Северо-Кавказская и другие. Примечательно, что чистопородные овцы Ставрополья экспортируются во все страны социалистического содружества, а за опытом к нашим ученым приезжают ученые даже таких «овечьих держав», как Австралия и Новая Зеландия. На базе института создана Высшая школа бонитеров-овцеводов, работают комиссии Совета Экономической Взаимопомощи по вопросам овцеводства.

Здание Женского епархиального училища. В настоящее время — главный учебный корпус Ставропольского сельскохозяйственного государственного университета

На здании института — мемориальная доска, сообщающая о том, что здесь с 1934 по 1970 год работал выдающийся ученый, Герой Социалистического Труда, заслуженный деятель науки, лауреат Государственной премии профессор А.И. Лопырин. Анатолий Иванович — человек трудной, но прекрасной и удивительной судьбы. Когда началась Великая Отечественная война, молодой ученый добровольно ушел на фронт и вернулся домой, потеряв зрение. Однако и будучи совершенно слепым, он сумел не только вывести новые породы овец, но и создать ряд интереснейших работ по развитию тонкорунного овцеводства в стране.

Напротив ВНИИОКа — здание (№ 310) Ставропольского государственного медицинского института, начавшего свою деятельность 19 сентября 1938 года. Сейчас здесь — шесть факультетов. За годы своего существования институт подготовил более десяти тысяч квалифицированных врачей, в том числе для социалистических и развивающихся стран мира.

Здесь был поэт...

Если лермонтовские места в Москве, Ленинграде, Пензе, Тарханах, Пятигорске и Кисловодске детально изучены и широко известны, то сведения о некоторых кавказских маршрутах поэта, и особенно его пребывания в Ставрополе, отрывочны, а иногда даже противоречивы. Между тем богатейшая лермонтовская литература и архивные документы указывают, что в нашем городе Михаил Юрьевич Лермонтов побывал не менее пятнадцати раз! Благодарнейшая и волнующая тема «Ставрополь лермонтовский» еще далеко не исчерпана и ждет своего исследователя. Ведь дорога из Петербурга и Москвы на Кавказ (знаменитый военный и почтовый Черкасский тракт) обязательно проходила через Ставрополь.

Впервые М.Ю. Лермонтов проезжал через Ставрополь на Горячие Воды — туда и обратно — в 1820, затем в 1825 году. Е.А. Арсеньева привозила на лечение слабого здоровьем внука.

Спустя двенадцать лет, в конце апреля-начале мая 1837 года, поэт, попавший в царскую опалу, был переведен в Нижегородский драгунский полк и прибыл в Ставрополь, где находился штаб войск Кавказской линии.

1837, 1840 и 1841 годы, то есть период двух кавказских ссылок М.Ю. Лермонтова, насыщены в его биографии многими «ставропольскими эпизодами», о которых мы знаем из воспоминаний современников, писем, стихотворений, рисунков поэта.

В 30-х — 40-х годах в Ставрополе жила семья Петровых — родственников Лермонтова со стороны матери. Генерал-майор Павел Иванович Петров, дядя Лермонтова, служил на Кавказе под началом А.П. Ермолова — прославленного военачальника Отечественной войны 1812 года. Командующим войсками Кавказской линии и Черноморья был одно время А.А. Вельяминов — герой Бородина; а затем сочувствующий декабристам П.Х. Граббе; начальником штаба — П.И. Петров. Останавливаясь в доме Павла Ивановича Петрова, который привлекал не только радушием членов семьи, гостеприимством, но и живым интересом к искусству и литературе, М.Ю. Лермонтов находил здесь простор для вдохновения, испытывал огромную радость от встреч с друзьями-единомышленниками.

Дом Петровых (предполагают, что это дом № 114 по улице Дзержинского) сохранился до наших дней и находится под охраной Советского государства.

О ставропольских встречах с М.Ю. Лермонтовым сохранились воспоминания его друзей и современников: Н.М. Сатина, П.И. Магденко, А.И. Дельвига, М.А. Назимова. Биографы поэта упоминают «Ставропольский кружок», собиравшийся в доме офицера И.А. Вревского, который находился, вероятно, на прежней Воробьевке (верхняя часть улицы

Дзержинского); здесь же по соседству жил доктор Н.В. Майер (он был дружен с М.Ю. Лермонтовым, и тот описал его в своем «Герое нашего времени» под именем Вернера).

Как утверждают лермонтоведы, в доме генерала Петрова поэт встречался с Н.М. Сатиным — другом по университетскому пансиону, человеком, тесно связанным в юношеские годы с Герценом и Огаревым; через Сатина познакомился с декабристами С.И. Кривцовым, В.М. Голицыным и, весьма вероятно, с А.И. Одоевским.

В доме И.А. Вревского М.Ю. Лермонтов имел возможность близко общаться со многими передовыми людьми своего времени, в том числе со своими друзьями А.А. Столыпиным, С.В. Трубецким, Р.И. Дороховым, Л.С. Пушкиным — младшим братом великого поэта; декабристом М.А. Назимовым и многими другими.

«Ставропольский кружок», таким образом, явился средоточием оппозиционного к правительству «ермоловского духа», глубокого понимания того, что передовая, мыслящая Россия пойдет по пути единения и дружбы с народами Кавказа.

К числу неоспоримых свидетельств пребывания М.Ю. Лермонтова в Ставрополе относится и его знаменитый рисунок «Сцены из ставропольской жизни», в котором изображены лица знакомых военачальников и среди них дядюшка — генерал Павел Иванович Петров. Рукой М.Ю. Лермонтова указана дата — май, 18, 1837-й, подпись. Год, когда автор стихов «На смерть поэта» был впервые сослан на «погибельный Кавказ». Поэта, который открыто выступил против убийц с требованием «отмщения», ставшего сразу знаменитым и провозглашенного в народе наследником Пушкина, уже хорошо знали и в Ставрополе.

Каждый приезжающий офицер, в том числе и М.Ю. Лермонтов, получал назначение. Одних направляли в полк, других в действующие отряды. М.Ю. Лермонтов, простудившись дорогой, 13 мая 1837 года подал в штаб войск Кавказской линии рапорт «об освидетельствовании болезни его». Здание того самого госпиталя, в который тогда поместили больного прапорщика Нижегородского драгунского полка Лермонтова, сохранилось и поныне в глубине двора по ул. Булкина, дом 13. Отсюда, как предположил известный ставропольский краевед В.Г. Гниловской, детально изучавший планы города Ставрополя 30-х и 40-х годов прошлого века, М.Ю. Лермонтов совершал частые прогулки к Волобуевой мельнице, прежде чем ему разрешили выезд на лечение в Пятигорск.

И в дальнейшем маршруты далеко не безопасных прогулок М.Ю. Лермонтова по окрестностям Ставрополя, к вековому лесу, названному впоследствии Архиерейским, не раз проходил через живописное ущелье, где местный купец Игнатий Волобуев соорудил на реке Ташле небольшую плотину и мельницу. Обстоятельное исследование специалистами рисунков Лермонтова, сделанных у Волобуевой мельницы, и небольшого пейзажа, набросанных на рукописи одного из вариантов поэмы «Демон», помогают нам расширить представление о лермонтовских местах.

К числу таких памятных мест многие годы принадлежал знаменитый 700-летний дуб (во дворе дома № 187 по улице Дзержинского). По преданию, Лермонтов не раз отдыхал под его кроной, тут были задуманы многие его стихи, в том числе, возможно, и про гонимый ветром дубовый листок. Но время неумолимо: летом 1982 года великан рухнул, закончив свою долгую жизнь... Огромные спилы древнего дуба — памятника истории города — заняли теперь место на усадьбе литературного музея и в экспозиции краеведческого музея имени Г.К. Праве. Но живы еще дубы-великаны в бывшей Бабиной роще (ныне парк имени Ленинского комсомола), где не раз в 1837 и 1840 годах прогуливался поэт, находя тут место для уединения и покоя.

На улице Розы Люксембург еще сохранились типичные для «лермонтовского» Ставрополя домики, а на проспекте К. Маркса, 68, как предполагают многие краеведы и знатоки старины, — до революции находилась банковская контора. Во времена Лермонтова в нижнем этаже дома была почтовая станция, а наверху — гостиница с «ресторацией». Существует (однако, недоказанная!) версия о том, что именно ее содержал грек Найтаки.

...Много на Северном Кавказе памятных мест, связанных с именем Лермонтова. Истории было угодно распорядиться, чтобы этот край золотых степей и синих гор, особенно Ставрополь и Пятигорск, стали поэтической колыбелью и последним приютом великого поэта.

Самые молодые проспекты

Этот проспект находится в западной части города и носит имя видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства Федора Давыдовича Кулакова.

Сначала несколько слов о самом человеке, имя которого присвоено самому молодому и самому протяженному проспекту краевого центра. Он родился в 1918 году и прожил шестьдесят лет. Двадцатидвухлетним юношей Федор Давыдович вступил в партию, в трудные годы войны находился на комсомольской и советской работе. Потом учился, работал. Был председателем Пензенского облисполкома, заместителем министра сельского хозяйства РСФСР, министром хлебопродуктов республики. Часть его жизни вплотную связана со Ставрополем — с 1960 по 1964 год он был у нас первым секретарем крайкома КПСС. Богатый опыт практической работы, полученный на Ставрополье, пригодился, когда Ф.Д. Кулаков стал заведующим отделом, а затем и секретарем Центрального Комитета партии. Много лет Федор Давыдович избирался депутатом ставропольцев в Верховный Совет СССР, а с 1971 года до самой своей безвременной кончины являлся членом Политбюро ЦК КПСС.

В соответствии с решением Политбюро ЦК КПСС и Советского правительства об увековечивании памяти Ф.Д. Кулакова, бывший проспект Химиков и был переименован в проспект его имени. А проспектом Химиков он назывался по очень простой причине: когда-то здесь, на окраине, начиналась промышленная зона города. И ее первенцем стал завод люминофоров и химреактивов — знаменитая «Малая химия» Ставрополья, продукция которой ныне известна всей стране.

В самом начале проспекта расположился городок Ставропольского политехнического института:

учебные корпуса, лаборатории, общежития. Здесь готовят инженеров почти по двум десяткам самых сложных технических специальностей.

Одна из троллейбусных остановок на проспекте называется «Завод автоприцепов и полуприцепов». Это крупнейшее промышленное предприятие обязано своим рождением Камскому автозаводу, благодаря которому и появилось на свет. Продукция предприятия — автоприцепы — была выставлена в Москве на Красной площади вместе с машинами марки «КамАЗ» в день открытия XXIV съезда партии.

На проспекте, вдоль линии автодороги, расположены также Всесоюзный научно-исследовательский институт люминофоров и особо чистых веществ, Ставропольская мебельная фабрика, продукция которой — кухонные мебельные гарнитуры — пользуется широким спросом у покупателей всей страны.

В самом конце проспекта Кулакова находится необычный памятник — поднятый на пьедестал танк «Т-34», на броне которого до сих пор видны следы вражеских снарядов. Танк установлен в память о боях, развернувшихся за освобождение Ставрополя в метельном январе сорок третьего, в результате которых гитлеровские оккупанты были изгнаны не только из города, но и с территории всего края. Советские люди проявили при этом чудеса подлинного героизма, великой любви к Родине.

А в начале проспекта, на его пересечении с улицей Ленина, находится Ставропольский ботанический сад, принадлежащий научно-исследовательскому институту сельского хозяйства. Он был основан в 1959 году. И хотя для ботанического сада срок этот недостаточно велик и многое находится здесь еще в порядке становления, кое-что уже все-таки сделано, и представляет несомненный интерес для туристов. В коллекции сада — многие сотни растений, трав, кустарников, которые проходят здесь акклиматизацию и одновременно служат «учебным материалом» для студентов и многочисленных школьников. В состав ботанического сада входят дендрологический парк, заповедный участок леса, участки кормовых и лекарственных растений. Всего же на площади около сорока гектаров сейчас насчитывается свыше 1300 видов деревьев и кустарников, прибывших сюда практически со всех концов страны — даже из субтропиков. Многие из прошедших здесь акклиматизацию растений затем появляются на городских улицах — в качестве материала для озеленения. Достаточно посмотреть, сколько рябин выросло в наших скверах в последние годы. А ведь полтора десятка лет назад их в Ставрополе не было вовсе! Прижиться северным красавицам на юге страны помогли специалисты ботанического сада.

На его аллеях в изобилии растут березы и кедры, спиреи и чубушники, можжевельники и сосны, ивы и ели, дубы и боярышники... А главная аллея дендропарка представляет собой копию знаменитой липовой аллеи Павловского парка под городом Ленинградом. Есть здесь и еще два десятка аллей, каждая из которых выполнена какой-либо одной древесной породой — буками и дубами, соснами, орехами, березами... Это позволяет ботаническому саду в любой месяц года выглядеть красивым и нарядным. Можно увидеть и все пять основных видов лесов, имеющихся в Ставропольском крае: елово-пихтовый, березовый, дубовый, буковый и сосновый.

На одном из курганов сада возвышается подлинная половецкая каменная баба, придавая окружающему ландшафту окраску некоей романтики прошлого.

В саду можно увидеть около полутора сотен сортов сирени, почти полтысячи видов роз. Но, повторяем, он все-таки еще находится в стадии своего создания и развития.

А теперь давайте проедем от ботанического сада троллейбусом еще в один новый район города. Он известен здесь под названием пятьсот двадцать второго квартала и расположен на юго-западе краевого центра. Свое начало квартал берет от нечетной стороны улицы Доваторцев, которая раньше называлась Шоссейной и была окраиной города, его окончанием.

В Юго-Западном районе нет ныне домов ниже пяти этажей, а новая застройка ведется в основном девятиэтажными красавцами; скоро начнется сооружение новой серии домов — в двенадцать этажей. Население района уже перевалило за девяносто тысяч человек — это больше, чем было во всем Ставрополе в 1940 году.

Микрорайон сооружен со строгим соблюдением всех ныне существующих правил градостроительства. В нем есть буквально все, что необходимо человеку, — универмаг, столовые, кафе, универсам, большие мебельный и хозяйственный магазины, детские дошкольные учреждения, школы, библиотеки, поликлиника, лечебный центр. Во дворах домов созданы детские площадки.

Словом, микрорайон отвечает всем требованиям нашего лозунга: «Все — для человека, все — для его блага».

Основной магистралью, связывающей микрорайон со «старой» частью города, стала улица Шпаковская, на пересечении которой с улицей Доваторцев установлен монумент в память ставропольцев-конников, служивших в корпусе генерала Льва Михайловича Доватора.

Окраинными улицами города стали сейчас улица Тухачевского и «45-я параллель». Нетрудно догадаться, за что последняя получила столь редкое название — она идет по сорок пятой географической параллели северной широты.

Неподалеку от улицы Доваторцев появились за последние годы еще два новых проспекта — имени 50-летия ВЛКСМ и имени К.Е. Ворошилова.

Заметим, что новый микрорайон окружен двумя обширными лесами — Круглым и Мамайским, а на берегах речки Мамайки выросла большая туристская гостиница.

В паре километров от улицы Тухачевского по дну балки протекает незаметная речка Грушовка. Но на ее берегах находится известное Грушовское — древнее городище, обнесенное валом некогда существовавшей здесь крепости. Возраст городища — свыше двух тысяч трехсот лет, а принадлежало оно многим древним племенам.

И глядя на эти остатки старины, невольно начинаешь думать о том, какими воистину семимильными шагами развивается сегодняшний Ставрополь.

Нет, не зря сказал об этом городе такие взволнованные слова писатель Андрей Губин: «У Ставрополя нет тысячелетий за плечами — у него сила молодости, а в лице проступают черты будущего. Высокая гармония лепестка розы и тысячетонного бетона, одинокой звезды на отшибе галактики и моря электричества, реактивного взлета с неувядающей прелестью лермонтовской строки. Нетруд-

но заметить это, если посмотреть на лица рабочих людей Ставрополя, а люди — это и есть крепостные стены, башни, дворцы, проспекты, парки, свет и тепло любого города. Тут люди — как отборное литое зерно на семена. Я в этом городе вижу поэзию завтрашнего дня. Я вижу в нем барабанщика и запевалу. И когда меня спрашивают, откуда я, где бы ни жил, отвечаю: из самого Ставрополя!»

Вы хотите отдохнуть?

В 1937 году, вспоминая минувшее, литератор И.Я. Егоров писал: «До предоктябрьских времен Ставрополь был благоустроенным, большим, чистым губернским городом. Его разномастные жители от купцов и помещиков до окраинных козоводов имели одну хорошую склонность: сажать как можно больше деревьев — тополей, акаций, лип, вязов, кленов, конских каштанов. Все это вырастало могуче, широко, крепко, толстокоро — на столетия... Каждое тутошнее дерево с его баобабовым размахом за глаза может обслужить полдюжины отдыхающих единиц».

И поскольку каждый из нас периодически бывает «отдыхающей единицей», давайте полистаем старые страницы, вспомним, что говорилось и писалось когда-то о зеленом наряде города.

«Осень едва ли не самое лучшее время года в Ставрополе, — утверждал в 1896 году Коста Хетагуров. — Слегка желтеющая зелень, теплые солнечные дни и тихие, полные нежного великолепия вечера... Хочется подольше оставаться под открытым небом и, прежде чем закупориться за двойные рамы, вволю надышаться чистым воздухом и наглядеться на опадающие листья...»

Спустя полвека с лишним в романе «Кавалер золотой звезды» известный советский писатель С.П. Бабаевский обрисовал Ставрополь так: «Белые дома в садах, и чем дальше от центра, тем зелень садов становилась сочнее, — там она совсем скрывала строения и сливалась с красками поля... Чудесная панорама лежала на многие версты...»

Пожалуй, уже этих высказываний вполне достаточно, чтобы составить мнение: во все времена Ставрополь, столица степного края, был городом, буквально утопающим в зелени. Наверное, этому способствовало стремление жителей сделать свой город похожим на зеленое кольцо лесов, обступивших Ставрополь с двух сторон.

Главный из пригородных лесов — Круглый. В последние годы он превратился в излюбленное место отдыха горожан. Трудящиеся Промышленного района проложили в нем пешеходные дорожки, расчистили подлесок, не нарушив, однако, первозданности природы, ее девственной красоты и очарования.

Еще в середине прошлого века в городе были обустроены два парка. Один из них сейчас — сквер у здания политехинститута на Комсомольской горке. Второй был заложен на месте бывшей Бабиной рощи. Уже тогда при парке был организован питомник, который обеспечивал всю немалую губернию саженцами декоративных деревьев и кустарников, в том числе и завезенных из Крыма балбекских пирамидальных тополей. Эти стройные и красивые растения можно и поныне видеть на многих улицах краевого центра. В 1851 году две сотни молодых тополей были отправлены в Кисловодск — они составили там целую аллею. Ставропольские саженцы совершали и более длительные «путешествия» — в Тифлис, Баку, Екатеринодар и другие города Северного Кавказа и Закавказья.

Сейчас бывшая Бабина роща превратилась в Центральный городской парк культуры и отдыха имени Ленинского комсомола, главный вход в который находится на проспекте Октябрьской революции. На тенистых аллеях парка всегда многолюдно. Вековые деревья шумят над головами отдыхающих, в их развесистых кронах поют голосистые птицы. В парке размещена огромная чаша Зеленого театра, многочисленные аттракционы, планетарий, поют свои негромкие успокаивающие песни два оригинальных фонтана.

У главного входа — монумент Владимира Ильича Ленина, в зарослях деревьев — бюст Якова Михайловича Свердлова. В годы гитлеровской оккупации фашистские варвары сбросили бюст с пьедестала, но уничтожить его не успели. И в первый же день освобождения в памятном январе сорок третьего он снова занял свое место. Особенно многолюдно

Каменный фонтан на главной аллее Центрального парка (в прошлом Бабиной роши)

на берегах находящегося в парке небольшого пруда с декоративной скульптурой в центре, изображающей молодую женщину с ребенком. Этот пруд превратился в «лебединое озеро»: работники парка поселили здесь несколько пар горделивых птиц. Лебеди привыкли к посетителям парка и охотно лакомятся их дарами, особенно предпочитая молодую траву, а на цоколе скульптуры греют на солнышке свои костяные панцири многочисленные черепахи.

Особый восторг детворы, приходящей в парк с папами и мамами, вызывает живой уголок, в котором проживают не только лисенок с волчонком, но и самый настоящий лев — подарок укротителя хищников, заслуженного артиста РСФСР Бориса Бирюкова.

А в 1979 году в Ставрополь прилетели не совсем обычные авиапассажиры: два бурых маленьких медвежонка, родившихся в Московском зоопарке. В пути медвежатам не было скучно: их «сопровождали» два волчонка и енотовидная собака. Вслед за ними в живой уголок парка прибыли из Москвы кабаненок и зубренок.

Вечером в парке можно не только побродить по аллеям, но и посетить танцевальную площадку, посидеть в летнем кафе, побывать в «комнате смеха», в планетарии.

В Юго-Западном районе города недавно появился еще один парк, носящий имя Победы. Это расчищенный участок Круглого леса, поражающий воображение своим простором и величием.

Он начинается Аллеей героев. Она была заложена в 1980 году, в ознаменование 35-летия Победы советского народа над гитлеровской Германией. Тогда это была, в принципе, еще просто опушка леса. На ней и встали в единый строй съехавшиеся сюда со всех концов Ставрополья Герои Советского Союза и кавалеры трех орденов Славы. Здесь были М.П. Апальков, Ф.В. Рысевец, П.М. Однобоков, Г.М. Рябушко, А.Ф. Лактионов, И.М. Прядкин, Ф.Г. Буклов, И.И. Вехов, И.В. Ямпольский, Л.В. Буткевич, В.Г. Козлов и многие другие ветераны второй мировой. Они и посадили здесь те деревца, у подножий которых мы видим сегодня скромные таблички с их именами.

Скажем сразу: парк Победы пока еще благоустраивается, растет. Но в нем уже много цветов, аттракционов, детский автодром. Гордость парка — установленный на его центральной площади самолет Ил-18. Эту славную машину, выработавшую свой ресурс, подарили ставропольцам летчики Северо-Кавказского управления Аэрофлота СССР. Сейчас в салоне самолета — комната игр и аттракционов, перед которой постоянно стоит очередь, состоящая, в основном, из мальчишек, бредящих небом.

И еще об одном месте отдыха горожан хочется рассказать. Если пройти с площади Ленина несколько вверх по улице Дзержинского и, повернув направо, спуститься вниз по улице Кавалерийской, то попадешь на берег Комсомольского озера.

Ставрополь, к сожалению, не богат естественными водоемами, и поэтому озеро особенно радует взор. В сущности, это искусственно созданный в пойме реки Ташлы пруд, но ставропольцы предпочитают именовать его все-таки озером. О нем упоминала в своей автобиографической повести «Дни моей жизни» известная советская писательница О.Д. Форш, приехавшая в Ставрополь в 1879 году со своим отцом — генералом Комаровым. «В Ставрополе, — писала она, — мы поселились в большом каменном доме с часовыми у полосатых будок. Здесь, с базарной площади, виднелась в ясный день вся белоснежная цепь гор. Неподалеку, как хрустальное, неподвижно стояло удивительное озеро: темно-лиловое при каком угодно небе, оно как будто жило своей особой, отдельной от окружающего мира, жизнью среди ярко-желтых, золотых песков. Озеро было рыбное, и отец, страстный рыболов, ездил к нему в коляске, вместе с детьми, на целый день. Рядом с озером высилась горушка, где летали бабочки, такие громадные, что маленькие детские руки не всегда могли удержать. Бабочки, как птички, дрались сильными лапками, извиваясь мохнатыми тельцами и внезапно вырываясь на свободу... Любовь к Кавказу была так сильна, как у зверя к его полям и лесам...»

Ради справедливости заметим: долгое время озеро пребывало у ставропольцев по каким-то причинам «в опале»: за ним почти не следили, и оно пришло в запустение. В тридцатых — сороковых годах комсомольцы города на своих субботниках привели его в порядок, превратив в место отдыха. В память об этом событии озеро и получило свое название.

Сейчас на нем оборудован прекрасный пляж — обеспечена ежесуточная смена части воды, устлано речным песком дно. Есть здесь и вышка для прыжков, и «грибки», и раздевалки, и фонтанчики для питья — все не хуже, чем на морских пляжах. Организована на озере спасательная служба, работают киоски для продажи прохладительных напитков, оригинальной архитектуры кафе, шашлычные. К услугам отдыхающих шестьдесят весельных лодок, водных велосипедов. Можно совершить прогулку по озеру на глиссере.

Все это собирает здесь летом, особенно в субботние и воскресные дни, массу народа: в Ставрополе нет других пляжей.

Зато в нескольких километрах от города можно полюбоваться подлинным чудом природы — Сенгилеевским озером. Площадь его — свыше сорока квадратных километров, а максимальная зарегистрированная глубина — 32 метра. Озеро служит для города основным источником питьевой воды, и поэтому купаться в нем нельзя. Но съездить и посмотреть на него, право же, стоит. Хотя бы потому, что это озеро — целая загадка. Дело в том, что с самого своего рождения, долгие-долгие годы, вплоть до сравнительно недавней подачи в него кубанской воды, вода самого озера по своему составу почти точно «копировала» морскую: двенадцать граммов солей на литр — что в том самом Каспии! А ведь озеро это наглухо «закрыто» от всех современных горько-соленых водоемов с «морским» составом воды, оно явно не ледникового происхождения. Кто знает, может быть, и не зря мальчишки и девчонки ближайших хуторов до сих пор иронически величают озеро Сарматским морем? Может быть, и в самом деле повинно древнее, плескавшееся здесь миллионы лет назад Сарматское море в солености вод Сенгилея? Так, короче говоря, и до сих пор не разгадана специалистами до конца тайна Сенгилея... Ведь еще в прошлом веке находили здесь, на его берегах, кости морских животных — дельфинов, рыб и даже тюленей...

Постойте на берегу Сенгилея. И подумайте: не сама ли древность смотрит на вас голубыми глазами озера?

Текст печатается по изданию:
Госданкер В.В., Христинин Ю.Н. На сорок пятой параллели. Путеводитель по Ставрополю. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1985.

4 Персоналии

В.В. Госданкер. **Историк-кавказовед И.В. Бентковский (1812—1890). Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности**

Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками.

В.И. Ленин

Включение Северного Кавказа в экономическую жизнь России, его заселение и освоение в конце XVIII и XIX вв. военнослужащими, казачеством, крестьянами, купцами, ремесленниками из центральных районов России имело, как известно, огромные последствия и нашло широкое отражение в отечественной историографии.

Край становился на путь экономического подъема с быстро развивающимся земледелием, скотоводством, городами, многочисленными селениями, станицами. Необъятные здешние просторы осваивались трудом, потом, кровью российского крестьянина-переселенца, ценою неимоверных лишений, порой в трагических военных и классовых столкновениях.

Вместе с тем рост военной и гражданской администрации, почтовых и транспортных связей с центрами России, организация первых учебных заведений, библиотек, театра, основание курортов на Кавказских Минеральных Водах, появление газет и журналов способствовало пробуждению общественной мысли, повышенному интересу к изучению природы, истории, экономики и культуры края.

Процесс столь бурного развития Ставрополья в рассматриваемый период представляет особый интерес не только для нынешних специалистов по аграрной истории, социологии, статистиков, демографов, но и для огромной массы краеведов, активистов Общества охраны памятников истории и культуры, пропагандистов.

Ценнейший трудовой опыт многих поколений мастеровых людей, хлеборобов, животноводов, славные революционные, боевые и культурные традиции Ставрополья берут свое начало с далекого прошлого нашей Родины, истории Ставропольской земли, где ныне расцветает передовая социалистическая экономика и культура.

Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что большинство исторических исследований дореволюционного времени отражало дворянско-буржуазные, либеральные и народнические взгляды на законы общественного развития. Но богатейший фактический материал, многообразие жанров источниковедческого характера, научная добросовестность многих авторов помогают нашим современникам глубже, с марксистско-ленинских позиций осмыслить природу и особенности разложения феодально-крепостнических и развитие буржуазных отношений в Предкавказье во время его активного экономического освоения.

Начиная с 50-х годов XIX в., в изучение прошлого Ставрополья влились многочисленные местные силы, которые настолько обогатили его сведениями по вопросам истории материальной и духовной культуры, что этот период, несомненно, следует считать временем становления и развития такого общественного движения, как «родиноведение» — краеведение.

Одним из выдающихся летописцев Ставрополья и Кубани в течение почти 40-летнего периода (с 1853 по 1890 г.) был историк, статистик, экономист, этнограф и краевед Иосиф Викентьевич Бентковский.

* * *

Весной 1812 г. вассальная Европа, оказавшаяся у ног Бонапарта, готовилась к походу на Россию. Начиналась одна из самых грандиозных до сих пор войн. Исходной позицией, откуда двинулась на Восток почти полумиллионная армия Наполеона, стала многострадальная земля Польши.

Именно в эту пору, а точнее 19 марта 1812 г., в семье знатных, но небогатых дворян Брескульского уезда

Варшавского герцогства Викентия Бентковского и Жозефины Бентковской, урожденной Рудницкой, родился сын Иосиф. Спустя почти 75 лет Иосиф Викентьевич Бентковский до предела скупо скажет о своем происхождении: «Следовательно, по рождению я поляк. Среднее образование я получил сначала в Влоцлавске, а потом в Плоцке, но высшего не дала мне даже начать революция 1830 года и бросила на Кавказ».[1]

Не найдено пока никаких указаний о непосредственной причастности семьи Бентковских к знаменитому польскому восстанию 1830—1831 гг. Но почему-то об этой странице своей жизни Иосиф Бентковский, когда даже друзья касались невольного его путешествия «в серой шинели» из Польши на Кавказ, говорил весьма осторожно.

То было время, когда Июльская революция свергла династию Бурбонов и французский народ покончил с попытками феодальной реставрации. Сокрушительный удар был нанесен «Священному союзу», пошатнулись позиции русского царизма — жандарма Европы.

Царизм подвергал Польшу тяжелому национальному гнету: конституция царства Польского, объявленная в 1815 г., постоянно и грубо нарушалась, участились аресты и ссылки депутатов, проводилась политика насильственной русификации, господствовал произвол наместника — Цесаревича Константина. После восстания декабристов царство Польское покрылось сетью тайной полиции, жестокий контроль тяготел над просвещением и передовой мыслью.

И хотя польские революционеры с их шляхетско-националистическими тенденциями вовсе не помышляли о социальных преобразованиях, облегчении положения крестьян, уничтожении феодального гнета, борьба Польши против царизма — эта, по словам Ф. Энгельса, «консервативная революция» — имела большое значение для международного освободительного движения того времени.[2]

В память, в сердце юного шляхтича, тогда еще гимназиста, Иосифа Бентковского врезались дни разгрома царскими жандармами польского Патриотического общества, потом тайные сходки подхорунжих, студентов и гимназистов старших классов и, наконец, революционный взрыв, высоко поднявший престиж его родины в борьбе с тиранией Николая I. Иосифу хорошо запомнился последний выпускной класс гимназии, ночь на 29 ноября 1830 г., отряд подхорунжих, ворвавшийся в Бельведерский дворец наместника с криками: «Смерть тирану!». Городская трудовая масса тогда завладела арсеналом, варшавяне взяли в руки оружие.

Быть свидетелем, а возможно, и непосредственным участником народного ликования, когда член Патриотического клуба Адам Гуровский 25 января 1831 г. произнес восторженную революционную речь в честь русских декабристов, очень много значило для формирования взглядов Иосифа Бентковского.

Судьба многих самоотверженных, полных энтузиазма и мужества поляков, участвовавших в движении 1830—1831 годов, была решена в кровавых сражениях под Гроховым, Варшавой и Остроленком. Потерпев жестокое поражение в боях со стотысячной царской армией, революционная Польша, по словам Ф. Энгельса, была «оккупирована так крепко, что не могла и шевельнуться».[3]

Эта участь настигла и семью Бентковских. Иначе как можно объяснить, что сын дворянина, вполне образованный по тем временам юноша, был зачислен в 1832 г. рядовым солдатом в Депо Плоцкого воеводства и лишь год спустя произведен в унтер-офицеры.

В феврале 1832 г. был опубликован «Органический статут», согласно которому царство Польское объявлялось «неотъемлемой» частью Российской империи. Затем был учрежден уголовный суд над повстанцами. Казни, ссылки в Сибирь и на «погибельный Кавказ», конфискация имений участников восстания явились прямым продолжением реакционной политики Николая I в Польше.

В серой шинели опального солдата Наваринского полка, а затем 1-го Кавказского линейного батальона, И.В. Бентковский в 1833 г. навсегда покинул родину и отправился походным маршем на войну и поселение в далекую и неведомую ему Кавказскую область. «Русский язык я изучил на марше с таким успехом, — писал он, — что по прибытии в Ставрополь 4 февраля 1834 года меня, после отличной рекомендации партионного офицера, которому я в походе помогал в переписке, оставили в штабе Командующего Кавказской линии и Черномории и Астрахани для распределения и рассылки множества документов на польском и литовском языках (метрик) в разные части войск, где служили поляки».[4]

Новая обстановка, молодость, здоровье, жажда деятельности, пытливый интерес к окружающему миру и людям помогли Иосифу справиться с болью, которая всегда возникает у человека, оказавшегося на чужбине, да еще не по своей воле. С Бентковским произошел тот редкий, а потому счастливый случай, когда недюжинные способности и трудолюбие взяли верх над униженным положением ссыльного.

Тут надо отметить атмосферу повсеместного дружелюбия, которое испытывал Иосиф в солдатской, офицерской и чиновничьей среде по пути в Ставрополь и при штабе командующего войсками. Серая солдатская масса забитых неволей российских крестьян и казачьей бедноты, незнатные служаки-офицеры, ссыльные декабристы, тревожная обстановка на Кавказе — все это укрепляло сознание того, что трудовая, подневольная, мыслящая, свободолюбивая Россия не в меньшей степени, чем народ Польши, страдает от царской деспотии.

Необжитый край требовал приложения рук и знаний, особенно в просвещении, оценке природных богатств, изучении истории и экономики. В Ставрополе не было тогда никаких учебных заведений, кроме духовного и уездного училищ. И это обстоятельство предоставило И. Бентковскому возможность получить скромные средства для жизни. Он стал давать уроки в трех частных домах.

При штабе командующего Кавказской линией находилось множество чинов казачьей администрации. Разнообразная и усердная служба ссыльного И. Бентковского скоро обратила на себя внимание военного начальства, а дружба с некоторыми казачьими урядниками послужила, видимо, толчком к тому, что зимой 1836 г. он подал прошение о зачислении его в Кавказское линейное казачье войско.

1-го июня этого же года ходатайство И.В. Бентковского было удовлетворено. Его зачислили «с Величайшего дозволения в Кавказское линейное войско навсегда с потомством и принятием православия».[5]

В послужном списке И.В. Бентковского мы нигде так и не найдем каких-либо указаний о понесенном им наказании за участие в событиях 1830—1831 гг. Вероятно, это было сделано не без дружеского участия военных и административных чиновников, питавших к обаятельному и трудолюбивому поляку особое расположение.

Когда весной 1854 г. Иосиф Бентковский выйдет в отставку, его послужной список будут заключать такие слова: «Наказаниям и взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе,

никогда подвергаем не был ни по судебным приговорам, ни в дисциплинарном порядке, в подозрении по преступлениям, влекущим за собой также ограничения, и под судом никогда не был».[6]

Штаб Ставропольского казачьего полка находился тогда в ст. Михайловской (ныне с. Шпаковское. — *В.Г.*). 24-летний И. Бентковский явился к командиру полка для прохождения службы, и тот предложил ему полковую школу, т. е. немедля сделал педагогом, произведя тут же в урядники.

«В том же году я женился на дочери казачьего офицера и открыл (тогда ничьего разрешения не спрашивали) пансион. В учениках у меня недостатка не было... Из многих учеников многие дослужились до штаб-офицерских чинов. В 1840 году мая 23 я произведен в зауряд-хорунжие, а в 1842 году апреля 1-го действительным хорунжим».[7]

В общей сложности военная служба И.В. Бентковского продолжалась более 25 лет. Путь от рядового солдата до офицера, казачьего сотника, начальника Михайловской станицы, заседателя полкового правления 4-й бригады Кавказского линейного войска стал для него не только великолепной школой познания российской действительности, но и удачной возможностью побывать в различных уголках необъятного края, познакомиться с нравами и обычаями народов Северного Кавказа, жизнью различных сословий первопоселенцев из России, узнать новые села, станицы и города.

И. Бентковский знакомится с архивами и литературными источниками по истории Кавказа, составляет библиографию, собирает статистический материал о развитии хозяйства, народонаселения ставропольских и кубанских земель. Но только с выходом в отставку в 1857 г. Иосиф Викентьевич смог заняться вплотную историко-краеведческой и литературной деятельностью. «Переселившись в село Безопасное в 1857 году, по случаю вступления во второй брак, — писал он, — я всецело посвятил себя сельскому хозяйству и торговле, не оставляя литературных трудов, которые доставили мне место действительного члена в статистическом комитете».[8]

«Историко-статистические сведения о селении Безопасном» — так называется первая фундаментальная научная статья И. Бентковского, положившая начало его многогранной и полезной деятельности на ниве краеведения.9 Мы продолжим изложение биографического материала о видном историке-кавказоведе XIX в. и его наследии в тесной связи с оценкой его творчества, ибо «Иосиф Викентьевич весь вылился в его трудах, разбор которых и даст лучшую характеристику его». Эти строки принадлежат известному ставропольскому краеведу и публицисту Г.Н. Прозрителеву (1845—1934 гг.), близко знавшему И.В. Бентковского.

Чтобы полнее представить вклад Иосифа Викентьевича Бентковского в историографию Северного Кавказа, нам предстоит ответить, по крайней мере, на три основных вопроса: 1) что оказывало воздействие на его творчество как историка и краеведа? 2) что изучалось, какова была источниковая база его исследований? 3) каковы были идейные позиции И.В. Бентковского?

* * *

К 50-м годам XIX в. конфликт между производительными силами и производственными отношениями обострился настолько, что старая феодальная система в России должна была уступить место новому капиталистическому способу производства. Огромные социально-экономические сдвиги, которые произошли к этому времени и в Предкавказье (Ставропольская губерния, Кубанская и Терская области), тесно связаны с реформой 1861 г. и окончанием Кавказской 65-летней войны. В этот район больших сельскохозяйственных возможностей, богатейших природных ресурсов хлынули крестьяне из центральных губерний России. Происходило распределение земель и разложение крестьянства, создавались новые села и станицы, на капиталистический путь перестраивалось зерновое хозяйство, животноводство, торговля.

Российские переселенцы, кочевые и горские народы совместными усилиями выращивали местные породы лошадей, крупного рогатого скота и овец. В процессе освоения степных пространств были выведены ценные сорта пшеницы, появились ранее не известные здесь сельскохозяйственные культуры. Развитие капитализма «вширь» не только втягивало окраины в единую экономическую систему, но и создавало фронт борьбы крестьянских масс России за землю и свободу.

Историография Ставрополья и Кубани в XIX в. развивалась в едином русле общерусской историографии, отражая особенности развития исторической науки, вызванные кризисом феодально-крепостнической системы, интенсивным развитием капитализма, оживлением научной мысли, осложнением всей политической жизни страны.

Рос интерес к военным и экономическим проблемам истории, к статистике, этнографии, археологии. Центром исторической науки на Кавказе стала Археографическая комиссия, основанная в Тифлисе в 1864 г. Первый том «Актов Кавказской археографической комиссии», имеющий 766 страниц с алфавитным указателем, под редакцией Ад. Берже, вышел в 1866 г. (всего издано 12 томов).[10] Это ценнейшее собрание документов по истории Кавказа от древнейших времен до середины XIX века имеет огромное значение для осмысливания исторического наследия и оказало немалую услугу отечественной науке.

В 1850 г. были открыты Кавказское общество сельского хозяйства и Кавказский отдел Русского географического общества, положившие начало систематическому обследованию и публикации материалов о природных богатствах, развитии производительных сил, племенах и народах Кавказа, хронике исторических событий, жизни замечательных людей.[11]

Первая половина XIX в. характерна значительным расширением экономико-статистических источников. По разным вопросам хозяйства и управления организуется текущая статистика. В Академии наук и университетах утверждались кафедры статистики, издавались труды и учебники, преподавательские курсы статистики вводились в гимназии.

Наряду с ведомственной статистикой, ставящей узкопрактические цели, создавались ученые общества и среди них старейшее в России «Вольное экономическое общество», основанное еще в 1765 г. Согласно программе «Вольного экономического общества» в 1819 г. были составлены описания Астраханской и Кавказской областей.[12]

В 1834 г. на местах стали создаваться губернские статистические комитеты, возглавляемые Статистическим отделением МВД, а позднее Центральным статистическим комитетом. «В то время в русской статистике господствовал описательный метод. Под статистикой понимали общее экономико-географическое описание. Сюда входило описание природ-

ных условий, сельского хозяйства, промышленности, быта и нравов, достопримечательностей».[13]

Более высокого уровня достигли статистические исследования, которые проводило Военное министерство силами офицеров Генерального штаба, людьми образованными и весьма подготовленными для этой цели. Топографическое изучение местности, состояния дорог, продовольственных и фуражных ресурсов, мест расквартирования войск немало способствовало накоплению сведений о стране, в частности о Ставрополье и Кубани в период Кавказских войн.[14]

Ставропольский губернский статистический комитет был основан в 1858 г., но лишь с избранием в его состав И.В. Бентковского забурлила в нем творческая научная жизнь, а печатные издания комитета, осуществляемые с 1868 г., стали подлинной энциклопедией по истории края.

Когда знакомишься с фундаментальными работами И.В. Бентковского, особенно материалами по истории колонизации Северного Кавказа, заселения Черноморья, образования Кавказского линейного, а затем Терского казачьего войска, с историческими и биографическими очерками из цикла «Ставропольская старина», то обращает на себя внимание большое количество архивных источников, которые находились в расположении автора и были им использованы.

Несомненно, И. Бентковскому хорошо был известен архив Ставропольского губернского правления,[15] который был основан в 1779 г. и, естественно, включает многочисленные документы по истории Кавказской войны. Богатейшими фондами обладал архив Ставропольской казенной палаты,[16] начатый в 1785 г. Еще более ранние источники военного, административного и экономического характера имелись в архиве Ставропольской духовной Консистории.[17]

В делах Ставропольской казенной палаты сосредоточивались ревизские сказки, дела по винной продаже, отбыванию натуральных земских повинностей, отдаче на откуп оброчных статей, дела о мельницах, о переселении крестьян и т.д. На относительно хорошем уровне шло формирование архивов Ставропольской городской управы,[18] Окружного суда,[19] Мужской гимназии,[20] Контрольной палаты, Акцизного управления, Губернской чертежной комиссии.[21]

В архиве Ставропольской городской полиции[22] И. Бентковский пользовался делами бывшего Ставропольского городского магистратора, уездных судов, Палаты уголовного и гражданского суда, Приказа общественного призрения, т.е. документами периода основания города.

В середине XIX века в распоряжении историков-кавказоведов уже имелись такие вполне систематизированные архивы, как документы штаба Кавказского военного округа на территории военных действий, Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, канцелярии по делам устройства крестьян; Кавказской археографической комиссии в Тифлисе,[23] Войскового управления и штаба Кубанского казачьего войска,[24] Терского казачьего войска[25] и др.

Годовые отчеты об экономическом состоянии губернии, налоговая политика, размежевание земель, меновые отношения с горцами, крестьянские волнения, картина заселения края, особенности казачьей и крестьянской колонизации, хроника военных событий, жизнь городов, со всей громоздкостью, обилием материалов и противоречивостью, — такими предстали архивные богатства перед исследователями тех лет.

Что касается печатных исторических трудов, то они, несомненно, заполняли рабочий стол И. Бентковского и при его самом деятельном участии составили солидную библиотеку Ставропольского статистического комитета и фонд первой публичной библиотеки в городе.[26]

В целом это была универсальная литература общепознавательного характера. Научная ценность ряда статей, очерков, записок была невысокой как в смысле фактического материала, так и с точки зрения взглядов, научных и политических тенденций авторов. Здесь важно подчеркнуть, что история развития русской периодической печати на Кавказе неразрывно связана с первыми шагами краеведения, попыткой осмыслить, ввести в научный оборот огромный поток неизвестных до сих пор сведений о природе, истории, экономике, статистике, этнографии этого обширного, совершенно не изученного края.

Периодическая печать, журналы, а с середины XIX в. и газеты заняли заметное место в общественно-политической и идейно-литературной жизни России. В дореформенное время возникло до шестисот новых периодических изданий,[27] началась специализация органов печати, появились иллюстрации — рисунки, гравюры, литографии, исторические планы, карты, факсимиле документов. Значительные тиражи имели такие известные журналы, как «Труды Вольного экономического общества», «Русский инвалид», «Сын отечества», «Северная пчела», «Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Русский архив». В этих журналах публиковались статьи по истории, путевые записки, мемуары, статьи о жизни замечательных людей.

Из официально-ведомственных научных и специальных отраслевых журналов в Ставрополь в 40—60-х годах поступали «Горный журнал» (1825—1917 гг.) — орган Министерства финансов, «Журнал Министерства государственных имуществ» (1841—1864), «Журнал коннозаводства и охоты» (1842—1857 гг.), «Ученые записки императорского Московского университета», «Русский исторический сборник» и др.[28]

Первым печатным органом, издаваемым в Тифлисе, были «Тифлисские ведомости» (1828 г.), а затем стал выпускаться «Кавказский вестник» (1837—1855 гг.), субсидируемый меценатами из числа местных сановников. Полуофициальный характер газеты не мешал, однако, появлению в ней множества ценных исторических очерков, заметок периода Кавказских войн. Спустя 9 лет, по инициативе наместника Кавказа С.М. Воронцова, начала выходить газета «Кавказ», сделавшаяся впоследствии своеобразной летописью края.

Но расцвет общественно-политической мысли, первые шаги северокавказского краеведения связаны с выходом в свет «Ставропольских губернских ведомостей» (1850 г.), а затем «Кубанских войсковых ведомостей» (1863 г.) и «Терских ведомостей» (1868 г.).[29] Губернские ведомости, которые начали выходить в России еще с 1838 г. по единому типу и программе, являются для историков весьма ценным источником. Несмотря на мизерный тираж, бдительный и придирчивый контроль правительства, губернские ведомости, особенно в так называемой «неофициальной части», стали своеобразной трибуной местных краеведов, историков, статистиков, этнографов, публицистов.

Свою первую статью «Практические замечания о болезни рогатого скота, называемой на Кавказе «Чихир» И.В. Бентковский опубликовал именно в «Ставропольских губернских ведомостях».[30] И с тех пор три десятка лет он был постоянным сотрудником этой газеты, затрагивая в своих статьях буквально все

стороны местной жизни: коневодство, соляной вопрос, водное хозяйство, ветеринарию, скотоводство, промышленность, лесоводство, железнодорожное дело, этнографию, статистику, историю, экономику, биографические материалы.[31]

В 1875 г. И.В. Бентковский возбудил вопрос о создании «неофициальной части», а затем становится заведующим этой частью... и ведет ее до № 13 1889 г. Это последний номер, подписанный им.[32] Надо ли говорить, какое значение имела газета для «трудного дела Северо-Кавказского родиноведения»,[33] если статьи И.В. Бентковского с 1853 г. по 1889 г. появлялись в «Ставропольских губернских ведомостях» 247 раз!

Для осмысливания сложных процессов в истории, хозяйстве, культуре и быте народов нужны были еще качества образованного и весьма добросовестного систематизатора накопленных знаний. Такой одаренной личностью, проникнутой интересами краеведения, полностью посвятившей себя этому благородному делу, был Иосиф Викентьевич Бентковский.

Итак, в 1857 г. 45-летний отставной капитан И.В. Бентковский поселился в с. Безопасном, где занялся хозяйством и даже торговлей. Однако после избрания его действительным членом, а затем в 1871 г. секретарем Ставропольского статистического комитета он окончательно переехал в Ставрополь и всецело посвятил себя ученой деятельности.

Историко-статистический очерк о с. Безопасном помогает нам разобраться не только в хронике событий, связанных со строительством Азово-Моздокской укрепленной линии, процессом заселения и экономического развития одного из крупнейших степных сел, но и дает нам возможность проследить за общественными взглядами автора, методами использования источников, стилем повествования.

Очерком о с. Безопасном И.В. Бентковский по существу начал публикацию обширного цикла материалов по истории заселения Северного Кавказа. Очерку был предпослан весьма примечательный эпиграф: «Изучать крестьянский быт — значит изучать историю; крестьянский обычай есть живой архив — собрание неоцененных исторических источников (Рюль)».

Надо сказать, что И.В. Бентковский до конца жизни следовал этой задаче, ибо она соответствовала не только внутреннему направлению его творчества, но и выражала объективные исторические условия. Он весьма скромно оценивает свою краеведческую деятельность, хорошо понимая не только величину масштабов и широту проблематики, стоящей перед исследователями, но, безусловно, и то, что историческая наука будет идти вперед по мере развития общественной мысли.

«История покорения Кавказа — дело потомства, подбор материалов для этой истории — дело современников»,[34] — писал Бентковский. Многие годы он добровольно находился на положении «чернорабочего исторической науки», обладая широким кругозором исследователя, упорно работал для будущего. Сын своего века и своего класса, он, однако, далеко ушел от официально-дворянской точки зрения на историю края, которая объясняла дела на Кавказе главным образом успехами русского оружия.

«В последние десять лет, — писал он, — военная литература обогатилась очерками многих отдельных военных эпизодов здешней войны и биографиями замечательных лиц... При всем, однако же, достоинстве этих сочинений их можно считать только подбором материалов для будущей истории... Но когда военные писатели так заботятся о своей специальной литературе и не менее того о военной славе, материалы, относящиеся до заселения Северного Кавказа и Ставропольской губернии в особенности, все еще не тронутые, покоятся в разных архивах. Не пора ли стряхнуть с них пыль и передать науке?»

В этой же статье далее говорилось: «едва ли можно сомневаться, что во многих случаях успех русского оружия обусловливался водворением оседлого населения».[35] Эту твердую точку зрения Бентковского мы отлично видим во всех трудах современных специалистов по аграрной истории Предкавказья.[36]

Работая над историей с. Безопасного, а затем и над «Очерком 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях»,[37] И.В. Бентковский безусловно имел уже устоявшуюся точку зрения на процесс экономической колонизации края, значительный навык в исследовательской работе, опыт обращения с цифрами и архивными материалами.

Если по своей конструкции работа «Село Безопасное» напоминает историческую хронику со дня основания Безопасненского редута, поставленного для охраны главного дорожного тракта на Ставрополь и далее на Кавказ, то «Очерки 3-го мирового участка» представляют собой более фундаментальное исследование, затрагивающее географическое положение, границы, воды, административное деление, характеристику населения, земельных наделов, хлебопашество, овцеводство, садоводство и огородничество, торговлю, ярмарки, сельские постройки, мельницы, маслобойни, перевозные средства, ремесла, школу, церковь...

В условиях бездорожья и дикости тех времен, низкого уровня статистики, бюрократизма, а порой дезинформации, И.В. Бентковский с похвальной тщательностью проверял цифры, факты, опираясь на верных ему людей, критически разрабатывая архивы и старые конторские книги, шаг за шагом прослеживая все основные этапы колонизации Северного Кавказа. Разработка статистики поземельной собственности, основанной на материалах Ставропольского уезда,[38] дает ему возможность сделать выводы о трагической судьбе тысяч русских крестьян, бежавших на Кавказ «за лучшей долей», о произволе чиновников из так называемых переселенческих контор, о вакханалии, которая царила при попытках насадить на Ставрополье помещичьи хозяйства.

И.В. Бентковский не раз с горечью указывал, что «кавказские земли на его глазах подвергались буквальному расхищению. Появилась идея насадить помещичье хозяйство контингентом, для которого явился весь состав чиновничества, служащего на Кавказе, ему и стали раздавать (каждому чиновнику по несколько сотен и тысяч десятин) земли, пройденные русским солдатом и мужиком. Возникли новые помещики, которые никогда не заглядывали в свои обширные поместья, ожидая только случая перепродать их. И в это время щедрой раздачи земель (их было роздано 285 000 десятин) русский крестьянин все-таки не находил на Кавказе земли и являлся «дурноселовцем», которого гнали с занятого места казачьи команды и разоряли его хату».[39]

Дальнейшие события показали, насколько был прав И.В. Бентковский, когда признавал большое право на землю за российским мужиком как лучшим колонизатором и более пригодным хозяином земли.

Касаясь такого важного исторического этапа, как казачья колонизация Предкавказья,[40] он высказывает весьма аргументированные суждения о привилегированном положении казачества: «Соображения этого времени требовали преимущественно такого населения, которое удовлетворяло бы двум неотложным местным потребностям (военной и гражданской), а эту двойственную обязанность могли нести только казаки...».[41]

Но с окончанием Кавказской войны, развитием капиталистических отношений в экономике такое неравное положение между казачеством и крестьянством, а также имущественная дифференциация внутри групп населения заставляют Бентковского все отчетливей высказываться в пользу крестьянского населения и его роли в развитии края. Сошлемся опять на Г.Н. Прозрителева, который верно передал суждения Бентковского по затрагиваемому вопросу: «В то время как первые (крестьяне. — *В.Г.*) получали надел не более 15 десятин на душу, то вторые располагали таковым до 30 десятин. Первые ограничены в своем распоряжении даже усадебной оседлостью, а вторым эта часть нарезана в собственность с правом отчуждения по купчим крепостям.

Это противоположение... оказывалось в остальном строе жизни края, и нельзя было не видеть, что оно было тормозом...и вызывало нежелательное обострение в отношениях этих групп населения».[42]

Обратившись вновь к «Селению Безопасному», мы убедимся, каково было положение мирного крестьянина-переселенца. Он мог подвергаться военным нападениям, терпел громадный имущественный урон, страдал от эпидемий и произвола чиновников и в то же время обеспечивал подушные платежи, отбывал подводную и квартирную повинность, по тревожным дорогам доставлял армии провиант.

Надо ли говорить, что автор выступает здесь против чрезмерного господства «военного духа» в управлении краем и выражает совершенно отчетливую симпатию мерам, которые бы содействовали развитию хлебопашества, животноводства, торговли, народного просвещения.

Взгляды И.В. Бентковского о первенствующем значении экономической колонизации края, важнейшей роли в этом процессе переселенцев из центральных губерний России, их земледельческого, ремесленного и торгового опыта, как мы знаем, легли в основу ряда монографий советских кавказоведов. Они, эти взгляды, были, разумеется, рассмотрены под углом марксистско-ленинской методологии.

И.В. Бентковского можно легко упрекнуть в чрезмерной разбросанности его краеведческих интересов. Стоит только внимательно посмотреть на приведенный ниже библиографический указатель его трудов, как бросится в глаза множество вопросов, которые ставила перед местным историком сама жизнь развивающегося края. Многое было в состоянии «чистого листа бумаги» и оставалось десятилетиями без ответа в печатных изданиях того времени.

Неизбежно приходилось браться буквально за все (такова уж была судьба провинциального краеведа). Но И.В. Бентковский прекрасно сознавал, что его работы вызовут живой отклик на поставленные проблемы, пусть не сегодня — завтра. И в этом он не ошибся: почти двадцатилетняя плодотворная деятельность Ставропольского статистического комитета, а впоследствии Ставропольской ученой архивной комиссии, возглавляемой видным дореволюционным краеведом Григорием Николаевичем Прозрителевым, — лучшее тому доказательство.

Что же касается некоторых специальных статей Бентковского по статистике, экономике сельского хозяйства, картографии и даже метеорологии, то мы сталкиваемся с поразительными по своей глубине и знанию предмета работами. Так, цикл этнографических этюдов, посвященных калмыцкому народу, в частности Большедербетскому улусу Ставропольской губернии, обнаруживает у Бентковского не только высокий профессионализм в приемах исследования, систематизации полевого материала в период его поездок по кочевьям, но и осведомленность во всех тонкостях этногенеза, буддийской религии, калмыцкого народного эпоса, обычного права, исторической хроники.[43]

Изучение социальных отношений «инородческого населения» губернии — калмыков, туркмен, ногайцев — диктовалось, разумеется, не только мотивами благотворительности и общественного призрения. Для губернской администрации и специально учрежденного Приставства кочующих народов прежде всего были важны «податные возможности» калмыков, развитие табунного коневодства для нужд армии, реформа общественно-религиозных учреждений и т.д.

Выполняя социальный заказ как деятель губернского статистического комитета, Бентковский и здесь не отступает от основной своей исторической позиции: уроки прошлого для нужд будущего. «Прежде чем изменить условия жизни калмыков, — неоднократно говорил он, — надо изучать их историю и бытовые условия».

С начала 60-х годов Бентковский осуществляет ряд поездок по восточным окраинам губернии, населенным калмыками, — посещает родовые хотоны Малзы Санджинова, Лапина Оногинова, Чоно Хараманжиева, Бадьмы Намжинова и др., встречается с духовенством, бедняками, подолгу беседует со старейшинами, живет в кочевых кибитках, находя там доверие, приют, пищу и главное — приобщаясь к нравам и обычаям народа. Он хорошо был знаком с трудами монголоведов, знал Чжан-гар,[44] владел калмыцким языком, разбирался в калмыцком летоисчислении, линейных мерах.[45] Тщательность его этнографических исследований высоко ценится и поныне. Со скрупулезностью мастерового человека он описывает детали калмыцкого жилища (кибитки), ее сооружение, транспортировку, своеобразие пищи, способы ее приготовления, тончайшие детали мужской и женской одежды, бытовые и религиозные ритуалы, торговлю, систему воспитания детей, положение женщины-калмычки.

В 1874 г. Ставропольский губернский статистический комитет выпустил VI сборник сведений о крае, но, в отличие от всех предыдущих изданий комитета, это была обширная публикация трудов одного автора —действительного члена и секретаря комитета И.В. Бентковского.[46] Сейчас легко оценить значение этого солидного фолианта, который дошел до нас не только как самый полный путеводитель, но и как единственный в своем роде статистический справочник, с десятками показателей историко-хронологического, экономического и демографического характера обо всех населенных пунктах Ставропольской губернии. И.В. Бентковский сообщает разнообразные сведения о Ставропольском, Пятигорском, Новогригорьевском, Медвеженском уездах со всеми 50 волостями, Большедербетском улусе, Трухмянском (Туркменском), Ачикулакском, Караногайском приставствах. Показывает деление по полицейским, судебно-следственным участкам, категориям всех 665 населенных пунктов: городов,

сел, станиц, хуторов, аулов; расстояние до Пятигорска, Москвы, многих городов России, Кавказа, уездов, волостей.

Но и это не все. Краеведы находят здесь точные даты основания 140 наиболее крупных населенных пунктов, как бы ни был малозначителен хутор, выселок, усадьба, зимовник, хотон или постоялый двор на проселочной дороге, можно всегда узнать число дворов, жителей (коренных или иногородних), имена владельцев земли, значение построек, расположение мельниц, колодцев и т.д. Кроме этих таблиц, Бентковский приводит сведения о количестве населения по сословиям, вероисповеданию, народности, расположении промышленных предприятий, ярмарок, провиантских магазинов, лавок, питейных домов, почтовых станций, административных учреждений, церквей, училищ, лечебниц.

Сборник заканчивается подробными списками «...населенных мест и курганов Ставропольской губернии, которых географическое положение и абсолютная высота над уровнем Черного моря определены триангуляциею Северного Кавказа в 1860, 61, 62, 63 и 1864 годах».47 Если сопоставить эти данные с тем, что было опубликовано в «Очерке 3-го мирового участка» (1869, 1870 гг.) и статистической карте Ставропольской губернии, изданной в 1874 г.,[48] то целостность картины состояния промышленности, земельных отношений, переселенческой политики, сельского хозяйства и торговли на Ставрополье в первые десятилетия послереформенного развития можно отнести к одной из несомненных научных заслуг И.В. Бентковского.

Остается хотя бы бегло рассмотреть его точку зрения, касающуюся прогнозов экономического развития края. Едва ли не одним из первых он, как говорится, «с карандашом в руке», опираясь на прочное знание края, его потенциальные возможности, обосновал огромную выгоду обводнения засушливых земель.

«В Дон вливается Маныч, который принимает в себя Большой Егорлык... Если принять во внимание, — писал Бентковский, — что р. Егорлык, протекающая через всю западную часть Ставропольской губернии, составляет единственную водную артерию ее, то надо признать, что вопрос о таком соединении (с Кубанью. — *В.Г.*) является... жизненным вопросом, тем более что по этой реке лежат: ст. Сенгилеевская, Каменнобродская, Новотроицкая (Кубанская область). А в Ставропольской губернии расположены села: Птичье — 6335, Безопасное — 13533, Дмитриевское — 11897, Предгорное — 12923, Медвежье — 12731, Привольное — 6674, Летницкое — 11824, Жуковка — 6799, Красная Поляна — 13512, Ивановка — 5896, Сандата — 12168 и Новоегорлыкское — 16274, а всего 130566 человек населения».[49]

Лишь столетие спустя в условиях развитой экономики социализма смогли осуществиться смелые мечты Бентковского. Терско-Кумская, Кубань-Егорлыкская и Кубань-Калаусская обводнительно-оросительные системы теперь всецело служат расцвету народного хозяйства и культуры Ставрополья.

Значительный интерес представляет мнение Бентковского о проекте строительства Ростово-Владикавказской железной дороги. Он располагает вполне достаточными статистико-экономическими материалами об интересном перемещении центров производства зерна из центральных черноземных и юго-восточных районов России в степное Предкавказье. Обилие свободных земель, громадный приток переселенцев, развитие экономических связей с Центральной Россией и со странами Европы, — все это способствовало железнодорожному строительству.

Мысль о сооружении Ростово-Владикавказской железной дороги возникла в 1864 г.[50] Но только в 1872 г. была выдана концессия на ее строительство акционерному обществу во главе с инженером бароном Штенгелем. В августе 1875 г. Ростово-Владикавказская железная дорога протяженностью в 652 версты была сдана в эксплуатацию. В 1888 г. было закончено сооружение ветви, проходящей из Тихорецкой через плодородные кубанские земли до первоклассного Новороссийского порта — морских ворот Северного Кавказа. Летом 1889 г. начались изыскательские работы для проведения ветви от станции Кавказской до Ставрополя.[51]

Действительность превзошла все ожидания. Постройка железных дорог, развитие портов на Черном и Каспийском морях ускорило капиталистическую перестройку земледелия, животноводства, промышленности, торговли. Из района, потребляющего зерно, Предкавказье превращается в крупнейший район зернового хозяйства с широкой эксплуатацией наемного труда, применением машин, в поставщика большого количества хлеба в другие районы страны и на экспорт.

Но вернемся к 1870 г., когда железных дорог на Северном Кавказе еще не было, а проекты их сооружения были предметом бесчисленных споров и согласований. Уже тогда Бентковский одним из первых показал экономическую выгоду постройки железной дороги из Ростова до Ставрополя. Его доводы, изложенные в острой полемической статье «О сети Кавказских железных дорог», отличаются убедительностью цифр и государственным подходом к делу (понятно, в интересах развивающегося капитализма).

«Сеть Кавказских железных дорог, — писал Бентковский, — должна удовлетворять интересам местной администрации, служа средством, облегчающим единство управления. Она должна служить стратегическим целям. Она должна удовлетворять экономическим потребностям, способствуя развитию производительных, торговых и промышленных сил края».[52]

Далее он останавливается на Ставрополе «как на пункте, который перед всеми иными пунктами имеет неопровержимое преимущество на проведение железной дороги из Ростова-на-Дону». Как центр гражданского и епархиального управления, как средоточение учебной, торговой и промышленной деятельности, как место интендантского отдела Ставрополь, по его мнению, имеет для Северного Кавказа важное значение. Наконец, его общественный банк в этом городе 1 сентября 1868 г. с основным капиталом в 60000 руб. (и успевший за короткое время довести обороты до 64000 руб.) еще более убеждает, доказывал Бентковский, что Ставрополь вполне заслуживает рельсового соединения с Ростовом.[53]

Цифры ежегодного грузооборота из Ростова в Ставрополь и обратно, которые приводит Бентковский, сами по себе весьма внушительные, говорят об экономическом потенциале губернского центра («ценность недвижимой собственности в Ставрополе частной, казенной и церковной простирается до 5 миллионов рублей»).

Для нас же интересна номенклатура встречных грузов, которые гарантируются железной дороге по расчетам Бентковского.

Ежегодно шло из Ростова в Ставрополь (в пудах):

Бумажных, шерстяных, шелковых, полотняных, под общим названием красных товаров —	23 000
Суконных высоких и простых сортов —	7 000
Кожевенных товаров в отделке —	15 000
Колониальных и бакалейных —	103 009
Галантерейных и мелочных —	10 000
Иностранных, российских и других —	56 000
Деревянных, как то: чашек, ложек, ведер, рам, телег, дуг, колес, прях, кулей, рогож, а также бечевы и пр. сельских товаров —	5 000
Фаянсовых, фарфоровых, хрустальных и стеклянных —	2 000
Лесных материалов —	20 000
Мелу —	4 000
Угля антрацита —	70 000
Рыбы копченой, вяленой, соленой и сушеной —	80 000
Итого:	375 000 пудов

Ежегодно шло из Ставрополя в Ростов (в пудах):

Сала говяжьего и овечьего —	25 000
Овчины сырья —	5 000
Сырых кож —	15 000
Картофеля —	75 000
Подсолнечных семян —	30 000
Рогатого скота и овец —	12 000
Итого:	162 000 пудов

Если к этому добавить (как полагал Бентковский) участие в грузообороте Безопасного, среднего Егорлыка и других богатейших сел, расположенных по рекам Кугульте, Калаусу, Буйволе, то ежегодно на железную дорогу приходится (в пудах):

разного хлеба в зерне 400 тыс. четвертей десятипудовых —	3 600 000
шерсти овечьей до —	100 000
сырых кож —	100 000
овчин невыделанных —	30 000
спирта 7748 бочек по 45 пудов —	348 600
соли с Джалгинского озера —	300 000
лесу строевого и досок, привозимых из Ростова в селения Ставропольской губернии —	400 000
антрацита и березового угля —	100 000

Общий грузооборот для будущей ветви от Ростова до Ставрополя, по самым минимальным расчетам, оказался чрезвычайно высоким — 5 515 660 пудов.[54]

Приведем в заключение весьма любопытный абзац, в котором четко вырисовывается не только методика аргументов статистика, экономиста и краеведа Бентковского в пользу железной дороги, но и стиль, терминология доводов человека, близкого к купеческим кругам. «Из этого количества клади, выражаясь торговым термином, мы не можем уступить ни одного пуда, так как по неимению даже приблизительных сведений мы не клали на кости амуничных, металлических и сортовых вещей, полученных этим путем Ставропольским интендантским отделом, кладей артиллерийского и провиантского ведомств и товаров, доставляемых прямо из Ростова в селения Ставропольской губернии. Мы не принимали в расчет грузов, которые теперь, следуя из России в Ростов, в селении Безопасном сворачивают с почтовой дороги и коммерческим трактом направляются в Георгиевск, Владикавказ, в Тифлис, а также в Моздок и Пятигорск».[55]

Особый интерес к экономической и социальной истории края, заселению, развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности, происхождению сословий, отношений между ними в творчестве И.В. Бентковского не случаен и является отражением общего состояния буржуазной историографии в период утверждения капитализма. Характер основных направлений русской историографии, историческая проблематика, трактовка важнейших вопросов, круг привлекаемых источников и методы их использования определялись условиями эпохи и, безусловно, оказали свое влияние на взгляды И.В. Бентковского.

Правда, в его работах нет попытки прямо осветить общественно-политическую историю Северного Кавказа, но достояние экономики, статистики нашли в его трудах должную оценку, что указывает на большой его вклад в историю науки. Ограничиваясь пусть добросовестным, но однобоким освещением народного быта и культуры, рассматривая историю народа главным образом в этнографическом и статистическом плане, Бентковский не проявил, однако, себя в поисках путей революционного переустройства жизни, критики существующего режима.

Польское восстание 1830—1831 гг., репрессии, ссылка на Кавказ были далеко позади и вряд ли оставили какой-либо след во взглядах и действиях отставного офицера, имеющего пусть не большую торговлю, но достаток, благоволение губернского начальства и широкую возможность уйти с головой в научно-краеведческую деятельность. Нелегко, конечно, шаг за шагом проследить эволюцию взглядов юного шляхтича, тогда еще открытого противника царизма, до шестидесятичетырехлетнего ученого, принимающего от супруги императора бриллиантовый перстень за ценное, но, к сожалению, верноподданническое исследование.[56]

Для нас скорее важно отметить следующее. Иосиф Бентковский, воспитанный в религиозном духе и болезненной вражде «к притеснителям Польши», все же не увлекся национализмом, однако и не пошел по пути дешевого казенного, русского патриотизма и публицистической тенденциозности. «Умеренный либерал по политическим воззрениям и последователь Гегеля по философским взглядам»,[57] — характеристика, которая дана историку С.М. Соловьеву, уместна (разумеется, в соизмеримых масштабах) и в оценке И.В. Бентковского.

Если проанализировать список литературных источников, на которые ссылается Бентковский, приемы работы с ними, а также стремление соединить научность с занимательностью, то бросается в глаза его особая приверженность к Н.М. Карамзину, силе его фактов и чувств. Лучше будет сказать, что как раз многие буржуазные историки, статистики пореформенного периода охотно шли на сближение с дворянской официально-монархической «охранительной» историографией, ибо не мыслили себе нарушение освященных веками государственных устоев, правда, критикуя пороки абсолютизма, ради конституционной монархии.

«Исторические выборки, касающиеся Северного Кавказа»[58] — обширный труд, над которым много и упорно работал Бентковский, не оставляют сомнения в том, что в подборе фактов и занимательности их изложения он следовал именно за Н.М. Карамзиным и представителями его школы кавказоведами С.М. Броневским,[59] П. Зубовым,[60] П.Г. Бутковым.[61] Но в то же время мы знаем Бентковского как резкого

критика некоторых открыто великодержавных работ по истории черноморского и кубанского казачества.

Ставропольский историк генерал И.Д. Попко в своих работах стремился оправдать действия царизма, открыто и прямо подчеркивал законность казачьих прав и привилегий в завоеванном крае.[62] Выше мы не раз останавливались на том, что Бентковский решительно противился идеализации казачества, всячески высказываясь в пользу крестьянского населения и его главной роли в развитии хозяйства и торговли. Он хорошо понимал, что злободневным для России был вопрос об исторической роли «среднего сословия» — буржуазии, о судьбах «сельского народонаселения».

Реформу 19 февраля 1861 г. и ее последствия Бентковский оценил с позиции либерала. И в этом ключ понимания его приверженности к существующим политическим и религиозным устоям.

Сохранились воспоминания фельдшера Николая Петровича Абрамского, человека весьма близкого к Иосифу Бентковскому. Они дают возможность лучше понять взгляды Бентковского в отношении общественного и нравственного долга его как ученого, краеведа, работающего для будущих поколений, человека высокой принципиальности.

«Иосиф Викентьевич был в высшей степени честен и справедлив, — писал Абрамский. — Он не терпел слушать никакой лжи, никогда не умалчивал, если видел, что начальство врет, хотя бы это было и высшее начальство. Благодаря своей прямоте и темпераменту, он публично останавливал врунов и хвастунов, почему он и не продвигался в чинах... Сверстники по той же Варшавской школе в 70-х и 80-х годах были уже министрами, посланниками и проч., и он с ними вел переписку до самой своей смерти».[63]

Предоставим слово Григорию Николаевичу Прозрителеву, который хорошо знал И.В. Бентковского еще с середины 70-х годов: «...Я, безусловно, утверждаю, что он никогда не шел на сделку в своих статистических работах ввиду тех или других соображений, хотя подобные требования неоднократно предъявлялись ему администрацией. Бентковский после таких внушений спешил поделиться со мной и, взволнованный, говорил, что хотят переделать таблицу умножения и доказать, что 2×2 не 4. И он добавлял при этом: «Я тем не менее сохраню свои черновики и докажу, когда надо будет, свою правоту». Надо сознаться, что жизнь далеко не так складывалась, чтобы можно было доказать эту правоту и восстановлять поругание цифр, так как соображения «высшие» брали верх... Канцелярия всегда к услугам в таких случаях, и бойкое перо, отписывающее о благополучии в крае, всегда найдется».[64]

Для работ И.В. Бентковского характерна особая полнота источниковой базы, широта и точность использования документов, что соответствует утвердившимся к этому времени требованиям и в русской исторической науке. Изучая в настоящее время работы И.В. Бентковского, можно с уверенностью заявить, что он один и никто другой не ознакомил нас посильно с жизнью Ставропольской губернии. Круг его познаний и интересов весьма широк, и мы не раз уже останавливались на его работах по истории, статистике, этнографии. Но вот перед нами десятки статей о лесах Ставропольской губернии, кустарных промыслах, страховом деле, винном деле, шелководстве, народной нравственности, почтовых каретах и ...даже деревянном масле (см. библиографическое приложение). Его статьи охотно публикуют Ставропольский и Кубанский статистические комитеты, «Биржевые ведомости», «Экономический журнал», издаваемый Субботиным, журнал «Вольного императорского Экономического общества», «Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (Гребенцы, книга III, 1887).

25 марта 1864 г., спустя всего лишь два года после включения в состав действительных членов Ставропольского статистического комитета, он был единодушно избран членом-корреспондентом Кавказского общества истории и археологии. А затем в 70-х годах последовало его избрание в состав многих научных организаций России и Кавказа: Кавказское медицинское общество, Всероссийское общество естествоиспытателей, Русское географическое, Вольное экономическое общество, почетным членом Кубанского и Нижегородского статистических комитетов.

Когда в 1877 г. по распоряжению наместника Кавказа была создана авторитетная комиссия «для составления общего соображения о землях, необходимых для коннозаводских нужд Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии», И.В. Бентковский вошел в ее состав как один из крупных специалистов по статистике и экономике коневодства.[65] Приказом по главному управлению Государственного коннозаводства его назначают корреспондентом по Кавказскому краю.

Бентковский прожил большую жизнь, был свидетелем огромных событий и потрясений века. В его юную душу запали тогда еще свежие предания о Великой французской революции, взлете и падении Наполеона. На его глазах возгорелось пламя, зажженное русскими декабристами, он видел и поверженный трон, и кровь польских патриотов. Позже он стал свидетелем крушения ненавистного крепостничества, ломки закостенелого быта, взлета общественной мысли.

78 лет, из которых более полувека прожито на его второй родине — России. Что может остаться от трогательных воспоминаний далеких времен начала XIX в., от наивного романтизма и патриархальной старины?

Огромные перемены произошли вокруг: строились железные дороги, мосты, фабрики и заводы, банковские операции и доходы предпринимателей исчислялись миллионами, в селах появлялись сложные сельскохозяйственные машины, росла армия промышленных рабочих, батраков, в умы передовых людей неодолимо вторгался марксизм. Но все это было уже не для него — человека, жившего измерениями прошлой эпохи. Он умер 15 августа 1890 г. как-то незаметно для всех, как жил и работал, оставив нам в наследие не эффектные страницы биографии, а результаты поистине подвижнического труда на ниве краеведения.

Особенность его положения при губернаторе, известность в научных, литературных и деловых кругах Петербурга, Москвы, Тифлиса, Ставрополя, Екатеринодара объясняются отнюдь не высоким чином и денежным состоянием. Тысячи страниц его статей, книг, карт и таблиц, прочные и многолетние связи с крестьянами, ремесленниками, торговцами, чиновниками, учителями, военными, скромными тружениками уездной и губернской администрации надолго обеспечили широкое признание и уважение к нему со стороны очень многих ставропольцев.

В наши дни продолжением этой прекрасной традиции является все возрастающее стремление местных историков, географов, экономистов, литераторов, учителей, партийных и советских работников к сбору и публикации материалов о современной экономике, быте, культуре, социальных сдвигах, демографии многонационального Ставропольского края.

Литература и источники

1. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 2. СПб., 1892, с. 52.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XV. М., Политиздат, с. 548.

3. Там же, т. XVI, ч. 2, с. 27.

4. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь писателей и ученых. Т. 2. СПб., 1892, с. 12.

5. Там же.

6. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского. Ставрополь, 1908.

7. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь...

8. Там же.

9. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сб. статистических сведений о Ставроп. губернии, 1869, вып. II, с. 31—112.

10. Прозрителев Г.Н. Кавказские архивы // Тр. Ставроп. ученой архивной комиссии, 1911, вып. 1, с. 5.

11. Собриевский А. Князь Воронцов и наши архивы // Тр. Ставроп. ученой архивной комиссии, 1911, вып. 1, с. 6.

12. Равинский А.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. Т. 1. СПб., 1809.

13. Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. Изд-во МГУ, 1970, с. 14.

14. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. I—XVIII, ч. 1—69. СПб., 1848—1858; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 1—30. СПб., 1860—1868; Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829.

15. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. 68.

16. ГАСК, ф. 459.

17. ГАСК, ф. 443.

18. ГАСК, ф. 96.

19. ГАСК, ф. 398.

20. ГАСК, ф. 73, 75.

21. ГАСК, ф. 299, 31, 302.

22. ГАСК, ф. 188.

23. Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИА Груз. ССР), ф. 7, 12, 220, 243, 416, 521.

24. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 318.

25. Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР (ЦГАСО АССР), ф. 11, 12, 14.

26. Библиографический указатель книг, сочинений и статей, относящихся к статистике, истории и этнографии Северного Кавказа, имеющихся в библиотеке Статистического комитета // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 2, с. 120—132.

27. Источниковедение истории СССР. Изд-во МГУ, 1970, с. 243.

28. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1870, вып. III, с. 127—147; 1971, вып. 4, с. 21—47; 1973, вып. 5, с. 21—30.

29. Городецкий Б.М. Очерк развития периодической печати на Северном Кавказе. Екатеринодар, 1914.

30. Ставропольские губернские ведомости, 1853, № 8.

31. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь. Т. 2. СПб., 1892, с. 12.

32. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского. Ставрополь, 1908, с. 29.

33. Городецкий Б.М. Очерк развития периодической печати на Северном Кавказе. Екатеринодар, 1914.

34. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1869, вып. 2, с. 1.

35. Там же, с. 1, 2.

36. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и первой половине XIX века. Пятигорск, 1967;

Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг. (историческое исследование) // Тр. Ставроп. пед. ин-та, 1970;

Невская П.В. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). Черкесск, 1960;

Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1961.

37. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869, вып. 2, с. 85—122.

38. Описание владельческих земель, находящихся на р. Большой и Малой Кугульте // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1871, вып. 4.

Частное земледелие и крепостная колонизация на Северном Кавказе на 1804 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 41.

39. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, с. 17.

40. Бентковский И.В. Материалы по истории колонизации Северного Кавказа. Заселение бывшего Кавказского линейного Казачьего войска. // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 3—11; 1823, № 8 и 10;

Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1772 по 1825 гг. Екатеринодар, 1880.

41. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о селении Безопасном...

42. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, с. 19.

43. Бентковский И.В. Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса. Воды и степи Большедербетовского улуса. Одежда калмыков Большедербетовского улуса. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1868, вып. 1; 1869, вып. 2; 1870, вып. 3.

44. Описание Чжунгарии. Перевод с китайского И. Иокинфа. СПб., 1829; Нравственный идеал буддизма. СПб., 1873.

45. Калмыцкий календарь // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1871, вып. 3, 4; 1873, вып. 5; 1876, вып. 7.

46. Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. Ставрополь, 1873.

47. Там же, с. 143—147.

48. Карта хранится в картографическом фонде Ставропольского краеведческого музея им. Г.К. Праве под номером 27.

49. Несколько слов о возможности направить течение Кубани в Дон и тем порешить вопрос об обмелении Донских гирл. // Ставроп. губернск. ведомости, 1865, № 40.

50. Бентковский И.В. Проект Ростово-Владикавказской железной дороги, представленный в 1864 г. // Биржевые ведомости, 1864, № 321.

51. Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг. (историческое исследование). В кн.: Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-восточной России. Ставрополь, 1970, с. 191.

52. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, 1870, вып. 3, с. 107.

53. Там же, с. 131.

54. Там же, с. 132—133.
55. Там же, с. 133.
56. Обзор XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александра. Издание Статистического комитета, 1971, вып. 8.
57. Соловьев С.М. (Вступительная статья о его творчестве). Собр. соч. Т. 1. М., СОЦЭГИЗ, 1960, с. 49.
58. Хронологический указатель достопримечательных событий и важнейших постановлений правительства в Ставропольской губернии и вообще на Северном Кавказе (с 1555 по 1868 гг.) // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 3.
59. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
60. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопределенных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношении. Т. 1—2. СПб., 1834—1835.
61. Будков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1—3. СПб., 1869; Сб. статистич. сведений о Ставропольской губернии, 1869, вып. 2; Хронологический указатель разных исторических сведений о калмыках // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1876, вып. 7.
62. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858; он же. Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. Губернское войско. СПб., 1880.
63. Письмо Абрамского Н.П. Прозрителеву Г.Н. от 12 марта 1906 г.; Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского. Ставрополь, 1908, с. 6—7.
64. Там же, с. 7.
65. Взгляд на наше коннозаводство в связи с ремонтированием армии кавалерийскими лошадьми. Записки для чтения // Бирж. ведомости, 1867, кн. 5 и 6 за май и июнь; Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии // Ставроп. губерн. ведомости, 1873, № 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 1879, № 15, 16, 17, 18.

Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В. Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1853 по 1888 г.

1. Практические замечания о болезни рогатого скота, называемой на Кавказе «Чихир» // Ставроп. губернск. ведомости, 1853, № 8.
2. Практические замечания о калмыцком рогатом скоте, овцах и лошадях // Ставроп. губернск. ведомости, 1862, № 42.
3. Поездка на Джалгинское соляное озеро // Там же, 1862, № 43, 44.
4. Акциз и откуп (под псевдонимом «граф Фотограф») // Биржевые ведомости, 1863, № 44.
5. Записки виноторговца (псевд. Заглоба) // Биржевые ведомости, 1863, № 88.
6. Коммерческий взгляд на производительные силы Ставропольской губернии и ее торговое значение // Биржевые ведомости, 1863, № 154.
7. Нападки питейного положения на музыку и мои личные на питейную номенклатуру // Биржевые ведомости, 1864, № 2.
8. О почтовых каретах из Ростова-на-Дону в Пятигорск // Биржевые ведомости, 1864, № 5.
9. О разрядах населенных местностей России и о размерах патентного сбора // Биржевые ведомости, 1864, № 5.
10. Заметки торговца на положение о пошлинах за право торговли и промыслов // Биржевые ведомости, 1864, № 40.
11. К вопросу о подорожных // Биржевые ведомости, 1864, № 78.
12. Джалгинское соляное озеро // Биржевые ведомости, 1864, № 35, 38, 39, 40.
13. О привилегиях по соляному делу // Прибавка к «Биржевым ведомостям», 1864, № 53, 54.
14. На статью «О необходимых льготах Каспийского рыболовства» // Биржевые ведомости, 1864, № 199.
15. Проект Ростово-Владикавказской железной дороги, представленной в 1864 г. // Биржевые ведомости, 1864, № 321.
16. Экономическое состояние городов Европейской России // Биржевые ведомости, 1865, № 25, 57, 63, 80.
17. Да здравствует арифметика! // Биржевые ведомости, 1865, № 125.
18. Несколько слов о возможности направить течение Кубани в Дон и тем порешить вопрос об обмелении Донских гирл // Ставроп. губернск. ведомости, 1865, № 40.
19. О политико-экономическом и административном устройстве Кавказа // Биржевые ведомости, 1866, № 30.
20. Одна из причин, парализующих развитие коневодства в Большедербетовском улусе // Ученолитературные прибавки к «Биржевым ведомостям», 1866, декабрь.
21. Взгляд на наше коннозаводство в связи с ремонтированием армии кавалерийскими лошадьми. Записки для чтения // Биржевые ведомости, 1867, кн. 5 и 6 за май и июнь.
22. Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков? // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1868, вып. 1.
23. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1869, вып. 2.
24. Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1869, вып. 2.
25. Одежда калмыков Большедербетовского улуса // Там же.
26. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1869, вып. 2; 1870, вып. 3.
27. Хронологический указатель достопримечательных событий в Ставропольской губернии и вообще на Северном Кавказе // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 3.
28. Исторические сведения о гор. Ставрополе // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 3.
29. О сети Кавказских железных дорог // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 3.
30. Калмыцкий календарь за 1870 г. // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 3.
31. Историко-статистические сведения о гор. Моздок на столетний его юбилей // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1871, вып. 4.
32. Описание владельческих земель, находящихся на р. Большой и Малой Кугульте с картой // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии»,1871, вып. 4.

33. Калмыцкий календарь на 1871 г. // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1871, вып. 4.

34. Несколько слов о направлении Ростово-Владикавказской магистральной линии на гор. Ставрополь. СПб., 1871.

35. Незамерзающий Геленджикский порт и направление Ростово-Владикавказской железной дороги на Ставрополь. Ставрополь, 1871.

36. Удачный опыт соления сена при кошении в дождливое время // Ставроп. губернск. ведомости, 1871, № 22.

37. Однодневная перепись гор. Ставрополя 17 декабря 1872 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1873, № 19 и 53; 1874, № 1 и 2 и 1875, № 5.

38. Список населенных мест Ставропольской губернии по сведениям 1873 г. // Изд. статистич. комитета. Ставрополь, 1874, выпуск 4.

39. Поездка по Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1874, № 32, 33, 34.

40. Историко-статистические сведения о виноделии в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1875, № 13, 14, 15, 16.

41. Материал для статистики экономического состояния Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1875, № 28, 29, 30, 31, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42.

42. Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель // Ставроп. губернск. ведомости, 1875, № 38, 39.

43. Ставрополь в историко-статистич., административном, торгово-промышленном и экономических отношениях // Ставроп. губернск. ведомости, 1875, № 43, 44, 45, 46, 47.

44. О лесах в пределах бывшей Кавказской, а ныне Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 1, 2.

45. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 3, 4.

46. Открытие в Ставрополе первых присутственных мест // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 5.

47. Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1785 г. до учреждения шестигласной думы 18 апреля 1808 г // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 6, 7, 10.

48. Ставропольское купечество, его капиталы, торговля, промышленность и нужды // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 11, 12.

49. Первое приходское училище в Ставрополе // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 13.

50. Городские доходы и натуральные повинности // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 17, 18.

51. Первые зачатки городского благоустройства // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 19.

52. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Изд. статистич. комитета, 1876, вып. 7.

53. Вторичное открытие Кавказской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 27, 28.

54. Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Астрахани до основания креп. Кизляра с 1722 по 1735 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 29.

55. От основания крепости в урочище Кизляр до построения крепости Моздока с 1735 по 1765 гг. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 30.

56. От построения укрепления Моздок до учреждения Кавказского наместничества с 1765 по 1786 гг. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 31, 32, 33.

57. До учреждения и открытия Кавказской губернии в 1776 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1874, № 34.

58. Движение гражданской колонизации на Северном Кавказе со времени открытия Кавказской губернии до перевода губернских присутственных мест из Екатеринодара в Георгиевск в 1804 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 35, 38.

59. Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 41.

60. Древние христианские церкви за Кубанью близ Хумары // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 43.

61. Статистика преступлений в Ставропольской губернии за период с 1871 по 1876 гг. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 45, 46, 47, 48.

62. Статистика насильственных и случайных смертей в Ставропольской губернии с 1871 по 1876 гг. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 49.

63. Сравнительный обзор экономического состояния Ставропольской и Астраханской губернии по сведениям 1873 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 50.

64. Обзор XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александра. Изд. статистич. комитета, 1876, вып. 8.

65. Статистические сведения о состоянии Ставропольской губернии за 1875 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 51, 52; 1877, № 2, 3, 4.

66. Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести //Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 5, 6.

67. Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа // Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 8.

68. Грабежи, разбои, воровство калмыков с точки зрения монгольских законов и буддизма // Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 13, 24.

69. Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам // Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 15.

70. Монгольские законы об охоте // Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 16.

71. Краткие сведения о ссудо-сберегательных товариществах и кассах по 1 октября 1877 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 38, 39, 40, 41.

72. По поводу столетнего юбилея дня рождения Имп. Александра I. (Материалы для истории края) // Ставроп. губернск. ведомости, 1871, № 1.

73. Несколько слов о причинах упадка шелководства в пределах бывшей Кавказской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 3, 4.

74. К вопросу: как улучшить и удешевить мясо в Тифлисе? // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 5.

75. Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 1879, № 15, 16, 17, 18.

76. Кустарные промыслы в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 15, 16, 17.

77. О значении хуторов в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 18, 19, 20, 21, 22, 23.

78. Материалы для статистики народных бедствий в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 24, 25.

79. Обзор Ставропольской и Казанской губерний по сведениям 1876 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 26.

80. О мерах к успешному ходу кавказского виноделия и сбыта местных вин // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 27, 28.

81. Обзор Ставропольской и Подольской губерний по сведениям 1874 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 28.

82. Городские общества взаимного от огня страхования // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 29.

83. Обзор земледельческой деятельности Ставропольской губернии за 1877 г. и сравнение ее в этом отношении с Харьковской губернией // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 31.

84. Народная нравственность в Ставропольской губернии по материалам с 1871 по 1878 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 33, 34, 36.

85. Обзор Ставропольских конских скачек на Императорские призы // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 41, 42, 44.

86. Заштатный город Св. Креста. Монография // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53.

87. Старинный проект проведения р. Кумы в Каспийское море // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 1.

88. Чума на Северном Кавказе в прошлом и нынешнем столетии // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 2.

89. Ставропольская старина с приложением плана крепости. (Суворов встречает 1779 год в Ставропольской крепости) // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 1.

90. Несколько слов о ставропольском климате // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 4, 6.

91. Значение Ставропольской губернии в системе акцизных сборов // Ставроп. губернск. ведомости, № 5.

92. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Колонизация низовья Кубани // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 7.

93. Статистика движения дел у мировых судей и в мировом съезде Ставропольского судебно-мирового округа за последние пять лет // «Ставроп. губернск. ведомости», 1879, № 8, 26.

94. Материалы для новой истории Северного Кавказа. Смерть первого черноморского кошевого атамана Чепеги и последовавшие затем события // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 8.

95. О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 9, 10.

96. О рельсовом соединении Ставрополя с Ростово-Владикавказской железной дорогой // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 13.

97. Городское хозяйство. Ставропольский мясной и хлебный рынки // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 15.

98. Распределение недвижимых имуществ между городским населением по сословиям // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 21.

99. Материалы по истории колонизации Северного Кавказа. Город Ставрополь // Ставроп. губернск, ведомости, 1879, № 22.

100. О необходимости изучения Ставропольской губернии в ботаническом отношении // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 23.

101. Целительные грязи Джалгинского соляного озера // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 29.

102. Наше лесоводство и его неожиданные враги // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 29.

103. Владикавказское ремесленное училище и его питомцы // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 30.

104. Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 32, 34, 35.

105. Археологические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 33.

106. Почтовая статистика // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 38.

107. Статистика периодической прессы // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 41.

108. Два слова о проекте г. Данилова (о соединении Черного и Каспийского морей судоходным ирригационным каналом посредством вод Терека и Кубани) // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 45.

109. Народное образование // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 48.

110. Бабуковцы // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 50, 51.

111. Материалы для истории образования бывшего Кавказского линейного (ныне Терского) казачьего войска // Ставроп. губернск. ведомости», 1880, № 2, 3, 4, 5, 6.

112. Беглый обзор развития экономического состояния Ставропольской губернии в 20-летнее царствование Императора Александра II // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 8, 9, 10.

113. 1879 год в Медвеженском уезде // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 10.

114. Конокрадство и самосуд // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 26, 32, 34.

115. Результаты сенокошения в 1880 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 33.

116. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские, так называемые, «крещеные калмыки» // Ставроп. губернск. ведомости,1880, № 35, 38, 42.

117. Наша общественная благотворительность // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 37.

118. Наши расчеты с саранчою // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 39.

119. Подспорье топлива // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 41.

120. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории. Памятная книжка Кубанской области. СПб., 1881.

121. Торф на Кравцовом озере, близ гор. Ставрополя // Ставроп. губернск. ведомости, 1881, № 6, 17.

122. Взаимное от огня страхование в С.-Петербурге.— «Ставроп. губернск. ведомости», 1881, № 8.

123. Два слова о предполагаемой ветви железной дороги от Ставрополя // Ставроп. губернск. ведомости, 1881, № 44.

124. Несколько общих выводов о населенных местах и поземельной собственности в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1881, № 44, 46, 47.

125. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение бывшего Кавказского линейного Казачьего войска // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11; 1883, № 8, 10.

126. Река Кума и необходимость улучшить ее экономическое значение // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 27, 28.

127. Обзор экономического состояния инородцев, кочующих в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 29, 30, 31, 32, 47, 48, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50; 1883, № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11.

128. Чума рогатого скота в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 31.

129. Обзор конского хозяйства в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1883, № 12; 1884, № 26.

130. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Кавказской области // Ставроп. губернск. ведомости, 1883, № 37.

131. Сравнительный обзор хлебной производительности на Северном Кавказе по сведениям 1882 года // Ставроп. губернск. ведомости, 1883, № 39.

132. Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением карты. Изд. статистич. комитета, 1883, вып. 9,

133. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта. Кубанский сборник // Тр. Кубанского областного статистического комитета, 1883, вып. 1.

134. Крепостная колонизация в бывшей Кавказской, ныне Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1884, № 30.

135. Где был построен в 1589 г. гор. Терки // Ставроп. губернск. ведомости, 1885, №3.

136. Город Терки // Ставроп. губернск. ведомости, 1885, № 5, 7, 8.

137. Значение гор. Терки в истории распространения русского владычества на Северном Кавказе // Ставроп. губернск. ведомости, 1885, № 11.

138. Судьбы шелководства в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1885, № 12, 13, 14.

139. Переселенческий вопрос на почве сравнительной статистики // Экономический журнал, 1885, кн. 5.

140. Кавказская губерния во время А.П. Ермолова с 1816 по 1824 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1886, № 27, 28, 29, 30.

141. Петр I на Кавказе. Построение крепости Св. Креста // Ставроп. губернск. ведомости, 1886, № 33, 34.

142. Первоначальное устройство административных учреждений в Кавказской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1886, № 39, 40, 41, 42, 43, 46.

143. Наши окраины. (Поземельное устройство в Ставропольской губернии) // Экономический журнал, 1886, кн. 7.

144. Отхожие промыслы // Экономический журнал, 1886, кн. 19.

145. Упразднение гор. Екатериноградa и перенесение губернских присутственных мест в Астрахань // Ставроп. губернск. ведомости, 1887, № 4, 5, 6.

146. Вторичное открытие Кавказской губернии в 1804 году в гор. Георгиевске // Ставроп. губернск. ведомости, 1887, № 7, 9, 10, 11.

147. Кавказская губерния до преобразования в область 1804—1824 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1887, № 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 26, 27.

148. Император Николай I в Ставрополе // Ставроп. губернск. ведомости, 1887, № 42.

149. Статистическая карта Ставропольской губернии в масштабе 1/420000 настоящей величины. Изд. военно-топографич. отдела, 1874.

150. По поводу фальсификации деревянного масла // Ставроп. епархиальные ведомости, 1888, № 2.

151. Оливководство на Кавказе // Экономический журнал, 1888, ноябрь.

152. Гребенцы // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. М., 1887, кн. 3.

153. Император Александр II в Нижнефарском отряде. СПб., 1887.

154. Генерал Вельяминов // Ставроп. губернск. ведомости, 1881 г., № 12, 13.

155. Одна из причин упадка табунного коневодства в Черномории // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 21.

156. Переселенческий вопрос на почве практики // Северный Кавказ, 1885, № 22, 23, 24, 25.

157. Краткий исторический очерк положения наших дел на Северном Кавказе до открытия в 1785 году Кавказской губ // Северный Кавказ,1885, № 44—45.

Текст печатается по изданию:
Госданкер В.В. Историк-кавказовед И.В. Бентковский (1812—1890). Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1976. — Вып. 14. — С. 222—251.

90-е годы XX века — начало XXI века

1 Документы, исторические описания, исследования

Е.М. Топоровский. **Исторический город Ставрополь. Градостроительство и архитектура**

Постановлением Государственного Комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и коллегии Министерства культуры РСФСР от 31 июля 1970 г. № 36 город Ставрополь включен в Список 116 исторических городов с ценным архитектурным наследием.

Через 20 лет постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР № 12 от 19.02.90 г., коллегии Госстроя РСФСР № 3 от 28.02.90 г. и президиума Центрального совета ВООПИиК № 12(162) от 16.02.90 г. город Ставрополь был включен в новый Список 478 исторических населенных мест РСФСР как, имеющий архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющий археологическую и историческую ценность.

В соответствии с классификацией исторических городов по их историко-архитектурной значимости, разработанной КиевНИИП градостроительства, г. Ставрополь можно отнести к 3 и 4 категории — города с небольшим количеством памятников федерального значения, а также объектами археологического наследия.

По типологии историко-архитектурного наследия г. Ставрополь относится к группе городов с памятниками истории и архитектуры смешанного типа (памятники гражданской, оборонительной, культурной архитектуры), ценной исторической планировкой и ландшафта города. Ставрополь относится к историческим городам с компактным расположением памятников в структуре общегородского центра.

Особую ценность представляют градостроительная, объемно-планировочная и историческая среда «Старого города». Зодчими XIX века при определении перспективных направлений градостроительного развития города учитывался ведущий элемент окружающего город ландшафта — предгорья Кавказской гряды и в особенности горы Эльбрус.

Основные периоды и этапы градостроительного развития города

I период — зарождение и становление города-крепости, составной части Азово-Моздокской укрепленной оборонительной линии на южных рубежах Российской Империи. Этапы развития:

1 этап. 22 октября 1777 года закладка крепости, в день праздника Казанской иконы Божьей Матери, которая с тех пор считается покровительницей города Ставрополя.

1778 г. — строительство крепости и возведение казачьей станицы.

Городским ядром являлась крепость.

2 этап. 1805—1809 гг. К этому времени появляется поселок, основная часть которого располагалась к югу и юго-востоку от подножья Крепостной горы. К востоку от горы располагалась казачья станица. Крепостная гора и стоявшая на ней крепость являлась, таким образом, ядром, вокруг которого вырос город Ставрополь. Положение крепости определило направление первых улиц и конфигурацию города. В первоначальном планировании города отразилась вторая — транспортная — функция Ставрополя. От главных южных ворот крепости начинались дороги в соседние населенные пункты на запад и север, в крепость Московскую и в город Черкасск, и на восток в г.Георгиевск. Последняя дорога проходила по современному проспекту имени К. Маркса (бульвару имени генерала А. Ермолова), у её восточного конца располагалась Тифлисская застава. Западный выезд из города назывался Черкасской, или Московской, заставой.

Градостроительное городское ядро — крепость, тракт.

3 этап. 1822—1833 гг. Заселение Ставрополя и рост города был также связан и с сельскохозяйственной колонизацией района. К этому периоду город теряет свои оборонительные функции, все в большей степени превращается в военно-организационный и торговый центр.

Наибольшее значение в этом отношении имело превращение его в 1822 году в административный центр Кавказской области.

Первым архитектором Ставрополя был кавказский архитектор Иван Францевич Руско. В 1825 году он был командирован из Тифлиса в Ставрополь лично А.П. Ермоловым. На Крепостной горе им было возведено уникальное двухэтажное здание комиссариатского магазина, гауптвахта, а на южном склоне речки Мутнянки обширный подвал с несколькими ярусами штолен. Вслед за Руско строительством в Ставрополе успешно занимались архитекторы Иван Суслов и Иван Гайваронский. Суслов был награжден орденом Св. Владимира с бантом «За особую расторопность при производстве полевых укреплений в 1812 году при Бородино, Тарутине и Малом Ярославце».

В 1833 году областным архитектором, коллежским асессором Иваном Гайваронским с землемером города Иваном Нечаевым был подготовлен первый генеральный план постройки города, по которому предполагалось устроить 18 продольных и 14 поперечных улиц, пересекающихся под прямыми углами, для чего предполагалось исправить погрешности города, вкравшиеся при построении домов.

Расширение административных и торговых функций вызвало необходимость преобразования центральной части города. Она расширялась на юг, за пределы балки Желобовки и частично к западу.

К югу от Бабиной рощи возникла Солдатская слобода из двух улиц, вытянутых с востока на запад — 1-й Слободской и 2-й Слободской (ныне улица Ленина). Солдатская улица являлась в это время южной границей города. К 1833 году участок Татарского рынка был отодвинут в район современного верхнего рынка.

На участке, занимаемом прежде базаром, были разбиты два небольших квартала, где по проектам архитекторов Джузеппе и Джиованни Бернардацци в 1827—1831 годах отставным фельдфебелем Лазуткиным были построены дом командующего и дом штаба войск Кавказской линии и Черноморья. При строящемся доме командующего архитекторами был спланирован и разбит первый городской сад с аллеями, цветниками и беседками. У бьющего из земли мощного родника устраивается пруд, обсаженный ивами. Рядом был построен оригинальный павильон для проведения музыкальных вечеров в непогоду.

Для этого периода характерно появление структурно-образующего центрального городского ядра

II период. Наиболее гармоничным для столицы Ставропольского края города Ставрополя был серебряный период расцвета провинции юга России, характерной чертой которого были: вначале — развитие романтического направления стиля классицизма в культуре и архитектуре усадебного и садово-паркового строительства, проявившегося в идеализации античного и средневекового прошлого, а также применении экзотики восточной культуры после военных побед на юге России, а затем, в конце XIX века, переход к архитектуре модерна. В архитектурном стиле модерн прежде всего строились уникальные здания, преимущественно богатые особняки, в которых допускались индивидуальные эксперименты. Строить богатые особняки в духе модерна было своего рода модой.

Проявление стилей классицизма и модерна в архитектуре русской провинции, в том числе губернского города Ставрополя, весьма своеобразно. Каждый архитектор этого периода трактовал романтизм индивидуально-субъективно, обращаясь в зависимости от своих вкусов, назначения создаваемых им зданий и сооружений к тем или иным источникам.

Сегодня все это архитектурное богатство исторического города Ставрополя компактно расположено и сосредоточено в структуре исторического общегородского центра «Старый город».

4 этап. 1837—1854 гг. Быстрому развитию Ставрополя способствовал приезд в него в 1837 году императора Николая I и утверждение им генерального плана города Ставрополя, подготовленного в 1833 году архитектором Гайваронским.

В осуществление генерального плана застройки Ставрополя вкладывали свой талант и труд многие зодчие. В 1836 году в Ставрополь прибыл только что закончивший Императорскую Академию художеств со званием свободного художника Григорий Леонтьевич Ткаченко. За 27 лет его деятельности в Ставрополе появилось много неординарных строений, в том числе и сегодня украшающих город.

В 1843—1845 годах Григорий Ткаченко со строительным подрядчиком купцом Гавриилом Тамамшевым строит в конце Острожной улицы римско-католический костел. Годом раньше возводит Крестовоздвиженскую церковь.

В 1847 г. Григорий Ткаченко по проекту профессора Академии художеств Ал. Тона закончил строительство кафедрального Казанского собора на Крепостной горе. В том же, 1847 году, на углу Большой Черкасской и Грязного переулка, для купца Никиты Плотникова был возведен двухэтажный каменный дом с бельведером и каменной галереей, предназначенный для Кавказской губернской гимназии.

В эти же 30—40 годы работал не менее талантливый зодчий Александр Бернштейн, выпускник Императорской Академии художеств.

В целях укрепления на местах государственной власти, ослабленной крестьянской войной 1773—1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева, в 1775 году была начата реорганизация местного управления и проведения губернской реформы. В городах Российской империи стали строить много казенных административных зданий. Так, в Ставрополе в 1826 году по проектным предложениям архитекторов Джузеппе и Джиованни Бернардацци по Комиссариатской улице архитектор Бернштейн в 1840-1843 годах построил Присутственные места: Правление губернское, Собрание земское, Казначейство правления Кавказской области, Приказ общественного призрения, Архив.

Здания Присутственных мест, первое из которых и сегодня украшает Ставрополь (ул. Советская 3, 5А, 5Б, 7, 9, 11; ул. Клары Цеткин, 39), объединены между собой каменными заборами с едиными арочными воротами — объекты архитектуры и градостроительства федерального значения (Постановление СМ РСФСР от 04.12.74 № 624).

В 1844—1847 годах по проекту Ал. Бернштейна подрядчиком Гавриилом Тамамшевым закончилось возведение одного из крупнейших на Кавказе военного госпиталя (здесь в 1847 г. работал хирург

Пирогов Н.И.). Три двухэтажных каменных корпуса объединялись в единый ансамбль переходами-колоннадой (корпус западный, с домовой церковью, центральный, хозяйственный, здание морга).

По проекту Бернштейна, «по личному разрешению императора Николая I», на восточной стороне бывшей Ставропольской крепости был возведен полицейский дом. Это двухэтажное строение, предназначенное для полиции и пожарников, с высокой каланчой, на вершину которой вели чугунные лестницы, специально изготовленные на Луганском металлическом заводе, памятник истории федерального значения (Постановление СМ РСФСР от 04.12.74 № 624). Помимо главного строения, были возведены каменные казармы и прочие службы, образовавшие правильный четырехугольник с выложенным булыжником двором.

Ставропольская дума, строительство которой началось в 1847 году по проекту архитектора Александра Славянского и окончательно было завершено в 1851 году, украсила центр города, у южного склона Соборной горы, где позже разместилась и управа (памятник градостроительства и архитектуры регионального значения, решение Ставропольского крайисполкома от 01.10.81 № 702).

Здание городской Думы. Построено в 1847 году в стиле классицизм по проекту архитектора А. Славянского. В настоящее время — Ставропольское художественное училище

Более интенсивное строительство Ставрополя началось со 2-й трети XIX столетия. По данным на 1851 год в Ставрополе числилось 14368 человек, 14 церквей, 246 каменных домов и 1522 деревянных дома.

В это время Ставрополь был первым по величине городом Северного Кавказа. Росту города также способствовало преобразование его в 1847 году из областного в губернский город и учреждение «Епархии».

Прибытие в город 29 октября 1850 года цесаревича, будущего императора Александра II, как бы подвело итог и градостроительству Ставрополя за первую половину XIX века. Цесаревич посетил Казанский кафедральный собор, думу, мужскую и женскую гимназии, а также выставку «всех произведений и изделий фабричной, заводской, ремесленной и другой промышленности Ставропольской губернии».

К этому времени Николаевский проспект, как и другие улицы и площади Ставрополя, начал украшаться новыми зданиями на деньги ставропольского купечества и по проектам новых талантливых зодчих.

Среди них яркой звездой вспыхнул талант Павла Григорьевича Воскресенского. Современники писали: «Всему лучшему Ставрополь обязан таланту Воскресенского».

Павел Григорьевич Воскресенский как губернский инженер возглавил в 1853 году комитет по работе над новым генеральным планом развития губернского центра. Тогда же им возводится величественная звонница Варваринской церкви и перестраивается Крестовоздвиженская церковь.

В 1873 году вместе с младшим архитектором Павлом Никифоровым и строительным подрядчиком Г. Масловым Воскресенский строит новый гостиный ряд на Александровской площади. Белокаменное здание в два этажа украшали нарядные капители, сандрик над узкими и высокими венецианскими окнами, лепной карниз. Парадный вход из резных дверей и цветных стекол вел к широкой лестнице на второй этаж, где купцы хранили свои товары (памятник истории регионального значения, решение Ставропольского крайисполкома от 01.10.81 № 702). На противоположной стороне площади в 1865—1871 годах П.Г. Воскресенский участвует в строительстве нового здания мужской гимназии. Здание это, отличавшееся импозантностью, завершенностью архитектурной композиции, вошло в Государственный список как памятник архитектуры и градостроительства федерального значения (Постановление СМ РФ от 30.08.60 № 1327).

Воскресенский строил и небольшие купеческие особняки: дом купца Тимофеева, особняк Чувалова, Покровский храм Иоанно-Мариинского женского монастыря.

К новому поколению ставропольских архитекторов 2-й половины XIX века относится и Георгий Федорович Прокопец, закончивший Петербургское строительное училище. Свой вклад в градостроительное искусство внес и Федор Кузьмич Прозоровский.

Ставрополь продолжал украшаться все новыми и новыми, как правило, белокаменными строениями. Их проектировали и строили Ф. Кнорре, С. Лазарев, У. Лоханов, А. Булыгин, Г. Кусков.

В связи с ростом города большое значение уделялось его благоустройству. В практическом отношении заботы о благоустройстве города депутаты разделили на четыре категории:

— чтобы население питалось здоровой пищей;

— чтобы оно имело свежую здоровую воду в изобилии и за дешевую цену;

— чтобы городской воздух был совершенно чист;

— чтобы жилища не могли вредно воздействовать на здоровье населения.

К 1855 году в городе насчитывалось около 160 больших садов, разбитых на усадьбах. Среди них особенно выделялись сады И. Гречанинова, П.Н. Нечмирова, Ф.Я. Макаровского, Н.Н. Плотникова и многие другие.

В 50-е годы XIX столетия Ставрополь достиг наивысшего развития как военно-организационный и административный центр Северного Кавказа.

Характерной чертой этого периода в развитии Ставрополя стало освоение верхней части города — строительство по бывшей Комиссариатской (ныне Советской ул., застройка Воробьевки и расширение ее далее на юг и юго-запад, а также заселение Скомороховских хуторов. Было застроено все пространство от Ташлы до Мутнянки).

5 этап. 1895—1917 г. С окончанием Кавказской войны (1864 г.) Ставрополь утратил значение военно-организационного центра, постройка уже в 70-х годах Владикавказской железной дороги, прошедшей параллельно бывшей Азово-Моздокской линии, но обошедшей Ставрополь, лишила город былого транспортного значения. План города 1911 г. охватывает территорию почти современного города от реки Члы на севере до реки Мамайки на юге и от Даниловского кладбища на западе до железнодорожного вокзала на востоке.

Отход от классицизма, охватившего в своем развитии период с 1760-х годов до 1840-х годов и который в России не был однородным ни во времени, ни в пределах страны, и использование различных стилей прошлого отчетливо проявились и нашли свое воплощение и в архитектуре города Ставрополя. Один из этих стилей получил название «современный», «новый», «архитектура модерна».

Короткий отрезок времени — два предреволюционных десятилетия — вместил в себя несколько архитектурных направлений. На окраинах Российской империи «архитектурный модерн» отличался эклектически-стилизаторским характером, преимущественно в формах регионального зодчества.

В этом архитектурном стиле работали архитекторы: Ф. Прозоровский (Особняк купцов Меснянкиных), 1878 г. ул. Дзержинского, 87; А. Булыгин (Аптека Байгера «нижняя»), 1907 г. пр-т К.Маркса, 50; Н. Прокопец (Ансамбль — особняк, флигель, дом конюха, конюшня), 1910 г. ул. Ленина, 274; А. Борисов (Дом Соколова К.А., усадьба Панова), начало XX в. ул. Булкина, 19, ул. Дзержинского, 127.

Последний из плеяды зодчих «серебряного периода», оставшегося верным традициям классицизма, отдавшего 43 года своего таланта Ставрополю, был «творец прекрасного» Григорий Павлович Кусков, выпускник 1894 года Санкт-Петербургского института гражданских инженеров с золотой медалью имени профессора Беспалова «За прилежание строительной механики к строительному искусству» и дипломом гражданского инженера. Начало его пути совпало с появлением в архитектуре нового стиля «модерн», влияние которого не избежал практически никто из его современников. Кусков же не заметил модерна.

В 1896 году Г. Кусков назначается на должность губернского архитектора, а в 1904 году губернского инженера. О его увлечении работой говорит большое количество самых разнообразных проектов, разработанных им в эти годы. По его проектам и под его техническим надзором построено более 130 объектов.

В Ставрополе:

— Андреевская церковь (1897 г., на месте ветхой церкви 1847 года строительства);
— Ташлянская (Евдокиевская) церковь;
— домовая церковь в Александровской гимназии;
— колокольня Даниловской церкви;
— колокольня Софиевской церкви;
— магометанская мечеть;
— общежитие духовной семинарии — каменное двухэтажное здание;
— элеватор первой госмельницы (б. Гулиева);
— земледельческий приют на Нижеподгорной улице двухэтажное здание (ул. Победы, 20);
— постройка губернаторского дома (участие в качестве члена строительной комиссии);
— постройка психиатрической больницы (то же) и др.

6 этап. 1918—1927гг. Пронесшиеся по Ставрополью события, связанные с революцией и гражданской войной, не затронули внешнего облика Ставрополя. По высказыванию известного в свое время ставропольского писателя Ивана Яковлевича Егорова, « Крепко строили этот город. Закладывали глубокие фундаменты. Неторопливо тесали пористый известняк-ракушечник, удобнейший строительный материал, и возводили стены такой хозяйственный добротности, что дома из поколения в поколение переходили по нотариальным записям без всяких изъянов, выражая в полной мере понятие «недвижимое имущество».

В это время Ставрополем был впервые поднят вопрос о сохранении историко-культурного наследия. ОКРисполком в газете «Власть Советов» №70, за 17 сентября 1927, с.6 опубликовал список более 20 памятников старины, подлежащих охране: «Здания и сооружения старины... На всех памятниках старины предполагается прикрепить металлические таблички с соответствующими надписями об исторической ценности этих памятников».

Особняк купцов Меснянкиных. Одно из лучших зданий в стиле модерн. Построено по проекту архитектора Ф. Прозоровского в 1878 году. В настоящее время — магазин «Пассаж»

III период характеризуется недостаточным вниманием к памятникам истории и архитектуры, рациональному современному их использованию без учета окружающей их городской среды, ценной исторической застройки, ландшафта города. Советская архитектура прошла сложный и противоречивый путь развития. Семидесятилетний период её существования фактически членится на три во многом отличных друг от друга этапа.

На первом этапе развития советской архитектуры (1917—1932) при проектировании уделялось особое внимание функциональной стороне зданий. Это объяснялось, в частности, сильным влиянием архитектурного стиля конструктивизма.

Кульминации конструктивизм достиг в годы первой пятилетки — в самом начале 1930-х годов.

С 30-х годов общая направленность архитектуры была изменена, на смену конструктивизму пришли архитектурные направления неоклассицизма и «сталинского ампира», подчеркнуто монумен-

тальные с архитектурно-декоративными элементами, взятыми из классицизма. Это направление в архитектуре было отменено постановлением партии и правительства. В 1954—1955 годах ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановления, направленные на дальнейшую индустриализацию, улучшение качества и снижение стоимости строительства. Они определили начало нового периода развития зодчества, которое впоследствии архитектуроведы классифицировали как постмодернизм.

Начало перестраиваться проектное дело, приобрело большие масштабы типовое проектирование. Много было сделано и в области индустриализации строительства. Возникла сеть предприятий по производству крупноразмерных сборных железобетонных конструкций. Строители и архитекторы стали изыскивать новые средства для ввода в строй комфортабельных, экономичных и в то же время выразительных и разнообразных по своему облику зданий.

С середины 50-х годов в архитектуре завоевала права лаконичная простота и умеренность как в общекомпозиционном отношении, так и в отношении отделки экстерьеров и внутренних помещений зданий.

Здание кинотеатра «Родина». Одно из первых зданий города в стиле «сталинского ампира». В настоящее время разрушено

7 этап. 1929—1932гг. В городе практически никакого строительства не велось, ветшали вчерашние купеческие особняки, лишившиеся своих хозяев. Сам город постепенно стал терять свою ухоженность и неповторимость.

8 этап. 1932—1955 гг. Город, как бы стряхнув с себя оцепенение, застраивается новыми зданиями. При этом рушились старые храмы и церкви.

1935 год, 29 апреля — город Ставрополь переименован в Ворошиловск.

1943 год, 12 января — город Ворошиловск переименован в Ставрополь, а Орджоникидзевский край — в Ставропольский.

Одним из первых зданий города в стиле «сталинского ампира» по типовому проекту, на Крепостной горе, на месте бывшего мавзолея чоновцам, в 1938 году началось строительство однозального кинотеатра «Родина». Впоследствии в 1950-1954 гг. по проекту архитектора Ю.Махрова здание было расширено. Типичный для советской архитектуры образец культурно-просветительного назначения, сохранившего стилистику столь пышно расцветшего ложно-монументального «стиля», формы интерпретированного классицизма и отдельные детали ампира.

Архитектурное решение здания было рассчитано на «внешнего» зрителя — организацию окружающего пространства, создание нарядного и торжественного образа.

В этом же стиле были построены:

Здание железнодорожного вокзала. 1946-1948 гг. (реконструкция). Архитекторы Чекмодаев Н.Д., Махров Ю.В., скульптор Беличенко И.С. ул. Вокзальная, 11. Авторский коллектив по итогам «Всероссийского конкурса на лучшие жилые и гражданские здания, выстроенные в городах и поселках РСФСР в 1948 году» получил вторую премию и был награжден Почетной грамотой «Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР».

Западная трибуна стадиона «Динамо» (с подтрибунными помещениями). 1948 г. Архитектор Махров Ю.В., ул. Коминтерна, 16.

Краевая библиотека имени М.Ю.Лермонтова. 1955 г. Архитекторы Лысякова И.В., Лысяков А.Г. пл. им. Ленина, 1.

«Дом под шпилем». 1950 г. Архитектор Жиров, скульптор Беличенко И.С. Пр-т Октябрьской революции, 30.

Примечание. Все вышеприведенные в этом этапе объекты включены в государственный список памятников Российской Федерации, представляющие региональную значимость (Постановление главы администрации Ставропольского края от 01.11.95 № 600).

В 1947 году московским институтом «ГИПРОГОР» разрабатывается генеральный план города, предусматривающий коренную реконструкцию исторического центра.

9 этап. 1955—1991 гг. Конец 1960-х — 1990 годы. Период бурного промышленного развития Ставрополя, сопровождавшегося быстрым ростом города в северо-западном, юго-западном и восточном направлениях и активной застройкой типовыми панельными 5—9-этажными зданиями.

1962 год, 26 июня — образованы Ленинский и Октябрьский районы.

1977 год, 23 марта — образован Промышленный район.

В 1968 году разработан новый генеральный план города. Автор проекта: Государственный Комитет Совета Министров РСФСР по делам строительства «Государственный Ордена Трудового Красного Знамени институт проектирования городов «ГИПРОГОР».

В 1975 году ГК СМ РСФСР по делам строительства, московским институтом «ГИПРОГОР» выполнен для исторического города Ставрополя «Проект охранных зон и зон регулирования застройки памятников архитектуры и истории» (утвержден Решением № 423 Ставропольского горисполкома от 30 июня 1977 г.).

К концу 1980-х годов, после завершения 3-й очереди строительства Дома Правительства Ставропольского края «Ансамбль городского центра» приобрел законченный вид. В состав архитектурного ансамбля входят 15 градоформирующих объектов — это здания-памятники: «Краеведческий музей — один из первых на Северном Кавказе», 1873 г., архитектор Никифоров П.; «Первая на Кавказе мужская гимназия, в которой учился член Генсовета I Интернационала Лопатин Г.А. ...», 1865—1871 гг., архитектор Воскресенский П.Г.; «Гости-

ница «Европа», 2-я половина XIX в.; «Западная трибуна стадиона "Динамо"», 1948 г., архитектор Махров Ю.В.; здания Заслуженных архитекторов Российской Федерации Лысяковой И.В. и Лысякова А.Г.; «Краевая библиотека имени М.Ю. Лермонтова», 1955 г.; Краевой Академический театр драмы имени М.Ю. Лермонтова», 1964 г.; «Театральный сквер», 50—60-е гг. XX в., архитектор Лысякова И.В., с двумя фонтанами, памятниками искусства: Лопатину Г.А., 1975 г., скульптор Рукавишников Е.Н., архитектор Эпштейн М.Л.; Лермонтову М.Ю., 1994 г., скульптор Санжаров Н.Ф.; скульптурная композиция, 1962 г., скульптор Бондаренко П.И., архитектор Заварзин А.А. (памятник В.И.Ленину, скульптурные группы «Красноармейцы» и «Пролетариат, крестьянство и интеллигенция»).

IV период. В России сложилась новая геополитическая ситуация, отсутствует государственная программа развития архитектуры и градостроительства, разрушена система государственного планирования, в результате чего в 1990-е годы нанесен большой ущерб градостроительству. В градостроительстве остановилось прогнозное проектирование.

Неуправляемый процесс урбанизации вполне сопоставим со стихийным бедствием, сметает на своем пути всю ценную историческую среду и застройку. Утрачивается наше национальное наследие с помощью сросшегося административно-финансового и «архитектурного сепаратизма». В архитектуре утвердилось направление, формирующее русло Ар деко, «стили-антиподы» — неоклассика и функционализм («интернациональная» современная архитектура).

10 этап. 1991 год и до наших дней. Конец XX в. — начало XXI века. В 1997 году на заседании городской Думы рассмотрен проект нового генерального плана развития города, разработанного институтом «ГИПРОГОР», без обязательной составной части «Проекта охранных зон и зон регулирования застройки памятников архитектуры и истории» и без согласования государственной экологической экспертизы. На 2000 год протяженность городской черты составляет 165,3 км, площадь земель в административных границах города — 24565 га. Ценная историческая городская среда XIX столетия составляет 0,5% от всех зданий и строений жилищно-коммунального хозяйства города.

В настоящее время на территории города расположено 222 недвижимых памятника истории и культуры, из них 23 памятника федерального значения. Самую многочисленную группу составляют памятники архитектуры и градостроительства — их 136 (здания и сооружения). 67 памятников истории, 19 памятников археологии, 11 историко-культурных, мемориальных и природно-заповедных территорий, 7 памятников искусства, 5 исторически ценных парков — памятников ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства.

Библиография

1. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. М., 1966—1972.

2. Пилявский В.И. История русской архитектуры. — Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1984. — 512 с., ил.

3. Бартенев И.А. Конструкция и форма в архитектуре. — Л.: Строиздат, Ленингр. отд-ние, 1968. — 264 с., ил.

4. Бартенев И.А., Батажкова В.Н. Очерки истории архитектурных стилей: Учебное пособие.— М.: Изобраз. искусство, 1983. — 384 с., ил.

5. Вестник второго Конгресса исторических городов и регионов России. — М: Изд. Российский Союз Исторических Городов и Регионов. Мэрия Москвы, 2001.

6. Беликов Г.А. Ставрополь — врата Кавказа. Ставрополь: Кн. Изд-во, 1997.—351 с.

7. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации. — М.: Юристъ, 2001. — 718 с.

8. Федеральные законы «Об охране окружающей природной среды» и «Об особо охраняемых природных территориях».

9. Город Ставрополь. Проект охранных зон и зон регулирования застройки памятников архитектуры и истории. ГК СМ РСФСР по делам строительства. Государственный Ордена Трудового Красного Знамени институт проектирования городов «ГИПРОГОР». Москва, июнь, 1975.

10. Паспорт города Ставрополя. 2000. Типография Ставропольского краевого комитета государственной статистики.

Текст печатается по материалам:
Топоровский Е.М. Исторический город Ставрополь. Градостроительство и архитектура. 2003. Рукопись

В.Г. Гниловской. **Азово-Моздокская оборонительная линия***

Учрежденные по линии от Моздока к Азову селения именовать: 1-е Святыя Екатерины, 2-е Святого Апостола Павла, 3-е Святыя Марии, 4-е Святого Георгия, 5-е Апостола Андрея, 6-е Святого Александра Невского, 7-е Ставрополь, 8-е Донское, 9-е Московское, 10-е Владимирское.

Из приказа генерал-фельдмаршала Г А. Потемкина строителю Азово-Моздокской линии генералу И.В. Якоби. 20 мая 1777 года

При обзоре линии, со вниманием рассматривал я окрестности города Ставрополя, ибо со временем намереваюсь я перенести туда губернский город и оставить Георгиевск. Я приказал остановить все крепостные работы, жалея о тех, которые произведены с большими издержками.

А.П. Ермолов, главнокомандующий на Кавказе в 1816—1827 годах. Записано при обозрении Кавказской линии в апреле 1818 года

В результате русско-турецкой воины 1768—1774 годов, закончившейся разгромом Оттоманской Порты, ее правители были вынуждены сделать ряд важных политических и территориальных уступок России. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору Крым был объявлен независимым от Турции, а русско-турецкая граница на Северном Кавказе стала проходить от устья Терека до Моздока и далее на северо-запад к Азову.

Опасаясь дальнейшего распространения влияния России на регионы Каспийского и Черного морей, турецкое правительство стремилось через своих агентов и мусульманское духовенство разжигать среди горцев ненависть к России. В свою очередь, английские и французские правящие круги, мечтавшие о колониальном господстве в Крыму и на Кавказе, провоцировали турок и персов на дальнейшие военные столкновения с Россией.

Южная граница русского государства в то время имела крепости и войска только на участке от Кизляра до Моздока, остальное же пятисотверстное пространство было практически открытым. Поэтому постоянными были набеги со стороны некоторых кавказских феодалов и ряда отсталых племен, поддавшихся на провокации турецких правителей. Мирная жизнь в южных окраинах России постоянно нарушалась. Закрыть новую линию границы созданием здесь мощных форпостов было поручено наместнику Астраханской, Азовской и Новороссийской губерний светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину.

По его распоряжению была обследована граница от Моздока до Азова и составлен проект оборонительной линии из десяти крепостей, многих редутов и форпостов. Прикрыть границу должны были кубанские, волжские и хоперские казаки (последние во множестве ссылались на Кавказ за участие в движении Пугачева).

«Доклад» князя Потемкина «Об учреждении линии от Моздока до Азова» был утвержден Екатериной II 24 апреля 1777 года, он и положил начало основанию Азово-Моздокской оборонительной линии. Доклад был опубликован в «Полном собрании законов Российской империи с 1649 года», том 20, 1775—1780 гг., Санкт-Петербург, 1830. Первоначально имелось два варианта проектируемой линии. В «Докладе» и в «Описании линии» характеристика крепостей давалась в применении к первому варианту проекта, что было отражено и на карте. Фактически же строительство было осуществлено по второму варианту, причем было построено не десять, а девять крепостей. Проектировавшаяся первоначально крепость № 6 — Буйволинская, в верховьях реки Мокрой Буйволы, — создана не была, что привело к изменению нумерации. В частности, Ставропольская крепость получила вместо 8-го — номер 7-й.

Недостаточное знакомство русских с географией Северного Кавказа приводило к ошибкам в описании гидросети и в характеристиках местоположения крепостей: например, Ставропольская крепость изображалась то на реке Ташле (Калаусской), то на самом Калаусе.

В «Докладе» Потемкина был высказан ряд положений, характеризующих линию в военном и экономическом отношениях. В частности, указывалось, что «все крепости должны быть окончены строением будущим летом 1778 года, для чего хотя третью часть войск, отряженных на закрытие линии, употребить на работу в крепостях с платою каждому по 5 копеек в сутки». Говорилось, что линия прикрывает от набегов кочевье наших калмыков и татар и «подает им способ распространяться на запад до самого Черного леса и Егорлыка», «доставляя тем (им) лучшее пропитание», способствует учреждению виноградных, шелковых и бумажных заводов, умножению табунов, садов и расширению хлопководства. Также отмечалось, что создание линии позволит укоротить путь от Моздока до Москвы.

Сама ли Екатерина II дала наименования крепостям, или с ее разрешения это сделал Потемкин, точно неизвестно.

Закрытие границы началось летом 1777 года. 26 июня из Астрахани к Моздоку двинулся Кабардинский пехотный полк, с Дона на линию выступили два полка донских казаков. Их обозы, с плугами и зерном, но еще без семей, сперва сосредоточились в Царицыне, а затем двинулись к Маджарам. Вместе с казаками передвигался Владимирский драгунский полк, с негласным заданием — конвоировать ссылаемых на Кавказ неблагонадежных казаков.

В конце августа Кабардинский полк прибыл в Моздок, а затем двинулся к Бештамаку, где 11 сентября была заложена первая крепость линии — Екатерининская, возле которой возникла станица Екатериноградская (ныне в Кабардино-Балкарской республике).

18 сентября Владимирским драгунским полком совместно с волжскими и хоперскими казаками была заложена вторая крепость, на реке Куре — Павловская. Крепость, правда, существовала недолго. В связи с продвижением русских на юг и устройством новых укреплений в предгорьях станица Пав-

* Карту Азово-Моздокской линии см. на стр. 13 настоящего издания

ловская была перенесена в 1830 году на реку Малку и носит теперь наименование Старопавловской. Крепость же была ликвидирована. Невдалеке от нее впоследствии возникла станица Новопавловская.

...Ротами Кабардинского полка и волжскими казаками осенью 1777 года строились крепость святого Георгия на реке Подкумок (теперь город Георгиевск) и крепость святого Андрея на реке Томузловке, переименованная в дальнейшем в Александровскую (теперь село Александровское).

Георгиевская крепость располагалась на левобережье долины реки Подкумок. На равнине, к северо-востоку от крепости, расположилась казачья станица Георгиевская, в дальнейшем перенесенная в более южный район. О будущей Георгиевской крепости в «Описании» говорилось, что она занимает важнейшее место на линии, служит наблюдательным постом за верховьями рек Кумы, Кубани, Малки, Баксана. В военном отношении крепость была самой мощной.

2 октября 1777 года Владимирский драгунский полк и хоперские казаки получили приказ передислоцироваться к Черному лесу, близ верховий Егорлыка, к месту постройки Ставропольской крепости. По дороге они оставили 250 казаков и два эскадрона драгун, которые 18 октября основали крепость, первоначально названную Александровской (затем переименованную в Северную), возле которой возникла одноименная станица, входящая теперь в Александровский район. На левобережье Калауса были основаны редуты Алексеевский (теперь село Сергиевское) и Бешпагирский, близ нынешнего села Бешпагир Грачевского района.

22 октября 1777 года числится официальной датой основания Ставропольской крепости, а вместе с этим и города Ставрополя. Здесь обосновалось 6 эскадронов драгун и 250 хоперских казаков. Первый год, в связи с теплой зимой, казаки и драгуны жили по-походному, в палатках. Ими было построено укрепление на отроге Ставропольской горы, на водоразделе рек Ташлы (Члы) и Желобовки. У восточного подножья горы была основана станица, а к югу стал расти гражданский поселок.

Ставропольская крепость вместе с Северной должна была контролировать проход с юга на север по Калаусской долине, между Калаусскими вершинами и Черным лесом.

В скором времени Ставропольская крепость стала наиболее важной на всей Азово-Моздокской линии, через нее шел и главный почтовый тракт из центра на Кавказ.

Строительство первоначально планировавшихся Донской и Московской крепостей было задержано в связи с тем, что командующий кубанским корпусом Александр Васильевич Суворов в 1778 году строил Кубанскую линию, ряд укреплений по правому берегу Кубани, примыкавшую своим левым флангом (редут Прочноокопский и другие) к территории, прикрывавшейся Ставропольской крепостью. Главной задачей Кубанской линии была изоляция ногайцев, кочевавших в Кубанской степи, от закубанских черкесских феодалов, находившихся под влиянием Турции.

Весной 1779 года русское правительство, поверив «торжественным обещаниям» Турции свято соблюдать условия мирного договора, приказало срыть укрепления, созданные по Кубани. В то же время было решено завершить строительство Азово-Моздокской линии, и в 1780 году были, наконец, построены Московская и Донская крепости со станицами. Далее, до Азова, линию продолжали редуты — Безопасненский, Прегрaдненский, Вестославский (теперь здесь совхоз «Коммунар») и ряд других.

В феврале 1779 года на Азово-Моздокскую линию был для инспектирования командирован великий полководец А.В. Суворов. 23 февраля он докладывал из Ставрополя, что посетил семь имевшихся к тому времени крепостей и два редута (Алексеевский и Бешпагирский). Здесь он улаживал пограничные конфликты и порой внушал военачальникам, виновным в организации неоправданных карательных экспедиций против горцев, что «благомудрое великодушие иногда более полезно, чем стремглавый военный меч».

Азово-Моздокская линия за 40—50 лет своего существования в военных действиях играла сравнительно малую роль, поскольку к югу и к западу от нее вскоре были созданы новые укрепленные линии. Наиболее беспокойным стал 1779 год. Постройка на Кавказе новых русских крепостей встревожила и активизировала правящие круги Англии и Турции. Причем после непродуманной ликвидации укреплений на Кубани горские князья, подстрекаемые и снаряжаемые турками, потребовали уничтожения Ставропольской и других крепостей Азово-Моздокской линии, перейдя к вооруженным вылазкам. Летом князь Дулак Султан, не дождавшись прямой помощи турок, переправился с большим отрядом через Кубань и напал на крепость Александровскую и Алексеевский редут. Однако взять их не смог и понес большие потери. Его главный полуторатысячный отряд атаковал Ставропольскую крепость, но потерпел здесь полный разгром.

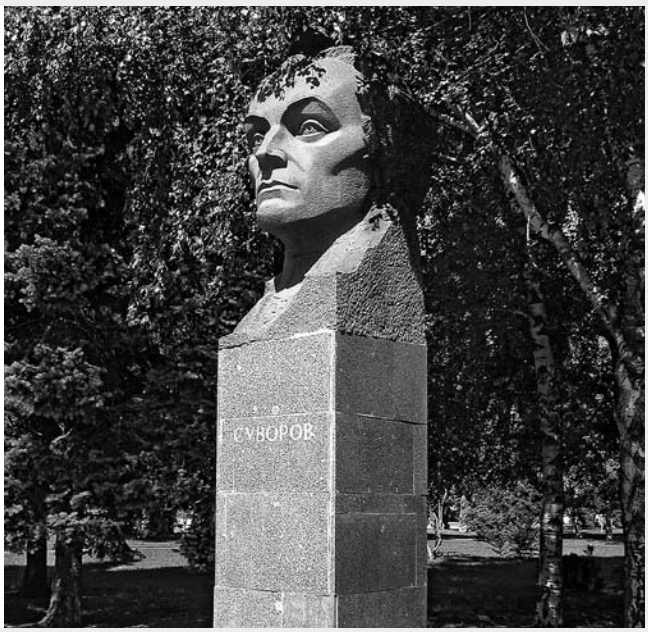
Нарушение клятв на верность России и вызванную корыстью политику феодалов простой народ кавказских племен не поддержал. По этому поводу генерал-поручик Якоби доносил в Петербург: «Народ стоит в непоколебимой верности и твердит, что как скоро взбунтуются их князья, то они, отложась от них, уйдут со всеми семьями в наши крепости, лишь бы их приняли без выдачи».

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г. Азово-Моздокская оборонительная линия // Альманах «Памятники отечества». — М., 2000. — № 48. — С. 42—47.

С.И. Несмачная. **А.В. Суворов в Предкавказье**

Александр Васильевич Суворов остался в истории России самым известным и почитаемым полководцем. Он гордость и честь России, ее национальный герой, имя которого всегда произносится с благоговением и любовью. Родился он 13(24) ноября 1729 г. в Москве в семье генерал-аншефа и сенатора Василия Ивановича Суворова, который был и автором первого русского военного словаря. А дед полководца был генеральным писарем (начальником штаба) Семеновского полка. Мальчик, рано лишившийся матери, получил домашнее образование. Много читал, знал французский, немецкий и итальянский языки, изучал географию, военную историю и философию, труды Плутарха и Корнелия. Особенно любил читать о походах Александра Македонского, Цезаря, Ганнибала, Карла XII...

В 1742 году двенадцатилетний Александр Суворов был записан в лейб-гвардии Семеновский полк, а в 15 лет начал здесь воинскую службу. Служба увлекала, продолжал много читать, посещал по возможности лекции в сухопутном кадетском корпусе. Служил он рядовым несколько лет и хорошо изучил жизнь и нужды солдат.



Памятник А.В. Суворову на Крепостной горе

В 1754 году Суворов был произведен в офицеры и переведен поручиком в Ингерманландский пехотный полк.

В 1759 году Суворов в чине подполковника был направлен на театр военных действий. Шла Семилетняя война, в которой на одной стороне воевали Австрия, Франция, Швеция, Саксония, Испания и Россия, на другой — Пруссия, Англия и Португалия. Александр Васильевич был назначен командиром Тверского драгунского полка, принимал участие во многих сражениях. Бой при Кольберге принес ему первую славу.

Со вступлением на престол Екатерины II Суворов был вызван в Санкт-Петербург для личного представления императрице. Екатерина II 26 августа 1762 года произвела его в полковники и назначила командиром Астраханского пехотного полка, а вскоре он был переведен командиром Суздальского пехотного полка, расквартированного в Новой Ладоге. Еще 6 лет спустя Суворов был произведен в бригадиры, получил приказ выступить в боевой поход в Польшу и 22 сентября 1768 года вместе со своим полком покинул Новую Ладогу. Через тридцать дней полк прибыл в Смоленск, где Суворов принял командование бригадой. С наступлением весны 1769 года бригада двинулась на Варшаву. Один из суворовских приказов гласил: «Будучи в пути, иметь крайнюю предосторожность, обывателям обид, разорения не чинить, так и безденежно ничего не брать, опасаясь строго по силе законов взыскания». Недалеко от Варшавы Суворов дал бой войску Котлубовского и разбил его. Свой первый орден Св. Георгия (сразу 3-й степени) полководец получил 19 августа 1771 года. В 1772 году ему сдался Краков. Он был награжден за штурм Краковского замка 1000 рублями и вскоре переведен на Турецкий фронт, в корпус генерал-аншефа графа Салтыкова. Суворов получил вскоре орден Св. Георгия 2-й степени. В бою он был ранен в правую ногу. Во время турецкой кампании Суворов одержал ряд блестящих побед, а после ее окончания был послан на подавление Пугачевского бунта. Он возвратился в Москву в день празднования Кючук-Кайнарджийского мира, был награжден золотой шпагой, усыпанной бриллиантами.

По ходатайству Потемкина 19 ноября 1777 года Суворов был назначен командующим вновь создаваемым Кубанским корпусом. В его обязанности входило прежде всего строительство Кубано-Терской линии, — как он сам писал, — «начиная от Ставропольской», которая находилась на Азово-Моздокской линии и была к этому времени построена.

Слава Суворова была столь велика, что и строительство Ставропольской крепости легенда приписала ему, украсив рассказ историей о якобы найденном полководцем на горе древнем кресте, который таким образом дал имя городу...

В марте 1778 года А.В. Суворов посетил Ставропольскую крепость в качестве инспектора и нашел здесь «семь эскадронов Владимирского драгунского полку при полковом командире, Хоперского казачьего полку 140 семейств, артиллерийских 10 орудий». Это были первые поселенцы будущего города. Ставропольцам, конечно, очень хотелось связать имя Суворова с зарождением своего города, и неудивительно, что в 1879 году в газете «Ставропольские губернские ведомости» известный краевед И.В. Бентковский рассказал с подробностями о том, как Суворов встречал в Ставрополе новый 1779 год. Эта статья была принята как описание достоверных фактов. Но вот в 1900 году вышла в свет небольшая книжка В. Дейнеко «Суворов в Ставрополе», в которой автор сей «факт» опроверг. Проверить, кто был прав — Дейнеко или Бентковский, — труда не составляет, стоит только просмотреть письма и документы Суворова, которые вышли отдельным изданием. Вот письмо от 2 января 1779 года. Полководец пишет графу П.А. Румянцеву из Козлова, что направляется в Полтаву, где находилась его семья. Попасть из Ставрополя в Козлов в то время за один день можно было разве что на ковре-самолете. Пробыв в Полтаве неделю, Суворов через Астрахань, Кизляр и Моздок возвратился на Кубань, о чем сообщил Румянцеву в письме от 23 февраля 1779 года: «На Кубани, сиятельный граф, точно тихо. Каспий-

ский Аслан Гирей вывел-таки российских захваченных. Я с ним виделся в Ставропольской крепости: сих султанов стараюсь всемерно содержать в содружестве и по средствам мздою». Значит, Суворов посетил Ставрополь, вероятно, в конце января или в начале февраля 1779 года. В том же году Суворов был отозван с Кавказа.

Суворов оставил в Предкавказье и добрую, и грозную славу. «...Он успел построить до 30 укреплений. Кордонная служба была упорядочена. Строевые занятия велись неослабно, несмотря на строительные работы, производившиеся войсками. Эвакуировав госпитали, Суворов для уменьшения смертности скученные дотоле войска разместил широко, сумев, однако, избежать излишнего разбрасывания сил. Мягкое и гуманное обращение с туземцами, подарки влиятельным лицам, на которые не скупился Суворов, в связи с постоянной боевой готовностью войск Кубанского корпуса... повели к тому, что за все это время мир не нарушался ни разу...», — писал современник.

В 1782 году Суворова вновь назначают командующим войсками в Крыму и на Кавказе. В этом качестве он прослужил два года. В это время Суворову пришлось заниматься вопросами переселения ногайцев и подавления их мятежей на Кубани.

Можно предположить, что, инспектируя Азово-Моздокскую линию, А.В. Суворов посещал и Ставрополь, но достоверными сведениями на этот счет мы не располагаем.

Предание связывает имя любимого в народе полководца и с историей одной из станиц нашего края. Оно рассказывает, что как-то суворовские солдаты наносили шапками землю на место, где расположилась ставка полководца, так что образовался курган. Здесь позднее возникло поселение, о котором в старинном документе сказано: «Государь император по всеподданнейшему докладу повелеть изволили: Карантинную станицу Хоперского казачьего полка, близ которого находилось возвышение, называемое «Суворов курган», получившее название расположения на оном лагеря покойного генерал-фельдмаршала Италийского, графа Суворова-Рымникского, назвать Суворовской в память о пребывании сего полководца на Кавказской линии».

Славные победы были одержаны Суворовым в русско-турецкой войне 1787—1791 годов у Кинбурна, под Очаковом, в сражении на реке Рымник, при штурме крепости Измаил. Каждая из них — слава и гордость русского оружия. Полководческий талант, внезапность и решительность действий, бесстрашие, умение правильно оценить обстановку, вера в чудо-богатырей — русских солдат, несокрушимая, железная воля, изучение неприятеля во всех подробностях — все это сделало военные успехи Суворова беспримерными. За одержанные победы он получает титул графа Российской Империи с добавлением к фамилии почетного наименования Рымникский, бриллиантовые знаки орденов Св. Андрея и Св. Георгия 1-й степени. За польский поход 1791 года Суворов произведен в фельдмаршалы, а за Итальянский поход получает титул князя Италийского, уникальное звание генералиссимуса.

Через много лет с Кавказом оказалось связанным имя внука А.В. Суворова — князя Александра Аркадьевича Суворова, корнета лейб-гвардии конного полка. По показанию ряда декабристов, он был членом Северного общества. Заметной роли в обществе он не играл и стал участником заговора скорее всего под влиянием своего сослуживца поэта А.И. Одоевского. Он был арестован, но под следствием был недолго. Вскоре, по высочайшему повелению, был освобожден и отправлен на Кавказ под начальство А.П. Ермолова. Здесь внук Суворова принимал участие почти во всех главных сражениях русско-персидской войны 1826—1828 годов. Незначительный инцидент, относящийся к тому времени, ярко рисует одну из сторон характера Суворова. Как известно, с началом военных действий против Персии в Петербург полетели доносы на А.П. Ермолова, которого доносители обвиняли в различных упущениях и старались даже выставить единственным виновником разгоревшейся войны. На его место был назначен враждовавший с ним генерал И.Ф. Паскевич, в честь которого офицеры устроили традиционный обед. Сохранился рассказ, что непосредственно после тоста за нового командующего встал Александр Аркадьевич Суворов и произнес сочувственный спич в честь опального Ермолова. Каких-либо последствий для Суворова инцидент не имел... За персидскую кампанию, в течение которой Суворов неоднократно проявил личное мужество, «постоянно исполнял под огнем в траншеях приказания главнокомандующего», он был произведен в поручики и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом и золотой шпагой с надписью «За храбрость». По окончании кампании Суворов уехал в Петербург, где 2 февраля 1828 года был назначен флигель-адъютантом к государю.

Принимал участие А.А. Суворов и в русско-турецкой войне 1828—1829 годов. Он не только сопровождал Николая I во время его поездки в действующую армию, но и принимал активное участие в военных действиях. За боевые отличия и «толковое исполнение» поручений А.А. Суворов был произведен в штабс-ротмистры, награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В дальнейшем военная судьба А.А. Суворова не была связана с Кавказом. Но память о великом полководце и о его внуке здесь хранится и поныне.

Текст печатается по изданию:
Несмачная С.И. А.В. Суворов в Предкавказье // Альманах «Памятники Отечества». — М., 2000. — № 48. — С. 48—51.

Э.В. Кемпинский. **Высочайший ревизор в Ставрополе**

От автора

Глубокоуважаемый читатель!

Ставрополь в XIX веке с полным правом называли «воротами Кавказа». Его тихие улочки слышали шаги многих сынов Отечества. Портреты одних выцвели со временем в Книге Жизни, имена других до сих пор не без гордости называют ставропольчане. Но существует и третья группа людей, которые по воле потомков были преданы забвению.

Ставрополь осенью 1837 года ожидал прибытия Государя. Император Николай I был первый и единственный монарх, оказавший нашему городу столь высокую честь: удостоить его своим посещением. Об августейших особах у нас на протяжении десятилетий, если и говорилось, то с изобличающих позиций. Николая I привыкли знать как жандарма Европы, тирана, палача декабристов, организатора убийств А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова; или же со слов Ф. Энгельса — «мелкая душонка ограниченного Николая».

Эти характеристики, хоть и небесспорные, но имеют право на существование. Однако надо признать: факт посещения города императором был более знаменательным, чем пребывание здесь всей остальной массы выдающихся врачей, писателей, поэтов, революционеров... Во всяком случае, таковым оно являлось для «того» Ставрополя — административного, экономического и культурного центра Кавказской области, а позднее — Ставропольской губернии.

К теме пребывания Николая I в Ставрополе обращались известные краеведы XIX — начала XX в.: И. Бентковский, Г. Прозрителев, М. Краснов. В новейший период отдельные страницы события осветили в своих работах Г. Беликов и Н. Дикалова, Е. Ткачев. Однако как в прошлом, так и сейчас изложение ведется эпизодически, полного исследования темы так и нет.

Автором при написании работы были использованы разнообразные источники, среди них: архивные документы, акты государственного законодательства, воспоминания императора Николая I и мемуары современников, частная переписка, изобразительные материалы. В качестве источника также использована комедия Н.В. Гоголя «Ревизор», содержание которой позволяет раскрыть дух и нравы того времени. В работе использованы фонды Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.К. Праве и Г.Н. Прозрителева (СГКМ). Иллюстративные материалы любезно представлены Ставропольской краевой научной библиотекой им. М.Ю. Лермонтова (СКНБ) и краеведческим музеем.

Надеюсь, уважаемый читатель, что данная работа Вам понравится, способствуя развитию познавательного интереса к истории «малой Родины» и России в целом.

Э. Кемпинский

Предисловие

Книжка, которую Вы держите в своих руках, — итог изысканий молодого исследователя, кандидата исторических наук, преподавателя кафедры истории России исторического факультета Ставропольского государственного университета Кемпинского Эдуарда Вячеславовича.

Несмотря на небольшое по объему произведение, в нем раскрываются малоисследованные страницы посещения г. Ставрополя императором Николаем I, которое состоялось 17-18 октября 1837 г.

Избранная тема имеет, на наш взгляд, научную и социальную, в том числе и политическую, актуальность.

Она определяется, в первую очередь, самим масштабом явления, значением приезда Помазанника Божьего, Самодержца Всероссийского для развития Ставрополя. Изучение обстоятельств посещения им города важно для восстановления связи времен.

Император совершил длительную даже по современным рамкам поездку по России. В столице глава государства отсутствовал три месяца! На Кавказе государь находился три недели: с 27 сентября, высадившись на Черноморском побережье в Редут-Кале, по 19 октября, когда он прибыл в Новочеркасск. Кавказская экспедиция Николая I имела большое значение для развития русско-кавказских отношений, разрешения Кавказской войны. В условиях современной антитеррористической операции в Чечне актуальны его слова: «Я хочу не побед, а спокойствия на Кавказе».

Предложенные императором меры решения социально-политических проблем на Кавказе, исторический опыт Кавказской войны должны быть востребованы сегодня.

Обращение к региональному компоненту является одним из приоритетных направлений исторической науки. На современном этапе от науки требуется решение прикладных задач, популяризировать историю, что несомненно значимо для становления патриотизма и гражданственности. Работа может быть использована в учебных целях при изучении истории Ставрополья, в организации экскурсий.

Культурное наследие является важнейшей составляющей исторического развития любого цивилизованного общества, неотъемлемой частью идеологического и культурного воспитания всего населения, особенно молодого поколения. Реализации этой задачи и призвано содействовать данное издание. Это — результат сотрудничества ученых исторического факультета Ставропольского государственного университета и Ставропольского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, к 35-летию со дня создания которого и приурочена настоящая публикация.

Руководитель НОЦ «Культурное и природное наследие Северного Кавказа», декан исторического факультета Ставропольского государственного университета, доктор исторических наук, профессор
А.А. Кудрявцев

«К нам едет ревизор»

Итак, осенью 1837 года ожидался приезд Николая I на Кавказ. Причина сего посещения была почти как в «Ревизоре» Н.В. Гоголя: «Я думаю... что здесь тонкая и больше политическая причина...». Ставрополь периода Кавказской войны находился в непосредственной близости от военных действий. С появлением Шамиля и началом «священной войны» натиск горцев настолько усилился, что от их набегов стали небезопасными даже районы, лежащие за Кавказской линией. Сам Ставрополь превратился

как бы в военный лагерь, а мирные жители не могли выйти из города без сильной военной охраны.

Император Николай Павлович желал лично ознакомиться с положением дел с целью весьма политической — установление мира. Проезд через неусмиренные области Кавказа был рискованным мероприятием. В столице сильно беспокоились по сему поводу. «Один я, — отмечал граф Александр Христофорович Бенкендорф, — которому были известны нравы горцев, их благоговение к имени русского царя, никогда не обвиняемого ими в злоупотреблениях или строгости его чиновников, и, напротив, составляющего единственную их надежду на лучшую будущность; один я утверждал, что жизнь государя безопаснее между этими племенами, чем была бы в образованных странах Европы, где демагогия уже полвека как подрыла уважение к коронованным главам» (См.: 17. С. 739). Что ж, шеф жандармов остался верен себе. Прав ли он в своих суждениях или нет, но никаких враждебных действий горцев по отношению к Его Императорскому Величеству не произошло.

Но это позже.

А когда в июне 1837 года по городу разнеслась весть об ожидающемся событии, особой радости администрации она не принесла, хотя и хрестоматийная фраза из «Ревизора» также не произносилась. В фондах Государственного архива Ставропольского края мне посчастливилось обнаружить один любопытный документ.

«Господин Главноуправляющий в Грузии известил Его Превосходительство г. Начальника области, что Государь Император изволит предполагать в нынешнем году осчастливить Кавказ Высочайшим посещением. Его Императорское Величество будет проезжать от Тифлиса к Ставрополю в будущем октябре и удостоит Высочайшим обозрением казенные заведения и другие достопримечательные предметы, по пути следования Его Величества, находящиеся» (1. Л. 14).

Жизнь складывается так, что расстояние между привалившим счастьем и бедствием — чрезвычайно мало. В нашем случае оно равнялось в один взгляд самодержавного инспектора. А решение последнего, естественно, обжалованию не подлежало. Вопрос стоял: пронесет или не пронесет?! «Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал. Авось Бог вынесет и теперь» (Н.В. Гоголь).

Между тем причин для беспокойства у ставропольских властей было предостаточно. Возведенный в 1822 году в статус областного центра Ставрополь имел крайне неприглядный вид. Современники отмечали, что он «едва ли своей красотой мог перещеголять некоторые наши уездные города». Ставрополь был более похож на деревню. Жителей насчитывалось около 7 тысяч обоего пола. Каменных домов — всего несколько десятков. На улицах линии дощатых заборов изредка прерывались зданиями. Большая часть их была деревянной постройки, с крышами, крытыми разными материалами, не исключая и соломы. Между ними попадались довольно нелицеприятные лачужки, которых лучше бы и не было. Более того, это имело место на «лучших улицах» города — Большой Черкасской и Водопойной (ныне — К. Маркса и Октябрьской революции). А именно по ним и предстоял проезд императора. Всерьез говорить о ставшем в будущем гордостью города бульваре не приходилось; на его месте рос бурьян, от улицы Водопойной тянулся яр, из которого горожане брали глину для своих хат и сараев. В городе не имелось ни одной мощеной улицы, редко где можно было пройти по тротуару. На главной улице во время осенних дождей, то есть во время ожидаемого проезда государя, лежала грязь. Напротив Троицкого собора (ныне — район гостиницы «Интурист») «стояли невылазные трясины даже и в хорошую погоду» (11. С. 36; 7. С. 1—2). Отмечалось, что в Ставрополе дорога «на Большой улице находится в чрезвычайно дурном положении, все исправно разрушается. Рытвины и косогоры проезжающим по той дороге угрожают на каждом шагу опасностью» (1. Л. 14).

В условиях бессилия местной думы, не смевшей без воли военного начальства и пикнуть о каких-либо улучшениях в городе, ответственность за ведение городских дел лежала на гражданском губернаторе генерал-лейтенанте бароне М.М. Таубе. Но и он, по свидетельству современников, являлся лишь тенью командующего войсками Кавказской линии и Черномории, начальника Кавказской области генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова. Максим Максимович мало действовал самостоятельно, испрашивая разрешения А.А. Вельяминова по самым незначительным поводам (8. С. 483; 11. С. 36). Нерешительность и неуверенность барона тем более сказывалась в отсутствие командующего, с 1834 г. почти неотлучно находившегося в военных лагерях на побережье Черного моря. Это замедлило развитие города Ставрополя, его благоустройство.

«Я вас, господа, преуведомил»

Это ничего, что государь едет, а вдруг заглянет: «А вы здесь, голубчики?» Вот что худо...

В июле находившийся в войсках в Анапе начальник области Алексей Александрович Вельяминов, напоминая гражданскому губернатору барону М.М. Таубе «о таковом счастливом событии для всего края», выразил озабоченность, «чтобы к приезду Государя Императора всюду все было в должном и сколь возможно в лучшем порядке и устройстве» (2. Л. 3).

Откроем еще раз «Ревизора» и посмотрим: какие учреждения входили в список возможных для посещения. Это — присутственные места и тюрьмы, богоугодные (то бишь больницы) и учебные заведения.

Как помнится, в свое время гоголевский Антон Антонович Сквозник-Дмухановский особо советовал обратить внимание на богоугодные заведения. Не обошел их и наш начальник.

В Ставрополе единственным стационарным лечебным заведением являлся военный госпиталь, размещенный по частным зданиям. Хоть они и были «богоугодны», но порядок в них пришлось наводить грешным землякам. Здесь Максим Максимович Таубе действовал наподобие гоголевского судьи: «Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого». Владельцам помещений, каждому по отдельности, намекнули: если они произведут ремонт лучше обыкновенного, чтобы не стыдно было представить пред Высочайшие очи, то именно их дом будет на длительное время закреплен за госпиталем, причем за более высокую плату. В частно-

сти, Мария Антоновна Дробязина вложила в ремонт и убранство своего здания 1000 рублей (3. Л. 4). Как показали дальнейшие события, исполнять же свои обязательства местные власти не собирались...

Однако предметом наибольшего внимания местных властей явилось областное правление. 29 июля здесь были оглашены требования генерал-лейтенанта барона Таубе. Оно-то, конечно, в присутственных местах всегда находится большое количество просителей, и за порядком и чистотой не уследишь. Однако при Высочайшем посещении подобное может произвести неприятное впечатление. А посему «залу Присутствия и канцелярские комнаты содержать в примерной чистоте и снабдить их, по возможности, более приличною, хотя и простою мебелью». Причем необходимо мастерам закончить постройку мебели непременно к концу сентября, а если потребуется, выдать деньги вперед, то произвести это незамедлительно. Домовладелица арендуемого здания под областное правление купчиха Дьячкова-Тарасова на основании заключенного контракта была обязана произвести «в течение двух недель

Император Николай I

оное в возможно лучшее состояние». «На улицах кабак, нечистота!.. Что за скверный город!» — это вновь вставляет свое веское слово Сквозник-Дмухановский. Наш Максим Максимович в письменном виде аналогичную мысль высказал более пристойно: «Двор дома, занимаемого областным правлением, содержать также в чистоте, а ровно наблюдать, употребляя в помощь местную полицию, чтобы и на улице перед сим домом не было каких-либо нечистот или чего другого подобного» (1. Л. 14). Дом сей, построенный купцом Игнатом Волобуевым и до 1836 года принадлежавший ему, сохранился и поныне по адресу: ул. Шаумяна, 18-б.

В провинциальном городке С., городке райских садов, чиновничества и отставных военных шла медленная, размеренная жизнь. Поспешали не торопясь и в самом областном правлении. Дела, требующие разрешения, долго не продвигались, а в самом делопроизводстве имелись нарушения, даже грубые. За полувековую историю Ставрополья здесь, вдали от центральных областей России, вдали от столицы с ее протоколами, постепенно приходила в запущение форма делопроизводства.

Максим Максимович выразил уверенность в том, что чиновники «не допустят, чтобы в делах их скрывались какие-либо беспорядки и тем более злоупотребления, могущие заслужить справедливое негодование Государя Императора и обратить на виновных его гнев, а главное местное начальство поставить тем в невыгодное мнение пред Его Величеством. Равным образом гг. Члены Областного Правления имеют озаботиться, чтобы в половине будущего октября из вступивших в Областное Правление на разрешение дел и бумаг, в особенности последние, были, если возможно, разрешены или в движении — все без исключения. А чтобы достигнуть сего с желаемым успехом, гг. Члены Областного Правления обязаны усугубить свои знания, употребляя для сего и послеобеденное время».

Да и сама одежда служащих оставляла желать лучшего. Было рекомендовано: «Чтобы все служащие в оном чиновники: классные и неклассные — были одеты чисто, опрятно и прилично званию и должности» (1. Л. 14—15).

Что тут говорить о гражданских лицах, когда более дисциплинированная часть общества — военные — бывало, не соблюдали субординацию, а уж в отношении формы... Недавно прибывший в Ставрополь Г.И. Филипсон был чрезвычайно удивлен: «Вообще на Кавказе мало знали военную форму и нисколько ею не были стеснены от младшего до старшего». Причем время от времени они не забывали друг другу делать замечания о несоответствии формы положенному. «Эта дрянная гарниза наденет только сверху мундир, а внизу ничего нет», — со свойственной ему прямотой замечает гоголевский Городничий.

После того, как Максим Максимович дал ценные указания областному правлению, он принялся за тюрьмы. Барон предлагал «обратить особенное внимание на содержание арестантов» («велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос»); их одежду («чтобы не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему»); и «озаботиться, дабы в тюрьмах не содержались арестанты понапрасну и лишнее время» (1. Л. 49) («да и лучше, если их было поменьше: тотчас отнесут к дурному смотрению», — своевременные, как мне представляется, реплики из «Ревизора»).

В течение августа в округа Кавказской области из Ставрополя были посланы аналогичные распоряжения местным начальникам, полицмейстерам, городничим по типу: «Я вас, господа, предуведомил. Смотрите... Советую и вам».

«Ищите женщину...»

В день приезда в Ставрополь императора намечалось открытие первой на Кавказе мужской гимназии.

Мысль о создании подобного учебного заведения давно приятно волновала местное начальство. Однако длительное время эти прожекты не осуществлялись. Наконец, 24 июля 1837 года попечитель Харьковского учебного округа граф Ю.А. Головкин довел до сведения исправляющего должность директора училищ Кавказской области М.Ф. Беляева, что представление о преобразовании Ставропольского Высшего уездного училища в Кавказскую областную гимназию удовлетворено. До постройки собственного здания рекомендовалось арендовать частный дом (4. Л. 2).

Ситуация усугублялась известным намерением государя осчастливить Ставрополь своим посещением. Михаил Федорович Беляев приступил к поиску удобного и приличного помещения, «где бы не стыдно было принять высокого гостя», так как «не мог принять Государя Императора в развалинах старого дома», то есть в здании Высшего уездного училища (10. С. 13—14). Рынок недвижимости при малочисленности каменных строений в городе был незначителен.

1-го сентября Беляев отправил М.М. Таубе представление, в котором сообщалось о согласии жены чиновника 12 класса Марфы Серовой сдать внаем

под гимназию «два каменных ей принадлежавшие дома со всеми принадлежностями» (4. Л. 3). Эти здания сохранились поныне на углу улиц К. Хетагурова и К. Маркса, 82.

В трехэтажном доме находилось 20 комнат, 3 передние, а при первом этаже — подвал. В соседнем, двухэтажном доме — 8 комнат, две передние. Среди надворных построек имелись кухня с баней, сарай, конюшня, погреб, а также при доме был сад. В качестве арендной платы женщина потребовала 8 тысяч рублей ассигнациями в год. Причем она назначила срок для заключения контракта в 20 дней. В противном случае Серова грозила уступить дом другим лицам. Беляев спешно отправил депешу в Харьков, но отведенного срока было явно не достаточно. Между тем до приезда государя оставалось меньше месяца.

10 октября, не дождавшись ответа из Харькова, М.Ф. Беляев на свой страх и риск заключил с Марфой Серовой контракт об аренде дома на два года. Как тут не вспомнить французов — «ищите женщину» — она фактически оставляла на подготовку здания 4—5 дней, так как посещение Николаем I Ставрополя намечалось на 15 октября. В связи с изменением государева маршрута — царь решил заехать в Пятигорск — открытие гимназии перенесли на 18 октября.

Через несколько дней после отъезда государя из Харькова наконец пришла резолюция на заключение Беляевым контракта с Серовой: подобное «выходит из пределов власти, данной Вам как исполняющему должность директора». А через месяц отправившийся в уезд инспектировать Михаил Федорович скончался от нервной горячки. Эта новость еще не дошла до города, как стало известно: министерством народного просвещения контракт утвержден, но Беляеву вынесен строгий выговор (10. С. 13—14).

«В России две беды: дороги...»

Еще в апреле на собрании дворянского, купеческого и мещанского обществ горожане близко к сердцу восприняли идею необходимости реконструкции главных дорог города. По предложению городского головы купца Игната Волобуева было решено исправить Большую дорогу «добровольными пожертвованиями». Создан комитет содействия устройства мостовых и улиц. Посему граждане чинно, как и подобает, разошлись.

Шли недели, месяцы, а работа так и не начиналась. В июне Таубе предпринял некоторые мероприятия для активизации работы комитета. Было настоятельно рекомендовано незамедлительно «открыть действие, ибо дальнейшее отлагательство устройства при сближении осени потребует излишних издержек и при ненастных погодах, в осенних месяцах здесь бывающих, встретится самое затруднение». Так как мещанский комитет не имел в своем составе ни одного члена, знающего строительное дело, был прикомандирован для руководства работами штабс-капитан Констан. Кроме того, для оперативной связи был определен плац-адъютант Бетаки. Барон Таубе выразил идею: не только засыпать рытвины, исправить косогоры, но за лучшее было бы «устроить на Большой улице шоссе» и отремонтировать два переулка, ведущие от главной улицы к богадельне и тюремному замку (ныне — улицы Р. Люксембург и Октябрьской революции).

Однако и это не ускорило работ. Ставропольский уездный лесничий запретил в летние месяцы рубить деревья, даже если бы в город пожаловал сам Господь Бог.

Наконец наступил сентябрь. Пришлось наверстывать то, что не было сделано за прошедшие полгода. Ямы были засыпаны, трясины забиты хворостом. Сохранились сведения о расходах на ремонт дорог. В частности, потребовалось 875 возов хвороста, так как он проваливался в трясину, как в бездонную пропасть (11. С. 37)! Поверх хвороста были навалены каменные глыбы, а затем уже — доски. Сотни солдат вымостили главную улицу деревянными шпалами и толстыми досками в ширину двух экипажей, отремонтировали проулочные дороги.

Тогда же упоминаемые нами лачужки закрывались ширмами в виде высоких заборов, огораживались и пустыри, чтобы лишний раз они не попадались на Высочайшие глаза.

При въезде в город расположился палаточный лагерь командующего Кубанской линии генерала Г.Х. Засса. Здесь должна была состояться официальная часть встречи государя.

Непосредственно накануне события на главной улице были расставлены фонари, а вдоль дороги от Старомарьевки до города бочки со смолой на тот случай, если царь будет ехать затемно (7. С. 1—2).

Казалось, все предусмотрено, приведено в надлежащий вид, успели...

Но дождь спутал все планы и надежды.

«И многогласное: ура!»

Днем 17 октября в Ставрополе проходила ярмарка. С утра ставропольцы и гости толпились на ярмарочной площади (район цирка) и на Большой Черкасской улице, ожидая прибытия монарха. Среди публики были крестьяне, военные, казаки, мещане. Также явились лицезреть русского царя калмыки, туркмены, ногайцы. Уже начало смеркаться... Заморосил дождь. Лишь около 7 часов вечера в районе Старомарьевской станицы показались огни пылающих костров. В этой сцене было нечто мистическое...

Темный вечер... Дождь... Народ стоит, ожидая самодержца. Слышны приглушенные голоса. В начале восьмого в сумерках начинают вспыхивать огни, образующие светящуюся дорогу, словно звездный путь слился с земным. По этой дороге к городу приближается масса, она в свою очередь также окаймлена огнями, это казаки держат в руках факелы. Все это то вспыхивает из тьмы, то пропадает из вида... Зажженные на улице фонари, заливаемые водой, мерцают и трещат. Сверкающие звездочки становятся все ближе и ближе... В народе, до того молча, завороженно взирающего на происходящее, прозвучали слова: «Царь!.. Царь!!!». И многогласное «Ура!» нескольких сотен русских грудей зазвучало в погружающемся в ночную мглу городе.

И тут случилось страшное...

Хотя были приняты все меры к благополучному проследованию государя, но погода все же сделала свое подлое дело. На Ярмарочной площади при въезде на только что обустроенную мостовую царский экипаж застрял. Несмотря на все усилия, лошади не могли его вытащить. По сведениям краеведа Г.Н. Прозрителева, Николаю I пришлось выйти из экипажа, пройти

некоторое расстояние под дождем и воспользоваться услугами простого извозчика (5. Л. 31).

Толпа раздвинулась, и по устроенной мостовой пронесся царский кортеж под непрекращающиеся возгласы «Ура!».

Особу Его Величества сопровождали генерал-адъютант граф А.Ф. Орлов, генерал-адъютант главноуправляющий в Грузии, Армении, Астраханской и Кавказской областях барон Г.В. Розен, полковник из Пруссии Раух, флигель-адъютант принц Кристиан Людвиг Фридрих Генрих Гогенлоэ-Лангенбург-Кирхберг и прочие лица.

Было ровно 8 часов вечера. Кавалькада проследовала до дома командующего (ныне — район Дома книги). Здесь государя ожидал стол и ночлег.

Здание было снаружи неказистое: одноэтажное, низенькое, длинное, казарменного типа. Построенное в 1831 г. наравне с домами начальника штаба и дежурных офицеров, оно в 1834—1835 гг. подверглось переделке: внутренние помещения были красиво отделаны, обставлены дорогой мебелью, в результате пристройки образовался огромный зал. Особенное внимание командующего А.А. Вельяминова было обращено на усовершенствование находящегося при доме сада: был благоустроен пруд, итальянскими архитекторами братьями Бернардацци построена беседка, спланирован и развит первый городской сад с аллеями, цветниками. Согласно исследованиям краеведа Г.А. Беликова, сейчас из комплекса зданий сохранился только дом дежурных офицеров по адресу: ул Коминтерна, 18.

Областной центр затих на несколько часов, ожидая наступления нового дня.

Начальство — местное и областное — ожидало гнева императора. «Подлый дождь! Проклятая яма! Что нам стоило засыпать ее?! Ах, знать бы, где придется упасть, — соломки бы подстелить... Дождь, будь он не ладен. Не дай бог после него раскиснет улица! Да куда еще более позора?! Ан нет, есть еще куда... Ведь при дневном свете можно различить то, что скрывается за высокими ширмами! Пронесет или нет?! Скорей бы прошел этот день». Примерно эти слова проносились в головах Вельяминова, Таубе и других начальников рангом поменьше.

Восприятие царя своего ночного въезда в город, пожалуй, совпало с чувствами очевидца этих событий Н.М. Сатина: «Наступила темная осенняя ночь, дождь лил ливьмя, хотя по улице были зажжены плошки, но заливаемые дождем, они трещали и гасли. Наконец послышалось отдаленное «Ура!». Мы вышли на балкон, вдали, окруженная горящими факелами, двигалась темная масса. Действительно, в этой картине было нечто мрачное» (См.: 15. С. 23—24). Н.М. Сатин наблюдал за происходившим с балкона гостиницы А.И. Найтаки вместе с М.Ю. Лермонтовым и прибывшими на Кавказ сосланными декабристами: А.И. Одоевским, Н.И. Лорером, М.А. Назимовым, В.Н. Лихаревым и др. В наше время зданием гостиницы Найтаки признавались разные дома по проспекту К. Маркса.

Возможно, к государю сон долго не приходил. Николай Павлович вспомнил произошедший на подъезде к Ставрополю случай. Начинался дождь. Почтовый чиновник Зленко позволил обратить внимание государя на ухудшение погоды, на что получил высочайшее «Ты — дурак!» (5. Л. 32 об.). Но он оказался прав: государь простудился, его мучил приступ лихорадки, болели зубы. «Да и городишко, кажется, скверный, надо бы его упразднить...».

Единственно кому наступающий день приносил искреннюю радость, — это народ. Он был мысленно уже там — на улицах и площадях города, чтобы при дневном свете лицезреть живого Императора. Известно было, что завтра, 18 октября, открывается мужская гимназия и выставка ремесленных, мануфактурных изделий и достопримечательностей. А поскольку они находились недалеко друг от друга, то и пробежаться можно вслед за царским экипажем. «Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щелочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки...», — думал засыпая обыватель.

«Стакан воды»

Занялся новый день, 18 октября 1837 года.

Те, кому положено, отправились на службу в непривычно для глаза чистые заведения. Праздно шатающаяся публика с раннего утра вышла на улицу, ожидая прибытия государя на открытие гимназии и выставки.

Но новый день начался не с этого. В доме командующего грянул гром...

После завтрака Николай Павлович пригласил к себе генерал-лейтенанта Вельяминова. Крайне раздосадованный государь неприветливо встретил командующего и, посылая проклятья тому, кто разместил областной центр в этом месте, объявил о намерении подписать Указ об упразднении города с перенесением центра Кавказской области в Пятигорск (5. Л. 31). Начальник области разложил перед Николаем единожды утвержденный им несколько лет назад план застройки города, составленный городским архитектором Гайворонским. Но планы не спешили претворяться в жизнь, и Алексей Александрович мог только обещать. Представленный план не вызвал у царя удовлетворения. Ему не понравилось то, что в Ставрополе нет большой реки или каких-либо естественных богатств, могущих вызвать в местном населении промышленную предприимчивость.

А.А. Вельяминов принялся убеждать государя в важности этого центрального пункта для Северного Кавказа, имеющего большее стратегическое значение, чем Пятигорск, в том, что в Ставрополе в крепости сохранились помещения, способные вместить обширные запасы для армии хлеба, амуниции и т.д., и что, наконец, этот город отличается здоровым климатом, поэтому в нем следует построить госпиталь для больных и раненых солдат и вообще воинских чинов Северного Кавказа (11. С. 38). Царь стоял на своем. И все же город уцелел!

Исследователь ставропольской старины Григорий Николаевич Прозрителев писал: «Спас Ставрополь стакан карабинской воды». Николай I после приступа лихорадки захотел пить и потребовал холодной воды. Ему был подан стакан воды. Вода так понравилась государю, что он спросил, откуда такая вкусная вода. А.А. Вельяминов объяснил, что вода из местного городского источника Карабина, очень богатого водоема, который в сутки дает более 12 тысяч ведер воды. Это дало начальнику области сильный довод в пользу Ставрополя. Государь после выпитого стакана почувствовал себя лучше и сменил гнев на милость (5. Л. 31 об.; 6. С. 106). Гроза пронеслась мимо, и город уцелел, чем и обязан А.А. Вельяминову.

Так или иначе, самодержец не отчитывается за свои решения. Проблема быть или не быть городу перестала существовать. Был повторно утвержден план строительства города, согласно которому Ставрополь развивался до 1917 года.

Приложенные А.А. Вельяминовым усилия сказались на его здоровье. Вскоре он слег, а в начале 1838 года скончался...

Карабинский источник спустя некоторое время был облагорожен, поставлена «Николаевская» беседка.

«Я хочу не побед, а спокойствия»

Николай Павлович прибыл на Кавказ с целью узнать причины продолжения войны с горцами. Не мог быть обойден этот вопрос и на ставропольской встрече с начальником области. Привлекает внимание сказанное царем: «Надо сказать, что до сих пор местное начальство принималось за свое дело совсем не так, как следует: вместо того, чтобы покровительствовать, оно только утесняло и раздражало; словом, мы сами создали горцев, каковы они есть, и довольно часто разбойничали не хуже их. Я много толковал об этом с Вельяминовым, стараясь внушить ему, что хочу не побед, а спокойствия, что и для личной его славы и для интересов России надо стараться приголубить горцев и привязать их к русской державе, ознакомить с выгодами порядка, твердых законов и просвещения; что беспрестанные с ними стычки и вечная борьба только все более и более удаляют их от нас и поддерживают воинственный дух в племенах, без того любящих опасности и кровопролития. Я сам написал Вельяминову новую инструкцию и приказал учредить в разных пунктах школы для детей горцев как вернейшее средство к их обрусению и к смягчению их нравов» (См.: 17. С. 754).

Кроме Вельяминова, ответственность за ход военных действий нес командир отдельного Кавказского Корпуса и главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Армении, Астраханской и Кавказской областях генерал Григорий Владимирович Розен. Император о нем отзывался так: «Розен сделал много хорошего, но по слабости своей еще больше попустил беспорядок и злоупотребления, так что зло берет верх над добром, и я велел Орлову присоветовать ему просить увольнение от должности. Надо позаботиться о немедленном его замещении, и я написал князю Паскевичу, чтобы он уступил мне Головина» (См.: 9. С. 467).

И действительно, в конце года барон Розен, согласно его прошению, был отстранен от командования Грузией и прочим. Вскоре он был назначен присутствовать в Сенате. Место барона занял генерал Е.А. Головин. Война с горцами во главе с Шамилем шла в течение всего правления Николая Павловича. За десятилетия вряд ли осталась в России крестьянская хата или дворянская усадьба, которая не послала бы на Кавказ хоть одного солдата или офицера. Военные действия завершились при сыне Николая I — Александре II в 1864 году. Путь плененного Шамиля опять-таки шел через Ставрополь...

«Я осмотрел в Ставрополе...»

В связи с целью визита государя на Кавказ, и в частности в наш город, звучат следующие слова: «Я осмотрел находившиеся в Ставрополе войска, а потом военный госпиталь, который размещен по частным домам; при сильном движении через этот город на Линию и в Грузию необходимо поскорее выстроить для военного госпиталя большое особое здание» (9. С. 468).

Длительное время эти строки считались автобиографической записью графа А.Х. Бенкендорфа. Эта ошибка вкралась в ряд публикаций, книг, даже в библиографические каталоги (6. С. 131). Действительно, графа ждали в Ставрополе вместе с государем, но в связи с продолжительной болезнью шеф жандармов не смог отправиться в длительную поездку. Вместо Бенкендорфа сопровождал Николая I уже упоминаемый нами А.Ф. Орлов. В вышеприведенной цитате действующим лицом выступает именно Николай I.

Император посетил первый батальон Кавказской Линии, и хотя остался недоволен состоянием части, но не сделал Вельяминову замечания, а выразил солдатам и офицерам благодарность за военные действия (См.: 17. С. 756).

Военно-вещевое интендантство. Службу посетил Император Николай I. В настоящее время сохранилось только одно здание (ул. Суворова, 1).

Царь побывал на месте основания Ставрополя как крепости и города — Крепостной горке — в находившемся там Интендантстве. Во дворе его, имевшем форму пятиугольника, в тени тополей находилась могила основателя крепости полковника Ладыженского.

С востока Интендантство ограничивало длинное двухэтажное здание с арочными галереями, похожее на Гостиный Двор Санкт-Петербурга. Здесь располагались главные склады. 18 октября 1837 года они были осмотрены Николаем I. В память об этом здесь была позже установлена чугунная доска. В конце XIX века она была отправлена в Санкт-Петербург (5. Л. 10). Ныне из зданий Интендантства сохранилось лишь одно — по улице Суворова, 1.

Как было уже сказано, царь посетил размещенный по частным зданиям военный госпиталь. Существуют некоторые данные, что удостоился такой чести дом Марии Антоновны Дробязиной. Основывается эта возможность на следующих ее словах: «Во время проезда самого Государя Императора дом мой одобрен был и назван первым отделением» (3. Л. 4). Из-за

безграмотности женщины эти слова записал писарь. Документ в силу своей стилистической структуры не позволяет с полной уверенностью считать это здание объектом посещения Николаем I. Но вероятность этого существует.

В пользу этой версии говорит также тот факт, что в течение 1835—1837 гг. именно в нем располагались находящиеся на лечении офицеры, в том числе, возможно, и М.Ю. Лермонтов.

Дом Дробязиной был построен в 1833 году. Представлял собой двухэтажное строение. Нижний этаж — каменный в девять комнат с двумя коридорами, каменным сводом при входе. Второй этаж — деревянный флигель. Во дворе имелись хозяйственные постройки, а также родник с минеральной водой.

Несмотря на обещания, данные перед приездом императора, власти не только не увеличили арендную плату, но и через год и вовсе вывели из дома М.А. Дробязиной госпиталь. По мнению краеведа Г.А. Беликова, здание с более поздними пристройками сохранилось по адресу: проспект Октябрьской революции, 16.

В 1845 году пожелание царя о постройке собственного здания военного госпиталя было выполнено. Был возведен крупнейший на Кавказе военный госпиталь, состоящий из трех двухэтажных зданий с изящными переходами. Ныне то, что от него осталось, располагается по улице Ленина, 320.

«Желаю видеть достойных чиновников»

В 11 часов государь со свитой прибыл на открытие Кавказской областной мужской гимназии.

Программа открытия первой на Кавказе мужской гимназии была заранее согласована с государем. Первоначально намечалось семь мероприятий: молебен; чтение указов; речь Мишурова о значении указов для Кавказской области; доклад священника П.С. Патканова о необходимости изучения армянского языка, особенно в Кавказской области; отчет М.Ф. Беляева о деятельности Кавказской дирекции училищ; чтение фамилий учащихся; наставительная речь к детям священника Гремяченского. Однако, ознакомившись с программой, Николай Павлович распорядился через графа А.Ф. Орлова: «Молебен отслужить, речи и отчет отставить, узаконения прочитать и ждать его прибытия» (11. С. 38—39).

У парадного крыльца их встретил исполняющий обязанности директора М.Ф. Беляев с верноподданнейшим рапортом. Император в сопровождении Михаила Федоровича отправился обозревать помещение. Поднимаясь по лестнице, он поинтересовался: «Каково число учащихся вообще и в гимназии особо? И сколько имеется в виду учеников?». Со стороны Беляева последовал незамедлительный ответ:

— Всех учащихся 483, в гимназии налицо 53, неприбывших из городов — 12, имеется в виду более 20 человек.

— Следовательно, до 100 человек, — округлив сумму гимназистов, сказал Николай I и, обращаясь к Вельяминову, добавил, — на первый раз достаточно (7. С. 1—2).

В гимназии оставался тот же состав классов, почти те же ученики и учителя, что были в Ставропольском высшем уездном училище. Однако требования значительно повысились. Так что было переведено лишь 53 человека из 65 учащихся уездного училища. Эта разница и входила в дипломатическую формулировку «неприбывшие из городов». А из оставшихся полностью соответствовали требованиям лишь 11 ребят (10. С. 32).

Пока мы разбирали состав гимназистов, гости вошли в класс.

— Здравствуйте, дети! — произнес государь.

— Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству!

— Поздравляю вас, дети, с открытием гимназии.

— Покорнейше благодарим, Ваше Императорское Величество.

— Желаю, чтобы плоды занятий вы употребили с пользою и сделались достойными чиновниками!

— Будем стараться!

Взглянув на детей и заметив слезы на глазах большей части их, царь тихо произнес: «Iolis enfantes» — «милые детки».

Николай Павлович представлял императорскую власть надсословной, а восстание декабристов — заговором дворянства для достижения политического господства в государстве. Поэтому он решил править посредством опоры не на дворянство, а на чиновничество, создав мощную централизованную административную систему. Выразив убежденность в необходимости проведения реформ, царь желал привлечь образованных людей, их знания и умения к благому делу: поддержать правительство в его реформаторской деятельности.

В первые же месяцы своего правления Николай I призывал: «Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам». Причем, эти нравы есть политические качества, необходимые для управления государством. Ими должны обладать как подданные, чтобы понять политику и принять ее, так и сами правители.

В таком понимании и скрыто было пожелание Николая I видеть «достойных чиновников».

Николай Павлович осмотрел классы, библиотеку, книжный магазин, где была отмечена недостаточность литературы.

— На сколько человек предназначен пансион при гимназии? — поинтересовался Высочайший посетитель.

— На двадцать человек казеннокошных, — отметил Беляев, имея в виду содержавшихся за счет казны учащихся, — а пансионеров, на сколько явится желающих и дозволит помещение.

— А готово ли оно?

— Комнаты почти готовы.

— Где они?

— В третьем этаже.

Его Величество одобрил расположение комнат общежития, но повелел не спешить с открытием гимназии, а принять меры к окончанию ремонтных работ.

В целом Николай I выразил удовлетворение состоянием гимназии, сказав: «Хорошо. Я доволен». Посему гости покинули здание (7. С. 1—2).

В течение последующих двух лет аренды неоднократно возникали конфликты с домовладелицей Марфой Серовой. Ремонты, производимые ею, должного улучшения не приносили. Она требовала то повышения арендной платы, то возвращения ей сада. О пристройке к зданию и мечтать нельзя было.

В итоге, в 1840 году гимназия перебралась в другое здание. В конце 40-х годов в новом арендованном доме Плотникова (угол улиц Р. Люксембург и К. Маркса, 72) появилась мраморная доска с обозначением на ней факта открытия гимназии лично Николаем I (10. С. 13—14). Традицией в гимназии стали чествования этого события с организацией конкурса сочинений.

Уже с 1837 года начались хлопоты о постройке капитального помещения для Ставропольской мужской гимназии. Наконец, в 1868 году состоялся торжественный переезд гимназии в собственное здание.

«Белого орла не видывал!»

В начале первого часа царский кортеж подъехал к Гостиному ряду на Большой Черкасской улице. Здесь разместилась первая выставка ремесленных, мануфактурных изделий обитателей Кавказской области и горских племен, а также экспонаты по истории Кавказа, его флоры и фауны. Эта выставка была организована специально к приезду государя императора.

В связи с отсутствием особого помещения для этих целей известным ставропольским купцом Игнатом Волобуевым был уступлен зал на втором этаже принадлежащего ему центрального здания Гостиного ряда. Последний представлял собой единый архитектурный комплекс из трех двухэтажных зданий. Ныне сохранилось одно по улице К. Маркса, 79.

В помещении, на расставленных вдоль стен и по центру столах располагались экспонаты природного богатства края и достижения местного производства. Здесь были мотки льняной, конопляной и шерстяной пряжи, разнообразное крестьянское тканье — холсты, пестряди, сукна, понитки, набойки на льняных и пеньковых тканях, крашенина, полотна, крестьянские кружева и вышиванья красной бумагой или гарусом, шали «купеческие», платки, домотканые ковры и дорожки, тряпичные куклы...

Рядом демонстрировались шкуры козлов и баранов, дубленые и недубленые овчины, каракуль, беличий мех, шкуры куницы, лисы, выдры. Хозяева кожевенных заводов выставили обработанные кожи: бычьи, буйволиные, бараньи, козьи, мерлушечьи. Здесь же — конская сбруя, шубы медвежьи и волчьи, шапки овчинные, заячьи, лисьи, кузнечные фартуки, меха для горна...

Горцы выставили кавказские бурки и башлыки, бешметы из домотканого сукна, обшитые галуном черкески, войлок и войлочные шляпы, бурдюки.

На выставке демонстрировались образцы кавказского шелка, «золотое руно» ставропольских мериносов, шипучее вино «Ребровское полушампанское» (6. С. 111—112).

Между столами стояли клетки с животными, птицами, а также жилища местных кочевых народов.

У подъезда Николая I со свитой встретил почетный директор выставки, предводитель областного дворянства Алексей Федорович Ребров. Ему было высочайше адресовано: «Веди и объясняй!».

Государем были отмечены плоды айвы из кизлярских садов Боядурова, фазаны живые, обитавшие по всем лесам Кавказской области. Увидев белого орла, император выразил искреннее удивление: «Белого орла не видывал!». Присутствующий здесь же полковник Раух своевременно вспомнил о поручении прусского короля достать белого орла. Посему Николай I распорядился отправить птицу в Берлин. Отправились из Ставрополя и олени молодые, на этот раз — в Санкт-Петербург.

Оживился император, когда речь зашла о шелководстве: «Это у нас важная статья! И я готов ей покровительствовать». Местными шелководами были представлены коконы китайской (А.Ф. Ребров), итальянской и персидской пород (Калантаров). Монарх долго рассматривал их, расспрашивал о разнице между ними, а насчет китайских задал вопрос Реброву:

— Откуда получены и как?

— Посредством министра финансов из Китая.

Обозревая машинку, разматывавшую шелк с коконов, государь поинтересовался о ее технических характеристиках, на что со стороны Алексея Реброва последовал подробный ответ. В завершение осмотра экспонатов шелководства Высочайше было заявлено: «Мы в этом спорим с французами». Выражена благодарность А.Ф. Реброву за его заботу об отечественном шелководстве. По возвращении в Санкт-Петербург государь не забыл о своем впечатлении о ставропольской выставке. В том же году А.Ф. Ребров за образцовое ведение виноградарства, виноделия и шелководства был удостоен ордена св. Станислава II степени со звездой (11. С. 38). В последующие годы ставропольский шелк, представленный Ребровым, вызывал удивление и восхищение за рубежом.

Гимназист Ставропольской губернской гимназии в ученической форме. Фото конца XIX века

Вскоре, выразив удовлетворение, Николай Павлович направился к выходу...

Еще не рассеялась толпа на улице, как в комитете выставки решили ежегодно «на память сего щастливого события, в день, ознаменованный Высочайшим посещением, открывать выставку для публики». Алексей Федорович Ребров, в свою очередь, объявил о намерении «заказать бронзовую доску с золотыми литерами, свидетельствующую на времена будущие место, ощастливленное присутствием Всемилостивейшего Государя Николая Первого, из всех царей России посетившего г. Ставрополь».

Торговые связи ставропольских купцов в последующем активно развивались. В том же Гостином ряду можно было купить «московские ситцы, ярославские полотна, саратовскую сарпинку, елецкие кружева, персидские шали, английские сукна, тульские самовары». Была и канареечная лавка, где за год продавали до 1,5 тысячи певчих птиц.

В 1838 г. в здании, удостоенном посещением Помазанника Божьего, купцом Игнатом Волобуевым была открыта церковь. Ныне на месте этого здания — дом по проспекту К. Маркса, 77.

«Сам Соломон не разрешит...»

Императорский кортеж подъехал к тюремному замку...

Мной обнаружены воспоминания купца Н.Н. Шипова, свидетельствующие об этом событии. Николай Николаевич в начале XIX века был крепостным, провел бурную, полную приключений жизнь, а в 1837 году сидел в ставропольском остроге. Вот что он пишет: «В октябре месяце прошел слух, проникший и в нашу камеру, что проездом из Грузии скоро будет в Ставрополе Император Николай Павлович и посетит острог. Все арестанты пришли в движение, и хотя нам было объявлено, чтобы мы не смели беспокоить государя ни письменными, ни словесными просьбами, однако многие запаслись прошениями, надеясь подать их лично государю. Я также решился сказать незабвенному монарху о злоупотреблениях на Кавказской Линии, в той уверенности, что он окажет мне какую-либо милость».

Прерву на время повествование Шипова и отмечу, что поводов для подобных прошений было много. Злоупотребления допускались в том числе и в самом «святилище» правосудия — Кавказском областном суде. Сохранились записи очевидца той ситуации, которая сложилась в данном учреждении в конце 20—30-х годов XIX века. Свидетель указывает: в Ставропольском суде хаос, дела не рассортированы, при разрешении их большое значение имеют деньги. Автором даются меткие, уничтожающие характеристики судебным деятелям. Секретарь — «беспечен и ворует казенные деньги». Исправник — сам находится под судом за то, что «берет с казенных крестьян поборы и за другие дела». Заседатели — «крайне нетрезвого поведения, без всяких познаний, бесполезны совсем, под видом производства следствий разъезжают из одного села в другое на обывательских подводах и пьют водку за счет крестьян, делая им притом всяческие притеснения». И, наконец, судья — «противозаконничает, растрачивает казенное добро, не трезв и не способен к делу» (14. С. 4).

Ольгинская женская гимназия. Здание перестроено в 1897 году. Ранее здесь размещался тюремный замок. В настоящее время — школа-интернат для глухих детей. Проспект Октябрьской революции, 24

Вернемся к воспоминаниям купца Шипова: «В день приезда государя, с раннего утра все начальство острога было на ногах. Везде чистили, выметали сор, полы усыпали песком. Арестантам выдали по новому полушубку, наварили говядины и каши, словом, для нас наступил праздник. В 12 часов (реально несколько позже. — *Э. К.*) приехал государь. Я встал у самой двери нашей казармы. Лишь только отворилась эта дверь и я увидел государя, как тотчас же пал на колени и произнес: «Ваше Императорское Величество!». Но в ту же минуту двери затворились — государь не вошел в нашу казарму».

В 1876 году тюрьма была переведена в другое помещение, а здесь расположилась женская гимназия. Лишь к 1897 году здание капитально перестраивается. По имени царевны Ольги, пожертвовавшей 40 тысяч рублей, гимназия стала называться «Ольгинская». Ныне это школа-интернат № 36 для глухих детей по проспекту Октябрьской революции, 24.

«Прости, что к тебе не заеду»

Император вернулся в дом командующего. По сведениям краеведа И. Бентковского, начальник области А.А. Вельяминов организовал бал в честь высочайшего гостя (8. С. 486).

Празднества в доме А.А. Вельяминова стали уже традиционными. Хотя сам начальник области не принимал в них активного участия, но ценил их как средство сближения городского общества и отдыха, особенно в условиях боевых действий Кавказской войны. Благодаря пристройке к дому образовался большой зал длиной более 20 метров, — здесь и устраивались балы. В саду играла полковая музыка, на площади перед домом устраивались фейерверки, привлекающие массу народа.

Впрочем, проведение бала маловероятно, хотя прием был, конечно, организован. По сведениям краеведа А.И. Твалчрелидзе, среди прочей публики Николай I принял староверов села Александровского одноименного уезда. Крестьяне ему не приглянулись, — и он перевел в понравившийся ему Пятигорск центр уезда.

Генералитет Кавказа надолго запомнил впечатление, произведенное на них инспекторской поездкой Николая I: император лютует и срывает эполеты; вместо наград сыплются одни шишки. Двадцать лет спустя А. Дюма, путешествующий по Кавказу, услышал в тифлисских салонах следующую историю. «К несчастью, император Николай имел непоколебимое намерение совершить путешествие по Кавказу, — писал в своих заметках великий романист. — Он прибыл в самое неподходящее время, был постоянно болен и пребывал в дурном расположении духа. Он жестоко оскорбил генерала Розена, грубо сорвав, во время смотра войск, с князя Дадиани, его зятя, аксельбанты императорского адъютанта... Эта вспыльчивость императора оставила неприятный осадок» (См.: 12. С. 37—38). Истины ради следует признать, что наказания были обоснованными, хоть и жесткими.

Темп, заданный императором в ходе кавказской инспекции, не все выдерживали. Ветерану Отечественной войны 1812 года А.А. Вельяминову пришлось проскакать верхом на лошади 100 километров, сопровождая государя по дороге из Владикавказа. По мнению современников, этот марш ослабил силы генерала (16. С. 143).

Легко понять причины безвременной смерти организаторов приема Николая I в г. Ставрополе. Пример тому не только командующий войсками Кавказской Линии и Черномории, начальник Кавказской области генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, но и директор училищ Кавказской области М.Ф. Беляев.

Кавказская администрация и генералитет были в страхе за свою судьбу.

Воспоминания современников сохранили еще один эпизод пребывания императора в г. Ставрополе.

В доме командующего генералитет ждал выхода Николая I в зал. Среди прочих находился и атаман Черноморского казачьего войска генерал-майор Н.С. Заводовский. Он «толкался между этими сановниками и всем рассказывал, что пропала его головушка, ежели царю вздумается прокатиться по Черноморию, что дорог, мостов и гатей в ней не чинили и не поддерживали со дня переселения туда казаков». Наконец, двери распахнулись, и вышел Николай I. Он подошел к Н.С. Заводовскому и сказал: «Ты не сердись на меня, ежели в этот раз я не могу быть у тебя на Линии». Из глаз генерала потекли слезы, но это были слезы не огорчения, а радости. Едва выйдя из зала, он, «не стесняясь, громко радовался этой милости, и крестился, и отмаливался, что отделался от опасного ревизора» (См.: 13. С. 495).

Действительно, из Ставрополя путь императора лежал в Область войска Донского.

«Нет, ты не дурак!»

Несколько часов, проведенных монархом в нашем городе, пролетели, после обеда он отбыл.

Помня неприятности при въезде императора в город, городские власти решили не рисковать: спокойный выезд императора из города взялся обеспечить лично городской голова Плотников, который содержал почтовую станцию. Зная, что Николай I любит быструю езду, он запряг в коляску четверку самых лучших, сильных лошадей и сам сел на козлы править ими.

Коляска мягко катилась. Но вот, подъезжая к станции Русской, надо было подняться на пригорок, и ямщик прикрикнул на лошадей, ускоряя ход. Лошади взяли в карьер. Коляска раскачивалась, и задремавший Николай I, опасаясь опрокинуться, крикнул: «Держи, дурак!» (5. Л. 32 об.). Он не знал, что кучером у него является городской голова...

Николаю Павловичу определенно было свойственно попадать в разного рода истории с лошадьми. По дороге из Тифлиса в Ставрополь император испытал уже ряд тревожных минут, связанных с лошадьми. К чести Николая Павловича, он достойно выходил из неприятностей.

Так, неделей ранее описываемых событий на горной дороге вдруг лошади понесли к пропасти. Николай I вспоминал: «Опасность грозила очевидная, без всякого средства спасения; я встал в коляске, чтобы пособить кучеру удержать лошадей. Однако напрасно; мне пришла нелепая мысль выскочить из коляски, но Орлов разумно догадался удержать меня. Мы уже видели перед глазами смерть...». Как вы понимаете, царь остался жив. Чем же закончилась эта гонка по серпантину горных дорог?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мне хотелось бы сделать небольшое отступление.

Во-первых, большинству из нас вряд ли пришло бы в голову «пособить кучеру». Для этого нужна сила и практика. У Николая I имелось и то и другое. В 1835 г. в Туле при аналогичных обстоятельствах «государь, став во весь рост, схватил вожжи и своею атлетической силой успел сдержать лошадей», — как отмечали очевидцы происшествия. Во-вторых, профессия государя должна исключать проявление трусости. Где ему грозила большая опасность: спрыгнуть с коляски или оставаться в ней? — пожалуй, в последнем случае. Но что бы на это сказали окружающие! А посему — неси свой крест, хоть он и царский.

«...Мы видели перед глазами смерть, как вдруг сильным толчком опрокинулся экипаж. Я перекувырнулся несколько раз. Коляска, опрокинувшись, легла на два пальца от пропасти, лошади повисли над пропастью». Так завершился очередной критический момент в жизни Николая I.

Во Владикавказе на сборе горских старшин и феодалов императору подвели необъезженного коня, и Николай I, не испугавшись, усмирил его (12.0.31, 38)!

Не щадящий себя, высоко требовательный к чиновникам разного ранга, он и из лошадей выжимал максимально возможное. За время своей трехнедельной поездки по Кавказу Николай I загнал 170 лошадей!

Для полного завершения картины можно вспомнить эпизод въезда царя в Ставрополь, когда обессиленные лошади не смогли вытащить экипаж из ямы.

Вид на Николаевский проспект от Тифлисских ворот. Почтовая открытка начала XX века

И вот снова, при выезде из областного центра, коляска раскачалась, готовая опрокинуться. Рок, что ли, какой-то?!

Но ямщик — городской голова, — не обращая внимания на окрик государя, лихо подъехал к станции, и лошади стали как вкопанные. Император Николай I остался доволен. Выйдя из коляски, он обратился к кучеру со словами: «Нет, ты не дурак». По возвращении в Ставрополь Плотников распорядился занести эти царские слова в журнал, что и было исполнено...

«С магического 1837...»

Шли годы, многие непосредственные участники описанных событий уходили из жизни. Чем больше становился временной промежуток, тем все меньше сохранялись в памяти подробности произошедшего 17—18 октября 1837 г. Так, в старости генерал Г.И. Филипсон писал: «Да, был царь, но он проследовал через Ставрополь не задерживаясь...».

Людская память недолговечна. Но именно в тесной связи с посещением Николаем I начался путь к расцвету города, он как бы пробудился от спячки. К приезду императора были приурочены открытия

в городе Ставрополе первой на Кавказе мужской гимназии и первой на Кавказе выставки достижений промышленности, сельского хозяйства и достопримечательностей. При непосредственном участии Николая I в Ставрополе был построен крупнейший на Кавказе военный госпиталь.

В это время были заложены основы того, чем мы, ставропольцы, гордимся, что придает ему особый колорит, отличающий его от других российских городов. Заложен ставропольский бульвар, вымощены некоторые улицы. Подпоручик Носов в 1840 году писал: «На главной улице проведены тротуары, которые от самих улиц отделяются почти везде каменными канавами. По Большой улице (ныне — проспект К. Маркса. — *Э. К.*) и параллельной ей, ведущей от дома командующего (ныне — часть ул. Дзержинского от площади Ленина до проспекта Октябрьской революции), проведено шоссе». Резко возросло количество каменных строений. Если до приезда царя таких насчитывалось лишь несколько десятков, то к 1840 уже 138, а спустя семь лет — 280. К середине XIX в. внешний вид города преобразился. Современники удивлялись «быстроте, с какой Ставрополь строился, и как скоро успел перещеголять своей наружностью многие из наших губернских городов». И. Бентковский свидетельствовал: «Этим мы старались напомнить ставропольским гражданам тот незабвенный день, в который они удостоились предстать пред лицом своего Августейшего Монарха... быстро после того начали подвигать город вперед на пути к улучшению» (8, С. 471, 485). Так что, когда в 1850 году Ставрополь посетил сын Николая I — цесаревич Александр, он увидел город с «фасонистыми зданиями».

В общем, как отмечал один из современников, «с магического 1837 года город начал быстро расти».

Источники и литература

1. ГАСК. Ф. 71. Оп. 1.Д. 548.
2. ГАСК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 2113.
3. ГАСК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 739.
4. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1960.
5. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 74.
6. Беликов Г.А. Дорога из минувшего. Ставрополь, 1991.
7. Бентковский И. Император Николай I в Ставрополе // Ставропольские губернские ведомости. 1887. 17 октября. С. 1—2.
8. Бентковский И. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Кавказский календарь на 1855 г. Тифлис, 1854. С. 471, 485.
9. Исторический вестник. 1903. № 2.
10. Краснов М. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ч. II. Ставрополь, 1887.
11. Краснов М. Просветители Кавказа. Ставрополь, 1913.
12. Кусов Г. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ, 1998.
13. Лорер Н.И. Записки моего времени // Мемуары декабристов. М., 1988.
14. Фавровский С. Из быта чиновничества в дореформенное время на Кавказе. Ставрополь, 1910.
15. Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь: Исторический очерк. Ставрополь, 1977.
16. Филипсон Г.И. Воспоминания. М., 1885.
17. Шильдер Н.К. Император Николай I. Т. 2. СПб., 1903.

Текст печатается по изданию:
Кемпинский Э.В. Высочайший ревизор в Ставрополе. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2000.

Ю.А. Хоменко. **Ставропольская крепость**

Начало города редко бывает так четко зафиксированным и хорошо освещенным, как это случилось со Ставрополем: строительство линии крепостей от Моздока до Азова, прибытие воинских команд, закладка крепости и основание станицы, фамилии командиров частей, время начала работ (октябрь 1777 г.). Место тут было первозданным, нехоженым и очень удобным для крепости.

Густой Черный лес сочился родниками, покрытое буйным разнотравьем плоскогорье, полуостровом выступающее из склона, позволяло видеть окружающую местность на много километров вокруг. Не менее удобным было место и для станицы — рядом, у подножья плоскогорья — уютное, скрытое от постороннего глаза и от продувающих насквозь ветров.

Все первые элементы будущего города разместились правильно: крепость — на господствующей высоте, труднодоступной, с хорошим обзором; станица — под защитой крепости, у речки, в окружении лугов. Казалось бы неестественным размещать все наоборот. И все же...

Статья в «Кавказском календаре» на 1849 г. утверждает, что «...до 1777 г. на месте, занимаемом ныне городом, находилось небольшое укрепление; когда же продолжена была в 1777 г. военная линия от Моздока до Азова, то на месте этого укрепления поселена была станица казачьего Хоперского полка, названная Ставропольскою и переведенная впоследствии, в 1838 г., на реке Кубань».

Речь идет о территории современного нижнего рынка и прилегающих улиц. Если верить статье, то именно здесь было первое укрепление — начало крепости. Это маловероятно, поскольку в военном отношении территория мало пригодна для крепости и защитников ее легко можно было застать врасплох из-за множества скрытых подходов. Но информацию можно понимать и иначе — на этом месте было не военное укрепление, а укрепленное поселение, т.е. начало не будущей крепости, а будущей станицы. И тогда все становится на свои места — для поселения площадка пригодна вполне.

Существует, однако, и еще один вариант первоначального размещения крепости. А. Малинин (1946 г.), а позднее и В. Гниловской (1949 г.) указывают место расположения укрепления как основы будущей крепости в урочище «Валик» к северо-западу от Михайловского родника, дающего начало речке Ташле. Малинин даже приводит народное предание о том, что А. Суворов, приняв в январе 1778 г. командование над Кубанским корпусом и объезжая Азово-Моздокскую линию, прибыл в Ставропольское укрепление «Валик», носившее тогда название пост № 8, и, оценив ситуацию, распорядился перенести крепость на то место, которое она впоследствии и заняла.

Красивая легенда. Очень хочется, чтобы так оно и было, но в ордере командиру Владимирского драгунского полка, посланном вслед полку, ушедшему строить крепость, астраханский губернатор И. Якоби пишет: «...чтобы расположение свое взяли прежде на Ташле («Валик»), а не в Черном лесе (горка)... Остановить вас нет уже более способу... только расположиться уже в Черном лесе...». Датирован документ 2 октября 1777 г., т.е. за 3 месяца до назначения Суворова командующим корпусом. Тогда уже было укрепление на Ташле и постоянное место для крепости в Черном лесе.

А события развивались следующим образом. В 1776 г. началось занятие линии русскими войсками, в это время возник пост № 8 на Ташле («Валик»). В октябре следующего года сюда прибыли для строительства крепости Владимирский драгунский полк... под командованием полковника Шульца и Хоперский казачий полк под командованием майора Устинова.

Спустя 10 лет после прибытия этих полков к Черному лесу первый этап строительства крепости и станицы был завершен. Вид города того времени изображен на плане 1787 г., всматриваясь в который можно отметить некоторые его особенности.

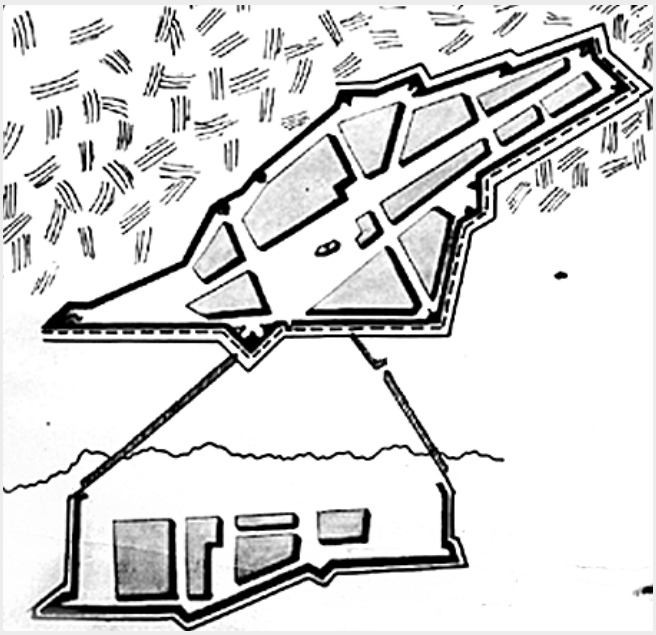
Вид Крепостной горы со стороны кинотеатра «Родина». 60-е годы XX века

Трудно сказать, являлся ли этот чертеж генеральным планом, то есть документом, определяющим будущую застройку города, или был только топографической съемкой, фиксирующей уже построенное. В пользу первого говорят те элементы, которые никогда построены не были и, следовательно, заснятыми быть не могли. Так, станица разбита на ряд кварталов, но не имеет центрального планировочного узла. В действительности же такой узел был и сохранился до наших дней — это нижний рынок. И даже непременная в таких случаях церковь на нем тоже существовала.

Генплан 1787 г. — ключ к пониманию всего дальнейшего развития города. Суть плана заключается в законченности системы военного укрепления (крепости) и военного поселения (станицы). Подчеркнем — военного! Ведь когда рождается гражданский город, то ему планируется все последующее развитие постепенно, без ограничения, по заранее составленному единому генеральному плану. Здесь же развитие ограничено, закончено, для военного назначения оно не нужно. Есть крепость со своим гарнизоном, и есть станица — место поселения семейной части гарнизона — казаков. Станица укреплена по контуру и развиваться не должна.

Надо сказать, что градостроительная ситуация, в которой оказался Ставрополь в те годы, не была необычной, учитывая его пограничное положение. История строительства в России — это в каком-то аспекте история строительства крепостей и укреплений. Города-крепости, сибирские и уральские заводы-крепости, кремли, монастыри... укрепленные линии из крепостей на границах — кажется, исключений не было. Народ защищался, чтобы выжить.

К концу XIX в. в империи насчитывалось 37 укрепленных линий, каждая из которых была не просто цепочкой крепостей, это была система различных оборонительных сооружений: городов-крепостей, крепостцов, редутов, маяков, форпостов, пикетов и других фортификационных элементов, зачастую соединенных непрерывными линейными укреплениями. Азово-Моздокская оборонительная линия не получила достаточного развития как военно-инженерная, хотя и в ней присутствовали элементы различного ранга — редуты, форпосты, Темнолесский ретраншемент, ставший впоследствии крепостью.



Фрагмент плана города Ставрополя 1787 года. Ставропольская крепость и аванкрепость

К началу строительства этой линии в конце XVIII в. фортификационное искусство и в Европе и в Русском государстве достигло довольно высокого уровня развития. Наиболее мощные сооружения — крепости — были большими, сложными и красивыми объемными композициями, многоугольными в плане, с бастионами на вершинах углов, многоэтажными, каменными, с целой системой подземных галерей, казематов, камер, а также рвами и земляными укреплениями вокруг стен.

Крепости, возникавшие на западных границах страны, именно такими и были, потому что им противостоял хорошо вооруженный противник, имевший опыт осады и взятия сильных крепостей. Здесь же, на Ставрополье, русские соприкасались с племенами горцев, сильными только своими стремительными набегами и вооруженными личным огнестрельным оружием. Поэтому облегченный вид кавказских крепостей объяснялся совсем не отсутствием умения у военных инженеров, а принципом разумной инженерной достаточности, определенным боевыми качествами противника.

Законодательство в области крепостного строительства в этот период и его регулирование осуществляла «Канцелярия Главной артиллерии и фортификации», созданная в 1732 г. Проекты крепостей для гарнизонов разрабатывались в строительном отделе Военной коллегии. Осуществляла же военное, да и гражданское, строительство созданная после войны 1812 г. система отделений и округов военных поселений. Так, при штабе войск на Кавказе в первой половине XIX в. существовало окружное инженерное управление, которому в Ставрополе подчинялось управление VII округа корпуса инженеров военных поселений. В состав округа входила группа военных и гражданских инженеров (в том числе архитекторов), а также четыре военно-рабочих роты.

Надо сказать, что инженерным обеспечением войск на Кавказе, другими словами, военным строительством, занималось большое число частей, организаций, управлений, отдельных военных и гражданских инженеров. Они прокладывали дороги, возводили мосты и порты, регулировали сток своенравных северокавказских рек, устраняли прорывы паводковых вод, обеспечивали переправы войск, эксплуатировали построенные ими сооружения. Стоило начать прокладку дороги, как возникало управление строящейся дороги; потом оно делилось на отделения, участки, дистанции; возникали хозяйственные, искусственные и другие части. И, несмотря на всю кажущуюся сложность и громоздкость этого механизма, действовал он довольно исправно.

Но все это будет потом, в начале XIX в. А в 1778—1781 гг. первую дистанцию крепостей Азово-Моздокской линии строили обычные, не инженерные войска — полки Кабардинский пехотный, Владимирский драгунский, Волгский и Хоперский казачьи. Руководил этими работами начальник комендантского управления дистанции крепостей полковник Николай Ладыженский, военный инженер, потомственный русский дворянин, ведущий род со времен Дмитрия Донского, командир Кабардинского пехотного полка.

Возведение почти всех крепостей линии велось по «образцовым» (типовым) проектам.

Ставропольская крепость хотя и относилась к малым крепостям (площадь 10 га) и не являлась узловой в системе всей линии, тем не менее была построена по индивидуальному проекту. Это не проект, как и дошедший до нас план 1809 г. Чертежи представляют собой графическую инвентаризацию зданий и сооружений, построенных к указанным датам. Как видно из этих материалов, проект до конца никогда осуществлен не был. В плане крепость представляла собой вытянутый с запада на восток многоугольник (подобие ромба) с размерами в продольном направлении 700 м и в поперечном — 320 м.

Приспособленная для круговой обороны, она имела стену длиной по периметру 1630 м, толщиной около 1 м и высотой более 2 м. Большая часть стены (1140 м) была усилена рвом и валом. На южной стороне размещался главный треугольный редан, выступающий из плоскости стены на 30 м и оснащенный тремя пушками, а рядом с ним — главные ворота. Дорога вела на восток до Георгиевской крепости и на запад до Московской. Позднее по этой трассе пролег главный почтовый тракт Санкт-Петербург — Тифлис.

В крепости размещались здания военного назначения (казармы, гауптвахта, шефский дом, помеще-

ние для офицеров и священника) и хозяйственного назначения (мастерские, склады, кухня и т.п.), а также церковь и «обывательские строения».

Планировочная идея внутреннего пространства хорошо прочитывается на обобщенном рисунке плана 1787 г. На этом чертеже нет только восточных ворот, устроенных для кратчайшей связи с казачьей станицей, которые замыкали продольную планировочную ось крепости. Решение — строительство на пересечении двух главных осей — продольной и поперечной. Рядом с местом их пересечения находилась площадь, акцентированная вертикалью церкви. Южный угол площади примыкал к главным воротам.

Безупречная композиция создана рукой зрелого мастера. Составляющие элементы соразмерны, красиво и добротно слиты в едином архитектурном замысле. Законченная, уравновешенная вещь — ни добавить, ни убавить. Кто сотворил это чудо? История не донесла до нас имени автора. Но и сами по себе талантливые произведения не появляются — поверить в это трудно.

Проекта, предшествовавшего строительству, обнаружить не удалось. Так бывало. В походных условиях, если не было пригодного для применения «образцового» проекта (а его и не могло быть, поскольку ситуация была нестандартной), военные инженеры возводили сооружения по эскизам, дорабатывая постройку в натуре. Возможно, что генплан 1787 г. и есть такая доработка по имевшимся уже в натуре крепостным стенам. Судя по характеру изображения внутренней планировки крепости, он не топографическая съемка, а проект, выполненный рукой военного инженера через десять лет после начала работ.

Чутье профессионала подсказывает, что проект такой крепости в петербургском кабинете появиться не мог. Она буквально росла из окружения, да еще в такой короткий срок. Тут нужно было зоркое видение натуры, опытная рука мастера, жесткая необходимость построить быстро, т.е. то стечение обстоятельств, которое и давало возможность родить шедевр.

Среди военных инженеров — строителей линии фигура Ладыженского явно выделялась не только положением начальника, но также опытом и знаниями военного инженера. Знакомые с его биографией такие писатели, как В. Шишков и В. Ходасевич, в своих книгах «Емельян Пугачев» и «Державин» пишут о нем как о талантливом инженере, легко бравшемся за разработку проектов именно в полевых условиях. В частности, он предлагал решения по обороне Саратова от пугачевских войск.

За строительством Севастопольской крепости Ладыженский, видимо, наблюдал сам, и, возможно, не только в связи со сложностью решения в отличие от прочих «образцовых» крепостей линии, но и с тем, что она была его детищем. Умер полковник предположительно в 1782 г. Год 1787-й на проекте мог появиться и после его смерти, тем более что генплан остался незаконченным.

Сам чертеж, возможно, делался тогда же, и интересен он тем, что фигура его исполнителя оставляет сложное впечатление. План стен крепости и аванкрепости разработан тщательно и с подробностями — это почерк военного инженера. Выполнен он в отмывке, снабжен картушем с двумя хорошо нарисованными фигурами, это похоже на работу архитектора. Но текст на картуше написан настолько безграмотно, что его удается прочесть с большим трудом.

Николай Ладыженский похоронен в Ставропольской крепости на площади у церкви. Рядом с его могилой росла группа тополей, от которых в 1949 г., по свидетельству В. Гниловского, оставалось только одно дерево. Затерянная и забытая могила первого строителя города находится там и сейчас, после гибели последнего зеленого стража.

В то время военная ситуация в этом районе была динамичной. Не успев построиться, крепость стала терять свое значение. И хотя она успела принять боевое крещение, военные действия вскоре переместились ближе к горам, где появились новые укрепления. Через крепости Азово-Моздокской линии, как бы подчеркивая их новое мирное назначение, прошел главный почтовый тракт Санкт-Петербург — Тифлис. Спустя несколько десятилетий Ставрополь превратился во вторую столицу Кавказа — военную. Здесь разместился штаб командующего войсками Кавказской линии и в Черномории. Начинался новый период в развитии города.

Текст печатается по изданию:
Хоменко Ю.А. Ставропольская крепость // Архитектура и строительство России. — 1990. — № 7. — С. 26—28.

Ю.А. Хоменко. **Очерки истории градостроительства Ставрополя***

Светлой памяти Леонида Николаевича Польского — журналиста, ученого-краеведа, офицера Терского казачьего полка, человека трудной судьбы.

Заседание малого городского Совета подходило к концу. Среди прочих рассматривался вопрос о сносе двух домов по ул. Ленина — памятников архитектуры. Это было необходимо для строительства нового учебного корпуса сельскохозяйственного института, на территории которого стояли дома. Ректор института профессор Никитин в который уже раз терпеливо обосновывал необходимость сноса домов, говорил о затраченных средствах на проектирование нового корпуса. Руководители города знали о трудностях ректора и с пониманием относились к его заботам.

И вот теперь, когда все трудности остались позади и можно было начинать строительство, возникла новая преграда — неуступчивые люди, представители общества охраны памятников. Но на их стороне был закон, и от них нельзя было просто так отмахнуться. Тем более сейчас, в пору всеобщей гласности, на глазах у многих десятков людей, каждый из которых мог оказаться потенциальным избирателем.

Ни ректор, ни члены Малого Совета, ни руководители городских организаций никак не могли понять, что защищают эти упрямые люди, что ценного в этих невзрачных, неоднократно перестроенных и, если говорить честно, не очень красивых зданиях. Экспертиза утверждает, что эти здания ценны не как памятники архитектуры, а как памятники градостроительства, как опорные точки первого большого генерального плана Ставрополя, проекта-долгожителя, выдержавшего все повороты судьбы без малого три четверти столетия. И это действительно так — генплан Ставрополя, рожденный всплеском творческой мысли архитектора И. Гайворонского в теперь уже далеком 1833 г., на многие годы определил пространственное развитие города, сохранил его редкую, почти мистическую уникальность, сумел объединить разбросанные во времени усилия очень разных архитекторов в едином творческом процессе.

Какова же в действительности роль генплана в формировании города? И так ли уж сложно один раз нарезать многокилометровую сетку улиц на весь обозримый период развития города? Все было бы просто, если бы задача сводилась к геометрической регулировке на плоскости. Но город — это живой организм, сравнимый по сложности с организмом живого существа. Прежде всего, сам рисунок улиц генплана должен иметь определенную композицию: в нем должен быть центр (точнее, сочетание ряда функциональных подцентров — административного, культурного, торгового и т.п.), должна быть пропорциональная сбалансированная система проспектов, жилых улиц, транспортных магистралей, бульваров, площадей.

В эту систему улиц должна хорошо укладываться схема движения грузового и пассажирского транспорта и потока пешеходов, не создающая перегрузок в узлах или на отдельных направлениях. Каждый город рассчитывается на определенную численность населения, трудоспособная часть которого должна удобно и в кратчайший срок попадать на работу. И в то же время места этой работы (кроме сферы обслуживания) не следует размещать в центре жилых массивов, они должны быть сосредоточены в промзонах. Учреждения обслуживания — торговые, коммунальные, культурные, медицинские, связи — должны быть расположены удобно для каждого жителя города. Исходя из заданной численности население должно быть размещено группами в пределах кварталов или микрорайонов с соблюдением необходимой плотности при заданной этажности. Представьте себе одноэтажный полумиллионный город — сколько времени понадобилось бы для поездок только на работу? А какой должна быть пропускная способность транспорта, сети обслуживания, стоимость благоустройства или инженерных сетей?

Назначая этажность кварталов и микрорайонов, градостроитель обязан думать не только о нормативе плотности населения, но и о создании интересных, запоминающихся объемных композиций из зданий, создающих неповторимое лицо каждой улице, бульвару, площади, всему городу в целом. Жизнь в таком городе будет комфортной, а сам город внешне и по своей внутренней сути будет гармоничным, красивым, станет своим, родным для каждого его жителя.

Многие из нас почему-то уверены в том, что жизнь на земле началась вместе с нами, с момента нашего прихода в этот мир. То есть жизнь была и раньше, но была она примитивной и бесцветной. Поэтому она и оставила нам такие невзрачные, запущенные и некрасивые «памятники», как эти два приговоренных к смерти домика по ул. Ленина.

Тогда спрашивается, как же случилось, что генпланы наших городов, которые мы разрабатываем на расчетный срок 20—25 лет, успевают устареть задолго до окончания этого срока, а генплан архитектора И. Гайворонского, рожденный в первобытной грязи провинциального дореволюционного Ставрополя (еще при жизни Пушкина), выжил, подобно чумазому цыганскому дитяти, прожил почти семь десятков лет и не потерял своего значения еще и в наши дни, заставляя считаться с собой и корифея архитектуры Кускова в 1900 г., и городского архитектора Маркатуна, внимательно следящего за указующим перстом начальства в году 1993-м. И почему с таким упорством защищают его эти ершистые добровольные защитники, не ждущие за это никаких других наград, кроме недовольства начальства в преддверии неотвратимо надвигающейся пенсии.

Все сказанное выше о генплане — только малая часть вопросов, которые решает генеральный план в процессе развития города и застройки отдельных его участков и территорий. Это рабочие моменты, будничная, повседневная работа градостроителей. Давайте поговорим о другом, о главном: как рождается композиция города, как принимает эту только что рождающуюся или уже крепнущую молодую композиционную идею генеральный план, как он ведет ее через время, через десятилетия, как он растит и формирует молодой город.

В практике градостроительства встречаются две основные композиционные схемы городов: радиально-кольцевая и прямоугольная сетки улиц. В чистом виде эти схемы встречаются редко, чаще города представляют собой всевозможные сочетания этих двух композиций.

Первая из них появляется тогда, когда город возникает и растет спонтанно, без регулирующей роли

* Описанные в статье планы города 1805, 1809, 1812, 1829, 1833 годов см. на стр. 14-15, 16-17, 582, 585, 22 настоящего издания

градостроителя. Так строились многие города, возникшие в древности. Типичным примером радиально-кольцевой планировки является Москва. Процесс выглядит так: возникает поселение, связанное дорогами с другими селами и городами. Поселение укрепляется и, когда застройке становится тесно в пределах укрепленного центра, начинается строительство за укреплениями. Улицами в этой новой застройке являются дороги радиального направления, выходящие из города. Когда же незащищенная застройка достигает какого-то размера, она тоже укрепляется по периметру. Так образуется первое кольцо. Дальше процесс продолжается в той же последовательности. А по мере роста города преобразуется и его центральное ядро: в нем вырастают храмовые комплексы, каменные здания знати; стены укрепления одеваются камнем — так появляется кремль.

Вторая схема — прямоугольная сетка улиц — олицетворяет в градостроительном процессе его плановое начало. Прообразом такой сетки улиц долгое время считали римский военный лагерь, хотя подлинные ее истоки, видимо, гораздо глубже.

Так выглядит типологическая основа рассматриваемого процесса. Что же представляла собой градостроительная ситуация в государстве в момент рождения Ставрополя?

Города средневековой Московии, в значительной части бывшие радиально-кольцевыми, обладали рядом существенных недостатков: они были плотными, преимущественно деревянными. Кривые улочки, утопавшие в грязи, состояли главным образом из заборов, так как жилые дома на красную линию не выходили, они располагались внутри участков. Такими были все русские города. Сколько же сил и средств потребовалось бы для их преобразования! А оно было необходимо, оно назрело.

Деятельность Петра I всколыхнула Россию. С развитием экономики стали возрастать объемы жилого строительства в городах, росла промышленность, к середине XVIII столетия стала очевидной необходимость государственного регулирования градостроительства, в связи с чем в 1762 г была учреждена «Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» для решения вопросов застройки обеих столиц, известная как «Комиссия Бецкого». Но, едва начав свою деятельность, комиссия с середины 1763 г. вынуждена была переключиться на восстановление сгоревшей Твери. Как говорится: не было бы счастья, да несчастье помогло. Деревянные русские средневековые города пылали один за другим (Петербург, 1737 г.; Новгород, 1747 г.; Каргополь, 1766 г.; Казань, 1767 г.; Харьков, 1768 г.; Астрахань, 1773 г.; Ярославль, 1769 г.; Белгород, 1768 г.; Нижний Новогород, Чебоксары, Воронеж и многие другие). За 34 года своего существования, кроме основной работы по проектированию столиц, Комиссия Бецкого перепланировала 416 из 497 городов, существовавших в 1787 г. Она выросла в большую государственную структуру, включавшую в себя, кроме архитектурно-проектных мастерских, руководимых такими видными архитекторами, как Баженов, Старов, Квасов и др., также три архитектурных школы различного ранга, издательство, библиотеку проектов и пособий, управление по контролю за строительством и проектированием.

Архитектура России этого периода вступила в пору наивысшего своего подъема, не имевшего тогда равных в Европе («Высокий классицизм»). Напомним, что в эти годы родился Ставрополь (1777 г.), пока как военная крепость.

Но кончился «золотой век Екатерины», и в пылу административных преобразований была ликвидирована... Комиссия Бецкого. Без малого полтора десятка лет жили старыми наработками, но жизнь не стоит на месте, отсутствие государственного регулирования застройки чувствовалось все острее и острее. Наконец, 15 мая 1810 г. был принят правительственный указ «О непроизведении нигде строений без планов», которым «рассмотрение и переделывание городовых планов по всему государству» было возложено на архитектора Василия Ивановича Гесте (Вильям Гесте, шотландец по происхождению, 1763— 1832).

Весь этот накопившийся объем работ свалился на плечи одного человека, хотя и обладавшего незаурядными способностями градостроителя, но имевшего в своем распоряжении вместо крупной организации всего несколько помощников. Гесте блестяще вышел из трудного положения, он стал дирижером процесса. Прежде всего с помощью местных землемеров он организовал подготовку топографической подосновы для городов, генпланы которых подлежали разработке. Потом он сам внимательно изучал материал, выделял опорные здания, участки застройки и другие факторы, с которыми необходимо было считаться. Сам он вчерне решал принципиальную планировочную схему города и передавал ее на разработку помощникам, вооружая их подсобным материалом — типовыми чертежами фрагментов генплана, планировочных узлов, площадей, застройки кварталов, общественных зданий, церквей, военных сооружений и т.п.

Используя такой метод работы, В.И. Гесте по существу возглавил все градостроительство в государстве. За 20 лет (с 1810 по 1830 г.) он переделал или составил заново несколько десятков проектов Генеральных планов Москвы, Киева, Вильны, Смоленска, Екатеринослава (Днепропетровска), Саратова, Вятки, Пензы, Томска, Красноярска, Омска, Шлиссельбурга, Уфы, Житомира и ряда других. Титанический труд!

Василий Иванович Гесте умер в 1832 г. Генплан Ставрополя архитектора И. Гайворонсксого разрабатывался еще при жизни Гесте и был утвержден в 1833 г.

Итак, Ставрополь.

В 1777 г. появилась новая точка на карте России — Ставропольская военная крепость со станицей при ней. Все было удачным при выборе места ее размещения. Географически Ставрополь занимал ключевое положение среди остальных крепостей Азово-Моздокской линии. Что же касается места, то, казалось, само Провидение руководило действиями генерала Якоби и полковника Ладыженского, остановившихся на этой площадке. Выступающий из рельефа мыс с ровной площадкой наверху словно специально был создан для сооружения на нем господствующего над местностью военного сооружения. Площадка была не только удобной, но и просто красивой — при взгляде снизу мыс, казалось, взлетел над кудрявой зеленью обрамления стелющимися степными травами плоскогорья.

Крепость пока не была ни будущим городом, ни будущим кремлем, а станица была необходимым ее элементом. Но исторический процесс продолжался, и очень скоро у крепости стали появляться гражданские первопоселенцы, отслужившие солдаты — первые жители будущего города, которые стали строиться вдоль Тифлисского тракта, превратив его в первую городскую улицу. Этот период дал будущему городу центральное историческое ядро — крепость,

направление главной улицы — тракта, а также ряд застроенных жилых кварталов Форштадта. И станица и Форштадт имели прямоугольную сетку улиц с направлением, продиктованным трактом.

Статус города менялся постепенно:

1785 г. — уездный центр Кавказского наместничества с центром в г. Екатериноградe;

1802 г. — уездный центр Кавказской губернии с центром в г. Георгиевске;

1822 г. — центр Кавказской области;

1847 г. — центр Ставропольской губернии.

Этот начальный период развития города нашел отражение в целом ряде дошедших до нас планов. Они создавались почти ежегодно. Сначала это были инвентаризационные планы военного строительства в крепости, позднее они превратились в топосъемки, выполнявшиеся по самым разным поводам различными людьми: инженер-подпоручиком Ахиткиным, землемером Пичугиным и даже губернским архитектором Мельниковым. Но эти документы не были генеральными планами развития города, это были топографические съемки, одномоментные фотографии, фиксировавшие ситуацию, на которых каждый раз дорисовывались несколько кварталов планируемой на ближайшее время застройки.

На этих планах можно хорошо проследить развитие молодого города.

С самого начала на тракте, превратившемся в Черкасскую улицу (одно из названий), появился будущий центр будущего города. Это была площадка у подножья Крепостной горы по оси сегодняшней лестницы. Впервые это становится заметным на плане 1805 г., где в этом месте отмечено появление «Присутственных мест», видимо, уездных. Произошло это через 28 лет после закладки крепости и через 20 лет после получения Ставрополем статуса уездного города. Такая задержка не свидетельствует о том, что 20 лет функции уездной власти не исполнялись. Весь этот «инкубационный» период власть гражданская пользовалась гостеприимством крепости, и когда теснота достигла там предела, — центр «выплеснулся» из крепости на свое законное место в будущем городе. И, как говорится, «процесс пошел».

За довольно непродолжительное по историческим меркам время центр обустроился и приобрел все необходимые элементы и функции. Прежде всего на этой площадке обосновался рынок. В 1809 г. здесь уже были Градская дума, ратуша, полиция, земский и уездный суды, торговые лавки, мясные ряды. В плане 1812 г. намечены уже некоторые мероприятия по реконструкции застройки с целью создания приличной площади с бассейном в центре. Взамен ветхих новые здания должны получить «Городническое правление и ратушу с городскою думою», а также уездный суд. Планировалось и строительство новой каменной церкви во имя святителя Николая Чудотворца взамен старой деревянной полковой церкви в крепости.

Интересно, что вновь возникший городской центр развивался довольно энергично, но при этом совершенно игнорировал наличие буквально в двух шагах (а точнее — кварталах) точно такого же центра станицы. Их связывала только цепочка торговых лавок в домах по современным улицам Баррикадной, Шаумяна, Голенева. Вместе с тем центр буквально жался к Крепостной горе. В рассматриваемый период крепость еще сохранилась как сооружение, поэтому застройка с севера тяготевшего к горе центра размещалась высоко, видимо, не очень удобно для подхода снизу, по самой бровке вершины горы. Причем даже новая церковь во имя святителя Николая Чудотворца ставилась там же, на бровке, на самом восточном выступе горы. Надо сказать, что раскопки 1991 г. обнаружили рядом с верхней площадкой лестницы фундаменты здания уездного суда.

В 30-40-е годы XIX в. в центре города последовательно строится ряд зданий, рассчитанных на длительное существование. Первый в городе каменный дом купца Волкова был построен еще в 1799 г., а в 1828 г. строится первый (западный) корпус гостиного двора. Позднее были построены еще два корпуса, соединенных одноэтажными лавками. В 1834—1835 гг. с севера у склона горы был построен ряд двухэтажных лавок, а в 1838 г. в центральном корпусе гостиного двора была размещена Спасская («рядская») церковь с устройством купола и верхнего освещения через ротонду. Есть предположения, что проект этой церкви разрабатывался пятигорскими архитекторами братьями Бернардацци одновременно с церковью Скорбящей Божьей Матери в Пятигорске. В архитектуре обоих зданий чувствовалось единое творческое начало, единый авторский почерк. К сожалению, оба здания не сохранились.

В 1837 г. строится дом купца Плотникова для размещения мужской гимназии, в 1839 г. — бульвар с озеленением и благоустройством, в 1840 г. — один из первых в России водопроводов и бассейн с фонтаном на площади у подножья горы. (В то время водопровод был только в Москве, Саратове, Вильно и Маленьком Торжке. В Петербурге водопровод был построен только в 60-х годах). Немного позднее, в 1840—1842 гг. неподалеку, на нынешней Советской ул., строятся Присутственные места. В 1847—1851 гг., когда уже был определен новый городской центр, здесь же, у подножья Крепостной горы, строится Городская дума, а через много лет, в самом конце века тут же на бульваре вырастает дворец губернатора молодого архитектора Кускова.

Надо сказать, что к середине XVIII века возникло и стало нарастать определенное противоречие между сложившимся размещением центра, стремившегося к горе, и возможностью дальнейшего его развития. Крепость, ставшая прародительницей Ставрополя, не могла бы впоследствии развиться в Кремль или комплекс зданий центра большого города. Прилегающая к крепости с юга и востока территория была неудобной по уклону и оторванной из-за разницы высот. Былое преимущество площадки крепости превратилось в недостаток для центра. С севера территория заканчивалась почти обрывистым склоном к Ташле. И только с запада площадка крепости переходила в площадку плоскогорья. Такой связи было явно недостаточно, а возможностей складывающегося центра хватило бы для развития города максимум на полстолетия.

К этому времени утратившая военное значение крепость стала разрушаться и как планировочная структура. Освободившуюся часть площадки в 1847 г. занял собор Казанской Божьей Матери, большой, кафедральный, главный по всей епархии. Эстетическое качество этой площадки, конечно, сыграло свою роль — гора представляла собой естественный пьедестал, делавший здание собора величественным и значимым. Устройство парадной лестницы от центра к собору усиливало впечатление. Но только ли эта причина объясняла появление здесь собора и эту необъяснимую тягу центра к горе?

Интересно, что территория Крепостной горы и в сознании горожан обладает хорошо выраженной притягательной силой, служит своеобразным общегородским алтарем, местом отдыха, развлечений, встреч при полном отсутствии притягивающих фак-

торов (кроме кинотеатра «Родина» и бочки с квасом возле него да деревьев тутовника для детворы). Даже в обычные дни вечером здесь много гуляющих, не говоря уж о воскресных или праздничных днях. В центральной части города сконцентрировано все, что связано с духовностью и исторической памятью. Давайте вспомним хотя бы памятники, размещавшиеся здесь: крест в память избавления Ставрополя от чумы, большой мемориал в память о погибших в революцию и гражданскую войну на месте кинотеатра «Родина», мемориал в честь Победы в Отечественной войне на месте снесенного Собора (не осуществлен), памятник генералу Апанасенко, Хоперская палатка и крепостная стена, памятник Суворову, красноармеец на обрыве, Вечный огонь у подножья горы. И все это не считая храмов — существовавших и не состоявшихся. Мы не одиноки в стремлении к этому городскому Храму Памяти, к этому святому месту. Археологи открыли культурный слой на большой части территории горы — здесь исстари жили люди, близкие и далекие наши предки. В редких городах есть такие насыщенные памятью места. И такая тяга к этим местам — как это объяснить? Догадка, возможный ответ пришли только теперь, два года назад. Но об этом позднее...

А город продолжал расти. Без генплана, без перспективы, по топосъемкам, со взглядом всего на 2-3 года вперед — на расстояние вытянутой руки слепого, идущего ощупью. Кризис планировочных несоответствий не грозил городу немедленной гибелью, но неумолимо приближался. И тогда Провидение еще раз протянуло руку помощи молодому Городу Креста — будущей военной и казачьей столице Кавказа. Оно подарило ему такого Милостью Божьей градостроителя, каким был архитектор И. Гайворонский.

Иван Иванович Гайворонский принадлежал к старому роду военно-казачьей элиты Запорожского казачьего войска и числился в родословных списках дворян Полтавской губернии. Военные заслуги не принесли богатства предкам Гайворонского, и к моменту его появления на свет в 1791 г. род обеднел. Это не помешало ему, однако, получить высшее образование; в 1811 г. И. Гайворонский закончил Харьковский Университет, получив специальность архитектора. После окончания Университета Гайворонский 17 лет проработал сначала учителем уездного училища, а затем смотрителем училищ в Брянском уезде Орловской губернии. В начале 1829 г. он приезжает в Ставрополь и назначается на должность окружного землемера. В этом же году при его участии завершается работа над планом Ставрополя 1829 г., съемку которого выполнил кавказский областной землемер Нечаев. Этот план был непосредственным предшественником генплана 1833 г. и являлся топографической подосновой для него. Такая серьезная подготовительная работа с участием автора будущего генплана обусловила его появление и сделала возможной разработку этого документа в небывало короткий по тем временам срок — четыре года вместе с утверждением его императором. В феврале 1831 г. распоряжением Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом графа Паскевича И. Гайворонский назначается архитектором при Командующем войсками Кавказской линии и Черномории. Понимал генерал-фельдмаршал необходимость и важность срочной и качественной разработки генплана военной столицы Кавказа.

Значение Ставрополя в регионе стремительно нарастало. По данным Бентковского, в те годы в Ставрополе размещались: генеральный штаб, штаб войск при командующем войсками на Кавказской линии и Черномории, штабы четырех дивизий и бригад; три войсковые казачьи организации; четыре инженерные службы и службы тыла Кавказских войск. Поэтому разработка планировочного документа в стенах штаба войск была оправданной и очень плодотворной. Генплан был закончен и утвержден Императором Николаем I в августе 1833 г. Яркий и незаурядный человек, блестяще образованный архитектор, искренний и впечатлительный, И. Гайворонский оставил городу щедрый подарок — генеральный план Ставрополя, который «работал» до конца века.

Чем же интересен генплан И.И. Гайворонского? Прежде всего, пониманием перспективы развития города на будущее. Генплан накрыл прямоугольной сеткой кварталов не только крепость, станицу и существующие уже отдельные слободы предместья. Он вышел далеко за пределы застраивавшейся в тот момент территории. На первый взгляд, возникает сомнение в правомерности использования жесткой планировочной схемы на таком разнохарактерном рельефе — плоском нагорье западной части города, крутых склонах с частыми балками ручьев его восточной части и глубоком каньоне Ташлы. Но это только на первый взгляд. Приглядевшись и почувствовав масштаб местности, начинаешь понимать потаенную скрытую силу этого неназойливого композиционного приема, словно вуалью покрывающего неспокойный рельеф и исподволь объединяющего и организующего его. Это была не дань времени, не дань господствовавшему тогда в архитектуре классицизму. Это было откровение архитектора.

Сетка как бы подсознательно вносит ощущение упорядоченности в восприятие рельефа, подчиняет его себе. Вместе с тем сетка ненавязчиво входит в ткань уже существующей застройки, не режет ее «поживому», помогает включиться в новую структуру. Даже на Ташле, где старые улицы резко расходятся с сеткой, архитектор мудро оставляет конкретные решения на суд времени. Сегодня мы видим всю правоту такого подхода. Действительно, сегодня преспокойно включились в сетку и наиболее естественные направления магистралей, выпадавшие из нее, и даже беспокойные кольца железной дороги, появления которых автор, конечно же, никак не мог предугадать в том далеком году. Сетка улиц в данном случае выступает не как жесткий порядок, выдерживать который надо без учета здравого смысла, а как некое организующее начало, создающее определенную атмосферу, образ и масштаб города.

И, наконец, еще одно качество сетки. Генплан И. Гайворонского охватывал лишь центральную часть города — от ул. Доваторцев до железнодорожного вокзала. В то время полная его застройка была еще очень далеким будущим. Архитектор стремился тогда придать композиционное единство этой реальной для него территории и решил эту задачу. Но исчерпав территорию центра, в наше время город шагнул на юго-запад, северо-запад, другие новые районы. Отгороженные от центра естественными преградами, эти районы также должны были стать архитектурно цельными, равномасштабными и сопоставимыми с ним. Теперь дело за нами. Решая свою часть задачи, И. Гайворонский вряд ли мог заглянуть так далеко. А там — как знать? С уверенностью можно сказать только одно — Гайворонский не предполагал, что, строя свое, мы будем разрушать созданное им.

Очень важным моментом генплана явилось решение центра. Застройка его состояла всего из двух зданий большого Собора, окруженного сквером в центре площади, и сблокированного здания с садом и внутренними двориками, в состав которого входили Присутственные места, дома губернатора и вице-губернатора, дума, магистрат, суд, полиция, гостиница генералитета, дворянское собрание, почтамт, Ордонанс-Гауз (комендатура). Это здание располагалось в квартале современного училища связи. Такая блокировка зданий в то время была новым словом в архитектуре России. В конце XVIII — начале XIX веков в ряде городов Харьковского и Воронежского наместничества был проведен такой градостроительный эксперимент — застройка центров городов сблокированными зданиями. Гайворонский был харьковчанином и знал об этом.

После утверждения генплана центр его вышел из-под контроля — разделился функционально. Административная его часть осталась на бульваре и на ул. Советской. Собор был выстроен на Крепостной горе, а военные прочно обосновались на площади — дом командующего линией был построен здесь давно, площадь носила название Парадной, а нынешняя улица Дзержинского — Генеральской. Даже дом штаба войск должен был строиться на месте современного музея. Разобщенные пространственно, все функциональные составляющие центра стремились объединиться в один планировочный организм путем устройства удобных пешеходных связей. Даже в последнее десятилетие было проведено несколько архитектурных конкурсов по устройству пешеходного движения от бульвара к кинотеатру «Экран». Наиболее наглядно эта тенденция видна в проекте Генерального плана города 1944 г.

К сожалению, сегодня нет уже одной самой важной составляющей центра — кафедрального Собора на Крепостной горе. Не вина города, что мы сломали лучший из его храмов, как и все остальные храмы, что мы доламываем сегодня остатки генплана Ивана Гайворонского — дома на ул. Ленина.

Интересно, что генплан впервые установил расчетную численность населения — 20 тыс. чел. Этого показателя Ставрополь достиг через 33 года после утверждения Генплана, в 1866 г.

Обращает на себя внимание одна особенность — при подготовке топографической подосновы Генплана (1829 г.) территория, необходимая для съемки, а затем и для Генплана была определена так же масштабно, каким масштабным был потом разработан и сам Генплан. Чья мысль опередила проектирование и обусловила его качество впоследствии? Гайворонский приехал в Ставрополь, когда топосъемка шла к концу.

Вспомним, что В.И. Гесте поручал топосъемку для Генплана местным землемерам. Не оставил ли Вильям Иванович в судьбе нашего города свой добрый след? Долгие поиски привели к успеху (как всегда, случайно) — в описи чертежей Губернской чертежной есть скромная строчка: «...образцовый план архитектора Эсте на город Поречье...». Так и написано — «Эсте»; видимо, писал под диктовку не очень грамотный землемер. И городок такой есть в Псковской области между Великими Луками и Невелем.

Рисунок генплана Поречья ничем не напоминал рисунок Ставрополя — что же нашел в нем Гайворонский для применения у себя? Или помог советом Гесте? И я вдруг неожиданно понял то, что лежало на самом виду, на поверхности. Тот же буйный рисунок речек, вьющихся по равнине, напоминающий горизонтали нашего ставропольского рельефа, и та же успокаивающая, неброская сетка улиц...

Кто же из них, Гесте или Гайворонский, внес больше в Генплан Города Креста? Может быть, мы никогда и не узнаем этого. Творческий процесс, как лунный свет, неуловим даже тогда, когда он происходит на глазах. А тут ведь столько лет прошло. Оба мастера яркими звездочками сверкнули на небосклоне — один на Российском, а другой на нашем, Ставропольском. Сегодня нам ясно главное — налицо творческие связи архитекторов России того периода, преемственность ее архитектурных школ. И наш Ставрополь — участник того процесса.

Каким бы совершенным ни был Генеральный план города, какой бы «дальнебойной» ни была его композиция — он конечен. Как быть дальше, если жизнь остановить нельзя? Нельзя наращивать генплан механически бесконечными намазками, приращениями новых территорий даже в тех случаях, когда они есть. На этом этапе назревает необходимость структурных изменений композиции генплана. В противном случае нарастающие кризисные явления приведут к краху — жить в таком городе будет невозможно.

Но вернемся к прошлому Ставрополю. К концу XIX века Генплан Гайворонского был исчерпан. И тут судьба помогла городу в третий раз — эстафету принял архитектор Григорий Павлович Кусков. Но генплану Кускова не суждена была долгая жизнь — начался XX век с его бурями и потрясениями, затем смена концепций, потом демографические и социальные процессы с бурным ростом города. Генпланы сменяли друг друга все чаще: 1924 год, середина 30-х годов, 1944 год, 1966 год. А дальше уже и Генпланов не было — стали обходиться схемами.

Исчерпав пределы центра, город шагнул сначала на юго-запад, потом на северо-запад, в район Биофабрики, на Ташлу... Даже со сносом ощущается дефицит территорий — начинаем сносить памятники. Политические и экономические процессы последних лет привели к резкому скачку малоэтажного строительства, падению градостроительной дисциплины, возникновению пиковых ситуаций с городским транспортом, инженерными сетями, системой обслуживания и других видов жизнеобеспечения. Сейчас Ставрополь находится на таком этапе, когда количественное его развитие уже привело к необходимости качественного преобразования генплана, поиска новой его композиции, определения стратегии роста города, увязки и решения множества проблем, зачастую противоречивых. Понимают ли городские архитекторы Ставрополя необходимость таких структурных преобразований именно сейчас, необходимость проведения именно этой емкой и дорогой работы вместо выполнения небольших конъюнктурных работ для заработка, вместо истребления ценной застройки в историческом центре города, вместо распродажи участков в центре новоявленным миллионерам по принципу «Чего изволите?»

Считается, что архитектор, особенно градостроитель, в силу своей профессии должен видеть на 50—100 лет дальше обывателя. Это особенно важно для города на переломном этапе его развития. Назревает новый кризис, нужен новый Гайворонский. Поэтому очень важно, кто стоит сегодня у градостроительного процесса в Ставрополе, по силам ли ему или им решение таких задач.

Текст печатается по изданию:
Хоменко Ю.А. Очерки истории градостроительства Ставрополя // Жилищное строительство. — 1995. — № 2 (с. 25—27), № 10 (с. 27—29).

Г.А. Беликов. **Белокаменный град**

Ставрополь с момента своего рождения застраивался не только деревянными, но и каменными строениями. Так, вслед за казармами унтер-штабных и эскадронных офицеров, двух шефских домов, казначейства и прочих крепостных капитальных строений в «мещанском форштадте», что раскинулся сразу к юго-востоку от крепости, возродились и первые каменные дома обывателей.

«Ставропольский городничий Зервальд рапортом мне доносит, — сообщал кавказский губернатор в столицу, — что посредством тамошнего купца Волкова выписаны из города Черкасска каменщики, коими найдено, что из находящегося в Ставропольском уезде ломового камня можно производить строения с малым превышением цены против деревянного и не истребляя леса на сжение кирпича».

В 1799 году на первой улице Ставрополя, наименованной Большой Черкасской, первоначально представлявшей из себя изрытую ямами для приготовления самана балку, с протекающим по ней ручьем, заросшим камышом, городским головой, купцом Волковым, был построен первый в городе каменный двухэтажный дом.

Место для дома, положившего начало северной стороне будущего проспекта и Владимирско-Андреевского переулка, было выбрано не случайно. Строение находилось в непосредственной близости от крепости. Из склона Крепостной горы бил мощный родник исключительно чистой и вкусной воды. Воду эту возили в крепость в специально изготовленной огромной бочке, окованной железными обручами, установив на такие же окованные полозья, запряженные несколькими парами быков. Кстати, родник этот, именуемый Крепостным, и сегодня пробивается на поверхность вблизи памятника А.С. Пушкину.

В середине прошлого века сын купца Волкова перестроил старый отцовский дом, изменив внутреннюю планировку, устроив каменную галерею и антресоли. Он же построил и двухэтажный каменный флигель, провел канализацию. Затем продал всю усадьбу известному ейскому купцу и потомственному почетному гражданину Филиппу Антоновичу Брацианову. Последний сдал оба дома с хозяйственными постройками Войсковому Правлению Кавказского Линейного казачьего войска и дежурства за 2 тыс. рублей годовых.

Сын Филиппа Брацианова — прапорщик Михаил Брацианов — с переездом правления в другое место сдавал дом сначала Управлению Терского казачьего войска, а с перебазированием последнего в Моздок — под гостиницу для проезжающих через Ставрополь высших военных чинов, штабных и обер-офицеров.

В 1861 году Михаил Брацианов обратился с письмом к гражданскому губернатору Петру Алексеевичу Брянчанинову с разрешением продать всю усадьбу, оцененную в 60 тыс. рублей серебром, с торгов. Тогда же первый каменный дом города с прочими строениями был приобретен военным ведомством, а затем Кубанской инженерной дистанцией, занимавшейся строительством разнообразных военных объектов как на Кубани, так и на Ставрополье и Тереке.

В советское время дом купца Волкова стал обычной коммуналкой, каким остается и сегодня. Дом обветшал и требует капитального ремонта. Единственное, что его украшает, это мемориальная доска, сообщающая, что это первый каменный дом Ставрополя (пр. К. Маркса, 71).

С северной стороны к дому Волкова примыкал, видимо, второй каменный дом купца Игната Волобуева. Первоначально это было одноэтажное строение из камня-ракушечника с восемью комнатами и службами, которое Волобуев сдавал внаем под хлебный магазин и маркитантские лавки. Место было бойкое, ибо рядом располагался первый базар города.

В 1826 году Игнат Волобуев сдал свой дом под Присутственные места города с областным правлением, казенной палатой, уголовного и гражданского суда, областной чертежной и прочими службами. Помещение, однако, было тесным, что и стало причиной перестройки всего дома. Где-то в начале 30-х годов Игнат Волобуев делает пристройку к зданию со стороны Армянской улицы, возводит второй этаж с внутренней галереей, что было характерно для всех строений города первой половины прошлого века. Фасад дома украсили два балкона, видимо, самые первые в городе. Тогда же в доме разместилась детская музыкальная школа, первая не только на Северном Кавказе, но и вообще на Кавказе. Обнаруженный архивный документ об этом гласил: «Купеческое и мещанское общество гор. Ставрополя, озабоченное состоянием в обучении музыке детей и неимению в области другого удобного, кроме Ставрополя, места, обратилось к начальнику Кавказской области к употреблению для открытия школы музыки в доме Ставропольского, 1-й гильдии купца Игната Волобуева, в его собственном двухэтажном доме...».

В 1843 году Ставрополь стал центром образовавшейся Кавказской епархии. В марте того же года сюда прибыл и первый епископ Чигиринский Иеремия.

Два года прожил владыка в доме Игната Волобуева, устроив здесь домовую церковь во имя «Честного и Животворящего Креста Господня», которая затем обосновалась на Кузнечной улице, дожив до наших дней. Это Крестовоздвиженская церковь города.

Со смертью Игната Волобуева, владевшего в Ставрополе многими строениями, дом его на Армянской улице перешел к старшему сыну Ивану. Со смертью последнего уже внук основателя рода продал дом не менее известному ставропольскому купцу Константину Дьячкову, который устроил в приобретенном доме один из самых роскошных в городе магазинов — «Универсальный магазин К.М. Дьячковъ». В его 13 отделениях можно было приобрести кондитерские и гастрономические товары, золотые и серебряные изделия, парфюмерию и косметику, верхнее платье, белье, шляпы, музыкальные инструменты, часы, хозяйственные товары и пр.

В 1897 году Универсальный магазин Дьячкова осветили электрические лампочки первой в городе электростанции инженера-механика Павла Петровича Чернова, устроившего свою электростанцию в собственном доме на ул. Подгорной.

С начала нового XX века бывший особняк Волобуева перешел в руки купца Николая Конюхова, владельца колбасного завода, нескольких ренсковых погребков, складов виноградных вин, угля, анг-

лийских промышленных товаров и др. Новый хозяин дома после капитального ремонта, когда были установлены вместо деревянных чугунные внутренние опоры, такие же чугунные лестничные марши на второй этаж, новые резные двери и пр., открыл здесь не менее известный магазин — «Колониальные товары».

В советское время здесь размещались различные органы местной власти, а в последнее время — 1-я городская поликлиника.

Первый начальник Кавказской области генерал-майор П.Д. Горчаков приложил немало усилий для городского строительства. По его указанию закладываются первые каменоломни. Известный путешественник Барбот Де-Марни, посетивший Ставрополь, писал: «Каменоломни, которым так обязана щеголеватая наружность Ставрополя, лежат в самой черте города».

Белый ракушечник становится главным строительным материалом города. С каждым годом Ставрополь приобретал черты, выделявшие его среди других городов Кавказа. Сенатор Мертваго, ревизировавший в 1818 году Кавказскую губернию, докладывал в Петербург: «Следовало бы губернию переименовать в область, учредя все судебные и правительственные места в Ставрополе, единственном месте, на город похожем и который всегда будет центром торговли и лучшим для жительства людей».

Здание ставропольской электростанции на Крепостной горе. Фото начала XX века. До настоящего времени не сохранилось

Первым архитектором Ставрополя был кавказский архитектор Иван Францевич Руско. В 1825 году он был командирован из Тифлиса в Ставрополь лично А.П. Ермоловым: «По просьбе Комиссариатской комиссии в Ставрополе, находящей нужным сделать некоторые там постройки, я поручаю вам отправиться немедленно в Ставрополь, где объяснитесь с начальником комиссии господином 6-го класса Мейером...».

Иваном Францевичем Руско в Ставрополе, как сообщают недавно обнаруженные архивные документы, на Крепостной горе было возведено уникальное двухэтажное здание комиссариатского магазина, поражавшее современников своими размерами и добротностью, которое в 1837 году посетил император Николай I. Здесь же на Крепостной горе Руско строит гауптвахту, а на южном склоне речки Мутнянки обширный винный подвал с несколькими ярусами штолен.

В 1826 году управление Кавказской областью принял генерал Емануель. С его именем связана деятельность архитекторов Джузеппе и Джиованни Бернардацци.

Путь на Кавказ у братьев Бернардацци начался в Петербурге, куда они в начале 20-х годов прошлого столетия приехали для участия в строительстве Исаакиевского собора. Там, волею случая, они встретились с «проконсулом» Кавказа А.П. Ермоловым. Между ними был заключен договор о возведении зодчими ванн и других построек на Горячих, Кислых и Железных Водах. Но началом их творческой деятельности стал Ставрополь.

При строящемся доме командующего архитекторами был спланирован и разбит первый городской сад с аллеями, цветниками и беседками. У бьющего из земли мощного родника устраивается большой бассейн, обсаженный ивами. Рядом был построен оригинальный павильон для музыкальных вечеров в непогоду, о котором сохранились воспоминания венгерского путешественника и литератора Яноша Бессе, посетившего Ставрополь в 1828 году вместе с персидским принцем Хозров Мирзе, следовавшим в русскую столицу.

В том же 1828 году в Ставрополе закончилось возведение величественного Гостиного ряда у южного склона Крепостной горы, проектирование которого, как считают некоторые исследователи, было выполнено братьями Бернардацци. Однако же документов, подтверждающих это, не найдено. Зато известно, что вслед за Руско строительством в Ставрополе успешно занимались архитекторы Иван Суслов и Иван Гайворонский. Суслов был награжден орденом Св. Владимира с бантом «За особую расторопность при производстве полевых укреплений в 1812 году при Бородино, Тарутине и Малом Ярославце».

В 1833 году Иван Гайворонский с землемером города Иваном Нечаевым подготовил генеральный план постройки города, по которому предлагалось устроить 18 продольных и 14 поперечных улиц, пересекающихся под прямыми углами, для чего предполагалось исправить погрешности города, вкравшиеся при построении домов. Сделать это было чрезвычайно трудно, и не только от хаотической застройки города, но и сложности рельефа, на котором он возник. Единственный ровный участок, именуемый Воробьевской площадью, и был избран Иваном Гайворонским для устройства здесь административного центра, где планировалось возвести Присутственные места с городской думой, магистратом, Сиротским судом, Дворянским собранием, Домом полиции и гауптвахтой, дома для приезжающего генералитета, с почтовой конторой и станцией, а также новые дома для командующего Кавказской линии и Черномории и Генерального штаба. В центре площади планировалось построить новый Кафедральный собор, отчего уже тогда площадь стала именоваться Соборной (сегодня пл. Ленина).

Одновременно с административными зданиями и собором на западной стороне площади было отведено место для Кавказской духовной семинарии, Кавказской мужской гимназии, а уже дальше, в Воробьевском предместье, новые городские кварталы.

План застройки Воробьевской площади был выполнен в дальнейшем лишь частично, но именно благодаря Ивану Ивановичу Гайворонскому Ставрополь заимел свою «Красную площадь», остающуюся главной и сегодня.

В осуществление генерального плана застройки Ставрополя вкладывали свой талант и труд многие архитекторы. В 1836 году в Ставрополь прибыл только что закончивший Императорскую Академию художеств со званием свободного художника Григорий Леонтьевич Ткаченко. В 24 года он уже занимал должность архитектора Петергофского Дворцового правления. В Ставрополе за 27 лет его деятельности появилось много неординарных строений, в том числе и сегодня украшающих город.

В 1845 году Григорий Ткаченко со строительным подрядчиком купцом Гавриилом Тамамшевым строит в конце Острожной улицы римско-католический костел (в конце 30-х годов XX в. был перестроен под «дом Суслова»). Годом раньше возводит Крестовоздвиженскую церковь.

В 1847 году на углу Большой Черкасской и Грязного переулка Григорием Ткаченко для купца Никиты Плотникова был возведен двухэтажный каменный дом с бельведером, предназначенный для Кавказской губернской гимназии. С Большой Черкасской к дому примыкала каменная галерея, которая при устройстве тротуара была убрана.

В том же 1847 году Григорий Ткаченко по проекту профессора Академии художеств Ал. Тона закончил строительство кафедрального Казанского собора на Крепостной горе. От Большой Черкасской к вновь возведенному храму им была устроена парадная лестница, реконструированная уже в наши 50-е и 70-е годы. Лестница украшает этот уголок города и сегодня.

Помимо этого, Григорием Леонтьевичем Ткаченко были устроены бассейны по трассе городского водопровода от родника Аульчик, многочисленные колодцы на городских площадях. И, наконец, безвозмездное проектирование и строительство в 1862 году здания для женской гимназии Св. Александры.

Вместе с Г. Ткаченко в 30—40-е годы работал не менее талантливый зодчий Александр Бернштейн. Когда в 1838 году городские власти решили возвести строения городских Присутственных мест не на Соборной площади, как планировалось по генеральному плану 1833 года, а к западу от крепостных бастионов, то их проектирование было поручено Бернштейну.

Александр Иванович Бернштейн родился в 1807 году. После окончания Императорской Академии художеств начал работу с деятельности строительного архитектурного ученика в Департаменте государственных хозяйств и публичных зданий. Затем он становится помощником землемера Санкт-Петербурга. С 1833 года Бернштейн получает в Ставрополе должность кавказского областного архитектора, дослужившись до титулярного советника.

В четырех возводимых Бернштейном зданиях на Комиссариатской улице должны были разместиться областные присутственные учреждения, в том числе областное правление, казенная палата и казначейство, палата уголовного и гражданского суда, приказ общественного призрения, прокурорская камера и др.

Здания строились на деньги купца Игната Волобуева. Первый камень этого грандиозного для своего времени строительства был заложен Бернштейном в 1845 году, а последний уже его последователями, в 1850 году.

Здания Присутственных мест, первое из которых и сегодня украшает Ставрополь (ул. Советская, 3), объединялись между собой каменными заборами с едиными арочными воротами, простояли без перестройки до 70-х годов прошлого столетия, когда были приобретены братьями Ивановыми. Последние в значительной мере перестроили фасады зданий, их внутреннюю планировку, сделали многочисленные пристройки в усадьбах зданий.

Александром Бернштейном в 1840 году был спроектирован, а строительным подрядчиком Дмитрием Сонновым построен угловой двухэтажный дом на углу сегодняшних ул. Дзержинского и Коминтерна.

В 1845 году по проекту Ал. Бернштейна подрядчиком Гавриилом Тамамшевым закончилось возведение одного из крупнейших на Кавказе военного госпиталя. Три двухэтажных каменных корпуса объединялись в единый ансамбль переходами-колоннадой, в дальнейшем, к сожалению, разобранной. Госпиталь дал начало улице Госпитальной, в начале нашего века переименованной в Романовскую. Сегодня это ул. Ленина, где под № 320 «вросли» в землю старые госпитальные строения, вошедшие в ансамбль зданий военного училища.

По проекту Бернштейна, «по личному разрешению императора Николая I», на восточной стороне бывшей Ставропольской крепости был возведен полицейский дом. Это было двухэтажное строение, предназначенное для полиции и пожарников, с высокой каланчой, на вершину которой вели чугунные лестницы, специально изготовленные на Луганском металлическом заводе. Помимо главного строения, были возведены каменные казармы и прочие службы, образовавшие правильный четырехугольник с выложенным булыжником двором.

Развитию Ставрополя способствовал приезд в него в 1837 году императора Николая I.

Журнал «Современник» за 1852 год сообщал российским читателям: «...С магического 1837 года город (Ставрополь) начал быстро расти. Все бывшие на Большой Николаевской улице деревянные постройки заменены теперь каменными строениями...».

17 октября 1837 года Ставрополь с нетерпением ожидал прибытия царского поезда, о чем писала та же газета «Ставропольские губернские ведомости».

«Наконец, около 7 вечера, по Тифлисскому тракту, начиная от станицы Старомарьевской, начали показываться огни пылающих костров и зажженные смоляные бочки. Они продвигались все ближе и ближе, а спустя четверть часа можно было видеть плеяду звездочек — это горели факелы в руках казаков Ставропольского полка, окружавших царский поезд».

Николай I со свитой прибыл в Ставрополь, остановился в доме командующего войсками Кавказской линии. На следующий день он присутствовал на открытии мужской гимназии, посетил интендантские склады на Крепостной горе, казармы 1-го Кавказского линейного батальона, военный госпиталь, выставку ремесленных и мануфактурных изделий в Гостином ряду. И, что самое главное, утвердил представленный командующим линией генералом Вельяминовым план города Ставрополя, тот самый, что был подготовлен в 1833 году областным архитектором и землемером, коллежским асессором Гайворонским. Как сообщала газета «Ставропольские губернские ведомости» в номере 42 за 1887 год, к приезду Николая I «решено было всю большую улицу, от Тифлисских ворот и до дома

Командующего войсками Кавказской линии, в ширину двух экипажей вымостить деревянными шпалами и толстыми досками. Сотни топоров в месяц выполнили эту задачу...».

Тогда же огромная трясина на месте сегодняшнего Нижнего рынка была забита сотнями возов хмыза, завалена камнями и также покрыта досками. Все ямы, где брали глину на Большой улице, также были забиты, устроены на пустырях заборы-ограждения, подновлены фасады домов, приведены в порядок тротуары.

После пребывания Николая I в Ставрополе здесь заговорили о необходимости постройки нового здания для Присутственных мест.

Но лишь с преобразованием в 1847 году города в губернский центр решено было у южного склона Соборной горы возвести здание городской думы и магистрата. Деньги на строительство пожертвовал купец Иван Ганиловской, а проект здания был выполнен архитектором Александром Славянским.

Ставропольская дума, строительство которой окончательно было завершено в 1850 году, украсила

Гостиный ряд. В настоящее время здание краеведческого музея на площади Ленина. Построено в 1873 году по проекту архитекторов Павла Воскресенского и Павла Никифорова

центр города. Градостроительная жемчужина с величественной парадной лестницей, балконами, фасадными украшениями, башенками для установки городских часов, прекрасным внутренним интерьером предназначалась для городской думы и прочих присутственных мест, где позже разместилась и управа.

На чугунной доске, по традиции того времени заложенной в основание фундамента здания, сообщалось: «Здание для помещения Городской думы, магистрата и других управлений построено за счет купца Ганиловского в 1847 году по проекту архитектора Славянского».

К середине 50-х годов прошлого столетия в Ставрополе насчитывалось 44 улицы и 5 площадей, где имелось 280 каменных и 1802 деревянных строений — в основном частных. И прибытие в город 29 октября 1850 года цесаревича, будущего императора Александра II, как бы подводило итог и градостроительству Ставрополя за первую половину того века. Цесаревич посетил Казанский кафедральный собор, думу, мужскую и женскую гимназии, а также выставку «всех произведений и изделий фабричной, заводской, ремесленной и другой промышленности Ставропольской губернии».

Командующий войсками Кавказской линии генерал Николай Степанович Завадовский, желая увековечить пребывание в Ставрополе Николая I и цесаревича Александра, обратился с рапортом к наместнику Кавказа Михаилу Семеновичу Воронцову:

«Дабы сохранить на вечное время в сердцах жителей гор. Ставрополя память о двух счастливейших для города событиях: пребывание в оном Государя Императора в 1837 году и посещение Ставрополя в прошлом году Цесаревичем, — почтительнейше имею честь испрашивать представления Вашего Превосходительства о разрешении: главную улицу города, ныне почти совершенно вымощенную и украшенную на протяжении более одной версты новым бульваром с решеткою, наименовать Николаевскою. Вторую улицу, где находится занимаемый мною дом (Дом командующего войсками), в котором изволил остановиться Государь, Наследник, наименовать Александровскою...».

К тому времени Николаевский проспект, как и другие улицы и площади Ставрополя, начал украшаться новыми зданиями на деньги ставропольского купечества и по проектам новых талантливых зодчих. И среди них яркой звездой вспыхнул талант Павла Григорьевича Воскресенского. Современники писали: «Всему лучшему Ставрополь обязан таланту Воскресенского».

Павел Григорьевич родился в 1821 году. После окончания в 1844 году Императорской Академии художеств со званием рисовального учителя приезжает в Ставрополь, где назначается учителем черчения, рисования и чистописания мужской гимназии, а также иконописания и рисования в Кавказской духовной семинарии. В 1850 году Воскресенский проходит в той же Академии художеств аттестацию на звание свободного художника «с правом производить строения». С 1863 года он получает должность губернского архитектора.

Еще в 1853 году уездный землемер Архипов сделал натуральный план Ставрополя, который наложил на план 1833 года, подготовленный И. Гайворонским. «План 33-го года, — писал он, — в сравнении с планом 1853 года оказался недействительным. Новые дома, сады... Что делать с планируемыми улицами? Ломать дома, вырубать сады?..»

Павел Григорьевич Воскресенский как губернский инженер возглавил созданный комитет по работе над новым генеральным планом развития губернского центра. Тогда же им возводится величественная звонница Варваринской церкви и перестраивается Крестовоздвиженская церковь.

В 1873 году вместе с младшим архитектором Павлом Никифоровым и строительным подрядчиком Г. Масловым Воскресенский строит новый гостиный ряд на Александровской площади. Белокаменное здание в два этажа украшали нарядные капители, сандрик над узкими и высокими венецианскими окнами, лепной карниз... Парадный вход из резных дверей и цветных стекол вел к широкой лестнице на второй этаж, где купцы хранили свои товары. По этому поводу П. Воскресенский писал в газете «Северный Кавказ» 12 ноября 1895 года: «Я строю не только для настоящего, но и для будущего: может быть, когда-нибудь в этом этаже город вздумает устроить концертный зал, народную аудиторию или что-нибудь в этом роде».

Действительно, в дальнейшем верхний этаж здания был занят под городской музей (сегодня краеведческий музей, здание в 1985 г. надстроено).

На противоположной стороне площади в 1868 году П.Г. Воскресенский участвовал в строительстве нового здания мужской гимназии стоимостью в 400 тыс. рублей серебром (сегодня военное училище связи). Здание это, отличавшееся грандиозностью, завершенностью архитектурной композиции, вошло в главный кадастр градостроительного искусства города.

Павел Григорьевич строил в Ставрополе и небольшие купеческие особняки. Это дом купца Тимофеева (сегодня кафе «Курсантское» на ул. Ленина), особняк Чувалова (северное крыло «верхней» аптеки), Покровский храм Иоанно-Мариинского женского монастыря.

На Даниловском кладбище Ставрополя, вблизи некогда стоявшей здесь церкви Св. Данилы, возведенной в 1892 году, нашел последний приют патриарх градостроения Воскресенский. Сохранился частично разрушенный чугунный памятник с надписью — «Здесь погребен Статский Советник Павел Григорьевич Воскресенский и жены его: Александра Ивановна и Александра Романовна — и родители последней — полковник Роман Прокофьевич и Агриппина Андреевна Парфененко. Незабвенным родителям Воскресенским от горько плачущих Николая, Надежды и Александры».

К новому поколению ставропольских архитекторов 2-й половины прошлого века относился и Георгий Федорович Прокопец, закончивший Петербургское строительное училище. С 1867 года он начал службу в Ставрополе с должности младшего архитектора строительного отделения Ставропольского губернского правления, дослужившись до чина коллежского советника и нагрудного ордена Св. Анны 3-й степени. За 10 лет службы в губернском центре он сделал многое. Именно с него началась реконструкция Николаевского проспекта, когда он перестраивает особняк купца Епифанова, где позже обосновался Азово-Донской коммерческий банк. Чугунный балкон этого здания, накрывший весь тротуар, и сегодня сохранился по пр. К. Маркса, 68. На углу Вельяминовской и Театральной улиц делает пристройку к дому купца Ивана Чувалова, где надолго обосновался частный банк «М. Попов и К°».

На Госпитальной улице Георгий Федорович возвел особняк стража закона полковника Бруна в два этажа, своеобразную архитектурную бусинку белокаменного ожерелья города, где сегодня размещается кафе «Русский чай». Да и не только эти строения Прокопца украсили губернский центр.

Свой вклад в градостроительное искусство внес и Федор Кузьмич Прозоровский. Среди возведенных им многочисленных строений особое место занимало здание Ставропольской духовной семинарии на западной стороне Александровской площади. Окончательно отстроенное в 1883 году здание семинарии обошлось в 350000 рублей, став одним из наиболее дорогостоящих строений. Под наблюдением Прозоровского перестраивается здание Ставропольского духовного училища (сегодня СШ № 4), делается пристройка к Ольгинской женской гимназии.

Ставрополь продолжал украшаться все новыми и новыми, как правило, белокаменными строениями. Их проектировали и строили — Федор Карлович Кнорре, Владислав Эдуардович Лобановский, Степан Осипович Савицкий, Павел Константинович Никифоров, Семен Дмитриевич Лазарев. Что ни имя, то целая веха градостроения Ставрополя. Хотя не так много знаем мы из их личной жизни. Например, об Адриане Петровиче Булыгине. Первоначально он жил в доме своего брата на углу Николаевского проспекта и Европейского переулка. Дом этот возводился по проекту Адриана Петровича, и когда его ломали в наши 60-е годы, то в фундаменте нашли россыпь серебряных монет и бутылочку с вином, что должно было принести хозяину дома благополучие и радость в жизни. Затем уже на углу 2-й Ясеновской и Орехового переулка Адриан Петрович Булыгин строит для себя большой двухэтажный каменный дом, который и сегодня украшает этот уголок Ставрополя.

В Ставрополе Булыгиным было возведено здание государственного банка на Госпитальной улице, здание для Варваринской женской гимназии (сегодня СШ № 3), со стороны Митрофановского переулка сделана величественная пристройка к Епархи-

Особняк полковника А.И. Бруна. «Бусинка каменного ожерелья города». Архитектор Г.Ф. Прокопец. Улица Ленина, 217

альному женскому училищу (сегодня сельскохозяйственная академия). Им возводится белокаменный терем на углу Николаевского проспекта и улицы Архиерейской под аптеку провизора Пейсаховича, которая вошла в историю города как «аптека Байгера». Булыгиным была проведена уникальная архитектурная «операция» по спасению здания думы у Крепостной горы, когда после появления в нем трещины половина здания была разобрана, а после укрепления фундамента вновь собрана. Им же был подготовлен и проект здания для второй мужской гимназии города на Спасской улице. Это должно было быть крупнейшее учебное заведение, проектная стоимость которого приближалась к 250 тыс. рублей. Но революция перечеркнула уже начавшиеся работы. Булыгиным было построено и новое здание городского банка на Госпитальной улице (сегодня ул. Ленина), несущее свою службу и сегодня.

Небезынтересно, что в возведении зданий города, их перестройке участвовали разные зодчие. Примером тому история строительства Дома губернатора на Николаевском проспекте.

В 1833 году в Ставрополе по ходатайству командующего войсками Кавказской линии генерала А. Вельяминова указом императора «в помощь об-

ластному начальнику назначен гражданский губернатор». Им впервые стал статский советник Семенов, которого вскоре сменил генерал-майор Траубе.

По генеральному плану застройки Ставрополя для Дома гражданского губернатора отводилось место на Соборной площади, как первоначально именовалась сегодняшняя площадь Ленина. Но в 1835 году городу перешел большой деревянный одноэтажный дом с садом и прудом на Большой Черкасской, построенный, как сегодня стало известно, отставным фельдфебелем Лазуткиным. Затем дом перешел во владение коллежского асессора Павла Петрова, продавшего его в свою очередь артиллерийскому подполковнику Ильинскому. Со смертью последнего дом его, оцененный в 30 тыс. рублей серебром, перешел городу, надолго став губернаторским. В нем жил гражданский губернатор Александр Волоцкий, много сделавший для благоустройства Ставрополя. При нем распахнули свои двери публичная библиотека и музеум при городской думе, был окончательно завершен облик Тифлисских ворот, или Триумфальной арки. Генерал-губернатор Властов, единственный из всех губернаторов удостоенный звания почетного гражданина Ставрополя за огромный вклад в его развитие, решил на месте старого дома возвести новый. В 1879 году департамент Главного управления наместника Кавказа, рассмотрев ходатайство Властова, согласился с возведением на месте старого, пришедшего в ветхость губернаторского дома нового здания.

Аптека Байгера. «Белокаменный терем» на углу современных проспекта К. Маркса и улицы Голенева. Архитектор — А.П.Булыгин

Первый проект дома был выполнен архитектором Павлом Григорьевичем Воскресенским, но так и остался на листах ватмана. Затем над проектом начал работу Федор Кузьмич Прозоровский, но не закончил его. В 1883 году к составлению проекта приступает архитектор Владимир Потапов, но и его работа не удовлетворила местные власти. И лишь после подключения к проекту архитектора Григория Павловича Кускова, автора проекта храма Св. Андрея Первозванного в Ставрополе и других не менее фундаментальных сооружений, строительство нового губернаторского дома, наконец, началось. Как сообщается в «Памятной книге Ставропольской губернии» за 1904 год, «в отчетном 1902 году на средства казны (всего было истрачено 175000 рублей) был окончательно отстроен губернаторский дом».

Губернаторский дом украсил Николаевский проспект губернского центра, став еще одной архитектурной жемчужиной в его градостроительном ожерелье. Рисунок фасада из белого кремнистого ракушечника на красном кирпичном фоне, украшенный объемным оконным сандриком, полуколоннами, портика, балконом, поддерживаемым четырьмя кариатидами — скульптурными изображениями женщин в древнегреческих хитонах, с кольчужными башенками крыши из покрытых зеленой эмалью пластин, притягивали взор.

Среди ставропольских архитекторов было немало участников Кавказской войны, как, например, Константин Ефремович Адамович. За участие в боях в окрестностях Владикавказа у Назрана и под Чертовой горой в Малой Чечне, в Хахулавском ущелье и при взятии аула Ведень (1859 год), в укреплении берегов реки Терека и Прорвы в Аргунском ущелье Адамович был произведен в штабс-капитаны и награжден орденами Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, медалью на Георгиевско-Анненской ленте и медалью на Андреевской ленте, крестом за службу на Кавказе. Уволенный по контузии с мундиром и пансионом, имея диплом Института Корпуса Путей Сообщения, в 1868 году он приезжает в Ставрополь, где получает должность инженера Строительного отделения Ставропольского губернского правления. За 14 лет службы старанием Адамовича было возведено не одно неординарное строение в городе. Так, им был перестроен храм во имя Пророка Предтечи и Крестителя Господня в Иоанно-Мариинском монастыре Ставрополя.

Свой неповторимый след в градостроении оставил и полковник Михаил Иосифович Бржезицкий. С 1854 года гарнизонный инженер, прапорщик Бржезицкий, строил военные объекты на правом крыле Кавказской линии. В чине отставного полковника в 1890 году становится городским архитектором губернского центра. По проектам Михаила Иосифовича реконструируется Николаевский проспект, где им возводится новый особняк купца Филимонова под хозяйственный магазин на первом этаже и отделение Государственного банка на втором (сегодня гастроном № 1 по пр. К. Маркса, 78). Ниже, за домом купца Константина Епифанова, в 1896 году он строит двухэтажный каменный особняк Такиджиевых (в советское время здесь долго размещалось музыкальное училище).

Большинство белокаменных строений города отличалось не только наружной, но и внутренней отделкой, даже помпезностью. Примером тому был дом купца Федора Александровича Леонидова на Александровской улице (ул. Дзержинского, 87, Детская музыкальная школа № 1). Отец Федора Александровича Александр Яковлевич на Николаевском проспекте еще в 60-х годах прошлого столетия возвел величественный особняк, где первоначально размещалась публичная библиотека города, а затем магазины (пр. К. Маркса, 76). С южной стороны усадебного места, выходящего на Александровскую улицу, Федор Леонидов решает возвести здание для музыкальных вечеров, которое и было построено в 1900 году по проекту архитектора Н. Дурбахова. Здание поражало и сегодня поражает своим изяществом, где кованая ограда палисадника и мону-

ментальные ворота стали прелюдией к фантазии в камне, гипсе, дереве и стекле. Фасад здания был выполнен в классическом стиле с элементами рококо.

«Творцом прекрасного» при жизни именовали Григория Павловича Кускова, выпускника Петербургского гражданского инженерного института. Прибыв в 1894 году в Ставрополь, он строит в лучших традициях русского зодчества, на месте старой Андреевской церкви, прекрасный белокаменный собор во имя Св. Андрея Первозванного. Затем им возводится колокольня Софиевской церкви, самая большая на Кавказе мельница А.Б. Гулиева. Земледельческий приют на Нижнеподгорненской улице и общежитие семинаристов на Гимназической (ул. Морозова, 17).

Григория Павловича Кускова всегда отличало трудолюбие. Дни, а то и ночи, проводил он за чертежами и расчетами в кабинете своего дома, им же построенного в начале Барятинской улицы (ул. Комсомольская, 125). Кстати, на противоположной стороне улицы и сегодня стоит дом, некогда принадлежавший А.Г. Торбину, рисунок фасада которого в точности повторяет дом губернатора. И есть все основания предполагать, что в его строительстве принимал участие Кусков. Как и в возведении одного из самых оригинальных зданий города на бывшей Шипкинской (сегодня ул. 8 Марта, 3).

Дом на Шипкинской, как удалось установить, был построен строительным подрядчиком М. Ларичевым где-то в 1912-1913 годах. В стиле романтического модерна, сложенный из кремнистого известняка, с ажурными балконами и парадным арочным входом, украшенный абсолютно неповторяющимся оконным сандриком, с коническими капителями, символическими победными щитами и барельефным гербом Ставропольской губернии, как сказочный замок из далекого детства, как каприз великого мастера, спрятавшего застывшую в камне фантазию вдали от городского шума, здание это поражало и поражает сегодня. Не найдено пока документов, подтверждающих авторство архитектора. Но по манере и стилю все говорит в пользу Кускова.

И в заключение этого небольшого экскурса в градостроительное прошлое Ставрополя приведем высказывание некогда известного ставропольского писателя Ивана Яковлевича Егорова.

«Крепко строили этот город. Закладывали глубокие фундаменты. Неторопливо тесали пористый известняк-ракушечник, удобнейший строительный материал, и возводили стены такой хозяйственной добротности, что дома из поколения в поколение переходили по нотариальным записям без всяких изъянов, выражая в полной мере понятие «недвижимое имущество».

Никакие предшественники Корбюзье не тревожили ставропольскую инженерную мысль беспокойными исканиями.

Инженеры тут, по-видимому, были толстые, благодушные, спокойные, они отлично знали свое крепкое, ясное, двухэтажное дело, а по окончании стройки, после молебна, несомненно, пили рябиновку, ели баранью ногу с кашей и целых осетров, а потом дулись в преферанс до следующего подряда.

Капитальные строения степенны, но не однообразны — иногда с фигурными венецианскими окнами под кудреватыми капителями, с растительно-русалочными кариатидами. Самые богатые дома отделывались, особенно изнутри, с восточным привкусом, с примесью от «Василия Блаженного», с купеческой истовостью, в коей благолепие и долголетие сочетались неразрывно».

Пронесшиеся по Ставрополью события, связанные с революцией и гражданской войной, не затронули внешнего облика города.

Начиная с 30-х годов Ставрополь, как бы стряхнув с себя оцепенение, начал застраиваться зданиями нового архитектурного стиля — конструктивизма. Новое поколение архитекторов пробовало свои силы в искусстве градостроения. Поднимались здания школ, больниц, административных зданий, фабрик и заводов. При этом, однако, рушились старые храмы и церкви, ветшали вчерашние купеческие особняки, лишившиеся своих хозяев. Сам город стремительно терял свою ухоженность и неповторимость.

Потом началась война и оккупация Ставрополя гитлеровцами. При отступлении ими были взорваны или сожжены многие строения города, которые после восстановления, как правило, потеряли свой первоначальный облик.

Среди архитекторов послевоенных лет особенно выделялся Николай Дмитриевич Чекмотаев, который в 1976 году был удостоен почетного звания заслуженного архитектора РСФСР. Возведенный им новый железнодорожный вокзал, спецполиклиника МВД, почтамт стали как бы новой вехой в истории градостроения Ставрополя. В дальнейшем архитектор создал маяк-памятник Семену Дежневу на берегу Берингова пролива, порт Ходейда в Йемене, концертный зал в гостинице «Россия» и зал заседаний в Доме Советов РСФСР в Москве. Не меньший вклад в искусство градостроения внесли и архитекторы Анатолий Георгиевич и Ирина Викторовна Лысяковы, возведя здание краевой библиотеки, гостиницы «Ставрополь», мединститут, драмтеатр, Дом книги, цирк и многое другое.

Никита Алексеевич Бычков строит жилые дома в начале ул. Артема и в других районах города, устраивает Комсомольские пруды.

Старый город украсили и Дворец детского творчества, Дворец профсоюзов, Центральный телеграф и другие неординарные строения. Сегодня Ставрополь — по существу, новый город с огромными жилыми микрорайонами, промышленными и культурными центрами. Новый архитектурный стиль, другие методы и масштабы строительства. Время архитекторов-одиночек, пусть даже талантливых, к сожалению, уходит в прошлое. Стремительно рвущийся в завтра город проектируют архитекторы и ученые различных специальностей, объединенных в научно-исследовательские и проектные институты. По генеральному плану реконструкции и застройки Ставрополя предстоит сделать многое. И в этом водовороте времени и событий своеобразными островками прошлого остаются дорогие всем нам особняки Старого города, с которых начинался Ставрополь.

Текст печатается по изданию:
Беликов Г.А. Белокаменный град // Беликов Г.А. Ставрополь — врата Кавказа. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1997. — С. 133—144.

Н.А. Охонько, С.Н. Савенко. **Концепция сохранения, использования и дальнейшего развития Ставропольской Крепостной горы**

Общие положения
Основное содержание проблемы

Особое положение исторических городов России выражается, в частности, в наличии уникальных достопримечательных объектов. Имел и имеет подобные «святыни» и такой неординарный город Северного Кавказа, каким является Ставрополь. Возникший в 1777 году как центральная крепость правого фланга первой правильной границы на юге России — Азово-Моздокской линии, он и мыслился как будущий город, став таковым уже через несколько лет, в 1785 г. Довольно быстро (к началу XIX в.) приобрел ведущее значение и с 1822 г. являлся административным центром Кавказской области. Развиваясь затем как крупнейший по численности населения город Предкавказья, он только в последней четверти XIX в. отошел от ряда ключевых позиций в социально-политической и экономической жизни всего региона, оставаясь губернской столицей. Насыщенная, сложная и противоречивая, порой трагичная советская история вершилась, в основном, в таких краевых и окружных центрах, как Ставрополь.

На современном этапе развития России место Ставрополя на фоне юга страны обозначилось еще рельефней и выглядит весомей. Как столица центрального в географическом и административно-территориальном отношениях региона Южного Федерального округа, граничащего с восемью субъектами России, город объективно является центром пересечения разнообразных социально-экономических, политических, культурных связей и взаимоотношений. Исключительно важное значение Ставрополя и всего края в обеспечении стабильности не только на Юге, но и в России в целом.

Исторической колыбелью Ставрополя, его ядром — территорией, на которой он был основан и зарождался, — является Крепостная гора. Так называется своеобразный в ландшафтном отношении возвышенный участок местности в центральной части старого города. В настоящее время его территория ограничена с севера склоном к реке Ташле и улицей Подгорной, с востока — пониженным рельефом и Баррикадным проездом, с юга — проспектом К. Маркса, с запада — частью улицы Кл. Цеткин.

Избранная людьми для постоянного проживания еще в начале I тысячелетия до н. э., гора приобрела свою особую судьбу осенью 1777 г., когда на ней по индивидуальному проекту стала строиться крупная, площадью 10 га, крепость в виде вытянутого многоугольника с бастионами по углам. Вся жизнь Ставрополя протекала с тех пор на Крепостной горе и в районах, непосредственно примыкавших к ней, где размещались казачья станица Хоперского полка, солдатская слобода, мещанский форштадт, армянский квартал. Структурные элементы раннего города были тесно связаны с крепостью, которая со времени основания и до первой четверти XIX в. выполняла и свою основную, оборонительную функцию. В 1809—1811 гг. потребовалась ее перестройка, модернизация земляных укреплений. В результате появились дополнительные, более мощные сооружения — каменные оборонительные казармы. Одновременно на территории крепости выделился обывательский квартал.

В связи с дальнейшим усилением позиций России на Северном Кавказе ее «Кавказские ворота» — г. Ставрополь — приобретает не только военное, но и социально-экономическое, административное значение. В границах территории Крепостной горы формировались первые органы самоуправления (ратуша, полицейское управление). Аппарат ратуши с 1786 года размещался в одноэтажном доме, сохранившемся доныне во дворе художественного училища. Позже в нем располагалась ветлечебница. С восточной его стороны в 1847 году была воздвигнута городская управа, строение которой сохранилось до сих пор, его занимает художественное училище. Со временем на Крепостной горе расширялась зона партикулярной застройки. В 1819 г. по инициативе прославленного генерала А.П. Ермолова крепость преобразуется в военно-вещевое интендантство для обеспечения снабжения Кавказского корпуса. Вскоре вблизи интендантства обосновались полицейское управление и пожарная часть, для которой в 1827—1830 годах было построено капитальное здание, также сохранившееся до наших дней. Архитектурный комплекс совершенствовался в течение десятилетий и окончательно оформился к 1864 году. С конца 20-х годов XIX в. на крепостной территории находились окружное казначейство, комиссариатское депо, уездное училище.

С продвижением центра города в южном и западном направлениях роль Крепостной горы меняется, но остается достаточно важной. Еще на начальном этапе истории города, когда здесь было лишь место расположения военных объектов, приобрела она и духовно-религиозный характер. В самом центре крепости, заложенной в день Казанской иконы Божьей матери, находилась одна из первых в Предкавказье православная церковь — полковой храм во имя Святителя Николая Чудотворца. Возле него возникло первое городское кладбище. К начальным годам развития Ставрополя относится и церковное предание о том, что во время закладки крепости был обнаружен каменный крест. Объективных доказательств этому факту нет, но и для полного его отрицания оснований также не имеется. Каменный крест архаичного вида действительно существовал, он был поставлен на месте демонтированной полковой церкви в период 1812—1815 гг. Второй каменный крест на Крепостной горе появился в связи с преодолением ставропольцами вспышки чумы в 1816 г. Он стал одновременно и символом идеи строительства нового храма в восточной части крепостной территории. Так сформировалось еще одно важное функциональное направление Крепостной горы — религиозно-мемориальное.

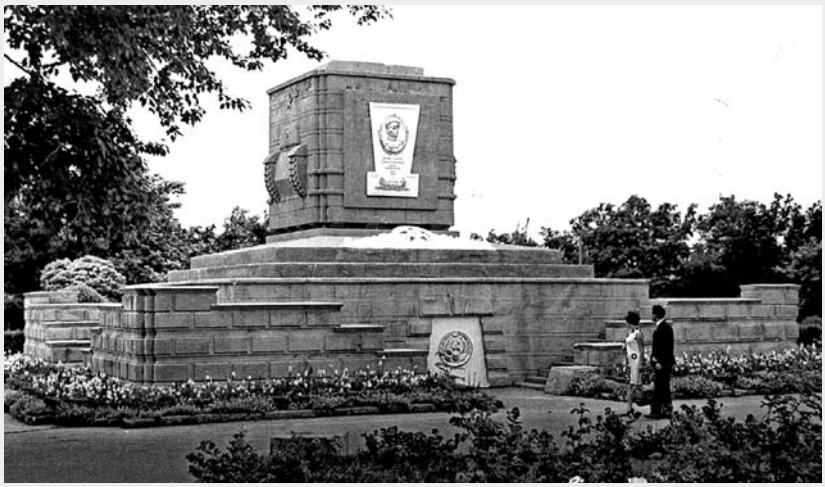
После учреждения в Ставрополе центра Кавказской епархии (1843 г.) на Крепостной горе начал строиться кафедральный Казанский собор (1849 г.), а затем и крупнейшая на Северном Кавказе колокольня (1867 г.). Все это на долгие годы превратило Крепостную гору в региональную духовную святыню. В Николаевском приделе собора находилась

могила Ставропольского и Кавказского епископа Феофилакта, причисленного к лику святых. Его останки, обнаруженные в процессе археологических раскопок (1991 г.), были перенесены крестным ходом в Андреевский кафедральный собор, где они хранятся и почитаются верующими.

Восточнее Казанского кафедрального собора, ниже по склону, располагалось старинное кладбище, где хоронили самых почтенных людей города Ставрополя и всей губернии (место памятника-могилы И.Р. Апанасенко). При этом Крепостная гора стала играть и важную градообразующую роль. Ее колокольня, соотнесенная с балтийской системой высот, сделалась точкой привязки всей сетки улиц и по-своему определяла развитие города.

При строительстве собора восточная часть крепости оказалась перепланированной, в ней выделилась храмовая зона. В связи с этим появились и другие исторические наименования Крепостной горы: «Соборная», «Кафедральная».

Историко-мемориальное значение Крепостной горы возрастало по мере того, как многие великие россияне (А.С. Пушкин, Н.Н. Раевский, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов, Н.И. Пирогов, Л.Н. Толстой и другие), посещая Ставрополь, не обходили вниманием и её как историческое ядро города. Свидетельством осознания особого места Крепостной горы в исторической судьбе Ставрополя стали её оценки в краеведческих трудах, впервые появившихся в середине XIX в. (И.В. Бентковский). Еще во время строительства крепости побывал в ней и знаменитый полководец А.В. Суворов, в честь которого к дню 100-летия его смерти здесь был установлен мемориальный «Суворовский крест».



Памятник генералу армии И.Р. Апанасенко на Крепостной горе

Неразрывная связь Крепостной горы с историческим развитием Ставрополя проявлялась и в том, что она отражала и далеко не лучшие этапы его жизни. Так, в 1875 году, когда город остался в стороне от Ростово-Владикавказской железной дороги и по сути дела лишился экономических связей, наметилось затухание и его исторического центра. Это вылилось в неупорядоченность его эволюции: активизировалось хаотичное частное строительство на территории горы и ее склонов, стали разбираться и видоизменяться крепостные и другие сооружения. Радетели сохранения городской старины, прежде всего ведущие краеведы (Г.Н. Прозрителев и другие), отстаивали необходимость сохранения исторических памятников, но их идеи почти не находили отклика, мало влияя на позиции архитекторов-градостроителей. Только при возведении здания Александровской женской гимназии, наоборот, большая крепостная казарма (101 м) была сохранена и использована под приют.

Положение в социально-экономической сфере поменялось в конце XIX — начале XX в., но и тогда общественные работы велись нередко без учета исторической среды Крепостной горы. При строительстве первой электростанции, например, возникли разрушения в южной части заповедной территории.

События сложного XX века также оставили свой отпечаток на Крепостной горе. Не обошли ее последствия революционных взрывов, гражданского противостояния и острой общественно-политической борьбы, т.к. она выполняла часто социально-массовую функцию. 29 декабря 1917 г. в здании Александровской женской гимназии (угол ул. Советской и пр. Октябрьской революции) открылся Губернский крестьянский съезд, принявший решение о передаче всей власти Советам крестьянских и рабочих депутатов. А в период управления Ставропольем и Предкавказьем А.И. Деникиным в Казанском соборе на Крепостной горе проводился первый всецерковный съезд Юга России, который выработал позицию православной церкви по отношению к гражданской войне и призвал воюющие стороны к примирению и согласию. Проходили здесь и первые субботники, и многие другие массовые действия начала советского периода. В качестве символа установления новой власти и победившей идеологии в соборной колокольне предполагалось создать музей гражданской войны. В здании по ул. Советской, 1, в предвоенные годы размещались совпартшкола и горсовет.

Новый подъем краеведческого движения произошел в 20-е годы XX века. Он был связан с усилением внимания к историко-культурному наследию. В это время удалось поставить на государственную охрану ряд объектов Крепостной горы. Но многие из них, как и само краеведческое движение, вскоре пострадали — в 1930—х годах был снесен «Суворовский крест», а в предвоенные и военные годы уничтожены Казанский собор и колокольня. Значительно изменился и комплекс интендантства.

Как и всему Ставрополю, Крепостной горе тоже достались испытания Великой Отечественной войны и оккупации. Свидетельствами стали памятники на могилах генералу армии И.Р. Апанасенко (1943 г.), герою-комсомольцу Г. Голеневу (1945 г.), братская могила воинов, погибших при освобождении города и умерших от ран в госпиталях у юго-восточного подножия горы, где потом был создан городской мемориал «Вечной Славы» (1967 г.).

Со временем в одном из помещений бывшего интендантства, в единственно сохранившемся историческом здании этого комплекса была размещена музыкальная школа. И в самом этом факте можно было видеть продолжение не столь значимой, но

вполне реальной функции объектов Крепостной горы — образовательной. Традиция заложена при создании первого уездного училища Александровской женской гимназии, а еще раньше — системой обучения солдат крепости.

В 1947 году (в год 170-летия города) был подготовлен первый советский генеральный план развития Ставрополя, затрагивающий и историческую его часть. Гора называлась Комсомольской, и отношение к ней как к исторической колыбели города заслонялось событиями той эпохи. Лишь в устах краеведов звучала тема исторической преемственности в понимании эволюции краевой столицы, мысль о необходимости сберечь старину для потомков. На деле же развернулось возведение новых зданий и иных объектов на исторической территории крепости: кинотеатра «Родина», ресторана «Горка» и других. Даже после того, как необычайно активизировалось общественное движение в сфере сохранения и использования исторических памятников (вторая половина 1960-х годов) и Ставрополь получил статус исторического города России (1970 г.), на территории бывшего интендантства строится плавательный бассейн, здание которого никак не увязано с исторической средой.

Ресторан «Горка» на Крепостной горе. Эскиз

Очередной этап осознания историко-культурной значимости Крепостной горы был связан с подготовкой и проведением 200-летия Ставрополя. Именно тогда на ней, помимо новых памятников, появился и комплекс, посвященный юбилею города и включивший в себя остатки стены крепостной казармы, символическую палатку первопоселенцев-хоперцев и бюст А.В. Суворова (1975 г.). При этом вследствие широкомасштабного благоустройства территории, были окончательно уничтожены остатки исторических зданий и возведены другие символические элементы. Следует, однако, признать: несмотря на то, что новые памятники нередко негативно оцениваются в архитектурно-художественном отношении, они все же служат усилению мемориального значения исторической зоны. К этому времени относится попытка проведения первой научной реконструкции Крепости (автор макета И.В. Лепаловский), но, как выяснилось позже, она оказалась ошибочной.

Последующие 12-13 лет не привнесли чего-либо существенного в дело сохранения и рационального использования историко-культурного наследия Крепостной горы. Косвенное отношение к этому может иметь лишь памятник А.С. Пушкину, сооруженный в пер. Баррикадном в 1986 году. К концу 80-х годов XX века в сфере должного обращения с историко-культурным наследием накопилось немало проблем. В 1990 г. в обществе по инициативе музейных работников и ученых-краеведов определился некий новый подход к их разрешению. Ситуация была объективно подготовлена значительным возрастанием интереса к отечественной истории как у отдельных граждан, так и со стороны государства.

В 1990 г. Крепостная гора вновь обрела свое исконное имя. На властном уровне был подтвержден исторический статус Ставрополя, приняты в связи с этим важные решения. Большим достижением стали разработка и публикация (08.11.1990 г.) первой в истории города «Концепции охраны, использования и дальнейшего развития Ставропольской Крепостной горы» (авторы Н.А. Охонько и Ю.А. Хоменко). Принятие концепции явилось этапным событием, с него начинается современный период определения дальнейшей судьбы исторических объектов и самой территории ядра города Ставрополя. В том же году была опубликована графическая реконструкция крепости Ю.А. Хоменко, в которой он исходил из предложений о единой линии каменных стен вокруг крепостной территории.

Уже через год был принят целый ряд местных нормативных решений о Крепостной горе, проведены предварительные научно-исторические и археологические исследования историко-культурной зоны. В соответствии с этим, по заказу Ставропольского государственного краеведческого музея и Ставропольского отделения Фонда культуры, творческой группой под руководством московского архитектора Ю.А. Тихонова и ставропольского архитектора В.А. Маркелова были выполнены эскизный концептуальный проект регенерации исторического ядра города Ставрополя и макет Крепостной горы. Он выставлялся для широкого обсуждения. В структуре Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве был создан музей истории города (на правах филиала), а на историческом месте выделена музейная зона, которая корректно отделяет храмовую территорию от городской площади, где проводятся праздничные массовые мероприятия.

В 1992 г. некоторые меры по сохранению памятников Крепостной горы были включены в федеральную программу. Правовые акты городского уровня продолжали приниматься и на следующий год. Развернут сбор средств на восстановление Казанского собора, и проведены предпроектные работы с целью подхода к реализации этой идеи. Разрабатывались также проекты реставрации зданий пожарной охраны и оборонительной казармы. Но в середине 1990-х годов все программы были свернуты прежде всего из-за серьезных финансовых проблем и смены структур в системе управления городом и краем. Стали учащаться проявления негативных тенденций, одна из которых — попытки несанкционированных строительных работ. На Крепостной горе и в непосредственной близости от нее появились новые индивидуальные дома, предприятия сферы услуг и отдыха. Все это стало прямым нарушением действующих федеральных и местных правовых норм и утвержденной концепции историко-культурной зоны.

Подобная ситуация сохраняется и в настоящее время. В связи с относительной экономической стабилизацией интерес к данной территории существенно возрос как у краевых и муниципальных властей, так и у частных предпринимателей. В 2000 году проведено масштабное благоустройство площади перед памятником Буденновцу и установлен именной символ города — каменный крест. К сожалению, данные работы проводились по локальным эскизным решениям. Одновременно севернее плавательного бассейна появились новые строения ООО «Созвездие». Размещены предприятия «Автоуслуги» и ряд других объектов обслуживания, нарушающих историческую среду. Практика разработки и «пробивания» подобных частных проектов продолжается.

На основе полученных в конце 1990-х годов историко-археологических и архивных данных специалистами Ставропольского государственного краеведческого музея осуществлена графическая реконструкция полных видов Крепостной горы по состоянию на 1777 и 1867 годы. В первой из них был закреплен научно установленный факт отсутствия каменных стен на крепости. Данные материалы позволяют выбрать для восстановления и реставрации приоритетные исторические объекты, в том числе и утраченные на сегодняшний день.

Все это подчеркивает необходимость разработки качественно новых комплексных и системных мер по сохранению и определению позитивных направлений использования и дальнейшего развития Крепостной горы. Сегодня, когда Ставрополь преодолел еще один очень важный исторический рубеж — 225-летие своего основания, подобные меры особенно актуальны.

Нормативно-правовое обеспечение особого статуса Крепостной горы

Как уже отмечалось, особое историко-культурное значение Крепостной горы стало осознаваться в передовых кругах краеведческой общественности еще в середине XIX в. В начале XX в. были сформулированы некоторые предложения о сохранении памятников Ставрополя и в особенности его исторического центра. В 1927 году усилиями Г.Н. Прозрителева и других активных краеведов Ставрополья на государственный учет и охрану были поставлены: двор интендантства с постройками, Казанский кафедральный собор и колокольня, соборная лестница, 2 каменных столба на горе, Суворовский крест за собором, ограда Барятинского сквера.

Однако, когда составлялся список архитектурных памятников республиканского значения, большинства из этих объектов уже не существовало, и в Постановление Совета Министров СССР от 30.08.1960 г. (№ 1327) был включен только участок крепостной стены (стены оборонительной казармы). Рекомендованные В.Г. Гниловским (1949 г.) к сохранению в качестве памятников часть стены бывшего шефского дома коменданта крепости и тополь на месте могилы первого коменданта к тому времени, видимо, не сохранились или были упущены. В 1969 г. памятником местного значения было признано здание интендантского депо (Решение Ставропольского горисполкома № 224 от 21.03).

Существенный толчок развитию нормативно-правового регулирования статуса исторического центра Ставрополя был дан в 1970 году, когда город был отнесен к 115 историческим поселениям РСФСР. В Постановлении Министерства культуры России и Госстроя РСФСР (№ 36 от 31.07.1970 г.) были установлены признаки исторических городов. Назывались, в частности, «градостроительные ансамбли и комплексы». Крепостная гора относится именно к таким объектам.

В связи с принятием Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (29.10.76 г.) Ставропольским горисполкомом было принято решение «Об утверждении проекта охранных зон и зон регулирования застройки памятников архитектуры и истории г. Ставрополя, выполненного Государственным институтом проектирования городов» (30.07.1977 г.). Это совпало со временем подготовки и празднования 200-летия Ставрополя.

Законодательные нормы союзного Закона и аналогичного Закона РСФСР (от 15.12.1978 г.) разъяснялись и дополнялись в Положении «Об охране и использовании памятников истории и культуры», утвержденном Постановлением Совета Министров СССР (№ 865 от 16.09.1982 г.), Инструкцией «О порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры Министерства культуры СССР» (№ 203 от 13.05.1986 г.) и других нормативных актах. Все эти документы непосредственно касались правового статуса Крепостной горы.

Современный этап системного правового обеспечения историко-культурного значения Крепостной горы определился в 1990 г., когда по инициативе Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве стали приниматься новые нормативно-правовые документы местного значения. Один из них — решение Президиума Ставропольского Совета народных депутатов «О состоянии памятников истории и культуры и дальнейших мерах по сохранению, восстановлению и использованию объектов историко-культурного наследия города» (№ 39 от 18.07.1990 г.). В нем давалась оценка состояния памятников Ставрополя, указывались проблемы их сохранения, определялись задачи и необходимые меры для улучшения деятельности в сфере охраны объектов и их исторической среды.

В 1991 г. появились еще 2 важных в этом отношении решения местных органов: Президиума городского Совета народных депутатов (№ 4 от 31.01.1991 г.) «О придании Ставропольскому историко-культурному центру статуса заповедной территории и объявлении ее землей историко-культурного значения» и Исполнительного комитета городского совета народных депутатов (№ 173 от 27.03.91 г.) «О мерах по охране, использованию и дальнейшему развитию Ставропольской Крепостной горы». Первым из этих документов была утверждена уже упомянутая «Концепция охраны использования и дальнейшего развития Крепостной горы». Решением исполкома Ставропольского

городского совета народных депутатов (№ 391/2 от 18.06.1991 г.) Ставропольскому государственному краеведческому музею им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве была разрешена разработка и реализация проекта музеефикации и благоустройства земельного участка на мемориальной заповедной территории Ставропольского историко-культурного центра. В соответствии с этим выполнялись проекты музеефикации здания пожарной части и восстановления оборонительной казармы, по поводу которой выходило и специальное постановление главы администрации города Ставрополя (№ 2062 от 13.07.96 г.).

Другим Постановлением главы администрации города (№ 119 от 14.01.92 г.) был утвержден эскизный проект Регенерации исторического ядра города Ставрополя. Затем малым советом Ставропольского городского совета народных депутатов в адрес главы администрации Ставропольского края направлялся проект Положения о заповедной территории историко-культурного назначения «Крепостная гора». Согласовывался и такой очень

«Суворовцы» на благоустройстве территории Комсомольской горки. 1950-е годы

важный вопрос, как установление нормативного порядка выделения участков под проектирование и застройку в заповедной зоне Крепостной горы. Конкретных решений краевых властей принято не было, утверждено только временное положение «О порядке использования земель историко-культурного и природно-заповедного назначения в пределах городской черты» (решение малого совета Ставропольского городского совета народных депутатов № 58 от 13.05.1993 г.). Действовавший в то время Земельный кодекс требовал в этом смысле определенных мер со стороны государственных органов.

В развернутом виде Крепостная гора и ее памятники были представлены в новом, дополнительном списке историко-культурных объектов края, инвентаризированных по программе «Наследие» в течение 1992—1994 гг. Список был утвержден Постановлением главы администрации Ставропольского края (№ 600 от 01.11.1995 г.).

Конец 90-х годов XX в. и начало XXI в. ознаменовались принятием федеральных Кодексов и базовых законов, частично или полностью связанных с проблемами сохранения и использования историко-культурного наследия. Например, Градостроительный кодекс (1998 г.), Земельный кодекс (2001 г.) и другие. Существенную роль в организации и проведении работ по сохранению и использованию исторического центра Ставрополя играет и краевой Закон «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры в Ставропольском крае» (№ 15-КЗ от 22.06.1998 г.).

Современный уровень правового статуса зон и территорий в границах исторических городов определен во вступившем в силу в конце июня 2002 года Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (№ 73-ФЗ от 25.06.2002 г.). В ст. 59 данного Закона подчеркнуто, что «в историческом поселении государственной охране подлежат все исторически ценные градоформирующие объекты: планировка, застройка, композиция, природный ландшафт, археологический слой, соотношение между различными городскими пространствами (свободными, застроенными, озелененными), объемно-пространственная структура, фрагментарное и руинированное градостроительное наследие, форма и облик зданий и сооружений, объединенных масштабом, объемом, структурой, стилем, материалом, цветом и декоративными элементами, соотношение с природным и созданным человеком окружением, различные функции исторического поселения, приобретенные им в процессе развития, а также другие ценные объекты». Особенности градостроительной, хозяйственной и иной деятельности в историческом поселении установлены в ст. 60, указывающей, что всякая подобная деятельность «должна осуществляться при условии обеспечения сохранности объектов культурного наследия и всех исторических ценных градоформирующих объектов данного поселения». Территория Крепостной горы является градоформирующей историко-культурной зоной, на которую в первую очередь распространяются приведенные требования Закона. На местном уровне необходимы теперь только решения конкретного процедурного характера и комплексные проектные разработки.

Современное состояние Крепостной горы

Несмотря на то, что нормативно-правовая база для сохранения историко-культурной среды Крепостной горы существует уже давно и продолжает развиваться, современное состояние исторического ядра Ставрополя не может считаться благополучным и представляет собой сложную картину.

Западная оконечность крепости еще в середине XIX в. была отсечена зданием первой на Северном Кавказе Александровской женской гимназии. Прямое назначение бывшей крепостной казармы, приспособленной под приют, при этом изменилось. Перепланированное здание гимназии преобразовано сегодня в жилой дом, но продолжает сохранять статус памятника. Жилые квартиры располагаются и в перестроенных казармах. Северней от них ведется индивидуальное частное строительство. Ближе к склону р. Ташлы, начиная от углового здания по ул. Советской, расположено историческое здание бывшей синагоги (начало XX в.). Ныне это загс Октябрьского района.

Далее по северной границе территории горы находится памятник «Буденновцу» со смотровой площад-

кой и элементами благоустройства склона. На противоположной (от бывшей гимназии) стороне проспекта Октябрьской революции размещен бывший кинотеатр «Родина» (1956 г.), переданный в середине 90-х годов XX века управлению Северо-Кавказского округа Федеральной пограничной службы. Здание до последнего времени также относилось к памятникам местного значения. Сегодня на уровне Министерства культуры Российской Федерации оно снято с учета и охраны. Решается вопрос о его сносе, что неоднозначно воспринимается в среде краеведов и горожан.

На участке, расположенном примерно перед входом в кинотеатр, ранее находился основной редант крепости и главные ворота. Сейчас их остатки перекрывают асфальтированные дорожки, проезды, клумбы и другие элементы благоустройства.

Вблизи правого от входа угла кинотеатра расположен мемориал 200-летия Ставрополя (стена, «палатка», бюст А.В. Суворова). Далее на краю бывшей крепостной территории стоит бывший купеческий угловой дом (пр. К. Маркса, 87), занимаемый ныне департаментом экономики города Ставрополя. За ним, после участка свободного склона горы, — большой комплекс МУП «Горэлектросеть», в который входит и историческое строение первой в городе электростанции. На противоположной стороне ул. Суворова между угловым домом и Горэлектросетью, находится единственное сохранившееся без существенных перестроек здание бывшего интендантства (сейчас музыкальная школа № 2).

За территорией Горэлектросети тянется значительная часть юго-восточного и восточного склонов горы, почти свободная от построек. Здесь расположена лестница, ведущая к мемориалу Вечной Славы, и восточнее — ступенчатый спуск к пер. Баррикадному, памятнику А.С. Пушкину и административному зданию СОГАЗа.

На отроге горы находится здание бывшей городской управы (пр. К. Маркса, 81). У подошвы, между переулком Баррикадным и постом Памяти сохраняются колоритные строения бывших торговых рядов, построенных в конце 1820-х гг. (бывшая ул. Спасская). Они отражают одну из важнейших функций Ставрополя как торгового центра Предкавказья конца XVIII-начала XX в. Восточнее улицы существовал первый городской рынок (базар, «мясные ряды»), возникший практически одновременно с крепостью.

У восточного окончания Крепостной горы, на месте разрушенного Казанского собора размещен памятник И.Р. Апанасенко. Севернее него устроена смотровая площадка, имитирующая крепостную башню, и фрагмент опорной конструкции, стилизованной под крепостную стену. На восточном склоне фиксируются участки брусчатки из местного камня. Возможно, это вымостка на месте бывшего спуска из крепости в станицу. Возле смотровой площадки в течение нескольких месяцев ведется строительство православной часовни. Здесь почти вплотную к опорной стене расположились индивидуальные дворы левой стороны начала улицы Подгорной.

Западнее, у края склона к реке находится бывший ресторан «Горка», а с 1991 г. — здание Ставропольского фонда культуры. Ограждено оно разномастными заборами, в основном, в неудовлетворительном техническом состоянии. За ним, ближе к центру территории, размещено историческое, но существенно перестроенное здание пожарной части (СВПЧ-8) Октябрьского района города с хоздвором. Постройки находятся в плохом состоянии.

К строениям пожарной части примыкает свободная от построек и весьма протяженная музейная территория, отделенная с внешней стороны металлической оградой, а с внутренней — заборами индивидуальных дворов переулка Интендантского. Часть этой зоны без учета мнения музея была передана под частное строительство (середина 90-х гг. XX в.). Музейная зона вследствие финансовых проблем пока не используется. На ее территории проведены археологические раскопки, давшие ценный материал по истории Крепостной горы и пополнившие музейные коллекции подлинными находками конца XVIII—XX вв.

За проездом между Ставропольской улицей и переулком Депутатским находятся помещения, используемые предприятием автоуслуг, пристыкованные к бассейну. Здесь комплекс общественного питания и досуга «Созвездие», построенный в 1999 г. без нормативного согласования. Возле него обустроена платная автостоянка. На ул. Ставропольской, 16 расположен памятник истории первой половины XIX в. — дом полицмейстера.

Благоустройство каскадной лестницы на Комсомольской горке. 1954 год

Между бассейном, кинотеатром, загсом и памятником «Буденновец» в 2001 г. вымощено пространство для массовых мероприятий со сценой временной легкой конструкции. У восточного края площади в 2000 г. сооружен именной символ города. Он установлен на предполагаемой территории первой церкви и примыкающего исторического кладбища Ставрополя.

По всей территории Крепостной горы фиксируется разной сохранности культурный слой конца XVIII — XX вв. В нем остатки крепостных укреплений и различных строений. Имеются и многочисленные находки.

Обобщенная оценка состояния историко-культурной зоны Крепостной горы приводит к следующим выводам:

1. В развитии Крепостной горы и ее объектов отражены все важные этапы исторической судьбы Ставрополя.

2. Сыграв важную градообразующую роль, Крепостная гора стала выполнять и другие, ставшие традиционными, функции, включая и постоянно расширяющуюся историко-мемориальную.

3. Негативной тенденцией развития данной территории, наметившейся еще в дореволюционный период, является несоблюдение принципа преемственности архитектурного облика, хаотичный характер изменений при отсутствии комплексного подхода.

4. При значительных утратах удалось, однако, сохранить большую часть мемориальной зоны и отдельные исторические объекты, что позволяет решать вопросы регенерации структурно-исторического центра с воссозданием исторических срезов и наиболее значительных сооружений.

Меры по сохранению и восстановлению историко-культурных объектов Крепостной горы

Сохранение историко-культурных объектов Крепостной горы является важнейшей задачей исторического города Ставрополя. Для этого необходимо строгое соблюдение положений ее особого статуса, прежде всего, по ограничению хозяйственной, строительной и иной деятельности в охранной зоне. В связи с этим целесообразно разработать и утвердить новое Положение с режимными правилами охраны и использования рассматриваемой территории, включая порядок землеотводов, ведения строительных и других хозяйственных мероприятий.

С целью организации более четкой системы учета объектов наследия и контроля за их состоянием следует продолжить историко-архивные, библиографические, архитектурно-исторические, археологические и другие научные исследования по выявлению и фиксации всех памятников и объектов, находящихся на Крепостной горе, в том числе скрытых в земле и измененных поздними перестройками. В ходе данных работ должна постоянно проводиться оценка памятников с позиций их значимости, степени сохранности и возможности восстановления.

Позитивное решение задач по сохранению и восстановлению исторической среды Крепостной горы возможно только при условии наличия единой программы и проектного решения сохранения и использования охраняемой историко-культурной зоны, включающих комплекс мер по регенерации, реставрации, музеефикации и развитию направлений использования ее территории и объектов.

Развитие исторического центра, начало которому дала Ставропольская Крепостная гора, было закреплено в таких генеральных планах развития Ставрополя: 1833 г. (И. Гайворонский), 1900 (Г. Кусков), 1947 г. (Л. Залесская, Г. Рапопорт), в последующем Генплане 1967 г. и находящемся в стадии завершения Генплане 1997 г.

В связи с тем, что большая часть исторических объектов Крепостной горы утрачена или видоизменена, необходимы действия по полному или частичному восстановлению наиболее ценных и исторически значимых из них, в оптимально возможных масштабах и объемах. При этом является обязательным обозначение основных хронологических этапов развития исторического ядра Ставрополя. Целесообразно восстановление отдельных участков рва и вала, других конструктивных элементов фортификационных сооружений по контуру крепости. Ров и вал могут быть относительно легко восстановлены на участках от комплекса 200-летия города до территории Горэлектросети и после нее — по всему юго-восточному склону горы, исключая зоны благоустройства и жизнеобеспечения. Следует обозначить территорию основного реданта, хотя бы в импровизированном виде. Восстановлению подлежат оборонительная казарма в мемориальном комплексе 200-летия и также отдельные постройки из тех, которые будут выявлены на свободных участках в процессе научных исследований.

Важным представляется обозначение первого исторического кладбища города и отдельных могил и мест захоронения возле собора.

Вторым хронологическим срезом на крепостной территории являются строения интендантства и пожарной охраны. Их следует восстановить в максимально возможном объеме и прежде всего — здание пожарной части с каланчой.

Обширный комплекс мероприятий требуется и для воссоздания главной ставропольской святыни — Казанского собора с колокольней, а также всей храмовой зоны.

Понятно, что столь масштабные работы могут быть проведены только при условии концентрации необходимых крупных материальных средств из всех возможных источников: муниципального и краевого бюджетов, федеральных программ, епархиальной и патриаршей казны, от организаций различных форм собственности, добровольных пожертвований. Поэтому, скорее всего, проект будет реализовываться поэтапно (если не удастся привлечь генерального инвестора). Координатором работ с действенными контрольными функциями по всему проекту в целом должно быть Министерство культуры Ставропольского края, которое делегирует ряд своих полномочий Ставропольскому государственному краеведческому музею. Подрядные организации могут быть объединены в рамках общих структур и сообществ. Возможно создание акционерных либо других объединений инвесторов. Допустимо привлечение и отдельных организаций для сооружения конкретных объектов. Все работы должны вестись в строгом соответствии с генеральным проектным решением. Для организаций, которые получат право строить новые объекты социального обслуживания, в договорных условиях следует предусматривать обязательства их долевого участия в финансировании восстановления историко-мемориальных объектов.

Положительным обстоятельством для решения этих задач является то, что в ходе реализации положений Концепции 1991 г. были накоплены существенные наработки. В частности, имеются готовые проекты восстановления и реставрации оборонительной казармы, здания пожарной части с каланчой, проведены предпроектные работы и налажен сбор средств на восстановление Казанского собора. Разработку другой реставрационно-восстановительной документации следует осуществлять в едином комплексе с созданием общего проекта регенерации территории Крепостной горы, реставрации и музеефикации ее объектов.

Направления дальнейшего использования историко-культурной зоны

Дальнейшее использование историко-культурной зоны Крепостной горы должно быть увязано с развитием ранее существовавших и сложившихся тенденций. К исторически оформившимся направлениям использования территории Крепостной горы следует отнести: 1) военно-административное; 2) духовно-религиозное; 3) размещение административных и социально значимых служб; 4) историко-мемориальное; 5) общественно-массовое; 6) культурно-массовое; 7) размещение общеобразовательных учреждений; 8) музейное; 9) рекреационно-досуговое; 10) экскурсионно-туристическое; 11) торговая зона, 12) жилая зона. Многие из данных функциональных направлений связаны между собой.

Несмотря на то, что непосредственно военная функция Крепостной горы стала отмирать еще в середине XIX в., объекты военной сферы продолжали существовать на ней и значительно позднее. Своеобразным продолжением этой функциональной традиции была передача бывшего кинотеатра «Родина» под культурный центр Северокавказского регионального управления Федеральной пограничной службы. Со сносом здания линия может прерваться, если военные структуры не проявят заинтересованность в дальнейшем своем присутствии на Крепостной горе и не примут участия в реализации комплексного проекта регенерации. В частности, региональные структуры пограничной службы могли бы взять на себя восстановление главного реданта крепости.

Комсомольская горка в начале 50-х годов XX века

Духовно-религиозное направление будет возрождено с окончанием строительства часовни и восстановлением храмовой зоны. Основная цель — воссоздание Казанского собора с колокольней, что имеет не только чисто религиозное, но и важное градостроительное и историко-мемориальное значение.

К числу административных социально значимых служб, размещавшихся на Крепостной горе, относятся: ратуша и городская управа, полицейское управление с пожарной частью, окружное казначейство, первая электростанция и Горэлектросеть, городские службы и управления. В концепции 1991 г. предлагалось выведение пожарной части из музейно-мемориальной зоны и приспособление ее зданий под музей истории города. Данный вариант решения судьбы отреставрированных зданий целесообразен. Горэлектросеть вряд ли может быть перемещена с Крепостной горы в обозримом будущем. Поэтому проект должен учитывать как сохранение ее на прежнем месте, так и восстановление исторического корпуса. Нет сейчас однозначного решения вопроса о судьбе загса. Таким образом, функция размещения здесь социально значимых служб будет сохраняться и в дальнейшем.

Историко-мемориальное значение Крепостной горы, как отмечалось выше, сложилось еще в середине — второй половине XIX в. и поддерживается сегодня наличием памятников советской эпохи. Восстановление сооружений различных историко-хронологических срезов значительно усилит эту важную функцию. Ей будут служить и музейные учреждения и объекты.

Опыт использования территории Крепостной горы для общественно-массовых мероприятий и действий был накоплен в начале XX в. и поддерживался затем во время празднования 200-летия Ставрополя (1977 г.) и Дней города в середине 80-х-90-х гг. Данная функция была закреплена в 2000 году созданием между домом пограничников, загсом и бассейном городской площади для массовых мероприятий. В последнее время она тесно связана с функцией культурно-массовой — общественные мероприятия сопровождаются различными концертами и театрализованными действиями. Данные направления имеют устойчивые перспективы и в дальнейшем.

Функция размещения образовательных учреждений на территории горы присутствует уже со времени основания крепости, в которой находились какие-либо обучающие структуры. В середине XIX в. здесь появилась Александровская гимназия. В послевоенный период в сохранившемся здании бывшего интендантского управления была размещена музыкальная образовательная школа. Здание городской управы использовалось политехническим институтом, а ныне здесь функционирует краевое художественное училище. Вероятно данная функция будет сохраняться, если даже будет реализовано предложение о переводе музыкальной школы в другое место. Предполагается, в частности, организация на этой базе музейно-образовательных программ, обучающих центров, экскурсий и т.п.

К числу относительно новых и пока недостаточно организационно оформленных направлений относятся музейное, рекреационно-досуговое и туристско-экскурсионное. Проект создания музея истории гражданской войны в колокольне Казанского собора, выдвинутый в предвоенные годы, не может считаться удачным, но он перекликается с идеей музейного использования объектов Крепостной горы. Мысль о музеефикации Крепостной горы в продуманном и цельном виде впервые была сформулирована Н.А. Охонько — директором Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. В 1990-1991 гг. это вошло в Концепцию. В результате было образовано структурное подразделение краеведческого цен-

тра — Музей истории города; на Крепостной горе ему отведена своя территория. На ней в 1991 году были проведены археологические исследования, накоплен научный и экспозиционный материал. Другие проекты — создание музея на базе отреставрированных помещений пожарной части, а также открытых экспозиций, живого музейно-производственного комплекса народных промыслов («Город мастеров»), исторического квартала из характерных воссозданных типов исторических строений и т.п. — пока, к сожалению, не реализованы, но по-прежнему перспективны и актуальны. В дальнейшем в качестве музейных объектов должны функционировать: оборонительная казарма, здание пожарной части с историко-этнографической пожарной группой образца середины XIX в., новоделы по историческим образцам «Квартала веков», музей частных коллекций, участки рвов, валов и культурного слоя охраняемой территории. Для музейной зоны необходима собственная детальная концепция.

Рекреационно-досуговая сторона использования Крепостной горы складывалась в советский, особенно послевоенный период на базе парково-скверовой и прогулочной зоны, используемой для пассивного отдыха и ряда специализированных объектов: кинотеатр, бассейн, ресторан «Горка», который также может быть отнесен (с некоторыми оговорками) к данной функциональной группе. Бассейн также выполняет спортивно-оздоровительную функцию.

Памятник красноармейцу-буденовцу на Крепостной горе

Сегодня в связи с тем, что планируется в дальнейшем не только сохранять, но и развивать территорию Крепостной горы, требуется кардинальное решение вопросов организации зон и объектов социально-культурного назначения. При этом невозможно обойтись без обслуживающей инфраструктуры в виде киосков, магазинов, кафе, транспортных стоянок, аттракционов, которые должны быть органически вплетены в историко-культурную среду, — не довлеть над историческими сооружениями и не вступать с ними в противоречия.

Вместе с идеей музеефикации Крепостной горы было выдвинуто предложение о включении главных историко-культурных опорных точек в число приоритетных туристических маршрутов. Эта тема не может считаться новой: еще в начале XX в. Г.Н. Прозрителев подготовил рукопись путеводителя по историческим районам Ставрополя. В конце 1940-х гг. В.Г. Гниловской предлагал широко использовать Комсомольскую (Крепостную) гору для познавательных экскурсий историко-культурной и природоведческой направленности. В период действия советской системы организации туристско-экскурсионной деятельности (1960—1980-е годы) объекты Крепостной горы, прежде всего памятники Великой Отечественной и гражданской войн, мемориал 200-летия Ставрополя, фигурировали в разработках и практических туристских маршрутах. Но потенциал культурного наследия исторического ядра города использовался не в полной мере. Это обуславливалось и утратой многих важных объектов показа. При условии их восстановления и развития инфраструктуры обслуживания это перспективное направление использования территории Крепостной горы можно будет перевести на качественно новый, более высокий уровень.

Уже в начале XIX в. в крепости существовала зона частной партикулярной застройки. К концу века она значительно расширилась. В ходе реализации масштабных проектов благоустройства часть подобных построек была устранена. Но историческая индивидуальная жилая зона сохраняется, в частности, в пер. Интендантском, на части ул. Ставропольской. Ее можно вписать в регенерируемую территорию. Но ни в коем случае нельзя допускать современного жилого строительства, отрицательные факты которого уже имели место в середине 90-х гг. XX века. Долго еще сохранятся жилые дома в западной части бывшей крепостной территории. Здесь ситуация особенно сложная: в жилую зону превращено поистине уникальное место, включая цепь каменных оборонительных казарм начала XIX века. Историко-культурному освоению в данном квартале может подлежать двор нынешнего жилого дома по ул. Советской, 1. Среди мероприятий могут быть реализованы такие, как восстановление первоначального внешнего облика каменных оборонительных казарм и исторической планировки двора, воссоздание подземного сооружения, используемого в прошлом под городской холодильник, и здания стационарного дежурного полицейского пункта как составной части комплекса присутственных мест, возникших в 1840-х годах в продолжение развития города к западу от исконной территории Крепостной горы и отнесенных к числу памятников федерального значения. Важным условием позитивного развития историко-культурной зоны является разработка, утверждение и принятие правил проживания и функционирования в пределах заповедной территории типа тех, которые принимаются для национальных парков.

Предложения комплексного решения всех поставленных задач уже формулировались в концептуальном проекте «Регенерация исторического ядра города Ставрополя» (Ю.А. Тихонов и В.А. Маркелов). В нем предлагалось разделение территории горы на 3 условные функциональные зоны: музейную, храмовую и общественно-культурную. За пределами оказались другие, не менее социально значимые, в частности, жилая. Рациональная в своей основе идея должна быть скорректирована с учетом реалий и требований сегодняшнего дня.

При сохранении относительной автономии храмовой зоны целесообразно более гибкое ее функционирование, взаимодействие музейных, общест-

венно-массовых и культурно-досуговых функций на большей части территории Крепостной горы.

Допустимо несколько вариантов размещения объектов и предприятий социально-культурного обслуживания в историко-мемориальной зоне. Первый — использование восстановленных или имитационных по историческим образцам строений (здания комплекса интендантства, типовые дома исторического квартала при сочетании музейных экспозиций и других досуговых учреждений); второй — используя подземный уровень (полости старых выработок в Крепостной горе со стороны склона к р. Ташле); третий — создавая продуманные в видовом отношении верхние конструктивные уровни (над музеефицированными участками заповедной зоны). По степени предпочтительности предлагается следующая последовательность вариантов: второй, первый, третий.

В плане развития массового отдыха и туризма необходима разработка качественно новых аттракционов и развлечений с включением в них части восстанавливаемых объектов, например, аттракцион обороны и взятия крепости, исторический тир, виртуальный видеокомпьютерный зал, историко-этнографический театр с вовлечением зрителей и т.п. Для этих форм, конечно, потребуются собственные концептуально-сценарные решения.

В текущем 2002 году по инициативе Министерства экономики и торговли Ставропольского края стали разрабатываться проекты широкого включения Крепостной горы в систему внутреннего и международного туризма. Нами подготовлен план инвестиционного проекта «По границе прошлого с грядущим» (Историко-культурные маршруты по Крепостной горе), где предусматриваются меры по сохранению, восстановлению и использованию Крепостной горы. В качестве приложения к нему предлагается авторский вариант эскизного чертежа нового комплексного проекта регенерации рассматриваемой территории, выполненный архитектором С.Д. Солдатовым. Он, в основном, соответствует идейной направленности представляемой концепции. В нем планируется: создание импровизированного реданта и участка крепости между угловым домом по ул. Суворова и Горэлектросетью; восстановление оборонительной казармы на базе ее фундамента и стены; возведение части комплекса интендантства по историческим мотивам, но отличного от реального исторического образца; реставрация здания пожарной части с каланчой; строительство здания музея частных коллекций; создание стеклянного уровня в виде сжатой пирамиды над музейной территорией; полное воссоздание соборного комплекса; современная, но с историческими мотивами застройка прилегающей к бассейну территории; сохранение в перепланированном виде площади для массовых мероприятий перед памятником Буденновцу. Нуждаясь в широком обсуждении, в детализации и конкретизации с учетом предложений Ю.А. Тихонова и В.А. Маркелова, это эскизное решение вполне может лечь в основу нового комплексного проекта регенерации исторического ядра города Ставрополя — Крепостной горы.

Библиография

Основные нормативно-правовые акты:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации // Сборник федеральных конституционных и федеральных законов. — М: Издание Государственной Думы РФ, 1998. — С. 18—94

2. Закон Ставропольского края «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры в Ставропольском крае». — Ставрополь: Министерство культуры СК, 1998.

3. Земельный кодекс Российской Федерации. — М.: ООО «ВИТРЭМ», 2001.

4. Закон Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Российская газета. 29.06.2002 г.

Используемая литература:

1. Прозрителев Г.Н. Крепость № 8 // Труды Ставропольской архивной комиссии. — Вып. II, 1910. — С. 3—4

2. Гниловской В.Г. План Ставропольской крепости 1811 г.: Историко-географический очерк // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1949. — Вып. I. — С. 165—176.

3. Гниловской В.Г. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия. Ставрополь, 1952.

4. Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1953.

5. Памятники истории и культуры Ставрополья. / Сост. В.В. Госданкер и И.А. Усова. — Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1971.

6. Наш город. К 200-летию города Ставрополя: Рекомендательный список литературы. — Ставрополь, 1976.

7. Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь. Исторический город. — Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во. 1977.

8. Хоменко Ю. Ставропольская крепость // Архитектура и строительство России. 1990. — № 7. — С. 26—28.

9. Охонько Н., Хоменко Ю. Концепция охраны, использования и дальнейшего развития Ставропольской Крепостной горы // Вечерний Ставрополь. 8.12.1990. — № 248. — С. 1.

10. Памятники истории и культуры Ставрополя. / Сост. В.В. Госданкер, В.Г. Остапенко, Н.А. Охонько. — Ставрополь: Ставропольский фонд культуры, 1993.

11. Охонько Н.А. Азово-Моздокская линия и ее роль в становлении России на южных рубежах (к 225-летию со времени основания) // Ставропольский хронограф на 2002 год. Краеведческий сборник. — Ставрополь: СГКУНБ, 2002. — С. 246—253.

Текст печатается по изданию:
Охонько Н.А., Савенко С.Н. Концепция сохранения, использования и дальнейшего развития Ставропольской Крепостной горы. — Ставрополь, 2002. — С. 3—39.

Т.А. Невская, С.А. Чекменев. **Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта**

Материальная культура крестьянского населения Ставрополья

<...> Материальная культура крестьян-переселенцев на Северный Кавказ первоначально не отличалась от материальной культуры крестьян тех губерний, из которых происходило заселение Ставрополья. «Образ жизни, нравственности и досужество россиян по краткому времени пребывания в сем климате остаются еще в таком виде, какой они имели в прежних местах пребывания своего, — писал в начале XIX в. И.В. Ровинский. — Словом, вообще все их работы, одежда и даже лапотная обувь не имеют перемены своей..., селения строением своим весьма похожи на села или Харьковской или Курской губерний».[1] В первой половине XIX в. материальная культура русских и украинских переселенцев еще значительно отличалась друг от друга. Крестьяне старались построить, если была возможность, такие же дома, какие были в местах их прежнего жительства, носили одежду, которую привезли с собой или же сшили по привезенным образцам. Только во второй половине XIX в. в результате совместного проживания, взаимных браков и других контактов у крестьянского населения Ставрополья начал складываться единый общий комплекс материальной культуры, подвергшийся также и влиянию культуры местных народов, с которыми переселенцы из России и Украины вступали в тесные хозяйственные, торговые и культурные связи.

Поселение и жилище

Основание первых переселенческих крестьянских сел на территории Ставрополья началось в последней четверти XVIII в. Правительство, которое было заинтересовано в хозяйственном освоении края и прочном закреплении на Кавказе, пыталось организовать переселение и основать села прежде всего по Черкасскому тракту, поселять крестьян строго на предписанных им местах. Однако крестьяне-переселенцы уже с начала XIX в. весьма неохотно основывали новые села, а старались поселиться в старых и уже обжитых селениях. «Переселенцы... охотнее водворялись там, где до них уже существовала оседлость, нежели на местности необитаемой», — писал о своих односельчанах учитель Г. Косоглядов.[2]

Опасность набегов горцев и хозяйственная неосвоенность края, а также недостаток источников питьевой воды были причинами того, что основным типом крестьянских поселений в Ставрополье стали крупные села, насчитывавшие по несколько сотен дворов. С увеличением потока переселенцев села еще больше разрастались, превращаясь в крупные торгово-промышленные пункты, не уступавшие по ряду показателей многим уездным городам центральной России. С ростом численности населения вокруг сел образовывались отселки (выселки), насчитывавшие от нескольких десятков до сотни-двух дворов. Жители отселков входили в сельское общество того села, из которого они или их предки первоначально вышли, имели неразделенные с ним земли, общее правление. С ростом населения отселков их жители ходатайствовали об отделении их от села, давая обязательство построить у себя хлебный магазин и здание управы. Так, в 40-е годы XIX в. возникли села Благодарное (из отселка Березовая Балка), Архангельское (из отселка Цыганский), Богородицкое.

Другим широко распространенным типом поселения были хутора. Небольшие хутора часто основывали скотоводы у источников воды в степи, эти хутора представляли собой «зимовки», где жили, ухаживая за скотом, круглый год наемные пастухи или кто-либо из семьи хозяина. На зимовках (или «кочевках», как их еще называли) ставили небольшую хату или вырывали землянку, ставили там печь, чаще русскую. Еще в 1810 году генерал Вердеревский, обозревая Кавказскую губернию, отмечал, что «обыватели тамошние самовольно построили в степи немалое число хуторов, полагая оные удобными для скотоводства».[3]

Небольшие хутора в несколько дворов или даже десятков дворов часто образовывались, когда крестьяне арендовали землю или же получали надельную землю в отдалении от села. Часто в таком случае вначале устраивали землянки, сначала на время летних работ, а потом строилось какое-либо помещение для хранения продуктов, орудий, а далее домохозяин посылал и совсем сына с семьей жить на хуторе. Рост хуторов представлял собой несомненное свидетельство довольно быстрого расслоения крестьянского населения, появление новых капиталистических отношений. Хуторское хозяйство, преимущественно скотоводческого направления, носило на Ставрополье ярко выраженный торговый характер. Из отдельных хуторов часто возникали новые села и отселки — в 1840-е годы из хутора с. Сандаты был создан отселок Степанников (25 дворов), из хутора с. Новоегорлыкского — отселок Юдачева (83 двора), самостоятельными государственными селениями стали хутора Сотниковский, Журавка, Татарка, хутор Сурочин стал с. Привольным, хутор Юсрачев — с. Воронцовским.

По данным И. Бентковского, относящимся к 1878 г., в Ставропольской губернии на одно село приходилось в среднем 476 дворов и 1469 ревизских душ (3,5-4 тыс. человек), 18 сел имели от 5 до 10 тысяч жителей. Кроме того, в губернии было 13 отселков (самый крупный из них — Орловский — насчитывал 249 дворов с 1091 жителями), 198 хуторов и 119 мельничных усадеб. На хуторах находилось от 1-2 до 126 дворов.[4]

В 1905 году в губернии 143 селения представляли собой волости и села с самостоятельным управлением, 16 поселений принадлежало крестьянам-собственникам, 8 — крестьянским товариществам. Кроме того, в губернии было 317 хуторов на общинных землях, 20 на казенных, 104 на удельных землях и 450 хуторов на землях частного владения.[5]

До окончания военных действий на Кавказе многие поселения ставропольских крестьян были защищены оградами, окопаны рвами и канавами, которые были вдобавок обнесены терновым забором, который плели из колючего хвороста так, чтобы шипы были с наружной стороны. Села имели вид крепости, и часто в них было не больше двух во-

рот с подъемными мостами. Позже ставропольские села вытягивались вдоль реки или дороги и имели уличную планировку. Улицы тянулись на 2-5 км и были шириной 10-15 и даже более сажень. Обычно село имело 2-6 продольных и несколько поперечных улиц. Центральные улицы больших сел были очень широкие: «ширине некоторых улиц позавидовал бы любой городской проспект», — писал в конце XIX в. современник. Тротуаров на улицах сел, за исключением уездных центров, не было, центральная улица села содержалась, как правило, в чистоте, остальные же сельские улицы были сильно занавожены и пыльны. В начале XX в. центральные улицы крупных сел нередко освещались керосиновыми фонарями.

Улицы почти всех ставропольских сел до конца XIX в. не были озеленены, лишь изредка встречались у домов палисадники с белыми акациями. В конце XIX в. во многих селах хозяева стали устраивать перед домом палисадники, выращивать там мяту, мальвы, сажать на улице декоративные деревья. В большинстве сел это делалось по личной инициативе, а в некоторых — по приговору общества или распоряжению местного начальства.

Часто переселенцы из одной губернии селились в одном конце села, образовывая «сотню», таким образом большое село состояло из нескольких «сотен» — различных территориальных и административных единиц. Например, в начале XIX в. с. Преградное состояло из двух «сотен» — Каменевой и Атановой, в 40-е годы XIX в. сюда прибыли две группы переселенцев из Харьковской губернии, поселились они одна с восточной, другая с западной стороны села, образовав Палыновскую и Беловодскую «сотни», таким образом в селе стало 4 «сотни». Село Дмитриевское также делилось на 4 «сотни» — Гайдарская, Центральная, или Церковная, Барабашева и Донская. В с. Константиновском было 3 «сотни» — Калужская, Воронежская и Нижонская.

Свои названия «сотни» получали чаще всего по наименованию той местности, откуда вышли ее первые поселенцы. Так, жители хуторов, расположенных на р. Гайдарь (ныне Белгородская обл.), переселившись на Ставрополье, образовали в с. Дмитриевском «Гайдарку», крестьяне с Дона — «Донщину», крестьяне, переселившиеся из с. Фролов Кут, образовали в с. Рагули Фроловскую «сотню». Часто сотня получала название по имени своего основателя или какого-либо выдающегося жителя, а иногда называлась в память какого-нибудь из ряда вон выходящего события или по характерному признаку данной местности. В начале заселения сотни одного села находились на некотором расстоянии друг от друга, и село выглядело совокупностью отдельных хуторов, затем, по мере роста населения, сотни сливались друг с другом, и в конце XIX в. села все имели уже сплошную застройку. В большинстве сел к середине XIX в. исчезла обособленность русских и украинских улиц или сотен, и население во многих селах к этому времени уже смешалось вследствие взаимных браков.

В центре села находилась церковь и площадь. В больших селах было 2-3 церкви. В начале заселения губернии, в конце XVIII в., в селах были молитвенные дома, затем в первой половине XIX в. были построены деревянные церкви, часто на каменном фундаменте, а затем уже и каменные. Во второй половине XIX в. церкви почти во всех ставропольских селах были построены в «византийском» стиле, каменные, под железной крышей, с каменной или деревянной оградой вокруг. При церкви обязательно устраивали караульню — дом из одной—двух жилых комнат и сеней.

Крупное село имело, как правило, две площади — рыночную и церковную, в небольших селах была только одна площадь. На центральной улице села у церковной площади находились лавки, трактиры и постоялые дворы. Здесь же находились хлебные амбары торговцев, скупавших у крестьян зерно. В каждом селе были и общественные постройки — хлебные магазины на случай неурожая, дома волостного правления. В больших селах было по 3-7 общественных «гамазеи» с хлебными запасами, в небольших селах — 1-2 магазина. Амбары для общественного хлеба крестьяне старались построить из сосновых брусьев — лучшего и наиболее дорогого в Ставрополье материала, на каменном фундаменте, иногда на деревянных столбах.

Крестьянский дом с каменным забором в селе Пелагиада Ставропольского края

Здания Волостного правления находились в самом центре села, строились они на деньги крестьян и обходились обществу весьма дорого — от 1000 до 7000 рублей. Чаще всего эти здания имели от 3 до 4 комнат, в отдельных селах до 9. В некоторых селах при домах волостного правления или сельской управы устраивали сараи с пожарным инвентарем: тачками, бочками для воды, баграми. В конце XIX в. во многих селах стали открываться библиотеки-читальни, которые располагались в зданиях волостных правлений.

Бурное развитие капитализма в сельском хозяйстве Ставрополья во второй половине XIX — начале XX вв. порождало обилие в селах торговых заведений и мелких промышленных предприятий. В 1909 году в селах губернии было 3047 торговых заведений и 2412 предприятий, главным образом, мельниц.[6] Село на 500-900 дворов имело, как правило, 3-4 мануфактурные лавки, 3-5 бакалейных, несколько галантерейных, почти в каждом селе было 1-2 трактира и несколько питейных домов. В некоторых селах были общественные сады с плодовыми и дикорастущими деревьями. В крупных селах было 1—2 постоялых двора, в небольших селах — только

заезжие дворы. При въезде и выезде из села устанавливали деревянные столбы с надписями о числе дворов и жителей селения.

Недалеко за селом находились мельницы. В конце XIX в. крестьяне пользовались преимущественно ветряными мельницами, немало было и водяных. В начале XX в. появлялись и паровые мельницы. В селе, насчитывающем 1000-1300 дворов, было от 25 до 40 ветряных мельниц.

Важную роль в жизни ставропольских сел играло водоснабжение. Особенно плохо было с питьевой водой, рек в губернии было очень мало, во многих из них (Егорлыке, Томузлове) вода летом исчезала и становилась не пригодной для питья даже скоту. Так, например, в начале XIX в. в р. Томузлов была хорошая вода, однако с 40-х годов с постепенным увеличением населения вода стала портиться от загрязнений, свалок нечистот у ее берегов и к 80-м годам «до такой степени испортилась, что не только люди, даже домашние животные неохотно и с очевидным отвращением утоляют ею свою жажду», — писал современник.[7]

Крестьяне у колодца. Фото начала XX века

До конца XIX в. сохранился древний обычай вырывать «копани» — неглубокие воронкообразные колодцы метровой глубины с земляными стенками. Изредка стенки копаней обшивали досками. Достоинством этих колодцев, как отмечал И. Бентковский, была простота изготовления и незначительное испарение из копаней воды вследствие небольшого диаметра колодца. Однако существенным недостатком копаней было то, что вода в них была мутная и грязная, а также довольно теплая.

Крестьяне вырывали колодцы, но и там часто вода оказывалась солоноватой и непригодной для питья. Общественные колодцы иногда выкладывали тесаным камнем.

Хозяева колодцев, расположенных за селом, делали на них различные замки, чтобы сохранить для себя воду, так как во многих колодцах вода набиралась очень медленно — 15-20 ведер за 10 часов. В некоторых же селах вода в колодцах на глубине 3-6 аршин держалась только до июля, а затем иссякала. Если в какой-то части села попадалась хорошая вода в колодцах, то односельчане покупали эту воду у хозяев колодцев — за мешок зерна брали воду всю зиму. Например, в с. Новогеоргиевском, расположенном на р. Терновке, вода в которой в летнее время становилась непригодной для питья, имелось всего два колодца с хорошей водой. Часто за питьевой водой крестьянам некоторых сел приходилось ездить за несколько километров. Так, к «бездонному колодцу» (как его называли жители) в с. Журавском за водой приезжали крестьяне многих окрестных селений. Крестьянам с. Бурлацкого, в колодцах которого была солонцеватая вода, приходилось покупать воду, привозимую за 8 верст с участка с. Спасского, крестьяне с. Преградного привозили хорошую воду с Гока, находящегося в 7 км от села, крестьяне с. Покойного для скота и полевых работ возили воду бочками за 25 и даже 50 верст.

С конца XIX в. во дворах стали устраивать цементные бассейны, цистерны, куда собирали дождевую воду, стекавшую по желобам с крыши. В последней четверти XIX в. стали за счет общества строить хорошие водопроводы, так, в с. Сергиевском водопровод обошелся крестьянам в 60 тыс. рублей, в с. Петровском — 30 тыс. рублей. В начале XX в. в селах стали повсеместно рыть артезианские колодцы. В 1909 году в губернии было 143 артезиана: 4 — в Ставропольском уезде, 12 — в Александровском, 2— в Благодарненском, 17 — в Медвеженском и 113 — в Прасковейском уезде.[8]

* * *

Дворы у ставропольских крестьян были, как правило, большие, просторные, особенно у зажиточных хозяев, державших много скота. Рядом с домом находились ворота с калиткой, ведущие в открытый двор, где без определенного строгого порядка размещались хозяйственные постройки. В большинстве хозяйств чистый двор отделялся от заднего, где находились базы для скота. За двором находился огород, он примыкал к огороду дома, выходившего на параллельную улицу. Крестьянский двор имел в среднем в длину 25, в ширину 12 сажень.

При основании сел в конце XVIII — начале XIX вв. усадьбу крестьяне устраивали, в большинстве сел, очень большую, каждый занимал земли под усадебное место столько, сколько мог огородить. Один от другого дворы находились примерно в 10-15 саженях, а в украинских селах расстояние между дворами было еще больше.

В конце XIX в. в некоторых старых селах в связи с ростом населения и разделами больших семей (когда сыну строили дом на том же участке) дворы крестьян стали располагаться по улице очень близко, почти вплотную друг к другу. Бывшим помещичьим крестьянам после реформы 1861 г. под усадьбу с двором отводилось 216 квадратных сажень (12x18) и 100 квадратных сажень под огород.[9]

Дворы огораживали забором из самана или дикого камня или же плетнем. В начале колонизации губернии, когда на Ставрополье не были еще истреблены леса, дворы часто огораживали забором из бревен. Во второй половине XIX в. чаще всего «чистый двор» перед домом, выходивший на улицу, огораживали саманным обмазанным глиной и побеленным забором, а хозяйственный двор и огород — плетнем. Саманные ограды часто строили с завалинкой, на которой хозяева любили сидеть с соседями и приятелями. Чтобы предохранить побеленную ограду от дождя и снега, на нее обычно клали сверху в виде двухскатной крыши черепицу.

В ограде устраивали большие деревянные ворота и калитку. Ворота часто делались очень массивными и высокими, их высота у некоторых хозяев

была равна высоте дома. Калитку делали в одной из створок ворот, а иногда и отдельно в ограде. Калитка была, как правило, очень низкая, чтобы в нее пройти, приходилось наклоняться. У зажиточных крестьян ворота обычно висели на 4-5-аршинных столбах, у бедных — на сошках, у богатых крестьян были деревянные крытые ворота, иногда с резьбой. Крышу над воротами делали из черепицы, реже — из дранки.

В каждом дворе находилось 1-2 жилых дома (в зависимости от численности семьи), на передней части двора размещались амбары, строившиеся, как правило, напротив дома, а также ледники, пуньки, несколько навесов для хранения инвентаря. На задней части двора, отгороженной от всех этих построек, находились базы для скота, конюшни, телятники, сараи для коров. Эта часть двора предназначалась также для складывания и молотьбы хлеба, для хранения соломы и сена.

За двором иногда находился огород, редко — сад. Как уже указывалось, садоводство, как и огородничество, было распространено в губернии слабо, и только к концу XIX в. крестьяне стали кое-где обзаводиться садами и огородами. На огороде или же вместо него большинство крестьян устраивало ток.

Основным типом крестьянского жилища на Ставрополье во второй половине XIX в. были саманные хаты. Хатами ставропольские крестьяне называли прямоугольные, продолговатые в плане 2-3-камерные жилища из сырцового кирпича (самана) с земляным полом. Домом крестьяне называли квадратную в плане жилую постройку из дерева или кирпича, с деревянным полом. Если жилище из самана строили квадратным в плане, то его иногда тоже называли «домом» или «хатой», построенной, как «дом». Переселенцы, не успевшие еще отстроиться, жили в землянках. Бедным семьям в них приходилось жить довольно долго, пока собирались средства для постройки более основательного жилища. Землянку вырывали целиком в земле, крышу тоже делали земляную на досках, при этом она немного выступала над землей. Вниз выкапывали ступеньки, стены внутри обмазывали глиной и белили. В землянках, как и в хатах, устанавливали русскую печь. В землянках крестьяне жили так же, как уже было сказано, на «кочевках» в степи. Первые переселенцы на Ставрополье по приезде на новое, необжитое еще место устраивали для жилья также «балаганы» — делали в земле углубление, прикрывали его бурьяном, а затем сеном. Некоторым семьям приходилось жить в балагане целый год.

С конца XVIII до середины XIX вв. переселенцы на Ставрополье строили свои дома из дерева, так как в это время не были еще истреблены все леса, называли такие дома, как и в губерниях, из которых происходило заселение, избами. В 1840 году в восьми волостях Ставропольского округа насчитывалось всего 11220 домов, из них 9952 дома были деревянными.[10] Это объяснялось не только наличием строительного материала — леса, но и тем, что колонисты принесли из центральных губерний страны навыки деревянного строительства и не сразу привыкли к непривычному для них саманному строительству.

К середине XIX в. леса на Ставрополье были истреблены, древесина стоила дорого, и большинство домов, как и хозяйственных построек, стали строить из саманного кирпича. Крестьяне с. Покойного, расположенного недалеко от развалин древнего города Маджар, строили иногда свои дома из камня, добытого крестьянами из этих развалин. С начала XX в. в крестьянском строительстве стали шире, чем во второй половине XIX в., применяться деревянные доски, которые крестьяне приобретали на железнодорожных станциях. Иметь дом, построенный из дерева, считалось на Ставрополье более престижным, чем саманный. Лучшей древесиной для построек крестьяне считали сосну. Она была наиболее дорогим строительным материалом, так как привозилась издалека.

Саманный кирпич — основной строительный материал на Ставрополье — изготавливали из глины, которую брали из «зароя» над рекой, на пустоши или во дворе; ее смешивали с резаной соломой, навозом и месили все это с помощью лошадей. Затем женщины на тачках возили саман на ровное место, где мужчины накладывали его вилами в «станок», а женщины мяли и утрамбовывали. Сушили сырцовые кирпичи, разложив их на землю по одному и время от времени переворачивая. Через две недели, а при хорошей погоде и через несколько дней, кирпичи складывали в десятки — «в кагат», дом из них строили обычно на другой год. Для постройки средней крестьянской хаты требовалось 2 тысячи кирпичей.

Яму для фундамента вырывали неглубокую — «в две лопаты», ее обкладывали «диким» камнем, иногда цоколь делали также из камня, поднимая его на метр от земли. Камень для строительства в изобилии имелся на Ставрополье около большинства сел. Клали стены мужчины, женщины подносили кирпичи, а затем обмазывали стены, мужчины же подносили им для этого глину. Зажиточные крестьяне нанимали мастеров класть стены, большинство же крестьян строили хаты сами или иногда звали на помощь соседей или родственников, которым после работы устраивали угощение.

Порог в доме делали бревенчатый, а пол земляной — «зем», как называли его крестьяне. «Зем» крестьяне обмазывали желтой глиной, его подмазывали каждую субботу и посыпали желтым песочком.

Крыша крестьянских домов была двухскатная, или четырехскатная, установленная на стропилах. Крыли крыши камышом или соломой, с 70-х годов XIX в. начинают повсеместно появляться черепичные крыши, во многих селах открываются в конце XIX в. черепичные заводы. Первые поселенцы покрывали временные жилища первоначально сеном, укрепляя его на крыше веревкой, свитой из сена же.

Потолок крестьяне делали камышовый или из досок. Камышовый потолок — «потолок с латами» — делали следующим образом. На матку — несущую толстую балку перекрытия — укрепляли перпендикулярно ей тонкие балки, жерди, а на них клали камыш, а также для утепления коноплю, подсолнечник. Все это замазывали с обеих сторон глиной. Изредка потолок делали из плетня, насыпая на него землю, а затем обмазывая. Щели забивали в потолке вальками грязи и также замазывали глиной. Потом потолок белили, дощатый — изредка красили. В конце XIX — начале XX вв. почти все крестьяне нанимали плотников устанавливать на крыше стропи-

ла — «ставить верхи», многие нанимали также мастеров делать крышу и потолки, а также класть печи. Обычно крестьяне клали печи из кирпича-сырца, но некоторые богатые хозяева покупали жженый кирпич, особенно для выкладывания пода печи. Печь занимала в доме около 1 квадратной сажени — почти четверть комнаты.

Отапливали дома в конце XIX — начале XX вв. соломой, сухим бурьяном, кизяком, «объедьями» — оставшимся несъеденным кормом. Это топливо быстро прогорало, поэтому на зиму его запасали очень много. Трубы в домах делали из досок, камыша или хвороста и обмазывали глиной.

В каждой комнате, или, как говорили крестьяне, «половине», дома делалось по два окна на улицу и по два-три окна во двор. Окна в чистой комнате делались нередко больших размеров, чем в жилой, поэтому ее иногда называли «светлицей». На окнах были деревянные ставни, большей частью некрашеные, наличники украшались иногда незатейливой резьбой.

Дома крестьян обязательно белили и внутри, и снаружи белой глиной. Для ставропольских сел было характерно то, что белились не только саманные дома и турлучные постройки, но и деревянные дома, дома из камня и обожженного кирпича.

Глину для побелки крестьяне привозили из некоторых сел (Белая Глина, Башанта, Покойное и др.), где ее либо выменивали на пшеницу, либо набирали в определенных местах сами. Например, у крестьян Медвеженского уезда было принято весной, перед Пасхой, собираться группами из членов нескольких семей и ехать вместе в с. Белая Глина на лиман. Там крестьяне снимали верхний слой земли и из-под него набирали в корыта и кадушки глину. Глина, в отличие от извести, плохо держалась на стенах, поэтому приходилось часто подбеливать стены. Снаружи хату белили два раза в год — весной и осенью, внутри подбеливали, обычно, каждую субботу и в праздники.

Крестьяне отдельных сел белили стены своих домов, используя для этого глиняные породы, содержащие слюду. Иногда, желая наряднее оформить свой дом, девушки добавляли в раствор для побелки толченую соль и белили этим внешние стены дома, чтобы они поблескивали на солнце.

На Ставрополье были распространены два основных вида планировки крестьянской хаты. В первом случае жилище состояло из одной комнаты и сеней, реже — из двух смежных комнат и сеней. Во втором случае «хата-связь» состояла из двух комнат, разделенных сенцами. Иногда у зажиточных крестьян были дома, состоящие из трех комнат и сенцев, в таком доме две комнаты были смежными, а третья — через сенцы от них. Такие дома стали строить только с 80-х годов XIX в. В начале XX в. некоторые богатые крестьяне стали строить квадратные в плане, «круглые», как их называли, дома. Планировку таких домов, как и их название, ставропольские крестьяне заимствовали у зажиточного казачества Кубани и Дона.

Сени в крестьянских домах делались большими, особенно если жилище имело всего одну комнату, иногда они были больше самой комнаты. Напротив входной двери (если в сенях не было второй двери, ведущей на улицу) находился чулан, сделанный из сосновых досок. Потолка в сенях не было, там находился лаз на чердак с приставленной к нему лестницей. В начале XX века к домам иногда стали пристраивать открытую веранду — «коридор».

Комнаты в крестьянских домах были, как правило, невысокие, часто не выше двух метров. Комнату, где находилась печь, называли «теплушкой» или «прихожей», а чистую комнату «горницей», в начале XX в. «залом». В отапливаемой теплушке, или хате, жили хозяева, горница без печи была холодной и чистой. Эта комната служила в летнее время для приема гостей, а зимой, бывало, иногда превращалась в кладовую. Жилая же комната «служит настоящим обиталищем крестьянской семье, в ней происходит вся домашняя жизнь семьи: здесь в огромной печи печется и варится пища, здесь происходит столование, и производятся домашние работы, отдыхает и спит вся семья».[11]

В тех селах, где преимущественно был распространен вариант планировки — две комнаты через сени (Благодарное, Константиновское, Александровское и другие) — у двери, ведущей из дома на улицу, было устроено крыльцо. Иногда ставропольские крестьяне делали крыльцо и у двери, ведущей во двор. Парадное, выходившее на улицу крыльцо старались украсить как можно лучше, делали там обязательно лавочки. В с. Константиновском, заселенном переселенцами из Воронежской, Ярославской, Калужской губерний, крыльцу у дома придавали особенно большое престижное значение. По виду и оформлению крыльца здесь судили о хозяевах дома.

Если семья была очень большая, то на одном дворе ставили два дома. Дворов, которые имели по две хаты, было довольно много — 15% всех дворов было с двумя домами.[12] Готовили пищу в таком случае все равно в одном доме — в том, где жили старики.

Интерьер в крестьянских домах был незатейлив и не отличался разнообразием. В сенях стояли ведра с водой, находилась мелкая хозяйственная утварь, здесь обычно снимали обувь при входе в дом. Часто в сенях устраивали досчатые закрома для зерна. Иногда на подстропильные балки над сенями крестьяне подвешивали окорока, уток, гусей, колбасы домашнего приготовления и другие съестные припасы. В некоторых селах в сенях устраивали маленькую кладовую для хранения молока, масла, сала и т.п., которой заведовала старшая женщина дома, и никто из остальных членов семьи не мог туда входить без ее позволения. В чулане часто находились сундуки с приданым, там же висела одежда на вешалках.

Вся обстановка комнат была сделана, в основном, руками самих крестьян. В жилых комнатах — «теплушках» — передний угол занимали стоящие на полке иконы, на которых вешали «порточки» — кружевные занавески домашнего изготовления, напоминавшие по фасону мужские порты. Если в семье были грамотные, то рядом с иконами на полке стояли и книги, как правило, религиозного содержания.

В жилой комнате, а она часто была и единственной, рядом с печью или под образами находился деревянный стол, а также лавки у стен. У двери находился шкаф для посуды, здесь же стоял ткацкий станок и прялки. Ткацкий станок находился в комнате только зимой, на лето его разбирали и выносили в сарай. Лавки и стол крестьяне делали всегда сами, а шкаф обычно покупали. Небольшой посудный шкаф часто подвешивали над лавкой, такой шкафчик называли в некоторых селах «полички», он был с распашными дверками, а у зажиточных крестьян

дверцы шкафа были со стёклами, часто украшены резьбой. Изредка в стене у двери делали нишу для посуды с деревянными дверцами — «поставец». Там стояла деревянная, реже керамическая посуда, которой пользовалась ежедневно вся семья: чашки, ложки, тарелки, блюда. Посуду крестьяне покупали у себя в селе или на ярмарке.

Вдоль задней стены, от печи до противоположной стены, устраивали деревянный «пол», или «помост», как его называли крестьяне — настил метровой высоты из досок. «Тесовый помост на ножках, вышиной около 1 аршина от полу... служит местом ночлега для всей семьи и заменяет разом несколько кроватей», — писал современник. Над помостом иногда находились полати для склада спальных принадлежностей, а нередко и для спанья. Лавки в крестьянском доме часто были намертво приделаны к стенам, их устанавливали сразу же при постройке дома. Часто лавки были настолько широкие, что их и невозможно было пронести в дверь. У зажиточных крестьян были лавки со спинками и жесткие деревянные диваны с несложной резьбой на спинке. Вся деревянная мебель была некрашеная, красить ее желтой краской стали лишь в XX в. В начале XX в. появляются у некоторых крестьян табуретки, а у зажиточных — даже стулья.

Если в доме была вторая комната — горница, — предназначенная для приема гостей, то ее убранство было такое же, как и жилой комнаты, дифференциации комнат на спальню, столовую и т. п. у ставропольских крестьян, кроме самой зажиточной верхушки, не было. Состав и количество мебели в горнице было таким же, как и в «теплушке», а также там находились наиболее дорогие и ценные для семьи вещи. Так же, как и в жилой комнате, там помещались в переднем углу образа, в праздничные дни перед иконами горела целый день лампада. Набожные крестьяне по обеим сторонам от переднего угла прибивали недорогие деревянные или бумажные иконы в рамках, в некоторых семьях их висело до 35 штук. Особое предпочтение ставропольские крестьяне отдавали изображениям Спасителя, Богоматери, Христа во гробу, а также святых: Пантелеймона-целителя, Василия — покровителя домашнего скота, А. Невского — заступника от врагов и Николая Чудотворца. Ниже икон устанавливалась божница, где крестьяне хранили ладан, церковные и венчальные свечи, а также евангелие, псалтырь, часослов, молитвенник со святцами.

За столом, стоявшим под образами и покрытым скатертью, принимали самых дорогих гостей, здесь в праздничные дни в набожных семьях собиралась вся семья для молитвы и чтения душеспасительных книг. Перед иконами в этой комнате отец благословлял сына на военную службу или перед вступлением в брак. Здесь стояла нарядно убранная кровать и находились иногда сундуки с приданым. В горнице, как и в «теплушке», был и шкафчик для посуды, в котором хранили лучшую, наиболее дорогую посуду.

Спала вся семья на «помосте», дети и старики спали обычно на печи. Летом молодежь спала во дворе или на «земе» в хате, подстелив солому, а на нее подстилки. Под головы клали шубы или подушки. Часто на «земе» в хате молодые члены семьи спали и зимой. На помост или на кровать стелили подстилки, которые ткали из «валу» — остатков «прядева» (хлопья которого били и потом сушили), а также полсти, рядна, дерюжки, очень у немногих крестьян были перины. Укрывались, как правило, грубыми суконными одеялами — «ложниками», богатые — одеялами на вате. В зажиточных семьях были деревянные кровати. На кровати обычно спала самая старшая супружеская пара в семье, за исключением тех случаев, когда старики сами предпочитали спать на печи. В бедных и многих середняцких семьях кроватей не было и в начале XX в.

Кровати в будние дни застилали подстилками и «ложниками», а в праздничные убирали простынями, украшенными кружевами или вышивкой, а также «косячковыми» (из лоскутков) одеялами и наволочками с кружевами. На таком парадном белье не спали, а стелили его только для красоты.

Над кроватью родителей или над «помостом», где они спали, подвешивалась к железному кольцу, вбитому в матицу на потолке, детская люлька. В доме, где жила большая семья, бывало одновременно несколько люлек. Люльку изготавливал отец ребенка, она обычно передавалась по наследству в семье. Люльки делались из досок, прямоугольной формы, донце делали из полотна, старых мешков. Как правило, люльки были некрашеные, но часто с рисунком. На дно люльки клали подстилку, иногда матрасик, две подушечки — под голову и под ягодицы, а также одеяльце из «косячков» на вате. Вместо игрушки над люлькой привязывали деревянную раскрашенную ложку. В некоторых семьях была и специальная детская мебель — маленький столик, табуретки, которые хранились обычно в чулане.

П. Вдовичев. Вечер в крестьянской избе. 1830-е годы. Литография

Если в доме было две комнаты, то молодые иногда спали в горнице, где в таком случае устанавливали «грубку» — печь, служащую только для отопления.

Во второй половине XIX в. комнаты крестьянского дома украшались вышитыми рушниками на стенах. В конце XIX в. крестьяне стали украшать стены комнат лубочными картинами, изображавшими Бову Королевича, Еруслана Лазаревича и т.п., а также картинами, изображавшими сцены из военного быта, баталии. В начале XIX в. украинские переселенцы, как и у себя на родине, разрисовывали стены своих домов цветами, однако эта украинская традиция на Ставрополье не прижилась.

В начале XX в. в зажиточных семьях появляются на стенах ковры. Их умели делать в селе только несколько мастериц, которым заказчики давали шерсть, и они ткали из нее ковры. Безворсовые ковры, распространенные на Ставрополье, крестьяне называли «подтень». В небогатых семьях вместо ковра часто вешали на стену у кровати или «примоста» кусок ситца.

Чтобы украсить к празднику жилище, девушки на Ставрополье делали на полу «карточки» — рисовали клетки разных цветов. В качестве красок использовали навоз, варили корни паслена, толкли красный камень, получая таким образом на желтом полу зеленые и красные клетки и треугольники. Такой рисунок делали обычно в нежилых комнатах. Аналогичные цветные пятна рисовали на стенах вместо ковров. Возможно, в этом проявился отголосок украинского обычая раскрашивать стены домов цветами. В воскресенье и праздничные дни крестьянки накрывали стол в комнате и сундуки «настольниками» — домотканными скатертями с вышивкой и кружевами.

Освещали комнату подвешенным к потолку светильником, который представлял собой сало и фитиль из ваты, помещенные в железную посуду. Использовали крестьяне для освещения также самодельные свечи из говяжьего жира. В конце XIX в. появились в домах крестьян и керосиновые лампы.

Ф.Г. Солнцев. Крестьянское семейство перед обедом (1824)

В каждом крестьянском дворе кроме жилого дома были одна или несколько пунек — небольших однокамерных строений без печи. В пуньках обычно спала молодежь, летом — как правило, а многие и зимой, нагрев предварительно в доме на печи подушки и ложники. Часто в небогатых семьях, имевших небольшую хату, в пуньке спали зимой взрослые девушки, если в семье имелись также взрослые сыновья. Там спали также и молодые, пока у них не было детей, в первую ночь новобрачных во многих селах укладывали спать именно в пуньке. В большинстве сел каждая невестка имела во дворе свою пуньку, там хранился ее сундук с приданым, постель в отличие от сундуков девушек, которые хранились обычно в доме. Пунька использовалась также в качестве подсобного помещения, там стояли кадушки с мукой, люльки, хранилась посуда, одежда. Зимой иногда туда сажали нестись кур, часто пунька использовалась также как погреб.

У украинских переселенцев было принято устраивать во дворе летнюю кухню с русской печью. Это частично переняли и русские, которые зачастую стали использовать вместо кухни сарай, поставив там печь. Часто кухню во дворе делали с чуланом, а иногда там устраивали и деревянный помост вдоль стены, таким образом кухня фактически превращалась во второй дом.

Хозяйственные постройки и помещения для скота находились у ставропольских крестьян в открытом большом дворе. На переднем чистом дворе находились сараи, амбары, навесы. Во дворе или на гумне ставили плетневые обмазанные глиной, реже каменные, «половни» — сараи для мякины, мелкого корма (половы, сена, соломы). Амбар находился во дворе напротив дома. Амбары даже небогатые семьи делали из досок на каменных столбах с приподнятым над землей полом. Покрывали амбары камышом, а с начала XX в. — железом. Как и в других губерниях страны, ставропольские крестьяне, если была возможность, покрывали железом в первую очередь амбар, где хранилось основное богатство семьи — зерно, а потом уже жилые постройки. Пол в амбаре и закрома делали из досок. Обычно в одном амбаре устраивали 2-4 закрома.

В прикумских селах, где крестьяне занимались виноделием, в каждом дворе имелись, кроме указанных выше построек, «чихирни» — специальные подвалы, где стояли бочки с вином, а также сараи на каменных столбах для хранения ларей или чанов для давки винограда.

На заднем дворе находились помещения для скота. Обычно во дворе устраивали или три отдельных база — для коров, волов с быками и овец — или же перегораживали один большой баз на три части. На базу, предназначавшемся для коров, находились ясли для корма, сараи, в которых они укрывались от непогоды, ночью. Для лошадей строили деревянную, реже саманную или каменную конюшню, часто там устраивали и кладовку. Для свиней строили «свинник».

Во дворе крестьяне устраивали обязательно и погреба. Называли их «выход». Их делали из каменной ломи, реже самана, обмазывали и белили. В погребе иногда делали яму, куда клали лед, обкладывая его соломой,— так лед долго сохранялся. Строили крестьяне Ставрополья и специальные ледники, выложенные камнем.

Зажиточные крестьяне строили в селе бани, в которые приходили мыться односельчане каждую субботу. Чаще такие бани строили у себя во дворе, но если в селе была река, то бани строили иногда у реки. В середине XIX в. бани на Ставрополье были без сеней и топились по-черному, с помощью печей-каменок. В конце XIX в. в банях устраивали присенцы и прихожую с земляным полом, а также «придел» с отдельным входом, из которого топили баню. В банях в это время появляются печи, в которые вмазывали котел для нагревания воды, делали плиту или же клали рядом камень для получения пара.

Ставрополье во второй половине XIX — начале XX вв. представляло собой область с бурным развитием капитализма в сельском хозяйстве и интенсивным проникновением в крестьянскую среду капиталистических отношений, что обусловило резкое социальное расслоение среди крестьян. Имущественная дифференциация проявлялась во всех сферах жизни, в частности в материальной культуре, в жилище. Двор зажиточного крестьянина в последней четверти XIX в. имел такой вид.

Дом сельские богачи старались построить деревянный, на каменном фундаменте, если состояние все же не позволяло купить достаточное количество досок, то часто одну комнату в доме делали саманной, а другую деревянной, преимущественно из сосновых досок. Наряду с деревом и саманным кирпичом ставропольские крестьяне широко использовали для построек каменную «ломь», часто также в сочетании с саманом и деревом. Например, верхний этаж дома богатого крестьянина, занимавшегося торговлей, в с. Круглолесском Александровского уезда был деревянным, на нижнем этаже находилась саманная кухня, а сенцы были построены из дикого камня.[13] Разбогатевшие крестьяне, занимавшиеся торговлей, устраивали свои лавки в одной из комнат жилого дома. Наиболее богатые хозяева делали окна с крашеными рамами и подоконниками, иногда к окнам имелись вторые зимние рамы. В больших домах одной печи было недостаточно, вторую печь ставили обычно голландскую. Крыли дома богатые крестьяне железом. Встречались дома зажиточных крестьян с одним или двумя флигелями. Во дворах сельских богатеев обязательно была кухня во дворе.

Во дворе зажиточные крестьяне имели по два-три деревянных амбара с 4-7 закромами, несколько навесов, сараев с погребами и ледниками, а также множество помещений для скота и птиц.

В период империализма усиливается имущественная и социальная дифференциация крестьян, в результате столыпинской аграрной политики богатые крестьяне выходят из общины и выделяются на хутора. Власти поощряли образование хуторов, для возведения хуторских построек крестьянам выдавалась ссуда. Землеустроительные комиссии, действовавшие в уездах, выдавали единоличным владельцам ссуды в 400 рублей для возведения на их участках построек из огнеупорных материалов.[14] Ссуда давалась сроком на 15 лет, получить ее могли только зажиточные крестьяне, которые должны были представить гарантию своей платежеспособности, то есть иметь значительную собственность. Как правило, у большинства крестьян, просивших ссуду, в селе имелась усадьба с постройками стоимостью 1000 рублей (1915—1916 гг.).

Все постройки на хуторах делались по типовым проектам: строили их наемные рабочие. Занималась организацией строительства и помощью владельцам хуторов Организация по сельскому строительству для районов землеустройства Ставропольской губернии. «Образцовая хуторская постройка» представляла собой многокомнатный дом на каменном фундаменте или фундаменте из жженого кирпича, с каменным цоколем и саманными стенами. В доме находилось две печи, одна русская, другая голландская, системы Лукашевича. Крыша делалась из гончарной черепицы, полы в двух комнатах были деревянные, а в остальных земляные; на окнах и дверях были лаковые ручки, деревянные потолки были оштукатурены. Стоила такая постройка в целом 1200-1300 рублей.

Некоторые состоятельные крестьяне имели большие фруктовые сады, причем находились они не при усадьбе, а за селом. Кроме плодовых деревьев, там выращивали деревья, идущие на древесину и кустарник.

В жилище крестьян Ставрополья ярче, чем в центральных районах страны, проявлялось резкое социальное расслоение. Если жилища бедных и средних крестьян представляли собой однокомнатные саманные хаты, то зажиточные хозяева имели просторные деревянные многокомнатные дома с деревянным полом и железной крышей. Имущественная дифференциация сказывалась и на внутреннем убранстве жилища. У малоимущих крестьян почти вся мебель и утварь были изготовлены своими руками, богатые же приобретали на рынке мебель и утварь, изготовленную мастерами, или фабричную. Именно в зажиточных семьях впервые появились деревянные кровати, ковры, гардины, венские стулья; беднота же довольствовалась деревянным помостом или просто спала на земляном полу, подстелив солому. Различие проявлялось также в хозяйственных постройках, у зажиточных крестьян было не только больше помещений для скота и других хозяйственных нужд, но и все постройки были добротнее, из лучших материалов. У сельской верхушки в начале XX в. в жилище появляются элементы, сближающие их культуру с городской.

Текст печатается по изданию:
Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. — Ставрополь: ТОО «Кинт», 1994. — С. 60—83.

Храм Успения Божией Матери*

Предисловие

Город, привольно раскинувшийся на Крепостной горке, Ставрополь наш, некогда был центром Кавказского края. Украшали город храмы — их было 28, и каждый имел свою историю. История Успенского храма — в его жизнестойкости...

В 1849 году на самом въезде в губернский Ставрополь выросла небольшая аккуратная церковь. Для путников — помолиться о благополучии в опасной дороге. Для многочисленного чиновничества, то и дело наезжавшего в Ставрополь за губернаторскими милостями, приказами и нагоняями. Для солдат и бывших казаков, что осели недалеко, на Ташле, поставили мельнички, хаты, обзавелись семьями... Здесь крестились, здесь женились, отсюда — и на соседний погост уносили. А полвека спустя услышал храм Успения Пресвятой Богородицы первый паровозный гудок: вокзал возвели совсем неподалёку, перерезав старинный гужевой тракт.

Никогда Успенский храм не был главным в Ставрополе. Зато известен был постоянной, спокойной, разумной паствой, прикипевшей к своему храму всей душой — и недаром. По облику он далёк был от смешанного псевдовизантийского стиля — по Верещагину, варварского смешения греческого с итальянским, — скорее походил на «уличные» новгородские, совсем простые, построенные горожанами для себя, а не для парада. И настоятели здесь подбирались храму под стать — всё больше в возрасте, серьезные, степенные, умеющие и вразумить, и совет дать, и немудреное церковное хозяйство рачительно вести.

К концу прошлого века даже кладбище у стен храма приобрело некую спокойную респектабельность, слыло в Ставрополе самым ухоженным. Хоронили здесь больше граждан именитых, независимо от богатства составлявших гордость и славу города.

Революция и гражданская война прокатились по Ставрополю грозным валом — город раза четыре переходил из рук в руки. Но ни бойцы отряда Шпака, ни знаменитые «железные» таманцы, ни полки XI Красной армии особенно церкви не трогали. Беда пришла в 20-е, перед самым НЭПом, и позже, когда новая власть начала стравливать так называемых обновленцев и тихоновцев. Тогда-то непокорные приходы начали ликвидировать один за другим, а потом — рушить сами церкви. Среди первых «казненных» был Варваринский — небольшой храм напротив женской гимназии (ныне средняя школа №3). Не пожалели власти ни здания, ни могил похороненных здесь декабристов. Потом закрыли кафедральный собор, потом — Крестовый храм, Андреевский, Троицкий... И вскоре из 28 действовавших до революции в Ставрополе на короткое время осталась одна — Успенская. Богатства разоренных храмов по большей части грабили, лишь крохи удавалось сохранить. Так в храме Успения Пресвятой Богородицы появились иконы, частично спасенные из Троицкого собора, и главная святыня Ставрополья — Иверская икона Божией Матери. Бесценного жемчужного оклада, собранного по бусинке на пожертвования горожан, на ней уже не было...

Ушли в прошлое времена, когда в неделю всех святых Иверская икона шествовала по Ставрополю с крестным ходом — в Иоанно-Мариинский монастырь, в Андреевский собор, и горожане молились ей о сохранении мира и благоденствия. С тех пор икона не покидала стены Успенского храма, но даже в самые тяжелые годы оставалась она главной святыней города и края, которой приходили поклониться и стар и млад.

Часть I. Успенский храм

Всему начало

Основанием Ставрополя послужила закладка крепости и станицы. В 1778 году казаки хоперского полка обосновались у восточного подножия Крепостной горы, разместив станицу в виде четырехугольника, северная сторона которого примыкала к реке Ташле, западная ограничивалась улицей Архиерейской (ныне улица Голенева), южная сторона шла вдоль Николаевского проспекта (ныне проспект К. Маркса) и восточная — по улице Ярмарочной (ныне улица Войтика).

Свое первое кладбище станичники разместили в пойме р. Ташлы. Позже, когда казаки обжились и их численность увеличилась, они стали хоронить умерших на территории своих хуторов — на высокой террасе правого берега Ташлы, у северо-восточной окраины станицы. Станица, имевшая особый статус закрытого поселения, жила обособленной от города жизнью. Казаки имели своего священника, свою церковь и кладбище.

Небольшое кладбище существовало и в крепости с восточной стороны от первой церкви, принадлежавшей Владимирскому драгунскому полку. После переноса церкви в начале XIX в. кладбища не стало.

Мещане, купцы, крестьяне и другое население расположенного южнее станицы и крепости форштадта основали кладбище на Варваринской площади, где сегодня располагается строительный техникум.

В 1827 году казачье население станицы было переселено ближе к предгорьям. Там и были основаны ими такие станицы, как Карантинная (ныне Суворовская), Баталпашинская (Черкесск), Барсуковская и др. Освободившееся место быстро заняли горожане. Они же продолжали использовать и станичное кладбище.

Южнее кладбища располагалась Ярмарочная площадь. Со всей губернии сюда на возах везли зерно. Во время проведения ярмарок площадь была заполнена сотнями телег, доверху нагруженных мешками с пшеницей. Животные и люди вытаптывали могилы, нарушали надгробия и памятники, так как кладбище не имело ограды. Все это вызывало тревогу духовенства и горожан.

Уже в 20-е годы XIX века в ставропольском обществе, особенно среди духовенства, возникло «преднамерение относительно построения кладбищенской церкви» и ограды. Была составлена смета на 7 тысяч рублей.

4 марта 1829 года к ставропольскому окружному предводителю дворянства господину Никите Плотникову, исправлявшему должность городничего, и городскому голове обращалась вдовствующая госпожа-полковница Александра Бражникова с просьбой принять от нее пожертвование в размере 2,5 ты-

* По благословлению Митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона. Ответственный редактор — протоиерей Павел Рожков

сячи серебром на постройку кладбищенской церкви по случаю погребения мужа ее на кладбище пригорода Ставрополя. Священник Троицкого собора Иоанн Тимофеев полученные от полковницы деньги отослал в приказ общественного призрения для обращения на 3 года и получения процентов. Городской голова Никита Плотников пригласил Ставропольское общество благородных особ дворянства, чиновников, купцов, почетных граждан и жителей других сословий, чтобы «отобрать от них сведения о желании добровольных пожертвований». Одновременно было направлено ходатайство архиепископу Астраханскому и Кавказскому Высокопреосвященнейшему Павлу за подписью областного начальника Г.А. Емануеля о разрешении строить церковь.

5 апреля 1829 года был Высочайше утвержден доклад св. Синода об учреждении новой епархии в г. Новочеркасске, в состав которой вошла Кавказская область. В августе 1829 года к архиепископу Новочеркасскому ходатайствуют «об испрошении благословения и храмозданной грамоты» на имя ставропольского протоиерея Иакова Мерхалева «с поручением ему немедленно заложить оную по церковному чиноположению, дабы начать строительство с весны». С начала 1830 года проводится сбор «доброхотных дателей», заготавливается камень, заказываются план и рисунок фасада церкви.

Первые проекты храма

28 декабря 1830 года был издан Указ Его императорского Величества Николая I, подтверждающий решение о немедленном исполнении доклада Новочеркасской духовной консистории по строительству храма.

23 сентября 1831 года протоиерей Иаков Мерхалев просит Ставропольскую Городскую Думу прислать план церкви с фасадом.

Известно, что были разработаны 3 проекта этого плана. Два из них были направлены для рассмотрения в Санкт-Петербург в департамент путей сообщения и публичных зданий 17 ноября 1833 года. Первый проект был утвержден начальником Кавказской области Г.А. Емануелем, второй составлялся архитектором И. Гайворонским по поручению командующего правым крылом Кавказской линии А.А. Вельяминова. Но ни первый, ни второй проекты не были утверждены, так как имели малую величину и не соответствовали назначенной цели.

По поводу одного проекта было написано: «представляет вовсе некрасивый вид, украшения же весьма дурного вкуса. Забор с решеткою, 4 саркофагами, окружен кипарисами, или ивами, или итальянскими тополями, райскими деревьями». Отмечена также его величина. Комиссия сочла нужным рекомендовать составить другой проект, а этот «уступить для семейственных мавзолеев». И только 31 января 1835 года Управление путей сообщения препровождает Думе копии чертежей кладбищенской церкви и рекомендацию: «наблюдение за производством построения поручить архитектору Мейснеру». К письму приложены чертежи архитектора Висконти (2). На них — фасад и профиль. Чертежи рассмотрены и одобрены журналом Совета путей сообщения и публичных зданий 27 ноября 1833 года.

Проект Успенской церкви архитектором Висконти был выполнен в классических формах, но во внешнем облике чувствовалось влияние романтизма, автор стилизовал храм под мавзолей. В центре композиции — храм, имеющий в плане форму креста и перекрытый полусферическим куполом. Углы квадратной площади, в центре которой расположен храм, отмечены четырьмя каменными саркофагами, вокруг которых размещено по четыре кипариса.

Композиция имеет образно-символическое содержание. В её основу заложены три фигуры: квадрат (площадь), крест (храм), круг (свод, перекрывающий храм). Идея троичности выражает основополагающие понятия христианства о триединстве Бога и о троичности человека (тело, душа, дух). Квадрат, являющийся символом Земли, в композиции храма-мавзолея обозначал тело человека, крест — душу, а круг как символ божественного олицетворял дух.

Но и этот проект не был осуществлен.

Отмена строительства храма

14 мая 1832 года архитектор Мейснер доносит Думе, что не может приступить к постройке храма без распоряжения начальника Кавказской области. В результате Дума «всепокорнейше» просит его разрешения.

Храм Успения Божией Матери. Фото начала XX века

Однако в связи с утверждением в 1833 году нового плана развития города Ставрополя, в котором место для кладбища отводилось «за Георгиевской заставой», а существующее кладбище предназначалось «под обывательские усадьбы», строить церковь на существующем кладбище не было дозволено.

24 мая 1834 года архитектору Корнееву предложено избрать место для строительства церкви вне черты города. 22 июня 1835 года Дума просит губернатора разрешить построить церковь на старом кладбище «с наименованием оной приходскою». Но и это предложение не было принято, и кладбищенскую церковь рекомендовали строить на новом месте, предусмотренном городским планом (25 октября 1835 года). Губернатор Нордестам не соглашается с таким решением, отмечая, что «означенное место с давних пор и ныне служит общим городским кладбищем». Кавказскому областному землемеру

поручается «составить выкопировку и исправить на законном основании недопущение сего изменения противу плана».

Попечитель Федор Стасенков 12 июля 1837 года обращается в Думу с предложением на собранные средства (поступило еще 2916 рублей) и из заготовленного камня построить каменную церковь на месте старой деревянной Казанской церкви в казачьей станице. Заготовленный аршинный камень (15 тыс. штук) хранился на площади. Ф. Стасенков сообщал в Думу, что камень разворовывается на строительство находящейся рядом солдатской слободки. К тому же официально Дума разрешила брать заимообразно камень на постройку придела Николая Чудотворца с левой стороны Троицкого собора (2072 камня), городскому голове — на тротуары и церковную площадь (1280 камней), а также на починку мостов, строительство лавок и т. п.

4 марта 1843 года городничий Симферополя запрашивает полицмейстера о судьбе Успенской церкви. Полковница Бражникова, проживавшая в Симферополе, узнав из этого запроса, что на кладбище строить церковь запрещено, просит (4 октября 1843 года) вернуть ей деньги, ибо она жертвовала их на храм при кладбище, где похоронен её муж. Вопрос о разрешении строительства храма затягивается все сильнее и сильнее.

Возобновление вопроса о строительстве храма

Первого января 1843 года Высочайшим Указом Императора Николая I была учреждена Кавказская и Черноморская епархия с центром в Ставрополе. Первым епископом епархии стал Преосвященнейший Иеремия. Владыка с первых дней своего служения прилагал много сил для утверждения православной веры и храмового строительства.

27 июля 1845 года Владыка Иеремия обращается к начальнику Кавказской области Н.С. Завадовскому с просьбой «оградить могилы христианские, что за Тамашевскими воротами, дабы прах, для всех граждан священный, не был попираем и уничтожаем». Изгородь была построена на средства купца I гильдии Ивана Ганиловского.

18 ноября 1846 года принято решение «о предполагаемых в плане г. Ставрополя изменениях», а место за Тифлисскою заставою, предназначенное по плану под обывательские усадьбы, но занятое с давнего времени общим городским кладбищем, оставить неприкосновенным, так как оно уже обнесено каменною оградою и предположена постройка часовни».

27 марта 1845 года Ставропольский городской голова купец I гильдии Иван Ганиловский вновь предложил построить церковь при кладбище. При этом он представил план с фасадом храма, с оградою, присовокупив в прошении желание, чтобы дозволено было ему приготовить в стене сего храма могильный склеп на погребение его с семейством.

В представлении своем на имя Священного Синода епископ Кавказский и Черноморский Иеремия пишет: «Ставропольский градский глава I-й гильдии купец Ганиловский 27 минувшего марта вошел ко мне с прошением следующего содержания: движимый благородным чувством ко Всевышнему, милующему и обильно благодеющему мне благами Своими, я давно имел глубокое желание посвятить нечто из даров Божиих Святой Православной Церкви. Теперь, пользуясь удобным временем, располагаю осуществить это единственное мое желание сооружением во славу Честнаго Успения Пресвятыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы каменного храма на градском здешнем кладбище, что заставою в левой стороне от тифлисской дороги, к тому же, чтобы благоговейно почтить память в праотеческой вере отшедших отцов и чад града нашего, я усердствую построить каменную ограду около того же кладбища. Всё это, если угодно будет Господу Богу, хочу соорудить собственным моим иждивением на вечный помин души моей, родителей и чад моих».

«Ставропольские Епархиальные ведомости» рассказывают, что Иван Ганиловский обратился к архипастырю Преосвященнейшему Иеремии за благословением на постройку церкви на кладбище. Владыка сказал, что постройка должна быть произведена по плану, какой он укажет. Избрав место на кладбище лично, Архипастырь жезлом своим очертил на земле пространство предположенного здания и благословил строить.

1 мая 1845 года Преосвященнейший Иеремия представил документы в Священный Синод, который рассмотрел их 11 июня 1845 года. Фонд канцелярии обер-прокурора Синода 14 января 1846 года сообщает: «Государь Император по всеподданнейшему докладу... соизволил утвердить проект на постройку в Ставрополе иждивением купца Ганиловского кладбищенской церкви», сообщает также, что проект утвержден 14 января 1846 года, а 20 февраля того же года он препровожден к Его Преосвященству Иеремии, епископу Кавказскому и Черноморскому. 10 мая 1846 года проект получил Высочайшее утверждение. По этому поводу епископ Иеремия пишет исправляющему должность начальника Кавказской области Н.С. Завадовскому: «Мною уже из Священного Синода получен план каменного храма, составленный в главном управлении публичных зданий и 10 января Высочайше утвержденный». 3 сентября 1846 года императором Николаем I был подписан Указ Правительствующему Сенату о пожаловании г. Ставрополю участков казенной земли, именуемых Круглым, Мамайским, Члинским лесами, и о даровании льгот жителям города на 5 лет в платежах гильдейских, податных и других повинностей. В ответ благодарные горожане, «чувствуя вполне таковую монаршию милость и желая хотя слабым образом выразить чувства верноподданнической своей преданности, изъявили согласие в ознаменование этого достопамятного события устроить собственным иждивением в г. Ставрополе храм на ярмарочном кладбище, каменный, во имя Успения Божией Матери. Для чего ныне же открыло добровольную подписку на устройство сего храма».

Ставропольский купец Иван Ганиловский, обнеся каменною оградою кладбище, намеревался начать строительство храма. Однако в 1845 году он выстроил на свои средства двухэтажный дом под общежитие учащихся духовного училища. В связи с этим архиепископ Иеремия в октябре 1846 года пишет обер-прокурору Священного Синода, что церковь на кладбище устроится, если не его же, Ганиловским, благочестием и усердием, «который не отказывался и не отказывается от своего предприятия», то добровольными приношениями других граждан.

Средства на строительство жертвовали купцы I, II, III гильдий — соответственно по 15, 10, 5 рублей

серебром. По первоначальной подписке в 1846—1847 годах было собрано 1405 рублей 15 коп. Купец Петр Пахомов внес 1500 рублей серебром. Иван Ганиловский пожертвовал 498 рублей 90 копеек. Попечитель по устройству протоиерей Дмитрий Гремяченский 10 марта 1847 года получил «шнуровку» за № 1147 — книгу учета доброхотных подаяний. Было собрано ещё 1112 рублей 36 коп.

Строительство храма

Церковь заложили 1 июня 1847 года. Подрядчик III гильдии купец Григорий Дмитриев договорился с Иваном Ганиловским о каменных и деревянных работах по очень малой цене (7 коп. камень на храм и 4 коп. на ограду). Все работы выполнялись им в долг на 2695 руб. серебром.

Материалы на строительство храма употреблялись местные: камень известняк-ракушечник Ставропольской горы, лес кубанский (27 р. 10 к.) и татарский (7 р. 50 к.), песок из Орловской балки, известь из Пятигорска. Строили церковь два года. В 1848 году здание было возведено по окна. Когда постройка была доведена до половины, Иван Ганиловский умер. «Здание было закончено без благочестивого строителя, останки его почивают близ храма», — сообщают «Епархиальные ведомости». Строительство окончено в 1849 году. Храм с одним Престолом во имя Успения Божией Матери освящен 15 августа 1849 года при многочисленном стечении народа.

Архитектура храма

Имя автора проекта Успенского храма неизвестно. Но очевидно то, что храм является интереснейшим проявлением русско-византийского стиля и своими формами перекликается с Казанским кафедральным собором города Ставрополя, храмом Христа Спасителя в Москве и готическими постройками Бенуа. Его облик строг и индивидуален.

Неся на себе все характерные черты русско-византийского стиля, он имеет весьма индивидуальный внешний вид. Храм невелик по площади (106,6 м²), но за счёт большой высоты он выглядит величественно и как бы господствует над окружающей местностью.

По типу объёмно-планировочного решения храм продолжает линию бесстолпных храмов, появившихся на Руси в конце XV — начале XVI вв. и получивших широкое распространение в XVII в. Первоначально храм был прямоугольным в плане. В основу его архитектурного решения положена традиционная трёхчастность внутреннего пространства (притвор, собственно храм, алтарь), чётко выраженная во внешнем облике. Центральная часть выше остальных, она увенчана поднятой на восьмигранном барабане главой, по форме похожей на луковицу, в которой закреплён главный крест. По углам крыши возвышаются ещё 4 главки с крестами на восьмигранных шейках. Традиционное пятиглавие имеет символическое значение. Центральный купол символизирует собой Иисуса Христа — главу Православной Церкви, а малые купола — евангелистов Матфея, Марка, Луку и Иоанна. Своим расположением по углам квадрата главы символизируют распространение евангельского учения по всей Земле, а расположенные в центре фасадов тройные окна — троичный свет Пресвятой Троицы.

Через 24 года после освящения главного престола храма, в 1873 году, с южной стороны был пристроен придел во имя Вознесения Господня, освящённый 26 сентября в день святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Автор придела сохранил стиль архитектуры храма. Алтарь придела и западная стена сделаны полукруглыми во избежание нарушения симметрии южного фасада. Разобранные на основном здании тройные окна возобновлены на южной стене придела.

В 1998 году началось строительство придела с северной стороны. При рытье котлована был неожиданно обнаружен готовый фундамент, выложенный из камня-ракушечника ещё, очевидно, во время закладки храма. По каким-то причинам старый фундамент был законсервирован и строительство придела остановлено.

Завершенный в 1998 году новый придел во имя Иверской иконы Божией Матери возведен на старом фундаменте. Своими формами он повторяет южный придел и уравновешивает общую композицию храма, делая его симметричным и более вместительным.

Становление прихода

Освященная в 1849 году кладбищенская церковь была приписана к Троицкому собору, причта в ней не было, богослужения в субботу, воскресенье и в праздники отправляли поочередно церковнослужители собора протоиереи Максим Знаменский и Иван Гремяченский, священники Андрей Альшанский и Николай Балостин. И только в 1873 году, когда был освящён придел Вознесения Господня, был утвержден особый причт Успенского храма.

Храм, расположенный на окраине города, стал приходским. В нём крестились, венчались, отпевали усопших. В справочнике по Ставропольской епархии на 1910 год сообщается состав причта: 1 священник и 1 псаломщик; располагается он в здании церковной сторожки. Причт получает казённого жалования 400 рублей и 163 рубля процентов с пожертвований. Прихожан числится 398, старообрядцев 15. Зарегистрировано 33 рождения, 14 браков, 47 смертей.

Утварь для храма частично была заимствована из Троицкого собора, но многое покупали и заказывали. Так, медное трёхъярусное паникадило было сделано «усердием купца Никиты Башмакова» и стоило 150 рублей. Надворная советница Попова заказала образ Христа Спасителя в серебряном окладе с таковой же лампадою. Петр Пахомов заимствовал 1500 рублей. Ефим Абрамов-Дмитриев внес 1000 рублей серебром «на построение приличного иконостаса» и просил заказать его в Москве. Много пожертвований на оборудование храма было от купцов по подписке. Есаульшей Дудниковой пожертвованы иконы и другие священные принадлежности.

Через 5 лет священник Розов доносил в городскую управу, что храм существует только благодаря личным пожертвованиям ктитора Ефима Иванова, и просил разрешения собирать деньги за место для захоронения на кладбище, так как храму уже нужен был ремонт. Средства необходимы были также на внутреннее оборудование храма и на возврат долгов подрядчикам. Попечитель Дмитрий Гремяченский потратил на материалы и оплату работ заимообразно 5 тысяч рублей.

Успенская церковь после революции

После революции началась активная борьба с религией, воспитывалось атеистическое мировоззрение. 23 января 1918 года был принят Декрет Совета Народных комиссаров «Об отделении церкви от государства».

Декрет гарантировал свободу вероисповедания, но лишил церковь прав юридического лица и прав владения собственностью. Декреты советского правительства «О гражданском состоянии» (18 декабря 1917 года); о расторжении брака (19 декабря 1917 года) ограничили приоритет церкви в гражданской и личной жизни русского народа.

Церкви повсеместно закрывались. В документах о закрытии церквей в Ставрополе числятся Спасо-Преображенская, Варваринская, Крестовоздвиженская и другие. Закрывается также женский Иоанно-Мариинский монастырь, из которого по ходатайству приходского совета Троицкого собора и с разрешения отдела управления губисполкома в Троицкий собор крестным ходом переносится 16 октября 1921 года Иверская чудотворная икона Божией Матери.

В 1938 году в г. Ставрополе был создан антирелигиозный музей в системе Наркомпроса, временно размещавшийся в краеведческом музее. Затем музею была передана Армянская церковь, находившаяся вблизи Успенской.

Успенскую церковь не закрыли. В ней продолжались службы и, поскольку в городе оставалось всего 2 церкви, прихожан было достаточно много. Созданные приходские советы помогали церкви.

Когда имущество Троицкого собора передавалось по договорам другим церквам, с прихожанами Успенской церкви был заключён договор об обязанностях беречь имущество и пользоваться им исключительно по назначению, не допускать проповедования, совершения набатных тревог, раздачи и продажи книг, листовок, посланий. В регистрационном деле Успенского храма есть ссылка о поступлении икон из храма святой преподобномученицы Евдокии.

В первые годы Советской власти ценности из храмов изымались специальными отрядами Укомголода. 23 февраля 1922 года был подписан декрет об изъятии церковных ценностей. 9 апреля 1922 года в Успенском храме были изъяты: серебряный оклад Евангелия, 2 позолоченных серебряных креста, серебряная дароносица, серебряный позолоченный дискос, звездица, кадило, 2 тарелки, 3 лампады, лжица и т.п. В Троицком соборе был снят серебряный оклад весом 18 фунтов с Иверской иконы Божией Матери и лампады к ней. По Ставропольскому уезду изъяли 194 предмета весом 4 пуда, 3 фунта золота и серебра.

Успенский храм — единственный, не подвергавшийся поруганию в годы Советской власти. Вот что пишет Борис Ширяев в своей книге «Неугасимая лампада» об этом храме: «В областном городе, где я жил, ко времени прихода немцев осталась только одна церковь, кладбищенская, за полотном железной дороги. В нее приходили лишь те, кому или нечего уже было терять или по возрасту ничего не угрожало». В середине 30-х годов после разрушения Кафедрального Казанского собора города в Успенский храм была тайно перенесена одна из святынь Ставропольской епархии — Иверская икона Божией Матери, которая пребывает в Успенском храме поныне.

В период немецкой оккупации резко повысился религиозный настрой населения. В городе открывались церкви, молитвенные дома. Немцы отдавали под храмы клубы, кинотеатры, библиотеки, школы. Успенская церковь была одной из действующих. Сразу после освобождения г. Ставрополя от немцев 20 культурно-просветительских учреждений были изъяты у церкви. Посещаемость церквей уменьшилась.

14 сентября 1943 года был создан Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, который опирался на уполномоченных в городах, краях, областях. Уполномоченные рассматривали вопросы, возбуждаемые церковью, подавали сведения о деятельности церквей. Православная община при Успенской церкви была зарегистрирована Советом 13 декабря 1944 года.

На Успение и в дни двунадесятых праздников (3 раза в год) появилась традиция раздавать пособия вдовам и сиротам. Уполномоченный указал на незаконность этой деятельности, и митрополит Антоний дал письменное указание церквам давать пособия только лицам духовного звания.

За все годы в отчётах уполномоченных Успенский храм упоминается только однажды — в связи с указом архиерея от 20 января 1953 года об увольнении протоиерея Архангельского, допускавшего недоброжелательные высказывания с амвона и «мятежные выступления приверженцев в церкви».

Летом 1962 года в здании храма начали появляться трещины в стенах. Церковные служители обращались за помощью в исполнительные органы. Было проведено обследование и составлен акт. 2 февраля 1965 года уполномоченный по делам Русской Православной Церкви А.М. Нарыжный указал отгородить придел от основной части храма в связи с возможной аварией (установленная наискось деревянная перегородка не гарантировала от аварии). Предлагалось заполнить арку кирпичной кладкой на цементном растворе во избежание осадки арочного свода.

10 августа 1965 года комиссия городского архитектурно-строительного контроля выявила причины разрушения храма: «Сделанная позже южная пристройка была посажена на склеп, где накапливались грунтовые воды, что способствовало просадке фундамента. К тому же во время строительства придела была ослаблена арочным проёмом несущая свод стена; комиссия считает, что здание восстановлению не подлежит и требует разборки до основания».

Однако по ходатайству прихожан здание было капитально отремонтировано в 1966 году, хотя в акте бюро технической инвентаризации уже в 1969 году отмечалось, что «деревянная лестница на колокольню пришла в ветхое состояние, крыша течёт, стены заплесневели».

21 марта 1969 года решением горисполкома здание Успенского храма было взято на учёт как памятник архитектуры местного значения.

В 1978-1979 годах церковный двор был отгорожен от кладбища металлической изгородью.

Успенский храм сегодня

Изумительно красив Успенский храм сегодня. Словно птица, он обрёл два крыла: возведенный недавно левый придел в честь Иверской иконы Божией Матери гармонично сочетается с правым — в честь Вознесения Господня. Знаменательно и то, что освящение нового придела произошло 13 апре-

ля 1999 года, во Вторник Светлой седмицы, когда Святая Церковь празднует явление иконы Божией Матери на Афоне, а само явление этой иконы произошло в 999 году.

Следовательно, со дня явления Иверской иконы афонским монахам и до дня освящения возведенного в Её честь придела в Ставропольском Успенском храме прошло 1000 лет. Как тут не подивиться чудесам Божиим! Сама Пресвятая Владычица избрала место для Своей иконы в Успенском храме, и Сама возжелала освящение Своего придела в такой достопамятный день! И освящение прошло торжественно, сообразно Великому Дню.

Сам Владыка Гедеон освятил новоустроенный придел при огромном стечении народа. Он благословил своих духовных чад словами веры, надежды, любви и мира, отеческими наставлениями, святой молитвой к Пречистой Богородице...

Претерпел реконструкцию и сам храм: проведено паровое отопление, сделаны новые двери, хоры, отреставрированы иконы, приобретен новый иконостас. На старую звонницу подняты колокола, отлитые в 1990 году воронежскими мастерами, вес самого большого колокола — 250 кг.

Обновились луковицы куполов и кресты, засияв лучистой сверкающей красотой. Стены храма окрасили в голубой небесный цвет. Отремонтировано также помещение бывшей сторожки, в котором сегодня размещаются приёмная настоятеля, комнаты для священников, крестильня. Строится двухэтажное здание воскресной школы. Работы по восстановлению и благоустройству храма и окрест лежащих святых мест продолжаются. Им нет числа. Но с Божией помощью они увенчаются успехом — в этом нельзя сомневаться, потому что, как мы помним, ещё в 1867 году святитель Феофилакт написал: «Прочее да устроит Сама Преблагословенная Владычица»...

Успенскому храму выпала большая честь: его первым из храмов города посетил Глава Русской Православной Церкви Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II во время визита, посвященного 150-летию Ставропольской епархии. Посещение и благословение Патриарха — великая милость Господа, сугубая благодать. Слава Богу за все!

...Храм, по словам блаженного Симеона Солунского, «хотя из вещества слагается, но имеет в себе премирную благодать». Священный долг верующего человека — сохранить эту премирную благодать, умножить её добрыми делами, милосердием, молитвенным подвигом, верой несомненной. Для себя и своих потомков...

Внутреннее устройство и убранство храма

Аз же множеством милости Твоея, Господи, вниду в Дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему в страсе Твоем...

Из молитвы идущего в храм

Внутреннее устройство Успенского храма, как и всех других, символично и с древних времен остается неизменным. Храм подразделяется на 3 части: притвор, среднюю часть, алтарь.

Алтарь, находящийся в восточной части храма, возвышается над остальной церковью. В средней части возвышения выступает амвон, с которого священник и диакон произносят ектении и читают святое Евангелие. На возвышении находятся и клиросы.

Иверская икона Божией Матери написана на Афоне в Греции и чудесным образом попала в Успенский храм, эта икона особо почитается прихожанами и размещается в средней части храма.

Входя в храм, человек испытывает особое состояние. Это одновременно успокоение и праздник, надежда на спасение и радость. Сверкающие позолотой иконостас, подсвечники, иконы, хоругви создают и поддерживают благолепие храма. Золото являет собой символ Божественного света. Сакральные предметы неслучайно делаются из золота. Блистательна одежда священников, позолочены святой Потир, дискос, звездица, лжица, ковш, в котором подается вино с водой для вливания в святую Чашу. Золото нежно сочетается с белым и палевым лаком на колоннах иконостасов, в оформлении киотов. Декор внутреннего убранства Успенского храма мягкий, успокаивающий, воспитывающий тонкий вкус, создающий просветленное, благое пространство, в которое попадают верующие.

Прямо против входа находится большой иконостас, отделяющий алтарь от средней части храма. В Успенском храме сохранился первоначальный иконостас середины XIX века. Оригинален набор икон, свидетельствующий о назначении храма как кладбищенского и отражающий пожелания его устроителей.

В центре иконостаса, как и во всех храмах, находятся Царские Врата. Через них в Святых Тайнах Тела и Крови проходит Христос — Царь Славы, Которого олицетворяет во время богослужения священник. На Царских Вратах в одинаковых круглых медальонах — иконы четырех евангелистов: Матфея, Марка, Луки и Иоанна Богослова.

В средней части Царских Врат — икона «Благовещение» (архангел Гавриил и Пресвятая Богородица).

Над Царскими Вратами в круглом большом медальоне — икона новозаветной Троицы: на облаках Бог-Отец, одесную — Бог-Сын, а над Ними — Святой Дух в виде голубя. Обычно на этом месте в храмах помещается «Тайная Вечеря». В Успенском храме эта икона находится напротив иконостаса на западной стене над входом из притвора в среднюю часть храма. Справа от Царских Врат помещена большая старинная икона Спасителя с нимбом в золотом сиянии. В облаках Сам Бог-Отец с воздетыми руками и Святой Дух — голубь. Слева — храмовая икона Успения Божией Матери. Вокруг одра, на котором покоится Богородица, — склоненные Апостолы и родственники, а сверху, на облаках, — Иисус Христос в окружении ангелов. Эти две иконы — главные в иконостасе. Перед ними установлены старинные (1845 года) подсвечники. Слева и справа в иконостасе находятся диаконские двери. На северной диаконской двери — изображение Иоанна Крестителя с крестом в руках, на южной — пророка Иеремии. Этот первый ярус иконостаса, называемый местным, не типичен для других храмов. Обычно в нем помещают изображения ангелов, архидиаконов.

Второй ряд икон, как и во всех храмах — праздничный. В нем представлена вся история Православия — главнейшие двунадесятые и великие праздники: Сошествие Святого Духа на апостолов, Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, Вознесение Господне, Вход Господень в Иерусалим, Преоб-

ражение Господне, Крещение Господне, Рождество Христово, Благовещение Пресвятой Богородицы.

В третьем ряду — иконы чтимых святых, двунадесятых праздников и отражающие библейские сюжеты. В центре в овальных медальонах — Воскрешение Лазаря и Воскресение Христово. Слева — Алексий, человек Божий и святой Евфимий. Справа — апостол Петр и Павел и изображение притчи о богаче и бедном Лазаре. Над третьим рядом икон, в центре иконостаса, в восьмиграннике — Всевидящее Око Господне, слева от Него — скрижали Моисея, справа — Святая Чаша. Это символы Ветхого и Нового Заветов.

Четвертый ряд — деисусный. В нем в центре — Христос Спаситель на престоле с Матерью Божией и святым Иоанном Крестителем, стоящими по правую и левую руки от Него. Эта икона называется «Моление», или «Деисус», и помещается в центре, потому что молитва Божией Матери и святого Иоанна Крестителя — самый совершенный образец молитвы. В малых круглых медальонах изображены Убиение неизвестного святого (слева) и Усекновение главы Иоанна Предтечи (справа).

Венчает большой иконостас Распятие с фигурами Божией Матери и святого апостола Иоанна Богослова.

В приделе Вознесения установлен трехъярусный иконостас, выполненный в том же стиле, что и главный.

На Царских Вратах в центре помещен фигурный медальон с иконой «Благовещение Пресвятой Богородицы». Ее обрамляют иконы апостолов и евангелистов: Матфея, Марка, Луки и Иоанна Богослова. Над Царскими Вратами — икона «Тайная Вечеря». Над нею — икона Господа Вседержителя на престоле с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Предтечей.

Справа от Царских Врат — храмовая икона «Вознесение Господне». Слева — Божия Матерь во весь рост с Богомладенцем на руках. Младенец держит крест в одной руке, другой благословляет.

Справа и слева на диаконских дверях изображены архангелы Михаил (с огненным мечом в руках) и Гавриил, расположенные так, как это было принято в более ранний период иконостаса: архангел Гавриил не рядом с Божией Матерью, а рядом со Спасителем.

Следующие за диаконскими дверями иконы изображают Киево-Печерских святых — преподобных Марка Гробокопателя и Афанасия Затворника.

В праздничном ряду иконостаса иконы: «Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня», «Покров Пресвятой Богородицы», «Успение Пресвятой Богородицы», «Благовещение Пресвятой Богородицы», «Рождество Христово», «Сретение Господне», «Крещение Господне», «Вход Господень в Иерусалим».

Пророческий ряд совмещен с деисусным. В центре — «Господь Вседержитель», слева — пророк Исаия и неизвестный пророк, справа — Моисей и пророк Иезекииль.

Оба иконостаса старинные, созданные в период первого обустройства храма. Это подтверждает выбор икон, который во многом определялся назначением храма как кладбищенского и почитанием небесных покровителей жертвователей на храм или их усопших родителей.

Можно предположить, что святой пророк Иеремия — небесный покровитель первого Архиерея, который принял большое участие в подготовке документов для строительства церкви и сам выбрал для нее место, и, вполне вероятно, что именно он составлял список икон для иконостасов.

Епископ Иеремия приехал в Ставрополь из Успенской Киево-Печерской Лавры. Икона Иоанна Крестителя, нетрадиционно помещенная на диаконских дверях главного иконостаса, вероятнее всего, является изображением небесного покровителя Ивана Ганиловского — главного строителя храма, потомственного почетного гражданина города Ставрополя.

Икона священномученика Игнатия Богоносца в 3-м ярусе посвящена небесному покровителю купца I-й гильдии Игнатия Волобуева. Икона преподобного Евфимия Суздальского, несомненно, изображает небесного покровителя главного жертвователя на иконостас Евфимия Дмитриева.

По-видимому, появление икон святых Алексия, человека Божиего, Афанасия, затворника Печерского, также связано с именами жертвователей.

Быть может, также не случайны две сцены с изображением Лазаря — Воскрешение Лазаря и бедного Лазаря. Имя Лазаря, скорее всего, не главное в выборе иконы. Важнее тематика евангельских сюжетов, подтверждающих упование прихожан на загробную жизнь и грядущее Воскресение. Об этом же и икона «Воскресение Христово» в 3-м ярусе иконостаса. В руках святого апостола Петра — ключи от рая. «И дам ти ключи Царства Небесного» (Мф. 16, 19). Присутствие иконы преподобного Марка Гробокопателя подтверждает, что иконостас создавался для кладбищенской церкви.

В иконостасе придела Иверской иконы Божией Матери обоснования выбора икон другие. Здесь на диаконских дверях Михаил Архангел и Ангел Нового Завета. Во втором ярусе справа от Царских Врат — Божия Матерь, слева — Спас. Во втором ярусе посредине — «Тайная Вечеря», слева — «Сретение Господне», «Рождество Христово», справа — «Рождество Пресвятой Богородицы» и «Введение во храм Пресвятой Богородицы». В центре 3-го яруса — редкая икона «Небесное Прославление Божией Матери», слева — святые равноапостольные Мефодий и Кирилл, учители Словенские, справа — святые равноапостольные великий князь Владимир и великая княгиня Ольга.

Главное богатство храма — иконы. Почитание икон — это догмат христианской веры. Икона есть образ священный, смысл ее раскрывается в канонах, стихирах праздников.

Храмовые и праздничные иконы

В центре храма перед Царскими Вратами на аналое полагается праздничная или храмовая икона Успения Божией Матери. На аналоях в приделах также кладутся праздничные иконы или иконы, в честь которых освящены приделы.

Распятия

Главная святыня любого православного храма — Распятие — в Успенском храме установлена у южной стены придела Вознесения. У креста стоят скорбящая Божия Матерь и любимый ученик Господа святой апостол Иоанн Богослов. Небольшое распятие стоит на столе кануна — места, где возжигают свечи и кладут милостыни в память об усопших. Над кануном — икона с Распятием. Распятия венчают иконостасы.

Иконы Божией Матери

В храме, посвященном Успению Божией Матери, много Ее икон: несколько икон Иверской Божией Матери, большая икона «Всех скорбящих Радость», большая древняя икона Казанской Божией Матери и малая, подаренная Патриархом Алексием II во время его приезда в Ставрополь. В центре храма на аналое лежит икона Владимирской Божией Матери. Иконы «Достойно есть», «Услышательница» и еще одна икона «Успения Божией Матери», изображающая на руках Иисуса — в образе младенца — душу усопшей Богоматери, размещены на стенах храма. Имеется также икона «Похвала Пресвятой Богородицы».

В средней части храма между иконостасами в богатом киоте установлена чудотворная икона Иверской Божией Матери. Перед нею зажигают 7 лампад, в двух больших напольных подсвечниках всегда горят свечи.

Особо чтимые иконы

Особо почитаема во всех храмах икона святителя Николая. Здесь она установлена в богатом киоте. В 1994 году во время ремонта храма перед приездом в Ставрополь Святейшего Патриарха Алексия II икона начала обновляться.

От правого верхнего угла темная позолота фона иконы просветилась широкой полосой, о чем представлен соответствующий рапорт правящему архиерею, митрополиту Ставропольскому и Бакинскому Гедеону: «27 мая с. г., в пятницу, во второй половине дня, во время уборки после ремонта храма киот с образом святителя и Чудотворца Николая был смещен, очищен от пыли и поставлен на свое место. ...Под стеклом, с правой стороны стала появляться светлая полоса, как проблеск луча солнца. Просветление лика продолжалось некоторое время, потом остановилось. Это явление милости Божией видели многие свидетели...» Эта икона конца XIX века прежде находилась в Казанском кафедральном соборе Ставрополя. Когда собор разрушили, икону перенесли в Успенскую церковь. 26 июня 1994 года у образа святителя Николая митрополит Гедеон отслужил соборно молебен с акафистом. Образ святителя Николая Чудотворца присутствует еще на нескольких иконах в сочетании с другими святыми.

К особо чтимым святым относится и святой великомученик и целитель Пантелеймон. В храме имеется две иконы с его изображением, в том числе — большая икона «Архистратиг Михаил, святитель Николай Чудотворец и святой великомученик и целитель Пантелеимон».

Большая икона преподобного Серафима Саровского также почитаема прихожанами. Она снабжена молитвою: «О пречудный отче Серафиме, великий Саровский Чудотворче, всем прибегающим к тебе скоропослушный помощниче! Во дни земнаго жития твоего никтоже от тебе тощь и неутешен отыде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас словес твоих. К сим же и дар исцелений, дар прозрения, дар немощных душ врачевания обилен в тебе явися...»

Обетные иконы

Обет — это обещание исполнить богоугодные дела в ответ на исполнение какой-либо просьбы. Обетные иконы изображают святых, чьи имена носили жертвователи или члены их семей.

Так, богатая, в серебре, икона, подаренная храму мещанским собранием Ставрополя, изображает преподобного Сергия Радонежского, святого Архистратига Михаила, святителя Николая архиепископа Мир Ликийских Чудотворца, святого благоверного великого князя Александра Невского. Обетными являются иконы святой равноапостольной княгини Ольги, святого мученика Феодора Тирона, святой мученицы Зиновии.

Среди подаренных храму икон особую ценность представляют икона «Рождество Христово», написанная в святом граде Иерусалиме, освященная на Святом Гробе Господнем, Иверская икона Божией Матери в обрамлении святых мучениц Татианы, Матроны, Евфимии, Стефании, Наталии, святой праведной Анны, святой Анны Пророчицы, преподобной Синклитикии.

Икона Георгия Победоносца подарена казаками Ставропольской станицы. Подаренная храму икона преподобного Феодосия Кавказского освящена на мощах святого в г. Минеральные Воды. Икона апостола Павла подарена храму настоятелем протоиереем Павлом. Икона святителя Николая — дар ученого.

Редкие иконы

Есть в Успенской церкви иконы, которых нет в храмах Ставрополя или которые редко встречаются. В их числе: «Бичевание Христа», или «Страсти Христовы» (икона отличается документальностью: Христос привязан к мраморной колонне, как это изображается в Иерусалиме), икона пророка Илии (характерна для сельских церквей, так как Илии молились о дожде, об урожае), икона Первосвященника Бога Всевышнего, царя Салимского Мелхиседека, держащего в руках Дары, которыми он благословил Авраама (Мелхиседек явился прообразом грядущего Христа), икона мученика Иоанна-Воина (ему молятся о заступлении от врагов и обидчиков, об утешении в бедах и скорбях). В церкви имеются аналойные иконы праздников и святых, которые сменяются в дни богослужений в соответствии с церковным календарем.

Недавно в храме Промыслом Божиим появились цельбоносные иконы Божией Матери «Всецарица» (перед нею молятся об исцелении онкологических заболеваний), «Неупиваемая Чаша» (перед ней возносят молитвы об исцелении недугов пьянства и наркомании) и икона преподобного Феодосия, дивного Кавказского Чудотворца, зревшего Огнь Благодатный на Гробе Господнем и освященного тем Огнем.

Послесловие

Не стоят на Руси города без храмов. Не выживают. И если после всяких гонений и разрушений хотя бы одна церковь долгожительствует, значит, городу быть. Не ослабел, следовательно, молитвенный дух, которым держится церковь, а ею — и город. Церкви уничтожали потому, что некому было их защищать. Маловерие и невежество погубили храмы, и началось запустение душ, от которого произросло запустение земли...

Нашему городу Господь не судил запустеть окончательно. Устояли, по Его воле, две церкви — Андреевская и Успенская. Устояли молитвами праведников, живых и усопших, и, в первую очередь, тех благочестивых, достойных, добродетельных граждан, которые созидали, защищали и прославляли Ставрополь и которые нашли свой последний приют на Успенском кладбище, — у Бога ведь все живы...

150 лет стоит на земле Ставропольской Успенская церковь. Святая церковь, святое место, живая история. Земное Небо. Начало Царства Небесного. Царство Благодати. Господень Дом. Престол Богородицы. Домостроительство нашего спасения...

Да не разрушит время этот кусочек вечности на Земле!

Часть II. Успенское кладбище

В 1858 году заказан план Успенского кладбища, он выполнен в масштабе: в английском дюйме 10 сажен. «Чертил и в натуре на кварталы разбивал помощник пятигорского уездного землемера Светочиев, при разбивке находился благочинный протоиерей Ф. Поспелов».

По периметру кладбища проходит круговая аллея, в центре обозначена часовня, дорожки ведут к 4 выходам. В южной части на плане находится уже действующая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы.

В статистико-географическом путеводителе по Ставропольской губернии в 1883 году И. Бентковский пишет: «Было намерение придать кладбищу регулярную планировку и вести учёт захоронений». Однако в архивах нам встретились подобные книги учёта только с 1901 года. Во второй половине XIX века кладбище было одним из самых ухоженных и богатых. Величественные надгробные памятники из полированного гранита и лабрадорита, фамильные склепы, кованая решётка оград перемежалась с простенькими надгробными плитами и вырубленными из целых монолитов каменными крестами, и всюду — иконы, маленькие и большие. Разросшаяся роща без единого сухостоя, с выложенными каменными аллеями и тропинками, с опрятной часовенкой в центре кладбища, буквально утопала в цветах людской памяти. За порядком на кладбище наблюдали монахини и учащиеся приходской школы.

Долгое время к кладбищу не было мощёной дороги, осенью и весной похоронные процессии утопали в грязи. Но «Епархиальная хроника» 1 сентября 1891 года сообщает, что «от городских ворот к кладбищу устроено прекрасное шоссе и больше не будет тех затруднений при перенесении покойников, какие встречались прежде».

5 июля 1891 года Ставропольская Городская Дума приняла постановление о таксах для ломовых и легковых извозчиков. Стоимость проезда к Успенскому кладбищу в один конец определялась в 25 коп., ожидание на кладбище (1 час) — в 50 коп. Извозчики работали с 7 часов утра до 12 часов пополудни. Наибольших размеров территория кладбища достигала в 1900 — 1911 годах. Ограда его была исправлена и расширена на север. Но при всем этом, Преосвященнейший Евгений архипастырь Ставропольский, совершавший литургию в день Успения Божией Матери в кладбищенской церкви, обратил внимание на некоторую запущенность этого святого места. Он возбудил ходатайство перед Священным Синодом о переводе Успенского храма в приходской, «тогда церковный причт будет иметь больше возможности следить за кладбищем».

Поэтическое описание Успенского кладбища мы находим в книге известного русского писателя И.Д. Сургучёва «Китеж». Здесь похоронены его отец, мать и, очевидно, брат Г.Д. Сургучёв и сестра Евфросиния. Сюда приходил он на могилу отца, находящуюся, по его описанию, в северной части кладбища, недалеко от насыпи железной дороги, огибающей кладбищенскую стену. На могильной плите отца была выбита выпуклая надпись: «Жития его было пятьдесят лет».

В начале XX века на богатом, посещаемом родственниками кладбище его смотритель Николай Горбунов и священник Федор Семилуцкий допускали святотатства, хищения камня с оград и могил, вскрывали склепы и продавали камень. Сохранилось дело от 23 сентября 1910 года о продаже сторожу католического кладбища Казимиру Адамовичу Якубайтису плиты со склепа за 10 рублей. Комиссия обнаружила ряд разрытых могил, вскрытых склепов, вынутых гробов. В результате священник Семилуцкий вынужден был отказаться от попечительства кладбища.

На Успенском кладбище похоронены многие выдающиеся жители Ставрополя. Целые купеческие династии нашли здесь упокоение: купцы Ганиловские, Леонидовы, Рудневы, Ртищевы, Алафузовы, Меснянкины, Венециановы и другие. Купец I гильдии И. Ганиловский был городским головой. В 1847 году его удостоили звания потомственного почётного гражданина Ставрополя. Им построены первое на Кавказе деревянное здание театра (сгоревшее) и новое каменное, поражавшее своим великолепием современников. На его средства построены трёхэтажный дом под пансионат благородных девиц, двухэтажный дом, который арендовался кавказской духовной семинарией. Иван Ганиловский был организатором строительства Успенской церкви. Он похоронен в склепе у южной стены храма. Очевидно, что придел в честь Вознесения Господня построен на его склепе.

В регистрационных книгах Успенского храма, Троицкого и Казанского соборов, где отпевались усопшие и, по всей вероятности, хоронились на Успенском кладбище, значатся потомственные и личные почетные граждане города Ставрополя И.Ф. Смольский, А.В. Усов, В.М. Семёнов, А.К. Цирульников, С.Ф. Деревщиков, С.Е. Ермилов, А.В. Карягин, И.Е. Ермилов, И. Алафузов, Н.С. Деревщиков, Г.Е. Косяков, М.С. Конюхов, Г.Д. Меснянкин, О.Г. Костич, П.Г. Стасенков, И.К. Конюхов, И.С. Хохлов, дворяне В.Г. Самойлов, Г.В. Шумов, М.М. Озеров, М.А. Есаулов, В.Н. Ушаков, Н.Д. Петков, С.М. Домницкий, А.Е. Волокобинский, А.Н. Мережко, А.Д. Терехов, А.А. Фон-Нотбок, барон и баронесса А.Н. и Е.Е. Фон-Тизенгаузен, протоиереи и священники В.И. Стрепетов, Ф.П. Семилуцкий, Д.И. Гремяченский, П.И. Шатиров, А.Ф. Ливанов, Н.К. Тихов-Александровский. Последним на кладбище похоронен протоиерей Сергий Нецветаев, умерший 30 июня 1996 года. В 90-е годы он служил в Успенском храме.

На Успенском кладбище покоятся прославленные генералы и герои Кавказской войны: Н.Н. Рокита, М.М. Анин, генерал-лейтенант Х.Е. Попандопуло, друг М.Ю. Лермонтова, Л.А. Мачканин и послед-

ний предводитель ставропольских дворян генерал-майор М.М. Томилов, отставные генерал-майор М.М. Акинин, полковники Д.И. Акинин и К.П. Иващенко, подполковники П.А. Шершавицкий, И.И. Шевцов, К.П. Ефорицкий, В.В. Колчик, Н.А. Яичников, отставной унтер-офицер стрелкового Кавказского полка И.И. Иванов.

Здесь похоронены известные ставропольские архитекторы Г.П. Кусков и П.К Никифоров.

К сожалению, не сохранился памятник на могиле И.В. Бентковского, известного краеведа, автора «Статистико-географического путеводителя по Ставропольской губернии». Сохранилось донесение председателю губсовета: «Довожу до Вашего сведения, что на Успенском кладбище снята железная ограда с могилы Бентковского, который много потрудился по изучению Ставропольской губернии и края, оставив много своих печатных трудов, которые имеют огромное значение в деле изучения края. У Бентковского не осталось в Ставрополе никого из близких ему лиц, а потому охрана его могилы лежит всецело на обязанностях местной власти».

На могиле первого собирателя истории губернии Г.Н. Прозрителева Ставропольский государственный краеведческий музей, носящий его имя, поставил гранитный памятник в 1990 году. В 1994 году могилу посетили Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II и митрополит Ставропольский и Владикавказский Гедеон.

Могилы семьи Сургучёвых, директора ставропольских гимназий статского советника П.И. Обломского и многих других не сохранились.

Когда в 1970 году было объявлено, что на месте Успенского кладбища будет разбит парк для отдыха населения, многие оставшиеся в живых потомки захороненных здесь жителей г. Ставрополя перезахоронили останки на новом кладбище в северо-западной части города. Так, В.В. Скрипчинский перенёс туда останки своего отца. Краевой краеведческий музей перезахоронил останки Г.К. Праве на Даниловском кладбище.

Надмогильные плиты вывозились на устройство ограды психиатрической больницы и в другие места. Разбиты, вдавлены в землю надгробия, опрокинуты оставшиеся каменные кресты. Заросли кустарниками дорожки.

И только в южной части кладбища сохранились старые надгробия жителей Ставрополя, где ещё можно прочесть надписи: Е.П. Берсеевой, И.Л. Луганского, В.К. Рябцева, А.Л. Курятинской и Н.В. Курятинского, похороненного ещё в 1878 году, Л.Н. Колесовой, З.Я. Юрьевой, А.Н. Смирнова, Н.А. Шикунова, К.Ф. Метлиной, купца II-й гильдии Ф.И. Делева (1839—1904), А.С. Яковлева-Саломатина (1896—1916), Н.Т. Иванова (1861—1913), А.П. Шебалхиной, А.П. Панкратьева (1888—1937), П.Г. Горяйнова (1900—1937), И.Н. Стецова (1930—1937), А.Т. Руднева (1854—1910), С.Н. Варварова (1906), С.К. Озерова (1913), К.В. Димчева (1895—1945), Ф.П. Белоусовой, Ф.В. Марченко (1870—1945), З.Н. Польской, Н.Т. Иванова (1864—1913), Ю.Г. Витман (1885).

Красивое надгробие из розового гранита на пьедестале, огороженное железной решёткой, уцелело на месте захоронения И.В. Конюхова (1863—1909) в юго-западной части кладбища рядом с безымянным большим склепом, почти разрушенным.

На кладбище несколько братских могил:

«Борцам за установление советской власти от благодарных ставропольчан» (1977 год).

«Красноармейцам 4-го Ахтырского Военно-революционного полка, павшим смертью храбрых при освобождении города Ставрополя от белогвардейцев в 1918 году».

«Воинам, погибшим в боях за Ставрополь и умершим от ран в госпиталях в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

Последние массовые захоронения относятся к периоду после Великой Отечественной войны. Например, в 1946 году здесь похоронен гвардии сержант В.П. Духанов, погибший при исполнении служебных обязанностей.

Летом 1998 года при строительных работах Ставропольским краеведческим музеем и Ставропольским госуниверситетом были проведены археологические раскопки на месте старого Варваринского кладбища. Было вскрыто и извлечено 27 захоронений, датируемых концом XVIII — 20-ми годами XX века.

В декабре 1998 года костные останки с Варваринского кладбища были перезахоронены на Успенском кладбище, образовав здесь ещё одну братскую могилу.

Сегодня кладбище занимает около 65 гектаров, отведённых комитетом по земельным ресурсам Роскомзема 28 августа 1997 года. Огороженное с трех сторон, оно протянулось от ул. Фадеева с юга на 323 м до шоссе на север и 238 м от ул. Войтика на западе до ул. Гражданской на востоке. Чугунная массивная решётка с орнаментом вокруг крестов, отлитая на заводе «Красный металлист», ограждает кладбище с юга. В ней — ворота, ведущие к храму. Более лёгкая металлическая ограда идёт вдоль тополевой и ивовой аллеи по Гражданской улице к северной части кладбища. Здесь, на старых могилах, в 1960—1980 годах построены частные жилые дома, проложено шоссе. На костях усопших — детский сад «Улыбка»...

Кладбищенский участок почти ровный, его абсолютные отметки высот над уровнем моря изменяются от 505 м на севере до 514 м на юге.

На кладбище — большое разнообразие древесных пород, кустарников и трав. Справа от главного входа начинается старая каштановая аллея, протянувшаяся почти до восточного края. По обе стороны от неё — сохранившиеся надгробия. Именно здесь находятся последние захоронения, недавно восстановленные памятники, братские могилы. Эта часть кладбища расчищена от кустарников и сухостоя, на могилах часто можно видеть цветы. Среди старых деревьев на кладбище преобладают ясени, клёны, единично встречается тополь. Молодая поросль представлена липой, клёном. Среди кустарников есть сирень. На могильных холмах стелется барвинок — типичная кладбищенская травка. В одном месте, к югу от алтаря храма, земля устлана плющом — вечнозелёным субтропическим растением.

Над кладбищем шефствуют казаки, охраняя его от злодеяний обезбоженных людей.

Текст печатается по изданию:
Храм Успения Божией Матери. — Ставрополь, 1999. — С. 3—51.

Г.А. Беликов. **Из истории православной церкви города Ставрополя**

Сказ первый

С православными духовными центрами Северного Кавказа была связана жизнь многих поколений наших предков. И здесь особое место занимал Ставрополь, где сверкали позолотой купола и кресты многочисленных церквей и храмов, где более полутора века назад был учрежден центр Кавказской и Черноморской епархии.

Самая первая церковь в рождавшемся Ставрополе возникла в стенах крепости. «Нет сомнения, — сообщалось в «Сборнике сведений о Северном Кавказе» за 1910 год № 6, — что по личному указанию Суворова в 1780 году в Ставропольской крепости была выстроена первая «Церковь Божия» для полка Владимирского драгунского, в которой иконостас полковой поставлен...»

Церковь Владимирского драгунского полка с матерчатым иконостасом, по сохранившимся крепостным планам, находилась в ее центральной части.

По утверждению краеведа прошлого И. Бентковского церковь эта, после ухода драгун к местам сражений Отечественной войны 1812 года, по распоряжению ставропольского городничего Зервальда была разобрана и продана городу Георгиевску.

По преданию у церкви Владимирского полка был похоронен основатель Ставропольской крепости полковник Ладыженский. Это было единственное захоронение в стенах крепости, так как всех прочих, погибших от ран, в бою или болезней, хоронили на первом городском кладбище на северном склоне долины речки Члы (Ташлы). В 1916 году под наблюдением военного инженера Маньковского и краеведа Г. Прозрителева могила Ладыженского, обнесенная кованой железной решеткой, была вскрыта.

«Над могилой была каменная плита без единой надписи и такой же каменный крест, — записал в акте Григорий Николаевич Прозрителев. — При вскрытии там оказалось два каменных склепа. В склепах была вода, проступившая, очевидно, из почвы через швы в камнях дна склепа. Бока же были хорошо промазаны известью и воды не пропускали. Верх склепов был сложен из камней, положенных под углом. В обоих склепах лежали костяки покойников. На одном из них уцелели сапоги, кожа прекрасно выделана, черного цвета, дратва сгнила. Остатки одежды свидетельствовали, что покойник был положен в военной форме 18 века.

В памяти старожилов, в том числе бывшего окружного начальника Палаты Государственных Имуществ Василия Степановича Иноземцева, умершего в 90 лет, сохранилось, что похоронен здесь командир крепости... В другом склепе покойник был в гражданской одежде, видимо женщина, жена покойного...»

Могила полковника Ладыженского просуществовала до конца наших 20-х годов. В настоящее время предпринимаются попытки обнаружить захоронение с целью, как возродить памятник основателю города Ставрополя, так и определить место первого храма Божиего...

Вслед за Владимирскими драгунами, уже казаками хоперцами, была возведена такая же деревянная шатровая церковь во имя иконы Казанской Божией Матери в станице (район сегодняшнего Нижнего рынка). Икона эта была древнего письма, привезенная хоперцами с Дона. Сам облик церкви дошел до нас благодаря Михаилу Матвеевичу Иванову, некогда широко известному в России художнику, в 1780 году посетившему Ставропольскую крепость. Им и была здесь написана картина «Ставропольская крепостная станица». Самой картины найти не удалось, но сохранилась ее фотография. На ней запечатлен казачий двор с фигурой казака, опершегося на забор из жердей. Через дорогу расположилась Казанская церковь, сложенная из дубовых плах. На фоне Крепостной горы хорошо просматриваются грозные бастионы...

Церковь во имя Казанской Божией Матери в 1839 году была разобрана хоперскими казаками и увезена в созданную ими станицу Карантинную, впоследствии переименованную в Суворовскую. Там, как явствуют документы, она вместе с иконой и сгорела в конце прошлого века. Ставропольцы в память о церкви Казанской Божией Матери на ее месте установили каменный крест. Затем уже, на деньги известного ставропольского купца Игната Волобуева, построили деревянную часовенку, позже обложенную камнем. С устройством в 50-х годах прошлого столетия на месте Казачьей станицы Нового или Нижнего базара вся территория стала именоваться Казанской площадью...

Еще одна деревянная церковь, на этот раз принадлежавшая городу, находилась на выгоне, к югу от Казачьей станицы. Рождение ее относится к 1795 году, о чем нам сообщает архивный документ: «31 октября 1795 года землемер Костылев отвел землю под церковь Св. Троицы».

Троицкая церковь не отличалась добротностью, о чем писал ее священник Илья Тимофеев архиепископу Астраханскому Платону: «...в городе Ставрополе церковь, хотя и не в давнем времени выстроена, подвержена опасности к скорому падению, и от случающихся в зимнее время метелей сквозь ее стены проходит снег. А в летнее время бывает от дождей великая течь, так что престол, антиминс и вся церковная утварь бывает намоченными, что весьма противно церковным правилам и государственным узаконениям...»

Вскоре деревянную Троицкую церковь разобрали, а затем продали в станицу Успенскую. Об этом сообщает клировая ведомость Ставропольской консистории за 1853 год по церкви Успения Божией Матери станицы Успенской: «Построена в 1821 году из купленной в городе Ставрополе деревянной церкви с такой же колокольней. Освящена в 1831 году...»

Между тем 12 августа 1800 года сход жителей Ставрополя приговорил: «...на месте состоящей в Ставрополе, в мещанском форштадте деревянной соборной Св. Троицы церкви выстроить желаем каменное здание...»

Попечителями постройки первого каменного храма в Ставрополе горожане избрали наиболее уважаемых купцов — Моисея Ефремова и Гордея Анненкова. Для сбора доброхотных пожертвований

на храм Божий — Никиту Деревщикова и Василия Полежаева. К 1804 году была собрана значительная сумма денег и найден строительный подрядчик, как вдруг «... вмешалась полиция в это дело, и постройка собора оттянулась на несколько лет».

В 1805 году ставропольский городничий Вервальд доносил губернатору, что строительный подрядчик Федор Леденев «рядился построить каменную церковь Св.Троицы за 12900 рублей серебром». Между тем городской магистрат отдал предпочтение подрядчику Акиму Чернову, начертившему план будущей церкви. План этот был рассмотрен губернатором Николаем Михайловичем Картвелиным, передавшим его на доработку купцу Плотникову.

«Пока план собора странствовал таким образом из рук в руки ничего не мыслящих в архитектуре, — писал краевед И. Бентковский, — шестигласная дума приговором от 18 мая 1808 года постановила: на постройку собора Св.Троицы с каждой наличной души купцов и мещан собирать по 10 аршинных тесаных камней и по одной четверти извести, а если кто не вывезет, взимать серебряный сбор...»

Шли годы, но строительство храма откладывалось сначала из-за нехватки средств, затем в связи с отсутствием соснового леса, полосового железа... Между тем с 1809 по 1819 гг. с Троицкой и Ивановской ярмарок было собрано кошелькового сбора, а также доброхотных пожертвований 64676 рублей 23 копейки серебром. Пять тысяч из них пожертвовал купец Петр Левицын, а 10 тысяч были переданы будущему храму по духовному завещанию калужского помещика Семена Богданова, волею случая оказавшегося в Ставрополе. Еще 13700 рублей серебром были пожертвованы купцами Игнатом Волобуевым и Корнеем Черновым на изготовление трехъярусного иконостаса. Его делал московский мастер столярных и позолотных работ Аполлон Башкарев. Центральное место здесь заняла древняя икона Иверской Божией Матери.

Икона Иверской Божией Матери на протяжении всех последующих десятилетий оставалась одной из главных святынь на Кавказе. Как она попала в Ставрополь с острова Афон (Агион-Орос-Святая гора) в Эгейском море, неизвестно. Известно лишь, что это была копия, снятая с подлинной, хранящейся в Иверском монастыре Афонской горы. Возможно, доставили ее в Ставрополь монахи русского Пантелеймоновского с той же Святой горы...

В начале 30-х годов прошлого столетия на деньги купца Петра Левицына и Игната Волобуева к Троицкому собору устраивается два придела — во имя Св. Сергея Радонежского и Святителя Николая. Устраиваются и хоры для созданного певчего хора, регентом которого стал выходец из Петербурга Григорий Иванов.

Троицкий собор города, ставший кафедральным, стал крупнейшим духовным центром на Северном Кавказе. Здесь хранилась огромная богословская библиотека возникшей Кавказской духовной семинарии. Здесь же накапливались материальные ценности. В сохранившихся описях ризницы значилось: серебряные и вызолоченные чаши, блюда, бокалы, плащаницы, дароносицы, дарохранительницы, даросушительницы, паникадила, ставники, семисвечники... Здесь находились и обличия священников — парчи, бархата, атласа, глазета, шелка, шерсти, шитые золотом, синелью, мишурою, стеклярусом, галунами, серебром.

Троицкий собор, внешне приземистый, с тяжелой восьмигранной главой и колокольней, не отличался соразмерностью. Но то был первый каменный храм города, спроектированный и построенный русскими самоучками. И когда в дальнейшем он потерял свое значение, уважительно именовался «Старым собором».

Сегодня на месте собора находится гостиница «Интурист»...

Но вернемся в 40-е годы прошлого столетия. 1-го января 1843 года в Ставрополе состоялось официальное открытие Кавказской и Черноморской епархии. Этому предшествовало обращение начальника Кавказской области генерала Павла Христофоровича Граббе к царю. И вот наконец 1 января 1843 года Николай I официально утвердил доклад Святого Синода об открытии этого нового центра православия.

Троицкий собор. Фото начала XX века

Первым епископом Кавказским и Черноморским был назначен викарий Киевской Митрополии, епископ Чигиринский Иеремия (Соловьев). 19 марта 1843 года Преосвященный Иеремия выехал на Кавказ, взяв с собой необходимую утварь для архиерейского служения: 100 антиминсов, ставленные грамоты, ризы, печати, походный иконостас на холсте, престол и жертвенник из кипариса. 10 апреля, в Великую Субботу, в 9 часов вечера Преосвященный Иеремия прибыл в Ставрополь.

В редкой книге «Преосвященный Иеремия», опубликованной в Нижнем Новгороде в 1886 году и принадлежавшей перу протоиерея Иоанна Виноградова, сообщаются подробности этого события:

«Владыка прибыл в Богоспасаемый Ставрополь в Великую Субботу, 10 апреля 1843 года, в 9 часов вечера. У заставы града встретили его с хлебом-солью почетные граждане... Благословив их и с высокой Крепостной горы весь град, Архиерей повезен был к Троицкому собору. Приложась здесь к плащанице посреди храма и на коленях испросив благословения у распятого за овцы свои Пастыреначальника Господа Иисуса Христа, — благословение себе и пастве своей, — Преосвященный, в сопровожде-

нии гражданского губернатора и едва не всего града, отъехал освященным путем в дом купца Игнатия Волобуева, у коего, по указу Синода, назначено ему на первый раз поместиться временно. Сюда тотчас пожаловали: Начальник области, генерал-лейтенант В.О. Гурко, наказной атаман С.С. Николаев и другие чины. Вскоре последовал пушечный полночный сигнал и благовест к Пасхальной утрени...»

Дом купца Игната Волобуева, одно из первых капитальных каменных строений в Ставрополе, и сегодня хорошо сохранился (на углу улицы Шаумяна и пер. Баррикадного, филиал поликлиники №1). Со двора хорошо просматривается опоясывавшая второй этаж дома веранда, характерная для первой половины прошлого века. Сохранились ручной работы входные двери, чугунные опоры нижнего этажа и такие же лестничные марши...

В той же работе И. Виноградова далее сообщается: «Как в новоустроенной епархии трудно и едва ли можно было вскорости устроить домовую архиерейскую церковь, а без нее быть архиерею невместимо;

Молебен у креста на месте первой церкви в Ставропольской крепости. Фото начала XX века

Преосвященный сильно скорбел духом: как обойтись ему без церкви и богослужения утренняго и вечерняго в том случае, если квартира его будет далеко от соборного храма? Думалось везти с собой множество разных икон, чтобы на месте образовать из них нечто подобное иконостасу, но протоиерей и ключарь вложили лучшую мысль: устроить иконостас походный, по примеру военных. К чему тотчас и приступлено: мастером Иоанном Боханом устроены: св. престол, св. жертвенник (оба из кипариса) и иконостас на холсте. Церковь эта и прочая святыня благополучно доставлены в Ставрополь, в Великий Четверток Страстной седмицы. Домовая церковь сооружена и освящена во имя честного и животворящего Креста Господня».

Тот же Игнат Волобуев, купец 1-й гильдии и Почетный гражданин г. Ставрополя, «движимый чувствами христианского благочестия», подарил под архиерейское подворье свою усадьбу на Кузнечной улице, позже переименованной в Архиерейский переулок (сегодня Г. Голенева). Как сообщает архивный документ, это был «...старый деревянный дом в один этаж под железной крышей, внутри оштукатуренный, а снаружи обшит тесом. Имел он переднюю, двое сеней, шесть комнат, из коих большая под названием зала в семь аршин квадратных. При доме для помещения причта имелся каменный длинный дом под железной крышей, состоящий из сеней и трех небольших комнат».

Помимо усадьбы Волобуева, были приобретены соседние подворья, Ильи Панина и Егора Левиева, «...дабы Архиерейское подворье не было стеснено и загромождено сторонними зданиями».

В доме Игната Волобуева «в пять окон по фасаду» были устроены покои Владыки с домовой церковью в честь Воздвижения Креста Господня. С южной стороны устроили придел в честь св. священномученика Игнатия Богопосца. С восточной стороны дома сделали полукруглую (постройку) пристройку под алтарь, устроили купол. Возвели и небольшую звонницу с пятью колоколами, на каждом из которых стояла надпись: «Вылит в Ставрополе на Кавказском литейном заводе Курникина». Больший из них весил 15 пудов и 15 фунтов.

«На заведение для новой архиерейской кафедры, ризницы и других принадлежностей архиерейского дома, — сообщает одно из архивных дел, — было отпущено три тысячи рублей серебром». Помимо этого, на ежегодное содержание архиерейского дома отпускалось Св. Синодом еще 5 тысяч рублей.

Домовая церковь Иеремии в честь Воздвижения Креста Господня в дальнейшем именовалась «крестовой» церковью или «крестовоздвиженской». Здесь же возник небольшой женский монастырь, был возведен свечный заводик, разбит фруктовый сад и устроен выложенный камнем пруд, питаемый Желубовским ручьем. Здесь же хоронили лиц духовного звания, известных граждан.

В малоизвестной книге «Ставропольское Епархиальное церковно-археологическое общество», 1905 г., сообщалось о церковной ограде (кладбище) с «памятниками, достойными памяти». Это четырехугольный столб белого гранита, с металлическим 4-конечным крестом и надписью: «Князь Владимир Иванович Святополк-Мирский, родился 21 апреля 1823 г., скончался 21 января 1861 года». На чугунной плите еще одного беломраморного памятника сообщалось: «Иеросхимонах Димитрий с 1848 по 1886 год был миссионером Алтайской миссии в западной Сибири, где обратил евангельскую проповедию до 500 человек. Скончался 18 марта 1887 года»... Внутри Крестовой церкви был похоронен и Игнат Волобуев, о чем в той же книге указывалось: «Погребен раб Божий Игнатий в приделе Крестовой церкви старого архиерейского дома, в честь св. священномученика Игнатия, святое имя коего носил почивший. Склеп могилы помещается внутри храма при южной стенке храма, между окном при клиросе придела и дверью, где теперь утверждена икона св. Великомученика Пантелеймона...»

В духовном завещании Игнатия Юдовича Волобуева, прожившего 80 лет, один из пунктов гласит: «Погребение, поминовение и весь обряд и приличия христианские надо мною выполнить обязываются мои дети, по долгу почитая память обо мне и всех доселе в вечность переселившихся, а потому по смерти моей внести из отделенного на сей предмет капитала в какое-либо кредитное учреждение на имя церквей соборных — Троицкой пятьсот рублей, Казанской — пятьсот рублей, Крестовоздвиженского монастыря —

шестьсот рублей, Кладбищенской Св. Великомученицы Варвары — триста рублей на вечные времена, дабы проценты с оных получались священноцерковнослужителями за всегдашнее поминовение рода нашего и пятьсот рублей серебром единовременно священнослужителям, кои будут при погребении, коих прошу молить о мне Бога в течение целого года по смерти, через панихиды и псалтырные чтения. Сверх того бедным и нищим, которые будут при погребении, раздать двести рублей и в продолжение шести недель по смерти моей тоже раздать бедным и нищим тысячу рублей серебром... В заключение всего, призвав в помощь Господа нашего Иисуса Христа, Пречистую Его Матерь и всех Святых, детей моих благословляю образом Воскресения Христа Спасителя... да сохранит и укрепит Царь Небесный всех вас в Вере, Надежде и Любви. Аминь».

В 1873 году по проекту архитектора Ф. Прозоровского в Крестовоздвиженской церкви устраивается новый вызолоченный дубовый иконостас. Одновременно архитектором П. Воскресенским был подготовлен проект перестройки всей церкви с куполом — «...как в храме Св. Софии в Царьграде». Но к этому времени был решен вопрос о создании Нового Архиерейского подворья при Андреевской церкви.

Старое Архиерейское подворье, где жили ставропольские епископы Иеремия, Иоанникий, Игнатий, Феофилакт, Герман, Серафим, Владимир, Евгений и Агафодор, о жизни и деятельности которых мы еще будем говорить, стал местом проживания Викарного епископа, именуемого Моздокским (Викарство в Кавказской епархии возникло в 1872 г.). Первым викарием Кавказской епархии стал епископ Моздокский Исаакий...

Здесь же в строениях Старого Архиерейского дома обосновалось «Древнее хранилище Ставропольского епархиального церковно-археологического общества». Хранилище это располагало уникальными коллекциями по археологии, монет всех стран и времен, свечей из Египта, Аргентины, Абиссинии, Голландии и еще более чем двадцати стран мира; здесь же находилось обличие ставропольских епископов и их написанные маслом портреты, служебные религиозные предметы из серебра и золота.

В 1920 году сначала был закрыт монастырь при Крестовоздвиженской церкви, а затем и церковь, где устроили склад строительных материалов. В период оккупации Ставрополя гитлеровцами, по решению бургомистра и одобрению оккупационных властей, Крестовоздвиженская церковь вновь стала действующей и после изгнания гитлеровцев из Ставрополя, благодаря Митрополиту Ставропольскому и Бакинскому Антонию (Романовскому), церковь эта продолжала функционировать, а несколько позже здесь же была возрождена Ставропольская духовная семинария. В 60-е годы ее окончили будущий епископ Краснодарский и Кубанский Гериоген, архиепископ Ставропольский и Бакинский Антоний (Завгородний), митрополит Ставропольский и Бакинский Гедеон, доктор богословских наук, профессор, уроженец села Труновского протоиерей Иоанн Белевцев, крупный деятель грузинской церкви протопресвитер Михаил Диденко...

В те же 60-е годы решением местных властей, несмотря на протесты жителей, были вновь закрыты Крестовоздвиженская церковь и Ставропольская духовная семинария, где разместился один из факультетов образованного политехнического института, а затем курсы культпросветработников. И долго над останками Игната Волобуева и лиц духовного звания, захороненных под алтарем Крестовоздвиженской церкви, превращенной в танцевальный зал, гремели каблуками их правнуки и праправнуки, «не верящие ни в черта, ни в бога...»

Первого сентября 1990 года изуродованное до неузнаваемости здание Крестовоздвиженской церкви было, наконец, возвращено верующим и русской православной церкви. На ее базе будет создан приют для престарелых верующих, своеобразной общежительной женской общины, которая в дальнейшем, возможно, станет иноческой обителью...

К юго-западу от Старого Архиерейского дома с Крестовоздвиженской церковью, на возвышенном участке, находилось старое православное кладбище — Варваринское. Здесь, в 1848 году, по проекту архитектора П. Воскресенского и на деньги купца Федора Стасенкова, была построена каменная церковь во имя Св. Великомученицы Варвары (на этом месте сегодня располагается строительный техникум).

«Господь Бог сподобил меня устроить храм во имя Святой Великомученицы Варвары над прахом моих родителей, — писал Федор Стасенков на имя епископа Кавказского и Черноморского Иоанникия, сменившего на этом посту Иеремию, — но как я в настоящее время делаюсь слаб и дряхл и скоро должен переселиться в страну вечности, то чтобы храм сей в дальнейшем не мог встретить какого-либо недостатка, я положил в Московский опекунский совет 1000 рублей серебром на вечное время с тем, чтобы проценты были употреблены на ремонт или украшение церкви».

«Церковь эта, — писал краевед Бентковский, — хотя и не так обширна, но по внутренней своей отделке и наружной красоте занимает видное место. В ней есть замечательный образ великомученицы Варвары во весь рост, украшенный богатою серебряной ризою работы известного московского художника Сазикова».

На Варваринском кладбище хоронили людей разных вероисповеданий, в том числе греческого. Это нашло отражение в выстроенной церкви, где верхний этаж занимала православная церковь с престолом во имя Св. Великомученицы Варвары, а в нижнем в 1866 году устроена греческая церковь с престолом во имя Св. Пророка Ильи. В середине 90-х годов при Варваринской церкви построили трапезную и церковную сторожку, где жили монахини, следившие за чистотой в церкви и на кладбище, изготовлявшие просфоры, кормившие странников и бедных. Тогда же была устроена и каменная колокольня, трехъярусная легкая и ажурная, буквально парившая над зеленым куполом кладбищенской горы.

Главные ворота Варваринского кладбища находились на западной стороне. От них к церквам шла главная аллея, обсаженная каштановыми деревьями. Слева от аллеи располагался некрополь с многочисленными мраморными и гранитными надгробиями, где покоился прах героя Кавказской войны

полковника Бражникова, некогда известного всей России писателя и поэта, близкого к декабристам — Владимира Игнатьевича Соколовского...

Вся территория Варваринского кладбища и церкви была окружена каменным забором, где помимо главных ворот, с восточной стороны имелась прекрасно сложенная каменная калитка с кованой дверью. Уже в начале 40-х годов Варваринское кладбище было закрыто и возведенная здесь церковь являлась приходской. Приход составлял не только окружающий церковь район, но и весь Новый форштадт.

В начале 20-х годов Варваринская церковь стала первой жертвой начавшейся борьбы с религией. Уже 15 июня 1921 года газета «Власть Советов» писала о якобы скрываемых церковью складах золота, серебра и лекарств. Был проведен первый в городе обыск в церкви, собравший огромную толпу возмущенных верующих. Это стало лишь началом преследований. Как известно, летом 1921 года в Москве был основан Всероссийский церковный комитет помощи голодающим, все собранные пожертвования передавший государству. Но 23 февраля 1922 года выходит декрет ВЦИАКа о насильственном изъятии из церквей всех ценностей, в том числе священных служебных предметов. Вслед за этим, под нажимом местного ГПУ, церковнослужителей Варваринской и всех других православных церквей Ставрополя принуждали отказаться от вероучения опального Патриарха Московского и Всея Руси Тихона и становиться на платформу «Новой церкви», еще именуемой «обновленческой», которая стояла «за социальную революцию». Вскоре «обновленцы» захватили 12 из 13 к тому времени существовавших в Ставрополе церквей и храмов. И лишь Варваринская церковь при настоятеле Иоанникии оставалась «Тихоновской».

Иоанникий Васильевич Петров, подтянутый, несколько суровый и немногословный, в темной рясе с массивным крестом на вызолоченной цепи, с большой белой бородой и узловатой палкой в руке был широко известной в Ставрополе личностью. В своем приходе, куда входила юго-восточная часть города и весь Новый форштадт, он навещал стариков и больных, поддерживая их словом и молитвой, облегчал страдания умирающих, отпевал ушедших в страну вечности, утешал вдов и сирот... В церкви крестил и венчал, исповедовал и причащал...

Но не это сделало его в дальнейшем «опасным» для местного ГПУ, разместившегося в двухэтажном особняке, некогда принадлежавшем генералу Кусакову на бывшей Нестеровской (ул.Советская), где позже обосновалась противочумная станция.

Бывший семинарист Ставропольской духовной семинарии, а затем выпускник Казанской Духовной Академии со степенью кандидата богословских наук, отмеченный Ректоратом Академии наградой — иконой Казанской Божией Матери прекрасного письма, владевший, помимо древнегреческого и латинского, еще несколькими западноевропейскими языками, Иоанникий Петров начал пастырское служение в Ставрополе в 1913 г. Жил со своей супругой Еленой Дмитриевной и детьми в доме с мезонином в самом начале Приютского переулка (дом сохранился по улице Цеткин, 36), принадлежавшем его тестю Дмитрию Петровичу Афанасьеву.

Афанасьев был некогда широко известной во всех Епархиях России личностью. Выпускник той же Казанской Духовной Академии, свою пастырскую службу в Ставрополе совмещал с научными богословскими исследованиями. Его перу принадлежало большое число публикаций, в том числе «Жизнь и труды святого пророка Иеремии» и «Жизнь и труды святого пророка Исайи», обязательные для всех духовных семинарий России. Сам дом Афанасьевых, где духовность сочеталась со светской гостеприимностью, был широко известным в губернском Ставрополе. Сюда из Петербурга и Москвы, Парижа и Лондона шли бандероли с книгами философов и энциклопедистов, духовная литература.

Иоанникий Васильевич, получивший место у Архиепископа Кавказского и Ставропольского Агафодора в Консистории, одновременно являвшийся законоучителем во второй мужской гимназии, читавший курс богословия в Ставропольской учительской семинарии и выполнявший роль настоятеля в домовой церкви психиатрической больницы, вновь разжег огонь потухшего со смертью Афанасьева камина. Здесь собирались не только духовные наставники, но и лучшие представители передовой интеллигенции Ставрополя. Здесь постоянно бывали биолог Динник, краевед Прозрителев, писатель Сургучев, поэт Хетагуров, композитор Беневский, политический деятель, член ЦК партии эсеров Копильгородский...

Тогда же Иоанникий Васильевич становится настоятелем Варваринской церкви, оставшейся в дальнейшем на позициях вероучения Патриарха Московского и Всея Руси Тихона. Более того, благодаря некогда близости Петрова к покойному, всеми уважаемому Архиепископу Агафодору, своему академическому образованию, организаторским способностям и всем известным личным моральным устоям, сумел вернуть к «тихоновцам» все церковные общины с духовенством, кроме Кафедрального собора.

И вот тогда, с согласия Местоблюстителя Патриаршего Престола (временного главы Русской Православной Церкви) митрополита Сергия, Варваринская церковь в Ставрополе была переведена в положение Кафедрального собора.

С этого времени с митрополитом Сергием Варваринская церковь поддерживала тайную связь через связного-иеромонаха Никона. Это был человек с окладистой бородой (чуть ли не до пояса), в камилавке и длинной рясе. Однако в поездках он буквально преображался, одеваясь в поддевку, заворачивая бороду за ворот и превращаясь в обычного сельского нэпмана. Но все же Никон был столь заметной фигурой, что ему на смену пришел внешне неприметный сын протоиерея Макова — Вася-хромой. Затем уже связным стал ученик Петрова, которого готовили в сан священника, Миша.

За пять лет, начиная с 1922 года, митрополитом Сергием направлялись в Ставрополь шесть Епископов, которые тут же «убирались» ГПУ. Это Епископ Ставропольский и Кубанский Евсевий (Рождественский), затем — Димитрий (Добрососедов), Иннокентий (Летяев), Иринарх (Синеоков), Иннокентий (Ястребов) и Арсений (Смоленец). Так что, по существу, их функции приходилось выполнять Иоанникию Васильевичу Петрову. За свою духовную деятельность он был отмечен Митрополитом Сергием церковными наградами, в том числе палицей и митрой.

Духовная деятельность настоятеля Варваринской церкви находилась в поле зрения чекистов. Участились обыски в его квартире, затем последовали аресты в подвалы ГПУ — сначала на две недели, затем месяц, шесть месяцев, около года, и, наконец, в 1927 году высылка на три года в Нарымский край, затянувшаяся до шести, без права возвращения в родные места. После шестилетнего прозябания в таежной глуши, без всяких средств к существованию и без постоянной крыши над головой, он с трудом нашел приют в Западном Предпамирье в поселке Гарм, на Катта-Курганской метеорологической станции, не снимая сана и не срезая волос.

После состоявшегося в сентябре 1943 года Собора Епископов Православной Церкви и избрания там Патриарха Московского и Всея Руси Сергия — Ставропольскую и Кубанскую Епархию возглавил Митрополит Антоний (Романовский). До революции служивший в Российском посольстве в Константинополе, в советское время подвергшийся гонениям, прошедший сибирскую ссылку, он с открытием Ставропольской духовной семинарии послал официальное приглашение Иоанникию Васильевичу возглавить возрождающееся духовное заведение. Но приглашение пришло слишком поздно. Потеряв здоровье в Нарымском крае, Иоанникий Васильевич угасал, как одинокая свеча, в чужом и далеком крае.

Его сердце перестало биться в год Победы над гитлеровской Германией. Где-то там, в поселке Гарм, погибла и его бесценная рукопись — магистерская диссертация по истории Православной Церкви на Кавказе, над которой он работал всю жизнь...

Сегодня решением Синодальной Комиссии по канонизации святых бывший пастырь Варваринской церкви Иоанникий причислен к Великомученикам Русской Православной церкви.

Сама Варваринская церковь была разрушена варварски в наши 30-е годы. Тогда же сносились и кладбищенские памятники, к тому времени уже немногочисленные. В послевоенные годы здесь начали возводить строения строительного техникума, затем уже Дворца культуры (!!!) им. Ю.Гагарина...

...Но вновь вернемся в 30-е годы прошлого столетия, когда вместо закрытого Варваринского кладбища возникло новое. Располагалось оно в стороне от огромного пустыря, где устраивались некогда знаменитые Ставропольские ярмарки, отчего и площадь именовалась Ярмарочной (сегодня пл. Орджоникидзе). Здесь, по решению Св. Синода и по его же проекту, уже в 40-х годах на месте небольшой деревянной кладбищенской церквушки решено было возвести новую церковь во имя Успения Пресвятые Богородицы.

Деньги на строительство новой церкви, по решению Св. Синода являвшейся и приходской, жертвовал простой и купеческий люд. Первый камень храма был заложен в 1840 году. Строительные подрядчики, сначала Иван Ганиловский, а затем Яков Леонидов, клали храм божий не спеша, добротно, как бы предчувствуя, что ему, одному из немногих, посчастливится выжить в грядущих испытаниях.

Окончательно отстроенный в 1849 году, с двумя престолами — во имя Успения Просвятые Богородицы и в приделе — Вознесения Господня с прекрасным многоярусным резным иконостасом, где в свете лампад тускло мерцали позолотой многочисленные иконы, с серебряной и вызолоченной служебной утварью, он встретил прихожан и многочисленных гостей по случаю своего освящения перезвоном многопудовых колоколов, подвешанных на фронтоне здания, и пением церковного хора. После всенощного бдения, божественной литургии и освящения воды, Епископом Кавказским и Черноморским Иоанникием, сменившим на этом посту Иеремию, было устроено омовение престолов и совершен крестный ход вокруг церкви.

Шли годы, десятилетия. Успенская церковь свою духовную службу несла. Здесь крестили наших дедов и прадедов, здесь они венчались, исповедовались и причащались... Здесь отмечали религиозные праздники — Двунадесятые, Великие и Постные. Здесь провожали их в «страну вечности». Был среди них генерал-лейтенант Х. Попандуполо, друг М.Ю. Лермонтова, последний предводитель ставропольского дворянства Павел Мачканин, ученый, философ и краевед Григорий Прозрителев, архитектор Григорий Кусков...

Сквер на территории Ставропольского строительного техникума, построенного в 1944 году на месте Варваринского кладбища

Успенское кладбище Ставрополя считалось одним из самых ухоженных и богатых. Величественные надгробные памятники из полированного гранита и лабродорита, фамильные склепы, кованая решетка оград и даже обычные надгробия и кресты отличались искусством исполнения. Здесь же размещались иконы — большие и малые, где на прованском или постном масле горели лампады. Разросшаяся роща, без единого сухостоя, с выложенными камнем аллеями и тропинками, с опрятной часовенкой посредине, буквально утопала в выращенных здесь цветах людской памяти. Покой и порядок этого места охраняли не столько монашествующие сестры и кладбищенская ограда, сколько память да и весь нравственный образ жизни наших, в большинстве своем, безграмотных предков. Осквернение могил считалось грехом немыслимым, это внушалось и впитывалось согражданами с малых лет.

Сегодня здесь вместо ухоженной рощи непролазные дебри. Исковерканные ограды могил, изуродованные памятники и надгробия. Когда, на каком зигзаге истории произошло нравственное падение поднявших руку на покой предков? Наверно, с того мгновения, когда начали рушить церкви, сбрасывать колокола. Этим лишали верующих не только зова к молитве, оповещения о радости или скорби, но и призыва к совести человеческой.

«Русский человек в душе своей чужд злого чувства к другому. Вот почему он уживался с другими народами, с ними сближался и роднился, — писал в наши 20-е годы краевед и мыслитель Григорий Николаевич Прозрителев, могила которого на Успенском кладбище была стерта с лица земли и лишь в 1990 году восстановлена. Эта замечательная черта русского миросозерцания, начало сердечности, родственной близости ко всему миру: земля — матушка, кормилица, все на родной земле живущие — родные братья. При таких душевных качествах русский народ всегда оставался великим, не мог вырождаться ни физически, ни морально. И вдруг, в наши дни, когда пали преграды, давившие мысль и волю, мы слышим, что в обиходе русской речи стали ходкими слова, какие прежде были достоянием острога и каторги. Тяжелые, кровавые события, охватившие Русь, говорят за то, что слово и дело стоят в тесной связи между собой. У многих пала вера в народ, который они называют зверем. Но эти ужасные факты разрушения и убийств не свойственны душе русского народа. Это преступный элемент прошлого втянулся волной движения и, как выброшенный из прежней жизни, оказал свое озлобленное влияние на события... Но великий русский народ, уберегший свою душевную силу на протяжении тысячелетий, не может стать зверем и могильником собственной истории...»

Символично, что в час открытия памятника на могиле Прозрителева, ученого, просветителя и общественного деятеля, Почетного Гражданина Ставрополя, после более полувекового молчания, над притихшей кладбищенской рощей вновь раздались величественные басовые звуки, прерываемые перезвоном альтов и теноров... Да, настало время бить в колокола и в Успенском храме, который сегодня обрел вторую жизнь.

Успенский храм не отличается размерами. Над его сводчатыми стенами поднимается щипковая крыша с фронтом, огражденным кованой решеткой, где вновь заняли место колокола, больший из которых в 200 кг весом. В середине церковной крыши восьмигранный барабан с узкими вытянутыми окнами, обрамленными наличниками и украшенными решетками. По граням барабана — нарядные пилястры, по углам крыши — восьмигранные главки, как и купол, увенчанные крестами.

Внутреннее убранство поражает сохранившимся во всем своем великолепии иконостасом. Главный престол во имя Успения Пресвятые Богородицы и в приделе — Вознесения Господня. Среди прочих многочисленных икон, в том числе старинной работы киотов, особое место занимает икона Иверской Божией Матери. Да, та самая, что некогда украшала Троицкий собор, разрушенный в наши 30-е годы...

Казанский Кафедральный собор

Первый Казанский храм России «огненного» архитектурного стиля был воздвигнут в Москве в честь победы в войне с польскими интервентами в 1612 году. Деньги на его строительство пожертвовал прославленный воевода Дмитрий Пожарский.

В Ставрополе, как говорилось выше, хоперскими казаками была возведена деревянная шатровая церковь в честь иконы Казанской Божией Матери, забранная ими затем в станицу Карантинную. Новый Казанский храм возник не сразу...

В 1816 году в Ставрополе была ликвидирована чумная вспышка. В память этого события градское общество решило построить на Крепостной горе церковь во имя Св. Николая. Однако лишь 15 февраля 1839 года Святейший Синод разрешил постройку каменного храма, но на месте старой церкви Казанской Божией Матери. Однако горожане, купеческое и мещанское общества в новом своем приговоре от 16 ноября 1841 года положили: «...предоставить Градской Думе испросить от местного главного начальства разрешения к постройке церкви во имя Казанской Божией Матери на том месте, которое избрано под постройку храма во имя Святителя Николая, по утвержденному плану и фасаду, украсив сию церковь двумя приделами: во имя Святых Николая Чудотворца и Александра Невского, на месте же свезенной казаками церкви, где был святой престол, построить приличной архитектуры большую часовню для иконы».

Приговор был подписан известным ставропольским купцом Игнатом Волобуевым, городским головой Никитой Плотниковым, гласным Андреем Ивановым...

Окружной начальник полковник Масловский 18 ноября 1841 года в представлении Начальнику Казанской области просил удовлетворить желание общества, о чем сообщал краевед Г.Н. Прозрителев в своей публикации «Казанский Кафедральный собор». Вскоре начальник области Павел Христофорович Граббе направил приговор городского общества Архиепископу Новочеркасскому и Георгиевскому Афанасию, приложив к посланию план и фасад новой церкви, выполненный художником Дурновым. Затем уже проект этот был представлен Николаю I, сделавшему на нем резолюцию: «Согласен, но фасад переделать А. Тону или Брюллову».

11 июля 1842 года в Ставрополь от Архиепископа Афанасия пришла храмозданная грамота: «Божиею Милостию Смиренный Афанасий, Архиепископ Новочеркасский и Георгиевский.

По указу из Святейшего Правительствующего Синода и по власти данной нам от великого Архиерея Нашего Господа Иисуса Христа, благословляем мы, по прошению паствы нашей Кавказской области города Ставрополя, прихожан, соорудить в сем городе каменное здание во имя Казанской Божией Матери...»

К этому времени в духовной жизни Кавказской области произошли большие перемены. Область с Черноморией были выделены в особую Епархию и в Ставрополь 10 апреля 1843 года прибыл Епископ Иеремия. Вместо Граббе начальником области становится генерал-лейтенант Гурко. К тому времени градское общество на постройку нового храма обязывалось: собрать в течение будущих трех лет с каждого капитала купцов первой гильдии по 60 руб.,

второй гильдии по 40 руб., а третьей гильдии по 30 руб. серебром, с мещан же с каждого рубля следующих в платеж казенных податей и прочих общественных повинностей по 20 коп. серебром.

Городской голова Никита Плотников в память умершего сына пожертвовал 1000 рублей на храм и 500 рублей на часовню Успенского кладбища. Сергей Лунев, известный строительный подрядчик и благотворитель, пожертвовал 12 тысяч рублей на возведение в храме «Царских врат» с иконами — Спасителя, Божией Матери, Святителя и Чудотворца Николая, Св. Александра Невского...

В Крайархиве сохранился любопытный документ — подписной лист на строительство храма старейшего на Кавказе Тенгинского пехотного полка, где одно время служил Михаил Юрьевич Лермонтов. «По подписке офицеров Тенгинского полка, — сообщалось в нем, — от 12 марта 1844 года на устройство в гор. Ставрополе храма собрано серебром 58 рублей...»

От камер-фрейлины графини Анны Александровны Орловой-Чисменской поступило 9 тысяч рублей серебром...»

Новый командующий Кавказской линией В.О. Гурко приложил немало усилий для быстрейшего начала стройки, уполномочив для этой цели полковника Масловского. Представители созданной им комиссии в составе городского головы Плотникова, архитектора Бернштейна, почетных граждан Волобуева, Стасенкова, Пахомова и настоятеля Троицкого собора протоиерея Крастылинского 22 июня 1843 года «...отвели и освидетельствовали место между Гостиным двором и комиссариатскими зданиями, на котором предположено построить каменную церковь во имя Казанской Божией Матери».

Ставрополь. Вид на Крепостную гору и Казанский собор. Фото конца XIX века

8 июля 1843 года состоялась торжественная закладка новоустраиваемого храма. На торжества собрался чуть ли не весь город. Закладку храма освящал Епископ Кавказский и Черноморский Иеремия, также приложивший немалые усилия как для сбора средств на храм, так и его скорейшую постройку.

Созданная полковником Масловским комиссия или Строительный Комитет назначил архитектора Бернштейна, в то время строившего Присутственные места в Ставрополе, для надзора за возводимым храмом. «Таким образом, — пишет Г.Н. Прозрителев в той же работе, — первые камни здания храма, его основа, были положены под наблюдением архитектора Бернштейна...»

В ноябре следующего года Александр Бернштейн вынужден был уехать на Кавказские Минеральные Воды, передав свои функции по строительству нового собора архитектору Ткаченко. Затем уже стройка велась под наблюдением известного ставропольского зодчего Петра Славянского. Строительными подрядчиками были Игнат Волобуев, Яков Леонидов и Петр Пахомов.

Постройка храма была закончена в 1847 году, и указом Святейшего Синода от 20 августа он был переименован в Кафедральный собор. 22 октября того же года состоялось его освящение. Этому предшествовала божественная литургия в бывшем Кафедральном Троицком соборе. По окончании литургии, под торжественный звон колоколов, с пением молебна Спасителю был совершен крестный ход с иконами и хоругвями в новый храм, с перенесением туда священных принадлежностей для богослужения. После всенощного бдения и божественной литургии уже в Кафедральном соборе, освящения воды было устроено омовение престола и совершен крестный ход вокруг храма в сопровождении чуть ли не всего города...

Казанский Кафедральный собор не отличался размерами. Пятиглавый, с тяжелыми пилонами, поддерживавшими купол, с хорами, устроенными над притвором, с полом, вымощенным чугунными плитами и калориферным отоплением, с полностью вызолоченным иконостасом и многочисленными иконами, где, кстати, имелась точная копия иконы Казанской Божией Матери из Казачьей церкви, храм этот все же был неординарным. В его ризнице, помимо огромного числа серебряных и вызолоченных служебных предметов, хранился сакос Павла Тобольского, посох епископа Игнатия из слоновой кости с серебряной оправой, архиерейское обличье, привезенное епископом Иеремией из Киевско-Печерской лавры, серебряная вызолоченная двухпудовая модель собора работы известного московского фабриканта Хлебникова...

«Под всем собором, — писал краевед Г. Прозрителев, — имеется высокое подвальное помещение, хорошо освещенное с южной стороны с несколькими отделениями. Вход в этот этаж был с северной стороны, а также из самого храма».

К этому следует добавить, что в цокольном этаже храма в дальнейшем был погребен епископ Игнатий, который к 1000-летию христианства на Руси был возведен в святые. В церковной ограде храма покоился прах генерал-майора Л.И. Кусакова — современника М.Ю. Лермонтова, о котором писал Г. Филипсон в своих «Воспоминаниях...», краеведа, председателя церковного археологического общества Дмитрия Успенского, известного героя Кавказской войны Варнаховского...

В 1860 году рядом с Кафедральным храмом взметнулась колокольня, созданная по проекту архитектора П. Воскресенского, надолго ставшая визитной карточкой Ставрополя. Отношение к ней, как и к Эй-

фелевой башне в Париже, было разным. Одни восхищались, другие бранили «Царь-звонницу», высотой 46 саженей 7 аршин и 16 вершков. Чтобы подняться наверх, необходимо было преодолеть многочисленные каменные ступени такой же винтовой лестницы. В двух верхних ярусах колокольни размещались колокола. Первый, весом в 104 пуда и 23 фунта, был пожертвован купцом Сергеем Луневым. Второй, уже в 525 пудов, отлитый на заводе купца Ефимова, был пожертвован собору известным некогда меценатом духовной культуры Лавром Павловым. И, наконец, в конце уже прошлого века, к семи имеющимся колоколам был поднят «царь колокол» весом в 600 пудов. Дубовые балки, к которым он был подвешен, в 1909 году дали трещины и под руководством инженера-архитектора Г. Кускова были заменены на металлические двухтарные балки. При этом, как сообщает архивный документ, «...нижние балки обшиты войлоком и заключены в деревянный футляр, верхние также обшиты войлоком и обиты листовым железом против изменения звука».

Храм во имя Спаса Нерукотворного Образа на Николаевском проспекте (Рядская, или Лавочная, церковь). Фото начала XX века

На верхние ярусы колокольни вели деревянные лестницы, откуда открывалась неповторимая панорама окрестностей города. Глава колокольни, луковичная, покрытая железом в виде чешуйчатых чашек, украшалась железным, обтянутым медью и вызолоченным в огне крестом с оцинкованными цепями.

Кафедральный собор на протяжении всей дореволюционной истории играл огромную роль в жизни Ставрополя и всей Епархии. Здесь проходили молебны по случаю побед русского оружия в Кавказской войне, литургии по случаю знаменательных дат Русской Православной Церкви и России, приезда в город известных политических и религиозных деятелей...

Кафедральный собор славился своим церковным хором, регентом которого был ставропольский композитор, автор известной всей России песни о «Варяге» — «плещут холодные волны» — Василий Дмитриевич Беневский. Солисты хора — Федор Братцыхин, Константин Белоусов, Дмитрий Головин в дальнейшем стали премьерами Московской оперы.

К 60-м годам прошлого столетия белокаменное великолепие Кафедрального собора, возвышавшегося над всем Ставрополем, было оправлено в зеленое ожерелье Барятинского парка. Тогда же от Николаевского проспекта к собору была устроена парадная лестница с величественно вырубленной из монолита аркой, с многочисленными иконами и постоянно горящими лампадами, обсаженная пирамидальным тополем.

Вблизи собора находилась небольшая каменная часовня, в народе именуемая «Суворовской», где бережно сохранялся каменный крест некогда поставленный на месте предполагаемого Казанского храма. Здесь же при свете лампад и свечей тускло мерцали позолотой и серебром оклады икон и распятия, пожертвованные горожанами в память об этом событии и в память о Суворове, великом сыне русского народа, одном из основателей «города Креста», как с греческого переводится Ставрополь...

История Кафедрального собора в советский период печальна, как и всей Православной церкви. Закрыли его в середине 30-х годов, а затем, потихоньку, разобрали... «Царь-звонница», лишенная своих колоколов и крестов, простояла до 11 мая 1943 года. В тот день на бывшей Соборной горе раздался тяжелый взрыв, породив боль и гнев в сердцах людей.

О гибели этого величественного сооружения, равному которому не было на всем Кавказе, хочется поведать подробней. В предвоенные годы, уже лишенная всех своих регалий, звонница использовалась как вышка для парашютистов. Тогда же вместо сброшенных крестов решили установить рубиновые звезды, а на нижнем этаже здания устроить музей революции. Да-да, и не меньше... Но затея эта оказалась неосуществленной. Затем Ставрополь захватили гитлеровцы, которые при отступлении не тронули старой колокольни. А буквально через некоторое время газета «Ставропольская правда» от 8 мая 1943 года поместила неприметное объявление: «10 мая 1943 года в семь часов утра в городе, на Комсомольской горке, будут произведены взрывные работы».

Некогда шестнадцатилетний призывник Константин Скотников, а теперь пенсионер Константин Михайлович, вспоминал: «Собрали нас человек 30, таких же, как и я, в горвоенкомате. Молодой лейтенант объявил задачу — взять по ящику тола и идти к старой колокольне. Там дали по зубилу и молоток для вырубки ниш. Неделю мы рубили ниши, куда заложили тол с детонаторами и бикфордовыми шнурами. Все это замуровали, а затем... Затем рванули башню, а она даже не шелохнулась...»

Что же произошло тогда дальше. Об этом вспоминает уже Михаил Михайлович Белохвостов, в 1904 году родившийся в Ставрополе: «В октябре 1949 года я жил и работал в Георгиевске, когда меня перевели в Ставрополь. Здесь я жил в доме по ул. Советской 6. Моим соседом был Скирденко Максим Иванович, бывший начальник милиции после освобождения Ставрополя от гитлеровцев. Как-то я спрашиваю его: «До войны на кафедралке находился собор с колокольней, краса города, а после войны исчез. Как и по чьему велению?» Он и поведал мне, что вызвал его к себе М.А. Суслов и сказал: «Колокольня является хорошим ориентиром для налета на город вражеской авиации, потому ее надо убрать».

Приступил к выполнению приказа. Заложили внутрь взрывчатку, рванули, а колокольня как стояла, так и стояла... Тогда я взял из вражеских трофе-

ев две 500-килограммовые авиабомбы, заложил их внутрь и подорвал. От этого колокольня рухнула до основания...»

Корреспондент «Комсомольской правды» Олег Шаповалов в «Собеседнике» № 17 от 10 апреля 1989 года опубликовал воспоминания бывшего председателя горисполкома Г. Баркова по этому же поводу. «На вопрос Баркова к секретарю горкома партии А. Попову, «зачем нужно было взрывать колокольню?», последовал ответ: «Мы так решили вместе с Михаилом Андреевичем Сусловым».

И в заключение процитируем одно из многих писем горожан, поступивших в адрес краеведческого музея, с желанием восстановить Казанский собор с колокольней: «...В уничтожении этой жемчужины не было никакой нужды, но акт вандализма свершился. И не хочется верить, что город навсегда останется без этой «визитной карточки». Вношу предложение о восстановлении собора и колокольни за счет пожертвований населения...» В.В. Зеленский.

К югу от Казанского храма, у самого подножия Соборной горы, прямо в центре Старого Гостиного ряда, находился храм во имя Спаса Нерукотворного Образа, или Спасо-Преображенский храм. В просторечье же его именовали Рядской или Лавочной церковью, построенной в 1838 году купцом Игнатом Волобуевым на втором этаже своей лавки в Гостином ряду. Здесь находился биржевой зал и склад товаров, где и была устроена церковь, без купола, с небольшой главкой по середине здания и по его углам. В 1844 году средняя главка была заменена куполом. Нижний этаж церкви был сквозным, со ступеньками лестницы от Большой Черкасской улицы, в дальнейшем Николаевского проспекта, с величественными колоннами, поддерживавшими портик (с южной и северной стороны Гостиного ряда), с лепниной по карнизу и росписью в треугольнике над колоннами. Внутренняя отделка не отличалась помпезностью, где размещалась старинная икона Нерукотворного Спаса, подарок Иеремии, а также иконы — «Снятие со креста», «Проповедь на море», «Святителя и Николая»...

В 1912 году на имя Преосвященного Агафодора от имени известных ставропольских купцов Никиты Мокина, Александра Меснянкина и Ивана Демьянова пришло послание: «Представляя при сем копию рассмотренного и одобренного Строительным Отделением Ставропольского Губернского правления проекта на переустройство Спасской церкви в бывших торговых рядах и смету на означенное переустройство, покорнейше просим Ваше Высокопреосвященство разрешить и благословить указанную работу по переустройству храма. Необходимые на это средства будут изысканы нами». (Забегая вперед, сообщим, что на это потребовалось 46 892 рубля и 99 коп. серебром, сумма по тем временам значительная...)

Разрешение на переустройство храма было получено, и работа закипела. Две боковые лавки Гостиного ряда, с восточной и западной стороны Спасской церкви, были куплены купцом Василием Рощиным и отданы под расширяющуюся церковь. Подрядчики Рябов и Федюшин приступили к каменным работам, для чего из Пятигорска и Владикавказа было доставлено два вагона алебастра и столько же извести, десять вагонов леса из Царицына и Саренты, вагон железа из Ростова, два вагона цемента из Новороссийска... Чугунные работы выполнял завод Шмидта. Фирма Зигель устраивала паровое отопление, а фирма Демьянова принялась за изготовление иконостаса, киотов...

В самый разгар работ на имя губернатора пришло письмо из Императорской археологической комиссии временно прекратить переустройство храма, так как это архитектурный памятник, а потому необходимо сохранить его внешний облик и внутреннюю стенную живопись. Так впервые в истории города Ставрополя по инициативе старейшего краеведа, возглавлявшего Ставропольскую археологическую комиссию, Григория Николаевича Прозрителева, была предпринята попытка сохранить неповторимый первоначальный облик одного из строений города. Все напрасно, остановить работы было уже невозможно, иначе пришлось бы платить огромные неустойки. И все же частично была сохранена внутренняя роспись старой церкви, которая расширялась за счет пристройки алтаря и каменной колокольни. Было убрано перекрытие между первым и вторым этажами, и старая церковь как бы «опустилась» вниз. Вместо старого купола был устроен новый, восьмигранный барабан которого с высокими полукруглыми окнами, хотя и давал больше света внутреннему помещению, но вместе с колокольней своей тяжестью «давил» как церковь, так и весь Гостиный ряд. Вместо старой росписи в треугольнике над колоннами, разрушенной от времени, устроили лепное изображение Нерукотворного Спаса. Построили новый иконостас и расписали «житиями святых» вновь устроенные помещения.

...Судьба Спасо-Преображенского храма, или Лавочной церкви, была решена в конце 1929 года. Газета «Власть Советов» от 14 декабря того года сообщала: «Президиум Городского Совета Ставрополя, заслушав ходатайства рабочих текстильной фабрики и членов союза строителей о закрытии лавочной и архиерейской церкви и передача их под курсы ЦИТа, постановил согласиться с мнением рабочих города...»

Спаса-Преображенский храм был закрыт, а уже в середине 30-х годов разобран, и из его камня возникла швейная фабрика. Фабрику эту взорвали уже гитлеровцы, на месте которой в 50-х годах был возведен жилой дом с известным магазином «Молодожены», сегодня «Салон новобрачных».

Среди православных церквей и соборов Ставрополя особое место занимала и занимает церковь во имя Св. Апостола Андрея Первозванного. «Она выстроена за общественный счет, — писал Бентковский, — под наблюдением Преосвященного Иеремии, с той целью, чтобы основать здесь со временем архиерейский дом и мужской монастырь...»

Воробьевский район города, отличавшийся здоровым климатом и тишиной, и был местом, где в 1847 году была возведена каменная Андреевская церковь. В архивных делах за тот же год сохранилась опись имущества церкви, пожертвованные ей Крестовоздвиженской церковью, Соборной, Троицкой и Спасо-Преображенской.

«...Одежда из красного штофа с позументом, из голубого штофа, воздухи, покровы из серебряной

парчи, с бахромой и вензелями, ризы из бархата с серебряными позументами, ризы парчовые с белыми, красными и зелеными фигурами, с крестами и звездами, шитыми золотом, такие же пояса, поручи из цветной шелковой материи... Лампады, кадило, святые чаши, серебряные и позолоченные, дарохранительницы, дароносительницы, серебряные и вызолоченные паникадила, семисвечники, ставники, серебряное блюдо для благословения, венцы брачные, крест серебряный... Иконы Нерукотворного образа, Спасителя, Св. Апостола Андрея Первозванного с серебряной ризой, Скорбящей Богоматери, Николая Чудотворца в киоте, два антимиса... Св. Евангелие в бархате, Евангелие на доске с угольниками и серебряными защипками, молитвенник, псалтырь... Картины: вид Свято-Троицкой Сергиевской лавры, кончина Платона, российских митрополитов и архиепископов, Екатерины II и Николая I...»

В 1850 году Епископ Кавказский и Черноморский Иоанникий, сменивший на этом посту Иеремию, вновь поднимает вопрос об устройстве у Андреевской церкви Нового Архиерейского подворья. Губернский архитектор Григорий Ткаченко представляет в Губернскую строительную комиссию проект, «...по которому предполагается построить в гор. Ставрополе, на Воробьевской высоте, дом для Архиерейского помещения со штатом Крестового братства».

Прошли годы, но строительство не начиналось. В 1858 году Ткаченко готовит новый проект Архиерейского дома у Андреевской церкви стоимостью в 60 тыс. рублей серебром. Но проходит еще 30 лет, прежде чем в 1888 году Епископ Ставропольский и Екатеринодарский обратился в Ставропольскому губернатору с письмом: «Имею честь препроводить к рассмотрению в техническом отношении смету на постройку каменного дома с подвалами, присоединяемого к существующей Крестовой церкви во имя Св. Андрея Первозванного».

На этот раз план и смета Нового Архиерейского дома с домовой Сергиево-Германовской церковью были составлены губернским инженером Ф. Кнорре. В два этажа, каменный, украшенный по фасаду четырьмя полуколоннами и прочими украшениями, с большим залом для богословской библиотеки, апартаментами Епископа, кельями мужского монастыря Владимиро-Андреевского братства, с многочисленными цветниками двора, с примыкающими к дому столетними исполинами Архиерейского леса, дом этот был окончательно отстроен в 1889 году строительными подрядчиками Абановым и Дундукиным.

К этому же времени относится и переустройство старой Крестовой церкви во имя Св. Андрея Первозванного. Церковь, вмещавшую до 500 прихожан, которую решено было расширить до 1500 человек.

Первый проект переустройства церкви сделал архитектор Бржезицкий, затем Гут. Предстояло разобрать стены церкви, пилон и купол, оставить только одну стену, подпирающую с западной стороны Новый Архиерейский дом. Затем уже «...возвести стены на новых местах, возвести новые пилоны, увеличить их толщину и высоту, все части церкви внутри должны иметь цилиндрические своды, опирающиеся на наружные стены и на подпружные арки...»

Проект, по существу, нового храма Св. Андрея Первозванного, подготовленного инженером Гутом, претворял в жизнь архитектор Григорий Кусков.

Храм Андрея Первозванного, обошедшийся в 175 тысяч рублей серебром, был возведен в лучших традициях русского церковного зодчества. Фасад здания, как бы разделенный карнизом на три яруса, украшали полуциркулярные окна с декоративными металлическими решетками и арочными наличниками. Тамбур здания украшали вытянутые главки. Величественным был и восьмигранный барабан храма с большими полукруглыми окнами, капителями, куполом из штампованных железных пластин, увенчанным вызолоченным крестом на удлиненной луковице, который как бы парил в голубизне неба.

Внутренние своды храма опирались на 12 колонн, декорированных пилястрами с вазами и капителями. На хоры, огражденные точеными балясинами тонкого рисунка, вели узорчатые литые ступени и перила винтовой лестницы. Между приделами Св. Казанской Божией Матери и Св. Николая Чудотворца находился центральный престол во имя Св. Апостола Андрея Первозванного с дубовым, вызолоченным, в три яруса иконостасом, насчитывающим более пятидесяти икон. В росписи храма, отличавшейся одухотворенностью, по преданию, принимал участие наш соотечественник, поэт и иконописец Коста Хетагуров.

«14 декабря, — писали «Епархиальные ведомости», — совершилось торжественное освящение Епископом Агафодором новоустроенного храма во имя Св. Андрея Первозванного при Ставропольском Архиерейском Доме».

При Новом Архиерейском доме планировали еще одну церковь, связанную с созданием в Ставрополе Андреевского братства, в дальнейшем именуемого Владимирско-Андреевским. Устав Братства гласил: «В г. Ставрополе, при Андреевской церкви, утверждается православное Братство во имя первого просветителя Кавказских обителей Св. Апостола Андрея Первозванного и получает название Андреевское.

Главной целью Братства является распространение нравственно-религиозного образования через открытие церковных школ, продажа и раздача Священного писания и других назидательных книг, устройства публичных чтений и бесед религиозного содержания, преимущественно для низшего класса...»

В канун 900-летия христианства на Руси и 900-летия Крестового Русского Свята-Владимирского Братства, по инициативе Епископа Кавказского и Екатеринодарского Владимира, с южной стороны Крестового храма во имя Св. Апостола Андрея Первозванного началось возведение церкви во имя Св. Владимира в два этажа. Над ней была устроена двухэтажная звонница, многопудовые колокола для которой были отлиты на местном колокольном заводе наследников купца Ефимова.

Владимирская церковь с колокольней органически вписалась в архитектурный комплекс Нового Архиерейского подворья. Церковь эта, изуродованная в наши 30-е годы (была снесена звонница), ждет своего возрождения.

В ограде Нового Архиерейского Дома, под тенью старой кладбищенской рощи, нашли приют многие из выдающихся сограждан, среди них — военный историк и генерал Иван Диомидович Попко, национальная героиня Римма Иванова...

С дореволюционным периодом истории храма Св. Андрея Первозванного и Нового Архиерейского под-

ворья связаны многие неординарные события как в жизни города Ставрополя, так и всей России. Примером тому является «Юго-восточный русский поместный собор», проведенный здесь в мае 1919 года. К сожалению, собор этот на протяжении многих десятилетий замалчивался, а потому остановимся на нем.

В марте 1919 года, как писал А.И. Деникин в «Русской смуте», он, находясь в Екатеринодаре, «... обратился к православным иерархам, прося их созвать совещание с целью разрешить вопрос о высшем церковном управлении Юга России».

27 апреля того же года Епископ Кубанский и Екатеринодарский Иоанн провел совещание с приглашением Митрополита Херсонского Платона, Архиепископа Таврического Димитрия, князя Е.Н. Трубецкого, протоиерея, профессора А.Н. Воскресенского, графа Мусина-Пушкина, начальника военного духовенства добровольческой армии Г. Шавельского и др.

На совещании решено было собрать церковный собор для избрания высшего церковного управления на территории, занятой доброармией с решением дел, которые находились в ведении Св. Патриарха, Высшего Церковного Совета и Св. Синода. На соборе должны были присутствовать правящие и викарные Архиереи областей — Донской, Кубанской, Владикавказской, Сухумско-Черноморской, Бакинской и Ставропольской губернии. На соборе должны были присутствовать и члены Московского церковного собора 1917—1918 гг., а также Архиепископы и Епископы, оказавшиеся на территории добровольческой армии. Всего на собор с правом решающего слова приглашалось 56 лиц. Сам церковный собор решено было провести в Ставрополе в центре огромной Ставропольской и Екатеринодарской Епархии.

Храм Святого Андрея Первозванного. Фото начала XX века

Начиная с 16 мая в Ставрополь стали съезжаться делегаты и многочисленные гости церковного собора. Большая часть из них, в том числе пять Епископов, прибыли 16 числа с почтовым поездом. На вокзале их встречал Архиепископ Агафодор, генерал-губернатор Валуев, представители добровольческой армии и казачьих частей, общественность города.

В тот же день в храме Св. Андрея Первозванного началась торжественная служба. Затем была отслужена панихида у братской могилы кладбищенской рощи, где были захоронены офицеры царской армии, расстрелянные по приговору ЧК за «контрреволюционный заговор».

На следующий день в Андреевском храме была устроена литургия и торжественный молебен на открытии собора, открытие которого было предоставлено Архиепископу Агафодору.

Известный ставропольский краевед Леонид Николаевич Польский вспоминал: «На Южно-русский православный собор меня, тогда ученика 2-й мужской гимназии, водила бабушка Г.И. Стасенко. Здесь я увидел генерала Деникина, стоявшего на паперти храма и произносившего речь. Он был в серой черкеске и большой папахе. Рядом стоял Владыко Агафодор, слабый и немощный старик. С золотым наперстным крестом на Георгиевской ленте выделялся протопресвитер военного духовенства Шавельский. Здесь же были в нарядной черкеске с серебряной шашкой и кинжалом граф Граббе, известные публицисты и общественные деятели, князья Трубецкие в черных смокингах...»

В малоизвестной книге Б. Кандидова из вчерашнего «Спецхрана» — «Церковно-белогвардейский собор в Ставрополе», приводятся слова Антона Ивановича Деникина на открытии собора:

«В эти страшные дни, — сказал Деникин, — одновременно с напором большевизма, разрушающим государственность и культуру, идет планомерная борьба извне и изнутри против христовой церкви.

Храм осквернен. Рушатся устои веры. Расстроена жизнь церковная. Погасли светильники у пастырей, и во тьме бродит русская душа, опустошенная, оплеванная, охваченная смертельной тоской или тупым равнодушием. Церковь в плену. Раньше у «приказных», теперь — у большевиков. И тихий голос ее тонет в дикой свистопляске вокруг еле живого тела нашей Родины.

Необходима борьба. И я от души приветствую поместный собор юга России, поднимающий меч духовный против врага Родины и Церкви. Нужна борьба с безверием, унынием и беспримерным нравственным падением, какого, кажется, еще не было в истории русского народа. Борьба с растлителями русской души смелым пламенным словом, мудрым делом и живым примером. Укрепление любви к Родине и к ее святыням среди тех, кто в кровавых боях творит свой жертвенный подвиг.

Да благословит же Господь ваше начинание и да даст вам силу и разум исполнить свой долг перед Богом и Родиной».

На соборе был избран Временный высший церковный совет Юго-Востока России. В него вошли — протопресвитер Г.И. Шавельский, протоиерей проф. А. Рождественский, проф. П.В. Верховский, граф Мусин-Пушкин. Архиепископ Агафодор был избран его почетным председателем, и принято решение о награждении его клобуком митрополита. Но в том же мае 1919 года Владыка скончался и был похоронен под алтарем Владимирской церкви Нового Архиерейского подворья.

...Судьба Нового Архиерейского подворья с храмом Св. Андрея Первозванного и Владимирской церковью в советское время мало отличалась от

судеб других христианских центров. Была сломана звонница над Владимирской церковью, сброшены кресты, вырублена кладбищенская роща, где на костях сограждан был возведен корпус общежития Ставропольского педагогического института. Тогда же здание Нового подворья приспособили под служебное учреждение, а в храме Св. Андрея Первозванного и «обрубленной» Владимирской церкви устроили хранилище архивных бумаг.

Такая же участь постигла и двухэтажный корпус духовной консистории, расположенный напротив Нового Архиерейского подворья, переданный тому же педагогическому институту. Кстати, сам пединститут расположился в бывшей духовной семинарии (сегодня главный корпус пединститута).

Возрождение храма Св. Андрея Первозванного относится к периоду временной оккупации Ставрополя гитлеровцами. В составе германских войск на Кавказе была и 3-я румынская армия, одно из соединений которой расположилось в Ставрополе в здании бывшего Нового Архиерейского подворья. Румыны,

Софиевский храм на Софиевской площади (район Медицинской академии). Фото начала XX века

являясь приверженцами учения Христа, решили возобновить службы в храме Св. Андрея Первозванного. Из музея атеизма при Ставропольском краеведческом музее ими были доставлены в храм многие иконы, некогда украшавшие храмы и церкви Ставрополя, величественные киоты, хоругви, священные служебные предметы, обличие священников... Службы начали проводить и русские священники для всех прихожан, потянувшихся сюда из разных районов города. Как и в Возрожденную Крестовую церковь в Старом Архиерейском подворье и Успенскую, чудом сохранившимся к тому времени.

Да, время вносило свои коррективы в истерзанную «сталинщиной» духовную жизнь людей, в не менее сложный период оккупации города.

И когда горожане увидели на шинелях наших бойцов, изгонявших гитлеровцев, погоны, то это породило слухи, что наши воины вот-вот пойдут против супостатов с хоругвями и иконами, как издревле было на Святой Руси.

Слухи оказались не беспочвенны. Приближались перемены в отношении государства и церкви. В сентябре 1943 года в Москве состоялся Собор Епископов Русской Православной Церкви, созванный для избрания Патриарха Московского и Всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода.

Московский Собор осудил «обновленческое» духовенство, которое публично покаялось в своем «грехе» перед Русской Православной Церковью. Здесь же на Соборе Митрополита Сергия единогласно избрали Патриархом Московским и Всея Руси...

Продолжал возрождаться и храм Св. Андрея Первозванного, ставший резиденцией Митрополита Ставропольского и Бакинского Антония (Романовский), затем Архиепископа Михаила, Епископа Иона (здание Архиерейского дома не было возвращено церкви).

Все долгие послевоенные годы храм Св. Андрея Первозванного влачил жалкое существование, как, впрочем, и вся Русская Православная Церковь, попрежнему «отделенная от государства», но «разрешенная» властями, напоминала горящую лучину во мраке казарменного атеизма.

С 1975 года Епископом, а затем Архиепископом Ставропольским и Бакинским становится Антоний. Им, помимо миротворческой деятельности, прилагаются усилия к возрождению храма Св. Андрея Первозванного. Вместо пришедшего в полную ветхость старого иконостаса устраивается новый. Обновляются приделы и храмовая роспись. К 1000-летию Христианства на Руси восстанавливается в первоначальном виде купол храма, строится двухэтажный братский корпус, где сегодня размещается Ставропольская духовная семинария.

4 декабря 1989 года Архиепископ Антоний внезапно скончался. Сменивший его Митрополит Гедеон продолжил возрождать старый собор. Будет восстановлена звонница над Владимирской церковью, делается все возможное по возвращению храму Архиерейского дома. Ведь это один из немногих на Северном Кавказе сохранившийся храмовый комплекс, уникальный исторический и архитектурный памятник конца прошлого века...

И вновь вернемся в прошлый век. Был в Ставрополе еще один величественный храм — Софиевский. Пятиглавый белокаменный собор надолго украсил старую Воробьевскую площадь, где с давних времен находилось военное госпитальное кладбище (сегодня район медицинского института). Еще в 1854 году купец Иван Волобуев обратился к Ставропольскому гражданскому губернатору Норденстану о разрешении «...на собственный счет построить часовню на кладбище за Военным госпиталем (в строениях военного госпиталя сегодня находится военное летное училище) и каменную приличную ограду».

В одной из клировых ведомостей по Софиевской церкви указывается: «...построена в 1874 году иждивением дворянки Надежды Ивановны Кусаковой при значительных пожертвованиях от усердия прихожан. Здание каменное, двухэтажное, крыто железом, колокольни при церкви нет, а колокола утверждены на каменных столбах. Престолов в ней два — в верхнем этаже во имя Св. Мученицы Софии, и нижнем — во имя Святителя и Чудотворца Николая...»

Н.И. Кусакова была женой известного кавказского генерала, как уже говорили, похороненного в ограде Кафедрального собора. Деньги на Софиевский храм, полностью именуемый — во имя Св. Мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви, — жертвовали также воен-

ные, купцы, мещане. Сама Воробьевская площадь переименовывается в Софиевскую, с уничтожением храма в наши 30-е годы начала застраиваться сначала родильным домом, а затем частными строениями.

К западу от Софиевской площади было еще одно военное кладбище, первоначально также именовавшееся Воробьевским, вблизи которого находились еврейское и мусульманское кладбища.

В 1890 году известный ставропольский купец и общественный деятель Даниил Спиридонович Извозщиков обратился с письмом к Епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому Евгению: «Имею желание построить на свои средства на Воробьевском кладбище каменную церковь во имя Св. Даниила и представляю при сем проект этой церкви, составленный инженером Бржезицким. Прошу благословления Вашего Преосвященства и ходатайства Вашего о разрешении построить таковую церковь на могилах моих родителей, под папертью которой дозволено было бы сделать усыпальницу для себя и своих родных...»

Церковь Св. Даниилы Столпника была выстроена в 1892 году и 11 декабря, в день Св. Даниилы, освящена.

Это было каменное, одноглавое здание, с колоколами на специально устроенном чердаке. Престол был один — во имя преподобного Даниила Столпника. Иконостас резной, с позолотой, многочисленными иконами. Царские врата, алтарь... Все как в главных храмах города. Был и свой приход, отделенный от Софиевской церкви в 1894 году. Но это была и кладбищенская церковь, служители которой не только отпевали и провожали в последний путь своих сограждан, но и следили за порядком на кладбище.

...Еще одна небольшая каменная кладбищенская церковь находилась в Мамайском предместье города. Построенная в 1850 году частично на средства прихожан, «...а также старанием купца Прокопия Леденева», церковь эта не имела своей колокольни, колокола которой висели на отдельных каменных столбах под железной крышей. Престол был один — во имя Святого Великомученика и Чудотворца Георгия Победоносца.

Георгиевская церковь, расположившаяся в центре одноименного кладбища, через 16 лет после возведения дала трещину и была отремонтирована под наблюдением губернского архитектора П.Г. Воскресенского. Тогда же вокруг кладбища возвели каменный забор и была высажена кленовая роща.

Сама церковь, не отличаясь размерами, благодаря массивному восьмигранному барабану с вытянутыми зарешетчатыми окнами, высокому куполу с крестом на удлиненной луковице, а также нескольким внушительным притворам, выглядела солидно. Особенно на фоне небольших мазанок Мамайского предместья. Внутреннее убранство церкви, насчитывающее более 50 превосходно выполненных икон, хоругвий, серебряной и вызолоченной утвари, относило Георгиевскую церковь в разряд богатых храмов города. А благодаря расположенной вблизи известной Павловской даче, куда в воскресные и праздничные дни выезжало и приходило очень много горожан. Георгиевская церковь являлась и наиболее посещаемой из всех предместных храмов.

Сегодня на месте церкви Святого Великомученика и Чудотворца Георгия Победоносца едва приметный холм. И, думается, возрождение этой церкви — дело времени...

В Заташлянском районе Ставрополя имелась еще одна небольшая церковь — Евдокиевская. В приговоре жителей этого района на имя Епископа Германа за 1883 год указывалось: «19 сего января 1883 г. мы лично Вашему Преосвященству представили приговор жителей г. Ставрополя предместья речки Ташлы о желании построить церковь за Ташлой во имя Рождества Пресвятой Богородицы... Православные жители северной части г. Ставрополя, расположенные за речкой Ташлой, издавна терпят неудобства в удовлетворении своих религиозных потребностей по неимению храма в этой части города...»

Церковь стоимостью в 14151 рубль серебром по проекту архитектора Кнорре окончательно отстроена в 1897 году. Большую часть средств на строительство пожертвовал мещанин Константин Стаканцев. В каменной церкви с отдельной на столбах колоколенке имелось два престола — во имя Рождества Пресвятой Богородицы и Св. Евдокии. В народе церковь эту, следы которой сегодня полностью затерялись, именовали Евдокиевской.

Армянская церковь. Фото начала XX века

В 1888 году в Ставрополе на южном склоне речки Мутнянки был возведен Епархиальный свечный завод, снабжавший своей продукцией, прежде всего стеариновыми и восковыми свечами, все церкви Епархии.

Здесь же в 1894 году, на средства Епархиального свечного завода, строится здание из деревянных плах под церковь Преображения Господня. В начале нового века церковь эта обкладывается камнем, полностью перестраивается. В отличие от всех церквей города Преображенский храм представлял из себя большой двухэтажный каменный дом с двумя куполами, в одном из которых, более узком и вытянутом, размещались колокола. От имени церкви расположенная рядом площадь с большим винным складом и Алафузовским винокуренным заводом (сегодня спиртзавод) именовалась Преображенской.

Здание Преображенской церкви сохранилось, правда, без куполов, Сегодня здесь находится одно из отделений военного госпиталя...

Особое место среди православных храмов города занимали домовые церкви. Одна из них, во имя Богоматери Радости всех Скорбящих, в 1844 году была устроена в новом здании Военного госпиталя. «Во вновь возведенных зданиях Ставропольского военного госпиталя (сегодня район училища летчиков) предназначенная к устройству церковь приводится ныне к окончанию», — сообщал один из архивных документов. Но уже в следующем указывалось, что «...живопись иконостаса не соответствует своему назначению, а в особенности в таком заведении, каковым является госпиталь, который во всякое время посещают все знаменитые особы и Начальствующие, проезжающие через Ставрополь».

Уже военное начальство решает через строителя-подрядчика госпиталя Томамшева купить четыре главных иконы в Петербурге в Академии художеств. И наконец 24 декабря 1844 года храм был освящен Епископом Иеремией.

Прихожанки ставропольского костела. Фото начала XX века

...Домовая церковь Св. Димитрия, Чудотворца, Митрополита Ростовского занимала центральный зал Ставропольской духовной семинарии. Само здание семинарии было возведено в 1883 году на западной стороне Александровской площади. В основание фундамента по традиции была уложена чугунная доска с текстом: «Здание для помещения Ставропольской духовной семинарии заложено по инициативе Епископа Кавказского и Екатеринодарского Германа и Ставропольского губернатора фон Дена, на средства Кавказской и Екатеринодарской Епархии, по проекту архитектора Прозоровского...».

Домовая церковь Св. Дмитрия была разрушена в годы гражданской войны (сегодня здесь размещен гимнастический зал педагогического института)...

...Домовая церковь во имя Тихвинской Божией Матери при Епархиальном женском училище первоначально была устроена в 1875 году в наемном доме купца Ивана Ртищева. В 1887 году, после возведения собственного здания училища на северо-восточной стороне Софиевской площади (сегодня с/х институт), она переносится сюда и освящается Епископом Владимиром.

...В 1842 году при Ставропольской мужской гимназии была устроена домовая церковь во имя Св. Архистратига Михаила. Первоначально она находилась в снимаемом под гимназию доме интендантского чиновника Серова, затем Никиты Плотникова. В 1868 году, в связи с возведением на южной стороне Александровской площади архитектором П.Г. Воскресенским собственного здания гимназии (сегодня училище связи), здесь заново начала устраиваться и церковь Св. Михаила. Небезынтересно то, что архитектор П.Г. Воскресенский первоначально являлся учителем рисования той же мужской гимназии. И именно им писались иконы для домовой церкви «Старой гимназии».

Инспектор учебных заведений по Ставропольской губернии Я. Неверов писал по этому поводу: «В строящемся для Ставропольской гимназии здании предполагается домашняя церковь. Так как существующая ныне при гимназии в нанимаемом для нее доме Плотникова церковь сооружена трудами бывшего учителя рисования Воскресенского, потому я нахожу необходимым вновь пригласить Воскресенского принять участие в устройстве церкви в новом здании, с поручением составить проект иконостаса архитектором Воскресенским, который лично объявил мне на то полное согласие...»

С 1868 года священником вновь устроенной домовой церкви во имя Св. Михаила, а также законоучителем гимназии был выпускник Киевской духовной академии со званием кандидата богословия и должностью магистра Петр Тимофеевич Руткевич.

...Домовые церкви были устроены и при Александровской женской гимназии (сегодня ул. Советская, 1) Елизаветинская, при женской Ольгинской гимназии — Рождества Пресвятой Богородицы, при тюремном замке во имя Св. Апостолов Петра и Павла, давшей именование расположенной рядом огромной площади — Петропавловской (район рынка № 2).

В Ставрополе, помимо домовых церквей, имелись часовни: при бурсе — духовном училище, подаренном в 1847 году городу известным ставропольским купцом Иваном Ганиловским (сегодня СШ № 4). Также в образцовой школе при Ставропольском Епархиальном женском училище, возведенной в 1901 году (вошло в здание НИИ овцеводства), в образцовой школе при Духовной мужской семинарии, сегодня не сохранившейся, в Доме Беспомощных на Армянской улице и расположенном вблизи Ночлежном доме, а также в приюте братства на углу Нижнеслободской и Инвалидного переулка (юго-восточная окраина города). Часовни и часовенки имелись во всех богадельнях города, в том числе Епархиальной на Мутнянской улице (сегодня ул. Лермонтова, где до последнего времени находилась школа-общежитие для глухонемых детей), площадях города...

Особое место среди соборов и церквей Ставрополя занимал Иоанно-Мариинский женский монастырь, рассказ о котором пойдет в главе «Монастыри»...

В губернском центре имелись также церкви других вероисповеданий. Так, еще в 1810 году здесь у восточного склона Крепостной горы, рядом с небольшим родниковым озером, была заложена Армяно-Григорианская церковь. «Но выстроенная наполо-

вину, — писал краевед Бентковский, — по недостатку материальных средств, была оставлена и находилась в таком положении до 1830 года, в котором армяне, при посредстве генерала Эммануэля, вновь принялись за дело и с успехом тогда же закончили».

Рядом с деревянной церковью возникло кладбище, одно из самых богатых в городе. Когда же от ветхости обвалился один из двух куполов церкви, армянское общество решило построить здесь новую, каменную. В начале 70-х годов сюда из Армяно-Григорианского Синода поступил проект нового здания «взамен существующего деревянного, приходящего в ветхость».

Новую армянскую церковь возводил известный ставропольский архитектор Федор Константинович Прозоровский. Им, по существу, был полностью переделан проект здания. «Имею честь донести, — писал Прозоровский в Синод, — что под моим наблюдением приступлено к работам по сооружению в г. Ставрополе Армянской каменной церкви, согласно представленного мною проекта...»

Новый храм с оградой вокруг старого армянского кладбища был окончательно отстроен в 1876 году. Тогда же строителем-подрядчиком Иваном Шуваловым обкладывается камнем деревянное здание старой армянской школы, и к нему делается пристройка.

С начала нового 20-го века Армянская церковь благодаря щедрости своих меценатов, таких, как миллионера Гавриила Термикелова, Макара Попова, Ивана Алафузова и др., становится одной из самых богатых в городе. Червонное золото иконостаса и алтаря, многочисленных высокохудожественных киот, ризы, икон, серебро церковной утвари, церковное одеяние из бархата, шелка, атласа, парчи... всех цветов и оттенков, шитые золотом, синелью, серебром, яркая и сочная роспись сводов храма, обклады из листового золота богословских книг, кресты из драгоценного металла и с самоцветами... все это, после экспроприации наших 20-х годов, кануло в вечность.

Само здание церкви, пережив период оккупации Ставрополя гитлеровцами, окончательно было разрушено к началу 50-х годов. На его месте тогда же возвели здание исполкома Октябрьского района города...

В Ставрополе постоянно проживало немало поляков, в том числе сосланных сюда после польских восстаний. Ими, в начале улицы Острожной, как первоначально именовалась Воронцовская улица (сейчас Октябрьской революции), в 1843 году закладывается Римско-Католический костел. Строителем костела был известный в городе строительный подрядчик Гавриил Тамамшев.

«Производимая в Ставрополе постройка Римско-Католической церкви, — сообщает один из обнаруженных документов, — усердием небольшого числа католического общества совершенно закончена в 1845 году».

Внешне костел напоминал дом с мезонином, строгость линий которого подчеркивали устремленные в голубизну неба шпили с золочеными крестами. С восточной стороны был разбит огромный фруктовый сад, устроены аллеи и декоративные пруды. Здесь же находилось и небольшое кладбище, а также одноэтажное каменное здание польской школы.

Здание костела в конце 30-х годов было перестроено под «дом Суслова», как именовали роскошный дом с колоннами для партийной элиты...

К северо-западу от костела в 1862 году закладывается лютеранская церковь, о чем сообщает одно из ранее неизвестных архивных дел. «Часть места, занимаемого Ставропольским провиантским магазином, — говорилось в документе, — отводится под постройку Лютеранской церкви и дома пастора со службами...»

На планах г. Ставрополя середины прошлого века Провиантский магазин был отмечен на углу Госпитальной улицы и Соляного переулка, где сегодня размещается Государственный банк. Здесь же была построена небольшая лютеранская церковь, просуществовавшая, видимо, до начала наших роковых 30-х годов. Как и здание еврейской синагоги.

Здание еврейской синагоги, внешне неприметное, одноэтажное, но высокое, с верандой, располагалось на месте сегодняшнего Дворца бракосочетания. 13 апреля 1930 года Президиум Ставропольского Окружного исполнительного комитета принимает постановление: «Принимая во внимание настоятельные и неоднократные ходатайства еврейского населения, обращенные в советские организации, и учитывая постановления общих собраний граждан, Президиум СИКа «в соответствии ст. 36, 37, 39, 41 декрета ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года постановляет: синагогу гор. Ставрополя как молитвенное здание ликвидировать с обращением ее под культурно-просветительное учреждение...»

В августе 1942 года гитлеровцы, захватившие Ставрополь, буквально стерли с лица земли здание еврейской синагоги...

В 1905 году известный Ставропольский архитектор Григорий Кусков подготовил проект мусульманской мечети при мужской гимназии, которая, однако, построена не была. И лишь в 1913 году на средства небольшого мусульманского общества города в усадьбе известного общественного деятеля и предпринимателя князя Давлет Гирея Бибердова по новому проекту Кускова началось возведение мечети, своим изяществом поражавшее современников. Будто явившаяся к нам из сказок Шахерезады, она породила легенды, дошедшие и до нас. Одна из них повествует, что у старого князя была прекрасная 17-летняя дочь, внезапно, по воле аллаха, ушедшая в мир иной. На ее могиле отец и решил возвести мечеть, минарет которой устремился высоко ввысь. И на его балконе, в полнолунье, в полночь, в праздник рамазана, появляется образ прекрасной девушки в белом длинном платье...

Мечеть окончательно была отстроена в 1915 году. Однако ее внутренняя роспись с изображением птиц и зверей, текстами Корана, выполненными арабской вязью, так и осталась в чертежах Кускова. В советское время мечеть претерпела полную внутреннюю перестройку, когда был устроен второй этаж, перегородки для устраиваемых комнат... Сегодня в здании мечети расположилась выставка картин известного ставропольского художника Павла Моисеевича Гречишкина...

Текст печатается по изданию:
Беликов Г.А. Справка по истории православной церкви города Ставрополя, 1991.
Фонд Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского

<...> 4 января 1858 года епископ Игнатий прибыл в Ставрополь Кавказский к четырем часам пополудни. Архиерейского дома не было, и новоприбывший владыка остановился в приготовленной для него квартире в доме купца Стасенкова.

Существовал небольшой домишко, более похожий на хижину, который лет за четырнадцать до того подарил ставропольский купец Волобуев для временного помещения первого епископа Иеремии. К этой хижине была пристроена столь же незатейливая половина из двух небольших комнат, названных залой и гостиной. Последняя служила вместе и молельней для архиерея, так как из нее были сделаны окошечко и входная дверь в пристроенную к этой хижине небольшую каменную церковь — Крестовую. Тогда же и этот плохой домишко пришел в крайнее разрушение, так что граждане посовестились принять в него епископа. Движимые благожеланием, они наняли для него квартиру на свой счет. <...>

Другое место, в лучшей части города, именуемой Воробьевскою, весьма удобное и живописное, куплено преосвященным Иеремиею у штаба. При этом месте имеется лесная дача с плитною ломкою, пожертвованная дому городом. <...>

В период служения Епископа Игнатия на Кавказе край этот находился в переходном состоянии и, по-видимому, должен был оставаться в этом положении еще в продолжение значительного времени. Русское оружие постоянно теснило горцев в горы. По этой причине стратегические пункты переменялись, станицы линейных казаков переносились уже к самой подошве главного хребта Кавказских гор. Города быстро строились и начинали принимать цветущий характер, еще быстрее они пустели и упадали. Военное начало господствовало в крае. Направление всех прочих начал приспособлялось к успешному достижению военных целей.

Во главе разнородных управлений наиболее стояли люди военные. В городах жили, как бы в стане. В Георгиевске, особливо в Моздоке и Кизляре, с вечера и до утра невозможно было выходить на улицы невооруженным или без сопровождения людьми вооруженными, с сумерек на всю ночь ставни и ворота затворялись накрепко. Казалось, вся и все было готово при первом требовании обстоятельств сняться и перенестись на другое место. В самом Ставрополе здания выстроены были на скорую руку. Многие из них по наружности и значительности размеров довольно благолепны, но все — очень недостаточны по прочности, расположению и в хозяйственном отношении. Частные дома выстроены с целью наибольших выгод по постройке при наименьших издержках на постройку.

Весьма естественно, что такое состояние края имело значительное влияние на состояние епархии. Епископ, Консистория, семинария обитали во временных приютах, в квартирах самых неудобных. Сначала гражданское ведомство оказывало содействие ведомству епархиальному. Впоследствии оно охладело к нему, устремив все свое внимание к доставлению развития городу и обществу в европейском направлении. Граждане, приносившие охотно пожертвования в пользу Церкви, обратили свое усердие к учреждениям в духе Запада. И то надо заметить, что местное купечество в это время очень упало, потому что все почти казенные подряды и поставки перешли в руки закавказского армянского купечества.

С прибытием епископа Игнатия на Кавказ князь наместник и управляющий гражданской частью наместничества статс-секретарь Крузенштерн обратили благотворное внимание на Кавказскую кафедру. <...>

Губернский город Ставрополь, как впервые виденный епископом в 1858 году, имеет право на то, чтоб описание его в церковном отношении заняло первое место в описании посещенного епископом отдела епархии. Город недавно был казачьею станицею. Недавно в ущелиях его обитали горцы. Эти сыны дикой свободы, заметив, что водворение русских здесь прочно, а жительство для горцев в их характере и направлении неудобно и даже невозможно, удалились в горы, аул заменен станицею. Когда же климат Георгиевска оказался крайне вредным для здоровья, а местность, ныне занимаемая Ставрополем, одною из лучших на Кавказе, весьма высокою (Ставрополь возвышается на 300 саж. над уровнем моря), обилующею превосходными ключевыми водами, тогда перенесен был сюда губернский город. Казачья станица с деревянною своею церковью передвинулась за Кубань.

Холм, которым увенчивается Ставропольская возвышенность, ныне занят холодным кафедральным собором во имя Казанской Божией Матери, архитектуры Тона. Издали виден храм стоящим как бы на облаке, над всем городом. Живописен и вид на город с площадки, на которой поставлен храм. К сожалению, архиерейское служение может быть совершаемо в этом прекрасном и поместительном храме только в течение шести летних месяцев. Он холодный, и если б был теплым, то отапливать его было бы весьма трудно, потому что зимою свирепствуют здесь сильнейшие ветры, а храм выстроен из местного, весьма ноздреватого камня, не способного выдерживать ни холода, ни ветра. Зимою торжественное богослужение отправляется в теплой церкви, почти домовой, выстроенной над лавками гостиного двора и потому именуемою Рядскою, во имя Спасителя.

На большой улице, ведущей от Петербургской заставы к Тифлисской, в виду кафедрального собора находится Троицкий собор, также холодный, в котором, однако, производится богослужение и зимою, так как он имеет деревянный пол, не так высок, как Казанский, и стоит на местности несравненно низшей, менее подверженной непогодам. Троицкий собор — архитектуры неопределенной, которая сделалась еще неопределеннее от пристроек. Кафедральный и Троицкий соборы имеют каждый свой приход; кроме них, имеют приходы церковь великомученицы Варвары на юго-восточной оконечности города и церковь великомученика Георгия на юго-западной оконечности.

Крестовых архиерейских церквей имеется две, обе теплые: Крестовоздвиженская при временном приюте, где пребывает епископ, и во имя св. Андрея Первозванного на Воробьевских высотах, где предположено выстроить архиерейский дом. При этой церкви св. Андрея, стоящей на живописнейшем месте, поместились несколько иноков, состоящих в штате дома, прибывших из пустынных российских монастырей. Один из сих иноков, весьма опытный в монашеской жизни, сделан духовником женской Иоанно-Мариинской общины, к величайшему утешению и назиданию сестер. Домовых церквей имеется три: в гимназии, в женском приюте и в тюремном замке. <...>

Ставрополь — город военный, город веселый... Место, отведенное для семинарии близ Варваринской церкви, хорошо, уже имеет при себе значительного объема сад, оно находится близ временного епископского приюта и очень уединенно. <...>

Текст печатается по изданию: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. — М., 2002. — С. 213, 227—228, 246, 251, 254—255 (автор не указан).

В.В. Савельева. **Вдохновляющие просторы**

Северные и восточные ландшафты Ставрополья — это плоские бескрайние равнины, уходящие за горизонт. Многоцветье неба отражается в водах многочисленных озер, лиманов, водохранилищ. На зыби качаются пеликаны, утки, лебеди и другие водоплавающие птицы. Рыбачьи лодки оседают под тяжестью улова. По берегам шуршат тростники, отделяя ровные линии берегов от воды. А берег часто подчеркнут белой полосой выкристаллизовавшихся солей. Прибрежные террасы у озер и водохранилищ весной зеленеют травами, по ним огоньками горят тюльпаны. Летом выделяются серебристо-дымчатые пятна полыни, а осенью красно-бурые солянки и участки светло-каштановых почв. Разнообразие рельефу создают долины рек с плавнями, песчаные бугры и, в южной и восточной частях Ставропольского края, даже барханы.

Дикая природа иной раз нарушается скотопрогонами, густой тропиночной сетью опутывающими водопой. Нефтяные вышки, нефтепроводы, каналы, дороги, редкие поселки и города нарушают монотонность полупустынь.

На поливных землях выращиваются пшеница и технические культуры, на бахчах наливаются соком арбузы. Большие площади в восточной части региона заняты виноградниками. Особую ценность представляют территории заказников — Иргаклинского, Степного Бугра, Чоградского, хорошо сохранившиеся урочища — Арзгирская балка, Картофельный Яр, Херсонская гора, Знакомый Бугор, зеленые зоны городов и поселков с искусственно насаженными парками с прудами.

Ландшафты степной ландшафтной провинции характеризуются пологоволнистыми равнинами с многочисленными долинами степных рек, оползневыми буграми. Междолинные пространства сплошь распаханы, засеяны пшеницей, просом, подсолнечником, кормовыми культурами. По долинам рек и балок цепочками тянутся села и города. Множество дорог, линий электропередачb, газопроводов, прудов и каналов, лесополос — неизбежные приметы цивилизации. И только на клочках оставшихся степей, на пастбищах и в ботаническом заказнике Крутое Урочище можно увидеть буйство весеннего цветения трав, обонять неповторимые запахи. Лески по балкам, по берегам рек, сады в поселках хорошо смотрятся среди бескрайних хлебов.

Под степными ветрами колышутся посеянные культуры и травы. Сверчки, кузнечики оживляют пейзажи скрипучей музыкой, а в небе звенят жаворонки, парит коршун. Вдруг он останавливается, словно задумается, а потом стрелой несется вниз: там столбиком стоит забавный зверек — суслик. Его песня-свист обрывается неожиданно. Успел ли он шмыгнуть в норку или обмер в когтях коршуна? В бурьяне близ дороги мелькнет куропатка, и опять тишь.

Струится раскаленный воздух. Такие картины можно увидеть в заказниках Бурукшунский, Черемшино, Байрачный лес, в нетронутых человеком урочищах. Среди них Калаусская долина, Лесная поляна, пойма реки Калалы, Горки, Сладкорубленный, Останец...

Лесостепная Ставропольская возвышенность, поднятая на 450—830 метров над уровнем моря, представляет собой рельеф, расчлененный многочисленными оврагами, балками, долинами рек, оползневыми буграми, столообразными горами, круто обрывающимися к долинам, скальными обнажениями горных пород, обширными котловинами.

Склоны возвышенностей, местами и верхние ровные пространства покрыты широколиственными лесами. Встречаются дубравы, чисто кленовые, буковые или ясеневые леса.

Разнообразны кустарники в подлеске: розовые сережки бересклета, черные корзинки ягод на бузине, гирлянды шишек на вьющихся по деревьям лианах хмеля. Другая лиана — жимолость душистая (каприфоль) — чарует нежно-розовыми крупными цветами с запахом ванили. В лесу весной каждые пять дней меняются красочные виды «цветущих ковров».

Самые богатые в крае — злаково-разнотравные степи. На отдельных участках насчитывается до ста видов трав, цветущих с ранней весны до осени. Не случайно многие места объявлены здесь заказниками — Солдатская и Малая поляны на Стрижаменте, Беспутская, Бучиночная, Вишневая, Новомарьевская, Шалева поляна, урочище Бударка, озеро Вшивое, Кравцово болото, бугор Удачный, гора Вешка и Четвертая балка, Русский лес и зеленые зоны городов.

Ставропольская степь летом

Степные и лесостепные ландшафты предгорий, террасированных равнин невысоких Сычевых гор, Воровсколесских высот, обширной Янкульской котловины вплотную подходят к обладающему своей красотой Пятигорью. Отсюда открываются панорамы с глубиной перспективы в десятки километров, с видами на Главный Кавказский хребет.

Уникальна природа региона Кавказских Минеральных Вод с невысокими горами самых причудливых форм. Среднегорья Большого Кавказа вдаются в Ставропольский край Пастбищным хребтом, разделенным долинами рек на массивы Боргустан и Джинал. Расчлененные ущельями горы круто обрываются на юг. Скалы причудливой формы. В котловинах и расщелинах рождаются потоки, образующие водопады.

Лесистые склоны, субальпийские луга, множество древних памятников архитектуры, культуры, природы — все привлекает и очаровывает.

Текст печатается по изданию:
Савельева В.В. Вдохновляющие просторы // Альманах «Памятники отечества». — М., 2000. — № 48. — С. 10—14.

В.В. Савельева. **Природа города Ставрополя**

Посвящаю памяти моей незабвенной дочери Аленочки и всем моим друзьям, восторженным почитателям природы, увлеченным путешественникам и краеведам, которые помогли мне познать и полюбить дивный город Ставрополь.

В раннем детстве я мечтала о путешествиях. Мой первый тайный поход в одиночку был в пятилетнем возрасте по берегу реки Ловати в г. Холме Тверской области. До сих пор помню жуткие шорохи в зарослях ольхи, всплеск сома в омуте, журчание воды на перекатах. Сгущались сумерки, я искала место для ночлега, но меня «выловили» замерзшую, голодную. Не ругали. Отец, страстный охотник, сказал: «Подрастай скорее, будем путешествовать вместе». В школьные годы я читала журнал «Вокруг света», писала сочинения о геологах, астрономах, археологах и стала географом.

Судьба забросила меня в Ставрополь. После холодного, сырого таежного севера солнечный город покорил меня уютным расположением на горах, окруженных лесом, цветением каштанов и акаций, невиданной красотой цветов на клумбах.

В крайоно меня принял А.А. Черников и предложил организовать в Доме пионеров краеведческие кружки. Не зная города, я набрала мальчишек и девчонок и стала ходить с ними в походы по окрестным лесам, к родникам, на Сенгилеевское озеро, на Кравцово болото. Дети были моими первыми учителями краеведения. Они знали дороги и тропы, я рассказывала им о камнях, черепках, растениях. Мы вместе радовались встрече с ящерицей или ежиком, любовались закатом солнца. Многие из них, как и я, связали свою жизнь с природой и стали геологами, метеорологами, географами, биологами. Это Г. Поломарчук, И. Глушкова, мальчики Гниловские, В. Качковский, В. Веденяпин, А. Захарин, Ю. Гончаров, Н. Неботова, Л. Александрова. А те, кто избрал другие профессии, например, В. Шабанов (шофер), П. Чумаков (хирург), до сих пор встречаются мне на прогулках в окрестностях Ставрополя.

В восприятии и постижении природы много дала мне моя Аленка. Участница наших походов с двухлетнего возраста, она передавала нам свое удивление природой, связывала жизнь животных со сказками. Однажды она видела, как ранним утром в тумане заяц бежал к реке умываться с полотенцем через плечо. Она запоминала сотни названий растений, узнавала их, помогала собирать гербарии. Аленка была уверена, что мама все знает, и задавала массу вопросов: «Что это?», «А почему?». Приходилось много читать, спрашивать, осмысливать, чтобы ответить на ее вопросы. Нашими друзьями в походах сначала были одноклассники Аленки и дети соседей, затем студенты-однокурсники. Всем от меня нужны были знания, суждения, организация экскурсий.

Однако для меня, северной жительницы, в природе лесостепи было столько нового, незнакомого, что требовался знающий учитель. Таким стал Владимир Георгиевич Гниловской. Он сам пришел в Дом пионеров посмотреть, кто это водит его мальчиков в дождь, снег, грязь по окрестностям каждое воскресенье. Он начал учить меня не на лекциях, а в натуре, в природе. Подойдя к буку, он предлагал приложить ладонь к его теплой бархатистой коре. Он подолгу рассматривал какую-нибудь скалу, а потом призывал спутников сесть с ним рядом и ответить, на какого зверя похожа эта скала. Он останавливался возле каждого любопытного объекта и выдавал массу нигде не опубликованных сведений. К Владимиру Георгиевичу тянулись его друзья. И у нас сложился постоянный коллектив ученых-единомышленников, отправлявшихся в любое свободное время на природу. Н.Ф. Лабунец — ученая-энтомолог — подлинную радость черпала в очаровании местного пейзажа и не расставалась с этюдником. Ее глазами мы смотрели на красоту стелющегося тумана, на изящные паутинные сети. В.Н. Кононов — ученый-ботаник — знал «в лицо» все растения и как бы радостно здоровался, называя их. Я впитывала богатство их мыслей, поражалась тонкости наблюдений, фотографировала, вела дневники.

Много материала о природе Ставрополя я собрала, работая на кафедре физгеографии пединститута, а потом госуниверситета. Мы вместе со студентами-географами разрабатывали маршруты учебных экологических троп. Помогали учителя, в частности Л.И. Ишкова. Не остались в стороне члены кафедры. Каждый специалист посмотрел своими глазами на «классы в природе» и составил свои разработки уроков и задания для школьников, которые почти целиком вошли в книгу.

Так рождалась эта книга. Мне она представляется одним большим путешествием по нашей «малой Родине» — городу Ставрополю и его окрестностям.

Надеюсь, что читатели захотят открыть новые объекты для экскурсий, разработают учебные экологические тропы для своей школы, используя методические рекомендации и опыт уже описанных троп.

Многочисленные неоткрытые тайны природы, чистый воздух, чарующие пейзажи ждут вас в лесах, на бульварах, в парках, на степных заказниках. Счастливых вам походов и экскурсий!

Часть I. Физико-географическая характеристика территории города

Что в имени твоем...

Есть в мире город, южный город,
Частица Родины моей.
Он из полей стремится в горы
Весь в ожерелье тополей.
Он весь теплом и светом залит,
Рекой цветов чарует нас,
Твоими, Ставрополь, глазами
Глядит Россия на Кавказ.

Геннадий Фатеев

Русский город носит греческое имя — Ставрополь, что в переводе означает — город креста. До основания нашего города название Ставрополь, как указано в Кавказском календаре за 1855 г., встречалось еще в двух местах: в Кумыкском владении и в Пятигорском уезде близ Маджарских развалин.

Первым официальным документом, удостоверявшим название нашего города, был утвержденный Екатериной II 24 апреля 1777 года доклад князя Потемкина по вопросу создания Азово-Моздокской линии. Крепость № 8 была названа Ставропольской. В 1807 г. в «Словаре географическом Российского государства» Ставрополь впервые упоминается в гражданской печати.

Есть у Ставрополя «однофамильцы» — в крае, в России, в Космосе. На Волге в северной части Самарской луки был город Ставрополь, сейчас он переименован в г. Тольятти в связи с постройкой там автозавода, выпускающего «Жигули».

В 1722 году Петр I в дельте р. Сулак заложил крепость под именем Ставрополь, которая существовала до 40-х годов XVIII в. Выходцы из Ставрополей закладывали новые селения и переносили на них название — Ставропольские. Так, есть станица Ставропольская и хутор Ставропольский в Краснодарском крае. Село Ставропольское расположилось в Казахстане на берегу р. Ишим, с. Ставрополка имеется в Киргизии. В городе-побратиме Пазарджике Ставрополем назван жилищный комплекс.

В Космосе между планетами Марс и Юпитер совершает полет астероид Ставрополь, получивший № 1147. Вокруг Солнца он обращается за 1255 суток. Диаметр планеты Ставрополь 15 км, поверхность равна 706 кв. км. В арктических водах по Великому Северному морскому пути совершал свои рейсы пароход «Ставрополь». В 1945 году был построен новый пароход «Ставрополь», команда которого поддерживала связь с нашим городом.

В настоящее время город Ставрополь шефствует над пограничным сторожевым кораблем «Ставрополь» морских сил Краснознаменного Северо-Кавказского регионального управления Федеральной пограничной службы России.

Во многих городах России и за рубежом есть Ставропольские улицы.

Завиделся Ставрополь...

Ты стоишь кораблем среди моря пшеницы,
Под тобой золотистый бушует прибой,
До чего ж хороша ты, степная столица,
Город Ставрополь, город родной.

В. Пятко

Писательница Е.П. Лачинова в конце XIX века так начинает описание города. «В продолжение семи верст езды вы рассматриваете его расположение по скату горы; оно вам понравится, особливо после утомительной картины степей».

Приезжавшие в то время в Ставрополь находили его красивым. Д.В. Давыдов, посетивший город 24 августа 1826 года, назвал его «оазидой в пустынях аравийских». Декабрист А.П. Беляев в 1840 г. пишет: «Верст за шесть открылся Ставрополь. Он расположен на возвышенности и очень красив, осененный садами и рощами, которые в промежутку с белыми каменными строениями придавали ему прекрасный вид».

Преподаватель Ставропольской гимназии П.И. Хицуков концентрирует внимание на живописном расположении Ставрополя.

Надворный советник Ставропольского Губернского правления М.П. Крюков в 1852 г. рассказывал: «Раскидываясь живописно по горе и ее покатостям, Ставрополь представляет в настоящее время богатую картину и в этом отношении удовлетворяет требованиям вкуса не одного только простого наблюдателя, но даже требованиям самого разборчивого художника».

А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» восторженно пишет об облаках, «поразивших взоры тому ровно за девять лет».

М.Ю. Лермонтов рисовал пейзажи «У Волобуевой мельницы».

Географический адрес города Ставрополя

На Земном шаре из космоса и на глобусе город нужно искать в северной части восточного полушария на пересечении 45 градусов северной широты и 42 градусов восточной долготы на огромном материке Евразия на юге Восточно-Европейской равнины. Широта города обозначена в названии улицы «45 параллель», которая находится в южной части города.

На Кавказском перешейке Ставрополь находится почти посередине между Черным и Каспийским морями. Не случайно Ставрополь называют «вратами Кавказа». Через него ведут главные дороги на Кавказ. Это придает городу важное геополитическое значение.

Географическое пространство Ставрополя

В «Кавказском календаре на 1852 год» надворный советник губернского правления М.П. Крюков писал: «Ставрополь, взятый в настоящую минуту со всеми своими окрестностями, занимает довольно обширное пространство, которое представляет из себя местность, усеянную несколькими холмами и небольшими оврагами. По этим-то холмам и оврагам расположена большая часть Ставрополя, местами довольно живописного, а местами грязного и скучного. Центральная улица города, известная прежде под именем Большой и Черкасской, а теперь Николаевской, разделяет Ставрополь в административном отношении на две части: одна из них тянется к югу, а другая к северу, но указать с точностью естественные границы нашему городу не представляется возможности; у нас нет таких рек и гор, которые большей частью служат Кавказским местностям пределами, далее которых они не могут двигаться... он окружен казачьими землями».

Современные границы Ставрополя проходят на юге близ края Ставропольской горы, здесь город окаймляет южная объездная дорога, она смыкается с северной объездной дорогой. На западе земли города выклиниваются к Сенгилеевскому водохранилищу, включая наделы садоводческих товариществ, заказники, городские леса, перемежаясь с землями Шпаковского района.

Характеристика землепользования территории города

Площадь города занимает 244,8 км². С юго-запада на северо-восток территория протянулась на 30,5 км, а с юга на север на 16,5 км. Если задаться целью обойти город по границе, на это потребуется несколько дней, ибо граница протянулась на 153 км.

В составе городских земель есть так называемые земли запредельного пользования (4,998 га).

Из общей площади застроено 9745 га, под коллективными садами занято 5740 га, под огородами — 282 га. Сельхозпредприятия занимают 4854 га, промышленность, связь — 2400 га. Лесному фонду принадлежит 3389 га, водному — 4873 га. Рекреационного, природозаповедного — 214 га. Других земель — 10846 га.

По горам и долам...

Рельеф — каркас природы

Город Ставрополь разместился на Ставропольской горе, являющейся столообразным останцом Ставропольской возвышенности, занимающей обширную территорию Предкавказья на юге Восточно-Европейской равнины. На юго-западе возвышенность ограничена долиной р. Кубани, на востоке рекой Кумой, на севере — Кумо-Манычской впадиной. Глубокими эрозионными врезами она расчленена на ряд отдельных столовых гор, называемых высотами: Прикалаусские, Бешпагирские, Ставропольские. Абсолютные отметки высот в пределах города изменяются от 660 до 350 м.

Рельеф Ставропольской горы сформировался под воздействием новейших тектонических движений Ставропольского свода, находящегося в зоне Транскавказского поднятия, и эрозионных процессов.

Плоская вершина Ставропольской горы наклонена к северо-востоку и спускается ступенями от Юго-Западного района города в сторону железнодорожного вокзала. Наибольшая высота в 650 м над уровнем моря находится на юго-западной окраине города, а самые низкие точки отмечены в долинах рек в нижней части города в районе улицы Чапаевской и достигают 350 м над уровнем моря. Таким образом, перепад высот с юго-запада на северо-восток составляет более 300 метров. Центральная часть города в районе пл. Ленина имеет высоту 570 м.

Ставропольская гора круто обрывается на юг к с. Татарка, на запад — к Сенгилеевской котловине. Восточный склон Ставропольской горы ступенчатый. Северный склон пологий понижается в сторону с. Московского.

В центральных высоких частях города из окон верхних этажей высотных зданий можно наблюдать в направлении на юго-восток интересную панораму, описанную В.Г. Гниловским в «Занимательном краеведении». В центре панорамы находится гора Острая (613 м). Ее куполообразная вершина из Ставрополя похожа на «вулкан». На самом деле — это длинный узкий кряж, снижающийся к юго-востоку. За ней — массивная с плоской вершиной гора Кавказского хребта. Известно, что А.С. Пушкин, побывавший в Ставрополе дважды, каждый раз видел «на краю неба» вершины Кавказской цепи.

По ступеням Ставропольской горы

Верхняя часть Ставропольской горы — самая древняя часть рельефа и реконструируется геологом Б.Л. Годзевичем как реликтовый фрагмент дна Среднесарматского моря, поднятый, деформированный и измененный экзогенными процессами. В городе на этой поверхности размещаются жилые кварталы Юго-Западного и Северо-Западного районов (ул. Доваторцев, пр. Кулакова). Центральная часть Ставрополя, площадь Ленина, Верхний рынок, Крепостная гора располагаются также на верхнем ярусе рельефа, на позднеплиоценовой поверхности выравнивания, подстилаемой карабинским известняком-ракушечником.

Нижний рынок, цирк, железнодорожный вокзал расположены на второй (акчагыльской) поверхности выравнивания, бронированной мергелем и карабинскими известняками.

Ниже, на третьем ярусе, соответствующем апшеронской поверхности выравнивания, на мамайском нижнесарматском горизонте известняков находятся нижние части долины р. Мамайки, соответствующие по высотам с. Надежде.

Еще более низкие уровни миоцена — конкский, караганский, чокракский горизонты и майкопская серия — прослеживаются в Сенгилеевской котловине в обнажениях балки Вишневой.

Как устроена Ставропольская гора?

Гора сложена мезозойско-кайнозойскими осадочными породами, представляющими собой чехол молодой эпигерцинской Скифской плиты. Складчатый фундамент погружен на абсолютные глубины 1600—1700 м. Он сложен смятыми в складки осадочно-метаморфическими толщами, местами пронизанными телами гранитов и других магматических пород. Это остаток гор, возникших во время герцинского горообразования, а затем разрушенных в более поздние геологические периоды.

На складчатом фундаменте залегает мезозойско-кайнозойский осадочный чехол, представленный

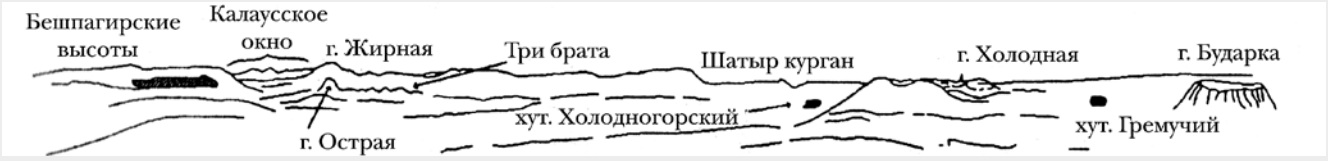


Рис. 1. Панорама окрестностей Ставрополя с Крепостной горы (по В.Г. Гниловскому)

Жирная. Правее — невысокие холмы Три брата, далее платообразные возвышенности, одна из которых называется Шатыр-Курган. За ней глубокая Янкульская котловина. Южнее в форме трапеции поднимается г. Холодная, у ее подножий можно рассмотреть белые хатки хуторов Холодногорского и Гремучего. Справа от г. Холодной гора Бударка, напоминающая перевернутую лодку-байдарку.

Левая часть панорамы от г. Острой представлена Бешпагирскими высотами, а между ними так называемое Калаусское окно, в которое иногда можно разглядеть южную самую высокую оконечность Прикалаусских высот — Голубиные горы. В хорошую погоду на юге видна пирамида г. Стрижамент (832 м), а за ней в утренние и вечерние часы появляется то синий, то ярко-белый, то розовый двуглавый Эльбрус и прилегающие к нему цепи Главного

морскими и континентальными отложениями: песками, глинами, известняками, суглинками.

Нижний ярус осадочного чехла имеет юрский, меловой и нижне- и среднепалеогеновый возраст, это карбонатные, морские и терригенные отложения. Средний ярус сформировался при постепенном отступлении и обмелении моря, состоит из морских глин, известняков, песков, мергелей. Верхний ярус представлен морскими отложениями среднего миоцена и континентальными верхненеогеновыми и четвертичными глинами, песками, суглинками.

Как видно на рис. 2, представляющем стратиграфическую колонку г. Ставрополя, в основании лежат глины майкопской серии нижнего миоцена — олигоцена. Они обнажаются в нижней части котловины Сенгилеевского озера и имеют коричнево-серый цвет, листоватые с включениями сфероси-

деритов. Мощность майкопской толщи около 600 м, но в окрестностях Ставрополя обнажается только ее верхняя часть — около 200 м. Выше располагаются толщи глин, алевролитов, мшанковых известняков, мергелей, песков и конгломератов тортонского яруса, среднего миоцена, включающего слои чокракского, караганского, конкского горизонтов. Они составляют в общей сложности около 180 м мощности. Они обнажены также в Сенгилеевской котловине.

Над ними залегает 45—55 м глин с темными прослоями мергеля и известняка, относящихся к нижнесарматскому подъярусу среднего миоцена. Выше 10 метров составляют плотные мергели, глины, известняки мамайского горизонта, относящегося к среднему сармату. Их можно увидеть в обнажениях долин среднего течения рек Мамайки, Мутнянки, Желобовки.

Затем идет 40-метровая толща глин с линзами мергеля и включениями гипса крипитомактрового горизонта. Хорошее обнажение этой толщи есть в Полковничьем яру ниже Гулиевой мельницы. Ясеновская толща глин с песками в верхней части, достигающая местами до 30 м, слагает Крепостную гору, обнажается около школ № 4 и № 12.

Венчает морские отложения ставропольская толща среднего сармата до 25 м мощности. Она представлена карабинскими известняками, бронирующими Крепостную гору, пл. Ленина, обнажается у родника Корыта. Выше — фортштадтские пески с прослоями глин, мергелей, ракушечника.

Верхний холоднородниковский горизонт Ставропольской свиты сложен известняками, песчаниками и песками. Это обнажение можно изучить над истоком Холодного родника и в песчаном карьере за городским кладбищем на 12 км.

Сверху над этими морскими отложениями во многих местах встречается осадочный комплекс континентальных отложений, представленный элювиально-делювиальными, речными и озерно-болотными отложениями. Геологом Б.Л. Годзевичем описаны белая каолиновая кора выветривания и красно-бурая кора выветривания на плакоре близ завода «Сигнал».

Речные отложения были вскрыты в Косякинском карьере и описаны В.Г. Гниловским. Они представлены песками, галькой, гравием, валунами из местных пород. Это одно из богатейших местонахождений остатков неогеновой фауны суши. Косякинский карьер был назван подземным зоологическим музеем, его экспонаты хранятся в палеонтологическом отделе Ставропольского краеведческого музея имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

Озерно-болотные отложения представлены коричнево-черными сапропелевыми глинами возле завода «Сигнал» и на северной окраине музея-заповедника «Татарское городище».

Современное развитие рельефа

Ставропольская гора в настоящее время поднимается со скоростью в среднем на 3—4 мм/год. Об этом свидетельствуют глубокие врезы оврагов и рек. Зарегистрированы землетрясения, достигавшие 5—7 баллов по 12-балльной шкале.

На рельеф действуют и внешние агенты — поверхностные и подземные воды, ветер, колебания температуры, деятельность человека.

Реки на Ставропольской горе разработали довольно широкие долины. Мелкие водотоки врезали узкие ступенчатые русла с каскадами водопадов. Склоны горы подвержены овражной эрозии и оползням, особенно в речных долинах и на склонах Сенгилеевской котловины.

По размерам и активности оползней Ставрополь один из самых неблагополучных в России. В «Экологическом паспорте г. Ставрополя» выделяется четыре оползневых района: Мамайский, Мутнянский, Ташлянский, Члинский. Оползни развиваются на склонах долин речек, наиболее интенсивно в верховьях речек. В последние годы оползневые процессы активизировались, на площади 540 га зафиксировано 213 оползней. Самое большое число оползней насчитано в Ташлянском районе — 101 оползень, общей площадью 13 км². На некоторых участках несколько оползней сливаются в единый оползневой массив.

Оползни причиняют ущерб жилым зданиям, дачным домикам на садово-огородных участках. В лесах оползни нарушают растительный покров, образуют так называемый «пьяный лес».

Наблюдается набухание грунтов на площади 3645 га, на 1075 га встречаются просадки. Эти негативные явления сказываются на городском хозяйстве. Из зоны 20 крупных действующих оползней население переселяется в новые дома в других районах.

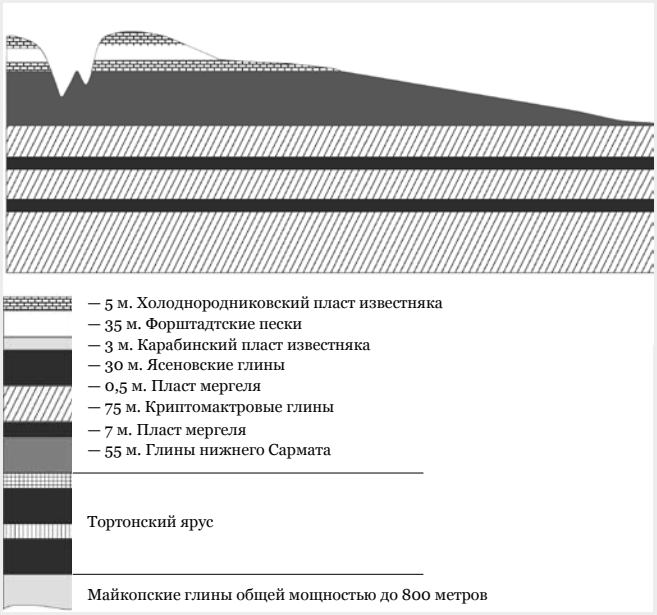


Рис. 2. Геологический разрез территории Ставрополя (по П.К. Прокопову)

Богатства недр

Главными полезными ископаемыми на Ставропольской горе являются строительные материалы. Известняк-ракушечник добывался издавна, первые каменные здания в городе сложены из этого красивого пористого теплоизоляционного камня, хорошо поддающегося обработке.

В г. Ставрополе в 1910 году был обнаружен горючий газ, который использовался для отопления пивоваренного завода, ресторана, театра, завода «Красный металлист», мельниц, бань и других предприятий. Буровые скважины в котловине Сенгилеевского озера также вскрыли газовую залежь.

В песчаных карьерах для строительства и производства стройматериалов добывают песок.

Климат

Место под солнцем

Ставрополь — южный город России. Положение на 45° северной широты — это главный фактор, определяющий климатические особенности, в первую очередь количество солнечного тепла, которое зависит от продолжительности светлого времени суток, от высоты солнца над горизонтом. По таблице 3 приложения можно определить время восхода и заката солнца и продолжительность дня. Так, самый короткий день — 22 декабря — в Ставрополе продолжается 8 часов 44 минуты, а самый длинный — 22 июня — 15 часов 37 минут. В то время как в Москве на 56° с.ш. соответственно 6 часов 57 минут и 17 часов 37 минут.

В таблице 1 приложения показана высота солнца над горизонтом на каждый час каждого дня года. В день летнего солнцестояния 22 июня она достигает в полдень 68° 30', что выше, чем в это же время на северном тропике, а в декабре 22°30', что обусловливает очень короткий период ультрафиолетового

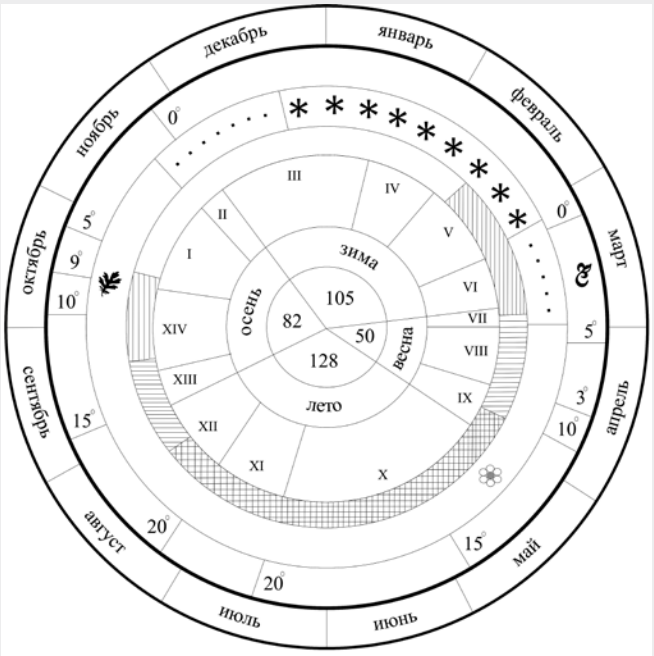


Рис. 3. Годичный цикл развития природы в г. Ставрополе

∗ снежный покров; ..... неустойчивый снежный покров; ▭ бесснежный ландшафт, переход температуры воздуха через 5, 10, 15, 20 °С; З - заморозки в воздухе; длина дня: ▦ более 14 часов, ▭ 14-12 часов, ▥ 12-10 часов, ▭ менее 10 часов; ⚹ начало листопада, ❁ зацветание сирени, ⚘ появление подснежников.
Фенологические сезоны: I - глубокая осень; II - предзимье, III, V - мягкая зима; IV - умеренно холодная зима; VI - предвесенье; VII - начало весны; VIII - оживление весны; IX - разгар весны; X - полное лето; XI - жаркое лето; XII - спад лета; XIII - первоосенье; XIV - золотая осень.

голодания. При высотах солнца от 30° до 45° еще достаточно значительна величина УФР, оказывающаяся биологически активной, а с высотой солнца ниже 30° наступает ультрафиолетовое голодание, проявляющееся в нарушении обмена фосфора и кальция, в гиповитаминозе Д, в нарушении течения других физиологических процессов в живых организмах. В Ставрополе такой период наблюдается с конца октября до начала марта.

От продолжительности солнечного сияния зависит режим освещенности, играющий значительную роль в развитии растительности, в жизни животных, имеющий большое значение. В таблице 2 приложения показано число часов солнечного сияния в разные месяцы года в Ставрополе. Число часов возможного солнечного сияния в год равняется 2187. Но в разные месяцы отношение фактического сияния к возможному составляет от 30% до 72%. Это обеспечивает большой приток солнечного тепла. Суммарная солнечная радиация за год в г. Ставрополе равняется 121,3 ккал/см², 45% солнечного тепла поступает летом, максимум приходится на июль. Весной инсоляция выше, чем осенью: 35,3 и 23,9 ккал/см². Это больше на 11,4 ккал/см².

Такую сумму радиации получает горизонтальная поверхность в Ставрополе зимой. Наибольшая сумма приходится на лето — 50,7 ккал/см². Однако на нагревание подстилающей поверхности оказывает влияние экспозиция склонов и их крутизна.

От характера подстилающей поверхности зависит величина альбедо, меняющаяся в течение года. Наибольшая величина альбедо бывает в январе-феврале, когда в Ставрополе наблюдается устойчивый снежный покров. Оно равняется 0,70, в марте и декабре при неустойчивом снежном покрове — 0,45, а в летние месяцы — 0,20.

Большая часть солнечного тепла отражается от подстилающей поверхности и излучается в космическое пространство. Эффективное излучение за год составляет 46,8 ккал/см², максимум 4,7 ккал/см² наступает в августе, когда наблюдается меньшая облачность. Поглощенная радиация за год равняется 89,7 ккал/см², и только 42,9 ккал/см² составляют радиационный баланс. Из них 25,8 ккал/см² затрачивается на испарение, а 17,1 ккал/см² идет на нагревание почвы и воздуха.

Зимой радиационный баланс в Ставрополе отрицателен (- 5,7 ккал/см²). Во все другие сезоны Ставрополь хорошо обеспечен солнечным теплом.

Такое количество солнечного тепла определяет длительный вегетационный период, который в Ставрополе составляет 160 дней — с 22 апреля до 15 октября и сумма активных температур (выше 5°) равняется 2990°, а выше 10° — 2610°. В таких условиях возможно возделывание сельскохозяйственных культур, в том числе сахарной свеклы, кукурузы, риса и винограда.

Город в воздушном океане планеты

Справедливо говорят, что Ставрополь стоит «на семи ветрах». Большую часть года господствует континентальный воздух умеренных широт. Летом с ним связана сухая, жаркая, малооблачная погода. Зимой он поступает из Сибири и Казахстана и приносит морозную, сухую, ясную погоду. С Атлантики «приходит» морской воздух умеренных широт, несущий осадки, летом — ливневые с грозами, зимой — снегопады.

Арктический воздух с Баренцева моря сопровождается холодной, пасмурной погодой, а воздух с Карского моря обычно снижает температуру, усиливает ветры. Весной он вызывает «волны холода».

Во все сезоны года возможно проникновение тропического воздуха. Континентальный тропический воздух из Средней Азии, Ирана и Малой Азии — сухой, горячий, часто запыленный. С ним связан зной и суховей летом, а осенью этот воздух обеспечивает «бабье лето» с ясной, теплой, тихой погодой.

Морской тропический воздух со Средиземного моря летом приносит душную, влажную погоду, зимой — оттепели, весной и осенью — потепления.

Капризы погоды

На границах встречающихся воздушных масс возникают атмосферные фронты, с которыми связано образование атмосферных вихрей-циклонов и антициклонов. При этом погода может меняться в течение нескольких часов: выпадают осадки, усиливается ветер, падает или поднимается атмосферное давление; наблюдаются скачки температуры. Распространено высказывание, что в Ставрополе бывает 13 погод в день.

Погода сказывается на самочувствии и ощущениях людей. Комфортные, субкомфортные, дискомфортные погоды наблюдаются во все сезоны года.

Климат и годичный цикл развития природы

Метеорологи началом сезона считают средние многолетние даты перехода среднесуточной температуры воздуха через 0° (зима), 10° (весна), 15° (лето). Эти температуры сказываются на развитии природных процессов в ландшафте, и индикаторами сезонов являются и другие показатели, например, продолжительность дня, аспекты подстилающей поверхности, тип циркуляции атмосферы. На рис. 3 приводится годичный цикл развития природы г. Ставрополя, по осредненным данным.

Утро года — весна — начинается в Ставрополе в конце марта, когда увеличивается приток солнечного тепла, начинается трансформация воздуха умеренных широт. Продолжительность дня достигает 12 часов. Средняя суточная температура воздуха переходит через +5° и начинается пробуждение живой природы. Сначала наступает «весна света». Солнечные лучи пронизывают воздух, освещая Землю уже более 10 часов. Затем наступает «весна воды», журчанием ручьев возвещающая о таянии снега, и, наконец, «зеленая весна» наряжает Землю нежным кружевом листвы и шелком трав. Длится весна 50 дней.

Летний тип атмосферной циркуляции устанавливается в мае. Усиливается северо-западный поток морского воздуха умеренных широт, который трансформируется в континентальный тропический. Арктический воздух нагревается, проходя над европейской территорией. Наибольшей повторяемостью отличается континентальный тропический воздух. Количество циклонов летом уменьшается. Длина дня достигает 14 часов. Приток солнечного тепла увеличивается. Температура воздуха превышает +15°. Лето продолжается 120 дней, из них 61 день температура воздуха превышает +20°. Абсолютный максимум достигал +37°. Фенологическим сигналом начала лета служит зацветание сирени в городе и шиповника на лесных полянах. Выделяются подсезоны: полное лето, жаркое лето, спад лета. Осадки выпадают часто в виде ливней, максимум осадков бывает в июне. Заканчивается лето во второй декаде октября.

Длина дня уменьшается с 14 до 12 часов. Осенний тип циркуляции атмосферы устанавливается в начале октября и идет «в обратном направлении» по сравнению с весной. Приток солнечной радиации уменьшается, прекращается трансформация воздушных масс, вторгаются арктические воздушные массы, увеличивается циклоническая деятельность.

Осенью средние суточные температуры воздуха устанавливаются ниже +10°. Природа готовится к зиме. В период первоосенья начинается запестрение листвы в садах и лесах. Золотая осень заканчивается листопадом. Осень длительнее весны, ее продолжительность около 80 дней.

Зима в Ставрополе умеренно-мягкая. Продолжительность дня менее 10 часов. В циркуляции атмосферы зимой наблюдаются пульсации волн холода и тепла с нередким переходом температуры воздуха через 0°, морозные погоды бывают с ветром. Распространены температурные инверсии и связанные с ними туманы, моросящие осадки, изморозь и гололед. В феврале вторгается азиатский антициклон.

Зимой средние температуры воздуха - 4,9°, абсолютный минимум - 36°. Первые морозы отмечаются уже в середине октября, последние — в конце апреля. Зимний период длится 95—110 дней. Зима капризна и неустойчива. Она начинается и заканчивается с момента перехода средней суточной температуры воздуха через 0°. Часто зимой резко изменяются погоды от + 5°до - 20°. Не все зимы одинаковы, бывают очень холодные и снежные, а бывают теплые и малоснежные.

Нужен ли ставропольцам зонтик?

Среднегодовое количество осадков (таблица 5, приложение) — 663 мм, в теплый период выпадает 471 мм, в холодный — 192 мм. Максимум приходится на июнь (192 мм), а минимум — на февраль (28 мм). Летом дожди имеют ливневый характер, сопровождаются грозами, иногда градом.

600 мм влаги испаряется. Коэффициент увлажнения = 1,1.

Снежный покров невысок — 15—20 см. Снег появляется в среднем 21 ноября, а сходит — 28 марта. Устойчивый снежный, по многолетним данным, покров держится с 17 декабря по 13 марта (таблица 6, приложение). Но случаются годы без устойчивого снежного покрова. Снег эпизодически выпадает и вскоре стаивает.

Ветры

Город славится частыми сильными ветрами со скоростью 35—40 м/с, 50 дней в году скорость ветра превышает 10 м/с. Самые «ветреные» месяцы — февраль и март. Преобладают ветры западных и восточных направлений (таблица 7, приложение).

Атмосферное давление обычно составляет 715—730 мм ртутного столба, так как Ставрополь поднят над уровнем моря на 650 метров.

«Банк данных» о климате в городе Ставрополе

На графике-спектре (рис. 4) показаны взаимосвязь и взаимообусловленность разных климатических показателей. Годовой ход температуры воздуха соответствует континентальному типу: с минимумом в январе и с максимумом в июле месяце. Амплитуда средних суточных температур воздуха составляет 25°, абсолютных температур — 75°.

272 дня температура воздуха в Ставрополе выше 0°, 222 дня выше 5°, 179 дней выше 10°, 129 дней — выше 15° и 61 день — выше 20°. И 93 дня температуры ниже 0°.

Количество осадков в первую половину года до июня включительно больше, чем испаряемость, а в июле, августе, сентябре и октябре испаряемость больше количества осадков.

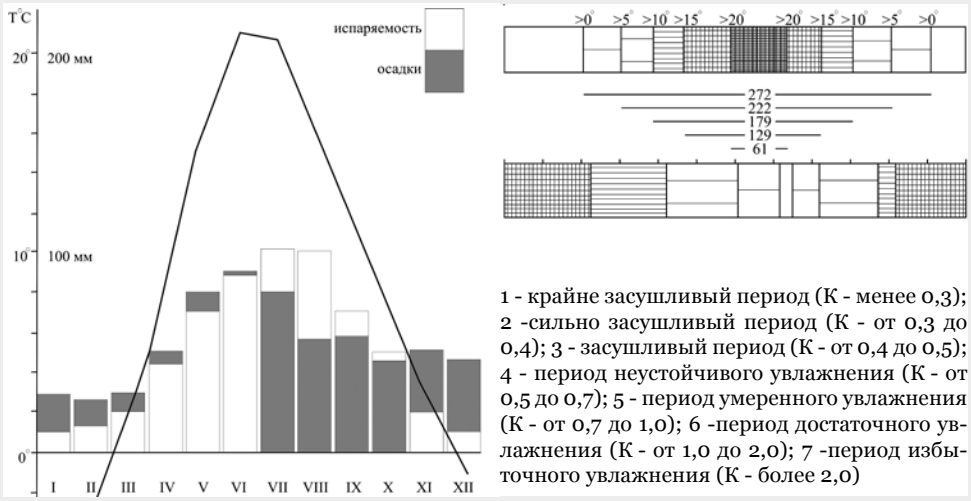


Рис. 4. График-спектр средних суточных температур воздуха (T°C), атмосферных осадков (О), испаряемости (И), климатологических границ и продолжительности сезонов года, коэффициента увлажнения (К=О:И) для города Ставрополя

1 - крайне засушливый период (К - менее 0,3); 2 -сильно засушливый период (К - от 0,3 до 0,4); 3 - засушливый период (К - от 0,4 до 0,5); 4 - период неустойчивого увлажнения (К - от 0,5 до 0,7); 5 - период умеренного увлажнения (К - от 0,7 до 1,0); 6 -период достаточного увлажнения (К - от 1,0 до 2,0); 7 -период избыточного увлажнения (К - более 2,0)

По этому графику-спектру можно определить периоды увлажнения в городе Ставрополе. Период избыточного увлажнения охватывает ноябрь, декабрь, январь, февраль, когда осадков выпадает больше, чем может испариться влаги. Коэффициент увлажнения (К) достигает 2. В марте, апреле и в октябре — достаточное увлажнение (К — от 1 до 2), в мае, июне и в сентябре — период умеренного увлажнения (К = 0,7—1,0), в июле и в конце августа — увлажнение неустойчиво (К = 0,5—0,7), в августе наблюдается засушливый период (К = 0,4—0,5). Сильно и крайне засушливого периода в Ставрополе нет.

На главном водоразделе мира

Река — одно из самых удивительных, привлекательных и необходимых людям творений природы. Почти все поселения возникали на берегах рек, реки давали воду, соединяли людей, служа путями сообщения. На реках строили мельницы, в них ловили рыбу. Неповторимая красота бегущей воды воспета в песнях, стихах, картинах.

Ставрополь возник как крепость на горе, вдали от рек. Казаки брали воду из родников под Крепостной горой. И.В. Бентковский записал свидетельство старого хоперского казака: «Там, где теперь улица Армянская, была просека через лес. По ней ходили мы по воду из крепости... Около теперешней Армянской церкви было озеро из родников, текущих с горы». Полноводные родники были в верховьях речки Желобовки. Казаки устроили там пруд для водопоя скота. Пруды были в Воронцовской роще, за Варваринской улицей. Мощные родники были на Ярмарочной площади, в районе верхней бани, в Мамайском лесу, в районе Иоанно-Мариинского монастыря, в конце Воробьевки, где родники именовались Мойкой.

С ростом города воды стало не хватать. Начали строить водоводы от родников. Отсутствие большой реки чуть было не сыграло роковую роль в судьбе города, в становлении его как административного центра.

Г.Н. Прозрителев записал такую легенду-быль: «В 1837 году Николай I решил перенести центр Предкавказья на Кубань из Ставрополя, не имевшего полноводной реки. Но, когда Государю подали стакан кристально чистой, вкусной холодной воды из ручья Карабин, она ему очень понравилась. И Ставрополь остался административным центром».

По Ставропольской горе, где размещается город Ставрополь, проходит Главный Водораздел мира — между бассейнами Атлантического океана и внутреннего бессточного бассейна Каспийского моря. В пределах города из родников начинаются голубые ручейки, которые сливаются в малые реки (рис. 5).

На запад в Егорлык сбегают речки: Татарка, Вишневая, Липовая, Гремучка, Бучинка, Вербовая. На восток к Калаусу устремляются: Третья речка; Чла; Ташла; Мутнянка; Мамайка; Желобовка; ручей Волчий. За пределами Ставрополя они образуют реку Члу.

Все речки питаются дождевыми, талыми (снеговыми) и грунтовыми водами. В феврале и апреле от таяния снега во всех речках наблюдается весеннее половодье, когда проходит 40% годового стока. Летом и осенью ливни дают паводки, которые проносят еще 40% стока. И только 20% стока остается на зиму.

В Ставропольском архиве сохранился документ о паводке на р. Ташла в июле 1868 года. «Во время разлива в дождь в реке утонула Евдокия Скоморохова 65 лет и внук ее Илларион, 5 лет».

Состав воды в родниках Ставропольской горы гидро-карбонатный кальциевый, реже — сульфатно-гидрокарбонатный натриево-кальциевый, минерализация воды изменяется — от 0,57 до 2,33 г/л. В малые реки города попадают ливневые, бытовые, сельскохозяйственные стоки, загрязняющие воду, увеличивающие русловые эрозионные процессы.

Самый крупный водоток города — р. Ташла (таш — камень, в переводе — речка, бегущая по камням). Она начинается в Таманском лесу, ее исток — Холодный родник, имеющий расход 20 л/с и постоянную температуру воды 10°С. В р. Ташлу впадает множество притоков: слева ее притоками являются 6 ручейков, бегущих от родников в районе ул. Васильева в северо-западной части города, среди них самый мощный — Михайловский. Справа с ул. Пржевальского сбрасываются условно чистые ливневые воды, мелкие притоки стекают по Чертову яру (с улицы Овражной), от Ртищевой дачи, по оврагу Заводскому (пер. Прикумский). По городу р. Ташла пробегает 14,7 км. Ее долина утопает в зелени: в верховьях — лес; в средней части — Ртищева и Бибертова дачи; по склонам — частные сады. Есть историческая справка, что в середине XIX в. в реке Ташле купались дети, ловили рыбу и раков. Вода была прозрачной и чистой, люди поливали ею сады и огороды. Зимой, когда река замерзала, дети катались на коньках, лыжах и санках. Река была намного полноводней, на ней делали пруды, строили водные мельницы, отдыхали на берегу реки.

У М.Ю. Лермонтова есть рисунки «Волобуева водяная мельница на р. Ташла», и «После прогулки на Волобуеву мельницу». Широко известны Сипягин (Пионерский) и, самый большой, Комсомольский пруды, являющиеся местом отдыха жителей города. Воду в них периодически заменяют, контролируют ее качество. В 2000 году на Пионерском пруду сооружен аквапарк.

Левый приток р. Ташлы Третья речка начинается в северо-западной промзоне города, имеет длину 10,6 км. Вода в ней сильно загрязнена стоками птицефабрики и городского кладбища.

Вторая по длине в Ставрополе речка Мамайка (12,5 км) берет начало от родников в Мамайской лесной даче. Ее левые притоки: ручей от родника Корыта и ручей Карабин прославились вкусной, холодной и чистой водой, долгое время поившей город. В настоящее время он дает влагу дачным участкам горожан.

В Мамайском лесу из нескольких родников образуется ручей Волчий, в пределах города его длина составляет 5,8 км.

Река Чла берет начало от ручья Октябрьского в районе онкологического центра (длина 8,6 км), течет по Члинскому лесу, загрязнена отходами и химикатами кожевенного завода.

Река Мутнянка (9,1 км) начинается от ныне засыпанного родника Аульчик, в районе Верхнего рынка. В нее впадают ручьи Желобовка и Лягушинка. Берега реки и ее притоков захламлены мусором, в нее сбрасываются ливневые воды, промстоки Биофабрики, НПО «Аллерген», инфекционной больницы, жилого массива. В районе Биофабрики вода в реке мутно-розового цвета, покрыта жирной пленкой, имеет мертвый вид. Химики определяют в воде нитраты, фосфаты, цинк, кобальт, свинец, медь, марганец. В черте города Желобовка и Мутнянка скрыты в коллекторы.

Речки западного склона текут в р. Егорлык и в Сенгилеевское озеро. Они образуются от слияния многих ручьев, начинающихся от родников. Это речки: Вербовая, Татарка, Липовая, Медведка, Вишневая, Гремучка, Бучинка, Грушевая, ручей Безымянный. Все эти речки собирают воду с территории северо-западной промзоны г. Ставрополя, загрязнены и практически не используются населением. Однако эти воды попадают в Сенгилеевское водохранилище. Цинк, медь, марганец, кобальт, никель, магний, аммоний, сульфаты, хлориды и натрий попадают в водопровод с превышением ПДК в 2—40 раз.

На землях г. Ставрополя в 15 км от центра города находится Сенгилеевское озеро, превращенное в водохранилище. Оно занимает глубокую тектоническую котловину, сверху по форме напоминает Каспийское море в зеркальном отражении. Восточный берег его расчленен мысами.

Самый большой полуостров, Шпиль, делит озеро на две неравные части. К северу от него находится мыс Вишневый, к югу — Рыбачий. Между Шпилем и Рыбачьим полуостровами находится Ставропольский залив, а к северу от Шпиля побережье называют «Камни». Западный берег озера мало изрезан, в него спускаются с горы Сенгилеевской овраги, называемые местным населением лога. Дно озера находится на абсолютной высоте около 200 м, окружающие его горы и возвышенности достигают на Ставропольской горе 622 м у Волчьих ворот. На западе Сенгилеевская гора имеет высоту 400 м, на севере высокий уступ древней долины р. Татарки поднимается над озером более чем на 100 м, на юге котловину занимает гора Астраханка.

По обнажениям восточного склона котловины можно прочесть историю 7 неогеновых морей и найти много интересных геологических и палеонтологических экспонатов.

Подземные артерии Земли

Многочисленные родники прежде были главными источниками водоснабжения города. Их воды — гидрокарбонатно-кальциевые, реже — сульфатно-гидрокарбонатные или натриево-кальциевые с повышенной жесткостью и минерализацией от 0,4 до 0,9 г/л.

В конце XIX века самым известным был родник Кипучий, названный так из-за обилия воды. Он находился у Скомороховых хуторов на окраине Члинского леса. Здесь в начале Черкасского тракта уезжавшие из города прощались с провожавшими, поэтому родник называли еще Расставанием. Богатая чистая вода стала одной из причин основания здесь Иоанно-Мариинского женского монастыря. Источник назвали Свято-Иеремеевским. Игуменья Архилая после 1896 г. устроила его каптаж. Это было оригинальное сооружение из камня-ракушечника в виде круглого глубокого бассейна с арочным гротом, откуда по каменному желобу бежала родниковая вода и куда вели крутые ступени каменной лестницы. Источник питал маленький пруд с карасями и лебедями. Вблизи монастыря был еще один родник, называемый Монастырской Криницей. Над ним была устроена часовенка из песчаника.

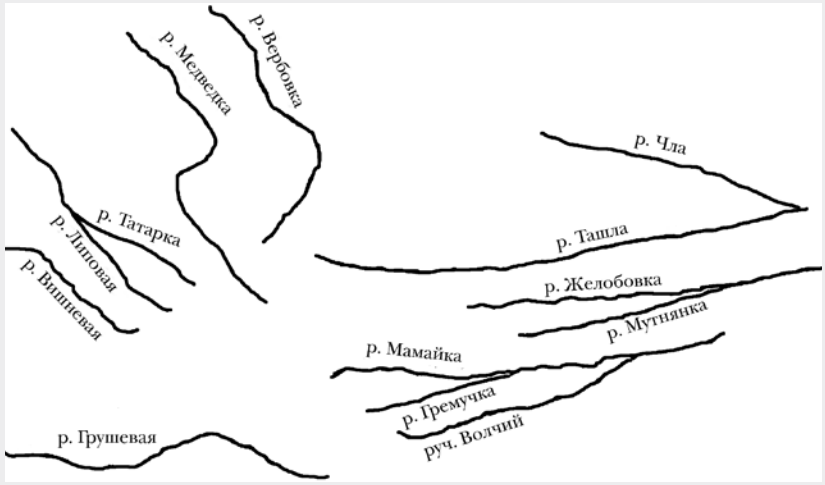


Рис. 5. Гидрографическая сеть Ставрополя

В 1912—1913 г. от монастырских родников был построен Заташлянский водопровод, снабжавший водой нижнюю часть города.

В советские годы источник засыпали и только недавно, в 90-е годы, его вновь расчистили, построили каптаж в виде амфитеатра из камня-ракушечника, освятили в честь святого Серафима Саровского. Выше источника сделана площадка, выложенная ракушечником, к ней можно спуститься по крутой лестнице с улицы Лесной. На площадке установлен крест, отлитый рабочими завода «Красный металлист». По воскресным дням здесь проводятся богослужения.

Мощный родник в южных окрестностях Ставрополя находится в Татарском лесу. Сначала настоятель Татарской Казанской церкви отслужил над родником молебен, а затем была возведена часовня и вода была признана чудотворной. Источник стали называть Святым, над ним был устроен каменный грот, из которого вода по гончарной трубе попадала в часовню, а оттуда — в выложенный камнем бас-

сейн. Ниже бассейна были оборудованы каменные купели, где больные лечились. В церковные праздники у Святого колодца собирались тысячи прихожан, служились молебны. В советские годы, в период гонения на церковь, сюда все-таки приходили люди. В настоящее время шефство над источником взяли казаки. Восстановлена дверь, закрывающая вход в грот, над нею установлена икона Казанской Божьей Матери. В дни освящения воды сюда приходят священнослужители и верующие, чтобы набрать воды.

В настоящее время действуют и частично используются жителями для полива и отдыха родники: Холодный, Михайловский, Карабинский, Корыта.

От озер к болотам

Территория города бедна естественными озерами, но 2 уникальных, объявленных памятниками природы, есть. Это в окрестностях города небольшие бессточные реликтовые озера, превращающиеся в болота: Кравцово, находящееся в 15 км на северо-западной окраине города, и Вшивое, на северо-востоке в 6 км от города. На юго-западной окраине города было озеро Лиман, ставшее сейчас мокрым лугом.

Рукотворные водоемы — пруды и колодцы

В городе было устроено около ста прудов. Часть их, питавшаяся водой родников, была проточными и чистыми, в других мочили кожи, вода была застойна и зловонна. Лучшие пруды были на реке Ташле, в частности, Сипягин пруд. Известны пруды на Павловой даче, устроенные для разведения декоративных рыбок и для отдыха горожан.

Самый большой пруд — Комсомольский, имеющий площадь 10,5 га, сегодня служит главным местом отдыха. В дачных массивах устраиваются небольшие пруды для полива огородов и садов.

В 1881 году в Ставрополе насчитывалось 1100 колодцев в возвышенной части города, где была хорошая питьевая вода, и 700 колодцев в нижних частях с минерализованной водой. И по сей день на территории города существует сеть стационарных гидрогеологических скважин и свыше 250 действующих грунтовых колодцев. В западной промзоне грунтовые воды наиболее загрязнены (никель, медь, цинк, кадмий, свинец).

Царь почв — русский чернозем

Город Ставрополь построен на самых плодородных почвах — предкавказских черноземах, являющихся эталоном плодородия почв на Земле. Эти почвы формировались с конца неогена, более 2 миллионов лет. По новой классификации почв они называются миграционно-сегрегационными. Наиболее древние и мощные (до 1,5—2 м) почвы покрывают плоскую вершинную часть горы. Они содержат от 6 до 10 % гумуса. В основном территории с этими почвами застроены. На склонах мощность почв снижается до 0,4—0,6 м, уменьшается содержание гумуса до 4—5 %. В местах распространения морских глин черноземы переходят в солонцеватые разновидности, а на участках водной эрозии и оползнеобразования — в смытые, недоразвитые почвы. Под лесами развились серые и бурые лесные почвы с небольшой мощностью горизонтов до 50 см и содержанием гумуса до 5%.

На юго-западной окраине Ставрополя сохранилось единственное место, где под девственной степью уцелел уникальный северо-кавказский чернозем. Это территория бывшего аэродрома ДОСААФ. Здесь организован почвенный заказник «Ставропольский чернозем», где можно показать детям, учащимся, студентам, просто любителям природы почти неизмененную степь на северо-кавказском черноземе. Эта территория, как единственное место на Земле, является общенародным достоянием, сохранить его важно, как музейный экспонат в природе, для показа потомкам. Здесь сохранился богатейший научный материал для прочтения палеогеографической обстановки на Северном Кавказе. Почвы очень медленно формируются, поэтому они отражают весь комплекс природных условий на протяжении длительного периода, они являются своеобразной «памятью ландшафта», в них «записаны» все давно происходившие события в природе. В почве хранятся семена растений, их пыльца и споры, о недавнем прошлом «рассказывают» глубоко прячущиеся в почве корневища и луковицы растений.

Таманский лес на ровной поверхности Ставропольской горы, близ краевой больницы, искусственно посажен на бывших степных полянах. Это видно по ровным рядам ясеней. Так вот, весной, пока деревья еще не оделись листвой и не затенили почву, на свет появляются светло-сиреневые полосатые крокусы. Это первые степные подснежники, их луковички несколько десятилетий сохраняются в почве и каждую весну «выдают нам информацию» о некогда существовавшей здесь степи. А когда лес покрывается листвой, проклевываются типичные леснички — голубые пролески, сиреневые зубянки, желтые хохлатки, пришедшие сюда вместе с деревьями. И грибы лесные появляются, вытеснив степные шампиньоны.

Естественные почвы в городе сохранились только под лесами и на небольших целинных участках степей. В лесах развиты серые лесные, частично оподзоленные почвы. На отдельных участках над бывшими буковыми лесами сохранились лесные буро-серые и бурые почвы.

Большая часть города построена на выщелоченных среднегумусовых черноземах, сохранившихся в садах и огородах. В селитебной и промышленной зонах почвы газонов изменены деятельностью людей. В них нет естественного строения почвенных горизонтов, это скорее насыпной грунт, где гумусовый горизонт, привезенный из разных мест, перемешан с мусором.

Почвы города загрязнены тяжелыми металлами, фосфатами, нефтепродуктами и т.д. Они являются источниками загрязнения воздуха. Как показывает «Экологический паспорт г. Ставрополя», особенно загрязнены почвы в районе птицефабрики, АО «Люминофор», в районе старой свалки и железнодорожного вокзала.

Температуры и влажность почв меняются по сезонам года. В зимне-весеннее время влажность почв достигает 60 %, летом — 10—20 %. Наиболее влажны серые и бурые лесные почвы, черноземы — самые сухие и летом наиболее теплые, что важно для экскурсий, походов, отдыха.

Зеленый пояс и легкие города

О, город Ставрополь!
Красив ты в ожерелье изумрудов,
Кокетливых березок, стройных елей
и плакучих ив.
Твои газоны, цветники и клумбы просто чудо!
Красив ты, Ставрополь, красив!

Светлана Рябкова

Сколько леса в Ставрополе?

Когда подъезжаешь к городу с юга, кажется, что на голове горы надета лохматая зеленая папаха. Широколиственные леса обступают город с запада, севера и юга. Это Русский (7154 га), Татарский (2300 га), Мамайский (1125 га), Грушевский (920 га), в черте города сохранились Таманский (497 га), Круглый (246 га) и Члинский (199 га) лесные массивы. Всего 12441 га.

Кроме того, в городе есть парки, бульвары, лесные дачи, скверы. В общей сложности площадь зеленых насаждений, которую жители города могут использовать для отдыха и которая обеспечивает горожан кислородом, составляет более 160 км². По данным Горзеленстроя, внутри города — 3,2 тыс. га естественного леса, 9,5 тыс. га — лесопарка, 0,7 тыс. га — лесозащитных полос. Центральный парк (на базе Круглого леса) занимает 150 га, парк Воронцовский — 9,5 га, сад-парк на Крепостной горе — 11 га, Бибердова и Ртищева дачи вместе составляют 27,5 га, Павлова дача — 20 га, Успенское кладбище — 14 га, парк около Комсомольского озера — 60 га. Всего парки и сады в городе занимают 292 га, скверы и сады — 292 га, скверы — 61,5 га, бульвары и насаждения вдоль улиц — 30 га, питомник «Декоративные культуры» — 296,3 га, 250 га — другие питомники, коллективные сады в городе — 3250 га. Эти площади превышают нормы на одного человека, установленные архитектурными правилами.

Роль леса в жизни человека

Известно, что лес снабжает нас кислородом, жизненно необходимым для существования человека и животных. В атмосфере становится все больше углекислого газа. В результате деятельности человека он выделяется из труб заводов, тепловых электростанций, отопительных систем. Ученые говорят о «парниковом эффекте», который грозит человечеству катастрофами. Только лес, зеленые покровы лугов и степей могут предотвратить эту опасность. Один гектар леса за год поглощает от 5 до 7 тонн углекислого газа, лес поглощает и пыль, очищая атмосферу. Под сенью леса создаются комфортные микроклиматические условия даже в жаркие летние дни. Кроме того, растения выделяют фитонциды — вещества, убивающие болезнетворные бактерии, поэтому в лесу всегда здоровая среда. Деревья придают особую живописность пейзажам.

Горожан в лес влекут грибы. Их собирают в течение всего теплого периода года. Сезон открывают сумчатые грибы — строчки, сморчки, сморчковые шапочки. Они появляются на выгревах по опушкам лесов в конце апреля, начале мая. Красивее всех сморчковая шапочка: на высокой белой ножке кокетливо одет коричневый сборчатый колпачок. К числу ранних грибов относятся майки, их белая шляпка похожа на разрезанное поперек куриное яйцо. В мае и начале июня появляются подсливники. Их надо искать под кустами боярышника или у корней плодовых деревьев в тени. Серовато-бурая кепка гриба с кнопкой посредине одета на прямую ножку такого же цвета.

В начале лета на степных унавоженных полянах плодоносят шампиньоны обыкновенные, а лесные появляются только в июле. Начиная с июля на полянах в густой траве на опушках леса растут опята луговые. Они образуют так называемые «ведьмины кольца», диаметр которых может достигать десятков метров.

В середине лета большими рядами или кольцами вырастают рядовки со шляпками самого разного цвета. Наибольшей популярностью пользуется рядовка фиолетовая, или «синий корень».

Самый распространенный гриб в наших лесах — сыроежка. Поражает разнообразие цветовых оттенков шляпок сыроежек: розовые, желтые, оранжевые, серые, сиреневые, зеленые, синеватые и другие.

После дождей на полянах и тропах появляются белые шарики. Это грибы-дождевики. Они иногда достигают 2—3 кг веса. К летним пластинчатым грибам относятся свинушки. Они действительно по форме напоминают свиные уши.

Пик грибного сезона наступает, когда колосятся зерновые культуры на полях. Это время трубчатых грибов. Среди них царь грибов — белый гриб. В Русском лесу шляпки белых грибов достигают 30 см в диаметре. Летом и осенью многочисленны моховики. Есть дубовики, подберезовики и подосиновики, хотя нет в естественных лесах окрестности Ставрополя ни берез, ни осин. В августе много млечников — грибов для соленья. Это серушки, краснушки, гладыши.

Осенью до самых морозов грибников радуют опята, растущие на старых пнях, на вырубках, в траве.

Помимо съедобных в лесу много ядовитых грибов. Опаснее всех бледная поганка. Ядовиты и мухоморы.

Как устроены наши леса

Лес — это очень сложная система, в состав которой входят деревья, кустарники, травы, почвы, животные, вода и воздух.

Естественные леса города Ставрополя — широколиственные. В них растут могучие дубы, тенистые грабы, благородные буки с гладкими серыми стволами, словно одетыми в замшу, разлапистые клены, ясени с перистыми листьями. Реже встречаются липы и предки наших садовых деревьев — дикие яблони, груши, алыча, черешня. Тополя и ивы занимают места возле водных источников. Подлесок состоит из бузины, кизила, боярышника, свидины, калины, бересклета, жимолости, крушины, волчьего лыка, рябины-гордовины, лещины, а на опушках леса обычен терн.

Нижний ярус леса составляют травы, сменяющие цветовые аспекты начиная с ранней весны до поздней осени.

Весна света

Каждый сезон в лесу имеет свою прелесть. Особенно хороши леса ранней весной, когда еще не оделись листвой деревья и кустарники, а солнечные лучи греют землю. Из-под побуревшей за зиму прошлогодней опавшей листвы появляются острые зеленые листочки и нежные хрупкие белые поникшие головки подснежников кавказских. Они словно

сделаны из тончайшего фарфора и стойко качаются под холодным ветром. Одновременно в балках цветет скромная лилия ставропольских лесов — кандык, или собачий зуб. Кремовые с розовыми кончиками лепестков цветы кандыка, как звездочки, горят на еще сером фоне земли.

В начале апреля расстилает на лесных лужайках голубые ковры пролеска сибирская, которую в Ставрополе тоже называют подснежником. Притушены, мягки краски в лесу, когда цветут хохлатки. Их у нас два вида: светло-желтая — Маршалла и сиреневая — кавказская. Цветки хохлатки так изящны и хрупки, что невольно боишься к ним прикоснуться. На смену хохлаткам приходит сиреневая зубянка, а затем, вскоре, изящные дуги с белыми цветами выбрасывает птицемлечник дугообразный, расцветает ночная фиалка, которую попросту называют лесной сиренью. Ранней весной нежнейший, приятный аромат наполняет воздух — его источают яркие сиреневые фиалки. Рядом с фиалками возвышается золотисто-желтая ветреница лютичная, а скромная бледно-голубая ветреница дубравная привлекает своей нежностью, беззащитностью тонких лепестков. А вот сочные темно-зеленые продолговатые листья, покрытые щетинками. Дотроньтесь до них, почувствуйте бархатистость. Растение называют медуница мягкая. Цветки-колокольчики разного цвета на одном стебле: верхние — розовые, чтобы привлечь насекомых для опыления, а уже опыленные седеют, синеют. В них насекомые уже не заглядывают, там созревает плод. Трогательна живая бирюза вероники. Высокой кистью поднимается колокольчик с фиолетовыми цветками. Высовывает «птичью головку» аистник-журавельник, или герань Роберта. А рядом — пурпурные сполохи лесной герани.

Зеленая весна и лето

Оделись густой зеленой листвой деревья и резным изумрудным кружевом — кустарники. В лесу поселились зеленые тени. Яркие солнцелюбивые травы отцвели, стали господствовать белые, к тому же резко пахнущие. Их хорошо видят и посещают опылители-насекомые. Больше всего купены лекарственной. Повисшие парами под гладкими листочками белые колокольчики скоро отцветут и дадут крупные сизые ягодки. Королем белых цветов можно назвать ландыш майский. Два глянцевых овальных листа, как в ладонях, держат зеленый стебелек с нанизанными на нем благоухающими жемчужинами-колокольчиками.

В эту пору среди белых цветов распространен чесночник, названный так за резкий запах чеснока, если до него дотронуться. Весной и летом много зонтичных: тмин, морковник, дягиль (трава-великан), сныть.

Осенний лес

Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса.

А.С. Пушкин

Особое очарование имеют ставропольские леса осенью. Чуть похолодает, начинается запестрение листвы. В зеленых кронах вспыхивают багряные пятна краснеющих листьев бересклета, свидины. В золото наряжаются клены, их желтые листья светятся в косых лучах солнца. Буреют буки, краснеют ясени, оттенки всех красок расписывают осенний лес.

Внутри леса опять, как ранней весной, становится светло. Свет льется в поредевших кронах, его как будто излучают желтые листья. Тропинки устланы опавшими листьями и тоже светятся разноцветными красками. Цветная палитра и «нежнейший зной» бабьего лета всегда привлекает людей в лес.

Но и травы еще цветут. Весной и летом вы не заметили бы нежно пахнущие анютины глазки, рдеющий на опушке чертополох и вечнозеленый папоротник-листовик. Его называют сколопендровый, так как на нижней стороне листа спорангии располагаются линейными полосками, словно ножки у сколопендры.

Зимний лес

Чародейкою зимою
Околдован лес стоит.

Ф.И. Тютчев

В снежные дни зимой лес сказочен от обилия причудливых фигур, вылепленных снегом на стволах, ветвях деревьев и на пнях. Легкие арки наклонившихся над тропами стволов контрастно подчеркиваются снежной каймой. Свежесть, белизна, какую может источать только снег, поселяются в лесу.

Ни с чем не сравним лес зимой. Деревья неузнаваемо преображаются, сбросив листву. Белизна снега подчеркивает темную кору искусно изогнутых стволов и ветвей. На слегка подсиненных сугробах причудливо переплетаются тени.

А как сверкают полянки на солнце! Снежинки рассыпаются искорками всех цветов радуги. Сколько форм придумала природа для снежинок. Призмы, столбики, иголки, пластинки, хлопья. Но больше всего звездочек. Самая красивая шестилучевая звезда служит символом снега.

Сколько скульптурных композиций из снега можно найти в зимнем лесу! Это смешные фигурки зверей и птиц, слепленные снегом среди деревьев, и арки над тропой, образованные склоненными под тяжестью пушистого груза ветвями. Старые пни наряжаются в меховые снежные шапки. И главное зимой в лесу — тишина, слышно только скрип снега под ногами.

В бесснежные зимы лес тоже интересен для прогулки: переплетения оголенных ветвей создают занимательные рисунки, на речных деревьях кора различного цвета. Старые гнезда птиц, спрятанные летом в листве, зимой как на ладони.

Есть в лесу вечнозеленые растения — это злаки: кострец Бенешепа, мятлик лесной, овсяница гигантская. Зелеными остаются осоки. Особенно красивы папоротник-листовик, морозник кавказский, зеленеют вдоль ручьев и заболоченных мест листья толстостенки. Ясененник душистый, хвощ зимующий (до полметра высотой), ситник (образуют кочки возле пруда) — не боятся морозов. Зеленые розетки под снегом сохраняют фиалка душистая, дорожникум восточный, медуница млечная, оконник, звездчатка, некоторые зонтичные растения.

Среди лесов сохранились естественные степные поляны, многие из которых объявлены заказниками. Это Бучинская, Беспутская, Вишневая, Ново-Марьевская, Шалева. Богатая луговидная степь сохранилась по опушкам леса, в музее-заповеднике «Татарское городище», на Грушевском

городище, на верхних частях склонов Сенгилеевской котловины. Исключительное видовое разнообразие на этих полянах характеризуется такими цифрами: на 100 м² произрастают 80—100 видов трав. Степи, как и леса, меняют аспекты до глубокой осени. Здесь много ярко цветущих, редких, эндемичных и реликтовых видов растений, однако они подлежат особой охране, их нельзя срывать, выкапывать, ими можно только любоваться и фотографировать их.

Внутри города зеленые насаждения имеют разное функциональное назначение. Есть парки культуры и отдыха (Центральный, Парк Победы), спортивные парки (при стадионе «Динамо»), Ботанический сад, скверы на площадях (Ленина, Привокзальной, Трунова, Серова), мемориалы (Холодный родник, роща Дубки), аллея Почетных граждан, аллея Героев, бульвары (на пр. К.Маркса, на ул. 50 лет ВЛКСМ), аллеи на улицах Ленина, Мира, Дзержинского, насаждения при школах, детских садах, больницах, на кладбищах: Даниловском, Мамайском, Сажевом, бывшем Армянском, Успенском.

Город-парк

Много лет Ставрополь держал марку самого зеленого города в стране. Скверы, бульвары, озелененные с двух сторон улицы, сады на приусадебных участках, широкие зеленые газоны и масса цветочных клумб на площадях, у государственных зданий, в частных дворах, около домов на улицах и в переулках.

Южный город отличался аллеями стройных пирамидальных тополей, пышными в весеннем цветении конскими каштанами, когда каждое дерево бывает украшено кремово-розовыми канделябрами цветов. Запахи в городе меняются в зависимости от цветения деревьев: белая акация радует душистыми гроздьями, липа дарит запах еще нежнее. Обычны на улицах ясени, дубы, гледичия, клены ясенелистные, ивы. Много деревьев привезено из других природных зон и хорошо прижилось на городских улицах. На бульваре по проспекту К. Маркса много берез, березовая аллея ведет к Холодному роднику, весь длинный проспект Кулакова — многорядная березовая аллея. На Крепостной горе — каштаны, платаны, софора, катальпы, шелковицы, лиственницы. На улице Артема лиственницы подстрижены под ели. Есть в городе сосны, особенно много в северо-западном районе. Но особой красотой и обилием посадок отличаются голубые, колючие и обыкновенные ели. Парадным строем они охраняют Дом Правительства на площади Ленина. Их стерегут в предновогодние дни на аллеях Парка Победы, в Ботаническом саду, на улицах, во дворах домов.

В переулках, на улицах в районах частной застройки высажены вишни, алыча, абрикосы, орехи, груши, яблони и много сирени разных сортов. В северо-западном районе городские кварталы окаймляют целые лесополосы из сирени. А какое богатство кустарников и цветов! Вечнозеленые кипарисовик, буксус, туя штамбовая, самшит служат материалом для зеленой архитектуры. Растения подстригают, придавая им декоративные формы грибов, пирамидок, зеленых диванов. Можжевельник казацкий широкими лапами пушистым ковром покрывает полянки на газонах. Весной в скверах золотом горят кусты форзиции. Декоративный боярышник весь усыпан мелкими красными розочками, а рядом — рябина мучнистая с серебряными листочками. Недавно в сквере на площади Ленина, по улице Ломоносова высадили багряник, похожий на японскую сакуру. На бульваре вдоль проспекта К. Маркса посадили кустиками розу сирийскую всех цветов: красную, сиреневую, розовую, почти белую. Живые изгороди по ул. Артема образует бирючина, по ул. Булкина высажен жасмин, сквер «афганцев» обсажен туей восточной. Каждая улица города имеет свое зеленое лицо.

Горзеленстрой в своих питомниках выращивает множество редких чужеземных растений: 40 га цветников, на них более 2 миллионов саженцев, которые выращиваются из семян, черенков, затем высаживаются на клумбы. Так, выращены 20 деревьев гинкго двулопастного, и шестилетние деревца уже высажены в городе. До этого в Ставрополе было лишь одно дерево этого реликта мезозоя — в ботаническом саду Госуниверситета. Второе дерево в крае растет в Перкальском питомнике в Пятигорске. У здания администрации высадили магнолии. На улице Артема 3—5-летние лиственницы подстрижены, как пирамиды.

Жители города весь теплый сезон любуются богатыми разноцветными клумбами, оформленными горзеленстроем. Весной господствуют тюльпаны, их заменяют примулы, толстянки, седум, огненными факелами горят канны. Невозможно перечислить все названия цветов, наиболее известны и узнаваемы многими герани, георгины, каланхое, сальвия, традесканция, душистый табак, амаралис, астры, агавы, драцены, бегонии, вербены, мальвы, маргаритки, молодило, папоротники, петуньи, сансевьеры, стахис, цинерарии, церас-тумы, цинии, портулак, хоста, хлорофитум, пиретрум, молочай, паперомия, тагетис. Среди клумб высаживают пальмы, олеандры, агавы и другие высокие растения.

Лучшими приемами озеленения отличаются скверы: у Драматического театра, у Дворца детского творчества, у Дворца культуры и спорта профсоюзов, цветники у здания Газпрома, озеленение Кардиологического и Онкологического центров. Недавно создан новый сквер на площади, прилегающей к Успенскому духовно-просветительскому мемориальному центру.

В городе объявлены ботаническими памятниками природы великовозрастные деревья. Это дубы на ул. Шаумяна, 27, проспекте К. Маркса, 40, улице Ипатова, 50, Комсомольской, 65, 93, 125. Около музея Изобразительных искусств, на стадионе «Динамо», на пр. Мира, 254, на 6 км по дороге на х. Грушевый.

К деревьям других пород относятся: 7 ив в пойме р. Желобовки, 2 ели колючие на ул. Морозова, 57, гинкго двулопастный в ботаническом саду Госуниверситета, бундук канадский на ул. Дзержинского, 189, каштан конский на пр. Октябрьской революции, 3 тополя на ул. Морозова, 45, грабы кавказские во дворе Андреевского собора, шелковица на ул. Комсомольской, 119, тополь серебристый в Центральном парке.

Животное население города. «Братья наши меньшие»

Берегите жаворонка в голубом зените,
Бабочку на листьях повилики...

М. Дудин

Застроенные жилыми домами кварталы, заасфальтированные дороги, потоки машин, рассеивающих с выхлопами газов ядовитые вещества, шум, освещение — все это мешает животным, однако велика воля к жизни. Животные приспосабливаются, и появляются так называемые синантропы — животные, обитающие рядом с человеком и питающиеся отходами. Это грызуны, вороны, насекомые, поселившиеся в домах, во дворах: мухи, муравьи, тараканы, осы. Широкое распространение получили карантинные насекомые-вредители: колорадский жук, паутинная моль, плодожорки, долгоносики. Человек развел много собак и кошек, которые охотятся за птицами. Тем не менее город посещают и дикие животные.

Почитаем «белую книгу»

Зимой легче всего обнаружить пребывание животных по следам на свежей пороше. Больше всего следов зайцев. Они приходят на огороды, к домам на опушке леса в поисках молодых веточек, коры деревьев. В Ботаническом саду, у мемориала «Холодный родник», в Таманском лесу, где самая большая поляна называется Заячьей, на блестящей снежной поверхности нарисовали ажурные строчки мелкие грызуны. На опушках — глубокие округлые следы лисицы и волка. На дачных участках близ лесов появляются кабаны.

А на зимних кормушках, устраиваемых друзьями птиц, собираются синицы, воробьи — эти неразлучные сожители человека. Тут вы найдете мелкие воробьиные отпечатки лапок, а рядом — крупные, разлапистые вороньи, они тоже прилетают к кормушкам в надежде напасть на маленьких птичек и разгромить подвешенные к веткам деревьев кормушки.

Поохотимся за голосами красавиц-птиц

Он познал всех птиц наречья,
Имена их и секреты,
Вел при встречах разговоры...

Г. Лонгфелло

Большая синица уже в феврале громко возвестит своим «пили-пили-пили» скорый приход весны. Зимой к нам в сады и аллеи с рябиной, калиной прилетают свиристели. Это крупные, больше скворца, птицы с красноватым оттенком на голове, увенчанной хохолком, брюшко тоже красноватое на общем сером фоне. Свиристели поедают ягоды рябины, боярышника, шиповника, крушины в таком количестве, что семена не успевают у них перевариваться и птицы оказывают природе «услугу за услугу» — они разносят семена, которые всходят и дают новые кустарники.

Зимой из тайги на Ставрополье кочуют снегири. Тоже красивые маленькие птички с киноварно-красной грудкой. Их можно увидеть на огородах, на опушках леса. Весной, после появления первых проталин, можно услышать чуть скрипучую звонкую песенку, заканчивающуюся мелодичным перезвоном серебряного колокольчика. Это сразу после восхода солнца и после его заката поет зарянка. Ее так и назвали по времени песенки на заре. А в лесу уже с марта целый день слышно «теньканье» пеночки-веснянки, чистые, мелодичные, как капельки воды, громко звенят: «тень-тень-тень». Одна из красивейших птиц щегол, обитает в лесах, садах, в зарослях бурьянов, где кормится семенами. Даже попугаи не раскрашены так причудливо, как щеглы: красный лоб и горлышко, ярко-желтая полоса на черных крылышках, заканчивающихся белыми перышками, спинка — коричневая, затылок и скобочки вокруг белых щек — черные. Очень маленькие птички: лесной конек, чиж (серо-зеленоватый с желтой грудкой), крапивник со вздернутым кверху хвостиком, овсянка (чуть больше воробья), зяблик, отличающийся своей песенкой — «рю-рю-рю» (рюмит) — обычные обитатели городских и окрестных лесов. А вот на веточке бурьяна качается на ветру маленькая красно-розовая птичка, громко вопрошающая: «Чичу видел?». Это чечевица. Хочется выделить лазоревку, названную так за действительно лазурно-голубую окраску. Если смотреть на сидящую птичку снизу, она своим голубоватым брюшком сливается с синевой неба, головка у нее лазурно-голубая, а от глаз идет черно-синяя полоска. Поистине небесная птичка!

Совсем недавно в городе было много скворцов. Они вообще приспособились к культурным ландшафтам. Им вешали скворечники, они оживляли своим пением сады, дворы, парки. В последние годы они стали редкостью. Пустые домики занимают воробьи, синицы. Близ частных усадеб иногда слышны с деревьев совсем непонятные звуки: то кошка замяукает, то заскулит собака, и тут же — птичье пение. Это иволга. Она, как пересмешник, использует услышанные звуки. Птица очень красивая — золотисто-желтая с черными крыльями. Наблюдается и пересмешник многоголосый, поет круглый год множеством заимствованных голосов. Наверное, все видели удода с пестрым охристо-рыжим оперением, с красивым веерообразным хохлом, на каждом перышке которого — черная вершинка, и на теле — черные полоски. Их крик передают словами: «Худо тут», поэтому птицу часто называют «худотутка». Удоды ходят по земле, садятся на заборы, на ветви деревьев. Кормятся в основном личинками насекомых. Интересно наблюдать, как удод достает длинным клювом из почвы личинку, умерщвляет ее, подбрасывает вверх, ловит и проглатывает.

Сравнительно недавно на улицах города, во дворах появилась кольчатая горлица нежно-палевого цвета с черным ожерельем на шее. А вот голубей (сизарей) на площадях, бульварах, близ храмов стало меньше. Только любители поддерживают в городе эту птицу на своих голубятнях.

В лесу иногда слышна жалующаяся на вдовью жизнь кукушка. Дятел большой долбит старые деревья, добывая гусениц, сойка тащит в клюве орех, а на помойках и свалках мусора хозяйничают вороны и, как ни странно, чайки, обитающие главным образом на городской свалке.

На прудах весной можно увидеть водоплавающих: огаря, даже лебедя (на озере Вшивом), выпь, лысуху, водяную курочку. На камешках по ручьям и речкам прыгают трясогузки.

В лесополосах — колонии грачей (грачевники), гнезда сорок, которых называют «сорока-воровка»

за то, что они из чужих гнезд воруют яйца, птенцов, бывает, что и домашних цыплят. В поговорке — «сорока-белобока», у нее действительно на крыльях белые пятна. Ее крик называют стрекотанием.

В списке птиц, наблюдаемых в городе, в окрестных лесах и на степных полянах — соловей южный, дрозды черный и певчий, зовущий: «Приди, кум; приди, кум», пищуха обыкновенная, зеленушка, чечевица, дубонос, перепелка, козодой, сарыч, пустельга, жаворонок полевой, ласточка деревенская, луговой лунь, вальдшнеп, сплюшка, сорокопут. Всего зоологи в городе и его окрестностях насчитывают до 40 видов птиц.

Они не ушли от города

В окрестных и внутригородских лесах много млекопитающих. Часты встречи с ушастым ежом, несущим на спине наколотый огрызок яблока или дикую грушу. Быстро шуршат листья под его лапками.

В лесу и на полянах — беспорядочно разбросанные бугорки земли, выброшенные на поверхность кавказским кротом. А на «Татарском городище» — высокие кучи земли, «выстроенные» в одну линию. Это — слепыш обыкновенный. Мыши — лесная, полевая, домовая, полевка обыкновенная и водяная, землеройки-белозубки, серые хомячки, зайцы-русаки обитают в городе, в садах и огородах.

В лесу, на чердаках домов поселяются летучие мыши (длинноухая ночница и гигантская вечерница). Из хищников в окрестностях есть лисицы, волки, шакалы. В Русском лесу — европейская норка, барсук и лесной кот. Расселили там и кабана. Из Темнолесской лесной дачи пришла косуля. В Круглый лес из Кисловодского курортного парка завезли белку, которая расселилась и в Круглом, и в Мамайском, и в Татарском лесах.

Мир водоемов

7 видов земноводных обитают у наших водоемов: тритон обыкновенный, жерлянка, краснобрюхая чесночница обыкновенная, жаба зеленая, лягушка озерная и малоазиатская, квакша. Маленькая, 3—4 см, ярко-зеленая квакша сливается с зеленью листвы и громко «крякает», подобно утке. К стволу и веткам дерева квакша присасывается специальными дисками на кончиках пальцев и прижимается брюшком и горлышком, поэтому снять ее довольно трудно и не нужно, чтобы не повредить.

В воде, в норках берегов и под корягами прячутся речные раки. Над водой летают стрекозы, поденки, веснянки, под камнями в воде ручейники строят из мелких обломков камешков свои домики, плавают жуки-плавунцы, плавунчики. По воде бегают вертячки, в солнечные дни они собираются целыми компаниями и кружатся, высматривая добычу под водой и на поверхности.

О рыбаках и рыбах

Любители-рыболовы находят добычу в водохранилищах, каналах, прудах и в степных речках, карасей, бычков, окуней, ершей и пескарей ловят в Ташле. В Комсомольском пруду водится карп. Вшивое озеро и Кравцово болото специально зарыбляли для любителей-рыболовов сазаном, судаком. Кроме них, в нем ловят верховку, леща, окуня, густеру, бычков. В Сенгилеевском водохранилище водятся голавль, жерех, линь, подуст, усач, лещ, рыбец, уклейка, сом, сазан, плотва, тарань, густера, толстолобик, амур белый, шемая.

Самое многочисленное животное население

Это насекомые. В теплое время года на сырых лугах, на опушках леса вас буквально атакуют комары, мошки, спасаться от которых можно специальными химическими средствами или бегством на солнечные полянки. Но здесь уже поджидают слепни и мухи, тоже больно кусающиеся. Самым страшным «зверем» являются иксодовые клещи. Они разносят болезни, в частности, крымскую геморрагическую лихорадку. «Сезон охоты» у этих клещей начинается ранней весной, они поселяются на кустарниках, в траве, на листьях деревьев. Обычно клещ впивается в нежные места на коже, вытащить его очень трудно. Заразиться можно, даже если просто раздавить клеща.

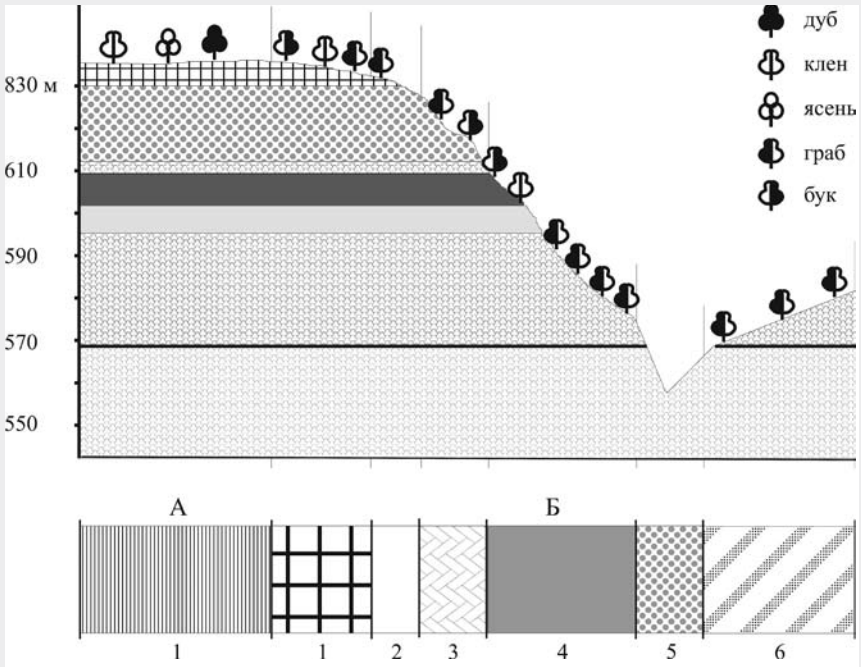


Рис. 6. Ландшафтный профиль в Таманском лесу города Ставрополя

Ландшафтные профиль в Таманском лесу пересекает урочища (А и Б) Верхнеегорлыкского лесостепного останцовоплакорнобалочного ландшафта на сарматских песчано-известняково-глинистых породах. Граница между урочищами на плановой полосе показана жирной линией. А — урочище плакора на известняках. А-1 — фация кленово-дубово-ясеневого (антропогенного) молодого леса на бывших черноземных почвах плакора, бронированного известняками среднего сармата. Б — урочище балки на песчано-глинистых отложениях. Б-1 — фация буково-кленово-грабового леса на серых лесных почвах в верхней части северо-восточного склона балки, сложенного песками. Б-2 — фация буково-кленово-грабового леса на серых лесных почвах в верхней части северо-восточного крутого склона балки, сложенного глинами. Б-3 — фация буково-кленово-грабового леса на серых лесных почвах в средней части северо-западного крутого склона балки, сложенного глинами. Б-4 — фация грабового леса на серых лесных почвах в нижней части северного покатого склона балки, сложенного глинами. Б-5 — фация русла и поймы. Б-6 — фация грабового леса на серых лесных почвах в нижней части южного покатого склона балки, сложенного глинами.

Все знают кузнечиков, саранчу, сверчков, кобылок, богомолов, пауков, клопов-солдатиков, ягодных клопов, уховерток. Встречи с ними на лесных и степных полянах очень часты. Особенно много жуков: щелкуны, божьи коровки, долгоносики, навозники, чернотелки, хрущи, листоеды, жужелицы. Жужелица кавказская занесена в Красную книгу. А вот завезенный к нам колорадский жук подлежит повсеместному истреблению как злостный вредитель.

Не радуют встречи с осами, шмелями, пчелами, муравьями — они жалят, кусаются, особенно если потревожить их гнездо.

Среди живущих у нас бабочек наиболее известны капустницы, белянки, голубянки, луговой мотылек, бархатницы. А в квартирах — моль платяная, зерновая, в лесу — листовертки, в садах — плодожорки. И тот факт, что животное население еще держится в городе и окрестностях, вселяет надежду на то, что в Ставрополе есть еще «окружающая природа».

Морфологическая структура ландшафта

В ландшафтном отношении Ставрополь и его окрестности В.А Шальнев относит к входящему в провинцию лесостепей Верхнеегорлыкскому ландшафту. Поскольку эта территория издавна осваивается человеком, крупных естественных природных комплексов почти не сохранилось. Здесь взаимодействуют природные и антропогенные факторы. Такие ландшафты называют окультуренными или культурными.

В пределах г. Ставрополя и его окрестностей можно выделить следующие морфологические единицы ландшафта: местности, урочища, фации.

Вся Ставропольская гора является местностью. Это структурно-депудационное останцовое плато, сложенное осадочными породами среднего сармата, представленными известняками, суглинками, покрытыми сверху карами выветривания с широколиственными лесами на серых лесных почвах и богато разнотравно-злаковыми степями на черноземных почвах.

Местность подразделяется на сложные урочища плакоров и балок, которые, в свою очередь, делятся на простые урочища, а урочища — на фации.

На рис. 6 показано деление местности на урочища плакоров и балок и деление урочищ на фации.

На плакорах размещаются основные городские кварталы, площади, парки, бульвары, скверы. В балках — леса, сады, на склонах — частная застройка.

Приложения

Таблица 1.
Высота Солнца для широты 45°

Даты	Часы	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Январь	1				2°	10°	16°	20°	21°	20°	17°	11°	3°			
	11				2°	10°	17°	21°	23°	22°	18°	12°	5°			
	21				3°	11°	18°	23°	25°	24°	20°	14°	7°			
Февраль	1				5°	13°	20°	26°	28°	27°	23°	18°	10°	0°		
	10				8°	16°	23°	28°	31°	30°	26°	20°	12°	3°		
	20			0°	10°	19°	26°	32°	34°	33°	29°	23°	14°	5°		
Март	1			3°	13°	23°	30°	35°	38°	37°	32°	26°	17°	8°		
	11			6°	16°	26°	33°	39°	41°	40°	36°	28°	20°	10°		
	22			9°	19°	29°	37°	42°	45°	44°	39°	31°	22°	12°	2°	
Апрель	1		2°	13°	23°	33°	41°	47°	50°	48°	42°	34°	25°	15°	4°	
	12		6°	17°	27°	37°	45°	51°	54°	52°	45°	37°	27°	17°	6°	
	21		8°	19°	30°	40°	48°	54°	57°	54°	48°	40°	30°	19°	8°	
Май	1	1°	11°	22°	32°	42°	51°	57°	60°	57°	50°	42°	32°	21°	10°	0°
	11	3°	13°	24°	34°	44°	53°	60°	62°	60°	52°	44°	33°	22°	12°	2°
	21	4°	14°	25°	35°	46°	55°	62°	64°	61°	54°	45°	34°	24°	14°	4°
Июнь	31	6°	15°	26°	36°	47°	56°	64°	65°	63°	56°	46°	36°	25°	15°	5°
	10	7°	16°	27°	37°	48°	57°	65°	67°	64°	57°	47°	37°	25°	16°	6°
	20	7°	16°	27°	37°	48°	58°	65°	68°	65°	58°	48°	38°	26°	17°	7°
Июль	30	6°	15°	26°	36°	47°	57°	65°	67°	65°	57°	48°	38°	24°	16°	7°
	10	5°	14°	25°	35°	46°	56°	64°	66°	64°	56°	47°	37°	24°	16°	6°
	20	3°	13°	23°	34°	44°	54°	62°	65°	62°	55°	46°	36°	24°	14°	4°
Август	30	2°	12°	22°	33°	43°	52°	60°	63°	61°	54°	45°	35°	23°	13°	3°
	9	0°	10°	20°	31°	41°	50°	58°	61°	58°	52°	43°	33°	22°	11°	0°
	19		9°	19°	29°	40°	48°	55°	58°	55°	49°	41°	30°	20°	9°	
	29		7°	17°	27°	38°	46°	52°	54°	52°	46°	38°	27°	17°	7°	

Таблица I (продолжение).
Высота Солнца для широты 45°

Даты	Часы	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Сентябрь	8		5°	15°	25°	35°	44°	49°	51°	49°	43°	35°	24°	15°	4°	
	18		2°	13°	23°	32°	40°	45°	47°	45°	39°	30°	21°	11°	0°	
	28		0°	11°	21°	30°	37°	42°	43°	40°	35°	27°	17°	7°		
Октябрь	8			8°	18°	27°	34°	38°	39°	36°	31°	23°	14°	5°		
	18			6°	15°	24°	30°	34°	35°	33°	28°	20°	12°	2°		
	28			3°	13°	21°	27°	30°	31°	29°	24°	16°	9°			
Ноябрь	7			1°	10°	18°	24°	28°	28°	26°	22°	14°	7°			
	17				8°	16°	22°	26°	26°	24°	20°	12°	4°			
	27				6°	14°	20°	23°	24°	22°	18°	11°	3°			
Декабрь	7				4°	12°	18°	21°	22°	21°	17°	10°	2°			
	17				3°	11°	17°	20°	21°	20°	16°	10°	2°			
	27				2°	10°	16°	20°	21°	20°	16°	9°	2°			

Таблица 2.
Солнечная радиация и солнечное сияние

Месяцы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
					Число часов солнечного сияния								
Среднее	79	92	133	168	261	287	311	298	236	170	87	75	2187
Наибольшее	117	123	181	261	322	342	359	342	287	233	122	139	2486
Наименьшее	32	48	79	111	214	255	252	266	166	108	57	42	2189
					Число дней без солнца								
	12	8	8	5	2	0	0	0	2	4	11	13	64
					Суточный ход продолжительности солнечного сияния								
Время суток													
4-5					1,3	3,7	1,6	0,07					7
5-6			0,04	2,7	12,2	17,7	15,7	8,6	1,2				58
6-7		0,2	4,6	11,5	18,0	20,3	21,1	21,1	14,1	2,6	0,03		114
7-8	1,6	4,0	9,4	14,1	20,1	21,3	22,8	23,4	19,1	12,2	3,0	1,5	152
8-9	6,4	7,9	11,7	15,4	21,6	22,2	24,3	25,0	20,4	15,8	7,9	6,8	185
9-10	9,1	10,2	13,7	16,7	22,2	23,2	24,9	25,7	22,1	17,6	9,5	8,8	204
10-11	10,7	11,8	14,9	17,1	22,7	23,6	25,2	25,8	22,4	18,9	11,4	10,3	215
11-12	11,6	12,3	15,0	17,1	22,9	23,8	25,0	25,9	22,1	19,7	12,4	10,7	218
12-13	11,7	12,8	15,2	16,8	22,2	23,7	25,2	25,7	22,1	20,0	12,7	10,9	219
13-14	11,2	11,8	14,5	16,5	22,1	23,5	25,1	25,5	22,8	19,9	11,9	10,3	215
14-15	10,0	10,9	13,6	16,0	20,7	22,9	24,6	24,9	22,2	18,8	10,7	9,6	205
15-16	7,6	8,7	11,6	14,4	19,3	21,4	24,2	23,8	21,8	17,2	9,0	6,8	186
16-17	1,4	4,5	9,3	13,0	17,6	19,4	23,5	22,4	20,2	12,9	2,7	0,6	148
17-18		0,8	3,2	9,6	15,0	17,0	21,2	19,2	11,6	1,7			99
18-19				1,3	7,9	13,0	13,6	5,0	0,5				41
19-20					0,3	1,8	0,6	0,02					3
20-21													

Таблица 3.
Начало, конец и продолжительность дня на широте 45°

Месяц года	Дата	Восход солнца		Продолжительность дня		Заход солнца	
		часы	минуты	часы	минуты	часы	минуты
Январь	1	7	38	8	51	16	29
	11	7	37	9	02	16	39
	21	7	31	9	21	16	52
Февраль	1	7	21	9	46	17	02
	11	7	08	10	14	17	22
	21	6	53	10	43	17	36
Март	1	6	39	11	08	17	47
	11	6	21	11	39	18	00
	21	6	03	12	10	18	13
Апрель	1	5	42	12	45	18	27
	11	5	24	13	16	18	40
	21	5	06	13	46	18	52
Май	1	4	50	14	15	19	05
	11	4	36	14	41	19	17
	21	4	25	15	03	19	28
Июнь	1	4	17	15	22	19	39
	11	4	13	15	33	19	46
	21	4	13	15	37	19	50
Июль	1	4	16	15	34	19	50
	11	4	23	15	24	19	47
	21	4	32	15	07	19	39
Август	1	4	44	14	43	19	27
	11	4	56	14	18	19	14
	21	5	08	13	50	18	58
Сентябрь	1	5	21	13	17	18	38
	11	5	33	12	47	18	20
	21	5	45	12	16	18	01
Октябрь	1	5	57	11	45	17	42
	11	6	10	11	13	17	23
	21	6	23	10	43	17	06
Ноябрь	1	6	38	10	11	16	49
	11	6	51	9	45	16	36
	21	7	05	9	21	16	26
Декабрь	1	7	17	9	03	16	20
	11	7	28	8	50	16	18
	21	7	35	8	44	16	21

Таблица 4.
Температура воздуха

Станции	Месяцы I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Средняя месячная и годовая температура воздуха													
Восточное опытное поле	-3,6	-3,1	1,4	8,4	14,5	18,4	21,6,	21,2	15,9	9,8	3,4	-1,7	8,8
Ставрополь	-3,7	-3,0	1,6	8,6	15,2	19,0	21,9	21,5	16,0	10,0	3,4	-1,1	9,1
Западное опытное поле	-4,5	-3,8	0,1	7,1	13,4	16,9	19,8	19,3	14,2	8,3	2,1	-2,3	7,6
Средний минимум температуры воздуха													
Восточное опытное поле	-6,6	-6,9	-2,7	3,8	9,4	13,5	16,0	15,2	10,9	5,5	-0,1	-4,8	4,4
Ставрополь	-6,6	-6,8	-2,9	3,8	9,8	13,8	16,4	16,2	11,5	5,7	0,0	-4,0	4,7
Западное опытное поле	-7,9	-7,2	-3,4	2,7	8,4	12,0	14,4	14,0	9,4	4,2	-1,1	-5,4	3,3
Абсолютный минимум температуры воздуха													
Восточное опытное поле	-31	-24	-22	-10	-3	3	9	4	-3	-10	-24	-29	-31
Ставрополь	-36	-32	-23	-11	-3	4	9	7	-2	-10	-26	-28	-36
Западное опытное поле	-35	-27	-22	-13	-4	0	5	2	-4	-14	-30	-31	-35
Средний из абсолютных минимумов температуры воздуха													
Восточное опытное поле	-17	-15	-11	-4	3	8	12	10	4	-2	-9	-14	-20
Ставрополь	-17	-16	-12	-3	4	9	12	12	6	-3	-10	-13	-20
Западное опытное поле	-20	-17	-14	-4	2	6	9	8	2	-4	-12	-17	-20
Средний максимум температуры воздуха													
Восточное опытное поле	-0,2	0,7	0,2	13,9	20,0	23,2	27,0	26,8	21,1	14,6	7,2	1,5	13,5
Ставрополь	0,0	0,8	5,7	14,2	20,6	24,4	27,2	27,0	21,3	14,8	7,3	2,4	13,8
Западное опытное поле	-1,0	0,0	4,6	12,1	18,5	21,9	25,1	24,7	19,2	12,8	6,0	1,0	12,1
Абсолютный максимум температуры воздуха													
Восточное опытное поле	17	17	31	31	30	36	39	39	36	30	25	21	39
Ставрополь	17	19	31	34	37	37	40	40	34	30	26	23	40
Западное опытное поле	16	17	29	30	33	34	38	37	35	29	26	22	38

Таблица 4
(продолжение)

Станции	Месяцы I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Средний из абсолютных максимумов температуры воздуха													
Восточное опытное поле	10	10	18	23	27	30	34	33	29	24	18	11	35
Ставрополь	9	10	15	22	26	28	32	31	28	23	18	12	33
Западное опытное поле	10	11	18	24	28	31	34	34	30	25	19	13	35

Таблица 5.
Влажность воздуха, атмосферные осадки, снежный покров

Станции	Месяцы I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Средняя месячная и годовая упругость водяного пара (мб)													
Восточное опытное	4,3	4,6	5,1	7,7	10,8	14,0	15,0	14,1	11,7	8,8	6,7	4,9	9,0
поле	4,2	4,4	5,2	7,4	10,9	13,6	15,0	14,1	11,6	8,6	6,6	5,0	8,9
Средняя месячная и годовая относительная влажность воздуха (%)													
Восточное опытное	83	82	76	69	65	61	56	56	64	76	83	85	71
поле	82	81	78	67	65	62	59	58	66	74	80	81	71
Среднее количество осадков, приведенное к показателям осадкометра (мм)													
Восточное опытное	37	26	27	42	64	80	58	53	42	37	32	32	530
поле	32	27	34	53	70	90	80	53	54	43	46	41	623
Западное опытное поле	41	30	30	47	71	89	65	59	47	41	36	35	591

Снежный покров

Восточное опытное поле	Месяц, декада X			XI			XII			I			II			III			IV			Средняя	Максимальная	Минимальная
Ставрополь	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3			
Средняя декадная высота снежного покрова по постоянной рейке (см)	.	.	.	.	.	.	.	.	5	5	7	9	11	8	7	7	5	.	.	.	.	16	80	4

Точка (.) обозначает, что снежный покров наблюдается менее, чем в 50% зим

Таблица 6.
Даты появления и схода снежного покрова, образзования и разрушения устойчивого снежного покрова

Число дней со снежным покровом	Даты появления снежного покрова			Даты образования устойчивого снежного покрова			Даты разрушения устойчивого снежного покрова			Даты схода снежного покрова			Процент зим с отсутствием устойчивого снежного покрова
	Средняя	Самая ранняя	Самая поздняя	Средняя	Самая ранняя	Самая поздняя	Средняя	Самая ранняя	Самая поздняя	Средняя	Самая ранняя	Самая поздняя	
75	19 XI	11 X	27 XII	27 XII	12 XI	—	1 III	—	8 IV	30 III	5 III	24 IV	30

Таблица 7.
Ветры

Направление ветра	Месяцы I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Повторность направления ветра и штилей (%)													
С	1	2	3	4	4	6	7	8	5	4	2	2	4
СВ	4	4	6	8	9	9	9	9	9	7	4	4	7
В	14	17	20	24	18	16	15	17	21	17	21	19	18
ЮВ	20	23	18	19	18	14	10	10	15	20	27	22	18
Ю	8	9	6	4	4	3	2	3	3	5	7	8	5
ЮЗ	19	16	12	9	10	12	10	11	10	12	16	18	13
З	27	22	24	18	20	22	27	23	23	23	16	20	22
СЗ	7	7	11	14	17	18	20	19	14	12	7	7	13
Штиль	27	23	18	17	18	20	22	24	26	23	19	26	22
Средняя месячная и годовая скорость ветра (м/с)													
	4,2	4,9	5,4	5,3	4,6	3,9	3,5	3,4	3,6	4,2	5,0	4,4	4,4
Среднее число дней с сильным ветром													
	5,6	6,3	7,3	7,0	5,6	4,8	3,0	3,0	3,1	4,3	6,4	5,3	6,2
Наибольшее число дней с сильным ветром													
	12	13	14	16	12	11	10	11	8	9	13	12	100

Таблица 8.
Облачность и атмосферные осадки

Показатели	Месяцы												
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Средняя и годовая общая и нижняя облачность (баллы)													
Общая	7,4	7,5	7,4	6,3	6,0	5,0	4,2	3,7	4,4	5,8	7,3	7,6	6,0
Нижняя	4,9	4,9	4,9	3,6	2,8	2,6	2,3	2,0	2,8	3,9	5,3	5,5	3,8
Число ясных и пасмурных дней по общей и нижней облачности													
Общая ясных	2,0	1,7	2,3	4,6	3,5	6,0	9,1	11,0	9,7	5,9	2,2	2,0	60
Нижняя ясных	8,4	7,4	8,8	11,8	14,1	14,2	15,6	17,7	14,8	12,1	7,4	7,1	139
Общая пасмурных	15,9	14,4	15,6	11,4	8,6	5,5	3,7	3,0	5,2	9,6	15,4	16,4	125
Нижняя пасмурных	8,0	7,3	7,8	4,6	1,7	0,8	0,3	0,5	2,1	5,2	9,7	9,6	58
Среднее число дней с туманом													
	11	8	8	5	2	0,7	0,1	0,4	2	6	10	12	65
Среднее число дней с метелью													
	11	14	7	7						1	6	8	41
Среднее число дней с грозой													
				1	4	7	7	6	2	0,4	0,1		28
Среднее число дней с градом													
			0,04	0,02	0,6	0,4	0,3	0,2	0,08				1,9

Текст печатается по изданию:
Савельева В.В. Природа Ставрополя. — Ставрополь: Сервисшкола, 2002. — С. 3—143, 180—187.

Форпост России

Город Ставрополь мой, мы с тобою едины.
Связь идет сквозь века в поколеньях людей.
Пусть мелькают года, изменяя картины
Старых улиц, домов и твоих площадей.
Сколько рук поднимали тебя, милый город.
Этажи возводя от сарматского дна…
Сколько славных людей, не забыть нам которых,
Оставляли свой след, украшая тебя.
Время быстро прошло, но ты молод, как прежде.
Прохожу не спеша у стены крепостной…
И сверяю с тобой я свой путь и надежды,
Ощущая твой крест и своею судьбой…

Город и природа. Кто-то заметил, что это две вещи несовместные. Или существует природа, или город «съедает» природную среду. Но все же думается, что это не так. Оазисы природы есть в любом городе: парки, ботанические сады, пруды, водоемы, памятники природы, наконец, просто отдельные деревья или кустарники.

Эти оазисы обязательно присутствуют в городском ландшафте. Правда, в суете мы часто проскакиваем мимо. Но как бы мы ни отгораживались кирпичными стенами от мира природы, она всегда остается нашей сутью. Найти утраченную гармонию с ней — значит обрести покой и умиротворение.

Говорят, что Кецалькоатль, знаменитый и легендарный правитель древнего мексиканского государства тольтеков, сделал свою столицу самым красивым местом на Земле. Он построил свой город в виде террас, прорыл каналы и превратил его в красивый цветущий сад. Город так гармонично вписался в природную среду, что даже дикие животные и птицы довольно часто наведывались на его улицы. Они не боялись людей, а люди, в свою очередь, относились к ним действительно как к братьям своим меньшим.

В настоящее время подобная гармония — лишь мечта. Но кто знает, может, когда-нибудь человек пересмотрит свое отношение к природе и что-то подобное станет реальностью. Давайте попробуем вместе сделать первые шаги: узнать о природе Ставрополя как можно больше, увидеть своими глазами его красоту, чтобы смягчить сердце и стать добрее. Этот форпост России и по сей день остается одним из самых красивых городов на Кавказе.

Сердце города

Когда говорят — Ставрополь, то для кого-то это просто город России. Географ добавит: расположенный в центре Предкавказья, на восточном склоне обширной платообразной возвышенности. Но для самих ставропольцев — это нечто большее.

А иначе и не может быть: этот город для ставропольцев — малая родина.

…Славься навеки, Город Креста!
Как дети твои, мы любим тебя.
Тобою живем. Цвети, хорошей,
Ставрополь — город Отчизны моей!

…Свое название, что в переводе с греческого означает «Город Креста», Ставрополь получил в память о крепости Ставрополь, построенной еще Петром I в 1722 году на реке Сулак и срытой в 1738 году.

Основой Ставрополя послужила крепость №8 Азово-Моздокской оборонительной линии. Она строилась солдатами Владимирского драгунского полка и полка хоперских казаков с 1777-го по 1780 год. Спустя пять лет, в 1785 году, когда крепость разрослась жилыми постройками, поселок переименовали в город.

Своеобразным фундаментом для строительства этого объекта послужило дно древнего Сарматского моря. Саму же крепость строили из известняка-ракушечника. Крепостные стены двухметровой высоты возводили из этого прекрасного строительного материала. В плане крепость представляла вытянутый с юго-запада на северо-восток неправильный многоугольник, соответствующий конфигурации местности.

…Участок крепостной стены — тому «живой» свидетель. Подойдите поближе. Посмотрите на шероховатую поверхность известняка-ракушечника — и вы увидите перетертые морскими волнами древние ракушки. Так уже не раз было на Земле, что эпоха моря сменялась эпохой суши и на «ковре» из бывшей жизни появлялась новая.

…Кто заложил первый камень в крепостную стену? История вряд ли даст нам ответ на этот вопрос. Но именно с этого момента начинается отсчет жизни города Ставрополя.

Известняк-ракушечник — поэзия моря

Для многих людей камни, лежащие под ногами, — всего лишь что-то неодушевленное. Мало кто задумывался над тем, какая длинная и интересная история таится за их подчас неказистым внешним видом. А ведь в обычных камнях запечатлена геологическая история города.

…Здесь миллионы лет назад
Сарматское море плескалось.
Но время прошло… И нынче оно
В поэзии скал лишь осталось.

Тысячелетиями накапливались на дне древних водоемов твердые осадки. Здесь, точно в слоеном пироге, мы можем наблюдать весь спектр осадочных горных пород.

В нашем городе известняк-ракушечник — одна из основных горных пород. Еще очень давно этот камень использовался как прекрасный строительный материал. Мы до того привыкли проходить мимо домов, стен, гаражей из известняка-ракушечника, что порой не обращаем на него внимания. Что может быть интересного в этом камне? А вы остановитесь, погладьте рукой шершавую поверхность этой горной породы, состоящей из перетертых волнами прибоя раковин.

Задумайтесь над поворотом колеса времени. Только человеческому уму под силу постичь эти процессы мироздания...

...Ковер из жизни на ковре из смерти —
Не в этом смысл земного бытия?
Когда-нибудь опять на этом месте
Плескаться будут новые моря...

Хотим мы это признать или нет, законы, вернее, закономерности природы незыблемы по сравнению с законами, созданными человеком. В них отсутствуют эмоции, практицизм, нет борьбы добра и зла. Наблюдается лишь непрерывное развитие существования во времени и пространстве, чередование эпох моря и суши.

Ставропольцы — это дети сармата. С самого рождения гулкое эхо сарматских волн глубоко проникает в их подсознание, становясь неотъемлемой частью бытия. Физический контакт рук с тем же известняком-ракушечником, поиск в нем древних раковин дают нам возможность вновь пережить короткие состояния «детскости», столь необходимые в наше время циничного прагматизма.

Стена из известняка-ракушечника на проспекте К. Маркса

Город и солнце

Ставрополь — один из южных форпостов России, поэтому его по праву можно назвать городом Солнца. В день летнего солнцестояния (22 июня) высота светила над горизонтом, или, точнее сказать, угол падения солнечных лучей на земную поверхность, в краевом центре будет на два градуса больше, чем в это же время на экваторе, а значит, в Ставрополе будет теплее.

...Какие удивительные восходы можно наблюдать с панорамных точек Ставрополя, в том числе с балконов и крыш многоэтажных домов! А разве не прекрасны закаты? Жаль, что в бешеном ритме жизни многие горожане упускают всю эту красоту... Каждый такой природный триумф по-своему неповторим. После этих «уроков», которые дает сама природа, начинаешь понимать, как важны для тебя такие переживания. Возможно, именно они делают человека человеком? Однако, если бы какой-нибудь скептик спросил: «А какой вообще смысл в восходах и закатах?» — я бы не смог ему ответить. Действительно, в красоте восхода или заката нет никакого смысла. Никто не сможет доказать, что это красиво. Но, может быть, именно поэтому такое природное явление самодостаточно. Здесь не надо ничего доказывать. Его можно лишь наблюдать, видеть, переживать — или просто остаться равнодушным. Город — это искусственная система, созданная руками человека, для поддержания ее «жизни» солнечного тепла уже явно не хватает, и возникает необходимость в создании мощного топливно-энергетического комплекса. Может быть, поэтому роль Солнца в жизни горожан несколько уменьшается. Особенно это заметно в крупных городах-миллионерах. А ведь хотим мы этого или нет, но наша жизнь подчинена закону цикличности, где «рождение» и «смерть» дней мелькают, как кадры в длинной ленте существования. Солнце необходимо человеку и психологически, поскольку боязнь темноты генетически заложена в подсознании «царя природы».

...А вообще, если бы не было Солнца над нашей головой, разве могли бы мы радоваться переменам не только дня и ночи, но и времен года? Как порой хочется после зимы понежиться под первыми лучами ласкового весеннего солнышка! Правда, от палящего июльского и августовского солнца появляется желание бежать в лес или к водоему. Но ведь и это состояние — не надолго. Наступит осень, а за ней — зима, и тепло «золотого» диска вновь станет желанным.

В настоящее время существует даже мнение, что если мы по-другому будем воспринимать Солнце, то, возможно, не так опасно будут действовать на нас и солнечные «возмущения». Иными словами, магнитные волны менее активно станут влиять на клетки нашего организма.

А вообще тема «Город и Солнце» — очень интересная и мало пока изученная. Особенно она любопытна для Ставрополя, который располагается как раз посередине между экватором и Северным полюсом и получает достаточное количество солнечного тепла.

Ставропольская возвышенность

На юге России, в степях предкавказских,
Наш край Ставропольский лежит
И тайны морей, что плескались когда-то,
В сарматских породах хранит.

Знаете ли вы, что Ставропольская возвышенность — это дно древнего Сарматского моря, приподнятое внутренними силами Земли в результате сменившейся эпохи и ставшее сушей?

На географической карте она располагается между 44°13’ и 46°00’ северной широты и между 41°00’ и 45°30’ восточной долготы. Границами ее служат: на севере и северо-востоке гигантский прогиб Кумо-Манычской впадины, на юго-западе и юго-востоке — водные преграды: реки Кубань и Кума, а на юге по ее границе проходит главная магистраль Северо-Кавказской железной дороги.

Ставропольская возвышенность — это единый физико-географический район в пределах Северного Кавказа. Он представляет собой плато, сильно расчлененное глубокими долинами рек, балками и оврагами.

Наиболее высокая часть Ставропольской возвышенности находится на юго-западе ее, где проходит водораздел речных систем Егорлыка и Калауса. Здесь же находится самая высокая точка Ставропольской возвышенности — гора Стрижамент (831 м). А самый низкий ее участок расположен на границе с Манычской впадиной (26 м).

Ставропольская возвышенность — своеобразный природный музей. В этой маленькой «горной стране» все горы — со «срезанными», как поверхность стола, вершинами. Они словно бы застыли среди безбрежных просторов предкавказских степей. Несмотря на кажущееся на первый взгляд однообразие рельефа, эта территория скрывает в себе неповторимое многообразие форм. Здесь можно совершить восхождения на вершины гор: Стрижамент, Брык, Недреманная, Сейна, Бударка и на другие или спуститься в гигантскую Сенгилеевскую котловину, на дне которой плещется большое водохранилище. Сходить к живым родникам сармата, а если захотите — прогуляться среди прохлады ставропольских лесов или с геологическим молотком отправиться за палеонтологическими находками былых эпох.

Ставропольскую возвышенность в свое время изучал В. Гниловской, но и до настоящего времени здесь есть белые пятна и тайны, которые ждут своих первооткрывателей.

Волчьи ворота — ставропольская «Мекка»

В закате дня еще милей
Сравнимый с морем Сенгилей.
В спокойной глади не спеша
Плывут цветные облака.
И, растворяясь в красоте,
Ты забываешь о себе.
И в этот миг свершится чудо —
Нигде ты будешь и повсюду.

Волчьи ворота — откуда такое странное название? По мнению известного краеведа В. Гниловского, прежде в этой местности водилось много волков. Есть еще одна версия: местные жители часто сравнивали завывание ветра с голосом этих хищников.

Но все же, когда мы говорим «Волчьи ворота», то имеем в виду не местность (урочище), а узкий проход между скалами у края Ставропольской горы, откуда открывается панорамный вид на Сенгилеевскую котловину и близлежащие окрестности.

Взираешь со смотровой площадки на это чудо природы, и кажется, что находишься в каком-то нереальном мире, а Сенгилей волшебным магнитом притягивает к себе.

С высоты Волчьих ворот (618 метров) Сенгилеевская котловина — как на ладони, в центре которой, точно прекрасная жемчужина, покоится огромное водохранилище. Кажется, что до него рукой подать, но это только мираж. К воде придется спускаться четыре километра, преодолевая почти полукилометровый перепад высоты.

Сверху Сенгилеевское водохранилище по форме напоминает Каспийское море, только в зеркальном отражении. Восточный берег водоема, примыкающий к Ставропольской горе, расчленен мысами и заливами. Эта изрезанность береговой линии вызвана тем, что по склону горы, возможно, еще при образовании котловины, спустились три гигантских оползня, достигших уреза воды.

Самый большой мыс — Шпиль, — словно указательный палец, глубоко врезаясь в водоем, как бы делит его на две неравные части. Правее его в Сенгилей вонзился мыс Вишневый, похожий на зуб акулы, а в период обмеления водохранилища он напоминает иглу.

Над северо-западным берегом водоема возвышается гора Сенгилеевская (401 метр). По мнению автора книги «Занимательное краеведение» В. Гниловского, это древний грязевой вулкан, сыгравший немаловажную роль в образовании котловины.

Со смотровой площадки Волчьих ворот, а еще лучше с самой вершины (659 метров), видны и отдельные платообразные возвышенности столовых гор, сложенных морскими отложениями неогена: Стрижамент (831 метр), Недреманная (665 метров) и другие. Несколько миллионов лет назад они вместе со Ставропольским плато поднялись со дна последнего Среднесарматского моря, которое оставило на их плоской как стол поверхности мощный пласт известняка-ракушечника и песка. Склоны и подножия гор состоят из морских глин, а друг от друга их отделили балки древних рек.

Волчьи ворота — это своеобразная «Мекка» для ставропольцев и гостей нашего края. Сюда приезжают люди, особенно в утренние и вечерние часы, чтобы полюбоваться восходом и заходом Солнца. У выпускников школ существует негласная традиция встречать здесь рождение нового дня своей жизни. Много тут и влюбленных, свадебных процессий, экскурсантов. А некоторые приходят сюда просто помолчать. Откуда такая тяга к этому месту? Возможно, это связано с тем, что ландшафт среды обитания человека неотделим от его сознания и подсознания. А может быть, это один из немногих уголков на земле, который обладает особой энергетикой?

Древняя чаша (Кравцово озеро-болото)

На Ставрополье мать-природа
Загадок много родила.
Кравцово озеро-болото
Нам, словно чудо, поднесла.
Оно порою зарастает.
Покрывшись бархатным ковром.
Вдруг, будто феникс, оживает
И вновь сверкает водоем.

Маршрут*: остановка дачного автобуса №16 (Ставрополь — хутор Грушевый) — Кравцово озеро-болото. Протяженность маршрута (в одну сторону) — 1 километр (от остановки автобуса*)

Древняя чаша Кравцова озера-болота, заполненная водой, покоится на верхнем уступе южного склона реки Грушевой на высоте 560 метров над уровнем моря. Озеро лежит в продолговато-овальной котловине длиной 1,5 километра и шириной с юга на север 500—600 метров. Глубина водоема не превышает 2,5 метра.

Кравцово озеро-болото — один из уникальных объектов Ставропольской возвышенности. Но как

все же мог образоваться водоем в этой местности? По мнению В. Гниловского, в былые времена здесь протекала древняя река Косякинская — приток пра-Егорлыка, свидетельством чего служит северная часть современной озерной чаши, напоминающая речную излучину.

Но, пожалуй, самой удивительной особенностью этого водоема является то, что он периодически то зарастает, превращаясь в болото, то вдруг становится озером. В настоящее время водоем находится в стадии зарастания.

Все это связано с атмосферными осадками и подпиткой грунтовыми водами; а может быть, существует еще какая-то тайна, которую пока не открыл человек?

Кравцово озеро-болото — реликтовое и представляет для науки большую ценность как объект водно-болотистых экосистем лесостепи. Отложения на дне водоема накапливались слоями в течение тысячелетий и теперь хранят интересную информацию об этом отрезке времени Ставропольской горы.

П.М. Гречишкин. Сенгилеевское озеро (2001)

Растительность озера-болота специфична. С одной стороны, она характерна для открытых природных водоемов, а с другой — свойственна болотам. Кроме того, здесь произрастает еще много ценных видов растений, занесенных в Красную книгу. Не случайно этот водоем является памятником природы и подлежит охране государством. На берегах водоема растет тростник. Более глубокие места заняты рогозом и пузырчаткой (редким насекомоядным растением). Здесь можно увидеть и меч-траву.

Интересен и разнообразен животный мир. В водоеме обитают болотные черепахи, озерные лягушки, краснобрюхие жерлянки, тритоны, водяные ужи и даже ондатра. Здесь гнездится много уток и редкие в крае болотные луни.

Озеро зарыблено, и в нем разрешена рыбная ловля. Любителей порыбачить не останавливает ни жара, ни холод. Даже лед с метелью им не помеха.

В теплое время года — это одно из любимых мест отдыха ставропольцев. Сюда частенько наведываются и дачники. Одним словом, летом и в начале осени здесь всегда много людей. Однако, отдыхая в этом месте, необходимо помнить о том, что оно должно сохраниться и для многих поколений ставропольцев, которые постараются разгадать все ту же тайну Кравцова озера-болота, вернее, загадку его бессмертия.

Тропический остров былой жизни (Вишневая балка)

Вишневая балка — это чудо Земли.
Здесь отпечатки в камне нашли.
Остров тропический прежде здесь был.
Но человек эту тайну открыл...
И вот на поверхности камня застыли
Древняя муха, комар, стрекоза
Части заморских растений, что были
Жизнью цветущей в былые века...

...В последнее время стало появляться немало статей о Вишневой балке, но в большинстве своем — это просто перепечатка из книги известного краеведа В. Гниловского «Занимательное краеведение». Даже фотографии сканируются в черно-белом варианте. А ведь краеведение — это, прежде всего, процесс постоянного накопления знаний. Новые находки могут помочь в воссоздании более полной картины прошлого. Сила же человеческой мысли здесь заключается в том, что она способна связать все это воедино. Давайте же взглянем вновь на Вишневую балку, но уже с позиции сегодняшнего дня.

...1938 год. Лето. Вишневая балка Сенгилеевской котловины. Студенты, вместе с преподавателем Ставропольского педагогического института И. Зайцевым, исследуют горные породы неогеновых морей. Они пока не знают, что найденная в этой экспедиции окаменевшая муха возрастом 15 миллионов лет откроет новую страницу истории былой жизни Ставрополья.

И все же непонятно, как могло попасть это насекомое в камень? В былые времена над древним Караганским морем возвышались тропические острова, скорее всего, это был даже небольшой архипелаг. Над ним и летала муха, пока она не погибла, попав в ил одного из заливов. В течение длительного времени толща его, оседая на дно, накапливалась и спрессовывалась под своей тяжестью, превращаясь в горную породу. Но как все же могло сохраниться это насекомое, и еще так превосходно? Дело в том, что в иле нет воздуха, а значит, и содержащихся в воздухе бактерий, благодаря которым живые организмы разлагаются. Вот в таком саркофаге древняя муха и пролежала миллионы лет, пока ударом геологического молотка не была «освобождена» из каменного плена.

Первый год поиска принес кафедре географии Ставропольского государственного педагогического института 300 отпечатков неогеновых насекомых. Следует обратить внимание, что в краеведческой литературе того времени они назывались третичными, но этот термин в настоящее время учеными не употребляется. До 40-х годов XX века в мировых коллекциях насчитывалось не так уж много подобных находок неогенового возраста. Дело в том, что в неогене многие территории Земли уже освободились от морей, а отпечатки насекомых в основном извлекались из янтаря. Это и привлекло к такому кладбищу насекомых внимание ученых из Академии наук СССР. В результате кропотливой работы палеонтологов в Вишневой балке наша страна стала обладательницей самой большой в мире коллекции

каменных отпечатков насекомых, численностью 3000 экземпляров. По этому поводу даже написана книга Беккер-Мигдисовой «Третичные равнокрылые Ставрополья» (1964). Многие из экспонатов были обменены на другие образцы или проданы за рубеж. Надпись «СССР — Ставрополь. Балка Вишневая» теперь можно увидеть во многих музеях мира. Но все это было до Второй мировой войны.

...Вновь о Вишневой балке упоминается в книге В. Гниловского и Д. Панова «Природа Ставрополья» (1945). А подробный рассказ об этом удивительном месте можно прочитать в книге В. Гниловского «Занимательное краеведение» (1954), переизданной в 1974 году. До настоящего времени это лучшая книга в научно-популярной литературе по краеведению. В свое время она дала мощный толчок исследовательскому краеведческому движению Ставрополья.

За двадцать лет работы в Вишневой балке Сенгилеевской котловины мною были собраны краеведческие сведения и сделаны находки, детализирующие картину ставропольских островов неогена. Так, например, в 1999 году был найден на сколе камня отпечаток листа гинкго. Зная условия, необходимые для жизни этого растения — ровесника динозавров, можно смело утверждать, что, наряду со многими тропическими деревьями, на территории Ставропольского края росли гинкговые леса. Уникальными можно считать и отпечатки перьев птиц, найденные в караганских и верхне-чокракских отложениях Вишневой балки Сенгилеевской котловины. Среди караганских и чокракских горных пород неогена попадались и фрагменты костей наземных животных. Все это позволяет утверждать, что в былое время на этих островах наземная жизнь существовала более продолжительное время, чем принято считать.

...Сопоставляя новые краеведческие находки с теми, о которых в свое время писал известный краевед В. Гниловской, можно несколько детализировать описанную им картину. Надо отметить, что отпечатки насекомых в камне встречаются не только в Вишневой балке, но и в других местах Сенгилеевской котловины, например, в 2000 году в балке Третий лог горы Сенгилеевской я нашел отпечаток насекомого. Встречаются они в окрестностях хутора Молочного и Волчьих ворот и на северо-восточном побережье Сенгилеевского водохранилища. А если говорить о перспективе поиска, то это подножие склонов гор: Стрижамента, Сейны, Недреманной, а возможно, это будут и другие участки Ставропольской возвышенности, на поверхность которой выходят горные породы этого возраста. Сколько еще неразгаданных тайн былой жизни хранится в них?

Сенгилей

В котловине большой у горы Ставропольской
Голубым своим оком манишь путника ты.
Как огромный мираж средь степного простора,
Тихо плещется море пресной чистой воды.

...Всякий раз, когда я бываю на Сенгилеевском водохранилище, то благоговею перед этим чудом природы, преобразованным руками человека. Этот огромный водоем мирно покоится на дне глинистой котловины. Несмотря на то что Сенгилеевское водохранилище находится в 18 километрах западнее краевого центра, оно на административных картах входит в его границу. А все потому, что в настоящее время это единственный питьевой бассейн города Ставрополя.

Как и все материальные объекты на Земле, Сенгилей имеет свою историю. А начинается она с древнего Майкопского моря, существовавшего миллионы лет назад. Подобно Черноморскому бассейну, оно имело сероводородное заражение, поэтому глубже 150 метров в нем могли жить только бактерии. Это палеоген-неогеновое море, плескавшееся в незапамятные времена на территории Ставропольской возвышенности, оставило в «наследство» мощную толщу майкопских глин, которые находятся в самом низу котловины и выходят на поверхность по побережью водохранилища. В них можно встретить отпечатки рыб, водорослей, ракушек. Самой моей уникальной находкой был зуб акулы (в 1991 году).

...До 1947 года этот водоем представлял небольшое природное озеро, которое еще называли Рыбным. Его ширина была 2 километра, а средняя глубина — 7,5 метра. Озеро периодически то усыхало, то пополнялось водой из реки Егорлык. Оно было непроточным, а концентрация солей в нем доходила до 12 граммов на литр воды. Естественно, что человек мог использовать этот водоем лишь для целей рыбной ловли.

В 1948 году на месте Сенгилеевского (Рыбного) озера было сооружено водохранилище с подачей кубанской воды по Невинномысскому каналу. Водосборный бассейн резко увеличился, а вода в нем стала пресной. Изменились и очертания берегов, появились новые заливы, полуострова. В 1958 году водоем в длину стал 10, в ширину — 5 километров, а глубина его достигла 34 метров. Чтобы обойти водохранилище вдоль береговой линии, нужно пройти 40 километров.

Сенгилеевское водохранилище можно смело назвать Ставропольским морем. Особенно когда находишься рядом и слышишь всплески набегающих волн. Самый большой мыс Сенгилея — Шпиль. Он делит водоем на две неравные части. Именно в этом месте происходит водозабор воды, которая по трубам направляется в краевой центр. Это место лучше всего обойти, спускаясь с Волчьих Ворот, небольшого понижения в Ставропольской горе. Вдоль береговой линии проходим Ставропольский и Кубанский заливы, плотину и оказываемся на противоположном берегу водохранилища. Здесь в прохладе лесополосы можно отдохнуть, а при необходимости поставить палатку. Далее идем вдоль горы Сенгилеевской (401 метр). Ее склоны рассечены длинными оврагами-логами. Проходим Первый лог, Второй... Замечу, что Второй лог считается уникальным с научной точки зрения, ведь здесь произрастают эремурусы — растения, являющиеся реликтами Ставропольского края. А в Третьем логу можно найти красивые кристаллы гипса и гипсовые розы, образовавшиеся из солей, содержащихся в глинах. Между прочим, в 2000 году мной был найден здесь отпечаток насекомого в камне, о чем в краеведческой литературе не упоминалось прежде.

Самая интересная, на мой взгляд, — северо-восточная часть водохранилища, потому что здесь можно увидеть большое количество камней. Есть крупные, до метра, темно-коричневые караваеобразные конкреции солей железа, называемые сферосидеритами. Если ударить по их поверхности молотком, то они рассыпаются на отдельные скорлупки, узорчатые, неравномерно окрашенные в бурый, вишневый, черный и серый цвета. Твердые мергелистые ядра, что находятся в центре, могут быть окаменевшими скелетами морских ежей, живших миллионы лет назад в Майкопском море.

Можно заметить и круглые камни, издали напоминающие молодых барашков. Размеры их достигают больше одного метра в диаметре. Даже вблизи их поверхность — точно каракуль. Это мшанки — морские колониальные животные. Их колонии состояли из микроскопических, до одного миллиметра, особей.

Раскалывая камни на берегу водохранилища, вы можете обнаружить в них отпечатки рыбок, от 2—3 сантиметров до полуметра. Иногда попадаются фрагменты и более крупных рыб. Но все же в горных породах чаще встречаются ракушки и водоросли. Живописны и глинистые стены, точно бастионы, поднимающиеся над урезом воды.

Много в Сенгилеевском водохранилище рыбы. В XIX веке, когда озеро было соленым, здесь водились в основном сазан и голавль (чернопуз), затем появились карась и пескарь. В середине XX века, пустив в озеро воду реки Кубани, сделали из него огромное водохранилище. Теперь в нем можно увидеть зеркального карпа, судака, фореле-окуня, шемаю, водятся здесь рыбец и другие рыбы. Есть в Сенгилеевском водохранилище даже гибрид белуги и стерляди (бестер). По скорости роста он приближается к белуге, но, подобно стерляди, может постоянно жить в пресной воде и достигает половозрелости уже в 4-летнем возрасте, хотя самцу белуги для этого понадобится 12 лет. Уже в полуторагодовалом возрасте вес рыбы может достигать двух-трех килограммов. А взрослые особи достигают длины нескольких метров.

Много на Сенгилее и птиц. Несмотря на то что этот водоем не является местом их постоянного гнездования, пернатые прилетают сюда для кормления и кратковременной остановки. Среди птиц осенью и весной здесь можно увидеть большое количество уток. Из рыбоядных птиц (ихтиофагов) по водной глади Сенгилея плавают бакланы и лебеди-шипуны. Залетает полакомиться сюда рыбкой и белоголовый гусь — самый многочисленный вид гусиных в нашей стране.

...Обратно можно вернуться следующим путем. Вдоль балки реки Вишневой по проселочной дороге поднимемся до дач, а потом, пройдя через Русский лес, выйдем к автобусной остановке. Прощаясь с Сенгилеем, захотелось сказать:

Сенгилей, Сенгилей, Сенгилей,
Нет красивей тебя и милей!
Ставропольскому сердцу ты дорог!
Без тебя бы не вырос наш город!
Водоем средь бескрайних степей,
Сенгилей, Сенгилей, Сенгилей!

Ставропольский исполин (гора Стрижамент)

Среди степей стоит одна гора
С отметкой больше восьмисот.
Ее порой цепляют облака,
А ветер склоны все стрижет.
Степных просторов властелин
Поднялся из глубинных вод.
Теперь, как в сказке, исполин
Венчает ставропольский свод.

Маршрут: *станица Новоекатериновская (Кочубеевский район) — вершина горы Стрижамент (831 м). Протяженность маршрута (в одну сторону) — 1,5 км.*

На физической карте России между Черным и Каспийским морями можно увидеть отметку — 831 метр. Это гора Стрижамент — высшая точка Ставропольской возвышенности. На огромном пространстве Европейской части нашей великой Родины — южнее Хибин (Кольский полуостров) до Кавказских Минеральных Вод и от Калининграда на западе до Предуралья на востоке — нет вершины выше...

На вершину горы Стрижамент лучше всего взобраться со стороны станицы Новоекатериновской. По грунтовой дороге поднимаемся на вершину, где стоит триангуляционный пункт, указывающий, что мы достигли самой высокой точки горы (831 м).

...Откуда все же пошло такое странное, на первый взгляд, название? В былые времена здесь находилась одна из крепостей Азово-Моздокской оборонительной линии. Иностранное слово «ретраншемент» происходит от французского глагола, означающего — «отрезать». Или если его применить к военной терминологии, то получится — отрезать укрепление окопами. Этот термин в XVI—XIX вв. применялся к укреплениям, располагавшимся позади главной позиции обороняющегося. Многие русские это название не могли выговорить. К тому же сильный ветер в этой местности — постоянный гость, «стригущий» ступенчатые травяные склоны горы. Это природное явление, по-видимому, тоже внесло свою корректировку в рождение слова — «стрижамент».

А темнолесский ретраншемент возник в 1789 году, через 12 лет после постройки Азово-Моздокской оборонительной линии. На два года раньше появились три редута: Бударский — у южного подножия Стрижамента, Кубанский — на месте современного поселка Извещательного и Недреманный — на вершине одноименной горы. Задачей этих укреплений было прикрытие дороги, ведущей в Ставрополь, и перевала из долины реки Кубани в долину Егорлыка. Осуществлялась также связь между Азово-Моздокской и создаваемой Кубанской оборонительной линией.

Темнолесский ретраншемент располагался у бровки южного склона горы, с относительным превышением над окрестной равнинной частью на 300—400 метров. С этой панорамной точки как на ладони видна была долина Кубани и хорошо просматривались предгорья Кавказа.

Территория, занимаемая ретраншементом, в плане имела форму ромба, с периметром в 315 сажен (672 м). Стороны, ориентированные на юго-запад и северо-запад, стен или укреплений не имели, так как крутой обрыв, вдоль которого они протянулись, делал их практически неприступными. Оттуда было легко вести наблюдение и отражать нападения противника.

Тыловые стороны ретраншемента были ориентированы на юго-восток и северо-восток, а так как они располагались на поверхности плато, то были обнесены стенами и рвом.

Близ Стрижамента была построена дорога, от которой отходили ответвления на юго-восток, к верховьям Егорлыка, где в настоящее время расположена станица Новоекатериновская, и на северо-запад — по Малой поляне Стрижамента, в сторону бывшего редута у Извещательного.

В дальнейшем из ретраншемента возникла крепость, просуществовавшая до середины XIX века. Вскоре на поверхности плато появился поселок Стрижамент, первоначально называвшийся Форштадтом. В лесу, окружающем верховье балки Темной, со времен крепости сохранилось старое кладбище, где на могилах можно увидеть кресты, высеченные из «стрижаментского» известняка-ракушечника.

Жители крепости пользовались мощным родником, берущим свое начало в верховьях реки Темной. Он даже получил название — Госпитальный (Шпитальный). В двух километрах от крепости, на восточном склоне Стрижамента, в верховьях реки Егорлык, возникла станица Новоекатериновская, первоначально называвшаяся поселком Бабским. Такое название было связано с тем, что он заселялся семьями солдат, служащих в крепости, или специально поселяемыми здесь ссыльными женщинами.

...Даже если вершина горы Стрижамент встретит вас сильным, пронизывающим ветром, не спешите отсюда уходить. Посмотрите, какая прекрасная панорама открывается вашему взору. За Невинномысскими высотами виднеются предгорья Кавказа. На востоке сквозь синеватую дымку на горизонте просматривается вершина горы Брык (668 м) — это уже Прикалаусские высоты Ставропольской возвышенности. А за ней, немного правее, виднеются темные силуэты Кавминводских исполинов и их царь — Бештау (1401 м). В ясную погоду на восходе солнца отсюда можно увидеть даже Эльбрус (5642 м).

...Эльбрус-великан, словно призрак большой,
Застыл над широкой межгорной долиной.
Под солнцем сияет его шлем ледяной
Над спящим гигантом с двуглавой вершиной.

Как отмечал В. Гниловской, несколько миллионов лет назад Стрижамент вместе со всем Ставропольским плато поднялся со дна Среднесарматского моря. Глубокие балки древних рек отделили его от соседних возвышенностей, превратив гору в останец. Поверхность вершины представляет бронирующий пласт известняка-ракушечника, ниже залегает желтый мелкозернистый песок. Сами же склоны состоят из морских глин, застывших многочисленными гребнями «волн».

Хорошо постоять на вершине, наблюдая, как ветер колышет траву этого заповедного уголка ставропольской земли. Многие растения, произрастающие здесь, являются очень редкими, например, ветреница, колокольчик персиколистный, шафран, шпажник, ятрышники и др. Разнообразен и животный мир. Здесь водятся зайцы, кабаны, косули. А в последнее время, по сведениям старожилов, появились и волки. Много птиц, особенно орлов, грациозно парящих над вершиной, и жаворонков, поющих свою звонкую песню.

Каменная поэзия (каменный хаос на склоне горы Стрижамент)

Нет, это не в сказке, а наяву
Огромные глыбы застыли на склоне.
С карнизов плиты обломились они
И мхом поросли бархатистым зеленым.
Меж этих уснувших камней-великанов
Растут искривленных деревьев стволы,
Камни оплетших своими корнями,
Всегда находясь в состоянье борьбы.
...В любое время года и погоду
Прекрасен этот уголок земли,
Где ты стоишь средь каменного моря
Хранящей тайну царственной горы.

П.М. Гречишкин. На Стрижаменте (2001)

Маршрут: *Ставрополь — станица Темнолесская — гора Стрижамент — Каменный хаос.*

Можно выйти к объекту и со стороны станицы Новоекатериновской: вначале подняться на вершину, а затем пересечь Солдатскую поляну горы Стрижамент. Есть еще один маршрут — от хутора Извещательного. Идем наверх по асфальтированной дороге (6 км) до вершины, а затем еще 1,5 километра вдоль опушки леса; углубившись в лес, выйдем к Каменному хаосу горы Стрижамент.

Каменный хаос — памятник природы краевого значения, известный далеко за пределами Ставрополья. Он находится на северном склоне горы Стрижамент и протянулся почти на километр, а в ширину достигает двухсот метров.

В течение многих лет от края мощной бронирующей плиты известняка-ракушечника обламывались глыбы и, скатываясь вниз, застывали на склоне. Помогали этому процессу и землетрясения, случавшиеся на этой территории. В результате такой деятельности природы и образовалась эта застывшая каменная сказка. Представьте фантастическое нагромождение каменных глыб, покрытых бархатистым мхом, а из трещин известняка-ракушечника тянутся к солнцу ис-

кривленные стволы деревьев. Их корни, словно пальцы сказочных великанов, цепляются за края скальных выступов. В этом, на первый взгляд, кажущемся беспорядке слышится застывшая симфония времени.

В мощной плите известняка (8—10 метров) можно увидеть горизонтальную трещину — это вход в пещеру. Несмотря на то что местные туристы ее посещали неоднократно, в краеведческой литературе о ней только упоминается, но нет никаких конкретных данных. Поэтому я и решил восполнить этот пробел в местной спелеологии: назвал эту пещеру Стрижаментской, вычертил план и описал ее. Некоторые сведения об этой подземной полости будут полезны читателю. Суммарная длина пещеры — 30 метров. Проникнуть в это подземелье можно через узкую трещину в скале, напоминающую приоткрытый рот. Состоит пещера из двух довольно больших залов. Длина первого — десять метров. Его можно смело назвать Залом камней, потому что пол подземелья здесь завален глыбами известняка-ракушечника, обрушившимися со сводов пещеры. В этом зале всегда сумрачно, ведь солнечные лучи сюда практически не попадают. Сквозь

узкий лаз, двигаясь в северном направлении, через несколько метров мы попадем в другой уголок подземелья, который можно назвать Залом кольца. Продвигаться по этому «магическому кольцу» возможно лишь на четвереньках, а в некоторых местах — только по-пластунски. Если на протяжении всего этого подземного маршрута расставить горящие свечи, то романтические ощущения вам гарантированы. Кстати, имейте в виду, что из Зала кольца есть еще один лаз, который заканчивается тупиком. Этот участок проходить до конца не рекомендуется потому, что в нем можно застрять. Круглый год температура в пещере не поднимается выше 10 °С. В ней нет сталактитов и сталагмитов, но здесь можно увидеть свисающие с потолка корни растений с застывшими на них капельками воды. На полу подземелья под лучом фонарика сверкает желтый сарматский песок, а стены и свод — это классическая поэзия камня.

Сам по себе Каменный хаос представляет большой интерес для любителей вертикальных спусков и скалолазания. Здесь на краю известковой плиты можно отыскать трещины глубиной до 8 метров, путешествовать по дну которых тоже довольно романтично.

Каменный хаос является уникальным местом Ставропольской возвышенности: здесь и пещеры, и каменные лабиринты, составляющие единый природный комплекс. К тому же здесь есть все необходимое для отдыха: чистый воздух, родники, много растений, животных и птиц, занесенных в Красную книгу. Находясь в этом райском уголке Ставропольской возвышенности, нельзя забывать, что он — великое наследие нашей малой родины, которым будет восхищаться еще не одно поколение наших детей и внуков.

Око Ставрополья (гора Недреманная)

Как наземь положенный меч-кладенец,
Пред нами большая гора-останец.
Недремлющим оком взирая с высот,
Дозор ставропольской границы несет.
На подступах южного Града Креста
Она часовым замерла на века.
Здесь прежде казаки палили костры.
Твердя, как молитву, одно лишь: «Не спи!».
И враг не прокрался ни ночью, ни днем
К родимой земле, где сегодня живем.

Маршрут*: автотрасса Ставрополь — Невинномысск — карьер горы Недреманной. Протяженность маршрута (в одну сторону) — 1,5 км.*

...Желтый песок и камни... Пустынный пейзаж, практически лишенный растительности, окружает путешественника. Ноги проваливаются в песке, а сильный ветер свистит в ушах. Такое ощущение, что находишься на фантастической планете. Становится жутко и, только подняв голову и увидев над собой необычайно синее небо и ослепительное Солнце, с облегчением понимаешь, что стоишь на планете Земля, в карьере горы Недреманной.

Недреманный хребет Ставропольской возвышенности, точно гигантский меч, вытянулся с северо-запада на юго-восток, словно бы охраняя южные рубежи города Ставрополя. Сама же гора Недреманная (665 м) сыграла большую роль во время Кавказской войны. Здесь располагался казачий сторожевой пост. Казаки круглосуточно несли сторожевую службу и оповещали город Ставрополь о приближении опасности. Сигнальная связь была с горой Стрижамент, которая хорошо просматривалась с «неспящей» вершины. Караульным нельзя было здесь даже дремать, чтобы не пропустить врага. Отсюда и название горы — Недреманная. Кстати, и по сей день гора «не спит». Мощные оползни периодически выводят из строя примыкающий к горе участок автотрассы Ставрополь — Невинномысск.

Наше путешествие проходит по историческим местам, вместе с тем нельзя не восхититься и природным пейзажем. Недреманная — это своеобразная гора-останец, водораздел реки Кубани и верхней части реки Егорлык. Эта гора входит в состав Верхнеегорлыкского ландшафта и представляет его верхний ярус (500—831 м). По медико-географическим критериям эти высоты оптимальны для организации отдыха (Шальнев, 1995).

Как и все горы Ставропольской возвышенности, поднявшиеся со дна Среднесарматского моря, гора Недреманная состоит из трех слоев. Верхний слой «пирога» представляет собой пласт известняка-ракушечника, под ним — песок, еще ниже залегают глины.

Наверху столовой горы находится карьер, в котором наряду с ракушками былого моря можно найти

и другие природные сувениры. Например, дендриты, представляющие собой особую форму кристаллизации минералов, образующихся в мельчайших трещинках между пластами горной породы. Мастерица-природа в течение миллионов лет наполняла микротрещинки камней железистыми растворами и окислами марганца, пряча эти узоры от человеческого взора. Природа искусно изобразила черные ветвистые коралловые кустики, сказочными изваяниями застывшие на шероховатой поверхности камня. Чем дольше смотришь на этот «дендрарий», тем больше поражаешься его совершенству.

А на склонах горы можно увидеть песчаные «игрушки» природы, так называемые конкреции. Они состоят из песка, сцементированного известковыми растворами. Возможно, что в их образовании принимали участие и простейшие водоросли. Такие находки могут украсить любую геологическую коллекцию.

Впрочем, вы можете с собой ничего и не уносить, кроме переживаний, которые, возможно, возникнут после игры под названием «Песочные часы». Выберите укромное место с чистым песком. Сядьте так, чтоб позвоночник был в вертикальном положении. Зачерпните левой или правой рукой горсть песка. Медленно, точно песочные часы, пересыпайте его из одной ладони в другую, до тех пор, пока он не закончится. Набирайте песок снова и снова... Жизнь подобна сыпучему песку — вечный процесс движения, где все перетекает из одного состояния в другое.

Лодка среди степей (гора Бударка)

Земля безбрежного простора —
В огромном измерении степном.
А вот гора, что, точно лодка,
Перевернулась кверху дном.
Священно таинство общенья.
Когда гора и человек
В одно мгновенье единенья
Вдруг проживают целый век.
И пусть отпущено Бударке
Застыть на якорной судьбе, —
Но, словно к Триумфальной арке,
Я каждый год иду к тебе.

Маршрут: поселок Демино (Шпаковский район) — гора Бударка. Протяженность маршрута (в одну сторону) — 6 км.

Гора Бударка (абсолютная высота 613 м) — типичный останец Ставропольской возвышенности. Она находится в шести километрах к юго-востоку от поселка Демино. Этот памятник природы вы узнаете сразу, ведь издали её вершина похожа на опрокинутую лодку высотой 90 метров, затерянную среди бескрайних просторов распаханных степей. Видимо, это сходство и послужило поводом для названия горы — Бударка (Байдарка). Кстати, подобных «лодок» на территории Ставропольского края несколько. Например, невинномысская Бударка. Наверняка возникнет вопрос, почему эта гора отличается от классических столовых гор Ставрополья (Стрижамент, Недреманная, Сейна и другие). Дело в том, что, несмотря на «традиционное» геологическое строение, вершина горы представляет собой не ровный (плакорный) участок столовой горы, а узкий гребень. Особенно это хорошо видно в северо-восточной части, где ширина ее составляет менее одного метра. Это связано с тем, что глыбы известняка, отламываясь от вершины, скатывались не в одну, а в обе стороны.

А к юго-западу ширина поверхности «съеденной» столовой горы достигает десяти метров. На вершине Бударки можно увидеть несколько карстовых воронок глубиной до одного и в диаметре два — два с половиной метра. На северном склоне глыбы известняка образуют причудливые карнизы. Любители экзотики могут воспользоваться этой ровной поверхностью вместо стола. Только после трапезы не забудьте убрать за собой мусор. Перекусив, можно погулять по вершине горы и полюбоваться пейзажами. В хорошую погоду отсюда видна панорама, открывающаяся на юге горой Стрижамент и хребтом Недреманным, а на переднем плане возвышаются горы Сейна и Холодная.

Бударка хороша тем, что она доступна для путешественников практически любого возраста. Здесь есть и довольно крутые подъемы, где отдельные участки имеют крутизну склона до тридцати градусов, что наверняка привлечет начинающих горных туристов, особенно в зимнее время. В этом случае на подъем и на спуск с вершины понадобятся веревка и соответствующее туристское снаряжение.

Этот природный объект неспроста получил статус памятника природы: в весенний период на северном склоне горы, рассеченной двенадцатью балками, растут краснокнижные растения — горицвет весенний, пион узколистный и другие. В летнее время на склонах горы под порывами ветра колышется ковыль. Южный склон Бударки покрыт растительностью песчанистых мест: тюльпан Биберштейна, тырса, костер береговой, мятлик луковичный, астрагалы... Особенно большой интерес представляет редкое растение — май-караган, также занесенное в Красную книгу.

Хочется заметить, что Бударка родилась под счастливой звездой. Она находится в стороне от дорог, а потому ее вершина не так уж и часто атакуется туристами. Хотя в последнее время это место облюбовали пастухи, ведь с горы так хорошо наблюдать за стадом... И все-таки хочется надеяться, что этот «корабль» еще долго будет стоять на своем якоре, брошенном посреди бескрайнего моря ставропольских степей, пока время не разрушит его...

Застывшая волна Сармата (гора Сейна)

Над станицей Темнолесской есть огромный навес.
Как волна, но из камня, он застыл средь небес.
Сейна — эту гору на карте найдешь.
Ну а лучше, коль сам на нее ты взойдешь.
С вершины горы открывается глазу раздолье,
Вид на то, что зовется для нас Ставрополье.
Хребет Недреманный в дымке виден вдали,
И степные просторы кругом пролегли.
На юге застыл Стрижамент пред тобой...
Сейну можно назвать сарматской волной.

Маршрут*: станица Темнолесская (Шпаковский район) — гора Сейна (663 м). Протяженность маршрута до вершины (в одну сторону) — 3 километра.*

До станицы Темнолесской Шпаковского района можно добраться, например, на рейсовом автобусе от краевого центра. Эта станица возникла в конце

XVIII столетия на реке Егорлык, а название получила по имени Темного леса, растущего на соседней с ней горе Стрижамент.

Сейна, или, как местные жители ее называют, — «навес», возвышается над станицей Темнолесской с севера. Круто, точно бастионы, обрываются ее каменные стены в самой верхней части плоской, как футбольное поле, столовой горы. Перепад высот от подножия к вершине — больше двухсот метров. В зимнее время создается такое ощущение, что ты восходишь на заснеженную горную вершину.

Сейна вроде бы ничем не отличается от других ставропольских гор. Но не будем спешить. Давайте лучше поднимемся на ее вершину (663 м). Однако нас будет интересовать не вершина, а окраинные части ее известковой плиты, подстилаемой светло-желтым мелкозернистым песком.

Ветер, почти всегда дующий на вершине, выдувает песок, образуя ниши и карнизы, нависающие над склоном причудливыми козырьками. Проходит время, и они обрушиваются, создавая на крутом склоне каменный хаос. Так ветер со временем «съедает» столовую гору, открывая нам тайны Среднесарматского моря.

Одна из них — это образование в песке конкреций (стяжений), состоящих из каменных шариков и круглых лепешек, сцементированных между собой. А возникли они потому, что вода, просачиваясь по трещинам известняка-ракушечника, насыщается известковым раствором, который и сцементировал песок. Но все же нельзя, наверное, быть таким категоричным в ответе. У природы — великого немого скульптора — есть свои тайны, «кулинарные» рецепты, позволяющие ей из простого материала (песка и глины) лепить такие шедевры. Возможно, она использовала в своей работе водоросли, микроорганизмы и т.д.

Такие фигурки очень похожи на маленькие желтовато-серые игрушки. Человек с богатым воображением найдет здесь неисчерпаемую пищу для фантазий. Чего только не увидишь в игре форм: птичек, различных зверей, включая Чебурашку, виноград, земляной орех и т.д. Причем надо отметить, что размеры конкреций варьируются от одного до двадцати сантиметров. В. Гниловской любовно называл их — «цацки». Я бы хотел внести еще одно название — «игрушки» природы. Однако как бы мы их ни называли, от этого они не перестанут восхищать нас своим разнообразием форм. Интересными краеведческими находками на горе Сейне могут стать и дендриты.

Дендриты в переводе — «деревца».
Миниатюры на поверхности шершавой
Пород различных, иногда известняка,
Но выглядят довольно величаво.
По трещинам на камне, меж пластами.
Идет таинственный процесс порой.
Его обычным глазом не увидишь,
Но поражает он таинственной игрой:
Используя для красок минералы.
Растворы марганца, железа иногда,
Творит волшебница-природа —
Шедевры получаются всегда.

О таких ветвистых «растениях» хорошо пишет в своей книге «Занимательная минералогия» академик А.Е. Ферсман. Но прочитать — это одно, а найти самому в природе — совершенно другое дело, особенно когда ведешь поиск наугад, где удача — всего лишь случай. Сколько нужно переколоть камня, чтобы на свежем сколе его поверхности увидеть дендриты...

Представьте себе миниатюрные сказочные изваяния — меньше сантиметра, но очень напоминающие снежинки, только черные. Они, словно бы упав с неба, застыли на серой поверхности горной породы. Кажется, дотронься до них или дохни своим теплом, и они растают. Под увеличительным стеклом отчетливо видно совершенство их симметрии, выполненной искусным гравером — природой.

Образование таких дендритов началось, по-видимому, из определенных центров. Или красящего вещества было мало, а может быть, сыграла роль слабая трещиноватость на поверхности камня, но «снежинки» не слиплись между собой в ветвистый узор, похожий на игру мороза на стекле. В этом, как мне кажется, и заключается их оригинальность.

Карниз горы может вызвать большой интерес для исследователей, изучающих ниши и пещеры. Кстати, в краеведческой литературе довольно скупые сведения обо всем этом.

Рядом с Сейной находится гора Холодная (601 м), которая отделяется от первой небольшой седловиной, также называемой Волчьими воротами. По седловине проходит грунтовая дорога. На склонах горы видны следы оползней, обвалов. С гладкой, точно доска, поверхности Сейны в ясную погоду видны магматические горы КМВ. Ну и, конечно же, столовые горы Ставропольской возвышенности: Стрижамент, Холодная, Бударка.

На вершину «носатой» горы (гора Круглая)

Маршрут: Ставрополь — пос. Демино — озеро Вшивое — гора Круглая (613 м). Протяженность маршрута (в одну сторону) — 11 км. Можно подняться на эту вершину и со стороны станицы Темнолесской. Вначале взойти на гору Сейна (663 м), а уже с нее отправиться на гору Круглую (613 м). Протяженность такого маршрута в оба конца меньше (7 км), но перепад высоты больше.

Из краевого центра до поселка Демино можно добраться автобусом №27 или маршрутным такси. От конечной остановки идем по трассе (3 км) на юго-восток до озера Вшивого. Движемся по дороге вдоль вырубленной лесопосадки на юг. Ориентиром может служить гора Бударка (о ней было уже рассказано). От нее продолжаем путь на юг (2 км), а затем начнем подъем на перемычку между горами Сейна и Круглая. Если присмотреться, то эту гору скорее можно назвать не «круглой», а... «носатой». В длину ее столовая вершина достигает 375 метров при максимальной ширине 150 и минимальной — чуть больше 10 метров.

Когда-то давно Круглая и Сейна были единым массивом. Но со временем, в результате человеческой деятельности, между ними образовалась ложбинка. Вероятно, на вершине Круглой что-то искали — она перекопана в нескольких местах. Здесь и сегодня встречается очень много черепков древней керамики.

Интересно прогуляться вдоль обрывистых склонов Круглой. На ее северном склоне, где сохраняется больше влаги, растут деревья и кустарники. На восточном склоне под плитой известняка-ракушечника залегает мощная толща сарматского песка. В нем даже зимой живут птицы в вырытых ими песчаных гнездах.

Чтобы полностью обойти по краю вершину Круглой, или, как мы ее еще прозвали, — «носатой», придется пройти около 900 метров. В зимнее время, когда здесь дует очень сильный ветер, сделать это не так-то просто. Зато летом на широком и довольно ровном восточном склоне можно даже погонять в футбол.

С вершины открывается красивая панорама Ставропольской возвышенности. Как в такие мгновения не ощутить себя Робинзоном на небольшом острове, затерянном среди простора ставропольских степей!

Предложенный маршрут можно пройти за один день. Но если вы располагаете временем, то лучше переночевать в палатке. Для этого спуститесь на седловину между Сейной и Круглой, где среди деревьев можно обустроить бивуак. Недалеко от этого места есть родник, так что дефицита питьевой воды вы испытывать не будете.

Обратно можно вернуться тем же путем или спуститься в станицу Темнолесскую.

Косякинский карьер

Сарматское море ушло безвозвратно
Дно сушею стало... В былые века
Тут климат был жаркий и влажный,
Животных наземных гуляли стада.
Здесь жил мастодонт и носатый тапир,
Длинношеий жираф и стада лошадей.
Из хоботных был динотерий гигантский,
И много еще интересных зверей.
Паслись они мирно, бродя берегами
Широкой реки, что рождалась в горах.
Вода им последним пристанищем стала,
Сокрыв их останки в слоистых песках.
Шло время, и тайна осталась бы тайной,
Но люди песок извлекли из земли,
И вскрылась страница истории давней
Саванн ставропольских и древней реки.

Маршрут: *Ставрополь — новая автостанция (в Юго-Западном районе) — Косякинский карьер. Протяженность маршрута (в одну сторону) — 3 км.*

Если на городском транспорте доехать до новой автостанции, то увидим, что направо от трассы Ставрополь — Невинномысск, в западном направлении, отходит асфальтовая дорога. Через три километра она приведет нас к Косякинскому карьеру.

В 30-х годах XX века здесь были найдены останки крупных животных. Подобные находки делались и в более позднее время. Тогда этот палеонтологический музей под открытым небом заинтересовал сотрудников Ставропольского педагогического института, краеведческого музея и палеонтологического института АН СССР. А в 1961 году это место было объявлено палеонтологическим памятником природы. Со временем ученым открылась следующая картина: в далеком прошлом в этой местности протекала широкая река, берущая начало в горах Кавказа. Местный климат тогда был жаркий, но влажный. А жили здесь предки слонов — мастодонты, и самый крупный из представителей хоботных — динотерий. Бивни у него располагались на нижней челюсти и были загнуты вниз в виде крючков. Динотерий был вегетарианцем и питался сочной растительностью, росшей на берегу реки и на болотистых участках.

Прежде на территории Ставропольской возвышенности жили жирафы, антилопы, газели, гиппарионы (трехпалая лошадь), напоминающие современную зебру, бегемоты, олени, лоси и амфицион (животное, похожее одновременно на медведя и собаку). Всего — пятьдесят видов экзотических животных! Возможно ли такое? Разгадка оказалась довольно проста. Вода реки сносила трупы погибших животных и хоронила их останки в слоистых песках нынешнего Косякинского карьера.

Экспонаты, найденные в Косякинском карьере, теперь находятся в коллекции палеонтологического института, часть их хранится в Ставропольском краеведческом музее имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве и на кафедре физической географии Ставропольского государственного университета. Довольно подробно об этом написано в книге В.Г. Гниловского «Занимательное краеведение».

В настоящее время палеонтологический памятник оплыл и зарос. Но если вы любите путешествовать и склонны к краеведческим исследованиям, то, возможно, вам удастся в этом месте найти кости такого зверя, которого еще не знала наука.

Кармалиновский карьер

В одном карьере ставропольском
Эласмотерий найден был в песках.
Он был крупней любого носорога
И на речных давно жил берегах.

Маршрут*: Станица Кармалиновская (Новоалександровский район) — Кармалиновский карьер. Протяженность маршрута (в одну сторону) — 3 км.*

В Ставропольском крае очень много песчаных карьеров. Среди них есть необычные, например, Кармалиновский, что находится северо-западнее одноименной станицы Новоалександровского района. В 30—40-х годах XX в. здесь были обнаружены кости наземных животных, захороненных в красноцветных косослоистых речных отложениях.

Еще в 1939 году известным краеведом В.Г. Гниловским были описаны такие многочисленные находки. В дальнейшем ученые пришли к выводу, что здесь была устьевая часть реки. Дельтово-речной режим накопления твердых осадков способствовал отложению в этом месте сносимых с островов останков животных. В то время (1—2 млн. лет назад) Ставропольская возвышенность еще не приподнялась на современную высоту, а представляла в основном низменность.

В этом карьере найдены, например, кости эласмотерия. Это были травоядные копытные животные, близкие к тапирам и носорогам, но превышающие своих сородичей по размеру. Их череп, около метра длиною, был увенчан одним большим и одним малым рогами. Сложно устроенные зубы говорят о том, что эласмотерии питались твердыми корневищами водных растений. Это было довольно крупное животное высотой до 2,5, а длиной — 4 метра. И весил этот зверь 4—5 тонн.

В Кармалиновском карьере найдены также зубы осетровых рыб, позвоночники морских млекопитающих, кости птиц и наземных животных: мастодонта, кабанов, энигматерума — оленя с большими рогами.

Интересные находки сегодня хранятся в краеведческом музее имени Прозрителева и Праве. Они напоминают нам об этом уникальном палеонтологическом памятнике природы, где были найдены кости древних животных, живших на территории края 1—2 миллиона лет назад.

Поэзия Татарских скал (окрестности села Верхняя Татарка Шпаковского района)

Древнего моря желтый оскал
Остался на суше полоскою скал.

Маршрут: *село Верхняя Татарка — Татарские скалы и их окрестности. Протяженность маршрута (в одну сторону) — около 3 км.*

Из краевого центра до села Верхняя Татарка добраться можно рейсовым автобусом или маршрутным такси. А если позволит погода, то лучше всего прогуляться пешком.

На автобусе или маршрутном такси доезжаем до рынка «Южный». Далее идем по старой дороге Ставрополь — Невинномысск до Татарского леса. С трассы сворачиваем влево (по ходу движения) и по лесному массиву идем вдоль глубокого оврага до села Верхняя Татарка. Такое путешествие в пять километров займет чуть больше часа.

Можно ли ходить по дну моря? Кое-кто ухмыльнется в ответ. Но давайте все же будем романтиками и отправимся на прогулку по дну древнего Среднесарматского моря, отхлынувшего от окрестностей Ставрополя миллионы лет назад. Мелкое, слабосоленое, оно простиралось на большие расстояния, связывая нынешние Аральское, Каспийское и Черное моря, а на севере доходило до Среднерусской возвышенности. Сегодня этого моря уже нет. Однако, прогуливаясь по его бывшему дну, приподнятому внутренними силами Земли в неогене, мы можем увидеть слоеный сарматский «пирог», состоящий из чередующихся пластов глин, мергеля, песка и известняка-ракушечника.

В статистическом отчете о Ставропольской губернии инспектора народных училищ А. Твалчрелидзе (1897) читаем: «От Ставрополя до Татарки 11 верст. Село Татарское расположено в глубокой балке, закрытой высокими и крутыми горами. Через село протекает речка Татарка».

«Название «Татарка» получили многие села края — по имени первоначальных жителей этих мест, которых русские переселенцы обычно, не вникая в их национальные различия, называли татарами» (В. Гниловской, «Занимательное краеведение»).

За селом, в верхней части склона Ставропольской горы, на протяжении 500 метров на поверхность выходит мощный пласт известняка-ракушечника — это и есть Татарские скалы. Пяти-, семиметровыми волнами застыли нависающие скальные карнизы, молчаливо свидетельствующие о былом море. В нижней части скал пласты известняка переслаиваются песком, который, осыпаясь, образует узкие и неглубокие (до пяти метров) пещерки.

Интересна для осмотра пещерка, образовавшаяся в трещине между наклонной известняковой плитой и обвалившейся глыбой известняка-ракушечника. Ее длина — 8, ширина — 0,7 и высота — 1,2 метра.

Здесь же — загадочные гигантские ниши Татарских скал. Самая, пожалуй, крупная из них имеет длину — 17, а высоту — 4 метра. Даже большая группа путешественников может спрятаться под этим экзотическим каменным укрытием от дождя.

Ничто не вечно в этом мире, даже могучие скалы. Из их трещин растут деревья, своей корневой системой разрушая камни. Ветер, вода и перепад температуры оставляют на глыбах свои причудливые автографы. Пройдут века, и от каменных исполинов останется лишь песок. А пока мы можем любоваться их первозданной красотой.

Наверху нашему взору открывается прекрасная панорама. Прямо перед нами — гора Ставропольская, по склону которой серой лентой вьется трасса Невинномысск — Ставрополь. На юге в синей дымке утопает гора Стрижамент (831 м). Просматриваются и очертания столовой горы Недреманной (665 м). Радуют глаз зеленый массив Татарского леса и бескрайние просторы ставропольской степи.

Интересны и окрестности Татарских скал, скрывающие тайны былых эпох, к которым можно прикоснуться. Для этого возьмем в руки геологический молоток и отправимся на поиски древних ракушек. Как немые знаки, они скрываются в морских отложениях. Если посмотреть на поверхность известняка под увеличительным стеклом, то хорошо видны перетертые прибоем раковины, среди которых своеобразный гигант — кардиум фиттони. Этот двустворчатый моллюск был характерен для Среднесарматского моря, а потомки его в настоящее время населяют Черное море.

Сердцевина раковины его была украшена 10—13 округлыми ребрами с широкими промежутками между ними. Ребра покрыты грубыми шипами, а в межреберных промежутках имеются едва заметные радиальные полосы. Ракушки мелкого моря нуждаются в предохранительных покровах, или щитах, ведь они перебрасываются волнами и постоянно получают удары. Для самосохранения они обычно покрываются массивной, крепкой раковиной. Такой известковый покров — у моллюска мактра пондероза. Особенно мощные «панцири» можно обнаружить в самых верхних пластах известняка, где были прибрежные полосы. А в толщах песка сохранились и целые экземпляры раковин брюхоногих моллюсков. В эти мгновения поиска ты чувствуешь себя не только исследователем, но и философом жизни.

Я рылся в песке,
как ребенок большой,
И ракушку поднял,
что нашла здесь покой.
А ведь прежде она
в море теплом жила,
Но время прошло...
Здесь нынче гора.
Я держу на руке
бывшей жизни спираль,
Понимая, что тоже
унесусь в ту же даль.
Все уйдет, чтобы снова
прийти, как всегда,
Из большого земного
колеса бытия.

Вот и закончилась наша прогулка по дну древнего моря, но тем, кто проникся живым интересом к сарматской тайне, можно самим «полистать» эти удивительные страницы истории природы Ставрополья.

Текст печатается по изданию:
Гаазов В.Л. Путешествие по ожерелью Северного Кавказа. — Ставрополь: ПБОЮЛ Надыршин А.Г., 2004.

А.И. Кругов, А.В. Найденко, Г.А. Беликов. **Ставрополь**

Ставрополь — административный центр края. Город возник на месте крепости, заложенной 22 октября 1777 г. Расположен в центральной части Предкавказья на Ставропольской возвышенности (в пределах высот от 480 до 644 м над ур. м.) в верховьях р. Ташлы (бассейн Восточного Маныча) на 45° северной широты и 42° восточной долготы.

Город занимает площадь 244,8 кв. км. Его территория вытянута с юго-запада на северо-восток на 30,5 км и с юга на север — на 16,5 км; протяженность границы — 153 км. На 1 января 2001 г. в нем проживало 339,5 тыс. чел. более чем 40 национальностей.

Климат умеренно континентальный, с жарким, временами засушливым летом и умеренно холодной зимой с сильными ветрами. Расположение города в относительно низких широтах обусловливает интенсивный приток солнечной радиации. Характерная особенность климата — обилие солнечного света и тепла. Продолжительность солнечного сияния — 2187 часов в год. Число пасмурных дней — около 70 (ноябрь—декабрь).

Климатические особенности города лучше всего прослеживаются по сезонам. Начало осени характеризуется устойчивой теплой и солнечной погодой. Зима, как правило, наступает в последних числах ноября. Она короткая — 2,5—3 мес., средняя температура января минус 3—7°С. Среди зимы ежегодно наблюдаются оттепели с температурой воздуха до плюс 5—10°С, иногда вызывающие сход снежного покрова. Весна обычно наступает в первой декаде марта, лето очень теплое. Среднемесячная температура в июле плюс 22—25°С. Существенные температурные различия возникают между западными, восточными и центральными частями города, между низкими и наиболее возвышенными территориями. Осадков выпадает около 350 мм в год. Сейсмичность оценивается 7-ю баллами.

Рельеф местности неоднородный — водораздельные плоские равнинные участки сменяются глубоко врезанными в рельеф долинами рек и балками. Земельный фонд в пределах городской черты на 1992 г. составлял более 19 тыс. га. Ставрополь расположен в зоне лесостепи. Основными типами растительности являются леса и луговые степи, город окружен лесными массивами: Русским, Таманским, Круглым, Мамайским, Грушевским, Татарским. Главные породы деревьев — дуб черешчатый и скальный, бук восточный, ясень обыкновенный, граб.

Основную гидрографическую сеть города составляют мелкие речки и ручьи балочных систем Егорлыкского и Калаусского бассейнов. На покрытом лесом западном склоне берут начало речки Татарка, Грушевая, Вишневая, Липовая, Гремучка, Бучинская и Вербовая. С запада на восток территорию Ставрополя пересекают Чла, Ташла, Мутнянка, Мамайка, Желобовка, ручей Волчий. Наиболее крупной речкой города является Ташла, ее протяженность 14,7 км. Озеро Кравцово, расположенное в районе хутора Грушевого, служит местом отдыха горожан. Город снабжается водой из Сенгилеевского водохранилища.

В пределах городской черты, в пригородной зоне, известны месторождения глины, песка, известняка.

Ставрополь дореволюционный

Здешние места люди осваивали с древних времен. Хронологически это зафиксировано с эпохи бронзового века (III—II тыс. до н. э.). В 1981 г. ученый-краевед С.К. Даль открыл в нижней части города, на обширном мысе левого берега р. Ташлы, поселение раннебронзового века, обитатели которого принадлежали к племенам так называемой майкопской культуры.

В разных точках Ставрополя и его окрестностях, в частности на берегу р. Мамайки, археологами были найдены предметы из разрушенных древних погребений курганов средне- и позднебронзового века II — начала I тыс. до н. э.

В окрестностях города, на возвышенных естественно защищенных природой обрывистых мысах речек и оврагов, возник ряд небольших городищ и поселений. Некоторые из них имеют самое непосредственное отношение к древнейшей истории Ставрополя. Так, Татарское городище, расположенное на южной окраине краевого центра, является одним из самых крупных и значительных памятников Центрального Предкавказья (площадь городища около 200 га). Исследования, проводимые здесь профессором А.А. Кудрявцевым, выявили сложный процесс ассимиляции и трансформации местной и пришлой скифской культур, засвидетельствовали важнейшие сдвиги в хозяйстве и быте кочевников-скифов. Поселения в верховьях р. Каряжки и третье Ташлянское городище (находится в Ташлянском лесу) также имеют прямое отношение к древней истории Ставрополя и документируют заселение этой важнейшей территории в столь ранний период.

Наиболее изученным из древних памятников является Грушевское городище (VIII—III вв. до н.э.) на юго-западной окраине города, которое исследовалось ряд лет под руководством доцента А.В. Найденко. В полукилометре от городища археологи обнаружили могильник, в котором сохранились предметы того далекого времени.

Немыми свидетелями древней культуры являются скифские курганы, раскопанные археологом Т.М. Минаевой на окраине Ташлянского леса, на берегу р. Мамайки. В этих погребениях обнаружены различные предметы вооружения и украшений скифов, остатки жертвенных комплексов, конское снаряжение.

На Ставропольской возвышенности выявлены также памятники сарматской эпохи. Здесь, по мнению многих авторитетных ученых, происходило формирование одного из важных центров сарматского племенного объединения сираков.

В Ставрополе и его окрестностях обнаружены многочисленные предметы и памятники эпохи раннего железного века: разнообразные сосуды, обломки мечей и ножей, наконечники стрел, предметы украшений, в т.ч. золотые и серебряные изделия.

Средневековая история Северного Кавказа тесно связана с аланами, гуннами, болгарами, савирами, аварами, хазарами и другими кочевыми народами.

Первые из них появились в степях Предкавказья еще в конце I тыс. до н.э., а последние стали обитателями этих территорий после нашествия гуннов в конце IV в. н. э., получившего в исторической литературе название великого переселения народов. Близ Ставрополя обнаружены многочисленные находки предметов и захоронений, характерных для кочевнической среды того времени.

В XIV—XVIII вв. территория Ставропольской возвышенности входила в ареал кочевий позднесредневековых степняков: ногайцев, калмыков, туркмен и др. В XVII—XVIII вв. началось проникновение в эти края казаков и беглых крестьян, которые строили казачьи посты, станицы.

Ставрополь был основан в 1777 г. как одна из 10 крепостей Азово-Моздокской оборонительной линии, созданной для охраны южных границ России. Ее строили драгуны Владимирского полка и хоперские казаки. К 24 октября 1777 г. военные закончили земельные работы по устройству крепости, которая представляла собой неправильный многоугольник. Длина ее стен составляла 1630 м, а занимаемая площадь равнялась 10 га. В строительстве крепости, кроме солдат и казаков, принимали участие ногайцы, подвозившие на своих арбах строительный материал.

«По прибытии хоперских казаков в Ставропольской крепости для них тотчас же был отведен участок земли к северо-востоку (район Нижнего рынка), — отмечал краевед Г.Н. Прозрителев. — Здесь-то, собственно, и началось первое поселение нынешнего города. Казаки поставили незатейливые постройки, которые не отличались красотою, но военным людям, пришедшим на Кавказ для укрепления границ, и некогда было думать о красоте и удобстве своих жилищ; они старались скорее заложить их основание и потом приняться за главное дело — оружие...». Для обороны казаки обнесли свою станицу земляным валом. У ворот возвели сторожевые вышки.

В 1779—1780 гг. Ставропольская крепость подверглась нападению горцев-закубанцев, но была спасена «удальством горсти казаков», которые даже взяли в плен их предводителя Аслан-Гирея. У крепости, помимо казачьей станицы, возникли Солдатская слобода и мещанский Форштадт. Появились первые улицы: Казачья, Хоперская, Станичная. Казаки несли кордонную (пограничную) службу, обеспечивали безопасность почтовых трактов. В свободное время занимались хозяйством, охотой, разводили сады. С прибытием переселенцев из центральных губерний России для них была отведена земля по Ташле. Там образовался первый пригородный район, так называемое Ташлянское предместье.

В 1785 г. поселение при крепости получило статус уездного города, в котором были учреждены присутственные места и магистрат (орган городского сословного правления). Первым бургомистром Ставрополя (1786 г.) был купец Козьма Яковлев, а ратманом (советником) — купец Карп Колесников.

В первые месяцы Отечественной войны 1812 г. в городе прошел сбор денежных средств, продуктов, скота, верховых лошадей для нужд армии. Таганрогский драгунский полк, дислоцировавшийся в крепости, был отправлен в район боевых действий.

В 1822 г. город стал центром Кавказской области, а с 1847 г. — Ставропольской губернии. На Крепостной горе был возведен кафедральный собор во имя Казанской иконы Божьей Матери, ставший главным православным храмом епархии. Святым местом считался Иеремиевский источник. В городе находился женский Иоанно-Мариинский монастырь, в котором проживало 500 монахинь и послушниц. В этот период Ставрополь превратился в крупный христианский центр на юге России, где несли свою духовную службу многие известные епископы и архиепископы — Иеремия, Игнатий, Герман, Владимир, Евгений, Агафодор и др. Наряду с православными храмами в городе действовали лютеранская церковь, еврейская синагога, мечеть, костел.

В те годы Ставрополь являлся военным центром всего Предкавказья. Здесь находились командующий войсками Кавказской линии и Черномории, штабы отдельных дивизий и бригад, войсковой штаб при наказном атамане Кавказского линейного казачьего войска. Отсюда велось снабжение частей русской армии, находившихся в регионе. Со Ставрополем тесно связаны имена генералов И.Д. Попко, Х.Е. Попандопуло, П.Х. Граббе, В.О. Гурко, Г.К. Властова, Н.Е. Никифораки, которые внесли значительный вклад в становление и развитие города.

В 1837 г. приехавший в Ставрополь Николай I преобразовал уездное училище в первую на Кавказе мужскую гимназию. При ней открыли подготовительное отделение и пансион для горской молодежи. В гимназии работали замечательные педагоги: Я.М. Неверов, Е.А. Нарбут, Ф.В. Юхотников, Н.И. Воронов, Омар Берсей, М.В. Краснов. На базе Ставропольской гимназии стала формироваться местная интеллигенция — как из среды славянских, так и коренных народов. Среди выпускников гимназии талантливый литератор абазин Адиль-Гирей Кешев, выдающийся осетинский писатель К.Л. Хетагуров, известный востоковед К.П. Патканов, крупный историк А.С. Трачевский, директор Лазаревского института восточных языков Г. Кананов, первый переводчик «Капитала» К. Маркса на русский язык Г.А. Лопатин.

В 1849 г. открылось первое на Северном Кавказе женское среднее учебное заведение — училище Св. Александры. Его целью было «воспитание хороших матерей семейств, скромных и попечительных хозяек». В 50-е годы здесь обучалось более 100 «благородных девиц, дочерей купцов и почетных граждан». Позже (1870 г.) было открыто Ставропольское казачье юнкерское училище, в котором также действовали «воскресные» школы для взрослых. В Михайловском ремесленном училище готовили литейщиков, слесарей, токарей.

С 1839 г. стала работать первая общественная библиотека, с 1852 г. — Ставропольская публичная библиотека. По свидетельству Н.И. Воронова, в ней насчитывалось «до 1000 названий книг и выписывалось 17 русских, 6 французских и одно немецкое периодическое издание». Главную статью дохода библиотеки составляла плата, взимаемая с ее подписчиков (читателей) за право чтения. Среди ее читателей были исследователь Кавказа Н.Я. Динник, историк и этнограф Е.Д. Фелицын, директор гимназии Я.М. Неверов и другие известные горожане. Первым директором-распорядителем библиотеки стал В. Г. Терещенко.

Наибольшей популярностью у горожан пользовались газеты «Ставропольские губернские ведомости» (первый номер вышел в 1850 г.), «Ставропольские епархиальные ведомости» и «Северный Кавказ». Последняя отличалась демократической направленностью. С ней активно сотрудничали

К.Л. Хетагуров, А.К. Лопатин, Я.В. Абрамов (один из идеологов либерального народничества). Публиковались «Труды Ставропольской ученой архивной комиссии», «Сборники статистических сведений», «Памятные книжки Ставропольской губернии».

В литературе видную роль играл И.Д. Сургучев, автор повести «Губернатор», пьес «Торговый дом» и «Осенние скрипки», которые с успехом шли на сцене Александрийского и Малого театров (ныне вновь включены в современный репертуар Ставропольского академического театра драмы им. М.Ю. Лермонтова). Со Ставрополем связана большая часть жизни и творческой деятельности К.Л. Хетагурова.

Развитие музыкальной культуры города было связано с деятельностью В.Д. Беневского, родившегося и прожившего всю свою жизнь в Ставрополе. Им были созданы детские оперы «Красный цветок» и «Сказание о граде Леденец», написан ряд музыкальных произведений, вошедших в сборники «Народный хор», «Школьный друг». Беневский написал на слова Я. Репинского знаменитую песню о крейсере «Варяг» — «Плещут холодные волны», ставшую известной всей России. В Ставрополе любили и пели казачьи, хороводные, свадебные песни и церковные — святочные, великопостные, пасхальные. В распространении музыкальной культуры среди народа большую роль играли многочисленные церковные хоры.

Постановка оперы В.Д. Беневского «Сказание о граде Леденец» в Ставропольской губернской гимназии

Развивалось театральное искусство. В 1845 г. при содействии купца И. Ганиловского в Ставрополе открылся первый на Кавказе театр. В те годы в нем выступала известная киевская труппа антрепренера К.М. Зелинского. Впоследствии было построено новое здание театра «Пассаж», а в Воронцовской роще возведен трехъярусный летний театр Пахалова.

Яркий след в архитектурном облике Ставрополя оставило творчество зодчих: братьев Бернардацци, А.И. Бернштейна, П.Г. Воскресенского, А. Славянского, Ф.К. Прозоровского, С.Д. Лазарева, Г.П. Кускова. Они проектировали и возводили здания духовной семинарии, городской думы, губернаторского дома, гостиного ряда на Александровской площади и др. «Крепко строили этот город, — отмечал писатель И.Я. Егоров. — Закладывали глубокие фундаменты. Неторопливо тесали пористый известняк-ракушечник, удобнейший строительный материал, и возводили стены такой хозяйственной добротности, что дома из поколения в поколение переходили по нотариальным записям без всяких изъянов, выражая в полной мере понятие «недвижимое имущество». К середине 50-х гг. XIX в. в городе насчитывалось 5 площадей, 44 улицы, 280 каменных и 1800 деревянных строений.

Ставрополь посетили многие известные люди России: военные и ученые, поэты и медики, писатели и музыканты А.В. Суворов, А.П. Ермолов, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Бестужев-Марлинский, Л.Н. Толстой, М.И. Глинка, А.А. Алябьев, Н.И. Пирогов, Ф.И. Шаляпин.

5 июля 1878 г. сенат официально утвердил герб Ставропольской губернии и города Ставрополя. В описании герба было сказано: «В зеленом щите, на серебряной горе, золотая, зубчатая, с черными швами и открытыми воротами, крепостная стена, сопровождаемая во главе щита серебряною о пяти лучах звездою. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою».

По мере заселения и экономического освоения Предкавказья Ставрополь приобретал значение важного торгового и транзитного центра. Особую роль играл Черкасский тракт, соединявший Россию с Кавказом. По нему двигались войска, обозы и переселенцы. К городу также подходили Царицынский и Черноморский тракты, которые, слившись здесь с Черкасским, рождали Тифлисский тракт. С открытием движения в 1897 г. по железнодорожной линии Ставрополь — станция Кавказская Владикавказской железной дороги значение трактов резко уменьшилось. В 1916 г. через Ставрополь прошли чугунные рельсы Туапсинской железной дороги, соединившей порты Черного моря с губернией. Железные дороги вызвали в Ставрополе рост торговли и развитие промышленности. Местные купцы и предприниматели вели значительную торговлю зерном и скотом с крупными городами России и с заграницей. Здесь имелись десятки торговых домов, успешно конкурировавших с западными фирмами.

Ставропольские промышленники, изготовлявшие кожаную обувь, чугунное литье и колокола, продукцию мукомольных, маслобойных, ветчинно-колбасных, винокуренных предприятий, представляли свой товар на знаменитых ярмарках — Троицкой и Ивановской. В городе возникли два торговых центра — Нижний и Верхний базары. Одновременно с ними появились многочисленные заезжие дворы, меблированные комнаты, гостиницы. Самыми популярными из них был «Вена», «Рим», «Лондон», «Бристоль», «Европа», «Великая Россия», «Грандотель».

Среди наиболее известных купеческих династий города значились Алафузовы, Волобуевы, Ганиловские, Меснянкины, Ивановы, Плотниковы, Поповы, Тамамшевы, Стасенковы. Ставропольское купечество тратило немало средств на благотворительные нужды: строительство храмов, больниц, учебных заведений, помогало бедным и неимущим.

В Ставрополе находились филиалы Российского государственного банка, Азово-Донского, Волжско-Камского и др. Почетный гражданин города

С.И. Ртищев на протяжении 25 лет возглавлял Ставропольский городской общественный банк. В доме братьев Леонидовых открылось «Ставропольское общество взаимного кредита» (1896 г.).

В 1902 г. начал работать завод Руднева и Шмидта, который изготовлял оборудование для мельничных, маслобойных и черепичных заводов, котлы для локомобилей, одно- и двухлемешные плуги, запчасти к молотилкам и косилкам. Предприниматель Г. Иванов построил первую промышленную электростанцию (1903 г.), решившую проблему освещения улиц и площадей, домов и общественных мест города.

Развитию производства в Ставрополе способствовали выставки как российские, так и заграничные. К 100-летию основания Ставрополя (1877 г.) была организована «Губернская выставка сельскохозяйственного и промышленного производства», где победители награждались золотыми и серебряными медалями, большими денежными премиями.

Происходили перемены в культурной жизни города. Новым явлением в ней стало кино, или, как

Банковский дом «Макар Попов и К°». Фото начала XX века. В настоящее время аптека. Пересечение проспекта Октябрьской революции и улицы Дзержинского

тогда его называли, «иллюзион». Первые фильмы демонстрировались в кинотеатрах «Биоскоп», «Модерн», «Биофонъ». Фотоателье Н. Трегубова, В. Пеньковского, С. Сысоева, М. Петрушина и других фотографов, помимо индивидуальных работ, выполняли заказы городской управы, благодаря которой появились фотонаборы видов губернского Ставрополя, ставшие сегодня «зримыми окнами» в пронесшиеся десятилетия.

Местами отдыха горожан были городская (Воронцовская) роща, парк Барятинского на Крепостной горе, городской бульвар, дачи Павлова и Ртищева, Члинский лес.

В конце XIX в. в городе действовал клуб самокатчиков-велосипедистов, в Воронцовой роще был устроен кегельбан — площадка для игры в кегли; возникли спортивный клуб гиревиков и штангистов «Геркулес», футбольные команды «Альбатрос» и «Рапид».

По данным первой Всероссийской переписи 1897 г., в городе проживало 41,5 тыс. чел., 87,2% из них составляли русские, 2,7% — украинцы, 1,7% — поляки, немцы и др. В сфере материального производства было занято 40,7% трудоспособного населения.

В начале XX в. в городе действовали 3 больницы, в т.ч. детская, специализированные частные и государственные медицинские учреждения, 2 поликлиники, аптеки, частные врачебные кабинеты.

В 1902 г. открылась учительская семинария, а в 1912 г. — учительский институт, директором которого стал известный педагог В.А. Васильев. В городе числилось 5 женских и мужских гимназий, четырехклассное начальное училище, начальные училища и частные учебные заведения. Из духовных учебных заведений имелись старейшая на Кавказе духовная семинария, епархиальное женское училище, духовное училище для мальчиков, церковно-приходские школы и училища.

В начале первой русской революции забастовали рабочие завода Руднева и Шмидта, которые требовали сокращения рабочего дня. Предприниматели вынуждены были выполнить их требования.

7 июня 1905 г. вошло в историю города, как «кровавый день Ставрополя». Религиозный диспут, состоявшийся в этот день на площади у Кафедральной горки, перерос в беспорядки. Власти применили силу. В результате этой трагедии было убито 14 и ранено около 70 горожан. Среди убитых — десятилетний мальчик, учительница, извозчик, оставивший семерых малолетних детей. В похоронах погибших участвовали более тысячи человек.

В годы Первой мировой войны на ряде предприятий Ставрополя наладили выпуск военной продукции. Так, на базе казенного винного склада был создан завод по производству мин. Позже их начал производить механический завод А. Шмидта.

Тысячи солдат и офицеров из города и близлежащих сел воевали в действующей армии. Ушедший на фронт из Ставрополя 83-й Самурский полк приобрел известность одного из лучших полков русской армии. За заслуги перед Отечеством командир полка К.А. Стефанович был произведен в генералы.

18 сентября 1915 г. петроградское телеграфное агентство сообщило о подвиге сестры милосердия из Ставрополя Риммы Ивановой. «Когда в бою с немцами, — говорилось в сообщении, — были убиты все офицеры, сестра милосердия собрала вокруг себя оставшихся в живых солдат и бросилась с ними на неприятельские окопы, где ее смертельно ранило». Р.М. Иванова стала единственной женщиной, награжденной орденом Св. Георгия IV степени в Первую мировую войну.

Февральская революция 1917 г. была встречена населением города с восторгом. В Ставрополе прошли демонстрации, бурные собрания общественности. Март горожане называли «медовым месяцем» революции, которая, выражаясь словами очевидца, прошла «совершенно безболезненно», без кровопролития и человеческих жертв. «В городе полный порядок, — отмечалось в архивном документе, — население свидетельствует живейшую радость и преданность новому строю». Полиция была упразднена, разоружены городовые, которые, впрочем, и не оказывали сопротивления. Красные повязки милиционеров свидетельствовали о рождении новой силы. Из ставропольской тюрьмы вышли политические (10 чел.), а вместе с ними и уголовники, которых называли «птенцами Керенского».

В Ставрополе, как и по всей губернии, прокатилась волна переименований. Улицы, учебные заведения, носившие имена членов императорской фамилии, спешно начали переименовываться — или

исключалось слово «императорские», или давалось новое название. Новоиспеченные граждане посылали друг другу поздравительные открытки в красных рамочках, с «глубокой радостью» извещавшие, что «после продолжительной и тяжкой болезни скончался самодержавный деспотический режим». 5 марта уполномоченные 38 предприятий Ставрополя создали Совет. Позднее в него вошли представители солдат, после чего он стал именоваться Советом рабочих и солдатских депутатов. 12 марта на площади перед кафедральным собором Ставропольский гарнизон был торжественно приведен к присяге на верность Временному правительству.

В начале августа состоялись выборы в городскую думу. Из 32,6 тыс. избирателей в голосовании приняло участие 14,6 тыс. чел. По сведениям городской управы, в думе из 72 гласных числилось 15 эсеров, 14 социал-демократов (меньшевиков), 13 народных социалистов, 6 членов партии народной свободы. Непартийные группы представляли 24 чел. Председателем думы был избран социал-демократ В.М. Краснов, городским головой — Н.Г. Дидрихсон. Дума приняла постановление, в котором осудила корниловский мятеж и поддержала Временное правительство.

Ставрополь в советское время

Известие об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде пришло в Ставрополь 28 октября (10 ноября) 1917 г. В тот же день состоялось чрезвычайное заседание городской думы, которая потребовала положить «конец этому безумному восстанию», считая, что «единственным полномочным органом революционной демократии является Временное правительство». Выступивший на заседании думы губернский комиссар Д.Д. Старлычанов охарактеризовал положение в городе как «крайне тревожное». Дума приняла решение расквартировать в городе 2 эскадрона казаков. На стихийных митингах в воинских частях гарнизона обсуждался вопрос о вооруженной манифестации. На демонстрацию, которая состоялась 29 октября, солдаты вышли без оружия.

Газета «Северокавказское слово» так информировала горожан об этом событии: «Тихий ласковый осенний день... Вдоль Николаевского проспекта (ныне проспект К. Маркса) медленно колышется внушительная по количеству зеленовато-серая масса гарнизона... Реют красные пятна революционных знамен. Слышится революционное пение. Мягко плывут звуки военного оркестра. Над всем этим, во всем этом чувствуется какая-то грусть, механичность... Среди лозунгов большевиков лозунги «Долой войну!», «Долой Керенского!»... Незначительная группа рабочих приветствовала солдат у Тифлисских ворот». Точных данных о количестве участников демонстрации в архиве не выявлено.

7 (20) ноября городская дума объявила себя единственной законной властью в губернии и постановила усилить военно-милицейскую охрану города. Совет рабочих и солдатских депутатов отклонил предложение большевиков о поддержке Петроградского совета и принял резолюцию, призывавшую создать в стране «демократическое министерство».

12 (25) ноября 1917 г. в Ставрополе состоялись выборы в Учредительное собрание. Впервые горожане, как и все население России, получили широкие избирательные права. В Ставрополе за список № 2 (большевиков) проголосовали 7,5 тыс. чел. (47,6% от числа голосовавших), из них 5 тыс. солдат воинских частей, расквартированных в городе. За кадетов отдали свои голоса 3,7 тыс. избирателей, за эсеров — 2,2 тыс. Примечательный факт: на избирательные участки не пришли выполнить свой конституционный долг 13 тыс. горожан. В губернии абсолютное большинство голосов избирателей получила партия эсеров, за которую отдали свои голоса 291,4 тыс. чел. (88,8% избирателей).

5 (18) декабря лидеры местных организаций эсеров и меньшевиков призвали крестьян решить вопрос о власти на губернском Народном собрании. Городская дума поддержала это предложение. Днем позже объединенные заседания Совета рабочих и солдатских депутатов, а также представителей продовольственного комитета отклонили предложение большевиков о передаче власти в губернии Советам.

Большевики, которые имели наиболее активные ячейки в воинских частях гарнизона, вели энергичную агитацию среди военнослужащих. 12 (25) декабря солдаты ставропольского гарнизона образовали военно-революционный комитет (ВРК) во главе с большевиком Н.А. Анисимовым, который призвал утвердить на Северном Кавказе власть Советов. В воинских частях гарнизона было введено самоуправление. На офицерские должности стали избирать солдат. Офицеры в обязательном порядке утверждались комитетом части, где они служили.

Собравшийся 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) в Ставрополе 4-й губернский крестьянский съезд принял резолюцию об упразднении земств. «Всю власть в губернии передать как в центре, так и на местах, — отмечалось в материалах съезда, — Советам крестьянских и рабочих депутатов, впредь до открытия Учредительного собрания, с защитой этого права с оружием в руках».

В ночь на 1 (14) января 1918 г. проходившее в Ставрополе губернское Народное собрание постановило признать Совет народных комиссаров и «организовать в губернии власть Советов». Собрание одобрило декрет II Всероссийского съезда Советов о земле, избрало губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (180 чел.) и исполком (30 чел., из них 12 большевиков). Первым председателем губисполкома стал эсер-максималист Г.И. Мещеряков, по профессии учитель.

8 (21) января в Ставрополе был создан Совет народных комиссаров. Председателем СНК стал А.А. Пономарев, комиссаром по военным делам — Н.А. Анисимов, по делам финансов — С.М. Ратнер, по делам продовольствия и торговли — В.Н. Мацкевич, по делам труда и промышленности — Г.В. Дубянский, по делам земледелия и сельского хозяйства — Ф.Ф. Медведев, по делам земельных реформ — Я.В. Гладков, по делам юстиции — Я.М. Тесленко, по делам путей сообщения — Н.П. Петров. Первое советское правительство в губернии было коалиционным, в его состав вошли 4 большевика, 2 эсера, 2 меньшевика и 1 беспартийный.

Правительство выполняло декреты советской власти. В городе национализировались промышленные предприятия, в т.ч. братьев Нобель, Рудкие

нева, Меснянкиных, ряд мельниц и маслобойных заводов. Над производством и распределением устанавливался рабочий контроль, вводился 8-часовой рабочий день. Однако иллюзии насчет того, что сами рабочие, отвечая на призыв скорее сбросить иго капитала, сумеют наладить производство, были скоро развеяны. Там, где рабочие коллективы брали городские предприятия в свои руки, наблюдался разгул самодеятельности, прикрываемый пышными революционными фразами. Однако ни организовать производственный процесс, ни снабдить предприятия сырьем и топливом рабочие, не знавшие ни технологии, ни рынка, конечно, не смогли. Одну часть промышленных заведений пришлось закрыть вследствие прекращения военных заказов, другую — вследствие их убыточности. В городе росла безработица. Если в феврале 1918 г. на бирже труда было зарегистрировано 1,3 тыс. безработных, то в мае эта цифра выросла до 7 тыс.

Губернский СНК начал спешно претворять в жизнь провозглашенные ранее принципы взаимоотношений новой власти с церковью, которая была

отделена от государства. В феврале 1918 г. Совет союза духовенства ставропольской епархии констатировал многочисленные случаи захвата церковного имущества комиссарами, указывая на факты насилия в отношении священнослужителей. Церковно-приходские школы города, переданные в ведение Наркомпроса, были закрыты. Эти факты вызывали осуждение, а порой и открытое возмущение верующих.

В начале марта 1918 г. в Ставрополе был создан штаб Красной Армии в составе 7 чел. Он сформировал 1-й красноармейский батальон численностью в 600 чел. и 1-й ставропольский полк крестьянской революционной армии.

28 апреля эсеры создали в городе Военно-революционный комитет, арестовали председателя СНК А.А. Пономарева и других представителей власти. Выступление эсеров было подавлено, арестованные освобождены.

В мае на Чрезвычайном губернском съезде Советов был упразднен СНК, а его функции переданы Президиуму вновь избранного губисполкома (60 чел.: 8 — от рабочих, 2 — от Красной Армии и 50 — по выбору съезда). Основную часть членов исполкома составляли большевики во главе с И. Дейнеко. Власти принимали меры по отправке хлеба в промышленные районы (Москву, Баку и др.), с лета 1918 г. — в Царицын.

В июне 1918 г. в губернии резко обострилась политическая обстановка в связи с восстанием 10 тыс. крестьян в Свято-Крестовском уезде. В Ставрополе начались обыски, реквизиции и казни известных людей (отставного генерала П.А. Мачканина, гласного городской думы А.А. Чернышева и др.). Около 100 горожан стали жертвами репрессий. В ответ на «красный террор» вспыхнуло восстание тайной офицерской организации, которое возглавил полковник Ртищев. Малочисленное и совершенно неподготовленное выступление было подавлено, штаб повстанцев разгромлен. Террор усилился. В юнкерском саду начальник ставропольского гарнизона Д. Ашихин каждую ночь казнил группы «буржуев».

В июле 1918 г. в Ставрополь вошли войска Добровольческой армии А.И. Деникина. По свидетельству А.Г. Шкуро, воинские части, бравшие город, ознаменовали свое пребывание в Ставрополе «рядом грабежей и насилий». Тем не менее комиссия помощи Добровольческой армии, созданная горожанами, пожертвовала для нужд Белой гвардии более 1 млн. руб. Для раненых добровольцев были организованы питательные пункты, где им также было роздано 800 комплектов белья. На призывные пункты Ставрополя явились 3,5 тыс. молодых людей для записи в Добровольческую армию. В одном из своих первых приказов военный губернатор Глазенап потребовал: «Все захваченные на основании распоряжения советских властей земли, кому бы они ни принадлежали, а также постройки, скот, сельскохозяйственные орудия и машины немедленно возвратить законным владельцам».

Белогвардейцы удерживали город до 28 октября, когда он был взят штурмом Таманской армией. Таманцы находились здесь непродолжительное время и 15 ноября вынуждены были оставить Ставрополь. Горожане испытали на себе все ужасы гражданской войны, среди них наблюдалось недовольство обеими враждующими сторонами. «Терпим тяжелую нужду в прокормлении своих рабочих лошадей и скота, — отмечали ставропольчане в одной из жалоб властям, — благодаря разграблению фуража у населения красноармейцами (Таманской армии) и воинскими чинами Добровольческой армии».

В январе 1920 г. в результате успешной северокавказской наступательной операции деникинская армия была фактически разгромлена. В январе 1920 г. части Красной Армии заняли г. Святой Крест, затем села Петровское и Константиновское. Под Ставрополем 2 недели шли ожесточенные бои, завершившиеся 29 февраля его освобождением. Первыми в Ставрополь вошли полки 7-й кавдивизии (начдив Е.И. Боревич) совместно с частями 50-й Таманской дивизии (начдив Е.И. Ковтюх). В городе красноармейцы захватили большие трофеи и около 2 тыс. пленных.

В начале марта в Ставрополе был создан временный революционный комитет в составе Сергунина, Иконницкого, Сазонова и др. Городскую управу преобразовали в отдел муниципального хозяйства, который возглавил М.С. Акулов. Новой городской власти досталось тяжелое наследство. Из-за отсутствия топлива, сырья и оборудования простаивали мно-

гие предприятия. Безработица достигла рекордной цифры: на городской бирже было зарегистрировано 13,2 тыс. чел. В условиях продовольственного кризиса советская власть прибегла к нормированному снабжению населения товарами первой необходимости. Так, в городе был введен «классовый паек для различных групп трудового и нетрудового населения». Рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, получали 45 фунтов хлеба в месяц, служащие — 30 фунтов, лица свободных профессий — 15.

На Холодном роднике в Ставрополе (май 1920 г.) состоялись гражданские похороны жертв белого террора (были перезахоронены останки 56 расстрелянных и повешенных).

В июле открылся 1-й губернский съезд комсомола, объединивший разрозненные комсомольские ячейки в единый союз. К концу 1920 г. ставропольская городская комсомольская организация объединяла в своих рядах 600 чел., среди них В. Бабенко, Г. Крамаренко, Г. Косенко и др. активисты. Для подготовки идеологических кадров в июне 1920 г. была открыта совпартшкола.

Осенью из Ставрополя в Москву выехал поезд из 19 вагонов с хлебом от ставропольских крестьян московским рабочим. От Ставрополя в состав делегации вошли Е.Т. Панина и П.А. Лопатин. Ставропольцев принял В.И. Ленин.

Голод 1921—1922 гг. стал трагедией для тысяч горожан. По официальным данным, в Ставрополе (февраль 1922 г.) было зарегистрировано 13,7 тыс. голодающих, в т.ч. 5 тыс. детей. Шесть питательных пунктов, открытых в разных районах города, отпускали до 870 обедов в день по так называемой голодной норме. Особенно тяжело пришлось старикам и сиротам-беспризорникам, в их числе было много смертных исходов от голода. Значительную помощь населению оказали столовые Американской администрации помощи (АРА). Горожане собрали 44,4 млн. руб. добровольных пожертвований для нуждающихся. Из храмов Ставрополя изъяли десятки пудов серебряных церковных ценностей. На вырученные от их продажи деньги закупали продовольствие для голодающих горожан.

В это же время под предлогом «борьбы с контрреволюцией» был закрыт женский Иоанно-Мариинский монастырь, располагавшийся в Ставрополе. Сотни монахинь оказались изгнанными из своей обители и лишились средств к существованию. Нарастала антирелигиозная пропаганда. В газете «Власть Советов» регулярно разоблачались такие явления, как обновление икон, а также мздоимство церковнослужителей.

Многие предприятия города, находившиеся в ведении госсектора, бездействовали. Среди них мельницы, известные по фамилиям своих бывших хозяев — Гулиева, Ломагина, Суркова. Простаивали обувная фабрика, кирпичный завод, крупорушка Груби. Главная причина — отсутствие сырья. Толпы безработных осаждали биржу труда, бродили по городу в поисках работы и хлеба. Лишенные каких-либо средств к существованию люди стали воровать съестное, возросла преступность.

В рамках нэпа в Ставрополе была проведена серия реформ по либерализации экономической деятельности: госпромышленность переводилась на коммерческую основу, легализовывалось ранее запрещенное мелкое и среднее частное предпринимательство, воссоздавалась банковская система. Число безработных в городе сократилось до 1,3 тыс. чел. (1923 г.), уравниловка и выдача заработной платы натурой были отменены. Появился стимул работать лучше: зарплата квалифицированного рабочего на заводе «Красный металлист» составляла 2,8 тыс. руб. в месяц плюс 50% от приработка; рабочим и служащим гарантировалось право на ежегодный отпуск продолжительностью не менее двух недель. Были повышены размеры пенсий.

В условиях нэповской экономики городские предприятия были реконструированы, производство оживилось. Нэп дал возможность не только накормить и одеть горожан, но и выделить средства на развитие культуры, ликвидацию неграмотности. Среди взрослого населения Ставрополя числились 18,2 тыс. чел. неграмотных (1921 г.), причем основная масса приходилась на людей в возрасте от 30 до 50 лет. Городские власти организовали 117 школ по ликвидации неграмотности, в которых обучались 2,8 тыс. чел. В Ставрополе проводились субботники и дни помощи школе (заготовка топлива, сбор средств, изготовление пособий). В период нэпа обучение стало платным, с богатых горожан за обучение детей брали денег больше.

В 20-е гг. успешно развивалось народное театральное творчество и художественная самодеятельность. Первый театр рабочей молодежи (ТРАМ) был открыт на консервном заводе. Выступления молодежного коллектива «Синяя блуза» пользовались успехом у городских жителей. На сцене ставропольского театра ставились «Мещане» и «Варвары» М. Горького, «Разбойники» Ф. Шиллера, «Нора» Г. Ибсена.

В 1923 г. в городе работали 2 музея, 9 библиотек, рабочий клуб и 2 кинотеатра, в которых с успехом демонстрировались первые советские комедии «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Светлый путь», а также документальный фильм «Ставрополье», который состоял из семи частей, 2 из них были посвящены г. Ставрополю и его окрестностям. Зрители увидели осеннюю городскую ярмарку, заводы и фабрики окружного центра, важнейшие учреждения города.

Много энергии, знаний и опыта вложили в развитие города в те годы пользовавшиеся известностью на Северном Кавказе секретарь губкома партии Ю.С. Мышкин и председатель окрисполкома И.Н. Пивоваров.

Вторая половина 20-х гг. была отмечена введением властью различных ограничений, усилением администрирования. Раньше, чем в других сферах, это проявилось в области идеологии, в культурной жизни. В Ставрополе прошла массовая чистка библиотек от «антисоветских и антихудожественных книг», в число которых попали многие известные произведения отечественных и зарубежных философов, историков, экономистов. В частности, была уничтожена книга известного писателя И.Д. Сургучева «Большевики в Ставрополе».

В 1926 г. в Ставрополе было организовано отделение Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. Одним из известных поэтов и журналистов стал Т.М. Беляев (Тихон Холодный). Его стихи, публиковавшиеся в газете «Власть Советов», пьесы «Товарищество на вере», «На золотых приисках» пользовались широкой популярностью. В 20-е

гг. в городе читали лекции известные профессора В.А. Вагнер (зоопсихолог), С.С. Кузнецов (геолог) и др. На страницах местных газет начали публиковать свои произведения И. Егоров, С. Бабаевский.

Широкое распространение в Ставрополе получили добровольные общества и культурно-просветительские организации: МОПР, Осоавиахим, Общество Красного Креста и Красного Полумесяца. Спортсмены Ставрополя (1928 г.) в составе сборной команды края приняли участие в Первой всесоюзной спартакиаде.

В 1925 г. вышел на линию первый междугородний автобус Ставрополь — Краснодар. Развитие автобусного движения в городе началось в 1928 г.

В конце 20-х гг. планировалось значительное усиление темпов индустриализации за счет завершения начатых строек и создания новых промышленных предприятий. В 1929 г. было начато строительство двух крупных заводов: крахмало-паточного, кирпично-черепичного и мясокомбината. После капитального ремонта заработала одна из самых крупных мельниц в округе — им. III Интернационала. В Ставрополе (1930 г.) имелось 19 предприятий перерабатывающей и местной промышленности. В результате проведенной технической реконструкции выпуск продукции на кожевенном заводе увеличился на 79,4%, на «Красном металлисте» — на 64,6%.

Однако форсированный экономический рост при дефиците ресурсов привел в конце 20-х гг. к временному снижению объемов производства и уровня жизни горожан. Истощились хлебные запасы городского населения. В магазинах появились полузабытые очереди (хвосты). «В связи с введением в городе ограничения выпечки часть населения остается без хлеба, — отмечалось в оперативной сводке окружного исполкома (июнь 1928 г.), — причем на этой почве создаются очереди и всякого рода нарекания... Запасов едва хватит до 3—4 июля, после чего город станет перед фактом определенной голодовки». В Ставрополе была вновь введена карточная система.

В 1932 г. нормы снабжения продуктами были существенно понижены. Учителям, врачам, студентам не гарантировался даже хлебный паек. Нормы карточного снабжения в полной мере не удовлетворялись, так как для отоваривания карточек в городе просто не хватало продуктов. При этом сам факт голода в официальной пропаганде отрицался. Точные данные о количестве голодающих в городе неизвестны. Многие из них употребляли в пищу жмых подсолнечный, картофельные очистки, щавель, крапиву, свекольную ботву и разного рода суррогаты. По утрам на улицах города можно было встретить мертвых и пухлых людей, лежавших в канавах.

Трагическая страница в истории г. Ставрополя — репрессии 30-х гг. Городские жители — от руководящей верхушки до рядовых рабочих и служащих — оказались беззащитными перед беззаконием. В массовое сознание людей внедрялся образ «врага и шпиона». По «наводкам» услужливых, порой нечестных работников карательных органов в краевом центре в 1937—1938 гг. были репрессированы около 2 тыс. чел. (горожан), из них 287 погибли как «враги народа». Среди репрессированных — председатель крайисполкома И.Н. Пивоваров, секретарь крайкома партии В.И. Рябоконь.

Допущенные извращения законности нанесли значительный ущерб городу, но не могли остановить его развитие. По мере роста промышленного производства расширялось городское хозяйство, бытовое и культурное строительство. Продолжался подъем культурного уровня горожан; в школах вводилось обязательное семилетнее образование для всех детей школьного возраста. В 1930 г. был открыт агропедагогический институт, вскоре преобразованный в педагогический институт, готовивший преподавателей для техникумов, рабфаков, школ. «Перед организаторами института стояли колоссальные трудности, — вспоминал впоследствии профессор В.Н. Лучник. — Приходилось сразу думать и о выборе студентов, и подыскивать преподавателей, приобретать мебель, организовывать библиотеку, устраивать общежитие и столовую». Директорами института были тогда З.И. Дунч, К.Р. Чирва, В.П. Теряев, И.Г. Клабуновский.

В ноябре 1936 г. газета «Власть Советов» сообщила следующие статистические данные: «В городе имеются 3 вуза, 5 техникумов, 3 средних школы, 19 начальных школ, 12 детдомов. В школах обучаются 15 тыс. школьников. В 5 техникумах города — педагогическом, сельскохозяйственном, медицинском, музыкальном и советской торговли — обучаются 2,3 тыс. чел. В 3 институтах — зоотехническом, педагогическом и учительском — 1,5 тыс. чел.».

Горожане приобщались к искусству. На сцене краевого драматического театра шли комедия А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», пьеса О. Бальзака «Хищница», комедия К. Гольдони «Хозяйка гостиницы».

В городском рабочем клубе устраивались персональные выставки художника В.Г. Кленова, признанного на Ставрополье мастера-пейзажиста. В Ставрополе (1939 г.) состоялась выставка картин Русского музея и произведений местных художников. Со своими работами выступили от Кисловодска П.И. Головкин и В.И. Голубев, от Пятигорска — И.Ф. Горбунов и М.Г. Штек, от Ставрополя — В.Г. Кленов. Последний стал участником республиканской выставки в Москве (1939 г.).

В начале 40-х гг. Ставрополь посетила представительная делегация советских писателей, среди которых были А. Фадеев, И. Сельвинский, В. Инбер. В течение двух недель в городе с успехом выступал Государственный ансамбль народного танца под руководством И. Моисеева.

В довоенной истории Ставрополя памятны многие другие события, в их числе: изменение статуса города — до 1924 г. он был центром губернии, с 1924 до 1930 гг. — центром округа, а с 1935 г. назывался Ворошиловском (его историческое название было восстановлено в январе 1943 г.), с мая 1937 г. стал центром края. В 1935 г. в Ставрополе широко отмечалось 15-летие освобождения территории края от белых. В торжествах приняли участие С.М. Буденный, И.Р. Апанасенко. В 1938 г. горожане чествовали своего земляка капитана 1-го ранга И.А. Бурмистрова, который был удостоен первым среди военных моряков звания Героя Советского Союза за мужество, проявленное при защите республиканской Испании.

В воскресный день, 22 июня 1941 г., в 12 часов по радио было передано сообщение Советского правительства о вероломном нападении фашистской Германии. В городе была объявлена мобилизация военнообязанных 1905—1918 гг. рождения (1919—1922 гг. уже находились в армии). У городских военкоматов и призывных пунктов скапливались очереди из числа желающих идти на фронт. По данным край-

военкомата, на 1 октября 1941 г. в Ворошиловске было мобилизовано 4,2 тыс. чел. В краевом центре из резервистов города и районов края сформированы и отправлены на фронт 53-я, 56-я и 70-я кавалерийские дивизии, 343-я стрелковая дивизия и другие воинские части.

Горожане ответили на нападение фашистов всеобщим патриотическим подъемом. В газете «Орджоникидзевская правда» было опубликовано письмо работниц швейной фабрики товарищам, ушедшим на фронт, в котором говорилось: «Мы заверяем вас, что выполним любое задание, которое даст нам Родина... Мы обеспечим бесперебойную работу фабрики. Наши станки не будут знать простоя. Вы, ушедшие на фронт, не должны беспокоиться о производстве».

По почину ставропольских швей в городе начался сбор теплой одежды для фронтовиков (полушубков, валенок, шерстяных носков, ватных брюк), которая была отправлена в кавкорпус генерала Л.М. Доватора. Кроме того, от населения в фонд обороны поступило около 2 млн. руб.

Перед лицом грозной опасности горожане были готовы трудиться без сна и отдыха, что называется, на износ. Среди ударников производства военной поры комсомольцы завода «Красный металлист» И. Мирошников, А. Серов, Н. Леднев, В. Аспидов. На заводах и фабриках возникли бригады, боровшиеся за звание фронтовых. Они состояли в основном из подростков, женщин и стариков.

Летом 1942 г. гитлеровские войска начали активные боевые действия на юге страны. Главный удар наносила группа армий «А», наступавшая на Кавказ; она была усилена соединениями 4-й танковой армии. Танковые части вермахта устремились в Сальские степи и быстро продвигались вперед, развивая наступление на Ставрополь. 3 августа краевой центр был подвергнут интенсивной бомбежке. «Средства противопожарной защиты в Ставрополе отсутствовали, — вспоминал секретарь крайкома партии В.В. Воронцов. — В городе начались пожары. Взорваны были нефтебаза, мельзавод. На улицах лежали трупы убитых людей. Отсутствие артиллерии и малочисленность гарнизона не позволили дать отпор врагу». В 6 часов вечера немецкие войска вошли в город и заняли его фактически без боя.

Оккупационный режим просуществовал в городе чуть более 5 месяцев. За это время фашистские палачи расстреляли и замучили 8 тыс. чел. В числе погибших подпольщица К.И. Абрамова, юные патриоты Г. Голенев и В. Ковешников, профессора мединститута В.С. Шварцман, Я.С. Барг, Н.М. Бесчинская, Р.И. Полонская, Ф.М. Брикер и др. Власть номинально была в руках городской управы во главе с бургомистром, фактически — у немецкой военной комендатуры. Из числа желающих сотрудничать с оккупантами набирались полицейские, технические служащие. Все советские учреждения были ликвидированы. Вслед за войсками в Ставрополь из Германии хлынули представители различных ведомств, хозяйственные команды, которые занимались реквизицией готовой продукции, сырья, продовольствия, культурных и исторических ценностей. Немецкое командование открыто поощряло «материальную заинтересованность» немецких солдат и офицеров в войне. Требование: «Матка, яйки, курка, млеко!» ассоциировалось у горожан с образом фашиста, оккупанта. Не ограничиваясь грабежом населения, оккупанты отправили в принудительном порядке из Ставрополя в Германию несколько сотен ставропольчан.

Оказавшись под гнетом оккупантов, жители города верили в победу Красной Армии, в свое скорое освобождение.

Битва на Волге зимой 1942—1943 гг. во многом предрешила исход боев на Северном Кавказе. Перед германским командованием встал вопрос о судьбе группы армий «А», наступление советских войск на нижнем Дону грозило отрезать ее от основных сил. В январе 1943 г. немцы под ударами наших 37-й, 9-й и 44-й армий начали постепенно отступать.

В ночь на 21 января 1943 г. 347-я стрелковая дивизия полковника Н.И. Селиверстова завязала бои за г. Ставрополь и к утру выбила врага из краевого центра. Жители города с радостью встречали своих освободителей — воинов 1177-го, 1175-го и 1176-го стрелковых полков, которыми командовали А.Е. Коротков (уроженец Ставрополя), М.В. Львов, А.Н. Гервасиев. Благодаря юным патриотам (В. Косинову, В. Махнову, П. Слезавину) и городским жителям партизанам удалось спасти от разрушений мельзавод № 5, здания краеведческого музея, школы № 6, крайисполкома, горбольницы и множество других объектов. В боях за освобождение города погибли 37 советских солдат и офицеров, в их числе командир разведотряда И.Г. Булкин, 128 были ранены. Гитлеровцы потеряли убитыми 69 солдат и офицеров, 25 полицейских были взяты в плен.

12 января 1943 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому г. Ворошиловск переименовали в г. Ставрополь. Освобожденный от гитлеровцев город лежал в руинах. Фашистские захватчики при отступлении подожгли здания совпартшколы, типографии «Пролетарий», главпочтамта, разрушили сотни домов, городское хозяйство. В городе фактически были дезорганизованы управление, хозяйство, социальная сфера. Отступая, оккупанты полностью разрушили промышленные предприятия, культурно-бытовые учреждения, железнодорожный узел, взорвали 13 школ, здания педагогического и сельскохозяйственного институтов, больницы, бани, детские дома. Материальный ущерб, нанесенный городу, превысил 720 млн. руб.

Задача, вставшая в качестве первоочередной в повестке дня городских властей, — это воссоздание прежнего порядка и восстановление основ жизнедеятельности города. Восстанавливались органы советской власти, парткомы различных уровней, предприятия сферы обслуживания, школы, больницы, детские сады. Вскоре после освобождения возобновил работу мельзавод № 5, вступили в строй обувная фабрика, мастерские артели «Кожкоопремонт», швейная фабрика, хлебокомбинат. Для детей воинов, погибших на войне, в городе было открыто Суворовское военное училище (1943 г.).

В город возвращалось эвакуированное население. Чтобы как-то свести концы с концами, жители распродавали все нажитое до войны, часто голодали. В краевом центре возник острый дефицит жилья, учреждений здравоохранения, культуры, недоставало питьевой воды — около одной трети водозаборных колонок бездействовало. Основная

тяжесть восстановительных работ пришлась на женщин, стариков, подростков и демобилизованных по ранению.

Благодаря самоотверженному труду десятков тысяч горожан постепенно оживали предприятия, производились товары первой необходимости, восстанавливались школьные здания. В мае 1943 г. начал выдавать военную продукцию для фронта восстановленный завод «Красный металлист», к концу года на нужды фронта работала уже большая часть вводившихся в строй предприятий. В 1944 и 1945 гг. город уже обеспечивал выполнение заданий центральных и краевых органов по производству некоторых видов оружия, снаряжения, промышленных и продовольственных товаров. Сотни передовых рабочих и ИТР были отмечены правительственными наградами, в 1945 г. многие тысячи тружеников тыла удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В числе награжденных — председатель горсовета А.Н. Попов, директор «Красного металлиста» А.П. Дроздков, главный инженер завода Г.А. Ковальчук, секретарь парторганизации П.К. Карпова и многие другие.

В ночь на 9 мая 1945 г. с быстротой молнии по всему городу разнеслась весть о капитуляции Германии. Тысячи людей вышли на улицы. Завершилась 1418-дневная эпопея, за которой стояло море лишений, страданий, горечь поражений и радость трудных побед. Вот что писала газета «Ставропольская правда» 9 мая 1945 г.: «В 2 часа ночи Ставрополь еще спал. Тихие улицы тонули во мраке... И вдруг город ожил. В домах ярко загорелись огни. Со всех концов города, с самых далеких окраин шли люди, освещая путь факелами. Запылали костры на улицах. Победа! Да здравствует Победа! Это она — долгожданная весть — разбудила город. Трудно передать чувства людей, шедших по улицам в эту ночь. Каждый по-разному выражал свой восторг. Вот женщины, совершенно незнакомые, бросились друг другу в объятия, плачут, смеются и радуются... Вдруг началась стрельба. Стреляли из винтовок, охотничьих ружей, затрещал пулемет. «Салют победителям!» С выстрелами слились гудки, сирены заводов и железнодорожной станции. Раздались звуки гармоники, и в веселом танце закружилась молодежь. Ставропольцы встречали рассвет Дня Победы».

В памятные майские дни страна отмечала великую победу в войне как крупнейшее событие отечественной и мировой истории, чествовала своих воинов-победителей. В город возвращались фронтовики, многие тысячи из них были удостоены боевых орденов Родины. Высшей боевой наградой — Золотой Звездой Героя Советского Союза — отмечены Я.И. Андрюшин, Б.М. Васильев, Б.Н. Воловодов, В.Г. Зайцев, К.Н. Калинин, В.А. Ковалев, Ф.А. Козлов, К.Я. Лаптев, Н.С. Петров, Ф.В. Рысевец, Г.М. Рябушко, Л.И. Севрюков, Н.И. Сипягин, П.А. Турбин, А.В. Яковлев. Кавалерами трех орденов Славы возвратились А.М. Горчаков, Ф.Д. Морозов, М.С. Ноздрачева, М.С. Пономаренко, Г.И. Чередник. Боевыми наградами отмечены подвиги П.Д. Ковалева, который воевал на собственном танке. Тысячи фронтовиков не вернулись с полей сражений.

Заслуги воинов, трудящихся краевого центра в годы Великой Отечественной войны были отмечены награждением Ставрополя орденом Октябрьской революции (1977 г.), многих тружеников тыла — трудовыми орденами и медалями.

Значительную роль в годы войны сыграли деятели науки и культуры: ученые и педагоги, писатели, журналисты, актеры. Среди них профессора А.В. Козырев, А.М. Огородников, Д.Г. Панов, П.М. Покровская, Н.М. Павлов, врач Г.С. Каганова, учителя П.И. Кузнецов, М.И. Рыжчупин, журналист И. Чилим (Егоров), писатели И. Чумак, А. Исаков, заслуженные артисты РСФСР М.М. Никольский, Е.Н. Писарев.

В первые послевоенные годы город накапливал силы, чтобы быстрее наверстать утраченное за годы войны. Быстро увеличивалась численность трудоспособного населения, занятого в промышленности, строительстве и на транспорте, сюда возвращались тысячи демобилизованных воинов. К концу 4-й пятилетки (1946—1950 гг.) был достигнут довоенный уровень производства. Производительность труда на фабриках и заводах выросла на 69%. В возрождении промышленности, городского хозяйства краевой центр опирался на помощь, которую постоянно оказывали правительство РСФСР и крайисполком (председатель А.А. Баранов).

Но последствия войны сказывались еще долго и проявлялись во многом. Особенно остро горожане испытывали дефицит товаров широкого спроса.

На руках у населения после войны скопилась масса денег, не обеспеченных товарами. Во время денежной реформы (1947 г.) около трети наличной денежной массы было обменено на новые дензнаки. После реформы была упразднена карточная система, введенная в годы войны. Однако цены на продукты и предметы потребления были в среднем в 3 раза выше довоенных. Важным источником продтоваров для горожан являлся рынок, цены на котором были достаточно высокими. Так, при средней зарплате в городе около 500 руб. в месяц цена 1 кг пшеничного хлеба составляла от 6 до 8 руб., сахар стоил от 13 руб. 50 коп. до 16 руб. 50 коп., сливочное масло — от 62 до 66 руб. за килограмм. Телогрейки, армейские шинели и кирзовые сапоги стали выходить из обихода только в начале 50-х гг. В свободной продаже появились книги, мебель.

Постепенно преодолевалась нехватка обуви и одежды. Местом проведения досуга в Ставрополе стали кинотеатры и клубы. Уставшие от войны люди от души радовались приключениям «Веселых ребят», пиратов, ковбоев. Необычайно популярен был фильм «Тарзан». Своеобразной сказкой на экране стал фильм «Кубанские казаки», побивший все рекорды в городском кинопрокате.

Большое внимание уделялось спорту. Ставропольская футбольная команда «Динамо» стала чемпионом РСФСР (1949 г.). Среди футболистов, ставших чемпионами, были М. Аваков, Д. Артопуло, А. Бессонов, Д. Бобрыш и др. Ставрополец М. Страхов выиграл первенство РСФСР по акробатике.

Активизировалась церковная жизнь, была возрождена духовная семинария. Росло число церковных браков, увеличилось посещение церкви не только женщинами, но и мужчинами в возрасте 20—40 лет. Люди искали отдушину, залечивали психологические раны, нанесенные войной.

В городе расширялись работы по благоустройству. Со стороны проспекта Октябрьской революции на декоративной стене был создан каскад фонтанов. Здесь же установили 7 скульптур, изображавших дельфинов, из пасти которых били струи воды. На Комсомольской горке соорудили лестницу, которая вела к центру парка, заасфальтировали площадки,

установили гранитные светильники, разбили клумбы, цветники, газоны. Значительный вклад в возрождение и благоустройство города внесли председатель горисполкома тех лет М.А. Дорохов, секретарь горкома партии Н.С. Зенченко.

С кончиной Сталина (1953 г.) в жизни города начались перемены, происходившие в стране. Для большинства горожан смерть Сталина стала большим потрясением. В Ставрополе прошли траурные митинги и шествия, люди скорбели, испытывали неподдельное горе. Толпы плачущих взрослых и детей, запечатленные на газетных фотографиях той поры, не были пропагандистским изобретением. Но эту скорбь не разделяли тысячи ставропольцев, пострадавших от репрессий 30-х гг.

После смерти вождя начался стихийный процесс освобождения от последствий культа его личности. Из краевых газет изымались наиболее одиозные материалы, прославлявшие Сталина, было запрещено вывешивать портреты здравствующих руководителей. В городе, особенно среди интеллигенции, стало постепенно возникать ожидание перемен. Началась реабилитация и освобождение из лагерей политических заключенных.

Вторая половина 50-х гг. ознаменовалась настоящим прорывом в жилищной сфере. Основная идея «жилищной революции» в Ставрополе состояла в строительстве целых серий домов по единому типовому проекту. Так, в 1957 г. было заложено 185 жилых зданий общей площадью 64,4 тыс. кв. м и выдано ссуд на строительство 500 индивидуальных домов. Началась комплексная застройка крупных жилых массивов без сноса старых зданий в 163 и 164 кварталах города и на пустовавшей тогда Осетинской поляне. Было налажено автобусное сообщение, летом 1964 г. начали курсировать троллейбусы.

В первые послевоенные десятилетия Ставрополь, в отличие от промышленных центров юга России (Ростова-на-Дону, Волгограда, Грозного), оставался преимущественно аграрным городом. Это находило отражение в структуре экономики, одноэтажном характере его застройки и размеренном темпе жизни. Но с 60-х гг. в краевом центре по инициативе руководителей края Е.С. Кроткова, затем Л.Н. Ефремова и Ф.Д. Кулакова велось интенсивное промышленное строительство.

На 1960—1970 гг. приходится пик промышленного строительства в городе. В эти годы были реконструированы и обновлены десятки предприятий легкой, пищевой, перерабатывающей и химической отраслей промышленности, машиностроения. Были введены в эксплуатацию заводы инструментальный, автокранов, поршневых колец, «Электроавтоматика», автомобильных прицепов, «Спецконструкция», химических реактивов и люминофоров, технического углерода, монтажных заготовок, комбинат производственных предприятий и др.

Значительный импульс получили производство строительных материалов и строительная индустрия в целом, в которую было инвестировано вдвое больше средств. Строительные организации города были объединены в трест «Ставропольпромстрой». План его достиг 100 млн. руб. в год. Заслуги ставропольских строителей были отмечены высокими правительственными наградами. Бригадиру комплексной бригады каменщиков А.А. Волобуеву присвоили звание Героя Социалистического Труда, правительственные награды получили 18 строителей города.

Город продолжал расти. В июле 1962 г. были образованы два городских района — Ленинский и Октябрьский (вместо существовавших прежде трех). Позднее (март 1977 г.) на картах города появился Промышленный район. В 70-е гг., согласно новому генеральному плану, начался быстрый рост города в северо-западном, юго-западном и восточном направлениях.

Интенсивное развитие промышленности, в т.ч. химической, проводилось без учета экологических требований. Резко возросла техногенная нагрузка на окружающую среду, что в значительной степени повлияло на экологию. Особенно вредное воздействие на горожан оказывало загрязнение атмосферы, поверхностных и грунтовых вод, а также почвы токсичными компонентами (металлами, окислами азота, сернистым ангидридом и др.).

С ростом города наращивался его научный и культурный потенциал. Значительный вклад в развитие науки, образования и культуры внесли заведующий лабораторией ВНИИОКа А.Н. Лопырин, удостоенный звания Героя Социалистического Труда, директор СНИИСХа А.А. Никонов, ректор педагогического института В.И. Кириенко, народный артист СССР М.П. Кузнецов, писатели В. Туренская, С. Дроздов. Много внимания развитию этой сферы уделяли в те годы городские органы власти, их руководители К.Н. Никитин, З.С. Мураховский, А.Т. Коновалов.

Работы по благоустройству города. Строительство автомобильной дороги. 1960-е годы

В 70—80-е гг. стало престижным не просто добротно и качественно, но еще и модно одеваться. Особым спросом у горожан пользовались «привозные» вещи: джинсы, дубленки, батники, косметика и т.п. Нарасхват разбирались в магазинах мебель, ковры, хрусталь, посуда, холодильники, телевизоры.

Однако потребности горожан не ограничивались материальной сферой, общество жило и активной духовной и культурной жизнью. В сентябре 1968 г. в краевом драматическом театре им. М.Ю. Лермонтова состоялось торжественное открытие первой Музыкальной осени Ставрополья. В гости к ставропольцам прибыли известные композиторы страны — лауреат Ленинской премии В.И. Соловьев-Седой, лауреаты Государственной премии В. Мурадe-

ли и А. Эшпай, композиторы М. Фрадкин, Е. Жарковский, А. Нестеров, М. Кажлаев.

С середины 1987 г. по инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева (с 1970 до 1977 гг. он работал в Ставрополе первым секретарем крайкома) был провозглашен курс на «гласность», т.е. на контролируемое сверху смягчение цензуры над средствами массовой информации, на ликвидацию «спецхранов» в архивах и библиотеках, публикацию ранее запрещенных книг. На прилавках городских магазинов появились книги А.И. Солженицына и других диссидентов. В кинотеатрах «Экран», «Родина» можно было увидеть фильмы (например, «Покаяние» режиссера Т. Абуладзе), в которых переосмысливались нравственные устои советского общества. Поначалу гласность казалась ставропольцам очередной пропагандистской кампанией, однако процесс демократизации общества стремительно набирал обороты. В городе возникали неформальные клубы и объединения, где велись дискуссии практически по всем вопросам политической и общественной жизни страны. Так, в октябре 1988 г. в Ставрополе была образована инициативная группа под названием «Народный фронт в поддержку перестройки», впоследствии (февраль 1989 г.) преобразованная в организацию «За народный фронт Ставрополья».

Современный Ставрополь

В начале 90-х гг., после распада СССР и смены модели общественного развития, в жизни города начался новый этап, связанный с приватизацией предприятий, магазинов, созданием рыночной экономики, перестройкой органов местного самоуправления.

В декабре 1995 г. городской Думой был принят «Устав города Ставрополя», в котором зафиксирован правовой статус города в системе организации государственной власти и местного самоуправления. Основными элементами структуры местного самоуправления города являются: глава города (выборное должностное лицо, срок полномочий — 4 года), городская Дума (представительный орган местного самоуправления, 22 депутата, срок полномочий — 4 года), администрация города, администрации районов города. Городскую администрацию с 1992 г. до начала 2002 г. возглавлял М.В. Кузьмин, в феврале того же года на эту должность назначен И.М. Тимошенко.

На заседаниях городской Думы (1994 г.) были утверждены положения о гербе и флаге, которые вобрали в себя исторические традиции города: на геральдическом щите изображен крест, отражающий имя города, серебряная гора, обозначающая расположение города, золотая зубчатая крепостная стена, увенчанная серебряной пятилучевой звездой, по склону горы к воротам идет дорога. Так изображается Ставрополь, который с конца XIX в. играл роль российского форпоста и являлся воротами Кавказа. Силуэт кафедрального собора в нижнем левом углу отражает роль Ставрополя как центра православной епархии на Северном Кавказе. В верхнем правом углу помещен всадник, олицетворяющий казачество. Изображение Вечного огня на красном фоне золотом — память о прошлых поколениях, их подвигах и свершениях. Год 1777-й — дата основания города.

В краевом центре находятся органы государственной власти края, территориальные подразделения федеральных органов власти, представительства субъектов РФ и международных организаций. В их числе: резиденция губернатора, правительство края, представительство Верховного комиссара ООН по делам беженцев, миссия Международного Комитета Красного Креста на Северном Кавказе.

В городе расквартированы штаб Северо-Кавказского регионального управления Федеральной пограничной службы РФ, оперативный штаб при МВД России по Северному Кавказу, управление МВД РФ по Северному Кавказу. Краевой центр шефствует над пограничным сторожевым кораблем «Ставрополь» и подводной лодкой Б-841 Черноморского флота.

Ставрополь является центром Ставропольской и Владикавказской епархии Русской Православной Церкви — в состав епархии входит 288 храмов, здесь находится резиденция архиерея и епархиальное управление. Епархию возглавляет митрополит Гедеон. В 1994 г. епархию посетил Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.

Ставрополь входит в международную ассоциацию «Породненные города», поддерживает побратимские отношения с городами Пазарджик (Болгария, с 1969 г.), Безье (Франция, с 1981 г.), Санта-Маргарита (Испания, с 1991 г.), Де Мойн (штат Айова, США, с 1992 г.).

Город соединен железнодорожной веткой (12 км) с линией Кавказская — Дивное — Элиста, является узлом автомобильных дорог (в их числе шоссейная дорога Ставрополь — Элиста — Астрахань). В 52 км от города проходит автомагистраль Ростов — Махачкала — Баку (Азербайджан).

Основу современного промышленного потенциала Ставрополя составляют 60 крупных и средних предприятий. Промышленными предприятиями города за 1999 г. произведено продукции на 2,3 млрд. руб. Наибольшим количеством производств и удельным весом в общем объеме выпуска продукции характеризуются пищевая, машиностроительная, медицинская, деревообрабатывающая отрасли.

Предприятия перерабатывающей промышленности выпускают широкий ассортимент продуктов питания: макаронные и кондитерские изделия, цельномолочную продукцию, колбасы, мясные консервы, пиво, ликероводочные изделия, безалкогольные напитки, масло животное, сыры и др. Наиболее крупные из них: молочный комбинат «Ставропольский», пивоваренный завод, ликероводочный завод «Стрижамент», консервный завод «Ставропольский», комбинат хлебопродуктов «Ставропольхлеб», мукомольный завод, хлебозавод № 3, предприятие «Модуль».

Значительный вес занимает машиностроительная отрасль. В течение последних лет доля продукции отрасли в общем объеме промышленного производства увеличилась с 29% в 1995 г. до 36% в 1999 г. Наибольший объем промышленной продукции производят заводы поршневых колец «Стапри», «Автоприцеп-КамАЗ», радиозавод «Сигнал», завод «Красный металлист», инструментальный завод, завод автомобильных кранов «Краст». В последние годы динамично развивается предприятие «Аллерген», выпускающее лекарственные средства, препараты для диагностики различных заболеваний, вакцины.

По статистическим данным, в г. Ставрополе действуют более 4,4 тыс. малых предприятий, на которых работают 23,5 тыс. чел., что соответствует 15,9% от общей численности занятого населения города. Этими предприятиями за 1999 г. произведено товаров и услуг на 1 млрд. руб. Малый бизнес в городе представлен предприятиями машиностроительной, медицинской, мебельной, пищевой, легкой

промышленности. Существенные результаты достигнуты в развитии городской связи и телекоммуникационных сетей. Однако в целом производство промышленной продукции после 1990 г. снизилось в 5 раз; в 2000 г. было произведено автоприцепов 2,7 тыс. против 42,5 тыс. в 1990 г., деревообрабатывающих станков — 548 против 2844.

В 1999 г. численность работников крупных и средних предприятий составила 88,1 тыс. чел., в промышленности было занято 18,8%, в строительстве — 8,6%, в системе образования и науки — 18,3%, в области здравоохранения, спорта и социального обеспечения — 14,6%. Важную роль в приращении экономического потенциала города и края играют находящиеся в Ставрополе научные учреждения: НИИ природных газов (работает с мая 1971 г.), НИИ люминофоров и особо чистых веществ, НИИ гидротехники и мелиорации, научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства, который с 1987 по 2002 гг. возглавлял академик РАСХН В.А. Мороз, научно-исследовательский противочумный институт и др.

Образовательный комплекс города включает в себя 149 учебных заведений, в которых обучаются и воспитываются более 100 тыс. чел. (1999 г.), из них в 68 детских дошкольных учреждениях (ведомственных и муниципальных) — 11,7 тыс. детей, в 45 учреждениях общего среднего образования (школы, гимназии, лицеи)— 49,3 тыс. учащихся, в 17 учреждениях профессионального образования (училища, колледжи, техникумы) — 17,1 тыс. чел.

Достигнуто заметное улучшение работы с детьми в дошкольных учреждениях. Семь дошкольных учреждений (№№ 34, 47, 54, 58, 60, 75, 77) в 1998 г. стали лауреатами всероссийского конкурса «Детский сад — 98». 19 учреждений города являются экспериментальными площадками.

Расширилась сеть вузов в городе. В октябре 1994 г. Ставропольский педагогический институт был преобразован в педагогический университет. 18 февраля 1996 г., согласно постановлению правительства РФ, на базе педуниверситета был создан Государственный университет — ведущее высшее учебное заведение края. Первым ректором университета стал профессор доктор социологических наук В.А. Шаповалов.

Политехнический институт развился в Северо-Кавказский государственный технический университет. Медицинский стал академией, а сельскохозяйственный институт — агроуниверситетом. Работают региональный педагогический институт детства, филиалы Московской государственной академии приборостроения и информатики, военного авиационного технического университета им. Жуковского, Ростовского военного института ракетных войск, факультет Краснодарского университета МВД. В городе насчитывается до 20 негосударственных вузов. По данным за 1999 г., в вузах города (государственных и негосударственных) обучалось свыше 31 тысячи студентов.

В краевом центре функционирует развитая сеть учреждений культуры: академический театр драмы им. М.Ю. Лермонтова, театр кукол, 6 музеев (с филиалами), 20 библиотек, 16 дворцов, домов культуры, детского творчества и центров досуга.

В 1971 г. театр драмы был награжден орденом «Знак Почета», в 1995 г. ему присвоено звание академического. На сцене театра в разные годы ставились «Первые радости» К. Федина, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Русский вопрос» К. Симонова, «Осенние скрипки» И. Сургучева и др. Среди актеров народные артисты РФ Б.Н. Данильченко, В.Г. Фоменко, Н.П. Зубкова, В.А. Рабовская; заслуженные артисты РФ В.В. Гурьев, В.М. Аллахвердов, М.А. Мальченко, Б.Ф. Щербаков, А.В. Ростов, режиссеры, заслуженные деятели искусств А.А. Малышев, В.В. Бирюков. В краевой филармонии работают 4 творческих коллектива, в т.ч. симфонический оркестр. Певцы филармонии — народная артистка РФ О.Г. Григоренко, засл. артист РФ Б.А. Бруснев.

Краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, открытый в 1905 г., действует в здании, построенном в 1913 г. Музей богат палеонтологической и археологической коллекциями, в т.ч. предметами скифской, сарматской, аланской культур. Среди музейных раритетов шлем ассирийский (VIII в. до н. э.), гробница аланская (XI в. н. э.), икона буддийская «Зеленая тара». В 1998 г. музей посетили 106,6 тыс. чел. Среди филиалов музея — музей истории г. Ставрополя, картинная галерея пейзажей П.М. Гречишкина, археологический и природный музей-заповедник «Татарское городище».

В музее изобразительных искусств, открытом в 1962 г., представлены произведения русского искусства XVIII—XX вв., в т.ч. картины Д.Г. Левицкого, И.И. Левитана, В.Д. Поленова, М.С. Сарьяна, С.Т. Коненкова. В числе основных экспозиций этого музея — «Современное искусство», «Художники Ставрополья и России», «Современное декоративно-прикладное искусство». Краевая организация Союза художников России объединяет таких известных художников, как П.М. Гречишкин, Е.Ф. Биценко, В.Я. Грибачев, И.Б. Девишев, И.В. Лепаловский, Г.А. Киракозов, А.Е. Соколенко.

В Ставрополе находится крупнейший на Северном Кавказе Дворец культуры и спорта профсоюзов, открытый в 1985 г. Дворец имеет концертный зал на 1300 мест, кинозал на 350 мест и библиотеку, в которой числится около 68 тыс. книг. Во Дворце работают 34 творческих коллектива, 22 студии и школы, 8 спортивных секций и 14 клубных объединений.

Ставропольцы по праву гордятся творческими коллективами города: духовым оркестром, ансамблем камерной музыки «Кантабиле», камерным хором, народными ансамблями песни и танца «Степные зарницы», «Заряночка», фольклорным ансамблем «Казачий пикет»; ценят заслуги в становлении этих коллективов таких деятелей музыкальной культуры, как Н. Зинченко, В. Коротков, Д. Осиновский и др.

Ставрополь — город спортивный. Физической культурой и спортом в краевом центре занимаются более 20 тыс. чел., в т.ч. в спортивных секциях — 16 тыс. чел. Среди основных физкультурно-спортивных сооружений города стадион «Динамо» (с трибунами на 20 тыс. мест), дворец спорта «Спартак», бассейн «Юность». Подготовкой спортсменов в городе занимаются факультет физической культуры СГУ, училище олимпийского резерва, школа высшего спортивного мастерства, многочисленные детско-юношеские спортивные школы.

В числе известных спортсменов, прославивших Ставрополь на мировых чемпионатах и Олимпийских играх, мастера спорта международного класса братья М. и Ю. Страховы (акробатика), В. Скакун (акробатика), А. Гребенюк (легкая атлетика), О. Чернявская (легкая атлетика), Л. Рогачева (легкая атлетика), С. Гончаренко (легкая атлетика), А. Крыжановский,

Е. Бугаева, Е. Блужина, Л. Громова, А. Расолин (акробатика), В. Гончаров (прыжки в воду), Б. Криунов (легкая атлетика), В. Хмелевский (легкая атлетика).

В Ставрополе имеется 35 лечебно-профилактических учреждений (в них работают более 1,3 тыс. врачей и 2,2 тыс. чел. среднего медицинского персонала), в т.ч. 16 городских и краевых больниц, диспансеров, 14 поликлиник, 55 аптек.

Центральная часть г. Ставрополя, в которой находятся здание краевой администрации и Государственной думы Ставропольского края, академический театр драмы им. М.Ю. Лермонтова, площадь им. Ленина и парковая зона в границах от улиц Дзержинского, Артема, Морозова, Коминтерна, является общественно-культурным центром города.

Историческое ядро Ставрополя — Крепостная горка в центральной части города с сохранившимся фрагментом крепостной стены (конец 1777—1780 гг.). В значительной мере уцелела застройка главной городской магистрали у подножия Горки со зданиями бывшего Гостиного двора, присутственных мест (середина — 2-я половина XIX в.) и с бульваром (заложен в 1848 г.), а также застройка бывшей Солдатской слободы, к югу крепости, с классическим комплексом военного госпиталя (40-е гг., архитекторы братья Бернардацци).

Среди памятников археологии и истории — Татарское городище (южная окраина города), городище «Бучинка» (северо-западная окраина Ставрополя), Грушевское городище (юго-западная окраина), укрепление Змеиная горка, здание первой на Кавказе мужской гимназии (ул. Морозова, 2), братская могила мирных жителей, замученных немецко-фашистскими оккупантами (по дороге Ставрополь — Сенгилеевское, урочище Столбик), мемориал Вечной славы (памятник борцам революции и воинам Советской Армии, авторы — братья М.Е. и Л.Е. Роберманы, архитекторы М.И. Щукин и Г.Д. Даманов).

В числе памятников архитектуры и градостроительства федерального значения особняк купцов Меснянкиных (архитектор Ф.К. Прозоровский) — ул. Дзержинского, 87; мечеть (архитектор Г.П. Кусков) — ул. Морозова, 12; особняк купца Митина (архитектор С.Д. Лазарев) — ул. Дзержинского, 115— 117. Эти здания придают городу неповторимый облик.

За последние годы были открыты памятники «Юным защитникам Отечества» (1998 г.), прославленному русскому генералу А.П. Ермолову (1998 г.). погибшим при исполнении воинского долга землякам (1999 г.), выполненные скульптором Н.Ф. Санжаровым, а также восстановлена триумфальная арка «Тифлисские ворота» (1998 г.).

Вклад многих ставропольчан в развитие города отмечен почетными званиями Российской Федерации, которых удостоены С.В. Анисимов, Р.М. Бекижев, Н.И. Бочеров, Н.И. Дробышев, В.И. Зубатюк, А.И. Коликов, Т.Ю. Кравцова, А.Д. Ларионов, Ю.И. Леденев, М.П. Максименко, А.И. Селюков и др.

К почетным званиям и наградам относятся также звание «Почетный гражданин г. Ставрополя» и медаль «За усердие и полезность». Почетными гражданами города являются 29 чел., среди них: купцы И.А. Алафузов, И.Г. Ганиловский, исследователь Кавказа Н.Я. Динник, известные просветители и общественные деятели Г.Н. Прозрителев и Г.К. Праве, первый переводчик «Капитала» на русский язык Г.А. Лопатин, Герой Советского Союза И.А. Бурмистров, заслуженный художник РФ П.М. Гречишкин и др.

Среди горожан, награжденных памятной медалью администрации г. Ставрополя «За усердие и полезность», — ученый-краевед В.Г. Гниловской, генерал-майор Н.Г. Голодников, директор биофабрики В.И. Ситьков, учитель начальных классов М.Г. Рощупкина, директор средней школы № 5 З.Г. Веселова, заведующая инфекционным отделением городской детской больницы Л.С. Генералова, директор городского Дворца детского творчества Л.Н. Папенина, многократный чемпион мира и Европы по спортивной акробатике В.А. Скакун, народный артист РФ В.Г. Фоменко и др.

Ставрополь — один из самых зеленых и благоустроенных городов Северного Кавказа. Краевой центр украшают современные парки, скверы и зоны отдыха. К услугам жителей сквер на площади Ленина, парки Центральный и Победы, Таманский и Мутнянский леса.

Известный писатель Андрей Губин написал о Ставрополе следующие строки: «...у него сила молодости, а в лице проступают черты будущего: высокая гармония лепестка розы и тысячетонного бетона, одинокой звезды на отшибе галактики и моря электричества, реактивного взлета с неувядающей прелестью лермонтовской строки. Тут люди — как отборное зерно на семена. Я в этом городе вижу поэзию завтрашнего дня».

Литература:

1. Твалчрелидзе А.И. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. — Ставрополь, 1897.

2. Прозрителев Г.Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. — Ставрополь, 1925.

3. Краснов Г.К. Ставрополь на Кавказе. Исторический очерк. — Ставрополь, 1957.

4. Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь. Исторический очерк. — Ставрополь, 1977.

5. Достижения Ставрополья к 60-летию образования СССР. Сб. стат. управления СК. — Ставрополь, 1982.

6. Кузнецов И.В. Крепость в степи. — Ставрополь, 1987.

7. Ставропольцы в Великой Отечественной войне. — Ставрополь, 1995.

8. Беликов Г.А. Ставрополь — врата Кавказа. — Ставрополь, 1997.

9. Край наш Ставрополье. Очерки истории. — Ставрополь, 1999.

10. Паспорт города Ставрополя. — Ставрополь, 1999.

11. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. — январь 1943 г.): документы и материалы. — Ставрополь, 2000.

12. Ставрополье: день за днем. Исторический календарь. — Ставрополь, 2000.

13. Ставропольский край и его регионы. Стат. сб. — Ставрополь, 2000.

14. Кругов А. И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII—XX вв.). — Ставрополь, 2001.

15. Фонды музея краеведения.

Текст печатается по изданию:
Кругов А.И., Найденко А.В., Беликов Г.А. Ставрополь // История городов и сел Ставрополья: Краткие очерки. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2002. — с. 17—40.

2 Воспоминания, путевые записки, дневники

Б. Филиппов. **Всплывшее в памяти**

<...> На лето большая семья моей матери съезжалась обычно в шумную, веселую, полуазиатскую Астрахань, где дядя занимал должность, носившую странное название — «начальник калмыцкого народа», а старшая сестра матери, Аполлинария Андреевна, служила машинисткой в городской управе. Постоянно приезжала и младшая сестра матери — тетя Наташа, и с нею ее дочери, с которыми меня с детства связывала горячая дружба. И Лёлька, и Наталка выше небес расхваливали мне их Варшаву, ее веселые и нарядные улицы и «кавярни» с такими пирожными, «такими, каких ты и представить себе не можешь и даже никогда», а я повествовал, привирая в три короба, о прогулках по сопкам моего Забайкалья, о подаренной мне отцом самой настоящей шашке, даже совсем железной, с которой я никак не боюсь один, без мамы и денщика, ходить в эти страшные заросли на сопках, где встречаются злые, как черти, японцы-самураи с длинными кривыми саблями и раскосые китайские разбойники-хунгузы... Жили мы весело, и только в моей семилетней душе копошилась некая горечь: Лёлька на три месяца меня моложе, а уже слыла в семье даровитой поэтессой; рифмованные строки сыпались из нее неиссякаемым потоком, как пирожные и крендели из рога изобилия на вывеске угловой кондитерской Карапетьяна.

Каждый четверг, ровно в 6.15 вечера, заявлялся на наш второй этаж пылкий поклонник старшей тетки, красавицы, прозванной в семье «Клео де Мероде» (фотография этой — знаменитой тогда — львицы была в дядином альбоме и нам, детям, вовсе не нравилась). Поклонником этим был небольшой шарообразный и совершенно лысый статистик Опанас Богданыч. В светло-палевом чесучовом костюме, всегда свежевыбритый и благоухающий какими-то мужскими английскими духами, до приторности деликатный, он по старинке расшаркивался, подходя к ручкам дам, и по каждому поводу и без всякого повода извинялся, нередко переходя на тот изысканный французский язык, каким говорили наши бары середины прошлого века. Церемонно поздоровавшись со взрослыми, он гладил нас по голове и сейчас же оделял каждого из нас невероятно крупным и ярким апельсином, вынимаемым им двумя пальцами (в старинных перстнях с камеями) из аккуратнейшего, как он сам, картуза. О нет, не мог он назвать кулек иначе, как «картузом»: новые названия и новое произношение претили ему, и кулек был у него картузом, конфеты — конфектами, апельсины именовал он «заморским плодом», и даже приезжал он к нам не на извозчике, а на фаэтоне.

Ухаживание его за нашей теткой постоянно обсуждалось и осуждалось в нашей детской компании: и наша Пуля — глубочайшая старуха: ей ведь больше тридцати пяти! А дяде Опанасу Богданычу столько, что сказать —никто не поверит. Мама рассказывала, что он родился за два года до смерти Пушкина, того, в красном переплете с золотым на нем портретом и с баками, как у собаки, больше, чем у нашего Тиграшки. А дядя Сережа сказал, что дядя Опанас — реликвия...

— Нет, дядя сказал, что он — Реликвий, — перебила младшая, Наталка. — Реликвия — это может быть девочка, ну, мама, а если дяденька или дедуня — то Реликвий...

— Молчи, Наталка, не перебивай старших...

Из разговоров взрослых, постоянно подшучивавших над платоническим романом тетки Пули и Богданыча, мы, далеко не всё понимая, узнали, что дядя Реликвий был каким-то «шестидесятником» и «народовольцем», почему-то «ходил в народ», потом жил долго не в России, бывал у какого-то Искандера в Лондоне, потом — в Лондоне же — у какого-то Герцена, немца, очевидно.

Был и в Сибири, бежал оттуда. Я пожимал плечами: ну, зачем бежать из Сибири, у нас ведь так хорошо и интересно. И в Астрахани был он под надзором полиции, что было тоже совсем непонятно: здесь ведь ни злых самураев, ни опасных хунгузов — зачем же полиции его и от кого охранять?.. Но, впрочем, ему разрешено работать статистиком, только

не очень-то его продвигают по службе... И опять: ведь он, Богданыч, —реликвия.

Из нас, ребятни, Реликвий больше всего любил самую младшую — Наталку. И Наталка, вообще нагловатая четырехлетка, покачиваясь на его колене и не обращая внимания на сердитые взгляды взрослых, смотря в глаза дяде Опанасу, спрашивала:

— Дядя, а почему у тебя зубы лязгают, как у нашего Тиграшки, когда он ищет блох? Но у Тиграшки вся голова в волосах, а у тебя совсем нет никаких волосов, как мой голый животик, вот так, — и при этом задирала платьишко, показывая свой пуп.

— Наталка, убирайся вон, — не умеешь себя вести, — сконфуженно и сердито прикрикивала на дочку ее мать.

— Да что вы, Наталья Андреевна: пусть ее, ще мала дивчина. Что с нее спрашивать? А у меня, правда, голова, что твой бильярдный шар... А вы, Наталья Андреевна, лучше спойте нам... Люблю ваш ангельский голосок...

И тетя Таля, сама себе аккомпанируя, старалась загладить дерзость дочки, выбрав любимые Опанасом Богданычем «Дывлюсь я на нэбо» и «Ой, не свити, мисяченько».

— Чудесно вы спиваете. Вот только, простите за откровенность, у вас выговор какой-то москальский, мягкости — не в пении, о нет, — в словах надо бы по больше...

— И что это дядя Опанас носит нам все одни апельсины и апельсины? Я хочу ему сказать один мой стишок, хотя, думаю, неудобно. Как ты думаешь?

Милый дядя Опанас,
Принеси нам ананас.
Кто несет лишь апельсин, —
Скупердяй и сукин сын.

— А вот и не скажешь, не прочтешь ему, — подзадоривал я Лёльку, снедаемый лютой завистью к ее поэтическому гению.

— Нет, прочту, прочту.

И, действительно, в ближайший четверг подошла к Богданычу, и когда тот, жеманно отставив указательный палец с кольцом-камеей, вынимал Лёльке из картуза солнечно-оранжевый апельсин, краснея и заикаясь от волнения, но с вызовом поглядывая на меня, прошептала:

Милый дядя Опанас,
Принеси нам ананас.
Кто приносит апельсин, —

дальше, дядя, я стесняюсь, но совсем в рифму, дяденька, — и быстрехонько удрала на двор.

Лето подходило к концу. Уже уехали в Варшаву тетя Таля с дочками, мы с мамой тоже собирались возвращаться в Забайкалье, когда дядя Сережа пришел со службы какой-то нахохленный и сказал: «Вчера умер от разрыва сердца Богданыч. Послезавтра похороны. Ушел с ним и старый, наивный, но трогательный и, более того, героический мир мечтателей-народников... Ведь он был близок не только с Германом Лопатиным и Михайловским, но и Драгомановым, Костомаровым и с самим Искандером... Знавал и Шевченку...»

На кладбище собралось немало народа. Были и в вышитых по вороту украинских косоворотках, подпоясанных витыми шнурами с красивыми помпонами на концах. Они стояли дружной кучкой и, как только какой-то вихрастый и достаточно (из социалистического принципа) неряшливый эсер закончил речь об «одном из стаи славных борцов за вольную волю и светлую народную долю», о «святой реликвии еще времен великого Искандера», украинцы запели над могилой «Заповит» батьки Тараса. Пели до слез хорошо. Милый дядя Опанас...

* * *

Моя научная дятельность началась лет в десять. Началась записыванием частушек. Жила в то время у нас наша родственница, молоденькая хорошенькая девушка, приехавшая в Москву на Высшие женские курсы. Она писала курсовую работу о частушках, сама собирала и записывала их. Это вдохновило и меня, я стал записывать частушки у нашей горничной Фроси, у всех прислуг наших знакомых. От курсистки Вали, веселой хохотушки и кокетки, я узнал, что народную словесность следует записывать так, как она слышится, и отмечать — от кого, когда и при каких обстоятельствах записана песня, из какой местности и какого звания и какой профессии исполнитель частушки.

Я завел толстую общую тетрадь в черном клеенчатом мягком переплете. В ней появились мои первые фольклорные записи. Таких тетрадей за три, примерно, года мною было заполнено пять или шесть; записи в них сопровождались примечаниями в лучших традициях академических комментаторов, хотя и не всегда отличались тщательно соблюденной орфографией:

Сидить заяц под бирезой
Неженатый, холостой...
Маво милава забрали,
Я осталась сиратой.

«Записано 11 декабря 1915 года у горничной зубного врача Л. А. Ф. Фроси, 17 лет, из крестьянок Зарайского уезда, халастая».

Эдак через год началось мое достаточно длительное увлечение и этнографией. Оно было серьезным, я отдавался ему всей душой. Это заставило друзей моей матери, хорошо знакомых с Дмитрием Николаевичем Анучиным, повести меня к патриарху русской антропологии и этнографии. Семидесятитрехлетний академик, типичный семидесятник-позитивист, погладил меня по вихрастой голове, осведомился, как я учусь, на что я пробормотал в ответ что-то невнятное (был я в гимназии неисправимым двоечником), посоветовал побольше налегать на естествознание. Затем, кряхтя и поглаживая поясницу, он поднялся с кресла, подошел к книжному шкафу и вынул оттуда свою книгу «Сани, ладьи и кони как принадлежности похоронного обряда» и даже надписал ее мне: «Юному Боре, моему будущему коллеге на ниве отечественного народоведения».

Книга эта долго сопровождала меня во всех моих странствиях и житейских передрягах, пока не исчезла во время одного из обысков уже в тридцатые годы — и вынырнула для меня неожиданно в ленинградском магазине антикварной книги. Но эта чуть суховатая, воистину ученая книга не так заинтересовала меня, как случайно попавший мне в руки второй том афанасьевских «Поэтических воззрений древних славян на природу» и, в особенности, тоненькие, в сизой обложке брошюрки некоего Пуцыковича, из которых каждая, с портретом типичного представителя данного народа, посвящалась всем народам и племенам

мира. Автор этих весьма для отрочества занимательных книжек заинтересовал меня и своей странноватой фамилией; лишь через десять-пятнадцать лет я узнал, что В.Ф. Пуцыкович — преемник Достоевского в редактировании «Гражданина», достаточно рьяный реакционер и мракобес.

Летом семнадцатого года мы с мамой (отец был убит еще в 1914 году под Варшавой) перебрались из начинавшей подголадывать Москвы в Ставрополь Кавказский. В переполненные, главным образом дезертирами с фронта, поезда пришлось влезать через окна вагонов; внутри все было заплевано подсолнухами, сизо от самокруток с махоркой, мат сменялся то марсельезой, то заунывной «страдательной», а чаще — частушками:

Не ходите нынче девки
С дымократами гулять —
Дымократы вас научат
Прокламации читать...

Кое-как доплелись до Ставрополя еще по стародавнему, обильному пути: чего только не было на станционных базарах! Только уже ненадолго.

В Ставрополе мое увлечение этнографией еще больше усилилось. В Первой мужской гимназии обучались и армяне, и грузины, и осетины, и эвакуированные поляки и латыши, и, понятно, украинцы, тогда еще не осознавшие, что они — не русские. Учились там и кабардинцы, черкесы, даргинцы, имевшие неписаную привилегию оставаться в каждом классе не на два, а на три-четыре года. Сидевший со мной за партой в третьем классе горский князек Абдул Азизов уже трижды в неделю брился и, возвращаясь в гимназию с каникул, привозил и показывал нам фотографии своих четырех жен. Впрочем, он был хорошим товарищем и на пари съедал в один присест чуть ли не пудовый арбуз с большой французской булкой.

Вместо ветхих брошюр Пуцыковича на моем столе появились тогда увесистые тома «Вселенной и Человечества», увражи Ратцеля и книги по этнографии Кавказа. А главное, я смог теперь наблюдать и записывать свои наблюдения прямо с натуры — гимназия ведь была настоящим интернационалом.

В гимназической и городской библиотеках я стал брать книги путешественника Вамбери, написанные чрезвычайно увлекательно. Какое множество сведений о народах Турции, Персии, Туркестана, во времена Вамбери еще не завоеванного Россией, можно было найти в этих книгах! Бабушка предупреждала мою мать:

— Следи за Борисом, он что-то рано увлекся порнографией.

— Этнографией, мама.

— А это не одно и то же?

И вот тут-то, году на тринадцатом-четырнадцатом моей жизни Федор Яковлевич Семин, муж старшей сестры моей матери, бывший эсер и бывший эмигрант, заметив мое запойное чтение «серьезной» литературы, решил приохотить меня к еще более серьезным и более отвлеченным занятиям, по интеллигентской старинной традиции — к Спенсеру, Миллю, Михайловскому, а затем к Канту. Вера старого эсера в святость позитивизма и английского натурализма уже начала сменяться обруселым кантианством. Федор Яковлевич стал начинять меня «Логикой» Милля, психологией Джеймса и «Психологией без всякой метафизики» Введенского, толстенными томами Спенсера; Спенсер, считал он, грубоват и элементарен, но дает «хорошую основу». Я до сих пор помню определение жизни у английского скукодея: «Жизнь есть постоянное приспособление внутренних отношений к внешним сосуществованиям и последовательностям».

Зная о моем увлечении этнографией, Семин (Федя, как мы, его племянники и племянницы, его звали, безо всякого даже «дяди») принес мне «Социологию по данным этнографии» Шарля Летурно, а потом и другие книги того же Летурно, включая «Эстетическую эволюцию», неуклюже и безграмотно переведенную кем-то как «Литературное развитие народов и племен». Рекомендуя мне работы Летурно, Федор Яковлевич сказал, вздыхая:

— Да, Летурно — настоящий ученый, его следует знать. Между прочим, он явился причиной гибели дочери нашего Герцена: она покончила самоубийством, когда Летурно, ее возлюбленный, ее бросил...

Семин был человек не только самобытнейший и интересный, но и весьма даровитый.

С Летурно началось мое увлечение социологией и историей театра. Дело в том, что в «Эстетической эволюции» Летурно очень много фактов из истории театра, театр же с детства был моей слабостью — меня сызмалу водили в театр, я сам разыгрывал, один или с двоюродными сестрами, сочиненные мною пьесы и отдельные сценки. В Ставрополе в зимнем театре Меснянкина постоянно играла довольно приличная драматическая труппа, а в летнем театре Пасхалова каждый год выступала вполне приличная оперетта.

Вскоре я близко познакомился с разнесчастнейшим помощником классного наставника нашего 1 класса; фамилии и имени-отчества его я уже не помню, ибо мы, гимназисты, звали его весьма непочтительно «Облезлым». Конечно, за глаза. Небольшого роста, чуть кривоватый, с какой-то пятнистой головой, на которой волосы росли на случайных местах, то и дело чередуясь с красными проплешинами, Облезлый семенил на своих коротких ножках по коридорам и двору гимназии, с каким-то загнанным, испуганным видом делал нам замечания, и тут же сам конфузился и отбегал, опустив свою пятнистую голову. Да и времена уже были другие: революция опрокинула многие прежние устои и строгие гимназические требования. Жил он, видимо, впроголодь, одинокий, всем чужой в этом сонном степном городе, но, как выяснилось, последние деньги (а много ли получал помощник классного наставника) тратил на театр и книги о театре. Случайно узнав о моем увлечении историей театра, он начал давать мне редчайшие книги о русском театре из своей личной библиотеки. Рассказывал о московских театрах — Малом, Корша, о Садовском и Садовской, о Ермоловой, Комиссаржевской, Сумбатове. Не закончив ученья в Московском университете (и именно из-за страсти к театру), он отправился с какой-то странствующей захудалой труппой в скитания по глухим городкам южнорусских губерний. Играл, понятно, резонеров, благородных отцов, а чаще был на выходных ролях — на большее он не мог претендовать хотя

бы из-за своей внешности, да и таланта, вероятно, не было. А когда заболел и состарился, с трудом получил место классного наставника (он не хотел сказать: «помощника»).

Тем временем жизнь города и страны сотрясали и корежили гражданская война, грабежи и террор красных, отместка белых, виселицы зеленых, тачанки с пулеметами и черными знаменами анархистов: «Смерть брюкам галифе и юбкам клёш!», обыски и аресты — вся та «романтическая» прелесть жизни, какую воспевали Пильняк и Бабель.

* * *

— Господи, помяни Царя Давыда и всю кротость его...

Куриной гузкой сжатый тонкогубый рот, морщинистое с кулачок личико, мышиные бегающие глазки и полуседые жидкие волосы, выпроставшиеся из-под черного с белым горошком платка. Входила она в комнаты мелкими шажками и всегда с какой-нибудь очередной обидой:

— Елена Ильинишна, — слезливо жаловалась она бабушке, — вчерась опять мой зятюшка мене уважил: «Ты, — говорит, — Пелагея Ивановна, снова Агашин полушалок бахромчатый, что я ей на именины подарил, к себе, как крыса, в конуру утащила. А ведь он, змей, мне еще на Пасху полушалок купить обещался. И не подарил. Так вправе же я, да еще у своей родной дочери, полушалок взять? Вежливо так, без всякого шуму: ты, мол, зять мой любезный, позабыл, наверное, что мне полушалок обещался. Пойду-ка я к дьякону нашему на фатеру: пусть он зятьюшку моего Сто Восьмым псалмом помянет...

И старуха дробно зачастила: «...Поставь над ним нечестивого, и дьявол да станет одесную его. Когда будет судиться, да выйдет виновным, и молитва его да будет во грех! Да будут дни его кратки, и достояние его возьмет другой. Дети его да будут сиротами, и жена его вдовою. Да скитаются дети его, и нищенствуют, и просят хлеба на развалинах своих... Да будет потомство его на погибель...» — Ох ты, Господи, засиделась я у вас, Ильинишна. А дьякон в церкву уйдет, там он за Сто Восьмой вдвое берет, и то пока отец Федор не пришедши.

Чуть что, старуха обращалась к Сто Восьмому псалму и кляла им через дьякона, Петра Крестовоздвиженского, всех своих неприятелей. Врагов у нее было без числа; они появлялись у старушенции и исчезали такой же непрерывной чередой, как и ее мелкие старушечьи обиды.

В Ставрополе была Степанчиха притчею во языцех. Усмехаясь, рассказывали:

— А вчера наша тетка Сто Восьмой псалом притащилась к дьякону Крестовоздвиженскому отчитать при ней же, чтоб без обману, Настасью Алексеевну Сто Восьмым. Обидела, видите ли, она ее — у ее курей хвосты повыщипывала, чтоб не лезли к ее, Настасьиному, ретивому петуху. А дьякон, отец Петр, тетке говорит: «Давай за рабу Божью Настасью не четвертак, а цельную полтину. Иначе клясть ее не стану, она, Настасья, мне ведь кума».

И вот пришла в Ставрополь революция. А тетка Сто Восьмой псалом все жила своими мелкими заботами и обидами:

— Сёдни пошла моя дурында, младшенькая (младшей дочери Степанчихи было уже за сорок), искать службишку в етот их большевицкий, как его там, ну, где браки и смертя, и рожденья реглистрируют, там какой-то товарищ Закс заправляет... Так я ей говорю: «Наташа, тебе не службишка надобна — ты женишков себе ищешь!» А что б ей о матери своей подумать? Я ж ее родила-воспитала, а ты, говорю, теперь от меня сбежать хочешь? Довольно уж того, что старшие ее повыскакивали замуж. И ты штаны мужицкие ищешь? А с кем же я останусь одна-одинешенька, а? А она мне: «Заели вы мою жизню, мамаша!» — Ужо придется мне пойти к отцу дьякону, пущай ее Сто Восьмым псалмом отчитает. Ну, не цельным, а наполовину: все ж таки дочь она мне, кровная. О, Господи, помяни Царя Давыда и всю кротость его!

Юность, тем более — отрочество, нетерпимы, пожалуй, еще безжалостнее, чем старушиная злоба. И мы, тринадцати- и одиннадцатилетние, всячески старались чем-нибудь напакостить тетке Сто Восьмой псалом. Домишко ее под замшелой камышовой крышей-нашлепкой буквально врос в землю. От нашего дома он был в двух шагах, и нас забавляло в сумерки лазать на ее крышу и дико там завывать. Подслеповатая Степанчиха выползала на двор, на улицу, но нас уже и след простывал.

— Ильинишна, — жаловалась Степанчиха нашей бабушке, — вчера опять на меня кто-то из соседей чертей напустил. Сглазить меня хотят, думаю. Они, черти-то, опять так выли на крыше, ну, сил моих не было. Должно, ведьма старая Костюченчиха мне гадит. Ужо пойду к дьякону. Пусть ее отчитает Сто Восьмым. Ох, Ильинишна, все косточки мои изныли. Как посоветуете: ромашку настоять и пить, или лучше липовый чай?

* * *

...Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...

Как бы не так!

Летом 1918 года, почти в полночь, к нам кто-то постучался в окно. Сначала моя мать перепугалась: время было страшное: свирепствовала «героическая» ЧеКа. Выглянула на улицу в маленькое отверстие в ставне. Стучал переодетый в плохо сидевшее на нем штатское платье двоюродный брат матери, кадровый офицер Петр Ртищев:

— Если можешь, если не боишься, пусти переночевать. До рассвета уйду. А прислуга спит? Никто не должен меня видеть.

Петр Ртищев и его брат Павел — офицеры военного времени, глубоко штатские по своему складу, уже не одну неделю скрывались от ЧеКи. Они готовили офицерское восстание в городе. В Ставрополе находилось тогда несколько тысяч офицеров, но на призыв братьев Ртищевых не дать чекистам себя перерезать, как кур, откликнулось немногим более ста — ста двадцати человек. Восстание было подавлено, оставшиеся в живых офицеры спрятались на мельнице миллионера — хлебного экспортера. Как только они уснули, миллионер сообщил о них в ЧК. На следующее утро, как раз в день Петра и Павла, офицеров, выданных мельником, а заодно и еще многих офицеров, никакого участия в восстании не принимавших, захваченных просто так, как потенциальных классовых врагов, повели на расстрел. Казнь была — для острастки — публичная, в самом центре города, на площади перед собором. Офицеров вели босыми, в одном белье. Мать Ртищевых, Федосья Ильинична, почти без слез, в каком-то окаменении, бросилась к месту казни. Напрасно дочери, жены ее сыновей, мы с мамой, ее сестра — моя бабушка, удерживали ее. Все было бесполезно. Она

только твердила каким-то неестественным, глухим, деревянным голосом: «Я пойду... Я не могу не идти... Я последний раз хотя бы погляжу на Петю и Павлушу». Отпустить ее одну было нельзя. Я и мой двоюродный брат пошли с нею, едва за ней поспевая.

Весь городской плебс, все хулиганы, все окраинные мальчишки сбежались на площадь перед Соборной горкой. В сторонке жались матери и жены расстреливаемых. Площадь гудела, слышались злобные выкрики озверелого хамья, задирали родных и близких расстреливаемых: и до вас, мол, очередь дойдет. Мальчишки, забравшиеся на крыши и верхушки деревьев, чтобы получше видеть, восторженно орали, свистали, матерились. Пьяные солдаты ЧК стреляли плохо. Павел был убит сразу, Петр Ртищев и еще несколько офицеров только ранены.

Окровавленный, страшный, Петр крикнул расстрельщикам:

— Мерзавцы, даже стрелять не умеете! Говно вы, а не солдаты!

Петра Ртищева и других подстреленных, но не убитых офицеров добивали штыками. Трупы увезли за город, на Холодный родник. Босячье, не разошедшееся сразу после расстрела офицеров, стало угрожающе надвигаться на близких и родных расстрелянных. Слышалось: «Вот энтих буржуев еще не добили». Мы тщетно пытались увести Федосью Ильиничну. Она села на землю на том месте, где стояли ее сыновья, сгребала руками пропитанную кровью землю и песок, бережно складывала в два носовых платка: «Вот Петина кровушка, вот Павлуши».

И только когда смерклось, дала увести себя домой.

...Виселица на окраине города. Повешен атаман шайки — не то зеленых, не то анархистов, знаменитый в те годы Шпак. Недавно глумившиеся над расстреливаемыми офицерами городские босяки, сплевывая подсолнухи, хохочут: «Гляди, шлеры (сапоги) с его сняли, а носки оставили. Не снять ли? Не рваные...» Другие грозятся: «Погодите, беляки, офицерье проклятое... Мы все вам припомним, мать вашу!»

А наши гимназические занятия? Какие уж там уроки! Город занимали то белые, то красные; мы копали иной раз окопы, многие подростки и юноши ушли — кто в белую, кто в красную армии. Идешь по улице, а в канаве лежит труп — раздетый до рваного белья офицер или красноармеец, или матрос, или «зеленый» партизан.

* * *

Когда в жизни народа и страны происходит столько событий, личные биографии затухают, стираются. Поэтому я буду писать не о себе, а о встречах на перепутьях жизни. Мои воспоминания об участниках трагедии и кровавого фарса русской истории поневоле носят отрывочный характер. Но, может статься, и они помогут что-то понять. Ведь история — это не только деяния, преступления или подвиги исторических деятелей, так сказать героев исторического спектакля. Это и характерные, второстепенные персонажи, и даже статисты — все участвуют в этой небожественной комедии.

...Этот ставропольский дом из местного пористого песчаника с такими толстыми стенами, что на подоконниках мы, пятнадцатилетние дылды, зачастую полеживали, читая или просто мечтая, помнил еще Пушкина и Лермонтова. Подвалы в доме, темные, с узкими щелями окон под потолком и глиняными полами, казались нам таинственными — прямо подземелья то ли Кощея, то ли готического замка с привидениями. В одном из подвалов была и кухня с русской печью и лежанкой на ней; под Рождество на этой кухне била ключом предпраздничная веселая жизнь: пеклась, жарилась, варилась рождественская снедь.

Мы любили кануны Святок больше самих Святок. Благодатный юг еще не вконец оголодал, а новые порядки не вытеснили старых традиций.

Когда разошлись из кухни родители, когда ушли последние колядующие, у неостывшей русской печи собрались мы: мои двоюродные сестры, помоложе меня, Лёля и Наталка, наш двоюродный брат — одиннадцатилетний Андрей, и соседская девчонка, пятнадцатилетняя Настька, дочь почтальона из мужиков, заморыш с крысиными косичками, свернутыми у висков в бараньи рога. Как и положено под Рождество, рассказывали друг другу рождественские были и небыли, рассказывали о всем традиционно-рождественском, разумеется, и о кладах.

Ставрополь. У штаба Красной Армии в 1920 году

Так как я в те годы был увлечен этнографией, фольклором, то, конечно, подзадоривал Настьку, у которой был непочатый запас народных преданий, поверий, легенд. К тому же Настька была отчасти и цивилизованной — окончила двухклассную школу, любила читать про таинственное. Ее старая бабка слыла на городской окраине, на Мутнянке, доподлинной ведьмой.

Незадолго до этого я нашел в щели каменной стены сарая хорошие часы, видно спрятанные кем-то от очередного обыска. Так что рассказы о кладах были интересны вдвойне.

— Знаете, — шептала Настька, широко раскрыв выпуклые оловянные глаза, — надобно бы пошукать под вашей печью. Дом-то ваш старый-престарый. А не только сейчас, от обысков, но и в давнее время, когда замиряли Кавказ, много-много чего зарывали. И часто под печами. Вот моя бабка рассказывает: «Под печью, — говорит, — если хорошо прислушаться, то часто, особенно на Святках, услышишь, как из-под земли, враз после полуночи,

кто-то стонет: «Душно мне, душно! Тесно мне, тесно!» А значит это, что зарывший клад так и помер, не успел детям своим его передать... Тут надо сразу же взять рождественскую свечу из церкви, обойти с зажженной свечой вокруг кухни и около печи, сказать: «Святой старче Агафон, ты пошли мне вещий сон!» Потом лечь и заснуть на печи. Во сне Агафон и укажет, где рыть клад. Не ранее двух, ну, трех ночи — это под Рождество или Новый год... Тут ему, скупцу, особенно душно и горячо.

Скептически настроенная смешливая кузина Лёлька оборвала рассказчицу:

— Врешь ты все, Настька! Кто это может стонать под печкой? И какие там клады? Вот у нас тут два раза уже при обысках под печью копались, и под порогом землю разворотили.

— Ну и что? — пожала плечами Настька. — Рыть они могут, да слова такого не знают, и не дается им клад. Они роют, а клад от них все глыбже и глыбже уходит. Он ведь, клад, заговоренный. А чтоб его найти, надо вы звать и заклясть сопатого старика. Он длиннючий, как жердь. И противный-препротивный. Заклянешь его, вытрешь ему нос, он и рассыпется весь золотой да серебряной дорожкой — прямо к тому месту, где рыть. А на том месте опять появится, да только одна его голова. Тут надо ему дать прямо в рот кутьи и узвару, он с кладом и помогёт.

Лёлька ухмылялась, я старался запомнить все от слова до слова, а Наталка, заинтересованная до предела, расспрашивала Настьку:

— А сколько надо дать сопатому кутьи и взвару?

— А немного совсем. Бабка сказывала — блюдце кутьи и полчашки узвару.

— Это можно, — деловито заключила Наталка. — Это можно совсем незаметно у бабушки взять.

Андрей, вообще соня, сладко спал, посапывая и открыв рот, но тут он очнулся:

— Вы все о кладах... У нас в школе говорили — враки это все...

— Честное комсомольское, это взаправду, — обиделась Настька. — У меня бабка всё знает, даром что неграмотная, а к ней все ходят — и кровь, и зубы заговаривает.

— Так что ж она сама не находит кладов-то, раз всё о них знает? — спросила Лёлька.

— У нее другой талан. Она указать другим могёт, а клады ей не даются. Не тот талан...

— Так какая же она колдовка, когда сама не может клада взять?

— Тут, — объяснила Настька, — особая сноровка нужна. Ведь кто клады зарывал? Буржуи и помещики. У них и заклятия свои, капиталистические. А бабка хоть и колдовка, но бедный пролетариат. У каждого класса, значит, свои заклятья.

Кончался двадцатый год. В школах уже вдалбливали «Азбуку коммунизма» Бухарина и Преображенского. А к Настькиной бабке Иванихе ходили заговаривать зубную боль не только соседи по Мутнянке, но и секретарь райкома, и инспектор губпрофсовета Пересыпкин. Под Рождество по ставропольским улицам еще ходили со звездой, даже иногда и комсомольцы, и пели:

Мать Марея ризу мыла,
Ризу мыла, положила.
Прилетели ангеляти,
Положили на крыляти...

* * *

Начало было ничем не примечательным. В двадцатом году учащимися и средней, и высшей школы организовывалось множество самых различных кружков: музыкальных, хоровых, драматических, литературных. Из этих кружков выходили иной раз и неплохие поэты такие, как Иван Приблудный, и способные артисты, как, скажем, Вл. Кабатченко и Николай Вальяно, будущие артисты Ленинградской академической драмы. Из подобного же кружка вышел и тогдашний ставропольский протодьякон, а затем баритон Большого театра Головин.

До сих пор помню, как он, только что прогудевший в соборе ектенью, мчался или в музыкальный кружок, или петь «Демона» в местном театре. Все эти ставропольские кружки очень напоминали такие же кружки в других городах тогдашней России. Ставрополь до страшной зимы 1921—1922 годов был не таким голодным, как города средней России, и в него стеклось немало культурных сил из Петербурга, из Москвы и ряда других городов. В городе был основан сельскохозяйственный институт, местный учительский институт был преобразован в педагогический, среди профессуры появились известный зоопсихолог В.А. Вагнер, геолог С.С. Кузнецов, историк литературы, в будущем автор «Неугасимой лампады» Б.И. Ширяев и ряд других.

Но тот кружок, который организовался сначала как рядовой самообразовательный кружок, ставивший целью как-то пополнить наше убогое образование, сыграл совсем особую роль и в нашей жизни, жизни членов кружка, и в культурной жизни города. Организовали кружок учащиеся двух старших классов средних школ города, но уже вскоре в него влились и студенты сельскохозяйственного и педагогического институтов, а затем — и профессура, и местная интеллигенция — врачи и педагоги, юристы и инженеры. Кружок стал местным литературно-философским (главным образом, философским) обществом, хотя и сохранял, по традиции, свое первоначальное название «Ставропольский самообразовательный кружок учащихся». Кружок собирался не реже четырех раз в неделю круглый год, без всяких перерывов на лето, причем, три раза в неделю читались лекции — от полутора до двух часов каждая, а раз в неделю — доклады самих членов кружка и велись семинарские занятия. Такой характер кружок приобрел благодаря счастливой для нас случайности: главным его руководителем сделался даровитейший человек, глубокий оригинальный мыслитель, блестящий лектор и обаятельный человек — Сергей Александрович Цветков.

С.А. Цветков (род. в 1888 г.), сын ревельского протоиерея, окончил Петербургский университет у А.И. Введенского и Н.О. Лосского, в те годы еще приват-доцента, и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Но он успел уже обзавестись семьей, и это заставило его отказаться (как ему казалось, только на время) от ученой карьеры и принять место преподавателя психологии и логики (и русской литературы) в старших классах ревельской гимназии, где он вскоре сделался инспектором. А затем война и революция забросили его на Ставрополье, сначала в гимназию глухого уездного центра, села Благодарного, а с 1920 года — в Ставрополь.

Мне пришлось в моей жизни встречаться и дружить с целым рядом замечательных людей. Очень

близко знал я Сергея Алексеевича Алексеева-Аскольдова, хорошо знал и Б.П. Вышеславцева, встречался (и слушал) и с о. Павлом Флоренским, и с А.И. Введенским, и с Г.Г. Шпетом, и с о. Василием Зеньковским, — если говорить хотя бы только о философах, то никогда больше мне не посчастливилось встретить такого оригинальнейшего, глубокого мыслителя, такого при этом исключительно талантливого лектора, каким был С.А. Цветков.

Сергей Александрович ненавидел краснобайство, и его речь, казалось бы строгая, не позволявшая себе никогда подмены логического доказательства эстетической метафорой, была вместе с тем так красива, так увлекательна, так замечательно вводила нас, слушателей, в самую суть проблемы, ничуть при этом ее не упрощая, не снижая, как это зачастую бывает у «популяризаторов», что все мы, какую бы специальность ни получили в последующие годы, считали нашим подлинным университетом именно этот наш кружок. Что касается меня, то я всем, что знаю, обязан исключительно кружку, и только ему. С.А. заражал своих слушателей не только истинами, открываемыми нам; он заражал нас устремлением к самостоятельному поиску истины.

Мы собирались голодные, в нетопленых помещениях, чаще всего без электричества (электричество гасло иногда часов в семь вечера, а собирались мы по вечерам), при свете коптилки — пузырька с репейным маслом и домодельным ватным фитилем. Одеты мы и наши девушки были в мешковину или, в лучшем случае, в рубахи и штаны, платья и жакеты из дверных гардин. На наших ногах были грохочущие «танки» — деревянные подошвы, прикрепленные к ступне тесемками. Но тогда както не думалось об этом. Все это отходило куда-то далеко, когда мы слушали Сергея Александровича. А записывать его лекции мы не могли: он так увлекал нас, мы так вслушивались в его речь, что записывание просто не могло состояться. Жена Сергея Александровича горько укоряла нас за это: сам ведь он не имел тогда ни времени, ни сил — не мог писать книг, а записи помогли бы ему в дальнейшем. Впрочем, едва ли: время было такое, что лишь полнейшая безграмотность ставропольских партийных руководителей помогла кружку просуществовать с 9 декабря 1920 года и до весны 1924 года, когда местное ГПУ схватилось за ум и начало тягать организаторов кружка на допросы. Кружку пришлось самораспуститься, а ряду его основных членов срочно бежать из города.

С.А. Цветков был близок больше всего к неолейбницианцам, к Лотце (особенно к его «Большой метафизике»), к Бергсону. Выше всего из русских мыслителей он ценил С.Л. Франка и — в части философской антропологии — Несмелова. Конечно, был почитателем и Федорова.

Был С.А. обаятельным человеком, необычайно отзывчивым, бескорыстнейшим и на редкость терпимым. Чрезвычайно религиозный, он никак не навязывал никому своих религиозных воззрений. Главным образом интересовавшийся вопросами онтологии (он сам говаривал мне, что жалеет о времени, какое он посвятил глубокому изучению теории познания, а не сразу же сосредоточился на проблемах онтологии), но, вместе с тем, хорошо зная, как необходима подготовка к этим вопросам, главное внимание в занятиях с нами уделял психологии, логике, теории познания.

Был человеком и обаятельным внешне. Красивый, стройный, худощавый, он напоминал обликом своим иконописное изображение отца церкви древнерусского или византийского письма.

Чтобы наш кружок мог существовать на полулегальном основании, мы даже устраивали в нем курсы лекций по политической экономии и основам марксизма, поручая их чтение то начальнику политотдела армии, то доценту истмата сельскохозяйственного института. Как я уже сказал, местные партийные воротилы были классически невежественны, что и позволило нам так долго существовать. Даже самые фамилии некоторых из руководителей партии и правительства губернского масштаба были примечательны: народным образованием в Ставрополе долго руководил Гасилин, финансами — Разоренов, профсоюзами — Головенченко, Пересыпкин, а партийным главою был одно время некий Храпченко (не будущий ли академик?).

С.А. читал и систематические курсы, и циклы лекций, и отдельные лекции. Курсы иногда длились долго — например, истории древней и истории новой философии (от Николая Кузанского и до Гегеля включительно) посвящалось 40—45 лекций; истории средневековой философии, психологии, логике — от 20 до 25 лекций. Читались и циклы лекций, посвященных русским мыслителям, Анри Бергсону, Фрейду и основным вопросам современной психологии. Наконец, и философским воззрениям самого С.А. Цветкова. Читал С.А. и отдельные лекции о Достоевском, Шпенглере, Гуссерле. Так, увы, и не состоялся уже подготовленный им для нас курс по философии от Гегеля до наших дней. Кружку пришлось закрыться.

Другим руководителем кружка был Ф.Я. Семин, о котором я уже немного рассказывал. Он читал циклы лекций, посвященные биосоциологии искусства и собственно социологии. Отдельные лекции читали: по зоопсихологии — Вл.Ал. Вагнер, по неопозитивизму — местный биолог, не вспомню его фамилию, по вопросам антропософии две-три лекции прочитал бывший профессор Варшавского университета, офтальмолог Ник.Саф. Павлов. Прочитан был Ф.Я. Семиным и цикл лекций о теории права и государства; при этом наибольшее внимание было отдано взглядам Л.И. Петражицкого.

По иронии судьбы, когда материально жизнь наша несколько облегчилась, когда голод и холод эпохи военного коммунизма были уже позади, кружок пришлось распустить. Но мы еще долго, приезжая на каникулы в Ставрополь, не прерывали связи с нашим учителем.

Организатором и председателем кружка (с самого его начала и до закрытия) был я. Уже учась в Питере, я смог в 1925 году опять организовать философский кружок. Руководить нашими занятиями согласился Сергей Алексеевич Алексеев-Аскольдов. Он был давно лишен права читать лекции по философии в университете, преподавал технологическое товароведение в Политехническом институте и взялся руководить нашим поневоле очень маленьким и строго законспирированным кружком: время было свирепое — не только преследовали идеалистов, но уже готовился разгром такого ортодоксального об-

щества, как «Ленинградское научное общество марксистов». Характер этого кружка, просуществовавшего, увы, очень недолго (были основания бояться ареста и С.А. Аскольдова, и всех членов кружка), определился уже с первых слов его руководителя:

«Я, друзья мои, хотел бы заняться с вами, по преимуществу, метафизикой и философией религии. Прошло то время, когда построялись целые гносеологические небоскребы. Постарел я, состарился и мир. В одной хорошей книге дух говорит схимнику: «Некогда строить монастыри»... Да, некогда сейчас строить системы типа Канта или даже Гуссерля. Приспело время говорить прямо, с кем ты — с Ним или с ними? И я последние годы занимаюсь почти исключительно вопросами онтологии и религии. Все мои молодые увлечения вопросами «Мысли и действительности» отошли далеко-далеко...».

Гораздо более длительное время — почти год! — просуществовал другой ленинградский кружок, организованный в 1924 году. Но он уже не имел руководителя: мы сами читали доклады. В феврале 1927 года все мы были арестованы ленинградским ГПУ.

В двадцатых годах существовали в Ленинграде и кружок «Воскресение», возглавляемый. А.А. Мейером (в числе его членов был и Георгий Петрович Федотов), и кружок имени Св. Серафима Саровского (одним из организаторов которого был не так давно умерший в Нью-Йорке Иван Михайлович Андриевский). Но о существовании этих кружков я узнал лишь тогда, когда они были закрыты, а большая часть их членов посажена в лагеря.

* * *

Остановился он в Ставрополе случайно, проездом в Закавказье. Остановился потому, что где-то под Тихорецкой в поезде, натолканном, как сельди в бочке, мешочниками и безнадежно мечущимися по всей Руси голодающими, его обворовали до нитки. У него остались случайно затерявшиеся в кармане несколько пачек сахарина. А так как в том же поезде-дикообразе, где даже крышки и буфера были облеплены народом, он услышал, что сахарин можно продать с наибольшей выгодой в Ставрополе, он решил остановиться на недельку-другую в нашем неведомом ему дотоле городке.

Он не был спекулянтом. Поэт и незаурядный мыслитель, он хотел только как-то жить, чтобы читать древних и современников, писать ученые стихи и поэтические философские статьи и книги.

Толкучка на городском базаре в начале 1922 года являла собою целую галерею осколков разбитого вдребезги. Вдова министра с обвисшими складками когда-то тучного тела, кое-как замотанного в старый облезший салоп без подкладки, сиплым басом расхваливала свой товар — поштучно продававшиеся песочные печенья; они издавали острый запах несвежего бараньего жира. Прихрамывал недобитый судейский генерал, тщетно умолявший приезжих мужиков и местных нэпманов купить у него за фунт муки мраморную статуэтку Гебы и старую керосиновую лампу с бронзовой египетской рабыней у малахитовой колонки. Нэпманы со свиными глазками щелкали маленькую Гебу по нагим мраморным грудям, хохотали, матерщинничали, но покупать не покупали.

В этом-то кавардаке появился и он с львиной гривой седых волос, падавших на бархатный воротник когда-то дорогого драпового английского пальто, в непривычной миланской шляпе и с золотым пенсне на тонком горбатом носу. Не знаю, хорошо ли пошла его торговля или нет. Изредка он совершенно забывал о ней, о покупателях, обо всем на свете и, вынув из кармана маленький томик Феокрита или Тибулла, тут же, на морозе, погружал в изящную книжечку свой характерный, оседланный пенсне нос. А когда встречал на базаре Сергея Александровича Цветкова, пускался с ним в бесконечные разговоры о предопределении и свободе выбора и о религиозном смысле революционных потрясений. Тут же на базаре они и познакомились, и Сергей Александрович пригласил старого поэта в наш кружок — прочитать, по его собственному выбору, какой-нибудь доклад. Поэт-мыслитель, обрадованный возможностью оторваться от суеты толкучего рынка, выбрал тему — «Балет как высшая форма искусства».

Мы сидели в нетопленом зале, тускло освещенном коптилкой-пузырьком из-под одеколона, наполненным репейным маслом и с домодельным ватным фитилем. Мы были голодны. Поэт красивым, выделанным языком вещал нам о том, что искусство тем выше, чем больше преодолена в нем внешность, чем более оно окрыленно, чем меньше в нем рассудочности, даже утонченной — вещности.

— И дух человеческий во все времена представлялся окрыленным. И люди всегда любили искусство, приближающее человека к бестелесности, к преодолению злой силы тяжести косности, материальности, — вещной скованности — прекрасное искусство танца.

Блистательна, полувоздушна
Смычку волшебному послушна,
Стоит Истомина, она
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совьет, то разовьет.
И быстрой ножкой ножку бьет.

— Искусство танца всегда было священным, может статься, даже более музыки приближающим человека к совершенной Красоте и Всецелой Полноте — к Богу. Вспомните крики «эвоэ» и акханалии, сатурналии, пляски жриц Астарты и Беллоны у древних. Какими-то концентрическими кругами, в вихревом танце, мы суживаем область тайны, сжимаем Непостижимое. Прыжок — и мы у Престола. «Давид скакал изо всей силы пред Господом... Когда же входил Ковчег Господень в град Давидов, Мелхола, дочь Саула, смотрела в окно и, увидев царя Давида, скачущего и пляшущего пред Господом, уничижила его в сердце своем», — за что, прибавлю от себя, и осуждена. Библией.

Отказаться от бренной суеты и ярма телесности, вещности — в этом смысл балета: просветить, преобразить тело, сделать его почти духовным, почтив бестелесным, убить косность его.

Может быть, смысл переживаемых нами революционных потрясений и испытаний отчасти в том же: мы слишком привязаны к телу нашему, к внешней культуре, к вещам. Нужна была грандиозная встряска, чтобы мы, многократно терявшие в эти годы все, привыкшие терять, перестали так ценить тело, культуру, вещи освободились от рабства телесного, от рабства вещей...

И тут что-то случилось: закончив эту тираду величественным жестом правой руки, лектор как-то скривился и начал беспокойно шарить близорукими глазами по полу.

— Что с вами? — подошел к поэту Сергей Александрович.

— Запонка. Хорошая запонка польского золота. Она, должно быть, соскочила в последнюю минуту. Не поможете ли, молодые люди, поискать ее? Или нет, я сам. Сергей Александрович, посветите, пожалуйста.

И поэт на коленях пополз вокруг кафедры, пока не нашел, наконец, запонку. Сергей Александрович светил ему, и блики жидкого света перебегали по заплеванному полу.

* * *

Когда вспоминают годы гимназической юности, обычно вспоминают не школу, а свою юность, и эта юность окрашивает в золотисто-розовые тона чаще всего весьма неприглядную действительность как старой дореволюционной, так, особенно, советской средней школы. Думаю, что и вообще-то первородный грех средней школы последних полутора веков — это ее расчет на некую, хотя бы относительную, массовость, а тем самым — на средний уровень учащихся.

А отсюда как-то получился и весьма средний уровень педагогов, неких чиновников от просвещения, человеков в футляре, соллогубовских Передоновых, отбывающих с грехом пополам действительно тяжкую учительскую повинность. За все годы моей средней школы я с любовью и глубокой благодарностью вспоминаю лишь нескольких талантливых и любящих свое дело учителей.

Но одну среднюю школу, впрочем, и просуществовавшую всего восемь месяцев, я никогда не забуду.

Поздним летом 1921 года у трех учеников предпоследнего класса школы второй ступени, как называлась тогда средняя школа, и у нескольких профессоров и педагогов Ставрополя возникла мысль провести опыт: создать школу по образцу средневековых школ, где весьма немногие и отобранные по способностям и любви к знаниям ученики занимались бы под индивидуальным, примененным к каждому ученику, его знаниям, склонностям и дарованиям руководством «мастеров»-преподавателей. В те годы, еще не так зажатые в тиски бюрократического формализма, особенно в провинции, вдалеке от центра было легко уговорить местные органы просвещения, играя на том, что производится-де опыт, что подобная школа революционизирует старую буржуазно-помещичью школу, — и добиться утверждения проекта, особенно если назвать такую школу «Опытно-ударной советской средней школой при Гос. Педагогическом Институте». Уговорить вождя местного просвещения с мрачной фамилией Гасилов талантливому зоопсихологу, профессору и ректору местного Педагогического института, сбежавшему из Москвы от голода на до того более сытый юг, Владимиру Александровичу Вагнеру, было вовсе нетрудно. Помог и большой умник, и весьма образованный и порядочный человек — начальник Губполитпросвета Петров, из офицеров военного времени, бывший питерский студент-юрист. Школа была открыта.

Все учащиеся «Опытно-ударной советской школы» были отобраны, с большим и тщательным их испытанием, из состава полуподпольного литературно-философского кружка. Кстати, на некоторые лекции нашей «опытно-ударной школы» приходили не только мы, но и учителя, врачи и даже профессора Ставрополя.

Всего учащихся в двух классах школы было семь, в классе выпускном, и восемь или девять в предпоследнем. А руководителей-лекторов, включая и директора школы, проф. В.А. Вагнера, читавшего курсы зоопсихологии и физиологии, было не менее двадцати. И каких только курсов и семинаров не читалось! При этом даже курсы политической экономии (начальник Политпросвета Петров), исторического материализма (не помню сейчас, кто) читались хотя и с чисто марксистских позиций, но еще все-таки на известном пристойном уровне. Ну, а неолейбницианец С.А. Цветков, кантианец Ф.Я. Семин и позитивист В.А. Вагнер отнюдь не скрывали своих взглядов и своего отношения к материализму и марксизму. Читались лекции и велись семинары: история древней философии (и семинар по «Федону» и «Пиру» Платона) — С.А. Цветков; он же — история средневековой философии; он же — история новой философии (и семинар по Декарту, «Этике» Спинозы, по Лейбницу и «Критике чистого разума» Канта); он же — история русской философии (и семинар по Вл. Соловьеву и М. Карийскому); он же — семинар по «Классификации выводов» М. Карийского; он же — курс психоанализа и новых течений в психологии; биосоциологический метод в искусствоведении — Ф.Я. Семин; индийская религиозная философия — Н.С. Павлов; русская литература от Достоевского до Чехова — В.А. Кудрявцев; исторические курсы вел, помнится, Базилевич, математические (высшая математика) — проф. Автономов, геологию и петрографию — проф. Кузнецов, и т. д.

Выбор курсов и семинаров был совершенно свободным, и выпускной класс разделился на физико-математическую группу (четыре ученика) и литературно-философскую. Но лекции Цветкова слушали все, включая и предпоследний класс.

Увы, школа просуществовала лишь до весны 1922 года. Власти быстро опомнились и прикрыли школу, так что предпоследнему классу пришлось вернуться в обычного типа среднюю школу. Ну, а некоторых преподавателей и учащихся вызывали на допросы в ГПУ <...>

Текст печатается по изданию:
Филиппов Б. Всплывшее в памяти. Рассказы. Очерки. Воспоминания. — London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. — P. 111—142

3 Археологические исследования

Б.Л. Годзевич, Н.А. Охонько, В.В. Савельева, А.А. Кудрявцев. Встречи с прошлым и настоящим. Путеводитель по археологическому и природному музею-заповеднику Татарское городище

К читателям

Между Ставрополем и селом Татарка есть удивительный уголок Ставропольской земли — Татарское городище. Это крупнейший археологический памятник Предкавказья, чудом сохранившийся среди реликтового леса, в окружении городских, сельских и дачных построек, полей и дорог.

Название городищу дали русские военные топографы, составлявшие в конце XVIII века первые карты Северного Кавказа. В те времена остатки древностей на осваиваемых Россией южных территориях обычно связывались с татарами, хотя на самом деле городище не имеет к ним никакого отношения.

Первым исследователем памятника был основатель Ставропольского краеведческого музея Г.Н. Прозрителев. Он включил его в список древних памятников и нанес на археологическую карту. После Великой Отечественной войны городище изучала Т.М. Минаева. В 1949 г. она опубликовала о нем статью, и Татарское городище получило широкую известность в археологии.

В 1960 г. Татарское городище было поставлено на государственный учет как археологический памятник республиканского значения. В 1991 г. решением Ставропольского крайисполкома его территория была отнесена к землям историко-культурного и природного назначения с установлением заповедного режима. В 1992 г. на базе городища создан музей-заповедник, вошедший в структуру Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. В 1995 г. указом Президента Российской Федерации Татарское городище объявлено памятником федерального значения.

С созданием музея-заповедника началось комплексное научное изучение Татарского городища. Археологи В.Н. Каминский, Н.А. Охонько, В.Ю. Малашев, В.И. Ушкал и А.А. Кудрявцев, палеонтолог А.К. Швырева провели раскопки и другие исследования с использованием аэрофотографических методов. Они выяснили, что городище представляет собой сложный, многослойный памятник, состоящий из трех автономных укрепленных частей, функционировавших на протяжении почти двух тысячелетий, с VIII в. до н.э. по X—XI вв. н. э. Вместе с археологами изучением территории городища в последние годы занимались ученые естественно-географического факультета Ставропольского государственного университета В.В. Савельева, Б.Л. Годзевич, В.А. Шальнев, Ю.А. Дударь, А.А. Кондратьева, М.Ф. Тертышников, А.А. Лиховид и др. Они провели комплексное ландшафтное, ботаническое и зоологическое исследования территории музея-заповедника и установили богатство его природы, изобилующей живописными уголками со скальными обрывами, водопадами, родниками, сообществами ценных и редких растений и животных. Этот комплекс имеет реликтовый характер и развивается несколько тысячелетий во взаимодействии с человеком, то нарушаясь, то самовосстанавливаясь. В настоящее время над ним нависла угроза полной деградации и даже уничтожения, в связи с разрастанием Ставрополя и его пригородов. Поэтому уникальный археологический памятник нужно сохранить вместе с прекрасной окружающей природой. В этом заключается идея создания археологического и природного музея-заповедника на базе Татарского городища. В ее реализацию вместе с археологами и природоведами большой вклад внес покойный архитектор С.М. Постников.

Археологический и природный музей-заповедник общей площадью около 200 га расположен в восточной части Татарского лесного массива. Среди леса имеются три крупные поляны с лугово-степной растительностью. У опушек сохранились фрагменты степи, а на севере — небольшое заросшее болото. Основу природно-археологического комплекса составляют три отдельных городища — Первое, или

Центральное, Второе и Третье, связанные между собой древними дорогами и тропами. Их разделяют глубокие балки ручьев Травертинового и Анненского, входящих в систему р. Татарки, правого притока р. Егорлык.

Охраняемая территория с трех сторон окружена кварталами города, дачными поселками и сельскими усадьбами, а на западе ограничена оживленной автотрассой Ставрополь — Невинномысск. Чтобы уменьшить неблагоприятное воздействие человека, вокруг нее предусмотрена зона регулируемой застройки площадью около 620 га и зона охраняемого ландшафта, включающая смежный участок Татарского леса 36 га.

Деятельность музея-заповедника разнообразна. В нее входит охрана природно-археологического комплекса, научно-исследовательская и музейно-просветительская работа. Поэтому его территория разделена на две зоны: заповедную и музейно-рекреационную.

В заповедной зоне создаются условия для саморазвития и самовоспроизводства природы. Поэтому доступ туда людей ограничен, а всякая деятельность, включая охоту, сбор ягод, грибов, и любое нарушение естественного состояния природы запрещены. Строгое соблюдение заповедного режима необходимо не только для сохранения ландшафта, но и для оценки ущерба, наносимого человеком природе, путем сравнения ее с заповедными эталонами.

Музейно-рекреационная зона открыта для посетителей и предназначена для просветительской работы в сочетании с культурным отдыхом людей среди природы. Это единственный в крае музей под открытым небом, в котором сосредоточены наиболее интересные объекты археологического комплекса — насыщенный культурный слой, остатки фортификационных сооружений, цитадель, могильники, зольник, древние дороги и более тридцати достопримечательностей природы — скалы, гроты, живописные камни, родники, водопады, удивительные растения, обители животных. Между объектами проложено несколько вариантов экскурсионных троп, которые посетители могут выбрать в зависимости от своих интересов, физических возможностей, настроения и погодных условий.

Экскурсия в музей-заповедник — это удивительное путешествие не только в реликтовый лес Предкавказья, но и в далекую историю Ставрополья и даже в глубины геологического прошлого, запечатленного в каменной летописи скал. В него приглашаются все — взрослые и дети, школьники и студенты, служащие и пенсионеры, потому что книга истории и природы открыта всем. В ней нет начала и конца, но каждая ее страница захватывающе интересна. Она учит нас понимать и ценить окружающий мир, воспитывает культуру, без которой немыслимо восхождение в будущее.

Итак, друзья, в путь по «неведомым дорожкам» еще полного неразгаданных тайн Татарского городища.

По экскурсионным тропам городища

Прежде чем отправиться в путь, рассмотрим схему маршрута. Археологический комплекс состоит из трех городищ общей площадью около 200 га. Центральное расположено на северо-востоке территории, Второе — на юго-востоке и примыкает к селу Татарка, Третье находится на западе и огибается автотрассой. Они образуют части единого крупного древнего поселения, связанного общей системой оборонительных сооружений и коммуникаций, которое занимало выгодное стратегическое положение на южном краю Ставропольской горы. В средние века здесь проходила одна из северных трасс Великого Шелкового Пути. Данное городище, а по тем временам крупный город, служило важным промежуточным пунктом на пути торговых караванов. Письменных исторических сведений о нем пока нет, не известно и его название. Это одна из тайн Татарского городища, которую предстоит разгадать археологам и историкам.

Средневековый город сформировался на месте более древних поселений, поэтому можно утверждать, что у Ставрополя было несколько исторических предшественников.

Татарское городище является сложным многослойным памятником, функционировавшим на протяжении четырех исторических периодов: кобанского, скифского, сарматского, хазарского. Первый из них относится к VIII—VII вв. до н.э. и связан со знаменитой кобанской культурой позднего бронзового века, зародившейся в XIII—XII вв. на территории Центрального Кавказа и распространившейся к IX—VIII вв. до н.э. на Ставропольскую возвышенность. Могильники и поселения этого времени характеризуются находками прекрасных бронзовых изделий, предметов вооружения и украшения, деталей конского убранства. Именно с кобанской эпохой связан самый древний слой Татарского городища, обильно насыщенный развалами древних стен домов его обитателей, обломками давно разбитых горшков и кувшинов, золой многочисленных очагов и костров, догоравших без малого три тысячелетия назад.

Следующий этап развития Татарского городища был отмечен новым археологическим слоем, который лежал выше кобанского и относился к скифскому периоду, датируемому VII—IV вв. до н.э. Скифам принадлежит особая роль в истории всего Предкавказья, в том числе и в формировании одного из наиболее значительных и древних его городов, остатками которого является Татарское городище.

Территория Предкавказья на протяжении многих веков входила в число особых исторических зон, именуемых контактными, где происходило соприкосновение и тесное взаимодействие культур кочевых обитателей степей Евразии с культурами древних земледельцев Кавказа и Ближнего Востока. В этих зонах, лежащих на границах кочевого и земледельческого миров, происходили военные столкновения и взаимовлияния, обмен культурными ценностями и достижениями, торговые и этнические контакты. Здесь возникали новые города и поселения, создавались новые и трансформировались старые культурные традиции, появлялись и исчезали крупные государственные объединения и этнические союзы.

Эти сложные исторические процессы нашли особенно яркое отражение в археологических материалах Татарского городища, местное кобанское население которого вступало в контакты с кочевниками-скифами.

В результате их тесного взаимодействия здесь сложилась новая археологическая культура, со своим уникальным, неизвестным ранее, обрядом захоронения, новым типом погребальных сооружений в виде каменных склепов с большими курганными насыпями, новыми социально-экономическими отношениями.

В сарматский период (III в. до н.э. — III в. н.э.) Татарское городище продолжало развиваться и застраиваться. Это было время особой активизации в южно-русских степях кочевников-сарматов, очень близких по языку и культуре скифам, но стоявших несколько ниже их по уровню социально-экономического развития.

В III в. до н.э. сарматы вторглись на скифские территории и вытеснили последних в Крым и Приазовье. Набеги сарматов сопровождались разрушениями, пожарами, гибелью большей части населения скифских поселений и городов.

Подобная судьба постигла и многие населенные пункты Ставропольской возвышенности, но Татарское городище оказалось не затронутым сарматским нашествием. Здесь не отмечено ни следов штурма, ни крупных разрушений и пожаров, ни массовой резни его жителей.

Последний, самый верхний культурный слой связан со временем существования одного из крупных средневековых государств Восточной Европы — Хазарского каганата.

Эпоха Великого переселения народов, начавшаяся с гуннского нашествия во второй половине IV в. н.э., сильно изменила этнический состав населения Центрального Предкавказья, и здесь наряду с ираноязычными аланами, являвшимися прямыми наследниками и продолжателями традиций сарматов, появились тюркоязычные болгары, авары, савиры, хазары и другие кочевники евразийских степей. К VIII в. н.э. хазары захватили господство среди разноэтничных кочевых племен Северного Прикаспия, Подонья и Предкавказья. Ставропольская возвышенность вошла в территории Хазарского каганата, а Татарское городище стало одним из ключевых военно-политических и торгово-экономических центров этого могущественного государства.

В этот период завершилось сложение исторической топографии городища, были перестроены и отстроены заново его мощные оборонительные сооружения, была возведена крупная, хорошо укрепленная цитадель, где были сосредоточены основные силы хазарского гарнизона, находились военные и продовольственные склады, казармы, культовые сооружения. Город хазарского периода просуществовал до конца X — начала XI вв. и погиб, вероятно, под натиском кочевников-печенегов или сменивших их половцев.

Валы и рвы Центрального городища

Экскурсия начинается с Центрального городища — самого укрепленного и насыщенного интересными объектами. Люди со знанием дела выбрали место для поселения. Центральное городище площадью 40 гектаров занимает мыс между верховьями глубоких балок, преграждавших доступ к нему с трех сторон. С северной, наиболее доступной и уязвимой напольной стороны, оно защищалось тройной линией валов и рвов с каменной стеной. На подступах к этой линии в складках местности создавались препятствия. Форпостом обороны служила выдвинутая в поле башня на холме.

Маршрут по Центральному городищу начинается со знакомства с остатками рвов и валов. Хотя со времени их использования прошло около тысячи лет, они хорошо сохранились в рельефе и прослеживаются на расстоянии полкилометра. Вода и ветер сгладили их формы, но превышение валов над рвами и теперь местами достигает десяти метров. Легко представить, сколь внушительными они были в прошлом.

Две внешние линии рвов и валов выходят к обрывам в верховьях балок, служивших естественными укреплениями. Внутренний вал, усиленный по верху каменной стеной, опоясывает все городище. В местах пересечения валов современными дорогами можно увидеть их конструкцию. В основании вала — грунт, выбранный из рва. Склоны обложены камнем, а по верху возводилась стена.

Валы и рвы со времен средневековья не подвергались существенным воздействиям человека. Поэтому на них образовался почвенный покров и восстановилась лесостепь. Ботаники, исследовав флору на валах, поразились разнообразию ее видов. Только степных растений, в основном представленных разнотравьем, здесь установлено около ста видов. Это вселяет оптимизм по поводу возможности восстановления богатых степных ценозов Предкавказья в заповедниках и заказниках края.

Ступени рельефа

Грунтовая дорога ведет на обширную поляну, занимающую центральную часть городища. Отсюда, с плоской вершины Ставропольской горы, называемой географами плакором, открывается вид на территорию музея-заповедника. Ее рельеф в виде огромных ступеней понижается к долине р.Татарки.

Ступенчатость — характерная особенность рельефа Ставропольской возвышенности. Она связана с тем, что в последние десять миллионов лет происходило прерывистое поднятие земной поверхности. Когда территория поднималась, водные потоки углубляли русла, образуя уступы, а когда поднятие прекращалось, они начинали подмывать берега и расширять днища долин, формируя площадки.

Образованию ступеней рельефа способствовало и геологическое строение возвышенности. Его особенность заключается в том, что осадочные толщи здесь состоят из горизонтально залегающих твердых пород — известняков, песчаников, мергелей — и чередующихся с ними глин и песков. Твердые пласты, устойчивые к размыву, обычно слагают выровненные поверхности, а легко размываемые рыхлые породы образуют склоны.

Каждая ступень рельефа соответствует крупному этапу его развития. Это своеобразные ступени давно ушедшего времени: чем выше она — тем древнее, чем ниже — тем моложе.

Самой древней частью рельефа является плакор. Его пологая поверхность первой поднялась над исчезнувшим Сарматским морем в середине неогенового периода. Возникшая в то время низменная суша имела вид полуострова, на котором обитали

экзотические вымершие животные — огромные хоботные динотерии и мастодонты, предки лошадей гиппарионы, а также ныне встречающиеся лишь в тропиках носороги, жирафы и тапиры. Остатки их скелетов найдены в полутора километрах западнее городища в Косякинском карьере.

Плакор переходит в уступ высотой 20 м, ниже которого расположена древняя поверхность выравнивания, выработанная первыми реками ставропольской суши. Ее «бронирует» мощный пласт ракушечника. В Ставрополе на ней находятся Верхний рынок, площадь Ленина и вершина Крепостной горы, а на городище она сохранилась в виде площадки, на которой была возведена Цитадель. Выровненная поверхность нижележащей ступени образовалась в конце неогена, в акчагыльское время. На ней раскинулось село Татарка.

За миллионы лет Ставропольская гора поднялась над уровнем моря до максимальной отметки 659 м. В пределах музея-заповедника ее высота 600-635 м. С установлением умеренного климата на плакоре сформировался самый мощный на Ставрополье слой чернозема, достигающий 1,5-2 метров. На возвышенности распространены эрозионные и оползневые процессы. Особенно поражены ими средние и нижние части склонов, сложенные глинами и слабо закрепленные растительностью. Развитие эрозии и оползней сдерживается лесом.

Экскурс в историю

Рельеф и другие особенности природного комплекса играли важную роль в освоении человеком Ставропольской возвышенности. Возвышенность находится в центре Предкавказья. С запада, севера и востока она окружена низменными равнинами, а на юге примыкает к предгорьям Кавказа и служит своеобразным природным мостом, связывающим степной мир с миром предгорий и гор.

По ней издревле осуществлялись этнические контакты между горцами и степняками, населением юга и севера. Здесь в древности и средневековье пролегали важнейшие международные коммуникации, связывающие через Кавказские проходы, важнейшими из которых являлись Дербентский и Дарьяльский, степи Евразии с Закавказьем и Ближним Востоком.

В конце второго — начале первого тысячелетий до нашей эры предгорные и горные районы Северного Кавказа заселяли племена так называемой кобанской культуры местного северокавказского происхождения. Они славились искусством изготовления бронзовых изделий. Культура получила наименование по месту открытия первых памятников, расположенных у села Кобань в Северной Осетии.

Одна из группировок племен кобанской культуры населяла район Кавказских Минеральных Вод. Начиная с IX в. до н.э. эти племена продвигались на север, осваивая и заселяя Центральное Предкавказье. На севере их поселения доходили до Буденновска и Ипатова. В районе Ставрополя ими было основано несколько населенных пунктов, в том числе и на месте Татарского городища. Площадь кобанского поселения здесь достигала 40 га. Это самый крупный из известных памятников данной культуры на Северном Кавказе.

На рубеже VIII-VII вв. до н.э. на Предкавказье проникли сильные и воинственные кочевые племена скифов, которые превратили территорию Ставрополья в плацдарм для походов в Переднюю Азию. Скифы подчинили кобанские племена, но затем, обеспечивая тылы, вступили с ними в союзнические отношения. С этого времени и до появления сарматов в районе Татарского городища обитало смешанное население племен кобанской и скифской культур. В тот период поселение начало укрепляться и превращаться в значительный северокавказский город. Жители занимались сельским хозяйством, скотоводством, охотой и ремеслом. Активное мужское население сочетало мирные занятия с ратным делом, охраняя поселения или участвуя вместе со скифами в походах, в которых они достигали стен Ниневии и границ Египта.

Последующая история Татарского городища связана с великими переселениями народов, приходивших с востока. В VIII-X вв. н. э. оно входило в состав Хазарского каганата. К этому периоду относится создание здесь основных фортификационных сооружений, сохранившихся до наших дней.

Древние башни

На краю поляны наше внимание привлекают два холма диаметром около 30 м и высотой 6 и 4 метра. Здесь были башни, усиливавшие оборону средневекового поселения изнутри, на наиболее опасном центральном направлении. На вершинах холмов видны глубокие провалы, по-видимому, связанные с обрушением подземных помещений башен.

С вершин этих холмов на юг в ясный день открывается широкая панорама Предкавказья и Северного Кавказа. На переднем плане расстилается ровная поверхность городища, поросшая степными травами, кустарником и лесом. За ней на низких грядах видны строения окраины села Татарки. Дальше возвышаются плосковершинные гора Стрижамент и хребет Недреманный.

Стрижамент с абсолютной отметкой 831 м — высочайшая точка не только Ставропольской возвышенности, но и всей Русской равнины. Она расположена в 30 км от городища и покрыта густым грабово-буковым лесом. На западе за седловиной к ней примыкает Недреманный хребет. Его ровный гребень поднимается до отметки 665 м. Он покрыт степью и кажется голым. Лишь на его северном склоне в виде небольшого треугольника темнеет Лопатин лес. Восточнее горы Стрижамент, за широкой долиной Калауса, просматриваются Прикалаусские высоты.

Широкий обзор, открывающийся с башен, свидетельствует о том, что помимо оборонительной они выполняли наблюдательную функцию. С окрестных вершин, где располагались другие укрепления и наблюдательные посты, в случае опасности подавались сигналы, позволявшие жителям городища своевременно принять меры охраны.

Во время Кавказской войны на горах Стрижаменте и Недреманной находились русские крепости. С тех пор горы получили эти названия. Слово «стрижамент» произошло от искаженного «ретраншемент», что в переводе с французского озна-

чает укрепление. Русские люди, не искушенные во французском, переиначили военный термин на свой лад.

Крепость Недреманная служила передовым наблюдательным пунктом и должна была осуществлять недремлющий надзор за подступами к Ставропольской горе. В случае появления противника из крепости поступал сигнал на пост Извещательный, и отсюда гонец извещал об опасности Ставропольскую крепость. С тех пор один из хуторов южнее Татарки так и называется Извещательным.

Иногда после бурь, очищающих атмосферу, на горизонте открывается величественная панорама гор Главного Кавказского хребта с возвышающимся в виде белой шапки Эльбрусом. Лучше всех о ней в 1829 году написал А.С. Пушкин: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры тому равно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это снежные вершины Кавказской цепи». Теперь увидеть Кавказские горы с Татарского городища — большая редкость, вследствие замутненности атмосферы.

Вид на село Татарка и горы Ставропольской возвышенности

От древних башен экскурсионная тропа выводит нас в верховья глубокой балки, у которой заканчивается система валов и рвов.

Склеповый могильник V—III веков до новой эры

В 40-х годах XX века здесь была проложена дорога, которая «разрезала» внутренний вал. Разрез вала был зачищен и изучен археологами, что позволило получить представление о внутренней конструкции оборонительного сооружения. Вал состоит из земляной насыпи, склоны которой облицованы камнем. Поверх насыпи была устроена каменная стена.

Под основанием вала был обнаружен более ранний культурный слой, свидетельствующий о том, что изначально городище не имело мощных укреплений.

Выходя за пределы городища, мы пересекаем древнюю дорогу и огибаем вершину глубокой балки в верховьях ручья Каскадного. Здесь можно наблюдать активные эрозионные процессы, вызываемые поступлением воды из внешнего оборонительного рва. Выкопав его, люди еще в глубокой древности нарушили естественный сток, что привело к усилению эрозии и развитию оползней.

На противоположном берегу ручья Каскадного располагается могильник, который датируется V — III вв. до н.э.

Граница его территории лежит примерно в 70—80 м. к востоку от того места, где тройная линия валов, прикрывающая городище с северной, наиболее доступной стороны, упирается в начало глубокой балки. Это один из интереснейших погребальных памятников Татарского городища, получивший у археологов название второго склепового могильника. Он расположен вдоль верхнего края балки, на территории, густо заросшей лесом, где среди деревьев кое-где выглядывают едва заметные замшелые камни, мало чем отличающиеся от естественных скальных выходов и случайных валунов. Это и есть укрытые многовековым почвенным слоем и растительностью остатки погребальных сооружений, где покоятся давно отошедшие в мир иной обитатели Татарского городища. Археологи обнаружили (1996 г.) эти едва заметные следы давно минувших эпох и раскопали скрытый от нас тысячелетними наслоениями древний некрополь, относящийся к скифскому периоду развития городища.

Раскопки этого склепового могильника ведутся и сегодня, продолжая удивлять исследователей уникальными находками. Прежде всего был открыт совершенно новый тип погребального сооружения, не известный ранее ни на территории Кавказа, ни в других регионах. Это каменный склеп, расположенный в центре большого кургана, со сплошной каменной обкладкой и развалами каких-то выкладок в ней. Характер погребальных сооружений и инвентарь захоронений со всей очевидностью зафиксировали сложный исторический процесс ассимиляции кочевников-скифов и местного кобанского населения, оседание скифов на землю и переход их к оседлому образу жизни, симбиоз кочевой и земледельческой культур и формирование новых этнокультурных традиций.

На территории могильника к настоящему времени раскопаны два крупных кургана с каменной обкладкой и склепами в середине каждого из них. Наряду с этим здесь были вскрыты фунтовые могилы с каменными обкладками и развалами камней над самими захоронениями. Все они располагались вдоль краев курганов или на очень незначительном расстоянии от них. Разнообразные археологические материалы, в числе которых есть хорошо датируемые греческие амфоры с клеймами и чернолаковая посуда с росписью, позволяют отнести время функционирования этого некрополя к V—III вв. до н.э., т.е. к периоду, когда скифы, как считалось ранее, полностью покинули территорию Центрального Предкавказья. Но оказалось, что это не совсем так. Аналогичные склеповые могильники благодаря случайным находкам в последние годы стали известны в ряде мест Ставропольской возвышенности, но только на Татарском городище они раскопаны и изучены со всей полнотой, позволяющей судить о их конструктивных особенностях, обряде захоронения, времени существования. Они представляли собой крупные курганы, диаметром до 25 м и более, со сплошной каменной обкладкой, имеющей на отдельных участках четкие следы выкладки. В центре кургана располагался склеп с прямоугольной камерой из крупных плит и дромосом из частично обработанного камня. В длину погребальная камера

склепа достигала до 3,25 м, в ширину до 2,7 м. Стены склепа возводились из крупных плит местного камня-ракушечника, каждая из таких плит достигала в длину от 1,4 м до 1,8 м, а в ширину от 1 м до 1,3 м.

Склепы были коллективными усыпальницами, и в них могло быть погребено от 10 до 60 человек, которых хоронили не одновременно, а на протяжении довольно длительного периода. Вероятно, это были представители одного рода или семьи, занимавшей весьма высокое социальное положение среди тогдашних обитателей Татарского городища. В одной из стен склепа (в южной, обращенной к склону холма) был устроен проем высотой 0,65 м. и шириной 0,85 м, через который с помощью специального каменного коридора, называемого дромосом, погребальная камера соединялась с поверхностью. Через дромос и входной проем можно было хоронить в склепе новых умерших. Дромос обычно достигал длины 3—5 м, при ширине 0,8—1,1 м и высоте 0,60—0,75 м. Стенки его были выложены из частично обработанного камня-ракушечника, а сверху он имел деревянное перекрытие, скорее всего из бревен, засыпанных землей. Подобным же образом был сверху перекрыт и сам склеп.

Внушительные размеры курганов и каменных склепов, настороженно застывших в чаще реликтового леса, производят неизгладимое впечатление на посетителей, напоминая о бренности жизни и вечности бытия, заставляя каждого размышлять о загадке жизни и смерти, радостях и печалях людей, погребенных здесь почти двадцать пять веков назад.

В загробный мир погребенных на некрополе татарского городища сопровождали останки многочисленных лошадей, умерщвленных при тризне на могиле хозяина, а также разнообразные древние изделия, включающие оружие, богатое конское убранство в виде налобных и нагрудных орнаментированных блях, удила, псалии, пряжки из железа и серебра, предметы украшения и быта, многочисленные фрагменты керамики. Здесь наряду с довольно простой местной посудой встречаются прекрасные античные чернолаковые краснофигурные сосуды из Аттики, ценившиеся на «вес золота», и многочисленные красноглиняные амфоры, с клеймами мастеров острова Родос. Все это свидетельствует и о высоком социальном положении людей, похороненных в склепах Татарского городища, и о широких торгово-экономических связях его обитателей с греческими городами-колониями Северного Причерноморья и развитыми центрами античной Греции.

«Ковровые камни»

Возвращаясь от могильника на городище, мы попадаем на древнюю дорогу, которая тянется вдоль правого обрывистого берега балки.

Периодически пересыхающий исток ручья Каскадного выработал здесь пятиметровый скальный уступ, сложенный белыми и ржавыми песчаниками и ракушечными известняками так называемого холоднородниковского горизонта. Этот горизонт, состоящий преимущественно из плотных ракушечников, играет важную роль в рельефе, бронируя плакор и препятствуя его разрушению водой и ветром. Благодаря этому все сооружения, возведенные на плакоре, устойчивы. Наличие плотной и в то же время пористой водопроницаемой известняковой основы способствует формированию мощных плодородных карбонатных черноземов.

В районе городища холоднородниковский горизонт имеет своеобразный состав, вследствие наличия мощной линзы известковых песчаников, которые выходят на поверхность в уступе. Они привлекают внимание необычным узорным строением. Вода и ветер отпрепарировали на их поверхности известковые фигуры, имеющие вид желваков, трубочек и пластин с округлыми и неправильными отверстиями.

Такие стяжения геологи называют строматолитами, что в переводе с древнегреческого означает «ковровые камни». Их происхождение объясняется жизнедеятельностью простейших живых существ цианобактерий или низших водорослей, выделяющих в процессе обмена веществ углекислый кальций, превращающийся в известняк. Для ученых строматолиты интересны тем, что цианобактерии относятся к самым древним обитателям Земли — доядерным, возникшим около 3,5 миллиарда лет тому назад в архейскую эру. Их почти не изменившиеся потомки, иногда называемые сине-зелеными водорослями, живут до сих пор, вызывая цветение воды и продолжая отлагать «ковровые камни».

Холоднородниковские строматолиты образовались в условиях прибрежного мелководья около десяти миллионов лет назад, перед окончательным отступлением Сарматского моря со ставропольской суши. Округлые отверстия в них просверлили моллюски-камнеточцы. Это характерные образования известково-песчаных отложений на Ставропольской возвышенности. К ним относятся встречающиеся в песках каменные «журавчики», «куколки», «шары», а также получившие широкую известность «конкреции горы Куцай».

Известковые песчаники как прочный строительный камень жители использовали при возведении крепостных сооружений городища.

У ворот средневековой крепости

От «Ковровых камней» начинается хорошо сохранившийся и просматривающийся участок древней дороги, ведущей к главным воротам крепости. Двигавшийся по дороге путник находился между обрывом и крепостной стеной. При этом он оказывался повернутым правым, наименее защищенным боком к стене, на которой стояла стража. Перед воротами древними знатоками фортификации была устроена специальная площадка, обеспечивающая защиту ворот, окруженная с двух сторон стенами, а с третьей ограниченная крутым обрывом. Здесь осуществлялся досмотр приезжих, а в случае нападения организовывалась оборона по всем правилам военного искусства.

Воротный проем и сегодня хорошо заметен. Он лишь оплыл, стал пологим и доступным. По его краям видны остатки круглых каменных башен, которые усиливали охрану въезда в город.

При раскопках входа в расположенное неподалеку Грушевское городище найдены остатки обго-

ревших дубовых ворот. Дуб, в большом количестве произрастающий в лесу, вероятно, использовался в конструкциях ворот и на Татарском городище.

Пройдя воротный проем, оказываемся внутри городища. Здесь мы сталкиваемся с рядом хитроумных устройств, направленных на усиление безопасности поселения. Войдя в ворота, путник не сразу попадал в городские кварталы. Он оказывался в понижении, откуда территория городища не просматривалась и откуда вели две дороги: одна в нижнюю, другая в верхнюю часть городища. Дорога в нижнюю часть пролегала по довольно глубокой и хорошо просматриваемой лощине. Проход в верхнюю половину контролировался башней.

Над обрывом

Прежде чем продолжить маршрут, подойдем к обрыву, ограничивающему городище с востока. Его высота около 40 метров. Глядя вниз, понимаешь его защитную роль.

Обрыв переходит в глубокую балку, покрытую густым лесом. Громадные деревья поднимаются на половину высоты уступа. Это типичный буково-дубово-грабовый лес Ставропольской горы. Люди неоднократно частично вырубали его для строительства, на дрова или при расчистке подходов к крепости. Но от пеньков отрастали побеги, и лес восстанавливался. Любуясь сверху его зелеными волнами, запомните ваши ощущения, чтобы сравнить их с теми, что почувствуете внизу, в тени древесных крон. Лес покрывает и площадку над обрывом. Но здесь он иной, чем в долине, и разросся сюда после того, как люди покинули городище. Чтобы убедиться в этом, достаточно подойти к корням упавшего дерева. При осмотре взрыхленного ими грунта можно найти черепки глиняной посуды, угольки, кости животных, комья обожженной глины, а если повезет, то и бусину или другую вещицу, дошедшую из глубины веков.

Это означает, что под ногами находится культурный слой городища. Если начать его раскопки, то до материнских пород не меньше двух метров. Выше них залегают отложения, связанные с деятельностью человека. В течение длительного времени люди строили жилища и хозяйственные постройки, оставляли бытовой мусор, осуществляли перепланировку улиц и кварталов. Остатки их деятельности, накапливаясь веками и тысячелетиями, образовали культурный слой. Раскапывая его, археологи изучают прошлое, реконструируют образ жизни людей в те далекие времена.

Деятельность людей сказалась и на характере леса. Во вторичном лесу рядом с местными видами всегда есть растения, занесенные человеком, — акация, грецкий орех и другие. Но любой лес всегда прекрасен. Весной он радует нас первоцветами, летом тенистой прохладой и грибными сувенирами, осенью россыпями ягод и орехов. Он дарит нам приятные неожиданности. Глубокой осенью здесь у обрыва, среди пожухлой травы, можно встретить удивительно красивые оранжевые гроздья аронника.

В царстве цветов

Из леса, растущего над обрывом, выходим на опушку и попадаем в царство цветов и разнотравья. Перед нами участок степи, которая самовосстановилась после ухода людей с территории городища в X—XI веках и почти тысячелетие остается нетронутой. Это небольшая частица великой русской степи, раскинувшейся от Центрального Черноземья до предгорий Кавказа и тянущейся на восток до Алтая. Теперь эта степь почти вся распахана либо вытоптана, вследствие перевыпаса, особенно в нашем крае. Поэтому даже небольшой ее заповедный участок стал редкостью и представляет научный интерес. Войдем в благоухающий мир цветущих трав и присмотримся к нему.

Степь формируется в условиях относительно засушливого климата там, где испаряемость влаги превышает количество выпадающих осадков. На Ставропольской горе это соотношение 750 мм на 600 мм. Средние температуры лета +21°С, +23°С. Зимы холодные, ветреные и малоснежные, что усиливает засушливость.

Степь на городище дерновинная, богато-злаково-разнотравная, одна из самых богатых в мире. Здесь на площади 100 м² ботаниками описано до 130 видов растений. Они вегетируют весь теплый период и цветут поочередно, каждую неделю меняя свой красочный фон. Поэтому в разное время года степь имеет неповторимый облик.

Уже в конце марта на склонах, обращенных к югу, раскрываются нежно-сиреневые крокусы. Кажется, что перья неведомой волшебной птицы ветер разнес по степи. Вслед за крокусами желтыми звездочками загорается гусиный лук, и вперемежку с ним холодной синевой отливают «толкачики», или «скрипочки», так дети называют мышиный гиацинт. На опушках в апреле появляются букеты желтой примулы — первоцвета, листья которой употребляют в салаты. К маю степь покрывается нежным белым ковром ясколки.

В середине мая травы набирают силу, и степь зеленеет от злаков, среди которых особенно распространены типчак, мятлик, костер, овсяница, ежа сборная, овсец, тимофеевка, тонконог, пырей и ковыль. В цветущее первым разнотравье входят золотистый горицвет, белые головки ветреницы, бордовые пионы (лохмачи). А затем начинается подлинный праздник и буйство красок, запахов, форм и сочетаний цветов. Среди них много ваших знакомых, встреча с которыми приносит радость и будит воспоминания. Здесь несколько разновидностей клевера, желтый лядвенец, вязель пестрый, чина киноварная, желтый подмаренник, сиреневый шалфей, розовый василек, кроваво-красная герань, нежно-кремовый лабазник, фиолетовый колокольчик, белый нивяник и многие другие цветы. К лекарственным растениям относятся: зверобой, душица, тысячелистник, земляника, девясил, чабрец, валериана, цикорий, полынь. На Татарском городище цветами можно любоваться, вдыхать их запах, но срывать запрещено: заповедник!

Наряду с полезными травами есть и довольно опасные, до которых нельзя дотрагиваться, особенно после дождя или при росе. К ним относится ясенец. Сорвешь красивый пышный цветок розового цвета, и на руках появятся пятна ожогов, которые сохраняются больше месяца.

На степной заповедной территории Татарского городища сохраняются редкие и краснокнижные виды растений. На ней встречен куст катрана. Это растение исчезает повсеместно в связи с распашкой земель. Представляет ценность и относится к редким ковыль перистый.

Найдены отдельные экземпляры таких редких растений, как горечавка крестовидная, колокольчик персиколистный. На первом оборонительном валу и по опушкам растет первоцвет крупнолистный, нуждающийся в охране.

В августе разнотравье в основном отцветает, злаки сохнут и желтеют, но многие растения продолжают радовать красотой. Осенью приветливо кивает нам желтыми метелками коровяк, разбрасывает синие звезды цикорий, желтыми и розовыми кострами вспыхивают мальвы, дымчатый качим соседствует с одними шариками мордовника.

Задача музея-заповедника — сохранить растительное богатство, создать условия для его умножения.

Панорама городища

Степь — не только уникальное природное образование, но и особый мир людей со своим образом жизни, своим этносом и историей. Евразийская степь была колыбелью кочевых народов и тем огромным коридором, по которому в течение многих веков они перемещались из Азии в Восточную Европу и на Северный Кавказ. Татарское городище — один из ключей к расшифровке этой еще полной тайн истории великих переселений народов.

Об этом невольно думаешь, оказавшись на вершине степного холма в восточной части Центрального городища, названного Дозорным. Отсюда открывается самый полный вид на археологический комплекс, а в прошлом здесь, очевидно, было удобное место для военного дозора.

К западу от холма расположена широкая поляна со ступенчатым рельефом, на которой находится основная часть Центрального городища, окруженная крепостной стеной. На ней сделаны наиболее важные и интересные раскопки культурных слоев, к которым еще проляжет путь маршрута. Детальное дешифрирование аэрофотоснимков позволило специалистам выявить на фоне этой степной поляны много прямоугольников, квадратов, кругов, прямых и ломаных линий . Задача археологов теперь целенаправленно с помощью раскопов определить происхождение этих дешифрируемых объектов и восстановить планировку древних поселений городища.

В южной части Центрального городища располагается густая роща. Она высится на месте его главного укрепленного объекта-Цитадели и служит хорошим ориентиром на пути к нему.

На юге, за Цитаделью, на узком обрывистом мысу виднеется Второе городище. Его края заросли лесом, кромка которого образует линию горизонта. На западе, по другую сторону ручья Травертинового, находится Третье городище, занимающее широкий склон, покрытый лесом. Это наименее исследованная часть археологического комплекса, остатки крепостной стены которого были обнаружены лишь в 1992 году.

Все три городища сходятся в веерообразной развилке балок — притоков р. Татарки, чем жители не только обезопасили себя, использовав природные препятствия, но и создали единую систему жизнеобеспечения. Между городищами существовала разветвленная сеть дорог, по которым мог передвигаться вьючный и колесный транспорт.

Вокруг Татарского городища группировались другие поселения, находившиеся в пределах видимости. В 4 км северо-западнее расположено известное Грушевское городище. В 10 км к востоку было крупное средневековое поселение Бударка, основанное у одноименной горы, похожей на опрокинутую лодку.

Таким образом, в периоды расцвета Татарского городища все обозреваемое с Дозорного холма пространство было густо заселено.

Еще 900 лет назад здесь кипела жизнь города. Сегодня на месте бывших домов, храмов, улиц и крепостных сооружений расстилаются лес и степь. Сколько тайн сокрыто под ними, предстоит узнать ученым музея-заповедника.

Буковый лес

Маршрут ведет за пределы укрепленной части Центрального городища к водопаду «Пагода». Спустившись вниз, мы пересекаем руины крепостной стены и попадаем в буковый лес, тот самый, который наблюдали с обрыва.

Татарское городище. Дольменообразное захоронение катакомбного типа

Бук легко отличить от других деревьев по гладкой светло-серой коре и ровным округлым стволам, похожим на колонны. Под деревьями много угловатых буковых орешков.

Бук — реликтовое дерево, появившееся в неогеновом периоде. Растет он на склонах балок и речных долин, в местах разгрузки подземных вод. Основное место его произрастания — Кавказ, а на Ставропольской горе проходит крайняя северовосточная граница его распространения. В прошлом бук был основной породой в окрестностях Ставрополя. На лесном плане начала XIX в. вокруг речки Татарки показан казенный (государственный) лес площадью 834,2 га, в котором до 50 процентов составляли буки. Но по мере роста города и окрестных сел леса основательно вырубили, и сейчас бук сохранился лишь на небольших лесных участках гор Стрижамент и Ставропольской, в том числе возле Татарского городища.

После вырубки бук плохо восстанавливается и замещается неприхотливыми породами деревьев, такими, как граб и ясень. Но в данном месте наряду со зрелыми высокорослыми деревьями много молодой поросли бука, возникшей из семян. Это вселяет

надежду в возможность самовосстановления буковых лесов при соблюдении охранного режима.

Бук — исключительно ценное дерево. Его древесина используется для изготовления мебели, облицовочной фанеры, паркета и даже в самолетостроении. Его орешки содержат питательное масло и очень вкусны в поджаренном виде. Но недозрелые орешки ядовиты и содержат вредное вещество фагин, вызывающий головную боль.

Буковый лес всегда светел, чист и опрятен. В нем не бывает густого подлеска. Воздух в нем свеж и прохладен, придает путнику силы.

Водопады

Буковый лес примыкает к ручью Каскадному. Это его истоки выходят к тому месту, где в начале экскурсии мы осматривали «Ковровые камни».

В ступенчатом русле ручья слышен шум воды. Это подает свой голос водопад, названный за необычную форму «Пагодой». Он состоит из девяти нависающих друг над другом каменных уступов, напоминающих китайскую пагоду. Ступени возникли вследствие разной плотности слоистых пород. Рыхлые песчаные прослои вымываются водой, а выступающие плиты известняка образуют каскад. Свободное падение воды в нем составляет 6 м. В паводки на дне ручья кипит котел пенящейся воды с песком.

У водопада воздух насыщен мельчайшей водяной пылью, создающей живительную прохладу в жаркий день. Возле воды растут влаголюбивые травы, вьются насекомые, хлопочут птицы. Зимой в морозные дни здесь все застывает. Ручей замолкает, а водопад превращается в еще более причудливый ледопад. Ледяная лестница не только повторяет очертания «Пагоды», но и украшается гирляндами прозрачных сосулек и натеков.

Ниже водопада ручей Каскадный сливается с ручьем Анненским. Пройдя вверх по долине последнего около ста метров, мы оказываемся у другого водопада, названного «Стеклянные струи» по сходству с известной достопримечательностью Кисловодского парка. Этот водопад возник на изгибе русла ручья и состоит из двух основных ступеней высотой 1,5—2 м. Он шире, чем «Пагода», и вода со ступеней падает более спокойными прозрачными струями и россыпями брызг. На склонах, обрамляющих «Стеклянные струи», бьют мелкие родники. Места их излива усыпаны серыми камешками с округлой, удлиненной неправильной, иногда причудливой формой. Приглядевшись к ним, с удивлением обнаруживаешь, что это окаменевшие обломки дерева, кусочки мха, ветки и даже орешки бука. Они превратились в камни в результате отложения в порах и на поверхности обломков осадка углекислого кальция, выделяющегося из родниковой воды. Горные породы, возникшие из этого осадка и состоящие из тонкокристаллического минерала арагонита, называются травертинами.

На территории музея-заповедника в днищах балок описано около десятка водопадов, возникших на ступенях рельефа, в местах выхода на поверхность пластов прочных горных пород. Несмотря на миниатюрность, каждый из них украшает ландшафт и обладает неповторимым очарованием.

Криница

От водопада «Стеклянные струи» маршрут пролегает вниз по долине ручья Анненского к Цитадели. Через 300 метров, после ходьбы по лесной тропе, невольно останавливаемся у чистого холодного родника. Один из посетителей заповедника, увидев его, однажды радостно воскликнул: «О, криница!». С тех пор название осталось за родником.

Он находится в верхней части склона и бьет из каменного выступа ракушечника. Питают его атмосферные воды, накапливающиеся на степной поляне городища. Поэтому дебит источника небольшой, но вода вкусная, похожая на воду горных родников.

Многочисленные родники, как и водопады, — одна из ценных достопримечательностей музея-заповедника. Они изливаются из двух водоносных горизонтов: верхнего форштадтского, сложенного морскими песками, и нижнего карабинского, состоящего из пористых ракушечников. Накоплению подземных вод в этих горизонтах способствует наличие под ними пластов водоупорных глин. Областью их питания служит плакор Ставропольской горы. Разгружаются они в верховьях балок и служат истоками ручьев.

На территории музея-заповедника имеется около двадцати постоянных родников и несколько десятков периодически высыхающих. Вода в них холодная с постоянной температурой 7—12°С, пресная, приятная на вкус. В карабинском горизонте она имеет несколько повышенную минерализацию (жесткость) и оставляет на посуде накипь, а при определенных условиях из нее осаждается травертин. Наиболее крупные родники с дебитом до 10 л/сек., находятся в Балке Гремучей, южнее Третьего городища. Их вода по трубопроводу раньше подавалась в с. Татарка. Девять постоянных родников с дебитом до 1—2 л/сек. изливаются возле Центрального городища. Популярностью в народе пользуется родник Святой Колодец, расположенный на противоположном склоне долины р. Татарки, в 1 км юго-западнее Третьего городища. Родники встречаются только среди леса, играющего важную водоохранную и водорегулирующую роль.

При отсутствии крупных водотоков родники Ставропольской горы испокон веков служили основным источником питьевого снабжения людей. Без них было бы невозможным длительное существование населения Татарского городища.

Царь Николай I, посетивший в 1837 году Ставрополь, по свидетельствам очевидцев, был крайне удивлен тем, что центр Кавказского края строится вдали от реки, и предложил перенести его на берега Кубани. Но, увидев красиво отделанные камнем источники и попробовав кристальную воду Карабинского родника, сменил гнев на милость.

До 1955 года родники обеспечивали потребности Ставрополя, давая в сутки в городской водопровод более 4000 кубометров питьевой воды. Затем город стал использовать кубанскую воду, которая подается из Сенгилеевского водохранилища по двадцатикилометровому водоводу на высоту 430 м. В настоящее время большая часть области питания родников занята жилыми и промышленными кварталами города, кладбищами и свалками. Поэтому родники в черте Ставрополя деградировали, а воды их потеряли питьевое качество.

Татарское городище — одно из немногих мест Ставропольской горы, где родники еще сохранили природные особенности и свойства. Поэтому их охрана — одна из важных задач музея-заповедника.

Грот отшельника и цитадель

От «Криницы» тропа ведет на запад, в нижнюю часть Центрального городища. Пройдем вдоль остатков стены, свернем вниз налево. Здесь мы оказываемся у небольшой пещеры, названной Гротом отшельника. Вход в нее щелевидный, высотой около метра. Внутри полость расширяется до 6—7 метров в диаметре, а в высоту достигает 1,7 м, что позволяет многим посетителям стать в полный рост.

В пещере царят полумрак и прохлада. Потолок и стены ее покрыты натеками арагонита и мелкими светло-коричневыми сталактитами, что указывает на ее карстовый характер. Пол усыпан песком и щебнем.

В задней стенке грота, привыкнув к полутьме, различаем искусственную нишу арочной формы размером 0,5 х 0,8 м, углубленную в скалу на 45 см. С какой целью использовалась пещера, кого укрывал ее свод? Грот отшельника хранит тайны. В фондах музея хранится любительская фотография, сделанная в 30-х годах. На ней изображен описываемый Грот и сделана надпись, из которой следует, что в годы гонения на религию, когда повсеместно закрывались храмы, здесь совершались тайные богослужения. Ниша, высеченная в задней стене, использовалась, очевидно, для размещения иконы.

Вернувшись назад, мы подходим к Цитадели.

Это самое интересное и перспективное для археологических открытий место. Оно расположено на южном краю Центрального городища и занимает площадку размером 150х170 м, примыкающую к долине ручья Анненского.

По периметру Цитадель обнесена каменной крепостной стеной, от которой осталось валообразное основание. Южная половина Цитадели ограничена скальным обрывом, а северная — подковообразным рвом.

Превышение остатков крепостной стены над рвом достигает 8—10 метров. У Цитадели с двух сторон были ворота, располагавшиеся возле обрывов, что повышало надежность ее защиты.

Внутри нее четко прослеживаются руины двух каменных строений. Одно из них занимает центральное положение и, судя по планировке, представляет собой остатки храма. Другое предположительно было резиденцией или даже дворцом правителя. Хорошо продуманная, глубоко эшелонированная система оборонительных сооружений Центрального городища вместе с наличием Цитадели свидетельствует о том, что здесь был важный стратегический и административный центр Предкавказья.

В южной части Цитадели внимание привлекает широкая провальная воронка. Анализ микрорельефа с помощью аэрофотоснимков выявил отходящие от нее линии, отличающиеся фототоном и характером растительности. Предполагается, что это остатки подземных помещений и ходов. Один из них вел в верховья соседнего, заросшего лесом, труднодоступного лога, где имеется родник.

Уже отмечалось своеобразие растительности, возникшей на древних поселениях. Не является исключением и Цитадель. Ее территория покрыта высокорослым кленовым лесом. Растущий в нем клен полевой обычно живет до 100 лет. Но на Цитадели встречаются великаны высотой более 20 м, достигающие, судя по спилам, двухсотлетнего возраста. Столь обширных и однородных участков произрастания клена в ставропольских лесах больше нет.

Почему он возник именно на Цитадели, предстоит выяснить ученым.

Наличие уникального леса на Цитадели создает для археологов определенные трудности. Корни растущих деревьев разрушают древние каменные строения. Поэтому, с одной стороны, здесь необходимо провести большой объем исследований с раскопами, а также реставрационные работы, а с другой - нужно сохранить необычный лес. Поэтому предполагается провести здесь лишь выборочную рубку в местах раскопов и воссоздать древнюю цитадель в гармоничном единстве с нынешним лесом как символ неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего.

Каменная ниша

Выйдя из Цитадели через ее бывшие западные ворота, мы оказываемся у подножья обрыва, защищающего ее с юга. Обрыв сложен семиметровым пластом ржаво-серых известняков-ракушечников, образующих упомянутый выше карабинский горизонт. Как и холоднородниковские ракушечники, они отложились на дне Сарматского моря, но несколько раньше. Их перекрывают форштадтские пески и глины, а ниже залегают ясеновские глины. Наименования пластов произошли от названий улицы Ясеновской, речки Карабинки, района Форштадт и Холодного Родника в городе Ставрополе, где геологи в начале этого века впервые описали данные отложения.

Первое, что привлекает внимание в обрыве, — обширная каменная ниша, выработанная в результате выветривания в ракушечниках. Длина ее около 12, глубина до 5, высота до 2,5 метров. С незапамятных времен под ее навесом от дождя и жары укрывались люди и скот. На ее стенах и потолке осели вековые налеты копоти.

Но для любознательного человека пребывание в нише — это еще и своеобразное мысленное путешествие на дно исчезнувшего моря. Если внимательно приглядеться к известняку, то нетрудно заметить, что он состоит из бесчисленного множества раковин морских моллюсков. Среди них наиболее распространены гладкие раковины двустворчатых или пластинчатожаберных моллюсков рода мактра. Реже встречаются двустворки с радиальной ребристой поверхностью. Это кардиумы. Если повезет, то можно найти раковины брюхоногих моллюсков. Это дальние родственники виноградных улиток.

Большая часть раковин разбита, что объясняется отложением их в мелкой прибрежной части моря, где их перемывали волны.

Пласты ракушечников удивительно выдержаны на больших расстояниях. Они покрывают не только Ставропольскую возвышенность, но широко распространены в Крыму и по всему северному Причерноморью. Какие природные факторы вызвали необычайную вспышку размножения моллюсков в середине неогена - одна из загадок, еще не решенных наукой.

Ракушечник благодаря прочности и пористости — один из лучших строительных камней. Из него построены стены и другие сооружения Цитадели. Из крупных плит ракушечника позже была сооружена Ставропольская крепость. Им выложены стены старых домов в Ставрополе.

Каменная ниша — своего рода узловая станция экскурсионных маршрутов. От нее можно пойти на восток к Гроту отшельника, на юг ко Второму Городищу и на запад через Могильники на Третье городище.

К каменному киту

От ниши древняя дорога, похожая на лесную тропу, огибая оставшуюся вверху Цитадель, ведет нас вверх по долине ручья Анненского. Слева нависает скальный обрыв, внизу в полумраке шумит ручей.

Через триста метров путь преграждает нагромождение огромных каменных глыб, отколовшихся от обрыва и сползших вниз по склону на 50—100 метров. Это экскурсионный объект «Каменные отторженцы». Их семь. Самый «крупный» из них имеет в высоту 5, в ширину 12 и в длину 20 метров. Сбоку он похож на каменного кита, устремленного к ручью, но так и не достигшего его.

Невольно задаешься вопросом: какие силы и когда откололи эти огромные глыбы от пласта ракушечника и перенесли их на десятки метров? На отторженцах растут зрелые дубы, ясени и клены. Следовательно, им больше сотни лет. Но если внимательно обследовать склон, то нетрудно обнаружить остатки древнего вала, проложенного от обрыва прямо к «спине каменного кита». Это открытие позволяет сделать вывод о том, что отторженцы были здесь уже в очень давние времена и использовались жителями городища как естественные преграды при создании оборонительных сооружений.

Следы у водопоя

От Каменной ниши по древней дороге, соединявшей городища, спускаемся к развилке, где сливаются ручьи Анненский и Травертиновый, образуя единый приток р. Татарки, в который чуть ниже впадает справа ручей Балки Гремучей. Это место представляет собой узел схождения не только троп, но и древних дорог. Стены городищ здесь наиболее близко подходят друг к другу.

В этом месте пересекаются и пути животных. Этот расширенный участок долины с густым кустарником и лесом, быстроструйными ручьями с родниковой водой — поныне любимое место водопоя животных. Давайте спустимся к несущейся воде и окаймляющим ее песчаным косам, поищем следы зверей и птиц и поразмыслим о нелегкой судьбе наших диких братьев меньших.

По данным зоолога М.Ф. Тертышникова, на территории Татарского городища обитают 312 видов наземных и водных животных, из которых преобладают беспозвоночные, прежде всего насекомые. Большинство их живет в лесу, но встречаются и степные виды, а также обитатели рек и болот.

Следы на песчаных косах и глине в основном принадлежат домашним животным из села Татарки. Но среди них попадаются следы жителей леса, например, копытец косули. Иногда, вспугнутая людьми, она выбегает на видное место и, словно мираж, исчезает среди деревьев. Косуля очень красивый зверь. У нее стройное туловище и длинная шея с грациозной головой, увенчанной небольшими загнутыми рогами. Благодаря длинным ногам при беге она словно парит над землей. Шерсть у нее рыжеватого цвета. У козлят на спинках светлые пятна, напоминающие солнечные зайчики, которые маскируют их в лесу. Косули питаются побегами деревьев и кустарников, травой, а осенью приходят лакомиться падалицей дикой груши.

Из копытных в лесу также встречается дикий кабан. Его присутствие выдают лежки в сырых местах и свежеразрытая почва под деревьями, где животное питается корнями и клубнями растений.

Ранним утром на опушки часто выбегают зайцы, чтобы полакомиться молодой травой.

Живет в Татарском лесу ласка — маленький ловкий зверек с тонким вытянутым тельцем светло-бурого цвета. Она питается мышами-полевками и не прочь поживиться птицей. Ее полная любопытства мордочка часто мелькает среди листвы и валежника.

Из хищных зверей встречается хорь степной. Его отличительные черты — темные лапки и «маска» на мордочке. Хорь охотится и питается мышами-полевками, птицами, хомячками и другими мелкими обитателями леса и степи.

На скалах, на выгревах южных склонов мелькает ящерица прыткая обыкновенная. Коричневато-серого цвета, с темной полосой на спине, она быстро перебирает лапками и отбрасывает хвост, если его схватить рукой. Она быстро лавирует в траве, торопясь в норку, чтобы не быть пойманной.

На тропе среди травы могут встретиться медянка или гадюка степная. Последняя имеет буро-серый цвет с зигзагообразной темной полосой вдоль хребта. По сотрясению почвы змеи чувствуют приближение человека и быстро прячутся в норы.

В сырых местах живут ужи обыкновенные и ужи водяные. Они узнаются по желтым пятнам на голове. Несмотря на угрожающее шипение и высунутый язык, уж безобиден и не может причинить вреда человеку. Водяной уж отличается от обыкновенного оливковым оттенком кожи и шахматным рисунком на теле.

Перед дождем в лесу раздаются своеобразные звонкие звуки, похожие на кряканье утки. Это крик древесной лягушки-квакши. Малютки изумрудного цвета, прижавшись к дереву с помощью присосок, почти сливаются с листвой. На болотцах, в озерцах, в ручьях обитает лягушка озерная, а также эндемик Кавказа лягушка малоазиатская. Здесь же встречается краснобрюхая жерлянка.

Весной в воде иногда можно увидеть тритона.

В ручьях зоологи насчитывают до 34 видов фауны.

Наступление городских кварталов на лес и степь с каждым годом сужает жизненное пространство диких животных. Их уничтожают охотники и несознательные посетители леса, в большом количестве они гибнут на автотрассе. Лишь с созданием музея-заповедника впервые возле Ставрополя стала воссоздаваться естественная среда обитания животных, что должно положить начало восстановлению их былого разнообразия и численности.

Археологические раскопки на Татарском городище дают уникальный материал для восстановления истории развития фауны Ставропольской горы за два последних тысячелетия.

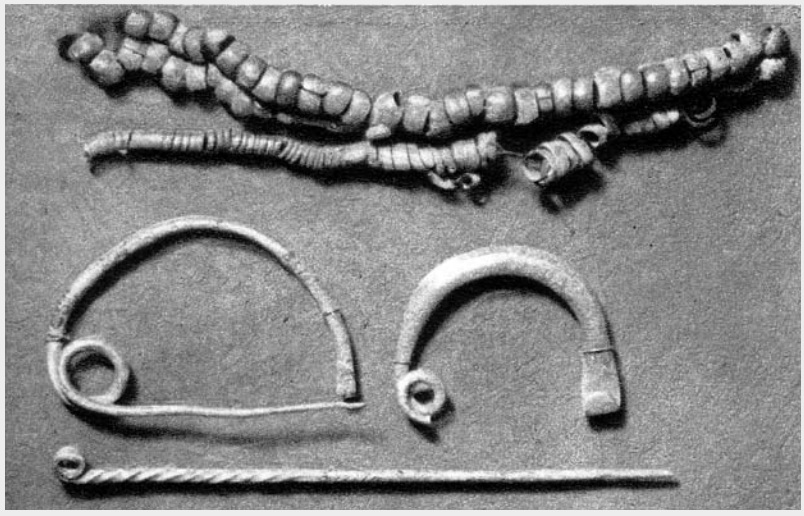
Кости, найденные в культурных слоях, принадлежат как домашним, так и диким животным. Жители городища употребляли их мясо в пищу, из шкур изготовляли обувь и одежду. Рога и кости использовались как материал для орудий труда и различных поделок.

Из диких животных по костным остаткам определены палеонтологом А.К. Швыревой олень, косуля, дикий кабан, лисица, заяц. В культурном слое сарматского времени найден рог зубра, обитавшего в ставропольских лесах две тысячи лет назад. На соседнем Грушевском городище в слое того же возраста обнаружена кость тура.

По составу диких животных можно судить о древнем ландшафте. Олени, косули и дикие кабаны обитают в лесах с кустарниками и высокотравными полянами. В их пищевой рацион входят злаки, зонтичные, сложноцветные, луковичные, хвощи, примулы и другие травы. В лесу кормом для них служат листья, побеги и плоды клена, ясеня, бука, дуба, бересклета, ивы, калины. Важное место в питании этих животных занимают также желуди, орехи бука и лещины, плоды груш и яблонь. Таким образом, лесостепной ландшафт с богатой разнотравно-злаковой растительностью и лесами, в которых произрастали перечисленные деревья и кустарники, существовал на Ставрополье уже около двух тысяч лет назад.

Стадо домашних животных на городище, судя по костным остаткам, состояло из овец, коз, коров, свиней и лошадей. В пищу употреблялись преимущественно молодые животные: овцы не старше двух лет, свиньи в возрасте до одного года, коровы и бычки не старше четырёх лет. Лошади и быки, использовавшиеся как рабочий скот, доживали до старости.

Лошади, в сравнении с современными, были ниже среднего роста, высотою в холке около 138 см. Они относились к породе полутонконогих лошадей восточного типа с высокими скаковыми качествами и играли важную роль в жизни населения городища.



Женские украшения. X—XI века н.э., аланская культура. Принадлежат Ставропольскому краеведческому музею им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Второе городище

В 150 м к юго-востоку от развилки ручьев, на широтном водораздельном мысу между р. Татаркой и ручьем Анненским, находится Второе городище. Чтобы попасть в него, преодолеваем крутой подъем со скальным обрывом, в котором проложен узкий проход.

Городище занимает площадку размером 150 х 170 м, с трех сторон ограниченную обрывом. С восточной стороны, где площадка, расширяясь, переходит в поверхность плато, городище защищалось двумя линиями укреплений, внешней и внутренней, поперечными к водоразделу. Внешняя линия состояла из каменных стен и рва, остатки которых сравнительно хорошо сохранились и производят внушительное впечатление. Внутренняя оборонительная линия, состоявшая из рва и вала, делит городище на два части.

Площадка внутри городища представляет собой луговую поляну, обрамленную лесом. Раскопки на ее территории не проводились. Ее археологическое исследование еще впереди. Судя по небольшому размеру и господствующему положению в рельефе, Второе городище выполняло оборонительную функцию на южных подступах к основному поселению.

С его площадки на юг открывается живописный вид на долину р. Татарки, в которой широко раскинулось одноименное село, одно из старейших на Ставрополье. Основанное в 1818 году как хутор, в 1833 г. оно получило надел земли и стало селом. В 1835 г. его сделали станицей и причислили к Ставропольскому казачьему полку. Заселялась Татарка русскими из центральной России. Во время Кавказской войны на нее нападали горцы. Большинство нападений казаки отбивали, но случалось и так, что горцы захватывали жителей в плен и угоняли скот.

В 1870 г., после Кавказской войны, Татарка вновь стала селом. В конце прошлого века здесь было 377 домов и проживало 3162 человека. В настоящее время с. Татарка состоит из двух частей — Верхней, которую мы видим, и Нижней. В 1995 году в Татарке проживало 5848 чел. и числилось 2572 двора.

Второе городище — одно из самых живописных мест на территории музея-заповедника, часто посещаемое жителями Татарки и туристами. Особой популярностью пользуются Татарские скалы, являющиеся государственным памятником природы. Они образуют южную часть обрыва, над которым возвышается городище. Длина скал 350, а высота до 10 метров. Их слагают карабинские ракушечники, имеющие благодаря примеси железа ржавый цвет. Лощинами и расселинами обрыв разделен на фрагменты, из которых наиболее живописны скалы «Большая ниша» и «Сотовая».

Скала «Большая ниша» длиной около 50 м расположена на западе обрыва. В ее нижней части, сложенной рыхлыми ракушечниками, ветер и дожди выработали на всю длину клиновидное углубление высотой до 3 и глубиной 2—3 метра, перекрытое навесом, состоящим из плотного известняка. Юные альпинисты краевого центра на этой скале получают первые уроки скалолазания.

Скала «Сотовая» отделена от «Большой ниши» узким проходом между двумя крупными обвальными отторженцами, от которого по ступенчатым выступам можно подняться на площадку Второго городища. Скала привлекает внимание необычным рельефным узором поверхности. Ребристое чере-

дование горизонтальных выступов и выемок сочетается в ней с бесчисленным множеством мелких округлых и щелевидных полостей с натеками углекислого кальция, образующего мелкие сталактиты, сталагмиты и геликтиты. Этот ажурный природный барельеф возник в скале благодаря сочетанию выдувания, производимого ветром, и микрокарстового процесса, вызванного действием вод на известняк.

Раскопы центрального городища

От Второго городища вновь возвращаемся к Каменной нише у Цитадели и продолжаем знакомство с Центральным городищем.

На его территории в 1992—1993 годах были сделаны раскопы, давшие важную археологическую информацию. Наиболее крупный из них площадью 128 кв. метров был пройден на опушке леса севернее Цитадели. Выбор места, проходка, исследование и описание раскопа — наиболее важная, ответственная и трудоемкая часть работы археолога. Прежде чем заложить раскоп, анализируются результаты

визуальных наблюдений, аэрофотосъемки, геофизических измерений, например, магнитометрических, позволяющих выявить скрытые под землей металлические предметы. Важнейший частью этой работы являются стратиграфические исследования, для чего закладываются стратиграфические шурфы. После выбора места и оконтуривания площади раскопа начинается самое главное - снятие и исследование грунта. Оно ведется слой за слоем, вручную, обычно каждый раз на глубину штыка лопаты, составляющую около 20 сантиметров. При обнаружении предметов, погребений или остатков строений работа принимает ювелирный характер. В ход идут пинцеты, кисточки, сита, лупы. Чтобы выявить интересный для археолога предмет, приходится перебирать и просматривать по крупицам кубометры земли. Но чем больше труд, тем сильнее радость от археологической находки.

В раскопах, глубина которых местами достигала 250—270 см, а также в котлованах и расчистках, сделанных на месте бывших дачных сооружений, существовавших на территории городища до 1992 года, вскрыты и исследованы три культурных слоя: нижний, средний и верхний.

Самый древний нижний слой встречен не повсеместно и имеет мощность 20—30 сантиметров. В нем найдена керамика, представленная остатками кувшинов, мисок, горшков, корчаг. Раскоп вскрыл часть бывшей гончарной мастерской, в которой наряду с керамикой остались запасы глины, из которой древний мастер лепил посуду. Найдены остатки турлука — глины с отпечатками прутьев, материала, из которого строились жилища, и печина — обожженная в печах глина. Комплекс археологических находок нижнего слоя соответствует кобанской и отчасти скифской культурам, принадлежавшим племенам, обитавшим в Предкавказье в VIII—V веках до новой эры.

Средний слой отделен от нижнего маломощным стерильным слоем, не содержащим предметов. Во втором культурном слое много остатков турлучных построек, но они уже создавались на каменных фундаментах, которые прослежены при раскопках. Наряду с ними встречено круглое жилище типа юрты, характерное для степных кочевых племен, к которым относились сарматы. Рядом с жилищами или непосредственно в них устраивались хозяйственные ямы, где хранились припасы. Со временем ямы забрасывались, в них попадал мусор. Теперь этот «мусор» служит для археологов ценным материалом, по которому можно судить о быте древних людей. В одной из таких ям обнаружена ручка греческой амфоры с клеймом. После расшифровки надписи будет установлено время изготовления амфоры, что позволит точно датировать и найденные в слое вещи местного производства.

По характеру жилищ, предметов быта, в том числе керамики, средний культурный слой отнесен к сарматскому периоду.

Сарматы хорошо известны в истории. По сведениям древнегреческих авторов, этот воинственный народ вначале обитал за Волгой. По своему языку и обычаям сарматы походили на скифов. Они являются частью обширной общности племен ираноязычного происхождения, которые заселяли степи Юго-Восточной Европы и Средней Азии с эпохи бронзы. В IV в. до н. э. сарматы начали продвигаться в Предкавказье и Северное Причерноморье, занятые скифами.

Обладая более совершенным вооружением и будучи очень воинственными, сарматы постепенно вытеснили скифов в Крым и заняли большую территорию между Волгой, Кавказом и Крымом.

Столкнувшись с сарматами, греки были удивлены тем, что у них наряду с мужчинами и женщины являлись воинами. Возможно, отсюда возникла легенда об амазонках.

На Ставрополье сарматы появились в III в. до н. э. К этому времени здесь на основе смешения кобанского и скифского населения возникла самобытная культура. По всей территории края росли поселения, развивалось сельское хозяйство и ремесла, осуществлялась активная торговля с греками.

Богатство городищ и поселений привлекало воинственных сарматов. Поначалу они нападали на местных жителей и грабили их. Много поселений и городищ, включая соседнее Грушевское, были сожжены, и их жители укрывались на Татарском городище, которое все больше укреплялось. Со временем сарматы умиротворились и начали смешиваться с местными жителями. Часть их поселилась

на Татарском городище. От этого периода жизни остался средний пласт культурного слоя.

С IV века новой эры из глубин Центральной Азии в Предкавказье ворвались гунны. С них начинается приход народов тюркского происхождения. В это время жизнь на городище затухает и возобновляется лишь в VIII веке. С этим периодом связан верхний пласт культурного слоя. К нему приурочены каменные кладки крепостных стен, башен, домов, культовых сооружений, разнообразная керамика, металлические изделия бытового и военного назначения, женские украшения. Сохранились домашние очаги, открытые, круглой формы, обложенные по краям камнем. Возле них много костей животных со следами рубящих и пилящих инструментов.

Посреди нижней части городища возвышается небольшой холм. Раскопки вскрыли в нем белесый грунт с большим количеством черепков глиняной посуды, обожженными костями животных, древесным углем и другими остатками деятельности человека. Археологи такие места называют зольниками. Жители городища почитали очаг и то, что связано с ним. Золу вместе с попавшими в нее предметами они ссыпали в определенное место, создав таким образом этот своеобразный холм.

Предметы быта свидетельствуют о том, что городище населяли воины, скотоводы, охотники и ремесленники. В Цитадели размещалась знать. Предметов роскоши, изделий из благородных металлов, произведений искусства и письменности пока не обнаружено. Наличие стерильных слоев между культурными слоями указывает на то, что люди периодически оставляли территорию городища или сокращали жилые участки, а затем поселялись и расширяли селение вновь.

Первые исследователи городища не исключали того, что верхний культурный слой относится к периоду татаро-монгольского нашествия. Но полученные теперь археологические данные позволяют относить его к более раннему хазарскому периоду VIII-X веков. В это время в степях Юго-Восточной Европы и Предкавказья устанавливается относительный мир и спокойствие. Расцветают города, ремесла и торговля.

На территории Ставрополья открыты десятки памятников данного периода. Татарское городище в это время продолжало играть ключевую роль в регионе.

Население Предкавказья, включая Татарское городище, было этнически неоднородным. Его основу составляли аланы и болгары. Болгарский этнос сформировался на основе тюркских народов, пришедших из глубин Азии во время великих переселений.

В VII в. хазары подчинили болгар, часть которых, не желая покориться, ушла на Дунай, где образовала Болгарское государство. Другая их часть откочевала на верхнюю Волгу, создав государство Великая Булгария. Остатки болгар, подчинившиеся хазарам, вместе с аланами в средние века населяли Предкавказье и Северный Кавказ от Кубани до Терека. Ставропольскую возвышенность в это время называли Булгарскими горами.

Аланы произошли от одного из сарматских племен, и в дальнейшем все сарматы стали идентифицироваться с ними. В IV веке новой эры часть аланов вместе с гуннами мигрировали в Европу, а другая часть осталась на Северном Кавказе, составив с болгарами этническую основу коренного населения Предкавказья.

В VIII—X веках аланы и болгары Предкавказья входили в состав Хазарского каганата. Подчиняя народы, хазары размещали на их землях военные гарнизоны. Вероятно, что на Татарском городище находился крупный хазарский отряд, который контролировал окружающую территорию. Дальнейшие раскопки прольют свет на эту проблему.

Раскопы дали уникальный научный материал не только археологам, но и почвоведам. Почвы — своего рода «зеркало» или «память» ландшафта, а в пределах городища их можно назвать летописью древних культур. Трем культурным слоям здесь соответствуют три слоя почв, которые в периоды максимального освоения территории людьми разрушались и засыпались антропогенными наслоениями. Верхний гумусовый горизонт каждого из погребенных слоев почв содержит остатки битой посуды, кости животных и другие предметы, принадлежавшие жителям городища, и служит для археолога важным рубежом начала очередного этапа активного освоения территории. Увязка археологических данных с особенностями погребенных почв позволит ученым рассчитать скорость и выяснить закономерности почвообразования за последние тысячелетия.

Погребенные почвы дают важную информацию об истории ландшафта, поскольку на Ставропольской горе в степной зоне формируются мощные обыкновенные или выщелоченные черноземы, а в лесах — серые лесные почвы. Если лес вырос на слое чернозема, значит, он вторичный, если под слоем степного чернозема серая почва — здесь прежде был лес.

Возрождение степи

В 1983 году поляну Центрального городища стали застраивать дачами. Дачники нанесли большой ущерб верхнему культурному слою, из которого они выбирали керамику и даже выстилали ею дорожки.

Пострадала и залежная луговая степь, превращенная в садово-огородные участки. Руководству краеведческого музея стоило больших трудов отстоять городище от разрушения. Лишь вмешательство первого секретаря крайкома КПСС В.С. Мураховского помогло освободить ее от дач.

Площадь, оставшаяся на месте дачного поселка, первое время производила удручающее впечатление. Пустырь заполонили сорняки. Особенно разрослась амброзия. Как-то группа ботаников, среди которых был американский ученый, пришла на городище. Разгорелся спор о том, как поступить с амброзией. Американский специалист, ссылаясь на личный опыт, предложил ее выжечь. Но ставропольский ученый Ю.А. Дударь высказался за то, чтобы оставить все как есть и провести эксперимент по самовосстановлению степи, поскольку он был уверен, что сорные травы и особенно заморская амброзия не выдержат конкуренции с естественными ценозами степи.

И действительно, в последующие годы степь с сохранившихся участков начала активное наступ-

ление на заросли амброзии. Первыми в борьбу вступили степные растения с мощными корневищами, например, такие, как пыреи, а также другие быстро рассеивающиеся злаки и разнотравье. Ныне американской гостьи, досаждающей ставропольцам, на городище почти не осталось, И хотя степь на месте огородов еще полностью не восстановилась и смена растительных сообществ продолжается, степь становится все ближе к естественному состоянию, наблюдаемому на Дозорном холме. Покров трав начал создавать дерновину, под которой формируется чернозем, перекрывающий новый культурный слой, оставленный нашими современниками.

Восстановление растительного покрова ведет к возрождению животного мира степи. Аспекты цветущих растений, непрерывно сменяя друг друга, своей пыльцой, нектаром, сочными стеблями и семенами привлекают огромное количество беспозвоночных, прежде всего насекомых, состав, количество и активность которых меняется в течение вегетационного периода. Многообразие бабочек, жуков, кузнечиков, перепончатокрылых, свойственное степи и резко обедненное в культурных ландшафтах, начинает восстанавливаться на городище. В густой траве стали спокойно гнездиться птицы и рыть норки грызуны.

Подлинным хозяином поляны на Центральном городище из млекопитающих в последние годы стал слепыш европейский. Он ведет скрытный подземный образ жизни, но его присутствие выдают холмики нарытой земли. Приглядевшись, легко заметить, что они располагаются по определенной системе и выстроены в цепочки. Слепыш прокладывает туннели по прямой линии, устраивая по пути жилые камеры и кладовые. Длина его ходов достигает 250, а глубина 3,5 метра.

Грызун покрыт красивым коричневым мехом и имеет в длину до 26 сантиметров. Он копает землю не лапами, а мощными резцами. Благодаря особому устройству ротового отверстия, закрываемого боковыми складками, земля не попадает в рот животного. Взрыхленную землю слепыш выталкивает на поверхность головой через отнорки, устраиваемые на небольших расстояниях друг от друга. Питается он корневищами, клубнями, луковицами и зелеными надземными частями растений, которые подгрызает и затаскивает в нору. В каждой из его подземных кладовых хранится до 2 килограммов корма.

В конце зимы у зверька появляются детеныши, крохотные, голенькие, весом всего 5 граммов. Но они очень быстро растут, вскоре покидают мать и начинают строить свои подземные жилища. Слепыши выполняют определенную функцию в жизни природного комплекса. Они рыхлят почву, давая воздуху и влаге проникать в глубокие горизонты. Оставшиеся в кладовых семена растений дают всходы, улучшая процесс распространения трав.

На городище слепыш приносит и некоторый вред. Роя ходы, он нарушает культурные слои, смещает находки, что затрудняет их датировку, т.к. средневековый черепок может очутиться в слое, который на две тысячи лет старше, и наоборот.

Старожилы леса

На опушке леса, у западного края поляны, наше внимание привлекают дубы. Они растут группами вблизи крепостной стены и относятся к вторичной, возрожденной части леса. Самый могучий дуб, находящийся несколько севернее нашего маршрута, имеет высоту около 15 метров. Его ствол не обхватить руками одному человеку. Возраст его — больше 100 лет.

Это дуб черешчатый, характерный для ставропольских лесов. Раньше, как и бук, дуб был очень распространен. Уникальные реликтовые экземпляры этих деревьев местами сохранились в Ставрополе и охраняются как ботанические памятники природы. Их патриархом до недавнего времени был дуб по ул. Дзержинского, возраст которого достигал 700 лет, т.е. он был почти современником последнего периода жизни городища. Спил этого дуба-долгожителя экспонируется в краеведческом музее. Дуб считается символом славы, силы и долголетия. В прошлом воинов-победителей награждали дубовыми венками. Изображение дубовых листьев входит в гербы города Ставрополя и Ставропольского края.

Безжалостные рубки этого ценного дерева резко сократили его ресурсы в ставропольских лесах. Теперь восстановление насаждений дуба — одна из важных задач лесоводов. Она оказалась непростой, поскольку он растет не везде. Дуб относится к светолюбивым породам и предпочитает южные умеренно увлажненные склоны и опушки леса. Говорят, что он вырастает в «шубе, но с открытой головой». Затенение замедляет рост дуба, но зато при освещении в течение 10 часов в сутки он растет очень быстро. Дуб, несмотря на мощь, чувствителен к заморозкам, и зимняя температура -35 — -40 для него критическая. Изучение естественных условий произрастания и воспроизводства дуба черешчатого в ставропольских лесах станет одной из тем исследований музея-заповедника.

Первый склеповый могильник

Опушка леса с красавцами-дубами примыкает к крутому склону долины ручья Травертинового. Вдоль него проходит западный край Центрального городища. На скальной плите, обрывающейся к шумящему где-то внизу ручью, видна каменная кладка крепостной стены. В обрыве находим узкую щель, не без труда спускаемся по ней в мрачную теснину, поросшую лесом, и оказываемся на обвально-оползневой террасе. Она имеет неровную каменистую площадку шириной 50 и высотой 12—15 метров над урезом ручья.

Главная археологическая достопримечательность этого места — древний могильник, названный археологами первым склеповым могильником. Он расположен на высоком сухом участке террасы и состоит из склепов, которые сооружены из каменных плит, образующих камеру, углубленную в землю. Сверху склеп перекрывался, и доступ в него осуществлялся сбоку по специальному проходу-дромосу. По нему проносили и размещали в камере покойника, после чего вход закрывали плитой до нового погребения. При раскопках в одном из склепов установлены костные останки более 50 человек. С погребенными в склепе оставлялись сосуды, оружие и украшения. В перечень находок входят: наконечники копий и стрел, ножи, бусы, серьги, браслеты, бронзовые зеркала, косметические наборы и керамика. Склепы, по-видимому, принадлежали отдельным семьям и использовались длительное время. Судя по характеру предметов, обнаруженных в склепе, он функционировал на рубеже эпох и использовался вплоть до

второго века новой эры, т.е. в течение большей части сарматского этапа истории городища.

Хуже сохранившиеся склепы образуют на террасе целое кладбище. Большинство из них разграблено. Тем не менее их дальнейшее изучение может дать новые интересные материалы о Татарском городище.

В теснине ручья Травертинового

От могильника маршрут продолжается вверх по долине ручья Травертинового, по обвально-оползневой террасе. Здесь один из самых диких и живописных уголков музея-заповедника. Справа возвышается семиметровый обрыв карабинских ракушечников с гротами и нишами, из-под которых бьют родники, отлагающие травертин. Слева внизу, в узком глубоком русле, бежит ручей. Бугристая поверхность террасы длиной около 300 метров усеяна камнями, поросла лесом с мхами и травами. Что ни шаг, то новая картина, достойная кисти художника.

За могильниками терраса понижается и начинается «Каменный хаос». Это участок склона с беспорядочным нагромождением огромных глыб, отколовшихся от пласта ракушечника. Они усеяли небольшую сырую поперечную лощину, куда через узкую «каменную калитку» между замшелыми глыбами ведет петляющая тропа.

«Каменный хаос» сменяется оползневым рвом — узкой выемкой, ограниченной с одной стороны валом из суглинка и камней, а с другой — крутым обвально-осыпным склоном, увенчанным отвесными скалами. Вал высотой до 5 метров имеет зубчатый гребень с древостоем граба, дуба и ясеня.

За оползневым рвом — новое нагромождение камней, называемое «Волчьими норами». Здесь скатившиеся с обрыва плиты ракушечников собраны в кучи с множеством глубоких пустот и проходов, напоминающих норы.

Еще дальше, в просадочном углублении террасы, небольшое бессточное озерцо размером около 50 квадратных метров. Оно питается подземными и атмосферными водами, периодически меняя свой уровень.

Нависающие скалы вместе с сомкнутыми кронами грабов и зарослями бузины создают над озерцом сумрак и безветрие, отчего его зеркальная гладь кажется черной. Каменистые берега оживляют заросли листовика, купены, ясменника, подбела и осоки. Поэтому в пейзаже нет угрюмости, и озерцо похоже на драгоценный камень морион в ажурной малахитовой оправе.

Среди растений возле озерца привлекают внимание розетки необычного папоротника. Это листовик сколопендровый. Его зеленые блестящие кожистые листья достигают в длину полуметра. Молодые побеги закручены в «улитку», которая, постепенно разворачиваясь, превращается сначала в нежно-зеленый, а затем в темно-зеленый ланцетовидный лист. Это не обычные листья, а так называемые вайи, своеобразные ветви папоротников, на нижней стороне которых располагаются спорангии, собранные в линейные пучки-сорусы. Оборотная сторона листа похожа на многоножку. Отсюда и возникло название этого папоротника — листовик сколопендровый.

Это одно из древнейших растений суши. Папоротники появились 350 миллионов лет назад. Они дошли до наших дней, сохраняясь лишь в малодоступных местах с влажным климатом. В окрестностях Ставрополя листовик сколопендровый произрастает в Русском лесу около Травертинового источника, на горе Стрижамент, и здесь, на Татарском городище. Его используют как лекарственное средство от туберкулеза. Это редкое в нашем крае растение относится к особо охраняемому виду.

Обвально-оползневая терраса заканчивается у высокого обрыва, возникшего в результате недавнего оползня. Изучив этот обрыв, можно понять причины оползнеобразования в долине. Его верхняя часть начинается с карниза, сложенного ракушечником, под которым после схождения оползня обнажился мощный пласт размягченной глины, по которой струйками стекает родниковая вода. По поверхности мокрых глин тело оползня съехало к ручью и, преградив ему путь, образовало бугор с искореженными и поваленными в разные стороны деревьями, образующими «пьяный лес». Нетрудно восстановить подробности этой трагедии. Ручей, углубляя русло, подрезал основание склона, сложенное глинами, отчего тот пришел в неустойчивость. После этого достаточно было пройти обильным дождям, чтобы размокшие грунты вместе с лесом и его обитателями сползли вниз по скользкой глине. Лишь ракушечник остался над оползневой нишей, но и ему теперь суждено распасться на глыбы.

Оползни в последние годы стали подлинным бедствием Ставрополя и его окрестностей. Механизм их образования тот же, что и на ручье Травертиновом, но масштабы значительно больше. Это вызвано тем, что жители города, а иногда и опытные строители недооценивают коварство глинистых грунтов.

Нужно помнить, что любая нагрузка на эти грунты, обводнение или нарушение целостности резко снижает их устойчивость и провоцирует оползнеобразование.

Любуясь необычными пейзажами обвально-оползневой террасы, напоминающими настоящие горы, задаешься вопросом: когда и почему произошел здесь грандиозный обвал, мог ли маленький ручеек своей эрозией привести в движение столь огромную массу горных пород?

Известный ставропольский географ-краевед В.Г. Гниловской в свое время обратил внимание на широкое распространение на Ставропольской возвышенности и в предгорьях Кавказа форм рельефа, связанных с огромными обвалами и оползнями. К их числу относится знаменитый «Каменный хаос» на горе Стрижамент и останцы «Семистожки» на Воровсколесских высотах. Но данными о том, когда происходили разрушительные процессы, приведшие к возникновению этих форм, ученые не располагали.

Теперь, благодаря комплексному геолого-археологическому исследованию Татарского городища, найден ответ на этот вопрос. Он достаточно очевиден: поскольку на обвально-оползневой террасе находятся могильники периода сарматской культуры, возраст террасы — не больше двух тысяч лет. Это крайне интересно и важно, поскольку, по геологическим данным, именно в это время прекратил свою вулканическую деятельность Эльбрус. Отсюда

напрашивается вывод о том, что огромные обвалы и оползни на Ставрополье вызывались мощными землетрясениями, сопровождавшими извержения Эльбруса. А так как данный вулкан потух и нет объективных научных данных о возможности его возрождения, можно считать, что и время мощных подземных бурь в нашем крае закончилось. Происходящие время от времени у нас относительно слабые землетрясения — лишь отголоски прошлого.

Водопад Травертиновый

Выбравшись из теснины, мы попадаем на древнюю дорогу, которая, пересекая долину ручья Травертинового, соединяет Центральное и Третье городища. Она выводит нас к одному из самых красивых мест музея-заповедника — водопаду Травертиновому. Он расположен в месте слияния двух ручьев и состоит из двух ступенчатых каскадов, сходящихся к главному уступу высотой 6 метров.

Уступ сложен ракушечниками, песками и травертином, в которых в результате неравномерного размыва возникла причудливая система ступенек, ниш и бугристых покатов. Вода с них стекает то отвесными зеркальными струями, то извилистыми бурлящими потоками. За занавесом капель и струй в нижней части обрыва скрыт небольшой грот высотой 2 метра. Его стены украшают раковины морских моллюсков, кружевные натеки травертина с окаменевшими листьями растений, сталактиты и сталагмиты.

Не менее привлекателен и окружающий ландшафт. К водопаду примыкает чистая, удобная для отдыха площадка, обрамленная крутыми склонами с буково-грабовым лесом. Ниже водопада долина сужается, переходя в теснину. Достопримечательностью этого места является вековая липа, единственная в лесу. Она растет на труднодоступном склоне. Ее высота 28 метров, а ствол в окружности имеет полтора обхвата. В правом истоке ручья Травертинового, в 150 метрах выше водопада, имеется выведенный в трубу родник, бьющий из пласта форштадтских песков. Дачники используют его прозрачную холодную воду для питья.

В заповедном лесу

Экскурсия заканчивается возле Третьего городища. Ведущая к нему древняя дорога в результате векового использования и размыва дождевыми водами превратилась в глубокую извилистую промоину. Кроны деревьев и кустарников смыкаются над ней, и создается впечатление, что мы движемся по своеобразному тоннелю.

Третье городище, открытое недавно, еще плохо изучено. С запада, юга и востока оно ограничено крутосклонными балками, а в наименее защищенных местах, в основном с севера, было ограждено крепостной стеной. Развалины этой стены прослежены на расстоянии двух километров. В некоторых местах установлены остатки каменных строений. Культурный слой здесь не столь мощный и насыщенный, как на Центральном городище.

По предварительным данным, Третье городище возникло позже первых двух, скорее всего в средние века, и населялось аланами и болгарами. К сожалению, наиболее интересная верхняя его часть, расположенная на лесной поляне, занята дачным поселком, что затрудняет археологические исследования и нарушает заповедный режим памятника.

На территории Третьего городища находится обширный участок леса, который включен в охранную зону с заповедным режимом. Лес на Татарском городище — это первый заповедный лес на Ставрополье, который будет впредь развиваться без существенного вмешательства человека. Поэтому рассмотрим его подробнее.

Это типичный ставропольский лес, в состав которого входят граб, бук, ясень, клен, дуб, ильм, тополь, липа, дикая черешня, груша, яблоня и искусственно посаженная гледичия. В подлеске растут кустарники: боярышник, калина, терн, бересклет, свидина, кизил, лещина, бузина.

В лесу много цветущих трав. Ранней весной, пока листва не затеняет солнечный свет и он согревает землю, появляются белые подснежники. А затем сплошными голубыми коврами под деревьями и на лесных лужайках красуется пролеска сибирская. Вслед за ней появляется желтая хохлатка. Чудесным ароматом наполняют лес фиалки. Их сиреневый цвет усиливает зубянка пятилисточковая.

Когда кроны деревьев покрываются листвой, под пологом леса становится тенисто и сумрачно. Ярких красок не видно, господствуют белые цветы. Высоко поднимает изящные дуги птицемлечник. Целые поляны заняты ландышем.

Осенью лес богат теплыми красками; желтыми островами светятся клены, нижние части склонов опоясывают красно-бурые буки; общий фон леса усиливается сиреневой листвой ясеней. На днищах долин у воды небольшими куртинами долго зеленеет тополь-белолистка.

Ставропольский лес богат редкими, реликтовыми, эндемичными и особенно ценными исчезающими растениями. Бук и дуб составляют главную ценность из древесных представителей леса. На территории заповедника растут необыкновенно крупные экземпляры лесного ореха-лещины и древовидного боярышника.

Из травянистых лесных растений в «Красную книгу» занесены подснежник кавказский, любка двулистная, два вида пыльцеголовника — красный и дамасский. Редкими стали пролеска сибирская, зубянка пятилисточковая, хохлатки кавказская и Маршалла. Они вошли в список особо охраняемых растений края.

Лес неоднократно рубился. Об этом свидетельствуют порослевые группы деревьев, окружающие старые пни. Вследствие деятельности как древних, так и современных людей в лесу полностью сменился состав коренных пород.

Школа грибника

Гаечные спутники леса — грибы. Их сбором увлекаются многие, а для этого необходимо знать о них как можно больше, иначе есть риск сорвать ядовитый гриб.

На территории музея-заповедника свободный сбор грибов запрещен. Здесь вы можете пройти наглядный курс и почерпнуть знания, которые помогут на «грибной охоте» в других местах.

Природа оформляет свои растительные экспозиции в зависимости от времени года и погодных условий, несколько раз сменяя их в течение тепло-

го сезона. Из множества растений грибы особенно чутко реагируют на состояние окружающей среды. Большинство грибов начинают рост при достижении воздухом среднелетней температуры, что в условиях Ставрополя составляет +16 С. Такие температурные показатели устанавливаются обычно в конце мая и в июне. Вторым непременным условием роста грибов служит умеренное увлажнение. При соответствующем состоянии погоды начинает развиваться грибница, на которую в свою очередь оказывает влияние предыдущая осень. Если осень была теплая и влажная, то грибница получает много питательных веществ и закладывает сильное потомство на следующий год. Получая питание, грибница перерабатывает его и передает дереву, под которым она поселяется. Дерево, как бы в знак благодарности, в нужный момент дает грибнице готовые органические питательные вещества, накопленные с ее помощью осенью.

Грибница-невидимка живет в почве среди корней деревьев, оплетая их тонкими паутинистыми нитями и образуя разветвленный грибокорень, называемый микоризой. Описанная система — пример взаимовыгодного сосуществования грибов и высших растений.

Будучи бесхлорофильными, грибы не могут синтезировать углеводы и получают их от деревьев.

Помимо прочего, грибница и дерево обмениваются витаминами. Некоторые грибы, такие, как опята и трутовики, живут полностью за счет дерева.

Наукой о грибах — микологией описаны более 80 тысяч видов грибов. Обо всех рассказать невозможно, поэтому мы остановимся лишь на некоторых видах шляпочных грибов, произрастающих в Татарском лесу.

Сезон открывают сумчатые грибы-строчки, сморчки, сморчковая шапочка. Лишь только устанавливается тепло в конце апреля — начале мая, на выгревах по опушкам леса, на песчаных склонах и старых кострищах появляются желто-бурые или коричневые сморчки обыкновенные. В тех же местах встречается сморчок конический. У первых шляпка округло-ячеистая, а у вторых продольно-бороздчатая. Наиболее красив гриб, называемый сморчковой шапочкой. На высокой белой ножке кокетливо одет коричневый сборчатый колпачок.

Строчки обычно больших размеров, имеют округлую шляпку, прочно сидящую на толстой ножке. Они растут поодиночке. Своим внешним видом эти сморщенные уродцы вызывают удивление и улыбку.

Сморчки и строчки в сыром виде ядовиты. Их отваривают в течение 20 минут, промывают в свежей воде и жарят в сметане.

К числу ранних грибов относятся майки, названные так по месяцу произрастания. Белая шляпка майки похожа на разрезанное поперек куриное яйцо. Кожа гриба сухая, гладкая. Мякоть, состоящая из пластин, белая, ножка толстая без кольца. Майка вкусна в маринаде.

В мае и в начале июня появляются подсливники. Их надо искать под кустами боярышника или у корней плодовых деревьев в тени. Серовато-бурая кепка гриба с кнопкой посередине одета на прямую ножку такого же цвета. Подсливники встречаются большими семьями. Их жарят, варят и маринуют.

На унавоженных скотом местах в начале лета плодоносят шампиньоны обыкновенные. Плотная белая мякоть, розоватая в изломе, имеет приятный грибной запах. Помимо степного, есть шампиньон лесной, появляющийся только в июле.

Начиная с июля на полянах в густой траве и на опушках леса растут опята луговые. Бледно-зеленоватые, на тонких ножках грибочки выстраиваются рядами или кругами, образуя так называемые «ведьмины кольца». Грибница опят луговых развивается от центра к периферии. После отмирания старой грибница, сменяющая ее, увеличивает диаметр кольца, размер которого может достигать десятков метров.

В середине лета большими рядами или кольцами вырастают рядовки. Они имеют шляпки разного цвета. Наиболее популярна среди грибников осенняя рядовка фиолетовая. Ее часто называют «синий корень». Рядовка пригодна для засолки и маринования, но вкуснее всего в жареном виде.

На лесной тропе и вдоль нее часто встречается сыроежка. Это самый распространенный гриб,

произрастающий и летом, и осенью. Поражает разнообразие цветовых оттенков шляпки этого гриба: розовые, желтые, оранжевые, серые, сиреневые, зеленые, синеватые и др. В начальной стадии роста шляпка сыроежки округлая, затем она разворачивается в плоскую тарелочку. Некоторые сыроежки имеют жгучий горький вкус. Употребляются в жареном виде.

Многие из вас знают грибы-дождевики. Они появляются после дождей на полянках и тропинках. Молодые дождевики сравнительно небольшие. Однако отдельные взрослые экземпляры в лесу вырастают, достигая веса 2—3 кг.

Из летних пластинчатых грибов следует назвать свинушку. По форме они напоминают свиные уши, откуда и получили свое название. Этот гриб условно съедобный.

Пик грибного сезона наступает, когда колосятся зерновые культуры. В это время появляются трубчатые грибы, относящиеся к категории наиболее ценных. Их сушат, солят, варят, жарят.

Среди них царь грибов — белый гриб. Он частый герой русских сказок, предмет особой гордости грибников. На Руси этот гриб называют еще боровик.

Белые грибы растут в лесу, часто среди травы. Их шляпки достигают 30 см в диаметре. Найдя один, вблизи обязательно обнаружишь другой гриб.

Летом и осенью в Татарском лесу много моховиков. Есть в этом лесу дубовики или поддубники — очень красивые и вкусные грибы. Хотя нет в Татарском лесу ни берез, ни осин, здесь встречаются подосиновики и подберезовики.

В августе появляются млечники, которые растут до самого октября. К этой категории гриба относятся серушки, краснушки и гладыши, выделяющие белый жгучий сок. Они пригодны для засолки.

Около дач в местах скопления мусора растут навозники, съедобные в молодом возрасте. Навозник называют черным грибом, потому что у него под краями шляпки к вечеру выделяется черный сок, постепенно пропитывая и окрашивая всю мякоть гриба.

Характерным ставропольским грибом является белянка, растущая как отдельными экземплярами, так и группами.

Осенью до самых морозов радость грибникам доставляют опята. Помимо съедобных, в Татарском лесу растут ядовитые грибы. Самый опасный среди них — бледная поганка. Она очень похожа на сыроежку. Эффектно смотрятся мухоморы. Несмотря на свою экзотическую красоту, они также ядовиты.

Мир грибов очень интересен, и о нем можно говорить еще и еще. Однако обратим внимание на других обитателей леса.

Лесная консерватория

Стоит остановиться и послушать голоса птиц. Особенно разноголосы птичьи хоры весной. В зарослях кустарника вечерами поет соловей южный. Весь день над головой поет пеночка-теньковка. Здесь можно услышать кукушку, чечевицу, лесного конька. Вас обязательно всю дорогу будет сопровождать белобокая сорока. Рядом с нею — крикливая сойка. Часто дорогу перебегают дрозды. Слышен стук дятла. Орнитологи насчитали на территории музея-заповедника 36 видов птиц. Птицы очищают лес и окрестные сады от вредителей, наполняют мир пением, радуют своим внешним видом.

Очарованные лесом, мы незаметно выходим на опушку, заросшую густым терновником. Здесь среди деревьев и кустарников просматриваются развалины древнего каменного строения. Это одно из строений средневекового периода жизни городища. Его конструкцию и назначение определят археологи в процессе будущих раскопок.

К лесу примыкает ровная поляна, обозначаемая на картах как урочище Площадка. По проекту на ней находится музейный комплекс, где предполагается разместить хранилища сосредоточивать результаты коллекций, экспозиции, научные лаборатории. Здесь будут сосредоточиваться результаты археологических и природных исследований памятника.

Путешествие не окончено

Наше путешествие в прошлое и настоящее и знакомство с природой подошли к концу. Шагнув за пределы охранной зоны музея-заповедника, мы попадаем в привычный мир современного города. Жилые кварталы новой застройки вплотную подошли к территории Татарского городища. Здесь современность встречается с далеким прошлым, а рукотворный городской ландшафт соседствует с первозданной природой.

Экскурсия по Татарскому городищу настраивает на бережное отношение к памятнику прошлого и его природному комплексу. Это одно из тех мест, где происходит соприкосновение с вечным, возникает ощущение неразрывной связи времен, выпукло проявляются сложности современного мира.

Путешествие подошло к концу, но оно не завершилось. Ведь непрерывный поток времени стремится в будущее, и то, что сегодня кажется постоянным, завтра превращается в прошлое.

Музей-заповедник позволяет побывать сразу в трех временных измерениях, тем самым давая возможность не только понять прошлое, но и заглянуть в будущее. Каким станет это будущее, зависит от нас с вами и от нашего отношения к окружающей среде.

Текст печатается по изданию:
Годзевич Б.Л., Охонько Н.А., Савельева В.В., Кудрявцев А.А. Встречи с прошлым и настоящим. Путеводитель по археологическому и природному музею-заповеднику Татарское городище. — Ставрополь: Сервисшкола, 1999.

А.В. Найденко. **Над речкой Грушовкой**

В 1973 году ученые Ленинградского университета и Ставропольского пединститута взбудоражили весь археологический мир. В одном километре к юго-западу от современной черты краевого центра они раскопали потрясающие родосские амфоры со штампами-клеймами.

К 200-летию Ставрополя было принято решение организовать долговременные обширные археологические раскопки Грушовского городища с последующим благоустройством и превращением памятника в музейный экспонат. Активные раскопки велись в 70-х годах силами студентов Пединститута (ныне Ставропольский государственный университет). Ведутся они и в настоящее время.

Грушовское городище было открыто в 1939 году географом В.Г. Гниловским и обследовано в 1945 году Т.М. Минаевой. Затем оно долго не привлекало археологов.

Грушовское городище. VII-III вв. до н.э. Юго-западная окраина Ставрополя

Городище расположено на высоком скалистом мысу, который выступает из правого (северного) берега глубокой, лесистой, промытой в массиве Ставропольской возвышенности речкой Грушовкой. Мыс находится приблизительно в полутора километрах от вершины ущелья. С востока и запада его обрамляют балки-отроги, образованные стоками родников, выходящих из-под земли у основания мыса. Южный и восточный склоны мыса очень крутые, они свободны от леса и умеренно задернованы. Западный — густо порос лесом.

Городище имеет вид аккуратной овальной чаши с невысокими краями. До начала раскопок оно выглядело как ровная площадка, слегка углубленная в центре, окаймленная валообразной насыпью, проходящей по самому краю мыса. С внешней стороны насыпь сливалась со склонами.

Дорога внутрь городища шла по восточному краю внешней валообразной насыпи и огибала ее по склону, затем поворачивала и проходила между первой и второй линиями обороны. В средней части внутренней линии укреплений, где имелось заметное понижение, были обнаружены остатки древних ворот.

К северу и северо-востоку от городища удалось обнаружить следы незащищенного стенами поселения VIII—IV вв. до н.э. Здесь в распаханном гумусе встречается большое количество фрагментов керамики, попадаются обломки глиняной обмазки плетня, обломки зернотерок, пряслиц, отдельные камни и их скопления.

Уже в 1980—1981 годах в 600 метрах к северо-западу от городища был обнаружен грунтовый могильник, погребения в котором в виде ям обкладывались кусками камня и оформлялись на поверхности кромлехами (кольцами диаметром от 5 до 15 метров, выложенными из камней).

После изучения материалов раскопок, начатых в 1973 году, исследователи постепенно меняли представление о значении Грушовского городища. Был сделан вывод об отсутствии раннесредневекового слоя на городище. Оно принадлежало, как выяснилось, к эпохе раннежелезного века.

Проложенные в процессе раскопок траншеи на запад и север прорезали внутреннюю основную валообразную насыпь, оказавшуюся кладкой крепостной стены, и наружную, находящуюся на двадцать метров севернее. Третья, самая трудоемкая траншея 40-метровой длины, «пробитая» перпендикулярно крепостной стене, шла в северном направлении. Она прорезала все укрепления городища, исторически сменявшие друг друга, которые, как оказалось, складываются в две фортификационные системы.

Оказалось, что основу валообразной насыпи, опоясывающей городище, составляют остатки оборонительной стены. Ее ширина приближалась к пяти метрам. Вся валообразная насыпь представляла собой результат разрушения ограждавшей мысовую часть поселения крепости стены.

Раскопки позволили восстановить систему оборонительных сооружений городища раннего железного века, реконструировать их. Городище — цитадель поселения — располагалось на скальном мысу с лесистыми, почти отвесными обрывами с трех сторон. По периметру городище уже в начальный период своей истории было укреплено валом, насыпанным из рваного камня — ракушечника. С северной напольной стороны каменная выкладка вала опускалась в ров. Вместе с валом ров был весьма значительной преградой — высота от дна рва до верха вала достигает четырех метров. Для создания рва использовалась неровная, довольно широкая цепочка естественных «провалов» в скальном материке. Эти провалы и формировали контуры рва. Вал и ров полностью изолировали городище от поля.

Появление в степях Предкавказья воинственных скифов, затем сармат, видимо, заставило обитателей Грушовского городища усилить крепостные сооружения. Так, через два-три века по-

сле основания крепости были возведены мощные каменные стены толщиной от 4 до 5 метров, которые в основном шли поверх вала. Стена сложена насухо и состоит как бы из двух панцирей и внутренней забутовки. Панцирный камень, особенно с фасадной стороны, крупный и несколько подтесан. Стеновой камень тщательно подбирался, кладка просыпалась песком. Возможно, использовалась влажная земляная заливка. Строительные особенности сближают крепостную стену с образцами каменного зодчества некоторых греческих городов, например Танаиса. Тогда же впереди, в 20 метрах от новой стены, была сооружена еще одна оборонительная валообразная насыпь из камня и земли. За пределами этой насыпи вырыли новый ров.

Вскоре городище перестало существовать. Его гибель запечатлена слоем до 30 сантиметров гари и золы, обгорелых кусков дерева, обожженной глины.

Через несколько лет после разрушения стены произошла какая-то катастрофа, сопровождавшаяся грандиозным пожаром. Зола «подстилает» известняковый массив, на камнях стены и на камнях в толще массива заметны розовато-оранжевые следы пламени.

В огне известняковые блоки из верхних рядов кладки дробились и превращались в массив негашеной извести, слой ее отложился у основания стены с внутренней стороны. С внешней стороны стены огонь не достигал такой силы, как внутри крепости. В дальнейшем не имевшая стока замкнутая чаша городища могла неоднократно заболачиваться. Проникавшие через сравнительно слабый грунтовый слой воды попадали в известковую массу и в итоге накрепко ее сцементировали.

Современный уровень исследования городища позволил создать следующую схему строительных периодов в истории жизни городища.

Жилища первых жителей возводились главным образом на материковой скале, которая местами была покрыта слоем надматерикового грунта.

Остатки жилищ древнейшего строительного периода обнаруживаются в нижних срезах культурных напластований, которые находятся на глубине чуть более метра от поверхности. Это в основном разрозненные камни, лишь в редких случаях два плоских камня лежат один над другим. Камни чаще всего неправильной конфигурации, рваные, размером приблизительно 20 на 30 сантиметров. Намечаются лишь контуры прямоугольных или округлых жилищ. Развалы из камня, очевидно, следует считать нижними разрушенными основаниями жилищ. Сами жилища, возможно, делались из самана (земли и глины с добавлением соломы, навоза).

К нижнему уровню относятся и выявленные во многих квадратах раскопа остатки глиняных площадок, докрасна обожженных. Это остатки очагов первых жилищ городища.

К следующему строительному периоду на городище относится очень много каменных кладок и их развалов. Кладки сохранились на разную высоту, в некоторых местах на высоту 2—3 камня, что вместе составляет 30 сантиметров. Очевидно, что, как и наиболее ранние кладки, последние также не могут свидетельствовать о наличии жилищ из камня на городище во второй строительный период и могут говорить лишь о продолжении использования приема укрепления оснований глинобитных и земляных жилищ камнем. Очевидно, в этом периоде совершенствуется техника сооружения жилищ применением толстых деревянных прутьев, из которых сплетается каркас хижины, а затем этот каркас густо обмазывается глиной (турлук). К этому заключению приводят находки обожженных глиняных комьев в впадинах от вмазанных в глину прутьев.

Культурный слой второго строительного периода, хронологически следующего за первым, характеризуется содержанием большого количества керамики, характерной для эпохи раннежелезного века (тип керамики позднекобанской культуры). Найдено также много предметов из бронзы и железа, оружия, украшений...

Как показывают материалы, через 2—3 века с тех пор, как начала обживаться площадь на речном мысу, на городище поверх древнего вала начинает возводиться толстая крепостная стена из местного ракушечника. Старый широкий и глубокий ров жители городища заполнили землей доверху, сровняли поверхность камнем, а за пределами бывшего рва возвели еще одну скобообразную линию укреплений — длинный 18-метровый вал на север от городища, хотя и не очень высокий — два с небольшим метра. За северным фасадом вала был выложен новый обширный ров. Пространство между новой крепостной стеной и новым отдаленным, или, лучше сказать, наружным, валом после засыпки старого рва превратилось в перибол — внешний удлиненный дворик городища.

Толщина культурных отложений за время от начала строительства стены и до конца жизни городища незначительна, и их можно отнести к третьему, последнему строительному периоду на городище. Он, несмотря на краткость, отличается не только разнообразием материалов, но и многообразием сохранившихся нижних ярусов жилищ.

Как на территории цитадели, так и за ее стенами во всех описанных слоях, а также на территории лежащего поселения найдены многочисленные бы-

товые вещи, разнообразные украшения, предметы вооружения. Отметим среди находок железные клиновидные тесла длиной 18—20 сантиметров, изделия из кости в виде пластин прямоугольной формы длиной 4—5 сантиметров, вероятно, для нанизывания нитей, проколки со слегка заостренным концом, бронзовые и железные шилья, крючья, булавки, иглы, во множестве глиняные пряслица. Исключительный интерес представляет большой обломок клепаного бронзового котла.

Украшения, главным образом, из металла, характерны для позднекобанской культуры и культур степного кочевнического типа, хронологически современных друг другу. Это булавки для скрепления одежды, из бронзового прута, витого в верхней его части и с загнутым в колечко концом. Булавки имеют длину до 15—20 сантиметров.

Распространенным украшением являются бронзовые и железные кольца, некоторые очень тяжелые на вес, так как выкованы из толстого, круглого в сечении прута. Несколько бронзовых пряжек, с круглой и прямоугольной рамкой, с жестко впаянным неподвижным язычком, дополняют коллекцию находок. Часты находки бус стеклянных, пастовых, сердоликовых, бронзовых — кольцевидных и бочоночковидных.

Предметы вооружения разнообразны. Прежде всего это наконечники стрел скифского типа, столь свойственного для Кавказа в эпоху раннежелезного века. Наиболее архаичными из них являются двухперые или двухлопастные втульчатые бронзовые стрелы близкого к ромбу очертания. Эти стрелы найдены в нижних культурных напластованиях городища. С верхними строительными горизонтами в основном связаны железные наконечники стрел — трехгранные, с короткой боевой частью и довольно короткой втулкой. Такие стрелы широко встречаются среди сарматских и меотских древностей, начиная с IV века до н.э. и до рубежа нашей эры. Кроме стрел, других предметов наступательного оружия нет. Неоднократно встречены чешуйки от бронзового панциря — пластинчатого доспеха. К оружейным комплексам относятся и железные ножи длиной в среднем 10 сантиметров, с очень коротким черешком и горбатой спинкой.

Перечисленные находки позволяют датировать и время жизни городища в целом, и время отдельных напластований. Так, кольчатые удила со стремячковидными «псалиями» типичны для северокавказских древностей IV—II веков до н.э. Бронзовые скифские ромбические двухлопастные стрелы — для IV—I веков до н.э. «Скифским временем», т.е. VII—IV веками до н.э. датируются горбатые железные ножи и витые кобанские булавки. Конечно, самым массовым археологическим материалом городища является керамика. Она представляет различные формы сосудов позднекобанских и степных — «скифских» типов, датируемых VIII—IV веками до н.э.

Остановимся здесь на античной керамике. Она представлена множеством фрагментов, в том числе родосских амфор. Подобные амфоры, как явствует из оттисков, ввозились, очевидно, в течение довольно короткого отрезка времени, скорее всего, в первой четверти III века до н.э. Большая масса разбитых штампованных амфор расположена компактно, в одном месте и на одной глубине, они совершенно четко датируют время гибели городища, когда в огне пожара были разрушены и упали вовнутрь крепостные стены. Амфоры найдены под обвалом, в основном возле стены — видимо, они были расставлены вдоль стен, возможно, в каком-то небольшом помещении.

Грушовское городище — уникальный памятник древней истории нашей страны. Он — эталон для своей эпохи благодаря массивности материалов и прежде всего местных керамических форм. Разнообразные находки свидетельствуют о прочных связях местного предкавказского населения, в том числе родственного скифам, с великой эллинской цивилизацией, раскрывают насыщенные яркими, значительными событиями страницы древней истории Ставрополья. Материалы городища подтверждают сведения Геродота, Страбона, Птолемея, относящиеся к древним народам, населявшим Ставропольскую возвышенность.

Текст печатается по изданию:
Найденко А.В. Над речкой Грушовкой // Альманах «Памятники отечества». — М., 2000. — № 48. — С. 30—33.

4 Этнографические очерки

А.В. Авксентьев, В.А. Авксентьев. **Степной Вавилон**

Ставропольский край как самостоятельная административно-территориальная единица в составе Российской Федерации был образован в марте 1937 года, выделившись из Северо-Кавказского края. До 12 января 1943 года он назывался Орджоникидзевским краем, а город Ставрополь в период 1935—1943 годов именовался Ворошиловском. До 1991 года в состав Ставропольского края входила на правах автономной области Карачаево-Черкессия, выделившаяся затем в самостоятельную автономную республику Российской Федерации.

После распада в XV веке Золотой Орды крупнейшей этнической группой на территории Ставрополья были ногайцы. Ведя кочевой образ жизни, ногайцы вплоть до XIX века не основывали на территории края постоянных селений. Этническая картина Ставрополья стала резко меняться с XVIII столетия. Создание постоянных русских селений, а затем и городов привлекало на эти земли новых жителей. Прослышав о наличии на юге обширных и незаселенных просторов, сюда направился поток крестьян из Центральной России. Первоначально это были беглые крепостные. С целью пресечь побеги крепостных от помещиков, правительство издает в 1788 году указ о возвращении беглецов. Но возникли некоторые соображения, которые заставили официальный Петербург изменить отношение к беглым. Правительство предпочло неспокойный элемент оставить на Кавказе с тем, чтобы усилить стихийное освоение края. В 1797 году был издан правительственный указ, согласно которому беглых переводили в разряд казенных крестьян. Чтобы компенсировать помещикам нанесенный урон, им стали выдавать за беглецов рекрутские квитанции.

Села в Предкавказье росли быстро. В 1779 году близ Ставропольской крепости возникло село Надежда (первоначальное название Мамайка). В 1803 году в нем уже было 9 улиц, 582 дома и 25 мельниц. Прибывшие по собственной инициативе в необжитой край крестьяне нередко самовольно выбирали место поселения, организовывая хутора и села. Администрация, неожиданно обнаружив в степи такие поселения, называла их «Найденными» либо «Привольными». Дабы ввести хозяйственное освоение края в организованное русло, правительство в 1784 году дало разрешение на переселение на пустующие земли четырех с половиной тысяч крестьян из центральных губерний. За несколько лет были заложены села Высоцкое, Петровское, Михайловское, Донская Балка, Сабля, Александровское, Обильное и другие. За 20 последних лет XVIII столетия гражданское население Ставрополья увеличилось в два раза. Оно было почти сплошь русское. Лишь рядом с некоторыми селами (например, Надеждой и Новозаведенным) расположились склонные к поискам новых мест цыгане. Несколько позже стали появляться малороссийские и татарские переселенцы. Перемещение татар из Поволжья на Северный Кавказ облегчалось тем обстоятельством, что среди татарского населения России не было крепостного права, татары издавна принадлежали к категории государственных крестьян.

Переселенцы-крестьяне, попав в край, где изначально не было крепостничества, развернули бурную деятельность по освоению новых земель. Целина превращалась в хлебородные нивы. Сеялись новые для этих мест злаковые культуры, быстро развивалось овцеводство и молочное животноводство.

При военных укреплениях в южной части края в 1820-х годах возникли станицы Невинномысская, Карантинная (позже переименованная в Суворовскую), Бекешевская и другие. Несколько ранее были организованы станицы Григориполисская, Темнолесская, Воровсколесская... В 1832 году с целью улучшения руководства краем был издан указ, согласно которому часть казенных крестьян переводилась в казачье сословие. Тридцать ставропольских сел были переведены в разряд казачьих станиц и причислены к Кавказскому линейному казачеству. Среди новых станиц числились Дмитровская, Новоалександровская, Расшеватская, Новотроицкая, Новомарьевская, Круглолесская и другие.

...В самом конце XVIII века на территории нынешнего Ставрополья появилась группа армян из Закавказья. 28 октября 1799 года Павел I подписал «Высочайшую грамоту», согласно которой армянам-переселенцам выделялась земля для жилья и хозяйственной деятельности. Армяне переселялись на Ставрополье в течение всего XIX столетия. Уже в середине XIX века Ставрополь стал заметным центром армянской культуры. В 1851 году здесь было открыто армянское училище на 30 детей. Содержала училище армянская община.

В апреле—мае 1918 года, после распада русско-турецкого фронта, турецкие войска захватили большую часть Закавказья, в том числе территорию Ар-

мении. Они устроили грандиозную резню армян. Часть армянского населения успела покинуть родные места. Армяне бежали в основном на Северный Кавказ, в том числе на Ставрополье.

С середины прошлого столетия на Ставрополье из Турции стали переселяться греки. Покидая под давлением мусульманских правителей территорию Османской империи, где их предки жили с античных времен, греки искали пристанище в России. Первоначально они поселялись в Закавказье, затем на Кубани. На Ставрополье первая большая группа греков-переселенцев прибыла в 1864 году. Они расселились на территории нынешнего Андроповского и Минераловодского районов. В октябре 1865 года около ста греческих семей появилось в районе Пятигорска. В наш край греки приезжали и из Мариупольского уезда под Ростовом-на-Дону, куда они переселились из Крыма еще в 1778 году.

Как и в других районах Северного Кавказа, на Ставрополье в прошлом веке охотно селились немцы. Ими были основаны селения Иогансдорф, Мартынсфельд, Фридрихсфельд, Давсун, Великокняжеское и другие.

Во второй половине прошлого столетия на Ставрополье появилось несколько сотен эстонцев, выходцев из Эстляндской губернии. Они основали на новых землях два села. Эстонцы, как и немцы, быстро интегрировались в хозяйственную жизнь губернии. В последние годы большинство потомков эстонцев-переселенцев покинуло край.

Этническая картина Ставрополья будет неполной без одной, в определенной степени уникальной национальной группы — ставропольских туркмен (прежде их называли трухмены). Туркмены — древний азиатский народ. С глубокой древности туркмены кочевали в восточном Прикаспии, включая Мангышлак. В 1653 году большая группа туркмен, состоящая из 1665 семейств, теснимая хивинскими ханами, покинула Мангышлак и двинулась вдоль берега Каспийского моря на север. Форсировав реки Эмбу, Урал и Волгу, они вошли в пределы северо-западного Прикаспия, где кочевали калмыки. Первоначально туркмены кочевали вместе с ними. Основная часть ставропольских туркмен — это потомки переселенцев XVII века, но и позже отдельные группы туркмен продолжали прибывать на Северный Кавказ, вплоть до 1813 года.

Еще в конце XIX века ставропольские туркмены делились на три рода: Эгдыровский, Чавдуровский и Сайнаджиевский. Но родовое деление стало терять свое прежнее значение. Тем не менее губернские власти уважали эту традицию.

Заселение края выходцами из других регионов империи, которые привыкли к оседлому образу жизни, требовало упорядочения управления кочевниками. С этой целью в 1825 году было организовано Туркменское (Трухменское) приставство.

Уже к середине XIX столетия появились проекты перевода кочевого населения на оседлый образ жизни. Один из таких проектов был подан на рассмотрение Николаю I, который начертал на нем резолюцию: «Зачем?». В 1854 году в урочище Красные Копани было заложено селение Летняя Ставка, которое стало резиденцией «пристава туркменского народа». Второй резиденцией стала Зимняя Ставка за рекой Кумой (ныне территория Нефтекумского района).

При Александре II в степи, где кочевали туркмены, был основан ряд оседлых аулов: в 1863 году — Большой Барханчак, в 1864 году — Малый Барханчак, Куликовы Копани, Кучерла; в 1865 аулы Чур, Маштак-Кулак, позже Шарахалсун, Озек-Суат, Айгур, Эдильбай и другие. В Летней Ставке в 1901 году был создан центр по разведению чистокровных каракульских овец и крупного рогатого скота красной калмыцкой породы. Посетивший в 1902 году Летнюю Ставку вице-директор департамента государственных земельных имуществ назвал этот центр лучшим в России по качеству и количеству содержащегося в нем скота. Хотя работали в этом хозяйстве преимущественно русские специалисты, они использовали богатый опыт степного животноводства ставропольских туркмен, ногайцев и калмыков.

Революция, гражданская война и последовавший вскоре голод больно ударили по туркменам, как и по всему населению губернии. Туркменское население существенно сократилось. Если в 1901 году на Ставрополье было 15925 туркмен, то в 1926 году их стало 11653. В аулах сократилось количество скота и снизилось его качество. Властями было выделено жителям значительное количество хлеба по льготным ценам, туркменам раздавались коровы, телята, рабочие лошади. С 1924 по 1929 год туркменское население было освобождено от единого сельхозналога.

В 1920 году был организован Туркменский район, Летняя Ставка была центром культурной и всей духовной жизни ставропольских туркмен. Но в 1956 году, во время кампании «по укрупнению», Туркменский район был ликвидирован и восстановлен в 1970 году.

Наряду с православием на Ставрополье было распространено мусульманство, протестантизм, среди калмыков ламаизм, были и другие верования разноязычных народов. Религиозных преследований никогда не было.

С 1846 года в Ставрополе функционировала православная Духовная семинария, крупнейшее учебное заведение такого профиля на всем Северном Кавказе. Кроме обычных для Духовной семинарии предметов, здесь преподавались осетинский, татарский и калмыцкий языки. Делалось это с целью лучшей подготовки воспитанников к ведению миссионерской деятельности на Кавказе. Из ее стен выходили подготовленные люди, знавшие не только языки, но и историю, обычаи народов, среди которых они готовились жить.

Не было препятствий и в развитии национальных культур. В немецких селах также функционировали национальные школы.

В открытую в 1837 году Ставропольскую мужскую гимназию принимали детей всех национальностей, естественно, если они имели соответствующую предварительную подготовку. Более того, в 1842 году при гимназии было открыто подготовительное отделение, а в 1843 году — пансионат для кабардинских, черкесских, осетинских, карачаевских и абазинских детей. Из стен этой гимназии вышло много юношей, сыгравших большую роль в развитии своих родных народов.

Не только города Ставрополья, но и крупные села были центрами торговли. Здесь можно было встретить русских, армянских и других купцов со Ставрополья, Терека, Дагестана, даже из Персии.

Текст печатается по изданию:
Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Степной Вавилон // Альманах «Памятники Отечества». — М., 2000. — № 48. — С. 60—64.

Н.А. Охонько. **Общественный деятель, просветитель, краевед**

Григорий Николаевич Прозрителев (1849—1933) принадлежит к числу тех бескорыстных просветителей, которые оставили заметный след в истории российской провинции XIX — начала XX в. Проявляя большой интерес к истории Северного Кавказа, он развивал и внедрял в общество лучшие традиции российской интеллигенции.

Родился Г.Н. Прозрителев 4 марта (по старому стилю) 1849 г. в г. Ставрополе в семье служилого дворянина. Отец был чиновником в Ставропольской городской управе, а с 1861 г. — следственным приставом в г. Ейске. Есть сведения, что какое-то время до этого он служил в Хасавюрте.

Его отец занимался благотворительностью и был набожным человеком. Мать состояла в женском благотворительном обществе Св. Александры, хлопотами которого в Ставрополе было открыто женское училище с пансионом для благородных девиц. Пример родителей и их окружения оказал решающее влияние на формирование Григория Николаевича. Десятилетним парнишкой он видел проезжающего через Ставрополь имама Шамиля. В девятилетнем возрасте он с отцом обследовал пещеру, где когда-то жил отшельник. По рассказам, здесь был найден древний бронзовый топор.

После домашнего воспитания Г.Н. Прозрителев поступает в Кубанскую войсковую гимназию, которая в то время размещалась в г. Ейске и считалась одной из лучших на Кавказе. В 1873 г. он заканчивает юридический факультет Московского университета. По окончании его приглашают домашним учителем в семью генерала Н.И. Свечина, который в течение нескольких лет совершает поездки по Европе в обществе молодого и образованного выпускника университета. Возвратившись из заграницы в 1876 году, Г.Н. Прозрителев живет в Москве, где сходится с народовольцами. Увлеченный их идеями, он отправляется «в народ» — сначала в Моздок, затем — во Владикавказ, а после оседает в станице Старопавловской нынешнего Ставропольского края. Здесь он занимается просвещением в среде местных казаков, знакомится с их жизнью и бытом.

В 1880 г. Г.Н. Прозритслев был арестован и препровожден в Ставрополь, где через несколько дней был освобожден, но находился под негласным полицейским надзором вплоть до 1897 г.

Постепенно отходя от революционного движения, Г.Н. Прозрителев начинает активно заниматься служебной, общественной и краеведческой деятельностью.

Работая присяжным поверенным в окружном суде, он вел дела инородцев. Во время поездок по делам службы имел возможность непосредственно знакомиться с культурой и бытом населения Северного Кавказа.

Бывая на местах в уездных и волостных центрах, посещая сельские управы, Г.Н. Прозрителев обращал внимание на состояние их архивов, так как понимал важное значение этих первоисточников для изучения местной истории.

Поражает его активность участия в благотворительных и просветительных обществах. В течение многих лет он являлся членом общества грамотности, был председателем общества содействия воспитанию и защиты детей, участником обществ Красного Креста и помощи бедным, обществ по устройству народных лекций, по борьбе с пьянством, помощи голодающим и бедным, членом Союза культурно-просветительских и благотворительных обществ г. Ставрополя. Являлся инициатором открытия ночлежных домов для беспризорных детей, состоял распорядителем музыкального кружка, создал на личные средства народный театр для населения окраин. Во время эпидемий инициировал создание комитетов по борьбе с холерой и тифом. Его имя часто встречается в числе жертвователей на различные благотворительные цели.

В годы первой мировой войны Г.Н. Прозрителев становится председателем комитета помощи беженцам из Закавказья, защищает их права и помогает обустроиться на новом месте.

В 1884 г. по его инициативе открывается первая на Кавказе частная газета «Северный Кавказ», где позже вместе с ним работал и печатался К. Хетагуров. Он

близко сходится с известным историком казачества И.Д. Попко и первым исследователем края И.В. Бентковским, которые проживали в Ставрополе.

В своих журналистских статьях Г.Н. Прозрителев много пишет о театре, откликается на юбилеи А.С. Пушкина и М.Е. Салтыкова-Щедрина, делает обзоры различных книг и журналов, отражает события в г. Ставрополе, публикует материалы из зала суда, помещает путевые заметки по следам своих поездок.

Постепенно интересы Г.Н. Прозрителева все больше и больше сосредоточиваются на краеведении и сохранении историко-культурного наследия. Основными его увлечениями становятся археология, палеонтология, этнография, архивное и музейное дело.

В 1903 г. он публикует большую статью о необходимости создания в Ставрополе краеведческого музея, где могла бы показываться история и культура народов, населяющих Северный Кавказ. В 1905 г. Г.Н. Прозрителев становится членом Ставропольского губернского статистического комитета.

В 1906 г. при статкомитете создается первая на Кавказе ученая архивная комиссия и Ставропольский музей Северного Кавказа. Г.Н. Прозрителев избирается председателем Комиссии и возглавляет археологический отдел музея. Летом 1906 г. он участвует в съезде археологов и архивных деятелей в г. Владимире, отмечая, что «с этого момента Ставрополь примыкает к семье всероссийских ученых, работающих по охране памятников старины и архивов, и ученые общества узнают о существовании музея Северного Кавказа».

Несмотря на то, что состав созданных учреждений был поначалу внушительным, активную работу проводили лишь несколько человек, а с 1907 г. вся работа ложится на Г.Н. Прозрителева. Под его редакцией было издано 8 выпусков «Трудов Ставропольской ученой комиссии» и 11 томов «Сборников сведений о Северном Кавказе». Материалы для этих изданий представлялись краеведами, учителями, чиновниками и служащими из различных мест Северного Кавказа. Вокруг этих изданий объединялась та интеллигенция Ставропольской губернии и Северного Кавказа, которая начинала изучать богатое историко-культурное наследие многонационального и многоконфессионального региона.

К тому времени были еще живы участники Кавказской войны и очевидцы многих событий этого периода истории Кавказа. Они помещали на страницах сборников статкомитета и ученой архивной комиссии свои воспоминания. Г.Н. Прозрителев не только редактирует указанные сборники, но и сам активно печатается в них, помещая статьи по археологии, истории, архивным изысканиям. К 100-летию Отечественной войны 1812 года он издаёт отдельной книгой фундаментальный труд «Военное прошлое наших Калмыков». В 1922 г. за заслуги перед этим народом он был избран Почетным гражданином Калмыкии.

В 1907 г. Г.Н. Прозрителев начинает изучение золотоордынского города Маджары, расположенного на месте современного г. Буденновска. В этих работах принимает участие один из крупнейших археологов России В.А. Городцов.

В археологических целях Григорий Николаевич совершает поездки в Теберду, Балкарию, Азов и Керчь, где собирает экспонаты для музея. Он изучает археологические памятники Ставропольской губернии, на основании чего составляются первые археологические карты и серьезно ставится вопрос о сохранении археологического наследия.

Эта проблема была остроактуальной в связи с быстрым экономическим освоением региона, в результате чего нарушались и уничтожались древние курганы, поселения, городища и могильники. В начале XX в. Ставропольская губерния находилась на первом месте в России по распаханности земель. Но в результате исчезали древние памятники, в защиту которых выступал Г.Н. Прозрителев.

В 1913 г. за большую работу по спасению и сохранению архивов Г.Н. Прозрителев был награжден орденом Станислава III степени.

В 1916 году он избирается председателем Кавказской археографической комиссии и переезжает в Тифлис. Но в связи с военной и революционной обстановкой в следующем, 1917 г., возвращается в Ставрополь, где готовит к изданию обширный труд «Ставропольская губерния в историческом, этнографическом и бытовом отношениях». В 1919 г. он издаст первую часть этого исследования, остальные две части сохранились в рукописях и не изданы до сих пор.

Григорий Николаевич Прозрителев

Главным увлечением и основным результатом деятельности Г.Н. Прозрителева стало создание музея, заложившего основу нынешнего Ставропольского краеведческого музея. 24 февраля 1905 г. Статкомитет постановил основать губернский музей «для комплексного изучения края, чтобы спасти остатки культуры и показать край в прошлом и настоящем». Тем самым подчеркивалась роль Ставрополя, который долгое время выполнял функции военно-административного и культурного центра России на Северном Кавказе.

За короткий срок в музее были собраны обширные коллекции, что позволило уже в 1907 г. открыть его для посетителей. Г.Н. Прозрителев передал музею свою собственную коллекцию кавказского оружия, а также собрание по археологии и этнографии.

История сохранила один из множества случаев, занимательных своим сюжетом. В 1910 г. в с. Казинке Ставропольской губернии крестьянином Алейниковым на огороде был открыт знаменитый клад, состоящий из 19 золотых предметов сарматского времени общим весом более 16 кг. Клад был передан в Императорскую археологическую комиссию и поныне хранится в золотой кладовой Государственного Эрмитажа. За сданные ценности находчик получил приличное вознаграждение — 37 тыс. рублей. Другой же крестьянин, продавший год назад землю Алейникову, подал в суд, требуя долю и мотивируя, что он продавал землю, но не её недра Ведение дела

было поручено Г.Н. Прозрителеву, который закончил его к обоюдному удовлетворению истца и ответчика. Благодарные крестьяне подарили судье 1500 рублей, которые он пожертвовал на нужды ученой архивной Комиссии, из пожертвованной суммы на 860 руб. закупили ценную коллекцию антиквариата для музея, значительно пополнив его собрания.

Гордостью музея являлись этнографические сборы о народах, населявших Северный Кавказ: русских, украинцах, белорусах, армянах, калмыках, ногайцах, туркменах, народах Дагестана, чеченцах, осетинах, ингушах, балкарцах, кабардинцах, карачаевцах, татарах, мордовцах и других. С помощью этих коллекций в экспозиции были созданы интересные комплексы, воссоздававшие обстановку жилищ и костюмы горских и кочевых народов. Особый интерес посетителей вызывали манекены, которые реконструировали и демонстрировали внешний облик многих народов Северного Кавказа.

Несмотря на большую научно-краеведческую работу, Г.Н. Прозрителев продолжает быть в центре общественной жизни. В 1906—1907 гг. он защищает

Г.Н. Прозрителев и чиновники военно-вещевого интендантства у вскрытого склепа крепостного кладбища. Фото начала XX века

в суде лиц, проходящих по обвинению за участие в революционных событиях. Во время этих событий он подвергался угрозе со стороны черносотенцев, которые, готовя свои выступления, пометили и дом Г.Н. Прозрителева. Несмотря на это, он выступает на митинге, который планировался как начало погромов. Эмоциональная речь Г.Н. Прозрителева, пользовавшегося большим уважением, позволила снять напряжение присутствующих и предотвратила действия экстремистов.

Последовавшая после революции реакция привела к закрытию газеты «Северный Кавказ». Тогда Г.Н. Прозрителев выступил инициатором открытия другого печатного органа — «Северокавказской газеты».

Как представитель прессы Г.Н. Прозрителев вместе с известным писателем И.Д. Сургучевым принимал участие в работе Учредительного собрания Ставропольской губернии, которое в ночь на 1 января 1918 г. провозгласило Советскую власть.

Г.Н. Прозрителев сдержанно отнесся к событиям 1918 г., когда новая власть внесла в размеренную жизнь Ставрополя чувство тревоги и неясного ожидания. В городе начались расстрелы деятелей оппозиционных большевикам партий. Шоком было зверское убийство героя кавказской и русско-турецкой войны, всеми уважаемого почтенного генерала Мачканина.

В это время Г.Н. Прозрителеву исполнилось уже 70 лет, и он заботится лишь об одном — сохранить музей и архивы, продолжать исследовательскую работу.

На первых двух этажах была расквартирована воинская часть, что стесняло деятельность музея. С восстановлением советской власти в 1920 г. губревком издает предписание «не трогать, не разорять и не уплотнять музей... как имеющего историческую ценность». Много сил Г.Н. Прозрителева уходит на сохранение коллекций, так как красноармейцы начали разбивать каменные статуи во дворе. Дело дошло до того, что он шлет телеграмму верховному главнокомандующему начальнику Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкому с просьбой оградить музей от военных.

Несмотря на отсутствие финансирования и многочисленные хозяйственные проблемы, исследователь края держит руку на пульсе жизни. В 1920 г. создается Государственная архивная служба, и Ученая архивная комиссия преобразовывается в этнолого-археологическую комиссию. Ее цель — изучение края и охрана памятников.

Планируя деятельность этнолого-археологической комиссии и музея, Г.Н. Прозрителев одной из главных задач ставит изучение того, как новый строй влияет на традиционный уклад жизни населения губернии.

Делая серию докладов на заседаниях этнолого-археологической комиссии в 1923 г., он как этнограф отмечает «отмирание прежде жизненных и исторически созданных условий и явлений, а с ними и предметов обихода».

Что касается духовной сферы, то докладчик с горечью говорит, что вследствие растраченности религиозных чувств и резкой смены общественного устройства и быта «в сознании одной части масс молодых вкоренилась безответственность за свои поступки. Дрогнула семья — главным образом отношение и уважение к старшим членам семьи, а вместе с этим и экономический имущественный строй ее — право отца распорядиться своим достоянием. Право это парализовано... старшинством молодых, не стесняющихся старыми обычаями... и руководящихся захватным правом».

Г.Н. Прозрителев с горечью отмечает, что изменения коснулись даже речи и языка, когда «стали ходкими словами те, какие прежде были достоянием острога, каторги и полицейского застенка». Это явление он объясняет тем, что, когда пали преграды, преступный элемент прошлого втянулся волной движения и как выброшенный из прежней жизни оказал свое озлобленное влияние на события...»

Несмотря ни на что, Г.Н. Прозрителев верит в свой народ, который «при таких душевных качествах... остаётся жизненным и великим». Этот «великий народ, уберегший свою душевную силу на протяжении тысячелетий, не может стать зверем и могильником собственной истории».

Эту историю Г.Н. Прозрителев, несмотря на годы и трудные времена продолжает изучать, хранить и популяризировать всеми доступными способами.

В 1924 г., когда перейден рубеж 75-летия, Григорий Николаевич руководит раскопками скифского кургана под Ставрополем, проводит охранные мероприятия на археологических памятниках, занимается изучением архивов, планирует этнографические и

фольклорные исследования в селах и станицах, часто выступает со статьями в газете «За власть Советов». Здесь он помещает острую статью о проблемах вымирания кочевых туркмен. Начав ее публикацию, редакция вскоре свернула и закрыла этот материал.

20-е годы характеризуются бурным ростом интереса к краеведению. По всей стране создаются многочисленные краеведческие и научные общества. Г.Н. Прозрителев налаживает с ними активную связь. Он числится членом-корреспондентом центрального бюро краеведения в Москве и Ленинграде, является членом Кабардино-Балкарского исследовательского института, действительным членом Азербайджанского археологического института, почётным членом Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии и др. Когда 25 марта 1928 г. общественность отмечала 45-летие общественной и научной деятельности Г.Н. Прозрителева, в его адрес пришли поздравления от краеведческих обществ, научно-исследовательских институтов, музеев и библиотек, а также ученых Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Краснодара, Нальчика, Владикавказа, Махачкалы, Новочеркасска и других городов.

В 1927 г. происходит насильственное слияние краеведческого музея Северного Кавказа с городским учебным музеем, основанным Г.К. Праве. Григорий Николаевич остро переживает реорганизацию и с трудом принимает должность председателя Совета объединенных музеев.

В это время он, словно чувствуя приближающийся финал большой жизни, торопится оставить записи того, что не успел опубликовать. В библиографическом указателе статей и отдельных изданий Григория Николаевича Прозрителева за 1922 год числится 170 книг, статей, заметок и других публикаций. К этому следует добавить еще 40 неопубликованных работ, сохранившихся в виде рукописей, подготовленных после 1922 г. и хранящихся ныне в фондах Ставропольского краеведческого музея.

Г.Н. Прозрителев умер 21 ноября 1933 года на 85-м году жизни и был погребен на Успенском кладбище Ставрополя. Вскоре его могила была забыта и имя оказалось в тени умолчания. Лишь в 1989 г, в связи с 140-летием, общественность вспомнила о нем и началось возрождение памяти Г.Н. Прозрителева. На могиле был установлен памятник, который 14 августа 1994 г. посетил и провел молебен Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

В 1990 г. Г.Н. Прозрителеву было присвоено звание Почетного гражданина города Ставрополя, а в 1993 г. его имя было присвоено Ставропольскому государственному краеведческому музею. С 1990 г. началась публикация ненапечатанных трудов, хранящихся в фондах музея.

В 1999 году, в канун нового тысячелетия, исполняется 150 лет этому известному краеведу и общественному деятелю, гражданину России. Было бы справедливым издать к этой дате собрание его трудов.

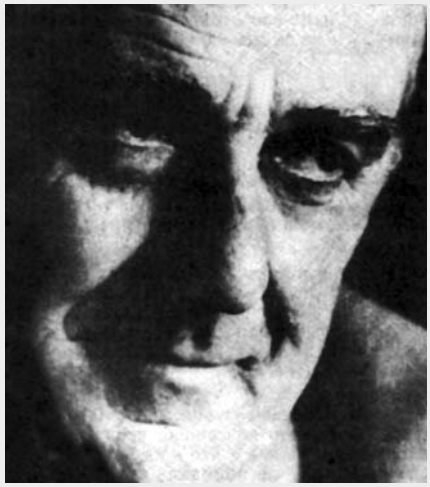
Текст печатается по изданию
Охонько Н.А. Общественный деятель, просветитель, краевед // Северо-Кавказский регион. Информационно-аналитический вестник, 1998. — № 3. — С. 68—71.

В.В. Савельева. **Исследователь Ставрополья**

В 1966 году под руководством ученого-краеведа Владимира Георгиевича Гниловского было создано Ставропольское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Он стал первым председателем Ставропольского отделения, был избран в президиум Центрального совета Общества.

В.Г. Гниловской родился 14 июня 1907 года в городе Ставрополе в семье учителя. Высшее образование он получил в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена, закончив экономико-географическую секцию экономического факультета. В формировании его научных интересов большую роль сыграл Ставропольский краеведческий музей, где он занимался еще в школьные годы. Основатель музея Г.К. Праве был для Владимира Георгиевича образцом служения делу краеведения.

В Ставрополе В.Г. Гниловской преподавал в Педагогическом институте, был доцентом, заведовал кафедрой физической географии, затем стал деканом географического факультета, проректором по научной работе. Он по праву считается основателем и руководителем школы ставропольских физико-географов. Читал лекции восьми поколениям учителей географии и биологии на протяжении 44 лет. Нет в Ставропольском крае человека, который не знал бы фамилии ученого — ведь по учебнику «География Ставропольского края» учились все местные школьники, а книга «Занимательное краеведение» получила в свое время вторую премию на Всесоюзном конкурсе научно-художественных и научно-популярных книг для детей. Она выдержала два издания и стала своего рода краеведческой энциклопедией Ставропольского края. В ней автор создал поэтический образ Кавказа, побудил читателя всматриваться и в облака, «поразившие взор» А.С. Пушкина. Ученый описал неповторимые памятники природы — Томузловские чудища, Лягушку, Ящерицу, причудливые ветвистые конкреции горы Куцай, грязевой вулкан и кладбище насекомых Сенгилеевской котловины, подземные зоологические «музеи» Косякинского, Беломечетского, Георгиевского песчаных карьеров, «вечную мерзлоту» на горе Развалке и многое другое.



Владимир Георгиевич Гниловской

Необычайно широк был круг научных интересов В.Г. Гниловского. Он занимался геоморфологией, геологией, гидрологией, палеонтологией, газовым вулканизмом и сейсмикой. Им опубликовано 106 научных работ. Кандидатскую диссертацию по геоморфологии он защитил в 1952 году в Институте географии АН СССР. Целый цикл исследований Владимира Георгиевича был посвящен проблемам исторической географии. Работая в архивах Ставрополя, Ленинграда, Москвы и других городов, он нашел документы первостепенного научного значения. Им были обнаружены старинные планы и карты крепостей и городов Азово-Моздокской укрепленной линии, которые позволили восстановить и по-новому осветить историю XVIII века в пределах Ставрополья.

Обнаружение В.Г. Гниловским карт лесов Ставропольской возвышенности, выполненных на рубеже XVIII и XIX столетий, их анализ и публикации составили эпоху в изучении растительности Ставрополья. Было разрушено бытовавшее ранее представление о том, что возвышенность первоначально была покрыта большими массивами лесов, которые вырубили русские поселенцы. Оказалось, что площади леса местами не только не сократились, но даже возросли. Карты помогли выявить первоначальный породный состав лесов, в которых преобладал бук.

С увлечением и большим успехом Владимир Георгиевич занимался расшифровкой рисунков М.Ю. Лермонтова, сделанных в окрестностях Ставрополя. Он нашел место, с которого Лермонтов рисовал старую мельницу, разыскал и описал места пребывания поэта в Ставрополе, в том числе госпиталь на улице И. Булкина.

Устойчивый интерес к историческим документам позволял ему научно обоснованно защищать и популяризировать памятники архитектуры, исторические ансамбли, усадьбы. Эти публикации помогали общественности города отстаивать от сноса и сохранять градостроительную среду.

Топонимика, которой увлекался Гниловской, также серьезно помогала в изучении истории центра края.

Владимир Георгиевич выполнял огромную общественную работу. В 1946 году он организовал Ставропольское краеведческое общество, многие годы был его председателем и признанным главой. В 1954 году на базе Краеведческого общества он организовал Ставропольский отдел Географического общества СССР, который возглавлял 20 лет. В краевом отделении Общества охраны природы он был в составе президиума, участвовал в подготовке материалов по созданию в крае заказников. С юности до последних дней жизни был связан с Краеведческим музеем в Ставрополе, руководил работой музейного краеведческого совета, редактировал сборники «Материалов по изучению Ставропольского края».

За заслуги в подготовке специалистов и развитие науки Президиум Верховного Совета СССР в 1961 году наградил В.Г. Гниловского орденом «Знак Почета». Он был награжден также знаками «Отличник народного просвещения» и «Отличник просвещения СССР».

Он был необычайно трудолюбив. Жил скромно, за всю жизнь ни разу не был в санатории или в доме отдыха. Отпуска проводил в поездках и экскурсиях с друзьями — такими же энтузиастами. Часто с ним путешествовали его студенты, сотрудники его кафедры, школьники, друзья его детей.

Искренность, дружелюбие, отзывчивость, доброта, бескорыстие, подлинная интеллигентность ума и сердца, тонкий юмор — таков был Владимир Георгиевич Гниловской.

Он ушел из жизни 10 октября 1980 года. На городском кладбище установлен скромный обелиск из белого мрамора с рисунком контура Ставропольского края и лаконичной надписью: «Исследователь природы Ставрополья».

В связи с 90-летием со дня рождения город Ставрополь присвоил В.Г. Гниловскому звание «Почетный гражданин города Ставрополя» и наградил медалью «За усердие и полезность» (посмертно).

Текст печатается по изданию:
Савельева В.В. Исследователь Ставрополья // Альманах «Памятники отечества». — М., 2000. — № 48. — С. 44—46.

6 Публицистика

Н.А. Охонько. **Ставрополь. Краткий исторический очерк**

Ставрополь (от греческого «ставрос» — крест, «полис» — город: Город Креста) расположен в центре Предкавказья на Ставропольской возвышенности. Территория города и его окрестностей начала заселяться людьми с глубокой древности, о чем свидетельствуют найденные здесь более 20 поселений и городищ разного времени. Самое раннее из них относится к эпохе энеолита и датируется концом IV тысячелетия до н.э. В течение последних пяти тысяч лет на месте Ставрополя селились и сменяли друг друга племена эпохи бронзы, скифы, сарматы, аланы, болгары, хазары, половцы и многие другие.

В хазарский период VIII—X вв. н.э. в границах современного города находился один из военно-административных центров Предкавказья, локализуемый археологами на Татарском городище. Оно расположено на юго-западной границе Ставрополя. В это время активно функционировал Великий шелковый путь, северные трассы которого пролегали и через Ставрополь.

Периоды расцвета оседлой жизни сменялись набегами воинственных кочевников, после чего поселения и городища прекращали свое существование, затем опять восстанавливались. Поэтому у Ставрополя древняя и средневековая история не имеет непрерывного течения.

Датой возникновения города принято считать 1777 год. В то время за обладание Северным Кавказом и Предкавказьем соперничали Россия и Турция. В 1774 г. после очередной войны между ними был заключен мирный договор, согласно которому российская граница между Тереком и Доном определялась по линии Азов - Моздок.

По указу Екатерины II летом и осенью 1777 г. вдоль указанной границы закладывается Азово-Моздокская оборонительная линия, основу которой составляли 9 военных крепостей с казачьими станицами. Линия делилась на две дистанции. Ее правый фланг начинался от крепости Северной и тянулся до земель войска Донского. Сюда прибыли Владимирский драгунский и казачий Хопёрский полки.

Центром правого фланга была определена Ставропольская крепость. Ее закладка состоялась 22 октября (старого стиля) 1777 г. в день праздника Казанской иконы Божьей Матери, которая с тех пор считается покровительницей Ставрополя.

Непосредственным строительством крепости руководил командир Владимирского драгунского полка полковник И.И Шульц. В возведении крепостных сооружений принимали участие хопёрские казаки.

Крепость располагалась на высоком мысе между речками Ташлой и Желобовкой. В короткий срок она была опоясана рвами и валами, на бастионах которых стояла артиллерия. Посетивший в феврале 1778 г. крепость А.В. Суворов дал ей высокую оценку.

Восточнее крепости, в районе современного Нижнего рынка была заложена казачья станица. Она представляла собой правильный четырехугольник, окруженный рвом и валом. В центре располагалась площадь с управой и церковью. Здесь же находился штаб Хопёрского полка, командиром которого был полковник Конон Устинов.

Весной 1779 года крепость пережила набег полутора тысяч горцев. Драгуны и казаки отбили штурм и даже организовали преследование. По донесениям, в этом бою было убито 40 человек нападавших. Потери гарнизона составили 20 человек.

В тот год в крепости, помимо хозяйственных построек, стояло 14 казарм для драгун, а в станице было уже около 200 домов, куда прибывали с Хопра семьи казаков.

Южнее крепости начал селиться отставной служилый люд, основавший целую слободу. В 1779 г. в ней проживало 332, а в 1782 г. — уже 494 бывших солдат.

Вслед за этим южнее станицы и крепости стал возникать мещанский форштадт, центр которого находился в районе нынешней гостиницы «Интурист».

Постепенно наряду с ярко выраженной военной миссией начинают просматриваться признаки зарождающейся в поселении хозяйственной, экономической жизни. В марте 1780 г. при Ставропольской крепости открываются оптовые склады и торговые лавки, строятся первые мельницы, возникают кузнечные и другие мастерские.

5 мая 1785 г. указом Екатерины II Ставрополю официально присваивается статус города. 15 февраля 1786 г. здесь избирается городской магистрат во главе с Кузьмой Яковлевым.

Большое значение для развития города имела прокладка Черкасского тракта, который соединил Ставрополь с сетью российских дорог.

К 1795 г. в казачьей станице числилось более 300 дворов, а в мещанском форштадте около 200 дворов «... и в них купеческих и мещанских обоего пола душ 1225».

Первоначально постройки были деревянными, турлучными и саманными, крытыми камышом. В 1799 г. появляется первое каменное здание, построенное купцом Ильёй Волковым из местного известняка-ракушечника.

К 1804 г. Ставрополь становится самым крупным городом Кавказской губернии.

В 1809—1811 гг. крепость из земляной перестраивается в каменную. В эти же годы между ней и станицей возникает новый квартал, заселенный армянскими семействами, которые приглашаются сюда для налаживания торговли. Вскоре у южной подошвы крепостной горы возникает большой рынок.

Вместе с тем развитие города сдерживалось преимущественно военным предназначением поселения. Эту проблему во многом разрешил назначенный главнокомандующим на Кавказе прославленный генерал А.П. Ермолов. В 1819 г. он преобразует крепость в военно-вещевое интендантство, которое занималось снабжением Кавказского корпуса.

В 1822 г. Ставрополь становится центром Кавказской области. Завершилось его гражданское оформление в 1827 г. после упразднения станицы и перевода хопёрских казаков в предгорья.

Кардинальные изменения в жизни города происходили в 1830—1840 гг.

Утверждается (1833 г.) первый генеральный план, заложивший основу современного города, совершенствуется благоустройство улиц, создается система сточных канав, строится водопровод, появляется фонарное освещение.

В 1837 г. Ставрополь посетил император Николай I. Во время визита он открыл первую на Кавказе мужскую классическую гимназию, которая на многие годы становится центром просвещения в регионе.

Тяжелым бременем для горожан являлась постойная повинность. Льготы по воинскому постою, полученные в 1840 г., стимулируют строительство частных домов.

В 1843 г. в Ставрополе учреждается центр православной епархии, которая сегодня именуется Ставропольской и Владикавказской. Начинается бурное храмовое строительство. При приходах формируется широкая сеть церковно-приходских школ, которые играли большую роль в образовании широких слоев общества.

Большим событием стало открытие в 1845 г. первого на Кавказе русского драматического театра, который носит сегодня имя М.Ю. Лермонтова.

В 1847 г. Кавказская область преобразуется в Ставропольскую губернию. Несмотря на то, что здесь продолжает находиться военное управление, гражданская и культурная жизнь постепенно выходит на первый план. Несколько раз в году в Ставрополе проводятся крупнейшие ярмарки, устраиваются конные скачки и сельскохозяйственные выставки. С 1850 г. начинает издаваться газета «Ставропольские губернские ведомости», а в 1851 г. открывается библиотека.

В 1855 г. в «Кавказском календаре» печатается первая научная работа по истории города, автором которой был основоположник ставропольского краеведения И.В. Бентковский. По его инициативе в 1858 г. учреждается губернский статистический комитет, который начал проводить всестороннее изучение города и его населения.

В 1859 г. через Ставрополь проследовал плененный имам Шамиль, с именем которого связана долгая и жестокая Кавказская война.

С ее завершением город быстро эволюционирует как гражданский экономический и культурный центр губернии.

Почти три четверти века в начале своей истории Ставрополь служил форпостом России на Кавказе. Здесь было сосредоточено все военное и гражданское управление вновь присоединенными землями.

Благодаря этой роли город в разное время посетило немало выдающихся людей России. В Ставрополе побывали А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов, многие декабристы, Л.Н. Толстой, император Николай I, цесаревич и будущий император Александр II и другие.

С 1858 по 1861 г. в г. Ставрополе жил и исполнял пастырские обязанности выдающийся православный философ и мыслитель митрополит Игнатий Брянчанинов, причисленный Русской православной церковью к лику святых.

После земельной реформы 1861 года началось массовое экономическое освоение Предкавказья. Резко выросло производство зерна, которое вывозилось во внутренние губернии России и за границу. Ставрополь становится крупнейшей зерновой ссыпкой. На нем завязывались все экономические и культурные связи губернии.

В 1863 г. Ставрополь устанавливает телеграфное сообщение с Новочеркасском и через него с Москвой.

В 1867 г. разрабатывается грандиозный проект развития железнодорожного транспорта, в результате чего Ставрополь соединялся бы с Ростовом-на-Дону, портами Черного моря, Астраханью и бассейном Каспийского моря. Однако случилось непредвиденное. В 1875 г. в короткий срок была проложена железная дорога между Ростовом-на-Дону и Владикавказом, которая прошла через станицу Невинномысскую, оставив Ставрополь в стороне. Приоритет был отдан не экономическим, а военно-стратегическим интересам, чтобы в случае военной угрозы можно было оперативно перебрасывать на Кавказ войска и военную технику.

В результате Ставрополь теряет былое экономическое значение. Резко падает торговый оборот, приостанавливается общее развитие, наблюдается отток капиталов. Лишь через двадцать лет Ставрополь восстанавливает сообщение с главной транспортной артерией Северного Кавказа. В 1894 г. прокладывается шоссейная дорога до Невинномысской станции, а в 1896 г. к городу подводится железнодорожная ветка от станции Кавказской.

По переписи 1897 г. в Ставрополе проживало 41 590 человек.

В начале XX в. Ставропольская губерния выходит на первое место в России по товарности зерна, что положительно сказывалось на экономическом

развитии Ставрополя как центра губернии. Город благоустраивается. На смену классицизму в архитектуре приходит стиль модерн, до сих пор придающий оригинальный вид центральной части Ставрополя. Появляется электрическое освещение, ведется телефонизация, по улицам разъезжают первые автомобили.

В 1905 г. создаются губернский и городской музеи, заложившие основу современного краеведческого музея. В следующем году была учреждена ученая архивная комиссия, открыт первый кинотеатр. Набирает силу общественно-политическая жизнь города. События 1905—1906 гг. ознаменовались политическими демонстрациями, митингами и частичными погромами магазинов.

Начало Первой мировой войны в Ставрополе характеризовалось подъемом национального самосознания. На фронт в полном составе уходит долгое время базировавший в городе Самурский полк. В 1915 г. совершает свой подвиг ставропольчанка Римма Иванова, ставшая второй в истории России женщиной, награжденной орденом Св. Георгия Победоносца.

Февральская революция 1917 г. населением города была принята с подъемом, проходили демонстрации, бурные собрания общественности. «В городе полный порядок, — отмечается в архивном документе, — население свидетельствует живейшую радость и преданность новому строю».

Известие об Октябрьской революции было принято неоднозначно. Губернский комиссар Д.Д. Старлычанов характеризовал положение в городе как «крайне тревожное».

В ночь на 1 января 1918 г. в Ставрополе и губернии была провозглашена Советская власть. Ее становление вызывало противостояние части общества. Начался «красный террор».

В июне 1918 г. город был взят Добровольческой армией, а 28 октября 1918 г. Ставрополь ненадолго перешел в руки Таманской армии, после чего вновь была восстановлена власть генерала А.И. Деникина.

29 февраля 1920 г. Ставрополь был занят Красной армией, и в нем окончательно установилась советская власть.

В 1920—1930-х годах темпы экономического развития города были относительно невысокими. Сказывались голод, борьба с кулачеством и буржуазией, репрессии и пр. В то же время были достигнуты серьезные успехи в ликвидации безграмотности и повышении культурного уровня населения. Значительные средства направлялись на школьное строительство, здравоохранение и науку. С 1925 г. началась радиофикация города, в 1928 г. открываются первые городские автобусные маршруты, а с 1935 г. начинает действовать Ставропольский аэропорт. В 1936 г. в городе числилось 3 вуза, 5 техникумов, 3 средние и 19 начальных школ. В течение 1936-38 гг. вводится в строй автоматическая городская и междугородная телефонная связь.

Становление нового строя сопровождалось идеологической борьбой с дореволюционным прошлым. В связи с этим жесткие меры принимались к деятельности церкви. В течение 1920—1930-х годов в Ставрополе из 28 православных приходов было закрыто 27. Были закрыты также мусульманская мечеть, еврейская синагога, немецкая кирха и польский костел. Храмы разрушались или перестраивались для общественных и хозяйственных нужд.

С 3 августа 1942 г. по 21 января 1943 г. Ставрополь находился в немецко-фашистской оккупации. После его освобождения началось восстановление городской инфраструктуры. В 1947 г. разрабатывается генеральный план развития Ставрополя. Согласно плану в течение 1950-х годов создается новый центр города в районе площади Ленина. В 1954 г. с вводом газопровода Рыздвяный — Ставрополь начинается сплошная газификация города, а с 1955 г. он начинает обеспечиваться водой из Сенгилеевского озера.

В 1962 г. город делится на Ленинский и Октябрьский районы.

В 1968 г. разрабатывается новый генеральный план развития юго-западного и северо-западного районов города. В 1977 г. на их базе создается Промышленный административный район. Здесь в короткий срок вводятся большие массивы жилья и крупные предприятия.

1960—70-е годы в целом характеризуются бурным промышленным строительством в городе. За этот период введены в эксплуатацию, реконструированы и обновлены десятки предприятий машиностроения, легкой, химической, строительной, пищевой, перерабатывающей и других отраслей.

В 1977 г. за успехи в социально-экономическом развитии и в связи с 200-летием Ставрополь награжден орденом Октябрьской революции.

С 1991 г. происходят изменения в управленческих структурах. 11 декабря 1991 г. указом Президента РФ назначен глава администрации города (М.В. Кузьмин).

В 1993 г. в городскую символику вводится флаг, а в 1994 г. Ставрополь принимает новый герб. В этом же году проводятся первые выборы депутатов городской Думы первого созыва, а 25 февраля 1996 г. состоялись первые демократические выборы главы города. Победу на них одержал М.В. Кузьмин, переизбранный на новый срок 19 декабря 1999 года.

Крупномасштабные социально-экономические реформы, проводимые в России с начала 1990-х годов, ослабили хозяйственный потенциал Ставрополя. Закрыт либо работает не в полную силу целый ряд крупных промышленных предприятий, еще недавно составляющих основу городской экономики. В трудном финансовом положении оказались жилищно-коммунальная сфера, муниципальный транспорт.

Вместе с тем идут глубинные процессы, которые формируют будущее города: новые собственники ориентируются на реальные потребности рынка, наращивают производство товаров и услуг, сбыт которых гарантирован; растет численность занятых в малом и среднем бизнесе значительно расширилась сеть учебных заведений высшего профессионального образования, возросла социальная, политическая активность населения.

В третье тысячелетие Ставрополь вступает в роли экономического, научного, образовательного, культурного, общественно-политического центра края.

Города, как люди, живут своей жизнью и имеют свою биографию. Их история сохраняется не только в архивных документах и воспоминаниях старожилов, он зримо живет в планировке улиц и кварталов, облике зданий, элементах благоустройства, ландшафте, словом, в том, что можно назвать городской средой.

Помимо всего прочего, города делятся и по степени своих заслуг перед отечеством. Наиболее выдающиеся вносятся в официальный реестр исторических городов России. К их числу относится Ставрополь, сыгравший ключевую роль в становлении России на ее южных рубежах.

Ставрополь расположен на так называемых Ставропольских высотах, которые входят в западную часть Ставропольской возвышенности. Высоты занимают выгодное географическое и стратегическое положение. Прежде всего здесь находится водораздел между бассейнами Черного и Каспийского морей. Из недр высот берут начало 12 полноводных ручьев, одни из которых текут к Каспию, другие — к Черному морю. Долины рек с древних времен выполняли роль коммуникаций, вдоль них пролегали основные дороги, которые в фокусе сходились у Ставрополя, соединяя Прикаспий с Причерноморьем, Европу с Азией.

Территория города отличается сложным ландшафтом, который придает Ставрополю оригинальный облик, исключает однообразие и создает своеобразную окружающую среду.

Восточные склоны высот пологие, разрезанные сетью рек и ручьев. Наиболее крупные из них — р. Ташла на севере и р. Мамайка на юге. Понижаясь с запада на восток, высоты быстро сливаются со степями, открывающими путь к Манычу и Прикаспию.

Западная часть высот круто обрывается в сторону Предкавказской западины, по которой протекает Кубань. Здесь господствует лесостепной ландшафт, очень напоминающий предгорья.

Самая высокая часть Ставрополя находится в юго-западном районе, достигая отметки 655 метров над уровнем моря. Наиболее низкая часть — в районе Полковничьего яра имеет высоту 484 метра над уровнем моря. Резкий высотный перепад и сложный ландшафт повлияли на формирование природно-климатического комплекса города. Обилие водных источников, мощнейшие в Европе черноземы, густые леса, высокий травостой, количество атмосферных осадков создали в районе Ставрополя оптимальную экологическую нишу для проживания человека.

На территории города и его окрестностей находятся семнадцать памятников природы, восемь ботанических заказников, пять парков, два заповедника.

Большую оригинальность Ставрополю придает то, что через него проходит 45-я параллель северной широты. Это значит, что город находится на равном расстоянии как от Северного полюса, так и от экватора, в оптимальной природно-климатической зоне земного шара.

На этой же широте находятся такие города и страны, как Плоешти в Румынии, Белград в Югославии, Турин, Милан, Венеция, Верона и Падуя в Италии, Гренобль, Баланс и Бордо во Франции, Монреаль и Оттава в Канаде, Миннеаполис, Портленд и Ванкувер в США, японский остров Хоккайдо, Харбин в Китае.

До сих пор ученые спорят о том, где проводить южную границу между Европой и Азией. Одни предлагают считать такой границей Главный Кавказский хребет, другие — долину Маныча. Взгляните на карту, и вы увидите, что в любом случае Ставрополь находится в классической пограничной зоне Евразийского континента, где сходятся не только природные и климатические зоны, но и народы с их историей. Общепризнано, что район Ставрополя с древнейших времен был густо заселен и здесь осуществлялись наиболее активные межэтнические контакты горцев и степняков, жителей Кавказа и Южной России, населения Азии и Европы.

«Седая древность смотрит нам в лицо»

На территории Ставрополя и в его ближайших окрестностях находятся 20 древних городищ, десятки курганов и могильников, святилища и другие свидетельства далекого прошлого. Наиболее раннее поселение возникло на левом берегу Ташлы непосредственно под горой, на которой в 1777 году была заложена российская крепость, давшая начало современному городу. Это поселение датируется IV тысячелетием до н.э. и имеет возраст более четырех тысяч лет. Основали люди энеолитической эпохи, которые открыли эру производящего хозяйства в Предкавказье. Это было время, когда человек начал производить медь и бронзу, но еще широко использовал каменные орудия труда. Во время раскопок, проведенных в 1981 году музеем, здесь были найдены глиняные сосуды, зернотерки, кремневые ножи и скребки, наконечники стрел, изделия из кости, медные украшения.

В начале I тысячелетия до н.э. территория нынешнего Ставрополья была плотно заселена племенами так называемой Кобанской культуры. Их городища размещались на высоких мысах, защищенных обрывами в верховьях р. Ташлы, в Таманском и Русском лесах, по долине р. Мамайки, в юго-западной части Ставропольских высот. Самое крупное городище располагалось на юго-западной окраине города. Недалеко от него находится хорошо известное Грушевское городище, которое исследовалось археологами с 1978 по 1981 год. Рядом с городищем открыт большой могильник.

В VII в. до н.э. на территории Ставрополя основались скифы. Избрав Ставрополье плацдармом, они совершали походы в Переднюю Азию, покорили Ассирию, Мидию и дошли до Египта. Глубоко чтя своих умерших и погибших вождей, скифы строили им грандиозные усыпальницы, возведя их в самых охраняемых территориях. К таким относится город Ставрополь. Здесь известны две большие группы скифских курганов. Одна из них располагалась в юго-западном районе, вторая в северо-западной части города.

В 1984 году один из курганов попал в зону строительства средней школы N 24. Чтобы не задерживать стройку, археологами объединенного краеведческое музея были проведены раскопки, в результате которых открыт грандиозный погребальный храм, воздвигнутый из камня и перекрытый земляной насыпью. По центру располагались квадратная гробни-

ца с колоннами и орнаментированными плитами, в гробнице были похоронены два человека. С погребенными находились лошади, оружие, украшения, предметы быта. Вокруг гробницы возведены две кольцевые каменные стены высотой более 2 метров и диаметром 30 метров. В пространстве между стенами находились остатки тризн и жертвенников. Этот своеобразный погребальный храм долго стоял открытым и служил местом поклонения. На каком-то этапе был намеренно разрушен и засыпан землей.

В III в. до н.э. здесь было устроено сарматское святилище, а в XVIII в. располагался казачий пикет.

Скифские курганы располагались в непосредственной близости от городищ. В V в. до н.э. передвинулись в Причерноморье, оставив на Ставрополье следы оригинальной культуры кочевников.

В III в. до н.э. все городища, за исключением Татарского, были сожжены кочевниками-сарматами. Оставшиеся в живых жители ставропольской округи укрылись за мощными укреплениями Татарского городища, которое сейчас объявлено заповедником, включенным в черту г. Ставрополя. Однако вскоре жизнь вошла в свое русло, и территория Ставрополя заселяется еще плотнее. В это время археологами отмечаются несколько поселений на р. Мамайке, поселение на нынешней пл. Маяковского, поселение и могильник в районе сегодняшней ул. Орджоникидзе, поселение в районе ул. Чапаева, поселение на месте учебно-тренировочной базы «Динамо», группа поселений в Таманском и Русском лесах. Жители этих поселений занимались земледелием и скотоводством, вели активную торговлю с греками.

На Грушевском городище открыт склад греческих амфор с вином, маслом и нефтью для светильников. На месте строительного техникума в начале века было обнаружено погребение грека с золотой монетой во рту. По поверьям древних греков, монета предназначалась для оплаты стражу загробного мира. Ученые считают, что греки достигали Ставрополя не только в целях торговли — здесь, среди воинственного местного населения, они вербовали отборных наемников в свои войска.

Местные жители помимо земледелия и скотоводства занимались охотой. На одном из поселений среди костей животных археологи обнаружили рог зубра и кости тура. Можно представить, что эти животные, наряду с оленем, косулей, диким кабаном и другими дикими животными, в достаточном количестве водились в районе Ставрополя две тысячи лет назад.

Периоды оседлой размеренной жизни древних людей сменялись войнами и разрушениями. Обычно это происходило в результате нашествий кочевников-степняков Таким неспокойным периодом была эпоха великого переселения народов с VI по VII век новой эры. Гунны, хазары, болгары, аланы перемещались по Предкавказью, воевали, пасли скот, смешивались между собой, создав к VIII веку новое государственное образование. С VIII по X в. н.э. наступил подлинный расцвет культуры. Территория Ставрополя вновь оказалась густо заселена и покрылась сетью городищ. В это время здесь соседствовали два основных этноса — аланы и болгары. В районе Ставрополя на Татарском городище размещался крупнейший в Предкавказье город, являвшийся своеобразной столицей региона. Он занимал около 100 гектаров укрепленной площади. Вокруг города располагались более мелкие поселки. Процветали ремесла, торговля, сельское хозяйство. Через Ставрополь пролегали трассы великого Шелкового пути. С приходом половцев в XI в. городская жизнь замерла, и вплоть до прихода русских в конце XVIII в. Ставрополь был местом выпаса скота кочевниками Предкавказья.

Возникновение современного Ставрополя не явилось случайностью. Это событие — закономерное, продолжение всей предшествующей истории. В районе Ставропольских высот во все времена находился центр экономической, торговой, политической и культурной жизни региона.

«Твоими, Ставрополь, глазами глядит Россия на Кавказ»

Свято место пусто не бывает. Военные топографы и российские стратеги, проектируя в конце XVIII в. оборону южных границ, не обошли Ставрополь. В 1777 году по представлению князя Г.А. Потемкина императрица Екатерина II утвердила проект устройства Азово-Моздокской оборонительной линии, которая перекрывала границу от низовий Дона и Кубани до низовий Терека. Линия состояла из десяти основных крепостей и целой сети более мелких укреплений и сторожевых постов. Ведущую роль играла Ставропольская крепость, которая держала центральную часть линии и контролировала ключевой район Предкавказья. Крепость была заложена подразделением солдат и офицеров Владимирского драгунского полка. Размещалась она на вершине горы, называемой ныне Крепостной.

Ставрополь в переводе с греческого означает «Город Креста». Этим названием российское правительство утверждало свои духовные православные позиции на южных рубежах. Позднее именно здесь разместился центр православной епархии, существующий без изменения по сей день.

Военными строителями удачно использовался рельеф местности. Почти со всех сторон гора имела обрывы и крупные склоны к р. Ташле и речке Желобовке. Лишь с запада оставался узкий перешеек, соединяющий вершину горы с прилегающей местностью. Долгое время считалось, что с самого своего основания крепость была каменная. Однако в 1990 году ее территория получила статус заповедной и была исследована археологами.

Выяснено, что первоначально крепость была окружена рвом и земляным валом. Фортификационная система была устроена по всем правилам военной науки с учетом существующей тактики и вооружения. Предназначенная для отражения противника с помощью ружейно-пушечного огня, крепость могла держать прочную оборону с небольшим по численности гарнизоном. Внутри крепости находились казармы, пороховые и интендантские склады, кузница, печь для выжига извести, имелись колодцы с хорошей питьевой водой. В центре стояла деревянная церковь, привезенная из России. Восточнее церкви располагалось кладбище, где хоронили первых жителей нашего города. В северной части крепости, за нынешней пожарной частью начал расти жилой квартал.

Восточнее, у подножия Крепостной горы, там, где сейчас Нижний рынок и севернее него, одновременно с крепостью возникла станица, заложенная хоперскими казаками. Станица имела правильную

сетку улиц, сообщалась с крепостью и была обнесена рвом и валом. Через восемь лет после основания Ставропольская крепость и станица были преобразованы в город. В 1785 году специальным указом Екатерины II Ставрополь объявляется городом, дабы удостоверить местные народы «в искреннем желании, чтобы новый образ правления послужил к утверждению их спокойствия и благополучия». Под новым образом правления подразумевался переход от военных мер к политическим, экономическим и культурным акциям России по освоению Предкавказья. В Ставрополе избирается городское управление, появляется штат чиновников, землеустроитель, архитектор, открываются учебные заведения, развивается торговля, ремесла, сельское хозяйство.

В 1805 году город занимал территорию от р. Ташлы на севере до ул. Дзержинского на юге и от ул. Казачьей на востоке до нынешней ул. Коминтерна на западе. Вокруг городского ядра образовывались хутора, селились однодворцы, возникали ремесленные и производственные центры.

Вместе с этим сохранялась военная роль Ставрополя. Перестраивалась и совершенствовалась крепость. В период с 1809 по 1811 год в западной половине крепости вместо земляных укреплений выросла цепь каменных оборонительных казарм с бойницами. Стена одной из казарм до сих пор сохраняется рядом с кинотеатром «Родина», а внутри квартала за домом по ул. Советской, в перестроенных казармах живут люди. На фасадах домов просматриваются заложенные бойницы.

В 1816 году Ставрополь посетил А.П. Ермолов, назначенный командующим Кавказской линии. В его дневнике сохранилась такая запись: «При обозрении линии со вниманием рассматривал я окрестности города Ставрополя, ибо со временем намереваюсь я перенести туда губернский город... Я приказал остановить все крепостные работы, жалея о тех, которые произведены с большими весьма издержками там, где давно уже видеть можно было, что они совсем ненадобны. Не мешало и моим предместникам сие заметить».

Как следует из данного текста, к началу XIX в. Ставрополь утратил роль военной крепости в связи с перемещением театра военных действий дальше к горам. К тому времени крепость полностью выполнила свои задачи и превратилась в тыловой центр. На территории крепости разместилось интендантство, которое занималось обеспечением кавказской армии вооружением и амуницией. До сих пор на Крепостной горе сохраняется здание интендантского управления, построенного в 1820 году. Сейчас в нем размещается детская музыкальная школа № 2. К тому времени правительство было озабочено экономическими проблемами, думая уже о торговле, а не о войне. Быстрое экономическое освоение региона привело к тому, что в Предкавказье скапливалось большое количество продукции сельского хозяйства и животноводства. Однако товар не поступал на российский рынок.

В 1809 году император Александр I приглашает в Ставрополь 50 армянских семей «для налаживания торговли». В скором времени приглашенные переселенцы образовали армянский квартал, разместившийся между станицей и крепостью. Сейчас это район ул. Шаумяна (бывшей Армянской).

Ориентация на военное строительство сдерживала развитие города. После превращения Ставрополя в тыловой центр начался его бурный рост.

В 1822 году Ставрополь стал центром Кавказской области. Сюда переместился штаб войск, началось бурное гражданское строительство, быстро увеличивалось гражданское население. Город рос и формировался вокруг крепости. Но Ставропольская станица сохраняла свою обособленность. Между казаками и мещанами часто возникали ссоры за землю. В 1825 году казаки были переселены на передний край в станицу Суворовскую. Уходили они туда с большой неохотой.

Станица же, оставленная казаками, была скуплена мещанами и чиновниками. Долгое время о ней напоминали лишь названия улиц, четыре из которых назывались Станичными. В 30-е годы эти улицы были переименованы и лишь в наше время одной из улиц возвратили исконное название. Сегодня о бывшей казачьей станице напоминает планировка кварталов, расположенных между ул. Голенева, проспектом К.Маркса, ул. Войтика и железной дорогой. Проходя по ул. Казачьей, поворачивая на Станичную, можно вспомнить происхождение этих названий.

Как центр Кавказской области Ставрополь получал все большую известность. 23 октября 1828 года был высочайше утвержден герб области. В верхней части щита на золотом фоне изображен российский двуглавый орел, сидящий на вершине Эльбруса. Орел держит лавровый венок и сноп молний, что символизировало мирные намерения и в то же время военную мощь. Под ногами орла разорванные цепи Прометея. В нижней части щита на голубом фоне изображен воинствующий кавказский всадник, скачущий по зеленой степи. Убегая от преследования, он отстреливается из лука. Вдали видны снежные вершины Кавказа.

Превратившись в военно-организованный и административный центр Кавказа, Ставрополь выполнял роль российского форпоста на южных рубежах. Через него пролегал Большой Черкасский тракт, ведущий из Петербурга в Тифлис.

Размещение в Ставрополе центра Кавказской области определило городу большие перспективы и потребовало разработки генерального плана развития на много лет вперед. Такой план был составлен опытным градостроителем и архитектором И.И. Гайворонским. Будучи главным архитектором при командующем войсками Кавказской линии и Черномории, в 1833 г. он разработал генеральный план развития Ставрополя, который утвердил лично император Николай I. План Гайворонского оказался самой крупной вехой в градостроительном развитии Ставрополя. Он определил формирование города более чем на сто лет вперед. План определял город в следующих границах: на севере — левый берег р. Ташлы; на востоке — ул. Войтика; на юге — р. Мамайка; на западе — Даниловское кладбище и ул. Краснофлотская.

Развиваясь по единому плану, Ставрополь приобретал органичный законченный вид. Учитывались особенности рельефа, продумывались системы коммуникаций, во внимание принималось направление ветров, климат, другие характеристики. Не будучи большим многоэтажным и шумным, Ставрополь имел свой колорит, обладал своей неповторимой средой, в которой гармонично сочетаются рельеф, сетка улиц, архитектура домов, растительность. Внешне скромный, город обладал большим чувством собственного достоинства, и не сразу замечалась в нем основательность и породистость. В до-

мах летом было прохладно, а зимой тепло. Этому способствовало использование местных материалов — дерева и камня-ракушечника, а также умение вписывать дома в окружающую среду.

Фасады домов белились в светлые охристые тона или отделывались кирпичной кладкой. Планировка улиц старалась избежать ветровых коридоров. Безукоризненно действовала система каменных арыков, используемая по сей день.

Торжественный вид городу придавал Николаевский проспект с бульваром. Здесь в 1837 году была открыта первая мужская классическая гимназия, в которой обучались представители всего Кавказа. В этом же году Ставрополь посетили император Николай I, который присутствовал на торжественном открытии гимназии.

Большие перемены в жизни города происходят в 40-е годы XIX века. В 1842 году здесь был учрежден центр епархии Ставропольской и Бакинской. В связи с этим событием в 1847 году на Крепостной горе был воздвигнут Кафедральный собор во имя Казанской иконы Божьей матери. Через 20 лет рядом с собором выросла Колокольня высотой 70 метров. Этот соборный комплекс являлся крупнейшим на Кавказе. Его строительство во многом определило внешний облик Ставрополя, который не мыслился без величественного храма на горе. Сияющий купол собора был заметен за десятки километров. Будучи главной доминантой города, собор служил точкой привязки улиц и домов, от него велся отсчет, на него ориентировались архитекторы и градостроители. Однако в 30-е годы нашего века собор был разобран, колокольня взорвана в 1943 году. После этого Ставрополь выглядит словно обезглавленный.

В 50—70-е годы произведена перепланировка всей Крепостной горы. При этом оказались снесенными многие исторические здания. В целях возрождения исторического ядра Ставрополя сегодня ведется разработка проекта воссоздания исторического центра. С 1990 года на Крепостной горе проводятся археологические исследования. Начаты работы по реставрации и музеефикации каменной оборонительной казармы. На месте бывшего «обывательского квартала» у пожарной части создается музей истории Ставрополя. Разрабатывается проект восстановления Кафедрального Собора. Первым шагом к его возрождению стала установка памятной часовни.

В 1840—1843 годах на нижней Советской улице вырос квартал строений присутственных мест. Спроектированные в классическом стиле, эти здания возводились по замыслу известного архитектора И.И. Бернардацци. И сегодня, несмотря на отдельные перестройки, этот квартал украшает старый город, подчеркивает былое значение.

В 1845 году в Ставрополе открывается первый русский театр на Кавказе. На протяжении 150 лет он во многом определяет культурную жизнь города.

В 1847 году Кавказская область была реорганизована, и из ее состава выделилась самостоятельная Ставропольская губерния, которая вместила территорию Центрального Предкавказья. Постепенно Ставрополь освобождается от своей военно-организационной роли. В 1859 году через город проследовал плененный Шамиль. В офицерском собрании почетному пленнику был устроен прием. На этом заканчивалась Кавказская война, и заканчивался важный этап истории Ставрополя, внесшего большой вклад в становление южных рубежей России.

Сегодня, в связи с резким изменением геополитической ситуации, Ставрополь вновь становится центром пограничного округа, усиливается его функция как опорного пункта России на Кавказе.

Во второй половине XIX века Ставрополь пережил большое потрясение, утратив функции торгового центра. Вызвано это было постройкой Владикавказской железной дороги, которая прошла в стороне от города через Невинномысск. До этого Ставрополь был крупнейшей ссыпкой зерна и базой заготовки другой продукции сельского хозяйства. Со всего Предкавказья сюда свозился хлеб, пригонялся скот, регулярно устраивались крупнейшие ярмарки. Ежегодно Ярмарочная площадь (ныне район цирка) становилась деловым центром региона. Из-за нехватки мест под ярмарку отдавалась просторная Александровская площадь, которая простиралась от современного Дома книги и стадиона до главного корпуса педагогического института. На недели и месяцы сюда съезжались горцы со всего Северного Кавказа, ставропольские крестьяне и ремесленники, калмыки, ногайцы, туркмены, представители всей России и Украины, жители Грузии, Армении, Азербайджана. От торговли город и местное купечество получали большие выгоды. Среди предпринимателей рос слой меценатов и людей, занимающихся благотворительной деятельностью.

Однако с начала XX века начинается новый этап бурного развития города, в это время идет активная застройка его центра. Характерной чертой архитектуры становится стиль модерн. В облике города появляются европейские тенденции, активно развивается культура и народное образование. В декабре 1904 года городская Дума приняла решение об учреждении музея учебных пособий, создаваемого по инициативе и на основе личных коллекций нотариуса, гласного Думы Г.К. Праве. Через два месяца, в феврале 1905 года, губернским статистическим комитетом учреждается краеведческий музей, основателем которого выступил присяжный поверенный Г.Н. Прозрителев. Начиная с этого времени в городе действуют два музея.

В 1927 году музеи были объединены в одно учреждение и окончательно заняли здание, где и сейчас располагается краеведческий музей, являющийся крупнейшим на Северном Кавказе. Его коллекции насчитывают более 200 тысяч экспонатов. На базе краеведческого музея в 1962 году сформировался музей изобразительных искусств (ул. Дзержинского, 115), литературный музей (ул. Дзержинского, 105), Дом-музей семьи Лопатиных (ул. Комсомольская, 113), музей художника П.М. Гречишкина. Кроме того, в городе создан музей города Ставрополя на Крепостной горе и археологический музей-заповедник на Татарском городище.

Накануне Первой мировой войны население Ставрополя достигло 100 тысяч человек. Город отличается многонациональным составом, разнообразием культур и вероисповеданий. Действовало 25 православных приходов, один монастырь, еврейская синагога, католический костел, мусульманская мечеть.

В 1914 году ставропольское купечество проложило прямую железную дорогу из Ставрополя до Туапсе. Ее назвали «хлебная дорога», так как по ней вывозили Ставропольскую пшеницу в порт и далее

за границу. После революции дорогу разобрали. В напоминание остались прочно сработанные каменные мосты, один из которых получил название «немецкого». Сейчас на нем тренируются альпинисты. О туапсинской железной дороге напоминает название «Туапсинка» в нижней части города, где стоят еще домики станционных смотрителей.

Центр просвещения, науки и культуры

Ставрополь по праву считается одним из крупнейших на Северном Кавказе центров развития, образования, науки и культуры. Здесь действуют педагогический и политехнический университеты, сельскохозяйственная и медицинская академии, ряд средних специальных учебных заведений. Крупные научные коллективы вносят свой весомый вклад в производство люминофоров и других особо чистых веществ, разработку современных технологий переработки сельхозпродукции, развитие овцеводства.

Пользуется международным авторитетом и Ставропольский ботанический сад, созданный в 1959 году. В ландшафтном дендрарии сада собрано более тысячи видов деревьев и кустарников из различных климатических зон земного шара. Есть в ботаническом саду и своеобразный краеведческий ботанический музей, где представлены типы лесов, произрастающих в крае, травянистые биоцинозы. Коллектив ботанического сада вносит большой вклад в озеленение города, ведет активную природоохранную деятельность.

Крупнейший на Северном Кавказе Дворец культуры и спорта профсоюзов не только является оригинальнейшим архитектурным сооружением, но и позволяет на высоком уровне проводить международные конкурсы, гастроли ведущих театральных коллективов страны, выступления лучших эстрадных коллективов и солистов.

Н.А. Охонько. **Откуда пошел Ставрополь**

Сколько лет нашему городу? Одни считают с 1777 года, от закладки крепости, другие — с 1785 года, когда Ставрополю официальным указом Екатерины II был присвоен статус города.

В 1977 году было широко отмечено 200-летие краевого центра и датой его основания теперь окончательно принято считать 1777 год.

Но вместе с этой чуть более двухсотлетней историей имеется большая предыстория, уходящая в седую древность. По первым описаниям, к приходу первых русских отрядов земли в районе Ставрополя у Черного леса были пусты и лишь периодически посещались кочевавшими здесь племенами, пасшими стада. По невыясненным пока еще преданиям, на месте крепости задолго до ее возведения стоял большой каменный крест, установленный первыми христианами, нашедшими здесь убежище от римских гонителей. У Г.Н. Прозрителева есть упоминания, что до постройки русской крепости на Ставропольской горе были остатки древнего укрепления. Но все это пока в области преданий и не доказано наукой.

А вот факты, которые дает археология, ведь письменных источников нет. У самого подножия крепостной горы с северной стороны, в зоне исторического ядра города на так называемой Ртищевой даче, открыто поселение, которое можно отнести к числу древнейших не только Ставрополья, но и всего Северного Кавказа. Нижние слои его датируются третьим тысячелетием до новой эры, то есть в абсолютном исчислении памятнику более четырех тысяч лет.

Это и были первые жители, оседло обосновавшиеся в наших местах.

У археологов, чем глубже они забираются в древность, нет таких понятий как народность или национальность, и они оперируют названиями культур. За этими культурами стоят древние народы, объединенные территорией, «модой» на вещи, сходным образом жизни и т.д. Третье тысячелетие — это эпоха перехода от камня к металлу, осваивались медь и бронза, шло становление земледельческих цивилизаций. Поселение в Ставрополе относится к числу именно таких. Во всем мире велик интерес ученых к этой эпохе, тогда зародилось производящее хозяйство и сформировались по сути дела основы современной цивилизации. Из школьного курса истории мы больше знаем о культурах Востока и Египта, о династиях правителей и даже образе жизни далеких от нас народов. О своей же истории мы знаем гораздо меньше, если не сказать, что совсем не знаем. Между тем наша местная история не менее древняя и не менее поучительная.

Трудно сказать, к какому народу относили себя те, кто поселился на речке Ташле четыре тысячи лет назад. Современные исследователи включили их в круг так называемой майкопской культуры, широко известной в научных кругах. Свое название культура получила от ярких находок, впервые сделанных в прошлом веке на территории города Майкопа. Здесь археологом Н.И. Веселовским в 1897 году был раскопан большой курган, получивший всемирную известность. Под насыпью находилась могила с большим количеством предметов. В большой яме под пологом роскошного балдахина лежал знатный покойник. В загробный мир его сопровождали две насильственно умерщвленные женщины. Одежда погребенного была буквально усыпана золотыми бляшками с изображениями львов и быков, золотыми кольцами, бусами из золота, серебра, бирюзы, лазурита, сердолика. Рядом многочисленные серебряные и золотые сосуды, миски, глиняные горшки, стрелы с кремневыми наконечниками, медные и каменные топоры, другие вещи. На одном из сосудов чеканкой нанесено изображение горной панорамы с двумя вершинами (Эльбрус?) и стекающими с гор реками. Многие из найденных вещей имеют большую близость с искусством Переднего Востока и говорит о прочных связях с этим регионом.

Большой друг музея, ученый-зоолог, нумизмат С.К. Даль, проживавший на улице Гоголя, часто совершал прогулки в район ставропольского детприемника. Его внимание привлекли черепки,

валявшиеся на расположенных рядом огородах. Известно, что до революции здесь была дача ставропольского помещика Ртищева. Собрав черепки, С.К. Даль принес и сдал их в музей. Обследовав указанное место, археологи сделали заключение о наличии здесь древнего поселения. Но даже они не могли предположить его возраст. Нужны были раскопки. Случай представился в 1981 году, когда на этом месте решено было возводить учебно-тренировочную базу спортивного общества «Динамо». По закону, прежде чем начать строительство, необходимо произвести научные изыскания. Таким образом и были открыты древнейшие следы поселений на территории Ставрополя.

Текст печатается по изданию:
Охонько Н.А. Откуда пошел Ставрополь // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 3 июля. — №133—134.

Н.А. Охонько. **Кто основал Ставрополь**

Не однажды мне доводилось слышать, что Ставрополь основал А.В. Суворов. Другие говорят, что это осуществил князь Григорий. Александрович Потемкин по указу императрицы Екатерины II. Ряд исследователей к основателям Ставропольской крепости относят Астраханского генерал-губернатора Ивана Варфоломеевича Якоби. Историк В.А. Пото в своей «Кавказской войне» пишет, что И.В. Якоби был назначен на Кавказ по личному выбору князя Г.А. Потемкина и по его инициативе были заложены крепости Екатериноградская, Георгиевская и Ставропольская.

Каждый из перечисленных государственных и военных деятелей внес свой вклад в основание Ставрополя. Однако было бы интересно знать, кто непосредственно руководил строительством крепости со времени её закладки.

В 1913 г. служащими ставропольского интендантства при производстве работ на Крепостной горе были случайно вскрыты два каменных склепа. Г.Н. Прозрителев произвел обследование могил. В одной из них он обнаружил погребение мужчины в форме полковника XVШ в. В памяти старожилов сохранилось предание, что на этом месте похоронен командир крепости, убитый во время набега горцев.

На основании косвенных данных Г.Н. Прозрителев пришел к выводу, что во дворе интендантства у алтаря первой церкви был похоронен полковник Ладыженский, который, по мнению краеведа, являлся первым строителем и комендантом крепости Ставропольской.

Работы последних лет по изучению Крепостной горы дали новые сведения, которые позволяют взглянуть на вопрос несколько шире. С самого начала Азово-Моздокская линия делилась на две дистанции. Восточная шла от Моздока до крепости Александровской. Здесь крепости закладывались солдатами Кабардинского пехотного полка и казаками Волжского полка. Центром восточной дистанции служила Георгиевская крепость.

Западная дистанция начиналась от крепости Северной и шла через Ставропольскую, Московскую и Донскую крепости на соединение с Манычем и Доном. Здесь центральную роль выполняла Ставропольская крепость.

Командиром Кабардинского пехотного полка был полковник Николай Ладыженский, на которого возлагались обязанности координатора работ на всей линии. Ставка полковника Ладыженского находилась в Георгиевске. Из его послужного списка явствовало, что Ладыженский родился в 1736 г., из дворян. Службу начал 1 января 1750 г. кадетом, через год был ефрейтором, затем прошел путь от прапорщика до полковника, звание которого ему присвоили в 1775 г.

Судя всему, Ладыженский был в тесных отношениях с И.В. Якоби, В одном из документов говорится, что Н. Ладыженский, будучи в отлучке, находился в Саратове «у господина генерал-поручика Ивана Варфоломеевича Якоби для самоличного объяснения по линейным делам».

В 1782 г. И.В. Якоби назначается генерал-губернатором Оренбургской области. И в это же время Н. Ладыженский переводится комендантом Оренбургской крепости. Чуть позже И.В. Якоби становится наместником Иркутской и Колыванской губерний, а Н. Ладыженский с 1 июля 1783 г. значится обер-комендантом Троицкой крепости Иркутской губернии. На этом пока теряется след Николая Ладыженского, основавшего Азово-Моздокскую линию.

Таким образом получает опровержение версия о том, что полковник Ладыженский погиб и погребен в Ставрополе. Нет также оснований считать его первым комендантом и строителем Ставропольской крепости.

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве хранится фонд «Кавказские дела». В прошлом году заведующему музеем истории города Ставрополя И. Кравцову удалось познакомиться с перепиской между комендантами крепостей Азово-Моздокской линии, командиром дистанции полковником Н. Ладыженским и Астраханским генерал-губернатором И.В. Якоби. При этом выясняется, что возведением Георгиевской крепости руководил некий Барабанщиков, Павловской — капитан Денисов, Северной — премьер-майор Баас, Екатериноградской — капитан Гиль, а Ставропольской — полковник В. Шульц. Как известно, западную дистанцию Азово-Моздокской линии возводили солдаты Владимирского драгунского полка и казаки Хоперского полка. До передислокации на Кавказ Владимирский драгунский полк стоял в селении Золотом, Саратовской губернии. Командовал полком полковник В. Шульц — выходец из Пруссии, имевший титул барона, начинавший службу капралом и перешедший в русскую армию при императрице Елизавете Петровне.

Ордером генерал-губернатора И.В. Якоби местопребывание полковника В. Шульца определялось в

крепости Ставропольской. При этом особо подчеркивалось, что при возникновении угрозы от закубанцев, В. Шульц должен был «давать о сем знать Кабардинского пехотного полка господину полковнику Ладыженскому», чтобы действовать совместно.

Судя по переписке, В. Шульц был комендантом и строителем Ставропольской крепости с момента её закладки до 1782 г. Пять лет он находился в Ставрополе, руководя всеми военными и строительными делами. Комендантом такого важного военно-стратегического пункта, как крепость Ставропольская, мог быть человек опытный и надёжный. Одновременно он руководил строительством и обороной цепи укреплений на западном фланге линии. В 1782 г. после отъезда Н. Ладыженского в Оренбург, В. Шульц какое-то время исполнял обязанности начальника всей Азово-Моздокской линии. К этому времени он имел уже чин генерал-майора.

К сожалению, это пока все сведения, которыми мы располагаем о первом коменданте и строителе, а следовательно, и непосредственном основателе Ставропольской крепости В. Шульце. Возможно, дальний поиск позволит больше узнать об этом человеке и о его деятельности при основании нашего города.

Что же касается А.В. Суворова, именем которого названа главная улица бывшей крепости, где стоит памятник великому полководцу, то он бывал в Ставропольской крепости лишь с инспекторскими проверками, первая из которых состоялась 5 апреля 1778 г.

При одном из посещений А.В. Суворов дал высокую характеристику Ставропольской крепости, оценив тем самым и труд её первого коменданта. Думается, что Ставропольцы должны достойно увековечить имя полковника В. Шульца.

Н.А. Охонько. **Знай свою родословную**

Наш город стал ещё на один год старше, а через 8 лет он будет отмечать свой 225-летний юбилей. В такие моменты принято обращаться к истории. У Ставрополя интересная биография и славное прошлое, его созидали поколения горожан, которых надо помнить. Однако как мало мы знаем о тех, кто стоял у истоков города. Кто они, эти первопроходцы, закладывавшие крепость и станицу, оборонявшие их и строившие первые дома и улицы? К сожалению, крайне скудны знания в этой области. Сложилось так и потому, что мы не знаем наших семейных родословных; и потому, что долгое время в изучении истории преобладало классовое и общественное начало; и потому, что плохо сохранились архивы; и многое другое мешает нам знать свою родословную.

И все же не все потеряно. Согласитесь, насколько интересно было бы найти живых потомков первых жителей нашего города. Тогда история перестанет казаться абстрактной и станет одушевленной, близкой.

Попытаемся все же это сделать. Вспомним, что в течение восьми лет после закладки Ставрополь был сугубо военной крепостью. 23 апреля 1785 года указом Екатерины II ему присваивается статус города. Двумя неделями раньше императрица подписала жалованную «Грамоту на права и выгоды городам Российской Империи», даровав городам права местного самоуправления. Между прочим, один из пунктов жалованной грамоты гласил: «Городу иметь герб... и оный герб употреблять во всех городовых делах».

В Ставрополе открываются присутственные места и формируется администрация, называемая магистратом. Городовой магистрат состоял из двух бургомистров и четырех ратманов. Примечательно, что полный состав магистрата не могли набрать в течение трех лет по причине недостатка жителей, владевших грамотой. Пусть и в неполном составе магистрат начал действовать с 1786 года. Заседания протоколировались и складывались в архив. Архив был обнаружен в начале нашего столетия Г.Н. Прозрителевым. Часть его располагалась в колокольне Казанского кафедрального собора, а часть в сарае полицейского управления. Ученой архивной комиссии удалось привести эти архивы в порядок и начать их рубрикацию. Однако в 1920—1921 годах большая часть архива была, по словам Г.Н. Прозрителева, «расхищена». Сведения сохранились лишь в трудах Ставропольской ученой архивной комиссии, действовавшей с 1906 года по 1920 год, до момента создания государственного архива.

Вот что известно о тех людях, которые стояли в самом начале формирования городского общества.

Первым бургомистром Ставрополя был Кузьма Яковлев, а первым ратманом — Карп Колесников. Первым нотариусом стал курский дворянин, отставной прапорщик Калугин, а первым городничим — прапорщик Стефан Яров.

В общественном приговоре 15 ноября 1786 года участвовали: Антон Руднев, Яков Тарасов, Назар Голиков, Антоний Камарин, Алексей Стрежиков, Тимофей Катасанов, Иосиф Ртищев, Василий Быканов, Андрей Волобуев, Петр Акулинин, Козьма Руцкий, Петр Пашков, Никита Черкеменин, Петр Воробьев, Григорий Неделика и Иван Чернышев.

Г.Н. Прозрителев отмечает, что в 20-х годах нашего столетия из числа первых деятелей городского управления в Ставрополе оставались потомки Иосифа (Осипа) Ртищева и Антона Руднева. Однако в списке имеется еще одна очень знакомая фамилия — Волобуев. До сих пор в нашем городе живут люди, причисляющие себя к династии Волобуевых. Думается, что углубленные разыскания в архивах и воспоминаниях потомков помогут полнее изучить историю этого рода, стоявшего у основания Ставрополя.

Согласно российским законам конца XVIII в., полноправным жителем города считался человек,

получивший статус мещанина. После революции этот термин получил уничижительное значение. Однако в свое время звание мещанина носилось с гордостью. Человек, записавшийся в мещане, получал права гражданина и мог пользоваться свободами городского самоуправления. Звание мещанина спасало от крепостной и иной зависимости, позволяло участвовать в решении вопросов городского общежития.

По состоянию на 4 июля 1787 года в Ставрополе числилось 162 мещанина. Это и были первые жители, обладавшие юридическими правами горожан. К сожалению, список горожан 1787 г. до нас не дошел. И всё же некоторые фамилии нам известны благодаря следующему событию. В целях поддержки нового города правительство предложило Ставрополю денежную ссуду из заемного банка. Но ставропольцы отказались от ссуды, ссылаясь на неустройство общества и недостаточнее количество лиц, вошедших в число купцов и мещан города. Мнение горожан подписали: градской глава и бургомистр Михаил Тарасов, ратман 3 гильдии купец Яков Логовской, ратман и 3 гильдии купец Василий Билецкий, ратман и 3 гильдии купец Степан Расинской, купец Иван Абрамов, купец Дементий Хахленков, купец Анфим Хаустов, купец Василий Репухов, купец Савостьян Чернышев, староста Прокофий Савин, мещане Павел Стасенков, Иван Лысой, Лазарь Голиков, Алексей Лукьянченков, Семен Леванидов, Калина и Григорий Скомороховы, Федор Заикин, Тимофей Катасонов, Осип Ртищев, Семен Фотистов, Петр Коренев, Козьма Ермолов, Аброснм Уваров, Потап Ермолов, Захар Попов, Тарас Зотов, Яков Тарасов, Агап Лебедев.

Из вышеперечисленных имен знакомой представляется фамилия Стасенкова. Во второй половине XIX — начале XX века жил Георгий Стасенков, имевший звание почетного гражданина. Внук Стасенкова — гражданин Соединенных Штатов Америки, а правнук является представителем компании «Филипп Моррис» в Москве. Недавно они приезжали в Ставрополь и интересовались историей своих предков, в благодарность за сохранение памяти о Георгии Стасенкове наши американские соотечественники внесли вклад в возрождение кафедрального собора на Крепостной горе. Их дед в своё время заслужил звание почетного гражданина за свои труды по благоустройству улиц Ставрополя. Таких меценатов, заботившихся о городе, было много. Среди них Игнат Волобуев, купец Тамамшев, купец Иванов, купец Ганиловский и другие.

Это было уже поколение тех людей, которые вросли корнями в ставропольскую землю и рассматривали город как свой дом, полученный в наследство от пращуров. В их жизни и поступках чувствовалась уверенность, виделась далекая перспектива.

Непростой была жизнь первых горожан, быт и хозяйственные проблемы усугублялись тяготами военной обстановки. Вопреки всему город рос и развивался. Чем ухоженнее и организованнее становился Ставрополь, тем больше людей он привлекал. Переселенцы, отставные военные, просто приезжие быстро пополняли население.

Коротка людская память, и уже к середине XIX в. мало кто помнил, откуда пошел Ставрополь, кто его основал. В 1840 г. Российский военный штаб запросил сведения «об основании Ставрополя, а равно о правах и привилегиях жителей». На что городская дума ответила: «По делам думы, чтобы жители города сего какия облегчения или привилегии имели, не видно, а также в каком именно году город Ставрополь основан, сведений не имеется». На донесении думы имеется резолюция начальника Кавказской области: «Нехорошо, что дума не знает об этом. Опросить кого-либо из старожилов и пригласить в канцелярию старосту Плотникова».

Жизнь и быт первых поселенцев носили своеобразный характер. Вот как позже описывает это газета «Ставропольские губернские ведомости»:

«Вести из России не были часты, и письмо было большой редкостью. Если принять во внимание прилив переселенцев и то, что военное начальство должно было входить в их нужды и принимать участие в их правоотношениях, то можно утверждать, что в крепости было большое оживление. Что касается внутренней жизни, развлечений, то главным удовольствием было чаепитие, спиртные напитки (водка) были только для праздника, в самом ограниченном количестве, а виноградное вино было недоступно...

Охота на кабанов, медведей была большим развлечением, а обилие птиц, в особенности перепелов, стрепетов и фазанов, сделало охоту любимым отдыхом и создало обычай. Грамотность была очень слабо развита, школ не было, но начало им положено было в казачьих станицах учреждением полковых школ.

Книга была редкостью, хотя и встречались книги 1785 г., как светские, так и церковные, привезенные из России...»

Несмотря на отдаленность от России, жители Ставрополя активно откликались на события в стране. 2 августа 1812 года городская дума провела сбор средств для защиты Отечества от нашествия армии Наполеона. Как докладывал городской глава Степан Чернов, «Ставропольское общество изъявило усердие пожертвовать... 630 рублей, а в дальнейшем сбор средств продолжится».

В посемейном списке жителей Ставрополя числится 141 семья. По количеству взрослых членов семьи делятся на «семерики» — две семьи, «шестерики» — три семьи, «пятерики» — пять семей, «четверики» — четырнадцать семей. 43 семьи включают двоих взрослых и детей. Этот состав показывает, насколько молоды были еще семьи ставропольцев, состоящие из двух поколений. Дети росли без бабушек и дедушек, имея только отца и мать.

Более половины семей составляли одинокие. Среди них удивляет большое количество одиноких мужчин с детьми. Лишь к середине XIX в. в Ставрополе формируются семьи, состоящие из трех поколений — родители, дети, бабушки и дедушки.

Н.А. Охонько. **Кузьма Яковлев — первый глава Ставрополя**

Заложенный в 1777 г. как крепость Ставрополь со времени основания управлялся военными. Его население первоначально состояло из офицеров, солдат и казаков. Однако вскоре здесь появились и гражданские люди — купцы, мещане, крестьяне, отставные солдаты.

Среди купцов с 1784 г. известна фамилия Кузьмы Яковлева. Очевидно, он поселился в Ставрополе еще раньше, так как известно, что он торговал в крепости. Сохранившиеся документы о его торговых делах отличались высоким уровнем грамотности.

В 1785 г. указом императрицы Екатерины II Ставрополю дается официальный статус города. В этой связи необходимо было сформировать городское управление — ратушу, — во главе которой избирался бургомистр с четырьмя советниками, именуемыми ратманами. Выборы состоялись в ноябре 1786 г. Первым бургомистром стал купец Кузьма Яковлев. За давностью времени и отсутствием архивов нам неизвестны годы его жизни и место рождения. Судя по всему, человек он был авторитетный и играл роль неформального лидера еще до своего избрания на пост первого городского главы.

Население города, которым ему надлежало управлять, не отличалось покладистостью и приверженностью к законам. По большей части это была вольница, сорвавшаяся с насиженных мест в России и Украине за поиском удачи и лучшей доли. Среди них были люди отчаянные и рисковые. Тон задавали купцы, которые, идя вместе с армией, торговали подчас в военной обстановке, рискуя не только состоянием, но и жизнью.

В условиях кавказской жизни и быта приходилось быть предприимчивым и смелым, в то же время дипломатичным и осторожным.

Судя по всему, Кузьма Яковлев был состоятельным человеком, что делало его более независимым в своих действиях на посту городского главы.

К. Яковлев пробыл бургомистром полный срок, который составлял тогда 3 года. На его долю выпало с нуля сформировать органы городского самоуправления. Полный состав ратуши был собран лишь в 1787 г., так как в течение долгого времени не могли найти среди жителей достаточного числа грамотных людей. Создавалась городская управа в условиях чрезвычайной бедности. Первое время не было средств даже на приобретение сукна для столов.

Особые трудности в управлении городом вызывало то, что с самого начала это управление находилось в руках военного начальства. Как писал краевед Г.Н. Прозрителев, «Суровый военный режим связывал обывателя и отдавал его в зависимость от личного усмотрения того или другого начальника гарнизона, который в свою очередь был связан строгостью военных законов, которыми часто прикрывались и злоупотребления».

Несмотря на трудности, Кузьма Яковлев достойно отслужил свой срок на посту главы города и уже через 20 лет Ставрополь стал вторым после Кизляра «знатнейшим по Кавказской губернии торговым местом».

Н.А. Охонько. **Тайны крепостной горы стремятся раскрыть ставропольские археологи**

Многие ставропольцы и гости нашего города, приходя сегодня на Крепостную гору, не сразу понимают, в чем смысл ведущихся здесь земляных работ. На месте вчерашних газонов видны кучи земли, а в раскопах постепенно открываются остатки старых фундаментов, каменных мощений, ступеньки, вырытые в материковой глине, следы других строении. Здесь ведутся археологические раскопки, цель которых — точно выяснить место, где стоял старый собор, уточнить его конструкцию и ответить на вопрос — что же осталось от этого величественного сооружения, снесенного в 30-е годы?

Другой раскоп, заложенный у верха Комсомольской лестницы, должен помочь найти местоположение братской могилы времен Великой Отечественной войны, уточнить, был ли здесь бункер фельдмаршала Клейста, а также определить, где проходила укрепленная линия Ставропольской крепости.

Еще один раскоп, разбитый непосредственно у остатков каменной крепостной стены недалеко от кинотеатра «Родина», сделан с целью выяснения всех деталей, связанных с возведением каменных укреплений, защищавших крепость в конце XVIII — начале XIX веков. Здесь же планируется изучение культурного слоя древнего городища, возникшего задолго до основания Ставрополя.

Четвертая точка работ мало чем напоминает археологические раскопки. Ведутся они на территории заброшенного и захламленного двора, примыкающего с северной стороны к пожарной части. Здесь разместятся экспозиции и строения музея под открытым небом. Под слоем мусора, асфальта и бетона постепенно появляется старинная брусчатка. Скрытая поздними постройками, измененная до неузнаваемости, вырисовывается старая площадь.

Труднее всего работать на месте собора. Здесь все пространство на глубину нескольких метров завалено строительным мусором, образовавшимся при разборке храма. В завалах найдены обломки оконных переплетов, части кованых решеток, осколки витражей, фрагменты фресок, детали печных устройств, обогревавших полы. Среди находок — медная гренадерская кокарда, монета 1840 года, железный крест, железные кованые гвозди и костыли, встречающиеся в большом количестве.

На краю южного склона горы у Комсомольской лестницы вскрыт участок крепостного рва. Он за ненадобностью был засыпан во время строительства собора в сороковых годах XIX века. Путешествен-

ник, проезжавший через Ставрополь в 1854 году, записал: «Крепость, построенная в 1777 году на горе.., сохранила почти прежний свой вид и название до настоящего времени. В некоторых из ея зданий... заметны еще следы амбразур. А назад тому несколько лет, до сооружения Казанского собора и преобразований около него сделанных, легко было заметить следы вала. Но теперь все это сглажено и не напомнит нам ничего о существовании укрепленного места». Исследованиями удалось установить картину того, как был срыт вал и засыпан ров в районе собора.

Там, где сохранилась стена с бойницами, стояла казарма «строевых эскадронных офицеров», как отмечено на плане Ставропольской крепости за 1811 год. Под толщей стены скрываются фундаменты мощного строения, с внешней стороны которого выявлены аккуратные каменные отмостки. К счастью, они не разобраны и легко вскрываются. Сравнительно небольшие затраты потребуются для того, чтобы провести их музеефикацию и сделать доступными для показа.

Впереди новые раскопы на месте первого городского кладбища. Потребует уточнения расположение крепостных сооружений. Продолжают интриговать воображение подземные ходы. Все это на повестке изысканий в августе и сентябре.

Ожидаются новые находки и новые открытия. Для этого потребуются средства, техника, материалы. И они начали уже поступать на благотворительный счет, открытый центром «Шелковый путь». Пример благотворительности в области историко-культурного возрождения Ставрополя подали горисполком, Октябрьский райисполком, завод «Оптрон», опытный завод крайместпрома, механизированная дистанция погрузочно-разгрузочных работ железной дороги, перечислившие свои средства на благородное дело возрождения исторического центра нашего города. Свой вклад сделал краевой Фонд культуры, финансирующий раскопки и проектные разработки.

Текст печатается по изданию:
Охонько Н.А. Тайны крепостной горы стремятся раскрыть ставропольские археологи // Вечерний Ставрополь. — 1991. — 1 августа. — №85.

Н.А. Охонько, Ю.А. Хоменко, В.В. Белоконь, В.П. Гребенников. **О чем поведали раскопки**

В одном из залов музея демонстрируется макет Ставропольской крепости, вызывающей неизменный интерес у посетителей. Мощные каменные стены с бастионами и реданами, узкие щели бойниц, глубокий ров вдоль стены, часовые у крепостных ворот. Такой представлялась крепость до того, как в ней начались научно-исследовательские работы и археологические раскопки. Полевой сезон в разгаре, впереди еще два месяца работы, но уже сегодня можно говорить об открытиях. Нет, речь пойдет не о находке клада или загадочных подземельях, а о том, была ли у Ставропольской крепости каменная стена, остатки которой сохранились у кинотеатра «Родина».

Исторические источники свидетельствуют о том, что уже через год после основания Ставрополя на горе высилась грозная крепость, крупнейшая среди укреплений Азово-Моздокской линии. На планах конца XVIII — начала XIX веков Ставропольская крепость изображена в форме неправильного пятиугольника, вытянутого с востока на запад в соответствии с рельефом местности. Вдоль обрывов тянутся укрепления, усиленные бастионами и пушками, вдоль которых с внешней стороны вырыт ров. В 1779 году полуторатысячный отряд неприятеля напал на крепость и пытался захватить ее. Двести казаков Ставропольской крепости отбили нападение и, выйдя из-за укреплений, преследовали противника. После этого никто не решался нападать на Ставрополь, который через восемь лет после основания получил статус города и начал развиваться как административный и экономический центр, постепенно теряя роль военного укрепления. Лишь размещавшийся здесь штаб Кавказской линии да проходящие войска напоминали о военной роли теперь уже тылового города.

В крепости вместо солдат и казаков разместились интендантские службы и склады. Один из путешественников, проезжавший через Ставрополь в 1828 году, записал так: «Город состоит из города собственно и прилегающей к нему станицы... На горе, довольно возвышенной, находится старая уничтоженная крепость, которая окружена с одной стороны земляным валом, а с другой — ограждена от природы... весьма крутою глубокою рытвиною, внизу которой протекает река. В крепости находятся несколько хороших каменных строений».

Закладывая раскоп у каменной стены, мы намеревались изучить ее конструкцию и нанести на современный ландшафт. Каково же было удивление, когда выяснилось, что сохранившаяся стена является лишь одной из четырех стен, три же остальные не пристроены позже, а выполнялись изначально в виде прямоугольной казармы. Об этом свидетельствуют раскопанные фундаменты несохранившихся стен. Но почему тогда в стене бойницы? Ответ дают старые планы, показывающие с 1811 года цепь каменных оборонительных казарм, построенных внутри крепости.

Сохранившаяся стена принадлежала казарме «строевых эскадронных офицеров». Ее длина 43 метра, ширина 8 метров. Западнее, там, где сейчас жилой квартал между ул. К. Цеткин и проспектом Октябрьской революции, размещались казармы для лейб-эскадрона драгун и военная кухня. И сегодня здесь на стенах домов просматриваются следы бойниц. Цепь каменных казарм и строений тянулась от ул. К. Цеткин до ул. Ставропольской. Третья казарма позже перестроена в здание интендантского депо, которое занимала комиссариатская комиссия (здание музыкальной школы № 2), далее шел шеф-

ский дом, затем склады. Имея бойницы для стрельбы, казармы образовывали как бы доты в крепости и были готовы к отражению противника.

Вначале же крепость, как выясняется, была земляной в виде вала и рва, обложенных камнем. В описании к плану г. Ставрополя 1787 г. записано так: «Город Ставрополь, начатый укреплением, когда линия Кавказская заводилась, при генерале Якоби камнем одет...».

В раскопе у верха Комсомольской лестницы вскрыт участок засыпанного крепостного рва. Вдоль него тянулся вал. Укрепления были построены по всем правилам военного искусства и предназначались для ведения пушечного и ружейного огня. Ров имел пологий внешний и крутой внутренний скат. В такой ров легко вбежать, но нелегко из него выбраться. Замешкался и попал на мушку стоящего за валом стрелка.

Земляные укрепления постепенно срывались за ненадобностью. В «Кавказском календаре» 1855 года отмечалось: «Крепость, построенная в 1777 году на горе в виде пятиугольника, сохранила почти прежний свой вид и название до настоящего времени. В некоторых из ее зданий, обращенных фасом к югу, заметны еще следы амбразур, а назад тому несколько лет, до сооружения Казанского собора и преобразований около него сделанных, легко было заметить следы вала; но теперь все это сглажено и не напомнит нам ничего о существовании укрепленного места, разве только по двум старым зданиям, занятым теперь Комиссариатскою Комиссиею, можно догадаться, что они построены не для обыкновенных жилищ, а по военным обстоятельствам».

Таким образом, сегодня мы можем говорить о трех периодах в истории Ставропольской крепости. Несмотря на то, что крепость была земляной, она в силу своего выгодного местоположения являла собой грозное сооружение. На следующем этапе строятся оборонительные каменные казармы. Позже, с перемещением театра военных действий к горам, казарма строевых эскадронных офицеров, интендантское депо, шефский дом и новые складские помещения, соединившись стенами, образовали семиугольник военно-интендантского ведомства.

Текст печатается по изданию:
Охонько Н.А., Хоменко Ю.А., Белоконь В.В., Гребенников В.П. О чем поведали раскопки // Вечерний Ставрополь. — 1991. — 6 августа — № 87.

Н.А. Охонько. **От первых изб до стиля «модерн»**

Города, как люди, живут своей жизнью и имеют свою биографию. Их история сохраняется не только в архивных документах и воспоминаниях старожилов, она зримо живет в планировке улиц и кварталов, в том, что можно назвать городской средой. Бывает среда, комфортная для жизни человека, а бывает и агрессивная, что, в свою очередь, формирует вкусы, образ жизни и даже характеры горожан.

Помимо всего прочего, города, как и люди, делятся по степени своих заслуг перед Отечеством. Наиболее выдающиеся вносятся в официальный реестр исторических городов России. К таким относится Ставрополь, сыгравший выдающуюся роль в становлении России на ее южных рубежах.

Однако часто ли мы задумываемся над тем, как строился и формировался наш город? А ведь за этим стоит большая интересная история, главное место в которой занимают ставропольские архитекторы и градостроители.

Наиболее грамотные из них стремились внедрять новое, опираясь, однако, на опыт своих предшественников. Таким образом, на протяжении более полутораста лет существовала преемственность между прошлым и новым, что позволяло сохранять и приумножать лучшие черты ставропольской архитектуры и градостроения. От первых каменных домов XVIII века до стиля «модерн» начала XX столетия — таковы составляющие архитектурные вехи старого города. И нет между ними антагонизма, а есть единая плотная ткань городской среды.

Бывает так, что города меряют по степени их размеров и высоты домов. Чем больше и крупнее, тем престижнее. Ставрополь внешне не так эффектен, как Ростов или Волгоград. Его достоинства скрыты внутри оригинальной неповторимой среды. Один архитектор, много лет проживший в Ставрополе и довольно скептически относившийся к его архитектурным достоинствам, попав на учебу в Москву, взялся за дипломную работу под названием «Регенерация исторического центра города Ставрополя». Закончив работу, он воскликнул: «Какой породистый город!».

Его «породистость» заключается в том, что, согласно принятой классификации, Ставрополь относится к городам крепостного типа. Вначале, в 1777 году, на горе появилась военная крепость, а рядом — казачья станица, заложенные по единому строгому плану. Уже через 8 лет специальным указом Екатерины II Ставрополю был присвоен официальный статус города с устройством соответствующей структуры управления, в которую в обязательном порядке входили землемер и архитектор с штатом. Все это с самого начала определило развитие Ставрополя по правилам городского строительства и позволило избежать стихийности и неупорядоченности в планировке с созданием полного комплекса городских коммуникаций. Соответственно статусу города строились дома и улицы.

На протяжении 40 лет Ставрополь сохранял военное значение и в нем непрерывно велись крепостные работы, что отвлекало от гражданского строительства. В 1817 году генерал Ермолов остановил возведение крепостных сооружений, так как военные действия переместились в горы, а в 1822 году перевел в Ставрополь центр Кавказской области. С этого времени у нашего города обозначились большие перспективы, которые потребовали разработки генерального плана развития на много лет вперед.

Такой план был составлен ярким и образованным специалистом И.И. Гайворонским. Назначенный в 1831 году архитектором при командующем войсками Кавказской линии и Черномории, он быстро понял нарастающую роль Ставрополя как российского центра на Северном Кавказе. Под руководством Гайворонского был разработан генеральный план развития Ставрополя.

В 1833 году генеральный план был утвержден лично императором. Ознакомившись с проектом, царь коротко распорядился: «Быть по сему. Николай I».

План Гайворонского оказался самой крупной вехой в градостроительном развитии Ставрополя. Он определил формирование города более чем на сто лет вперед. Проект учитывал особенности рельефа, систему коммуникаций, направление ветров и климат, сеть дорог, предусматривал дальнейший рост города.

При всем разнообразии строений и улиц старый город формировался по единым правилам и приобретал органичный, законченный вид. Ритмичность в этажности задавались ведущими зданиями, расположенными, как правило, на углах кварталов. При сохранении равномерной сетки кварталов учитывался сложный рельеф и пересеченность местности многочисленными речушками и балочками. Из всего этого постепенно сформировалась оригинальная среда в комплексе окружающего ландшафта и природы.

Тонкий вкус архитекторов, стремящихся не изменять эту среду, а вписаться в нее, позволили превратить Ставрополь в самобытный город, наделить его своеобразием и только ему присущим колоритом. Город не имел высоких строений и не поражал сразу. Внешне скромный, он обладал большим чувством собственного достоинства и лишь постепенно замечалась в нем основательность и породистость. В домах летом было прохладно, а зимой тепло. Помогало в этом использование местного камня-ракушечника и дерева, а также побелка стен в светлых или охристых тонах. Планировка улиц не создавала ветровых коридоров и сквозняков. Безукоризненно действовала система каменных арыков, используемая по сей день.

Динамичное развитие Ставрополя в течение последних 30 лет привело к созданию новых районов. На их фоне старый город стал смотреться еще контрастнее и привлекательнее. Однако с учетом возрастающего спроса на застройку в историческом центре город постепенно теряет своеобразие. В данных условиях от современных градостроителей и архитекторов требуются такт и мастерство, которые позволили бы внедрять новое, сохраняя преемственность с прошлым. Ведь задача архитектора не разрушать, а созидать. К сожалению, продолжается тактика сноса старых домов и строительство вместо них типовых стандартных строений. На наш взгляд, городской центр требует особых подходов и строить в нем можно лишь при двух первостепенных условиях: 1) не нарушать историческую среду и застройку; 2) создавать объекты, которые бы украшали улицы и органично вписывались в историко-архитектурный контекст двухсотлетней жизни.

Показательной в этом плане стала ситуация, сложившаяся вокруг углового дома по ул. Ленина, 310. Казалось бы, ничем не примечательный двухэтажный дом стал объектом острых разногласий между сельскохозяйственным институтом и органами охраны памятников. Институт намерен снести старый добротный каменный дом и поставить на его месте многоэтажный жилой корпус. Противоположная же сторона предлагает реконструировать дом и приспособить под современные нужды с сохранением его внешнего облика, но ни в коем случае не сносить. Аргументами в пользу последнего является то, что, построенный в пределах красных линий улиц по плану И.И. Гайворонского, он фиксирует этажность застройки того времени, ширину улиц и является «маяком» на углу квартала, определяя его массу.

Оставляя наиболее важные и прочные старые дома, развивая рядом с ними новое строительство, мы тем самым демонстрируем подлинные образцы архитектуры и планировки того или иного периода жизни города. Заслуживая самого уважительного отношения к его прошлому, город Ставрополь должен быть сохранен в его исторической части.

Текст печатается по изданию:
Охонько Н.А. От первых изб до стиля «модерн» // Вечерний Ставрополь. Исторический клуб. — 1993. — 17 сентября.

Н.А. Охонько. **Краткая историческая справка о храмах города Ставрополя**

I. Соборы

1. Казанский кафедральный собор

Заложен Преосвященным Иеремией, первым епископом Кавказским 8 июля 1843 г. и им же освящен 22 октября 1847 г. Находился на Крепостной горе; в 30-е годы XX в. разрушен.

2. Троицкий собор

Построен в 1807 г. с 2 приделами: во имя пр. Сергия Радонежского и свят. Николая. (Построен «тщанием прихожан»). Находился на месте гостиницы «Интурист». Разрушен в 1934 г.

II. Приходские церкви

1. Варваринская церковь

Построена в 1884 г. иждивением Ставропольского почетного гражданина Федора Григорьевича Стасенко; каменная 1 $^1/_2$ этажа. В нижнем этаже престол во имя св. Илии пророка.

К этой церкви приписана церковь при Ставропольской епархиальной богадельне. Находилась на Варваринской площади; ныне уг. Комсомольской и ул. Р. Люксембург на месте учебного корпуса строительного техникума. Разрушена в 1923 г.

2. Софийская церковь

Построена в 1874 г.; каменная с приделом во имя св. Николая. Находилась на Софиевской площади, ныне уг. ул.Мира и ул. Ломоносова, на месте мединститута. Разрушена в 1935 г.

3. Данииловская кладбищенская церковь

Построена в 1892 г. тит. сов. Д.С. Извозчиковым. Находилась в каменном здании. Современное место: уг. ул. Балахонова и 8-го марта. Разрушена в 1936 г.

4. Георгиевская церковь

Построена в 1850 г. преимущественно на пожертвования купца Пр. Леденева. В 1904 г. расширена и построена колокольня. Находилась на Георгиевской площади. Ныне ул. Мичурина, 49, разрушена в 1936 году.

5. Успенская кладбищенская церковь

Построена в 1849 г., каменная с приделом в честь Вознесения Господня. На территории кладбища (пер. Фадеева). Ныне действующая.

6. Евдокиевская церковь

Построена в 1897 г. главным образом на капитал, завещанный Евдокией Никифоровной Малаховой. Имела придел в честь Рождества Богородицы. Находилась на Евдокиевской площади, ныне район ул. Трунова и пер. Интернатского. Не действует, на этом месте находится школа-интернат; разобрана в 1936 г.

7. Преображенская церковь при Ставропольской епархиальном свечном заводе, домовая, бесприходная.

Построена в 1894 г. Ныне ул. Партизанская, не действующая, здание сохранилось, принадлежит военному госпиталю.

8. Храм Спаса Нерукотворного

Основан в 1838 г. купцом Игнатом Волобуевым на втором этаже своей лавки в Гостином ряду.

В 40-е годы здание перестраивается в церковь. В 1914—1915 гг. проводится реконструкция. Разрушена в 1935—36 гг. Ныне ул. К. Маркса на месте домов № 73—79.

9. Андреевская церковь

В 1889 г. была построена церковь Св. Владимира и двухэтажное здание с кельями — Владимирский мужской монастырь. В 1894 г. по проекту архитектора Кускова был построен новый каменный храм, освященный 14 декабря 1897 г. во имя Андрея Первозванного. Находится на ул. Дзержинского. Ныне действующая.

10. Крестоздвиженская церковь

1 января 1843 г. состоялось официальное открытие Кавказской и Черноморской епархии в г. Ставрополе. Сюда прибыл Иеремия. К его приезду купец Игнат Волобуев подарил под архиерейское подворье свой домик по Кузнечной улице, вскоре переименованной в архиерейский переулок (сегодня ул. Голенева 1). Позже были приобретены и соседние усадьбы. Под церковь приспособили «обыкновенный дом в пять окон по фасаду». С востока сделали пристройку под алтарь. Возвели звонницу с пятью колоколами, разбили фруктовый сад, возвели постройки женского монастыря. Здесь же хоронили лиц духовного звания.

В 1873 г. по проекту архитектора Прозоровского был установлен новый иконостас. Архитектор Вознесенский подготовил проект перестройки церкви с куполом. От строений подворья осталось лишь здание Крестовоздвиженской церкви, ныне действующей.

III. Домовые церкви

1. Петропавловская тюремная церковь

Освящена в 1844 г. Помещалась в тюремном здании по адресу ул. Шипкинская, на Постовой площади, современные ул. 8-го марта и Верхняя. Не действующая. Здание следственного изолятора.

2. Димитриевская церковь при Ставропольской духовной семинарии

Освящена в 1884 г. 7 января. Современное здание СГПИ по адресу ул. Пушкина, 1. Помещение церкви используется как спортивный зал.

3. Покровская церковь при Ставропольском епархиальном женском училище.

Освящена 27 августа 1887 г. Престол в ней первоначально был в честь Тихвинской иконы Божьей Матери, а с 1899 г. — во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Находилась на углу ул. Невинномысской и пер. Зоотехнический — здание сельскохозяйственного института — библиотека.

4. Михаило-Архангельская церковь при Ставропольской мужской гимназии.

Освящена в 1843 г. Находилась на Александровской площади. Ныне не действует. Здание Ставропольского Высшего Военного училища связи. Используется в качестве актового зала.

5. Рождество-Богородицкая церковь при Ставропольской Ольгинской женской гимназии.

В 1908 г. утвержден штат из священника и псаломщика. Находилась по ул.Воронцова и Барыгинской. Современные пр. Октябрьской Революции, ул. Комсомольская (школа интернат, актовый зал).

6. Елизаветинская церковь при Ставропольской женской гимназии св. Александры.

Построена в 1863 г. иждивением коллежского регистратора Лавра Ермолаевича Павлова, в 1903 г. на деньги церковного старосты Ф.А. Леонидова была заново отделана. Находилась в помещении женской гимназии св. Александры по ул. Нестеровская — ул. Советская. Здание в 1943 г. было сожжено фашистами и полностью перестроено с добавлением одного этажа.

7. Иеремиевская церковь при Ставропольском духовном училище. Построена в 40-х годах XIX века. Находилась по адресу угол улиц Архиерейская и Мещанская. Современные улицы Голенева и Ипатова — СГИБН. Помещение церкви перестроено.

IV. Ставропольский Иоанно-Мариинский женский монастырь

Основан Преосвященным Иеремией в 1848 г. под именем «приюта для сирот духовного звания женского пола», через 1,5 года преобразован в женскую монастырскую общину. Усадебное место под монастырем частью пожертвовано мещ. Иоаковом Григорьевичем Скомороховым, частью прикуплено на монастырские средства. При монастыре имелось 5 церквей:

1. Иоанно-Мариинская церковь заложена в 1848 г.

Построена на средства Казанского Попечительства о бедных духовного звания и на собственные средства Преосвященного Иеремии. Со временем церковь была расширена, в ней был устроен третий алтарь во имя св. великомученика Пантелеймона.

2. Покровская церковь, соединенная с игуменским флигелем, построена попечением игумены Серафимы в 1864 г.

3. Трапезная церковь во имя св. мученицы Серафимы, освящена 28 июля 1888 г. Михаилом, митрополитом Сербским. (Посетившим Россию вследствие изгнания из Сербии при Милане Обриновиче).

4. Больничная церковь во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских, освящена в 1891 г.

5. Иеремиевская церковь на монастырском кладбище.

Построена в 1907 – 08 гг.

Все церкви каменные. Монастырь находился на северо-западной окраине города. Сейчас на этом месте располагается филиал психиатрической больницы по ул. Октябрьской, 233. До настоящего времени сохранились отдельные части монастырского комплекса, в том числе и здание Трапезной церкви во имя св. мученицы Серафимы.

Н.А. Охонько. **Справка по истории крестов на ставропольской Крепостной горе**

К началу XX в. на ставропольской Крепостной горе стояли два каменных креста.

1. Так называемый «Суворовский» крест, стоявший на месте памятника И.Р. Апанасенко. Имеется три версии его происхождения: поставлен купцом Плотниковым в честь избавления Ставрополя от чумы после 1816 г.; поставлен как выражение намерений горожан воздвигнуть здесь храм в честь избавления от чумы после 1816 г; поставлен в начале XIX в. в честь одного из начальников Кавказской области.

В любом случае, каменный крест высотой 2 м 13 см был установлен сразу после чумы 1816 г.

В период строительства Казанского кафедрального собора в конце 1840-х годов крест был помещен в специально построенную часовню с восточной стороны Собора.

В 1898 г. староста Казанского собора сообщает, что часовня, не будучи закрытой и охраняемой, оскверняется. При этом оскверняется и крест, «по преданию, служащий памятником основания города».

По решению городской думы часовня была разобрана, и крест в видоизмененной форме устанавливается на пьедестал, окруженный решеткой. Так как в 1899 г. отмечалось 100-летие со дня смерти А.В. Суворова, имя которого связывали с основанием крепости и города, то на кресте в 1900 г. была прибита цинковая доска с надписью «По преданию поставлен распоряжением Александра Васильевича Суворова 1780».

Судя по последним изображениям, крест имел византийскую форму, по которой трудно говорить о его датировке.

2. Каменный крест во дворе Интендантства на Крепостной горе (на оси между окружным домом пограничников и бассейном).

Точное время установки креста неизвестно. В 1916 г. Г.Н. Прозрителев с членами ученой архивной комиссии пришел к заключению, что крест стоит на месте первой полковой церкви. Известно, что эта церковь была перенесена из Ставрополя вскоре после 1812 г., когда полк отправился на театр военных действий против Наполеона. Видимо, тогда же и был установлен указанный крест.

Восточнее первой церкви располагались могилы первых строителей крепости. В 1913 г. Г.Н. Прозрителевым здесь было зафиксировано погребение человека в форме полковника конца XVIII в.

Тогда же он предположил, что это мог быть полковник Н. Ладыженский, который руководил строительством крепости.

Однако нашими последними изысканиями выяснено, что Н. Ладыженский базировался в Георгиевской крепости, откуда руководил общим ходом работ в основном на левом фланге Азово-Моздокской линии. В 1779 г. он был переведен в Оренбург, и далее следы его теряются.

Непосредственным же строительством Ставропольской крепости руководил командир Владимирского драгунского полка полковник И. Шульц.

Точно установить личность погребенного у полковой церкви пока не представляется возможным.

Крест на месте полковой церкви изготовлен из местного камня-ракушечника высотой примерно 1,5 м, форма византийская. В музее имеются фотографии с его изображением.

В 20-е или 30-е годы XX в. оба креста были снесены, и судьба их неизвестна.

Вследствие того что территория Крепостной горы подверглась кардинальной перепланировке, место полковой церкви и установленного затем креста было снивелировано.

Музеем проведены специальные исследования, которые позволяют локализировать место церкви и креста на современной территории Крепостной горы.

Считаю, что при установке креста на историческом месте надо позаботиться и о могилах, если они сохранились в земле. Для этого надо провести раскопки.

Н.А. Охонько. **Где хранить историю города**

Указом Екатерины II от 9 мая 1785 года кавказскому генерал-губернатору Павлу Потемкину повелено было строить вблизи горских народов города, которые задумывались как экономические и культурные центры России на южных рубежах. До этого, как известно, здесь строились только военные крепости. В числе первых статус города получил Ставрополь.

Распоряжение о преобразовании Ставропольской крепости в город было подписано 31 января 1786 года. А 15 февраля — с молебным пением в церквах и с благословения священника в Ставрополе были открыты первые учреждения городского управления — Присутственные места. Екатерина II собственноручным письмом от 25 февраля 1786 года на имя Г.С. Потемкина выражала свое удовольствие по поводу открытия Присутственных мест и поручала «объявить об этом дворянам и горским князьям, удостоверить каждого в искреннем ее желании, чтобы новый образ правления послужил к утверждению их спокойствия и благополучия».

В 1911 году по инициативе Ставропольской общественности были проведены празднования, посвященные 125-летию присвоения Ставрополю городского статуса. В связи с этим отмечалось повышение интереса к истории города, впервые был выпущен путеводитель с альбомом, печатались открытки с видами, публиковались научные труды.

Новая волна интереса к истории города была отмечена в 1977 году, когда праздновалось 200-летие Ставрополя. Но минули торжества, и жизнь пошла своим чередом. Юбилейные издания по истории города вскоре стали библиографической редкостью. Между тем история эта столь интересна и поучительна, что заслуживает постоянного изучения и популяризации.

Существующий краеведческий музей призван отображать природу и историю всего края. Из 150 тысяч единиц хранения есть возможность экспонировать лишь 6 процентов. На этом фоне показ истории города не может быть полным. Требуется специальный музей, необходимо формировать особый фонд по истории Ставрополя. Трудами нескольких поколений сотрудников музея им. Г.К. Праве собраны интереснейшие материалы, хранящиеся в запасниках и лишь отчасти выставленные в экспозициях.

Достаточно назвать последние поступления из семьи ставропольских старожилов Ивановых, проживающих в городе с прошлого века. После смерти старейшей представительницы династии Зинаиды Ивановны Ивановой от родственников поступило в музей несколько тысяч предметов. Начиная с 70-х годов прошлого века эти люди бережно хранили вещи и документы — словно специально для музея. Здесь одежда, обувь, предметы туалета, наборы открыток, фотографии, школьные принадлежности, бытовые вещи, орудия труда, мебель, техника, письма, книги, журналы и многое, многое другое, с чем жили и что окружало эту ставропольскую семью на протяжении ста лет.

Недавно одна из старейших сотрудниц музея, заслуженный работник культуры РСФСР Изабелла Александровна Усова побывала в Москве у внучки известного ставропольского писателя И.Д. Сургучева. В свое время он был широко известен, его произведения ставились на сценах ведущих театров. Большую часть своего творчества И.Д. Сургучев посвятил Ставрополю, где родился и прожил около сорока лет. Казалось, что могло сохраниться из его вещей и документов? Оказывается, дочь и внучка бережно сохранили многое: литературные произведения, фотографии с видами Ставрополя, сделанные самим И.Д. Сургучевым, его личные вещи, документы.

Сбор материалов только начат, но уже сегодня мы имеем возможность показать в музее экспозиции о многих выдающихся ставропольских деятелях XIX — начала XX веков, а также тех, кто жил позже. Среди них — основоположник осетинской литературы Коста Хетагуров, для которого наш город стал второй родиной; композитор Беневский, художник Смирнов, историк-кавказовед Прозрителев, просветитель Праве, знаменитая сестра милосердия Римма Иванова и многие другие.

Но не только о выдающихся людях может рассказывать музей. Многие горожане передали нам свои архивы и вещи. Старожилы Ставрополя Людмила Александровна Алимова-Иванова, Татьяна Георгиевна Переверзева, Галина Георгиевна Пруц, Надежда Михайловна Денисова, Владимир Георгиевич Золотарев и многие другие передали в музей всевозможнейшие материалы, из которых можно воссоздать реальную обстановку городского быта в прошлом.

Большим другом музея стала Нина Михайловна Курицкая, дочь командира 83-го Самурского полка, квартировавшего в конце прошлого — начале нынешнего столетия в Ставрополе. Это ее отец награждал Римму Иванову за подвиги на фронтах первой мировой войны. Нина Михайловна многое помнит, делится воспоминаниями и семейными архивами.

В музее хранится и архив В.Г. Гниловского, географа и краеведа. Благодаря его многолетним поискам удалось собрать множество сведений по истории Ставрополя, начиная со времени его возникновения.

В этом году на территории Ставропольской крепости производились разведочные археологические раскопки. Сенсацией можно считать открытие здесь, под фундаментами старых строений, культурного строя древнего городища, которому более двух тысяч лет. Так что не на пустое место пришли основатели крепости.

Второй неожиданностью оказалось то, что имеющиеся старинные планы крепости не совсем соответствуют действительности. На самом деле планировка была несколько иной. Под невыразительной сегодня поверхностью открывается другой город, загадочный и таинственный: здесь первые дома и улицы, первые могилы — в том числе и основателя крепости полковника Ладыженского, первая церковь, а затем — величественный Кафедральный собор, крупнейший на Кавказе. Где-то проходят таинственные подземные ходы и многое другое, о чем мы еще не знаем.

Думается, что именно здесь, в Старой крепости, должен расположиться музей истории города. Именно он мог бы начать работу по возрождению исторического ядра Ставрополя.

С каждым днем уменьшается число старинных построек. Исчезают самобытные крылечки, ворота и калитки, затейливые башенки и балконы, какие уже никогда не будут строить. Уходят из обихода старые вещи, стандартными становятся жилища. Когда-то каждый народ, а их исконно много проживало на Ставрополье, имел свой традиционный тип дома. Сегодня еще не поздно свезти образцы таких домов в одно место и сохранить, как это делается во всем мире и в других регионах нашей страны. Постепенно музей может стать организующим ядром большого действующего историко-этнографического центра, на базе которого можно возрождать народные промыслы, фольклор, обычаи.

Текст печатается по изданию:
Охонько Н.А. Где хранить историю города? // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 4 сентября.

Н.А. Охонько. **Покаяние требует дел**

Епископ Ставропольский и Владикавказский владыка Феофан заявил, что одной из первоочередных задач своего пастырского служения он считает необходимость восстановления Казанского кафедрального собора в г. Ставрополе.

Думается, и руководители края и города должны приложить все усилия для реализации этого проекта. Ведь данный собор не просто храм. Возведенный в разгар Кавказской войны, он символизировал становление здесь российской духовности и государственности. Казанская Икона Божьей Матери, значимая для всей России, пользовалась на Кавказе особым почитанием. А для города Ставрополя, заложенного в день праздника чудотворной иконы, этот образ является покровителем и охранителем. Собор как духовный центр православия на Северном Кавказе сыграл большую роль в истории региона. Идея его строительства возникла в начале XIX века, после того как Ставрополь оправился от чумы, унесшей жизни многих горожан. От этой страшной болезни вымирали в те времена целые народы. Ставропольцы, пережившие эпидемию, стремились выразить свою благодарность Всевышнему, возведя храм на самом видном, значимом и историческом месте — на Крепостной горе, где вначале был установлен каменный Крест, затем — часовня.

В 1833 году разрабатывается первый генеральный план города, центром которого стала Крепостная гора — своеобразная архитектурная доминанта, необходимая с градостроительной точки зрения.

Еще через 10 лет Ставрополь стал центром Кавказской епархии. Ее первый пастырь митрополит Иеремия сразу же и весьма горячо взялся за строительство кафедрального собора, который был возведен за 5 лет. Еще через 20 лет рядом с храмом появилась величественная колокольня высотой 72 метра. Вместе эти два сооружения составляли выразительный архитектурный ансамбль, венчавший город. Крест колокольни был виден на много километров. Помимо церковной функции, колокольня играла важную градостроительную роль. Соотнесенная с балтийской системой высот, она являлась точкой привязки для всей планировки Ставрополя. И сегодня на планах города именно здесь наносится его центральный репер.

После сноса собора и взрыва колокольни, который был совершен «своими» властями в 1943 году, уже после окончания оккупации, город оказался словно обезглавленным. Все старожилы, с которыми мне выпадает общаться, будь то атеисты или верующие, в один голос сожалеют о потере. В их воспоминаниях о Ставрополе собор занимает одно из главных мест. И потому с наступлением новых времен (с конца 1980-х) лично я, возглавляемое мною культурное учреждение и вся научно-краеведческая общественность города — все неустанно призывают к восстановлению нашего главного храма.

Вопрос осложняется тем, что помимо физического уничтожения здания инициаторы вандализма способствовали уничтожению чертежей и почти всей документации. Необходимо было по крупицам реконструировать план и внешний облик архитектурного ансамбля. Для этого краеведческим музеем были проведены архивные изыскания, записаны рассказы людей, собраны фотографии. На месте собора проведены археологические раскопки. Удалось получить достаточно полные сведения, для того чтобы приступить к разработке проекта, что и было сделано московскими архитекторами по заказу администраций Ставропольского края и города Ставрополя. Чтобы получить окончательное представление о том, как впишется храмовый комплекс в современную структуру города, была создана компьютерная модель краевого центра с включением в нее восстановленного собора. Стало ясно, что будущий храм органично завершит архитектурно-планировочную композицию нашего исторического центра. Ставрополю будет возвращен его оригинальный, ни с чем не сравнимый облик. И, что немаловажно, восстановится таким образом историческая справедливость.

Дело за «малым» — за доброй волей городских и краевых властей. Пока это благое начинание встретило поддержку у председателя Государственной думы Ставропольского края Юрия Гонтаря. Известно, что и губернатор Ставропольского края Александр Черногоров знаком с проектом восстановления храма. Его активная деятельность по благоустройству центра города Ставрополя позволяет надеяться, что решение этой важной градостроительной задачи станет одной из приоритетных.

Текст печатается по изданию:
Охонько Н.А. Покаяние требует дел // Вечерний Ставрополь. — 2003. — 29 июля.

Н.А. Охонько. **Что в имени твоем?**

Продолжает свою деятельность краевая рабочая группа по переименованиям и возвращению исторических названий населенным пунктам и улицам. Общую картину развития и нынешнего состояния уличных имен в Ставрополе дает в предлагаемой статье директор Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея имени Г.К. Праве Н. Охонько.

Названия улиц и площадей — такая же неотъемлемая часть городского организма, как его архитектура, планировка, скверы и парки, словом, среда обитания. Утрату или непродуманную замену сложившихся наименований можно сравнить со сносом исторических памятников. Лишить город его исконных имен — то же, что лишить человека родного языка.

Неоднозначно воспринимают люди появившиеся в последние годы предложения о возвращении старым улицам Ставрополя исторических имен. Одни поддерживают, другие категорически против, третьи предлагают не торопиться. Хоперская, Черкасская, Казачья, Станичная, Интендантская, Слободская, Форштадтская, Шипкинская, Карская... В них слышен голос истории.

До революции на карте Ставрополя значилось 212 названий. За годы советской власти к ним добавилось 350 новых улиц, переулков, переездов и площадей. Казалось бы, этого числа должно хватить для увековечения новой эпохи. Однако одновременно с присвоением имен новым улицам практически полностью произошла замена названий и в историческом ядре Ставрополя.

В 1938 г. волевым решением Ставропольского горсовета было переименовано более половины всех существующих улиц.

Последняя крупная акция по переименованию была предпринята в 1957 году, когда Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям». Тогда в Ставрополе переименовали 19 улиц, убрав названия в честь ранее чтимых деятелей, таких, как Микоян, Буденный, Ворошилов... В результате за 20 лет произошло не только практически полное стирание исторических названий, но многие улицы оказались переименованными несколько раз.

Для того чтобы сегодня не продолжить печальную традицию кампанейского подхода к переименованию, необходимо выработать взвешенную позицию. Полезно обратиться к истории города и вспомнить основные этапы его развития. В 1777 году Ставрополь состоял из крепости на горе и казачьей станицы в районе Нижнего рынка. Постепенно разрастаясь, он в 1805-м уже доходил на востоке до современной ул. Войтика, на юге — до ул. Комсомольской, на западе — до проспекта Октябрьской революции. На этом же этапе образовались три основные продольные и пять поперечных улиц. Главная улица так и называлась Главной, позже Черкасской.

Названия улиц не сразу были закреплены официально. Лишь первый генплан города, составленный в 1833 г., утвердил их. Этим же планом был утвержден проект развития города. При этом улица Краснофлотская, будучи крайней на западе, так и называлась Крайней, напоминая о размерах старого города. Отмеченные тогда границы очерчивали основное историческое ядро Ставрополя, оформленное в XIX веке.

На развитие города и состав его населения большой отпечаток наложила военно-организационная роль Ставрополя на Кавказе. Поэтому первое время Ставрополь формировался как военно-административный центр. В середине XIX в. к концу Кавказской войны он становится все более гражданским.

После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. появились названия таких улиц, как Шипкинская (8 Марта), Плевненская (Тельмана), Карская (Серова), Батумская (Некрасова). Этим ставропольцы увековечили память российских воинов, 200 тысяч которых полегли на Балканах.

До 1917 года в основе названий улиц лежал принцип самобытных наименований, которые возникали естественно, как бы снизу, и отражали особенности улиц, их конкретную специфику, а также фиксировали рост и развитие города. Так как некоторые улицы возникали как бы по частям, они могли носить несколько названий. Ул. Дзержинского, сформировавшись в три этапа, имела соответственно три названия. Верхняя часть — Воробьевка (по фамилии основателя предместья), средняя — Вельяминовская (в честь командующего Кавказской линией генерала Вельяминова), нижняя — Александровская (в честь императора Александра).

Первое место занимали названия, связанные с фамилиями их основателей или первожителей. Таких в начале века было 33, и на 20 из них еще проживали семьи, фамилии которых дали названия улицам. Так, в 1911 году на небольшом Строгановском переулке, имевшем 18 домов, жители 11 домовладений носили фамилию Строгановых. Целые кварталы образовывали улицы Алафузовские. Кандауровские, Волобуевы.

Совсем мало улиц имели названия, присваиваемые как бы сверху, исходя из той или иной установки. Одним из таких явилось переименование улицы Черкасской в Николаевский проспект — в честь царя Николая I.

Некоторые улицы сменяли свои названия по мере их перепрофилирования или в связи с появлением каких-то значимых объектов. К примеру, с постройкой Варваринской церкви и появлением при ней кладбища (ныне район строительного техникума и пл. Маяковского) одна из Солдатских улиц переименовывается в Кладбищенскую (сейчас Комсомольская), а позже — в Барятинскую в честь князя Барятинского, пленившего Шамиля, который был препровожден в Россию через Ставрополь.

Накануне Первой мировой войны в связи с юбилеями писателей появились улицы Л. Толстого, М. Лермонтова.

В целом же дореволюционные названия с достаточной полнотой отразили историю Ставрополя, его военную, транспортную, торговую, религиозную, культурную роль.

После революции все названия стали искусственно присваиваемыми. При этом оказались полностью замененными наименования старого исторического ядра города. Сегодня, когда в Ставрополе разработана и реализуется концепция сохранения и возрождения историко-культурного наследия города, возвращение исконных названий должно стать неотъемлемой составной частью этой работы. Так же как и памятники, исторические названия необходимо взять под охрану.

По сути дела, речь идет об отмене неестественных решений 1937—1938 годов и реабилитации старых исторических названий. Однако и это уже не самый лучший выход, так как жизнь ушла вперед, и механический возврат к дореволюционным названиям не может быть тотальным, ибо он окажется таким же неестественным, как и предыдущий. Требуется более взвешенный подход.

В качестве первой меры можно было бы вернуть наиболее значимые имена прежде всего улицам городского протоядра, а именно — заповедной зоны Крепостной горы. Было бы уместным возвратить такие названия, как ул. Черкасская (проспект К. Маркса), Кафедральная площадь на месте Кафедрального собора, ул. Соборная (ныне ул. Суворова), ведущая к Кафедральному собору. При всем уважении к А.В. Суворову, не стоит преувеличивать его роль в основании Ставрополя, где он был единственный раз во время короткой инспекторской поездки, когда крепость и станица уже были построены. Наличие ему памятника на Крепостной горе — достойный акт уважения со стороны ставропольцев.

Неотъемлемой частью исторического центра являются Андреево-Владимирский спуск (пер. Баррикадный) вместе с лестницей, ведущей на Крепостную гору; ул. Армянская (нижняя часть ул. Шаумяна); ул. Спасская (верхняя часть ул. Шаумяна); ул. Хоперская (ул. Голенева).

На втором этапе встанет вопрос о возвращении таких названий, как ул. Воронцовская или Театральная (пр. Октябрьской революции), Барятинская (Комсомольская), Крайняя (Краснофлотская), Шипкинская, Плевненская, Карская, Батумская, Ярмарочная (Войтика). Сложнее с улицами, имевшими по два-три названия (Ленина, Мира, Орджоникидзе). Может быть, со временем придется вернуться к исконным названиям и здесь. При этом непременным должно стать условие, что при изменении наименования на улице или площади устанавливается мемориальная доска с перечнем всех названий, которые когда-либо носила улица. В таком случае мы сможем в своеобразной форме сохранить и нынешние названия советской эпохи, которые также отражают определенный этап нашей истории.

Возвратить улицам прежние названия — шаг непростой, требующий и психологической адаптации и материальных затрат. Поэтому на реализацию его потребуется время. Наша задача сегодня — дать по возможности правильный ход движению по возвращению исторических названий, чтобы не уподобиться тем, кто переименовывал в тридцатые и иные годы, и уже сейчас подумать о названиях новых улиц.

Текст печатается по изданию:
Охонько Н.А. Что в имени твоем? // Ставропольская правда. — 1992. — 3 апреля.

Постановление главы администрации Ставрополя. **О возвращении исторических названий объектам ландшафта и градостроительства города Ставрополя**

В советский период городская топонимика претерпела настолько значительные изменения, что была утрачена выраженная в названиях связь между различными периодами становления и развития Ставрополя, имеющего официальный статус исторического города.

Учитывая предложения комитета горсовета по возрождению и охране историко-культурного наследия о поэтапном возвращении исторических названий объектам ландшафта и градостроительства города,

Постановляю:

1. Отменить соответствующие пункты решений 20—50-х годов по изменению исторических топонимов и впредь именовать:

Комсомольскую горку (заповедную территорию Ставропольского историко-культурного центра) Крепостной горой;

Комсомольскую площадь (участок территории Крепостной горы между ул. Суворова и восточным склоном) Кафедральной площадью;

участок территории Крепостной горы между пр. Октябрьской революции и плавательным бассейном Александрийской площадью;

переулок Баррикадный — Андреево-Владимирским спуском;

переулок Ярославский — улицей Спасской;

переулок Депутатский — переулком Думским;

пруд Пионерский — Сипягинским.

2. Администрации Октябрьского района (В.Г. Зеренков) выполнить все работы, связанные с возвращением объектам исторических названий.

3. Горфинотделу (И.В. Хорошилова) профинансировать работы, связанные с возвращением исторических топонимов объектам города.

Глава администрации
города Ставрополя М.В. Кузьмин

Текст печатается по изданию:
Вечерний Ставрополь. — 1992. — 23 июня.

М. Василенко. **Шесть улиц Ежова, или История со ставропольской географией**

Даже поверхностное знакомство с историей названий городских улиц, переулков, площадей убеждает: изменялись многие из этих названий не раз и в силу самых различных причин. Но сей естественный процесс не имел почти ничего общего с тотальными переименованиями, ставшими колоритной чертой «большевистского» отношения к прошлому не только Ставрополя, но и всей России.

Задавшись вопросами — а как, собственно, в краевом центре насаждалась советская топонимика, чем, помимо идеологической целесообразности, руководствовались сочинители новых названий? — я отправился в краеведческий музей имени Г.К. Праве. Его директор Николай Анатольевич Охонько любезно предоставил мне несколько прелюбопытных документов, сказав: «Если вы внимательно их почитаете, то все поймете сами — в этом случае комментарии специалистов необязательны».

Читаю... Внимательно читаю постановление президиума Ворошиловского (как известно, одно время так назывался наш город) горсовета от 25 января 1938 года № 136, коим одним махом переименована почти половина улиц, переулков, тупиков, площадей (между прочим, к тому моменту часть уже была переделана на советский лад). Всего свыше 180 новых названий появилось в этот день на карте Ставрополя: ни до, ни после таких масштабных перелицовок она не знала.

Вот, оказывается, как просто! Подписи председателя горсовета Елагина и ответственного секретаря Духина разом «упразднили» такие старорежимные названия, как Гимназическая, Ольгинская, Даниловская, Софиевская, Безымянская, Преображенская, Ново-Форштадтская, Хоперская, Желубовская, Ярмарочная, Нестеровская, Станичная, Георгиевская и десятки других.

Не удержался я и прочел эти названия вслух, дабы хоть раз услышать их забытую мелодию. Забытую, ибо, пожалуй, даже старожилы Города Креста не смогут вспомнить, где пролегала Спасская, как можно было пройти на Ртищевскую, где начиналась 1-я Мещанская?

А что же взамен Спасской, Ртищевской, Мещанской? Ну, очень революционные названия. Ленина, Сталина, Молотова, Кагановича... Почти восемьдесят улиц и переулков удостоились чести носить имена революционеров, героев гражданской войны и труда, видных партийных и государственных деятелей.

Не остались без внимания и крупные ученые, знаменитые полярники и летчики: их фамилии появились на табличках 50 улиц и переулков. Из деятелей искусства особое почтение «переименователи» питали почему-то к работникам литературного цеха — 30 ставропольских улиц должны были, начиная с 25.01.38 г., увековечивать фамилии поэтов и прозаиков: Маяковского и Пушкина, Горького и Тургенева, Лермонтова и Островского. Тут, правда, казус получился: забытыми остались композиторы, артисты, живописцы, кинорежиссеры. Позже этот пробел частично был восполнен «последующими» творцами соцтопонимики.

Разобравшись с механизмом переименований, я попытался познать его внутреннюю логику... и не смог найти хотя бы жалкое подобие ее. Ну, скажите, почему улицы Шипкинская и Плевенская, названные так в честь героев русско-турецкой войны, принесшей свободу Болгарии, стали вдруг улицами 8 Марта и Тельмана? А улица Л. Толстого — проспектом Ворошилова? А Лермонтовская улица — улицей Дзержинского, в то время как Батальонная — улицей Лермонтова? А 1-й и 2-й Волобуевские переулки — 1-м и 2-м Дачными? А переулок Степной — Восточным? А улица Аульная — Верхней?..

Подобных «почему», на которые трудно найти «потому», очень и очень немало. Интересно, как бы сами Елагин и Духин объяснили такие вот, на мой взгляд, до идиотизма курьезные переименования: был переулок Думский, стал Депутатский; были Соборная площадь и Соборная улица, стали Комсомольская площадь и Пионерская улица; был Еврейский переулок, стал Интернациональный; была Армянская улица, стала Шаумяна? Ну а уж за то, что Скомороховскую площадь назвали Октябрьской, и на лесоповал можно было отправить некоторых ретивых горсоветовцев! Как проглядели сотрудники ведомства, руководимого Ежовым?..

Кстати, о Ежове. Его имя, правда, недолго в связи со скорым разоблачением ренегата, носило шесть улиц: 1-я Ежова, 2-я Ежова, 3-я Ежова, 4-я Ежова, 5-я Ежова, 6-я Ежова. А чтобы не обиделся грозный нарком, и Ново-Форштадтскую площадь тоже назвали его именем.

В целом же по числу таких «номерных» улиц в Ставрополе лидировал — никогда не догадаетесь... Чернышевский: было аж десять переулков имени его. Второе место делили Мичурин и Чкалов, у которых оказалось по 8 очк..., извините, улиц, на третьем — с семью переулками — Крупская и Трунов, а также Чапаев, именем которого наделили 4 улицы, 3 переулка, а заодно и бывший Михайловский переезд.

Разнообразной оказалась горсоветская память о Михаиле Фрунзе, в чью честь назвали улицу, площадь, переулок и — правильно! — переезд. А вот прославленному асу Водопьянову повезло чуть меньше: «водопьяновскими» стали лишь улица, переулок и тупик. Площади и переезда для него, видать, не хватило. А может, не хватило фантазии у совдеповцев...

Не утомились, читатель? Тогда осмелюсь вкратце познакомить вас с еще одним документом, а именно — постановлением исполкома Ставропольского горсовета, принятым уже в эпоху борьбы с культом личности Иосифа Виссарионовича. Опубликовано оно было в «Ставропольской правде» 16 октября 1957 года. Этим постановлением переименовано было всего 19 улиц и переулков, поскольку люди, имена которых дали им названия, или попали в опалу, или были еще живы, а посему не имели никакого права «увековечиваться».

По столь важным причинам переулок Байдукова превратился в переулок Аэрофлотский (улав-

ливаете преемственность чиновничьих поколений?), переулок Стахановский — в Промышленный, улица Буденного — в Народную, улица Микояна — в Северокавказскую и т. д. Не обошлось и здесь без странностей: переулок Хрущева почему-то назвали переулком Дружбы (хотя б «народов» дописали, а то дружба, и все), переулок Шолохова — Интернатским, переулок Кренкеля — Весенним, улица Андреева — 2-й Каменоломской...

Конечно, и после 57 года городская топонимика видоизменялась еще не раз. Новое же переименование, точнее — возвращение улицам, площадям и переулкам их исторических названий, пока предстоит. И вот после него (возвращения) давайте наконец-то поставим точку в этой истории со ставропольской географией.

Текст печатается по изданию:
Василенко М. Шесть улиц Ежова, или История со ставропольской географией // Вечерний Ставрополь. — 1992. — 21 апреля.

А. Буров. **Улицы — тоже история**

Ставрополь — город исторический, и очень хорошо, что сейчас возрождаются памятники русской старины. К сожалению, многое уже утрачено навсегда.

Однако, на мой взгляд, нужно вернуть прежние названия нашим улицам, составляющим историко-культурный центр города. Необходимо вернуть Комсомольской горке ее прежнее название — Крепостной. В Ставрополе должна быть улица Воронцовская — бывшим графом сделано немало для его развития.

Следовало бы отметить пребывание декабристов в Ставрополе не названием улиц где-нибудь на окраине города, а наименованием одной из улиц исторического центра, где бывали ссыльные декабристы, отметить их имена на мемориальной доске. Считаю, так же необходимо переименовать проспект Ворошилова. Зачем улице носить имя сподвижника Сталина?

Вызывают удивление и такие названия улиц и переулков, как Бригадирский, Коллективная, Авиационная, Зоотехнический. В Ставрополе много названий улиц, связанных с именами людей, которые к нашему городу никакого отношения не имеют...

Мы за то, чтобы возродились исторические названия улиц и переулков, чтобы были и такие названия, как Тополиная, Каштановая, Солнечная, Зеленая...

Текст печатается по изданию:
Буров А. Улицы — тоже история // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 2 августа.

В. Мезенцев. **Еще не время. Но пора подумать**

Время разбрасывать камни и время собирать камни...

Первый раз в России разбросали камни от рухнувшей империи в 17-м. Взрывали храмы, уничтожали вековые культурные традиции, пытались стереть самое память о величественном прошлом.

Теперь вновь настало время падающих камней — от обломков разрушающейся империи, возникшей на руинах Российской, нам всем больно и неуютно.

Конечно, сейчас не время. Средств не хватает на самое необходимое. Но верю — придет время собирать камни. Возводя здание обновленной России, необходимо бережно собирать все то, что досталось нам в наследство от прошедших поколений. И тех, которые до семнадцатого, и тех, которые после.

И вот тогда настанет время решать — ходить ли нам по улице Ворошилова, улице Тельмана, улице Васякина. Мне лично больше нравится пройтись по Абрикосовой, свернуть на Виноградную и на Тенистой улице постоять в тени.

И совершенно непонятно — какие такие заслуги перед жителями Ставрополя имеют Ульянов, Маркс, Дзержинский? Почему города лишили Крепостной горки и назвали Комсомольской? Куда из официальных документов исчезли Ташла, Форштадт, Туапсинка?

Конечно, сейчас не время. Не время переименовывать. Но задуматься и вспомнить пора.

Не время ломать. Но, честное слово, очень уж неуютно на центральной площади города под сенью каменного исполина на постаменте. Нет, я не призываю ломать и крушить. Хотя бы потому, что он дорого стоит, и еще дороже обошелся оригинал. Но передвинуть его куда-либо, где могли бы собираться поклонники «всепобеждающего учения», при этом не мешая никому, наверное, стоит.

И упаси нас Боже занять освободившееся место новым истуканом!

Не сотвори себе кумира....

Текст печатается по изданию:
Мезенцев В. Еще не время. Но пора подумать // Забор. — 1992. — 11 апреля.

Таблица, показывающая изменения названий ставропольских улиц

№	Современное название улицы	Изменение названия по годам
1.	Краснофлотская (с 1938 г.)	Мойка (кон. XIX в.) Крайняя (кон. XIX в.) Каменоломская (1 пол. XX в)
2.	Л. Толстого (с 1938 г.)	Софиевская (2 пол. XIX в) (после постройки храма в 1874 г.)
3.	Ломоносова (2 пол. XIX в.)	Каменская (по проекту 1833 г.), Параллельная (кон. XIX в.), Громова (1938 г.)
4.	пер. Зоотехнический (20-е гг. XX в.)	Митрофанский (2 пол. XIX в.)
5.	Пушкина (20-е гг. XX в.)	Госпитальная (1833 г.) Семинарская (2 пол. XIX в.)
6.	Артема (с 1938 г.)	Поперечная (2 пол. XIX в.)
7.	Коминтерна (с 1938 г.)	Властовская (2 пол. XIX в.) Торговая (2 пол. XIX в.)
8.	пр. Октябрьской революции (70-е гг.)	Театральная (1833 г.), Л. Толстого (2 пол. XIX в.) Воронцовская (2 пол. XIX в.) Пролетарская Л. Толстого (20-е гг. XX в.) Ворошилова (1938 г.)
9.	К. Хетагурова (с 1959)	Глухой переулок (1833 г.) Европейская (2 пол. XIX в.)
10.	Р. Люксембург (с 1938)	Грязная (2 пол. XIX в.) Варваринская (2 пол. XIX в.) п. Акуловский (2 пол. XIX в.)
11.	Голенева (50—60-е гг.)	Кузнечная (1833 г.), Мостовая (кон. 1 пол. XIX в.) Ясеновская (2 пол. XIX в.) Хоперская (2 пол. XIX в.) Кузнечная (2 пол. XIX в.) Архиерейская (2 пол. XIX в.) Таманская (1938 г.)
12.	Войтика (60—70-е гг.)	Ярмарочная (2 пол. XIX в.)
13.	Рылеева (1938 г.)	Соборный пер. (1833 г.), Троицкий пер. (2 пол. XIX в.)
14.	Казачья	Садовая (1833 г. по проекту)
15.	Дзержинского (с 1938 г.)	Офросимовская (1812 г.) Третья Воробьевская (1833 г.) Третья Генеральская (1833 г.) Дворянская (кон. XIX века) Воробьевская (кон. XIX века) Вельяминовская (кон. XIX века) Александровская (кон. XIX века) Лермонтовская (1914 г.) Первомайская (20—30-е гг.) Р. Люксембург (20—30-е гг.)
16.	Ленина (с 1938)	Московская (1833 г.) Солдатская (1833 г.) Госпитальная (2 пол. XIX в.) Мавриинская (2 пол. XIX в.) Нижнеслободская (2 пол. XIX в.) Ленинская (2 пол. XIX в.) Мавриинская (20—30-е годы) Нижнеслободская (20—30-е годы)
17.	Мира (50—60-е гг.)	Казанская (1833 г.) Жандармская (1833 г.) Лягушовка (неофиц.) Невинномысская (2 пол. XIX в.) Ольгинская (2 пол. XIX в.) Молотова (1938 г.)

№	Современное название улицы	Изменение названия по годам
18.	Морозова (60—70-е гг.)	Новая (1833 г.) Гимназинская (70—80-е гг. XIX в.) Кагановича (1938 г.)
19.	Советская (1938 г.)	Комиссариатская (1833 г.) Нестеровская (2 пол. XIX в.) Александрийская (нач. XX в.)
20.	Суворова (70-е гг.)	Комиссариатская (1833 г.) Соборная (2 пол. XIX в.) Пионерская (1938 г.)
21.	Комсомольская (20-е гг.)	Кладбищенская (1833 г.) Барятинская (2 пол. XIX в.)
22.	Спартака (50—60 гг.)	пер. Плотниковский (2 пол. XIX в.) пер. Менделеева (1938 г.)
23.	Ипатова (с 1938 г.)	Мещанская 1-я (1833 г.)
24.	Станичная (1991 г.)	Покровская (1833 г.), Калинина 3-я (1938 г.)
25.	Горького (с 1938 г.)	Казанская (1833 г.) Казанская (2 пол. XIX в.) Поспеловская (2 пол. XIX в.)
26.	Калинина (с 1938 г.)	Станичная (1833 г.)
27.	Шаумяна (с 1938 г.)	Армянская (1833 г.)
28.	пр-т К. Маркса	Большая Московская (1812 г.), Большая Троицкая Первая (1805 г.), Новочеркасская (1833 г.) Большая Черкесская (1 пол. XIX в.) Николаевский проспект (1851 г.) Красная (нач. XX в.) ул. Сталина (30-е годы) пр-т Сталина (1938 г.)
29.	Орджоникидзе	Средняя (1812 г.) Вторая (1 пол. XIX в.) Михайловская (нач. XIX в.)
30.	Булкина	Торговая (нач. XIX в.)
31.	Некрасова	Батумская
32.	Лермонтова	Батальонная
33.	8 Марта	Шипкинская
34.	Тельмана	Плевненская
35.	Серова	Карская

Предместья города Ставрополя с исторически сложившимся населением, хозяйством, жизненным укладом

Ташла (кон. XVIII — нач. XIX в.)	ул. Ташлянские (5) ул. Заташлянские (4)			
Форштадт (с 1833 года)	ул. Форштадтские (6) — ул. Ежова (с 1938 г.) линии Форштадтские (7) — ул. Крупской (с 1938 г.)			
Воробьевка (нач. XIX в.)	хут. Воробьева	ул. Воробьевская ул. Садовая	}	ул. Лермонтовская (с 1938 г.)
Мамайка (1 пол. XIX в.)	ул. Мамайские (7) — ул. Мичурина (с 1938)			
Аульчик (1 пол. XIX в.)	хут. Аульчик — ул. Аульные (4) — ул. Верхняя (с 1938 г.) пер. Мутнянские (2) — ул. Лермонтова (с 1938 г.)			
Октябрьский (2 пол. XIX в.)	хут. Скоморохова — ул. Монастырские (6) — ул. Октябрьские (6) (1938 г.)			
Туапсинка (нач. XX в.) после строительства ж/д ветви	ул. Алафузова (5) — ул. Стахановские (1938 г.) ул. Желобовская (3) ул. Туапсинские (6)			

Составитель В. Мезенцев

Таблицы печатаются по изданию:
Забор. — 1992. — 11 апреля.

Г.А. Беликов. **Новый гостиный ряд**

В 1872 г. на северной стороне Александровской площади на средства города по проекту архитектора Павла Григорьевича Воскресенского строительным подрядчиком Г. Масловым был возведен каменный, в два этажа, новый Гостиный ряд.

В нижнем этаже здания разместились купеческие лавки, а в верхнем — склады.

В 1912 году Управа города приняла решение в восточной части верхнего этажа разместить музей Праве, основанный в 1904 г. и ютившийся в малоприспособленном помещении. Небезынтересно, что строитель здания Павел Воскресенский говорил: «Я строю не только для настоящего, но и для будущего: может быть, когда-нибудь город вздумает устроить здесь концертный зал, народную аудиторию или что-нибудь в этом роде».

На перестройку потребовалось 37000 рублей серебром. При этом были сделаны железобетонный пол восточного крыла верхнего этажа, внутренний балкон для осмотра экспозиций, поставлены специально изготовленные витрины и шкафы, устроено паровое отопление, электрическое освещение... Тогда же «...из прохода, что посреди здания, служившего местом торговли мелких торговцев и коробейников, сделали великолепный вестибюль...».

В 1916 г. постановлением городской Думы и губернского Земского Собрания под музей был отдан весь верхний этаж здания — «на все время его существования». Одновременно решался вопрос о передаче музею части территории Верхнего базара, примыкающей к зданию, под устройство здесь зоологического сада.

Наряду с учебными пособиями основателя музея Г.К. Праве в экспозиции музея находились коллекции, собранные зоологом Н. Динником, ботаником А. Норманом, историком И. Кувшинским. Коллекционер-любитель Вл. Евсеев пожертвовал музею древнее индо-персидское оружие: стальной шлем, такую же кольчугу, щит, налокотники, шашку с золотыми насечками и серебряной рукояткой, меч, секиру и булаву, употребляемые в ритуальных праздниках, коллекцию персидских серебряных монет...

С началом первой мировой войны фонды музея пополнились экспонатами музея некогда знаменитого Самурского полка, дислоцировавшегося в Ставрополе. Здесь были награды самурцев: Георгиевские знамена, Георгиевские серебряные трубы и рожки, ордена и медали за победу над персами и турками, за взятие Хивы и Бухары, пленение Шамиля. Уникальная коллекция оружия — как российского, так и кавказского — стала основой «оружейной палаты» музея им. Праве. А 16-й Кавказский стрелковый полк передал ему трофейное турецкое оружие...

В 1914 году на хранение в музей Ставрополя из Тифлиса были доставлены экспонаты военно-исторического музея «Храм славы», имевшие огромную историческую и материальную ценность: высшие ордена России в золоте и драгоценных камнях, золотое и серебряное именное оружие, бюсты известных военачальников периода Кавказской войны и войн с Турцией — в мраморе, фаянсе, бронзе; батальная живопись, гравюры, личные вещи генералов и многое другое.

В советское время музей им. Праве пополнился прежде всего картинами известных мастеров и произведениями искусства, экспроприированными у буржуазии. Так сюда попали экспонаты некогда знаменитой картинной галереи наследников купца Алафузова. В 1921 г. из Пролетарского музея Москвы была доставлена партия картин, изъятых уже у московских буржуа.

В 1925 г. в музее создается художественный отдел, куда в том же году из Московского центрального хранилища музейного фонда доставляется 111 предметов: картины Левитана, Брюллова, Поленова, Левицкого; художественные изделия из венецианского стекла, саксонского фарфора и пр.

В 1927 г. Музей им. Праве сливается с Музеем Северного Кавказа им. Прозрителева с его богатейшими этнографическими и прочими экспонатами.

В те же 20-е годы здание бывших торговых рядов полностью передается музею им. Праве, где часть нижнего этажа занимают Публичная библиотека и читальный зал.

В период временной оккупации Ставрополя гитлеровцами многие ценнейшие экспонаты музея были украдены...

В 1985 году надстроили третий этаж здания, где сегодня и находится краеведческий музей, по праву носящий имена его основателей — Григория Николаевича Прозрителева и Георгия Константиновича Праве.

Текст печатается по изданию:
Беликов Г.А. Новый гостиный ряд // Вечерний Ставрополь. — 1994. — 20 сентября.

Н.П. Быкова. **Ставрополь — город исторический**

Работники учреждений культуры краевого центра готовятся к традиционной ежегодной конференции, намечая вынести на ее обсуждение наиболее актуальные вопросы своей работы.

В краеведческом музее им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве провели свое собрание представители музеев города, активисты общества охраны памятников истории и культуры, ученые, архитекторы. Речь главным образом шла о сохранении исторического облика Ставрополя во всех проявлениях: будь то здания, памятники, природный ландшафт или иные приметы города, дошедшие до нас из веков минувших.

Как отметил руководитель объединения музеев Н. Охонько, ситуация с историко-культурным наследием сегодня еще хуже, чем была несколько лет назад. На перестроечной волне немало деятелей разного ранга, ратуя за бережное отношение к памятникам истории, составили себе политический капитал. Сегодня многие власть имущие смотрят на памятники истории в лучшем случае равнодушными — не до них! — а в худшем — алчными глазами:

нельзя ли выгодно приспособить под конъюнктуру так называемого рынка.

Депутат Ставропольского горсовета, председатель комитета «Возрождение» В. Гребенников напомнил факт, о котором мы уже успели забыть: еще в 1970 году, на заре «застоя», Ставрополь в числе ряда российских городов был объявлен историческим. Тогда имел место очередной всплеск историко-охранительной деятельности, которая хоть порой и перерастала в уничтожение одних исторических объектов в угоду сохранения других (без перегибов мы и сегодня не можем обойтись), тем не менее позволила кое-чего добиться, кое-что отстоять, отвоевать, отремонтировать. Значительное количество памятников было взято под охрану: нынче стало очевидно, что их число далеко не полное.

Новая волна возрождения пришлась на 1989—1990 годы. Так, по решению горсовета территория Крепостной горы приобрела статус заповедной, а через год к ней добавились территории бывшего Иоанно-Мариинского монастыря и Центрального парка (старое название — «Бабина роща»). Выявление памятников истории, градостроительства, архитектуры продолжается, их список растет. Естественно, старый проект охранных зон города не отвечает сегодняшнему положению. Администрация Ставрополя заказала и оплатила работу по обновлению этого документа проектно-планировочному бюро городского управления архитектуры. Исполнение ожидалось к середине 1992 года. На исходе 1993-й, а проекта, как вы догадываетесь, нет. То есть он, говорят, есть, но увидеть его нельзя. Не вдаваясь в детали, скажу, что не только исполнители подкачали. Беда в том, что хоть Ставрополь и объявлен историческим, но в структуре городской администрации — не парадокс ли? — ни один человек функционально не отвечает за охрану памятников. Что же касается горсовета, то о нем сегодня говорить как-то не принято...

Хотя именно он в мае этого года принял очень нужное Положение об использовании земель охраняемых территорий. Реализовывать которое тоже, получается, некому. А значит, и спрос невелик. Тем временем еще более 30 объектов ждут утверждения их в качестве памятников, как ждет решения и вопрос о юридическом механизме контроля за использованием охраняемых земель. Уже есть результаты всего вышеизложенного: уничтожено три памятника. Пока три.

Анатомию недавнего уничтожения представил собравшимся заведующий сектором охраны памятников музея В. Остапенко. Горожане наверняка уже видели живописные руины на месте бывшего здания по ул. Ленина, 310 — одного из тех, что, не дождавшись утверждения в качестве памятника, пали под ударами бульдозерной бабы. Здесь будет строиться новый корпус сельхозинститута, проект которого тоже давно ждет своего часа. Безусловно, вуз нуждается в расширении, но отчего же это надо было делать именно за счет исторического здания? Как справедливо заметил специалист управления реставрации Минкульта РФ А. Финогенов, если местные власти и ВООПиК не нашли общего языка, нужно было пригласить третейского судью, который бы подошел к вопросу объективно. Плохо то, добавил он, что в городе нет четкой концепции развития его исторической части. Не потому ли к зданию под номером 310 подошли лишь с одной — утилитарной — позиции? До боли знакомый подход: сначала сломаем, а потом начинаем думать — правильно ли сделали?

Участники собрания сошлись во мнении, что городская администрация должна, что называется, ближе к сердцу принимать проблемы историко-охранительной деятельности, в частности жизни музеев, коих сегодня в городе семь, не считая ведомственных. Практически город ничего не вкладывает в их развитие, хотя музеи эти, имея статус краевых, работают прежде всего на Ставрополь. В позиции отцов города чувствуются иждивенческие настроения: есть, мол, бюджет края, есть федеральное финансирование... Музейщики намерены предложить городу повернуться лицом к их проблемам. Роль администрации города в паспортизации памятников природы и составлении охранных обязательств землепользователей подчеркнул и представитель краевого комитета по охране природы В. Скрипчинский. В самом деле, получив охранное обязательство лично из рук мэра М. Кузьмина, землепользователи, возможно, по-иному будут относиться к вверенной им земле и всему, что на ней есть полезного, ценного. Да еще если за пользование историческими территориями будут взиматься соответствующие их статусу налоги, средства от которых помогут содержать эти территории в надлежащем виде и сохранять для потомков. Чтобы и спустя десятилетия Ставрополь мог по праву именоваться историческим городом.

Текст печатается по изданию:
Быкова Н.П. Ставрополь — город исторический // Ставропольская правда. — 1993. — 2 декабря.

Н.П. Быкова. **Как преобразится горка**

Наши постоянные читатели помнят, что уже несколько раз мы рассказывали о появившейся год назад в Ставрополе заповедной территории историко-культурного центра «Крепостная гора». Основную работу по ее становлению ведут члены комитета «Возрождение» при Ставропольском городском Совете. Недавно председатель комитета депутат горсовета В. Гребенников сообщил о начале еще одного этапа в этой работе: заключен договор с Московской творческой архитектурной мастерской на выполнение эскизного проекта заповедной территории. При этом подписи под документом поставили несколько заказчиков: прежде всего администрация города Ставрополя и, конечно, комитет «Возрождение», а также государственный краеведческий музей имени Г. Праве и общество армянской культуры «Эребуни». Новость послужила поводом для беседы нашего корреспондента с В. Гребенниковым.

Как сказал Владимир Петрович, работа над проектом будет идти в полном соответствии с Концепцией охраны, использования и дальнейшего развития территории Ставропольской Крепостной горы и схемы функционально-пространственного преобразования городского ядра (о которых мы говорили в статье «Возрождение — еще один шаг» — «СП» за 21 января с. г.). А руководят ею также знакомые ставропольцам архитектор Ю. Тихонов из Москвы и главный художник городского управления архитектуры В. Маркелов. Последний к тому же является и членом комитета «Возрождение», то ес ть он задействован не только как профессионал, но и как полномочный представитель города, его патриот и знаток.

Говоря о В. Маркелове, В. Гребенников подчеркнул, что этот человек полностью разделяет его взгляды на процесс возрождения. Что сие значит? Это подразумевает, в первую очередь, безусловно бережное обращение с тем наследием прошлого, которое, несмотря на всяческие «ветры перемен», все же уцелело и радует глаз наших современников в отличие от многих творений XX века с их очень своеобразной «поэзией стекла и бетона».

Далее: благородное дело возрождения утраченного — не самоцель, куда важнее пробудить в сердце горожанина интерес и любовь к истории малой родины. Поэтому, мечтая о том времени, когда над Крепостной горой вновь возвысятся купола и кресты разрушенного собора во имя Казанской Иконы Божьей Матери, В. Гребенников отнюдь не считает необходимым восстанавливать все буквально в первозданном виде. Жизнь не стоит на месте, и с ее коррективами приходится считаться. Иначе, если заповедная зона будет огорожена эдакой экологической колючей проволокой, — как бы опять чего не сломали! — горка окончательно утратит связь с живым городом; тогда зачем все это нужно?

Изучив сложившиеся на сегодня возможности ландшафта, специалисты предложили вклинить в будущий проект заповедной территории здание, призванное «притушить» бетонное величие махины плавательного бассейна, ибо не ему суждено историей быть доминантой этого святого места. Окружив бассейн П-образной галереей, архитекторы и строители переключат наше внимание на действительно важные и, по правде говоря, гораздо более привлекательные объекты.

Новую жизнь вдохнет в атмосферу чаще всего пустующей горки наряду с храмовым и музейный комплекс — «Город мастеров». Еще лучше, на мой взгляд, если маленькие мастерские и лавочки, которые там со временем появятся, станут не мертвыми экспонатами, но — действующими. Пусть стучат там молоточки обувщиков, строчат машинки швейников, расцветают яркими красками узоры вышивальщиц, пусть лучшие Мастера демонстрируют свое искусство...

Поскольку среди заказчиков проекта фигурирует общество «Эребуни», естественно было узнать о взаимосвязи его с заповедной территорией. Дело в том, пояснил В. Гребенников, что недавно это культурно-религиозное общество с помощью городской администрации получило возможность восстановить также утраченный в период воинствующего атеизма армянский храм и построить здание центра национальной культуры. Выделенное под эти объекты место примыкает и фактически входит в заповедную зону.

Таким образом, возникает настоятельная необходимость объединить усилия, чтобы будущий заповедный ансамбль развивался не хаотично, не кусками — тут храмам, тут музею, там городу, — но сразу приобретал гармоничное лицо. Разумеется, участвуя в работах на Крепостной горе, «Эребуни», как и остальные заказчики, вкладывает свою финансовую лепту, несет свою долю ответственности и, безусловно, подконтролен городу в целом и Концепции заповедника в частности.

Конечно, в беседе о Крепостной горе, памятуя о столь интересных прошлогодних археологических раскопках, нельзя было не спросить Владимира Петровича о знаменитых и таинственных подземных ходах. Все же — они есть или их нет? Увидит ли их любознательный ставрополец? Ответ неоднозначен. Ходы-то имеются, о них многие говорят. Один старожил вспоминает, как в годы войны, будучи радистом, он устанавливал на тогда еще существовавшей колокольне громкоговоритель для оповещения жителей об очередной тревоге и сам, но в сопровождении особистов ходил по подземным тоннелям в поисках подходящего места для своей аппаратуры. Да и мой собеседник уже не так давно осматривал сохранившуюся часть хода в районе горэлектросетей.

Привлекательна, конечно, идея внедрить систему ходов в музейный комплекс горы. Однако скоро только сказка сказывается. Ну разроем, а что дальше? Прежде чем пустить туда экскурсантов, надо многое исследовать, восстановить, посоветоваться с учеными — не опасно ли для жизни, ибо очень уж неглубоко...

Есть другой путь, долгий, но зато надежный. Когда придут на гору строители и примутся за сооружение запланированных объектов, они непременно будут натыкаться на остатки ходов, которые надо будет просто привести в надлежащий вид.

Слушаю Владимира Петровича и воочию представляю себе восстановленные крепость, храмы, памятник... А потом появляются неизбежные сомнения: а надо ли это сегодня? И так забот полон рот, а тут какие-то грандиозные фантазии на исторические темы. И все-таки верю, что это нужно нам и детям нашим. Неравнодушие земляков-ставропольцев к своей истории проявляется в конкретных делах: ведь их пожертвования на восстановление Кафедрального собора на горе дали возможность комитету «Возрождение» наравне с перечисленными заказчиками включиться в осуществление проекта реконструкции заповедной территории. Ясно ведь: будет жить заповедник — возродится и храм. Возродится Горка.

Текст печатается по изданию:
Быкова Н.П. Как преобразится горка // Ставропольская правда. — 1992. — 11 апреля.

О. Метелкина. **Город и его зодчие**

Мы живем в своем городе, ворчим на его ветреную погоду, крутые подъемы и спуски. Погруженные в повседневную суету, мы просто не замечаем истинного лица знакомых улиц. Недостаточно знать о том, что задолго до нас здесь жили люди. Такие же, как мы, и совсем другие; именно они делали наш город Ставрополем.

Впервые я увидела привычные улицы и здания по-новому благодаря встрече с человеком, возвышенно влюбленным в наш город, наделенным жизненной и профессиональной мудростью, архитектором Юрием Алексеевичем Хоменко.

— Не было у Ставрополя многих веков существования, не было давних художественных традиций строительного искусства. Народных мастеров-строителей тоже не водилось, потому что оседлого населения в этом районе не существовало. Созданный в 1777 году как военная крепость Ставрополь недолго оставался чисто военным укреплением. Уже в начале XIX века он стал центром военно-административным, а затем — губернским. Население Ставрополя — казаки, отставные солдаты — обосновывалось прочно, строилось основательно. При всех трудностях возведения нового города на пустом месте у населения вряд ли возникали ощущения непрочности бытия, временности и военной бивуачности. Но вместе с тем, видимо, именно трудности освоения сформировали взгляд на город как на нечто сугубо утилитарное, не требующее при строительстве «красивостей» архитектурных и «телячьих нежностей» эстетического благообразия. Господ военных в Ставрополе постепенно разбавила прослойка крепких волей зерновых магнатов, купцов, энергичных промышленников, не отличавшихся высоким уровнем интеллекта.

Пути на Кавказ приводили в город много славных сынов России того времени, от полководцев до ученых, деятелей искусства и опальных революционеров, созвездие имен которых составляет славу народа нашего и до сего дня. Но, странное дело, их появление не оказало немедленного влияния на культуру молодого города.

И только со второй половины прошлого века, как бы вдогонку превращая количество в качество, Ставрополь взорвался таким всплеском собственного интеллекта и духа, на гребне которого засияли имена сыновей его не менее славные и великие, чем общерусские.

С развитием культуры росло понимание и роли архитектуры в жизни города. Количество более или менее значимых в архитектурном отношении зданий стало накапливаться в нем только с середины XIX века. Писатель И.Я. Егоров очень точно передал характер города и горожан. Он писал: «Крепко строили этот город. Закладывали глубокие фундаменты. Неторопливо тесали пористый известняк-ракушечник, удобнейший строительный материал, и возводили стены такой хозяйственной добротности, что дома из поколения в поколение переходили по нотариальным записям без всяких изъянов, выражая в полной мере понятие «недвижимое имущество».

Никакие предшественники Корбюзье не тревожили ставропольскую инженерную мысль беспокойными исканиями. Инженеры тут, по-видимому, были толстые, благодушные, спокойные; они отлично знали свое крепкое, ясное, «двухэтажное» дело, а по окончании стройки, после молебна, несомненно, пили рябиновку, ели баранью ногу с кашей и целых осетров, а потом дулись в преферанс до следующего подряда».

Период благоденствия — богатый, сытый, сонный — был недолгим: от конца периода становления до начала революционных бурь; главным образом это была вторая половина XIX века.

Какими же были люди, начавшие архитектуру Ставрополя? Изучая документы, я постепенно узнавал их, обстоятельства их жизни, работы, нелегкого чиновничьего существования в полупервобытной грязи, в этом сложном военно-бюрократическом механизме, в этом непростом городе с его трудными людьми и сильными, вязкими, не утраченными и по сей день неформальными связями, скрытыми от посторонних глаз. Да еще среди огромного количества начальства всех рангов, которое зачастую лучше тебя знает, как ты должен делать эту свою архитектуру! Приходя в архив, я снова и снова погружался в их бытие, здоровался с ними, слышал их голоса, подолгу разговаривал с каждым из них, поочередно просматривая толстые, засиженные давно умершими мухами дела. Теперь архитекторы были совсем не на одно лицо — разные, интересные, они привыкли ко мне и считали меня своим.

Скромный худощавый блондин Петр Славянский в форме инженера корпуса военных поселений застенчиво жаловался мне на прижимистую Думу и настырного горластого подрядчика Дмитрия Соннова. Высокий красавец аристократ Воскресенский, смиряя самолюбие, делился огорчениями из-за работы над проектом губернаторского дома, хотя и оплаченным, но оставшегося неосуществленным. Павел Григорьевич был талантливым мастером, работал красиво, умно и терпеть не мог бесполезной работы. Заработок в этом случае совсем не утешал его. Плутовато клялся в невиновности аккуратный шустрый архитекторский помощник Александр Карасевич, только что получивший выволочку от замещавшего губернатора председателя казенной палаты Булычева за аферу со сметой на ремонт Триумфальной арки. Добрейшего Якова Ивановича уважали за деликатность общения с чиновниками, и никто его не боялся. Не боялся и Карасевич, которого Яков Иванович ругал больше по обязанности, виновато поглядывая на его потрепанные, в грязи, ботинки, — ставропольские архитекторы за доской не засиживались. А Григорий Ткаченко, титулярный советник, только что назначенный губернским архитектором, зорко поглядывая из-под бровей, на всякий случай обходил меня стороной. Он только что без всяких торгов приобрел огромный участок городской земли в верховьях Мутнянки, обидев при этом солдатку Анну Михайловну. Счастье его, что жалобу солдатки разбирал все тот же Яков Иванович Булычев.

И, наконец, Григорий Павлович Кусков. Когда я впервые познакомился с его творчеством, впе-

чатление было не в пользу Кускова. И хотя я не мог упрекнуть его в профессиональных недостатках или недоработках проектов, тем не менее поражала какая-то, как мне казалось, несусветная всеядность этого человека. Чего только не было в его постройках: и жилые дома, и мечети, и сельскохозяйственные сооружения, и мосты, и инженерные сети, и великое множество церквей (около четырех десятков)! Надо же, сидел человек и клепал проекты, самые разные. На фоне Кускова благородный Воскресенский, скромный Славянский и даже пройдоха Ткаченко были вполне нормальными людьми, живыми, понятными, иногда симпатичными. И уж во всяком случае вполне объяснимыми. И только позже, когда мне в руки попало личное дело Кускова, я видел и понял его как бы изнутри, поразился масштабу его работы, всей его жизни, огромной эрудиции и такой же неизмеримой трудоспособности, творческому и гражданскому подвигу Архитектора. Мне всегда импонировало подвижничество в архитектуре. Не желая обижать его коллег-предшественников, я все-таки со всей ответственностью должен сказать: никто из архитекторов предыдущего периода не сделал для Ставрополя столько, сколько сумел сделать Григорий Павлович Кусков. Этот архитектор оставался мастером всю свою жизнь и умер в 1937 году за чертежной доской.

Их было много, архитекторов, строивших наш город: трудолюбивых, увлеченных, скромных и разбитных, честных и не очень, — обычных людей в нашей обычной жизни...

(А я, в свою очередь, подумала: недавно в городе сменился главный архитектор, каким будет его слово в градостроительстве? Войдет ли оно в историю?..)

Текст печатается по изданию:
Метелкина О. Город и его зодчие // Вечерний Ставрополь . — 1994. — 18 августа.

В.П. Гребенников. **Триумфальная арка в городе Ставрополе**

Согласно архивным документам, начало строительства Триумфальной арки, именуемой Тифлисскими воротами, относится к 1841 году. Строителем ее был известный подрядчик купец Гавриил Тамамшев. За оказанную городу услугу он одним из первых в г. Ставрополе получил звание почетного гражданина, что по тем временам приравнивалось к дворянскому званию.

Строительство ворот совпало с подготовкой к празднованию 30-летия Бородинского сражения. Украшением торжеств стала Триумфальная арка.

Поскольку построена была арка в районе Тифлисской заставы, откуда начинался тракт на Георгиевск и далее в Закавказье на Тифлис, то она имела и другое название — Тифлисские ворота.

Есть сведения, что арка выполняла функции городских ворот при въезде в Ставрополь с восточной стороны. Это подтверждается распоряжением гражданского губернатора А. Волоцкого о строительстве по обе стороны от арки каменной стены. И все же в первую очередь она была памятником славы русского оружия.

В 1854 году арка реконструировалась и возможно даже перестраивалась.

Все существовавшие фотографии говорят о том, что она была отделана штукатуркой светлых тонов. В центральном портале была смонтирована двухсторонняя икона, очевидно, Христа Спасителя.

В канун празднования 150-летия Ставрополя арка была объявлена памятником старины, подлежащим охране как «Триумфальная арка, поставленная в честь победы в Отечественной войне 1812 года».

Была разрушена во второй половине 30-х годов.

К 210-летию Ставрополя по заказу городского управления коммунального хозяйства проектным институтом «Ставропольгражданпроект» был выполнен проект «Благоустройство площади им. Орджоникидзе, прилегающей к пр. К. Маркса с устройством аркады». Проект разрабатывал гл. архитектор института П.И. Олексюк. До реального воплощения дело не дошло.

В 1990—91 гг. депутатская комиссия по культуре горсовета поднимала вопрос о восстановлении Триумфальной арки.

В 1996 г. администрация Октябрьского района планировала восстановление или, по крайней мере, заложить арку к 50-летию победы в ВОВ, подчеркивая преемственность поколений. На градостроительном Совете окончательно было определено место строительства, так как с течением времени изменилась градостроительная ситуация. Возникли два квартала по обе стороны проспекта, примыкающие к ул. Войтика, и ворота по проекту 1987 г. придвигаются к пл. Орджоникидзе примерно на 100 м. от исторического места строительства. Городской архитектурой была выполнена привязка фундамента, и уже тогда поднимался вопрос о качестве отделочных материалов. Автор проекта вместе с Ю.А.Хоменко, бывшим в 1995 г. инспектором по охране памятников истории и культуры, вернулись к подбору отделочных материалов.

Восстановление Триумфальной арки на благотворительной основе имеет большое значение с градостроительной и военно-патриотической точек зрения, т.к. она символизировала и будет символизировать значение Ставрополя как военно-административного центра Северного Кавказа как главных ворот на Кавказе.

Текст печатается по материалам:
Гребенников В.П. Триумфальная арка в городе Ставрополе. Историческая справка. 31 октября 1997 года. Фонд Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

Н. Грищенко. **Подземный Ставрополь**

Большинство людей, как правило, нечасто обращают внимание на то, что творится у них под ногами. Хоть Ставрополь и не крупный по российским меркам город — всего около четырехсот тысяч населения, но свои подземелья есть и у него. Дабы познакомиться с ними поближе, корреспонденты «СП» провели специальное исследование.

Кавказские катакомбы

Столице края уже более двух столетий. О здешних древних подземельях и потайных лазах лучше всех знает директор Ставропольского краеведческого музея имени Г. Прозрителева и Г. Праве Николай Охонько. Вот что он рассказал:

— Есть объективные данные о наличии подземных ходов, а есть мифы и легенды. К ним относится предание о том, что под землей существует путь, ведущий от Крепостной горы к женскому Иоанно-Марьинскому монастырю, который находился на территории современного северо-западного микрорайона. Увы, но это только легенда, потому что если бы наши предки действительно его прорыли, то мы обязательно нашли бы какие-нибудь документы. Происхождение «лаза» можно объяснить мифом о том, что между женским и мужским монастырями обязательно должен быть подземный ход.

Бытует еще одна идея — о наличии тоннеля из Ставрополя в село Татарка. Здесь есть некие отголоски рационального зерна, потому как на северной окраине села Татарка существует самое крупное в Предкавказье городище. Там есть грот, где во время сталинских репрессий и гонения на церковь укрывались и молились верующие. Поэтому, возможно, ради конспирации христиане прорыли подземный ход, но, к сожалению, мне о нем ничего не известно. Зато последние изыскания краеведческого музея позволяют говорить о наличии в древнем городище сети подземных ходов. Однажды мы произвели аэрофотосъемку раскопок и увидели на снимках массу подземных пустот. Некоторые из них шли в направлении воды, другие уходили далеко за пределы городища. Таким образом, можно предположить, что это рукотворные сооружения.

Теперь от легенд перейдем к реальности. Археологическими изысканиями работников музея, архивными данными и достоверными сообщениями очевидцев установлено в районе Крепостной горы — сердце старинного Ставрополя — наличие больших подземных пустот — катакомб.

Самые известные из них — сеть сообщающихся между собой пещер — находятся под памятником красноармейцам. Один из старожилов города рассказывал, что накануне Великой Отечественной войны размещал там рубку радиовещания. По его словам, пещер было множество, и он выбирал из них самые сухие и проветриваемые. Но за несколько месяцев до нападения Гитлера пришел приказ: «Работы в катакомбах прекратить».

Его рассказ подтверждают старые планы крепости конца XVIII — начала XIX веков. Там, на склоне ниже памятника, были помещены печи для обжига извести. Мы полагаем, что первые поселенцы Ставрополя со склона горы добывали для своих построек ракушечник и песок. Вход в эти шахты сейчас замурован.

Другой подземный ход, который завален и не функционирует, шел от общественного туалета на проспекте Октябрьской революции к бывшему кинотеатру «Родина». Вероятно, он соединял гарнизон с передовыми постами крепости, и еще, пройдя по нему, можно было брать воду из речки Желобовки.

О существовании тайного хода из подвалов Казанского кафедрального собора (ныне на его месте установлен памятник генералу Апанасенко) нам поведал ставропольчанин, служивший в 20-е годы в частях особого назначения. Он нашел подземный ход, погнавшись за беспризорником, укравшим на рынке сумочку. Уходя от погони, воришка нырнул в яму, которая оказалась входом в подземелья Казанского собора. Во время войны ход был завален.

Наследие холодной войны

Другой важной составляющей подземного мира Ставрополя являются объекты гражданской обороны 60—80-х годов прошлого столетия. Согласно военной доктрине тех лет в городе было построено более ста защитных сооружений, способных принять 29 тысяч человек.

О том, что они представляли, можно судить по расположенному под зданием крайвоенкомата укрытию для администрации Ставрополя. Это длинный коридор, по сторонам которого расположены жилые комнаты и кабинеты. Два выхода на поверхность, находящиеся в противоположных концах подвала, закрыты 15-сантиметровыми металлическими дверями с толстой резиновой прослойкой для более полной герметизации помещения. В бункере находятся центр связи, энергетическая установка, приборы регенерации и очистки воздуха, канализация. Имеются запасы топлива, воды, продуктов, противогазов и другого снаряжения. Рассчитанное на 125 человек убежище сохранилось до сих пор.

Однако так хорошо сохранились только несколько защитных сооружений. Остальные находятся в аварийном состоянии из-за того, что начиная с 1988 года уровень грунтовых вод поднялся с 15 до трех метров.

Кроме объектов гражданской обороны, большой интерес для дигеров и бомжей представляет канализация краевого центра протяженностью более 277 километров, она образует своеобразный подземный лабиринт. Сохранилась она немного лучше убежищ, но около 22 процентов от ее длины считаются ветхими.

Наиболее интересны из них заброшенные очистные сооружения, которые находятся в районе Старомарьевского шоссе. Данные сооружения представляют собой комплекс огромных колодцев диаметром примерно 25 метров. Попасть в них можно только через металлический люк. Внутренности подземелий затоплены.

Зов бездны

Об опасностях, которые подстерегают путешественников по подземельям, рассказал известный на Ставрополье спелеолог Василий Гаазов:

— Отправляясь под землю, нужно запастись каской с фонарем, веревкой и... противогазом, поскольку часто в пещерах и подвалах собирается метан. Кроме него, воздух отравляют вредные испарения и разлагающиеся животные, поэтому без противогаза не обойтись.

Также дигеру необходима психологическая подготовка, ибо под землей часто наступает «зов бездны» — состояние, когда тебе хочется только одного — опуститься как можно ниже. При этом забываешь обо всем — о том, что надо надеть противогаз, что нужно подниматься обратно, иначе замерзнешь, и так далее. Также следует помнить, что паника под землей — это самоубийство. Поэтому специалисты предупреждают, что путешествия под землей без предварительной подготовки опасны для жизни.

Текст печатается по изданию:
Грищенко Н. Подземный Ставрополь // Ставропольская правда. — 2001. — 17 ноября.

Л. Леонтьева. **Город с мистической судьбой**

Ставрополь входил в отечественную историю под названием «Крепость Московская». Такое совпадение с именем сердца России можно было бы посчитать случайным (равно как и юбилейную дату, которую 220-летний Ставрополь вместе с первопрестольной отмечает в сентябре).

Но дело в том, что эта территория, расположенная в самом центре Предкавказья, имеет столько уникальных черт, поразительных совпадений и пересечений с судьбой России, что невольно начинаешь думать о некоем провидении, о Божьем промысле, связавшем их неразрывно. И о непознанной тайне, сокрытой в нем. Тайне, связанной с ключевой ролью Города Креста (так переводится с греческого Ставрополь) в становлении и развитии российской государственности.

«Расшифровать», хотя б отчасти, суть этой тонкой и чувствительной связи — возможно, понять многое из того, что происходит в России сегодня, предвидеть, что будет завтра...

Судите сами, размышляя над любопытными параллелями и фактами из истории единственного на Руси города, возникшего на месте «котла народов».

Город Креста: легенда и тайна

Известно, что в российской истории было три города Креста, носивших греческое название Ставрополь. (В Предкавказье проживало немало греческих колоний). Первым Ставрополем стала крепость, заложенная Петром Первым в 1722 году в устье реки Сулак после его дагестанского похода, результатом которого стал выход России на Кавказ.

Однако после неудачной войны с Ираном Россия была вынуждена уступить благоприобретенную территорию — крепость пришлось срыть. Но взамен ее в 1773 году была заложена крепость Ставрополь-на-Волге. Здесь государственные мужи планировали поселить крещеных калмыков, приучить их к оседлой жизни. Но планы «переселения» (которые позже советская власть осуществила на Северном Кавказе в ужасающем масштабе) на тот момент, к счастью, так и остались на бумаге. И город на Волге в конце концов «скопированного» названия не удержал: в 1964 году был переименован в Тольятти.

К нашему же городу это имя как приросло. И попытки дать ему другое название жили недолго. Первая была в 1800 году. После смерти Екатерины Великой и вступления на трон Павла, подхалимы предлагали переименовать его в Павлославль по образу существовавшего уже города Екатеринославля. И своего бы добились, но царь вскоре покинул земную юдоль.

Вторая попытка в 1935 году увенчалась успехом, и на семь лет навязала городу святого креста имя... Ворошиловск. <...> Мало кто знает, что в историю наш город входил тем не менее как «крепость Московская». Красивое имя — да не свое, и продержалось оно всего 35 дней. До 27 ноября 1777 года. Но вот почему это произошло так внезапно — даже версий мало, историки и исследователи испытывают здесь явную заминку с объяснениями. Но есть версия, на мой взгляд, одна из наиболее правдоподобных, хотя и связана она с легендой. Она гласит, что при закладке крепости на возвышенности Предкавказья, в самой высокой точке, на горе, первыми строителями (а это были драгуны Владимирского полка и казаки-хоперцы) был найден каменный крест. Эта находка-де и предопределила имя крепости — Ставрополь.

Такая находка, если она и впрямь была, могла буквально потрясти душу, поразить воображение русского православного человека, увидевшего в этом знаменье, Божий знак. И в таком случае легко объяснима быстрая — и естественная! — смена названия поселения, только-только начавшегося строиться.

Но вот саму находку Креста на этом месте считают чистым вымыслом. Типичной легендой, в центре которой библейский пророк Андрей Первозванный. После воскрешения и вознесения на небеса Иисуса Христа на его пророков снизошел с небес свет и глас Божий, который повелел им идти по миру, нести людям Слово Божие. И пошли пророки по свету. Андрей Первозванный на своем долгом пути обращал язычников в православие, оставляя (воздвигая) за собой его символы — кресты. Один из них был установлен на месте будущего Киева, матери городов русских. В Предкавказье след Андрея Первозванного теряется... Но воздвигнутый пророком на горе крест будто бы и был найден при закладке крепости.

Легенда? Как сказать — не поторопиться бы! Ведь откровенным мифом считали ученые и самую известную библейскую историю о Ноевом Ковчеге. А недавно мир был поражен сенсационным сообщением: на склоне горы Арарат (как и говорится в священной книге) благодаря точнейшим научным методам, в том числе съемкам из космоса, обнаружили вмерзшие в лед останки огромного деревянного судна, возраст которого датируется именно библейским периодом... Тайна Ноева Ковчега, похоже, близка к разгадке, и величественный миф может оказаться сущей — самой что ни на есть материалистической — правдой. <...>

«Семерка» — знак судьбы Ставрополя?

Нумерология говорит о знаковой неслучайности числа, отраженного в судьбе как отдельного индивида, так и конкретного человеческого сообщества. Определенно, что у Ставрополя это — семерка. В нумерологии о семерке говорится буквально следующее: «Путь (судьба) Семерки — дорога усыпана крестами, каббалистическими знаками, предзнаменованиями... Символы этой магической цифры — Сатурн и семь планет, семь дней недели, еще семь холмов, на которых стоит священный Рим». (Попут-

но напомню, что и Москва, называвшаяся «третьим Римом», стоит на семи холмах. — *Авт.*).

Город Креста стоит на горе, самая высокая точка которой над уровнем моря — 655 метров. Сложите их слева направо естественным сложением и получите все ту же цифру семь. Самая низкая его отметка — 484 метра над уровнем моря. Сложите эти цифры и снова получите все ту же семерку.

Читаем дальше: «Через посредство Сатурна семерка связывает мир и его отражения (мир и представления о нем, материю и дух). Семерка склоняет к философским размышлениям, религии. Семерка может быть теневым лидером...».

Семерка в истории Ставрополя очень часто являет себя как бы «не закодированной» — открыто. Хотите верьте, хотите проверьте, но эта цифра особенно часто появлялась в датах поворотных или знаменательных событий в истории Ставрополя, жизни его населения. Это обстоятельство мимоходом, но с нескрываемым удивлением отмечали в наших беседах многие знатоки города.

Мало того, что во времени рождения города восклицательно сконцентрировались аж три семерки (1777 год), так ведь эта мистическая цифра присутствовала еще и до его рождения. Каким образом? В соответствии с подписанным Екатериной Второй Указом о создании первой, как она писала, «правильной» (в отличие от возникавших стихийно по Дону, Тереку, Сулаку...) границы России — укрепленной Азово-Моздокской линии — на ее пятисотверстовом пространстве от моря Черного до моря Каспийского было запланировано построить десять крепостей.

Правда, позже выяснилось, что одна из крепостей на плане — лишняя, и в итоге было их построено девять. «Именовать их как благоугодно будет», — повелел светлейший князь Потемкин. А пока крепости обозначили цифирью. Ставропольская крепость в реестре будущих военных поселений значилась как «крепость номер семь».

Далее судьбоносная цифра кочевала из события в событие, оставлявшие глубокие зарубки в истории города. <...>

Центр Европы и Азии

Через двадцать пять лет после закладки крепости организуется Кавказская губерния. Ее центром становится Георгиевск. Но, видно, провидение сопротивлялось этому неблагоразумному решению. Быстрее всего в Георгиевске росло кладбище: жестокий и необъяснимый мор косил чиновников, ехавших на Кавказ за чинами и званиями. И власти сдались перед этим напором несчастий: центр перевели в Ставрополь, который с этого времени начинает цвести и расти как на дрожжах.

Вскоре губерния реорганизуется в Кавказскую область с тем же центром в Ставрополе.

В 1847 году Кавказская область реорганизуется в очередной раз: из нее выделяется Ставропольская губерния, и Ставрополь становится губернским городом. <...> Во всей России нет другого такого города, в котором бы сосредоточилось столько богоданных черт и особенностей. Встав на самой высокой точке возвышенности Предкавказья, город оказался на водоразделе между бассейнами Черного и Каспийского морей. Если посмотреть на город из космоса, то будет видно: Город Креста расположился ровно по центру прямой линии, соединяющей эти моря.

У города берут начало 12 речек, одни из которых бегут к морю Каспийскому, другие к Черному.

Через Ставрополь проходит 45 параллель северной широты, то есть он находится ровно посредине между Северным полюсом и экватором. С этим связано и уникальное многообразие природно-климатических зон, которых на Ставрополье аж пять. А это обстоятельство в свою очередь объясняет давно отмеченную необыкновенную приспособляемость местной растительности, испытываемой на жизнестойкость песчаными бурями, ураганными ветрами, засухой и еще бог знает чем. А возможно, оказало влияние и на формирование черт характера ставропольского люда.

Вот вопрос, как говорится, на засыпку. Эта подчеркнутая «срединность» Ставрополя не ставит ли точку в длительном споре о том, где проходит южная граница между Европой и Азией? Одни считают, что по Главному Кавказскому хребту. Другие — по долине Маныча. Но взгляните на карту, говорят местные ученые, и вы увидите, что Ставрополь находится в классической приграничной полосе Евразийского континента, где сходятся не только природные и климатические зоны, но и народы с их историей.

Вся территория Ставрополя просто нашпигована следами древних городищ, тут их два десятка. Среди них — Ташлинское — самое древнее поселение людей в Центральном Предкавказье, которое ученые точно и образно называют «котлом народов». На месте раскопок найдены следы древних культур и проживания тьмы народов, сменявших во времени друг друга на протяжении пяти тысячелетий — со времен энеолита! Кто только не перебывал здесь: скифы, сарматы, гунны, хазары, болгары, аланы... Они кочевали, воевали, пасли скот, перемешивались между собой, уничтожали и вновь создавали поселения.

Поневоле поверишь в кармическую предопределенность Города Креста, зародившегося на пересечении мощных культур и цивилизаций, в центре «биоэнергетического сгустка», возможно, и не исчезающего бесследно...

Напоследок хочу обратить внимание читателей на главный геральдический символ Ставрополя — его современный герб. <...> Так вот в центре герба его автор — директор ставропольского государственного объединенного краеведческого музея Николай Анатольевич Охонько — поместил неброское изображение золотого Креста. Он делит герб графически на четыре равные части — объединяя их, и в то же время являясь знаковой, смысловой доминантой всего изображенного. Крест осеняющий, прощающий, примиряющий... Он как бы символизирует, говоря словами поэта, тот высший суд, который «...не доступен звону злата и мысли, и дела он знает наперед».

Многонациональный Ставрополь два века служил оплотом стабильности и мира в Предкавказье, постоянно и зримо являя это дарованное Высшим промыслом свое главное предназначенье на всех крутых перекрестках собственной судьбы и истории России. Великое предназначенье Города Креста!

Это не пафос, не дань юбилею. Славословить Ставрополь нет нужды — все о нем уже сказала История!

И еще скажет Будущее!

Текст печатается по изданию:
Леонтьева Л. Город с мистической судьбой // Российская газета. Северо-Кавказский выпуск. — 1997. — 20 сентября.

А.К. Швырева. **Справка о сквере-дендрарии на площади им. Ленина**

Многие из тех, кто сейчас отдыхает под тенистыми куполами деревьев в сквере-дендрарии на площади им. Ленина, и не подозревают, что всего 50 лет назад здесь был пыльный пустырь, изъеденный кавернами бывших каменоломен и который оживал дважды в году — весною и осенью, когда здесь устраивались ярмарки. Но отшумит ярмарка, и снова гуляет по пустырю только ветер-суховей, закручивая пыльные смерчи.

Осенью 1951 года впервые городскими властями ставится вопрос о реконструкции центра Ставрополя. Она предусматривала не только возведение новых красивых зданий на центральной площади города, но и строительство зеленой архитектуры. За разработку архитектурного проекта взялась Заслуженный архитектор РСФСР Ирина Викторовна Лысякова.

С 1953 года на площадь стали завозить плодородный грунт, чтобы изолировать плиту известняков-ракушечников и создать благоприятные условия для развития растений. Скептики говорили, что это сизифов труд, оптимисты верили — быть прекрасному скверу на бывшем пустыре. Сюда было завезено около сотни тысяч кубометров земли плодородной.

Основные работы по благоустройству и озеленению площади начались уже в 1957 году.

20 октября 1961 года — день исторический, в этот день на площади начали посадку деревьев и кустарников, разбивку газонов и клумб. Завершены эти работы в середине апреля 1965 года.

И.В. Лысякова разработала проект по типу ландшафтного парка с элементами регулярного парка. Проект получился очень красивым, но многое зависело и от посадочного материала. К тому же у нас еще не было опыта зеленого строительства. Чтобы преодолеть это, бывший управляющий трестом «Горзеленстрой» Иван Иванович Бурым объездил почти всю страну, набирал крупицы мастерства создания зеленой архитектуры. С этой целью он побывал и за границей, в том числе и в Германии: города Берлин, Эрфурт, Потсдам, Лейпциг, Эйзенак и др.

Посадочный материал тоже поступал из разных мест страны: голубые канадские ели, хвойные, розы — из Нальчика, береза шла из Брянска, самшит — из Перкальского питомника (Пятигорск), можжевельники — из Теберды и Архыза и т.д.

И вот результат налицо: на бархате зеленых газонов группками стоят голубые ели, клены канадские сахарные, дубы обычные и краснолистные, иудино дерево, можжевельники и кипарисы. Есть аллеи листовые, каштановые, рябиновые, боярышниковые. Украшением сквера являются декоративные кустарники: сирень, иранская роза, японская айва, форзиция, спирея, барбарисы, кизильники. Причем деревья и кустарники подобраны так, что сквер-дендрарий наряден и праздничен в любое время года.

Благодаря многообразию видового состава растений, которые являются выходцами из разных континентов планеты Земля, сквер-дендрарий жители нашего города с любовью называют малым ботаническим садом.

Текст печатается по материалам:
Швырева А.К. Справка о сквере-дендрарии на площади им. Ленина.
Фонд Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

И.И. Бурым. **Письмо, адресованное директору Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве Н.А. Охонько**

Уважаемый Николай Анатольевич!

С большим вниманием и интересом я читаю Ваши статьи в «Вечернем Ставрополе» об исторических местах, в том числе и об озеленении г. Ставрополя.

Я решил Вам написать небольшие свои записи потому, что некоторые аллеи деревьев посажены в г. Ставрополе на исторических местах и будут украшать город не одно столетие.

Вам мои записи очень пригодятся. А теперь мои воспоминания.

Когда я в своем докладе для населения г. Ставрополя описывал, когда и где проводились посадки деревьев, я не мог рассказывать о каждом участке в городе подробно. Но сейчас убедился, что есть в городе места исторические, и я лично Вам, уважаемый Николай Анатольевич, хочу сообщить более подробно, так как я лично сам руководил непосредственно на месте посадками этих деревьев и группой рабочих.

1. Посадка деревьев, т.е. устройство аллеи от железнодорожного вокзала и до памятника генералу Ермолову (это сейчас).

Пройдет несколько десятков лет, и будут гадать, как это все сделано!

Я еще живой, и все посадки деревьев проходили лично под моим руководством. Сообщаю, что аллея от ж.-д. вокзала была высажена осенью 1952 года. Причем, вначале от ж.-д. вокзала до Тифлисских ворот (это теперь) были высажены шаровидные акации. Там сейчас растет вместо акаций дуб черешчатый. Вот что произошло.

Осенью 22 ноября 1955 года во время дождя с вечера, ночью перешел в снег, а к утру был сильный гололед, и шаровидная акация со своей плотной

кроной лист еще не сбросила, почти вся погибла.

2. Вместо шаровидной акации мы осенью 1957 года посадили деревья дуба с комом земли, так там появилась аллея из дуба. Теперь опишу, почему посадили дуб.

В сельскохозяйственной энциклопедии написано так:«Дуб черешчатый — прекрасное могучее дерево, растет до 1000 (тысячи) лет и более. Его в словарях еще называют — патриарх». Там же далее написано, что единственным недостатком этого дерева является, что он в молодом возрасте медленно растет. Это [отличное] дерево.

В 1965 г. наш ставропольский дуб на больших фотоснимках демонстрировался в г. Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке как большое достижение г. Ставрополя по применению в озеленении города деревьев дуба.

3. Что касается аллеи из голубых елей 16 штук (теперь уже между Тифлисскими воротами и памятником генералу Ермолову), то сообщаю, что эти голубые 16 штук елей посажены осенью 1952 года. Я их выписывал лично с группой рабочих. Привез также лично сам из города Нальчика. В то время голубая ель была на вес золота. Я Богом Христом выпросил в Нальчике, питомник там же в Долинске.

Почему я решил посадить голубую ель (растет до 400 лет). Пишу Вам дословно из энциклопедии: «Голубая ель по декоративности занимает одно из первых мест среди хвойных и не имеет себе равных среди елей» и далее из энциклопедии.

В России впервые голубая ель демонстрировалась на выставке садоводства в Петербурге в 1880 году и как большой раритет, саженец высотой в 1 метр оценен был в 300 рублей золотом.

Внутри аллеи я посадил японскую катальцу, введенную в культуру в 1929 г. И. Мичуриным. Родом из Японии и Китая.

4. Озеленение лестницы на Комсомольской горке. После ее реконструкции я лично сам привез голубую ель в ноябре в 1955 году 26 шт. из г. Пятигорска со знаменитого на всю Россию Перкальского питомника. Но просил и уговаривал руководство Пятигорска с большим трудом. Ели посажены при непосредственном моем участии и руководстве.

Ель растет до 400 лет, прилагаю фото 1998 г.

5. О 700-летнем дубе по ул. Дзержинского, 187.

Каких только нет сейчас догадок и вымыслов, почему погиб дуб. Впервые я и группа крупных специалистов Крайлесхоза треста «Горзеленстрой» и других побывали у этого дуба в 1949 году. Что мы там обнаружили?

На стволе дуба от земли с восточной стороны, т.е. корневой системы вверх более 3-х метров в высоту и по окружности примерно $^{2}/_{3}$ на стволе не было коры, кора была грубо срублена. Присутствовало около нас много людей, и я сейчас помню, как один старик, который там недалеко жил на этой улице по фамилии Кириченко Иван Дмитриевич, нам сказал примерно так... Какой-то подлец во время войны в своих личных целях обрубил кору на изготовление дубильных веществ.

На что и на какие цели была срублена кора, мы не знаем, но все специалисты, которые там присутствовали, были твердо убеждены, что дереву нанесен смертельный, если так можно выразиться, удар. Его не спасли. Было ясно, что дерево погибнет, уже было дупло и дерево начало суховершить. Оно было смертельно ранено.

6. Небольшой сквер в 15—20 метрах от здания железнодорожного вокзала сделан, т.е. посажены деревья из 4-х голубых елей и розовоцветущего боярышника, в центре клумба из цветов, в 1957 году.

Я уверен, что все, что я сообщил, со временем очень Вам пригодится. Это всё не на одно столетие.

Уважаемый Николай Анатольевич! Я думаю, что мои короткие записи Вам пригодятся.

С уважением к Вам,
Бурым Иван Иванович,
Заслуженный работник
жилищно-коммунального хозяйства России.
30 марта 1999 г.

Текст письма предоставлен Н.А. Охонько

Г. Попова, В. Остапенко. **Градостроитель**

...Затеряна давно твоя могила,
И память благородная людей
Дороги к ней не проторила.
Н. Некрасов

В этих горьких словах немало драматических судеб. Вот одна из них — жизнь нашего замечательного земляка инженера-архитектора Григория Павловича Кускова.

С пожелтевшей фотографии смотрит молодое умное лицо. Мягкая волна волос, высокий лоб, острые — пиками — усы. Спокойный взгляд чуть прищуренных глаз. Во всем интеллигентном облике что-то от чеховских героев.

Наверное, он другим и не мог быть, этот разночинец, сын мещанина, родом из самой глубины России, из мало кому ведомого крошечного провинциального Темрюка, выбившийся своим упорным трудом не просто в люди, а в творцы.

Юноша рвался из захудалого, заштатного городка в Петербург, к мечте — стать архитектором. Он шел к ней трудной дорогой учебы, знаний — первым учеником в станичной школе, реальном училище, вознаграждаемый за труды похвальными листами и наградами.

Многодетная семья не обещала ни денег, ни достатка. Предстояло пробиваться в жизни самому, без материальной поддержки, без протекций, своим умом, волей, трудолюбием.

Григорий Павлович, вспоминая эти годы учебы в Петербурге, в институте гражданских инженеров, писал в автобиографии: «Обремененный семьей и по недостатку средств отец не мог вполне содержать меня, и я все время в училище поддерживался личным за-

работком, уроками. В институте же в Петербурге я получал Кавказскую стипендию, 25 рублей в месяц, зарабатывал личным трудом, чертежами и рисунками и на строительных работах в качестве практиканта и благодаря этому докончил образование».

И не просто «докончил образование», а вышел из института «по первому разряду», с наградой — «золотой медалью профессора Беспалова за приложение механики к строительному искусству».

Так уже в студенческие годы был замечен его талант большого специалиста по сводам. Поражались этому искусству современники мастера. Дивимся красоте их сегодня мы.

Приглашенный на службу в губернский Ставрополь в 1894 году, молодой архитектор всей душой отдался любимому делу. Быстрое продвижение по служебной лестнице от младшего до губернского инженера дало широкое поле деятельности, размах его творчеству, позволило укрепиться таланту и опыту.

Григорий Павлович Кусков строил деревянные и железные мосты, дороги, мельницы, школы, жилые дома, винные склады и конюшни, плотины, элеваторы, водопроводы, пруды. Его строения живы и служат людям не только в Ставрополе (Гулиева мельница), но и в Левокумском, Туркменском, Петровском, других районах.

Но главная цель, основное предназначение градостроителя было впереди.

Губернский Ставрополь славился живописными природными ландшафтами, где — причудливым изгибом, где — открытостью широких улиц, обилием зелени, отменным строительным камнем. И фантазия художника создавала прекрасные формы, удивительные сочетания.

Какой бы повседневной, будничной работой ни занимался Кусков, он со свойственной ему твердостью и независимостью отстаивал право на творчество. И это право давала ему частная практика. От года к году стала расти слава в городе и за его пределами.

Первым проектом молодого архитектора и экзаменом на зрелость было сооружение Андреевской церкви. Ныне действующая, она поражает объемом и мягкостью богато украшенных каменной резьбой куполов, удивительной умиротворяющей гармонией.

Долгие годы оспаривалось само авторство Кускова в создании Андреевской церкви. А дело в том, что сооруженная в 1847 году церковь разрушилась, и на ее месте Андреевская церковь была построена Кусковым как домовая церковь архиепископа в 1897 году. Найдены архивные документы, неопровержимо доказывающие авторство Кускова. В его биографии читаем: «Я в это время занимался и частной практикой в городе и в губернии, и по своим проектам, и под своим техническим надзором построил в городе Ставрополе Андреевскую церковь».

А вот «Ставропольские Епархиальные ведомости» от 16 декабря 1897 года (№ 24). В неофициальном отделе под заголовком «Освящение новоустроенного храма при Архиерейском (новом) доме г. Ставрополя» сообщается: «14 декабря сего 1897 года совершилось торжественнейшее освящение новоустроенного храма во имя св. Апостола Андрея Первозванного при Ставропольском Архиерейском доме...»

Другим дивным творением мастера, обессмертившим его имя, была магометанская мечеть. Как все прекрасное обрастает легендами, так и о мечети сложился миф. В конце прошлого века на этом месте жил богатый князь, владелец многочисленных мукомолен. У него была 17-летняя красавица дочь, но она внезапно заболела и, несмотря на старания многочисленных лекарей, умерла. Горевал князь долго и, не найдя иной возможности излечить свою печаль, задумал построить мечеть в память дочери. Правда, у красивой выдумки был весьма прозаический конец: на постройку не хватило средств и недостающая часть была собрана по подписке. Вложили свои деньги и богатые купцы, и простые люди, мусульмане, которых в городе тогда было немало, да и православные. В 1913 году строительство мечети было продолжено, но полностью закончено оно так и не было. Лишь в чертежах Кускова остались эскизы художественного оформления стен изображениями птиц и зверей, текстами Корана, выполненными арабской вязью.

Легкая, со стремительно взлетевшим ввысь минаретом, изящной формой куполов, эта постройка до сих пор — одна из жемчужин города. И даже если бы Григорий Павлович за всю свою жизнь больше ничего не построил, то и тогда он был бы достоин огромного уважения и памяти. А ведь им возведено в крае более сорока каменных и деревянных храмов, пять мечетей, семь буддийских хирулов, Ташлянская церковь, церковь в здании бывшей Александровской гимназии (ныне дом № 1 по ул. Советской), колокольни при Даниловской и Софийской церквах.

«Его стиль мы легко узнаем в постройке по ул. Морозова (здесь сегодня располагается штаб летнего училища), в здании бывшего губернского дома...

Верно сказал А.П. Чехов: «Все мы народ, и то лучшее, что мы делаем, есть дело народное». Многие годы мы рисовали одной черной краской наше дореволюционное прошлое. А создали ли, к примеру, в нашем городе хоть одно произведение, подобное тому, что построил Кусков? Унылые ряды безликих, похожих друг на друга многоэтажек. На них ли остановиться, порадоваться глазу, смягчиться душе? А с красотой из жизни уходит и духовность, и память.

Такая судьба постигла и самого Кускова. Затерялась на Успенском кладбище его могила. Богомольные старушки, ухаживающие за брошенными захоронениями, забелили на скромном надгробии надпись «Инженер Григорий Павлович Кусков, сконч. 9.1.1937 г.».

Долгие поиски сотрудников музея им. Г.К. Праве все же увенчались успехом. Могила найдена, надпись расчищена. Хорошо бы городскому правлению архитектуры и краевому отделению Союза архитекторов позаботиться о создании на могиле достойного памятника.

Сохранился и дом самого Кускова на улице Комсомольской. После его национализации семья ютилась в двух полутемным комнатках в деревянном строении по соседству с бывшим родным очагом. Четыре дочери архитектора жили там под постоянной угрозой выселения... А ведь в годы Советской власти Кусков работал на руководящих должностях в строительном отделе Ставропольского Совета народного хозяйства и губисполкома. Несмотря на огромную загруженность, он занимался и педагогической деятельностью — читал лекции на Красных архитектурно-дорожных курсах десятников, в Ставропольском институте сельского хозяйства и мелиорации. Может быть, еще живы и помнят Г.П. Кускова те, кто слушал эти лекции, и поделятся воспоминаниями об этом замечательном человеке. Нельзя, чтобы прерывалась связь времен, чтобы угасала память о лучших людях. Ведь гордиться славой своих предков, по словам А.С. Пушкина, не только можно, но и должно.

Текст печатается по изданию:
Попова Г., Остапенко В. Градостроитель // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 3 июля.

7 К альбому П.М. Гречишкина

В.В. Скрипчинский. **Природа в творчестве П.М. Гречишкина**

Проблема взаимоотношения людей и природы, стоявшая перед человечеством в течение всей его истории, в настоящее время приобретает особую остроту и актуальность. Если на заре возникновения вида Homo sapiens наши предки, подобно животным, являлись лишь одним из звеньев природы, то в дальнейшем человек стал противопоставлять себя ей. Это четко формулируется в постоянно повторяемой фразе: «Природа и мы». Внутренний смысл, влагаемый в эту антитезу, по мере развития рода человеческого изменялся. В течение многих тысячелетий природа представлялась людям грозной силой, в любую минуту готовой раздавить их. С такой силой надо бороться подчас не на жизнь, а на смерть. По мере же роста технической вооруженности человек становился сильнее природы — он начал «покорять» ее, не ждать от нее милостей, а силой брать их. Природа стала превращаться в раба человека, которого можно эксплуатировать любым способом и «переделывать» по своему усмотрению.

Но в тот момент, когда казалось, что человек стал полным господином природы, вдруг обнаружилось, как жестоко может мстить она ему за свое порабощение. Недаром в наши дни родилась новая формула: «Мы не можем ждать милостей от природы после того, как мы с нею так поступали». Если в течение тысяч лет своей истории человечество не понимало простой истины, что природа является основным условием его существования, то грозные события, происходящие на наших глазах, — эрозия почвы, загрязнение вод и воздуха, уничтожение лесов, степей и лугов, гибель многих видов растений и животных — показали необходимость коренного изменения отношения человечества к окружающей среде. Ныне становится ясным, что если это не будет сделано в короткие сроки, то окажется под угрозой не только существование человечества, но, быть может, и возможность сохранения современных форм жизни на нашей планете.

Ученые сообщили миру об этой опасности, и сознание ответственности за сохранение природы уже руководит действиями самых авторитетных международных и государственных правительственных и общественных организаций большинства стран мира. Однако добиться осуществления предпринимаемых ими усилий можно будет лишь в том случае, если все люди Земли, независимо от их рангов и положений, специальностей и занятий, образа жизни и возраста, поймут необходимость нового отношения к природе, основанного на приспособлении к ее фундаментальным законам всех тех сил и возможностей, которыми ныне обладает человечество. А это требует глубокой перестройки веками сложившейся психологии. Добиться такой перестройки, перевоспитав тысячи миллионов людей, можно лишь в результате широкой популяризации выводов науки и самого участия деятелей всех видов искусств, писателей, артистов и художников, обладающих огромной силой воздействия на мысли и чувства людей. В решении этой благородной задачи одно из ведущих мест принадлежит живописи и в первую очередь — пейзажной живописи, которая может показать все богатство и красоту природы, возбудить и развить любовь к ней, а тем самым вложить в души людей стремление сохранить ее для нас самих, для детей, внуков и правнуков наших. С этих именно позиций хочется понять и оценить творчество нашего земляка, художника-пейзажиста Павла Моисеевича Гречишкина, отметившего свое пятидесятилетие персональной выставкой картин, которая подвела итог его неустанным трудам, продолжавшимся более четверти века. Анализ картин, показанных на этой выставке, и ее значение для воспитания любви к природе является основным содержанием данной статьи.

По разнообразию и богатству природных условий Ставропольский край занимает одно из первых мест в стране. В его восточной части простираются необъятные равнины и обширные озера системы Маныча, а на юго-западе тянется Главный Кавказский хребет. Между ними сменяются различные ландшафты, в состав которых входят холмы, горы всех типов, степи, предгорные, субальпийские и

альпийские луга, байрачные леса и леса предгорий и гор — листопадные и вечнозеленые, дубовые, буковые, сосновые, еловые. Самые различные воды — озера, реки, водопады можно увидеть на этой территории. И все эти очень нужно людям, все красиво, своеобразно и предоставляет художнику-пейзажисту буквально неисчерпаемый материал для его творчества.

Как же это неуемное разнообразие вместилось в живописные полотна, созданные П.М. Гречишкиным?

Приманычье. Широкой полосой вдоль северо-восточных границ Ставропольского края и примыкающей к нему Калмыкии протянулся своеобразный ландшафт полупустынных и сухих степей, перемежающихся с озерами, лиманами и зарослями тростников. Это район тонкорунного овцеводства, рыболовства и спортивной охоты. Каким же увидел и изобразил его художник?

И степи, и воды мы видим на картинах. Вот небольшая по размерам картина «Приманычская степь», написанная в 1969 г. Крупными пастозными мазками желто-охристых, бурых и коричневых тонов скульптурно вылеплена поверхность почвы и травы, усохшей от жары и засухи. В сдержанном теплом колорите, передающем запыленность воздуха, написана кошара и небольшой стог сена. Верхнюю часть картины занимает привлекающее внимание мглистое небо. Этот кажущийся однообразным колорит оживляется небольшой, но ярко контрастной темно-синей полоской дальнего лимана, а также гармонично подобранным белым пятнышком стен чабанского домика, кирпичного цвета крышей другого небольшого здания, синим пятном бегущей по дороге автомашины, оставляющей за собой длинный шлейф сероватой пыли. Картина производит сильное впечатление — в ней все важно и типично и в то же время нет ненужных деталей, могущих нарушить целостность восприятия развернувшегося перед взором зрителя пейзажа.

Большая картина «Степь калмыцкая» (1964) показывает близкий географически, но физиономически иной ландшафт совершенно плоской бескрайней равнины, строгая линия горизонта которой лишь чуть-чуть нарушена изображенными скирдами сена. Подернутое желтовато-серебристой мглой небо, однообразный серовато-бурый и приглушенно-зеленый колорит всей картины оживляется отдельными пятнами тускло-белых султанов ковыля. В картине мало деталей, и, быть может, кому-либо она покажется скучной. Но что сделаешь — такова природа, увиденная и прочувствованная художником, природа неприукрашенная и в то же время своеобразно-прекрасная и неповторимая.

Но не всегда приманычские степи бывают столь однообразными. Весной, на небольшое число дней, на них вспыхивают тысячи тысяч красных, желтых, белых, сиреневых, оранжевых — одноколерных или двух-трехколерных цветков полевых тюльпанов, превращающих ее в столь красочный, а иногда и пестрый ковер, что у человека, имевшего счастье попасть сюда в этот момент, просто дух захватывает от восхищения таким потрясающим творением природы. Степь приманычская весенняя отразилась в ряде этюдов («Тюльпаны на Ульдючинах», 1962) и картин («Степь на Маныче», 1963), находящихся в музее краеведения и ботаническом саду, а степь осенняя — как на этюдах, так и на картине, принадлежащей музею краеведения («Балка Голубь»), изображающей один из типичных участков целинной степи Арзгирского района.

Яркое буйство весеннего цветения ожившей после зимнего сна степи, спокойное завершение ее активной жизни и подготовка к новой зиме как бы отражают подобные фазы человеческой жизни — буйную юность и спокойную мудрость седой старости. Глубоким проникновением в философическую сущность этого процесса развития природы — живо и образно раскрыл художник такую параллель в своих картинах. Именно столь понятная и как-то очеловеченная картина развития природы вызывает у зрителей ответное чувство, пусть даже не всегда осознанное и не выраженное словами, чувство своего родства с природой.

Такие выдающиеся маринисты, как Дж. Тернер, И.К. Айвазовский, Л.Ф. Лагорио и многие другие, достигшие выдающихся успехов в изображении моря, отразили в своих картинах все его богатство и вечную неизменяемость. У нас в крае нет моря, но зато есть огромное озеро Маныч, своеобразное по происхождению и географическому положению, а потому обладающее такими физиономическими чертами, которые не свойственны ни морям, ни другим озерам иных районов страны. Это озеро привлекло внимание художника, и П.М. Гречишкин написал здесь много этюдов и картин. Они, как правило, показывают сочетание воды и берегов, но большая картина «Озеро Маныч» (1967) изображает свободную водную поверхность, на которой лишь кое-где разбросаны узкие косы небольших островков, дальние полоски берегов и отдельные куртины камышей, выросших на мелководье. Картина написана в светлых серебристых, сиреневато-голубых, приглушенно-дымчатых тонах. Она изображает в целом довольно спокойную и подернутую лишь небольшой рябью поверхность воды и высокое небо, на голубовато-теплом фоне которого плывут несколько крупных светло-серебристых кучевых облаков. Широту, простор и, несмотря на некоторое движение мелких волн и колебание камышей, общее спокойствие и уравновешенность природы передает эта картина.

Но значительно чаще воды Маныча в изображении П.М. Гречишкина мы видим в сочетании с его берегами. А это дает возможность художнику выступить как интересному колористу, используя всю силу и богатство своей палитры, показать бесконечное своеобразие воды, неба, земли и растительности.

Здесь прежде всего хочется отметить картину «Маныч» (1963), которая также будет рассмотрена ниже при анализе техники живописи художника, а затем серию этюдов, в которых запечатлены отдельные моменты жизни озера. Вся сила голубых, синих тонов бирюзы понадобилась художнику для изображения вод небольшого заливчика, окруженного нежно-изумрудной травой на берегах с желтыми стеблями прошлогоднего тростника, залитых яркими лучами весеннего солнца. Ослепительно-белая полоса, отражающая яркий солнечный свет с контрастирующим пепельно-бурым берегом и одиночными красными тюльпанами — таков Маныч на другом этюде. Чисто голубым, сине-сиреневым, желто-коричневым — ярким или же, напротив, как бы поблекшим, а зачастую и опалесцирующим от взмученных частиц ила и глины представляется он на других этюдах. А как постепенно изменяются и

переходят друг в друга эти тона водной глади по мере удаления от берега, изменения угла наклона солнца и отражения неба — то чистого или облачного, то яркого или тусклого... Никакими словами нельзя передать, сколько различных красок и их оттенков использовал художник, чтобы изобразить все это невероятное многообразие меняющегося состояния воды.

Особенно хорош Маныч, когда волны его прибоя несутся на берег и белой пеной брызг вздымаются вверх, достигая сплошного ковра красных тюльпанов.

Тема Приманычья, занимающая видное место в творчестве П.М. Гречишкина, важна не только тем, что она расширила диапазон его творческих исканий, но и тем, что сохранила для потомства такие уголки ее природы, которые ныне находятся на грани уничтожения. Ульдючинские пестроцветные ковры тюльпанов и сплошные поля красных тюльпанов на южных берегах озера Маныч-Гудило вследствие безответственной распашки прибрежных земель и хищнической заготовки цветов уже в большей части уничтожены или находятся на грани гибели, и наши потомки смогут представить первозданную красоту этих степей, пожалуй, только видя картины П.М. Гречишкина. То же можно сказать и о некоторых памятниках прошлой жизни наших предков. На одном из колоритных этюдов изображена ветряная мельница, еще недавно стоявшая на окраине села Киста. Ныне ее уже нет...

Центральное Ставрополье располагается на восточных и юго-восточных отрогах Ставропольской возвышенности и характеризуется всхолмленным рельефом, на котором невысокие увалы чередуются с широкими балками. В прошлом они были покрыты злаковыми и злаково-разнотравными степями, а по днищам более глубоких и лучше обеспеченных влагой балок длинными лентами извивались байрачные леса. В более возвышенных местах лес взбирается на склоны холмов. Ныне это район интенсивного земледелия и животноводства. Большая часть его территории уже распахана, и участки природной растительности сохранились лишь в очень немногих местах. Быть может, поэтому данному району, занимающему значительную часть территории края, посвящено сравнительно небольшое количество картин П.М. Гречишкина. Хотя таких картин и немного, но в них запечатлен ряд типичных ландшафтов.

Одной из наиболее интересных и существенно важных является большая картина «Степь ковыльная». В ней сочетаются высокие художественные достоинства с передачей характерного ландшафта. Степь показана в один из драматических моментов ее жизни, когда ливень из надвигающейся с запада грозовой тучи уже закрыл часть горизонта и вот-вот прольется на участок ее переднего плана. Но в эти мгновения предшествующий ливню сильный порыв ветра ринулся на степь, и побежали от него вдаль волны колышущихся султанов ковыля, напоминающие своим движением волны беспокойного моря. Картина интересна и своим колоритом, построенным на контрасте голубого неба, огромного ярко-белого облака, переходящего в темную грозовую тучу, из которой уже льется сплошная завеса дождя, и зеленоватого фона степи, перекрытого дымчато-белыми гривами ковыльных султанов. Картина, наполненная движением, показывает, как надвинувшаяся буря стремительно нарушила мирное спокойствие природы, но не уничтожила его, а, напротив, обогатив почву влагой, сделает его еще более жизненным и прекрасным. Такого философского подтекста картины не может не чувствовать зритель.

Наряду с художественными достоинствами, картина представляет научную ценность, изображая один из наиболее характерных типов степей, некогда покрывавших значительную часть территории Ставрополья. Эта картина заслуженно занимает одно из центральных мест в экспозиции краеведческого музея, посвященной природе края.

И другой, более красочный вариант разнотравно-злаковых степей нашел отражение в творчестве П.М. Гречишкина, написавшего сначала небольшой этюд, а затем создавшего на его основе значительную картину, ныне украшающую зал заседаний ученого совета Ставропольского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Основой для нее послужил заповедный участок целины, сохранившийся на территории опытного хозяйства Всесоюзного института овцеводства вблизи с. Бешпагир. В краеведческом музее по этому же этюду создана специальная диорама.

Как этюд, так и картина имеет три плана — внизу широкая полоса убегающей вдаль степи, вверху еще более широкая полоса высокого неба, а между ними узенькая полоска ставропольских далей и отрогов Бешпагирских высот. Яркий летний солнечный день. На прозрачном голубом небе вереницы кучевых облаков — белых на переднем и с различными оттенками розового — на заднем плане. Степной орел, парящий в высоте. И этой светлой и радостной симфонии, разыгравшейся на небесном своде, в полной мере соответствует еще более яркая симфония красок цветущих на земле трав. На общем буровато-оливково-зеленом фоне, созданном стеблями злаков, яркими брызгами и пятнами рассыпалось разноцветье полевых трав. Голубые незабудки перемежаются с ярко-красными корзинками юриней и васильков, желтыми огоньками лютиков. Седой ковыль склонил свои нити по ветру, но прямо, как колонна, стоит ярко-красное соцветие синяка, и огромные белые шары цветов, принадлежащих древнейшим и ныне уже почти исчезнувшим степнякам — катранам — беспорядочно разбросаны по всему полю. Полоски сиреневых далей на горизонте, сливающихся с почти таким же розово-сиреневым небом в левой половине картины, и резко контрастирующие с ними голубовато-зеленые отроги Бешпагирских высот с более сложным рельефом, зеленью склонов, желтовато-белыми пятнами — обнажениями песков и иссиня-фиолетовой полоской лежащей у их подножья долины, давая представление о всех особенностях рельефа, вносят в картину новый элемент колорита и со всей силой объединяют небо с землей, подчеркивая в то же время их контраст и своеобразие.

Автору данной статьи вместе с группой ботаников и географов довелось присутствовать при создании этого этюда и заглянуть в творческую лабораторию художника. Этюд был написан менее чем за два часа. Но когда мы взглянули на степь с той точки, с которой он был написан — странное чувство невольно охватило нас. Мы увидели

выраженную в красках столь хорошо знакомую и понятную нам живую степь, типичный рельеф и дали. Но мы нигде не могли заметить повторения какого-либо конкретного участка или группы растений. Композиция была своеобразна. Художник сумел схватить все типичные элементы огромного пространства далей и первого плана, но так скомпонировал их, что эти рассеянные на десятках гектаров элементы не только вместились в небольшую плоскость этюда, но и не содержали в себе ничего лишнего и случайного.

В целом, хотя художник и показал наиболее характерные пространства ставропольских степей, он все же еще не исчерпал разнообразия ландшафтов данного района. Мы не видим на его картинах байрачных лесов, каньонов, прорытых степными реками, первых всхолмлений равнины, с которых начинается Ставропольская возвышенность, и других, хотя и более скромных, но и для науки, и для художника интересных уголков природы этого края.

Ставропольская возвышенность представляет интереснейший район края. Она характеризуется значительно более сложным рельефом, чем в предыдущих районах, основу которого здесь составляют плоские платообразные горы (Стрижамент, Брык и другие) с более или менее крутыми склонами, изрезанными многочисленными балками и оврагами. Вершины этих гор покрыты обычно яркой лугово-степной травянистой растительностью, а склоны зачастую поросли разнопородными широколиственными лесами. Ныне это район интенсивного многоотраслевого сельского хозяйства, наложившего свой отпечаток на весь ландшафт. Однако благодаря сложности рельефа здесь многое еще сохранилось и говорит о первоначальной его природе, дающей обильный материал для вдохновения художника. Не могло, очевидно, не наложить отпечаток на творчество П.М. Гречишкина и то обстоятельство, что он родился близ Ставрополя, в селе Татарке, здесь же вырос и значительную часть своей жизни провел именно в этих местах.

На выставке показано несколько ранних работ художника. Если оставить первую детскую картину, датированную 1934 г., с условным пейзажем деревенской улицы и замыкающей ее ветряной мельницей, то по другим, к сожалению, весьма немногочисленным этюдам и картинам можно составить некоторое представление о первых шагах творчества начинающего художника и его поисках.

От 1941 г. сохранился этюд «Зима», на котором еще крайне неуверенной кистью написаны крутые берега небольшого оврага, один из которых порос лесом, а по дну протекает небольшая речка. На картине «Дождь. Село Татарка», датированной 1948 г., изображены две хаты, крытые тростником, склоны балки, несколько деревьев, разбитая грунтовая дорога, тяжелые серые тучи, и из глубины приближается к зрителю сильный дождь. Картина показывает рост мастерства художника за прошедшие годы, но все же, как нам кажется, свидетельствует о том, что он к этому времени еще не нашел своего творческого лица. Мы не видим в ней ничего современно-гречишкинского и прежде всего того сложного и разнообразного колорита, который присущ ему теперь. Просветы голубого неба в правом верхнем углу картины написаны тускло и не создают ярко выраженного контраста с общим серым колоритом всей картины. Было видно, что рождается новый художник, но еще нельзя было предвидеть, каким он будет в будущем. Зато маленький этюдик «Лето», написанный в следующем году, на котором показана голубоватая даль горы Бударки, с желтыми полями созревшей пшеницы и фигурами трех женщин, идущих по полевой дороге, несомненно, несет в себе начало подлинного гречишкинского видения природы. Творческие поиски продолжались и в последующие годы. В частности, этюд «Село Татарка» (1951), написанный также в серо-сиреневых тонах, несколько выпадает из серии этюдов тех лет.

Если бы этими картинами и этюдами ограничился П.М. Гречишкин в изображении своей родной Татарки, то, вероятно, не очень блестящее представление о ней, а вместе с тем и о ближайших окрестностях Ставрополя сложилось бы у зрителя. Но, к счастью, этого не случилось. Сформировавшись как художник, П.М. Гречишкин не раз возвращался к изображению своих родных мест. В картине «Цветущий луг», написанной в 1969 г. в окрестностях той же Татарки, изобразил подлинный праздник природы этих мест. На этой почти квадратной картине нежнейший светло-салатно-зеленый фон, созданный злаковыми травами, расцвел тысячами цветов, для изображения которых потребовалось использовать чуть ли не всю палитру красок, находящихся в распоряжении художника, — от светло-голубого до ярко-синего и темно-лилового, от нежнейших оттенков розового и сиреневого до ярко-красного, белые, кремовые, желтые разных оттенков цветы, темно-зеленые и сине-зеленые стебли трав и листьев, деревьев и кустарников, образующих опушку леса, вскарабкавшегося на обрыв горы, и ограничивших лужайку. А в прорыве между ними синеющая даль, над которой поднялось теплое голубовато-розовое небо с редкими белыми кучевыми облаками. Вся эта фантасмагория чистых красок, залитый ярким солнечным светом маленький клочок нашей ставропольской земли, вызывают у зрителя радость и восхищение великолепнейшим богатством и щедростью природы, запечатленной кистью художника — оптимиста, влюбленного в эту природу.

Ставропольская возвышенность изображена и во многих других картинах и этюдах П.М. Гречишкина. Здесь мы ограничимся лишь рассмотрением того, как им показаны некоторые наиболее характерные места. Среди них, в первую очередь, надо назвать Стрижамент, являющийся одним из наиболее ценных памятников природы, зоной букового леса, растущего на его северных склонах, и одного из последних уцелевших участков предгорных луговых степей, находящегося на его вершине. И, наконец, со Стрижамента, возвышающегося над всеми окрестностями, открывается огромная панорама просторов, начиная со снежных вершин Главного Кавказского хребта, гор-лакколитов Пятигорья и кончая обширной долиной Кубани, испещренной лентой пойменных лесов и дорог, каналов, залитых водой рисовых полей... Многое из того, чем богат и славен Стрижамент, уже нашло отражение в творчестве художника. Реликтовый буковый лес изображен им на ряде этюдов и картин, одна из которых украшает вестибюль Ставропольского краеведческого музея. Своеобразие этих темных лесов с огромными серо-стальными колоннами

стволов дает богатый материал для художника-колориста. Цветущая луговая степь также попала на его этюды. Имеется на них и ныне умирающий хутор Стрижамент — отзвук прошлого века. Наконец, мечтая создать монументальную картину «Просторы», П.М. Гречишкин не раз писал с вершины Стрижамента прикубанскую равнину. Вместе с тем надо сказать, что тема Стрижамента им еще не исчерпана и достойная его картина с таким названием еще не написана.

Значительно более раскрыто богатство природы непосредственных окрестностей Ставрополя. Мы уже имели возможность писать о картинах, находящихся в экспозиции нашего музея и показывающих смену времен года ставропольской лесостепи. Несомненно, что эта серия, состоящая из двенадцати небольших картин, является вкладом в художественное и одновременно научно-познавательное изображение нашей природы. Один из мотивов, отраженный в некоторых из этих картин, художник воплотил в двух крупных полотнах «Ставропольский лес» (1957) и «Зимний лес» (1968).

Картина «Ставропольский лес», хорошо знакома ставропольцам и горячо любима ими. Желтым пламенем вспыхнули листья деревьев, растущих на двух склонах небольшого лесного оврага. По дну его течет маленький ручеек, воды которого отразили в себе, как в зеркале, и берега, и стволы деревьев, и листву, и клочочек голубого неба. Мокрые серые камни, лежащие на бережке, яркая, сочная и влажная поверхность свежего мха, желтые листья клена и вяза, усыпавшие почву и плавающие по воде...

Интересно бывает послушать замечания посетителей, которые обычно не пропускают эту картину и, если идут с кем-либо, не преминут поделиться своим впечатлением. В их словах чаще всего слышишь не только восхищение от содержания красоты, но и замечание, что «я знаю», где этот овражек находится, «я видел» или «видела» его. Но когда послушаешь несколько таких возгласов, начинаешь теряться. Один видел его в Пригородном лесу, другие в Мамайском, третьи — в Русском лесу. Где же он в самом деле? И везде, и нигде. Нигде в том смысле, что нет такого точно места, где стояли бы именно эти деревья, лежали как раз эти же камни, были бы те же самые склоны. А везде — в том смысле, что подобных уголков можно найти в наших лесах бесконечно много, и каждый посетитель осеннего леса действительно видел их.

В этом-то и заключается сила искусства, что среди огромного числа конкретных участков художник сумел выделить все типичное, важное, отсечь все постороннее и так отобразить это в картине, что затронул душу зрителя и внушил ему полную уверенность в том, что он сам видел это в натуре, переживал эту красоту, наслаждался ею.

Полным контрастом и в то же время единством с этой картиной является большое полотно «Зимний лес», созданное десять лет спустя, в 1968 г. На картине тот же общий вид леса, растущего по склонам балки и ручья, текущего по ее дну. Ночью выпал рыхлый пушистый снег, покрывший землю и крупными хлопьями повисший на ветвях. Оливково-серые стволы деревьев, темно-зеленая поверхность текущей воды замечательно подчеркивают белизну свежего снега. Но еще ярче выделяется белизна снега в контрасте с чистейшими голубыми красками безоблачного неба, просвечивающего между заснеженными ветвями. Залитая ярким солнечным светом, наполненная тихим морозным воздухом, картина так оптимистична и жизнерадостна, что любой самый хмурый зритель не может не улыбнуться ей. Как хороша, как прекрасна зима, светлый зимний день!

Водная гладь столь близкого ставропольцам Сенгилеевского озера неоднократно также привлекала внимание художника, и ее изображению посвящен ряд этюдов и картин. Оно написано как панорама, таким, как нам его можно увидеть со Ставропольской горы в яркий солнечный день («Сенгилеевское озеро» — экспозиция музея краеведения), и в светлую лунную ночь («Сенгилеевская ночь», 1957), и в интимных этюдах («На озере тихо», 1962), которые показывают разные моменты его жизни. Но можно надеяться, что это наше озеро еще не раз привлечет к себе внимание художника.

Горные районы края расположены на гребне и северных отрогах Главного Кавказского хребта и ряда других хребтов в пределах Карачаево-Черкесии. По богатству и разнообразию природы они уникальны, и недаром П.М. Гречишкин вложил в их изображение колоссальный труд. Он создал здесь много этюдов, а затем и картин, составляющих по крайней мере три четверти того, что им до сих пор было написано. На выставке представлено свыше двадцати крупных полотен, посвященных этому району края.

Нигде природа не бывает столь богатой и разнообразной, как в горах. Горы же Северо-Западного Кавказа в этом смысле лидируют. Высочайшие скалистые хребты, покрытые ледниками, мрачные пихто-еловые и светлые сосновые, темные буковые и ажурно-прозрачные березовые леса, высокотравные лесные и субальпийские луга и низкорослые альпийские лужайки, бесконечно разнообразные воды — тихие озера, стремительные реки и звенящие водопады, яркость солнечных лучей и вечный полумрак в глубине ущелий и темнохвойных лесов, давящая замкнутость узких долин и величайшие просторы, открывающиеся с горных вершин — все это настолько разнообразно, пестро и впечатляюще, что надо десятки раз побывать в горах, чтобы начать понимать всю грандиозность творений природы. Но мы не ошибемся, если скажем, что в этюдах, написанных П.М. Гречишкиным, схвачено и живо показано все это многоцветное, многоголосое, студено-холодное и жаркое, безмятежно-тихое или гремящее спокойствие и неистовство природы гор.

Большой этюдный материал, накопленный художником за два десятилетия непрерывных странствий в горах, уже позволил ему сделать в обобщении и осмысливании природы этой страны следующие шаги, выразившиеся в создании крупных полотен.

Сотни тысяч гостей Теберды, ежегодно приезжающих и проходящих по дороге, ведущей в глубину заповедника, на тринадцатом ее километре видят удивительную картину — темное, но с кристально чистой, прозрачной и абсолютно спокойной водой озерцо с плавающими на ее поверхности листьями водных растений и со стволами отмерших деревьев, торчащих из воды, производит исключительно сильное впечатление. Невольно забывается, что

смотришь на него с асфальта современной дороги; кажется, что попал ты в какую-то глухомань дикого леса и нисколько не удивился, если бы среди темных ветвей вдруг увидел небесно-голубые глаза лесного Пана со свирелью в руках, мохнатого лешего или же на дальнем бережку пригорюнившуюся Аленушку. И это-то озерцо, такое таинственное, несмотря на свою доступность, П.М. Гречишкин в 1963 г. изобразил на большом этюде, а в 1972 г. написал по нему картину «Лесная тишина», являющуюся, на наш взгляд, одним из лучших пейзажей выставки.

В другом зале висит подобный же интимно-камерный этюд «Форельное озеро», написанный еще в 1962 г., но ждущий своего воплощения в картину. Ряд картин П.М. Гречишкина изображает крупные по своему объему и значимости фрагменты горных ландшафтов. На некоторых из них мы видим мягкие лиричные пейзажи старого березового леса, растущего на ровном месте («Лесная прохлада», 1968), или же пологой речной долины с перелесками («За Архызом», 1969), небольшой лесной дорожки с мостиком в Джемагатском ущелье (1965), или же «Лето в Архызе» (1968). В контрасте с этими мирными пейзажами, наполненными светом и нежной зеленью растительности, стоят дикие грозные ущелья, созданные серыми гранитными скалами («Ущелье», 1962; «Чегемская теснина», 1968), или столь же мрачные высокогорные озера («Тебердинское озеро», 1966, «Клухорское озеро», 1967).

Относительно небольшая по размерам картина «Осенний вечер» (1965), принадлежащая краеведческому музею, довольно проста по композиции, но своеобразна по колориту. На первом плане — крутой склон горы, поросшей рододендроном стемно-бордово-красной осенней листвой, крупными глыбами и замыкающими их темными пихтами, теряющими в сумерках свои типичные очертания. На втором плане — также уже попавшая в вечернюю темноту лиловая громада горы, находящейся на другой стороне ущелья, и, наконец, на третьем плане — изумительное зеленовато-голубое небо с облаками, освещенными лучами заходящего солнца. Написанная против света, эта картина по колориту исключительно своеобразна.

Другая недавно написанная по прежнему этюду картина этой же серии «Клухорский перевал» (1970) выделяется своей необычной композицией. Гранитный отрог горы огромной дугой пересекает большую часть картины, начинаясь в ее правом нижнем углу, выходя почти в центр и уходя затем в верхний правый угол. Весь левый верхний угол картины занят основанием вершины хребта, отдаляющего Теберду от Грузии. А правый верхний и левый нижний углы картины заполнены небом и водной гладью озера. Не менее конкретно и своеобразно цветовое решение картины. Скальный отрог покрыт ярчайшей зеленью низкорослого альпийского луга, которая в сочетании с не успевшими еще растаять сугробами снега внушает зрителю ощущение радостной ранней весны. Это чувство усиливается двумя «небесами». Верхнее действительное небо, глядящее на нас из-за перевала, нежнейше-голубое, лишь немного пересеченное легкой дымкой шарфообразного облака, движущегося на зрителя, второе «небо», опрокинувшееся на озеро, — темно-голубая спокойная поверхность воды которого не успела еще полностью освободиться от зимнего панциря льда. Тот, кому пришлось хотя бы один раз побывать на Клухорском озере, не может не узнать этого места, но и тот, кто бывал там многократно, несомненно, увидит на данной картине немало такого, что он просмотрел и не заметил сам при своих посещениях. Нам кажется, что картина П.М. Гречишкина «Клухорский перевал» представляет еще одну из вершин его творчества.

Нельзя пройти мимо еще одной картины — «Мрачные льды Алибека», написанной им в 1966 г. Здесь показаны острые серые или коричневато-серые торчащие вверх скалы, ограничивающие многолетнюю толщу ледника. Совершенно непривычной формы и цвета облака, гонимые ветром по леднику, и клочок ярчайшего сине-лилового неба такой тональности, которую можно увидеть только в этих высочайших горах, создает какую-то сказочно-фантастическую бурю, доступную взору немногих, отважившихся подняться на такую высоту. Эта картина всем своим содержанием, колоритом, композицией, всем своим существом отличается от остальных картин «гречишкинского стиля».

Наконец, третью ступень отражения природы представляет показ обширных горных долин, замыкаемых гранитной стеной Главного Кавказского хребта с его вечными снегами и ледниками. На выставке семь таких картин. Из них остановимся на трех, показывающих долину Теберды, завершенную горным кряжем, господствующим над Домбаем.

В картине «Заповедные места», написанной в 1966 г. и принадлежащей музею краеведения, мы видим эти горы в самом ярком и красочном их осеннем наряде. Серая громада Главного Кавказского хребта с огромными ледниками замыкает долину. Ярко-желтые группы берез стоят на переднем плане, контрастируя с осенней пожухлой травой. Небольшие кроны оранжево-красных высокогорных кленов на заднем плане создают новый контраст. Потемневший к осени пихто-еловый лес тянется со дна долины вверх по склону. Бордово-красные заросли рододендронов и яркая зелень трав северного склона, серые галечники дна долины с голубой змеящейся лентой реки и господствующее над всем бездонное интенсивно-синее без единого облачка небо создают такое сочетание чистых, ярких и контрастных красок, какое можно увидеть лишь в немногих местах гор. Картина наполнена прозрачным воздухом, звенящей тишиной и залита солнечным светом. Чтобы усилить впечатление от пространства, художник прибег в этой картине к сравнительно редко используемому им приему пастозной живописи, вылепив красками листву берез и поверхность скал.

Следующие две картины показывают те же места летом, но при различной погоде. Горы «Тебердинского ущелья» (1971) изображают один из эффектнейших пейзажей, неизменно потрясающих душу десятков тысяч туристов, едущих на Домбай, независимо от того, в первый раз они видят его или же видели многократно. Летнее утро. Солнце недавно взошло и ярко осветило громаду Суфруджу, покрытую ярким белым, за ночь выпавшим снегом. Это и композиционный, и цветовой центр картины. К нему ведут два склона гор, поросших темными хвойными и светлыми лиственными лесами, и сиреневато-серые галечники широкого днища долины. Вся эта гамма холодных тонов лишь немного оживляется розоватым отсветом лучей солнца, косо падающих на гряду скал в правом

верхнем углу картины, и самой малой сиреневато-розоватой побежалостью нижней части ледника Суфруджу, не покрывшейся свежим снежком.

Картина отличается прекрасной компоновкой различных ее планов и элементов, показывающих величественное спокойствие одного из наиболее выдающихся по красоте ландшафтов Кавказа. Сочетание холодных тонов зелени и серого дна долины с резко контрастной белизной снегов создает у зрителя картины представление о свежести горного воздуха, который, поеживаясь, действительно ощущают путники. Кстати, пространство, прозрачность воздуха, его спокойствие прекрасно переданы в картине.

Иные впечатления дает картина «В горах Тебердинского заповедника» (1970), показывающая тот же ландшафт, но только с более близкого к горам места. Измененный формат позволил художнику сузить долину и показать горы устремленными вверх и как бы давящими на зрителя. Это ощущение усиливается и другими средствами изображения. Картина написана летом, но в пасмурный день. Нет солнца. Рваные дождевые облака, перевалившие через хребет, движутся на зрителя. Вот-вот пойдет дождь. Через просветы серых облаков виднеются еще более темно-серые скалы и тускло-белые участки старого льда ледников. Темная зелень деревьев. Темные серо-лиловые галечники дна долины — все это написано в одной гамме цветов, создающей определенное настроение тревоги, ожидания опасности.

Но картина отнюдь не монотонна и не наводит на зрителя уныния. Общему серому тону скал, облаков и песчано-галечного дна поймы противопоставлены более светлые пятна ледников и светлая же голубовато-зеленая вода быстро текущей реки и, наконец, темная зелень леса.

Сопоставление этих трех картин, показывающих один и тот же общий ландшафт, определяющий их единство, в то же время выявляет и их разнообразие в композиционном и цветовом решениях, вызывающее у зрителей настолько различные чувства, ощущения и переживания, что они невольно теряют представление о том, что наблюдают почти одну и ту же местность и, быть может, в очень близкое время. Ведь в горах часто так бывает — не пройдет и получаса, как погода изменится и все станет иным. И, возможно, только какие-нибудь полчаса времени и продвижение путника вверх по долине на один километр отделили две последние картины друг от друга. Он только что любовался величественной картиной блестящих снегом гор и совсем не обратил внимания на маленькие серенькие облачка, появившиеся на небосводе, как вдруг они пошли все гуще и гуще, заволокли все вокруг и перенесли его в другой мир.

Помимо этих трех больших картин, на выставке представлены и другие полотна этой же темы: «Гора Чотча», написанная в 1960 г., «В горы пришла весна», «Ущелье Бу-Ульген» и «Вечер в Клухорском ущелье», созданные в 1968 г. Каждая из этих картин раскрывает совершенно своеобразный мир.

Выше был сделан беглый обзор творчества П.М. Гречишкина. Отвлекаясь пока от художественной стороны созданных им этюдов и картин, можно сказать, что он показал природу всех зон Ставропольского края — начиная от низменных полупустынных степей и кончая самыми труднодоступными вершинами гор. Благодаря этому как жители края, так и любые его посетители могут воочию, не совершая длительных и долгих путешествий, представить все его черты и особенности. Собранные воедино, его картины являют собой полноценный музей природы края.

Рассмотрев содержание картин П.М. Гречишкина, обратимся к его творческим приемам.

Русская пейзажная живопись за два века существования прошла большой и славный путь. Родившись в последней трети XVIII столетия в картинах Семена Щедрина, она вскоре дала начало двум направлениям — изображению пейзажа, созданного самой природой, и городского пейзажа, где природа как таковая отсутствует. Своеобразным «компромиссом» этих двух крайностей явился пейзаж, основу которого составила подлинная природа, но в той или иной степени видоизмененная человеком.

Работы П.М. Гречишкина изображают либо нетронутую природу, либо хотя и измененную, но все же остающуюся природой и никогда не отражают плодов урбанизации, где природа исчезает полностью или грубо подавляется. Исключение составляет серия этюдов, сделанных в ряде городов Италии, которую художник посетил в качестве туриста.

Обычно высказывается мнение, что в ходе дальнейшего развития русской пейзажной живописи в творчестве отечественных художников-реалистов наметились две тенденции, которые на первых этапах связываются с именами И.И. Шишкина, с одной стороны, и А.К. Саврасова и особенно А.И. Куинджи — с другой. Обычно говорится, что первое направление характеризуется стремлением передать природу таким образом, чтобы она по возможности казалась натуральной, а второе — стремление дать обобщенный поэтический образ, преломленный через психику самого художника. Последнюю идею А.К. Саврасов выразил в словах: «Без чувства нет произведения. Надо быть влюбленным в природу, тогда можно писать», а К.А. Коровин полагал, что «пейзаж не имеет цены, если он только красив. В нем должна быть история души». Дальнейшее развитие этого направления привело к созданию «пейзажа настроения», высшим взлетом которого явилось творчество И.И. Левитана.

Если и согласиться с выделением такого рода направлений русской пейзажной живописи, то лишь с той оговоркой, что в «чистом» виде оно проявлялось только у второстепенных художников, ибо никому не придет в голову мысль, что И.И. Шишкин бездушно фотографировал природу, а А.К. Саврасов, А.И. Куинджи и И.И. Левитан лишь отражали в своих картинах самих себя и пренебрегали реальной материальностью объективно существующего мира. Только эпигоны искусства принимают это положение как альтернативу и, однобоко развивая одну из тенденций и пренебрегая другой, создают либо холодные натуралистические копии кусков природы, быть может, и ценные в научном отношении, но лишенные художественного значения, либо настолько насыщают картину своим гипертрофированным «я», что в ней теряется всякая связь с реальной природой и никто из зрителей в нанесенных на холст или картон цветовых пятнах не угадает даже хорошо ему

известного уголка. У истинного художника обе эти тенденции должны сочетаться в едином целом. Характер же их сочетания зависит как от субъективного — внутреннего мира художника, так и от объективного — реального пейзажа.

Чтобы подойти к правильной оценке видения и изображения художником того или иного явления природы, надо также учесть и два других фактора — объективную сущность самого явления и восприятия его предшествующими поколениями, создающими известную традицию, которую новый художник должен либо развивать дальше, либо преодолеть.

Казалось бы, что Кавказ, который уже вдохновил наших выдающихся писателей А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого на создание гениальных произведений, ставших гордостью русского народа, в неменьшей степени мог бы послужить источником и для равноценного творчества художников-пейзажистов. Хотя тема «Кавказ и живопись» еще не исследована специалистами-искусствоведами, все же, видимо, можно утверждать, что в живописном отображении ему до сих пор не везло. В то время как Средняя Россия, Волга, Урал, Север, Украина были основным полем деятельности выдающихся отечественных мастеров пейзажа, показавших не только все самые типичные ландшафты, но и многое множество частных их мотивов, лишь немногие из них посещали Кавказ, а если и посещали, то не создали больших программных полотен, отражающих принципиально важные его черты. О сколько-нибудь полном изображении всего богатства и разнообразия этого интереснейшего района нашей Родины говорить вообще не приходится.

Нисколько не претендуя на какую бы то ни было полноту, лишь бегло отметим некоторые известные нам имена художников, которые побывали на Кавказе (исключая Закавказье, где сделано значительно больше) и внесли тот или иной вклад в изображение его природы.

М.Ю. Лермонтов был одним из первых посетителей Кавказа, который в серии сохранившихся рисунков, а также небольших этюдов и картин, написанных маслом, впервые в 1823, а в основном в 1837—1838 гг. изобразил некоторые виды Кавказа — Дарьяльское ущелье, Крестовую гору, Эльбрус, Бештау, районы нынешних Кавминвод, Ставрополья и некоторых других мест. Его современник, в будущем профессиональный художник Н.Г. Чернецов, совершивший в 1829—1831 гг. поездку на Кавказ, изобразил ряд подобных пейзажей. Аналогичные зарисовки, этюды и картины, имеющие не столько художественную, сколько историческую ценность, можно увидеть в экспозиции музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске (Г.Г. Гагарина, Б. Иванова, С.М. Жильцова, Е.Е. Волкова, В.П. Вилевальде, А.И. Лукина и др.), а также в других музеях и изданиях.

Из произведений художников-профессионалов надо упомянуть два этюда А.М. Васнецова («Красные камни» и «Река Ольховка»), написанные им в районе Кисловодска, и картину Н.В. Дубовского («Сумерки»), экспонируемые в Кисловодском художественном музее Н.А. Ярошенко, картину Р.Г. Судковского «Дарьяльское ущелье» и этюды А.И. Куинджи «Эльбрус» и «Снежные вершины», принадлежащие Русскому музею в Ленинграде, некоторые картины Л.Ф. Лагорио, А.И. Мещерского, И.К. Айвазовского и, наконец, картины А.И. Шильдера, принадлежащие Ставропольскому музею изобразительных искусств. Но все эти рисунки, этюды и картины изображали лишь отдельные, совершенно случайные уголки природы Кавказа, и только в творчестве Н.А. Ярошенко горные его районы получили достойное отображение, связанное с длительным общением и изучением этой природы. В Кисловодском музее Н.А. Ярошенко в настоящее время экспонируется 23 этюда и картины, написанные им маслом, одна акварель и один рисунок, представляющие огромной ценности вклад в художественное изображение природы Кавказа, какой она была в 80-е и 90-е годы прошлого столетия. Здесь мы видим вид горы Бештау с передним планом целинно-травянистой растительности, этюд и картину Эльбруса со ставшей ныне классической обзорной точки на Бермамыте, чудеснейшие этюды букета цветов, собранных на субальпийском лугу, по которому ботаник может назвать виды изображенных там растений, живописные «Красные камни» и общий вид Клухорского озера, для достижения которого по труднодоступной в то время горной тропе художнику пришлось совершить подлинный подвиг. Все эти живописные произведения представляют огромный вклад в художественное изображение Кавказа, и Н.А. Ярошенко несомненно должен быть признан первопроходцем этой не тронутой ранее горной страны. Однако преждевременная смерть помешала ему более широко охватить все разнообразие природы этого края и создать обобщающие полотна.

Учитывая сказанное, следует попытаться проанализировать три важнейших основы художественного творчества П.М. Гречишкина, приведшие к созданию трех картин и этюдов, которые были собраны на выставке: объективно существующая природа, художественная традиция и «история души» самого автора.

Природа, послужившая объектом для его творчества, была детально охарактеризована выше. К этому можно добавить, что в нашей стране найдется не так уж много мест, где художник-пейзажист получил бы в свое распоряжение такое богатство картин природы, большею частью доступной для изучения и изображения в любые части дня и сезоны года при самых различных условиях погоды, освещения и собственного непрерывного развития.

Художественная традиция имеет, как нам представляется, сравнительно небольшое значение в творчестве П.М. Гречишкина. Не обучаясь в каком-либо специальном художественном заведении, он не имел официального учителя и не входит в состав той или иной художественной школы. Поскольку, как это было показано выше, природа Кавказа в целом не получила отражения в творчестве ведущих художников-пейзажистов, и здесь П.М. Гречишкин не мог испытать какого-либо сильного влияния. Только в работах Н.А. Ярошенко он мог найти отдельные моменты, которых, однако, было совершенно недостаточно, чтобы подойти к изображению всего многообразия гор Кавказа, а тем более равнинного Ставрополья. Поэтому остается рассмотреть то влияние выдающихся мастеров пейзажа прошлого, которому подвергается любой культурный человек, знакомящийся с их работами, а начинающий и растущий художник — в особенности.

Сам П.М. Гречишкин считает наиболее близким для себя творчество В.Д. Поленова, у которого он многому научился в области пейзажной живописи. Здесь прежде всего надо отметить отношение к этюду. Так же, как у В.Д. Поленова, этюды П.М. Гречишкина зачастую имеют самостоятельную ценность и воспринимаются как небольшие по размерам, но законченные картины, причем пишутся они обычно чистыми, сочными красками, отличаются, если можно так выразиться, грациозностью, мягкостью и заражают своим оптимизмом. П.М. Гречишкин вслед за В.Д. Поленовым не пренебрегает отделкой деталей и этим создает у зрителя представление о конкретности пейзажа.

Он также придает большое значение рисунку, что еще более усиливает реалистичность изображенного. Несомненно, что П.М. Гречишкину многое дал колорит этюдов и картин В.Д. Поленова, написанных в Греции и в странах Ближнего Востока, которые в отношении света, поступающего от высоко стоящего на небе солнца, более близки к Ставрополю, чем поля и луга средней полосы России, освещаемые даже в средине дня косыми лучами солнца, никогда не поднимающегося так высоко над горизонтом.

Несомненно, имеются и другие линии, связывающие творчество П.М. Гречишкина с творчеством этого выдающегося русского художника, которые будут выявлены при дальнейших исследованиях. Вместе с тем было бы напрасным трудом искать у П.М. Гречишкина следы подражания В.Д. Поленову или какому-либо другому художнику. Лишь иногда та или иная его картина вызывает какие-то ассоциации с картинами других живописцев. Некоторым кажется, что большое полотно «Лесная прохлада» напоминает картины И.И. Шишкина. Да, есть в ней что-то общее по характеру ландшафта и общей композиции, скажем, с «Дубовой рощей», но стоит продолжить сравнение дальше, посмотрев на манеру письма, способ изображения коры стволов, травы, листьев, как приходится категорически отвергнуть напросившуюся при поверхностном взгляде аналогию. Небольшой этюд П.М. Гречишкина «Камни» заставляет вспомнить подобные этюды камней, написанные А.А. Ивановым при подготовке его картины «Явление Христа народу», — но попробуйте поближе сопоставить их, и вывод будет тот же — разные камни, разные методы их изображения. Глядя на картину П.М. Гречишкина «Лесная тишина», как не вспомнить картину В.М. Васнецова «Аленушка» и особенно этюд к ней «Пруд в Ахтырке», хранящийся в Абрамцевском музее. Но это только сходство темы, сходство самой природы, а не сходство художников. Можно, пожалуй, указать лишь на две картины, где, казалось бы, можно констатировать влияние прежнего художника или художественного приема на художника последующего. Это «Сенгилеевская ночь» П.М. Гречишкина и «Ночь на Днепре» А.И. Куинджи, а также «Зимний лес» П.М. Гречишкина и картина на ту же тему А.И. Шильдера.

Мы не беремся судить о более глубоком сходстве или различии первых двух картин — здесь решение должно быть вынесено специалистами-искусствоведами, что же касается картин А.И. Шильдера, то о них можно сказать несколько слов. Картины сходны по теме — зимний лес после снегопада, по композиции — направление течения ручья и общий характер берегов балки, поросших лесом, и это невольно вызывает ассоциацию. Но далее все различно. Не говоря о том, что у Шильдера — яркая лунная ночь, а у Гречишкина яркий солнечный день, положение ночного и дневного светил по отношению к зрителю, весь колорит, манера письма, фактура поверхности, характер хлопьев снега, формат картин, определяющих обрез деревьев и видимость неба, — все говорит о различии творческих приемов этих двух художников. Сходство же их определяется тем, что оба они написали наш ставропольский лес и оба нашли типичные для него участки — это единство природы. Необходимо подчеркнуть, что все эти исторические аналогии и попытки искусствоведческого анализа имеют лишь предварительный характер, являются результатом раздумий любителя пейзажной живописи и несомненно, что исследования специалистов-искусствоведов выявят все творческие связи П.М. Гречишкина с другими пейзажистами нашей страны. Тем не менее мы считаем себя вправе высказать убеждение, что **П.М. Гречишкин — вполне самобытный художник, который сказал собственное слово, являющееся шагом в развитии отечественной реалистической пейзажной живописи**. Нам кажется, что подобное заключение является еще одним свидетельством того, что реалистическое направление в искусстве не исчерпало своих возможностей в изображении природы, как это иногда представляется некоторым «новаторам». Надо, подобно античному Антею или его древнерусскому собрату Микуле Селяниновичу, только прикоснуться к своей истинной материземле — природе, и она придаст ему новые силы.

Наконец, говоря словами К.А. Коровина, надо обратиться к **«истории души»** художника. Эта большая и очень сложная тема должна стать предметом специального исследования. Здесь же мы ограничимся лишь отдельными штрихами. В свое время Л.Н. Толстой писал: «Для того, чтобы произведение искусства было совершенно, нужно, чтобы то, что говорит художник, было совершенно ново и важно для всех людей, чтобы выражено оно было вполне красиво и чтобы художник говорил из внутренней потребности и потому говорил вполне правдиво». О том, как произведения П.М. Гречишкина отвечают двум первым требованиям, предъявленным Л.Н. Толстым к подлинному искусству, сказано выше. Что же касается третьего — то вся его жизнь целиком подчинена ему. Страстная любовь к природе, готовность жертвовать для ее познания и изображения всеми удобствами и благами жизни, одержимость в творчестве — вот духовная сущность живописца.

Суровые морозы и тягостную жару, дожди, грязь, тяжелые подъемы в горы с грузом снаряжения и многие другие лишения испытывает и преодолевает художник только для того, чтобы достичь еще одного уголка природы, запечатлеть его в своем сердце и на кусочке картона и как новую драгоценность прибавить к тем сокровищам, которые накоплены за долгие годы таких же трудов, чтобы засверкала она самостоятельным этюдом, или воплотилась в картину, а иногда лишь вошла небольшой деталью в какую-либо другую работу. И главной компенсацией за этот труд является то чувство глубокого удовлетворения, которое испытывает художник,

видя, что этим он доставил радость не только себе, но и другим людям. Вот в этой неисчерпаемости творческих исканий и выражается душа художника. А история ее — это история создания рисунков, этюдов, картин и общение через них с народом.

Состоявшаяся персональная выставка произведений П.М. Гречишкина явилась таким творческим отчетом перед народом, который имел возможность быть не только зрителем, но и судьей, высказывая свое мнение, беседуя в залах музея и записывая его в книге отзывов. Эти записи представляют значительную ценность, ибо они, если пользоваться современным языком кибернетики, характеризуют обратную связь явлений, а если говорить простым языком, показывают, как народ относится к своему художнику. Хочется привести несколько цифр. Выставку посетило около 16 тысяч человек, в книге отзывов сделано 365 записей, многие из которых отражают впечатления больших групп посетителей. Из них в 354 выражается безоговорочное и в большинстве случаев даже восторженное одобрение выставки, в семи, наряду с положительной оценкой, высказываются отдельные критические замечания и пожелания, а в четырех сказано, что выставка их не удовлетворила. Соотношение чисел 354 и 4 говорит само за себя.

Но, отдавши дань цифрам, как попытке «проверить алгеброй гармонию», предоставим слово самим посетителям выставки.

Начнем с критических оценок. На учащихся первого курса художественного училища «выставка особого впечатления не произвела. Много стандартных картин-фотографий». Вместе с тем они отмечают, что «во многих пейзажах есть настроение, состояние». Студент МГХИ им. Сурикова пишет: «Очень жаль, что в больших холстах отсутствует чисто формальное решение». Студентка и преподаватель медицинского института находят, что в картинах П.М. Гречишкина «великолепная техника, но нет души. Она есть в некоторых этюдах». Три посетителя совместно отметили, что «на выставке много картин, но мало чувства, нет настроения». Один из посетителей записал: «Работ много... но все они (в большинстве) однотипны. Мало впечатления. Только итальянские этюды выделяются своей свежестью», а другой отметил: «Хороши лишь некоторые картины и этюды». Наконец, в безымянной записи читаем: «В картинах много поэзии, но нет легкости, есть перегруженность, тяжесть красок».

Группа посетителей, проанализировав три картины, изображающие дождь, нашла, что они весьма неравноценны. «В картине «Дождь. Село Татарка» (1948) видна попытка кому-то подражать, причем подражание это не совсем удачно». Во второй («Село Татарка», 1965) «слишком тяжелое небо вырывается из полотна и потому нет цельности», и только третья («Дождь», 1970) является наиболее удачной из всей серии.

Ученики четвертого класса художественной школы много спорили о картинах, увиденных ими на выставке. Они пишут: «В основном картины понравились, но во многих встречаются повторения приемов и цвета». Так, в картине «Лесная прохлада» слишком много однообразия красок, а поэтому не чувствуется настроения».

Таковы критические оценки посетителей выставки о работах П.М. Гречишкина. У подавляющей же массы они вызывали не только полностью положительную реакцию, но и в записях отражается большое разнообразие чувств, впечатлений и мыслей. Приведем некоторую часть выдержек в той последовательности, как были сделаны записи, избегая лишь повторений.

«Наконец-то открылась долгожданная персональная выставка одного из любимейших мною художников края» (Учитель рисования).

«Захотелось побывать во всех тех местах и полюбить край Ставрополья Вашей любовью» (Гости из Белоруссии).

«Словно совершили чудесную прогулку по волшебным местам родного края» (Ставропольцы).

«Спасибо за праздник... Два часа в мире прекрасного» (Посетители).

«Благодаря Вашим картинам мы, можно сказать, впервые ясно увидели, как прекрасны знакомые места» (Ученики 9 и 10-х классов).

«Я почувствовал красоту природы» (Леня).

«П. Гречишкин по праву может быть назван певцом гор, степи, нашего родного Ставрополья» (Доцент сельхозинститута).<...>

«Ваш успех — это торжество реалистического искусства. Вы показали то, что дорого сердцу каждого человека — великую красоту Природы» (Художники театра).

Можно ли еще что-либо добавить ко всему этому? Слова, сказанные посетителями выставки, показывают, как понимает и любит своего художника народ. Приведенные выше данные также показывают, что у подавляющей массы посетителей выставки созерцание картин усилило чувство любви к природе, и она приобрела новых друзей. А может ли хороший друг оставить своего товарища, попавшего в беду? Разве он не протянет ему руку помощи, разве он не остановит руку врага, который хочет нанести вред его близкому и родному? И это дает нам право называть Павла Моисеевича Гречишкина не только художником-пейзажистом, но активным защитником Природы.

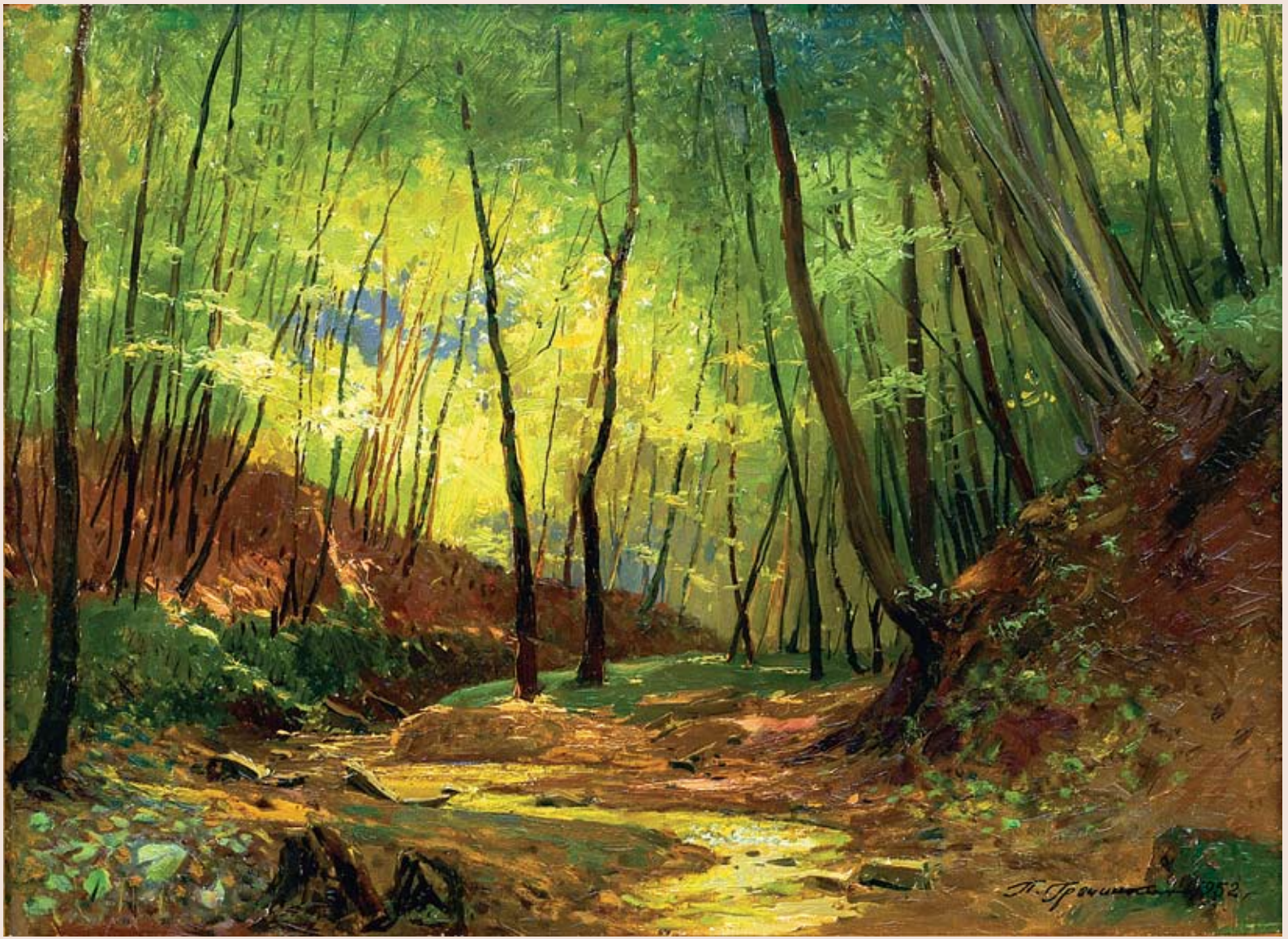
В конце прошлого века великий ученый и глубокий ценитель искусства Д.И. Менделеев, задумываясь над тем, что внесло XIX столетие в сокровищницу человеческой культуры писал: «Быть может, придет время, когда наш век будет считаться эпохой естествознания и философии ландшафта в живописи...». Бурное развитие человечества в течение первой половины нашего века как-то отодвинуло живопись на второй план. Но сейчас, когда непредвиденные побочные процессы, вызванные научно-техническим прогрессом, грозящие уничтожить всю природу Земли, впервые поставили перед родом человеческим вопрос — «быть или не быть», все его духовные силы должны быть направлены на то, чтобы дать положительный ответ на этот волнующий вопрос. И из всех видов и жанров живописи наибольший вклад в его решение может внести пейзажная живопись, которая в наши дни становится чрезвычайно нужной, современной. Это четко сформулировал один из посетителей выставки, написавший в книге отзывов, что «П.М. Гречишкин... очень современный, да, современный художник».

Текст печатается по изданию:
Скрипчинский В.В. Природа в творчестве П.М. Гречишкина // МИСК. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1976. — Вып. 14. — С. 100—124.

Живопись **Павла Моисеевича Гречишкина**

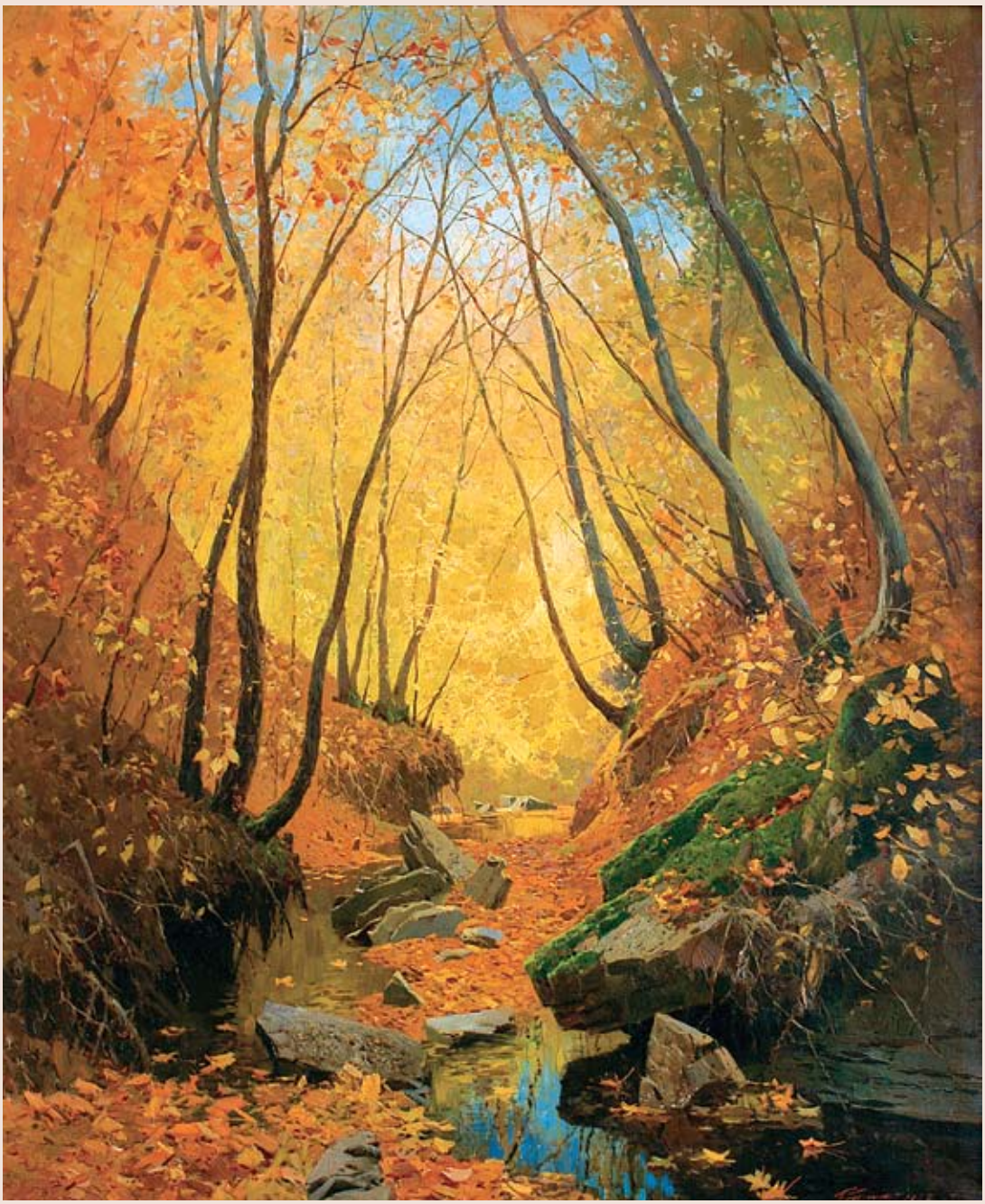
Павел Моисеевич Гречишкин, заслуженный художник РСФСР

Родник Корыта. Ставрополь. 1952. 85х148



Темный лес. 1952. 35х50

Стожок зимой. 1953. 24х34



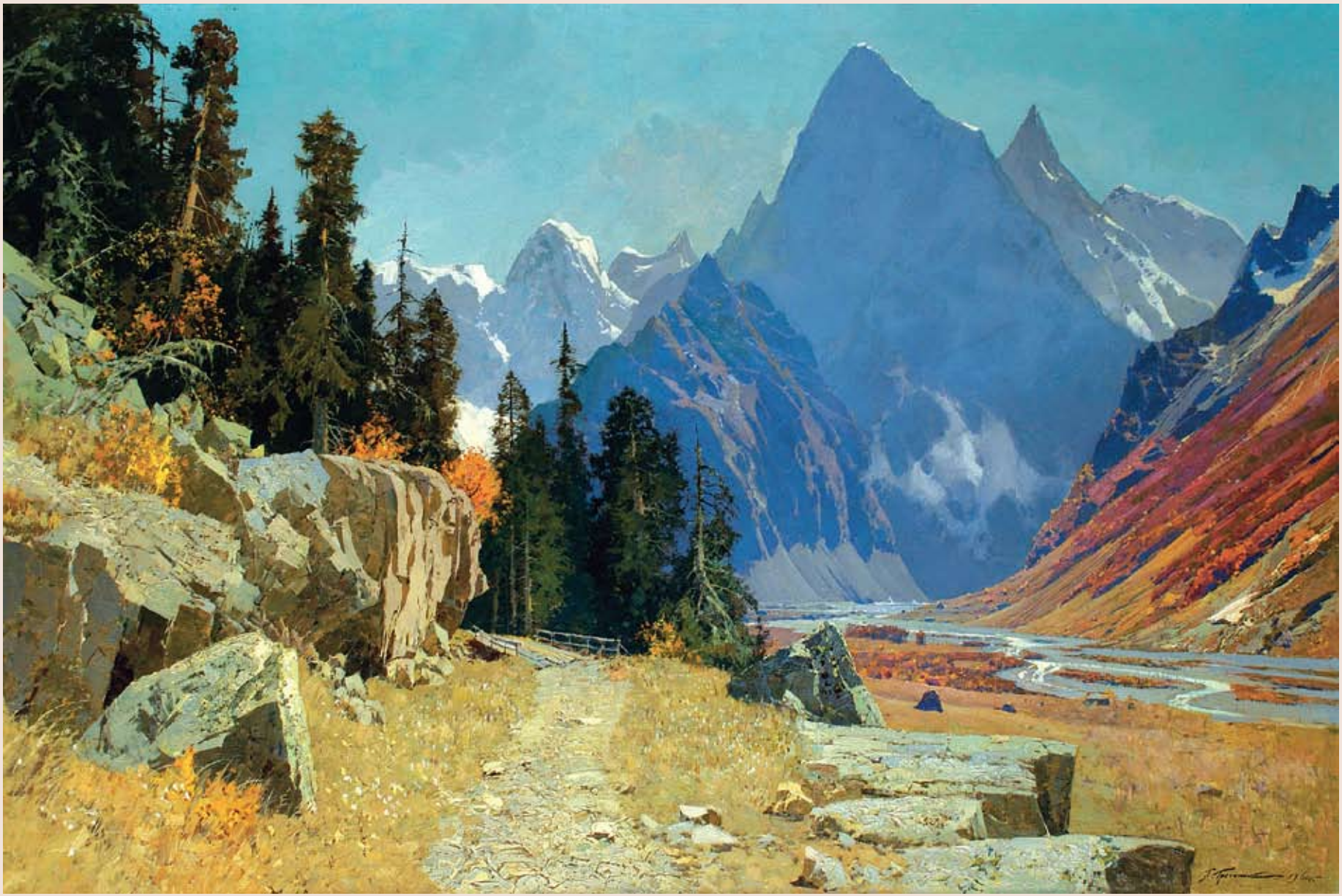
Ставропольский лес. 1957. 145х120

Город Ставрополь. 1955. 35х50

Простор. 1957. 80х70

Цветущая поляна. 1968. 35х50

Первая зелень. 1959. 30х40

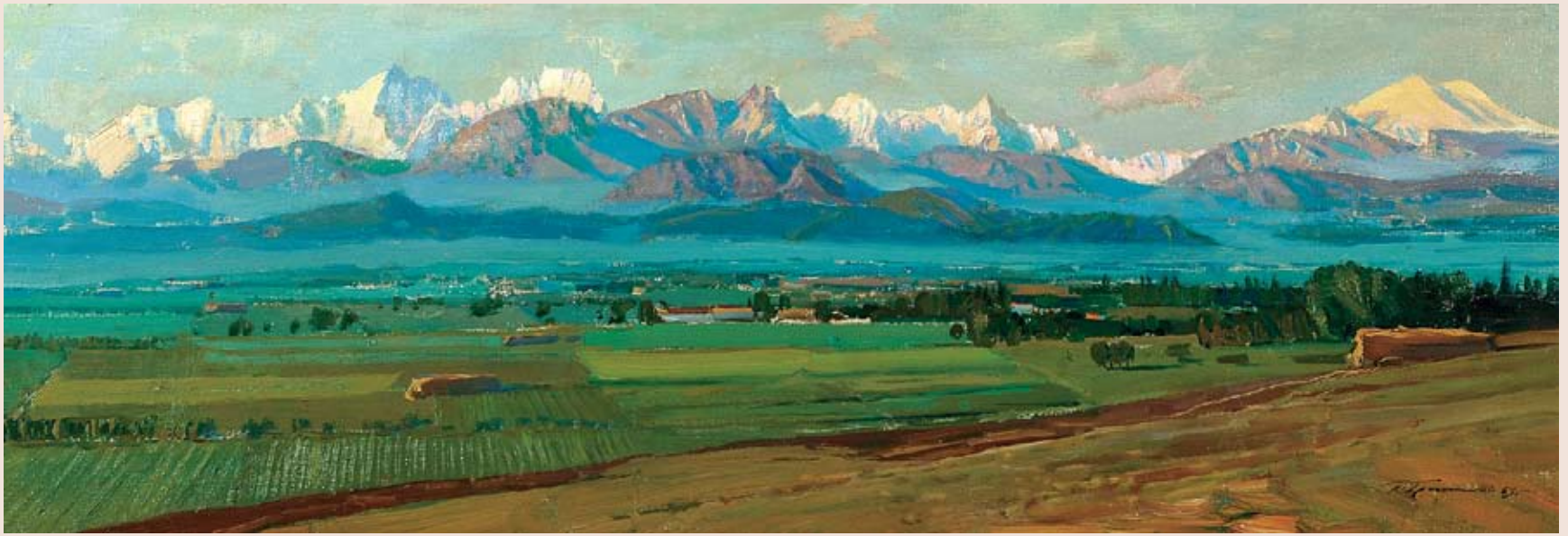


Гора Чотча. Осень. 1960. 135х200

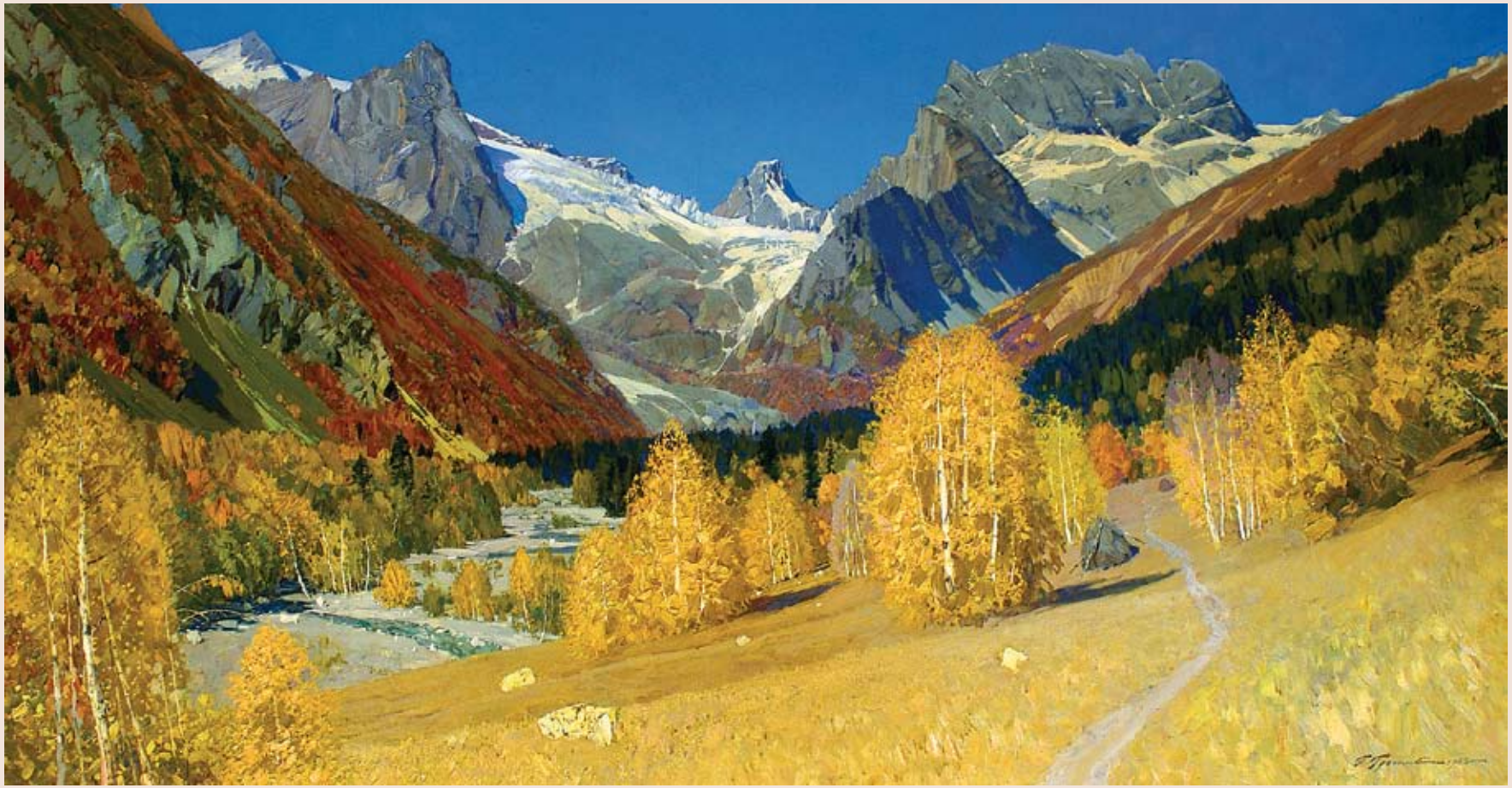
Маныч шумит. 1961. 60х120

Ветряная мельница. Село Кевсала. 1962. 33х47

Сенгилей. 1965. 130x160



Северный Кавказ. 1969. 70х150



Теплая осень. Алибек. 1969. 120х230

Зимний лес. 1971. 155x175

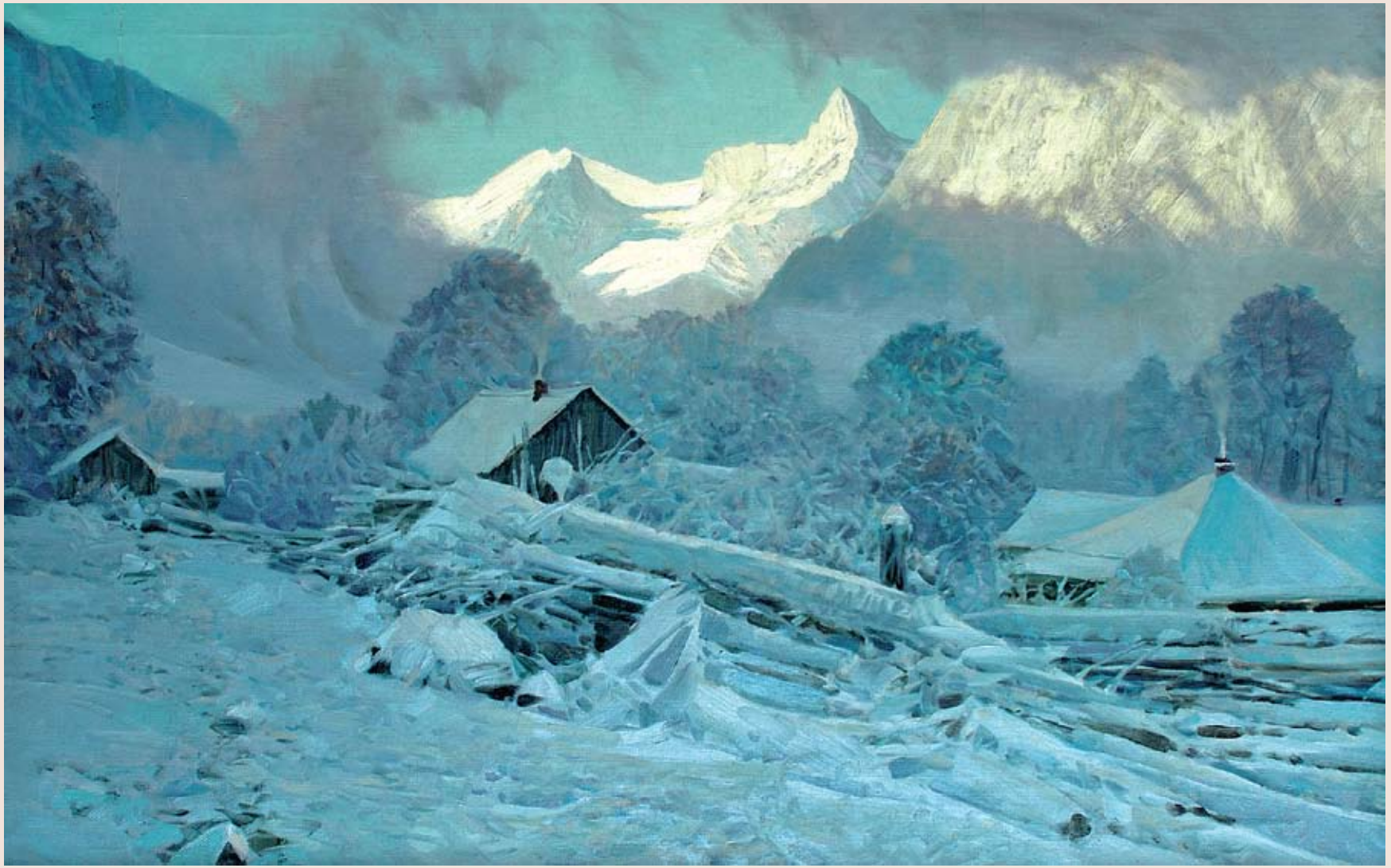
На озере. 1985. 80x120

Родные места. 1980. 50х70

Лето. 1980. 50х70

В горах Кавказа. 1981. 160х200

Просторы Ставрополья. 1984. 176х160



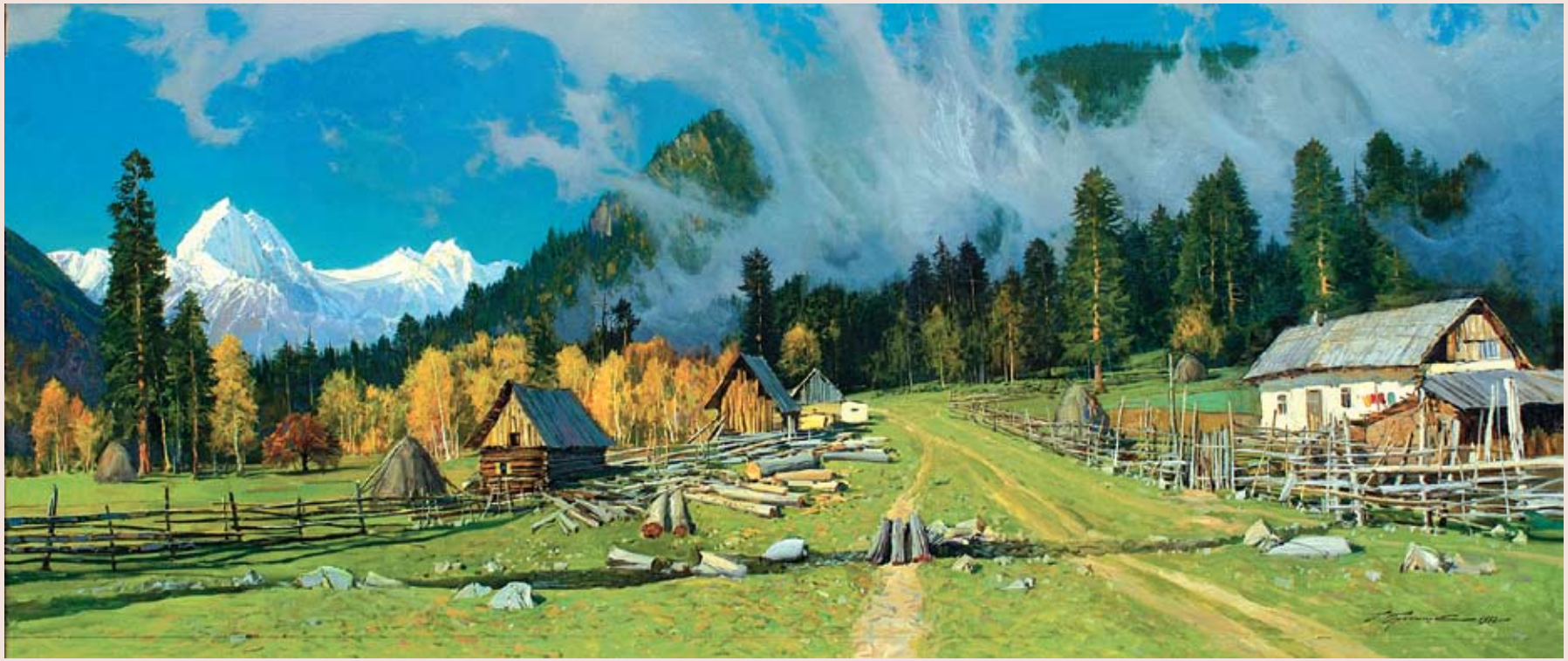
Зима. 1985. 130х90

Клухорское озеро. 1985. 150x130

Летние поля. 1986. 80х160

Лесная прохлада. Архыз. 1989. 170х200

Полянка в Тебердинском заповеднике. 1989. 120х180



Поселок Архыз. 1992. 94х214

Река в Архызе. 1994. 120х215

Долина Северный Клухор. 1997. 135x240

Дни уходящей осени. 1998. 50х60

Мостик в лесу. 2001. 106х148

Окрестности Ставрополя. 2001. 88х178

Радуга. 2002. 70x130

Нива золотая. 2002. 100х160

Степная дорожка. 2002. 80x100

Поляна в Архызе. 2003. 75х153

II. Очерки и исследования последних лет

Очерки и исследования последних лет

В.А. Шаповалов. **Ставрополь — университетский город**

Ставрополь первым среди городов Северного Кавказа начал формировать интеллектуальное пространство региона: здесь открылись первый на всем Кавказе русский драматический театр, первая классическая гимназия, один из первых кавказских краеведческих музеев. Ставропольский университет принял эту историческую эстафету в создании неповторимой культурной и интеллектуальной среды нашего родного города[1].

В современных условиях значение образовательной и научной деятельности возрастает многократно, ибо Северо-Кавказский регион, Россия, да и весь мир переживают время, насыщенное глобальными, национальными и локальными проблемами, которые способны как облегчить, так и отяготить жизнь каждого отдельного человека и ставят под вопрос развитие человечества в целом. Исход этой дилеммы зависит во многом от уровня развития образования. В этих условиях образование выступает как один из решающих факторов сохранения цивилизации.

Ставропольский государственный университет. Факультет физики и математики, факультет романо-германских языков. В прошлом — здание духовной семинарии

Мы не можем предугадать жизнь будущих жителей нашего города — наших потомков, но в наших силах создать детям достойные условия для этой жизни. Наиболее существенная гарантия этому — высококлассная система образования, которой мог бы гордиться не только город Ставрополь, но и вся страна.

Именно в этом направлении развивается Ставропольский государственный университет, который уже в своем названии несет имя нашего прекрасного краевого центра. За последние годы в университете открылся целый ряд новых уникальных специальностей, соответствующих новейшим достижениям гуманитарных и естественных наук. Вуз осваивает новые высокие технологии в образовательной сфере и является ведущим учреждением по информатизации и компьютеризации в крае. На базе СГУ совместно с администрацией края и Федерацией Интернет-образования создан Ставропольский региональный центр Интернет-образования.

В университете сложился мощный научный потенциал (около 100 докторов и 350 кандидатов наук, более 600 аспирантов, действуют диссертационные советы, научные лаборатории и центры, развивается студенческая наука). Мы — одни из первых в регионе по разработке и практической апробации многоуровневого обучения в системе «бакалавр — специалист — магистр». Созданы условия для социальной адаптации студентов, для их патриотического и морально-нравственного воспитания, а также всестороннего эстетического развития.

Важнейшим показателем насыщенности духовной атмосферы и качественного интеллектуального поля вуза являются богатство электронных инфокоммуникативных средств и объем университетской библиотеки. Ректорат и Ученый совет университета будут продолжать курс на создание

мощной информационной базы обучения и научных исследований.

Университет является органичной частью городской инфраструктуры и всячески старается внести свой вклад в сохранение исторического облика Ставрополя. Наглядный пример этому — реконструкция научной университетской библиотеки. Вопрос о ее перестройке решался в соответствии с Законом об охране памятников истории и культуры. Важнейшим условием при этом было максимальное сохранение исторического облика здания. Здание библиотеки достойно украсило не только университетский комплекс, но и панораму города, а ее фонды позволяют студентам и ученым вуза реализовать современные научно-образовательные задачи и одновременно обогатят культурное наследие города Ставрополя.

Студенты и профессорско-преподавательский состав университета гордятся своим краевым центром, его культурно-историческими традициями, его ролью в истории. Надеюсь, что и город Ставрополь всегда будет гордиться своим классическим университетом и его выпускниками.

Уверен, что ученые, студенты и выпускники университета откроют много новых страниц истории города Ставрополя. Желаю читателям и авторам новых интересных научных открытий.

Примечание

1. В публикации использованы материалы вступительного слова ректора СГУ, проф. В.А. Шаповалова на региональной научной конференции «Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура, политика».

Текст печатается по изданию:
Шаповалов В.А. Ставрополь — университетский город // Вестник Ставропольского государственного университета. — Ставрополь: СГУ, 2002. — Вып. 30. — С. 5—6.

В.А. Шаповалов. **Высшее образование в поликультурном обществе**

Для Ставропольского государственного университета, находящегося в этно- и геополитическом центре такого сложного полиэтничного и поликультурного макрорегиона, каким является Северный Кавказ, принципиальное значение имеет сохранение лучших традиций классического университетского образования, творческое их развитие с учетом новых вызовов, которые встали перед высшей школой в связи с осуществляемой в настоящее время масштабной модернизацией российского общества и государства.

Уже в обозримом будущем образование станет определяющим фактором достижения как индивидуального, так и национального успеха, а глобализация всех сфер общественной жизни неизбежно потребует не только соответствующих специалистов, но и широко образованных, творчески мыслящих, социально активных граждан. Без преувеличения можно сказать, что человечество вступает в эру знаний. Об этом говорил Президент России В.В. Путин перед заседанием саммита «большой восьмерки». Им было отмечено, что «в постиндустриальном обществе образование становится необходимым фактором жизненного успеха и значимым ресурсом экономического развития. Образование — один из важнейших факторов роста общественного самосознания, нравственных ценностей и укрепления демократии»[1]. Именно возможности образования сохранять специфику отечественной культуры позволяют рассматривать его в качестве важнейшего условия духовной безопасности российского общества, поскольку без духовной самобытности народ не сможет существовать в общемировой семье культур и цивилизаций и, в конечном счете, его экономические и геополитические позиции существенно ослабнут.

О неуклонном и возрастающем внимании к проблемам образования свидетельствует и работа по Национальному проекту в области образования. Определяя его стратегические приоритеты, В.В. Путин отметил: «Мы должны, наконец, создать основы для прорывного инновационного развития страны, для укрепления ее конкурентоспособности. Очевидно, что нужны особые меры государственной поддержки вузов и школ, активно внедряющих инновационные образовательные программы»[2].

Именно в образовании развернутся главные битвы между культурой солидарности, компетентности людей и массовой социальной и культурной деградацией. Образование переводится от модуса традиционного института социализации и трансляции опыта к модусу социокультурного конструирования. В этом процессе особая роль принадлежит университетам на всех уровнях — глобальном, государственном, региональном и местном.

В современном обществе университеты превратились в крупномасштабные учреждения, влияющие на весь окружающий социум, особенностью которого является все более усложняющаяся структура. Ведущей функцией образования становится социализация молодежи, понимаемая как формирование определенным образом сконструированной социокультурной среды, позволяющей включить молодых людей в различные сферы социального взаимодействия и тем самым задать и скорректировать направление социального развития личности как оптимально соответствующего потребностям современного общества.

Российская система образования имеет дело со сложным, этнически многообразным в языковом, культурном и ментальном отношении контингентом учащихся. Следовательно, в русле своих основных образовательных функций она должна решать двоякую задачу.

С одной стороны, для обслуживания этого разноязычного, «разнокультурного» и «разноментального» контингента учащихся необходима организация учебных заведений с опорой на конкретную национальную культуру.

С другой стороны, необходимо обеспечение организационного и содержательного единства образования и целостности государственной образовательной системы в масштабах всей страны.

В этом заложено основное объективное противоречие организации единой образовательной системы и единого образовательного пространства при полиэтничности, многоязычности и поликультурности общества.

Во-первых, потребности в более высоком уровне специализации и профориентации приводят к увеличению количества универсальных элементов в культуре, в образовании. В их усвоении реализуется общечеловеческая миссия образования.

Во-вторых, процесс этнического возрождения повышает интерес к этнокультурным ценностям, родному языку, литературе, искусству. Эта тенденция также может носить прогрессивный характер, но только в тех случаях, когда она не ведет к этнокультурной изоляции и росту чувства национальной исключительности.

Ректор Ставропольского государственного университета доктор социологических наук профессор Владимир Александрович Шаповалов

Каким образом разрешить данное противоречие? Образование связано с информационным и научным прогрессом, мировой культурой, с духовной общностью, которая сложилась на территории страны за последние несколько сот лет, и поэтому в его основу должны быть положены два принципа.

Первый заключается в свободе выбора национально-этнической и религиозно-мировоззренческой идентичности.

Второй обусловлен тем положением, что образование только тогда подлинно национально, когда оно — хорошее образование, то есть когда оно соответствует принципам научности, гражданственности и нравственности.

Согласно Национальной доктрине образования, в Российской Федерации система образования на современном этапе призвана обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитывать патриотов России, граждан, обладающих высокой нравственностью. Формируемый образовательный и научный потенциал каждого региона должен войти в научное пространство России и в мировое научно-образовательное пространство.

Нормальное самосознание гражданина новой России представляется как единство трех начал, трех компонентов:

- это чувство принадлежности к своему народу, к своему этносу, любовь и уважение к своим традициям и истории, культуре, языку;
- это чувство принадлежности к многонациональному российскому сообществу, российский патриотизм, сопряженный с отказом от представлений о своей этнической исключительности;
- это чувство принадлежности к мировому (европейскому) сообществу, чувство ответственности за судьбы не только своего народа, своей страны, но и всего мира.

Как уже было отмечено, важнейшим социальным институтом в странах с полиэтничным составом населения, обеспечивающим устойчивость социума, являются классические университеты, которые получают в «социальном заказе» от государства дополнительную функцию языковой, культурной и духовной консолидации полиэтничного общества, его сплочения в единую социально-политическую общность. Государство заинтересовано, чтобы университеты были инструментом не только образования, но и политической консолидации этнически разнородного населения.

С момента своего возникновения классические университеты представляли собой космополитические сообщества; здесь закладывались основы диалога культур по разным направлениям: диалога естественнонаучной и гуманитарной культур, различных этнических культур, научных и теоретических концепций. В какой мере мы сегодня готовы и можем сохранить эту традицию классического университетского образования и что нового необходимо внести в эти традиции?

Во-первых, классические университеты в России должны остаться основой единого образовательного пространства страны. Нередко задается вопрос: каковы пределы этнизации образования, ведь образование должно сочетать как локальные, так региональные и всеобщие моменты. Представляется, что ответ может быть только таким: классический университет находится над планкой этнизации, это инструмент универсализации образования. Это не значит, что классические университеты могут существовать вне этнокультурного пространства, это означает определенную расстановку акцентов в формировании образовательного пространства страны.

Во-вторых, образовательная программа университета должна не только отражать интернационализацию информации, но и включать различные направления национально-регионального обучения, связанные с определенной этнокультурной спецификой. Университетское образование должно способствовать социализации и универсализации этнических групп, включению в общий контекст российской и мировой культуры.

В-третьих, именно классические университеты должны стать центрами выработки и трансляции единой объединительной общероссийской идеи.

В последние десять лет истории нашей страны заметно усилился интерес ко всему, что составляет основу национального единства. В современной России актуализируется проблема использования идеи как механизма, консолидирующего общество для разрешения назревших проблем. Однако в современной социокультурной реальности довольно сложно определить национальную идею в качестве одной всепокрывающей формулы, как это было со знаменитым афоризмом монаха Филофея о Москве — третьем Риме или даже с известным тезисом, приписываемым министру народного просвещения Уварову: православие, самодержавие, народность. Представление о национальной идее как феномене в «новой России» актуализировалось после целой череды «вызовов», предъявленных стране в новейший период ее истории. Прежде всего, попытки сформулировать национальную идею предприняли отечественные политики. С начала девяностых годов XX века приверженность всему «национальному» стала непременной составляющей успешной политической карьеры.

Действующий президент В.В. Путин с момента вступления на этот пост также неоднократно высказывался относительно необходимости продолжения поиска национальной идеи. Зимой 2004 года, выступая перед доверенными лицами, Президент В.В. Путин основным компонентом национальной идеи назвал конкурентоспособность.[3] И это краткое определение, по нашему мнению, исключительно верное, емко определяющее стоящие перед Российской Федерацией задачи на современном историческом этапе ее развития. Это определение может быть раскрыто применительно ко всем сферам жизни общества, в том числе и к образованию. Применительно к теме данной статьи могут быть выделены три параметра национальной идеи в соответствии с ее функциями:

а) это осознание гражданами страны своей общенациональной идентификации;

б) это обоснование предназначения и смысла существования нации;

в) это конструирование обществом своего национального идеала, связывающего воедино прошлое, настоящее и будущее нации.

Актуальной представляется задача аккумулировать усилия в этом направлении всех участников национального процесса, отвечающих за духовное производство — представителей политики, науки, образования, искусства. Определенные черты национальной идеи имманентно присутствуют в сознании россиян, а задача науки и образования в целом заключается в объективировании ее основ в условиях актуальной потребности в принятии идеи каждым членом общества.

Современная национальная доктрина предполагает формирование гражданского полиэтносоциального общества, обеспечивающего историческую перспективу и преемственность российской государственности. Национальная идея современной России — это, с одной стороны, реальность, которая вырастает из мироощущения разных людей, транслируется политической и интеллектуальной элитой; с другой стороны, — это в какой-то мере сознательно конструируемая реальность, и роль высшего образования в этом «конструировании» является одной из наиболее значимых.

Наряду с решением технологических задач образовательная и воспитательная деятельность должна быть направлена на формирование востребованных обществом гражданских качеств. Классический университет — это основа государственности в интеллектуальной сфере. Гражданская, патриотическая идея должна стать стержнем всего образовательного процесса в нем. Мы разные в своем этнокультурном фоне, но нас свела история вопреки этим различиям, и нам вместе жить и решать стоящие перед нами проблемы.

В-четвертых, для того, чтобы межкультурный диалог состоялся, необходим определенный исходный уровень знания о разных народах и культурах, и образование должно давать этот минимум. Как известно, люди не любят то, чего они не знают. Если человек не получает знания о культуре, обычаях и традициях соседствующих с ним народов, то он воспринимает их как чуждые, зачастую даже враждебные себе. Классические университеты призваны быть не просто методическими, но и шире — методологическими центрами в области поликультурного образования, должны разработать идею, принципы и пути реализации поликультурности в образовании.

Научная библиотека Ставропольского государственного университета. Здание реконструировано под руководством Владимира Александровича Шаповалова

Нарастание неразрешенных проблем в духовной и образовательной сфере способствует появлению угрозы территориальной целостности и может иметь своим следствием усиление политической нестабильности, ослабление единого экономического и политического пространства России.

Система образования является одной из важнейших компонент сохранения стабильности и единства на Юге России, ответственной за воспроизводство его интеллектуального ресурса. Деятельность системы образования по обеспечению национальных интересов в регионе носит комплексный характер и связана не только с передачей знаний, но и с комплексным воспитанием. Особое место в национальных интересах занимает нейтрализация причин и условий, способствующих возникновению полити-

ческого и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий — социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма.

Эта проблема особо остро стоит на Юге России. Президент Российской Федерации В.В.Путин в одном из своих выступлений перед руководителями регионов России, особо подчеркивает, что корни террора лежат... и в низком уровне образования подрастающего поколения, а порой — в отсутствии самой возможности получить образование...»[4].

Система образования на Юге России имеет дело со сложным, этнически многообразным контингентом учащихся. В этих условиях государственным образовательным учреждениям объективно принадлежит особая роль связующего звена, объединяющего многообразие духовных проявлений народных традиций на почве фундаментальных ценностей современного человечества. Можно сказать, что высшее образование, так же как и наука, интернациональны по своей сути. Государство заинтересовано, чтобы учебные заведения были инструментом не только образования, но и политической, духовной консолидации этнически разнородного населения.

В связи с этим, в полиэтничном регионе школа, вуз принимают живое участие в формировании мировоззрения наиболее образованных представителей этнических групп и, таким образом, оказывают воздействие на мировоззренческие установки этноса в целом. Для достижения устойчивых результатов в процессе гармонизации межэтнических отношений необходима системная и продуманная деятельность, направленная на формирование навыков общения с представителями разных этносов.

В концепции модернизации российского образования на период до 2010 года отмечено, что «развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способные к сотрудничеству, отличающиеся мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладающие развитым чувством ответственности за судьбу страны»[5]. Поэтому одной из целей современного образования должно стать формирование у подрастающего поколения этнокультурной компетентности. И решение этой задачи возложено, в том числе и в значительной мере на университеты.

Этнокультурная компетентность предполагает готовность к преодолению трудностей в коммуникативных и иных формах взаимодействия с представителями различных этнических общностей, а именно:

- непредвзятость позиции при оценке других людей, их национально-психологических особенностей;
- преодоление этноцентристских предубеждений;
- способность эмоционально, участливо и тактично откликаться на запросы, интересы и поступки людей других культур.

Эти особенности мы учитываем в работе Ставропольского государственного университета. В текущем году университет отметил 75-летний юбилей. История нашего вуза неразрывно связана с историей отечественной системы образования, науки и культуры, жизнью нашего региона, в котором трудятся подавляющее большинство его выпускников. Многолетний опыт нашей работы показывает, что дифференциация в менталитете, низкая духовность, утрата культурных ценностей, незнание национальных традиций, исторических корней служат питательной средой для социальных, межэтнических и межконфессиональных проблем и напряжений. Именно образование должно воспитывать в людях консолидационное мышление, поведение и образ жизни, гуманизировать и объединять общество.

С каждым годом контингент студентов становится все более полиэтничным. Это происходит вследствие как миграционного прироста, так и нарастающей потребности в качественном образовании. В последние два года возобновилась практика направления в наш университет абитуриентов из республик Северного Кавказа по разнарядке из федерального центра, при этом во всех республиках есть собственные классические университеты, иногда имеющие более длительную историю, чем Ставропольский.

В университете на этапе его становления и развития как высшего учебного заведения классического типа уделяется особое внимание формированию у его выпускников набора компетенций для работы в полиэтничном регионе. Одними из первых в стране еще в начале 1990-х годов мы начали преподавание интегрированного курса «Этнические проблемы современности и культура межнационального общения», сочетающего знания из истории, этнологии, социологии, политологии, курса «Этническая конфликтология», для студентов-журналистов — «СМИ и этноконфликтология». Начата подготовка специалистов в области управления региональными процессами с глубокой этнологической подготовкой; этнологический минимум, если можно так выразиться, получает почти каждый студент, прошедший обучение в нашем университете.

Комплексность преподавания дисциплин этнологического содержания — важный принцип в построении учебных программ нашего университета, позволяющий достичь максимальной эффективности гуманитарного гражданского образования. Получаемые знания способствуют тому, чтобы у молодых людей формировалось свое личностное «Я» в контексте этнического «Мы» с положительной мотивацией к «Они». В качестве подтверждения успешности данного процесса можно сослаться на данные социологического исследования «Экстремизм в молодежной среде», проведенного лабораторией этноконфликтологии Ставропольского государственного университета в 2002 году, согласно которому межнациональные отношения в университете оцениваются самими студентами как более толерантные, чем в городе Ставрополе или в крае в целом, не характеризующиеся ярко выраженной этнической неприязнью.

Важным направлением нашей работы является также воспитание и формирование в студенческой среде гражданственности, патриотизма, новой российской идентичности. Мы считаем, что именно это направление, а не явно исчерпавший свой потенциал концепт толерантности, может стать стержневым в обеспечении неконфликтного развития полиэтничного социума.

Сами молодые люди вопросы гражданского становления, духовно нравственного и патриотического воспитания считают одной из приоритетных задач молодежной политики в современной России. Патриотизм 39 % опрошенных студентов определя-

ют как пассивную «Гордость за свою страну, за то, что тут живу». 42% считают, что патриотизм предполагает определенную активность; 23% выбрали вариант ответа «Готовность служить на благо той страны, в которой живешь»; 18% — «Готовность пожертвовать своими интересами во имя интересов страны». Для 6% респондентов патриотизм — «пустой звук».

Оценивая роль национальных традиций в обществе, 46% опрошенных определяют их как необходимый элемент культуры, то, что сплачивает общество; 25% не задумывались над этим вопросом; 13% считают, что национальные традиции являются основой многочисленных конфликтов; 6% определяют их как безобидные пережитки.

В мире в целом и в России в частности, к сожалению, немало примеров, когда в случае роста межэтнической напряженности религиозный фактор зачастую выполняет этнодифференцирующую роль, усиливая и эскалируя противодействие. В этой связи представляется, что в нашем не только полиэтничном, но и поликонфессиональном регионе образование не должно утрачивать светский характер.

Прошло время запретов, речь идет лишь об определении приоритетов, расстановке акцентов, над которыми должны задуматься ученые наравне с политиками.

Ошибки в системе образования трудно чем-либо исправить, поэтому решения в этой области должны быть продуманными. На смену эйфории от создания «национального образования» должно прийти осознание того непреложного факта, что образование должно отвечать не только и не столько локальным и региональным интересам, сколько интересам всего народа, государства, мирового сообщества и каждой отдельной личности. В связи с этим формирование ключевой фигуры современного гражданского общества — свободного и ответственного гражданина — представляет собой важнейшую цель образовательной политики государства.

Примечания

1. Статья Президента России, опубликованная 1 марта в ведущих мировых СМИ. «Группа восьми» на пути к саммиту в Санкт-Петербурге: вызовы, возможности, ответственность. РИА Новости, http://www.rian.ru/analytics/20060301/43843694-print.html

2. Выступление Президента Российской Федерации на встрече с членами Правительства, руководством Федерального собрания и членами президиума Государственного совета (5 сентября 2005 года, Москва, Большой Кремлевский дворец) Президент России. Официальный сайт. Заявления по важнейшим вопросам. http://www.kremlin.ru/appears/2005/09/93296.shtml

3. Выступление Владимира Путина перед доверенными лицами. 12 февраля 2004 года. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. Президент России. Официальный сайт. http://www.kremlin.ru/appears/2004/02/62215.shtml

4. Выступление на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября 2004 года. Президент России. Официальный сайт, http://www.kremlin.ru/appears/2004/09/76651.shtml

5. См.: Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. — Издательство: Центр гуманитарной литературы «РОН» — 2004.

Текст печатается по изданию:
Шаповалов В.А. Высшее образование в поликультурном обществе // Образование для устойчивого развития: Классический университет в социокультурном контексте. — Ставрополь: СГУ, 2006. — С. 43—49.

1. Продолжатель славных дел

Владимир Александрович Шаповалов — крупный ученый, общественный деятель, организатор науки и образования на Ставрополье. Его работа в качестве ректора Ставропольского государственного университета связана с огромным прорывом в области образования. Титанический труд В.А. Шаповалова на посту ректора СГУ сравним только с деятельностью в нашем крае другого выдающегося педагога, ученого Януария Михайловича Неверова — директора Ставропольской мужской гимназии. Наши исследования показали, что в середине XIX века Ставропольская мужская гимназия, будучи прежде обычным провинциальным учебным заведением, с приходом на должность директора Я.М. Неверова стала одной из лучших в России. Эта гимназия, ее директор, по-видимому, были прообразами университета, ректора с его стремлением к освоению передового знания, к развитию творческого потенциала в каждом человеке. Директор гимназии, его питомцы не просто осваивали, но творчески развивали, в том числе и на местной почве, крупнейшие достижения европейской мысли, — например, деятельностную концепцию языка, обучения и творчества.

В основе творческой деятельности профессора В.А. Шаповалова также глубинно угадывается деятельностная концепция, которая заключается в том, чтобы, осваивая современное знание, претворять его в разных сферах деятельности, уметь оперировать информацией, программировать и оперативно перепрограммировать сложные образовательные процессы и ситуации.

В 1990 году В.А. Шаповалов был избран ректором Ставропольского государственного педагогического института; именно он в 1996 году стал непосредственным организатором и первым ректором Ставропольского государственного университета. В настоящее время успешно руководит претворением в жизнь программы развития университета как регионального центра образования, науки и культуры.

Ставропольский государственный университет по праву считается одним из самых престижных и динамично развивающихся вузов Южного федерального округа и страны. Он занимает достойное место среди лучших отечественных классических университетов России, что является весьма значимым.

«Деятельность профессора В.А. Шаповалова как организатора науки и ректора Ставропольского государственного университета известна не только в крае, но и в стране, — пишет М.Е. Колесникова. — Он использует современные методы управления научным и учебным процессом, последовательно работает над созданием высокотехнологичной современной научной и образовательной базы университета. <...> Как ученый и педагог он обладает огромной научной эрудицией, обширным исследовательским кругозором, потрясающей работоспособностью. Порой кажется, что В.А. Шаповалов запрограммирован на постоянную работу мысли, ума и деятельность. И вместе с ним вращается, движется, как единая машина, огромный социальный механизм — университет. Высокая требовательность к себе, ответственность за результаты своей работы, их критическая оценка — все это присуще Владимиру Александровичу. Ему абсолютно чужда завышенная самооценка как собственных результатов работы, так и деятельности университета. На это он постоянно ориентирует и коллег. Гражданская позиция профессора В.А. Шаповалова во многом основывается на его глубокой вере в свою страну, свой народ. Являясь истинным патриотом России, он верит в ее величие, считает, что она никогда не теряла его. Он живет и работает на благо великой России» (5, с. 9, 13).

В процессе становления образования в России, особенно в XIX веке, и само правительство, и руководство учебных заведений ориентировались на хорошо отработанную западную систему образования. Это можно сказать и о Ставропольской губернской гимназии. Инспектор гимназии А.И. Лилов в «Отчете по Ставропольской гимназии на 1872—73 учебный год» писал: «Всем Вам хорошо известны постоянные заботы нашего правительства поставить русские средние учебные заведения на один уровень с соответствующими европейскими заведениями» (9, с. 185). Я.М. Неверов — член кружка Н.В. Станкевича, — чем бы он ни занимался, о чем бы ни писал: о воспитании, образовании, о литературе, публицистике, — всегда был склонен обобщать, выходить в систему отвлеченных категорий, отталкиваясь от конкретной области знаний, мыслил концептуально, как философ, ведь в отличие от литературы, которая оперирует перцептами, философия мыслит концептами (см.: 2).

Известно, что великий философ Г.В.Ф. Гегель в начале XIX века занимал пост директора Нюрнбергской гимназии. 20 сентября 1809 года была произнесена одна из речей по поводу окончания учебного года. В ней он высказал несколько мыслей, важнейших для формирования европейского образования. Воспитание и образование он ставил во главу угла государственного правления. «Имеются две отрасли государственного правления, — утверждает Гегель, — за хорошее ведение дел в которых народ обычно бывает в наибольшей степени признателен, это — доброе соблюдение правосудия и хорошие воспитательные учреждения; ведь гражданин не видит и не чувствует преимущества и влияния чего бы то ни было так непосредственно близко и, в частности, на себе, как преимущества и влияния этих отраслей, одна из которых касается его частной собственности вообще, а другая — его самой дорогой собственности — его детей» (1, с. 397).

Известно, что в процессе европейского образования в конце XVIII — начале XIX века особое внимание обращается на деятельность духа, а также постоянное совершенствование и развитие этой деятельности: «Подобно тому как растение не просто упражняет силы своего воспроизводства на свету и воздухе, но одновременно в этом процессе всасывает [продукты питания], то и материал, на котором разум и способности души вообще развиваются и упражняются, должен быть одновременно таким питанием. Это не тот, так называемый полезный, чувственный материал, который непосредственно попадает в круг представлений ребенка; лишь духовное содержание, имеющее ценность и интерес

в себе и для себя, укрепляет душу и создает такую непосредственную опору, такую *субстанциальную сердцевину* (курсив автора. — *К.Ш., Д.П.*), которая есть мать самообладания, благоразумия, присутствия и неусыпности духа; оно превращает взращенную на ней душу в ядро, имеющее самостоятельную ценность, абсолютную цель; лишь оно составляет фундамент всеобщей пригодности, и его нужно закладывать во всех сословиях. **Разве мы не видели в последнее время даже целые государства, которые не обращали внимания и пренебрегали тем, чтобы создавать и развивать такую внутреннюю основу души своих подданных, направляли их на чистую полезность, а в духовном видели лишь средство; они, не имея опоры, находятся в опасности рухнуть среди многих своих полезных средств** (выделено нами. — *К.Ш., Д.П.*)» (там же, с. 403).

Обратим внимание на то, что в качестве опоры в жизни, образовании, работе Г.В.Ф. Гегель видит духовное начало человека, над которым тот должен постоянно работать, претворять дух в деятельностное состояние. Впоследствии именно подобные положения лежали в основе лозунгов социализма (духовное превыше материального), они во многом позволили развить основы образования, которые были заложены в России, особенно в XIX веке, сделать образование одним из лучших в мире.

«Под воспитанием, — писал И. Кант, — мы понимаем уход (попечение, содержание), дисциплину (выдержку) и обучение вместе с образованием» (4, с. 445). Закладывая некоторые твердые постулаты в систему образования и воспитания (при этом воспитание, как мы видим, понимается шире образования, образование входит в немецкую систему воспитания), И. Кант считал, что «всякая культура начинается с частного лица и отсюда распространяется далее» (там же, с. 453).

В процессе воспитания, считал он, следует опираться на следующие постулаты: «1. *Приучить к дисциплине*. Дисциплинировать — значит обезопасить себя от того, чтобы животная природа человека, будем ли мы рассматривать последнего как отдельную особь или как члена общества, не шла в ущерб его чисто человеческим свойствам. Следовательно, дисциплина есть только укрощение дикости.

2. Человека следует *развить умственно*. Культура обнимает наставление и обучение. Она есть сообщение навыков. Навык — это обладание какой-либо способностью, достаточное для любых целей. Он, следовательно, не определяет ровно никаких целей, но предоставляет это впоследствии обстоятельствам.

Иной навык пригоден во всех случаях, например, чтение и письмо; другой — только для некоторых целей, например музыка — для того, чтобы снискать к нам расположение. Из-за множества целей число навыков простирается до бесконечности.

3. Следует также обращать внимание на то, чтобы человек был умен, пригоден для человеческого общества, приятен и пользовался влиянием. Сюда относится известный род культуры, который называют *цивилизованностью*. Для последней необходимы манеры, вежливость и известный такт, обладая которым, можно пользоваться всеми людьми для своих конечных целей. Понятие цивилизованности изменяется сообразно со вкусами каждого столетия. Так, несколько десятков лет тому назад церемонность в общении была в большом ходу.

4. Следует обратить внимание и на воспитание *нравственности*. Человек должен не только быть пригодным для всякого рода целей, но и выработать такой образ мыслей, чтобы избирать исключительно добрые цели. Добрые цели есть такие, которые по необходимости одобряются всеми и могут быть в одно и то же время целями каждого» (там же, с. 453—454).

Главные задачи в европейском воспитании — это целесообразно действовать, научить думать. Именно последнее обусловливает все действия человека, считает И. Кант (там же, с. 454). Во многом данные принципы коррелируют с системой образования и воспитания в России, а также в Ставропольской мужской гимназии.

В статьях 158—160 положения «Об Уставе гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» (8 декабря 1828 года) сказано: «§ 158. Обязанности всех вообще учителей определяются их важным назначением: образовать умы и сердца вверяемых им юношей.

§ 159. Учители должны внушать ученикам своим, что преподавание их есть только руководство для достижения познаний, кои приобретаются не иначе, как собственными усилиями.

§ 160. Соответствуя возрасту учащихся, сие руководство может быть двух родов. В нижних классах учитель должен более объяснять и часто повторять свои объяснения, но стараясь и тогда уже, посредством вопросов и задач, приучать детей рассуждать, соображать, одним словом, действовать умом своим. В классах высших сия умственная деятельность учеников, по указаниям учителя, долженствует быть еще усилена. Простое диктование уроков, служащее лишь к механическому затверженію наизусть, ни в каком случае не дозволяется» (8).

Эти же принципы были положены в основу деятельности Ставропольской губернской мужской гимназии, в особенности во время руководства гимназией Я.М. Неверовым. Об этом писали многие авторы данного издания.

Немало было в нашем городе и крае интересных педагогов, организаторов образования. Кроме Я.М. Неверова, о котором идет речь в этой книге, можно назвать Н.И. Воронова (1832—1888) — педагога, журналиста, кавказского этнографа, редактора газеты «Кавказ» (1877—1880); А.И. Лилова (1822—1890) — учителя Ставропольской гимназии, позже инспектора, директора гимназии в Тифлисе; М.В. Краснова (ок. 1841—1915) — преподавателя словесности в гимназии (1871—1889), позже директора народных училищ, директора женской гимназии, автора книг о гимназии, а также работы «Просветители Кавказа»; А.И. Твалчрелидзе (1852—1930) — инспектора народных училищ, автора книги о Ставропольской губернии; С.Ф. Грушевского — с 1870 года инспектора, с 1876 года директора народных училищ. Можно назвать и многих других педагогов, организаторов просвещения, камень по камню складывавших высокое здание многоуровневого и многомерного образо-

вания, которым так гордилась России, гордился Советский Союз.

В период перестройки, в девяностые годы XX века, рухнули многие приоритеты, на которые опиралась социалистическая государственность. Наш университет, в его нынешнем состоянии, которого мы добились в результате деятельностного подхода к организации образования, осуществляющегося ректором, доктором социологических наук профессором В.А. Шаповаловым, последовательно воплощает высшие идеалы образования и воспитания молодежи, выстраивает новые модели образования, основываясь тем не менее на традиции.

Одно из самых важных достижений Я.М. Неверова, на наш взгляд, — это формирование образовательной модели, основанной на диалоге языков и культур народов Кавказа. Имеются в виду русский язык как язык русской государственности и языки народов Кавказа, а также русская культура, культуры народов Кавказа. Именно Я.М. Неверов выработал замечательную образовательную модель, которая прекрасно применима на Кавказе, в нашем многонациональном крае, да и вообще во всем нашем многонациональном государстве. Он понимал, что жестокие войны, постоянно происходящие на Кавказе, нельзя пресечь с позиции силы. Да это и вообще неверный путь — путь разжигания новых войн. А вот то, что сейчас определяют как установление мира через диалог культур, через посредничество языков, литературы, искусства, Я.М. Неверов претворял в гимназии еще в середине XIX века. Он обучал горцев русскому языку для того, чтобы они несли великую культуру нашего народа и нашего языка в свои селения, города. В то же самое время он понимал, что и русскому человеку полезно знать языки народов Кавказа, рука об руку шедших с ним на протяжении многовековой истории.

Протокол заседания педагогического совета гимназии, обсуждавшего конкурсные сочинения гимназистов, от 14 октября 1857, года гласит: «...совет, взяв в соображение, что воспитанник из почетных горцев Адиль-Гирей Кешев, родясь в сфере не только чуждой, но противуположной нашему обществу, нашим стремлениям, интересам, привычке, образу жизни, — умел не только понять, но и почти верно оценить значение лучших типов нашей литературы и показать отношение их к действительной жизни, тем с большею признательностию отдает заслуженную дань хвалы его сочинению, которое написано языком чистым и правильным, нежели сочинения некоторых русских воспитанников старшего, VII класса. Если мелькает иногда у Адиль-Гирея Кешева не вполне русский оборот, зато правильность синтаксическая и грамматическая безукоризненна. Есть описки, но нет ошибок! И понятно: многие из наших воспитанников, привыкнув с детства выражаться неправильным русским языком и употребляя областные слова и речения, с трудом отвыкают от этих привычек в гимназии. Горцы же, поступая в нее без всяких познаний, почерпают их уже в чистом источнике и при замечательной в них любви к чтению приобретают материал языка, практикою и учением образуют свой слог преимущественно по образцам литературным. Для этого, без сомнения, нужен довольно значительный фазис самоуглубления» (7).

Речь здесь идет о конкурсных сочинениях, которые проводились в гимназии ежегодно и воспитывали у гимназистов любовь к своему языку и языку своих соседей, к литературе. Эти сочинения характеризовались исследовательским характером, но они же и являют первый опыт зрелой литературы в нашем крае, несмотря на юный возраст авторов.

Успехи в освоении языков гимназистами были для нашего времени невероятными. Вот что написано в «Ставропольских губернских ведомостях» (№ 1, 1854) о выступлении воспитанников гимназии на торжественном акте 27 декабря 1853 года: «Ученики младших классов гимназии декламировали пьесы на русском, французском, немецком, армянском, черкесском и татарском языках. Для этого выбраны были воспитанники, которым языки эти не были природными; несмотря на то, никакая ошибка в произношении не изобличала этого в учениках, из коих один — Атажукин, природный черкес — до того свободно произносил на русском, что казался совершенно русским» (10).

Внимание к языкам горских народов было обусловлено государственной политикой. В «Уставе гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» (утвержден 8 декабря 1828 года) отмечалось: «§ 147. В областях, где местный язык не есть российский, назначается учитель для преподавания правил сего языка. Обучающиеся оному могут, с разрещения директора, быть увольняемы от классов немецкого или французского» (8).

Это было, несомненно, мудрое решение. К такому же решению приходили и наши выдающиеся писатели — А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой. Каждый из них в определенной степени владел языками горских народов (Толстой хорошо знал многие из них). Это обусловило речевое поведение писателей на Кавказе. Несмотря на то, что дело в разное время происходило в период Кавказской войны, каждый из них, с уважением относясь к культуре и языку горцев, использовал знание о их языках не только в жизни, но и в творчестве. В письме к С.А. Раевскому Лермонтов писал: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться» (цит. по: 6, с. 165).

В другое время эту образовательную модель в определенной степени реализовал Ставропольский государственный пединститут, обучая русскому языку калмыков, карачаевцев, узбеков, таджиков, афганцев. Они же, в свою очередь, знакомили нас с родной культурой, наукой, искусством. Наверное, мы вскоре вернемся к этой модели на новом культурном витке, в первую очередь думая о своих культурных окрестностях. Русскому языку учат во всех республиках Северного Кавказа и Закавказья, но и мы можем возобновить традиции обучения нашей молодежи новогреческому, армянскому, карачаево-балкарскому и другим языкам. От этого только выиграет наш язык: мы будем использовать его во всех его регистрах, в сравнении, развитии поймем его красоту.

В.А. Шаповалов и начинал приблизительно с этого же. В наш университет, выпускником которого он был (тогда это был педагогический институт), он вернулся после работы в комсомольских и партийных органах. В марте 1982 года он был назначен приказом Министерства образования РФ на

должность проректора по международным связям. «Работа с иностранными студентами была сложной и ответственной, требовала дипломатичности, терпения, принципиальности, поиска новых, эффективных методов вузовской работы, творческого отношения к делу и высокой ответственности. Всем этим обладал проректор по международным связям В.А. Шаповалов, — пишет М.Е. Колесникова. — Он по-прежнему вел большую общественную деятельность, являлся членом секции по пропагандистской работе с иностранными студентами Совета ректоров вузов края, руководителем страноведческого семинара для преподавателей института, работающих с иностранными студентами, заместителем председателя совета по профилактике правонарушений и т.д. Одновременно читал лекции и вел занятия по дисциплинам кафедры политической истории, где трудится и в настоящее время, пройдя путь от старшего преподавателя до профессора» (5, с. 6).

Особенность организации работы с иностранными студентами — через язык и культуру познать историю дружеских народов: русского, афганского, вьетнамского и других, — стать проводниками гуманистического образования и воспитания в своих странах. На посту ректора Ставропольского государственного университета В.А. Шаповалов и сейчас обращает внимание на интернациональное воспитание: в нашем университете учатся представители всех народов Кавказа, идет взаимообогащение знаний, культуры в процессе образования и воспитания студентов. Не забывает наш ректор и о русском языке, языке российской государственности, языке межнационального общения. Сам он является представителем элитарной языковой культуры, владеет всеми регистрами богатого русского языка. Речь его не только глубока по содержанию, но и образна, искрометно остроумна.

Ставропольский государственный университет. Главный учебный корпус

Сейчас в нашем университете, по предложению ректора В.А. Шаповалова, на кафедре современного русского языка организована служба русского языка. Любой человек, позвонив по телефону 35-45-70, сможет оперативно решить любую лингвистическую проблему: от написания слова до формулировки закона. По-видимому, впоследствии возможны и индивидуальные консультации. Для чего это? Пора формировать языковую дисциплину в сознании каждого человека, а также в стране в целом. Но порицаний, указаний, приказов недостаточно. Надо входить в нужды людей, в том числе и языковые.

В.А. Шаповалов — организатор и вдохновитель серии «Филологическая книга СГУ», в которой только за последнее время вышли многие интересные книги: Штайн К.Э., Бобылев С.Ф., Петренко Д.И. Язык современной исторической науки. Семиотический анализ исторического текста. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006; Ставропольский текст. Описания, очерки, исследования. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006; Штайн К.Э. Системный подход к изучению динамических явлений на синхронном срезе языка. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006; Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4 т. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002—2006; Штайн К.Э., Петренко Д.И. Русская метапоэтика. Учебный словарь. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006; Фокин А.А. И.Д. Сургучев. Проблемы творчества. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006 и другие. Готовится книга об истории и культуре Кавказских Минеральных Вод и многое другое.

В отличие от многих современных хорошо известных государственных деятелей В.А. Шаповалов понимает, что образование — это приоритетная область в жизни человека и государства в целом. Как отмечал Дж. Дьюи, «социальная жизнь протекает в общении, и это общение (и, следовательно, подлинно социальная жизнь) имеет образовательную направленность» (3, с. 11). Вне образования невозможно продвижение вперед по пути установления и совершенствования демократии в государстве. Значит, работа ректора университета в большом крае на Юге России имеет государственный характер.

Особенность деятельности В.А. Шаповалова как ученого и организатора науки — гармоническая целостность, монолитность, так как сфера его научных интересов также университетское образование. Докторская диссертация, защищенная им в 1997 году, посвящена социокультурным проблемам высшего образования. Теория образования, которую он разрабатывает в социокультурном плане, и практика находятся в единстве, так как теоретические данные его исследований, а также исследований аспирантов, докторантов постоянно подкрепляются педагогической прагматикой, практической деятельностью руководителя крупнейшего университета в России.

Начало общественной деятельности ректора — комсомольская и партийная работа в то время, когда СССР был тоталитарным государством. Парадокс его деятельности состоит в том, что любое дело, в том числе и работу партийного руководителя, он исполнял не формально, а всегда находил подлинные возможности для того, чтобы трудиться для людей, для своего государства. Видимо, в этом счастливое совпадение большого таланта и огромного целенаправленного трудолюбия. «Разум в своем конкретном воплощении, — писал Дж. Дьюи, — представляет собой именно способность понимать значение вещей с точки зрения их использования, умение применять эту способность в процессе совместного труда. И в этом смысле разум есть метод социального управления» (там же, с. 37).

О деятельности крупного ученого и организатора науки всегда говорят его труды, работа университета, который он возглавляет, но во всем этом есть и много непонятого: трудно представить, чтобы один человек, конечно же, опираясь на коллектив, смог добиться результатов, которых не могли добиться его предшественники за многие десятилетия работы в вузе. Важно также приобретать знания об уникальном опыте, раскрыть секреты, тайны педагогического, административного мастерства лидера крупного учебного заведения.

Важно также, чтобы этот опыт был описан и раскрыт в процессе деятельности В.А. Шаповалова. Мы имеем не просто пример для подражания: в ходе осмысления его трудов мы можем выяснить характерные особенности деятельности сильного лидера в сфере современного образования. Это важно для науки и культуры России, ее истории. А Шаповалов, несомненно, вписывает своими трудами и делами в нее новые страницы и, конечно же, сам останется в истории образования России как один из тех, кто в переломные моменты жизни страны, когда появи-

Ректор Ставропольского государственного университета доктор социологических наук профессор Владимир Александрович Шаповалов

лась тенденция к разрушению наработанных ценностей в области образования, стал укреплять его, развивать, искать новые формы функционирования классического университета в условиях сложного переходного периода становления России.

Одна из статей В.А. Шаповалова, которую мы публикуем в нашей книге, посвящена образованию в поликультурном обществе. С ней он выступил на Всероссийском социологическом конгрессе 3 октября 2006 года. «Уже в обозримом будущем образование станет определяющим фактором достижения как индивидуального, так и национального успеха, а глобализация всех сфер общественной жизни неизбежно потребует не только соответствующих специалистов, но и широко образованных, творчески мыслящих, социально активных граждан. Без преувеличения можно сказать, что человечество вступает в эру знаний, — утверждает В.А. Шаповалов. — Об этом говорил Президент России В.В. Путин перед заседанием саммита «большой восьмерки». Им было отмечено, что «в постиндустриальном обществе образование становится необходимым фактором жизненного успеха и значимым ресурсом экономического развития. Образование — один из важнейших факторов роста общественного самосознания, нравственных ценностей и укрепления демократии». Именно возможности образования сохранять специфику отечественной культуры позволяют рассматривать его в качестве важнейшего условия духовной безопасности российского общества, поскольку без духовной самобытности народ не сможет существовать в общемировой семье культур и цивилизаций, и, в конечном счете, его экономические и геополитические позиции существенно ослабнут» (см.: часть 2 настоящего издания).

В.А. Шаповалов мыслит масштабно, рассматривая российскую систему образования в сложном, этнически многообразном языковом и культурном пространстве. Образовательная система, в понимании В.А. Шаповалова, строится на основе взаимодополнительности единого образовательного пространства и полиэтничности, многоязычности в поликультурном обществе.

Обращаем внимание на глубокое осознание автором статьи сложности процесса создания образовательного пространства в поликультурном обществе: «Во-первых, потребности в более высоком уровне специализации и профориентации приводят к увеличению количества универсальных элементов в культуре, в образовании. В их усвоении реализуется общечеловеческая миссия образования.

Во-вторых, процесс этнического возрождения повышает интерес к этнокультурным ценностям, родному языку, литературе, искусству. Эта тенденция также может носить прогрессивный характер, но только в тех случаях, когда она не ведет к этнокультурной изоляции и росту чувства национальной исключительности.

Каким образом разрешить данное противоречие? Образование связано с информационным и научным прогрессом, мировой культурой, с духовной общностью, которая сложилась на территории страны за последние несколько сот лет, и поэтому в его основу должны быть положены два принципа.

Первый заключается в свободе выбора национально-этнической и религиозно-мировоззренческой идентичности.

Второй обусловлен тем положением, что образование только тогда подлинно национально, когда оно — хорошее образование, то есть когда оно соответствует принципам научности, гражданственности и нравственности.

Согласно Национальной доктрине образования, в Российской Федерации система образования на современном этапе призвана обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитывать патриотов России, граждан, обладающих высокой нравственностью. Формируемый образовательный и научный потенциал каждого региона должен войти в научное пространство России и в мировое научно-образовательное пространство» (там же).

Следует отметить формулирование строгих постулатов, коррелирующих с европейской, а также с российской традицией в формировании классического университета: «Во-первых, классические университеты в России должны остаться основой единого образовательного пространства страны. Нередко задается вопрос: каковы пределы этнизации образования, ведь образование должно сочетать как локальные, так и региональные и всеоб-

щие моменты. Представляется, что ответ может быть только таким: классический университет находится над планкой этнизации, это инструмент универсализации образования. Это не значит, что классические университеты могут существовать вне этнокультурного пространства, это означает определенную расстановку акцентов в формировании образовательного пространства страны.

Во-вторых, образовательная программа университета должна не только отражать интернационализацию информации, но и включать различные направления национально-регионального обучения, связанные с определенной этнокультурной спецификой. Университетское образование должно способствовать социализации и универсализации этнических групп, включению в общий контекст российской и мировой культуры.

В-третьих, именно классические университеты должны стать центрами выработки и трансляции единой объединительной общероссийской идеи. <...>

В-четвертых, для того, чтобы межкультурный диалог состоялся, необходим определенный исходный уровень знания о разных народах и культурах, и образование должно давать этот минимум. Как известно, люди не любят то, чего они не знают. Если человек не получает знания о культуре, обычаях и традициях соседствующих с ним народов, то он воспринимает их как чуждые, зачастую даже враждебные себе. Классические университеты призваны быть не просто методическими, но и шире — методологическими центрами в области поликультурного образования, должны разработать идею, принципы и пути реализации поликультурности в образовании» (там же).

Осмысляя особенности работы возглавляемого им Ставропольского государственного университета, В.А. Шаповалов отмечает: «В текущем году университет отметил 75-летний юбилей. История нашего вуза неразрывно связана с историей отечественной системы образования, науки и культуры, жизнью нашего региона, в котором трудятся подавляющее большинство его выпускников. Многолетний опыт нашей работы показывает, что дифференциация в менталитете, низкая духовность, утрата культурных ценностей, незнание национальных традиций, исторических корней служат питательной средой для социальных, межэтнических и межконфессиональных проблем и напряжений. Именно образование должно воспитывать в людях консолидационное мышление, поведение и образ жизни, гуманизировать и объединять общество.

С каждым годом контингент студентов становится все более полиэтничным. Это происходит вследствие как миграционного прироста, так и нарастающей потребности в качественном образовании. В последние два года возобновилась практика направления в наш университет абитуриентов из республик Северного Кавказа по разнарядке из федерального центра, при этом во всех республиках есть собственные классические университеты, иногда имеющие более длительную историю, чем Ставропольский» (там же).

Мы не случайно привели пространные цитаты из работ по образованию, написанных в разное время, опирающихся на европейскую, русскую и собственно нашу, местную, традиции в организации образования. Можно с уверенностью сказать, что ценностные аспекты образования: гражданственность, интернационализм, патриотизм, опора на духовные ценности и многое другое — бережно охраняются и сохраняются организаторами нашего образования. Анализ работ В.А. Шаповалова по проблемам образования приводит к выводу о том, что его здание университета, в прямом и переносном смысле, строится на основе глубокого знания отечественной и европейской традиции, учитывается и то, что человечество находится в стадии формирования нового информационного общества, обширного диалога народов и культур в наше время компьютерных технологий и глобализации современных социальных, экономических и культурных процессов в мире.

Когда мы анализировали научную деятельность В.А. Шаповалова, мы были поражены той целеустремленностью, с которой он осмысливает проблемы образования, воспитания, социально-культурные аспекты образования, академической науки, научно-инновационной деятельности в университете. Да и статьи его, предшествующие университетскому периоду, были связаны с проблемами воспитания молодежи: «Составляя личные комплексные...» // Комсомольская жизнь. — М.: ЦК ВЛКСМ, 1976. — № 14. — С. 27—28; «Молодежь продолжает подвиг старших поколений» // В суровые годы войны. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1978 (автор главы); Поле комсомольских забот // Комсомольская жизнь. — М.: ЦК ВЛКСМ, 1978. — № 17. — С. 27—29.

При всей широте взглядов В.А. Шаповалова через всю его жизнь проходит монотема. Единая тема его жизни — это университет, теория, история, принципы и методы организации образования в классическом университете. Более широкий контекст — социология образования. Вот названия только некоторых работ: «Высшее образование в системе культуры». — Ставрополь: СГУ, 1996; «Высшее образование: современные модели, перспективы развития». — Ставрополь: СГУ, 1996; «Культурные традиции и высшее образование в России» // Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. — 1996. — № 5. — С. 3—19; «Проблемы перехода в классический университет в новых социально-экономических условиях» // Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. — 1996. — № 4. — С. 3—8; «Современные модели высшего образования за рубежом» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 1996. — № 4. — С. 83—90; «Социокультурные аспекты информатизации образования». — Ставрополь: СГУ, 1996; «Высшее образование в социокультурном контексте». — М.: Высшая школа, 1997 и многое другое. Все это говорит о глубоком аналитическом подходе к работе, которую высоко оценивают его коллеги.

В феврале 2006 года Ставропольский государственный университет отметил юбилей: 75-летие вуза, 10-летие классического университета. Юбилейным является этот год и для нашего ректора Владимира Александровича Шаповалова. Мы попробовали осмыслить феномен преобразования педагогического института в крупный классический университет. Все это произошло на наших глазах, в течение последних 10 лет. Филологи и историки в

особенности чувствуют себя причастными к этому событию, ведь ректор — выпускник историко-филологического факультета нашего университета. Многие преподаватели университета помнят начало научной и творческой деятельности нашего ректора, многие хотели поделиться своими соображениями об особенностях его личности, работы. Их высказывания дополняют картину его многогранной деятельности. Приведем материал, который был написан в канун юбилейных событий в университете.

2. Работаем здесь, в России!

В 1964 году на историко-филологический факультет Ставропольского государственного педагогического института поступали дети первого послевоенного года рождения — 1946 года. Время было бурное, интересное — период оттепели, время первых космических полетов, романтики. На историко-филологическом факультете, который включал два отделения: историческое и филологическое, народ был пестрый, но задорный и интересный. Пафос победителей, победителей в войне, который несли родители, восприняли и послевоенные дети. Да тут еще и шестидесятые с живыми спорами о жизни, о строе, о коммунизме...

И студенты на факультете были неординарные: кто тайно изучал запрещенную тогда русскую идеалистическую философию, кто пытался потихоньку, так же втайне, воцерковляться, кто, наоборот, верил в светлое будущее, победу коммунизма. Были свои доморощенные писатели, поэты, хмурили лбы в библиотеках любители науки. Интересно было учиться! И преподаватели были под стать: профессор А.В. Попов — крупный лермонтовед, профессор В.А. Романовский — выдающийся историк, В.М. Тамахин — обожаемый всеми великолепный знаток русской литературы XIX века, К.Г. Черный — писатель, литературовед, критик, Т.М. Минаева — знаменитый археолог. Наш декан, красавица и модница, З.М. Поздняева, мало что блистательно читала литературу серебряного века, была еще и видным театральным критиком, хорошо известным в Москве. И почти о каждом из преподавателей можно говорить как об увлеченном, разносторонне образованном человеке.

Научные студенческие общества, кружки, особенно кружок литературных новинок, который вел доцент А.М. Гирько, знаменитый философский кружок Р.Н. Китайгородской, Краевая библиотека — место встреч и серьезной работы — везде поспевали энергичные студенты шестидесятых.

На историческом отделении историко-филологического факультета учился тогда студент Владимир Шаповалов, увлеченный человек с многообразными интересами, особыми организаторскими способностями: в научном студенческом обществе, в самодеятельности, в студенческих бригадах — везде первый. Всегда в центре, но никогда не на виду, скромно держался. Как-то на ученом совете, будучи уже ректором, рассказывал, что вырос в семье с весьма скромным достатком, так что декан З.М. Поздняева принесла ему кое-какую одежду. Помогали тогда преподаватели студентам — книги дарили, поддерживали, иногда даже подкармливали студентов. Семьи-то были часто неполными: у кого отец погиб, у кого — дед. Каждая семья несла печать трагедии. Но и взаимовыручка была — дружба среди студентов и преподавателей.

«В то время, когда я был в аспирантуре, на историко-филологическом факультете учился Владимир Александрович Шаповалов, будущий ректор нашего университета, — вспоминает профессор А.А. Магомедов. — Тогда я принимал участие в работе философского кружка, семинара, который вела доцент Раиса Наумовна Китайгородская. Володя Шаповалов учился на историческом отделении и активно участвовал в работе философского кружка. Народ там собирался интересный. Достаточно сказать, что многие крупные партийные деятели вышли из этого кружка. Там не было особого вольнодумства, но Раиса Наумовна учила нас осваивать философию глубоко, диалектически, осмысливать источники, не принимать ничего на веру.

Что касается моих встреч с Владимиром Александровичем... О пустяках не говорили. Помню вихрастого энергичного молодого человека. Он был одним из лидеров факультета, живо интересовался историей и философией. Осталось впечатление глубокого человека. Это помогло ему упрочить свои качества лидера в дальнейшей комсомольской и партийной работе, не впасть в популизм, не стать функционером, как стало со многими».

«Вспоминаются давние советские годы, — продолжает разговор профессор Т.А. Булыгина. — После окончания аспирантуры и защиты диссертации я, как преподаватель, работающий на кафедре истории КПСС, должна была пройти процедуру утверждения в партийных органах. И первый, с кем мне пришлось беседовать, был секретарь райкома партии Шаповалов Владимир Александрович. Когда говорят о партийцах, складывается образ очень организованных, целеустремленных людей, лишенных каких-либо человеческих чувств, эмоций. И многие работники партаппарата подтверждали такое мнение. Главным для них было соответствовать анкетным данным. В это время я ждала ребенка. И Шаповалов, вместо того чтобы пропустить меня через решето партийных процедур, сказал: «Самое главное для тебя — родить нормально». И отпустил. В общем-то, он рисковал как руководитель. Он обязан был со мной беседовать. Что меня тогда удивило, он жалел, что у него остается мало времени для науки. Говорил, что пытается заниматься социологическими исследованиями. Несмотря на свою высокую должность и партийные перспективы, он продолжал думать о науке».

Сейчас, когда мы подводим некоторые итоги, ведь 75 лет вузу, 10 лет, как он стал классическим университетом, да в этом году и юбилей нашего ректора — тоже время подводить итоги, хотя, конечно же, не окончательные, мы понимаем, что возвращение Владимира Александровича Шаповалова в 1982 году в пединститут было не случайным. Видимо, есть все-таки харизма, а, как известно, личность обретает харизматическую идентичность через изменение, трансформацию общественной системы. Сознательно или подсознательно наш ректор искал новые пути в применении своим творческим возможностям, хотя партийная карьера его была очень успешной.

Вернувшись в родной пединститут, он занял должность проректора по международным связям. И связи, которые в то время были скорее номинальными, стали реальными. Да, пединститут уже тогда готовил кадры для Узбекистана, Афганистана, Вьетнама и т.д. Да, ездили некоторые преподаватели

русского языка за рубеж: в Польшу, ГДР, Болгарию — нести свет знания о русском языке, а через него — о коммунизме. Но тут все пришло в движение. Работа афганского отделения оживилась, преподаватели русского языка как иностранного стали осознавать свою миссию почти как дипломатическую. География приложения их сил расширилась до пределов почти земного шара: поехали работать в Африку, на Мадагаскар, в США, Китай и т.д. Это, конечно же, расширило возможности тех, кто жил тогда еще в «закрытой» стране. Потянулись и к нам преподаватели и студенты из США, Германии...

Доцент О.К. Страшкова: «Иду я как-то по институту, а мне навстречу Владимир Александрович. Он тогда был проректором по международным связям. «Хочешь поехать в Польшу?» — спрашивает. — Я говорю: «Хочу». Думала, он шутит. Я, правда, побежала в отдел кадров, оформила бумаги и действительно вскоре поехала в Польшу, хотя ни одной секунды поначалу не верила, что это серьезно. Шаповалов всегда предоставляет равные возможности для всех. Ведь у нас и раньше были люди, занимавшиеся международными связями, но когда появился Владимир Александрович, связи стали действительно международными. И вообще, когда он появился, у меня возникло ощущение, что это наш человек — ректор. Это очень важно, потому что не какой-то человек со стороны — человек с нашего факультета. Значит, он наш. И всегда я говорю: «Очень хорошо, что у нас есть наш ректор».

Доцент Э.П. Лаврик: «Мы сталкивались с Владимиром Александровичем, когда были еще студентами, — он тогда занимал должность проректора по международным связям, — и половина девчонок нашего курса были влюблены в него, старались попасть ему на глаза. Он всем очень нравился — красивый, открытый, энергичный. Мужской характер».

Есть люди, которые самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить только повседневными заботами, без увлекающих их высоких целей. Таких людей всегда очень немного, их творческий импульс иногда даже сильнее, чем инстинкт самосохранения! Как правило, нужен только толчок, чтобы проявились их особые «героические» возможности. Еще Г.В.Ф. Гегель говорил: ничто не осуществляется в обществе без тех редких людей, кто своей деятельностью, страстью, огромным напряжением не поднимал бы крупных общественных дел. В том случае человек отодвигает на задний план все другие интересы и цели, полностью отдается предмету, сосредоточивает на этой цели все силы и потребности. Жизнь заставляет его проявлять невероятную стойкость в осуществлении больших задач — вплоть до самоотречения. Это типичная модель пассионарности. И только это понятие, как нам кажется, применимо для характеристики деятельности нашего ректора Владимира Александровича Шаповалова. Иногда кажется, что он сам до конца не знает, что заставляет его работать с утра до ночи, как он добивается невероятного эффекта.

Как известно, пассионарность обладает еще одним крайне важным свойством: как утверждал Л.Н. Гумилев, она заразительна. Это значит, что люди гармоничные, оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя так, как если бы они сами были пассионариями. Возникает пассионарная индукция: в поле деятельности энергичной личности вовлекается все больше и больше людей, разделяющих позитивные идеи сильного лидера. Так произошло и у нас. Может, это счастливая случайность, а может быть, закономерность, но когда в 1990 году Владимир Александрович Шаповалов стал ректором пединститута, все осознали, что работать в крепком, хорошем, но обычном провинциальном вузе спокойно и безмятежно им уже не придется. Ставились серьезные цели, новые задачи под стать быстро меняющемуся времени и даже пространству в стране.

«Я хочу сказать о ректоре, что он человек совершенно незаурядный, — говорит декан факультета филологии и журналистики А.А. Серебряков. — И особенность его в том, что чем больше его знаешь, тем больше он вызывает уважение и восхищение. Я принадлежу к тому поколению людей, которые сознательно воспринимали события начала девяностых, и хорошо помню, какие административные неурядицы на всех уровнях тогда происходили. В таких условиях Ставропольский государственный педагогический институт был обречен на прозябание, в лучшем случае, на сохранение своего статуса. Но благодаря колоссальным усилиям ректора вуз не только сохранился, но и получил высший академический статус — государственного университета, успешно преодолел этап становления, укрепил материальную базу и в последнем рейтинге университетов России занимает шестнадцатую строчку. Представьте, сейчас мы среди классических университетов России на пятнадцатом месте, а в Южном Федеральном округе — на третьем. И это поражает моих коллег — деканов филологических факультетов других вузов. Не все могут осознать, как в девяностые годы можно было из пединститута стать педуниверситетом и через два года — классическим университетом.

Любой человек, имеющий отношение к высшей школе, прекрасно понимает, что изменение статуса вуза не есть изменение вывески. Вывески можно менять хоть каждый день. В нашем же случае произошли действительно глубинные структурные, системные изменения. Изменилось — и в этом огромная заслуга ректора — отношение коллектива к происходящему: и к своим обязанностям, и к роли университета. Изменилась психология и тех, кто работает в университете (а это большой коллектив — больше тысячи самых разных людей), и тех, кто учится (студентов разных форм обучения).

Традиционно мы знаем, что в Западной Европе, начиная со средних веков, статус города определялся или его административным положением: столичный — нестоличный (есть ли там резиденция владетельной особы или нет), — или, если город не столичный, наличием в нем университета. Статус университетского города — это очень высокий статус».

«Да, я думаю, что случилось самое главное — губернский город стал университетским, — говорит профессор Л.П. Ефанова. — И это благодаря настойчивости Владимира Александровича Шаповалова. Что касается сегодняшнего положения университета, то нельзя не видеть, что его развитие идет семимильными шагами. Наш ректор, как и все мы, бывает разный. Но в нем есть главное — он всегда добивается поставленной цели. И цели его определяются отнюдь не личными интересами. Его мож-

но не принимать, за что-то на него обижаться, но в настоящее время я не вижу другого на его месте. Мы все очень выиграли за то время, пока он руководит университетом.

В моей жизни с ним связано очень большое событие, которое показывает ректора в действии. Восемь лет я носила впереди себя кирпич докторской диссертации. Кафедра отказалась ее обсуждать. И только после того, как он протянул мне руку помощи, организовал и оплатил приезд московских специалистов, я защитилась, издала две монографии. Такие вещи не растут, как ядовитые грибы, на пустом месте. Может быть, не будь Владимира Александровича, до сегодняшнего дня я ходила бы в обнимку с этим кирпичом».

Мы пытались говорить с людьми отдельно о ректоре и об университете. Ничего не получилось. Университет и ректор — единое целое. Может быть, даже какой-то странный, на первый взгляд, поразительный агрегат, который находится в постоянном действии, движении. Но важно, что эта махина, невероятная машинерия приводится в движение одухотворенностью и творческой энергией именно его — Владимира Александровича Шаповалова, ну, и, конечно же, всех его единомышленников и даже оппонентов. Весь коллектив, и в первую очередь студенты вовлечены в творческий процесс становления, роста. Конечно же, в первую очередь, роста знания в нашем университете. И все же это целая эпоха. Кто-то даже сказал: «Эпоха одного человека» — нашего ректора Владимира Александровича Шаповалова.

Были ли в истории образования нашего края такие примеры? Наверное, да. Мы уже говорили, что нашего ректора хочется сравнивать с выдающимся педагогом, философом, ученым — директором Ставропольской мужской гимназии в середине XIX века Я.М. Неверовым.

Профессор Шаповалов также многого достиг в процессе своей титанической работы. Он серьезный ученый — доктор социологических наук, историк, замечательный педагог и организатор науки. В основе его творческой деятельности глубинно угадывается деятельностная концепция, которая заключается в том, чтобы, осваивая современное знание, претворять его в разных сферах деятельности, уметь оперировать информацией, программировать и оперативно перепрограммировать сложные образовательные ситуации.

«Мне кажется, что одно из важных личных качеств Владимира Александровича — умение видеть перспективу, умение сделать вуз современным, интересным не только для нас, преподавателей, но и для студентов, — говорит заведующий кафедрой современного русского языка Э.П. Лаврик. — В вузе сейчас есть все возможности для социализации личности, для того, чтобы реализоваться в профессиональной сфере, получить максимально современное образование. Кстати, система образования в нашем вузе направлена не на то, чтобы дать комплекс знаний, а на то, чтобы научить учиться, то есть дать не рыбу, а удочку, чтобы студент мог сам найти применение тому, что он получил в университете. Я стала заведующим кафедрой с благословления Владимира Александровича и, как молодой заведующий, я всегда ощущаю поддержку, помощь. Очень благодарна ему за то, что он поддержал инициативу создания бюро лингвистической экспертизы. Это новое структурное подразделение в университете, которое призвано осуществлять лингвистическую помощь в крае. А служба русского языка, создание которой планируется сейчас, также позволит университету занимать достойное место в социальной структуре города и края».

Сейчас чрезвычайно сложное и напряженное время в стране. Конечно, мы стали открытым государством, способным вступить в диалог с развитыми европейскими странами. Но, к сожалению, очень многое находится в плачевном состоянии, в том числе и наука, и искусство, говорят и об общем упадке в образовательной сфере. В стране много новых возможностей, особенно у людей, которые находятся у власти, руководят крупными предприятиями, да и просто у богатых людей. Смотришь на них и удивляешься: все у них есть, и все ведь от этой земли, от России, но неуютно им в родном городе, родной стране. Вот и рыщут они по белу свету, вкладывая огромные средства то в экономику США, Европы, а то и Бразилии и даже Новой Зеландии. Нет бы выставочный зал или современную филармонию открыть, а может быть, стадион построить, пусть даже имени такого-то. Были же картинные галереи Щукина, Морозова, Третьяковская галерея досталась нам в наследство. Так нет же, бегут они из России, вывозят ее же капиталы, истощают страну. А можно по-другому. Среди развала и разрухи, которая была и в девяностые годы, и по сегодняшний день имеет место, твердо стоять на своей земле, работать для своей Родины. Зайдите в наш университет, посидите в скверике у наших корпусов, поработайте в нашей университетской библиотеке — чем не Европа! «Служить Отчизне» — эти пафосные слова не громогласно, а вполне даже утилитарно звучат в нашем университете.

Для министра образования Ставропольского края А.Ф. Золотухиной юбилей университета особенно значим: «Я выпускница пединститута, училась на историко-филологическом факультете. И, конечно же, глядя на сегодняшний университет, испытываешь чувства восхищения и зависти к молодежи. Во-первых, потому, что это — молодежь, а во-вторых, потому, что молодые люди имеют сегодня такие замечательные условия для учебы и работы. Сегодня учеба в университете — это не только труд, но и удовольствие трудиться в таких условиях. Мне вспоминаются неуютные библиотечные коридорчики, закоулочки. А сейчас библиотека университета — это, конечно, лучшая вузовская библиотека страны. Это говорю не только я, но и все работники Министерства образования России, не сговариваясь, дают ей такую оценку. Это дорогого стоит. И комфортные аудитории, и современнейшие информационно-технологические возможности — все способствует успешному учебному процессу. Очень важно, что политика университета направлена на обеспечение условий для успешной самостоятельной работы студентов. Ведь не только на лекциях складывается знание предмета. Нужно много работать самостоятельно, а для этого в университете сегодня есть все необходимое.

На мой взгляд, Владимир Александрович Шаповалов — один из самых крепких ректоров. Он прекрасно осознает, что такое высшая школа, легко ориентируется в сложной сфере деятельности образовательного поля. Тяжело руководить вузом, а руководить классическим университетом, утверждать его и соответствовать статусу классиче-

ского — тяжело вдвойне. Сплотить вокруг себя работоспособный коллектив — это тоже мастерство руководителя. Я считаю, что университету повезло, что у него такой ректор. Он грамотно реализует все стоящие перед ним задачи, не уходя только в хозяйственную или, например, научную сферу деятельности. Владимир Александрович — менеджер высокого полета, его деятельность распространяется на весь спектр функционала управленца. Он блестяще справляется с этой задачей».

Наш вуз растет, и важно, что деятельность нашего коллектива получает признание, что успехи нашего молодого университета отмечаются в научном сообществе. Мы понимаем, что вступаем в большой диалог в сфере науки и образования.

«На меня произвело глубокое впечатление сообщение о том, что наш вуз включен в Ассоциацию российских классических университетов, — говорит профессор Ю.И. Леденев. — Мне кажется, что это событие недостаточно освещено в нашей повседневной жизни, перед нашими студентами. А ведь это важнейшее событие, потому что оно адекватно определяет статус нашего вуза, ставит его в число самых значительных вузов России, да и не только России. Наш университет пользуется большим авторитетом не только в нашей стране, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Наши ученые выезжают на международные конференции, наши издания известны в крупнейших библиотеках мира, в нашем университете открываются все новые и новые классические специальности, соответствующие университетским традициям и духу времени. Мне хотелось бы подчеркнуть, что это событие, признание нашего университета в числе членов Ассоциации российских классических университетов — это большая честь для каждого из нас. Это повышает нашу ответственность. Иногда из уст других людей приходится слышать такие слова: «Я отдал своему производству, своему предприятию многие годы труда». А я хочу сказать не о том, что я отдал, а о том, что мне дал университет. Мне дал университет уверенность в жизни, позволил заниматься любимым, интересным для меня делом. И то обстоятельство, что я работаю в этом университете, в самых сложных жизненных ситуациях меня укрепляло, давало силы, потому что я чувствовал поддержку коллег, поддержку руководства университета. И я должен сказать, что даже в моем преклонном возрасте я еще чувствую в себе достаточно сил, чтобы продолжать эту работу».

Серьезные научные программы, рост научного знания в университете — все это находит выражение в появлении новых научных направлений, закрепляется в вузовских учебниках, учебных пособиях.

«В связи с попытками реализоваться в новых направлениях развития исторической науки мне вспоминается такой случай, — рассказывает профессор Т.А. Булыгина. — В 2002 году мы с молодым профессором Сергеем Ивановичем Маловичко задумали создать научно-образовательный центр «Новая локальная история», подготовили проект и пошли с этим предложением к ректору. Я была почти уверена, что ректор поставит под сомнение возможность реализации такого проекта, потому что я знаю образ мышления людей моего поколения и старше, которые привыкли работать в определенной исследовательской и образовательной парадигме. Я предполагала массу замечаний, недоумений и была поражена, что Владимир Александрович сразу схватил суть проекта, и он поддержал проект практически безоговорочно. И тогда я поняла, что одно из личных качеств нашего ректора — умение в очень многих случаях схватить суть проблемы, увидеть главное за словесной шелухой. Второе — это умение брать на себя ответственность независимо от результатов работы, рискуя. Это тоже мужское качество, оно ему присуще».

Раньше приходилось слышать о том, что где-то в далекой Японии или США престижно говорить не «я работаю в такой-то ассоциации, на таком-то предприятии, в таком-то вузе», а «я работаю у того-то», и обычно называют имя крупного деятеля в производственной сфере или в области медицины, образования. Причастность к сфере деятельности сильного лидера, успешного человека, значительного предприятия говорит о том, что и ты — деятельный, успешный человек, профессионал. Иначе ты «вылетаешь» из престижного сообщества. Видимо, настает и у нас такое время.

«Само словосочетание «университетский профессор» греет самолюбие, — говорит профессор Л.И. Бронская, — вселяет надежду на то, что ты можешь считаться не последним человеком в иерархии литературоведов. С другой стороны, это налагает определенные обязательства. Так ведь? Если ты университетский профессор, значит, ты должен говорить красиво, поднимать важные в своей науке проблемы, ты должен эти проблемы разрешать — эффектно, изящно, искрометно, если угодно. Вся эта система завязана на слове университет. А еще мы говорим: «Обучение в условиях классического университета». Слова «классический университет» придают фразе дополнительные оттенки смысла, и человек, который произносит эти слова, приобретает ощущение уверенного в себе человека.

Конечно, я люблю эти стены. Я любила их и тогда, когда это был пединститут. Я научилась любить стены нового корпуса, хотя мне больше по душе старый, и когда я прохожу по нему, вспоминаю себя тридцать лет назад.

В меняющемся вузе менялась и психология людей. Это можно назвать словом «эволюция»: эволюция сознания, эволюция амбиций, социальных устремлений — все это связано с понятием «университет».

Конечно, можно говорить «пятнадцатое место» — и это тоже очень важно. Но очень хочется занимать хотя бы десятое. Хочется быть сразу после Томского университета, быть вместе с МГУ и РГПУ.

Владимир Александрович для меня — образец для подражания. Большинство людей — все-таки натуры слабые, ленивые, привыкшие все откладывать на потом, научились прощать себя за свою лень, необязательность. Всего этого можно не видеть. Но это приобретает иное толкование, иные оттенки и смысл, когда видишь подвижнический труд Владимира Александровича. С утра до ночи этот человек работает. Он не отдыхает — он всегда работает».

Он работает страстно, вдохновенно. В его работе поражает то, что он вникает абсолютно во все. Говорят, что когда оборудовали библиотеку — нашу нынешнюю гордость, он даже стулья проверял, удобно ли на них будет сидеть студентам. Можно быть образованным, волевым человеком, можно

быть хорошим, даже талантливым организатором, но особое счастье, когда руководитель обладает чувством прекрасного, высоким эстетическим вкусом. Гармоничный человек — это человек, как правило, многостороннего, энциклопедического склада. Гармония и красота — благо, считали древние. То, что европейцы называют вкусом, — трудноуловимая категория, она редко используется в наших эстетических суждениях, но мы легко применим ее к деятельности Владимира Александровича Шаповалова. Ему присущ тонкий эстетический вкус, он поразительно требователен в том, чтобы все, что он делает, отвечало критерию красоты, а значит и пользы, и целесообразности, так как красота на голом месте не рождается. Одно из замечательных доказательств деятельностного эстетического характера нашего ректора — научная библиотека университета.

Мы всегда знали, что фонды нашей библиотеки уникальны. Они формировались десятками лет подвижниками книги. И вот сейчас наступило время, о котором мечтала одна из таких подвижниц Т.А. Аветикова, огромными усилиями в труднейшие времена книжного дефицита сохранившая фонд редкой книги. Она мечтала о новой библиотеке, о зале редкой книги в ней, о музее редкой книги... Но ни в каких самых дерзновенных мечтах наши книжные профессионалы не могли видеть того, что сейчас представляет собой наша университетская библиотека.

«В университете сейчас замечательные здания, в которых работают прекрасные люди, но, на мой, филологический взгляд, самое выдающееся достижение ректора — это, конечно, здание библиотеки со всем ее внутренним оснащением, со всеми книгами, хранилищем старинных книг, — с восхищением говорит о нашей библиотеке профессор Л.И. Бронская. — Это настоящее диво, там все замечательно. Это с одной стороны. С другой стороны, ты забираешься в Интернет-зал и знаешь все о новых поступлениях и в Публичку, и в Российскую государственную библиотеку, ты знаешь все, через Интернет ты держишь руку на пульсе современности. Замысел библиотеки и его реализация — все было в руках Владимира Александровича. И я не думаю, что будет неуместно, если когда-нибудь библиотеку назовут именем Шаповалова».

Университет постоянно совершенствуется. Мы не будем рассказывать здесь о том, какова его структура, укажем только, что это на сегодняшний день крупнейший научно-исследовательский центр, в состав которого входят 12 факультетов, более 80 кафедр, аспирантуры, докторантуры, проблемные научно-исследовательские лаборатории. А качество подготовки специалистов гарантируется высоким уровнем профессорско-преподавательского состава и великолепной материально-технической базой.

«Благодаря Владимиру Александровичу, — говорит декан факультета филологии и журналистики А.А. Серебряков, — (если честно, мы не хотели этого), осуществлен переход на многоуровневую систему образования: бакалавр — магистр. Сейчас, когда эта система заработала, наши ученые, занимающиеся с магистрантами, говорят, что это неплохо. Для аспирантуры очень перспективно.

Современная ситуация: болонское соглашение, включение России в мировое образовательное пространство, — конечно, внушает определенные тревоги. Не хотелось бы утрачивать тот огромный положительный потенциал, который был создан отечественной высшей школой. Но, учитывая возможности, которые предоставляет нам сейчас вуз: материальное обеспечение, заново созданная замечательная научная библиотека, те финансовые затраты, на которые идет вуз не только покупая литературу, но и издавая научную литературу (в университете есть свое издательство), мне кажется, что мы будем только развиваться. Процесс становления нашего вуза как классического университета завершен, и сейчас должен начаться интенсивный процесс его развития».

Один из сборников семинара «Textus» «Этика и социология текста» мы посвятили ректору (именно он является руководителем проекта «Филологическая книга СГУ», который осуществляется на нашем факультете). Там были такие слова: «Этот сборник посвящается нашему ректору, доктору социологических наук профессору Владимиру Александровичу Шаповалову, творческие усилия которого вселяют надежды на лучшее будущее России». На том и стоим.

Библиографический список:

1. Гегель Г.В.Ф. Речь директора гимназии 29 сентября 1809 года // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. — М.: Мысль, 1972. — Т. 1. — С. 397—410.

2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? — М.—СПб.: Алетейя, 1998.

3. Дьюи Дж. Демократия и образование. — М.: Педагогика-пресс, 2000.

4. Кант И. О педагогике // Кант И. Трактаты и письма. — М.: Наука, 1980. — С. 445—490.

5. Колесникова М.Е. В.А. Шаповалов. Вехи жизни и научного творчества // В.А. Шаповалов. Библиографический указатель. — Ставрополь: СГУ, 2006. — С. 4—19.

6. М.Ю. Лермонтов в портретах, иллюстрациях, документах. — Л.: Госучпедгиз, 1959.

7. О конкурсе, происходившем 18 октября 1857 года в день открытия Ставропольской губернской гимназии лично Его Императорским Величеством. Журнал педагогического совета на 14 октября 1857 года // ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1696. Л. 1—5.

8. Об Уставе гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Николая I 1825—1855. Отделение первое 1825—1839. — СПб., 1864.

9. Отчет по Ставропольской гимназии на 1872—73 учебный год // Сборник стат. сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1873. — Вып. 5. — Отд. 2. — С. 185—209.

10. Ставропольские губернские ведомости. — 1854. — № 1.

Текст печатается по изданию:
Штайн К.Э., Петренко Д.И. Духовный преемник // Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века. — Ставрополь: СГУ, 2006. — С. 1038—1050.

Н.А. Охонько. **Исторические символы Кавказа***

Современное российское и местное законодательство дает право республикам, краям, областям и муниципальным образованиям всех уровней иметь собственную символику. Пользуясь этим правом, многие города, районы, станицы, села и поселки разработали и ввели в обращение официальные символы – гербы и флаги. К примеру, сегодня из 329-и муниципальных субъектов Ставропольского края собственной символикой обзавелись уже более полусотни муниципальных образований. Те же, кто не принял еще свои гербы и флаги, проявляют к этому большой интерес, и следует предполагать, что процесс разработки местных символов будет развиваться по нарастающей.

В течение 1990-х годов официальная символика в виде герба и флага принята всеми республиками, краями и областями Северного Кавказа. Полностью заменилась символика в ставших независимыми республиках Закавказья.

Вся эта символика являет собой современные разработки, будучи уже кардинально новой геральдикой. Однако следует помнить, что до 1917-го года на Кавказе сложилась и существовала выстроенная геральдическая система в виде гербов губерний, областей, уездов и городов. Апробированная историей, эта традиция прервалась после революции. Сегодня, когда идет бурное возрождение и развитие геральдики, полезно обратиться к историческому опыту.

Истоки дореволюционной геральдической системы уходят в XVI век, когда Россия присоединила Астраханское и Казанское ханства, а затем вышла к Северному Кавказу. После взятия Астрахани в 1556-м году к Ивану Грозному прибыли и члены посольства от кабардинского народа. В то время кабардинцы были наиболее влиятельным этносом на территории Северного Кавказа. Русский царь не только согласился взять их под свою руку, но и заключил брак с дочерью главного кабардинского князя Темрюка, именуемой от рождения Кученей. Став русской царицей Марией, государыня получила право на личную печать, как и все члены царского дома. Как правило, на именных печатях царской семьи помещались изображения святых, имена которых они носили, или избранные эмблемы. На печати же Марии Темрюковны был изображен двуглавый орел, венчанный двумя коронами, а вокруг – надпись: «Царицы и Великия Княгини Марии печать». Кабардинская княжна была женой Ивана Грозного с 1564 по 1569-й год, а значит, и ее печать датируется этими годами.

С этого же времени активизируется стремление войти под покровительство России и единоверной Грузии. Раздробленная на три царства и несколько княжеств, эта страна подвергалась нашествиям со стороны Турции и Ирана, страдала от набегов кавказских горцев.

Стараясь сохранить веру и свои народы, цари Иверии, Карталинии и Кахетии, начиная с конца XV века, постоянно предпринимали шаги, направленные на тесный союз с Московским государством. Особенно активно эти связи устанавливаются в конце XVI века.

В 1586-м году о своем подданстве Московскому государству заявила Кахетия (С.А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. 1578-1613 гг. М., 1889, с. XCV). В 1588-м году «князь Александр, дети его и чиновные люди приведены к крестному целованью и за всю Иверскую землю на том, что им быть под царскою рукою неотступным от царя...» (С.А. Белокуров. Указ. соч., с. XCV).

Вслед за Кахетинским князем о покровительстве Москвы к ней вновь обращаются кабардинцы. В 1588-м году их князья бьют челом царю Федору, чтобы он «взял их под свою царскую руку» и держал в обороне от их недругов, «как их держал отец его» Иван Грозный (С.А. Белокуров. Указ. соч., с. XCVI).

Серьезность сложившихся связей России с Кавказом во второй половине XVI века была закреплена в официальной титулатуре царя Федора Иоанновича. С 1593-го года в его титул добавляются новые слова, свидетельствующие о том, что он ко всему прочему и государь «иверской земли Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и горских князей». С небольшими изменениями этот раздел официального титула русских царей и императоров просуществовал до 1917-го года.

В 1667-м году, когда Россия заключила выгодный мир с Польшей и упрочила свое положение на международной арене, царь Алексей Михайлович стал именоваться «самодержцем... и государем Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных многих государств и земель... наследник и государь и обладатель» (А.Б. Лакиер. Русская геральдика. М., 1990, с. 159).

Официальный царский титул был закреплен и в российской символике. Еще при Иване Грозном была разработана большая государственная печать, которая стала основой для государственного герба России. В центре ее – двуглавый орел с московским гербом на груди. Вокруг орла помещались печати княжеств и царств, как уже присоединенных к Москве, так и тех, на которые русское государство имело притязания.

Первые геральдические изображения кавказских территорий, находившихся под покровительством России, дошли до нас из так называемого «Титулярника» царя Алексея Михайловича, составленного в 1672 году (Гербовед. М.: Терра – Книжный клуб, 2003, с. 78). В наиболее полном виде Кавказская символика представлена на большой государственной печати, сделанной в 1698 году секретарем Австрийского посольства в России Иоганном Корбом. На этой печати в нижней части помещено пять наиболее ранних в российской геральдике гербов Кавказа. Щиты гербов имеют овальную форму. В верхней части каждого из них И. Корбом сделаны надписи латинскими буквами с названием царств и княжеств. Рассмотрим их по порядку слева направо[1].

На крайнем левом гербе помещено изображение лошади, скачущей справа налево. Над ней и под ней – серебряные восьмиконечные звезды. Надпись можно перевести как «Грузия».

* Изображения гербов, описываемых в статье, см. в приложении на стр. 1014-1022 настоящего издания

Следующий герб изображает св. Георгия на коне, поражающего крылатого змея. Всадник обращен справа-налево. Надпись читается как «Карталиния». Направление этих фигур, обращенных справа-налево, сделано И. Корбом согласно европейской геральдической традиции. На российском гербе они будут помещаться движущимися слева направо, как это видно на следующем гербе. На нем изображен всадник с копьем на правом плече, скачущий слева направо. Надпись читается как «Черкасский и горский». Позже на гербе России это называется гербом Черкасских и горских князей.

Следующий герб – самый сложный по композиции. В овальном щите изображен малый щит французской формы, положенный на два перекрещенных копья (остриями вверх). На щите – обращенный вправо полумесяц. На верхнем, левом и правом полях – шестиугольные звезды. При этом звезда верхнего поля нарисована с кругом в центре, в виде подсолнуха. По верхнему краю овала – надпись, переводимая как «Кабарда».

Пятым помещен герб с надписью «Иверия». В центре щита – огнедышащая гора, пронзенная крестообразно двумя стрелами остриями вверх.

Описанные гербы Кавказа будут сохраняться в гербе Российской империи вплоть до 1917-го года, меняя лишь свою иконографию и стилистику рисунка. Когда в 1857-м году будет осуществлена корректировка государственной символики, герб Грузии на рисунке И. Корба будет именоваться гербом Иверии, герб Карталинии – гербом Грузии, а герб Иверии – гербом Карталинии.

В дальнейшем описанная символика окажет большое влияние на личную геральдику княжеских и дворянских родов, вышедших с Кавказа и внесенных в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи». В первую очередь это относится к роду князей Черкасских, из которого происходит Темрюк, отдавший в жены Ивану Грозному свою дочь. В гербе этого рода, в почетной части щита, помещены герб Кабарды и герб Черкасских и горских князей с большой государственной печати 1698-го года (Общий гербовник..., ч. 2, с. 9).

С выходом России на Северный Кавказ возникла потребность в основании здесь пунктов российского присутствия, для поддержания непосредственных и постоянных контактов с местными народами. Первым таким пунктом стала крепость Терки в устье р. Терек, основанная в 1587-м году. Со временем при ней возникла слобода, населенная кабардинцами, кумыками, выходцами из Чечни и Дагестана.

Эта крепость служила не только для военных целей. Через нее осуществлялись дипломатические, политические и торговые связи России с Северным Кавказом и Закавказьем. Со временем, по мере расширения влияния русского государства, крепость стала ассоциироваться с более обширной территорией российских земель на Северном Кавказе. Терский город и прилегающие земли низовьев Терека вошли в состав Астраханского воеводства, а с 1719-го года, когда была образована Астраханская губерния, эта территория была оформлена как одна из провинций, на которые делилась губерния.

В 1722-м году Петр I совершает знаменитый Каспийский поход, в результате которого к России отходит весь западный и южный Прикаспий. В 1723-м году в устье реки Сулак закладывается крепость Святой Крест, а на вновь присоединенных территориях располагается русский военный корпус численностью до 50-ти тыс. человек.

В 1729-м году, по заказу военной коллегии, герольдией были разработаны гербы для воинских частей, дислоцированных по губерниям, городам и провинциям. Среди них фигурирует и терский герб, представляющий собой «Арбуз зеленый, вверху две кисти виноградные красные, поле вверху белое, а внизу желтое» (А.Б. Лакиер. Указ. соч., с.189). Тогда же был учрежден владимирский герб, для знамени Владимирского драгунского полка, дислоцированного в г. Владимире. В 1777-м году этот полк под знаменем с владимирским гербом пришел на Ставрополье.

Что касается терского герба, также относившегося к новым разработкам, то он был исполнен под руководством хорошо известного в российской геральдике графа Санти. За основу смыслового содержания гербов в то время принимались следующие начала: «1. Историческое, сообразно тому, какое событие ознаменовало историю города. 2. Географическое, чем город изобилует, что производит, какое в нем замечательное здание, укрепление и т.п. ... 3. Начало соответствия герба с названием города» (А.Б. Лакиер. Указ. соч., с. 189).

Как видим, в терском гербе применен географический принцип, который отражал такую специфику данной территории, как изобилие здесь винограда и арбузов. Эти растения для Москвы являлись экзотическими и поставлялись к царскому столу из Астраханской губернии, в состав которой и входил Терский город. Это имело столь важное значение, что вносилось в официальные наказы астраханским воеводам, в ведении которых находились терские города и поселения. Так, в наказе астраханскому воеводе в 1700-м году особо подчеркивалось, чтобы арбузы и виноград для царского двора присылались быстро, «в легких самых стругах, неиспустя времени, чтоб те арбузы и с виноградом ... к Москве в привозе были во время».

Царь Петр I специально указывал, чтобы «из Астрахани присылать к Москве свежего винограда по тысячи кистей по вся годы» (ПСЗ, собр. 1, т. IV, № 1792). Нет сомнения, что основным поставщиком винограда была территория низовьев Терека, о чем и говорит наделение ее герба с изображением этих плодов.

В 1735-м году все вновь приобретенные территории Западного и Южного Прикаспия мы уступили Ирану, и граница России вновь возвратилась на Терек, где в 1735-м году был основан город Кизляр, а вместо крепости Святой Крест возник город Ставрополь-на-Волге как центр христианизации калмыков (с 1964-го года переименован в город Тольятти).

В 1739-м году герольдмейстерской конторой разрабатываются проекты герба для Ставрополя-на-Волге. Более других Сенату понравился проект, имевший такое изъяснение: «Понеже слово «ставрос» на греческом языке значит крест, а «полис» – город, того ради изображенный в сем гербе в золотом поле красный лапчатый крест в вершине щита и город такого же цвета, на зеленой подошве щита стоящий, точно согласуются с именем города Ставрополя. Положенные же над городом наподобие андреевского креста два черных копья показывают, что помянутый город населен новокрещенными кал-

мыками» (Н.А. Соболева. Старинные гербы русских городов. М., Наука, 1985, с. 78). Описанный таким образом герб относится к типу «говорящих», когда за основу содержания берется название населенного пункта. Указанный герб по каким-то причинам не прижился и был заменен другим, утвержденным 22 декабря 1780-го года. Последний интересен для нас тем, что его позже хотели использовать в качестве основы для герба нашего города Ставрополя. В верхней части щита помещен герб Симбирской губернии, в состав которой входил Ставрополь-на-Волге. В нижней части, на золотом поле – треугольная крепость, в середине которой водружен черный крест, означающий имя города, «ибо Ставрополь есть греческое слово, в переводе означающее город Святого Креста» (П.П. фон Винклер. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. М., 1990, с. 141).

В 1774-м году Россия одерживает победу в войне с Турцией и приобретает новые территории на юге. По международному договору, подписанному в местечке Кючук-Кайнарджи, устанавливаются новые границы. На Северном Кавказе эта граница пролегает по линии Азов-Моздок. Для охраны и строительства укрепленных линий сюда направляются Кабардинский пехотный полк и Владимирский драгунский полк, подкрепленные двумя казачьими полками – Волжским и Хоперским. Штаб-квартира Владимирского драгунского полка с полковым знаменем располагалась в Ставропольской крепости. И так как время основания Ставрополя принято отсчитывать от закладки крепости – 4 ноября 1777-го года, то первым символом здесь и был герб на знамени полка-основателя.

В связи с этим интересен такой факт: когда в 1914-м году в г. Ставрополе формировалась ополченческая дружина и решался вопрос о ее знамени, в качестве одного из вариантов предлагалось использовать знамя с символикой Владимирского драгунского полка (ГАСК, ф.311, оп.1, д.35). Этот герб представлял собой следующее: «В красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону, держит в передней правой лапе длинный серебряный крест» (П.П. фон Винклер. Указ. соч., с. 33). Лев, изображенный на Владимирском гербе, в геральдике именуется львиным леопардом. В мифологии и фольклоре многих народов лев является воплощением высшей силы, мощи, власти и величия. Это животное относится к одному из излюбленных персонажей и в христианском искусстве, где он понимается как бдительный страж святыни. Изображение льва очень распространено в пластике узорочья старинных владимиро-суздальских храмов. Лев являлся родовым знаком владимиро-суздальских князей. Впервые его изображение как символ Владимирского княжества появляется на большом гербовом знамени царя Алексея Михайловича (1666 г.). В 1722-м году этот знак был переработан с соблюдением правил геральдики и помещен на знамени Владимирского драгунского полка. Символично, что уже и на первом гербе, осенявшем Ставрополь, имеется изображение креста (его держит лев). Таким образом ассоциация между крестом и названием Ставрополя (с греческого – города креста) проходит через всю историю города. И в современном его гербе главной фигурой также является крест.

В 1822-м году главноначальствующий на Кавказе А.П. Ермолов преобразовал Кавказскую губернию в Кавказскую область, сделав ее административным центром город Ставрополь. Область занимала обширную территорию от Каспийского моря до среднего течения р. Лабы и от Маныча до предгорий Кавказа. В 1847-м году область преобразуется в Ставропольскую губернию, занимая опять же почти всю территорию Северного Кавказа. В течение всего периода Кавказской войны губерния выполняла роль главного плацдарма Российской империи на Кавказе.

В первой четверти XIX века к России отошла основная часть Закавказья, за исключением армянских княжеств Эриванского и Нахичеванского. В результате войны с Персией, по Туркманчайскому договору от 10 февраля 1828-го года, и эти территории стали российскими. Теперь весь Кавказ находился под властью российского престола. Через восемь месяцев после подписания Туркманчайского договора (23 октября 1828 г.) разрабатывается и высочайше утверждается герб Кавказской области. В окончательном виде герб законодательно закрепляется указом Сената от 22 ноября того же года.

Вот выдержка из документа того времени: «Правительствующий Сенат слушал рапорт Г. Министра Внутренних дел, при котором представил высочайше конфирмованный 23 минувшего октября новый герб для Кавказской области и описание онаго, испрашивая надлежащих распоряжений к приведению онаго в исполнение. В приложенном же описании новосоставленного герба для Кавказской Области значится: разделенный на две части щит представляет в верхней своей половине орла Российского в золотом поле, сидящего на вершине горы Кавказа. Он держит с одной стороны венок лавровый, с другой – перун. Под ногами его лежат расторгнутые цепи древнего Прометея. В нижней части щита в голубом поле изображен горный воинственный житель Кавказа, скачущий на коне по зеленой степи. Убегая от преследования, он стреляет из лука, по их древнему обычаю. Вдали видны снеговые верхи Кавказских гор. Дальнейшее толкование сего герба почитается излишним, ибо старались его составить в роде так называемых самоговорящих гербов...

ПРИКАЗАЛИ: с представленного Г. Министром Внутренних дел Высочайше утвержденного герба Кавказской Области, сняв в Герольдии точные рисунки, препроводить оные для надлежащего по ним исполнения к Г. Главноуправляющему в Кавказской Области и в тамошнее Областное Правление при указах, каковыми об описании герба для сведения дать знать Гг. Министрам, Военным Генерал-Губернаторам, Военным Губернаторам, управляющим гражданской частью, Генерал-Губернаторам, Градоначальникам, Присутственным местам, Губернским Правлениям и Правительствам...» (ПСЗ, собр. 2, т. 3, № 2446).

Оригинал этого герба хранится в Российском государственном историческом архиве, и мне удалось получить точную копия с него, которая публикуется здесь (РГИА, ф.1343, оп.15, д. 263, л.3).

Так как Кавказская область входила в состав Кавказского наместничества, то принятие област-

ного герба не обошлось без участия главноначальствующего на Кавказе, которым тогда являлся знаменитый победитель персов и турок граф Паскевич Иван Федорович. Видный участник Отечественной войны 1812-го года, он в 1826-м году был направлен на Кавказ, где в следующем году сменил А.П. Ермолова. Действуя удачно против персов, он овладел Эриванью, за что был возведен в графское достоинство с наименованием «Эриванский». А символическое изображение Эриванской крепости было включено в родовой герб Паскевичей. В 1828-1829-м годах он руководил военными действиями против турок. Под его командованием были взяты Карс, Ахалкалаки, Ахалцих и Эрзерум. После победы над Турцией и заключения Андрианопольского мира (1829-й г.) Паскевич-Эриванский производится в звание генерал-фельдмаршала.

Непосредственным начальником Кавказской области в 1826-1828-м годах являлся не менее знаменитый генерал-лейтенант Емануэль Григорий Арсентьевич, который прославился не только военными успехами, но и организацией экспедиций для научного изучения Кавказа. Под его руководством организуется первая научная экспедиция, покорившая высочайшую вершину Кавказа – Эльбрус. Это событие, наряду с военными победами, символизирует покорение Кавказа в прямом и переносном смысле. Ведь по древнегреческой легенде Прометей был прикован цепью именно к Эльбрусу. У горцев всего Кавказа существовало твердое убеждение в недоступности вершины Эльбруса, Она была окруженной многочисленными преданиями и суевериями. Когда экспедиция генерала Емануэля появилась в Приэльбрусье, местные жители строго предупреждали о невозможности покорить неприступную вершину горного гиганта. Активнее всех это утверждали старейшины. Один из них на вопрос о том, почему восхождение на Эльбрус невозможно, отвечал, что так угодно аллаху и что никто из смертных, пытавшихся проникнуть в тайны Эльбруса, еще не возвращался назад, и никто не знает, куда они пропадали.

Однако 22 июля 1829-го года Эльбрус был покорен, и с этого момента он фактически стал владением России. Это событие произвело сильное впечатление на горцев. В том же году, 27 сентября, другая экспедиция под руководством профессора Дерптского университета И.Ф. Паррота совершила восхождение на Арарат. Это событие было столь значимым, что на него обратили внимание даже в Европе. В этом же, 1829-м году предпринимается попытка покорить и Казбек, который, наряду с Эльбрусом, является наиболее известной горой Кавказа. Эти экспедиции как бы закрепили право на уже существовавшее содержание герба Кавказской области, сделав его глубоко символичным. Теперь с этим гербом связывались не только военные события, но и первые научные исследования Кавказа.

Важное место в нем отводится сопутствующим атрибутам орла – Перуну и лавровому венку. Перун – бог грома и молнии – был главным божеством древних славян. В мифологии он отождествляется с греческим Зевсом и римским Юпитером. Его оружием были лук и стрелы, изображение которых означало самого Перуна. Наличие данного знака в правой лапе российского государственного орла символизировало воинскую доблесть и непобедимость. Лавровый венок в левой лапе орла со времен древней Греции и Рима символизировал славу, победу или мир. Особым смыслом обладает изображение разорванной цепи, которой древний герой Прометей был навечно прикован к горам Кавказа. Согласно греческой мифологии, невыносимые страдания титана усугублялись тем, что прилетающий сюда орел клевал печень героя. Теперь же орел российский показывался как освободитель. Таким образом авторы герба Кавказской области смело заявляли о новой эпохе на Кавказе, связанной с пребыванием здесь России.

Сюжет нижнего поля щита не менее историчен и красноречив. Ведь с упрочением России в Закавказье горцы Северного Кавказа оказались не на границе, а внутри державы. Отныне им следовало смириться и покориться. А так как это произошло не сразу, то горский всадник изображается хоть и убегающим, но отстреливающимся из лука. Черный цвет его фигуры тем не менее означает, что факт покорения свершился. Черный цвет в геральдике – цвет прошлого, цвет истории и знак траура. Зеленый же – цвет земли, по которой мчится всадник, он символизирует жизнь, надежду и радость.

Вторым российским гербом на Кавказе можно считать герб Армянской области, высочайше утвержденный 27 февраля 1833-го года и принятый Сенатом 20 марта этого же года (ПСЗ, собр.2, т.8, № 6064). Щит разделен на 4 поля: «1. На накладном щите, в середине главного, изображен на голубом поле серебристый, снежный верх Арарата в серебристых же облаках; на вершине горы стоит ковчег, весь золотой. 2. В нижнем отделении общий герб принимает вид половинчатого разделенного щита; в одной части направо в красном поле видна древнейшая корона армянских царей. Сия корона вся золотая, имеет звезду серебряную и осыпана жемчугом, повязка ее и подкладка голубые. 3. В другой части налево в зеленом поле изображена церковь Эчмиадзинская, вся серебряная, главы и кресты золотые. 4. В верхнем отделении герба в золотом поле представлен Российский орел, объемлющий и держащий как накладной щит, так и оба разделения нижнего щита; над всем гербом поставлена Императорская корона». Как видим, идея герба заключается в том, чтобы показать, что главные святыни и исторические реликвии бывшего Армянского царства – корона, Эчмиадзинский монастырь с кафедрой главы армянской церкви, а также священная гора Арарат, к вершине которой по преданию причалил Ноев ковчег, – теперь находятся под покровительством России.

В 1840-м году произошла реорганизация Закавказского края, и Армянская область была упразднена, растворившись в обширной Грузино-Имеретинской губернии (ПСЗ, собр.2, т.15, №13368). Соответственно и ее первый герб канул в историю. Однако его главный элемент – гора Арарат с ковчегом на вершине – вошел в 1843-м году во все гербы Грузино-Имеретинской губернии, а изображение Эчмиадзинского монастыря сохранилось в гербе Эриванского уезда (см. об этом ниже).

По российскому законодательству, установленному еще Екатериной II, правом на герб обладали не только губернии и области, но и города. В Кавказской области статус города с 1785-го года имели Ставрополь, Пятигорск, Моздок и Кизляр.

Разработкой, учетом и регистрацией гербов в первой половине XIX века ведала специальная служба, находившаяся в ведении министерства внутренних дел. 8 декабря 1836-го года на имя начальника Кавказской области генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова пришел запрос от министра внутренних дел: имеются ли гербы у городов вверенной ему области? Если же таковых нет, то необходимо разработать проекты и направить их на утверждение в установленном порядке. А.А. Вельяминов поручает областному правлению собрать необходимые сведения. Правление, изучив ситуацию, информировало начальника области: «Города Кавказской области особых для себя гербов не имеют, и существует общий областной герб, утвержденный в 1828-м году» (ГАСК, ф. 79, оп.1, ед. хр. 2065). Тогда А.А. Вельяминов приказывает правлению: «...составить через посредство окружных начальников проекты гербов для всех городов здешней области и представить оные для отсылки в Министерство». Так как правление затягивало выполнение этой задачи, то гражданский губернатор М.М. Таубе, занимающий должность начальника области, 14 августа 1837-го года предписывает: «...ускорить исполнение этого поручения с надлежащей точностью и о последующем меня уведомить».

Но 1 сентября 1837-го года лишь моздокский окружной начальник представил в областное правление то, что было затребовано. Из Моздока был получен письменный ответ, в котором разъяснялось происхождение названия города – от «азиатского языка, означающего темный лес». Говорилось также, что первыми поселенцами на месте Моздока были кабардинцы. Исходя из этого, предлагалось «найти приличным дать герб городу Моздоку от народонаселения, в котором означает густоту леса и кабардинца, устраивающего для себя с семейством жилище».

Вследствие промедления областное правление дает распоряжение ставропольскому, кизлярскому и пятигорскому окружным начальникам выполнить данное поручение в 20-дневный срок. Однако и это не было своевременно выполнено, что заставило М.М. Таубе 28 января 1838-го года еще раз требовать от правления области «...ускорить исполнение предложения...о доставлении проектов гербов для городов здешней области, которые должны быть отправлены господину Министру Внутренних дел для представления на Высочайшее утверждение».

Из представления правления на имя исполняющего обязанности начальника области от 17 февраля 1838-го года явствует, что к этому времени, кроме моздокского, были представлены только проекты ставропольского и пятигорского гербов. Это вынудило правление дать категоричное предписание в адрес кизлярского окружного начальства: доставить запрашиваемые материалы «с первоотходящею с получения сего почтою».

Собранные наконец, в течение двух лет, проекты 30 апреля 1838-го года были рассмотрены на заседании областного правления.

Но на этом дело не закончилось, так как правление столкнулось с тем, что в существующем виде проекты не могут быть представлены на высочайшее утверждение. 22 июля 1839-го года правление просит начальника области «поручить кому-либо из искусственных чиновников строительной комиссии составить вновь проекты гербов для всех городов в лучшем виде».

Неизвестным нам «искусственным чиновником» областной строительной комиссии рисунки гербов были исполнены и 27 августа 1839-го года представлены начальнику области вместе с описаниями. После этого, 7 октября 1839-го года, проекты гербов городов Кавказской области были отправлены в Санкт-Петербург на имя министра внутренних дел. В это время начальником области был уже генерал-адъютант П.Х. Граббе.

Сохранившиеся с тех пор описания проектов гербов дают нам интересный материал о том, какой представлялась местному начальству история городов.

СТАВРОПОЛЬ

«Город Ставрополь основание свое получил в 1786 году. Слово «ставро» на греческом языке означает крест, а «поль» – город. Сообразно этому герб города Ставрополя поделен на два поля, голубое и зеленое. В верхнем голубом изображается крест, вокруг которого лавровый венец, означающий успехи завоевания в здешнем крае. В нижнем зеленом – колосья растущего в округе хлеба, составляющего главную промышленность поселян».

Областной Начальник: Генерал-Адьютант Граббе.

В архивном деле находится и другой документ, под названием «Проект Герба Города Ставрополя». Текст его таков: «Город Ставрополь основание свое получил в 1786 году. До этого времени здесь было место дикое, и при усмирении татар устроена крепость, названная Ставропольскою. Слово «ставро» на греческом языке означает крест, а «поль» – город. Соображая это, я полагаю для герба Ставрополя ближайшую эмблему составить из следующего, разделив его на два поля: белое и зеленое. В верхнем изобразить крест, вокруг которого лавровый венец, означающий успехи завоевания: ибо место, где существует город, не принадлежало России, но приобретено войною у азиатцев.

В нижнем зеленом поле – изобразить колосья растущего хлеба...».

ПЯТИГОРСК

«*В верхней половине круга на желтом поле изображена гора Бештау (Пятигорие), близь коей расположен город и от которой получено им название. На вершине горы сей изображение Императорского герба. Нижняя половина представляет гору Машуку, из подошвы коей, где водружен жезл эскулапа, истекают минеральные воды*».

Областной Начальник:
Генерал-Адьютант Граббе.

Интересно, что в этом же архивном деле хранится и проект печати города Пятигорска, в виде рисунка со следующим описанием: «В верхней половине круга изображена гора Бештау (Пятигорие), близь коей расположен город и от которой получено им название. На вершине горы сей изображение Императорского герба. Нижняя половина представляет гору Машуку, из подошвы которой истекают целительные минеральные воды. Стоящая фигура изображает Эскулапа, от прикосновения

жезлом коего истекают целительные минеральные воды на болящего, распростертого под струями источника». По внешнему кругу печати – надпись: «П. Пятигорскаго общаго окружнаго управлен.».

МОЗДОК

«Вышедший некогда из кабарды князь Канчокин первый основал жительство с подвластными ему узденями на том месте, где теперь город Моздок. Слово Моздок на азиатском языке означает – «темный лес». Согласно этому, герб города Моздока изображает на берегу Терека густоту леса и кабардинца, устраивающего для себя с семейством жилище».

Областной Начальник:
Генер.-Адьют. Граббе.

КИЗЛЯР

«Главную промышленность жителей города Кизляра составляют виноделие и рыбная ловля. Отсюда взято изображение герба, на голубом поле которого в верхней части виноградный куст, обремененный плодами, а в нижней – река Терек и плавающая в ней рыба».

Областной Начальник:
Генерал-Адьютант Грабе
(ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 2065).

Проекты с сопроводительным письмом П.Х. Граббе были приняты для рассмотрения в министерстве внутренних дел, и 11 октября 1841-го года, очевидно, после экспертизы геральдической службы, министр внутренних дел выходит с рапортом в Правительствующий Сенат. Рассмотрев проекты гербов, он предложил внести в них следующие изменения:

«1. Проект герба для г. Ставрополя отменить вовсе, потому что указом 22 ноября 1828-го года был Высочайше утвержден герб для Кавказской области и этот герб должен служить вместе гербом ее областного города.

2. Рисунок пятигорского герба, который слишком сложен и неудобен для вырезания на печати, изменить следующим образом: щит разделить на две половины, в верхней половине поместить областной герб, а в нижней гору Бештау (или Пятигорие) с вытекающим у подошвы ее источником минеральной воды. Двуглавого орла на вершине горы следовало бы исключить, потому что такой же орел и тоже на вершине Кавказских гор, находится в областном гербе.

3. В кизлярском гербе удержать в нижней половине изображение виноградного куста, а в верхней поместить областной герб.

4. Рисунок моздокского герба, по чрезвычайной сложности его, переделать совершенно, а именно: в верхней части щита изобразить областной герб, а в нижней – листья шафрана, так как этим растением изобилует Моздокский уезд» (РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 264).

Внесенные проекты и предложения рассматривались на заседаниях Сената 12 марта и 1 мая 1842-го года. Помимо заключения министра внутренних дел, к сведению было принято и мнение герольдии от 3 декабря 1841-го года, которое полностью согласовывалось с заключением министерства внутренних дел.

После согласования этих материалов с министром юстиции они были представлены на высочайшее рассмотрение императору Николаю I, который и утвердил гербы Пятигорска, Кизляра и Моздока 19 декабря 1842-го года. Указ с приложением рисунков помещен в 18 томе Полного собрания законов Российской Империи за номером 16351-а.

Наделение вновь приобретенных земель собственной символикой было одним из способов становления российской государственности на Кавказе. После Кавказской области началось утверждение гербов для других территорий Кавказского наместничества. Сенатским указом от 26 июля 1843-го года были приняты гербы для всего Закавказья, которое в это время состояло из Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области, разделенных в свою очередь на 18 уездов (ПСЗ, собр. 2, т. 15, № 13368). Гербами были наделены не только сами губерния и область, но и входящие в них уезды. Всего одним указом Сената от 26 июля 1843-го года для Закавказья было принято 20 гербов, высочайше утвержденных чуть ранее (21 мая 1843 г.) императором. При этом претерпел изменения герб бывшей Армянской области, которая, согласно новому административному делению (1840 г.), была преобразована в уезд.

Кавказская область, вместе с Грузино-Имеретинской губернией и Каспийской областью, входила в состав Кавказского наместничества во главе с единым Главноначальствующим на Кавказе. А для управления данным территориальным образованием на уровне центральной власти был создан специальный Кавказский комитет. В связи с тем, что наш край находился в составе Кавказского наместничества, для лучшего понимания его исторической символики интересно посмотреть на весь геральдический фон Кавказа.

Грузино-Имеретинская область образована в 1811-м году, после того, как в состав России вошли Грузия с центром в Тифлисе (1801 год) и княжество Имеретия с центром в Кутаиси (1810 год). Центром вновь образованной области был город Тифлис, где находилась и штаб-квартира Главноначальствующего на Кавказе. Тифлис выступал главным образом в роли закавказской столицы, а центром Северного Кавказа до 1860-го года являлся город Ставрополь.

По положению 1840-го года Грузино-Имеретинская область включала в себя 11 уездов. Наделение области и уездов собственными гербами было частью российской политики, направленной на унификацию разрозненного многоплеменного населения и интеграцию его в политическую, административную, экономическую и культурную жизнь Российской империи. Рассмотрим содержание этой символики.

Гербы Грузино-Имеретинской губернии

Губернский герб

«Щит, имеющий золотое поле, разделен на четыре части. В двух верхних частях изображены: с левой стороны гора Арарат, с ковчегом на ее вершине, а с правой – Черное море. В двух нижних частях помещены: с левой стороны две серебристые извилистые полосы, изображающие реки Куру и Аракс, с правой – снежная вершина горы Казбека; в средине главного щита находится маленький щит, в котором по серебряному полю изображен

Св. Великомученик и Победоносец Георгий, а сверху главного щита – Императорский коронованный орел прикрывает щит своими крылами».

Герб Тифлисского уезда

«Щит разделен на две половины: в верхней, в золотом поле, помещена часть губернского герба; в нижней, в серебряном поле, изображен Меркуриев жезл как знак обширной торговли, которую ведет город Тифлис».

Герб Горийского уезда

«Щит разделен на две половины: в верхней части, в золотом поле, помещена часть губернского герба; в нижней, в голубом поле, – древняя разрушающаяся башня, освещенная восходящим солнцем, в знак того, что под управлением русским народ не имеет надобности в древних башнях, рассеянных в уезде во множестве. По обеим сторонам башни находится по снопу пшеницы, в знак изобилия хлеба».

Герб Телавского уезда

«В верхней половине щита, в голубом поле, часть герба губернского; в нижней, в зеленом поле – виноградная кисть с листьями, в знак изобилия виноградных садов и обширности виноделия».

Герб Джаробелоканского уезда (с 1859 г. – Закатальский округ)

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба губернского; в нижней, в красном поле, – крепостная стена, освещенная восходящим солнцем, у стены серп на переломленной шашке, в знак того, что жители, оставив буйную жизнь, предаются земледелию и занятиям мирным».

Герб Кутаисского уезда

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба губернского; в нижней, в серебряном, – две извивающиеся голубые полосы, из которых одна впадает в другую, над ними оливковая ветвь. Голубые полосы означают реки Рион и Квирилу, а оливковая ветвь – растущие в уезде оливковые деревья».

Герб Елизаветпольского уезда

(город Елизаветполь после революции переименован в г. Кировобад Азербайджанской ССР).

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба губернского; в нижней, в червленом поле, – меч и переломленная азиатская сабля, положенные крестообразно концами вниз и соединенные лавровым венком в знак победы, одержанной близь сего города российскими войсками над персианами».

Герб Александропольского уезда

(с 1924 г. Александрополь переименован в город Ленинакан Армянской ССР).

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть губернского герба; в нижней, в зеленом поле, – наклоненная серебряная лестница, в знак того, что с учреждением города и нового управления жителям даны способы возвысить свое благосостояние; с правой стороны лестницы изображен крест, а с левой – полумесяц, обращенный рогами вниз, в знак того, что город населен большей частью вышедшими из Турции христианами».

Герб Эриванского уезда

(до 1936 г. так назывался город Ереван)

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба губернского; в нижней, в зеленом поле, – Эчмиадзинская серебряная церковь с золотыми главами и крестами».

Герб Нахичеванского уезда

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба губернского; в нижней, в красном поле, – Куртинское копье и три золотых колчана, наполненные стрелами».

Герб Ахалцыхского уезда

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть губернского герба; в нижней, в красном поле, – старая крепостная стена, возле которой изображен пасущийся бык, а с левой – рог изобилия. Обе эмблемы означают обилие пастбищ и земных произведений вообще».

Герб Гурийского уезда

(Гурия – историческая область в западной Грузии)

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба губернского; в нижней, в серебряном поле, – плуг и оливковая ветвь, обвитая виноградной лозой с кистями, в знак чрезвычайной растительности природы».

Гербы Каспийской области

Герб Каспийской области

«Щит, имеющий золотое поле, разделен на четыре части. В двух верхних частях изображены, с правой стороны, стоящий тигр, а с левой – вылетающий струями из земли воспламененный газ. В двух нижних частях помещены, с правой стороны – голубая полоса, означающая Каспийское море, а с левой – хребет гор, из коих некоторые имеют снежную вершину. Вверху щита Императорский коронованный орел прикрывает его своими крыльями».

Герб Ширванского уезда

(Ширван – историческая область в Северном Азербайджане).

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть областного герба, в нижней, в серебряном поле, – два положенных крестообразно ружейных ствола, на которых распущен кусок шелковой материи; под стволами помещен медный кувшин, а по сторонам его – две золотые плавающие рыбы, в знак того, что в уезде и городе находятся довольно обширные оружейные заводы и шелковые фабрики, а в Сальяне большие рыбные промыслы».

Герб Карабахского уезда

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба областного; в нижней, в зеленом поле, – скачущий золотой конь с азиатским седлом и уздечкой; нижняя часть щита изображает, что в уезде разводится порода отличных лошадей, выделываются азиатские седла и уздечки».

Герб Шекинского уезда

(Шеки – историческая область в Северном Азербайджане).

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба областного, в нижней, в зеленом поле, – шелковичный червь на ветке тутового дерева, под веткой три шелковых кокона, и на каждом коконе – по одной бабочке, в знак обширности шелководства».

Герб Талышинского уезда

(территория бывшего Талышинского ханства – на юго-западном берегу Каспийского моря в Азербайджане).

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба областного; в нижней, в зеленом поле, – серебряная борона, означающая чрезвычайное плодородие почвы; по сторонам бороны два извивающихся змея, в знак того, что муганская степь, находящаяся в сем уезде, как говорит предание, наполнена змеями».

Герб Бакинского уезда

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба областного; в нижней, которое имеет голубое поле и разделяется на две части, в одной части, с левой стороны, изображен навьюченный верблюд и по бокам его – стебли шафрана с цветами, в знак того, что жители промышляют перевозкой тяжестей и с успехом занимаются разведением шафрана; в другой части, с правой стороны, брошенный на землю якорь, означающий, что Баку имеет хороший рейд».

Герб Дербентского уезда

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба областного; в нижней, разделенной на две части и имеющей серебряное поле, на правой стороне – старая крепостная стена с воротами, упирающаяся в хребет гор с одной стороны и примыкающая к морю с другой; на левой стороне – переплетенные корни растения марены и несколько стеблей мака, перевязанных золотой веревкой, в знак того, что жители с большим успехом занимаются обрабатыванием марены и разводят мак для приготовления из него опиума (ширьяка)».

Герб Кубинского уезда

«В верхней половине щита, в золотом поле, часть герба областного; в нижней, имеющей зеленое поле и разделенной на две части, с правой стороны – голубая полоса, означающая Каспийское море и возле нее изображение горы Бешбармак, служащей маяком для мореходов, а с левой – три колоса пшеницы, в знак изобилия хлеба».

Через три года после утверждения этих гербов произошла очередная административно-территориальная реформа, и Закавказский край был разделен на четыре губернии (Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую и Дербентскую). Во второй половине XIX века административные изменения территории Закавказья происходили неоднократно. К концу XIX века здесь насчитывалось девять губерний, из которых прежние названия сохранили лишь Тифлисская и Кутаисская, а 20 гербов, принятых в 1843-м году, претерпели изменения. Часть из них перезакрепилась за уездными городами, а от части отказались совсем. Первым был заменен Кутаисский герб. 8 декабря 1856-го года для Кутаисской губернии и ее губернского центра был утвержден следующий герб: «В зеленом щите золотое руно, повешенное на ленте цветов Российской Империи. Щит увенчан императорской короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентой» (П.П. фон Винклер, указ. соч. с.81, 183).

С территорией Кутаисской губернии связывалось местонахождение древней Колхиды, куда греческие аргонавты плавали за золотым руном. Этот миф лег в основу содержания кутаисского герба.

В середине XIX века восточная и центральная части Северного Кавказа входили в Кавказскую область. Западная часть, от Усть-Лабинска и до низовьев Кубани, заселенная в 1792-м году запорожскими казаками, именовалась Черноморией или землями Черноморского казачьего войска с центром в Екатеринодаре, переименованном в 1920-м году в Краснодар. В 1836-м году сюда также пришло предписание о необходимости разработки гербов для городов, статус которых был в то время у Екатеринодара и Тамани. Первым был принят герб Тамани, который император подписал 30 января 1848-го года. Законодательно Таманский герб был учрежден сенатским указом 27 апреля этого же года (ПСЗ, собр. 2, т. 22, № 22222). Вот его описание: «Щит разделен крестообразно на 4 равные части, в 1, в серебряном поле пурпурного цвета, украшенная золотом и драгоценными камнями Княжеская корона, на верху которой золотой крест; во 2, в золотом поле, приморская над водой крепость красного цвета, а за ней огнедышащая сопка; в 3, в голубом поле, серебряная рыба, и в 4, в красном поле, три бугра соли. Щит окружен зеленой каймой, на которой 21 золотая звезда означает число станиц в Таманском округе». Как видим, сочинители герба заложили в него очень емкое содержание, отразив главные исторические события и природно-экономические особенности Тамани. Княжеская шапка говорит о русском княжестве Тмутаракань, которое существовало здесь в X-XII веках. На этом месте в античные времена располагался город Гермонасса, входивший в состав Боспорского царства. Турками здесь была возведена мощная крепость, которая отошла к России после войны 1768-1774 годов. Очевидно, ее изображение помещено на втором поле щита. Изображение рыбы говорит о рыбных богатствах данного места. В гербе отражено также наличие соляных запасов Тамани. Эти запасы играли важную роль в рыбной промышленности, а также во взаимоотношениях с горцами, остро нуждавшимися в соли.

К составлению герба Екатеринодара приступили в августе 1841-го года, когда выпускнику Петербургской Академии Художеств есаулу И.Д. Чернику было поручено составить проект. 20 декабря 1843-го года И.Д. Черник, уже будучи в звании инженер-майора, представил этот проект. Щит был предложен пятичастный. «В центре большого щита расположен малый, от углов которого в углы основного шли диагонали, делящие его на четыре части. На красном поле малого щита был выполнен вензель Екатерины II и дата – «1794». В золотом поле верхней части располагался черный двуглавый орел, означающий покровительство империи Черноморскому войску.

В нижней части была аллегорически представлена Екатеринодарская крепость при реке, за которой

«черкес, отстреливаясь, удаляется в горы». Над крепостью возвышались атаманская булава, два бунчука и знамена, пожалованные войску Екатериной II, Павлом I, Александром I и Николаем I. Булава означала местопребывание главного начальника войска, а бунчуки и знамена – заслуги войска в турецких войнах.

По сторонам малого щита были изображены два черноморских казака: один в форме периода царствования Александра 1, второй – в обмундировании эпохи Николая I. Большой щит окружала зеленая кайма с золотыми звездами по числу черноморских станиц (Суворова Н.Н., Фролов Б.Е. Биография городского герба. Краснодар, 1999).

Данный проект герба, направленный в Санкт-Петербург, долго дорабатывался и уточнялся. Лишь 3 сентября 1849-го года его подписал Николай I, а 14 октября герб законодательно утвердил Сенат (ПСЗ, собр. 2, т. 24, № 23575). В окончательной редакции он выглядел следующим образом:

«Щит разделен крестообразно на четыре равные части, в первой и четвертой, в золотом поле, – крепость червленого цвета, над ней – черный двуглавый орел, имеющий на груди московский герб; во второй и третьей частях, в серебряном поле, – по два накрест положенные знамени лазоревого цвета с вензелями Императрицы Екатерины II, Императоров: Павла I, Александра I, Императора Николая I, между знамен атаманская булава, а по сторонам ее два бунчука; посредине помещен малый червленый щит, на котором вензель Императрицы II и «1794 год»; над щитом золотая городская корона; щит поддерживают два черноморских казака, с правой стороны – одетый в прежнюю форму, а с левой стороны – в настоящей форме; герб окружен зеленой каймой, на которой 59 золотых звезд, показывающих число казачьих станиц в Черноморском войске».

Следует отметить, что в вышеописанных гербах не применяется ранее установленное правило, когда верхнее почетное поле щита отводилось для вышестоящего герба. Объясняется это изменениями, которые происходили в это время в организации геральдической службы.

Эта служба в 1803-м году состояла при Сенате в виде временного учреждения и находилась в ведении министерства внутренних дел. 12 мая 1848-го года герольдия была преобразована в департамент Сената (ПСЗ, собр. т. 23, № 22269). Во главе департамента стоял герольдмейстер, наделенный правами и обязанностями обер-прокурора. Герольдия заведовала «…делами о дворянстве, о почетных титулах и перемен фамилий… делами по составлению гербовников дворянских родов и гербовника городового, сочинению гербов, приготовлению грамот, дипломов и копий с гербов и родословных, ведению списка дворянам и лицам, лишенным дворянского достоинства; о почетном гражданстве, о выдаче патентов на чины …» и т.д.

10 июня 1857-го года в герольдии создается специальное гербовое отделение, «…для правильного составления гербов и вообще всех актов, коих изготовление требует знания геральдики» (ПСЗ, собр.2, т. 32, № 31975). Во главе этого отделения становится барон Б.В.Кене, который служил в Герольдии с 1850-го года. Нам интересно подробнее узнать об этом человеке, так как именно он является автором исторического герба Ставропольской губернии и города Ставрополя.

Родился Борис Васильевич Кене 4 июля 1817-го года в Берлине. Учился в Берлинском и Лейпцигском университетах. Получил степень доктора философии и филологии, в 1842-м году прибыл в Россию. Здесь он участвует в создании Русского Археологического общества и становится первым его секретарем. В 1845-м году поступает на службу в Императорский Эрмитаж в должности помощника начальника отделения, а в 1850-м назначен управляющим первым отделением при департаменте герольдии Правительствующего Сената. В 1863-м году Б.В. Кене получает чин действительного статского советника, а в 1864-м назначается советником Эрмитажа по ученой части. Одновременно, более 30-и лет, он служит в герольдии. Им впервые составляется родословная дома Романовых. Б.В. Кене был действительным и почетным членом многих ученых обществ России и Европы. Его научные труды в области археологии, нумизматики и геральдики печатались на русском, латинском, немецком, французском, шведском, английском и датском языках, которыми он в совершенстве владел.

С созданием гербового отделения деятельность герольдии в сфере разработки гербов для губерний, областей и городов России резко активизировалась. Теперь она стала строиться на строгих правилах геральдики. В целях упорядочения геральдической системы страны 4 июля 1857-го года издается указ «О гербах губерний, областей, градоначальств, городов и посадов» (ПСЗ. собр. 2, т. 32, № 32037). В указе были утверждены правила российской геральдики, составленные Б.В. Кене. По этим правилам унифицировались элементы украшения (обрамления) гербового щита. Составление гербов основывалось на правилах европейской геральдики, которая имела более глубокие традиции и отличалась четко выработанной системой. Геральдические основы, выработанные Б.В. Кене, использовались вплоть до революции 1917-го года.

Обрамление состояло из венка и короны. Венки обрамляли геральдический щит снизу и с обеих сторон. Короны размещались над щитом. Между ними устанавливалась строгая иерархия. Всего вводилось 11 типов корон и 10 типов венков. Для губернского герба предназначались так называемая Императорская корона и обрамление из дубовых листьев с Андреевской лентой. Для городов, которые были центрами губерний (так называемых губернских городов), предназначались башенные короны, которые были золотого цвета и отличались количеством зубцов. Число зубцов зависело от количества жителей города: корона о пяти зубцах – для городов с населением более 50-и тысяч человек; если губернский центр имел и статус военной крепости, то он украшался золотой пятизубчатой короной, увенчанной Императорским орлом. Для губернских городов с населением менее 50-и тысяч определялась золотая корона о трех зубцах. Венки для городов имели отличия в зависимости от экономической или промышленной специфики. «Александровская лента, с двумя золотыми молотками, для промышленных

городов. Александровская лента, с двумя золотыми колосьями, для городов, отличающихся земледелием и хлебной торговлей... Александровская лента, с двумя золотыми виноградными золотыми лозами, для городов, занимающихся виноделием» (ПСЗ, собр. 2, т. 32, № 32037).

Следует отметить, что восстановленная ныне герольдия России вернулась к аналогичным правилам составления гербов.

Наведение порядка в геральдике началось с государственной символики. 11 апреля 1857-го года высочайше утверждаются «Подробные описания государственного герба, государственной печати и гербов членов Императорского Дома» (ПСЗ, собр. 2, т. 32, № 31720). В указе Правительствующего Сената от 31 мая 1857-го года говорилось, что со времени первого описания российского государственного герба, изданного при царе Алексее Михайловиче в 1667-м году, в государственной символике и самом императорском титуле «...сделаны многие дополнения и изменения, но... сии перемены не были в новейших о том постановлениях указаны с надлежащею подробностью...». Теперь же утверждались государственный герб и государственная печать следующего описания: «Российский Государственный Герб есть в золотом щите черный двуглавый орел. На главах его Императорские короны; над ними третья такая же, в большем виде, корона с двумя развивающимися концами ленты голубого цвета. В когтях правой ноги орла золотой Императорский скипетр; в когтях левой – золотая держава. На груди орла герб Московский; в червленом с золотыми краями щите – Святой Великомученик и Победоносец Георгий в серебряном вооружении и лазоревой приволоке (мантии), на серебряном, покрытом багряной тканью с золотой бахромой коне, поражающий золотого, с зелеными крыльями, дракона, золотым, с восьмиконечным крестом наверху копьем. Главный щит (с гербом государственным) увенчан шлемом Святого Великого Князя Александра Невского. Намет золотой и черный. Вокруг щита цепь ордена Святого Апостола Андрея Первозванного; по сторонам изображения Святых Архистратига Михаила и Архангела Гавриила. Сень золотая, подложенная горностаем и усеянная Российскими двуглавыми орлами; на ней червленая надпись: «С нами Бог!» Над сенью Императорская корона и государственная хоругвь, с восьмиконечным на древке ее крестом. Ткань государственной хоругви золотая; на ней изображение среднего государственного герба, только без окружающих его девяти щитов с гербами Царств и Великих Княжеств и Родовым Его Императорского Величества гербом.

Вокруг главного щита – щиты с гербами Царств и нижеозначенных Великих Княжеств» (ПСЗ, собр. 2, т. 32, № 31720).

Среди этих царств и княжеств помещен «герб царства Грузинского», который по своему содержанию представляет собой сборный герб всего Кавказа. Вот как он выглядит: «Щит четверочастный, с особой внизу оконечностью и малым в средине щитом. В среднем малом щите герб Грузии: в золотом поле Святой Великомученик и Победоносец Георгий, в лазоревом вооружении, с золотым на груди крестом, в червленой приволоке, сидящий на черном коне, покрытом багряницей с золотой бахромой, и поражающий червленым копьем зеленого, с черными крыльями и червленными глазами и языком дракона. В первой из четырех частей щита герб Иверии: в червленом поле серебряный скачущий конь; в углах, верхнем левом и нижнем правом, серебряные восьмиугольные звезды. Во второй части герб Карталинии: в золотом поле зеленая огнедышащая гора, пронзенная крестообразно двумя черными стрелами, остриями вверх. В третьей части – герб Кабардинской земли: в лазоревом поле, на двух серебряных, крестообразно остриями вверх положенных стрелах, малый золотой щит с червленым, обращенным вправо полумесяцем; в трех первых четвертях – серебряные шестиугольные звезды. В четвертой части – герб Армении: в золотом поле – червленый коронованный лев. В особой внизу щита оконечности – герб черкасских и горских князей: в золотом поле – скачущий на черном коне черкес, в серебряном вооружении, червленой одежде и черной из меха приволоке, с черным копьем на правом плече».

В приложении к рисунку большого герба Российской империи помещены в отдельности рисунки каждой части вышеописанного сложносоставного герба Кавказа.

Как видим, символы Кавказа данного государственного герба, с небольшими изменениями, сохраняют преемственность с гербами большой государственной печати 1698-го года. К ним добавляется лишь новый символ – герб Армении, и на большом государственном гербе они соединены в одной композиции. Название Армянской области включается в императорский титул.

Содержание герба Российской империи согласовывалось с официальным титулом русского императора. Кавказский раздел титула в указанное время, при Александре II, был прописан следующим образом: «Мы, Александр Вторый, Император и Самодержец Всероссийский... Повелитель и Государь Иверския, Карталинския, Грузинския и Кабардинския земли и Армянския области; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный государь и обладатель...».

По мнению известного геральдиста Н.А. Соболевой, автором «кабардинского, карталинского, иверского, грузинского и черкасского гербов» являлся граф Санти, разработавший их в период с 1724-го по 1727-й год. (Н.А. Соболева, указ. соч., с. 55). Имя Санти хорошо известно в истории русской геральдики. Санти Франц Матвеевич (1683-1757) родом из Пьемонта (Италия), в 1724-м году был приглашен Петром I в Россию «для отправления геральдического художества» и назначен товарищем (заместителем) герольдмейстера. Составил гербы для многих русских городов, в том числе и для Санкт-Петербурга. Фактически им были заложены основы русской геральдики. Его авторство высоко ценится в геральдических кругах и делает честь кавказской геральдике.

Однако мы не можем полностью согласиться с Н.А. Соболевой, так как вышеперечисленные кавказские гербы, как мы видели на рисунке И. Корба, существовали с конца XVII века. Можно признать лишь, что Санти, видимо перерисовал их, приведя в бульшее соответствие с правилами геральдики.

11 июня 1858-го года высочайше утверждается «Рисунок гербовых цветов Империи на знаменах, флагах и других предметах, употребляе-

мых для украшений при торжественных случаях... Расположение сих цветов горизонтальное, верхняя полоса черная, средняя желтая (или золотая), а нижняя белая (или серебряная)» (ПСЗ, собр. 2, т. 33, № 33289).

Данная установка соответствовала геральдическим правилам, поскольку цветовая гамма флага должна соответствовать основным цветам государственного герба. Но к этому времени в России был в употреблении и другой флаг – бело-сине-красный, появившийся еще во времена царя Алексея Михайловича. У этого флага было достаточно сторонников, чтобы считать его национальным государственным символом.

Поэтому указом Александра III от 28 апреля 1883-го года «О флагах для украшения зданий в торжественных случаях» предпочтение было отдано бело-сине-красному полотнищу (ПСЗ, собр. 3, т. 3, № 1533).

На следующий год после создания гербового отделения, 22 августа 1858-го года, герольдмейстером издается предписание «о пересмотре всех городских и местных гербов» (РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 272, л. 3). На основании этого предписания 13 января 1859-го года гербовое отделение и лично его руководитель Б.В. Кене предложили вариант герба для Ставропольской губернии и губернского города Ставрополя. Первоначально предлагалось использовать герб г. Ставрополя-на-Волге, утвержденный 22 декабря 1780-го года. Он представлял собой двухчастный щит. В верхней части – герб бывшей Симбирской губернии, в которую прежде входил Ставрополь-на-Волге. «В нижней части, в золотом поле – трехугольная крепость, в середине которой водружен черный крест, означающий имя сего города; ибо Ставрополь есть греческое слово, в переводе означающее город Святого Креста» (П.П. фон Винклер, указ. соч., с.141). За основу нашего герба бралась нижняя часть герба волжского Ставрополя. При этом фигура креста располагалась не стоящей, а лежащей в потоплении. Описание проекта губернского герба гласило: «В золотом поле трехугольное червленое укрепление с черным длинным крестом в потоплении. Щит увенчан Императорской короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентой». Проект герба города Ставрополя повторял губернский вариант, но отличался обрамлением. «Щит увенчан золотой башенной короной о трех зубцах и окружен двумя золотыми виноградными лозами».

Как видим, разработчики герба в Санкт-Петербурге посчитали, что Ставрополь относится к городам, занимающимся преимущественно виноделием. Позже они поправят эту ошибку и обрамят наш герб колосьями.

Разработки ставропольской символики 1859-го года так и остались проектами. Вновь к этому вопросу вернулись лишь в 1868-м году. 5 ноября этого года Кене составляет записку о новом гербе для Ставропольской губернии. Вспомнив проект 1859-го года, он далее пишет: «Так как сей герб имеет сходство с гербом г. Ставрополя Самарской губернии (Ставрополь-на-Волге в 1851 г. был переведен из Симбирской в состав Самарской губернии. – *Н.О.*), то я нахожу необходимым составить для Ставропольской губернии другой герб и, принимая во внимание, что город Ставрополь расположен на горе, полагаю изобразить в оном городскую стену на горе, сопровождаемую во главе щита звездою, указывающею на образование края под покровительством России» (РГИА, ф.1343, оп.15, д.272, л.3).

Обосновав концепцию герба, Кене составляет его геральдическое описание. Проект герба Ставропольской губернии: «В зеленом щите, на серебряной горе, золотая зубчатая с черными швами и открытыми воротами крепостная стена, сопровождаемая, в главе щита, серебряною о пяти лучах звездою. Щит увенчан Императорскою короною и окружен дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою» (РГИА, ф. 1343, оп. 15, д. 272, л. 4). К описанию прилагался рисунок самого герба.

19 ноября 1868-го года Кене вносит на рассмотрение проект герба города Ставрополя. Он пишет: «Полагаю для герба губернского города Ставрополя оставить эмблемы, тождественные гербу губернии, но с украшениями, Высочайше для губернских городов определенными». Далее автор приводит полное описание проекта герба губернского города Ставрополя: «В зеленом щите, на серебряной горе, золотая зубчатая с черными швами и сквозными воротами крепостная стена, увенчанная, во главе щита, серебряною о пяти лучах звездою. Щит увенчан золотою башенною короною о трех зубцах и окружен двумя золотыми колосьями, соединенными Александровскою лентою». К описанию также приложен рисунок герба.

Спроектированные гербы пролежали в геральдии шесть лет. К их рассмотрению вернулись 12 декабря 1874-го года, после чего была проведена процедура официального утверждения ставропольской символики.

5 июля 1878-го года гербы Ставропольской губернии и г. Ставрополя были Высочайше утверждены Александром II, который, кстати, посещал Ставрополь в 1850-м году. Затем герб был законодательно принят Сенатом (ПСЗ, собр. 2, т. 53, № 58684). В этом же году указ о наделении губернии новым гербом был опубликован в газете «Ставропольские губернские ведомости», которая являлась официальным печатным органом Ставропольского губернского правления. На самой же газете продолжал помещаться герб Кавказской области, который был заменен на новый лишь в 1880-м году. Сенатским указом от 5 июля 1878-го года одновременно было принято 46 гербов. Среди них, кроме ставропольского, – гербы Войска Донского, Тифлисской, Эриванской, Бакинской и Елизаветпольской губерний Кавказа. Так как наш герб создавался в одном пакете с этими символами соседних для Ставропольской губернии территорий, рассмотрим и их.

Герб Тифлисской губернии

«Золотой щит, разделен черным крестом, обремененным двумя серебряными отрезанными руками, держащими золотой русский трилистный крест, стоящий на серебряном опрокинутом полумесяце; в углах щита четыре оторванные червленые львиные головы, с черными глазами и языками. Щит увенчан Императорской короной и окружен золотыми

дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентой» (ПСЗ, собр. 2, т. 53, № 58684, л. 49). Как видим, главное содержание герба заключается в победе христианской России и единоверной Грузии над исламом в лице Турции и Персии, которые много лет подавляли христиан. Изображения львиных голов несут значение власти, отважности, силы, храбрости, милости и великодушия. В этих понятиях можно видеть своеобразный кодекс российского правления в Закавказье, где территория Грузии являлась главным плацдармом российского присутствия на Востоке. Чтобы усилить выразительность помещаемой символики, львиные головы изображены динамичными и даже грозными. Здесь следует принять во внимание то, что в период разработки и принятия герба Тифлисской губернии здесь шла очередная война с Турцией. Главным мотивом этой войны со стороны России было освобождение христианских народов, их защита от турецкого геноцида. Все это не могло не оказать влияния на идеологию герба Тифлисской губернии. Следует также иметь в виду, что эмблема льва была очень почитаемой в Персии. Возможно, поэтому в описании герба львиные головы именуются «оторванными», лишний раз подчеркивая положение Персии как страны побежденной и независимость Грузии от нее.

Идея изображения креста, попирающего полумесяц была применена еще в азовском гербе, утвержденном в 1729-м году. Этот герб состоял «из полумесяца и креста, в знак того, что Азов был первоначально под турецким владычеством (символ его – Луна) и присоединен к православному государству» (А.Б. Лакиер. Указ. соч., с. 190).

Герб Эриванской губернии

«В лазоревом щите, серебряная скала, увенчанная золотым русским крестом. Щит увенчан Императорской короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентой». Как видно, и здесь – гербе Армении заложена идея торжества христианства (в лице российского государства) в Закавказье, где армянский народ долгое время страдал от турецкого и персидского ига.

Герб Елизаветпольской губернии

«В черном щите, золотой столб, обремененный червленым, с черной рукоятью и с серебряными украшениями, кинжалом и сопровождаемый двумя серебряными Георгиевскими крестами. Щит увенчан Императорской короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентой» (ПСЗ, собр. 2, т .53, л. 30). Елизаветполь – древняя Ганджа, переименованная в 1804-м году в честь императрицы Елизаветы. Этот город вместе с одноименным ханством отошел к России лишь после двукратного завоевания (1804 и 1826 гг.). История героической борьбы за его обладание составляет главный смысл герба.

Герб Бакинской губернии

«В черном щите, три золотых пламени. Щит увенчан Императорской короной и окружен золотыми листьями, соединенными Андреевской лентой» (ПСЗ, собр. 2, т. 53, л. 23). В этом гербе отражены природные особенности Баку с его запасами нефти и газа. Горящие выходы газа возле Баку назывались вечными огнями и наделялись особым смыслом, поражая людей своей необычностью. В гербе бывшей Каспийской области и в гербах ее уездов, утвержденных 21 мая 1843-го года, также помещалось изображение «вытекающего струями из земли воспламененного газа» в виде трех длинных языков пламени (ПСЗ, собр. 2, т. 18, № 17061, лл. 27-29).

Герб Дагестанской области

«В золотом щите, на лазоревой оконечности, червленая, о четырех башнях, крепость, с открытыми воротами, сопровождаемая в главе щита червленой оторванной львиной головой с черными глазами и языком, над червленым же опрокинутым полумесяцем. Герб увенчан древней Царской Короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровской лентой». До 1866-го года центром Дагестанской области был Дербент, а в 1866-м он переводится в Темир-Хан-Шуру, где располагалась одна из крупных крепостей Кавказа. Эта крепость с 1834-го года была назначена местом пребывания командующего войсками в Северном Дагестане. На гербе, во главе щита, помещено изображение львиной головы. Образ льва многозначен и часто ассоциируется с царской властью. В геральдических системах лев символизирует стойкость, твердость, спокойствие, благоразумие. Эти качества хорошо согласуются с позицией российских властей в недавно завоеванном Дагестане. После окончания военных действий здесь активно велся поиск таких форм правления, которые упрочили бы положение России в этом неспокойном крае.

Занимаясь ставропольскими гербами, Кене обратил внимание на герб Пятигорска, утвержденный 7 сентября 1842-го года. В записке от 21 декабря 1867-го года он предлагает провести корректировку этого герба следующим образом: «Оставя герб без изменения, полагаю лишь изобразить источник минеральных вод соответственно геральдической фигуре, в вольной же части щита герб Ставропольской губернии» (РГИА, ф. 1343, оп.15, д. 272, л. 13). Объяснялось это тем, что до Кене гербы отличались излишним натурализмом, что не соответствовало классической геральдике, говорившей языком символов. Кене, воспитанный на более развитой европейской геральдике, пытался реформировать российскую геральдику путем выработки определенных правил. Что касается пятигорского герба, принятого в 1842-м году, то в его описании называется гора Бештау, из которой вытекает струя минеральной воды. В дальнейшем, при графических перерисовках, источник изображаться перестал, присутствуя при этом в описании (см. П.П. фон-Винклер, указ. соч., с. 125).

В целях выяснения данной ситуации мною был изучен рисунок оригинала. На нем источник изображен в виде широкого потока, изливающегося из горной складки Машука в основание щита. При графическом способе изображения штриховка склонов горы сливалась с штриховкой водной струи, что и привело к утере данного

символа. Исходя из этого, становится понятным, почему Кене хотел провести корректировку герба Пятигорска. Он обратил внимание еще на один недостаток пятигорского герба, который, будучи разделен по горизонтали на две части, фактически состоял из двух гербов, что нарушало такое обязательное правило геральдики, как деление щита. Помещение в верхней части щита герба вышестоящей Кавказской Области также являлось отклонением от классических правил геральдики. Эта практика использовалась в России в конце XVIII – первой половине XIX века. Тогда на вновь разрабатываемых гербах губерний и областей в верхней части щита помещался восходящий двуглавый орел государственного герба, а в гербы городов и уездов, в эту часть щита, вводили вышестоящий губернский или областной герб. Тем самым искажалась сама суть герба, который, в первую очередь, призван был символизировать самостоятельность территории. Помещение вышестоящего герба в почетной части щита подавляло и низводило до второстепенного уровня сам местный герб. В отдельных случаях существовали основания для помещения в городской или уездный герб изображения губернского символа. Это вполне допускалось, путем размещения его в так называемой вольной части местного герба (верхний правый сектор щита). Если же эта часть была занята, то для губернского герба отводился левый верхний сектор щита.

Ко всему вышесказанному следует добавить и такую геральдическую традицию: если герб изначально был составлен неправильно, но существовал более 100 лет, то он считался освященным временем и имел право на использование в качестве правильного. Гербы Пятигорска, Моздока и Кизляра, принятые в 1842-м году с нарушением правил классической геральдики, сегодня, за давностью лет, не только имеют право на применение, но и обладают приоритетным правом быть гербами этих городов.

В 1860-м году Ставропольская губерния была разделена на три самостоятельные территории. Из ее состава выделились Терская и Кубанская казачьи области, и губерния с уменьшившейся площадью приблизилась к современным границам. Кроме этого, в течение второй половины XIX века, после целого ряда административно-территориальных изменений, в Кавказском наместничестве (или, как его начали называть, Кавказском крае) оформляются Дагестанская и Карская области, а также губернии: Бакинская, Елизаветпольская, Кутаисская, Тифлисская, Черноморская, Эриванская и Батумская.

Вновь образованные губернии и области (кроме Черноморской) получали собственную символику. 15 марта 1873-го года был утвержден герб Терской области: «В черном щите, серебряная волнообразная перевязь влево, за которой в перевязь вправо, Императорский штандарт на золотом древке. Щит увенчан древней Царской Короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровской лентой» (П.П. фон Винклер, указ. соч., с. 199).

Серебряная перевязь символизирует Терек, который долгое время был русской границей на Северном Кавказе. Теперь оба его берега объединены Императорским штандартом, и Терек стал полностью российским – таков основной смысл этого герба.

31 января 1874-го года утверждается герб Кубанской области: «В зеленом щите золотая зубчатая стена с двумя таковыми же круглыми башнями, с открытыми воротами и черными швами; над башней золотой пернач между двух серебряных бунчуков с золотыми остриями, на золотых же древках. В золотой главе щита черный возникающий Императорский орел, имеющий на груди кавказский крест. Щит увенчан древней Царской Короной и украшен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровской лентой; за щитом накрест положенные четыре лазоревых знамени, украшенных золотой бахромой и с таковыми же окруженными дубовыми и лавровыми ветвями, коронованными вензельными изображениями имен их Величеств: Императрицы Екатерины II, Императоров Павла I, Александра I, Николая I, и в середине штандарт с вензелевым изображением имени Его Императорского Величества Александра II». Содержание герба отражает историческую роль кубанского казачества. В обрамление введены знамена и штандарт, которые жаловались кубанцам венценосными правителями России от Екатерины II до Александра II.

В результате войны с Турцией в 1878-1879-м годах в Закавказье были взяты и присоединены к России крепости Карс и Батум. В героических штурмах этих мощных турецких оплотов принимали участие многие ставропольцы. В честь одержанных побед в городе Ставрополе две улицы были названы Карской и Батумской, а в 1881-м году Карсу и Батуму были утверждены гербы.

На гербе Карса – «В золотом поле черная зубчатая перевязь, за которой три червленых меча в столб. Щит украшен царской короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровской лентой». В данном гербе выражена особая роль Карса. Будучи мощной крепостью на границе Армении, Грузии и Турции, она представляла собой важный стратегический пункт. Однако, несмотря на свою неприступность, Карс трижды брался русскими войсками (1828 г., 1855 г., 1878 г.). Три меча символизируют три победы, одержанные над крепостью.

Герб Батума имеет следующее содержание: «Щит пересечен волнообразно, червленью и серебром, с тремя золотыми византийскими монетами в верхней половине. Щит украшен древней Царской Короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровской лентой». В гербе нашло отражение значение Батума как важного черноморского порта, через который со времен Римской империи велась оживленная торговля.

Помимо вышеописанных гербов, в последней четверти XIX века, собственными гербами обзавелись также города Северного Кавказа, которые были центрами уездов или округов. Среди них Темрюк, Ейск, Майкоп, Грозный и Гуниб. В Закавказском крае к ним прибавились гербы горо-

дов Ахалкалаки, Геокчай, Джебраил, Новобаязет, Сигнах и Сухуми, но по каким-то причинам эти гербы остались на стадии проекта и не получили официального утверждения. Разработка этих проектов началась сразу же после утверждения гербов Кубанской и Терской областей. Отчасти это было связано с введением в России нового городового положения, что стимулировало деятельность герольдии, которая приступила к более активному проектированию символики для тех городов России, которые ее еще не имели.

4 сентября 1875-го года разрабатывается проект герба города Ейска. В серебряном щите – лазоревая волнообразная перевязь, обремененная золотой стерлядью с червленными глазами, плавниками и хвостом. В левой вольной части – герб Кубанской области. Щит увенчан серебряной башенной короной о трех зубцах, за щитом – два золотых якоря, соединенных Александровской лентой.

В содержании символики заключено значение Ейска как портового города, основанного в 1848-м году, и показана его роль как одного из крупнейших рыбопромышленных центров на Азовском море. К этому следует добавить, что город Ейск 7 апреля 1992-го года утвердил свой исторический герб в качестве официальной символики.

7 октября 1875-го года проектируются гербы городов Темрюка и Майкопа.

Проект города Темрюка был составлен в виде червленого щита с золотым лавровым венком по центру, сопровождаемым четырьмя золотыми розами. В правой вольной части – герб Кубанской области. Щит увенчан серебряной башенной короной о трех зубцах и окружен перекрещенными с угла на угол золотыми якорями, соединенными Александровской лентой.

По поводу смыслового значения символики этого герба существует несколько версий. Согласно одной версии, золотой лавровый венок символизирует победу русских войск и взятие турецкой крепости Темрюк в 1774-м году. Бытует также версия, что четыре розы означают четырех дочерей турецкого паши, погибших при защите крепости во время штурма российскими войсками. Имеет хождение еще одна версия, по которой золотой венок и розы связаны с находкой древних украшений в одном из курганов в окрестностях города.[2]

Проект герба города Майкопа, составленный одновременно с проектом города Темрюк, представляет собой следующее: на золотом щите – черная гора, сопровождаемая лазоревым волнообразным поясом во главе щита. В правой вольной части – герб Кубанской области. Лазоревый пояс символизирует один из главных притоков р. Кубань – реку Белую. Город Майкоп был основан как крепость, которая запирала вход в ущелье этой реки и имела важное стратегическое значение.

Изображение горы в гербе Майкопа повторяется в гербах г. Баталпашинска и г. Грозного, разработанных одновременно. Данный символ в такой стилистике впервые появляется в гербе Грузино-Имеретинской губернии, утвержденном в 1843-м году. Здесь он занимает нижнее левое поле и означает «снежную вершину горы Казбек».

По моему мнению, разработчик гербов Майкопа, Баталпашинска и Грозного Б.В. Кене, исполнивший их одной серией, взял изображение горы из герба Грузино-Имеретинской губернии, вложив в его значение не только образ Казбека, но и Кавказских гор в целом.

Проект герба Баталпашинска, ныне города Черкесска, датируется 9 октября 1875-го года. В золотом щите – червленый зубчатый пояс, за которым черная гора. В вольной части – герб Кубанской области.

Смысловое значение этого населенного пункта также связано с его происхождением как сторожевой казачьей станицы, основанной в 1804-м году в верховьях Кубани. В 1790-м году у этого места произошло знаменитое сражение, в котором русские войска под командованием генерала И.И. Германа наголову разбили намного превосходящий по численности турецкий корпус. При этом был взят в плен командир этого корпуса, сераскир Батал-Паша. Можно считать это историческим казусом, но именно его именем было названо ключевое укрепление на Кубани у главного Кавказского хребта. Предположительно смысловое значение герба Баталпашинска связано с его историей и местоположением.

В одном ряду с гербами Майкопа и Баталпашинска стоит герб Грозного, города, который входил в состав Терской области.

Крепость Грозная была заложена в 1818-м году по распоряжению генерала А.П. Ермолова. Как важнейшее звено Сунженской укрепленной линии, крепость закрывала горцам выход с гор на равнину через Ханкальское ущелье. На лазоревом щите – серебряная гора, сопровождаемая по бокам двумя золотыми морскими лилиями. В правой вольной части – герб Терской области.

Вышеприведенным гербам присуща такая особенность, как помещение областного герба в их вольной части. Этот прием не противоречит правилам геральдики. Он изящно заменил традицию, когда в верхней части щита помещался герб вышестоящей территории, который подавлял значение местной символики.

Размещение областного герба в вольной части показывает не соподчиненность, а территориальную принадлежность города или уезда – области или губернии.

В одном стиле с описанными гербами Северного Кавказа, но чуть позднее, был выполнен ряд новых гербовых проектов для городов закавказских губерний.

В Тифлисской губернии проектируются гербы Ахалкалаки и Сигнаха.

У Ахалкалаки: на золотом щите – черная гора, на ней – червленая зубчатая крепость с круглой зубчатой башней в середине. В правой вольной части – герб Тифлисской губернии, утвержденный 5 июля 1878-го года.

Герб Сигнаха представляет собой зеленый щит, разделенный золотым острием, обремененным черным лемехом. В правой вольной части – герб Тифлисской губернии.

В Кутаисской губернии проект герба разрабатывается для города Сухуми. На лазоревом щите – золотой прерванный столб, сопровождаемый двумя серебряными рябчиками с червленными глазами, клювами и языками, один во главе щита, другой – внизу. В правой вольной части – герб Кутаисской губернии.

В этом гербе непонятным выглядит губернский герб в вольной части, который почему-то повторяет герб Кубанской области. Возможно, при разработке проекта герба Сухуми в него вкралась ошибка.

Последним гербом, который мне удалось выявить среди дореволюционной символики Кавказа, является проект герба города Новобаязет Эриванской губернии. Щит пересеченный. В верхней части – герб Грузино-Имеретинской губернии 1843-го года, в нижней, на золотом поле – Севанский монастырь на Геокчайском озере. Монастырь червленый, гора зеленая, озеро – лазоревое.

К сожалению, мне не удалось найти проекты гербов Гуниба, Геокчая и Джебраила.

В 1882-м году утверждается новый вариант российского Государственного герба. В нем изображение собирательного герба Кавказа, по-прежнему именуемого «гербом царства Грузинского», остается без изменений. А вот в «Полном титуле Императорского Величества» термин «Грузинский» уже не присутствует. Теперь это звучит как «Мы, Император и Самодержец Всероссийский ...и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и Области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель» (ПСЗ, собр. 3, т. 2, № 1159).

В гербах отразилась история присоединения Кавказа к Российскому государству. В процессе этого присоединения происходили частые административно-территориальные преобразования. В результате часть гербов отживали свое и уходили в историю. Так произошло с гербом Кавказской области, первым гербом Армении, гербами упраздненных Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области, а также с гербами Бакинского, Тифлисского и Эриванского уездов, так как их центры стали губернскими городами и должны были использовать губернские же гербы. Остальные уездные гербы закавказских территорий, утвержденные в 1843-м году, закрепились за городами и распределились следующим образом: герб Горийского уезда стал гербом города Гори; Телавского уезда – города Телави; Джаро-Белоканского уезда – города Закаталы; Елизаветпольского уезда – города Елизаветполя; Александропольского уезда – города Александрополя; Нахичеванского уезда – города Нахичевань; Ахалцихского уезда – города Ахалцих; Гурийского уезда – города Озургеты; Ширванского уезда – города Шемахи; Карабахского уезда – города Шуши; Шекинского уезда – города Нухи; Талышинского уезда – города Ленкорани; Дербентского уезда – города Дербента; Кубинского уезда – города Кубы.

В содержании гербов в качестве основной проходит идея становления российской государственности на Кавказе. Главным мотивом в этом контексте видится военная тема. Изображение всадников, крепостных сооружений, оружия, наград, знаков воинской доблести и славы – вот наиболее распространенные сюжеты в геральдике Кавказа. Второе по значению место занимает отражение в гербах природно-географических особенностей той или иной местности с ее экономическими ресурсами. Важное значение имеет также религиозный аспект. В гербах христианской Грузии и Армении главной фигурой является крест. При этом полумесяц, будучи символом мусульманского мира и его лидера – Турции, как правило, изображается в подчиненном положении к российскому орлу или христианскому кресту. В гербах хорошо просматривается представление России о Кавказе как о древней эпической территории, где присутствуют древнегреческие мифические герои и отражается связь с Римской империей и Византией. Особое значение придается цивилизаторской роли Российского государства на Кавказе. Эта идея ярко выражена, например, в гербе Джаро-Белоканского уезда, где серп сокрушает шашку, в знак того, «что жители, оставив буйную жизнь, предаются земледелию и занятиям мирным».

К началу XX века геральдическая система Кавказа получила свое завершение и могла подвергаться только усовершенствованию.

Изображения губернских и областных гербов использовались в делопроизводстве. Они помещались на бланках, картах и книгах. С использованием герба изготавливались пуговицы мундиров губернских чиновников. Герб помещался на должностных нагрудных знаках. Его можно было видеть на вывесках магазинов и различных учреждений.

В революцию старая символика была упразднена. Вот как об этом сообщала газета «Северо-Кавказский край» (20 апреля 1917 г.): «Во вторник ...после празднования 1 мая представителями от местного гарнизона снимались по главным улицам города Ставрополя гербы, которые украшали вывески магазинов, торговых предприятий, аптек, кондитерских, фотографий, аптекарских магазинов и т.д. Деревянные барельефы государственного герба, а также железные вывески с изображением его солдатами уносились с собой».

Так из истории ушла важная часть нашего наследия. В годы советской власти право на символику полностью присвоило себе государство. Гербы и флаги имели Советский Союз и входившие в него республики. Края и области ни гербов, ни флагов не имели. Только в 1960-е годы, с наступлением хрущевской оттепели, начался робкий процесс создания городских гербов. Но об этом разговор особый.

Примечания

1. При описании или чтении гербов следует учитывать, что стороны в геральдике обозначаются не с позиции зрителя, а с позиции герба, т.е. как бы наоборот.

2. Благодарю заведующую Темрюкским историко-археологическим музеем Л.А. Ильиных за любезно предоставленные сведения по данному вопросу.

Список сокращений

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

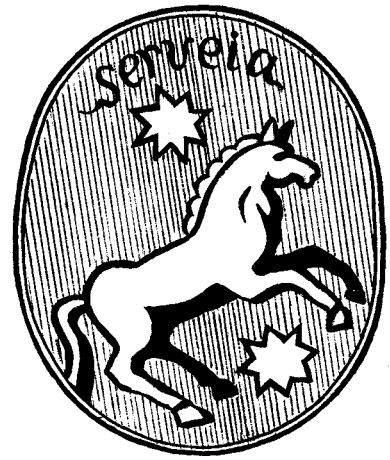
ПСЗ – Полное собрание законов Российской Империи.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Приложение.
Исторические символы Кавказа

Печать царицы Марии (Темрюковны)
1561-1569

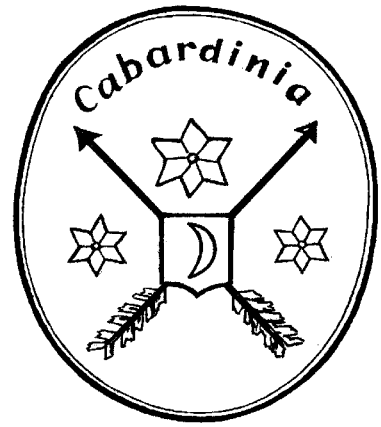
Большая печать государства
Российского 1698 г.



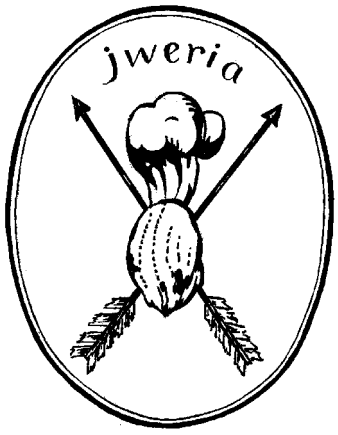
Герб Грузии с большой печати
1698 г.

Герб Карталинии с большой
печати 1698 г.

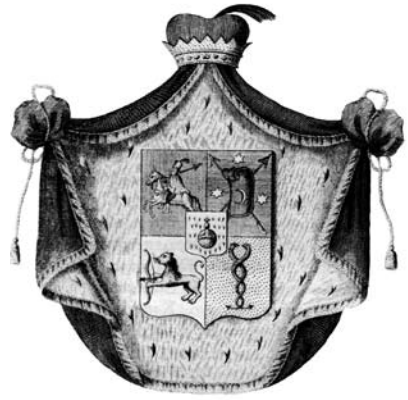
Герб Черкасских и горских князей
с большой печати 1698 г.



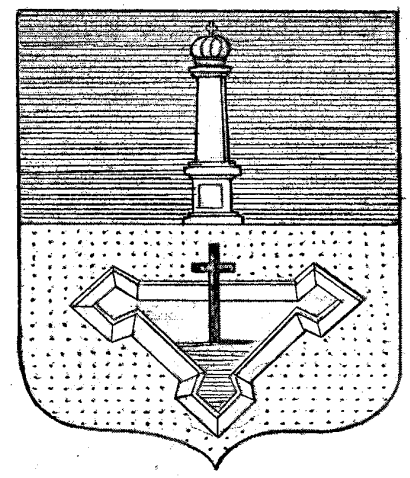
Герб Кабарды с большой печати
1698 г.



Герб Иверии с большой печати
1698 г.



Герб рода князей Черкасских

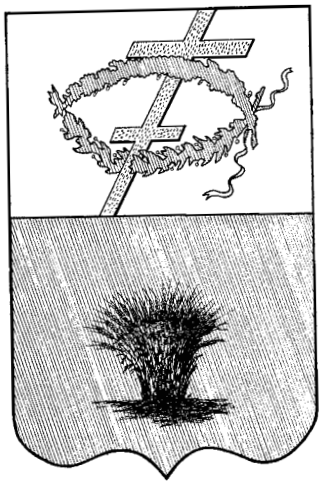


Герб г. Ставрополя (на Волге),
утвержденный 22 декабря 1780 г.

Герб г. Владимира с большой печати 1698 г.

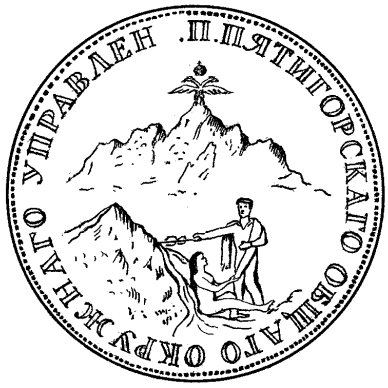
Герб г. Владимира, утвержденный 16 августа 1781 г.

Герб Кавказской области, утвержденный 23 декабря 1828 г.

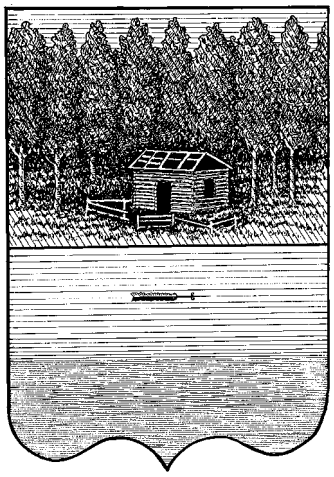


Проект герба г. Ставрополя, разработанный в 1839 г.

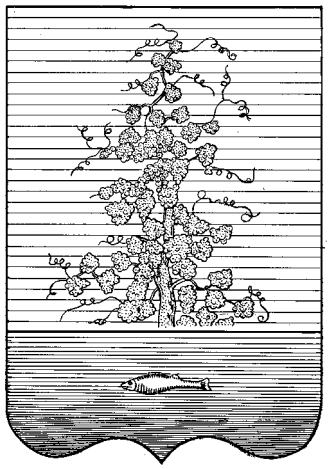
Проект герба г. Пятигорска, разработанный в 1839 г.



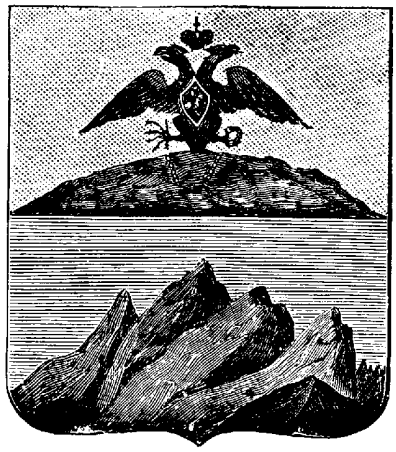
Проект печати г. Пятигорска, разработанный в 1839 г.



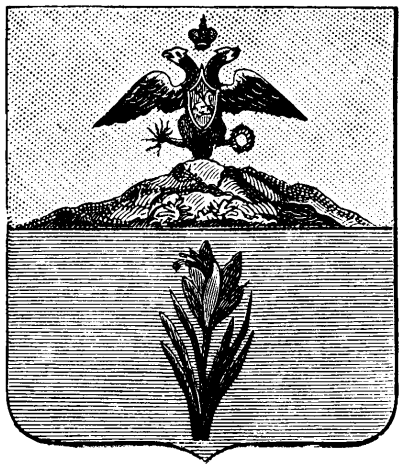
Проект герба г. Моздока, разработанный в 1839 г.



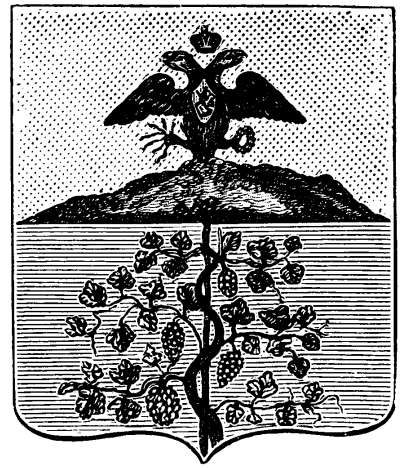
Проект герба г. Кизляра, разработанный в 1839 г.



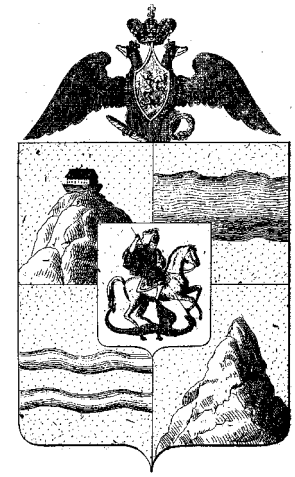
Герб г. Пятигорска, утвержденный 19 декабря 1842 г.



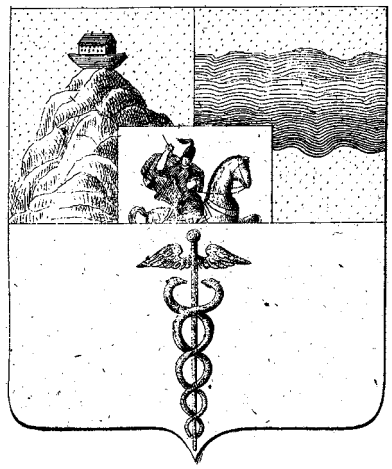
Герб г. Моздока, утвержденный 19 декабря 1842 г.



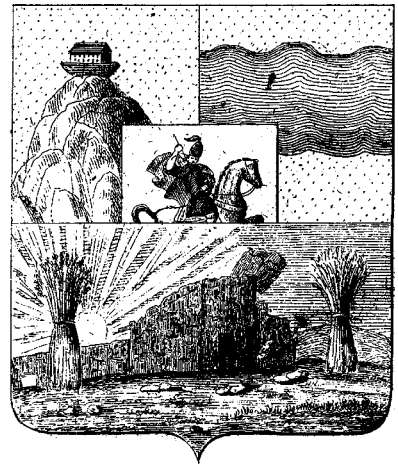
Герб г. Кизляра, утвержденный 19 декабря 1842 г.



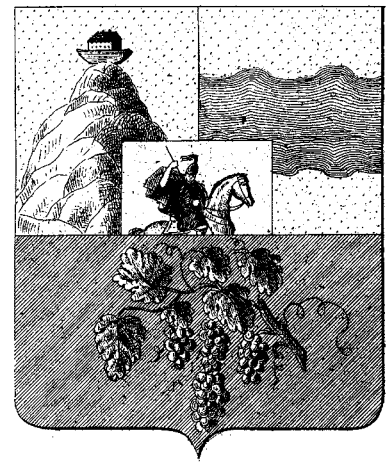
Герб Грузино-Имеретинской губернии, утвержденный 21 мая 1843 г.



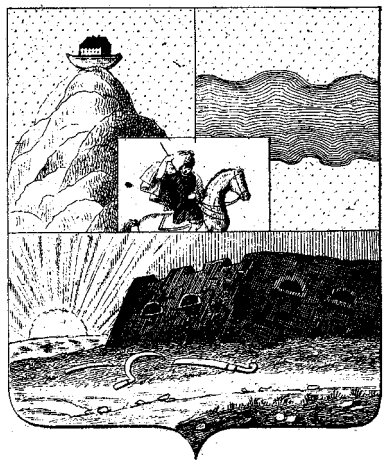
Герб Тифлисского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



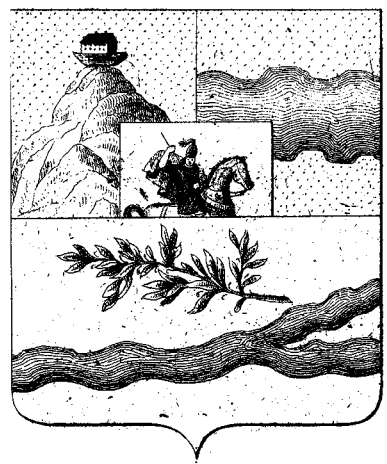
Герб Горийского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



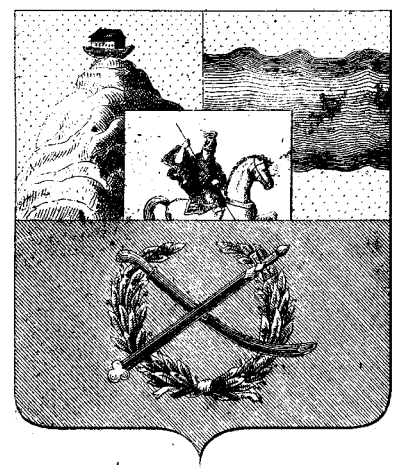
Герб Телавского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



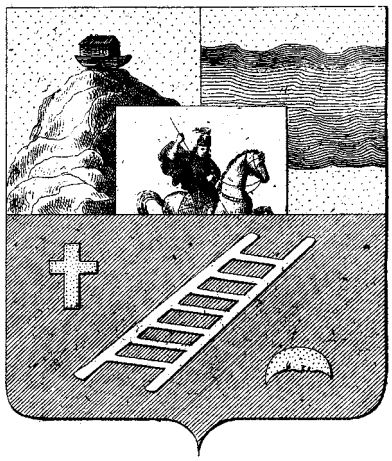
Герб Джаробелоканского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



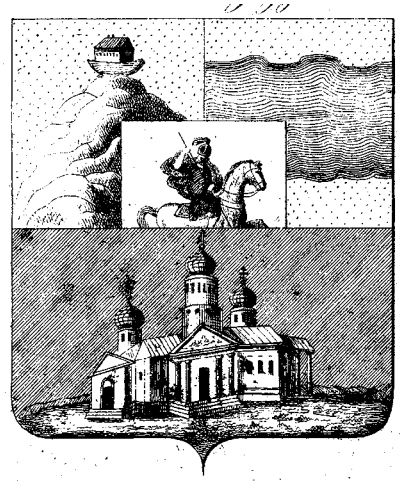
Герб Кутаисского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



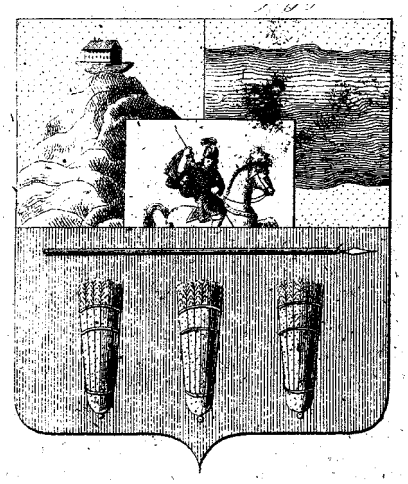
Герб Елизаветпольского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



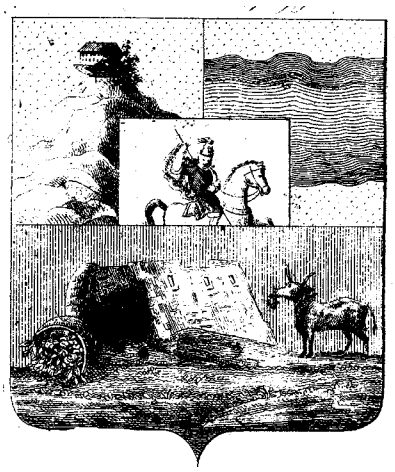
Герб Александропольского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



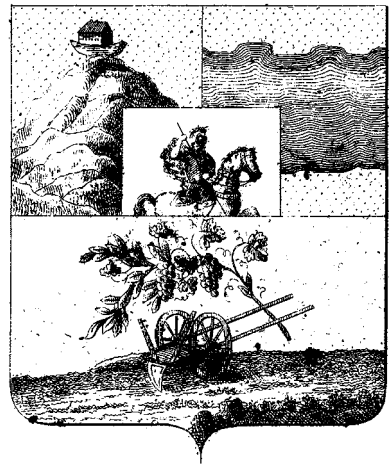
Герб Эриванского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



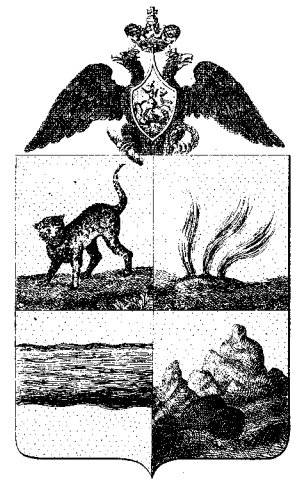
Герб Нахичеванского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



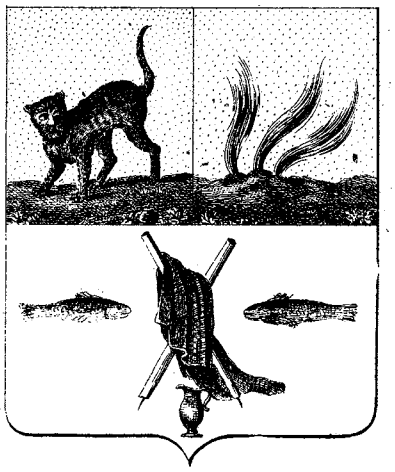
Герб Ахалцыхского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



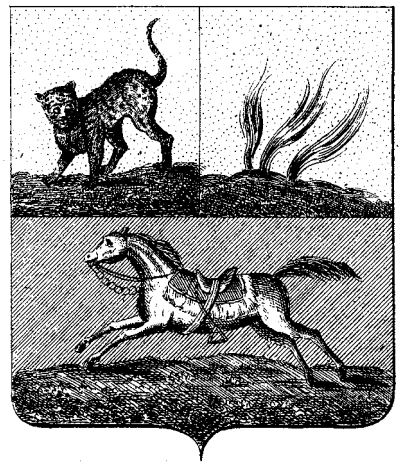
Герб Гурийского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



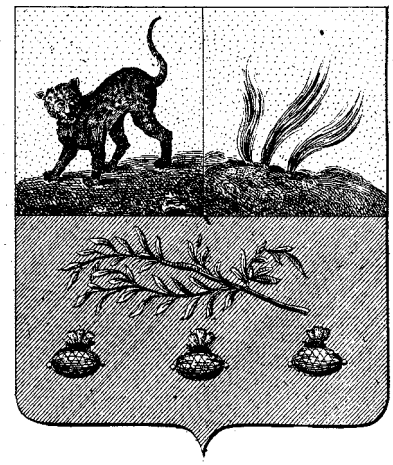
Герб Каспийской области, утвержденный 21 мая 1843 г.



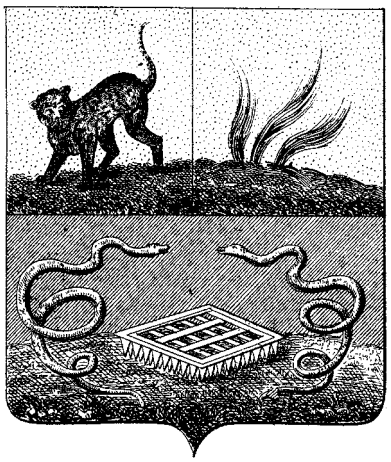
Герб Ширванского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



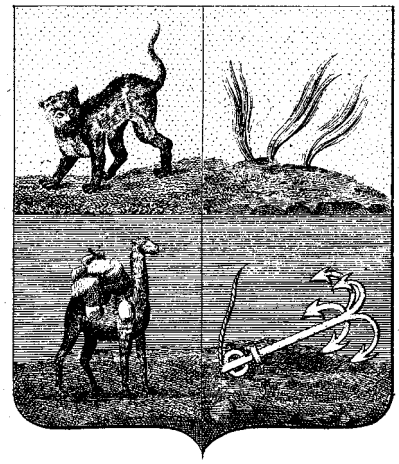
Герб Карабахского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



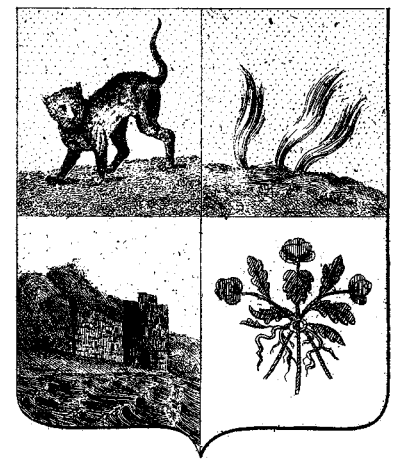
Герб Шекинского уезда, утвержденный 21 мая 1843 г.



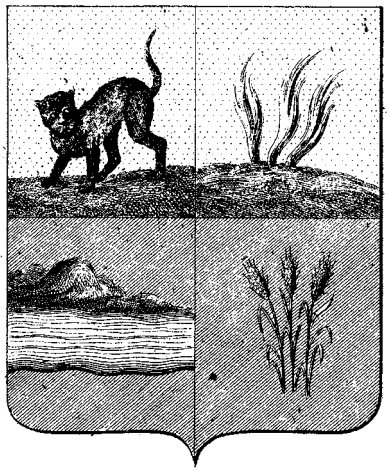
Герб Талышинского уезда,
утвержденный 21 мая 1843 г.



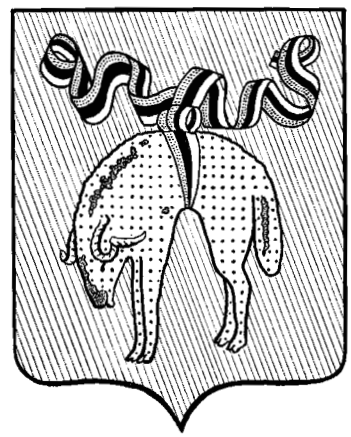
Герб Бакинского уезда,
утвержденный 21 мая 1843 г.



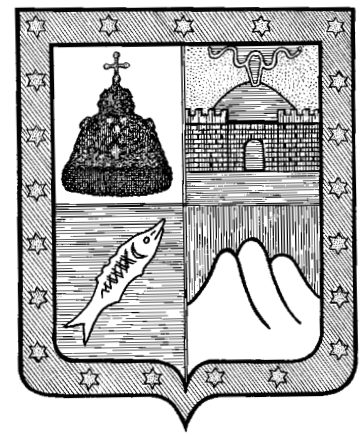
Герб Дербентского уезда,
утвержденный 21 мая 1843 г.



Герб Кубинского уезда,
утвержденный 21 мая 1843 г.

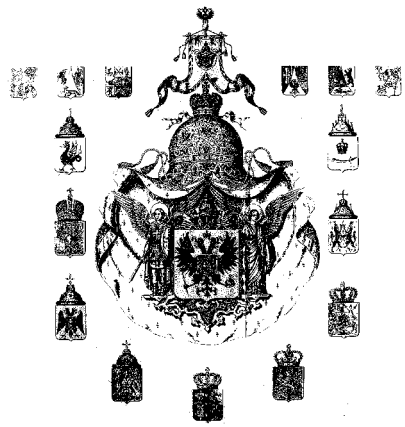


Герб Кутаисской губернии,
утвержденный 8 декабря 1856 г.

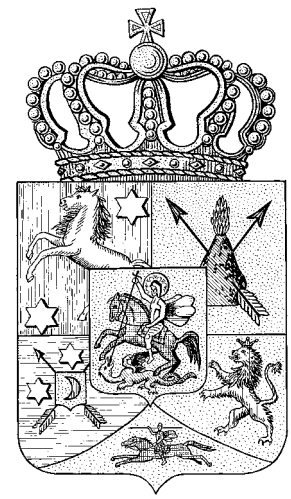


Герб города Тамани,
утвержденный 30 января 1848 г.

Герб г. Екатеринодара,
утвержденный 3 сентября 1849 г.

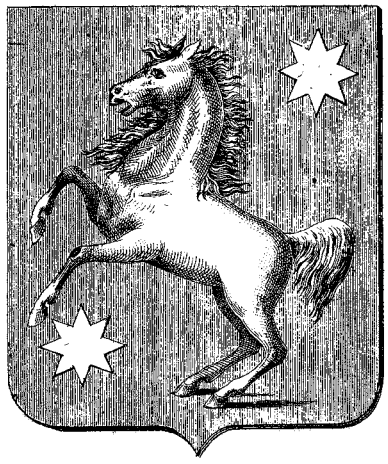


Герб Российской Империи,
утвержденный 11 апреля 1857 г.

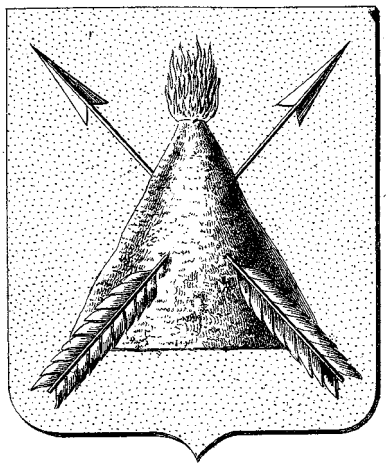


Герб «царства Грузинского»
с государственного герба
России 1857 г.

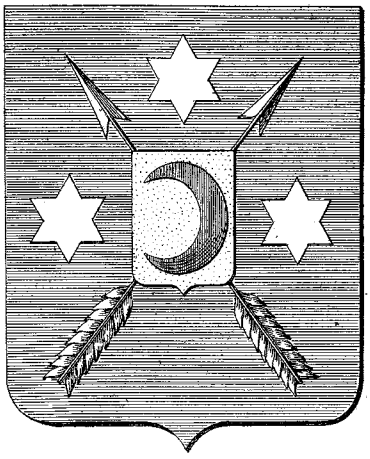
Герб Грузии с государственного герба России 1857 г.



Герб Иверии с государственного герба России 1857 г.



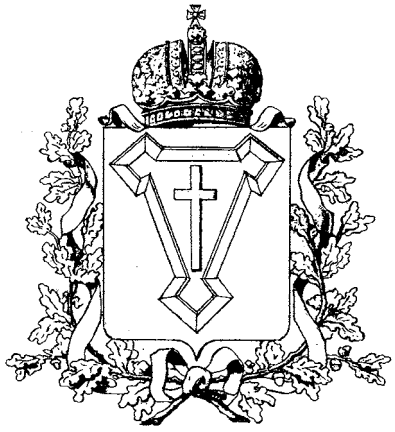
Герб Карталинии с государственного герба России 1857 г.



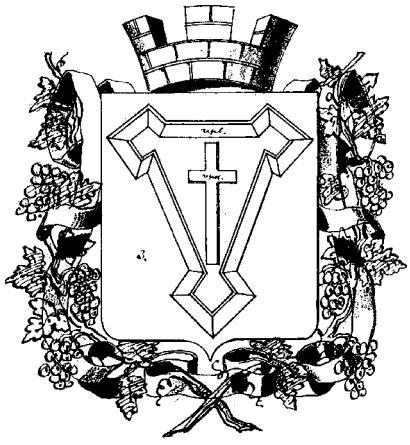
Герб Кабардинской земли с государственного герба России 1857 г.

Герб Черкасских и горских князей с государственного герба России 1857 г.

Герб Армении с государственного герба России 1857 г.

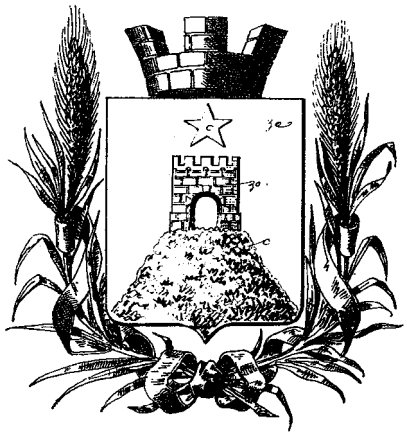


Проект герба Ставропольской губернии 1859 г.



Проект герба Ставрополя 1859 г.

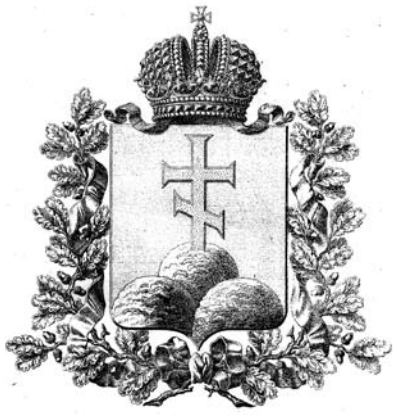
Проект герба Ставропольской губернии 1868 г.



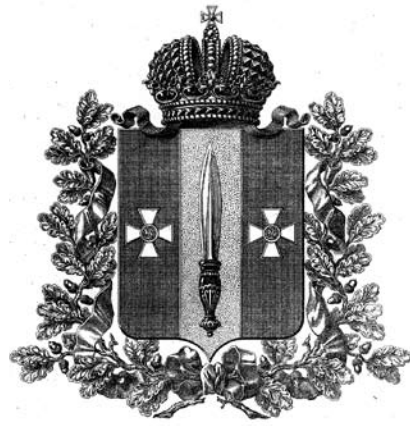
Проект герба Ставрополя 1868 г.

Герб Ставропольской губернии, утвержденный 5 июля 1878 г.

Герб Тифлисской губернии, утвержденный 5 июля 1878 г.

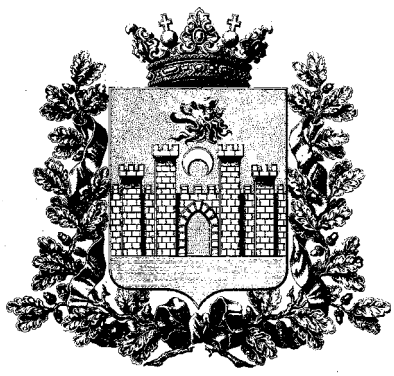


Герб Эриванской губернии, утвержденный 5 июля 1878 г.



Герб Елизаветпольской губернии, утвержденный 5 июля 1878 г.

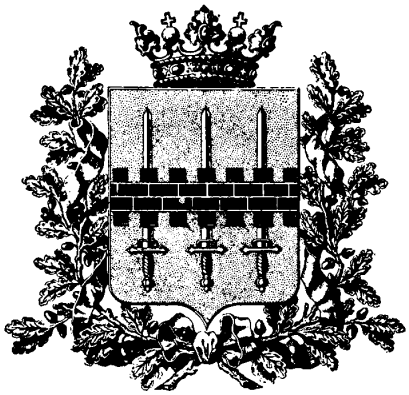
Герб Бакинской губернии, утвержденный 5 июля 1878 г.



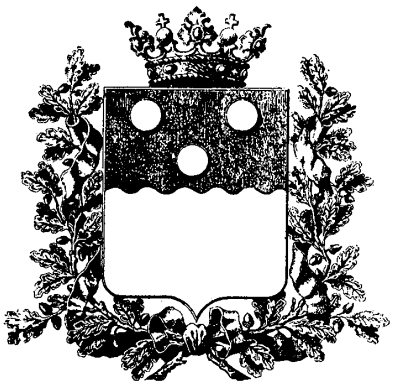
Герб Дагестанской области, утвержденный 5 июля 1878 г.

Герб Терской области, утвержденный 15 марта 1873 г.

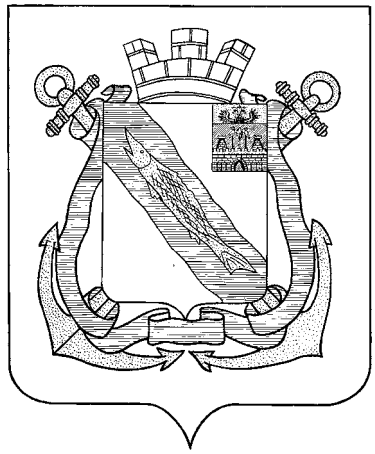
Герб Кубанской области, утвержденный 31 января 1874 г.



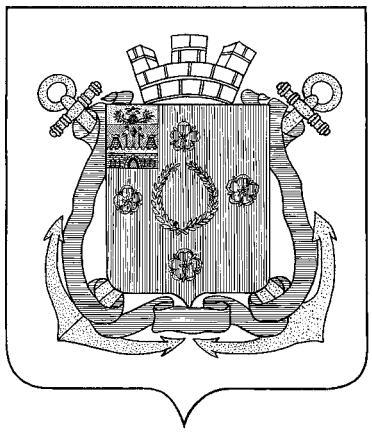
Герб Карской области,
утвержденный 17 июня 1881 г.



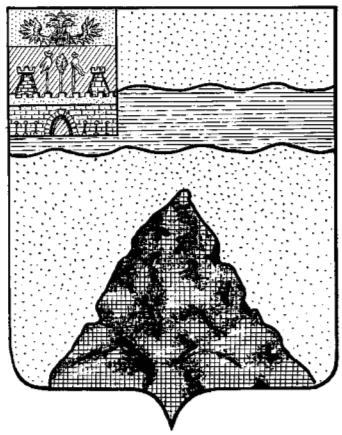
Герб Батумской области,
утвержденный 16 июня 1881 г.



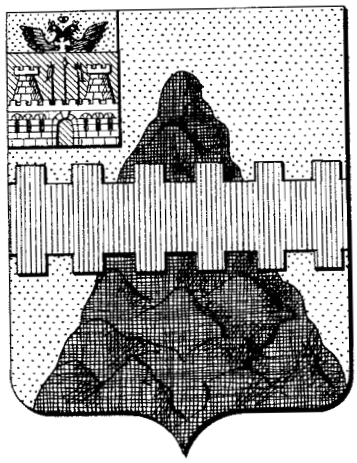
Проект герба города Ейска



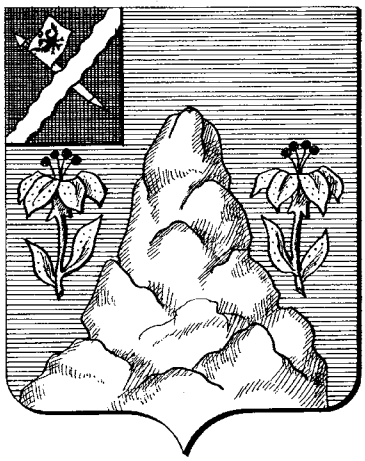
Проект герба города Темрюка



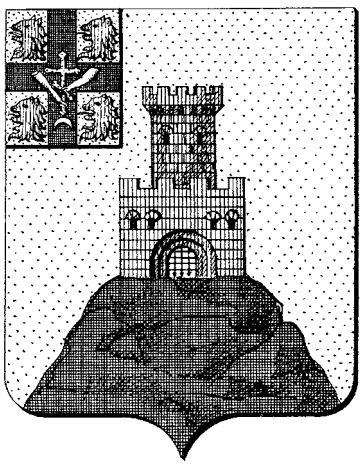
Проект герба города Майкопа



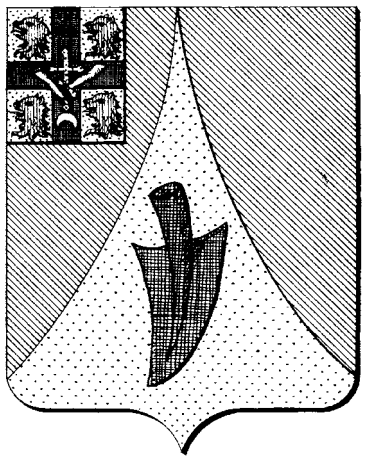
Проект герба города
Баталпашинска



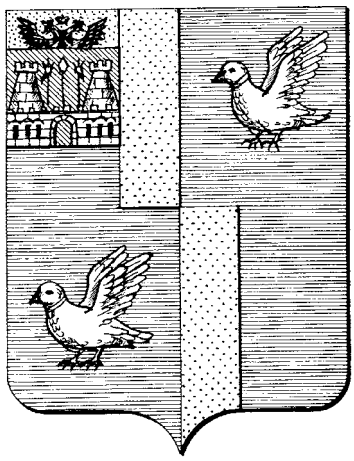
Проект герба города Грозного



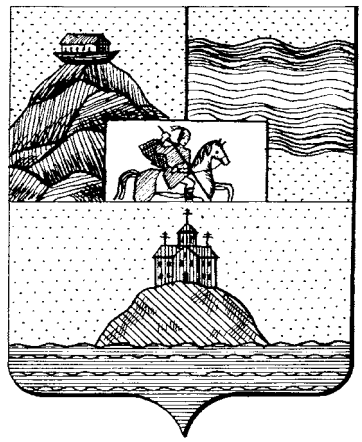
Проект герба города Ахалкалаки



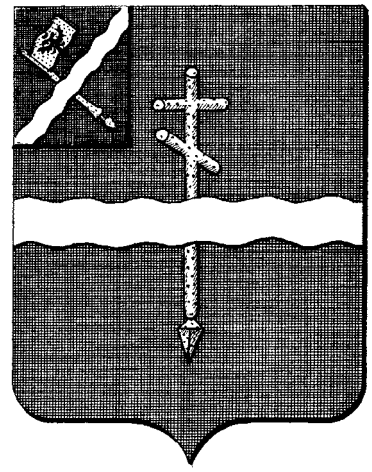
Проект герба города Сигнаха



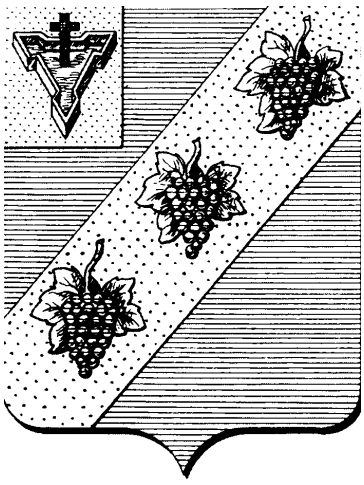
Проект герба города Сухуми



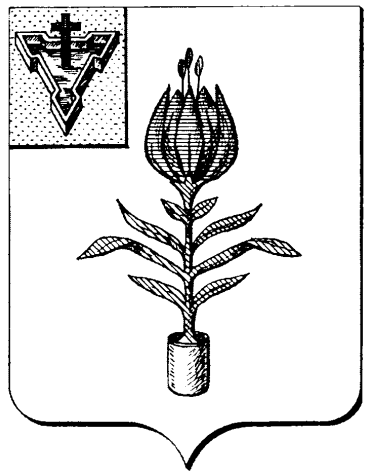
Проект герба города Новобаязета



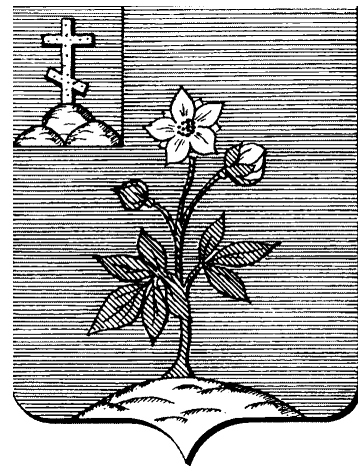
Проект герба города Георгиевска



Проект герба города Кизляра



Проект герба города Моздока



Проект герба города Ордубада

Текст печатается по изданию:
Охонько Н.А. Исторические символы Кавказа. — Пятигорск: Вестник Кавказа, 2006.

Л.П. Егорова. **Ставрополь как текст** (на материале ставропольской прозы)

«Современную филологию охватила тотальная текстуализация пространства – видение каждого пространства как текста» (13), – заметил недавно один из рецензентов в журнале «Новое литературное обозрение». Перечень исследований следует начать с работ В. Топорова, который ввел понятие «петербургский текст», еще в ранних своих работах: в статье о структуре романов Достоевского (1973), в тезисах о Блоке (1975), в статье «Петербург и петербургский текст русской литературы» (1984). Обратим внимание на то, что последняя появилась в сборнике со знаковым названием «Семиотика города и городской культуры» (1984). Это положило начало систематическому изучению проблемы «Город как текст». Все эти и многие другие начинания исследователя вылились в итоговую книгу В. Топорова «Петербургский текст русской литературы. Избранные труды» (СПб., 2003).

Кроме топоровского Петербурга своим «текстовым паспортом» выделяются Москва – вспомним известную книгу «Москва и «московский текст» русской культуры» (М., 1998), статьи (8), а из периферийных городов России – Пермь (1); Киев, особенно в связи с Городом в «Белой гвардии» М. Булгакова (10). Наряду с чисто урбанистическими текстами можно выделить тексты строго ограниченного локального геопространства. Это понятие более широкое, чем текст города, который может быть включен в локальное пространство как его органическая часть: «кавказский» (14), «крымский» (6) и даже «дачный текст» (3).

Не имея возможности в рамках статьи давать теорию семиотики города, подчеркнем лишь некоторые положения. К основам городской типологии относят город как имя и город как пространство (Ю. Лотман, И. Булкина). При этом подчеркивается мифотворческая составляющая любого городского текста (М. Строганов). Последний предложил такую оценочную классификацию множащихся урбанистических текстовых феноменов: 1) текст о некоторой определенной местности, имеющий общее, неместное значение. 2) текст, обслуживающий только определенную местность и фактически не актуальный за ее пределами. В разработке этих направлений социально-культурная настойчивая потребность свидетельствует о том, как заметил тот же М.В. Строганов, что стремление текстуализирования пространства, это не мода, а следствие стремления дать себе отчет о пространстве, в котором обитает человек (13). Локальное пространство понимается широко – не только как пространство текста, но и как пространство жизни, «среды» (не только улицы, мосты и дома, но и люди и вещи), то есть оно трактуется в рамках проблемы «Город как дискурс».

Именно этой проблеме и была посвящена дискуссия в Московском университете, в ее постановке ощутимо воздействие антропоцентрической парадигмы. Участники дискуссии подчеркивали, что в этом случае в центре стоит «дискурсное поведение» человека, и дискурсная природа самого города понимается как «локус необыкновенно интенсивного общения и обмена, продукты которых сохраняются и воспроизводятся в зданиях, памятниках, названиях, хрониках, городском фольклоре» (2, с. 99).

Важно подчеркнуть еще одну грань проблемы «Город как текст и/или дискурс». Традиционная литературоведческая фактография, весьма интересная и полезная для воспитания патриотических чувств, любви и привязанности к своей малой Родине, оказывалась недостаточно интересной за пределами собственного региона (кроме истории и культуры знаменитых курортов Кавказа и Крыма). Ныне краеведческий аспект подобных исследований сменяется культурно-семиотическим подходом к действительности, интересным именно своим теоретическим прорывом, возможностью связать воедино факты истории и культуры, социальной жизни и психологии людей. В этом случае на первый план выдвигается не традиционный ракурс изображения человека и природы, восходящий к руссоистским идеалам и глубоко разработанный в искусстве и искусствоведении (в том числе и литературоведении) всех периодов, а *урбанистический*. Разнородные факты реальности получают единое смысловое наполнение, воспринимаются как единый текст городского пространства, обладающий своим семантическим полем, разветвленными коммуникативными связями. Они раскрывают причастность к знаковому смыслу Города *всех* его составляющих, его живой и неживой (но одухотворенный символическим смыслом) природы и каждого из его граждан. Город становится символом, включающим в себя специфику жизни социума, отражающим доминанту стиля жизни – столичного или глубоко провинциального. В научной литературе уже указывалось, что человек в процессе своей жизнедеятельности семиотизирует место своей жизни, тем самым приобщая его к семиосфере национальной культуры, а затем сама локальная семиотика начинает работать как относительно самостоятельный аспект среды, в свою очередь оказывая «обратное» влияние на привычки, представления, на мотивацию человеческого поведения и на локальные культурные практики (1). Город, будь то столичные Москва и Петербург или провинциальные – Пермь, Пятигорск, Ставрополь – (называю только те, что получили наиболее широкое отражение в художественной и научной литературе), – таким образом, становится одним из текстов национальной культуры, включая в себя субъекта восприятия и исследования.

Обратимся еще раз к указанной выше дискуссии, где говорилось: «Городская жизнь – многослойное хранилище кодов, отработанных и работающих, соприсутствие вспоминаемого прошлого и изобретаемого будущего. Это пространство, которое мы неустанно описываем и осмысливаем, переписываем и переосмысливаем, – отчасти себе подчиняя, отчасти подчиняясь ему сами, – теряя свою идентичность в вечно бурлящем «плавильном котле» и опять обретая ее, неожиданно обновленной» (2, с. 99).

В унисон с этими размышлениями прозвучит и наше соображение о том, что в этом случае возрастает роль такого аспекта семиотического исследо-

вания как прагматика – отношение между знаком и тем, кто его интерпретирует – интерпретатором.

С этих позиций мы и проследим формирование ставропольского текста в русской литературе на протяжении XX века.

1

Название города – это идеологический концепт, изначальный или наслоившийся («Москва – Третий Рим»). Главным структурным началом ставропольского текста является *имя* города. Ставрополь – Город креста, Крестовый город. Это наименование корреспондирует с названием другого близлежащего города – Святой крест (ныне Буденновск). В Ставрополе имя города связано с христианским мифом (крест – хрест, Христос), оно укоренено в православной вере, противопоставлено мусульманскому полумесяцу. Этим именем – Ставрополь, – во-первых очерчивается граница ставропольского текста; во-вторых, в текучей динамике исторического развития города его пусть не древнее, но насчитывающее более двух столетий имя фокусирует его целостность, «индивидуальность», проступающую сквозь бурно текущую жизнь.

Имя города вбирает в себя неудержимые перемены даже в его внешнем облике. Несмотря на них, город остается *Ставрополем*. Еще задолго до перестройки и начала постсоветского периода, ему, названному большевиками Ворошиловском, было возвращено историческое название. Это произошло во время немецкой оккупации в 1942 г., но этот шаг был так естественен, что несмотря на всю жестокость сталинского режима, возврата к Ворошиловску так не произошло, ибо семантика имени обладает своей энергетикой, суггестивностью и структурирующей активностью.

Однако в течение долгих лет это название было более развернутым, что также в большей степени определяло семантику городского текста. В отличие от Ставрополя-на-Волге (ныне Тольятти), Ставрополь-на-Кавказе вплетался в кавказский текст отечественной культуры, подчеркивая двойным названием свою специфику. Ставрополь на Кавказе – это текст православного русского Кавказа, каким он остается и сейчас – единственный большой русский, хотя и многонациональный город, крупный административный (краевой) центр, форпост Российской цивилизации в прошлом и ее достойный носитель в настоящем. Убранное из официальных документов расширенное название (после переименования Ставрополя-на-Волге отпали административные неудобства дублирования названий) тем не менее сохраняется в свернутом виде, и лишний раз подчеркивает какую роль в формировании и развитии текста-города играет локус (locus – лат. место): вспомним Ростов-на-Дону, Нижний Новгород.

Ставрополь, хотя и молодой (основан в 1777 г.), но – исторический город. Он оставил яркий след и в культурном контексте разных эпох, и в художественной литературе. Его история связана с именем Суворова, при котором создавалась Ставропольская крепость. В Ставропольской гимназии работали и учились люди, чьи имена стали знаковыми в истории и культуре многонациональной России – Герман Лопатин, Адиль-Гирей Кешев, Коста Хетагуров, Ислам Хубиев (Карачайлы). Здесь долгое время жили (а порой и похоронены) ссыльные деятели культуры и декабристы (достаточно вспомнить В. Соколовского, А. Одоевского). Проездом или для кратковременного пребывания здесь останавливались Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой. Двадцатый век, отдалив Ставрополь от основной дорожной магистрали, заставил его уступить место бурно развивающимся кавминводским курортам, куда теперь устремился поток именитых отдыхающих. Но, быть может, поэтому возросла роль местных летописцев и трубадуров города – поэтов, прозаиков, художников, чье вдохновенное слово, наряду с историческими памятниками, составило основу общерегионального самосознания.

Текст города, в том числе и ставропольский, соответствует определенному локусу и формируется из его семиотических ресурсов. Сошлемся на мнение В. Абашева: такой текст представляет собой не единый однородный и центрированный текст, а синкретический, очень подвижный, текучий, постоянно меняющий очертания конгломерат текстов и знаков, вербальных и визуальных, где каждый текст может сворачиваться в знак, а каждый знак может развертываться в текст (1). Для Ставрополя, лежащего «на семи холмах» таким текстообразующим и визуальным знаком стала гора, значимая и сама по себе, и как преддверие главной цепи Кавказских гор. Гора как основополагающий знак города-текста выступает как важнейшее звено общего семантического поля Кавказского хребта (последний непосредственно «принадлежит» городу и определяет его пространство). Ранее благодаря экологически чистому воздуху двуглавый Эльбрус был особенно отчетливо виден на Кафедральной (Комсомольской) горе и в самом начале улицы Александровской (Дзержинского). Именно здесь происходила *первая* встреча с горами путешественника, едущего на Кавказ. «В Ставрополе я увидел на краю неба облака, поразившие мои взоры тому ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это – снежные вершины Кавказской цепи», – писал А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум». Вспомним также постоянно присутствующее в сознании Оленина «А горы...» в повести Л.Н. Толстого «Казаки».

Гора как реальная черта топоса Ставрополя не только заставляет вспомнить космогонические мифы о мировой горе как оси мира (на такую роль видимый из Ставрополя «пятитысячник» Эльбрус как нельзя более подходит), но и связывает ставропольский текст с историко-культурным мифом о Кавказе, сложившимся в русской классической литературе. Миф, храня напластования художественных идей, обретая многозначность, «таит в себе некое смысловое ядро, сгусток творческой энергии, накопленной несколькими поколениями художников слова и внедренной в культурное сознание читателей. Поэтому любое обращение к кавказской теме, как и любая отсылка к одному из «вечных» образов, приводит к восстановлению всей ассоциативной цепочки, всего идейно-философского комплекса, завязанного на Кавказе. В этом, очевидно, один из секретов особенной глубины, многозначительности и масштабности посвященных ему произведений» (12, с. 11).

Второй, наряду с горой, важнейший знак, определяющий семантику городского текста – река. Это важнейший мифологический символ, элемент сакральной

топографии, мироустройства (7, с. 374, 379). В историко-культурном мифе о Кавказе река, наряду с горой, — стержневой сакральный образ всех крупных рек на Северном Кавказе (Кубани, Терека), она питала и питает художественную мысль. Выпавшая на долю Ставрополя речка с тюркским названием Ташла, конечно, мало похожа на судьбоносную реку, семиотически важную в тексте классического Города. Но юмористически воспринимаемая современными ставропольцами Ташла 225 лет назад, судя по описанию первой застройки Ставрополя, выглядела не так, как сейчас. Нельзя забывать и о «настоящей» большой реке, Кубани, по которой проходила граница, разделявшая (по договору с Турцией) русскую армию и воинов Кавказа. Она протекает неподалеку от Ставрополя, и если город будет расти, приближаясь к Невинномысску, то она войдет в его черту непосредственно. Значение этой реки не только ландшафтное, но и символическое, как знака культуры, ибо это граница миров – православного и мусульманского, что хорошо понимали не только русские, но и черкесы. Об этом писал Султан Кази-Гирей в своем ярком, опубликованном в «Современнике» Пушкиным, художественном очерке «Долина Ажитугай». Интересно, что в своем послесловии к очерку Пушкин отметил у автора не только «верность привычкам и преданиям наследственным», но и новый взгляд на сложившуюся, говоря современны языком, геополитическую ситуацию: «...Магометанин с глубокою думою смотрит на крест, эту хоругвь Европы и просвещения» (11, с. 283). И этот взгляд, конечно, обращен не только к кресту – сакральному предмету, но и к городу, носящему это имя.

Как художественный дискурс ставропольский текст начинает формироваться только в 1840-х гг. под пером Е.П. Лачиновой. Она опубликовала под псевдонимом Хамар-Дабанов обличительную повесть «Прогулки на Кавказе», в которой Ставрополь описан именно таким, каким он открывался подъезжавшему путешественнику: «Завиделся Ставрополь. В продолжении семи верст езды вы рассматриваете его расположение по скату горы; оно вам понравится, особливо после утомительной картины степей. Несколько больших зданий, потом глубокий овраг, усеянный домиками, несколько церквей и садов – прекрасный вид!». Но живопись в прозе сразу уступает место почти сатирическим краскам: повесть Лачиновой отличается оппозиционным духом по отношению к правительству, сделавшего Ставрополь оплотом государственной власти на Кавказе, и если, например, у Лермонтова Ставрополь, в отличие от Пятигорска, прямо не описан и скрывается под литерой С., то повесть Лачиновой, по признанию военного министра А. И. Чернышева, «тем вреднее, что в ней, что ни строка, то правда». (Цит. по: 9) Поэтому приведенные выше строки о городе далее заканчиваются совсем нелицеприятно для местных жителей: «Но (вид города. – *Л.Е.*) прекрасный лишь издали. Вы въехали – какая пустота! Ни одного порядочного здания! Все мелочно и низко, корчит величие – жалко и смешно смотреть! Тут не заметите ни торговли, ни промышленности». В семантическом поле создаваемого Лачиновой ставропольского текста оказываются лишь знаки государственной власти: военный штаб, присутственные места и комиссии: провиантская, комиссариатская и военно-судная с тюрьмою подсудимых. «Вот все, что есть в этом городе, – заключает Лачинова, – жителей – кроме служащих, подрядчиков и мелочных торговцев, почти нет, для них вообще не нужно изящества и художеств: мясной ряд, винный погреб, суконная лавка, мелочная лавка с чаем и сахаром, часовщик – или даже три часовщика, из которых ни один никуда не годится, совершенно достаточны для всех потребностей жизни». Достоверность художественного описания Лачиновой подтверждали очевидцы. «Жизнь в Ставрополе не отличалась разнообразием и оживленностью. Город, широко разбросанный на открытой, возвышенной плоскости степного характера, с низенькими домами, широкими, прямыми улицами, обширными площадями, был похож на большую станицу или слободу. Да он и не имел другого значения, как только штаб-квартиры командующего войсками Кавказской линии» (см.: 9).

Интонация автора-аристократки несколько смягчается, когда она переходит к описанию жизни людей своего круга:

«В Ставрополе найдете одну только роскошь, которой всю цену узнаете в особенности зимою. Это – гостиница. Стол в ней довольно дурен, но все чрезвычайно дорого, и в этой-то дороговизне большая выгода: сволочь не лезет туда. В этом трактире, который есть род клуба, вы проводите целые дни и находитесь в обществе всех приезжих, которых весною бывает очень много. В эту пору из всей российской армии съезжаются офицеры, командируемые на текущий год участвовать в экспедициях, равно как и те, которые кончили свой год и ожидают отправления к своим полкам» (3). По свидетельству Лачиновой, они проводили в ней время с удовольствием: помещения опрятны, пространны и изрядно меблированы; первая комната – бильярдная, вторая – столовая, третья – довольно большая зала; далее две гостиных, где можно было найти свежую почту – «Русского инвалида», «Северную пчелу» и несколько ломберных столов, почти незакрывающихся. Многочисленная прислуга поражала опрятностью одежды. «Честь и слава Найтакн, хозяину этого заведения!» – восклицает автор. Казалось бы, найден объект, достойный восхищения писателя, но отнюдь. Вслед за такой характеристикой следует: «Должно однако же сказать и то, что нумера, где останавливаются приезжие, темны, дурны, малы, нечисты, имеют всегда дурной запах, холодны и угарны зимой».

Так, на символически значимые черты облика города, обусловленные его природным ландшафтом, накладывались живые черты повседневности XIX века. Они не нравились романтически настроенным литературным героям, вроде толстовского Оленина, искавшего только кавказскую экзотику, но к ним внимателен автор «Казаков» Лев Толстой: «Ставрополь, через который он [Оленин] должен был проезжать, огорчил его. Вывески, даже французские вывески, дама в коляске, извозчики, стоявшие на площади, бульвар и господин в шинели и шляпе, проходивший по бульвару и оглядевший проезжего, – больно подействовали на него».

Но то, что так огорчило Оленина, бежавшего от городской жизни («Может быть эти люди знают кого-нибудь из моих знакомых»), в общем контек-

сте ставропольского текста становится знаковой деталью, сближающее город с остальной Россией, хотя и с поправкой на курьезность провинциальной жизни (несоответствие шинели шляпе), на что не преминул обратить внимание столичный юнкер.

Прошлое города запечатлено не только в особенностях ландшафта, географических реалий, меняющегося бытового уклада, в произведениях искусства, но и уходящей, к сожалению, памяти старожилов, и составляет живую, как бы пульсирующую основу того исторического социокультурного явления, которое мы называем «ставропольским текстом» с его семиотически трансформированными реалиями, постоянно включенными в ту или иную локальную практику. Именно здесь они (реалии) обретают значение семиозиса – использование их как знака, что включает их в постоянно обновляемые коммуникативные отношения. Как и во многих подобных текстах отечественной культуры, ставропольский текст имеет лакуны и провалы, вызванные варварским уничтожением многих исторических памятников, забвением, лишь в постсоветский период возвращенных реалий ставропольской жизни, которые для молодых ставропольчан остаются лишь достаточно отвлеченными сведениями. Очевидно можно говорить о поколенческой ипостаси ставропольского текста.

Горожане, которые родились в самом начале 1930-х гг. (к ним относится и автор этих строк) или раньше являются последними носителями эйдосов, в которых контаминируются черты дореволюционного и современного Ставрополя. Это и ощущение казалось бы беспредельности (в силу младенческого возраста) дорожек вокруг громады Троицкого собора, которая потом сливается со зданием выстроенной на его месте просторной и красивой, невиданной для того времени школы, и, наконец, с достаточно безликим современным зданием гостиницы «Интурист». Это и хорошо узнаваемые, утрамбованные за столетия пешеходами дорожки через «Варваринскую горку» с белеющими могильными крестами, теперь уступившие место корпусам «Ставропольской правды». Это и ощущение безмерной высоты колокольни Кафедрального собора, с прилегающими к нему тогда и длинными, совершенно заброшенными крепостными стенами. Загадочными для детского сознания были *подлинные* Тифлисские ворота – отметившие важнейшую веху тракта – начало Военно-Грузинской дороги, а для жителей города – начало знаменитого ставропольского бульвара. Первые грандиозные новостройки времен Советской власти, например, по улице Мавританской (Ленина) соседствовали-спорили с (национализированными, разумеется) особняками ставропольских купцов предпринимателей. Природный ландшафт окаймлял творения человеческих рук глубокими оврагами, сейчас почти незаметными среди современных застроек (как, например, между улицами Мещанской и Желубовкой), открытыми степными просторами, простиравшимися до Старого и Нового Форштадтов, которые казались столь удаленными, что это не входило ни в какое сравнение с доступностью нынешнего Юго-Запада. Холодный родник, Лысая гора, дачи Бибердова и Павлова были достаточно отдаленными от города и в то же время органически с ним связанными местами прогулок. На этот зыбкий текст памяти и накладываются тексты и исторические, и литературные.

2

Не приходится говорить, что ставропольский текст был источником вдохновения не только для тех, кто посещал его изредка, но и для тех, для кого Ставрополь был непосредственной средой обитания. Подлинным певцом города был крупнейший писатель начала XX века Илья Сургучев (1881-1956). Сын хозяина недорогой гостиницы, здание которой сохранилось до сих пор на пересечении улиц Шаумяна и Голенева, Сургучев в молодости расставался со Ставрополем только в период учебы на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1907 г. Отвергнув лестное предложение остаться на кафедре, он вернулся в Ставрополь. Остальное время, вплоть до революции, он, известный писатель горьковского «Знания», создавал художественную летопись жизни города, не покидая его. Его дом на Ясеновской превратился в своего рода центр передовой мысли Ставрополя, где собиралась культурная элита не только губернии, но и всего Северного Кавказа. Здесь рождались и претворялись в жизнь идеи по созданию таких губернских литературно-художественных изданий, как сборник «Наш альманах», художественно-сатирические журналы «Ставропольский Сатирикон» и «Сверчок». В доме Ильи Сургучева искали и находили поддержку молодые талантливые литераторы, журналисты, читали свои произведения Коста Хетагуров, Леонид Пивоваров, Евгений Третьяков и др. Сургучев живо откликался на социальные темы очерками в газете «Северный Кавказ». Подробности биографии и творчества «возвращенного» писателя ныне широко освещены в монографии А.А. Фокина «Илья Дмитриевич Сургучев: проблемы творчества» (2006).

Главное произведение не только в творчестве Сургучева, но и во всей художественной ставрополиане – повесть «Губернатор» (1912), где столь подробно и достоверно прослеживается весь семиотически значимый текст города. Он органически связан с изображением первого лица губернии, прототипом которого стал Николай Никифораки – самая яркая личность в истории дореволюционного Ставрополья. Образ губернатора находится в семиотическом поле таких реалий города, как Кафедральная гора, бульвар, разделивший улицу на две половины (о бульваре идет речь в первых же строках повести), как разделила болезнь жизнь самого героя, только что вернувшегося с западноевропейского курорта Наугейм. Вынужденное пятимесячное отсутствие губернатора, за время которого почти неузнаваемо изменился его внешний облик, («приехал не губернатор, а, скорее, какой-то человек, похожий на него»), не давало никаких надежд и иллюзий на выздоровление. Но хотя мотив смерти в повести главенствует, носит он не безнадежно-бытовой, а экзистенциальный характер: смерть как порог, на котором произошло очищение души, смерть как продолжение жизни. В этом последнем знаковом смысле, экзистенциальная идея включенная, однако, в широкий экстерьер в городском тексте, выступает в его панораме, увиденной героем из окна вагона: «Пронеслись белые крыши маленьких пригородных домов, какие-то белые полянки, вывеска чугунолитейного завода на двух высоких

столбах. Кладбище было прекрасно: оно лежало на горе и, казалось, что кресты выросли на снегу, как знаки отошедших жизней».

Общая панорама центральной части города также подана через восприятие главного героя, едущего от железнодорожного вокзала: «Впереди, в гору, шла улица с электрическими фонарями, магазинами, трехэтажными домами, окружным судом, направо – дремал густой, зеленый бульвар».

Губернаторский дом – красивое историческое здание до сих пор украшающее центральную улицу Ставрополя и сохранившее внешний вид таким, как это описано у Сургучева: «...Большой, двухэтажный, выстроенный в 1876 г. с прекрасными, строгими зеркальными окнами, балконом, который поддерживали четыре согнувшиеся гипсовые женщины». Дом губернатора стал лейтмотивом повести, он воссоединяет служебную деятельность (в левой половине первого этажа помещалась губернаторская канцелярия) и личную жизнь героя. После тяжелой поездки, обессилившей его физически и морально, губернатор вошел в «прохладный каменный дом», и когда, сгорбившись, сидел он в кресле, «большой, гулкий дом молчал, темнел; но казалось, что если сделать хоть маленькое движение, то сейчас те на него отзовутся и оживут все эти высокие угрюмые комнаты». Два этажа дома соединялись меж собой внутренней деревянною лестницей, по которой губернатор любил ходить. Лестница была дубовая, с широкими, сделанными в виде лотка, перилами. Ступеней в ней было четырнадцать; когда по ним шел губернатор, то чувствовал, что они скользкие, крепкие, толстые и твердые, как камни. Все это символизирует жизненные опоры героя. «В его жизни случалось много неприятностей, но когда он, придерживаясь за перила с точеными, пузатыми колонками, медленно, спокойно сходил по этой лестнице, то неизвестно почему, у него прежде всего являлась уверенность в своей правоте, силе и непоколебимости. В это время губернатор ясно видел, как живет его большой дом, в жизни которого он был главным, неоспоримым руководителем».

Атрибутами служебного благополучия становятся глубокое плюшевое кресло, письменный стол, печка с цветным кафелем, портрет Лорис-Меликова, прошедшего путь от фактического руководителя военных действий на Кавказе до министра внутренних дел.

Губернаторский дом показан как органическая составляющая внутреннего распорядка жизни героя: «По утрам губернатор вставал рано и прямо с постели, босыми ногами по приятно холодноватому, скользкому полу подходил к окну». Во внутреннем убранстве дома писателя привлекает такая значимая деталь интерьера, как зеркала. Одно из них стояло в большом, двухсветном зале, «огромное, в золоченной зигзагообразной раме. Странной, несколько перекосившейся перспективой отражался в нем ряд окон, выходивших на улицу, и далекий, видный через них бульвар. Оно висело немного наклоненное, и когда, например, по улице ездили извозчики, то в зеркале отражались только их головы». Зеркало, дающее неполную перспективу, становится знаком роскоши и всесилия власти, не имевшей, однако, точного представления о жизни города. Второе зеркало позволяет раскрыть внутренний мир первого лица города, расстроенного и своим болезненным состоянием. Еще на курорте «выяснилось, что песня его спета», и, войдя в прохладный каменный дом, он оказался наедине с зеркалом.

«Вот этот старик, утомленный, седой, – думал он, – одетый в непривычный костюм, должен повести борьбу с тем блестящим генералом, который ехал в Наугейм. Этот старик, сгорбленный, больной, должен поправить то зло, которое когда-то сделал блестящий генерал. Но как его нужно поправлять? Где оно и в чем это зло?».

Ставропольский текст мастерски «втягивается» в нравственную парадигму, о чем свидетельствует кульминационный для нашей темы диалог губернатора и его ординарца Свирина:

«– Вот гляди, – сказал губернатор, – город видишь?

– Вижу,– отвечает Свирин.

– Правда, красиво? Наверху звезды, на земле – огни, дома, храмы.

Илья Дмитриевич Сургучев

– Красиво.

– И правда: вот хочется пойти к людям в этот красивый город и жить там тихо, покойно, безгрешно?

– Хочется,– отвечает Свирин.

– Ну а сколько зла в этом городе, – ты чувствуешь?».

Именно этот диалог, по нашему мнению, органически связывает пространные (может кому-то покажется, излишне пространные) описания города с духовными метаниями главного героя, с основными сюжетными перипетиями. Поэтому разговор об излишестве описаний безусловно отпадает. Ставропольский текст – не «инородное тело» в идейно-художественной структуре романа, он сопряжен с сюжетными линиями и художественным психологизмом – ведущими компонентами повествования.

Интересно, что «когда губернатор начинал думать о зле, то первым в воображении у него почему-то вырисовывался острог, стоявший в городе

далеко, за акцизным управлением». Двухэтажный острог, как антитеза Дому, казался всегда маленьким, приплюснутым к земле, и «никогда нельзя было подумать, что в этом доме с красной, ржавой крышей и маленькими решетчатыми окнами живут люди с женами и детьми. Губернатору казалось, что все зло, которое есть на земле, сосредоточилось под этой крышей». И ответственность за него герой возлагает не на тех, кто оказался под нею, но прежде всего на себя самого. Герою «стало ясно, что перед смертью нужно исправить все зло, которое он сделал на земле».

Другой альтернативой дому было здание, тоже двухэтажное, полицейского управления: «В верхнем этаже – канцелярия с обычным разделением комнат, писцами, пишущими машинами, деревянными шкафами, серыми и расквашенными портретами, дежурными комнатами, казармы для юродивых и камеры для арестов. Камер этих было несколько. Одна большая, просторная, называлась «вытрезвительной» и еще почему-то – «фельдмаршальской». Сюда свозили пьяных: здесь кипела

Николай Егорович Никифораки – прообраз главного героя романа И.Д. Сургучева «Губернатор»

жизнь, слышался храп, и пассажиров, как называли арестованных, всегда бывало много.

Кроме большой комнаты, были еще три отдельных камеры: успокоительная, нравоучительная и вразумительная. Вразумительная была страшна необычайным обилием всегда голодных, тощих, сухих, медленно ползающих клопов. Стены и тюфячка здесь никогда умышленно не белили, полов не мыли и клопов не истребляли. В этой комнате нельзя было ни лежать, ни сидеть; что и к стоявшему человеку клопы, сколько их ни дави, ползли медленными, густыми полчищами, лезли по сапогам и добирались до тела. Если человек их давил, то распространялось зловоние, от которого кружилась голова и начиналась рвота».

Не случайно пожарная служба, отличающаяся от «интерьера» управления, несовместимого с человеческим достоинством, – располагается напротив, *на противоположной стороне улицы*, – подчеркивает Сургучев: «В длинном, низком сарае с растворенными дверьми-воротами стояли, каждая в отдельной загородке, пожарные лошади, здоровые, красивые, с подрагивающими спинами; в другой половине – зеленые бочки на дрогах, всегда готовых к быстрой упряжке. По третьей стороне двора тянулись казармы с желтыми окнами, на четвертой, лицом к площади, стояла полиция с пожарной каланчой». Пожарная служба – защита жизни – не противостоит, а, напротив, близка Дому.

Но наиболее значимыми из семиотических ресурсов текста становятся подробно описанные в романе бульвар и Соборная площадь. Бульвар, который видит губернатор, подходя каждое утро к окну, (оно соединяло его с жизнью города). «Наружные окна выходили на север, и потому перед домом, на тротуаре и на половине дороги, в это время лежала, доставая до бульвара, коричневая патока тени. Ранним утром бульвар, огромный и густой, дышал, как лес, густым, душистым дыханием. Сердце, успокоенное предрассветным сном, когда снится детство, билось ровно и плавно, как здоровое, и хорошо было думать, что можно, пожалуй, прожить еще до зимы, увидеть снег, закутаться от мороза теплым воротником, поехать к лесу на санях, выпить с холода греческого коньяку из бутылки с пятью звездочками» И в день возвращения из Наугейма, еще не выйдя из фаэтона, герой смотрит на бульвар, «такой зеленый и густой, что, казалось, там, дальше в гору, идет длинный сад, – совсем не было видно аллей и гуляющих; просветами, как маленькие калитки, выглядели узенькие выходы на дорогу. Очевидно, недавно был дождь: темно-коричневые камни мостовой казались отлакированными; на небе еле заметно плыли, как глыбы мрамора, облака».

Но мысль губернатора устремляется дальше, к средоточию жизни города, к его сердцу – Соборной площади, раскинувшейся на горе. Теперешняя немощь губернатора доказуема тем, что уже не пройти ему больше по ней перед войсками, не прокричать «широкого, громкого и раскатистого приветствия, от которого загораются глаза и музыкантам хочется поскорее грянуть марш».

Душевное состояние губернатора опредмечено его выходом из дома в направлении к горе, и этот знаковый маршрут сливается с прекрасной картиной летнего вечера, в которой образ города многогранен и текуч, схватывает самые разные стороны жизни, несводимые только к городскому ландшафту.

«Часов около девяти, когда начала всходить луна и по городу – по крышам, церквам и тротуарам – поползли странные, осторожные, что-то замышляющий тени, губернатор взял Свирина и пошел с ним на гору, к кафедральному собору. Давно он слышал, что оттуда открывается чудесный вид на город, но все как-то, за всю жизнь, некогда было сходить и посмотреть, да и неловко, казалось, заниматься губернатору рассматриванием видов». Последнее обстоятельство становится поводом подать ночную панораму города как увиденную впервые, раскрывающую таинственную суть городской жизни.

«Потихоньку, чтобы не беспокоить сердца, шли они по бульвару. Бульвар был большой, в несколько расходящихся аллей, темный, пустынный. Город закрывал свои магазины, тушил огни, уходил в театры, кинематографы, а на бульвар сходились осторожные парочки, садились на низеньких скамьях, стараясь спрятаться от лунных пятен, шептались о любви и крепко, беззвучно целовались».

Ночное путешествие губернатора и Свирина – это продолжение репрезентации ставропольского текста в наиболее поэтическом его ракурсе. Напомним еще раз, что гора, как знак классической картины города, соотносится с судьбами отдельных горожан, соединяя их в одно целое. Семейная трагедия губернатора тоже началась с невольно подслушанной фразы его жены, назначавшей кому-то, стоявшему под балконом, свидание:

«– На горе, у креста? – наклоняя ухо, повторяла она. Что-то, видимо, отвечали ей; голос ее дрожал от волненья, и в сумерках, нежных, августовских, эти слова звучали, как далекая, неповторимая песня.

Внизу, вероятно, не верили или хотели, чтобы счастье повторилось еще раз...»

В реальную картину врываются воспоминания о минувшем времени, когда губернатор был молод и силен, принимал награды, ловил восторженный шепот: «Губернатор! Губернатор!» Но сейчас конец его жизни неотвратим. Ночной прогулкой на гору он прощается с городом, что делает художественно объяснимым и целесообразным обширное кульминационное описание города. Оно начинается с горы, переходя в конце в общую панораму Ставрополя. Губернатор же идет на гору, чтобы подвести итог своей жизни.

«...Теперь на этой площади, часто видавшей его таким блестящим и нарядным, тихо, опасаясь за больное сердце, идет губернатор в штатском платье, которое делает его как будто ниже ростом. Сзади него осторожно шуршит тяжелыми сапогами тоже что-то вспоминающий, что-то сосредоточенно обдумывающий Свирин. <...>

Окна собора, высокие, византийские, заделанные узорчатой, кружками, решеткой, были так странно освещены, что казалось, оттуда, изнутри кто-то смотрит; пришла мысль, что если лунным предосенним вечером долго смотреть на тихую, молчаливую церковь, то можно поверить, неожиданно и легко, в божье бытие.

– Где же гора? – спросил губернатор.

– А вон там. Через ворота пройти, – ответил и указал прямо Свирин.

Стало темно. Не было видно соседних деревьев, и только слышалось, как по-осеннему боязливо шуршит уже слабая, бессонная, больная листва. Небо висело над землей, как люстра, в которой, от края и до края, по случаю праздника загорелись все огни.

Темным, крупным куском чуть был виден обрыв горы, на которой сидел губернатор. Под обрывом внизу, как около высокой стены, расположился город, как лист конторской книги, разграфленный на длинные столбцы улиц ровными, огненными линиями то синеватых электрических, то желтеньких керосиновых, чуть мерцающих фонарей. На самом краю города, в восточной его стороне, совершенно отдельно от других, видны далекие, особенные огни вокзала. Можно проследить, как от них влево тянется невидная полоса рельс; как высокие, недосягаемые, спокойные сторожа, стоят по ее направлению цветные сигналы. Время такое: скоро пойдет почтовый поезд, повезут на север письма и людей. Если хорошо приглядеться к городу, то можно различить архиерейскую церковь, духовное училище, водокачку, дом купца Егорылица с чугунным медведем на крыше, темную ленту бульвара, спускающегося сверху до Семеновской площади».

Особенность ставропольского текста в том, что он созидаем как бы с высоты птичьего полета. Это вид с горы, позволяющий соединить в одно целое отдельные знаковые приметы города. Блестяще выписанная Сургучевым художественная топография Ставрополя мастерски сопряжена с душевным состоянием главного героя.

«Губернатор сидел и, положив голову на руки, смотрел вниз. Гора была высокая, крутая, и шум города: езда, крики, звонки, какие-то песни — долетали сюда глухим, все в себе слившим гулом.

Губернатор смотрел на город, и в образе отвлеченной, далекой силы сознавал в себе странную волнующую власть: захочет он – и многое изменится в этом широком, прилипшем к земле гнезде, в той жизни, которая за много лет наладилась в нем и идет привычным, одинаковым, редко изменяющимся чередом».

Это кульминация текста о городе. Далее остановимся на частностях, на других знаковых реалиях Ставрополя, которые участвуют в историческом семиозисе, визуализируя средствами словесного искусства облик города, неразрывно связанный с судьбами его жителей.

«Улица была длинная; большие постройки центра заменялись к концу маленькими приземистыми домиками; на краю бульвара, лицом к площади, стояли остатки белой крепости с амбразурами, в которых теперь, вместо пушек, были фонари. Тут же около водопроводного крана, плескаясь, кружились бабы и мальчишки. Неподалеку, с огромными вывесками на столбах, был расположен склад земледельческих орудий, и американские плуги блестели подпитыми вверх металлическими остриями. В конце площади было Спасо-Преображенское кладбище. По середине длинной каменной ограды большим полукругом выделялись решетчатые железные ворота». Чтобы попасть на гору, нужно было свернуть с бульвара и пройти мимо электрической станции – так в тексте города сплетаются реалии природной и техногенной среды. Станция, с огромными, разделенными на квадраты крупных стекол, окнами, «была ярко и ровно освещена синеватым светом; блестели части машин, вертелись ремни, ухал расходившийся и, казалось, почему-то на черного медведя похожий мотор. Сидели двое рабочих в неподпоясанных блузах: один, опершись на руку и заломив голову вверх, спал, а другой, перегнув газету на восемь частей, читал и ел хлеб».

«Человеческий фактор» заметен также в мотиве вокзала – популярном для русской литературы начала XX века: «Вдали вырисовывалось темно-красное здание вокзала с башнями на крыше, с круглым цветником перед подъездом, с высокой водокачкой, с белым, как из трубки попыхивающим, дымком над депо. <...> Вокзал был устроен так, что на платформу нужно было проходить через зал третьего класса. В зале лежал, толпился народ, около кассы стоял жандарм с завязанной щекой, в противоположные открытые окна тянуло сквозняком. Тут же на десятичных весах, передвигая — гирьку, вешали багаж и через оцинкованный прилавок перебрасывали хрустящие корзины, перевязанные веревками, и угловатые сундуки».

«Человеческая составляющая» схвачена и в описании несущегося поезда: «В десять часов, сотрясая гулкую землю, пролетал почтовый поезд, и можно было на секунду увидеть, как при слабом освещении водились в вагонах люди, только что выехавшие в путь: еще не устроились как следует на местах, еще не разместили в нужном порядке багажа... И исчезал красный, не мигающий глазок последнего вагона, и шум, в последний раз перед утром потревоживший птиц, постепенно пропадал вдали, у кладбища».

Маршрут одного из сургучевских героев – Ярнова – также пролегал около железной дороги, которая притягивала людей в силу своего новшества и контрастировала с вяло текущей провинциальной жизнью. (Вспомним стихотворение Блока «На железной дороге»). «Полотно пересекало казенную дачу; в одном месте образовалось что-то вроде высохшей речки, и на самом дне ее лежали рельсы. На берегах нагорных, высоких росли густые кустарники, дикие розы и еще какие-то белые, остро пахнущие цветы». Даже

Бывший гостиный двор Сургучевых «Калужское подворье». В настоящее время — жилой дом на пересечении улиц Шаумяна и Голенева

в конце 1930-х гг. прогулки к железнодорожному полотну были обычны, и описание Сургучева узнаваемо, вплоть до кустов шиповника («дикой розы»). Окрестности Ставрополя с их прекрасной южной природой в определенной мере противостоят городу. Належавшись на траве, Ярнов нес в себе благоговейное настроение, но его, «как прозрачную воду из чаши, нужно было выплеснуть из души, лишь только почувствуется под ногой первый камень города, — и было жаль. и невольно делались медленными и ленивыми шаги». Камень выступает символом города не случайно. Проведенное под руководством К.Э. Штайн исследование убедительно показало знаковую роль камня в ставропольском тексте, фасадов домов и и каменных столбов с изображением круга.

Нет возможности исчерпать всю полноту ставропольского текста, созданного Сургучевым, так он внимателен к каждой детали своих пространных описаний, будь то картина полицейского двора, выстланного серыми известковыми плитами, или вокзальной харчевни, где жаркое подавалось на слегка облезлых металлических тарелках, или, опять же, привокзальная парикмахерская с далеко не безукоризненной чистоты простынями. Не забыт даже горевший газовый рожок с разбитым на боку колпачком и зеркало, отражающее перспективу комнаты: широкая дверь, умывальник, вешалка с пальто. При описании железнодорожного полотна Сургучев не забудет голыши, блестевшие на солнце, как лакированные, и черные масляные лужицы, стоящие между рельс, а на дверях тянувшихся невдалеке низких пакгаузов издалека видны меловые надписи.

Очень интересно своей исторической достоверностью описание ставропольской ярмарки, и мы приводим пространный отрывок из романа. Словесные краски Сургучева можно условно сравнить с фламандской живописью в ее русском варианте:

«Располагалась ярмарка за городом, недалеко от вокзала. Составлялась она правильно, рядами; те, кто из Ельца, привез кружева, из Ярославля – полотно, из Саратова – сарпинку, становились в своих наскоро, доска на доску, сколоченных балаганчиках по одной линии. Яблоки антоновские, виноград астраханский, груши из Темир-Хан-Шуры шли по порядку в другую линию, – здесь точно обрызгали духами: стоял необыкновенный, чисто осенний аромат. Грибы черниговские и калужские, огурцы нежинские продавались в палатках, похожих на военные лагери. Дальше от вокзала, к кузницам, была пирамидами навалена светло-зеленая, хрустящая и упругая капуста. Здесь же горами были навалены арбузы, дыни, тыквы, бураки, ожерельями висел лук. В глубине ярмарки располагался конский ряд, приманка помещиков, цыган и попов; табунами ходили кони на всякую цену: и кабардинские скакуны, и битюги из Воронежской губернии, и калмыцкие стервятники, пригнанные из астраханских степей. Серебряными возами стояла рыба: красная – с Черноморья, вобла – с Волги, через Царицын.

В самом начале ярмарки, от бульвара, располагалась «комедия» – балаган, весь облепленный вывесками, на которых нарисованы изрыгающие огонь черти, шпагоглотатели, силачи с огромными мускулами, слоны, страусы, крокодилы, высунувшиеся передними лапами на берег. Здесь же, под пронзительные марши отсыревшего оркестриона, вертелись в противоположных друг другу направлениях две круглые, обвешанные плющом и стеклярусом карусели: с люльками и лодками – для скромного женского пола, и с солками, выгнувшими передние ноги, — для кавалеров. Поодаль, образуя дорогу, как монастырь со своим уставом, располагалось царство угрюмого Ивана Васильевича, ярмарочного Бахуса, крепкого, круглобородого мужика, отличного спорщика со староверами».

После обеда обычно показывалась вереница экипажей. Ярмарочное гуляние для автора — повод познакомить читателя со ставропольскими богачами и даже сообщить нечистые подробности возникновения некоторых капиталов.

Однако вернемся к описанию ярмарки:

«В воскресенье ярмарка развернулась. Площадь, по обе стороны загороженная лавками, была полна народа, крика и шума. Деревенские девки, распустив из-за пояса кофточки, водили хороводы

и высокими, однотонными голосами кричали песни, в которых нельзя было разобрать ни одного слова. На балконе балагана клоун и человек в трико давали пробное, заманивающее публику представление, и толпа, сгрудившаяся перед входом, время от времени ревела, как один человек, хохотала, когда комедианты дрались звонкими пощечинами и клоун кричал, щурясь от боли». Как известно, «ярмарка, балаган, становясь предметом <…> художественного переживания, вызвали сдвиги в мире эстетических норм и меняли социальную ориентацию культуры» (4, с. 66). Массовость зрелищ стоит у истоков авангарда, адресуя его произведения более широким чем раньше кругам читателей, но она присутствует и в неореализме, направлению, к которому принадлежал И. Сургучев.

Наверное нет ни одной стороны жизни Ставрополя рубежа XIX–XX веков, которая не осталась бы жить в большом времени, благодаря таланту и мастерству Ильи Сургучева. Писатель говорил о современном ему Ставрополе, но все время видел в глубинах десятилетий его исток – русскую крепость, форпост России на Кавказе. Вот почему так внимателен он к всплывающей в памяти губернатора картине воинского ритуала: обход выстроенных на Соборной площади войск: «Прогремит солдатский гортанный, слившийся в один неразборчивый звук, ответ, загремит всегда нетерпеливая музыка, сольется с ней бесконечный крик, раздастся теноровая команда на церемониальный марш».

Такова краткая характеристика ставропольского текста по роману Ильи Сургучева «Губернатор». Он несравнимо расширен в сравнении с романом «Прогулки на Кавказе» Хамар-Дабанова (Е. Лачиновой) и за счет новых реалий ставропольской жизни, и вследствие развития искусства словесной живописи, реалистической манеры письма талантливого писателя-ставропольца Ильи Сургучева.

3

Все писавшие о Ставрополе после Сургучева, могут в историко-литературном плане рассматриваться как его последователи, но традиция была грубо прервана: роман белоэмигранта был незнаком нескольким поколениям. Тем не менее художественная ставрополиана обогатилась значительными произведениями, где либо присутствуют обширные фрагменты ставропольского текста, либо город сам становится главным героем произведения, как в исторической повести Иоакима Кузнецова «Крепость в степи»

Одним из ярких описаний Ставрополя в художественной прозе стали фрагменты из романа Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» (1948). К сожалению, он не знаком многим поколениям ставропольских читателей, ибо на нем еще с середины 1950-х годов лежит ограничивающая влияние на читателя печать: «Лакировка действительности». Однако талантливый писатель был виноват лишь в следовании канонам социалистического реализма, выдававшее желаемое за реальность. Идеализация в раскрытии образа героя-фронтовика, вернувшегося к мирному труду, конечно, имела место, но идеализирующее искусство следует судить по его собственным законам, а Сергей Тутаринов в этом романе был не далекой от искусства схемой, а достаточно полнокровным и живым образом. Именно в связи с поездками Тутаринова в краевой центр в романе появляется описание Ставрополя с борта самолета: «Сергей увидел белые дома; они потянулись вдоль улиц, разбежались во все стороны, утопая в стройных рядах тополей… Это и был Ставрополь». Летчик сделал круг, как бы желая показать своим пассажирам весь город: под крыльями проплыли и базары, запруженные людьми, и просторная площадь, и главные проспекты с зелеными бульварами, и окраины с широкими улицами.

В романе Бабаевского Сергей Тутаринов проходит тот же путь, что и герой-губернатор Сургучева, однако в художественной топографии появилось немало нового и в названиях, и в реалиях: не

Дом губернатора, описанный в романе И.Д. Сургучева «Губернатор». В настоящее время – здание администрации города Ставрополя

«Крепостная гора», а «Комсомольская горка», не «Собор», а памятник-танк погибшему в Великую Отечественную войну генералу Апанасенко. Предоставим слово самому писателю:

«Здесь была самая высокая точка, поднявшаяся над Ставрополем, и Сергей, увидев террасы улиц, в недоумении остановился…

Перед ним лежал не обычный город, а столица степного края со своим особым, неповторимым колоритом, с широкими, как и сама степь, проспектами и улицами. Белые дома в садах, и чем дальше от центра, тем зелень садов становилась сочнее, – там она совсем скрывала строения и сливалась с красками поля… Чудесная панорама лежала на многие версты… Сюда, к Ставрополю, идут все степные дороги и тракты, скрещиваются и снова разбегаются во все стороны, а белый город, как сторожевой маяк, стоит на высоком плато, и у ног его – куда ни посмотришь — стелется холмистая степь…

Увиденное так взволновало Сергея, что он невольно опустился на траву и просидел, наверное, более часа, мечтательно глядя вдаль. Становилось знойно. От яркого света болели глаза. Сергей все

смотрел и смотрел, и теперь город, укрытый дымкой, казался ему белой птицей, плывущей по синему простору...».

В восприятие героя вплетаются раздумья автора об историческом предназначении Ставрополя. Что сталось бы со степью, если бы на ее возвышенности не вырос город, раскинув свои кварталы от Пелагиады и до Татарки? Куда, в какую сторону пошли бы скрипучие обозы, колонны машин, груженные зерном, шерстью, кожей, если бы не маячил впереди белый город?

Вместе с Сергеем Тутариновым читатель идет по ставропольскому бульвару, городскому парку. Бабаевский не упускает случая показать и красоту южного ставропольского базара, где «сметана стояла в глиняных махотках и горшках, прикрытых вышитыми рушниками, на которых, того и гляди, во всю мочь загорланят петухи...» Здесь нет полноты картины сургучевской ярмарки (описание продиктовано пристрастием героя к молочным рядам), но в живописности деталей Бабаевскому отказать нельзя. И ночью в гостинице впечатления

Современный вид жилого дома на пересечении улиц Ясеновской и Шаумяна (бывшей улицы Армянской) в квартале, где располагалось «Калужское подворье»

дня не оставляют его героя: «Когда же уснул, то и во сне видел город, плывущий над степью наподобие большой белой птицы».

Создаваемый на протяжении длительного времени ставропольский текст отразил историю города, в названиях его улиц, смена которых знаменовала крутые перемены в жизни горожан. Особенно внимателен к этим знаковым реалиям Владимир Бутенко, автор известного исторического романа «Казачий алтарь» (1993), открывающего его дилогию «Любить навек» (2004). Хотя в центре повествования писателя казачья семья Шагановых, проживающая на близлежащем хуторе, Ключевском, Ставрополь как центр художественного мироздания, как столица ставропольского казачества постоянно присутствует в романе. К его образу автор обращается неоднократно, город выступает как арбитр в решении главной для героев романа проблемы нравственного выбора – жертвовать собой в борьбе с фашистскими оккупантами или поверить оккупационным властям, сулящим возрождение казачества (о серьезности этой проблемы говорят и современные социологические исследования). «Всеохватная ломка», как определяет писатель события осени 1943 года, мастерски вписана им в страницы ставропольского текста постоянным напоминанием о смене названий главных «артерий» города. Восстановленные названия теперь нанесены на инвариантную основу городского облика. Так, писатель не забывает подчеркнуть, как один из героев романа, попав на Нижний рынок, «и, наказав продавцу ждать его именно на этом месте, погнал лошадей по Главному проспекту (бывшему проспекту Сталина) вверх, затем свернул вправо, на улочку, огибающую Кафедральную горку. Писатель использовал старое, возвращенное при немцах, название Комсомольской горки. Позже глазами героини читатель ненароком увидит – на углу трехэтажного здания, бывшей гимназии, – табличку, на которой по-немецки и по-русски значилось: «Нестеровская», а прежде была улица Советская. Такой городской текст с измененными знаковыми реалиями, начиная с названия города и кончая названиями улиц, площадей и т.д., уподобляют палимпсесту, т.е. книге, которая писалась по «смытому тексту», и такое определение точно передает жизнь города в Большом времени. Именно таким – «разновременным» – предстает Ставрополь в романе В. Бутенко.

Заметим, что само определение статуса любого города как центра социума – дано в конце романа Бутенко на страницах дневника адъютанта Гитлера – Клауса фон Хорста, воспроизводящего речь фюрера. Названия городов стали вехами в его захватнических планах. «Если мы не получим в свои руки Майкоп и Грозный, я вынужден буду покончить с войной», – признавался Гитлер. Разумеется и защитники Родины делали названия городов, в том числе и северокавказских, символом побед, и это получало отражение в художественных текстах военной поры. Город выступал как средоточие гнева, боли за поруганный край, как в стихах 1942 года известного русского поэта Николая Асеева: «Враг ударил на Черкесск // Пятигорск пал. // Враг пошел наперерез вековых скал...» («Это медленный рассказ...»). Ставрополь в военные годы таким символом не был, ибо его историческое название не могло вписаться в патриотический контекст по идеологическим причинами, а предвоенное название — Ворошиловск – поэтической энергии не обрело.

Об этом хорошо сказано в романе В. Бутенко:

«– Да-а, бывал я здеся, – говорит старый казак Тихон Маркяныч, когда подводы хуторян приблизились к городу. – Городишко неказистый. Но – богатейный! И люди скрытные, жадноватые. Куркуль на куркуле!.. Раньше он Ставрополем прозывался, а теперича вот прилепили новую названию. Аль тут Ворошилов воевал?».

Подобный взгляд на город связан с мировосприятием героев-хуторян, не приемлющих городской уклад жизни, хотя молодежь с этим уже не согласна. «Городская жизня куда как веселей нашенской! — говорит другой герой романа – Григорий. – Ни тебе грязюки, ни дурацкой скуки... Отработал на фабрике, деньжата получил и хочь кажин вечер в кино ходи». Но автор следует логике восприятия Степана Тихоновича Шаганова, его дальнейшее описание тоже деловито-буднично — и не более, да и сама атмосфера оккупационного режима к эмо-

циям не располагала: «В город добрались поздним вечером. У двухэтажной гостиницы, означенной местом сбора и регистрации, уже стояло множество саней и подвод, выпряженные лошади жадно хватали разнокормицу».

Развернутый образ города входит в повествование благодаря сюжетной линии, связанный с главной героиней романа – Фаиной, которую в оккупацию приютила хуторская семья Шагановых. Ведущим художественным приемом в рассказе о городе выступает контрастное описание городского жилища. «Дом у нас коммунальный, – поясняет девушка, – в два этажа. Наверху наша квартира, четыре комнаты, и две комнатушки Тархановых. <...> А на первом этаже, вернее, в полуподвале, живут Сидоровы. Тоже семья заурядная. Но добрая, пролетарская» (в сравнении с мещанской семьей Тархановых, чья дочь, ровесница Фаины, Любовь, поражает тупостью). Воспоминания Фаины подтверждают тезис современной городской текстологии: любой город — это, прежде всего, люди, они оживают для нас даже на расстоянии, каждый город чем-то похож на любой другой, но и неповторим (2, с. 99). В данном случае эта неповторимость обусловлена индивидуальностью восприятия каждого из героев.

Но вскоре Ставрополь предстает и в своем реальном бытии, когда читатель направляется вместе с Фаиной к ее дому: «Фаина прошла по дворику, нырнула под веревку с сохнущим бельем и запрокинула голову. Окна их квартиры на втором этаже были наглухо завешены покрывалами. С сумкой и [скрипичным] футляром в руках Фаина отстучала босоножками по *деревянным* ступеням лестницы...».

Трагедия утраты Дома не заставила себя ждать: бабушка Фаины, еврейка, расстреляна немцами, в опечатанную квартиру войти невозможно, смерть угрожает и самой Фаине. Ее странствия по оккупированному городу репрезентируют художественную топографию.

Мимо Верхнего рынка, мимо Андреевской церкви по улице Достоевского, прежде носившей имя Дзержинского, а до революции – царя Александра, Фаина дошла до Мойки, крайней улочки, за которой начинался Таманский лес. «Она уже приближалась к дому Проценко, и не рассудок руководил ее действиями, а некое подспудное чувство вело к матери Николая (ее жениха), с которой виделась она всего несколько раз». В доме у родителей Николая беленые стены и светлая отутюженная скатерть с каймой придавали прихожей вид уютный, приветливый. Кроме печи в тесной комнатенке помещались лишь стол, сундук да буфет с посудой. Двухстворчатая дверь в зал, слева, была заперта ручкой-скобой. За печью меж занавесками виднелась кровать, застланная баракановым покрывалом». Вскоре этот дом для Фаины сужается до ее комнатенки, единственное окно которой выходило на задворок – место, где Фаину вербуют в подпольщицы.

В оккупированном Ворошиловске, выпавшая на долю Фаины тревожная и опасная жизнь подпольщицы оттеняется описанием осенних улиц. «После ресторанной духоты и яркого освещения ночь показалась Фаине особенно холодной и неприютной». Встречный ветер, пронизывая насквозь, «разбрасывал полы макинтоша», как бы предвещая действия фашиста-насильника...

В дальнейшем судьба вновь приведет Фаину на хутор Ключевский, но имя города по-прежнему останется знаком перемен в судьбе героини:

«– А Фаину видел. Обратно в Ворошиловск собирается. Не сработалась с директором, – сообщает Степан Тихонович.

– Вот уж перекати-поле, – с неодобрением заметила Полина Васильевна».

Во второй половине XX века внимание писателей привлек новый, индустриальный Ставрополь. Оставаясь «одним из самых зеленых городов России» он получил новую визитную карточку. В книге очерков «На семи холмах» (1981) известного ставропольского прозаика Евгения Карпова Ставрополь – это прежде всего город «исследовательских институтов, мощных строительных организаций, заводов». И даже в прошлом Е. Карпов выделяет крупным планом единственный в дореволюционной истории Ставрополя завод, потом многие десятилетия известный как «Красный металлист». К 1905 году на этом заводе работало 24 квалифицированных рабочих и 15 учеников. Они, как сообщает очеркист, обслуживали керосиновый двигатель мощностью в десять лошадиных сил, пять токарных, три строгальных, два сверлильных станка и два для нарезки мельничных вальцов».

Основой повествования Е. Карпова остается общий исторический экскурс. И эти страницы заслуживают особого внимания. Великолепно представлен ландшафт города, в котором удивительно гармонично соединились и старые, и новые реалии – остатки крепостной стены и памятник-палатка фельдмаршала, забытые места погребения декабристов (к сожалению, Варваринское кладбище ныне застроено полностью), бойцов Таманской армии и Вечный огонь Великой Отечественной, дома, помнившие Пушкина и новостройки Осетинки, а также нового северо-западного района города. Имена Суворова, фортификатора Ладыженского, Пушкина, Лермонтова, Шамиля вписаны в книгу жизни современного Ставрополя с его жителями и природой. Приметы городского пейзажа в книге Е. Карпова легко узнаваемы: Таманский лес, подступающий к самому городу, Комсомольская горка – любимое место отдыха горожан, зеленые зоны внутри города. Но предоставим слово самому писателю.

«Наш Ставрополь невелик – в нем около четверти миллиона жителей, а до войны не насчитывалось и ста тысяч. Он расположился на холмах и распадках возвышенности, на высоте шестисот метров над уровнем моря. Начинался с крепостной горки площадью в десять гектаров, которая теперь называется Комсомольской.

Если стоять у кинотеатра «Родина» (в начале 2004 года здание кинотеатра было снесено. – *Л.Е.*) и смотреть на восток, то по правую руку, совсем рядом, окажется крепостная стена, сложенная из камней ракушечника, – не очень высокая и совсем не грозная, с узкими бойницами, длиной всего лишь метров пятьдесят, но ей больше двухсот лет, и дорога она горожанам как памятник истории.

Тут же у стены стоит стилизованная каменная палатка. Может быть, на этом самом месте и был зажжен первый костер, а где-то совсем рядом полковник и премьер-майор, командир Хоперского

полка Конон Устинов положил первый камень крепости. Был тот камень вытесан в форме креста, и крепость была наречена – Ставрополь, город креста.

Детализация в очерке Е. Карпова необычайно подробна: «Вдоль стены на зеленой лужайке – электрические фонари старинного фасона. Влево от стены и прямо – пошла площадь. Здесь рядами стоят пирамидальные тополя, похожие на застывших в вечной дреме богатырей в островерхих шлемах. Бывал во время строительства крепости, одобрил место расположения и удачную фортификацию Суворов. Ему здесь стоит памятник». По очерку Карпова, можно разработать специальный маршрут путешествия по Ставрополю: «Если идти на восток дальше по холму, его правой стороной, тут же недалеко от памятника Суворову, стоит раскидистый осокорь с могучими ветвями. <…> Дальше – дом и двор бывшего полицмейстера, в котором дважды останавливался Пушкин. Здесь он с крепостной горки любовался утренними и вечерними зорями, любовался далекой призрачной цепью гор, за которой лежала Грузия…

Еще дальше на восток и юго-восток спускаются по холму грабы и вязы, домишки с садами, особняки. <…>

У гигантской статуи красноармейца есть на Комсомольской горке смотровая площадка, у самого края крутого спуска. Отсюда открывается Ташла. Просторный распадок. На его то крутых, то вольных, спокойных склонах приютились, будто сакли в горах, одно- и двухэтажные дома с садами и огородами. Они образовали затейливые улицы и улочки. А на самом дне распадка – Комсомольский пруд. Когда-то там, на речке Ташла, был целый каскад прудочков с водяными мельницами. Там любил гулять Лермонтов, писать пейзажи, а под семисотлетним дубом, который стоит вверху, на краю распадка, он, по преданию, писал стихи «Выхожу один я на дорогу…».

Вправо от пруда, на север уходит степь. Хоть она и не видна с горки, только угадывается в мареве над линией горизонта, но только чуть-чуть дай волю своему воображению и увидишь в том мареве, в том бескрайнем покое пылящую по дороге колымагу, в которой везли пленного Шамиля в Калугу… Там – Дон, Волга, там – Москва и Ленинград.

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит…

Именно здесь, в наших краях, и родилась эта ямщицкая песня. И лет ей, наверно, столько же, сколько и Ставрополю».

Для более конкретного знакомства читателей со Ставрополем Е. Карпов выбирает Ботанический сад – научную лабораторию по охране природы, краеведческий музей им. Г. Праве и Прозрителева, который, по словам писателя, «расскажет о городе очень многое, если вы умеете хорошо видеть и слушать, если владеете даром сопереживания и воображения». Е. Карпов впервые в литературе Ставрополья связал знаковую сущность города с бегом времени, его пульсацией, опредмеченной в музейных экспонатах, в памятниках архитектуры.

Сейчас, когда структуралистская парадигма в литературоведении явно уступила первое место парадигме антропоцентрической, методология анализа городского текста может быть существенно скорректирована. Как творческое кредо звучат слова писателя: «Я подумал, что, рассказывая о городе, лучше всего рассказывать о его жителях. Ведь большая судьба города складывается из отдельных судеб тех, кто в нем жил и живет». Эту задушевную мысль он делает кульминацией (по принципу «золотого сечения») в начале 7 очерка:

«Красив наш город.

Красив Северный Кавказ.

Неистовые вершины Кавказского хребта, благодатное предгорье с курортами и туристическими, альпинистскими базами, хлебородные степи, древние пастбища – *это только земля людей*» (курсив мой. – *Л.Е.*).

Ставропольский текст у Евгения Карпова предстает в живых лицах современников писателя – директора Ботанического сада Владимира Скрипчинского, селекционера Анатолия Лопырина, Героя социалистического труда, в рассказе о героинях Великой Отечественной войны Клавдии Вилор и Клавдии Абрамовой, погибшей вместе с маленькими дочерьми в период оккупации, о городских рабочих, медиках, художниках, ученых, краеведах и многих других. С каждым из героев очерка входит рассказ о какой-то особенной грани города. Внимание к личности горожанина позволяет раскрыть город изнутри: мы видим не только панораму городских улиц, но и внутреннее строение и убранство жилищ. Как правило, портрет того или иного героя дан на фоне привычного для него интерьера, будь то стандартная квартира на 4-ом этаже современного дома с книжным шкафом, выдающим пристрастие хозяина, или старинный особняк:

«Ехал я как-то в троллейбусе по улитому прохладной водой асфальту, мимо высотных домов, мимо зеркально-стеклянных шпалер магазинов, мимо буйства роз у драмтеатра.

Потом, пройдя по весенне-праздничному проспекту Октябрьской революции, я свернул влево и очутился в тихой улице – неширокой, с тенистыми деревьями, с одноэтажными домиками и садиками в тесных, устланных камнем дворах. И повеяло на меня вдруг стариной, ее дремотностью и сказочностью. А когда вошел в дом директора Ботанического сада [Василия Скрипчинского], то и совсем показалось, словно бы я каким-то образом переселился из двадцатого века в девятнадцатый.

Тесные коридорчики, небольшие комнатки. Старинные столы и шкафы, стулья. Лак, потемневший от времени. В небольшие окна сквозь густые ветви деревьев мало проникало света. И тишина мне тоже показалась по-старинному сумрачной и глубокой…

Мы сели к столу старинной работы и начали разговор. Негромкий голос Скрипчинского, старинная мебель, сдержанный гул города, доносившийся словно бы из дальнего далека, создали особый настрой достоверности прошлого, его почти физическую ощутимость и мягкую грусть по ушедшему».

Из писателей-ставропольцев Е. Карпов, пожалуй, первым вывел обобщенную человеческую составляющую города: «Город – это сконцентрированная энергия человеческого гения, его непрестанного развития, напряженного поиска». Поэтому человеческие характеристики обязательно присутствуют

в обобщенных определениях Города: «Смелость, мужество, трудолюбие, широта натуры, ее благородство – это и есть Ставрополь, город на семи холмах, на семи ветрах. И все они попутные».

В заключение скажем, что для многих авторов Ставрополь – это, прежде всего, знак студенческой юности, воспоминаний, как убегали, например, «с нудной лекции… в Круглую рощу» (И. Чумак «Трое за Манычем»).

В поэзии, как известно, певцом Ставрополья и Ставрополя был Иван Кашпуров и многие другие ставропольчане, но и те поэты-горцы, которые здесь учились, внесли свой вклад в поэтическую ставрополиану. Студент-филолог середины 1950-х годов Микаэль Чикатуев так воссоздал поэтический облик города юности:

Салам тебе,
Зелёный город мой!
Ты распростёр широкие объятья:
Студента согревал меня зимой
У очага, где были все, как братья.
Деревья, что сажал я тут,
Стоят над юностью моей,
Как обелиски.
Что я ставропольчанин, подтвердят
Они верней,
Чем справка о прописке…

Перевод А. Николаева

Прекрасный южный город, вечно молодой и растущий, Ставрополь по прежнему ждет от писателей дальнейшей разработки Ставропольского текста средствами художественного слова. Памятник Ангелу-хранителю, который появился только в начале 2000-х гг., увенчанный крестом, символически связанным с названием города, очевидно, займет важное место в новом художественном пространстве Ставрополя. И мы надеемся, что в скором времени появятся книги, достойные таланта Ильи Сургучева, навсегда обессмертившего имя города в большой литературе – и его последователей, о которых кратко рассказано в настоящей статье.

Библиографический список

1. Абашев В. Пермь как текст. – Пермь, 2000.
2. Город как дискурс [выступления Т. Всиедиктовой, М. Де Клерк (Брюссель), Н. Соловьевой, И. Поповой и др.] // Вестник. Сер. 9. – 2004. – № 3. – С. 98–111.
3. Ловел Стивен. Дачный текст в русской литературе XIX века. Пер. с англ. // Вопросы литературы. — 2003. — № 3. — С. 34—73.
4. Лотман Ю. Блок и народная культура города // Лотман Ю. О поэтах и поэзии. – М. 1996. – С. 653–669.
5. Лотман Ю. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 2. – Таллинн, 1992. – С. 9–22.
6. Люсый Л. Крымский текст в русской литературе. – СПб, 2003.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. – М., 1998.
8. Ничипоров И. Б. «Московский текст» в русской поэзии XX века: М. Цветаева и Б. Окуджава // Вестник Московского университета. Сер. 9. — 2003. — № 3. — С. 58—71.
9. Орудина Л. Ставрополь в старых и новых изданиях // Ставрополье. – 1982. — № 4. — С. 99–100.
10. Петровский М. Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова. — Киев, 2001.
11. Пушкин Л.С. Послесловие к «Долине Ажитугай» // Собр. соч. в 6 томах. Т. 5. – М., 1950.
12. Саськова Т.В. Образ Кавказа в русской литературе // Советская литература и Кавказ. – Грозный, 1991.
13. Строганов М. В. [Рецензия] // Новое литературное обозрение. — № 64. – 2003.
14. Шульженко В.И. Кавказский феномен русской прозы (вторая половина XX века): Монография. – Пятигорск, 2001.

Л.П. Ефанова. **Улицы старого Ставрополя как свернутый историко-культурный текст**

Этнолингвистическое осмысление регионального ономастикона, и топонимии мест вторичного заселения в частности, выявляет особенности национальной духовной культуры, культурные коннотации, заложенные в топонимах, сохраняющих культурные смыслы создателей и носителей топонимикона. Взаимосвязь языка с национальной культурой, при которой «факты языка используются как средство для более глубокого проникновения в собственно этнические проблемы» (Герд А.С.), вскрывается в работах Н.И. и С.М. Толстых, В.И. Нерознака, Е.Л. Березович, М.В. Горбаневского и др. Если признать язык субстратом культуры, который служит «инструментом определенного упорядочения мира и средством закрепления ментального поведения», то выход в экстралингвистические факторы, к каковым в нашем случае будут относится геополитическая ситуация, характер заселения района, национальный состав жителей, их трудовая деятельность, бытовые условия, духовные константы и приоритеты, а также субстратные (для данной территории) номинации, то мы можем смело постулировать мысль о тесной связи имени с национальной духовной культурой, с принципиальным покоем и оседлостью потомственного землепашца, осваивавшего новые территории в ходе и после Кавказских войн.

«Имя – стихия разумного общения живых существ в свете смысла и умной гармонии, откровение таинственных ликов и светлое познание живых энергий бытия. И нет границ жизни имени, нет меры для его могущества. Именем и словом создан и держится мир». Мы будем исходить из этой, ставшей классической, мысли А.Ф. Лосева, мы будем смотреть сами и звать в это интереснейшее путешествие по семиосфере имядателя своих читателей, ибо сохранение и укрепление традиционных корней народной жизни, семантических основ русской культуры, определяемых такими концептами, как Истина и Правда, Благо и Любовь, Справедливость и Красота, Совесть и Свобода, Честь и Честность, Родина и Отечество, Русский и Православный (на сегодня маникулятивно нарушаемых СМИ!), нуждается в активной, я бы сказала, гражданской защите, причем в первую очередь семьи и школы, ибо ареной борьбы являются души наших детей.

Аксиоматичность связи «имя ↔ культура» относится к числу признанных универсалий, ибо в ономастической картине мира воплощается характер культуры каждого этноса и каждого человека – имядателя. Это лексикографический свод проприальных имен разных разрядов как в широком смысле (страны, региона, области), так и в более узком – онимы отдельной деревни, сельсовета, церковного прихода. В наивной картине мира потомственного земледельца (именно эта часть населения России составила основной пласт переселенцев в Предкавказье) главным по аксиологической шкале является то, что может произвести ощущение. Этим как раз и объясняется открытая оценочность уличного, семейного, группового, поселкового, регионального прозвища и «теплая» тональность микротопонимов и зоонимов. С полным основанием можно говорить об особенностях ментальности части этноса, возникшей из нескольких этнических источников и длительное время живущих на одной достаточно своеобразной территории, явившей себя переселенцам уже в самом начале через названия сел: Урожайное, Обильное, Покойное, Прохладное, Дивное, Привольное, Благодатное, Отрадное.

Рассматривая русский ономастикон Ставропольского края сквозь призму человеческого сознательного оперирования смыслами, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифопоэтического творчества, мы прежде всего отмечаем христианско-гуманистические ценности: стремление проникнуть из «мира кажимости» в мир сущностей, т.е. мир Божий – вот чем осияна топонимия края, хотя наречение идет по следам военных действий: Светло-, Солнечно-, Велико-, Благо-, Раздолье-, Покой-, Тишина-, Приволье-, Благодать. Архаические представления о Добре и Зле нашли реальные выявления в креативной функции называния (Темнушка, Пескушка, Мутнянка, Козинка, Гремучка, Сладкий Ерик), т.е. имеется в виду установка имядателя на первичность имени по отношению к объекту. Мы погружаемся в необозримую, открытую систему, наиболее изменяющуюся и в то же время сохраняющую в себе непластования разных эпох, начиная с древнейших. Полисемный веер смыслов развивается на фоне архетипической модели культуры – «вручение себя во власть», концепта-пожелания, концепта-оберега, и это все должно стать предметом бережного накопления, анализа и дальнейшего синтеза, ибо в топонимах, гидронимах и микротопонимах закодирована духовная культура русского народа, осваивавшего новые территории с пристальным внимание и учетом, например, «заветного» места (нечистое, святое, место смерти и захоронения, проклятое место), «целебного» места, известного чаще женщинам пожилого возраста и базирующегося на мифологической основе. Наименование частей пространства идет с учетом точки отсчета, охвата местности, ее протяженности, обжитости, пригодности для землепользования. И в этом случае вполне понятны и Чертовы пальцы, и Ведьмины выпасы, и Чертов яр, и Шайтаново озеро, и Крестовая гора, и Бесово болото, и овраг Чертово копыто, и Проклятое озеро.

Если учесть тот факт, что смысловая цельность, чувственная теплота и творческая многоликость Слова и безликая искусственность, элементарная заданность знака борются в душе растущей личности, и мир окружающих смыслов, в которые входит ребенок, осознавая себя Творцом, — это наше великое богатство, оставленное на территории Предкавказья несколькими сменившимися этносами (Беспутка и Ташла, Гремучка и Ахтырка, Темнушка и Егорлык, Буйвала и Бибала), то семья и школа должны обеспечивать органическое вхождение Малой Родины в сознание подрастающего гражданина, обеспечить герменевтическое истолкование текста, каковым является русский ономастикон Ставропольского края.

* * *

Я люблю этот город, люблю не потому, что живу в нем, а потому, что он очень гармонично вписан в историю народа, рода, семьи. Мои внуки – 8-ое поколение первопоселенцев, пришедших вместе с полковником Кабардинского пехотного полка Николаем Николаевичем Ладыженским, построивших дома на первой «мирной» улице Хоперской перед станицей (ибо необходимо было прикрытие казаков!), и вот на протяжении 2-х с лишним веков мы (я имею в виду весь род, к которому мне выпала честь принадлежать) торгуем, хозяйствуем, выделываем кожи или учим и лечим детей.

Всегда трепетно подхожу к этому дому: здесь мой причал, здесь, если угодно, начиналась история города под прикрытием крепости, тогда еще функционирующей. Сегодняшнее название этой улицы Геннадия Голенева уже ничего не имеет общего с возникновением города, с началом того, что мы называем «Ворота Кавказа», ибо рядом с казаками Хоперского полка, на улице Хоперской, поселились те очень смелые люди, которым предстояло или уйти вместе с казаками, или остаться жить на новом месте. 1-я, 2-я, 3-я, 4-я Станичные – вот улицы, вдоль которых шла Хоперская – как видите, точная по следам написанная история части будущего города Ставрополя с «Казанской церковью[1], 169 домами и 18 продуктовыми лавками». По пяти в ряд могли стать лошади на проезжей части четырех Станичных (это и сейчас можно увидеть), ведь впереди была крепость, первый редут, ведущий в Предкавказье. И если всмотреться в фотокопию картины «Ставроп. креп. стан. 1780 год» с надписью на обороте «Древний вид Ставропольской станицы-крепости», то деревянные хаты будут располагаться вплоть до подножья Крепостной горы. Судя по И.В. Бентковскому, уже в 1778 г.

Ставропольская крепость имела «6 маркитанских домов и 27 лавок». В том же году поселено при крепости отдельною слободкою «332 отставных солдата, женщин 81 и детей 37» – это и было зародышем нынешнего города.

С 1780 г. прибывают первые переселенцы из Орловской, Курской и Тамбовской губерний, поселились они к югу от станицы, т.е. в нижней части сегодняшнего проспекта К. Маркса, ул. Орджоникидзе, ул. Голенева и Войтика. Вот это ядро города. А по реке Ташле с 1784 г. начинает заселяться крестьянами из Центральных губерний (1742 чел. государственных крестьян) Ташлянское предместье, зеркально расположенное по отношению к южному поселению. Крепость – центр, прикрытие, лавки и церковь Казанской иконы Божьей матери, т.к. 22 октября (2 ноября) 1777 г. пришли казаки Хоперского полка и солдаты Владимирского драгунского полка к устью реки Ташлы. Это был канун праздника Казанской. Это она украсила восстановленные Тифлисские ворота.

В 1825 г. Хоперская станица переселится в верховья Кубани, а после революции ул. Станичные будут переименовываться в зависимости от лидеров: 1, 2, 3, 4. Калинина, Жданова, а затем это логичное единство Ставропольской крепости номинационно разъединят, лишив и первую «гражданскую» улицу топонимической мотивировки: Хоперская будет переименована в Таманскую, став после войны улицей Геннадия Голенева.

Первое проникновение России на Каспий в 1721 г., договор 1774 г., по которому Ногайские степи переходили к России, создание в 1777 г. станицы-крепости Хоперской 19 (30) мая 1777 г. Г.А. Потемкин подписал указ за номером 943, по которому атаману Войска Донского Иловайскому подписывалось для прикрытия проводимых работ по Азово-Моздокской линии выделить 2 полка донских казаков. Хоперский полк с есаулом Устиновым – наши первопоселенцы.

Ставрополь – породистый город крепостного типа, ибо переселялись крепкие, большие семьи, а выживали самые приспособленные и здоровые. Здесь формировался особый тип культуры, а мы наследники всего этого. Не забудем, что Ставрополь не только форпост России, но и первая типография (1816), и первый театр на Кавказе, и первая библиотека, и первая гимназия, открытие которой состоялось 19 октября 1837 г., и открывал ее император Николай I. Вот тогда Большая улица (Первая, Черкасская), прочертившая вдоль крепости порядок будущего города, получила имя Николаевского проспекта. Вот тогда возник этот прекрасный бульвар, который неблагодарные потомки только недавно назвали Ермоловским. А ведь это Алексей Петрович Ермолов, осмотрев еще в 1816 г. крепость, станицу, город и окрестности, заявил, что намерен перевести сюда из Георгиевска губернский центр.

Я не случайно остановилась подробно на этом участке сегодняшнего Ставрополя (кстати, вплоть до революции здесь была первая полицейская часть): здесь он зарождался, здесь его истоки, здесь были также улицы Монастырская, Лопатинская, Феоктистовская, Ртищевская, Термикеловская; переулки Успенский, Полицейский, Интендантский, Садовый, Еврейский, Приютский, Тутовый, Волобуевский, Тельновский; площади Евдокиевская, Св. Георгия, Скомороховская, часть Ярморочной и Александровская; группы Архиерейская, Ясеновская, Апальсковская, Михайловская, Термикеловская и Безымянный яр. Как много говорят коренному ставропольчанину эти названия! Да и некоренной поймет, что в названиях отмечены или владельцы домов, или преимущественное население, или храмы, или растительность, или основные учреждения, связанные с городской структурой. На сегодня о жизни станицы не знают даже в музее: казаки перешли в 1825 г. на другое место вслед за военными действиями в ходе Кавказских войн, но убедительная топоверсия этого участка города осталась в памяти старожилов. И так логично выглядит в этом обзоре параллельные Хоперской улице 1-я и 2-я Ясеновские улицы, Ясеновская площадь, Ясеновский переулок – уже на подступах к крепости, это природно-социальная среда – ясеневый лес – и ее притягательность для переселенцев так понятна. После проведения линии железной дороги возникнет и Ясеновский переезд. Сегодня настойчиво односторонняя связь всех этих улиц, переезда, площади с фамилией Фрунзе не просто непонятны, логически не детерминированы (Фрунзе никогда не был в Ставрополе и не имел к нему никакого отношения!), но элементарно преступны по отношению к памяти тех, кто начинал освоение

этого Хаоса, выстроив уже на первых порах строгий Космос миропорядка, отражающего среду обитания (геогенные смыслы!) и характер населения – с 1778 г. казаки Хоперского полка поселились станицей (отделенной плетнем), которую с востока и запада ограничивали продольные улицы Казачья[2] и Хоперская. Еще раз подчеркиваю: это колыбель Ставропольской крепости, это те первопроходцы, те создатели начального топонимикона, мировидение которых пока еще выявляется в «именах земли», хотя потомки позволили немому концелярите советского периода стереть с улиц старого Ставрополя саму мысль о его колыбели. Это была наивная картина мира потомственного земледельца (а именно этот пласт населения России составил основной поток переселенцев), его аксиологическая шкала и открытая оценочность.

Человек живет в мире, пересотворяемом с помощью его собственного языка. И бережное отношение человека к имени места, на котором ему пришлось жить, — это отголоски языческого представления о неразрывном единстве сущности и ее имени, ибо языческое сознание понимает всякий языковой знак как неконвенциональный и поэтому отождествляет полностью имя и его носителя. И если оценивать геогенные смыслы топонимии и микротопонимии Ставрополя, то следует отметить абсолютное преобладание геогенных смыслов и наименований, содержащих сему «вручение себя во власть», а с этим связано отношение к этим предметам создателей топонимикона, связана межпоколенная информация, передающаяся традиционно и составляющая ассоциативный фон наших мыслей об осваивавшейся по ходу военных действий земле, наименования мест которой содержат, как правило, позитивные смыслы: светло-, благо-, добро-, обилие, приволье, покой, красота.

Итак, четыре поперечных улицы казачьей станицы и две продольных, отъединявших станицу от солдатских слободок, — это основа города, его база, вдоль и по обеим сторонам которой начнут разрастаться улицы предместий.

Соответствие имени называемому явлению («Имя – сущность вещи») порождает наиболее общие смысловые инварианты: истинность/неистинность, соответствие/несоответствие, – активизирует внимание к картинной оформленности имени, к звуковой инструментовке (внешняя форма) имени и к внутренней форме (этимону), определяя место топонима в истории данного поселения, важность его для культуры, стоящей за именем собственным, его семиотический знак, семантическую достоверность, символичность. Вторичная по своей сути концепция мотивированных/немотивированных наименований, естественное стремление вернуть топониму бытовую, хозяйственную, историческую, сакральную, харизматическую или религиозно-культовую целесообразность – это наша цель, наша основная задача, ибо это возвращение топонима под «покров» исходного семантического представления, архетипического или фонового по происхождению, восстанавливает для потомков коллективное и индивидуальное сознание творцов русской топонимии Ставрополья в его культурно-историческом осмыслении. Сознание создателей топонимической версии осваиваемого пространства, контролируемое коллективной совестью (квазисинонимы «знать»/«ведать»), глобально и пристрастно, ему присуща не только надситуативная активность «опережающего отражения», но и модели «потребного мотивационного будущего», обеспечивающие единство и целостность самоотражения менталитета переселенцев, движущихся по безбрежным просторам Предкавказья, и это особенно ощутимо в контексте иноэтнической топонимии (тюркской и монгольской по происхождению), соседствующей с землями, занимаемыми русскими переселенцами.

Национально-культурная специфика (ассоциативный фон имени) при «туристическом» (В. Нерознак 1995 г.) подходе остается за кадром. Топонимическая версия этнокультурной информации базируется на бинарных оппозициях: прямой/поперечный, левый/правый, верхний/нижний, ближний/дальний, холодный/теплый, темный/светлый, полезный/вредный, чистый/нечистый, жизнь/смерть, польза/зло, красный/черный,

Панорама центральной части города Ставрополя

сухой/мокрый, святой/чертов. Здесь и система приоритетов в ландшафте, и концепты света, добра, зла, и чистое/нечистое место, т.е. сакральная святость и отсутствие таковой, иными словами, это особая версия этнокультурной информации, и базовой для нее является идея пространства, осваиваемого линеарно-векторной хозяйственной деятельностью человека, и с этой точки зрения система выделения приоритетов в ландшафте вообще заслуживает особого внимания, ибо консервирующая сила ономастической информации обусловливает сохранность традиционной модели именования для Ставрополя, которого еще нет в восприятии первопоселенцев, — это, конечно, речки, ведь со Ставропольской возвышенности стекает семнадцать рек и ручьев (а Ногайская степь, как именует это пространство князь Г.А. Потемкин в своем «Докладе» и в «Описании линии», небогата водой) – это главные ориентиры возникающих крепостей на Азово-Моздокской линии и в тюркском топонимиконе Предкавказья. Реки Ташла, Мутнянка, Желобовка, Мамайка определят предместья будущего города и, конечно, их названия.

Отсюда так понятны 1, 2, 3, 4, 5 Мутнянские улицы, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 Мамайские улицы, 1, 2, 3, 4, 5 Ташлянские улицы, а также 1, 2, 3, 4 Заташлянские, 1, 2, 3 Желобовские. Это лики земли, это аксиология поселенца – человека земледельческой цивилизации, знающего от предков-язычников, что реки и речки не тревожат, их не переименовывают, на их берегах даже громко не говорят, их регулярно чистят, берегут и включают в облик пространства. Какая строгая и стройная система, возникающая только из названий улиц! Как понятен организованный и иерархически упорядоченный быт переселенцев: если нападение горцев или черных нагаев, то все, старые и малые, запускаются за плетень станицы: там еще и храм на центральной площади – это тоже укрытие. Отнюдь не спокойной была жизнь станиц крепостей. Уже летом 1779 г. князь Султан Дулак и 5 тысяч хорошо обученных воинов оказались у ее стен, поэтому, построенная по типу римского военного лагеря, станица была надежным укрытием. Оружие было всегда у переселенцев при себе. Современная улица Шаумяна была дорогой к крепости. Как видим, очень просто, целесообразно и надежно.

Особо отмечены в названиях улиц старого города и чистейшие родники и ручьи Аульчик и Карабин, снабжавшие «по черепитчатым трубам» город питьевой водой. Еще в 50-е годы XX века можно было, когда нигде не было воды, наполнить ведра чистейшей и очень холодной водой из будочки, где ее раньше отпускали за 2 копейки живущие там старушки, не имевшие родных. 1-я, 2-я, 3-я Карабинские и 1-я, 2-я, 3-я, 4-я Аульные – вот как бережно относились переселенцы к источникам воды! Это только мы, забыв закрутить открытый кран, не отдаем себе отчета в том, что этого чуда в сегодняшнем Ставрополе нет (мы ведь и не знаем, что родники так же, как и речки, надо чистить, — психология иждивенца, не видящего ничего, кроме себя). Хочется обратить внимание еще на одну деталь, связанную с городом крепостного типа: это Старый Форштадт и Ново-Форштадтское предместье. Здесь идут не только улицы, но и линии: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я Нового Форштадта, который входил в комплекс предкрепостных сооружений и имел совершенно определенное назначение — прикрывать разрастающийся город с юга и юго-востока.

Мы намеренно остановились подробно на тех названиях–местах, которые определяли ценностно размеченное географическое пространство, заселявшееся в ходе и после Кавказских войн. Здесь логика создания образа места обитания, здесь адресатность с помощью различных культурных кодов, уходящих иногда в глубокую древность, здесь микротопонимический материал, нередко сохранающий обоснование своих названий либо в истории освоения и заселения земель, либо в памяти старожилов. Неизмеренность расстояния, нахождение вне дома, переходные участки между локусами, места использования природного камня (например, на сегодняшней площади Ленина резали штучный

камень), мотив дикой, необжитой природы, оползни, овраги, выпасы и покосы, за которые казаки станицы имели тяжбы с горожанами, — все это еще сохраняется, все это эмоционально-оценочно. Мысль В. фон Гумбольдта о том, что слово «не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в момент изобретения слова», прекрасно иллюстрируется названиями продольных улиц будущего Ставрополя: Первая (К. Маркса), Вторая (Орджоникидзе), Третья (Дзержинского), а их пересекает Кузнечная – так необходимая в военном и хозяйственном быту. К югу от Бабиной рощи (сегодняшний парк) возникла солдатская слободка, состоявшая из 2-х улиц: 1-ой Слободской (ул. Комсомольская) и 2-ой Слободской (отрезок современной ул. Ленина) – это была южная граница города (современные улицы Комсомольская и Спартака); солдатские поселения так логично вписывались в жесткую структуру города-крепости, который завершался с юго-востока Кладбищенской улицей (сегодняшняя ул. Розы Люксенбург), параллельно ей располагалась Грязная (теперь ул. Коста Хетогорова). Сегодняшняя площадь Декабристов лежала уже за пределами города, в центре ее находилось первое русское кладбище в Ставрополе – Варваринское, там были похоронены декабристы, и поэт Владимир Соколовский в частности. Теперь здесь здание строительного техникума, строится дом с квартирами «улучшенного типа», рядом Дворец им. Юрия Гагарина. Склони свою голову, ставропольчанин, — мы идем по земле, хранящей останки наших предков!

Имя служит символическим воплощением всеобщего, особенного и единичного, оно утверждает, с одной стороны, неограниченную индивидуальность, с другой – скрепленный «в стройной красоте своих внешних сочленений лишь общим потенциалом, нерушимой прочностью Слова, как реальным основанием разнообразного вида вещей», номинализм. Имена, которые в нас и вокруг нас, — носители множественной разноаспектной информации, и этот накопленный веками багаж этнокультурных представлений и аксиологических параметров должен войти составной частью в работу вуза и школы любого профиля в виде учебной, филологической, культурологической, лингвокультурологической составляющей. А поскольку лингвистическое чутье – часть познавательных способностей обучаемого, то воздействие языка образования на личность обучаемого – мощный резерв совершенствования процесса преподавания любого предмета. Имя вокруг нас: даже первая дорога в глубь Предкавказья (Невинномысская) топонимически детерминирована — мы едем к головной крепости: ст. Надзорное → Стрижамент (Ретражемент) → г. Недреманная → х. Извещательный → Ставрополь → ст. Московская → ст. Донская, а дальше Безопасненский редут, рядом с которым и вокруг него – ст. Ключевская, с. Подлужное, Дубовка, Вишневая и Липовая балки, Кучерявый Камень, Рогатая и Дробная балки; но есть и названия – «предупреждения», говорившие о возможном, хотя и не обязательном испытании, – Воровсколесская, Темнолесская, пустырь Чернолих, овраг Чертово копыто.

Лежащие в основе пространственной семиотики законы симметрии (в принципе не свойственные естественным языкам) при построении топонимического текста вносятся имядателем в его структуру, и вновь возникающее органическое единство выявляет, содержит в себе исходно чуждые языку принципы: смысловое поле распадается на отдельные замкнутые в себе пространства, между которыми существуют отношения подобия: Верхнее-Подгорненская[3], Средне-Подгорненская, Нижнее-Подгорненская – это Подгорненское предместье, которое тоже под защитой крепости. Возникает неповторимая стилистика и свобода стилистического выбора регистра, который в нашем случае задается не коммуникативной ситуацией, а социально-исторической ситуацией и географической средой, которая выступает на первый план при фольклорной ремотивации топооснов: Ведьмины выпасы, Лягушовка, Чертов палец, Волчьи ворота. Магичность имянаречения, судьбоносность главного посыла «вручение себя во власть» определяли избирательность имядателей, их главенствующее невыраженное «ожидание» и иконичность вновь возникающего текста – названий топообъектов. Национальные традиции, фольклор, религия и социальная идеология, модели воспитания и жизненного опыта, непосредственные ощущения и система ценностей, свойства национального характера и особенности социальной среды, образа жизни и образов искусства – все это хранит топонимикон, и корректно считать эту информацию – наша задача, тем более что в наших руках личность воспитуемого, его ценностный багаж.

Социолингвистическая модель эволюции языковой личности ребенка - обширная и совершенно неизученная область антропоцентрического языкознания, которая нуждается в приложении усилий многих ученых. Пытаясь в первом приближении вскрыть причины эволюции социолингвистической компетенции ребенка, мы сконцентрировали свое внимание на ономастиконе (системе онимических полей), который входит в сознание ребенка в опыте семьи, школы, социума как составная часть историко-культурной информации, наслаивающейся на потенциал языковой личности. А к 15-16 годам «происходит формирование стадии смыслообразования, которая включает в себя сложные семантические процессы перевода знаковой информации с языка словесных значений на универсально-предметный код интеллекта и обратные перекодировки личностных смыслов в вербально-линейную структуру» (1). И вот здесь окружающая подростка действительность становится не столько объектом изображения, сколько объектом вербальной рефлексии, получая субъективно-авторскую оценку.

Приняв исходные тезисы в качестве определяющих наши подходы к лингвистическому материалу, мы обратились к топонимии и микротопонимии Ставропольского края и Ставрополя, в которых синергетический «сплав» лингвистики и этнографии, т.е. факты материальной и духовной культуры, объективированные словом национального языка, выступают особенно рельефно: это ключи к оценочному потенциалу ономастикона, создателем и пользователем которого является коллективный носитель языка, «присвоивший» себе право дать топонимическую версию осваиваемого в ходе и после Кавказских войн пространства. И ребенок, растущий на этой территории, усваи-

вает видение мира через топонимы: *Светлоград, Солнечнодольск, Ключевка, Рясная поляна, Лесные ключи, ул. Тихая, Виноградная* и микротопонимы, и открытая оценочность наивного географизма которых входит в сознание ребенка, строя мир души, мир Малой Родины, которую он унесет в сознательную жизнь: *Чертов яр, Вишневая балка, Ведьмино болото, гора Шелудивая, Темный лес, Темная речка*. Мы можем говорить об особенностях элементов национального мышления и национальной психологии, которые делают ставропольчан носителями своеобычной языковой и культурной традиции. Здесь мы вплотную подходим к отношениям человеческого и вечного, здесь мы имеем межпоколенную информацию, структурирующую самосознание переселенцев, их мировоззренческие ценности, их фоновые знания, ибо на восприятие мира человеком огромное влияние оказывает встроенный в сознание концептуальный каркас, и, в частности, землепашество как выражение принципиального покоя и оседлости, в отличие от динамики кочевников-скотоводов, обеспечивая этнокультурную маркированность.

Образная, живая красота топонима и микротопонима входит в чуткий мир ребенка, формируя его аксиологию, формируя тот потенциал, который будет способен устоять против невидимого интеллектуального удара — информационно-идеологической агрессии, против тоталитаризма низких смыслов. Иными словами, смысловая цельность, чувственная теплота и творческая многоликость Слова и безликая искусственность, элементарная заданность знака — вот что борется в душе растущей личности, и мир окружающих смыслов, в которые входит ребенок, осознавая себя Творцом, — это наше великое богатство, оставленное на территории Предкавказья несколькими сменившимися этносами. Школа должна воспитывать человека со-природного, отзывчивого к окружающему его миру, а для этого необходима гуманизация и гуманитаризация учебного процесса, необходимо органическое вхождение Малой Родины в сознание подрастающего гражданина, необходимо герменевтическое истолкование текста, каковым является русская топонимия и микротопонимия Предкавказья, именно необходим историко-культурный задник на протяжении всей Азово-Моздокской линии, необходимы судьбы предков, зашифрованные в надписях на крестах из ставропольского песчаника. Это будет способствовать углублению знаний об истории заселения и освоения степных просторов, о народной духовной культуре в её прошлом и настоящем, о нравственно-поведенческих нормах, закодированных в именах мест проживания, об уважительном отношении к культуре собственного этноса и этносов, соседствующих или проживающих совместно на одной территории.

О важности лингво-краеведческой работы, необходимости истолкования местного языкового материала (топонимии, астронимии, диалектной лексики) в процессе преподавания русского языка стали говорить ещё в XIX столетии, когда в русском обществе пробудился интерес к жизни народа, его обычаям, «живому» русскому слову. К сожалению, советский период истории страны характеризовался негативным отношением и к топонимическому наследию предков, и к так называемым «неправильностям» русского языка, каковыми являются диалекты. Задача сегодняшнего дня всячески расширить вхождение лексики, отражающей важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры народа, лексики, содержащей и историко-географическую и культурологическую информацию о народах и племенах, которые, «сменяя друг друга на определённой территории, не исчезают бесследно. Каждое новое племя получает и сохраняет кое-что от своих предшественников. Это «кое-что» может быть очень малым и скромным, скажем, какое-то количество топонимов» (2) *Сенгилей, Арзгир, Калаус, Кума, Кугульта, Курсавка, Аршват; Ессентуки, Канглы, Янкуль, Ягуры, Бекеч*.

Будучи текстом культуры, историко-культурной биографией осваиваемого пространства, русская топонимия и микротопонимия Северного Кавказа содержит как экстралингвистическую, так и лингвистическую информацию не только о месте проживания, но и о номинаторах осваиваемого пространства, поскольку состоит из адресно-идентификационного, хронологического, этимологического, историко-культурного, перифрастического, нормативно-речевого, структурно-словообразовательного и ассоциативно-текстового блоков. Это всё фоновая информация различного статуса, свернутый национально-культурный текст, и она определяется нами как составная духовной культуры субэтноса, осваивавшего новые территории, его топонимическое сознание.

Примечания

1. Кстати, переселившиеся в станицу Суворовскую казаки в 1839 г. прибыли в Ставрополь за оставленной ими «собственностью»: церковь разобрали и перевезли на новое место жительства.

2. Это единственная улица старого Ставрополя, не изменившая до сегодняшнего дня своего названия.

3. Сохраняем орфографию варианта 1916 г.

Литература

1. Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение языковой личности. Автореф. диссерт... докт. филол. наук. – Саратов, 1999. – С. 31.

2. Абаев В.И. О происхождении фонемы h в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. – М., 1964. – С. 115.

Соколенко Алексей Егорович — 1938 года рождения

Место рождения — село Овощи Туркменского района Ставропольского края.

В селе Овощи жили переселенцы из разных областей России, Украины: Московской, Воронежской, Полтавской и др.

Татарское (туркменское) название села — Учи. В село приехал грек по фамилии Овочи, и название села народ постепенно переделал в знакомое Овощи.

Мы жили на улице Крестьянской, здесь обитали москали и называли этот край села — Тургай, окраина рядом — Сахалин, на западе — Полтава, на востоке — Галушина, между ними Кобелевка, центр села — улица Красная.

Родословная по отцу Соколенко

Макар — прадед
Андрей — дед
Ефим — дядька
Василий — дядька (комбриг)
Иван — дядька
Федор — дядька
Егор — отец (1904 — 1986)
Николай — брат
Василий — брат
Мария — сестра
[Владимир] — брат
[Михаил] — брат
Федор — брат
[Таисия] — сестра
[Александр] — брат

Родословная по матери Селивановы

Степан — прадед
Иосиф —
Леонтий — дед
Лукерия — бабка
Игнатий —
Ирина —
Стефан —
Просковия —
Таисия — тетя
Елена — тетя
Дмитрий — дядя
Алексей — дядя
Надежда — тетя
Иван — двоюродный дед (полководец)
Михаил — дядя (железнодорожник)
Анна — мать (1906 — 1988 гг.)
Евдокия — бабушка (мачеха)

Соколенко

Макар — прадед.

Предки — переселенцы из Воронежской области — крестьяне.

Андрей Макарович — дед.

Обладал большой физической силой.

В село Овощи хорошую, вкусную воду возили из оврага Киричи. Дед жалел лошадей, выпрягал их из подводы с бочкой, сам впрягался и вывозил из оврага бочку с водой, а потом опять впрягал лошадей и ехал в село. Это его и погубило — он умер от «заворота кишок» (надорвал живот).

Ефим — старший брат отца — умер рано.

Василий — старший брат отца — комбриг. Служил в Киевском округе. В первые дни войны (1941 г.) погиб, но успел самолетом У-2 отправить жену Ольгу и сына Вильку к нам, в село Овощи. Самолет приземлился на выгоне, народ сбежался — для села это диковина — все сразу узнали о жене советского офицера. Во время немецкой оккупации села полицаи искали «жену советского офицера», ее спасали, по огородам переводили к соседям и прятали в подвалах. В конце концов ее арестовали, посадили в каталажку. Моя мать, а у нее было шестеро детей — мал мала меньше, — пошла к старосте и сказала:

— А ну, выпускай Ольгу. А что ты будешь делать, когда наши придут?

Он испугался и выпустил.

Иван — брат отца, у него было шестеро детей, в последние годы жили в Анапе.

Федор — брат отца, болел туберкулезом. Его дочь Вера живет в станице Григорополисской.

Егор Андреевич (1904 — 1986) — отец.

Об отце рассказать можно много. Он окончил четыре класса церковно-приходской школы — для села это большое образование. Я помню, в детстве он нам часто читал наизусть «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина.

Работал заместителем председателя колхоза имени Димитрова (завхозом). В первые дни войны работал председателем колхоза. Он рассказывал, как по мере наступления немцев через село прошло много беженцев, а бывало, организованно переправляли большие партии людей, их приходилось содержать, кормить.

Так, прислали евреев, по условиям, за содержание они должны были работать, ведь основные силы — мужики — ушли на войну. Отец предложил им работу, все сказались больными: у того голова болит, у того живот и т.д. Тогда отец подогнал подводы, чтобы отвезти их в район, в амбулаторию для лечения. Все нехотя пошли работать, но вскоре все куда-то исчезли — «рассосались».

Была партия российских немцев, много семей — целый колхоз. Их передвигали в тыл по мере наступления фашистов. У них был свой председатель, он сам пришел к отцу и попросил для них работу. Была уборка, и они молотили хлеб, работали в несколько смен, по-ударному, дисциплина была образцовая. Осенью пришел в колхоз приказ отправить их дальше в двадцать четыре часа. Шел холодный осенний дождь, а везти их надо было в село Благодарное к железной дороге. В колхозе было много фанеры, и отец отдал ее, чтобы они, согнув, прибили ее к подводам — по типу кибиток. Потом их председатель прислал отцу письмо, благодарил его — их всех это спасло, особенно детей.

Настала очередь и отцу идти на войну. Под Макеевкой их полк послали отбить у немцев село. Выдали по винтовке на троих и по нескольку патронов — и вперед. Для безоружных должны были отбить оружие у врага. Подошли к селу — никого, послали разведку в село, те зашли на окраину села — никого нет. Решили занять село. Продвигались в центр села — вдруг немцами был открыт минометный и пулеметный огонь (они все силы сосредоточили как раз в центре). Командир встал, закричал: «За Родину, за Сталина!» — и упал, сраженный. Все залегли, слой пуль был такой, что не высунуть головы. Потихоньку начали отходить. Когда были за селом, осталось уже треть полка, патронов нет. Спасаясь от пуль, одни скопились в овраге, другие спрятались в кошаре. Из села показались немецкие танки с автоматчиками. Один танк с ходу врезался в кошару и всех, кто был там, привалил. Остальные окружили овраг, соскочили автоматчики и всех взяли в плен, защищаться было нечем. Так отец попал в плен.

Гнали по степи долго, было холодно, многие замерзали. У отца руки горели, он даже рукавицы засовывал за пояс.

Как-то им выдали махорки и мыла в целях гигиены. Отец не курил и выменял за махорку еще кусок мыла.

Порядки в разных лагерях были разные. В одном проверяли содержимое, у отца в кармане нашли мыло, завернутое в тряпицу, начали кричать: «Украл!» — и били палкой по рукам. Затем заставили поднять руки вверх и приставили часового. Если руки опускались, били по локтям палкой и прикладом.

Их долго перегоняли с места на место по Украине и Польше. Один немец взял его домой работать, завел кур и заставил отца делать курятники, хотел, чтобы куры по лесенке поднимались на насест. Отец не понимал его, и немец показывал, что он хотел сказать, разбегался в курятник к насесту и квохтал курицей.

Выдали им как-то по булке черного хлеба с криком: «На четыре дня!» — и долго гнали. В новом лагере порядки были жестокие, работали тяжело. Охрана по-своему развлекалась. Вечером в бараке выбирали двоих пленных, говорили: «Ты Молотов, а ты Сталин», — заставляли драться. Драка вначале была вялой, не хотелось бить друг друга, их толкали, стравливали. Нечаянно кто-то заденет другого — и начиналась настоящая драка. Затем охрана сталкивала ослабленных пленных в кучу, брали за ноги нижнего и переворачивали эту живую кучу. Хрустели кости, ломались ноги: стоны, крики.

Вместе с отцом в плену был земляк Иван, они держались друг друга, это им и помогло выжить. На ночь загоняли в бараки, или сараи, или клубы — так тесно набивали, что можно было только стоять или сидеть. Постепенно все притирались, опускались на пол и сидели. Отец с другом садились — спина к спине — и спали по очереди, откинувшись один к другому на спину.

Когда надо было выйти по нужде, ползли на карачках по плечам и головам сидящих к двери. Те кричали: «Да хоть по головам не становись, сапоги поднимай».

Кормили плохо, голод. Один пленный нашел в поле бурак и на отдыхе перочинным ножичком тонко резал его и медленно ел. Другой долго жадно на него смотрел, наконец, не выдержал и сказал: «Ну, дай кусочек, я хоть вкус его вспомню».

Часто немцы отбирали пленных по десять человек, выводили работать, а затем в той стороне раздавалась автоматная очередь. В лагерь уже никто не возвращался.

Как-то Иван вышел из барака во двор, вернувшись, он сказал: «Там записывали на работу. Чем с голоду помирать, я рискнул и записался». — «Так расстреляют!» — «А вдруг нет. Я и тебя записал».

Утром огласили список записавшихся и выдали по булке черного хлеба. Пригнали на станцию. Под усиленным конвоем пленные должны были сопровождать эшелон с лошадьми, ухаживать за ними, кормить, поить. Так из Украины они попали в Тихорецк. Здесь в конвое был пожилой немец. Он по-человечески относился к пленным, у отца спрашивал: «Киндер? Есть?» Отец показал шесть пальцев. Немец удивился, вынул портмоне и показал фотографию с тремя своими детьми. Он часто отцу что-либо давал, подкармливал.

В Тихорецке группа работающих пленных была небольшой — человек сто. Когда возвращались с работы, стало недоставать трех человек. Отец с другом тоже надумали бежать. Договорились, когда, назначили день. Утром перед побегом товарищ отказался, сказал: «Ты иди, а я болен, не могу». Днем отец бежал, удачно. Весь день шел по кукурузному полю. Крестьяне в ближайшем селе его переодели. Он шел по тылам немцев домой, ночью, скрываясь днем. На Ставрополье тоже были немцы, но его никто не тронул. После освобождения Ставрополья от немцев наши его забрали и уже как арестованного перегнали в Армавир. Там целый месяц его избивали, ему нечего было сказать. На доследовании, между побоями, отец увидел под конвоем избитого Ивана, видно, он после тоже бежал от немцев. Его вели на очередной допрос. Больше отец его никогда не видел. Потом отца вызвали, сказали: «Ну, за тобой ничего нет. Извини. А то, что били, так надо было».

Отца послали служить, но не на фронт, а охранять зеков, которые восстанавливали Сталинградский тракторный завод. Оттуда он нам прислал

А.Е. Соколенко. Рисунок отца (1957)

нарисованный каким-то зеком цветными карандашами свой портрет. Его демобилизовали, в первую очередь, как отца большого семейства.

Когда он приехал домой, семья жила в хуторе Индырь. Там был совхоз, где платили натуральными продуктами, и мать, чтобы спасти детей от голода, перевезла семью туда. На следующий день отец взял подводу в родном колхозе имени Димитрова и перевез всех домой. Помню, была зима, и в село Овощи приехали ночью. Отец оторвал доски забитых окон в своем доме, и жизнь закипела. На другой день появилась мука, и мать начала печь

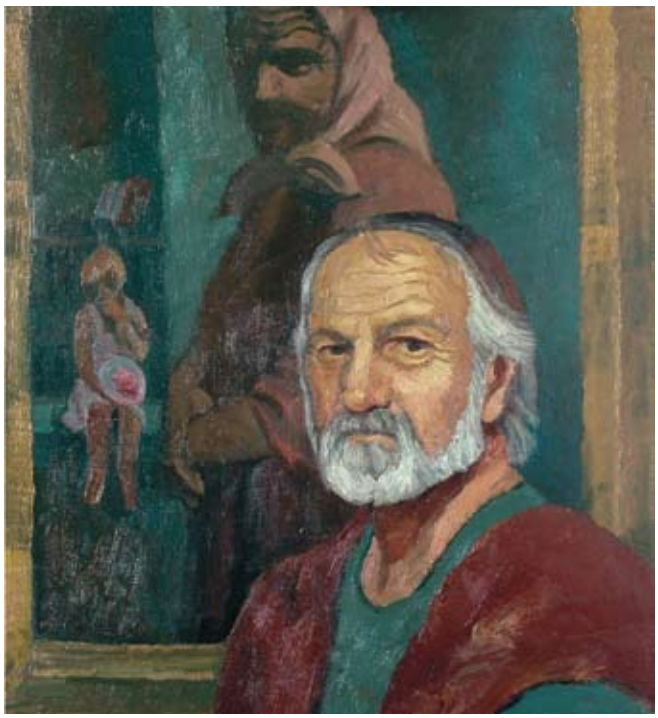
пышки и хлеб. Отец, как и прежде, начал работать заместителем председателя колхоза, но коммунистом уже не был.

Я много слышал страшных историй о его плене и работе с зеками, которые он рассказывал ночью, за бутылкой водки председателю колхоза по кличке «Куёшка». Мы, дети, спали на печи, и я, затаив дыхание, слушал эти ужасные вещи. Некоторые из них я до сих пор не могу рассказать, настолько они меня поразили и ужаснули.

Отец любил выпить, мы, дети, заставали его с друзьями в буфете и просили «на кино». Со своим другом столяром Алхимовым они часто сидели дома и, уже будучи в «хорошем» настроении, пели песню:

Над берегом чаечка вьется,
Ей негде, бедняжечке, сесть.
Лети ты, лети в край далекий,
Неси ты печальную весть!

Алхим пел высоким голосом, переходящим в дискант, отец вторил, и получалось у них здорово.



А.Е. Соколенко. Автопортрет

У меня была обязанность — ходить к Алхиму в мастерскую и в мешке приносить стружки и обрезки дерева для печи.

Отец с матерью жили плохо, постоянно ругаясь, несмотря на такое количество детей. Я потом, будучи в возрасте, часто задумывался, почему это у них происходило, и когда узнал о восточном гороскопе, начал считать: получилось, что отец родился в год Дракона, а мать — в год Огненной лошади, и эта ужасная несовместимость портила им всю жизнь. Они ругались, отец выпивал, говорят, «подгуливал» на стороне. В селе все и всё знали. В 1949 году, в канун Нового года, переехали в село Петровское. В нашем селе никогда не было новогодней елки, и первую елку я увидел перед отъездом в школе, через окно. А рано утром мы со старшим братом Василием повели корову в Петровское по заснеженной и обледенелой дороге. Все семейство перевозил на машине дядя Ваня Воронин, и нас они догнали в Камбулате, когда совсем рассвело. Нас сменил отец и повел корову уже один.

В Петровском отец работал разнорабочим, жили на улице Подгорной, где умер самый младший сын Александр, двух с половиной лет. Этот красивый ребенок болел менингитом, а туберкулезной палочкой его наградил дядя Федор (он не мог удержаться, чтобы не сунуть племяннику от себя что-то съестное). Я был нянькой у Саши.

Потом жили на улице Бассейной, ходили в колодец за водой по жетонам и прожили в Петровском год.

Видно, эта рабочая жизнь отца не устраивала, и мы переехали под Ставрополь в пригородный колхоз на хутор Маслопресс. Он находился в ложбине, у подножия горы. Посреди хутора извивался овраг, промытый сбегающей с гор водой. Здесь властвовали ветры, несло землю и маленькие кусочки камней. Мы с братом Владимиром спали на кровати на улице, а утром выдирали свои подушки, унесенные ветром, из плетеного забора соседей. Рядом, в двух километрах, было Сенгилеевское озеро, левее через километр — хутор Садовый, а к северо-востоку, повыше на плато — хутор Грушевый, раньше в нем жили немцы (немецкий околоток), было идеальное сельское хозяйство. Немцы добывали торф на удобрение в небольшом болотистом озере, заросшем камышом. Сейчас это озеро Кравцово, от землетрясения открылись родники, оно наполнилось водой, появился плавучий остров из камышей, и водится какой-то тритон, которого занесли в Красную книгу. Кравцово и Сенгилеевское озера были остатками Сарматского моря до того, как Кавказский хребет поднялся из воды. По сути, мы ходим по дну Сарматского моря, Сенгилеевское озеро было соленым и небольшим, были острова, камыши и невероятное количество дичи, особенно цапель.

Но появились большие советские планы, решили наполнить озеро пресной кубанской водой с помощью канала и реки Егорлык, сделали водоем пресной воды для города Ставрополя. Думали, что место, где был хутор Маслопресс, должно заполниться водой, и хутор снесли. На Маслопрессе мы прожили год, и это были самые яркие детские воспоминания в моей жизни.

Мы переехали в Ставрополь, отец работал в колхозе «Пригородный», затем он стал совхозом «Ставропольский». Отец заболел бруцеллезом. Болел тяжело и долго. Видно, он не уберегся — на Маслопрессе было стадо коров, больное бруцеллезом. Он долго лежал в больнице, ходил на костылях. Ему помог один председатель колхоза, где была Кумагорская больница, — они с ним лежали в больнице в одной палате, — тот тоже болел бруцеллезом.

Я, волей случая, тоже лежал в больнице вместе с ними в одной палате. Летом был сильный ливень, и я на Ташле в половодье поплавал, у меня поднялась температура выше 40°. Меня забрали в больницу, думали, тиф, но быстро сообразили, что нет, потому что аппетит у меня был отменный. Врачи подумали, что я болен, как и отец, бруцеллезом, и положили в одну с ним палату. И было, почему: у меня болели ноги, одна была тоньше другой, болела поясница. Вставая, я на секунду терял сознание — прострел в пояснице, темнело и сверкало в глазах. Меня лечили от бруцеллеза, но мой организм не реагировал на все вакцины.

Вероятнее всего, это были последствия моих бесконечных купаний в Сенгилеевском озере, где мы руками драли раков из нор, сказалась и простуда в наводнение. Я был в больнице целое лето.

Меня выписали с диагнозом «воспаление седалищного нерва».

В больнице я и запомнил того председателя, который помог отцу. Там, в библиотеке, я брал книги и много читал. Он тоже со мною пристрастился к чтению, видно, раньше ему было некогда читать, а тут столько времени. Помню, я с ним спорил до хрипоты, кто же предал Овода: он говорил, что Монтанелли, я защищал Монтанелли и говорил, что это другой священник, что остался на время его отъезда.

Спустя год или более этот председатель пригласил отца в Кумагорку, где они вместе и вылечились. Но ноги у него были неважные, хотя отец и работал в колхозе на лошадях расформированной конной армии. Я каждые выходные ездил на них верхом на пруд в десятое поле, чтобы искупать лошадей.

Плохие сосуды ног у отца — варикоз, эндартериит — привели к плачевным результатам, и уже на семьдесят седьмом году жизни ему ампутировали правую ногу. Долго он, как ветеран войны, находился в реабилитационном центре инвалидов, где ему сделали протез. С ним он так и не научился ходить, и пришлось, в дополнение к нему, пользоваться костылями.

Много в жизни пришлось отцу вытерпеть, ничто его не сломило, а вот рак доконал. В последние месяцы лежал, не вставая. Не стонал, обезболивающих лекарств ему врачи не выписывали, ведь было ему восемьдесят два года, да еще у него аллергия на лекарства. Мы и не знали, что его гложет. Врачи сказали о его обреченности в последний день его жизни. Мы понимали, что он умирает, и он это понимал. Все дети, что рядом жили, заходили, шептались. Я поехал в город, купил ему костюм, исподнюю рубашку, кальсоны и тапочки. Зашел к нему, он хотел что-то сказать, шептал. Мы с Марией наклонились к нему, разобрали: «Не оставляйте меня», — ему хотелось умереть при детях. Потом попросил мою руку, и, сильно сжав ее, подтянулся выше на подушке. Я сказал Марии, что у него есть сила, он еще держится, а у меня неотложные дела в Союзе художников — заседание (я был председателем Союза), если что — звоните.

Только заскочил в мастерскую, чтоб наконец-то выпить чаю, позвонил Николай: «Отец умер».

Я приехал, отец лежал еще с полуоткрытыми глазами, я закрыл их. Мария, плача, белила большую комнату.

Николай — 1928 года рождения — старший брат.

В войну и после, подростком, работал в колхозе.

У нас был пес Полкан — огромная кавказская овчарка. Когда ходили на волков, он один выходил против стаи, догоняя, сбивал волков грудью и расправлялся с ними. Это был наш любимый пес, мы на нем катались. Во время оккупации он выбегал из подворотни и лаял на проходящих немцев, на него направили пистолет, а он прятался во двор, за стену. Пес не нравился полицаю Ионову, и както Ионов застрелил его. Николай в отместку ночью бросил труп Палкана в колодец Ионова.

Полицаев в селе было несколько человек. Ионов был известен мародерством. Говорят, он забил весь свой чердак обувью расстрелянных евреев. У него было три дочери: старшая — Дуська, после войны она работала письмоносцем, была веселого нрава — любила потанцевать. Когда нашего Николая проводили в армию, а проводы в армию в селе были большим праздником, Дуська у нас в хате плясала дня три. В это время шли дожди, в хате же были земляные мазаные полы, а от мокрой обуви они настолько раскисли и растолклись, что отец, вычищая грязь, сделал в хате яму. Мать же, посмеиваясь, говорила: «Вот Дуська!! Вот Дуська!!!»

Все дочери Ионова были хорошими и веселыми. Средняя Вера и младшая Нина были посерьезнее. С младшей я учился в одном классе, и она мне очень нравилась.

Сам Ионов при отступлении немцев сбежал. Лет через двадцать односельчанин как-то был в Сибири и на рынке одного города увидел Ионова, бросился к нему: «Васька!!! Кум!» — Ионов оглянулся и быстро исчез в толпе.

А.Е. Соколенко. Подол (1967)

Другой полицай — «Жулик», то ли кличка такая, то ли это была фамилия. «Жулики» до революции владели мельницей, и Жулик страшно ненавидел Советскую власть. С одним немцем он приходил к нам в дом, говорил: «У Егора должно быть оружие». Искали. Немец дал очередь из автомата на чердак. Нашли отцовский полушубок и сундук с двумя пудами ячменя. Жулик пытался все забрать. Мать кинулась к нему: «Полушубок забирай! А ячмень оставь! Ты что, хочешь, чтоб они подохли с голоду?» — махнула в сторону кучи детей. Жулик выругался, полушубок взял, а ячмень оставил.

Он любил, напившись, верхом на лошади, вскачь, носиться по улицам села, размахивая шашкой, кричать «Порублю!» разбегающимся во все стороны детям.

Он сбежал с немцами.

Был еще Ютка — тот остался в селе. После войны трое фронтовиков подъехали к нему на линейке и сказали: «Садись». — Он побледнел, проговорил: «Что вы задумали, ребята? Не надо». Ему сказали строго: «Садись». Он сел, и все уехали за село. Через несколько часов они приехали без Ютки — суд был короток. Милиция всех забрала, продержала три дня и отпустила.

Наш сосед дядя Вася Кулешов тоже служил в полиции. Но его никто не тронул, он и после войны жил и работал в селе. С его сыном Колей мы дружили. Говорят, взрослым он влюбился, жил с этой женщиной, она ему изменяла, и он повесился.

Отчим дяди Васи (дед Коли) был австрийцем. Он еще в Первую мировую пристал к ним и остался с ними жить. У него было вытянутое лицо с висящими усами, желтыми от самосада. Когда я тащил в ведрах воду на коромысле, коромысло пружинило и гнулось, он, сидя на завалинке, попыхивая самосадом, усмехался и подбадривал меня: «Давай, Лешка, тащи!»

У нас была маленькая черная собака Жучка. Он все жаловался, что она портит в их огороде кукурузу. В конце концов он поймал ее железным крючком за ошейник и повесил.

После войны Николай работал в колхозе горючевозом. Они ездили на лошадях, запряженных в специально сделанные длинные подводы для железных бочек под бензин, в Летнюю Ставку и в село Петровское в сорока километрах от нас. Перед очередной поездкой в Петровское он приехал домой на бедарке

А.Е. Соколенко. Село Овощи (1986)

за харчами. Мать собрала ему продукты, и он поехал на культстан к своей горючевозке, взял и меня прокатиться до выгона. На выгоне ссадил с бедарки: «Ну, беги домой», — я тайком уцепился сзади за бедарку, став на ось, и незаметно проехал с ним километра четыре, только в Киричах он заметил меня, запричитал: «Что мне с тобой делать?» — и ничего лучше не придумал, как взять меня с собой в Петровское. Мы проездили два дня. С ним была девушка. Для меня это было целое путешествие. Набрав горючего в Петровском, мы поехали в гору по слякотной дороге, лошади не тянули. Николай злился, бил их кнутом, даже камнями. Это увидел проходящий мужик, сказал: «Ну, что же ты так?!» — взял лошадей под узды и потихоньку, спокойно, поворачивая лошадей то в одну, то в другую сторону, вывел их в гору. Когда мы ехали по улицам, над нами свисали ветки спелых абрикосов. Николай становился на сиденье и рвал их. Девушка тянула его вниз, приговаривая: «Ты что! Ведь рубашку снимут или штаны».

По дороге домой я утерял шапку, когда спал ночью.

Дома меня искали даже в колодце — ведь мальчишки нет уже два дня. Не думал я о сердце матери.

Мать Николая, как старшего, оставляла дома за главного. Николай любил командовать и заставлял младшего, Василия, работать дома по хозяйству и часто его избивал, порой жестоко.

После войны армия была в почете, на нее была мода, а Николай любил пофорсить. Ему сшили из хорошей материи гимнастерку и галифе, напоминающие офицерскую форму. С другом Иваном Матвеевым, в такой же форме, они по праздникам выходили погулять.

Отслужив в армии, Николай стал хорошим столяром, рано ушел на пенсию по болезни, но всю жизнь работал дома, занимался хозяйством.

Василий — 1930 года рождения — старший брат.

Как и Николай, подростком работал в войну и после.

Работал, когда жили в Индыре. Зимой мы ловили воробьев: во дворе ставили деревянное корыто дном вниз, один край был приподнят палочкой, а к палочке привязана веревка и тянулась к нам, в окно. Под корыто сыпали просо и, когда воробьи стаей слетались клевать просо, дергали за веревку, корыто прихлопывало всю стаю. Мы босиком по снегу выбегали к корыту, запускали под корыто руки и ловили воробьев. Ощипывали десятки воробьев и варили с ними лапшу.

В Овощах после войны было голодно. Весной, как только начинал таять снег, все дети высыпали на выгон с ведрами. Набрав в лужах талой воды, заливали ее в сусличьи норы, суслики выползали, мы хватали их за загривок, чтоб не укусили, ловко свежевали (сдирали шкуры) и жарили на костре на палочках, потом ели это нежное и сладкое мясо.

Однажды мы с Володькой принесли домой несколько пойманных сусликов. Мать нас изругала, надавала подзатыльников: грызуны-де переносчики болезней. Когда она ушла, Василий над нами посмеялся, содрал с сусликов шкуры, зажарил и съел.

Отслужив в армии, Василий вернулся домой уже в Ставрополь. Он научился фотографии и участвовал в выставках любителей этого искусства. Но сначала попал на работу по увеличению фотографий в подпольную мастерскую, организованную музыкантом Николаем Соколовым. Василий работал агентом-реализатором по привлечению заказов. Я тоже после окончания десятого класса работал там мастером-ретушером, поскольку умел рисовать. Конечно, нам не говорили, что это незарегистрированная организация, но и без того мы об этом догадывались.

Процесс был такой: агент выезжал в какой-либо город, ходил по дворам, показывая увеличенные фотографии с маленьких фотографий любого качества, и люди заказывали фотографии своих близких или погибших на войне, или давно уже умерших родственников, фотограф увеличивал их; отпечаток был нечеткий и слабый (так как фотографии были, как правило, плохого качества), затем за работу брался мастер-ретушер, он натирал фотографию пудрой пемзы, чтоб лучше брался соус, и рисовал портрет фетровыми палочками и пальцами, а то и всей ладонью. Мастера были разные, некоторые очень ловко и красиво рисовали, чаще

портреты были все на одно лицо, в других больше улавливалось сходство. Часты были отказы со стороны заказчиков — «не похоже!» Я от природы умел рисовать и, делая фотографию, внимательно смотрел, угадывая характер на едва различимой помятой фотографии, и добросовестно делал большой портрет. Фотографии выходили не такие красивые, как у других мастеров, но были похожими, и у меня не было отказов. Реализаторы говорили, что матери часто плакали, глядя на воспроизведенные и восстановленные черты погибшего сына. Агенты это оценили, и меня завалили заказами. За фотографию с одним портретом мне платили 12 рублей, за соединенную пару — 17 рублей.

Василий как-то набрал заказов в городе Кокчетаве, наделали сотни портретов, и надо было ехать, чтобы раздать их и собрать деньги. В Кокчетаве жили ссыльные ингуши, чеченцы, коренные казахи и целинники. Это был 1957 год. Василий пригласил меня поехать вместе с ним — он боялся ходить по дворам с «огромной суммой» денег. Я с удовольствием согласился, и мы поехали.

Путь был длинным и долгим, надо было перемахнуть через Урал, чтобы добраться до Кокчетава; поезда были забиты пассажирами, билетов не было. Чтобы попасть в вагон, надо было в последний момент, как только начинал двигаться поезд, вскочить в вагон, чемоданом пробивая себе дорогу, и потом уж договариваться с кондуктором, лезть на багажную третью полку.

Была глубокая осень, ноябрь. Проезжая Урал, выскакивали на станциях купить горячей картошки, соленых грибов, огурцов. Так я где-то простыл, заболел, с температурой лежал на третьей полке. Василий купил водки, налил мне большой стакан, я выпил и в жáре заснул, обливаясь потом. Утром я проснулся здоровым уже в Кокчетаве. На вокзале мы зашли в парикмахерскую, там нас привели в порядок после долгой дороги, и мы двинулись сбывать заказ в этом интернациональном городе. У каждой национальности был свой уклад, на свой лад выстроенное жилье. Чтобы попасть к казаху в жилье, по-нашему в горницу, надо было пройти скотный двор, мимо овец, коров, через всю живность, а затем можно было попасть в их апартаменты. Ингуши и чеченцы заводили свой порядок, как у себя на родине. Эти две национальности не дружили и в ссылке. Вечно у них были конфликты, кровная вражда. Да и среди своих все время выясняли отношения. К нам относились хорошо, приглашали в дом, усаживали и делились своими невзгодами. Один чеченец, встретив нас у ворот, зашел в дом, снял плащ, под которым был переломленный обрез: «Не могу выйти без оружия, — сказал. — На днях на грузовой машине ездили отбивать украденную невесту, теперь мне мстят». В другом доме у отца мы видели эту невесту, красивую, худенькую, бледную чеченку. Отец, здоровый, жилистый и крепкий, с бритой головой, махнул в ее сторону: «Вот! После всего с ума сошла». Она же печально смотрела на нас большими красивыми глазами.

К вечеру мы шли по улице, впереди шла группа чеченцев, один из них вынул пистолет, выстрелил в землю — проверил. Они и здесь жили по-своему.

Мы остановились жить в доме украинца. Добродушная веселая семья. У них была дочь Оксана, девушка на выданье. Дородная чернобровая красавица чаще смеялась, чем говорила. Как-то семьей они налепили вареников. Мы вместе с ними ужинали, они лукаво на нас посматривали и, когда Василию попалась в варенике спичка, весело расхохотались.

Целинники жили в вагончиках, по-своему налаживая быт, тянулись к хорошей жизни, но... Первое зерно, которое так щедро отдала целинная земля, было свалено в бурты, элеваторов не было, вывоз не был налажен. Как всегда, к такому богатому урожаю не были готовы: поднять — подняли, да деть некуда. Сгоревшее зерно бульдозерами сваливали в реку. На обратном пути поезда были забиты разочарованными уезжающими целинниками.

Дома нас ждал крах нашей фирмы. «Нужные органы» взялись за подпольную деятельность Н. Соколова. Ему грозил суд. То, что его фирма была незаконной, было видно сразу. Когда я приходил к нему домой за зарплатой, он, грузный после перепоя, сидел в своем кресле, долго смотрел на меня, потом посылал за чекушкой для похмелья, наливал в стакан, говорил: «Хочешь?» — и выпивал сам. Затем долго рылся в своей амбарной книге: «Так! Зарплата 800 руб. Налоги... — долго смотрел в стену. — Ну, налоги я с тебя брать не буду», — и отдавал 800 руб. Он нашел меня дома, спрашивал, что я буду говорить в суде, если вызовут. Я ответил, что ничего не знаю, работал мастером, зарплату получал исправно. Он сказал: «Правильно».

В суд меня не вызвали. Я уехал в Ростов поступать в художественное училище.

Соколова осудили лет на 5—6. Он организовал в тюрьме оркестр и вышел досрочно, через 2 года.

У Василия незаметно для меня появились какие-то отношения с Оксаной. Он еще раз поехал в Кокчетав, хотел на ней жениться. Приехав, он попросил меня ее встретить: «Ведь она больше никого здесь не знает».

В Ставрополе он дружил с Таей, полукалмычкой, веселой и боевой девкой. Она заподозрила что-то неладное. Начала меня пытать: «Ты все знаешь, расскажи». Я увильнул от ответа.

Чуть погодя Василий дал Оксане отбой. Мне признался: «Ну, что я буду с ней делать?! Да, красива, но ни поговорить, ничего... А с Тайкой можно говорить, и все такое».

Тайка победила.

Василий устроился на завод «Электроавтоматика», стал уникальным специалистом — слесарем-инструментальщиком. Вышел на пенсию. Купил дачу — хату в хуторе Польском, квартиру с Таей оставили сыну Гене. У того две дочери — Таня и Наташа. Таня училась в Детской художественной школе у моей дочери Александры.

Мария — сестра, 1933 года рождения.

В детстве, в войну, была нянькой младшего брата Миши. Еще девочкой работала в колхозе. Она была помощницей матери.

В Ставрополе, в колхозе «Пригородный», была звеньевой в бригаде из десяти или двенадцати девчат. Летом, на школьных каникулах, она брала меня к себе работать в звено. И хотя у меня болели ноги и поясница, я был рослый и сильный.

Работали в огороднической бригаде, выращивали огурцы, помидоры, капусту. Бригада сажала, по-

лола, собирала урожай. Я работал с ними, был у них поливальщиком, выносил с поля огурцы в мешке, которые они собирали в ведра. На бричках урожай везли в город на Нижний рынок и продавали. Из помидоров делали томат, бригадный двор был наполнен его запахом, семенами на щитах, разостланных по всему двору.

В поле подальше, — километров за семь, — ездили на подводах с песнями, визгом и хохотом.

Когда колхоз построил большую птицефабрику, Мария стала работать птичницей.

От двух мужей нажила четырех детей, пять внуков.

Первый муж — Виктор Серебряков, от него дочери Галя и Таня. Виктор был с гонором, себя любил, паясничал. Разошлись, он где-то мотался, осел у моря, там женился.

Мария вышла замуж за Василия Брыкалова. У них дети — Миша и Катя. Василий, хозяйственный, уравновешенный и простой, работал на тракторе. В девяностые годы выкупил своего «Белоруса» и подрабатывал на нем уже на пенсии.

Владимир (1935 — 1998 гг.) — старший брат.

Старше меня на три года, в детстве был худенький, узкоплечий. Мы с ним гуляли, дрались, а пошли в школу вместе, из-за его роста. Впрочем, после войны в одном классе могли учиться дети восьми, девяти, десяти и даже двенадцати лет. Он толкал меня своими острыми худыми локтями, я дразнил его Кощеем. Ко мне прилипла кличка «Шкыргик» за рассказанную мной сказку, вычитанную в книге. В ней был мужик, нашедший клад под березой, и когда он к ней приходил, она скрипела: «Скрип, скрип», — я же говорил: «Шкыргик, шкыргик».

У двора соседа росла высокая акация, мы играли, хватали друг у друга фуражки, шапки и бросали на акацию. Моя шапка, брошенная братом, застряла на дереве, и он начал сбивать ее камнями. Брошенный кусок черепицы застрял острым концом у меня в голове — полилась кровь, я заорал. Сбежались взрослые, мать — черепицу вынули, рану залили керосином и завязали мне голову. Брат сбежал, мать ему вслед пригрозила: «Вернешься, убью!».

Во дворе в русской печи она пекла пышки и гусиным пером мазала их арбузным медом. Мне, как пострадавшему, в первую очередь доставались вкусные, припеченные, обильно смазанные медом пышки. Володька сидел в канаве и глотал слюни. Я сжалился и тайком от матери отнес ему пару пышек.

Подростком он косил на лобогрейке сено и сгребал его в копна конными граблями.

Ушел в армию, там он вытянулся, вырос и домой вернулся, хотя и узкоплечим, но высоким солдатом. Завербовался в Сибирь лесорубом, на новостройках Сибири ремонтировал доменные печи, залезая в их остывшие жерла. Женился на белоруске Людмиле. У них дочь Света и сын Юра. Уехал на родину Люды в Гомель, но жизнь у них не сложилась. Он приехал домой в Ставрополь, говоря: «Пока она передо мной не извинится, не поеду», — сам же запил. Я говорю ему: «Как же, жди! Дуралей, возвращайся к семье! Наладится. Умрешь под забором», — он закусил удила и пил. Не работал, жил у родителей, рано стал получать пенсию — как работавший на опасных участках. Хотел поехать навестить детей, да денег не было. Я дал ему на дорогу туда и обратно. Он сказал: «А на подарки?». — Я ему: «Ну, ты даешь!». — Он: «Ну, ладно, гитара у меня есть, а Юрка давно хотел гитару».

Вернулся. За больными родителями ухаживали все дети, больше близко живущая Мария, и Володьке, как живущему с ними, досталось. Родители завещали хату ему, как самому неустроенному.

После их смерти дом наполнился его друзьями-алкоголиками, бомжами. Пенсию они у него забирали, когда он напьется. Он голодал, просил у Марии: «Нет ли у тебя чего-либо съестного?» Пьяным упал в яму котла, обогревающего дом, обжег спину до костей и вскоре умер.

Таисия (1940 — 1942 гг.) — младшая сестра.

В войну, весною, вместе с другими детьми играла во дворе, заболела воспалением легких, металась в жару, просила: «Укройте меня Лешкиным пиджаком. А теперь раскройте. Мне жарко». Тоська сгорела за два дня — умерла двух с половиной лет.

Михаил (1942 — 2001 гг.) — младший брат.

Родился в январе, была метель и мороз. Когда наступил день его рождения, нас, детей, укутали и отвели к соседке Горюновой. На следующий день мы увидели дома в люльке Мишу. Мария стала его нянькой.

Когда я учился в Ростове, он после семи классов уехал в Херсон, работал на заводе, оттуда его забрали в армию. В армии начал рисовать. По окончании армии он показал мне свои рисунки, в них была мощь, большой объем и весомость. Я только что окончил училище, поехал с ним в Ростов и был там, пока он сдавал вступительные экзамены.

В Ставрополе Михаил женился на омской татарке Фариде, которая училась в технологическом техникуме. У них родилась дочь Ира, и она с нею поехала в Ростов к Мише. Жили «на квартирах», чаще в подвальном помещении. Ида болела туберкулезом, стала ходить по советским инстанциям, и после долгой волокиты дали им квартиру.

Миша уже отучился, остался в Ростове, поехал на курсы реставраторов Грабаря, открыл в Ростове реставрационную мастерскую Юга России, был там мастером-бригадиром. Ида работала вместе с ним. Они реставрировали в Старочеркасском Соборе живопись — роспись под хорами, нашли в плохом состоянии парсуны (парадные портреты) казацких атаманов, их жен, отреставрировали, сделали много открытий. Миша вникал в историю времен реставрируемых работ, многое изучал и знал свое дело. Был интересным собеседником, рассказывал о времени казацких атаманов, их жизни. Реставрируя портрет атамана Ефремова и портрет Меланьи, говорил: «Это та самая Меланья, которую он полюбил. Да казацкая знать (старшины) не разрешала ему брать жену из бедной семьи. Атаман их не послушал, велел поставить столы по всей улице через всю станицу от дома Меланьи до своего — атаманского, уставил яствами и выпивкой и пригласил на свадьбу весь казацкий народ. Старшины не посмели идти против народа и пришли на свадьбу, тем самым узаконив их брак. Отсюда и пошла пословица: «Напекли да наварили, как на Меланьину свадьбу!»

Как-то из Эрмитажа с ним советовались по вопросам о войне 1812 года. В своей области он пользовался несомненным авторитетом. Был знаком с известными в России людьми: Кайдановским, Савелием Ямщиковым, Илларионом Голицыным и др.

Много работал как художник, был членом Союза художников России.

В Старочеркасске купил большой дом, достроил его. Миша и Фарида были на редкость гостеприимны, люди тянулись к ним, гостили художники Юга России, Москвы и особенно Ростова.

С выставкой казацких портретов он ездил в Москву, Польшу.

Во время перестройки Михаил поехал в Польшу, работал, пробыл там полгода. В реставрационной мастерской нашлись мастера, воспитанные им, жаждущие власти, воспользовались его отсутствием и сместили его, прибрав к своим рукам мастерскую.

Для реставрации наступили черные годы, денег не выделялось. Реставраторы оказались не у дел, а для Миши это был основной заработок. Последнее десятилетие двадцатого века для них было совсем плохим. Новая алчная власть забыла о реставрации. К тому же, Миша ушел от Иды. Новая его подруга искусствовед Ира помогала ему писать статьи для журналов, стала его соавтором. В соавторстве у них родился и сын Егорка, Миша жил у Иры. Она была очень активна, много говорила, ее энергия была утомляющей. Жизнь у Миши была безденежной, Ира требовала что-то зарабатывать.

Миша вдруг исчез, пропал, никто не знал, где он. Для Фариды Миша был смыслом ее жизни, она переживала, звонила мне в Ставрополь: «Миша пропал». Я позвонил Ире: «Что случилось?» Та уверяла, что никакого повода для ухода не было. Я просил даже знакомого Миши кагэбэшника, переехавшего из Ростова в Ставрополь, посодействовать, узнать, найти. Немного спустя тот мне позвонил: «Действительно пропал, не найдем».

Спустя год Миша появился, стал жить в мастерской. Рядом с ним оказалась подруга Иры. Говорят, она-то его и скрывала, вероятнее всего, много насплетничав ему, что-де Егорка не его сын. Миша окончательно запутался, свое отсутствие объяснял так: «Уезжал работать».

Он всегда не прочь был выпить, гипертония прогрессировала, и вскоре он умер. Похоронами занималась Фарида, ей помогала Людмила Георгиевна — мать зятя Игоря — мужа их дочери Иры. Игорь — сын Анатолия Легостаева, с которым мы учились в художественном училище. Мы с братом Федором, с женами Ларисой и Верой приехали в Ростов и все вместе: Анатолий, Игорь, я, Федя, Фарида, Ирочка — забрали Мишу из морга, отвезли в выставочный зал на набережную, где была гражданская панихида при большом стечении художников.

Вскоре в этом же выставочном зале на траурном помосте лежал и мой учитель Тимофей Федорович Теряев.

Фарида ухаживала за Т.Ф. Теряевым в последние его дни, брала на себя тяжесть похорон. А вскоре и она заняла их место на этом траурном помосте.

Фарида Баутова (1938 — 2002 гг.)

Она не сменила своей фамилий при замужестве, всегда была рядом с Мишей, научилась реставрации, работала с ним. Их семейный очаг благодаря ей горел полным огнем. Все шесть комнат в их доме в Старочеркасске были приведены ею в идеальный порядок, гостей всегда ждало свежее белье.

С сыном Денисом и дочерью Александрой я приезжал к ним, и мы все: с Ирочкой (их дочерью), большим бульдогом Авой — ходили на Дон купаться, отдыхать. Вечером на столе веранды стоял большой поднос с горой красных, вкусно сваренных Мишей раков, пиво и водка. Мы засиживались до глубокой ночи. Здесь же бывали и ребята из казачьего хора, и, выпив, затягивали мы русские песни.

И без Миши дом в Старочеркасске не был пуст. Художники из Ростова всегда заходили к Фариде, она их угощала всем, что было в ее огороде. Как всегда, многие уже не имели денег, она давала им на дорогу и на похмелье.

Я приехал на ее похороны, и мы с Анатолием Легостаевым, Игорем забирали ее из морга. Их дочь Ирочка, маленькая и худенькая, с ярко выраженными татарскими чертами, но получившая что-то и от Миши, во все глаза молча глядела на все происходящее. Но потом я понял, что она обладает сильным и твердым характером, на ее редкие замечания Игорь моментально реагировал, слушался. На похороны Фариды собралось множество народа, много говорили о ее доброте, внимании и заботе. На поминках, в той же столовой, где поминали Мишу, художники долго сидели, расчувствовались: «Золотоордынка ты наша! — говорил Миша Демьяненко, скульптор, сосед по мастерской. — Куда же мы теперь пойдем!»

А.Е. Соколенко. Торжество земли (1981). СКМИИ

Полгода спустя Ирочка с Игорем приехали в Ростов из Москвы, где они сейчас живут, и занялись наследием отца. Мишины работы они передали в Новочеркасский, Старочеркасский, Ростовский му-

зеи, в галерею Таганрога. Я тоже приехал в Ростов с директором Ставропольского музея изобразительных искусств Зоей Белой и искусствоведом Ольгой Бендюк: мы увезли в Ставрополь для музея 20 картин, а я взял 10 работ в свою коллекцию.

Ирочка работает в Доме Нащекина, где они устраивают выставки уже известных художников или выставляют картины из других музеев, выпускают каталоги этих выставок и издают журналы об искусстве. Она принимает большое участие во всех этих делах.

Федор — 1947 г. рождения — самый младший брат.

Мария была его нянькой. Когда он начал бегать, мне надо было следить, чтобы он никуда не ушел. Нас, пацанов, интересовали свои дела, свои игры; когда мы вспоминали о Феде, то его и след простыл. Но именно по следам мы его и находили. У него были своеобразные лапы: большой палец загибался внутрь и смотрел на большой палец другой ноги, — и следы его превращались в своеобразные полумесяцы. Их хорошо можно было узнать на пыльной дороге. Его мы находили за километр, а то и два уже на другой улице.

Как легко восприимчивы дети к новому наречию, к новому словообразованию! В Петровском, когда мы шли в гору, он глядя вперед, как истинный петровчанин, кричал: «О-тё-тё!!!».

Он, как и старшие братья, учился в художественном училище, вначале в Ростове, а потом в Ставрополе. По направлению попал в город Димитровград Ульяновской области, переехал на Украину и уже потом — в Невинномысск, где был главным художником. Работал над интерьерами, делал мебель. Преподавал в колледже, разработал свою программу рисования и эстетического воспитания. С женой Верой вырастили двух близнецов и сейчас воспитывают внуков.

Родословная по матери. Селивановы

Выходцы из Московской области — «москали»

Деда Леонтия Степановича помню совсем мало. Он умер, когда я был маленьким. После смерти первой жены Лукерии он женился на Евдокии. У каждого были свои дети, но в ходе их совместной жизни родились Алексей, Надя, Миша.

Бабушка Дуня для всех внуков была родной: когда дети приходили, ласково принимала и отводила в их большой вишневый сад.

Дед был известным на всю округу портным, его заваливали заказами, комната была заполнена отрезами материи. Старших дочерей Анну и Елену приучал шить — помогать ему. Ему некогда было отдыхать, заказчики не давали покоя. Работая, дед часто выглядывал в окно, видя, как идет очередной заказчик, кричал: «Кум Степка идет! Анна, давай скорее его отрез на стол!» — Кум Степан заходил. «Ну, как?» — спрашивал. — Дед разворачивал его отрез: «Да вот! Кроить начинаю». Степан уходил, дед возвращал его отрез на полку, начинал работать, иногда выглядывая в окно: «Ну, вот! Опять Васька идет!» — и все повторялось.

Но когда наступали праздники, Новый год, Рождество Христово, он позволял себе расслабиться. Колядовщиков и василевщиков, бродивших по улицам, он зазывал к себе в дом. Веселая толпа девок и парней вваливалась в большую комнату, дед садился на стул и просил их петь русские песни. После длительного концерта он щедро их одаривал заранее приготовленными подарками, конфетами и выпечкой.

Дед шил не только мужскую, но и женскую одежду. В войну — для фронта полушубки, рукавицы, ватные штаны. Каждую неделю приезжали к нему на санях и увозили воз этого добра. Он бесконечно курил цигарки с самосадом, прикуривая их одну от другой.

Читал газеты и говорил больше сам, остальные его слушали. Своего младшего сына Мишу и внука Васю, которые были ровесниками и дружили между собой, он заставлял разжигать утюг: «А ну-ка, ребятки! Надо разжечь утюг! И побыстрее: гладить надо!» Миша и Вася хватали тяжелый красивый утюг с открывающейся крышкой, выскакивали во двор, клали в него маленькие, заранее заготовленные дощечки, зажигали и по очереди дули в него.

Дед был разносторонним человеком — он работал шофером, занимался огородничеством, читая по этому поводу много книг, выращивал виноград.

Его брат Иван (полководец) был одним из отчаянных генералов Первой конной армии у командарма Семена Буденного. Талантливый самоучка достиг больших высот на своем поприще. До Отечественной войны жил и работал в Москве. В отпуск приезжал в село Овощи, разбивал в вишневом саду деда палатку и отдыхал в ней, вспоминая походную жизнь. Перед самым началом Отечественной войны был расстрелян в застенках Берии.

Его дочь Мария навестила мою мать в Ставрополе в шестидесятые годы. Подойдя к нашему дому на Заречной улице, она остановилась, мать моя была в огороде, вдруг всплеснула руками: «Вот я и узнала тебя, Мария!» В возрасте они были похожи, только Мария была высокого роста.

Сын деда Дмитрий (брат моей матери) в голодные тридцатые годы завербовался в Моздок и пропал. Вернувшийся товарищ говорил, что он там заболел малярией и умер, таких было много.

Когда я уже взрослым как-то зашел в дом, мать, увидев мой силуэт в проеме двери, всплеснула руками: «Митька?! — потом обессиленно опустилась на стул. — Ты так похож на Дмитрия, — боль за несчастную судьбу своего брата не давала ей покоя. — Как я не могла его отговорить, чтоб он не ехал туда?!»

Елена (1918—2000 гг.) — младшая сестра матери.

Была замужем за Иваном Петровичем Ворониным. Во время войны дядя Ваня шоферил по фронтовым дорогам, домой вернулся цел и невредим. Он был одним из троих фронтовиков, которые увезли полицая Ютку за село.

Выше среднего роста, плотный, здоровый, с чертами яркой мужской красоты, спокоен, говорил мало. После войны увез семью в Сталинград, где шоферил, восстанавливая знаменитый город.

У них был сын Владимир 1936 года рождения (мне двоюродный брат). Тетя Лена шила одежду и приторговывала на рынке. Приучала сына Володю помогать ей в спекулятивных операциях. Володя, физически здоровый, плотный, был способным малым; уроки матери он легко усвоил и пошел дальше — в жизни был склонен к мелким аферам и всему, что плохо лежало, старался найти применение. Он верховодил среди сверстников, втягивал их в свои аферы, а когда дело доходило до расплаты, всегда оставался в стороне, друзья же его попадали под суд за мелкие кражи.

Дядя Ваня, поработав в Сталинграде пару лет, перевез семью в Петровское и уже потом в Ставрополь. Везде он работал шофером, был надежным кормильцем семьи. И вдруг на вид такой здоровый человек заболел раком и быстро угас.

Тете Лене пришлось бороться за жизнь самой. Кроме уже взрослого сына Владимира, у нее была дочь Надя (1948 года рождения) с больными ногами. Ее постоянно клали в больницу, искали «лучших врачей», делали операции, но одна нога так и осталась короче другой, и она всю жизнь проходила с палочкой.

Авантюры Владимира всегда кончались крахом, матери приходилось изыскивать деньги, выручать его: он жил легко и весело. Еще подростком он както приехал к нам на хутор Маслопресс погостить. Через неделю возвращался домой в Ставрополь со мной. Когда мы подходили к Ставрополю, он вдруг нагнулся: «О, десять рублей нашел!». У кинотеатра «Октябрь» он купил по два мороженого, и на лавочке в тени деревьев мы с удовольствием его съели. Потом дважды повторили, растягивая удовольствие. Через два дня, когда я был уже дома, мать рылась в сундуке: «Не найду десятку... Куда она пропала?». Я сразу понял, за какую десятку мы съели столько мороженого.

С женой Ниной «сотворили» себе дочь Ольгу. Володька жил так же легко, но жены побаивался. Мне говорил: «Надо же! Все твои братья женились: один — на калмычке, другой — на татарке, третий — на белоруске, я — на башкирке — какой-то интернационал! Молодец ты, женился на русской». Я его поправлял: «На казачке. Она из Таганрога».

Он много пил, стал грузным, но, когда на каком-либо семейном торжестве начинал танцевать, женщины, глядя на него, говорили: «Ты смотри, а танцует, как перышко!».

Как-то зашел ко мне в мастерскую после перепоя, весь мокрый от пота, бурачково-краплачного цвета, закурил, сказал: «Нарисуй меня!». — Я ответил: «Садись». Взял холст и быстро начал писать. С холста смотрел алкоголик красно-краплачного цвета. Он посмотрел: «Это ты меня так видишь?» — встал и ушел.

Нажил себе цирроз печени, стал таять, жить ему осталось мало, и вдруг его нашли на балконе мертвого с веревкой на шее.

Тетя Лена после смерти мужа училась фотографии, кое-как научилась этому ремеслу. Начала заниматься увеличением фотографий, затем более доходным делом — стала агентом-реализатором по сбору заказов на увеличение портретов. В Ростове, как я уже упоминал, когда я учился в художественном училище, мне приходилось зарабатывать на жизнь ретушером-портретистом. Тетя Лена нашла меня и завалила работой. Она была активна, хотела жить «хорошо», искала способы зарабатывания денег, окружающих втягивала в свои дела — до назойливости. Вечно была в разъездах, свои вещи (ковер, одежду) на время отсутствия разносила по родственникам на сохранение — «чтоб не украли». Дома всегда был беспорядок, все в узлах, как будто она всегда куда-то собиралась в надежде, что жить будет «потом».

Свою дочь Надю возила по больницам и учила ее на врача лет десять в Одессе. Та выросла большой эгоисткой, работала в Березовке Херсонской области врачом.

Конец жизни у тети Лены был совсем плачевным: к ее безалаберности добавился старческий маразм, всем она надоедала, постоянно просила, чтоб для нее что-то делали, просьбы ее были мелочными, все от нее устали. Надя приезжала к ней в Ставрополь, приторговывала на дорогу, с ней не церемонилась. Тетя Лена и меня выдергивала к себе с нелепыми поручениями, на Надю жаловалась, онаде ее не кормит, бьет палкой, но просила меня не вмешиваться, «а то будет хуже».

Настало время, когда за ней нужен был постоянный присмотр. Надю пришлось вызвать из Березовки, сказать, что не получит она квартиру в наследство, перейдет она государству, если дочь не будет ухаживать за матерью. Надя забрала мать в Березовку, где она вскоре умерла.

Таисия (1922 года рождения) — младшая сестра матери.

Сестра милосердия, вышла замуж за учителя Василия Ивановича Коваленко. В войну, по мере освобождения Украины от фашистов, он был по-

А.Е. Соколенко. Белая акация (1975)

слан туда восстанавливать Советскую власть. Долго работал в Западной Украине секретарем райкома. В лесах, в подполье орудовали бандеровцы. Население, поддерживающее Советскую власть, запугивали, действовали устрашающими методами. Изловив «активистов», мучили их, вырезая на груди и спине звезды, иногда людей находили с содранной в полоску кожей. Семьи работников Советской власти жили за закрытыми ставнями с оружием.

Тетя Тося приезжала к нам в Овощи погостить с маленькой дочкой Аллой. Моя мать варила борщ из всего, что было у нас в огороде, в конце бросала зелень, укроп, петрушку, «пустые» цветы тыквы.

Алла, наблюдая за этим, говорила: «А шо такое? У нас, на Украине, борщ варят с бураками, а в Овощах с цветками».

В последнее время Коваленко жили в Голой Пристани (Гопри) в устье Днепра. Дядя Вася был секретарем обкома на три района.

В 1961 году в художественном училище меня перевели в другую группу, и я, приехав в Ростов после каникул, обнаружил, что группа, в которой я должен учиться, уехала в Ленинград смотреть музей. У меня было свободных дней десять. Я подумал: «А что, если съездить на Днепр к тете Тосе, где я никогда не был?» Взял билет, этюдник и поехал.

Дядя Вася — человек небольшого роста, толстый, с мясистым вытянутым лицом и мясистым же носом, был похож на гоголевского Ивана Никифоровича, только в очках, с умными прищуренными глазками. Он решил в воскресенье устроить отдых. Рано утром районная знать собралась на Днепре, и на катере все отправились по рукавам Днепра, разрезая водную гладь. В условленном месте нас уже ждали рыбаки. Они наловили молодых сомов и варили уху. На траве расстелили громадный брезент, центр был уставлен яствами: арбузами, виноградом, всевозможными фруктами, домашними

А.Е. Соколенко. Портрет матери (1971)

ароматными винами в графинах. Уху подали так: юшку слили отдельно, пшено отдельно, ломти молодых сомов тоже были поданы отдельно. Пшено, напоенное ухой, таяло во рту, молодые сомы нежно придавливали ее в желудке, потом запивали потрясающей юшкой. Ароматные вина из сортов Лидии наполняли всех блаженством. На десерт — виноград, яблоки, резали большие сахарные арбузы. Дядя Вася возлежал на брезенте, блаженно щурив глазки: «А жаль, что у сомов только один хвост, а не три, они самые вкусные».

Алла окончила медицинский институт, вышла замуж за Игоря Пенакен, тоже врача, преподававшего в медицинском институте, доцента. У них — дочь Аня, пошла по их стопам — врач, и у нее уже свои дети. Костя, сын, стал известным математиком, ездил в Америку, там женился и остался жить.

У тети Тоси — сын Володя, веселый, умный мальчишка. Я его рисовал в Ставрополе, лучший портрет он схватил, не мог с ним расстаться и увез в Гопри. Учился в медицинском институте, но жизнь сложилась, как у многих детей советских чиновников: он пристрастился к выпивке, женился, то расходился, то работал... Тетя Тося говорила: «Вот! Такой умный! А не сложилось...»

Нет уже тети Тоси и дяди Васи.

Алексей (1926 года рождения) — младший брат матери.

В армию был призван в конце войны, но на фронт не попал — не успел. Служил в Германии. Был простым советским функционером, занимал какие-то небольшие должности. В последние свои годы жил в Левокумке, был районным профсоюзным работником.

Надежда (1928 года рождения) — младшая сестра матери.

Смуглая, вероятно, была красивая, вышла замуж за офицера Погожева. В последние годы они жили в Грозном. Она умерла раньше. Он женился второй раз, но вскоре тоже ушел из жизни. У них дети: Гена и Валя. Гена высокий, под два метра. Жил легкомысленно, не имел специальности, мог заехать к родственникам, пожить, занять деньги и исчезнуть. Где-то пропадал, потом совсем исчез.

Валя замужем за Майоровым. У них дети. В девяностые годы, когда чеченцы начали выдавливать русских из Грозного, бежали в Ставрополь. Но статуса беженцев не добились и до сих пор бьются за жизнь, зарабатывая на постройку дома. Валя занимается мелкой торговлей на мини-рынке.

Михаил (1930 г. рождения) — младший брат матери.

В детстве дружил с сыновьями своей сестры Анны — Николаем и Василием. Он был крепкого телосложения, моего старшего брата Николая, который бил Василия, поколачивал: «Если ты хоть раз тронешь Ваську... я тебе!» — и показывал кулак.

Михаил работал на железной дороге в Минеральных Водах, стремился выучиться. Выучился заочно, был каким-то бригадиром. Его родная мать Евдокия (нам бабка) всю жизнь прожила у него. Она прожила долго — девяносто лет, пережила многих своих детей. Даже Мишу.

Анна Леонтьевна (1906 — 1988 гг.) — мать.

В молодости помогала отцу в его портновском деле.

Вышла замуж за Егора Андреевича Соколенко. Через каждые два года у них рождался ребенок. Вела домашнее хозяйство. На ее плечах лежала вся семья. Детей она обшивала сама, начиная с раннего возраста. Мальчикам шила короткие штанишки на помочах, и обязательно с прорехой. Бегает такой голопуз по улице, присел и оставил в пыли мокрую дучку или калач и побежал дальше. Удобно!..

Для колхоза она пекла хлеб у себя дома, за что ей начисляли трудодни. Во дворе была выстроена большая русская печка. Заготавливала опару в больших кастрюлях и чашках еще на ночь, опара «подходила», набухала, вылазила из больших кастрюль, мать заталкивала ее обратно. А рано утром затапливала печь и месила тесто на большом деревянном столе. Вымешивала долго, подсыпая муку на стол, тесто становилось тугим, потом делала круглые булки. Из натопленной печи выгребала жар кочергой, за-

тем сковородником засовывала в раскаленную печь большие сковороды с белыми шарами вымешенного теста. За один раз она выпекала с дюжину громадных хлебов — каждый килограмма по три. Это был белый, слоистый, удивительно вкусный хлеб. Ее хлеб славился в колхозе. Не одна она выпекала хлеб для колхоза, но в колхозе многие ждали, когда привезут хлеб от Анны.

В 1933 голодном году село Овощи было наполнено беженцами из Украины. Там было еще страшнее, и истощавший голодный люд двинулся на Кавказ в надежде, что здесь лучше. Голодные люди бродили по улицам, жили в ярах. В селе не закрывали дома замком, оставляли так — все свои. Как-то мать зашла в свой дом и увидела худого мужчину, сидящего за столом. Он вытащил из печи большой чугун каши и уже больше половины съел. Мать прислонилась к притолоке и печально глядела на него. Он встал: «Простите, не мог удержаться». Мать дала ему буханку хлеба, и тот, кланяясь, ушел. А наутро его нашли мертвым в канаве — обильная еда после продолжительного голода оказалась смертельной.

По селу ходили дети-сироты — девочка шести лет с маленьким братом, она всегда держала его за руку. В каждом доме сердобольные женщины подкармливали, угощали, одевали их. Они выглядели сытыми, опрятными и вдруг исчезли. Через некоторое время в яру одна женщина уронила в колодец ведро. Начали «кошкой» вылавливать ведро и вытащили из колодца узелок, а в нем головы и руки этих детей.

Перед Отечественной войной у матери было шестеро детей. В войну она делала все, чтобы прокормить, сохранить детей. Пошла работать на маслозавод, приносила сыворотку, соленую брынзу, вымачивала ее. Перестал работать завод — перевезла семью в хутор Индырь, там легче прокормить, платили натуральными продуктами, да и старшие дети начали работать в совхозе. В комнате, где жила вся семья, появились цыплята, длинные кормовые арбузы. Арбузы были зеленые и невкусные, ими кормили скот. Их не так легко было разбить, от удара они подпрыгивали, как мячи, и нередко мы начинали играть этими арбузами «в мячи». Подпрыгнув, арбуз попадал в убегающего цыпленка, и раздавливал его. Мы же от матери получали подзатыльники. Много лет спустя, когда я был в Америке со своей выставкой, я увидел такие длинные арбузы, спросил: «Это кормовые?» — на меня недоуменно посмотрели, разрезали — настоящий сладкий арбуз. Сейчас и у нас можно увидеть такие длинные арбузы.

В Индыре мы научились ловить воробьев на лапшу.

Не помню точно, в войну или после нее, прислали в село Овощи эвакуированных детдомовских детей. Их разбирали по семьям — прокормить. Мать взяла двух мальчиков десяти-двенадцати лет. Где шесть, там и восемь можно прокормить. Сняла с них завшивленную одежду, прожарила в печи, выкинула на черепичную крышу сенцев — прожарить еще на солнце, детей же искупала в корыте в воде с криалином. В нем купали овец для профилактики. И по совету ветеринара мать всем своим детям часто устраивала такую профилактику в те тяжелые годы.

Приемные ребята прожили у нас с год-два как члены семьи.

Можно было поражаться смелости и находчивости матери: как она выручила тетю Ольгу из каталажки, отбила спасительный ячмень у Жулика!

После войны, когда отец перевез семью снова в село Овощи, у матери дел не убавилось. Старшие дети Николай и Василий работали в колхозе. Мать должна всех собрать в дорогу. Вставала, когда еще было темно, готовила, ведь с рассветом всем надо на работу. Ложилась позже всех — готовила, обшивала, латала.

Мы — младшие — Мария, Володька и я — ходили за колосками. До восхода солнца выходили в поле. По пыльной дороге тянулись группы старух, детей. Солнце встречали на выгоне по дороге к Киричам. В скошенном поле, за пять-семь километров от села рассыпались и собирали колоски. У каждого была тряпичная сумка, привязанная к поясу. Собрав несколько колосков, разминали их в сумочке. Острые устюки кололи нежные детские руки, но надо было. Намяв полную сумку, расстилали полотно и веяли на ветру, отделяя зерно от половы.

В полдень в жару дети сникали, иногда случались солнечные удары. Обедали, пили из бутылок молоко и воду из кубышек. К вечеру ссыпали добытое чистое зерно в свои сумки. Взрослым удавалось

собрать до десяти килограммов, детям по-пяти, а самым маленьким (шести лет) достаточно и трех.

Объездчики следили, чтобы собранное зерно сдавали в колхоз, но удавалось миновать объездчиков и приносить зерно домой.

Приползали домой, мать кормила нас, мы мыли ноги и ложились спать во дворе под вишней. Во сне мы продолжали собирать колоски под палящим, крутящимся над нашими головами солнцем.

Каждую субботу в колхозе топили общую баню. Вначале мылись дети. Маленьких детей — мальчиков и девочек — поручали мыть девкам. Они весело нас мылили хозяйственным мылом, обмывали водой, похлопывали, вытирали полотенцем. К мальчикам наклонялись, говорили: «А ну, дай табачку понюхать! Какой он у тебя? — О, крепкий!» — чихали и с хохотом бежали в парную, хлестая друг друга вениками и обливая водой.

А.Е. Соколенко. Захар и Паша (1970). СКМИИ

Осенью шла заготовка, бабы ходили к подругам помогать. Засолят капусту у одной, идут к другой. Вижу, как сейчас, на большом деревянном столе нарезанную капусту и рядом горку оранжевой морковки. Мать с подругой о чем-то говорят, подсаливают капусту, ловко перемешивают и закладывают в кадушки. Очистят белую кочерыжку — дадут тебе, и пошел хрустеть упругой сочной мякотью.

В кадушках солили и арбузы. Зимой достанут соленый арбуз, разрежут и дадут тебе ломоть с гибкой красной мякотью.

А то созреет хмель, и на столах на клеенке сохнут коричневые дрожжи, сделанные матерью из отрубей и хмеля. Только на своих дрожжах можно испечь настоящий вкусный хлеб.

Зимой резали свиней. Во дворе готовили место, зарезанного кабана клали на подогнутые ноги, обкладывали соломой и смолили. Затем покрывали старым одеялом и сажали детей верхом на кабана, чтоб пропарился: «А ну, покатайтесь». Потом разделывали тушу и готовили колбасы: промывали кишки, начиняли их кусочками мяса с чесноком,

А.Е. Соколенко.Заготовка помидоров (1964)

обваривали и жарили. О, этот вкус свежей домашней колбасы, вареной требухи, кендюха, запеченной крови! Окорока сушили, вялили.

К праздникам пекли сдобный хлеб на молоке, простокваше и масле. Мать особенно любила печь караваи, булочки в виде жаворонков, плетенки и катланики. А то примется делать бублики. Сделает крутое тесто, вымесит, выкатает, закрутит в кольца и бросит в большую кастрюлю с кипящей водой, потом запечет в печи на сковородках и помажет гусиным пером белком яйца.

Потом, когда у нее были внуки, а их было четырнадцать, она помнила дни рождения каждого и на день рождения приносила сказочно испеченный каравай с рожками да пупырышками, а то и украсит его жаворонками.

Настанет время родить корове — особое внимание, особая суета. Ходят в сарай, проверяют, не спят ночами: «Вот-вот!» Ночью у коровы появился теленок, а то и два. Подождут, когда корова его оближет, и заберут в комнату. Пол в комнате устилают пахучим сеном, теленок еще не совсем обсох, а уже старается встать на дрожащие ноги. Вначале он неловко тыкается головой в пол, в лавку, в печку, во все углы, ноги его крепнут, и он уже взбрыкивает по комнате. Мы во все глаза смотрим с печи, соскакиваем с нее и начинаем играть с ним, он лбом поддевает нас, а мы разбегаемся. Нам поручается и поить его из бутылочки молоком. Окрепнув, освоившись, он начинает жевать все, что ему попадется: занавески, тряпки, рубашки...

В долгие зимние вечера мать вязала чулки при керосиновой лампе, а то и при каптушке. Спичек не было, чтобы зажечь, высекали искры кристаллом о кремень на трут (сожженная вата в баночке), и он загорался. Дети постоянно играли, толкались, дрались. Как-то мать увидела тень Василия на беленной известью печи. Она спицей начала обводить его черный профиль. Мы завороженно смотрели, Васька «ушел», а профиль остался, долго просматривался и после последующих побелок.

У матери был какой-то дар увидеть красоту в простом. Я учился в художественном училище, а на каникулах, дома, я всегда рисовал детей с улицы, племянников, натюрморты. Мать, глядя на мою работу, шла в огород, срывала цветы, приносила и ставила в кувшин. И натюрморт готов — ни убавить ни прибавить, а я мучился, ставил.

Смысл жизни для нее был в детях. Им она отдала все. Сохранить, прокормить, одеть, обуть, потом чтоб учились, а чем заниматься в жизни — сами найдут. Были и потери: в войну простудилась Тоська двух с половиной лет и умерла от воспаления легких. Саша — последыш — умер от менингита, тоже двух с половиной лет. Его она возила по всем больницам. В Ставрополе, в больнице, он скончался. Завернула она его в одеяло и, как живого ребенка, на руках привезла в Петровское, где мы тогда жили. И, когда она вспоминала об умерших детях, то смотрела перед собой невидящим взглядом, думая о чем-то, только ей доступном. Но забота о других детях быстро ставила ее в жизненное русло, и покатилось все, засуетилось, затолкалось: прокормить, одеть, обуть.

Мы, все дети, обращались к родителям только на «Вы». Так повелось издревле. Назвать отца или мать «ты» было большим преступлением, оскорблением. Вы — мама, Вы — папа, Ма — ну, что Вы!? Перешагнуть эту черту никак нельзя. Родителей надо было слушаться. Родители детей тоже уважали, во внутренний мир их не лезли, только смотрели и молчали. Прокормить всех — главная задача. Всегда держали корову. Корова — это достаток. Выбирали корову породистую, дойную. В Ставрополе корова Лыська давала в сутки до тридцати литров молока. Всем хватало. Когда Никита Хрущев ввел налоги на домашний скот, птицу, деревья в огороде, люди стали вырубать деревья, быстрее есть птицу, резать и продавать скот. Лыську постигла та же участь.

Когда я отучился в Ростове, приехал в Ставрополь, открыли Детскую художественную школу, я несколько лет жил у отца. Отец на пенсии, с боль-

ными ногами, говорил: «Вот была бы у нас корова! Было бы мне занятие». Со мной заключили первый договор на картину для Зональной выставки. Я получил 500 рублей аванса — большие деньги по тем временам — и отдал их отцу: «Купите себе корову». Он купил, еще на шкаф и диван осталось.

На Ташле, в пригороде Ставрополя, где жили мы в последние годы, жизнь была такой же, как и в селе. Мать раньше всех вставала, готовила. Отец и Мария работали в колхозе, мы с Володькой на каникулах тоже работали в колхозе, да была еще и корова.

Всю жизнь в хозяйстве, в домашних делах.

Но у нее были и свои принципы. Старший сын Николай женился на Анне из села Михайловского. Отец тяжело болел бруцеллезом, он еле ходил на костылях, лежал худой, часто с температурой. Мать не хотела, чтобы у нас дома было свадебное гулянье. Родственники Ани были другого мнения, и у себя в Михайловском они развернули большую свадьбу. Веселой компанией на машине со своими закусками и выпивкой они приехали и к нам. Начали пить, танцевать, петь, веселиться. Отец лежал в другой комнате с больной головой, поднятыми ногами. Гостям намекнули, что здесь веселье неуместно, танцующие отвечали: «Да пусть себе лежит, подыхает! А у нас свадьба!» Этого мать не могла простить Панковым. Такая бесцеремонность привела к холодным отношениям с невесткой на всю жизнь.

Последние годы она стала беспокойной, бесконечно ходила вокруг дома, что-то бормоча, стала странной. Вызвали врача, ее увезли в психиатрическую больницу — старческий склероз. Ее навещали, она молчала, глядя перед собой, жаловалась, что ее бьют, привязывают. Но ей становилось лучше. Когда я приходил, на нее жалко было смотреть, она говорила: «Забери меня отсюда, только домой не хочу». Я говорил с врачами, забирал мать к себе. На следующий день она говорила: «Как там дома?» — собиралась и уезжала. Дома были больной отец и пьяный Володька. Через несколько месяцев все повторялось.

Мать понимала, что больна. Как-то она взяла мокрую тряпку и взялась за сломанную розетку в стене, электрический разряд только отбросил ее в сторону. Больше попыток самоубийства она не предпринимала.

Когда умер отец, из больницы ее забрали домой на похороны. Она сидела у гроба, молча, не плакала, глядела невидящими глазами. О чем она думала?! Никто не знает. После смерти отца она прожила еще два года, тяжело болела, дома за ней ухаживали по очереди. Больше всех доставалось Марии. В родительском доме жил Владимир, он хоть и пил, но за матерью следил, по-своему ухаживал. Я уехал работать на Академическую дачу, просил всех: «Если надо, вызывайте».

Дней через двадцать ночью позвонила дочь Александра: «Бабушка умирает». Утром я почтовым поездом уехал в Москву, там уговорил, чтобы меня взяли в самолет, билетов не было. Мать я застал уже умершей.

О себе

Сижу на источенном, облизанном ветрами и временем камне на горе у Волчьих ворот. Здесь везде по горкам торчат вертикальными пластами эти камни — свидетели времен. Со дна ли Сарматского моря подняла их земля, или потом формировала, но дожди, вода, ветры вычистили их, выточили впадины и сквозные дыры, смотрящие с востока на запад. Если окинуть взором землю до горизонта во все стороны, то далекое пространство с холмами, плоскими горами, впадинами, извилистыми оврагами, озерами, смотрящими своим оком в небо, создают впечатление космоса. А все мы, с камнями, покрытыми высохшим ковылем, буграми, — всего лишь частицы, песчинки в мироздании. Жизнь наша — миг в бесконечном времени.

Дымка растворила горизонт, но нижние планы мягко выползали из нее, и впереди, внизу, бисер росы окутал высокие травы и торчащие из них букеты цветов, которые вот-вот вздохнут перезвоном и наполнят душу тихим спокойствием. Солнце поднимается выше, наполняя теплым молочным цветом пейзаж, только голубые длинные тени от холмов сохраняют прохладу свежего утра. Воздух нагревается, все приходит в движение. Ветер теплой струей облизал мои плечи, грудь, щеки, со свистом проскользнул в ухо, взлохматил и потрепал остатки волос, запутался в густой седой бороде, барашками волн пробежал по травам, серебру ковыля, мягкими мазками бросил тени на противоположный склон горы и вылил ручьем поток воздуха по косогору вниз, потрепав фиолетовые шары шалфея и между ними желтые, розовые и белые бубенцы цветов.

А.Е. Соколенко. Весенний мотив (1974)

Часто сижу на этих завораживающих меня камнях. Налево Кравцово озеро, направо — Сенгилеевское, прямо передо мной внизу холмы, а между ними промытые водой от дождей и талых снегов извилистые овраги. Далее хутор Садовый, Заозерское, гора Недреманная. В самом низу, передо мной, тот самый овраг, который притягивает меня, будит во мне воспоминания детства. По его сторонам был

хутор Маслопресс в несколько десятков домов. Голое место, почти нет деревьев. Да и откуда им быть? Ветры здесь гуляют постоянно — армавирский ветровой коридор. Иногда ветер достигает такой силы, что несет все — пыль, землю, камни. Кто придумал заложить хутор здесь? Наверное, соблазнили роскошные пастбища вокруг по холмам, во впадинах и по горам сенокосы сочных трав.

Недалеко нижняя кошара, выше верхняя кошара. В верхней части хутора, на холме, — маслозавод. В нем из коровьего молока делали масло, прессовали в большие брикеты, которые хранились в подвалах завода, наполненных глыбами льда, привезенными зимой с Сенгилеевского озера на быках. Отсюда и получил свое название хутор Маслопресс. Нет уже Маслопресса — снесли. Надумали люди, напланировали влить пресную кубанскую воду в Сенгилеевское озеро — сделать водоем для города Ставрополя, и по расчетам хутор должны были затопить. Маслопресс снесли, а вода остановилась в километре от бывшего хутора. Нет сейчас здесь ничего, даже камни увезли — один овраг. А люди здесь

А.Е. Соколенко. Дети (1977)

рождались, работали, боролись за жизнь, солнце и ветер обтачивал их загорелые, обветренные, коричневые лица. Мы прожили здесь 1951 год. Один год, а столько отложилось в памяти.

Когда я сижу на нагретом солнцем камне и гляжу вниз, наплывают воспоминания раннего детства. В моей памяти я опять там, на плоском до горизонта месте, в родном селе Овощи. Какое странное название! Овощей здесь не очень-то, в этой полупустыне Туркменского района. Еще царица разрешила здесь обосноваться туркменам, и столица района — Летняя Ставка. «Татары» звали наше село Учи. Русские называли всех туркменов татарами. Между Летней Ставкой и Учами — аул Чур, левее — Индырь, а за нашим селом, по дороге на Петровское, — село Камбулат.

Летом дожди шли редко. Высохнет земля под палящим солнцем, растолкут телегами дороги в мельчайшую пыль. Жара стоит — и вдруг ветерок, а навстречу ему другой, и закружатся они в вихре, поднимут столб пыли до неба, а в нем полова, солома, камешки земли. Говорят, черт с ведьмой венчаются. Если кинуть в него нож, в крови будет.

В жару таких пыльных столбов по степи за один раз несколько — от малых до больших. И по селу они гуляют. А то такой силы набежит вихрь, смерч! Разные байки о них были. Говорят, стояли как-то мужики у правления колхоза, а рядом дети кружились, и я там же был, двух с половиной лет. Налетел сильный вихрь и вдруг рванул к правлению, и поднял меня выше крыши, опять сделал рывок в сторону, и шлепнулся бы я о дорогу, да один мужик меня поймал.

Мать рассказывала, что, когда я был в детском возрасте, она шила на меня курточку, все сшила, осталось рукава приделать. Решила на мне примерить. Мне так понравилась курточка, что не давал ее снять. Так и сносил ее без рукавов.

Себя же я помню еще до оккупации: привезли к нам в детский садик подводу огурцов, лежали они горкой на полу, а нянечки берут их, режут на две длинные половинки, посыпают солью, трут половинки друг о дружку и дают нам.

Помню: пришла к нам бабка Погребнова, схватила меня за уши и давай драть: «Ты что делаешь?! Март уже, а на улице мороз да метель! А еще теплый Алексей».

При немцах — играем мы у клуба в пыли на дороге, скачет на лошади пьяный полицай Жулик, размахивая шашкой, и кричит: «Всех порублю!» Жулик с немцем приходил к нам делать обыск.

Еще тетю Олю помню, пришла она к нам, матери дома не было, одни дети, глянула она на окно: «Что ж у вас окно вываливается?» — взялась руками за верх рамы, коленом уперлась в нижний и поставила окно на место.

Помню, в конце войны пришел к нам человек в гимнастерке. Все думали — отец вернулся, сбежались бабы, а в хате сидит татарин, друг отца, учитель.

Когда освободили село от немцев, наши солдаты присели отдохнуть у каменной ограды. Бабы бежали к ним с хлебом, молоком. Они сидели на земле, пили молоко из кувшинов и, улыбаясь, давали детям потрогать свои винтовки.

Потом мы находили патроны, разрывные пули, пытались бить по ним, выстрелить. Я тоже притащил домой патрон с пулей и на пороге бил по нему молотком. Раздался выстрел, пуля пролетела между ногами и застряла в глиняной стене.

В Овощах в войну и после войны было голодно. Весной, как только начинал таять снег, все дети высыпали на выгон с ведрами. Набрав в лужах талой воды, заливали ее в сусличьи норы, суслики вылезали, мы хватали их за загривок, чтоб не укусили, ловко их свежевали (сдирали шкуры) и жарили на костре на палочках, и ели это нежное и сладкое мясо.

У дальнего родственника отца (приемный ему дядька) была рушилка для проса, оставалась шелуха. Эту шелуху он давал матери, из нее нельзя было слепить даже оладьи. Мать засыпала ее на сковородку, заливала водой и поджаривала, и хотя шелуха застревала в горле, все равно ее приходилось есть.

Через улицу напротив нас жили Воронины (Гогузовы), у них было тоже много детей, но они жили беднее нас. Весной, когда пригреет солнышко, старшие выносили маленьких в тряпье на солнце — погреться. С пухлыми от голода животами они сонно сидели, по ним ползали вши. Мы окружали их и, глядя на вшей, говорили: «Смотри, какой танк ползет».

Ели всё! Лишь только появится в поле россыпь чешуйчатых грибочков — ели, тонконог выбросил свои метелочки — ели, зацвела акация — ели, появилась у акации молодая поросль — ели; пастушья сумка, заячьи ушки, «козельчики», молочай — всё ели, даже глей (глину) из оврага сосали; жмых или макуха от подсолнечника были роскошью, вместо конфет.

Наше село стояло на ровном месте в поле, на выгоне, везде рос курай (верблюжья колючка), осенью эти огромные колючие шары срывал ветер и гнал по полю, забивая ими овраги, лесополосы, огороды. Если выйти в это время на выгон, то кажется, что все поле, весь мир наполнен этими бегущими «стадами» серых шаров. Им топили печи, вспыхивал он, как порох, и горел быстро. Нас, детей, посылали с веревками на выгон, мы собирали колючий курай, утаптывали его, вязали в огромные вязанки и тащили домой. Это было бесконечно — такого топлива хватало ненадолго. Раз мы с Василием — старшим братом — пошли за кураем. На выгоне он начал со мной играть, шутя, связал веревкой и ушел. Я вскоре развязался, но курай пришлось тащить одному.

В сорок шестом — сорок седьмом годах стало легче. Урожай. Настрадавшись от голода, народ ценил каждое зернышко. Во время жатвы детей посылали на колоски. До восхода солнца выходили в поле и встречали солнце на выгоне, по дороге к Киричам. Большой красный шар выкатывался из-за темно-фиолетового горизонта, и на его фоне по пыльной дороге тянулись силуэты старух и детей. Шар отрывался от горизонта, некоторое время плыл по-над землей, поднимался выше, превращаясь в ослепительный желто-белый прожектор. От нас по пахучей полыни бежали длинные глубокие тени, сохраняя прохладу утра. В скошенном поле, за пять-семь километров от села, рассыпались и собирали колоски.

Молодежь работала на тракторах и комбайнах. Василий работал вначале на тракторе, в сорок девятом работал на комбайне «Сталинец». В мои обязанности входило носить ему харчи в поле. Мать собирала корзину продуктов. Это была большая с двумя ручками корзина из осоки, она вмещала двух- или трехлитровый кувшин кислого молока, буханку хлеба килограмма три, блины, огурцы, макитру вареников, еще мясо, масло, сметану, лук, чеснок и т.д. Рано утром, до солнца, я выходил с нею из села и тащился до Киричей четыре километра. В Киричах был большой колодец с цибаром (ведром), которым набирали воду. Там я садился на доски и ждал водовоза из культстана, потом вместе с ним наливали холодной водой большую деревянную бочку и на быках ехали в бригаду. Я садился на бочку верхом, водовоз говорил: «Цоб, цобе!» — и поехали. Холодная вода плескалась в бочке, брызгами обливала меня — блаженство и рай. Водовоз знал всегда, кто на каком поле работает, он подвозил меня до нужного перекрестка дорог: «А теперь шпарь два или три километра, там увидишь комбайны».

Гусеничный трактор тащил комбайн «Сталинец» — большую бескрылую красную птицу, позади комбайна — тележка для соломы. Завидев меня, весь этот поезд останавливался, команда кричала: «Ленька пришел». Команда состояла из тракториста, комбайнера Василия, штурвального Ивана Виноградненко и крепкой девушки Варвары — коптильщика на тележке. У меня забирали тяжелую корзину, хмыкали, лезли в нее. Я быстро взбирался на комбайн, лез в бункер, ложился на зерно, и струя пшеницы из мешка трубы потихоньку засыпала меня. Подъезжала машина, включали шнек — и зерно из бункера текло в кузов машины. Я быстро выскакивал из бункера, чтобы винтом шнека не затянуло в трубу. И было почему: один мальчишка проталкивал ногой в шнек бункера задержавшееся по краям зерно, попал в винт, и тот втянул ногу в трубу, изрезав ее на куски. Он истек кровью, не доехав до больницы. После этого случая мы все боялись оставаться в бункере, когда работал шнек.

Потом я влезал в тележку, которая плохо срабатывала при нажатии на педаль. Стоя на соломе, упираясь в переднюю стену тележки руками, мы заставляли ее открыться, решетка поднималась, задний край дна опускался — и копна соломы вместе с тобой вываливалась из тележки. Надо было только вовремя лечь на копну и пригнуть голову.

А.Е. Соколенко. Летом в деревне (1988)

Однажды из пшеницы выскочил заяц, Варька, кинув в него молотком, побежала за ним, но заяц оказался сильнее ее.

В поле я часто оставался ночевать в копне соломы.

А утром отправлялся домой с пустой корзиной и тарой, добравшись в село к вечеру. На следующее утро мать собирала корзину харчей, и я вновь отправлялся в путь до Киричей, к колодцу, водовозу и веселой команде Василия.

Дальше стало сытнее, лучше и детям свободнее: ходят в школу, гуляют по улицам. Но обязанности по дому, по хозяйству есть. А летом обязательно в колхоз, в поле: помогай зарабатывать трудодни. Когда я в первый раз приехал в поле на работу, меня послали пасти рабочих быков. Их было десятка два, но и выпас был по полосе у дороги, между двумя зелеными полями пшеницы. Быки лезут во вкусную, сладкую пшеницу, выгонишь с одной стороны — лезут в другую. За день я так набегался, намучился с ними, что плакал, но трудодень заработал.

Потом стало легче. Дали мне десять капканов, положил их в мешок и пошел я в поле пшеницы ловить сусликов и хомяков. Знакомое дело! Не пыльно, но заработно. Нарежешь из акации палочек, очистишь их от коры, чтобы белыми были. Найдешь нору, зарядишь капкан, посыплешь железный пятачок землей — замаскируешь, а рядом воткнешь белую палочку, по ней потом капкан найдешь в высокой пшенице. Расставишь все капканы, снимешь с себя рубашку и повесишь ее на воткнутые в землю палочки — шатер от солнца! Лежи себе, жди! Через час проверяешь. С пойманных сусликов и хомяков сдираешь шкурки — для отчета. За десять сусликов — трудодень, за пять хомяков — тоже трудодень, так как они больше зерна уносят. Тушки выбрасываешь — уже не голод, а то бы зажарил сусликов и съел. На культстане полно детей: девочки, пацаны, каждому найдут работу.

В бригаде поварихи на всю бригаду обед готовят. Пошлют детей в кукурузное поле за пасленом. Кукуруза высокая, а внизу кустики с черными вкусными ягодами. Насобираем их в бидончики, а поварихи наварят вареников с пасленом на всю бригаду.

А.Е. Соколенко. Саша у окна (1959)

Только бабы следят, как бы Алеха Шкорка не присел к большой чашке вареников в сметане. Алеха Шкорка — особая личность, вроде шута, да не так-то прост. Здоровый мужик, веселый, а работу любил непыльную. Как-то наварили бабы вареников, ссыпали их в эмалированное ведро, помастили сметаной, вся бригада села к ведру с ложками и стали вылавливать вареники да похваливать. Появился Алеха Шкорка, подвинулись, посадили его, он взял вареник в рот, запрокинул голову, поболтал его во рту и выплюнул вареник в ведро. С негодованием все встали и ушли, а Алеха уплел все ведро вареников сам. А то сел за стол и поварихе говорит: «Хочешь, покажу, как эту большую пышку, не отрывая ее ото рта, съесть?» — «Попробуй», — говорит любопытная повариха. Алеха заложил руки за спину, наклонился, взял пышку за край в рот, и пока ее не съел, не выпустил изо рта.

Нашел он себе работу непыльную — возить харчи в бригаду. Бабы соберут передачу своим работничкам, составят на бричку. И повез это добро Алеха, а в дороге выпьет чье-либо молоко, съест вареники или мясо, и привезет пустую посуду обратно. Не любили его бабы за это.

Баек о нем рассказывали много: то он идет както пятками вперед, то в поезде ехал со студентами, возвращающимися с каникул. В купе разложили они поесть, вываливали вареные яйца. Алеха им: «А вы умеете есть яйца со шкорками?». — «Как это?» — удивились студенты. — «А вот так!» — и Алеха начал поедать яйца со шкорками. А ему их много надо! Недаром он Шкорка.

Был еще один оригинал — Гришка Зык. Лучше никто не мог резать скот. Зарезать скотину приглашали Зыка — профессионал! Свинью, корову, быка — пожалуйста. Зарежет легко, освежует, разделает тушу, а себе возьмет потроха, требуху. А с курдючной овцы отрежет курдюк, и пошел домой по улице, откусывая свежее парное сало, а остальное в карман положит. От свиньи отрежет крученый хвост, режет его кружочками — и себе в рот. Дети во все глаза смотрят на него, он сует им в рот хвостик: «Откуси, — затем отдергивает от детского рта. — Ух, ты какой!» — и себе в карман.

Пришел достаток, детей не стали заставлять работать в колхозе — пусть учатся. Появилось свободное время для гулянья и забав. На выгоне играли в лапту, улица на улицу. Одна команда «водила», другая «стояла» в поле. Били палкой подброшенный вверх тугой каучуковый мяч в поле и бегали до определенной черты, туда и обратно, пока другая команда не поймает мяч, да не попадет им в тебя.

Играли в дучки, в чижика, в коня: одна команда становилась у стены, первый лицом к стене, опираясь на нее руками, остальные друг друга обхватывали сзади за поясницы и, согнувшись, наклоняли головы. Другая команда прыгала на эту вереницу верхом друг за другом. Если те выдерживали или седоки падали, менялись местами.

Играли в пожара́, в стеночку.

На нашей улице жили Лобачевы. У них престарелый дед, ходил с палочкой, плохо слышал. Сидит он на лавочке под деревом у своего дома, а мы всей оравой окружили его, взялись за руки, водим вокруг него хоровод и поем:

Ах ты, дедушка, Лабан!
Ты получишь шалабан!

Он не расслышит, что поем, улыбается, кивает нам. Мы продолжаем петь, до него доходит смысл песенки, он встает, машет палкой: «Ах, вы!» — мы разбегаемся.

А то соберемся компанией и пошли в степь в лесополосе драть сорочьи яйца. По пути погоняем выскочившего зайца, залезем на скифский курган, потрогаем там стоящую каменную бабу. Она засижена пометом птиц, но никто ее не трогает. Какой-

то древний страх перед могильным курганом. Стоят веками эти стражи, следят за нами, одному даже боязно ходить на курган. Потом археологи начали их рыть, каменных идолов свозить в музей. Местные тоже перестали бояться, увезут к себе на постройку, заложат в фундамент, а то переведут ракушечник в известь. И пусто стало в поле, не сядет уже на голову бабы степной орел, коршун или сокол, не повернет головы осмотреть свои владения.

В небе поет свою бесконечную песню жаворонок. Он расплывчатой точкой стоит над нами, иногда чуть уходит в сторону, но мелодия его песни продолжает звенеть ровно, монотонно, завораживающе. Я и позже, взрослым, гуляя в поле сам или с детьми, заслышав трель жаворонка, старался найти эту живую точку в небе и лечь в траву на спину, не отводя от нее глаз, и слушать, слушать... незатейливую его мелодию, забыв все на свете.

Делали набеги на колхозную бахчу (у нас называли ее «бакша») за арбузами, за дынями. Придем к скирду соломы, у его стен делаем шалаши на случай дождя. Подроем в соломе стену, а там спрятанное зерно: захотел кто-то поживиться, припрятал колхозную пшеницу для себя. Мы снимаем рубашки, майки, делаем из них сумки, наполняем зерном. А надо еще за арбузами сходить. В колхозе «объездчики» ездят на лошадях верхом — сторожат. Поймают — и секут арапником, или снимут рубашку и штаны — и иди себе домой. Мы снимаем с себя штаны, рубашки, прячем их в скирде и голыми идем за арбузами. На бахче растет мелкий плетущийся сорняк «кавунчики» с маленькими колючими шариками, а мы босиком. Бдительные объездчики нас замечают и летят к нам на конях, посвистывая и размахивая арапниками. Мы по колючим «кавунчикам» бежим к скирду, лезем наверх, чтобы не достали арапником, но кони быстрее нас, и хлещут нас арапники по голым телам, только красные вздутые полосы остаются. Вот и арбузы с дынями!

Вечерами девки и парни собирались на выгоне, пели песни, плясали, забавлялись. Мы тут как тут, крутимся между ног, смотрим, набираемся опыта. Иногда среди них возникали ссоры. Был Иван Матвеев, хвастливый парень, с гонором. Стал он приставать к Ваське Горюнову, тихому, спокойному парню. Тот молча на него смотрел, не хотел втягиваться в ссору. Пьяный Иван наглел, глумился. И вдруг Иван кубарем покатился по земле, встал, согнувшись, из носа кровь идет: «Кто ударил?» — «Я», — сказал Николай Воронин, здоровый спокойный парень, не смог он стерпеть такого глумления. Девки принесли воды, обмыли Ивана. Отрезвленный Матвеев, уходя, говорил: «Вот придет Сокол, мы разберемся!» Иван дружил с моим старшим братом.

На нашей улице в землянке жила вдова Изотиха, у нее взрослая дочь, опрятная, всегда хорошо одетая. В выходные дни к вечеру они с подругой открывали окна землянки, ставили патефон, и лились на всю улицу песни в исполнении Руслановой и Шульженко. Соседи выходили, садились на завалинки — слушали. Вечер становился ярким, праздничным. Дети — у окон, вокруг землянки. Не было в селе ни радио, ни электричества. А тут праздник!

У меня друзья — Коля Кулешов и Коля Дедов. Дедова никто не называл по имени. Он был Тарас. Плотный, круглолицый и смотрит исподлобья. Бегали босиком, иногда простывали. Выползет у Кольки зеленая сопля из носа, его и называют Бульбой, а за суровый вид — Тарасом Бульбой. Бульбу забыли, а Тарас остался.

Вот идем мы по улице втроем, обнявшись за плечи, изображаем из себя моряков, нас поводит из стороны в сторону, а мы упорно, наклонившись вперед, идем, посреди Тарас глядит исподлобья, и поем:

На верфи, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Бабы смотрят на нас: «Ах, какие ребята! Какие молодцы!» — мы пуще прежнего стараемся.

Рядом с Поцелуевыми живут Нефедовы, у них мальчишка — просто Нефед, юркий, хитрый пацан. А дальше живет бабка Волочиха — ведьма, у нее подруга Одарочка. Волочиха суровая, не улыбнется, а в саду у нее яблоки, вишни, груши. Всем хочется залезть к ней в сад за грушами, да заколдует — и через канаву не перелезешь. Идем мы по улице, а на завалинке сидит Нефед с разбитым носом: «Ты что?» — «Бабка Волочиха ушла на колоски, думал, дома нет, полез за грушами, а они с бабкой Одарочкой в канаве сидят. Залез я на грушу, выскочили они, стянули меня за ноги, и носом — о дерево». — «Вот ведьмы!»

Залезть в чужой сад, набрать за пазуху груш или яблок — это для нас как закон чести, иначе какой ты пацан! У Дедовых, родителей моего друга Тараса, были хорошие груши — «бергамоты». Меня всегда подмывало залезть к ним в сад за грушами. И я решился. Когда стемнело, я к ним в сад — и на дерево. Сижу в темноте, руками шарю, груши ищу. И вдруг идет старший брат Тараса, Иван с девушкой. Остановились под грушей, я замер, а они целуются. Хорошо, что быстро ушли, не заметили меня, а то быть бы мне с расквашенным носом или без рубашки и штанов. А съел я всего три груши.

На самом краю в землянке живут Хадеевы — самые бедные. Зайдешь к ним, дети на печи лежат с котятами, а котят столько, сколько Хадеев. Радуются Хадеи, котят целуют. Тогда зимы были суровые, морозы, метели неделями, занесет все сады, канавы. Выйдут люди утром — сугробы вровень с крышами, а землянку Хадеев совсем занесло — одна труба торчит, и идут всей улицей откапывать Хадеев.

Сами себе делали лыжи, коньки. Выстрогаешь деревяшку треугольником, обтянешь по углу проволокой — коньки готовы. Все завидовали фабричным конькам. Один подросток — сын бухгалтера — продавал свои фабричные коньки, пришел к нам: «Смотрите, какие стальные кони!» У меня слезы на глазах, прошу мать купить. Ох, и катался я на них! В яру была крутая горка с перепадом, ледяная, и поворот внизу. Не все уже могли кататься — падали, а я, присев, крепко держусь на ногах. И когда я упал, то уже понятно — нельзя кататься, слишком скользко.

Ранней весной пошли мы гурьбой к пруду, на нем лед, мы бьем его с краю, раскалываем, берем большую толстую льдину, хотим вытащить. Поскользнулся Иван Погребнов — и головой в воду под лед, и нет его, смотрим мы, раскрыв рты, а он через минуту выныривает из воды, только уже го-

ловой к нам. Вытащили, из валенок воду вылили, а Иван: «Мамка побьет, если мокрым приду». Распалили костер и начали Ивана и его одежду сушить.

В школу пошли — ни тетрадок, ни книг, ни чернил. Тетрадки из газет делали, чернила из красного бурака (свеклы), а учебники — один на троих. Вот и бегаем друг к другу: «Ну, ты выучил? Дай мне». Зимой подшитые валенки или калоши, и то по очереди в них в школу ходили, в первую и во вторую смену.

В нашем классе училась дочь директора школы, красивая девочка, она мне нравилась, а я как-то ее побил, вероятно, потому, что нравилась. Потом стоял красный, как рак, перед ее матерью.

В восьмидесятые годы поехали мы с художником Евгением Биценко в Туркменский район взять социальный заказ, написать портреты лучших людей для краевой художественной выставки. Естественно, мне хотелось работать в селе Овощи. В селе был теперь один колхоз «Путь Ленина», заказали они мне пять портретов лучших людей и картину. Приехал работать, спрашиваю: «А что у вас делает Николай Дедов?». — «А, Тарас! Так он электрик», — говорит парторг.

Иду по гребле между двумя прудами, едет навстречу мотоциклист с люлькой, а в ней Тарас, остановился, обнялись. Он здоровый, крепкий мужик, такой же круглолицый, улыбается, смеется. Женился на дородной чернобровой красавице Галине. Она пополнела, у них две дочери. Глядя на мужа, Галина говорит: «Как он подсыпался ко мне! Ну, думаю — на руках будет носить. Куда там!»

Я написал их младшую дочь, подарил. Когда приехал в следующий раз, привез к портрету раму. Тарас, улыбаясь, с удовольствием говорил мне: «А ведь думал! Рамочку делал».

Вечером мы пошли к товарищу детства «директору», кличка такая пристала к нему с детства. Рыжеватый Владимир, с дородной, тоже рыжей женой, жил в просторном доме на том же месте. Застолье было долгим, пели песни. Поздно ночью сын Владимира отвез на машине уже совсем пьяного Тараса и меня. Я притащил его в дом и бухнул на кровать, под недовольным взглядом Галины.

Писал я заказной портрет и водовоза Николая Соколова, мы с ним подружились. Ночью на его машине с цистерной для воды поехали в Киричи и уже насосом, а не цыбаром, набрали воды. Сидели у колодца, смотрели на звездное небо. «А что если нам отвезти воду Петру Власенко?» — сказал он. Портрет чабана Власенко я тоже написал.

Поехали на кошару. Николай осветил фарами дом, дал гудок. Заспанный Петр выскочил: «В чем дело? Шо такое?» — он был хохол. — Я его словами: «Матка пивня зарубыла, мабуть буде дождь». — Николай: «Воды тебе киричевской привезли. Открывай бассейн». — «Да мне овечек поить нечем! Завтра чтоб воды им привез! А киричевскую воду мы куму отвезем. У него свадьба — сына женит». Мне приказал: «Ты оставайся за старшего», — и они укатили. Через час приехали с двумя большими круглыми буханками хлеба домашней выпечки и двумя бутылками водки. Петр зажарил лично им сделанную колбасу с ливером, и мы запировали. Возвращаясь в село, Николай говорил: «А хорошо мы отдохнули».

Днем мы с ним вышли на окраину села, на противоположной стороне оврага просматривались давно заброшенные фундаменты снесенных домов. «Да... — сказал Николай, — село когда-то было большим. А это, — махнул на старые фундаменты, — последствия тридцать третьего голодного года».

В Ставрополе я отцу сказал, что был в Овощах. Он оживленно начал расспрашивать. Я назвал Николая Соколова. «А как его отчество?» — спросил он. — «Григорьевич». — Отец откинул голову: «Так он тебе троюродный брат». — Я засомневался: «Ну, как же? Он Соколов, мы Соколенко». — «Да это Василий, мой старший брат напутал, — ответил отец, — он служил комбригом в Киеве, вот и переписал всех на Соколенко. А мы были Соколовы. Вот так-то!»

Память: вижу подробно, в деталях, как в кино, и сижу на своем заветном камне у Волчьих ворот.

Луч солнца прорвал серую пелену облаков, прожектором упал на середину Сенгилеевского озера, и его отражение ослепило мне глаза, моя рука потянулась к проеденной мышами соломенной шляпе, и ее тень спасла меня от полного ослепления, я прикрыл глаза, увидел оранжево-горячую пелену, и чем плотнее сжимались мои веки, тем чаще менялись в моих глазах картины, показывая более плотный космос с дрожащими кругами. Постепенно они становились коричневыми, вишневыми, бездонно-темными, и сквозь щели открывающихся глаз я вижу поразительно сказочный пейзаж: ожил Маслопресс моего детства. В хуторе клуб, школа. Малыши с первого по четвертый класс занимаются у одной учительницы, в первом три ученика, во втором — четыре, в третьем — три, в четвертом — два ученика. Все в одном классе сидят. В пятом — седьмом классах — по двадцати и больше. В старшие классы приходят ученики из хуторов Садовый и Грушевый — Маслопресс между ними. Старый учитель Киприан Александрович из Ставрополя живет на квартире, соседка каждое утро приносит ему молоко. Он, с блестящей лысой и бритой головой, играет на скрипке и ведет в школе самодеятельность. Математичка, она же ведет химию, тоже пенсионерка из Ставрополя. В школе учителя пожилые — молодежь в хутор не заманишь. У меня в классе друг Николай Малыхин. Мы с ним ходим на озеро, в горы. Гора у Маслопресса вся в оползнях, по ней растет мелкий кустарник — можжевельник, он стелется между камнями, образуя круги диаметром в полтора-два метра. Если взглянуть на гору со стороны, то темные круги можжевельника делают ее конопатой. В хуторе им топят печи. Я с топором и веревкой иду в гору, рублю стелющиеся коряги и в вязанке тащу домой.

С Малыхиным идем по горам, в оползнях находим белый кварцевый песок. Набираем в карманы — и к математичке. Высыпаем песок, мечтательно говорим, что здесь можно построить стекольный завод. Она смотрит на песок: «Дайте мне кастрюлю почистить». Вот тебе и стекольный завод.

Летом по горам земляника. Хуторские ребята везде рыщут. Найдут бугорок, красный от земляники, ложатся на живот, рвут землянику губами и едят. Вышли на верх хребта, с другой стороны — Собачий хутор. Между камней находим нору — лиса, наверное. Решили выжечь, набрали хворосту, зажгли у края норы и привалили каменной плитой. На следующий день пошли, отвалили плиту, а у края норы два полосатых барсука — задохнулись от дыма. Подошел чабан, посмотрел и снял с них шкурки.

Хуторские ребята гурьбой идут на Сенгилеевское озеро. Оно разливается, наполняет ближайший луг

водой. Мы по щиколотку в воде, в траве плещется рыба — нерест. Белые и серые цапли ходят на длинных ногах, вылавливают рыбку. Дичи здесь полно. Белая цапля оживляет пейзаж, а невидимых уток, нырков, куликов! Вода по лугу для нас то, что надо — мы босоногие.

Идем к прогулочным лодкам. Там сторож-смотритель, у него рыжий внук нашего возраста. Дед спит в шалаше, внук подальше ловит рыбу, строгает палочку. Мы подкрадываемся к рыжему внуку, хватаем его, связываем. Нас человек двенадцать, берем три или четыре лодки и плывем сквозь камыши к острову. Там купаемся. Затем плывем дальше к заливу. В заливе прямо из воды бурлит газ из заброшенной скважины. Бросаем зажженные спички, и столб пламени вспыхивает на воде. Теперь его не потушишь, разве только при сильном ветре ураган сорвет пламя. К вечеру плывем обратно под глиняным обрывом к камышам, и на берегу, недалеко от деда, бросаем лодки — чтоб нашел.

А то пойдем на пляж, там установлены грибки, натянутые полосатым полотном для отдыхающих из города. Рядом буфет, в нем царствует грузный армянин с толстыми губами. Вокруг буфета столики, отдыхающие пьют пиво, едят красных раков.

Мы рядом раздеваемся, лезем в воду. Вода на уровне груди, ногой ищем обрыв, а в нем — норки, ныряем, руками лезем в норки и вытаскиваем раков. Они клещами хватают за пальцы, особенно опасны молодые раки — разрежут до крови. Ныряльщики выбрасывают раков на берег, другие ребята их собирают. Надрав раков, идем к армянину продавать. Он платит мало, маленький рак — 20 копеек, побольше — 30. Мы торгуемся: «А вот эти раки! Да они же по 50 копеек стоят!» — за них он дает по 40 копеек, отдыхающим он продаст этих раков по рублю. Потом у него же покупаем булочки, морс, перекусываем и идем к рыбакам в рыболовецкий совхоз.

Нас забирает молодой рыбак. Все садимся в большую плоскодонку и плывем к острову. У рыбака шабашка, надо наловить 300 килограммов рыбы. Он командует нами, забрасываем сеть, вытаскиваем на берег. Крупную рыбу складываем в большие круглые корзины, мелкую (хамсу) отпускаем, она кишит у наших ног. После нескольких забросов сети рыбак чешет в затылке, глядя на пойманную рыбу: «Мало? Наверное, и ста килограммов не будет. Ладно, забирайте все, ребята!». Мы завязываем майки, накладываем в них рыбу и с добычей идем домой.

Хуторские чувствовали себя на озере хозяевами, все здесь знали — берег, обрывы, камыши, заводи — все обследовали. Отдыхающие смотрели на загорелых, обветренных, черных, как чугунок, босоногих ребят с удивлением, опаской и завистью. Мы же не боялись ничего: прыгаем с круч, босиком жмем по колючкам и камням. Я поскальзываюсь на закрученной в круг змее, холодок бежит по спине, но она уже позади.

Во время нереста идем на реку Егорлык. Рыба идет вверх по реке, кишит. Некоторые стараются ловить майками, другие — руками, к одному из ребят рыба заскочила в трусы. Мы с младшим Малыхиным занимаемся знакомым делом — ловим раков из нор. Берег здесь зарос камышом, обрыв глинистый. Малыхин ныряет, вытаскивает из норы змею и бросает на берег в толпу ребят — все разбегаются.

На хуторе рядом с нами живет колченогий армянин Гоби. Он маленького роста, ноги на коленях сходятся, к ступням разбегаются буквой Х. Всегда с палкой, в старой шапке-ушанке, с отвернутыми вниз ушами. Он единоличник, имеет два-три десятка овец, дом себе выстроил с плоской крышей. Жена у него русская — Мария, сбитая крепкая баба, работает на маслозаводе. Сын Виктор — наш сверстник. Гоби называет его — Вита. Каждый день мы слышим его голос: «Вита, иди горим овца пасть!».

Но чаще он сам пасет своих овец. Вот как-то волки с Волчьих ворот сделали набег на овец. Они гоняются за овцами, хватают их за курдюки и отрывают их. Гоби с длинной палкой хочет их отогнать, да куда там колченогому, кричит. Наконец, люди с хутора прогоняют волков. Гоби сидит, схватившись за голову: «Сколько овец попортили...».

Задует ветер, Гоби с овцами в горах. Сильный порыв ветра сбивает его с ног и катит под гору. Гоби не может встать, ветер катит его за хутор. Выбегают люди, ловят Гоби, поднимают, он не успокаивается: «Где моя шапка?» — «Да, вот она!» Он хватает ее и привязывает к голове. Говорят, что в шапке у него зашито золото.

А.Е. Соколенко. Спящий ребенок (1976)

Мы придумали игру в Гоби: одного из ребят выбирают в «Гоби», тот берет палку, изображает колченогого Гоби, все его дразнят, он их разгоняет, бьет палкой. Вита играет с нами.

Ночью он спит на плоской крыше: «Знаешь, как звезды видны?».

На краю хутора жили Пучковы. У них пацаны — два брата. Старший сделал лук, прицепил к камышине жестяной наконечник — это стрела. Младший говорит: «Да, ты мне в глаз не попадешь». Старший поставил его к стене, отошел, натянул тетиву и попал в глаз. Так и ходит младший Пучков без глаза.

Когда я стал художником, ко мне в мастерскую зашел Балуй с Николаем Малыхиным. Я обрадовался: «Малыхин! Друг! Вот это да!» Малыхин смот-

рел отчужденно. Я к нему: «Да ты что? Не узнаешь меня?» — Малыхин как-то равнодушно: «Нет...» — «Да, помнишь, как мы на озере? А в горах?..» — «Не помню». Балуй спокойно посмотрел на нас, сказал: «Он ведь служил моряком-подводником. Во время кризиса был под Кубой. Там что-то грохнуло, он ударился головой, с тех пор ничего не помнит». Малыхин равнодушно смотрел на меня.

Вот тебе на!..

А если бы Балуй ничего не помнил? Ни Коля Козлитин, ни Колюжный, ни я, и все ничего не помнили? Не было бы Маслопресса. А если вышибить память у всех людей, и не помнили бы, кто, где жил, и не было бы ничего?

Память. Что это? Без памяти не было бы меня? Как червь? Но у него тоже какая-то память. Память — это все! Это вся моя жизнь. Наша жизнь. Ведь меня наполняет все то, что рядом: земля, небо, камни, трава, деревья, облака, космос, Малыхин, Тарас, мать, отец, Василий, все люди, их работа, искусство. То, что отложится во мне, в моей памяти, и как отложится, — и есть Я!

А.Е. Соколенко. Разговор (2004)

А пока я сижу на камне и перебираю в своей памяти, что было. После Маслопресса мы жили в Ставрополе на Ташле, в том же самом колхозе. Из бедности мы не вырвались. Я хожу в школу в фуфайке, в резиновых или кирзовых сапогах. Книги и тетрадки под мышками. Учусь нормально, могу получить 5, могу 4, если сделал уроки, не сделал — 2, за срыв урока — кол (1).

Школа расположена в трех одноэтажных домах. Зимой мы устраиваем целые побоища, играя в снежки дом на дом.

По рисованию у нас Владимир Петрович Облогин, черненький, лысый, добрый. Устроил кукольный театр. Мы с Колей Козлитиным, тоже из Маслопресса, в театре. Сами делаем кукол: голову лепим из папье-маше, шьем одежду и сами играем. Пьеса — «Никита Кожемяка». Изображая гром, Змея Горыныча — трясем листом жести, громыхаем, наводим страх на зрителей. Я играю царя. Благодаря нашему театру школа получает второе место среди школ города по самодеятельности.

Я начал рисовать. У меня друг Юра Тарасов, у него дядя — альфрейщик. Дядя рекомендует делать копии с картин русских художников. Юра усидчивый, старательный, у него уже несколько копий. Я пробую копировать, но мне скучно. Мне бы порисовать кого-либо с натуры или карикатуру на кого-либо сделать, потом повеселиться с ребятами.

В 1953 году у нас был по рисованию уже другой учитель. Он приходил в класс, рисовал мелом на доске кувшин или куб и заставлял нас срисовывать. Задал нам на дом натюрморт с предметами на столе. Я нарисовал стол, а по предметам, по кускам хлеба, по тарелкам, по ножкам стола и скатерти нарисовал карабкающихся, лазающих чертей. Думал повеселить класс. А в тот день умер Сталин. В школе траур. Учительница немецкого языка Вера Михайловна Шагинова плачет, ее большие красивые глаза наполнены слезами: «Что теперь будет? Как жить будем?».

Я расстроен, мои планы нарушены, показать рисунок нельзя.

Смерть Сталина меня не трогает. Мы всегда жили бедно, в глуши, вернее, выживали. Для нас отдых в пионерских лагерях, пионерские сборы и вся эта счастливая пионерская жизнь были так далеки, как на другой планете. Я не знал, что это такое. Сталин тоже от нас был так далек, так что его смерть на меня совершенно не подействовала.

Мы жили в деревянном домике в колхозной бригаде. Летом работали в колхозе, пасли свою корову.

Прошел сильный ливень, речка Ташла разлилась, половодье несло все: кур, поросят, сарайчики, подмывало дома. Я поплавал в наводнение, заболел. Думали, что тиф, затем положили в одну палату с отцом, бруцеллезную. У меня после Маслопресса одна нога начала усыхать, я хромал, бегать уже не мог. Но бруцеллеза у меня не обнаружили. В больнице я пролежал все лето, мне поставили диагноз — воспаление седалищного нерва и выпустили перед школой. Меня освободили от физкультуры — я калека. Дома была бедность, отец болел. Я был сильный, рослый подросток, вот только ноги и поясница... Посидев, а потом разогнувшись, я чувствовал, как у меня темнело в глазах, на секунду я терял сознание, мне было стыдно, что я калека.

На следующее лето, чтоб помочь семье, я пошел работать в колхоз. Сестра Мария была звеньевой, забрала меня к себе в звено, в нем были одни девки. Они сажали капусту, огурцы, помидоры; пололи, убирали. Я с ними — с лопатой и с тяпкой. Когда они собирали огурцы, я ходил за ними с мешком, и они высыпали огурцы в мешок из ведер, я выносил огурцы с поля, сыпал в бричку, и извозчик вез их на ближний рынок. Там колхозный магазин — продавали огурцы, помидоры, капусту.

В бригаде я был поливщиком. Рано утром выйдешь к Апалькову колодцу, отгородишь с речки Ташлы в колхозную канаву воды, и пошел в поле, через час-два вода придет к тебе. Начинаешь направлять ее по рядам, делая запруды лопатой. Я любил работать за троих и брал всегда три ручки (полоса 15 — 20 на 300 — 400 метров). Весь день на жаре, в трусах, черный, как чугунок, с лопатой, бегаешь от одной ручки к другой, делаешь запруды. Поливщики на особом счету — воду ценили, ее

нельзя терять, и обед носили им в поле. Обед приносила Нина Дубинина: борщ в бидончике, котлеты или мясо с картошкой в чашке, хлеб, компот — все в чистой скатерти. Огурцы, помидоры под рукой.

Когда привозили зерно в мешках, я разгружал, чувалы килограммов по сто брал в обхват и взваливал себе на плечи, нес в амбар. Я был сильным. Как-то в поле здоровый молодой мужик захотел свою силушку на подростках показать: брал их, борол, бросал на землю. Я не выдержал, сказал: «Что ты с пацанами связался. Попробовал бы на мне, что ли». Он набросился на меня. Я схватился с ним, бросил на землю, придавил к земле, свел ему руки вместе, и, держа за щиколотки одной рукой, вдавливал его в землю, пока он не запросился, чтоб я его отпустил.

Нас, рослых подростков, брали мужики скирдовать сено. Мажара (бричка для сена) запряжена лошадьми. Я на мажаре принимаю сено, мне ее подает Михаил Миргородский — крепкий, сильный парень. Он старше меня. Воз готов, и я поехал к скирде. Впереди канава, передние колеса ныряют в канаву, потом задние, воз шатнется — вместе с ним я падаю на землю. Мишка хохочет, накладывают мне сено обратно. Мы в поле, сена навезли, нагребли, надо скирдовать, да ветер не дает, несет сено. Опытные мужики говорят: «Надо скирдовать на заре, вечером и в середине ночи с двенадцати до двух-трех, когда стихает ветер. Днем ветер, мы спим или успеваем на пруд съездить искупаться. К вечеру ветер стихает — мы скирдуем, задул ветер — легли спать, здесь же, в сене, на скирде. Проснется кто-либо — и тебя за пятки тащит вниз, поехал — нет ветра, скирдовать пора. Задул ветер, опять спим. Мужики бдительны, много поспать не дадут — на заре работаем.

Когда после такого лета я пошел в школу, обнаружил, что стал рослым, ноги мои выправились, я даже мог немного бегать. Великая сила — труд!

Отец болел, на костылях, а корове надо косить сено. Я попросил его научить меня косить. Он нашел метровую косу, отбил ее, наточил, держак подогнал по моему росту: «Веди косу по-над землей, носом не ковыряй землю, и пятка косы чтоб упиралась в землю. Да размахивайся вокруг себя, поворачиваясь с косой, чтоб она скользнула по траве. Тогда будешь косить чисто и широко — брить». Он научил меня хорошо, и я любил косить. Что-то в этом было притягивающее. Тяжело вначале, кажется, уже не можешь тянуть косу, но, если продолжать, не останавливаться — появляется «второе дыхание», как в беге. И пошел вперед: и коса остра, и тебе легко, и от запаха сочных трав получаешь наслаждение.

Как-то мужики взяли меня в бригаду косарей. Косили вереницей — друг за другом. Позади меня шел Христин — могучий мужик, он подгонял меня: «Ленька, смотри, пятки подрежу». Я уходил вперед, он опять догонял. На лугу была утренняя тишина, на траве — роса, запахи скошенных трав пряно стояли в воздухе. Меня стошнило, я остановился. Христин понимающе глянул на меня: «Это бывает, отдохни». Мужики втянули меня в работу, и я не ударил в грязь лицом. Авторитет Христина был велик, он улыбался.

Когда я учился в училище и приехал на каникулы домой, отец предложил: «Знаешь косяк на Гурьевке, что по-над речкой? Мне его выделили скосить на сено для коровы. Завтра утром туда едет бригада работать. Можешь скосить?» Я с удовольствием согласился. Вспомнить, размяться! На заре с бригадой поехал на Гурьевку, нашел косяк, начал косить. У меня та же метровая коса, отбил и наточил я ее сам. Место ровное, трава густая, сочная. Я иду полосой метров двести. Давно не косил, становится тяжело, но я знаю, что будет «второе дыхание», не останавливаюсь, и оно приходит, а дальше — вперед. Впереди меня вдали косит дед. Он часто останавливается, точит косу, отдыхает, пьет из бутылочки воду, опять косит. Я продолжаю косить, у черты мы встретились. Я наточил косу, сел отдохнуть. Дед посмотрел на мою косу — метр, скошенная полоса шириной два метра. У него коса сантиметров шестьдесят, да и сам он худенький, старый. Он присел ко мне: «Да! Ты косишь! В старину мужики так косили». И стал рассказывать, как косили в старину мужики.

Нам построили новую школу № 11. Объединили, перемешали классы. Старший брат Николай сделал мне этюдник. Пошел на этюды, пишу замерзший пруд, а снега еще нет. Подходит ко мне высокий худой и рыжеватый парень, посмотрел и говорит: «А ты учишься рисовать где-либо?» — «Да нет». — «Так иди в Дом пионеров к Родиону Никандровичу». — «Так я вышел из пионерского возраста», отвечаю. — «У него все учатся». Это был Жора (Георгий) Скоморохов. Он уже окончил Саратовское художественное училище и работал в минском издательстве художником.

Мы с Юрой Тарасовым пошли к Родиону Никандровичу, проучились у него год, поехали поступать в художественное училище в Одессу. Провалились. Взяв самые дешевые билеты на теплоход «Грузия», путешествовали по берегам Черного моря, доплыли до Новороссийска, а поездом — в Ставрополь.

В то время я много читал: Горького, Гоголя, Лескова, Гаршина, Чехова. В школе больше смотрел в окно, думал о чем-то, учителя меня спрашивали, я не слышал и только на громкий окрик непонимающе отзывался. Я окончил десять классов, в армию меня не взяли — глух на одно ухо (осложнение от скарлатины, перенесенное в детстве). Летом поработал в колхозе, затем ретушером-портретистом в фотомастерской музыканта Николая Соколова.

Через год я уехал в Ростов поступать в художественное училище, не прошел по конкурсу и поступил в подготовительную группу. Домой приехал взять вещи. Старшие братья были недовольны: «Родителям помогать надо. А ты уезжаешь». Я молча собрал чемодан и уехал.

В подгруппе учился у Петра Павловича. Рисовать-то я умел, а вот как они учили живописи, я совершенно не понимал, очень неопределенно: то как краски надо смешивать, то писать серенько. Но в училище я поступил.

На первом же курсе у нас появился новый учитель — Тимофей Федорович Теряев. Он служил в Ереване, был знаком с сыном М. Сарьяна, а тот его как-то привел к отцу показать рисунки. Сарьяну Теряев понравился, и Тимофей стал студентом института, учился на театрально-художественном факультете. Учился вместе с Минасом Аветисяном.

Когда приехал в Ростов, ему было 43 года. Мужиковатый, с пронзительными темными зрачками

глаз, хрипловатым голосом, он в училище производил разное впечатление: одни считали его мужиком (их было больше), другие — хорошим художником, понимающим толк в искусстве.

Я сразу ему поверил. Глядя на мою заученность, он говорил: «Лешка, ты вот что. Видишь коричневое — мажь коричневым, видишь черное — мажь черным». Вначале мне было трудно переломить себя, отбросить все заученное. Как-то писал очередную постановку, долго и нудно, слоями — работа становилась все хуже и хуже.

Надоело. И, воспользовавшись отсутствием Теряева, я взял новый лист и быстро написал натюрморт, как чувствовал, как учил Теряев. Пришел Тимофей Федорович, начал проверять. Я рядом с длительной постановкой выставил новый этюд. Он сразу заметил: «А это кто сделал?». — Я робко сказал: «Я». — «Молодец! Пять», — прохрипел он. Я как будто освободился от тяжелого груза, больше не соскальзывал на старый путь, работал откровенно, ярко, как чувствовал. Тимофей говорил: «Лешка! Ты как переродился!».

Летом, на каникулах, писал много, уже маслом. Привез, показал Теряеву. Он был доволен, похвалил. Моему другу Славке Гончарову говорит: «Вот как надо писать отношениями!». Я не думал о себе столь высоко, считал, что Гончаров работает лучше, и стеснялся. Тимофей посмеивался. Он стал ко мне как будто ближе, много говорил об искусстве. Ходили с ним в магазин «Глобус» покупать книги по искусству. Каждая новая книга — открытие. «Как здорово! — хрипел он. — Какие простые отношения и так тонко». Мы покупали Ван Гога, Гогена, Тулуз-Лотрека, Ренуара, Эдуарда Мане, Сезанна. Было время оттепели, снятия «железного занавеса». Рассматривая альбом Марке, Тимофей говорил: «Надо же, как тонко и как просто. Воду как чувствовал: кинешь камень — булькнет». Нам бы с ним было о чем поговорить сейчас.

А.Е. Соколенко. Девочка с цветком (1963). СКМИИ

Часто рассказывал о М. Сарьяне, о его требовательности: «Он мне говорил: «Тимка, ты, когда идешь в туалет, бери с собой карандаш и бумагу. Рисовать надо всегда и везде».

А потом — Матисс; его свобода пластики, декоративность и мягкость покраски плоскостей. На первый взгляд — грубая покраска, на самом деле — тонкая взаимосвязь всех плоскостей радостного колорита. «Вот что такое большие отношения», — говорит Теряев. А дальше — Пикассо, его голубой, розовый периоды, выразительность рисунка: «Да его старуха одним глазом смотрит за два», — говорит Тимофей. Потом Утрилло, Руссо...

Интересы, вкусы Теряева были вразрез сложившейся традиционной системы преподавания в училище. Преподаватели, воспитанные на русской академической школе, вернее поверхностном, заученном восприятии этой школы, Теряева не любили. А после разгрома выставки «30 лет МОСХа» вновь началась борьба с формализмом. Тимофея Федоровича стали обвинять в формализме. Сам он писал несколькими отношениями, ища пластику и глубину выражения.

В училище студенты делали небольшие персональные выставки. Мои работы, сделанные на каникулах после первого курса, Тимофею нравились, и он предложил мне сделать персональную выставку. В большой аудитории на стене выставил около пятидесяти этюдов. На следующий день я зашел в аудиторию и увидел, что половина моих работ снята. Тимофей раздраженный и хмурый. Я к нему: «Тимофей Федорович, в чем дело?» — «Сними выставку», — буркнул он. — «Но вам нравились эти работы. А где остальные?». Он помрачнел, молчал. Оказывается, возмущенные преподаватели во главе с директором забрали их как «вещественное доказательство формализма». Искали ведьм, нашли Теряева, а я был его любимым учеником и хорошей палкой в его колесах.

Теряева от нашей группы отлучили. Дали Безлепкина. В России умели давать фамилии согласно внутреннему содержанию человека. Вот вам Безлепкин, директор Коптев — отставной полковник, потом преподаватель Беда — полное соответствие своей фамилии. Только на четвертом курсе к нам пришел преподаватель Виктор Григорьевич Лень. Я помню хорошую выставку его акварелей «По Болгарии». Он умел рисовать, в живописи маслом был традиционен.

Но с Теряевым я продолжал встречаться, носил ему новые работы, показывал, мы дружили. Поддерживал связь с ним я не один — были Гончаров, Скарлупин.

После второго курса на летних каникулах я написал на больших картонах «Пацанов», «Девочку за красным столом» и много других этюдов. Теряев увидел, оживился, говорит: «Знаешь что, Лешка, оставь мне этих «Пацанов» и «Девочку», я еду в Ереван, покажу Минасу. А то он говорит, «русаки не колористы». Я ему покажу, кто колорист!»

В Ереван он не поехал. Работы я забрал. Но по его просьбе подарил ему три небольших портрета на картоне.

В училище преподаватели ко мне относились плохо. Академические задания я выполнял, но моя самостоятельная работа их шокировала. Стипендии мне не давали, работы забирали «как вещественное доказательство формализма».

В училище приехал художник из Москвы Юрий Атланов, у него от комсомольского журнала проверочная миссия. Ребята ему сказали обо мне. Атланов попросил меня показать ему работы. Я ко всем официальным людям стал относиться скептически: «Зачем? Чтобы забрать «как вещественное доказательство»?» — Он: «Да ну, что ты так!? Принеси». Я показал, он оживился: «Да их в пример надо ставить!» После этого мне давали полгода стипендию.

Борьба с формализмом вспыхнула с новой силой. У Володи Лещенко и Жени Скарлупина тоже выявили элементы формализма. Меня начали выгонять из училища как «апологета формализма».

Я позвонил в Москву Атланову. Он ученик Леня, написал ему письмо, процесс был остановлен.

Административные гонения только усиливали активную самостоятельную работу над собой. Я не мог считать себя формалистом. Французы-импрессионисты, постимпрессионисты не были формалистами. А я любил и русское искусство — Кустодиева, русское народное искусство, иконы. Когда я начинал писать, то забывал все — только натура, только жизнь, но ярко, декоративно.

Мы испытывали голод по хорошим альбомам с картин великих художников, просто по хорошим книгам. Я писал на одной квартире с Юркой Кожухиным, он был старше по курсу, вначале учился на скульптурном отделении, но из-за ревматизма сердца перешел на живописное. Болезненный, худенький. У него большая страсть к книгам, дома он читал постоянно. Еще раньше, в школе, я пристрастился к книгам, читал «запоем». Здесь наши интересы совпали. Мы читали, шлифовали свой вкус, делились друг с другом, обсуждали альбомы по искусству. От импрессионистов переходили к фовистам, к Дерену, к Дюфи, Леже, Бурделю, общая страсть к иконам. От «Кола Брюньона» Ромен Роллана к греческим трагедиям, к Плутарху. Мир поэзии захватывал: Хлебников, Маяковский, Уитмен, Верлен, Аполлинер, Лорка — возвышенный мир, романтика и потрясающий реализм.

Но работали мы с Гончаровым: вместе — на этюды, дома — одна натура, общие картины. Он настырный, фанатик, пишет стихи, трактаты, играет на баяне в самодеятельности, за что и нет на него гонений.

К нам в училище приходит старейший художник Аким Карпович Ованесов. В молодости он дружил с М. Сарьяном, в Париже учился в частных академиях. Показывал фотографии своих картин, рассказывал о себе.

Мы с Гончаровым и Скарлупиным часто ходили к Акиму Карповичу домой в Нахичевань. Тот показывал свои работы, в основном портреты, много рассказывал о Париже, М. Сарьяне, Мухиной — все там были: «Мухина — гениальный человек. Это же надо сделать такое — «Рабочий и колхозница»! Но матюгалась она...» Нам бросал фразы: «Художник должен выполнить все свои прихоти. Иначе, какой же он художник!» Сам же сидел во дворе на стуле под деревом, грузный, в своей широкой темной кофте, излучая теплоту своего сердца.

В мастерской Теряева я познакомился с Сережкой Хатламаджияном. Он уже окончил Ростовское училище, жил в Ереване, учился в институте, пропадал в мастерской М. Сарьяна. Видно, ему нравились мои работы, и он пригласил меня к себе, в Чалтырь, поселок под Ростовом, где жили его родители. Я сказал, что я с другом Гончаровым. Он согласился: «Ладно». И под вечер отправились мы к нему. Уже в темноте, по полю, добрались до Чалтыря. В землянке, где была его мастерская, смотрели его работы. Показывая рисунки, усмехаясь, он говорил: «Смотри, как сделал». Вместо линии он рисовал портрет канвой своей росписи. Он большой, грузный, добрый и талантливый.

Утром мать Сергея пригласила нас к завтраку. В той же землянке, на низком столике, на большом подносе горой выложена всякая зелень, вокруг по краям отварная молодая картошка, лаваши, в чашках — сметана. Просто, вкусно.

В Ростове у Сережки было много родственников, их он посещал, меня брал с собой. Все его родственники — армяне. Старики гостеприимны, выходили, подавали руку, представлялись, вели к себе, угощали.

А.Е. Соколенко. Ташла. Сашка (1963)

Из Ставрополя на один курс с нами поступил Евгений Саврасов, только в другую группу. Он семиклассник, а мы десятиклассники. Познакомились.

На каникулах в Ставрополе ходили друг к другу, ездили на Сенгилеевское озеро на этюды. Он небольшого роста, аккуратно одетый, с длинными волосами, зачесанными назад под «Тарзана». Его обшивает мать Екатерина Ивановна. Ходит в узких брюках, в рубашке в крупную яркую клетку красно-зелено-желтую — стиляга. После «железного занавеса» — свобода, танцуют «буги-вуги», «рок-н-ролл». Мы все стиляги — яркие галстуки. Мать сшила Саврасову черный костюм.

Но бдительные комсомольские работники набирают дружины из рабочих комсомольцев, идут в парк на танцплощадку, там вылавливают «стиляг» и обрезают яркие галстуки. Вечная война старого с новым.

В училище я с Гончаровым, Скарлупиным. После третьего курса едем в Ленинград поступать в Мухинское училище. Во время экзаменационной комиссии узнают, что мы студенты училища. От нас требуют разрешения директора Ростовского художественного училища на отчисление, на случай нашего поступления. Даем телеграмму в Ростов, директор Коптев разрешения не дает, и нас снимают с экзаменов.

Берем домашние работы, идем к доценту монументального отделения Савицкому, показываем. Он смотрит: «Да, сильно вас ваш Теряев ударил!» Мне говорит: «А ты приезжай на следующий год. Только документы выправь».

Походив по музеям, насмотревшись в Эрмитаже импрессионистов, постимпрессионистов, Матисса, Пикассо, старых мастеров, Рембрандта, мы едем в Москву в Строгановское училище. Уже ученые, в Строгановке мы скрываем, что учимся в художественном училище. На консультации наши работы смотрят: Гончарову рекомендуют на металл, Скарлупину — на керамику, мне — на монументальную живопись. Захожу на собеседование, за столом человек двадцать во главе с ректором, спрашивают: «А что ты делал три года после школы? Ты ж, наверное, в художественном училище учишься? Ведь по подготовке видно». — Я вру: «Что вы, я учусь на вечерних курсах при училище». «Но работать ты должен?» — «А я халтурю». Все рассмеялись, ректор сказал: «Ну вот что. Работы у тебя хорошие. На следующий год выправь документы. Как — это твое дело. И приезжай к нам».

В Москве — по музеям: Третьяковка, музей Андрея Рублева, Восточный и, конечно, Пушкинский. Опять смакуем Ван Гога, Гогена, Сезанна, Пикассо, Матисса, Дерена, старых мастеров, потрясающего Рембрандта, от него трудно уйти.

Потом мы на зимних каникулах ездили в Москву и Ленинград походить по музеям — утолить голод.

После четвертого курса я написал «Девочку с цветком», портрет солдата (брата Мишу), картину «Семья» (отца, мать, рядом играют внуки). Показал Виктору Григорьевичу: «Да вот, хочу чем-либо этим защитить диплом». Он другого мнения, посоветовал другую тему — про рабочих.

Зимой в Ростовском музее встретил я Бориса Альбертовича Бендика — директора Ставропольского музея изоискусств. Мы с ним договорились, после окончания мной художественного училища откроем в Ставрополе Детскую художественную школу.

На защите говорили не о моем дипломе, а обо мне — такой-сякой «формалист», но поставили удовлетворительную оценку, выпустили. На выпускной вечер я не пошел, но вечером почти вся наша группа была у меня на квартире. Надо сказать, что в группе ко мне относились хорошо. Я ходил в красном свитере, в оранжевой вельветовой куртке, в коричневых штанах, лицо с выгоревшими желтыми бровями, и ребята называли меня «Рыжий».

Бендик постарался, чтобы мне из Ставрополя прислали вызов на распределение. Мы с Саврасовым приехали в Ставрополь, он со свободным дипломом, как единственный кормилец у матери, я для открытия ДХШ. Бендик, директор музея, он же по совместительству — директор ДХШ. Я предлагаю в учителя и Саврасова. Бендик говорит: «У нас пока одна единица преподавателя. Хочешь, бери его, но плати ему из своей зарплаты. Набирайте две смены первого класса, а зимой наберем подгруппу и добьемся для Саврасова единицы. Дали объявление, с Саврасовым провели экзамены, и школа заработала. 1964 год. Восемьдесят рублей, что я получал, делил с Саврасовым, набрали подгруппу в две смены. Через год к нам приехал Гончаров.

В художественной школе мы с Саврасовым работали с удовольствием. Дети — откровение. Даешь им лист бумаги, гуашь, и они такое выдают, что мы просто ахали. Летом пленэр. Бендик давал нам музейный автобус «Кубань», мы с детьми выезжали за город на этюды. Возвращаясь, пели песни, девочки с букетами цветов — празднично, красиво, запоминающе.

В музее новый главный хранитель Сергей Сергеевич Шефф, он из Ленинграда. Старше меня года на два, такого же роста, с большим добродушным и умным лицом. У него русая борода и широкие усы, похож на Николая II. Курит трубку, табак «Золотое руно». Если зайдешь к нему в кабинет, на столе увидишь гору коробок «Золотое руно», давно уже пустых. Он не торопясь делает опись картин, по его чертежам готовят для них стеллажи. Он открыто на тебя смотрит, веко глаза у него подергивается, в руках трубка, говорит не торопясь только об искусстве, весомо, улыбается. С ним интересно. Шефф ведет в школе историю искусств. С детьми он беседует, рассказывает, показывает альбомы об искусстве. Дети его любят, окружают его сидящего за столом — Сергея Сергеевича не видно.

В музее искусствовед Люда Мартынова — прямолинейна, об искусстве судит безапелляционно, всегда активна, с ней тоже интересно.

У всех у нас общие интересы — искусство, поэзия, каждый по-своему спорит и соглашается.

Люда во всем активна и впереди, Сергей в ее сетях. Через три отработанных года Сергей уедет в свой Ленинград — нельзя терять там квартиру, Люда с ним. Но пока они здесь, нам всем интересно, мы общаемся, спорим.

С Саврасовым работаем, пишем, рисуем. Людка, возбужденная от наших работ, предлагает сделать нашу выставку в музее. Бендик не мешает. Делаем выставку в нижней комнате, под лестницей. Для Ставрополя это неожиданно, многих местных художников она шокирует. В книге отзывов зрители ругают и хвалят экспозицию. Мы заявили о себе, о нас знают. Это был 1965 год.

В Москве готовится молодежная республиканская выставка. Мы с Саврасовым посылаем работы. У Саврасова проходят линогравюры, у меня «Де-

вочка с цветком» и «Девочка за красным столом», с выставки они приходят уже в новых рамах.

В Союзе художников председатель Казанчан К.Г. Я его попросил помочь в поездке в Дом творчества «Академическая дача». Написал заявление, приложил фотографии с картин — он помог, меня включили в рабочий поток летом на два месяца. Для художников это коммунизм — кормят, есть жилье, мастерская, только холст и краски свои. Художников человек сорок, худрук Анатолий Левитин из Ленинграда с академической школой. В городке живут Юрий Кугач, братья Ткачевы, в потоке известные художники: Гаврилов, Федоров, Токарев и другие, много художников из Ленинграда, Москвы, России — от края до края. Все пишут этюды, маститые пишут картины к выставкам. Мы в мастерской, где Шевандропова писала картину «В сельской библиотеке». Нас трое: Марина Метелкина из Бурятии и Н. Тихонов — ветеран войны из Москвы — и я. Марина привезла копченого омуля с Байкала, угощает.

Мы с Тихоновым ходим на этюды, на следующий день он говорит: «Лешка, я твой этюд повторил, написал с того же места, что и ты». Когда ездили в Торжок, он и там повторял, писал с натуры те места, что и я писал, с такой же композицией, и таким же решением. Марина говорила: «Ну, ты и повлиял на него!». После, на выставке московских художников, я видел эти этюды.

В деревне я захожу в избы, пишу старух на больших холстах. Заходит Левитин, посмотрел на мою стену, среди этюдов «Бабушкина комната», он шокирован: «Да разве можно так красить?! А кота ты написал гениально». Видно, рассказал своей жене Майе Копытцевой. Она хороший, тонкий живописец. Ей любопытно. Приходит к нам в мастерскую, на моей стене уже «Бабушка с внуком» (сидит на лоскутном одеяле): «А мне нравится», — и ушла.

В потоке пожилой художник из Москвы Виктор Мидлер, ему за восемьдесят, он с женой. Я с ним в дружбе, часто беседуем. Я люблю слушать стариков. Он много рассказывает, говорит о Бурлюке, показывает журналы, присланные ему из Америки, где тот женился на миллионерше, и теперь выпускает свой журнал с репродукциями своих же картин. Разворачиваю, в каждом журнале дарственная надпись: «Моему другу Виктору Мидлеру от учителя Маяковского. Давид Бурлюк». Мидлер говорит: «Завтра еду в Москву, приезжает с выставкой Бурлюк. Надо встретиться». Через несколько дней приезжает с кипой журналов Бурлюка.

Возвращаясь с «академички», в Москве, в музее Пушкина, я встретился со знакомым искусствоведом Ароновым, он говорил: «Привез Бурлюк выставку к нам, картины-то его разошлись, так он с репродукций своих работ наделал копий, краска течет. Все далеко не то. Пришлось отказываться от его выставки».

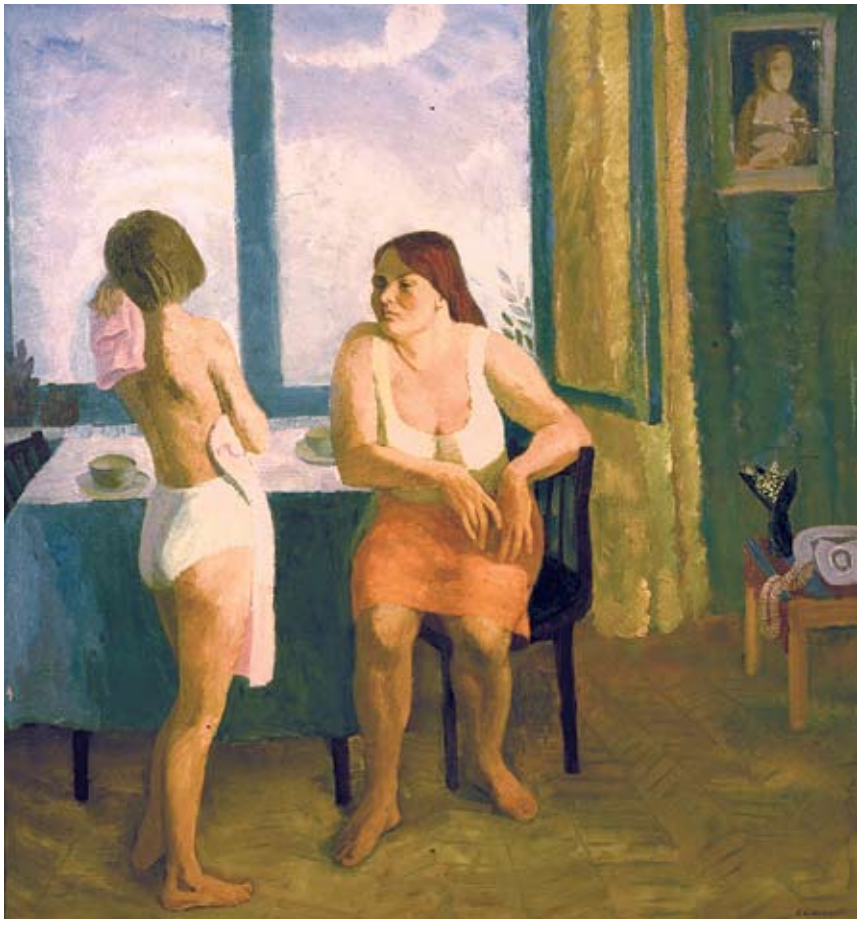
В девяностые годы на Крымском валу в новой Третьяковке на выставке «На рубеже веков» я увидел две картины моего старого знакомого Виктора Мидлера.

Из Москвы на «академичку» приезжала тиражная комиссия художественной лотереи. Покупали работы для лотереи. Многие художники знали о ней заранее и готовились, писали пейзажи. Федоров пишет стихи. Про своего собутыльника колченогого Василия Косенкова сочинил: «Он нашел мотив отличный на четыреста кусков. Ай да Вася Косенков!».

Князев из Москвы написал для лотереи более ста этюдов. Я тоже показал пять этюдов, к моему удивлению, купили два. Князева журили — «схалтурился». Купили из ста всего один этюд.

В конце потока — просмотр, в комиссии обязательно Юрий Кугач. Все, что не подходит под его систему живописи, он ругает, авторов поучает.

Когда на даче был Теряев, Кугач его, совершенно сложившегося художника, начал поучать. Теряев не выдержал: «Да пошел ты! Со своей сопливой



А.Е. Соколенко. Утро (1979). СКМИИ

живописью». Мимо меня Кугач не прошел стороной и вылил ушат желчи.

Я приехал с дачи, в Ставрополе готовятся к Зональному выставкому, который должен проходить в Краснодаре. Я взял два портрета: «Солдат», «Девочка с цветком», картину «Семья» — и со всеми художниками в Краснодар.

В Краснодаре Зональная конференция художников, приехал президент Академии художеств Владимир Серов. Он ругает «формалистов» — этих «синюшных художников», говорит: «Я хочу заглянуть в

глаза человеку, посмотреть, какого они цвета». Мартынова с трибуны критикует засилье академической живописи и самого Владимира Серова. На следующий день он едет на выставком, а по дороге на беленых домах надписи большим шрифтом: «Серов, вон из Краснодара!» Это художники ночью постарались. Старушки, на чьих домах надписи, спрашивают: «А что это за империалист такой, этот Серов?».

Идет выставком, в нем человек тридцать художников Юга России, Москвы. В центре — Владимир Серов. Настал мой черед, я поставил картины и отвернулся, ожидая очередной порции критики. С минуту или две молчание, затем аплодисменты выставкома, от неожиданности я повернулся, пресса фотографирует. Со мной заключили большой договор на картину «Семья». Позже я начал анализировать, как так, всегда ругали, а тут аплодисменты. Потом сообразил, что первым похлопал Серов, остальные из подхалимажа к нему.

Когда через два года открылась выставка, все мои работы: «Солдат», «Девочка с цветком» и «Семья» — висели на видных местах. Там я встретил

А.Е. Соколенко. Семейный портрет. Дочь Александра, внучка Лиза и кот Филимон (1998)

Виктора Григорьевича. Лень поздравил меня — и ему было неловко, и мне.

Ко мне приехала Лариса Должанская. Еще в училище я заметил ее. Стоим у здания училища, а она со своими подружками, красавицей Мариной Чернявской и хохотушкой Наташей, смеются. Лариса крепкая, круглолицая, пышет здоровьем. Я, улыбаясь, говорю Кожухину: «А хорошая из нее жена была бы». Года через два перед окончанием ею училища мы с ней несколько раз встречались, не совсем удачно. По окончании училища ее направили в Ханты-Мансийск, я учился еще год. Мы с ней переписывались. Отработав в Ханты-Мансийске, она вернулась в Ростов и работала с Наташей в КБ мебельной фабрики имени Урицкого. В 1965 году летом приехала ко мне в Ставрополь, и мы отправились на неделю на Сенгилеевское озеро. Жили на берегу у «дяди Саши», он сторож базы отдыха одного завода. Никого нет, на лежаки положили матрацы, там и спим на открытом воздухе. Озеро голубое, мы на лодке помогаем дяде Саше, ставим «телевизор» — сеть для мелкой рыбешки, а мелкая рыба — наживка для крупной, проверяем сети, раколовки. Купаемся, загораем. Залив глубокий, заплыв подальше на лодке, я ныряю в глубину и там пью холодную воду. Голубое озеро Ларису поразило. А через год она приехала ко мне совсем, и стали с ней жить — вся жизнь вместе. Жили у отца, домик маленький, народу много, тесно — 33 квадратных метра, а жили отец, мать, Фарида с маленькой Ирочкой, жена Владимира Людмила, мы с Ларисой, и Федя еще должен вернуться из армии. После Зональной выставки первый секретарь крайкома партии Ефремов устроил встречу с художниками в музее. Я попросил председателя Союза художников Герасима Киракозова сказать, что я нуждаюсь в жилье. В президиуме Ефремов (он в Краснодаре поздравлял меня), рядом секретарь горкома М.С. Горбачев. Ефремов наклоняется к Горбачеву: «Запиши себе. Надо дать ему квартиру».

Лариса в положении второй раз, первый выкидыш. Она в роддоме на сохранении. Время идет, никто о моих нуждах не вспомнил. В моей группе учится сын И. Брагина — завотделом крайкома партии, я прошу его поговорить с М.С. Горбачевым, объясняю ситуацию. Одновременно записываюсь к М.С. Горбачеву на прием, как к депутату, иду к нему. М.С. Горбачев спрашивает меня: «Объясни, в чем дело?» Я объясняю, что у отца живет народу много, в тесноте моральная обстановка для молодой семьи ненормальная. Уйти от отца на квартиру не могу, это оскорбит его. Выход один — получить квартиру». М.С. Горбачев спрашивает: «А кто тебе Брагин?» Я говорю: «Его сын у меня учится». Вышла секретарша, Горбачев говорит матерно: «Знаешь, ну его... — больше никуда не ходи. В марте сдается дом, если ты в нем не получишь квартиру, тогда только ко мне». Такие выражения «от народа» меня удивили. Через три дня из горисполкома меня нашли и выдали ордер на двухкомнатную квартиру.

Я в роддом, Ларисе в окно показываю ордер: «Получил квартиру». Она не верит. Ищу дом, где будем жить, а он не достроен. Да, боялись тогда секретарей, исполняли их волю. Ларису из роддома я забрал уже в новую квартиру.

Гончаров работает над картинами в школе много, фанатично. Во дворе музея привязывает к колонне большой холст, пишет «Клятву красноармейцев» и «Покушение на Ленина». Фанатично хочет признания, считает себя гением. Пишет стихи, трактаты, спорит с шефом, Мартыновой. Я больше слушаю. Саврасов занялся керамикой, инсталляцией, приобрел сварочный аппарат, защитную краску, собирает старые лопаты, детали машин и варит.

Из Ростова приезжает Саня Жданов. Остановился вначале у Мушаилова, потом живет у Саврасова. Он циник, нахлебник и нахал. Много говорит, разглагольствует, вещает. С женщинами циничен, ис-

пользует их как средство к существованию — живет за их счет.

Мало пишет, больше говорит. В живописи тяготеет к Древину.

С Гончаровым у них бесконечные диспуты. Гончаров: «Знаешь, я пошел дальше Малевича, взял и закрасил весь холст черной краской» — «Нет, я!» — «Нет, я!» Потом Жданов кладет руку на плечо Гончарова: «Ну, ладно. Ты — гений! И я — гений! Пойдем выпьем».

Неожиданно появляется Володя Лещенко, в фуфайке, в кирзовых сапогах, с большим рюкзаком: «Да вот еду на Алтай. Думаю, дай по пути заеду к ребятам. В Кропоткине вышел — и в Ставрополь».

Он еще когда учился в Ростове, несколько раз бросал учебу, уезжал в Сибирь, работал лесорубом, на Черных землях — чабаном, пас сакман (ягнят). Потом был строителем в Туле. С большим рюкзаком излазил Кавказ, и вот собрался на Алтай. Пишет в походах акварелью и маслом на бумаге, разворачивает рулоны; пронзительные по состоянию зимние пейзажи.

Наклонив светло-русую голову набок, застенчиво улыбается наивной улыбкой. Женщины его опекают. После очередной поездки, наклонив голову, застенчиво говорит: «Да вот! Сошелся со строительницей» — или «Сошелся с арбичкой».

Мы снабжаем его бумагой, красками. Через пару дней он уезжает: «Ну, я заеду еще!»

Мы все одержимы искусством, жажда общения, хочется увидеть, что делают другие. После выставки «30 лет МОСХа» новые имена — Павел Никонов, Николай Андронов, Жилинский, Андрей Васнецов, скульптор Э. Неизвестный. Ездим в Москву, на выставки. Гончаров — настойчивый, пробивной, добывает телефоны скандальных художников, договариваемся с ними. И вот мы в мастерских Никонова, маститого колориста Андронова, Андрея Васнецова. Мне особенно нравится А. Васнецов, его скупая черно-белая живопись: «Завтрак», «Разговор». Затем у Оскара Рабина, Олега Целкова. В своей маленькой комнате он ставит большие холсты на кровать, на них изображены крупные, как шары, розовые головы с прорезями глаз, он воодушевлен, активен. Затем идем к искусствоведу Сарабьянову, у него большая комната, вся увешана картинами Р. Фалька.

Договариваемся с коллекционером Костаки, встреча вечером в 9 часов. Он работает в дипломатическом корпусе, занят. В больших московских дворах сквозняк, метель, Костаки появляется часов в одиннадцать вечера, милиционеру в подъезде кивает: «Со мной». Квартира — комнат шесть, по стенам работы современных художников: Древин, есть графика Пикассо, Шагала, на листе жести «Распятие» Пирасманишвили. Русский авангард двадцатых — тридцатых годов, на потолке супрематические работы Поповой, по-над стенами в кованых старинных сундуках иконы. Показывает толстые альбомы художников с дарственными надписями Пикассо, Шагала. Разворачивая альбом Жоржа Руо, говорит: «Французы его любят больше других художников. Вы знакомы с его работами?». Я отвечаю, что уже видел книги о Руо. Он оживляется, дочери своей, лет семнадцати, холеной девице — «кровь с молоком» — говорит: «Принеси нам «Хереса», да поторопись, может, среди этих молодых людей твой жених». Она медленно, в сопровождении большой овчарки приносит «Херес» в оплетенных бутылках. У Костаки усталость проходит, и мы засиживаемся у него до трех ночи.

С Саврасовым едем в Ленинград. Б. Бендик дал рекомендацию к искусствоведам Русского музея, чтобы мы посетили запасники. По дороге встречаем Юрия Жульева, он учится в «Мухе» на «стекле». «Ребята, возьмите меня с собой. Это же редкость — пойти в запасники. И такая удача!» В запасниках прикладного искусства смотрим авангард начала двадцатого века, Жульев все узнает, без умолку говорит, с искусствоведами наводит контакты, уши его от удовольствия оттопыриваются.

Художественная жизнь в пятидесятые годы в Ставрополе шла спокойно, как в любом заштатном городке. Снятие «железного занавеса» в шестидесятые не только дало толчок бурной художественной жизни в столице — зерна свободной мысли докатились и до Ставрополя и стали потихоньку прорастать.

Краевое правление Союза художников находилось в Кисловодске. Председатель правления Корюн Казанчан работал, в основном, на Академической даче и в Ставрополе бывал наездами. Он известен, репродукции с его картин печатаются в журналах. В начале шестидесятых К. Казанчан переехал в Ставрополь, с Кавказских Минеральных Вод с ним приехали художники Г. Каракозов и Л. Гольцева. Краевое правление Союза художников стало располагаться в краевом центре — ближе к власти. Казанчан заложил строительство творческих мастерских на десятых этажах по улице Мира и Дом художника. А пока Союз художников и Художественный фонд находились на улице Артема в помещении, выстроенном под магазин.

Еще в пятидесятых годах я, будучи школьником, видел краевые художественные выставки в Доме офицеров на Ворошиловском проспекте (проспект Октябрьской революции). Первая встреча с живыми картинами! Больше всего запомнились работы П. Гречишкина, его зимние пейзажи: ручьи на Корытах, талый снег у стволов деревьев и натюрморт с ромашками на клетчатой скатерти. Картинная галерея была в Краеведческом музее. Я туда ходил часто, поражался большой картине Мещерского «Зима в Финляндии», «Ледоходу» Мартынова, картинам Дубовского. Когда стоял у копии с картины Веронезе «Похищение Европы», ко мне подошел старичок с круглым лицом и шевелюрой седых волос — директор музея. Он, вероятно, давно заметил мальчишку, часто приходившего в музей, спросил: «Ну как?!» — Я ответил: «Но это же копия». — «Да, копия. Но какое великое искусство!» На всю жизнь я запомнил его восторженный взгляд, его желание передать любовь к тому, что сам боготворил. В Художественный фонд я впервые зашел, будучи студентом, на каникулах.

Евгений Биценко и Егор Кузнецов после окончания академии (академии имени Репина) ловко пишут портреты Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса, членов Политбюро — зарабатывают. Е. Биценко всех поучает, картины поправляет своей кистью — он ведь из Академии. Е. Кузнецов — душа художников. Собраться и выпить — к Егору.

Я принес этюды, показал. Биценко начал поучать. После его умной критики Егор Кузнецов сказал просто: «А мне нравятся!» — и выпросил у меня на память этюд с изображением куста сирени.

Молодой Виктор Чемсо ходил ко мне посмотреть

работы. Я — к нему. Он талантлив, писал хорошие этюды. Все только начинали. Чемсо тяготился своей краснодарской школой. Для него мое появление из Ростова, да с необычной школой Теряева, было как глоток свежего воздуха. Мы подружились. Он с женой Валерией и маленькой дочкой Аллой жил на квартирах, часто меняя времянки без удобств. Валерия себе и мужу шьет одежду, одеваются со вкусом. Высокую стройную пару с дочкой часто можно было увидеть в городе. Алла маленькая, быстрая. Стоит нам присесть на лавочку — Алла сидит у меня на голове. Валерия смеется: «Ну, Леха, тебя так дети любят! Недаром ты их пишешь».

Лера любит поговорить. Виктор все время удивляется: «Знаешь — идем по городу, встретила она подругу, задержалась с ней поболтать на пять минут, а мне рассказывала полчаса, о чем они переговорили». Валерия пишет тонкие по живописи натюрморты, но мало — хлопоты по хозяйству.

На выставках меня часто ругали: видно, декоративность моих картин, повышенное чувство цвета не соответствовало принятой направленности.

А.Е. Соколенко. Сестрички Оля и Маша (1965)

Но я стал участником двух республиканских молодежных и зональных выставок, в 1967 году был принят кандидатом в Союз художников. Через два года стал членом Союза художников, был принят в братство художников. Раньше я не мог и думать, что буду разговаривать с ними просто, как с друзьями, выслушивать их мнение о своих работах, говорить свое о творчестве.

Владимир Кленов, самый старший художник, пишет пейзажи Ставрополя, влюблен в Сенгилеевское озеро. Он кряжистый, стоит, как дуб, носит сразу двое очков с толстыми линзами. О любимых работах говорит: «Это же живопись!..» Неожиданно может сесть на мотоцикл и уехать на этюды. А ему за восемьдесят. Художники его уважают. Он еще до войны вел художественные студии. Давно на пенсии. Мастерская — одна из комнат в собственной квартире на улице Дзержинского. Во дворе сарайчик, который он рисовал днем и ночью, в нем хранил свои этюды.

Управление культуры в конце года выделило «горящие» деньги на закупку картин для Изомузея. Председатель СХ Виктор Чемсо говорит мне (я был тогда главным художником Художественного фонда): «Не знаю, как быть. Предложишь купить у двоих — другие обидятся». — «Да, что тут думать? — говорю. — Давай у старика Кленова купим». — «И верно!». Пошли к Кленову, выбрали десять этюдов, как раз на всю предложенную сумму. Кленов, держа в руках один из своих ранних этюдов, говорит: «Да, это живопись!.. А не выпить ли нам по рюмочке винца по этому случаю? Жена у меня хорошо его делает!»

Он немного не дожил до девяноста лет. Проводили его в последний путь. Его сын Леонид, отставной офицер, говорит нам: «А что делать с его работами?» Я (уже председатель СХ) вместе с заведующей выставочным залом Верой Васильевной Волковой (Кононовой) пошел к ним на Дзержинского. Зашли в сарайчик — а там горы этюдов. Вытащили мы их на свет божий во двор, вытерли пыль и начали сортировать: двести этюдов для Краевого изомузея, около сотни в Невинномысск (Кленов там родился) для картинной галереи, остальные Леониду: «Это можешь продавать». Помогли сделать рамы, и долго Вера Васильевна их продавала, выдавая деньги часто появлявшемуся Леониду.

Павел Гречишкин — любимец народа, его пейзажи всем известны. Некоторые художники из зависти к его популярности делают кислую мину: вышел из «самодеятельности», ведь он не окончил вуза, а сами мечтают о популярности. Мастерство П. Гречишкина не было поразительным, но только он мог написать облака так легко и свободно, что они плавали между гор. Собратьям по кисти говорил: «Было бы небо!.. Землю напишем». Он подарил городу все свои картины, и его галерея была размещена в мечети. И когда ему стало уже за восемьдесят, всеми признанному патриарху из патриархов Ставропольское художественное училище выдало диплом об окончании СХУ, чем Павел Моисеевич очень гордится. К. Казанчан не раз говорил: «Ребята! Вот все мы умрем. Нас не будет, о нас забудут, а имя Павла Гречишкина останется!» Он рассказывал о Гречишкине одну быль: «Как-то приехал ко мне из Ленинграда Анатолий Левитин — академик живописи, повез я его в горы, в Домбай. Забрались мы в горы высоко: снег, камни, земля. Левитин говорит: «Ну, уж здесь ни одного художника не встретишь». Только произнес, а из-за камней выходит Гречишкин с этюдником».

Корюн Казанчан по-другому пел о Ставрополье, в его картинах смеялись доярки, на горе початков кукурузы цветным узором сидели бабы, Ленин с фуражкой в руке вещал народу о хорошей жизни.

Молодым художником я в 1964 году пошел к нему в мастерскую, которая временно располагалась в строящемся доме в центре города. К нему можно было попасть по строительным лесам сквозь цемент, песок и известь. Увертываясь от торчащих досок, я попал в идеально чистое помещение, у стены стояла громадная картина «Золотое лето». По скошенному полю шли бабы, освещенные солнцем. Она была написана широкими мазками, но свет солнца, отраженного в стерне пшеницы, шел к зрителю. Вероятно, Казанчан понимал значимость

своей картины. Здесь же на диване сидела его жена Заря — тоже художница. Чистота в мастерской была ее заслугой. Он называл ее Зорюшкой, все другие — Зоей. Казанчан дал мне рекомендацию для работы на Академической даче. Летом я работал на «Академичке», Заря писала там свои прекрасные натюрморты. Нас с нею в одно время принимали в Союз художников.

К. Казанчана при каждом застолье художники просили: «Коля, спой!» Он вставал, мечтательно смотрел вверх и начинал петь тихим бархатистым голосом «Скажите пехоте...» или «Мне тебя сравнить бы надо с песней соловьиною, с нежным взглядом, с тонкою рябиною...» Он знал всего три-четыре песни, но они в его исполнении были шедеврами застолья. О себе он говорил: «Ребята!.. Ну какой я армянин?! Учился в русской школе, рисовать учился у русских, говорю по-русски, пишу русских баб! Я русский, ребята!»

Часто рассказывали о комических случаях из жизни старших художников. Вот некоторые из них.

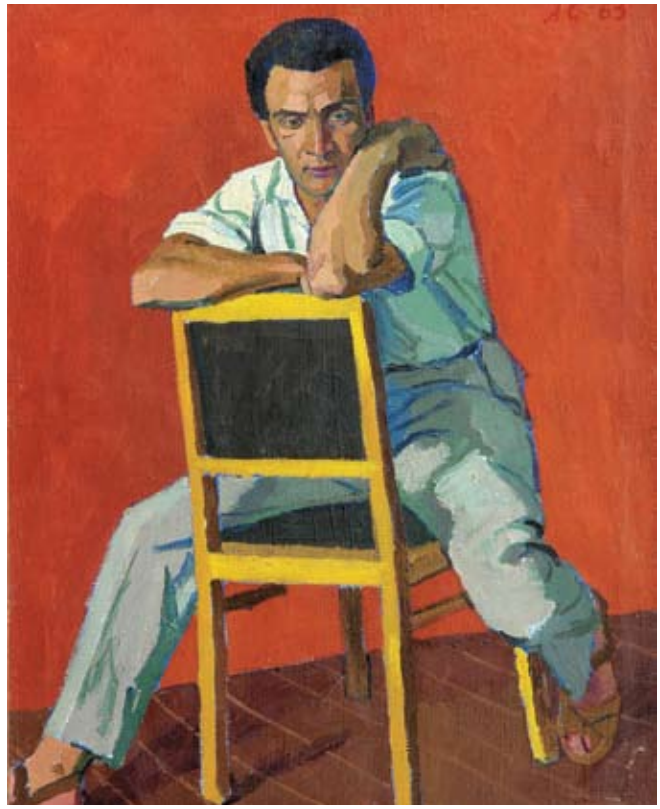
Группа художников на Кавминводах собрались в Иноземцево на пирушку отметить какое-то событие. Среди них Горбунов, Бартаршевич. Вечером надо разъезжаться. Осень, грязь, слякоть. В темноте пошли на станцию. Вдруг Иван Горбунов кричит: «Ребята! Стой! Левую калошу засосало». Тогда многие ходили в сапогах с калошами. Горбунов рукой полез в грязь, ища калошу. Не нашел. «Да, ну ее!» — снял калошу с правого сапога и бросил в грязь. Вышли на перрон, под пучком света у фонарного столба Горбунов глянул на свои сапоги: «Ребята, а левая-то калоша на мне!.. Э...» — снял левую калошу и бросил в темноту, в грязь.

Рассказ К. Казанчана: «Молодым я заработал денег, справил себе драповое пальто с бобровым воротником. Зимой старики пригласили меня на пирушку в Ессентуки. Были Голубев, Горбунов, Свердликов, Скачков. Засиделись допоздна, выпивки не хватило. Горбунов говорит: «Ребята, у меня в Кисловодске в ресторане знакомые — я там возьму». Сбросились. Старик Голубев взял свой портфель: «Что-то на улице холодно. Коля, дай мне свое пальто, чтобы я не замерз». В Кисловодске в ресторане взял выпивку, сложил бутылочки в портфель и сел за столик, чтобы выпить рюмочку-другую. Посидел, выпил хорошо, потом сел в электричку — до Ессентуков. В электричке заснул, проснулся уже в Пятигорске. Подумал, что поедет обратно, и опять заснул, проснулся уже в Кисловодске. Решил все-таки доехать до Ессентуков и опять заснул. Так он ездил, пока кондуктор не сдал его в вытрезвитель. После вытрезвителя утром в помятом и грязном пальто он появился у заждавшихся товарищей. Говорит: «Хорошее, Коля, у тебя пальто, теплое».

В шестидесятые годы у власти — особое внимание к культуре. Начальник отдела культуры Владимир Петрович Колодийчук. Он умный, деликатный, все хорошие начинания поддерживает, воспитал большую плеяду толковых работников культуры. С его помощью открыт Музей изобразительных искусств в особняке, где ранее был клуб Гофицкого. В Изомузей были переданы картины Краеведческого музея из собраний ставропольских купцов и сто картин из запасников Эрмитажа, подаренных в честь открытия изомузея. Директор музея — Борис Альбертович Бендик.

Б. Бендик был на удивление работящим человеком, везде успевал. Читал лекции в учебных заведениях, в Художественном фонде рисовал стенды, подрабатывал на жизнь, мотался по делам музея. Когда в 1969 году открылось художественное училище, преподавал там историю изоискусств, устраивал в училище капустники, писал к ним юмористические сценарии в стихах. В восьмидесятые годы написал книгу «Художники Ставрополья», которая является пока самым полным историческим изысканием о художественной жизни Ставрополья.

В Изомузее молодые искусствоведы: Л. Мартынова, С. Шефф, Л. Камышникова, затем М. Даен, Софья Барер. В ДХУ приехал Станислав Гончаров, художественную студию для взрослых вел Виктор Чемсо, заходили многие художники, в числе которых Петр Горбань, Александр Муравьев. Разговаривали, спорили, смотрели работы друг друга. Все хотели нового, хотели перемен. Думали, что чему-то непонятно новому мешает официальное, его надо потеснить. А самый официальный К. Казанчан, он признан, он на выставках, он отбирает на выставки



А.Е. Соколенко. Портрет художника В.М. Чемсо (1963). СКМИИ

картины, он руководит, он лидер! А как хочется самим быть лидерами! Вот и зреет против Казанчана и его окружения заговор. Е. Биценко, П. Горбань, В. Чемсо и меня убедили в том, что смена власти в СХ необходима. Да что там убеждать, я и сам был готов — ведь меня частенько ругали на выставках. В семидесятые годы прошло бурное отчетно-выборное собрание с критикой К. Казанчана, председателем был В. Чемсо. Произошла полная смена власти в руководстве СХ. И пошла новая жизнь.

Такие изменения происходили по всей стране. В Москве зарождались новые течения. На смену советскому импрессионизму с изображением светлой и беззаботной жизни строителей коммунизма пришел суровый стиль, родоначальником которого

был москвич Виктор Иванов. И пошли из картины в картину суровые рубленые лица строителей коммунизма в темном и суровом колорите. Светлая картина на выставке стала казаться странной и выпадала из общей экспозиции. В восьмидесятые годы художники опомнились, «очухались», появились разные художники, появились яркий цвет и свет. Но как тяжело вытаскивать ноги из засосавшей грязи!

Я вскоре понял нелепость наших отношений со старшими коллегами, стал защищать П. Гречишкина, К. Казанчана. В. Чемсо не унимался, у нас с ним появились разногласия, начались стычки. Дружеские отношения со «старшими» я сохранял всегда: и когда занимал высокие должности (председатель СХ, секретарь СХ России, член правления СХ СССР, депутат краевого совета), и после. К. Казанчан частенько приглашал меня на дни рождения — свои или жены. Гостей было мало — верный друг В.П. Колодийчук с женой, дочкой Леной и я. Долго засиживались в дружеских беседах. Каждое лето они уезжали к себе на дачу, на «Академичку». Там, в Серебряниках, на холме среди высоких сосен Коля и был похоронен.

С Зоей Семеновной мы сохранили дружбу. Я часто заходил к ней, помогал, делал подрамники, рамы. Она собирала на стол, и мы долго сидели, беседовали, ее саркастический ум живо рисовал всякие сценки былых дней. Как-то в мастерской, стоя у окна и глядя вниз на Ставрополь под моросящим дождем, я сказал: «Мряка...» — «Что-что? — спросила она. — Откуда ты взял такое слово?» — «Это у нас в селе Овощи так говорили». — «Вот был бы жив Володя Иванченко, он бы записал это слово!» Их друг Иванченко – конструктор, соратник известного Илюшина, отца самолетов Ил. Они с Зоей частенько засиживались за словарем В. Даля, выискивая редкие словечки.

Видно, чувствуя, что жизненный путь подходит к концу, она стала уговаривать меня перейти работать в их мастерскую: «И Коля этого хотел. Мы не хотим, чтобы о наши работы вытирали ноги». Она завещала мне быть душеприказчиком их творческого наследия.

Поехала на дачу «Академичку». Нашему общему другу русскому живописцу Вячеславу Шумилову вечером сделала массаж, пошла к себе, заснула и не проснулась. Ее рука лежала на раскрытом томе великорусского словаря В. Даля. Похоронили ее в Серебряниках, рядом с мужем, у высоких сосен.

Я выполнил долг: передал работы Корюна и Зари Казанчан в Краевой музей изобразительных искусств и в Пятигорский музей-заповедник М.Ю. Лермонтова.

Все художники во все времена искали себя, вырабатывали свой почерк, свое отношение к жизни. Много новых картин по-новому напишут Виктор Чемсо и Петр Горбань. Придет новое поколение, и будут новые песни. А пока неутомимый Петр Горбань заваливает свою мастерскую все новыми и новыми работами, заваривает покруче чай из чабреца и опять сопит у своего мольберта. Его энергии можно удивляться: уже немолодой, он оформляет сотни работ, несколько раз возит свои выставки в Тбилиси, Ленинград, Москву, делает выставки в Ставрополе. В конце жизни обращается к Библии и делает сотни черно-белых иллюстраций к ней. Великий труженик.

В Краевом музее изоискусств накопились тысячи работ. Благодаря неутомимой энергии директора Зои Александровны Белой фонды музея увеличились в несколько раз. Самоотдача сотрудников под ее руководством удивительна. Бесконечные разнообразные выставки. Музей — настоящий культурный центр всего Северного Кавказа.

Но у музея так мало выставочной площади. В его запасниках искусство XX века всего Ставрополья, и есть настоящие шедевры. Как нужна постоянная экспозиция XX века! А новое современное искусство?! Мечты, мечты... Когда это будет? Построят ли новое помещение?

XXI век встретил художников по-своему. Новые запросы у богатых покупателей. Им надо украшать свое новое жилье, свои особняки — и не надо в картине ни глубокой мысли, ни эмоций, ни размышлений. Картина должна быть украшательской — стильной в стильном интерьере.

Молодые художники стали петь по-новому. Все хотят понравиться покупателю, продать свой труд. Украшательские, легкие картины заполонили салоны.

Но я верю, что настанет время — будет у нас образованный покупатель, меценат, будут у нас новые Третьяковы. И не умрет, не зачахнет наше отечественное искусство.

Текст печатается по изданию:
Соколенко А.Е. Семья Соколенко: Память // Ставропольский текст: Описания, очерки, исследования. — Ставрополь: СГУ, 2006. — С. 625—705.

К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. **Семья Соколенко: Наброски к семиотическому портрету**

А.Е. Соколенко — известный ставропольский художник, Заслуженный художник Российской Федерации, лауреат многих премий, живописец, график. В 1971—1974 годах он написал большое художественное полотно «Семья». Теперь оно находится в Ставропольском краевом музее изобразительных искусств и представляет творчество художника на всех крупных выставках. В 2005 году А.Е. Соколенко написал еще один семейный портрет, но уже вербальный. Жанр — биографический очерк с элементами воспоминаний, попытками создать свою родословную, хотя бы в пространстве второй половины XX века. Между этими произведениями располагается все остальное творчество, хотя портреты членов семьи немногочисленны. Мыслит Соколенко, как и должен мыслить художник, по принципу рекурренции (винтовой симметрии, или симметрии золотого сечения) — он постоянно обращается на новом витке своего развития к темам, которые были заложены еще в самый начальный период творчества, осмыслению мира вообще, воплощая в одном полотне большое смысловое пространство.

А.Е. Соколенко. Семья (1970—1974). СКМИИ

Сам А.Е. Соколенко на вопрос, почему он возвращается к теме семьи, отвечает, что человек лучше всего знает себя и близкое окружение и первоначальное представление о мире получает через общение с близкими, товарищами, знакомыми и т.д. Поэтому возникает такая последовательность художественной коммуникации: семья, и прежде всего мать и отец, братья и сестры, а далее — близкие и дальние родственники по обеим линиям, друзья, товарищи, знакомые, ну, и наконец, незнакомые, которые становятся знакомыми в процессе жизни художника.

«Мой принцип — писать то, что я лучше знаю, о чем говорил с близкими, что сам видел. В детстве много работал с отцом, мы оба часто болели, лежали в больницах. Я был любопытным — расспрашивал. Со старшими братьями тоже много говорил о нашей семье, о жизни вообще, когда плотничал с братом Николаем, работал с Василием в фотомастерской. Потом захотелось все собрать, осмыслить». Сначала языком живописи (тогда еще все были живы), потом случай подсказал художнику, что надо сохранить память о семье для будущего. Внучка Лиза подарила Алексею Егоровичу записную книжку. Он воспринял это как жест, полный смысла, и решил коротко записать в нее родословную. Записал имена по каждой из линий: Соколенко — Селивановы. Потом решил описать все, что помнит о каждом, осмыслить себя в этом пространстве. Получился биографический очерк.

Чтобы понять художника, надо определить доминанты его творчества. Концентрическое мышление А.Е. Соколенко, в котором реализуется идея повторяемости темы «семья», позволяет нам рассмотреть его творчество как знаковую систему, в которой эта тема является семантической доминантой, объединяющей все темы творчества. Семья понимается им как сообщество родственников, далее, по принципу расширения, в эту систему включаются друзья, знакомые, люди, живущие в одном пространстве, времени.

Живописное творчество, избираемые жанры это подтверждают. Он пишет много детских портретов — это племянники, собственные дети, внучка, дети знакомых. В пору проживания в одном из районов Ставрополя, на Ташле, где быт, обыденная жизнь имеют особый полукрестьянский уклад, он писал племянников, детей соседей, а далее — детей своих друзей художников, учеников художественной школы, студентов художественного училища и т.д. То же самое и со взрослыми. Наверное, это тоже семья — ближнее и дальнее окружение, знакомые, коллеги по профессии — художники.

О расширенном понимании семьи свидетельствуют как живописный, так и вербальный тексты. В автобиографическом очерке он пишет о себе в детском возрасте, братьях, товарищах. Мы не случайно приводим вместе с автобиографическим текстом несколько портретных зарисовок, которые А.Е. Соколенко посвятил друзьям. Одна из них о ставропольском скульпторе Ф.И. Перетятько, две другие о московских художниках М.Г. Ройтере и Р. Сурвилло. В пространстве этих очерков также можно встретить портреты детей знакомых художника.

Процесс творчества — это процесс коммуникации. Пока жив человек, он находится в диалоге, и наоборот, он жив, пока находится в диалоге. Как утверждают философы, вне диалога ни общество, ни сам человек существовать не могут, тем более это касается художника. Творчество — это один из способов познания мира, и в отличие от научного познания, которое строится на наблюдениях, эксперименте, теоретических и прикладных исследованиях, связанных с той или иной научной парадигмой, художественное творчество — это образное осмысление жизни. Художник тоже включается в определенную традицию, что-то наследуя, что-то развивая в ней, и конечно же, он в постоянном многомерном диалоге — с предшественниками, с последователями, со зрителем, с моделью (с тем, кого он изображает).

Научный и художественный принципы познания взаимодополнительны, хотя многие философы считают, что художник опережает науку, а ученый только невысоко достраивает здание, уже построенное художником (А.А. Потебня). М. Хайдеггер говорит о «за-скоке», который совершает художник, «схватывая» истину, долго об этом не размышляя. В творчестве художника могут быть осмыслены огромные исторические периоды жизни страны. Меру соотношения субъективного и объективного в нем предстоит уже определить исследователям. Работы, которые написаны в то или иное время, обусловленные им, могут стать основой для серьезного осмысления истории. В.О. Ключевский, о котором мы уже говорили, подчеркивает, что мемуаристы «невольно приучались всматриваться в механику людского общежития, следить за связью причин и следствий, ценить дела и деятелей не по впечатлению, какое они производят на *нервы* людей, а по действию, какое они производят на людские *отношения* (курсив автора. — *К.Ш., Д.П.*)» (9, с. 154).

А.Е. Соколенко. Бабушкина комната (1965)

Итак, обратимся к текстам: живописному и вербальному, в названия которых входит термин родства «семья», и рассмотрим их как знаковые системы, вписанные в определенную эпистему — связную структуру идей середины — второй половины XX и начала XXI веков. Так как определяющей номинацией в данной системе знаков является термин «семья», обратимся к его значению, определим концептуальные смыслы, которые лежат в основе этого лингвистического, социально-культурного и философского понятия. Учитывая эти данные, мы перейдем к семиотическому анализу живописных текстов. Далее на тех же самых семиотических основаниях проанализируем текст автобиографического очерка. Таким образом, мы будем работать с двумя языками, двумя кодами — живописным и вербальным.

Наша цель — определить ценностные (в культурном, историческом, философском планах) смыслы, связанные с понятием «художник и его семья», в историческом контексте. Эта посылка обусловлена тем, что, как нам представляется, в российской ментальности человек, его жизнь не являются высшей ценностью. В период строительства социализма, который запечатлевается художником А.Е. Соколенко, явно доминировали такие понятия, как «Родина», «партия», «коммунизм». Сам человек, его творчество до сих пор рассматриваются только как части сложного механизма, способствующие движению истории.

Наше понимание личности обусловлено ценностным характером существования индивидуума — микрокосма, воплощающего в себе макрокосм, особенно если это касается крупного художника, писателя, ученого, работника культуры, в творчестве и личности которого нашли выражение не только идеалы его времени, но и общечеловеческие ценности.

Как само произведение искусства, науки (когнитивный артефакт) — нечто особое, чему нет равного в реальной действительности, так и человек, создающий эти ценности — писатель, ученый, деятель культуры — сам является культурной ценностью. И его, так же как созданные им произведения, следует оберегать от варварства, которое в любое время имеет место. Желание «поставить на место», а в определенные периоды даже истребить и инакомыслие, и самого художника, свойственно людям. Он всегда неугоден, так как «за-скакивает» за пределы мышления обывателя, мешает ему спокойно жить (вспомним пушкинский императив «Глаголом жги сердца людей!»: люди не любят, когда их тревожат, тем более **«жгущей»** истиной).

Может быть, варварство по отношению к людям науки, искусства — это проявление атавистических чувств, языческого сознания с постоянным желанием совершать акты жертвоприношений, ритуалы (особенно в революционные периоды, периоды культа личности): убить, оплакать, а далее — превознести в качестве кумира.

Видимо, следует не только художнику быть в диалоге с обществом, но и обществу искать способы коммуникации с художником, учиться говорить с ним. При всех негативных сторонах отношения к личности при социализме были попытки определять значимость ученых, художников. Чего только

стоит введение званий «заслуженный», «народный», которые до сих пор не отменены, хотя уже практически ничего не значат.

Попытаемся наладить диалог с художником, его творчеством. Обратимся к термину «семья», который является одним из самых значимых в творчестве ставропольского художника А.Е. Соколенко.

I. По данным этимологических словарей, термин «семья» имеет сложную структуру этимона. Словарная статья «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера:

«Семья» — 'в устном народн. творчестве также в знач. «жена», укр. *сім'я*, др.-русск. **сѣмиа** «челядь, домочадцы, семья; муж, жена», **сѣмьца** «младший член семьи» (Соболевский, Сб. Ляпунову 61 и сл.), русск.-цслав. **сѣмь** «persona», **сѣмиа** ἀνδράποδα, **сѣминъ** «невольник, домочадец» (XII в.; см. Ляпунов, Сб. Соболевскому 257 и сл.). Согласно Ляпунову (там же), **сѣмья** представляет собой собир. от **сѣмь**, подобно *братия*. | | Родственно лит. šeimà, šeimýna «семья, челядь», лтш. sàime «семья, домочадцы», др.-прусск. seimīns м. «челядь», гот. haims «селение», д.-в.-н. heim «родина», греч. κώμη «селение»; сюда же д.-в.-н. hîwo «супруг», hîwa «супруга», лат. civīs «гражданин», др.-инд. çēvas «дорогой», çivás «приветливый, любезный» (Траутман, BSW 300 и сл.; М.—Э. 3, 635; Шпехт 182; Эндзелин, СБЭ 196; Уленбек, Aind. Wb. 312; Педерсен, Kelt. Gr. 1, 58; Торп 88). [Слав. sěmьja восходит к обозначению территориальной общности, ср. знач. родственного *сябёр*, *sębrъ и исходное и.-е. *k̂ei- «лежать»; см. Трубачев, Терм. родства, стр. 164, там же прочая литер. — *Т.*]'.

Словарная статья «Этимологического словаря русского языка» А.Г. Преображенского:

«Семья — Р. семьи (вм. сѣмья) *familia*, в былин. *жена*; семейство; семейный, семьянин; семейский.

мр. семья, семьянынъ. **др.** сѣмия, сѣмья собир. *челядь, рабы*; *семейство;* сѣмиянинъ *домочадец, слуга*. **сс.** **сѣмь** *persona;* **сѣмьа**, **сѣмиа** собир. *mancipia;* **сѣминъ** *mancipium*.

— лит. szeimýna *челядь*. прус. seimīns, *тж.* лтш. saime *челядь;* sëwa *жена*. ссkр. çīmas въ duḥçī́mas. suçī́mas; çévas *милый, дружелюбный;* çivas *приятный, полезный*. гот. haims *деревня, мѣстечко;* heivafrauja *домовладыка*. дрвнм. hīwo *муж*, hīwa *жена;* heim *дом, родина*. дрсѣв. hjun *супруги,* heimr *родина*. анс. hīwan Мн. *челядь;* ham *родина, домъ*. лат. civīs *гражданинъ*. осск. ceus *тж*. дрир. cōim, cōem *красивый, любезный*. дркимр. cum, нкимр. cu *любезный*. корн. cuf *тж*. арм. sēr *склонность, любовь;* sirem *люблю*. Инде. *k̂ei- *лежать, жить;* распростр. *k̂ei-m-, *k̂ei-u- *родственный,* отсюда *вѣрный, пріятный* и прόч. Нераспространенный корень *k̂ei- в гр. κειται *лежитъ*. ссkр. céte. зенд. saetē *тж*. ˆссkр. çáyatē, çayati, *лежитъ, покоится;* á-çáyānas = гр. ὠ-κεανός *вокруг лежащий, облегающий;* κοίτη *стань;* κοιμάιο *укладываю спать*. дрсѣв. hīđ *медвежья берлога*. анс. haeman *брать замужъ*. (Ср. MEW. 294. Meillet, Et. 428. 317. WEW². 164. Stokes, 75. А. Торр, 88. Уленб., AiW. 312 и др. м. Scheftelowitz, BB. 28, 284. Pederben, KlGr. 1, 58). NB. Иначе Brugm. (Grd. 1², 790); ссkр. ksitíṣ *место жительства, поселение*. гр. κτίσις *основание* и проч. сл. сѣмья сюда не относится. (Ср. Boisacq, Dé. 525). Отъ корня k̂ei- отделяют корень *qōi- *собираться в кучу:* лит. këmas *крестьянский двор,* kaīmas *деревня;* kaīmýnas *сосѣдъ,* kaīmene *стадо*. лтш. zëms *деревня*. дрпрус. caymis *деревня*. гот. haims и др. герм. (эти могут быть отнесены к *k̂ei -. См. выше). гр. κώμη *деревня,* κῶμος *праздничный пир*. (Hirt. BB. 24, 286. Bezzenberger, BB. 27, 168. Ср. Zupitza, Germ. Gutt. 49. Здѣсь гр. κώμη сопоставляется съ семья, лит. szeimýna и проч. Противъ этого Уленб. BB. 30, 286. Boisacq, Dé. 544. Здѣсь литература). См. посивъ».

Словарная статья «Краткого этимологического словаря русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской:

«Семья — Известно в вост.-слав. и южнослав. яз. Образовано с помощью суф. *-ии-* от **сѣмь** — «работник, слуга, домочадец», подобно *братия* (от *брат*). Родственно лит. šeimà — «семья», готск. haims — «деревня», др.-в.-нем. heim — «родина» и т.д.'.

В дополнение к предыдущим П.И. Черных отмечает: 'Ст.-сл. **сѣмь** — «личность», **сѣмьа**, **сѣмиа** — «домочадцы», «рабы». О.-с. *sěmьja. И.-е. корень *kʾei-, суф. –m-. Ср. латыш. saime — устар. «дворня», «челядь», также «семья», биол. «семейство»; абляут: лит. šeimýna, šeimà — «семья», «семейство»; др.-прус. seimīns — «прислуга», «дворня»; гот. haims, f. — «деревня», «село»; др.-в.-нем. hēim (совр. нем. Heim) — «домашний очаг», также «дом»; др.-исл. heimr — «жилье», «мир», «вселенная» (совр. исл. heimur — «мир», «вселенная»); др.-англ. hām (совр. англ. home) — «дом», «жилище»; др.-греч. κεῖμαι — «лежу», «покоюсь», «пребываю», «нахожусь в зависимости», κοιμάω — «укладываю спать», «усыпляю», κοιμη [и.-е. * kʾō(i)mā] — «деревня», «село»; м. б., др.-инд. śayyā, f. — «диван», «ложе», «отдых», śayana, n. — «лежание» (Friš, 289)».

Как видим, в семантическую структуру этимона входят значения:

1) родства и окрестных смыслов: 'домочадцы' × 'муж' × 'жена' × 'супруг' × 'супруга' × 'член семьи' × 'persona' × 'челядь' × 'прислуга' × 'дворня' × 'сосед';

2) принадлежности к социуму: 'основание' × 'гражданин' × 'родина';

3) пространственной общности (очерченности): 'диван' × 'ложе' × 'жилье' × 'дом' × 'крестьянский двор' × 'деревня' × 'селение' × 'поселение' × 'территориальная общность' × 'место жительства' × 'мир' × 'вселенная';

4) оценочные значения: 'дорогой' × 'приветливый' × 'любезный' × 'любовь' × 'верный' 'приятный' — 'невольник' × 'нахожусь в зависимости';

5) коллективизма: 'собираться в кучу' × 'стадо';

6) домашнего уюта: 'домашний очаг' × 'покоюсь' × 'лежать' × 'пребываю' × 'укладываю спать' × 'отдых' × 'праздничный пир'.

Анализ семантического компонента '**родство и окрестные смыслы**' позволяет говорить о том, что в структуру значения термина «семья» входит как сема 'члены семьи', так и на периферии смыслов — 'челядь' и 'сосед'. В русской ментальности сосед — фигура значимая (видимо, это связано с постоянной коммуникацией, общностью интересов, возможностью защиты, помощи и т.д.). Внутреннее противопоставление 'член семьи' — 'persona' позволяет выделить в структуре значения тождественное и иное, с одной стороны, это принадлежность каждого к семейной общности, с другой, это каждый, т.е. иной (персона).

В характеристике значения '**принадлежность к социуму**' важным является прикрепленность

основания семьи к определенному государству, характеристика гражданства.

Семантический компонент '**пространственная общность**' включает противопоставление сем 'нахождение внутри жилья' и 'мир', 'вселенная'.

Семы **оценки**: позитивные (любовь) — негативные (зависимость), с преобладанием позитивных значений.

Семье присуще **объединение, коллективизм**, обеспечение **домашнего уюта**, заботы, отдыха, вплоть до праздничного пира — торжества семейного союза.

II. Словарные статьи толковых словарей.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля:

«Семейство ср. *семья* вообще» — 'совокупность близких родственников, живущих вместе'.

«Словарь русского языка» (в 4-х т.):

«Семья» — '1. Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе. *В Гаспри собралась вся семья Толстого: дети, зятья, снохи (М. Горький)*. 2. Группа людей, объединенных общей деятельностью, общими интересами. *Солдатская семья*' (МАС).

В толковых словарях господствует узкое понимание семьи как 'близких родственников, живущих вместе'. В словаре В. Даля это значение конкретизируется: 'отдельно живущие составляют уже иную семью'.

III. Словарные статьи энциклопедических словарей.

Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона:

«Семья» — '1) *антроп.* совокупность лиц, связанных между собой узами родства или брака'.

Советский энциклопедический словарь (1980):

«Семья» — 'основанная на браке или кровном родстве малая группа людей, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью'.

Энциклопедические словари описывают ту часть значений, которая связана с родством, браком, общностью быта, взаимной помощью, моральной ответственностью. В этимологических словарях аналогом этому является сема 'нахожусь в зависимости'.

Интересно, как реализуется значение термина «семья» в художественном тексте. По данным «Словаря языка Пушкина», слово «семья» в творчестве поэта имеет несколько значений. Рассмотрим первичное и вторичное значения, которые соответствуют теме нашего исследования.

«Семья — *'близкие родственники (муж, жена, дети родители), живущие вместе'*. Мое мнение: **семья** должна быть одна под одной кровлей: муж, жена, дети покаместь малы; родители, когда уже престарелы (Письма). Что может быть на свете хуже // **Семьи**, где бедная жена // Грустит о недостойном муже // И днем и вечером одна (Евгений Онегин). В **семье** будь завсегда главою (Борис Годунов). а) *о людях, сплоченных общностью интересов*. Он верил, --- Что есть избранные судьбами, // Людей священные друзья; // Что и бессмертная **семья** // Неотразимыми лучами, // Когда-нибудь, нас озарит // И мир блаженством одарит (Евгений Онегин). Под вечер иногда сходилась // Соседей добрая семья, // Нецеремонные друзья, // И потужить и позлословить // И посмеяться кой о чем (Евгений Онегин). Фигурно иль буквально: всей **семьей**, // От ямщика до первого поэта, // Мы все поем уныло (Домик в Коломне). Нередко Он говорил о временах грядущих, // Когда народы, распри позабыв, // В великую **семью** соединятся (Монастырь на Казбеке)».

У А.С. Пушкина в структуру значения «семья» (как единства) входит и компонент 'семья с ее внутренними раздорами', так как художник нацелен на осмысление глубины семейных отношений, которые, как правило, имеют драматический характер. В целом же словоупотребление осуществляется по принципу семантического расширения: 'люди, сплоченные общностью интересов' → 'великая семья народов'. Негативное значение слова «семья» А.С. Пушкин реализует в романе «Евгений Онегин»: «Что может быть на свете хуже // **Семьи**, где бедная жена // Грустит о недостойном муже // И днем и вечером одна; // Где скучный муж, ей цену зная // (Судьбу, однако ж, проклиная), // Всегда нахмурен, молчалив, // Сердит и холодно-ревнив!».

Если суммировать сказанное, то, по данным словарей, в русской языковой картине мира преобладает позитивное отношение к семье как крепкому, надежному содружеству людей, объединенных браком, кровным родством, а далее соседством, с общностью интересов, принадлежностью к государству и, в конце концов, к великой земной общности.

Обратимся к картинам А.Е. Соколенко.

В структуру тематической группы «семья» входят следующие картины: «Рисунок отца» (1957), «Пацаны» (1960), «Семья» (1971—1974), «Портрет матери» (1971), «Утро» (1971), «Мать» (1983), «9 Мая. Память» (1985), «Вечерние воспоминания» (1995), «Семейный портрет. Дочь Александра, внучка Лиза и кот Филимон» (1998). Это основные работы. К ним примыкают портреты племянников «Ташла. Сашка» (1963), «Сашка» (1959) и другие. Многочисленные портреты друзей, например, портрет Коли Козлитина (1963), художника В.М. Чемсо (1963), детские портреты, портреты знакомых в творчестве А.Е. Соколенко не противопоставляются «семейным» портретам, многие из них входят в этот тематический ряд хотя бы по признакам общего места проживания, общности интересов, принадлежности к профессии художника.

Главная работа А.Е. Соколенко по этой теме — «Семья» (1971—1974). Это большое полотно (170х 190), коллективный портрет семьи за праздничным столом. По рассказам художника, он пытался использовать принципы обратной перспективы, выводя застолье, семейный пир, который он изображает, в условный план. Используется кольцевая композиция, плоскостное изображение: одинаковая величина портретов членов семьи, стол, за которым они сидят, развернут («вывернут», по словам художника). Акцентировано не само событие, а скорее каждый из его участников: большая дружная семья, члены которой располагаются по кругу, значит как равные; во внешнем изображении в определенной степени реализуется понятие «семейный круг». Участники семейного торжества сидят плотно, «плечом к плечу», подчеркивается общность, готовность к взаимодействию, сотрудничеству, взаимопомощи. Все они обращены друг к другу и одновременно к зрителю, кроме самого художника, взор которого обращен также во внешнее пространство, по-видимому, более широкое. Во главе стола — отец Егор Андреевич, по правую руку — мать Анна Леонтьевна (если представить отца в естественной позе — лицом к собравшимся).

А далее слева направо: сестра Мария с мужем Василием, брат Василий с женой Таисией, жена художника Лариса, сам художник А.Е. Соколенко, брат Николай с женой Анной. На переднем плане — сын Марии и Василия Миша с пирожком в руке. Мы не случайно назвали имена, так как изображены не условные персонажи, а подлинные члены семьи.

Коллективный портрет состоит из ряда индивидуальных портретов, писались они, по свидетельству художника, с натуры. Поэтому, несмотря на некоторую условность, статичность, плоскостность изображения, которые способствуют обобщению (запечатлению вечного в мгновенном), портреты ярко индивидуализированы. Динамика протекания событий подчеркивается естественностью поз, мимикой, жестами. Люди улыбчивы, они рады друг другу, от картины веет спокойствием, осознанием силы семейного родства, взаимной поддержки. Простота одежды: цветные платья, платочки, характерные для ставропольских окраинных селений, — поддерживает общий непосредственный строй картины.

Особенностью композиции является то, что семейный круг не замкнут, хотя коллективный портрет вписывается в круг. Его размыкает фигура стоящего лицом к зрителю отца. Жесты — поднятая в приветствии рука со стаканом водки, в другой руке — хлеб — знаки пожелания благополучия, дружбы, взаимопомощи. Хлеб — символ богатства (хотя это скромная пища людей, привыкших добывать свой «хлеб насущный» потом и кровью). Все значения, входящие в семантическую структуру слова «семья», которые мы определили по словарям, в целом соответствуют семантике картины, хотя художник, скорее всего, не обращался к словарям.

Жест отца, обращенный к нам, означает, что эта большая семья вписана в еще большее социальное, географическое, культурное и т.д. сообщество, а значит, смыслы «социум», «гражданин», «мир», «вселенная» здесь тоже присутствуют. Об этом говорит и задний план картины, изображенный еще более условно. Это двор, сад, где бродят куры, играют дети — пейзаж, содержащий конкретные, легко узнаваемые ставропольцами предметы: ирисы, фруктовые деревья, виноград, подсолнух.

А.Е. Соколенко. Наталья Трофимовна Кузнецова с внуком Леней (1965). СКМИИ

И все же отбор этих элементов в пейзаже не случаен. Каждый из них можно интерпретировать как культурный символ. Подсолнух — это знак солнца; виноград, по данным «Библейской энциклопедии», служит эмблемой домашнего мира и спокойствия (выражение «сидит под своею виноградною лозою и под своею смоковницею» (Мих. IV, 4)). Пр. Захария в пророчестве о наступающем благосостоянии еврейского народа восклицает: «Посев будет в мире, виноградная лоза даст плод свой» (VIII, 12). Виноградная лоза, «прекраснейшее произведение природы», считалось символом всего, что было красиво, полезно, поэтому в пророческих книгах церковь уподобляется великой виноградной лозе, украшенной превосходнейшими плодами, насажденной и хранимой самим Богом (Иер. II, 21; Пс. LXXIX, 9).

Фруктовые деревья, сад — это образ мира, гармонии; если идти к первоистокам мифологемы «сад», то это и образ рая. Цветы — символ красоты, процветания, благополучия. Они, обладая символическим значением, по мнению Н.Ф. Золотницкого, играли важную роль «и в войнах, и в пиршествах, и в торжественных погребальных процессиях, служили для украшения алтарей и жертвоприношений, являлись волшебными и целительными травами, являлись охранителями домашнего очага и домашних животных» (8, с. XVI).

Под стать простой пище в руках отца, привычным для нас — ставропольцев — деревьям в саду, цветам — тот натюрморт, который композиционно объединяет участников семейного события. На столе то, что приготовлено и выращено усилиями трудолюбивых людей: и курица, и ставропольский лучок, и картошка, хлеб, фрукты и виноград — все это в духе традиционных домов ставропольских крестьян, переселившихся в город. Сады, домашнее хозяйство — это элементы традиционного уклада жителей города Ставрополя.

Стол — один из важнейших символов славянской мифологии. По данным мифологического словаря, — «предмет особого почитания»: «Такие свойства стола, как его неподвижность и неотделимость от жилища, используются в ряде обрядов. В Воронежской губернии купленных кур вертели вокруг ножки стола, приговаривая: «Как стол от избы не отходит, так бы и вы, куры, от двора не отходили». <...> Символическое осмысление стола в народной традиции во многом определялось его уподоблению церковному престолу. Формулы «стол — это престол» и «стол — это престол Божий» известны у всех восточных славян. Широко распространены и предписания типа: «Стол — то же, что в алтаре престол, а потому и сидеть за столом, и вести себя нужно так, как в церкви» (Олонецкая губерния). Например, не разрешалось помещать на стол посторонние предметы, так как это место самого Бога. У восточных и западных славян на столе постоянно находился хлеб,

что как бы превращало его в престол, ср. «Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска». Постоянное пребывание хлеба на столе должно было обеспечить достаток и благополучие дома. <...> В Орловском уезде во время обеда и ужина крестьяне старались подольше посидеть за столом, «потому что, по их мнению, сколько за столом просидишь, столько в царстве небесном пробудешь». В Харьковской губернии на второй или третий день после крестин совершался обряд «ходить (садиться, собираться) в рай», во время которого, в частности, обходили вокруг стола или сидели за столом. По-видимому, соотнесение с раем стола объясняется одним из значений церковного алтаря: «земной рай, где жили наши родители».

Во многих славянских обрядах известен ритуальный обход стола (свадьба, роди́ны и др.). На Украине и в Белоруссии вокруг стола обносили новорожденного; в Костромском крае вокруг него баба-повитуха трижды обводила роженицу со словами: «Освободи, Господи, душу грешную, а другую безгрешную». В то же время вне ритуала обход

А.Е. Соколенко. Лиза в короне (1997)

стола возбранялся: человек должен был выходить из-за стола на ту же сторону, с которой входил за него. Во многих местах считалось, что у того, кто, выходя из-за стола, обойдет его кругом, умрет кто-нибудь из ближайших родственников. Символика стола у восточных славян соотнесена с идеей пути; как сакральный центр жилища он является и начальной, и конечной точкой любого пути. По белорусскому обычаю отправлявшийся в путь «целует домашний стол: если предстоит дальний путь, он целует середину стола, близкий — один или оба угла его, приходящиеся на избу. То же целование стола делается и по возвращении с пути». Место, занимаемое за столом, — важный показатель семейного и социального положения человека, что многократно обыгрывается в обрядах и фольклоре» (17, с. 366—367).

Доминирующий цвет полотна — зеленый. Это цвет жизни, вечного ее возобновления. Играющие дети, изображенные в фоновом пейзаже, а также мальчик с пирожком на переднем плане, — это те члены семьи, которые только подрастают, о которых заботятся. Со временем и они займут свое место в семейном кругу.

Портреты детей — особая область творческих интересов А.Е. Соколенко. По общему признанию ставропольских художников, никто так хорошо, как он, не знает детскую душу, никто так точно не изображает детскую непосредственность, чистоту. Дети у А.Е. Соколенко такие, какие они есть: открытые, любопытные, очень хрупкие, может быть, даже какие-то жалкие в своей беззащитности. Да и сам художник — человек непосредственный, в нем много детского, ребячливого, а это уже залог юного взгляда на мир, каким и должен быть взгляд подлинного художника, в каком бы возрасте он ни находился.

Плоскость стола, условный круг, в который вписываются практически одинаковые по размеру портреты родственников (хотя линейная перспектива требует сужения, уменьшения изображения тех, кто находится в отдалении), очень условный фон — все это связано с использованием элементов обратной перспективы, которую художник А.Е. Соколенко считает наиболее плодотворным приемом в живописи. Обратная, или «нарушенная», по П.А. Флоренскому, перспектива характерна для средневековой живописи, иконописи, рисунков детей. Интересно, как П.А. Флоренский характеризует отношение детей к обратной перспективе: «...рисунки детей, в отношении неперспективности, а именно обратной перспективы, живо напоминают рисунки средневековые, несмотря на старания педагогов внушить детям правила линейной перспективы; и только с утерею непосредственного отношения к миру дети утрачивают обратную перспективу и подчиняются напетой им схеме. Так, независимо друг от друга поступают *все* дети, и значит, это — не простая случайность и не произвольная выдумка какого-то византийствующего из них, а метод изобразительности, вытекающий из характера воспринимательного синтеза мира» (19, с. 62).

В данном случае яркие тона пейзажа в противовес приглушенному цвету натюрморта на переднем плане заявляют о себе как равноправные в смысловом решении картины. Обратная перспектива делает пространство относительно очерченным, а изображение синтетичным, сжатым, символичным.

Обратная перспектива, по данным терминологического словаря, — «условная система приемов построения трехмерного пространства и объемных предметов, заключающаяся в разделении пространства на самостоятельные зоны, распластывании изображения на плоскости, совмещении нескольких точек зрения и в увеличении размеров предметов по мере их удаления от переднего плана. Параллельные, уходящие к горизонту линии, которые в центральной (прямой) линейной перспективе изображаются сходящимися, в обратной перспективе — расходящимися. Хотя собственно перспективные элементы в системе обратной перспективы разрознены и не подчинены единой геометрической схеме, обратная перспектива образует целостное пространство, ориентированное на зрителя и предполагающее его духовную связь с миром символических образов. Обратная перспектива отвечает

задаче воплощения сверхчувственного сакрального содержания в зримой, но лишенной материальной конкретности форме» (1, с. 400—401).

В работе А.Е. Соколенко присутствует материальная конкретность, особенно в портретах. Портреты реалистичны, но в то же самое время художник уводит нас от пересказа, натуралистичности в план обобщений, которые можно интерпретировать через связи с культурой, мифологией, символикой.

Изображена конкретная семья, обеспечено портретное сходство. Художник, объясняя свой замысел, говорил о том, что он хотел изобразить семейное торжество, пир: это было хорошее для семьи Соколенко время, родные были живы, здоровы, семья была крепкой, относительно благополучной. И если, действительно, обратиться ко времени написания картины, а это начало семидесятых годов, станет понятно, что художник отнюдь не случайно написал свою семью. Может быть, даже и по принципу отталкивания от тех стандартов, которые внедрялись в это время «сверху».

Коммунистические идеологи называли СССР «семьей народов» в противовес капиталистическим странам, которые именовались тогда «тюрьмой народов». Термин родства «брат» входил в основной лозунг строителя коммунизма: «Человек человеку — друг, товарищ и брат». В этом однородном ряду термин «брат» заключительный, на него падает фразовое ударение. Идеи равенства, братства, общие законы условной большой семьи настойчиво внедрялись властями. Расширительное понимание семьи размывало те конкретные смыслы, которые присущи представлениям о родственных, семейных связях. Роли конкретной семьи коммунистами противопоставлялось всеобщее братство людей не только в нашей стране, но и на всей планете.

В русле таких лозунгов, как «Раньше думай о Родине, а потом о себе!», нейтрализовалось не только понимание значимости человека, но и семьи как индивидуального объединения людей с особой фамилией, имеющих портретное сходство, кровное родство. Возможно, А.Е. Соколенко, написав картину «Семья», напомнил о роли конкретной личности, отдельной семьи в государстве.

В то же самое время картина вписывается в контекст эпохи с ее актуализацией понятий семьи, дружбы, товарищества, но уже в очень обобщенном гражданском значении. При жестком идеологическом излучении в тоталитарном государстве все приходило к раздвоению, смещению относительно референта — реальности. Понятия «семья» и «товарищ», с одной стороны, были терминами идеологического дискурса, с другой, наоборот, в ситуации двойной морали в речи (особенно интеллигенции) актуализировались первичные значения данных слов, это были семантические жесты неприятия официальной идеологии, системы, двойной жизни. А. Вежбицкая пишет: «Если бы надо было назвать одно слово в качестве ключевого слова советского русского языка, то, наверное, это было бы именно данное слово (товарищ. — *К.Ш., Д.П.*). Хотя после падения коммунизма в России это политически обусловленное употребление стало быстро уходить на задний план, оно навсегда сохранит свое место в русской истории как символ длительной и ужасной эпохи, и в качестве такового оно, несомненно, заслуживает внимания аналитика. Следует отметить, что на протяжении всей советской эпохи слово *товарищ* сохраняло и свое прежнее неполитическое значение и что это неполитическое значение так и не утратило своих позиций» (5, с. 359—360).

В словаре синонимов русского языка так определяется значение слова товарищ — «человек близкий кому-либо по роду деятельности, занятий, по условиям жизни и т.п. и связанный с этим человеком общностью взглядов, дружескими отношениями». В семантическом описании этого слова, как утверждает А. Вежбицкая, имеется характерное только для русского языка представление о том, что люди «имеют общую судьбу». Русский язык, по мнению ученого, лексически выделяет особую категорию отношений между людьми, «которая в прототипическом случае указывает на мужскую солидарность, основанную на совместном участии в одних и тех же событиях групп мужчин, которых собрала вместе «судьба», — как в случае солдат или заключенных. В этой солидарности отсутствует элемент личного выбора, но ожидаются взаимные добрые чувства и добрая воля, основанная на факте совместного попадания в одни и те же обстоятельства в качестве равных (как братья

А.Е. Соколенко. Девочка с цветком (1971)

по несчастью)» (там же, с. 364). Видимо, это так и есть, но в то же самое время в 60-е — 70-е годы, когда люди спасались взаимной поддержкой друг друга, существовало более расширенное употребление слова «товарищ»: «друг», «помощник», «опора». Здесь уже гендерные границы значений размыты.

В 1969 годы в сборнике Б.А. Ахмадулиной «Уроки музыки» помещено стихотворение «Мои товарищи», в котором есть такие строки:

Когда моих товарищей корят,
я пониманию слов закономерность,
но нежности моей окаменелость
мешает слушать мне, как их корят.

В круг товарищей лирической героини Б.А. Ахмадулиной входят мужчины. В таком же значении используется и слово «друзья»:

По улице моей который год
звучат шаги — мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.

По-видимому, в противопоставлении данных слов («товарищи» — «друзья») в контексте стихотворений Б.А. Ахмадулиной в слове «товарищи» наблюдается преобладание семантики тесной солидарности, оговоренных принципов этой солидарности.

Люди 60-х — 70-х годов строили отношения на внутренних горизонтальных связях и компенсировали отсутствие свободы, в том числе и материальной, дружбой, взаимной теплой поддержкой. Обычно именно этим граждане СССР поражали иностранцев: дружескими, хорошими, почти семейными отношениями. Это приводило к некоторой гипертрофии сознания, но в то же самое время духовные связи, открытость, дружелюбие были свойственны людям.

А.Е. Соколенко. Память (1985). СКМИИ

Б.Ф. Егоров в очерке «Русский характер» отмечает, что наиболее сильное идеологическое «ментальное» воздействие на народ оказывали четыре фактора: православная религия, крепостное право, обширное государство-империя, «деревенскость» — небольшое количество городов. Б.Ф. Егоров считает, что теснота, обилие городов в Западной Европе, интенсивность информации, бурное развитие торговли и промышленности — все это создавало особенный менталитет западных народов. Для русских характерен соборный характер, который воспитывала православная церковь вместе с укладом русской деревни. Это приводило к общинности. Община — понятие более широкое, чем семья. Иногда деревня представляла собой общину, которой принадлежала земля. Так как у русских крестьян всегда была своя земля или они общинно арендовали помещичью землю. Общинность развивала солидарность, взаимопомощь, общинную доброту к ближнему, и не только к ближнему — к чужому, если он странник или нищий. К солидарности русского человека приучал и климат, так как только благодаря взаимопомощи можно было выжить.

Б.Ф. Егоров пишет: «Общинно-общественный уклад русской жизни, усиленный христианскими правилами, порождал представление о превосходстве целого-общего над индивидуально-частным. Как всегда, эта сторона жизни и мировоззрения нашла отражение в нашем языке. Не «я хочу», а «мне хочется», не «мое имя такое-то», а «меня зовут так-то» (7, с. 55). Общинность в какой-то степени принижала человека, но она в какой-степени ставила под контроль его личную жизнь. Б.Ф. Егоров отмечает, что распространение стыда на обширные сферы человеческого поведения заковывало внешние проявления некоторых эмоций. Скромность и стеснительность связаны с нравственным аскетизмом, который пропагандировался Византийской церковью (там же, с. 79).

Когда мы говорим о гипертрофии сознания, мы имеем в виду излишнюю доверчивость интеллигенции: умелые люди подчас эксплуатировали бескорыстие (оно действительно существовало), желание помочь друг другу в трудную минуту. Ставропольский писатель Ю.Ф. Овсянников в повести «Квадратура судьбы» (2000) изображает как раз такого человека. Сергей Стужев талантлив, благороден. Попав на крючок начальнику, которому нужно было написать диссертацию, «чтобы он лучше сидел», Стужев впоследствии раскаивается: «Хватит мне этических ценностей, пойми, на нашей легковерности и наивности паразитируют мерзавцы. Отказаться от личного во имя общественного, может, и высшее благородство, но нельзя же потакать лентяям и бездарям! Я потакал! И не понимал, как исподволь искалечила всех нас эта идеология! Четвертый сон Веры Павловны!» (11, с. 16).

В единственной книге о ставропольских художниках «Художники Ставрополья» (1982) Б.А. Бендик подчеркивает значимость среды для человека, «где он развивается как личность и формируется как специалист своего дела». Среди лучших работ на эту тему Б.А. Бендик отмечает произведения М.Х. Чомаева (конец 60-х годов XX века). По-видимому, тема семьи была также одной из ведущих. Б.А. Бендик, характеризуя эту тему, упоминает не только А.Е. Соколенко, но и художника В.А. Леонтовича: «В картине «Моя семья» (1967) молодой художник А.Е. Соколенко с уважением и почтительностью показал за праздничным столом своих родных. Живописное решение произведения отличается повышенной цветосилой колорита, декоративностью красочного пятна, контрастностью силуэтов. Задачу передать сложное психологическое состояние молодых супругов, между которыми произошла размолвка, поставил в картине «Семья» (1969) В.А. Леонтович» (3, с. 48).

А. Вежбицкая в работе «Семантические универсалии в описании языков», говоря о слове «родные», показывает «ощутимую ценность для русской культуры тесных семейных связей, оно (слово «родные». — *К.Ш., Д.П.*) также показывает, что граница между родственниками и не родственниками может быть смазана: действительно, существенным является наличие длительных и ничем не обусловленных эмоциональных связей, которые воспринимаются как более важная сторона идентичности человека, нежели «кровная связь» как таковая» (5, с. 373).

В разные периоды в оппозициях «родные» — «неродные, воспринимающиеся как родные» и «семья как родство» — «неродные как семья» актуализируется то один, то другой член противопоставления. В начале семидесятых годов, когда еще ощущалось теплое дыхание «оттепели», дружеские отношения, как мы уже говорили, часто переходили почти в родственные, семейные. Может быть, еще и поэтому фигура отца на картине А.Е. Соколенко «Семья» повернута к зрителю, его открытое, доброе лицо обращено к другим, скорее всего, к тем, кто его понимает и принимает, т.е. друзьям.

А. Вежбицкая отмечает: «Часто высказывалось предположение, что по мере ослабления семейных уз в обществе возрастает значение дружбы. Но в России и дружба, и семейные связи ценятся, по-видимому, чрезвычайно высоко (по крайней мере, с англо-саксонской точки зрения). Такие слова, как родные и друзья, подтверждают ту точку зрения, согласно которой «русские... необычайно высоко ценят теплые межличностные отношения» (Bauer, Inkeles & Kluckholm 1956: 110), это относится в равной мере как к семье, так и к друзьям. Сохранение указанных слов в качестве ключевых русских слов подтверждает тот взгляд, что в России, как и во многих других странах, определенные базовые модели личности и модели межличностных отношений имеют тенденцию продолжать свое существование, несмотря на радикальные изменения в политике, экономике и общественных структурах» (там же, с. 375).

А.Е. Соколенко. Дома. Коля Козлитин (1963)

Картина А.Е. Соколенко «Семья» имеет, как думается, амбивалентное значение — она вписывается и не вписывается в идеологические модели своего времени. Она связана с глубинным сознанием русского человека и в то же время является порождением либеральных семидесятых, которые, тем не менее, протекали в рамках социалистической государственности. Поведение самого художника, его сознание обусловлены сформировавшейся идеологической оппозицией интеллигенции — шестидесятниками. Метод художника — реализм. Но декоративизм, условность изображения, формальные приемы, уводящие от копирования действительности, актуализация глубинных культурных моделей — все это было характерно для тех, кто и в годы жесткой идеологии мыслил самостоятельно, и в несвободной стране пытался отстаивать и утверждать принципы свободы творчества.

Другие работы, входящие в тематическую структуру «семья», развивают различные стороны данного произведения. Работа «9 Мая. Память» (1985) — это уже подробности из жизни отца, в частности воспоминания о войне, встреча родни за столом. Или «Вечерние воспоминания» (1995) — возможно, размышления о крепкой дружбе двух людей, прошедших дорогами войны. В результате в творчестве А.Е. Соколенко тема семьи, связанная с темой памяти, получает трагедийное историческое звучание.

В прозаическом варианте семейного портрета (2005) А.Е. Соколенко так пишет о памяти: «Когда я стал художником, ко мне в мастерскую зашел Балуй с Николаем Малыхиным. Я обрадовался: «Малыхин! Друг! Вот это да!» Малыхин смотрел отчужденно. Я к нему: «Да ты что? Не узнаешь меня?» — Малыхин как-то равнодушно: «Нет...» — «Да, помнишь, как мы на озере? А в горах?..» — «Не помню». Балуй спокойно посмотрел на нас, сказал: «Он ведь служил моряком-подводником. Во время кризиса был под Кубой. Там что-то грохнуло, он ударился головой, с тех пор ничего не помнит». Малыхин равнодушно смотрел на меня.

Вот тебе на!..

А если бы Балуй ничего не помнил? Ни Коля Козлитин, ни Колюжный, ни я, и все ничего не помнили? Не было бы Маслопресса. А если вышибить память у всех людей, и не помнили бы, кто, где жил, и не было бы ничего?

Память. Что это? Без памяти не было бы меня? Как червь? Но у него тоже какая-то память. Память — это все! Это вся моя жизнь. Наша жизнь. Ведь меня наполняет все то, что рядом: земля, небо, камни, трава, деревья, облака, космос, Малыхин, Тарас, мать, отец, Василий, все люди, их работа, искусство. То, что отложится во мне, в моей памяти, и как отложится, — и есть Я!»

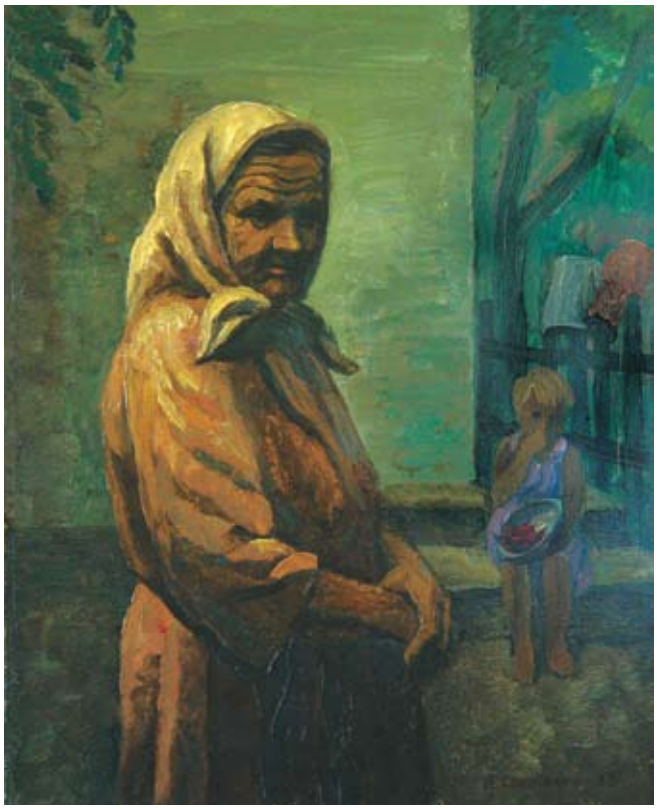
Портрет Коли Козлитина, которого вспоминает художник и в начале XXI века, примыкает к семейной теме. Молодой солдат Козлитин пришел, по-видимому, в отпуск. Отдыхает дома, нежится, зубоскалит. Веселое лицо его обращено к зрителю. Общение продолжается.

Несколько портретов художник посвятил матери. Один из них — «Мать» (1983) — висит в роскошной, по-видимому, очень дорогой раме на самом видном месте в мастерской художника. А изображена трогательно простая, небольшого роста, с умным добрым лицом женщина. Только лицо ее, руки — это руки и лицо вконец изработавшегося человека. Это примета тружеников в нашей стране. Если обратиться к картине «Семья», то мы увидим, что люди, изображенные на ней, тоже мало напоминают респектабельных людей Запада. Странное обстоятельство, которое сейчас получило уже ги-

пертрофированные формы: честным трудом в нашей стране никогда не заработать себе на достойную жизнь (мы не говорим о богатстве) — приводит к тому, что труженик обречен на тяжелую старость, жалкое существование. Стало уже общим местом, что во всем цивилизованном мире тот, кто работает, получает возможность благополучной старости, определенные социальные гарантии. У нас таких гарантий нет и не было, по-видимому, никогда.

Прозаический семейный портрет по отношению к живописному может рассматриваться как его интерпретация, комментарий. А оба они — свидетельство времени. Уход матери, отца, братьев сопровождался тяжелыми болезнями, мучениями, безденежьем, беспомощностью перед лицом обстоятельств.

Портрет сидящей матери (1971) также глубоко драматичен. Ее фигура выписана на фоне декоративного, веселого полотна, а поза усталого человека, «тяжелая дума на челе» говорят о том, что веселье может быть где-то там, вовне, а здесь, внутри, множество забот, дел, которых не переделать. Не



А.Е. Соколенко. Мать (1983)

переборешь и внешних обстоятельств. Но в то же самое время картины, посвященные матери, лиричны, в них чувствуется понимание художником внутреннего достоинства человека, глубины характера, терпения. На таких людях, с их категорическим императивом честности, порядочности, держится мир. Они лучше чего-либо лишатся, чем присвоят не принадлежащее им. Эти качества традиционно транслировались в русских крестьянских семьях, в рабочей, интеллигентской среде. Здесь воспроизводятся черты, заповедованные нам еще древними.

Б.Ф. Егоров, опираясь на книгу К. Касьяновой «О русском национальном характере» (М., 1994), пишет: «Вот черты русского национального характера, выведенные автором и соприкасающиеся с вышеизложенным: терпение, приглушенность в выражении чувств, сосредоточенность, инерционность... традиционализм и обрядность, самоограничение, смирение и чувство вины, предпочтение ценностных действий по отношению к целевым, превосходство морального над юридическим» (7, с. 79).

Может быть, более оптимистичны полотна, изображающие семью самого художника, жену, дочь, внучку («Утро», «Дочь Александра...»), но в них также нет неудержимого оптимизма или беззаботности. Серьезное внутреннее напряжение в работе «Утро»: как сложится жизнь дочери, какова будет ее судьба? Портрет Александры с дочерью и котом так же глубок: может быть, только маленькая девочка еще не знает лишений, а Александра, дочь А.Е. Соколенко, судя по ее сосредоточенному виду, не раз сталкивалась с ними и готова, как Богородица, укрыть дочь, чтобы защитить ее от тревог мира.

Вербальный портрет семьи Соколенко — это возвращение к теме, которая отображена в живописи, на новом смысловом и эмоциональном витке. Художник объясняет причину написания своей родословной тем, что сейчас семья рассеивается. Это понятно: нет отца, матери, по-видимому, сам художник является в настоящее время стержнем семьи. Желание сохранить память о ней, ее целостности и при этом оставить какие-то важные, в понимании А.Е. Соколенко, сведения о каждом побудило его написать биографический очерк. А это — попытка транслировать опыт, обычаи, культуру семейных взаимоотношений в жизнь будущих поколений.

Родословная по отцу и по матери начинается с прадедов — тех, о ком слышал художник, кого, может быть, и знал. Предки — переселенцы из Воронежской области, крестьяне. Повествование в очерке строится приблизительно на тех же основаниях, что и в картине «Семья». Это коллективный портрет семьи, которая описывается по двум линиям родства: родословная по отцу — Соколенко и родословная по матери — Селивановы. Так же, как и в живописном произведении, целостность семьи, которая обусловлена сложной системой взаимосвязей, отношений, конкретизируется художником, дополняется индивидуальными портретами, обозначенными в тексте именами героев. Например: «Макар — прадед». В центре — фигуры отца и матери. Отдельный очерк, в котором автор рассказывает о себе, — так же, как и на картине, на втором плане. События часто повторяются, описываются по отношению к каждой из персоналий через новые, индивидуализирующие образ подробности.

В живописных произведениях А.Е. Соколенко, как правило, отсутствует литературный сюжет, пересказ. Понятно, что в очерке есть определенная сюжетная линия, которая иногда размыкается, потом снова осуществляется возврат к ней. Временные рамки повествования: предвоенные годы, война, послевоенные события и т.д. вплоть до наших дней. Очерк получился многоголосым, и хотя каждый образ подается в оболочке авторского слова, тем не менее параллельные сюжетные линии Соколенко — Селивановы обозначены множеством самостоятельных голосов, манер говорить, определяются разным образом жизни. Сложные соприкосновения этих двух линий дают контрапункты смысла, в результате события рассматриваются как бы с разных сторон, преобладает плюралистичность взглядов, некатегоричность мнений.

Текст строится как наррация, но она имеет осложненный характер, связанный указанными голосами, опирающимися на отцовскую и материнскую

линии. Поэтому, как и в процессе анализа живописного произведения, целесообразно остановиться на общих посылках текста — особенностях наррации, далее рассмотреть ключевые фигуры, каждая из которых является образом своего времени, но в то же время носителем индивидуальных живых черт. Это отец, мать, сам художник — автор повествования. А далее мы пойдем по тому же принципу, который репрезентировала нам тематическая структура картин, объединенных словом-образом «семья». Рассмотрим конкретизацию этих линий через частные словесные зарисовки художника. У А.Е. Соколенко они идут по линии соотношения (оппозиции) образов детей и взрослых. В этой оппозиции нет резкого противопоставления. Доминируют лабильные установки, внимание к особенностям людей. Непосредственный характер этого очерка следует особо подчеркнуть. Соколенко и в жизни человек открытый, эмоциональный, также непосредственный, данный очерк — первый опыт осмысления жизни не языком живописи, а обычным языком, на котором он каждый день говорит. Думается, что попытка оказалась удачной.

Нечаянный характер такого способа письма для художника имеет определенное значение, свидетельствует о том, насколько важна для него тема семьи. По-видимому, сейчас действительно надо об этом говорить, так как в литературе все больше и больше отмечаются тенденции к распаду семьи (см., напр.: Философский энциклопедический словарь. — М.: СЭ, 1983). В то же время есть мнение о том, что каковы бы ни были размеры семьи, она «всегда составляет ядро общества» (Дидье Жюлиа. Философский словарь. — М.: Международные отношения, 2000).

Через сознание художника оказываются пропущенными не только события частной жизни: болезни, смерть родителей, близких, переезды из одного места в другое, поступления в учебные заведения и т.д., что составляет структуру жизни каждой семьи. События частной жизни всегда вплетены в большую историю и ею определяются, хотя есть и обратное влияние. Если рассмотреть цепь событий в наррации А.Е. Соколенко, то они протекают во временных границах утвердившегося социализма, но, тем не менее отмечены двумя переломными временными отрезками, которые определяют внутреннее, детерминированное временем движение. Это годы Великой Отечественной войны (40-е годы XX века), с одной стороны, и время перестройки (80-е — 90-е годы XX века), с другой. Когда устанавливается мир (не случайно в российской ментальности есть императив «Выдержим все, лишь бы не было войны»), тогда внимание уделяется и событиям частной жизни: послевоенное время, школа, переезды и т.д.

Ключевая фраза, определяющая характер отца и отношение художника к нему в портретной зарисовке, такова: «Много в жизни пришлось отцу вытерпеть, но ничто его не сломило, а вот рак доконал». Иконография отца дает нам представление о крепком русском человеке, по-видимому, сильном по физическим данным — коренаст, плечист, большие рабочие руки. В разных состояниях запечатлел его художник. В раннем возрасте, еще девятнадцатилетним, он сделал рисунок отца (смешанная техника — карандаш, тушь). Тогда отцу было 53 года. К этому времени он уже хоть и крепкий, жилистый, но сильно изработавшийся человек. Типичный портрет крестьянина, беззаветного труженика: обветренные скулы, лицо, запеченное под яростным южным солнцем. На мир он смотрит открыто, свободно, нет робости перед его угрозами. Но то, что трудности ему пришлось преодолевать, тоже видно. Егор Андреевич — человек, наполненный глубоким содержанием. На протяжении всей жизни, судя по содержанию очерка, он вспоминал, осмыслял войну, плен, исторические события, которые не проходили фоном его жизни — он сам был одним из тех, кто создавал историю. Жест, с которым отец изображен на графическом портрете, является семантически отмеченным. Есть скульптурные портреты Христа (например, пермская деревянная скульптура) с поднятой рукой, на которую он опирается, замерев в серьезном раздумье, глубоких трагических размышлениях. Говорят, что так изображался Христос в темнице перед казнью. Этот жест культурно отмечен, и в то же время он очень понятен психологически. Все-таки рисунок — это уже образ, и то, что сын запечатлел отца в такой позе, наверное, говорит о каком-то характерном для отца состоянии в

А.Е. Соколенко. Двое. А.М. и Г.И. Гирько (2005)

его пятидесятитрехлетнем возрасте, когда человек уже осмысляет прошлое, подводит некоторые итоги и принимает решения о дальнейшем.

У человека, выбравшего честный путь, жизнь всегда будет сложной. Таков путь отца А.Е. Соколенко. Нарратив об этом свидетельствует: заместитель председателя колхоза им. Димитрова, война, практически безоружные солдаты, которые должны были отбивать оружие у врага, плен, лагеря, побег, арест на родине по причине пребывания в плену, охрана зеков на Сталинградском тракторном заводе, сложные отношения с матерью, шестеро детей, тяжелые болезни, ампутация ноги, смерть от жестокой болезни. Типичный путь простого трудового человека, прошедшего войну. Тяжелы были

будни отца, но художник изобразил его и в праздник — в минуту торжества семьи, центром которой он, по-видимому, и был. Мы уже обращались к этому портрету в контексте анализа картины «Семья», однако хотелось бы еще раз напомнить о жесте, уже противоположном по отношению к упоминаемому рисунку: рука поднята в знак приветствия семье. Может быть, это и жест принятия мира со всеми его тревогами.

А.Е. Соколенко постоянно возвращается к изображению отца. Например, в жанровой картине «9 Мая. Память». Парный портрет отца с другом «Вечерние воспоминания», написанный художником уже после ухода отца из жизни, дает нам представление о каком-то непрекращающемся диалоге, который ведет отец со своими друзьями, близкими, наверное, и с нами, зрителями. В контексте жизнеописания, которое предпринимает А.Е. Соколенко, фигура отца знаковая, и знаковый характер ее обусловлен не только тем, что этот человек — один из репрезентантов российской истории, но и тем, что он находится в постоянной рефлексии, осмысляет

А.Е. Соколенко. Вечерние воспоминания (1995)

ее, а это вообще свойственно русскому человеку. Он один из коллективных творцов истории, человек культуры среди таких же простых людей. Благодаря таким людям и транслируется память, история, о чем и свидетельствуют воспоминания сына, написанные им спустя двадцать лет после смерти отца.

Мать занимает в очерке особое место. Отец, судя по композиционному решению картин, очерка, — глава семьи, как было принято в патриархальных русских семьях. Но все это в большей степени отмечено внешними событиями «большой» истории семьи. Внутренняя жизнь семьи, ее устои в русских семьях создаются при главенстве и непрерывном участии матери.

Б.Ф. Егоров отмечает, что в рассмотрении русской культуры важна антиномия «мужчина — женщина». Он указывает, что в XIX веке даже в дворянском обществе не было полного равенства полов. Законы ограничивали женские права, особенно места женской работы. Но в бытовом поведении «дворянин по-рыцарски уступал первенство женщине: первым здоровался (но никак не первый протягивал руку!), пропускал ее первой в дверь или узкий проход: при входе женщины в комнату, сидящие мужчины вставали с мест и т.д. В низших же и средних сословиях, вплоть до духовенства, мещанства, купечества, наоборот, первенствовал мужчина: женщина здоровалась первой, уступала дорогу мужчине, слабо участвовала в совещательных и административных делах. Второсортность женщины в крестьянском сознании выливалась, с одной стороны, в перекладывании на нее, без мужской помощи, некоторых тяжелых работ (например, носить воду, топить печи в доме и бане, обрабатывать лен — мужчине было не принято), а с другой, — в средневековое или даже более раннее представление о какой-то нечистоте женщины, не столько физической, сколько душевной...» (7, с. 371).

Ключевые фразы в осмыслении матери: «Всю жизнь в хозяйстве, в домашних делах», «Смысл жизни для нее был в детях. Им она отдала все». В рассказе об отце преобладает профессиональная лексика (мужская работа, военные действия, рабочая жизнь): «председатель колхоза», «работали тяжело», «целый месяц избивали», «допросы», «служил», «охранял зеков», рассказывал «ужасные вещи» о плене, «работал разнорабочим», «работал в колхозе «Пригородный» и т.д. При этом отец «любил выпить», «подгуливал на стороне» и т.д. В описании отца господствуют мужественные, иногда даже грубоватые интонации, что свойственно крестьянам, которые не должны были показывать свои чувства, выворачивать душу наизнанку.

В рассказе о матери, напротив, мягкий лирический строй, хотя жизнь ее — это немыслимый по нынешним временам, непосильный для человека труд. Художник моделирует жизнь матери в опоре на слова со значением действия: «через каждые два года у нее **рождался** ребенок», «**вела** домашнее хозяйство», «на ее плечах **лежала** вся **семья**». Рассказ о матери — это и лирическое повествование о крестьянском быте, повседневности крестьянского дома. Здесь преобладает не нарратив (повествование), а именно описание: крестьянского быта, праздников. И хотя мать вела весь дом, все-таки главой семьи действительно был отец. Об этом можно судить по такому замечанию: «После войны, когда **отец перевез** семью снова в село Овощи, у матери дел не убавилось». По-видимому, отец принимал все решения, главенствовал в жизни семьи, а мать управляла потоком дел, которые в крестьянском доме не истощались.

Что же запечатлевает художник? Это калейдоскоп сцен крестьянской повседневной жизни, где мать — главная опора, главный работник. Например, изготовление хлеба, который она пекла не только для семьи, но и для колхоза, за что ей начислялись трудодни. Художник подробно описывает процесс, сам продукт — громадный, «каждый килограмма по три», «белый, слоистый, удивительно вкусный хлеб».

Подтверждением тому, что русская семья — относительно открытое объединение, вбирающее в себя отчасти друзей, соседей, сирот, больных, являются

эпизоды с истощенным мужчиной, которого мать увидела в доме в голодном 1933 году, приемными детдомовскими детьми, прожившими год-два как члены семьи. Важно отметить, что мать не только исполнитель и главный организатор всей работы в доме, она постоянно трудится в колхозе (печет хлеб), в войну — на маслозаводе и т.д. Калейдоскопически собранные картинки жизни крестьянской семьи дают нам представление о быте: топке общей бани, осенних заготовках, резке свиней, появлении телят. Важно отметить, что, когда семья жила на Ташле, в пригороде Ставрополя, жизненный уклад оставался таким же, как и в селе: стряпня, шитье, вязание — все это было уже побочными занятиями, почти отдыхом.

Обращает на себя внимание этика в семье: «Мы, все дети, обращались к родителям только на «Вы». Так повелось издревле. Назвать отца или мать «ты» было большим преступлением, оскорблением. Вы — мама, Вы — папа, Ма — ну, что Вы!? Перешагнуть эту черту никак нельзя. Родителей надо было слушаться. Родители детей тоже уважали, во внутренний мир их не лезли, только смотрели и молчали». Взаимное уважение детей и родителей было залогом здорового климата в семье.

Дар увидеть красоту в простом, о котором пишет художник, видимо, выкристаллизовывался из всего строя крестьянской жизни: хотя работа была тяжелой, детей много, по-видимому, мудрая женщина справлялась с ней за счет гармонизации быта и своего отношения к тяжелой жизни. Терпение, родительский долг, ответственность перед мужем — это те черты характера русской женщины, которые и до сих пор восхищают весь мир. А.Е. Соколенко пишет о верности нравственным принципам. Эпизод с бесцеремонными гостями на свадьбе в пору болезни отца это подтверждает.

Тяжелая болезнь отца, сумасшествие матери — это, по-видимому, реакция физического и психического состояния организма на те неимоверные испытания, которые людям пришлось вынести. В начале перестройки новые власти не раз напоминали, что надо учиться жить самим, а не надеяться на государство. Но те, кто честно жил и трудился, никогда не надеялись на государство. Жили благополучно благодаря попустительству властей, скорее, сами выдвиженцы-партийцы, демагоги, имитировавшие бурную деятельность, и тунеядцы, которые в пору низких цен на продукты, водку, одежду могли безмятежно просуществовать очень много лет.

Жизнь крестьянина, окраинного горожанина до сих пор больше соответствует крестьянскому укладу середины XIX века. Современная техника в селе и пригородах, конечно же, имеется, но прожить простой труженик может только в опоре на хозяйство.

Портрет матери 1983 года: маленькая, хрупкая женщина, совершенно изработавшийся человек, но глаза живые и добрые. В очерке этот портрет конкретизируется описанием мук, которые мать пережила перед смертью.

Особую страницу в творчестве А.Е. Соколенко представляют портреты детей. Это касается и его живописи, и очерка. Дети, как говорят коллеги художника, получаются у него так, как не получаются ни у кого. Как запечатлевает он детскую душу, чистую, ранимую? Гармоничный строй души, целостность, присущие детям, как правило, исчезают у взрослых. Дети у художника угловатые, в бедной, поношенной одежде, часто босые, но, наверное, это самые свободные в духовном отношении люди. К осмыслению этой стороны творчества мы будем только бесконечно приближаться. Истина — в самом художнике, его взгляде на мир, его внутренней целостности и глубине. Запечатлеваются дети в обыденных ситуациях: то у бочки с водой, то на рыбалке, то за едой мороженого, за книгой. Девочки любят представлять себя королевами, наряжаться, они мечтательницы, а мальчишки больше удалые, постоянно что-то затевающие или готовые затеять. В очерке А.Е. Соколенко описывает мальчишеские компании, которые все время в делах: игры в пожара, в дучки, в футбол арбузами, рыбалка, игры в матросов «Варяга», воровство арбузов с бахчи, шутки с дедом Лобачевым. Но и сам художник в детстве, и его друзья постоянно работают наравне со взрослыми. Может быть, это и есть главная причина огромной работоспособности в будущем. По крайней мере, это свойственно А.Е. Соколенко, который и семью содержит, и преподает, и активно работает как действующий художник. Сотнями замечательных полотен, рисунков забита его мастерская.

А.Е. Соколенко. Пацаны (1960)

Итак, дети и их серьезная работа. На протяжении всего повествования художником воспроизводятся картинки детства, связанные с трудом. Мы составили перечень детских «недетских» занятий ребят. Вот они:

«Летом, на школьных каникулах, она (сестра Мария. — *К.Ш., Д.П.*) **брала меня** к себе **работать** в звено. И хотя у меня болели ноги и поясница, я был рослый и сильный. **Работали в огороднической бригаде, выращивали огурцы, помидоры, капусту**. Бригада сажала, полола, собирала урожай. **Я работал с ними, был у них поливальщиком, выносил с поля огурцы в мешке**, которые они собирали в ведра».

«После войны, когда отец перевез семью снова в село Овощи, у матери дел не убавилось. Старшие

дети Николай и Василий работали в колхозе. **Мы младшие — Мария, Володька и я — ходили за колосками**. До восхода солнца выходили в поле. <...> У каждого была тряпичная сумка, привязанная к поясу. Собрав несколько колосков, разминали их в сумочке. Острые устюки кололи нежные детские руки, но **надо было**. Намяв полную сумку, расстилали полотно и веяли на ветру, отделяя зерно от половы. В полдень в жару дети сникали, иногда случались солнечные удары. <...> К вечеру ссыпали добытое чистое зерно в свои сумки. Взрослым удавалось собрать до десяти килограммов, детям по — пяти, а самым маленьким (шести лет) **достаточно и трех**».

«На Ташле, в пригороде Ставрополя, где жили мы в последние годы, жизнь была такой же, как и в селе. <...> Отец и Мария работали в колхозе, **мы с Володькой на каникулах тоже работали в колхозе**, да была еще и корова».

«Дали мне десять капканов, положил их в мешок и пошел я в поле пшеницы ловить сусликов и хомяков. Знакомое дело! **Не пыльно, но заработно**.

<...> На культстане полно детей: девочки, пацаны, **каждому найдут работу**».

«Молодежь работала на тракторах и комбайнах. Василий работал вначале на тракторе, в сорок девятом работал на комбайне «Сталинец». **В мои обязанности входило носить ему харчи в поле**».

«Дальше стало сытнее, лучше и детям свободнее: ходят в школу, гуляют по улицам. Но **обязанности по дому, по хозяйству есть**. А летом **обязательно в колхоз, в поле**: **помогай зарабатывать трудодни**. Когда я в первый раз приехал в поле на работу, **меня послали пасти рабочих быков**».

«В школу пошли — ни тетрадок, ни книг, ни чернил. Тетрадки из газет делали, чернила из красного бурака (свеклы), а учебники — один на троих. Вот и бегаем друг к другу: «Ну, ты выучил? Дай мне». Зимой подшитые валенки или калоши, и то по очереди в них в школу ходили, в первую и во вторую смену».

«А то пойдем на пляж, там установлены грибки, натянутые полосатым полотном для отдыхающих из города. Рядом буфет, в нем царствует грузный армянин с толстыми губами. <...> Мы рядом раздеваемся, лезем в воду. Вода на уровне груди, ногой ищем обрыв, а в нем — норки, ныряем, руками лезем в норки и вытаскиваем раков. <...> **Надрав раков, идем к армянину продавать**. Он платит мало, маленький рак — 20 копеек, побольше — 30».

«**Нас забирает** молодой рыбак. Все садимся в большую плоскодонку и плывем к острову. У рыбака шабашка, **надо наловить** 300 килограммов рыбы. **Он командует нами**, **забрасываем сеть, вытаскиваем на берег**».

«Нас, рослых подростков, **брали мужики скирдовать сено**»

«Когда после такого лета я пошел в школу, обнаружил, что **стал рослым, ноги мои выправились, я даже мог немного бегать. Великая сила — труд!**»

Занятия детей, как видим, были самыми разнообразными. Как правило, это крестьянская работа, дети, как издревле положено в крестьянских семьях, были включены в нее, иногда и наравне со взрослыми. Иерархичность крестьянской семьи, взаимное уважение старших и младших в семье Соколенко реализуется и в отношении к работе. Старшие руководят, управляют младшими, хотя ни разу в тексте не употребляются выражения «отец послал меня», «мать поручила мне». Дети подключались к разным видам деятельности по мере необходимости, но императивность («надо») — во внутреннем понимании необходимости быть рядом со взрослыми, помогать им. Вот слова и словосочетания, которые подтверждают сказанное:

брала меня работать
надо было
достаточно и трех (килограммов)
тоже работали
каждому найдут работу
в мои обязанности входило
обязанности по дому,
по хозяйству есть
обязательно в колхоз, в поле
помогай зарабатывать трудодни
меня послали пасти
нас забирает
надо наловить
он командует нами
брали мужики скирдовать

Мы видим, что неоднократно повторяется словосочетание «надо было», лексема «обязательно», встречается императив «помогай», что свидетельствует о внутреннем принятии такого образа жизни, отрефлектированности, осознанном поведении детей в отношениях со взрослыми. И то, что взрослые, по-видимому, с доверием относились к детям, поручая им пасти стадо, собирать колосья, скирдовать, говорит о постоянном возобновлении традиции с детства приучать детей к труду. При общей приученности к труду крестьянские ребятишки — не роботы: они озорничают, придумывают себе разнообразные занятия, забавы и в поле, и на работе, и на реке, и дома. Активная включенность детей в работу — это еще и особенность времени: трудные сороковые годы, послевоенная разруха, да и пятидесятые — шестидесятые годы не легче — у крестьян всегда нужда в рабочих руках.

Другие члены семьи Соколенко, описанные в очерке, — также представители своего времени. Все они люди с позитивным настроем к жизни, нацелены на труд, на коллективизм, взаимопо-

мощь, сотрудничество. Разнообразные занятия при общей крестьянской направленности связаны самыми различными сферами: и художественное творчество, и крестьянский труд, и рабочие профессии.

Можно, по-видимому, говорить о том, что жизнеописание семьи Соколенко вообще моделирует жизнь трудового человека в нашей стране. Наиболее подробно выписана действительность 40-х — 60-х годов XX века, но есть значительные штрихи в портретах братьев, сестер, собственного описания, которые характеризуют и особенности периода перестройки, и даже современное состояние нашей жизни.

Как можно говорить о заслуженном, казалось бы, благополучии, если художник с горечью пишет, что до сих пор в крупном краевом центре нет выставочного зала для экспонирования современной живописи? Из его биографии мы узнаем, что уже немолодому человеку приходится по 8—10 часов в день работать в художественном училище, чтобы прокормить семью. Кто в этом виноват? Наверное, не художник. Его работы не востребованы на современном рынке, где преобладает китч. А что делать? Ответ на этот вопрос художнику А.Е. Соколенко дать легко.

Каждый день он приходит в мастерскую, становится у мольберта, пишет своих учеников, натюрморты, ставропольские пейзажи. Последние его работы обращены к тем первоистокам человеческого знания, которые являют нам незыблемые, выверенные веками принципы бытия. В 2005 году он написал триптих «Благовещение», «Христос в пустыне», «Успение». Сейчас он пишет картину «Четыре всадника Апокалипсиса». Трудно представить, но и в этой работе нет безнадежности, скорее, это предупреждение. И, наверное, уже само обращение художника к данной теме характеризует наше время, хотя это, конечно же, не приговор. Творчество художника, да и сам он как деятель, творец культуры — выражение духа эпохи, времени, их свидетельство, запечатление.

Сопоставление двух знаковых систем — живописных и вербальных текстов показало, что они взаимодополнительны. И хотя в очерке А.Е. Соколенко не комментирует свою живопись, каждое отдельное повествование является литературным описанием живописных текстов, которые, как правило, не являются рассказами, не содержат «литературы», не обладают внутренней описательностью. Наличие двух типов текстов на тему «Семья» в творчестве художника А.Е. Соколенко придает им взаимную глубину. Литературные тексты имеют тот феноменологически заданный (в понимании природного языка) слой, который передает «картины», «виды», «сцены, интендируемые текстом. И наоборот живописные тексты обретают экспликацию словесного строя, спрятанного за текстом, артикулируются им. В данном случае мы имеем «идеальную» репрезентацию, так как зримыми становятся те интенции, которые задаются словом одного и того же человека, да еще и художника. В результате тот «жизненный мир», который построил художник имеет адекватное двустороннее воплощение. Это «жизненный мир» нашего социума, а семья — одна из моделей общества.

Это и есть **живая история**, которую следует кропотливо изучать. Так мы сможем уйти от штампов, идеологической ангажированности, научимся писать, а не переписывать бесконечно историю.

Литература

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура. — М.: Эллис Лак, 1997.
2. Ахмадулина Б.А. Уроки музыки. — М.: СовСР, 1982.
4. Библейская энциклопедия. — Сергиев Посад: Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии в описании языков. — М.: Языки русской культуры, 1999.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. — М.: Русский язык, 1978—1980.
7. Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Егоров Б.Ф. Из истории русской культуры. — М.: Языки русской культуры, 1996. — Т. 5. — С. 13—392.
8. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. — Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994.
9. Ключевский В.О. Источниковедение. Источники русской истории // Ключевский В.О. Собрание сочинений: В 9 т. — М.: Мысль, 1989. — Т. VII.
10. Малый энциклопедический словарь / Издание Брокгауза-Ефрона. — М.: Терра, 1994.
11. Овсянников Ю.Ф. Квадратура судьбы. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2000.
12. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959.
13. Словарь русского языка. В 4 т. — М.: Русский язык, 1981—1984.
14. Словарь синонимов. Справочное пособие. — Л.: Наука, 1975.
15. Словарь языка Пушкина: В 4-х т. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956—1961.
16. Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1980.
17. Топорков А.Л. Стол // Славянская мифология. Энциклопеди-ческий словарь. — М.: Эллис Лак, 1995. — С. 366—367.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. — М.: Прогресс, 1964.
19. Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Сочинения: В 4-х т. — М.: Мысль, 2000. — Т. 3 (1). — С. 46—101.
20. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. — М.: Русский язык, 1994.
21. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1971.

Текст печатается по изданию:
Штайн К.Э., Петренко Д.И. Семья Соколенко: Наброски к семиотическому портрету //Штайн К.Э., Бобылев С.Ф., Петренко Д.И. Язык современной исторической науки. Семиотический анализ исторического текста. — Ставрополь: СГУ, 2006. — С. 427—474.

Начало историографического изучения Северного Кавказа: Ставропольское краеведение (вместо введения)

Становление исследовательской традиции на Северном Кавказе следует отнести ко второй половине XVIII – началу XIX века. Основной формой научной организации изучения «нового края» в рамках «естественной истории» в этот период были комплексные экспедиции Академии наук (эксп. И.А.Гильденштедта и С.Г.Гмелина (1768—74), И.П.Фалька (1773), П.С.Палласа (1780, 1793), Я.Рейнеггса (1780—90), Я.Потоцкого (1798), Г.Ю.Клапрота (1807—1808)) (1). Определенную роль в становлении краеведческих изысканий на Северном Кавказе сыграли «военно-научные» экспедиции и этнографические исследования Кавказского Отдела Русского географического общества.

Оформление ставропольского провинциального историописания пришлось на вторую половину XIX века. Именно в этот период сложился круг образованных людей, занимающихся краеведческими исследованиями, сформировалось поколение историков-краеведов, любителей древностей. В результате устойчивого интереса к истории, археологии, этнографии местного края возникли провинциальные научные общества, краеведческие, по сути, и характеру своей деятельности. Провинциальными исследователями было создано огромное количество исторических трудов, различных по содержанию и значимости. Шла работа по поиску и опубликованию исторических источников. Краеведение превратилось в форму социокультурной деятельности российской провинции, в общественно-полезную практику, направленную на всестороннее изучение родных мест, своеобразную функцию воздействия на научное и интеллектуальное сознание провинции, на воспитание любви и уважения к своей «малой родине» и через все это предстало перед нами как социокультурный феномен (2).

В XIX веке для определения научного направления, связанного с изучением прошлого отдельной территории, использовались термины «родиноведение», «отечествоведение», «отчизноведение». Понятие «краеведение» появляется позже, на рубеже XIX – XX веков и обозначает деятельность местных исследовательских центров, обществ, занимающихся изучением родного края. Так краеведение стало содержанием деятельности целой сети местных научных обществ и учреждений на территории Ставропольской губернии, таких, как Ставропольский губернский статистический комитет (Ставрополь), Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество (Ставрополь), Кавказское горное общество (Пятигорск), Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края (Ставрополь), Ставропольская ученая архивная комиссия (Ставрополь), музей Северного Кавказа (Ставрополь). Всеобъемлющий характер деятельности, способствовал превращению их в научные центры по исследованию края, формированию на местном материале источниковой базы исторической науки. Опыт их деятельности, традиции легли в основу многих научно-исследовательских учреждений и организаций более поздних периодов.

Краеведческие очерки и описания, статьи, воспоминания, исторические исследования по археологии, нумизматике, этнографии и музейному делу, охране памятников старины Ставрополья и Северного Кавказа, его культуре, биографии исследователей, созданные членами этих обществ и учреждений, были написаны на основе архивных документов. Это придало работам особую ценность. Они являются, прежде всего, историческим источником.

Большинство работ провинциальных исследователей было выполнено в форме краеведческих описаний, представляющих собой наиболее распространенный тип научной работы в рассматриваемую эпоху. Выполненные с позиций междисциплинарного подхода, описания были комплексными, содержали одновременно исторические, археологические, этнографические, статистические и географические сведения, иногда философско-лирические отступления. Составлялись они, как правило, на личных наблюдениях и исследованиях авторов, различались по своей тематике, объему материала, специфике преподнесения текста и источников. Из старых архивных документов и воспоминаний они пытались «сложить» историю прошлого местного края и через нее представить историю страны в целом. Труды по истории губернии и края были научно-популярными, что делало их доступными для понимания простым людям. Краеведы способствовали не только популяризации знаний о прошлом, но и оформлению у читателей сознательного отношения к историческому опыту.

Проблематика исследований определялась авторами самостоятельно и чаще всего зависела от их научных интересов, особенностей, разработанности и доступности источниковой базы. На специфику работ оказывало влияние и то, что объектом исследований был отдельно взятый регион – Северный Кавказ, с его уникальными природно-климатическими, историческими и экономическими особенностями, спецификой народонаселения, сохранностью тех или иных источников и, конечно же, со своей многовековой историей.

Чаще всего в центре внимания провинциальных исследователей оказывались проблемы древней истории края, период его заселения и освоения, основания и развития станиц, населенных пунктов, городов, вопросы церковного строительства, развития просвещения и культуры, охраны памятников древности. Во многом выбор тем исследований предопределяли богатейшие архивные источники, хранящиеся в местных ведомственных архивах. Это были преимущественно материалы по местной истории, культуре и быту народов населяющих Северный Кавказ. Отличительной чертой краеведческих работ было внимание к отдельному историческому факту, архивному документу, «исторической мелочи», из которых пытались воссоздать историю Ставропольской губернии и Северного Кавказа.

Первое описание населенных пунктов Ставрополья, их краткой истории, хозяйственной и общественной жизни составил директор народных училищ Астраханской губернии И.В.Ровинский (3). Вкладом в развитие краеведения стала

и работа по описанию населенных пунктов Ставропольской губернии, инспектора народных училищ А.И.Твалчрелидзе (4).

У истоков северокавказского краеведения стояли известные ставропольские исследователи И.В.Бентковский и Г.Н.Прозрителев. Они выступили инициаторами изучения многих тем и проблем местной истории, положив тем самым начало становлению историописания Северного Кавказа. Их обширное творческое наследие, насчитывающее сотни работ, представлено не только опубликованными изданиями, но и рукописями, многие из которых еще ждут своих исследователей и читателей. Их труды отличает разнообразие, по сути, энциклопедический охват тем, оригинальность и стиль изложения, научный подход к работе с источниками. И.В.Бентковский и Г.Н.Прозрителев были настоящими лидерами, сумевшими объединить вокруг себя талантливых и неравнодушных людей, занимающихся изучением родного края. При их участии было начато научное изучение губернии и региона в целом, способствовавшее с одной стороны консолидации деятельности местных историков-любителей, а с другой стороны — созданию прочной источниковой базы провинциальной историографии и краеведения. Их научно-исследовательская деятельность была разносторонней и многоплановой. «Не было ни одного вопроса нашей хозяйственной и общественно-исторической жизни, которой он не коснулся бы в своих исследованиях» — слова, сказанные Г.Н.Прозрителевым о И.В.Бентковском, можно смело отнести и к нему самому. При них, и во многом благодаря им, краеведение в крае сложилось в движение единомышленников, в специфическую форму научной деятельности, направленную на всестороннее изучение Северного Кавказа.

Работы их, как и труды других местных исследователей публиковались на страницах периодической печати («Ставропольские губернские ведомости», «Кубанские войсковые ведомости», «Кубанские областные ведомости», «Терские областные ведомости», «Ставропольские епархиальные ведомости», «Северный Кавказ» и др.) и в регулярных изданиях провинциальных научных обществ и учреждений (труды Ставропольского губернского статистического комитета («Памятная книжка», «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», «Адрес-календарь и торгово-промышленная справочная книжка Ставропольской губернии, «Сборник сведений о Северном Кавказе»); Кубанского областного статистического комитета («Памятная книжка», «Справочная книжка», «Календарь», «Сборник»); Терского областного статистического комитета («Календарь», «Сборник», «Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска», «Сборник сведений о Терской области», «Статистические таблицы населенных мест Терской области», «Списки населенных мест»); Ставропольского епархиального церковно-археологического общества («Церковная старина на Северном Кавказе»); «Известиях Общества любителей изучения Кубанской области»; «Трудах Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края»; «Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии» и др.).

К 1917 году краеведение занимало важное место в общественной жизни и культуре провинции, что в свою очередь способствовало демократизации представлений о содержании истории и круге лиц, которые занимались историческими и краеведческими исследованиями. К 1920 году термин «краеведение» окончательно утвердился и получил широкое распространение в исторической науке, обозначая массовое историко-культурное движение в стране. Это время, до рубежа 1920-30-х годов, считается «золотым десятилетием» в развитии краеведения (5). К 1920-м годам относится становление научной школы исторического краеведения, формирование научного представления о предмете, объекте и методах краеведения. Основоположником исторического краеведения И.М.Гревсом и его последователями Н.П.Анциферовым, Н.К.Пиксановым, Н.П.Архангельским и др. был сформулирован и новый метод краеведения – локальный, как всестороннее исследование отдельных регионов с обязательным введением новых исторических источников в научный оборот (6). Акцент делался на выявление своеобразия различных регионов страны, специфики их исторического и культурного развития. Важнейшим направлением деятельности краеведческих обществ и организаций являлось выявление, собирание, учет и охрана памятников истории и культуры. Историческое краеведение 1920-х годов было тесно связанно с научными школами историков и академическими учреждениями страны, что способствовало развитию традиции конкретно-исторических исследований.

Консолидация краеведческих сил в провинции осуществлялась путем создания сети этнолого-археологических институтов и комиссий. На Ставрополье этнолого-археологическая комиссия была создана в 1921 году. Основным направлением ее деятельности было – культуроохранительное (7). Краеведческие исследования комиссия проводила совместно с музеем Северного Кавказа (основан в 1905 году) и возникшей в 1920 году. Ставропольской секцией по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, которые возглавлял Г.Н.Прозрителев (8). Сложившаяся на Ставрополье структура органов охраны памятников стала частью общегосударственной системы. Организацию историко-краеведческих исследований рассматривали как комплексную задачу. Исследовательская работа строилась в соответствии с социальным и государственным устройством страны, подлежала «увязке в особый план», каким являлся, например, «Пятилетний план краеведческих работ по Северокавказскому краю» (9). Краеведческое движение этого периода было тесно связано с идеологией нового советского общества.

На Ставрополье в этот период действовала целая плеяда замечательных краеведов на КМВ под руководством проф. Д.М.Павлова (10). В 1920 году при его непосредственном участии в Пятигорске был создан Совет обследования и изучения Терского края, преобразованный в 1921 году в Пятигорское отделение Северо-Кавказского института краеведения (был образован в 1920 году на базе Терского областного музея и просуществовал до 1927 года). В 1921 году в Кисловодске и Пятигорске проходила первая краевая Северо-Кавказская конференция по делам музеев, охране памятников искусства и старины, на кото-

рой была поставлена задача создания новых музеев и возрождения краеведческих обществ.

В 1923—24 годах была возобновлена деятельность Кавказского горного общества, возглавил которое известный краевед Е.А.Ларин, и его филиала-отделения в г. Кисловодске (с 1925 года) (11). В 1930-е годы охраной, спасением и изучением памятников древности и средневековья КМВ начали заниматься известные археологи, краеведы Н.М.Егоров и А.П.Рунич, позже Н.Н.Михайлов – зачинатель кавминводского археологического краеведения (12).

В 1921-25 годах на Северном Кавказе проводились художественно-этнографические экспедиции (в 1921 году — в Нагорный Дагестан, в 1924 году — в Дагестан, в 1925 году — в Карачай, Дагестан, Чечню) (13). Результатом экспедиций стала богатейшая коллекция, хранящаяся ныне в Ставропольском государственном краеведческом музее, отражающая антропологические типы, занятия, утварь, орудия труда, орнаменты, костюм, архитектурные и погребальные памятники, обычаи и обряды, являющиеся сегодня ценным историческим источником (14).

В 1926 году было создано Северо-Кавказское бюро краеведения, сыгравшее важную роль в организации краеведческих обществ, экспедиционной деятельности, издательской работы на Ставрополье. В составе бюро была секция археологии, антропологии, этнографии и истории искусств, членом которой являлся и Г.Н.Прозрителев. В 1928 году от Северо-Кавказского региона в состав Центрального бюро краеведения входило 12 представителей, среди них: А.И.Воскресенский, Г.Ф.Руденко, Г.Г.Григор (Краснодар), А.П.Семенов (Владикавказ), Е.А.Ларин (Пятигорск), Г.Н.Прозрителев (Ставрополь) и др.

В начале 1930-х годов ситуация в краеведении начала резко изменяться. Усиливающееся стремление к идеологизации деятельности краеведческих учреждений привело к разгрому краеведческого движения. Являясь демократичным по своей природе, краеведение не вписалось в рамки складывающейся тоталитарной системы, в политику, направленную на централизацию науки и всей общественной жизни. Демократическая основа краеведческих обществ, самостоятельное определение приоритетных направлений исследований, желание уйти от попыток унификации, подчеркнуть местные особенности, специфику исторического развития того или иного региона или края – все это «мешало» намеченным путям развития страны, в силу чего пошел обратный процесс — ликвидации краеведческих обществ, «чистки» музеев и научных учреждений от «неугодных» сотрудников. Многие краеведы подверглись репрессиям, а творческий процесс изучения провинции был надолго приостановлен. Ликвидация краеведческих центров была предопределена невозможностью их существования в новой, централизованной системе организации научных исследований. Монополизация науки привела к концентрации научных кадров в столичных центрах, что не способствовало развитию научно-исследовательской базы на местах. Перестало развиваться и историческое краеведение, как научное направление. Под краеведением стали понимать лишь собирание материалов по «краевой» истории, без анализа и связи с историческими процессами, происходившими в стране. Со временем «местная» история, как и «общая история» все более становилась «политической».

Возрождение краеведения в послевоенный период связано со школьным образованием, где акцент делался на воспитание патриотизма. «Краеведческий принцип» стал основным в деле обучения и воспитания подрастающего поколения на многие десятилетия. На местах продолжали работать краеведы, чья любознательность простиралась за рамки профессиональных знаний и благодаря трудам которых, был собран богатый источниковый материал, воссозданы многие страницы истории Ставропольского края.

Вопросами краеведения в разное время занимались работники Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве (Г.Д.Краснов (автор исторического повествования «Ставрополь на Кавказе»), Л.Н.Глушков, А.Л.Нечитайло, В.В.Госданкер, Н.А.Охонько, Г.А.Беликов, А.П.Акопьян, И.В.Отюцкий и др.), Ставропольского государственного педагогического института (ныне СГУ) (В.А.Романовский, А.П.Чевелев, П.А.Шацкий, Н.И.Стащук, Т.И.Беликов, В.Г.Гниловской, В.В.Скрипчинский, Т.М.Минаева, А.В.Попов, З.М.Поздняева, В.В.Савельева, Д.В.Кочура, В.П.Невская, А.В.Найденко, Т.А.Невская, Н.Д.Судавцов и др.). Многие поколения ставропольцев познавали край через «Занимательное краеведение» В.Г.Гниловского (15). Огромную роль в развитии и популяризации краеведческих знаний сыграли краевые СМИ (пресса, радио, телевидение).

С середины 1960-х годов в СГПИ сформировалось и успешно развивается (ныне в СГУ на кафедре политической истории) научное направление «Историческое краеведение» (научный руководитель — профессор Д.В.Кочура). Совместными усилиями сотрудников Ставропольского государственного краеведческого музея, преподавателями СГПИ — СГУ, географическим обществом и Ставропольским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (создано в 1960-е годы) было осуществлено, начиная с 1949 года, издание 16 выпусков «Материалов по изучению Ставропольского края» (МИСК), включающих разделы: естественно-географический, охраны природы, исторический, краеведческий, музейного дела и библиографии, памятники истории и культуры, жизнь и деятельность замечательных людей (16). С 1961 года Ставропольская краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова издает ежегодный краеведческий сборник, первоначально называвшийся «Календарь знаменательных и памятных дат по Ставропольскому краю», а с 1994 года — «Ставропольский хронограф», на страницах которого рассматриваются страницы местной истории, экономики, науки и культуры родного края, приводятся факты жизни и творчества выдающихся людей, связанных со Ставрополем.

Первое пособие по историческому краеведению «Ставропольский край в истории СССР» (редактор — профессор П.А. Шацкий) вышло в свет в 1975 году. В 1986 году были изданы «Очерки истории Ставропольского края» (научные редакторы — профессор Д.В. Кочура и профессор В.П. Невская), в создании которых принимали участие краеведы и научная общественность края. С середины 1990-х годов началась разработка учебных пособий и региональных учебников по историческому краеведению для средних учебных заведений (17).

Начавшееся с 1990-х годов возрастание интереса к истории и культуре российской провинции, к проблемам местной истории привело к возрождению, созданию краеведческих обществ и организаций, проведению научных конференций по историческому краеведению. По инициативе председателя Союза краеведов России, академика С.О.Шмидта был создан научный центр по изучению российской провинции, лаборатория исторического краеведения на базе Историко-архивного института РГГУ. Краеведение стало решать не только актуальные проблемы современной исторической науки, но и по-новому «смотреть» на уже написанные страницы отечественной и местной истории. В этот период были изданы работы ставропольских ученых (Э.В.Кемпинский, К.В.Кудряшов, Н.А.Мальцева, Т.А.Невская, Б.Т.Ованесов, Т.Н.Плохотнюк, З.М.Поздняева, Н.Д.Судавцов, С.А.Чекменев и др.), посвященные малоизвестным страницам прошлого края. В 1999 году вышел в свет коллективный обобщающий труд ставропольских историков «Край наш Ставрополье: Очерки истории» (научный редактор — профессор Д.В.Кочура и профессор В.П.Невская), в котором реализованы наработки краеведов за многие десятилетия и изложены результаты осмысления основных этапов истории края. В 1990-е – начале 2000 годов учеными и краеведами (Р.Е.Аджимамедов, Ю.П.Андреев, А.А.Аникеев, В.В.Бабенко, Г.А.Беликов, А.Е.Богачкова, В.М.Вазагов, Е.С.Виноградов, Б.Л.Годзевич, В.Т.Грибанов, В.Б.Гриценко, Н.В.Жерлицын, В.М.Забелин, Н.Г.Завгородний, Н.В.Заседько, В.А.Колесников, С.П.Корнетова, П.Н.Кудинов, М.С.Мамонтов, В.В.Омельченко, Л.А.Польская, Ю.А.Прокопенко, В.В.Савельева, Ф.Ф.Сидоренко, В.А.Смоляков, П.М.Солодников, Н.Д.Судавцов, П.С.Федосов, Ф.С.Шумакова, В.Р.Ясинов и др.) были опубликованы краеведческие работы по истории отдельных населенных пунктов Ставропольского края. В 2002 году была создана обобщающая работа по истории населенных пунктов Ставропольского края – «История городов и сел Ставрополья: краткие очерки» (научные редакторы — профессор Д.В.Кочура и професоор А.А.Кудрявцев). Книга была подготовлена на базе лаборатории по истории городов и сел края, созданной на историческом факультете СГУ, совместно с преподавателями других вузов и краеведами, изучающими историю Ставрополья.

В трудах современных исследователей-филологов В.М. Головко, Л.П.Егоровой, С.Г.Найденко, Г.П.Толпаевой, О.П.Фесенко, Т.К.Черной, В.Н.Кравченко получили развитие вопросы литературного краеведения Ставрополья.

Теоретические и историографические проблемы региональной истории рассматриваются в трудах В.А.Кузнецова, Т.А.Булыгиной, А.Н.Коваленко, С.И.Маловичко, А.В.Найденко, Н.А.Охонько, С.Н.Савенко и др.

С 2002 года осуществляется разработка исследований местной истории с позиций полидисциплинарного подхода, методами, выработанными гуманитарными науками (компаративного источниковедения и историографии, микроистории, устной истории и др.), на базе Регионального научно-образовательного центра «Новая локальная история» Ставропольского государственного университета (руководитель — доктор исторических наук С.И.Маловичко), созданного в рамках межвузовской научной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» совместно с Историко-архивным институтом РГГУ. Исследования осуществляются в кросс-исторических областях: сравнительное источниковедение; интеллектуальная история российской провинции; история повседневности; городская история; новая биографика; история пограничных областей Северного Кавказа.

Провинциальная историография – неотъемлемая часть истории развития отечественной исторической науки. Оно всегда являло собой уникальное направление в исторической мысли России, ценное своим опытом изучения уклада жизни провинции, ее традиций и их трансформаций на разных исторических этапах. В современной довольно сложной культурной ситуации опыт исторического краеведения, накопленный предыдущими поколениями местных исследователей, важен для критического переосмысления методологических подходов и выбора источников, способствует достижению многих историографических и источниковедческих целей.

Примечания

1. *См.:* Колесникова М.Е. У истоков социогуманитарной традиции академического кавказоведения // Институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова. Годичная научная конференция, 2004. – М.: Диполь—Т, 2004. С.471—475.
2. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. – М., 1990. — Вып. 1. — С. 12.
3. Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. – СПб., 1809.
4. Твалчрелидзе А.И. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. – Ставрополь, 1897 (репринт 1991).
5. Шмидт С.О. Указ. соч. С. 16.
6. Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. — 1927. — Т. 2. — С. 181—194; Анциферов Н.П. Краеведение как историко-культурное явление // Известия ЦБК. — 1927. — № 3. — С. 23—26; Он же. Краеведческий путь в исторической науке // Краеведение. — 1928. — Т. 6. — С. 321—338 и др.
7. *См.* Колесникова М.Е. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия. Страницы истории и основные направления культуроохранительной деятельности в 1921—1933 годах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология. — М.: «Памятники исторической мысли», 2001. — С. 208—221.
8. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 374.
9. ГАСК. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 11. Л. 69, 244.
10. *См.:* Колесникова М.Е. Дмитрий Михайлович Павлов: (К 120-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2004 год. Краеведческий сборник. — Ставрополь, 2004. — С. 202—208.
11. *См.:* Колесникова М.Е. Кавказское Горное Общество // Ставропольский хронограф на 2002 год. Краеведческий сборник. — Ставрополь, 2002.

12. *См.:* Археология и краеведение Кавминвод: Материалы 1-й региональной конференции. – Кисловодск, 1992.

13. *См.*: Доде З.В. Художественно-этнографические экспедиции 20-х годов XX века по Северному Кавказу //Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М.Минаевой, 26—28 января 1996 г. – Ставрополь, 1997. — С. 51—55; Горцы Северного Кавказа глазами художников (по следам художественно-этнографических экспедиций 1924—1926 гг.). Каталог выставки. — Ставрополь, 1997.

14. СГКМ. Ф. 33. Ед. хр. 8.

15. Гниловской В.Г. Занимательное краеведение. — Ставрополь, 1954; 2-е изд. — Ставрополь, 1974.

16. Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 1—15. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1949—1988.

17. Беликов Г.А., Кругов А.И. «Ставропольский край в истории России (на рубеже XIX—XX вв.)». Ч. 1, 2. – Ставрополь, 1995; «История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 г.»: Региональный учебник для общеобразовательной школы / А.В. Найденко и др. – Ставрополь,1996); Кругов А.И. «Ставропольский край в истории России (конец XVIII – XX век)»: Региональный учебник для старших классов общеобразовательных учебных заведений. – Ставрополь, 2001; Кругов А.И., Кругова С.А. «Страницы истории края»: Учебное пособие для учащихся начальной школы: В 2 ч. Ч. 1. – Ставрополь, 2002; Ч. 2. – Ставрополь, 2003; Ивановский И.А. «Занимательное краеведение» (Учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений Ставропольского края. – Ставрополь, 2003).

И.В. Бентковский – секретарь Ставропольского губернского статистического комитета

История покорения Кавказа – дело потомства, подбор материалов для этой истории – дело современников
И.В.Бентковский

С именем Иосифа Викентьевича Бентковского (1812—1890) связана целая эпоха в научной и культурной жизни Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Секретарь Ставропольского губернского статистического комитета, историк-кавказовед, этнограф, статистик и экономист, он стоял у истоков северокавказского краеведения, являясь одним из организаторов научных исследований, положивших начало становлению местной провинциальной историографии.

Губернские статистические комитеты (ГСК), создание которых относится к 30-м годам XIX века, являлись правительственными учреждениями, созданными для сбора и обработки административно-хозяйственных данных. Однако со временем они превратились в научно-исследовательские организации, став своеобразными издательскими и краеведческими центрами провинции. Объединившие вокруг себя любителей истории, археологии и этнографии в российской провинции, они явились во второй половине XIX века «своеобразным ключом механизма русской провинциальной историографии» (1). Во многом этому способствовала реформа статистической службы России 1860 года, после которой в деятельности губернских статкомитетов появились «обязательные» и «необязательные» работы. К «необязательным» работам были отнесены разносторонние исследования губерний в историческом, географическом, этнографическом отношениях. Комитеты должны были «по мере возможности и средств…а) составлять и от времени до времени исправлять, подновлять и пополнять, возможно, отчетливые описания губерний, частей губерний, городов и особенно замечательных по чему-либо местностей, в отношении не только статистическом, но и топографическом, историческом, археологическом этнографическом, сельскохозяйственном, промышленном и торговом; б) с этой целью снаряжать особые экспедиции из своих членов или посторонних благонадежных лиц для ученого исследования разных местностей губерний… Одним словом, труды губернских статистических комитетов следует направлять к точному и всестороннему изучению губерний и областей, дабы комитеты могли иметь всегда в готовности, необходимые для правительства и для науки, верные и систематически обработанные данные о современном состоянии края, на который простирается их деятельность» (2).

Статистику в XIX в. понимали как науку об обществе в целом, изучающую большой круг проблем. Такое широкое толкование позволяло относить в разряд статистических работ и исследования по истории, этнографии, археологии, географии. Привлечение губернских статкомитетов к организации и проведению историко-краеведческих изысканий было вызвано острой необходимостью в систематических и всесторонних исследованиях губерний. Статистика была необходима правительству для совершенствования управления огромной империей, проведения преобразований, осуществлявшихся во второй половине XIX в. Учреждение и последующее реформирование губернских статкомитетов явилось попыткой создания своеобразной, единой, унифицированной по структуре государственной службы.

Старейшим на Северном Кавказе является Ставропольский губернский статистический комитет, образованный в 1858 году по инициативе гражданского губернатора генерал-лейтенанта А.А.Волоцкого (3). Устройство статистической части в Кубанской и Терской областях, в виду сложной военно-политической обстановки на Кавказе, было признано возможным лишь в 1866 году. Образованы они были еще позже: Терский областной статкомитет в 1872 году, Кубанский – в 1879 году (4). Работы у Ставропольского статкомитета было много, так как Ставропольская губерния не была «…изучена еще серьезно ни с какой стороны…, не изучены в подробности ни история, ни статистика, ни естественные богатства и средства к извлечению их».

Изучением губернии и занимались действительные члены Ставропольского губернского статкомитета. Это были специалисты в отдельных отраслях науки, известные своими трудами по истории, археологии, этнографии губернии, ее природным богатствам. Среди них В.А.Бетаки, Г.К.Властов, Б.С.Цытович, А.Н.Мицулов, Д.М.Седаковский, А.Н.Лопатин, А.Д.Тимченко, Г.В.Раевский-Буданов и др. Чаще всего тематика и проблематика исследований избиралась членами комитета самостоятельно и во многом зависела от личности исследовате-

ля, его интересов. Определенную роль оказывала специфика исторического развития края. Срабатывал и «краеведческий принцип», что заинтересовало, попалось на глаза – о том и писали.

Научно-историческая деятельность Ставропольского губернского статистического комитета развивалась по нескольким взаимосвязанным направлениям: историко-краеведческое, археологическое, этнографическое, охрана памятников древности, просветительское и издательское. В отличие от других комитетов и научных обществ того времени, основной формой работы Ставропольского статкомитета было не проведение регулярных заседаний и обсуждение докладов, хотя такие тоже проводились, а индивидуальная научно-исследовательская и экспедиционная деятельность.

Как совершенно справедливо, отмечает современный исследователь В.Бердинских, в значительной мере эффективность работы статкомитетов зависела от опыта, заинтересованности, установки на научные исследования и организаторских способностей их секретарей. Именно научные интересы, пристрастия, творческая энергия, активная деятельность секретарей во многом и определяли характер и направления научных исследований комитетов.

Такой яркой, талантливой личностью и был секретарь Ставропольского губернского статистического комитета Иосиф Викентьевич Бентковский, с именем которого связан 20-летний период – «время расцвета, полной и всесторонней деятельности комитета и, так сказать, время сознательного и целесообразного существования его» (5).

Поляк по происхождению, он оказался на Кавказе после известных событий в Польше 1830 года. Точных указаний о непосредственной причастности семьи Бентковских к Польскому восстанию 1830—31 годов нет, однако сам Иосиф Бентковский об этой странице своей жизни всегда говорил сдержано и осторожно. О своем происхождении он писал «... по рождению я поляк. Среднее образование я получил сначала в Влоцлавске, а потом в Плоцке, но высшего не дала мне даже начать революция 1830 года и бросила на Кавказ» (6). Кавказ стал для него второй родиной. Двадцать пять лет военной службы в Кавказском крае позволили И.В.Бентковскому не только побывать в разных уголках этого удивительного региона, познакомиться с нравами и обычаями проживающих там народов, с памятниками истории, но и понять, полюбить этот уголок России.

Сведения о жизни и деятельности И.В.Бентковского немногочисленны. Пожалуй, и сегодня единственными общими работами, посвященными ему, остаются: очерк о научной деятельности И.Бентковского, написанный в начале XX века его последователем на ниве краеведения Г.Н.Прозрителевым и статьи В.В.Госданкера, вышедшие во второй половине XX в. (7). Высоко оценивал деятельность И.В.Бентковского в области изучения Северного Кавказа известный библиограф конца XIX — начала XX в. Б.М.Городецкий (8). Имя И.В.Бентковского, вместе с библиографией его трудов упоминается в известном биографическом словаре русских писателей и ученых С.А.Венгерова (9). После смерти ученого его жизненный и творческий путь отразили ряд некрологов (10). Отдельные заметки и публикации, приуроченные к юбилейным датам «неутомимого местного историка», выходили в разные годы в местной периодической печати (11). В ряде работ отдельно рассматривалась журналистская деятельность И.В.Бентковского (12).

Библиография трудов И.В.Бентковского впервые была опубликована в 1881 году на страницах «Ставропольских губернских ведомостей», а в 1910 году в Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии (13). Позже дополненная, она выходила вместе с небольшими заметками, посвященными 180-летию и 185-летию со дня рождения И.В.Бентковского в ежегодных справочно-библиографических пособиях Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю.Лермонтова — «Ставропольский хронограф» (14).

Несомненный интерес представляют архивные материалы о жизни и деятельности И.В.Бентковского, рассредоточенные по разным архивам, фондам и делам. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК, Ставрополь) хранит документы его личного фонда, содержащие биографические справки и дела, относящиеся к его деятельности в Главном управлении государственного коннозаводства по Кавказскому краю (15). Подробно рассмотреть научно-историческую деятельность И.В.Бентковского позволили и архивные документы, сгруппированные в фонде Ставропольского губернского статистического комитета и отчасти в фонде Ставропольской ученой архивной комиссии (16). Интересные материалы, позволяющие всесторонне исследовать многие грани таланта провинциального исследователя, хранятся в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве (СГКМ) (17). Помимо местных архивохранилищ, документы, содержащие сведения о И.В.Бентковском, находятся в ряде центральных архивов. Так, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, Москва), в личном фонде барона М.А. фон-дер Остен-Сакена, были обнаружены документы, относящиеся к 1880 году, о представлении И.В.Бентковского к награждению участком земли в 1000 десятин за заслуги в работе на посту секретаря Ставропольского губернского статистического комитета (18). Его имя стоит в списке других чиновников, представленных к награждению по Ставропольской губернии. Но эту награду, он, как известно, так и не получил. Не менее интересный документ был найден и в Российском государственном историческом архиве (РГИА, С.-Петербург), в фонде Центрального статистического комитета МВД. Это Формулярный послужной список И.В.Бентковского за 1889 год, приложенный к прошению-ходатайству Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе к господину Министру внутренних дел о представлении И.В.Бентковскому права на пенсию из Государственного казначейства (19). Этот список, дающий возможность проследить весь жизненный путь, плодотворную научную и общественную деятельность И.В.Бентковского, публикуется в приложении данной книги.

Из имеющихся сведений о И.В.Бентковском, крайне мало о раннем периоде его жизни. Известно, что родился он 19 марта 1812 года в семье знатных, но небогатых дворян Брест-Кулсского уезда герцог-

ства Варшавского. Отца звали Викентий Бентковский, мать – Жозефина Бентковская (Рудницкая). Получил хорошее среднее образование, окончив «гимназический курс наук царства Польского». В 1832 году молодой И.Бентковский, дворянин по происхождению, зачисляется рядовым солдатом в Депо Плоцкого воеводства, в 1833 году становится унтер-офицером Навагинского пехотного полка, затем в 1834 году переводится в первый Кавказский линейный батальон. Этот факт, как и последующие резкие изменения в жизни и судьбе И.Бентковского, косвенно указывает на причастность молодого шляхтича к событиям в Польше в 1830—1831 годов.

После подавления польского восстания многие участники движения подверглись репрессиям, часть из них была отправлена на Кавказ, в действующую армию. Региональным центром польской ссылки Северный Кавказ стал еще в 1813 году, когда сюда были направлены первые военнопленные поляки бывшей армии Наполеона. Спустя 18 лет, после «усмирения польского мятежа в 1831 году остатки хорошо организованных полков польских войск были сосланы в отдельный Кавказский корпус и по его полкам распределены» (20). В «серой шинели опального солдата» И.Бентковский навсегда покинул родину и отправился на поселение в далекий и неизвестный Кавказский край. На марше он занимался изучением русского языка, как он позже напишет «с таким успехом, что по прибытии в Ставрополь 4 февраля 1834 года меня, после отличной рекомендации партионного офицера, которому я в походе помогал в переписке, оставили в штабе Командующего войсками на Кавказской линии в Черномории и Астрахани для распределения и рассылки множества документов на польском и литовском языках (метрик) в разные части войск, где служили поляки» (21).

Военная служба И.Бентковского в общей сложности продолжалась 25 лет, до 1857 года, когда он был уволен «от службы за выслугой лет». Во время ее прохождения от рядового до казачьего сотника он побывал урядником, зауряд-хорунжим, хорунжим Ставропольского казачьего полка, в должности заседателя полкового правления 4-й бригады Кавказского линейного казачьего войска, начальника Михайловской станицы. «По прибытии в штаб Ставропольского казачьего полка в станицу Михайловскую, в 9 верстах от Ставрополя, — напишет он позже, — полковой командир поручил мне полковую школу – короче, сделал педагогом. В том же году я женился на дочери казачьего офицера и открыл пансион. В учениках у меня недостатка не было, я учил всему, что сам знал, не руководствуясь какой бы то ни было программою. В 1837 году 18 октября Император Николай I в Ставрополе открыл гимназию. Вслед затем в станицу Михайловскую прибыл вновь назначенный наказной атаман генерал-майор С.С.Николаев. Не смотря, что в Ставрополе была уже гимназия, моя педагогическая деятельность шла в гору и, правда сказать, в славу. Наказной атаман пригласил меня преподавателем единственному сыну Петру, которого я приготовил с полным успехом к поступлению в пажеский корпус (он был крестник Государя Александра II). Из моих учеников, многие дослужились до штабофицерских чинов...». Эти годы стали для него не только великолепной школой жизни, но и временем познания его новой родины. За годы службы он имел возможность побывать в различных уголках Кавказского края, познакомиться с историей, обычаями и нравами живущих там людей, прежде всего горцев. Он много читал, занимался литературной деятельностью, собирал и изучал архивные документы, библиографию, которые позже легли в основу его многочисленных публикаций по истории Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Но служба «отнимала» слишком много времени и всецело посвятить себя историко-краеведческой деятельности он смог лишь после выхода в отставку в 1857 году.

Литературные и научные труды И.В.Бентковского были по достоинству оценены научной общественностью Ставропольской губернии. В 1860 году он избирается членом-корреспондентом Ставропольского губернского статистического комитета, с 1866 года – действительным членом, а в 1871 году — единогласно секретарем Ставропольского губернского статистического комитета. Он навсегда переезжает в г. Ставрополь и «посвящает себя литературной и ученой деятельности».

В истории Ставропольского губернского статкомитета уже сами современники выделяли два периода: I период (1858—1868) — «период добрых, но бесплодных начинаний, благодаря времени, историческим судьбам нашего края и тогдашнему состоянию отечественной статистики, как науки»; II период (1869—1883) — когда начинается издание трудов комитета и Ставропольская губерния «благодаря трудам комитета, была почата уже историческими и статистическими исследованиями». На второй период и приходится время работы в комитете И.В.Бентковского. Он стал настоящим лидером; объединил вокруг себя талантливых людей, тянувшихся к науке, занимающихся изучением родного края; выступил инициатором изучения многих тем и проблем, положивших начало становлению провинциальной историографии Северного Кавказа. При участии И.В.Бентковского была начата работа по созданию прочной источниковой базы местного краеведения.

Чтобы развернуть и «поднять» такую работу секретарь статкомитета должен был быть не просто образованным человеком, он должен был знать прошлое и настоящее края, любить и понимать его. В большей степени научная деятельность секретаря, по сути, была организаторской и инициаторской. Помимо статистических исследований, являющихся «обязательными работами» комитета, он занимался решительно всем: разбором старых архивов, сохранением письменных источников, редакционной и издательской деятельностью, составлением обзоров и описаний, организацией и проведением этнографических исследований, поддержанием широких научных контактов по стране и региону, формированием библиотеки и музея.

Разносторонней и многоплановой была и исследовательская деятельность И.В.Бентковского. «Не было ни одного вопроса нашей хозяйственной и общественно-исторической жизни, которой он не коснулся бы в своих исследованиях», — писал известный северокавказский исследователь Г.Н.Прозрителев. Тематика его трудов действительно широка – география, история, этнография, статистика, архивное дело, метеорология, земледелие, садоводство, виноделие, шелководство, скотоводство,

коневодство, ветеринария, рыболовство, торговля, промышленность, железнодорожное дело, соляной вопрос, лесоводство...и многое другое. Такая «разбросанность» и диапазон интересов объясняется, прежде всего, не разработанностью историко-краеведческой тематики, слабой изученностью губернии и региона. С другой стороны, это был чисто краеведческий подход, типичный для провинциальных исследователей того времени. Это было время, когда краеведение, или как его определяли в тот период «родиноведение», превращалось в форму социокультурной деятельности российской провинции. На местах появились люди занимающиеся краеведческими исследованиями, сформировалось целое поколение историков-краеведов. Обращение местных исследователей к изучению истории «народной жизни», произошедшее несомненно под влиянием народничества, привело к формированию в провинции устойчивого интереса к истории, археологии и этнографии местного края.

Краеведческой тематике посвящены около 200 научных работ, которые оставил нам И.В.Бентковский. По своему научному уровню ряд из них, особенно по проблемам статистики, картографии, метеорологии, не уступали научным трудам профессиональных столичных ученых: «Экономическое состояние городов Европейской России» (1865), «Статистические сведения о состоянии Ставропольской губернии за 1875 год» (1876), «Несколько слов о климате в г. Ставрополе по метеорологическим наблюдениям с 1871 по 1878 год» (1879), «Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии» (1881г.), «Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением дорожной карты» (1883) и др. В награду, за составление и издание в 1874 году «Статистической карты Ставропольской губернии: Масштаб 10 верст в англ. дюйме», И.В.Бентковский получил от Великого князя Наместника Кавказского золотую табакерку, ценою в 275 руб. (22).

Его научные работы по статистике и экономике коневодства были оценены правительством и в 1878 году его назначили корреспондентом Главного управления Государственного коннозаводства по Кавказскому краю. В этот период из под его пера выходят научно обоснованные обзоры состояния коневодства на Северном Кавказе: «Обзор коневодства на северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии» (1878), «Коневодство Северного Кавказа и ставропольская скачка» (1880), «Обзор конского хозяйства в бывшей Черномории и правительственных мероприятий для улучшения и развития коневодства на Северном Кавказе» (1883) и др.

Большинство его работ представляли собой краеведческие описания, наиболее распространенный тип научной работы в рассматриваемую эпоху. Превосходное знание местной жизни, крестьянского и казачьего быта, обычаев и нравов местных жителей способствовали превращению И.В.Бентковского в настоящего краеведа. Его первой научной работой стал краеведческий очерк, посвященный истории с.Безопасного, в котором исследователь поселился, выйдя в отставку (23). Очерк положил начало обширному циклу работ по истории заселения и освоения Северного Кавказа. В нем И.В.Бентковский сформулировал своеобразную программу действия для местных исследователей, краеведов, определив задачи и направления научно-исследовательской деятельности: «...материалы, относящиеся до заселения Северного Кавказа и Ставропольской губернии, в особенности, все, еще не тронутые, покоятся в разных архивах. Не пора ли стряхнуть с них пыль и передать науке?» Разработка архивных источников становится одним из основных направлений деятельности И.В.Бентковского и Ставропольского губернского статкомитета.

Археографическая работа была свойственна во второй половине XIX в. большинству статистических комитетов. В этот период в России разворачивается работа по сохранению архивов, спасению от гибели и уничтожения исторических документов. Эпоха великих реформ сопровождалась упразднением различных учреждений и гибелью, в конечном счете, их архивов. Процесс уничтожения «старых архивных бумаг» в провинции принял необратимый характер. Известный историк и архивист Д.Я.Самоквасов, оценивая этот период отечественного архивного дела, в 1902 году писал: «В некоторых старейших городах наших губерний, еще недавно обладавших богатыми и драгоценными архивами древних актов, в настоящее время наблюдается полное отсутствие государственных архивных материалов старее сорокалетней давности» (24). Не была исключением и Ставропольская губерния. Единственным административным органом, занимавшимся сохранением ценных в историческом отношении архивных документов, вплоть до учреждения в 1906 году Ставропольской губернской ученой архивной комиссии, являлся Ставропольский губернский статистический комитет. Члены комитета занимались разбором старых архивов упраздняемых учреждений. Роль своеобразного эксперта была возложена на секретаря комитета И.В.Бентковского. Первоочередной задачей, стоящей перед исследователями края, он считал создание и разработку письменной источниковой базы, в силу чего немало внимания уделял работе по выявлению, собиранию и описанию архивных источников.

Археографическое направление в деятельности комитетов было закреплено в 1867 году Циркуляром МВД на имя директора Центрального статистического комитета и губернаторов, в котором предлагалось поручить секретарю или членам статкомитетов «принять участие при разборе архивов упраздняемых мест, в том предположении, что из архивов этих могут быть извлечены интересные дела и документы, относящиеся до истории, археологии, статистики» (25). В силу этого члены комитета активно участвовали в разборе архивов упраздняемых учреждений, ежегодно просматривали дела губернских правлений, полицейских управ, судебных мест, подлежащих уничтожению.

В этом направлении статкомитеты тесно работали с Московским археологическим обществом (МАО). Его запросы о состоянии архивного дела на местах, о местных архивах шли через губернские статкомитеты. Осознавая всю важность сохранения письменных исторических источников, в 1897 году МАО создало специальную Археографическую комиссию, которая постоянно обращалась к научным

учреждениям и частным лицам с просьбой присылать сведения о местных архивах и результатах работ с архивным материалом. Так было и в 1897—1899 годах, когда, проводя сбор сведений обо всех имеющихся в стране архивах, начиная от центральных и заканчивая частными архивами и архивами различных обществ, МАО обратилось за помощью к губернским статистическим комитетам (26).

Несмотря на то, что работа эта не носила системного характера, не обеспечивала должного хранения документов, да и уровень специальных архивоведческих знаний провинциальных исследователей и любителей был невысок, Ставропольский губернский статкомитет помог спасти многие ценные материалы. Был накоплен и определенный опыт, который в дальнейшем использовала Ставропольская ученая архивная комиссия, когда формировала губернский исторический архив. Ценность собранных архивных документов состояла в том, что брали их в основном из личных архивов, архивов мелких учреждений, которые зачастую выпадали из поля зрения действующей с 1864 года Кавказской Археографической комиссии. Трудами и заботой членов Ставропольского губернского статкомитета были собраны уникальные исторические источники, ставшие основой современного Государственного архива Ставропольского края.

С именем И.В.Бентковского связаны и первые попытки создания Ставропольской ученой архивной комиссии. В 1886 году он выступил с ходатайством о ее организации, указывая на то, что с момента заселения Ставропольская губерния и Северный Кавказ имеют богатейшие архивы, в которых хранятся ценные исторические источники, «положение которых оставляет желать лучшего». К сожалению, это ходатайство не было удовлетворено (27).

Сбор архивных материалов, посвященных истории губернии не только способствовал концентрации ценнейших и уникальных исторических источников на месте, но и их первой разработке. Доступные для членов Ставропольского статкомитета источники, хранящиеся в местных ведомственных архивах, в определенной мере и предопределили тематику их научных исследований. Именно они и легли в основу последних. Характерно это было и для научного творчества И.В. Бентковского. Его очерки и статьи по истории колонизации края, образованию Кавказского линейного казачьего войска, «ставропольской старине» отличают полнота, широта и точность используемых документов, тщательный анализ, научная критика источников.

В распоряжении секретаря Ставропольского статкомитета находились архив Ставропольского губернского правления, Ставропольской казенной палаты, Ставропольской городской управы, Окружного суда, Контрольной палаты, Мужской гимназии, Акцизного управления, Губернской чертежной комиссии, Ставропольской духовной Консистории, штаба Кавказского военного округа на территории военных действий, Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, Войскового управления, штаба Кубанского казачьего войска, штаба Терского казачьего войска, Кавказской археографической комиссии.

Сосредоточенный в них материал лег в основу научных трудов И.В.Бентковского, среди которых «Хронологический указатель достопримечательных событий в Ставропольской губернии и Северном Кавказе» (1869), «Историко-статистические сведения о городе Моздоке: На столетний юбилей города Моздока» (1871), «Ставрополь в историко-статистическом, административном, торгово-промышленном и экономическом отношениях: Монографический очерк» (1875), «Вторичное открытие Кавказской губернии: Материалы для колонизации края» (1876), «Дела наши на Северном Кавказе от основания крепости в урочище Кизляр до построения укрепления Моздок с 1735 по 1765 год» (1876), «Обозрение XXVII – летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению св. Александры» (1877) (работа за которую И.В.Бентковский получил бриллиантовый перстень от императрицы), «О необходимости изучения Ставропольской губернии в ботаническом отношении» (1879), «Археографические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии» (1879), «Заселение бывшего Кавказского линейного казачьего войска» (1882), «Материалы для истории колонизации Северного Кавказа: Заселение бывшего линейного казачьего войска; Заселение Кавказской области» (1882), «Происхождение казачества, его развитие и идеи» (1882), «Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта» (1883), «Крепостная колонизация в бывшей Кавказской ныне Ставропольской губернии» (1884), «Гребенцы: Историческое исследование» (1889), «Бывшее Кавказское линейное казачье войско и его наказные атаманы (1832—1860)» (1891), «Хронологический указатель событий, извлеченных из неизданных материалов сенатора и академика П.Г.Буткова для новой истории Северного Кавказа» (1910) и др. Перу И.В.Бентковского принадлежит и первый исторический очерк создания и деятельности Ставропольского губернского статистического комитета (28).

В целом тематика работ И.В.Бентковского была обусловлена общими проблемами, стоящими перед русской исторической наукой в пореформенный период. Среди них, во-первых, особенности колонизации Северного Кавказа; во-вторых, экономическое развитие региона; в-третьих, история населенных пунктов; в-четвертых, роль казачества в освоении региона. Рассматривая в своих работах колонизацию Кавказского края, И.В.Бентковский, выделяет ее этапы и формы, приходя к выводу о ведущей роли крестьянской колонизации в освоении региона. Описывая состояние промышленности, сельского хозяйства и торговли он дает практические рекомендации по развитию этих отраслей. Его перу принадлежат биографические очерки известных кавказских деятелей, выдающихся военноначальников.

Многочисленные статьи И.В.Бентковского чаще всего публиковались на страницах местной периодической печати: «Ставропольских губернских ведомостях», «Кубанских областных ведомостях», «Терских областных ведомостях», в региональных краеведческих изданиях. Они «невелики по объему, не блещут литературными достоинствами, но зато каждая из них содержит ценные данные, почерпнутые или из непосредственного изучения, или из архивных мало кому доступных источников», — писал о его творчестве Б.М.Городецкий (29). По ини-

циативе и при непосредственном участии И.В.Бентковского в «Ставропольских губернских ведомостях» в 1875 году была открыта «Неофициальная часть», облик и направление которой он определял вплоть до 1889 года, пока был редактором. С 1880 года «Неофициальная часть» Ставропольских губернских ведомостей стала издаваться отдельно от «Официальной» и представляла собой «самодостаточное, интересное и полное издание с собственной позицией и структурой» (30). Она стала своеобразной трибуной местных краеведов, историков, археологов, статистиков, экономистов, библиографов и публицистов, значение которой для «трудного дела Северо-Кавказского родиноведения трудно переоценить». Краеведческие материалы публиковались в «Местном отделе» и в разделе «Библиография». На страницах «Неофициальной части» «Ведомостей» было опубликовано более 70 статей самого И.В.Бентковского, многие из которых печатались с продолжением, из номера в номер. В них наиболее полно проявился публицистический талант ученого.

Публикации в периодической печати способствовали пробуждению интереса к местной истории в самых широких слоях населения, выполняли еще и важную просветительскую роль. Именно такого характера были статьи и заметки И.В.Бентковского посвященные деятельности известных людей на Кавказе: «Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель» (1875), «Генерал-лейтенант Алексей Александрович Вельяминов: (Воспоминания ставропольского сторожила)» (1876), «Генерал-майор Якоби: Основатель Моздокско-Азовской линии в 1777 году: (Биогр. заметка)» (1877), «Император Николай I в Ставрополе (1887), «Император Александр II в Нижнефарском отряде на Северо-Западном Кавказе в 1861 году (1887) «Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель» (1875) и др.

Другим видом его работ были этнографические исследования. Этнографические исследования были характерным явлением для 1860—70-х годов, и являлись одним из направлений деятельности губернских статистических комитетов. Эти исследования проводились в тесном контакте с центральными научными обществами и, прежде всего, с Русским географическим обществом и его Кавказским отделением (с 1850 года), на основе их методик и анкет. Значительная часть программ и анкет, распространяемых через губернские статкомитеты, была посвящена вопросам мифологии, фольклора, языка, быта, обычаям и нравам местных народов. Постепенно интерес переместился в сферу изучения общественной жизни, обычного права. В большей части такого рода описания носили статистический характер, так как статистические исследования являлись обязательными в деятельности статкомитетов. Через «Ставропольские губернские ведомости» статкомитет обращался к местным жителям, приглашая их к сотрудничеству в работе по изучению истории и прошлого родных мест. В 1866 году на одном из заседаний комитета была рассмотрена и специальная Программа для всестороннего описания и изучения сел и хуторов, осуществлять, которую планировалось через волостные правления. Все материалы «для подробного описания» Ставропольской губернии сосредотачивались в самом статкомитете (31).

Интересны этнографические зарисовки И.В.Бентковского, посвященные калмыцкому народу и другим «инородцам» (туркмены, ногайцы), проживавших на территории Ставропольской губернии. Инициатива членов статкомитета заниматься изучением обычаев, обрядов и образа жизни местных народов находила поддержку «сверху». Этнографические исследования проводились для выявления «податных возможностей» местных народов. Так, еще в начале 1860-х годов по инициативе и при участии члена Ставропольского статкомитета, офицера генерального штаба Е.С.Цытовича была разработана программа научной экспедиции в северные и северо-восточные степи Ставропольской губернии для изучения истории и быта кочующих там народов, «исследования калмыцких степей в статистическом и историческом отношениях и со стороны естественных их произведений» (32). По «предмету истории» предполагалось «обстоятельное, критическое изучение всех памятников, преданий, легенд, песен и т.п., которые встретятся в степях и по распространению их у жителей...». Экспедиция исследовала большую часть Большедербетовского улуса и небольшую часть Трухмянского приставства, проведя топографическую рекогносцировку и съемку местности, собрав богатый этнографический материал.

С начала 60-х годов XIX в. ряд поездок по восточным окраинам губернии совершает и сам И.В.Бентковский. Он посещает родовые хотоны, кочевые кибитки, встречается со старейшинами, духовенством, изучает калмыцкий язык. В своих работах, посвященных этому народу, он детально описывает их жилища, одежды, религиозные ритуалы, систему семейного быта и воспитания детей, обычное право: «Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса» (1868), «Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях» (1869), «Хронологический указатель разных исторических сведений о калмыках» (1876), «Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести» (1877), «Наши кочевники и их экономическое состояние» (1879), «О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии» (1879), «Моздокские так называемые крещеные калмыки: Монография» (1880) и др.

Часто разъезжая по долгу службы, участвуя в экспедициях статкомитета И.В.Бентковский не только собирал статистические данные, но и изучал крестьянский быт, пытался воссоздать историю крестьянской колонизации Северного Кавказа, значение которой уже тогда не достаточно оценивалось в исторической науке, в силу того, что основная роль отводилась казачьей колонизации. Эпиграфом к своим работам по этой теме он взял слова Рюля «Изучать крестьянский быт – значит изучать историю; крестьянский обычай есть живой архив — собрание неоцененных исторических источников». Важными являются его исследования по истории основания и развития сел и хуторов Ставропольской губернии: «Движение гражданской колонизации на Северном Кавказе со времени открытия в 1875 году Кавказской губернии до перевода губернских присутственных мест из Екатеринодара в Георги-

евск в 1804 году» (1876), «Частное землевладение и колонизация на Северном Кавказе» (1876), «Кустарные промыслы в Ставропольской губернии» (1878), «Колонизация низовьев Кубани» (1879), «Несколько общих выводов о населенных местах и поземельной собственности в Ставропольской губернии» (1881), «Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии» (1881), «Переселенческий вопрос на почве сравнительной статистики» (1885) и др.

И.В.Бентковский, будучи человеком талантливым и разносторонним, состоял членом многих научных обществ и учреждений России, в том числе Императорского Кавказского медицинского общества (1874), Всероссийского общества естествоиспытателей (1874), Императорского Русского географического общества (1875), Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (1875), Императорского Вольного экономического общества (1877). За статью «Заселение Черномории с 1792 по 1825 год» (1880) И.В.Бенковский был избран почетным членом Кубанского областного статистического комитета. Позже аналогичного звания он удостоился в одном из старейших комитетов России, в Нижегородском губернском статистическом комитете. Одним из первых обществ, с которым начинает сотрудничать И.В.Бентковский, спустя два года после избрания действительным членом Ставропольского статкомитета, было Кавказское общество истории и археологии. Не являясь профессиональным археологом И.В.Бенковский много внимания уделял изучению археологических памятников и впервые на таком уровне поставил вопрос о необходимости их изучения и охраны.

Среди его трудов есть работы посвященные вопросам охраны памятников старины. Одна из них о средневековом городе эпохи Золотой Орды — Маджарах. В монографическом очерке «Заштатный город Св. Креста (Карабаглы)» (1878), посвященном прошлому и настоящему городу Святой Крест (ныне Буденновск Ставропольского края), он показал, как варварски разрушается древний и уникальный памятник археологии «от которого теперь остались только следы раскопок, на пространстве 42 десятины... Все, что только можно было взять: камень, плиты каменные с надписью на неизвестном языке.., колонны, карнизы, кирпичи сженные, покрытые глазурью... — все это расхищено на постройки жителями окрестных селений и навсегда погибло для археологии...» и поставил вопрос о пресечении случаев кладоискательства и расхищения древностей местными жителями, необходимости проведения просветительской работы.

Археологические исследования и охрана памятников древности также входили в круг занятий губернских статкомитетов. Приведение в известность памятников археологии, сбор сведений о них, коллекционирование древностей — всем этим статкомитеты занимались уже на первом этапе своего существования. Позже, на втором этапе, археологические коллекции, легли в основу созданных при статкомитетах исторических, этнографических и археологических музеев, которые в свою очередь подготовили почву для возникновения краеведческих музеев широкого профиля.

Из полицейских управ и волостных правлений «древние вещи» и клады, поступавшие туда по постоянно подтверждающемуся указу Петра I, при отсутствии местных музеев, переправлялись в губернские статкомитеты. Не была исключением и Ставропольская губерния. Очень часто полицейские управления занимались разбором дел, связанных с археологическими находками, их хранением и отправкой в Археологическую комиссию или в Ставропольский губернский статкомитет (33). Через полицейские управления чаще всего и рассылал свои запросы Ставропольский комитет, выполняя различные поручения Императорской Археологической комиссии, МАО и Кавказского общества истории и археологии.

Археологическое направление в деятельности статистических комитетов было закреплено Циркуляром МВД за N 63 от 27.04.1863 г., в котором губернаторам было дано поручение «пригласить членов статистических комитетов, приводить в известность по мере возможности наличные в области памятники древности», по специальной программе, разработанной Археологической комиссией. Комиссия неоднократно обращалась в Центральный статкомитет за поддержкой, указывая на то, что «значительное содействие могли бы оказать губернские и областные статистические комитеты, которые и по составу своему и по кругу своих действий располагают немаловажными средствами для получения точных сведений о местных древностях» (34). В тесной связи с Археологической комиссией работал и Ставропольский статкомитет, постоянно отправляя в нее случайные археологические находки, клады и сведения о памятниках.

Не менее активно сотрудничало в этом направлении со статкомитетами и Московское археологическое общество (МАО). Уже на I Археологическом съезде в 1869 г. был поставлен вопрос об участии статистических комитетов в сборе сведений о памятниках древности и предложена программа изучения памятников старины. Все это лишний раз подчеркивало статус статкомитетов как научных учреждений. МАО на первом этапе своего существования тесно работало именно с губернскими статистическими комитетами, через них оно направляло большую часть своих запросов, касающихся истории и археологии, неоднократно отмечая, что «комитеты старались наблюдать и изучать все стороны народной жизни, и потому-то в прежних изданиях комитетов... находим так много весьма ценного этнографического и исторического материала...». Сказывалось и то, что МАО, являясь одним из самых демократичных научных обществ России, в своей работе ориентировалось на самые широкие круги провинциальной интеллигенции. Через губернские статкомитеты общество обращалось к местным любителям старины со своими научными программами и просьбами о сборе сведений и информации об археологических и исторических памятниках. Так, например, в 1903 году, собирая сведения о наличии «каменных баб» в губерниях, МАО предложило ставропольскому губернатору собрать через губернский статистический комитет «точные сведения о каменных бабах, встречающихся на курганах или просто при дорогах, в селениях и усадьбах частных лиц» (35). Работая над подобными запросами, Ставропольский губернский статкомитет тем самым готовил информационную базу для научных экспедиций центральных археологических обществ и учреждений на Кавказ, интенсивное изучение которого в археологическом плане начинается во второй половине 80-х годов XIX в.

В конце XIX — начале XX века Ставропольский комитет часто получал Циркуляры МВД, в которых предписывалось присылать все исторические сведения о губернии, а также результаты проводимых историко-археологических и этнографических исследований членами комитета (36). К примеру, в 1901 году вышел Циркуляр МВД за № 10 «О собрании сведений о всех имеющихся в губернии остатках древних замков, крепостей и других зданий древности». В 1914 году были вновь разосланы циркулярные распоряжения губернаторам, в которых была предложена программа сбора сведений о наличии памятников древности в губерниях (37). Осуществить сбор сведений предлагалось через волостные правления и губернские статистические комитеты.

Помимо сбора сведений о памятниках древности, МВД поручало губернским комитетам наблюдать за сохранностью уже известных памятников истории и археологии, за случайными археологическими находками, находимыми в пределах губернии. Всем приставам предписывалось «при описи имущества доставлять перечень вещей, предназначенных на продажу с торгов и представляющих археологическую ценность», направлять их в местные статистические комитеты, а затем в АК. Часто Общество любителей Кавказской археологии просило Ставропольский статкомитет оказать ему содействие на территории Ставропольской губернии в поиске памятников древности и описании археологических объектов. Таким образом, губернские статистические комитеты во второй половине XIX в. являлись основным связующим звеном русской провинции с центральными научными учреждениями и обществами.

Одним из важных направлений Ставропольского губернского статистического комитета была издательская деятельность, руководство которой, также осуществлял И.В.Бентковский. Все опубликованные материалы Ставропольского ГСК условно можно разделить на несколько групп: 1. «Отчеты», «Протоколы», «Журналы заседаний», т.е. те материалы, которые непосредственно освещают текущую деятельность комитета. 2. Периодическое издание комитета – «Сборник сведений о Северном Кавказе», в котором помещались, как правило, результаты «необязательных работ» членов комитета, исторические очерки, публиковались архивные материалы. Помещенные на его страницах материалы показывают развитие определенной научной, краеведческой проблематики и особенности исторического познания края. 3. Отдельные исторические труды, брошюры и монографии членов комитета. 4. «Обзоры губернии», прилагаемые к ежегодному отчету губернатора и различные статистические издания, представляемые в МВД, регулярный «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», в которых размещались материалы собранные в ходе «обязательных» работ комитета. Это официальные данные. 5. Отдельные статьи членов комитета, помещаемые на страницах «неофициальной части» «Ставропольских губернских ведомостей», «Кубанских областных ведомостей», «Кубанском сборнике» и других северокавказских периодических изданиях. 6. «Памятные книжки» и ««Адрес-календарь и торгово-промышленная справочная книжка Ставропольской губернии».

Большинство изданий Ставропольского комитета имели историко-краеведческий характер, в них помещались работы местных историков, археологов, этнографов. Малый тираж изданий был характерен трудов подобных учреждений во второй половине XIX в. и поэтому сегодня порой они представляют библиографическую редкость. Благодаря трудам и заботам И.В.Бентковского Ставропольский комитет издал шесть выпусков «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» (Вып. 5—10, 1873–1883). Отдельный выпуск № 6 «Сборника» был полностью составлен из его работ и посвящен истории края. Это богатейшие статистические данные по истории, экономике и демографии 665 населенных пунктов (городов, сел, станиц, хуторов, аулов) Ставропольской губернии (38). При участии И.В.Бентковского был подготовлен и проект издания «Памятной книжки Ставропольской губернии». В «Положении» 1860г. особо подчеркивалась польза издания «Памятных книжек губерний», как образец приводилось издание «Кавказского календаря», которое с каждым годом улучшалось и пополнялось «новыми рубриками, общеполезными и историческими сведениями, относящимися к Кавказу» (39). Выпуск первого номера «Памятной книжки» состоялся уже после смерти И.В.Бентковского, в 1893 году.

О широкой издательской работе комитета свидетельствует и перечень его изданий — каталог статей и монографической литературы (40). Публикация трудов членов комитета по местной тематике способствовала выполнению важной миссии — просвещению населения. Путем изучения истории местного края комитет содействовал проявлению интереса и любви к своей малой родине, к ее памятникам древности, приобщению широких народных масс к освоению исторического и культурного достояния России.

При комитете существовала и своя библиотека. Состав ее формировался из обязательного набора центральных изданий, ежегодно пополнялся трудами и изданиями самого комитета, научных обществ и учреждений, с которыми он обменивался изданиями. В 1883 году в библиотеке комитета насчитывалось 932 названия в числе 1763 книг по различным отраслям знания, в том числе и по истории, археологии и этнографии Северного Кавказа. Позже они составили основной фонд первой публичной городской библиотеки, устройством которой также занимался губернский статкомитет.

Анализ деятельности Ставропольского губернского статистического комитета позволяет говорить о консолидации вокруг него нескольких десятков историков-любителей, местных знатоков древностей и археологов, получивших возможность участвовать в научно-исторической, археологической и этнографической работе, издавать свои труды в «Сборниках» статистического комитета. В результате своей деятельности комитет оставил целые тома, единственные в своем роде, свидетельства исторического, археологического, этнографического, хронологического, экономического и демографического характера, которые никогда не потеряют своего значения в истории Ставрополья, всего Северного Кавказа. Богатейший фактический мате-

риал, содержащийся в них, их источниковедческий характер и научная добросовестность, помогают нам сегодня глубже понять и осмыслить особенности развития Северного Кавказа, процесс его научного изучения. Значительная роль в этом принадлежит ученому секретарю Ставропольского губернского статистического комитета — И.В.Бентковскому. Его поистине подвижническая деятельность на ниве краеведения была высоко оценена современниками. «Неутомимый местный историк, этнограф Иосиф Викентьевич Бентковский принадлежит к числу наиболее выдающихся секретарей статистических комитетов, — писал о нем библиограф Б.М.Городецкий, – этих скромных, но бесценных работников, невидными трудами которых создается трудное дело русского родиноведения...».

Умер Иосиф Викентьевич Бентковский 15 августа 1890 года и был похоронен на Успенском кладбище Ставрополя. Он прожил долгую и интересную жизнь. Многочисленные и разносторонние труды И.В.Бентковского, его научная добросовестность, скрупулезность в работе с источниками, умение мастерски и в занимательной форме познакомить современников с историей края снискали ему признание и любовь ставропольцев. Справедливо было отмечено в одном из некрологов, посвященных И.В.Бентковскому «...пришел он в наш край чужим, а умер одним из самых близких ему людей. И если бы родные дети этого края делали для него хотя бы небольшую долю того, что сделал чужой человек, мы могли бы быть спокойными за будущность края» (41).

Примечания:

1. Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. — М., 2003. — С. 12.
2. РГИА Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310. Л. 47.
3. ГАСК Ф. 80. Оп. 1.Д. 1. Л. 630б.
4. РГИА Ф. 1268. Оп. 10. Д. 168. Л. 19.; 1290. Оп. 2. Д. 212.Л. 183, 192, 291, 299, 303.
5. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В.Бентковского // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Ставрополь, 1909. — Т. 2. — С. 18.
6. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). — СПб., 1892. — Т. 3. — С. 12.
7. Прозрителев Г.Н. Указ. соч.; Госданкер В.В. Историк-кавказовед И.В.Бентковский (1812—1890) (Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности) // Материалы по изучению Ставропольского края. — Вып. 14. — Ставрополь, 1976. — С. 222—251 (Библиогаф. его трудов с. 243–251); Он же. «...Весь вылился в своих трудах» // Северо-Кавказский регион (Информационно-аналитический вестник представительства Президента Российской Федерации). — 1999. — № 1(5). — Февраль. — С. 74—75.
8. Городецкий Б.М. Кто и как изучал Кубанскую область: Докл., прочитанный на годовом собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 10 февр. 1912 г. // Изв. Общества любителей изучения Куб. области. – Екатеринодар, 1912. — Вып. V. — С. 7—24 (16—17).
9. Бентковский Иосиф Викентьевич, статистик и этнограф // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. — СПб., 1892. — Т. 3. — С. 12—16. Список лит.: С. 13—16.
10. Абрамов Я. И.В.Бентковский: Некролог // Северный Кавказ. — 1890. — № 66; Бентковский Иосиф Викентьевич: Некролог //Куб. обл. ведомости. — 1890. — № 35; Загурский Л.П. И.В.Бенковский: Некролог //Кавказский календарь на 1891 год. – Тифлис, 1890. — С. 1—5. (Отд. 1).
11. По поводу предстоящего десятилетнего юбилея ученой деятельности И.В.Бентковского // Куб. обл. ведомости. — 1881. — № 46; Адрес И.В.Бентковскому по случаю десятилетнего юбилея его ученой деятельности // Куб. обл. ведомости. — 1881. — № 48; Водолажская В. У истоков краеведения // Ставроп. правда. — 1985. — 14 июля; Станько А.И. «Северный Кавказ» о И.В.Бентковском // Вестник МГУ. Сер. Журналистика. — 1990. — № 3. — С. 86–87; Фунтикова Т.И. И.В. Бентковский. К 100-летию со дня смерти //Ставроп. правда. — 1990. — 28 авг.
12. Ерохина Ю.М. Личность и публицистика И.В.Бентковского. – Ростов-на-Дону, 1997; Самольянова Ю.А. Какой редактор – такая и газета. Неофициальная часть «Ставропольских губернских ведомостей» в период расцвета (1875–1882 гг.) // Ставропольская журналистика: история и современность: Материалы конференции. – Ставрополь, 2004. – С. 121–126.
13. Библиографический указатель [статей, монографий И.В.Бентковского] // Ставроп. губ. ведомости. — 1881. — № 45; Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В.Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1858 по 1888 г. //Труды Ставропольской архивной комиссии. — Ставрополь, 1910. — Вып. 2. — Отд. 5. — С. 1—10.
14. Памятные даты Ставропольского края на 1992 год. Библиографический указатель литературы. – Ставрополь, 1991. — С. 55—71. (Библиогаф. трудов С. 57—71.); Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. – Ставрополь, 1997. — С. 57—69. (Библиогаф. трудов С. 58—69.)
15. ГАСК. Ф. 322.
16. Там же. Ф. 80, 198.
17. СГКМ. Ф. 2. Ед. хр. 4, 13.
18. РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 982. Л.1—2.
19. РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212. Л.469—480.
20. И. Фон дер Ховен. Мое знакомство с декабристами и другими замечательными личностями, служившими рядовыми в Кавказских войсках в 1835—1836 гг. // Древняя и новая России. – СПб., 1877. — Т. II. — С. 222.
21. Венгеров С.А. Указ. соч. С. 12.
22. РГИА.Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212. Л. 471. Карта хранится в картографическом фонде Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве. № 27.
23. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1869. — Вып. II. — С. 31.
24. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. — М., 1902. — Т. 1. — С. 128.
25. РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.
26. РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 12. Л. 1—8, 11—14.
27. СГКМ. Ф. 2. оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 8—9.
28. Ставропольский губернский статистический комитет: Первое XXV-летие с 1858 по 1883 г.: Доклад... — Ставрополь, 1883.

29. Городецкий Б.М. Кто и как изучал Кубанскую область //Изв. Общества любителей изучения Куб. обл. – Екатеринодар, 1912. Вып. 5. С. 17.

30. О «Неофициальной части» Ставропольских губернских ведомостей подробнее см.: Самольянова Ю.А. Указ. соч.

31. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4.

32. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1. Л. 32, 56.

33. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2425, 2483, 2544; СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 131.

34. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. оп. 1. Д. 27, 1862. Л. 1, 9—10, 13; Д. 8, 1864.

35. ГАСК. Ф. 188. оп. 37. Д. 19. Л. 2—3.

36. Там же. Д. 80. Оп. 1. Д. 65; Д. 95. Л. 2.

37. РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 855. Л. 1, 2, 26.

38. Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1874. (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета; Вып. 6).

39. РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д.212. Л. 183.

40. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 195.

41. И.В.Бентковский. Некролог // Северный Кавказ. 1890. № 66.

Историк-краевед на грани эпох: Григорий Николаевич Прозрителев

> *...в лице Г.Н. Прозрителева мы имеем одного из лучших представителей славной плеяды бескорыстных культурных работников русской провинции, которые преодолевая многочисленные трудности, в обстановке косности и безразличия, забывая о личных нуждах и интересах, отдавали все свои силы великому делу знания и культуры...*

Среди исследователей Северного Кавказа второй половины XIX в. – первой трети XX в., оставивших заметный след в истории края, одно из почетных мест принадлежит Григорию Николаевичу Прозрителеву (1849—1933) – ученому, археологу, этнографу, историку, краеведу, архивисту, археографу, музейному работнику, просветителю, видному общественному деятелю. Обладая беззаветной преданностью делу, кипучей энергией и целеустремленностью, благодаря увлеченным занятиям по изучению архивных документов и памятников древности, он стал известным археологом и архивистом Северного Кавказа. Он был представителем поколения разночинцев-просветителей, сумевшим не только выявить исторические источники, но и организовать работу по их изучению, создать организации и общества, которые взяли на себя разработку исторических и историографических проблем. Всю свою жизнь он собирал и хранил историю родного края.

Талантливый человек с чистой и светлой душой он олицетворял собой лучшие традиции российской интеллигенции. Его долгая и плодотворная жизнь – пример судьбы русского интеллигента конца XIX – начала XX века, подвижника, борца, которая заслуживает внимательного рассмотрения и изучения. К сожалению, она слабо освещена в исторической литературе, несмотря на то, что сохранилась хорошая источниковая база. Это, прежде всего документы из личного фонда Г.Н.Прозрителева, хранящиеся в архиве Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве (1), архив Ставропольской ученой архивной комиссии(2), Ставропольского музея Северного Кавказа (3), основателем и создателем которых являлся Г.Н.Прозрителев, архивный фонд Ставропольского губернского статистического комитета (4), в котором он работал, отдельные документы о его жизни и деятельности, находящиеся в различных архивах страны (5). А так же многочисленные труды историка-краеведа вышедшие отдельными изданиями, помещенные в сборниках, сохранившиеся в рукописях (6).

При жизни ученого о нем выходили небольшие юбилейные заметки в местной периодической печати по случаю различных юбилеев и дат (7). После смерти – несколько некрологов, которые нельзя считать историографическими статьями, но они содержат достаточно полный обзор его деятельности и точную оценку вклада ученого в историческую науку, данную современниками (8). Затем наступил почти 50-летний период забвения имени ученого. Судьба, которая постигла многих бескорыстных тружеников науки, неутомимых собирателей и краеведов. Изменения государственной политики в отношении краеведения в начале 1930-х годов привело к ослаблению связи между наукой и краеведением, к закрытию большинства краеведческих обществ, к забвению не только имен краеведов, но и краеведения. В период 1930—50 годов краеведение вообще выпадает из круга интересов историков и из предмета исследования историографии. Созданные в провинции в конце XIX – начале XX вв. исторические, этнографические, археологические труды, собранный богатейший источниковый и краеведческий материал оказались в основном невостребованными в исторической науке XX столетия.

Оживление интереса к краеведческой тематике произошло в начале 1960-х годов. На страницах местной периодической печати стали появляться отдельные публикации об общественной деятельности Г.Н.Прозрителева, имя его упоминалось в Календаре памятных дат по Ставропольскому краю на 1964 год. Расширение тематики и проблематики историко-краеведческих исследований в 1980-90-е годы, появление краеведческой литературы постепенно привело к изменению исследовательского интереса, повышению внимания к научному наследию провинциальных историков и краеведов. В начале 1990-х годов в связи с присвоением Г.Н.Прозрителеву звания «Почетный гражданин города Ставрополя» в местной периодической печати появился ряд статей, раскрывающие различные грани таланта этого удивительного человека. К 150-летию со дня рождения краеведа вышли статьи Н.А.Охонько и В.В.Белоконь, посвященные его жизни и деятельности (9). К 155-летию известного северокавказского ученого-краеведа, музейного и общественного деятеля на базе Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве состоялась научно-практическая конференция «Первые музейно-краеведческие Прозрителевские чтения»,

основная часть докладов которой была посвящена непосредственно разносторонней деятельности Г.Н.Прозрителева (10). Среди них доклады А.В.Ашихминой, Т.А.Булыгиной, А.В.Дронова, И.В.Нахаевой, И.В.Отюцкого, Н.А.Охонько, С.Н.Савенко, О.В.Сокол, Л.В.Яцуковой.

Григорий Николаевич Прозрителев родился 4(16) марта 1849 года в Ставрополе в семье безземельного служилого дворянина. Его отец – Николай Григорьевич до 1855 года служил секретарем Ставропольской городской думы, был инициатором и устроителем бесплатных обедов для бедных. Затем до 1861 года служил в Хасавюрте, позже в Ейске следственным приставом городской полиции и к 1868 году имел чин коллежского асессора. Мать – Евдокия Алексеевна всю жизнь занималась благотворительностью, состояла в женском благотворительном обществе Святой Александры.

Пример родителей, их благотворительность и милосердие, оказал решающее влияние на формирование личности Григория. Всю его жизнь отличала многогранная благотворительная и

Ставропольская ученая архивная комиссия. Фото 1915 года

просветительская деятельность. Его имя часто значилось в числе жертвователей на различные благотворительные цели. Он был активным членом разнообразных благотворительных обществ: Ставропольского общества грамотности, Общества народного образования, Общества Красного Креста и помощи бедным, Общества по устройству народных лекций, Общества по борьбе с пьянством, Общества помощи бедным, Общества содействия воспитанию и защиты детей, Общества покровительства животным, Общества охоты, Общества велосипедного спорта, состоял в Союзе культурно-просветительских и благотворительных обществ Ставрополя. По его инициативе в Ставрополе были открыты ночлежные дома для беспризорных детей, дома для беспомощных, при которых были созданы мастерские, где обучали переплетному и столярному делу. Во время эпидемии тифа и холеры в 1886 году на Северном Кавказе он инициировал создание комитетов для борьбы с болезнями и голодом, организовал сбор пожертвований. При его участии была открыта бесплатная столовая в колокольне Кафедрального собора Ставрополя, где до 300 человек ежедневно получали горячий обед. В годы Первой мировой войны Г.Н.Прозрителев возглавил комитет помощи беженцам из Закавказья, помогал им благоустраиваться на новом месте и защищал их права.

Чем бы он ни занимался, он всегда оставался человеком, несущим свет и знания, истинным просветителем. Переселившись в Ставрополь в 1880 году он в течение десяти лет преподавал французский язык, математику и физику в Ставропольской духовной семинарии. Позже, уже в советский период он читал лекции по сельскому хозяйству и ветеринарии в совпартшколе, по археологии и этнографии – в педагогическом техникуме, по ветеринарии – красноармейцам Кавдивизии, по краеведению – во всех школах 1 и 2 ступени, в железнодорожной школе для взрослых, по истории края и Ставрополя – учителям школ. Ему постоянно нужно было быть среди людей, привлекать их на свою сторону, рассказывать обо всем, что знал сам о родном городе и крае. В 1898 году на его личные средства была создана труппа любителей Народного театра для населения окраин, в спектаклях которого часто играл он и сам. Понимая важность просвещения народа, он содействовал открытию в 1899 году первой общедоступной (публичной) библиотеки в Ставрополе им. В.Г.Белинского, предоставив для нее свой дом по Гимназической улице. При его участии был создан городской музыкальный кружок, распорядителем которого он долгое время являлся. Г.Н.Прозрителев сам прекрасно пел в церковном хоре, будучи глубоко верующим человеком. Милосердие – вот основное, что двигало им при создании благотворительных обществ, было главным в его жизни и деятельности.

Получив прекрасное домашнее образование, Григорий Прозрителев поступил в Кубанскую войсковую гимназию в г. Ейске. В 60-е годы XIX в. она считалась одним из лучших учебных заведений Северного Кавказа, отличавшимся, по оценкам современников, высоким качеством и уровнем образования. После ее окончания, в 1868 году, он становится студентом юридического факультета Петербургского государственного университета. Вскоре переводится в Московский университет, который заканчивает в 1873 году.

Студенческие годы Г.Н. Прозрителева совпали с подъемом революционного движения в России. Идеи народничества, широко распространенные в 60-70-х годы XIX в., нашли у него отклик. В это время четко обозначается и формируется его активная гражданская позиция. Он участвовал в студенческих кружках, в тайных сходках, занимался пропагандистской деятельностью. В среде народовольцев был известен под псевдонимом «Назаренко». Был близко знаком с известными народниками Андрианом и Александром Михайловыми. В 1874 году даже привлекался к допросу по Долгушинскому делу, однако суда удалось избежать. Он смог уехать за границу в качестве домашнего учителя дочерей тайного советника генерала Н.И.Свечина. Получить престижное место, у сановника такого ранга ему помогли не только хорошие рекомендации, но и ум, превосходное образование, дворянское происхождение, хорошее воспитание и манеры, а также великолепные способности педагога и опыт частных уроков, кото-

рые он давал, еще обучаясь в университете. В ходе путешествия по Европе, которое продолжалось до 1876 года, он познакомился с революционной эмиграцией Франции, Швейцарии, Германии. В агентурных сведениях департамента полиции России отмечалось, что Г.Н.Прозрителев неоднократно посещал Женеву и нелегально приезжал в Россию.

По возвращению из-за границы Г.Н.Прозрителев продолжает вести пропагандистскую и просветительскую работу, «ходит в народ» – сначала в Моздоке, позже во Владикавказе. Его не раз привлекали к дознанию: в 1876 году по поводу обнаружения в станице Уманской Кубанской области «запрещенных книг» и «прокламаций», которые как установило следствие, принадлежали Г.Н.Прозрителеву и были привезены им во время нелегального пребывания у сестры Елены Беспаловой; в 1877 году при задержании у него были обнаружены «стихи преступного содержания».

В 1878 году вместе с А.Н.Можаровой он поселился в станице Павловской (Старопавловская, позже Новопавловская Терской области), где открыл «мелочную лавку» и занялся просвещением и пропагандой революционных идей в среде местных казаков. «Хождение в народ» закончилось для Г.Н.Прозрителева арестом 26 июня 1880 года и препровождением в Ставропольский тюремный замок, где он содержался в течение месяца как «политический преступник». В июле того же года он был освобожден, но вплоть до мая 1898 года находился под «строгим негласным надзором» (11). В течение 1880-х годов Г.Н.Прозрителев еще поддерживал связь с «политически неблагонадежными лицами», народовольцами, позже совсем отошел от политической борьбы. В 1920-х годах, в одной из анкет на вопрос «политические убеждения до 1917 года» он напишет: «...прогрессивного образа мыслей с революционно-демократической тенденцией. Ни в каких партиях не состоял» (12).

С 1881 года Г.Н.Прозрителев начал служить в Ставропольском окружном суде, сначала кандидатом на судебные должности, а с июня 1882 года – в чине губернского секретаря. В августе 1882 года он стал помощником присяжного поверенного Д.И.Евсеева. Впоследствии, до 1916 года, он занимал должность присяжного поверенного (адвоката) Тифлисской и Новочеркасской судебных палат Ставропольского окружного суда. Должность эта давала возможность ближе знакомиться с бытом, культурой и историей народов Северного Кавказа, особенно инородцев (калмыков, ногайцев, туркмен), чьими делами он в основном занимался. В ходе служебных поездок он знакомился с археологическими памятниками, собирал коллекции археологических и палеонтологических находок, холодного оружия, которые впоследствии легли в основу созданного им музея Северного Кавказа. Постепенно краеведческие изыскания стали основными в научно-исследовательской деятельности Г.Н.Прозрителева. Несмотря на это, он продолжал выполнять служебные обязанности, вести большую общественную и культурно-просветительскую работу.

В 1884 году по его инициативе и участии выходит первая частная газета на Северном Кавказе – «Северный Кавказ», пользующаяся большой популярностью среди читателей. Это общественно-политическая газета сыграла важную роль в становлении периодической печати в регионе в дореволюционный период. Она правда, не пользовалась благосклонностью местных властей. «Газета «Северный Кавказ» скорее может быть отнесена к числу бесполезных, если не вредных органов для местной власти», — писал в начале XX в. в главное управление по делам печати ставропольский губернатор. Такую оценку он объясняя тем, что личный состав редакции, куда входил и Г.Н.Прозрителев представлял собой «центр скопища лиц, заведомо неблагонадежных в политическом отношении». В газете работал и печатался известный осетинский поэт и просветитель К.Л. Хетагуров. В декабре 1907 года в Ставрополе стала выходить первая большая ежедневная общественно-политическая и литературная «Северо-Кавказская газета», продолжившая дело «Северного Кавказа». Редактором и издателем ее также являлся Г.Н.Прозрителев.

В 1880-е годы Г.Н.Прозрителев познакомился с секретарем губернского статистического комитета, известным исследователем Северного Кавказа И.В.Бентковским и историком казачества, историографом И.Д. Попко, под влиянием которых он начинает серьезно заниматься историей края, источниками по ее изучению. Краеведение и сохранение историко-культурного наследия стало смыслом и делом всей его последующей жизни. При нем, и во многом благодаря ему, оно сложилось в движение единомышленников, в специфическую форму научной деятельности, направленную на всестороннее изучение Северного Кавказа.

В 1898 году при участии Г.Н.Прозрителева Общество содействия воспитанию и защиты детей, организовало выставку «разных предметов старины, а также экспонатов естественно-исторического характера», имевшую большой успех у публики. Выставка явилась первым шагом в становлении музейного дела на Ставрополье и Северном Кавказе, прообразом будущего краеведческого музея.

В феврале 1905 года Г.Н.Прозрителев был избран членом Ставропольского губернского статистического комитета, являющегося «объединением всех местных работников, занимающихся изучением своего края» и, таким образом, играющего «роль краеведческого общества» (13). Статистику в тот период понимали как науку об обществе в целом, что позволяло относить в разряд статистических работ исследования по истории, археологии, этнографии, географии. Подредакцией Г.Н.Прозрителева вышло 10 томов периодического издания Ставропольского статкомитета – «Сборника сведений о Северном Кавказе» (1906—1920). Материалы, помещенные в них — единственные в своем роде свидетельства исторического, археологического, этнографического, хронологического, экономического, демографического характера, которые никогда не потеряют своего значения в истории Северного Кавказа.

Г.Н.Прозрителев был инициатором, создателем и председателем Ставропольской ученой архивной комиссии (СУАК). При его активном участии на заседаниях Ставропольского статкомитета вновь стал активно обсуждаться вопрос о ее создании. Необходимость учреждения архивной комиссии назрела давно. Ставропольская губерния имела богатейшие архивы, оставленные различными учреждениями и органами управления

краем, возникшими в период заселения и освоения Северного Кавказа. Первые из них появились еще в конце XVIII в. и уже к середине XIX в. были переполнены материалами и требовали разбора. Положение архивов было крайне неудовлетворительным. За их состоянием никто не следил, большая часть из них не имела даже собственного помещения, в результате чего ценнейшие источники по истории края гибли. Чтобы избавиться от «лишних» бумаг и документов, создавались различные специальные «комиссии для разбора древних актов», которые просто списывали большую часть документов к уничтожению. В 1886 году «ученые мужи» одной из таких комиссий умудрились за несколько часов просмотреть 10—15 тысяч дел, «обрекая на уничтожение почти весь, весьма ценный Губернский архив».

В 1900 году Императорское Московское археологическое общество и его Археографическая комиссия проводили анкетирование существующих в империи архивов. Материалы по Кавказу дали печальную картину состояния архивов Ставропольской губернии (14). Необходимость спасения документального наследия, желание с ним работать приводили передовую интеллигенцию к пониманию необходимости создания специального учреждения, которое занималось бы данными вопросами.

На заседаниях Ставропольского губернского статистического комитета, 8 апреля, 16 июля, 19 августа 1905 года были заслушаны доклады Г.Н.Прозрителева, А.С.Собриевского, Н.И.Успенского, Н.И.Чененского о необходимости образования губернской архивной комиссии и устройстве губернского исторического архива, подписано ходатайство. Ответ МВД, в котором прошение статистического комитета было удовлетворено, пришел 30 ноября 1905 года (15).

Первое заседание комиссии состоялось 17 февраля 1906 года. С этого дня ведет отсчет история архивного дела в крае. На этом заседании и был избран председателем городской нотариус, присяжный поверенный Григорий Николаевич Прозрителев. Он практически бессменно возглавлял ее до 1920 года. Лишь непродолжительный период, с мая 1916 года по июнь 1919 года комиссией руководил С.Н.Костямин, в связи с назначением в 1916 году Г.Н.Прозрителева председателем Кавказской Археографической комиссии в Тифлисе. Однако, события военного времени не позволили ему осуществить исполнение обязанностей в новом статусе (16).

Изучение журналов заседаний и отчетов СУАК показывает, что в ее составе работали действительно преданные своему делу люди, любящие свой край, серьезно занимающиеся историей и краеведением. В основном это были представители местной интеллигенции: историки, археологи, учителя, адвокаты, врачи, чиновники и служащие. Проанализировав личный состав членов СУАК, можно увидеть, что большинство из них ранее уже работало в научных учреждениях и краеведческих обществах Северного Кавказа, имело опыт научно-исследовательской деятельности, что, несомненно, способствовало плодотворной деятельности комиссии. Важным моментом было сотрудничество комиссии со столичными учеными, центральными и провинциальными археологическими и историческими обществами, а также тесная связь с другими комиссиями. Это выражалось в регулярном обмене печатными изданиями, переписке, обмене опытом.

В деятельности СУАК можно выделить несколько направлений: археографическое, научно-исследовательское, археологическое, музейное, библиотечное, издательское. При рассмотрении любой стороны деятельности комиссии следует помнить, что оставленное большое историческое наследие комиссии является итогом коллективных усилий ее членов, местных исследователей и краеведов.

На первом же заседании Г.Н.Прозрителев сделал доклад о состоянии Ставропольских архивов, в котором определил задачи и основные сферы деятельности – установление контроля за состоянием местных архивов, их разборка и научная обработка, спасение памятников и популяризация историко-краеведческих знаний.

Являясь первой по времени своего возникновения на Северном Кавказе, СУАК вынуждена была обслуживать весь регион и даже часть Закавказья, что по мнению Г.Н.Прозрителева, поставило комиссию в «исключительные условия». Ведь требовалось разобрать огромное количество дел, накопленных с конца XVIII – начала XIX века. К примеру, только в одном архиве Губернского правления в Ставрополе на 1905 год числилось 240 тысяч дел, а всего в архивах губернии хранилось свыше 1 миллиона дел (17). И все эти дела необходимо было разобрать, обработать, составить описи. Работы проводились согласно составленной Г.Н.Прозрителевым «Программы обследования местных архивов», которая была разослана во все уезды и волости губернии. По заполненным анкетам-вопросникам была составлена общая картина состояния архивного дела в губернии и намечены направления работы по систематизации и описанию дел. Однако сложная и важная работа по созданию исторического архива и разбору документов затруднялась крайне ограниченными материальными средствами комиссии.

Заслугой Ставропольской губернской архивной комиссии в развитии отечественной науки явилась ее деятельность по сбору и спасению от гибели письменных источников. Впервые комиссия предприняла решительные меры по сохранению историко-культурного наследия, поставив на научную основу развитие архивного дела в губернии. И в этом была большая заслуга ее председателя. На заседаниях комиссии постоянно ставились и обсуждались вопросы о поиске и публикации источников по местной истории. Были разобраны и описаны частные архивы генерал-лейтенанта И.Д.Попко и наместника Кавказского князя М.С.Воронцова, начато формирование археологического архива, содержащего 200 тысяч старых дел (18).

Вопросы сохранения многочисленных архивов губернии интересовали членов комиссии и имели основное значение в их работе. Продолжала функционировать особая архивная комиссия по разбору и уничтожению старых дел. Несмотря на то, что по закону от 25 ноября 1896 года в состав особой комиссии был введен член «местного ученого учреждения по археографии или археологии», в этом как считал Г.Н.Прозрителев, «нельзя было видеть достаточной гарантии спасения ценных исторических источников». Единственное спасение документов он видел в создании «Центрального исторического губернского архива», созданием которого и занималась комис-

сия. В 1911 году ставропольским губернатором была учреждена еще одна особая комиссия «для разбора губернского архива», председателем которой был назначен Г.Н.Прозрителев. Это, по мнению членов комиссии, служило «гарантией того, что дела, имеющие исторический интерес не погибнут».

В 1914 году в Петрограде проходил съезд представителей губернских архивных комиссий. Ставропольскую архивную комиссию на съезде представлял Г.Н.Прозрителев. Съезд признал за провинциальными архивами первостепенное научное значение, как хранящими ценные исторические материалы. На нем были обсуждены вопросы хранения документов в архивах местных учреждений, намечен ряд конкретных мер по охране письменных источников, дано поручение губернским комиссиям заняться разработкой специальных инструкций о порядке привоза, хранения и разбора архивных дел. Особое значение имело решение о создании при каждой комиссии губернского исторического архива. Уже 15 февраля 1915 года на заседании Ставропольской архивной комиссии были обсуждены разработанные Г.Н.Прозрителевым «Инструкция о привозе и хранении старых дел» и «Инструкция для разбора старых дел», в основу которых был положен многолетний опыт работы и наработанные приемы обращения с архивным материалом. Работа членов Ставропольской комиссии была тесно связана с археографической деятельностью, с постоянным поиском и разработкой новых приемов и методов. Благодаря их деятельности Государственный архив Ставропольского края имеет сегодня одно из богатейших на Северном Кавказе собрание дореволюционных документов.

На заседаниях комиссии не раз были отмечены заслуги «за внимание к архивному материалу и сознательному охранению его» председателя архивной комиссии Г.Н.Прозрителева. Так, однажды среди старых бумаг, предназначенных к уничтожению, им были обнаружены и спасены документы, касающиеся дела о погребении М.Ю.Лермонтова. За многолетнюю и плодотворную работу по спасению и сохранению архивных материалов, в 1913 году он был награжден орденом Станислава III степени (19). Его часто приглашали для обследования различных архивов Кавказской области. Он был избран почетным членом ряда губернских ученых архивных комиссий, членом Московского Археологического института, Кавказского отделения Русского географического общества и многих других. Сегодня можно критически относится к применяемой им методике архивной работы, по многим теоретическим вопросам можно спорить, но ясно одно, и это показало время, что применяемый им комплексный, системный, исторический подход был единственно верным и правильным. Большое внимание он уделял вопросам научной разработки документов, организации их использования и популяризации архивных источников, во многом опережая свое время. Написанные им с болью в сердце, почти сто лет назад, слова, как никогда, актуальны и сегодня: «К сожалению, на архивы у нас мало обращается внимания и не ценится драгоценный материал, который в них содержится… Давно пора заняться упорядочением архивов и не скупиться в средствах на разработку их, так как в них ключ к уразумению многих явлений нашей современной жизни» (20).

Начав со сбора и упорядочения архивных документов, СУАК со временем превратилась в краеведческое общество, во многом определявшее направления и характер историко-краеведческих исследований в регионе. Научные интересы ее членов охватывали широкий спектр проблем местной истории. Изучение края велось на основе комплексного использования источников (письменных, археологических, этнографических). Журналы заседаний комиссии дают возможность выявить тематику обсуждавшихся вопросов, рефератов и докладов, позволяют проанализировать их содержательную сторону, увидеть, что основной была краеведческая тематика. Шла постоянная, кропотливая работа по формированию значительных по объему и уникальных по содержанию комплексов архивных и опубликованных документов по истории родного края.

Особое внимание уделяли истории заселения региона с конца XVIII века, истории основания и развития Ставрополя. Труды по истории края носили характер исследования-очерка и были научно-популярными, доступными для понимания простым людям. Члены СУАК стремились выработать у народа сознательное и добросовестное отношение к историческому опыту, привить любовь к родному краю и его истории. Это было, по их мнению, главным условием формирования национального самосознания. Исторический опыт должен был лежать в основе строительства современной жизни. Практическая значимость научных занятий заключалась в духовной связи современности с историческим опытом прошлого. Именно этому были посвящены многочисленные работы Г.Н.Прозрителева по истории, археологии и этнографии края, которых насчитывается более 200. Его обширное творческое наследие представлено не только опубликованными изданиями, но и рукописями, многие из которых еще ждут своих исследователей и читателей. Их отличает разнообразие, по сути, энциклопедический охват тем, оригинальность и стиль изложения, научный подход к работе с источниками. Среди них «Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях», «Путеводитель по Ставрополю (на Кавказе) и его окрестностям: Краткие исторические сведения», «Материалы для истории Ставрополя и Ставропольской губернии» «Первые русские поселения на Северном Кавказе», «О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войну 1812 года», «Шамиль в Ставрополе», «Шейх Мансур: К истории Кавказской войны», «К истории раскола и сектанства на Кавказе», «Древние Тебердинские могильники», «Развалины древнего хазарского города Мажары близ селения Прасковея Ставропольской губернии на реке Куме», «Архивы Ставропольской губернии», «Кавказские архивы», «Непростительная небрежность: По вопросу охраны памятников старины», «Необходимость борьбы против пьянства», «Как мы пьем и живем», «Земельный вопрос» и др.

Каждая губернская архивная комиссия имела черты неповторимости, так как объектом изучения был особый регион, с его природно-климатическими, историческими и экономическими особенностями, спецификой народонаселения, сохранностью источников и наконец способностями тех

людей, которые в них работали. Имела свою специфику и СУАК, которая выражалась в этнографических и археологических исследованиях. Это было связано со спецификой региона. Северный Кавказ – регион богатый археологическими памятниками, край где и сегодня проживают многочисленные народы и народности, имеющие свою неповторимую историю и культуру. Изучение их образа жизни, повседневности, быта и являлось по мнению Г.Н.Прозрителева важнейшим в деятельности комиссии. Комиссия организовывала этнографические экспедиции и командировки своих членов в уезды, аулы, села, станицы для сбора этнографических материалов. Результаты поисковой работы заслушивались на заседаниях, печатались на страницах периодического издания, выходящего под редакцией Г.Н.Прозрителева – «Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии» в разделах «Статьи по этнографии», «Статьи по истории края» и др. Всего за период 1910—1916 годов было издано 8 выпусков. Здесь помещались архивные документы, очерки и воспоминания старожилов. Все это способствовало популяризации исторических знаний, пробуждало интерес к истории родного края, способствовало развитию исторического краеведения. На станицах «Трудов» впервые была опубликована и анкета-обращение к местной общественности с просьбой заняться сбором сведений и составлением описаний местностей и народов, их образа жизни по специально предложенной программе, автором которой был член комиссии С.В.Фарфоровский.

Особенно активизировалось это направление в дельности комиссии в связи с созданием музея Северного Кавказа и поставленной задачей – начать сбор этнографического материала, экспонатов, отражающих жизнь региона, культуру различных народов, для создания при музее этнографического отдела. Интерес представляла прежде всего культура кочевых народов: туркмен, ногайцев, калмыков. Финансовую помощь оказал Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии А.П.Польский. Внимание было обращено не только на их историю, но и на их современный быт, духовную культуру, религию. На основе изучения многочисленного архивного и этнографического материала Г.Н.Прозрителев пишет свои известные работы «Военное прошлое наших калмыков» и «Очерки о быте калмыков». За заслуги в деле изучения истории калмыков, их образа жизни, популяризацию знаний о них Г.Н.Прозрителеву была выражена письменная благодарность и признательность и присвоено звание «Почетного гражданина Большедербетовского улуса».

В итоге в этнографическом отделе музея были представлены богатейшие коллекции о жизни и быте калмыков, их верованиях. В Петербурге были изготовлены специальные манекены, которые были облачены в калмыцкие национальные костюмы. Здесь же были представлены собранные войлоки, деревянная и кожаная посуда, курительные трубки. Отдельно были изготовлены макеты юрт «тер». Все это давало возможность образно представить образ жизни и занятия калмыков. Интерес представлял и храмовый (хурульный) комплекс с культовыми предметами, собранными в настоящих буддийских храмах. В 1913 году в составе большой этнографической коллекции, экспонаты по истории калмыков были представлены на Всероссийской выставке в Тифлисе, где пользовались большой популярностью у зрителей и специалистов. Сегодня итогом «собирательской» деятельности членов комиссии являются богатейшие этнографические коллекции Ставропольского краеведческого музея, которые весьма разнообразны и позволяют воссоздать историю и быт народов, населяющих в прошлом Ставропольские степи. В настоящее время все эти экспонаты, представляющие большую ценность и научный интерес, экспонируются в выставочном зале «Культура и быт народов Ставрополья». Дополнением к ним служат документы, архивные дела, фотоальбомы, рисунки бережно собранные членами архивной комиссии и хранящиеся в фондах Ставропольского краеведческого музея и Государственного архива Ставропольского края.

Значительное внимание члены комиссии уделяли изучению древнейшего «доисторического» периода, главным источником по которому является археологический материал. Археологическими исследованиями и охраной памятников старины комиссия занималась вплоть до учреждения в 1920 году секции охраны памятников старины и в 1921 году Ставропольской этнолого-археологической комиссии (21). В конце XIX — начале XX века наблюдается общественный интерес к археологии, а с началом развития краеведения он превращается в одно из направлений исследовательской деятельности местных организаций, в том числе и губернских архивных комиссий.

Большую роль в развитии данного направления в деятельности комиссии сыграл Г.Н.Прозрителев. Его всегда интересовало археологическое прошлое края. В ходе многочисленных поездок по региону он собрал богатейшую коллекцию археологических предметов. Еще в конце XIX века он совершил первые выезды в села Летницкое и Саблинское, для обследования случайно «вскрытых» курганов, после чего это стало его постоянной заботой.

Охрана памятников древности было одним из самых сложных направлений в деятельности комиссии. Трудность заключалась, прежде всего, в огромном пространстве, которое занимала Ставропольская губерния, в силу чего невозможно было уследить за всеми памятниками, их сохранностью, а также оберегать их от разрушения и уничтожения. Свою пагубную роль играло невежество и неведение крестьян и казаков относительно значения находимых ими предметов древности, в силу чего многое выбрасывалось сразу же при обнаружении. Г.Н.Прозрителев не раз с горечью отмечал, что среди «местного населения совершенно отсутствует сознание необходимости охранять памятники прошлого». Археологические памятники часто разрушались и уничтожались в ходе хозяйственных и строительных работ. Особенно интенсивно этот процесс происходил в период заселения и освоения новых земель во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Но наибольший вред памятникам наносили «хищнические раскопки» кладоискателей. «Нигде нет такого количества кладоискателей, как на Кавказе, — отмечалось в отчете комиссии за 1914 год, — этих людей ничего не останавливает в их поисках, а отсутствие определенных указаний в законе и строгого наказания делает их совсем неустрашимыми» (22). Число кладоискателей увеличивалось с каждым годом,

несмотря на запреты, угрозы и указы правительства. Они искали золото и старинные монеты, а в итоге уничтожали памятники. Единственное спасание Г.Н.Прозрителев видел в проведении систематических научных археологических раскопках разрушаемых объектов. Но средств на проведение крупномасштабных раскопок у СУАК не было и предпринимались лишь выезды на места разрушения памятников, производился осмотр и сбор подъемного материала.

По вопросам охраны памятников Ставропольская архивная комиссия вела переписку с Археологической комиссией, сообщала о фактах кладоискательства и мерах по борьбе с ними и охране курганов на территории Ставропольской губернии, просила выдавать ей ежегодно «Открытые листы» на право производства раскопок в пределах Ставропольской губернии, Кубанской и Тверской областях (23). Сотрудничала комиссия и с местными северокавказскими научными обществами и музеями. Так, в 1913 году «спасательные» археологические раскопки в Нальчинском округе, проводились Г.Н.Прозрителевым совместно с попечителем Терского музея Г.А.Вертеповым и хранителем музея П.П.Распоповым. Найденные предметы были переданы на хранение в Терский областной музей.

В периодической печати отмечалось, что все интересующиеся сбором археологических предметов могут быть корреспондентами комиссии. Однако, увеличение числа неквалифицированных раскопок, заставило комиссию переориентировать добровольных помощников на сбор информации о памятниках. Комиссия вела постоянную работу по ознакомлению местной общественности с памятниками старины и древности, по сохранению и развитию исторических традиций. Самим Г.Н.Прозрителевым был написан ряд статей о роли и значении археологии, необходимости охраны памятников древности. Комиссия рассылала по уездам и волостям «вопросные листы», на предмет выявления памятников старины, археологических находок, особенно «каменных баб», находящихся у местных жителей. Для ряда археологических объектов в самом городе были заказаны металлические доски с надписями, что данный памятник охраняется государством.

Г.Н.Прозрителев не раз подчеркивал необходимость надзора за памятниками и принятии законодательных мер против кладоискателей, для изъятия у них предметов древности, а также вещей, случайно найденных при хозяйственных работах и имеющих историческую ценность. По его инициативе был организован контроль и надзор на местах за памятниками старины, «авший прекрасные результаты» Он предложил выбрать на местах сотрудников архивной комиссии, из числа местных жителей, которые должны следить за состоянием археологических объектов, охранять их от посягательств кладоискателей и немедленно сообщать в комиссию о фактах их разграбления и разрушения. В их обязанности также входило и проведение просветительной работы среди населения о ценности и научном значении памятников. Таким сотрудникам выдавались специальные удостоверения, подтверждающие их полномочия и разовое вознаграждение, в зависимости от ценности информации и находок. Сотрудниками комиссии были избраны: крестьянине Т.Д.Щегольков, А.С.Рыжков, учитель М.Севастьянов, служащий городской управы А.А.Соколов. В их обязанности входило составление краткого описания курганов, расположенных вокруг села, с указанием их состояния, а также покупка для комиссии случайных находок у населения, запись преданий и поверий о кладах, городищах. Они следили за ходом хозяйственных работ на землях своих селений, отправляли найденные вещи в архивную комиссию. Сотрудникам выдавались командировочные удостоверения, им разрешалось приобретать для комиссии находки и монеты (24). Они обладали широкими полномочиями. При содействии полиции, имели право воспрепятствовать незаконным раскопкам и отобрать найденные вещи. Деятельность их на местах способствовала разъяснению среди населения значения для исторической науки находимых предметов и это «живое общение и живое обучение действовало лучше всяких запретов и административных распоряжений».

В ежегодных отчетах СУАК в разделе «Археология. Раскопки» отмечалось, что из-за отсутствия финансов и специалистов-археологов систематических научных раскопок на территории губернии не проводилось, однако совершалось большое количество выездов членов комиссии на разрушаемые объекты по тревожным сигналам сотрудников и проведение спасательных работ. В своей археологической деятельности комиссия опиралась на научную и методическую помощь центра, прежде всего Московского археологического обществ, вело активную переписку и обмен изданиями с Императорской Археологической комиссией, с Императорским Русским историческим обществом. Важным направлением здесь был сбор археологических сведений и информации для центральных обществ и учреждений, путем распространения в губернии всевозможных анкет, вопросников, программ. Свою роль сыграли и Археологические съезды, которые объединяли и координировали научные исследования в провинции, были школой повышения научной квалификации провинциальных историков и археологов. На съездах результаты археологических исследований проходили научную апробацию, шло ознакомление с новой методикой изучения археологических памятников, устраивались археологические экскурсии и археологические выставки. Так, например, результаты совместных археологических работ Г.Н.Прозрителева и представителя Московского археологического общества В.А.Городцова были представлены на XIV Археологическом съезде, состоявшемся в 1909 году в Чернигове (25). На XV Археологическом съезде в Новгороде в 1911 году представителем Ставропольской архивной комиссии Л.Я.Апостоловым были зачитаны доклады Г.Н.Прозрителева по вопросам археологии Северного Кавказа (26). По итогам работы в 1916 году отчет Ставропольской архивной комиссии был представлен Императорским Русским историческим обществом Великому князю Николаю Михайловичу и получил высокую оценку. На продолжение «собирания и дальнейшей разработки памятников старины» СУАК было выделено единовременное пособие 2000 рублей.

Большим препятствием для археологических работ на Северном Кавказе являлось отсутствие сведений о месторасположении большинства памятников. Много времени уходило на поиски, что затрудняло проведение охранных мероприятий. Вот почему наряду с раскопками в круг занятий комиссии входил сбор первичной информации и составление археологической карты губернии. Члены комиссии под руководством Г.Н.Прозрителева начали заниматься сбором сведений, фиксацией и описанием памятников Ставропольской губернии. Ряд сведений о наличии в определенных частях губернии памятников археологии давали случайные находки, изучение местных преданий и легенд, данных письменных источников, а также сведения иностранных авторов об археологических памятниках Кавказа, сделанные в конце XVIII — начале XIX века. Результаты проведенных членами комиссии обследований, легли в основу составленной в 1926 году Г.Н.Прозрителевым Археологической карты Ставропольской губернии и пояснительной записки к ней (27).

С именем Г.Н.Прозрителева связано и изучение христианских храмов за Кубанью. С целью их осмотра он в 1909 году совершил поездку в Кубанскую область, осмотрел развалины древних построек древнехристианских памятников в долинах р. Большой и Малый Зеленчук, Бежгон, Кяфар, Теберда, Хумара, Марух. Результаты археологических исследований нашли отражение в его публикациях и статьях. Наиболее значительными археологическими исследованиями в этот период можно назвать работы под руководством Г.Н.Прозрителева на месте древнего города Маджар в 1906 году. Г.Н.Прозрителев собрал все известные сведения о маджарских находках и об истории изучения города, старые планы и чертежи, съемки землемерами территории развалин, описал надписи с надгробных плит и найденные находки, особенно монеты. Его постоянные поездки на место развалин Маджара, публикации, посвященные его истории и описанию его древностей, доклады, привели к тому, что данный памятник привлек к себе внимание столичных ученых. В 1907 году Г.Н.Прозрителев написал письмо председателю Московского археологического общества графине П.С.Уваровой, к которому приложил научный доклад об историческом значении Маджар и необходимости его систематического изучения. Вследствие этого, летом 1907 года на Маджары был командирован представитель Московского общества В.А.Городцов. Переписка Г.Н.Прозрителева и В.А.Городцова накануне экспедиции, дает возможность представить задачи, стоящие перед ней, этапы ее подготовки (28). Ход раскопок Маджара документировался в полевых дневниках, которые вместе с отчетом, фотографиями и рисунками были отправлены в Археологическую комиссию (29). Важнейшим результатом работ явились исследование погребений сарматской и золотоордынской эпох, остатков зданий XIV века, многочисленных монет, а также выяснение особенностей архитектуры Маджара. После этих работ был окончательно решен вопрос с определением принадлежности города к татаро-монгольской эпохе. Было признано, что это золотоордынский город, время расцвета которого падает на XIV век. Своеобразную летописную хронику экспедиции представляют личные дневники В.А.Городцова за 1906—1907 годы и 1907—1908 годы (30). Они показывают насколько сложна и трудна была работа археологов, как много проблем приходилось решать самостоятельно. Это было первым научным исследованием Маджар и единственными, в своем роде, вплоть до 1989 года. Самым важным был вывод, о том, что «Маджары в XIV веке являлись весьма крупным культурным центром всех тюркских народов, осевших в областях Северного Кавказа». В.А.Городцов первые предположил, на основе анализа эпиграфических источников, что «город или его развалины были обитаемы в XVI веке». Проблема существования Маджар в поздний период является актуальной и в современной историографии.

В сентябре 1909 года на развалинах Маджар исследования продолжил уже сам Г.Н.Прозрителев. Почти все найденное на Маджарах передавалось в музей Северного Кавказа и в итоге составило богатейшую коллекцию, единственную в своем роде по маджарским древностям. Часть материалов были перевезены в Москву и сегодня находятся в фондах Государственного исторического музея. Совместные работы на Маджарах Г.Н.Прозрителева и В.А.Городцова дали много ценных и интересных материалов, позволили ввести уникальный памятник археологии в научный оборот.

Специфика и универсальность научной деятельности архивной комиссии, связанная с разбором и комплектованием материалов по истории, археологии, этнографии, обусловили возникновение при ней музея. Музей имел всеобъемлющий краеведческий характер и осуществлял большую научно-исследовательскую, собирательную и просветительную работу, превратившись, по сути, в крупнейший центр науки и культуры края. Он был создан по инициативе Г.Н.Прозрителева и А.С.Собриевского совместными усилиями Ставропольского губернского статистического комитета и Ставропольской ученой архивной комиссии (31).

В апреле 1905 года состоялось заседание губернского статкомитета, на котором были избраны члены Попечительства музея Северного Кавказа, среди них был и Г.Н.Прозрителев. На заседаниях Попечительства были разработаны программы 7 отделов музея. Устройство исторического отдела было поручено Г.Н.Прозрителеву. Ход обсуждения программ и задач будущего музея широко освещался на страницах «Ставропольских губернских ведомостей». За основу была принята концепция, разработанная Г.Н.Прозрителевым, основанная на обобщении опыта музейного дела России и зарубежных стран. Главным в ней был подход к музею, как к научному учреждению. «...Собранное в музее сокровище должно оживать – писал он, – в посильных научных изысканиях и определениях в зависимости последующих культурных преобразований от тех темных и подчас неясных периодов, которые, по-видимому, бесследно отошли в вечность» (32).

Официальное открытие музея состоялось 5 ноября 1906 года. Сосредоточение в музее результатов научно-исследовательской деятельности членов архивной комиссии способствовало формированию историко-археологической и этнографической направленности его коллекций, приобретению краеведческого профиля. Музей Северного Кавказа имел краеведческий характер с естественно-историческим и историко-культурным уклоном и в своем изучении

и исследовании жизни края охватывал период от древности до начала XX века. Такой характер музея во многом объяснялся отсутствием на Северном Кавказе в то время подобных учреждений.

Задачами музея, как научно-исследовательского и просветительного учреждения являлись: сбор научных коллекций и отдельных экспонатов; хранение их, обработка, исследования и систематизация; разработка научных проблем; просветительская работа; организация публичных бесед и чтений, доклады и лекции, курсы по краеведению; устройство постоянных экскурсий и научных конференций; организация и проведение археологических и этнографических экспедиций по краю. Музей насчитывал 20 тысяч экспонатов, сосредоточенных в отделах: археологическом, историческом, этнографическом, естественноисторическом, сельскохозяйственном, военном, ветеринарном, палеонтологическом, кустарном, промышленном.

Возникший по частной инициативе, музей первоначально существовал и развивался лишь на личные средства основателей, пожертвования и пополнялся благодаря энергии и старанию членов Попечительства, архивной комиссии и статистического комитета. Много личных средств было израсходовано на содержание музея лично Г.Н.Прозрителевым. Так, в 1910 году он пожертвовал на нужды музея и СУАК 1500 рублей подаренные ему в знак благодарности за разрешение одной судебной тяжбы. 5 апреля 1910 года в селе Казинке Ставропольской губернии был найден знаменитый Казинский клад, состоящий из 19 золотых предметов сарматского времени, общим весом почти 16 кг (33). Клад передали в Эрмитаж, а вознаграждение в размере 37 тысяч рублей выплатили крестьянину Алейникову, нашедшему сокровища в собственном огороде. Свою долю стал требовать бывший владелец земли, продавший ее Алейникову за год до находки. Урегулировать конфликт взялся Г.Н.Прозрителев и разрешил его. Из пожертвованной суммы 860 руб. было израсходовано на приобретение коллекции антиквариата для музея Северного Кавказа. В 1918 году он подал прошение о принятии в дар для архивной комиссии и музея Северного Кавказа «участка земли из своих владений» для строительства помещения под музей. «...Заботясь о прочности существования Ставропольской ученой архивной комиссии и Ставропольского музея Северного Кавказа, — писал он, — я пришел заключению, что, имея собственное помещение, эти учреждения не будут в зависимости от различных случайностей, возможных при помещении их в зданиях наемных... Желая обеспечить дорогие для меня учреждения с этой стороны, я приношу в дар Ставропольской ученой архивной комиссии участок земли из моего усадебного места в губернском городе Ставрополе по Николаевскому проспекту и Соборной улице № 4. Делая этот дар, я уверен, что мои дорогие товарищи по комиссии теперь и после меня тщательно сохранят все собранное мною в музее с любовью и таким трудом, и, оберегая и трудясь над разработкой собранного, сохранят ту же сердечность, какая отличала нашу комиссию при мне» (34).

С музеем связано и имя его заведующей (с 1911 года), жены и помощницы Г.Н.Прозрителева, Александры Николаевны Можаровой, которая посвятила себя служению большому делу просвещению народа. Ее увлекательные экскурсии по музею, забота о его благоустройстве превратили музей Северного Кавказа в «общего любимца». Количество посещений заметно росло: в 1913 году музей посетило 13848 человек, в 1914 — 19205 человек, в 1915 — 22389 человек, в 1916, за 9 месяцев — 22825 человек, в 1917, за 6 месяцев — 15745 человек (35). Этот факт был в 1916 году отмечен Председателем Императорского Русского исторического общества в рескрипте на имя А.Н.Можаровой: «...такого обилия и наплыва публики, каковой наблюдается в вашем музее Северного Кавказа нет даже в столичных музеях» (36).

Музей Северного Кавказа был гордостью архивной комиссии, в основу его легли богатейшие личные коллекции ее председателя и членов. К музейной деятельности Г.Н.Прозрителев относился также страстно, как и к научной. Вопросы хранения и систематизации музейных коллекций, создание новых экспозиций, научно-просветительская работа неизменно занимали его внимание. Богато был представлен и Археологический отдел, который отражал прошлую жизнь Ставрополья. Этот отдел был его особой заслугой и впоследствии носил его имя. Музей был детищем Г.Н.Прозрителева, его любовью и жизнью. Он с трудом перенес объединение музея с музеем наглядных учебных пособий им. М.В.Праве, в ходе очередной реорганизации 1927 года. Против этого волевого административного решения он выступал, желая сохранить музей Северного Кавказа в его краеведческом виде. Однако слияние музеев состоялось и уникальные краеведческие коллекции постепенно растворились среди других экспонатов. Г.Н.Прозрителев был избран почетным председателем музейного совета объединенного музея. Тогда же ему была назначена персональная пенсия. С 1993 года Ставропольский государственный краеведческий музей носит его имя.

Деятельность Г.Н.Прозрителева, как и других членов архивной комиссии, отличали черты, свойственные настоящим краеведам и музейным работникам, — интерес к экспедиционной жизни, умение описать объективно все стороны найденных археологических предметов, мастерство собирателей и кабинетных исследователей.

Таким образом, при непосредственном участии Г.Н.Прозрителева, в начале XX века на Ставрополье оформляется структура учреждений, занимающихся изучением краеведческими исследованиями: Ставропольский губернский статистический комитет, занимающийся сбором и обработкой административно-хозяйственных данных и изучением современного состояния края, а также историческими и этнографическими исследованиями; Ставропольская ученая архивная комиссия, в обязанности которой входило – организация архивов, разбор документов, «разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины» и Ставропольский музей Северного Кавказа, который занимался сбором и обработкой коллекций предметов материальной и духовной культуры, вел просветительскую работу среди населения. В определенный период времени всеми тремя учреждениями фактически руководил

Г.Н.Прозрителев (37). Сформировавшаяся структура играла роль своеобразного краеведческого центра провинции.

Революционные события 1917 года активизировали деятельность губернских ученых архивных комиссий. Они приобрели значение главных хранителей исторических памятников и культурных традиций на местах. Главным направлением их деятельности становится спасение и сохранение разнообразных памятников археологии, истории и культуры. Ставропольская комиссия принимала все возможные меры для спасения памятников, обращалась с соответствующими воззваниями к населению через местную печать. Политическая нестабильность в стране и регионе вела к гибели и уничтожению многих памятников. Из-за отсутствия закона об охране историко-культурного наследия шла открытая распродажа национального богатства.

Создание государственной системы организации науки и архивной отрасли связано с октябрьскими событиями 1917 года и декретом СНК РСФСР от 1 июня 1918 года «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», который признал все архивные документы общегосударственной собственностью, включил их в Единый государственный архивный фонд республики. После декрета от 31 марта 1919 года, когда все исторические архивы, находящиеся ранее в ведении губернских ученых комиссий, были включены в состав единого государственного архивного фонда и в подчинение управлению архивных фондов, началось упразднение губернских ученых архивных комиссий.

В августе 1920 года прекратила свою деятельность и Ставропольская архивная комиссия. Ее дело продолжила Губернская Секция по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (1920) и музей Северного Кавказа, возглавлял которые Г.Н.Прозрителев. Постановлением губревкома от 30 августа 1920 года было создано Губернское архивное управление (38). В мае 1921 года ему было передано здание Духовной консистории, где «был образован архивный городок», куда стали свозить документы из разных мест их хранения.

В 1920-е годы Г.Н.Прозрителев избирается членом Центрального Бюро Краеведения, занимается большой организационной работой, связанной с развитием краеведения на Северном Кавказе, участвует во всероссийских и региональных краеведческих, археологических и архивных конференций. В 1921 году он был приглашен на I Всероссийскую конференцию архивных деятелей, проходившую в Москве. В своем приветствии он отмечал значение местных архивов и большую роль Ставропольской архивной комиссии в разработке и спасении архивов, необходимость продолжить это дело. В 1922 году он пишет работу «Великое значение наших архивов» (39), в которой показывает роль архивов в сохранении и сбережении письменных источников по истории освоения и заселения Северного Кавказа, истории Кавказской войны, предостерегает от пренебрежительного отношения к ним и их богатствам. Отражает основные направления и принципы деятельности советских органов власти в архивном деле, особо подчеркивая необходимость подготовки специалистов, без которых происходит «оставление архива в положении склада писаной бумаги без выявления его значения». В статье приводятся интересные сведения об истории создания Ставропольского архива, пополнения его фондов за счет перевода части дел Моздокского, Кизлярского и Астраханского архивов, наиболее ранние дела которых были датированы 1708 г. Упоминаются дела касающиеся восстаний Разина и Пугачева.

Г.Н.Прозрителев продолжает активно работать в новых учреждениях и организациях, занимаясь делом изучения и сохранения историко-культурного наследия. Участвует в организационных работах по учреждению первого советского научного учреждения по изучению и исследованию края – Ставропольской этнолого-археологической комиссии, которая была создана в мае 1921 года Работа комиссии проходила в тесном сотрудничестве с музеем Северного Кавказа. В Этнолого-археологической комиссии и музее Г.Н.Прозрителев работал до конца своей жизни. При его участии были организованы археологические экспедиции на разрушаемые объекты: 1922 – Кумо-Манычская; 1924 – на раскопки Большого кургана на старой Татарской дороге, в окрестностях г. Ставрополя; 1929 – на исследование курганов около села Донского и села Старомарьевского (40). Проведенные археологические обследования дали богатейшие материалы, пополнившие фонды археологического отдела музея. Особо следует отметить раскопки Большого скифского кургана около Ставрополя в 1924 году, которыми он руководит не смотря на свой 75-летний возраст (41). Они и сегодня являются одной из ярких страниц в изучении скифской культуры Ставрополья.

Г.Н.Прозрителев оставил свои статьи и книги об археологических памятниках края и многочисленные рукописи, последняя из которых датирована 1932 годом, которые не утратили своего значения и по сей день. Сегодня его работы представляют интерес не только для историков, этнографов, археологов, но и для всех кто интересуется прошлым края. Заложенные им основы изучения губернии в историческом и археологическом отношении, способствовали дальнейшему развитию историко-археологических исследований, в которых прослеживается преемственность научных интересов и проблем. Его заслуги были высоко оценены уже его современниками. По случаю 45-летия общественной деятельности «старейшего краеведа-археолога Г.Н.Прозрителева» 25 марта 1928 года отмечалось: «Мы не можем не чувствовать глубочайшего уважения к общественной деятельности Григория Николаевича, которой было бы достаточно для того, чтобы сделать его жизнь вполне полезной и ценной для нашего края... Еще большую роль сыграл Григорий Николаевич как научный работник, отдавая силы изучению своего родного края, научные труды Григория Николаевича ставят его на первое место среди наших краеведов».

Умер Г.Н.Прозрителев 21 ноября 1933 года на 85-м году жизни и был захоронен на Успенском кладбище, рядом с церковными стенами. Расходы по организации похорон, установлению каменного надгробия с оградой, взял на себя местный горисполком, принимая во внимание его «большие заслуги перед наукой и городом». Однако с годами надгробие разрушилось, могила была забыта и утеряна. Возрождение имени стало возможным благодаря заботам и усердию сотрудников Ставропольского краеведческого музея и

Государственного архива Ставропольского края. Это они сохранили память о русском интеллигенте, скромном, талантливом человеке – Григории Николаевиче Прозрителеве, сохраняя его личный и служебный архив, пополняя его все новыми документами. Благодаря их инициативе и ходатайству был поставлен и положительно решен вопрос о присвоении Г.Н.Прозрителеву звания Почетного гражданина Ставрополя. В 1990 году, в День города, на аллее почетных граждан в центре Ставрополя появилась еще одна стела с бюстом. Впервые была она поставлена не революционеру, не герою войны и труда, а представителю русской интеллигенции, просветителю, общественному деятелю, историку-краеведу Григорию Николаевичу Прозрителеву.

При помощи родственников и прежде всего внука Григория Николаевича, капитана I ранга, члена совета ветеранов Москвы Н.А.Прозрителева была найдена и могила ученого-подвижника на старейшем кладбище города. Среди старых, потускневших от времени надгробий, вековых деревьев и тишины, в один из осенних дней 1990 года состоялась гражданская панихида с участием общественности города и родственников Г.Н.Прозрителева, был открыт памятник-обелиск, на котором высечены слова: «Григорий Николаевич Прозрителев, 1849—1933. Историк, кавказовед, общественный деятель и основатель Ставропольского музея».

Григорий Николаевич Прозрителев был не просто ученым, он был ученым-подвижником, патриотом. Таким он вошел в науку, таким оставался до конца своих дней, несмотря на тягчайшие испытания, которые выпали на его долю, на долю людей его поколения. Пройдя через трудности он сохранил главное – жизнеутверждающее начало, неутомимую трудоспособность, самозабвенную преданность науке. И справедливо было замечено его современниками «такие как он, делали черновую работу, трудную, долгую, но необходимую для науки».

Примечания

1. Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве (СГКМ). Ф. 4.

2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 198.

3. Там же. Ф. Р-1076.

4. Там же. Ф. 80.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102.; ГАСК. Ф. 3816.; СГКМ. Ф.2.

6. Библиографический указатель статей и отдельных изданий Г.Н.Прозрителева – Ставрополь, 1922.; Библиографический список трудов Г.Н.Прозрителева // Ставропольский хронограф на 1999 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь, 1999. С.83—85.; Библиография основных трудов Г.Н.Прозрителева по истории и археологии Северного Кавказа // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. Межрегиональный сборник научных стаей. – Ставрополь, 1997. С. 92—93.

7. Историки-кавказоведы. Прозрителев Григорий Николаевич // История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. С. 482.; Сорокопятилетний юбилей Григория Николаевича Прозрителева. – Ставрополь, 1929 г.; Лунин Б.В. 45-летний юбилей Г.Н.Прозрителева. // Краеведение на Северном Кавказе. – 1928. — № 1—2. — С. 134—136.; То же. Известия Центрального бюро краеведения. — 1928. — № 2. — С. 29—30.

8. Лунин Б.В. Прозрителев Григорий Николаевич: [Некролог] // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1934. — № 2. – С. 100—103; То же: Советское краеведение в Азово-Черноморском крае: Третий сборник краеведческих материалов / Под редакцией председателя ЦБК А.А.Канчеева. – Р/Д, 1935. — С. 164—168.

9. Охонько Н.А. Общественный деятель, просветитель, краевед // Северо-Кавказский регион. Информационно-аналитический вестник. – 1998. — № 3. – С. 68—71.; Белоконь В.В. Григорий Николаевич Прозрителев (К 150-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1999 год. – Ставрополь. 1999. – С. 73—77.

10. Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 1. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2005. *Из содерж.:* Ашихмина А.В. Благотворительная библиотечная деятельность Г.К.Праве и Г.Н.Прозрителева. – С. 10–14; Дронов А.В. Вклад Г.Н.Прозрителева в изучение исторического и природного наследия населенных пунктов Петровского района. – С. 50–52; Колесникова М.Е. Начало историографического изучения Северного Кавказа: Г.Н.Прозрителев. – С. 55—57; Нахаева И.В. Рукописи Г.Н.Прозрителева как источник по изучению социально-экономической структуры кочевых обществ степного Предкавказья конца XIX – начала XX вв. – С. 86—89; Охонько Н.А. Г.Н.Прозрителев и его вклад в основание Ставропольского краеведческого музея. – С. 101–104; Поддубная О.Е. Отсутствующая «Другая» в трудах Г.Н.Прозрителева. – С. 104–105; Савенко С.Н. Вопросы развития музейного дела и охраны культурного наследия в переписке Г.Н.Прозрителева с Д.М.Павловым и другими кавминводскими археологами-краеведами. – С. 109—114; Сокол О.В. Г.Н.Прозрителев – сотрудник Ставропольского губернского статистического комитета. – С. 121—123; Яцукова Л.В. Вклад Г.Н.Прозрителева в развитие периодической печати Ставрополья. – С. 144 – 147.

11. ГАСК. Ф. 149. Оп. 1. Д. 509. Л.2-10.; Д. 510. Л. 58 об. – 60; Д.518. Л. 92, 103, 110.

12. ГАСК. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 9. Л. 59.

13. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 49.

14. Архив института истории материальной культуры РАН (Архив ИИМК РАН). Ф. 4. Оп. 1. Д. 250, 1900. Л. 2.

15. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 2, 27.; Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 20б.

16. ГАСК. Ф. 198. оп. 1. д. 22. Л. 17; СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 7.

17. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 1—5.

18. ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 21. Л. 27.

19. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 301.

20. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков // Труды СУАК. – Ставрополь, 1912. — Вып. 3. — Введение.

21. ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 5.

22. Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 23. Л. 10, 12.; Д. 36. Л. 22.

23. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69, 1887. Л. 21—21об, 595—600, 807—811.; ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 11. Л. 20, 29.; Д. 22. Л. 18.

24. ГАСК. Ф. 198. Оп. 1 Д. 13. Л. 15—17..; Д. 23. Л. 1, 11, 21.; Д. 24. Л. 17.
25. Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 г. — М., 1911. — Т. 3. — С. 162—208.
26. Апостолов Л.Я. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии по археологии и работы председателя ее Г.Н.Прозрителева // Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 году. — М., 1914. — Т. 1. — С. 108—111.
27. СГКМ. Ф. 2. Ед. хр. 43.
28. Отдел письменный источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 431. Оп. 1. Д. 426. Л. 55—60.
29. Архив ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 72.
30. ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 329. Л. 212—224, 226—239.
31. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 9, 17об.; Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.; Д. 36. Л. 31об.
32. Там же. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.
33. Придик Е.М. Новые Кавказские клады. Материалы по археологии России. — Пг., 1914. — № 34.
34. Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д.1. Л. 29, 33.
35. Там же. Д. 32. Л. 25.
36. Там же. Д. 11. Л. 87.
37. СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 301.
38. ГАСК. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.; СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 83, 85.
39. СГКМ. Ф. 2 Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1—5.
40. ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 1. Д. 9.; СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 18-28.
41. ГАСК. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.; Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1.Д. 115, 1925.

Вместо заключения

Итак, рассмотрев историю становления и развития краеведения Ставрополья во второй половине XIX – первой трети XX века через биографии отдельных исследователей мы смогли убедиться, что у истоков краеведения стояли настоящие патриоты, энтузиасты своего дела, сумевшие объединить вокруг себя талантливых людей, стремившихся к познанию своего края, интересующихся его историей, археологией, этнографией. При их участии было начато изучение региона. Деятельность их, сегодня рассматриваемая как краеведческая, была многоплановой, охватывающая все грани прошлого и настоящего Северного Кавказа.

История изучения краеведения Северного Кавказа, как и история изучения провинциальной историографии вообще, тема, слабо разработанная в отечественной науке. Наличие на местах исследователей, занимающихся изучением местного края, исторических источников, написанием исторических трудов, различных по содержанию и значимости позволило современным исследователям говорить о факте существования провинциальной историографии, под которой понимается не только процесс историописания в российской провинции, но и его результат – комплекс исторических исследований. Их исследования выступают и в качестве самостоятельных источников интеллектуальной жизни Ставрополья и Северного Кавказа рассматриваемого периода.

Интеллектуальная история российской провинции является одним из приоритетных направлений деятельности Регионального научно-образовательного Центра «Новая локальная история» Ставропольского государственного университета. Все более профессионализирующаяся дисциплинарная история задумывается о научности и ненаучности исторических исследований, объективности и субъективности авторских выводов. А для этого обращается к изучению исследовательской практики, как профессиональных историков прошлого, так и историописателей-любителей. Рассматривая их работы, посвященные на первый взгляд частным вопросам, можно увидеть, как исследователи ставили проблемы и решали их посредством критики источников, оттачиванием методологического инструментария, литературного оформления текстов и т.д.

Автор планирует продолжение данной серии, посвященной биографиям исследователей Северного Кавказа. В следующих выпусках предполагается рассмотрение исследовательской деятельности членов Ставропольского губернского статистического комитета и Ставропольской ученой архивной комиссии. Являясь, по сути, своеобразными научными центрами по изучению прошлого Ставрополья и Северного Кавказа, эти учреждения смогли объединить исследователей любителей, заинтересовать их исторической проблематикой.

Приложение

Формулярный послужной список действительного члена-секретаря Ставропольского губернского статистического комитета, отставного сотника Иосифа Бентковского за 1889 год

Иосиф Викентьевич Бентковский — корреспондент Главного Управления Государственного Коннозаводства по Кавказскому краю и действительный член-секретарь Ставропольского губернского статистического комитета, кавалер ордена Св. Анны III-й степени. 78 лет.

Происхождение. Из дворян Варшавской губернии, Брест-Кулсского уезда. У него и семьи имений нет. У жены — дом в Ставрополе.

Воспитание, образование. Окончил гимназический курс наук царства Польского.

Служба. В службу вступил в Депо Плоцкого воеводства, ныне губерния. **11 декабря 1832 года**

Унтер-офицером переведен в Навагинский пехотный полк. **3 августа 1833 года.**

Из оного в Кавказский линейный № 1 батальон. **16 февраля 1834 г.**

Из него в Ставропольский казачий полк с переименованием в урядники. **1 июня 1836 года.**

Зауряд-хорунжий. **23 мая 1840 года.**

За отлично усердную службу произведен в 32 года в хорунжии. **1 апреля 1844 года.**

Назначен заседателем в Полковое правление 4-й бригады Кавказского линейного казачьего войска. **7 декабря 1845 года.**

Уволен с этой должности зачислением в комплект 1-го Ставропольского казачьего полка. **16 июня 1846 года.**

Назначен начальником Михайловской станицы. **22 ноября 1848 года.**

От должности уволен с зачислением в Ставропольский казачий полк. **19 октября 1855 г**ода.

Назначен начальником Михайловской же станицы. **23 февраля 1856 года.**

В **1855 году** за пожертвование на военные пособия денег, в числе дворян Кавказского линейного казачьего войска, удостоился получить Высочайшую благодарность.

По Высочайшему повелению, объявленному в приказе г-на Министра по иррегулярным войскам от **25 марта 1857 года** № 7, уволен от службы за выслугой лет.

Член-корреспондент Ставропольского губернского статистического комитета. **1 марта 1860 года.**

В заседании Ставропольского губернского статистического комитета избран действительным членом. **16 июня 1866 года.**

Избран Секретарем Ставропольского губернского статистического комитета. **16 ноября 1871 года.**

Избран членом-корреспондентом Общества любителей Кавказской археологии (ныне Кавказское общество истории и археологии). **25 марта 1874 года**.

Избран членом-сотрудником Императорского Кавказского медицинского общества. **2 октября 1874 года**.

Избран членом-сотрудником Новороссийского общества естествоиспытателей. **20 ноября 1874 года.**

Его императорским высочеством Великим Князем бывшим Наместником Кавказским пожалован за составление карты Ставропольской губернии золотою табакеркою, ценою в 275 руб. (Сообщение Директора Походной канцелярии Его Высочества от **8 декабря 1874 года** № 165, на имя Ставропольского губернатора).

Избран членом-сотрудником Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. **13 сентября 1875 года.**

Избран Почетным членом Нижегородского губернского статистического комитета. **16/28 февраля 1877 года.**

Избран членом-сотрудником Императорского Вольного экономического общества. **20 марта 1877 года.**

По приказанию бывшего Наместника Кавказского и согласно предложению Ставропольского губернатора от **3 октября 1877 года.** № 2044 командирован в г. Тифлис, в помощь Инструктору Кавказского Коннозаводского округа Действительному Статскому советнику Датерихсу, для составления общего соображения о землях, необходимых для коннозаводских нужд в Кубанской и Терской областях и Ставропольской губернии. Приказом по Главному Государственного коннозаводства назначен на должность корреспондента по Кавказскому краю. **21 февраля 1878 года**.

За составление обозрения XXVII летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества, по учебному заведению Св. Александры, пожалован Государыней Императрицей золотым перстнем, украшенным изумрудом и бриллиантами. **16 апреля 1878 года.**

Избран действительным членом Кубанского областного статистического комитета. **30 января 1881 года.**

За отлично усердную службу пожалован Орденом Св.Анны III-й степени. **24 мая 1885 года.**

Избран членом-соревнователем Ставропольского медицинского общества. **16 апреля 1885 года.**

Женат третьим браком на дочери коллежского Ассесора Сабо, девицы Марии Петровны. От третьего брака **Сын** Иосиф, родился 10 января 1877 года, воспитывается в Ставропольской гимназии мужской.

Сам И.В.Бентковский получает содержание — 750 рублей в год.

Источник: РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.212. Л.470—479.

Список трудов И.В. Бентковского

Акциз и откуп // Биржевые ведомости. — 1863. — № 44. (Под псевд. «Граф Фотограф»).

Археографические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 33.

Атлас распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе: В 5 картах. Масштаб 40 верст в дюйме. Атлас не издан.

[Карты показывают населенные места в 1778, 1803, 1828, 1853 и 1878 гг.].

Бабуковцы // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 50—51.

Беглый обзор развития экономического состояния Ставропольской губернии в двадцатипятилетнее царствование государя императора [Александра II] // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 8—10. [Изменение границ и увеличение территории. Распределение территории по правам землевладения. Сельское население. Городское население. Частное землевладение. Народное просвещение].

Бывшее Кавказское линейное казачье войско и его наказные атаманы (1832—1860 гг.) // Кубан. обл. ведомости. — 1891. — № 4—5.

Ведомость о числе прошедших через Ставропольскую губернию команд в 1869 году // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 150—154. — (Отд. 2); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—5. (11 паг.).

Взаимное отогнястраховании в С.—Петербурге // Ставроп. губ. ведомости. — 1881. — № 8.

Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести // Ставроп. губ. ведомости. — 1874. — № 5—6. [Отрывок из неизданного сочинения «История калмыков Большедербетовского улуса в разных отношениях»].

Взгляд на наше коннозаводство в связи с ремонтированием армии кавалерийскими лошадьми // Записки для чтения: Биржевые ведомости. — 1867. — № 5—6.

Владикавказское ремесленное училище и его питомцы // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 30.

Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков? // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1868. — Вып. 1. — С. 105—122. (Отд. 1).

Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 8.

Вторичное открытие Кавказской губернии: Материалы для колонизации края // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 27—28; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—8. — (7 паг.).

Где был построен в 1589 году город Терки // Ставроп. губ. ведомости. — 1885. — № 3.

Генерал—лейтенант Алексей Александрович Вельяминов: (Воспоминания ставропольского старожила) // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 17; — 1881. — № 12—13.

Генерал—майор Якоби: Основатель Моздокско—Азовской линии в 1777 году: (Биографическая заметка) // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 7.

Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 38.

Город Терки //Ставроп. губ. ведомости. — 1885. — № 6—8.

Городские доходы и натуральные повинности // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 17—18.

Городские общества взаимного от огня страхования // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 29.

Городское хозяйство: Доходы и расходы городов Ставропольской губернии (по системе 1869 г.) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 17—28. — (2 паг.); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—8. — (12 паг.).

Городское хозяйство: Ставропольский мясной и хлебный рынки // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 15.

Грабежи, разбои и воровство калмыков с точки зрения монгольских законов и буддизма // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 13—14.

Гребенцы: Историческое исследование — 2-е изд. — М., 1889. — 39 с.

Да здравствует арифметика // Биржевые ведомости. — 1865. — № 125.

Два слова о предполагаемой ветви железной дороги [от Ставрополя к магистральной линии Ростово—Владикавказской железной дороги] // Ставроп. губ. ведомости. — 1881. — № 44.

Два слова о проекте Данилова: (О соединении Черного и Каспийского морей судоходным ирригационным каналом посредством вод Терека и Кубани) // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 4—5.

Движение гражданской колонизации на Северном Кавказе со времени открытия в 1785 г. Кавказской губернии до перевода губернских присутственных мест из Екатериноградa в Георгиевск в 1804 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 35, 37.

Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Астрахани до основания крепости Кизляр с 1722 по 1735 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 29.

Дела наши на Северном Кавказе от основания крепости в урочище Кизляр до построения укрепления Моздок с 1735 по 1765 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 30.

Дела наши на Северном Кавказе от построения крепости Терки до Персидского похода Петра I в 1722 году // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 43—46.

Дела наши на Северном Кавказе от построения укрепления Моздок до учреждения Кавказского наместничества с 1765 по 1785 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 31, 33.

Денежные операции Ставропольского общественного банка: Со дня открытия 1—го сентября 1868 г. по 1—е января 1869 г. // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 59—72. — (3 паг.); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 9—22. — (12 паг.).

Джалтинское соляное озеро // Прибавление к «Биржевым ведомостям». —1864. — № 35—40.

Древние христианские церкви за Кубанью близ Хумары // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 43.

Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. 2. — С. 141—167. — (Отд. 1); 1870. — Вып. 3. — С. 95—119. — (Отд. 1).

Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1868. — Вып. 1. — С. 82—104. — (Отд. 1).

Заметки торговца на положение о пошлинах на право торговли и промыслов // Биржевые ведомости. — 1864. — № 140.

Записки виноторговца // Биржевые ведомости. — 1863. — № 88. — (Под псевд. Заглоба).

Заселение бывшего Кавказского линейного казачьего войска // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 3 — 6; 8 — 11.

Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта // Кубан. сборник. — Екатеринодар, 1883. — Т. I. — С. 1—78.

Заселение Кавказской области // Ставроп. губ. ведомости. — 1883. — № 37.

Заселение Черномории с 1792 по 1825 г. — Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1880. — 125 с.; То же: Памятная книжка Кубан. области. — Екатеринодар, 1881. — С. 3—125. — (Отд. 3).

Заштатный город Св. Креста (Карабаглы): Моногр. очерк И. Бентковского // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 46 — 50, 52.

Значение города Терки в истории распространения русского владычества на Северном Кавказе // Ставроп. губ. ведомости. — 1885. — № 11.

Значение Ставропольской губернии в системе акцизных сборов // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 5.

Извлечение из обозрения Всемирной Лондонской выставки по главным отраслям мануфактурной промышленности, собственно о принятом в этой выставке участии Ставропольскою губерниею // Ставроп. губ. ведомости. — 1852. — № 26.

Император Александр II в Нижнефарском отряде на Северо-Западном Кавказе в 1861 г. — СПб.: Типолитогр. В. И. Штейна, 1887. — 16 с.: портр.

Император Николай I в Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1887. —№ 42.

Историко-статистическая монография на столетний юбилей города Моздока // Ставроп» губ. ведомости. — 1870. — № 25—27.

Историко—статистические сведения о виноделии в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 13 — 16; То же: Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 43 — 54. — (Отд. I).

Историко-статистические сведения о городе Моздоке: На столетний юбилей города Моздока // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1871. — Вып. 4. — С. 5 — 39. — (Отд. 1).

Историко-статистические сведения о городе Ставрополе // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 5—11. — (Отд. 1): То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—8.

Историко—статистические сведения о селении Безопасном // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. 2. — С. 31 — 62. — (Отд. 1).

Историко-статистическое обозрение инородцев—магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч.1: Ногайцы. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1883. — 134 с.: То же: Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 37 — 49; 1883. — № 1— 11.

Исторический дневник: 1—13 января. Суворов встречает 1779 г. в крепости Ставропольской // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 1; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1 — 2. — (9 паг.).

К вопросу: «Как улучшить и удешевить мясо в Тифлисе?» // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 5.

К вопросу о новой сети железных дорог на Северном Кавказе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1882. — 25 с.

К вопросу о подорожных // Биржевые ведомости. — 1864. — № 78.

К вопросу о сети кавказских железных дорог. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1869. — 19 с.

К характеристике А.П. Ермолова // Северный Кавказ. — 1884. — № 5. —17 дек. — С. 1.

Кавказская губерния во время А.П. Ермолова с 1816 г. по 1824 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1886. — № 27 — 30.

Кавказская губерния до преобразования в область 1804 — 1824 гг. // Ставроп. губ. ведомости. — 1887. — № 12 — 16, 18 – 20, 26 — 27.

Калмыцкий календарь на 1870 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 151—164. — (Отд. 3).

Калмыцкий календарь на 1871 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1871. — Вып. 4. — С. 3 — 16. — (Отд. 3).

Калмыцкий календарь на 1873 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1873. — Вып. 5. — С. 2 — 14. — (Отд. 3).

Калмыцкий календарь на 1876 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь. 1876. — Вып. 7. — С. 1—14. — (Отд. прил.).

Колонизация низовьев Кубани // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 6—7.

Коммерческий взгляд на производительные силы Ставропольской губернии и ее торговое значение // Биржевые ведомости. — 1863. — № 154.

Коневодство Северного Кавказа и ставропольская скачка // Журн. коннозаводства. — 1880. — Август. — С. 114.

Конокрадство и самосуд // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 26, 32, 34.

Краткие сведения о судо-сберегательных товариществах и кассах по 1—е октября 1876 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 38—41.

Краткий исторический очерк положения наших дел на Северном Кавказе до открытия в 1785 г. Кавказской губернии // Северный Кавказ. — 1885. — № 44—45.

Краткое обозрение Ставропольской губернии в некоторых отношениях и преимущественно в экономическом по данным за 1874 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 63—102. — (2 паг.).

Крепостная колонизация в бывшей Кавказской ныне Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1884. — № 30.

Крепость Терка при устье реки Сунжи (1567 г.): Очерк из истории Северного Кавказа // Северный Кавказ. — 1884. — № 1—2.

Кустарные промыслы в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 15—17.

Материалы для истории кавказских казаков: Моздокские крещеные осетины и черкесы, называемые «казачьи братья» // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 3—6.

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа: Заселение бывшего линейного казачьего войска; Заселение Кавказской области // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 3 — 6, 8 — 11; 1883. — № 37.

Материалы для истории образования бывшего Кавказского линейного ныне Терского казачьего войска // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 2.

Материалы для истории Северного Кавказа: Город Ставрополь // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 22; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—3. — (8 паг.).

Материалы для новой истории Северного Кавказа. Смерть первого черноморского кошевого атамана Чепеги и последовавшие затем события // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 8.

Материалы для статистики народных бедствий в Ставропольской губернии: Пожары и градобития // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 24—25.

Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии в 1875 году // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 28—42; То же. Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 1—42. — (Отд. 1).

[Стат. данные 1874 г. Табунное коневодство. — Домашнее коневодство, скотоводство, овцеводство, свиньи, верблюды].

Медицина у кавказских горцев // Ставроп**.** губ. ведомости. — 1880. — № 21.

Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 3 — 4; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1 — 10. — (11 паг.).

Мнение в спорных вопросах по соляному делу // Биржевые ведомости. —1864. — № 68, 88.

Моздокские так называемые крещеные калмыки: (Монография) // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 35, 38, 42.

Монгольские законы об охоте // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. —№16.

На статью «О необходимых льготах каспийского рыболовства» //Биржевые ведомости. — 1864. — № 199.

На чем остановился вопрос об обводнении р. Большого Егорлыка? // Северный Кавказ. — 1885. — № 64—65.

Нападки питейного положения на музыку и мои личные на литейную номенклатуру // Прибавление к «Биржевым ведомостям». — 1864. — № 2.

Народная нравственность в Ставропольской губернии по материалам с 1871 по 1878 гг. // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 33—34, 36.

Народное образование: (Сведения за 1869 год) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 73—92. — (Отд. 2).

Народное образование // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 48.

Народонаселение в губернии (за 1868 год). Ведомость о количестве привозимых в Ставропольскую губернию товаров // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 5 — 8. 138 —139. — (Отд. 2); То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1 — 3. — (17 паг.).

Население гор. Ставрополя в 1811 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 22.

Наша колонизация на Северном Кавказе до учреждения и открытия Кавказской губернии в 1785 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 34.

Наша общественная благотворительность // Ставроп. губ. ведомости. —1880. — № 37.

Наше лесоводство и его неожиданные враги // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 29.

Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 32, 34 —35.

Наши окраины: (Поземельное устройство в Ставроп. губернии) //Экон. журн. — 1886. — № 7.

Наши расчеты с саранчой // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 39.

Незамерзающий Геленджикский порт на северо-восточном берегу Черного моря и направление Ростово-Владикавказской железной дороги на город Ставрополь. — СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1871. — 44 с.

Несколько общих выводов о населенных местах и поземельной собственности в Ставропольской губернии //Ставроп. губ. ведомости. — 1881. — № 44, 46—47.

Несколько слов о возможности направить течение Кубани в Дон и тем порешить вопрос об обмелении донских гирл //Ставроп. губ. ведомости. — 1865. — № 40.

Несколько слов о климате в г. Ставрополе по метеорологическим наблюдениям с 1871 по 1878 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 4 — 6.

Несколько слов о направлении будущей Ростово-Владикавказской магистральной линии на город Ставрополь. — СПб., 1871. — 50 с.: табл.

Несколько слов о причинах упадка шелководства в пределах бывшей Кавказской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 3—4.

Новые материалы к истории заселения Черномории // Кубан. обл. ведомости. — 1888. — № 16.

О жучке (anisoplia), истребляющем хлеб на корню // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 32.

О значении хуторов в крестьянском хозяйстве Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 18 — 23.

О калмыцком календаре: Пояснительная заметка //Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 151—152. — (Отд. 3).

О лесах в пределах бывшей Кавказской, а ныне Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 1—2.

О мерах к успешному ходу кавказского виноделия и сбыта местных вин // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 27—28.

О необходимости изучения Ставропольской губернии в ботаническом отношении // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 23.

О необходимости на Кавказе железных дорог и о направлении, которое следовало бы им дать // Записки Кавказ, отдела Русского техн. о-ва. — Тифлис, 1868. — Т. 1. — № 3.

О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 9 — 10. [За эту статью автор получил от императорского Общества естествознания, антропологии и этнографии бронзовую медаль].

О политико-экономическом и административном устройстве Кавказа // Биржевые ведомости. — 1866. — № 30.

О почтовых каретах из Ростова-на-Дону в Пятигорск // Биржевые ведомости. — 1864. — № 5.

О привилегиях по соляному делу // Прибавление к «Биржевым ведомостям». — 1864. — № 53—54.

О разрядах населенных местностей России и о размерах патентного сбора // Прибавление к «Биржевым ведомостям». — 1864. — № 5.

О рельсовом соединении Ставрополя с Ростово-Владикавказской железной дорогой // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 13.

О сети кавказских железных дорог // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 107—137. — (Отд. 2).

Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1879. — 62 с.; То же: Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 6—12; 1879. — № 15—18.

Обзор конского хозяйства в бывшей Черномории и правительственных мероприятий для улучшения и развития коневодства на Северном Кавказе // Журн. коннозаводства. — 1883. — Февраль. — С. 34.

Обзор конского хозяйства в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1883. — № 12; 1884. — № 26; То же. Журн. коннозаводства. — 1884. — Июнь. — С. 44.

Обзор ставропольских конских скачек на императорские призы // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 41—44; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1 — 36. — (16 паг.).

Обозрение XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению св. Александры. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1877. — 236 с.: ил.; I портр. — (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета. Вып. 8). [За это обозрение И. В. Бентковский получил бриллиантовый перстень от императрицы].

Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 15.

Объяснение калмыцких праздников (религиозных) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 23—34. — (Отд. 2).

Одежда калмыков Большедербетовского улуса // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. 2. — С. 123 —140. — (Отд. 1).

Одна из причин, задерживающих развитие коннозаводства в Большедербе—товском улусе // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1868. — Вып. 1. — С. 113 — 122. — (Отд. 1).

Одна из причин упадка табунного коневодства в Черномории // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 21; То же. Журн. коннозаводства. — 1882. — Май. — С. 56.

Оливководство на Кавказе // Экон. журн. — 1888. — Кн. 11.

Описание владельческих земель, расположенных в Ставропольской губернии и уезде по бассейнам р. Большой и Малой Кугульты и в смежных с ними урочищах // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1871. — Вып. 4. — С. 113 — 122. — (4 паг.).

Открытие в Ставрополе первых присутственных мест // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 5; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—7. — (4 паг.).

Отхожие промыслы // Экон. журн. — 1886. — Кн. 19.

Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. 2. — С. 85—112. — (Отд. 1); 1870. — Вып. 3. — С. 49—83. — (Отд. 1).

Первое приходское училище в г. Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 13; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—4. — (6 паг.).

Первоначальное устройство административных учреждений Кавказской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1886. — № 39 — 41, 46.

Первые начатки городского благоустройства. [Войска, расположенные в крепости Ставропольской, и натуральные в пользу их повинности граждан. — Попытки жителей к разведению виноградных садов. — Чума. — Выборные общественные деятели. — Городская полиция. — Открытие шестигласной Думы] // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 19; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 32—36. — (3 паг.).

Переселенческий вопрос на почве практики // Северный Кавказ. — 1885. — № 22—25.

Переселенческий вопрос на почве сравнительной статистики // Экон. журн. — 1885. — Кн. 5.

Петр I на Кавказе. Построение крепости Св. Креста // Ставроп. губ. ведомости. — 1886. — № 33—34.

По поводу проекта Царицино-Тихорецкой железной дороги // Северный Кавказ.— 1889. — № 87.

По поводу столетнего юбилея в память рождения императора Александра I // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 1.

По поводу фальсификации деревянного масла // Ставроп. епархиальные ведомости. — 1888. — № 22. — С. 897—903.

Подспорье топлива // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 41.

Поездка на Джалгинское соляное озеро // Ставроп. губ. ведомости. — 1862. — № 42—44.

Поездка по Ставропольской губернии: (Из писем И. В. Бентковского кн. К. Зейдлицу) // Ставроп. губ. ведомости. — 1874. — № 32—34.

Почтовая статистика // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 38.

Практические замечания о болезни рогатого скота на Кавказе, называемой «чихир» // Ставроп. губ. ведомости. — 1853. — № 8.

Практические замечания о калмыцком рогатом скоте, овцах и лошадях // Ставроп. губ. ведомости. — 1862. — № 42.

Причины упадка коневодства в бывшей Черномории и меры к восстановлению его // Кубан. обл. ведомости. — 1882. — № 34—35.

Проект сооружения Кавказской железной дороги //Биржевые ведомости. — 1869. — № 321, 323.

Происхождение казачества, его развитие и идеи // Кубань. — 1882. — № 5.

Распределение недвижимых имуществ между городским населением по сословиям // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 21.

Результат однодневной переписи населения города Ставрополя (17 декабря 1872 г.) // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—25. — (15 паг.).

Результаты сенокошения в нынешнем [1880] году // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 33.

Река Кума и необходимость улучшить ее экономическое значение // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 27—28.

Сведения о купцах, ведущих торговлю и промысловые обороты в Ставропольской губернии по гильдейским свидетельствам (1868 года) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 49—58. — (Отд. 2); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. – Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—6. — (19 паг.).

Сведения о Ставропольском женском училище 1-го разряда // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 82—87. — (Отд. 2); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 9—15.

Сведения о стоимости продуктов ежедневного употребления при розничной продаже в городе Ставрополе // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—5. — (21 паг.).

Сведения о численном состоянии табунного коневодства, собранные в 1879 году посредством вопросных листков от табуновладельцев Ставропольской губернии и областей Терской и Кубанской // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 33.

Семейные разделы // Экономический журнал. — 1885. — Кн. 13.

Сравнительный обзор земледельческой деятельности Ставропольской губернии за 1877 г. и сравнение ее в этом отношении с Харьковской губернией // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 31.

Сравнительный обзор Ставропольской и Казанской губерний по сведениям 1876 года // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 26.

Сравнительный обзор Ставропольской и Подольской губерний по сведениям 1874 года // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 28.

Сравнительный обзор хлебной производительности на Северном Кавказе по сведениям 1882 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1883. — № 39.

Сравнительный обзор экономического состояния Ставропольской и Астраханской губерний по сведениям 1873 года // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 50.

Ставрополь в историко-статистическом, административном, торгово—промышленном и экономическом отношениях: Монограф, очерк И.В.Бентковского // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 43—47. Ч. I. Дела наши на Северном Кавказе от построения крепости Терки до Персидского похода Петра I в 1772 году. Ч. II. Дела наши на Северном Кавказе от прибытия в Терки Петра I до основания Моздока в 1763 году.

Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1786 г. до учреждения шестигласной Думы 18 января 1808 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1874. — № 6—7, 10—12, 17—18; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1 — 36. — (2 паг.).

Ставропольская губерния: Список населенных мест Ставропольской губернии по сведениям 1873 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1874. — III, 158 с. — (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета. Вып. 6).

Ставропольская скотопромышленность на московском и петербургском рынках // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 55—61. — (Отд. 1).

Ставропольская старина: [Из истории основания крепости] // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 3; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—3. — (8 паг.).

Ставропольский губернский статистический комитет: Первое 25—летие с 1858 по 1883 г.: Доклад... — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1883. — 79 с.

Ставропольское купечество, его капиталы, торговля, промышленность и нужды // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 11—12.

Старинный проект проведения реки Кумы в Каспийское море // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 1.

Статистика движения дел у мировых судей и в мировом съезде Ставропольского судебно—мирового округа за последние пять лет // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 8; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1 — 8. — (20 паг.).

Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления. 1881. — 246 с. — (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета. — Вып. 9).

Статистика насильственных и случайных смертей в Ставропольской губернии с 1871 по 1876 год // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 49.

Статистика периодической прессы // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. —№ 41.

Статистика пожаров // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 44.

Статистика преступлений в Ставропольской губернии с 1871 по 1876 год // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 45—48.

Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением дорожной карты. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1883. — 452 с. — (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета; Вып. 10); То же: Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 25—39, 41. 44, 47—48, 50—51; 1883. — № 1—5, 7—9, 16, 19—23, 27.

Статистическая карта Ставропольской губернии: Масштаб 10 верст в англ. дюйме / Изд. Ставроп. губ. стат. комитета. — Карта сост. по сведениям 1874 г. Хранится в картографическом фонде Ставропольского государсвенного краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К. Праве. – Инв. № 27.

Статистические сведения о состоянии Ставропольской губернии за 1875 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 51—52; 1877. — № 2—4.

Судьбы шелководства в Ставропольской губернии. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1885. — 23 с.

Табель домов и дворовых мест в губернском городе Ставрополе, составленная городскою полициею, в порядке новой нумерации на основании циркуляра и инструкции Министерства внутренних дел от 4 мая 1877 года № 297 /Под ред. И. Бентковского. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1881. — 208 с.

Торговля губернии: Сведения о привозе и продаже товаров на ярмарках, существующих в Ставропольской губернии (за 1869 год), г. Ставрополь // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 29—47. — (Отд. 2); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—3. — (18 паг.).

Торф на Кравцовом озере близ г. Ставрополя // Ставроп. губ. ведомости. — 1881. — № 6—7.

1879—й год в Медвеженском уезде // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 10.

Удачный опыт соления сена при кошении в дождливое время // Ставроп. губ. ведомости. — 1871. — № 22.

Упразднение города Екатеринодара и перенесение губернских присутственных мест в Астрахань // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 4—6.

Хронологический указатель достопримечательных событий в Ставропольской губернии и Северном Кавказе // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. 2. — С. 5—51. — (Отд. 3).

Хронологический указатель разных исторических сведений о калмыках // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь. 1876. — Вып. 7. —С. 36 — 64. — (Отд. 3).

Хронологический указатель событий, извлеченных из неизданных материалов сенатора и академика П. Г. Буткова для новой истории Северного Кавказа // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. – Ставрополь,1910. — Вып. 1 — 9. — (Отд. 5).

Целительные грязи Джалгинского соляного озера в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 28.

Частное землевладение и колонизация на Северном Кавказе // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 41.

Чума на Северном Кавказе // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 2.

Чума рогатого скота в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 31.

Экономическое состояние городов Европейской России //Биржевые ведомости. — 1865.— № 25, 57, 63,80.

Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В.Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1858 по

1888 г. // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — Отд. 5. — С. 1—10.

Библиографический указатель [статей, монографий И.В. Бентковского] // Ставропольские губернские ведомости. — 1881. — № 45.

Библиографический указатель [статей, монографий И.В. Бентковского] // Ставропольские губернские ведомости. — 1881. — № 45.

Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В.Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1858 по 1888 г. // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1976. Вып. 14. — С. 246—251.

Библиографический указатель книг, сочинений и статей, относящихся к статистике, истории и этнографии Северного Кавказа: Именование сочинений и авторов // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии: Вып. 3 / Изд. Ставропольского губернского статистического комитета. – Ставрополь, 1870. — Отд. 1.

Библиографический список. Список трудов И.В.Бентковского // Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. – Ставрополь, 1997. — С. 58—68.

Литература о жизни и деятельности И.В. Бентковского

Абрамов Я. И.В. Бентковский: Некролог // Северный Кавказ. — 1890. — № 66.

Адрес И.В. Бентковскому по случаю десятилетнего юбилея его ученой деятельности // Кубанские областные ведомости. — 1881. — № 48.

Беликов Г. Историк и этнограф: [И.В.Бентковский] // Ставропольская правда. — 1985. — 14 июля.

Беликов Г. Дорога из минувшего: Занимательные страницы истории г.Ставрополя. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1991. – С. 255–268.

Беликов Г.А. Ставрополь – врата Кавказа. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1997. – С. 337–346.

Беликов Г.А., Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (на рубеже XIX – XX вв.). Материалы по краеведению для старших классов средних учебных заведений. Учебное пособие. Ч. 1, 2. – Ставрополь, 1995. — С. 97—99.

Бентковский Иосиф Викентьевич: Некролог // Кубанские областные ведомости. — 1890. — №35. — Умер 15 августа 1890 г.

Бентковский Иосиф Викентьевич, статистик и этнограф // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. — СПб., 1892. — Т. 3. — С. 12—16.

Бентковский Иосиф Викентьевич (1812–1890) //История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период. Библиография. – М., 1965. – С. 480–481.

Бентковский И.В. (Некролог) // Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. — Ставрополь, 1997. — С. 246—250.

Бентковский Иосиф Викентьевич (19.3.1812 – 15.8.1890) // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар, 1997. – Ст. 126. – С. 50—51.

Водолажская В.А. У истоков краеведения // Ставропольская правда. — 1978. — 11 марта.

Говорова Л.Н. К вопросу о деятельности Ставропольского губернского статистического комитета во второй половине XIX в. [О деятельности И.В.Бентковского в губернском статкомитете] // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа: Материалы научной археолого-этнографической историко-краеведческой конференции «Минаевские чтения» (13 марта 1998 г.) — Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – С. 72–74.

Городецкий Б.М. Памяти Бентковского И.В. // Кубанский курьер. – Екатеринодар, 1910. — № 613.

Городецкий Б.М. Кто и как изучал Кубанскую область: Доклад, прочитанный на годовом собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 10 февраля 1912 г. // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. — 1912. — Вып. V. — С. 16—17.

Госданкер В.В. Историк-кавказовед И.В.Бентковский (1812—1890) (Краткий очерк жизни и научно—краеведческой деятельности) // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь,1976. Вып. 14. — С. 222—251.

Госданкер В.В. Историк-кавказовед Иосиф Викентьевич Бентковский (К 185-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. – Ставрополь, 1997. – С. 57–58. — Библиографический список трудов В.И. Бентковского. – С. 58–68. – Литература о жизни и деятельности И.В.Бентковского. – С. 68–69.

Госданкер В.В. «...Весь вылился в своих трудах» // Северо-Кавказский регион (Информационно-аналитический вестник представителя Президента Российской Федерации). — 1999. — № 1(5). — Февраль. — С. 74—75.

Ерохина Ю.М. Личность и публицистика И.В.Бентковского. —Ростов-на-Дону, 1997.

Жадан В.А. Иосиф Викентьевич Бентковский – исследователь Северного Кавказа // Поляки в России: XVII—XX вв. Материалы международной научной конетренции. – Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2003. – С. 228—232.

Загурский Л.П. И.В.Бентковский: Некролог // Кавказский календарь на 1891 год. – Тифлис, 1890. — С. 1—5. (Отд. 1.).

История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года: Региональный учебник для общеобразовательной школы / А.В.Найденко и др. — Ставрополь: СКИПКРО, 1996. – С. 248–251.

Колесникова М.Е. Научно-историческая деятельность Ставропольского губернского статистического комитета в конце XIX – начале XX века // Вопросы Северокавказской истории. Сб. научных статей. – Вып. 3. — Армавир, 1998. – С. 79–88. [О деятельности И.В.Бентковского в Ставропольском губернском статкомитете].

Колесникова М.Е. Жизнь и деятельность И.В.Бентковского на Кавказе // Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры – POLSCY ZESLANCY W ROSJI XIX—XX STULECIU: OSRODKI REGIONALNE . – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. — С. 161—164.

Колесникова М.Е. И.В.Бентковский – краевед и историк Северного Кавказа // Отечественные архивы. 2004. № 1. — С.3—13.

Край наш Ставрополье: очерки истории / Науч. ред. проф. Д.В.Кочура и проф. В.П.Невская. — Ставрополь: Шат-гора, 1999. — С. 83, 102, 146, 158, 166, III – 3.

Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII — XX век): Региональный учебник для старших классов общеобразовательных учебных заведений. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2001. – С. 81—82.

Невская Т.А. Историческое наследие И.В.Бентковского // Историко-культурное наследие и современность. Материалы межреспубликанской научноопрактической конференции (Ейск, 20—24 июня 1995 г.) – Краснодар, 1995. – С. 42—44.

Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Т.1.: С древнейших времен до 1917 года / Науч. ред. В.П. Невская. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – С. 7, 158, 171, 249, 287, 288, 366.

По поводу предстоящего десятилетнего юбилея ученой деятельности И.В.Бентковского // Кубанские областные ведомости. 1881. № 46.

Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1906. — Вып. 2. – С. 1–41, порт. – Библиогр. статей И.В.Бентковского: С. 46–55.

Самольянова Ю.А. Какой редактор – такая и газета: Неофициальная часть «Ставропольских губернских ведомостей» в период расцвета (1875—1882 гг.) // Ставропольская журналистика: история и современность: Материалы конференции / Под ред. А.А.Серебрякова и др. – Ставрополь: ГУП СК Ставропольская краевая типография, 2004. – С. 121–126.

Собриевский А.С. Статистика вообще на Северном Кавказе и в Ставропольской губернии в частности: Ее задачи и организация: (Читано в Ставропольском общественном собрании 21 декабря 1904 г.). – Ставрополь: Тип. Наследников Берка, 1905. – 70 с.

Станько А.И. «Северный Кавказ» о И.В.Бентковском // Вестник Московского государственного университета. Сер. Журналистика. 1990. № 3. – С. 86—87.

Фунтикова Т.И. И.В.Бентковский. (К 100-летию со дня смерти) // Ставропольская правда. — 1990. — 28 августа.

Список трудов Г.Н. Прозрителева

Александр II в Ставрополе и на Кавказе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1911. — 18 с.; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910—1911. — Т. 4. — С. 1—8. — 15 паг.; Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—18.

Альбом видов губ. гор. Ставрополя и его окрестностей на 1907—1910 гг.: К 125-летию губ. гор. Ставрополя (на Кавказе), 1785—1910 / Предисл. В.Загорской; К 125-летию гор. Ставрополя. Г.Прозрителева. — Ставрополь: Ставроп. губ. тип., 1912. — IV, 9 с.; 26 л. ил.; 2 л. карт.; 1 л.: Названия улиц, присутств. мест и др. учреждений. — (Труды Ставроп. учен. архив, комиссии).

Археологическая находка. Александровско-Афонский Зеленчукский монастырь // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1909. — Т. 2. — С. 1—3. — (Отд. 3); То же: // Труды Ставроп. учен. архив, комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—3. — (Отд. 3).

Археологическим обществам и ученым архивным комиссиям: [Об охране памятников старины] // Труды Ставроп. учен. архив, комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1— 6. — (Отд. 5).

Архивы Ставропольской губернии; Доклад пред. Ставроп. учен. архив, комиссии Г.Н. Прозрителева, читанный в общем собрании комиссии 17-го февр. 1906 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1912. — 23 с. ; То же: Труды Ставроп. учен. архив, комиссии. — Ставрополь, 1911. — Вып. 1. — С. 1—23. + Прил.: Программа: Описание архива.

Борьба за обладание Северным Кавказом. Кабардинцы: (По данным закавказских архивов). — Ставрополь: Тип. Окриздата, 1920. — 26 с.

В горах и ущельях близ Кисловодска: Очерк. — Ставрополь, 1924. — 32 с.: ил.

В дороге: (По Ставроп. губернии в 1914 г.) // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — Ставрополь, 1915. — Вып. 7. — С. 1—20. — (Отд. 1).

Ведомость о количестве земель, состоящих в помещичьих владениях в Кавказской области в 1842 году. Общий каталог помещичьим имениям населенным и ненаселенным в Кавказской области // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—3. — (Отд. 1).

Ведомость о карантинах и заставах в Кавказской области существующих. 9 июня 1831 г. // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—3. — (Отд. 1).

Ведомость оброчным статьям Кавказской области 1843 года // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—3. — (Отд.1).

Великая русская Авдотья. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1918. — 16 с.

Вниманию нашего городского управления // Северный Кавказ. — 1904. — 8 апр.

Военное прошлое наших калмык, 1812—1912: Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года // Труды Ставроп. учен. архив, комиссии. — 1912. — Вып. 3. — С. 1—232; 19 рис.; 2 портр.

Воронцов и Заводовский: (По воспоминаниям современников). — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 26 с.; То же; Труды Ставроп. учен. архив, комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—24. — (Отд. 1).

Генерал Попко // 45-я параллель; Прил. — Ставрополь, 1991. — № 1.

Герман Лопатин в Ставрополе на Кавказе: (Материалы к биографии) // Записки Северо—Кавказского краевого о-ва археологии, истории и этнографии. — Ростов н/Д, 1929. — Вып. 5—6. — Кн. 1 (Т. 3). — С. 71—74.; То же: Ставроп. правда. — 1990. — 17 марта.

Гибнущий народ. Туркмены // Власть Советов. — 1921. — 7, 30 дек.

Гимн Гоголю: Стихи // Северный Кавказ. — 1902. — 21 марта. — С. 2.

Городское самоуправление // Ставроп. губ. ведомости. — 1918. — № 65.

Две жертвы; Рассказ // 45-я параллель. — 1990. — Сентябрь — октябрь. — С. 3—7.

Дела и нравы. Каменные дела. — Б. м., Б. г. — 8 с.

Дело крестьян селения Маслов Кут Став-ропольской губернии 1853 года. — Ставрополь-Кавказский: Типо-лит. Т. М. Тимофеева, 1909. — 22 с.; То же:

Сборник сведений о Север. Кавказе. — 1909. — Т. 3. — С. 1—22.

Деятельность Ставропольской этнолого-археологической комиссии в 1926—1927 году // Краеведение на Северном Кавказе. — 1928. — № 1—2.

Древние тебердинские могильники // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1913. — Вып. 5. — С. 1—6.

Древние христианские памятники на Северном Кавказе. — Ставрополь: Тип. наследников Берк, 1906. — 15 с.; То же: Сборник сведений о Север. Кавказе. — 1906. — Т. 1. — С. 1—16; 9 рис.

Железноводск: (Из записной книжки 1903 г.). — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1912. — 10 с. ; То же: Труды Ставроп учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—10. — (Отд.1).

Живая могила: Памяти Салтыкова-Щедрина // Северный Кавказ. — 1889. — № 37.

За общее дело // Северный Кавказ. — 1904. — 12 февр.

За Родину, за Русь-матушку! // Северный Кавказ — 1904. — 10 февр.

Зависимость народного учителя от местной администрации: По поводу статьи о положении учителя станичной школы // Северный Кавказ.— 1890. — № 34.

Земельный вопрос на Северном Кавказе // Северный Кавказ. — 1902. — 16 нояб.; 1903. — 9, 30 янв.

Из жизни старого холостяка: (Святочный рассказ) // Северный Кавказ. — 1899. — 5, 9 янв.

Из истории города Ставрополя // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1915. — Вып. 7. — С. 1—31 + Прил.: Переписка по поводу предполагавшихся ссуд городам Кавказской губ. из заемного банка в 1785—1786 гг. — 5 паг.

Из летних поездок в Крым // Северный Кавказ. — 1902. — 10 янв.

Из местных былей: Памяти З.Ф. Будаш-Будашевского (частного поверенного Благодарно не кого уезда) // Северокавказский край. — 1915. — 30 окт.

Из прошлого Северного Кавказа: Воспоминания старого кавказца отставного вахтера Мефодия Степановича Солодуна. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1914. — 25 с. ; То же : Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1914. — Вып. 6. — С. 1—25. — (Отд. 1),

Из прошлого Северного Кавказа: Извлечено из подлинного архивного дела Моздокского духовного правления 1836 года // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—7. — (Отд. 2)

Из прошлого Северного Кавказа: К истории артезианских колодцев и первых постоялых дворов в Ставропольской губернии //Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—15. — (Отд. 2)

Из эпохи народных движений // Северный Кавказ. — Б. м., Б. г. — 18 с.

Историческая справка о кавказских выставках сельских произведений: К истории г. Ставрополя // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1915. — Вып. 7. — С. 1—4. — (Отд. 1)

Источник Карабин: К истории г. Ставрополя — Ставрополь: Тип Ставроп. губ. правления, 1913. — 11 с.; То же. Сборник сведении о Северном Кавказе. – 1914. — Т. 11. — С. 1—11. — 1 паг.

К больному вопросу // Северокавказское слово. — 1917. — № 800.

К вопросу об изучении маджарских древностей // Записки Северо-Кавказского о-ва археологии, истории и этнографии. — Ростов н/Д, 1928. — Вып. 3–4. – С. 71—74.

К истории артезианских колодцев и первых постоялых дворов в Ставропольской губернии Сообщено в заседании Ставроп. губ. комитета действительным членом Г Н Прозрителевым 16 янв. 1906 г. — Ставрополь: Тип Ставроп. губ. правления, 1906. — 15 с.

К истории нашего архива // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии — 1910. – Вып. 2. – С. 5—10. — (Отд. 1).

К истории нашей учен архив комиссии // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 3—11. — (Отд. 1).

К истории раскола и сектантства на Кавказе Скопцы. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1911. — 23 с.; То же. Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып..2. — С. 1—19. — (Отд. 2).

К истории Ставропольского и Тифлисского театра // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—4. — (Отд. 1). — (Из прошлого Северного Кавказа).

К истории Тмутараканского камня. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1913. — 7 с.; То же. Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1913. — Вып. 4. — Ч. 1. — С. 1—7. — (Отд. 1).

К 50-летию взятия Гуниба. Ставрополь 25 августа 1909 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 3 с.; То же. Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—3. — (Отд. 4).

К 50-летию Ставропольского окружного суда 17 апреля 1868. — 17 апреля 1918 года. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1918. — 26 с.

К событиям 1905 г. в Ставропольской губернии. Воспоминания очевидца // Ставрополье. — 1990. — № 5. — С. 97—102.

К 125-летию г. Ставрополя (на Кавказе). — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910 — 7 с.; То же. Труды Ставроп. учен. архив. комиссии — 1910. – Вып. 2. — С. 1—7. — (Отд. 1).

Кавказские архивы. Доклад действительного члена Ставроп. стат. комитета Г. Н. Прозрителева в заседании общего собрания комитета 19—го августа 1905 года // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—17. — (Отд. 1).

Кавказский музеи // Северный Кавказ. — 1903. — 22 нояб.

Кавказское оружие. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1915. — 18 с.; То же. Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1915. — Вып. 7. — С. 1—18.— (Отд. 1).; Ставрополье. — 1990. — № 3. — С. 85—94.

Казанский кафедральный собор в Ставрополена-Кавказе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 22 с.; То же. Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—22. — (Отд. 1) — (Из прошлого Северного Кавказа); 45-я параллель. Прил. — Ставрополь, 1991. — № 17. — С. 4—7. — (Публ. с сокращ.).

Каменные бабы // Власть Советов. — 1928. — 13, 23 июня.

Колыбель города [Отрывки из рукописи «Путеводитель по городу Ставрополю», посвящ.

Крепостной (Соборной) горе] // Вечерний Ставрополь. — 1991. — 21 сент.

Кому нужна настоящая воина? // Северный Кавказ. — 1904. — 6 марта.

«Край гордой красоты» С. Васюкова, издание Девриена [Рецензия] // Северный Кавказ. — 1904. — 10 янв.

Крепостное право в Ставропольской губернии. Материалы для истории Ставропольской губернии и г. Ставрополя, собр. Г.Н. Прозрителевым // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1915. — Вып. 7. — С. 1—25. — (Отд. 1).

Легенда о происхождении реки Томузлова Ставропольской губернии Александровского уезда // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. – С. 1—8. — (Отд. 2).

Летучие заметки (Афоризмы). — Б. м., Б. г. — 6 с.

Люди Божии, или Скопцы. Материалы по истории раскола и сектантства на Кавказе // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1–4. — (Отд. 3).

Мажары: Один из древнейших городов Северного Кавказа. — Ставрополь: Тип. наследников Берк, 1906. — 16 с.; То же. Сборник сведении о Северном Кавказе. – 1906. – Т. 1. – С. 1—16.

Материалы для истории г. Ставрополя и Ставропольской губернии, собр. Г.Н.Прозрителевым // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1–36. — (Отд. 4).

Материалы для истории г. Ставрополя и Ставропольской губернии, собр. Г.Н.Прозрителевым // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1913. — Вып. 5. – С. 1—10, 1—10, 1—17, 1—11, 1—16. — (Отд. 4).

Михайлов А.С. (Некролог) // Северный Кавказ. — 1903. — 20 сент.

Музей Северного Кавказа: (В Ставрополе — Кавказском). — Владикавказ, 1924. — 7с.

Мумии балкарских могильников // Сборник сведении о Северном Кавказе. – 1914. — Т. 9. — С. 1—4. — 3 паг.; То же. Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1913. — Вып. 5. — С. 1—36. — (Отд. 1).

Нападение горцев на г Моздок в 1843 г. // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—5. — (Отд. 1). (Из прошлого Северного Кавказа)

Наша жизнь // Северный Кавказ. — 1903. — 29 марта, 12, 17 апр., 3, 10, 17 мая, 27 сент., 25 окт., 1, 4, 13 нояб.

Наша жизнь // Северный Кавказ. — 1904. — 9, 20 янв.

Некоторым ставропольцам, поместившим в «Приазовском крае» ругательства по моему адресу // Северный Кавказ. — 1903. — 4 янв.

Необходимо охранять памятники прошлого. — Ставрополь: Тип. М. Т. Вайнблата, 1911. — 11 с.; Тоже. Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—8. — (Отд. 2).

Необходимость борьбы против пьянства. — Б. м., Б. г. —5 с.

Неотложная задача // Северокавказский край. — 1913. — № 183.

Непростительная небрежность (По вопросу охраны памятников старины) // Северный Кавказ. — 1900. — № 26.

Неужели не стыдно? // Северокавказскии край. — 1915. — 10 нояб.

Новые данные к истории Пугачева [Е. Пугачев на Тереке. 1772 г.] / Подгот. к публ. Н. Охонько // 45-я параллель. Прил. — Ставрополь, 1991. — № 3. – С. 5–8.

Нужды нашего края // Северный Кавказ. — 1903. — 25 февр., 4, 6, 11 марта.

О военнопленных поляках на Северном Кавказе в воину 1812 года. — СПб , 1914. — 4 с., 2 табл.

Опись делам, имеющим военное значение, выбранным Особой комиссией при Ставропольском губернском правлении, при участии председателя Ставропольской учен. архив. комиссии Г.Н. Прозрителева, из дел губернского архива по описям того же архива // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1913. — Вып. 5. — С. 1—56. — (Отд. 6).

Остатки древних времен в Ставрополе: (Археологическая карта Ставрополя) // Власть Советов. — 1928. — 28 янв., 4, 8 февр.

Охраняйте памятники старины // Власть Советов. — 1928. — 15 февр., 11, 14 апр., 19, 30 мая.

Очерк жизни и деятельности И. В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета: Доклад действительного члена Ставроп. стат. комитета Г. Н. Прозрителева. — Ставрополь: Тип. «Северокавказской газеты», 1908. — 155 с.; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1909. — Т. 2. — С. 1—55.

Памяти Г.А. Мачтета // Северный Кавказ. — 1901. — № 115.

Памяти чудной девушки-героини Риммы Михайловны Ивановой // Северокавказский край. — 1915. — 30 сент.

Память о Н.В. Гоголе в захолустьях Полтавской губернии. — Ставрополь: Тип. наследников Берк, 1909. — 8 с.

Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1912. — 18 с.; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1912. — Т. 7. — С. 3—18.

Песня Стеньки Разина: Этнографический набросок из записной книжки народника семидесятых годов. — Ставрополь: Тип. Окриздата, 1925. — 8 с.

Печатное дело на Северном Кавказе: (Ставропольская губерния) // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—12. — (Отд. 1).

Письма о войне: В 5 вып. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления. — 1914.

По дороге на Кугульту: Наше благоустройство и пути сообщения. Немножко археологии. Враги старины. Местные предания. Забытое прошлое и невозможное настоящее // Северный Кавказ. — 1903. — 1, 5 июня.

По селам и станицам // Северный Кавказ. — 1890. — № 23.

По Ставропольской губернии: На почтовых, обывательских и на долгих. — Б.м., Б. г. — 13 с.

Попытка судебной и административной реформы в России в начале 19 столетия // Северный Кавказ. — 1903. — 24 мая.

Посольство от Шамиля к абадзехам. — Махачкала: Изд. Даг. науч.-исслед. ин-та, 1927. — 7 с.: ил.

Преступные типы Ставропольской губернии // Вечерний Ставрополь. — 1995. — 19, 22—24, 29—31 авг., 6 сент.

Путеводитель по городу Ставрополю (на Кавказе) и его окрестностям: Краткие историче-

ские сведения // Вечерний Ставрополь. — 1997. — 1, 8, 15, 25 февр., 15, 25, 29 марта, 5, 15, 22 апр., 28 июня, 8, 12, 19, 26 июля, 5, 9, 16, 26 авг., 6, 10, 18, 19, 23, 24 сент.

Развалины древнего хазарского города Мажары близ селения Прасковея Ставропольской губернии на реке Куме // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1909. — Т. 2. — С. 1—24. — (Отд. 3); То же. Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—24. — (Отд. 3).

Раскопки, произведенные близ гор. Св. Креста Ставропольской губ., Прасковейского уезда председателем Ставропольской учен. архив. комиссии Г.Н.Прозрителевым 18—19 сентября 1909 года на месте развалин древнего хазаркого г. Мажары // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—7., рис. — (Отд. 3).

Рельсовый путь по Ставропольской губернии. — Ставрополь: Тип. наследников Берк, 1904. — 14 с.

Рост цен на продукты в Ставрополе — губернском: (По сведениям за ноябрь — декабрь 1919 г.) // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1920. — Т. 12. — С. 1—3.

Серые министры // Северный Кавказ. — 1902. — 7 дек., — 1903. — 1 февр.

Списки населенных мест Ставропольской губернии: (По данным 1909 года) / Под ред. помощника председателя стат. комитета Г.Н. Прозрителева // Сборник сведений о Северном Кавказе.— 1911.— Т. 5. — 182 с.

Скитальцы. (Рабочие и переселенцы) // Северный Кавказ. — 1889. — 16 июля.

Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях // Памятная книжка Ставропольской губернии на 1919 год. — Ставрополь, 1919. — С. I—XL.

Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Ч. 2. / Сост. Г.Н.Прозрителев. — Ставрополь — Кавказский, 1925. — 51 с. + Прил.: 12 табл. и карта Ставропольской губернии.

Ставропольская крепость // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 16 сент. **Сыпучие** пески в Ставропольской губернии //Известия Северо—Кавказского бюро краеведения. — 1927. — № 4. — Апрель.

Таинственная жидкость, хранящаяся в Донском музее в г. Новочеркасске // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1910. — Вып. 2. — С. 1—3 — (Отд. 3).

Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской духовной академии и X т. сенатского архива. — Саратов, 1910. — 7 с.

Что нам делать ? // Северный Кавказ. — 1904. — 14 февр.

Шамиль в г. Ставрополе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1913. — 11 с.; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1914. — Т. 9. — С. 1—10.; Ставрополье. — 1990. — № 1. — С. 107—114.

Шейх Мансур: К истории Кавказской войны // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. — 1911. — Вып. 1. — С. 1—13. — (Отд. 4).

Библиография основных трудов Г.Н. Прозрителева по истории и археологии Северного Кавказа // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. — Ставрополь, 1997. — С. 87–93. [44 назв.].

Библиографический список. Список трудов Г.Н.Прозрителева // Ставропольский хронограф на 1999 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь, 1999. – С. 78–83.

Библиографический указатель статей и отдельных изданий Григория Николаевича Прозрителева. — Ставрополь, 1922. — 12 с.

Литература о жизни и деятельности Г.Н. Прозрителева

Апостолов Л.Я. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии по археологии и работы председателя ее Г. Н. Прозрителева // Труды XV—го Археологического съезда в Новгороде в 1911 году. — М., 1914. — Т. 1: Протоколы. — С. 108—111.

Беликов Г. Ученый, просветитель, человек // Молодой ленинец. — 1990. — 21 нояб. [Об открытии надгробного памятника на могиле Г.Н. Прозрителева].

Беликов Г. Дорога из минувшего: Занимательные страницы истории г.Ставрополя. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1991. — С. 39, 255–268.

Беликов Г.А. Ставрополь – врата Кавказа. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1997. – С. 337–346.

Беликов Г.А., Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (на рубеже XIX – XX вв.). Материалы по краеведению для старших классов средних учебных заведений. Учебное пособие. Ч. 1, 2. – Ставрополь, 1995. — С. 97—99.

Белоконь В.В. Возвращение памяти // Молодой ленинец — 1989. — 25 мая. [О просветителе, историке, краеведе Г Н Прозрителеве].

Белоконь В.В. 90 лет архивному делу на Ставрополье // Ставропольский хронограф на 1996 год. Библиографический указатель литературы. – Ставрополь, 1996. – С. 56–60. – Библиограф. [Об участии Г.Н. Прозрителева в создании СУАК].

Белоконь В.В. Григорий Николаевич Прозрителев (К 150-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1999 год. – Ставрополь, 1999. — С. 73–85 [Библиограф.].

Водолажская В. Архив — живая память истории. Григории Николаевич Прозрителев — первый председатель ученой архивной комиссии на Ставрополье // Кавказский край. – Пятигорск,1995. — 29 июня — 6 июля.

Водолажская В. Под «негласным» надзором // Ставроп. правда — 1980. — 13 дек.

Воскресенский Н.И., Ямпольский М.Л. Краеведение на Северном Кавказе и перспективы его развития // Краеведение на Северном Кавказе — Ростов н/ Д, 1928. — № 1—2. – С. 1—9.

В президиуме горсовета // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 16 сент.

[О присвоении Г. Н. Прозрителеву звания «Почетный гражданин города Ставрополя» с установлением памятного знака в Аллее почетных граждан города].

Городецкий Б.М. Очерки развития русской периодической печати на Северном Кавказе // Известия общества любителей изучения Кубанской области. — Екатеринодар, 1913. — Вып. 6. — С. 73–166. [Из истории газе-

ты «Северный Кавказ», созданной по инициативе Г.Н. Прозрителева. – С. 118—123, портр.].

Гречкин А. «Северному Кавказу» — 110 лет // Северный Кавказ — Нальчик, 1994. — 12 нояб. – С. 15. [Первый номер газеты «Северный Кавказ» вышел в декабре 1884 г. Один из инициаторов издания – Г.Н. Прозрителев].

[Захаров В.А.] Ставропольская ученая архивная комиссия (к 60-летию со дня основания) // Календарь памятных дней по Ставропольскому краю на 1996 год. – Ставрополь, 1966. – С. 20—21. [О роли Г.Н.Прозрителева в создании СУАК].

Захаров В.А. Ставропольская ученая архивная комиссия и ее роль становлении ставропольского источниковедения // Ставрополь—врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы регион. научн. конф., посвящ. 225-летию Ставрополя. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С. 54—63. [О деятельности Г.Н.Прозрителева по созданию СУАК].

Историки-кавказоведы. Прозрителев Григорий Николаевич // История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. – М., 1965. — С. 482.

История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года: Региональный учебник для общеобразовательной школы. / А.В.Найденко и др. — Ставрополь: СКИПКРО, 1996. – С. 248–251.

Колесникова М.Е. Музей Северного Кавказа и охрана археологических памятников Ставрополья (1905—1920 гг.) //Из истории земли Ставропольской. — Ставрополь, 1996. — С. 16–18. [О деятельности Г.Н. Прозрителева по созданию музея Северного Кавказа и охране памятников древности].

Колесникова М. Е. Охрана памятников старины на Ставрополье в начале XX в. (По материалам Ставропольской ученой архивной комиссии) // Вестник Ставропольского государственного университета. – Вып. 9. Исторические и социально-гуманитарные науки. – Ставрополь, 1997. — С. 13 –22. [Об истории Ставропольской ученой архивной комиссии и ее председателе Г.Н. Прозрителеве].

Колесникова М.Е. Вклад Г.Н. Прозрителева в археологию Северного Кавказа // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. — Ставрополь, 1997. — С. 87–93.

Колесникова М.Е. Вклад интеллигенции Северного Кавказа в развитие исторического краеведения в регионе на рубеже XIX—XX вв. // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России. Материалы межрегион. науч. конф. (10—11 апреля 1998 г.) — Ставрополь, 1998. — Ч. 2. — С. 76–79. [О краеведческой деятельности Г.Н.Прозритева].

Колесникова М. Е. Археологическое изучение Центрального Предкавказья (конец XVIII — 30-е годы XX в.) // XX Юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Железноводск, 1998 г. – Ставрополь, 1998. – С. 54–56. [Об археологической деятельности Г.Н.Прозрителева].

Колесникова М.Е. Археологическая деятельность Ставропольской этнолого-археологической комиссии (1921—1933 гг.) // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа. Материалы научн. археол.-этнограф., ист.-краевед. конф. «II Минаевские чтения» (13 марта 1998 г.). — Ставрополь: изд-во СГУ, 1999. – С. 15–18. [Об археологической деятельности Г.Н. Прозрителева].

Колесникова М.Е. Г.Н. Прозрителев и Ставропольская ученая архивная комиссия // Архивный фонд РФ: феномен, мифы и реальность. Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. — Москва, 2001. – С. 69—75.

Колесникова М.Е. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия. Страницы истории и основные направления культуроохранительной деятельности в 1921—1933 гг. //Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология. Антропология. Палеоклиматология. – М.:«Памятники исторической мысли», 2001. – С. 208–220. [О деятельности Г.Н. Прозрителева по созданию Ставропольской этнолого-археологической комиссии].

Колесникова М.Е. Г.Н.Прозрителев – историк-краевед, собиратель архивов // Отечественные архивы. — № 3. — М., 2002. — С. 19—32.

Колесникова М.Е. Исследовательская деятельность Ставропольской ученой архивной комиссии как раннепрофессиональная коммуникативная практика провинциального интеллектуального сообщества первой четверти XX столетия // Язык и текст в пространстве культуры: Сб. статей науч.-метод. семинара «Texstus». – СПб. – Ставрополь, 2003. — Вып. 9. – С. 328–340. [О председателе СУАК Г.Н.Прозрителеве].

Колесникова М.Е. Научное общество в провинциальном интеллектуальном пространстве России (на материалах СУАК) // Научная мысль Кавказа. Приложение № 4 (45). – Р/Д, 2003. [О деятельности Г.Н.Прозрителева по созданию СУАК].

Край наш Ставрополье: очерки истории / Науч. ред. проф. Д.В.Кочура и проф. В.П.Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – С. 29, 158, 160. 161, 317, III—4, VI–14.

Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII — XX век): Региональный учебник для старших классов общеобразовательных учебных заведений. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2001. – С. 99–101.

Лекторским бюро Губполитпросвета. (Сообщение о том, что в красноармейском клубе устраиваются лекции Г.Н. Прозрителева по истории Северного Кавказа) // Власть Советов. — 1920. — 7 сент.

Лунин Б.В. 45—летний юбилей Г.Н.Прозрителева // Краеведение на Северном Кавказе. — 1928. — № 1—2. — С. 134—136; То же. Известия Центрального бюро краеведения. – 1928. – № 2. – С. 29—30.

Лунин Б.В. Прозрителев Григорий Николаевич: [Некролог] // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1934. — № 2. — С. 100–103; То же. Советское краеведение в Азово-Черноморском крае: третий сборник краеведческих материалов / Под ред. председателя ЦБК А.А.Канчеева. – Ростов-на-Дону, 1935. — С. 164–168.

Лучник В. Современное состояние Ставропольского музея // Краеведение на Северном Кавказе. — 1928. — № 3–4. — С. 71–74. [Г.Н.Прозрителев стоял у истоков создания музея].

Охонько Н. Грани таланта // Ставроп. правда. — 1989. — 30 мая. [О Г.Н.Прозрителеве].

Охонько Н. «Есть только миг — между прошлым и будущим » // Ставроп. правда. — 1990. — 13 янв. [О Г.Н. Прозрителеве, историке, общественном деятеле, организаторе и члене 30-ти общественных организации и учреждении в г. Ставрополе].

Охонько Н. Почетный гражданин // Ставроп. правда. – 1990. – 14 сент. [О Г.Н.Прозрителеве].

Охонько Н. Увековеченное имя // Ставроп. правда. — 1990. – 11 дек. [Об открытии памятника-обелиска на могиле Г. Н. Прозрителева].

Охонько Н. Основатель // Вечерний Ставрополь. – 1994. – 3 марта. [К 145-летию со дня рождения Г.Н. Прозрителева].

Охонько Н.А. Общественный деятель, просветитель, краевед // Северо-Кавказский регион. Информационно—аналитический вестник. — 1998. — № 3. — С. 68—71.

Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Т. 1.: С древнейших времен до 1917 года / Науч. ред. В.П.Невская. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – С. 7. 43, 292.

Подломаев Д. Юбилей Прозрителева // Власть Советов. — 1928. — 24 марта.

Прозрителев Григорий Николаевич [Очерк жизни и деятельности в г Ставрополе] // Северокавказский край. — 1916. — 1 мая. — С. 3.

Прозрителев Григорий Николаевич. (К 160-летию со дня смерти) // Памятные даты Ставропольского края на 1993 год. – Ставрополь, 1992. – С. 64—77.

Прозрителев Григорий Николаевич // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар, 1997. – Ст. 956. – С. 362.

Прозрителев Н.А. Что в имени твоем... // Вечерний Ставрополь. — 1995. — 22 июня. — С. 3. [Беседа с внуком Почетного гражданина Ставрополя Г.Н. Прозрителева Н.А. Прозрителевым].

Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно—практической конференции. Выпуск 1. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2005. – 152 с.

Из содерж.: **Ашихмина А.В.** Благотворительная библиотечная деятельность Г.К.Праве и Г.Н.Прозрителева. – С. 10–14; **Дронов А.В**. Вклад Г.Н.Прозрителева в изучение исторического и природного наследия населенных пунктов Петровского района. — С. 50–52; **Колесникова М.Е**. Начало историографического изучения Северного Кавказа: Г.Н.Прозрителев. — с. 55—57; **Нахаева И.В.** Рукописи Г.Н.Прозрителева как источник по изучению социально—экономической структуры кочевых обществ степного Предкавказья конца XIX – начала XX вв. – С. 86—89; **Охонько Н.А.** Г.Н.Прозрителев и его вклад в основание Ставропольского краеведческого музея. – С. 101—104; **Поддубная О.Е.** Отсутствующая «Другая» в трудах Г.Н.Прозрителева. – С. 104–105; **Савенко С.Н.** Вопросы развития музейного дела и охраны культурного наследия в переписке Г.Н.Прозрителева с Д.М.Павловым и другими кавминводскими археологами—краеведами. – С. 109—114; **Сокол О.В.** Г.Н.Прозрителев – сотрудник Ставропольского губернского статистического комитета. – С. 121—123; **Яцукова Л.В.** Вклад Г.Н.Прозрителева в развитие периодической печати Ставрополья. – С. 144–147.

Скворцов А.А. «Г.Н.Прозрителев, краеведы, калмыки...» // Россия, Северный Кавказ, Европа: проблемы истории общества и государства. Ученые записки кафедры отечественной и зарубежной истории. Вып. IV. Посвящен 50-летию со дня рождения В.П.Ермакова / Под общ. Ред. В.П.Ермакова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2005. – С. 308—323.

Скрипчинский В. Память о Прозрителеве // Ставроп. правда. — 1990. — 26 апр.

Сорокопятилетний юбилей Григория Николаевича Прозрителева // ИЦБК. 1928. № 2. — С. 29—30; То же. — Ставрополь: Тип. Окриздата, 1929. — 31 с.

Чеха Я. И памятник заговорил // Вечерний Ставрополь. — 1992. — 4 янв. — С 2, фото [Об открытии мемориальной доски на здании бывшего Музея Северного Кавказа, основанного в 1905 году Г.Н. Прозрителевым].

Чеха Я. Памяти великого краеведа //Вечерний Ставрополь. — 1990. — 24 нояб.

К.Э. Штайн, С.Ф. Бобылев, Д.И. Петренко.

Камень и солнце: Традиционный уклад Ставрополя в семиотической проекции

1. Принципы и методы исследования города как динамической системы

Культура города Ставрополя, находящегося в порубежной зоне (русская культура, кавказские культуры), очень мало исследована, хотя является богатейшей в России. Достижения нашего края находятся в дискретном состоянии, до сих пор не обобщены. Сейчас настало время изучать культуру края «археологически», вглубь, собирать данные, учить молодое поколение ценить наш город, край, понимать их значимость в культурном пространстве России. Ставрополье — зона постоянных политических конфликтов, а изучение повседневности в истории, ее языка способствует пониманию социокультурных особенностей жизни Ставрополя, раскрытию характерных черт менталитета его обитателей.

Ставрополь — исторический город. Исторический город, как известно, — органически сложившаяся на протяжении веков (иногда тысячелетий) система, отразившая в структуре и облике характер исторических этапов его существования. Исторический город ценен как наследник сменяющихся культур, он и сам — памятник культуры. Возрождение исторического города связано с охраной его архитектурных и культурных ценностей (включая морфологию города, внутренние и внешние перспективы, ландшафты, природу, ремесленную, художественную деятельность) и политикой экономического и социального развития.

Сейчас краевой центр, города Ставропольского края как культурная ценность, их архитектура, знаковая система, связанная с особенностями повседневной жизни, находятся под угрозой. Старинные постройки (особенно в сфере гражданского строительства) разрушаются, исчезают; в настоящее время в Ставрополе и в городах Кавказских Минеральных Вод сносятся целые кварталы в исторической части городов, происходит поглощение домов пристройками, которые производятся анархически. Разрушаются старинные особняки, исчезает декор, мистические знаки на камне, которые представляют уникальное свидетельство сложного менталитета жителей края, связанного с сочетанием языческого и христианского мировоззрений. Поспешная модернизация уничтожает информационный слой, существенный для понимания собственного прошлого. Понятно, что в таких условиях проблема самоидентификации актуальна как для каждого жителя города, так и для всего Ставрополя и Ставрополья в целом.

1.1. Многомерный динамический подход к исследованию города

Желая прояснить особенности нашего города, мы предприняли исследование его традиционного уклада в семиотической проекции. Такой подход не совпадает ни с понятием изучения повседневного уклада, ни с понятием «город-дискурс», ни с понятием «город-текст» (см., например: 1, 33). Скорее всего, данные аспекты являются составляющими многомерного и динамического системного подхода к исследованию города. Наша задача — понять его как живую, развивающуюся, динамическую структурно-системную организацию, имеющую «истоки» энергии и ее «стоки». Мы делаем установку на изучение некоторых внутренних и внешних процессов, связанных с понятием среды, организации и самоорганизации города как целостного структурно-системного образования. Здесь ключевым является термин **динамический подход** к исследованию города как активной развивающейся и саморазвивающейся системы.

Мы понимаем город как множество разнородных сфер реальности, тесно связанных друг с другом, но не сводимых друг к другу; хотя структурно-системная организация, которая лежит в их основе, является некоторой целостностью, имеет изоморфный характер. Взаимодействие структуры, системы и среды дает постоянно новые эффекты (иногда непредсказуемые), которые являются результатом как организации, так и самоорганизации города как открытой нелинейной системы. Динамический подход позволяет учитывать (по принципу дополнительности) не только структурные параметры города как системы, но и неструктурное в структуре, то, что открывается в процессе анализа явлений самоорганизации, вовлекающей в структуру многие нелинейные процессы, такие, например, как феноменологическое конструирование города его жителями, «достраивание» его истории и т.д.

Наша задача — используя данные о «языках» разных искусств, а также данные языка повседневности, изучить наиболее значимые особенности Ставрополя как культурного феномена. Особое внимание предполагается уделить выявленной недавно системе языческой символики, находящей воплощение в каменной архитектуре Ставрополя, в гражданском строительстве во всех архитектурных стилях: от классицизма до модерна, сталинского ампира и современного «дворцового» стиля — все это как раз представляет сейчас абсолютно «отсутствующую структуру», которая выявляется только в ходе рассмотрения динамического взаимодействия систем в процессе коэволюции природы и человека в пространстве городской среды.

Под городом как системой мы понимаем населенный пункт, в данном случае Ставрополь, имеющий иерархическую структуру, связывающую множество комплексов (подсистем), элементы которых находятся во взаимодействии (ландшафт, архитектура, социальные институты, культура и т.д.). Функции элементов этой системы обусловлены человеком, его социальными, административными, промышленными, торговыми, научными и культурными потребностями. В свою очередь, человек взаимодействует с городской структурой, средой, и она определенным образом формирует его.

При этом в понятии **традиционный** мы актуализируем сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т.п. Актуализированным оказывается и понятие **предания**, то есть устной передачи каких-либо исторических сведений. В ходе многоас-

пектного и многомерного исследования мы делаем установку на изучение разных объектов и их языков — вербальных текстов о Ставрополе (описание городов края, в основном, исторические очерки, эссе), а также невербальных — языков архитектуры, живописи, впоследствии, возможно, и музыки и др. Привлекаются данные по семиотике ландшафта, климата, природной среды, которые, по нашему мнению, входят в системное описание города.

Традиция, как известно, образует коллективную культурную память и преемственность, способствует инициативному, избирательному овладению достижениями прошлого, связана тем не менее с их развитием и обогащением, модификацией традиционных моделей и структур культуры. То, что входит в понятие традиционализма, обусловлено повторением и варьированием сложившихся структур и реализацией их в виде некоторых канонов, неукоснительно соблюдаемых. Традиция в широком смысле — это творческое овладение прошлым, его переработка и переосмысление. Что же касается понятия традиции в более строгом смысле слова, то здесь мы отталкиваемся от концепции Р. Генона, считавшего, что народная память сохраняет необычайно долго и истово, уже не понимая их, фрагменты и осколки традиции, имеющие реальную символическую ценность и восходящие к незапамятным временам. Основополагающим у Генона является понятие изначальной традиции, выражающей всеобщий, космический смысл мироздания. «Поэтому заключенная в ней мудрость превышает всякое земное, человеческое знание. В ходе исторического развития традиция проявляет себя через те или иные конкретные этнокультурные формы. Всякая религиозная система не только содержит представление о мироздании, но и освещает то или иное общественно-политическое устройство, способствуя тем самым проявлению в определенной степени принципов изначальной традиции» (81, с. 24). Таким образом, в процессе исследования всегда можно опираться на определение инвариантных структур, а от них уже идти к их модификациям.

Возврат к традиции предполагает освоение языка символов, на котором она изъясняется. «Символика есть средство, наиболее приспособленное к обучению истинам высшего порядка, религиозным и метафизическим, то есть всему тому, что отвергает современный дух, рационалистический в своей основе, — пишет Р. Генон. — Вот почему так необходимо восстановить возможно полнее реальное значение традиционных символов, вернуть им их интеллектуальный смысл, не превращая их в предмет чисто сентиментальной привязанности» (23, с. 29).

Традиционный символ, по Генону, исходно содержит весь свой многослойный смысл и в ходе дальнейшего развития не присоединяет новых элементов — в силу закона соответствия. Развитие и становление претерпевает лишь наше осознание его. По-видимому, это так и не так. Делая установку на некоторые инвариантные позиции города как знаковой системы и ее динамику, мы будем учитывать асимметрический дуализм города как знака. Асимметрический дуализм знака связан с антиномией неизменного и подвижного одновременно, так как за одним знаком, как правило, закрепляется несколько семантических функций, и в то же время одно значение выражается несколькими знаками. С. Карцевский, обосновавший это положение для лингвистического знака, распространял его и на другие знаковые системы: «Всякий знак является потенциальным омонимом и синонимом одновременно, то есть он образован скрещением этих двух рядов мыслительных явлений» (42, с. 85).

Знак действительно может содержать изначально практически все семантические функции, которые только актуализируются в пространстве и во времени. Динамический подход подкрепляет установление механизма динамики, которая также заложена в природе знака. «Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» (там же, с. 85).

Термин **уклад** означает 'установленный или установившийся порядок в организации жизни, быта' (МАС). Порядок в определенной системе сосуществует с беспорядком, организация с самоорганизацией. Но в любом случае функционирование такой сложной и многослойной семиотической системы, как город, ставит во главу угла человека и его созидательную творческую деятельность во взаимодействии с природой. Именно человек как субъект и созидатель города и городской среды приводит этот сложный механизм в движение и, наоборот, город, с его сложившейся системой, структурой, укладом, определенным образом влияет на мир человека, на формирование его языковой и концептуальной картины мира.

Современные холистические представления, развиваемые синергетикой, тесно связаны с выявлением активности субъекта, принципов его созидательной и конструктивной деятельности в мире. При этом мир (природа) рассматривается как иерархия «целостностей», понимаемых как духовное единство. Нарастающая волна конструктивизма сейчас охватывает и философию, и науку, и искусство: в основе деятельностный подход в исследовании творчества. «Такой подход предполагает наличие нередуцируемого многообразия, плюрализма разных позиций, точек зрения, ценностных и культурных систем, вступающих в отношение диалога и меняющихся в результате этого. Так понятая деятельность предполагает не идеал антропоцентризма в отношениях человека и природы, а идеал коэволюции, совместной эволюции природы и человечества, что может быть истолковано как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапланированном диалоге» (см.: 43, с. 622).

Для понимания места человека в сложных коэволюционных системах и его надлежащего встраивания в коэволюционный процесс нужно уметь мыслить и действовать активно и интерактивно, то есть быть в синергизме со средой, созидать когерентный, взаимно согласованный мир, соответствующий как собственным когнитивным возможностям, так и внутренним неявным тенденциям среды (см.: там же, с. 352).

Такой подход позволяет рассмотреть гармоническое единство всех составляющих города и представить его как работающий механизм, осуществляющий определенное действие, то есть дающий многоплановый, в том числе, эстетический эффект, а уже в итоге, на фоне общих закономерностей, мож-

но понять индивидуальное его своеобразие. Все это играет важную роль в определении семиотических особенностей, так как «передача непривычного и неожиданного образа есть само по себе фундаментальное онтологическое событие» (12, с. 113). Новизна в определении образа города связана с проблемой творческих возможностей человека как его созидателя, поэтому так важно зафиксировать все случаи «новизны». Понятие «новизны» включает фиксацию необычного, отличного от характеристик других городов.

Город и представление о его языке как о совокупности автономных (хотя и взаимодействующих) систем, содержащих ограниченный набор неразложимых с точки зрения данной системы элементов, становится относительным. Расслоение всей системы, разобщение отдельных слоев, усложнение структуры каждого уровня организации этой системы ведет к выявлению полипластовости языка города. Тем самым нарушается (относительно) соотношение признаков, которыми различаются страты: список единиц яруса, по крайней мере словного, становится относительно открытым, то есть номинации, связанные с названием реалий, не всегда бывают исчерпывающими, и надо обращаться к другим языкам, например, архитектуры, чтобы выявить «отсутствующие структуры» в системном представлении города.

Ракушечник — это камень, который окружает ставропольца повсюду

1.2. Феноменологическое конструирование «глубины» города как параметр динамической системы

Город как сложная семиотическая система имеет горизонтальное порождение — его пространственные параметры позволяют выделить гармонические образования: ландшафты, расположение, протяженность улиц, их пересечение, соотношение. Описание города как нарратива по отношению к этим реалиям также синтагматично (обычный рассказ об истории города, его разрастании). В то же самое время город можно изучать стратификационно как сложную организованную систему, имеющую уровни, слои и подслои организации. На синхронном срезе можно дать систематизацию внешних и внутренних структур и систем города: ландшафты, площади, улицы, строения в их тематической организации, внутренней взаимообусловленности; включение диахронии позволяет показать «размежевание» этих структур (например, через последовательность застройки), «археологическое» проникновение в глубь истории позволяет постепенно снимать исторические слои. Так, архитектура как полисистемная организация может быть проанализирована «археологически», вглубь (разные культурные слои, вплоть до семантических признаков ракушечника — основного строительного материала в архитектуре) и из «глубины» на поверхность — от того же ракушечника к обычному гражданскому строительству (строения, в стилевом отношении не означенные), и далее рассматривать город в системе выраженных стилей — классицизм, модерн, сталинский ампир, современный «дворцовый» стиль.

Динамический структурно-системный подход позволяет производить учет феноменологической постановки, «переживания предметности», структурирования «сознания о», в данном случае, о городе, что ведет к понятию «глубины» в осмыслении города. Следует учесть и то, что феноменологическая заданность всех элементов города-системы и в вертикали, и в горизонтали осуществляется в их единстве (при доминировании того или другого), и «неязыковые» слои города как системы — «виды», «сцены», «картины» нашего переживания предметности, воображения обозначают формирование «глубинных» параметров. Это так называемые интенциональные структуры, возникающие в процессе общения человека с городом. Это касается уже проблемы относительности города как знаковой системы и всей городской среды, в которой существует человек, и влияния ее на процесс конструирования сознания горожанина. Он созидатель города, но и его созидательная деятельность и ощущения как горожанина определенным образом конструируются самим положением города, природными, историческими особенностями, реалиями, тем, какие тексты складываются о городе, какие мифы и легенды порождаются в процессе становления города как динамичной системы.

Таким образом, установка на интенциональные структуры позволяет выявить параметр семиотической относительности. Городская среда интендирует, направляет определенным образом сознание человека, а оно связано с рефлексией над этими интенциями, и в результате перед «умственным взором» возникают картины, виды, сцены, которые формируются городом и, в свою очередь, формируют образ города, его дух, достраивают в нашем сознании то, что упрятано исторически вглубь от внешних проявлений. При этом интенции, как правило, исторически детерминированы, так как человек всегда обращен в прошлое, находясь в настоящем времени, связан с ним, как, впрочем, и с проекцией в будущее. Следует отметить важность изучения и понимания феноменологического конструирования города его жителями, так как феноменологические установки в осмыслении явлений направлены на сущностное содержание, предметное конструирование феноменов через вызов фреймов (например, закрепленных за словами), картин, видов, сцен, которые «являются» перед нашим умственным взором, и детерминированы они именно

данной городской средой. В случае со Ставрополем мы фиксируем те спонтанные феноменологические установки, которые связаны с осмыслением исторических особенностей города его жителями.

Как правило, основные интенции, феноменологическая историчность переживания предметности нашего города, его историческое конструирование связано с несколькими действиями.

1. Интенции камня-ракушечника (песчаника), разломы которого представляют процесс формирования Ставропольской возвышенности 17 миллионов лет назад. Ставрополец воображает, как выглядели наши места в те времена, когда здесь было Сарматское море.

2. Интенции, идущие от древних курганов и поселений на территории города и края. Как правило, жители города и края рассматривают историю в связи со скифскими, сарматскими и другими племе-нами, в разные периоды населявшими эти места.

3. Интенции, связанные с некоторыми реалиями, историческими явлениями, ведущими к мифопорождению, касающемуся истории нашего города (крест, крепость, Суворов и др.).

4. Интенции архаических (языческих) символов, связанные с жилищем, исторической застройкой города, представляющих уникальное запечатление знаковой системы, посредством которой ставрополец «общался» со Вселенной, космосом. Это один из удивительных примеров коэволюции человека и природы. Природный мир влияет на человека, и человек с помощью определенной символики, отображающей этот мир (знаки земли, неба, воды, солнца), пытается взаимодействовать с ним.

Рассмотрим названные типы исторического конструирования в данной последовательности.

1. Первый тип исторического конструирования связан с ракушечником — это камень, который окружает ставропольца повсюду — в самом городе, за его пределами. Он под ногами, это скалы, которые мы видим в окрестностях, это наши старые заборы, дома, фонтаны, тротуары и др.

Под **интенциональностью** явлений природы и предметов, связанных с прошлым и будущим города, мы понимаем ту особую информацию, смысл, а также систему сенсорных модусов (зрения, слуха, обоняния, осязания и т.д.), которую они активизируют и которая вызывает в понимающем и осмысляющем ее человеке определенные картины, виды, сцены, возникающие перед умственным взором и позволяющие в «переживании» предметности воссоздавать «отсутствующие» в настоящем времени структуры, восполнять воображением целые исторические периоды по имеющимся структурным данным. «Согласно синергетике, человек как микрокосм представляет собой синтез предыдущих стадий развития, — пишут Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, — причем, возможно, не только онтогенетического, но и филогенетического развития. Становление сложного сопровождается накоплением всех предыдущих стадий развития, правильным, резонансным включением их в единую структуру «горения» человеческого существа, а не их вытеснением и отсечением. Разумеется, это не означает, что в сложную развитую структуру входят все без исключения исторические стадии развития и что они входят в неизменном, исторически фиксированном виде. При сборке сложного некоторые предшествующие стадии развития могут естественным образом выпадать, а другие, существенные, входят в преобразованном, трансформированном виде. Построение сложного целого ведет к видоизменению частей, элементов и подсистем, входящих в его состав» (43, с. 386).

Становится ясно, что с целью осмысления человека, в частности осмысления личности ставропольца, нельзя вытеснять из его сознания, психики старое, дикое, неразумное, телесное, отсекать его историю. Бремя его исторического пути должно быть включено, резонансно интерпретировано, трансформировано в нем. «Выпадение существенных элементов сложной эволюционной структуры может сделать дальнейшее развитие этой структуры неустойчивым. А управленческое, образовательное или воспитательное усилие, направленное на устранение якобы нежелательных элементов дикости, неразумности, телесности в человеке просто-напросто окажется неэффективным», — считают Князева и Курдюмов (там же).

Для создания сложной структуры необходимо уметь соединить структуры «разного возраста», развивающиеся в разном темпе, необходимо включать элементы «памяти», биологическую память, ДНК или память культуры, культурные традиции, но при этом, конечно, не следует смешивать синтагматику, парадигматику и «глубину» в ее феноменологической проекции.

Функциональный принцип поведения нелинейных систем — это периодическое чередование стадий эволюции и инволюции, развертывания и свертывания, взрыва активности, увеличения интенсивности процессов и их затухания, ослабления, схождения к центру, интеграции и расхождения, дезинтеграции, хотя бы частичного распада. Надо делать на это установку. Благодаря синергетике

Ставропольская возвышенность — своеобразный природный мираж. В этой маленькой «горной» стране все горы со срезанными, как поверхность стола, вершинами

акцент сейчас перемещается на время, предпринимаются попытки представить пространство через время: все эволюционные стадии, совокупность структур «разного возраста» даются в пространственной конфигурации некой сложной эволюционной структуры: «Иными словами, происходит поворот от опространствования времени к овременению пространства» (там же, с. 395).

В нашем подходе это означает то, что мы будем рассматривать горизонтальное (нарративное порождение города), вертикальное (иерархическое соотношение внутренних структур), и глубинное — феноменологическое конструирование разных временных периодов, пластов города в единстве. Мы подходим к осмыслению города с точки зрения динамической синхронии — делаем установку на неподвижность и подвижность знака одновременно, учитываем, что и на синхронном временном срезе (периоде относительно стабильного состояния города) все же имеют место изменения в структуре и системе. Они как раз обусловливают диахронию, историческое изменение города. Учет феноменологического конструирования также позволяет «овременять» пространство, достраивая его прошлое и проецируя будущее. И все это, в конечном счете, — фиксация коэволюции — взаимодействия человека и пространства, в данном случае, города, в котором он живет.

Так получается и со Ставрополем. Ставропольчанин мыслит себя причастным к биологической, геологической и географической истории Ставрополя. В этом нет ничего удивительного. Ф. Бродель в работе «Средиземное море» осмысляет море как исторический персонаж. «Я полагаю, — пишет Бродель, — что само море, каким мы его видим и любим, лучше всего рассказывает о своем прошлом» (16, с. 15). А далее утверждает: «Итак, нам затруднительно в точности определить, что за исторический персонаж Средиземноморье, — для этого необходимо терпение, не одна попытка и неизбежные ошибки» (там же, с. 16). Первая часть его «Истории» посвящена неподвижной истории, истории человека в его взаимоотношениях с окружающей средой, «медленно текущей и мало подверженной изменениям истории», закономерности которой зачастую сводятся к непрерывным повторам, «к беспрестанно воспроизводящимся циклам» (там же, с. 20). Бродель приходит к расчленению истории на несколько уровней, к различению в историческом времени времени географического, социального, индивидуального. «География, — пишет он, — которой мы можем задавать любые вопросы, как истории, отдает, таким образом, предпочтение почти неподвижной истории, при условии, разумеется, что та усваивает ее уроки, принимает ее классификацию и ее категории» (там же, с. 29). В Ставрополе таким историческим персонажем является Сарматское море, оставившее после себя плиты ракушечника, на которых расположен Ставрополь и его окрестности.

В.Л. Гаазов, поэт и исследователь, в книге «Путешествие по ожерелью Северного Кавказа» (2004) так характеризует Ставропольскую возвышенность, на которой располагается наш город:

«На юге России, в степях предкавказских
Наш край Ставропольский лежит
И тайны морей, что плескались когда-то,
В сарматских породах хранит.

Знаете ли вы, что Ставропольская возвышенность — это дно древнего Сарматского моря, приподнятое внутренними силами земли в результате сменившейся эпохи и ставшее сушей? <...> Ставропольская возвышенность — своеобразный природный мираж. В этой маленькой «горной стране» все горы — со «срезанными», как поверхность стола, вершинами» (20, с 73).

Гаазов пишет, что фундаментом для Ставрополя послужило дно древнего Сарматского моря. Крепость, которая лежит в основании города (стены), в определенный период ее создания строили из известняка-ракушечника. «Посмотрите на поверхность известняка-ракушечника — и вы увидите перетертые морскими волнами древние ракушки. Так уже не раз было на Земле, что эпоха моря сменялась эпохой суши, и на «ковре» из бывшей жизни появлялась новая» (там же, с. 8).

Каменная стена на проспекте К. Маркса у Крепостной горы

Сарматское море, сарматские породы, тайны морей, природный музей, дно древнего сарматского моря, шероховатая поверхность известняка-ракушечника, древние ракушки, эпоха моря, эпоха суши, бывшая

жизнь, новая (жизнь). Выделенные из текста Гаазова опорные слова и термины интенциональны в силу смысловой означенности: древнее море, шероховатые породы, смена эпох. От тактильно ощущаемых предметов (древних ракушек), явных или представляемых на основе номинаций, отталкивается человек, воспринимающий город или осмысляющий его. Направление интенции — археологическое, вглубь, и из глубины веков к адекватации с реальными предметами и явлениями. «Операторы» рефлексии и интенциональности в тексте, то есть направленности сознания, — глаголы «подойдите, посмотрите и вы увидите».

В главе «Известняк-ракушечник — поэзия моря» В.Л. Гаазов широко охватывает историю, показывает связь мира реального с миром воображаемым, когда в процессе рефлексии субъекта возникает «сознание о» об очень давнем, в данном случае, о ракушечнике: «Для многих людей камни, лежащие под ногами, — всего лишь что-то неодушевленное. Мало кто задумывается над тем, какая длинная и интересная история таится за их подчас неказистым видом.

А ведь в обычных камнях запечатлена **геологическая история города** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*).

...Здесь миллионы лет назад
Сарматское море плескалось.
Но время прошло... И ныне оно
В поэзии скал лишь осталось.

Тысячелетиями накапливались на дне древних водоемов твердые осадки. Здесь, точно в слоеном пироге, мы можем наблюдать весь спектр осадочных горных пород... В нашем городе известняк-ракушечник — одна из основных горных пород. Еще очень давно этот камень использовался как прекрасный строительный материал. Мы до того привыкли проходить мимо домов, стен, гаражей из известняка-ракушечника, что порой не обращаем на него внимания. Что может быть интересно в этом камне? **Приостановитесь, погладьте** рукой шершавую поверхность этой горной породы, состоящей из перетертых волнами прибоя раковин.

Задумайтесь над поворотом колеса времени. Только человеческому уму под силу постичь эти процессы мироздания...

...Ковер из жизни на ковре из смерти —
Не в этом смысл бытия?
Когда-нибудь на этом месте
Плескаться будут новые моря...

Хотим мы это признать или нет, законы, вернее закономерности природы, незыблемы по сравнению с законами, созданными человеком. В них отсутствуют эмоции, практицизм, нет борьбы добра и зла. Наблюдается лишь непрерывное развитие существования во времени и пространстве, чередование эпох моря и суши. **Ставропольцы — это дети Сармата** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*). С самого рождения гулкое эхо сарматских волн глубоко проникает в их подсознание, становится неотъемлемой частью бытия. Физический контакт рук с тем же ракушечником-известняком, поиск в нем древних раковин дают возможность вновь пережить короткие состояния «детскости», столь необходимые в наше время циничного прагматизма» (там же, с. 8—9).

Как же происходит в нашем сознании конструирование воображаемой реальности?

Э. Гуссерль, родоначальник феноменологии, занимался исследованием структур сознания — феноменов, идеальных типов прообразов существ и вещей, явленных «чистому сознанию» путем редукции заранее-знаний, «очищенных» от обыденных напластований. Интерес ученых к феноменологии связан с выдвижением Гуссерлем феноменологического подхода к языку. Если грамматика оперирует абстракциями, то феноменология интересуется эйдосами языка. Под эйдосом вообще Гуссерль понимает **сущность объекта**, но не сущность в традиционном философском смысле, а **инвариант чувственно воспринимаемой вещи, который остается неизменным в потоке вариаций и непосредственно постигается, «усматривается» феноменологической интуицией, даже**

Остатки старой каменной стены на Крепостной горе

когда мы актуализируем значения слов (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*).

Гуссерль анализировал феномены с помощью смысловых полей сознания, усматривая те инвариантные характеристики, которые делают возможным восприятие объекта. В феноменах Гуссерль выделял различные слои: языковые оболочки, психические переживания; предмет, мыслимый в сознании; смысл — инвариантную структуру и содержание языковых выражений. Феноменология обращается к двум последним слоям, образующим интенциональную структуру сознания. Предметное бытие и сознание коррелятивны. Сознание предстает в феноменологии как двуединство, включающее в себя познавательные акты — ноэзис и предметное содержание — ноэму. Как видим, философская установка подкрепляет семиотическую, связанную с природой знака — неподвижной и подвижной одновременно.

В приведенном фрагменте из книги Гаазова феноменологическая постановка позволяет отграничить реальное и воображаемое, выявить также связь между ними. Камень не имеет семантики, если не сделать его предметом рефлексии, в данном случае — в тексте Гаазова — он осмысляется в том плане, как в **обычных камнях запечатлена гео-**

логическая история города. Покажем последовательность этого процесса, опираясь на приведенные тексты В.Л. Гаазова.

Обратим внимание на то, что феноменологическая рефлексия осуществляется автором спонтанно, мы же опираемся на феноменологический подход (в классическом его понимании, по Гуссерлю) и на его основе пытаемся структурировать интенциональность сознания, в данном случае, автора книги. Если это учесть, то можно определить следующую структуру.

Процесс структурирования предметного сознания («сознания о»)

↓

Камень (природное явление — в реальной действительности ощущается в тексте, через название воспроизводится в воображении)

↓

Строительный материал

↓

Постановка вопроса (спрашивать у предметов) (Что может быть интересного в этом камне?)

↓

Призыв к активизации сенсорных модусов (погладьте шершавую поверхность)

↓

Призыв к активизации сознания, рефлексии (задумайтесь над поворотом колеса времени)

↓

Рефлексия (законы природы, их незыблемость)

↓

Подсознание человека, рефлексия как часть его бытия

↓

Физический контакт рук с ракушечником, рефлексия над ним

↓

Поиск древних раковин

↓

«Возможность пережить древность» — переживание предметности (ощущения, фантазирование)

↓

Вывод: «Ставропольцы — дети Сармата», так как они причастны к «большой истории», которая формировалась в нашем крае вместе с геологической историей.

В процессе интенциональных актов происходит конструирование интенционального предмета (предметного сознания).

Предметность сознания автора текста связана с интенциональностью самого предмета и его имени — названия «камень-ракушечник». Дети Сармата оказываются без Сарматского моря, но с его древними окаменевшими обитателями. Сарматское море интендируется и именем, и конкретным предметом, который оно запечатлевает, — камень. Этот интенциональный предмет запечатлевается только в воображении, тем не менее влияние на историческое сознание ставропольца имеется.

Феноменология мышления заключается в том, что сознание само мыслит себя изнутри с порождением «являющегося» предмета, который предстает перед нами картинно, в том или ином «виде» — это интенциональный предмет. Способы его конструирования многообразны, но они варьируются: у Гаазова в тексте называются физические предметы (ракушечник), идеально созерцаемые предметы (Сарматское море), вымышленные предметы («новые моря»). Кроме того, следует учитывать, что при этом сознание предстает в различных сенсорных модусах, воспринимая, воображая, вспоминая, предполагая, оценивая предмет. В пределах каждого модуса имеются тончайшие внутренние различия: например, воспоминание о давнем (плеске волн Сарматского моря) и воспоминание, следующее за восприятием (современные ощущения «морского»), отличаются друг от друга.

С проблемой рефлексии связан поставленный еще Гуссерлем вопрос о феноменологическом воображении, о своеобразной фантазии, которая роднит философа с поэтом. Сущность метода феноменологии как раз и заключается в соединении противоположных начал: «**превращать в современные**» любые акты сознания, вызывая их в рефлектирующем восприятии, и развивать способность свободной фантазии, которая необходима как представителям эйдетических наук, так и поэзии. Это тоже роднит феноменолога, поэта и ученого. Заметим, что в своей книге В.Л. Гаазов постоянно переходит от прозы к поэзии, как бы дополняя научный анализ воображением, переживанием описываемой предметности. Таким образом, феноменологическая постановка в исследовании самоидентификации нашего города и горожанина связана с выявлением структур сознания, которые позволяют ему быть причастным к «большой» истории. Рефлексия ставропольца еще раз подтверждает, что человек является звеном универсального и глобального эволюционного процесса, он активен и интерактивен в развертывающихся сетях коэволюционирующих систем, иерархических структурах их организации. Он не наблюдатель, он, скорее, соучастник коэволюционного процесса. Блез Паскаль утверждал, что «человек связан в этом мире со всем, что доступно его сознанию... ему все сопричастно» (см.: 43, с. 397). «Коэволюция, — пишут Князева и Курдюмов, — не просто процесс подгонки частей друг к другу при образовании сложного целого, их резонансного взаимного расположения и синхронизации их темпов развития, но и инактивированное познание человеком мира, синергизм познающего и конструирующего субъекта и окружающей его сферы. А также это — интерактивная связь между человеческими организациями и отдельными индивидами, всеобщее сотрудничество, соучастие и солидарность, совместные усилия в конструировании и перестройке мира, а тем самым, и своей собственной психики. **Это — обнаружение универсального сродства всего со всем и таинственной связи между прошлым, настоящим и будущим** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*) (там же, с. 397—398).

Обратим внимание на то, что практически все, кто пишет о камне, переживают его интенции, осуществляют рефлексию над ними; направление ее — семиозис прошлого: древности — раковины — море, его виды, картины, сцены. Такого рода рефлексия обнаруживается и в книге «Встречи с прошлым и настоящим» Б.Л. Годзевича, Н.А. Охонько, В.В. Савельевой, А.А. Кудрявцева (1999). В ходе осмысления каменной ниши на Татарском городище, выработанной в результате выветривания ракушечника, возникло такое размышление: «Но для любознатель-

ного человека пребывание в нише — это еще и своеобразное **мысленное путешествие** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*) на дно исчезнувшего моря. Если внимательно приглядеться к известняку, то нетрудно заметить, что он состоит из бесчисленного множества раковин морских моллюсков. Среди них наиболее распространены гладкие раковины двустворчатых или пластинчатожаберных моллюсков рода мактра. Реже встречаются двустворки с радиальной ребристой поверхностью. Это кардиумы. Если повезет, то можно найти раковины брюхоногих моллюсков. Это дальние родственники виноградных улиток. Большая часть раковин разбита, что объясняется отложением их в прибрежной части моря, где их перемывали волны. Пласты ракушечника удивительно выдержаны на больших расстояниях. Они поддерживают не только Ставропольскую возвышенность, но широко распространены в Крыму и по всему Северному Причерноморью. Какие природные факторы вызвали необычайную вспышку размножения моллюсков в середине неогена, — одна из загадок, еще не решенных наукой» (27, с. 44—45).

Раковины неогеновых моллюсков, населявших Сарматское море 17 миллионов лет назад, интендируют сознание воспринимающего их, заставляя конструировать историю, совершать «мысленное путешествие» в древнейшие времена, рисуя в воображении «гулкое эхо сарматских волн». Это стихийная феноменологическая постановка.

Что нужно, чтобы осуществить феноменологический анализ?

1. Вглядываться в акт собственного восприятия, постоянно удерживая какой-либо предмет перед умственным взором, сохраняя длительность, процессуальность восприятия.

2. Осуществляя это, решать и проверять через усмотрение, что в восприятии относится к сущности.

3. Надо описывать рассмотренные таким образом существенные принципы, законы процесса восприятия.

Воспринимающий и анализирует эту рефлексию, осуществляет то, что в восприятии относится к сущности. В данном случае она заключается в возможности интендировать историю, осуществлять конструирование нашей прошлой реальности. Все это позволяет действовать «по правилу Леонардо», вглубь, «вглядываться в пыльные или покрытые плесенью стены, в облака, в ночные контуры древесных ветвей, в тени, изгибы и неровности поверхности любой вещи, везде миры и миры. Глубже, глубже вглядываться в ткань покрывала, и она шевелится, она плывет, она выдает образ за образом... Видение — первое, значит разумение — первое. Начинают видеть разумом: начинают видеть уши и слышать глаза» (88, с. 336). Это как раз то, что мы переживаем не только в сознании, но и в подсознании, о чем пишут В.Л. Гаазов и другие цитируемые авторы.

Интенциональность функциональна: с ее помощью подчеркивается состояние сознания субъекта, воспринимает он, судит, любит или ненавидит, негодует или радуется. Она определяется как сложное содержание предмета: предмет «является» сознанию вместе со смыслом, смысл сополагаем, но одновременно интендирован. В этом процессе важны два момента: 1) как актуальный опыт данного индивидуального сознания включает в себя моменты предшествующего опыта и 2) каковы те свойства наличного сознания, которые обусловливают будущую познавательную деятельность, то есть имеет место повторение старого опыта и «творчество» нового. Здесь феноменолог «перешагивает» сферу значений слов и переходит к чистому созерцанию, рассмотрению интенциональной сущности предмета. Очень близки к этому поэты, да и прозаическое художественное мышление очень хорошо запечатлевает данные интенции.

В 1946 году в первом номере «Ставропольского альманаха» была опубликована повесть «Море Сарматское» И.Я. Егорова, в которой очень ярко воссоздано историческое мышление ставрополья, «интенциональные акты», связанные с переживанием предметности прошлого.

Герои повести — рабочие рыболовецкой артели — называют себя сарматами. Именно причастность к древнейшей истории, как они ее понимают, связывает их в братство. Вот некоторые выдержки из их диалогов.

Каменная стена на проспекте К. Маркса у Крепостной горы

«— **Сарматы**, — сказал Юня Галочка, — подвигайтесь ближе» (34, с. 51).

«— **Братья сарматы**, прошу к столу!» (там же, с. 51)

«— Прошу не перебивать, **братья сарматы, будьте достойными потомками своих досточтимых предков**» (там же, с. 54).

«**Сарматское единодушие** — превосходная вещь...» (там же, с. 59).

«— Рекомендую тщательнейше установить, кем именно вы себя чувствуете? Это чрезвычайно важно для науки. Не ощущаете ли вы в себе того, что именуется **зовом предков**? Если да, то постарайтесь использовать эту вашу **атавистическую особенность** на благо науки. Я давно замечал у вас на горле остатки жаберных щелей» (там же, с. 61—62).

«Башкин-младший только и ждал этого сигнала. Он бегом бросился к грузовику и вскоре возвратился, неся на плечах спасательный круг с надписью: «Море Сарматское». <...> По прямому назна-

чению круг ни разу не пришлось использовать, и он в сарматском обиходе приобрел особый символический смысл — круг подбрасывался наихудшему рыбаку. Это означало: «**Спасать погибающего**» (там же, с. 65).

«**Мы же все дети Сарматского моря**...» (там же, с. 107).

Действие повести «Море Сарматское» происходит на берегу Сенгилеевского озера, вода которого была соленой до того, как пришли к ней воды Кубано-Егорлыкской обводнительно-оросительной системы (1946). Герои полушутливо-полуправдиво называют себя сарматами, считая, что они находятся на берегу древнего (17 млн. лет назад) Сарматского моря (нынешнее озеро), видимо, отождествляя себя одновременно и с представителями сарматских племен, которые находились на территории нашего края (приблизительно II век до нашей эры).

По поводу того, что соленое еще тогда (в 1946 г.) Сенгилеевское озеро — остатки водного бассейна Сарматского моря, — до сих пор нет никакой ясности. В.Л. Гаазов в книге «Сенгилей» (2004) пишет:

Старая дорога на Корытах, вымощенная известняком-ракушечником

«Образование Сенгилеевской котловины на территории Ставропольской возвышенности даже сегодня остается загадочным. До сих пор не совсем ясно, как среди мощной толщи осадочных отложений древних морей, приподнятых внутренними силами земли на высоту более 500 метров, могла образоваться глубокая котловина (200 м) с огромным водоемом» (21, с. 7). При этом В.Л. Гаазов считает, что Сенгилеевскую котловину можно смело назвать «геологическим музеем»: «Как минимум семь морей плескалось здесь в былое время, оставив после себя слоистый осадочный «пирог» из глин, мергеля, песчаника, песка и известняка» (там же, с. 11). В книге он описывает все геологические ярусы, хорошо просматривающиеся на склонах Сенгилеевской котловины. Тот ярус, с которым мы непосредственно общаемся на ставропольских высотах, называется нижним и средним сарматскими ярусами. «В последнем много ракушек, а бронирующая плита известняка-ракушечника выходит в верхней части Ставропольских высот» (там же, с. 13).

Таким образом, в формировании Сарматского моря как исторического персонажа и осознании героев повести И.Я. Егорова «Море Сарматское», которые называют себя сарматами, то есть людьми, связанными в братство историческими узами, важную роль играют и интенции слов (лексические), и непосредственно сами реалии. Важно и то, что прозвища, которые они дают друг другу, характеризуются исторической или мифологической мотивацией: один из героев имеет прозвище «Кентавр», другой — «аббат Куаньяр». То, что они находятся в интерактивном общении со средой, видно из монологов, которые исполнены пафоса сопричастности древней истории, и в то же время «сарматы» понимают, что все это связано с некоторой условностью, со сдвигом во внутренней логике. Обратимся к повести:

«На спуске к озеру послышался скрип телеги. Дубов привстал, всмотрелся, вслушался и доложил:

— **Кентавр** идет.

— Наши предки дрались с **кентаврами**, — сказал **аббат Куаньяр**, — и мы должны следовать их примеру: бить **кентавров**.

— Правильно, — подтвердил Галочка. — Только бить не дубьем, а уловом. <...>

Кентавром ... сарматы называли астронома Ставрова, преподавателя педагогического института. <...>

— Братья сарматы! — произнес **аббат Куаньяр**. — Я начинаю замечать, что вас обуревают мелкие страсти: непомерное чревоугодие, нелюбовь к ближнему, неверие в собственное превосходство над этим ближним. <...> Когда я смотрю на складки этих пустынных гор и на это море, мысль моя невольно переносится в глубину доисторических времен. Мы с вами сидим на берегу Сарматского моря. Природа совершила чудо: она сберегла для нас вот эту чашу соленой воды площадью три десятка квадратных километров. Миллионы лет тому назад на том самом месте, где мы с вами сидим, или немного повыше, вон на тех горах паслись и отдыхали чудовищные ихтиозавры или бронтозавры...

— Или **кентавры**, — сказал Конь.

— Или **бакалавры**, — сказал Галочка.

— Или **мавры**, — сказал Дубов.

— Или **литавры**, — пискнул одиннадцатилетний Башкин-второй.

— Прошу не перебивать, братья сарматы, будьте достойными потомками своих досточтимых предков.

— Это **бронтозавры** — наши предки? — спросил Конь.

— Что касается вас, товарищ Конь, то тут на этот счет не может быть никаких сомнений. А вообще прошу не перебивать. По этим горам росли гигантские папоротники, — разумеется, они росли в то время, когда Сарматское море начало уже мелеть. Ранее оно покрывало пространство от Каспия до Понта Эвксинского и далее до самых Карпат и еще далее, — оно покрывало нынешнюю Венгрию. Прошли миллионы лет, и это великое море исчезло, но оно оставило на память нам вот этот маленький водоем миллионолетнего возраста. На этом берегу находятся кости китов, тюленей и кости доисторических животных-великанов, — вы можете видеть их в музее. Там же увидите найденную здесь окаменелую ракушку весом, примерно, в пуд» (34, с. 53—54).

С одной стороны, геологические, географические и исторические реалии: водоем с соленой водой, «складки» гор, кости доисторических животных — позволяют героям «воссоздавать» в воображении геологическую, географическую и человеческую историю. С другой, они сами осознают некоторую деформацию, «пропущенные структуры» в исто-

рии, так как заселение Ставропольской возвышенности было дискретным, и прямых предков искать, в общем-то, невозможно, что осознают и сами рыбаки, сознательно деформируя тематический ряд, связанный с номинациями доисторических животных, шутливо именуемых «доисторическими предками»: **ихтиозавры, бронтозавры, кентавры, бакалавры, мавры, литавры.**

Другое дело, что Сарматское море, с одной стороны, воображаемое, с другой — реальное в прошлом, позволяет человеку соприкоснуться с большой, даже космической историей как микрокосму с макрокосмом: «Какое бы увлекательное дело ни делал человек, какими бы радостями ни награждал его труд, ...он должен прийти на свое Сарматское море и почувствовать, действительно ли хорошо ему на земле? А, Костя? Отсюда нам лучше всего видно, как хорошо на земле. И как замечательно совпадают грандиозные дела с нашими частными маленькими делишками. Мы с тобой строим канал, чтобы по Манычу пошли пароходы, чтобы в степях зацвели виноградники, чтобы падающая вода дала миллионы киловатт электроэнергии. Но страна как будто знает, что мы с тобой после всего этого приедем на море, чтобы порыбачить» (там же, с. 130). Утопический размах социалистического строительства во многом совпадал с космическим мышлением «сарматов». «Костер на берегу Сарматского моря — это то мое личное, за что я дрался, защищая Родину», — говорит один из героев (там же, с. 141). Самоидентификация здесь осуществляется многослойно: большая Родина, малая Родина, вписанная в космическую историю. Стихийно синергетическое мышление «сарматов» совпадает с холистическим видением сегодняшнего дня: «Думай глобально, чтобы эффективно действовать локально» (43, с. 397). «Мир остается для нас неопределенным, он наполнен тайнами. Одна из величайших из них, — пишут Князева и Курдюмов, — которая еще далеко не раскрыта нами, — это тайна человека, его сложности и нелинейности. Это — тайна его снов, которые были названы Леви-Брюлем «Библией дикаря», а также тайна особого состояния — сна без сновидений, когда человек возвращается к единому источнику, к природе, в которой уже все присутствует в неявной форме, или же, напротив, прилепляется к сверхорганизации, заглядывает в неограниченно отдаленное, и, возможно, это каким-то образом перестраивает его психику» (там же).

Не какие угодно структуры и не как угодно, и не на каких угодно стадиях развития могут быть объединены в сложную структуру. Существует ограниченный набор способов объединения, способов построения сложного эволюционного целого. Чтобы возникла единая сложная структура, должна быть определенная степень перекрытия входящих в нее более простых структур. Должна быть соблюдена определенная топология, «архитектура» (там же, с. 389). В данном случае, важно соотношение нарративной и «археологической» (в смысле «археологии знания» М. Фуко) историй, которые, несомненно, взаимодействуют, самоорганизуются в стихийном сознании «сарматов». Структуры «археологической» истории, то есть нелинейного мира, и временные характеристики структур-процессов оказываются неразрывно связанными. Подструктуры «разного возраста» (Сарматское море, древние обитатели наших краев — животные, впоследствии и люди) осуществляют в сознании героев определенные «перекрытия» структур нарративной истории, хотя общий темпоритм какой-то большой, величественной истории сохраняется.

Интересно отметить, что герои в диалогах запечатлевают конкретный факт нарративной истории нашего края, которая в их сознании органично вписывается в большую «археологическую» историю: опреснение озера, формирование Ставропольского водохранилища, которое сейчас питает город. «Последний сезон рыбачим. Будущей весной с половины мая канал начнет сбрасывать сюда воду. Над пепелищем костра, у которого мы сидим, поднимется шестиметровый слой воды. Закидывать лески можно было бы вон с того горного уступа. Но эта возвышенность будет островом. От того места, где теперь пляж, по плоскости вода захватит два километра к востоку. Сарматское море увеличивается в три раза. Вода его опресняется. Рыбные запасы уходят на новые места. Появляются новые породы рыб. Море меняет свою флору и фауну» (34, с. 127). Здесь запечатлевается процесс феноменологи-ческого (воображаемого) конструирования уже будущей реальности. Таким образом, ощущая себя в настоящем, человек постоянно связывает себя с прошлым и будущим.

Котловина Сенгилеевского водохранилища — дно древнего Сарматского моря

Ученые-синергетики установили, что коэволюция разных систем означает трансформацию всех подсистем посредством механизмов установления когерентной связи и взаимного согласования параметров их эволюции. Нелинейный синтез — это объединение не жестко установленных, фиксированных структур, а структур, обладающих разным «возрастом», находящихся на разных стадиях развития. Это — соединение элементов «памяти», причем «памяти разной глубины» (43, с. 386).

Холизм, в научной или стихийной постановке, всегда связан с результатом: целое больше суммы частей, не равно этой сумме. В стихийном мировоз-

зрении «сарматов» все, в конечном счете, тоже гармонизируется: прошлое, настоящее, будущее. Это гармонизация означает, что в результате объединения структуры сознания попадают в один темпоритм, приобретают один и тот же момент обострения, начинают жить в одном темпе. Процитируем «Сарматское море» Егорова в том месте, где мы находим такую гармонизацию, которая означает познание мира как целого: «Вы только посмотрите на эту грандиозную чашу из голубых и лиловых гор, на эти выступы, покрытые коврами альпийских трав и цветов. А на дне чаши — маленький Каспий, нет, не Каспий, а иное море, маленькое, но величественно-спокойное, я бы сказал, мудро спокойное, будто думающее свою тысячелетнюю думу. А эта белая дорожка и подступающие к ней обнаженные, изъеденные ветрами сарматские глыбы. А эти лучи! На них, будто пятна крови, горят целые гектары горного пиона и мака. <...> Артель молча слушала тихий задушевный голос Дубова. Размашистая красота сарматской чаши как бы поила их прохладным умиротворяющим напитком, и теперь им казалось, что не ловецкая страстишка тянет их сюда. Нет, они заряжаются, омолаживают свои души в этой большой... чаше» (34, с. 73). Итак, феноменологическое конструирование истории связывает ставропольца с историей географической, геологической. Ракушечник формирует в их сознании особый темпоритм, в который включаются очень древние факты истории.

Окрестности Кравцова озера-болота, расположенного в 11 км к западу от Ставрополя

2. Второй тип исторического конструирования связан с интенциями, вызываемыми предметным рядом, обусловленным большим количеством курганов, городищ на территории нашего края и прилегающих окрестностей, особенно Карачаево-Черкесии. В «Очерках по археологии Ставрополья» известного ставропольского археолога Т.М. Минаевой (1965) есть несколько важных для подтверждения данных соображений мест. Так, Т.М. Минаева говорит о своей беседе со старожилами Ставрополя.

«За этим последовали воспоминания о других находках то в береге реки, то в степи.

— А вот ты скажи. Вон видишь там курганы? — Старик встал, отвел меня несколько в сторону и указал пальцем на группу курганов, что маячили на сырту вдали за селом. — Так вот, когда я был еще мальчонком, так копали их. Ну нашли будто коня с серебряной сбруей, а на коне сидит человек, весь в золоте.

— Куда же дели коня и человека?

— Да говорили, что ушло это все в землю. Мужики стали браниться между собой, ну, известно, матерная брань, а конь-то и ушел в землю.

— А седок куда делся?

— И седок с ним ушел.

— Вы сами видели коня?

— Не, я не видел. Ну, я мальчонком еще был» (54, с. 6).

Курганы, их наличие порождает в социуме легенды.

Далее Минаева описывает свою работу на одном из городищ: «Поднимаюсь на городище, много раз пробегаю по всей площади, обнесенной рвами. Замеряю, черчу, зарисовываю. Внимательно всматриваюсь в каждый бугорок на поверхности, в каждую ямку, вырытую сусликами. Замечаю всхолмления круглой формы — следы когда-то стоявших здесь жилищ. В беспорядке разбросаны они по площади городища. Стараюсь представить себе это место в те далекие времена.

Там и сям стояли небольшие домики. Стены из плетня, обмазанного глиной. Крыша земляная. В ней отверстие для вытяжки дыма из очага. Строения больших размеров из камня имелись только в главной части, за третьим рвом, над самым берегом реки. По внутренней стороне этого рва сверкала под солнцем каменная ограда. В ней каменные башенки с постоянным «дозором». Дозор был необходим в эпоху слагающегося феодализма с частыми междоусобными стычками. Необходим он был и для охраны стад — главного богатства населения и главной приманки для вражеских налетов» (там же, с. 9).

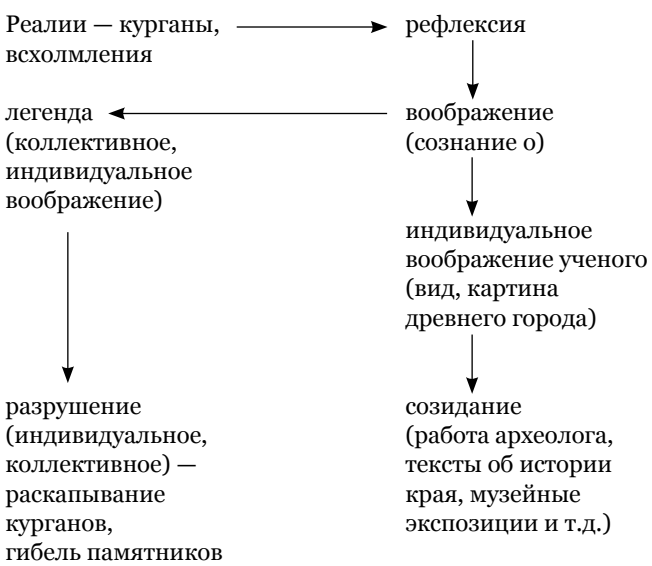
Работа археолога, его исследования, их описание вскрывает и иное направление рефлексии над ходом осмысления реалий: это представление места в исторической проекции («в те далекие времена»), регламентированное определенным знанием самих курганов, их содержанием, текстов о них. В результате сознание порождает не какие-нибудь, а определенные виды, картины. «Километрах в двух на запад от городища четко вырисовывались полукруглые контуры курганов. В центре возвышались две крупные насыпи. Вокруг них в беспорядке разместились мелкие курганчики. Над ними в безоблачном небе, распластав крылья, парил ястреб. Уже издали были заметны седловидные впадины на вершинах крупных курганов — следы давнишних ограблений. Все насыпи, кроме самых незначительных, оказались уже раскопанными. Раскопы маленькие, узкие, хищнические.

В течение ряда веков эти и им подобные курганы тревожили воображение своей таинственностью. О них слагались легенды и сказки, в которых

говорилось о бесчисленных кладах, зарытых в них. И поэтому раскапывали курганы во все времена. Искали клады. Одни искали «коня с серебряной сбруей», а на нем «всадника в золоте», другие искали «бочки с золотом и серебром», третьи — «золотое оружие». Никто, конечно, кладов таких в курганах не находил. А между тем самое ценное, что в них хранилось — могилы древних жителей — разрушалось этими хищническими раскопками, и, таким образом, погибал ценный исторический памятник» (там же, с. 10).

Покажем процесс такой рефлексии схематически.

Интенции, рефлексия, действия



Как видим, воображение, связанное с неявным знанием, обыденным мышлением, часто ведет к разрушению памятников. Научное знание способствует их сохранению. Но в том и другом случае в основе лежит воображение, связанное с переживанием исторической предметности (курганы, остатки древних поселений).

Человек, соприкасающийся с разными слоями города, постоянно (сознательно, на уровне подсознания) переживает свою связь и взаимодействует (общается) с разными слоями города, это откладывается в его сознании: он идентифицирует себя и свой город как имеющий историю (и какую?) / не имеющий особо значимой истории. Мифопорождение, по-видимому, возникает на растяжении этого пространства — какие-то реалии, названия, события, факты приобретают особую важность в связи с наличием/отсутствием идентификации с «глобальной» или «тотальной» историей. Все зазоры и восполняются в поле мифотворчества, порождения легенд, преданий. Это одна сторона феноменологической заданности города как системно-структурного образования, другая связана с «глубиной», обусловленной той рефлексией, которую дает общение с исторически отмеченными элементами этой системы.

«Историческая» часть города, его окрестностей содержательнее не только потому, что она является многослойной, как правило, более выразительной, но и потому, что она заставляет (явно или неявно, на уровне подсознания) работать воображение, при этом в сознании возникают глубинные структуры (картины, виды), связанные с прежними эпохами. В результате адеквация с миром у тех, кто копает курганы, идет по соответствию/несоответствию реальных вещей и предметов с воображаемыми — ищут ведь золото. У археологов предполагаемые (воображаемые) и действительные предметы, найденные в ходе раскопок, получают осмысление; изучается, осмысляется соотношение предполагаемого (воображаемого) и найденного.

Анализируя обыденное знание, Т.М. Минаева говорит об интенции этих реалий: курганы «**тревожили воображение**», они тревожили «**своей таинственностью**».

«Таинственность» определяется по значению прилагательного «таинственный» (МАС). В его семантическую структуру входят значения: 1) 'являющийся тайной для кого-либо, хранимый в тайне, намеренно скрываемый от других', 2) 'еще не изученный, не познанный, не нашедший себе объяснения, разгадки', 3) 'полный необычного, загадочно-непонятный, неизъяснимо-привлекательный', 4) 'непостижимый, стоящий за пределами человеческого понимания, сверхъестественный'. В этом все: и направленность на познание, и непонятность, скрытость, и необычность, и даже непостижимость, и все-таки — неизъяснимая привлекательность.

Область взаимоисключающих понятий — некий строгий закон в познании и свобода от какого-либо закона — является тем парадоксом, который позволяет нам только бесконечно приближаться к миру и его осмыслению, ведь он никогда до конца не раскрывает своих тайн. Но таинственность в то же время — одно из самых прекрасных и глубоких переживаний, выпадающих на долю человека. Ощущение таинственности, считал А. Эйнштейн, лежит в основе глубоких тенденций в науке и искусстве. «Я довольствуюсь тем, — писал ученый, — что с изумлением строю догадки об этих тайнах и пытаюсь создать далеко не полную картину совершенной структуры всего сущего» (90, с. 176).

3. Третий тип исторического конструирования обусловлен именами, терминами и тем кругом лексических тематических рядов, которые связаны с историей города. Возьмем, к примеру, название города — Ставрополь («город креста»). Существует множество легенд о кресте, найденном в процессе построения крепости. Историки утверждают, что все это вымысел. Но на Крепостной горе, пострадавшей во времена социализма, Великой отечественной войны (разрушение храма Казанской Божией Матери), в 2000 году был вновь сооружен крест, который подтверждает, что вымысел подчас сильнее, чем факты реальности, хотя возможно, сейчас крест осознается как символ города по этимологической структуре имени, а также обозначает наличие в прошлом отсутствующего храма, который в настоящее время восстанавливается.

Г.-Г. Гадамер пишет: «Благодаря самопредстоянию отдельные слова достигают присутствия и излучающей силы. Коннотации, придающие слову полноту его содержания, а в еще большей мере семантическое притяжение, внутренне присущее каждому слову (так что его значение многое притягивает к себе, то есть может очень по-разному себя определять), получают полную свободу развертывания... Все это возвращает высказанному слову изначально присущую способность — способность называния. С

Каменный крест на Крепостной горе. Сооружен в 2000 году. Крест осознается жителями Ставрополя как символ города по этимологической структуре имени

помощью называния что-то постоянно вызывается к наличествованию» (22, с. 120—121). В работе «Познание и реальность» У. Найссер рассматривает когнитивные структуры, сопровождающие зрительные впечатления, управляющие зрительной активностью: поскольку люди способны видеть только то, что умеют находить глазами, именно некоторые стереотипы (схемы) определяют то, что будет воспринято. «Названия вещей приобретают, таким образом, способность вызывать их образы с теми или иными труднопредсказуемыми последствиями этого» (55, с. 180).

Слово — мост между «субъектом» и «объектом»; слово таит в себе интимное отношение к предмету и существенное знание его сокровенных глубин. Имя предмета — арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого. А.Ф. Лосев рассматривает искусство как софийное конструирование эйдоса. Такое конструирование совмещает эйдетическую полноту картинности, смысл и фактичность его осуществления. Имя, по Лосеву, имеет «до-предметную» структуру, в структуру входят чистый звук, звук как символ значения предмета, смысловой символ значения, самое значение, но в субъективно-индивидуальной интерпретации, а также значение без такой интерпретации и, наконец, чистое значение предметной сущности (идея). «Слово вещи есть понятая вещь. Имя, слово вещи есть разумеваемая вещь, в разуме явленная вещь, вещь как разум и понятие как сознание и, следовательно, — разум, понятие и сознание как вещь» (50, с. 47). Предметная структура имени связана с эйдетическим конструированием. В процессе этого конструирования нужно, чтобы во всех изменениях сущность оставалась неизменной, чтобы она выражала себя в «целостных ликах «эйдоса»», чтобы эта непосредственная цельность и как бы картинность служила все время образцом, парадигмой для всякой оформляющейся вещи и чтобы деятельность этой энергии носила «формальный характер объединения» (там же, с. 96).

Эйдетическая предметность, по Лосеву, имеет несколько форм: это **схема, топос, эйдос** в узком смысле, **символ, миф**. Если рассматривать эйдос как взаимоотношение элементов, то мы имеем дело со схемой, качественная заполненность схемы приводит к топологическому моменту, следует эти моменты подчинить общему смыслу, в котором «является» определенная вещь — это эйдос (в узком смысле). Вот эти-то внутренние процессы и не дают покоя нашему горожанину. Он постоянно старается материализовать эйдетическую предметность, сооружая памятники, обозначая значимые, по его мнению, исторически важные места. Именно это стихийное софийное конструирование эйдоса привело к позитивным действиям — восстановлению у нас Тифлисских ворот, Храма Казанской Божией Матери и др.

В результате можно выделить четыре общих слоя описания города в семиотическом плане, то есть как знаковой системы, имеющей структурные параметры.

1. Слой ландшафтов, в которые вписан город.

2. Уровень предметов и явлений, связанных с городом как реалией в системе других городов России (архитектура, площади, проспекты и т.д.).

3. Слой вербальных и невербальных текстов о городе (живописные, музыкальные, словесные и др.).

4. Слой интендированных структур сознания, возникающих в результате общения человека 1) с миром ландшафтов города, 2) с его составляющими как города (пространство, архитектура, улицы, скверы и др.), а также 3) с миром текстов о городе. Общая феноменологическая составляющая и образует то явление, которое мы называем «духом города», то есть его неповторимым образным строем. «Дух города» конструируется в сознании горожанина, и все это обусловливает индивидуальность и неповторимость самого жителя города: он всегда что-то несет в себе от того места, где обитает. Видимо, этот последний слой и является решающим в идентификации жителя города.

При всем многообразии восприятия все-таки есть объективные данности, которые формируют устойчивые структуры сознания (фреймы), каждый из названных выше слоев, в свою очередь, представляет многослойное динамичное образование. Установка на неразгаданность, неартикулируемость некоторых планов города в системе его познания делает эту тему необычайно привлекательной именно в том, что в таком многомерном и многослойном образовании всегда найдутся ка-

Разные типы знаков: кресты, квадраты, ромбы на фасаде дома кирпичной кладки. Проспект К. Маркса, 21

кие-либо неучтенные объекты, семиотические ряды и их трансформации.

Вот на это мы и делаем установку в своем описании. Человек воспроизводит не только явления и предметы реального мира (возможно, что и иных миров), но также универсальные отношения порядка, царящие в мире. Наиболее фундаментальной идеей в выражении порядка и является симметрия: «...мы всегда снова упорядочиваем то, что у нас распадается», — пишет Г.-Г. Гадамер (22, с. 242). «И если то, что изображено в произведении, или то, в качестве чего оно выступает, поднимется до новой оформленной определенности, до нового крошечного космоса, до новой цельности схваченного, объединенного и упорядоченного в нем бытия, то это — искусство, независимо от того, говорят ли в нем содержания нашей культуры, знакомые образы нашего окружения или в нем не представлено ничего, кроме полной немоты и вместе с тем прадревней близости чистых пифагорейских начертательных и цветовых гармоний» (там же, с. 241).

В некоторых случаях то, что нас окружает, даже если это гармонизированное явление, является «выпущенным» из нашего сознания, потому что «этого не может быть», с точки зрения здравого смысла. Речь идет об Аристотелевой логике «закона исключенного третьего», по которой из двух противоречащих высказываний в одно и то же время в одном и том же отношении одно истинно, другое ложно, третьего не дано. Но есть «воображаемая логика», квантовая логика (принцип дополнительности), в которые Аристотелева логика входит как частный случай в логику N-измерений.

Принципом дополнительности, по нашему мнению, охватывается круг «тем», связанных с гармонизацией явлений, с установлением «глубоких истин», не вмещающихся в обычную логику. В целом его можно интерпретировать на основе философского понятия «Большого разума». Он не ограничивает себя узкими рамками рассудка и способен подняться в сферу парадоксальной, сверхрассудочной структуры мира: «То, что для «здравого смысла» несет в себе неустранимое противоречие, подтверждается в высшем типе физико-математического и философского мышления», — пишет А. Мень (53, с. 38). Но раньше это явление было установлено в поэзии, музыке, вообще в искусстве. Даже у Аристотеля находим: «И природа стремится к противоположностям, и из них, а не из подобных вещей образуется созвучие... Музыка создает единую гармонию, смешав (в совместном пении) различных голосов звуки, высокие и низкие, протяжные и короткие. Грамматика из смеси гласных и согласных букв создала целое искусство письма» (2, с. 84). Так что и у Аристотеля его логика была открытой для наращивания новых смыслов.

Выводы русского логика Н. Васильева о законе исключенного четвертого и датского физика Н. Бора о глубоких истинах («deep truths»), в основе которых лежат взаимоисключающие определения одного и того же объекта, оказываются применимыми и к характеристике некоторых явлений, связанных с городской средой и, в частности, с языческой символикой.

4. Четвертый тип исторического конструирования связан с архаической символикой. Так, в течение последнего года (2004) нами была обнаружена интереснейшая языческая знаковая система в архитектуре Ставрополя. Речь идет о традиционном трехмерном «мире», который связывает дом как микрокосм с землей и небом как макрокосмом: верхний мир — хляби небесные — изображение воздушного и водного миров в виде волнистых линий под фронтоном, стилизация женской груди как кормилицы земли, воды, дающей урожай. Средний мир — солнечный — солярные знаки связывают землю и небо, оберегая человека светом от тьмы. И, наконец, в нижней части здания размещаются ромбы, квадраты — символы земли, укореняющие в ней дом. Все это наиболее ярко выражено в каменном строительстве, и знаки, видимо, кроме функции оберегов, выполняли функцию языка, с помощью которого человек общался с геопространством, космосом. Сейчас их можно назвать репрезентантами коэволюции: они свидетели взаимодействия человека и мира, их синергизма. Эта система хорошо описана применительно к деревянной архитектуре русского Севера и средней полосы России (система языческих знаков-оберегов, связанных с ограждением человека от враждебного ему мира — реального и воображаемого: темные силы, навии и др.).

Фрагмент фасада дома на проспекте К. Марска, 21. В верхней части здания — «хляби небесные», средний мир — солнечный: солярные знаки между окнами связывают небо и землю, ромбы, квадраты в нижней части дома — символы земли, укореняющие дом

Город наш возник во второй половине XVIII века, активно строился в XIX веке, а символическая языческая система в его архитектуре невероятно явная и плотная, но она «вычеркивается» из сознания горожанина. Метровые концентрические окружности на трехметровых воротных каменных столбах, почти такого же размера повторяющиеся знаки на фасадах домов — явные, заставляющие о себе говорить, до сих пор не прочитаны ни социумом, ни учеными, ни публицистами, ни жителями нашего города.

Воротный столб на улице Таманской, 42. Высота столба — 2 м 80 см, диаметр окружности солярного знака — 1 м

Нигде мы не нашли даже упоминания о солярных и других знаках, связанных с древней символикой и общенародной традицией использования ее при строительстве домов у нас, в Ставрополе. Почему? Да потому, что модель восприятия города — обыденная, однослойная, монофункциональная. Да к тому же, идеологические установки диалектического материализма (почти 80 лет) сыграли определенную роль.

В процессе работы нам обычно задают один и тот же вопрос: как возможно, чтобы в XIX веке, в период укоренившегося православия, функциональной оказалась прямо противоположная, и даже взаимоисключающая (в сознании ортодоксов) тенденция и традиция — языческого мышления и воплощения его в соответствующей сильнодействующей, **явной** знаковой системе. Город видим, здание видим, а то, что оно снабжено иерархической системой знаков языческого пантеона, — не видим. А подчас на одном здании знаков солнца (солярных) несколько видов: и кресты (часто Андреевские), и круги, и концентрические окружности, и «колеса Юпитера» — от четырехлучевых до двенадцатилучевых — и на самом доме, и на крыльце, и на двери, и на балконе, и над и под окном, и на фронтоне — этого мы не видим. Они есть, но их **никто** не прочитывает. Один из наших местных археологов так и сказал нам: «Выдумщики и фантазеры! Как это может быть в XIX — начале XX века? Нет никаких знаков!». Деятель культуры зашел дальше: «Вот вы дожили! Ищете какие-то круги, значки! Точно, в масоны решили податься».

На самом деле эти высказывания обладают определенной значимостью: высказывание первого говорит о непрочитанности и неидентифицированности этих знаков в сознании современного ставропольца, второе — о том, что эти знаки связаны с некоторыми семиотическими системами, это элемент каких-то «языков», «кодов», не функционирующих в современном сознании горожан, а значит, их следует отнести к враждебным, по их мнению.

Таким образом, знаки могут быть определены на основании взаимоисключающих характеристик: это знак, имеющий и не имеющий семантики. С одной стороны, он принадлежит миру языческих символов, с другой — культурной традиции, лишенной твердого религиозного содержания (даже когда он применялся в модерне, ампире, современной архитектуре).

С.Л. Франк в труде «Непостижимое» устанавливает, что «всякий окончательный, сполна овладевающий реальностью и адекватный ее синтез не может быть рациональным, а, напротив, всегда трансрационален», то есть имеет предельно обобщенный, сверхчувственный характер» (83, с. 313). При этом соединение двух взаимоисключающих суждений заключается не в логической связи между ними, а в «**витании**» между и над двумя «логически несвязуемыми» суждениями. Трансрациональная истина лежит в невыразимой середине и в несказанном единстве между взаимоисключающими суждениями. В результате этот «антиномистический монодуализм» принимает характер триадизма, троичности реальности: «Положительный смысл, положительное существо этого синтеза доступны нам не в какой-либо неподвижной функции... а только в свободном витании над противоречием и противоположностью, то есть над антиномическим монодуализмом, — в витании, которое открывает нам горизонты трансрационального единства» (там же, с. 316). Горизонт трансрационального и позволяет нам бесконечно приближаться к установлению истины, что не всегда подвергается строгому рациональному анализу.

Наше исследование посвящено не только изучению языческой символики (хотя ему тоже), но тому скрытому за внешне функционирующими мифами, легендами, преданиями (город креста, город Суворова, город-крепость и др.), что изнутри формирует «сознание о» — о городе, что позволяет исследовать его археологически, вглубь (в широком смысле), многомерно и находить «отсутствующие» в сознании структуры, связанные со Ставрополем.

Мощные концентрические окружности между оконными проемами — солярные знаки, оберегающие от проникновения темных сил. Проспект Октябрьской революции, 37.

Если в предыдущих случаях мы систематизировали интенциональные структуры, создающие дух нашего города, то в данном случае мы достраиваем структуры, включаем отсутствующую в сознании горожанина структуру значений, связанных с наличествующей в городе архаической символикой. Думается, что косвенно знаковая система учитывается социумом, иначе как бы она постоянно воспроизводилась (вплоть до наших дней). Это, по-видимому, и есть проявление коллективного бес-сознательного в нашей жизни, воспроизведение его архетипов.

Ученые отмечают, что наука и технология в новоевропейской культурной традиции развивались так, что они согласовывались только с западной системой ценностей. Теперь выясняется, что современный тип научно-технического развития можно согласовать и с альтернативными, и, казалось бы, чуждыми западным ценностям отдельными мировоззренческими идеями восточных культур, других древних систем. «Восточные культуры всегда исходили из того, что природный мир,

в котором живет человек, это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, которые были присущи древним культурам», — пишет В.С. Степин (75, с. 75).

Объекты, которые представляют собой развивающиеся «человекоразмерные системы», требуют особых стратегий деятельности. Установка на активное силовое преобразование объектов уже не является эффективной при действии с ними: «При простом увеличении внешнего силового давления система может не порождать нового, а воспроизводить один и тот же набор структур. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие-укол в определенном пространственно-временном локусе способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, развитые в индийской культурной традиции» (там же).

Такая стратегия всеобщего согласования, выявления комплекса линейных и нелинейных показателей в осмыслении города как динамической системы лежит в основе нашего исследования. Наша задача — не «вбивать» город в прокрустово ложе известных схем, а выявить все многообразие взаимодополняющих, подчас противоречивых структур, которые лежат в основе понятия города как многослойной системы. В таком понимании христианские, православные традиции хотя и перекрывают элементы языческого сознания, запечатленного в знаковой системе на домах нашего города, но их установление позволяет понять, что современное историческое мышление оказывается сопричастным тому, что накоплено в человеческом сознании за много веков, что запечатлено геологически и географически, что связывает все это в единую динамичную структуру с элементами самоорганизации как в природной среде, так и в человеческом сознании, взаимодействующем с этой средой.

Квадрат в сочетании с розеткой. Андреевский крест. Улица Дзержинского, 77

От чего мы действительно хотим «отмежеваться», так от тех современных систем неоязычества, которые характеризуются шовинистическими установками, провозглашением актуальности язычества как современной семиотической системы, которую они берут на вооружение. Наши задачи связаны, как мы уже установили, с динамическим исследованием города как структурно-системным образованием, в которое, как одна из подсистем, до настоящего времени отсутствовавшая в сознании, вписывается архаическая символика.

Концентрические окружности на фасаде здания (улица Дзержинского, 52) и колесо Юпитера на ограде балкона (улица Дзержинского, 129)

Для этого мы будем анализировать во взаимосвязи элементы всех названных уровней организации города как семиотической системы. Но начнем мы анализ с текстов, в которых запечатлевается город, и постараемся выяснить те опорные семантические структуры, которые лежат в основе его понимания. Структурами-аттракторами здесь являются **камень и солнце**: они реалии нашего южного города и архаические символы, запечатленные в его архитектуре. Каменная (в особенности) архитектура — репрезентант когерентности и коэволюции, в основе которой лежит взаимоотношение человека и окружающего его природного мира, в их исторической взаимообусловленности.

Кресты на фронтоне здания. Улица Кирова, 45

2. Семиотика города Ставрополя по данным его описания в дореволюционных источниках

В качестве основного текста для анализа мы использовали научный источник — диссертацию на соискание степени доктора медицины Константина Бахутова «Медико-топография и санитарное состояние города Ставрополя» (СПб., 1881), в которой уже обобщены сведения о Ставрополе. Они так или иначе в дальнейшем повторяются в других текстах, наиболее значимые из которых мы также используем. Названный нами текст имеет структурированный характер и обобщает сведения о Ставрополе на период второй половины XIX века, когда город наиболее активно развивался.

По данным К. Бахутова, давшего медико-топографическое и санитарное описание состояния губернского города Ставрополя, положение города в пространственном отношении — 45° 3' северной широты и 41°59' восточной долготы (по Гринвичу) — возвышенность, севернее центра Кавказского перешейка; отстоит на 200 верст (по прямой линии) от Черного моря, от Каспийского — на 250, от Эльбруса примерно на 150, от реки Кубани на 30 верст, от Дона на 200 верст. Все это дает возможность, анализируя Ставрополь в семантическом плане и связывая его с пространственными показателями, говорить, что это город, отстоящий от указанных морей, рек, находящийся на возвышенности по отношению к указанным территориям, в большом пространственном плане связан с двумя морями и двумя реками, находящимися сравнительно недалеко, что влияло и на его экономическое и культурное положение, а также на общий характер развития города. Интересно отметить, что мироощущение М.Ю. Лермонтова, много писавшего о Кавказе, о нашем крае, запечатлевает ощущения, связанные с огромными масштабами, воспринимающимися как некоторое целостное геокультурное пространство:

И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вкруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

Памяти А.И. Одоевского. 1839

В прозе, особенно в «Герое нашего времени», М.Ю. Лермонтов запечатлевает огромные панорамы Кавказа, нашего края. Панорамное мышление М.Ю. Лермонтова, которое позволяет говорить о репрезентации в его творчестве стиля барокко, во многом обусловлено огромными обзорами, просторами, которые легко просматриваются с возвышенностей: цепи Кавказских гор, видимые даже с некоторых точек Ставропольской возвышенности, степи, холмы: «Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. <...> Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синеет «как последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона. ...а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом. — Весело жить в такой земле» (47, с. 350).

В публицистике эти масштабы были особенно значимыми. «Ставрополье, как известно, находится в центральной части Северного Кавказа, — пишет В. Воронцов в очерке «Река счастья» (1946), — а Северный Кавказ — это край контрастов. На юге вздымаются под облака черные вершины, на северо-востоке раскинулись широкие, как море, песчаные степи. Черноморское побережье и южные предгорные районы покрыты роскошной растительностью, а восточная часть Северного Кавказа — побережье Каспия — представляет собой самый пустынный, самый засушливый район во всей Европе» (19, с. 223). Как будто все пространства, времена и климаты года смешались в нашем крае: ведь если подняться на вершину гор летом, окажешься в «вечной мерзлоте», пройдя все растительные зоны.

Важна и близость Ставрополя к вершинам Кавказских гор, так как на большом пространстве наша возвышенность — это часть их. По данным геологии и географии, это дно Сарматского моря, связывающего все названные водные бассейны.

Константин Бахутов отмечает: «Город Ставрополь расположен на Темнолесском или Ставропольском плоскогорье, составлявшем продолжение Ташлы-Сырта, отрога Эльборуса. Плоскогорье это, по исследованию Абиха, состоит не из дилувиальных, или так называемых арало-каспийских осадков, как полагали прежде, а исключительно из миоценовых пород; арало-каспийские же образования показываются далеко на севере от Ставрополя, при самом окончании плоскогорья.

Средне-третичная (миоценовая) формация описываемого плоскогорья состоит из двух различных по составу и органическим признакам ярусов: нижний ярус образовался из мергелей и темно-серого, чрезвычайно плотного, кремнистого известняка, заключающих в себе преимущественно раковины: Trochus, Carithium и Buccinum. Верхний ярус

составляют уже другие породы, а именно: песчаники, глина и пористый известняк (известково-песчаный слой, по Абиху). Скважистый, или степной, известняк содержит множество органических ос-

татков, почему он называется также раковистым известняком (известняковый ракушечник, по Барбот-де-Марни)...

В этом слое особенно часто встречаются Foraminifera, каковы: Rotalina, Polystomella и Multiloculina. Из раковин животных Абих упоминает только о тех видах, которые определены по хорошим образцам; самыми характеристичными являются различные виды Mactra (M. ponderosa Eichw., M. podolica Eichw., M. deltoides, M. biangulata) и Cardium (C. protractum Eichw., C. Fittoni d'Orb, C. exiguum). В раковистом известняке, добываемом на каменоломнях Ставрополя, по Барбот-де-Марни, наичаще встречается Mactra podolica Eichw., Buccinum dissitum, Paludina exigua и Cardium. Но, кроме всех вышеназванных ископаемых, составляющих главную органическую физиономию миоценовой формации, местами в ней встречаются остатки (разбитые, едва склеенные) Venus, Mediola (M. marginata Eichw., Navicula Dub.), Tellina subcarinata Broc., Bullina usturtensis Eichw. и др. Тут же найдены кости одного из китообразных животных. Многие из перечисленных видов до сих пор живут в Каспийском море. Раковистый известняк в некоторых возвышенных местах города прямо выходит на поверхность, в других же низменных частях лежит непосредственно под почвой на глубине $^{1}/_{3}$ — 3 аршин; камень этот очень мягок и порозен...» (9, с. 11).

Из этого геологического описания можно выделить лексемы-термины: **плоскогорье, аралокаспийские осадки, миоценовые породы, темно-серый, чрезвычайно плотный кремнистый известняк, раковистый известняк, степной известняк-ракушечник, каменоломни Ставрополя, многие из перечисленных видов до сих пор живут в Каспийском море, выходит на поверхность, мягок и порозен** (по-видимому, порист).

Самосознание человека, выросшего или живущего в таком городе, так или иначе связано с большим древним водным бассейном (при этом отсутствующим) и со своей непосредственной причастностью к первозданным мирам, с которыми не только в музее, но и в повседневности можно общаться, потому что этот камень в старом Ставрополе везде — от мостовых до всевозможных построек и многочисленных заборов, за которыми скрывались ставропольчане в своих домах-крепостях.

«Назначение в 1802 г. Ставрополя, в числе 5 других городов, вошедших в состав новообразованной тогда Кавказской губернии, уездным городом не послужило быстрому украшению и оживлению города, ибо сюда — в неведомый далекий край — переселялись выходцы различных губерний России, бедняки, едва поддерживавшие свое существование. Правда, выходцы эти скоро занялись торговлею, но торговля была меновая и ограничивалась мелочными товарами.

Жалкий и дикий вид имел Ставрополь в то время: лучшая теперь улица, Николаевский проспект, представляла пустырь, покрытый водой и камышом, окаймленный кругом дремучим строевым лесом; среди этого-то, почти первобытного, мира виднелось несколько десятков убогих деревянных хат храбрых казаков и предприимчивых выходцев. В 1808 и 1809 годах прибыло в Ставрополь до 50 армянских семейств. Появление этого

промышленного народа оживило торговлю; армяне вошли в торговые сношения как с горцами соседних аулов, так и с южными городами России: Таганрогом и Ростовом, сбывая пшеницу и рогатый скот» (9, с. 8).

В 1822 году Ставрополь был утвержден областным городом.

«В шестидесятых годах Ставрополь еще более увеличился в своих размерах: возникло много каменных домов, церквей; масса переселенцев из России увеличила народонаселение; садоводство, огородничество, фабричная, заводская промышленность и торговля приобрели еще большие размеры. Путешественники восхищались красотой города, посещающие пятигорские минеральные воды оставались тут по целым неделям; врачи считали город благословенным уголком, куда редко заглядывает какая-либо эпидемия» (там же, с. 9).

В семантическом плане следует отметить контрастную оценочность в инициальной и финальной частях — «**жалкий и дикий... в то время**» и «**путешественники восхищались красотой города**» — спустя несколько десятков лет. Отмечается еще одно противопоставление: наличие/отсутствие линии железной дороги.

«Но в конце 60-х и в начале 70-х годов носившийся и прежде зловещий слух о миновании города Ставрополя железной дорогой подтвердился: линия Ростово-Владикавказской железной дороги оставила Ставрополь в стороне на 60 верст. С этих-то пор собственно и начинается падение города как центра административного и торгового. Некоторые уезды были причислены к соседней Терской области, многие фабриканты, не видя особой будущности за Ставрополем, перенесли фабрики в города с лучшими условиями жизни, как-то: Владикавказ и Ростов» (там же, с. 9).

Падение города как административного и торгового центра связано как раз с отдаленностью железной дороги. Обратим внимание на то, что и сейчас Ставрополь, имея железную дорогу, находится в железнодорожном тупике (ср.: Невинномысск, города КМВ).

В смысловом отношении значимым является и то, что Ставрополь взаимодействовал с «пятигорскими», как писал Бахутов, минеральными водами (сейчас КМВ. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*). Это взаимодейст-

вие означало определенный культурный уровень и его рост, связь с культурными центрами, так как на КМВ лечилась вся Россия, особенно знать Москвы и Санкт-Петербурга. При всей этой минус-картине (вблизи нет крупных рек, моря, железной дороги) Ставрополь осознается (причем всегда) как один из красивейших городов юга России. Вот общее описание города, данное К. Бахутовым.

«Город Ставрополь расположен на плоской возвышенности, которая переходит за пределы его лишь с юго-западной стороны, тогда как с других сторон возвышенность эта резко понижается непосредственно за городскою чертою, переходя в долины, отделяющие ее от других возвышенностей. Общая же возвышенность местности есть терраса отрогов Кавказского хребта, понижающаяся с юга к северо-востоку. Таким образом, положение города резко нагорное: границами его служат: с севера — р. Ташла, с юга — р. Мамайка, а за нею степи и другие мелкие возвышенности, с северо-востока — долины, постепенно переходящие в обширные степи Ставропольской, а далее Астраханской губерний, с

Ставрополь. Вид на город и Армянскую церковь. Почтовая открытка начала XX века

запада — архиерейский лес и ряд плоскогорий. Это положение делает город одним из красивейших: почти с трех сторон открывается роскошная панорама возвышающихся друг над другом построек, утопающих весной и летом в зелени садов, так как вряд ли найдется в городе, исключая центр его, хоть один дом, при котором не было бы сада или просто группы деревьев во дворе.

Особенно красив вид с северо-западной стороны, от монастыря на так называемое Подгорное предместье, представляющее собою крутой обрыв, по склону которого лепятся, возвышаясь друг над другом, здания и сады, круто увенчиваясь гребнем, на котором видно расположение больших зданий и храма Казанской Божией Матери, с высокою, красивой архитектуры, колокольнею. С этой стороны панорама города открывается уже верст за 15; с другой стороны, впечатление красоты положения усиливается, если стать на высшую точку города (подножие упомянутого собора): взгляд ласкается здесь не менее красивыми окрестностями, совмещающими в себе долины и холмы, и, теряясь в туманной дали, упирается в окружающие села: Михайловское, Надежду, Старомарьевское и Бешпагирское, причем последние два села отстоят более чем на 20—30 верст» (там же, с. 42).

Как видим, лексемы **«красивый»**, **«красивейший»** употребляются многократно. «Красивый» (по данным «Словаря русского языка» в 4-х т.) имеет несколько значений: 1) 'приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий'; 2) 'отличающийся полнотой и глубиной внутреннего содержания'; 3) 'рассчитанный на эффект, внешнее впечатление'. В тексте К. Бахутова актуализируются все названные значения. Из чего же складывается ощущение красоты, которое связывают со Ставрополем? Отметим опорные лексемы в описании Ставрополя Бахутовым.

Возвышенность — долины — терраса отрогов Кавказского хребта.

Положение резко нагорное — мелкие реки — мелкие возвышенности — долины — обширные степи — лес — ряд плоскогорий.

Это географический живой ритм города, который строится на контрасте: нагорное положение — степи; он смягчается плоскогорьями, мелкими возвышенностями.

Соответствует этому и застройка: **здания и сады — большие здания — храм Казанской Божией Матери**. Они органично поддерживают общий многообразный ритм. Город имел высшую точку, которая венчалась храмом, и был открыт для вхождения больших пространств в поле зрения (окрестности): **долины — холмы — туманная даль, окрестные села**. Добавим, что в хорошую погоду из окон домов видны вершины Эльбруса.

Структура города определяет его системные показатели. К. Бахутов делит город на четыре части, и это деление в определенной степени соответствует современному, если брать историческую часть нашего города.

«В административном отношении город разделяется на 4 полицейские части. **Первая часть** занимает северную и северо-западную стороны города и, кроме того, заключает в пределах своих Заташлянское, Ташлянское, Подгорное предместье и группы: Монастырскую, Архиерейскую, Ясеновскую, Апальковскую и Тер-Микеловскую. Местоположение этой части вообще неровное, холмистое, в предместьях своих несколько глубоких оврагов, по которым протекают реки 1 и 2 Ташла; берега последних круты, обрывисты, усажены садами и очень живописны. Местность начинает понижаться от Казанского собора, образуя довольно крутой склон, оканчивающийся площадью. На последней расположены улицы: Хоперская, 1, 2, 3 и 4 Станичные, 1, 2 и 3 Ясеновские и Казачья; затем площадка ниже 4-й Станичной улицы опять понижается и, ограничиваясь оврагами речек, переходит в Заташлянское предместье, расположенное по склону 2-го холма, который, в свою очередь, возвышается у Скомороховых хуторов и Иоанно-Мариинского женского монастыря. Кроме двух церквей, в монастыре находятся множество келий и других хозяйственных принадлежностей обители, а также сад и лес, тянущийся по направлению склона холма к сел. Михайловскому» (там же, с. 42—43).

Местоположение неровное, холмистое, овраги, реки, обрывы, сады — живописны. Склоны, площади, овраги, сад, лес, монастырь. В описании структуры города обращает на себя внимание установка на соединение природно-

го и искусственного — того, что несет цивилизация: **реки, обрывы — сады, улицы — речки, склоны — площадь, женский монастырь.**

«Таким образом, 1-я часть города в орографическом отношении представляет следующие особенности: исключая 4-х Станичных улиц, Хоперской и Казачьей, остальные (Ташлянское, Заташлянское, Подгорное предместье) расположены между двумя нагорными возвышенностями в долине речки Ташлы. Такое ограничение возвышенностями, в связи с нахождением в этой части города большинства заводов, обрабатывающих животные продукты и распространяющих зловоние, делает эту часть города крайне нездоровой в гигиеническом отношении. <...> На этой же площадке помещается красивая, своеобразного стиля армянская церковь. Улицы и переулки предместий и групп узки, кривы и крайне грязны.

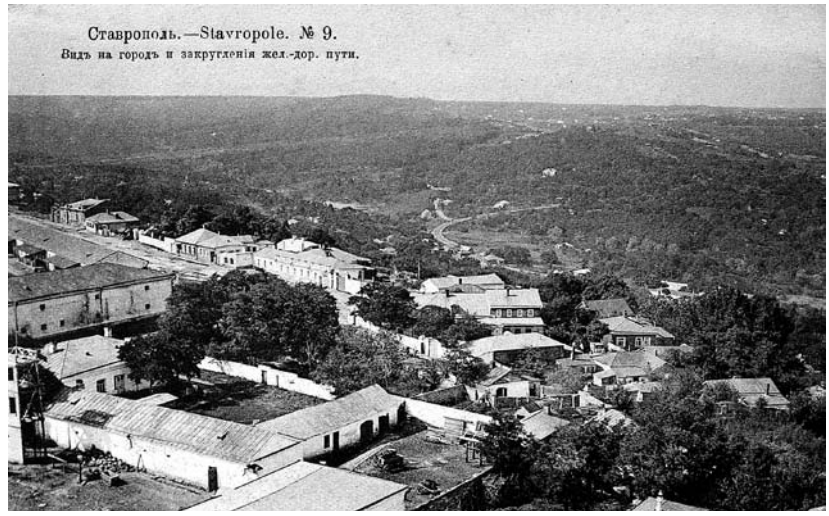
Дома жителей позажиточней каменные, крытые железом, большею частью одноэтажные; у более же бедных деревянные или турлучные с соломенными крышами. При каждом доме большой двор и непременно **сады, из которых очень много больших фруктовых** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*). Население этой части составляет бедный класс чиновников, служащих в разных присутственных местах, мещане и отставные солдаты, занимающиеся садоводством, огородничеством, разного рода ремеслами и поденной работой» (там же, с. 43).

Красивая церковь — улицы узки, кривы, крайне грязны. Дома — каменные — деревянные, турлучные. Сады. Описание контрастное, но ритмичное и динамичное.

«**Вторая часть** города есть лучшая и красивейшая по постройкам; расположена она по покатости, соединяющей верхнюю нагорную возвышенность, идущую с Ю.-З., с нижней С.-В. равниной, которая оканчивается так называемою ярмарочною площадью.

Длина этой части около $2^1/_2$ верст, ширина около $^1/_4$ версты. Часть эта состоит из ровных, длинных улиц, расположенных параллельно длине города с запада на восток. Лучшая во всех отношениях Большая улица, или Николаевский проспект, весьма широка, по краям вымощена плитами из кремнистого известняка, посредине местами шоссирована щебнем. Посреди этой улицы, по всему ее протяжению, тянется прекрасная тенистая (из акаций) аллея — городской бульвар, разделяя таким образом улицу на 2 части, правую и левую (в направлении покатости сверху вниз). На правой стороне улицы находится губернаторский дом и ряд больших зданий, верхние этажи которых заняты жителями (купцы, дворяне), нижние же — магазинами и лавками (в месте соединения Николаевской улицы с следующею Второю ул. на площади красуется Троицкий собор). По левую сторону проспекта находятся также большие дома и здание Городской думы (в стиле немецкой ратуши), в коей помещаются городское управление и городской общественный банк.

Эта сторона улицы расширяется в площадь, продолжающуюся параллельно идущей улицы нижнего базара. На этой площади находится, пред зданием думы, бассейн с фонтаном и открывается часть горы, с большим, к сожалению, заброшенным парком, среди которого находится каменная терраса, образуя лестницу, ведущую к Казанскому собору. Кроме того, в других местах, как Большая улица, так и бульвар еще прерываются небольшими площадками, на которых помещаются прекрасно устроенные бассейны. Южнее, параллельно Большой улице, тянется также красивая, большая, широкая Вторая, или Александровская, улица, в верхней части которой находится общественный сад (Бабина роща), устроенный бывшим наместником Воронцовым и носящий его название. Сад этот, служащий местом общественных гуляний и увеселений, имеет виноградник, цветник, ротонду и два пруда, не чистившихся более 10 лет, с зеленой и зловонной водою. Пониже сада в переулке помещается больница Приказа Общественного Призрения, сад которой прилегает к городскому саду. Параллельно левой стороне Большой улицы тянется, начинаясь площадью нижнего базара, грязная, хотя и местами шоссированная, Поспеловская улица, ничем особенным не замечательная. Все перечисленные улицы пересекаются 2—3 переулками и оканчиваются ярмарочною площадью, по которой расположены до 100 деревянных построек — приспособлений ярмарочной торговли, 3—4 трактира и до 30 кузниц. На эту площадь выходят Станичные улицы 1-й части, и основанием их является главное кладбище с храмом во имя Успения Пресвятой Богородицы.



Ставрополь. Вид на город и закругления железнодорожного пути. Почтовая открытка начала XX века

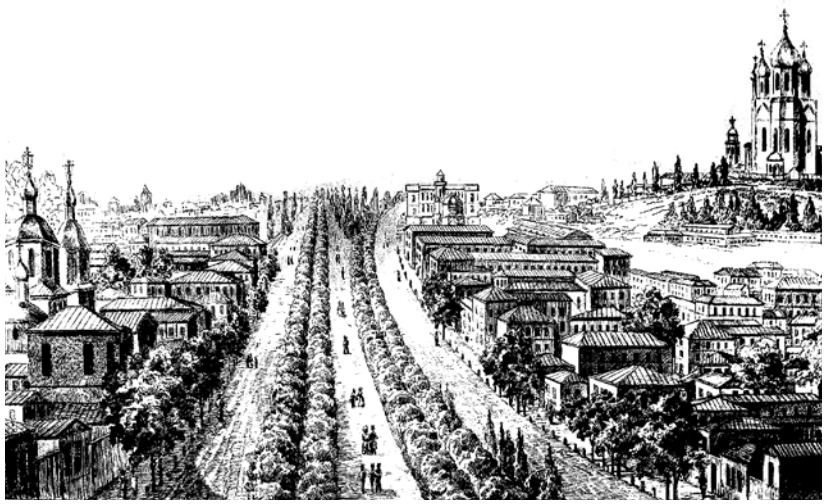
Вверху все улицы 2-й части ограничиваются поперечноидущей Театральной улицей (половина которой принадлежит 3-й части) с сплошными почти 2-этажными зданиями. На ней помещаются клуб, театр, Ольгинская женская гимназия и римско-католическая церковь. Перпендикулярно к этой улице идет небольшое продолжение Александровской улицы, оканчивающейся в 4-й части площадью верхнего базара; параллельно к последней идет продолжение левой стороны Большой улицы (без бульвара), где находятся все присутственные места, как-то: казенная палата, казначейство, палата государственного имущества, губернское правление, уездное полицейское управление, здание Александровской женской гимназии и др. Чрез площадку еще левее к Казанскому собору, на горе расположены гауптвахта, интендантский склад и городская полиция, а ниже, к зданию думы — гостиный ряд,

ныне пришедший в упадок. Как лучшая, часть эта, понятно, населена лучшими и богатейшими гражданами города и представляет центр торговой и административной жизни его» (там же, с. 43—45).

Как видим, в представлении этой части города доминируют компоненты с элементами «цивилизации» города — **улицы, губернский дом, ряд больших домов, банк, площадь, парк, Казанский собор, бульвар, бассейны, городской сад, ярмарочная площадь, храм Успения Пресвятой Богородицы, гимназии, римско-католическая церковь** и т.д.

Можно выделить семантические темы: **улицы, религиозные сооружения, светские учебные заведения, официальные учреждения, банки, полицейские управления, бульвар, сад, парк, фонтан.**

Отмечается система каменных сооружений в городе (доминирование камня): **Николаевский проспект, вымощенный плитами кремнистого известняка, каменная терраса-лестница, ведущая к Казанскому собору, каменные здания.**



Ставрополь. Вид на бульвар. Рисунок с гравюры XIX века

«**Третья часть**, заключающая в себе и группы Мамайскую, Мутнянскую, Аульную, Каменоломную, Корабинскую и Ново-Форштадтскую, занимает южную оконечность города. Начинаясь «Каменною ломкою» на западной стороне, часть эта оканчивается, сливаясь с хуторами селения Надежды, так что длина этой части самая большая, около 6 верст. Эта часть города расположена параллельно 2-й части по весьма холмистой поверхности, образуя то балки, то горные возвышенности (как в тех, так равно и в других имеются городские поселения). На этом пространстве в балках, довольно глубоких, протекают небольшие речки, а именно: с запада к востоку текут Желобянка, Мутнянка и Мамайка; с юго-западной же стороны к самому городу подходит лес. Вообще вся местность 3-й части обладает обширною роскошною растительностью и потому редкий из жителей не имеет здесь сада или огорода, в особенности с коммерческою целью при своих обширных (по несколько иногда десятин) усадьбах.

Кроме имеющихся здесь вышеупомянутых речек, преимущественно для поливки огородов, водопоя для скота и заводской промышленности, редкий из домохозяев не имеет во дворе колодца с более или менее годной для питья водой; в этой же части города находится и знаменитый карабинский источник, снабжающий водой, как уже неоднократно упомянуто, через глиняные водопроводные трубы, около $^{2}/_{3}$ остальной части города. Местность этого источника поистине дивная: вдали за огородом, на возвышенной площади, помещается густой тенистый сад, посреди которого находится здание, совмещающее 2 водоема; вода, лес и луга, комбинируясь в различных положениях, производят по своей живописной красоте на всякого наблюдателя чарующее впечатление, — только врач среди этой благодати усматривает и другие картины: обширные пруды в соседних садах, заваленные гниющими растениями, да кучи навоза и других органических остатков в дворах живущих здесь хуторян рождают малярию и ее выражение — интермиттент.

В этой части города расположены правильно широкие и длинные, идущие параллельно друг к другу и Николаевскому проспекту, улицы: Барятинская, Мариинская и Ольгинская. К недостаткам последней улицы (заметим, кстати, самой лучшей в 3-й части города) нужно отнести находящийся на ней ров, именуемый городской канавой и устроенный с целью ската дождевой воды, но на деле служащий для жителей общей открытой помойной ямой; ров этот несколько раз дума пыталась закрыть, но безуспешно, ибо жалела, кажется, произвести капитальную затрату денег; засыпка же землей и навозом, не говоря уже о гигиеничности, была только паллиативна: при первом проливном дожде все это сносилось в ниже текущие реки Мутнянку и Желобовку. В последнее время ров этот немного поочистили, обложили камнем и, таким образом, превратили в городскую канаву, как сказано выше.

Кроме названных улиц, есть еще следующие: Нижнеслободская Желобовская, Мутнянская, — пересеченные 5 переулками, и др.

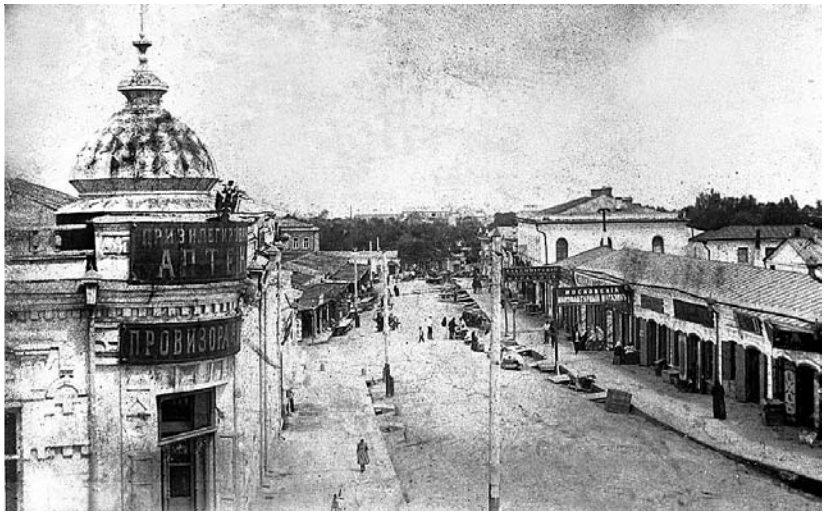
Жителей в 3-й части города более $^{4}/_{5}$ мещане, притом давние или переселившиеся из разных губерний России и сел Ставропольской губернии в последние годы; далее небольшая часть отставных солдат, приписавшихся также в мещане; только жители Барятинской, Мариинской и Ольгинской улиц имеют в среде своей более или менее зажиточных, на других улицах преимущественно бедные, проживающие в домах, сложенных или из соломы с глиной или из битого щебня (лома) и живущие исключительно заработками, доставляемыми огородами и садами. Сельские условия жизни резче выступают на вид в местности, именуемой Новым Форштадтом, так как это место заселилось лишь в последние годы выходцами сел других губерний, не успевшими еще опериться и принять на себя лоска горожан» (9, с. 45—46).

В описании третьей части города преобладают географические термины: **балки, речки, лес (вода, лес, луга), ров** и т.д. Эти термины сочетаются с сельскохозяйственными и бытовыми наименованиями: **сад, огород, дома из битого щебня, из соломы с глиной**. Говорится о сельских условиях жизни этой части, но неизменна оценочность — высокая: «**живописная красота**», «**чарующее впечатление**».

«**Четвертая часть** находится на западной стороне города, занимая самую возвышенную обширную равнину, называемую Воробьевкой, по

имени впервые поселившегося здесь лет 80 тому назад однодворца Воробьева. Эта часть города заключает в себе и предместья: Старый Форштадт и часть Подгорной. 4-я часть начинается от дома командующего войсками большою Александровскою площадью и продолжением ее — площадью верхнего базара. Эти площади окружены со всех сторон зданиями и как бы отделяют 4-ю часть — этот относительно недавний новый город — от остальных его частей; правая, северная, сторона Александровской площади ограничена двумя гостиными рядами и другими постройками рынка, южная (левая) окружена красивыми зданиями мужской классической гимназии (пункт метеорологической станции) и женского епархиального училища; на стороне, прилегающей ко 2-й части, находится юнкерское училище, а на противоположной — духовная семинария.

На западной стороне площадь эта продолжается в Воробьевскую и Гимназическую улицы, оканчивающиеся у самого Архиерейского леса. Параллельно Гимназической улице к югу идут 4 Форштадтские улицы, получившие после последней турецкой войны громкие названия: Карская, Плевновская, Батумская и Шипкинская и, кроме того, Невинномысская, Батальонная и Госпитальная, на которой находится здание военного госпиталя, когда-то образцовое на всем Кавказе; на этой же улице помещается главная гауптвахта и соляная контора. Все улицы с турецкими названиями выходят на другую большую площадь, уже выходящую за черту города и оканчивающуюся тюремным замком, за которым начинается 3 часть города.



Вид на Армянскую улицу (Шаумяна). Фото начала XX века

Жители 4-й части города по преимуществу отставные солдаты, главный промысел которых составляет, как и в 3-й части, садоводство и огородничество. Эта часть города населена относительно состоятельными (большею частью военными), хотя и тут иногда встречается население бедное, ничем не отличающееся от сельских обывателей губернии.

Из всех частей города 4-я, по моему мнению, самая лучшая в гигиеническом отношении, и если Ставрополю рок сулит порядочное будущее, то оно всецело будет принадлежать этой части: открытое местоположение, свободный доступ чистого воздуха, не заражаемый органическими отбросками, о которых мы говорили и скажем более в главе о фабриках и заводах, находящихся только в 1-й и 3-й частях города, далее высокое положение и ровность местности, близость значительного водяного источника, широкие улицы — все это вместе, при возможном в будущем старании думы о чистоте и правильности улиц и построек, достаточно гарантируют гигиеническую доброкачественность этой части города. <...>

Гористое положение города делает его трудно сообщаемым с другими местностями Кавказа, пока нет шоссейных дорог, не говоря уже о железной, что имеет несомненное влияние на благосостояние города, так как промышленная жизнь его с каждым годом все более и более падает; упадок же промышленности, понятно, косвенно влияет на санитарную обстановку города» (там же, с. 46—47).

Структура этой части города относительно уравновешена: с одной стороны, **гражданские строения и учреждения, учебные заведения, улицы**, с другой, **открытое местоположение, ровность местности, близость значительного водного источника**. Рынок, садоводство и огородничество говорят о сельской ориентации этой части города, наряду с официальными службами и учебными заведениями.

Особую тему составляет садоводство Ставрополя. До сих пор в оврагах, на окраинах города сохраняются старые сады с удивительными мощными породами деревьев, дающими великолепные, крупные, отборные фрукты. Что самое важное, деревья эти не подвержены современным заболеваниям. В очерке «Ставрополь», опубликованном в «Кавказском календаре» за 1854 год, содержатся очень интересные сведения о садах Ставрополя. «Садоводство составляет одну из важнейших отраслей хозяйства в нашем городе; обширные, роскошные сады раскинуты всюду и в самом городе, и по течению речек Мамайки и Ташлы; особенного внимания заслуживают последние, пользующиеся по своему местоположению всеми удобствами и привольями к успешному их разведению. Садоводство в Ставрополе началось с самого почти его основания и на первых порах находилось, по словам старожилов, в таком цветущем состоянии, до которого далеко теперь дойти настоящим нашим садам. Но как старина хвалит всегда свое прошедшее, то мы и не даем полной веры ее рассказам и смело говорим, что садоводство в Ставрополе нисколько не упало против прежнего, а напротив, постепенно совершенствуется. Есть много у нас и таких людей, которые ухаживают за своими садами по всем правилам науки и предоставляют потом другим пользоваться своими наблюдениями и трудами. Кроме разведения в Ставрополе обыкновенных фруктовых деревьев, жители начинают понемногу заниматься также разведением и винограда, лозы которого можно теперь приобресть во всякое время в общеполезном рассаднике при Воронцовском саде. В газете «Кавказ» за 1849 год было напечатано, что купец Н.Н. Плотников сделал весьма удачный опыт разведения в нашем городе винограда и что им задача, в отношении того, что виноград может расти в окрестностях Ставрополя, разрешена удач-

но. Мы должны объяснить, что задача о возможности разводить виноград в окрестности Ставрополя разрешена гораздо ранее купца Плотникова известным любителем садоводства Ф.Я. Макаровским. Сад г. Макаровского находится на северной стороне Ставрополя, в лощине Ташлянского предместья и так же, как сад Н.Н. Плотникова, защищен местностью от непогоды. Впрочем, надо сказать, что виноград не может повсюду вполне созревать в Ставрополе по причине возвышенной местности нашего города, и если он созревает в садах гг. Макаровского и Плотникова, то тому споспешествует низменность места, которая, как мы сейчас видели, защищена от ветров. Вообще должно заметить, что городское садоводство находится в хорошем состоянии и многим приносит в урожайные годы большие выгоды» (73, с. 529-530).

Сады придавали южному городу необычайную привлекательность весной, когда рано расцветали фруктовые деревья, летом и особенно осенью, когда повсюду: в садах, во дворах, на улицах — красовались плоды яблонь, ягод, слив, алычи, грецких орехов.

Отмечаются даже диковинные явления, связанные с двумя урожаями в году, что вполне возможно при нашем мягком климате. «Сверх того, 1851 год доказал многим, что по климату своему Ставрополь способен иногда производить в садоводстве редкие явления. В том году после продолжительного и сухого лета в некоторых садах, по снятии фруктов, деревья вновь цвели в сентябре месяце и завязали плод; в саду же П.Н. Нечмирова из числа этих вторичных плодов яблоки, снятые в начале ноября месяца, получили форму и цвет совершенно созревших, и только по величине своей уступали первым плодам. Во время урожайных годов, к числу которых можно отнести и нынешний 1854 год, в Ставрополе бывает такое обилие в плодах и овощах, что, за удовлетворением городских жителей, снабжаются ими соседние селения и станицы» (там же, с. 530).

В очерке перечисляются наиболее значимые имена, места расположения садов. «Всех садов в городе считается около 160; из них особенного внимания заслуживают сады гг. А.И. Гречанинова, П.Н. Нечмирова, Ф.Я. Макаровского, Н.Н. Плотникова и многих других лиц; здесь всегда с удовольствием можно провести время и полюбоваться правильной рассадкой деревьев и их разведением» (там же). Сейчас остатки этих садов можно обнаружить в оврагах, где нет строительства.

Кроме садоводства, средний класс ставропольских жителей занимался в окрестностях и предместьях города хлебопашеством, огородничеством; поля по реке Ташле и ее притокам Березовке и Третьей речке все почти были заняты хлебом, гречихой, кукурузой, капустой и другими необходимыми для жизни растениями; было оставлено и весьма незначительное пространство под сенокос; то же самое мы видим и в предместьях Мамайки и Мутнянки. Автором сообщается о наличии на территории Ставрополя большого количества целебных растений (в оврагах, лесах, на незастроенных участках). «В окрестностях Ставрополя находятся еще во множестве фармацевтические растения, из которых, если бы за ними ухаживали как следует, можно собирать обильный запас свежих медикаментов для аптек. В геогностическом отношении почва земли, занимаемая городом, различна: в нижней части его — болотистая и топкая, в подгорной — глинистая, по хуторам — черноземная, а в прочих возвышенных частях — каменистая; последняя состоит из известкового и раковистого камня, который обширными сплошными массами составляет или верхний слой земли, или же, покрытый песчаником и черноземом, лежит не глубже пяти и десяти футов; в этом случае массы его обширнее первых и продолжаются сажени на две в глубину и на несколько сажень в окружности. Из камня сего построены лучшие дома и здания города; но в них сырость и холод уничтожаются только при всевозможных способах и заботах жильцов; причина этого неудобства состоит в том, что доселе не обращено внимания на свойство этого камня, на приготовление его к постройке и на особый способ кладки стен в зданиях, — способ далеко не схож с устройством зданий кирпичных. Кроме этого известкового и раковистого камня, верстах в десяти от города, по дороге к Тифлису, под верхним слоем чернозема лежат обширные, толщиною в пол-аршина и более, пласты кремнистого камня, которым вымощены Николаевская, Театральная и часть Александровской улицы длиною до двух верст» (там же, с. 529-530).

Отмечается обилие лесов в черте города, в будущем почти истребленных. «Было время, лет за 40 тому назад, окрестности Ставрополя изобиловали лесами, которые в самом начале вырубались с намерением, чтобы лишить хищных горцев надежных притонов для грабежа, потом же, когда не стало притонов, леса также истреблялись быстро, и в настоящее время не только близ нашего города, но и в пределах самой губернии их осталось весьма незначительное количество и в довольно жалком состоянии» (там же, с. 532).

В настоящее время на территории Ставрополя находится несколько лесов (в черте города), которые превращены в парки с естественными лесными насаждениями, это излюбленные места отдыха горожан.

Историк и философ П. Армиллас отмечает важность учтения крестьянского компонента в форми-

ровании цивилизации. Он говорит о дихотомии «большая традиция — малая традиция» как динамичной взаимозависимости деревенского компонента в соответствующей цивилизации. Его анализ процесса изменений от «народного общества» (folksociety) к цивилизации и его взгляды на отношения между городскими и деревенскими субкультурами в цивилизованном обществе основаны на концепции «большой» и «малой» традиций.

«Большую традицию» составляют знания, учения, философия и эстетические принципы, которых придерживается элита. Этот термин воспринимается как синоним «высокой культуры», образуемой через духовную рефлексию и спекулятивное мышление, она сознательно культивируется, систематизируется и передается. «Малая традиция» состоит из преданий, верований, народной мудрости и изобразительных средств простого народа: это «низкая», или «мирская», культура. «Малая традиция» формируется обычаями и сопротивляется инновациям, она принимается за само собой разумеющееся достояние, не подвержена продуманным изменениям и не передается специальными способами. Вначале высокая культура ранних цивилизаций произрастала стихийно на основе народной культуры. Хотя с течением времени произошло разделение «большой» и «малой» традиций, отношения между ними никогда не были односторонними: они неизменно формировали друг друга. В каждой цивилизации существует тесная взаимосвязь обеих традиций. По словам Р. Редфилда, «их можно представить как два потока сознания и действия, имеющие присущие им характеристики, но постоянно переливающиеся один в другой» (3, с. 91-92).

В осмыслении цивилизационной структуры нашего города очень важно учитывать «деревенский компонент», который и сейчас играет важную роль, так как город всегда пополнялся за счет деревенского населения, окружающего Ставрополь.

Так, Ж. Ле Гофф отмечает, что «если главной оппозицией во времена античности являлось противопоставление города и деревни (urb — rus у римлян и его дальнейшее семантическое развитие urbanite — rusticite, «учтивость — неотесанность»), то на средневековом Западе таковой оппозицией стала «фундаментальная антитеза культура — природа», которая «получила свое основное выражение в противопоставлении того, что построено, возделано и заселено (комплекс город — замок — деревня), тому, что дико по своей сути (море, лес, эти западные эквиваленты пустыни Востока), в противопоставлении универсума коллектива универсуму одиночек» (46, с. 297).

В нашем городе мы имеем соединение культурного и природного компонентов. Интересно, что Ле Гофф в основную оппозицию в системе средневековых ценностей сводит город (civitas), реальное и символическое место, где царствует культура («культурное» место), и лес, географическое и ментальное воплощение дикого состояния:

«К общей оппозиции город — лес Гильом Овернский добавляет еще одну, включающую в себя основной «городской» элемент, как физический, так и символический, — пишет Ж. Ле Гофф. — Элемент этот — камень, из которого большей частью сделан город» (там же, с. 297). Далее Ле Гофф отмечает: «В отличие от необработанного «дикого» камня из карьеров (lapidicina, lapides rudes) и природного леса, камни, оцементированные, скрепленные скобами и аккуратно сложенные, равно как и обработанное дерево (coementum, et clavi, caeteraeque ligaturae inter lapides, et ligno), являются символами взаимной любви и духовного притяжения между душами людей и самими людьми.

После упоминания о камне и дереве называется третий городской материал — металл. В городе не используют природное сырье, там предпочитают металлы, обработанные людьми, «которым Господь дал силы, техническую сноровку, и художественный вкус (vires, et artein et artificium), чтобы добывать эти металлы и превращать их в изделия» (там же).

В Ставрополе и с этим обстоит по-другому. Наряду с обработанным камнем (особенно в старой части города) мы можем видеть каменные плиты, глыбы дикого камня. Больше того, каменоломни находились на территории города (названия улиц — Первая, Вторая Каменоломская), внутренние части дворов, как правило, оснащены массой каменных нагромождений: столбы, заборы, ступеньки и др.

Город всегда пополнялся за счет деревенского населения, окружающего Ставрополь. Сцена на улице Софьи Ковалевской, 23

Таким образом, наш город соединяет в себе черты города и деревенские (сельские) черты, он объединяет в себе (исконно и сейчас) искусственное (городское) и естественное пространство. Естественные природные материалы (камень, дерево) мы можем наблюдать в обработанном и необработанном виде. Металл же составляет особую (поэтическую) сторону нашего города. Изумительные по уровню художественной ковки навесы над парадными дверями, балконы, ограды, сохранившиеся с дореволюционных времен, запечатлевают имена хозяев дома, орнаменты, связанные с различными культурными стилями, архаическую символику и прочитываются как целостная самостоятельная художественная система.

3. Камень

Семиотические свойства нашего камня-ракушечника связаны: с тем, что 1) он несет информацию о древнейших периодах становления нашей планеты и нашей территории, то есть геоинформацию; 2) он несет информацию о жизни на нашей территории периода давностью 17 млн. лет, то есть зооинформацию; 3) ландшафтную, или географическую, информацию, так как выступает на поверхность в черте города и за его пределами; 4) геологическую информацию, так как дает возможность устанавливать породы камня и пласты его залегания; 5) он означен как строительный материал; 6) является материалом для обихода (каменные топоры, камни для обработки зерна и др.); 7) имеет функциональное назначение как материал для каменной ритуальной скульптуры в древнейшие времена («скифские бабы», «кресты»); 8) материал для прикладного искусства в наши дни (скульптура Е.В. Саврасова); 9) строительный материал (архитектурная функция) — из него построены значимые архитектурные сооружения города (административные здания, жилые дома, храмы, заборы, колодцы, мостовые, фонтаны); 10) феноменологическая функция: он интендирует воображаемое — «переживание» предметности, историческое конструирование феноменов; связанное с различными периодами жизни на нашей территории, 11) фактурная функция, связанная с активизацией модусов зрения, осязания, формированием живых ощущений жителя города.

1. Е.В. Саврасов. «Память». Песчаник, бетон, эмаль. 1967
2. Е.В. Саврасов. Каменная скульптура. 1967

В 2002 году нами была написана статья, послужившая первотолчком к исследованию ставропольского камня. Называлась она «Саврасов как монолит» (в кн.: «Саврасов как монолит» — Ставрополь, 2002). Перепечатана она и в сборнике «Язык и текст в пространстве культуры» (СПб.—Ставрополь, 2003). Тогда и был поставлен вопрос о камне Ставрополя, заставивший осмыслить некоторые подсознательные мотивы, связанные с ним. Вот фрагмент из этой книги.

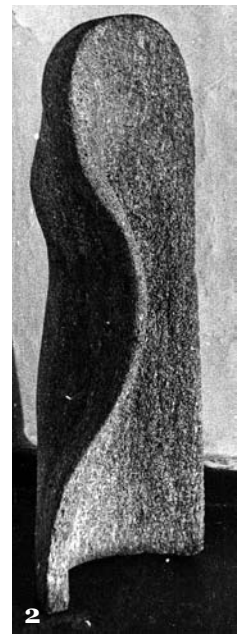
«Я думаю о Саврасове. Почему он мне представляется этаким монолитом? Есть еще одна корреляция, сам об этом говорил. Взгляд на сегодняшний день как бы из глубин, схватывание архетипических черт образа. Это ведь и от цельности ощущений мира — игра массами, все уходит в теплоту и толщу **камня**.

Камни ставропольские... Саврасов говорил мне, что он **среди камней вырос**, эти «**каменные конгломерации**» — для него тоже культурный код, временные напластования, едва уловимые приметы прошлого. Раньше в Ставрополе **заборы строили** из **глыб ракушечника**. Столбы эти знаменитые каменные, чисто выбеленные, на которых огромными крюками ворота держались, остались и сейчас еще кое-где. Саврасов рассказывал, что они напоминали ему баб ставропольских — толстых, крепких, монументальных — у ворот по вечерам стоявших... **В камнях вся история запечатлена, далеко заглянуть можно.**

У Саврасова мышление глубинное, часто инверсионное, что свойственно авангарду. Как он говорит, «**в сторону неолита**». И живописные композиции как из камней сложены. В графике, керамике — те же **камни**, утверждает Саврасов. Только в другом материале. Так что в каких-то глубинах он скульптор. И это тоже константа. В напластованиях и выкристаллизовываются его общения — формулы реальности. «Эссенции», как он говорит: «Можно изобразить плачущую женщину, а можно маску горя — гораздо объемнее по содержанию!».

«**Камни ставропольские, кисловодские, огромные глыбы, наподобие каменных идолов, омытые дождями, белые, чистые**», — так поэтизирует их Саврасов.

«Кто создан из камня, кто создан из глины...» Есть что-то в Саврасове и от диких грубоватых ставропольских глыб и от их теплоты, мягкости. Многое в них намешано, напластовано, но устоялось как-то все, оформилось. «**В этих камнях весь я**», — говорит Саврасов» (89, с. 69—70).



Неожиданный разговор и послужил началом наших исследований каменных воротных столбов в Ставрополе. Но сейчас это важно и по другому поводу. Е.В. Саврасов — художник, и именно художник схватывает самое сущностное содержание того места, в котором он живет. Это сущностное содержание воплотилось, как он сам осознает, во всех видах и формах его творчества, в прикладном искусстве, графике, живописи. Но, что самое главное, в раннем творчестве Саврасов занимался скульптурой из этого же самого ракушечника. Этот материал был востребован скульпторами гораздо раньше — в наших степях до сих пор находят огромные каменные кресты, каменных «баб», культовую скульптуру — и все из камня.

Будучи авангардистом, Саврасов обернулся в эту сторону — «в сторону неолита», как он сам говорит, в сторону скифских и сарматских времен. Его работы по принципу дополнительности объединяют архаику и взгляд художника нашего времени. Скульптура эта, за отсутствием к ней интереса со стороны общественности да и за отсутствием места в квартире, не сохранилась (а как бы хорошо создать было музей под открытым небом, как в Таллине, например), но кое-что из фотографий осталось, некоторые из них мы представляем.

Важно отметить, что отнюдь не знания о каменной скульптуре инициировали название статьи, в которое входит лексема **монолит** (’цельная каменная глыба’, ’предмет, высеченный из цельного камня’ — МАС). Наоборот, эта лексема, содержащая семы ’цельный’, ’каменный’, ’глыба’, — наиболее соответствовала образу этого человека, и, как уже оказалось впоследствии, внутренняя форма (наполненность содержанием ’камень’) интуитивно приве-

ла к внешнему обозначению, которое затем инициировало разговор о камне как некотором первообразе (или праобразе) камня в творчестве художника и скульптора.

Соавтор этой статьи С.Ф. Бобылев так передает свои впечатления о Ставрополе: «Несмотря на то, что живу в Ставрополе уже пару десятков лет, я до сих пор пользуюсь преимуществами стороннего наблюдателя, тем более что до этого имел богатый опыт проживания в разных местах — от Прибалтики до Камчатки. Мои первые впечатления от Ставрополя были сформированы визуальными образами архитектурного порядка. Конечно, есть еще особенности рельефа, климата, растительности, но архитектурные мотивы для городской среды являются определяющими. Я немедленно зарегистрировал то, чего не видел нигде и никогда, – старые постройки из желтоватого пористого камня, в изобилии сохранившиеся в разных частях города. Особенно любопытной показалась орнаментальная отделка из того же камня: полуколонны по фасадам, оформление окон, каменная отделка воротных столбов — все это, в силу структурных особенностей материала, является крупно детализированным, выпуклым, немасштабно большим относительно размеров постройки, как будто вылепленным из пышного теста.

Мои собственные впечатления были не раз подтверждены впечатлениями других приезжих. Хороший московский знакомый, человек внимательный к важным подробностям, прогуливаясь по районам старинной застройки, сделал любопытное замечание. Он предположил, что если бы у него было желание основать в Ставрополе дизайнерское бюро, то он выбрал бы для него как раз такой старый одноэтажный домик из известкового ракушечника с тремя окнами на улицу, большой парадной дверью, калиткой и воротами на толстых столбах и забором в виде высокой каменной стены. Внутри при этом все бы оборудовал по последнему слову техники. Это сочетание космополитичной по духу профессиональной стихии и выраженной местной специфики показалось ему продуктивным и перспективным.

Впрочем, тогда эти мои наблюдения над каменной архитектурой не имели другого смысла, кроме регистрации симпатичного, наивного, не очень близкого по духу и не очень русского провинциального духа того места, в котором приходится находиться. Другие впечатления, связанные со специфическим мелкобуржуазным укладом жизни, оказались сильнее. В них много забавного, иногда анекдотичного, но в любом случае общая картина получалась не слишком благоприятной. (Одним из косвенных проявлений этого уклада я полагаю отсутствие какого бы то ни было художественного андеграунда. Ставропольская художественная молодежь при первой возможности стремится к адаптации к существующим структурам. Любой сходный

1

Е.В. Саврасов. Маска. Песчаник, металл. 1967

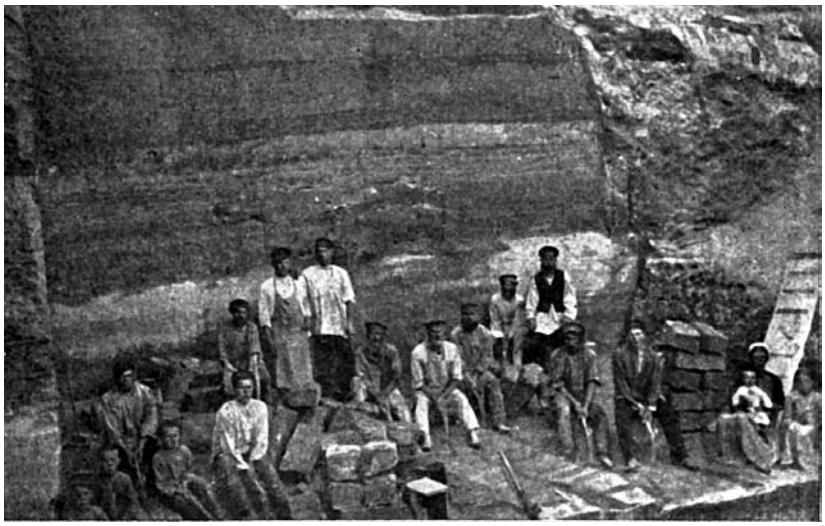
по размерам провинциальный город в средней полосе России, Ярославль, например, обязательно имеет этот нонконформистский пласт, существующий вне официального признания и вне коммерческого оборота, но продуктивно функционирующий. Есть, правда, на ставропольских стенах довольно бойкие граффити, но эта уличная маргинальная культура имеет отношение скорее к социальной сфере, нежели к художественной.) Итак, камень как строительный материал, каменная отделка, строения — все это специфично для Ставрополя».

Одним из первых к местному строительному камню и первым каменным зданиям в Ставрополе обратился И.В. Бентковский в работе «Ставропольская старина. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе»: «Первые поселенцы Ставрополя, начиная с основания крепости, находили в обширных окрестных лесах в избытке строевой лес и потому, вероятно, весьма долго не обращали никакого внимания на другой строительный материал — камень, не менее обширные залежи которого занимали Ставропольское плоскогорье, состоящее из двух ярусов третичной (моллосовой) формации: нижнего и верхнего. Первый образовался из мергелей и темно-серого кремнистого известняка, заключающего в себе раковины; верхний же ярус составляют песчаники, в которых находится множество органических остатков, кораллов, раковин и проч. Раковистый камень, на котором расположен Ставрополь, составляет верхний слой высшего яруса моллосовой формации и состоит из песчаника, связанного известковым цементом, преимущественно же из мактра и венус. Камень этот на возвышенных местностях города находится в обнаженном состоянии, а в низменных частях покрыт почвою от фута до сажени и более толщиною.

2

Каменоломни, которым так обязана щеголеватая наружность Ставрополя, говорит г. Барбот де-Марни, лежат в самой черте города. Камень — известко-

1. Е.В. Саврасов. Торс. Песчаник. 1967
2. Е.В. Саврасов. Голова из сферы. Песчаник. 1967



Каменоломня в Ставрополе. XIX век

вый ракушечник — является прямо из-под чернозема, на глубине $^1/_3$ — 3 аршина. Цвет камня белый, но большею частью желтовато-серый и иногда красноватый. Камень очень мягок, хотя местами и представляет кремнистые разности, дающие искры. Раковины являются преимущественно в виде ядер.

Пласты породы имеют от $^1/_4$ до $^1/_2$ арш. толщины и представляют совершенную горизонтальность, весьма редко они слабо изогнуты и трещиноваты. Для добычи строительного камня выбираются места, где пласты имеют одинаковую толщину, около $^1/_4$ аршина. При добыче делают ряд вертикальных врубов на расстоянии 10 вершков. Работа эта ведется наваренными сталью железными кайлами (клеваками). Потом горизонтально вбиваемыми железными клиньями отделяются брусья, которые уже прямо идут на постройки.

Однодневная перепись 18 декабря 1872 г. насчитала в Ставрополе (кроме 9 церквей, которые все каменные) 8426 разного назначения зданий и в том числе 3858, или 46%, каменных, придающих городу ту щеголеватую наружность, замеченную г. Барбот де-Марни, которая приятно бросается в глаза многим, в первый раз приезжающим в Ставрополь» (14, с. 1—2).

Бентковский говорит о камне как о втором строительном материале (после строевого леса). Не раз в описаниях Ставрополя, как и в данном случае, говорится о двух его разновидностях: нижний ярус — темно-серый кремнистый известняк (заключает раковины), верхний — песчаник со множеством органических остатков, кораллов, раковин. Этот камень как раз и проступает на поверхности в городе.

Каменоломни — это еще одна особенность города и его окрестностей. Они оставили многочисленные следы в названиях улиц (1-я, 2-я Каменоломские улицы), в ландшафте города — дополнительные углубления, контрасты. Каменоломни нашли отражение в названиях некоторых живописных произведений: К. Хетагуров «Дети на каменоломне» (1886), «Кавминводские карьеры» (А.В. и Б.В. Авсаджановы).

Карьер «Южный» в окрестностях села Пелагиада

«В 1798 г., как мы уже говорили, в Ставрополе не было еще ни одного каменного дома так точно, как и в городском лесу, быть может, не было уже ни одного строевого дерева, — пишет Бентковский. — По крайней мере в 1805 г., при отмежевании городу двухверстного выгона показано на плане 821 дес. 894 саж. дровяного леса.

Нужда заставила тогдашних жителей обратиться к другому строительному материалу, более прочному и так же, как и лес, сподручному, — камню, на который они, да и первые строители Ставропольской крепости в течение четверти столетия не обращали никакого внимания. Первый пример каменных построек показал городской ратман купец Волков, как это видно из предложения астраханского губернатора Захарова Ставропольскому магистрату от 2 января 1800 г. за № 7» (там же, с. 2).

Дерево было наиболее ходовым строительным материалом для первых жителей-переселенцев из разных мест России. Сейчас (к 2005 году) имеется около двух десятков деревянных домов, довольно еще крепких и пригодных для житья. Истребление леса было, по-видимому, варварским, что не могло впоследствии не повлиять на климат нашей местности, открытой всем ветрам.

Важно отметить эпитет «**щеголеватый**», который дается наружности города — таким образом, камень как строительный материал придавал городу черты, связанные со значением 'нарядный, изысканный, модный' (МАС).

У Бентковского читаем:

«Губернатор пишет: «Ставропольский городничий Зервальд рапортом мне доносит, что посредством тамошнего купца Волкова выписаны из города Черкаска каменщики, коими найдено, что из находящегося в Ставропольском уезде ломового камня можно производить строения с малым превышением цены против деревянного, не истребляя леса на сжение кирпича. Приняв такое изобретение с уважением, Ставропольскому магистрату предлагаю объявить о том сего города обывателям, внушив при том им, что будут таковое благое изобретение употреблять они в свою пользу, то не только получат сами выгодность, но городу дастся украшение, которое отнесется к славе и похвале его обитателей». Отсюда

ясно, да и предание подтверждает, что купец Илья Волков первый начал постройку каменного дома в 1799 году. (Дом этот, двухэтажный, на большой Николаевской улице, принадлежит ныне действительному статскому советнику Константинову. Бы-

ло бы не лишнее, если бы нынешний владелец на наружной стене дома, на приличной доске, память о времени построения передал потомству). Что же касается внушения обывателям, то оно не скоро вошло в их сознание, так как в 1834 г. мы нашли в Ставрополе казенных и частных домов и нежилых строений не более 30. Тем не менее под руководством каменщиков, выписанных Волковым из Черкаска, ставропольцы начали «бить камень», и в 1808 г. специально уже занимались этим промыслом 1 купец и 1 мещанин» (там же, с. 3).

Одновременно с постройкой в Ставрополе первого каменного дома у руководителей города возникла мысль о построении в городе каменной церкви, без сомнения тогда, по строительному материалу, первой на Северном Кавказе.

«Троицкого собора протопоп и благочинный Илья Тимофеев, 1800 г. июня 21 № 177, писал следующее ставропольскому городничему титулярному советнику Зервальду: «Астраханская духовная консистория от минувшего мая № 177 предписала мне понудить жителей Ставропольского уезда и священников тех селений, которые не имеют выстроенных церквей и отправляющих в молитвенных домах и часовнях священнослужение, дабы присылали к высокопреосвященному Платону архиепископу Астраханскому и Моздокскому, о дозволении строить в их селениях церкви через доверенных прошения и старались бы вообще построить оные через год непременно; а как в г. Ставрополе церковь, хотя и не в давнем времени выстроена, но весьма непрочным делом, так что в рассуждении постройки к оной пределов, подвержена опасности к скорому падению и от случающихся в зимнее время метелей, проходит сквозь стены снег, а в летнее время бывает от дождей великая течь» (там же, с. 3—4).

Старый каменный забор на одной из ставропольских улиц

В письме губернатора уже восприняты интенции, которые несет камень: он говорит о пользе, выгодности и одновременно об украшении, которое принесет похвалу и славу городу, что и подтвердилось впоследствии.

Каменный дом купца Волкова, его постройка принудили «бить камень» и образовать новый промысел. Важно, что первый каменный дом был связан с гражданским (светским) строительством, а за ним последовало строительство храма — каменного собора во имя Св. Троицы. Он был построен вместо деревянной соборной Св. Троицкой церкви, что утверждало новый строительный материал как более надежный, значимый, так как храмы строились надолго. Это и была подлинная инициация ракушечника как строительного материала.

«Обыватели Ставрополя, в числе 18 купцов и 24 мещан, бывших в общественном собрании 12 августа 1800 г., по прочтении им в городовом магистрате отношения благочинного Тимофеева № 177, приговорили: «на место состоящей в Ставрополе, на мещанском форштадте деревянной соборной Св. Троицкой церкви, выстроить желаем каменным зданием, а пока она созиждена будет, ту, деревянную, дабы течи не могло быть, также и другую ветхость, должны исправить лучшею прочностью».

Желание жителей, столь похвальное, могло, однако же, по не зависящим от них причинам, осуществиться нескоро... новый каменный собор во имя Св. Троицы освящен был только в 1819 году» (там же, с. 19).

И.В. Бентковский посвящает далее несколько страниц исследованию причин медленного построения храма, подробно разбирая причины интриг в этом деле. Эта «эпопея», продолжавшаяся почти 20 лет (1800—1819 гг.), раскрывает особенности менталитета местных людей: неумение вести дело строго, точно, аккуратно, эти черты в манерах местных жителей явны и в настоящее время. Порядок рождается из хаоса очень медленно; хаос — это практически константа жизни и состояния, порядок — редкий случай в нем, может быть, как и во всей России. Это, может быть, из-за пестроты населения, может быть, здесь сказывается полукрестьянский уклад города: установка жить неторопливо, в отсутствие строгого регламента в работе и жизни.

У Г.Н. Прозрителева в «Историко-археологическом путеводителе по городу Ставрополю-на-Кавказе и его окрестностям» (1920—1921 гг. — рукопись), как и в других источниках, уделяется внимание камню. Одну из глав «Путеводителя...» Прозрителев посвящает каменным ломкам, или лавам:

«На всем пространстве, какое занимает Ставрополь, залегает мощный слой камня верхнетретичного отложения, но особенно он обнажается на склонах и в западной части города, поблизости источника Карабина. Здесь бьют камень для построек, и весь Ставрополь построен из этого камня. Все нынешние улицы Каменоломская, Карабинская, Аульчик, Ловушка (или Лавушка) и расположенные по ним обывательские дворы, дома и разные постройки стоят на местах, где выбран камень и образовавшиеся ямы засыпаны навозом и разными отбросами. Ямы эти, проникая вглубь на несколько сажень, представляют большой интерес и дают прекрасный материал в научном отношении. Уцелевшие ямы в виде глубоких колодцев дают разрез этого сарматского яруса и залегавшей в нем глины с массою прекрасно сохранившихся не только ракушек, но и костей вымерших животных (дельфинов, китообразных) и даже целых скелетов. Во дворе Румянцева особенно интересна такая лава (яма), в которой можно наблюдать 12 рядов вынутого камня и с различными позвонками, ребрами и прочим

живших некогда в бывшем Сарматском море животных. Там же в глине найден мною целый скелет такого животного, хранящийся в Музее Северного Кавказа.

В геологическом отношении лавы, особенно лава Румянцева, представляют громадный интерес и содержат богатый палеонтологический материал. Безусловно, было бы необходимо устроить надзор за теми находками, которые попадаются рубщикам камня и которые они по невежеству бросают и разбивают. Здесь же можно видеть слои глинистых отложений, между которыми особенно важна зеленая глина (мыльная) и серая (пишущая). Вообще ставропольская глина высокого качества, и ниже этого места, близ завода Меснянкина, есть залежи красной огнеупорной глины» (62).

Обратим внимание на то, что путеводитель называется историко-археологическим. История и археология тесно связаны, вводятся на равных основаниях как критерии в характеристике нашего города. Важно и то, что к историко-археологическим сведениям Прозрителев относит двенадцать рядов камня

Карьер в окрестностях села Пелагиада. Резчик камня Андрей

с ракушками и остатками позвоночных животных, обитавших в Сарматском море. Эти сведения находятся в одном семиотическом ряду с такими описаниями, как каменные бабы, орудия труда и др.

Сейчас на территории Ставропольского края, в том числе вблизи Ставрополя (с. Пелагиада), имеется несколько каменоломен. Некоторые из них заброшены, но на изломах каменных залеганий значительно запечатлевается вся археологическая история нашего города и края. Мы побывали в одном из действующих карьеров — карьере Пелагиадском. Впечатление от общения со ставропольским камнем оказалось невероятно сильным.

Сам карьер, находящийся в углублении, представляет огромное (примерно 1 км) ровное пространство; возвышения — ступенчатые террасы из камня, который равномерно и планомерно теперь вырубается. Нахождение в почти закрытом (только небо видно) пространстве карьера, который «отделен» от остального мира высокими краями обрыва и представляет особый мир, как будто и никогда не виданный человеком, как подземное царство, или, наоборот, что-то вроде лунного пейзажа, и оставляет сильное впечатление. День был воскресный, кроме сторожа и резчика камня Андрея, в карьере никого не было. В бездействии стояли камнерезные машины — нечто техническое, также не имеющее аналогов в обыденном жизненном пространстве. Присутствие в карьере напоминает посадку в неизвестном месте, вроде какого-то космического объекта: вокруг все каменное, пласты ракушечника изумительно красивого желтого цвета, каменные глыбы, каменные нагромождения, не хаотичные, а упорядоченные. Выборка камня идет экономно, поэтому дно карьера ровное, иногда, как указывалось выше, ступенчатое.

Карьер — это великолепный геологический и зоологический музей, а также музей камнерезного дела, так как можно проследить, как выбирался камень в разное время. Сохранилась часть карьера, где камень резался вручную: видны следы от вбиваемых «клювако» борозд. Резчик Андрей подарил нам несколько «экспонатов» природного музея: ребер, позвоночных костей каких-то древних животных, обитавших здесь приблизительно 17 млн. лет назад.

Впоследствии они были переданы В.Л. Гаазову, который собирает материалы для археологического музея, или музея камня, мечтая открыть его в Ставрополе. Хорошо бы в Ставрополе действительно организовать музей ставропольского камня — каких только чудес он не таит: и окаменевшие веточки растений, и рыбы, и части скелетов древних животных, водоплавающих. Да и просто сами камни, с их пористой фактурой, разноцветьем — драгоценный по информативности и эстетике материал!

Интересны и «люди камня» — те, кто занимался его резкой. Сейчас это почти вымершая профессия, так как камень добывается с помощью машин, но прежде это была весьма распространенная и почетная в Ставрополе и его окрестностях профессия.

Может быть, последний из могикан, — встреченный нами «человек камня» резчик Дьяков Герасим Васильевич. Ему за восемьдесят. Это человек богатырского сложения, крепкий, с большими все еще сильными руками, с прекрасным, несовременным, добрым лицом, живет в Пелагиаде.

Камень резали, рассказывал Герасим Васильевич, вручную. Орудия — клювак, кирка, кувалда до 9 кг, большие молоты (самый большой из них весил 19 кг). Пробивали клюваком дорожку, киркой подрубали пласт снизу, камень подскакивал вверх. Получался штучный камень. Резали, сидя на скамейке («пазили»), передвигались на ней в течение дня вдоль залегания пласта камня. Орудия изготавливали пелагиадские кузнецы. Как только начинал идти камень мягкий, карьер закрывали. Платили 35 копеек за штуку камня. За день вырубали 60-80, а то и до 120 штук. В среднем работали 8 часов. Работа тяжелая, но резчики любят свой камень — теплый, мягкий, податливый, выразительный.

Штучный камень, каждый размером 19х19х39 см., предназначен для строительства, использовали и бут — ломаный камень с неровными краями. В Ставрополе раньше были строители — мастера сухой кладки — дома из бута складывали без скрепляющего материала (пересыпали кладку перетертым камнем — тырсой). Дней за 15 строили большой, в 4 комнаты, дом.

Заняты были на камнерезных работах крепкие, сильные люди. Шутка камнерезов — положить в

короб тому, кто носил камень, на 2-3 камня больше — тот и не замечал ноши. Работа была тяжелой, но, по мнению камнереза, оплачивалась неплохо: резчики в 1947 году, как вспоминает Герасим Васильевич, зарабатывали 1,5—2 тысячи рублей в месяц. В карьере работали до 80 человек, в основном мужчины, женщины на носилках выносили тырсу (то есть мелкие остатки, песчаные отходы от камня). Было очень много искусных резчиков, строителей, которые делали резьбу по камню вручную зубилами, шлифовали орнамент камнями.

«Камень резали вручную, — рассказывал нам Герасим Васильевич. — Пробивали клювоком дорожку, киркой подрубали пласт снизу, камень подскакивал вверх...»

Первая камнерезная машина появилась в 1956 году (иностранной марки), работать стало легче. Герасим Васильевич рассказывал о своих чувствах резчика, постоянно встречавшегося с каменными древностями: кости мамонта, два клыка какого-то животного «с метр длиной»; попадались скелеты животных. «Победит как на какую кость окаменевшую наткнется — разлетается вдребезги», — говорит Герасим Васильевич. («Победит» — особая марка очень твердой стали, из которой изготавливают наконечники в орудиях для резки.) В 18 лет Герасим Васильевич ушел добровольцем на фронт, прошел всю войну, закончил свой поход в Прибалтике, там же встретил 9 Мая. Герасим Васильевич и его жена — хорошие хозяева, дом у них — полная чаша (все сами до сих пор выращивают), воспитали двоих детей, на пенсии не бездельничают. Живут по-прежнему в Пелагиаде.

Скромный интерьер сложенного самим камнерезом дома украшают живописные копии. Это копии с работ немецких художников (репродуцировались в журнале «Огонек», «Художник»), Перова «Охотники на привале», пейзажи Шишкина. Копии довольно смелые для самодеятельного художника, не рабские, с чувством цвета, композиции. Однако и дань соцреализму отдана — вполне приличная копия работы «Ходоков у Ленина» Бродского. Живописью увлекается не кто иной, как резчик камня Герасим Васильевич Дьяков. Всю премудрость художественную он освоил самоучкой, подрамники, рамы тоже всегда делает сам.

Местный батюшка благословил его писать иконы. Он и это дело с большим усердием освоил. Эстетические чувства этого человека, несомненно, в высшей степени развиты. Почему? Да, видимо, способностями прекрасными был наделен мастер, а развитие они получали в каменном деле: тут и сноровка, и точность нужны, так как важно вычислить направление в залегании пласта камня, ну и, конечно, высокие эстетические чувства рождаются в общении с таким прекрасным материалом. Одним словом, «человек камня» — воплощение русского богатырства — и строитель, и защитник, да еще и художник.

Необработанный и обработанный камень, встречающийся преимущественно в исторической части нашего города, несет многослойную информацию (как мы уже отмечали, геологическую, экологическую, географическую, культурную и пр.) и составляют одну из доминант в общем геокультурном пространстве, детерминирует особое «археологическое» историческое мышление ставропольцев, формирует его эстетические чувства.

В сборнике «Кавказская война: истоки и начало (1770—1820 годы)», выпущенном в 2002 году, имеются воспоминания Густава фон Штрандмана (1779 год) — полковника, командира Томского пехотного полка. Он обращает внимание на камень как природный и строительный материал, характерный именно для наших мест: «Далее следует уездный город Ставрополь, состоящий из такого же Хоперского казачьего полка, станицы, присутственных мест, домов судейских, нескольких греческих, армянских и русских семейств, которые поселились здесь для торговых промыслов. Не доезжая несколько до Ставрополя, вид местности начинает переменяться и становится гораздо приятнее, по причине некоторых возвышений и посредственной величины их. Они состоят из песка, смешанного с глиной, и покрыты слоем черной земли. Сии горы содержат особого рода мягкий, несколько песковатый, смешанный с маленькими раковинами камень, который можно пилить употребляемой для дерева пилою и тесать топором. Почти все дома в Ставрополе построены из такого камня, довольно прочны и красивы. Вода, начиная с Донской крепости, как в небольших речках или лучше сказать в ручейках, так и в колодезях, становится гораздо вкуснее и здоровее» (40, с. 227).

Может быть, последний из могикан — камнерез Герасим Васильевич Дьяков с женой

По-видимому, вкус воды также обусловлен тем, что она протекает по здоровой песчаной среде. Многочисленные ставропольские родники, прежде дававшие городу воду, отчасти сохранились и до сей поры. Вода в каждом из них разная, но неизменно очень чистая и вкусная. Комплекс родников и водных бассейнов «Холодный родник» — излюбленное место отдыха ставропольцев. Герасим Васильевич Дьяков рассказывал нам о многочисленных родниках, пробивавшихся в карьерах, о необычайно вкусной воде в них.

В статье «Миф русского пейзажа» Ж. Нива говорит о роли пространства в формировании мышления человека: «В предисловии к своему капитальному труду «История Франции» (издание 1869 г.) Жюль Мишле писал: «Чтобы понять особенности моего материала: расы и народа, который является его продолжением, мне казалось необходимым отыскать для всего этого добротное, прочное основание — землю, которая носит и кормит их. Без подобной географической опоры народ, действующее лицо истории, движется, словно по воздуху, как на китайских картинах, где нет почвы. Замечу также, что эта опора — не просто место действия. Она влияет на происходящее на сто ладов: через пищу, климат и прочее. Каково гнездо, такова и птица. Человек таков, какова его родина». Если романтизм изобрел умение чувствовать природу, одним из важнейших компонентов которого является, к примеру, закрепившийся в европейском сознании образ гор — символ чистой и высокой красоты, то нарождающееся национальное чувство в союзе с возникающей национальной историографией дало жизнь ощущению специфического национального пространства, особенной связи человека с его родиной. Одной из наиболее устойчивых характеристик русской национальной идентичности с начала XIX столетия (с тех пор, как она приобрела современные очертания) был культ русского пространства — именно **пространства**, и в меньшей степени пейзажа. Он тесно связан с культом русского слова и русской песни. Достаточно переписать гоголевские «Мертвые души», произведение, лежащее в основе мифа о русском пространстве, чтобы осознать удивительную слиянность трех составляющих чувства русской национальной самобытности: песни, русского слова и русского пространства» (56, с. 12).

Старинная каменная арка во дворе Музея изобразительных искусств. Улица Дзержинского, 119

Камни ставропольские опоэтизированы в живописи, скульптуре, литературе. Они входят в один из самых устойчивых фреймов «архетипической», глубинной истории Ставрополя, и эта особенность мышления ставропольца, вводящего уже давно не существующее Сарматское море в число исторических персонажей, а камень при этом — основной свидетель этой древнейшей истории во все времена (он и сейчас «свидетельствует»), делает ставропольца открытым к восприятию огромных пространственных панорам, в числе которых и Кавказские горы. Их он считает своими, так как видит благодаря открытым пространствам — степям, особой структуре горного ландшафта. Ставрополец открыт и восприимчив к огромным временным периодам с дискретно формировавшейся историей. Овременение пространства и опространствование времени тут приходят к какому-то особому гармоничному единству, что соответствует космическому, ноосферному мышлению жителя нашего города.

В повести «Крутогорье» (1975) ставропольский писатель Е. Карпов хорошо запечатлевает связь степного, равнинного и горного в мышлении ставропольца, их связь и взаимодействие. «Дожди, дожди и дожди в горах Кавказа, а в степях Ставрополья гуляют пыльные бури, чахнут от жажды хлеба и сады, уже в мае сохнут и становятся огненно-рыжими травы на пастбищах.

Зимою непроходимые заносы, вьюги наметают на перевалах, засыпают с крышами лесные кордоны, а в степях трескается нагая земля, гибнут озимые от лютых морозов, ветры уносят плодородную почву в овраги.

Дожди и дожди в горах.

Мы с Георгием Федоровичем Бормотовым, наконец, вырвались из непроницаемых завес синих дождей на солнышко.

В этом месте Кубань, спустившись с заоблачных высот седого Приэльбрусья, одолела у карачаевского селения Кумыш каменную теснину и вырвалась в широкую долину, но у станицы Усть-Джегутинской есть еще одна темного камня теснина, в ней-то и сбавила свой бег река, закружилась водоворотами, разлилась перед плотиной небольшим, но глубоким ярко-синим водохранилищем.

Смотрятся в тихие воды крутолобые холмы, над которыми высятся вдали снежные вершины Белала-

кая, Домбай-Ульгена и самого, как говорили в старину казаки, батюшки Эльбруса. Растет вдоль берега молодая ореховая роща, стойкими рядами стоят островерхие пирамидальные тополя.

Влево от плотины падает рукотворный водопад, и за ним Кубань продолжает свой бег неторопливо, почти как равнинная река, а вправо уходит канал. Упрямо и гневно кружится вода, вырываясь из-под стальных затворов, а потом, смирившись с волей человека, привольно и величественно течет в далекие степи» (41, с. 3).

Понимание, что эти огромные пространства объединяло Сарматское море, оставившее нам о себе память в виде ракушечника, подкрепляет такое геомышление, делает его особым, отличным от мышления равнинного жителя.

Вл. Соловьев в своей «Истории...» указывает, что очень важное «явление», замеченное Геродотом, всегда остается в силе: «...ход событий постоянно подчиняется природным условиям» (72, с. 60). «Перед нами, — пишет он, — обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают на одинаковые средства к их удовлетворению, и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними» (там же). Это размышление коррелирует с рассуждением Броделя о противоположном — горном местоположении и населении. Трудно удержаться, чтобы не восхититься (в который раз!) нашим гениальным историком, высказавшим мысль о связи пространства и мышления, пространства и образа жизни человека гораздо раньше историков XX века.

У нас на Ставрополье «не соскучишься»: многообразие рельефа как бы детерминирует многообразие этносов, укладов, языков, культур. Ставрополь — «Ворота Кавказа» — в «сжатом виде» демонстрирует эти особенности. На них указывали главные певцы нашего края — А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой и мн. др. Много народов — много противоречий, почти не прекращающиеся кавказские войны — этому пример. При общем неиндустриальном (сейчас трудно говорить о крестьянском) укладе Ставрополя здесь все транзитивно (подвижно) — движение народов из Закавказья, предгорий Кавказа, немецкие, эстонские, польские колонии, которые существовали в разное время на территории края, обширная греческая диаспора, огромная прослойка украинского населения, русские переселенцы из многочисленных мест России — все это образ некоего динамичного современного Вавилона, где в плавильном котле социальной реальности и культурного взаимодействия создается многомерный многонациональный конгломерат народов, располагающийся на огромном величественном пространстве.

4. Мифологический характер нарративной истории Ставрополя: доминирование «археологической истории»

С.Ф. Бобылев, соавтор этого материала, возможно, одним из первых системно рассмотрел мифологическую сущность нарративной истории Ставрополя. Он попытался составить список знаков-мифем, которые лежат в структуре ставропольского текста. Вот его размышления по этому поводу.

«Я попытался составить список знаков, из которых состоит ставропольский текст. Мне было интересно, в какой связи эти знаки находятся по отношению к явлениям, которые они призваны означать, то есть к своим референтам. Оказалось, что в каждом случае знак либо максимально удален от своего референта, либо существует при напрочь отсутствующем референте. Городская мифология, таким образом, лишена базы, сочинена, основана на выдумках и стремится выдать желаемое за действительное. Кстати, в избыточном, от этого графически тяжелом и стилистически неряшливом нынешнем городском гербе собраны почти все знаковые ставропольские мнимости.

Не буду приводить точных документальных ссылок, но информация исторического характера получена из краеведческого музея и может считаться в общих чертах объективной. Итак, перечень символов, под номерами и с комментариями:

1. «Город креста». Христианский греческий «ставрос» в названии города так и просится быть укорененным легендарно, и на самом деле окружен легендами. В действительности ни местоположение, ни имя не связаны с реально существующим крестом. Название городу, поначалу одной из 10 планируемых пограничных крепостей, досталось случайно, по наследству от крепости на Азовском море, и, если бы из списка, составленного в Петербурге светлейшим князем Потемкиным, не были вычеркнуты два пункта, Ставрополем мог бы оказаться, например, нынешний Георгиевск.

2. «Крепость в степи» (по названию исторического романа И.Кузнецова). Ставропольская крепость как фортификационное сооружение, возводимое для защиты от врагов, просуществовала пару десятилетий, так и не успев обрасти материальными атрибутами крепости. По-настоящему боевым выдался только один 1779 год, когда было отбито нападение полуторатысячного отряда Дулак Султана. Земляной вал и ров вскоре после возникновения утратили свою непосредственную функцию и исчезли с лица земли, поскольку линия фронта отодвинулась далеко к юго-востоку. Остаток каменной стены, воспринимаемый жителями как фрагмент крепости, есть не более чем уцелевшая стена казармы, входившей в комплекс внешних укреплений.

3. «Казачий город». Место будущего Ставрополя начали обживать семь эскадронов Владимирского драгунского полка и, по разным сведениям, от 150 до 250 хоперских казаков с семьями, переведенных на новое место из Новочеркасска. Казаки расположились тремя станицами в районе теперешнего Нижнего рынка. Командование сочло нецелесооб-

разным использовать казаков в военных действиях – в силу известной их малой управляемости и отсутствия дисциплины. Они использовались в разведке и на хозработах. В 1812 году драгун отправили на запад воевать с Наполеоном, казаков перевели дальше к предгорьям Кавказа, и к 1826 году в Ставрополе не осталось никаких регулярных военных частей – за ненадобностью. Оставленные казаками землянки, мазанки и первые деревянные строения заняли переселенцы из среднероссийских и малороссийских губерний, народ разночинный и часто с темным прошлым. Национально-этническую картину завершали армяне и греки, сгруппировавшиеся плотными диаспорами и, чем дальше, тем больше, представители коренных кавказских национальностей. Таким образом, к середине XIX века доля потомков первых казаков в городском этносе оказалась исчезающе малой. Да и вообще казаки, вольные землепашцы и вольные стрелки, никогда не были мещанами, то есть городскими жителями.

4. «Город основал Суворов». Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский был в Ставрополе

Символы города — остаток каменной стены, воспринимаемой жителями как фрагмент крепости, и «Палатка Суворова» с ключом от города

с инспекторскими проверками, равно как и во всех других пунктах Азово-Моздокской линии. Первый раз оценивал состояние крепостных сооружений в марте 1778 года, крепости тогда было уже полтора года. Второй его визит в Ставрополь пришелся на 1782 год. На Крепостной горе сейчас можно видеть условное изображение палатки Суворова и якобы ключа от города, врученного знаменитому полководцу. Думаю, что городские власти вполне могли поднести символический подарок графу Суворову.

5. «Ворота Кавказа». Триумфальная арка, она же Тифлисские ворота, была воздвигнута в честь победы в Кавказской войне и призвана обозначать тракт, соединяющий большую южную территорию России с Военно-Грузинской дорогой. Последние остатки развалившегося сооружения убрали в 50-е годы, поскольку они мешали троллейбусному движению. Факт исчезновения ворот выглядит символичным, ведь Ставрополь так и не стал значимым пунктом транспортной магистрали. Сейчас ворота восстановлены как дань прошлому.

6. «Кафедральный собор». Чего искренне и особенно жаль, так это уничтоженного перед войной собора. Города лишили единственного реального и существенного стержня, который был его духовной и географической осью, на которую естественным образом сориентирована вся остальная инфраструктура. Даже отсутствуя, собор продолжает активно участвовать в жизни, оставаясь до сих пор градостроительной доминантой, пунктом, соотнесенным с общероссийской Балтийской топографической системой. Штык бетонного красноармейца не может выполнить роли креста на маковке колокольни, блеск которой, говорят, виден был очень и очень далеко. В отсутствие настоящего центра возник, по Бодрийяру, симулякр — искусственный административный центр на площади Ленина. Относительно главной точки сейчас неопределенное и неудовлетворительное двоевластие: подразумеваемая старая и существующая, но ненастоящая. Если это уже не троевластие – крылатый ангел, недавно вознесшийся в небеса на высокой колонне (не на равновеликом расстоянии относительно названных центров, но тем не менее между ними), также предъявляет претензии на топографическое доминирование. И, кстати, значительная подробность — нижняя часть колонны представляет собой информационный блок, который посредством текстов и геральдических изображений знакомит с историей городской эмблематики. Восстанавливаемый сейчас собор может многое изменить.

Таким образом, имеются все основания считать главным признаком ставропольской городской истории ее мифологический характер. Мифологический аспект может быть гармоничным образом дополнен и соображениями более конкретного характера, относящимися к моменту возникновения города.

Как вообще выглядит естественный процесс зарождения города? Предположим, это времена далекой древности с племенным укладом. Группа людей организует поселение, максимально удобное со всех точек зрения: для обеспечения собственной жизнедеятельности, для сообщения с окружающим миром, для защиты от внешней агрессии. Если место оказывается выбранным неправильно, то люди покидают его в поисках лучшей доли, поселение пустеет и, в конце концов, исчезает. Если выбор сделан удачно, то поселение разрастается, пополняется за счет менее благоустроенных соседей, становится важным стратегическим пунктом и в эпоху устойчивой государственности превращается в город со всеми необходимыми атрибутами. Как правило, на высоком берегу судоходной реки строится крепость, внутри которой находятся наиболее значительные городские сооружения — мощные, надежные, долговечные. Какое бы обширное пространство вне крепостных стен ни занимал развивающийся город, вся его жизнь органично обусловлена наличием неизменного ядра. Так организуются и самоорганизуются традиционно укорененные города. Хороший пример — Новгород Великий с его древней историей, но и более молодой Нижний Новгород или, например, Таганрог, который всего на полвека старше Ставрополя. Изначально «правильному» городу уже ничего не страшно. Даже если новые социальные и политические обстоятельства меняют его статус и город теряет свое значение, то он переходит в разряд провинциальных без потерь для исторического самосознания.

Ставрополь основан как оборонительный пункт с сиюминутными целями волевым административным жестом. Просто жирная точка на карте, поставленная в Петербурге рукой вельможного чина, ставшая реальностью после того, как императрица подписала соответствующий указ. Вряд ли кто-нибудь предполагал дальнейшее развитие военного укрепленного пункта, когда первоначальная его роль станет неактуальной. Иначе трудно объяснить, почему для закладки нового города выбрано не самое удобное место. И достаточно высокое плоскогорье с крутым подъемом, что в конце XVIII века должно было затруднять товарообмен, а впоследствии лишило Ставрополь развитого железнодорожного сообщения, и несколько быстрых речек, бесполезных в транспортном отношении, и отсутствие больших массивов строительного леса, и очень пересеченная местность, где овраги с постоянными оползнями перемежаются с выходами каменных пород, и неустойчивый, непредсказуемый климат.

Признаться, у меня нет даже предположений относительно того, почему Ставрополь не исчез как таковой вместе с той функцией, ради которой был создан. И это не единственное недоумение по поводу ставропольского феномена.

Как получилось, что Ставрополь не просто выжил как город, но еще и стал центром огромной и непростой для управления территории? При том, что естественно (и потому легитимно) рядом формировался реальный культурный центр, конгломерат городов Кавминвод. Это место, где было модно не только отдыхать и лечиться на курортах. Здесь круглый год жили представители высшей столичной российской аристократии, привлекая материальные и интеллектуальные ресурсы всей страны. Пятигорск и Кисловодск и другие города КМВ на рубеже XIX и XX веков стали комфортабельнейшим местом для жизни с европейским уровнем сервиса. Почему уже в советское время аэропорт международного значения и крупнейшая типография — значительные культурные знаки — появились в Минеральных Водах, а не в Ставрополе?

Так или иначе, очевидно, что тот образ, который показался мне соответствующим духу Ставрополя с самого начала моего жительства здесь, находит со временем новые подтверждения. Этот образ — большой железнодорожный тупик. Расположившийся на вершине одинокой горы, город не столько соединен, сколько обособлен условиями своего существования от простирающегося далеко вокруг достаточно пустынного, достаточно малонаселенного равнинного пространства. Он изолирован, замкнут на себе самом, живет своей самодостаточной жизнью, что очень напоминает существование хуторянина, возделывающего свои угодья, довольного плодами собственных трудов, не слишком нуждающегося в недалеких соседях, так же, как и они в нем.

Если рассматривать город как самостоятельный живой организм, обладающий сознанием, внутренним смыслом и именно в силу этого способный иметь индивидуальный характер, то город Ставрополь должен ощущать себя как человек, выросший в интернате без родителей. Независимо от возможных успехов жизнь такого человека непременно должна проходить в разрешении проблемы происхождения, поиска собственных корней».

Некоторые из этих наблюдений, например, об оторванности города на горе от равнины, подтверждаются исследованиями историков, в частности, их можно обосновать размышлениями Ф. Броделя из книги о Средиземноморье. Историк говорит об архитектоническом единстве средиземноморского пространства, «скелет» которого составляют горы: «Это громоздкий, непропорциональный, вездесущий скелет, кости которого «тут и там выпирают из-под кожи» (16, с. 34). Горы, считает Ф. Бродель, вообще «держатся в стороне от большой истории, отказываясь как от ее притязаний, так и от ее благотворного воздействия. А может быть, это она не хочет иметь с ними дело. Однако жизнь каким-то образом ухитряется связывать обитателей вершин с их собратьями внизу. В Средиземноморье нет этих неприступных гор, которые, составляя несомненное большинство на Дальнем Востоке, в Китае, Японии, Индокитае, Индии, доходят до Малакского полуострова и которые, не вступая во взаимоотношения с низменностью, создают свои собственные миры. Дороги в средиземноморские горы открыты, и по ним можно двигаться, хотя они извиваются среди крутых скал и их качество оставляет желать лучшего; эти дороги служат «своего рода проводниками равнины» и ее могущества к заоблачным высотам» (там же, с. 48).

Восстановленная в 2000 году триумфальная арка на проспекте К. Маркса — дань прошлому Ставрополя — «Ворот Кавказа»

Наше пространство похоже. Мы тоже находимся на отрогах Кавказских гор, часть «скелета» которых и составляет наша Ставропольская возвышенность, заявляющая о себе в том числе и грандиозными каменными наростами, которые постоянно будоражат сознание ставропольца, побуждают его к мифопорождению, как раз и по поводу моря. Но не только ставропольские камни инициируют создание мифов. Ученые историки и историки-любители в своих текстах так или иначе отмечают, что с крепостью связана система мифопорождений, вообще присущих нашему городу.

Статья В.Г. Гниловского «План Ставропольской крепости 1811 года» (1949) (Историко-географичес-

На современном гербе города Ставрополя всадник на белом поле символизирует казачество

кий очерк) намечает уже некоторые сдвиги, смещения событий в истории Ставрополя относительно реальности. Гниловской пишет: «Ставропольская крепость, или иначе крепость № 8 Азово-Моздокской оборонительной линии, положившая начало гор. Ставрополю, была построена в 1777—80 гг. Таганрогским (Владимирским) драгунским полком» (25, с. 165). И тут же в примечаниях отмечает: «В имеющейся литературе и архивных материалах указывается, что крепость была основана Владимирским драгунским полком, в тех же материалах полк, располагавшийся в крепости, в последующие годы называется уже Таганрогским драгунским полком без указания на смену одного полка другим, и Таганрогский полк упоминается в качестве строителя крепости. Создается впечатление, что данные наименования являются синонимами» (там же).

Эти разночтения создают основу семиотической неопределенности, задают ряд смещений относительно некой реальной ситуации, которая так и не просматривается и не вырисовывается в интенциях исследователей. Все это хорошо видно в системе построения текстов, и особенно в тех случаях, когда автор указывает на источники, условия и условности своего сообщения.

Заметим, что рассказ о создании крепости В.Г. Гниловской начинает с метаэлементов (слов, с помощью которых автор внутренне комментирует текст, отсылает к источникам, выражает свое отношение), они указывают не только на условия, но и оговаривают общую условность сообщения. На протяжении всей статьи повторяется вводный компонент **по преданию** с модификациями: **по словам предания**, **согласно рассказу предания, возможно**, **видимо**. Последний компонент закрепляет ситуацию неопределенности в построении нарратива.

«**По преданию**, в выборе места для крепости непосредственное участие принимал великий русский полководец А.В. Суворов, командированный в 1778 г. на Кавказ для наблюдения за строительством и для инспектирования Азово-Моздокской линии. В это время, **по словам предания**, на месте будущего Ставрополя уже имелось небольшое военное укрепление, расположенное где-то в верховьях реки Ташлы, носившей в то время также и имя реки Члы. **Возможно**, что следами этого первоначального укрепления являются остатки вала, сохранившиеся на верхней плоскости Ставропольской горы, к северо-западу от Михайловского родника, дающего начало р. Ташле, в урочище, именуемом Валик. Наличие вала в этом районе показано на хранящейся в Ставропольском краевом музее Археологической карте г. Ставрополя, составленной Г.Н. Прозрителевым. **Согласно рассказу предания**, А.В. Суворов, ознакомившись с расположением поста № 8, признал выбор места неудачным и указал новый, стратегически более выгодный участок для постройки крепости на месте современной центральной части города Ставрополя, где и были возведены крепостные постройки под руководством командира драгунского полка полковника Ладыженского» (там же, с. 165—166).

«Предание» — 'устный рассказ, передающийся из поколения в поколение' (МАС) — не обличено рассказывать подлинные истории. В некотором роде, это легенда, служащая для того, чтобы укоренить, даже узаконить, в том числе и историческое, мнимое или настоящее, событие.

Смещения наблюдаются в ряде существенных случаев. Как отмечает Гниловской, «топография Ставропольской крепости в литературе освещена очень мало. Впервые план крепости под заголовком «План Ставропольской крепости (1777—1809 гг.)» был опубликован И.В. Бентковским в № 1 газеты «Ставропольские губернские ведомости» за 1879 г.» (там же, с. 168).

В изложении и интерпретации плана Гниловской указывает на «**рискованные**» места: «**не имелось масштаба**», «**не было точных данных**», «**надо было полагать**», «**протяжение крепостных стен на запад оставалось неизвестным**».

По наблюдениям Гниловского, неизвестный ему ранее рукописный чертеж инженер-подпоручика Ахиткина, найденный в 80-х годах, также не является достоверным документом. Обратимся к тексту: «В дальнейшем этот же план был повторно напечатан в статьях Прозрителева в Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии, вып. 2-й и в Сборнике сведений о Северном Кавказе, изд. Ставроп. губ. статистического Комитета, т. IV, 1910—11 гг. Этот план был единственным планом, по которому приходилось знакомиться с очертаниями Ставропольской крепости и расположением в ней построек. К сожалению, в плане **не было никаких указаний на размеры** крепости и **не имелось масштаба,** так что до сего времени **не было точных данных** для определения местоположения крепости по сравнению с расположением современных зданий и улиц города. В северном и южном направлениях крепость, **как надо было предполагать**, ограничивалась площадью плоской части Комсомольской горки, на востоке обрывом в сторону рынка. Протяжение крепостных стен на запад оставалось совершенно неизвестным. В прошлом году Ставропольскому краевому музею удалось обнаружить неизвестный ранее рукописный чертеж плана Ставропольской крепости, датированный 1811 годом, за подписью инженер-подпоручика Ахиткина. План имеет такой заголовок: «Генеральный план Ставропольской крепости с показанием на оном вновь строящегося и неначатого оборонительного здания, а какие при оных в минувшем июне месяце произведены работы значат под покрытием приличных красок. Сочинен июля дня 1811-го года» (там же, с. 168).

Постоянно Гниловской обнаруживает и выявляет ошибки, смещения, неточности.

«На плане имеется звезда румбов, но **правильность** показа ею сторон горизонта **вызывает сомнения** по следующим основаниям: сохранившиеся части крепостной стены и части крепостных строений по своему расположению на 20° не совпадают с обозначением направлений катушки румбов. У нас **создается впечатление**, что направление сторон горизонта показано на плане с отклонением на 20° к востоку. Наш вывод подтверждается тем, что направление сторон горизонта, изображаемое картушкой, также на 20° не совпадает с расположением показанной на плане крепостной церкви, которые обычно строились вытянутыми в направлении запад — восток.

Разница в изображении сторон горизонта с их действительным направлением в настоящее время могла быть объяснена вариациями земного магнетизма, но такие значительные колебания (20°) вряд ли допустимы. Учет изменений магнитного склонения на 137 лет, прошедших со времени составления плана, мог бы несколько уменьшить степень расхождения, но **не может полностью объяснить эти различия**, так как годовые изменения склонения обычно измеряются секундами и долями минут и, кроме того, в пределах Европейской части СССР за XIX век наблюдались изменения склонения как к востоку, так и к западу. **Отсутствие аналогичных данных по Ставрополю** не дает возможности определить поправки к плану на изменение склонения.

Инженер-подпоручик Ахиткин был, в**идимо, строителем, а не топографом** и мог не обратить должного внимания на правильность изображения румбов, кроме того, само назначение плана — фиксация произведенных строительных и ремонтных работ — и **не требовало точности** в этом отношении» (там же, с. 168—169).

Таким образом, в наррации наблюдаются элементы, связанные с сомнением в правильности показа сторон горизонта, обозначения направлений: «**разница в изображении сторон горизонта с их действительным направлением**», «**отсутствие аналогичных данных по Ставрополю**» и т.д.

Гниловской указывает на субъект подачи материала как на лицо, не обладающее профессионализмом: Ахиткин — «**строитель**, а не **топограф**».

«Мы полагаем, что это расхождение связано было с **ошибкой чертежника при копировании плана**. В этом отношении интересно также упомянуть о наличии **еще одной ошибки (описки) при выполнении плана**, а именно, вместо надписи «**Ташла»** на плане значится «**атшла**».

Сравнение плана подпоручика Ахиткина с планом, опубликованным Бентковским, показывает на общее сходство контура изображаемой ими крепости, но в то же время и **на наличие значительных расхождений** в форме и направлении стен, особенно в юго-восточном участке крепости. Эти **расхождения** не могут быть объяснены какими-либо коренными перестройками крепости, переносом стен, рвов и т.д., тем более что даты, к которым относятся оба плана, близки друг к другу (1809—1811 гг.), а могли возникнуть только в силу **неточности изображения в одном из них**. Детальное рассмотрение плана Бентковского выясняет причины имеющихся **различий**. Дело в том, что этот план печатался не с гравированного или цинкографского клише, а с клише, составленного путем набора различных типографских знаков: линий, прямоугольников и т.д. **Ограниченность возможностей** такого способа в передаче деталей рисунка вела к **неизбежным искажениям**, например, в юго-восточной части крепостной стены на плане Бентковского показан значительный выступ наподобие бастиона, которого фактически не было, и т.д. В итоге выявляется, что план Бентковского был составлен на основе плана, аналогичного плану Ахиткина, но в нем были допущены существенные **искажения и в масштабе**, и в очертаниях, в результате чего план Бентковского должен быть квалифицирован не как план, а как **схематический рисунок с плана крепости**. Единственным же известным подлинным планом Ставропольской крепости должен быть признан

Крепостная гора — современный вид благоустроенной каскадной лестницы, которая ведет к восстанавливаемому в настоящее время кафедральному собору Казанской Божией Матери

публикуемый в данной статье план инженер-подпоручика Ахиткина. План Ахиткина позволяет дать **более правильное** описание конфигурации и размеров крепости, ее местоположения, ее внутренних и внешних построек» (там же, с. 170).

Далее указывается на сравнение планов Ахиткина и Бентковского в ракурсе **значительных расхождений** в форме и направлении крепости с указанием уже на источник с его типографскими особенностями: **неточности изображения, не цинкографское клише, а клише, составленное из разнородных типографских знаков**.

В заключение Гниловской прибегает к плану Ахиткина как к «более правильному описанию конфигурации», хотя изначально отмечает ряд смысловых сбоев в этом документе.

«Крепость» — по данным МАС — 'укрепленный пункт, подготовленный к круговой обороне и длительной борьбе в условиях осады'. Гниловской в статье «План Ставропольской крепости 1811 года» отмечает все же, что «Ставропольская крепость была одной из наиболее значительных крепостей

Азово-Моздокской линии и была построена по всем правилам военной техники того времени. Крепость принимала участие в военных действиях. Так, закубанские горцы, возбуждаемые турками, обещавшими им помощь, в 1779 году напали на линию одновременно в нескольких пунктах, в том числе и на Ставропольскую крепость, но понесли здесь поражение: двести казаков из донского полка Кутейникова наголову разбили их главный полуторатысячный отряд.

В начале XIX столетия, в связи с постройкой ряда новых укреплений в более южных районах, Ставропольская крепость утеряла свое прежнее значение. Крепость как военный объект, видимо, существовала вплоть до 1812 года, когда Таганрогский драгунский полк, дислоцировавшийся в крепости, был отправлен в армию, сражавшуюся с Наполеоном. Деревянная церковь крепости после ухода гарнизона была сломана кавказскими содержателями (откупщиками) питейных сборов, комиссионером Задонским и купцом Шунаевым, и продана в г. Георгиевск, где была установлена на кладбище. <...>

Младший урядник Хоперского полка в полной парадной форме для конного строя (1871)

Переписка по данному вопросу, содержащая 44 листа, была начата 5 ноября 1821 г. и закончена в 1829 году. Факт слома церкви говорит о фактической ликвидации крепости, что также подтверждается тем, что на плане гор. Ставрополя, датированном 1833 годом, хранящемся в Ставропольском краевом музее, крепостные постройки не указываются, за исключением участков крепостной стены, сохранившихся до наших дней.

Ставропольская крепость была построена на небольшом восточном отроге Ставропольских высот, называемом прежде Крепостной, а в дальнейшем Соборной, или Кафедральной, горой, а затем Комсомольской горкой. В стратегическом отношении этот участок был выбран очень удачно, что, **возможно**, **действительно, согласно преданию**, «высмотрел орлиный взор великого полководца». Крепостная гора являлась господствующей над окружающей местностью. С севера она была ограничена глубокой балкой реки Ташлы и круто обрывалась на восток, к выравненной площади, где располагалась Ставропольская станица (район бывших Станичных, ныне Калининских улиц и современного нижнего колхозного рынка). С южной, наиболее опасной в то время стороны Крепостная гора была защищена рядом вытянутых с запада на восток глубоких речных балок: двух Мамаек, Мутнянки, Желобовки и безымянной балки, проходившей почти у подножия крепостных стен. <...>

Интересные подробности, характеризующие географические условия окрестной крепости, были записаны Бентковским в 1833 году **со слов семидесятипятилетнего казака**, пришедшего на «линию» с Хопра вместе с их командиром, премьер-майором Устиновым. Казак говорит: «Когда мы пришли в Ставрополь, крепость не была совсем окончена, и мне довелось на ней поработать. Для станицы едва нашли удобное место, тут была поляна, а кругом лес. Первый год косили там, где теперь дом командующего войсками (угол современной ул. Дзержинского и улицы Коминтерна. — *В.Г.*), а хлеб сеяли, где собор старый (площадь нижнего колхозного рынка. — *В.Г.*). Там, где теперь Армянская улица (улица Шаумяна. — *В.Г.*), была просека через лес — по ней ходили мы по воду из крепости к роднику, его теперь нет. Около теперешней армянской церкви было озеро из родников, текущих из горы. Бывало, из станицы в крепость без ружья не ходили; а из крепости за вал оплошно не показывай носа» (там же, с. 167—168).

Как видим, в тексте очень много неопределенностей, Гниловской подтверждает, что именно стратегическое значение этого места и было для основания крепости, а потом города, самым важным.

Текст Г.Н. Прозрителева подтверждает это. В «Историко-археологическом путеводителе по городу Ставрополю-на-Кавказе и его окрестностям» он пишет: «Господствовавшее положение крепости благодаря возвышенной местности, значительный гарнизон и близость казачьей станицы делали место это вполне безопасным, и потому сюда потянулась значительная часть поселенцев, и слободки росли. Явилась необходимость создать другие условия для жизни этой части поселения при крепости, и в 1785 году 5 мая последовал указ Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества, причем образованы были в Кавказской губернии три уезда: Георгиевский, Моздокский и Ставропольский — и Ставрополь назначен уездным городом. День 5 мая и надо считать началом существования Ставрополя как города. В следующем году открыты были присутственные места.

В это время Ставрополь представлял из себя ряд домов, довольно неправильно разбросанных по юго-восточной и юго-западной стороне от крепости; на северной стороне была расположена станица, где теперь Хоперская улица и Станичные улицы, с церковью на Нижнем базаре, где теперь часовня, а на нашем нынешнем Николаевском проспекте рос лес, в нескольких местах были топкие места от родников, вытекавших из Крепостной горы, и один из этих ручьев пересекал его в том месте, где на площадке между бульварами ныне стоит бассейн, и тут шла глубокая водомоина по направлению к нынешнему дому Меснянкина (старая гимназия). Население в это время было весьма невелико: всего 467 дворов и 27 лавок к 1780 г.

В это время город не имел собственной отдельной земли, а земля была в общем владении с казаками, вернее, жители-горожане пользовались казачьей землей и теми угодьями, которые составляли казенную землю. С переводом казаков в станицу Суворовскую в 1825 г. казачьи земли остались в исключительном пользовании горожан; и наши архивы содержат много дел, возникших по поводу положения и способа пользования этим земельным казачьим имуществом.

Этой земли осталось 16267 дес. 57 кв. саж. Таким образом, благодаря указу Екатерины II от 5 мая 1785 г., Ставрополь из слободки при крепости обратился в город со значительной уездной территорией, жители из бесправных, подчиненных всецело суровому военно-крепостному управлению, обратились в горожан, права которых покоились на знаменитой

«Грамоте на права и выгоды городам Российской империи», данной 21 апреля 1785 г. А потому день 5 мая и должен быть признан днем рождения нашего города и праздником ставропольцев» (62).

Таким образом, мы знаем это место достаточно точно, и в то же время оно в описаниях (как крепость) страдает неточностью, в результате чего в наше время на крепостной горе в качестве остатков крепостной стены фигурирует, на самом деле, разрушенная стена одной из казарм, проемы окон которой напоминают бойницы. Эта реалия как бы закрепляет сдвинутость нарратива относительно референта, относительно реальности.

В процессе формирования такого сдвига, а значит, определенной отрешенности истории от реальной действительности, что свойственно мифу, оказались в качестве мифопорождающих многие концептуальные понятия о Ставрополе.

Миф — это мощный способ познания, хотя бы потому, что в нем немало противоречий, смещений, критическое обсуждение которых дает коррекцию в познании. В самом же мифе много произвольного, хотя часто мы мыслим и действуем не относительно реальности, а относительно мифа, как и в случае со Ставрополем. Смещенная мифологическая атрибутика крепости закреплена в смысловом смещении наличествующей реалии (стена казармы как часть крепости).

В последние годы выдвигаются новые гипотезы о том, кто основал Ставрополь. Так, Н.А. Охонько в статье «Кто основал Ставрополь» (1995) пишет: «Не однажды мне доводилось слышать, что Ставрополь основал А.В. Суворов. Другие говорят, что это осуществил князь Григорий Александрович Потемкин по указу императрицы Екатерины II. Ряд исследователей к основателям Ставропольской крепости относят Астраханского генерал-губернатора Ивана Варфоломеевича Якоби. Историк В.А. Потто в своей «Кавказской войне» пишет, что И.В. Якоби был назначен на Кавказ по личному выбору князя Г.А. Потемкина, и по его инициативе были заложены крепости Екатериноградская, Георгиевская и Ставропольская. Каждый из перечисленных государственных и военных деятелей внес свой вклад в основание Ставрополя. Однако было бы интересно знать, кто непосредственно руководил строительством крепости со времени ее закладки» (59).

Оказывается, что есть еще одно имя, которое может оказаться наиболее важным в выяснении вопроса, кто был основателем и строителем Ставропольской крепости. Н.А. Охонько называет имя В. Шульца, который был комендантом и строителем Ставропольской крепости с момента ее закладки до 1782 года. «Пять лет он находился в Ставрополе, руководя всеми военными и строительными делами, — пишет Н.А. Охонько. — Комендантом такого важного военно-стратегического пункта, как крепость Ставропольская, мог быть человек опытный и надежный. Одновременно он руководил строительством и обороной цепи укреплений на западном фланге линии. В 1782 г. после отъезда Н. Ладыженского в Оренбург В. Шульц какое-то время исполнял обязанности начальника всей Азово-Моздокской линии. К тому времени он имел уже чин генерал-майора. К сожалению, это пока все сведения, которыми мы располагаем о первом коменданте и строителе, а следовательно, и непосредственном основателе Ставропольской крепости В. Шульце. Возможно, дальнейшие поиски позволят больше узнать об этом человеке и его деятельности при основании нашего города.

Что же касается А.В. Суворова, именем которого названа главная улица бывшей крепости, где стоит памятник великому полководцу, то он бывал в Ставропольской крепости лишь с инспекторскими проверками, первая из которых состоялась 5 апреля 1778 г. (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*) При одном из посещений А.В. Суворов дал высокую характеристику Ставропольской крепости, оценив тем самым и труд ее первого коменданта. Думается, что ставропольцы должны достойно увековечить имя полковника В. Шульца» (там же).

Г.Я. Голосовкер в работе «Логика мифа» указывает на то, «как произвольно миф играет временем, говорит о том, как один и тот же предмет может оказаться то большим, то меньшим (по своей величине), как один и тот же объект может в одно и то же время находиться в двух местах, как для того, чтобы перейти с одного места на другое, предмет преодолевает пространство, равное нулю, или аннулирует

время: время выключено. <...> Мы увидим в логике мифа нечто абсолютно любопытное и двойственное: мы увидим явно «абсолютную логику», но построенную скрыто на основе «логики относительности» и при этом в конкретных телесных образах эвклидова мира. Мы увидим, что воображаемый, имагинативный мир мифа обладает часто большей жизненностью, чем мир физически данный, подобно тому, как герой иного романа бывает у нас более жизненным и исторически конкретным, чем иное, когда-то жившее, историческое лицо» (29, с. 13).

Это мир возможности невозможного, исполнения неисполнимого, осуществления неосуществимого, где основание и следствие связаны только одним законом — абсолютной свободой желания или творческой воли, которая является в нем необходимостью. Для жителей Ставрополя концептами, способствующими порождению мифов, стали, помимо крепости, **имя Суворов** (как значимое в истории России), **крест** (по преданию, найден на крепостной горе в ходе закладки крепости) и некоторые другие (**ключ, храм Казанской Божией Матери**), как указано выше.

Наиболее важной и значимой является названная выше триада **крепость — Суворов — крест**. В некоторых источниках находка креста описывается как реальное событие, но достоверных данных о найденном кресте нет, нигде он как реалия не фигурирует, хотя в ходе восстановления крепостной горы крест был вновь воздвигнут в 2000 году. Сейчас надпись гласит: «Здесь, у алтаря полковой церкви владимирских драгун, возведенной во имя Свят. Николая Чудотворца, при закладке крепости располагалось кладбище, где хоронили первых поселенцев. По упразднении церкви на этом месте был воздвигнут каменный крест, впоследствии разрушенный». В порождении легенды о кресте наиболее значимую роль играет название города Ставрополь, в переводе с греческого, «город креста».

Мифопорождению в истории нашего города способствует некая антиномия: жители Ставрополя постоянно общались с «большой», даже вселенской археологической историей — напластования ракушечника, торчащие из земли, стены, кресты, найденные в поле, многочисленные «каменные бабы»,

«Каменные бабы» в экспозиции Ставропольского краеведчесого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

курганы, раскопки свидетельствуют о древнейшей жизни и поселениях на данной территории. Отсутствие подлинных историй, недолгая история города, не связанная с крупными событиями и с действительными историческими лицами, как раз и ведут к мифопорождению. Все это способствует тому, чтобы зазор в образовавшемся смысловом пространстве был ликвидирован, поэтому город снабжен «историями», которые были «сочинены», эти «истории» имеют и одновременно не имеют отношения к подлинным событиям.

Один из выдающихся философов XX века Р. Арон, анализируя историю и интенции историков, отмечает, что суждения, относящиеся к исторической каузальности и выведенные из мысленного сравнения между тем, что произошло, и тем, что могло произойти, могут иметь множество форм, в числе которых имеет место особенность, связанная с ролью **первоначала**. Иногда категоричного ответа быть не может, считает Р. Арон, так как «историческая необходимость (то, что мы так называем) всегда проявляется только в людях, которые являются ее агентами и интерпретаторами. <...> Историк, — пишет Р. Арон, — не является ни человеком действия, ни философом, удерживая в уме обе истории, он ищет, как произошло то, что привлекает внимание только философа, как воля действующих лиц, судьба и удача способствовали осуществлению того, что никем не предсказывалось и никем не было желаемо, но в конце концов становилось творением и опытом всех» (4, с. 44—45).

Так как понятия **крепость, крест, Суворов** связаны с **первоначалом** нашего города, они имеют для создания его истории огромное значение. Кроме того, в «большой» (или глобальной) нарративной истории повествование всегда опирается на наиболее значительные, в соответствии с общими моделями, события. Деятель — крупное историческое лицо, важны историческая значимость места, ситуации. В истории Ставрополя таких концептов, связанных с первоначалом, очень мало, в связи с этим особая нагруженность падает на название города (город креста), значимость его как крепости и роль личности полководца Суворова в истории Ставрополя.

Проанализируем интенции текста одного из историков Ставрополя — Г.Н. Прозрителева, с тем чтобы осмыслить значимость и достоверность описываемых символов, в первую очередь, **креста**. Этому явлению посвящена самостоятельная глава в историко-археологическом очерке «Каменный крест на Соборной горе». Прозрителев начинает ее с ниспровержения легенды о том, что его водрузил Суворов в 1780 г. Обратим внимание на метадискрипцию «по преданию», которая лежит в основе надписи. «Крест на Соборной горе сзади собора стоит на пьедестале, и под ним имеется на металлической доске надпись: «Крест по преданию поставлен Суворовым в 1780 году». Надпись эта не соответствует действительности, — утверждает Прозрителев, — так как Суворов в этом году в Ставропольской крепости и не был, да и не было надобности ставить крест, так как крепость была закончена, была в ней церковь. В это время уже была построена тут же под горой, в станице, церковь хоперскими казаками», — пишет Прозрителев (62).

Отказывая в подлинности данным фактам, он утверждает следующее: «Что касается этого последнего креста, то положительно известно, что он долгое время стоял в часовне, бывшей сзади собора, и пред ним постоянно горела лампада. Точных сведений о том, когда была сооружена эта часовня, нет, но она тщательно поддерживалась до 1884 г., и в ней зажигалась лампада. Несомненно, если бы этот крест служил обозначением места, выбранного для постройки собора, то при сооружении собора он уже утерял свое значение, и место, где он стоял, должно было войти в пространство, занятое зданием собора, и не было смысла так тщательно его хранить. Точно так же, если бы он был поставлен Суворовым, он терял смысл при постройке крепостной церкви на другом месте.

После 1886 г. часовня была сломана, и крест, вынутый из нее, оставался открытым. Но в 1889 г. ввиду объявленного чествования памяти Суворова наше городское управление по совету гласного И.П. Кувшинского оцементировало этот крест и поставило на пьедестал как крест, поставленный

Суворовым, сделав указанную надпись. Основанием для такой **ошибки** послужило то, что в городской управе, в присутственной комнате, висела картина, на которой изображен Суворов с подзорной трубой в руке, стоящий у развалин крепости или постройки, служившей ей началом. Картина, как говорили, кисти художника Лагорио, бывшего учеником Ставропольской гимназии. С другой стороны, у Бентковского имеется небольшая статья «Суворов встречает 1780 год в Ставропольской крепости». **В отношении этого креста у старожилов вовсе не было в памяти, и о постановке его Суворовым наоборот, было мнение, и прочно сложившееся, что крест поставлен на горе жителями, добивавшимися постройки церкви во имя Св. Николая** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*), приурочивая это благое дело к памятному для Ставрополя 1810 г., когда прекратилась чума, свирепствовавшая в Ставрополе и унесшая много жертв. Называли даже купца Чернова, который и хлопотал об этой постройке.

Но если б это было так, то постройка собора делала крест ненужным, и его не стали бы хранить. Нахождение этого креста при основании крепости и послужило основанием для названия крепости и города — Ставрополь: Ставрос — крест, поль — город» (62).

Как видим, речь идет о разных фактах. Последний связан с интенциями, являющимися вторичными, и далее мифопорождением, основанным уже не только на интенциях названия города, но и на интенциях, связанных с мифопорождением о Суворове, а далее с интендированием событий, обусловленных живописным произведением, которое укореняет легенду — «Суворов встречает 1780 год в Ставропольской крепости».

Прозрителев утверждает нечто иное — он переводит значимость нарративного события (мнимая находка креста) в «археологический» план, ставит его в соответствие с такими событиями, как скифский, сарматский периоды в истории этого края, появление христианства. Он утверждает: «Крест же этот имеет более древнее происхождение, он был найден здесь, на горе, при закладке крепости и поставлен христианами первых веков, укрывавшимися в наших пределах от гонений. Как известно, римские императоры делали Кавказ местом ссылки для христиан. План крепости 1809 г. имеет важное значение, так как на нем обозначено место крепостной церкви, что и служило основанием при обследовании и промерах в отношении каменных столбов, стоящих тут же на горе, указанных ниже, и местонахождения крепостной церкви» (там же). Доподлинно и эта гипотеза не нашла подтверждения, но она организует дискуссионное поле, характеризующееся неопределенностью.

Говоря о Соборной горе, Прозрителев отталкивается от системы концептов, связанных с ней: «Здесь, на этой горе, все прошлое Ставрополя, его колыбель, вся его история. С этой горы открывается чудный вид на долину р. Ташлы с её чудной зеленью садов, огородов, длинных улиц и огромным пространством между Ташлой и Мутнянкой на 20 и 30 верст на восток. Как широкий горизонт открывается стоящему на этой горе, так и начинания, возникшие здесь, открывали широкие перспективы зарождавшемуся здесь поселению, предсказывая ему блестящее будущее.

Каждый шаг на этой горе связан с воспоминаниями о далеком прошлом, тяжелых, бурных, кровавых днях долгой войны, этой величественной эпохи из жизни Кавказа. Маленькая по пространству, но сильная по значению, по занимаемой местности, гора эта символически знаменовала будущее маленького укрепленного пункта, никогда не мечтавшего стать шумным, многолюдным городом, центром всего края, каким стал Ставрополь» (там же).

Прозрителев указывает на пафос, который движет им как историком в связи с «символическим» значением этой горы. Его интенции как историка, мыслящего каузально, связаны с настоящим, обращены к прошлому и будущему Ставрополя. Созданы горизонтальные проекции. Нужна и глубинная историческая «археологическая» вертикаль. И она тоже есть: «Покрытая вековым лесом, охваченная глубокими балками с пробегающими по ним ручьями и речками (Мутнянка, Ташла), гора эта с древних времен служила надежным убежищем и защитным пунктом для всех, кто искал укромного и безопасного места. Здесь возникло в древности маленькое укрепление, и сюда укрылись преследуемые в Римской империи христиане для создания своей общины — церкви и дальнейшей проповеди великого учения. Им, этим изгнанникам, и принадлежат первые просветительные шаги, и они ознаменовали свое вступление в чуждой им до того стране своим знаменем, символом распятого, поставивши на этой горе крест. Везде, где проходили гонимые христиане, спасаясь от жестоких мучений, которым они подвергались в своей стране, они ставили кресты, знаменуя путь свой символом страдания, готовые на всякие лишения, какие пошлет им судьба в новой, дикой стране» (там же.).

Историческое обоснование наличия креста, «археологическое» для конкретного места («тотальная история»), все равно вводится в систему «глобальной истории», истории возникновения христианства, борьбы за его утверждение на Северном Кавказе, хотя, как мы указывали выше, эти предположения не находят подтверждения.

Интересна рефлексия Прозрителева, феноменологически конструирующего историю, исходя из собственных посылок и концептов: «военные отряды», гора как свидетельница пребывания древних народов, «идут христиане», «водружается крест». «Сидя у подножия креста, невольно отдаешься прошлому, и мелькающие внизу огоньки кажутся бивуачными огнями военных отрядов, которые проходили здесь с великими и малыми завоевателями, делавшими нашу страну ареной своих подвигов, — пишет Г.Н. Прозрителев. — Все изменения в жизни Северного Кавказа и переживаемые события отражались на этой горе и оставляли на ней тот или другой след. Здесь мы видим остатки древнего доисторического нашествия на Северный Кавказ какого-то народа восточного происхождения, который оставил нам величественный памятник — каменные бабы — древний памятник культуры. Каменные бабы разбросаны по всей нынешней губернии, и здесь они стояли группой.

Статуи сделаны из грубого песчаника, но, видимо, выработаны прекрасно художником, который сохранил все особенности быта, и ясно видно, что народ переживал бронзовую эпоху и носил бронзовое ору-

жие и предметы домашнего обихода. На статуях изображены: зеркальце, нож, отвертка, меч, боевой топор и гребень для расчесывания волос. Видны воины: женщины и мужчины. На воинах на голове металлический шлем, металлический воротник, цепочка, на которой прикреплен спрятанный в карман на груди знак или часы, справа у бедра меч и боевой топор.

На женщинах видны ожерелья, одежда с опушкой меховой и каемкой по краю, видны груди. На некоторых головной убор — большие шляпы. Несмотря на протекшие тысячелетия, статуи сохранились хорошо, за исключением тех, которые разбиты и испорчены безжалостной рукой последнего времени. Наша гора была свидетельницей пребывания этого народа...

Но вот идут христиане... Водружается крест.

С севера движутся новые полки, идет русский человек...

Крест на горе указывает на место, освященное молитвами изгнанников, и русский отряд обосновывается здесь, как и древний укрепленный пункт.

Создается крепость. Идут битвы...

Но время уносит противника, уносит и крепость, возникает город, и от прошлого остаются только небольшие остатки» (там же.).

Направление интенций в процессе феноменологического конструирования: доисторическое нашествие на Северный Кавказ → народ, оставивший каменные бабы → христиане → русский человек → крепость на древнем укрепленном пункте → город.

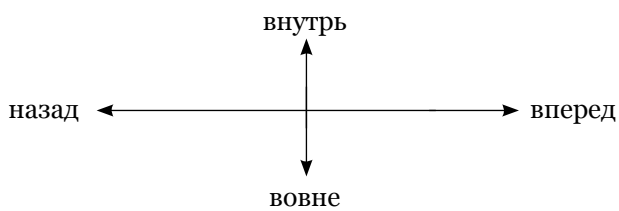
Статуи интендируют воображение о «восточном народе». Крест — о христианской миссии и т.д. Рефлексия над конкретными предметами, которые, видимо, были известны Прозрителеву, сменяется воображением, «сознанием о» других картинах: «Но вот идут христиане... Водружается крест...».

Кресты действительно находили на территории нашего края и Северного Кавказа, но их связывают, в основном, с Тмутараканским княжеством, которое, по мнению некоторых историков, в конце XI в. включало большую часть Кавказа, в том числе и западное Ставрополье (44, с. 61). Авторы исторических очерков «Край наш Ставрополье» (1999) указывают на то, что один из каменных крестов был врыт в землю близ реки Егорлык у нынешнего села Преградного. На Северном Кавказе, указывают авторы, также найдено несколько древнерусских двустворчатых крестов для личного ношения. Историки связывают их наличие с походами русских на азербайджанские ханства, если они начинались из Тмутаракани, а также с русско-аланскими связями XI—XII вв., когда Кавказ находился под владычеством татаро-монголов (там же).

Миф о кресте в Ставрополе имеет множество мотиваций: легенды о найденном на горе кресте, подлинные реалии на территории края, название города, а также то, что все интенции человека, связанные с осознанием реальности, в своей основе имеют архетип — крест реальности.

О. Розеншток-Хюсси так изображает его.

Крест реальности:



«Четыре стрелки указывают четыре направления, от которых не уйти никакому живому существу. Человек, беря слово, занимает свою позицию во времени и пространстве. «Здесь» он говорит в направлении из внутреннего пространства во внешний мир и в направлении из мира, что находится снаружи, в свое собственное сознание. А «теперь» он говорит в промежутке между началом времен и их концом» (63, с. 56).

Рефлексия Прозрителева имеет, как мы видели, крестообразное порождение, способствующее «достраиванию» в сознании того, что отсутствует в соотношениях «назад» — «вперед», «внутрь» — «вовне». В результате реализуется такая схема, построенная Розеншток-Хюсси:

«1. Когда мы говорим, мы сквозь тысячелетия вступаем в контакт с зарей человечества, ибо пытаемся употребить подлинные слова.

2. Мы стремимся как бы завершить их эволюцию, ибо создаем из наследия веков **ответственные** — и, следовательно, новые — комбинации.

3. Мы **выражаем** внутренние интенции и эмоции, тем самым завершая их, так сказать, освобождаясь от них.

4. Мы регистрируем внешние процессы, которые затрагивают наши органы чувств, и не успокаиваемся до тех пор, пока наши ощущения **не прояснятся** с помощью научного языка» (там же, с. 55).

Ставрополь, как город глубинно исторический, тревожит тех, кто пишет о нем, выстраивая историческую вертикаль по «археологическим» пластам истории, это позволяет восполнить недостающие звенья и их мотивацию в системе горизонтальных связей. Прозрителев неоднократно говорит о предметах домашней утвари, оружии, о каменных бабах, о городе Великие Мажары, столице Хазарского царства, о торговых путях, на которых наше плоскогорье было «видным этапным пунктом», опираясь на наличие реалий: храмов, построек, крестов, могильных плит, — и, неоднократно, о каменном кресте, доказательстве жизни первых христиан, может быть, спасавшихся от гонения и искавших убежища в этих отдаленных от Греции и Рима местах. Само название Ставрополь, считает он, происходит именно от этой находки.

Интересно отметить, что в рассказе И.Д. Сургучева «Китеж» автор неоднократно повторяет перифразу «город с гордым греческим именем», не называя самого имени. Древнегреческое происхождение имени связывает город Ставрополь с великой древностью, и в первую очередь, с библейскими традициями, которые пришли к нам в процессе перевода великой книги с древнегреческого. «Тяжело и больно — и в эту минуту, такой затерянный и такой от всего родного отрешенный, я хочу хоть через эти печальные столбцы, хоть **мысленно**, хоть только **прикосновением луча сердца быть с тобой**, мой **родной**, мой **милый** и **незабываемый** с **древнегреческим** именем, самый для меня **прекрасный** и **цветущий город на земле**. Аще забуду тебе, **Иерусалиме**, забвена буди десница моя!» — пишет И.Д. Сургучев (76).

Феноменологическое конструирование потерянного города далее осуществляется Сургучевым на протяжении рассказа под знаком глубинной веры: «Но наступившее затем движение народов, их уклад, сопровождавшийся страшными войнами, отодвигает историю Северного Кавказа в сторону,

сметает бывшие здесь народы, делает его как бы временной стоянкой этих грозных военных лагерей, и мы только к IX веку снова видим нашу страну среди общей жизни народов, снова здесь развивается жизнь. Но новый натиск с востока в виде нашествия монгольских орд в XIII веке опять низводит страну к полному упадку. Северный Кавказ делается достоянием кочевых полчищ, их взаимных войн, военных передвижений целых народностей, и только к концу XVII века резко обозначается русское влияние, и русский человек все в большем и большем числе водворяется среди широких пространств Северного Кавказа» (там же).

Этим поискам системного описания истории Ставрополя постоянно мешает несколько рядов фактов: **первый** связан с систематикой событий, которая не представляет яркой страницы в глобальной истории, хотя и связана с большими именами: Екатерины II, Суворова, а также с такими историческими событиями, как Кавказская война. В результате происходит переакцентуация — рядовые события или вообще отсутствующие структуры усиливаются по своей значимости, дополняются вымышленными подробностями. **Второй ряд** связан с ярко выраженной прерывистостью (дискретностью заселения нашей территории) в глобальной истории, с поздним появлением русского населения на нашей территории, где оно сейчас является доминирующим. Целые века «пропущены» в системе как тотальных, так и глобальных историй, эти исторические разломы, разрывы, расколы и, может быть, пустоты заполняются смысловыми интенциями, среди которых мифопорождение на первом месте. А.Ф. Лосев утверждал, что миф совмещает в себе черты как поэтической, так и реально-вещественной действительности. «От первых он берет все наиболее фантастическое, выдуманное, нереальное. От вторых он берет все наиболее жизненное, конкретное, ощутимое, реальное, берет всю осуществленность и напряженность бытия, всю стихийную фактичность и телесность, всю его неметафизичность» (49, с. 62).

Древний каменный крест в экспозиции Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Действительно, крепость была, но ее роль не столь значительна, как в системе нынешних символов, кресты есть на других территориях Ставрополья, и нет достоверных сведений о находке его на крепостной горе, тем более, что история присвоения имени города не подтверждает этого.

Суворов имеет отношение к крепости, но нет основания говорить о том, что он основал крепость, город, воздвиг крест, именовал город.

Интересно, что нынешний город содержит многослойную систему, обеспечивающую мифу право на жизнь: в центре города, как мы уже указывали, стена казармы, выполняющая функцию остатков крепостной стены, условная «палатка Суворова» с ключом от города, памятник Суворову на Крепостной горе (почему не императрице Екатерине II, по указу ее 22 октября 1777 года и была заложена крепость, давшая начало городу Ставрополю), символика гербов.

«Вещь, ставшая символом и интеллигенцией (рефлексией. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*) есть уже миф», — пишет А.Ф. Лосев (там же, с. 70). Важно понятие мифа, его «отрешенности от реальной действительности» и выделение иерархичности этой отрешенности.

Мифопорождение, связанное с историей Ставрополя, является значимым в идентификации города и его жителей, так как оно связано с порождением воображаемых миров, множества миров, которые побуждают к поиску, к разрешению парадоксов, ведь, как верно заметил Р. Арон, «поглощение известным не признает неизвестное» (4, с. 70).

Исследователям Ставрополя поэтому нельзя оставаться в рамках мифа как чего-то утверждаемого. «Миф, — как пишет А.Ф. Лосев, — не есть метафизическое построение, но — реально, вещественно и чувственно творимая действительность, являющаяся в то же время отрешенной от обыденного хода явлений и, стало быть, содержащая в себе разную степень иерархичности, разную степень отрешенности» (49, с. 71).

Степень отрешенности разная, но «увязанные» пласты и «археологической», и нарративной историй, и мифопорождение, а также интенции, взаимодействующие с этими пластами, работают, в результате чего, когда говорят о культуре Ставрополья, выделяют гетерогенные «осадочные» пласты культуры, связанные с разными знаковыми системами, взаимодействующими между собой и с современными слоями культуры, так как они материально и ментально связывают современный срез с множеством иерархически предшествующих слоев. В статье «Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье» Н.А. Охонько выделяет три слоя памятников на территории города.

«Памятники эпохи бронзы. Нижний слой Ташлянского городища № 1 в черте г. Ставрополя. Поселение занимало низкий мыс по левому берегу р. Ташлы. Керамика аналогична той, что собрана на поселении майкопской культуры у г. Усть-Джегуты <...>

Памятники предскифского времени (VIII — первая половина VII вв. до н. э.); памятники скифского периода (середина VII — V вв. до н.э.); памятники савроматского и сарматского времени (конец V — начало IV вв. до н.э. — рубеж или первые века н.э.). Границей между памятниками савроматского и сарматского периодов служит начало III в. до н.э.

Ряд поселений, вследствие недостаточной изученности, не позволяет отнести их строго к тому или иному периоду и атрибутируются как поселения раннего железного века. Многие памятники имеют слои нескольких последующих один за другим периодов, например, Грушевское городище, включающее слои с VIII по III вв. до н. э.

Памятники предскифского времени. Поселение Шестая точка в верховьях р. Карягиной (правый приток верховьев р. Егорлык), поселение на г. Стрижамент (северный склон), нижний слой Грушевского и Татарского городищ, Ташлянское поселение № 3. Все они расположены в южной, наиболее высокой части Ставропольской возвышенности. <...>

Памятники скифского времени. Прежде всего это основной слой Грушевского городища. В 1981 г. В.Г. Петренко исследовала несколько погребений VI в. до н.э. на р. Черниковой юго-западнее с. Пелагиада. Позже нашей экспедицией здесь было открыто одновременное могильнику поселение, занимающее невысокое естественное всхолмление. Толщина культурного слоя до 1 м, в нем следы турлучных строений.

Первое поселение на Третьей речке, в 2 км севернее г. Ставрополя. Занимает одну из террас пологого берега речки. Культурный слой порядка одного метра. При рытье ям для деревьев А.И. Потехин собрал большое количество керамики, среди которой выделяются крупные чернолощеные сосуды, украшенные валиками в комбинации прочерченных полос и вдавлений» (58, с. 248—249, 256).

Находки ставропольских археологов: скифское изваяние (село Татарка, IV век до н. э.), кувшин для хранения зерна (село Подгужное, VIII — X века н.э.)

Анализируя названные слои, Н.А. Охонько отмечает, что есть «определенные закономерности в размещении поселений, их плотности и направленности связей с соседними регионами». Районы наиболее интенсивного заселения во все эпохи оставались одними и теми же: Ставропольские высоты с их окрестностями, Прикалаусские высоты и долина р. Кумы, наиболее удобные для хозяйственного освоения оседлым населением. «Естественное разделение возвышенности на западную, восточную и южную части приводило к тому, что западные памятники тяготели к Азово-Кубанскому региону, восточные — к Терско-Кумскому, а южные — к предгорному, Кабардино-Пятигорскому и Азово-Кубанскому одновременно. Это явление отмечается как для позднебронзового и раннего железного веков, так и для средневековья. Ставропольская возвышенность, делящая Предкавказье на Западное и Восточное в географическом смысле, осуществляла это и в историко-этнографическом плане. Становится очевидным, что на механизм заселения и освоения Центрального Предкавказья во все времена определенное воздействие оказывал устойчивый комплекс физико-географических факторов, тесно увязанный с экономическими ресурсами региона» (58, с. 273).

В краеведческом музее имеются скифские изваяния V—IV вв. до нашей эры, найденные под селом Татарка; скифское изваяние VII до н.э., найденное в районе хутора Усть-Невинный; каменное изваяние воина VI в. до н.э. и др.

Искусствовед Б.А. Бендик, говоря об изобразительном искусстве Ставрополья, основывается именно на «археологической» истории. Он утверждает, что «истоки изобразительного искусства па Северном Кавказе, в том числе и Ставропольском крае, обнаруживаются в глубине веков. Результаты археологических раскопок подтверждают существование здесь в первом тысячелетии до нашей эры высокой так называемой кобанской культуры эпохи бронзы. На берегах рек Маруха, Муха, близ Теберды, в окрестностях Кавказских Минеральных Вод были обнаружены бронзовые предметы VIII — VII веков до н.э., в том числе топоры, секиры, кинжалы со стилизованными изображениями животных. «Богатое кобанское изобразительное мастерство <...> заложило глубокие художественные традиции в быту народов Северного Кавказа, которые они сохранили в веках и донесли до наших дней» (13, с. 15).

Действительно, границы края постоянно смещались в сторону территорий горских народов (наш край входил в Орджоникидзевский край до 1943 года), Карачаево-Черкесия с 1928 по 1991 год входила в состав Ставропольского края.

«В конце I тысячелетия до н.э. на жизнь и культуру древнеадыгских племен, обитавших по течению реки Гипанис (Кубань), оказали большое влияние сначала скифы и сарматы, а затем, с I века н.э., аланы — воинственное полукочевое ираноязычное племя, родственное сарматам, более чем на тысячелетие обосновавшееся на территории современной Карачаево-Черкесии. Здесь был создан центр государственного объединения Алании, южная граница которой проходила вдоль перевалов Кавказского хребта, а северные рубежи простирались далеко за Дон (по-аланski «дон» значит вода). Множество памятников культуры этого народа — городища, культовые строения, дольмены, могильники — осталось на земле Ставрополья. Принятое аланами в начале X века христианство сблизило их с высокоразвитыми странами средневековья — Русью, Византией, Грузией. В верховьях Кубани и Зеленчука обнаружен уникальный, не имеющий никаких аналогий на Северном Кавказе, хорошо сохранившийся дольменообразный каменный надземный склеп (X—XI вв.), называемый «царским мавзолеем». Большой интерес представляют рельефные изображения людей, животных, предметов быта, оружия, размещенные по наружной поверхности всех четырех стен мавзолея. На правом берегу реки Зеленчук сохранилось несколько каменных крестово-купольных трехнефных храмов — Сентинский и Шаонинский храмы в долине рек Теберды и Кубани. Интерьеры Сентинского и Зеленчукского храмов были расписаны фресками, от которых остались едва заметные следы» (там же, с. 5).

Б.А. Бендик указывает, что первое квалифицированное описание этих росписей сделал в 1829 году

итальянский архитектор Иоганн (Джиованни) Бернардацци (1782—1842), приглашенный в Россию для устройства Кавказских Минеральных Вод. В дореволюционное время были сделаны зарисовки сентинских росписей, они выполнены А.Н. Дьячковым-Тарасовым, рисунки и акварельные копии фресок были сделаны художниками-археологами Д.М. Струковым (1886) и И.А. Владимировым (1899).

«В 1976—1977 годах в Сентинском храме производились раскопки экспедицией Академии наук СССР под руководством доктора исторических наук В.И. Марковина. В древнем захоронении под зданием храма были найдены уникальные произведения декоративно-прикладного искусства X—XI веков — золотые браслеты и брошь в технике перегородчатой эмали, шахматная фигура из горного хрусталя, фрагменты вышивки на византийской ткани. Летом 1977 года археологическая экспедиция из Карачаево-Черкесии под руководством кандидата исторических наук Х.Х. Биджиева при раскопках Хумаринского городища на берегу Кубани близ Карачаевска обнаружила каменные плиты с хорошо сохранившимися рисунками человеческих фигур и горной вершины, напоминающей Эльбрус, рисунком скачущего всадника (VIII в.). Эти новые открытия подтверждают, что развитие изобразительного искусства в крае имеет глубочайшие исторические истоки, изучение которых обогащает наши знания о путях сложения местных художественных традиций. Даже в тяжелые времена татаро-монгольского завоевания Северного Кавказа местная культура горцев развивалась самобытным путем, опираясь на традиции предков. В XIII веке аланы под натиском завоевателей вместе со своими союзниками тюркоязычными кипчаками (половцами) ушли в глубь кавказских ущелий, где нашли убежище у родственных по языку болгар Верхней Кубани. Там, путем ассимиляции этих племен, образовались карачаевцы, оставшиеся в верховьях Кубани, и балкарцы, обосновавшиеся в ущельях Баксана, Чегема и Черека. Ислам был занесен в горы арабами еще в VI—VII веках, но мусульманство не пустило здесь глубоких корней. В 1828 году Карачай был присоединен к России» (там же, с. 7).

Таким образом, в осмыслении искусствоведа, современное искусство вбирает в себя черты прошлой дискретно формировавшейся истории, имеет множество разноплановых связей, а это уже процесс коммуникации.

«О древнем изобразительном искусстве адыгов-черкесов мы знаем очень мало, зато широко известен их эпос — героические сказания о легендарных богатырях нартах. Для уходящего корнями в далекое прошлое прикладного искусства черкесов характерны геометрические (сочетание треугольников, ромбов, квадратов, полукружий) и смешанные орнаменты, в которых геометрические элементы переплетаются с изображениями бараньих рогов и старинных родовых знаков тамг», — пишет Бендик (там же, с. 8).

Очень интересен вопрос о «каменных бабах», в изобилии встречающихся в ставропольских степях, а также на нашей возвышенности. Т.М. Минаева пишет, что они свидетельствуют о пребывании половцев на Кавказе: «Соучастник турецко-татарского похода к Азову и Астрахани в 1569 году сообщает: «прийдоша ко езеру текущему его же нарицают Салилле-Дигирлик итамо уже есть конец поль можарских... и везде в полях стоят яко человеки по древнему обычаю от каменя соделанные, но тыя камения уже мхом поростоша». Здесь, очевидно, отмечаются «каменные бабы» в Прикумских степях, вблизи развалин золотоордынского города Маджара...

В «Книге Большому Чертежу», составленной в начале XVII века для пояснения карты Российского государства, сказано: «А ниже Алалы пала в Кулауз истока и колодезь Какуйгыр (Какунгыр). А по правой стороне по тому истоку люди каменные болваны, против той соли, что емлют Азовцы». Здесь указываются «каменные бабы» в нижнем течении р. Калаус.

Подобные «каменные болваны» отмечались путешественниками и исследователями во всех степных областях от Монголии до Центральной Европы. Иногда эти памятники называли «каменными девками», но впоследствии за ними утвердилось наименование «каменных баб», так как они часто изображают женщин. Это название сохраняется за ними и в настоящее время. «Каменные бабы» передают изображения и женских, и мужских фигур. Они во множестве встречались в южнорусских степях. Ставили их обычно на степных курганах, что-

Подкурганные сооружения скифского времени. Ставрополь. Раскопки Н.А. Охонько

бы они издали бросались в глаза путнику. Какой смысл имели эти изваяния, было ли это изображение божества или обоготворяемого предка, или они передавали портретные изображения погребенных, или же отмечали могилы героев — сказать трудно. Изучение этих памятников— дело сложное, так как в настоящее время почти все они сняты со своих первоначальных мест» (54, с. 81). М.И. Артамонов в статье «Искусство скифов» рассматривает монументальные скульптурные изображения (каменные бабы, хотя они, как правило, изображают мужчину-воина) как важную категорию скифских памятников. Он приурочивает их к VI веку до н.э. «Они по большей части уплощенные, стелообразные и слабо расчлененные. Выделены только углубленными контурными линиями безбородая голова с едва намеченным лицом, на котором даны все те же усы, руки с рогом-ритоном, гривна на шее и предметы вооружения, висящие на поясе. Имеются немногочисленные скульптуры с более детализированной разделкой — с объемно выделенными руками и рельефными углублениями лица и других частей тела, одежды и вооружения, в частности, с разделенными

углублением ногами. Эти скульптуры встречаются от Кубани до Дуная и, по-видимому, связаны с курганами, на которых они иногда находятся. Однако древнейшие из них, с обнаженным фалом, едва ли были памятниками, воздвигнутыми в честь погребенных» (5, с. 85-86). М.И. Артамонов считает, что, скорее всего, в них воплощен образ предка, первочеловека Таргитая, который считался родоначальником скифов и которого греки отождествляли со своим полубогом Гераклом. Возможно, это были и статуи героя-царя. Культ предка-родоначальника в скифской религии сочетался с почитанием космических мужских божеств и конкурировал с поклонениями божествам женского рода, хотя сформировался сравнительно поздно.

Следует отметить, что каменные бабы в селах Ставропольского края впоследствии использовались в качестве столбов в заборе, в качестве воротных столбов. Среди них встречаются «бабы» монгольского происхождения (воин с длинной косицей). Позже воротные столбы, возводившиеся из камня, снабженные языческими знаками-оберегами (солнце, луна, космос-мироздание), в некоторых случаях коррелировали и по своей форме и по значению (фаллический символ) с каменными бабами, встречавшимися на территории нашего края в изобилии.

Кувшин с солярной символикой сармато-аланского времени (село Старомарьевка)

Интересно, что эти памятники воплощают множество черт, связанных именно со Ставрополье: они из ракушечника, связаны с языческими верованиями, имеют статуарный характер, они истреблялись, искусственно смещены относительно реалий, поэтому они тоже как явление открыты для мифопорождения.

На основе археологического материала Т.М. Минаева выделяет важнейшие этапы древней и средневековой истории Ставрополья. Ставропольский край, как показывают памятники, был заселен в древнейшую эпоху развития человеческого общества, в эпоху каменного века.

«В III тысячелетии до н.э. на смену каменному веку приходит медно-бронзовый век. Население Северного Кавказа в медно-бронзовый век сделало большие достижения в области хозяйственной жизни. Главная отрасль хозяйства — скотоводство. Осваиваются высокогорные пастбища, совершенствуются земледельческие орудия, развивается металлургия. Бронзовые изделия (топоры, тесла, серпы, различные украшения) поражают нас высоким качеством выработки и изяществом формы.

В начале I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе появляются первые железные орудия труда и оружие. Наступила «эпоха железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора».

С III—IV вв. н. э. на территории центральной части Северного Кавказа сложилась своеобразная аланская культура. Носителями ее были прежние степняки — кочевники сармато-аланы и туземные горские племена, которых аланы при своем появлении на Северном Кавказе не вытеснили, а смешались с ними. Родоплеменной строй населения Северного Кавказа перерос не в рабовладельческий строй, как это было в странах Древнего Востока и юга Европы, а в феодальный. Наиболее показательные материалы о зарождающемся феодализме у алан дают городища Адиюх и городище Гиляч...

Племена и народы Северного Кавказа развивали свою культуру во взаимодействии с культурой соседних стран. Уже в эпоху бронзы отмечаются связи населения Северного Кавказа с населением Закавказья, Украины, Приуралья. С древнейших времен устанавливается обмен с населением Средиземноморья, Передней Азии, Прибалтики. Со времени появления в письменных источниках известий о киммерийцах и скифах история Кавказа оказалась особенно тесно связанной со всемирной историей.

Существовали связи и с Русским государством. Русская летопись упоминает имена северокавказских народностей, северокавказские города, указывает на совместные военные походы русских и алан.

С конца XI и в XII вв. н. э. степная часть Ставрополья осваивается под кочевья половцев. Аланское население оттесняется в горы. Спасаясь от татаро-монгольских полчищ, появившихся в начале XIII в. на Северном Кавказе, часть половцев убегает в горы, где смешивается с горцами и аланами.

После татаро-монгольского завоевания Восточной Европы наш край входит в территорию Золотой Орды. В эпоху Золотой Орды в предгорья Ставропольского края продвигаются адыгские племена — кабардинцы, черкесы и другие. С падением Золотой Орды начинается новый период местной истории. Этот период изучается, главным образом, по письменным источникам» (54, с. 104—105).

Таким образом, нарративная история нашего края имеет дискретный характер. Недолгая история города со множеством фактических смещений, легенд, основанная на предании, хотя ее формирование происходило, в основном, в конце XIX века, когда уже существовали разнообразные способы передачи информации, компенсируется «археологической» историей (по М. Фуко), ее реалии (ракушечник, останки древних животных в залеганиях камня, курганы, каменные изваяния, кресты и др.), связывают человека с историей первоначала, с древнейшими ритуалами и традициями. Может быть, именно это сформировало почву для плотного слоя архаической (языческой) символики, которая пронизывает все периоды формирования архитектурного облика нашего города.

5. Каменная тема и новое мифопорождение

С.Ф. Бобылев так суммировал произошедшие весной 2004 года события в одном из выступлений на семинаре «Textus» («Текст как явление культуры») в СГУ:

«Каменная тема получила импульс, когда весной 2004 года К.Э. Штайн обнаружила первый солярный знак на улице Горького в исторической части города. Затем еще один. Затем еще, еще и еще. Поскольку я почти сразу присоединился к исследованию в качестве ассистента, шофера и фотографа, то имел возможность видеть, как любопытное наблю-

дение становилось открытием до сих пор не до конца осознанного масштаба. Больше двух лет продолжается наша работа. Фотоархив насчитывает уже более двух тысяч объектов, обследованы действующие и заброшенные каменные карьеры, проведены анализ литературных источников, консультации со специалистами, имеющими или могущими иметь отношение к теме, а также для привлечения контекста не оставлены без внимания другие города, где волею судеб довелось нам за это время побывать. Уже можно делать определенные выводы. Если совсем коротко, то они сводятся к следующему.

Экстерьер Ставрополя является носителем ярко выраженной знаковой системы, относящейся к языческой славянской мифологии. О том, что графика на домах не декоративный орнамент, а ритуальная символика, свидетельствует строгая функциональная иерархия применения знаков. Упорядоченный комплекс составляет, как правило, триаду знаков **неба (воды), солнца и земли**. Используемые в качестве оберегов, эти символы призваны были защищать уязвимые места жилища: окна, двери, ворота. Кроме защиты от злых духов три природные стихии сопровождали и поддерживали человека во всей его жизнедеятельности.

На фасаде дома триада знаков: неба (воды), солнца и земли. Улица Дзержинского, 77

Ритуальная дохристианская графика достаточно хорошо изучена применительно к традиционной русской деревянной архитектуре. В Ставрополе тоже есть старые деревянные дома (немного — строительного леса мало, и он дорог) с канонической ажурной резьбой, и дома из кирпича, со всеми особенностями оформительского антуража, диктуемыми кирпичной кладкой. Однако именно камень стал тем материалом, который придал архаике неповторимый и сверхвыразительный облик (и деревянные, и кирпичные дома имеют в Ставрополе, как правило, каменную цокольную часть, либо фундамент). Каменная пластика простых геометрических фигур, крупных, монументально рельефных, скупых на детали и потому максимально условных производит сильное впечатление даже вне связи со своей мистической природой, на обычном эмоциональном уровне.

Теме этой будет посвящено развернутое исследование, я же намерен остановиться только на некоторых вопросах, которые мне представляются загадочными, и независимо от того, есть у меня какие-либо предположения или нет, может, так и оставить их в виде вопросов. В самом деле, очень многое из того, что связано со ставропольской архаической знаковой средой, интригует, волнует, зовет к размышлениям.

С самого начала исследование напоминало археологические раскопки, то есть извлечение на свет божий того, что было сокрыто от глаз. Мало того, что Клара Эрновна Штайн, проверившая источники на предмет уже существующих наработок, не обнаружила даже намека на чей-либо интерес, то есть убедилась, что никто никогда этой темой здесь не занимался, но и на бытовом уровне была не раз замечена странная невнимательность буквально каждого, с кем бы тема ни обсуждалась.

Коренные ставропольские жители, ученые, специализирующиеся на ставропольской истории, даже старейший архитектор, много пишущий на тему ставропольского градостроения, — никто не видел, не замечал, не подозревал ничего подобного. Как будто знаки скрыты от глаз современного человека. И, наоборот, стоило сконцентрировать внимание человека хотя бы на одном объекте, как он начинал видеть все. Проверено на себе и окружающих. Ни мне, ни Штайн не близка никакого рода мистика, но после того, как глаза научились различать, хождение по старым улицам приобрело совсем другой смысл. Перемещение из одной точки в другую вместо досадной потери времени стало напоминать плавание в насыщенном потоке, стал возможен особого рода эмоциональный и энергетический контакт со средой.

Почему именно Ставрополь? Наши осмотры архитектуры в других городах не были столь же методичны, но и беглых впечатлений оказалось достаточно, чтобы убедиться, что в Ставрополе знаковая архаика представлена уникально как количественно, так и в отношении предельной активности и выразительности, а также регулярности и системности. Конечно, это связано с особыми возможностями местного камня, но ведь Ставрополь не древний город, у него практически нет корней, через которые могла бы воспроизводиться столь древняя генетическая память. Что может значить гипертрофированно преувеличенная система оберегов для городского жителя середины — конца девятнадцатого века, для которого не было актуально не только мифологическое сознание древних славян, но и христианская православная мистика была заметно разбавлена материализмом? Как это связано с традицией возводить вместо заборов монументальные высокие каменные стены, которые напоминали неприступную крепость, почему нужно было ставить непомерно огромные столбы, избыточно мощные по отношению к воротам, не говоря уже о калитках?

Нашей ближайшей задачей является полная каталогизация и затем, систематизация сохранившихся объектов. Скрупулезно проделываемая работа, имеющая в том числе и экологический смысл, позволила нам убедиться в удивительной живучести знаковой среды. Мистическая тема проходит сквозь все архитектурные стили, все временные периоды вплоть до самых модных новорусских дворцов, где хаотично и в отрыве от канона, но все же настойчиво появляются знакомые концентрические круги — со-

Мощные воротные столбы со знаками солнца и луны. Улица Станичная, 37

лярные знаки. Она прослеживается в частных одноэтажных постройках, что почти естественно в силу известной традиционной консервативности этого архитектурного типа, но также и в общественно-административных и в зданиях культового назначения, причем всех представленных в Ставрополе конфессий. Чем может питаться подобная устойчивая преемственность?

Кроме того, мы стали свидетелями той скорости, с которой исчезает знаковый слой вместе с ветшающими домами. Нам удается разглядеть фрагменты знакомых рельефов под куском обвалившейся штукатурки. При том, что наш каталожный список предполагает быть огромным, мы можем предположить, какой невероятной степени плотности был этот слой сто лет назад. Как это возможно в городе, изначально интернациональном?

Отчего старый ставропольский деревянный дом столь скудно воспроизводит в своем внешнем облике давно сложившуюся применительно к дереву символику? Нам не удалось обнаружить ни «коньков», ни «полотенец» с «колесами Юпитера». Полоса «дождиков» над окнами — единственный регулярно воспроизводимый атрибут, встречаются и солярные знаки. И в то же время элементы экстерьера с использованием чугунного литья — навесы над парадными дверями на типичных для юга тонких колоннах или ограждения балконов — обильно оснащены солярной символикой, четырех-, шести-, восьмилучевыми (и более) колесами, знаками бесконечности (тоже солярные знаки) и реалистичными солнышками.

То, чего нет на деревянных домах, обильно представлено на кирпичных и каменных: типичные для дерева «полотенца» с непонятным упорством, не жалея никаких трудозатрат, воспроизводится в кирпиче. Тяжело прямоугольными кирпичами воспроизвести круглую форму, поэтому кирпичный знак солнца часто ступенчатый, но и совершенно круглые, из аккуратно обтесанных кирпичей тоже обнаружены. Что заставляло тратить столько сил на, казалось бы, несущественное?

В 1777 году люди начали осваивать пустое место. Никто здесь непосредственно перед этим не жил. Никакое поселение не предшествовало Ставрополю. Но раньше жизнь в этих местах бурлила. Тому свидетельство раскопки Татарского городища и скифские каменные бабы, часто находимые в окрестностях города. Скифы, аланы, ногайцы, туркмены, шелковый путь, находка прототипа колеса, датируемая IV тысячелетием до н. э. (тогда как до сих пор считалось, что колесо изобретено в Месопотамии в III тысячелетии) — народы на территории Ставропольского края сменяли друг друга, формировались культуры, существовали национальности и религии.

На древнем ритуальном камне в краеведческом музее мы обнаружили среди прочих символов солярные знаки. Не могла ли средневековая стихия камня вместе с ритуальной стихией проникнуть в XVIII век, минуя целую историческую эпоху, и стать частью традиции свежеиспеченных ставропольчан? Видимо, подкреплялась она традициями тех мест, из которых прибывали переселенцы (Украина, Воронежская и Калужская области, средняя полоса России).

Можно не беспокоиться за сооружения, к которым принято относиться с почтением и которые официально признаны памятниками архитектуры. Их реставрируют снаружи и модернизируют изнутри, приспосабливая к новым нуждам. Но на уровне обыденного сознания очень трудно воспринимать как ценность покосившийся одноэтажный домик с непонятными кругами и квадратами на нем. И все же вновь открытая каменно-знаковая тема может иметь для города Ставрополя такое же значение, как счастливым образом вернувшаяся память страдающему от амнезии. Город получает в свое распоряжение уникальный материал, свидетельствующий о мощных корнях, связывающих его не вполне пока понятным образом с самыми глубинными, сущностно важными основами, заложенными в генетической памяти славян (да и не только славян, поскольку языческая символика разных народов имеет много общих черт). И если город и соответственно его жители «прочитают» сейчас архаическую знаковую символику и закрепят ее в собственном сознании, они смогут обрести недостающую историческую устойчивость».

Первые и нынешние жители, строители Ставрополя, тем самым укореняли свое сознание, свой город в русских, славянских, европейских и общемировых традициях, а может, и восполняли этот пробел — от ракушечника как природного материала к ракушечнику — строительному материалу. Совершалась инверсия, о которой говорил художник Е.В. Саврасов, — «в сторону неолита» — это метафора, условность, указывающая на особенности мироощущения ставропольчанина — инверсионное, в глубь археологических пластов.

Мы обнаружили солярные знаки на древнем ритуальном камне в экспозиции Ставропольского краеведческого музея

Следует отметить, что православие на Северном Кавказе укоренялось не без противоречий. Об этом говорят авторы очерка об Иоанно-Мариинском женском монастыре (1898). «Как в бездонной пропасти, с годами гибли здесь, на Северном Кавказе, целые тысячи храбрых воинов, и целые тысячи мирного населения делались добычей грабежа и плена и весьма ча-

сто пропадали безвозвратно. Только мало-помалу стало успокаиваться; междоусобные войны и грабежи становились реже; покоряемые горцы стали утихать; часть их уходила в горы Кавказского хребта, а часть оставалась мирно жить в соседстве с русскими. Северный Кавказ постепенно получал русское государственное устройство: явились большие области Кубанская и Терская. Гражданский порядок стал понемногу устанавливаться.

Трудно было поднять расшатавшуюся нравственность кавказского населения; трудно было направить на истинный путь религиозную жизнь этого пришлого и разнообразного населения. Совместная жизнь и борьба с горцами и другими туземцами Северного Кавказа вредно повлияла на русское население: усвоялись и укреплялись нравы и обычаи, не желательные в нравственном отношении. Не окрепшее в вере русское пришлое население не могло бороться с вновь прибывающими отовсюду из внутренней России лжеучителями; они явились сюда со всех концов Руси. Здесь были молокане, хлысты, жидовствующие, немцы-колонисты и другие сектанты. Но особенно много было бежавших раскольников. Совратившиеся уже на родине, эти отступники, приходя на Кавказ, еще более удалялись от истинной веры Христовой. Правда, были здесь и истинные сыны церкви Христовой; но их было мало и не было между ними опытных руководителей, которые вели бы их по прямой дороге. Кавказское духовенство не могло успешно выполнить своего назначения. В большинстве случаев оно было пришлое, как и самое русское население, недостаточно знакомое с состоянием края и потому плохо подготовленное к борьбе с вождями раскола и сектантства. Да и сами пастыри не имели ближайшего руководителя; не было среди них светоча, который освещал бы их путь и руководил ими в борьбе; тогда на Северном Кавказе не было еще отдельного их епископа; вся эта область находилась в ведении Астраханского епископа. А между тем среди этого мятущегося на религиозных распутиях населения много было несчастных, жаждущих духовного утешения, непрерывная борьба порвала много дорогих уз и ничем не заменимых родных связей; много неутешных жен, беспомощных матерей или неопытных дев обречено было на всегдашнее бедственное положение, неумолимое горе и крайнюю нужду. Все эти несчастные страдалицы, одни потерявшие отца, мужа или брата, другие — кров и имущество, искали и не находили утешения; старались укрыться где-либо от постигшего их бедствия, но нигде не находили себе желанного приюта и успокоения. Для них не оставалось ничего более, как, покорившись воле Промысла, в постоянных трудах и лишениях доживать дни свои с одною утешительною надеждой на будущее вознаграждение Божие в жизни вечной. И много скорби, много терпения и томительных ожиданий унесло с собою это злосчастное время. Но не одни эти страдальцы томились; и все православное население не находило утешения и нравственной поддержки, и не имело центра, где бы могло излить свое горе, накопившееся в это ужасное время, и получить хотя бы некоторое нравственное облегчение» (39, с. 6—7).

Видимо, в середине XIX века в ответ на хаос в религиозном сознании ставропольцев и были вызваны, может быть, подсознательно устойчивые знаки и понятия, соединявшие человека с космическим, небесным миром. Это, по-видимому, и не было двоеверием в полном смысле этого слова, но тем не менее и нарратив (синтагматика), и «археологическая» история (парадигматика) в этом случае взаимодействуют, язычество включается в общую структурно-системную организацию города и мышление его обитателей. Двоеверие предполагает использование в культурной жизни социума (в частности, в его нарративной деятельности) и христианских, и языческих имен (понятий), образующих подвижную иерархию. Реальное значение имен язычества, используемых наряду с христианскими в жизни ставропольцев в XIX — начале XX веков, трудно сейчас установить — кому и как они принадлежали. Но в архитектуре запечатлен код, который, видимо, как-то артикулировался жителями Ставрополя. Сейчас эта артикуляция явно отсутствует. В 1848—1849 гг. был создан Иоанно-

Монументальные каменные стены напоминают крепость. Улица Орджоникидзе, 57

Мариинский женский монастырь, который, несомненно, оказал огромное влияние на формирование духовности ставропольских граждан.

Тем не менее православие завоевывало свои позиции: строились храмы, граждане активно участвовали в жизни церкви, и это было частью и основой их жизни. И.Д. Сургучев в рассказе «Китеж» благоговейно запечатлевает переживание религиозных чувств, которые навевают ему воспоминания о Ставрополе, его обитателях. Все повествование окрашено светлыми религиозными пережаваниями, воспоминаниями, видимо, связанными с происходящим в конце XIX — начале XX века. Вот, например, страницы о пасхальных праздниках. Словно единым чувством любви охвачен наш город, вся жизнь его в эти дни сосредоточена вокруг Кафедрального собора, а также других православных храмов, которых было немало в городе (Троицкий собор, Рядская церковь и др.):

«Скользки навощенные подошвы новых сапог, нужно осторожно ходить по праздничным плюшевым дорожкам, — ощущение чистоты, обновления и заботливой прибранности к празднику. Все уже устали торопиться и нервно ждут первого удара в большой колокол, в который зазвонит старший

звонарь Кафедрального собора Тарас. Тараса знает весь город, и сейчас весь город думает о нем. В руках у Тараса — первая строчка стихотворения.

Все уже оделись, все готовы к выходу, но еще не разрешает Тарас. Все еще нет праздника, еще холодновата эта ночь, ночь весеннего волнительного равноденствия. Хмур Северный Кавказ. Посматривают украдкой на часы. И вдруг:

— Бо-ом! — сказал свое первое слово большой колокол, отлитый при преосвященном Иеремии, первом епископе Ставропольском, как гласит надпись на торжественной меди.

— Бо-ом! — отвечает ему расстриженный монах Агафангел из Троицкого собора.

Песнь начали главные басы, основа хора, вслед за ними вступают другие голоса: баритон Рядской церкви, серебристый тенорок из духовного училища, женский альт архиерейского старого подворья, — и стоящий на горе **город с торжественным греческим именем** слушает с благодарной улыбкой ночную, единственную в мире симфонию колоколов, украшенных славянской вязью, с выпук-

Колесо Юпитера на ограде балкона. Чугунное литье. Проспект Октябрьской революции, 37

лыми буквами императоров, архиереев, с упоминанием событий, с именами жертвователей, усердных к церкви и вере, с именами купцов Чепелевых, Нестеровых, Волобуевых, вычурные могильные памятники которых так пугали меня в детстве.

И да будет прославлен Бог...» (76, с. 209).

Православие укореняло в русских людях их связь с мировой культурой — они вступили в единение с православным — и далее — христианским миром.

Макс Вебер отмечал корреляцию города и жилья. Жилье славянина — это крепость. Не раз отмечалось, что изначальные эстетические представления древних славян определены пространством, кругом: «Средневековый образ мышления вообще, и не только славянский, связан с кругом земным (см., например, Евангелие от Матфея, 28:19), в котором выдвигается идея всемирной миссии апостолов, охвата христиан учением всего orbis terrarum, круга земного)... Наши предки мыслили ее (землю) в виде круга. Причем в центре круга... они ставили себя, свой род, племя, землю, страну, замкнутую со всех сторон водами, лесами, горами» (45, с. 88-89).

В основе корреляции крепости и дома как крепости во внутренней структуре — идея круга, одного из главных символов славян.

Эта тема имеет, помимо того, что следует изучать соотношение языческой символики с христианской, несомненно, отношение еще к трем векторам русской культуры — она связана с философией всеединства, русской философией космизма и философией творчества, в особенности русских символистов.

Основные положения философии всеединства были сформулированы Вл.С. Соловьевым, который считал, что внимание к язычеству позволяет философу определить корни мифологического мышления, лежащие в основе не только философии, но и культуры, религии. Любимая идея Соловьева — синтез философии, науки и религии, в связи с чем идею первоначала всеединства он ищет в первобытном монотеизме.

Статья Вл.С. Соловьева «Мифологический процесс в древнем язычестве» (1873) начинается словами: «Важнейшая задача исторической науки заключается в объяснении той первобытной языческой жизни человека, которая составляет маргинальную основу всего дальнейшего развития; а так как эта жизнь всецело определялась одним началом — религиозным верованием, то понимание ее, понимание язычества, вполне обусловливается пониманием языческой религии. В самом деле, та множественность определяющих жизнь начал, какую мы видим в наше время, есть явление сравнительно недавнее. Древний мир (до своего разложения) не знал основного, отдельного от религиозных вер начала в области умственной — не знал отвлеченной самоопределяющей науки, точно так же, как в сфере общественной жизни не знал он отвлеченного юридического начала, определяющего современное государство (ибо древнее государство было безусловное, то есть религиозное, так что и жизнь умственная, и отношения общественные одинаково обусловливались тогда едиными началами религии, и поэтому объяснение этих начал объясняет все язычество, а через это дает основу для объяснения всей истории человечества» (69, с. 8).

Вопрос, в этой связи наиболее волнующий нас, заключается в следующем: почему в Ставрополе, застройка которого проходила в основном во второй половине XIX века, так устойчиво запечатлелся код языческого миропонимания? Может быть, в этом как раз (не прямо, так косвенно) «виновата» история — ее нарративная мифологичность и множество разрывов, расколов, «тектонических» разломов в вертикальном (археологическом, глубинном) ее порождении? Ставрополь находится на плите ракушечника, и это влияние геологической, природной истории, с которой мы все соприкасаемся, видимо, закрепляет в сознании языческий пантеизм? Надписи на том же камне, найденном где-то в поле и поставленном сейчас в краеведческом музее?

Р. Барт в работе «Мифология» так пишет о мифе: «Миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует; его тактика не правда и не ложь, а отклонение. <...> Миф... разрабатывает вторичную семиологическую систему; не желая ни раскрыть, ни ликвидировать понятие, он его натурализует. В этом главный принцип мифа — превращение истории в природу» (7, с. 255). Все, как у нас, — море, камень становятся историческими персонажами.

Говоря о природе языческой духовности, Гус Ди Зерига в работе «Христиане и язычники» указывает, что «когда мы рассматриваем мир как один из аспектов божества, а не как нечто совер-

шенно отдельное от него, мы ищем другие источники духовного знания и озарения. Хотя во многих языческих традициях действительно существуют священные тексты. Язычники меньше озабочены толкованием своих писаний, чем представители мировых монотеистических религий. <...> Поэтому, в отличие от трансцендентальных религий, язычники придают гораздо большее значение личному восприятию Божественного через ритуал, медитацию, созерцание, транс, духовные поиски и т.п. мероприятия. Более того, язычники часто подчеркивают важность передачи знаний, объединяющей опыт многих поколений в единую живую традицию» (35, с. 27—28).

Язычники верят, что Божественное находится повсюду, утрата отдельной традиции, какой бы тяжелой она ни была, является для них лишь частичной утратой. По мере того, как люди встречаются с Божественным, в их собственной жизни появляются новые традиции. Язычники видят «божественные уроки» и «учения» в циклах жизни и смерти, в фазах солнца и луны, силах природы — во всей вселенной, поскольку это, по их мнению, одно из мест, где Божественное находит свое безусловное выражение. «Священное писание» язычников — природа — всегда рядом и ожидает прочтения. «Вместе с тем они не отрицают прямого откровения от Духа в более трансцендентальном смысле. В моей жизни определенно случались такие откровения, но они не противоречили знаниям, почерпнутым из одушевленного мира Природы», — пишет Гус Ди Зерига (там же, с. 29).

Домик ставропольца обильно оснащен «светоносными» знаками: солярная символика обнаруживается в кирпичной кладке и на каменных воротных столбах. Улица Калинина, 32

Язычники считали, что некоторые места на земле обладают духовной силой, и именно там строили храмы и чтили богов. Быть анимистом — значит относиться ко всем связям в окружающем мире как к взаимоотношениям между вещами, которые в определенном смысле обладают собственным восприятием. Язычники обычно распространяют это отношение не только на животных и растения, но на многие объекты, которые современные западные люди считают абсолютно неодушевленными. «Мы считаем, — пишет Гус Ди Зерига, — что камни, горы, небо, океаны и реки в определенном смысле обладают восприятием и заслуживают особого внимания как проявление Священного. Поскольку ничто не является просто объектом, ко всему следует относиться с уважением. С этой точки зрения, все, о чем мы можем помыслить, будь то физический объект, живое существо или даже абстрактное понятие, обладает духовной силой, которая есть одновременно проявление Божественного и самосознающая сущность» (там же, с. 32).

Вл. Соловьев считал, что самый ход мифологического процесса в язычестве выразился в следующих трех главных моментах: «...a) духовное божество, уже определенное материальным началом, еще сохраняет свое преобладание и единство, несмотря на множественность форм, в которых проявляется: боги небесные — **период уранический**; b) духовное божество подчиняется закону внешнего проявления, становится страдательным; солнечный бог или полубог; героический посредник между небом и землею — **период солярный**; c) духовный бог вполне сливается с материальною природою — совершенно нисходит на землю, исключительно проявляясь в органической земной жизни — **период фаллический**.

Этим мифологическим развитием далеко не исчерпывается вся религиозная жизнь язычества, ибо с древнейших времен, в особенности же после окончания указанного процесса, стали появляться самостоятельные учения с характером религиозно-философским или умозрительным. Некоторые из них «составляли исключительную принадлежность жреческих каст, как в Индии, Халдее, Египте, другие принадлежали посвященным из всего народа, как учения греческих мистерий, третьи проповедовались открыто, как религия Зороастра, наконец, одно из этих учений, именно буддизм, распространился почти на целую половину человечества. Отношение этих учений к мифологии, собственное их содержание и значение их в общей истории должны составить предмет особых исследований» (69, с. 41).

В теории всеединства, служащей внутренним каноном символизма, имеющей отношение к русскому космизму, Вл. Соловьев исходит из взаимодействия языческого и христианского начал, поэтому Логос, София Премудрость Божия являет свой лик в пространстве Земли. Так это и запечатлено в поэтическом творчестве Блока, который следует канону символизма: «И очи синие, бездонные // Цветут на дальнем берегу», — пишет Блок в «Незнакомке».

В работе «Красота в природе» (1889) Вл. Соловьев показывает, что порядок идеи или явления красоты в мире соответствует общему космогоническому порядку и солярный культ основан на понимании света, солнца как идеи красоты, прекрасного в природе: «Вначале сотворил Бог небо... Если наши предки видели в небе отца богов, то мы, и не поклоняясь Сварогу или Варуне и вовсе не усматривая в небесном своде признаков живого личного существа, не менее язычников любуемся его красотой; следовательно, она не зависит от наших субъективных представлений, а связана с действительными свойствами, присущими видимому нам мировому пространству. Эти эстетические свойства неба обусловлены **светом**: оно прекрасно только **озаренное**. Ни в серый дождливый день, ни в черную, беззвездную ночь небо никакой красоты не имеет. Говоря об этой красоте, мы разумеем, собственно,

лишь световые явления, происходящие в пределах доступного нашим взглядам мирового пространства. Всеобъемлющее небо прекрасно, во-первых, как образ вселенского единства, как выражение спокойного торжества, вечного воплощения идеи во всем объеме материального бытия. Этот общий смысл раскрывается более определенно в трех главных видах небесной красоты — **солнечной, лунной и звездной**.

1. Мировое всеединство и его физический выразитель — **свет** в своем собственном активном средоточии — **солнце**. **Солнечный восход** — образ **деятельного торжества светлых сил** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*). Отсюда особенная красота неба в эту минуту, когда

По всей
Неизмеримости эфирной
Несется благовест всемирный
Победных солнечных лучей.
Тютчев

Сияющая красота неба в ясный полдень — то же торжество **света**, но уже достигнутое, не в действии, а в невозмутимом неподвижном покое.

И как мечты почиющей природы
Волнистые проходят облака.
Фет

Мировое всеединство со стороны воспринимающей его материальной природы, **свет** отраженный — пассивная женственная красота **лунной ночи**. Как естественный переход от **солнечного вида к лунному** — красота вечернего неба и заходящего **солнца**, когда уменьшение прямой центральной силы света вознаграждается большим разнообразием его оттенков в озаренной среде» (69, с. 330—331).

В «Незнакомке», стихотворении Блока, запечатлен процесс явления Логоса, Софии Премудрости Божией в пространстве, «вручения солнца», вызываемого заклинательной волей художника:

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И всей души моей излучины
Пронзило терпкое вино.
1906

Здесь запечатлены интенции художника, его заповеди, его **победа света над тьмой**, а в итоге «вочеловечения» «безличного».

Мифология всеединства — это мифология метаморфозы, преображения, которое заключается в активном волевом начале приобщения к теургии, «великому творению», единому — что на небе, то на земле, это причудливое сочетание полуязыческих (натурфилософских) и христианских воззрений.

Языческие воззрения, философия всеединства и ее порождение — теория символизма — связаны с идеей космизма, характерной для русской философии, русского менталитета в целом, как нам думается. И хотя понятие ноосферы было введено последователем А. Бергсона, философом и математиком Эдуардом Леруа, оно было развито в трудах русских ученых и философов П.А. Флоренского, И.Ф. Федорова, С.Н. Булгакова, В.И. Вернадского, Л.Н. Гумилева и др. Самосознание ставропольчанина очень органично вписывается в некоторые основания теории ноосферы. Может быть, это проявление «неявного знания», которым в процессе жизни вооружается любой обыватель, или, как это сейчас называют, выражение наивной философии, которая во многом — проявление коллективного бессознательного.

Федоровская идея воскрешения и преображения — вершина дерзаний русского космизма. Участие человека в богочеловеческом процессе спасения распространяется здесь на то, что в ортодоксальном сознании является исключительной привилегией Творца. Сам Федоров понимал свое учение как завершение христианской Благой вести: он раскрыл Новый Завет, «логос» христианства, как программу Дела по преображению природного смертного мира в воскрешенный и бессмертный порядок бытия. Основное убеждение мыслителя заключалось в том, что божественная воля действует через человека как разумно-свободное суще-

Соединение круга (солнца) и лунной дуги означает связь жены и мужа. На воротных столбах это символ укоренения рода, распространения космических сил на землю. Улица Комсомольская, 123

ство, через единую соборную совокупность человечества, и главная задача человека при этом — соделаться активным орудием воли «Бога отцов не мертвых, а живых».

Общий труд по овладению стихийными, разрушительными силами, восстановление уничтоженного природой «в период ее слепоты», самосозидание и творческое преображение мироздания — это, убеждает Федоров, высший эволюционный, нравственный долг всех: и верующих, и неверующих. Поэтому Федорову свойственно одновременное изложение одной и той же идеи и в системе естественно-научной аргументации, обращенной к неверующим, и на языке и в образах, «внятных религиозному сознанию» (см.: 67, с. 18). Федоров упорно настаивает на необходимости исследования истории, а также живых людей, восстановления их образа — сначала мысленного, потом реального. Главная задача при этом — вернуть восстановленному человеку его уникальное самосознание. Восстановление человека идет в единстве с родом и всем миром, и главную роль при этом играет **солнце**. «Как Царь небесный обособился в солнечного бога, — пишет Вл. Соловьев, — так Урания обособляется в лунную богиню, под разными именами изве-

Ставрополец мыслит свое жилище как систему микрокосмов, необычно тесно связанную с макрокосмом. Трехметровые воротные столбы содержат, как правило, два знака — солнца и луны. Улица Горького, 10

стную всем народам; причем должно заметить, что существенное тождество различных образов божества женского еще яснее; ибо это божество, представляя собою начало материальное, по существу своему однообразное, не может значительно изменяться.

Божество, проявляющееся в солнце, действием своим на землю обусловливает, порождает земную органическую жизнь. Современный физик (Тиндаль) говорит, что вся жизнь на земле представляет собой лишь разнообразные превращения солнечных лучей. Это знал и древний человек, видевший во множественности форм органической природы разорванное и разбросанное тело солнечного бога... Но раздробленный во множественности органических особей, этот бог является целым и единым в жизни рода, а так как жизнь рода утверждается в акте полового соития, то понятно, что бог органической жизни должен носить характер по преимуществу фаллический. Это тот же солнечный бог, но уже окончательно сошедший на землю и проявляющийся исключительно только в земной органической природе. У индусов это мага-дэва (великий бог) Шива, «царь земли», который, после сильной борьбы с Вишну, получил преобладающее значение особенно в южной, гористой половине Индостана. Это бог, действующий по преимуществу в половой любви, постоянно сопровождаемый эмблемой фаллюса (лингам)» (69, с. 34). Как видим, в мышлении русских философов мифологема солнца играет огромную роль: жизнь, свет, красота, жизнетворчество в природе и человеческом бытии обусловлены действием солнца, «солнечного бога».

Инверсионная и в то же время прогностическая мысль ставропольчанина связана с нравственным долгом перед прошедшими поколениями (сарматами, скифами). Он мыслит себя, свое жилище как систему микрокосмов, необычно тесно связанную с макрокосмом. Достаточно сказать, что трехметровые воротные столбы, выполняющие, наряду со многими другими, и фаллическую функцию как знака плодородия, распространения на землю космических сил, содержат, как правило, два знака, вырезанных на камне — солнца и луны — жены и мужа (иногда они меняются местами в языческой мифологии), иногда их соитие получает самостоятельное выражение в знаке солнца, накрываемого сверху дугой луны (полукружием). Это символ, а может быть, эмблема непрекращающегося возобновления жизни, вечного ее круговорота и развития, связанного с выражением наивного космического ощущения жизни.

А.Я. Чижевский пишет: «Мы привыкли придерживаться грубого и **узкого антифилософского взгляда** на жизнь как на результат случайной игры только земных сил. Это, конечно, неверно. Жизнь же, как мы видим, в значительно большей степени есть явление **космическое, чем земное**. Она создана **воздействием творческой динамики космоса на инертный материал Земли** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*). Она живет динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца — этой грандиозной совокупности **туманностей, звезд, Солнца и планет**» (85, с. 324).

Нам неведомо, как было на самом деле, когда ставропольцы возводили дома с солярными и другими знаками, но что-то вроде сказанного выше мы испытали, когда знакомились с «солнечной» системой Ставрополя. Именно с солнечной, так как этот знак явно доминирует, перемещаясь с позиций оберега от темных сил, которые могут проникнуть через отверстия (окна, двери, ворота и др.) в общий оберег дома — как символ связи микрокосма (дома, семьи) с макрокосмом.

М.О. Гершензону принадлежит мысль о связи каждого человека с мирозданием и о нравственном характере этой связи: «Точно все человечество, как один человек, в минуту озарения выразило свою жизненную задачу словами Эпикура «Чего я хочу? — Познать себя в отношении к естественному порядку вещей и подчиниться ему». В каждом дыхании и каждом действии человек ощущает единство и **круговую связь мироздания**, знает, есть **общий мировой закон и есть соподчиненный ему закон человеческого существования** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*).

Единичный солярный знак находится в связи с солярными символами на воротных столбах. Улица Орджоникидзе, 56

И так как всякое уклонение от закона неумолимо карается страданием, то для человека нет ничего важнее, как узнать свой родовой закон в составе общего мирового закона. Надо научиться жить космически правильно, не нарушая непреложные веления мира и не тормозя их исполнения, за что он так больно бьет. Закон — во мне, он действует через какие-то из влечений, обуревающих меня, но он открыт разуму» (24., с. 277).

Это чувство не покидает нас, когда мы исследуем архаическую систему символов в архитектуре Ставрополя, особенно в простом гражданском строительстве: она запечатлевает, может, отчасти на сознательном, скорее, на бессознательном и подсознательном уровнях, эту атавистическую причастность человека к космосу, его силам, перед которыми мы всегда в ответе: там все гармонично, согласовано и правильно, значит, и в нашем мире, пусть маленьком мирке дома и, конечно же, в душе, все надо согласовать с общим законом — и телесное, и духовное, при этом опираться на позитивную систему элементов выверенного в практи-

Триада утреннего, дневного и вечернего солнца на фронтоне старинного дома. Улица Дзержинского, 52

ческой жизни кода. По-видимому, ставропольцы использовали систему оберегов как систему руководства связи с мирозданием.

Может быть, это и есть свод правил дружбы с природой, знаки для особой (практической) системы коммуникации с ней. Ведь ставропольский уклад — полукрестьянский, а во время застройки Ставрополя он был преимущественно крестьянским, а крестьянину нужно было дружить с природой. Невозможно удержаться, чтобы не расширить эту картину. Русские писатели чутко улавливали связь человека как микрокосма с макрокосмом. У И. Бунина в «Жизни Арсеньева» читаем: «Прекрасна — и особенно в эту зиму — была Батуринская усадьба. Каменные столбы въезда во двор, снежно-сахарный двор, изрезанный по сугробам полозьями, тишина, солнце, в остром морозном воздухе сладкий запах чада из кухонь, что-то уютное, домашнее в слезах, пробитых от поварской к дому, от людской к парку, конюшне и прочим службам, окружающим двор... тишина и блеск, белизна толстых от снега крыш, по-зимнему низкий, утонувший в снегах, красновато чернеющий голыми сучьями сад... <...> ...в окно налево, боковое, тоже на север, лезут черные сучья громадной липы, а в те солнечные, что против дверей, виден сад в сугробах. Среднее окно все занято высочайшей елью, той, что глядит между трубами дома: за этим окном пышными рядами висят оснеженные рукава... Как несказанно хороша была она в морозные лунные ночи! Войдешь — огня в зале нет, только ясная луна в высоте за окнами. Зал пуст, величав, полон словно тончайшим дымом, а она, густая, в своем хвойном, траурном от снега облачении, царственно высится за стеклами, уходит острием в чистую, прозрачную и бездонную куполообразную синеву, где белеет, серебрится широко раскинутое созвездие Ориона, а ниже, в светлой пустоте небосклона, остро блещет, содрогается лазурными алмазами великолепный Сириус, любимая звезда матери... Сколько бродил я в этом лунном дыму, по длинным теневым решеткам от окон, лежавшим на полу, сколько юношеских дум передумал, сколько твердил вельможно-гордые державинские строки:

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна...
Сквозь окна дом мой озаряла
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем...».
(17, с. 89).

«Ясная луна», Сириус — «любимая звезда матери» — все это из нашего глубоко неосознанного понимания связи всего сущего, ощущения космического — близости своего, домашнего, интимного и планетарного миров, о чем говорил М.О. Гершензон.

Обнаруженная, и главное, прочитанная нами (далеко не до конца) архаическая языческая символика, запечатленная преимущественно в камне, каменных строениях Ставрополя, — огромный культурный слой в «археологии знания» о нашем городе. Он свидетельство того, какую глубинную инверсионную память несет наше сознание, как широко связан человек с культурами разных народов, какую «космическую» информацию несет человек. В век доминирования цивилизации над культу-рой, в понятие которой мы включаем и взаимоотношения человека с природой, миром, это нелишнее напоминание о глубинных иерархических связях человека со всем сущим, о нравственном законе внутри каждого. Он согласован, как видим, с общими законами мироздания.

А.Н. Афанасьев с восхищением говорит о том, в каких образах поклонялся славянин «всесоздающим силам природы, которые для живого существа суть благо, добро и красота». Это солнце, ветры, небо, земля, вода. «Человеку естественно чувствовать привязанность к жизни и страх к смерти. Обоготворив как благое, все связанное с плодородием, развитием, он должен был инстинктивно, с тревожною боязнью отступить от всего, что казалось ему противным творческому делу жизни» (6, с. 47). Это может быть странным, но обыденная жизнь человека, с его неявными знаниями о мире, оказывается связанной и с философией, и с искусством, и с научным знанием. Все это запечатлевают те знаки на камне, которые оставлены в Ставрополе нашими предшественниками.

6. Жилище и языческая символика в пространстве Ставрополя

Семиотическое поле жилища в Ставрополе включает противопоставление каменных и деревянных построек. Каменное, а впоследствии и кирпичное жилье, хранит приметы деревянного дома и изначально — русской избы — с неизменными полотенцами и другими атрибутами жилища славянина. В указанной диссертации К. Бахутова есть раздел «Жилища, освещение и отопление их», где говорится о деревянных, каменных и других строениях в Ставрополе в середине XIX века. Ракушечник, по мнению Бахутова, «весьма порозен и потому он впитывает в себя много влаги, чем объясняется сырость почти во всех городских каменных домах. Правда, с наступлением весны (вследствие ветров и возвышенной температуры) камни выветриваются, но вообще, если раз развилась в доме сырость (особенно в нижних этажах), ее трудно уничтожить, несмотря на то, что жители нередко прибегают к искусственным способам осушения. Удаляясь на время из квартиры, они осушают стены приставлением к ним больших разогретых камней, но осушение не достигает цели, ибо вряд ли теплота может проникнуть далеко, в толщу камня. Далее, иногда стены эти цементируются или обиваются войлоком, картонами, но и эти меры паллиативны и лишь временно маскируют сырость. С выпадением снега и закрытием наружных отдушин, устроенных внизу стен для свободного тока воздуха, сырость еще более усиливается и в некоторых нижних этажах стены и пол становятся буквально мокрыми. Если же отдушины не закрывать на зиму, то ветер, имея свободный доступ к основанию здания, хотя несколько и выветривает камни, но зато в таких квартирах очень холодно.

Вентиляция в домах, за немногими исключениями, самая примитивная и редко достигающая цели. Хотя в городе много деревянных построек, но в последнее время, вследствие дороговизны леса, их вообще мало строят. Эти постройки должны считаться в Ставрополе лучшими. Кирпичных домов немного. Жилища по окраинам города строят из битого щебня (лома) или из земли, смешанного с саманом, и обмазывают глиной. И в этих домах, с наступлением осени, постоянная сырость, поддерживаемая еще тем, что бедные жители держат при себе также и домашних животных: кур, гусей, ягнят и т.д.; у некоторых в сенях помещается и лошадь из опасения кражи ее. <...>

В домах богатых устроены голландские печи, редко камины. Мещане и крестьяне строят обыкновенно русские печи. В Подгорной нередко встречаются железные печи; последние быстро нагревают комнату, которая так же быстро охлаждается. Обыкновенно эти печи топят 3 раза в день: утром в 9 час., к обеду и около 7 часов вечера. Во время топки в комнате очень жарко, но за ночь комната остывает настолько, что разница вечерней температуры от утренней доходит до 16° Р., и утром, вследствие сильного холода, весьма трудно до новой топки вставать с постели» (9, с. 118—119).

Впоследствии все же сказались все преимущества каменного дома, когда появился уголь, далее природный газ, электричество, коммуникации. Каменный дом — это дом «биологический», как его называют сейчас экологи Европы. Он строится из природного материала, в его отделку входят дерево, песок, глина, железо. Ведь даже в 50-60 годы XX века частные каменные дома, сложенные из бута, принято было «мазать», то есть покрывать стены не штукатуркой, а смесью песка, глины, конского навоза. Эта смесь, может быть, не очень гладко лежала на стенах (хотя искусные мастера добивались этого), но была крепкой; дом «дышал», в нем было тепло зимой, прохладно летом, уютно и надежно — именно за каменной стеной! А стены были почти в метр толщиной! Для прочности. Поэтому и сейчас хорошо внешне отделанные дома из камня прочны и удобны для житья — в них хороший воздухообмен, всегда свежий, чистый воздух, так как камень способствует тому, чтобы запахи «испарялись», а не застаивались в доме.

Авторы этого материала, один из которых около 40 лет прожил в каменном доме сталинской постройки в Ставрополе, а другой сейчас приобрел себе квартиру в старинном доме исторической части города, об этом свидетельствуют. Нет ничего надежнее, уютнее и устойчивее жизни в таком доме — настоящее семейное гнездо, свой «угол мира». Он надежный защитник от всего враждебного. «Мир бьется по ту сторону моей двери», — цитирует Г. Башляр одного из французских поэтов. В его же работе «Дом от погреба до чердака: Смысл жилища» как раз говорится о роли дома в нашей жизни, о смысле дома. «Ибо дом и есть наш угол мира. Он есть — и об этом много говорено — наш первый мир. Поистине он есть космос. Космос в полном смысле этого слова. Не окажется ли прекрасным и самое скромное жилище, если на него посмотреть изнутри? <...> Короче, укрытое существо чувственно воспринимает границы своего укрытия в самой бесконечной из диалектик. Оно живет в доме в его реальности и в его потенциальности, в мысли и грезах. <...> Поэтому дом переживается нами не только день за днем, в ходе истории, в рассказе о нашей истории. Различные жилища нашей жизни проникают друг в друга в мечтах и хранят сокровища прежних дней. Когда в новый дом возвращаются воспоминания прежних

Каменный дом на проспекте К. Маркса, 21

Дворик старинного дома на улице Комсомольской, 102. Колодец сложен из ракушечника

жилищ, мы отправляемся в страну Неподвижного Детства, неподвижного как Незапамятное. Мы имеем дело с фиксациями, со сгустками счастья. Мы утешаем себя, вновь переживая воспоминания защищенности. Нечто замкнутое должно сохранять воспоминания, оставляя за ними их ценность образов. Воспоминания о внешнем мире никогда не будут иметь ту же тональность, как воспоминания о доме. Вызывая воспоминания о доме, мы умножаем ценность мечтания; мы никогда не являемся только историками, мы всегда немного поэты, и наше переживание выражается, может быть, только с помощью потерянной поэзии.

Таким образом, касаясь образов дома и заботясь о том, чтобы не порвать единство памяти и воображения, мы можем надеяться ощутить всю психологическую эластичность волнующего нас в не подозреваемых нами глубинах образа. В стихах, еще более, может быть, чем в воспоминаниях, мы касаемся поэтического основания пространства дома.

При этих условиях, если бы нас спросили о самом ценном, что дает дом, мы бы ответили: дом дает приют мечтанию, дом защищает мечтателя, дом позволяет нам мечтать в мире. <...> Мечтая о родном доме, в предельной глубине своего мечтания, мы приобщаемся к этому первоначальному теплу, к этой умягченной материи материального рая. В этой атмосфере живут защищающие существа. У нас еще будет повод вернуться к отечеству дома. Пока же нам хочется указать на первоначальную полноту домашнего бытия, к которой приводят нас наши мечтания. Поэту хорошо известно, что дом держит «в своих руках» неподвижное детство» (11, с. 3-4. См. также: 10). Здесь, говоря о мечтании о мире, Башляр и определяет сущность феноменологической постановки в осмыслении связи дома как микрокосма и мира как макрокосма.

Жилище ставропольчанина состояло из дома, огражденного каменным забором, двора, надворных построек (сарай, склад, колодец, иногда кухня). Дом внешне действительно напоминал крепость. Вход часто представлял собой ее имитацию (высокая каменная стена — вход п-образной формы). Если не было п-образного общего входа, были ворота, державшиеся крюками на высоких каменных столбах. Рядом располагалась калитка с симметрично поставленными столбами (сейчас иногда одним столбом).

Столбы, как правило, были больше ворот и калитки, возвышаясь над ними и, как видим, помимо прикладной, имели еще несколько семантических и прагма-функций. Экстерьер дома включал триаду: дом — забор — ворота со столбами (калитку). Все эти элементы снабжены языческими символами, призванными оградить человека, его дом от проникновения всяческой вражьей силы, в том числе и мистической.

Теперь мы подходим к тому медиальному рангу семиотических показателей традиционного уклада жизни ставропольчанина, который был выявлен совсем недавно (2004 г.), хотя корнями уходит в незапамятные времена.

Дело в том, что ни в одном из источников о Ставрополе, как уже указывалось, не анализируется и не указывается знаковая система языческих символов, которые традиционно изучались и изучаются на деревянной архитектуре русского севера и средней полосы России. Эта деревянная архитектура и воплощение знаков связаны с исходным материалом. Ставропольский языческий код практически не читается социумом: владельцы домов не имеют представления о символах, опрос ставропольских архитекторов дал те же результаты. Они, по крайней мере, не обращали внимания на эти элементы.

На ставропольском доме мы обнаружили системное и частотное изображение триады мироздания с иерархией 1) земного, нижнего мира — это ромбы, квадраты; 2) солнечного — это круги, звезды, кресты, концентрические окружности и т.д; 3) водного (небесного) мира. В последнем случае это деревянная резьба, изображающая «хляби небесные», иногда каменная — треугольники или квадратики, волнообразные линии.

Жители Ставрополя у старинного колодца на улице Мира, 317

Следует обратить внимание на каменные воротные столбы. Они, как правило, снабжены изображением солнца, солнца и луны, солнца и земли (ромбы, квадраты), солнца и «хлябей», просто «хлябей», земли.

Особенной энергетической силой обладают высокие мощные столбы, округлые вверху (размер — около и более 3 м) с изображением огромных (размер — до 1 м) солярных знаков (кругов, концентрических окружностей со значением светоносного космоса), несущих, в силу своих интенций, действительно мощную энергетику.

Б.А. Рыбаков отмечает, что геоцентрические представления о дневном пути солнца по небу на конях (или на лебедях) и о ночном пути по подземному океану на водоплавающих птицах возникали еще в бронзовом веке. «Это не сумма отдельных символов, а продуманная система, созданная на основе геоцентрического мировоззрения: злодеи-упыри могут бесчинствовать повсюду, они — вездесущи, повсеместны; в систему зла входит вся природа и все живое, обвеваемые «злыми ветрами». Этой темной анимистической системе вампиризма должна быть противопоставлена система света, изгоняющая не только тьму, но и порождения тьмы» (64, с. 469).

Система построения декора избяных причелин заключалась в том, что здесь проводились две неразрывно связанные друг с другом идеи: «во-первых, наличие в верхнем небе (над дверью) знаков дождевой воды (зигзаги и меандры), а во-вторых, передача этой воды вниз, на землю к пахарям, показанная посредством мифологического символа грудей небесных богинь, орошающих землю «грудами росными» (там же, с. 477). Дом славянина был снабжен трехъярусной символикой, обозначающей землю, небо, посредником между ними выступало солнце.

Столбы со знаками «хлябей небесных». 1. Ул. Таманская, 33. 2. Ул. Станичная, 48

Все три яруса представлены в ставропольском каменном доме. В верхнем, как правило, использовалась деревянная резьба с изображением стилизованной груди, в камне это часто представало в виде «сухариков» (квадратов).

Средний мир — это мир солнца — солярных знаков, которые были посредниками между земным и небесным мирами: «...во всем декоре русских изб XVIII—XIX вв. на всем обширном пространстве двенадцати северных губерний России солнечные знаки, изобилующие в этом декоре, — пишет Рыбаков, — никогда не помещались выше небесно-водной зоны, то есть не нарушали архаических представлений о верхнем небе. Зоной движения солнца было со времен энеолита среднее небо, находившееся ниже небесно-водной зоны верхнего неба, расположенного за невидимой твердью.

Расшифровке безмолвного археологического материала помогают, как мы знаем, наиболее архаические гимны индийской Ригведы, записанные во II тысячелетии до н.э., в которых вертикальный разрез мира представлен так:

Воротные столбы в Ставрополе. 1. Столб со знаками солнца и луны (ул. Ясеновская, 36). 2. Столб со знаками солнца и земли (ул. Горького, 31)

1. «Свах» — верхнее небо с запасами воды.

2. «Бхувах» — воздушное пространство со звездами, солнцем и луной.

3. «Бхух» — земля, почва.

С удивительной строгостью соблюдалась эта древняя картина мира в системе архитектурного убранства, явившегося повторением макрокосма в микрокосме славянского жилища: путь солнца по среднему небу подчеркнут тем, что для показа солнечных знаков в надлежащей зоне применялись искусственные, не игравшие никакой конструктивной роли особые доски — «полотенца», спускавшиеся от причелин вертикально вниз. Солярные знаки на этих полотенцах размещали ниже зоны небесных вод причелин на фоне затененного кровлей фронтона. Три позиции солнца, обеспечивающие показ его дневного хода, — восход, полдень, закат — достигались тем, что околоземные положения светила при восходе и закате обозначались помещением солярных знаков у нижнего торца обеих причелин и оказывались, таким образом, в общей композиции домового декора ниже той части причелин, на которой изображались «хляби небесные»» (там же, с. 477-480).

1. Столб со знаками земли (ул. Орджоникидзе, 11), 2. Столб с огромными концентрическими окружностями, обозначающими «светоносный космос» (ул. Горького, 10)

Наиболее разветвленной в изобразительном плане является в Ставрополе солярная система. Солярные знаки представлены над всеми частями дома,

связанными с открытостью по отношению к внешнему миру: над окнами, над дверью, особенно парадной, между окнами — в их промежутке — особенно часто. Иногда они располагаются под окнами — отдельно или в комбинации с квадратами, ромбами, часто внутри них.

Часто дом оберегают только три солнца или вообще одно солнышко. Как отмечал Рыбаков, «три конно-солнечных символа фасада избы представлены в двух разных уровнях: ближе к земле, на конце кровли слева и справа по фасаду, расположены два символа; третий конно-солнечный символ помещен в самой верхней точке здания и развернут фронтально. Перед нами очень важная система расположения солярных символов, система, идущая из древности и связанная с геоцентрическими представлениями о движении солнца вокруг земли: левый от зрителя край кровли — восходящее, утреннее солнце; верхний конек на щипце кровли — полдневное и ниже — нисходящее вечернее солнце» (там же, с. 468).

Располагаются солярные знаки и на каменных столбах, держащих ворота и калитку. Иногда здесь они встречаются в комбинации с квадратами и ромбами.

Солярные знаки практически всегда имеются на кованом металлическом навесе над крыльцом. Как правило, это восьмилучевое (восемь радиусов) колесо Юпитера, иногда оно имеет четыре радиуса, особенно на передней части навеса. На боковых — как правило, восьмирадиусные.

В отличие от солярных знаков русского деревянного дома (избы), знаки на камне имеют более условную (стилизованную) форму.

Их классификация может быть построена многоярусно, исходить мы можем из нескольких критериев.

1. Материал, из которого выполнен дом: деревянный — каменный — кирпичный; комбинированный (дерево — камень, камень — кирпич).

2. Место расположения знака: средняя — верхняя — нижняя части дома; отдельные элементы дома: крыльцо, навес, балкон, воротные столбы, калитка, ворота.

3. Структура знака.

4. Сочетание знаков.

Солярные знаки в Ставрополе могут располагаться во всех частях дома и вне дома (столбы, калитка, ворота), хотя основная позиция — средняя.

Знаки, особенно солярные, иногда имеют скрытый характер: располагаются не на фасаде, а на торце здания, под навесом балкона, над колоннадой. По-видимому, их ниличие не всегда было предусмотрено в процессе отделки здания, поэтому знаки помещались там, где это было возможно, лишь бы обереги присутствовали.

Следует обратить внимание на то, что разные виды солярных знаков могут комбинироваться: звезды с лучами солнца, звезды и окружности (в сталинском ампире), Видимо, в этих случаях можно говорить о синкретизме солярных знаков.

Особое место занимает нижняя часть дома, которая снабжена ромбами и квадратами, иногда в эти квадраты и ромбы вписано солнце или Андреевский крест (обычно под оконными проемами). Ромбы и квадраты — знаки земли. Они укореняют жилище, связывают его с землей, которая наделяется плодородной силой, способствует жизни и процветанию. Рядом с символом солнца почти всегда соседствует тот или иной символ поля, земли (ромбы, квадраты). Древний, еще энеолитический символ поля и плодородия в виде квадрата, поставленного на угол и часто разделенного на четыре части, иногда снабжен «выпуклыми точками» (засеянное поле).

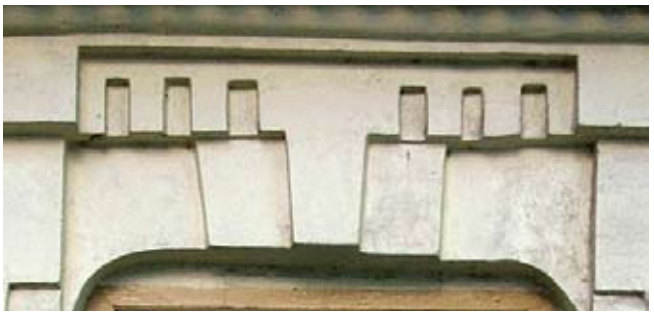
Как мы уже упоминали, отделка дома ставропольчанина венчалась многоярусными орнаментами по всему периметру жилища, обозначающими воздух, воду, орошающую землю в виде стилизованной женской груди. В народе этот мир назывался «хлябями небесными».

Рассмотрим каждый из знаков в соответствии с материалом, в котором он воплощался.

I. Знаки неба (воды)

1. Камень

Наименее инвариантно закрепленный род знаков. Представляет собой вытянутый вдоль всего фасада здания длинный фриз повторяющихся прямо-



угольных, квадратных или треугольных, с обращенным вниз углом, рельефных форм. Каменная резьба предполагает подчеркнуто крупный масштаб каждого фрагмента, глубокий рельеф и характерную скульптурную рукотворность. Располагаются, как правило, под крышей над окнами и в верхней части воротных столбов.

С начала XX века, то есть распространения стиля модерн, и позже, с внедрением новых строительных технологий, внешние графические атрибуты стали выполняться из бетона вне зависимости от материала стен. С появлением новых пластических возможностей прямоугольные формы часто скругляются, превращая зубчатую линию в волнистую, а также комбинацию круглых, прямоугольных и треугольных форм.

2. Кирпич

Практически каждый старинный кирпичный дом содержит небесную символику в отведенном

для нее месте — под крышей. Знаковая система вынуждена приспосабливаться к технологическому модулю «1 кирпич». Вариантов этот модуль предоставлял немного, всего три: кирпич боком, кирпич торцом и кирпич под углом — из этих элементов и составлялись знаковые ряды (квадраты, треугольники). В кирпичном строительстве другой матери-

ал для оформления данных знаков практически не использовался. Очень редко встречаются кирпичные дома, в которых нижняя часть фронтона оформлена деревянной резьбой с изображением «хлябей небесных» в виде стилизованной женской груди.

3. Дерево

Незначительное количество старинных деревянных строений имеет отдаленное отношение к укоренившейся традиции русского деревянного зодчества. Деревянные дома представляют собой комбинации материалов, с каменными фундаментами, цоколями, первыми этажами. Резные деревянные дождики по верхней части стены над окнами – самый частый и почти всегда единственный канонический знаковый мотив – представляет собой хорошо известный изобразительный ряд ажурных каплевидных форм. Таким же образом оформлены навесы над парадными дверями, в том случае если

они деревянные. Никаких других традиционных элементов, «причелин», «полотенец», «коньков» в деревянных постройках не отмечено.

4. Металл

В металлических частях дома (ограждение крыши, ограждение балкона, навес над дверью, ворота) знаки неба / воды в виде «груд росных» не обнаружены. Иногда встречается орнаментальный мотив, напоминающий, либо непосредственно воспроизводящий традиционный греческий меандр. Б.А. Рыбаков относит меандр к элементам знаковой водной части дома, здесь композиционное расположение – почти всегда в нижней части конструкции. Очевидно, появление этого знака связано с принадлежностью хозяина постройки к многочисленной в Ставрополе греческой диаспоре. Хотя меандр (бегущая волна) и получает здесь переакцентуацию, воспринимается как обычный орнамент, но семантику водного мира несет.

II. Знаки солнца

1. Камень

Исходный графический мотив солярного знака — круг (окружность). Применительно к камню это в большинстве случаев выпуклый или углубленный рельеф. Поскольку резать камень, хотя бы и рыхлый ракушечник, — процесс трудоемкий, то выпуклый рельеф, как правило, встречается в углубленной прямоугольной нише. Часто форма окружности усиливается внутренними концентрическими окружностями, от одной до пяти, иногда с монолитным внутренним ядром. Каменная резьба в условиях рыхлого материала предполагает массивную форму, поэтому солярные круги, особенно на столбах, очень крупные, занимают всю ширину столба, до метра в диаметре с шириной линии окружности до 20 см. Иногда и на фасадных стенах эти знаки достигают таких же размеров, хотя в общем случае они мельче. На домах они располагаются над окнами, часто группами от трех до пяти раздельных или слитых колец. Между окнами — одиночные знаки (чаще концентрические окружности). Под окнами солярные знаки включаются в прямоугольник знака земли.

На столбах солярные символы занимают верхнюю часть, иногда формируя круглый верх самого столба, и в составе пары знаков, нижний из которых меньше по размеру, массе, количеству внутренних окружностей, иногда он представлен контррельефом. Знаки, относящиеся к середине XIX века, – это всегда условные круглые формы. Развиваясь во времени, они приобретают все больше реалистических деталей, относящихся к образу солнца, оснащаются лучами, а в архитектуре модерн становятся максимально материальными трехмерными шарами.

Лучи, поначалу представлявшие собой условные линии, направленные вниз, два по краям окружности, или три, со временем приобретают направления по горизонтали в стороны и вверх и модифицируются в реалистичные расширяющиеся лучики вокруг солнечного круга или переходят в форму звезды. Такие почти натуральные полусолнца часто занимают место под окнами, иногда на столбах. Лучи в поздней традиции сильно удлиняются, иногда по всей высоте многоэтажного здания сверху донизу. На нижних концах лучей появляются прямоугольные, треугольные завершения, часто явно горизонтальной направленности.

2. Кирпич

Модуль «кирпич» делает проблематичной круглую форму и превращает ее в ступенчатую, напоминающую ступенчатый ромб. Тем не менее нередко обнаруживается и кирпичный круг из тщательно обтесанных и подогнанных кирпичиков, хотя это трудная и кропотливая работа. Другой способ избежать круглой формы — использование крестообразной фигуры в качестве солярного знака. Крест в кирпичных постройках

встречается часто, что вызвано, очевидно, технологическими причинами. Кроме того, он приемлем для всех.

3. Дерево

Резные небольшого размера солнышки, как правило, мелко детализированные, встречаются в деревянных постройках только над окнами и представ-

лены группами из солнца и двух звезд по бокам, трех-, шести- и восьмиконечных звезд, солнца (или звезды) и двух горизонтальных ромбов. Те же фигуры появляются на парадных дверях. В тех случаях, когда двери покрыты резьбой и на деревянных навесах над дверями.

4. Металл

Большинство из сохранившихся металлических конструкций обильно оснащены солярной символикой всевозможных видов. Это и геометрические

окружности, и многолучевые «колеса Юпитера», и реалистично выполненные солнца-розетки, и звезды. Часто встречающийся элемент – спиральный знак бесконечности (его тоже относят к солярным знакам). Эти символы представлены, как правило, в композиционных комбинациях. Чугунное литье и ковка предоставляли большие возможности для изготовле-ния ажурных, легких, обильно орнаментированных объектов.

III. Знаки земли

1. Камень

Канонически традиционное размещение знака земли на фасаде дома – внизу под окнами. Простейшая и основная форма – рельефный или контррельефный прямоугольник в виде монолитной фигуры

либо контура. Модификации: прямоугольник с одним или несколькими внутренними прямоугольниками, квадрат, прямоугольник с вогнутыми боковыми сторонами, прямоугольник с косым крестом внутри, соединяющим своими лучами противоположные углы, ромб горизонтальный или вертикальный.

Часты отклонения от общего правила: знак земли можно обнаружить и между окнами, и над окнами, и по бокам фасада группами из нескольких друг над другом размещенных знаков. Воротный столб часто бывает покрыт несколькими рельефными изображениями знака земли разного размера по всей передней поверхности столба. Очень часты комбинации знака земли с солярным знаком или прямоугольника с встроенным ромбом. Среди прочих знаков знак земли – наиболее часто встречаемый. В условиях бетонного внешнего исполнения он также приобретает натуралистические черты – внутренняя поверхность заполняется крупнозернистой фактурой, напоминающей рыхлую почву.

2. Кирпич

Самый удобовоспроизводимый знак применительно к кирпичному строительству. Фасады старинных кирпичных построек обильно заполнены прямоугольными формами сверху донизу, представляя собой причудливый ковер выпуклых и углубленных геометрических форм. Их модификации в кирпичном воплощении также многообразны: вертикальные и горизонтальные со скошенными углами, дополнительные выступы по сторонам, вне-

дрение разнообразных форм внутрь поверхности, повторяющиеся группы форм.

3. Дерево

Относительно слабо выраженный знак. Встречается на обычном месте под или над окнами, орнаментально не обрабатывается, представлен либо простейшей прямоугольной, или ромбовидной формой, либо, иногда, трехмерной прямоугольной фигурой с четырьмя гранями из центра.

4. Металл

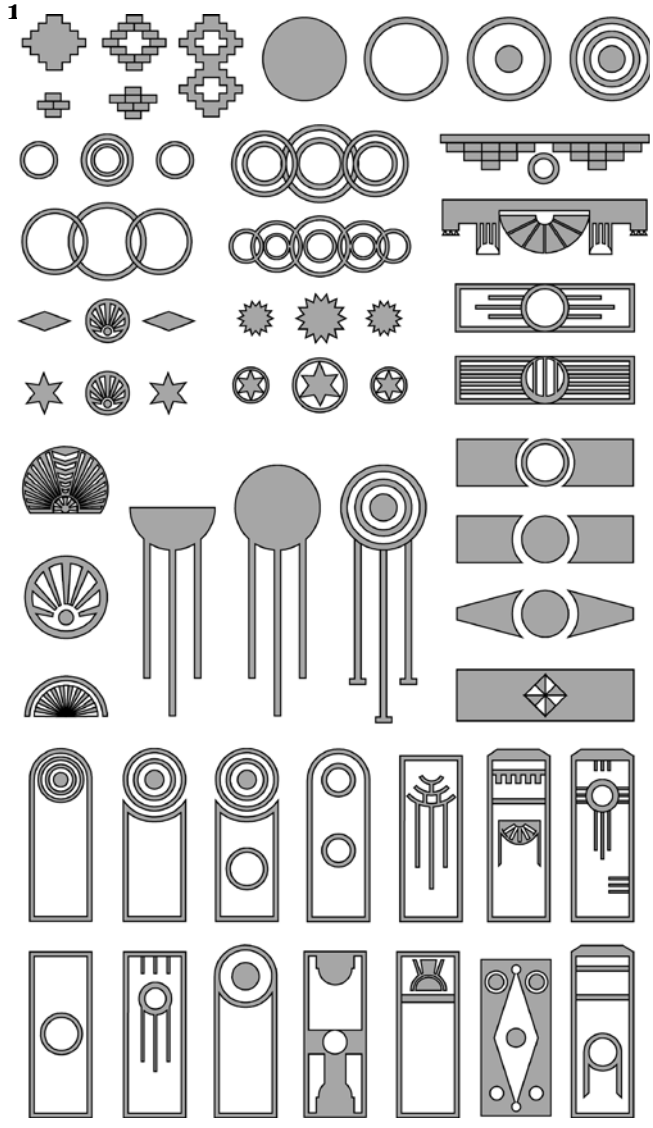
Знаки земли в металлических элементах зданий представлены мало. В редких случаях обнаруживались ромбовидные фигуры по нижнему краю ворот, дверных навесов или балконных ограждений.

Каждый дом может быть описан в системе следующих критериев, вводимых постепенно и последовательно:

1) эмпирический слой (объекты описания: дом и его хозяин);

2) технологический слой (ракушечник как строительный материал, имеющий особую семантику);

3) архитектура, планировка, расположение как способ организации бытового и культурного пространства;



4) функциональный слой (где? что? как? для чего? из каких компонентов состоит быт?);

5) мифологический слой (система знаков, оберегов, миф о городе и доме);

6) слой, связанный со стилевой принадлежностью (обычное гражданское строительство, отношение к культурным стилям: классический, модерн, сталинский ампир, современные стили);

7) слой автометадискрипции (самоописание (вербализация) дома, нумерация, знаковая система, связанная с социальным статусом, даты, имена мастеров, архитекторов);

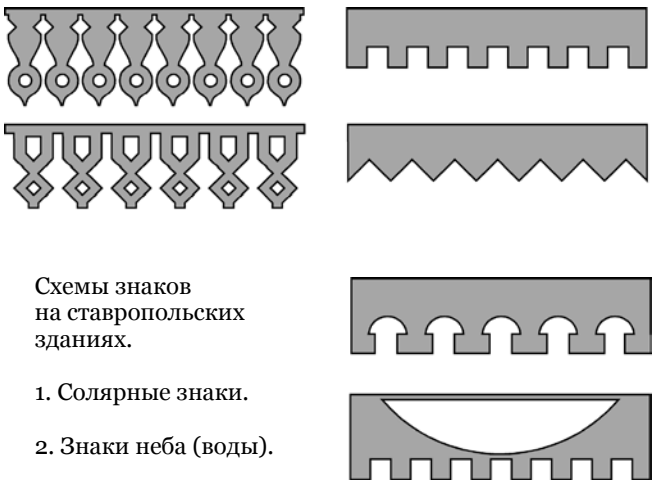
8) философский слой (как связывал хозяин дома свое жилище со структурой идей своего времени, эпистемой, выбирая место, стиль, располагая дом определенным образом, соотнося с другими строениями; соседи, престиж, социальная означенность);

9) языковой слой (название строений, характерные для нашего региона — дом, хата, хибара, лачуга и т.д.; как и что говорят о доме, жилище; городское просторечие, языковая среда);

10) слой общей культуры Ставрополя: какое отражение находят быт, повседневность в литературе Ставрополя, в живописи, публицистике, фотографии; высказывания о городе, их семантика;

11) общенаучный слой (исследования ставропольских ученых о городе);

12) дух города (общие семантические показатели).

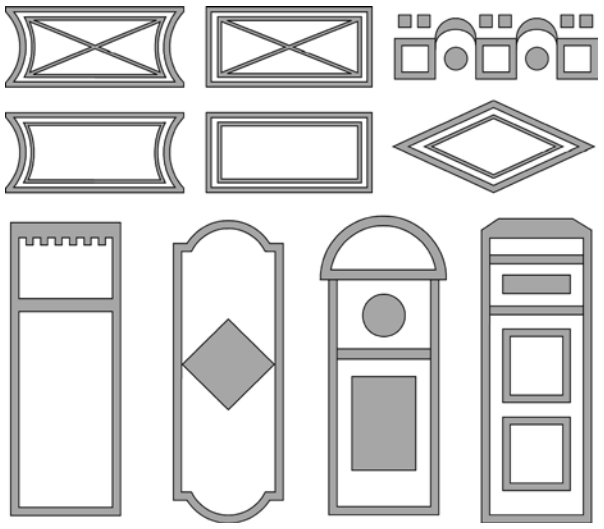


Схемы знаков на ставропольских зданиях.

1. Солярные знаки.

2. Знаки неба (воды).

3. Знаки земли.



Б.А. Рыбаков говорит о том, что космологическая система защиты от духов зла предусматривала не только солнце и его путь по небу, но и само небо, как предполагаемое вместилище дождевой воды: «Запасы воды на небе носили в древнерусском

языке наименование «небесных хлябей». Сильный дождь, ливень («прапруда») определялся фразой: «разверзлись хляби небесные», т.е. открылась, получила свободу небесная вода и ринулась вниз, на землю» (64, с. 471). «Хляби небесные» изображаются волнистым орнаментом или «узором из городков», которые на расстоянии воспринимаются как волны. Волны могут идти в два-три ряда, подчеркивая глубину «небесных хлябей». Б.А. Рыбаков указывает, что с середины XI века водный слой изображался с помощью стилизованной женской груди, повторяющейся в орнаменте деревянной резьбы. «Нас не должно смущать наличие женских грудей при оформлении образа небесной воды, — пишет Б.А. Рыбаков, — ведь мужскому патриархальному божеству Роду предшествовали две рожаницы, две небесные богини, культ которых потом сопровождал культ рода и даже пережил его, уцелев в бессознательных пережитках до XIX века» (там же, с. 476). В системы декора дома проводились две неразрвно связанные друг с другом идеи: 1) наличие в верхнем небе (над твердью)

запасов дождевой воды (это зигзаги и меандры); 2) передача этой воды вниз, на землю к пахарям, показанная с помощью мифологического символа грудей небесных богинь, орошающих землю «родивыми» «грудами росными». «Грудие росное» — это капли росы, живительной помогающей растениям небесной влаги...» — указывает Б.А. Рыбаков (там же, с. 474). Русские язычники полагали, что роса, опадающая с небес в виде тумана, облака, посылается богом неба Родом как «всерождающая влага жизни» (там же).

Но, как показывает анализ символики, наиболее значимыми для русских, наиболее любимыми из языческих богов были боги солнца, а любимый знак — солярный. Он прошел через все культурные стили, дошел в качестве оберега и символа в архитектуре до нашего времени.

А.Н. Афанасьев отмечает, что «обожание солнца славянами засвидетельствовано многими преданиями и памятниками... Исчезающее вечером, как бы одолеваемое рукою смерти, оно постоянно каждое утро снова является во всем блеске и торжественном величии, что и возбуждает мысль о солнце, как о существе неизведанном, бессмертном, божественном; как светило, вечно чистое, ослепительное в своем сиянии, пробуждающее земную жизнь, солнце казалось божеством благим, милосердным; имя его сделалось синонимом счастья. В народных сказках к солнцу, месяцу и звездам обращаются герои в трудных случаях жизни, и божество дня, сострадая несчастью, помогает им. Вместе с этим солнце является и карателем вечного зла, то есть, по первоначальному воззрению, карателем нечистой силы, мрака и холода, а потом и нравственного зла — неправды и несчастия» (6, с. 41).

Солнце и луна представлены в родственной связи — или как сестра и брат, или как супруги, по мнению Афанасьева. Круговидная форма солнца заставляла древнего человека видеть в нем огненное колесо, кольцо или щит — защитник, за щитом. Луна по расположению на воротных столбах оказывается обычно ниже солнца. В работе В.А. Чудинова «Священные камни и языческие храмы древних славян» (2004) отмечается, что «с астрологической точки зрения, подобное расположение неверно, ибо если Луна оказывается ниже Солнца, горб серпа должен смотреть на Солнце, а не находиться внизу, а концы серпа должны смотреть вниз. Кроме того, Солнце и Луна для землян смотрятся одинаковыми на небе, следовательно, и их изображения должны быть одинаковыми по размеру. Здесь же солнце кажется крупнее, что символизирует победу солнечных богов над лунными» (87, с. 161). В Ставрополе такое расположение знаков на воротных столбах наиболее частотно.

А.А. Потебня в работе «Символ и миф в народной культуре» отмечает: «Нет ничего обыкновеннее в народных песнях, как сравнение людей и известных душевных состояний с солнцем, месяцем, звездою, но взгляд на светила как на антропоморфические божества затемнился так давно, что ни одно из них не служит символом одного пола. Солнце по форме **солонь** и по остаткам верования, что оно жена месяца... должно бы служить символом женщины, но как Владимир в влр. былинах — красно солнышко, так царь вообще в песнях сербских — «огрејано сунце». Зоря (звезда) — девица, а между тем она часто бывает символом мужчины <...> Наоборот, месяц — мужчина, князь...» (61, с. 24).

А.А. Потебня утверждает, что в народном сознании сохранилось значение света вообще и света светил, за ними закрепилась семантика красоты, любви, веселья. «Слово хорошъ не без основания считают притяжательным от хръсъ, солнце. Красный, красивый тоже сродни с солнечным светом в словах крес, солнцеворот, кресник, купало, солнечный праздник, в ярослав. красить, светить <...> «Красное солнце», прежде всего, светлое, потом — прекрасное. <...>

Согласно с этим, светила в славянских песнях служат символом красоты. <...> В одной галицкой песенке мысль о происхождении красоты от звезды выражена так: оттого сегодня девица хороша, что около нее вчера упала и рассыпалась звезда, а она подобрала осколки и, как цветами, убрала ими волосы. <...> ...хотя подобные выражения имеют обыкновенно смысл защиты, предохранения от действия враждебных сил. <...>

Проспект К. Маркса, 41. Водный мир на кирпичном доме искусно изображен в виде капель-квадратиков и волнообразной линии

Вторая ступень в развитии понятия света — переход от красоты к любви: светлый, ясный, красный как эпитеты светил соответствуют эпитетам лиц: милый, ласковый...» (там же, с. 24—26).

Б.А. Рыбаков замечает, что «если основная часть усадьбы деревянного дома славянина или средневекового горожанина была надежно ограждена от носителей зла монументальным, во всю ширь фасада, изображением микрокосма, и как бы всесторонне освещена движущимся по небосводу солнцем, то во всей системе дворовых строений оставалось еще очень много лазеек и всяческих скважин, сквозь которые могли проникнуть в жилье или хлев вредоносные навьи, против которых здесь нужно было принять свои меры» (54, с. 482).

В качестве постоянных оберегов над воротами часто помещали как одиночный солярный знак, так и три солнца, символизирующие день от утра до вечера. Солнечные символы, как правило, присутствовали в шестилучевом варианте, соединяющем в себе символику неба и Рода. Очень часто обработка воротных столбов делалась в виде схематических антропоморфных фигур идолов, на них располагались и квадраты земли (там же, с. 484).

В Ставрополе солярные знаки на воротах очень частотны. Чрезвычайно интересны ворота на проспекте Октябрьской революции (№ 23), верхняя часть которых изображает сферу — небосвод, на котором располагаются (в виде звезд) три солнца — утреннее, дневное (повыше) и вечернее. В орнаментацию ворот входят такие же солнышки, ограждающие владельцев дома от проникновения темных сил. Ворота эти являют собой (особенно верхняя часть — сфера) некий структурно обобщенный комплекс небесного и земного в жилище человека: духовного и телесного миров. Особо фиксировано небо. С понятием верхнего мира, по М.М. Маковскому, связано понятие бытия вообще (52, с. 69).

Луна и солнце (муж и жена), столб как фаллический знак символизирует крепость рода, защиту его светоносными космическими силами. Проспект К. Маркса, 28

Столб — одиночная колонна, обозначая «мировую ось», принадлежит к космической группе символов (таких, как дерево, лестница, жертвенный столб), но она также может иметь и чисто эзотерическое значение, которое вытекает из вертикального расположения, подразумевающего направленный вверх символ самоутверждения; здесь присутствует и фаллический подтекст. М.М. Маковский отмечает, что в аллегориях и графических символах почти всегда обнаруживаются две колонны, а не одна, расположенные по обеим сторонам пути, они эквивалентны опорам, символизирующим сбалансированное напряжение противоположных сил. В космическом смысле два столба или две колонны являются символом неизменной стабильности, они напоминают храм Соломона. Ученый отмечает, что язычники поклонялись столбам, которые считались божествами. «Название Богатворца нередко соотносится с фаллическими терминами: ср.-русск. бог, но др.-инд. bhaga «vulva»; англ. god «бог», но лат. cunnus < *kudnos «vulva», алб. hyen «bog», по нем. диал. heijen «coire». <...> Божество как первоисточник вселенского творения могло ассоциироваться с фаллическим началом» (там же, с. 46-48).

М.М. Маковский подчеркивает многозначность фаллической символики. Так, слова со значением «истина» обычно соотносятся со словами, имеющими фаллическое значение (в древности сексуальное уравнивалось с сакральным). «...нельзя упускать из виду того обстоятельства, что согласно древним поверьям, горизонтальная линия (положение «лежа») символизировала землю, женское начало — все земное, тленное, злое, а вертикальная линия (она обычно соотносится с единицей) символизировала небо, божественное (мужское) начало, а отсюда — гармонию, порядок, истину (позиция «стоя»). <...> Слова со значением «истина» соотносятся со значением «солнце, луна, светило»... (там же, с. 184-186).

В Ставрополе каменные воротные столбы, оставшиеся до нашего времени, поражают своей крепостью, мощью, величием. Интересно, что сейчас они часто врастают в само жилище. Ими пользовались, по-видимому, как прочной опорой для пристроек (чаще всего, это небольшая веранда). Два столба воротных, иногда и калиточные, представляют собой явно фаллические символы, связанные с утверждением крепости рода, обозначающие взаимосвязь земного и небесного миров, плодородие. Как правило, на них в верхней части располагаются концентрические окружности, обладающие неимоверно сильной энергетикой. По-видимому, они имеют значение мироздания, в которое вписано солнце (знак многозначный).

А. Голан утверждает, что обычное и широко распространенное в древности изображение солнца в виде концентрических окружностей — это неолитический знак облака (или неба), переосмысленный как знак солнца. «Иногда солнце изображалось посредством спирали, спираль рассматривалась как упрощенное начертание концентрических окружностей» (28, с. 27). Ниже располагается, как мы уже упоминали, знак луны. Столб являет собой фаллический символ, а концентрические окружности как бы фигуративно (хотя и плоскостно) изображают его завершение.

О фаллическом значении столба писал П.А. Флоренский. Интересны наблюдения его над такого

Верхняя часть ворот, изображающая сферу, содержит три солнца — утреннее, дневное и вечернее. Это солярные знаки с восьмилучевыми звездами. Ворота орнаментированы такими же знаками. Верхняя часть ворот сейчас уничтожена. Проспект Октябрьской революции, 20

рода изображениями: «Некогда широко распространенное в Закавказье фаллические культы и доселе остаются в народной толще в виде явных следов фаллизма. Иногда эти следы выражаются известными пережитками быта; иногда же являются вещественными памятниками, явно относящимися к почитанию производительной силы. <...> Настоящая заметка имеет целью указать на доселе неизвестный превосходный памятник, также имеющий фаллическое значение. Памятник этот весьма хорошей работы, вытесан из грубого белого известняка и имеет высоту около 1 м. Общий его вид — выемчатая цилиндрическая колонна на пьедестале, представляющем нечто вроде усеченной пирамиды, причем сверху эта колонна увенчивается эллиптической окружностью с небольшим углублением на вершине». Местонахождение этой колонны — монастырь Котахеви. «Достойно внимания, — пишет П.А. Флоренский, — то обстоятельство, что помещен он против алтаря, внутри храмовой ограды. <...> Бесплодные женщины приходят в Котахевский храм, славящийся своей древностью... и, помолившись в храме, садятся на памятник обнаженным телом, чтобы таким образом иметь детей» (82, с. 49).

В Ставрополе два воротных столба, часто с навешанными на них деревянными воротами, несоизмеримо малыми по отношению к столбам, говорят о том, что этой паре придавалось особое значение. Может быть, здесь имеет место историческая память, воспроизводящая символическую схему, связанную с двумя колоннами и солярными знаками на них, которые являлись атрибутами ритуальных солнечных обсерваторий. Такие столбы имеются в экстерьере храма Св. Софии в Константинополе (ныне Стамбул).

В работе Жерара де Седа «Тайна катаров» (1998) читаем о солнечной обсерватории: «Наблюдатель помещался в центре сакрального места, лицом к Востоку, то есть лицом к восходящему солнцу; сидел наблюдатель на ритуальном сидении, раз и навсегда закрепленном в определенном месте. Он фиксировал смещения точки восхода солнца над горизонтом в дни летнего и зимнего солнцестояния. Две эти основные точки отмечались на полу двумя шестами, или (в Бретани и в Англии) менгирами в некоторых аллеях доисторического периода (линия равноденствия там иногда отмечалась священными камнями); в более благоустроенных храмах — двумя колоннами. Подобные колонны были обнаружены во многих древних храмах, повернутых на восток, например, в Иерусалимском храме. Когда же речь заходит о двух столбах, располагавшихся перед египетскими храмами (хотя они и составляют с храмом единое целое, тем не менее не несут никакой конструкционной нагрузки), на первый взгляд они просто не нужны. Во многих наших церквях над западной частью здания, со стороны главного портала, высятся две башенки-колоколенки, происхождение которых с первого взгляда определению не поддается. Но если вписать их как одну из форм, появившихся в процессе эволюции «ворот солнца» от эпохи античности, становится понятно, что построены они были для того, чтобы ритуальный наблюдатель, сидя на определенном месте, видел восход солнца в день летнего солнцестояния через левую башенку, а в день зимнего солнцестояния — через правую» (66, с. 103-104). Автор предполагает, что Монсегюр — Храм Солнца. Храм Солнца существовал задолго до того, как катары соорудили на его вершине величественное эзотерическое строение. «Ибо название Монсегюр, означающее (по-окситански Mount Segur, равно как и по-латыни Mons Securus) «спасительная гора», наложилось на раннее, доисторическое название горы: Muno Egu, что на языке иберов означало Гора Солнца» (там же, с. 104-105).

Ставропольские воротные столбы иногда удивительно походят на «двери солнца» древнего языческого ритуального мира, хотя они явно не имеют отношения к солнечной обсерватории, но дверями солнца, по-видимому, являются, так как солнечной символикой снабжены очень основательно. Иногда солнце вписано в квадрат (знак земли), иногда в систему ромбов.

В статье «Евразийские эпические мифологические мотивы» Вяч.Вс. Иванов отмечает направление, по которому распространялись солярные знаки: «Общее направление диффузии рассматриваемых мотивов, связанных с Солнцем, в Евразии шло с юго-запада (из Египта) на восток; усвоению египетских гностических образов центральноазиатским манихейством за тысячелетия до этого предшествовало движение отчасти сходных мотивов, соединявших Солнце с лучезарностью и другими отмеченными понятиями, приблизительно в том же направлении. Уточнение пространственно-временных рамок этих процессов поможет выяснению картины духовной истории Евразии на протяжении трех тысячелетий» (37, с. 31). Таким образом, эти знаки знаменуют собой связь Востока и Запада, что может означать евразийское начало в нашей ставропольской культуре.

Некоторые авторы настаивают на непротиворечивости взаимоотношения христианства с солярной символикой, их пересечении. «Не стоит верить и тому, что солнечная символика якобы совершенно чужда христианству. Так, для святого Иоанна

свет, заблиставший во тьме, — это слово, которое было у Бога и которое было Богом и «через него начало быть, — пишет Жерар де Сед, цитируя Евангелие от Иоанна, I, 1. — В таких условиях не следует удивляться, что существует целая «солнечная» традиция в христианской архитектуре: лучшее тому доказательство — великолепные романские аббатства, где свет по очереди падает на все колонны, сопровождая каждый час молитв, с утра до вечера.

Более того, мало кто знает, что знаменитая монограмма с именем Христа, «сокращенное написание имени Христа», в действительности является зашифрованным планом древнейших храмов солнца. Это не наше открытие, и мы не беремся ни подтверждать, ни опровергать его. Бенедиктинцы Жерар де Шампо и Себастьян Стеркс в своем фундаментальном труде «Введение в мир символов» пишут: «Сокращенное написание имени Христа является символической схемой ритуальной солнечной обсерватории» (66, с. 102-103).

Таким образом, дома, столбы ставропольские, на которые обратил наше внимание художник Е.В. Саврасов, построенные в период господства православия (конец XVIII—XIX век) с их языческой семантикой, могут нести историко-культурную память, укоренять нашу недолгую историю в незапамятном прошлом.

Важно отметить и то, что солярные знаки мы обнаружили и на стене здания, возведенном на месте бывшей синагоги, и в структуре экстерьера мечети, и, конечно же, обильно ими заполнена предкупольная часть — карнизы — собора Св. Андрея Первозванного.

Говоря о Божественных именах, Дионисий Ареопагит отмечает следующее: «В самом деле, не странно ли имя, которое превыше всякого имени, безымянности, «которое превосходит все, именуемое именем как в этом мире, так и в будущем». А многоименным они почитают его, поскольку следуют его же определениям: «Я есть Сущий», «Жизнь», «Свет», «Бог», «Истина», и в силу тех свойств его, что присущи ему как Причине всего сущего (596 в.). Эти божественные мудрецы многоименно славословят его то как Благое, Прекрасное, Премудрое, Возлюбленное, Вечное, Сущее, то как Святое Святых, Бога богов, Господа господствующих, Основание веков, Подателя жизни, то как Премудрость, Разум, Слово, Силу, Владыку, Царя царей, то как Знание, которое превосходит всю совокупность знаний, то как Старца — не стареющего и не изменяющегося, то как Спасение, Правосудие, Освящение, Искупление, то как всепревосходящее Величие, то как того, кто является «в легком дуновении ветерка». Они считают также, что Богоначалие пребывает в умах, в душах, в телах, и на небе, и на земле (596 в.), и внутри, и вокруг, и по ту сторону вселенной, небес и сущего, хотя в то же время оно пребывает внутри себя самого: они славят его так же, как **Солнце**, **Звезду**, **Огонь, Воду, Ветер, Росу, Облако, Камень, Скалу**, то есть как Все сущее, и как Ничто из всего сущего» (32, с. 19-20). Итак, Солнце, Звезда, Камень, Вода и др. — имена Бога.

А. Голан пишет о том, что в разных местах Священного писания есть слова о том, что скала порождает воду. «Это, — считет А. Голан, — явно переживание представлений тех времен, когда в мифологическом сознании существовало мнение о связи между камнем и водой. Уважение (основанное на страхе) к могущественному и свирепому богу «низа» вселенной приводило к тому, что некогда люди пришли к мысли наносить удары по камню и перестали добывать огонь высеканием искр из камня, перейдя к более трудоемкому способу добывания огня путем трения древесины... Воплощением божества считались камни в естественном виде, именно такие камни служили объектом поклонения; греки, арабы, друиды поклонялись неотесанным камням; в Торе говорится, что камни, из которых сооружается алтарь, должны быть неотесанными, «ибо коль скоро наложишь на них тесло свое, то осквернишь их» (28, с. 89-98). Как видим, камень имеет семантику божественного начала — как в язычестве, так и в христианстве.

В словарях отмечается, что купол православной церкви символизирует небо, или небесный свод, сферу, Духовный мир. В интерьере храма верхняя часть (свод) отражает союз Неба и Солнца. Солярная символика — круг с 16 лучами — канонизированное изображение солнца.

Два столба у ворот — символы неизменной стабильности. Улица Ипатова, 50

Б.А. Успенский в работе «Крест и круг» (2006) отмечает, что символика креста предшествует христианству, крест — это солярный символ, изображение солнца. Б.А. Успенский утверждает, что символика эта едва ли не универсальна, по крайней мере, она очень распространена: крест встречается на языческих, буддийских храмах, на древних американских монументах, предшествующих появлению в Америке европейцев (91, с. 230—231).

«Ассоциация креста и солнца отразилась в видении Константина Великого, явившемся ему, согласно его жизнеописанию, перед битвой на Мульвиевом мосту (312 г.). Евсевий Памфил («Жизнь Константина», кн. I, гл. 28), приводя слова самого Константина, сообщает, что тот увидел лежащее над солнцем (ὑπερκείμενον τοῦ ἡλίου) знамение креста; аналогично и в анонимном византийском житии Константина. Слова «сим побеждай» (τούτῳ νίκα), которые, согласно Евсевию, сопутствовали видению креста (анонимное житие указывает, что слова ἐνύτῳ νίκα το были написаны «латинскими буквами»: γράμμασι Ῥωμαϊκοῖς), отвечают пониманию солнца как «непобедимого» божества (Deus

Sol Invictus). Надо полагать, что Константин соединил таким образом поклонение солнцу с поклонением кресту. По мнению ряда исследователей, Константин отождествлял себя с солнцем, подобно своим предшественникам, языческим императорам; во всяком случае почитание Христа, бесспорно, сочеталось у него с культом солнца. Другие исследователи видят здесь более или менее сознательный процесс приспособления языческих образов к христианскому содержанию.

Объединение солнца и победы в видении Константина отвечает, вообще говоря, не только культу Непобедимого Солнца (Sol Invictus) — государственному культу Римской империи со времени императора Аврелиана, — но и восприятию Солнца и Победы как божественных спутников-покровителей (comites) императора, ср. посвящения как «Непобедимому Солнцу» («Soli invicto»), так и «Неизменной благодатной победе вождя» («Victoriae laetae principis perpetuae»), обычные на монетах Константина. Отношения между языческим императором и его божественным покровителем (comes) определяют в дальнейшем отношения между христианским монархом и Богом. Особенно знаменательно при этом уподобление монарха солнцу, которое становится устойчивой традицией: ассоциация языческого императора с солнцем отражается в уподоблении солнцу христианского императора или короля» (там же, с. 234—235).

По мнению Б.А. Успенского, Христос ассоциируется с солнцем; крест — символ как Христа, так и солнца. Крест (а также петух) на куполе христианского храма изображает солнце и через него Христа (Солнце Правды) — «это разные реализации одной идеи» (там же, с. 239). Полумесяц как лунарный знак на христианских храмах обозначает, по мнению Б.А. Успенского, Богородицу (там же). «Контаминация христианских и языческих представлений о солнце восходит к глубокой древности. Если христиане в свое время ассоциировали Рождество Христово с рождением «нового солнца» — об этом свидетельствуют Маским Туринской (нач. V в.) и Лев Великий († 461), — то язычники могли именовать солнце «праведным» (справедливым), что отвечает восприятию Христа как «Солнца Правды» («Солнца праведного»). Не обязательно усматривать здесь взаимное влияние: общие способы выражения могут, вообще говоря, независимо определяться сходными представлениями», — пишет Б.А. Успенский (там же, с. 246).

Несколько слов о значении символов земли. Б.А. Рыбаков в «Язычестве древних славян» (1994) отмечает распространенность знаков земли в одежде: «На свадебных «молодоцких» паневах, на вышитых рукавах женских рубах, на девичьих головных уборах очень часто встречается один и тот же характерный узор: ромб или косо поставленный квадрат, разделенный крест-накрест на четыре маленьких квадрата или ромба. В центре каждого из четырех маленьких квадратов обязательно изображается небольшая точка. Так как квадрат есть частный случай ромба, то назовем эту композицию «ромбо-точечной». Обычно эта композиция не заслоняется другими элементами. Поставленные на угол ромбы или единичны, или идут полосой в один ряд, соприкасаясь лишь углами» (65, с. 41-42).

Ромбы, квадраты как знаки земли частотны в системе оберегов дома, но им принадлежат и ритуальные функции. «Большой интерес представляет запись этнографа В.В. Богданова о том, как применялась ромбо-точечная схема в Белоруссии в XIX в., — пишет Рыбаков, — При постройке новой избы (что являлось естественным продолжением образования новой семьи) глава семьи должен был освятить участок земли, отведенный под постройку нового жилища. С этой целью он чертил на земле большой квадрат, размером с усадьбу, делил этот квадрат на четыре части так, чтобы образовались четыре малых квадрата. Затем хозяин будущей усадьбы отправлялся «на все четыре стороны» и приносил с четырех полей по большому камню. Камни укладывались в центре каждого малого квадрата, начерченного на земле. После этого земля будущей усадьбы считалась освященной. Белорусский крестьянин освящал свою землю той самой ромбо-точечной композицией, которую девушки вышивали на своей свадебной одежде» (там же, с. 42).

Встречаются эти знаки и в церковной живописи. Рыбаков отмечает: «Углубляясь в века, мы встретим интересующую нас композицию в средневековой

церковной живописи на тех убрусах, которые изображались на стенах храмов ниже сюжетной фресковой росписи, непосредственно над полом. Иногда эта композиция встречается на изображениях ска-

тертей (тайная вечеря, трапеза Авраама). Часто ромбо-точечные композиции рисовались вперемежку с разными растительными символами. Ритуальный характер узора в данном случае обусловлен местом его применения» (там же, с. 44).

Квадраты и ромбы, может быть, самые частотные знаки в нижней части домов в Ставрополе. Иногда дом (особенно кирпичный) снабжен только этими оберегами. Колесо Юпитера, широко распространенное на балконных оградах, замечательных ставропольских крылечках, символизировало динамику жизни, вечный ход мира. Колесо Юпитера является одним из солярных знаков и также выполняет функцию оберега.

7. Архаическая символика и архитектурные стили

Архитектурная история Ставрополя начинается с возведения первого капитального — каменного — дома (1799 г.).

В статье «Из истории формирования архитектурного облика города Ставрополя» В.Г. Гниловской и В.В. Скрипчинский отметили, что в городе не велось сколько-нибудь масштабного строительства, не было широко известных зодчих. Но в каждый из периодов развития города строились типичные для своего времени здания, отражающие основные течения архитектурной мысли страны. «Можно сказать даже больше: во многих случаях в городской архитектуре находило отражение то, что являлось знамением времени в передовых центрах. Здесь, вдали от столичных городов, шли творческие искания, появлялись интересные архитектурные работы. Строители заботились о рациональной планировке города, сооружении зданий, отвечающих значимости Ставрополя как губернского центра и их созвучии передовым для своего времени архитектурным стилям» (26, с. 236).

В то же время авторы отмечают, что среди архитекторов было немало талантливых людей: Г. Гайворонский, братья Бернардацци, П. Воскресенский, А. Прозоровский и другие. Архитектор города Г. Гайворонский разработал в 1833 году первую научно обоснованную перспективную планировку, своеобразный «генплан» Ставрополя, задачей которого являлось исправление «погрешностей города, вкравшихся при построении домов и занимаемых ныне усадеб» (там же). По проекту архитектора Славянского в 1847 году создано одно из красивейших зданий города — бывшей «городской думы» (просп. К. Маркса, 81). Вклад в архитектурное оформление Ставрополя внесли строители Пятигорска братья Бернардацци. По их проектам были построены в 1840-42 годах здания главного на Кавказе военного госпиталя и Губернских присутственных мест в Ставрополе (там же).

К этому списку можно добавить имя Г.П. Кускова, губернского архитектора и автора проектов дома губернатора на проспекте К. Маркса и Андреевской церкви; А.П. Булыгина, который создал лучший образец модерна в Ставрополе — аптеку Байгера, а затем, перебравшись в Америку, построил один из первых небоскребов на Манхеттене.

В.Г. Гниловской и В.В. Скрипчинский выделяют признаки оригинального местного архитектурного стиля жилых и общественных зданий, который именуют «ставропольским» (середина XIX века). «По мнению доктора архитектуры, профессора П.П. Ревякина, здания ставропольского стиля являются своеобразной урбанизированной переработкой старых жилых домов горских народов Кавказа, в особенности расположенных в Грузии. В их двухэтажных домах в первом этаже помещались домашние животные, а во втором жили владельцы дома. Вокруг второго этажа сооружалась галерея, крыша которой подпиралась столбами, пол опирался на горизонтальные плахи или рейки, концевые выступы которых являлись как бы укороченным продолжением галерейных столбов. Нетрудно заметить, что все эти элементы архитектуры горского дома, будучи спроектированы на одну плоскость, находят отражение в облике зданий ставропольского стиля. Колонны или пилястры между окон на фасадах описываемых зданий наследуют (символизируют) столбы галерей, а упомянутые выше рельефно выделяющиеся на фасаде как бы висячие окончания колонн наследуют выступы плах, на которых покоился пол второго этажа» (там же, с. 239).

Колонны между окон на фасадах символизируют столбы галерей. Улица Калинина, 44

Особенности возникновения и развития города нашли отражение и в его архитектурном облике. То обстоятельство, что очень рано, в начале XIX века, еще не оформившемуся в крупный населенный пункт Ставрополю была отведена роль центра огромной Кавказской области, а затем и Ставропольской губернии, имело заметные градостроительные последствия. Преодолевая собственную обособленность, город оказался связанным с российской столицей непосредственными и тесными бюрократическими отношениями, был обязан возводить в необходимом количестве здания для присутственных мест и высшего чиновничества. Однако эта представительская функция всегда корректировалась укорененным провинциальным духом места, и официальная архитектура никогда не страдала гигантоманией, оставаясь по-домашнему уютной. Даже «сталинский ампир», которому так свойственно стремление к гипертрофированным размерам, оставил после себя только один типичный образец высотки, называемой в народе «шпи-

лем», эта постройка высока только по местным масштабам. Исключение составляют два-три объекта эпохи развитого социализма: Дом правительства, ДК профсоюзов. В городе и сейчас только три здания, которые можно отнести к разряду высоких, из них самое высокое имеет всего 18 этажей и 60 метров высоты (жилой дом на перекрестке ул. Ленина и Зоотехнического пер.).

Но Ставрополь, будучи формально губернским городом, всегда оставался полукрестьянским как по образу жизни, так и по составу жителей. С момента возникновения население города пополнялось, в основном, за счет выходцев из крестьянского сословия (близлежащие села), мелких ремесленников и торговцев. По переписи населения 1898 года среди коренных жителей Ставропольской губернии интеллигенцию представляли только 47 человек, а первый дипломированный агроном появился здесь только в 1911 году. (Эпизод, характеризующий местную культурную публику: в 1918 году в Ставрополь занесло двух эгофутуристов — Буречарского, известного книгой стихов «То, что кроме» и его друга Мостонова. Они активно включились в культурную жизнь города, выступали с чтением произведений. Однако приняты они были крайне неприязненно, оценены как литературные плуты и очень скоро покинули ставропольские пределы).

Аптека на углу улицы Дзержинского и проспекта Октябрьской революции

Эта тенденция сохраняется и по сей день, поскольку Ставрополь остается единственным большим городом, притягательным очагом культуры для огромного сельскохозяйственного края. Стихия мелкой личной собственности неизбежно проявляется в активном частном домостроении. Никакие массовые типовые застройки хрущевского времени, спальные районы более позднего периода не в силах ничего поделать с привычкой жить своим домом. Время свободного предпринимательства дало новый толчок строительству частных домов, и все чаще в виде маленьких частных дворцов. Этот пласт городского строительства развивается по своим законам и относительно независимо от административно-официального (хотя и не без взаимовлияний).

Можно отметить четыре «волны» (периода) активной застройки Ставрополя:

1) XIX век, формирование классического стиля, «ставропольского» как его разновидности;

2) конец XIX — начало XX века (модерн);

3) послевоенный период («сталинский ампир», далее советские «хрущевки»);

4) современная активная застройка центра города и окраин («дворцы» новых русских — современная эклектика).

Все четыре периода отмечены использованием языческой символики: наиболее активно — XIX век, наблюдается присутствие всех знаков. В зданиях, выполненных в стиле «модерн», доминантным становится солярный знак, хотя функционируют и другие знаки. «Сталинский ампир» отмечен присутствием знака монарха — солнца. Сейчас солярные знаки встречаются и в административных зданиях, и в частной застройке. Внешне создается впечатление, что они присутствуют в десемантизированном виде, хотя на деле выполняют значимые в семантическом плане функции — по-видимому, все тех же оберегов.

Как думается, рассуждая о знаковой архаике применительно к динамике архитектурных стилей, следует рассматривать общественный и частный секторы отдельно, потому что официальная застройка, зависимая от катаклизмов русской истории последних двух веков, в некоторые периоды полностью теряла связь с традиционным укладом, а частное строительство, сохраняя преемственность, воспринимало большие стилистические новации опосредованно, неявно, своеобразно видоизменяя их в соответствии с собственными нуждами.

Общественный сектор

К тому моменту, когда в Ставрополе было построено первое каменное здание (1799 год), в России господствовал классицизм, который, как говорилось выше, нашел особое «ставропольское» преломление.

Архаическая символика присутствует на зданиях этого времени в наиболее каноническом, организованном порядке, но очень избирательно. Знаков на домах может не быть вообще. Но в тех случаях, когда знаки появляются, они появляются в изобилии и комплексно. Хорошим примером могут служить два здания, ограничивающие площадь Ленина с юга и севера, соответственно мужская гимназия (нынешний учебный корпус «Училища связи») и здание торговых рядов (ныне Краеведческий музей).

Оба спроектированы в традициях классицизма, для которого характерны ансамблевость, акцентировка центра при равномерно ритмичной периферии и ясная, без излишеств архитектоника. На первом знаков нет, на втором они представлены в изобилии с упорядоченным размещением солярных символов над окнами и прямоугольников знака земли под окнами. Интересно, кстати, что, надстраивая на Краеведческом музее третий этаж в 80-е годы XX века, строители добросовестно воспроизвели конструкцию второго, вместе со всей знаковой структурой. Получилось слишком буквально – в оригинале верхний уровень должен быть не похож на нижний, может отличаться некоторой облегченностью – зато теперь мы имеем удивительную картину предельного знакового изобилия.

Другой пример активной означенности — аптека на углу ул. Дзержинского и пр. Октябрьской революции. Солярные знаки, разместившиеся между окон и над окнами по обеим протяженным сторонам этого здания, представлены в трех графических модификациях (концентрические окружности

между окнами с активной, динамичной энергетикой, круг над окнами и колесо Юпитера на решетке балкона), по бокам центрального входа солярные знаки приобретают величественные размеры, чуть меньше метра в диаметре.

Причины столь разного отношения к древней символике могут быть следующими. Во-первых, личные. Многое зависело от включенности проектировщика в стихию народной культуры, то обстоятельство, насколько он был частью среды, «своим», «местным». Так, ни одно произведение братьев Бернардацци, выходцев из Италии и чистых представителей европейского классицизма, в городах Кавминвод и в Ставрополе знаками не отмечено. У П. Никанорова, автора торговых рядов (ныне музей), очевидно, проявились славянские корни. Во-вторых, на протяжении тридцати лет, начиная с сороковых годов девятнадцатого века, то есть с того самого времени, когда Ставрополь стал губернским центром и активно началось административное строительство, действовала жесткая общегосударственная норма, которая предписывала возводить постройки бюрократического назначения по типовым проектам. Таковы здания нынешней улицы Советской. Один из самых известных старых видов Ставрополя демонстрирует этот однообразно строгий квартал присутственных мест. Ни одно из этих зданий никаких знаков не содержит, хотя обилие камня давало возможность возводить громоздкие каменные стены с п-образным проемом ворот, наподобие крепостей.

Основным строительным материалом для зданий общественного типа на протяжении всего XIX века служил местный ракушечник. Теплый цвет, мягкость, шероховатая поверхность этого камня придавали особый местный колорит даже сооружениям, возводящимся по стандартным проектам. Камень добывали во многих местах в пределах города, каменоломня была даже на месте площади Ленина, до того, как там организовали ярмарочную площадь.

Фрагмент здания Краеведческого музея

К восьмидесятым годам девятнадцатого века Ставрополь настигла смена культурных эпох. Это было время, когда возникло несколько самостоятельных и независимо развивающихся направлений. В искусстве таких направлений выделяют три: постромантизм с истоками всех течений символического толка, салон

Здание Краеведческого музея обильно орнаментировано солярными знаками

как прототип современного поп-искусства и реализм. Архитектура послушно следовала тем же путем. Конгломерат доходных домов в средней части проспекта К. Маркса демонстрирует стилевое разнообразие этого времени в наилучшей степени. Не ограниченная ничем, лишенная ориентиров фантазия приводила к чрезвычайно прихотливым результатам, когда на одной фасадной поверхности сталкивались несколько разных стилистических атрибутов.

В стихии безудержного произвола архаической символике везде находилось место. Солярные знаки можно обнаружить среди средневековых стрельчатых завершений окон, на ажурных фронтонах, среди лепнины полуколонн, а знаки земли свободно перемещаются по всему фасаду до балюстрады крыши. Полный и выразительный комплект знаковых излишеств такого рода представляют три здания Музея изобразительных искусств. Одно из них демонстрирует акцентированно выразительные знаки неба – «дождики», другое – знаки солнца среди пышного барочного орнамента. Невзирая на все перестройки, нам удалось обнаружить солярные круги даже в интерьере – ими оснащены арочные перекрытия выставочного зала.

Этот неопределенный в стилистическом смысле период совпал с бурным развитием русского капитализма, который позволил России по всем показателям в короткое время сравняться с Европой, ликвидировал в том числе и культурное отставание, так что первые объекты в стиле модерн появились в Ставрополе в то же самое время, что и в Париже, то есть в последние годы XIX в. Следующие два десятилетия безраздельно принадлежали модерну.

Ставропольский модерн — тема, заслуживающая отдельного исследования, настолько своеобразны и ярки его проявления. Он оригинален не только по отношению к западно-европейскому модерну, но и к архитектурному модерну Кавказских Минеральных Вод, месту, окончательно оформившемуся как мощный аристократический курорт, привлекавший крупнейшие в стране материальные и художественные ресурсы. Оригинальность ставропольского модерна состоит в неповторимой теплой,

Здание на проспекте К. Маркса, 27

домашней, уютной, временами неуклюже забавной образности, и, конечно же, он характеризуется включением в арсенал собственных выразительных средств мифологической знаковой системы. Знаковая архаика стала непременным и органичным мотивом ставропольского модерна.

Мы не смогли найти почти ничего, связанного с такого рода знаковой системой, рассматривая образцы западного модерна. Нам удалось обнаружить единичные солярные знаки на зданиях стиля модерн в Москве и Петербурге. Мы очень часто сталкивались со знаками в архитектуре городов КМВ. И мы практически не находим ни одной постройки в стиле модерн в Ставрополе без знаков. Исключения единичны; так, на проспекте Октябрьской революции нами изучен редкий образец конструктивного венского модерна (дом № 41). Здание прекрасно сохранилось, целы оригинальные оконные переплеты, перила, двери, но знаки отсутствуют.

Модерн, будучи первым синтетическим стилем, активно реагировал на любой жизненно актуальный материал, находящийся в сфере внимания. В модерне есть стремление вернуться к началам жизни, к ее истокам, к примитиву, когда жизнь была наивна и прекрасна, как сказка. В традиционных символах народного и средневекового искусства модерн привлекает все та же всеобщность и общезначимость проявлений жизни и жизнетворного начала. Однако мир символов и модерна роднят своеобразный релятивизм и зашифрованность, значимость их для сравнительно небольшой группы единомышленников или посвященных. К символическим значениям и мистическим смыслам модерн был особенно расположен.

Знаковая традиция в модерне получила новое пластическое развитие. Абстрактные символы начали конкретизироваться: солярный символ приобрел развитую лучевую структуру со стрелками или поперечными штрихами на концах, которая с этого времени укоренилась как основная: плоский солнечный символ приобрел объем, в экстремальных случаях материализуясь в виде усеченного шара. Знаки приобрели графическую динамику, свободу и формалистическую изысканность. Стратегический для нового стиля строительный материал – бетон – предоставлял для этого максимальные возможности. Типично ставропольской особенностью является то, что бетон использовался преимущественно для отделочных работ, ракушечник же по-прежнему оставался основным конструктивным материалом.

Весь модерн в Ставрополе предельно означен, от таких общеизвестных зданий, как аптека Байгера (на обеих фасадных сторонах которой мы насчитали 8 (!) разновидностей солярных знаков), до обнаруженных в районе улицы Кирова небольших одноэтажных особнячков. Безвестные проектировщики не могли удержаться от соблазна нового стиля, и это тот случай, когда высокая эстетика заметно влияла на массовую строительную практику. Важно отметить, что в модерне, часто воскрешающем мир языческой Руси, «образ солнца, — считает С.И. Николаева, — в неорусском стиле, в русском модерне... может служить национальным символом — как жизнерадостного языческого прошлого, так и христиан-

Здание в стиле модерн на улице Дзержинского, 70

Аптека Байгера на углу проспекта К. Маркса и улицы Голенева

ской святой Руси (эта тема с акцентом на псковоновгородское наследие особенно активно разрабатывается в архитектуре культовых построек)... Тема национального глубоко символична не только благодаря яркости национальных образов и красок, но прежде всего теми идеями и функциями, которые она в себе несет: функциями коллективного единения, культурной идентификации, знаком богатства исторического наследия, идеей национального величия и т.д.» (57, с. 38-39).

Важно отметить, что в ставропольской застройке солярные знаки в различных модификациях, в том числе и на воротных столбах, являются доминирующими, хотя другие типы языческих знаков также присутствуют (квадраты, ромбы). Они также несут ярко выраженные функции оберегов, но располагают их в традиционно значимых местах. Воротные столбы стиля модерн практически всегда — произведения искусства: их сохранилось немного, они эстетизированы, не обладают такой первозданной дикостью, как в гражданской застройке, внешне выраженной семантикой фаллизма, хотя общая конфигурация их и символика сохраняются.

Что же касается культовых зданий, на строительство которых повлиял стиль модерн, то у нас в Ставрополе это мечеть. Деревянные двери рельефно украшены флоральным орнаментом, арки снабже-

Воротные столбы в стиле модерн — произведения искусства

ны розетками — солярными знаками, как и карниз купола мечети. «Покидая пантеон и уступая свое место единому Богу, Солнце все же не исчезает, подобно другим богам, из религиозно-мифологических воззрений совсем. Напротив, его значение как символа божества только растет, — считает С.И. Николаева. — В христианстве, как и прежде в иудаизме, символическое значение солнца очень разнообразно: 1) Сам Господь образно называется в Писании солнцем: «Лице его сияет как солнце в силе своей» (Апок. I, 16), он есть «солнце правды», «истинный свет, пришедший в мир, чтобы отделить свет от тьмы», чтобы служить светом миру (Иоан. III, 19), Он «свет невечерний, вечный, незаходимый» (Апок. XXI, 23; Псал. LXXXIII, 12). 2) Солнце служит образом Слова Божьего (Иоан. I, 5; Псал. XVIII, 2-7). 3) Истинная церковь в Откровении Иоанна изображается облаченной в солнце (Апок. XII, 43). В дальнейшем символизм солнца в христианстве был реализован богословски в схоластической «метафизике света», развившейся в середине века из неоплатонической традиции, в дискуссиях о фаворском свете.

Эта символика имеется в храмовых постройках модерна (Храм Марфо-Мариинской обители арх. Щусева, часовня в «Абрамцево» В. Васнецова), считает Николаева. Солярный момент христианства подчеркивается в декоративном и живописном творчестве художников модерна (сияющие нимбы у М. Врубеля, М. Нестерова). «Все моменты тысячелетней истории солярной символики должны быть учитываемы, когда ставится цель приблизиться к всеобъемлющему пониманию символа солнца в искусстве модерна (принимая во внимание, что модерн сознательно реконструирует символы ушедших эпох). Все многообразные формы

Сталинский ампир. Здание ДК им. Гагарина. Колоннада и фрагмент фасада

солярного символа можно встретить среди элементов его орнаментики и декора. Розетки часто появляются в оформлении декора фасада, в орнаментике. Особняк в Гороховице (архитектор неизвестен) украшен крупными розетками, выполненными в архаичном ключе: диск с точками по окружности — символ неба, орошающего землю. Розетки с радиальными линиями (спицами) над главным входом в особняке о. Листа (арх. Л. Кекушев) несут в себе образ колеса. Перила парадной лестницы особняка А. Дерожинской Ф. Шехтеля оформлены в виде дисков с крупным зрачком — символ глаза. Еще более замысловатая символика круга в перилах парадной лестницы его же особняка З. Морозовой. Переплетающиеся внутренние линии и вписанные окружности перекликаются здесь с символикой древних оккультных учений и, прежде всего, с древним символом огня — диском с внутренними завихряющимися линиями. Однако в целом солярные символы в модерне имеют весьма определенную интерпретацию. В первую очередь, преобладает «цветочная» символика розеток, акцентируется принадлежность солнца миру природы. Особенно это относится к любимому в модерне образу **подсолнуха — цветка, символизирующего солнце** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*). На фасаде Доходного дома в Б. Козихинском переулке арх. Г.Н. Иванова он, подобный солнцу,

Сталинский ампир. Здание почтамта. Фасад и фрагмент оформления окна

словно человек, тянется к свету, раскинув большие лепестки-руки. Подсолнухи в качестве орнаментального мотива эффектно используются в оформлении решеток в Доходном доме арх. Ф. Лидваля на Каменностровском пр. в Петербурге, в особняке П. Форостовского (1900, арх. К. Шмидт) и др. Подобную же символику берет на себя образ одуванчика — например, в оформлении Е. Поленовой двери «Сказочная» (1891, «Абрамцево»), в перилах Шехтелевского особняка А. Дерожинской (с образом «глаза»)» (57, с. 253—254).

Вторым направлением солярной символики в модерне Николаева считает антропоморфизированные изображения солнца в постройках неорусского стиля: «Теремок» в Талашкине Малютина, Ярославский вокзал Ф. Шехтеля в Москве и др. Здесь всплывает языческая тематика солярного культа. В эпоху процветания модерна считалось, что если на Руси и было когда-то язычество, то это должна была быть религия солнца, света, радости. В искусстве модерна древнерусская религия солнца не реконструируется, а конструируется, — именно потому, что она составляет сущность сознания самой эпохи модерна: солнце и солярные символы становятся одними из самых содержательно насыщенных, хотя встречаются спираль, волнистая линия, S-образная кривая, ромбы и другие геометрические фигуры (см.: там же).

Два довоенных десятилетия строительства в Ставрополе дают мало материала. Это вполне понятно. Не самое лучшее было время в градостроительном смысле, жители осваивали имеющийся

фонд, бедные разукрупняли богатых, устраивали коммуналки. Следующий строительный бум, а с ним и новый виток знаковой истории приходится на сталинский период.

При том, что типично имперских построек в этой стилистике в Ставрополе совсем немного, очевидно, что сталинский ампир также ассимилировал знаковую архаику, причем исключительно только солярные знаки. Мы обнаруживаем их на внешней части стадиона «Динамо», выходящей на площадь Ленина, на ДК Гагарина, на двух многоэтажных жилых домах в нижней части ул. Дзержинского, помеченных годом 1949, на особняке по ул. Менделееева, на котором также обозначен год – 1953. Но вряд ли это только некоторые «следы», которые несут «память» о первичном смысле символа. Сначала нам действительно казалось, что связь с первоисточником утеряна и осталась только в качестве неосознанной привычки, но знаки расположены не в случайных местах и не бессистемно. Особенно вызывающе выглядят они на ДК Гагарина, пять гигантского размера кругов расположены под углом на фронтоне над главным входом.

Это парадоксально: на первый взгляд, не может быть никакой связи между тоталитарной эстетикой и глубоко органичной народной культурой. Но и

здесь имеется определенная мотивация. Вся помпезность стиля основана на мифологизированной искусственности. Несоразмерные масштабы, не мотивированный функционально антураж, колоннады или призраки колоннад, грузная барочная орнаментика – для достижения эффекта величественности использовались элементы чуждой советскому человеку реальности. Социальный заказ на изготовление вымышленного вполне способен извлечь из подсознания дремлющую там архаическую память, тем более что Сталин осознавался как отец народов СССР, генералиссимус, которому принадлежала вся полнота власти (единовластие). Культ личности Сталина достигал такой степени, что казалось, что всем в Советском Союзе управлял Сталин, потом Хрущев, Брежнев.

А.А. Зиновьев считает, что во многом это была видимость, но «видимость эта обычно сильно подкрепляется тем, что создает аппарат личной власти, не совпадающей с аппаратом номинальной власти, а особенно тем, что создается культ руководителя. Этот культ принимает порой грандиозные размеры, как это имело место в отношении Сталина... Сами руководители принимают обычно все возможные меры, чтобы преувеличить свою роль и преуменьшить роль других, так чтобы выглядеть сверхличностью» (36, с. 226). Отсюда, по-видимому, тяготение в архитектуре, которая в первую очередь обслуживает правящую власть и утверждает ее, в особенности, к ампиру — имперскому стилю. Ампир через посредство многочисленных атрибутов и символов, в частности военной атрибутики, способствует формированию имперской ментальности (император — титул некоторых монархов — от лат. imperator — повелитель, полководец). То и другое значения как раз и актуализировал своим поведением Сталин. Солнце как раз и есть знак монарха, его символ.

Солярные знаки в сталинском ампире реализуются частотно, хотя иногда несколько неупорядоченно на зданиях официального характера, зато гражданская застройка (см. об этом ниже) в Ставрополе, активно развивавшаяся в 50-е годы, в некоторых районах города (особенно районы ул. Серова в верхней и нижней частях, Октябрьский район и др.), со множеством пересекающих друг друга улочек и переулков, являет собой очень интересный плотный сущностный мир, связанный с воскрешением солярного знака именно как знака единовластного правителя — императора.

Сталинский ампир. «Дом под шпилем». Улица Ленина 287. Общий вид и фрагмент оформления фасада

Последовавшая за этим хрущевская оттепель и эпоха панельных многоэтажек, продолжающаяся до сих пор, не оставили солярному знаку ни единого шанса на выживание. Человек в многоэтажке максимально отделен от места, где живет, у него невозможен интимный контакт со своим жилищем. Что касается нового административного строительства, то евростандарт не подходит для сохранения и воспроизводства народных традиций. Можно воспринимать только как курьез, что на фасаде построенного в 2003 году нового здания городской администрации появились солярные знаки, причем в исполнении, характерном для стиля модерн. Нынешние строительные технологии основаны на современных строительных материалах, среди которых все меньше места остается для камня.

Развитие солярных мифологий и формирование «солнечного культа» (в частности — трансформация пола в мужской и превращение солнца в одно из старших божеств) — длительный процесс. Завершается он, как правило, расцветом солярного культа в период становления государственности. Этот процесс связан со значительными трансформациями солярного символа. Общеизвестна связь солнца и его знака — розетки, круга с точкой в

центре — с глазом и зрением вообще (с солнцем связывалось представление о том, что от него ничто не может укрыться). Этот же знак символизировал плодоносящее начало, и прежде всего злак, набухшее зерно (см.: 57, с. 250). Цветок подсолнечника — символ, по-видимому, из того же семантического ряда.

«Верховенство солярного культа (согласно гипотезе английского этнолога Хогарта) характерно для обществ, в которых увеличиваются функции священного царя, — пишет Николаева. — Фараон почитается как сын бога солнца (ср. русское былинное Владимир Красно Солнышко), оно славится как творец всего. Постепенно на первый план выступают метафизические особенности солнечного символа. Солнце, наглядно локализуясь в небе, то есть в сфере сакрального, демонстрирует порядок иерархии в видимом мире: оно — высочайшее, единственное, недоступное, дарующее всему благо и жизнь. Это представление ложится в основу при становлении монархии в социальном аспекте и монотеизма в религиозном (солнце — символ монарха). В философии Платона,

дающей начало солярной метафизике, солнце, оставаясь отдельным божеством, служит прежде всего символом подлинно верховного божества, способствует движению к монотеистической идее. Формируя новое понятие божества в идее Блага, Платон пишет: «В области умопостигаемого она сама — владычица («Государство», с. 517)» (там же, с. 252).

Отметим, что С.М. Соловьев в своей «Истории...» указывает на древнейшее понимание образа солнца как божества, «отца народов».

«По-древански дед lgölga, то есть ljolja; отсюда бог называется nos lgölga, то есть наш дед. <...> На значение солнца как отца народа указывает известная песня:

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошко,
Твои детки плачут,
Пить, есть просят»
(72, с. 290).

Так что в период развития культа личности Сталина актуализируется атрибутика и символика власти, в частности солярные знаки как знаки верховного и единовластного правителя. Интересно, что номинация солнца в тексте С.М. Соловьева как «отца народа» совпадает с номинацией Сталина, которого называли так же отцом народа, именовали солнцем. Внутренняя форма этой номинации связана со значением солнца.

Интересно отметить, что трансформация солярного знака в форму цветка подсолнечника, характерная для модерна, актуализировалась и в сталинские времена. Этот знак мы находим в медальонах «шпиля» (проспект Октябрьской революции), в орнаменте, организованном по принципу трансляционной симметрии, расположенном в средней части (по всему периметру) здания гостиницы «Интурист» (прежде — «Ставрополь»). Может быть, это еще и дань нашему сельскохозяйственному краю.

К этому же времени относится и исчезновение ставропольского ракушечника как популярного строительного материала. Последний каменный карьер в черте города был закрыт в 50-е годы. Один из немногочисленных действующих до сих пор находится в 30 км от города близ с. Пелагиада. Камень еще добывают, из него еще строят, но все меньше. История ставропольского камня развивается одновременно с историей ставропольской архаической символики.

Таким образом, если представить себе динамику появления архаических символов в сфере общественного градостроения в виде графика, мы получим кривую с периодами активности и пассивности и почти полным исчезновением к настоящему моменту.

Частный сектор

Такой же график для частного сектора будет выглядеть как непрерывная, сначала очень насыщенная, затем становящаяся все более тонкой линия, не исчезающая, впрочем, до конца. В этой картине нет дискретности, резких всплесков и пауз. На протяжении всего XIX века частные постройки были носителями чистого знакового канона. Традиция воспроизводилась с настойчивым постоянством, знаки модифицировались лишь в сторону большей натурализации, от схематичных окружностей до многослойных концентрических и композиционных групп. Судя по тому, с какой частотой обнаруживается знаковая система в районах старой застройки, можно предположить, что подавляющее большинство частных домов в XIX веке были так или иначе означены, независимо от того, из чего они строились: из камня, кирпича или дерева. От материала зависела только графика и пластика знаков, но не их наличие. Больше всего строили из камня, это был самый доступный и демократичный материал.

Кроме символики, частная застройка предлагает еще один частотно повторяющийся и чрезвычайно своеобразный элемент внешнего убранства жилища – конструкцию из трех полуколонн, две снизу, одна сверху, с условной капителью в виде полукруга. Колонны могли быть круглыми или плоскими, всегда небольшие, без какой-либо детализации. Они выглядят почти как игрушечные, поскольку воспроизводят двухэтажную структуру на одноэтажном, как правило, здании. Композиция устойчиво воспроизводится по краям фасадов домов, построенных на протяжении всего XIX века и в начале XX. Эти причудливые конструкции одинаковы как на кирпичных, так и на каменных постройках. Природа их не вполне понятна, хотя самобытность очевидна. Вероятно, это один из элементов «ставропольского стиля», о котором упоминали В.Г. Гниловской и В.В. Скрипчинский.

Дом на улице Короткова, 78. Стилизованные колонны по обеим сторонам фасада снабжены солярными символами с активной лучевой системой, направленной вниз. Солнце — посредник между небом и землей

Эмоциональная активность и свежесть нового стиля модерн смогла стать привлекательной для консервативного индивидуального сектора. На обычных полукрестьянского типа домиках среднего достатка, возникших в начале XX века, обнаруживаются не лишенные изящества элементы модного стиля, а с ними и некоторая вольность в обращении со знаковым нормативом. Так, солярный символ с уже оформившейся структурой лучей мог появиться и под окном, и на фронтоне, и по бокам фасада с лучами до самого цоколя. Появляются и веселенькие совсем натурально изображенные солнышки. Очень популярной становится тема навеса над парадным входом ажурного чугунного литья с непременным колесом Юпитера или комбинацией нескольких солярных знаков разного типа.

Заметные новации появились в ставропольской знаковой архаике в сталинский период, как мы уже упоминали. Нами обнаружен относящийся к пятидесятым годам и очень цельный по времени район индивидуальной застройки к югу от улицы Серова. С немалым удивлением рассматривали мы строго типизированные солярные знаки, представляющие собой концентрические круги в верхних углах зданий с тянущимися вдоль фасада до земли параллельными лучами со стрелками на концах. И все это на похожих (как близнецы) одноэтажных

Для солярного знака описанная позиция не совсем правильна. Внешне она напоминает символические очень условные колонны. Предположительно, здесь может иметь место симбиоз современных культурных установок и архаических традиций. По занимаемому месту на фасаде это действительно имитация колонны, что в помпезном эстетическом окружении могло восприниматься сознанием как популярный элемент украшения. По содержанию же это типичный солярный знак с опущенными лучами в стиле «модерн». Таким прихотливым образом современный культурный опыт мог наложиться на укорененную в подсознании традицию. Возможно, что обыденная жизнь, подчиненная дисциплине и всячески регламентированная в 50-е годы, заставляла проявлять личную оформительскую инициативу никак не иначе, как в унифицированной похожести. Что вверху, то и внизу (имеется в виду общество): удивительным образом (а это действительно удивляет) в период постройки частных домов по регламентированным планам появляется и знак, регулирующий внешний порядок — «имперский» знак, знак «солнца народов» — так ведь еще называли Сталина. В народе он ассоциировался со светлым началом жизни: «Жить стало лучше, жить стало веселей», — всюду повторяли эту фразу Сталина.

Типовой домик на улице Тельмана, 230

домиках, построенных в соответствии с типовыми требованиями того времени. Означенных домов оказалось очень много и, как оказалось в процессе дальнейшего изучения, не только в одном этом локальном районе, имеются они и в других районах Ставрополя.

Очень стилизованная, но часто хорошо разработанная имитация колонн по краям фасада, заходящих на торцовые части — это ли не «цитация»

античности с ее колоннами, упрочивающими сооружение, ритмически его оформляя. Хоть и небольшие эти домики, но в них отдана дань сталинскому стилю с его «покушениями» на величественность, имперскую прочность.

Каким образом трансформировался знак, прекрасно вписывающийся в атрибутику ампира, в область украшения и означивания обычного (очень скромного) частного дома, трудно сказать. Может быть, это и есть сфера коллективного бессознательного. Но интересно отметить, что на одном из домов этого же района солярный знак заменяется пятиконечной звездой — также солярным знаком (в широком смысле). Видимо, все же означенные места дома осознавались как социально- и культурно акцентированные. Последнее, по-видимому, связано с исторической памятью об архаической языческой символике. Дело в том, что язычество на Руси (по некоторым данным) не было сильной религией: «...русское язычество было так бедно, так бесцветно, что не могло с успехом вести спора ни с одною из религий, имевших место в юго-восточных

Частный дом на улице Некрасова, 100. В круг вписана звезда — также солярный знак и знак социалистической государственности

областях тогдашней Европы, тем более с христианством...» — считает С.М. Соловьев (72, с. 178).

Но в то же время в работе «Сценарии власти» Ричард С. Уортман, опираясь на того же С.М. Соловьева, говорит о трагедийности эпохи принятия православия. «Вторым событием было принятие в 988 году православия князем Владимиром Святославичем, впоследствии канонизированным под именем Св. Владимира. Летописец представляет крещение Руси как форму завоевания — жестокое насилие, осуществленное русским князем, запретившим местные языческие верования. <...> Его возвращение в Киев стало поводом для публичного символического уничтожения веры. Он велел разбить и сжечь идолов или бросить их в реку. Горожане, обливаясь слезами, смотрели, как Перун, бог грома и грозы, был сброшен в Днепр. Подобно позднейшим культурным трансформациям, крещение Руси приняло форму внезапного и болезненного переворота сверху. Владимир Соловьев назвал это формой национального самоотречения» (78, с. 43-44). А все то, что связано с насилием, вызывает сопротивление, даже неосознанное. Тем более солярный знак как знак власти монарха утверждает это сопротивление. Его возобновление в самые ранние времена в атрибуции монархов (не только русских) говорит о том, что языческие знаки никогда и не исчезали. Больше того, их первичное значение оберега обогащается социальной семантической функцией.

Неоязыческий культ: Сталин — солнце

Особое значение в период культа Сталина приобретает знак солнца. Солнце в Советском Союзе являлось символом государственности: восходящее солнце изображено на всех гербах — Советского Союза и союзных республик как знак, несущий значение новой жизни, расцвета, света, тепла; оно символизировало планетарные масштабы свершившейся революции и строящегося в СССР коммунизма. По-видимому, его архаическое значение, связанное с оберегом, сохранилось во внутренней форме семантики герба. В стихотворении «Песня о вожде» В. Луговской воспевает солнечную символику гербов:

И сверкают над страною
Славой сталинской борьбы
Всех шестнадцати республик
Лучезарные гербы.

Эта государственная символика коррелирует с историческим изображением русского монарха, его семьи. «Сияй на троне предков громких», например,

подпись на портрете юного великого князя Александра. В большой рамке из цветов он помещен между портретами его венценосных родителей. «Под изображением отца, сына и матери — Зимний дворец. Сверху льет свои лучи **солнце** (выделено нами. — *К.Ш., С.Б., Д.П.*), традиционный символ благодеяний монархии и современный символ блистательного будущего династии» (78, с. 336).

Что же касается вождя социализма, то солнце — наиболее частотный символ, связанный с его именем, деятельностью, характеристиками этой деятельности.

Мы проанализировали сборник массовой песни 50-х годов «Песни о Сталине» (М., 1950), в котором сконцентрированы хвалебные гимны, оды, песнопения. Сталин осознается в них как единовластный правитель, отец народов: «Богатырь — народ советский — // Славит Сталина-отца» (С. Алымов); «С песнями, борясь и побеждая, // Наш народ за Сталиным идет» (А. Сурков); «Он каждого любит, // Как добрый отец, // И в сердце он носит // Мильоны сердец» (В. Лебедев-Кумач); «Наш друг и отец, через годы борьбы и невзгод // К вершинам мечты он повел окрыленный народ» (Л. Ошанин). «Славный кормчий — мудрый Сталин // Направляет путь народа». И далее: «Слава тем, кто к солнцу хочет // За орлом могучим взвиться» (грузинская народная песня).

Солнцем освещается земля, Советский Союз в песнях представлен как страна солнца, но и сам

вождь становится олицетворением солнца (и наоборот). «Светит **солнышко** // На небе ясное, // Цветут сады, // Шумят поля. // Россия вольная, // Страна прекрасная, // Советский край — // Моя земля!» (С. Алымов). **«Солнечным** и самым **светлым** краем // Стала вся советская земля...» (А. Сурков), «И сердца всех людей //Устремляются к ней — // **Лучезарной** отчизне советов» (А. Чуркин). «Отец мой любимый, учитель родной, // Встречая **восход** над Советской страной, // Тебе, вождь народов, домброю звенит // Столетнего сердца горячий родник» (Джамбул).

Осмысление Сталина здесь идет в контексте язычества. Так, в работе «Сценарии власти» Р.С. Уортман описывает поведение Людовика XIV, который постоянно демонстрировал «харизму монарха-завоевателя»: «На большой карусели в июне 1662 г. Людовик появился в окружении всадников, одетый как римский император, верхом, держа щит с изображением солнца, встающего из-за туч, и со словами: «Увидел и победил». <...> Во время утреннего выхода... Людовик отождествлял себя с Аполлоном, созерцая восход солнца и глядя на пир, посвященный этому богу. <...> Версальские фейерверки показывали, что власть короля достигает неба, что он способен соперничать с божеством в «секуляризации небес» гравюры запечатлевали вспышки света, свидетельствующие о чудесах, сотворенных богоподобным королем» (78, с. 35-36). Поведение Сталина также осознавалось в контексте действий монарха-победителя, а также в оснащении языческой символики.

Сам Сталин в устах песнопевцев носит имя солнца и осознается в солнечном ореоле: **«Солнце** манит нас к вершинам, // Наполняя счастьем грудь... // Лётом **солнечным**, орлиным // **Вождь** указывает путь» (М. Рыльский). **«Светлым сталинским ликом** // Я ковер украшала» (В. Абельян). «Это светит наше **солнце — Сталин** наш родной» (мордовская народная песня). **«Солнце** яркое остудят злые холода, — // Имя **Сталина** родного **греет** нас всегда» (там же); **«Солнце** наше — **Сталин**!» (казахская народная песня); «Над **светлой** землей свет не сменится мглой, // **Солнце-Сталин** блистает над нею» (С. Алымов). **«Свет** лучезарный — **Сталин»** (Т. Разаков).

Неоязыческие мотивы того времени характерны для осмысления Сталина, так как в некоторых контекстах он мыслится как солнце-оберег, победитель света над тьмой: «Перед **солнцем** сталинского дня // Бежит в испуге ночь» (М. Баграмов). Понятно, почему солнце воспроизводится в архитектуре: это оберег от вражьей силы, которая исчезает при виде светоносного начала.

Светоносным по своим поступкам и делам является и вождь Сталин. Враг, который, в понимании правящей верхушки и в первую очередь Сталина, незримо присутствует везде, может быть побежден только его усилиями:

Как пришел на Волгу Сталин-полководец,
Стали неприступны Волги берега.
Ты не так сурова, Волга, в половодье,
Как товарищ Сталин грозен для врага.

О. Колычев

Страна (СССР) осознавалась «солнечным домом», но и дом каждого стал «светлым домом»: «В грозной битве с врагом спас наш **солнечный дом**, // Породнил племена и народы» (С. Островой); «За то, // Что на пригорке **светлый дом** // Поднялся вместо дедовских развалин, // За яблони, что расцвели кругом, — // Благодарим тебя, великий Сталин» (А. Веян).

Образ сада-рая, который возделывает садовник-Сталин, соединяет возвышенное и земное, высокое и обыденное в сознании простого человека, который сеет, пашет, сажает — он становится как бы причастным к светоносным деяниям богатыря — отца народов и осознает себя тоже божеством — под стать вождю:

Вся страна весенним утром,
Как огромный сад, стоит,
И глядит садовник мудрый
На работу рук своих.

День и ночь с веселым шумом
Сад невиданный растет,
День и ночь трудам и думам
Отдается садовод.

Он помощников расспросит,
Не проник ли вор тайком?
Сорняки, где надо, скосит,
Даст работу всем кругом.

В. Лебедев-Кумач

Как видим, все приведено к наименьшему числу предпосылок и стекается к одной знаковой фигуре — вождю-солнцу. Образ хлебопашца и садовода концентрирует соединение и взаимодействие возвышенного и земного (дом — страна — дом человека; сад — страна — сад человека; пашня — страна — пашня конкретного хозяина). Хозяйство как

атрибут жизни конкретного человека и всей страны («Человек проходит как хозяин необъятной родины своей») делает центр обитания Сталина дом-Кремль, который тоже осознается как крестьянский дом, важным символом.

В том Кремле, в заветном доме,
Под рубиновой звездой
Он умоется с ладони
Москворецкою водой.

Белоснежным полотенцем
Вытрет смуглое лицо
И пройдет по светлым сенцам
На высокое крыльцо.

Колечко. Н. Незлобин

Отсюда можно предположить, что простой домик обыденного человека снабжается знаками солнца, которые имели здесь разветвленную семантику, связанную с древним язычеством и неоязычеством сталинской эпохи.

Сад, садовник — все это полифункциональные в семантическом плане образы: ведь они имеют еще и библейский подтекст: «...изображая внутреннее духовное и телесное единение верующих с Собою, сам Господь называет себя виноградною лозою «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой виноградарь...» (Иоанн, XV, 1-6) и под видом хлеба и вина (виноградного) Он преподал нам высочайшее таинство Тела и Крови своей (Мф. XXVI, 26-28 и др.), заповедав всем нам совершать сие в его воспоминание» (15, с. 123).

Следует отметить, что Сталин, учившийся в духовной семинарии, вместе с большевиками, как следовало из коммунистических деклараций, основанных на материалистическом мировоззрении, «очистился», «отрешился» от религии (христианства — православия). Материалисты-большевики объявили себя атеистами. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. Во внешней атрибуции и во внутренней форме их поведения место христианских (православных) символов занимают символы языческие, внутренне наиболее соответствующие материалистическому мировоззрению.

И хотя хорошо известно, что внутренняя основа нравственных законов, «Нравственного кодекса строителя коммунизма» — христианская (заповеди Христа), языческие культы, в частности солярный, нашли реализацию в разных сторонах жизни простых людей, государственных деяний правящей верхушки, и в первую очередь Сталина.

Думается, что это время можно охарактеризовать как время сильно актуализированного язычества с его ужасающими жертвоприношениями верховному божеству — Сталину-Солнцу и тому «светлому будущему», к которому он вел народы («религия коммунизма»). Образ **врага** постоянно сопровождает в текстах о Сталине образ Сталина-солнца. Он как мифологический культурный герой не только может, но даже призван уничтожать врага, обязан призывать к его уничтожению (видимо, это имело место в понимании самого Сталина и верных воспреемников его дела). В текстах самого Сталина постоянно встречаются лексемы «враг», «вредитель», «ликвидация антисоветских элементов», «классовая борьба». В беседе с Г. Уэллсом Сталин замечает: «Нет, революция, смена одного общественного строя другим всегда была борьбой, борьбой мучительной и жестокой, борьбой на жизнь и смерть. И всякий раз, когда люди нового мира приходили к власти, им надо было защищаться от попыток старого мира вернуть силой старый порядок, им, людям нового мира, всегда надо было быть настороже, быть готовыми дать отпор покушениям старого мира на новый порядок» (74, с. 608).

Таким образом, общая структура условного «двоеверия» в России, по-видимому, сохраняется во все времена, но актуализированным (в большей или меньшей степени) оказывается то один, то другой член оппозиции (язычество — христианство).

Следует отметить, что Сталин с вниманием относился к понятию стиля в работе. Так, например, в статье «Стиль в работе» (1936) он пишет: «Речь идет не о литературном стиле. Я имею в виду стиль в работе, то особенное и своеобразное в практике линизма, которое создает особый тип ленинца-работника. Ленинизм есть теоретическая и практическая школа, вырабатывающая особый тип партийного и государственного работника, создающая особый, ленинский стиль в работе. В чем состоят характерные черты этого стиля? Каковы его особенности? Этих особенностей две: а) русский революционный размах и б) американская деловитость. Стиль ленинизма состоит в соединении этих двух особенностей в партийной и государственной работе.

Русский революционный размах является противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям. Русский революционный размах — это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперед, ломает прошлое, дает перспективу. Без него невозможно никакое движение вперед. Но он имеет все шансы выродиться на практике в пустую «революционную» маниловщину, если не соединить его с американской деловитостью в работе.

Американская деловитость является, наоборот, противоядием против «революционной» маниловщины и фантастического сочинительства. Американская деловитость — это та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело» (74, с. 72-73).

Здание железнодорожного вокзала

Стиль — это всегда некоторая точность, приведение всех сторон жизни к единству. Так, в большой и малой архитектуре господствовал единый стиль (сталинский ампир, или стиль «Триумф», как его еще называли). И маленький дом ставропольчанина с его стилизованными колоннами и солярными символами — знаками монарха — был призван выражать в малом большое — размах частного строительства и деловую причастность каждого ко всему грандиозному, складывающемуся из малого.

В ставропольской литературе есть свидетельства такого осмысления могущества вождя и связи его деяний с каждым человеком:

Сверкайте алмазами,
Горы Кавказа,
Родная Отчизна, цвети!
Под стройные звуки
Баяна и саза
О Сталине песня, лети!
Из хижины горца
Ты вышел, могучий
И бросил свой клич боевой.
Ты вел нас к победам
Сквозь горы и тучи,
Наш вождь и учитель родной.

Исаков А. Славен путь. 1950

Солярные знаки присутствуют на фасаде стадиона «Динамо»

В повести Н. Чудина «На берегах Кумы» (1949) так изображается Сталин во время войны: «Никогда в человеческой истории не померкнут эти дни. От Волги до скалистых ущелий Кавказского хребта стояли несмолкаемые громовые раскаты. День и ночь пылала земля. Сталин со спокойным величием стоит у карты. Он видит конец врага. На великой карте нашей страны нанесены могучие стрелы, которые устремлены в сердце гитлеровской Германии. Стрелы эти неумолимо передвигаются в сторону, начертанную рукой великого Сталина.

Кавказ усеян трупами немцев. Могучими ударами Советская армия гонит немцев на запад. Бегут немцы — одни на Таманский полуостров, другие — на Ростов» Сталин здесь изображен как богатырь, обладающий волшебной силой. (86, с. 111)

Одна из героинь этой повести Юля рассуждает так: «Я тоже никогда не видела Москву, и так хочется увидеть ее. Если бы я сейчас перелетела в Москву, я бы первым долгом пошла на Красную площадь, поклонилась бы Ленину, посмотрела бы на Мавзолей, на те порожки, по которым в торжественные дни медленно поднимается товарищ Сталин. Потом посмотрела бы рубиновое сияние кремлевских звезд, красоту древних кремлевских башен и вслушалась в звон кремлевских курантов. Увидим. Я верю, что увидим. Придет тот день, когда Сталин поднимется на крыло Мавзолея и скажет спокойно и величаво, как всегда: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! Друзья мои! Настал час нашей победы!» (там же, с. 112). Не случайно Сталина сравнивают не только с богатырями, но и с Петром, обладавшим, по преданию, богатырскими манерами.

И, наконец, частное строительство последнего времени, «новая русская дворцовая архитектура». Освобожденное предпринимательство желает максиси-

мально комфортного быта и обставляет себя суммой современных стандартных строительных технологий. Ракушечник почти исчез из обихода, в моде итальянский кирпич, пластиковые панели и металлизированная черепица. Наследуется или покупается старинный покосившийся домик, сносится, на его месте возникает небольшой замок средиземноморского вида с удивительными вкраплениями безудержной фантазии владельца. Сознание хозяина предельно материалистично, и ни о какой памяти предков, казалось бы, речи быть не может. И тем не менее знаки возникают. Что-то побуждает заказчика, а значит, и проектировщика размещать непропорциональные круги, не несущие никакой полезной нагрузки, в странных местах на фасадах своих новых домов. Впрочем, когда на треугольном фронтоне под крышей роскошного шале встречается скромная окружность, не возникает никаких сомнений относительно того, что это такое. Конечно же, солярный знак. Часто в новой застройке солярные знаки появляются произвольно, где попало, а отнюдь не между оконными и дверными проемами, где они должны располагать-

Фрагмент фасада здания Строительного техникума. Воинская атрибутика в сочетании со знаками, обозначающими строительную профессию

ся. По-видимому, можно говорить о десемантизации солярных знаков в современном архитектурном декоре, но, несмотря на слабую означенность, они упорно появляются то на фронтоне дома, то по краям фасада, то на заборах кирпичной кладки.

Итак, традиционный уклад Ставрополя как многомерная системная организация включает «отсутствующую» в нашем сознании структуру — динамическую систему архаических символов, которые, претерпев ряд трансформаций, тем не менее несут первичные, языческие семантические функции. Они константы русской культуры, впрочем, как и мировой. Ставрополь — это город, в котором они наличествуют, а значит, укореняют его в древнейшей исторической традиции, связывая нас с мировой культурой. Так что не такая уж у нас «недолгая» история.

В нашем иссследовании мы запечатлели современный слой в процессе исторического формирования Ставрополя, проанализировали некоторые особенности исторического мышления ставропольцев, рассмотрели архаическую символику в архитектуре нашего города, особенно в его исторической части, характер ее выражения, наиболее значимый для XIX—XX веков, транслируемый во всех архитектурных стилях — от местного «ставропольского» до сталинского ампира и некоторых тенденций в современном гражданском строительстве. Архаическая символика запечатлена в разных материалах, но особенно в камне-ракушечнике, который для ставропольцев сам по себе несет огромную, чуть ли не космическую информацию. Все это запечатлевает дух города, определяет национальное начало в архитектуре. Сейчас, как мы уже указывали, описанный нами слой города на наших же глазах очень быстро исчезает под напором современного капиталистического строительства. Было бы нелепо стараться остановить бурное развитие жизни города. Такая перестройка городов идет повсюду: «от Москвы до самых до окраин». В этом сказываются особенности российского менталитета, «революционного» мышления россиян. Наша задача — хотя бы запечатлеть на фотографиях и в текстах то, что к настоящему времени осталось, хотя пишем мы об этом не без горечи. В 1967 году вышла книга В. Солоухина «Письма из русского музея», полная сожаления о том, что, «разрушая старину, всегда обрываем корни». Так, Солоухин считает, что к шестидесятым годам XX памятников архитектуры в Москве было уничтожено более четырехсот. В результате «на месте уникального, пусть немного архаичного, пусть глубоко русского, но тем-то и уникального города Москвы построен город среднеевропейского типа, не выделяющийся ничем особенным. Город как город. Даже хороший город. Но не больше того» («Письма из Русского музея». — М.: 1967. — С. 18).

Революционная перестройка сознания, переустройство городов на тот же революционный лад — не только исторический, но и семиологический факт, свидетельствующий об особенностях нашего менталитета, общей культуры, настроя по отношению к своему прошлому. Единственное, что внушает надежду, — это некоторая консервативность повседневного уклада и повседневной жизни простых людей, которые не спешат расставаться со своими покосившимися домиками, хотя жить в них в пору расцвета цивилизации не так уж легко. Так что, может быть, и останется некоторая часть каменных заборов, уникальных высоченных каменных столбов с солярными знаками, которые напомнят хотя бы мельком о том, каким уютным, самобытным городом был прежде Ставрополь. Конечно же, цивилизованный человек понимает, что для полноценного формирования личности житель города должен общаться со всеми историческими его слоями. И мы видим в европейских странах, как бережно сохраняется старина (хотя и там время многое меняет). Может быть, следует задуматься и нам над тем, как нам жить в наших городах, особенно исторических городах, городах-музеях, как сохранить в них то, что составляет их своеобразие, тот дух города, который заставляет постоянно возвращаться, хотя бы даже в воображении, как это случилось с И.Д. Сургучевым, не по своей воле оказавшимся за границей и постоянно вызывавшим в воображении свой «Китеж» — город с «гордым греческим именем» — Ставрополь.

Наш текст открыт для наращивания новых смыслов, и для того чтобы его продолжить мы составили каталог фотографий старой части города, где постарались системно представить и архаическую символику, связывающую нас с глубинными пластами российской, шире — славянской и мировой культуры.

В каталоге фотографии размещены в соответствии с улицами, на которых расположены дома, интересующие нас в плане культуры. Размещаются они по направлению от исторической части города к современной. Прилагается и алфавитный указатель улиц.

Надеемся, что будущие исследователи продолжат нашу работу, а жители нашего города с интересом пройдутся по указанным адресам и заново откроют для себя наш город!

Литература

1. Абашев В.В. Пермь как текст. — Пермь: Пермский университет, 2000.

2. Аристотель. Ипполит // История эстетики. Политики мировой мысли. — М.: Мысль, 1962. — Т. 1.

3. Армиллас П. Вклад Р. Редфилда в определение понятия «цивилизация» // Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспект Пресс, 2001. — С. 91—92.

4. Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания. — М.: РОССПЭН, 2004.

5. Артамонов М.И. Искусство скифов // Триста веков искусства: Искусство европейской части СССР. — М.: Искусство, 1976. — С. 64—90.

6. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. — М.: Современник, 1982.

7. Барт Р. Мифологии. — М.: Издательство имени Сабашниковых, 1996.

8. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. — М.: Радуга, 1983. — С. 306-349.

9. Бахутов К. Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя. Диссертация на степень доктора медицины. — СПб., 1881.

10. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. — М.: РОССПЭН, 2004.

11. Башляр Г. Дом от погреба до чердака: Смысл жилища // Логос. — 2002. — № 3.

12. Башляр Г. Новый рационализм. — М.: Прогресс, 1987.

13. Бендик Б.А. Художники Ставрополья. — Л.: Художник РСФСР, 1982.

14. Бентковский И.В. Ставропольская старина. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. VI. — С. 1-10.

15. Библейская энциклопедия. — М.: Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990.

16. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. — М.: Языки славянской литературы, 2002. — Т. 1.

17. Бунин И. Избранное. Жизнь Арсеньева. — М.: Художественная литература, 1985.

18. Васильев Н.А. Воображаемая логика. — М.: Наука, 1989.

19. Воронцов Вл. Река счастья // Ставропольский альманах. — Ставрополь, 1946. — С. 223—240.

20. Гаазов В.Л. Путешествие по ожерелью Северного Кавказа. — Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2004.

21. Гаазов В.Л., Лец М. Сенгилей: Путеводитель по Сенгилеевской котловине. — Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2004.

22. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991.

23. Генон Р. Символика креста. — М.: Прогресс-Традиция, 2004.

24. Гершензон М.О. Нагорная проповедь // Гершензон М.О. Избранное. — М. — Иерусалим: Университетская книга Gesharim, 2000. — Т. 4. — С. 277—286.

25. Гниловской В.Г. План Ставропольской крепости 1811 года (историко-географический очерк) // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Краевое книжное издательство, 1949. — Вып. 1.

26. Гниловской В.Г., Скрипчинский В.В. Из истории формирования архитектурного облика Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Краевое книжное издательство, 1988. — Вып. 15. — С. 235-242.

27. Годзевич Б.Л., Охонько Н.А. Савельева В.В., Кудрявцев А.А. Встречи с прошлым и настоящим: Путеводитель по археологическому и природному музею-заповеднику. Татарское городище. — Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999.

28. Голан А. Миф и символ. — М.: Русслит, 1993.

29. Голосовкер Г.Я. Логика мифа. — М.: Наука, 1987.

30. Гуссерль Э. Логические исследования. — СПб., 1909. — Т. 1.

31. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. — М., 1911. — С. 1-56. — Кн. 1.

32. Дионисий Ареапагит. Мистическое богословие. — Киев: Путь к истине, 1991.

33. Дискуссии. Город как дискурс // Вестник Московского университета. Филология. 2004. — № 3. — С. 98-111. — Сер 9.

34. Егоров И.Я. Море Сарматское // Ставропольский альманах. — Ставрополь, 1946. — С. 51-151.

35. Зерига Гус ди. Христиане и язычники: Анализ воззрений и поиски взаимопонимания. — М.: Фаир-Пресс, 2002.

36. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. — М.: Центрполиграф, 1994.

37. Иванов Вяч. Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Евразийское пространство: звук, слово, образ. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 13-54.

38. Исаков А.М. Кавказская сторона. — Ставрополь, 1950.

39. Историческое описание Иоанно-Мариинского женского монастыря в г. Ставрополе-Кавказском. — Ставрополь, 1898.

40. Кавказская война: Истоки и начало (1770-1820 годы). — СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002.

41. Карпов Е. Крутогорье. — М.: Художественная литература, 1975.

42. Карцевский С. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях; В 2 ч. — М.: Просвещение, 1965. — Ч. II. — С. 85-90.

43. Курдюмов С.П., Князева Е.Н. Загадка человека: человеческая особенность коэволюционного процесса // Синергетическая парадигма. — М.: Прогресс-Традиция, 2004.

44. Край наш Ставрополье. Очерки истории. — Ставрополь: Шат-гора, 1999.

45. Кузичев И.К. Лада, или повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда русская красота стала есть: Эстетика Киевской Руси. — М.: Молодая гвардия, 1990.

46. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Издательская группа Прогресс, 2001.

47. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Собр. соч.: в 4 т. — М.-Л.: АН СССР, 1959. — Т. 4.

48. Лермонтов М.Ю. Памяти Одоевского // М.Ю. Лермонтов. Собр. соч.: В 4 т. — М.-Л.: АН СССР, 1958. — Т. 1. — С. 461.

49. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. — М.: Мысль, 1994.

50. Лосев А.Ф. Философия имени // Из ранних произведений. М.: Мысль, 1990.

51. Лысый А.П. Крымский текст русской культуры и проблемы мифологического контекста. — М., 2003. (АКД).

52. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. — М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1996.

53. Мень А. История религии: В поисках пути, истины и жизни // Собр. соч.: В 7 т. — М.: Слово, 1991. — Т. 1.

54. Минаева Т.М. Очерки по археологии Ставрополья. — Ставрополь: Краевое книжное издательство, 1965.

55. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. — М., 1981.

56. Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. — М.: Высшая школа, 1999.

57. Николаева С.И. Эстетика символа в архитектуре русского модерна. — М.: «Директмедиа Паблишинг», КноРус, 2003.

58. Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Краевое книжное издательство, 1998. — Вып. 15-16. — С. 243—272.

59. Охонько Н.А. Кто основал Ставрополь //Для «Вечернего Ставрополя» к дню города. — 1995.

60. Песни о Сталине. — М.: ГИХЛ, 1950.

61. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. — М.: Лабиринт, 2000.

62. Прозрителев Г.Н. Историко-археологический путеводитель по городу Ставрополю-на-Кавказе и его окрестностям (1920-1921 гг.). — Рукопись.

63. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. — М.: Лабиринт, 1994.

64. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1988.

65. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М.: Наука, 1994.

66. Сед Жерар де. Тайна катаров. — М. , 1998.

67. Семенова С.Г. Русский космизм // Русский космизм. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — С. 3-34.

68. Словарь русского языка: В 4 т. — М.: АН СССР, 1981—1984. (МАС)

69. Соловьев Вл.С. Мифологический процесс в древнем язычестве // Избранное. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. — С. 8—41.

70. Соловьев Вл.С. Красота в природе // Избранное. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. — С. 276.

71. Соловьев Вл.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев Вл.С. Сочинения: В 2-х т. — М: Мысль, 1988. — Т. 1. — С. 581—757.

72. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М.: Изд-во соц.-экономической литературы, 1959. — Кн. 1. — Т. 1—2.

73. Ставрополь // Кавказский календарь на 1855 год. — Тифлис, 1854. — С. 471—537.

74. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. — М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936.

75. Степин В.С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. — М.: Прогресс-Традиция, 2004.

76. Сургучев И.Д. Китеж // Ставропольский хронограф на 1996. — Ставрополь, 1996. — С. 208-214.

77. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древних славян. Лингвистические исследования. — М., 1991.

78. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. В 2 . — М.: ОГИ, 2004. — Т. 1.

79. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. В 2 . — М.: ОГИ, 2004. — Т. 2.

80. Фадеева Т.М. Крым в сакральном пространстве. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2000.

81. Фадеева Т.М., Степанов Ю.Н. Предисловие к русскому изданию // Генон Р. Символика креста. — М.: Прогресс-Традиция, 2004.

82. Флоренский П.А. Фаллический памятник котахевского монастыря // Флоренский П.А. История и философия искусства. — М.: Мысль, 2000. — С. 49-50.

83. Франк С.Л. «Непостижимое» // Избранные произведения. — М.: Правда, 1990.

84. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. — М.: Прогресс, 1977.

85. Чижевский А.Л. Колыбель жизни и пульсы Вселенной // Русский космизм. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — С. 317-328.

86. Чудин Н. На берегах Кумы. — Ставрополь: Краевое книжное издательство, 1949.

87. Чудинов В.А. Священные камни и языческие храмы древних славян. — М.: Торговый дом Гранд, 2004.

88. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. — М.: Правда, 1989.

89. Штайн К.Э. Саврасов как монолит. — Ставрополь, 2002.

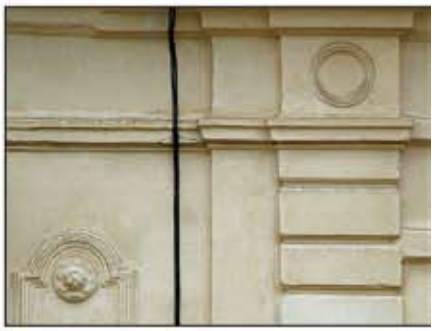
90. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: В 4 т. — М.: Наука, 1967. — Т. 4.

91. Успенский Б.А. Крест и круг. Из истори христианской символики. — М.: Языки славянских культур, 2006.

III. Каталог фотографий старой части города

№ 1

№ 5



№ 10

№ 16

№ 17

№ 19

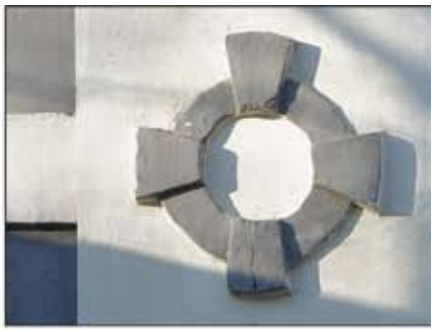
№ 29

№ 31

№ 43

улица **Горького**

№ 43



улица **Калинина**

№ 4

№ 7

№ 14

№ 32

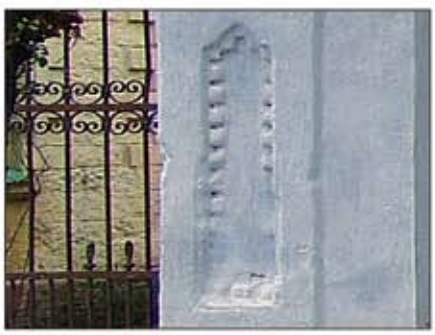
№ 33

№ 37

№ 44

№ 51

№ 56



№ 60

№ 19

№ 23

№ 28

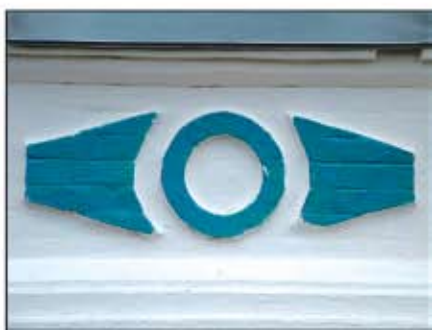
№ 31

№ 33

№ 37

№ 40

№ 44



№ 45

№ 48

№ 52

№ 55

№ 71

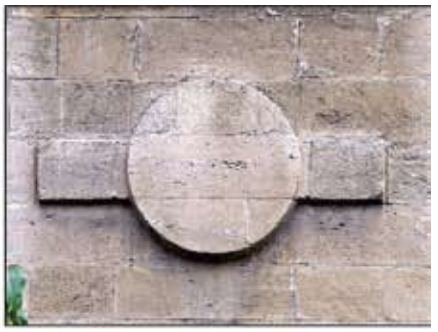
улица **Станичная**

№ 71

улица **Кирова**

№ 8

№ 12



№ 35

№ 42

№ 45

№ 47

улица **Кирова**

№ 48

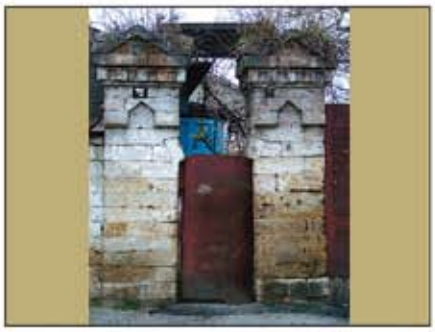
№ 51

№ 57

улица **Таманская**

№ 13

№ 15



№ 25

№ 33

№ 42

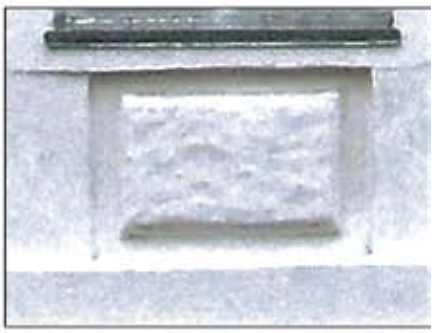
№ 44

№ 3

№ 6

№ 7

№ 17



№ 17

улица **Ипатова**

№ 42

№ 50

улица **Московская**

№ 4

№ 5

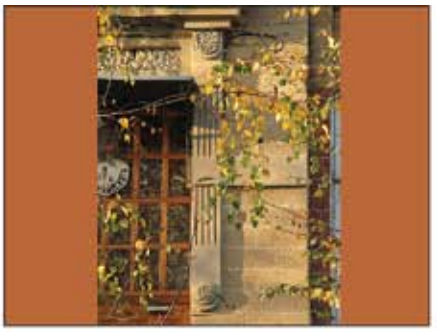
улица **Московская**

№ 7

№ 11

улица **Дзержинского**

№ 11



№ 7

№ 24

№ 27

№ 28

№ 29

№ 33

№ 35

№ 38

№ 46

№ 49

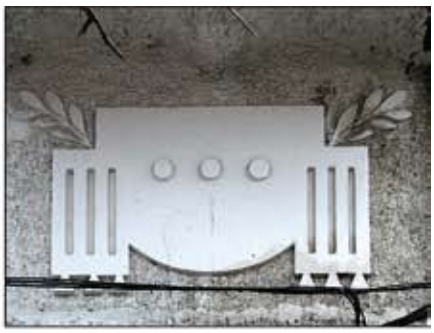
№ 51

№ 52

№ 56

№ 61

№ 63



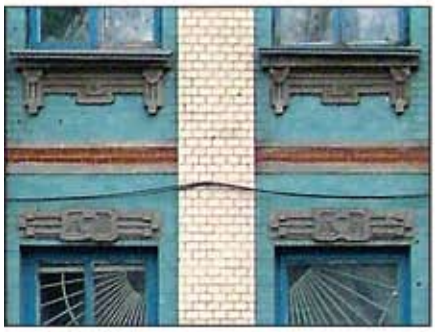
№ 64

№ 66

№ 67

№ 68

№ 70



№ 77

№ 79

№ 88

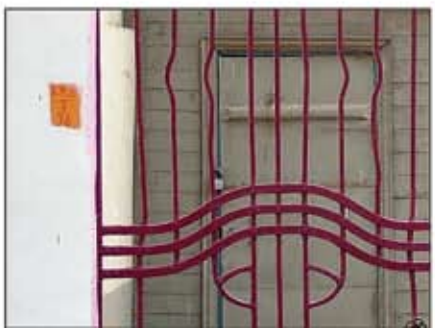
№ 91

№ 92

№ 94

№ 95

№ 105



№ 109

№ 119

1229

Здание МВД

№ 122

№ 129

№ 131

№ 133

№ 134

№ 134

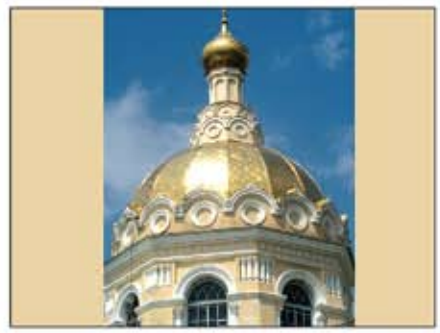
№ 135

№ 141

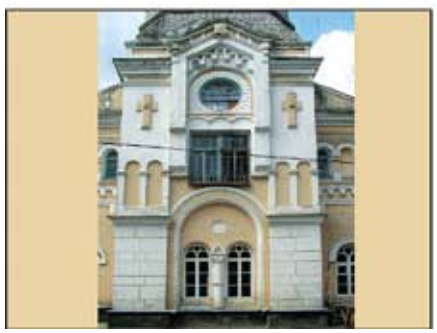
Здание на пересечении улиц Дзержинского и Артема

№ 147

№ 149



Собор святого апостола Андрея Первозванного



№ 167

№ 171

№ 173

улица **Дзержинского**

№ 187

№ 189

улица **Апанасенковская**

№ 5

№ 14

1234

№ 8

№ 11

№ 21

№ 24

№ 25

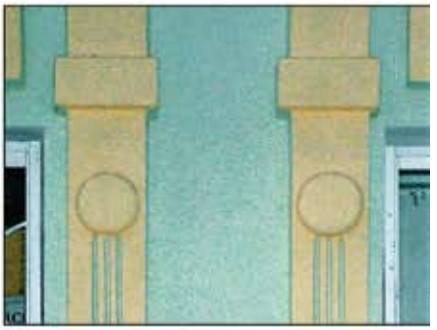
№ 27

№ 31

№ 42

№ 56

№ 57



№ 65

№ 72

№ 73

№ 74

№ 81

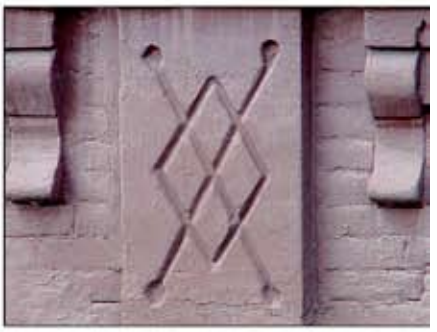
№ 82

№ 88

№ 90

№ 8

№ 12



№ 28

№ 32

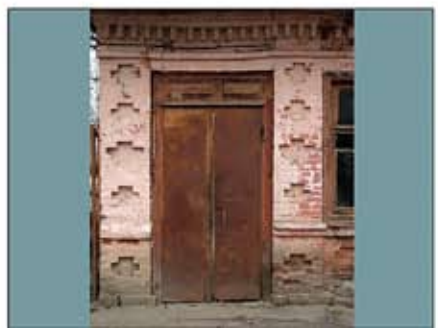
№ 36

№ 38

№ 42

№ 48

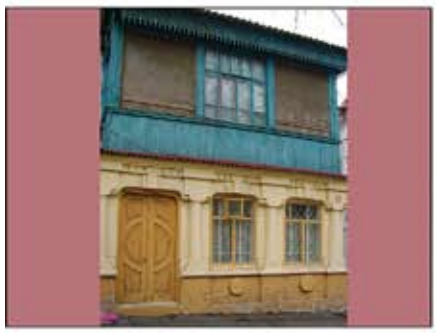
№ 54



№ 7

Здание на пересечении улиц Шаумяна и Ясеновской

№ 27



№ 37

улица **Ставропольская**

№ 16

улица **Голенева**

№ 1

№ 8

№ 10

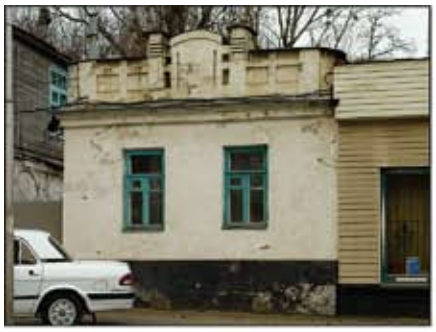
№ 11

№ 14

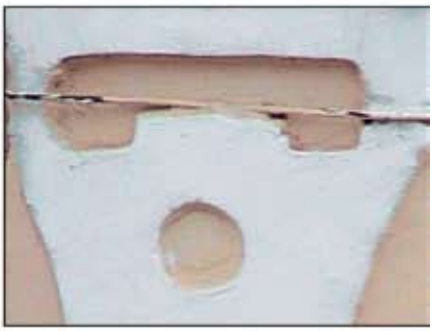
№ 17

№ 21

№ 25



№ 27



№ 28

№ 31

№ 33

№ 37

№ 38

№ 39

№ 41

№ 42

№ 45

№ 47

№ 49

№ 50

№ 54

№ 56

№ 58

№ 58

№ 62

№ 64

№ 66

№ 68

улица **Голенева**

№ 70

№ 78

№ 80

проспект **Октябрьской революции**

Здание ЗАГСа

Частный дом в начале проспекта Октябрьской революции

№ 7

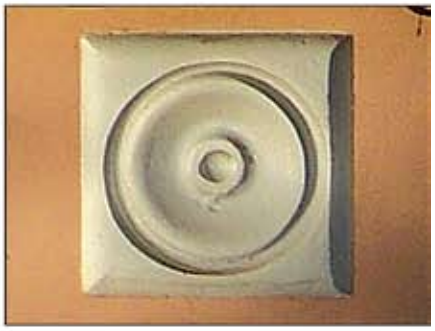
№ 7

№ 8

№ 9

№ 9

№ 12

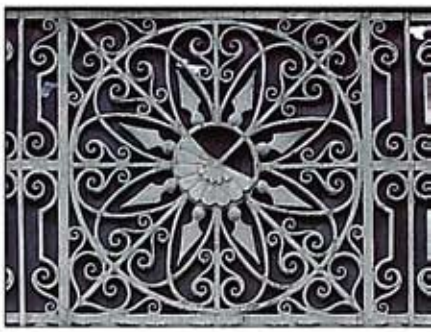


№ 13

№ 20

№ 20

№ 21

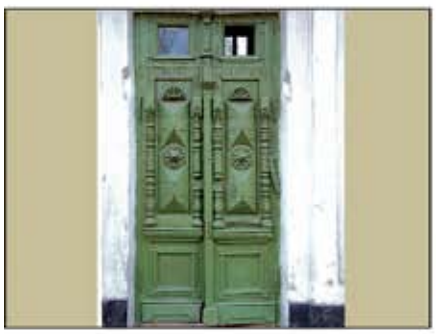


№ 23

№ 24

№ 31

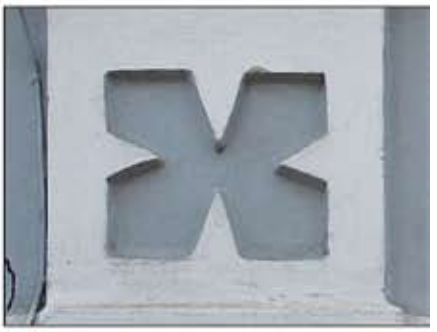
№ 37



№ 39

проспект **Октябрьской революции**

№ 41



№ 49

№ 51

№ 9

№ 27

№ 80

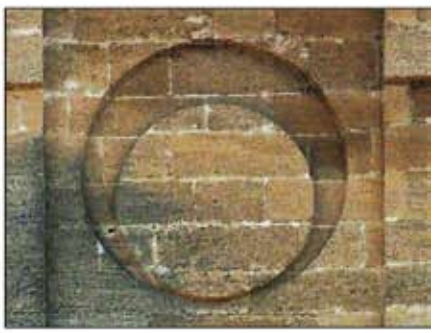
№ 85

№ 86

улица **Пушкина**

№ 90

Здание школы № 10



улица **Тельмана**

Дом на пересечении улиц Тельмана и Каменоломской

№ 32

№ 40

№ 56

№ 65

№ 116

№ 136

№ 148

№ 154

№ 168

№ 198

№ 199

№ 226

№ 230

1260

Железнодорожный вокзал

Одно из зданий завода «Красный металлист»

№ 1

№ 6

№ 12

№ 15

№ 17

№ 19

№ 21

№ 21

№ 22

№ 23

№ 25

№ 25

№ 27

№ 28

№ 30

№ 32

№ 33

№ 34

№ 38

№ 40

№ 41

№ 42

№ 45

№ 50

№ 50

№ 56

№ 58

№ 60

№ 62

№ 65

№ 67

№ 68

№ 68

№ 70

№ 71

№ 72

№ 74

№ 75

№ 76

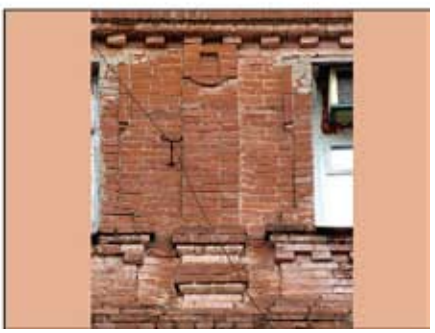
№ 77

№ 78

Здание Ставропольского художественного училища

проспект **К. Маркса**

№ 87



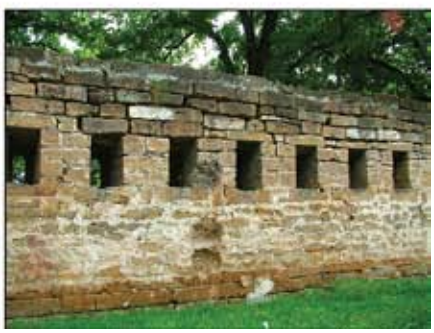
№ 90

№ 92

№ 94

№ 94

На Крепостной горе



проспект **К. Маркса**

улица **Комсомольская**

№ 16/1

№ 28

№ 30

Дворец культуры им. Ю.А. Гагарина

№ 79

№ 64

№ 80

№ 82

№ 86

№ 91

№ 93

№ 100

№ 101

1279

№ 102

№ 104

№ 105

№ 110

№ 112

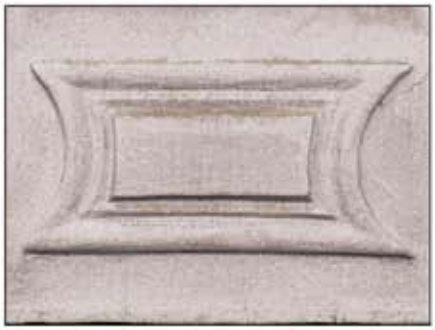
№ 112

№ 113

№ 113

№ 115

№ 117



№ 118

№ 119

№ 120

№ 122

№ 123

№ 125

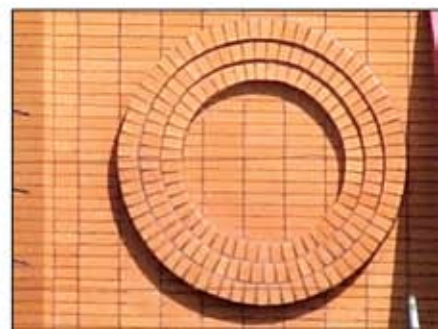
№ 53а

№ 212

№ 241

№ 266

1284



№ 271

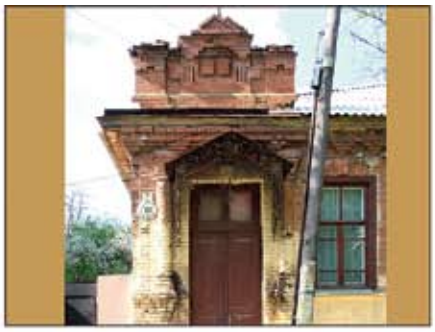
№ 273

№ 317

№ 317

улица **Мира**

№ 333



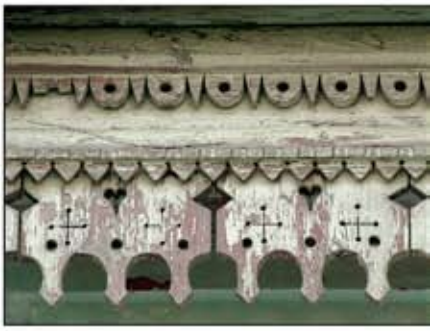
Главный корпус Ставропольского государственного сельскохозяйственного университета

улица **Краснофлотская**

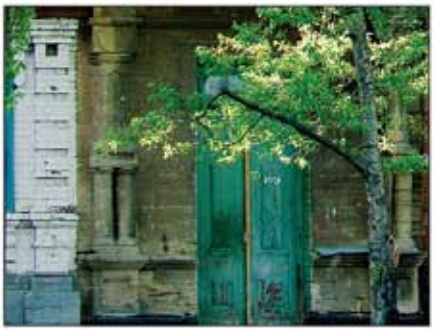
№ 97

№ 1286

№ 137



№ 165



№ 189

№ 191

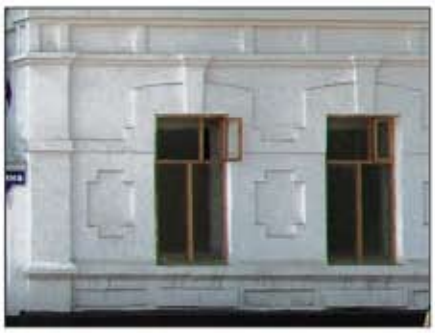
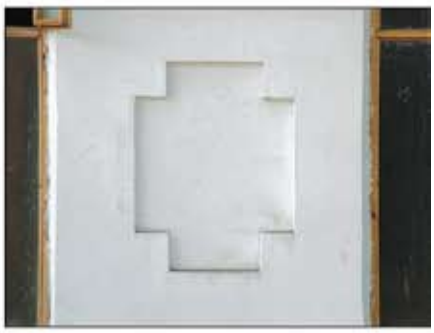
№ 193

№ 193

№ 199

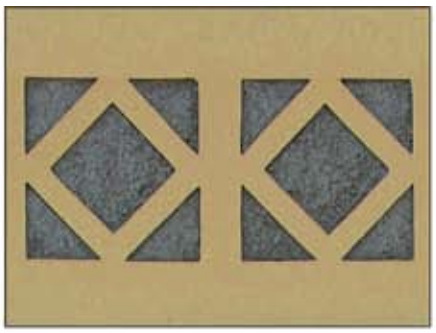
№ 201

№ 211

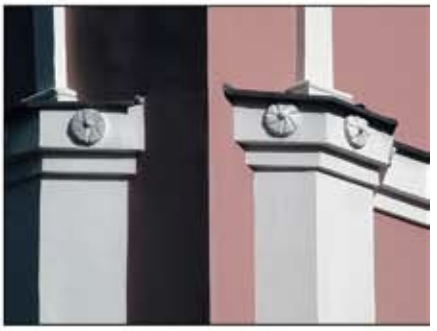



№ 217

1288



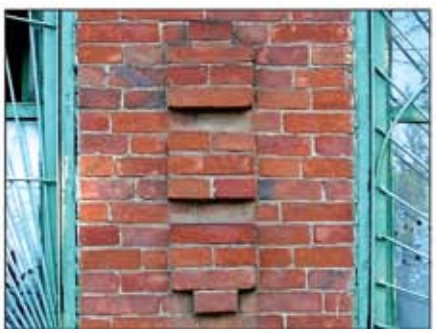
№ 217



Здание коммерческого банка на улице Ленина

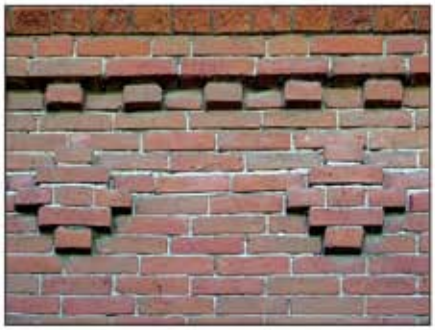
№ 220

№ 231



№ 260

№ 262



№ 262

№ 264

№ 274

1290

№ 274

№ 280

№ 287

1291

№ 5

№ 13

№ 15

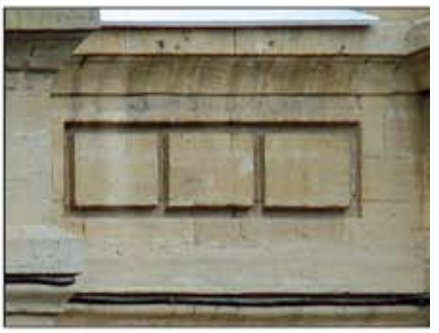
№ 19

улица **Артема**

№ 39

улица **Морозова**

№ 6



Здание мечети на улице Морозова

улица **Морозова**

Оформление входа в мечеть на улице Морозова

улица **Маршала Жукова**

№ 16

№ 22

№ 22

№ 24

Стадион «Динамо»

Площадь Ленина

Дом правительства

Ставропольский краевой академический театр драмы им. М.Ю. Лермонтова

Ставропольская краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова

улица Некрасова

№ 20

улица **Некрасова**

№ 96

№ 100

улица **Куйбышева**

№ 2

№ 6

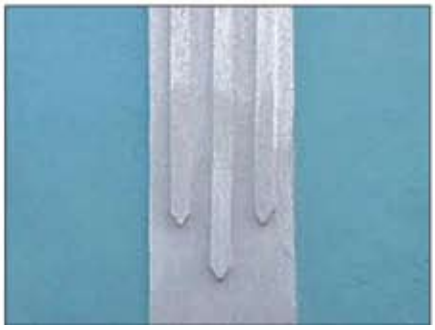
улица **Куйбышева**

№ 18

улица **Короткова**

№ 78

№ 82



улица **Абрамовой**

№ 4

№ 6

№ 27

проезд **Серафимовича**

№ 25

улица **Ломоносова**

№ 49

№ 76

№ 77

переулок **Лопырина**

№ 2

1300

№ 7

№ 10

№ 22

№ 26

№ 49

переулок **Лопырина**

№ 52

улица **Руставели**

№ 86

№ 110

№ 112

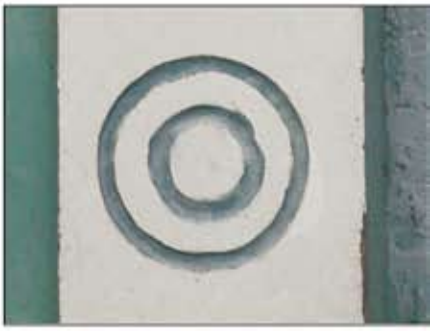
1302

улица **Октябрьская**

№ 92

№ 109

№ 122



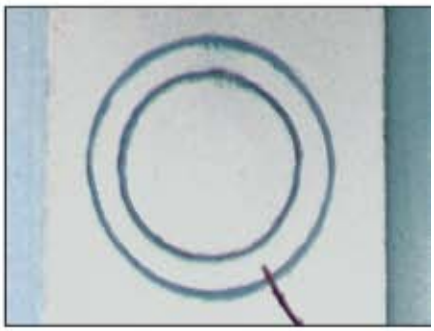
№ 140

№ 141

1303

№ 141

№ 142



№ 156

№ 168

№ 177

1304

улица **Октябрьская**

№ 213

№ 215

Кинотеатр «Пионер»

улица **Фрунзе**

№ 7

1305

улица **Фрунзе**

№ 18

№ 45

переулок **Сухумский**

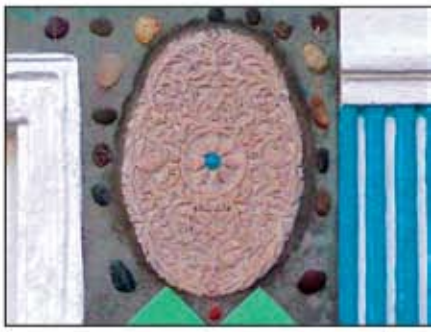
№ 23

№ 83

улица **Софьи Ковалевской**

№ 23

переулок **Одесский**



№ 23

улица **Серова**

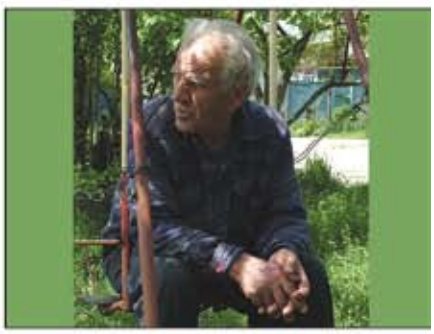
№ 420

улица **Пономарева**

№ 47

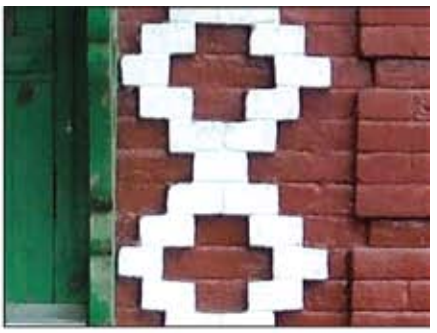
№ 15

№ 16



№ 28

улица **Рылеева**



№ 4

№ 6

улица **Розы Люксембург**

№ 6

1309

Здание пивзавода

№ 30

№ 34

№ 43

улица **Розы Люксембург**

№ 49

№ 52

переулок **Менделеева**

№ 5

№ 3

улица **Спартака**

№ 11

№ 17

улица **Булкина**

№ 7

№ 19

переулок **Интернациональный**

№ 3

№ 5

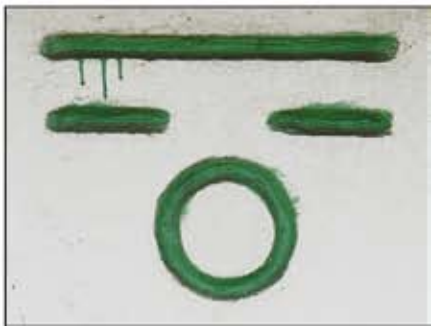
переулок **Садовый**

№ 5

улица **Кавалерийская**

№ 65

№ 100

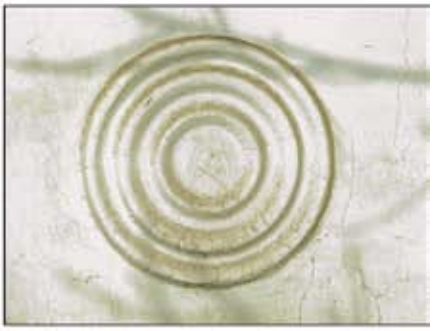


улица **Лермонтова**

№ 16

№ 32

улица **8 Марта**



№ 79

№ 102

1315

Корпус Краевой больницы

Корпус Краевой больницы

Здание бывшего Иоанно-Мариинского монастыря. В настоящее время корпус психиатрической больницы. Октябрьский район города Ставрополя

Алфавитный указатель улиц

улица Абрамовой _*стр.* **1299**
улица Апанасенковская _*стр.* **1234**
улица Артема _*стр.* **1292**
улица Булкина _*стр.* **1312**
улица Вокзальная _*стр.* **1261**
улица 8 Марта _*стр.* **1315**
улица Голенева _*стр.* **1242**
улица Горького _*стр.* **1208**
улица Дзержинского _*стр.* **1223**
переулок Интернациональный _*стр.* **1314**
улица Ипатова _*стр.* **1221**
улица Кавалерийская _*стр.* **1314**
улица Казачья _*стр.* **1220**
улица Калинина _*стр.* **1210**
проспект Карла Маркса _*стр.* **1262**
улица Кирова _*стр.* **1216**
улица Комсомольская _*стр.* **1275**
улица Короткова _*стр.* **1298**
улица Косенко _*стр.* **1308**
улица Краснофлотская _*стр.* **1286**
улица Куйбышева _*стр.* **1297**
площадь Ленина _*стр.* **1296**
улица Ленина _*стр.* **1287**
улица Лермонтова _*стр.* **1315**
улица Ломоносова _*стр.* **1300**
переулок Лопырина _*стр.* **1300**
улица Маршала Жукова _*стр.* **1294**
переулок Менделеева _*стр.* **1311**
улица Мира _*стр.* **1284**
улица Морозова _*стр.* **1293**
улица Московская _*стр.* **1221**
улица Некрасова _*стр.* **1296**
переулок Одесский _*стр.* **1307**
улица Октябрьская _*стр.* **1303**
проспект Октябрьской революции _*стр.* **1250**
улица Орджоникидзе _*стр.* **1235**
улица Пономарева _*стр.* **1307**
улица Пушкина _*стр.* **1256**
улица Розы Люксембург _*стр.* **1309**
улица Руставели _*стр.* **1302**
улица Рылеева _*стр.* **1309**
переулок Садовый _*стр.* **1314**
проезд Серафимовича _*стр.* **1299**
улица Серова _*стр.* **1307**
улица Софьи Ковалевской _*стр.* **1307**
улица Спартака _*стр.* **1312**
улица Ставропольская _*стр.* **1242**
улица Станичная _*стр.* **1213**
переулок Сухумский _*стр.* **1306**
улица Таманская _*стр.* **1218**
улица Тельмана _*стр.* **1257**
улица Фрунзе _*стр.* **1305**
улица Шаумяна _*стр.* **1241**
улица Ясеновская _*стр.* **1239**

О награждении города Ставрополя орденом Октябрьской революции: Указ Президиума Верховного Совета СССР. 7 июля 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. — № 28. — С. 504.; То же: Ставроп. правда. — 1977. — 8 июля.

Исторические города: Постановлением Гос. комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и коллегии Министерства культуры РСФСР утвержден список исторических городов. В их числе — г. Ставрополь // Ставроп. правда. — 1970. — 26 нояб.

Устав города Ставрополя: Принят Ставроп. гор. думой 20 дек. 1995 г. — Ставрополь, 1996. — 66 с.

Устав города Ставрополя: Принят решением Ставроп. гор. думы от 29 июня 2005 г. // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 30 ноября. — С. 1-12.

История города Ставрополя

Наш край: [документы, материалы. 1777-1917 гг.]: К двухсотлетию г. Ставрополя / Госархив Ставроп. края, Ставроп. гос. пед. ин-т; Редкол.: П.А. Шацкий и др. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1977. — 424 с.: ил.

Из содерж.: Устройство Азово-Моздокской укрепленной линии и ее заселение. — С. 19-49.

Наш край: документы, материалы (1917—1977 гг.) / Парт. архив Ставроп. крайкома КПСС; Гос. архив Ставроп. края; Сост. Н.С. Дикалова, В.А. Водолажская, Л.Б. Пересецкая; Редкол.: Д.В. Кочура (науч. ред.), Е.М. Духин, Е.Г. Максименко и др. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. — 405 с.

Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до 1917 г. / Науч. ред. В.П. Невская. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. — 464 с.: ил. — Библиогр. в примеч. — Имен. указ.: с. 440-448. — Геогр. указ.: с. 449-459.

Из содерж.: Города у крепостных стен Азово-Моздокской линии. — С. 164-179.

Край наш Ставрополье: очерки истории / Науч. ред. Д.В. Кочура, В.П. Невская. — Ставрополь: Шатгора, 1999. — 528 с.

Земля Ставропольская / Ставроп. регион. отделения ВООПИиК. — М.: Тип. АО «Молодая гвардия», 2001. — 190 с. — (Альманах «Памятники Отечества»; № 48).

История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года / Под ред. В.П. Невской. — Ставрополь: СКИПКРО, 1996. — 304 с.

Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII—XX век). — Ставрополь: Сервисшкола, 2001. — 352 с.

История городов и сел Ставрополья: Краткие очерки / Науч. ред. Д. В. Кочура, А. А. Кудрявцев. — Ставрополь: Кн. изд-во, 2002. — 703 с.

Маркелов Н.В. Кавказские силуэты: История Кавказа в лицах. — Пятигорск: Снег, 2006. — 279 с.: ил.

Несмачная С. И. История Кавказа в лицах. Вып. 1-5. — Ставрополь, 2000-2006.

Охонько Н. А. Символы малой Родины. — Пятигорск: Вестник Кавказа, 2007. — 96 с.: ил.

Паспорт города Ставрополя / Под ред. М.В. Кузьмина, С.А. Муратова; Гл. сост. Г.А. Прозоров. — Ставрополь: Адм. г. Ставрополя, 2000. — 212 с.

Соболева Н.А. Гербы городов России. — М.: Профиздат, 1998. — 480 с: ил. — (Отечество).

Из содерж.: Герб Ставрополя. — С. 424.

Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сентября 2002 г.) / Отв. ред. В.А. Шаповалов. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. — 341 с.

Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь: ист. очерк. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1977. — 264 с.: ил.

Метелкина О. Биография города в исторической перспективе: [О подготовке антологии истории Ставрополя] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 18 мая. — С. 5.

Терещенко В. Почетные граждане Ставрополя // Земля Ставропольская. — М., 2001. — С. 188-190.

Штайн К.Э. Ставрополь в исторической проекции: [О книге ученых СГУ «Ставрополь в исторической проекции», ее содержании и значении] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 17 сент. — С. 7.

Возникновение и развитие Ставрополя

[Ставрополь, город] // Акты, собранные Кавказской археологической комиссией: В 12 т. — Тифлис, 1866—1884.

Т. 1. — 1866. — С. 755.

Т. 2. — 1868. — С. 923, 936, 973.

Т. 3. — 1869. — С. 627, 632, 634, 655, 662, 713.

Т. 4. — 1870. — С. 65-66, 912, 958.

Т. 5. — 1873. — С. 270-271, 330, 352, 865, 899, 941-942.

Т. 6, ч. 1. — 1874. — С. 95, 198, 257, 330, 485-486, 494, 502, 503-504.

Т. 7. — 1878. — С. 232.

Т. 8. — 1881. — С. 36, 51, 168, 343-346, 350, 354-355, 383, 574, 679, 739-741, 793, 806, 966-967.

Т. 10. — 1885. — С. 9-10, 34, 58-59, 93, 96, 126, 224, 348, 573-575, 613-614, 702-703, 830-832, 835-836, 883, 898.

Т. 11. — 1888. — С. 247, 254, 272, 380, 410, 413-414, 416, 436, 532-533, 540, 597.

Обзор Ставропольской губернии за... (1879-1903, 1905-1912, 1914 гг.). Ставрополь, 1880-1915.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [Ч. 1-89]. Ч. 67. Ставропольская губерния / Центр, стат. ком. М-ва внутр. дел; Под ред. Н. Тройницкого. — [СПб.], 1905. — 147 с: табл.

Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии: Вып. 1-10 / Ставропольский губернский статистический комитет; Ред. вып. 1-4 Н.Н. Черноярский; Ред. вып. 5-7 И.В. Бентковский; Сост. вып. 6, 8-10 И.В. Бентковский. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1868—1871, 1873, 1876, 1877, 1881, 1883.

Памятная книжка Ставропольской губернии на... год. — Ставрополь, 1893—1916. — Изм. назв.:

На 1907—1909 гг.: Адрес-календарь Ставропольской губернии.

Сборник сведений о Северном Кавказе: (Материалы исторические, географические, статистические, экономические и пр.): Т. 1-11 / Изд. Ставропольского губернского статистического комитета. — Ставрополь, 1906—1914.

Труды Ставропольской ученой архивной комиссии: Вып. 1-8. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1910—1916.

Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 2: [К 125-летию губ. г. Ставрополя]. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1910. — 356 с.: ил.; 9 л. рис.

Из содерж.: Прозрителев Г.Н. К 125-летию г. Ставрополя. — С. 1-7, рис. и план города. — 1 паг.; О составлении Кавказского наместничества из двух областей: Кавказской и Астраханской: Указ Екатерины II от 5 мая 1785 г. — С. 1-2. — 2 паг.; План Ставропольской крепости 1778 года. — С. 3. — 3 паг. и другие.

Труды Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края в естественно-историческом, географическом и антропологическом отношениях. — 1911—1915.

Бентковский И.В. Генерал-майор Якоби: Основатель Моздокско-Азовской линии в 1777 году: (Биогр. заметка) // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 7.

Бентковский И.В. Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 38.

Бентковский И.В. Император Николай I в Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1887. — № 42.

Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о городе Ставрополе: (Из истории образования и заселения) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 5-11. — Отд. 1.

Бентковский И.В. Исторический дневник: 1-13 января. Суворов встречает 1779 г. в крепости Ставропольской // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 1; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1-2. — (9 паг.).

Бентковский И.В. К характеристике А.П.Ермолова // Север. Кавказ. — 1884. — № 5, 17 дек. — С. 1.

Бентковский И.В. Кавказская губерния во время А.П. Ермолова с 1816 г. по 1824 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1886. — № 27-30.

Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа: Заселение бывшего линейного казачьего войска; Заселение Кавказской области // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 3-6, 8-11; 1883. — № 37.

Бентковский И.В. Материалы для истории образования бывшего Кавказского линейного ныне Терского казачьего войска // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 2.

Бентковский И.В. Материалы для истории Северного Кавказа: Город Ставрополь // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 22; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1-3. — (8 паг.).

Бентковский И.В. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 3, 4.

Бентковский И.В. Население гор. Ставрополя в 1811 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 22.

Бентковский И.В. Несколько слов о г. Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1852. — № 31.

Бентковский И.В. Открытие в Ставрополе первых присутствующих мест (1785) // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 5.

Бентковский И.В. Первоначальное устройство административных учреждений Кавказской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1886. — № 39-41, 46.

Бентковский И.В. Первые начатки городского благоустройства. — Войска, расположенные в крепости Ставропольской и натуральные в пользу их повинности граждан. — Попытки жителей к разведению виноградных садов. — Чума. — Выборные общественные деятели. — Городская полиция. — Открытие шестигласной думы // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 19.

Бентковский И.В. Ставрополь в историко-статистическом, административном, торгово-промышленном и экономическом отношениях: Монограф. очерк И.В. Бентковского // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 43-47.

Бентковский И.В. Ставрополь. Губернский город // Бентковский И.В. Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1883. — С. 398-409. — (Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии; Вып. 6).

Бентковский И.В. Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1786 г. до учреждения шестигласной Думы 18 января 1808 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1874. — № 6-7, 10-12, 17-18; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1-36. — (2 паг.).

Бентковский И.В. Ставропольская старина: [Из истории основания крепости] // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 3; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1-3. — (8 паг.).

Бентковский И.В. Ставропольская старина с приложением плана крепости. Суворов встречает 1779 г. в Ставропольской крепости // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 1.

Бентковский И.В. Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1881. — 246 с. — (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета; Вып. 9).

Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. Т. 1-5. — Ставрополь: Кавказ. край, 1994. — (Стрижамент: Ист. наследие. Лит.-худож. прил. к газ. «Кавказ. край»; Вып. 2).

Потто В.А. [Новая Азово-Моздокская линия и сформирование двух новых казачьих полков Хоперского и Волжского. — Тяжелый поход этих полков летом 1777 года на Кавказскую линию. — Поселение волжских и хоперских казаков на новой линии. — Участие волжских и хоперских казаков в блистательной победе генерала Германа над сераскиром Батал-пашой. — Гребенцы, семейные казаки, волжцы и хоперцы в штурме Анапы] // Потто В. А. Два века Терского казачества. — Владикавказ, 1912. — Т. 2. — С. 128-136, 188 -198.

Прозрителев Г.Н. Александр II в Ставрополе на Кавказе. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1911. — 14 с.

Прозрителев Г.Н. Архивы Ставропольской губернии: Доклад председателя Ставропольской

ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителева, читанный в общем собрании комиссии 17 февраля 1906 г. / Изд. Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь: Тип. наследников Берка, 1906. — 15 с.

Прозрителев Г.Н. Воронцов и Заводовский: (По воспоминаниям современников). — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 26 с. — (Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 2).

Прозрителев Г.Н. Из жизни Шамиля: Рассказ, записанный в 1843 году со слов муллы Шамиля. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 10 с.; 6 л. ил.; 4 л. портр.: Князь Барятинский; Шамиль; П.С. Кушнарев, майор Апшеронского полка; Бакланов, полковник. — (Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Т. 1).

Прозрителев Г.Н. Из истории г. Ставрополя. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1915. — 31 с. + Прил.: Переписка по поводу предполагавшихся ссуд городам Кавказской губ. из заемного банка в 1785-1786 гг. — (Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 7).

Прозрителев Г.Н. Историко-археологический путеводитель по городу Ставрополю-на-Кавказе и его окрестностям // Ставропольский текст. — Ставрополь, 2006. — С. 369-440.

Прозрителев Г.Н. Историческая справка о кавказских выставках сельских произведений: К истории г. Ставрополя. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1916. — 4 с. — (Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 7).

Прозрителев Г.Н. Источник Карабин: К истории губернского города Ставрополя // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — Ставрополь. 1913. — Вып. 5. — С. 3—11.

Прозрителев Г.Н. К 125-летию губернского города Ставрополя (На Кавказе) // Альбом видов губернского г. Ставрополя и его окрестностей. На 1907 г. и 1910 г. — Ставрополь. — 1912. — С. 1-9.

Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1912. — 18 с. + Прил.: Ведомость, составленная генерал-поручиком, правящем должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора, действительного камергера Кавказского мушкетерского полка, шефа Потемкина; О первоначальном поселении крестьян по открытии наместничества. — (Сборник сведений о Северном Кавказе; Т. 7; То же: Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 5).

Прозрителев Г.Н. Печатное дело на Северном Кавказе: (Ставропольская губерния). — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1910. — 12 с. — (Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 2).

Бахутов К. Медико-топографическое и санитарное состояние губ. города Ставрополя: Дис. на степень д-ра медицины К. Бахутова. — СПб.: Русская старопечатня (К. И. Куна), 1881. — 176 с. + Прил.: Табл. 10 л.

Из содерж.: Краткий исторический очерк г. Ставрополя. — С. 7-10.

Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. Собр. И. Дебу с 1816 по 1826 г. — СПб., 1829. — 463 с.

Дейнеко В. Суворов и Ставрополь (первая страница истории г. Ставрополя-Кавказского). — Ставрополь, 1900. — 68 с.

Желиховская В. Ермолов на Кавказе. — СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1889. — 167 с.

Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1-е декабря 1912 года: Составлен Ставропольским дворянским депутатским собранием по постановлению очередного губернского собрания, состоявшегося 16 декабря 1909 года / Изд. Ставропольского дворянского депутатского собрания. — Ставрополь: Новая Тип. Хаймовича, 1912. — 104 с.

Толстов В. На Азово-Моздокской линии в 1777-1825 гг.; Пограничная служба на линии в период 1777-1800 гг.; На Кавказской линии в 1800-1825 гг. // Толстов В. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска, 1696-1896. — Тифлис, 1900. — Ч. 1. — С. 44-136.

Ведомость о земских повинностях, бывших в прошлом 1804-ом году по городу Ставрополю // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — 1913. — Вып. 5. — Отд. 4. — С. 3-10.

Вита И.Е. Из прошлого гор. Ставрополя: (Архивная справка): [Из истории каменного креста, поставленного в Ставрополе якобы Суворовым в 1780 году, чтобы на этом месте потом построить церковь] // Сев. Кавказ. — 1905. — № 54. — 12 мая. — С. 3

Всеподданнейший доклад князя Г.А. Потемкина об учреждении Азовской линии и переселении на Северный Кавказ Волжского и Хоперского казачьих войск в 1777 году / Сообщ. Е. Фелицина // Кубан. сборник. — Екатеринодар, 1904. — Т. 11. — С. 3-5.

[**Кавказская** губерния переименована в область. Ставрополь назначен областным городом. 1822, 10 августа] // Кавказский календарь на 1852. — Тифлис, 1851. — С. 234.

Кавказский Пустынник: [Записки. Описание ярмарки в Ставрополе в 1825 г.] // Моск. телеграф. — 1825. — Ч. 4. — С. 279-284.

Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники // Рус. старина. — 1886. — Т. 50, № 6—7. — С. 563-592.

О шелководстве и о посещении императором Николаем I первой сельскохозяйственной выставки в г. Ставрополе 18 октября 1837 года // Ставроп. губ. ведомости. — 1905. — № 38. — 17 сент. — С. 4. — Ч. неофиц. — (Наша старина).

Старина Ставрополя-Кавказского // Исторический вестник. — 1903. — Т. 7. — С. 384-385.

Ходнев И. Кавказские материалы для биографии А.П. Ермолова // Русский вестник. — 1865. — № 6. — С. 542-584.

Алферов В., Чекменев С. Степная вольница: (из истории земли ставропольской). — Ставрополь: Кн. изд-во, 1978. — 168 с.: ил.

Из содерж. ; Беспокойная линия. — С. 45-60.

Асадов Ю. Главноначальствующие на Кавказе: Очерки. — Пятигорск; Москва: Бекский Дом, 2004. — 52 с.

Беликов Г.А., Амилаханов А. Аптека Байгера. — Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. — 100 с: ил.

Беликов Г.А. Град Креста. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2005. — 325 с.: ил.

Беликов Г.А. Дорога из минувшего: Занимательные страницы истории г. Ставрополя. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1991. — 270 с.

Беликов Г.А. Ставрополь — врата Кавказа. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1997. — 351 с.: ил.

Блохин Н.Ф., Блохина Т.И. Ермоловский бульвар: Вчера, сегодня, завтра. — Ставрополь: Фонд развития архитектуры, градостроительства, 2002. — 205 с.

Блохин Н.Ф., Блохина Т.И. Ключи от города / Департамент жил.-коммун. хоз-ва. — Ставрополь, 1999. — 245 с.

Блохин Н.Ф., Блохина Т.И. Рождение огня. — Ставрополь: Ставропольгаз, 1999. — 192 с.

Годзевич Б.Л., Охонько Н.А., Савельева В.В., Кудрявцев А.А. Встречи с прошлым и настоящим: Путеводитель по археологическому и природному музею-заповеднику Татарское городище. — Ставрополь, 1999. — 147 с.

Ивановский В.А. Ставропольский календарь: Факты, события, люди. — Ставрополь, 2006. — 168 с.: ил.

Кемпинский Э.В. Высочайший ревизор. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2000. — 186 с.

Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: История и судьбы: (Регион. северо-кавказ. исследование). — М.: Изд-во «Социально-полит. мысль», 2005. — 272 с.

Краснов Г.Д. Ставрополь на Кавказе. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1957. — 227 с.: ил.

Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 1 — 15-16. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1949—1988.

Минаева Т.М. Очерки археологии Ставрополья. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1965. — 256 с.

Муравьев В.И. Ставрополь. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1975. — 16 с.: ил.

Наш Ставрополь: [Спец. вып. журн. «Блокнот агитатора»]. — Ставрополь: Изд-во «Ставроп. правда», 1977. — 48 с.: ил.

Нечитайлов М.В. Актуальные проблемы изучения военного прошлого Ставрополья (первая половина XIX в.): Ист. очерк 1-го Кавказ. линейного батальона. — Невинномысск: ЦГБ, 2004. — 86 с.

Русские на Кавказе. Эпоха Ермолова и Паскевича / Сост. А.Г. Макаров, С.Э. Макарова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 352 с. — (Из русского прошлого).

Ставрополь в цифрах: Юбилейный стат. сборник к 60-летию Советской власти и 200-летию города. — Ставрополь, 1977. — 241 с.

Ставропольский текст: описания, очерки, исследования: Хрестоматия к учеб. пособию / Сост. К.Э. Штайн, С.Ф. Бобылев, Д.И. Петренко; Под ред. Э.П. Лаврик. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. — 717 с.

Чекменев С.А. Переселенцы: (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII — первой половине XIX в.). — Пятигорск, 1994. — 350 с.

Из содерж.: Предкавказские города. — С. 260-271.

Авксентьев А., Авксентьев В. Степной Вавилон // Земля Ставропольская. — М., 2001. — С. 48-51.

Белоконь В.В. История города Ставрополя в газетных публикациях (к вопросу о ставропольской исторической журналистике) // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 109-114. — Библиогр.: 4 назв.

Букина М., Григоренко Е. Начало: [Ставрополь в 1809 году] // Молодой ленинец. — 1976. — 14 мая.

Быкова Н. Ставрополь — город исторический // Ставроп. правда. — 1993. — 2 дек.

Валерьева И. Ставрополь теряет свое историческое лицо // Жизнь. — 2000. — 6 сент.

Водолажская В. [Страницы городской летописи конца XVIII в. — начала XX в.] // Ставроп. правда. — 1976. — 27 окт., 25 нояб., 8 дек.; 1977. — 15 янв., 18 февр., 27 марта, 23 апр., 14 мая, 18 июня.

Волосухин В.Ю. Проблемы защиты границы и строительство оборонительных линий на Северном Кавказе в 1-й половине XIX века // История и основные этапы становления государственной границы на Юге России и перспективы развития ККОПО. — Ставрополь, 1997. — С. 26-33.

Гниловской В.Г. Занимательное краеведение. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1974. — 430 с.

Гниловской В.Г. Азово-Моздокская оборонительная линия // Земля Ставропольская. — 2001. — С. 42-47. — (Памятники Отечества; № 48).

Гниловской В.Г. В поисках плана (Ставропольской крепости. С опубликованием снимка плана крепости и станицы при ней, относящегося к 1787 г.) // Ставроп. правда. — 1974. — 21 апр.

Гниловской В.Г. Откуда город пошел // Ставроп. правда. — 1974. — 22 марта.

Гниловской В. Г. План Ставропольской крепости 1811 года: (Ист. — геогр. очерк) // Материалы по изучению Ставроп. края. — Ставрополь, 1949. — Вып. 1. — С. 165-176.

Гниловской В. Г. План Ставрополя 1787 года // Материалы по изучению Ставроп. края, 1976. — Вып. 14. — С. 215-221. — Список лит.: 3 назв.

Гниловской В.Г. Прошлое Ставрополя по городским планам: (Конец XVIII — пер. пол. XIX в.) // Северный Кавказ. — 1977. — Вып. 4. — С. 138-179.

Гниловской В.Г. Прошлое Ставрополя по городским планам: (Метод. указ. для студентов очного и заочного отд. пединститута к изучению темы по ист. географии края). — Ставрополь: Ставроп. гос. пед. ин-т, 1977. — 25 с.

Гниловской В.Г. Рукописные планы города Ставрополя первой трети XIX столетия // Северный Кавказ: (Физическая и историческая география). — Ставрополь, 1974. — Вып. 3. — С. 144-164.

Гниловской В.Г. Старинные планы и карты Ставрополья как источник исторических знаний // Использование памятников истории и культуры в интернациональном воспитании трудящихся: Материалы краев. научно-метод. конф., 28-30 сентября 1972 г. — Черкесск, 1974. — С. 65-73.

Гниловской В.Г. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX столетия: (историко-геогр. очерк) // Материалы по изучению Ставроп. края. — Ставрополь, 1952. — Вып. 4. — С. 175-218, карт.

Гниловской В.Г., Скрипчинский В.В. Из истории формирования архитектурного облика города Ставрополя // Материалы по изучению Ставроп. края.— Ставрополь, 1988. — Вып. 15—16. — С. 235-242.

Госданкер В.В. Ставрополь. Год первый // Ставроп. правда. — 1971. — 13 марта.

Госданкер В.В. Завиделся Ставрополь...: Путевые заметки далекой старины // Земля Ставропольская. — М., 2001. — С. 168-169.

Грищенко Н. Подземный Ставрополь // Ставроп. правда. — 2001. — 17 нояб.

Громова Е. «В нем хороший основательный ум...»: [О многообразной и плодотворной деятельности на благо России и Ставроп. губернии А.Ф. Реброва. Факты биографии и обществ. деятельности] // Ставроп. правда. — 2006. — 14 июля. — С. 3, фото. — (История края — история России).

Громова Е. Напрасно ждал Наполеон...: [Об авантюрном приключении корнета Р. Медокса (поручик Соковнин) на Кавказе в декабре 1812 г. и создании 1-го горского ополчения. По архив. материалам] // Ставроп. правда. — 2003. — 15 августа. — С. 3, фото. — (Причуды истории).

Доде З.В. У кургана на бурой земле // Земля Ставропольская. — М., 2001. — С. 37-40.

Ивановский В. Дети офицера Шульца: [Об одном из строителей Ставроп. крепости, командире Владимирского драгунского полка В. Шульце и его потомках — жителях Ставрополя] // Ставроп. губ. ведомости. — 2005. — 23 декабря. — С. 5. — (Город).

Ивановский В. Стакан воды решил судьбу: [Из истории водоснабжения г. Ставрополя в XIX—XXI вв.] // Ставроп. губ. ведомости. — 2005. — 21 июня. — С. 7, фото.

Каргаманова И., Коваленко А.Н. Главноначальствующий Кавказа — Иван Варфоломеевич Якоби: (К 280-летию со дня рождения) // Ставроп. хронограф на 2006 год. — Ставрополь, 2006. — С. 283-290.

Клычников Ю.Ю. Из истории г. Ставрополя 30-х годов XIX века // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 156-159. — Библиогр.: 14 назв.

Кудрявцев А.А. Ставрополь в истории края и России: К 225-летию Ставрополя // Вестник Ставроп. гос. ун-та. — 2002. — Вып. 30. — С. 7-18.

Кудрявцев А.А. Татарское городище — памятник федерального значения в окрестностях г. Ставрополя // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 152-156.

Кудрявцев А.А., Кемпинский Э.В. «История городов и сел Ставрополья»: результаты и перспективы // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 40-49. — Библиогр.: 6 назв.

Кудрявцев А.А., Кемпинский Э. В. Научное направление «История формирования северокавказского города и генезис городской цивилизации». // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 34-40. — Библиогр.: 4 назв.

Леонтьева Л. Город Креста: легенда и тайна // Ставроп. правда. — 1997. — 20 сент.

Леонтьева Л. Город с мистической судьбой // Рос. газета. — 1997. — 20 сент.

Маловичко С.И. Город с древнегреческим именем; История заселения Ставрополья // Лазурь. — 2000. — № 10. — С. 4-6, 8-10.

Маловичко С.И., Казаков Р.Б. Ставропольская старина взглядом «новой исторической науки» // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 17-28. — Библиогр.: 17 назв.

Маркелов Н.В. Алексей Петрович Ермолов: (К 190-летию со времени начала деятельности на Кавказе) // Ставроп. хронограф на 2006 год. — Ставрополь, 2006. — С. 125-131.

Мезенцев В. Еще не время, но пора подумать: [Местная легенда об истории закладки крепости] // Забор. — 1992. — 11 апр.

Мировицкий В. Крепость у Черного леса: здесь будет город... — А за плечами — ружья... — Суворов и Ставрополь. — Легенда и действительность. — Немного статистики // Молодой ленинец. — 1972. — 31 авг.

Мировицкий В. Тревожные годы: Шел 1812-й... Ставрополь — областной центр. — «Доставить под строгим караулом»... — Особое поручение // Молодой ленинец». — 1972. — 21 сент.

Несмачная С.И. Николай Степанович Заводовский // Ставроп. хронограф на 1999. — Ставрополь, 1999. — С. 236-240.

Несмачная С.И. Суворов в Предкавказье // Земля Ставропольская. — М., 2001. — С. 48-51.

Нечитайлов М.В. Из истории ставроп. гарнизона: создание в г. Ставрополе Кавказской резервной гренадерской бригады (1854) // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 287-284. — Библиогр.: 8 назв.

Орудина Л.Г. Историческая хроника: К 200-летию г. Ставрополя // Ставрополье. — 1974. — № 4. — С. 56-59; 1975. — № 3. — С. 48-51; № 4. — С. 65-68; 1976. — № 1. — С. 57-61; № 2. — С. 66-68; № 3. — С. 50-53; № 4. — С. 63-65; 1977. — № 1. — С. 63-66.

Орудина Л.Г. Ставрополь в старых и новых изданиях // Ставрополье. — 1982. — № 4; Ставрополье. — 1983. — № 3.

Охонько Н.А. Азово-Моздокская линия и ее роль в становлении России на южных рубежах: (к 225-летию со времени основания) // Ставроп. хронограф на 2002 год. — Ставрополь, 2002. — С. 246-254.

Охонько Н.А. Азово-Моздокская укрепленная линия как прообраз пограничной стражи на Северном Кавказе в конце XVIII — начале XIX века // История и основные этапы становления гос. границы на Юге России и перспективы развития ККОПО. — Ставрополь, 1997. — С. 8-15.

Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1988. — Вып. 15—16. — С. 243—291.

Охонько Н. А. Где хранить историю города? // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 4 сент.

Охонько Н. А. Забытые памятники российской славы: [Из истории крепостей Азово-Моздокской оборонит. линии] // Ставроп. правда. — 1997. — 4 июня.

Охонько Н.А. Знай свою родословную: рукопись / Ставроп. гос. краевед. музей имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. — 2004. — 12 с.

Охонько Н.А. Историко-культурное наследие Ставропольского края // Вестник Ставроп. гос. ун-та. — 1999. — Вып. 21. — С. 17-19.

Охонько Н.А. Историческая символика Ставропольского края // Ставропольский хронограф на 2004 год: краевед. сб. — Ставрополь, 2004. — С. 224-229.

Охонько Н.А. Кто основал Ставрополь: рукопись / Ставроп. гос. краевед. музей имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. — 1995. — 12 с.

Охонько Н.А. Кузьма Яковлев — первый глава Ставрополя: рукопись / Ставроп. гос. краевед. музей имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. — 1997. — 12 с.

Охонько Н.А. На границе Европы и Азии: рукопись / Ставроп. гос. краевед. музей имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. — 1994. — 14 с.

Охонько Н.А., Хоменко Ю., Белоконь В. О чем поведали раскопки // Вечерний Ставрополь. — 1991. — 6 авг.

Охонько Н.А. От первых изб до стиля «модерн» // Вечерний Ставрополь. — 1993. — 17 сент.

Охонько Н.А. Откуда пошел Ставрополь // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 3 июля.

Охонько Н.А. Покаяние требует дел // Вечерний Ставрополь. — 2003. — 29 июля.

Охонько Н.А. Ревнитель кавказской старины: [Г.Н. Прозрителев] // Земля Ставропольская. — М., 2000. — С. 143-145.

Охонько Н.А. Справка по истории каменных крестов на Ставропольской Крепостной горе: Рукопись / Ставроп. гос. краевед. музей имени Г.Н. Прозрителева и Г. К. Праве. — 1999. — 12 с.

Охонько Н.А. Тайны Крепостной горы // Вечерний Ставрополь. — 1991. — 1 авг.

Охонько Н.А. Тропою городских легенд: [О новых версиях в истории г. Ставрополя, его основания и основателях; Записала О. Метелкина] // Вечерний Ставрополь. — 1999. — 4 нояб. — С. 3.

Охонько Н.А. Что в имени твоем? // Ставроп. правда. — 1992. — 3 апр.

Охонько Н.А. Что строить на Крепостной горе? // Ставроп. правда. — 1997. — 19 февр.

Панаско Е. Ставрополь — «город Креста»? Нет: «старое поле»! // Ставроп. губ. ведомости. — 1998. — 13 мая. — С. 4.

Плужников В. Ворота Кавказа: Здесь Суворов не брал, а строил крепость // Муницип. власть. — 1999. — № 4-5. — С. 122-123. — (Родословная).

Польская Л.А. История г. Ставрополя в документах Центра документации новейшей истории Ставропольского края // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 75-79.

Ряснянская Н.А. Ставрополь — центр Кавказской области: (К 225-летию основания Ставрополя и 180-летию Ставрополя как центра Кавказской области) // Ставроп. хронограф на 2002 год. — Ставрополь, 2002. — С. 187-200.

Соснина Е.Л. К истории г. Ставрополя: (генезис места города и его роли в Северо-Кавказском регионе по сведен. франкоязычных путешественников нач. XIX века) // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 79—82. — Библиогр.: 2 назв.

Стащук Н.И. Заселение Ставрополья в конце XVIII века и в первой половине XIX века // Материалы по изучению Ставроп. края. — Ставрополь, 1952. — Вып. 4. — С. 137-173, карт.

Хоменко Ю.А. Очерки истории градостроительства Ставрополя // Жилищное строительство. — 1995. — № 2. — С. 25-27; № 10. — С. 27-29.

Хоменко Ю.А. Ставропольская крепость // Архитектура и строительство России. — 1990. — № 7. — С. 26-28, фото.

Шкарлупина Г.Д. Освоение территории Прикубанья: в контексте процессов урбанизации населения Северного Кавказа: [XVI в. — по наши дни; О деятельности А.П. Ермолова] // Историческая мозаика. — Ставрополь, 2002. — С. 207—237, табл.

Ставрополь в воспоминаниях

Архив Раевских: В 4 т. Т. 1 / Примеч. Б. Модзалевского. — СПб., 1908. — 575 с.

Из содерж.: [Письмо Н. Н. Раевского к дочери Е. Н. Раевской от 13 июня 1820 г. Описание Ставрополя-уездного города]. — С. 522.

Бентковский И.В. Генерал-лейтенант Алексей Александрович Вельяминов: (Воспоминания ставроп. старожила) // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 17; 1881. — № 12-13.

Бороздин К.А. Воспоминания о Н.Н. Муравьеве: [В т. ч. сведения о пребывании Н.Н. Муравьева — наместника на Кавказе — в Ставрополе и в Ставроп. губернии. 1853 год] // Исторический вестник. — 1890. — Т. 39. — С. 86-101.

Венюков М.И. Кавказские воспоминания (1861-1863): [Из воспоминаний М.И. Венюкова, офицера, географа и этнографа. В т. ч. описание г. Ставрополя] // Русский архив. — 1880. — № 1. — С. 400-448.

Верещагин В.В. Путешествие по Закавказью в 1864—1865 гг. // Всемирный путешественник. — 1870. — Т. 7, вып. 14. — С. 209-304.

Из содерж.: [Описание губернского г. Ставрополя]. — С. 218-219.

Воронов Н. Из «Дорожных заметок на разных путях Южной России» (1857) // Старейшая на Северном Кавказе: К 150-летию СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова: Сборник материалов. — Ставрополь. — 2002. — С. 111-125; То же: Белоконь С.В. Синий магистр. — Ставрополь, 1998. — С. 259-281.

Воспоминание о пребывании Императора Николая I Павловича в Ставрополе // Адрес-календарь и торгово-промышленная справочная книга Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1897. — С. 35—37.

Давыдов Д.В. Воспоминания о 1826 годе // Давыдов Д.В. Сочинения. — М., 1860. — Т. 1. — С. 1-19.

Из содерж.: [Описание г. Ставрополя]. — С. 11-12.

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова, 1798-1826 / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В.А. Федорова. — М.: Высш. шк., 1991. — 463 с.: ил.

Из содерж.: [г. Ставрополь]. — С. 303, 403.

Инсарский В.А. Записки // Русская старина. — 1895. — № 9. — С. 1-40; То же: Ставроп. хронограф на 1997. — Ставрополь, 1997. — С. 225-237.

Кавказская война: истоки и начало. 1770—1820 годы. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. — СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. — С. 21, 226—228.

Краснов В. Из воспоминаний о 1917—1920 гг. // Архив русской революции. — М., 1991. — Т. 8. — С. 111-164; Т. 11. — С. 107-131.

Лопатин Г.А. Герман Александрович Лопатин (1845—1918): Автобиография; Показания и письма; Статьи и стихотворения; Библиография / Подгот. к печати А.А. Шилов. — Пг.: Госиздат, 1922. — 220 с.

Милютин Д.А. Лето 1843 года в Ставрополе // Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843—1856. — М., 2000. — С. 27-37.

Носов. Описание города Ставрополя в 1840 году / Сообщил Г.Н. Прозрителев // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1913. — Вып. 5. — С. 1-10. — 14 паг.

Ольшевский М.Е. Кавказ 1841—1866 годов: [В т.ч. сравнительное описание областного и губернского г. Ставрополя (№ 6. — С. 575)] // Русская старина. — 1893. — № 6-9; 1894. — № 1-2, 6, 9, 11-12; 1895. — № 3-4, 6, 9-10.

Петров Г.И. НЭП в Ставрополе в воспоминаниях подростка тех времен (1923—1930 гг.). — Ставрополь: Ставроп. краев. тип., 2004. — 100 с.

Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу / Вступ. статья и примеч. С.С. Михайлова. — М.: Медгиз, 1952. — 359 с.: ил. — (Приоритет отеч. открытий в медицине).

Из содерж.: [Описание окрестностей г. Ставрополя]. — С. I-III, XXV.

Полторацкий В.А. Воспоминания В.А. Полторацкого // Исторический вестник, Т. 51. — 1893. — С. 39-86.

Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Пушкин А.С. Собр. соч. — М., 1964. — Т. 6. — С. 640-682.

Из содерж.: [г. Ставрополь]. — С. 644.

Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству: [В т.ч. описание уездного г. Ставрополя с земляною крепостью]. — СПб., 1809. — VI, 527, XIV с.; 10 вкл. л.

Сатин Н.М. Встреча с декабристами на Кавказе // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. — М., 1951. — Т. 3. — С. 318-320.

Скоковский Н.И. Сведения о городе Ставрополе // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1868. — Вып. 1. — С. 3-24. — Отд. 1.

Толстой В.С. Кавказские записки декабриста В.С. Толстого / Публ., коммент. В. А. Захарова // Сборник Рус. ист. о-ва. — М., 2000. — Т. 2 (150). — С. 109-149.

Толстой Л.Н. Казаки // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. — М, 1992. — Т. 6. — С. 3-150.

Из содерж.: [Описание г. Ставрополя]. — С. 13.

Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера: В 2 ч. — М.: Универ. тип. (Катков и К⁰), 1864. — 173 с.

Туровский Н.Ф. Дневник поездки по России в 1841 г. / Публ. А. Голомбиевского: [В т. ч. сведения о Кавказской области и г. Ставрополе] // Русская старина. — 1913. — Т. 155, кн. 8. — С. 492-505; То же: Ставроп. хронограф на 1997. — Ставрополь, 1997. — С. 238-245.

Федоров М.Ф. Походные заметки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказ, сборник. — Тифлис, 1879. — Т. 3. — С. 1-219. + Прил.: Приезд наместника кавказского, князя М.С. Воронцова в г. Ставрополь 27 сент. 1845 года. — С. 220-232.

Из содерж.: [Описание г. Ставрополя]. — С. 222-223.

Филипсон Г.И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона: [В т. ч. Ставрополь в 30—40-е годы XIX в.]. — М.: Универ. тип. (Катков и К⁰), 1885. — 361 с.

Хицунов П. Заметки по пути от реки Дона до Пятигорска с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестностей Минеральных Вод // Отечественные записки. — 1841. — Т. 17, № 7. — С. 1-13.

Хицунов П. Исторический, географический и статистический очерк городов Ставропольской губернии // Кавказ. календарь на 1848 год. — Тифлис, 1847. — С. 54 — 65; То же: Ставроп. хронограф на 1996. — Ставрополь, 1996. — С. 238-245.

Шаляпин Ф.И. Страницы моей жизни // Шаляпин Ф.И. Литературное наследство. — М., 1960. — Т. 1. — С. 11-113.

Годзевич Л.И. Ставрополь в начале века: Из воспоминаний Л. И. Годзевича // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 28 апр. — С. 2.

Чернов В. Из воспоминаний студента СГПИ // Ставроп. хронограф на 2006 год. — Ставрополь, 2006. — С. 396-400.

Ставрополь глазами современников / Сост. Л.Г. Орудина. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1976. — 143 с.: ил.

Путеводители, справочники, словари

Альбом видов губ. гор. Ставрополя и его окрестностей на 1907—1910 гг. — Ставрополь, 1912. — 10 с.: ил.; 26 л. ил., 2 карт. — (К 125-летию губ. гор. Ставрополя (на Кавказе). 1785-1910 гг. Труды Ставроп. ученой архивной комиссии).

Алфавитный список владельцев недвижимых имуществ, расположенных в г. Ставрополе: Составленных по сведениям на 1-е июля 1911 года. — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1911. — 238 с.

Алфавитный список домовладельцев губернского города Ставрополя. — Ставрополь: Типолитог. Т.М. Тимофеева, 1903. — 176 с.

Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу / По поручению ген.-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, главнонач. гражд. частью на Кавказе сост. Е. Вейденбаум, с 12 рис. и дорож. картою. — Тифлис: Тип. канц. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1888. — 434 с.: рис., 1 карта.

Из содерж.: [г. Ставрополь. — С. 17, 35, 47, 49, 51, 152, 288].

Зябловский Е. Землеописание Российской империи, царства Польского и Великого Княжества Финляндского, для употребления в губернских гимназиях. — СПб., 1822. — 591 с.

Из содерж.: [г. Ставрополь]. — С. 260.

Россия: Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга / Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 14: Новороссия и Крым. — СПб.: Девриси, 1910. — 982 с.: ил.; 2 л. ил.; 3 л. карт.

Из содерж.: [г. Ставрополь — С. 4, 34, 51, 58, 60, 62, 64, 66, 163, 179, 181, 897].

Табель домов и дворовых мест в губернском городе Ставрополе: Составленный городской полицией в порядке новой нумерации на основании циркуляра и инструкции Министерства внутренних дел 4 мая 1877 года, № 297 / Изд. Ставропольского статистического комитета; Печатано по распоряжению ставропольского губернатора; Под ред. члена-секретаря Ставропольского губернского статистического комитета И.В. Бентковского. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1881. — II, 208 с. — Указ. площадей, улиц, переулков и групп домов г. Ставрополя.

Табель домов и дворовых мест в губернском городе Ставрополе: Составленный счетчиками городской управы в 1896 году. — Ставрополь: Тип. Т.М. Тимофеева, 1896. — II, 162 с. — Указатель площадей, улиц, переулков и групп домов в гор. Ставрополе.

Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях / Изд. типографии М.Н. Корицкого; Сост. А. Твалчрелидзе (инспектор народных училищ). — Ставрополь: Тип. М.Н. Корицкого, 1897. — 742 с.

Яхонтов Е. Родной край: Ставропольская губерния: Краткое описание для учащихся в средних и низших учебных заведениях Ставропольской губернии / Предисл. «От автора» Е. Яхонтова. — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1911. — 49, [3] с. — Пособия и источники.

Динник Н. Ставрополь-Кавказский // Энцикл. словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1900. — Т. 31. — С. 389—390.

Крюков М. Некоторые города Ставропольской губернии // Кавказ. календарь на 1852 год. — Тифлис, 1851. — С. 354-360.

Ставрополь // Кавказский календарь на 1849 год. — Тифлис, 1848. — С. 75-77.

Ставрополь Кавказский: Историко-стат. очерк // Адрес-календарь и торгово-промышленная справочная книга Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1897. — С. 24-35.

Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Кавказ. календарь на 1855 год. — Тифлис, 1854. — С. 471-537, 2 литогр.

Ставрополь, губернский город Ставроп. губернии Кавказского наместничества // Географо-статистический словарь Российской империи. — СПб., 1873. — Т. 4. — С. 719-721.

Ставрополь-Кавказский: (Ист.-стат. очерк) // Адрес-календарь и торгово-промышленная справочная книга. — Ставрополь, 1897. — С. 24-35; То же: Ставроп. хронограф на 1995 год. — Ставрополь, 1995. — С. 173-181.

Гаазов В.Л. Прогулки по Ставропольской возвышенности: путеводитель. — Ставрополь: Сервисшкола, 2003. — 168 с.

Гаазов В.Л. Путешествие по ожерелью Северного Кавказа. — Ставрополь: Изд-во Надыршина, 2004. — 264 с.: 16 с. ил.

Гаазов В.Л., Лец М.Н. Сенгилей: путеводитель по Сенгилеевской котловине. — Ставрополь: Сервисшкола, 2004. — 112 с.

Гаазов В. Л., Лец М.Н. Ставрополь и его окрестности. Ставрополье в названиях. — Ставрополь: Изд-во Надыршин, 2006. — 720 с.: ил.

Гаазов В.Л., Лец М.Н., Гаджиева Л.Х. Тропою времени: путеводитель по Члинскому лесу и его окрестностям. — Ставрополь: Сервисшкола, 2003. — 142 с.

Гниловской В.Г., Госданкер В.В., Христинин Ю.Н. Два века: путеводитель. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1977. — 176 с.: ил.; 16 л. ил.

Госданкер В.В., Христинин Ю.Н. На сорок пятой параллели: путеводитель. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. — 127 с.: ил. ; 12 л. ил.

День моего города: Ставрополь: Фотоальбом / Авторы текста Ю. Христинин, А. Екимцев; Фото Ю. Васильева. — М.: Планета, 1976. — 73 л. цв. ил. — (К 200-летию г. Ставрополя).

Знакомьтесь — Ставрополь: путеводитель / Редкол.: И. Дворников, Н. Охонько, В. Триско и др. — Пятигорск: Вестник Кавказа, 1996. — 63 с.: ил.

Родное Ставрополье: Фотоальбом: Photograph album «Homeland Stavropol» / Гл. ред. Н.И. Дьяконова; Пер. с англ. В. Бабаян. — Ставрополь: Жемчужина Кавказа, 2006. — 163 с.: ил.

Ставрополь 225: Фотоальбом. — Ставрополь: Орфей, 2002. — 95 с.

Ставрополь: Своя строка в истории... Кн. 1: Очерки эконом. развития / Авт. текста Г. Беликов, П. Акинин, А. Леденев, Б. Ованесов; Сост. Н. Чеха. — Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 2002. — 160 с.

Ставропольский край: Путеводитель. — 1-е изд. / Сост. В. Белозеров, А. Панин, В. Чихичин. — М.: Авангард, 2005. — 176 с.: ил.

Из содерж.: Ставрополь. — С. 68-100.

Христинин Ю.Н. Гостю Ставрополя. — Ставрополь: Изд-во «Ставроп. правда», 1989. — 48 с.: ил.

Гниловской В.Г., Костельников В.Л. Ставрополье // Советский Союз: Геогр. списание. В 22 т. — М., 1968. — Российская Федерация. Европейский Юго-Восток. — С. 590-637.

Из содерж.: [О городе Ставрополе]. — С. 595-599.

Ставрополь // БСЭ. — 3-е изд. — М., 1976. — Т. 24, кн. 1. — С. 393.

Ставрополь // Города России: энцикл. — М., 1994. — С. 439-440, фото.

Ставрополь, исторический город // Энциклопедический словарь Ставропольского края. — Ставрополь, 2006. — С. 341-342, фото.

Страхов С.М. Главный город края // Страхов С.М. Приезжайте к нам на Ставрополье: Путеводитель. — М., 1969. — С. 27-43.

Грани губернской жизни

Бентковский И.В. Городские доходы и натуральные повинности // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 17-18.

Бентковский И.В. Городское хозяйство: Доходы и расходы городов Ставропольской губернии (по системе 1869 г.) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии.-Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 17-28. — (2 паг.); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1-8. — (12 паг.).

Бентковский И.В. Городское хозяйство: Ставропольский мясной и хлебный рынки // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 15.

Бентковский И.В. К вопросу о новой сети железных дорог на Северном Кавказе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1882. — 25 с.

Бентковский И.В. К вопросу о сети Кавказских железных дорог. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1869. — 19 с.

Бентковский И.В. Материалы для статистики народных бедствий в Ставропольской губернии: Пожары и градобития // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 24-25.

Бентковский И.В. Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии в 1875 году // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 28-42; То же: Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 1-42. — (Отд. 1).

Бентковский И.В. Народная нравственность в Ставропольской губернии по материалам с 1871 по 1878 гг. // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 33-34, 36.

Бентковский И.В. Наша общественная благотворительность // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 37.

Бентковский И.В. Несколько слов о климате в г. Ставрополе по метеорологическим наблюдениям с 1871 по 1878 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 4-6.

Бентковский И.В. О рельсовом соединении Ставрополя с Ростово-Владикавказской железной дорогой // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 13.

Бентковский И.В. Результат однодневной переписи населения города Ставрополя (17 декабря 1872 г.) // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1-25. — (15 паг.).

Бентковский И.В. Сведения о купцах, ведущих торговлю и промысловые обороты в Ставропольской губернии по гильдейским свидетельствам (1868 года) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 49-58. — (Отд. 2); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1-6. — (19 паг.).

Бентковский И.В. Сведения о стоимости продуктов ежедневного употребления при розничной продаже в городе Ставрополе // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1-5. — (21 паг.).

Бентковский И.В. Ставропольское купечество, его капиталы, торговля, промышленность и нужды // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 11-12.

Бентковский И.В. Статистика периодической прессы // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 41.

Годовой отчет Ставропольской городской управы: О приходе и расходе денежных сумм по всем капиталам, состоящим в ведении городской управы за 1891 год. Губ. гор. Ставрополь. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1892. — [49 с.].

Годовой отчет Ставропольской городской управы: О приходе и расходе денежных сумм по всем капиталам, состоящим в ведении городской управы за 1893 год. губ. гор. Ставрополь. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1894. — [20 с.].

Годовой отчет Ставропольской городской управы: О приходе и расходе денежных сумм по всем капиталам, состоящим в ведении городской управы за 1894 год. Губ. гор. Ставрополь.- Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1895. — [54 с.].

Двадцатипятилетие Ставропольского окружного суда: (17 апреля 1868 г. — 17 апреля 1893 г.) / Сост. А. Рудановский. — Ставрополь: Тип. «Северный Кавказ», 1893. — 4 с. — (Прил. к газ. «Северный Кавказ». — 1893. — № 30).

Журнал Ставропольской городской думы: Заседание 30 декабря 1886 года, № 180. — Ставрополь:[Тип. губ. правления], 1887. — 11 с.

Журнал Ставропольской городской думы: Очередное собрание 25-26 ноября 1899 года. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1899. — 30 с.

Маркович Б.А. Марко Вовчок на Кавказе. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1914. — 79 с.: ил.; 2 л. ил.: Памятник на могиле Марко Вовчка в Нальчике Терской обл.; Марко Вовчок (Мария Александровна Маркович, умерла 28 июля 1907 г.). — (Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 6).

Нечмиров Л.П. Петр Николаевич Нечмиров. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1913.-4 с. — (Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 5).

Никитин Б.Д. Записка о новых железных дорогах в Ставропольской губернии: По поручению Ставропольской соединенной железнодорожной комиссии / Сост. Б.Д. Никитин; Под ред. В.Г. Михайловского. — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1910. — 52 с. + Прил. (2 с.).

Никитин А.А. Метеорологические условия г. Ставрополя и Ставропольской губернии: За время с 1895 по 1913 г. вкл. / Изд. статистического отдела Ставропольской губернской земской управы; Предисл. И. Кокшайского, заведующего статистическим отделом; Примеч. автора очерка А.А. Никитина. — Ставрополь-губернский: Тип. С.В. Хаймовича, 1915. — 28 с. — (Текущая статистика; Т. 3).

По поводу Ставропольской центральной больницы.-Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1895. — 16 с. — (Прил. к газ. «Ставроп. губ. ведомости». — 1895. — № 16).

Прозрителев Г.Н. Необходимо охранять памятники — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1911. — 8 с.

Прозрителев Г.Н. Рельсовый путь по Ставропольской губернии. — Ставрополь: [Тип. губ. правления], 1904. — 14 с.

Прозрителев Г.Н. Шамиль в губ. г. Ставрополе. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1913. — 9 с.; 2 л. портр.: Шамиль; [Супруга Шамиля]. — (Сборник сведений о Северном Кавказе; Т. 9; То же: Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 8).

Роспись губернского города Ставрополя на 1892 год: Ч. 1: Расписание расходов. — [Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1893. — 34 с.].

Роспись губернского города Ставрополя на 1895 год: Ч. 1: Расписание расходов. — [Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1896. — 27 с.].

Роспись губернского города Ставрополя на 1897 год: Ч. 1: Расписание расходов. — [Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1898. — 24 с.].

Сборник обязательных постановлений Ставропольской городской думы для жителей губернского города Ставрополя, изданных на основании ст. 103-109 городового положения, высочайше утвержденного 16 июля 1870 года, и ст. 108-111 городового положения изд. 1892 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1900. — 38 с.

Смета доходов и расходов губернского города Ставрополя на... год. — Ставрополь, 1898—1917. — Загл. на 1898—1899 гг.: Смета доходов губернского города Ставрополя на Кавказе.

Торжество 125-летия губернского города Ставрополя на Кавказе // Ставроп. губ. ведомости. — 1910. — 8 мая.

Устав Ставропольского общественного собрания. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1890. — 26 с.

Цирюльников С.А. Ставропольская железная дорога, 1881-1890: Очерк истории железнодорожного вопроса за последнее десятилетие. — Ставрополь-Кавказский: В тип. губ. правления, 1891. — 39 с.

Городовое положение (Высочайше утвержденное от 11 июня 1892 г.) // Памятная книжка Ставроп. губернии на 1893 год. — Ставрополь, 1893. — С. 203-226. — (В т. ч. о городской думе).

Городское хозяйство и деятельность городской полиции в Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 45.

Григорьев Я. Ставрополь-Кавказский // Санкт-Петербургские Ведомости. — 1857. — № 191.

Губернский город Ставрополь // Ставроп. губ. ведомости. — 1850. — 18, 25 февр. — Ч. неофиц.

Евсеев Д.И. — первый редактор-издатель газеты «Северный Кавказ» // Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. — Екатеринодар, 1914. — С. 46-51, между с. 40-41: портр.

О проезде Шамиля через Ставрополь // Ставроп. губ. ведомости. — 1859. — № 37.

Однодневная перепись жителей г. Ставрополя // Правительственный вестник. — 1873. — № 17.

Открыт в г. Ставрополе Дом для беспомощных: [Дом беспомощных (богодельня) давал приют, питание и одежду престарелым беднякам] // Ставроп. Епарх. Ведомости. — 1898. — № 13. — 1 июля. — С. 688-691.

Антология социальной работы в России и на Ставрополье. Вып. 1 / Северо-Кавказ. соц. ин-т: Сост.: М.Н. Коныгина и др. — Ставрополь: Сервисшкола, 2002. — 320 с.

Антология социальной работы в России и на Ставрополье. Вып. 2 / Северо-Кавказ. гос. техн. ун-т: сост.: М.Н. Коныгина и др. — Ставрополь: Сервисшкола, 2004. — 528 с.

Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. — Красноярск: Кн. изд-во, 1990. — 383 с.

Ильинская Т.Н. Скрипок осенних протяжное пенье... — М.: Полиграф-сервис, 2005. — 68 с. — (Памяти родных).

Ильинская Т.Н. Вспоминал с любовью: [О жизни и творчестве нашего земляка, известного русского писателя И.Д. Сургучева; Беседа с его внучкой Т.Н. Ильинской; Публ. подгот. Н.Ф. Блохин] // Кавказ. здравница. — 2006. — 18 марта. — С. 5, фото; 1 апр. — С. 5, фото.

Ильинская Т.Н. Листья на снегу: [К 125-летию И.Д. Сургучева] // Литературное Ставрополье. — 2006. — № 3-4. — С. 322-335.

Илья Сургучев — человек и писатель: Сб. материалов научно-практ. конф. (28 февр. — 2 марта 2006 г.) / СГУ; СКУНБ имени М. Ю. Лермонтова; Отв. ред. А.А. Фокин. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2005. — 230 с. — (Сургучевские чтения — 2006).

Кравченко В.Н. Кавказские были. — Ставрополь: Юркит, 2005. — 102 с.

Кравченко В.Н. Михаил Юрьевич Лермонтов в Ставрополе. — Ставрополь: ЮРКИТ, 2006. — 102 с.

Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. Исследования 1900—2004 гг.: Антология / Отв. ред. В.А. Шаповалов; Ред. К. Э. Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. — 894 с.

Лорер Н.И. Записки декабриста. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. — 416 с. — (Сер. «Полярная Звезда»).

Маркелов Н.В. А.С. Пушкин и Северный Кавказ. — М.: Гелиос, 2004. — 254 с.

Надеждин Н.П. Кавказский край: Природа и люди. — 2-е изд., доп. — Тула, 1895. — 448 с.: ил.

Назимов М.А. Письма, статьи / Подгот. и вступ. ст. О.В. Попова. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — 240 с. — (Сер. «Полярная Звезда»).

Ованесов В.Т. Армянская община города Ставрополя. — Ставрополь: Ставроп. краев. тип., 2005. — 278 с.

Ованесов Б.Т., Судавцов Н. Д. Здравоохранение Ставрополья в конце XVIII — начале XX вв. — Ставрополь, 2002. — 212 с.

Из содерж.: Здравоохранение городов Ставропольской губернии. — С. 67-85.

Попов А.В. Декабристы-литераторы на Кавказе. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1963. — 168 с.

Розен А.Е. Записки декабриста. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. — 480 с. — (Сер. «Полярная Звезда»).

Савельева В.В. Природа города Ставрополя: Учеб. пособие: (К 225—летию г. Ставрополя). — Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. — 192 с.

Савельева В.В., Годзевич Б.Л. Природное и природно—культурное наследие Ставрополья. — Ставрополь: Сервисшкола, 2001. — 112 с.

Социальная работа: Региональный контекст: Науч.-попул. альманах / Гл. ред. Шиянов Е. — Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. — 175 с.

Спиркин Д.Я., Беликов Г.А. Вода есть жизнь. — Ставрополь: ГПИПФ «Ставрополье», 1999. — 223 с.: ил.

Л.Н. Толстой: жизнь, судьба, творчество. Кавказский контекст: Третьи Толстовские чтения на Кавминводах / Отв. ред. Л. И. Краснокутская. — Пятигорск: Изд-во СГТУ, 2004. — 70 с.

Фокин А.А. Илья Дмитриевич Сургучев: проблемы творчества. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. — 368 с: ил. — (Филолог. серия СГУ).

Агамов А. Шли годы — строился и хорошел город Креста // Вечерний Ставрополь. — 1991. — 14 сент. С. 1, 3.

Белоконь В.В. Таким видел Ставрополь Михаил Лермонтов // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 4 авг. — С. 3.

Беляева М.В. Формы работы и направления деятельности Ставроп. Красного Креста (1869—1917 гг.) // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 284-287.

Булыгина Т.А. Декабристы на Кавказе // Ставроп. хронограф на 2006 год. — Ставрополь, 2006. — С. 319-326. — (Люди и события).

Булыгина Т.А. Из жизни города Ставрополя в эпоху «протоурбанизации» // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 143-148. — Библиогр.: 11 назв.

Булыгина Т.А. Интеллектуальное пространство г. Ставрополя как объект исторического изучения // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 49-54.

Вантеева Н.В. Благотворительная практика городских властей в Ставрополе в XIX — начале XX века // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 133-136. — Библиогр.: 6 назв.

Водолажская В. Во весь опор за императорским призом // Ставроп. правда. — 2000. — 30 дек. — С. 3, фото. — (Наша старина).

Водолажская В. Картинки столетней давности // Ставроп. правда. — 2000. — 30 дек. — С. 3, фото. — (История края — история России).

Водолажская В. «Определить на службу рядовым...»: [О декабристах, сосланных на Кавказ и побывавших в г. Ставрополе] // Ставроп. правда. — 1974. — 18 июля.

Водолажская В. 100 лет назад: [Ставрополь в 1877 году] // Ставроп. правда. — 1977. — 22 окт.

Гарунова Н.Н. Кизлярско-ставропольские торгово-экономические связи в XVIII — начале XX в. // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 159-162. — Библиогр.: 4 назв.

Госданкер В.В. В этом роду никто не был посредственностью: (К 150-летию со дня рождения Антона Ивановича Твалчрелидзе) // Ставроп. хронограф на 2004 год. — Ставрополь, 2004. — С. 18-22.

Госданкер В.В. Историк-кавказовед И.В. Бентковский: (Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности): [Об одном из выдающихся летописцев Ставрополья и Кубани. Работы ученого по истории г. Ставрополя представляют большой интерес] // Материалы по изучению Ставроп. края. — 1976. — Вып. 14. — С. 222-251. — Список лит.: 65 назв. — «Библиогр. указ. историко-статистических материалов и статей И. В. Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1853 по 1888 г.». — С. 246-251.

Громова Е. Столетней давности проблемы: [О проблемах хозяйственной жизни Ставрополя 1903 г.; факты из жизни гор. головы Н. Иванова. О культурной жизни города. По материалам Госархива] // Ставроп. правда. — 2003. — 20 сент. — С. 2.

Громова Е. Тогда городничим был некто З...: [О ставроп. градоначальнике И.И. Зервальде (назначен в мае 1795 г.). Некоторые сведения из истории г. Ставрополя этого времени] // Ставроп. правда. — 2003. — 11 июня. — С. 3. — (История в лицах).

Дворникова И. Жажда свободы: [О Г. Лопатине и его пребывании в Ставрополе] // Молодой ленинец. — 1975. — 5 дек.

Дегтярева Н.А. Потребительская кооперация на Ставрополье в нач. 20-х гг. XX века // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 164-168. — Библиогр.: 13 назв.

Зозуля И. В. Страницы истории введения суда присяжных заседателей на Ставрополье: (К 100-летию со дня открытия) // Ставроп. хронограф на 2006 год. — Ставрополь, 2006. — С. 266-274.

Иванов А. Царь — освободитель на Ставрополье: К 180-летию со дня рождения Александра II // Ставроп. губ. ведомости. — 1998. — 30 апр. — С. 7.

Ивановский В. Забыт незаслуженно: [О вкладе генерала-фельдмаршала А. И. Барятинского в развитие Кавказ. края и Ставрополя, переплетении его судьбы с судьбой М. Ю. Лермонтова] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 9 июня. — С. 9, фото. — (История).

Ивановский В. Колонисты Ставрополья: [О шотландской и немецких колониях-поселениях на территории края (Каррас, Иогансдорф), трудовых колониях в Ставрополе] // Ставроп. губ. ведомости. — 2006. — 1 апр. — С. 4, рис. — (Взгляд в прошлое).

Кемпинский Э.В. Николай I: (К 210-летию со дня рождения) // Ставроп. хронограф на 2006 год. — Ставрополь, 2006. — С. 141-144.

Коваленко Т. Ставропольские приюты // Ставроп. правда. — 2001. — 24 авг. — С. 2.

Колесникова М.Е. Ставропольская ученая архивная комиссия: (К 100-летию образования) // Ставроп. хронограф на 2006 год. — Ставрополь, 2006. — С. 63-77.

Кочкарева Л.Н. Николай Васильевич Майер: (К 200-летию со дня рождения) // Ставроп. хронограф на 2006 год. — Ставрополь, 2006. — С. 219-227.

Кравцова Т.Ю. Георгий Константинович Властов: (К 175-летию со дня рождения) Ставроп. хронограф на 2002 год. — Ставрополь, 2002. — С. 266-273.

Кравченко В. Не говорите мне: он умер. Он — живет! [О ставропольском периоде жизни выдающ. осетинского поэта К. Хетагурова (гимназия, семья В. Смирнова, обществ. и журналистская деятельность)] // Ставроп. правда. — 2006. — 7 июля. — С. 3, фото. — (История края — история России).

Кузнецова Н.А. Фотографическое дело в Ставрополе (1843—1917 гг.) // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 221-224. — Библиогр.: 8 назв.

Кузнецова С. Учитель Маяковского: [О первом директоре и организаторе Ставропольского учительского института (1912), бывшем учителе Кутаисской гимназии, в которой учился В. В. Маяковский, В. Васильеве] // Молодой ленинец. — 1977. — 2 апр.

Леденев А. И тогда за дело взялся Антон Груби // Ставроп. губ. ведомости. — 1998. — 24 июня. — С. 5.

Леденев А. Храмы и розы вырастали на глазах // Вечерний Ставрополь. — 2003. — 20 сент. — С. 3.

Маркелов Н.В. «Я сейчас приехал только в Ставрополь...»: (К 190-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова) // Ставроп. хронограф на 2004 год. — Ставрополь, 2004. — С. 175-191.

Метелкина О. Город и его зодчие // Вечерний Ставрополь. — 1994. — 18 авг.

Метелкина О. Городской роман: Глава о том, как ставропольские уголовники оказались на выставке: [О преступном мире прошлого века в Ставрополе] // Вечерний Ставрополь. — 1999. — 7 апр. — С. 5.

Мишин А. И. Неверов и его роль в общественной жизни Ставрополя: [Я.М. Неверов (1810—1893) — директор Ставропольской мужской гимназии (1850—1860), главный инспектор учебных заведений Кавказа (1864—1867), попечитель Кавказского учебного округа] // Материалы по изучению Ставроп. края. — 1976. — Вып. 14. — С. 313-321.

Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Ставропольское медицинское общество: (К 120-летию со времени организации) // Ставроп. хронограф на 2004 год. — Ставрополь, 2004. — С. 208-215.

Романовский В.А. Солдаты-декабристы на Кавказе // Сборник трудов ист.-фил. факультета Ставроп. пед. ин-та. — Ставрополь, 1958. — Вып. 13. — С. 15-37.

Ряснянская Н.А. Ставропольский городской глава Н.М. Плотников: (К 150-летию со дня смерти) // Ставроп. хронограф на 2002 год. — Ставрополь, 2002. — С. 273-283.

Судавцов Н.Д. Николай Степанович Заводовский: (К 215-летию со дня рождения) // Ставроп. хронограф на 2004 год. — Ставрополь, 2004. — С. 236-241.

Судавцов Н.Д. Дмитрий Алексеевич Милютин: (К 190-летию со дня рождения) // Ставроп. хронограф на 2006 год. — Ставрополь, 2006. — С. 145-154.

Судавцов Н.Д. Сергей Иванович Ртищев — почётный гражданин города Ставрополя: (К 150-летию со дня рождения) // Ставроп. хронограф на 2004 год. — Ставрополь, 2004. — С. 291-298.

Туз Г. Город как текст: [О системе знаков Солнца, Воды в старой городской архитектуре Ставрополя, исследованиях группы под руководством профессора СГУ К. Штайн] // Ставроп. правда. — 2004. — 9 июля. — С. 3, фото.

Чеха Н. «Принадлежность к роду Волобуевых обязывает...»: [Воспоминания о благотворит. деятельности почет. гражданина Ставрополя, купца I гильдии И. Волобуева (XIX в.), продолжение традиций рода] // Вечерний Ставрополь. — 2004. — 25 сент. — С. 5. — (Знаменитые предки).

Шеховцова Н. Пивной рай // Ставроп. правда. — 2001. — 13 июля. — С. 3.

Штайн К.Э., Бобылев С.Ф., Петренко Д.И. Камень и солнце: Традиционный уклад Ставрополя в семиотической проекции // Штайн К.Э., Бобылев С.Ф., Петренко Д.И. Язык современной исторической науки: Семиотический анализ исторического текста. — Ставрополь: СГУ, 2006. — С. 177-424.

Ставрополь — источник просвещения

Акт и конкурс Ставропольской классической гимназии 18-го октября 1870 года. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1870.-30 с.

Бентковский И. В. Обозрение XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению Св. Александры / Изд. Ставропольского губернского статистического комитета; Сост. членом-секретарем Ставропольского губернского статистического комитета И.В. Бентковским. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1877. — II, 236 с.: 1 портр.: (Е.К. Воронцова, княгиня, основательница женского благотворительного общества Св. Александры в Ставрополе на Кавказе); 1 л. ил.: Женское учебное заведение Святой Александры в г. Ставрополе + Планы строений женского учебного заведения Святой Александры в г. Ставрополе. — (Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии; Вып. 8).

Бентковский И.В. Ставропольский губернский статистический комитет: Первое XXV-летие с 1858 по 1883 г.: Доклад действительного члена-секретаря И.В. Бентковского в общем заседании статистического комитета 25 ноября 1883 г. в день 25-летнего юбилея. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1883. — 79 с. — Каталог монографий, историко-статистических и этнографических статей, статистических таблиц и разных справочных сведений, помещенных в изданиях Ставропольского статистического комитета членами его и в местных губернских ведомостях; Личный состав Ставроп. губ. статистического комитета на 25 ноября 1883 года. — На обл. загл.: Ставропольский губернский статистический комитет. Первое 25-летие с 1858 по 1883.

Бентковский И.В. Народное образование: (Сведения за 1869 год) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 73-92. — (Отд. 2).

Бентковский И.В. Народное образование // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 48.

Бентковский И.В. Первое приходское училище в г. Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 13; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. —Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1-4. — (6 паг.).

Бентковский И.В. Сведения о Ставропольском женском училище 1-го разряда // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 82-87. — (Отд. 2); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 9-15.

Грушевский С.Ф. О воскресных и вечерних школах для взрослых. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1876. — 37 с.

Каталог библиотеки Ставропольского губернского статистического комитета / Изд. Ставропольского губернского статистического комитета. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1871. — 54 с. — (Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии; Вып. 4).

Каталог библиотеки Ставропольского коммерческого клуба. — Ставрополь: Электропечатня М.Т. Вайнблата, 1911. — 69 с.

Каталог картин 1-й художественной выставки 2-го общественного собрания / Изд. второго Ставропольского общественного собрания. — Ставрополь: Тип. наследников Берка, 1912. — 8 с.

Каталог книг Ставропольской городской общественной библиотеки. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1881. — 78 с.

Каталог книг и периодических изданий Ставропольской городской общественной библиотеки. — Ставрополь: Тип. Т.М. Тимофеева, 1891. — 175 с.

Каталог первой Ставрополь-Кавказской губернской выставки животноводства с сельскохозяйственным и промышленным отделами, устроенной Ставропольским городским сельскохозяйственным обществом совместно с Северо-Кавказским обществом животноводства в губернском городе Ставрополе с 26 сентября по 9 октября 1911 года. — Ставрополь: Тип. «Северный Кавказ», 1911. — 78 с.

Каталог ученической библиотеки при Ставро-польской гимназии, составленный в 1874 году / Сост. в 1874 г. под ред. библиотекаря

М.В. Краснова. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1874. — 28 с.

Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии: Составленная М. Красновым / Сост. и предисл. «Вместо предисловия» М. Краснова. — Ставрополь: В типографии губ. правления, 1887. — [1], IV, [1], 90, [1], 163, 54-314 с.: схем. — Изд. конволют. — В одном перепл.: Учебные заведения в Ставрополе-Кавказском до 1837 г.; Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии (1837—1887 гг.): Составлена преподавателем М.В. Красновым. + Прил. (51 с.): Статистические сведения о Ставропольской гимназии (за 1837—1887 гг.).

Краснов М. Историческая справка к двадцатипятилетию общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1913. — 69 с. — (Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 4, ч. 1).

Краснов М. Просветители Кавказа. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1913. — 102 с. — (Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 5, 6).

Краснов М. Ученическая читальня при Ставропольской мужской гимназии // Ставроп. губ. ведомости. — 1873. — № 50-52.

Краткий путеводитель по выставке, устроенной Ставропольским обществом содействия воспитанию и защиты детей, 1898—1899 гг. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1899. — 60 с.

Описание торжества, происходившего в Ставропольской гимназии 18 октября 1887 года по случаю исполнившегося 50-летия существования ее. — Ставрополь:[Тип. Ставроп. губ. правления], 1887. — 30 с.

Отчет городской училищной комиссии за 1904—1905 учебный год и отчеты по земельному и лесному хозяйству, городским лечебницам, бесплатной библиотеке и другие за 1904 год. — Ставрополь: Тип. наследников В.В. Берка, 1906. — 68, [2] с.

Отчет за 1886 год о состоянии Ставропольской женской Святой Александры гимназии, содержимой благотворительным обществом Святой Александры, состоящим под покровительством ее величества, государыни императрицы. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1887. — 64 с.

Отчет за 1888—1889 годы о состоянии Ставропольской женской гимназии Святой Александры, содержимой благотворительным обществом Св. Александры. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1891. — 35 с.

Отчет за 1890 и 1891 годы о состоянии Ставропольской женской гимназии Святой Александры, содержимой благотворительным обществом Святой Александры, состоящим под августейшим покровительством ее величества государыни императрицы. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1893. — 24 с.

Отчет комитета общества для содействия распространению народного образования в городе Ставрополе-Кавказском за 1892—1893 учебный год. — Ставрополь: Тип. К.Г. Ткачева, 1894. — 54 с.

Отчет о состоянии Ставропольского Михайловского ремесленного училища за 1887 год. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1888. — 14 с.

Отчет о состоянии Ставропольского Михайловского ремесленного училища за 1912 гражданский год: Время учреждения училища 18 июня 1872 г. Время открытия училища 6 декабря 1872 г. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1913. — 17 с.

Отчет о состоянии Ставропольской женской гимназии Св. Александры, содержимой благотворительным обществом Св. Александры, состоящем под покровительством ее величества государыни императрицы за 1887 год.-Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1888. — 73 с.

Отчет общества для содействия распространению народного образования в городе Ставрополе за... учебный год. — Ставрополь, 1891—1896, 1900—1901, 1904.

Отчет по изданию трудов Ставропольского губернского статистического комитета, его библиотеки и по Ставропольскому музею Северного Кавказа за 1905—1906 гг. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1908. — 59 с.

Отчет попечительного совета Ставропольской женской гимназии за 1874—1875 учебный год. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1875. — 76 с.

Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей за... год. — Ставрополь, 1900—1915.

Отчет Ставропольского женского благотворительного общества Святой Александры «По женской гимназии Святой Александры» за 1880—1881 годы. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1881. — 20 с.

Отчет Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александры о состоянии Ставропольской женской гимназии Св. Александры за 1883/1884 учебный год / Отчет подписал директор ставропольских женских гимназий М. Завадский. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1885. — 63 с. — (Прил. к неофициальной части газ. «Ставроп. губ. ведомости». — 1885. — № 11).

Отчет Ставропольского коммерческого клуба за 1906—1907 год. — Ставрополь-губернский: Тип. «Печатник» М.Т. Вайнблата. Под управлением С.В. Хаймовича, [1908]. — 60 с.

Отчет Ставропольского коммерческого клуба за 1913 год. — Ставрополь: Тип. С.В. Хаймовича, 1914. — 22 с.

Отчет Ставропольского коммерческого клуба за 1915 год. — Ставрополь-губернский: Тип. С.В. Хаймовича, 1916. — 28 с.

Отчет Ставропольского отделения Императорского русского музыкального общества и состоящих при нем музыкальных классов за 1902—1903 гг. — Ставрополь: Тип. «Северного Кавказа» наследников В.В. Берка, 1903. — 81 с.

Отчет Ставропольского отделения Императорского русского музыкального общества и состоящих при нем музыкальных классов за 1903—1904 гг. — Ставрополь: Тип. наследников В. В. Берка «Северный Кавказ», 1904. — 85 с.

Отчет Ставропольского отделения Императорского русского музыкального общества и состоящих при нем музыкальных классов за 1904—1905 гг. — Ставрополь-губернский: Тип. наследников В.В. Берка, 1905. — 79 с.

Отчет Ставропольского отделения Императорского русского музыкального общества и состоящих при нем музыкальных классов за 1904—1905 год. — Ставрополь: Тип. наследников Берка, 1906. — 79 с.

Правила о городских попечительствах, учреждаемых в губ. гор. Ставрополе для сбора пожертвований, оказания помощи нуждающимся и постоянного наблюдения за ними. — Ставрополь-губернский: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1902. — 14 с.

Рослякова Л.А. Систематический каталог книг и учебных пособий ученической и фундаментальной библиотек Ставропольской Ольгинской женской гимназии / Сост. в 1906 году зав. библиотекой Л.А. Росляковой. — Ставрополь-губернский: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1907. — 110 с.

Рослякова Л.А. Систематический каталог книг и учебных пособий ученической и фундаментальной библиотек Ставропольской Ольгинской женской гимназии. — 1-е доп. / Сост. Л.А. Рослякова, заведующая библиотекой. — Ставрополь-губернский: Тип. «Товарищество», 1913. — 72 с.

Сергеенко В.С. Исторический очерк состояния Ставропольской Ольгинской женской гимназии (1861—1897): К двадцатипятилетию Ставропольской Ольгинской женской гимназии. — Ставрополь: Тип. «Северного Кавказа» В.В. Берка, 1899. — 104 с. [2]. + Прил.: Именной список должностным лицам Ставропольской Ольгинской женской гимназии; Список учениц, окончивших курс в Ольгинской гимназии (с 1868 по 1897 г.); Источники содержания: Расходы, 1884—1890 гг., 1884—1896 гг.; Распределение учащихся по национальностям, сословиям и вероисповеданиям, 1884—1896 гг.; Число вновь поступивших, 1861—1896; Число окончивших курс, 1868—1897; Число учениц, получивших свидетельства на звание домашних наставниц и учительниц.

Ставропольский музей Северного Кавказа: Его задачи и программы по отделам. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1906. — 81 с.

Устав общества вспомоществования недостаточным ученицам ставропольских женских гимназий: Ольгинской и Св. Александры. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1887. — 8 с.

Устав общества вспомоществования недостаточным ученицам ставропольских женских гимназий. — Ставрополь: [Тип. губ. правления], 1891. — 8 с.

Устав общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе [на Кавказе]. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1878. — 35 с.

Устав общества для содействия распространению народного образования в губ. гор. Ставрополе и Ставропольской губернии. — Ставрополь-губернский: Тип. наследников Берка «Северный Кавказ», 1912. — 14 с.

Устав общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе (на Кавказе). — Ставрополь: Тип. К.Г. Ткачева, 1890. — 42 с.

Устав Ставропольского Михайловского ремесленного училища. — Ставрополь-Кавказский: Тип. Науменко, 1873. — 17 с.

Устав Ставропольского на Кавказе общества помощи бедным. — Ставрополь: Тип. Т.М. Тимофеева, 1897. — 24 с.

Устав Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей. — Ставрополь: Тип. В. В. Берка, 1898. — 6 с.

Училище-пансион Алексея Саввича Забелло. — Ставрополь-губернский: Тип. Петра Науменко, 1913. — 15 с.

Анопкин А. Статистические сведения и замечания об уездных и частных училищах на Кавказе: в гг. Ставрополе, Георгиевске, Пятигорске, Моздоке и Кизляре и о средствах, какие имеются в настоящее время для образования женщин на Кавказе // Русский педагогический вестник. — 1858. — № 9. — С. 1-13. — Отд. 3.

Ершов А. Школьный праздник древонасаждения в г. Ставрополе // Северокавказ. край. — 1911. — № 27. — 20 апр. — С. 3.

К 75-летнему юбилею Ставропольской мужской гимназии // Северо-Кавказский край. — 1912. — № 417, 418.

Кувшинский И.П. Некоторые биографические сведения о Я.М. Неверове: (Извлечение из речи, читанной на юбилейном акте Ставроп. Ольгинской гимназии) // Сев. Кавказ. — 1897. — № 81. — 9 окт.

Михайловское ремесленное училище в Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 52.

Наша публичная библиотека // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 12.

Нестеров Л. Размышления о Ставропольском театре // Ставроп. губ. ведомости. — 1869. — № 6.

О мерах, принятых к поддержанию русского театра в Ставрополе (Кавказском) // Ставроп. губ. ведомости. — 1870. — № 10.

Прозрителев Г.Н. Герман Лопатин в Ставрополе на Кавказе: (Материалы к биографии) // Записки Северо-Кавказского краев. о-ва археологии, истории и этнографии. — Ростов н/Д., 1929—1930. — Кн. 1 (т. 3), вып. 5-6. — С. 71-74; То же: Ставроп. правда. — 1990. — 17 марта.

Прозрителев Г.Н. К истории Ставропольского и Тифлисского театров // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1910. — Вып. 2. — С. 1-4. — 12 паг.

Тутанюк. Исторический очерк Ставропольского театра // Север. Кавказ. — 1885. — 24 янв.

Фарфоровский С.В. Из истории первого театра в Ставрополе: (Архивная картинка) // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — Ставрополь, 1910. — Вып. 2. — С. 1-2. — 10 паг.

Юхотников Ф. Ученические конкурсы в Ставропольской гимназии // Русский пед. вестник. — 1858. — № 6. — С. 39-49. — Отд. 3.

Белоконь С.В. Синий магистр: Повесть: [О Я.М. Неверове]. — Ставрополь: ЮРКИТ, 1998. — 336 с.: ил.

Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. Серии: (Гуманитарные науки), (Естественнонаучная), (Нефть и газ), (Продовольствие), (Экономика). — Ставрополь: Сев.-Кав. ГТУ, 1997—2005.

Вестник Ставропольского государственного педагогического института: науч. журн. Вып. 1-5. — Ставрополь: СГПИ, 2003—2005.

Вестник Ставропольского государственного университета: ежекварт. науч. журн. Вып. 1-40. — Ставрополь: Изд—во СГУ, 1995-2005.

Вестник Ставропольского института им. В.Д. Чурсина. — Ставрополь: Ин-т им. В. Д. Чурсина, 1999—2005.

Гатагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. — М.: РИД «Россия молодая», 1993. — 143 с.

Глагол будущего: Педагогический дискурс Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века: Сб. тр. науч.-метод. семинара «Textus». Вып. 8: В 2 Ч. Ч. 1: Труды Я. М. Неверова, конкурсные сочинения гимназистов / Под ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. — 376 с.

Глагол будущего: Педагогический дискурс Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины

XIX века: Сб. тр. науч.—метод. семинара «Textus». Вып. 8: В 2 Ч. Ч. 2: Исследования о ставропольской гимназии / Под ред. К. Э. Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. — 520 с.

Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / Под ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. — 1056 с.

Госданкер В.В. Непрошедшее время: (субъективные записки старого музейщика). — Ставрополь: СКНУБ, 2004. — 108 с.

Госданкер В.В. От прошлого нельзя отряхнуться: (музейные поиски, находки, встречи). — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. — 251 с.

Достояние: Музеи Ставропольского края / Ставроп. краев. музей изобразит. искусств; Сост. З.А. Белая. — Ставрополь, 2004. — 70 с.

Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX — начале XX века. — Нальчик: Эльбрус, 1991. — 160 с.

Миронов Г.М., Миронов Л. Г. Герман Лопатин: [худож.-докум. повествование]. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1984. — 397 с.

Научно-инновационная деятельность Ставропольского государственного университета / Под ред. В.А. Шаповалова. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006 — 191 с.

Охонько Н.А., Савенко С. Н. Концепция сохранения, использования и дальнейшего развития Ставропольской Крепостной горы. — Ставрополь, 2002. — 35 с.

Поздняева З.М. Живая душа искусства: страницы истории культуры Ставрополья. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. — 315 с.

Поздняева З.М., Лычагин В. М. Театр и время: очерки истории Ставропольского краевого драматического театра им. М. Ю. Лермонтова (1845—1985) / Отв. ред. В.А. Шаповалов — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. — 336 с.

Прозрителев Г.Н. Музей Северного Кавказа (В Ставрополе-Кавказском). — Владикавказ, 1924. — 7 с.

Прозрителевские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф. Вып. 1 / Ставроп. гос. краевед. музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве; Отв. ред. Н.А. Охонько. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2005. — 152 с.

Пухальская Г.Н. «Театр: время перемен. XX век»: Статьи. Очерки. Портреты. — Ставрополь: ООО «ЮРКИТ», 1999. — 232 с.

Селунская И. Ставропольский государственный краеведческий музей имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Роман о музее / Науч. ред. Н.А. Охонько. — Пятигорск: Вестник Кавказа, 2005. — 120 с.: ил.

Сорокапятилетний юбилей Григория Николаевича Прозрителева. — Ставрополь: Тип. окриздата, 1929. — 31 с.

«Ставрополь: своя строка в истории...». Кн. 2: Очерки истории образования и медицины / Фонд поддержки культурных программ им. В.Д. Беневского; Авт. текста: Г.А. Беликов, А.Ю. Леденев, Б.Т. Ованесов; Сост. Н.В. Чеха. — Ставрополь: Фонд духов. просвещения, 2003. — 159 с.: ил. — (Город. ист. б-ка).

Ставропольский дворец культуры и спорта профсоюзов ждет вас! / Под ред. В. Триско. — Пятигорск: Вестник Кавказа, 1995. — 63 с.

Ставропольский краевой музей изобразительного искусства / Авт. статей, аннотаций и сост. каталога З. Белая, О. Бендик, Л. Волошенко. — М.: Белый город, 2004. — 64 с.

Старейшая на Северном Кавказе: К 150-летию Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова: Сб. материалов / СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова; отв. ред. Л.П. Дуренко; Сост. М.В. Агаркова, М.С. Коршунов, Т.Ю. Кравцова. — Ставрополь: ГУП «Ставроп. краев. тип.», 2002. — 246 с.

Лепилкина О.И. История Ставропольской журналистики: Учеб. пособие — хрестоматия: Ч. 1: XIX — начало XX вв. (дооктябрьский период). — Ставрополь: Изд-во СтГАУ «АГРУС», 2005. — 168 с.

Листая страницы истории / Под ред. В.И. Трухачева. — Ставрополь: Изд-во СтГАУ «АГРУС», 2005. — 464 с. — (Ставропольскому государственному аграрному университету — 75 лет).

Северо-Кавказский государственный технический университет: от института — к университетскому комплексу / Гл. ред. Б.М. Синельников. — Ставрополь: СевКавГТУ, 2002. — 198 с.

Ставропольская журналистика: история и современность: материалы конф. / Под ред. А.А. Серебрякова, Е.Н. Ежовой, О.И. Лепилкиной. — Ставрополь: Ставроп. краев. тип., 2004. — 176 с.

Ставропольский государственный университет: образование нового тысячелетия / Авт.-сост. Е.Н. Ежова, О.И. Лепилкина; Под общ. ред. В.А. Шаповалова. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. — 224 с.: ил.

Акользина Л.А. Введение всеобуча и проблемы финансирования общеобразоват. школы в Северо-Кавказ. крае и на Ставрополье в годы I пятилетки // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 208-212. — Библиогр.: 6 назв.

Белоконь С. Беневские // Молодой ленинец. — 1992. — 16 февр.

Береза Г.А. Место провинциального театра в повседневной жизни южнороссийского города: (Из истории Ставропольского театра периода 1917 года) // Новая локальная история. — Ставрополь, 2003. — Вып. 1. — С. 47—52. — Библиогр.: 17 назв.

Водолажская В. В какой театр ходили наши бабушки: [О театральной жизни Ставрополя на рубеже 19-20 вв. По материалам краев. гос. архива] // Ставроп. правда. — 1997. — 22 марта, фото.

Громова Е. Храм науки для девочек: [Страницы истории бывшей 3-й женской гимназии (СШ № 3) г. Ставрополя, построенной в 1912 г. по проекту архитектора А. Булыгина] // Ставроп. правда. — 2005. — 1 сент. — С. 3, фото.

Даниелян Т. С музыкой не расставался: [О старейшем музыканте г. Ставрополя А.С. Эльмане] // Вечерний Ставрополь. — 1993. — 26 янв. — С. 3, фото.

Данилов А.Г. Подготовка учителей в Ставропольской губернии в конце XIX — начале XX века // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 203. — Библиогр.: 3 назв.

Дмитриевская Д. Благословим отцов и детей: [О В.Д. Беневском-основателе детской оперы в Ставрополе] // Ставроп. правда. — 1993. — 2 июня.

Егорова Е.Б. Василий Дмитриевич Беневский: (К 140-летию со дня рождения) // Ставроп. хронограф на 2004 год. — Ставрополь, 2004. — С. 155-160.

Епифанова Н. Ставропольский дедушка детской оперы // Вечерний Ставрополь. — 2000. — 16 марта. — С. 8.

Ержакова Л.И. История Центра образования и его роль в истории г. Ставрополя // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 212-217.

Жогина Е.В. Экономические общества 20-х гг. XX в. в интеллектуальном пространстве г. Ставрополя // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 148-151. — Библиогр.: 3 назв.

Зульпукарова Э.М. Роль Ставропольской гимназии в подготовке первой светской интеллигенции Дагестана // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 192-194. — Библиогр.: 5 назв.

Калинченко С.Б. Становление научно-исследовательской работы в Ставропольском педагогическом институте в 30-е годы XX в.: (К 75-летию основания Ставропольского государственного университета) // Ставроп. хронограф на 2006 год. — Ставрополь, 2006. — С. 56-63.

Кемпинский Э.В. Социально-экономическое положение учащейся молодежи Ставроп. губернии и Терской обл. на рубеже XIX—XX вв. // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 294-299.

Кемпинский Э.В., Кравченко И.Н. Открытие первой на Кавказе мужской гимназии (г. Ставрополь, 1837) // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 187-192.

Князева Е.Д. Ставрополь и народы Кавказа // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 260-265.

Колесникова М.Е. Краеведение как форма социокультурной деятельности в провинции (на материалах ставропольской истории) // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 103-109. — Библиогр.: 3 назв.

Коробейников Ю.В. Ставропольское общество в благотворительности рубежа XIX-XX веков // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика. Матер. регион. науч. конф. посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь. — 2002. — С. 136-143. — Библиогр.: 13 назв.

Коршунов М.С. Герман Лопатин и Ставропольская губернская библиотека // // Ставроп. хронограф на 2002 год. — Ставрополь, 2002. — С. 298-302.

Коршунов М.С. «Дерзкие вольнодумцы»: из истории Ставропольской гимназии в 50-х гг. XIX в. // Интеллигенция России в истории Северного Кавказа. — Ставрополь, 2000. — С. 147-156. — Библиогр. в примеч.: с. 154-156.

Коршунов М.С. Колыбель свободомыслия и просвещения: (К 160-летию открытия Ставропольской гимназии) // Ставроп. хронограф на 1997 год. — Ставрополь, 1997. — С. 125-132.

Коршунов М.С. Семья Германа Лопатина и его окружение в гимназические годы // Из истории земли Ставропольской. — Ставрополь, 1996. — Вып. 3. — С. 52-58.

Кравченко И.Н., Кемпинский Э.В. Общества народного образования Ставропольской губернии в конце XIX века // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 194-198. — Библиогр.: 5 назв.

Леденев А. Театральные страсти: [О театральных гастролях в Ставрополе зимой 1889 г. По архивным материалам] // Вечерний Ставрополь. — 2004. 5—9 янв.

Лучник В.Н. Памяти Георгия Константиновича Праве. — Ставрополь-Кавказский: Тип. «Пролетарий», 1926. — 12 с.

Лычагин В. Антреприза мадам Петухович: [Театральная жизнь г. Ставрополя в XIX — нач. XX вв. В том числе открытие нового театра «Пассаж» купцами Меснянкиными] // 45-я параллель. — Ставрополь, 1991. — № 4 (13). — С. 4.

Лычагин В. «Разнообразен до изумления»; «Хоть сезон — да в Ставрополе»; «В начале века XX»: К 150-летию Ставроп. краев. драм. театра им. Лермонтова — старейшего русского театра Север. Кавказа // Ставроп. губ. ведомости. — 1994. — 6, 11, 18 окт.

Любушкина Е.Ю., Кемпинский Э.В. Общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность на Ставрополье на рубеже XIX—XX в. // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: матер. рег. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 287-293.

Любушкина Е.Ю. К вопросу об общественных организациях в губернском городе Ставрополе во второй половине XIX — начале XX вв. // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 225-231. — Библиогр.: 8 назв.

Мишин А.И. Неверов и его роль в общественной жизни Ставрополя // Материалы по изучению Ставроп. края. — Ставрополь, 1976. — Вып. 14. — С. 313-321.

Назарова И.М. Роль Ставропольской гимназии в формировании горской интеллигенции // Российская интеллигенция: история и судьба. — Ставрополь, 1998. — С. 11—13.

Невская В.П. Развитие школьного образования на Ставрополье в XIX — начале XX века // Вестник Ставроп. гос. пед. ун-та. — 1995. — № 1. — С. 85-91.

Науменко В.Е., Слуцкий А. И. Некоторые особенности издательской деятельности Ставроп. губернского статистич. комитета: источниковедческий аспект // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 83-97. — Библиогр.: 9 назв.

Новиков М. Первый русский театр на Кавказе // Ставрополье. — 1977. — № 4. — С. 78—79.

Охонько Н.А. Г.Н. Прозрителев и его вклад в основание Ставропольского краеведческого музея // Прозрителевские чтения. — Ставрополь, 2005. — Вып. 1. — С. 101-104.

Панаско И. Гражданин Ставрополя: [Г.К. Праве] // Твои горизонты. — Ставрополь, 1983. — С. 60-64.

Пестрякова Т.П., Новикова В.И. Экономическое образование в лицее № 8 г. Ставрополя: становление и перспективы развития // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 217-220.

Попов А.В. Г.А. Лопатин // Материалы по изучению Ставроп. края. — Ставрополь, 1949. — Вып. 1. — С. 87-112.

Солодских С. Поющий не сделает зла: [Об известном русском музыканте, нашем земляке В.Д. Беневском, его дочери О.В. Беневской, сохранившей документы об отце, создавшей музей в его память, судьбе музея] // Ставроп. правда. — 2003. — 27 июня. — С. 3.

Стрелов В.И. Ольгинская женская гимназия: (К 140-летию со дня открытия) // Ставроп. хронограф на 2000 год: Краевед. сборник. — Ставрополь, 2000. — С. 146-152.

Стрелов В.И. Первое женское среднее учебное заведение Ставропольской губернии: (К 150-летию со дня открытия учебного заведения св. Александры) // Ставроп. хронограф на 1999 год: Краевед. сборник. — Ставрополь, 1999. — С. 194-197.

Стрелов В.И. Первое учебное заведение города Ставрополя: (К 200-летию открытия) // Ставроп. хронограф на 2004 год: Краевед. сборник. — Ставрополь, 2004. — С. 264-267.

Стрелов В.И. Свет не без добрых людей: (К 100-летию открытия в Ставрополе приюта для беззащитных детей) // Ставроп. хронограф на 2001 год: Краевед. сборник. — Ставрополь, 2001. — С. 103-108.

Стрелов В.И. Ставрополь — «город просвещения» (О развитии образования в г. Ставрополе в XIX — нач. XX в.) // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 176-187.

Судавцов Н.Д. Г.К. Праве как общественный деятель // Прозрителевские чтения. — Ставрополь, 2005. — Вып. 1. — С. 127-132.

Тройнов Ф.П. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX века // Материалы по изучению Ставроп. края. — Ставрополь, 1971. — Вып. 12-13. — С. 266-275.

Усова И.А., Госданкер В.В. Страницы истории музея им. Г. К. Праве // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1988. — Вып. 15-16. — С. 221-234.

Хихлина И.Г. Основные тенденции развития музыкальной культуры г. Ставрополя: [Дореволюционный период. В т. ч. о деятельности И.Е. Попова] // Вестник Ставроп. гос. ун-та. Вып. 13: Социально-гуманитарные науки. — Ставрополь, 1998. — С. 130-137.

Черахчиева А.А. Ставрополь — источник просвещения: [Открытие учебных заведений в Сев.-Кавк. регионе в нач. XIX в.] // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 173-176.

Шафранова О.И. К вопросу о женском образовании в Ставрополе во второй половине XIX — начале XX века // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 198-203. — Библиогр.: 9 назв.

Церкви и храмы Ставрополя

Архангельский П. Справочная книжка монастырям, пустыням, настоятелям, настоятельницам оных, благочинным, благочинническим округам, соборам, церквям, городам, селениям, станциям, поселкам, хуторам и местечкам Кавказской епархии. — Ставрополь: [Тип. Т. М. Тимофеева], 1896. — 101 с.

Архангельский П.В. Справочная книжка по Ставропольской епархии. — Ставрополь, 1889. — 175 с.

Васильев А.И. Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской семинарии: Вып. 1. Введение. Открытие семинарии / Предисл. авт. А.И. Васильева. — Ставрополь: Тип. В.В. Берка «Северный Кавказ», 1897. — 129 с. + Прил.: Примерное расписание годичных окладов по содержанию предположенной к открытию Кавказской духовной семинарии; Штат Кавказской духовной семинарии.

Высокопреосвященнейший Агафодор, архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский / Сост. член Ставропольского церковно-археологического общества А. Воскресенский. — Ставрополь: Типолитография Т. М. Тимофеева, 1910. — 85 с.: ил., портр.: Высокопреосвященнейший Агафодор, архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский, фото: Крещение преосвященным Агафодором, епископом Ставропольским и Екатеринодарским калмыков Малодербетовского улуса 3 мая 1894 года близ хутора Руднева. — (Прил. к журн. «Церковная старина на Северном Кавказе». — 1910. — Вып. 1).

Историческое описание Иоанно-Мариинского женского монастыря в г. Ставрополе-Кавказском / Сост. священник П. Воскресенский. — Ставрополь: Типолитография Т. М. Тимофеева, 1898. — 67 с.: ил.; 8 л. фото: Общий вид Иоанно-Мариинского монастыря; Монастырский собор; Покровская церковь; Серафимовская церковь и трапеза; Больничная церковь; Игуменский корпус; Монастырский пруд; Иеремиевский источник.

Колмаков С. Крепостная церковь в городе Ставрополе: (По архивным документам). — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1917. — 23 с. — Библиогр.: 12 назв.

Михайлов Н. Т. Справочник по Ставропольской епархии. — Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правле-

ния, 1910. — 492 с. — (Ставроп. губ. и Кубан. обл. Обзор городов, сел, станиц и хуторов).

Из содерж.: [Казанский кафедральный собор]. — С. 83.

Отчет о деятельности Андреевского братства в гор. Ставрополе на Кавказе на 1884—85 братский (двенадцатый) год. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1886. — 31 с.

Отчет о состоянии находящегося под августейшим ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны покровительством Ставропольского епархиального женского училища за 1897—1898 учебный год (XXIII со времени открытия). — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1898. — 26 с.

Отчет о состоянии находящегося под августейшим ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны покровительством Ставропольского епархиального женского училища за 1901—1902 учебный год (XXVII со времени открытия). — Ставрополь: [Типолитография Т.М. Тимофеева], 1903. — 28 с.

Прозрителев Г.Н. Казанский кафедральный собор в Ставрополе-на-Кавказе. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1910. — 22 с. — (Из прошлого Север. Кавказа); То же: Труды Ставроп. архив, комиссии. — Ставрополь, 1910.-Вып. 2. — С. 1-22, рис.

Пятидесятилетие Ставропольской духовной семинарии.-Ставрополь: Тип. Т.М. Тимофеева, 1896. — 130 с. — (Отд. отт. из «Ставропольских епархиальных ведомостей» за 1896 г.).

Устав Ставропольского мусульманского благотворительного общества. — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1909. — 15 с.

Епархиальная хроника: [Описание крестного хода у стен Ставроп. кафедрального собора] // Ставроп. епархиальные ведомости. — 1891. — №2. — С. 51.

Исторические сведения о святых храмах города Ставрополя // Кавказские епархиальные ведомости. — 1873. — № 8. — С. 265-269.

Беликов Г.А., Синельников Б. Соборы златоглавые. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2006. — 343 с.

Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. — М.; Пятигорск, 1992. — 191 с. — Библиогр.: 170 назв.

Храм Успения Божией Матери. — Ставрополь, 1999. — 51 с.

Бунаева Н. Он тоже войдет в этот храм...: [О строительстве Свято-Никольской закладной часовни на Крепостной горе Ставрополя по инициативе ставроп. предпринимателя А. Капустянского, его семье и пожертвования горожан (Архитектор А. Денисов)] // Вечерний Ставрополь. — 2004. — 30 июля. — С. 1-2, фото.

Быкова Н. И все-таки она — Крестовая: Из истории Соборной горы г. Ставрополя, на которой стоял Казанский кафедральный собор // Ставроп. правда. — 1991. — 2 нояб., фото.

Быкова Н. И две Стены плача: Первый в России храм-памятник появился на Крепостной горе Ставрополя: [Об освящении храма, посвящ. памяти воинов-ставропольцев, погибших на Сев. Кавказе с 1995 по 2003 г.] // Ставроп. правда. — 2004. — 3 авг. — С. 1, фото.

Гребенников В. Казанский кафедральный собор: Сбор средств продолжается // Ставроп. губ. ведомости.-1996. — 7 февр.

Гребенников В., Охонько Н. Казанский кафедральный // Вечерний Ставрополь. — 1992. — 23 июня, фото.

Ивановский В. Визитная карточка Ставрополя: [О ставроп. кафедральном Казанском соборе, его строительстве и разрушении. Воспоминания горожанина] // Ставроп. губ. ведомости. — 2006. — 6-13 сент. — С. 17, рис.

Митрофаненко В.В. Храмовое строительство на территории Ставропольского края во 2-й половине XVIII века // Ставропольская земля в прошлом и настоящем.-Ставрополь, 1995.-Ч. 1.-С. 53-68.-Библиогр. в примеч.: с. 67-68.

Охонько Н.А. Краткая историческая справка о храмах города Ставрополя: рукопись / Ставроп. гос. краевед. музей имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. — 2004. — 12 с.

Пономарева Е. По ком зазвонит колокол? [Об освящении часовни на Крепостной горе г. Ставрополя (автор проекта А. Денисов). Историч. сведения о Казанском соборе] // Вечерний Ставрополь. — 2003. — 16 сент. — С. 1, 3, фото. — (Форпост православия).

Токмакова О. О Казанском соборе, который будет // Ставроп. губ. ведомости. — 1996. — 28 авг., рис.

Усова С. Выбор Рублевского списка: [О единственной дошедшей до нас реликвии Казанского кафедрального собора — списке иконы Иверской Божией Матери, находящейся в Спасо-Преображенском храме г. Ставрополя] // Вечерний Ставрополь. — 2006. — 6 апр. — С. 1, фото.

Ставрополь в двадцатом столетии

Базары и ярмарки Ставропольской губернии: (Статистический очерк); Рыночные цены на продукты сельского хозяйства, скот, продукты скотоводства, птицу, продукты птицеводства и топливо: (Текст и таблицы); Местные и лавочные цены на главнейшие продукты сельского хозяйства и скот за зиму и весну 1913-1914 гг.: (Таблицы) / Изд. статистического отдела Ставропольской губернской земской управы. — Ставрополь-Кавказский: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1914. — 101 с.: табл. + Прил.: (21 с.): Условия ликвидации урожая. 2. Список базаров и ярмарок Ставроп. губ. 3. Дополнения к списку базаров. (Текущая статистика. Т. 2, вып. 1).

Баркалов М. Доклад непременного члена Ставропольского губернского присутствия статского советника Баркалова о результатах ревизии земельного хозяйства губ. гор. Ставрополя от 8 марта 1913 года господину ставропольскому губернатору / Изд. Ставропольского губернского статистического комитета. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1914. — 92 с. — (Сборник сведений о Северном Кавказе; Т. 11).

Дмитриев В.В. Доклад электрической комиссии Ставропольского городского общественного управления проф. инженера В.В. Дмитриева о расширении городской электрической станции 11 декабря 1911 года. — Ставрополь-губернский: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1911. — 15 с.: 1 диаграмма: Ставропольская городская электрическая станция: Суточный отчет по эксплуатации.

Доброхотов В. П. Ставропольская психиатрическая больница имени императора Александра III в 1911—1912 гг. / [Сост. старший врач больницы

В.П. Доброхотов]. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1913. — 142 с.: 8 л. табл. — (Сборник сведений о Северном Кавказе; Т. 9).

Доброхотов В.П. Ставропольская губернская земская психиатрическая больница имени императора Александра III в 1913 году / Сост. В.П. Доброхотов, директор больницы. — Ставрополь: [Типолитография Т. М. Тимофеева], 1914. — 168 с.

Доброхотов В.П. Ставропольская психиатрическая больница имени императора Александра III в 1914 г. — Ставрополь: Тип. Т.М. Тимофеева, 1915. — 150 с.

Зубов И.О. Ставропольская психиатрическая больница имени императора Александра III за 1907—1908 годы / Сост. старший врач больницы И.О. Зубов. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1910. — 64 с. — (Сборник сведений о Северном Кавказе; Т. 4).

Инструкция городовым Ставропольской городской полиции. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1908. — 51 с.

Итоги продовольственной переписи г. Ставрополя-губернского 24 июля 1916 года / Изд. статистического отдела Ставропольской городской управы; С предисл. заведующего статистическим отделом Ставропольской городской управы П. Тобурдановского. — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1917. — 20 с.

Крист Е.И. Опыт медико-санитарного отчета за 1908 г. по городу Ставрополю. — Ставрополь-Кавказский: Тип. губ. правления, 1909. — 38 с.: табл.; 8 табл.

Крист Е.И. Медико-санитарный отчет за 1909 год по городу Ставрополю. — Ставрополь-Кавказский: Тип. губ. правления, 1910. — 16 с.: табл.; 4 табл.

Никольский С. Памяти героини долга сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой: Посвящается 105-му Оренбургскому и 83-му Самурскому пехотным полкам. — Ставрополь-на-Кавказе: Тип. «Товарищество», 1916. — 76 с.

Новак Б. Доклад городского садовника Б. Новака Ставропольской городской управе об основах организации плодового опытного маточного сада, заложенного в 1897 году на Павловой даче губ. гор. Ставрополя. — Ставрополь: Тип. «Товарищество», 1913. — 43 с.

Обязательное постановление о порядке пользования водами родников и речек, прудов и других водовместилищ, протекающих в пределах земель губернского города Ставрополя: (Изданное ставропольским губернатором 18-го января 1909 г.) и инструкция Став-ропольской городской управы относительно поливки огородов в период с 15-го сентября 1916 года. — 7-е изд. / Изд. Ставропольской губернской земской управы. — Ставрополь-губернский: Тип. Ставроп. губ. правления, [1916]. — 19 с.

Обязательное постановление, составленное Ставропольскою городскою думою и изданное губернатором на основании 110 статьи городского положения «О нормальном отдыхе служащих в торгово-промышленных заведениях, складах и конторах губ. гор. Ставрополя». — Ставрополь-губернский: Типолитография Т. М. Тимофеева, 1907. — 8 с.: 1 л. карт.

Отчет Ставропольской городской электрической станции по постройке и эксплуатации за 1909—1910—1911—1912—1913 гг. — Ставрополь-губернский: «Новая Тип.» Хаймовича, 1913. — 343 с.: 2 л. схем.

Походня Н.К. Записка о потерях губ. гор. Ставрополя в случае обхода его новыми железнодорожными линиями, проектируемыми по Ставропольской губ. / Сост. Н.К. Походня по поручению и под ред. Ставропольской думской соединенной железнодорожной комиссии; Предисл. «От составителя» Н.К. Походня. — Ставрополь, 1910. — 15 с. + Прил. (22 с.).

Походня Н.К. К вопросу о порядке землепользования на землях губ. гор. Ставрополя с 1838 по 1911 г. Ч. 1: Доклад Ставропольской городской думе. — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1911. — 42 с.

Прокопов К.А. Геологический очерк Ставропольских высот в связи с нахождением в гор. Ставрополе горючего газа. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1912. — 22 с.; 1 л. карт.: Схематический геологический разрез через Ставропольские высоты. — Библиогр.: 27 назв. — (Сборник сведений о Северном Кавказе; Т. 7).

Смета на устройство уличного освещения лампами накаливания с металлическим волоском и пояснительная записка к ней. — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1913. — 10 с.: схем.

Список абонентов Ставропольской телефонной сети за 1914 год. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1914. — 32 с.

Список абонентов Ставропольской телефонной сети: 1915 год. — Ставрополь-губернский: Тип. «Труд» Я.Б. Минкина, 1915. — 38 с.: реклама.

Список лиц и учреждений, имеющих на основании ст. 24 и 32 городового положения 1892 года право в выборах гласных Ставропольской городской думы на четырехлетие 1914—1917 гг. А. Домовладельцы гор. Ставрополя; Б. Лица, содержащие торгово-промышленные предприятия г. Ставрополя. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1914. — 12, [4] с. + Прил.: Объявление [Ставропольского городского головы Н. Зазулевского о том, что избирательное собрание назначено на 23 марта 1914 г. в помещении Скейтинг-Ринга на Нестеровской улице].

Список лиц, которые имеют на основании высочайше утвержденного 3 июня 1907 года положения о выборах в третью Государственную Думу право участия в первом Ставропольском съезде городских избирателей; Список лиц, которые имеют на основании высочайше утвержденного 3 июня 1907 года Положения о выборах в третью Государственную Думу право участия по Ставропольскому уезду во втором Ставропольском съезде городских избирателей. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1907. — 34 с.

Список недвижимых имуществ в губ. гор. Ставрополе, составленный в 1903 году. — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1903. — IV, 284 с. — Список переездов, переулков, площадей и улиц.

Список недвижимых имуществ в губернском городе Ставрополе, подлежащих оценочному сбору в 1904, 1905, 1906 и 1907 годах. — Ставрополь: Типолитография Т. М. Тимофеева, 1903. — 280 с.

Список недвижимых имуществ губ. гор. Ставрополя: Составленный в августе 1911 года. — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1911. — VIII, 233 с. — Алфавитный список переездов, переулков, площадей, тупиков и улиц.

Список недвижимых имуществ в губернском городе Ставрополе на Кавказе, пересоставленный в 1914 году. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1914. — 277 с.

Ставропольская телефонная сеть: Список абонентов. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1905. — 13 с.

Стопневич А.Д. Горючий газ и нефть вообще и в г. Ставрополе в частности / Изд. Ставропольского губернского статистического комитета. — Ставрополь: Тип. губ. правления, 1912. — 180 с. — (Сборник сведений о Северном Кавказе; Т. 9).

Таланов В.В. Проект переустройства Форштадсковоробьевской части земель г. Ставрополя—губернского. — Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева, 1903. — 57 с.

Финансовый отчет Ставропольской городской управы за 1912 год. — Ставрополь: Тип. «Товарищество», 1913. — 269 с.

Юхоцкий И.А. К вопросу о водоснабжении губернского города Ставрополя: Доклад Ставропольской городской управе техника путей сообщения Ивана Александровича Юхоцкого. — Ставрополь: [Тип. губ. правления], 1907. — 8 с.

Эргарт А. Естественный горючий газ и его применение в городе Ставрополе: С шестью рисунками. — Ставрополь: Тип. «Товарищество», 1915. — 80 с.: 6 л. ил., 2 л. табл.

[**8 августа** 1906 г. в Ставрополь прибыл новый губернатор генерал-майор Литвинов. Полковник Эльнер (бывший губернатор) отбывает в Петербург] // Северокавказ. край. — 1906. — № 23. — 9 авг. — С. 3.

Городская жизнь: [Комиссия о пользах и нуждах города в послед. заседании обсудила вопрос о сооружении на Казанской площади (Нижний базар) крытого рынка] // Северокавказ. газета. — 1911. — № 38. — 17 февр. — С. 3.

К водопроводному вопросу: [г. Ставрополь. 16 октября 1910 г.] г. Ставрополь с населением в 50000 чел. получает воду из водопровода в среднем 80000 ведер в сутки, т. е. на 1 чел. приходится 1 $^1/_2$ ведра] // Северокавказ. газета. — 1910. — № 227. — 16 октября. — С. 2.

Максимович П. Опыт формирования дружины № 1-й ратников Государственного ополчения в гор. Ставрополе 1901 г. с 12-го августа по 8 сентября (1901 г.) // Ставроп. губ. ведомости. — 1901. — № 41. — 13 окт. — С. 3.

Никольский С., протоиерей. Речь пред совершением благодарственного Господу Богу молебного пения в день торжеств 125-летнего существования губернского города Ставрополя на Кавказе, сказанная в Кавказском кафедральном соборе г. Ставрополя // Ставроп. губ. ведомости. — 1910. — № 19. — 8 мая. — С. 5.

Пономаренко Б. Из биографии Р.М. Ивановой // Северокавказский край. — 1915. — 30 сент., 1 окт.

Прозрителев Г.Н. Городское самоуправление // Ставроп. губ. ведомости. — 1918. — № 65.

Прозрителев Г.Н. Памяти чудной девушки-героини Риммы Михайловны Ивановой // Северокавказский край. — 1915. — 30 сент.

Афремова, О. Генерал Книга: [О комбриге Первой Конной армии В. И. Книге]. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. — 224 с.

Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. — Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1991. — 102 с.

Головенченко Ф.М., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918—1920): Ист. очерк. — Ставрополь: Ставроп. окруж. Окт. комиссия и Истпарт окружкома ВКП(б), 1928. — 224 с.

Илиади И.Х., Кайшев В.Г., Беликов Г.А. Самый блистательный губернатор: Генерал-губернатор Николай Егорович Никифораки. — М.: Илекса, 2002. — 383 с.

Коротин А. Рыцари великой надежды: Повествование, основанное на документах: О группе молодых революционеров-подпольщиков, создавших в г. Ставрополе в разгар первой мировой войны социал-демократическую организацию, стоявшую на большевистских позициях (1913—1918 гг.). — Ставрополь: Кн. изд-во, 1969. — 76 с.: ил.

Коротин А. Товарищ Максим: [М.С. Акулов, участник Гражданской войны на Сев. Кавказе]. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. — 205 с.

Лысенко А. Иосиф Апанасенко: [Военачальник гражд. и Великой Отеч. войн]. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1987. — 349 с.

Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. — М.: Госполитиздат, 1941. — 332 с.

Сургучев И.Д. Большевики в Ставрополе. — Ростов н/Д.: Тип. т-ва «Обновление», 1919. — 32 с.

Суханова Н.И. Институциональная политика советской власти и белого движения на Северном Кавказе в годы Гражданской войны, (1917—1920 гг.). — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. — 203 с.

Трусова Е.М. Массовые организации трудящихся Дона и Северного Кавказа в феврале — октябре 1917 года. — Ростов н/Д.: Изд-во Рост, ун-та, 1992. — 187 с.

1917 год в Ставропольской губернии / Под ред. Ф. Головенченко. — Ставрополь: Тип. «Пролетарий», 1927. — 104 с.

Фатеев Г. Краскомы гражданской. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1987. — 222 с.

Христинин Ю. Сестра милосердия. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1987. — 205 с.

Цыбулько М.Л. Генерал из легенды: Докум.-худож. повесть / Северо-Кавказ. гуманит. ин-т. — Ставрополь: ГП «Ставроп. краев. тип.», 2000. — 128 с. — (Почетные граждане города Ставрополя).

Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1. — Ростов н / Д.: Севкавкнига, 1927. — 205 с.

Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 2. — Ростов н / Д.: Севкавкнига, 1927. — 159 с.

Бойко С. Таманцы на Ставрополье // Ставроп. правда. — 1967. — 30 апр.

Букаев А. В боях за Ставрополь (1918 г.) // Незабываемые годы. — Ставрополь, 1960. — С. 180-183.

Булыгина Т.А. Музей в повседневной жизни Ставрополя в 1920-е годы // Прозрителевские чтения: Сб. материалов научно-практ. конф. — Ставрополь, 2005. — Вып. 1. — С. 20-22.

Бунькова Р. Легендарная Таманская в Ставрополе. (1918 г.) // Молодой ленинец. — 1967. — 27 дек.

Город замечательных людей: [Ставрополь — 222. Публ. материалов] // Ставрос — Юг. — 1999. — № 3—4. — С. 19-23.

Из содерж.: [История Ставрополя]; Герб и флаг; Почетные звания и памятные награды города.

Горская П. Штурм Ставрополя. (1918 г.) // Молодой ленинец. — 1967. — 13 окт.

Госданкер В. Запоздалое покаяние полковника Грейфенберга: [О воспоминаниях жителей г. Ставрополя, переживших фашистскую оккупацию] // Ставроп. правда. — 2003. — 21 янв. — С. 3.

Громова Е. Кровавый день Ставрополя: [О революц. ситуации и событиях 1905—1907 гг. в Ставрополе: (На основании документов из Госархива Ставроп. края)] // Ставроп. правда. — 2005. — 3 июня. — С. 3, фото. — (История края — история России).

Громова Е. Столетней давности проблемы: [О проблемах хозяйственной жизни Ставрополя 1903 г.; факты из жизни гор. головы Н. Иванова. О культурной жизни города. По материалам Госархива] // Ставроп. правда. — 2003. — 20 сент. — С. 2.

Дикалова Н. В ночь на 1918-й...: [1 января 1918 года общегубернское народное собрание провозгласило установление Советской власти в Ставропольской губернии] // Ставроп. правда. — 1977. — 1 янв.

Забелин В.М. Политическая карта Ставрополя в нач. XX века // Ставрополь — врата Кавказа: История, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 299-302.

Захаров В.А. Ставропольская ученая архивная комиссия и ее роль в становлении ставропольского источниковедения // Ставрополь — врата Кавказа: История, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 54-63. — Библиогр.: 5 назв.

Ивановский В. Награде Риммы Ивановой — 90 лет: [О подвиге нашей землячки, кавалера ордена Св. Георгия Р. Ивановой в годы 1-й мировой войны] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 17 сент. — С. 12. — (Ставроп. календарь).

Ивановский В. Ностальгия Ильи Сургучева: [О памятных сургучевских местах Ставрополя, пребывании известного русского писателя в родном городе осенью 1942 г.] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 17 авг. — С. 4, фото. — (Исторический город).

Иванько И. Освобождение (1920 г.). Ставрополь в годы мирного строительства // Молодой ленинец. — 1970. — 28 февр.

Коваленко Т. Здесь когда-то жили врачи: [О замечательных ставропольских врачах 1-й половины XX века — Т.И. Богданове, В.М. Иванове, Н. Савичеве, М.И. Седове, Л.С. Лахтине, Р.Р. Гельтцере, А.А. Качаловой] // Ставроп. правда. — 2004. — 2 июля. — С. 3. — (По старым улицам пройдусь).

Кругов А.И. Современный Ставрополь // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 244-250.

Леденов А. Правосудие с филологическим уклоном: [О судебном деле известного ставроп. адвоката и обществ. деятеля С.И. Манжос-Белого, возбужд. против него в 1920 г. рев. трибуналом г. Ставрополя] // Вечерний Ставрополь. — 2003. — 25 окт. — С. 3. — (Минувшее).

Новикова И. Ростки памяти: [О командире 1175-го стрелкового полка А. Е. Короткове, уроженце г. Ставрополя, его участии в освобождении родного города от фашистов в 1943 г.] // Ставроп. правда. — 2005. — 28 апр. — С. 2.

Остапенко В. Так шел бой за Ставрополь // Молодой ленинец. — 1973. — 20 янв.

Плескачев П. Бои под Ставрополем: Воспоминания бывшего командира бригады 1-й Ставропольской истребительной дивизии. 1918 г. // Боевые годы. — Ставрополь, 1957. — С. 131-138.

Покотилова Т.Е. Проекты уничтожения нищенства в предреволюционной России: Взгляды из Ставрополя и российской столицы // Ставрополь — врата Кавказа: История, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 127-133. — Библиогр.: 6 назв.

Судавцов Н.Д. «...Героиня, противопоставившая тевтонской забронированной силе свою великую любящую душу русской женщины» // Военно-ист. журнал. — 2002. — № 3. — С. 47-52.

Судавцов Н.Д. Первая женщина в России — кавалер ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия // Вестник Ставроп. гос. пед. ун-та. — 1995. — Вып. 1. — С. 29-35.

Судавцов Н.Д. Русская героиня // Памятники Отечества. Вып. 48: Земля Ставропольская. — М., 2001. — С. 179-182.

Судавцов Н.Д. Ставропольская городская дума в революции 1917 г. // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сент. 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 311—317.

Чевелев А. Победа Советской власти на Ставрополье (1917—1920 гг.) // Блокнот агитатора. — 1977. — № 5. — С. 13-17; № 6. — С. 29-4-я стр. обл.

Чернов-Казинский А. Война без поправки на детство: [О периоде фашистской оккупации г. Ставрополя. По воспоминаниям горожан] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 18 января. — С. 5. — (К дню освобождения Ставрополя); 19 января. — С. 4.

Ставрополь помнит войну

Ставрополье: Правда военных лет: Великая Отечественная в документах и исследованиях / Комитет Ставроп. края по делам архивов; СГУ; ГАСК; Гос. архив новейшей истории Ставроп. края; Редкол.: Е.И. Долгова и др.; Науч. ред. проф. Т.А. Булыгина; Сост. В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. — Ставрополь: ГУП СК «Ставроп. краев. тип.», 2005. — 608 с.: ил.

Кочура Д.В. Наш край в годы Великой Отечественной войны. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. — 33 с.

Ставропольцы в Великой Отечественной войне / Гл. ред. М.Г. Новиков. — Ставрополь: Ставроп. фонд культуры, 1995. — 350 с.: ил.

Созвездие славных: Герои Советского союза Ставрополья и Карачаево-Черкесии (1938—1988 гг.) / Авт.-сост. О.П. Даусон, В.Г. Остапенко. — Ставрополь: Ставроп. кр. тип., 1996. — 541 с.: ил. — Имен. указ.: с. 529-535.

Ставрополь помнит войну: [Сб. материалов] / Адм. г. Ставрополя; Ставроп. гос. краевед. музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве; Благотворит.

обществ. фонд Дмитрия Кузьмина. — Ставрополь, 2005. — 60 с.: ил.

Беликов Г.А. Окупация. Ставрополь. Август 1942 — январь 1943. — Ставрополь: Фонд духового просвещения, 1998. — 151 с. — (55-летию освобождения города Ставрополя от немецко-фашистских войск посвящается).

Абулова Е.А. Лихолетья суровые годы: [Защита Сев. Кавказа 1941 г. — 1945 г.)] // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сентября 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 317—322. — Библиогр.: 4 назв.

Бахтояров И. Освобождение // Молодой ленинец. — 1975. — 21 янв.

Белоглазкин Г. По берлинскому времени: Каждый спасался как мог; город грабили; Свободную торговлю!; Из сообщений германского командования от 5 августа 1942 года; Ах, варьете! Краткий обзор культурной жизни оккупированного города; Берите ложки! // Вечерний Ставрополь. — 1992. — 4, 6, 13, 15, 29 авг.; 3 сент.

Будко Н. Пять месяцев в оккупации: [Ставрополь] // Будко Н. Моим друзьям: Стихи и воспоминания. — Ставрополь, 2004. — С. 118-124.

Госданкер В. Горячее сердце: [Об участии женщин Ставрополя в восстановлении разрушенного фашистскими оккупантами города] // Ставроп. правда. — 1975. — 12 марта.

Евстропов Н. Их было двадцать пять...: [Воспоминания бывшего заместителя редактора газеты 44-й армии «На штурм», участника боев за освобождение от фашистских захватчиков г. Ставрополя] // Ставроп. правда. — 1964. — 21 янв.

Зырянов Р. Советы Ставрополя — организаторы перестройки жизни города на военный лад в годы Великой Отечественной войны // Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра. — Ставрополь, 2004. — С. 70-76.

Ивановский В. Ставрополь немцам не покорялся — они оккупировали Ворошиловск: [О первых днях немецкой оккупации Ставрополя (тогда г. Ворошиловск) в августе 1942 г.] // Ставроп. губ. ведомости. — 2004. — 3 авг. — С. 4, фото. — (Топонимика).

Коваленко Т. Город в оккупации: [О жизни г. Ставрополя (в то время г. Ворошиловск) в период фашистской оккупации] // Ставроп. правда. — 2006. — 20 янв. — С. 3. — (По старым улицам).

Коваленко Т. Падали бомбы...: [О начале оккупации немецко—фашистскими войсками г. Ставрополя (3 авг. 1942 г.)] // Ставроп. правда.— 2000. — 4 авг. — С. 3.

Коваленко Т. Хотелось жить. Но многим не пришлось: [3 авг. 1942 г. немецкие солдаты вступили в Ставрополь. Воспоминания очевидца] // Ставроп. правда. — 1993. — 31 июля.

Коваленко Т. Ушли навсегда: [О периоде оккупации и освобождении Ставрополя 21-22 января 1943 г.] // Ставроп. правда.—2000.— 21 янв. — С. 3.

Кузнецов Н. Восстановить разрушенное!: [О масштабах разрушений после оккупации г. Ставрополя] // Ставроп. правда. — 1943. — 14 февр.

Малютина М.В. Помощь жителей и трудящихся г. Ставрополя фронту и фронтовикам в годы Великой Отечественной войны // Тыл — фронту. — Ставрополь, 2005. — С. 113-116.

Малявко И.Б. Город должен знать и чтить своих героев // Ставроп. правда. — 2001. — 20 янв.

Мельников М. Ставропольское Зазеркалье: год 1942-й: [Исследование, посвящ. месяцам немецкой оккупации г. Ставрополя. О жизни гражданского населения, гор. газете «Ставроп. слово», ее главном ред. Б. Ширяеве. О положении казачества во время войны, сотрудничестве части казаков с нем. командованием. Об ущербе, причиненном хозяйству Ставроп. края за время оккупации (по архив, материалам); Коммент. науч. работников З. Бочкаревой и И. Малявко] // Ставроп. губ. ведомости. — 1995. — 11, 21, 28 февр., 7, 14, 21, 22 марта.

Метелкина О. Враг в городе: [Воспоминания наших земляков о первых днях фашистской оккупации г. Ставрополя в августе 1942 г.] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 3 авг. — С. 1, 3.

Николаев В., Коццов А. Не склонив головы: [О подвиге К. И. Абрамовой, активной участницы антифашистского подполья в Ставрополе] // Известия. — 1972. — 16 июля.

Новикова И. Ростки памяти: [О командире 1175-го стрелкового полка А.Е. Короткове, уроженце г. Ставрополя, его участии в освобождении родного города от фашистов в 1943 г.] // Ставроп. правда. — 2005. — 28 апр. — С. 2.

Соломянная Т.И., Соломянный В.Д. Медики Ставрополья в годы Великой Отеч. войны // Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сентября 2002 г.). — Ставрополь, 2002. — С. 323-325. — Библиогр.: 7 назв.

«Ставропольская правда» за январь-февраль 1943 года // Ставрополье. — 1972. — № 4. — С. 8-10.

Токмакова О. В далеком сорок третьем дети не играли в войну: [О детях-героях антифашистского сопротивления в Ставрополе 1943 года] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 21 янв. — С. 1, 3. — (Сегодня — день освобождения Ставрополя).

Фомин М. Освобождение: [Об освобождении г. Ставрополя от гитлеровцев частями 347-й стрелк. дивизии в январе 1943 г. По записям редактора газеты 347-й дивизии «Знамя Родины» М. Фомина] // Ставроп. правда. — 2004. — 21 янв. — С. 3, фото.

Чернов-Казинский А. Война без поправки на детство: [О периоде фашистской оккупации г. Ставрополя. По воспоминаниям горожан] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 18 янв. — С. 5; 19 янв. — С. 4.

Улицы и площади города

Их именами названы улицы Ставрополя: Памятки-закладки. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1972. — 105 с.: ил. — (35 отд. листовок в общ. обл.).

Хомяков И.И. Ташла: Ист. очерк / Ставроп. гос. краевед. музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. — Ставрополь, 2000. — 155 с.

Агамов А. Построенный на века // Вечерний Ставрополь. — 1994. — 17 сент.

Афанасьев А. Улица лейтенанта Кирина: [И.Б. Кирин — бывший участковый уполномоченный городского отдела внутренних дел, погиб при исполнении служебных обязанностей] // Ставроп. правда. — 1970. — 6 марта.

Бунькова Р. Мечта учителя: [О бывшей Ярмарочной площади, ныне улице имени И.Л.

Войтика, активного участника борьбы за власть Советов на Ставрополье] // Ставроп. правда. — 1975. — 12 дек.

Бунькова Р. Памяти Толстого: [Об улице, названной именем великого писателя Л. Н. Толстого; О его пребывании в 1854 году в г. Ставрополе] // Ставроп. правда». — 1977. — 26 февр.

Буняева Н. Улица имени русского Ивана: [об улице, носящей имя одного из освободителей оккупированного Ставрополя Ивана Булкина] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 1 нояб. — С. 5.

Буров А. Улицы — тоже история // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 2 авг.

Быкова Н. Как преобразится горка // Ставроп. правда. — 1992. — 11 апр.

Василенко М. Шесть улиц Ежова, или История со ставропольской географией // Вечерний Ставрополь. — 1992. — 21 апр.

Гниловской В.Г. Очерк топонимии города Ставрополя: [О происхождении названий улиц города] // Материалы по изучению Ставроп. края. — Ставрополь, 1971. — Вып. 12—13. — С. 328-347.

Горская П. История «Туапсинки» // Ставроп. правда. — 1968. — 8 февр.

Госданкер В. Улица длиною в двести лет: [Из истории улицы имени В. И. Ленина] // Ставроп. правда. — 1974. — 31 авг.

Госданкер В. Улица спешит в завтра Из истории застройки улицы Советской, в прошлом — Комиссариатской // Ставроп. правда. — 1974. — 14 нояб.

Григорьева С. Бывшая Властовская: [Об улице Коминтерна] // Молодой ленинец. — 1974. — 3 дек.

Громова Е. Тезка города Ставрополя: [Из истории теплоходов, носивших имя «Ставрополь» (1912 и 1953 гг.), их службе, командах, капитанах] // Ставроп. губ. ведомости. — 2006. — 30 авг. — 6 сент. — С. 22, фото. — (Страницы истории).

Залевский А. Город глазами ландшафтного художника // Вечерний Ставрополь. — 1990. — 28 апр. — С. 3, фото. — (Наш город).

Ивановский В. А Пушкина побоялись трогать...: [Из истории старых названий улиц г. Ставрополя] // Ставроп. губ. ведомости. — 2005. — 1 окт. — С. 4, фото. — (Город).

Ивановский В. Где в Ставрополе Инвалидная улица?: [Из истории нескольких старинных улиц краев. центра] // Ставроп. губ. ведомости. — 2006. — 1-8 нояб. — С. 16, фото. — (Город).

Ивановский В. Главная площадь: [Из истории центральной площади губернского Ставрополя — Александровской] // Вечерний Ставрополь. — 2003. — 19 нояб. — С. 3, фото. — (Наш город).

Ивановский В. Где в Ставрополе улица Таманская?: [О многочисленных переименованиях в XX веке улиц г. Ставрополя] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 11 окт. — С. 5, фото. — (Мой город — моя история).

Ивановский В. Где эта улица: [Из истории улиц Мещанской и Желобовской, в наши дни — имени Ипатова и Московской] // Ставроп. губ. ведомости. — 2006. — 3 дек. — С. 5, фото. — (Город).

Ивановский В. Забытая Мойка: [Из истории Воробьевского предместья г. Ставрополя, где в 1837 г. жил М.Ю. Лермонтов; о его рисунках этого периода] // Ставроп. губ. ведомости. — 2006. — 17 марта. — С. 3, рис. — (Город).

Ивановский В. Казанская площадь Ставрополя: [Об истории ряда зданий XIX века, некогда украшавших Казанскую площадь (ныне — Нижний рынок)] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 27 окт. — С. 6, фото. — (Старый город).

Ивановский В. Как воскресить в памяти забытые имена: [О переименовании улиц центра Ставрополя] // Ставроп. губ. ведомости. — 2005. — 28 июля. — С. 6, фото.

Ивановский В. Кто на кого должен в Ставрополе смотреть?: [О расположении памятников и наименовании площадей и улиц в краев. центре] // Ставроп. губ. ведомости. — 2006. — 4—11 окт. — С. 15, фото. — (Город).

Ивановский В. Куда исчезла Армянская улица?: [Из истории расселения армян на территории Ставрополья; их роли в хозяйств. и культурной жизни г. Ставрополя. Об Армянской улице (ныне Шаумяна в краев. центре] // Ставроп. губ. ведомости. — 2006. — 12 янв. — С. 5, фото.

Ивановский В. Название есть, а улицы — нет!: [О геогр. местоположении г. Ставрополя, улице «Сорок пятая параллель»] // Ставроп. губ. ведомости. — 2005. — 5 июня. — С. 7. — (Точка зрения).

Ивановский В. Новое и старое: [О прошлом и настоящем улицы Ставропольской] // Ставроп. губ. ведомости. — 2005. — 14 окт. — С. 6, фото. — (Город).

Ивановский В. С высоты Варваринской церкви: [Страницы истории одного из районов дореволюц. Ставрополя — Варваринской площади, гимназии №3, Варваринской церкви и кладбище при ней] // Ставроп. губ. ведомости. — 2005. — 13 окт. — С. 5, фото. — (Город).

Ивановский В. Туапсинка: [Об исторических названиях различных микрорайонов г. Ставрополя, в т. ч. «Туапсинки». О проекте и строительстве железнодорожной ветки «Ставрополь-Таупсе» в 1916 г.] // Ставроп. губ. ведомости. — 2004. — 20 мая. — С. 11, фото. — (Что было — то было).

Ивановский В. Улицы назначенных героев // Ставроп. губ. ведомости. — 2005. — 8 сент. — С. 11, фото. — (Что было — то было).

Камерин А. Новь старой улицы: [О благоустройстве проспекта имени Карла Маркса] // Ставроп. правда. — 1974. — 18 апр. — Сменная пром. стр.

Коваленко Т. Все мы немножко «доваторцы»: [О прошлом и настоящем ставроп. улицы Доваторцев] // Ставроп. правда. — 2003. — 7 февр. — С. 3. — (По старым улицам пройдусь).

Коваленко Т. Где небо встречалось с землей: [Из истории Ставроп. селекционной станции, основанной в 1901 г., крупных ученых, работавших в ее коллективе] // Ставроп. правда. — 2003. — 11 апр. — С. 3. — (По старым улицам пройдусь).

Коваленко Т. Здесь бывали Грибоедов и Пушкин: [Об исторических вехах и памятных событиях, связанных с самой первой и главной улицей г. Ставрополя (пр. К. Маркса)] // Ставроп. правда. — 2006. — 3 февр. — С. 3. — (По старым улицам).

Коваленко Т. «Мы с Железнодорожной»: [О годах Великой Отеч. войны и фашистской оккупации для жителей одной из ставроп. улиц] // Ставроп. правда. — 2003. — 21 февр. — С. 3. — (По старым улицам пройдусь).

Коваленко Т. После бомбежки: [О периоде немецкой оккупации г. Ставрополя. О жителях ул. 3-й Желобовской (ныне Пионерской)] // Ставроп.

правда. — 2003. — 10 янв. — С. 3. — (По старым улицам пройдусь).

Коваленко Т. Потом ее назвали «Пионерской»: [О быте жителей рабочей улицы Третьей Шмидта (ныне Пионерской) г. Ставрополя] // Ставроп. правда. — 2004. — 21 мая. — С. 2. — (По старым улицам пройдусь).

Коваленко Т. «Увезите меня, поезда!»: [О ставроп. улице Завокзальной, судьбах ее жителей в военные и послевоенные годы] // Ставроп. правда. — 2003. — 4 июля. — С. 3. — (По старым улицам пройдусь).

Коваленко Т. Ясеновская начиналась в Есиновской: [Из истории ставроп. улицы Ясеновской, о судьбах ее жителей — И. Д. Сургучева, Скомороховых, Ф. Рысевца и др.] // Ставроп. правда. — 2003. — 31 окт. — С. 3. — (По старым улицам пройдусь).

Кольцова М. Образцовый сквер города: [О сквере на площади имени В.И. Ленина] // Ставроп. правда. — 1973. — 4 окт.

Коротин А. Главная площадь: [Из истории площади имени В.И. Ленина] // Ставроп. правда. — 1967. — 22 апр.

Кузнецова С. Биография продолжается: [Об улице имени Пушкина, бывшей Семинарской] // Ставроп. правда. — 1976. — 23 сент.

Кузнецова С. Хроника Большой Черкасской: [О первой улице города — ныне проспекте имени Карла Маркса] // Молодой ленинец. — 1974. — 20 дек.

Метелкина О. В прошлой жизни улица Розы Люксембург была Грязной: [О топонимике ставропольских улиц XIX — XX вв.] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 1 окт. — С. 5, фото. — (Мой город — моя история).

Народный маршал на улице Ставрополя: [Об открытии памятной Доски в честь прославленного полководца маршала Г. К. Жукова на улице его имени (бывш. Коминтерна)] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 7 мая. — С. 2, фото.

О наименовании проездов и площадей в городе Ставрополе: Решения Ставроп. гор. думы от 27.04.2005 г., № 35, № 36, № 37, № 38 // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 1 июня. — С. 4.

О возвращении исторических названий объектам ландшафта и градостроительства города Ставрополя: Пост. главы администрации г. Ставрополя // Вечерний Ставрополь. — 1993. — 23 июня.

О переименовании улиц г. Ставрополя // Ставроп. правда. — 1957. — 16. окт.

Охонько Н.А. Городской роман: Глава о грустном настоящем нашего прошлого, рассказанная директором краеведческого музея Н. Охонько: [О ставропольских кладбищах: Записала О. Метелкина] // Вечерний Ставрополь. — 1999. — 6 мая. — С. 6.

Охонько Н.А. Городской роман: Глава о том, как большой пустырь стал главной ставропольской площадью, рассказанная бароном Ф. Торнау и директором музея Н. Охонько: [Территория нынешней площади Ленина в прошлом; Записала О. Метелкина] // Вечерний Ставрополь. — 1999. — 18 февр. — С. 8.

Охонько Н.А. Городской роман: [Глава, рассказанная Н. Охонько, посвящ. ул. Дзержинского, в прошлом Воробьевки; Записала О. Метелкина] // Вечерний Ставрополь.-1999. — 3 марта. — С. 5.

Охонько Н.А. Городской роман: Глава о том, как родилось название зеленого островка в центре города: [О сквере-дендрарии на пл. Ленина; Записала О. Метелкина] // Вечерний Ставрополь. — 1999. — 16 июня. — С. 5.

Охонько Н.А. Городской роман: Глава о том, как в простой сапожной мастерской оказалась старинная изразцовая печь: [Воспоминания старожила В. Никитина о том, какой была ул. Пушкина (бывш. Семинарская), дома, их обитатели; Записала О. Метелкина] // Вечерний Ставрополь. — 1999. — 23 июня. — С. 5.

Охонько Н.А. Городской роман: Глава о том, как в подвале под нынешним «Кодаком» держали свиней: Продолжение прогулки по довоенной ул. Пушкина со старожилом В. Бычковым: [Территория бывшего маслозавода; Записала О. Метелкина] // Вечерний Ставрополь. — 1999. — 30 июня. — С. 5.

Охонько Н.А. Городской роман: [О том, как в Ставрополе за одну ночь «расправились» со Сталиным рассказал д-р краеведческого музея Н. Охонько; Записала О. Метелкина. О многочисленных переименованиях пр. К. Маркса] // Вечерний Ставрополь. — 1999. — 19 февр. — С. 4.

Охонько Н.А. Городской роман: [О пр. К. Маркса в прошлом рассказал директор краеведческого музея Н. Охонько; Записала О. Метелкина] // Вечерний Ставрополь. — 1999. — 27 янв. — С. 5.

Охонько Н.А. Судьба кладбища зависит от руководства города: [О прошлом и настоящем Успенского кладбища в Ставрополе] // Ставроп. губ. ведомости. — 2002. — 25 апр. — С. 4.

Патлых А. Улица лучшая моя!: [Об улице Социалистической] // Молодой ленинец. — 1970. — 26 нояб.

Пирогова И. Главная улица: [Об улице имени В.И. Ленина и ее будущем] // Ставроп. правда. — 1969. — 6 мая.

Польская Е. О чем рассказывает площадь Ашихина: [Площадь названа именем первого начальника гарнизона Ставрополя, погибшего в июле 1918 года] // Молодой ленинец. — 1957. — 26 марта.

Савченко Д. Вечное имя: [Из истории проспекта Октябрьской революции, бывшей Почтовой улицы] // Ставроп. правда. — 1966. — 6 нояб.

Список переименованных улиц города: Пост. президиума Ворошиловского горсовета от 25 янв. 1938 г. // Орджоникид. правда. — 1938. — № 24.

Усова И. Бывшая Черкасская: [Из истории проспекта имени Карла Маркса] // Ставроп. правда. — 1975. — 1 февр.

Усова И. История Воробьевки: [Об улице имени Ф.Э. Дзержинского] // Ставроп. правда. — 1975. — 27 нояб.

Усова И. Улица Михаила Морозова: [Из истории бывшей Гимназической улицы] // Ставроп. правда. — 1975. — 1 окт.

Харченко Л. Площадь Ильича // Молодой ленинец. — 1970. — 21 апр.

Цыбулько М. Как умирал патриарх: [700-летний дуб на ул. Джержинского, 187] // Ставроп. губ. ведомости. — 1992. — 28 марта.

Чернов-Казинский А. Что делал в Ставрополе Карл Маркс?: [О наименованиях ряда центральных улиц г. Ставрополя] // Ставроп. правда. — 2006. — 30 июня. — С. 4

Шаров В. Грустный взгляд на карту Ставрополя: [Продолжение темы о наименованиях ставроп. улиц] // Вечерний Ставрополь. — 2003. — 4 июня. — С. 3.

Памятники. Памятные места и достопримечательности города

Памятники истории и культуры Ставрополья / Ставроп. краев. отд. Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. Ставроп. краевед. музей; Сост. В.Г. Остапенко, В.В. Госданкер, Н.А. Охонько. — Ставрополь: Ставроп. фонд культуры, 1993. — 144 с.: ил.

Памятники истории и культуры Ставрополья / Ставроп. краев. отд. Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. Ставроп. краевед. музей; Сост. В.В. Госданкер, И. А. Усова. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1971. — 80 с.: ил.

Свод воинских мемориалов и захоронений Ставропольского края / Ставроп. регион. отделения ВООПИиК. — Ставрополь, 2005. — 248 с.

Андреевич В. Монумент в Ставрополе: О памятнике В.И. Ленину // Художник. — 1963. — № 4. — С. 15-18.

Бендюк О. Ставрополь за два века // Земля Ставропольская. — М., 2001. — С. 126-130.

Бендюк О. Ставрополь— город памятников: [О зодчих, создавших архитектур. и скульптур. облик Ставрополя 50-х—70-х годов XX века] // Ставроп. правда. — 2001. — 17 июля. — С. 2.

Босенко И. Без срока давности: Вчера в краевом центре открыли обелиск в память о людях, зверски замученных и расстрелянных в период фашистской оккупации Ставрополя // Ставроп. правда. — 2005. — 27 мая. — С. 1, фото.

Бригневич Г.М. Заповедные места города Ставрополя // Ленинское отношение к историческому и культурному наследию: (Материалы Ставропольской краев. научно-метод. конф. 16—17 февраля 1970 года). — Ставрополь, 1970. — С. 153-157.

Буняева Н. Спите, друзья! Спите спокойным сном...: [Об открытии на территории кордона «Столбик» памятника советским гражданам, замученным и казненным во время фашист. оккупации Ставрополя в 1942—1943 гг.] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 31 мая. — С. 1, фото.

Войнова Т. В честь рабочих: [Об открытии мемориала Вечной славы завода «Красный металлист» погибшим в Великой Отечественной войне] // Ставроп. правда. — 1975. — 10 мая.

Гниловской В. Наш город — исторический: [Об охране памятников]. — «Ставроп. правда». — 1967. — 1 июня.

Гниловской В. Тифлисские ворота: [О каменных воротах, построенных при въезде в город в 50-е годы XIX века] // Ставроп. правда. — 1976. — 3 марта.

Гончаренко Н. Цветы у Дома книги: [О митинге, посвященном открытию мемориальной доски на здании Дома книги в память о днях пребывания в Ставрополе А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и декабристов] // Ставроп. правда. — 1974. — 15 окт.

Дворникова И. Благодарная память потомков: [На Комсомольской горке открыта первая очередь мемориального комплекса: памятник Суворову и «Палатка»] // Молодой ленинец». — 1975. — 1 мая.

Заповедные места Ставрополя: [О границах охранной зоны историко-революционных мест, памятников, архитектурных строений краевого центра] // Ставроп. правда. — 1967. — 27 июля.

Зубенко И.М. Родина помнит героев: [Об открытии монумента конникам-доваторцам] // Молодой ленинец. — 1975. — 9 мая.

Ивановский В. Ставропольский календарь: [О старинных зданиях и особняках г. Ставрополя, построенных в XIX веке по проектам губернского архитектора П.Г. Воскресенского] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 12 нояб. — С. 3.

Карпов К. Вечная слава защитникам Родины!: [В Ставрополе открыт памятник героям Гражданской и Великой Отечественной войн] // Ставроп. правда. — 1967. — 29 окт.

Куликов А. Память о них будет вечна: [О торжествах по случаю открытия мемориальных досок на здании Военного училища связи, бывшей гимназии, в память ее учеников — выдающихся, людей России; на здании 17-й средней школы в память легендарного героя Ф. Шпака; на здании дома № 18-а по улице им. М. Акулова в честь одного из организаторов революционного движения и Советской власти на Ставрополье] // Ставроп. правда. — 1969. — 20 апр.

Куликов А. Первому герою: [На территории средней школы № 11 открыт памятник Герою Советского Союза, капитану первого ранга Н.А. Бурмистрову] // Ставроп. правда. — 1972. — 21 мая.

Марьевский Н. О чем задумался Пушкин?: [Из истории появления в Ставрополе памятника А.С. Пушкину] // Ставроп. правда. — 2006. — 9 июня. — С. 3. — (Соврем. мемуары).

Метелкина О. Это нужно живым: [Об открытии в Ставрополе мемор. досок на домах, где живут наши земляки — герои Великой Отеч. войны — Г.И. Крамаренко, М.С. Нечипорчукова-Ноздрачева и Ф.Д. Морозов] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 21 янв. — С. 1-2, фото. — (К 60-летию Великой Победы).

Об установке мемориальной доски участнику освобождения города Ставрополя от немецко—фашистских захватчиков Короткову Андрею Емельяновичу на здании муниципального общеобразовательного учреждения лицея № 10: Решение Ставроп. гор. думы от 26.02.2003 // Вечерний Ставрополь. — 2003. — 14 марта. — С. 4.

Павлов О. Памяти борца и мыслителя: [Об открытии памятника Г.А. Лопатину, нашему земляку, революционеру-народнику, первому переводчику на русский язык «Капитала» К. Маркса] // Ставроп. правда. — 1975. — 10 дек.

Памятник губернатору прошлого века: [О памятнике генерал-лейтенанту Н. Никифораки, восстановленному в ограде Ставроп. кафедрального собора Андрея Первозванного] // Моск. комсомолец — Кавказ. — 2000. — 30 нояб. — 7 дек. — С. 16.

Попов В. Здесь был город заложен... : [От открытии первой очереди мемориального комплекса на Комсомольской горке: памятника Суворову и «Палатки»] // Ставроп. правда. — 1975. — 2 мая.

Садовский С. Ступеньки в легенду: [Об архитектурном памятнике г. Ставрополя — мусульманской мечети] // Кавказ. здравница. — 1971. — 20 июля.

Скрипчинский В.В. Ставропольский ботанический сад // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1971. — Вып. 12—13. — С. 357-367.

Сурин М. Вечная им слава! : [По памятным местам города] // Ставроп. правда. — 1967. — 21 февр.

Танасьев В. Вечная память: [На территории Ставропольского сельскохозяйственного института открыт обелиск, посвященный студентам, преподавателям и сотрудникам института, павшим на

фронтах Великой Отечественной войны] // Ставроп. правда. — 1971. — 23 окт.

Теплицкий И.З. Иосиф Родионович Апанасенко // Теплицкий И.З. Исторические памятники Ставрополья. — Ставрополь, 1960. — С. 56-60.

Христинин Ю. Мы помним! В городе Ставрополе открыт мемориальный комплекс в память героев Гражданской войны и горожан — жертв фашизма: Мемориал открыт в районе Холодного родника // Ставроп. правда. — 1975. — 10 мая.

Шебалков Н. Губернатора отлили в бронзу: [О памятнике губернатору, генерал-лейтенанту Н. Никифораки] // Ставроп. губ. ведомости. — 2002. — 14 сент., фото.

Ставрополь в произведениях литературы и искусства

Бендик Б.А. Художники Ставрополья. — Ленинград: Художник РСФСР, 1982. — 127 с.: ил.

Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев: Из истории русской графики начала XIX века. — М.: Искусство, 1987. — 382 с.; 166 л. ил.

Павел Гречишкин. Живопись: Альбом / Авт.-сост. П.М. Гречишкин. — Пятигорск: Вестник Кавказа, 2005. — 296 с.

Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки / Вступ. ст. И. Андроникова. — М.: Изобраз. искусство, 1980. — 247 с.: ил.

Из содерж.: Пейзаж с мельницей и скачущей тройкой; Волобуева мельница; Сцены из ставропольской жизни.

Ставропольский художник Василий Иванович Смирнов (1841—1922): Живопись, графика: Каталог выставки / Текст Т. Головковой, вступ. ст. Н. Охонько. — Ставрополь, 1999. — 128 с.: фото.

Белая З.А. Купцы Алафузовы и их художественная коллекция; Из истории формирования коллекции и художественной жизни Ставрополя; Дмитрий Антонович Лищенко и его губернский Ставрополь // Ставропольский краевой музей изобразительных искусств: Сб. статей. — Ставрополь, 2004. — С. 9-14; 15-22; 23-25, 34: [Вкладка].

Валуева С. «Того города уже нет...»: Ставрополь на картинах Владимира Кленова // Земля Ставропольская. — М., 2001. — С. 211—212.

Чернецов Н.Г. Ставрополь: Репродукция картины // Люблю Отчизну я...: Лермонтовские места: Фотоальбом. — М., 1989. — С. 172.

Никанор Григорьевич Чернецов: (К 120-летию со дня смерти) // Ставропольский хронограф на 1999 год. — Ставрополь, 1996. — С. 42-44.

Пересыпкина В. Открытки и открытия Эдуарда Мирзоева: [Об известном ставроп. коллекционере-филателисте Э. Мирзоеве и его собрании старинных открыток с видами Ставрополя] // Ставроп. губ. ведомости. — 2006. — 13-20 сент. — С. 17, фото.

Проза

Наш альманах: Литературно-художественный сборник / При участии Ильи Дмитриевича Сургучева; Предисл. от редкол. — Ставрополь-губернский: Тип. «Северный Кавказ», 1912. — 56 с. — На обл.: Ставрополь-губернский: «Новая тип. Хаймовича», 1912.

Бабаевский С. Кавалер Золотой Звезды: Роман в 2 кн. — М.: Сов. Россия, 1964. — 524 с.: портр.

Из содерж.:[Ставрополь]. — С. 128-143

Джатиев Т.И. Горная звезда: Роман-хроника: [Роман посвящен творческой судьбе Косты Хетагурова (1859—1906). Перед читателем проходят годы учения Коста в Ставропольской гимназии и в Академии художеств в Петербурге, показана деятельность Хетагурова в газете «Северный Кавказ», издававшейся в г. Ставрополе] / Пер. с осет. А. Мусатова, Л. Либединской. — М.: Современник. — 1973. — 368 с.: ил., портр.

Иванько Н.И. В битвах опаленные: Рассказы о Гражданской войне на Ставрополье. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1962. — 192 с.: ил.

Карпов Е. На семи холмах. — М.: Сов. Россия, 1981. — 78 с. — (Писатель и время).

Карпов Е., Зубарев П. Разведка боем. Роман: [Роман посвящен подвигу разведчиков в годы Великой Отечественной войны. Действие начала повести (главы: «Свидание на кафедралке», «Снова старик», «Пора!», «Вари кашу, герой!») происходит в Ставрополе]. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1971. — 224 с.

Кожевников-Степной И. Красный дьявол: Докум. повесть: [В повести воссозданы события первых лет становления Советской власти на Ставрополье (1917-1918 гг.). В центре произведения — Ф. Шпак, командир красногвардейского отряда, принимавший участие в боях за г. Ставрополь]. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1971. — 224 с.

Кузнецов И. Крепость в степи. Историческое повествование о городе Ставрополе. (1777—1838 гг.) Ставрополь: Кн. изд-во, 1976. — 287 с.

Кузнецов И.В. Крепость в степи: Ист. повествование о г. Ставрополе. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1987. — 540 с.: ил.

Кузнецов И. Тихая линия: Историческое сказание о ставроп. казаках.-Ставрополь: Изд-во «Сенгилей», 1997. — 366 с.: портр.

Литературное Ставрополье: Альманах. № 1 / Гл. ред. В.П. Бутенко. — Ставрополь: ЮРКИТ, 2005. — 192 с.

Панаско Е. Жги глаголом, дорогой, жги сильней!: Новеллы. — Ставрополь: [Б. и.], 2004. — 142 с. — (Сетевая словесность).

Толстой А.Н. Хождение по мукам: Трилогия. — М.: Худож. лит, 1990. — 782 с.: ил. — (Б-ка классики. сов. лит.).

Из содерж.: [Во второй части книги отражены события гражданской войны на Ставрополье: разгром сорокинской авантюры, взятие таманцами г. Ставрополя]. — С. 608-633.

Губин А. Горсть земли: (Этюд) // Ставроп. правда. — 1975. — 31 июля.

Коротин А. Сквозь годы мчась... // Ставроп. правда». — 1967. — 21 февр.

Чилим И. Город Ворошиловск // Орджоникид. правда. — 1937. — 6 июня.

Сургучев И. Д. Губернатор: [Повесть] / Авт. вступ. статьи «Перелистывая страницы старой книги...» Л. Г. Орудина. — С. 5-12. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1983. — 238 с.; 1 л. портр. — На пер. авт. не указан.

Сургучев И.Д. Губернатор: Повесть, рассказы / Авт. вступ. статьи «Сургучев обещает немало...» А.М. Кузнецов. — С. 3-19; Сост. Т.Н. Ильинская. — М.: Современник, 1987. — 477 с.: портр. — (Из наследия).

Егорова Л.П. Город Ставрополь в повести Ильи Сургучева «Губернатор»: (Фрагмент) //

Сургучевские чтения — 2006: Илья Сургучев — человек и писатель. — Ставрополь, 2006. — С. 58-71.

ОрудинаЛ.Г. «Губернатор»: [О повести И.Д. Сургучева] // Ставрополье. — 1982. — № 1. — С. 60-70.

Фесенко О.П., Андрющенко Л.В. Ставропольская действительность в повести И.Д. Сургучева «Губернатор»: (Урок на краеведческом материале) // Сургучевские чтения — 2006: Илья Сургучев — человек и писатель. — Ставрополь, 2006. — С. 189-204.

Фокин А.А. Образ дома-города в повести И.Д. Сургучева «Губернатор» // III Сургучевские чтения: Творчество И. Д. Сургучева в контексте русской литературы XX века: Сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. — Ставрополь, 2006. — С. 33-42.

Сургучев И.Д. Китеж // Ставропольский хронограф на 1996. — Ставрополь, 1996. — С. 208-214.

Беликов Г.А. Старый звон: [Рассказ «Китеж», последняя память о городе детства и юности — Ставрополе] // Ставроп. правда. — 1996. — 11 июня. — С. 4, фото.

Штайн К.Э., Бобылев С.Ф., Петренко Д.И. «Китеж» И.Д. Сургучева // Сургучевские чтения — 2006: Илья Сургучев — человек и писатель. — Ставрополь, 2006. — С. 72-82.

Форш О. Дни моей жизни: [В автобиографии писательница рассказывает о детских годах, проведенных в г. Ставрополе] // Звезда. — 1959. — № 5. — С. 206-210.

Хетагуров К.Л. Собрание сочинений: В 5 т. — М., 1960. — Т. 4: Публицистика. — С. 54-62, 71-82, 86-95, 109-111, 117-124.

Хетагуров К.Л. [Осень едва ли не самое лучшее время года в Ставрополе ...] // Хетагуров К.Л. Собр. соч.: В 5 т. — М., 1960. — Т. 4. Публицистика. — С.119-120.

Поэзия

Ащеулов В. «В вечерний час на город мой взгляни...» // Ставрополье. — 1977. — № 1. — 4-я стр. обл.

Гаазов В. Родное Ставрополье: Стихи. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2002. — 32 с.

Гаазов В. Сердцу милый край: Стихи. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2002. — 32 с.

Герасименко Н. Ставрополь лермонтовский: Стихи / Фонд поддержки культурных программ имени В.Д. Беневского. — Ставрополь, 2005. — 10 с.: ил.

Гнеушев В. Первомай в Ставрополе // Молодой ленинец. — 1958. — 4 мая.

Екимцев А. Дуб Лермонтова; Пушкин в Ставрополе; Декабристы на Кавказе; Ставрополь // Екимцев А. Ваша светлость, березы: Стихи. — Ставрополь, 1973. — С. 98-100, 101-105, 113-121, 128.

Екимцев А. Лермонтов в дороге // Молодой ленинец. — 1975. — 14 окт.

Исаков А. Ставрополь // Исаков А. В моем краю: Стихи и поэмы. — Ставрополь, 1954. — С. 8-12.

Кашпуров И.В. Избранное. — Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. — 85 с.

Кудинов В. «Весь город мой посеребрившая, такая чистая зима...» // Ставроп. правда. — 1977. — 23 янв.

Седугин А. Город степных ветров // Багровые горизонты: (Сборник). — Ставрополь, 1972. — С. 114-123.

Фатеев Г. «В мире есть города красивей...» // Ставроп. правда. — 1967. — 22 окт..

Фатеев Г. Шпаковская улица; Осетинка // Фатеев Г. Вторая высота: Стихи. — Ставрополь, 1973. — С. 23-24, 85.

Ходарев В.В. Вера, Надежда, Любовь: Поэмы, стихи. — Ставрополь: Ставроп. краев. тип., 2004. — 608 с.

Чикатуев М. Ставрополь // Чикатуев М. Хочу верить: Стихи. — М., 1974. — С. 36-37.

Библиографические пособия

Город Ставрополь: (К 185-летию со дня основания) // Календарь знаменательных и памятных дат по Ставроп. краю на 1962 год. — Ставрополь, 1962. — С. 34-36.

Наш город: К 200-летию города Ставрополя: Рек. список лит. Вып. 1-2 / Ставроп. краев. науч. б-ка им. М.Ю. Лермонтова; Сост. Л.А. Пастухова. — Ставрополь, 1976—1977.

Ставропольская книга 1853—1917 годов: материалы к репертуару дореволюционной книги Ставрополья 1853—1917 г. / СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова; отв. за вып. Л.П. Дуренко. — Ставрополь: Ставроп. краев. тип., 2002. — 272 с.